Петроградъ, ул. Гоголя (бывшая М. Морская), № 22.

Цѣна «Нивы» 1914 г. съ приложеніями (полное собраніе сочиненій въ 27 книгахъ **В. Г. Короленко**, полное собраніе сочиненій въ 8 книгахъ **А. Н. Майкова**, полное собраніе сочиненій въ 5 книгахъ **Эдм. Ростана**, 12 книгъ журнала **„Ежемѣсячныя литературныя и популярно-научныя приложенія“** и проч.).

7 р. Пересылка въ Европ. Россіи — **2 руб.**, а въ Азіатскую Россію—транспортомъ или почтою (за **30 ф.** по почтовой таксѣ).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Главная Контора и редакція: С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г. № 27.

ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

XLV г. изданія

Выданъ 5 іюля 1914 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагаются „Лит. Прил.“ и „Новѣйш. Моды“ за іюль.

Вниманію лицъ,

ищущихъ побочнаго заработка!

Контора газеты ***„Сибирскій Торгово-Промышленный Вѣстникъ“***, вступая въ 4-й годъ изданія и расширяя свои дѣла, въ настоящее время озабочена тѣмъ, чтобы о ея функціяхъ были освѣдомлены наиболѣе широкіе слои общества, но, зная, что никакая реклама и никакія письма не могутъ имѣть того положительнаго и желательнаго значенія, какое можетъ имѣть живое слово заинтересованнаго въ дѣлѣ лица, а также желая быть наиболѣе освѣдомленной о всѣхъ проявленіяхъ торгово-промышленной жизни разныхъ пунктовъ Россіи, нашла для себя желательнымъ и рѣшила ***на собственный рискъ принять въ разныхъ раіонахъ Россіи рядъ агентовъ-сотрудниковъ на мѣсячное жалованіе, возложивъ на нихъ опредѣленныя обязанности.***

Агенты-сотрудники принимаются на годичный срокъ и обезпечиваются нотаріальнымъ договоромъ, а также снабжаются удостовѣреніемъ и прочими документами.

ОБЯЗАННОСТИ АГЕНТОВЪ-СОТРУДНИКОВЪ СЛѢДУЮЩІЯ:

Агентъ-сотрудникъ долженъ, не мѣняя своей службы или рода занятій, каждыя двѣ недѣли сообщать въ редакцію цѣны на муку, рожь, пшеницу, овесъ, соль, мясо, рыбу и проч.; освѣдомлять редакцію о банкротствахъ купцовъ, объ открытіи новыхъ торговыхъ или фабрично-заводскихъ предпріятій и, вообще, сообщать всѣ тѣ свѣдѣнія, какія сотрудникъ найдетъ интересными и имѣющими значеніе для торгово-промышленной жизни.

Примѣчаніе. *Литературное изложеніе не обязательно: агентомъ-сотрудникомъ можетъ быть каждый грамотный и добросовѣстный человѣкъ. Нужны лишь голые факты, подкрѣпленные въ необходимыхъ случаяхъ цифровыми данными, и рыночныя цѣны.*

Кромѣ того, контора особенно интересуется, чтобы **агенты-сотрудники** сообщали, въ зависимости отъ времени года: о видахъ на урожаи, о ходѣ полевыхъ работъ, о состояніи всходовъ, какое количество земли засѣвается рожью, пшеницей, овсомъ, свеклой и проч.

Агентъ-сотрудникъ долженъ по мѣрѣ возможности принимать объявленія отъ торговыхъ фирмъ и проч., а также отъ разныхъ лицъ объявленія съ предложеніемъ труда, о продающихся имуществахъ, о примѣненіи капитала, желаніи вступить въ компанію и т. п. Для этого агентъ-сотрудникъ будетъ снабженъ квитанціонными книжками, удостовѣреніемъ и прочимъ необходимымъ матеріаломъ.

Агенту-сотруднику будетъ высылаться каждую недѣлю извѣстное количество номеровъ газеты „Сибир. Торг.-Пром. Вѣстника“, которые онъ, въ свою очередь, долженъ раздавать своимъ знакомымъ и разсылать по почтѣ разнымъ лицамъ и торговымъ фирмамъ въ своемъ раіонѣ, чѣмъ будетъ отчасти достигаться рекламированіе нашего изданія.

Агентъ-сотрудникъ за свой трудъ получаетъ опредѣленное жалованье ежемѣсячно, при чемъ размѣръ жалованія назначается Конторой не менѣе 20 и не болѣе 40 р. въ мѣсяцъ.

Агенту-сотруднику ***кромѣ означеннаго опредѣленнаго мѣсячнаго жалованья*** отчисляется въ вознагражденіе 10% отъ всѣхъ суммъ, какія будутъ получаться имъ по сбору объявленій или по сбору за справки.

Такъ какъ, кромѣ сбора объявленій, на агента возлагаются также сообщенія редакціи рыночныхъ цѣнъ и разныхъ свѣдѣній, а также рекламированіе нашей газеты, то учесть продуктивность труда каждаго агента въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ не является возможнымъ, въ виду чего Контора ***на собственный рискъ принимаетъ агентовъ-сотрудниковъ на годичный срокъ.***

Въ случаѣ если бы въ будущемъ доходы по данному раіону были бы незначительны, то это не можетъ служить поводомъ со стороны конторы газеты для расторженія договора до истеченія годичнаго срока.

Дѣло основано на широкомъ довѣріи, а потому ***никакихъ затратъ, залоговъ и обезпеченій отъ агентовъ не требуется.***

Лицъ, пожелавшихъ вступить въ число агентовъ-сотрудниковъ, контора газеты проситъ ***обязательно сослаться на настоящее объявленіе или прислать вырѣзку таковаго,*** и тогда будутъ высланы всѣ необходимые документы, какъ-то: газеты, подробныя разъясненія о справкахъ, программа газеты (ея дѣятельность и задачи), расцѣнка, расчетъ стоимости объявленій, удостовѣреніе, квитанціи и прочій необходимый матеріалъ. Жалованіе, какъ было сказано выше, будетъ назначено не менѣе 20 и не болѣе 40 руб. въ мѣсяцъ.

Адресъ для писемъ: Гор. **Иркутскъ. Контора газеты „Сибирскій Торгово-Промышленный Вѣстникъ“,** Почтамтская ул., № 14 18.

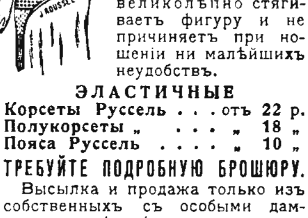
3134

Адресъ для телеграммъ: **Иркутскъ Капиталъ.**

Новый Переносн. Лодочн. Моторъ превращ. въ 1 минуту кажд. обыкн. лодку въ (5) моторную. 2814
Цѣна 230 руб. съ пошл.
Exp. Bureau I. Feinstein. Berlin-Chtbg. Mommsen. 19.

ПРИМѢРЬТЕ

эластичный корсетъ **Руссель** и Вы увидите, что Ваша фигура, которую Вы уродуете и калѣчите обыкновеннымъ корсетомъ, пріобрѣтетъ изумительную стройность и гибкость: эластичный корсетъ **Руссель** великолѣпно стягиваетъ фигуру и не причиняетъ при ношеніи ни малѣйшихъ неудобствъ.



ЭЛАСТИЧНЫЕ

Корсеты Руссель . . .	отъ 22 р.
Полукорсеты „	„ 18 „
Пояса Руссель	„ 10 „

ТРЕБУЙТЕ ПОДРОБНУЮ БРОШЮРУ.

Высылка и продажа только изъ собственныхъ съ особыми дамскими отдѣленіями, магазиновъ **ПРЕДМЕТОВЪ ГИГІЕНЫ.**

Отд. Пар. фирмы **Ж. РУССЕЛЬ.** Москва, Столешниковъ, 5.
СПБургъ. Невскій 66, входъ съ Фонтанки 29.

8-3 8008

ЛЮБИТЕЛЯМЪ МУЗЫКИ.

Собраніе трудныхъ пьесъ русскихъ композиторовъ въ **легкомъ переложеніи** въ 4 руки

3116 3 1

В. ЛАНДШТЕЙНА.

25 №№ сочиненій Чайковскаго, Рахманинова, Аренскаго, Кюи, Метнера, Скрябина, Амани, Панченко, Акименко, Бармотина и Бубека. Цѣны отъ 25 коп. до 60 коп

П. ЮРГЕНСОНЪ, Москва, Неглинный пр., 14.

1545 13.10

BRISE DE MAI

PARFUM ULTRA-PERSISTANT

ED. PINAUD 18 PLACE VENDOME PARIS

НОТЫ 10 КОП. ЭКЗ.

Изданіе **С. ЯЯМБОРЪ.**

Москва, Б. Тверская-Ямская, соб. д. 47.
2169 катал. безпл. (22)

ПРИ ИСТОЩЕНІИ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ часто наблюдаются запоры. Для возбужденія пищеваренія нѣтъ лучшаго средства, какъ натуральная горькая вода Франца-Іосифа, которая даже и при продолжительномъ употребленіи не теряетъ своего дѣйствія. Профессоръ Fürstner, директоръ нервной клиники гейдельбергскаго университета, сообщаетъ, что онъ неоднократно прописывалъ горькую воду Франца-Іосифа, которая, даже принятая въ незначительномъ количествѣ, успѣшно производила свое слабительное дѣйствіе. Продажа въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. 3120

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЕ ВЫСШІЕ КОММЕРЧЕСКІЕ СЧЕТОВОДНЫЕ и ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНЫЕ КУРСЫ учрежденные М. В. ПОБѢДИНСКИМЪ 3115

С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 102 (противъ Николаевской улицы).

ВЫСШІЕ КОММЕРЧЕСКІЕ КУРСЫ (высшее учебное заведеніе коммерч. знаній и обществен. наукъ). Принимаются слушателями (студентами) и вольнослушат. **ЛИЦА ОБОЕГО ПОЛА.** Отдѣленія: *основное (два года) и спеціальное (одинъ годъ).* Характеръ преподаванія университетскій. **Плата 125 р. въ годъ.**

СЧЕТОВОДНЫЕ КУРСЫ даютъ полную подготовку къ бухгалтерской дѣятельности **ЛИЦАМЪ ОБОЕГО ПОЛА. Отдѣленія:** *обще-бухгалтерское, спеціально-бухгалтерское и стенографіи.* **Плата за обще-бухгалт. отд. 100 р.**

ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНЫЕ КУРСЫ подготовляютъ **ЛИЦЪ ОБОЕГО ПОЛА** къ службѣ на жел. дор.: въ правл., управлен., контролѣ, по телеграфу, по коммерческ. и техническ. служб. движ. **Полный курсъ годичный—плата 125 р.;** на отдѣл.: по коммерч. части и по телеграфн. дѣлу—полугодичный—плата отъ 50—85 р.

НАЧАЛО ЗАНЯТІЙ ВЪ СЕНТЯБРѢ.

Курсы М. В. Побѣдинскаго основаны въ 1897 г. при нихъ учреждено общество бухгалтеровъ и экономистовъ съ отдѣломъ по пріисканію занятій. Курсами издается спеціальный журналъ: **„Коммерческая Школа и Жизнь“.** Канцелярія открыта ежедневно отъ 10 ч. у. до 6 ч. в. Свѣдѣнія выдаются и высыл. безплатно. Обзоръ организацій за 4 семи коп. почт. марки.

MAISON ARTHUR MAURY

основанная въ 1860 г., самая старинная изъ французскихъ фирмъ, имѣетъ колоссальный ассортиментъ почтовыхъ марокъ всѣхъ государствъ, новыхъ и употребленныхъ.

ЦѢНЫ ОЧЕНЬ УМѢРЕННЫЯ.

Ежемѣсячный журналъ: „Le Collectionneur de Timbres-Poste“ (Коллекціонеръ почтовыхъ марокъ), 50-й годъ, содержитъ между прочимъ въ каждомъ номерѣ филателистическую хронику и увѣдомленія о продажѣ марокъ и серій. (Пробные номера безплатно и франко). 3122

Альбомы MAURY, отъ 1 фр. 25 начиная, вообще извѣстны.

6, BOULEVARD MONTMARTRE, Paris.

Библиотека "Руниверс"

ИДЕАЛЪ ДЖЕНТЕЛЬМЭНА
ЛУЧШІЙ ДРУГЪ СПОРТСМЭНА!
10 шт. 10 коп.
ПАПИРОСЫ
Османъ
ТВО ТАБАЧ. ФАБР.
А. Н. ШАПОШНИКОВЪ и Ко
С-П-Б

Разр. Кіевск. учебн. окр. курсы
БУХГАЛТЕРІИ
2849 (существуютъ съ 1894 г.) 10-5
скоро и основательно выуч. всякій лично и посредст. переписки, вполнѣ замѣн. устное преподав. Условія высыл. безплатно.
А. П. БОБЫРЬ, Кіевъ.

ЛѢЧЕБНИЦА И. И. ГИМИЛЛЕРЪ
Москва, Н. Басманная, д. 14.
для страдающихъ ЗАИКАНІЕМЪ
При лѣчебницѣ ПАНСІОНЪ. — ПЛАТА ПО ИЗЛѢЧЕНІИ. — Условія лѣченія высыл. безплатно.
1860 10-10

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ!!!
НАСТОЯЩЕЕ
ПРОЗРАЧНО-ГЛИЦЕРИНОВОЕ
МЫЛО
С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ
ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ
2789 3-3

Примѣните усовер. анатомо-пневматич. бандажъ безъ пружинъ д-ра МАРКОНИ, и вы изб. отъ мучит. страдан. Выс. нат. пл. Высш. кач. 7 р.; дв. 12 р. 50 к. Указать сторону и длину пояса отъ больн. паха до этого мѣста круг.; для двухст. отъ одного паха до другого. Паховая или мошон. СПБ., Пушкинская, № 11, кв. 6. отд. 21. ЗЕМСКЕРУ. Тел. 223-14. 2292

СЧАСТЛИВЫЯ КРАСАВИЦЫ!
Ихъ ЛИЦО и ШЕЯ
чисты и нѣжны только благодаря употребленію **УГРИНА**, который скоро и радикально уничтожаетъ всякіе прыщи, угри и пр. недостатки кожи. 1698 3-3
УГРИН вездѣ 1 р. 90 к. банка.
СПБ., РИЧ. ПЕТО, Караванная, 16, кв. 8.

РЕКОМЕНДУЕМЫЯ ПОѢЗДКИ ДЛЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ И ОТДЫХА.

Черезъ Фіуме въ Далмацію.
Черезъ Фіуме въ Венецію и Анкону.
Черезъ Фіуме въ Албанію и Грецію.
Всюду спокойное и пріятное морское путешествіе на первоклассн. и комфортабельныхъ пароходахъ.
2654 Справки въ Агентствахъ Международнаго Общества спальныхъ вагоновъ. 12-8
Венгерско-Кроацкое пароходное общество въ Фіуме; Австрія.

СТАРѢЙШІЙ ОРУЖЕЙНЫЙ МАГАЗИНЪ г. МОСКВЫ
3-2 основанъ **1860** года. 2379
Т./Д. Э. БЕРНГАРДЪ и Ко,
преемникъ И. ШЕНБРУНЕРА,
Москва, Кузнецкій Мостъ, 5,
предлагаетъ своимъ уважаемымъ покупателямъ большой выборъ курковыхъ и безкурковыхъ ружей и револьверовъ фабрики АВГУСТА ФРАНКОТТА.
Прейсъ-курантъ высылается по первому требованію безплатно.

Опасность
грозитъ волосамъ, когда начинаетъ появляться перхоть, а слѣдомъ за ней идетъ выпаденіе волосъ, но бороться съ этимъ зломъ не такъ трудно, если только регулярно употреблять
ПЕРУИН-ПЕТО
единственное средство, не содержащее въ себѣ вредныхъ веществъ.
Флаконъ вездѣ—1 руб. 75 коп.
1869 17-15

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ! При покупкѣ ПЕРУИНА-ПЕТО надо непремѣнно слѣдить за тѣмъ, чтобы у горлышка флакона была бы привѣшена парижская золотая медаль и приложенъ аттестатъ изобрѣтателя Р. Г. Пето. Всѣ остальныя безъ медали и безъ аттестата—поддѣлки. Оптовый складъ: Базаръ Марокъ. СПБ., Невскій пр., 20. кв. 8.

Посѣщайте заводъ нашъ.
МАШИНЫ ДЛЯ ПУСТОТѢЛ. БЕТОН. КАМНЕЙ
МАШИНЫ ДЛЯ ЦЕМЕНТНОЙ ЧЕРЕПИЦЫ
ФОРМЫ 2858 6-2
для ступеней, трубъ, столбовъ, пустотѣл. камней и пр.
ДРОБИЛЬНЫЯ МАШИНЫ. БЕТОНЬЕРКИ.
ПЕСКОМОЙКИ.
МАШИНОСТРОИТ. ЗАВОДЪ
Д-ръ ГАСПАРИ и Ко, МАРКРАНШТЕДТЪ (Германія).
въ образцовой мастерской ок. 50 машинъ въ ходу.
Каталогъ № 260 безпл.

VICHY
Единственныя НАСТОЯЩІЯ ВОДЫ VICHY, изъ источниковъ принадлежащихъ французскому правительству.
CÉLESTINS
GRANDE GRILLE
HOPITAL
Имя каждаго источника находится на ярлычкѣ, на капсюлѣ и на пробкѣ бутылки.
Каждая бутылка носитъ на горлышкѣ синій круглый ярлычекъ, гарантирующій ея подлинность.
Продукты изъ солей извлеченныхъ изъ источниковъ:
SELS
PASTILLES
COMPRIMÉS } VICHY-ÉTAT
VICHY ÉTAT
Продаются во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

ОБЩЕУКРѢПЛЯЮЩЕЕ и КРОВЕТВОРНОЕ СРЕДСТВО.
На основаніи клиническихъ и экспериментальныхъ изслѣдованій съ успѣхомъ примѣняется при МАЛОКРОВІИ, ХЛОРОЗѢ, РАХИТѢ, ЗОЛОТУХѢ и ИСТОЩЕНІЯХЪ на почвѣ различныхъ заболѣваній. Рекомендуется какъ въ дѣтскомъ возрастѣ, такъ и для взрослыхъ.

ИМѢЕТСЯ ВСЮДУ.

Всемірно извѣстн. питомникъ пород. собакъ
Arthur Seyfarth,
KÖSTRITZ, 43, Германія. Основ. въ 1864 г.
Поставщ. мног. европ. Дворовъ.
Премиров. наивысш. наградами.

3681
Продажа всѣхъ видовъ модныхъ
ПОРОДИСТ. СОБАКЪ
чистокровныхъ, начиная отъ миніатюрной комнатной собачки и кончая громади. сторожевой, а также и всѣхъ породъ ОХОТНИЧЬИХЪ. Гарант. наилучшія качества. Пересылка во всѣ мѣстности, съ ручательствомъ за доставку въ здоровомъ состояніи во всякое время года. Роскошн. иллюстр. альбомъ съ обознач. цѣнъ и описаніемъ породъ высылается по полученіи 1 р. 50 к. (можно почт. марками). 3133

ФОТОграфическіе снимки Испанскихъ и Французскихъ красавицъ. Русск. каталогъ 40 коп. почт. марками: Gennert, Calle Padua Barcelona (Испанія).
2399 15-5

НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННАЯ КРОВЬ
равно какъ и неправильный обмѣнъ веществъ являются причинами нервнаго разстройства и переутомленія, головныхъ болей, плохого пищеваренія, отсутствія аппетита, страданій печени, желчи и геморроя. При вышеуказанныхъ заболѣваніяхъ врачи и профессора охотнѣе всего пользуютъ паціентовъ средствомъ Висваль Д-ра Вейля въ лепешкахъ, такъ какъ оно освѣжаетъ кровь, укрѣпляетъ нервы и регулируетъ обмѣнъ веществъ, вслѣдствіе чего Висваль Д-ра Вейля и составляетъ лѣчебное открытіе первостепенной важности. 3126 4-1
Для лицъ истощенныхъ вышепоименованными болѣзнями или моральными недугами, для неврастениковъ Висваль Д-ра Вейля является источникомъ силы и выздоровленія. Тысячи людей обязаны своимъ исцѣленіемъ Висвалю Д-ра Вейля.
Коробка этихъ лепешекъ пріятнаго вкуса, хватающихъ на нѣсколько недѣль, стоитъ 2 р. 50 к. Висваль Д-ра Вейля продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Настоящій только—насколько каждая коробка снабжена № 446, утвержденнымъ русской врачебной управой и фотографическимъ снимкомъ фабрики. Генеральный представитель франкфуртской химической фабрики на всю Россію провизоръ Адольфъ Вайнштейнъ, Варшава, Фоксаль, 13, высылаетъ по первому требованію научную брошюру А. В. XXVI безплатно.

Библиотека "Руниверс"

ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. | № 27 | г. XLV | 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. **В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА,** 12 книгъ **Литературныхъ и популярно-научныхъ приложенiй,** 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 5 iюля 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на ½ года 4 р., на ¼ года 2 р. Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к

Къ этому № прилагается: 1) **„Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенiя"** за Iюль 1914 г., 2) **„НОВѢЙШIЯ МОДЫ"** за Iюль 1914 г. съ 37 рис., отдѣльн. листъ съ 26 черт. выкр. въ натур. величину и 11 рис. для выжиганiя.

Продолжается подписка на „НИВУ" 1914 г.

Сердце жизни.

Повѣсть **В. В. Муйжеля.**

(Продолженiе).

V.

Въ столовой горѣла лампа, и подъ ея бѣлымъ, сильнымъ свѣтомъ остро поблескивали стекло и высокая ваза съ печеньемъ. Дѣти сидѣли у самовара и при входѣ незнакомаго господина робко поднялись и, вытирая рукавами рты, взглянули на Прохорову.

— Сидите, сидите, дѣтки, пейте чай, — успокоила она ихъ, трепля Колю по щекѣ.— Это—мои товарищи, — продолжала она, обращаясь къ Березскому.—Безъ нихъ мнѣ было бы скучно... я занимаюсь съ ними, они приходятъ каждый день... Здѣсь мало народа, почти нѣтъ никого, мужъ бываетъ дома рѣдко,—у него постройка, какъ вы знаете, и еще какiя-то дѣла, но я не скучаю...

Она говорила напряженно и быстро, стараясь этой усиленной разговорчивостью заглушить первое впечатлѣнiе отъ появленiя высокаго человѣка съ угрюмыми глазами и глухимъ голосомъ. Къ тому же у нея—быть-можетъ, безсознательно для себя—явилось смутное желанiе показать знакомому, съ которымъ не видалась съ тѣхъ поръ, какъ была дѣвушкой, что она счастлива.

Этотъ человѣкъ, появившiйся такъ внезапно, хотя

Н. Харитоновъ. Няня. Весенняя выставка.

Библиотека "Руниверс"

она должна была помнить о его предполагаемомъ пріѣздѣ, всколыхнулъ въ ней старыя, полузабытыя ощущенія. Когда-то, еще будучи гимназисткой шестого класса, наивной и смѣшной дѣвочкой, она часто встрѣчалась съ нимъ и была, кажется, влюблена той наивной мечтательной влюбленностью, которая приходитъ въ извѣстномъ возрастѣ, какъ желаніе нравиться,—смутное безпокойство, внезапныя безпричинныя слезы глухой ночью, когда весь домъ спитъ, и только острый, блѣдный мѣсяцъ настойчиво смотритъ въ окно дѣвичьей комнаты...

Тогда онъ былъ гимназистомъ—высокимъ и тощимъ, должно-быть, бѣднымъ, потому что онъ постоянно бѣгалъ по урокамъ и ходилъ въ блузахъ съ короткими рукавами, изъ которыхъ торчали его большія красныя руки...

Часто, забывшись, они проводили цѣлые часы гдѣ-нибудь въ пустынной улицѣ старинная городка, гдѣ родились и выросли. Онъ говорилъ, какъ всегда, возбужденно, иногда не совсѣмъ понятно, рѣзко взмахивая руками и настойчиво ища ея глазъ своимъ безпокойнымъ, напряженнымъ взглядомъ. А она слушала, и по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, ей казалось, что во всемъ большомъ, населенномъ десятками тысячъ людей, городѣ, извѣстномъ съ дѣтства и привычномъ, какъ собственный домъ, — есть только одинъ понимающій ее человѣкъ, который можетъ отвѣтить на тайный вопросъ, котораго она никогда не рѣшилась бы никому задать..

Его товарищи кончили гимназію, поступили въ институты и и университеты, пріѣзжали на вакаціи блестящими студентами, наполнявшими весь городъ особой атмосферой молодой веселости и оживленія, а онъ гдѣ-то служилъ, попрежнему давалъ уроки и, когда встрѣчался со старыми одноклассниками, избѣгалъ ихъ, несмотря на ихъ молодое великодушіе, съ которымъ они обращались къ нему. Потомъ онъ исчезъ. Говорили, что онъ поступилъ куда-то приказчикомъ по рубкѣ и сплаву лѣса, и подруги съ негодованіемъ пожимали плечами и говорили ей:

— Приказчикъ, фи! Какъ ты могла, Тоня?!.

А въ это время кончавшій институтъ блестящій студентъ Прохоровъ, уже зарабатывавшій гдѣ-то на заводѣ по триста рублей въ мѣсяцъ, сталъ настойчиво ухаживать за нею и сдѣлалъ предложеніе. А потомъ пошла новая, необычайная жизнь, похожая на какой-то романъ, вычитанный изъ книги, и образъ высокаго, худого юноши съ напряженнымъ, настойчивымъ взглядомъ и красными руками, торчавшими изъ короткихъ рукавовъ, расплылся и погасъ въ быстрой смѣнѣ неожиданныхъ, влекущихъ впечатлѣній...

Теперь передъ нею сидѣлъ человѣкъ съ смуглымъ, нервнымъ лицомъ и глубоко запавшими глазами, смотрѣлъ пытливо, отыскивая что-то, ему одному извѣстное, и на ея вопросы отвѣчалъ глуховатымъ, чужимъ голосомъ:

— Да... Совершенно вѣрно! Возможно...

Закатъ уже погасъ за окномъ, и тьма кутала нѣжнымъ весеннимъ облакомъ еще обнаженные кусты сирени въ саду. Дѣти запросились домой — и ихъ надо было отпустить. Прохорова позвала Владислава и приказала ему отвести ихъ. Она вышла ихъ проводить на крыльцо и почему-то крѣпко поцѣловала, когда прощалась. А когда шла назадъ по темнымъ, неосвѣщеннымъ комнатамъ, ей было непріятно думать, что теперь во всемъ большомъ домѣ она останется одна съ чужимъ, страннымъ человѣкомъ.

„Куда его положить? — думала она. — Будетъ онъ жить у насъ или отдѣльно? Макса нѣтъ — вѣчно куда-то уѣзжаетъ, ничего не скажетъ. И какія дѣла у него постоянно?.. Середа былъ, говорилъ, что на постройкѣ его нѣтъ, а онъ нуженъ тамъ...“

Самоваръ уже давно потухъ, и Нюша два раза заглядывала въ комнату, не рѣшаясь убрать его, а они все сидѣли за столомъ, съ трудомъ поддерживая вялый, тяжелый для обоихъ разговоръ. Стараясь не смотрѣть ему въ лицо, — это почему-то было неловко, — она разсказывала о мужѣ, о томъ, какъ много у него работы, опять говорила объ учителяхъ, собиравшихся у нея, которымъ она хотѣла дать хоть небольшое развлеченіе въ тусклой, безрадостной жизни, о томъ, что она очень довольна, что живетъ въ деревнѣ, и хочетъ прожить здѣсь долго... Онъ внимательно смотрѣлъ на нее и отвѣчалъ коротко:

— Да, конечно...

— Ну, а вы какъ? — спросила наконецъ она, когда почувствовала, что говорить больше не о чемъ. — Какъ живете, какъ жили это время?.. Вѣдь мы такъ давно не видались...

— Да, давно. Вы были еще дѣвушкой, — проговорилъ онъ, слегка поворачивая большой съ длинными прямыми пальцами рукой блюдечко для варенья: — мы были дѣтьми. Я? — какъ будто переспросилъ онъ: — я не могъ бы похвастаться.

Она хотѣла спросить, женатъ ли онъ, но не рѣшилась и спросила:

— Вы одиноки?

И услышала холодный отвѣтъ:

— Да

Вернулся Владиславъ, отводившій дѣтей, и, заглянувъ въ столовую, тихо спросилъ:

— Самоваръ прикажете убрать?

Антонина Александровна взглянула на часы и удивилась: казалось, они совсѣмъ не говорили, и было трудно говорить и сидѣть, чувствуя на себѣ его жуткій взглядъ, — а съ того времени, какъ она вернулась съ дѣтьми и сѣла за столъ, прошло три часа. „Какъ странно, три часа!..“

— Да, конечно, берите! — оживилась она. — Вы съ дороги, можетъ-быть, закусить хотите?

— Нѣтъ, благодарю васъ. Но я усталъ — не спалъ двѣ ночи и хотѣлъ бы отдохнуть... Я долженъ сказать, — дѣлая движеніе рукой, словно желая не дать ей возможности противорѣчить: — что у васъ я пробуду только одну ночь. Завтра я найду себѣ квартиру; я не хотѣлъ бы стѣснять васъ...

— Но вы ничѣмъ не стѣсните... — начала-было она, но онъ опять не далъ ей говорить:

— Такъ будетъ лучше. Я самъ чувствовалъ бы себя свободнѣе, — продолжалъ онъ: — я буду только работать здѣсь...

Она уловила сдержанный холодокъ этихъ словъ и, слегка закусивъ нижнюю губу, согласилась:

— Какъ хотите... Владиславъ, приготовьте угловую боскетную...

На прощанье онъ пожалъ ей руку и поклонился, отчего густая черная прядь упала ему на лобъ, и, поблагодаривъ, ушелъ. Она вызвала кухарку, высокую, широкоплечую женщину, съ которой она непрестанно воевала за то, что она куритъ толстыя, крѣпкія папиросы, и долго совѣщалась съ нею о томъ, что готовить завтра на обѣдъ. Потомъ, отпустивъ ее, сидѣла въ пустой столовой неподвижно, глядя на черныя окна, за которыми слегка шуршали вѣтви сирени, и думала. И думы были неопредѣленныя, чуть-чуть печальныя, какъ будто она еще одинъ разъ вспомнила и почувствовала, что ей двадцать восемь лѣтъ, и что молодость,— милая, невозвратная молодость, когда все таинственно и загадочно и все волнуетъ, — уже проходитъ...

Потомъ ушла къ себѣ, но и въ своей большой спальнѣ, придавленной невысокимъ потолкомъ, поддерживаемымъ двумя толстыми сверкающими колоннами, раздѣвалась медленно и не болтала, какъ обыкновенно, съ Нюшей, убиравшей ей волосы. А когда легла и потушила огонь—неизвѣстно чему вздохнула...

VI.

Чертежная была большая комната рядомъ съ кабинетомъ, гдѣ прежде помѣщалась гардеробная.

Когда въ кабинетѣ или въ большой гостиной, или даже въ столовой говорили—голоса доносились въ чертежную, и, прислушавшись, можно было разобрать, о чемъ говорятъ. Сидѣвшій за длиннымъ столомъ чернобородый человѣкъ время отъ времени откладывалъ въ сторону рейсфедеръ или кронциркуль и, слегка склонивъ голову къ одному плечу, слушалъ

Онъ приходилъ въ девять часовъ, когда въ домѣ еще стояла утренняя тишина, подчеркнутая прямыми лучами солнца, золотившими старинную мебель. Владиславъ отворялъ дверь, дѣлалъ видъ, что помогаетъ раздѣться пришедшему, и тотчасъ же исчезалъ.

Сидя въ маленькой, свѣтлой комнаткѣ, Березскій слышалъ, какъ лакей вытираетъ пыль въ гостиной, передвигаетъ тяжелыя кресла и диваны, пыхтитъ надъ ковромъ. Иногда ему помогала Нюша, бойкая черноволосая дѣвушка въ высокой прическѣ, всегда слегка разбившейся оттого, что она вѣтромъ летала изъ

Библиотека "Руниверс"

кухни въ комнаты, потомъ на дворъ, потомъ опять въ кухню, — и они бранились пониженными голосами.

Въ девятомъ часу въ столовой гремѣли посудой, заваривался чай, и большой никкелированный самоваръ пыхтѣлъ въ пустынной комнатѣ, а темные офорты смотрѣли на него неодобрительно.

Потомъ гдѣ-то очень далеко, едва слышно трещалъ звонокъ. Свистя юбками, пробѣгала Нюша, потомъ возвращалась, опять бѣжала куда-то, потомъ неслась въ столовую и, наливъ чаю въ маленькую китайскую чашечку, исчезала опять.

Высокій человѣкъ клалъ карандашъ и, наклонивъ голову, ждалъ.

Тишина уже измѣнялась. Въ нее входило нѣчто, дававшее неслышную, медленную жизнь пробужденія. Въ дверяхъ мелькалъ Владиславъ, но уже не въ жилетѣ, а въ синей тужуркѣ, съ озабоченнымъ, немного нахмуреннымъ, лицомъ. Самоваръ въ столовой уставалъ пыхтѣть и ворчалъ удовлетворенно.

Потомъ гдѣ-то, тоже очень далеко, чуть-чуть хлопала дверь, и слышались легкіе, неторопливые шаги. Звукъ смягчался, когда на дорогѣ попадался коверъ, потомъ доносился съ новой силой, когда идущій приближался. Боясь шевельнуться, бородатый человѣкъ съ нахмуренными бровями жадно ловилъ осторожное постукиваніе высокихъ каблуковъ и догадывался:

„Вотъ она прошла маленькую гостиную, вотъ узенькій коридоръ, гдѣ висѣли какіе-то темные портреты въ бѣлыхъ рамахъ, вотъ вошла въ столовую...“

Иногда бывало, что онъ слышалъ легкій шорохъ одежды. Тогда онъ жмурился еще больше и крѣпко сжималъ руки съ длинными прямыми пальцами.

Въ столовой опять брякала знакомая маленькая чашечка съ нѣжнымъ рисункомъ какихъ-то пагодъ и птицъ съ длинными хвостами, и низковатый, какъ будто слегка задыхающійся, голосъ спрашивалъ:

— Владиславъ, что Александръ почту уже принесъ? Ахъ, да, вижу... Нюша, принесите ножницы съ маленькаго столика у окна... Тамъ, въ несессерѣ...

Березскій отодвигалъ доску, на которой былъ наклеенъ большой листъ гладкой бумаги съ намѣченнымъ карандашомъ контуромъ моста, становился у окна и смотрѣлъ въ садъ.

Много работы бывало только временами, когда внезапно пріѣхавшій Прохоровъ самъ сидѣлъ ночами за вычисленіями, ломая голову надъ длинными колоннами цифръ. Въ остальное время Березскій старательно выводилъ какой-то мостъ, и если Прохоровъ заставалъ его за этой работой, то говорилъ:

— Плюньте вы на эту ахинею, ну ее къ чорту... Понадобится она, когда еще Балтовскую вѣтку будутъ строить,—чего же теперь глаза портить!

— Другой работы нѣтъ,—отвѣчалъ Березскій.

— И прекрасно, что нѣтъ, — подхватывалъ инженеръ. — Идите гулять, велите Александру осѣдлать лошадь, поѣзжайте верхомъ, наконецъ просто ложитесь гдѣ-нибудь на лужайкѣ и смотрите, какъ муравьи таскаютъ всякую дрянь...

Онъ поправлялъ очки, нѣсколько мгновеній смотрѣлъ на чертежника затуманеннымъ взоромъ, потомъ мечтательно продолжалъ:

— Богъ мой, съ какимъ бы наслажденіемъ удралъ я теперь куда-нибудь въ лѣсъ, въ эдакій сухой, поросшій верескомъ, боръ, хлопнулся бы на этотъ самый верескъ, теплый, нагрѣтый солнцемъ, закрылъ бы глаза и такъ лежалъ бы три дня и три ночи... Какъ Іона во чревѣ китовомъ!..

— Кто же вамъ мѣшаетъ сдѣлать это?

— Гм., кто... Изволите видѣть, душа моя, сегодня среда? Такъ; завтра, въ четвергъ, загрузка Сонинскаго моста—десятникъ, мой знаменитый Пятница, лается, что пришлось отложить на три дня, и рабочіе ничего не дѣлаютъ, въ пятницу мнѣ надо быть на Ставочкѣ — это строящаяся станція, двадцать двѣ версты отсюда, а по дорогѣ заглянуть въ Тетерино — деревня, гдѣ у меня дѣло съ мужиками, въ пятницу же вечеромъ въ Петербургѣ засѣданіе комитета, а ѣзды съ лошадьми, вагонами и пр. двое сутокъ съ половиной—попробуйте попасть!.. А въ воскресенье надо опять въ деревню, но въ другую сторону, — тоже дѣло съ мужиками и пустошникомъ однимъ...

Онъ вздыхалъ, опускалъ голову и тонулъ въ цифрахъ, какихъ-то едва намѣченныхъ проектахъ выемокъ, насыпей, загрузокъ. А вечеромъ Александръ подавалъ къ крыльцу длинную линейку, Владиславъ выносилъ обтрепанный въ безконечныхъ дорогахъ чемоданъ, испещренный багажными наклейками, и инженеръ въ бѣломъ пыльникѣ, отъ котораго онъ былъ похожъ не то на католическаго монаха, не то на привидѣніе изъ плохого театра, прощался на крыльцѣ съ женой. Она говорила ему что-то, а онъ безпомощно разводилъ руками, кричалъ Владиславу, чтобы тотъ не забылъ вложить папиросъ въ сумку, торопливо прикасался губами ко лбу жены и усаживался въ линейку.

Бубенцы вздрагивали, лошади съ мѣста трогали рысью и, огибая цвѣтникъ съ черной вскопанной землей, изъ которой нѣжно и робко подымалась цвѣточная разсада, выносили за ворота съ покосившимися столбами, украшенными деревянными урнами.

Молодая женщина стояла нѣкоторое время на крыльцѣ, кутаясь въ накинутое на плечи пальто или пледъ, смотрѣла въ чистое вечернее небо, и въ глазахъ ея былъ большой и удивленный вопросъ.

А. Вернеръ. Призывъ. (Мраморъ). Весенняя выставка.

Библиотека "Руниверс"

Березскій отходилъ отъ окна, садился къ столу и, сложивъ руки, сидѣлъ, безсознательно прислушиваясь къ смутной жизни дома...

Онъ жилъ, снимая комнату у старухи-мѣщанки, одинаково далекій какъ самому селу, такъ и этому дому. Бывало такъ, что, приходя домой съ работы, онъ до слѣдующаго дня не говорилъ ни съ кѣмъ ни слова,—и отъ этого жизнь его пріобрѣла характеръ замкнутости, и его какъ будто боялись. Онъ ходилъ по улицамъ села, чувствуя на себѣ пристальные взгляды закутанныхъ въ черные платки старушекъ, порой ловилъ какое-нибудь замѣчаніе на свой счетъ и съ удивленіемъ думалъ о томъ — какъ и чѣмъ живетъ эта кучка собранныхъ въ одно мѣсто людей?

М. Ивановъ. Молитва передъ посѣвомъ. Весенняя выставка (9-я премія).

Село было большое, со старой церковью, съ торговой площадью, и населяли его главнымъ образомъ потомки ямщиковъ, гонявшихъ обозы и ямщину по большому тракту. Съ тѣхъ поръ, какъ въ уѣздѣ прошла желѣзная дорога, оттянувшая собою все движеніе, село медленно и неуклонно умирало,—и трудно было понять, чѣмъ существуютъ всѣ эти разлѣнившіеся по традиціи мѣщане, что ютились въ высокихъ, теперь покосившихся и выпирающихъ крутыми изгибами, избахъ? Пашни у нихъ не было, торговать было нечѣмъ, къ тому же на три тысячи жителей на площади красовалось около сотни всевозможныхъ лавокъ, аккуратно отпиравшихся по утрамъ и запиравшихся вечеромъ, хотя никто въ этихъ лавкахъ, кажется, ничего не покупалъ, и опухшіе отъ сидячки, праздничныхъ пироговъ и послѣобѣденнаго сна мѣщане цѣлый день пили чай изъ черныхъ, закопченныхъ чайниковъ и играли въ шашки...

По вечерамъ на лавочкахъ возлѣ домовъ сидѣли кучи народа, переговаривались черезъ улицу, лущили сѣмечко, судачили, и проходящій испытывалъ такое ощущеніе, какъ будто онъ шелъ сквозь строй. Сплетня царила здѣсь, и при всей отчужденности своей жизни Березскій не могъ не знать, что волостной бьетъ свою жену за то, что она бѣгаетъ къ льняному приказчику; что желѣзнодорожный десятникъ Середа пьянствуетъ по субботамъ въ шинкѣ и, должно-быть, пропиваетъ разсчетные деньги, выданныя для рабочихъ; что инженерскій кучеръ вчера сломалъ коляску и самъ отвезъ ее въ кузницу, не говоря господамъ...

Господскій домъ, его жизнь, инженеръ, его жена, самъ Березскій служили предметомъ самаго настойчиваго любопытства и безконечныхъ пересудовъ. Казалось бы, никому не было дѣла до того, какъ и чѣмъ живутъ въ этомъ домѣ,—но старуха, подававшая по утрамъ Березскому самоваръ, внезапно сообщала ему, что вчера инженеръ привезъ изъ Питера огромную рыбу, и что сегодня ее будутъ готовить на обѣдъ...

Ни Березскій ни даже Антонина Александровна никогда не знали, когда пріѣдетъ самъ Прохоровъ и куда уѣзжаетъ, а старуха, угрюмая и высокая, повязанная чернымъ платкомъ, изъ-подъ котораго виденъ былъ только длинный, сухой и желтый, какъ у покойника, носъ, вдругъ спрашивала своего жильца:

— А что, инженеръ-то не пріѣхадчи?

— Нѣтъ еще...—по обыкновенію, коротко отвѣчалъ онъ.

Старуха нѣкоторое время мол-

В. Федоровичъ. На берегахъ Саймы (Финляндія). Весенняя выставка. (Поощрительная премія).

Библиотека "Руниверс"

К. Горбатовъ. Выпалъ снѣгъ. Весенняя выставка. (2-я премія).

всегда вслухъ о чемъ-то разсуждавшій, похожій на медвѣдя тѣмъ, что, когда стоялъ, всегда покачивался съ ноги на ногу, какъ звѣрь въ клѣткѣ... Мальчишки дразнили его, крича ему вслѣдъ:

— Захаръ, косить надо, косить надо!—а онъ взмахивалъ длинной рукой, бранился и гремѣлъ на все село:

— Не косить, а чай пить надо, кофей пить, а косить не надо!..

Былъ Яша-дурачокъ — молодой, тщедушный, съ такими наивными голубыми глазами, что каждому, смотрѣвшему на нихъ, хотѣлось улыбнуться, весь обвѣшанный какими-то торбами, сумками, шелгунками, которые онъ повсюду носилъ съ собой, никогда никому не показывая, чѣмъ онѣ были наполнены; былъ просто юродивый, бѣгавшій въ одной длинной, ниже колѣнъ, рубахѣ, съ огромной палкой въ рукахъ, звенящій связкой крестовъ, болтавшихся у него на шеѣ, страшный, заросшій черными волосами, потрясающій палкой и вращающій желтыми бѣлками глазъ.

чала, смотрѣла въ полъ, словно соображая что-то, потомъ объявляла:

— Долженъ бы быть!.. Надо бы ему быть; такъ выходитъ, что сегодня безпримѣнно ему надо быть, какъ же такъ? Значитъ, тогда завтра ужъ будетъ, — заканчивала она, помолчавъ опять. И дѣйствительно, на слѣдующій день, придя на занятія, Березскій сталкивался у подъѣзда съ лошадьми, привезшими Прохорова.

Въ селѣ интересовались всѣмъ, что дѣлалось въ домѣ господами, прислугами, обстановкой, лошадьми,—и выходило такъ, что, если бы инженеръ вдругъ внезапно уѣхалъ, жить всему селу было бы нечѣмъ.

Это было новое, чего Березскій не зналъ до сихъ поръ, хотя ему приходилось жить въ самыхъ различныхъ обстоятельствахъ. Это село представлялось ему не реальнымъ, возникшимъ сцѣпленіемъ тысячи интересовъ тысячъ людей, а чѣмъ-то такимъ, о чемъ дѣти, играя, говорятъ:—это не на самомъ дѣлѣ, а нарочно...

Ходили здоровенные парни въ хорошихъ пиджакахъ и лакированныхъ сапогахъ, ничѣмъ какъ будто не занимающіеся кромѣ ухаживанія за дѣвицами въ газовыхъ шарфахъ; сидѣли, неизвѣстно, для чего, бородатые люди въ пустыхъ лавкахъ и спорили о томъ, кто лучше играетъ въ поддавки; выглядывали изъ тусклыхъ окошекъ старушки... И нигдѣ Березскій до сихъ поръ не видѣлъ столько дурачковъ, юродивыхъ, убогихъ, блаженныхъ и прочихъ бродячихъ, Богомъ презрѣнныхъ людей, какъ здѣсь...

Былъ Захаръ - дурачокъ, огромный рыжебородый мужикъ, босой и безъ шапки,

Потомъ были бабы-дурки — николаевская солдатка, танцовавшая на торговой площади за пятачокъ, пьяница Нюша—грязная, толстая, ходившая странной походкой оттого, что подъ животомъ у нея былъ подвязанъ кожаный мѣшокъ съ деньгами, накопленными подаяніемъ.

Это были странные люди, жившіе во всемъ селѣ, какъ у себя дома, всѣмъ извѣстные, ни отъ кого не зависящіе, свидѣтельствующіе о вырожденіи богатыхъ нѣкогда ямщиковъ, пропивавшихъ сотни рублей легкаго заработка...

По субботамъ они ходили на барскій дворъ, и Владиславъ или Нюша раздавали имъ по три копейки приготовленныхъ заранѣе Антониной Александровной денегъ.

Когда Березскій видѣлъ, какъ мальчишки доводили напомина-

И. Дроздовъ. Будни. Весенняя выставка. (4-я премія).

Библиотека "Руниверс"

ніемъ о какой-то косьбѣ до изступленія обычно добродушнаго Захара, или пожилые, бородатые лавочники заставляли плясать за три копейки дурочку-солдатку, поощряя жирнымъ гоготомъ каждое неприличное движеніе, — на него нападала озлобленная тоска. Смутно чувствуя всю несправедливость этой злобы и оттого еще болѣе раздражаясь, онъ думалъ съ оттѣнкомъ ужаса о томъ — какой страшный, безконечный путь должны совершить всѣ эти люди, чтобъ понять такія простыя вещи, какъ то, что нельзя издѣваться надъ больнымъ, и что нужно остановить озорничавшихъ ребятъ, а не хохотать вмѣстѣ съ ними...

Искусство, наука, огромная человѣческая культура ему начинали казаться далекимъ и страннымъ миражемъ, существующимъ только для утѣшенія людей, среди насилія, злобы, черствости... Гдѣ-то были города, музеи, полные сокровищъ человѣческаго ума, гдѣ-то люди горѣли своей мыслью и чувствомъ, выбрасывали ихъ въ міръ, и міръ удивлялся человѣческому генію—а здѣсь на площади разнузданно плясала пьяная дурочка, и огромный Захаръ потрясалъ своимъ ревомъ замершія въ солнечномъ свѣтѣ улицы... Какая нищета, какой позоръ!..

Все ожесточеніе обиженнаго, отвергшаго сытый кусокъ во имя темнаго протеста, бродячаго человѣка, идущаго мимо городовъ, селъ, людей чуждымъ прохожимъ, — вспыхивало въ немъ, и по ночамъ онъ вертѣлся отъ жгучихъ, пожирающихъ мыслей, вспоминалъ всю свою длинную, неудачную жизнь и сухими, воспаленными глазами смотрѣлъ въ темноту... А когда дремота, призрачная и легкая, какъ голубое облако, внезапно окутывала мозгъ — передъ глазами вдругъ выростали юная гимназистка въ коричневомъ платьѣ и скромной шляпкѣ, пустынная улица стариннаго города и глубокіе, сѣровато-синіе глаза, пытливо уставившіеся съ нѣмымъ вопросомъ...

И какъ это бываетъ во снѣ, и только во снѣ, онъ протягивалъ впередъ руки и, полный немогущихъ пролиться, тяжкихъ слезъ, пытался крикнуть что-то — такое понятное, такое простое, отчего все станетъ сразу яснымъ и исчезнетъ гнетущее чувство не такъ прожитой жизни— и пробуждался. Не было никакой гимназистки, а была счастливая дорогой мебелью, красивыми лошадьми, вѣчно занятымъ мужемъ, вѣжливой прислугой женщина, слегка начавшая полнѣть, съ тѣми же сѣро-синими глазами и незнакомымъ, выхоленнымъ лицомъ...

К. Вроблевскій. Въ старомъ паркѣ. Весенняя выставка.

С. Слободянюкъ-Подолянъ. Портретъ профессора В. А. Беклемишева. Весенняя выставка. (3-я премія).

VII.

Антонина Александровна слышала, какъ славитъ Христа на рождество Женя, одинъ изъ мальчиковъ, приходившихъ къ ней, и ей понравился странный апокрифъ, читаемый послѣ славленія. Она просила его написать сказаніе и принести ей. Мальчикъ обѣщалъ, но потомъ, должно-быть, забылъ, ему напомнили—и какъ-то утромъ Владиславъ подалъ Антонинѣ Александровнѣ голубой, не совсѣмъ чистый конвертъ со странной надписью „ея высокопревосходительству госпожѣ анжинершѣ“.

Подавъ, Владиславъ коротко усмѣхнулся, но тотчасъ же сдѣлалъ серьезное лицо и неслышно вышелъ.

Прохорова вскрыла конвертъ и увидѣла крупно исписанный листъ сѣрой бумаги, на которомъ строчки падали въ одну сторону, а буквы, выведенныя дрожащей, срывающейся рукой, свидѣтельствовали о необычайномъ усердіи.

„Однажды Христосъ, Мальчикъ еще, возвращался изъ сада...“—читала она и улыбнулась: это былъ тотъ самый апокрифъ, который она просила Женю записать. Съ трудомъ, все такъ же улыбаясь, она дочитала сказаніе — наивное и простое, какъ древняя сказка, и внизу увидѣла:

„Ученикъ второго отдѣленія Запольской земской школы Евгеній Трубцовъ“, — а еще ниже, въ самомъ концѣ листа, странныя слова:

„А сколько за это денегъ будетъ?“

Потомъ стоялъ большой, тщательно выведенный, вопросительный знакъ и правильно нарисованная точка.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

В. Кучумовъ. Іаковъ и Рахиль. Весенняя выставка. (7-я премія).

„Я люблю васъ, Зина"...

Посмертный этюдъ **Вл. Тихонова.**

Зинаидѣ Сергѣевнѣ скучно. Зинаиду Сергѣевну охватила весенняя истома, и она мѣста себѣ не находитъ. Бродитъ изъ комнаты въ комнату: смотритъ на голыя деревья чахлаго садика; смотритъ на бѣловато-сѣрыя пятна опоздавшаго растаять снѣга, на покрытый грязью дворъ, на голубое небо съ легкими бѣлыми облачками и чуть слышно мурлычетъ:

«Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ,
А ужъ ручьи журчатъ...»

Какъ-то по-дѣтски хныкаетъ. Беретъ книжку. Бросаетъ ее опять на столъ... И опять ходитъ то по мягкому ковру кабинета, то по линолеуму столовой...

Зинаида Сергѣевна молода, что̀ бываетъ очень часто. Зинаида Сергѣевна хороша, что̀ встрѣчается уже гораздо рѣже. Зинаида Сергѣевна замужемъ, но дѣтей у нея нѣтъ... Мужъ — адвокатъ. Хорошій адвокатъ, извѣстный, съ большой практикой... Живутъ они зачѣмъ-то въ Царскомъ Селѣ. Мужъ говоритъ, что „для воздуха". Онъ увѣряетъ, что у него слабое сердце, и ему нуженъ кислородъ. А между тѣмъ онъ цѣлые дни проводитъ въ Петербургѣ: въ судахъ, въ палатахъ, въ Сенатѣ, гдѣ тамъ еще...

А Зинаидѣ Сергѣевнѣ кислородъ совсѣмъ не нуженъ, а между тѣмъ она вынуждена томиться въ Царскомъ Селѣ. Какъ это глупо и несправедливо! Въ Петербургъ она ѣздитъ не болѣе трехъ разъ въ недѣлю, а по воскресеньямъ къ нимъ пріѣзжаютъ гости; обѣдаютъ и играютъ въ карты до послѣдняго поѣзда. Но этого мало! Особенно весною, когда ее всегда куда-то тянетъ... чего-то хочется...

А нынче такая скверная весна!.. Конецъ марта, а лежитъ еще снѣгъ, и холодно...

«Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ,
А ужъ ручьи журчатъ...»—

въ сотый разъ повторяетъ она, а сама думаетъ:

„Какъ теперь хорошо въ Парижѣ... Тамъ теперь уже апрѣль и все, все улыбается..."

В. Беклемишевъ. Патріархъ Филаретъ. Весенняя выставка.

Зинаида Сергѣевна подсаживается къ піанино и тихонько наигрываетъ вальсъ „Sourir d'avril". Но это ей сейчасъ же надоѣдаетъ. Вальсъ — такой старый-старый, избитый и сладкій, какъ рахатъ-лукумъ... Она отходитъ отъ піанино и опять смотритъ въ окно...

„А въ маѣ Парижъ будетъ весь лиловый отъ цвѣтовъ. А у насъ..."

«Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ,
А ужъ журчьи ручьятъ...»—

умышленно перевираетъ она вторую строчку,—но и это ея не развлекаетъ...

„Позвонить развѣ кому-нибудь въ телефонъ? Но къ кому? Къ мужу, въ судъ? А что̀ сказать ему? Ничего. Развѣ только, что онъ извергъ, варваръ и злодѣй зато, что держитъ ее здѣсь, въ Царскомъ Селѣ... Къ знакомымъ кому-нибудь? Ну, и непремѣнно узнаешь, что „у Манечки — корь", „у Ольги Васильевны — аппендицитъ", а „у Льва Ѳедоровича—воспаленіе легкихъ"... Нынѣшней весной у всѣхъ такъ... А въ Парижѣ нѣтъ ни кори ни аппендицита... А если и есть, то никто объ этомъ не говоритъ..."

Въ столовой сѣрый попугай сидитъ въ клѣткѣ, нахохлившись.

— Попка, что̀ у тебя — корь или аппендицитъ? — спрашиваетъ Зинаида Сергѣевна.

Но попугай ничего не отвѣчаетъ, а смотритъ на нее только искоса своимъ круглымъ глазомъ.

«Еще въ поляхъ бѣлѣетъ...»—

заводитъ опять Зинаида Сергѣевна и вдругъ слышитъ слабое дребезжаніе телефоннаго звонка.

Зинаида Сергѣевна быстро идетъ въ кабинетъ, подсаживается къ письменному столу, снимаетъ трубку телефона и, немного усиливъ голосъ—когда говоришь изъ Царскаго Села въ Петербургъ, непремѣнно нужно усилить голосъ — говоритъ:

— Allo!

Маленькая пауза, и вдругъ откуда-то издали-издали ласковымъ и нѣжнымъ баритономъ кто-то произноситъ:

— „Я люблю васъ, Зина!"

— Что? Что? Что̀ такое?—растерянно переспрашиваетъ Зинаида Сергѣевна.

Но телефонъ уже безмолвствуетъ.

Библиотека "Руниверс"

И только какое-то шипѣніе и ритмическое постукиваніе какъ бы идущаго поѣзда доносится изъ трубки.

„Что же это такое? Кто бы это могъ быть?“— спрашиваетъ самоё себя Зинаида Сергѣевна, все еще держа трубку телефона въ рукѣ.

Отъ волненія щеки ея слегка разгорѣлись, глаза съ недоумѣніемъ смотрятъ на аппаратъ.

Немного спустя, она звонитъ на станцію. Барышня долго не отзывается.

— Кто сейчасъ со мною говорилъ по телефону? — спрашиваетъ Зинаида Сергѣевна.

— Не знаю, изъ Петербурга,—говоритъ барышня.

— А нельзя узнать?

— Это очень трудно.

Зинаида Сергѣевна кладетъ трубку на рогульку телефона, встаетъ отъ стола, но долго еще стоитъ среди кабинета.

„Совершенно незнакомый голосъ... бархатный, ласковый... Мужъ всегда говоритъ рѣзко и отрывисто... Николай Сергѣевичъ? Нѣтъ, не онъ... Да и зачѣмъ бы онъ такія глупости сталъ говорить?.. Кто бы это?.. Что за мистификація? А главное—совсѣмъ незнакомый голосъ!..“

Зинаиду Сергѣевну начинаетъ тянуть въ Петербургъ. Она смотритъ на часы: половина второго. Зинаида Сергѣевна звонитъ горничную, быстро одѣвается, ѣдетъ на вокзалъ и—черезъ полчаса она уже въ Петербургѣ.

Но, пріѣхавъ на Петербургскую станцію, она не знаетъ, зачѣмъ пріѣхала и куда ей дѣваться? Впрочемъ, на всякій случай беретъ извозчика и велитъ ѣхать въ Гостиный дворъ. Ходитъ по магазинамъ и покупаетъ цѣлый ворохъ разной бумаги: макраме́, кроше просто, кроше жемчужнаго, царской шерсти...

„Буду работать,—соображаетъ она. — Это поможетъ мнѣ скоротать время...“

Въ четыре часа она заѣзжаетъ за мужемъ, и они уже вдвоемъ ѣдутъ домой, въ Царское.

— Ты мнѣ не звонилъ, такъ, во второмъ часу?

— И не думалъ! — отвѣчаетъ мужъ и устало зѣваетъ. — Ужасно, какъ эти весеннія дни размоляютъ человѣка, — говоритъ онъ.

На другой день Зинаида Сергѣевна, проводивъ мужа, принимается за вязанье. Сначала у нея все не ладится... Она позабыла, какъ это дѣлается... Она нѣсколько разъ мѣняетъ нитки и узоръ. А мысли ея опять въ Парижѣ... А Парижъ—весь лиловый и такой веселый, такой крикливый, улыбающійся...

Въ кабинетѣ дребезжитъ звонокъ телефона. Зинаида Сергѣевна слегка вздрагиваетъ и торопливыми шагами идетъ туда.

— Allo!—говоритъ она въ трубку.

— Я люблю васъ, Зина! — откуда-то издали доносятся до нея ласковыя, нѣжныя слова.

— Послушайте! Послушайте! - кричитъ Зинаида Сергѣевна.

В. Зарубинъ. Вѣтеръ. Весенняя выставка.

Н. Харитоновъ. Дѣти. Весенняя выставка.

Библиотека "Руниверс"

Но въ аппаратѣ что-то звякаетъ, и только ритмическій шумъ да неясный гулъ доносятся изъ трубки.

Долго, задумавшись, сидитъ Зинаида Сергѣевна у письменнаго стола и все старается вспомнить: чей это голосъ?

Щеки у нея опять разгорѣлись, и глаза ищутъ чего-то. Она смотритъ на часы: половина второго...

На третій день въ четверть второго Зинаида Сергѣевна сидитъ уже у письменнаго стола и... ждетъ.

Дребезжитъ звонокъ.

— Allo!

— Я люблю васъ, Зина!

Зинаида Сергѣевна роняетъ трубку и сердито стучитъ кулачкомъ по столу:

— Да кто же это наконецъ?

И она звонитъ на станцію, проситъ барышню навести справку, откуда сейчасъ съ нею говорили.

Барышня неохотно соглашается, но черезъ полчаса сообщаетъ ей:

— Изъ „Hôtel de France".

Зинаида Сергѣевна безпомощно опускаетъ голову...

На слѣдующій день—воскресенье. Мужъ не ѣдетъ въ Петербургъ. Въ 1 часъ—онъ сидитъ около своего письменнаго стола. Зинаидѣ Сергѣевнѣ страшно хочется отвлечь его оттуда, и она выдумываетъ предлогъ. Наконецъ входитъ и говоритъ:

— Посмотри, Боря, что съ нашимъ попугаемъ!

— А что?—спрашиваетъ мужъ.

— Да я не знаю! Посмотри самъ!

Мужъ лѣниво встаетъ и идетъ въ столовую. Онъ вынимаетъ изъ клѣтки попугая, осматриваетъ его всего и говоритъ:

— Да ничего, кажется, нѣтъ!

Въ это время звонитъ телефонъ. Зинаида Сергѣевна бросается въ кабинетъ:

— Allo!

— Я люблю васъ, Зина!

Она быстро кладетъ трубку на рогульки и оборачивается.

Мужъ стоитъ въ дверяхъ.

— Что такое? Кто звонитъ?—спрашиваетъ онъ.

— Путаница какая-то, не къ намъ!—отвѣчаетъ Зинаида Сергѣевна, а сама вся красная.

Къ обѣду пріѣхали гости: докторъ Воиновъ, присяжный повѣренный Хрептовичъ, еще присяжный повѣренный Арнольди съ женой... помощникъ мужа Избицкій, писатель Красильниковъ, тетя Варвара Степановна съ Олей.

Зинаида Сергѣевна, встрѣчая гостей, особенно внимательно прислушивается къ голосамъ мужчинъ: не изъ нихъ ли кто? Но у всѣхъ голоса такіе простые, неинтересные,—а тотъ—мягкій, ласковый баритонъ...

За обѣдомъ и вечеромъ она очень разсѣянна, говоритъ невпопадъ, часто заходитъ въ кабинетъ и вопросительно смотритъ на телефонъ. Ей теперь уже хочется, чтобы онъ зазвонилъ, и знакомыя четыре слова прозвучали оттуда.

— Я люблю васъ, Зина,—сама уже шепчетъ она.

Ее такъ и подмываетъ разсказать писателю Красильникову эту странную мистификацію, но тотъ за обѣдомъ пилъ много краснаго вина, а послѣ обѣда—коньяку съ кофе и теперь сидитъ красный, пыхтитъ и блаженно улыбается... Разскажи ему, онъ и не пойметъ ничего! А еще писатель!

Съ понедѣльника опять начинается та же исторія.

Четверть второго дребезжитъ звонокъ телефона.

— Allo!

— Я люблю васъ, Зина!

„Господи! Да что жъ это такое? Зачѣмъ онъ скрывается? Ну, сказалъ бы прямо,—кто. Развѣ я разсердилась бы? Это такая милая шутка!"—думаетъ Зинаида Сергѣевна.

Въ среду она рѣшается на „отчаянный", по ея мнѣнію, шагъ. Какъ только зазвонитъ телефонъ, она, вмѣсто того, чтобы говорить „allo",—скажетъ:

— Слушайте! Перестаньте мистифицировать! Скажите прямо—кто вы? А то это несносно!

И съ часу она сидитъ уже возлѣ письменнаго стола, готовая всякую минуту снять трубку съ аппарата.

Маленькіе настольные часики тикаютъ передъ нею между чернильницей и пресс-папье. Пять минутъ второго... шесть... семь...

И звонокъ задребезжалъ.

„Какъ сегодня рано!"—мелькаетъ въ головѣ у Зинаиды Сергѣевны.

Она быстро прикладываетъ трубку къ уху и говоритъ:

— Слушайте! Что это за мистификація? Зачѣмъ вы позволяете себѣ эти глупости? Говорите прямо—кто вы?

— Что? Что такое?—раздается изъ аппарата рѣзкій голосъ мужа.—Это ты, Зина? Что ты такое говоришь?

Зинаида Сергѣевна вздрагиваетъ отъ неожиданности. Кровь ударяетъ ей въ голову. Горло стискиваетъ спазма.

— Что такое говоришь ты? Это ты, Зина? Что ты говоришь?—слышитъ она изъ аппарата настойчивый голосъ мужа.

— Это я...—съ трудомъ выговариваетъ она:—тутъ мнѣ надоѣли... все звонятъ... а ничего не говорятъ... я не знаю, кто.

— Вѣроятно, на станціи путаютъ,—замѣчаетъ мужъ.—Но дѣло вотъ въ чемъ: я предупреждаю тебя, что у насъ завтра будутъ гости обѣдать. Человѣкъ шесть. Такъ ты придумай какой-нибудь обѣдъ получше. Ну, и насчетъ вина.. Впрочемъ, это я самъ изъ Петербурга привезу. И закусокъ. А ты только насчетъ обѣда выдумай. Обдумай съ кухаркой и позвони ко мнѣ. Можетъ-быть, что-нибудь изъ провизіи нужно заказать назавтра? Слышишь?

— Слышу!—нетерпѣливо отвѣчаетъ Зинаида Сергѣевна и смотритъ на часики.

Они показываютъ девять минутъ второго.

— Ты позвони мнѣ такъ въ четвертомъ часу въ Окружный Судъ. Я тамъ буду до четырехъ. Ты вѣдь знаешь нумеръ телефона?

— Знаю, знаю!

— Можетъ-быть, рыбы какой-нибудь купить? Салату? Или тамъ чего—ты скажи! Я изъ Суда зайду въ магазины и закажу. Обѣдать будетъ человѣкъ шесть, а можетъ-быть—семь и даже восемь...

Зинаидѣ Сергѣевнѣ ужасно хочется спросить: почему обѣдъ? Но она боится затянуть разговоръ. Минутная стрѣлка на часахъ уже подходитъ къ цифрѣ десять.

— Хорошо! Все обдумаю, все тебѣ скажу!—торопится она.

— Дамъ не будетъ. Все только товарищи. Иванъ Михайловичъ, между прочимъ, пріѣдетъ, Хрептовичъ, Левитскій, Егоровъ...

При словѣ „Левитскій" Зинаида Сергѣевна почему-то слегка вздрагиваетъ.

— Ну, хорошо, хорошо! Я все обдумаю! До свиданья!

— До свиданья! — отвѣчаетъ мужъ.

Зинаида Сергѣевна кладетъ трубку на рогульки и облегченно вздыхаетъ. Часы показываютъ одиннадцать минутъ второго.

„Онъ сказалъ: — Левитскій..."—думаетъ она. И вспоминаетъ высокую, статную, красивую фигуру Левитскаго, тоже адвоката, товарища ея мужа, хотя моложе его по выпуску...

Левитскій раньше довольно часто бывалъ у нихъ, особенно когда они жили въ Петербургѣ. Ей казалось, что онъ не совсѣмъ равнодушенъ къ ней. По крайней мѣрѣ она часто ловила его большіе темно-каріе глаза, какъ-то жадно устремленные на нее. Она вспыхивала подъ этимъ взглядомъ, да и самъ Левитскій всегда смущенно потуплялся.

Она вспоминаетъ его голосъ, громкій, звучный, увѣренный, когда онъ говорилъ съ другими, и ласковый, почти нѣжный, когда онъ говорилъ съ нею. Разъ онъ спросилъ ее: какъ она смотритъ на женщинъ, измѣняющихъ мужьямъ?

И она, не давъ еще договорить ему вопроса, обрушилась цѣлымъ потокомъ осуждающихъ фразъ. Тогда она не находила въ душѣ своей ни малѣйшихъ оправданій для такихъ измѣнъ, она ихъ считала безчестными, унизительными, гадкими. Тогда они еще жили въ Петербургѣ, и шелъ всего третій годъ ея замужества.

И вотъ именно послѣ этого разговора Левитскій все рѣже и рѣже бывалъ у нихъ, особенно когда они переѣхали въ Царское.

Послѣдній разъ онъ былъ чуть ли не въ сентябрѣ мѣсяцѣ, а теперь уже мартъ. Даже на Рождество онъ не пріѣхалъ къ нимъ, а прислалъ только въ Новый годъ поздравительную телеграмму... А прежде бывалъ онъ часто и привозилъ цвѣты...

Зинаида Сергѣевна взглянула на стрѣлки часовъ и — испугалась: было уже двадцать минутъ второго, а „онъ" все еще не звонилъ.

„Ну, да, да! Конечно! „Онъ" навѣрное звонилъ, когда съ нею говорилъ мужъ, ему сказали, что аппаратъ занятъ, и онъ обидѣлся и ушелъ"...—волновалась она, сама не понимая, на что онъ, собственно, могъ обидѣться.

Она готова была сама сейчасъ позвонить къ нему... Но—куда? Къ кому?

Задребезжалъ звонокъ телефона. Слегка дрожащей рукой Зинаида Сергѣевна сняла трубку и приложила ее къ уху.

— Allo! — тише обыкновеннаго и нерѣшительно проговорила она.

Крошечная, но томительная пауза, и...

— Я люблю васъ, Зина!—донеслись нѣжные, бархатные звуки.

Зинаида Сергѣевна радостно улыбнулась и долго-долго еще держала трубку возлѣ уха.

А изъ телефона давно слышался какой то неясный говоръ разныхъ голосовъ, и между ними кто-то особенно настойчиво повторялъ:

— Шестьнадцать пудовъ по рупь сорокъ копеекъ. Что? Шестьнадцать пудовъ по рупь сорокъ копеекъ. Что?

Въ четвергъ къ обѣду пріѣхали гости, почти исключительно все судейскіе. Главнымъ образомъ, конечно, адвокаты, но былъ, впрочемъ, одинъ прокуроръ и одинъ членъ Суда.

А Левитскаго между ними не было.

— А Сергѣй Александровичъ? — спросилъ про него у кого-то изъ пріѣхавшихъ мужъ.

— Онъ пріѣхалъ съ нами, но только заѣхалъ тутъ куда-то на минутку по дѣлу,—отвѣтили ему.

У Зинаиды Сергѣевны словно камень съ груди свалился. Она такъ волновалась отсутствіемъ Левитскаго, а самой спросить ей было неудобно.

Въ передней позвонили, и черезъ минуту высокій, статный, красивый Левитскій съ большимъ букетомъ живыхъ цвѣтовъ вошелъ въ гостиную.

Библиотека "Руниверс"

— Ну, вотъ! Всегда съ цвѣтами!—привѣтствовалъ его мужъ.

А Левитскій, склонивъ голову, цѣловалъ уже руку Зинаиды Сергѣевны.

„Ну, скажи, скажи, скажи что-нибудь!“—мысленно шептала она. Ей такъ хотѣлось услыхать его голосъ и сравнить съ тѣмъ, изъ телефона.

И онъ сказалъ:

— Я очень радъ видѣть васъ такой цвѣтущей!

Сказалъ ласково, почти нѣжно, но... нѣтъ! Звуки были не тѣ! Тѣ были гуще, бархатистѣе. А это—красивый, правда, но голосъ, какъ голосъ.

Пошли въ столовую. Левитскому, видимо, хотѣлось сѣсть рядомъ съ нею, но мужъ усадилъ съ одной стороны Ивана Михайловича, а съ другой—члена Окружнаго Суда, Левитскаго же увелъ на свой конецъ.

За обѣдомъ Зинаида Сергѣевна была очень разсѣянна, плохо слушала, отвѣчала иногда невпопадъ, такъ что даже мужъ, сидѣвшій на противоположномъ концѣ стола, и тотъ замѣтилъ это.

„Что съ нею послѣднее время? Какъ гости, такъ она сама не своя?“—подумалъ онъ.

А Зинаида Сергѣевна, разговаривая со своими сосѣдями, все время прислушивалась къ голосу Левитскаго, доносившемуся до нея сквозь гулъ общаго разговора. И ей казалось, что нѣтъ-нѣтъ да и прорвется знакомая нотка... изъ тѣхъ, что она ежедневно слушаетъ въ телефонѣ.

Послѣ обѣда, когда Левитскій подошелъ къ ней, чтобы поцѣловать руку, она вдругъ спросила:

— Ну, что, довольны обѣдомъ? Вѣдь вы—холостякъ, должны обѣдать по ресторанамъ... Кстати, гдѣ вы всегда завтракаете?

Левитскій какъ-то странно улыбнулся и отвѣтилъ:

— Въ разныхъ мѣстахъ и нигдѣ опредѣленно.

А она такъ ждала, что онъ скажетъ ей:—въ „Hôtel de France“.

Сѣли играть въ карты. Зинаида Сергѣевна отказалась. Она, какъ хозяйка, обходила столы, перекидывалась парой словъ съ играющими и долѣе всего задерживалась у стола, гдѣ игралъ Левитскій. Впрочемъ, за этимъ же столомъ игралъ и мужъ. И она невольно сравнивала ихъ: мужъ—такой толстый, рыжеватый и уже почти лысый... А Левитскій—брюнетъ, съ слегка подернутыми сѣдиной висками. Крѣпкій, мускулистый... красивый... И на видъ по крайней мѣрѣ на десять лѣтъ моложе мужа, а между ними разница всего года въ два.

У мужа сердце вялое, оттого у него и лицо такое отечное; а Левитскій весь словно точеный... И зубы какіе у него... веселые... славные...

Когда онъ взглядывалъ на нее, она подмѣчала въ глазахъ его тѣ горячіе блики, которые такъ смущали ее года два тому назадъ.

„Онъ или не онъ?“—думала она, отходя отъ стола. И ей хотѣлось, чтобъ это былъ онъ... „Но голосъ не тотъ!.. Тамъ баритонъ, мягкій... бархатный... Ахъ, Боже мой! Да отчего онъ не скажетъ? Вѣдь не самой же спрашивать!..“

— Что съ тобой, Зина?—заговорилъ мужъ, когда разъѣхались гости.—Ты такая стала разсѣянная, забывчивая. Тебя узнать нельзя!

— Просто мнѣ скучно, и я хочу куда-нибудь уѣхать!—капризнымъ голосомъ отвѣтила Зинаида Сергѣевна.

— Но, голубчикъ, у меня нынче весной столько дѣлъ, что раньше, какъ къ іюню, мнѣ и не освободиться!

— Въ іюнѣ! Очень интересно въ іюнѣ, когда вездѣ уже будетъ жарко! Теперь надо ѣхать! А не въ іюнѣ.

— И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ!—закончилъ мужъ самымъ прозаическимъ зѣвкомъ.

На другой день, ровно въ четверть второго, телефонъ донесъ ей завѣтную фразу:

— Я люблю васъ, Зина!

И Зинаида Сергѣевна сейчасъ же позвонила на станцію и попросила соединить себя съ Петербургомъ и дать ей „Hôtel de France“.

— Allo!—раздался голосъ изъ телефона.

— „Hôtel de France“?

— „Hôtel de France“.

— Говорилъ кто-нибудь сейчасъ отъ васъ въ Царское Село?

— Въ Царское Село?

— Ну, да, въ Царское Село.

— Не знаю... Кажется, что никто не говорилъ.

Зинаида Сергѣевна раздраженно повѣсила трубку.

„Ну, что жъ изъ этого?—сказала она сама себѣ:—вѣдь онъ же сказалъ, что завтракаетъ въ разныхъ мѣстахъ... Можетъ-быть, сегодня и не былъ въ „Hôtel de France“... Однако, отчего я такъ увѣрена, что это именно онъ?.. А можетъ-быть, другой кто... еще болѣе интересный?“—задумалась Зинаида Сергѣевна.

На слѣдующій день Зинаида Сергѣевна въ урочный часъ подошла къ телефону, какъ къ испытанному другу. Она знала уже, что онъ принесетъ ей милыя, желанныя слова.

Сѣла и стала ждать. И не замѣтила, какъ задумалась. Задумалась такъ, безъ словъ, безъ мысли. Передъ ея глазами срывались какіе-то образы, какія-то картины, смутныя и неясныя, и сейчасъ же пропадали.

И вдругъ изъ столовой донесся мягкій бой часовъ.

„Что такое?“—встрепенулась Зинаида Сергѣевна и взглянула на часики, стоявшіе на столѣ: стрѣлки показывали половину второго. А онъ—не звонилъ... Сердце у Зинаиды Сергѣевны ёкнуло.

„Что же это такое? — повторяла она про себя. — Что же, онъ такъ и не позвонитъ?“

Въ квартирѣ было тихо, и никто и ничто не отвѣтилъ ей на этотъ вопросъ.

Прошло еще съ четверть часа—телефонъ безмолвствовалъ. Около двухъ Зинаида Сергѣевна встала съ кресла и, грустная, разочарованная, прошла въ свою комнату. Эти четыре слова изъ телефона стали для нея уже необходимостью. И теперь, казалось ей, не хватало чего-то большого, нужнаго, даже важнаго. Она пробовала читать, но строчки путались въ ея глазахъ. Пробовала вязать, но то и дѣло путала нитки.

Она позвонила горничную, накинула на себя плащъ и вышла въ садъ. Какимъ мизернымъ показался онъ ей съ обнаженными еще деревьями, съ уныло чернѣвшими, не приведенными въ порядокъ, клумбами.

— Ахъ, уѣхать бы! Уѣхать бы куда-нибудь! — твердила она сама себѣ.

И опять парижскіе бульвары съ цвѣтущими каштанами рисовались въ ея воображеніи.

„Пойти развѣ въ паркъ?“ — подумала она.

Но сейчасъ же отказалась отъ этой мысли. Этотъ старый Царскосельскій паркъ такъ надоѣлъ ей. Вѣчно все тотъ же Круглый Павильонъ, вѣчно все та же Турецкая баня, лебеди на пруду и няньки съ рахитическими ребятами въ колясочкахъ.

„Жизни нѣтъ! Жизни нѣтъ!“—твердила она самой себѣ и вдругъ, какъ-то ужъ очень по-русски, почти по-бабьи, простонала:

— Батюшки, скучно какъ! Ску-у-чно-о!

И сейчасъ же вспомнила слова мужа: „это оттого, что ты ничего не дѣлаешь и ничѣмъ не занимаешься!“

„А что дѣлать? Чѣмъ заниматься?—почти вслухъ проговорила Зинаида Сергѣевна.—Ѣздить на засѣданія разныхъ благотворительныхъ комитетовъ? Устраивать благотворительные вечера и маскарады? Такъ развѣ это дѣло? Развѣ бы такой дѣятельности хотѣла я?“

— А какой? — опять спросила она себя и даже остановилась посреди дорожки, по которой шла.

И ей представилась красивая, почти мощная, фигура Левитскаго, его кудреватая бородка, его веселые зубы.

— Я люблю васъ, Зина!..—шептала Зинаида Сергѣевна и сейчасъ же отвѣтила:—Вотъ съ нимъ бы я на какую угодно дѣятельность пошла... на что угодно!..

И ей вспомнилось опять, какъ въ первый годъ еще замужества она ѣхала съ мужемъ на пароходѣ между Генуей и Марселемъ. Дулъ сильный вѣтеръ. Пароходъ качало изъ стороны въ сторону. Мужъ, блѣдный, съ осунувшимся лицомъ, ушелъ въ каюту, чтобы лечь: его мучила морская болѣзнь. А она осталась одна на палубѣ, смотрѣла на злыя волны, взлетавшія то по одну, то по другую сторону, и любовалась молодымъ еще и красивымъ капитаномъ парохода, такъ спокойно, почти беззаботно стоявшимъ на своемъ мостикѣ.

И вотъ теперь ей представилось, что капитанъ этого парохода—Левитскій. И она чувствовала, что поднялась бы сейчасъ къ нему на мостикъ, обвила бы его шею рукой и крикнула бы сердитому морю:

— Ну! Ну, еще! Злись, злись, реви! Брызгай пѣной, трепли нашъ пароходъ, я не боюсь тебя! Здѣсь, съ нимъ, я не боюсь ничего на свѣтѣ!..

За оградой садика послышалось конское топанье, и у крыльца остановились извозчичьи дрожки.

Въ охватившемъ ее порывѣ Зинаида Сергѣевна бросилась къ рѣшеткѣ сада, и, появись въ этотъ моментъ передъ нею Левитскій, она обвила бы его шею руками, да такъ и замерла бы въ безумномъ поцѣлуѣ...

У подъѣзда стоялъ мужъ и расплачивался съ извозчикомъ. Протянутыя руки Зинаиды Сергѣевны опустились, голова поникла, и она разсмѣялась тихимъ и грустнымъ смѣхомъ.

(Окончаніе будетъ).

* *
*

Льетесь вы, слезы народныя,
Льетесь широкой рѣкой;
Плачутъ, рыдаютъ голодные —
Пропитъ ихъ хлѣбъ трудовой,
Гибнутъ и силы могучія,—
Трезвый для родины трудъ.
Кровныя слезы, горючія
Всюду рѣкою бѣгутъ.

Скоро ль лучи просвѣтлѣнія,
Трезвости яркой взойдутъ?
Скоро ль во мракѣ забвенія
Чары вина пропадутъ?
Скорбны, о Боже, моленія...
Ты имъ, Всещедрый, внемли,
Радостный свѣтъ отрезвленія
Бѣдной отчизнѣ пошли!..

А. Котомкинъ.

Библиотека "Руниверс"

Нѣсколько лѣтъ съ А. П. Чеховымъ.

(Къ 10-лѣтію со дня его кончины).

Воспоминанія **И. Н. Потапенко.**

(Продолженіе).

Какъ относился Чеховъ къ своему врачебному званію? Долженъ сказать, что я почти никогда не вспоминалъ о томъ, что онъ врачъ: ничѣмъ онъ не давалъ повода вспомнить объ этомъ, никогда не велъ онъ разговора о медицинѣ и медицинскомъ.

Конечно, особенно распространяться объ этомъ передъ неспеціалистомъ и невѣждой не было и смысла, но вѣдь это прорывается. Когда у человѣка есть влеченіе и любовь къ какому-нибудь дѣлу, то они будутъ сквозить во всемъ. У него же этого не было замѣтно.

У кого-то я прочиталъ, будто Антонъ Павловичъ страстно любилъ лѣчить. Вотъ чего я никогда не находилъ въ немъ. Когда къ нему обращались за врачебнымъ совѣтомъ, онъ отдѣлывался самыми общими мѣстами, и видно было, что онъ хотѣлъ поскорѣе кончить этотъ разговоръ.

Можетъ-быть, это объяснялось скрытой досадой, что онъ такъ отошелъ отъ медицины, на которую потратилъ столько лѣтъ и и энергіи; или просто это было сознаніе, что онъ въ этомъ дѣлѣ сильно отсталъ и не можетъ стоять на надлежащей высотѣ.

Вѣдь тутъ, за что бы онъ ни взялся, онъ непремѣнно сдѣлаетъ хуже, чѣмъ другіе врачи, которые практикуются и слѣдятъ за наукой. А ему была свойственна какая-то особенная гордость совѣсти: все дѣлать, какъ слѣдуетъ. И онъ никогда не брался за то, чего не могъ сдѣлать наилучшимъ образомъ. Вѣдь вотъ, напримѣръ, онъ всегда мечталъ о томъ, чтобы писать публицистическія статьи. Объ этомъ онъ упоминаетъ и въ своихъ письмахъ. Но онъ не писалъ ихъ, потому что онѣ ему не удавались. То-есть онѣ были бы не хуже всего того, что пишется, но это его не удовлетворяло.

Поэтому онъ, не отказывая въ совѣтахъ, когда къ нему приставали, не углублялся и ограничивался средствами, которыя если и не помогутъ, то во всякомъ случаѣ не могутъ повредить: сода, касторка, компрессы, припарки...

Когда въ Мелиховѣ приходили къ нему мужики и бабы съ нарывами и глубокими порѣзами, и ему объ этомъ сообщали, онъ кривился, — должно-быть, опять-таки отъ сознанія, что можетъ сдѣлать не такъ, какъ слѣдуетъ, но не отказывалъ, принималъ, съ величайшимъ вниманіемъ осматривалъ, рѣзалъ, вычищалъ и перевязывалъ.

Я думаю, что, если бъ за операціей пришелъ къ нему помѣщикъ, онъ послалъ бы его къ спеціалистамъ. Но для мужика спеціалистъ недостижимъ, и все равно лучше ему никто не сдѣлаетъ.

Однакожъ меня, напримѣръ, онъ вылѣчилъ отъ экземы, которой наградили меня въ одной изъ лучшихъ московскихъ парикмахерскихъ на Кузнецкомъ мосту. Спеціалисты прижигали, вырывали волосы и вообще истязали меня самыми послѣдними средствами, а онъ взглянулъ и сказалъ:

— Пустое. Вотъ я тебѣ выпишу салициловую мазь.

И выписалъ. И отъ этой мази экзема моя прошла безслѣдно.

И все-таки утвержденіе, будто онъ любилъ лѣчить, остается произвольнымъ. Иногда онъ будто и самъ себя хотѣлъ увѣрить въ этомъ и, напримѣръ, своему товарищу по гимназіи писалъ: „Медицина — моя законная жена, литература — незаконная. Обѣ, конечно, мѣшаютъ другъ другу, но не настолько, чтобы исключать другъ друга“.

Но на это нельзя смотрѣть иначе, какъ на шутку. Пусть за годъ передъ этимъ онъ даже исполнялъ обязанности участковаго врача (по случаю холеры) въ своемъ уѣздѣ и своею дѣятельностью заслужилъ даже особую благодарность земцевъ.

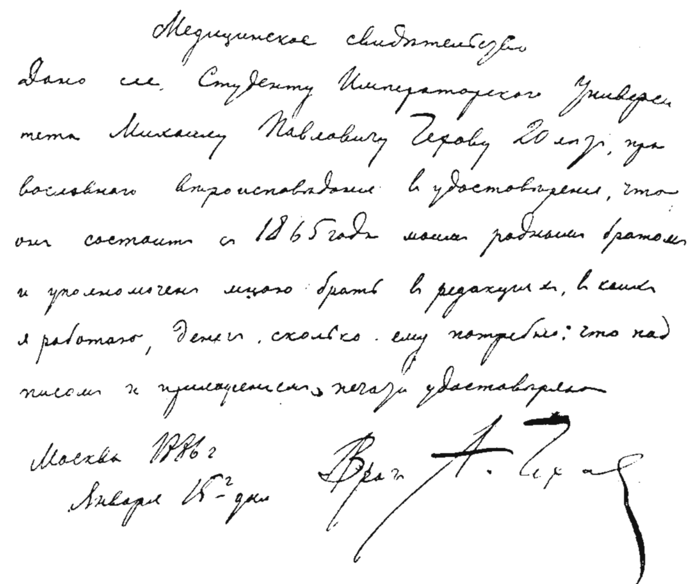
Но это вытекало скорѣе изъ сознанія долга, чѣмъ изъ любви къ дѣлу. И даже въ періодъ этой работы, которая съ виду увлекала его, и ради которой онъ на время почти совсѣмъ отказался отъ писанія, онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Суворину такъ характеризовалъ это занятіе:

„Душа моя утомлена. Скучно. Не принадлежать себѣ, думать только о поносахъ, вздрагивать по ночамъ отъ собачьяго лая и стука въ ворота (не за мной ли пріѣхали?), ѣздить на отвратительныхъ лошадяхъ по невѣдомымъ дорогамъ и читать только про холеру и ждать только холеры и въ то же время быть совершенно равнодушнымъ къ сей болѣзни и къ тѣмъ людямъ, которымъ служишь, — это, сударь мой, такая окрошка, отъ которой не поздоровится“.

Но, думая такъ, онъ носился по своему участку, входилъ въ сношенія съ мѣстными помѣщиками, уговаривалъ ихъ жертвовать деньги и, получивъ отъ земства на это какую-то сотню рублей, устроилъ свой участокъ образцово.

И окружавшіе его люди въ самомъ дѣлѣ должны были думать, что онъ любитъ лѣчить и обожаетъ свое лѣчебное призваніе, а на литературу смотритъ, какъ на нѣчто второстепенное. А онъ въ это время писалъ:

„Нехорошо быть врачомъ. И страшно, и скучно, и противно. Молодой фабрикантъ женился, а черезъ недѣлю зоветъ меня: „непремѣнно сію минуту, пожалуйста“... Все это противно, долженъ я это сказать. Дѣвочка съ червями въ ухѣ, поносы, рвота, сифилисъ — тьфу! Сладкіе звуки и поэзія, гдѣ вы?“


Медицинское свидѣтельство
Дано сие Студенту Императорского Университета Михаилу Павловичу Чехову 20 лет, православного вероисповедания в удостоверение, что он состоит с 1865 года моим родным братом и уполномочен много брать в редакциях, в коих я работаю, денег, сколько ему потребно: что надписом и приложением печати удостоверяю

Москва 1886 г
Января 15-го дня

Врач А. Чехов

Шуточное свидѣтельство, выданное А. П. Чеховымъ брату Михаилу для полученія изъ редакцій слѣдуемаго А. П. гонорара.

Кажется, ясно, и не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію, что искренняго влеченія къ врачебной дѣятельности А. П. не питалъ. Заблужденіе же наблюдателей объясняется тѣмъ, что за влеченіе они принимали исключительно развитое въ немъ чувство долга, которое заставляло его съ улыбкой на губахъ дѣлать то, что было ему непріятно и даже противно.

Такова была его дѣятельность по холерѣ. Онъ держался мнѣнія, что, получивъ медицинское образованіе и живя въ мѣстности, которой угрожаетъ эпидемія, онъ не имѣетъ права отказаться отъ примѣненія своихъ познаній. Онъ, который считался равнодушнымъ къ общественнымъ вопросамъ, какъ разъ равнодушія-то и не признавалъ и относился къ нему съ строгимъ осужденіемъ.

Между прочимъ, для доказательства его любви къ лѣченію приводятъ примѣры: какъ онъ не отходилъ отъ постели своей опасно заболѣвшей жены и самъ ставилъ термометръ, компрессы и т. п., съ какимъ вниманіемъ онъ осматривалъ и выслушивалъ больного тогда артиста Московскаго Художественнаго театра Артема. Но это говоритъ только о томъ, что онъ любилъ жену и дружески относился къ Артему.

Навѣрно можно было бы привести и другіе подобные случаи. Но для того, чтобы ухаживать за страдающими близкими людьми, не надо даже быть врачомъ и любить медицину. Достаточно только ихъ любить и обладать хорошимъ сердцемъ. То же самое по отношенію къ заболѣвшимъ близкимъ людямъ дѣлаютъ и не врачи, съ той лишь разницей, что они въ этихъ случаяхъ могутъ быть менѣе полезны.

А себя онъ не лѣчилъ вовсе. Странно, непостижимо относился онъ къ своему здоровью. Жизнь любилъ онъ каждой каплей своей крови и страстно хотѣлъ жить, а о здоровьѣ своемъ почти не заботился.

Зналъ ли онъ о своемъ недугѣ? Можетъ-быть, сомнѣвался, можетъ-быть, у него была надежда, что его нѣтъ, но мысль о немъ допускалъ и иногда, кашляя и считая причиной бронхитъ, какъ бы полушутя произносилъ это слово: „чахотка“...

Да, слово это всегда было у него на умѣ, какъ будто онъ считалъ себя присужденнымъ рано или поздно сдѣлаться жертвой этой болѣзни, но находилъ, что время для этого еще не наступило.

Брату своему онъ пишетъ изъ Москвы въ октябрѣ 1893 г.: „Маленько покашливаю, но до чахотки еще далеко. Геморрой. Катарръ кишекъ. Бываетъ мигрень, иногда дня по два. Замиранія сердца. Лѣность и нерадѣніе“.

Онъ видитъ и перечисляетъ всѣ ея признаки, но какъ бы нарочно отводитъ отъ нея глаза. „Я живъ и здоровъ, — пишетъ онъ черезъ нѣсколько дней Суворину: — кашель противъ прежняго сталъ сильнѣе, но думаю, что до чахотки еще очень далеко“. А еще позже, когда кто-то въ Петербургѣ сообщилъ, будто у

Библиотека "Руниверс"

Домъ въ Мелиховѣ. На ступеняхъ лѣстницы сидитъ отецъ писателя, П. Е. Чеховъ.

А. П. чахотка: „Для чего распускать всѣ эти странные, ненужные слухи, вѣдомо только Богу, создавшему для чего-то сплетниковъ и глупцовъ. Чахотки у меня нѣтъ, и кровь горломъ не шла уже давно".

Но одно уже то, что онъ постоянно возвращается къ этому и опровергаетъ, показываетъ, что мысль о чахоткѣ неотступно преслѣдовала его и не давала ему покою. И въ то же время онъ, какъ будто желая убѣдить себя въ томъ, что этого дѣйствительно нѣтъ, ничего не предпринималъ противъ надвигающагося недуга.

Да и что онъ могъ предпринять? Какъ врачъ, онъ очень хорошо зналъ, что дѣйствительными средствами противъ чахотки медицина не располагаетъ.

Всякій другой на его мѣстѣ могъ бы заблуждаться на этотъ счетъ, но не онъ. Всякій другой могъ бы хвататься за все, что въ изобиліи предлагалось шарлатанами, но онъ всему этому зналъ цѣну.

Единственнымъ средствомъ, какое могло бы быть дѣйствительнымъ, была радикальная перемѣна климата, и его онъ признавалъ и постоянно мечталъ о немъ, но оно было недостижимо. Жизнь приковала его къ сѣверу, а сѣверъ незамѣтно, исподволь подтачивалъ его силы.

Не могу забыть, какъ однажды, въ вагонѣ, во время нашего переѣзда изъ Москвы въ Мелихово, сосѣдомъ нашимъ оказался какой-то кашлявшій субъектъ. Онъ сейчасъ же познакомился съ нимъ. Сосѣдъ назвался помѣщикомъ Вологодской губерніи.

Антонъ Павловичъ съ какимъ-то особеннымъ интересомъ началъ разспрашивать его о болѣзни, а когда тотъ съ недоумѣніемъ и недовѣріемъ посмотрѣлъ на него, онъ твердо сказалъ:

— Я—врачъ.

И послѣ этого сосѣдъ выложилъ передъ нимъ всю подноготную его болѣзни. Тутъ были и головокруженія, и перебои сердца, и даже страннымъ образомъ геморрой, нѣсколько неглубокихъ кровохарканій, словомъ—все то, что бывало и у него самого.

Потомъ сосѣдъ разсказалъ о двухъ десяткахъ врачей, у которыхъ онъ перебывалъ, и о сотнѣ лѣкарствъ, которыя онъ перепробовалъ. И на все это Антонъ Павловичъ сказалъ ему:

— Все это пустое. Нужно бросить Вологодскую губернію, закатиться куда-нибудь подъ тропики и пожить тамъ года два-три.

Это было какъ разъ то, о чемъ онъ самъ мечталъ, и что было для него недостижимо.

И потомъ всю дорогу онъ чрезвычайно внимательно обращался съ вологодскимъ помѣщикомъ, разспрашивалъ его, какая у него земля, что онъ сѣетъ и какіе плуги употребляетъ. А когда намъ нужно было на станціи Лопасня покинуть поѣздъ, онъ, почти дружески простившись съ нимъ, сказалъ:

— А все-таки вамъ слѣдуетъ пожить подъ тропиками.

— Ну, гдѣ же тамъ, — возразилъ вологодскій помѣщикъ: — у меня на плечахъ имѣніе и большая семья.

— Семью прогоните, а имѣніе продайте и поѣзжайте! Иначе ничего хорошаго не выйдетъ.

И такъ какъ онъ твердо зналъ, что „ничего хорошаго не выйдетъ", то ничего и не предпринималъ.

Когда при немъ говорили о новыхъ средствахъ, о разныхъ блестящихъ опытахъ, онъ скептически усмѣхался. Судя по оказавшимся потомъ результатамъ — онъ былъ правъ. Блестящіе опыты въ этой области и до сихъ поръ не привели ни къ чему; но развѣ онъ могъ это знать? Больные обыкновенно хватаются за всякую возможность спастись.

И это равнодушіе къ своему здоровью меня поражало. Онъ и бронхита своего почти не лѣчилъ и не остерегался.

Вообще по отношенію къ болѣзнямъ онъ проявлялъ какое-то ложное мужество. Онъ какъ будто стыдился слишкомъ много заниматься ими, считалъ это малодушіемъ.

Бываютъ люди мнительные, которые малѣйшую перемѣну въ состояніи здоровья, даже въ настроеніи, принимаютъ за болѣзнь, а всякій прыщикъ—за сибирскую язву или ракъ, и всегда они въ страхѣ за свою жизнь и всегда отъ всего лѣчатся.

Онъ былъ противоположностью. Онъ не хотѣлъ признавать даже совершенно явныхъ враговъ, и они, въ видѣ туберкулеза, геморроя и еще другихъ, сосали его кровь и незамѣтно подтачивали его организмъ. Я, напримѣръ, никогда не слышалъ отъ него, чтобы онъ совѣтовался съ какимъ-нибудь профессоромъ о своемъ здоровьѣ.

Правда, что матеріальное положеніе не давало ему возможности свободно располагать своимъ временемъ и выбирать мѣсто. Обладая огромнымъ талантомъ изумительной красоты,—талантомъ, равный которому съ тѣхъ поръ не появился, несмотря на богатый приливъ въ нашей литературѣ свѣжихъ дарованій, и не скоро, должно-быть, появится,—онъ не могъ и мечтать о такихъ колоссальныхъ заработкахъ, какіе, слава Богу, позже выпадали на долю нѣкоторыхъ другихъ писателей.

Пожить бы ему въ Капрѣ зиму-другую, не думая о заработкѣ, о семьѣ,—можетъ-быть, мы и теперь еще видѣли бы его среди насъ,—разумѣется, если бы это было сдѣлано во-время.

Среди людей, искренно къ нему расположенныхъ, были очень богатые, которымъ ничего не стоило бы устроить ему такой отдыхъ. Но мы ничего не слышали о томъ, чтобы у кого-нибудь изъ нихъ явилась подобная мысль.

Скажутъ, что Чеховъ былъ до болѣзненности щепетиленъ въ денежныхъ вопросахъ и не согласился бы ни на какія денежныя одолженія.

Совершенно вѣрно, но и не нужны были одолженія, достаточно было не формально, а справедливо оцѣнить его трудъ. И на этой почвѣ мало ли какія можно устроить чисто дѣловыя комбинаціи.

Подумать только, что Чеховъ въ большой богатой газетѣ, которая справедливо гордилась его сотрудничествомъ, получалъ 12 коп. за строчку, то-есть 120 руб. за печатный листъ!..

Тутъ мнѣ припоминается эпизодъ съ однимъ московскимъ милліонеромъ, страстнымъ почитателемъ Чеховскаго таланта. Но объ этомъ будетъ удобнѣе разсказать нѣсколько позже.

Ницца. Яркій солнечный апрѣль, а можетъ-быть, мартъ. Не могу вспомнить. Знаю только, что въ Петербургѣ былъ еще основательный холодъ.

Чеховъ жилъ въ русскомъ пансіонѣ, который теперь уже, кажется, не существуетъ. Пріѣхавъ, я засталъ его тамъ. Пансіонъ былъ наполненъ, такъ что мнѣ едва удалось добыть комнату гдѣ-то во флигелѣ. У Чехова же была хорошая просторная комната въ главномъ зданіи.

Въ Мелиховѣ. Въ тачкѣ сидятъ А. П. Чеховъ и его братъ Михаилъ. Везетъ тачку писатель В. А. Гиляровскій. Направо—братъ А. П. Чехова, Иванъ; налѣво—двоюродный братъ А. П. Чехова—А. Долженко.

Библиотека "Руниверс"

Публика въ пансіонѣ была русская, но крайне сѣрая и неинтересная. Какой-то провинціальный прокуроръ, учитель, баронесса съ дочерью, которой дома, въ Россіи, почему-то не удавалось выйти замужъ и т. п.

Но утѣшеніемъ служило близкое сосѣдство М. М. Ковалевскаго, который жилъ въ своей виллѣ, въ Болье, въ 20 минутахъ ѣзды отъ Ниццы, и часто посѣщалъ А. П., къ которому относился съ какой-то трогательной заботливостью.

А. П. чувствовалъ себя здѣсь въ высшей степени бодро. Я рѣдко видѣлъ его такимъ оживленнымъ и жизнерадостнымъ. Самое мѣсто, гдѣ помѣщался нашъ пансіонъ, не отличалось ни бойкостью ни красотой. Моря отсюда не было видно, да и горы заслонялись высокими домами.

Но недалеко была главная улица—Avenue de la Gare, по которой мы почти каждый день путешествовали къ морю и тамъ проводили часы.

Тогда же завязалась у А. П. трогательная дружба съ Юрасовымъ, мѣстнымъ вицеконсуломъ и консуломъ въ Ментонѣ, бѣлымъ старичкомъ, который съ обожаніемъ смотрѣлъ на него и возился съ нимъ, какъ съ ребенкомъ.

Разъ въ недѣлю у него бывали пироги, настоящіе русскіе пироги, и онъ зазывалъ Антона Павловича къ себѣ. Иногда удовольствіе ѣсть эти вицеконсульскіе пироги выпадало и на мою долю.

Да и самый пансіонъ не безъ основанія назывался „русскимъ" (хотя въ то время офиціальное названіе у него было какое-то другое). Тамъ была русская кухарка, исторія которой интересовала все населеніе пансіона, а А. П. не менѣе, чѣмъ другихъ. Благодаря ей, на нашемъ столѣ иногда появлялись тоже пироги, по-русски приготовленная селедка и даже борщъ.

Сама же она хотя и не забыла родного языка, но давнымъ давно совершенно офранцузилась и не выражала ни малѣйшаго желанія вернуться въ Россію.

— Зачѣмъ?—говорила она.—Тамъ я была рабой, а здѣсь—свободная гражданка, такая, какъ всѣ.

Въ Ниццу она попала лѣтъ 20 тому назадъ, случайно, въ качествѣ горничной при купеческой семьѣ, но семья уѣхала, а она осталась. Вышла замужъ за негра, плававшаго на какомъ-то пароходѣ, и у нея была дочь-мулатка, таинственное существо, жившее тутъ же, въ зданіи пансіона, но отдѣльно отъ матери.

А. П. Чеховъ въ Мелиховѣ. У „дуба Мамврійскаго".

Дѣло въ томъ, что негръ, однажды вернувшись изъ плаванія, нашелъ у своей жены бѣлаго ребенка и, сдѣлавъ изъ этого правильный выводъ, отвергъ жену, не захотѣлъ имѣть съ нею больше никакого дѣла. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, его уже не существовало, онъ умеръ. Да и то бѣлое существо, которое послужило причиной разрыва, тоже умерло.

А смуглолицая Соня (такъ, кажется, ее звали), уже совсѣмъ взрослая дѣвушка, избѣгала показываться на глаза своей матери, которая встрѣчала ее суровымъ укоромъ. Она и вообще почти не показывалась, и если ужъ ей необходимо было выйти со двора, она дѣлала это торопливо, чтобы какъ можно меньше глазъ видѣли ее.

Выходила же она по вечерамъ и возвращалась домой не всегда одна...

Это странное сплетеніе обстоятельствъ почему-то сильно овладѣло вниманіемъ А. П. Впрочемъ, это было понятно.

„Въ жизни все просто",—обыкновенно говорилъ онъ, бракуя въ литературѣ все нарочитое, искусно скомпанованное, эффектное, разсчитанное на то, чтобы удивить читателя. А тутъ вдругъ передъ нимъ жизнь, дающая готовый сюжетъ для забористаго бульварнаго романа.

Простая русская дѣвушка, негръ, бѣлый ребенокъ, таинственная мулатка, выходящая на ночной промыселъ...

Иногда за обѣдомъ, когда подавали русское блюдо, онъ сопоставлялъ, по обыкновенію, отрывисто и безъ всякихъ объясненій: „русскій борщъ и мулатка"...

И всегда, когда по двору проходила смуглолицая Соня, онъ всматривался въ нее и слѣдилъ за нею глазами.

Монте-Карло производило на него удручающее впечатлѣніе, но было бы неправдой сказать, что онъ остался недоступенъ его отравѣ.

Можетъ-быть, отчасти я заразилъ его своей увѣренностью (тогда была у меня такая), что есть въ игрѣ этой какой-то простой секретъ, который надо только разгадать—и тогда... Ну, тогда, конечно, выступала главная мечта писателя: работать свободно и никогда не думать о гонорарѣ, о заработкѣ, не связывать литературную работу съ вопросомъ о средствахъ къ жизни. Чеховъ мечталъ объ этомъ не меньше, чѣмъ я и всякій другой.

И вотъ онъ—трезвый, разсудительный, осторожный—поддался искушенію. Мы накупили цѣлую гору бюллетеней, даже маленькую рулетку, и по цѣлымъ часамъ сидѣли съ карандашами въ рукахъ надъ бумагой, которую исписывали цифрами. Мы разрабатывали систему, мы искали секретъ.

Однажды мы его нашли и поѣхали въ Монте-Карло съ точно опредѣленнымъ планомъ. Игра была маленькая, осторожная, и тѣмъ не менѣе, окончивъ ее, мы не досчитались пары сотенъ франковъ.

Опять бюллетени, снова карандаши и цифры. Подходили къ дѣлу съ другой стороны, вновь ѣхали въ Монте-Карло и пробовали. Одно время казалось, что мы нащупали вѣрный путь. Выиграли разъ, другой. Но на третій—неблагопріятное стеченіе обстоятельствъ—и все полетѣло вверхъ дномъ.

Въ то время я, конечно, не занимался наблюденіями надъ нимъ. Я самъ гораздо больше, чѣмъ онъ, могъ бы быть объектомъ наблюденія; но когда припоминалъ все это, то какъ будто не узнавалъ обычно спокойнаго, сдержаннаго, разсудительнаго, уравновѣшеннаго Антона Павловича.

Кто изъ знавшихъ его повѣритъ, что въ немъ жилъ азартъ? А между тѣмъ онъ углублялся въ цифры, старался проникнуть въ сущность этихъ странныхъ комбинацій, разгадать ихъ тайну. Мы спорили, каждый предлагалъ свою систему и защищалъ ее. У него являлись остроумныя мысли въ этой области, и главное—что волненіе его было чисто спортивное, такъ какъ онъ проигрывалъ, въ сущности, пустяки.

Но однакоже въ этомъ не было ничего трезваго. Повѣрить

Библиотека "Руниверс"

Въ Мелиховѣ. Работы въ саду у „дуба Мамврійскаго". На первомъ планѣ стоитъ А. П. Чеховъ.

даже на минуту, что въ случайныхъ комбинаціяхъ номеровъ, цвѣтовъ и всякихъ другихъ шансовъ могутъ быть отысканы какіе-то законы—для этого, конечно, нужна была извѣстная доля безумія которое владѣетъ игроками, дѣлаетъ ихъ слѣпыми и приводитъ къ гибели.

И вотъ онъ, какъ казалось, поставившій своей задачей трезвость, разумное отношеніе къ жизни, человѣкъ несомнѣнно сильной воли, въ теченіе десяти дней вѣрилъ въ это, то-есть допускалъ для себя капельку безумія.

Я пишу эти строки, и вотъ уже у меня является страхъ, что на нѣкоторыхъ почитателей личности А. П. онѣ произведутъ неблагопріятное впечатлѣніе. Въ моей памяти встаютъ нѣкоторыя, прочитанныя мною раньше, воспоминанія о Чеховѣ, продиктованныя несомнѣнно самыми лучшими намѣреніями и прекрасными чувствами. И тѣмъ, кто смотритъ сквозь призму этихъ воспоминаній, А. П. долженъ рисоваться существомъ, какъ бы лишеннымъ плоти и крови, стоящимъ внѣ жизни,—праведникомъ, отрѣшившимся отъ всѣхъ слабостей человѣческихъ, безъ страстей, безъ заблужденій, безъ ошибокъ.

Но если бы это было такъ, онъ не могъ бы быть художникомъ, да еще такимъ проникновеннымъ, какимъ былъ.

Нѣтъ, Чеховъ не былъ ни ангеломъ ни праведникомъ, а былъ человѣкомъ въ полномъ значеніи этого слова. И тѣ уравновѣшенность и трезвость, которыми онъ всѣхъ изумлялъ, явились результатомъ мучительной внутренней борьбы, трудно доставшимися ему трофеями. Художникъ помогалъ ему въ этой борьбѣ, онъ требовалъ для себя все его время и всѣ силы, а жизнь ничего не хотѣла уступить безъ бою. И она права: чтобы быть великимъ знатокомъ жизни, нужно испытать ея ласки и удары на самомъ себѣ. Развѣ Гёте и Пушкинъ были праведники, развѣ они не были „въ забавахъ суетнаго свѣта малодушно погружены"?

И въ жизни Чехова было все, все было пережито имъ—и большое и ничтожное. И если полнотѣ переживаній часто мѣшали его осторожность и какъ бы боязнь взять на себя всю отвѣтственность, то причиной этого былъ талантъ, который требовалъ отъ него большой службы и ревновалъ его къ жизни.

Но Чеховъ-человѣкъ страдалъ отъ этого. Испытывая постоянно потребность въ нѣжности, онъ до самыхъ послѣднихъ лѣтъ былъ лишенъ личной жизни. Онъ думалъ, что она отниметъ у него, какъ у художника, слишкомъ много вниманія и силъ. И когда наконецъ онъ позволилъ себѣ эту роскошь, вотъ какими словами онъ опредѣлилъ свое состояніе:

„Ты спрашиваешь, правда ли, что я женился? Это правда, но въ наши годы это уже ничего не мѣняетъ".

Это, конечно, было преувеличено. Мы знаемъ, что женитьба не была для него такимъ безразличнымъ фактомъ. Но, можетъ-быть, въ этой грустной оговоркѣ сказалось сознаніе, что большое личное благо онъ допустилъ къ себѣ слишкомъ поздно.

Я возвращаюсь къ Ниццѣ. Дней десять длилось его увлеченіе рулеткой. Онъ перестадъ принимать во вниманіе мои мнѣнія и самъ разрабатывалъ какіе-то способы. Иногда онъ на мой зовъ поѣхать въ Монте-Карло отвѣчалъ отказомъ. Я ѣхалъ одинъ, но, смотришь, черезъ часъ онъ появлялся, нѣсколько какъ будто сконфуженный, становился у одного изъ столовъ и долго присматривался, наблюдалъ, видимо, провѣряя свою мысль, а потомъ садился и, осторожно вынимая изъ кармана золотые, ставилъ ихъ какъ-то по-новому.

Кажется, что въ результатѣ всѣхъ этихъ попытокъ былъ у него небольшой выигрышъ. Это и есть тотъ опасный моментъ, когда игрокъ слѣпнетъ и съ головой зарывается въ игру. А у него вышло иначе. Однажды онъ опредѣленно и твердо заявилъ, что съ рулеткой покончено: и дѣйствительно, послѣ этого ни разу больше не поѣхалъ туда. Взяли силу его обычныя качества — благоразуміе, осторожность, уравновѣшенность, а главное—ему стало стыдно увлекаться и отдавать силы такимъ пустякамъ.

Воля Чеховская была большая сила, онъ берегъ ее и рѣдко прибѣгалъ къ ея содѣйствію, и иногда ему доставляло удовольствіе обходиться безъ нея, переживать колебанія, быть даже слабымъ. У слабости есть своего рода прелесть, это хорошо знаютъ женщины.

Но когда онъ находилъ, что необходимо призвать волю—она являлась и никогда не обманывала его. Рѣшить у него значило — сдѣлать.

Я, напримѣръ, нисколько не меньше, чѣмъ онъ, сознавалъ всю тщету этихъ системъ, всякихъ ухищреній и выдумокъ, однакоже не могъ отстать и продолжалъ ѣздить въ Монте-Карло, все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ усердіемъ и игралъ и... проигрался. Встрѣтилъ одного солиднаго петербургскаго издателя, взялъ у него авансъ и тоже проигралъ его, и въ концѣ концовъ не безъ затрудненій, и то лишь при помощи Антона Павловича, выбрался изъ Ниццы и доставился въ Петербургъ.

Его я оставилъ въ „русскомъ пансіонѣ", но скоро получилъ отъ него письмо изъ Парижа, откуда онъ поѣхалъ въ Москву.

Въ Ниццѣ же завершился и эпизодъ съ милліонеромъ, разсказъ о которомъ я отложилъ на-послѣ. Я не знаю, при какихъ условіяхъ произошло и чѣмъ было вызвано, что Антонъ Павловичъ послѣ долгихъ настойчивыхъ предложеній со стороны милліонера, страстнаго поклонника его таланта, рѣшился взять у него взаймы какую-то сумму (нѣсколько сотенъ). Можетъ-быть, это было передъ отъѣздомъ за границу.

У него вѣдь всегда бывали недоразумѣнія съ конторой по издательству его книгъ. Тамъ очень медленно производили расчетъ и нерѣдко предъявляли ему ошибочные счета, для выясненія которыхъ ему самому приходилось пріѣзжать въ Петербургъ. Объ одной чудовищной ошибкѣ, когда, по предъявленному счету, онъ оказался долженъ конторѣ семь тысячъ рублей, а по провѣркѣ вышло, что контора должна ему что-то,—онъ разсказываетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Но это — крупное недоразумѣніе, и потому онъ его отмѣчаетъ. А болѣе мелкія случались постоянно, и онъ часто жаловался на нихъ.

Очень можетъ быть, что и въ этомъ случаѣ контора опоздала съ правильнымъ счетомъ, а онъ не хотѣлъ терять лучшее время, чтобы поѣхать въ Ниццу, и рѣшился воспользоваться предложеніемъ милліонера.

И вотъ однажды въ Ниццѣ онъ получилъ письмо, въ которомъ милліонеръ извѣщалъ его о предстоящемъ своемъ пріѣздѣ. Я въ это время былъ у него въ комнатѣ. Онъ прочиталъ письмо, положилъ его на столъ и чуть-чуть усмѣхнулся.

— Никогда не бери взаймы у милліонеровъ,—сказалъ онъ.

— А что?—спросилъ я.

— Да вотъ—неосторожность: я взялъ у этого. За недѣлю до отъѣзда изъ Москвы. Въ теченіе недѣли мы встрѣтились два раза: въ первый разъ онъ заѣхалъ ко мнѣ въ номеръ на другой день послѣ займа, сидѣлъ часъ и все время говорилъ о томъ, какое это большое удовольствіе выручить и поддержать талантливаго человѣка. Мнѣ было стыдно, и я хотѣлъ тутъ же вернуть ему взятыя вчера деньги, но побоялся обидѣть. Второй разъ у Мюра и Мюрилиза. Я пошутилъ: „вотъ размѣнялъ вашу сторублевку". Онъ взялъ меня подъ руку и отвелъ въ сторону: — „Дорогой мой, я такъ радъ... И вы, пожалуйста, не безпокойтесь объ отдачѣ. Когда-нибудь, когда сами будете милліонеромъ..."—и разсмѣялся. Тутъ ужъ я непремѣнно вернулъ бы ему деньги, но ихъ не было со мной, да и начаты онѣ были. А вотъ отъ него извѣщеніе о предстоящемъ прибытіи въ Ниццу, адресъ гостиницы, гдѣ остановится, и приписка о томъ, что онъ намѣренъ дружески провести со мною денька два, и если я наслаждаюсь солнцемъ и чувствую себя хорошо, то онъ счастливъ отъ сознанія, что и онъ своимъ скромнымъ участіемъ капельку содѣйствовалъ этому... Понимаешь? Такъ это же хуже всякихъ процентовъ. И, кромѣ того, онъ убѣжденъ, что я непремѣнно побѣгу въ гостиницу привѣтствовать его съ благополучнымъ прибытіемъ. Для того и адресъ указываетъ. А я не пойду.

Онъ замолчалъ и ходилъ по комнатѣ, очевидно, раздосадованный. Потомъ сѣлъ къ столу, взялъ бумагу и аккуратно оторвалъ треть полулиста.

— Вотъ, помогай-ка...

Библиотека "Руниверс"

И я помогалъ, сколько могъ. Въ французскомъ языкѣ мы были оба порядочно слабы. Но кой-какъ составили телеграмму въ контору издательства, гдѣ ему были должны, или онъ могъ взять авансомъ—этого не помню. Чеховъ просилъ немедленно перевести ему деньги телеграфомъ, и какъ разъ ту сумму, которую онъ былъ долженъ милліонеру.

Я зналъ, что у него было разсчитано до самой Москвы, и человѣкъ онъ былъ аккуратный, и спросилъ:—Зачѣмъ?

— Да вотъ, какъ пріѣдетъ и попросить меня объ отдачѣ не безпокоиться, такъ я и отдамъ. Готовъ держать пари, что такъ и будетъ.

Деньги онъ получилъ черезъ два дня. Скоро пріѣхалъ милліонеръ, но явился къ нему только черезъ нѣсколько дней послѣ своего пріѣзда. Можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ ждалъ, что Антонъ Павловичъ поспѣшитъ „привѣтствовать его съ благополучнымъ прибытіемъ“.

Я при этомъ свиданіи не присутствовалъ, а пришелъ вскорѣ послѣ его ухода. Чеховъ встрѣтилъ меня веселымъ смѣхомъ:

— Напрасно ты не держалъ пари, я выигралъ бы. Онъ-таки сказалъ это: „Вы, пожалуйста, говоритъ, дорогой мой Антонъ Павловичъ, не подумайте, что я своимъ приходомъ хочу напомнить вамъ“,—и прочее. Но какъ это хорошо, что мнѣ прислали. Вотъ сейчасъ мы это и устроимъ.

Онъ написалъ письмо, въ которомъ въ самыхъ корректныхъ выраженіяхъ благодарилъ своего заимодавца за оказанную услугу и просилъ принять уплату долга. А чтобы не обидѣть его, онъ прибавлялъ, что торопится быть аккуратнымъ плательщикомъ единственно для того, чтобы имѣть право въ будущемъ, въ случаѣ надобности, снова воспользоваться его любезностью.

Письмо и деньги были положены въ конвертъ, надписанъ адресъ, приглашенъ комиссіонеръ, которому и было поручено все это отнести по адресу.

— Онъ вѣдь въ экипажѣ, значитъ—уже дома, такъ это не будетъ слишкомъ скоро.

Такъ кончилась эта исторія. А милліонеръ, должно-быть, понялъ, потому что больше не заглянулъ къ нему.

И вотъ теперь, когда я вспоминаю объ этомъ, въ сущности, забавномъ, эпизодѣ, мнѣ начинаетъ казаться, что, можетъ-быть, я былъ и не совсѣмъ правъ нѣсколько страницъ назадъ, когда упрекнулъ богатыхъ поклонниковъ Антона Павловича въ недостаточномъ радѣніи о его здоровьѣ.

Я долженъ допустить, что могли быть сдѣланы попытки устроить для него такое положеніе, при которомъ онъ не долженъ былъ бы постоянно думать о заработкѣ, могъ свободно ѣхать, куда ему угодно, и жить, гдѣ нравится и полезно.

Но онъ, вообще державшійся взгляда, что надо разсчитывать только на свои собственныя силы, имѣлъ возможность въ эпизодѣ съ милліонеромъ найти только подкрѣпленіе этого взгляда.

Щепетильность же его въ денежныхъ дѣлахъ была исключительная. Я, конечно, не имѣю въ виду людей близкихъ и тѣхъ, кого онъ признавалъ своими товарищами. Но тамъ рѣчь могла итти о самыхъ незначительныхъ суммахъ, которыя никого не могли обременить. Тутъ и у него брали, и онъ не стѣснялся.

Но въ отношеніи къ издателямъ онъ всегда старался не быть должникомъ и прибѣгалъ къ просьбѣ объ авансѣ въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, и то можно сказать, что инициатива въ такихъ случаяхъ принадлежала ему развѣ въ первые годы его литературной дѣятельности, когда цѣнителями его таланта являлись редакторы „Осколковъ“, „Будильника“ и другихъ аналогичныхъ изданій.

Тогда ему приходилось на четырехъ страницахъ искусно подходить къ вопросу, чтобы въ концѣ концовъ попросить авансомъ пятьдесятъ рублей для переѣзда на дачу, со всевозможными гарантіями отработать въ такой-то срокъ и такими-то очерками.

Но позже, когда имя его стало цѣнностью, авансы предлагались ему со всѣхъ сторонъ, а онъ, всегда нуждаясь, тѣмъ не менѣе легонько, но все же очень твердо отстранялъ ихъ.

На авансъ онъ смотрѣлъ, какъ на петлю, которую писатель самъ набрасываетъ себѣ на шею. Случалось, что, взявъ авансъ и убѣдившись, что обѣщанной работы дать къ условленному сроку не въ состояніи, онъ дѣлалъ огромное усиліе, чтобы достать денегъ и поскорѣе снять съ своей шеи петлю и вернуть авансъ, чѣмъ, конечно, больше всѣхъ и несказанно удивлялъ издателя, который не былъ пріученъ къ такого рода щепетильности.

Чеховъ нуждался... Какъ это странно звучитъ теперь! Но въ тѣ годы въ этомъ не находили ничего страннаго. Напротивъ, считалось въ порядкѣ вещей, чтобы писатель нуждался, и чуть ли не прямо пропорціонально его таланту.

Вѣдь не задолго передъ тѣмъ нуждался и умеръ въ нуждѣ Достоевскій. А послѣ него нуждались Гаршинъ и Надсонъ. У всѣхъ это вызывало сочувствіе, но никто не удивлялся. Такъ полагалось. Книга, какъ бы ни была она талантлива, была тогда достояніемъ немногихъ.

Чеховъ умеръ наканунѣ радикальной перемѣны въ судьбѣ книги. Черезъ годъ послѣ его смерти начался небывалый въ Россіи праздникъ книги: вдругъ Богъ знаетъ откуда пришли тысячи новыхъ покупщиковъ, и—это странно даже звучитъ—у писателей, хоть и немногихъ, явились если не состоянія, то возможность обезпеченной жизни и свободы располагать своимъ временемъ.

А Чеховъ до этого праздника не дожилъ. Литературное право находило еще нѣкоторый сбытъ въ розницу, можно было продать изданіе той или другой книги, тысячу-другую экземпляровъ, но чтобы оно представляло опредѣленную и постоянную цѣнность, это едва ли кому-нибудь приходило въ голову.

Поэтому, когда узнали, что нашелся издатель, оцѣнившій сочиненія Чехова въ опредѣленную солидную сумму и предложившій ему эту сумму, стонъ удивленія пронесся по всему литературному стану.

Чехова цѣнили высоко. Но не въ оцѣнкѣ было дѣло, а въ томъ, что на литературу явился дѣловой спросъ. Какъ ни велики были обороты нѣкоторыхъ издателей съ книгами, но для писателя заработокъ отъ изданія его книги являлся только небольшимъ подспорьемъ, основнымъ же заработкомъ было то, что ему платили въ журналахъ и газетахъ.

Что платили и какъ обращались съ пріобрѣтеннымъ правомъ на изданіе рыночные издатели, объ этомъ лучше ужъ и не вспоминать. Заплативъ писателю какія-нибудь двѣ-три сотни за двадцать печатныхъ листовъ, они печатали, сколько хотѣли, экземпляровъ, потому что писатель проконтролировать ихъ не могъ или не умѣлъ или наконецъ просто не былъ способенъ возиться съ этимъ.

Издатели дѣтскихъ журналовъ, а въ то же время и книгъ, платили автору отъ 50 до 75 рублей за право не только печатанія въ журналѣ, но и отдѣльнаго изданія, при чемъ единственнымъ объясненіемъ такой малой платы былъ, кажется, малый возрастъ читателей. Другого объясненія не было, такъ какъ дѣтскія книги шли лучше всякихъ другихъ, а издатели переводили свои конторы и редакціи въ собственные дома.

Между прочимъ, въ Москвѣ ходилъ разсказъ, похожій на анекдотъ (но онъ не былъ анекдотомъ), о томъ, какъ одинъ очень популярный и весьма передовой издатель дѣтскаго журнала и книгъ расплатился съ А. П. Чеховымъ.

Онъ долго обхаживалъ писателя, упрашивая его дать что-нибудь въ журналъ. Отношенія были пріятельскія, встрѣчались у знакомыхъ, на литературныхъ обѣдахъ, собирались и у него. Между прочимъ, расположеніе издателя къ Чехову выразилось въ томъ, что онъ какъ-то послалъ ему въ презентъ нѣсколько бутылокъ вина изъ собственныхъ виноградниковъ, которые у него были гдѣ-то на югѣ. Вино было прескверное, но А. П., конечно, похваливалъ его.

И вотъ наконецъ Чеховъ, тѣснимый любезностью издателя, далъ ему какую-то вещь для журнала. И послѣ этого они встрѣтились у кого-то изъ знакомыхъ, гдѣ было много народу, а можетъ быть—и у самого издателя.

Первый и пока единственный памятникъ А. П. Чехову — на мѣстѣ его кончины, въ нѣмецкомъ курортѣ Баденвейлерѣ, близъ Баденъ-Бадена, сооруженный въ 1908 г. почитателями покойнаго писателя.

Библиотека "Руниверс"

Когда А. П. ночью собрался уходить и надѣлъ пальто, издатель подошелъ къ нему и съ смущеннымъ видомъ весьма поспѣшно ткнулъ въ карманъ его пальто какой-то свертокъ и пробормоталъ что-то насчетъ своего долга. Чеховъ, вниманіе котораго въ этотъ моментъ было занято разговоромъ съ кѣмъ-то другимъ, почти не замѣтилъ этого движенія, простился и вышелъ на улицу.

Тутъ онъ зачѣмъ-то полѣзъ въ карманъ и нащупалъ свертокъ. Вынулъ—пакетецъ. Развернулъ нѣсколько кредитокъ, что-то рублей 12, и счетъ:—слѣдуетъ за разсказъ столько-то. Послано вина такое-то количество бутылокъ, на такую-то сумму. Остальные 12 руб. при семъ прилагаются.

Это было съ Чеховымъ въ ту пору, когда имя его гремѣло на всю Россію. А вотъ издатель совсѣмъ иного типа: идейный, положившій всю свою жизнь на хорошую книгу, отдавшій ей всѣ свои силы и дѣйствительно далекій отъ преслѣдованія цѣлей наживы. Да она и не была нужна ему, такъ какъ онъ изъ-за книги совсѣмъ не пользовался жизнью.

И вотъ этотъ издатель платилъ авторамъ, имена которыхъ въ то время были популярны, за книгу въ 15 печатныхъ листовъ въ 5.000 экземпляровъ—500 рублей. И это считалось наилучшими условіями, на какія можетъ разсчитывать писатель.

Не нужно быть знатокомъ, чтобы разсчесть, какая незначительная доля выпадала писателю, и какой процентъ на затраченный капиталъ получалъ несомнѣнно идейный и благорасположенный къ литературѣ издатель.

Послѣ его смерти остались солидныя средства, заботливо распредѣленныя имъ на просвѣтительныя цѣли. Слава Богу, конечно, и потомство будетъ ему благодарно, но справедливость требуетъ признать, что въ составленіи этого капитала въ значительной мѣрѣ участвовали изданные имъ писатели, работа которыхъ была имъ оплачена по произвольной оцѣнкѣ.

Какъ оцѣнивалась работа Чехова при изданіи его книгъ, и на какихъ условіяхъ онѣ выпускались до перехода правъ на изданіе ихъ къ купившей ихъ фирмѣ, я не знаю. Но несомнѣнно, что до этого времени онъ всегда нуждался въ заработкѣ, который доставался ему не легко. Въ письмѣ къ А. С. Суворину отъ 1895 года онъ пишетъ:

„Не работать мнѣ нельзя. Денегъ у меня такъ мало, я работаю такъ медленно, что, прогуляй я двѣ-три недѣли, мое финансовое равновѣсіе пойдетъ къ чорту, и я залѣзу въ долги. Я зарабатываю чортъ знаетъ какъ мало“.

Это было въ 1895 году, т.-е. когда имя Чехова уже сіяло. И тотъ же крикъ повторяется у него изъ года въ годъ. „Я до такой степени измочалился постоянными мыслями объ обязательной, неизбѣжной работѣ, — пишетъ онъ другому корреспонденту: — что вотъ уже недѣля, какъ меня безостановочно мучатъ перебои сердца. Отвратительное ощущеніе“.

И это не выдумка и не преувеличеніе. Душѣ его тѣсно было въ предѣлахъ Москвы, Петербурга и Мелихова, ему хотѣлось видѣть какъ можно больше, весь свѣтъ. Онъ постоянно мечталъ о поѣздкѣ въ какую-нибудь дальнюю страну, и единственная, какая ему удалась, это была поѣздка на Сахалинъ, — самая ненужная изъ всѣхъ, какія можно было выдумать, и, къ тому же, вредно отразившаяся на его хрупкомъ здоровьѣ.

Результатомъ этого удивительнаго путешествія была книга, которая несомнѣнно стояла ниже всего остального, написаннаго имъ, и едва ли вплела лавры въ его вѣнокъ, въ матеріальномъ же отношеніи тоже едва ли прибавила что-нибудь къ его благополучію.

А впечатлѣнія? Гдѣ въ произведеніяхъ его, написанныхъ послѣ поѣздки на Сахалинъ, встрѣчаются отголоски тѣхъ впечатлѣній? Кой-гдѣ намеки, не имѣющіе существеннаго значенія. И не видно было, чтобы онъ любилъ вспоминать объ этомъ путешествіи. По крайней мѣрѣ я, проведшій съ нимъ не мало дней, ни разу не слышалъ отъ него ни одного разсказа изъ того міра. Все, что онъ получилъ тамъ, онъ какъ будто сдалъ въ свою книгу и забылъ.

Такъ чиновникъ, вернувшись изъ непріятной подневольной командировки, доставившей ему много хлопотъ и лишеній, даетъ о ней отчетъ начальству и торопится поскорѣе забыть о ней.

Мечталъ же онъ совсѣмъ о другомъ — о теплыхъ краяхъ, о жизни пестрой, оригинальной, не похожей на нашу.

„Денегъ, денегъ,—пишетъ онъ своей пріятельницѣ въ 1893 г. — Будь деньги, я уѣхалъ бы въ Южную Африку, о которой читаю теперь очень интересныя статьи. Надо имѣть цѣль въ жизни, а когда путешествуешь, то имѣешь цѣль“.

А позже ему хочется „изъ Москвы уѣхать на Мадейру. Это отъ грудей (т.-е. отъ грудной болѣзни) хорошо“; — и даже попутчикъ у него есть.

И такъ всю жизнь — то на Мадейру, то въ Африку, то въ Австралію, то въ Америку, то шутя, то очень серьезно. Но „денегъ, денегъ“, ихъ-то всегда у него и не хватало, и приходилось довольствоваться домашними поѣздками — въ Таганрогъ, въ Ялту, въ Нижній и т. п.

Одну изъ такихъ мы совершили съ нимъ вмѣстѣ, и на пути случился эпизодъ, пустячный и комичный, но показавшій мнѣ, до какой степени рѣшителенъ и непреклоненъ становился Чеховъ, когда его что-нибудь коробило.

Эпизодъ этотъ имъ разсказанъ Суворину въ письмѣ отъ 15 августа 1894 года.

Захотѣлъ А. П. показать свою родину, вѣрнѣе — его самого потянуло туда. Мы и рѣшили проѣхать по Волгѣ, начавъ съ Ярославля, спустившись до Царицына, а оттуда въ Калачъ и по желѣзной дорогѣ въ Таганрогъ. До Нижняго мы доѣхали благополучно. Намъ оставалось только пересѣсть на другой пароходъ, чтобы плыть дальше.

Бывшая въ это время въ разгарѣ ярмарка насъ почему-то не заинтересовала. Мы даже какъ-то и не подумали о ней.

И вдругъ встрѣча. Этотъ „N., другъ Льва Толстого“, какъ его именуетъ Чеховъ, былъ ему очень хорошо извѣстенъ, больше даже, чѣмъ мнѣ. И вотъ черта: А. П. не выносилъ его за хвастовство, ломанье, болтовню, за отсутствіе у него собственнаго духовнаго нутра и вслѣдствіе этого вѣчное пристегиваніе себя къ кому-нибудь болѣе сильному, чѣмъ онъ, — на такомъ опредѣленномъ счету онъ у него былъ всегда, но никогда при встрѣчѣ А. П. не показалъ ему и тѣни своего настоящаго мнѣнія о немъ. Нѣтъ, онъ былъ любезенъ, шутливъ, радушенъ, проявлялъ по отношенію къ нему лучшее, что можно проявить къ человѣку. И таковъ А. П. былъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ.

Если ему невмоготу, онъ уйдетъ, спрячется или даже, какъ было въ настоящемъ случаѣ, „позорно бѣжитъ“, но, пока онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, каковъ бы ни былъ тотъ человѣкъ, онъ какъ бы считалъ долгомъ въ лицѣ его уважать человѣческое достоинство.

Оттого изъ его отношеній къ людямъ, дѣловыхъ и интимныхъ, была исключена всякая вздорность. Ея не было вовсе. Въ средѣ писателей и художниковъ такъ развита болѣзненная впечатлительность, соединенная съ самолюбіемъ, очень часто самомнѣніемъ, всякій въ глубинѣ души считаетъ себя великимъ, и такъ легко возникаютъ недоразумѣнія и столкновенія. Большею частью это происходитъ именно отъ вздорности: неосновательныхъ претензій, нежеланія и неумѣнья спокойно выслушать, непониманія другъ друга, предубѣжденія, подозрительности, а иногда отъ нравственной невоспитанности.

Чеховъ, слава Богу, былъ избавленъ отъ этихъ качествъ, и я, право, не знаю, были ли у него съ кѣмъ-нибудь недоразумѣнія, которыя длились бы больше получаса, когда они спокойно и разумно объяснялись.

Я, конечно, не помню, что именно говорилъ N. такого, отъ чего А. П. „стало душно, нудно и тошно“, думаю даже, что ничего особеннаго и не было, но Чеховъ на эту встрѣчу не разсчитывалъ и представилъ себѣ, какъ его общество и та необыкновенно серьезная околесина, какую онъ обыкновенно несъ, отравятъ нѣсколько часовъ, а можетъ-быть—и дней. И это заставило его мгновенно измѣнить весь планъ.

Онъ выразительно взглянулъ на меня, бросилъ N. что-то первое попавшееся, а мнѣ шепнулъ: „на вокзалъ“,—и совершилось бѣгство.

Конечно, N. тоже прикатилъ на вокзалъ и принималъ всѣ мѣры, чтобы доканать его. Но ему надо было оставаться въ Нижнемъ, и это насъ спасло. Мы уѣхали въ Москву.

Тутъ досада перешла въ дурачливое настроеніе. Пришла фантазія ни съ кѣмъ не видаться, не заѣзжать даже въ Мелихово, хотя это было по дорогѣ, и сейчасъ же двигаться на югъ къ хорошимъ знакомымъ его, Линтваревымъ, усадьба которыхъ находилась на рѣкѣ Псёлъ.

Въ тотъ же день и поѣхали, успѣвъ въ Москвѣ только пообѣдать.

На Псёлѣ оказались радушные хозяева, и мы провели тамъ очаровательную недѣлю, и я былъ благодаренъ N за то, что онъ помѣшалъ намъ осуществить первоначальный планъ. Богъ знаетъ, что еще ожидало насъ въ Таганрогѣ, а о недѣлѣ, проведенной съ Чеховымъ у Линтваревыхъ, я и теперь вспоминаю съ благодарностью.

Петербургъ былъ для Антона Павловича чѣмъ-то желаннымъ и въ то же время запретнымъ.

Коренное различіе двухъ столицъ Россійской имперіи во всемъ чуть ли не вошло въ поговорку. Несходство дѣйствительно бросается въ глаза какъ при въѣздѣ въ Москву, когда вы окидываете ея улицы и площади бѣглымъ взглядомъ, такъ и при углубленіи въ ея нравы и обычаи. Для петербуржца все здѣсь иное, какъ будто онъ попадаетъ въ иной міръ.

Антонъ Павловичъ, не будучи москвичомъ по рожденію и проведя дѣтство и гимназическіе годы въ Таганрогѣ, среди смѣшаннаго населенія огорожаненныхъ хохловъ и обрусѣлыхъ грековъ и другихъ южныхъ національностей, въ Москвѣ за время студенчества и нѣсколькихъ лѣтъ самостоятельной жизни, конечно, не могъ сдѣлаться москвичомъ и никогда не былъ имъ по существу.

Душа его была соткана изъ какого-то отборнаго матеріала, стойкаго и не поддающагося разложенію отъ вліянія среды. Она умѣла вбирать въ себя все, что было въ ней характернаго, и изъ этого создавать свой міръ — чеховскій.

И никогда не былъ онъ ни таганрогцемъ, ни москвичомъ, ни петербуржцемъ, ни ялтинцемъ, а былъ Чеховымъ—той удивительно своеобразной личностью, которая такъ красочно рисуется въ его замѣчательныхъ письмахъ.

Но все же и на немъ лежалъ „московскій отпечатокъ“; по необходимости, онъ свой внѣшній обиходъ жизни долженъ былъ приспособить къ Москвѣ, вести знакомства и дѣла съ московскими людьми и, живя съ москвичами, „по-московски выть“.

Библиотека "Руниверс"

Десять лѣтъ, какъ умеръ Чеховъ...

Его нерукотворный памятникъ—его сочиненія влекутъ къ себѣ читателей все болѣе, съ каждымъ годомъ расширяя ихъ кругъ.

Давъ уже дважды—въ 1903 и 1911 годахъ—возможность нашимъ подписчикамъ пріобрѣсти при „Нивѣ" сочиненія Чехова, мы **въ настоящемъ году,** въ ознаменованіе десятилѣтней годовщины его смерти, **рѣшили удовлетворить желаніе многихъ нашихъ нынѣшнихъ подписчиковъ,** не имѣющихъ въ своей библіотекѣ сочиненій Чехова,—**пріобрѣсти ихъ на льготныхъ условіяхъ**—за пониженную цѣну: въ теченіе всего 1914 года всѣмъ подписчикамъ сего года предоставляемъ право пріобрѣсти по 1 экземпляру первые **16 томовъ „Полнаго Собранія Сочиненій Чехова"** (данныхъ подписчикамъ „Нивы" за 1903 г.) **за 4 рубля** безъ пересылки (пересылка въ Европ. Россіи и Закавказ.—50 коп.) и **12 книгъ** (дополнит. „къ Полному Собранію Сочиненій Чехова", данныхъ подписчикамъ „Нивы" за 1911 г.: томы 17—22) **за 2 рубля** безъ пересылки (пересылка—50 коп.; при совмѣстной высылкѣ всѣхъ 22 томовъ—пересылка въ Европ. Россіи и Закавказ. 65 коп.).

Желающіе получить сочиненія въ 9 коленкоровыхъ переплетахъ доплачиваютъ 3 р. 60 к.

Для того, чтобы судить, насколько исключительны эти цѣны, укажемъ, что существующее отдѣльное изданіе **„Полное Собраніе Сочиненій Чехова"** стоитъ **24 рубля** безъ пересылки (16 томовъ по 1 р. 50 к. за томъ безъ переп.).

Эта льгота предоставляется исключительно подписчикамъ „Нивы" сего 1914 года, выписавшимъ сочиненія Чехова не позже 31 декабря с. г.

Въ виду необходимости опредѣлить заблаговременно, въ какомъ количествѣ экземпляровъ слѣдуетъ печатать сочиненія Чехова, гг. подписчики, желающіе **обезпечить себѣ полученіе сочиненій,** благоволятъ заявить объ этомъ **немедленно.**

Москва была для него буднями. Здѣсь онъ долженъ былъ сидѣть за работой, вѣчно думать о заработкѣ и сведеніи концовъ съ концами.

Но если Москва такъ отличалась отъ Петербурга въ смыслѣ внѣшняго вида и нравовъ, то для писателя, особенно для беллетриста, было еще другое, болѣе глубокое, различіе. Литература тогда была почти вся сосредоточена въ Петербургѣ.

Изъ пріемлемыхъ для Чехова журналовъ въ Москвѣ была только одна „Русская Мысль". Изъ стоявшаго во главѣ ея тріумвирата—Гольцевъ, Лавровъ и Ремизовъ—литераторомъ въ полномъ смыслѣ этого слова былъ только одинъ В. А. Гольцевъ.

Былъ еще журналъ Куманина „Артистъ", къ которому Антонъ Павловичъ относился сочувственно,—красивое изданіе съ широкимъ размахомъ. Но это былъ журналъ, почти исключительно посвященный интересамъ театра.

Изъ газетъ Чеховъ могъ тогда принимать въ расчетъ только „Русскія Вѣдомости", въ которыхъ работали главнымъ образомъ московскіе профессорскіе круги, собственно же литераторы, статьи которыхъ отъ времени до времени тамъ появлялись, были петербуржцы. Беллетристика же какъ въ „Русской Мысли", такъ и въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" принадлежала почти вся сплошь петербургскимъ литераторамъ. Постоянно живущихъ въ Москвѣ беллетристовъ почти не было.

Что же касается мелкой прессы и разныхъ юмористическихъ еженедѣльниковъ, то это былъ тотъ міръ, въ которомъ А. П. невольно вращался въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности,—міръ, не оставившій въ немъ пріятныхъ воспоминаній, и тамъ ему теперь, конечно, нечего было дѣлать.

Знакомства въ Москвѣ у него были обширныя, но въ огромномъ большинствѣ обывательскія. Мнѣ сейчасъ даже трудно вспомнить, кто жилъ тогда въ Москвѣ изъ заправскихъ литераторовъ; кромѣ Вл. И. Немировича-Данченко и князя А. И. Сумбатова, которые оба больше клонились къ театру, и тѣхъ, кого я уже упомянулъ, а также журналистовъ, работавшихъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", я никого не припоминаю. П. Д. Боборыкинъ проживалъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ Москвѣ, одно время жилъ Г. А. Мачтетъ.

Всѣ ежемѣсячники, за исключеніемъ „Русской Мысли" и „Русскаго Вѣстника", къ которому А. П. не имѣлъ никакого отношенія, издавались въ Петербургѣ, и тамъ были сосредоточены всѣ главныя литературныя силы.

Понятно, что и литературныя связи А. П., которыя съ каждымъ годомъ расширялись, были главнымъ образомъ въ Петербургѣ. Тамъ, а не въ Москвѣ, былъ впервые замѣченъ и признанъ его талантъ. Тамъ издавались его книги, а журналы наперебой звали его къ себѣ сотрудничать. Да даже и раньше того момента, когда былъ замѣченъ его талантъ, въ Петербургѣ, въ Лейкинскихъ „Осколкахъ" и въ „Петербургской Газетѣ" главнымъ образомъ помѣщались его разсказы, и оттуда шли первые скромные заработки.

Словомъ, если Москва дала ему медицинскія познанія и сдѣлала его врачомъ, то воспреемникомъ его литературной карьеры былъ Петербургъ.

И, сколько мнѣ помнится, въ Петербургъ онъ всегда ѣздилъ съ удовольствіемъ. Въ Москвѣ у него шла постоянная напряженная работа. Даже въ Мелиховѣ, которое онъ любилъ, какъ птица любить ею самой свитое гнѣздо, онъ не былъ избавленъ отъ всегдашней заботы о средствахъ къ жизни. Въ Петербургъ же онъ пріѣзжалъ какъ будто на гастроли.

Здѣсь были люди, у которыхъ онъ могъ считать себя какъ дома. Съ семействомъ А. С. Суворина онъ былъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ, и тамъ для него былъ всегда готовъ „и столъ и домъ".

Правда, онъ не особенно любилъ тамъ останавливаться, но это происходило не отъ недостатка любезности со стороны хозяевъ или недовѣрія съ его стороны, а просто отъ желанія не стѣснять ни другихъ ни себя. Быть кому-нибудь обязаннымъ безъ увѣренности въ томъ, что онъ сможетъ отплатить, было для него

Памятникъ А. П. Чехову на его могилѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ Москвѣ. По фот. А. Савельева.

Библиотека "Руниверс"

настоящимъ пугаломъ. И, если онъ иногда останавливался въ гостиницѣ. то это вызывалось не необходимостью, а его капризомъ.

Въ самомъ же Петербургѣ онъ былъ, что называется, на-расхватъ. Всюду его звали, всѣмъ хотѣлось видѣть его своимъ гостемъ. Литературныхъ пріятелей у него было множество, со всѣми надо было посидѣть, поболтать, распить бутылку вина.

А кромѣ того, наполняли время и литературныя дѣла, такъ какъ кругъ его литературныхъ отношеній расширился.

И петербургскій образъ жизни былъ совсѣмъ иной, болѣе подходящій къ его вкусамъ, чѣмъ московскій, и менѣе для него вредный. Петербуржцы—домосѣды по преимуществу. Московская трактирность имъ не по нутру. И потому тутъ жизнь проходитъ спокойнѣе и здоровѣе.

Онъ всегда говорилъ, что въ Петербургѣ у него голова какъ-то яснѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Это понятно. Когда люди спрашиваютъ другъ у друга: гдѣ мы встрѣтимся вечеромъ? въ Петербургѣ это значитъ: я къ вамъ пріѣду, или вы ко мнѣ? Когда такой же вопросъ задаютъ въ Москвѣ, это значитъ: въ Эрмитажѣ, въ Метрополѣ, въ Прагѣ или у Яра?

И въ этомъ отношеніи Петербургъ былъ благопріятенъ для его здоровья. Здѣсь онъ и спать ложился раньше, и нервы его были спокойнѣе.

И, конечно, онъ давно оставилъ бы Москву и сталъ бы жить въ Петербургѣ, если бы не убійственный для его легкихъ климатъ нашей сѣверной столицы. Эта вѣчная сырость, постоянныя неожиданныя смѣны тепла холодомъ и холода тепломъ, убійственные вѣтры—все это для него было переносимо только въ самой небольшой дозѣ. И онъ, подъ личиной постояннаго бронхита всегда подозрѣвавшій притаившуюся за нимъ свою болѣзнь, сторонился въ этотъ городъ и боялся его.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Чеховъ и наша литература.

Очеркъ **Т. Ганжулевичъ.**

Перепечатка воспрещается.

Историки литературы да и критики, примыкающіе къ нимъ, любятъ раздѣлять литературу на періоды: пушкинскій, гоголевскій... но на этомъ и останавливаются; лишь одинъ смѣлый критикъ прибавилъ: и чеховскій. Самъ Чеховъ по скромности своей не замѣчалъ, что онъ замыкаетъ собою цѣлый литературный періодъ, но чувствовалъ, что новый синтезъ уже пришелъ. „Всѣхъ насъ будутъ звать не Чеховъ, не Тихоновъ, не К., не Щ., не П., не Б., а восьмидесятые годы“,—говорилъ Чеховъ недавно скончавшемуся писателю В. А. Тихонову.

Несомнѣнно, что восьмидесятые годы имѣютъ свою окраску; со всей жизненной и литературной полнотой воплощаетъ ихъ Чеховъ въ своихъ произведеніяхъ, и имя его тѣсно связано съ данной эпохой. Безыменнымъ остался періодъ литературы отъ Гоголя и до Чехова, несмотря на то, что блеснули здѣсь великія имена, которыя стали нашей святыней: Тургеневъ, Гончаровъ, Толстой. Но Л. Толстой былъ слишкомъ великъ для того, чтобы у него были ученики и послѣдователи въ настоящемъ значеніи этого слова, какъ не было ихъ ни у Шекспира ни у Гёте. Тургеневъ и Гончаровъ были слишкомъ индивидуальны, внесли то личное начало въ творчество, которое не могло создать литературной школы. Разрабатываемая единичными силами, выдвинутыми въ 60-е годы торжествомъ личнаго начала, литература съ 70-хъ годовъ вступаетъ опять въ сгущенную атмфосмеру общественности. Жизненный переломъ совершился, и новыя формы жизненнаго уклада вызвали и новое теченіе въ литературѣ.

Усиленныя исканія народныхъ идеаловъ въ 70-е годы смѣнились въ 80-е полосой полной безнадежности: это и являлось завершеніемъ цѣлой эпохи. Матеріала для творчества здѣсь было не много, и реализму въ литературѣ нашей угрожала опасность однотонности и измельчанія: по самому существу своего направленія писатель-реалистъ не могъ оторваться отъ жизни, отъ ея настроеній. Чеховъ не отступилъ отъ реализма и въ то же время миновалъ опасность, введя въ реализмъ новый элементъ, преобразовавшій старую реалистическую школу. Онъ внесъ въ изображеніе жизни тотъ быстрый темпъ, который лишалъ безнадежность ея разслабляющей силы, а художественное произведеніе — однотонности. Въ сущности, здѣсь же крылась и точка жизненнаго равновѣсія, которую Чеховъ почувствовалъ своимъ творческимъ предугадываніемъ, своей художественной интуиціей. Отсюда, изъ проникновеннаго творчества въ самый жизненный нервъ, и создался импрессіонизмъ въ искусствѣ, чеховская литература настроеній.

Тяжелый романъ, большая тягучая повѣсть, заполнявшіе литературу до Чехова, уступили мѣсто короткимъ разсказамъ. Если раньше для того, чтобы запечатлѣть какую-либо картину и лицо, требовалось длительное, подробное описаніе съ повтореніемъ наиболѣе важнаго и характернаго, то новая художественная техника кладетъ вмѣсто этого одинъ лишь штрихъ на лицо и характеръ, но штрихъ, попадающій въ жизненный нервъ,—и передъ нами само собою вырисовывается лицо, живое, безъ дальнѣйшихъ усилій художника: это дополняется уже воображеніемъ читателя, получившаго творческое возбужденіе черезъ передачу настроенія. Единичное творчество такимъ образомъ, благодаря импрессіонизму, все болѣе приближается къ коллективному творчеству. Скучной и утомительной кажется теперь старая описательная манера, лишающая читателя творческой работы.

„Описаніе природы,—пишетъ Чеховъ А. В. Жиркевичу:—должно быть прежде всего картинно, чтобы читатель, прочитавъ и закрывъ глаза, сразу могъ вообразить себѣ изображаемый пейзажъ“. И далѣе: „Описанія природы въ разсказахъ тогда лишь умѣстны и не портятъ дѣла, когда они кстати, когда помогаютъ вамъ сообщить читателю то или другое настроеніе, какъ музыка въ мелодекламаціи“. Читатель призывается такимъ образомъ къ активной работѣ и, разъ почувствовавъ уже всю прелесть мукъ творчества, въ которую вводитъ его писатель-импрессіонистъ, не захочетъ отказаться отъ нихъ. Это же коллективное творчество даетъ возможность и писателю сберегать свои силы, не растрачивая ихъ на тѣ детали, которыя сплошь и рядомъ ярче въ предчувствіи, чѣмъ въ описательной ихъ передачѣ. Экономія творческихъ силъ усиливаетъ интенсивность изобразительности. Вотъ почему маленькіе разсказы Чехова производятъ часто болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ длительныя описанія даже большихъ мастеровъ художественнаго слова.

Литература быта подъ перомъ Чехова получила новыя формы: мелкія подробности исчезли, и вмѣсто нихъ выступили общіе контуры. Маленькія чеховскія произведенія, какъ „Мыслитель“, „Горе“, „Гусевъ“, „Пересолилъ“, „Бабы“ и цѣлый рядъ другихъ, несмотря на свою миніатюрность, представляютъ, какъ въ каплѣ морской, отраженіе всей жизни. Нигдѣ у Чехова, въ самыхъ маленькихъ его разсказахъ, нѣтъ оторванности отъ общей жизни. Чувствуется опредѣленное, устойчивое міросозерцаніе художника, при которомъ каждая малѣйшая частица міра связана съ цѣлымъ, каждое маленькое явленіе стоитъ въ цѣпи причинъ и слѣдствій. Такая устойчивость міросозерцанія—истинный признакъ настоящаго, подлиннаго таланта въ художникѣ: талантъ всегда долженъ охватывать міръ въ его цѣломъ. Только въ такомъ случаѣ онъ не дастъ себя поработить какой-либо частности, а себѣ подчинитъ міръ дѣйствительности, чтобы творить изъ него новыя цѣнности. Законъ творчества одинъ для всего: какъ въ творчествѣ міра нѣтъ такой частицы, которая была бы внѣ связи съ цѣлымъ, такъ въ творчествѣ художника не должно быть такой подробности, такого сюжета, который былъ бы внѣ связи съ міровоззрѣніемъ художника, не осмысливался бы имъ. Не связанное общей идеей творчество тускнѣетъ и блекнетъ, не оставляя послѣ себя жизненнаго слѣда. Созидательная сила творчества требуетъ опредѣленнаго міровоззрѣнія. И каждый разсказъ Чехова (не исключая его юмористическихъ разсказовъ) заключаетъ въ себѣ общую идею его творчества, носитъ въ себѣ святое-святыхъ художника.

Неудачникъ Треплевъ въ „Чайкѣ“—очень характерное явленіе въ стыдливомъ творчествѣ Чехова. Его карикатурно-символистическая пьеса вызываетъ смѣхъ у зрителей, но по основѣ своей, по выраженнымъ въ ней стремленіямъ она—родная творчеству Чехова. Изображаемая въ ней міровая душа — это, въ сущности, героиня всѣхъ произведеній Чехова, съ ея мечтою о прекрасномъ, но далекомъ будущемъ. „Во вселенной остается постояннымъ и неизмѣннымъ одинъ лишь духъ,—говоритъ міровая душа въ пьесѣ Треплева.—Какъ плѣнникъ, брошенный въ пустой, глубокій колодецъ, я не знаю, гдѣ и что меня ждетъ. Отъ меня не скрыто лишь, что въ упорной, жестокой борьбѣ съ дьяволомъ, началомъ матеріальныхъ силъ, мнѣ суждено побѣдить, и послѣ того матерія и духъ сольются въ гармоніи прекрасной, и наступитъ царство міровой воли. Но это будетъ лишь, когда мало-по-малу, черезъ длинный, длинный рядъ тысячелѣтій, и Луна, и свѣтлый Сиріусъ, и Земля обратятся въ пыль... А до тѣхъ поръ ужасъ, ужасъ“... И чеховскіе герои мечтаютъ тоже о томъ, что будетъ черезъ 200—300 лѣтъ, а пока ихъ окружаютъ грязь и пошлость обыденщины, духовная пустота и нравственное измельчаніе.

Для Чехова важна не маленькая частица быта, не тѣ уголки, которые, разъ отвоевавъ для наблюденія, разсматриваютъ наши писатели-реалисты, а весь міръ, вся общественная атмосфера, изъ которой уже выходятъ частныя явленія. Общей идеи, общаго Бога, по которымъ томилась литература нашихъ дней, и искалъ Чеховъ вездѣ въ литературѣ и жизни, искали съ нимъ вмѣстѣ и его герои, которые, какъ и всѣ русскіе люди, любятъ толковать о Богѣ, о мірѣ и смыслѣ жизни.

Чеховъ глубоко проникнулъ въ самую суть русской общественности. Произошло это, быть-можетъ, благодаря тому, что цѣльная натура его была вся въ жизни. Чеховъ любилъ жизнь такъ какъ только могутъ любить ее люди, заранѣе обреченные на гибель и знающіе объ этомъ. Чѣмъ короче оказывается жизненная нить, тѣмъ интенсивнѣе жажда жизни, и тѣмъ съ большей полнотой, быть-можетъ, воспринимается жизнь. Такъ, по крайней мѣрѣ, было съ Чеховымъ. Ему претили „маленькія дѣла“ современности: за ними не замѣчали великихъ; претило измельчаніе

Библиотека "Руниверс"

духовное, та удовлетворенность, которая, приковывая человѣка къ „дому съ мезониномъ“, незамѣтно отрывала его отъ большой жизни и опошливала его, а вмѣстѣ съ тѣмъ лишала смысла его существованіе.

Лида въ „Домѣ съ мезониномъ“ и ея хлопотливая, будто бы общественная, суета, съ заботами о земскихъ выборахъ, о грамотности, школѣ и больничкѣ, кажется карикатурно-сентиментальной на фонѣ оторванности отъ общей жизни. „Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру“,—диктуетъ Лида дѣвочкѣ, чувствуя при этомъ полную духовную удовлетворенность, и это—символъ всей ея жизни: ей, какъ воронѣ, достался свой кусочекъ сыру въ видѣ служенія маленькому дѣлу, и она, захвативъ его, окаменѣла: затворившись въ своемъ домикѣ съ мезониномъ, становится глуха и слѣпа ко всему, что не касается ея маленькаго дѣла. Глохнутъ чувства, атрофируется широкое жизненное пониманіе, и Лида превращается въ автомата, около котораго мертвѣетъ все живое. Она убиваетъ радость и счастье любящихъ ее людей, убиваетъ слѣпо, не разсуждая и все во имя своего „кусочка сыру“. Это—подвижница безъ души, живой человѣкъ безъ трепета жизненныхъ нервовъ, безъ пониманія жизненной красоты и ея цѣнностей. Для жизни-тюрьмы такіе люди, пожалуй, и нужны, но не для жизни общей, широкой и свободной: они ничего не внесутъ въ нее, потому что, отгородившись отъ нея, потеряли чутье общей жизни, потеряли связь съ нею и сами оказались выброшенными ею.

Обличителемъ пошлости въ бытѣ былъ Гоголь; Чеховъ преслѣдовалъ пошлость въ ея дальнѣйшемъ развитіи, въ ея выявленіи на психикѣ человѣка. Здѣсь пошлость приняла утонченныя формы, заразила интеллигентныя массы, прокралась въ искусство, въ художество и заполонила всю русскую жизнь, подавивъ настоящую красоту и благородство.

Художникъ въ „Домѣ съ мезониномъ“ говоритъ: „Науки и искусства, когда они настоящія, стремятся не къ временнымъ, не къ частнымъ цѣлямъ, а къ вѣчному и общему, — они ищутъ правды и смысла жизни, ищутъ Бога, душу, а когда ихъ пристегиваютъ къ нуждамъ и злобамъ дня, къ аптечкамъ и библіотечкамъ, то они только осложняютъ, загромождаютъ жизнь. У насъ много медиковъ, фармацевтовъ, юристовъ, стало много грамотныхъ, но совсѣмъ нѣтъ біологовъ, математиковъ, философовъ, поэтовъ. Весь умъ, вся душевная энергія ушли на удовлетвореніе временныхъ, переходящихъ нуждъ... У ученыхъ, писателей и художниковъ кипитъ работа, по ихъ милости удобства жизни растутъ съ каждымъ днемъ, потребности тѣла множатся, между тѣмъ до правды еще далеко, и человѣкъ попрежнему остается самымъ хищнымъ, самымъ нечистоплотнымъ животнымъ, и все клонится къ тому, чтобы человѣчество въ своемъ большинствѣ выродилось и утеряло навсегда всякую жизнеспособность. При такихъ условіяхъ жизнь художника не имѣетъ смысла, и чѣмъ онъ талантливѣе, тѣмъ страннѣе и непонятнѣе его роль, такъ какъ на повѣрку выходитъ, что работаетъ онъ для забавы хищнаго, нечистоплотнаго животнаго, поддерживая существующій порядокъ“ и т. д.

Быть-можетъ, чеховскій художникъ чересчуръ увлекся: маленькія дѣла нужны, но не внѣ связи съ общимъ. Нужна и школа, но необходимъ и университетъ, громадное значеніе имѣетъ медицина, но еще большее—устроеніе соціальной жизни людей, которое уничтожало бы причины болѣзней: строить школы и лишать народъ широкаго развитія, заграждая доступъ его къ настоящему знанію,—это значитъ обрекать деревню на такое же состояніе, въ которомъ, по словамъ чеховскаго художника, она и при Рюрикѣ была; лѣчить и въ то же время порождать болѣзни, не обращая вниманія на экономическія условія народной жизни—это та же работа Данаидъ, которая въ результатѣ приводитъ къ нытью трехъ сестеръ, такъ и не вырвавшихся въ „Москву“, задавленныхъ маленькимъ дѣломъ.

Мысль о томъ, что „всѣ мы сообща, міромъ, искали бы правды и смысла жизни“, никогда не покидала и самого Чехова. Онъ повторяетъ ее съ тѣми или другими измѣненіями во всѣхъ почти своихъ произведеніяхъ. Въ „Дядѣ Ванѣ“ докторъ Астровъ мечтаетъ о томъ, что хорошо бы насадить опять густые лѣса, которые могутъ измѣнить климатъ къ лучшему и людямъ слѣдующихъ столѣтій будетъ легче жить. О лучшей жизни мечтаетъ и Вершининъ,—жизни черезъ 200—300 лѣтъ. Мечтой о далекомъ будущемъ живетъ и „неизвѣстный человѣкъ“, и докторъ „Палаты № 6“, слишкомъ ушедшій отъ жизни и потому трагически погибшій, и художникъ въ „Моей жизни“, и цѣлая галлерея дѣйствующихъ лицъ въ произведеніяхъ Чехова.

(Окончаніе будетъ).

Президентъ Французской республики Раймондъ Пуанкарэ. Къ прибытію его въ Россію 7 іюля с. г.

Торжество русско-французскаго союза.

(Политическое обозрѣніе).

Нынѣшнее посѣщеніе главою Французской республики Россіи имѣетъ совершенно исключительное политическое значеніе. Оно было рѣшено послѣ новыхъ выборовъ въ палату депутатовъ, давшихъ большинство крайнимъ лѣвымъ партіямъ, наиболѣе видные дѣятели которыхъ, въ родѣ Жореса и Клемансо, относились съ нескрываемою враждою и къ военному закону и къ близости республики съ Россіей. Избирательная побѣда радикально-соціалистическаго блока дала обильную пищу для язвительныхъ кривотолковъ нѣмецкой печати. Германскіе и австрійскіе публицисты комментировали исходъ выборовъ, какъ начало неизбѣжнаго разрыва Франціи съ Россіей, и предвѣщали крутой поворотъ французской политики въ сторону полнаго примиренія съ Германіей. Возможно ли вообще и если возможно, то на какихъ условіяхъ примиреніе съ агрессивнымъ врагомъ, стремящимся къ полному господству надъ болѣе слабымъ сосѣдомъ?—Объ этомъ радикальные пацифисты не подумали. Они забыли, что вскорѣ послѣ версальскаго мира, Германія, безъ всякаго внѣшняго повода, снова уже была готова напасть на Францію и разгромить ее въ конецъ до предѣловъ окончательной утраты національно-государственной независимости, и только угроза энергичнаго военнаго заступничества Россіи остановила занесенный для смертельнаго удара бронированный кулакъ. При наличіи такой постоянной опасности для самаго бытія націи пацифизмъ, не учитывающій въ своихъ мечтахъ условій реальной дѣйствительности, становится духовно близкимъ къ сознательному предательству родины. Разумѣется, въ моментъ наступившей національной катастрофы всѣ французскіе соціалисты станутъ на защиту отечества и будутъ руководиться не книжными теоріями, а живымъ чувствомъ патріотизма—но тогда будетъ уже поздно, такъ какъ сколько-нибудь надежная военная защита страны требуетъ не героическихъ импровизацій, а долгой, систематической и планомѣрной подготовки. Недаромъ даже глава французскихъ соціалистовъ, Жоресъ, въ недавней рѣчи публично заявилъ, что соціалисты отнюдь не хотятъ сдѣлать

Библиотека "Руниверс"

Супруга президента. Президентъ.

Президентъ Французской республики Раймондъ Пуанкарэ въ кругу своей семьи.

республикой, замѣнившемъ традиціонное участіе въ явно антирусскомъ союзѣ трехъ императоровъ, императоръ Александръ III перешелъ въ нашей внѣшней политикѣ отъ династическихъ основъ къ основамъ національнымъ, построилъ ее не на соображеніяхъ родства и тожества государственнаго строя, а на реальныхъ государственныхъ интересахъ. Впервые при императорѣ Александрѣ III на площадяхъ русской столицы зазвучалъ французскій національный гимнъ свободы и патріотизма и нашелъ такой глубокій отзвукъ въ милліонахъ русскихъ сердецъ. Какъ рожденный волею судебъ, франко-русскій союзъ таитъ въ себѣ какое-то поистинѣ чудодѣйственное начало. Онъ заставляетъ самыхъ убѣжденныхъ русскихъ консерваторовъ съ восторгомъ внимать призывнымъ звукамъ марсельезы и самыхъ пламенныхъ французскихъ соціалистовъ сливаться сердцами въ торжественно-мистической мольбѣ русскаго народнаго гимна: „Боже Царя храни". Свободный синтезъ двухъ культуръ, взаимопроникновеніе двухъ міросозерцаній — что несетъ оно тому и другому народу? Думается, что его значеніе не ограничивается однѣми только рамками международныхъ отношеній, но захватываетъ невидимыми отраженіями также и внутреннюю психологію народовъ. Кромѣ гарантіи внѣшней безопасности и взаимной страховки отъ нѣмецкаго нашествія, сближеніе двухъ столь разнокультурныхъ народовъ именно въ силу полярности ихъ культуръ обогащаетъ ихъ внутреннюю жизнь, научаетъ насъ, русскихъ, еще больше любить свободу, а французовъ заставляетъ невольно пріобщаться къ тому культу этическаго идеализма въ общественныхъ дѣлахъ, которымъ такъ обѣднѣлъ просвѣщенный Западъ и которымъ покамѣстъ еще такъ богата славянская душа. Вотъ почему и во имя мира, и во имя свободы, и во имя прогресса, и во имя грядущаго торжества всемірной правды въ эти дни многознаменательныхъ торжествъ изъ каждаго русскаго сердца неудержимо рвется горячій привѣтъ дружественной Франціи.

Францію беззащитной, но расходятся съ буржуазными партіями только въ томъ, что желаютъ организовать эту защиту на началахъ народнаго ополченія. Живымъ олицетвореніемъ дѣятельнаго и разумнаго французскаго патріотизма является президентъ республики Раймондъ Пуанкарэ. Возглавляя въ своемъ лицѣ всю Францію безъ различія партій и направленій, онъ своимъ торжественнымъ посѣщеніемъ Кронштадта и Петербурга заставляетъ всю Европу почувствовать глубокую ложь и суетность ядовитыхъ кривотолковъ о разложеніи франко-русскаго союза. Стихія политическаго союза неизмѣнно сильнѣе всѣхъ партійныхъ пожеланій, стремленій и мелкихъ парламентскихъ каверзъ. То, что спаяно самою исторіею подъ давленіемъ очевидной для всего народа необходимости, того не могутъ разорвать никакія усилія отдѣльныхъ людей. Всякая попытка уничтожить русско-французскій союзъ заставляетъ только еще сильнѣе чувствовать его крѣпость. Врагами нынѣшней политической комбинаціи было затрачено не мало усилій для торжества соціалистовъ-радикаловъ на выборахъ. Они отчасти достигли своей цѣли, и во главѣ новаго кабинета сталъ соціалистъ Вивіани. И что же? Первымъ его словомъ было заявленіе о неразрывности франко-русской дружбы, первымъ его шагомъ было участіе кабинета въ торжественномъ посѣщеніи Россіи главою республики. Чѣмъ больше работаютъ враги надъ разрывомъ союза, тѣмъ яснѣе осязаютъ оба народа сковавшія ихъ внутреннія скрѣпы. Послѣ обновленія палаты Франція почувствовала желаніе манифестировать свою вѣрность Россіи визитомъ президента, а Россія почувствовала потребность манифестировать свою приверженность къ Франціи усиленно горячими привѣтствіями главы Франціи. Союзъ съ нею вошелъ въ плоть и кровь нашего политическаго самосознанія. Онъ наложилъ свой отпечатокъ даже на внутреннее развитіе Россіи. Именно, въ дѣлѣ сближенія съ Французской

Къ рисункамъ.

Въ текущемъ № „Нивы" мы продолжаемъ знакомить нашихъ читателей съ послѣдней Весенней выставкой въ Академіи Художествъ. Обращаютъ на себя вниманіе милые жанры Н. Харитонова; „*Няня*" и „*Дѣти*". Художникъ вводитъ насъ въ дѣтскій мірокъ съ его горестями и радостями и даетъ цѣлую вереницу славныхъ дѣтскихъ типовъ. Шумной ватагой играютъ на задворкахъ деревенскіе ребята: лѣтнее солнце пронизываетъ ихъ тепломъ и свѣтомъ — и кажется, что веселье нисходитъ къ нимъ отъ солнца же. Но грустна и мрачна маленькая деревенская няня. И невольно вспоминается при видѣ ея знаменитый чеховскій разсказъ „Спать хочется".

Къ области жанра относятся также и картины М. Иванова „*Молитва передъ посѣвомъ*" и И. Дроздова „*Будни*". Торжественно-религіозное настроеніе первой изъ нихъ составляетъ яркій контрастъ будничному судаченію досужихъ деревенскихъ кумушекъ, изображенныхъ И. Дроздовымъ. Въ строгихъ тонахъ, какъ и картина М. Иванова, написанъ библейскій жанръ В. Кучумова „*Іаковъ и Рахиль*" — извѣстная сцена изъ ветхозавѣтныхъ исторій.

Изъ пейзажей Весенней выставки мы воспроизводимъ типичный видъ Сайменскаго озера В. Федоровича „*На берегахъ Саймы (Финляндія)*". Предъ нами своеобразная картина спокойнаго озера, покрытаго тысячью большихъ и маленькихъ каменистыхъ острововъ. Далѣе — городской пейзажъ К. Горбатова — „*Выпалъ снѣгъ*" — сумрачная картина поздней осени въ большомъ городѣ. Полную противоположность ей представляетъ картина залитой весеннимъ солнцемъ аллеи *въ старомъ паркѣ* (К. Вроблевскаго). Много движенія, свѣта и воздуха въ пейзажѣ В. Зарубина „*Вѣтеръ*".

Изъ скульптурныхъ работъ, появившихся на описываемой выставкѣ, воспроизводимъ эффектный „*Призывъ*" А. Вернера — гармонически-прекрасную фигуру играющей на арфѣ женщины. Въ ней все — музыка и красота, властно призывающія къ себѣ своимъ очарованіемъ. Много величія и властности въ скульптурной фигурѣ *патріарха Филарета* (работы В. Беклемишева). А художникъ С. Слободянюкъ-Подолянъ даетъ намъ и портретъ самого скульптора.

Содержаніе.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. Марксъ,** Измайл. просп., № 29. **Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ.,** улица Гоголя (М. Морская), № 22.

Библиотека "Руниверс"

Безплатный рецептъ д-ра Антона Мейера для цвѣта лица.

Отъ одной свѣдующей.

Ни одной женщинѣ не нужно заботиться о возрастѣ, пока она выглядитъ молодой. И если Вы подумаете, что каждая женщина непосредственно подъ внѣшнимъ цвѣтомъ лица обладаетъ другимъ, свѣжимъ и прекраснымъ, ничто, кажется, не мѣшаетъ продолжительному поддержанію юной наружности. Если кожа вслѣдствіе старости или другихъ причинъ не сбрасываетъ наружной покрышки и естественнымъ образомъ не обновляется такъ, какъ въ здоровой юности, то пришло время помочь природѣ въ ея дѣятельности.

Это дѣлается теперь съ большимъ успѣхомъ многими современными женщинами. Процессъ очень простъ и ни въ коемъ случаѣ не непріятенъ. Вамъ слѣдуетъ только взять въ своей аптекѣ баночку полукрѣпкаго Дермозона Доктора Антона Мейеръ и нѣсколько ночей накладывать его, какъ кольдъ-кремъ.

Дермозонъ растворитъ и удалитъ некрасивый, пятнистый наружный слой цвѣта лица и вызоветъ на свѣтъ находящуюся подъ нимъ прекрасную, крѣпкую юную кожу. Много обезкураженныхъ женщинъ вернули себѣ полную жизнерадостность этимъ простымъ способомъ.

Точно также можно поступить и съ потрескавшимися, жесткими и покраснѣвшими руками, а такъ какъ этотъ способъ простъ, удобенъ и успѣшенъ, то онъ и является въ широкихъ кругахъ самымъ излюбленнымъ.

На каждой банкѣ настоящаго Дермозона имѣется наклейка: „Издѣліе Лабораторіи Доктора Антона Мейеръ“. Если имя Доктора Антона Мейеръ сокращено или искажено, то предъ вами явная поддѣлка. 3117

БУХГАЛТЕРІЯ и коммерч. образов. Заочные КУРСЫ. по самой обширной программѣ СТЕНОГРАФІЯ. АТТЕСТАТЪ. ЦѢННЫЯ ПРЕМІИ. Разсрочка. Проспектъ безплатно. С.-Петербургъ, „КОММЕРЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ“.

LOTION DEQUEANT

ВОЛОСЫ БОРОДА БРОВИ РѢСНИЦЫ

Умываніе Людвига Деканъ. Средство для рощенія волосъ, прекращаетъ выпаденіе, предупреждаетъ сѣдину, возвращаетъ первоначальный цвѣтъ, безъ употребленія краски, во всякомъ возрастѣ и во всѣхъ случаяхъ. *Свѣдѣнія безплатно.* Высылается безвозмездно извлеченіе изъ Отчета, принятаго Академіей Медицины въ Парижѣ. Письменно и лично: L. DEQUEANT, Ph[ien] 38, rue Clignancourt, Paris. Остерегаться многочисленныхъ подражаній и поддѣлокъ. *Продается вовсѣхъ лучшихъ магазинахъ.*

KALODONT

Необходимый Зубной Кремъ и Эликсиръ

Сохраняетъ зубы бѣлыми, чистыми и здоровыми

Требовать вездѣ. 2897 4-3

Инженерное училище въ Мангеймъ (Германія).

Субсидируемое городомъ высшее спеціальное техническое учебн. заведеніе по 3070 26-2

машиностроенію, электротехникѣ, литейн. и металлургическому дѣлу.

Программы высыл. безплатно.

ЛЮБИТЕЛЯМЪ ЧАЯ

Всегда неизмѣнно высокое качество чаевъ фирмы **И. Е. Дубинина** создало для фирмы завидную извѣстность по всей Россіи. Во всѣхъ даже глухихъ уголкахъ великой Россіи пьютъ и наслаждаются нашими знаменитыми чаями: **чай Янхао № 14—2 руб., чай Царская Роза № 5—2 руб., чай Моюне № 18—2 р. 40 к. и чай Небывалая Рѣдкость № 8—2 р. 80 к.** Если кто не пробовалъ эти необыкновенно высокіе чаи, тотъ пусть требуетъ ихъ у мѣстныхъ торговцевъ или выписываетъ изъ Москвы изъ нашихъ складовъ. На пробу высылается 1 фун. по 1/4 фунту каждаго сорта за 2 руб., четыре фунта по 1 фунту каждаго сорта за 7 руб. 55 коп. Пересылка во всю Европейскую Россію за нашъ счетъ.

СКЛАДЫ ЧАЕВЪ **И. Е. ДУБИНИНА.** МОСКВА, Покровка, 51.

Подробный прейсъ-курантъ высылается безплатно. 3069 4-4

15 лѣтъ страдалъ.

Я страдалъ 15 лѣтъ не только катарромъ, а также геморроемъ, но благодаря цѣлебному средству „Стомоксигенъ Д-ра Антона Мейеръ“, я совершенно выздоровѣлъ.

Въ знакъ моей душевной благодарности къ Вамъ, за Ваше драгоцѣнное средство „Стомоксигенъ“, посылаю свою фотографическую карточку.

Съ истиннымъ почтеніемъ и благодарностью къ Вамъ пребываю *З. Е. Губинъ.* Москва, Точиловка, д. № 6.

Отзывы не повторяются. Ежедневно — новый.

РЕЦЕПТЪ: Возьмите въ ближайшей аптекѣ или аптекарскомъ складѣ 2-хъ недѣльн. коробку „Стомоксигена д-ра Антона Мейеръ“ и принимайте по 1—2 табл. три раза въ день, пока у васъ не установится правильное пищевареніе.

„Стомоксигенъ Д-ра Антона Мейеръ“ абсолютно безвреденъ. Выздоровленіе получается полное.

Остерегайтесь поддѣлокъ. Если на коробкѣ или на правилахъ пользованія не написано полностью имя Докторъ Антонъ Мейеръ, если адресъ Екатерининск. кан., 29 не указанъ, то предъ Вами, несмотря на всѣ другія надписи и подписи, явная поддѣлка. 3118

„ВАТ“ лучшіе въ мірѣ.

Долголѣтняя гарантія.

Цѣны велосипедовъ . . . отъ 86 руб.
Цѣны мотоциклетокъ . . . отъ 270 руб.

Каталогъ № 15 безплатно.

Общество Германскій Экспортъ и Импортъ, Берлинъ 68.

РАДІОАКТИВНЫЙ ИСТОЧНИКЪ **„РЯБОВО“.** УГЛЕКИСЛАЯ КЛЮЧЕВАЯ СТОЛОВАЯ **ВОДА.** Главный Представитель: **А. Дерингеръ, Царское Село.** Складъ: **С.-Петербургъ,** Перевозная, 8. Тел. 503-36.

Библиотека "Руниверс"

ЛѢЧЕНІЕ ТУЧНОСТИ
ІОДИРИНОМЪ Д-ра DESCHAMP'А.

ПОСТЕПЕННОЕ ИСХУДАНІЕ ПРИ ПОМОЩИ ІОДИРИНА Д-ра DESCHAMP'А

Вамъ извѣстно, что тучность основывается на чрезмѣрномъ увеличеніи тѣла, происходитъ вслѣдствіе глубокихъ осложненій физіологическихъ функцій, по словамъ Huchard'а, „нормальной тучности не существуетъ", такъ какъ это состояніе является результатомъ постепенно возрастающаго самоотравленія организма. Грозные результаты тучности еще не достаточно извѣстны, но она предрасполагаетъ къ сахарному мочеизнуренію, ревматизму, астмѣ, экземѣ, грудной жабѣ, однимъ словомъ, къ цѣлому ряду заболѣваній.

Въ виду этого станетъ понятнымъ, что страдающіе тучностью не останавливаются ни предъ какими средствами, чтобы устранить эту опасность. Можно ли однако похудѣть, не подвергая себя опасности? Такой вопросъ ставитъ себѣ каждый, особенно въ виду многочисленныхъ средствъ, предложенныхъ съ этой цѣлью и изъ которыхъ каждое приписываетъ только себѣ возможность излѣченія тучности.

Мы говоримъ здѣсь только въ защиту науки, именемъ которой они злоупотребляютъ. При этомъ имѣются въ виду тѣ шарлатанскія средства, которыя, подобно чародѣйской палочкѣ, будто бы изъ тучной особы дѣлаютъ граціозную сильфиду.

Большинство средствъ противъ тучности, не обращая вниманія на степень ихъ рекламы, приносятъ только разочарованія, и въ короткое время больные возвращаются къ прежнему вѣсу.

Даже извѣстныя травы на исхуданіе не дѣйствуютъ лучше, чѣмъ ромашка или липовый цвѣтъ. 3114 3-1

Единственнымъ истинно научнымъ лѣченіемъ тучности будетъ такое, которое вызываетъ постепенное исхуданіе безъ какого-либо осложненія и которое не допускаетъ новаго отложенія жира. Громадными преимуществами предъ другими средствами противъ тучности обладаетъ іодиринъ, благодаря своему постоянному дѣйствію и совершенной безвредности. Онъ былъ изслѣдованъ клинически. Эти изслѣдованія показали его полную безупречность дѣйствія. Дѣйствительно, основаніемъ іодирина является іодъ, но іодъ коллоидальный, т.-е. растворимый, дѣйствіе котораго очень нѣжно и не вызываетъ никакихъ вредныхъ явленій, которыя обычно бываютъ при обыкновенномъ іодѣ. Впрочемъ, мы здѣсь не говоримъ ничего такого, что нельзя было бы доказать.

Результаты, полученные отъ примѣненія іодирина, безусловно вѣрны, подтверждены тщательными наблюденіями какъ клинически, такъ и въ частной практикѣ. Убыль въ вѣсѣ отъ примѣненія іодирина достигаетъ отъ 10до 15 фунтовъ въ мѣсяцъ. Мы не преувеличиваемъ нисколько и не боимся обвиненія, когда утверждаемъ, что Іодиринъ д-ра Deschamp'а представляетъ для тучныхъ идеальное лѣченіе, позволяющее имъ въ короткое время пріобрѣсти прежнюю граціозность и гармонію линій тѣла.

Д-ръ Romilly.

Іодиринъ Д-ра Deschamp'а находится въ продажѣ во всѣхъ аптекахъ, аптечныхъ складахъ. Цѣна 4 р. 25 к. за коробку, заключающую 60 лепешекъ въ облаткахъ. При каждой коробкѣ находится описаніе способа употребленія на русскомъ языкѣ.

Главное представительство на Россію, Польшу:

Торговый Домъ ЛЮКСЕМБУРГЪ и Ко,
ВАРШАВА,
Вспульная ул., 53.

ИСКУССТВО КРАСОТЫ.

Наступили теплые лѣтніе дни, а съ ними настала пора лѣтнихъ костюмовъ, которые своими свѣтлыми оттѣнками прекрасно обрисовываютъ природныя достоинства молодыхъ дамъ.

Украсить себя костюмомъ—это шутка для нашихъ читательницъ, но создать красивую фигуру тѣла является дѣломъ нѣсколько труднѣйшимъ. Это именно побуждаетъ насъ обратить Ваше вниманіе на пилюли „Marbor", представляющія изъ себя поистинѣ чудодѣйственное средство.

Нѣсколько худощавыя и со слабо развитымъ бюстомъ дамы должны принимать пилюли „Marbor".

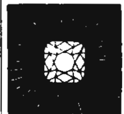
При помощи ихъ онѣ пріобрѣтутъ красоту бюста. Множество дамъ, благодаря пилюлямъ „Marbor", достигли желаемой округленности формъ, что, впрочемъ, никогда не сопряжено съ малѣйшимъ вредомъ для здоровья, и это является неоцѣнимымъ качествомъ названнаго средства.

Пилюли „Marbor" J. Ratié Pharmacien, Paris, Passage Verdeau, 5.

Исключительная продажа на всю Россію Леонъ Бернгардтъ и Сынъ, Варшава, Варецкая, № 9.

Можно получать также въ аптекахъ и крупныхъ аптекарскихъ магазинахъ. 313

РУССКАЯ КАЛИФОРНІЯ.

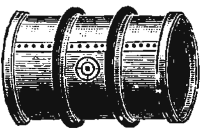


Страна самоцвѣтныхъ камней и золота: кулоны, броши, серьги, кольца, запонки и пр. украшенія. Рѣдкія новости. Каталоги безплатно. Адресъ: г. Екатеринбургъ, „Уральскій Экспортъ". Собствен. гранильн. и ювелирн. мастерск. Крупнѣйшее предпріятіе на Уралѣ.

3 93 2-1

Ни хищеній! Ни утечки! Ни ремонта!

БОЧКИ



желѣзныя, оцинкованныя, луженыя, для перевозки и храненія спирта, керосина, масла, кислотъ и пр., изготовляетъ заводъ **Г. РЮЛИНГЪ.** Москва, Мясницкая, Кривоколѣнный, 3.

42) Прейсъ-курантъ безплатно. 3760

ЛУЧЕЗАРНЫЯ ОЧИ

плѣняютъ сердца всѣхъ. Наша восточная глазная вода придаетъ глазамъ сіяющій блескъ и выразительность. Тусклые, мутные глаза пріобрѣтаютъ ясный взглядъ; синева, краснота, а также слѣды безсонныхъ ночей исчезаютъ. За безвредность гарантируетъ наша фирма. Цѣна 2 р. 50 к. и 3 р. 50 к. Пересылка 35 к. Доставка совершается секретно. Л. М. Багинскій, Лабораторія Спеціальностей, 2839 Рига, 45, Романовская ул., № 29. (з)

(Институты въ Берлинѣ и въ Парижѣ).

Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., ул. Гоголя, 22.

Чеховъ, Ант. „Вишневый садъ". Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна съ перес. 40 к.

2950 ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ 12-4

БУХГАЛТЕРІИ

И КОММЕРЧ. ЗНАНІЙ

Условія и пробн. лекція безплатно. Адресъ: **Я. Ю. МАРКЪ, г. ЛИБАВА.**

АТТЕСТАТЪ Университета. золот. медали за почерки учениковъ. Въ 15 уроковъ научаю заочно красиво и скоро писать. За 5 семик. марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условія. Одесса. Профес. Каллиграф. Адольфъ **КОССОДО**, Дерибасовская, д. № 19.

КАРТАВОСТЬ.

ЗАИКАНІЕ

Лѣчебница **К. Ю. ЭРНСТЪ. Москва,** Тверская, Газетный пер., д. № 3. Имѣется пансіонъ. **ПЛАТА ПО ИЗЛѢЧЕНІИ.** Условія безплатно. **РУКОВОДСТВО** къ самолѣченію— 5 руб. съ пересылкой.

Подвижныя кресла для инвалидовъ, кресла-самокаты, кресла для возки больныхъ.

2810 6-6

Солидныя издѣлія. Каталогъ безплатно. **Рих. Мауне.** Дрезденъ-Лебтау (Германія).

ПИСАТЬ КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 8 отдѣл. Рондо, Готикъ, Батардъ и пр., 206 рис. и черт. въ текстѣ, изящн. альбомъ шрифтовъ, транспорант и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій ср. Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. **Цѣна** за полн. курсъ съ прилож. и перес. **1 р. 50 к.**

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообраз., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. убористъ. шрифт. **Цѣна съ перес. 1 р. 50 к.**

СЛОВАРЬ коммерч. словъ и термин., употребляем. въ коммерч. мірѣ. **Цѣна** съ перес. 1 р.

ТАБЛИЦЫ для быстраго вычисленія безъ помощи счетовъ и бумаги, значительно сокращ. трудъ бухгалтер. и конторщ. и вычисленія на счетахъ на всѣ 4 дѣйств. арием. **Ц. 40 к.** съ пер.

СПРАВОЧНИКЪ какъ поступить на службу въ казен., обществ. и частн. учр., формы прошен. и писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. **Цѣна** съ перес. **1 руб.** При посылкѣ налож. плат. дороже на 25 коп.

Адр. Книгоизд. «КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ»—С.-Петербургъ. Невскій, д. 57—5

Эйзенбергскій питомникъ собакъ

для разведенія и продажи породистыхъ собакъ **Richter & C°. Eisenberg S. A. 50. Германія.**

Поставщики высшаго общества, гг. офицеровъ, священниковъ и др., всякихъ **чистопородныхъ собакъ** начиная съ крупнѣйшихъ **сторожевыхъ** и другихъ вплоть до самыхъ маленькихъ **комнатныхъ, ОХОТНИЧЬИХЪ и полицейскихъ** собакъ. Разсылка во всѣ страны во всѣ времена года съ гарантіей прибытія собакъ въ здоровомъ состояніи. Точная и быстрая исполнительность. **Роскошный** альбомъ съ **иллюстраціями** и описаніемъ расъ за 75 коп. (можно марками), налож. плат. не допуск.) съ вычетомъ его стоимости при покупкѣ. Прейсъ-курантъ высылается **безплатно.** Многочисленные **благодарственные** отзывы доказываютъ лучше всего великолѣпіе нашихъ поставокъ. 3131

ХОДИ ПРЯМО! НЕ СГОРБИВШИСЬ!

3119 13-1

„РЕЛКЕБЪ" даетъ прямую величественную воинскую выправку, расширяетъ грудь и замѣняетъ подтяжки. Указать объемъ груди подъ мышками. Цѣна 3 р. 60 к. наложен. платежомъ съ пересылкой и упаковкой. Треб. безплатно иллюстр. каталогъ фабр. „Релкебъ 10", г. Ревель.

Библиотека "Руниверс"

Филиконъ

превосходное и вѣрное средство противъ глистовъ-солитера. Передъ прiемомъ не требуетъ особыхъ подготовленiй.
Дѣйствуетъ легко, быстро, безъ ущерба для здоровья. Продажа вездѣ.
Цѣна флакона 1 р. 75 к.
Единств. представитель для всей Россiи
Т/Д. Ю. МАРТЕНСЪ
С.П.Б., Гороховая, 9.

УЧИТЕСЬ РИСОВАТЬ

Мнимая „неспособность" къ рисованiю, о которой часто говорятъ, есть лишь предразсудокъ. Всякiй нормальный человѣкъ надѣленъ средними художественными способностями, вполнѣ достаточными для того, чтобы при правильной системѣ преподаванiя овладѣть техникой рисованiя и живописи. Мы своимъ изданiемъ „Искусство для всѣхъ" (школа рисованiя, живописи и прикладного искусства) даемъ возможность всѣмъ заочно научиться рисованiю и живописи подъ руководств. лучш. педагоговъ для собствен. удовольствiя или для какихъ-либо практич. цѣлей.

„ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ" 1) даетъ читателямъ тѣ теоретическiя познанiя, которыя необходимы для пониманiя художествен. произведенiй; 2) даетъ лицамъ, уже занимающимся рисованiемъ, тѣ познанiя, которыя необходимы для того, чтобы сдѣлать рисунокъ грамотнымъ и художественно-правильнымъ; 3) даетъ своимъ читателямъ всѣ тѣ свѣдѣнiя по техникѣ, теорiи и исторiи искусства, безъ которыхъ невозможно пониманiе художественныхъ произведенiй; 4) даетъ своимъ читателямъ такую подготовку и техническiя познанiя въ области прикладного искусства, которыя открыли бы имъ возможность примѣнить свои познанiя къ дѣлу въ различныхъ и многочисленныхъ отрасляхъ художественной промышленности.

Изложенiе вполнѣ понятное и сопрождается множеств. пояснительн. и образцовыхъ рисунковъ.

Для художниковъ и учителей рисованiя „Искусство для всѣхъ" является необходимой энциклопедiей, къ которой они могутъ обращаться за всякаго рода справками и указанiями.

При редакцiи учреждена художествен. комиссiя, которая исправляетъ безплатно работы и даетъ совѣты и справки, относящiеся къ области искусства.

„ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ" Издается подъ редакцiей проф. Акад. Худож. **А. В. Маковскаго** и **Вадима Лѣсового**, при участiи **И. Е. Рѣпина**, проф. **А. К. Киплика** и преподав. педаг. курсовъ при Академiи Художествъ.

Изданiе состоитъ изъ 10 томовъ больш. формата роскошно-иллюстрир. красочн. и черными рисунками. Цѣна каждаго тома съ перес. налож. платеж. 2 р. 20 к.

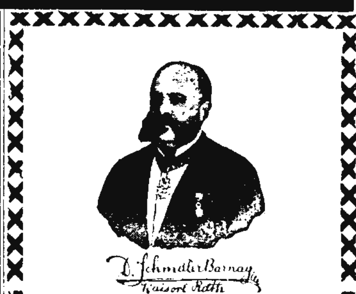
Подробн. проспекты высылаются БЕЗПЛАТНО.

Издательское Т-во „БЛАГО". С.-Петербургъ, Николаевская, 44-29.
2900 **НУЖНЫ АГЕНТЫ.** 3-3

Мин. Торг. и Пр.
ПЕТРОГРАДСКIЕ КУРСЫ БУХГАЛТЕРIИ

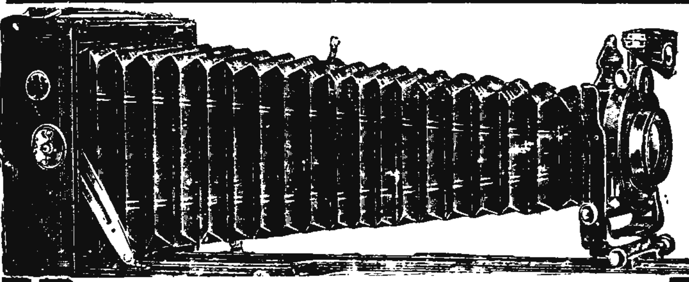
Пет. ст., Большой пр., 40—61.
Тел. 615-37.

Широкая программа. Льготн. разср. Полная подгот. для практич. бухг. и комм. дѣят. и на право препод. спец. предм. въ комм. учебн. зав. Въ тек. уч. г. обучалось общего п. 454 душ. Общежитiе. Аттест. Рекоменд. на мѣста. Просп. безпл. Прiемъ на ост. вак. лѣтн. курса и осенняго продолж. Съ осени открыв. отдѣленiя курсовъ въ Тифлисѣ и Одессѣ. Обр. вним., рѣдко публик. 2074 2-2



Д-ра ШИНДЛЕРЪ-БАРНАЙ
„Марiенбадскiя Редукцiонныя Пилюли" противъ
ОЖИРѢНIЯ
и отличное слабительное средство.

Настоящая упаковка въ коробкахъ краснаго цвѣта съ описанiемъ способа употребленiя. Продажа во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.
2240 46-12



Разсрочка платежа

отъ 2 руб. въ мѣсяцъ.

Не затрачивая сразу много денегъ, всякiй заслуживающiй довѣрiя можетъ прiобрѣсти лучшiе заграничные

ФОТОГРАФИЧЕСКIЕ АППАРАТЫ,

уплачивая стоимость небольшими ежемѣсячными взносами. Цѣны на аппараты, объективы и принадлежности внѣ конкурренцiи.

Иллюстрир. прейсъ-курантъ высылается за 14 к. марками.

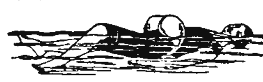
Фотографическое Депо Я. А. Вейденбаумъ.
2905 С.-Петербургъ, Коломенская, № 10—7. 5-5

КУРСЫ

общед. **ЗАОЧНЫЕ** ком. самообр. ПРОГР.: 2-ая итальянск. и американская **БУХГАЛТЕРIЯ**, **СТЕНОГРАФIЯ** (искусство писать со скоростью рѣчи), коммерч. ариѳметика, коммерч. корреспонденцiя, ком. географiя, товаровѣдѣнiе. Курсъ правоп. **КАЛЛИГРАФIИ**, контор скорописъ, **ИСПРАВЛЕНIЕ ПОЧЕРКА**. **БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМIИ** (труды професс. и препод. высш. и средн. учебн. завед.). Отзывы спец. благ. письма. **АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА**. Льготн. условiя: разсрочка отъ 2 руб. Программы и пробныя лекцiи высылаются **БЕЗПЛАТНО**. Адресъ: Книгоиздательство „Кругъ Самообразованiя".—С.-Петербургъ НЕВСКIЙ, д. 57—11.

КАЖДЫЙ ПЛАВАЕТЪ СРАЗУ.

АМЕРИКАНСКIЯ ПЛАВАТЕЛЬНЫЯ КРЫЛЬЯ АЙВАДА (Aywad's Water Wings)
ВСЕГДА ГОТОВЫ КЪ УПОТРЕБЛЕНIЮ.
СЪ НИМИ СРАЗУ ЛЕГКО ПЛАВАТЬ И ЛЕЖАТЬ НА ВОДѢ.
СЛОЖЕННЫЯ ЗАНИМАЮТЪ МѢСТА НЕ БОЛѢЕ НОСОВОГО ПЛАТКА.



Поддерживаютъ на поверхности до 9 пудовъ.
Цѣна 1 р. 70 к., пересылка 35 к., въ Сибирь 65 к.
складъ у **И. ГЛАЗУНОВА.** Москва, Столешниковъ, № 8.
2006 6-7

Уменьшенiе вѣса безъ медикаментовъ, безъ паровыхъ ваннъ, безъ втиранiй, безъ вредныхъ упражненiй, безъ дiэты-голодовки. Двойной подбородокъ, большой животъ и бока устраняются быстро и навсегда.

Это простое безопасное **домашнее лѣченiе** является для **всякаго**, безъ различiя **возраста и пола**, превосходно примѣнимымъ. Это единственный методъ, который, способствуя улучшенiю общаго самочувствiя, одновременно улучшаетъ здоровье и **устраняетъ жиръ**. Мое лѣченiе признано медиками и считается стоящимъ на **высотѣ совершенства** тысячами нѣкогда полныхъ людей, помолодѣвшихъ годами въ наружности и самочувствiи послѣ его примѣненiя. Если вы въ **большей или меньшей степени** обладаете жиромъ и вслѣдствiе примѣненiя безплатныхъ и опасныхъ медикаментовъ, потеряли всякую вѣру въ излѣченiе, то потребуйте обратной почтой мою прекрасно иллюстрирован. и интересно написанную книгу: **„Уменьшенiе вѣса безъ медикаментовъ"** и вы научитесь, какъ у себя дома быстро, вѣрно и секретно понизить свой вѣсъ. Вы тогда прiобрѣтете дѣйствительную радость въ жизни, которая **понятна только стройнымъ, бывшимъ нѣкогда полными.** Я высылаю эту драгоцѣнную обучающую книгу совершенно **безплатно** всѣмъ полнымъ лицамъ по первому требованiю. Пишите еще сегодня и приложите 20 коп. почтовыми марками на обратные расходы и вы убѣдитесь. (Письма въ Англiю оплачиваются 10 коп.). Юбилейныхъ марокъ прошу не присылать.

Марьорiя Гамильтонъ (Отдѣлъ R. 109)
2, Гарлисъ Роадъ.
Форестъ Гиллъ, Лондонъ, С. Е. Англiя.

Marjorie Hamilton (Departement R. 109).
2, Garlies Road.
Forest Hill, London. S. E. England. 3125

Торговый Домъ **К. ЛОРЕНЦЪ и К°**, Москва, Мясницкая, 22—42

предлагаетъ въ **РАЗСРОЧКУ:**

Фотограф. отдѣлъ:

фото-

ГРАФИЧЕСК. аппараты, объективы, призменн. бинокли и проч. лучшихъ моделей.

Полный прейсъ-курантъ и условіе продажи за 21 коп. марками, краткій **безплатно.** 3657 3-3

ТЕХНИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ:

Самоходные токарные Станки Англійскіе для любителей и точныхъ работъ.

Требуйте проспектъ п. г. и условіе продажи **безплатно.**

СЪЕМНЫЕ ЛОДОЧНЫЕ МОТОРЫ

новѣйш. конструкціи. **„Кобан"** 2-хъ цилиндров. уравновѣшанн. 3 дѣйствит. лош. силы. **„Макъ"** 2½ дѣйствит. лош. силы. Зажигъ батарейный и отъ магнето. Цѣны отъ 220—300 рублей. Проспектъ „М" и условіе продажи **высылается безплатно.**

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

для оркестра, школы и дома.

Прейсъ-курантъ струнныхъ инструм безплатно.

Складъ итальянскихъ, французск. и нѣмецк. старыхъ скрипокъ.

3-3 Юлій Генрихъ 3622

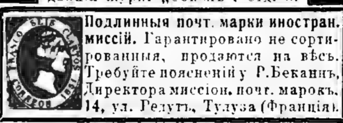
ЦИММЕРМАНЪ

С.-Петербургъ, Москва, Рига.

КАКЪ КОРРЕСПОНДИРОВАТЬ ВЪ ГАЗЕТЫ?

2914 50-9

Побочн. зараб. для кажд. Подробн. просп. за двѣ семик. мар. Адресъ: Москва, редакція журн. „Соколъ", отд. 3.

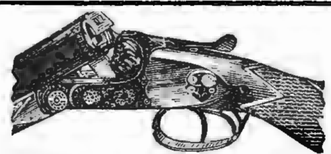


Подлинныя почт. марки иностран. миссій. Гарантировано не сортированныя, продаются на вѣсъ. Требуйте поясненій у Р. Бекань, Директора миссіон. почт. марокъ. 14, ул. Редутъ, Тулуза (Франція).

ВАС ПОЛЮБЯТЪ ВСѢ

Наша новая книга подъ заглавіемъ **„ЧАРЫ ЛЮБВИ"** научитъ Васъ, что надо дѣлать, чтобы побѣдить непокорное сердце. Какъ писать любовныя письма, чтобы имѣть успѣхъ. Правильная тактика влюбленнаго. Лучшее объясненіе въ любви. Какъ долженъ дѣйствовать мужчина, чтобы влюбить въ себя красивую и богатую женщину. Какъ должна поступать женщина, чтобы покорить сердце богатаго мужчины. Какъ пріобрѣсти и сохранить красоту. Старинныя средства для возбужденія любви. **Любовныя напитки и приготовленіе ихъ. 20 секретовъ любви.** Магія любви и много др. полезн. совѣтовъ. Къ книгѣ безпл. добавл. Худож. альбомъ женск. красоты или 44 интер. сним а. Париж. жанра и интерес. пр.-кур. Цѣна кн. съ прил. 1 р. 50 к., пер. наша, нал. плат. (можно марк.). Адр.: Книгоизд. **П. Селезневу**, Москва, Зубовскій бульв., д. 22, отд. 21-В. 8128

ФОТО гр. снимки парижск. красавицъ новые интересные каталоги съ подробн. описан. серіи выс. въ закр. письмѣ по получен. 2×7 к. марокъ. Адр.: Л. Франкфортеръ, Лодзь 4, Ящ. 571 (сохр. адр.). 2908 12-9



Оружейный складъ и магазинъ И. И. ЧИЖОВА

СПБ., Литейный просп., № 51

извѣщаетъ Гг. Охотниковъ о выходѣ новаго прейсъ-куранта № 12 на 1914—1915 г. Содержитъ послѣднія новости. По требованію въ провинцію высылается, а въ Петербургѣ выдается безплатно. 3-2 307

ДРАГОЦѢННАЯ КНИГА ДАРОМЪ!

Сообщите мнѣ свой адресъ только въ закрытомъ письмѣ (открытки остаются безъ отвѣта), и я вышлю Вамъ для ознакомленія безплатно (не присылайте ни денегъ, ни марокъ) свой **КРАТКІЙ САМОУЧИТЕЛЬ ГИПНОТИЗМА, ХИРОМАНТІИ, ФИЗІОГНОМИКИ, ФРЕНОЛОГІИ, ГРАФОЛОГІИ и АСТРОЛОГІИ** съ рисунками въ текстѣ. По этой книгѣ Вы узнаете много **УДИВИТЕЛЬНАГО, НОВАГО и ВАЖНАГО** о себѣ лично, о близкихъ друзьяхъ и знакомыхъ. По ней легко опредѣлить **ХАРАКТЕРЪ, ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ и БУДУЩЕЕ.** Адресуйте: **ПСИХО-ФРЕНОЛОГУ Х. М. ШИЛЛЕРУ-ШКОЛЬНИКУ, ВАРШАВА, ПЕНКНАЯ, 25. Лит.—26.**

Неврастенія у мужчинъ. Ея причины, сущность и лѣченіе. Сочиненіе удостоено наградъ и составлено на основаніи новѣйшихъ данныхъ науки. 228 стр. съ рисунк. Полезное руководство для излѣченія. **Цѣна 60 коп.** (можно русскими почтовыми марками).

1466 Адресъ: (33)

Швейцарія, Женева 567, Genève 567. Dr. med. Rumler.

Однимъ изъ постоянныхъ спутниковъ солнца 5-4

являются веснушки. Особенно обильно являются онѣ въ лѣтніе мѣсяцы, когда кожу лица сильно раздражаютъ палящіе лучи солнца. Долгое время веснушки — этотъ обезображивающій даже самыя красивыя лица недостатокъ — относились къ разряду тѣхъ золъ природы, съ которыми человѣкъ еще безсиленъ бороться. Но съ изобрѣтеніемъ получившаго широкую извѣстность Крема **КАЗИМИ** Метаморфоза взглядъ ученыхъ на этотъ вопросъ рѣзко измѣнился. И это вполнѣ основательно, ибо кремъ КАЗИМИ радикальнѣйшее средство, предупреждающее и уничтожающее веснушки, пятна, загаръ, угри и другіе дефекты лица. Цѣлебное значеніе этого крема усиливается еще тѣмъ, что онъ не содержитъ никакихъ ядовитыхъ или раздражающихъ кожу веществъ. 3049

ЗАОЧНЫЕ, САМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ и прочихъ коммерческихъ знаній

С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ

Москва, Староконюшенный, д. Курилко. 7

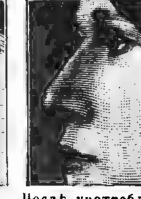
Аттестатъ бухгалтера. Ручательство въ успѣхѣ. Тысячи благодарн.

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО УСЛОВІЯ ИЗУЧЕНІЯ КОММЕРЧЕСК. НАУКЪ ПО ПИСЬМЕННЫМЪ ЛЕКЦІЯМЪ, ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.

2924 16-10

ОЖИРѢНІЕ.

Прочь обременительный жиръ! Стройная фигура, благодаря рекомендованному врачами **пріятному на вкусъ травяному чаю.** Значительное убавленіе вѣса **безъ соблюденія діэты. За успѣхъ и безвредность ручается фирма.** Единственное правильное лѣченіе отъ ожирѣнія. 1 пакетъ 2 р., 3 пакета 5 р. Химическая фабрика **Д-ръ Балловицъ и Ко, Рига. Отд. А. В.** Фабрики въ Берлинѣ и въ Парижѣ. Ежедневно поступаютъ благодарственныя письма. Такъ, г-жа Т. пишетъ: „Мнѣ убавилось 40 фунт.". Г. С.: „Убавилось въ теченіе 3-хъ недѣль 26 фунт., буду Васъ всюду рекомендовать". 3108 3-2



До употребл. После употребл.

НОСОВОЙ ФОРМОВЩИКЪ!

Фотогр. снимокъ новаго **„Целло", модель № 16.** Этотъ геніально конструированный аппаратъ исправляетъ всякую форму носа (за исключ. костныхъ недостатк.). Горячо рекомендованъ между проч. **корол. надворнымъ совѣтникомъ профес. мед. фонъ-Экъ.** Цѣна **2** р. **70** к., съ точнымъ регуляторомъ — **5** р., такого же съ каучукомъ — **7** р. Высыл. налож. плат. До сихъ поръ разослано 60.000 штукъ. Закажите, указывая недостатокъ, непосредственно **спеціалисту: Л. М. Багинскій въ Ригѣ 45, Романовская ул., № 29.** Отдѣленія въ Берлинѣ и Лондонѣ. 2840 (6)

ДАМСКІЯ БОРОДЫ. 3183 (21)

Только отъ примѣненія нашего новаго америк. способа, рекомендован. врачами, всякій нежелательный ростъ волосъ **тотчасъ** исчезаетъ **безболѣзненно** и **безслѣдно навсегда,** благодаря разрушенію корней. Самостоятельное примѣненіе. Гарантія: въ случаѣ неуспѣха, деньги обратно. Цѣна 2 р. 50 к. налож. плат. Химико-Косметич. Институтъ „Д-ръ Балловицъ и К-о" въ Ригѣ, А. В. Фабрики въ Берлинѣ и въ Парижѣ.

Nach Gebr.

СЕРДЕЧНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ, ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцебіеніе и одышки, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ"** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина"; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

2163 12-6

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

Библиотека "Руниверс"

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г.
№ 28.
Выданъ 6 сентября 1914 г.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

XLV г. изданія

Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

СЕРДЕЧНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ,

ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцебіенія и одышки, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ"** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина"; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копеечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

2165 12-4

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬ и СВЬЯ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

28-й годъ. Основан. въ 1886 году, разрѣшенные Начальствомъ **28-й годъ.**

КУРСЫ и БЮРО БУХГАЛТЕРІИ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ,

преподавателя бухгалтеріи московскаго учительскаго института.

МОСКВА, Тверская ул., уголъ Леонтьевскаго пер., д. № 33, бывш. Полякова. 8185 8-8

I-го СЕНТЯБРЯ НАЧАЛО ОБЩАГО КУРСА. Программы высылаются безплатно.

БУХГАЛТЕРІЯ ТОРГОВАЯ, БАНКОВАЯ, ФАБРИЧНАЯ, СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВ., ВИННОЙ МОНОПОЛІИ, ГОРОДСКИХЪ И ЗЕМСКИХЪ УПРАВЪ. ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА.

Въ текущемъ учебномъ году на курсахъ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ обучалось 486 человѣкъ, всего же за 27 лѣтъ—свыше 8,500 человѣкъ.

НА КУРСЫ ПРИНИМАЮТСЯ ЛИЦА ОБОЕГО ПОЛА, ВСЯКАГО ВОЗРАСТА и ОБРАЗОВАНІЯ.

СЕНТЯБРЬСКІЙ КУРСЪ ОСОБЕННО УДОБЕНЪ ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ.

ЗАИКАНІЕ

Радикальн. отвыкан. в Лѣчебном Кабинетѣ Гг. М. Вагнер, Петроград, Невскій, 53. Патентов. в Россіи, Франц., Бельг., Венгр. аппарат. Брошюры безплатно.

5233 6 1

НА МАНДОЛИНѢ, ГИТАРѢ

въ 30 урок. выуч. играть. ЗАОЧНО

Усл. заочн. обуч. выс. безпл. (для провин.) ЛИЧНО ежед. Москва, Срѣтенка, 21, кв. 30. „КУРСЫ МУЗ."

3638 7-4

ЗАОЧНЫЕ, САМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ

КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ

И ПРОЧИХЪ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ

— С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ —

Москва, Староконюшенный, д. Курилко. 7

АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА. РУЧАТЕЛЬСТВО ВЪ УСПѢХѢ. ТЫСЯЧИ БЛАГОДАРН.

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО УСЛОВІЯ ИЗУЧЕНІЯ КОММЕРЧЕСК. НАУКЪ ПО ПИСЬМЕННЫМЪ ЛЕКЦІЯМЪ, ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.

3237 16-1

БЕЗПЛАТНО! ВАЖНО ПРОВИНЦІИ!

НАШЪ СЕЗОННЫЙ ПРЕЙСЪ КУРАНТЪ послѣднихъ моделей дамскихъ пальто, костюмовъ, платьевъ, юбокъ, бѣлья, обуви, корсетовъ, хозяйствен. принадлежн. и многихъ другихъ интересныхъ предметовъ **ОТПЕЧАТАНЪ и разсылается всѣмъ иногороднимъ БЕЗПЛАТНО. Все иллюстрировано, все дешево, все ново!** Не откладывайте на завтра, требуйте выслать сегодня, **сейчасъ же, немедленно.**

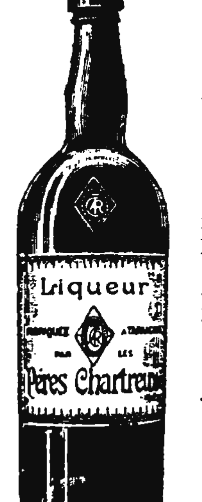
9:32 2-1

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ

ПАВЕЛЪ ОБОИМОВЪ,

Москва, Тверская, д. 30 12.

Шартрезскіе монахи



изгнанные изъ Франціи и лишенные владѣнія только во Франціи ихъ старинныхъ марокъ, проданныхъ съ публичныхъ торговъ, унесли съ собою свой секретъ. Они фабрикуютъ теперь ихъ извѣстный ликеръ въ Таррагонѣ (Испанія). Эта фабрикація продолжается по способу, секретъ котораго они сохранили. Измѣнилась только форма бутылки. Посмотрите на нее внимательно, чтобы не смѣшивать таковую. Въ ожиданіи разрѣшенія въ Россіи процесса, начатаго по дѣлу о прежнихъ маркахъ, надо требовать эту бутылку, спрашивая

ликеръ, фабрикуемый въ Таррагонѣ

ШАРТРЕЗСКИМИ МОНАХАМИ

или просто требовать **ТАРРАГОНЪ**

Продажа во всѣхъ первоклассныхъ виноторговляхъ.

5234 9-1

РАДІОАКТИВНЫЙ ИСТОЧНИКЪ „РЯБОВО". УГЛЕКИСЛАЯ КЛЮЧЕВАЯ СТОЛОВАЯ ВОДА. Главный Представитель: А. Дерингеръ, Царское Село. Складъ: С.-Петербургъ, Перевозная, 8. Тел. 503-36.

Грозный часъ испытанія насталъ.

Германія, вѣковой врагъ славянства, объявила Россіи войну и, въ союзѣ съ Австріей, желаетъ посягнуть на Могущество Нашей Дорогой Родины.

По слову Своего ДЕРЖАВНАГО ВОЖДЯ, Русскій Народъ, какъ одинъ человѣкъ, всталъ на защиту Своего Отечества.

ВЫСОЧАЙШЕ учрежденный Особый Комитетъ по усиленію военнаго флота на добровольныя пожертвованія, давшій Флоту и Арміи, за десятилѣтнее свое существованіе, 23 боевыхъ судна и подготовившій значительное количество военныхъ летчиковъ, несущихъ, въ настоящее время, боевую службу, направилъ нынѣ всѣ свои средства на постройку самолетовъ и на непрерывную подготовку летчиковъ и авіаціонныхъ мотористовъ, какъ изъ чиновъ Арміи и Флота, такъ и изъ числа частныхъ лицъ, желающихъ служить, на правахъ охотниковъ, въ военно-авіаціонныхъ отрядахъ.

Ко всѣмъ, кому дорого благо Великой Россіи, обращаюсь съ горячимъ призывомъ оказать состоящему подъ Моимъ Предсѣдательствомъ Особому Комитету посильную помощь пожертвованіями на воздушный флотъ — могучее оружіе современной войны.

Великій Князь Александръ Михаиловичъ.

2 Августа 1914 г.
С.-Петербургъ.

1. Прошенія принимаются въ Канцеляріи ВЫСОЧАЙШЕ учрежденнаго Особаго Комитета—С.-Петербургъ, Офицерская улица, д. № 35.

2. Къ прошенію должны быть приложены документы, указанные въ перечнѣ требованій, предъявляемыхъ къ желающимъ обучаться искусству летать на аэропланахъ или подготовляться къ обязанностямъ авіаціонныхъ мотористовъ.

3. Пожертвованія принимаются: въ Конторѣ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА Великаго Князя АЛЕКСАНДРА МИХАИЛОВИЧА, СПБ., Офицерская, 35, въ мѣстныхъ комитетахъ, казначействахъ, конторахъ и отдѣленіяхъ Государственнаго банка, въ государственныхъ сберегательныхъ кассахъ, въ Волжско-Камскомъ Коммерческомъ банкѣ и отдѣленіяхъ его, въ Московскомъ Купеческомъ банкѣ и его отдѣленіяхъ и въ Конторѣ газеты „Новое Время" СПБ., Невскій, 40.

Дамскія и дѣтскія шляпы

много лѣтъ существующей фирмы

Н. М. Селинъ и П. Д. Золотаревъ, въ Москвѣ

по Неглинному проѣзду, въ Александровск. Пассажѣ, рядомъ съ Императ. Малымъ театромъ, и въ Нижегор. Ярмаркѣ. Главная линія, лавка № 8, большой магазинъ, **торговля оптомъ и въ розницу.** Для увеличенія сбыта **въ розницу,** предлагаетъ товары **по оптовой цѣнѣ:** новѣйшихъ фасоновъ дамскія и дѣтскія шляпы: бархатныя, шелковыя и фетровыя, также мѣховыя изъ разныхъ мѣховъ, шляпы, шапки, отдѣланныя и безъ отдѣлки; муфты, горжеты и боа, страусовыя боа, страусовыя и фантази перья, крылья и разныя друг. новости; цвѣты искусственные лучшіе. На всѣ товары цѣны оптовыя. Требованія и запросы покупательницъ исполняются въ самомъ скоромъ времени и со всей аккуратностью. Иногороднимъ можно наложеннымъ платежомъ.

2-2 8193

От С.-Петербургскаго Городского Общественнаго Управленія.

ГРАЖДАНЕ!

Великіе страдные дни переживаетъ нынѣ Россія.

Родина наша, такъ искренно желавшая мирнаго и спокойнаго развитія, неожиданно подверглась вооруженному нападенію врага.

Какъ одинъ человѣкъ родная страна, безъ различія состояній, народностей и партій,—воспрянула на защиту своей державной чести и своего государственнаго достоянія.

Твердо вѣримъ, что такой подъемъ народныхъ силъ и полное ихъ единеніе дадутъ успѣхъ въ справедливомъ нашемъ дѣлѣ.

Вся Россія слилась съ своей арміей въ одномъ непреодолимомъ желаніи побѣды надъ врагомъ, и пусть защитники родины знаютъ, съ какою вѣрою и любовію великая страна на нихъ взираетъ.

Но одного сочувствія мало. Помощь странѣ въ переживаемое трудное время должны оказывать не только вооруженная сила, но и всѣ граждане.

Мы прежде всего обязаны всемѣрно позаботиться о томъ, чтобы семьи ушедшихъ на военную службу не остались въ нуждѣ и нищетѣ, а раненые и больные воины нашли въ столицѣ лѣченіе и помощь.

Городская Дума главное руководство въ дѣлѣ сбора и распредѣленія пожертвованій на военныя нужды поручила особо избранному Комитету изъ 21 гласнаго подъ предсѣдательствомъ Городского Головы.

Комитетъ можетъ выполнить свои обязанности, только опираясь на все населеніе Петербурга, которое и призываетъ къ содѣйствію.

Комитетъ находится въ зданіи Городской Думы и имѣетъ дежурство для всякаго рода объясненій и пріема пожертвованій ежедневно отъ 11 до 2 часовъ дня.

Кромѣ Комитета, забота о семействахъ запасныхъ нижнихъ чиновъ возложена городомъ на Городскія Попечительства о бѣдныхъ.

Пусть каждый изъ Васъ пожертвуетъ хоть что-либо.

Жертвуйте не только деньгами, но и вещами, припасами и топливомъ. Не стѣсняйтесь количествомъ. Жертвуйте личнымъ безплатнымъ трудомъ — всегда найдется работа.

Если кто изъ Васъ можетъ пріютить у себя осиротѣлую семью или предоставить городу для военныхъ надобностей безплатное помѣщеніе — заявляйте объ этомъ либо въ Комитетъ, либо въ мѣстное попечительство.

Помните, что, кромѣ заботы о семьяхъ нижнихъ чиновъ, на городѣ, а слѣдовательно и на Васъ, граждане, лежитъ обязанность приготовить все необходимое для помѣщенія, быть-можетъ, весьма значительнаго числа раненыхъ и больныхъ воиновъ.

Помогите городу Вашими силами и средствами въ исполненіи этой священной обязанности.

Грозные настали дни. Духъ Божій проносится надъ нивою жизни и будитъ совѣсть каждаго. 8214

Да успокоится же совѣсть Ваша сознаніемъ исполненнаго долга.

Помогите братьямъ, сражающимся за Васъ.

ПОЖЕРТВОВАНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ:

1) Въ Городской Думѣ, въ помѣщеніи Комитета,
2) Въ мѣстныхъ Городскихъ Попечительствахъ и
3) Въ банкахъ и учрежденіяхъ, списокъ которыхъ будетъ указанъ дополнительно.

1-й ГИГ. УМЫВАЛЬНИК-ДУШ

д. м. Н. Н. Макшеева Сер. Мед. Всер. Гиг. Выст. Вездѣ с собой умыв.-душ. Эсм. кр. Просп. безпл. Цѣна 8 руб. 50 коп. налож. плат.

8194 СПБ., Литейный, 52, кв. 10. 8-9

Состоящіе въ вѣдѣніи Мин. Торг. и Промышл.

КУРСЫ бухгалтеріи М. Л. Гурвича.

8191 Симферополь (КРЫМЪ). 4-8

Начало зан. 1-го сентября. Програм. безплат.

Съ правами правительственныхъ учебныхъ заведеній

МУЖСКАЯ и ЖЕНСКАЯ ТОРГОВЫЯ ШКОЛЫ

при ев.-лют. церкви Христа Спасителя **въ С.-Петербургѣ, Подольская, 2.** Въ текущемъ учебномъ году 650 учащихся. Пріемные экзамены 28 августа.

Начало занятій 1-го сентября. 8217

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, С.-Петербургъ, улица Гоголя, 22.

БОЛЬШОЙ ВСЕМІРНЫЙ НАСТОЛЬНЫЙ

Атласъ Маркса

подъ редакціей

Э. Ю. ПЕТРИ и Ю. М. ШОКАЛЬСКАГО.

2-ое пересмотрѣнное и дополненное изданіе.

состоящее изъ 62 главныхъ, 160 дополнительныхъ картъ и 17 фигуръ на 55 большихъ двойныхъ таблицахъ in folio. Съ алфавитнымъ указателемъ всѣхъ (около 130.000) географическихъ названій, помѣщенныхъ въ Атласѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія.

Въ каждой странѣ географическіе Атласы приспособлены для мѣстныхъ надобностей, почему мы и задались цѣлью дать такой же Атласъ, но обработанный съ русской точки зрѣнія и, воспользовавшись для иностранныхъ картъ оригиналами одного изъ лучшихъ европейскихъ Атласовъ, отвели первенствующее мѣсто въ Атласѣ картамъ Россіи. Карта Европейской Россіи въ масштабѣ 1 : 2.000.000 (или около 48 вер. въ дюймѣ), являющаяся подробнымъ и точнымъ изображеніемъ поверхности страны, значительно усовершенствована какъ въ техническомъ отношеніи, такъ и по своему содержанію, сравнительно съ первымъ изданіемъ. Все, что было сдѣлано въ Россіи новаго по картографіи страны за 4 года, протекшихъ отъ перваго изданія, принято во вниманіе, при чемъ использованы многіе матеріалы, еще не изданные ко времени печати карты.

На картѣ нанесены: *всѣ населенныя мѣста съ числомъ жителей до 1000 чел., форты, колодцы, пороги, водопады, болота, озера, минеральные источники и курорты, таможни, монастыри, желѣзныя, шоссейныя и почтовыя дороги, каналы, порты, маяки, почтовыя и телеграфныя станціи, телеграфные кабели, пароходные рейсы на моряхъ* и т. п.

Всѣ безъ исключенія карты Атласа, относящіяся къ другимъ странамъ, подверглись такому же изученію, исправленію и дополненію, какъ и карты Россіи. Кромѣ того добавлено два совершенно новыхъ листа: одинъ, дающій изображеніе разныхъ небесныхъ явленій, а другой—карту Сѣвернаго полярнаго пространства.

Цѣна Атласа—**15** руб., съ пересылкой (въ Европейской Россіи)—**16** руб.; въ переплетѣ—**20** руб., съ пересылкой—**21** руб.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

№ 28.

12 Іюля 1914 г.

В. Маковскій. Букинистъ. Музей Императорской Академіи Художествъ.

Библиотека "Руниверс"

Сердце жизни.

Повѣсть В. В. Муйжеля.

(Продолженіе).

Она не поняла сначала, въ чемъ дѣло и про какія деньги написано тутъ. Нѣкоторое время съ удивленіемъ разсматривала бумагу. Потомъ посмотрѣла на конвертъ, опять прочла загадочную фразу—и вдругъ у нея мелькнуло подозрѣніе. Съ тою же забытой на лицѣ улыбкой, но уже краснѣя, какъ будто пойманная на чемъ-то нехорошемъ, она опять посмотрѣла на ковыляющія, неровныя буквы и безпомощно оглянулась.

Передъ ея воображеніемъ всталъ худенькій, съ серьезнымъ, какъ у большого, лицомъ, мальчикъ, разсудительный не по лѣтамъ, вѣжливый и тактичный до того, что она восторгалась порою этимъ тактомъ ребенка. Она вспомнила, какъ передъ елкой онъ пришелъ со звѣздою съ двумя другими мальчиками, и она дала имъ мелочь. На слѣдующій день на Рождество — онъ пришелъ уже одинъ славить Христа — и, не стѣсняясь, старательно выводя слова, пѣлъ, при чемъ у него выходило такъ, что со звѣздою приходили волки... И, получивъ опять серебряную мелочь, онъ поблагодарилъ, взялъ кусокъ ветчины на хлѣбѣ, которымъ хотѣла его угостить Прохорова, мѣшочекъ съ конфетами— и ушелъ.

Мужъ тогда говорилъ, что она напрасно развращаетъ ребенка деньгами, что этого не слѣдовало дѣлать, но она не обратила вниманія. Потомъ, послѣ елки, она позвала его приходить, какъ стараго знакомаго, и онъ сталъ бывать вмѣстѣ съ другимъ мальчикомъ, сыномъ молочницы.

Теперь оказалось, что мальчикъ все время ждалъ случая еще получить серебряную мелочь...

Ей стало горько, какъ будто этотъ разсудительный, похожій на взрослаго, Женя незаслуженно обидѣлъ ее. Она встала и по явившейся недавно привычкѣ, сжимая руки на груди, стала ходить изъ угла въ уголъ, качая головой и морщась, какъ отъ боли.

... Какъ нехорошо, какъ непріятно!.. На всю ея ласку, трепетную ласку одинокой женщины, жаждавшей дѣтской любви, ей отвѣтили такъ незаслуженно больно!.. Въ послѣднее время вообще стало случаться такъ, что окружающее давило и угнетало ее. Разсказы Полины Сергѣевны о своихъ подругахъ и о томъ, кто и какъ живетъ въ селѣ, неинтересные, граничащіе со сплетнею, свой стыдъ передъ Березскимъ, которому въ глубинѣ души она хотѣла показать, что живетъ не такою ужъ пустою и ненужною жизнью. Какъ больно, какъ непріятно все это!.. Теперь этотъ мальчикъ...

„Сколько за это денегъ будетъ?..“

... Деньги!.. Вѣчная, постоянная исторія. Когда она выходила замужъ—подруги поздравляли ее и съ тайной завистью говорили о томъ, что Прохоровъ много зарабатываетъ. И выходило такъ, что она выходитъ именно поэтому за него... Когда потомъ мужъ надсѣдался надъ работой, торчалъ на какихъ-то заводахъ, пропадалъ на постройкахъ, а она ходила въ послѣдней парижской модели пальто или шляпкѣ въ восемьдесятъ рублей — его товарищи, похлопывая Макса по плечу, удивлялись его трудоспособности и прибавляли:

— Впрочемъ, тебѣ надо, ты человѣкъ семейный!..

А ей совсѣмъ ничего этого не надо было, и тотъ же самый Максъ, уѣзжая съ нею въ театръ или куда-нибудь на вечеръ, дѣловымъ тономъ совѣтовалъ надѣть ей брильянты или брошь съ чернымъ жемчугомъ и, когда она возставала противъ этого, бормоталъ ласково:

— Нельзя, душечка. Тамъ будетъ директоръ Пельцевскаго завода, а у меня съ нимъ дѣла; нужно показать, что мы не оборвыши какіе-нибудь!..

А потомъ на вечерѣ—уже совсѣмъ унизительно шепталъ ей, подталкивая локтемъ, чтобы она поправила брошь, а то ее не хорошо видно... И она съ улыбкой, какъ будто нечаянно, поправляла брошь такъ, чтобъ она всѣмъ бросалась въ глаза...

Теперь Максъ пропадалъ на постройкѣ, метался изъ Петербурга домой, потомъ у него какія-то дѣла по деревнямъ, какіе-то торги съ крестьянами въ аккуратныхъ подверткахъ, боязливо проходившими черезъ гостиную, и когда въ рѣдкія минуты свиданія она говорила ему, что не надо такъ много работать, что онъ утомляетъ себя—онъ устало моргалъ опухшими отъ безсонницы и дороги вѣками и отдѣлывался общими фразами:

— Ничего не подѣлаешь, матушка: взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ... Такая наша доля — легъ въ хомутъ, такъ не вылѣзай!..

И совершенно неизвѣстно было: для чего имъ двоимъ, не имѣющимъ дѣтей, нужно было столько денегъ?..

Ей было скучно — нельзя жить такъ одной, сидя въ глупомъ селѣ, отрѣзанной отъ всего міра, а онъ разъѣзжалъ по дѣламъ, и видѣла она его разъ въ недѣлю на нѣсколько часовъ, большую часть которыхъ онъ спалъ у себя въ кабинетѣ, закрывшись съ головой и наполняя здоровымъ храпомъ никогда не высыпающагося человѣка всю квартиру...

И этотъ Березскій... Ну, зачѣмъ, зачѣмъ было брать его, именно его, знавшаго ихъ обоихъ еще молодыми? Какъ будто нельзя было найти другого чертежника. Теперь она ходила по дому такъ, какъ будто каждый шагъ ея могли видѣть, боялась выйти въ гостиную, потому что изъ чертежной слышно каждое движеніе въ ней, боялась сѣсть къ роялю,—а она любила музыку и такъ увлекалась ею, когда оставалась одна въ домѣ!..

Опять вошелъ Владиславъ и сказалъ, что пришла Полина Сергѣевна. Она сказала, что сейчасъ выйдетъ, и, когда Владиславъ былъ уже въ дверяхъ, спросила:

— А это письмо вамъ давно передали?

— Это мальчикъ-то? — переспросилъ лакей и, сдѣлавъ таинственное лицо, объяснилъ: — Сегодня утромъ... Осмѣлюсь доложить—совсѣмъ нестоющій мальчишка онъ... У него отецъ чайную содержитъ здѣсь, очень даже состоятельный человѣкъ, и которые люди если добро хотятъ сдѣлать — то совсѣмъ даже напрасно...

— Онъ у меня денегъ проситъ... Я не знаю, какъ теперь?...

— Просто даже гнать надо—не стоющій мальчикъ, только и глядитъ, какъ бы какую пользу себѣ имѣть...

Полина Сергѣевна зашла на минутку. Она попросила модный журналъ съ фасономъ какого-то платья. Замѣтивъ, что Антонина Александровна чѣмъ-то разстроена, она обняла ее и, заглядывая въ глаза, спросила:

— Что съ вами? У васъ такой видъ... Что-нибудь непріятное, а? Скажите, ну, скажите мнѣ, я васъ люблю...

— Пустяки, но мнѣ стало больно,—отвѣтила Антонина Александровна и разсказала исторію съ мальчикомъ.

— Ахъ, вотъ что,—разочарованно протянула учительница.— Ну, это тутъ постоянно бываетъ... На васъ всѣ смотрятъ, какъ на какихъ-то благодѣтелей Заполья... Ваша молочница, мать Коли — другого мальчика, съ которымъ вы занимаетесь—теперь уже всѣмъ говоритъ, что „анжинерша души въ моемъ Колькѣ не чаетъ; слава Тебѣ Господи, пристроенъ, можно сказать, малецъ; успокоилась душа моя вдовая“... Что вы хотите отъ нашего народа?

Она ушла, обѣщая забѣгать почаще, а Антонина Александровна медленно пошла назадъ. У кабинета мужа она остановилась. Тамъ дальше, черезъ открытую дверь, видно было, какъ Березскій, низко наклонившись къ доскѣ, вычерчивалъ что-то. Когда она хотѣла пройти дальше—онъ откинулся, положилъ карандашъ и взглянулъ на нее. Она подумала и прошла черезъ кабинетъ въ чертежную.

Они уже видѣлись сегодня и потому не здоровались. При ея входѣ онъ слегка приподнялся и сказалъ, такъ что трудно было понять, шутитъ онъ или нѣтъ:

— Я вамъ совѣтовалъ бы затворять двери, когда вы кого-нибудь принимаете,—здѣсь все слышно, что говорится въ гостиной...

— Да? Ну, что жъ, у меня секретовъ нѣтъ,—улыбнулась она.— Это была Полина Сергѣевна...

Онъ помолчалъ, глядя на нее темными впадинами угрюмыхъ глазъ, и какъ будто ждалъ, когда она уйдетъ.

Библиотека "Руниверс"

— Со мной сегодня случилась маленькая непріятность,— усмѣхнулась она, стараясь сбросить неловкое ощущеніе отъ этого взгляда.

— Я знаю,—просто отвѣтилъ онъ.

— Да? Вы слышали? Ужасно... горько,—нашла она нужное слово.—Я такъ искренно любила этого мальчика, а оказалось...

— Оказалось, что вы помѣщали свое чувство въ банкъ, который не оправдалъ вашего довѣрія...—закончилъ онъ. — Это дѣйствительно грустно...

— Понимаете, обидно то, что я дѣлаю все съ чистымъ сердцемъ, такъ сказать, желая сдѣлать лучше, а тутъ...

Онъ неопредѣленно пожалъ плечами и поднялся.

— Я не знаю, что̀ вамъ сказать,—проговорилъ онъ.—Въ такихъ случаяхъ говорятъ обыкновенно о томъ, что не надо падать духомъ, не надо отчаиваться или огорчаться... Я этого не сталъ бы говорить.

— А что̀ же? — спросила она, тихонько покусывая кончикъ носового платка, который держала въ рукѣ.

В. Маковскій. **Квасникъ.** Первая картина художника, написанная въ 1861 г. ученикомъ московскаго Училища Живописи. (Собственность П. Е. Цвѣткова).

— Мм... Это трудно такъ сразу... Я, пожалуй, сказалъ бы, что ничего изъ этого не надо было дѣлать и начинать. Я боюсь быть неправымъ, но я думаю, что нельзя смѣшивать двѣ стихіи. Если смѣшать воду и землю—получится грязь. Къ тому же, если это дѣлается исключительно для себя, чтобы занять свое свободное время...

Онъ не докончилъ, потому что въ кабинетѣ стукнула дверь.

— Кто тамъ? — крикнула Прохорова. — Это вы Владиславъ?

Но это былъ не Владиславъ, а Полина Сергѣевна. Она забыла сумочку и теперь вернулась за нею.

— Ради Бога, простите, тысячу разъ виновата...—извинялась она, словно сдѣлала что-то непоправимое: — я такъ разсѣянна... Дошла до поворота къ школѣ и вдругъ схватилась... Такъ нехорошо — извините, пожалуйста!..

Сумочка оказалась на столѣ въ гостиной. Уходя, учительница опять извинилась, и въ этомъ усиленномъ извиненіи такъ же, какъ и въ самомъ тонѣ словъ, было непріятное. Она

В. Маковскій. **Литературное чтеніе.** Картина, удостоенная серебряной медали при окончаніи художникомъ московскаго Училища Живописи въ 1866 г. (Собственность И. Е. Цвѣткова).

Библиотека "Руниверс"

В. Маковскій. Деревенскіе поставщики.

о чемъ мы говорили пять минутъ тому назадъ, и весь посадъ будетъ знать это...

— Я не знаю, можетъ-быть, вы, правы...—думая о чемъ-то другомъ, выговорила Прохорова:—это такъ странно...

— Ничего тутъ страннаго нѣтъ, вы только не смотрите кругомъ,—сказалъ онъ, но, взглянувъ на нее, умолкъ.

— Ахъ, да,—словно опомнившись, усмѣхнулась она:—вы говорили... Да такъ ли? Видите, когда я пріѣхала сюда—мнѣ казалось, что стоитъ сдѣлать небольшое усиліе и собрать ихъ вмѣстѣ, что ли, заинтересовать чѣмъ-нибудь—и все будетъ иначе... Имъ будетъ легче, не будетъ этихъ сплетенъ, пересудъ, Богъ знаетъ чего... Но я вижу, что это не такъ...

— Да,—подхватилъ онъ:—и въ этомъ виноваты не они, а вы... Дѣло все въ томъ, что вы привыкли смотрѣть на учителей, какъ на интеллигентныхъ людей, совершенно забывая, что этотъ типъ учителя давно вымеръ, его просто не хватило на всю школьную сѣть, а на смѣну ему пришелъ учительскій семинаристъ изъ крестьянъ, говорящій „чяво", вмѣсто „чего", пришла епархіалка, дочка дьякона, по развитію стоящая не выше своей среды, мечтающая о томъ, какъ выйти замужъ, и относящаяся къ своему учительству, какъ къ непріятной, но необходимой воинской повинности какой-то... Это плохо для васъ, случайно попавшей въ деревню и удивляющейся тому, что учительница, вздумавъ говорить о Шекспирѣ, забыла, какъ его зовутъ, и въ видѣ напоминанія объясняетъ: „Ну, какъ его, баронъ еще нѣмецкій, на Ш. фамилія начинается"... Но это не плохо—по крайней мѣрѣ, я думаю—для тѣхъ, кого они учатъ, ибо они ближе къ народу, чѣмъ мы съ вами, интеллигентные люди, читающіе современную литературу и способные ломать копья о какомъ-нибудь Стриндбергѣ... Въ конечномъ счетѣ деревнѣ пока, кромѣ элементарныхъ свѣдѣній, ничего не надо, и эти свѣдѣнія какой-нибудь Усачовъ или Жаворонокъ вполнѣ дать могутъ...

— Да, конечно... — согласилась она, очевидно, плохо слушая его: — это, разумѣется...

Онъ еще разъ посмотрѣлъ на нее внимательно и взялъ циркуль.

ушла, и Антонина Александровна сама заперла за нею дверь.

— Вы встрѣтили ее съ чистымъ сердцемъ, — усмѣхаясь, проговорилъ Березскій, когда она вошла въ чертежную:—а выйдетъ Богъ знаетъ что...

— Ну, что вы. Полина Сергѣевна, она такая интеллигентная... И притомъ несчастная, больная...

— Ахъ, оставьте вы, пожалуйста, интеллигентность, болѣзнь и все прочее, — съ раздраженіемъ махнулъ рукой чертежникъ:—все это только ваши иллюзіи, а на самомъ дѣлѣ она такъ же не прочь посплетничать, какъ всѣ здѣсь въ этомъ селѣ... Вы не можете себѣ представить, какъ тутъ всѣ освѣдомлены о вашей жизни... Мы, напримѣръ, съ вами совершенно не знаемъ, когда пріѣдетъ Максимъ Павловичъ, хотя оба въ этомъ непосредственно заинтересованы, а моя старуха-мѣщанка безошибочно предрекаетъ, что онъ „долженъ быть нынче, безпремѣнно, долженъ"...

— Да? Это странно... — протянула Прохорова, мелькомъ взглядывая на него: — тѣмъ болѣе, что и самъ Максимъ Павловичъ навѣрно никогда не знаетъ, когда онъ будетъ...

— Ну, вотъ видите... Теперь мы съ вами стоимъ и разговариваемъ въ чертежной, а Полина Сергѣевна съ точностью знаетъ,

— Я вамъ мѣшаю работать, простите... — проговорила она, оглядываясь:—я пойду...

Онъ что-то пробормоталъ и, когда она вышла, сѣлъ къ столу. Но чертить было трудно, потому что солнце звало на улицу, воробьи оглушительно щебетали подъ окномъ и въ селѣ звонили—медленно и торжественно, и звонъ плылъ въ воздухѣ широкими волнами...

Въ тотъ же вечеръ пріѣхалъ Прохоровъ. Безъ него накопилась цѣлая гора писемъ и телеграммъ, и, едва войдя въ кабинетъ, еще не умывшись, онъ присѣлъ къ столу и сталъ рѣзать большими ножницами конверты.

— А Пятница мой еще не приходилъ? — пробѣгая письма, спрашивалъ онъ.

— Нѣтъ, не былъ еще,—отвѣтилъ Березскій.

— Ахъ, чтобъ его!.. Вотъ народъ: чуть только отвернешься—сейчасъ чортъ знаетъ что выходитъ... Гм...

Онъ читалъ письмо за письмомъ, сдвинувъ по привычкѣ очки на лобъ и быстро отрѣзая отъ конвертовъ узенькую каемочку. Одно письмо его, должно-быть, удивило, потому что онъ перечиталъ, перевернулъ, потомъ отыскалъ конвертъ, изъ котораго вы-

Библиотека "Руниверс"

нулъ его, повертѣлъ его въ рукахъ и, тщательно сложивъ, запряталъ въ боковой карманъ пиджака. На другихъ онъ тутъ же быстро ставилъ для памяти карандашныя помѣтки, одно прямо выбросилъ въ корзину, одно, вскрывая, улыбнулся, но не сталъ читать и тоже спряталъ, очевидно, откладывая чтеніе.

Потомъ всталъ, потянулся такъ, что у него хрустнули суставы, и пошелъ мыться. Березскому надо было сказать кое-что по поводу работы, и онъ подождалъ его. Но о работѣ говорить не пришлось, такъ какъ Прохоровъ, едва только вышелъ, потащилъ чертежника въ столовую ужинать. Березскій хотѣлъ отказаться, но инженеръ такъ настаивалъ, что онъ пошелъ.

За чаемъ и ужиномъ Прохоровъ много говорилъ, разсказывалъ смѣшныя исторіи и самъ смѣялся громкимъ раздѣльнымъ смѣхомъ, гулко отдававшимся въ большой комнатѣ. Похоже было, что онъ не хочетъ остаться одинъ съ женой, и, когда Березскій пытался раза два встать, онъ удерживалъ его и опять начиналъ разсказывать. Когда заговорили о селѣ, о томъ, какую роль будетъ играть это село черезъ два года, — онъ откинулся на спинку стула и сказалъ:

— Подождите, вы не узнаете этого села... Здѣсь будетъ настоящая жизнь, а не какая-то муть... Теперь я удивляюсь Антонинѣ, какъ она можетъ жить здѣсь безъ дѣла, а тогда...

Онъ взглянулъ на жену, немного смутился и погладилъ бороду.

— Какое же дѣло должно быть у меня?—спросила она, и въ голосѣ ея Березскому послышалась горечь.—Я пробовала, но не дальше, какъ сегодня...

— Ахъ, да, я слышалъ,— подхватилъ онъ: — отъ кого, бишь, я слышалъ это? Да,— продолжалъ онъ:—но я тебѣ говорилъ, что ничего изъ этого выйти не можетъ. Ты совсѣмъ не знаешь мѣстныхъ условій: мѣщанское племя— племя лукавое... Оно потонуло въ сплетняхъ, мелочности, эгоизмѣ. Даже людей, которымъ совершенно нѣтъ дѣла до ихъ жизни, и то оно не можетъ оставить въ покоѣ, начинаетъ нюхать, врать, выслѣживать и пакостить... Такой ужъ народъ!

Онъ усмѣхнулся чему-то и погладилъ бороду и, слегка пожимая плечами, какъ будто снимая съ себя отвѣтственность за мѣщанское племя, добавилъ:

— Я говорилъ тебѣ, Нина, ты сама захотѣла...

Березскому было почему-то непріятно слушать его. Кажется, его раздражалъ этотъ самоувѣренный, чуть-чуть шутливый тонъ, по которому видно было, что инженеръ не придаетъ значенія тому, что ему могутъ отвѣтить, такъ какъ знаетъ впередъ всѣ доводы противника. Онъ слегка двинулся, нахмурился еще больше и, постукивая по скатерти пальцами, сказалъ:

— Я не знаю, почему вы считаете, что учительница, въ жизни которой принимала нѣкоторое участіе Антонина Александровна, принадлежитъ къ этому вашему племени... Въ каждомъ человѣкѣ для другого есть непріятное, нельзя же считаться съ этимъ...

— Я не считаюсь, а...—началъ-было Прохоровъ, но онъ не далъ ему досказать.

— Но позвольте, какъ вы не видите, что это непріятное идетъ совсѣмъ отъ другого, вѣдь вы-то не можете не знать, гдѣ тутъ зарыта собака? И вы вдругъ говорите такимъ тономъ, какъ будто считаетесь съ этимъ и рекомендуете считаться Антонинѣ Александровнѣ...

— Вы не такъ поняли меня... Я только отвѣтилъ Антонинѣ Александровнѣ.

Березскій остановился, крѣпко сжалъ губы и слабо махнулъ рукой.

В. Маковскій. Мухобой.

Библиотека "Руниверс"

В. Маковскій. Школьные товарищи.

Библиотека "Руниверс"

— Мнѣ домой пора...—неожиданно проговорилъ онъ:—уже поздно...

Былъ уже май—и ночи спускались медленно и осторожно, словно боясь спугнуть вечеръ, и западъ горѣлъ долгимъ краснымъ заревомъ. Еще не потухалъ его отблескъ, и странный разсѣянный свѣтъ лежалъ на тихой землѣ, а съ востока уже подымалась большая красная луна и круглымъ, напряженнымъ глазомъ взглядывала на спящую землю, и бѣлые грозди черемухи въ ея сказочномъ свѣтѣ рисовались таинственно и странно... Нѣжное голубое небо, свѣтлое и прозрачное, какъ крашеное стекло, отражалось въ рѣчкѣ, въ небольшихъ лужахъ около колодцевъ, и отъ этого ночь казалась еще свѣтлѣе. Это была пора, когда на сѣверѣ стоятъ бѣлыя ночи, и измученная безсонницей земля нервно дышитъ накопленнымъ за день тепломъ.

Село спало, и лавочки у воротъ опустѣли. Темная, высокая колокольня свѣтилась въ свѣтломъ небѣ блестящимъ крестомъ, и эта мерцающая точка напоминала лампаду, повисшую въ воздухѣ. На площади, за которой жилъ Березскій, въ сумеречномъ свѣтѣ одиноко стояла высокая фигура человѣка. Глухой, низкій басъ бубнилъ что-то, длинная рука замахивалась порою, и вся фигура качалась изъ стороны въ сторону, какъ медвѣдь, привязанный на цѣпь.

— Чай пить надо, кофей пить, а косить не надо!..—разобралъ Березскій, проходя мимо.—Не надо косить, довольно косить, кофей пить надо!..

Это былъ Захаръ-дурачокъ. Сидѣвшіе въ темнотѣ у лавокъ въ рядахъ ночные сторожа дразнили его, и онъ волновался глухимъ раздраженіемъ идіота, взмахивалъ огромной рукой и качался, переступая съ ноги на ногу. И одинокій на широкой площади, съ ушедшей въ плечи головой, оборванный и босой, онъ производилъ жуткое впечатлѣніе.

Въ рядахъ подъ крышей смѣялись и кричали тонкимъ голосомъ:

— Захаръ, косить надо, косить иди!..

Березскій обошелъ дурачка. Тотъ не обратилъ на него вниманія и все толковалъ про чай, кофе и косьбу. Кругомъ черными, слѣпыми окнами смотрѣли покосившіеся домишки, кое-гдѣ мерцала розовымъ свѣтомъ одинокая лампадка, и тяжелый, сытый сонъ висѣлъ надъ всѣмъ селомъ. Березскій оглянулъ темныя избы, глубокую тѣнь подъ навѣсомъ торговыхъ рядовъ, гдѣ днемъ сидѣли, ничего не дѣлая, краснолицые, бородатые мѣщане, и подумалъ:

„Сколько вѣковъ должно пройти, прежде чѣмъ живущіе здѣсь люди расширятъ интересъ своей жизни настолько, чтобы не замыкать ее своимъ селомъ, своимъ кругомъ, научатся уважать науку, познаютъ искусство, увидятъ цѣнность жизни не въ деньгахъ, не въ удовлетвореніи своихъ аппетитовъ, а въ развитіи мысли, въ радости творчества жизни?..“

Дома онъ не легъ спать, а сѣлъ къ окну и слушалъ неясные шорохи ночи. Они стлались тонкой паутиной, и чѣмъ выше всходила блѣднѣвшая большая луна, тѣмъ таинственнѣе были ночные голоса. Одинокій человѣкъ, сидящій у раскрытаго окна, былъ затерянъ въ блѣдной дымкѣ этой ночи.

Когда онъ легъ, то долго не могъ заснуть. Въ комнатѣ было душно, и гдѣ-то близко, надъ самымъ ухомъ, томительно звенѣлъ первый комаръ. Оттого, что звонъ этотъ то приближался, то удалялся, не прекращаясь ни на минуту, сонъ бѣжалъ, и въ душѣ накипало раздраженіе. Послѣднее, что онъ видѣлъ въ селѣ—огромный Захаръ—стоялъ передъ глазами, и мысль невольна возвращалась къ нему.

„Откуда могъ вылѣзть подобный типъ? Какія условія могутъ создавать всѣхъ этихъ дурачковъ, блаженныхъ, юродивыхъ?..

Грубое, жестокое дѣтство, постоянныя колотушки чѣмъ попало по головѣ, вѣчная нищета, ночи въ душныхъ, переполненныхъ народомъ, избахъ, гдѣ зимою не хватаетъ воздуху, принижающая работа...“

Чтобы хоть немного отвлечься, онъ сталъ думать о другомъ. Вчера къ нему приходилъ пьяный десятникъ Пятница, котораго Прохоровъ хотѣлъ увольнять, и долго и пространно жаловался, бранился и плакалъ. Онъ разсказывалъ о томъ, что инженеръ беретъ взятки, что подрядчикъ долженъ отдавать огромную сумму ему—десять процентовъ съ каждой поставки, что все нужное инженеру является даромъ, такъ какъ все это несутъ тѣ же подрядчики. И главное, что возмущало вѣрнаго до сихъ поръ Пятницу, и о чемъ онъ усиленно просилъ написать въ газету—спекуляція землей. Инженеръ зналъ, гдѣ пройдетъ дорога, примыкающая къ той, что строилась, и скупалъ у мужиковъ земли, играя на огромное повышеніе цѣнъ при отчужденіи.

Березскому въ заключеніе надоѣло слушать его, и онъ прогналъ пьянаго десятника; но теперь, лежа одинъ, затерянный въ молчаливомъ сумракѣ ночи, думалъ о томъ, что разсказывалъ этотъ хмельной человѣкъ. И, по мѣрѣ того, какъ думалъ,—глухое знакомое возмущеніе, похожее на горькую, незаслуженную обиду, подымалось у него въ душѣ.

VII.

— Вы говорите, что здѣсь душно отъ того, что называется сплетнями. Я не стану спорить съ вами, хотя на себѣ и не чувствую этого; но видите ли, въ чемъ дѣло: мы, такъ называемые культурные люди, съ позволенія сказать—интеллигенція, читаемъ газеты, выписываемъ журналы, напихиваемъ себя беллетристикой. Насъ интересуетъ судьба балканскаго вопроса, хотя, въ сущности, для насъ, напримѣръ, съ вами балканскій вопросъ такъ же важенъ, какъ прошлогодній снѣгъ. Затѣмъ извольте посмотрѣть нашу интеллигентскую публику — опять-таки, съ позволенія сказать, я упираю на это—едва только гдѣ-либо случится сенсаціонное убійство—газеты уже заранѣе выпускаютъ большое количество нумеровъ, особыя приложенія и такъ далѣе... И все это расходится, прочитывается. И это мы—культурные люди!

Прохоровъ сдвинулъ очки на лобъ, подчеркнулъ колонну цифръ, написанную на маленькомъ блокъ-нотѣ въ желтой блестящей обложкѣ, и, поправивъ крючокъ у цифры 5, продолжалъ:

— Живущіе здѣсь не имѣютъ возможности выписывать газетъ. Кругъ ихъ жизни настолько суженъ, что не выходитъ изъ рамокъ личнаго „я“, своего дома, своего села. Обвинять ихъ въ томъ, что они интересуются, какъ и что ѣстъ за столомъ пріѣзжій инженеръ, значитъ—обвинять насъ въ томъ, что мы нетерпѣливо разворачиваемъ утреннюю газету, чтобы узнать, кто побѣдилъ: турки или сербы? Насъ съ вами на войну не возьмутъ, на биржѣ мы не играемъ, въ Арміи Спасенія не состоимъ, за всеобщій міръ не ратуемъ. Насъ влечетъ въ большинствѣ случаевъ къ газетѣ просто любопытство. То же и у нихъ, только масштабъ меньше, сообразно съ ихъ развитіемъ.

Березскій откинулся на спинку стула, поправилъ лѣзущую на лобъ прядь волосъ и, помолчавъ, отвѣтилъ:

— Видите ли, я думаю, что если мы читаемъ газету, то, кромѣ пустого любопытства, насъ влечетъ и еще кое-что. Такъ, прочтя о какомъ-нибудь явленіи, мы обобщаемъ его—дѣлаемъ выводъ, слѣдимъ за тѣмъ, что называется развитіемъ культуры, человѣческой мысли, жизни... Здѣсь же, если говорятъ о томъ, что волостной подрался съ женой и былъ пьянъ на сходѣ,—этимъ занимаются только потому, что мелкая злость, ничего недѣланіе требуютъ пищу языку. Ну, какое имъ дѣло, скажите, до того, что вы ѣздите, куда ѣздите и когда пріѣдете?

— А какое намъ дѣло до того, что какая-нибудь герцогиня итальянскаго двора убѣжала съ армейскимъ офицеромъ, или владѣтельный князь нѣмецкаго княжества величиною съ наше село проигрался въ Монте-Карло и изъ-за этого вышелъ европейскій скандалъ?

Инженеръ опустилъ опять очки, просмотрѣлъ папку съ замѣтками и отбросилъ ее въ сторону.

— Нѣтъ, батюшка мой, я давно привыкъ мѣрять все масштабомъ. Мы ничуть не меньше занимаемся сплетнями, чѣмъ они, только наши сплетни болѣе, такъ сказать, абстрактны, а у нихъ, благодаря непривычкѣ отвлеченно мыслить, — конкретнѣе... На это нельзя сѣтовать, какъ нельзя обижаться на какого-нибудь дурачка Захара или дурочку Нюшу, когда они бранятся на улицѣ... Да-съ, государь мой, мы вотъ толкуемъ, а мнѣ ѣхать надо; поди, Александръ ужъ стоитъ и ждетъ меня...

— Куда же вы теперь?

— Охъ, ужъ и сказать не знаю, какъ... И на станцію—гнать этого самаго Пятницу, черти бы его побрали, и въ деревню, и опять на станцію, только на слѣдующую...

Онъ собралъ бумаги, провѣрилъ какой-то счетъ и, крикнувъ

Библиотека "Руниверс"

В. Маковскій. Офицерская нянька. Русскій Музей Императора Александра III.

Библиотека "Руниверс"

Владислава, ушелъ въ спальню. Березскій сталъ къ окну и молча смотрѣлъ на дворъ, гдѣ Александръ, уже на козлахъ, лѣниво поглядывалъ на окна въ ожиданіи барина.

Гдѣ-то въ домѣ, сначала вдали, потомъ ближе, послышались торопливые, быстрые шаги и характерный свистъ платья. Березскій часто слышалъ этотъ звукъ, и каждый разъ сердце вдругъ начинало биться, какъ при приближеніи неожиданной опасности. И въ такія минуты онъ съ особенной яркостью чувствовалъ странную горечь отъ того, что у него большая съ ранней просѣдью борода, что лицо его пожелтѣло и сложилось въ привычныя напряженныя морщины, что глаза глубоко ушли въ темныя ямы, и въ нихъ безнадежно и неподвижно лежитъ старая печаль.

Порою, когда онъ слышалъ знакомый, какъ будто немного задыхающійся голосъ, стоя гдѣ-нибудь у шкапа съ пыльными папками или сидя передъ большимъ столомъ, онъ страстно сжималъ руки и морщился, какъ отъ физической боли. И пока гдѣ-нибудь за двѣ или три комнаты звучалъ загадочный, потому, что онъ не зналъ его причины, волнующій смѣхъ — онъ вдругъ видѣлъ себя такъ, какъ будто бы смотрѣлъ со стороны. И это было самое мучительное.

(Продолженіе будетъ въ № 30).

Букетъ.

Братъ сказалъ съ улыбкой доброй: „Я окрестность обойду,
Но цвѣтовъ поры весенней непремѣнно я найду.
Изъ цвѣтовъ букетъ огромный и душистый соберу
И порадую букетомъ я любимую сестру“.

Въ небѣ солнце, въ небѣ птицы, въ полѣ легкій вѣтерокъ.
Братъ прилежно собираетъ за цвѣткомъ еще цвѣтокъ;
И, любуяся цвѣтами, ихъ вдыхая ароматъ,
О сестрѣ опять подумалъ улыбающійся братъ.

И пошелъ домой съ улыбкой и несетъ свои цвѣты.
Вдругъ онъ дѣвушку увидѣлъ въ блескѣ первой красоты.
Какъ цвѣтокъ въ травѣ росистой, передъ нимъ она стоитъ,
И съ лукавою улыбкой на него она глядитъ.

Онъ предъ ней остановился въ изумленьи, какъ нѣмой,
Ослѣпленный, словно солнцемъ, лучезарной красотой.
Въ первый разъ ее онъ видитъ, но тревогу сердце бьетъ,
И съ улыбкой восхищенья онъ букетъ ей подаетъ.

И букетъ рукой лилейной тихо дѣвушка взяла,
Головой слегка кивнула, повернулась и ушла.
Долго-долго за цвѣтами братъ по полю брелъ и брелъ,
Но къ сестрѣ своей любимой безъ букета онъ пришелъ.

Перекати-поле.

„Я васъ люблю, Зина“...

Посмертный этюдъ **Вл. Тихонова.**

(Окончаніе)

— А я долженъ сообщить тебѣ непріятную новость, — сказалъ мужъ, когда она вошла къ нему въ кабинетъ. — Я сегодня уѣзжаю въ Харьковъ, на процессъ... Думалъ, что на будущей недѣлѣ, а вотъ... экстренно вызвали... До разбирательства еще кое съ чѣмъ тамъ познакомиться нужно.

— Надолго? — упавшимъ голосомъ спросила Зинаида Сергѣевна.

Мужъ былъ тронутъ. Искренняя грусть послышалась ему въ ея тонѣ.

— Нѣтъ, голубчикъ, не волнуйся! Дней на десять какихъ-нибудь. Ты ужъ не скучай безъ меня, голубка!

И онъ нѣжно поцѣловалъ руку жены.

„О чемъ онъ говоритъ? — соображала Зинаида Сергѣевна. — Ахъ, да! Онъ думаетъ, что это я объ немъ скучать буду! Бѣдный, онъ вѣритъ въ мою любовь“.

И ей стало жалко мужа, и она, наклонившись, поцѣловала его въ лысѣющій лобъ. И жалко и совѣстно. Потому что въ это воскресенье она надѣялась видѣть у нихъ Левитскаго, ну, а теперь, по случаю отъѣзда мужа, конечно, гостей не будетъ...

Вечеромъ она проводила мужа на вокзалъ, а оттуда заѣхала въ гости къ однимъ очень скучнымъ знакомымъ, жившимъ тоже въ Царскомъ Селѣ.

Часовъ въ одиннадцать она вернулась домой и рано легла спать. А наутро, проснувшись, стала ждать... звонка телефона.

„Неужели онъ и сегодня не позвонитъ?“ — думала она, переходя изъ комнаты въ комнату и не находя себѣ мѣста.

За завтракомъ она почти ничего не ѣла и въ часъ уже сидѣла за столомъ около аппарата.

— Я люблю васъ, Зина! — твердила она сама себѣ, словно стараясь загипнотизировать аппаратъ и вызвать дорогія, желанныя слова.

Стрѣлка часовъ двигалась мучительно медленно... Телефонъ не звонилъ...

Цѣлый часъ просидѣла она грустная, задумчивая. И когда стрѣлка показала два, — двѣ маленькія слезинки навернулись на глазахъ.

Она вздохнула и хотѣла-было подняться съ мѣста. И вдругъ новая мысль осѣнила ея голову. Она быстро схватила лежавшую тутъ же на столѣ желтую книжку телефонныхъ абонентовъ и начала ее перелистывать.

— К... Л... Ла... Ле... Левитскій, — нашла она. — Левитскій, Д. Н., присяжный повѣренный.

Она торопливо позвонила на станцію и сказала нумеръ Левитскаго.

— Петербургъ занятъ, — отвѣтила ей барышня.

Зинаида Сергѣевна чуть не вскрикнула отъ боли.

— Барышня! Барышня! — заторопилась она. — Когда освободится, позвоните ко мнѣ.

— Хорошо! — отвѣтила барышня.

Зинаида Сергѣевна стала ждать. Шли минуты за минутами, а барышня все не звонила. Зинаида Сергѣевна не вытерпѣла и позвонила вторично.

— Звоню, — отвѣтила барышня.

Зинаида Сергѣевна плотно прижала ухо къ трубкѣ и ждала. Слышались какіе-то неясные переговоры, потрескиванія, постукиванія. Наконецъ что-то звякнуло, зашуршало, и женскій голосъ спросилъ изъ аппарата:

— Что угодно?

— Это квартира Левитскаго? — нерѣшительно и съ дрожью въ голосѣ спросила Зинаида Сергѣевна.

— Такъ точно.

— А самъ онъ дома?

— Никакъ нѣтъ.

И затѣмъ какія-то неясныя слова.

— Что? Что? Громче, пожалуйста! — почти кричала Зинаида Сергѣевна.

— ...они еще третьяго-дня уѣхали въ Харьковъ, — донеслось до нея.

— Что? Что? — разслышавъ, но словно не вѣря своимъ ушамъ, повторяла Зинаида Сергѣевна.

— ...уѣхали въ Харьковъ. Третьяго-дня. На двѣ недѣли. А что прикажете имъ передать, когда вернутся? — спрашивала изъ аппарата, очевидно, горничная.

— Ничего, — совсѣмъ тихо отвѣтила Зинаида Сергѣевна и блаженно закрыла глаза.

„Стало-быть, это *онъ* со мной говорилъ! Значитъ, это *онъ* меня любитъ!.. Милый!.. Ненаглядный!.. Любимый!..“ — радостно думала Зинаида Сергѣевна...

„Онъ любитъ!“ — повторяла то и дѣло Зинаида Сергѣевна, и сидя у себя въ комнатѣ за работой, и проходя въ столовую къ обѣду, и вечеромъ, бродя по садику. — Онъ любитъ! Но... что же дальше? Дальше-то что же? Вѣдь я замужемъ... живу съ мужемъ „счастливо“... то есть ни на что не могу пожаловаться... Развѣ только на то, что мнѣ скучно?.. Но, можетъ-быть, я дѣйствительно сама виновата въ этомъ? И, можетъ-быть, мужъ правъ? Будь у меня какія-нибудь занятія, какое-нибудь дѣло — и я не знала бы этой томящей скуки... Такъ отчего же онъ мнѣ не далъ этого дѣла? Отчего же онъ меня не втянулъ ни въ какіе интересы? Правда, онъ меня записалъ въ какіе-то благотворительные комитеты, куда я должна разъ въ годъ вносить членскіе взносы... Правда, я могу ѣздить даже на засѣданія этихъ комитетовъ... но тамъ еще скучнѣе, чѣмъ дома. Мертвые люди дѣлаютъ тамъ какое-то мертвое дѣло, говорятъ мертвыя рѣчи; а живые, во имя которыхъ все это говорится и дѣлается, въ это время умираютъ съ голода... Развѣ я могу удовлетворяться этимъ?“

А мужъ? Онъ ведетъ тамъ какія-то свои дѣла, вводитъ кого-то во владѣніе; состоитъ юрисконсультомъ какихъ-то акціонерныхъ предпріятій; считается очень дѣльнымъ цивилистомъ; зарабатываетъ большія деньги... Но это гдѣ-то тамъ, въ сторонѣ отъ ея жизни... Два раза ѣздила она въ судъ, чтобъ послушать рѣчи своего мужа, и оба раза чуть не заснула отъ скуки.

Библиотека "Руниверс"

Онъ говорилъ не словами, а все цифрами, цифрами и цифрами. Какіе-то счета, балансы, акціи да облигаціи... Можно было уснуть стоя. А между тѣмъ, оба эти процесса онъ выигралъ, получилъ большой гонораръ и сіялъ отъ удовольствія... Оба раза сдѣлалъ ей по цѣнному подарку, а она зѣвала... и просила его никогда больше не водить ее въ судъ на такіе процессы.

— Да я другихъ и не веду,—сказалъ онъ ей.

А между тѣмъ она была въ судѣ, когда защищалъ Левитскій. Какая разница! Какую чудную, вдохновенную рѣчь сказалъ онъ въ защиту бѣдной дѣвушки, обвинявшейся въ дѣтоубійствѣ. Плакала подсудимая, плакала большая часть публики, и искреннія слезы, казалось, сверкали и на глазахъ защитника.

Зинаида Сергѣевна была зачарована этой рѣчью, и, когда потомъ спросила мужа:

— А что же получитъ за это Левитскій?

Мужъ отвѣтилъ:

— Ничего. Онъ самъ же еще своей кліенткѣ рублей пятьдесятъ на бѣдность передавалъ.

А потомъ, подумавъ немного, добавилъ:

— Ему хорошо! Онъ—холостой.

Такъ думала Зинаида Сергѣевна, бродя по своему скучному садику.

— Ему хорошо! Онъ—холостой!—повторила она.

И вдругъ разсердилась.

„Стало-быть, мужу скверно, потому что онъ женатый! Стало-быть, благодаря ей, онъ занимается такими противными дѣлами о разныхъ акціяхъ и облигаціяхъ? А будь онъ холостъ, не будь ея, онъ тоже бы защищалъ бѣдныхъ и угнетенныхъ? Что жъ, Николай Алексѣевичъ, я могу и освободить васъ отъ этой обузы!—почти вслухъ проговорила она.—Если я стою вамъ поперекъ дороги, то... я могу и сойти съ нея. Только вы-то врядъ ли способны на что-нибудь, кромѣ этихъ акцій и облигацій! А вотъ Левитскій и женатый не сталъ бы задерживаться надъ гонораромъ, потому что онъ человѣкъ, а вы... вы... цифра!“

И этой вспышкой гнѣва противъ мужа Зинаида Сергѣевна почти совсѣмъ успокоила свою совѣсть.

Вернувшись къ себѣ въ комнату, она подсѣла къ письменному столику, достала листокъ почтовой бумаги и принялась писать. Она писала мужу. Она писала, что ей скучно, но вовсе не потому, что онъ уѣхалъ въ Харьковъ, а потому, что его возлѣ нея никогда и не было, не было его души, не было его мысли. А былъ только мужъ, оплачивавшій ея существованіе и дѣлавшій ей подарки. Она писала, что не можетъ продолжать далѣе такую жизнь, что она хочетъ дѣла, дѣятельности, интересовъ, но, конечно, не въ кругу какихъ-то благотворительныхъ комитетовъ, гдѣ если и преслѣдуются какіе-нибудь интересы, то едва ли не исключительно интересы самихъ благотворителей. Одни преслѣдуютъ интересъ позы, другіе—интересъ связей; третьи—интересъ собственнаго кармана. Нѣтъ, она хочетъ дѣятельности живой, непосредственной—какой, она еще этого не знаетъ. Но онъ долженъ самъ прійти къ ней на помощь, посовѣтовать ей что-нибудь, а главное дѣло—не препятствовать. Никакія препятствія не помогутъ, потому что она, все равно, уйдетъ изъ этой душной атмосферы.

„Я хочу дѣла, дѣла, дѣла!“—закончила она свое письмо, подчеркивая послѣднія слова и снабжая ихъ достаточнымъ количествомъ восклицательныхъ знаковъ.

Потомъ взяла конвертъ, написала харьковскій адресъ мужа, запечатала письмо, наклеила марку и позвонила горничную.

— Опустите сейчасъ же въ ящикъ,—сказала она ей.

И когда та ушла, Зинаида Сергѣевна встала со стула, потянулась всѣмъ тѣломъ и почти простонала:

— Жить я хочу! Жить, жить, жить!

———

На другой день Зинаида Сергѣевна съ утра уѣхала въ Петербургъ. „Искать дѣла“,—какъ, улыбаясь, говорила она сама себѣ. Вѣрнѣе, ей хотѣлось повидаться и посовѣтоваться съ одной своей давнишней подругой, дѣвушкой идейной, всегда чѣмъ-то занятой, всегда что-то дѣлающей и, за недосугомъ, до двадцати пяти лѣтъ не успѣвшей даже выйти замужъ.

„Надя—она знаетъ. Она что-нибудь посовѣтуетъ!“ — говорила самой себѣ Зинаида Сергѣевна, стараясь вспомнить послѣдній адресъ своей подруги, съ которой не видалась уже около двухъ лѣтъ.

Адресъ она вспомнила, квартиру нашла, но подруги не застала.

— Съ утра по дѣламъ уѣхали,—сказала ей скромненькая горничная, отворившая дверь.

Зинаида Сергѣевна тутъ же, на лѣстницѣ, написала на своей карточкѣ:

„Милая Надя! Мнѣ необходимо тебя видѣть („необходимо“ она подчеркнула). Пріѣзжай ко мнѣ въ Царское или скажи по телефону, гдѣ и когда мы можемъ съ тобою повидаться“.

И передала карточку горничной.

Потомъ Зинаида Сергѣевна, сдѣлавъ нѣсколько визитовъ, но все въ такіе дома, гдѣ ни о какомъ „дѣлѣ“, а тѣмъ паче о „дѣятельности“ говорить было не принято, вернулась домой.

— Въ телефонъ звонили,—доложила ей горничная.

— Когда?—насторожившись, спросила Зинаида Сергѣевна.

— Такъ во второмъ часу.

— Кто?—голосъ при этомъ вопросѣ у нея уже дрожалъ.

— Не могу знать. Я спросила, да ничего не отвѣтили. Я спрашиваю: „Кто говоритъ?“ А они молчатъ. Я еще разъ: „Кто говоритъ?“—а они ужъ, слышу, разъединились.

Сердце у Зинаиды Сергѣевны такъ и замерло.

„Неужели это опять тотъ голосъ?—соображала она. — Если бъ къ мужу, по дѣлу, такъ непремѣнно что-нибудь бы сказали или спросили бы что-нибудь...“

— Таня, а вы не сказали: „Allo?“—обратилась она опять къ горничной.

— Никакъ нѣтъ. Я спросила только: „Кто говоритъ?“ А они молчатъ. Я опять. Только, слышу, разъединились.

„Что же это такое?—задумалась Зинаида Сергѣевна, оставшись одна. — Неужели это опять *онъ*, тотъ, неизвѣстный? Но если это онъ, стало-быть, это не Левитскій? Стало-быть, это кто-то другой? А я не хочу, не хочу никого, кромѣ Левитскаго! Что это за глупости! Что это за грубая мистификація? Что это за нахалъ, который позволяетъ себѣ подобныя выходки?..“

Эту ночь Зинаида Сергѣевна спала очень плохо.

———

— Боже мой! Да вѣдь я похудѣла!—воскликнула Зинаида Сергѣевна, присаживаясь на другой день къ туалетному столику и разглядывая въ зеркало свое лицо.

— И то похудѣли, барыня! — подтвердила стоявшая тутъ же горничная.—Вонъ у васъ какъ глаза-то подвело.

И дѣйствительно, большіе глаза Зинаиды Сергѣевны стали теперь еще больше. И щеки ввалились, и даже, казалось, заострился кончикъ носа.

— Сплю я плохо,—сказала Зинаида Сергѣевна.

— Ну, да вотъ баринъ вернутся, опять поправитесь!—замѣтила, улыбаясь, горничная.

Зинаида Сергѣевна брезгливо передернула плечами и сейчасъ же вспомнила, что вчера во второмъ часу кто-то звонилъ въ телефонъ, и она опять заставила горничную разсказать, какъ все было.

Одѣвшись и выпивъ кофе, она нерѣшительно подошла къ телефону, подумала немного и вызвала нумеръ Левитскаго.

— Что, Дмитрій Николаевичъ вернулся?—спросила она, когда женскій голосъ сказалъ въ трубку:

— Слушаю.

— Никакъ нѣтъ! Они вернутся только недѣли черезъ двѣ!—отвѣтили ей.—А кто говоритъ?—послышался затѣмъ вопросъ.

Зинаида Сергѣевна, не отвѣчая, положила трубку на рогульки аппарата.

Въ часъ она была опять уже у телефона и съ замираніемъ сердца ждала страшныхъ теперь для нея словъ.

„Я оборву! Я скажу, что это гадко! Я узнаю, кто, и буду жаловаться!“—думала Зинаида Сергѣевна.

И когда въ двѣнадцать минутъ второго задребезжалъ звонокъ, она вся похолодѣла. Затѣмъ сейчасъ же быстро схватила трубку и сердитымъ голосомъ крикнула:

— Ну! Что еще?

— Зина, это ты?—спросилъ ее женскій голосъ.

— Да, я. А кто говоритъ?—уже успокаиваясь, спросила Зинаида Сергѣевна.

— Да я, я, Надя Мартынова. Развѣ не узнаёшь по голосу?

— Ахъ, это ты, Надя! Здравствуй! А я вчера была у тебя и не застала.

— Знаю, знаю! И я тебѣ вчера же звонила.

— Когда?

— Да въ это же время. Да насъ оборвали.

— Ахъ, это ты звонила?

— Да, я. А что?

— Нѣтъ, такъ!

Словно горячая волна отхлынула отъ сердца Зинаиды Сергѣевны, и лицо ея просвѣтлѣло, и голосъ повеселѣлъ.

Надя Мартынова сообщила ей, между прочимъ, что она сегодня вечеромъ собирается къ ней въ Царское и можетъ даже остаться ночевать. Она такъ рада отдохнуть немного на воздухѣ.

— Ну, и отлично! — искренно обрадовалась и Зинаида Сергѣевна.—Мужа нѣтъ.—Она одна и она ей разскажетъ все, все, все!..

Вечеромъ пріѣхала подруга Надя, высокая, начинающая уже увядать, дѣвушка, и Зинаида Сергѣевна встрѣтила ее горячими объятіями. И затѣмъ онѣ принялись говорить. Говорить, какъ говорятъ двѣ давно не видавшіяся институтскія подруги.

Надя Мартынова хотя и считалась дѣвушкой серьезной, но ничто женское было и ей не чуждо: поболтать любила и она.

Говорили онѣ за обѣдомъ, говорили за вечернимъ чаемъ, говорили ложась спать, говорили и среди ночи, сидя другъ у друга на постели.

Зинаида Сергѣевна разсказала все, все, безъ малѣйшей утайки. Надя все выслушала, все сообразила и наконецъ сказала свое резюме:

— Тебѣ надо учиться. Тебѣ надо выбрать какую-нибудь спеціальность: врача, инженера, адвоката. Теперь все это доступно женщинѣ, а въ Даніи вонъ одна дѣвушка сдѣлалась даже капитаномъ парохода.

„Вотъ это бы лучше всего“, — мелькнуло въ головѣ Зинаиды Сергѣевны.

— Тебѣ надо учиться! У твоего мужа хорошія средства. Поѣзжай въ Парижъ, куда тебя такъ тянетъ, но не для того, чтобы

Библиотека "Руниверс"

шататься тамъ по театрамъ и бульварамъ, а осмотрись, выбери какую-нибудь спеціальность и примись серьезно за работу. Тогда всякую блажь какъ рукой сниметъ. Пройдетъ и скука, и въ голову разные амуры не полѣзутъ. Учись и работай! Трудъ — это единственное наше спасеніе!—заключила Надя и уѣхала съ однимъ изъ раннихъ поѣздовъ въ Петербургъ.

Зинаида Сергѣевна рѣшила учиться и работать и сейчасъ же принялась обдумывать, какую бы спеціальность ей выбрать. Больше всего ей нравилась дѣятельность капитана парохода — почему? — она и сама бы не могла хорошенько сказать. Но эта профессія слишкомъ исключительна для женщины, да и, вѣроятно, требуетъ подготовки съ самаго ранняго возраста... Быть докторомъ? Но это ужасно непріятно! Придется возиться съ трупами, съ болѣзнями... Фи!.. Адвокатура — вотъ ближе всего! Конечно, она не будетъ цивилистомъ, какъ ея мужъ, но уголовные процессы ее всегда интересовали... Она будетъ извѣстнымъ криминалистомъ... вотъ какъ Левитскій...

И она бросилась къ шкапамъ своего мужа и принялась рыться въ толстыхъ, хорошо переплетенныхъ книгахъ. Выбрала томы съ защитительными рѣчами Спасовича, Плевако и другихъ корифеевъ русской адвокатуры и жадно принялась за чтеніе.

Телефонъ звонилъ нѣсколько разъ, но Зинаида Сергѣевна подходила теперь къ нему безъ всякой робости. Если справлялись о мужѣ, она отвѣчала, что онъ въ отъѣздѣ, вернется недѣли черезъ полторы; а если спрашивали о ея здоровьѣ—говорила, что она совершенно здорова, но страшно завалена работой. Какой? Ахъ, это такъ долго объяснять!.. Однимъ словомъ, она читаетъ...

Она теперь была увѣрена, что четыре вѣщихъ слова не долетятъ уже болѣе до нея изъ этой трубки.

На слѣдующій день ей подали телеграмму отъ мужа.

„Не волнуйся. Успокойся. Послѣзавтра вернусь. Процессъ отложенъ. Выѣзжаю",—телеграфировалъ онъ.

И Зинаида Сергѣевна сейчасъ же позвонила на квартиру Левитскаго. И ей отвѣтили оттуда, что Дмитрій Николаевичъ прислалъ телеграмму, что изъ Харькова онъ выѣхалъ въ Ростовъ-на-Дону и вернется не ранѣе, какъ черезъ двѣ недѣли.

„И отлично!—подумала Зинаида Сергѣевна.—Я успѣю уѣхать въ Парижъ до его возвращенія".

Послѣ бесѣды съ Надей Мартыновой мысли ея приняли самое цѣломудренное направленіе.

Вернулся мужъ. Произошло серьезное объясненіе. Были и слезы—и съ его и съ ея стороны. Конечно, она ничего не сказала ему о своемъ увлеченіи Левитскимъ. Но зато горячо говорила и о гнетущей тоскѣ, и о безсмысленности и безполезности своей жизни, и о проходящей молодости, и о напрасно растрачиваемыхъ силахъ, и о темпераментѣ, который требуетъ отъ нея какой-нибудь дѣятельности, и даже о возможности „свихнуться" въ этой мертвящей пустотѣ, которая окружаетъ ее...

Послѣдній аргументъ больше всего подѣйствовалъ на мужа, и онъ сдался.

И черезъ три дня у Зинаиды Сергѣевны уже былъ заграничный паспортъ и мѣсто въ „нордъ-экспрессѣ"...

— Я бы самъ поѣхалъ проводить тебя,—прощаясь съ нею на Варшавскомъ вокзалѣ, говорилъ мужъ:—но до половины іюня дѣла приковываютъ меня къ Петербургу.

— И отлично! Дай мнѣ самой стать на ноги, безъ чужой помощи! Такъ будетъ крѣпче,—заключила Зинаида Сергѣевна и, поцѣловавъ мужа въ послѣдній разъ, вошла въ свое купэ.

Передъ отъѣздомъ она запаслась у Нади Мартыновой нѣсколькими рекомендательными письмами къ разнымъ нужнымъ и дѣловымъ людямъ. У Нади и въ Парижѣ были дѣловыя знакомства.

Но, прибывъ въ „столицу міра", въ этотъ шумный и веселый Парижъ, теперь уже такой зеленый и цвѣтущій, Зинаида Сергѣевна рѣшила на нѣкоторое время отложить дѣловую цѣль своего пріѣзда и сначала вкусить отъ радостей жизни, т.-е. побывать во всѣхъ театрахъ, у разныхъ знаменитыхъ портнихъ, возобновить свой гардеробъ, наконецъ поѣздить по окрестностямъ и просто погулять и посидѣть на бульварахъ.

Первые дни она съ полной радостью предалась всему этому, но очень скоро стала замѣчать, что развлекаться одной ей какъ-то немножко неловко, да и — что скрывать грѣха? — даже скучно.

„Ахъ, если бъ встрѣтить кого-нибудь здѣсь изъ знакомыхъ... интересныхъ... дамъ или, еще лучше... мужчинъ... Вотъ, напримѣръ, если бы Левитскій былъ здѣсь... Какъ бы онъ отвѣтилъ ей всѣ прелести Парижа... А то одна да одна... Это даже уже и... неприлично!.."

И Зинаида Сергѣевна все чаще и чаще начала посматривать на „дѣловыя" рекомендательныя письма Нади Мартыновой.

А тутъ еще погода перемѣнилась, пошелъ дождь, день... другой...

Зинаида Сергѣевна сидѣла въ своемъ хорошенькомъ номерѣ отеля и задумчиво смотрѣла на маленькій телефонный аппаратъ, стоявшій на столикѣ.

„Какъ безполезна здѣсь для меня эта игрушка!—думала она.— Никто, никто не позвонитъ мнѣ здѣсь... Одна! Оторвана отъ міра, единственная связь съ которымъ, это — ежедневныя письма отъ мужа, длинныя, полныя жалобъ на тоску одиночества, да неинтересныхъ разсказовъ о петербургскихъ новостяхъ, которыя она въ болѣе пикантной передачѣ знала и здѣсь уже изъ французскихъ газетъ.

Почти двѣ недѣли Зинаида Сергѣевна уже въ Парижѣ. Она побывала въ нѣсколькихъ театрахъ и концертахъ; обѣгала множество магазиновъ... Пора бы ужъ приниматься за „дѣло", а ей все что-то не хочется... Словно чего-то самаго главнаго еще не сдѣлала она, чего-то не допила еще изъ чаши радости... И есть еще какая-то незаполненная брешь въ ея сердцѣ. И пока эта брешь будетъ существовать—не можетъ она ни за что приняться, ни къ чему не протянутся ея руки...

Зинаида Сергѣевна смотрѣла на телефонный аппаратъ, и весь ея странный, загадочный романъ по телефону воскресалъ въ ея памяти.

„Я люблю васъ, Зина!" — мысленно повторяла она, и нѣжные звуки бархатнаго голоса ласкали ея сердце.

„Милый... милый!.. Да гдѣ же ты?.. Вѣдь я люблю... люблю тебя!.." —искренно призналась она самой себѣ, понявъ, что это чувство важнѣе для нея всего на свѣтѣ, что никакое „дѣло", никакая дѣятельность недоступна ей, пока не успокоится ея сердце, пока не утолится ея любовь.

— Милый... милый... люблю тебя!..—прошептала она опять.

И вдругъ... задребезжалъ звонокъ телефона.

Почти мистическій ужасъ охватилъ Зинаиду Сергѣевну. Дрожащей рукой сняла она трубку и прижалась къ ней ухомъ.

— Allo!—едва выговорили ея губы.

— Я люблю васъ, Зина! — громко и радостно донесся до нея голосъ Левитскаго.

— И я... и я люблю васъ! — почти крикнула она и, уронивъ трубку аппарата, закрыла лицо руками.

Радостныя слезы цѣлымъ потокомъ брызнули изъ ея глазъ.

— Онъ здѣсь!.. Онъ любитъ меня!.. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ!.. Онъ нашелъ!.. Милый! Милый!—несвязно повторяла она, и смѣясь и плача...

Въ дверь постучали.

— Entrez!—проговорила Зинаида Сергѣевна и, поднявшись съ мѣста, выпрямилась во весь ростъ.

Глаза и съ радостью и съ ужасомъ смотрѣли на дверь. Она отворилась.

Сверкая веселыми зубами, сіяя весь отъ радости, вошелъ — Левитскій.

— Я люблю тебя, Зина!—побѣдно проговорилъ онъ.

— И я, и я люблю!—вскрикнула Зинаида Сергѣевна и, не помня себя, бросилась къ нему на грудь.

Нѣсколько лѣтъ съ А. П. Чеховымъ.

(Къ 10-лѣтію со дня его кончины).

Воспоминанія **И. Н. Потапенко.**

(Окончаніе).

Среди петербургскихъ литераторовъ особенно близкихъ пріятелей у А. П. не было, но добрыя товарищескія отношенія были со многими.

Съ большимъ вниманіемъ и, я даже скажу, съ товарищескимъ состраданіемъ относился онъ къ странной литературной судьбѣ недавно умершаго И. Л. Щеглова. Ихъ отношенія были давнія, завязавшіяся еще въ тѣ времена, когда у А. П. не было извѣстности.

Чеховъ искренно жалѣлъ Щеглова и говорилъ, что его здоровый нѣкогда талантъ „заболѣлъ неизлѣчимой болѣзнью".

Въ самомъ дѣлѣ, странна была судьба этого писателя, который началъ такими свѣжими, здоровыми очерками военной жизни, помѣщавшимися въ „Дѣлѣ", а затѣмъ точно вдругъ попалъ въ какой-то тупикъ, изъ котораго никакъ не могъ выбраться.

Соблазнилъ его театръ, и написалъ онъ для театра что-то, имѣвшее успѣхъ. И этотъ успѣхъ какъ будто отравилъ его. Въ дальнѣйшемъ на всей его работѣ лежалъ налетъ театра и кулисъ. И при этомъ странно то, что самъ онъ не былъ театральнымъ человѣкомъ. Никто не вспомнитъ, чтобы часто его видѣли въ театрѣ, а тѣмъ больше—встрѣчали за кулисами. Послѣдніе годы своей жизни онъ посвятилъ народному театру, много писалъ о немъ, составилъ книгу, которая, впрочемъ, никакого движенія въ дѣлѣ народнаго театра не произвела.

И вотъ, когда о немъ заходила рѣчь, лицо Чехова всегда становилось печальнымъ. Онъ часто говорилъ объ особомъ авторскомъ психозѣ, которымъ заболѣваетъ человѣкъ, ставящій пьесу.

— Я самъ испыталъ это, когда ставилъ „Иванова",—говорилъ онъ и описывалъ болѣзнь:—человѣкъ теряетъ себя, перестаетъ быть самимъ собой, и его душевное состояніе зависитъ отъ такихъ пустяковъ, которыхъ онъ въ другое время не замѣтилъ бы: отъ выраженія лица помощника режиссера, отъ походки выходного актера...

„Актеръ, исполняющій главную роль, надѣлъ клѣтчатый галстукъ, а автору кажется, что тутъ нуженъ черный. Публика, можетъ-

Библиотека "Руниверс"

быть, совсѣмъ не замѣчаетъ галстука, а ему, автору, кажется, что она не видитъ ни декорацій, ни игры, а только галстукъ, и что это ужасно, и что галстукъ этотъ погубитъ пьесу.

„Бываетъ и хуже: актриса—ломака, вульгарнѣйшая изъ женщинъ,—раньше онъ не могъ выносить ея голоса, у него дѣлались спазмы въ горлѣ, когда она съ нимъ кокетничала. Но вотъ ей аплодируютъ, она тянетъ пьесу къ успѣху, и онъ, авторъ, начинаетъ чувствовать къ ней нѣжность, а въ антрактѣ подбѣгаетъ къ ней и цѣлуетъ ей ручки...

„А вотъ идетъ главная сцена, на которую онъ возложилъ всѣ надежды. Въ залѣ кашляютъ, сморкаются. Ни малѣйшаго впечатлѣнія, ни хлопка... Авторъ прячется въ темной норѣ, среди старыхъ декорацій, и рѣшаетъ никогда отсюда не выйти и уже ощупываетъ свои подтяжки, пробуя, выдержатъ ли онѣ, если онъ на нихъ повѣсится.

„И никто этого не понимаетъ. И тѣ не понимаютъ, что приходятъ за кулисы „утѣшать" автора и даже поздравляютъ съ успѣхомъ. Они не подозрѣваютъ, что передъ ними временно-сумасшедшій, который можетъ наброситься на нихъ и искусать ихъ.

„Человѣкъ съ болѣе или менѣе здоровой нервной организаціей выдерживаетъ это потрясеніе, понемногу отходитъ, и дня черезъ три его можно перевести въ разрядъ „выздоравливающихъ", но иныхъ это потрясаетъ на всю жизнь. Вотъ это и случилось съ Иваномъ Леонтьевичемъ.

„Нѣтъ, вы посмотрите, что ему театръ? Да онъ его даже, въ сущности, не любитъ, почти не бываетъ въ немъ и не знаетъ ни актеровъ ни актрисъ, а пишетъ объ актерахъ и актрисахъ".

И онъ постоянно убѣждалъ Щеглова: „Бросьте вы театръ и кулисы. Вѣдь это же, въ сущности, лазаретъ самолюбій. За исключеніемъ, можетъ-быть, дюжины настоящихъ талантовъ, все — страдающіе mania grandiosa. А вы обратили бы ваше благосклонное око на простую здоровую жизнь, которой вокругъ васъ хоть отбавляй. Вотъ отворите окно—и она на васъ такъ и пахнётъ".

Но это не помогло. Щегловъ пережилъ Чехова, но отъ театральной отравы не вылѣчился. Кажется, иногда онъ даже сомнѣвался въ полной искренности Чеховскихъ совѣтовъ: вѣдь самъ-то Антонъ Павловичъ театромъ занимается, для театра пишетъ, и театръ въ послѣдніе годы завершилъ его славу.

Но тутъ уже было роковое непониманіе, съ которымъ ничего нельзя было подѣлать.

Въ Петербургѣ у А. П. было много литературныхъ пріятелей, и каждый хотѣлъ повидаться съ нимъ. Онъ былъ для петербуржцевъ человѣкомъ свѣжимъ, отъ него живой Русью вѣяло. Всѣ тутъ, встрѣчаясь постоянно въ однѣхъ и тѣхъ же комбинаціяхъ, изрядно надоѣли другъ другу, и появленіе его — такого своеобразнаго и такъ непохожаго на всѣхъ — какъ бы озонировало атмосферу.

Въ воспоминаніяхъ одного писателя, достовѣрность которыхъ выше всякихъ сомнѣній, я нашелъ описаніе странной сцены: какъ, въ квартирѣ одного извѣстнѣйшаго писателя, почтенная дама, впослѣдствіи занимавшая видное положеніе въ журнально-издательскомъ дѣлѣ, задѣла Чехова рѣзкимъ замѣчаніемъ относительно одного изъ его литературныхъ друзей. И это была его первая встрѣча и съ писателемъ и съ дамой.

Въ воспоминаніяхъ объ этомъ говорится вскользь, но я знаю, что эпизодъ этотъ въ дѣйствительности не скользнулъ по душѣ Антона Павловича. Онъ не задѣлъ и не оскорбилъ его лично, хотя не было бы ничего удивительнаго, если бъ такъ случилось.

Каждый имѣетъ право считать своими друзьями тѣхъ, кто ему нравится. Опредѣляя направленіе писателя, казалось бы, достаточно имѣть въ виду его произведенія и оставить въ сторонѣ его друзей.

Но упрекъ этотъ подѣйствовалъ на него въ другомъ направленіи. Онъ всю жизнь потомъ страшился тѣхъ исключительности и нетерпимости, какими повѣяло на него въ томъ эпизодѣ.

Я встрѣтился съ нимъ гораздо позже, и все же объ эпизодѣ этомъ онъ мнѣ разсказалъ и не разъ возвращался къ нему. И потомъ, сколько мнѣ извѣстно, онъ, по своимъ общественно-политическимъ симпатіямъ близкій къ взглядамъ того кружка, до конца жизни никогда съ нимъ не сблизился.

— Хорошіе люди, — говорилъ онъ: — всѣ превосходные люди, но требуютъ, чтобы и ты былъ такимъ же превосходнымъ, какъ они.

Но это было, можетъ-быть, единственное огорченіе, доставленное ему петербургскими литературными кругами. Сколько я помню, всегда всѣ были ему рады, и его появленіе всюду привѣтствовалось. И не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ не только производилъ освѣжающее впечатлѣніе, но какъ-то безъ всякихъ стараній съ своей стороны объединялъ довольно-таки разбросанные и разрозненные элементы.

Онъ, напримѣръ, въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Петербургъ подвигнулъ здѣшнихъ беллетристовъ хоть разъ въ мѣсяцъ собираться на общіе обѣды. Пріѣздъ его совпалъ съ Татьянинымъ днемъ. Въ Москвѣ онъ привыкъ этотъ день проводить въ шумномъ обществѣ товарищей по Московскому университету, и привычка эта была такъ сильна въ немъ, что онъ, несмотря на то, что дѣла этого не позволяли, чуть-было не укатилъ на одинъ вечеръ въ Москву.

Онъ отказался отъ этой мысли только тогда, когда ему удалось уговорить группу петербургскихъ беллетристовъ собраться въ этотъ день гдѣ-нибудь въ ресторанѣ для общаго обѣда, что и было исполнено.

И этому обѣду суждено было сдѣлаться „учредительнымъ", такъ какъ отъ него пошелъ цѣлый рядъ регулярно повторявшихся обѣдовъ. Они назывались „беллетристическими". Но потомъ почему-то пришпилили къ нимъ ничѣмъ неоправдываемое названіе „Арзамасъ". Кличка, какъ нимало не подходящая и взятая на прокатъ, скоро сама собою отклеилась, да и обѣды погибли отъ взаимнаго равнодушія участниковъ и—какъ это ни странно—отсутствія общихъ интересовъ.

Изъ сверстниковъ-беллетристовъ большими симпатіями его пользовались К. С. Баранцевичъ, М. Н. Альбовъ, В. А. Тихоновъ. Но совершенно особое мѣсто онъ отводилъ нынѣ уже покойному Дмитрію Наркисовичу Мамину-Сибиряку.

Онъ вызвалъ въ Чеховѣ особый интересъ и какъ человѣкъ и какъ писатель, и А. П. при встрѣчахъ видимо присматривался къ нему и наблюдалъ его. Онъ какъ бы любовался его самобытностью и часто говорилъ о томъ, что вотъ этого человѣка жизнь трепала, какъ, можетъ-быть, ни одного изъ насъ, а онъ между тѣмъ не уступилъ ей ни капли изъ своего уральскаго колорита.

Какъ-то у него все выходило по-своему. Его грубоватая и зачастую непріемлемая въ взыскательномъ обществѣ рѣчь, изумительныя по своей мѣткости шутки, лишенные всякой дипломатичности эпитеты, которые онъ съ лицомъ невиннаго младенца преподносилъ пріятелямъ, его полная беззаботность относительно внѣшности, небрежно торчащіе въ разныя стороны волосы, кой-какая одежда—все это выдѣляло его изъ ряда другихъ.

И невозможно было представить такой обстановки, гдѣ Маминъ заставилъ бы себя быть инымъ. Всегда и во всемъ онъ былъ самимъ собою и такимъ остался до конца дней своихъ.

Чеховъ сравнивалъ его съ черноземомъ гдѣ-нибудь въ Тамбовской или Херсонской губерніи: копай хоть три дня въ глубину—все будетъ черноземъ, никогда до песку или глины не докопаешься.

Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Петербургъ А. П., встрѣтившись гдѣ-то съ Маминымъ, такъ сильно заинтересовался имъ, что потомъ все время въ разговорѣ возвращался къ нему, а затѣмъ вдругъ однажды покаялся, что ни одной его вещи не прочиталъ, какъ слѣдуетъ.

Помню, что мы вмѣстѣ зашли въ книжный магазинъ Суворина, и онъ велѣлъ прислать ему все, что было издано отдѣльно, Мамина-Сибиряка.

И онъ принялся поправлять свою оплошность, каждый день въ свободные часы читая Мамина, но, когда при встрѣчѣ я его спрашивалъ о впечатлѣніи, онъ, видимо, избѣгалъ опредѣленно высказываться.

И только когда прошло нѣсколько дней, онъ однажды самъ заговорилъ объ этомъ:

— А знаешь... я про Мамина... Онъ въ книгахъ такой же точно, какъ и въ жизни. Тотъ же черноземъ—жирный, плотный, сочный, который тысячу лѣтъ можетъ родить безъ удобренія. Растутъ на немъ дикія травы и злаки, имъ же нѣтъ числа, а въ гущинѣ ихъ живутъ на волѣ зайцы, стрепеты, куропатки и перепела... Это—та степь, которая воспѣта Гоголемъ.

— Ты хочешь сказать, что онъ некультуренъ?

— Да, вотъ слава Богу, за культурностью онъ не гоняется. Но зато въ каждомъ его разсказѣ какой-нибудь Поль Бурже извлекъ бы матеріала на пять толстыхъ романовъ. Знаешь, когда я читалъ Маминскія писанія, то чувствовалъ себя такимъ жиденькимъ, какъ будто сорокъ дней и сорокъ ночей постился...

— Я теперь понялъ, почему онъ самъ такой,—снова потомъ вернулся онъ къ той же темѣ.—Тамъ, на Уралѣ, должно-быть, всѣ такіе: сколько бы ихъ ни толкли въ ступѣ, а они все—зерно, а не мука. Когда, читая его книги, попадаешь въ общество этихъ крѣпышей, — сильныхъ, цѣпкихъ, устойчивыхъ черноземныхъ людей,—то какъ-то весело становится. Въ Сибири я встрѣчалъ такихъ, но, чтобы изображать ихъ, надо, должно-быть, родиться и вырасти среди нихъ. Тоже и языкъ... У насъ народничаютъ, да все больше по наслышкѣ. Слова или выдуманныя или чужія. Я знаю одного писателя-народника, — такъ онъ, когда пишетъ, усердно роется у Даля и въ Островскомъ и набираетъ оттуда подходящихъ „народныхъ" словъ... А у Мамина слова настоящія, да онъ и самъ ими говоритъ и другихъ не знаетъ.

Въ другой разъ, снова вернувшись къ этой темѣ, Чеховъ сказалъ:

— Маминъ принадлежитъ къ тѣмъ писателямъ, которыхъ по-настоящему начинаютъ читать и цѣнить послѣ ихъ смерти. И знаешь, почему? Потому что они свое творчество не пріурочивали къ преобладающему направленію...

Это ужъ было отчасти и про себя. Его вѣдь тоже упрекали въ равнодушіи къ направленію. Одно время это было даже ходячей фразой, которую повторяли люди, привыкшіе высказывать готовыя сужденія съ чужого голоса: „Чеховъ—талантъ, но безъ всякаго направленія".

Извѣстный въ то время критикъ Скабичевскій, который весь состоялъ изъ направленія, немало способствовалъ распространенію этого взгляда.

Библиотека "Руниверс"

Симпатія Чехова къ Дмитрію Наркисовичу завершилась торжественнымъ совмѣстнымъ снятіемъ въ фотографіи. Въ качествѣ общаго ихъ пріятеля, на этой карточкѣ очутился и я (см. № 26, стр. 512).

Начало зимы 1896 года ознаменовалось однимъ изъ самыхъ нелѣпыхъ событій, какія только бывали въ исторіи петербургскихъ казенныхъ театровъ. Я говорю объ извѣстномъ провалѣ въ Александринскомъ театрѣ Чеховской „Чайки“.

Я знаю людей, которые и теперь еще, по прошествіи 18 лѣтъ, когда вспоминаютъ объ этомъ, начинаютъ безпокоиться такъ, какъ будто это было вчера:

— Нѣтъ, но „Чайка“... Вы помните? Съ Коммиссаржевской... Вѣдь это было что-то безпримѣрное...

„Чайка“,—которая потомъ сдѣлалась символическимъ знакомъ Московскаго Художественнаго театра, и до сихъ поръ еще, кажется, красуется на его занавѣси, бланкахъ и т. п.

Мнѣ привелось близко стоять ко всей исторіи этой постановки, заботиться о перепискѣ экземпляровъ для цензуры, вести переговоры съ самой цензурой и т. п.

Современный читатель, вѣроятно, удивится упоминанію о переговорахъ съ цензурой. Онъ знаетъ „Чайку“, и ему извѣстно, что тамъ нѣтъ ничего, что могло бы дать поводъ для работы красныхъ чернилъ Театральной улицы.

Но въ тѣ времена, отдѣленныя отъ насъ только 18-ю годами, ни одинъ авторъ не могъ поручиться за цензурность своей пьесы. Требованія были не то что очень большія или суровыя, а просто произвольныя. Была не цензура, дѣйствующая на основаніи точныхъ правилъ, которыя могъ бы имѣть въ виду и авторъ, а цензора, каждый съ своими особыми взглядами и требованіями и даже капризами.

Въ одномъ изъ писемъ, гдѣ рѣчь идетъ именно о „Чайкѣ“, Антонъ Павловичъ безпокоится о судьбѣ пьесы и называетъ цензора Литвинова. Это былъ цензоръ, съ которымъ драматурги предпочитали имѣть дѣло. Человѣкъ культурный,—съ нимъ можно было говорить, спорить, убѣждать. Къ пьесамъ онъ предъявлялъ минимумъ требованій, дѣлалъ уступки, до самаго того рубежа, гдѣ начинался уже его личный рискъ отвѣтственностью.

Но были цензора и другого рода, и ихъ весьма тщательно избѣгали авторы. Кажется, въ то время былъ еще живъ цензоръ Донауровъ, не пропускавшій въ пьесѣ никакого упоминанія о Богѣ, и если, напримѣръ, у дѣйствующаго лица была привычка божиться, повторять—„ей-Богу“, то цензоръ преспокойно лишалъ его этой привычки, считая, что на сценѣ это представляетъ кощунство.

При такихъ обстоятельствахъ Чеховъ имѣлъ право бояться за „Чайку“. Но по счастью она попала къ „доброму цензору“ и существенной аваріи не претерпѣла.

Самая пьеса, когда Чеховъ прислалъ ее въ Петербургъ еще въ рукописи и даже не въ оконченномъ видѣ, такъ какъ она отсылалась ему въ деревню, измѣнялась имъ и отдѣлывалась,—вызвала къ себѣ очень осторожное отношеніе.

Талантливость ея, какъ литературнаго произведенія, била въ глаза. Но для сцены, какъ казалось съ точки зрѣнія установившагося вкуса, въ ней чего-то важнаго недоставало. Не было условнаго развитія драматическаго сюжета съ постепеннымъ нарастаніемъ и разрѣшеніемъ въ концѣ, передъ паденіемъ послѣдняго занавѣса. Иными словами—не было того, что составляетъ сущность театральнаго представленія, что захватываетъ всего зрителя и держитъ его плѣнникомъ до конца.

Это порождало сомнѣніе въ возможности удачной постановки ея на сценѣ. Мысль сама собою переносилась къ нашимъ актерамъ, которые привыкли къ извѣстнымъ формамъ, и было мало надежды на то, что имъ удастся схватить, усвоить и выявить то совершенно новое, что предлагалъ имъ Чеховъ. Еще меньше было надежды на то, что пьесу пойметъ и приметъ наша театральная публика.

Но художественныя достоинства этого произведенія были такъ блестящи, краски такъ свѣжи и оригинальны, манера рисовать жизнь такъ проста и полна какого-то внутренняго изящества, особаго, Чеховскаго, секретъ котораго онъ никому не завѣщалъ и унесъ съ собою, какъ сказочный волшебникъ уноситъ съ собой въ могилу вѣщее слово, заклятіе, которое только онъ одинъ зналъ,—что думалось: почемъ знать, можетъ, свершится чудо, и эти достоинства такъ завладѣютъ актерами и публикой, что они не замѣтятъ того, чего недостаетъ.

Я лично былъ въ восторгѣ отъ „Чайки“, но съ Чеховымъ спорилъ. Я говорилъ, что сцена предъявляетъ вполнѣ законныя требованія условности, и если писатель не хочетъ подчиняться имъ, то онъ не долженъ пользоваться сценой, а избрать для своихъ образовъ другой родъ литературы.

Но онъ этого не признавалъ и, возражая, впадалъ въ преувеличеніе, какъ это съ нимъ всегда бывало:—никакихъ сюжетовъ не нужно. Въ жизни нѣтъ сюжетовъ, въ ней все перемѣшано—глубокое съ мелкимъ, великое съ ничтожнымъ, трагическое съ смѣшнымъ. Вы, господа, просто загипнотизированы и порабощены рутиной и никакъ не можете съ нею разстаться. Нужны новыя формы, новыя формы...

Эту послѣднюю фразу онъ повторялъ часто, а въ „Чайкѣ“ вложилъ ее въ уста Треплеву и заставилъ тоже повторять.

Въ концѣ концовъ онъ на меня подѣйствовалъ своей убѣжденностью. Я началъ думать, что художественныя достоинства „Чайки“ покорятъ жестоковыйную публику Александринскаго театра.

Но въ судьбѣ этой пьесы сыграли роль такія случайности и посторонніе дѣлу обстоятельства, какія, кажется, немыслимы ни въ одномъ театрѣ, кромѣ русскаго.

Въ то время въ Александринскомъ театрѣ въ полномъ ходу была система бенефисовъ. У главныхъ актеровъ бенефисы были ежегодные, вторые же получали ихъ отъ времени до времени, за особыя заслуги или просто когда кому-нибудь удавалось выхлопотать. Основной репертуаръ сезона составлялся заранѣе, и если авторъ приходилъ съ своей пьесой во время сезона, то какими бы достоинствами она ни обладала, для нея уже не было мѣста.

Конечно, бывали исключенія. Связи и хлопоты, слово, замолвленное вліятельнымъ лицомъ, легко открывали дверь храма во всякое время. Но у Чехова не было связей, хлопотать же онъ не умѣлъ да и не хотѣлъ.

Но зато, благодаря бенефисамъ, на сцену иногда попадали пьесы, лишенныя всякихъ художественныхъ достоинствъ, но заключавшія въ себѣ эффектную роль для бенефиціанта. Бенефиціантъ самъ выбиралъ для себя пьесу, требовалось только формальное утвержденіе дирекціи. Такъ же формально къ такимъ пьесамъ относился и Театрально-Литературный Комитетъ. Что же было дѣлать, если актеръ или, еще хуже, актриса настаивали?

Если бенефисъ получалъ актеръ второстепенный, то онъ иногда, ради хорошаго сбора, жертвовалъ своимъ актерскимъ самолюбіемъ и выбиралъ пьесу съ козырной ролью не для себя, а для первой актрисы, имя которой дѣлало сборъ, или старался выѣхать на имени автора.

Къ несчастью, тутъ случилось именно это послѣднее. Пьеса досталась для бенефиса Левкѣевой. Въ ней для бенефиціантки совсѣмъ не было роли.

Въ одномъ изъ писемъ своихъ, не помню—кому, А. П., говоря о распредѣленіи ролей въ „Чайкѣ“, сообщаетъ, что „Чайку“, т.-е. Нину Зарѣчную, будетъ играть толстая комическая актриса Левкѣева. Конечно, это была завѣдомая шутка.

Но въ дальнѣйшемъ, когда начали искать роль для бенефиціантки, стали втупикъ. Бенефиціанткѣ въ пьесѣ нечего было дѣлать. Упоминаемая въ одномъ изъ писемъ Суворину моя мысль—отдать ей роль жены управляющаго, конечно, не принадлежала къ удачнымъ, но это была единственная возможность такъ или иначе ввести ее въ пьесу и, какъ это водилось, дать публикѣ возможность встрѣтить ее аплодисментами.

Цѣль—прямо-таки святотатственная, когда рѣчь идетъ о такомъ произведеніи, какъ „Чайка“, но это все-таки было гораздо меньшее зло, чѣмъ ставить пьесу въ бенефисъ Левкѣевой.

Это была актриса своеобразная. Есть такіе люди, которые, не дѣлая никакихъ усилій, однимъ своимъ появленіемъ въ обществѣ вызываютъ веселое настроеніе. Что-то въ нихъ есть смѣшное—въ манерахъ, въ движеніяхъ, въ голосѣ. Общество умираетъ отъ скуки, но появляется такой человѣкъ—и всѣмъ вдругъ становится весело.

Левкѣева, на мой взглядъ, была такая актриса. При исполненіи роли едва ли она задавалась цѣлью дать какой-нибудь характеръ или типъ. Это всегда была Левкѣева. Сама она по своему складу очень подходила для нѣкоторыхъ персонажей Островскаго, но это было просто счастливое совпаденіе. Въ остальномъ же, въ чемъ она появлялась, она смѣшила своими манерами, походкой, голосомъ.

Появленіе такой актрисы въ пьесѣ Чехова, конечно, было бы неумѣстно. „Публика станетъ ждать отъ этой роли чего-нибудь смѣшного и разочаруется“,—совершенно справедливо замѣтилъ Чеховъ. Было ясно, что бенефиціантку придется совсѣмъ устранить изъ пьесы, что и было потомъ сдѣлано.

Дальше начали мудрить съ другими женскими ролями. Мужскія разошлись болѣе или менѣе правильно, но женскія—это всегда труднѣй.

Правильная мысль роль актрисы поручить М. Г. Савиной, у которой эта роль вышла бы блестяще, по какимъ-то дипломатическимъ причинамъ, кажется, даже и не высказывалась. Для этой роли была выдвинута Дюжикова, хорошая актриса для драмы, но лишенная юмора и скучная въ характерныхъ роляхъ. Савиной же, по мысли А. С. Суворина, предполагалось предложить роль Зарѣчной, изъ чего, несмотря на огромный талантъ М. Г., едва ли вышло бы благо.

Почему-то о Коммиссаржевской тогда никто и не подумалъ. Самъ же Чеховъ ни въ чемъ ее не видалъ и не былъ знакомъ съ ея дарованіемъ. И только въ послѣднюю минуту вспомнили объ этой актрисѣ.

Невозможно описать, какъ волновалась Вѣра Ѳедоровна, приступая къ созданію этой роли. Самая пьеса очаровала ее, но она боялась и за себя и особенно за пріемъ пьесы публикой.

Антона Павловича еще не было въ Петербургѣ, когда приступили къ репетиціямъ. Онѣ шли слабо. Артисты отнеслись къ пьесѣ совершенно такъ же, какъ ко всякой другой.

Сегодня не пришелъ одинъ, завтра двое, и въ то время, какъ явившіеся играютъ свою роль уже подъ суфлера, за неявившагося читаетъ по рукописи помощникъ режиссера. Что изъ этого получалось—легко себѣ представить.

Артистъ, исправно посѣщающій репетиціи и искренно желаю-

Библиотека "Руниверс"

щій добросовѣстно работать и создать изъ роли, что въ силахъ, теряется, напрасно ищетъ тона, сбивается, а въ концѣ концовъ приходитъ въ отчаяніе и на все машетъ рукой: что будетъ, то будетъ.

Такое отношеніе къ дѣлу нѣкоторыхъ актеровъ — настоящая бѣда театра.

Есть большіе актеры съ признаннымъ талантомъ, благодаря чему они занимаютъ въ труппѣ твердое положеніе. Опираясь на свой авторитетъ и считая для своего большого дарованія и опытности достаточнымъ двѣ-три репетиціи, они обыкновенно на цѣлый рядъ репетицій не приходятъ, и то, что они сдѣлаютъ изъ своихъ ролей, для остальныхъ участвующихъ чуть не до послѣдняго момента является тайной. При такихъ условіяхъ никакой архитектурный планъ выполненъ быть не можетъ, каждый играетъ за себя, чувствуетъ себя отвѣтственнымъ, насколько это возможно, только за свою роль. Ни общей, единой для всѣхъ, задачи, ни тона, ни настроенія тутъ быть не можетъ.

Если отъ этого страдаетъ всякая пьеса, то „Чайка", написанная тонкими штрихами, гдѣ лица нарисованы нѣжнѣйшими красками, должна была завянуть, какъ нѣжное молодое растеніе отъ повѣявшаго на него холода. Такъ это и было.

И когда Чеховъ, никѣмъ изъ актеровъ незамѣченный, пришелъ въ театръ, занялъ мѣсто въ темной залѣ и посидѣлъ часа полтора, то, что происходило на сценѣ, произвело на него гнетущее впечатлѣніе. До спектакля оставалось пять дней, а половина исполнителей еще читала роли по тетрадкамъ, нѣкоторыхъ же вовсе не было на сценѣ, вмѣсто нихъ появлялся бородатый помощникъ режиссера и безъ всякаго выраженія прочитывалъ, въ видѣ репликъ, послѣднія слова изъ ихъ роли.

Когда режиссеръ упрекалъ актера, читающаго по тетрадкѣ: „Какъ вамъ не стыдно до сихъ поръ роль не выучить!"—тотъ съ выраженіемъ оскорбленной гордости отвѣчалъ:

— Не безпокойтесь, я буду знать свою роль...

Антонъ Павловичъ вышелъ изъ театра подавленный. „Ничего не выйдетъ,—говорилъ онъ.—Скучно, неинтересно, никому это не нужно. Актеры не заинтересовались, значитъ—и публику они не заинтересуютъ".

У него уже являлась мысль — пріостановить репетиціи, снять пьесу и не ставить ее вовсе.

Когда обо всемъ этомъ узнала Коммиссаржевская, она пришла въ отчаяніе. Сама она усердно посѣщала репетиціи, но играла вполголоса, — о ней судить Антонъ Павловичъ не могъ. Но она больше, чѣмъ кто другой, чувствовала всю нелѣпицу, какая выходила изъ представленія, и въ то же время видѣла себя безсильной.

На одну изъ слѣдующихъ репетицій Чеховъ пришелъ къ самому началу, и, когда его увидѣли актеры, на сценѣ произошло то непонятное и неподдающееся объясненію явленіе, которое знакомо только актерамъ и, можетъ-быть, только русскимъ: чудо, иногда спасающее совсѣмъ проваливающуюся пьесу: безъ предварительнаго уговора—общій подъемъ, коллективное вдохновеніе, незримо сошедшіе съ неба огненные языки.

Всѣ подтянулись и начали играть. У не знающихъ ролей утончился и обострился слухъ, и они улавливали каждый шорохъ, вылетавшій изъ суфлерской будки. Появился рисунокъ, даже что-то общее, что-то похожее на настроеніе.

Когда же вышла Коммиссаржевская, сцена какъ будто озарилась сіяніемъ. Это была поистинѣ вдохновенная игра.

Въ послѣдней своей сценѣ, когда Нина ночью приходитъ къ Треплеву, артистка поднялась на такую высоту, какой она, кажется, никогда не достигала.

Въ залѣ не было публики, но былъ Чеховъ, она играла для него одного и привела его въ восторгъ. Было что-то торжественное и праздничное въ этой репетиціи, которая несомнѣнно была чудомъ. Александринскіе актеры доказали, что, при извѣстныхъ условіяхъ, они могутъ достигать высочайшаго подъема.

И куда дѣвалось унылое настроеніе, съ которымъ Чеховъ уходилъ изъ театра послѣ предыдущихъ репетицій! Исчезли всѣ сомнѣнія. Пьеса несомнѣнно пройдетъ хорошо, и если публика не приметъ ея, то приметъ актеровъ, которые всѣ даютъ массу живого и интереснаго.

Но чудо, какъ видно, не повторяется. На генеральной репетиціи на сценѣ царила какая-то неопредѣленность. Что-то какъ будто переломилось, словно артисты, давъ слишкомъ много на той репетиціи, надорвали свои силы. Вдохновенія уже не было, огненные языки не слетѣли съ неба.

Все шло гладко, но блѣдно и сѣро. Чеховскіе люди все больше и больше сбивались на Александринскихъ. Актеры, которые такъ вдохновенно на той репетиціи отошли отъ себя, какъ будто забыли, какъ это они сдѣлали. Дорогу занесло снѣгомъ, и пришлось итти ощупью, какъ попало.

Наканунѣ представленія мы съ Антономъ Павловичемъ обѣдали у Палкина. Онъ уже предчувствовалъ неуспѣхъ и сильно нервничалъ.

Къ спектаклю пріѣхали изъ Москвы Марья Павловна и еще кой-кто изъ близкихъ, и онъ выражалъ недовольство. Зачѣмъ было пріѣзжать? Это какъ будто увеличивало его отвѣтственность.

И вотъ—спектакль, кажется—дѣйствительно безпримѣрный въ исторіи театра, по крайней мѣрѣ на моей памяти.

Все же я долженъ сказать, что сужденія о какомъ-то исключительномъ, точно по особому заказу, плохомъ исполненіи „Чайки" въ ту постановку ея на Александринской сценѣ были преувеличены. Я сужу по генеральной репетиціи и по дальнѣйшимъ спектаклямъ, кромѣ перваго представленія, на которомъ я, по особымъ личнымъ обстоятельствамъ, не былъ.

И тотъ провалъ, о которомъ такъ много говорили и писали, и который произвелъ такое глубокое впечатлѣніе на Чехова, былъ вызванъ взаимодѣйствіемъ исключительныхъ причинъ.

На сценѣ были Коммиссаржевская, Абаринова, Дюжикова, Читау, Давыдовъ, Варламовъ, Аполлонскій, Сазоновъ, Писаревъ, Панчинъ. Этимъ актерамъ, даже и не въ столь густой концентраціи, приходилось выступать въ пьесахъ безжизненныхъ и бездарныхъ, и они умудрялись дѣлать имъ успѣхъ. О небрежности же съ ихъ стороны, о невниманіи не могло быть и рѣчи.

Можно сказать съ увѣренностью, что они напрягали всѣ силы своихъ дарованій, чтобы дать наибольшее и наилучшее. То, чего недоставало, — общій тонъ, единство настроенія,—былъ недостатокъ коренной и проявлялся не здѣсь только, а и въ другихъ постановкахъ.

Можетъ-быть, здѣсь оно проявилось нѣсколько рѣзче, потому что среди участниковъ представленія были люди, отрицательно относившіеся къ самой пьесѣ и авторской манерѣ изображенія. Они такимъ образомъ играли безъ убѣжденности.

Но зато ихъ согрѣвала симпатія къ автору, котораго всѣ любили и желали сдѣлать для него какъ можно лучше.

И все-таки былъ—даже не неуспѣхъ, а провалъ, притомъ выразившійся въ совершенно нетерпимыхъ, некультурныхъ, дикихъ формахъ.

И, конечно, дѣло было не въ актерахъ и не въ ихъ игрѣ, а въ публикѣ. Публика первыхъ представленій Александринскаго театра—довольно пріятная публика. Хорошее она принимаетъ съ восторгомъ, къ посредственному снисходительна. Въ массѣ она интеллигентна и равнодушна.

Въ театръ публика эта приходитъ отдыхать и съ нѣкоторой пользой для ума и сердца развлечься. Половина театра — по записямъ автора, режиссеровъ, актеровъ, дирекціи; они чувствуютъ себя чуточку привилегированными, и это дѣлаетъ ихъ снисходительными союзниками.

И потому первыя представленія въ этомъ театрѣ почти сплошь проходятъ гладко. Актерамъ аплодируютъ, потому что любятъ ихъ, автора вызываютъ,—ну, хотя бы для того, чтобы посмотрѣть, каковъ онъ изъ себя и какое у него будетъ глупое лицо, когда онъ начнетъ раскланиваться.

Но бенефисная публика, это — нѣчто другое. Преобладающій составъ ея не поддается общему опредѣленію. Это зависитъ отъ того, чей бенефисъ.

У каждой актрисы и у каждаго актера—свои особые поклонники, и ужъ они, конечно, первые заполняютъ запись на мѣста. И самая запись производилась (не знаю, какъ теперь) не въ кассѣ и не въ конторѣ театра, а у бенефицианта на дому.

Это тоже вѣдь представляетъ особаго рода прелесть:—прійти къ артисткѣ и засвидѣтельствовать свое поклоненіе или выразить его въ письменной формѣ. Такимъ образомъ успѣхъ пьесы ставится въ прямую зависимость отъ того, чей бенефисъ и каковъ контингентъ поклонниковъ.

Безъ сомнѣнія, актеръ зналъ своихъ почитателей и пьесу для своего бенефиса выбиралъ примѣнительно къ ихъ вкусамъ, но въ данномъ случаѣ, очевидно, Левкѣеву посѣтило какое-то затменіе. Рѣшительно необъяснимо, почему именно она выбрала „Чайку" и этимъ ввела неповиннаго автора въ крайне невыгодную сдѣлку.

Левкѣева — веселая смѣшная актриса, обыкновенно появлявшаяся въ роляхъ бытовыхъ, а то игравшая приживалокъ, старыхъ дѣвъ, которыя обыкновенно трактуются въ комическомъ видѣ и говорятъ смѣшныя слова, съ смѣшными ужимками.

При появленіи Левкѣевой на сценѣ всѣмъ было смѣшно, и вызванный ею смѣхъ былъ добродушнаго, но невысокаго, общедоступнаго качества. Ея поклонниками были купцы, приказчики, гостинодворцы, офицеры.

Очевидное дѣло, что, когда былъ объявленъ ея бенефисъ, они подумали: „Левкѣева! Вотъ ужъ насмѣемся, потѣшимъ душу. То-то, должно-быть, угоститъ она пьесочкой... Бока надорвемъ, смѣючись".

И ринулись записываться на мѣста, невзирая на возвышенныя цѣны. Сама Левкѣева въ этомъ случаѣ перескромничала, слишкомъ мало понадѣялась на свое собственное имя и усилила его еще именемъ автора.

Но въ томъ кругу, который она привлекла на свой бенефисъ, едва ли было даже извѣстно имя Чехова.

Были, конечно, зрители, которыхъ привлекло въ театръ имя не Левкѣевой, а Чехова, но ихъ было ничтожное число. Широкую интеллигентную аудиторію, которая тогда уже была у Чехова, бенефисныя цѣны заставили отложить наслажденіе до слѣдующихъ спектаклей.

И вотъ эта-то публика и явилась цѣнительницей Чеховскихъ „новыхъ формъ", которыя ей показали со сцены. Ничего другого и не могло произойти, кромѣ того, что произошло.

Съ первыхъ же сценъ началось недоумѣніе. Актеры говорили на непонятномъ языкѣ недоступныя пониманію публики вещи. Никто не смѣшилъ, никто не раздиралъ душу.

Библиотека "Руниверс"

Герой—какой-то неизвѣстный молодой человѣкъ, вздыхающій по „новымъ формамъ“ и страдающій оттого, что у него изъ литературы ничего не выходитъ.

Наивная провинціальная дѣвушка... Извѣстный писатель, пожилая актриса... Скучный докторъ, скучный сельскій учитель, жена его, пьющая водку...

Требовать отъ этой публики, чтобы она разглядѣла ту тихую незримую трагедію, которая витаетъ надъ жизнью этихъ людей, было бы даже несправедливо.

И, выслушавъ актъ и часть второго, Левкѣевская публика почувствовала себя оскорбленной. Кромѣ того, эта публика была невоспитанная. Другая публика, если бъ даже нашла пьесу неудачной, плохой, изъ уваженія къ автору — проводила бы ее молчаніемъ. Это былъ бы неуспѣхъ, но въ этомъ не было бы ничего обиднаго. Не нравится. Что съ этимъ подѣлаешь? Дѣло вкуса.

Но тутъ было иначе. Невоспитанная публика захотѣла показать и даже подчеркнуть свою невоспитанность.

Къ моему большому счастью, я этого своими глазами не видѣлъ. Но люди, которые пришли послѣ спектакля, разсказали мнѣ вещи, которымъ я не хотѣлъ вѣрить.

Во время представленія зрители первыхъ рядовъ демонстративно поворачивались спиной къ сценѣ, громко разговаривали съ знакомыми, смѣялись, шипѣли, свистали.

Какъ должны были реагировать на это актеры? Нужно знать, что такое актеръ на сценѣ. Это барометръ, чутко воспринимающій все, происходящее въ зрительной залѣ.

И ужъ, конечно, всякое настроеніе и всякая игра должны были пойти къ чорту. Сначала недоумѣніе, потомъ обида, досада, отчаяніе, растерянность и „всеобщая паника“, какъ опредѣлилъ самъ Чеховъ.

Потомъ онъ кому-то писалъ, что актеры играли ужасно, ролей не знали и проч., и что будто бы игра была такъ плоха, что черезъ нее нельзя было разглядѣть самой пьесы.

Но тутъ онъ былъ несправедливъ. Актеры просто растерялись. Они никогда ничего подобнаго не испытали. Въ залѣ сидѣла чужая публика, которая и вела себя по-чужому.

„Всеобщая паника“—какой же хорошей игры можно было требовать отъ актеровъ, какого знанія ролей? Да они въ это время навѣрно забыли таблицу умноженія и свои собственныя имена. И чѣмъ горячѣе они относились къ пьесѣ, тѣмъ сильнѣе это должно было въ нихъ проявиться.

Чеховъ несправедливо взвалилъ всю отвѣтственность на актеровъ, тогда какъ вся причина была въ публикѣ, а виноватъ былъ онъ самъ, неосмотрительно отдавшій пьесу въ бенефисъ Левкѣевой.

Впечатлѣніе, произведенное на него этимъ невѣроятнымъ событіемъ, было огромное. И нужно было обладать Чеховской выдержкой, чтобы имѣть равнодушное лицо и почти равнодушно шутить надъ всѣмъ происшедшимъ.

Въ тотъ вечеръ я его не видѣлъ и не знаю, съ какимъ лицомъ онъ „ужиналъ у Романова, честь-честью“.

Я пришелъ къ нему на другой день часовъ въ десять утра. Онъ занималъ маленькую квартирку въ домѣ Суворина, гдѣ-то очень высоко, и жилъ одинъ. Я засталъ его за писаніемъ писемъ. Чемоданъ, съ плотно уложенными въ немъ вещами, среди которыхъ было много книгъ, лежалъ раскрытый.

— Вотъ отлично, что пришелъ. По крайней мѣрѣ проводишь. Тебѣ я могу доставить это удовольствіе, такъ какъ ты не принадлежишь къ очевидцамъ моего вчерашняго тріумфа... Очевидцевъ я сегодня не желаю видѣть.

— Какъ? Даже Марью Павловну?

— Съ нею увидимся въ Мелиховѣ. Пусть погуляетъ. Вотъ письма. Мы ихъ разошлемъ. Я уже уложился.

— Почтовымъ?

— Нѣтъ, это долго ждать. Есть поѣздъ въ двѣнадцать.

— Отвратительный. Идетъ, кажется, двадцать два часа.

— Тѣмъ лучше. Буду спать и мечтать о славѣ... Завтра буду въ Мелиховѣ. А? Вотъ блаженство!.. Ни актеровъ, ни режиссеровъ, ни публики, ни газетъ. А у тебя хорошій нюхъ.

— А что?

— Я хотѣлъ сказать: чувство самосохраненія. Вчера не пришелъ въ театръ. Мнѣ тоже не слѣдовало ходить. Если бъ ты видѣлъ физіономіи актеровъ! Они смотрѣли на меня такъ, словно я обокралъ ихъ, и обходили меня за сто саженей. Ну, идемъ...

Захвативъ чемоданы и письма, вышли и спустились по лѣстницѣ. Тутъ письма были отданы швейцару, съ порученіями. Въ одномъ онъ извѣщалъ о своемъ отъѣздѣ Марью Павловну, въ другомъ Суворина, въ третьемъ, кажется, брата.

Взяли извозчика и поѣхали на Николаевскій вокзалъ. Тутъ Антонъ Павловичъ уже шутилъ, посмѣивался надъ собой, смѣшилъ себя и меня.

На дебаркадерѣ ходилъ газетчикъ, подошелъ къ намъ, предложилъ газетъ. Антонъ Павловичъ отвергъ: — не читаю! Потомъ обратился ко мнѣ:

— Посмотри, какое у него добродушное лицо, а между тѣмъ руки его полны отравы. Въ каждой газетѣ по рецензіи...

Поѣздъ былъ пустой, и у Антона Павловича оказалось въ распоряженіи цѣлое купэ второго класса.

— Ну, и сладко же буду спать,—говорилъ онъ.

Но въ глазахъ его было огорченіе. Всѣ эти остроты, шутки, смѣхъ ему кой-чего стоили.

— Кончено,—говорилъ онъ передъ самымъ отъѣздомъ, уже стоя на площадкѣ вагона.—Больше пьесъ писать не буду. Не моего ума дѣло. Вчера, когда шелъ изъ театра, высоко поднявъ воротникъ, яко тать въ нощи, — кто-то изъ публики сказалъ: „Это беллетристика“, а другой прибавилъ: „И преплохая...“ А третій спросилъ: „Кто такой этотъ Чеховъ? Откуда онъ взялся?“ А въ другомъ мѣстѣ какой-то коротенькій господинъ возмущался: „Не понимаю, чего это дирекція смотритъ. Это оскорбительно — допускать такія пьесы на сцену“. А я прохожу мимо и, держа руку въ карманѣ, складываю фигу: — на, молъ, скушай; вотъ ты и не знаешь, что это сдѣлалъ я.

— А то, можетъ, раздумаешь, Антонъ Павловичъ, да останешься?—предложилъ я, когда раздался второй звонокъ.

— Ну, нѣтъ, благодарю. Сейчасъ всѣ придутъ и утѣшать будутъ—съ такими лицами, съ какими провожаютъ дорогихъ родственниковъ на каторгу.

Третій звонокъ. Простились.

— Пріѣзжай въ Мелихово. Попьемъ и попоемъ.

И поѣздъ отошелъ. Антонъ Павловичъ уѣхалъ, глубоко оскорбленный Петербургомъ.

Но какъ скоро душа его осилила это проклятое навожденіе! На другой день, пріѣхавъ въ Мелихово, онъ уже пишетъ дѣловыя письма, хлопочетъ о книгахъ для Таганрогской библіотеки, которой онъ помогалъ организоваться. Заботится о больныхъ мужикахъ, съ которыми онъ, несмотря ни на что, возится, а о своемъ душевномъ состояніи пишетъ шутливо: „Дома у себя я принялъ касторки, умылся холодной водой—и теперь хоть новую пьесу пиши...“

И опять явилась прежняя уравновѣшенность. Своей „Чайкѣ“ онъ сперва велѣлъ не показываться на глаза. На просьбу помѣстить ее въ „Русской Мысли“ послалъ отказъ, а потомъ согласился, разрѣшилъ любителямъ играть ее и вообще примирился съ нею.

Я былъ на второмъ и на третьемъ представленіяхъ „Чайки“. Въ зрительной залѣ сидѣла обычная публика Александринскаго театра, и я могъ наблюдать, съ какимъ вниманіемъ она вслушивалась въ то новое, что происходило на сценѣ.

Тамъ не было обычныхъ — драматической актрисы, перваго любовника, простака-мужа, великосвѣтскаго хлыща и пр. и пр., что полагалось и къ чему привыкли глазъ и ухо, но это не мѣшало съ любопытствомъ слушать и смотрѣть.

Я рѣшительно утверждаю, что пьеса на этихъ представленіяхъ нравилась большой публикѣ. Актеры начали сыгрываться, и можно было думать, что мало-по-малу у нихъ получится нѣчто цѣльное, чего нельзя было и требовать раньше за почти полнымъ отсутствіемъ настоящихъ репетицій, и „Чайка“ войдетъ въ репертуаръ.

Въ этомъ смыслѣ я и другіе телеграфировали и писали Антону Павловичу, но онъ принялъ это за желаніе утѣшить и вообще отнесся скептически.

Онъ былъ правъ только въ одномъ отношеніи: что, если даже все это и такъ, то пьесѣ не дадутъ выиграться и занять надлежащее мѣсто. Такъ это и случилось.

Тогдашняя дирекція оказалась по своимъ художественнымъ вкусамъ мало чѣмъ выше той публики, какая наполняла залу на первомъ представленіи „Чайки“. Бенефисная дирекція... Въ оцѣнкѣ пьесы она, очевидно, руководствовалась такими внѣшними признаками, какъ вызовы актеровъ, аплодисменты и цифра сбора.

Аплодисментовъ дѣйствительно было немного и вызовы были скромные. Но это понятно. „Громъ аплодисментовъ“ обыкновенно вызывается чѣмъ-нибудь эффектнымъ, совершающимся на сценѣ, а въ „Чайкѣ“, какъ и вообще у Чехова, за исключеніемъ первыхъ его пьесъ, написанныхъ еще въ старой манерѣ, т.-е. именно до „Чайки“,— такихъ нарочито эффектныхъ мѣстъ не было.

Что же касается цифры сборовъ, то „новыя формы“, казалось бы, заслуживали того, чтобы подождать и дать публикѣ возможность ознакомиться съ ними, разглядѣть ихъ и оцѣнить.

Но цифра 800 рублей на четвертомъ представленіи такъ испугала дирекцію, что она, чуть ли не послѣ этого спектакля, рѣшила снять пьесу съ репертуара.

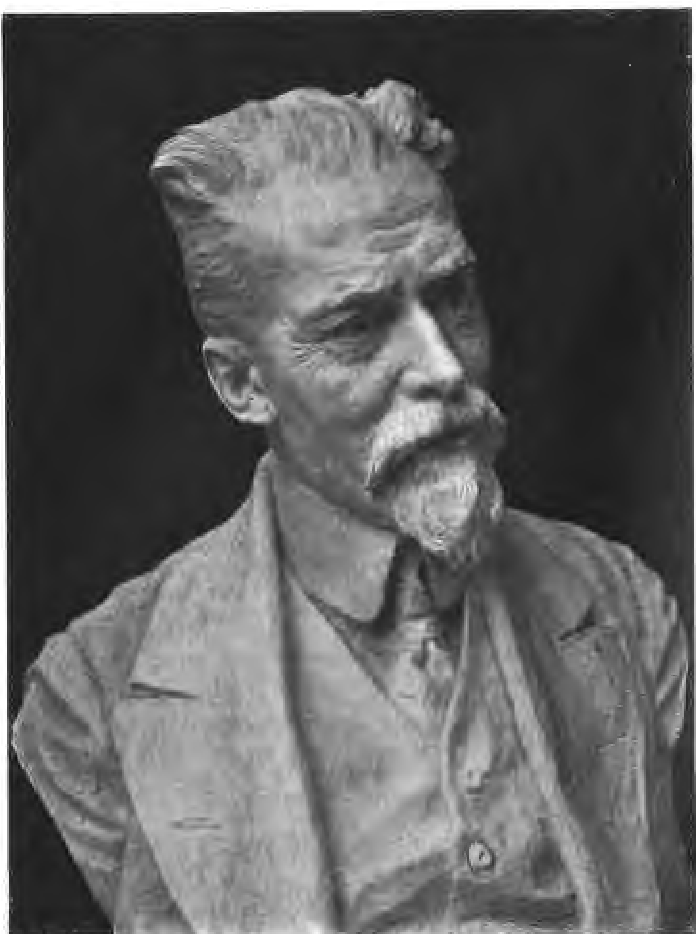
А нѣсколько лѣтъ спустя, „Чайка“ была вторично поставлена въ томъ же театрѣ. Тогда уже появились новыя вѣянія и была новая дирекція. Роли были распредѣлены нѣсколько иначе. Въ Александринскомъ театрѣ уже не было Коммиссаржевской, умеръ Сазоновъ, изъ пьесы выступилъ Варламовъ.

И что же? Несмотря на все это, „Чайка“ имѣла успѣхъ. Она была дана заурядным спектаклемъ, бенефисной публикѣ не было предоставлено рѣшать ея судьбу. Коммиссаржевскую замѣнила Селиванова, хорошая актриса, но не претендовавшая даже на сравненіе съ Коммиссаржевской. Роль Сазонова исполнялъ Шуваловъ, опять-таки съ большимъ ущербомъ для роли.

И, несмотря на все это, пьеса имѣла успѣхъ, дѣлала сборы и держалась на афишѣ.

Я ужъ не говорю о Художественномъ театрѣ, для котораго „Чайка“ была своего рода исходнымъ пунктомъ, гдѣ она имѣла шумный демонстративный успѣхъ.

Библиотека "Руниверс"



В. Е. Маковскій. Бюстъ работы Р. Баха.

И я совершенно увѣренъ, что, если бъ и въ первый разъ въ Александринскомъ театрѣ „Чайка“ была дана обыкновеннымъ спектаклемъ, то публика приняла бы ее, хотя, можетъ-быть, и съ нѣкоторымъ удивленіемъ, но благосклонно и почтительно. Какъ театральная пьеса, „Чайка“ не удовлетворила бы ея, но плѣнили бы ея исключительныя художественныя достоинства.

Все то, что̀ я разсказалъ здѣсь, я взялъ изъ своей памяти. Я не веду дневниковъ и не имѣю привычки заносить свои мысли и наблюденія въ записныя книжки.

Но если бы даже такая привычка у меня была, я ничего не записалъ бы о Чеховѣ, такъ какъ никогда не смотрѣлъ на него, какъ на объектъ для наблюденія.

Менѣе всего я претендую на характеристику личности А. П. Чехова. Я хотѣлъ только отмѣтить нѣкоторые моменты его жизни, когда я стоялъ къ нему близко. Пусть все это будетъ даже незначительно, но ничто касающееся его не должно быть потеряно.

Десять лѣтъ тому назадъ умеръ Антонъ Павловичъ Чеховъ. Но нѣсколько лѣтъ спустя онъ воскресъ передъ нами въ своихъ письмахъ, которыя были собраны и изданы въ четырехъ книгахъ.

Сборники эти не полны. Я, напримѣръ, знаю, что послѣ постановки „Чайки“ у А. П. была переписка съ В. Ѳ. Коммиссаржевской, писалъ онъ и Д. Н. Мамину и другимъ. Этихъ писемъ, вѣроятно, нельзя было получить, и ихъ нѣтъ въ изданныхъ сборникахъ.

Но, несмотря на неизбѣжные пробѣлы, эти четыре книги воскрешаютъ передъ нами его образъ съ изумительной ясностью и красочностью.

Читая эти письма, я вижу передъ собою живого Антона Павловича и любуюсь его изящной очаровательной душой.

Владиміръ Егоровичъ Маковскій.

(Къ 50-лѣтію его художественной дѣятельности).

Очеркъ **Іер. І. Ясинскаго.**

(Съ 2 карт. въ краскахъ, 5 снимками съ карт., портр. и бюстомъ на стр. 541—548 и 556).

Русская живопись долгое время находилась подъ вліяніемъ западно-европейскихъ образцовъ (ложноклассической и романтической школы) и постоянно искала и находила, при помощи правительства, хорошихъ инструкторовъ за границей; еще въ XIX вѣкѣ академическіе шедевры создавались иностранцами, состоявшими на службѣ у русскаго искусства.

Это надо всегда принимать во вниманіе при оцѣнкѣ того значенія, которое имѣютъ въ исторіи русскаго искусства первые художники, начавшіе изображать жизнь въ ея національныхъ выраженіяхъ.

Однимъ изъ такихъ художниковъ, имя котораго всегда будетъ славно, не только ради его недюжиннаго таланта, но и потому, что онъ сознательно принялся за основаніе русской школы живописи, былъ Венеціановъ. Онъ первый сталъ запечатлѣвать на полотнѣ сцены бытового характера. Углубилъ же бытъ Ѳедотовъ, давшій рядъ изумительныхъ картинъ и сатирическихъ рисунковъ. Онъ рано умеръ, но оставилъ послѣ себя даровитыхъ наслѣдниковъ. И, хотя со времени основанія русской жанровой живописи прошло чуть не сто лѣтъ, и художественное потомство Венеціанова и Ѳедотова размножилось, все же на долю одного В. Е. Маковскаго выпала завидная и почетная роль знаменосца современнаго русскаго жанра. Онъ является типичнымъ представителемъ художниковъ, отдавшихъ свои силы живописному изображенію русскаго комизма и быту русскаго средняго человѣка.

Наша живопись въ послѣднія пятьдесят лѣтъ пріобрѣла значительную самостоятельность во всѣхъ ея отрасляхъ; множество выставокъ свидѣтельствуютъ о плодовитости и самобытности русскихъ художниковъ, которые, даже заимствуя краски и манеру у европейскихъ мастеровъ, вносятъ много своего родного въ искусство, но въ массѣ остаются вѣрными натурализму и реализму, и въ этомъ отношеніи они стяжали себѣ болѣе или менѣе почетную извѣстность на международныхъ выставкахъ; тѣмъ не менѣе русская школа живописи, освободившись изъ-подъ иностранной опеки, не достигла еще той полноты выраженія на-

В. Е. Маковскій въ своей мастерской.

Библиотека "Руниверс"

ціональной идеи и той глубины, какихъ въ правѣ ждать отъ русскихъ художниковъ историкъ искусства. Въ послѣднее время наши художники замѣтно уклонились въ исканіе новыхъ красокъ, въ красочную пѣвучесть, въ этюдность, въ красивый, часто прелестный, но безпредметный жонглеризмъ. Но уже и теперь замѣтно стремленіе къ переработкѣ накопленныхъ жадно ищущими молодыми людьми красочныхъ матеріаловъ въ художественныя цѣнности. Но то, что было создано Владиміромъ Маковскимъ и что наполнило собою цѣлую полосу жизни русскаго искусства, — необычайно тонкая изобразительность душевныхъ движеній, — все меньше и меньше встрѣчается въ художественныхъ произведеніяхъ дня. Душа перестаетъ глядѣть съ картинъ нашихъ художниковъ. Пусть она будетъ маленькая, средняя душа, но хочется видѣть душу живу, которая бы глядѣла съ прекрасно исполненнаго полотна. Ея нѣтъ. Молодежь погналась за красками, за драгоцѣнными камнями, за благоуханными цвѣтами, за звѣздами, за райскими птицами. Но она забыла о томъ духовномъ началѣ, о той небесной сущности, которая одна даетъ смыслъ и райскимъ птицамъ, и звѣздамъ, и благоуханнымъ цвѣтамъ, и драгоцѣннымъ камнямъ, и золоту. Нѣтъ души — нѣтъ картины. Исчезла или, въ лучшемъ случаѣ, потускнѣла душа русскаго искусства.

Но жива она еще въ картинахъ В. Маковскаго. Пусть его персонажи—маленькіе люди съ маленькими душами. Иногда отъ ихъ пошлости становится жутко и даже страшно; но это живыя души. Картины живутъ: изображенные люди хитрятъ, улыбаются, смѣются, завидуютъ другъ другу, лукавятъ, нѣжничаютъ, умиляются, злятся. Вся гамма душевныхъ движеній, хотя и въ пониженномъ тонѣ, потому что сама жизнь низменна и обыденна, развертывается передъ нами на картинахъ В. Маковскаго.

Переживъ своихъ сверстниковъ и товарищей по жанру, В. Маковскій остается одинокъ въ современномъ искусствѣ не только потому, что время способствовало этому и вымерли шедшіе подъ знаменемъ, которое онъ держитъ въ своихъ рукахъ; но убыла душа русскаго искусства. Ужасно много мастерства стало, много блеска вокругъ. Но мало души, мало сердца, нѣтъ добродушнаго, а подчасъ и злого русскаго юмора. В. Маковскій—если не единственный представитель жанра въ нашей современной живописи, то, во всякомъ случаѣ, единственный тонкій наблюдатель и изобразитель бытовыхъ сценъ въ ихъ психологической живописности.

Владиміръ Егоровичъ Маковскій долго работаетъ въ искусствѣ, и давно популярно его имя. Онъ родился въ 1846 году въ Москвѣ, въ художественно просвѣщенной семьѣ, и, уже будучи 18 лѣтъ, выставилъ въ Академіи Художествъ жанровую картину, а черезъ годъ получилъ серебряную медаль за картину „Мастерская художника“. Скоро онъ сдѣлался класснымъ художникомъ I степени и академикомъ. Ежегодно выставляетъ В. Е. свои картины на Передвижной выставкѣ, и такимъ образомъ членомъ ея онъ состоитъ 42 года, и уже минуло 50 лѣтъ со времени его перваго художественнаго дебюта.

Нельзя сказать, чтобы талантливость всегда сопровождалась плодовитостью, но В. Е. и талантливъ и плодовитъ. И мало сказать, плодовитъ,—разнообразенъ. Достаточно побывать въ Третьяковской галлереѣ, гдѣ его произведеніями наполнена большая комната, чтобы убѣдиться въ яркости таланта и многообразности этого высоко одареннаго художника. Многія картины его въ свое время шумѣли, какъ шумятъ выдающіяся литературныя произведенія. Стоитъ только вспомнить его „Крахъ банка“. Очаровательны и проникнуты юморомъ и добродушіемъ и какой-то нѣжной снисходительностью къ людямъ его, напримѣръ, „Друзья-пріятели“. Прелестна сцена 50-хъ или 60-хъ годовъ: пожилые товарищи собрались въ гостиной „за водочкой и селедочкой“ и поютъ подъ аккомпанементъ гитары хозяина. Тѣмъ же идиллическимъ юморомъ проникнуты „Любители соловьевъ“, или „За чашкой чая“, или „Въ четыре руки“. И такихъ картинъ—сотни.

Нѣсколько суровѣе юморъ на картинѣ „Мухобой“. Человѣкъ въ лѣтахъ, но здорово опустился; даже брюки на немъ лежатъ, какъ на покойникѣ. Жалкая обстановка. Сулея съ ливеромъ, и на шкапчикѣ бутылки съ настойками. Мухи обсѣли ягоды на тарелкѣ; и несчастный ловитъ мухъ, осторожно подкрадываясь и занося невѣрную руку, чтобы казнить лакомокъ. А можетъ-быть, ему представляются маленькіе чертенята, судя по своеобразному выраженію его мутныхъ глазъ?

Есть нота состраданія и уже не юмора, а сатирическаго негодованія въ картинѣ „Школьные товарищи“. Чиновникъ-старикъ, дослужившійся до Анны 2-й степени, можетъ-быть, уже вицедиректоръ, горделиво сидитъ или, вѣрнѣе, возсѣдаетъ за письменнымъ столомъ въ креслѣ и въ полъ-оборота, съ сознаніемъ собственнаго достоинства и съ полупрезрительной гримасой, смотритъ на своего товарища по училищу, угодливо сгорбленнаго и просящаго о мѣстечкѣ и высокомъ покровительствѣ. Чиновный товарищъ угостилъ его папиросой, разрѣшилъ курить въ своемъ присутствіи. Но онъ ничего не можетъ сдѣлать. На его помощь и покровительство нечего разсчитывать. Тутъ очень сложная душевная игра. Все прошлое неудачника выражено въ его потертой временемъ и нуждой фигурѣ. Но и орденосцу не легко далась служебная карьера. Чиновничья лямка сказалась, и онъ тоже не пощаженъ временемъ. И жаль неудачника, но сановникъ не можетъ иначе поступить. И еще жаль погасшей молодости обоихъ стариковъ, въ сущности, безцѣльно уже бременящихъ землю.

В. Е. Маковскій создалъ и до сихъ поръ продолжаетъ создавать типы, выхваченные имъ цѣликомъ изъ жизни. Въ 80-хъ годахъ была выставлена его картина, находящаяся нынѣ въ Третьяковской галлереѣ—„Вечеринка“. За чайнымъ столомъ и вокругъ него сидятъ и стоятъ представители разныхъ поколѣній и обсуждаютъ „жгучій“ вопросъ. Молодая дѣвушка съ некрасивымъ, но одушевленнымъ лицомъ говоритъ рѣчь. Ее жадно слушаютъ, горятъ глаза. Кто рукоплещетъ, кто понурилъ голову въ раздумьѣ. Сѣдой старикъ, сочувствующій молодежи, вспоминаетъ былое. Картина — цѣлый романъ. Любопытна эта отзывчивость Владиміра Маковскаго и его чуткость.

И не только нашъ художникъ изображаетъ сцены изъ жизни мелкихъ чиновниковъ и вдовъ, полуинтеллигентовъ и интеллигентовъ, онъ авторъ и многихъ картинъ изъ простонароднаго быта. Онъ отдалъ дань и живописности малорусскихъ крестьянъ. Пишетъ стариковъ, старухъ и любитъ писать дѣтей.

И трогательны его „Деревенскіе поставщики“ — два мальчика: одинъ съ кошолкою яицъ, другой съ грибами: они встрѣтились, будущіе хозяева и хлѣборобы, а можетъ-быть, и сельскіе коммерсанты, и сообщаютъ другъ другу о своихъ оборотахъ.

На прошлогодней выставкѣ обращала на себя вниманіе большая картина В. Маковскаго, написанная въ свѣтлыхъ и, такъ сказать, любовныхъ тонахъ и изображавшая группу школьниковъ съ огромнымъ псомъ—другомъ и сторожемъ, бѣгущимъ впереди.

Перечислить всѣ картины Владиміра Маковскаго невозможно,—такъ много создано въ теченіе долгаго, славнаго пути художника и такъ трудно передать ихъ содержаніе.

Въ заключеніе нашей характеристики слѣдуетъ сказать, что В. Е. Маковскій уже много лѣтъ профессорствуетъ въ Академіи Художествъ и, какъ профессоръ, отличается несомнѣнными достоинствами. Ученики В. Е. Маковскаго, судя по конкурентскимъ выставкамъ, всегда находятъ въ немъ солиднаго, спокойнаго и авторитетнаго, знающаго руководителя и совѣтника; и свѣтъ его таланта озаряетъ ихъ первые опыты на открытой аренѣ служенія „свободнымъ художествамъ“.

Чеховъ и наша литература.

Очеркъ **Т. Ганжулевичъ.**

(Окончаніе).

Синтетическая манера Чехова послужила поворотнымъ пунктомъ къ новому раздробленію въ искусствѣ, но едва ли не она внесла въ жизнь и тотъ бурный общественный подъемъ, свидѣтелемъ котораго уже не довелось быть Чехову. Банкротство „маленькихъ дѣлъ“, на которое уже указывалъ Чеховъ, сказалось въ жизни 90-хъ годовъ и вызвало тотъ порывъ къ борьбѣ и подвигу, который и проявился въ слѣдующемъ затѣмъ десятилѣтіи (XX в.).

Отвращеніемъ ко всякой раздробленности объясняется и мнимый общественный индеферентизмъ Чехова: онъ никогда не смотрѣлъ на міръ изъ одного окошка и не признавалъ той разграниченности, которой такъ строго придерживались въ то время наши общественники. „Я не либералъ, не консерваторъ, не постепеновецъ, не монахъ, не индиферентистъ,—пишетъ Чеховъ Плещееву. — Я хотѣлъ бы быть свободнымъ художникомъ — и только“. Какъ художникъ, Чеховъ былъ въ синтезѣ прогрессивныхъ общественныхъ теченій. Отсюда и та доля недоразумѣній, которая такъ тяжело отозвалась на писателѣ: литературная кружковщина долго замалчивала Чехова и заговорила о немъ лишь тогда, когда читатель и безъ критики узналъ его имя и полюбилъ его.

Свобода художественнаго творчества была для Чехова дороже всего, и самъ онъ ничѣмъ не поступался въ ней, храня во всемъ безпристрастіе и объективность, которыя и необходимы художнику для того, чтобы быть творцомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Онъ не признавалъ ни поклоненія мужику, давъ своихъ „Мужиковъ“ во всей правдѣ ихъ быта и дикости, ни интеллигентскаго служенія общему дѣлу съ скрытымъ самоудовлетвореніемъ и ограниченностью, ни увлеченія „непротивленіемъ злу“ („Хорошіе люди“), истолковываемаго въ наиболѣе выгодномъ смыслѣ для людей, любящихъ покой и тишину.

Всѣмъ этимъ „аптечкамъ, больничкамъ“ Чеховъ высказалъ свое безповоротное порицаніе, угадывая за ними духовную пустоту, не желающую и не умѣющую обнять общей идеи, способной преобразить жизнь. А она, по изображенію Чехова, нуждалась въ полномъ обновленіи, начиная съ отдѣльныхъ единицъ, съ семьи, и кончая обществомъ. „Фарисейство, тупоуміе и произволъ царятъ не въ однихъ только купеческихъ домахъ и кутузкахъ: я вижу ихъ въ наукѣ, въ литературѣ, среди молодежи. Поэтому я одинаково не питаю особаго пристрастія ни къ жандармамъ, ни къ мясникамъ, ни къ ученымъ, ни къ писателямъ, ни къ молодежи. Форму и ярлыкъ я считаю предразсудкомъ. Мое святая-святыхъ, это—человѣческое тѣло, здоровье, умъ, талантъ, вдохно-

Библиотека "Руниверс"

Десять лѣтъ, какъ умеръ Чеховъ...

Его нерукотворный памятникъ — его сочиненія влекутъ къ себѣ читателей все болѣе, съ каждымъ годомъ расширяя ихъ кругъ.

Давъ уже дважды — въ 1903 и 1911 годахъ — возможность нашимъ подписчикамъ пріобрѣсти при „Нивѣ“ сочиненія Чехова, мы **въ настоящемъ году,** въ ознаменованіе десятилѣтней годовщины его смерти, **рѣшили удовлетворить желаніе многихъ нашихъ нынѣшнихъ подписчиковъ,** не имѣющихъ въ своей библіотекѣ сочиненій Чехова, — **пріобрѣсти ихъ на льготныхъ условіяхъ** — за пониженную цѣну: въ теченіе всего 1914 года всѣмъ подписчикамъ сего года предоставляемъ право пріобрѣсти по 1 экземпляру первые **16 томовъ „Полнаго Собранія Сочиненій Чехова“** (данныхъ подписчикамъ „Нивы“ за 1903 г.) **за 4 рубля** безъ пересылки (пересылка въ Европ. Россіи и Закавказ. — 50 коп.) и **12 книгъ** (дополнит. „къ Полному Собранію Сочиненій Чехова“, данныхъ подписчикамъ „Нивы“ за 1911 г.: томы 17—22) **за 2 рубля** безъ пересылки (пересылка — 50 коп.; при совмѣстной высылкѣ всѣхъ 22 томовъ — пересылка въ Европ. Россіи и Закавказ. 65 коп.).

Желающіе получить сочиненія въ 9 коленкоровыхъ переплетахъ доплачиваютъ 3 р. 60 к.

Для того, чтобы судить, насколько исключительны эти цѣны, укажемъ, что существующее отдѣльное изданіе **„Полное Собраніе Сочиненій Чехова“** стоитъ **24 рубля** безъ пересылки (16 томовъ по 1 р. 50 к. за томъ безъ перепл.).

Эта льгота предоставляется исключительно подписчикамъ „Нивы“ сего 1914 года, выписавшимъ сочиненія Чехова не позже 31 декабря с. г.

Въ виду необходимости опредѣлить заблаговременно, въ какомъ количествѣ экземпляровъ слѣдуетъ печатать сочиненія Чехова, гг. подписчики, желающіе **обезпечить себѣ полученіе сочиненій,** благоволятъ заявить объ этомъ **немедленно.**

веніе, любовь и абсолютнѣйшая свобода отъ силы и лжи, въ чемъ бы послѣднія двѣ ни выражались. Вотъ программа, — заканчиваетъ свою исповѣдь Чеховъ: — которой я держался бы, если бы былъ большимъ художникомъ“.

Такимъ и былъ Чеховъ, самъ того не сознавая, но и въ своемъ невѣдѣніи оставаясь вѣрнымъ намѣченной программѣ. Съ любовью останавливается онъ на полныхъ жизни и радости ея образахъ героевъ и героинь въ родѣ Мисюсь въ „Домѣ съ мезониномъ“; но чаще мелькаютъ образы усталыхъ, скучныхъ, опошлившихся людей, которыми и изобиловала жизнь. Съ тонкостью, свойственной лишь таланту Чехова, подмѣчаются тѣ жизненные штрихи, которые, не играя роли сами по себѣ, являются центральными въ выявленіи того или другого впечатлѣнія.

Характерна въ этомъ отношеніи маленькая замѣтка, занесенная Чеховымъ въ записную книжку: „когда этотъ либералъ, пообѣдавъ безъ сюртука, шелъ къ себѣ въ спальню и я увидѣлъ на его спинѣ помочи, то такъ было понятно, что этотъ либералъ-обыватель—безнадежный мѣщанинъ“. Къ такимъ пріемамъ прибѣгаетъ Чеховъ во всѣхъ своихъ разсказахъ: одинъ штрихъ, одна черта, какими-то иногда, какъ въ данномъ случаѣ, невидимыми нитями связанная съ цѣлымъ, — и душа героя передъ нами. Такія черты постигаются только интуиціей, угадать ихъ можетъ только художникъ съ стройнымъ міропониманіемъ, съ широкимъ взглядомъ на жизнь.

Пошлость семейной жизни выступаетъ у Чехова не въ длительныхъ описаніяхъ какихъ-либо семейныхъ сценъ, а въ характерныхъ набросках, схватывающихъ одну черту, на которой лишь сильнѣе отразился отпечатокъ пошлости, изъ-за которой само собою вырисовывается уже вся жизнь, съ ея характеромъ и складомъ. Таковы „Послѣдняя могиканша“, „Слѣдователь“, „Анна на шеѣ“: все это—живыя картины, охватывающія одинъ характерный моментъ, изъ-за котораго съ яркостью выступаетъ любимая чеховская идея: спасайтесь отъ пошлости. Она принимаетъ всевозможные оттѣнки: вотъ она въ маленькомъ разсказѣ „Клевета“, гдѣ мы погружаемся въ атмосферу сплетенъ и дрязгъ захолустнаго мірка, гдѣ настолько привыкли къ пошлости, что сами накликаютъ ее на свою голову; а вотъ пошлость, создавшая трагедію въ разсказѣ „Слѣдователь“, гдѣ человѣкъ въ теченіе, быть-можетъ, ряда лѣтъ не подозрѣваетъ, что убилъ своею пошлостью—мелкой ненужной измѣной — живую душу своей жены, которая отравилась послѣ родовъ такъ, что никто ничего не подозрѣвалъ. Входитъ пошлость въ видѣ семейной трагедіи въ драмѣ „Ивановъ“, и въ чистомъ драматическомъ видѣ появляется она въ „Трехъ сестрахъ“ и „Дядѣ Ванѣ“. Особенно пропитана пошлостью атмосфера, окружающая трехъ сестеръ, захлебывающихся въ болотѣ, въ которомъ захлебнулся уже ихъ братъ, ихъ единственная надежда — Андрей: онъ опускается окончательно подъ вліяніемъ вздорной и мелочной женщины, которую выбралъ себѣ въ жены. Она вошла въ жизнь трехъ сестеръ и все опошлила въ ней.

Та же семейная пошлость раскрывается передъ нами въ „Попрыгуньѣ“, въ „Княгинѣ“. Тѣ же мелкіе штрихи и общая идея въ обрисовкѣ общественныхъ отношеній. Вотъ „Торжество побѣдителя“ съ хамствомъ силы сильнаго, вотъ жизнь, укладывающаяся въ собственный огородъ въ „Крыжовникѣ“, подлость пошлости, подхалимство въ „Хамелеонѣ“, незамѣчаемая пошлость обывательщины въ „Іонычѣ“, пошлость въ мірѣ искусства („Произведеніе искусства“) и пошлость бездарнаго литературничанья въ „Драмѣ“.

Рядомъ съ пошлостью—безсиліе, безволіе, исканіе новыхъ путей, тоска при полномъ ихъ незнаніи. Руководителей, вожаковъ, за которыми можно бы пойти, не было въ чеховское время. Толпа начала прокладывать дорогу сама, все еще оглядываясь, умоляя о помощи. Характерна въ этомъ отношеніи „Скучная исторія“. Чеховскій профессоръ въ „Скучной исторіи“ типичный представитель полосы безвременья, когда общая растерянность охватила всѣхъ, растерянность передъ надвигающейся необходимостью жизненнаго подвига. Профессоръ изъ „Скучной исторіи“ не можетъ указать Катѣ настоящее дѣло, несмотря на все свое желаніе поруководить ею, несмотря на свою отвѣтственность, какъ опекуна ея,—потому что у него самого пусто въ душѣ.

Русская дѣйствительность съ ея пошлостью и гнетомъ духовнымъ вытѣла душу у людей, и ничего не осталось для жизни. Такова общая картина въ литературѣ того времени. Требовалось не возрожденіе, не подъемъ, а прямо духовное перерожденіе. Оно могло прійти лишь послѣ разрушенія всѣхъ прежнихъ иллюзій. Это разрушеніе уже надвигалось, и Чеховъ предвидѣлъ его. Грусть, унылiе, общее безсиліе, безполезная гибель цѣннаго и прекраснаго, — та гибель, которая является грѣхомъ всего общественнаго строя въ данный моментъ, отражается въ каждомъ произведеніи Чехова. Гибнетъ Іонычъ, залѣзающій въ провинціальную обывательщину и въ ней ожирѣвшій и отупѣвшій, гибнетъ докторъ „Палаты № 6“, уходя отъ жизни и лишь мечтая о разговорѣ съ настоящимъ, понимающимъ интеллигентомъ, котораго напослѣдокъ онъ думаетъ найти въ сумасшедшемъ больномъ, — и признается самъ ненормальнымъ. Гибнетъ красота въ разсказѣ „Красавица“, гибнутъ „три сестры“, такъ и не увидѣвшія Москвы и не попытавшіяся развернуть свои силы; гибнетъ „вишневый садъ“ съ его поэзіей, подрубаемый топорами практика и дѣльца, губящаго въ то же время свою личную жизнь. И въ этихъ разсказахъ о человѣческой гибели Чеховъ безъ эффекта потрясаетъ сердца читателей своей простотой и безыскусственностью, подходя вплотную къ жизненнымъ переживаніямъ. Создается та иллюзія, которая составляетъ основу художественнаго творчества.

Простота реализма у Чехова достигла своего апогея. Полная безотрадности картина русской жизни подъ перомъ Чехова получила мало замѣчаемый въ свое время грозный смыслъ и значеніе. Въ атмосферѣ общей пошлости и безсилія создается „Разсказъ неизвѣстнаго человѣка“, задолго предшествующій ропшинскому роману „То, чего не было“. Герой переживаетъ то же разочарованіе послѣ пыла борьбы и готовности къ ней: пока сановникъ Орловъ, къ сыну котораго нанялся „неизвѣстный человѣкъ“, представлялъ для него лишь врага, онъ принималъ рискованныя мѣры, чтобы уничтожить его; но какъ только онъ увидѣлъ духовную пустоту окружающихъ и близкихъ ему людей, какъ только лицомъ къ лицу встрѣтился съ своимъ врагомъ, старикомъ Орловымъ—и увидѣлъ его въ старческомъ безсиліи,—исчезла необходимость мести: мстятъ лишь сильнымъ, а пошлость вызываетъ лишь отвращеніе, какъ вызвала она его у „неизвѣстнаго человѣка“ при близкомъ наблюденіи жизни молодого Орлова. Въ то же время пошлость—показатель естественнаго разложенія въ духовной организаціи общества или личности, и способы открытой, благородной борьбы къ ней не подходятъ. Это пришлось уже признать послѣ Чехова русскимъ общественнымъ дѣятелямъ, отдавшимся-было на время миражу открытой борьбы и благородныхъ героическихъ подвиговъ. „Неизвѣстный человѣкъ“ у Чехова приходитъ къ тѣмъ же выводамъ, что и ропшинскій герой: онъ отказывается отъ борьбы, правда, сломленный ею. Жажда жизни, безумная и страстная, просыпается у того, кто умѣлъ въ свое время жертвовать ею. Это прекрасно подмѣтилъ Чеховъ въ своемъ „Неизвѣстномъ человѣкѣ“, и это проявилось на дѣлѣ послѣ нашего бурнаго періода. „Жить и только жить!“— Такова была реакція на лозунгъ: „Умереть, но добиться лучшаго!“ Эта жажда жизни—не пошлость, а пробужденіе того здо-

Библиотека "Руниверс"

роваго инстинкта самосохраненія, который, можетъ-быть, и выведетъ изъ плѣна пошлости.

Основные тоны чеховскаго творчества есть въ то же время и основные тоны жизни той эпохи. Она отразилась въ чеховскомъ творчествѣ во всей полнотѣ, и только чеховскими пріемами можно было уловить то измельчаніе духовное, которое и привело затѣмъ къ кризису. Со страницъ Чехова глядитъ на насъ исторія 80-хъ годовъ съ ихъ раскаявшимися, остепенившимися и ослабѣвшими Лаевскими („Дуэль“), старыми студентами („Вишневый садъ“), съ разслабленными „Ивановыми“ и тоскующими интеллигентами. Все это было, и было не такъ давно, и многое изъ того, что отразилъ Чеховъ, будетъ жить вѣчно, будетъ выявляться при каждой смѣнѣ жизненныхъ теченій. Въ этихъ вѣчныхъ элементахъ чеховскаго творчества, быть-можетъ, и заключается самое больное въ талантѣ Чехова, но отъ 80-хъ годовъ его нельзя отнять: онъ слился съ ними въ протестѣ противъ нихъ, а связь по ненависти,—по собственному чеховскому признанію въ одномъ изъ его разсказовъ,—еще крѣпче, чѣмъ по любви. И въ своемъ протестѣ противъ „маленькихъ дѣлъ“ современности, въ своемъ исканіи общей идеи Чеховъ создалъ цѣлую школу исканій и неудовлетворенности, школу реалистовъ - импрессіонистовъ, отражающихъ дѣйствительность, но и творящихъ изъ нея. Чеховская школа въ литературѣ еще далеко не завершилась; настоящая исторія ея и опредѣленіе еще впереди.

Французскій министръ-президентъ и министръ иностранныхъ дѣлъ Ренэ Вивіани, сопровождающій президента Пуанкарэ въ Россію.

Французскій дредноутъ „Jean Bart“.

На закатѣ германскаго міровладычества.

(Политическое обозрѣніе).

Свиданіе въ Констанцѣ недаромъ продолжаетъ волновать политическіе круги Европы. Горячіе споры о томъ, былъ ли или не былъ заключенъ формальный союзъ между Россіей и Румыніей, должны теперь сами собою прекратиться послѣ обращеннаго къ Турціи тожественнаго требованія обоихъ правительствъ о нейтрализаціи Дарданеллъ въ случаѣ возникновенія греко-турецкой войны. Тожественность нотъ говоритъ о совмѣстности дѣйствій по огражденію общихъ интересовъ, о сліяніи русской и румынской политики и согласованности ея цѣлей. Послѣ этого многознаменательнаго акта уже ни въ комъ не остается сомнѣнія въ установленіи новаго курса румынской политики, онъ окончательно закрѣпляетъ переходъ Румыніи отъ тройственнаго союза къ тройственному согласію и полное крушеніе той комбинаціи, которая была создана усиліями князя Бисмарка послѣ Берлинскаго конгресса. Покойный канцлеръ былъ несомнѣнно геніальнѣйшимъ дипломатомъ прошлаго вѣка и сотворилъ нѣчто невозможное, превративъ маленькое прусское королевство въ великую имперію, почти первенствующую въ Европѣ. Личный геній великаго политика восторжествовалъ надъ естественными стихіями европейской международной жизни, но для того, чтобы созданіе его продолжало существовать, необходима безпрерывно длящаяся работа не менѣе геніальныхъ преемниковъ, а такъ какъ геніи вообще въ природѣ довольно рѣдки и рождаются не по заказу и не по назначенію, то при наслѣдникахъ желѣзнаго канцлера подавленныя его геніальностью стихіи начинаютъ обнаруживать свою скрытую силу, и великія дѣянія его постепенно приходятъ къ умаленію. Ничего удивительнаго и страннаго въ этомъ нѣтъ. Естественный порядокъ вещей, временно нарушенный давленіемъ такого мірового феномена, какъ Бисмаркъ, постепенно возстановляется, подобно тому, какъ рѣки послѣ бурнаго вешняго разлива неизбѣжно вновь возвращаются въ свои узенькія русла. Дѣло въ томъ, что даже въ періодъ тріумфовъ Бисмарка германская гегемонія въ Европѣ держалась вовсе не германскими силами, а силами искусно ослѣпленныхъ германскимъ чародѣемъ правительствъ и народовъ. Въ наиболѣе тяжелые моменты своей исторіи Пруссія получала дѣятельную поддержку со стороны Россіи. Она росла и крѣпла, какъ маленькій паразитъ на тѣлѣ большого и

Адмиралъ Ле-Бри, командующій французской эскадрой, сопровождающей президента.

Дредноутъ „France“, на которомъ отбылъ президентъ Пуанкарэ изъ Дюнкерка въ Россію.

Къ прибытію французскаго президента Пуанкарэ въ Россію.

Библиотека "Руниверс"

добродушнаго сосѣда, держалась на высотѣ положенія только безграничной терпимостью и слѣпотой восточнаго покровителя. Такая полоса удачи длилась вплоть до начала царствованія императора Александра III. Онъ положилъ конецъ „союзу трехъ императоровъ“, укрѣплявшему гегемонію Германіи на остріѣ русскихъ штыковъ, и вошелъ въ союзъ съ Франціей. Тогда Бисмаркъ скомбинировалъ новый тройственный союзъ, включивъ въ него взаимно враждующіе элементы—Италію и Австрію. Геній и здѣсь торжествовалъ надъ національными стихіями, дипломатическое искусство побѣдило естественныя симпатіи скованныхъ цѣпью союза народовъ. И славяне, составляющіе почти $2/3$ населенія Австріи, и всѣ итальянцы поголовно, какъ романскій народъ, враждебны германскому господству въ Европѣ, но по гипнозу ослѣпленныхъ берлинскимъ магомъ правителей, разоряясь на непосильныя вооруженія, наперекоръ своимъ естественнымъ стремленіямъ и своей сознательной волѣ, все-таки покорно поддерживаютъ германскую гегемонію. Въ международныхъ событіяхъ послѣднихъ дней: въ офиціальномъ отторженіи Румыніи отъ тройственнаго союза, въ албанской смутѣ, свидѣтельствующей о назрѣвающей розни между союзными Австріей и Италіей и нарождающемся сближеніи Венгріи съ Россіей, и въ крайне подозрительномъ для берлинскихъ опекуновъ Турціи посѣщеніи турецкой депутаціей Талаатъ-бея Ялты чувствуется начало освобожденія народовъ Европы отъ германскаго гипноза, начало распада созданныхъ геніемъ Бисмарка противоестественныхъ союзныхъ комбинацій, начало естественнаго и неизбѣжнаго конца германской гегемоніи. Великая своею массою и своимъ удѣльнымъ политическимъ вѣсомъ, Россія, даже пассивная, даже лишенная подъема, дѣйствуетъ на сосѣдніе маленькіе народы такъ же, какъ большой магнитъ на желѣзныя опилки: она располагаетъ ихъ въ совѣмъ иныхъ комбинаціяхъ, чѣмъ хотѣлось бы магамъ и чародѣямъ Берлина, и тѣмъ самымъ разстраиваетъ всю работу послѣднихъ. Сравните работу нашей и германской дипломатіи и сопоставьте декларацін обоихъ министровъ иностранныхъ дѣлъ. Германская дипломатія въ высшей степени активна, напряженно дѣятельна и нервна, русская—пассивна, безъ конца оптимистична и въ національномъ смыслѣ почти безлична. И что же? Вялое, казенно-оптимистическое миролюбіе русской деклараціи несравненно болѣе импонируетъ сердцамъ правителей и народовъ, колеблющихся на рубежѣ двухъ политическихъ водораздѣловъ, чѣмъ полная страсти и гнѣва, активности и энергіи талантливая германская декларація. Въ концѣ концовъ природа возьметъ свое. Венгровъ ли не натравливали противъ Россіи, ежедневно напоминая нашъ грѣхъ 48 года, турокъ ли не благодѣтельствовали, снабжая ихъ пришедшими въ негодность броненосцами, неразрывающимися снарядами и застывшими въ старой рутинѣ генералами, итальянцевъ ли не ослѣпляли перспективами африканскихъ завоеваній? Все оказывается ни къ чему: неблагодарные народы не хотятъ больше служить величію добраго Михеля, а желаютъ заботиться о своихъ собственныхъ интересахъ, найти твердую опору для своего свободнаго развитія гдѣ-то далеко-далеко отъ Потсдама. Германское плѣненіе Европы окончилось, и центръ тяжести международной жизни сразу передвинулся на сѣверъ.

Русскій посланникъ въ Сербіи гофмейстеръ Николай Генриховичъ Гартвигъ, скончавшійся отъ паралича сердца въ Бѣлградѣ 27 іюня с. г. Смерть этого выдающагося дипломата, являющаяся большой потерей для Россіи, глубоко опечалила Сербію, оказавшую его праху исключительныя почести и постановившую принять похороны на государственный счетъ, какъ политическаго дѣятеля, много содѣйствовавшаго возвеличенію Сербіи и заключенію балканскаго союза. Н. Г. Гартвигъ скончался еще въ цвѣтѣ силъ, около 60 лѣтъ, въ разгаръ своей политической карьеры. Смерть постигла его внезапно въ кабинетѣ австрійскаго посланника, съ которымъ онъ велъ бесѣду.

СМѢСЬ.

Ямбургское коммерческое училище. — Въ 4-хъ часахъ ѣзды отъ Петербурга по Балтійской жел. дорогѣ лежитъ небольшой городокъ Спб. губ. Ямбургъ на берегу живописной рѣки Луги. Тихо течетъ жизнь городка, больше похожаго на село, чѣмъ на городъ. Жизнь такихъ маленькихъ пунктовъ бѣдна событіями, тѣмъ болѣе общественнаго характера, поэтому для Ямбурга состоявшійся въ нынѣшнемъ году первый выпускъ мѣстнаго общественнаго коммерческаго училища имѣетъ большое значеніе. Это, казалось бы, маленькое событіе пріобрѣтаетъ характеръ общій, если посмотрѣть на него шире, какъ на то движеніе жизни, которое начинаетъ пробуждаться понемногу и внѣ крупныхъ центровъ. Въ исторіи Ямбургскаго коммерческаго смѣшаннаго 8-классяаго училища мы имѣемъ дѣло съ настойчивостью частной иниціативы, съ общественнымъ дѣломъ, созданнымъ энергіей частныхъ лицъ, съ умѣніемъ внести живое біеніе жизни въ мертвую тину обывательщины.

Идея объ организаціи средняго учебнаго заведенія въ Ямбургѣ зародилась уже давно, но осуществлена была лишь въ 1907 г., когда дружными усиліями мѣстной интеллигенціи въ главѣ съ докторомъ П. Н. Прохоровымъ было основано общество «Просвѣщеніе», которое и открыло коммерческое училище. Открытое вначалѣ въ наемномъ помѣщеніи, училище теперь помѣщается въ собственномъ каменномъ зданіи, построенномъ на развалинахъ древней крѣпости Ямгородъ. На Гигіенической выставкѣ въ Петербургѣ училище получило малую золотую медаль за программу по гигіенѣ и правильный медицинскій надзоръ. Это тѣмъ болѣе важно, что значительная часть учащихся въ Ямбургскомъ коммерческомъ училищѣ—дѣти крестьянъ прилегающихъ деревень. Понятія о гигіенѣ, медицинская помощь—все это еще чуждо нашей деревнѣ; учащаяся молодежь внесетъ изъ школы въ жизнь оздоровляющіе принципы. Первый выпускъ, несмотря на трудность веденія новаго развивающагося дѣла, оказался блестящимъ. Совмѣстное ученіе, оказалось, прекрасно повліяло на учащихся: смягчило грубость съ одной стороны, выработало серьезное отношеніе къ дѣлу съ другой. Характерно, что въ числѣ лучшихъ учениковъ одинаковое количество и ученицъ. Быть-можетъ, такіе опыты и такія общественныя начинанія проложатъ путь и другимъ. Къ особенностямъ и достоинствамъ Ямбургскаго училища надо отнести, что оно является попыткой насадить школу въ городѣ-деревнѣ, гдѣ условія жизни значительно легче для учащагося, чѣмъ въ крупномъ центрѣ: чистый воздухъ, просторное помѣщеніе, дешевизна жизни.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1914 г.

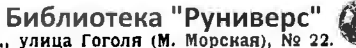
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложеніями: Безъ дост. въ СПБ. **6 р. 50 к.**, съ дост. **7 р. 50 к.**; съ пересылкой по всей Россіи: на годъ **8 р.**, на 1/2 года **4 р.**, на 1/4 года **2 р.**

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Майкова“ кн. 4.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29 Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.



Библиотека "Руниверс"

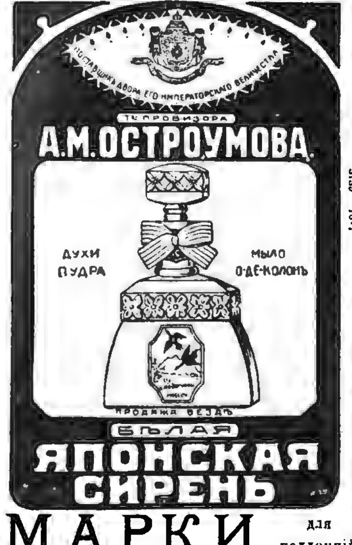
Всегда немедленное облегченіе. Интересный случай.

Нижеслѣдующее заявленіе будетъ, вѣроятно, интересно многимъ читателямъ. „Я страдалъ ишіасомъ и подагрой и по совѣту друга я сталъ принимать Кефалдолъ-Сторъ. Послѣ первыхъ пріемовъ я сталъ чувствовать облегченіе, а теперь совершенно оправился отъ болей. Федоръ Вернеръ". 313.

Повидимому, это всеобщее заключеніе лицъ, принимавшихъ это замѣчательное средство. Противъ всѣхъ нервныхъ страданій оно дѣйствуетъ какъ волшебство. Въ каждой аптекѣ имѣется Кефалдолъ-Сторъ и, если у какого-либо читателя его нѣтъ, пусть спроситъ въ аптекѣ или въ аптекарскомъ магазинѣ и приметъ немедленно.

Однимъ изъ постоянныхъ спутниковъ солнца 5-5

являются веснушки. Особенно обильно являются онѣ въ лѣтніе мѣсяцы, когда кожу лица сильно раздражаютъ палящіе лучи солнца. Долгое время веснушки — этотъ обезображивающій даже самыя красивыя лица недостатокъ — относились къ разряду тѣхъ золъ природы, съ которыми человѣкъ еще безсиленъ бороться. Но съ изобрѣтеніемъ получившаго широкую извѣстность Крема **КАЗИМИ** Метаморфоза взглядъ ученыхъ на этотъ вопросъ рѣзко измѣнился. И это вполнѣ основательно, ибо кремъ КАЗИМИ радикальнѣйшее средство, предупреждающее и уничтожающее веснушки, пятна, загаръ, угри и другіе дефекты лица. Цѣлебное значеніе этого крема усиливается еще тѣмъ, что онъ не содержитъ никакихъ ядовитыхъ или раздражающихъ кожу веществъ. 3049



3130 10-1

Подлинныя почт. марки иностран. миссій. Гарантировано не сортированныя, продаются на вѣсъ. Требуйте поясненій у Р. Беканнъ, Директора миссіон. почт. марокъ, 14, ул. Редутъ, Тулуза (Франція).

Химико-бактеріологич. лабораторія **Б. ГУРЕВИЧА,** КІЕВЪ, Б. Васильковская, 10. Предл. единственно вѣрное средство для массоваго истребленія

КРЫСЪ и МЫШЕЙ

бактерійную заразу, безвредн. для людей и домашн. животн. Порція въ 2 р. 5 к. и 5 р. 20 к. съ перес.
2967 6-4

СПЕЦІАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ для устройства и перестройки

Крахмальныхъ, паточныхъ,

декстриновыхъ и саговыхъ заводовъ

В. Г. УЛАНДЪ,

об. съ огр. отв. 3001 16-3

Лейпцигъ-Голисъ.

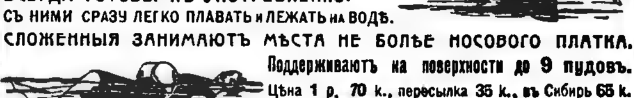
— Проспекты высылаются безплатно. —

МАРКИ для коллекцій

даромъ обширный каталогъ 3134
В. А. Зольманъ, Рига.

КАЖДЫЙ ПЛАВАЕТЪ СРАЗУ.

АМЕРИКАНСКІЯ ПЛАВАТЕЛЬНЫЯ КРЫЛЬЯ
АЙВАДА (Aywad's Water Wings)
ВСЕГДА ГОТОВЫ КЪ УПОТРЕБЛЕНІЮ.
СЪ НИМИ СРАЗУ ЛЕГКО ПЛАВАТЬ И ЛЕЖАТЬ НА ВОДѢ.



СЛОЖЕННЫЯ ЗАНИМАЮТЪ МѢСТА НЕ БОЛѢЕ НОСОВОГО ПЛАТКА.

Поддерживаютъ на поверхности до 9 пудовъ.
Цѣна 1 р. 70 к., пересылка 35 к., въ Сибирь 65 к.
складъ у **И. ГЛАЗУНОВА.** Москва, Столешниковъ, № 8.

ПИСАТЬ КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 8 отдѣл. Рондо, Готикъ, Батардъ и пр., 206 рис. и черт. въ текстѣ, изящн. альбомъ шрифтовъ, транспорант. и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій ср. Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. **Цѣна** за полн. курсъ съ прилож. и перес. 1 р. 50 к.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообраз., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. убористый шрифт. **Цѣна** съ перес. 1 р. 50 к.

СЛОВАРЬ коммерч. словъ и термин., употребляем. въ коммерч. мірѣ. **Цѣна** съ перес. 1 р.

ТАБЛИЦЫ для быстраго вычисленія безъ помощи счетовъ и бумаги, значительно сокращ. трудъ бухгалтер. и конторщ. и вычисленія на счетахъ на всѣ 4 дѣйств. ариѳм. Ц. 40 к. съ пер.

СПРАВОЧНИКЪ какъ поступить на службу въ казен., обществ. и частн. учр., формы прошен. и писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. **Цѣна** съ перес. 1 руб. При посылкѣ налож. плат. дороже на 25 коп.

Адр. Книгоизд. «КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ» — С.-Петербургъ. Невскій, д. 57—3.

YALE

Только одинъ замо́къ, но „Yale".

Безопасность достигается не съ помощью нѣсколькихъ замковъ; ничуть: нуженъ лишь одинъ замо́къ, но такой, который гарантируетъ потребную безопасность.

Цилиндрическій замокъ „YALE" вполнѣ защищаетъ Вашъ домъ, никакихъ дальнѣйшихъ мѣръ предосторожности не требуется.

Цилиндрическіе замки „YALE" цѣлесообразно устроены: малаго размѣра, прочны, точно испытаны, легко приводимы въ дѣйствіе, однако лишь соотвѣтственнымъ ключомъ, предохранены отъ поддѣльныхъ ключей, отъ отмычекъ или взлома.

Если Вы у входныхъ дверей имѣете не вполнѣ надежные замки, то замѣните таковые цилиндрическими замками „YALE". 3149

Клеймо полнѣйшая для Васъ гарантія.

Продажа во всѣхъ желѣзныхъ торговляхъ и спеціальныхъ магазинахъ.

Подробныя описанія въ Вашемъ распоряженіи.

Yale & Towne, Ltd.

Адреса: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Фонтанка, 52.
МОСКВА, Лубянскій проѣздъ, № 23.

Электрическій аппаратъ для разрушенія волосъ.

Фирма Л. М. Багинскій выступила съ замѣчательнымъ изобрѣтеніемъ. Дамская борода и нежелательная волосатость тѣла безслѣдно уничтожаются съ корнемъ. Аппаратъ приводится въ дѣйствіе при помощи нажатія кнопки, и сейчасъ же волосы выпадаютъ, и корни погибаютъ. Новый волосъ не можетъ болѣе вырасти на томъ мѣстѣ. За полный успѣхъ фирма ручается возвратомъ денегъ. Аппаратомъ можетъ пользоваться всякій безъ какого-либо подготовленія. Стоимость его 5 р., лучшаго качества 8 р. Съ заказами обращаться къ спеціалисту: Л. М. Багинскій, Рига, 45, Романовская ул., № 29.
2965 (Институты въ Берлинѣ и въ Парижѣ). (6)

Библиотека "Руниверс"

300—600 руб.

3152 **ВЪ МѢСЯЦЪ** 2-1

могутъ зарабатывать мужчины легко у себя дома. Совершен. новые пути къ богатству. Требуйте немедл. безпл. проспекты № 7. г. ЛОДЗЬ, почт. ящ. 367.

ТРЕБУЮТСЯ ДѢЯТ. АГЕНТЫ

для перепродажи ходк. недорог. загран. новинокъ. Побочн. заработ. Проспекты безпл. 3136 **Москва Ж. Н. коммерч. ящикъ 450.** 8-1

ПАНСІОНЪ

для изученія и усовершенствованія въ **нѣмецкомъ языкѣ.** Свѣдѣнія можно получить отъ **Директора Денгардъ, Лошвицъ, ок. Дрездена, Германія.** 10-9

КНИГИ 10 КОП. ЭКЗ.

Небыв. случай. Интер. подборъ. Къ кажд. заказу премія **парижск жанра.** Каталогъ книгъ съ рис. 3104 14 к. (марк.) Москва, ящ. **2090.** 2-2

Конторскую скоропись, рондо, готикъ обучаю **заочно** каждаго въ 6 уроковъ. Въ 15 уроковъ исправляю самый дурной почеркъ. За 5 семик. марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почеркучениковъ и условія. Одесса, Проф. Каллиграфія Адольфъ **КОССОДО**, Дерибасовская, д. **№ 19**

ФОТО

гр. снимки парижск. красавицъ для **любителей:** новый каталогъ на 1914 годъ съ подробн. описан. серія высыл. въ закр. письмѣ по получ. 2×7 к. марокъ. Адр. **М. ЛИПМАНОВИЧЪ,** 3148 Лодзь 5, ящ. **526.** 3-1

Фотографич.

снимк., подобно нашим по исполненію, ни у кого!! Роскошн. каталог съ **2000** захватыв. артистическ. миніатюр высылаем **только по полученіи 95 коп.** почтов рус. марк. Корресп. на русск. яз. **Charles Wohl. Paris XV-e, Boite de com. A 29.** 3-1 3120

Филиконъ

ПРЕВОСХОДНОЕ и ВѢРНОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВЪ ГЛИСТОВЪ-СОЛИТЕРА. ПЕРЕДЪ ПРІЕМОМЪ НЕ ТРЕБУЕТЪ ОСОБЫХЪ ПОДГОТОВЛЕНІЙ.
ДѢЙСТВУЕТЪ ЛЕГКО и БЫСТРО, БЕЗЪ УЩЕРБА ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ. ПРОДАЖА ВЕЗДѢ. ЦѢНА ФЛАКОНА 1 р. 75 к.
ЕДИНСТВ. ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ Т/Д. **Ю. МАРТЕНСЪ** С.П.Б., Гороховая, 9.

2971 32-5

ОЖИРѢНІЕ.

Прочь обременительный жиръ! Стройная фигура, благодаря рекомендованному врачами **пріятному на вкусъ травяному чаю.** Значительное убавленіе вѣса **безъ соблюденія діэты. За успѣхъ и безвредность ручается фирма.** Единственное правильное лѣченіе отъ ожирѣнія. 1 пакетъ 2 р., 3 пакета 5 р. Химическая фабрика **Д-ръ Баллоницъ и Ко, Рига. Отд. А. В.** Фабрики въ Берлинѣ и въ Парижѣ. Ежедневно поступаютъ благодарственныя письма. Такъ, г-жа Т. пишетъ: „Мнѣ убавилось 40 фунт.". Г. С.: „Убавилось въ теченіе 3 хъ недѣль 26 фунт., буду Вась всюду рекомендовать". 3108 3-3

3140 10-1

Неврастенія

у мужчинъ. Ея причины, сущность и лѣченіе. Сочиненіе удостоено наградъ и составлено на основаніи новѣйшихъ данныхъ науки. 228 стр. съ рисунк. Полезное руководство для излѣченія. **Цѣна 60 коп.** (можно русскими почтовыми марками).

1466 Адресъ: (34)
Швейцарія, Женева 567, Cenève 567. Dr. med. Rumler.

3004 6-4

100 рублей 2851 (8) **въ мѣсяцъ** **ВѢРНАГО** **обезпеченнаго заработка**

для всѣхъ при удобн. домашн. раб. Разст. не мѣш. За раб. плат. наличн. Усл. высыл. безпл. **1-ое Западн. Т-во** Вязальн. изд. Варшава, Капуцинская, 13-37.

КУРСЫ

общед. **ЗАОЧНЫЕ** ком. самообр. ПРОГР.: 2-ая итальянск. и американская **БУХГАЛТЕРІЯ**

СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи), коммерч. ариѳметика, коммерч. корреспонденція, ком. географія, товаровѣдѣніе. Курсъ препод. **КАЛЛИГРАФІИ, контор скорописи, ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА. БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ** (труды професс. и препод. высш. и средн. учебн. завед.). Отзывы спец. благ. письма. **АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА.** Льготн. условія: разсрочка отъ 2 руб. **Программы и пробныя лекціи высылаются БЕЗПЛАТНО.** Адресъ: Книгоиздательство „Кругъ Самообразованія".—С.-Петербургъ **НЕВСКІЙ,** д. 57—11.

ВСЕ НЕОБХОДИМОЕ И ЛУЧШЕЕ ДЛЯ ОХОТЫ ВЫ НАЙДЕТЕ

въ Оружейномъ складѣ **Т/д. Я. ЗИМИНА вдова и С. НИКИФОРОВЪ,**

Москва, Тверская, д. № 15, близь Газетнаго пер.
ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ РУЖЕЙ, РЕВОЛЬВЕРОВЪ И ОХОТНИЧЬИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
по доступнымъ цѣнамъ.
НА ПОКУПКУ ОХОТНИЧЬИХЪ РУЖЕЙ РАЗРѢШ. СВИДѢТ. НЕ ТРЕБУЕТСЯ.
— Требуйте прейсъ-курантъ. Есть новости. —

2789 9-5

Продолжается подписка на журналъ самообученія и самообразованія

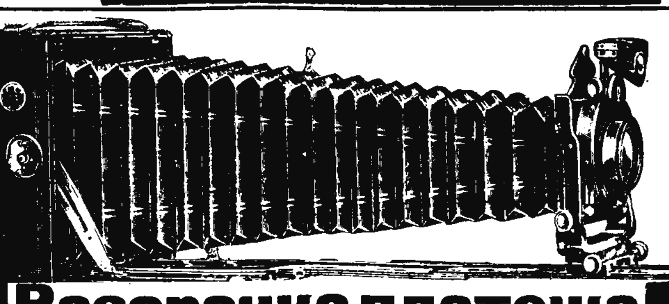
„ШКОЛА для ВСѢХЪ".

Журналъ даетъ познанія въ объемѣ средней школы и готовитъ къ различнымъ экзаменамъ, какъ-то: на аттестатъ зрѣлости, на аптекар. учен., на классн. чинъ, на учительск. знан. и пр. Вмѣстѣ съ заочной подгот. къ экзаменамъ „ШКОЛА для ВСѢХЪ" преслѣдуетъ и цѣли самообразованія.

Редакторами отдѣловъ являются:
Заслужен. орд. проф. П. И. БРОУНОВЪ, проф. С. А. ВЕНГЕРОВЪ, прив.-доц. СПБ. Унив. Н. С. ДЕРЖАВИНЪ, проф. А. І. МАЛЕИНЪ, Николай Алекс. МОРОЗОВЪ, проф. В. Н. СПЕРАНСКІЙ, прив.-доц. Д. П. НИКОЛЬСКІЙ, проф. Л. А. ЧУГАЕВЪ.

При журналѣ учреждено бюро исправл. письм. работъ подъ руков. руководителей и редакторовъ отдѣловъ.
Подписная цѣна на 1 годъ 12 руб.
Допускается разсрочка въ 4 срока.
Для ознакомленія 3 номера журнала и одна книга прил. высылаются налож. плат. за 1 руб. 25 коп.
До 1-го Іюля вышло 6 № журн. и 2 книги прилож.
Подробный проспектъ высыл. безплатно. 3151
Адресъ: Рижскій просп., № 14/а, конт. журнала „ШКОЛА для ВСѢХЪ".

ТРЕБУЮТСЯ АГЕНТЫ.



Разсрочка платежа

отъ 2 руб. въ мѣсяцъ.

Не затрачивая сразу много денегъ, всякій заслуживающій довѣрія можетъ пріобрѣсти лучшіе заграничные

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ,

уплачивая стоимость небольшими ежемѣсячными взносами. Цѣны на аппараты, объективы и принадлежности внѣ конкурренціи.

Иллюстрир. прейсъ-курантъ высылается за 14 к. марками.

Фотографическое Депо Я. А. Вейденбаумъ.

3146 С.-Петербургъ, Коломенская, № 10—7. 4-1

КТО СТРАДАЕТЪ РЕВМАТИЗМОМЪ?

3135

пусть напишетъ мнѣ и потребуетъ у меня иллюстрирован. брошюру, которую высылаю всѣмъ немедленно **БЕЗПЛАТНО.**

Я открылъ средство, совершенно безвредное, но незамѣнимое при лѣченіи ревматизма, подагры и родственныхъ болѣзней, и оно помогло тысячамъ страждущихъ.

Это средство избавитъ и Васъ отъ Вашихъ тяжелыхъ мученій.

Достаточно написать открытое письмо, и я вышлю Вамъ вмѣстѣ съ книгой пробный пакетъ моего средства совершенно **БЕЗПЛАТНО.**

Адресуйте: **ВИЛЬЯМЪ ГАЙДЪ ВОЛЛАНСТОНЪ,** С.-Петербургъ, Невскій пр., 18, отд. **3. А. В.**

ФОТО

гр. снимки **парижск. красавицъ** новые **интересные** каталоги съ подробн. описан. серія выс. въ закр. письмѣ по получен. 2×7 к. марокъ. Адр.: Л. Франкфортеръ, 2908 Лодзь 4. Ящ. 571 (сохр. адр.). 12-10

ГЕМОРРОЙ

хотя бы самой сильной степени у мужч. и женщ. вылѣч. навсегда въ 10 дней испыт. вѣрн. средств. мазь „Геморенъ" проф. „Гучардъ", Парижъ. Цѣна 1 банки съ перес. 2 р. 50 к., высыл. нал. плат. Адр. Главн. Представ. Блюштейнъ, **Лодзь,** 3061 **Каменная, 3. Н.** 5-3

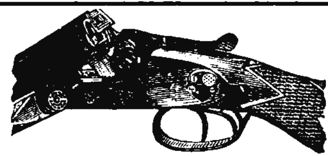
НЕ КУРИ!

Желающимъ бросить курить высылается безплатно проспектъ, указывающій путь, какъ избавиться отъ этой вредной привычки. Москва, Уланскій пер., д. № 30—4. П. КОМИСАРЕНКО.

0699

ХУДОБУ,

страшное малокровіе, безсиліе и ужасн. недуги наборъ майскихъ травъ удаляетъ навсегда. Тысячи благодарн.: 3 года жена моя А. Чижова, Балаханы, еле двигала ноги и въ мѣсяцъ выздоровѣла и пополнѣла. Гольдштейнъ въ Самарѣ: страдая 27 л., майскія травы дали мнѣ жизнен. энергію, полноту и новыя силы. **Пишите: МОСКВА, изобрѣтателю** 1928 **П. МЕНЗЕЛИНЦЕВУ.** 6-4



Оружейный складъ и магазинъ И. И. ЧИЖОВА

СПБ., Литейный просп., № 51

извѣщаетъ Гг. Охотниковъ о выходѣ новаго прейсъ-куранта № 12 на 1914—1915 г. Содержитъ послѣднія новости. По требованію въ провинцію высылается, а въ Петербургѣ 1-3 выдается безплатно. 3072

Разрѣш. Моск. Врачебн. Управл.

КОНСУЛЬТАЦІОННОЕ БЮРО

для РАСПОЗНАВАНІЯ БОЛѢЗНЕЙ.

МОСКВА, Пятницкая, 13
(подъѣздъ во дворѣ).
Телеф. 165-55 и 58-07.

Запись и пріемъ 11 — 1 и 5 — 7 час. при водо-свѣто-лѣчебницѣ

д-ра С. И. КИЗИЛЬШТЕЙНА.

Бюро производитъ всестороннее обслѣдованіе больного, примѣняетъ всѣ современные методы лабораторныхъ и клиническихъ изслѣдованій и устанавливаетъ соотвѣтствующее случаю методы лѣченія.

Участвуютъ спеціалисты и профессора.

3009 8-2

Библиотека "Руниверс"

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА И ПОДАГРА.

Что такое подагра?

Подагра происходитъ, какъ и ревматизмъ, съ которымъ, впрочемъ, ее невозможно смѣшивать, отъ артретическаго діатеза. Обѣ эти болѣзни суть двѣ вѣтви одного и того же дерева.

Итакъ, въ концѣ-концовъ, подагра есть форма урицеміи, то-есть отравленія крови мочевой кислотой и мочекислыми солями; потому что артритическій діатезъ и урицемія нераздѣльны.

И дѣйствительно, говоря о подагрѣ, всегда подразумѣвается избытокъ мочевой кислоты, безъ того, чтобы обоюдность была необходимо справедлива. Не всѣ урицемики имѣютъ подагру, но всѣ подагрики непремѣнно страдаютъ урицеміей. «Нѣтъ мочевой кислоты, значитъ нѣтъ и подагры»,—сказалъ сэръ Дайсъ Деквортъ, и нѣтъ ни одного физіолога, ни одного клинициста, который бы сталъ это опровергать.

Что главнымъ образомъ интересуетъ подагриковъ, это знать то, что они «производятъ» слишкомъ много мочевой кислоты, больше чѣмъ это можетъ допустить ихъ организмъ, и что въ этомъ именно и скрыта причина ихъ страданій. Зная причину, имъ остается только организовать систематическую оборону.

Прежде всего имъ необходимо пріостановить перепроизводство яда, слѣдуя правиламъ, установленнымъ опытомъ и благоразуміемъ: соблюдать діэту, не злоупотреблять ничѣмъ, въ особенности вкусными блюдами, воздерживаться отъ употребленія трюфелей, бургонскаго вина, шампанскаго, дичи, жить какъ можно больше на открытомъ воздухѣ, избѣгая при этомъ простуды, дѣлать больше физическихъ упражненій и т. д.

Если же, что можетъ случиться иногда, этихъ предосторожностей окажется недостаточно и количество мочевой кислоты возрастетъ, то имъ придется прибѣгнуть къ постепенной очисткѣ своего организма отъ этого избытка.

Мочевая кислота по своей природѣ нерастворима. Прежде, чѣмъ изгнать ее, необходимо начать съ того, чтобы ее растворить. Этимъ объясняется и оправдывается долговременный успѣхъ литина, растворяющее свойство котораго извѣстно. Успѣхъ этотъ продолжался бы безъ сомнѣнія до сихъ поръ, если бы литину не пришлось уступить мѣсто новому средству, чье превосходство признано безчисленными врачами. Среди послѣднихъ числится даже профессоръ Лансеро, бывшій президентъ Медицинской Академіи, рекомендующій его особенно настойчиво въ своемъ «Трактатѣ о подагрѣ». Превосходство это, публично признанное Медицинской Академіей и, наконецъ, подтвержденное тысячами благопріятныхъ случаевъ излѣченія, въ данный моментъ никѣмъ не оспаривается.

Я утверждаю, что этотъ новый препаратъ—УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА, въ тридцать семь разъ болѣе дѣйствителенъ, чѣмъ литинъ; кромѣ того, онъ абсолютно безвреденъ тѣмъ, что, въ противоположность всѣмъ другимъ однороднымъ лѣкарствамъ, продолжительное употребленіе его не производитъ, даже въ большихъ дозахъ, никакого дурного вліянія ни на почки, ни на желудокъ, ни на сердце и мозгъ. Подагрики должны разъ навсегда себѣ это замѣтить.

Они сдѣлаютъ хорошо, прибѣгнувъ заблаговременно къ примѣненію Уродонала Шателена, не дожидаясь того, чтобы мочевая кислота наводнила ихъ организмъ. Лучше предупреждать болѣзнь, чѣмъ лѣчить ее.

Д-ръ Доріанъ.

Ревматизмъ. Подагра. Песокъ. Ишіасъ. Камни. Артеріо-склерозъ. Невральгія.

ПОДАГРИКИ! Остерегайтесь колхицина, такъ какъ случаи смертельнаго отравленія, вызванные имъ даже при незначительныхъ дозахъ, безчисленны. Профессоръ Лансеро, бывшій президентъ Медицинской Академіи, убѣдительно рекомендуетъ Уродоналъ въ своемъ «Рефератѣ о подагрѣ».

Уродоналъ Шателена растворяетъ мочевую кислоту, чиститъ почки, промываетъ печень и суставы, смягчаетъ артеріи и предупреждаетъ ожирѣніе.

Подагра вызывается скопленіемъ мочевой кислоты. Уродоналъ Шателена, растворяя мочевую кислоту, вылѣчиваетъ подагрическій припадокъ и предупреждаетъ его повтореніе.

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Остерегайтесь недоброкачественныхъ и вредныхъ для здоровья поддѣлокъ. При покупкѣ Уродонала требуйте всегда фирму изобрѣтателя ШАТЕЛЕНЪ.

1927

Библиотека "Руниверс"

КАКЪ КОРРЕСПОНДИРОВАТЬ ВЪ ГАЗЕТЫ?
2914 50-10
Побочн. зараб. для кажд. Подробн. просп. за двѣ семик. мар. Адресъ: Москва, редакція журн. „Соколъ“, отд. 3.

Француженокъ, англичанокъ, нѣмокъ выписываетъ изъ собственныхъ бюро въ Парижѣ, Лондонѣ, Германіи перворaз. контора **Ясинской, Варшава, Владимирская, 19,** реком. **учителей и учительницъ.**

2913 8-7

3144 27-1

ТОЛЬКО ОДНА РЮМОЧКА

французскаго вина Сенъ-Рафаэль предохранитъ Васъ и Вашу семью отъ серьезныхъ заболѣваній на почвѣ желудка. Французское вино Сенъ-Рафаэль укрѣпляетъ и поддерживаетъ нормальное состояніе желудка.

Настоящее съ этой подписью *St Raphaël* 3158

НЕОБХОДИМО КАЖДОМУ

СТАЛЬНЫЯ, БЕЗОПАСНЫЯ ОТЪ ВОРОВЪ И ОГНЕУПОРНЫЯ ШКАТУЛКИ

ПЕРВОЙ ВЪ РОССІИ ФАБРИКИ СТАЛЬНЫХЪ НЕСГОРАЕМЫХЪ ШКАФОВЪ

ВЛАДИМІРЪ МЕЛЛЕРЪ.

ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА ПАРИЖЪ 1900. МОСКВА, Мясницкая 20.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ ЗА СЕМИКОПЕЕЧНУЮ МАРКУ.

3112 2-2

ВАС ПОЛЮБЯТЪ ВСѢ

Наша новая книга подъ заглавіемъ **„ЧАРЫ ЛЮБВИ“** научитъ Васъ, что надо дѣлать, чтобы побѣдить непокорное сердце. Какъ писать любовныя письма, чтобы имѣть успѣхъ. Правильная тактика влюбленнаго. Лучшее объясненіе въ любви. Какъ долженъ дѣйствовать мужчина, чтобы влюбить въ себя красивую и богатую женщину. Какъ должна поступать женщина, чтобы покорить сердце богатаго мужчины. Какъ пріобрѣсти и сохранить красоту. Старинныя средства для возбужденія любви. **Любовныя напитки и приготовленіе ихъ. 20 секретовъ любви.** Магія любви и много др. полезн. совѣтовъ. Къ книгѣ безпл. добавл. Худож. альбомъ женск. красоты или 44 интер. сним а. Париж. жанра и интерес. пр.-кур. Цѣна кн. съ прил. 1 р. 50 к., пер. наша, нал. плат. (можно марк.). Адр.: Книгоизд. **П. Селезневу,** Москва, Зубовскій бульв., д. 22, отд. 21/В. 3128

Состоящее подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА

Общество для распространенія коммерческихъ знаній.

С.-Петербургъ, Невскій пр., 56, д. Г. Г. Елисѣева, Телеф. 426-49.

3145 3-1

Подробныя свѣдѣнія и программы выдаются и высылаются безплатно. Занятія начинаются 12 сентября.

КОММЕРЧЕСКІЕ КУРСЫ (ВЫСШІЕ)

Принимаются лица обоего пола. Окончившіе курсы рекомендуются на мѣста.

Завѣдывающій Курсами, заслужен. проф., д. с. с. **В. Г. Яроцкій.**

СЧЕТОВОДНЫЕ КУРСЫ.

Курсы новыхъ языковъ. Классъ пишущихъ и др. конторскихъ машинъ и принадлежностей, оборудованный Товариществомъ Ж. Блокъ.

Предсѣдатель Общества **Гр. Гр. Елисѣевъ.**

СРЕДСТВО отъ ГЕМОРРОЯ

ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ ПРОФЕССОРЪ ДОКТОРЪ ПЕЛЬ и СЫНОВЬЯ С.ПЕТЕРБУРГЪ, ВАС. ОСТР. 7 лин. д. № 18.

ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ (PROCTOL-POEHL)

Суппозиторіи (свѣчки) противъ ГЕМОРРОЯ. Останавливаютъ КРОВОТЕЧЕНІЕ. Укрѣпляютъ слизистую оболочку и способствуютъ сморщиванію и исчезновенію шишекъ. Устраняютъ: БОЛЬ, ЗУДЪ и ЖЖЕНІЕ. Оказываютъ ПРОТИВОВОСПАЛИТЕЛЬНОЕ дѣйствіе.

Цѣна коробки 1 р. 50 к.

! ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ !

1210 12-7

Thüringisches **Technikum Jlmenau**

Машиностроеніе и электротехника. Отдѣленія для инженеровъ, техниковъ и мастеровъ.
2105 10-6

Дир. проф. Шмидтъ.

Бильца Санаторія ДРЕЗДЕНЪ-Радебейль

Просп. безпл.

Sanitätsrat Dr. med. Bilfinger, Dr. med Aschke.

2401 26-16

РУЧАЕМСЯ ЗА ОТСУТСТВІЕ ВРЕДНЫХЪ ПРИМѢСЕЙ ВЪ МЫЛѢ „НЕСТОРЪ“

ТРЕБУЙТЕ „НЕСТОРЪ“ ВЕЗДѢ. 1896

ИЗГОТОВЛЯЕТСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО НЕВСКИМЪ СТЕАРИНОВЫМЪ ТОВАРИЩЕСТВОМЪ

Старческая дряхлость, артеріосклерозъ, переутомленіе, общая слабость послѣ перенесенныхъ болѣзней, послѣдствія алкоголизма и т. д., неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“, интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПрофессоръД-ръ ПЕЛЬ и С-вья. С.П.Б.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

2153 12-7

Библиотека "Руниверс"

Главная Контора и редакція: С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

Выданъ 19 іюля 1914 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Э. Ростана“ кн. 3.

III изданіе, 13-ая тысяча экземпляровъ:

„Я НИКОГО НЕ ѢМЪ!“ 2 р.

1500 вегетаріанскихъ кушаній, 365 меню по временамъ года. Подъ редакціей д-ра мед. Зеленкова. Авторъ (жена д-ра Зеленкова: гор. Царское Село, Малая ул., 65) высылаетъ налож. платежомъ. Пересылка 55 коп. Продается и въ книжн. маг. „Новаго Времени“. Невскій. 40. 3132

3091 10-4

НОТЫ 10 КОП. ЭКЗ.

Изданіе **С. Я. ЯМБОРЪ.**

Москва, Б. Тверская-Ямская, соб. д. 47, катал. безпл.

2169 (26)

ДУХОВНАЯ МУЗЫКА.

Новости для **однородныхъ** хоровъ (дѣтскихъ или женскихъ, и мужскихъ):

Чесноковъ, П. 60 переложеній наиболѣе выдающихся сочиненій Чайковскаго, Гречанинова, Кастальскаго, Ипполитова-Иванова, Никольскаго, Черепнина и др. для однороднаго хора. Партитуры и голоса.

Крыловъ, П. Литургія св. Іоанна Златоуста. Партитура 2 р. 50 к. Голоса 2 р.

Каталогъ собственныхъ изданій безплатно.

3157 Общій полный каталогъ 20 к. 3-1

П. ЮРГЕНСОНЪ, Москва, Неглинный, 14.

ЛѢЧЕБНИЦА

д-ра мед. НЕТКАЧЕВА,

для страдающихъ **ЗАИКАНІЕМЪ.**

Пріемъ ежедневно. •• Имѣется пансіонъ.

Психологическій способъ лѣченія.

2934 **МОСКВА.** 4-4

ФИЛИКОНЪ

ПРЕВОСХОДНОЕ и ВѢРНОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВЪ ГЛИСТОВЪ-СОЛИТЕРА. ПЕРЕДЪ ПРІЕМОМЪ НЕ ТРЕБУЕТЪ ОСОБЫХЪ ПОДГОТОВЛЕНІЙ.

ДѢЙСТВУЕТЪ ЛЕГКО и БЫСТРО, БЕЗЪ УЩЕРБА ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ. ПРОДАЖА ВЕЗДѢ.

ЦѢНА ФЛАКОНА 1 Р. 75 К.

ЕДИНСТВ. ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ

Т/Д. Ю. МАРТЕНСЪ

С.П.Б., ГОРОХОВАЯ, 9.

ПРИ ПРОСТУДѢ въ большинствѣ случаевъ желудокъ работаетъ неисправно и наблюдаются запоры, для устраненія которыхъ необходимо тотчасъ же принять мѣры. Натуральная горькая вода Франца-Іосифа, принятая въ теченіе нѣсколькихъ дней подърядъ натощакъ, въ количествѣ одного стакана, является отличнымъ послабляющимъ и очищающимъ желудокъ средствомъ. Вода этого источника возбуждаетъ кишечную дѣятельность, увеличивая при этомъ всегда аппетитъ больного. Какъ видно изъ отзыва извѣстной больницы Братьевъ Милосердія въ Вѣнѣ, вода Франца-Іосифа даже въ упорныхъ случаяхъ запора употреблялась съ отличнымъ успѣхомъ. Продажа въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. 3137

2971 23-9

НА МАНДОЛИНѢ, ГИТАРѢ

въ 30 урок. выуч. играть. ЗАОЧНО

Усл. заочн. обуч. выс. безпл. (для провин.) ЛИЧНО ежед. Москва, Срѣтенка, 21, кв. 30. „КУРСЫ МУЗ.“

ФОТОграфическіе снимки Испанскихъ и Французскихъ красавицъ. Русск. каталогъ 40 коп. почт. марками: Gennert, Calle Padua Barcelona (Испанія).

2099 15-7

КАКЪ КОРРЕСПОНДИРОВАТЬ ВЪ ГАЗЕТЫ?

2914 50-11

Побочн. зараб. для кажд. Подробн. просп. за двѣ семик. мар. Адресъ: Москва, редакція журн. „Соколъ“, отд. 3.

ФОТО гр. снимки парижск. красавицъ новые интересные каталоги съ подробн. описан. серіи выс. въ закр. письмѣ по получен. 2×7 к. марокъ. Адр.: Л. Франкфортеръ, Лодзь 4. Ящ. 571 (сохр. адр.).

2908 13-11

ВЫ ЗНАЕТЕ, конечно, что рябиновая настойка—излюбленный напитокъ русской публики.

ИМѢЙТЕ ВВИДУ, что колоссальный успѣхъ и повсемѣстное распространеніе ея обязаны помимо вкусовыхъ качествъ превосходному дѣйствію на желудокъ рябины, ускоряющей пищеварительные процессы.

ЗАПОМНИТЕ, что Несравненная рябиновая Шустова есть въ настоящій моментъ послѣднее слово водочнаго производства. Она незамѣнима по вкусу и качеству.

НЕ ЗАБУДЬТЕ ЖЕ о рюмкѣ Несравненной рябиновой Шустова при каждомъ завтракѣ, обѣдѣ и ужинѣ: Вы получите одновременно и удовольствіе, и пользу.

Н. НИКОЛЬСКІЙ

1907 18-9

Waterman's Ideal Fountain Pen

Типъ „НАДЕЖНОСТЬ“

Не течетъ ни въ какомъ положеніи.

Спеціально предназначено дамамъ и вояжерамъ, но также популяренъ у всѣхъ, пользующихся самопитающимися перьями. Можетъ помѣститься въ карманѣ и ручномъ сакъ-вояжѣ и все-таки не течетъ. Пишетъ прекрасно.

Продается во всѣхъ писчебумажныхъ и ювелирныхъ магазинахъ.

Л. и К. ГАРДМУТЪ,

Лимитедъ, Лондонъ, Англія.

1516 3 3

Новый Переносн. Лодочн. Моторъ

съ электро-магнитн. запаломъ превращаетъ въ 1 минуту всякую обыкн. лодку въ моторную.

Цѣна съ пошлиной 230 руб. 3171

Exp. Bureau I. Feinstein. Berlin-Chtbg, Mommsenstr. 19/3.

Библиотека Руниверс

8037

300—600 руб.

3152 **ВЪ МѢСЯЦЪ** 2-2

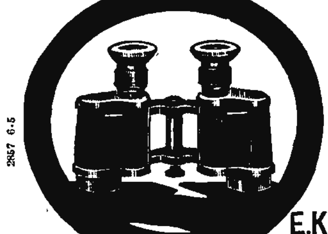
могутъ зарабатывать мужчины легко у себя дома. Совершен. новые пути къ богатству. Требуйте немедл. безпл. проспекты № 7. г. ЛОДЗЬ, почт. ящ. 367.

Акц. Общество
С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
Химическая Лабораторія
ГЛИЦЕРИНЪ ВЕЛУРЪ
средство для предохраненія кожи отъ загара, веснушекъ, красноты, обвѣтриванія и вліянія холода.
Остерегайтесь подѣлокъ и требуйте на каждомъ флаконѣ нашу фабричную марку.
Въ продажѣ вездѣ.

8044 2-2

ОБУЧЕНІЕ ЗАОЧНО 1918 1-8 **ГАЗЕТНОМУ и ЖУРН. ТРУДУ** (статьи, корресп. и пр.). Подробныя свѣдѣнія требуйте безплатно. Адрес.: Редакція журн. „СОТРУДНИКЪ ПЕЧАТИ“, С.-Петербургъ, Коломенская, 27—5.

2857 6-5



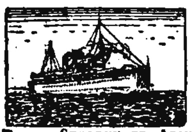
БИНОКЛИ КРАУСА

ПОЛЕВЫЕ и ТЕАТРАЛЬНЫЕ

КАТАЛОГЪ БЕЗПЛАТНО

Е. КРАУСЪ — ул. Гоголя 5 — С.ПЕТЕРБУРГЪ

РЕКОМЕНДУЕМЫЯ ПОѢЗДКИ ДЛЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ И ОТДЫХА.



Черезъ Фіуме въ Далмацію.
Черезъ Фіуме въ Венецію и Анкону.
Черезъ Фіуме въ Албанію и Грецію.

Всюду спокойное и пріятное морское путешествіе на первоклассн. и комфортабельныхъ пароходахъ.

2654 Справки въ Агентствахъ Международнаго Общества спальныхъ вагоновъ. 12-9

Венгерско-Кроацкое пароходное общество въ Фіуме; Австрія.

139 16-15

ВРЕМЯ ЛУЧШІЙ СУДЬЯ!!!

Возрастающій съ каждымъ днемъ успѣхъ **Перуина-Пето** — лучшее доказательство, что онъ единственное средство для рощенія волосъ. **Перуин-Пето** продается вездѣ по 1 р. 75 к. флак.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ! При покупкѣ ПЕРУИНА-ПЕТО надо непремѣнно слѣдить за тѣмъ, чтобы у горлышка флакона была бы привѣшена парижская золотая медаль и приложенъ аттестатъ изобрѣтателя **Р. Г. Пето.** Всѣ остальныя безъ медали и безъ аттестата — подделки. Оптовый складъ: **Базаръ Марокъ.** СПБ., Невскій пр., 20, кв. 8.

РУБЕРОЙДЪ

8044 2-2 2958 6-3

ЛУЧШАЯ КРЫША и ИЗОЛЯЦІЯ

ЛУЧШАЯ ЗАМѢНА ТОЛЯ и ЖЕЛѢЗА, НЕ ТРЕБУЕТЪ НИ ОКРАСКИ, НИ РЕМОНТА.

Русск. Акц. О-во „РУБЕРОЙДЪ“
С.-Петербургъ, Гороховая ул., № 13. Тел. 407-83.
Адр. для писемъ, почт. ящ. 227, для телегр РУБЕРОЙДЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

ВСЯКАЯ ДАМА

12-11 **можетъ имѣть** 1893

ИДЕАЛЬНЫЙ БЮСТЪ.

Если Вы желаете познакомиться съ нашимъ замѣчательнымъ средствомъ и узнать всѣ подробности объ немъ, то потребуйте нашу красиво иллюстрированную книжку **„БЕЛЛА-ФОРМА“**, прилагая 14 коп. марками на почтов. расходы, и мы Вамъ вышлемъ таковую

СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.

Адресовать: С.-Петербургъ, Гл. почтамтъ, почт. ящикъ 105. Литр. Н. 8.

БЕЛЛА-ФОРМА и К°.

Пейте только **охлажденный** „Бенедиктинъ“

Buvez la Bénédictine toujours glacée.
Trinkt Bénédictine stets gekühlt.

НЕВРАСТЕНІЯ

и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, невральгіи, спинная сухотка, параличи, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ подделокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

2806 12-8

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“, интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ Пель и С-вья С.П.Б.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Библиотека "Руниверс"

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. | г. XLV

№ 29 | 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. **В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА**, 12 книгъ **Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній**, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 19 іюля 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на ½ года 4 р., на ¼ года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается **„Полнаго собранія сочиненій Эдмонда Ростана“ кн. 3.**

Къ 70-лѣтію дня рожденія И. Е. Рѣпина. И. Е. Рѣпинъ въ своей мастерской въ „Пенатахъ“ (Куоккала). Фотографія «Нивы».

Библиотека "Руниверс"

Какъ я сдѣлался художникомъ.—Бѣдность.

Впечатлѣнія дѣтства.

И. Е. Рѣпина.

I. Какъ я сдѣлался художникомъ.

Марія Борисовна Чуковская, прочитавъ часть моихъ автобіографическихъ воспоминаній, сдѣлала очень серьезное замѣчаніе, что у меня мало обращено вниманія на самое главное: какъ я сдѣлался художникомъ?

Со всею искренностью добросовѣстнаго труженика я приношу ей мою благодарность за это замѣчаніе и постараюсь перейти на все касающееся этой любимой стороны моей жизни. Обыкновенно мы не видимъ и не можемъ знать всѣхъ вліяній на развитіе какой-нибудь стороны нашихъ способностей; но когда начинаешь поглубже проникать въ эти давно забытыя мелочи, видишь ихъ важность: это—сѣмена, начала всѣхъ началъ.

„Нива“ и художники не разъ выражали желаніе ознакомиться съ личной исторіей моего художественнаго развитія, но мнѣ казалось, что задача эта относится къ психологическимъ разсужденіямъ о творчествѣ, и я больше заботился о полнотѣ своей біографіи.

Признаюсь, не безъ удовольствія я обрываю дорогу въ подробности и послѣдовательности воспоминаній—ихъ слишкомъ много, особенно бытовыхъ. Держаться же одной улицы искусства будетъ и короче и интереснѣе.

Родина И. Е. Рѣпина. Чугуевъ. Рѣка Донецъ. Дорога въ Кочетокъ.

Перехожу къ первой сценѣ своей художественной работы надъ конемъ изъ тряпокъ и палокъ. Батеньку (отца), какъ билетнаго солдата, „угнали“ далеко, у насъ было и бѣдно и скучно, и мнѣ часто хотѣлось ѣсть. Очень вкусенъ былъ черный хлѣбъ съ крупной сѣрой солью, но и его давали понемногу.

Мы все бѣднѣли.

О батенькѣ ни слуху ни духу. Батеньку солдатомъ мы только одинъ разъ видѣли, въ сѣрой солдатской шинели; онъ былъ жалкій, отчужденный отъ всѣхъ. Маменька теперь все плачетъ и работаетъ разное шитье. Устя, Иванечка и я никакъ не можемъ согрѣться, насъ трясетъ лихорадка. Хотя у насъ на всѣхъ окнахъ и дверяхъ прилѣплены сверху записочки, что насъ „дома нѣтъ“, но лихорадка не вѣритъ и непремѣнно кого-нибудь изъ насъ трясетъ, а иногда и всѣхъ троихъ вмѣстѣ. Недавно заѣзжала тетка Палага Витчинчиха, и маменька съ нею такъ наплакалась: батеньку съ другими солдатами угнали далеко, въ Кіевъ; и онъ тамъ служитъ уже въ нестроевыхъ ротахъ; тамъ же и деверь тетки Палаги; она все знала о солдатахъ.

Съ утра мнѣ бываетъ лучше, и я тогда принимаюсь за своего коня. Я давно уже связываю его изъ палокъ, тряпокъ и дощечекъ, и онъ уже стоитъ на трехъ ногахъ. Какъ прикручу четвертую ногу, такъ и примусь за голову; шею я уже вывелъ и загнулъ: конь будетъ „загинастый“. Маменька шьетъ шубы осиновскимъ бабамъ, на заячьихъ мѣхахъ; и у насъ пахнетъ мѣхомъ; а ночью мы укрываемся большими заячьими, сшитыми вмѣстѣ (ихъ такъ и покупаютъ) мѣхами. Я подбираю на полу обрѣзки мѣха для моего коня, изъ нихъ дѣлаю уши, гриву, а на хвостъ мнѣ обѣщали принести — какъ только будутъ подстригать лошадей у дяди Ильи—настоящихъ волосъ лошадинаго хвоста.

Мой конь большой; я могу сѣсть на него верхомъ; конечно, надо осторожно, чтобы ноги не разъѣхались,—еще не крѣпко прикручены. Я такъ люблю лошадей и все гляжу на нихъ, когда вижу ихъ на улицѣ. Изъ чего бы это сдѣлать такую лошадку, чтобы лошадка была похожа на живую? Кто-то сказалъ—изъ воску. Я выпросилъ у маменьки кусочекъ воску (на него наматывались нитки). Какъ хорошо выходитъ головка лошади изъ воска! И уши, и ноздри, и глаза—все можно сдѣлать тонкой палочкой, надо только прятать лошадку, чтобы кто не сломалъ: воскъ нѣжный.

Къ маменькѣ помощницами поступили двѣ дѣвки-сосѣдки: Пашка Полякова и Ольга Костромитинова. Онѣ такъ удивлялись моей лошадиной головкѣ и не вѣрили, что это я самъ слѣпилъ. Ольгу я не люблю: она высокая-высокая, и все смѣется каждому слову. Сейчасъ, какъ придетъ, подыметъ меня къ самому потолку. Страшно дѣлается, а потомъ лѣзетъ цѣловаться:—Женихъ мой, женихъ!.. — Ну, какой я ей женихъ! Я такъ ее начинаю бить и царапать даже... А она все хохочетъ, съ каждымъ словомъ ее все больше смѣхъ разбираетъ. А Паша умная и всегда серьезно смотритъ, что я дѣлаю. Но вотъ бѣда: ноги лошадокъ никакъ не могутъ долго продержаться, чтобы стоять, согнутся и сломаются. Паша принесла мнѣ кусокъ дроту (проволоки) и посовѣтовала на проволокахъ укрѣпить ножки. Отлично! Потомъ я сталъ выпрашивать себѣ огарки восковыхъ свѣчей отъ образовъ, и у меня уже сдѣланы двѣ цѣлыхъ лошадки.

А сестра Устя стала вырѣзывать лошадей, и мы налѣпливали ихъ на стекла оконъ.

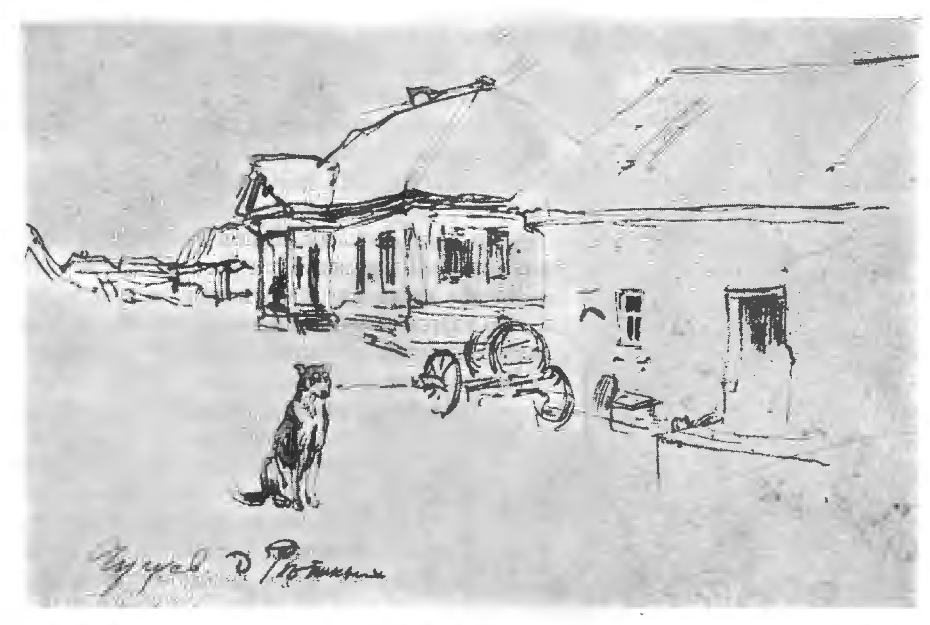
По праздникамъ мальчишки и проходящіе мимо даже большіе люди останавливались у нашихъ оконъ и подолгу разсматривали. Я наловчился вырѣзывать уже быстро—начавъ съ копыта задней ноги, я вырѣзывалъ всю лошадь; оставлялъ я бумагу только для гривы и хвоста и послѣ мелко разрѣзывалъ и подкруглялъ ножницами пышные хвосты и гривы у моихъ загинастыхъ лошадей. Устѣ больше удавались люди: мальчишки, дѣвчонки и бабы въ шубахъ. Къ нашимъ окнамъ такъ и шли. Кто ни проходилъ мимо, даже черезъ дорогу переходили къ намъ, посмотрѣть, надъ чѣмъ это сосѣди такъ смѣются и на окна указываютъ пальцами. А мы-то хохочемъ, стараемся и все прибавляемъ новыхъ вырѣзокъ.

И вотъ нехитрое начало моей художественной дѣятельности. Она была не только народна, но даже дѣтски простонародна. И Осиновка твердо утаптывала почву передъ нашими окнами сѣмечками отъ подсолнуховъ.

Я вырѣзывалъ только лошадей и не завидовалъ Устѣ, когда она очень хорошо стала вырѣзывать и коровъ, и свиней, и куръ,

Къ 70-лѣтію дня рожденія И. Е. Рѣпина. Впервые воспроизводимые рисунки И. Е. Рѣпина изъ его альбомовъ.

Библиотека "Руниверс"



Домъ родителей И. Е. Рѣпина въ Чугуевѣ.

и утокъ, и даже индюковъ, чѣмъ особенно восхищалась наша публика, увидѣвъ подъ носомъ индюка его атрибуты.

На рождественскіе праздники къ намъ отпустили нашего двоюроднаго брата, сироту Троньку (Трофимъ). Онъ былъ мальчикомъ въ мастерской у Касьянова, моего крестнаго, портного для военныхъ. Троша принесъ съ собою рисунки Полкана, и я очень удивился, какъ онъ хорошо рисуетъ. Подъ каждымъ рисункомъ онъ старательно подписывалъ названіе: „Полканъ" и свою фамилію: Трофимъ Чаплыгинъ. У него была огромная голова, коротко остриженная. Онъ зналъ много сказокъ, такихъ занятныхъ, что мы не могли оторваться—все слушали. „Струбметаллъ—Запечная Искра", „Зеленый", особенно про Царя Самосуда, какъ заспорили охотникъ и билетный солдатъ. Одинъ говорилъ: „пѣсня—правда, а сказка—брехня"; а другой: „сказка—правда, а пѣсня—брехня". Долго препирались охотникъ съ солдатомъ, пока не дошли до дворца Царя Самосуда. И наконецъ Царь Самосудъ, усадивъ ихъ по правую и лѣвую руку, долгой исторіей объяснилъ имъ, кто правъ.

На другой день Трофимъ изъ плоской коробочки, завернутой въ нѣсколько бумажекъ, досталъ краски и кисточки. Въ городѣ, въ ихъ мастерскую приходитъ много разныхъ людей: аптекарь принесъ Трофиму краски и кисточки. Въ аптекѣ краски сами дѣлаютъ. Трофимъ зналъ названія всѣмъ этимъ краскамъ: желтая—думигутъ; синяя—лазурь; красная—баканъ и черная—тушь.

Трофимъ и при насъ вдругъ нарисовалъ еще Полкана; чиркъ, чиркъ—все точками и черточками; потомъ аккуратно складывалъ вчетверо свои рисунки Полкановъ и пряталъ ихъ въ свою шапку на дно. Рисунки его были очень похожи одинъ на другой, и намъ показалось, что и Тронька нашъ двоюродный—самъ Полканъ; особенно его большой лобъ и черные глазки, вставленные глубоко подъ лбомъ, и короткіе волосы, щеткой покрывавшіе его круглую голову, были совсѣмъ похожи на рисованныхъ имъ Полкановъ: каждый Полканъ держалъ булаву. Красокъ я еще никогда не видѣлъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ, какъ Трофимъ будетъ рисовать красками. Онъ взялъ чистую тарелку, вывернулъ кисточки изъ бумажки, поставилъ стаканъ съ водою на столъ, и мы взяли Устину азбуку, чтобы по ея некрашенымъ картинкамъ онъ могъ раскрашивать красками. Первая картинка—арбузъ—вдругъ на нашихъ глазахъ превратилась въ живую; то, что было обозначено на ней едва черной чертой, Трофимъ крылъ зелеными полосками, и арбузъ зарябилъ намъ въ глаза живымъ цвѣтомъ; мы рты разинули. Но вотъ было чудо, когда срѣзанную половину второго арбузика Трофимъ раскрасилъ красной краской—такъ живо и сочно, что намъ захотѣлось даже ѣсть арбузъ; и когда красная высохла, онъ тонкой кисточкой сдѣлалъ по красной мякоти коегдѣ черныя сѣмечки,—чудо! чудо!

Быстро пролетѣли эти дни праздниковъ съ Тронькой. Мы никуда не выходили и ничего не видѣли, кромѣ нашихъ раскрашенныхъ картинокъ, и я даже сталъ плакать, когда объявили, что Тронькѣ пора домой.

Чтобы меня утѣшить, Трофимъ оставилъ мнѣ свои краски, и съ этихъ поръ я такъ впился въ краски, прильнувъ къ столу, что меня едва отрывали для обѣда и срамили, что я совсѣмъ сдѣлался мокрый, какъ мышь, отъ усердія и одурѣлъ со своими красочками за эти дни. Я раздосадовался и расплакался до того, что у меня пошла изъ носу кровь и долго шла; не могли остановить, и я совсѣмъ поблѣднѣлъ. Помню, какъ кровь моя студнемъ застыла на глубокой тарелкѣ, и мнѣ мочили уже затылокъ холодной водой и клали на шею подъ затылкомъ большой желѣзный ключъ отъ погреба; надо было еще подымать высоко правую руку—кровь текла изъ лѣвой ноздри. Оправился кое-какъ только дня черезъ три. Кровь перестала—я сейчасъ же за красочки. Но недолго я наслаждался: вдругъ, къ моему ужасу, большая красная капля крови капнула на мой рисунокъ, другая, третья, и опять полила, полила... Ахъ, какая досада! Опять надо было сидѣть смирно, поднявши голову и правую руку вверхъ и держать... Тоска сидѣть въ такомъ положеніи, и я чувствовалъ себя совсѣмъ больнымъ. Сначала раздражался капризно, а потомъ уже спокойно лежалъ на лежанкѣ и почувствовалъ черезъ нѣсколько дней, что не могу держать голову: она клонилась на грудь или какое-нибудь плечо; также и спина моя не держалась: сидѣть я не могъ; уже кротко лежалъ и равнодушно слушалъ, какъ бабы-сосѣдки, приходившія мѣрить свои шубы, безнадежно махали на меня рукой и откровенно совѣтовали заказывать мнѣ гробикъ и шить смертённую рубашку и саванъ.

— Не жилецъ онъ у васъ, Степановна: посмотрите, какія у него ушки блѣдныя, и носикъ совсѣмъ завострился. Помретъ, накажи меня Богъ, помретъ. Это—вѣрная примѣта, когда носикъ завострился, это уже не къ житью. Вотъ у Субочевыхъ также

Дворъ при домѣ Рѣпиныхъ въ Чугуевѣ.

Къ 70-лѣтію дня рожденія И. Е. Рѣпина. Впервые воспроизводимые рисунки И. Е. Рѣпина изъ его альбомовъ.

Библиотека "Руниверс"

Мать И. Е. Рѣпина, Татьяна Степановна Рѣпина. Портретъ масляными красками работы И. Е. Рѣпина.

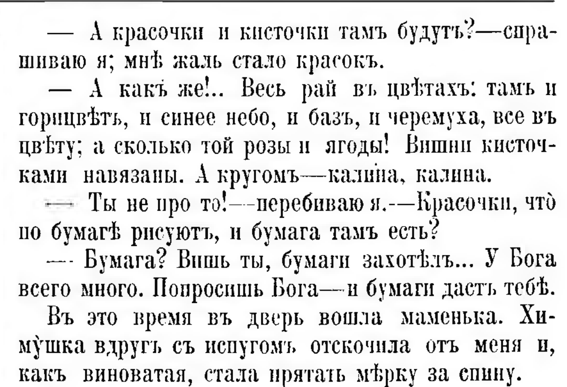
мальчикъ хворалъ; тотъ съ перепугу. И переполохъ ему выливали, и заговаривали—и что же—что ни дѣлали, умеръ.

Я посмотрѣлъ на свои руки и удивился, какія онѣ бѣлыя, блѣдныя, съ синими жилками, и всѣ косточки и суставчики отчетливо видны были на тонкихъ пальцахъ, и ногти отросли длинные, бѣлые. И лежу я почти неподвижно и отлично слышу со своей лежанки всякое слово, даже шопотъ и всякій звукъ приходившихъ и уходившихъ людей, т.-е. бабъ; даже въ кухнѣ все слышно, даже когда шепчутъ.

Прибѣжала Химушка Крыцина. Обращается къ Доняшкѣ, нашей работницѣ, молодой еще дѣвочкѣ, изъ семьи сосѣдей Сапелкиныхъ.

— А что еще „не умёръ“ вашъ Илюнька? Живъ еще? А сказали еще вчера, что кончается—носикъ завострился... Алдакимъ Шаверневъ называется сдѣлать ему гробикъ, пока мы бы его и обшили позументиками. А можно взглянуть на Илюньку?—спрашиваетъ она и отворяетъ дверь ко мнѣ. Мнѣ сдѣлалось такъ смѣшно, что я подумалъ даже показать ей языкъ, но воздержался.

— Кхи-хи-и, да онъ еще смѣется, смотрите. А вѣдь краше въ гробикъ кладутъ, и носикъ востренькій, а и бѣленькій, тоже какъ булка! Ну что еще смѣешься? Вотъ умрешь, такъ не будешь смѣяться!.. Снесемъ мы тебя далеко и закопаемъ... А можно съ него мѣрку снять? Ну, протяни ножки, мы тебѣ хорошенькій гробикъ сдѣлаемъ, красиво обошьемъ, тебѣ хорошо будетъ лежать... А тебѣ чего бояться умирать? До семи лѣтъ младенецъ: отрастутъ крылышки, и полетишь прямо въ рай—грѣховъ у тебя нѣтъ, не то, что мы, грѣшные, тутъ бьемся, колотимся. По тебѣ мы и голосить не будемъ... И за насъ и за своихъ родителей тамъ будешь Богу молиться.



— А красочки и кисточки тамъ будутъ?—спрашиваю я; мнѣ жаль стало красокъ.

— А какъ же!.. Весь рай въ цвѣтахъ: тамъ и горицвѣтъ, и синее небо, и базъ, и черемуха, все въ цвѣту; а сколько той розы и ягоды! Вишни кисточками навязаны. А кругомъ—калина, калина.

— Ты не про то!—перебиваю я.—Красочки, что по бумагѣ рисуютъ, и бумага тамъ есть?

— Бумага? Вишь ты, бумаги захотѣлъ... У Бога всего много. Попросишь Бога—и бумаги дастъ тебѣ.

Въ это время въ дверь вошла маменька. Химушка вдругъ съ испугомъ отскочила отъ меня и, какъ виноватая, стала прятать мѣрку за спину.

Маменька сердито оглядѣла ее:

— Тебѣ тутъ чего надо? Что ты здѣсь дѣлала?

Химушка онѣмѣла и не отвѣчала.

— Маменька,—заступаюсь я:—она добрая, она мнѣ гробикъ сошьетъ.

— Какой гробикъ? Кто ее просилъ? Сошьетъ!..

— Прости, Христа ради, Степановна: всѣ говорятъ, что Илюнька вашъ кончается; я пришла попрощаться съ нимъ; а Алдакимъ Шаверневъ позывается сдѣлать гробикъ... А онъ, вишь, еще смѣется. Только смотрите, Степановна, какъ у него носикъ завострился—не жилецъ онъ на этомъ свѣтѣ... ужъ не сердитесь...

Химушка была прогнана, и маменька прильнула ко мнѣ и стала тихо всхлипывать:—Такъ нешто ты умрешь, Илюша?—и разрыдалась, и обдавала меня своими теплыми слезами...

— Не плачьте, маменька, — утѣшаю я: — всѣ говорятъ, что я умру: носикъ у меня завострился; а Химушка добрая, она сошьетъ мнѣ хорошенькій гробикъ. И меня отнесутъ, гдѣ дѣдушка и бабушка лежатъ, гдѣ мы катали красныя яички на ихъ могилкахъ, я знаю дорогу туда, я самъ одинъ дошелъ бы.

Но я не умеръ, несмотря на вѣрную примѣту завострившагося носика.

Вѣроятно, была уже вторая половина зимы, и мнѣ до страсти захотѣлось нарисовать кустъ розы: темную зелень листьевъ и яркіе розовые цвѣты, съ бутонами даже. Я началъ припоминать, какъ это листья прикрѣплены къ дереву, и никакъ не могъ припомнить и сталъ тосковать, что еще не скоро будетъ лѣто, и я можетъ-быть больше не увижу густой зелени кустарниковъ и розъ.

Пришла однажды Доня Бочарова, двоюродная сестра, подруга Усти. Когда она увидѣла мои рисунки красками, я уже началъ понемногу пробовать рисовать кусты и темную зелень розъ и розовые цвѣты на нихъ. Донѣ такъ понравились мои розовые кусты, что она стала просить меня, чтобы я нарисовалъ для ея сундучка такой же кустъ: она прилѣпитъ его къ крышкѣ. И еще она принесла мнѣ отъ своего брата Ивани сказку о „Бовѣ Королевичѣ“, съ картинками. Тамъ былъ и Полканъ и еще много картинокъ. Лежали мальчики безъ рукъ, безъ ногъ и безъ головъ. Это все Бова еще маленькимъ, играючи; такая сила: кого хватитъ за руку — рука прочь, за ногу — нога прочь. Я отдалъ ей книжку нашу: „Пантюха и Сидорка въ Москвѣ“. Книжку эту мнѣ уже много разъ читали, она уже надоѣла, хотя все-таки жаль было отдавать.

Заказъ Дони Бочаровой потянулъ и другихъ подругъ Усти также украсить свои сундучки моими картинками, и я съ наслажденіемъ упивался работою по заказу, высморкаться некогда было... А самымъ важнымъ въ моемъ искусствѣ было писаніе писанокъ къ Великодню. Я и теперь вспоминаю объ этомъ священнодѣйствіи съ трепетомъ. Выбирались утиныя или куриныя яйца размѣромъ побольше. Дѣлалось два прокола въ свѣжемъ яйцѣ — въ остромъ и тупомъ концѣ — и сквозь эти маленькія дырочки терпѣливымъ взбалтываніемъ выпускалась дочиста вся внутренность яйца. Послѣ этого яйцо

Къ 70-лѣтію дня рожденія И. Е. Рѣпина. Впервые воспроизводимые рисунки И. Е. Рѣпина изъ его альбомовъ.

Библиотека "Руниверс"

долго чистилось пемзой, особенно куриное; утиныя, по своей нѣжности и тонкости, требовали мало чистки; но вычищенное куриное яйцо получало какую-то розовую прозрачность, и краска съ тонкой кисточки пріятно впитывалась въ его сферическую поверхность. На одной сторонѣ рисовалось Воскресеніе Христа, оно обводилось пояскомъ какого-нибудь затѣйливаго орнамента съ извѣстными буквами „Х. В.“ На другой можно было рисовать или сцену Преображенія, или цвѣты—все, что̀ подходило къ торжеству.

По окончаніи этой тончайшей миніатюры, она покрывалась спиртовымъ бѣлѣйшимъ лакомъ; въ дырочки продергивался тонкій шнурокъ съ кисточками и завязывался искусными руками—часто Усти. За такое произведеніе въ магазинѣ Павлова мнѣ платили полтора рубля. Съ какою осторожностью носилъ я такой ящичекъ, чтобы какъ-нибудь не разбить эти нѣжныя писанки, переложенныя ватой уже руками маменьки. Степаша Павловъ самъ писалъ такія писанки, и я былъ до безконечности удивленъ его работой. Онъ однакоже снисходительно хвалилъ и мою работу и заказывалъ приносить еще, когда будутъ. У насъ кто-то сплетничалъ, будто магазинъ Павлова беретъ по три рубля за эти писанки — этому я мало вѣрилъ: я былъ болѣе чѣмъ доволенъ своею платою.

Я уже нисколько не боялся, когда начинала итти кровь изъ носу — это частенько бывало: отъ излишней бѣготни въ жаркій день, отъ самаго небольшого ушиба, отъ вспыльчивости изъ-за споровъ. Я зналъ, что̀ дѣлать; сейчасъ же справившись, изъ какой ноздри идетъ (большей частью изъ лѣвой шла кровь), я становился затылкомъ къ стѣнѣ, подымалъ правую руку и держалъ большой желѣзный ключъ отъ погреба на своемъ загривкѣ; сначала чувствовалъ, какъ кровь наполняетъ мнѣ ротъ и идетъ уже ртомъ внизъ; поднявши высоко голову, я ждалъ, чтобы кровь остановилась,—однако она все шла, но тише. И когда совсѣмъ переставала, я выпрямлялся. Надо было только долго не сморкаться ноздрей, полной густой крови, а то сейчасъ опять пойдетъ. Часа два приходилось быть очень осторожнымъ въ движеніяхъ и не пригибаться къ столу. Скучно было выдерживать, но что̀ дѣлать—надо было терпѣть.

II. Бѣдность.

Все шло хорошо. Но весною, въ солнечное утро, на улицѣ я увидѣлъ, какъ Химу̀шку и другихъ женщинъ-сосѣдокъ „погнали“ утромъ на казенную работу. Ефрейторъ Середа, худой, сѣрый, сердитый, вѣчно съ палкой, ругаетъ бабъ, чуть онѣ станутъ разговаривать.

— А? Поправился? —говоритъ мнѣ Химу̀шка, проходя мимо меня. — Ну что̀, какъ здоровье? Вишь, ожилъ.

— А васъ куда гонятъ?—спросилъ я со страхомъ, пока Середа отсталъ подгонять другихъ бабъ.

— Далеко, къ Харьковской улицѣ, новыя казармы обмазывать глиной. А твою мать еще не выгоняли?—спросила она.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я съ ужасомъ:—развѣ можно?

— А что̀ же, она такая же поселянка, какъ и мы всѣ.

— А что̀ же ты Рѣпчиху не выгоняешь на работу вмѣстѣ съ нами?—обратилась она къ догнавшему насъ Середѣ:—вѣдь такая же поселянка. Что̀ же она за барыня? Вишь, братья въ офицеры выслужились! Да у меня можетъ-быть дядя въ писаряхъ, а я иду же на работу.

Середа остановился, задумался.

— А въ самомъ дѣлѣ, что̀ жъ она за барыня! Онъ зашелъ къ нашему крыльцу и крѣпко застучалъ палкой о дверь.

Маменька выбѣжала съ блѣднымъ лицомъ.

— Завтра на работу, — сегодня только упрежаю; а завтра рано собирайся и слушай, когда бабы и дѣвки мимо будутъ итти—выходи немедленно!

Маменька весь день проплакала, но къ утру распорядилась, какъ завтра быть.

Такъ какъ Устя и Иванечка были больные, то Доняшкѣ надо было дома готовить обѣдъ и смотрѣть, а мнѣ—нести маменькѣ обѣдъ на работы. Новыя казармы были на выгонѣ, недалеко отъ Дѣлового Двора, откуда виденъ Страшный Ровъ. Къ Страшному Рву всѣ боялись подходить: тамъ цѣлыми сворами бѣгали и лежали разстервившіяся собаки, даже бѣшеныя оттуда иногда мчались, мокрыя, съ пѣной у рта, прямо по дорогѣ, пока ихъ не убивали палками мужики. Въ ровъ валили всякую падаль: дохлыя коровы, лошади, собаки и кошки и дохлыя овцы лежали тамъ, съ оскаленными зубами, съ ободранными шкурами, раздутыми животами, а другія—высоко поднявшими одну заднюю ногу. Вонь такая несла оттуда, что не подступиться.

Доняшка учила, чтобы я прежде вышелъ къ саду Дворянской улицы и по-надъ стѣнкой—тутъ все-таки люди ходятъ—пробрался потихоньку къ казармамъ; а тамъ мнѣ уже виднѣе будутъ наши осиновскія бабы. А на-дняхъ эти собаки разорвали чьего-то живого теленка; такъ и растерзали и обглодали до костей.

Съ узелкомъ, въ которомъ на тарелкѣ было положено съѣстное для маменьки, я поднялся на Гридину гору и прошелъ дальше къ плетню Дворянскаго сада; тамъ я увидѣлъ, что собаки со

Отецъ И. Е. Рѣпина, Ефимъ Васильевичъ Рѣпинъ.

Къ 70-лѣтію дня рожденія И. Е. Рѣпина. Впервые воспроизводимые рисунки И. Е. Рѣпина изъ его альбомовъ.

Библиотека "Руниверс"

страшнымъ лаемъ понеслись къ кладбищу и Старовѣрскому лѣсу. Я обрадовался и почти бѣгомъ пустился къ казармамъ, и бабы наши уже мнѣ были видны.

Дѣвки пѣли пѣсни и мѣшали глину съ коровьимъ пометомъ и соломой. День былъ жаркій, и онѣ почти всѣ были покрыты бѣлыми платками и косынками, чтобы не загорѣть. Мнѣ трудно было узнать маменьку, я стоялъ и всматривался.

— Степановна, это, вѣрно, вамъ Илюнька принесъ обѣдъ!— крикнулъ изъ-подъ одной косынки голосъ Химушки.

— Барыня, бѣлоручка,—кивали бабы въ сторону маменьки:—узнаешь, небось, какъ поселянки работаютъ, а то, вишь, все отбояриваются. Что у нея братья въ благородные изъ кантонистовъ повышли, такъ уже и она барыня!.. Небось, Середа тебѣ покажетъ барство!.. Вишь, и мальчонка—въ чемъ душа держится, босикомъ ходить, вишь, не привыкъ, а штаники на одной подтяжкѣ... У самой-то кожа на рукахъ нѣжная, сейчасъ до крови стерла, какъ стала мѣсить глину. Я ужъ и то говорю ей:—„Ну ужъ носи, подавай, гдѣ тебѣ мѣсить“. Ногами тоже босикомъ ступить не можетъ — колко ей... Привыкнешь, матушка... Обѣднѣла безъ мужа; далеко, говорятъ, угнали.

Подошла Химушка:

— А что, живъ остался? Какъ это ты собакамъ не попался. Вишь, загорѣлъ какъ, поздоровѣлъ, а то былъ совсѣмъ бумажный.

Маменька подошла ко мнѣ; она была подъ чернымъ большимъ платкомъ, спущеннымъ низко. Лицо ея было красно и блестѣло отъ слезъ такъ, что я едва узналъ ее...

— Ахъ, напрасно ты все это несъ, мнѣ и ѣсть не хочется! — сказала маменька. Мы сѣли на высохшей травкѣ.—Какъ же ты отъ собакъ прошелъ?—спросила маменька.

— Я, какъ Доняшка сказала: къ садамъ, къ плетню, а оттуда, какъ увидѣлъ, что собаки понеслись, я скорѣй сюда.

У маменьки были руки въ глинѣ, и мѣстами кровь сочилась.

— А трудно, маменька? — шепчу я.—Можно мнѣ за васъ поработать? — Маменька разсмѣялась сквозь слезы и стала меня цѣловать.

Я никогда не любилъ цѣловаться.

— Маменька, — отталкиваюсь я:—можетъ-быть поселянамъ нельзя цѣловаться? Не надо...

Маменька заплакала, посмотрѣла на свои руки и пошла къ общей бадьѣ вымыть ихъ...

Потомъ мы сидѣли; маменька ѣла обѣдъ. Намъ слышенъ былъ лай разстервившихся собакъ, и когда вѣтерокъ шелъ оттуда, доносилась даже сюда нестерпимая вонь отъ дохлятины изъ „Страшнаго Рва“.

— Ну, будетъ тебѣ, барыня, прохлаждаться, пора и на работу!— крикнулъ на маменьку Середа.—А ты чего таращишь глаза?— подошелъ онъ ко мнѣ.—Будешь сюда ходить, такъ и тебя заставимъ подолѣе глину мѣсить. Вишь, барыня, не могла съ собою взять обѣда—носите за ней! Еще не учены... за господами все норовятъ.

И. Е. Рѣпинъ-юноша. Автопортретъ (1863 г.).

И. Е. Рѣпинъ на этюдѣ (1869 г.). Неизданный рисунокъ И. Н. Крамского.

Библиотека "Руниверс"

И. Е. Рѣпинъ (1870 г.). Неизданный рисунокъ Ѳ. Васильева.

Скучно и тяжело вспоминать про это тяжелое время нашей бѣдности. Какіе-то дальніе родственники даже хотѣли выжить насъ изъ нашего же дома, и маменькѣ стоило много стараній и много слезъ отстоять наши права на построенный нами для себя на наши же деньги домъ.

Середа насъ допекалъ казенными постоями: въ нашихъ сараяхъ были помѣщены цѣлые взводы солдатъ съ лошадьми, а въ лучшихъ комнатахъ отводили квартиры для офицеровъ. Маменька обращалась съ просьбою къ начальству; тогда вмѣсто офицеровъ поставили хоръ трубачей, и они съ утра до вечера трубили, кому что требовалось для выучки, отдѣльные звуки. Выходилъ такой нарочитый гамъ, что ничего не было слышно даже на дворѣ, и маменька опухла отъ слезъ и досады. Всѣ родные насъ покинули, и некому было заступиться... Скучно. Прекращаю.

Зимою было свободнѣе. Я отводилъ душу въ рисованіи и однажды вечеромъ, когда маменьки не было дома, попросилъ Доняшку посидѣть мнѣ смирно. При сальной, тусклой свѣчѣ лицо ея, рыжее отъ веснушекъ, освѣщалось хорошо; только фитиль постоянно нагоралъ, и дѣлалось темнѣе. А свѣча становилась ниже, и тѣни мѣнялись. Доняшка сначала снимала пальцами нагаръ, но скоро ее сталъ разбирать такой сонъ, что она клевала носомъ и никакъ не могла открыть глазъ, такъ они слипались.

Однако портретъ вышелъ очень похожій, и когда вернулись маменька съ Устей, онѣ много смѣялись. У Доняшки даже руки были въ веснушкахъ; а волосы вились рыжими завитками.

Только съ возвращеніемъ домой батеньки жизнь наша перемѣнилась.

Изъ нея я буду вспоминать, что мнѣ нравилось, а неважное буду обходить. Обойду даже школу, которую завела маменька. У насъ, вмѣстѣ съ нами, училось болѣе десятка осиновскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Смѣшно вспомнить, какъ они шепелявили громко сложные склады: бра, вра—и произносили такъ: буки олцыазла — бла, вѣди олцыазла — вла (л вмѣсто р) и т. д. Мы съ Устей подсмѣивались надъ тупыми учениками и ученицами; мы читали лучше и все схватывали быстро. Писали также лучше другихъ. Законъ Божій и чистописаніе обыкновенно преподавалъ намъ дьячокъ или пономарь осиновской церкви; онъ снималъ у насъ комнату и обѣдалъ вмѣстѣ съ нами, если былъ безсемейный, издалека.

У дьячка В. В. Яровицкаго я началъ учиться ариѳметикѣ и очень его обожалъ. Но скоро онъ бросилъ должность дьячка и опять поступилъ учиться въ Харьковскій университетъ.

У отца шли дѣла хорошо, и мы стали богатѣть, домъ нашъ былъ полная чаша, съ хорошимъ хозяйствомъ; у насъ бывали гости и вечера. А залу нашу часто снимали топографы, съ писаремъ Гейцыгомъ, для своихъ баловъ. Скоро я сталъ ходить въ корпусъ топографовъ и учился чистописанію у В. В. Гейцыга, а онъ потомъ передалъ меня топографскому ученику Ѳ. А. Бондареву, котораго я обожалъ еще болѣе, чѣмъ Яровицкаго.

Итакъ, это уже послѣ долгихъ ожиданій и желаній я попалъ наконецъ въ самое желанное мѣсто обученія, гдѣ рисуютъ акварелью и чертятъ тушью,— корпусъ топографовъ; тамъ большія залы были заставлены длинными широкими столами, на столахъ съ большими досками были прилѣплены географическія карты, главнымъ образомъ—частей Украинскаго Военнаго Поселенія; бѣлыя тарелки, съ натертою на нихъ тушью, стаканы съ водою, гдѣ купаются кисти отъ акварельныхъ красокъ, огромныя кисти. А какія краски! Чудо, чудо! (Казна широко и богато обставляла топографовъ, все было дорогое, перваго сорта изъ Лондона). У меня глаза разбѣгались. А на огромномъ столѣ мой взглядъ уперся вдругъ въ двѣ подошвы сапоговъ со шпорами вверхъ. Это лежалъ во весь столъ грудью внизъ топографъ и раскрашивалъ границы большущей карты. Я не думалъ, что бумага бываетъ такихъ размѣровъ, какъ эти карты: а тамъ дальше еще и еще. Потомъ я уже зналъ фамиліи всѣхъ топографовъ. По стѣнамъ висѣли также огромныя карты: земного шара изъ двухъ полушарій, карта Государства Россійскаго, Сибири и отдѣльныя карты европейскихъ государствъ. Мнѣ почему-то особенно нравилась карта Германскаго Союза и Италіи. Но больше всего мнѣ нравилось, что на многихъ тарелкахъ лежали большія плитки ньютоновскихъ свѣжихъ красокъ,—казалось, онѣ совсѣмъ мягкія и такъ сами и плывутъ на кисть.

Ахъ, вотъ идетъ мой учитель — Ѳиногенъ Аѳанасьевичъ Бондаревъ. Я видѣлъ его только на танцовальномъ вечерѣ, гдѣ маменька упросила его взять меня въ ученики.

Онъ былъ въ гусарскомъ унтеръ-офицерскомъ мундирчикѣ. Блондинъ съ вьющимися волосами у висковъ, съ большими добрыми глазами, онъ мнѣ нравился больше всѣхъ людей на свѣтѣ. Послѣ я узналъ, что въ корпусъ топографовъ, куда я попалъ, были прикомандированы изъ разныхъ кавалерійскихъ полковъ топографскіе ученики; они

Автопортретъ И. Е. Рѣпина (1873 г.). Набросокъ карандашомъ. Изъ альбома И. Е. Рѣпина.

Библиотека "Руниверс"

И. Е. Рѣпинъ возвращается изъ Академіи на каникулы домой.

господамъ, всегда презирался физическій трудъ, а трудъ земледѣльца считался позорнымъ, чуть не проклятіемъ, каторжнымъ трудомъ.

Всѣ поселяне побойчѣе норовили въ писаря, въ ремесленники, въ торговцы и смѣялись надъ хлѣборобами: черный трудъ считался хуже всякаго порока на человѣкѣ: съ мужикомъ даже разговаривать считали низкимъ.

Трофимъ, напримѣръ, про своихъ портныхъ и про себя говорилъ: портной — тотъ же майоръ.

Но Богъ его за это наказалъ: когда нашему портному-майору исполнилось 15 лѣтъ (не знаю хорошенько правилъ о военныхъ поселянахъ, каковымъ состоялъ и Трофимъ Чаплыгинъ), его потребовали на казенный

носили формы своихъ полковъ. Вотъ почему и Бондаревъ былъ не въ формѣ топографа. Скоро изъ другихъ залъ мимо насъ прошла за своимъ преподавателемъ, также топографомъ, кучка человѣкъ изъ 10-ти кантонистовъ; у каждаго писанная тетрадь въ рукахъ. Преподаватель палочкой указывалъ мѣсто на картѣ, и они громко выкрикивали названія странъ, рѣкъ, горъ, городовъ, морей, заливовъ, проливовъ и т. д. Мнѣ очень понравились эти кантонистики въ военныхъ курточкахъ и рейтузахъ. Вотъ если бы мнѣ такъ одѣться! Нѣтъ, совѣстно. Они такъ бойко отвѣчали своему учителю на вопросы и быстро указывали мѣста на картахъ. Все изучалось быстро, громко и весело—и сложный Германскій Союзъ, и Удѣльная система великихъ русскихъ князей и княжествъ. Все это узналъ я послѣ уже, разумѣется, когда учился постоянно тутъ же.

III. Дядя Митя.

Трофимъ по праздникамъ приходилъ къ намъ уже въ модномъ сюртучкѣ и жилеткѣ, и я его часто усаживалъ и подолгу мучилъ до одури, все рисовалъ съ него портреты; онъ сидѣлъ съ удовольствіемъ и все выставлялъ и поправлялъ свой синій шелковый галстукъ.

Онъ былъ франтомъ; у него былъ даже бархатный пиджакъ. Я сталъ просить маменьку, чтобы и мнѣ у Касьяновыхъ сшили сюртучокъ. Маменька купила коричневаго суконца хорошаго и всего приклада. Но я долго-долго ждалъ, пока наконецъ къ Великодню (Пасхѣ) его принесли. Чудесно былъ сшитъ, но, пока его шили, я подросъ настолько, что сюртучокъ едва-едва можно было натянуть на меня и застегнуть пуговки; а сидѣлъ чудо какъ хорошо: извѣстно, шили хорошіе портные. Ужъ не Доняшка же культяпала спросонья.

Мы все смѣялись и представляли ее, какъ она клевала носомъ, съ иголкой въ рукѣ; рука во снѣ уже дергалась куда-то вверхъ, а она все ниже кивала головой; невозможно было удержаться отъ хохота, а она сердится:

— Небось, заклевали бы и вы, когда бы вставали чуть свѣтъ къ коровѣ да къ теленку; а то дрыхнуть, сколько влѣзетъ—такъ вамъ не дремится!—Доняшка была сердитая, „клятая“, какъ говорили про нее дѣвки и бабы.

У насъ, въ мѣщанскомъ и купеческомъ быту, въ подражаніе

сѣнокосъ. Дѣвокъ и мальчиковъ—грести-подгребать (косить они, конечно, не умѣли). Трофимъ и тетя Груша, которая была ему вмѣсто матери, изъ города въ Осиновку прибѣжали къ намъ въ сумерки, въ слезахъ и воздыханіяхъ: Троньку выгоняютъ на покосъ. Жалоба была уже къ маменькѣ, чтобы она упросила дядю Ѳедю заступиться за своего племянника... Сейчасъ же къ Бочаровымъ; тамъ горевали горючими до поздней ночи... Ничего не помогло, нельзя было отбояриться, долженъ итти. Трофиму наконецъ напекли пироговъ, лепешекъ, связали узелъ платья, бѣлья и отправили на цѣлый мѣсяцъ. Куда-то далеко угнали ихъ: за Коробочкину, къ Желудковкѣ. По несчастномъ сиротѣ причитали, какъ по покойникѣ; у всѣхъ родственниковъ были опухшіе отъ слезъ глаза.

Черезъ недѣльку тетенька поѣхала къ Тронькѣ провѣдать — чуть не на тотъ свѣтъ запротырили мальчика.

Разсказывала намъ подробно: сначала наплакалась и ахнула, какъ увидѣла его издали: узнать было нельзя—черный, какъ головешка, ошарпанный, но веселый и здоровый.

Послѣ покоса, когда онъ пришелъ къ намъ, мы тоже едва узнали его, такъ онъ почернѣлъ, подросъ, и усики стали пробиваться, но онъ вовсе не плакалъ,

Фигуры изъ глины, вылѣпленныя И. Е. Рѣпинымъ для компановки картины „Запорожцы“.

Къ 70-лѣтію дня рожденія И. Е. Рѣпина. Впервые воспроизводимые рисунки И. Е. Рѣпина изъ его альбомовъ.

Библиотека "Руниверс"

Фигура изъ глины, вылѣпленная И. Е. Рѣпинымъ для компоновки картины „Запорожцы“.

а разсказывалъ, что было тамъ очень весело: дѣвки, бабы. По вечерамъ пѣсни и пляски; такъ что вспоминалъ онъ это время всегда съ охотой—весело было.

Однажды зимой я остался ночевать у Касьяновыхъ, такъ какъ поднялась сильная мятель. И вотъ въ этотъ вечеръ я наслушался и сказокъ и прибаутокъ много. Одинъ денщикъ усѣлся посреди мастерской, на особомъ стулѣ, какъ-то зычно скомандовалъ всей почтенной компаніи слушать и началъ такъ (вотъ что я запомнилъ):

„Писаря, портные, сапожники,
Въ томъ числѣ и картежники!
Сатана началъ судъ судить
И по одному въ адъ водить.
Появились на тотъ свѣтъ господа:
А бѣсъ кричитъ:—„Пожалуйте сюда!
Для вашихъ роскошныхъ тѣлъ
У меня есть мѣдный котелъ;
А чтобы разогрѣть ваши скаредныя души,
У меня есть горячее олово, вмѣсто чая и пунша“.

и т. д.—длинная, дальше не помню.

Нашъ главный интересъ всегда былъ у Бочаровыхъ: тамъ мы главнымъ образомъ учились танцамъ; въ ихъ залѣ былъ кирпичный полъ; онъ не поддавался нашей шлифовкѣ наподобіе лужайки подъ Хаминами, но зато быстро шлифовались подошвы нашихъ сапоговъ, и скоро онѣ стирались до „бѣлаго лебедя“, а засимъ и подошва ноги чувствовала уже ласку мачехи снизу отъ кирпичей. Экономные смѣльчаки предложили танцовать босикомъ, и многіе глухо притопывали отполированной собственной подошвой, такъ розово блестѣвшей въ нѣкоторыхъ „па“.

Трофимъ танцовалъ твердо, безъ всякаго каданса къ музыкѣ.

— Да что это, Трофимъ,—говорили учившія его сестры Бочаровы: — ты держишься коломъ! Это невозможно, ты хоть слегка вихляйся въ стороны.

— А, понимаю, — отвѣчаетъ Трофимъ. — Значитъ, всѣмъ корпусомъ?

Но опять упираетъ бороду себѣ въ грудь и, заложивъ руки въ карманы, такъ же твердо, коломъ, отбиваетъ „па“ польки Рапд; ничего съ нимъ не могли добиться—не было у него способностей къ танцамъ.

Во всякомъ быту матеріальное довольство, хорошіе достатки измѣняютъ отношенія людей. И къ намъ, съ тѣхъ поръ какъ отецъ сталъ богатѣть отъ своей торговли лошадьми, домъ нашъ сталъ гостепріимнѣе и веселѣе, и насъ, дѣтей военныхъ поселянъ, родившихся въ этой презрѣнной кастѣ, вездѣ принимали, благородные люди нами не брезговали, и наши родные дяди, вышедшіе изъ кантонистовъ въ офицеры, не стыдились насъ.

Дядя Дмитрій Степановичъ служилъ эскадроннымъ командиромъ въ кирасирскомъ полку, который стоялъ въ Умани и приходилъ въ Чугуевъ только на большіе царскіе маневры—компаменты. Вотъ радость: вмѣсто случайныхъ г.г. офицеровъ, лучшая половина нашего дома была приготовлена для дяди съ семействомъ, сараи — для его лошадей и экипажа, въ кухнѣ помѣщалась семья его крѣпостныхъ людей и т. д.

Помню, мы вышли къ заставѣ съ юга встрѣчать кирасирскій полкъ. Долго ждали. И вотъ наконецъ показалось вдали огромное облако пыли на большой дорогѣ; все ближе и ближе; уже слышенъ лязгъ оружія — сабель, фырканье лошадей, и вверху султаны пикъ въ родѣ чаекъ стадомъ плывутъ надъ пылью... Вотъ и кони— огромныя вороныя лошади въ пыли и въ пѣнѣ; сами кирасиры черны, какъ земля чернозема, по которой они шли столбовымъ шляхомъ.

Дочь И. Е. Рѣпина, Вѣра Ильинична (въ 1878 г.), авторъ воспоминаній, помѣщенныхъ въ этомъ нумерѣ.

Къ 70-лѣтію дня рожденія И. Е. Рѣпина. Впервые воспроизводимые рисунки И. Е. Рѣпина изъ его альбомовъ.

Библиотека "Руниверс"

В. Сѣровъ - подростокъ. (Къ очерку „Изъ дѣтскихъ воспоминаній“ Вѣры Рѣпиной).

Кирасиры въ бѣлыхъ колетахъ, въ черныхъ кирасахъ, большею частью огромнаго роста; вмѣстѣ съ воронымъ конемъ кирасиръ намъ казался великаномъ — не взглянешь; черные хвосты отъ мѣдныхъ касокъ шевелились въ воздухѣ; стальные мундштуки, удила, перепачканныя пѣной, вмѣстѣ съ ясными бляхами стального набора воинственно блестѣли на черныхъ ремняхъ сѣделъ. Полкъ шелъ шагомъ, но какимъ!..

Мы шли почти бѣгомъ около, чтобы не отстать, и старались узнать нашего дядю... И наконецъ маменька указала мнѣ, когда выступилъ его эскадронъ: онъ ѣхалъ впереди эскадрона, съ огромнымъ палашомъ наголо въ правой рукѣ, прислоненнымъ къ плечу.

Насъ онъ, конечно, не видалъ; лицо его было сурово, большіе усы; черный отъ пыли и загару, онъ былъ неузнаваемъ и страшенъ.

Вдругъ маменька какъ-то тонко взвизгнула: — Митя! — и засверкала слезами, зажмуривая глаза. Дядя услыхалъ, сдѣлалъ едва замѣтный поворотъ въ нашу сторону, и подъ его грознымъ глазомъ также сверкнула слеза... Но онъ продолжалъ сурово свой кавалерійскій маршъ. Заиграли впереди трубачи (они были на сѣрыхъ и бѣлыхъ лошадяхъ). Вотъ восторгъ! Лучше трубъ ничего не могло быть для меня. Долго я не отходилъ отъ дяди, все время, когда онъ уже въ комнатѣ скидалъ кирасу, денщикъ снималъ съ него огромные ботфорты, потомъ онъ умывался, фыркалъ, и ему долго мѣняли воду—такъ много пыли набилось въ кожу и въ волосы.

Умывшись, онъ сѣлъ; денщикъ раскурилъ длинную трубку и подалъ ему.

Увидѣвъ Устю, онъ подхватилъ ее на руки, отставивши въ уголъ свою огромную трубку съ длиннымъ чубукомъ. Устя страшно испугалась такой высоты и кричала: „Горькій панъ, горькій панъ!“—когда онъ цѣловалъ ее; она барахталась, какъ птица въ рукахъ великана.

Маменька разсказывала, что дядя Митя выучилъ ее грамотѣ; другія двѣ сестры ея, Груша и Параня, были безграмотны, а маменька съ дядей Митей учили всѣ его уроки; они проявили большую охоту къ чтенію, и братъ Митя носилъ ей книги изъ библіотеки кантонистовъ. Особенно они зачитывались Жуковскимъ, и маменька многія изъ его поэмъ знала наизусть, напримѣръ, „Громобоя“ и др. И часто по вечерамъ, когда дядя до пріѣзда его семьи пилъ съ нами чай, они съ маменькой вспоминали свое дѣтство со всѣми подробностями. А когда приходилъ дядя Ѳедя, то непремѣнно появлялся графинчикъ водочки, и дяденька Ѳедя быстро поддавался чувствительности и начиналъ всхлипывать, а тетя Груня сейчасъ же затягивала какую-нибудь старинную пѣсенку, и вся родня скоро была въ родственныхъ слезахъ восторга и пѣла хоромъ. Съ особеннымъ чувствомъ серьезности запѣвалась одна протяжная пѣсня:

Ты взойди, солнце, надъ горою,
Надъ высокою, надъ крутою, надъ крутою...

Когда я учился уже въ корпусѣ топографовъ (въ штабѣ, какъ называютъ въ Чугуевѣ), и дядя Митя узналъ, что я изучаю русскую грамматику, онъ вызвалъ меня при гостяхъ и началъ экзаменовать, спрашивалъ: „какой части рѣчь“, называя какое-нибудь слово: напр., благодѣяніе. Хотя я училъ нѣсколько иначе: —„какая часть рѣчи“, но я сейчасъ же смекнулъ; и дяденька экзаменовалъ меня довольно долго. Родня сидѣла смирно, съ открытыми глазами, удивляясь моей смѣлости и знаніямъ.

Въ саду у Рѣпина.

Какой старинной красотою
Уединенный садъ цвѣтетъ,
Гдѣ жизнью мудрой и простою
Художникъ радостно живетъ!
Недвижны дремлющія воды,
Красивы ивы у воды...
Содружны здѣсь съ рукой природы
Людскіе мирные труды:
Тамъ кустъ сиреневый посаженъ,
Тамъ брошенъ камень-великанъ;
Изъ-подъ земли на много саженъ
Студеный выведенъ фонтанъ.

А посрединѣ сада домикъ—
Какъ будто сказка наяву!—
Стоитъ и тянется въ истомѣ
Съ земли куда-то въ синеву.
Онъ весь стеклянный, весь узорный,
Веселый, смѣлый и чудной.
Его завидѣвъ, воронъ черный
Летитъ пугливо стороной.
А пѣвчихъ птицъ семья цвѣтная
Гнѣздится густо близъ него,
Своей игрой напоминая,
Что жизнь—земное торжество.

Сергѣй Городецкій.

Библиотека "Руниверс"

Изъ дѣтскихъ воспоминаній дочери И. Е. Рѣпина.

Вѣры Рѣпиной.

I.

Мы жили въ Москвѣ въ Трубномъ пер., во второмъ этажѣ деревяннаго дома. Помню этотъ домъ, гдѣ въ одномъ углу комнаты промерзала стѣна и лежалъ уголкомъ бѣлый снѣгъ. Мы были маленькіе. Мнѣ было 6 лѣтъ. Ходили мы гулять каждый день съ нянькой на бульваръ и послѣ дождя пускали кораблики въ бурнострующемся потокѣ у тротуара.

Особенно любили мы гулять съ папой на Дѣвичье поле и по льду на Москву-рѣку. Держалъ насъ папа за руки: меня—правой (это была моя рука, съ обручальнымъ кольцомъ) и сестру Надю—лѣвой. Если навстрѣчу дулъ вѣтеръ, папа, подбодряя, говорилъ:

— Впередъ! смѣлѣе! на абордажъ! преодолѣвай пространство!

Мы доходили до Нескучнаго сада, и при видѣ каменной бесѣдки Надя говорила:

— Уфъ, мы капельку близко къ этой камынкѣ.

За нами бѣжала рыжая собачка Каштанъ, которую Надя называла „Кафтанъ", и разъ на нашихъ глазахъ на нее бросились собаки. Мы увидѣли, какъ у чернаго огромнаго меделяна точно большіе усы, а это была Каштанка, и изъ пасти онъ выбросилъ ее мертвой.

Папа понесъ ее домой въ носовомъ платкѣ, на которомъ виднѣлась кровь.

И такъ намъ было жаль маленькую Каштанку!

Часто мы катались съ папой въ саду съ ледяной горы. Взберемся наверхъ, усядемся всѣ на санки и запоемъ пѣсню:

Я и полемъ шла,
Не шаталася,
На дворъ пришла —
Пошатнулася,—

и на этихъ словахъ скатывались съ хохотомъ внизъ.

Гуляя на Дѣвичьемъ полѣ, мы слушали разсказы папы, какъ за рѣшетчатымъ окномъ монастыря томилась царевна Софья, и у окна ея кельи висѣлъ повѣшенный Петромъ стрѣлецъ. Папа писалъ тогда картину „Царевна Софья", — для нея, помню, шился изъ серебряной парчи сарафанъ съ откидными рукавами, мама обшивала его жемчугомъ; подъ сарафанъ надѣвалась рубашка съ узкими, длинными, въ девять аршинъ, кисейными рукавами съ золотой ниткой, которая очень царапала руку, когда надѣвали рукавъ, а рукавъ собирался мелкою сборочкою.

Для картины пріѣзжала позировать Ел. Ив. Бларамбергъ. Она распускала свои чудные, длинные волосы и позволяла мнѣ трепать ихъ и путать, а я воображала, что плету косы. Для этой же картины папѣ немного позировала Вал. Сем. Сѣрова, мать художника, и подолгу „стояла для Софьи" молодая, толстая домашняя портниха, жившая во дворѣ, во флигелѣ.

Въ то время папа, по совѣту одного знакомаго, А. А. Бѣлопольскаго, началъ спать при открытыхъ окнахъ. Онъ съ восторгомъ говорилъ о своемъ новомъ спаньѣ, чувствовалъ себя бодрѣе, менѣе нервнымъ и, конечно, настоялъ, чтобъ и мы спали такъ же. Для насъ сшили длинные, заячьяго мѣха, мѣшки съ узкой прорѣшкой; внутрь мѣшка продергивалась простыня, на ноги надѣвались теплыя туфли, на голову капоръ, и такъ, подобравъ мѣшокъ, мы шли въ комнату съ открытыми окнами; она у насъ называлась „холодная". Разъ, когда папа прилегъ послѣ обѣда, пришелъ къ намъ одинъ его знакомый:

— Гдѣ папа? Дома?

— Въ холодной.

— Въ холодной? За что?

„Холодная" по-деревенски—острогъ.

Въ холодной комнатѣ спали и папа и мама, и наутро, если было холодно, у папы замерзали усы, а снѣжокъ сыпался въ окно, прямо на лицо! Если у насъ болѣла голова— въ „холодную"! Если мы были нездоровы — „въ холодную", и тамъ, казалось, все скорѣе проходило. Но все же мы больше любили спать въ обыкновенной комнатѣ и бѣжали скорѣй до 9-ти часовъ, чтобы хоть 10 минутъ поспать въ теплотѣ. Я была очень живая, и мнѣ конецъ мѣшка завязывали веревкой, чтобы наутро не оказались ноги внѣ мѣшка, какъ было разъ, когда весь мѣшокъ сбился къ головѣ; и также, помню, разъ ночью я свалилась на полъ и еле взобралась на постель. Иногда, когда мы уже улеглись, раскрывалась дверь, и мамнинъ голосъ говорилъ:

— Вотъ здѣсь спятъ мои ребята.

Или кто-нибудь изъ знакомыхъ заходилъ, когда мы еще одѣвались, и разсматривалъ съ любопытствомъ, какъ что надѣвается, и какъ мы шествуемъ въ холодную. По утрамъ, если мы еще не вставали, папа говорилъ изъ „Конька Горбунка":

Эй вы, сонныя тетери,
Отворяйте брату двери.

Мы носили платья, сшитыя по фасону, который придумалъ папа, очень узкія: надо было поднять кверху руки, и тогда натягивались они на насъ плотно. И всѣ спрашивали: „да какъ они на васъ надѣваются? и гдѣ застежка?" Тогда у насъ жилъ В. А. Сѣровъ. Ему было 16 лѣтъ. Онъ учился у папы живописи. Мы его очень любили и называли: Антонъ. Онъ часто возился съ нами, схватитъ своей сильной рукой за кушакъ, сгребетъ и пересадитъ со стула на полъ, на коверъ или на диванъ, а мы барахтаемся въ воздухѣ, какъ черепахи. Помню, что онъ писалъ этюды изъ окна, послѣ обѣда читалъ папѣ вслухъ исторію искусствъ, а на ночь ѣлъ вмѣстѣ гречневую кашу съ молокомъ. Иногда читала папѣ я; папа научилъ меня читать, когда мнѣ было пять лѣтъ, и училъ со мною много стиховъ. Первые стихи были: „По небу полуночи ангелъ летѣлъ". Когда папа съ мамой уѣзжали въ гости или въ концертъ, Сѣровъ копировалъ заданный ему папой портретъ. Мы, оставшись одни, приставали къ Сѣрову:

— Антонъ, разскажи намъ сказку.

В. С. Сѣрова, вдова композитора А. Н. Сѣрова и мать художника В. А. Сѣрова. Этюдъ для картины „Царевна Софья".

Къ 70-лѣтію дня рожденія И. Е. Рѣпина. Впервые воспроизводимые рисунки И. Е. Рѣпина изъ его альбомовъ.

Библиотека "Руниверс"

И такъ надоѣдали, что онъ наконецъ, продолжая серьезно вглядываться и копировать портретъ, разсказывалъ намъ интересную сказку про три лимона: съѣшь одинъ — сморщишься, какъ старуха: съѣшь другой — помолодѣешь; а третій — не помню, забыла. Потомъ мы шли пить чай, гдѣ на столѣ лежали намъ оставленные сахарные крендельки, и „вотъ, — продолжалъ Сѣровъ: — шелъ я мимо булочной, вижу: на окнѣ лежатъ вкусные, поджаристые крендельки, я попробовалъ одинъ, другой...“ — и такъ съѣдалъ онъ всѣ крендельки! А мы слушали, раскрывъ рты, и не замѣчали, что наши крендельки исчезаютъ.

Сѣровъ очень похоже представлялъ звѣрей, и мы слушали, замеревъ, какъ рычитъ левъ, скучающій въ клѣткѣ, и потрясаетъ гривой (удивительно хорошо!), взглядываетъ и опять рычитъ; своей небольшой широкой рукой съ короткими пальцами онъ изображалъ, какъ прыгаетъ лягушка по столу — такъ и шлепается, остановится и опять прыгаетъ, и мы, особенно Юра, закатывались отъ смѣха. Часто жестами, взглядами, мимикой онъ изображалъ кого-нибудь изъ знакомыхъ (и мы сразу угадывали, кто это), или звѣря, или даже вещь: столъ обѣденный, столъ кухонный и т. д.

Почти каждый день папа читалъ вслухъ о запорожцахъ по-малорусски, въ стихахъ: „О трехъ братьяхъ“, „О Савуръ-могилѣ“ и разсказывалъ о Сѣчи. Тогда онъ писалъ свою картину „Запорожцы, пишущіе отвѣтъ султану“. Мы уже знали постепенно всѣхъ героевъ: атамана Сѣрко съ сѣдымъ усомъ, это былъ мой (я все себѣ получше выбирала), казакъ Голото — „не боится ни огня, ни меча, ни болота“:

У казакові на голові шапка бирка,
Зверху дірка,
Травой пошита,
Вітромъ підбита,
Віе повіває,
Молодого казака прохлажає,—

Тараса Бульбу съ Остапомъ и Андріемъ и кузнеца Вакулу.

„Мы и сами изъ запорожцевъ, — думалось мнѣ: — папа изъ Малороссіи, а запорожцы — единственный смѣлый, вольный народъ!“ Такъ, увлекаясь, папа и насъ увлекалъ своими разсказами и чтеніемъ. Моему маленькому брату Юрѣ выбрили голову и оставили чубъ: на круглой головѣ его сначала висѣлъ маленькій, а потомъ вился длинный „оселедецъ“, который онъ заматывалъ за ухо. И костюмъ ему сшили: желтый жупанъ съ откидными рукавами, когда крестный его Мурашко привезъ ему малороссійскую рубашку и шаровары. Жупанъ ему дали заносить, чтобы походилъ больше на настоящій.

Часто мы играли въ запорожцевъ: папа былъ Тарасъ Бульба, я — Остапъ. Надя — Андрей, или папа съ Юрой были запорожцы, а мы съ Надей — русалки, зазывавшія казаковъ въ камыши; камыши замѣнялись кучками снѣга: мы играли на бульварѣ Дѣвичьяго поля, бѣжали впередъ и прятались за сугробы.

Папа лѣпилъ фигурки запорожцевъ изъ сѣрой глины, Тараса Бульбу и др., нѣкоторые сохранились до сихъ поръ, иные съ отбитыми головами и руками. Лѣтомъ папа съ Сѣровымъ уѣхали на этюды въ Малороссію, а мы жили у Мамонтовыхъ въ Абрамцевѣ, о которомъ у меня сохранились самыя лучшія и веселыя воспоминанія. Зимой папа писалъ „Запорожцевъ“ въ мастерской — въ обыкновенной комнатѣ въ три окна; я не знала тогда, что у художниковъ можетъ быть спеціальная мастерская съ верхнимъ свѣтомъ.

Въ серединѣ картины былъ уже такой знакомый одноглазый рыжій запорожецъ, протянувшій руку съ шапкой вдаль, курились дымки костровъ. Атаманъ Сѣрко съ живыми сѣрыми глазами, взявшійся за бока, хохочущій Тарасъ Бульба, казакъ Голото, кузнецъ Вакула, положившій свой кулакъ на спину голаго запорожца, писарь и всѣ другіе казаки. Мнѣ тогда казалось, что рисовать можетъ каждый, кто хочетъ; только взять карандаши и кисть. И мы всегда рисовали цвѣтными карандашами въ тетрадкахъ, а папа, по нашему заказу, рисовалъ намъ по очереди, — сегодня Юрѣ — кузнеца Вакулу, завтра Надѣ — Пацюка, а потомъ мнѣ —

И. Е. Рѣпинъ пишетъ свой портретъ въ „Пенатахъ“. (1914 г.). Фотографія «Нивы».

Библиотека "Руниверс"

„какою я буду большой". Или русскихъ боярынь въ кикахъ, которыхъ мы сами раскрашивали акварелью, осторожно расписывая штофъ сарафана серебряной и цвѣтной красками, по указанію папы.

Разъ въ сумерки, помню, сказали, что къ папѣ пришелъ Левъ Толстой. Я смотрѣла въ полуоткрытую дверь. Въ мастерской стоялъ плечистый, немного сутулый, коренастый человѣкъ въ пальто безъ шапки, съ сѣдѣющими волосами, въ которыхъ еще много было черныхъ волосъ. Онъ стоялъ, слегка нагнувшись, и разсматривалъ папинъ рисунокъ къ „Переписи въ Москвѣ", а потомъ картину „Крестный ходъ".

Пріѣзжалъ смотрѣть картину „Проводы новобранца" великій князь Владиміръ Александровичъ. Я помню, какъ улицу у нашего дома усыпали желтымъ пескомъ, она вся какъ-то опустѣла, и только деревянными игрушечными солдатиками виднѣлись городовые. Мы бѣгали въ саду и прибѣжали домой, когда уже великій князь уѣхалъ...

Въ то время шили костюмъ для Іоанна Грознаго, который папа самъ кроилъ, съ особеннымъ покроемъ рукава, черный, въ видѣ подрясника для Грознаго и розоватый съ серебристымъ отливомъ для молодого Ивана, синіе штаны съ цвѣточками и теплые высокіе сапоги съ загнутыми носками, которые папа самъ расписывалъ съ бирюзовымъ оттѣнкомъ разными завитками и загогулинами. Для молодого царевича позировалъ Гаршинъ, котораго папа писалъ на отдѣльномъ холстѣ, въ профиль. Когда Гаршинъ входилъ, то смотрѣлъ прямо, какъ бы не видя, своими грустными черными глазами, и на нихъ какъ будто были слезы. И я всегда спрашивала сама себя:

— Что съ нимъ? Почему такъ скорбно приподняты брови? Кто его обидѣлъ?

Онъ заходилъ къ намъ въ дѣтскую, и такъ какъ я была маленькая, то обращала вниманіе на ноги, которыя онъ такъ особенно-прямо ставилъ: носки впередъ, и на одномъ изъ нихъ была круглая заплатка. Это было уже въ Петербургѣ, гдѣ папа кончалъ и „Грознаго" и „Запорожцевъ".

Помню, что разъ во время гимнастики у меня закружилась голова, я упала съ трапеціи и разбила себѣ носъ. Мама кинулась съ водой и полотенцемъ.—„Подождите, не трогайте, не трогайте",—сказалъ папа. Я остановилась и такъ стояла нѣкоторое время. „Ну, теперь довольно, вытирайте". Папа хотѣлъ запомнить цвѣтъ крови для Іоанна Грознаго.

„Запорожцевъ" папа продолжалъ писать на другомъ большемъ холстѣ, прибавилъ много новыхъ лицъ, написалъ писаря съ Дм. Ив. Эварницкаго, одного изъ казаковъ—съ Вас. Вас. Тарновскаго и съ другихъ знакомыхъ. Мы уже учились въ гимназіи и заходили къ папѣ въ мастерскую.

— Вѣра, ты? Ну что, какъ? — спрашивалъ онъ про картину.

Я смотрѣла молча. Мнѣ нравились запорожцы, и каждый разъ было измѣненіе, прибавленіе новаго, неожиданнаго, вотъ еще кто-то хохочетъ! Хорошо. Такъ похоже, что намъ смѣшно.

— Ну, Вѣруня, говори, какъ?

— Да не знаю... Развѣ сказать, какъ думается?

— Говори, говори, какъ думается.

Такъ папа самъ вызывалъ дѣлать замѣчанія, и помню, что былъ доволенъ. Я часто позировала папѣ для картинъ и для портретовъ, которыхъ папа написалъ нѣсколько. Чтобы мнѣ не было скучно, мама читала вслухъ біографію Шекспира, „Въ лѣсахъ" Печерскаго, „Войну и миръ" Толстого. Мнѣ надоѣдало сидѣть долго въ одномъ положеніи, и я все вертѣлась.

— Ну, ну, сиди смирно, Вѣра. Посмотри-ка на меня, не верти головой!

Сеансъ длился часа 3—4 съ перерывами, и наконецъ папа говорилъ:

— Ну, теперь довольно, встань и бѣги!

И когда я вскакивала, папа, протянувъ руку съ палитрой и кистью, какъ бы желая задержать меня, быстро говорилъ:

— А ну-ка еще, вернись, постой минуточку,—и, махнувъ рукой, прибавлялъ: ну, ужъ теперь бѣги, не оглядывайся... А ну-ка еще, постой, постой!

— Ну-у, па-а-па,—тянула я съ нетерпѣніемъ.

— Ну,—иди, Богъ съ тобой!

Я долго позировала папѣ для дѣвочки въ картинѣ „Не ждали", которую папа писалъ въ Мартышкинѣ, гдѣ мы жили лѣто. Я нечаянно поставила криво ноги, позируя для дѣвочки, и папа написалъ ихъ.

Мальчика-гимназиста онъ писалъ съ Сережи Костычева, теперь профессора.

Однажды зимой папа привелъ незнакомаго господина, котораго встрѣтилъ въ Публичной Библіотекѣ и писалъ съ него „возвратившагося". Это былъ не единственный случай: онъ всегда приглашалъ кого-нибудь изъ рабочихъ или встрѣченныхъ имъ случайно на выставкѣ или на улицѣ. Такъ знакомо выраженіе папинаго лица, заинтересованнаго подходящимъ ему типомъ. Онъ долго смотритъ, не отрываясь, пристально, не въ силахъ отойти, и наконецъ рѣшается попросить позировать ему...

Утро въ „Пенатахъ".

И. Е. Рѣпинъ въ саду.

Выйдетъ въ курточкѣ зеленой,
Поглядитъ на водометъ,
Зачерпнетъ воды студеной
И съ улыбкою испьетъ.

Свѣтлый весь, глаза сіяютъ,
Голубую сѣдину
Вѣтеръ утренній ласкаетъ,
Будто легкую волну.

Семь десятковъ за плечами,
А какъ будто ноши нѣтъ!
Дѣтски-зоркими очами
Онъ глядитъ на бѣлый свѣтъ.

Не усталъ онъ, не измаянъ,
Полонъ силы и борьбы,
Сада яркаго хозяинъ,
Богатырь своей судьбы.

Солнце всходитъ, пышетъ златомъ...
Тихо, тихо онъ стоитъ
И за облакомъ крылатымъ
Взоромъ ласковымъ слѣдитъ.

Можетъ-быть, онъ видитъ дѣтство,
Золотыхъ начало дней,
Озорное малолѣтство,
Вырѣзныхъ своихъ коней?

Иль, черемуху почуявъ
Въ легковѣйномъ вѣтеркѣ,
Видитъ вешній свой Чугуевъ
Въ невозвратномъ далекѣ?

Сергѣй Городецкій.

Библиотека "Руниверс"

И. Е. Рѣпинъ.

Ф. И. Шаляпина.

Въ 1897 году, когда въ частной оперѣ С. И. Мамонтова въ Москвѣ впервые вздумали дать „Псковитянку" Римскаго-Корсакова, по Мею, мнѣ была поручена роль Ивана Грознаго. Трудная это была задача для меня въ то время.

Для актера, т.-е. для пластическаго изображенія типа, да еще такого, какъ Иванъ Грозный, всего прочитаннаго въ книгахъ было недостаточно, и вотъ гдѣ воскликнулъ я великое спасибо Ильѣ Ефимовичу Рѣпину. Я увидѣлъ его Грознаго съ сыномъ въ Третьяковской галлереѣ. Совершенно подавленный ушелъ я изъ галлереи. Какая силища, какая мощь! И хотя эпизодъ убійства сына не входилъ въ играемую мною роль, однако душа Грознаго (несмотря на всѣ звѣрства, имъ творимыя), какъ мнѣ именно и хотѣлось, представлена была Душой Человѣческой, т.-е. подъ толщею деспотизма и звѣрства, тамъ гдѣ-то, далеко-далеко въ глубинѣ, я увидѣлъ теплющуюся искру любви и доброты.

Вскорѣ я лично познакомился съ этимъ огромнымъ художникомъ и съ радостью убѣдился, что Рѣпинъ и не могъ написать никакого владыку тирана—иначе, какъ съ человѣческой душой, потому что самъ онъ, этотъ дорогой намъ всѣмъ маэстро,—человѣкъ огромной души и сердца, полнаго любви къ людямъ. Считаю себя счастливцемъ жить вмѣстѣ въ одно время съ дорогимъ Ильей Ефимовичемъ и горжусь принадлежать къ его эпохѣ.

Федоръ Шаляпинъ

И. Е. Рѣпину.

Сонетъ.

Какъ жароцвѣтъ чугуевскихъ степей,
Какъ синіе стожары ночи южной,
Живутъ и пламенѣютъ силой дружной
Созданья кисти сказочной твоей.

Пусть сыплется на кудри иней вьюжный,
Неколебимъ великій чародѣй
Надъ сѣрой рябью мелководныхъ дней,
Въ нашъ хмурый вѣкъ, разслабленно-недужный.

Царевна-плѣнница, злодѣй Иванъ,
Глумливыхъ запорожцевъ вольный станъ:
Во всемъ могучъ, во всемъ великолѣпенъ,

Въ сіяніи лучистомъ долгихъ лѣтъ,
Надъ Русью вставъ, ты гонишь мракъ и бредъ,
Художникъ-Солнце, благодатный Рѣпинъ.

Борисъ Садовской.

„Дѣловой Дворъ".

Проектъ **И. Е. Рѣпина.**

Грандіозность—главное качество Рѣпина. Чего онъ ни коснется, все принимаетъ такія величавыя, пышныя формы. Онъ циклопиченъ не только въ искусствѣ, но и въ строительствѣ жизни. Теперь, какъ извѣстно, его охватила мечта создать у себя въ родномъ городѣ Народную Академію Художествъ. Это широчайшая, воистину рѣпинская мечта. Ему мерещится цѣлый дворецъ прикладного искусства, гдѣ многочисленные цехи работниковъ, подъ мудрымъ руководствомъ художника, въ пылу дружной совмѣстной работы научаютъ своему ремеслу всѣхъ, кто желаетъ учиться, создавая такимъ образомъ для родины, вмѣсто нищихъ, самоубійцъ, хулигановъ,—„ратниковъ труда и красоты". Свой воображаемый дворецъ художникъ назвалъ по-старинному: „Дѣловой Дворъ". Городъ Чугуевъ, узнавъ о такомъ величавомъ проектѣ знаменитаго своего земляка, отвелъ для „Дѣлового Двора" обширную площадь въ красивѣйшей мѣстности города, и нужно надѣяться, что скоро этотъ воздушный замокъ воплотится въ камень и желѣзо-бетонъ.

„Нива", вмѣстѣ со всей Россіей чествуя 70-лѣтіе Рѣпина и желая пріобщить своихъ читателей къ этой его завѣтной мечтѣ, обратилась къ самому художнику съ просьбой изложить, въ чемъ существо его проекта.

И. Е. Рѣпинъ написалъ для насъ слѣдующее:

Характеръ искусства юга Россіи еще держится подъ спудомъ, или о немъ забыли, а между тѣмъ вся Малороссія имѣетъ свои вкусы и живетъ своими лубочными произведеніями кустарнаго издѣлія какъ-то особо.

Центральная Россія уже прекрасно обставлена школами московско-новгородскаго стиля: Строгановское училище представляетъ собою серьезно обработанный образецъ, строго-иконописнаго, догматическаго служенія церкви.

Пора подумать объ украинскомъ стилѣ въ искусствѣ и начать развитіе его народныхъ непосредственныхъ импровизацій, которыми такъ щедро засѣянъ этотъ большей частью сытый и красивый, а слѣдовательно—и веселый край.

Самодовлѣющее начало жизни Малороссіи чувствуется во всемъ обиходѣ ея ласкающей обстановки, отъ вкусныхъ и разнообразныхъ объѣденій до цвѣтовъ передъ кокетливыми красавицами-хатками, до ихъ чарующаго убранства внутри жилыхъ покоевъ, раскрашенныхъ печей и стѣнъ, любовно увѣшанныхъ душистыми травами, устланныхъ красивыми шитьями и пышными перинами до потолковъ.

Этотъ игривый, поющій, и день и ночь напролетъ ликующій народъ имѣетъ особое право на свое особое искусство.

Мысль эта давно живетъ во мнѣ, какъ въ каждомъ русскомъ, кому довелось пожить въ милой Украйнѣ.

И вотъ когда къ моему семидесятилѣтію даровитые чугуевцы вспомнили обо мнѣ и пожелали учредить въ своемъ городѣ рисовальную школу моего имени, я очень обрадовался случаю примѣнить на практикѣ давно-лелѣемую идею — осуществить возрожденіе народнаго южно-русскаго искусства.

Въ послѣдніе годы черезъ Академію Художествъ, лѣтъ 15 уже, идетъ непрерывающееся открытіе рисовальныхъ школъ и музеевъ по всей Россіи. Всѣ они тяготѣютъ къ Академіи Художествъ, почти всѣ получаютъ отъ нея помощь и формы и, организуясь по одному образцу, неминуемо повторяютъ въ своемъ устройствѣ одинъ шаблонъ.

За очень рѣдкими исключеніями, весь продолжительный курсъ этихъ школъ одинаково принудителенъ къ копированію образцовъ, какъ таковыхъ, безъ всякаго примѣненія ихъ къ текущей жизни. Не поднимаясь совсѣмъ до платоническаго обожанія этихъ геніальныхъ откровеній отжившихъ вѣковъ искусства, ученикъ отъ младенчества привыкаетъ цинически презирать *непонятныя* ему совершенства и вмѣстѣ съ этимъ наполняется на всю жизнь пошлымъ отношеніемъ къ профессіи художника-мастера, обманувшей его ожиданія.

Самая отвратительная отрава всѣхъ академій и школъ есть царящая въ нихъ пошлость.

Кромѣ главнаго конечнаго результата своего курса — пошлости, ученики поставлены серьезно еще къ достиженію наиважнѣйшихъ отличій отъ прочихъ смертныхъ.

Первое: добиться права на чинъ и на мундиръ соотвѣтствующаго шитья.

Второе: добиться избавленія отъ воинской повинности и —

Третье: выслужиться у своего ближайшаго начальства до полученія постоянной степендіи.

И эти бюрократическія традиціи такъ завладѣваютъ юношей

Библиотека "Руниверс"

въ самые горячіе годы его художественнаго призванія, что, добившись намѣченныхъ благъ, онъ уже привыкаетъ къ дѣятельности другого рода настолько, что неспособенъ даже бываетъ вернуться къ искусству, а идетъ служить, напримѣръ, по акцизу, добившись такой привилегіи за свое призваніе къ искусству.

Наглядѣвшись и назнакомившись съ такими отрицательными примѣрами образованія молодыхъ мастеровъ „прикладного" искусства, я намѣреваюсь въ „Дѣловомъ Дворѣ" установить дѣло обученія разнымъ искусствамъ молодыхъ людей обоего пола на другихъ основаніяхъ.

Первое. Мастерскія будутъ выучивать учениковъ на самомъ процессѣ работы *по заказу*, гдѣ съ десяти лѣтъ ученики, ученицы, прислуживая въ общемъ производствѣ, изучаютъ всякій предметъ искусства практически, при его появленіи на свѣтъ.

Второе. Ученики и ученицы, работая со дня поступленія въ мастерскихъ, быстро выучиваются искусству и скоро дѣлаются участниками заработка мастерскихъ.

Третье. Мастерская-школа, въ силу своей дѣятельности, пропорціонально своей продуктивности, зарабатываетъ столько своимъ коллективнымъ трудомъ, что не нуждается ни въ какой субсидіи для своего существованія. Она устанавливаетъ для себя самостоятельный стиль и обезпечиваетъ себя со всѣми сотрудниками довольствомъ жизни и запасными кооперативными предпріятіями по дѣламъ своего искусства.

Спеціальныя мастерскія будутъ возникать въ зависимости отъ знакомства съ краемъ и заказами съ разныхъ сторонъ. Но вотъ главное, съ чего начнетъ „Дѣловой Дворъ", если осуществится его дѣятельность:

Мастерскія (дерево).

Столярная—мебель, рамы.
Рѣзчицкая—изящныя издѣлія.
Позолотная—иконостасы.
Токарная—детали декорацій.
Иконописная—образа, декораціи.

Мозаика (смальтъ, цементъ, желѣзо).

Декоративное панно—фрески, образа, наружныя картины въ архитектурѣ домовъ. (Простая, но прочная мозаика позднѣйшаго венеціанскаго образца).

Керамика (на основаніи народныхъ кустарныхъ издѣлій, чему будетъ помогать музей при мастерской). Посуда всевозможныхъ родовъ южно-русскаго стиля.

Ткацкая (производство ковровъ, плахтъ, полотенецъ и т. д., поясовъ, аналоевъ и пр. церковныхъ предметовъ).

Литейная—отливка всевозможныхъ мѣдныхъ, чугунныхъ и др. металлическихъ рѣшетокъ, кронштейновъ, капителей и наконецъ статуй, если художественныя работы дойдутъ до этого рода заказовъ.

Все будетъ зависѣть отъ директора и избранныхъ имъ руководителей спеціальныхъ мастерскихъ.

Ученики и ученицы отъ 10 до 50-лѣтняго возраста будутъ имѣть столъ, дортуары и даже костюмъ безплатно отъ мастерской. Выученики и выученицы будутъ участвовать въ дѣлѣ доходовъ отъ заказовъ пропорціонально своему знанію дѣла и умѣнію быть полезными въ отвѣтственныхъ работахъ.

Объ И. Е. Рѣпинѣ.

К. Чуковскаго.

Рѣпинъ—поэтъ душевныхъ катастрофъ, ураргановъ, экстатическихъ, нечеловѣческихъ чувствъ. Вспомните его „Самосожженіе Гоголя", „Царевну Софью", „Исповѣдь", „Сыноубійцу Ивана",—всюду чрезмѣрныя корчи и судороги чрезмѣрныхъ душъ—у послѣдней черты!

Ничего тривіальнаго, мелкаго. Даже изображеніе полупьяныхъ казаковъ вышло у него грандіозно. Казаки собрались за бутылкой и пишутъ смѣшное письмо: казалось бы, это жанръ, пустякъ, анекдотъ, но Рѣпинъ и здѣсь циклопиченъ. Вся эта картина такъ густо насыщена чрезмѣрнымъ гомерическимъ хохотомъ, что, кажется, музей содрогается. Если бы буйволы умѣли смѣяться, они смѣялись бы именно такъ. И какой колоссальный захватъ: въ

Два генія русской земли—Л. Н. Толстой и И. Е. Рѣпинъ въ Ясной Полянѣ (въ сентябрѣ 1907 г.).

Библиотека "Руниверс"

Не ждали.

какой-то громчайшій оркестръ, тысячи литавровъ и трубъ: мажорная, бравурная музыка! Каждый клочокъ бороды, каждая складка мундира крикомъ-кричатъ, оглушительно, множествомъ глотокъ—обо всѣхъ этихъ разнообразнѣйшихъ людяхъ. Черточки нѣтъ вялой и дряблой, экспрессія

Правительница царевна Софья Алексѣевна.

Иванъ Грозный и сынъ его Иванъ.

картинѣ всего двадцать казаковъ, но вѣдь это синтезъ всей Сѣчи: кажется, исчезни навсегда Малороссія, останься только эта картина,—и весь украинскій духъ, вся народная стихія украинская сохранятся навсегда для потомства.

„Вѣдь они даже смѣются по-нашему!“ сказалъ одинъ малороссъ. Художнику словно чудомъ далось вмѣстить въ небольшую картину всю квинтъ-эссенцію, всю сущность огромной, богатой народности.

Или его „Государственный Совѣтъ“! Вѣдь даже сюжета нѣтъ никакого: просто сидятъ старики-генералы, всѣ почти въ одинаковыхъ позахъ, — офиціальный, казенный портретъ. А Рѣпинъ и изъ этого создалъ исполинское, рѣпински-мощное. Когда я впервые увидѣлъ картину на выставкѣ въ Таврическомъ дворцѣ, мнѣ показалось, что вдругъ заигралъ

такая, что страшно. Изъ каждой самомалѣйшей морщинки такъ и преть на тебя весь человѣкъ, и ты знаешь всю его подноготную, а вѣдь нарисованы только спина, только затылокъ да лысина. У Рѣпина есть много рисунковъ, гдѣ человѣкъ изображенъ со спины, и, право, эти спины выразительнѣе, чѣмъ лица у иныхъ портретистовъ. Спина старухи-матери въ „Не ждали“ есть предѣлъ изобразительной мощи: въ этой спинѣ столько чувствъ—и радость, и сомнѣніе, и страхъ, и приливъ материнской любви. Только толстовскому генію бывала доселѣ доступна такая мощь тѣлесной выразительности. Сказано: тайновидецъ плоти!

Плоть, какъ отраженіе духа; плоть, преображенная въ духъ; тѣло, претворенное въ душу—здѣсь основа его дарованія.

Конечно, Рѣпинъ—колористъ изумительный и могъ бы щеголять виртуозностью, но вся энергія его мастерства ушла на прозрѣніе

Запорожцы.

Библиотека "Руниверс"

психологическихъ сущностей, на уловленіе человѣческихъ душъ. Эстетику онъ подчинилъ психологіи, и если иные куски его живописи вызываютъ восклицанія восторга,—какъ, напр., intérieur въ той же картинѣ „Не ждали“,—то все же его стихія не здѣсь, а въ ошеломляющей силѣ экспрессіи.

Лица и фигуры людей у него не говорятъ о себѣ, а, повторяю, кричатъ, и кричатъ такъ пронзительно-громко, что былъ бы дикій галдежъ, визготня, какофонія, если бы все это множество криковъ онъ своей титанической властью не сливалъ бы въ единый гармоническій хоръ, не подчинялъ бы единому ритму. Сколько лицъ въ его „Крестномъ ходу“, и каждое страшно-характерно: тысячи человѣческихъ „я“, обнаженныхъ до послѣднихъ предѣловъ, какъ они затормошили бы насъ, ошарашили, если бы всю ихъ пестроту многоликую художникъ могуче не свелъ къ какой-то великой мелодіи, и теперь, когда я не вижу картины, мнѣ вспоминаются не отдѣльныя ея фигуры и лица, а вся ея лирика, вся ея музыкальная сущность.

Сила рѣпинскаго психологизма такая, что самыя сложныя движенія души, неуловимо-утонченныя, доступны и подвластны его кисти. Только развѣ Толстой могъ бы выразить въ словѣ иные жесты, улыбки и позы написанныхъ Рѣпинымъ людей: такъ они многозначительны и богаты оттѣнками. Но его всегда отъ полутоновъ и оттѣнковъ влекло къ стихійнымъ, безмѣрнымъ страстямъ, къ самосожигателямъ и сыноубійцамъ, и замѣтьте: не въ театрально-драматическихъ позахъ, не въ эффектныхъ какихъ-нибудь жестахъ выражалъ онъ все буйство страстей, которыми объяты его персонажи; его „Софья“, напримѣръ, послѣ казни стрѣльцовъ просто стоитъ, скрестивъ руки, безъ всякихъ позъ и гримасъ, просто стоитъ и глядитъ, и все же въ ней высшее выраженіе отчаянія, ярости, гнѣва, такого пыланія души, котораго не погаситъ даже смерть! Она не мечется по своей могилѣ-тюрьмѣ,—волчиха, попавшая въ яму,—она просто стоитъ и глядитъ, и въ этой простотѣ, не-театральности, въ этомъ отвращеніи къ эффектамъ—національное величіе Рѣпина. Русскому искусству враждебна риторика: никакого треску, никакой декламаціи, никакихъ бенгальскихъ огней, все горитъ внутреннимъ пожаромъ, идетъ отъ души къ душѣ въ искусствѣ Толстого, Рѣпина, Сѣрова и Чехова.

И рѣпинское пренебреженіе къ красивости—такая же глубоко-національная черта. Не ждите отъ него элегантности, граціи, для этого онъ слишкомъ громаденъ: странно было бы искать у Льва Толстого романсовъ, серенадъ или рондо. Русская природа вѣдь вся отрицаетъ красивость: въ ней нѣтъ мишуры, декораціи, она знаетъ только одно: красоту. И Рѣпинъ пришелъ къ красотѣ помимо изящества, наперекоръ тривіальной красивости — сквозь уродство, неуклюжесть и грубость, — національнѣйшій изъ русскихъ художниковъ!

Пушкинъ у Брюллова.

Неизданный рисунокъ **И. Е. Рѣпина.**

Пушкинъ для Рѣпина — культъ, старая прочнѣйшая любовь, которую онъ трогательно лелѣетъ. Не по-дилетантски знаетъ онъ жизнь и творенія Пушкина, собираетъ его иконографію, и, когда говоритъ о поэтѣ, въ его голосѣ слышится умиленная нотка.

Однажды И. Е. сказалъ мнѣ, доставая изъ папки портретъ Пушкина, рисованный и гравированный англичаниномъ Райтомъ:

— Обратите вниманіе... что̀ въ наружности Пушкина отмѣтилъ англичанинъ! Голова общественнаго человѣка, лобъ мыслителя. Виденъ государственный умъ...

Дѣйствительно, нельзя лучше характеризовать идею райтовской работы одного изъ лучшихъ портретовъ Пушкина.

Мнѣ пріятно подѣлиться съ тѣми, кто любитъ и цѣнитъ Рѣпина, еще однимъ принадлежащимъ ему изображеніемъ Пушкина, до сихъ поръ нигдѣ не воспроизведеннымъ. Это—рисунокъ перомъ, иллюстрирующій веселый и трогательный эпизодъ изъ послѣднихъ дней Пушкина.

„Сегодня,—читаемъ мы въ запискахъ ученика знаменитаго живописца К. П. Брюллова, А. И. Мокрицкаго, подъ 25 января 1837 г., за два дня до дуэли поэта съ Дантесомъ: — въ нашей мастерской были Пушкинъ и Жуковскій. Сошлись они вмѣстѣ, и Карлъ Павловичъ угощалъ ихъ портфелью и альбомами. Весело было смотрѣть, какъ они любовались и восхищались его дивными акварельными рисунками, но когда онъ показалъ имъ недавно оконченный рисунокъ: „Съѣздъ на балъ къ австрійскому посланнику въ Смирнѣ“, то восторгъ ихъ выразился крикомъ и смѣхомъ.

Пушкинъ не могъ разстаться съ этимъ рисункомъ, хохоталъ до слезъ и просилъ Брюллова подарить ему это сокровище: но рисунокъ принадлежалъ уже княгинѣ Салтыковой, и Карлъ Павловичъ, увѣряя его, что не можетъ отдать, обѣщалъ нарисовать ему другой. Пушкинъ былъ безутѣшенъ. Онъ, съ рисункомъ въ рукахъ, сталъ передъ Брюлловымъ на колѣни и началъ умолять его:

— Отдай, голубчикъ! Вѣдь другого ты не нарисуешь для меня. Отдай мнѣ этотъ.

Не отдалъ Брюлловъ рисунка, а обѣщалъ нарисовать другой. Я, глядя на эту сцену, не думалъ, что Брюлловъ откажетъ Пушкину. Такіе люди, казалось мнѣ, не становятся на колѣни передъ равными себѣ. Это было ровно за четыре дня до смерти Пушкина...

Гибель поэта глубоко опечалила Брюллова. Въ этомъ настроеніи онъ, черезъ два дня послѣ смерти Пушкина, велѣлъ Мокрицкому читать вслухъ его стихи—„и восхищался каждой строкой, каждой мыслью и жалѣлъ душевно о ранней кончинѣ великаго поэта. Онъ упрекалъ себя въ томъ, что не отдалъ ему рисунка, о которомъ тотъ такъ просилъ его“.

Съ своимъ обычнымъ мастерствомъ передалъ Рѣпинъ выраженіе удовольствія, веселости и беззаботности на **умоляющемъ** и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣющемся лицѣ Пушкина.

Н. Лернеръ.

Въ Издательствѣ Т-ва А. Ф. Марксъ готовится къ печати:

И. Е. Рѣпинъ. *„Впечатлѣнія“*. Съ иллюстраціями автора.

Содержаніе: Автобіографія. — Изъ моихъ общеній съ Л. Н. Толстымъ. — Воспоминанія о Крамскомъ.—Ник. Ник. Ге.—Чеховъ, Гаршинъ, Влад. Соловьевъ и др.

Библиотека "Руниверс"

Величайшій въ мірѣ сухой докъ.

(Рис. на стр. 578 и 579).

1 іюля с. г. въ Кронштадтѣ состоялось большое торжество въ Высочайшемъ присутствіи: былъ освященъ громадный новый докъ имени Цесаревича Алексѣя Николаевича, заложенный въ 1908 году.

Этотъ грандіозный докъ вызванъ былъ къ жизни тѣмъ, что съ созданіемъ новыхъ морскихъ гигантовъ—дредноутовъ у насъ не оказалось достаточнаго для нихъ по величинѣ дока. Обновленіе русскаго флота неизбѣжно влекло за собою постройку такого вмѣстилища для починки новыхъ судовъ, которое могло бы соотвѣтствовать ихъ размѣрамъ. Существующіе въ Кронштадтѣ военные доки, Александровскій и Константиновскій, оказались недостаточными для строящихся гигантовъ обновленнаго флота.

Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Императорскія Высочества изволятъ присутствовать на торжествѣ освященія дока.

Работы по созданію Алексѣевскаго дока начались, какъ сказано, въ 1908 году. Такъ какъ въ Кронштадтѣ было слишкомъ мало мѣста для новаго гигантскаго дока, то пришлось отвоевать часть земли у моря. Это была трудная задача: нужно было отнять у морского пространства площадь въ 13.000 квадратныхъ саженъ и построить гигантское сооруженіе тамъ, гдѣ до этого времени плескались пустынныя волны. Вбивали цѣлые ряды свай, засыпали пространство между ними пескомъ, потомъ осушали это пространство, при чемъ все время приходилось вести самую напряженную борьбу съ просачивавшейся водой. Работамъ очень мѣшали водопроводныя трубы городской водопроводной станціи: пришлось отвести трубы въ другое мѣсто, построить новую водопроводную

Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Императорскія Высочества изволятъ обозрѣвать сооруженія дока.

Торжество русскаго флота. Открытіе величайшаго въ мірѣ сухого дока Цесаревича Алексѣя Николаевича въ Кронштадтѣ, состоявшееся въ Высочайшемъ присутствіи 1 іюля с. г. По фот. К. Булла.

Библиотека "Руниверс"

станцію и новый водопріемникъ. Изъ образовавшейся отмели вынули около 46.000 кубическихъ саженъ земли, такъ что образовалась громадная яма. Эта яма превратилась въ исполинскій бассейнъ, куда при помощи сложныхъ машинъ и приборовъ быстро наливается вода и вводится громадный корабль.

По своимъ размѣрамъ новый докъ является самымъ громаднымъ въ мірѣ. Его длина—815 футовъ, и длина эта еще можетъ быть потомъ легко увеличена, потому что боковыя стѣнки проведены далѣе хвоста, и докъ можетъ быть продолженъ съ перерывомъ дѣятельности лишь въ самомъ концѣ работъ по достройкѣ. Ширина дока—120 футовъ (входная часть). Глубина дока такова, что въ него могутъ войти самыя большія суда даже при ненормальномъ погруженіи въ воду (напримѣръ, подбитыя и полупотопленныя). Входное отверстіе заграждается колоссальнымъ желѣзнымъ ботапортомъ вѣсомъ въ 46.000 пудовъ.

Торжество русскаго флота. Открытіе величайшаго въ мірѣ сухого дока Цесаревича Алексѣя Николаевича въ Кронштадтѣ, состоявшееся въ Высочайшемъ присутствіи 1 іюля с. г. Первый пускъ воды въ докъ. По фот. К. Булла.

Около дока помѣщается водоотливная станція съ тремя огромными насосами. Насосы эти имѣютъ въ діаметрѣ 48 дюймовъ, и мощность приводящей ихъ въ движеніе электрической энергіи такова, что они могутъ въ четыре часа выкачать всю воду изъ дока, а докъ вмѣщаетъ 4.200.000 кубическихъ футовъ воды.

Постройка дока съ вспомогательными работами и механическимъ оборудованіемъ обошлась въ 5 милліоновъ рублей. Проектъ дока былъ составленъ подъ руководствомъ бывшаго главнаго инженера кронштадтскаго порта, Б. А. Берга. Строителемъ же дока былъ инженеръ морской строительной части, В. П. Шаверновскій.

День освященія Алексѣевскаго дока знаменуетъ цѣлую эпоху въ нашемъ морскомъ дѣлѣ: только-что освященное новое колоссальное сооруженіе чрезвычайно усиливаетъ значеніе Кронштадта, какъ морской военной базы. Новые дредноуты имѣютъ теперь въ Кронштадтѣ опору и прибѣжище, и тѣмъ понятнѣе то значеніе, которое придано у насъ сооруженію новаго дока, и та торжественность, съ которой онъ былъ освященъ 1 іюля.

Скандинавская поѣздка Р. Пуанкарэ.

(Политическое обозрѣніе).

Послѣ сердечной и торжественной встрѣчи въ нашей столицѣ, упоенный бурными выраженіями горячаго энтузіазма, нашъ союзный дорогой гость Р. Пуанкарэ до возвращенія домой рѣшилъ заѣхать на нѣсколько дней въ Швецію. Визиту этому европейская печать всѣхъ лагерей придаетъ огромное политическое значеніе. Одни со страхомъ и трепетомъ, а другіе съ радостью и надеждой ожидаютъ, что высокопоставленный туристъ, пріѣхавшій въ Стокгольмъ прямо изъ Петербурга, выступитъ какъ бы естественнымъ посредникомъ между обѣими странами и въ качествѣ чрезвычайно авторитетнаго истолкователя открытыхъ ему тайнъ русской политики сумѣетъ разсѣять всѣ недоразумѣнія и ложныя тревоги запуганной германскими агитаторами Швеціи. Президенту Французской республики, конечно, ближе, чѣмъ кому-нибудь другому въ Европѣ, извѣстны миролюбивые планы и замыслы союзнаго ему русскаго правительства. Глава Франціи будетъ говорить не какъ чрезвычайный посолъ Россіи, а какъ достовѣрный и неоспоримо авторитетный свидѣтель ея глубокаго миролюбія и искренней симпатіи къ маленькой сѣверной сосѣдкѣ. Свидѣтельство его будетъ тѣмъ авторитетнѣе, что въ наше время грандіозныхъ международныхъ коалицій политика отдѣльныхъ государствъ по существу положенія уже не можетъ быть совершенно самостоятельной и скрытой отъ ближайшихъ союзниковъ.

Интересы всѣхъ до такой степени переплетаются, что воображаемое, напр., нападеніе Россіи на Швецію было бы очень невыгоднымъ для Франціи и Англіи, такъ какъ отвлеченіе нѣсколькихъ корпусовъ на сѣверъ ослабили бы русскую армію на западной границѣ и тѣмъ нанесли бы громадный ущербъ всему тройственному согласію, точно такъ же, какъ по логичнымъ соображеніямъ для Россіи было бы крайне невыгодной такая же „частная" война союзной Франціи съ Испаніей, или Англіи съ Нидерландами. Пока существуетъ тройственное согласіе, каждый изъ его участниковъ не можетъ затѣвать никакихъ войнъ безъ согласія и одобренія своихъ союзниковъ.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Р. Пуанкарэ располагаетъ слишкомъ неоспоримыми документальными доказательствами самаго миролюбиваго и дружескаго отношенія Россіи къ Швеціи и уже самымъ фактомъ появленія своего въ Стокгольмѣ послѣ петербургскихъ торжествъ убьетъ лживыя химеры о русскомъ нашествіи, распущенныя по вдохновенію изъ Берлина Свенъ-Гединомъ. Со времени искусно локализированной имъ первой балканской войны нынѣшній президентъ Французской республики вполнѣ заслуженно считается однимъ изъ наиболѣе талантливыхъ дипломатовъ Европы. Такъ какъ Франція заинтересована больше всего въ сохраненіи европейскаго равновѣсія, то ея глава, разумѣется, широко использует свою тріумфальную поѣздку въ Россію и Швецію для упроченія мира на сѣверѣ Европы. Въ высшей степени характерно, что самое обнародованіе его маршрута уже оказало замѣтно отрезвляющее вліяніе на шведскихъ шовинистовъ. Тонъ ихъ разсужденій о Россіи сразу сдѣлался совершенно инымъ.

Ультра-консервативная шведская газета „Nya Dagligt" говоритъ: „Если высоко-симпатичный президентъ Французской республики несетъ намъ вѣсть о дружбѣ и мирѣ не только отъ имени своего народа, но также отъ имени великой и процвѣтающей Россіи, мы, конечно, примемъ ее съ величайшимъ удовлетвореніемъ. Мы убѣждены, что она не оставитъ ничего желать въ смыслѣ искренности, и что мы можемъ надѣяться на скорую ея реализацію".

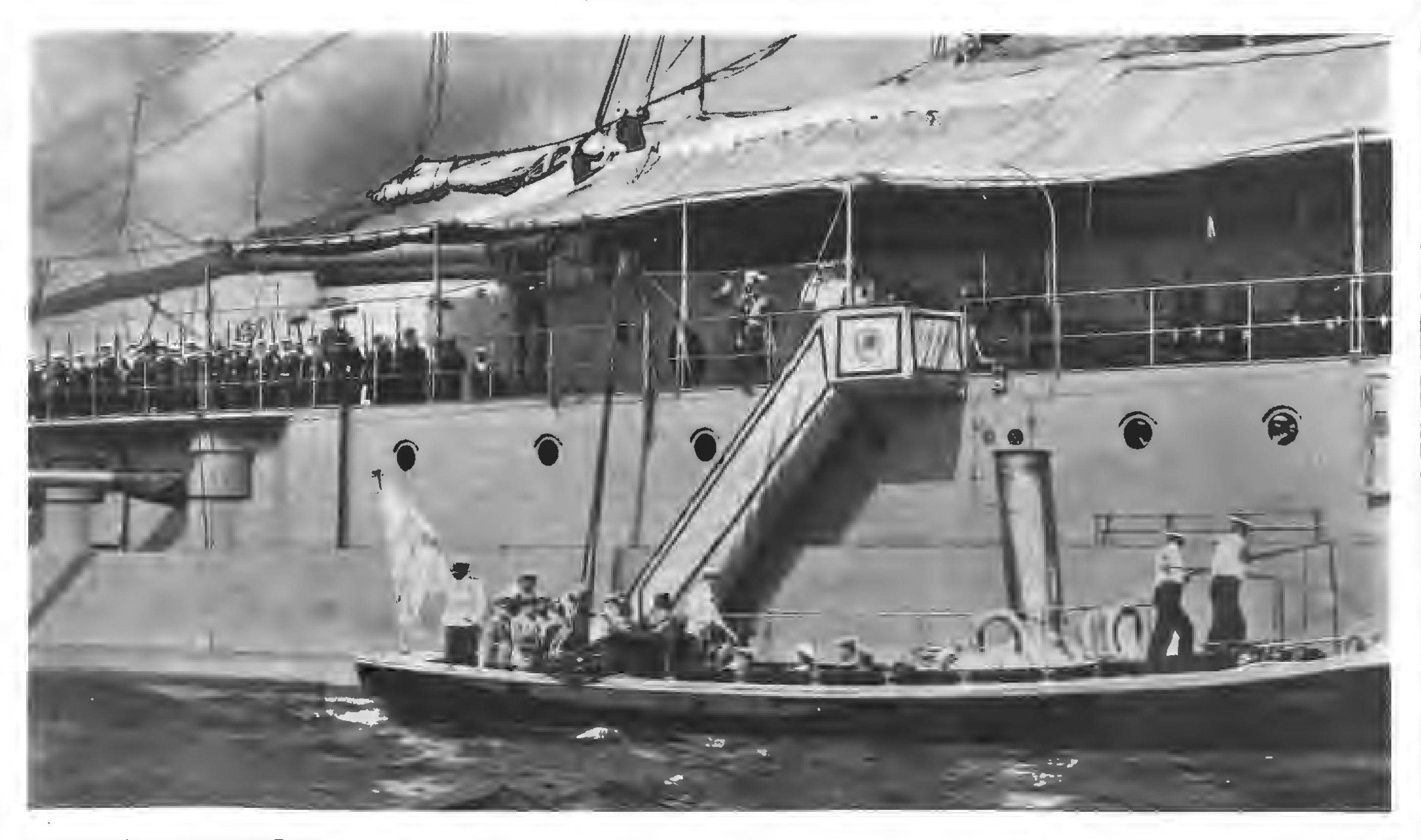
Либеральная шведская газета „Stockgolms Tidningen" говоритъ:

Библиотека "Руниверс"

„Въ Швецiи съ почтительной симпатiей выслушаютъ увѣренiя президента Пуанкарэ въ миролюбивыхъ чувствахъ Францiи по отношенiю къ нашей странѣ. Если Пуанкарэ убѣдитъ насъ, что тѣ же чувства существуютъ и въ Россiи, онъ преисполнитъ насъ радостью, такъ какъ докажетъ, что нынѣшнее французское правительство желаетъ нашей свободы. Единственный руссофобъ въ Швецiи — Свенъ-Гединъ. Шведское правительство, шведскiй риксдагъ и большая часть народа — не враги Россiи, но намъ надо знать, какая опасность можетъ намъ грозить во время европейскаго конфликта, какъ отъ Россiи, такъ и съ другихъ сторонъ". Большая консервативная газета „Stockgolms Dagblad", близкая нынѣшнему правительству, пишетъ по поводу союза между Швецiей и Германiей, что внѣшняя политика Швецiи была до сихъ поръ глубоко лойяльна, и Швецiя сохранитъ, какъ и до сихъ поръ, осторожный и лойяльный нейтралитетъ.

Участiе во враждебныхъ союзахъ подъ прикрытiемъ нейтралитета равносильно открытому нарушенiю послѣдняго, поэтому формальное заявленiе близкаго къ правительству органа объ отказѣ Швецiи отъ союза съ Германiей, сдѣланное послѣ таинственной поѣздки шведскаго короля на совѣщанiе съ императоромъ Вильгельмомъ и покойнымъ эрцгерцогомъ Францемъ-Фердинандомъ, уже звучитъ какъ вѣсть мира и дружбы между двумя сѣверными державами. Пуанкарэ всюду является съ пальмовою вѣтвью мира въ рукахъ, а Германiя, повидимому, безвозвратно утрачиваетъ надежду найти въ лицѣ маленькой Швецiи компенсацiю за потерянную тройственнымъ союзомъ Румынiю.

1) Президентъ Пуанкарэ въ моментъ прибытiя въ Россiю 7 iюля с. г. 2) Прибытiе французской эскадры на Кронштадтскiй рейдъ. Привѣтствiя русскихъ судовъ.



Отбытiе президента Пуанкарэ на Императорскомъ катерѣ „Петергофъ" съ адмиральскаго броненосца „France" для слѣдованiя къ Императорской яхтѣ „Александрiя".

Франко-русскiя торжества. Прибытiе президента Пуанкарэ въ Кронштадтъ 7 iюля с. г. По фот. К. Булла.

Библиотека "Руниверс"

Государь Императоръ и президентъ Пуанкарэ обходятъ почетный караулъ на Петергофской военной пристани.

Слѣдованіе Его Величества Государя Императора и президента Пуанкарэ въ Большой Петергофскій дворецъ.

Франко-русскія торжества.

Франко-русскія торжества, состоявшіяся 7, 8, 9 и 10 іюля въ Кронштадтѣ, Новомъ Петергофѣ, Петербургѣ и Красномъ Селѣ, взволновали весь политическій міръ и обострили въ каждомъ государствѣ именно тѣ политическія чувства, какія оно питаетъ: насколько въ странахъ тройственнаго соглашенія еще громче заговорили голоса о новомъ залогѣ мира Европы, настолько рѣзче забряцали оружіемъ государства тройственнаго союза, возглавляемыя Германіей. Въ печати мѣтко охарактеризованы эти торжества, какъ „серебряная свадьба франко-русскаго союза", и за время 25-лѣтія его существованія, быть-можетъ, ни разу послѣ памятнаго визита президента Феликса Фора въ 1897 г., когда была произнесена во всеуслышаніе историческая формула о двухъ дружественныхъ и союзныхъ народахъ,—не отмѣчалось значеніе франко-русскаго союза такъ ярко, какъ теперь. Это доказываютъ два знаменательныхъ тоста, произнесенныхъ за Высочайшимъ обѣдомъ во дворцѣ въ Новомъ Петергофѣ 8 іюля Государемъ Императоромъ и президентомъ Пуанкарэ.

Государь Императоръ изволилъ сказать:

«Глава дружественнаго и союзнаго государства можетъ быть всегда увѣренъ найти въ Россіи самый теплый пріемъ. Но сегодня удовлетвореніе, испытываемое вслѣдствіе возможности привѣтствовать президента Французской республики, усугубляется тѣмъ, что въ вашемъ лицѣ Мы встрѣчаемъ стараго знакомаго, съ которымъ Я два года тому назадъ имѣлъ удовольствіе завязать личныя отношенія.

Издавна объединенныя взаимною симпатіею ихъ народовъ и общностью ихъ интересовъ, Франція и Россія уже скоро четверть вѣка поддерживаютъ

У Большого Петергофскаго дворца. Прохожденіе церемоніальнымъ маршемъ предъ Государемъ Императоромъ и президентомъ Пуанкарэ почетнаго караула отъ 94-го пѣхотнаго Енисейскаго полка — на флангѣ караула Августѣйшій Главнокомандующій войсками Великій Князь Николай Николаевичъ.

Франко-русскія торжества. Прибытіе президента Пуанкарэ въ Новый Петергофъ 7 іюля с. г. По фот. К. Булла.

Библиотека "Руниверс"

Прибытіе президента Пуанкарэ въ Петербургъ на Императорской яхтѣ „Александрія“. У Царской пристани на Англійской набережной у Николаевскаго моста.

тѣсную связь для успѣшнаго достиженія одной и той же цѣли, заключающейся въ томъ, чтобы охранять свои интересы, содѣйствуя вмѣстѣ съ тѣмъ сохраненію равновѣсія и мира въ Европѣ.

Я не сомнѣваюсь, что, оставаясь вѣрными своему мирному идеалу и опираясь на свой испытанный союзъ, равно какъ и на одинаковыя дружественныя отношенія, наши двѣ страны будутъ продолжать пользоваться благами мира, обезпеченнаго полнотою ихъ силъ, и все болѣе укрѣплять тѣсныя узы, ихъ связующія».

Въ своемъ отвѣтномъ тостѣ президентъ Пуанкарэ сказалъ:

«Около 25 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ оба наши государства въ ясномъ предвидѣніи своихъ судебъ объединили дѣятельность своей дипломатіи. Счастливые результаты этого постояннаго сотрудничества каждый день даютъ себя чувствовать въ міровомъ равновѣсіи. Основанный на общности интересовъ, освященный мирными стремленіями обоихъ правительствъ, опирающійся на арміи и флоты, которые знаютъ и уважаютъ другъ друга и привыкли брататься, укрѣпленный продолжительнымъ опытомъ и дополненный цѣнными дружбами союзъ нашъ, инціатива котораго принадлежитъ славному императору Александру III и президенту Карно, постоянно съ тѣхъ поръ давалъ доказательства своего благотворнаго вліянія и непоколебимой крѣпости. Ваше Величество можете быть увѣрены, что Франція, какъ до сихъ поръ, такъ и впредь, въ тѣсномъ и ежедневномъ сотрудничествѣ со своей союзницей, будетъ трудиться надъ дѣломъ мира и цивилизаціи, на благо которыхъ оба правительства и оба народа не переставали работать».

Послѣ этихъ тостовъ протекли яркіе три дня блестящихъ торжествъ въ честь президента Пуанкарэ, и эти блестящіе союзные дни завершились новымъ подтвержденіемъ тѣсныхъ узъ, связующихъ Россію и Францію, въ двухъ рѣчахъ, произнесенныхъ 10 іюля с. г. за торжественнымъ обѣдомъ на броненосцѣ „Франція“ передъ уходомъ эскадры изъ Россіи. Президентъ Пуанкарэ сказалъ:

„Ваше Величество. Я не хочу удалиться отъ этихъ береговъ, не высказавъ вновь Вашему Величеству, насколько я тронутъ тою любезною сердечностью, которую Вы мнѣ засвидѣтельствовали во время моего пребыванія здѣсь, и тѣмъ горячимъ пріемомъ, который я встрѣтилъ со стороны русскаго народа. Въ знакахъ вниманія, мнѣ оказанныхъ, моя страна увидитъ новый залогъ тѣхъ чувствъ, которыя Ваше Величество всегда обнаруживали по отношенію къ ней, и блистательное подтвержденіе неразрывнаго союза, соединяющаго Россію и Францію. Относительно всѣхъ вопросовъ, ежедневно ставящихся передъ обоими правительствами и требующихъ согласованной дѣятельности ихъ дипломатовъ, постоянно устанавливалось согласіе и будетъ устанавливаться и впредь, тѣмъ болѣе, что обѣ страны неоднократно испытывали выгоды, доставляемыя каждой изъ нихъ этимъ постояннымъ сотрудничествомъ, и что у нихъ обѣихъ одинъ и тотъ же идеалъ мира въ силѣ, чести и достоинствѣ. Я пью за здоровье Вашихъ Величествъ, Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны, Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и всей Императорской Фамиліи. Я пью за славу Россійской Имперіи“.

Отвѣтомъ на эту рѣчь были слѣдующія знаменательныя слова Государя Императора:

„Господинъ президентъ. Принося вамъ благодарность за ваши любезныя слова, Я хочу еще разъ сказать вамъ, какимъ удовольствіемъ было для насъ видѣть васъ въ нашей средѣ. Вернувшись во Францію, вы соблаговолите передать вашей прекрасной странѣ выраженіе вѣрной дружбы и сердечной симпатіи всей Россіи. Согласованная дѣятельность нашихъ двухъ дипломатическихъ вѣдомствъ и братство нашихъ сухопутныхъ и морскихъ вооруженныхъ силъ облегчатъ задачу обоихъ нашихъ правительствъ, призванныхъ блюсти интересы союзныхъ народовъ, вдохновляясь идеаломъ мира, который ставятъ себѣ обѣ наши страны въ сознаніи своей силы. На этомъ прекрасномъ суднѣ, носящемъ славное имя Франціи, Я особо включаю въ свои пожеланія доблестный французскій флотъ, поднимая Мой бокалъ за Ваше здоровье, господинъ президентъ, и за славу и благоденствіе Франціи“.

Франко-русскія торжества. Прибытіе президента Пуанкарэ въ Петербургъ 8 іюля с. г. По фот. К. Булла.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Эдмонда Ростана“ кн. 3.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29 Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

Библиотека "Руниверс"

УГРИ,

прыщи, жиров. выдѣл. и желт. пятна уничтож. БЕЗСЛѢДНО въ 1—2 недѣли МОИМЪ безвредн. ДОМАШНИМЪ средст. Большой флаконъ, съ наставл., хватающ. на все время, высылаю немедл. наложен. плат. за 1 р. 75 к. съ перес. и упак. Получила массу благодарн. со всѣхъ концовъ Россіи. Предлож. моему прошу вѣрить, оно ИСКРЕННО и ЧЕСТНО. Адресъ: Москва, Долгоруковская ул., № 11, кв. 9—3; Марія Е. Чурбанова. 3186 4-1

2950 ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ 12-5

БУХГАЛТЕРІИ

И КОММЕРЧ. ЗНАНІЙ

Условія и пробн. лекціи безплатно. Адресъ:

Я. Ю. МАРКЪ, г. ЛИБАВА.

Фотографич. снимк., подобно нашим по исполненію, не получите **ни у кого!!** Роскошн. каталог с **2000** захватыв. артистическ. миніатюр высылаем **только по полученіи 95 коп.** почтов. рус. марк. Корресп. на русск. яз. Charles Wohll, Paris XV-e, Boite de com. A 29. 3-2 3129

2293 20-4

Sarg'a

KALODONT - КАЛОДОНТЪ

необходимый

ЗУБНОЙ КРЕМЪ и ЭЛИКСИРЪ

2483 19-8

ПРОЧЬ ЛОЖНЫЙ СТЫДЪ.

Я благословляю судьбу, доставившую мнѣ возможность испытать на себѣ могучую силу „Біола-Ласлей". Всего лишь послѣ трехъ недѣль я словно переродился, аппетитъ увеличился, безсонница исчезла, и головныя боли совершенно прекратились, нервная система укрѣпилась. Сознавая, что всему этому я обязанъ только „Біолу-Ласлей", прошу при первой возможности напечатать это письмо, подписавъ его моимъ полнымъ именемъ, дабы другіе, отбросивъ ложный стыдъ, воспользовались этимъ чудодѣйственнымъ средствомъ. Кіевъ, 19 сент.

Г. В. Рафаловичъ.

Если Вы страдаете общею и половой неврастеніей, головными болями, безсонницей, малокровіемъ, дурными привычками и ихъ послѣдствіями, робостью и слабой памятью, послѣдствіями дурныхъ бол.; если вы нервны, раздражительны, переутомлены,—спросите въ аптекѣ коробку „Біола", но только настоящаго „Біола-Ласлей", Вы получите такіе же блестящіе результаты, какъ г. Рафаловичъ. Это извѣстное средство противъ неврастеніи, которое совершенно безвредно. 3162

3129 19-3

Инженерное училище въ Мангеймѣ (Германія).

Субсидируемое городомъ высшее спеціальное техническое учебн. заведеніе по 3070 26-3

машиностроенію, электротехникѣ, литейн. и металлургическому дѣлу.

Программы высыл. безплатно.

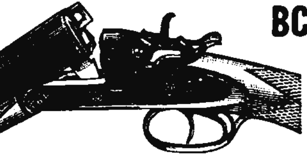
Электрическій аппаратъ для разрушенія волосъ.

Фирма Л. М. Багинскій выступила съ замѣчательнымъ изобрѣтеніемъ. Дамская борода и нежелательная волосатость тѣла безслѣдно уничтожаются съ корнемъ. Аппаратъ приводится въ дѣйствіе при помощи нажатія кнопки, и сейчасъ же волосы выпадаютъ, и корни погибаютъ. Новый волосъ не можетъ болѣе вырасти на томъ мѣстѣ. За полный успѣхъ фирма ручается возвратомъ денегъ. Аппаратомъ можетъ пользоваться всякій безъ какого-либо подготовленія. Стоимость его 5 р., лучшаго качества 8 р. Съ заказами обращаться къ спеціалисту: Л. М. Багинскій. Рига, 45, Романовская ул., № 29.
2965 (Институты въ Берлинѣ и въ Парижѣ). (7)

А. БИТКОВЪ

МОСКВА, Лубянка, 8-20. ВСЕ ЛУЧШЕЕ

ВСѢ НОВОСТИ МІРА



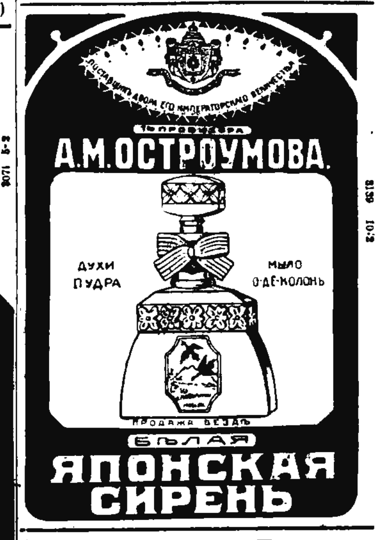
ДЛЯ ОХОТЫ, СПОРТА И ПУТЕШЕСТВІЙ.
КОЛОССАЛЬНЫЙ ВЫБОРЪ.
УМѢРЕННЫЯ ЦѢНЫ.
Требуйте расцѣнку

3071 5-3

ГРЫЖА

Примѣните усовер. анатомо-пневматич. бандажъ безъ пружинъ д-ра МАРКОНИ, и вы изб. отъ мучит. страдан. Выс. нал. пл. Высш. кач. 7 р.; дв. 12 р. 50 к. Указать сторону и длину пояса отъ больн. паха до этого мѣста круг.; для двухст. отъ одного паха до другого. Паховая или мошон. СПБ., Пушкинская, № 11, кв. 6. отд. 21. ЗЕМСКЕРУ. Тел. 223-14. 2293

2657 6-3



3139 10-2

Премиров. наивысш. наградами.

Всемірно извѣстн. питомникъ пород. собакъ

Arthur Seyfarth,

KÖSTRITZ, 43. Германія. Основ. въ 1864 г.

3159 Продажа всѣхъ видовъ модныхъ

ПОРОДИСТ. СОБАКЪ

чистокровныхъ, начиная отъ миніатюрной комнатной собачки и кончая громадн. сторожевой, а также и всѣхъ породъ **ОХОТНИЧЬИХЪ.** Гарант. наилучшія качества. Пересылка во всѣ мѣстности, съ ручательствомъ за доставку въ здоровомъ состояніи во всякое время года. Роскошн. иллюстр. альбомъ съ обознач. цѣнъ и описаніемъ породъ высылается по полученіи 1 р. 50 к. (можно почт. марками).

Поставщ. мног. европ. Дворовъ.

LOTION DEQUEANT

ВОЛОСЫ
БОРОДА
БРОВИ
РѢСНИЦЫ

Умыванiе Людвига Деканъ. Средство для рощенія волосъ, прекращаетъ выпаденіе, предупреждаетъ сѣдину, возвращаетъ первоначальный цвѣтъ, безъ употребленія краски, во всякомъ возрастѣ и во всѣхъ случаяхъ. *Свѣдѣнія безплатно.* Высылается безвозмездно извлеченіе изъ Отчета, принятаго Академіей Медицины въ Парижѣ. Письменно и лично: L. DEQUEANT, Ph^ien, 38, rue Clignancourt, Paris. Остерегаться многочисленныхъ подражаній и поддѣлокъ. *Продается вовсѣхъ лучшихъ магазинахъ.*

МАРКИ

для коллекцій

даром обширный каталог 3134

В. А. Зольманъ, Рига.

Библиотека "Руниверс"

Министерство Торговли и Промышленности. **СЧЕТОВОДНЫЕ КУРСЫ**
Московскаго Общества Распространенія Коммерческаго Образованія.
Открытъ пріемъ прошеній на основной и спеціальный семестры; начало занятій 9-го Сентября. Принимаются лица обоего пола, всякаго образованія. Слушатели Курсовъ имѣютъ право посѣщать эпизодическія лекціи, читаемыя **профессорами московскаго коммерческаго института.** На спеціальномъ семестрѣ преподаются: счетоводство фабричное, банковое, земское и кооперативное. Обученіе **каллиграфіи, стенографіи** и **работѣ на пишущихъ машинахъ.** Свѣдѣнія и программы высылаются за пять 2-хъ копеечн. марокъ, краткій проспектъ—безплатно. Адресъ Канцеляріи: Москва, Стремянный пер., помѣщ. Московскаго Коммерческаго Института. 3168

КУРСЫ

общед. **ЗАОЧНЫЕ** ком. самообр. ПРОГР.: 2-ая итальянск. и американская **БУХГАЛТЕРІЯ** **СТЕНОГРАФІЯ** (искусство писать со скоростью рѣчи), коммерч. ариѳметика, коммерч. корреспонденція, ком. географія, товаровѣдѣніе. **Курсъ правоп. КАЛЛИГРАФІИ, контор скоропись, ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА. БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ** (труды професс. и препод. высш. и средн. учебн. завед.). **Отзывы спец. благ. письма. АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА.** Льготн. условія: рассрочка отъ 2 руб. **Программы и пробныя лекціи высылаются БЕЗПЛАТНО.** Адресъ: Книгоиздательство „Кругъ Самообразованія".—С.-Петербургъ, НЕВСКІЙ, д. 57—11.

ГИТАРА

И МАНДОЛИНА. Заочн. уроки безплатно. Тюмень, Тоб. г., Афромѣеву. 3178

ФОТО

гр. снимки парижск. красавицъ для **любителей:** новый каталогъ на 1914 годъ съ подробн. описан. серій высыл. въ закр. письмѣ по получ. 2×7 к. марокъ. Адр. **М. ЛИПМАНОВИЧЪ,** Лодзь 5, ящ. **526.** 3148 8-2

Почтовыя марки

20.000 разныхъ, настоящихъ съ гарантіей высылаю по желанію коллекціонерамъ для выбора со скидкой 25—60%. **А. Вейссъ,** Вѣна, Австрія. I. Адлергассе, 8. 12-1 3172

ГЕМОРРОЙ хотя бы самой сильной степени у мужч. и женщ. вылѣч. навсегда въ 10 дней испыт. вѣрн. средст. мазь „**Геморенъ**" проф. „Гучардъ", Парижъ. Цѣна 1 банки съ перес. 2 р. 50 к., высыл. нал. плат. Адр. Главн. Представ. Блюштейнъ, Лодзь, **Каменная, 3. Н.** 3051 5-4

Большой заработокъ— руб. 50 и больше въ недѣлю предлагается всѣмъ и каждому, безъ затратъ и особыхъ знаній. Обращаться письменно въ к-ру объявленій 3174 **Л. ШАБЕРТЪ, Москва, Маросейка, 9. С. 44.**

АТТЕСТАТЪ Университета, золот. медали за почерки учениковъ. Въ **15 уроковъ научаю заочно красиво и скоро писать.** За 5 семик. марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условія. Одесса. Профес. Каллиграф. Адольфъ **КОССОДО,** Дерибасовская, д. № 19.

Саксонія, Герм.

ТЕХНИКУМЪ МИТТВЕЙДА

Директоръ: Профессоръ А. Гольцтъ. Высшій техническій институтъ для электротехники и машиностроенія. Спеціальныя отдѣленія для инженеровъ и техниковъ. **Электротехническая и механическая лабораторія. Учебныя мастерскія.** Старый и извѣстн. институтъ. Программы и пр. свѣд. высыл. безплатно **канцеляріей.** 3158

ДАМСКІЯ БОРОДЫ.

Только отъ примѣненія нашего новаго американск. способа, рекомендован. врачами, всякій нежелательный ростъ волосъ **тотчасъ** исчезаетъ **безболѣзненно** и **безслѣдно навсегда,** благодаря разрушенію корней. Самостоятельное примѣненіе. Гарантія: въ случаѣ неуспѣха, деньги обратно. Цѣна 2 р. 50 к. налож. плат. Химико-Косметич. Институтъ, „Д-ръ Балловицъ и К-о" въ Ригѣ, А. В. Фабрики въ Берлинѣ и въ Парижѣ.

Неврастенія

у мужчинъ. Ея причины, сущность и лѣченіе. Сочиненіе удостоено наградъ и составлено на основаніи новѣйшихъ данныхъ науки. 228 стр. съ рисунк. Полезное руководство для излѣченія. **Цѣна 60 коп.** (можно русскими почтовыми марками). 1466 Адресъ: (35) **Швейцарія, Женева 567, Genève 567. Dr. med. Rumler.**

ОТКРЫТКИ художеств. посл. новости

выс. нал. пл. Цѣна за 100 шт.	Р.	К.
Глянцев.: парочки и др.	2	—
Клейнъ: цвѣты и фрукты	2	50
Бромъ: копіи, головки и др.	3	—
Австрійскія: дѣтскія	3	—
Виды: Малороссіи и др.	3	50
Тукъ: Ландшафты и др.	3	50
Бромъ краш.: головки и др.	4	—
Роммель: цвѣты и фрукты	4	—
Третьяковск. галл.: въ краск.	4	—
Англійскія: головки и др.	5	—
Польскіе художн.: въ краск.	5	—
Русскіе художн.: въ краск.	6	—

Поздравит.: въ 2 р., 2 р. 50 к., 3 р. и др. 3165 Тысячами—10% ск. СПБургъ, 10 1. **10 рота, № 10/4 И. РОЗОВСКІЙ.**

3140 10-2

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАЯ КРАСОТА.

Какъ поэты, такъ и художники поочередно прославляли красоту женщины; однакожъ съ самыхъ дальнѣйшихъ временъ происходили уже пренія о томъ, что именно въ данномъ случаѣ сильнѣе дѣйствуетъ на воображеніе: красота ли чертъ лица, или же красота линій.

И вотъ вообразите себѣ, сударыни, что изъ 20 женщинъ, по крайней мѣрѣ, 15 было красивыхъ, въ то время, какъ лишь двѣ изъ этого количества отличались чистотой линій тѣла.

Греческія красавицы, которыхъ по справедливости считаютъ стоящими на высотѣ совершенства, мѣриломъ своей красоты считали не красоту чертъ, а чистоту формъ; греческія же статуи, сохранившіяся отъ тѣхъ временъ и служащія нынѣ предметомъ нашего восторга, чаруютъ насъ именно этой безупречностью формъ. 3160

Констатируя это, мы не станемъ удивляться тому, что столько женщинъ стараются развить свои линіи и достигнуть той красоты, каковою, увы, ихъ часто природа такъ скупо одаряетъ.

Въ особенности бюстъ женщины рѣдко достигаетъ надлежащаго развитія; не удивительно поэтому, что всегда существовали разнообразныя болѣе или менѣе подходящія средства для развитія бюста.

Однакожъ какъ мало дѣйствительныхъ средствъ среди нихъ. Счастье, если какое-либо изъ нихъ окажется безвреднымъ для здоровья. Наши читательницы, какъ женщины интеллигентныя, несомнѣнно, желали бы примѣнять испытанное и въ то время всѣми признанное средство. Среди нихъ лишь одно отличается рѣдкой цѣнностью: это пилюли „Marbór".

И вотъ пилюли „Marbor", достигшія нынѣ полувѣкового успѣха, соединяютъ въ себѣ всѣ качества, необходимыя какъ для развитія и упругости бюста, такъ и для укрѣпленія здоровья.

Онѣ-то дѣйствуютъ съ одинаковымъ успѣхомъ какъ у молодыхъ дѣвушекъ, отличающихся быстрымъ ростомъ, такъ и у молодыхъ женщинъ, слишкомъ худощавыхъ; онѣ также весьма рекомендуются молодымъ женщинамъ, истощеннымъ слишкомъ продолжительнымъ періодомъ кормленія.

Дѣйствіе пилюль на бюстъ нисколько не вліяетъ на фигуру, нечего поэтому опасаться испортить таковую. Пилюли „Marbor" вліяютъ на развитіе и упругость бюста, которыя, не будучи искусственн., удерживаются и по окончаніи лѣченія.

Въ виду всего этого, считаемъ долгомъ своимъ обратить вниманіе нашихъ читательницъ на этотъ необыкновенный продуктъ.

Пилюли „Marbor" J. Ratié, Pharmacien 5. Passage Verdeau Paris. Исключительная продажа на всю Россію: Леонъ Бернгардтъ и Сынъ. Варшава, Варецкая, 9.

Можно получить также въ аптекахъ и въ болѣе крупныхъ аптекарскихъ магазинахъ.

3147 13-2

ХОДИ ПРЯМО! НЕ СГОРБИВШИСЬ! 3119 13-2

„РЕЛКЕБЪ" даетъ прямую величественную воинскую выправку, расширяетъ грудь и замѣняетъ подтяжки. Указать объемъ груди подъ мышками. Цѣна 3 р. 60 к. наложен. платежомъ съ пересылкой и упаковкой. Треб. безплатно иллюстр. каталогъ фабр. „Релкебъ 10", г. Ревель.

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО. **КАЛЛИГРАФІЯ** 6 отдѣл. Рондо, Готикъ, Батардъ и пр., 206 рис и черт. въ текстѣ, маніщи альбомъ шрифтовъ, транспорант. и тетради-черт. Новѣйш. самоучит для исправл почерка въ короткій ср Главн. вним. обращ. на конторск. скоропис. **Цѣна** за полн курсъ съ прилож. и перес. 1 р. 50 к. **ПРАВОПИСАНІЕ русск.** яз. Новѣйш. руковод. для самообраз., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч больш форм 330 стр убористн. шрифт **Цѣна** съ перес **1 р 50 к.** **СЛОВАРЬ** коммерч. словъ и термин., употребляем. въ коммерч мірѣ. **Цѣна** съ перес. 1 р. **ТАБЛИЦЫ** для быстраго вычисленія безъ помощи счетовъ и бумаги, значительно сокращ. трудъ бухгалтер и конторщ. и вычисления на счетахъ на всѣ 4 дѣйствія арием **Ц. 40 к.** съ пер **СПРАВОЧНИКЪ** какъ поступить на службу въ казен., обществ. и частн. учр., формы прошен. и писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу **Цѣна** съ перес. 1 руб. При посылкѣ налож. плат. дороже на 25 коп. Адр. Книгоизд. **«КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ»—С.-Петербургъ.** Невскій, д. 57—3.

Д-ра **ШИНДЛЕРЪ-БАРНАЙ**

„Маріенбадскія Редукціонныя Пилюли" противъ

ОЖИРѢНІЯ

и отличное слабительное средство.

Настоящая упаковка въ коробкахъ краснаго цвѣта съ описаніемъ способа употребленія. Продажа во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. 3040 46-13

Состоящее подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя **АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА**

Общество для распространенія коммерческихъ знаній.

С.-Петербургъ, Невскій пр., 56, д. Г. Г. Елисѣева, Телеф. 426-49.

3145 3-2

Подробныя свѣдѣнія и программы выдаются и высылаются безплатно. Занятія начинаются 12 сентября.

КОММЕРЧЕСКІЕ КУРСЫ (ВЫСШІЕ)

Принимаются лица обоего пола. Окончившіе курсы рекомендуются на мѣста.

Завѣдывающій Курсами, заслужен. проф., д. с. с. В. Г. Яроцкій.

СЧЕТОВОДНЫЕ КУРСЫ.

Курсы новыхъ языковъ. Классъ пишущихъ и др. конторскихъ машинъ и принадлежностей, оборудованный Товариществомъ Ж. Блокъ.

Предсѣдатель Общества **Гр. Гр. Елисѣевъ.**

„Тамбовскій Случай" мин. 1 д. А. Грабины. Цѣна 50 к. Лучшая изъ соврем. 1-актн. комедій. 317

●60 до 500 руб. въ мѣсяцъ● заработка, принявъ нашу агентуру, свѣдѣнія и условія высылаются безплатно. Адр.: Импортъ, **А. Г. МЯГГИ,** г. **Ревель, 36.**

Библиотека "Руниверс"

К ЗАОЧНЫЕ, САМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ И ПРОЧИХЪ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ

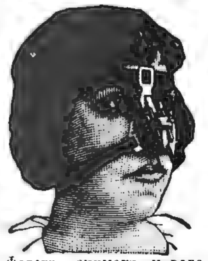
С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ

МОСКВА, Староконюшенный, д. Курилко. 7

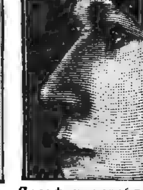
АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА. РУЧАТЕЛЬСТВО ВЪ УСПѢХѢ. ТЫСЯЧИ БЛАГОДАРН.

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО УСЛОВІЯ ИЗУЧЕНІЯ КОММЕРЧЕСК. НАУКЪ ПО ПИСЬМЕННЫМЪ ЛЕКЦІЯМЪ, ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.

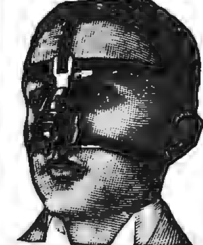
2924 16-12



До употребл.

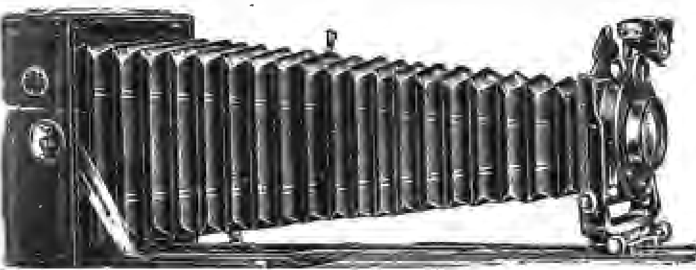


Послѣ употребл.



НОСОВОЙ ФОРМОВЩИКЪ!

Фотогр. снимокъ новаго **„Целло", модель № 16.** Этотъ геніально конструированный аппаратъ исправляетъ всякую форму носа (за исключ. костныхъ недостатк.). Горячо рекомендованъ между проч. **корол. надворнымъ совѣтникомъ профес. мед. фонъ-Экъ.** Цѣна **2 р. 70 к.,** съ точнымъ регуляторомъ — **5** р., такого же съ каучукомъ — **7** р. Высыл. налож. плат. До сихъ поръ разослано 60.000 штукъ. Закажите, указывая недостатокъ, непосредственно **спеціалисту: Л. М. Багинскій въ Ригѣ 45, Романовская ул., № 29.** Отдѣленія въ Берлинѣ и Лондонѣ. 240 (7)



Разсрочка платежа

отъ 2 руб. въ мѣсяцъ.

Не затрачивая сразу много денегъ, всякій заслуживающій довѣрія можетъ пріобрѣсти лучшіе заграничные

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ,

уплачивая стоимость небольшими ежемѣсячными взносами. Цѣны на аппараты, объективы и принадлежности внѣ конкурренціи.

Иллюстрир. прейсъ-курантъ высылается за 14 к. марками.

Фотографическое Депо Я. А. Вейденбаумъ.

3146 С.-Петербургъ, Коломенская, № 10 отд. 7. 4-2

КАКЪ МОДНЫЙ ЧУЛОКЪ" НОСОКЪ

ИЗГОТОВЛЯЕТСЯ ДЛЯ МАССОВАГО ПРОИЗВОДСТВА И ДЛЯ СЕМЕЙНАГО УПОТРЕБЛЕНІЯ ПРИ ПОМОЩИ АВТОМАТИЧЕСКОЙ БЫСТРО-ВЯЗАЛЬНОЙ МАШИНЫ ВИКТОРІЯ

Т-ва ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и К°

Госуд. Марка Отд. Дпт. Торг. и Мануф. за № 28012.

ТРЕБУЮТСЯ

немедленно въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и во всѣхъ частяхъ имперіи мужчины и женщины для легкой работы у себя на дому. Предварительныхъ знаніи не требуется. Пріемка работы гарантируется контрактомъ.

Мы предлагаемъ каждому 50—100 р. въ мѣсяцъ въ теченіи круглаго года. Разстояніе не служитъ препятствіемъ. Болѣе 200 благодарственныхъ отзывовъ изъ разныхъ частей имперіи.

Требуйте безплатно условія и иллюстрированный проспектъ.

Т-во Вязальныхъ Машинъ ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ КЮНАУ и К°

МОСКВА, Красныя ворота, домъ Афремова. Отд. 11.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій просп., 42-44. Отд. 11.

3074 6-3

Продолжается подписка на 1914 г. на журналъ

ДЛЯ ДѢТЕЙ СРЕДНЯГО ВОЗРАСТА

„ПРОТАЛИНКА".

Въ журналѣ участвуютъ: Л. Авилова, Н. Асѣевъ, К. Афанасьевъ, В. Ахрамовичъ, Е. Булгакова, проф. С. Н. Булгаковъ, В. Вахтеровъ, С. Дурылинъ, Н. Крашенинниковъ, С. Покровскій, М. Пришвинъ, С. Розановъ, А. Серафимовичъ, Е. Сергѣева, Н. Телешовъ, гр. А. Толстой, Е. Торнеусъ, И. Шмелевъ и др. 3133

Подписчики журнала получатъ: **12** кн. журнала въ объемѣ 4-5 листовъ больш. формата. **12** кн. приложеній въ объемѣ 3-5 листовъ меньш. формата. **12** худож. репродукцій съ картинъ соврем. и старин. мастеровъ на мѣловой бумагѣ.

Отд. прилож. — большая повѣсть „Трюгге и его мать" въ объемѣ 7 листовъ больш. формата.

Подписная цѣна на журналъ—4 р. въ годъ съ доставкой и пересылкой.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской и въ другихъ мѣстахъ.

Ред.-издательница *Е. С. Чоловская.* Редакторъ *А. П. Печковскій.*

ИДЕАЛЬНЫЙ ПОЯСЪ

ПРОТИВЪ ОЖИРѢНІЯ.

ПРЕДУПРЕЖДАЕТЪ БРЮШНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ. СПОСОБСТВУЕТЪ ПРАВИЛЬНЫМЪ ОТПРАВЛЕНІЯМЪ ЖЕЛУДКА И КИШЕЧНИКА. ВЫЗЫВАЕТЪ ХОРОШЕЕ САМОЧУВСТВІЕ. ЯВЛЯЕТСЯ ЗАЩИТОЙ ПРИ ЧРЕЗМѢРНОМЪ ФИЗИЧЕСКОМЪ НАПРЯЖЕНІИ. СОЗДАЕТЪ КРАСИВУЮ ФИГУРУ И ЭЛЕГАНТНУЮ ПОХОДКУ.

Анатомическій поясъ д-ра НАМИ

НЕОБХОДИМЪ ВСѢМЪ МУЖЧИНАМЪ, въ особенности начинающимъ полнѣть, страдающимъ ожирѣніемъ и болѣзнями желудка, кишечника и почекъ. Онъ рекомендуется, какъ предохранительный поясъ при всѣхъ видахъ спорта.

Онъ утончаетъ талію, сокращаетъ бока и животъ, почему онъ незамѣнимъ элегантнымъ мужчинамъ, желающимъ сохранить красоту фигуры и изящную походку.

Весь поясъ цѣликомъ вытканъ на особыхъ станкахъ. Онъ изготовляется изъ совершенно новой, спеціальной, эластичной ажурной ткани, очень практичной въ ношеніи и не задерживающей испаренія. Поясъ легокъ, удобенъ и гигіениченъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ немъ устранены всѣ недостатки всѣхъ существующихъ мужскихъ поясовъ и корсетовъ.

Анатомическій поясъ д-ра Нами оказываетъ постоянную раціональную поддержку брюшнымъ органамъ, иммобилизируетъ ихъ въ правильномъ анатомическомъ положеніи, не стѣсняя при этомъ ихъ функцій.

ЕГО НОШЕНІЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ДЛЯ СОХРАНЕНІЯ ЗДОРОВЬЯ И НЕОБХОДИМО ДЛЯ ЭЛЕГАНТНОСТИ ТУАЛЕТА.

Исключит. продажа въ Отдѣлен. парижск. фирмы.

А. КЛАВЕРИ,

МОСКВА, ПЕТРОВКА, 8, отд. Н. 34. 3170

Иллюстриров. каталогъ высыл. безплатно.

ДАМСКІЕ НАРЯДЫ:

платья, капоты, бѣлье, корсеты, чулки, а также обувь, хозяйствен. и канцелярскія принадлежности и массу прочихъ интересныхъ предметовъ Вы найдете въ нашемъ богато иллюстрированномъ прейсъ-курантѣ, который **разсылается всѣмъ желающимъ безплатно.** Все модно, элегантно и доступно.

3167 УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ 2-1

ПАВЕЛЪ ОБОИМОВЪ, Москва, Тверская, № 30—12.

СЛѢДУЕТЪ ОБРАТИТЬ ВНИМАНІЕ НА НОМЕРЪ И НА ФОТОГРАФІЮ ФАБРИКИ.

Висмаль Д-ра Вейля

лепешки пріятнаго вкуса; очищаетъ и укрѣпляетъ кровь, регулируетъ отправленія желудка и этимъ излѣчиваетъ:

Нервность,
Нервное переутомленіе,
Головныя боли,
Болѣзни печени и желчныхъ дорогъ,
Геморрой.

Новая жизнь. Новыя силы.

Рекомендуется врачами и первоклассными авторитетами.

Настоящій только тогда, если каждая коробка снабжена № 446, утвержденнымъ русской врачебной управой и съ фотографическимъ снимкомъ фабрики.

Научную брошюру А. В. XXVI высылаетъ безплатно: Генеральный представитель для Россіи франкфуртской химической фабрики;

Провизоръ Адольфъ Вайнштейнъ, Варшава, Фоксаль, 13. 3166 7-1

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ НЕГОДНЫХЪ ДЕШЕВЫХЪ ПОДДѢЛОКЪ И ПОДРАЖАНІЙ.

Библиотека "Руниверс"

ГОНОРРЕЯ

въ острой и хронической формѣ какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ быстро (въ нѣсколько недѣль) совершенно вылѣчивается «АРМАТИНОМЪ», разрѣшеннымъ Медицинскимъ Совѣтомъ за № 508, какъ радикальное средство при заболѣваніяхъ гонорреей въ обѣихъ ея формахъ со всевозможными ея осложненіями и послѣдствіями, какъ-то: воспаленіе мочевого канала, пузыря, предстательной железы, суженіе канала, воспаленіе (опуханіе и затвердѣніе) яичекъ, колотья и боли въ ногахъ, рукахъ, спинѣ, пахахъ (гоноррейный ревматизмъ) и пр. Арматинъ совершенно безвреденъ для организма и хорошо переваривается желудкомъ. При лѣченіи Арматиномъ не требуется никакихъ спринцеваній, прижиганій, промываній, бужированій и т. п. Лѣченіе имъ заключается только въ глотаніи капсюлей, такъ что всякій можетъ вести лѣченіе при любой обстановкѣ и работѣ. Въ теченіе семи лѣтъ Арматинъ примѣнялся съ поразительнымъ успѣхомъ къ больнымъ обоего пола, страдавшимъ десятки лѣтъ этимъ недугомъ. Арматинъ всегда даетъ желанный результатъ, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленныя благодарственныя письма, полученныя мной отъ вылѣчившихся больныхъ. Всякій желающій можетъ удостовѣриться въ подлинности этихъ писемъ, просмотрѣвъ ихъ лично. Вмѣстѣ съ Арматиномъ высылается обязательство съ собственноручной подписью о возвратѣ денегъ, затраченныхъ за Арматинъ, въ случаѣ неизлѣченія. Для полнаго курса лѣченія требуется не болѣе 10 кор., но больные большею частію излѣчиваются по принятіи 6-ти кор. Арматинъ охотно рекомендуется врачами, ибо онъ дѣйствуетъ быстро и радикально. Кромѣ того, лѣченіе Арматиномъ обходится несравненно дешево. Цѣна 1 кор. 1 р. 75 к., 2 кор. 3 руб. Высылается повсемѣстно налож. платежомъ. Въ Сибирь и Средн. Азію высылается по полученіи задатка. Присылающіе стоимость заказа впередъ за пересылку не платятъ. Адресъ:

МОСКВА, Уланскій пер., д. 21, кв. 117. А. Я. АКУЛІАНЦУ.

Продажа также въ аптекахъ и аптек. магазинахъ.

ЧТО ПИШУТЪ ВЫЛѢЧИВШІЕСЯ БОЛЬНЫЕ ОБЪ „АРМАТИНѢ“.

„М. Г. Покорнѣйше прошу не отказать выслать 6 кор. Вашего Арматина противъ гонорреи, которымъ страдаю уже 7 лѣтъ. Обращаюсь къ Вамъ по совѣту двухъ моихъ знакомыхъ, которые страдали по 10 лѣтъ хронич. гонорреей и совершенно излѣчились Арматиномъ. Съ соверш. почтеніемъ пребываю М. А. А. г. Луганскъ, 22/2—1913 г.“.

„Милостивый Государь, господинъ Акуліанцъ. Шлю Вамъ искреннюю благодарность за Вашъ препаратъ Арматинъ. Послѣ употребленія 2 кор. я вполнѣ излѣчился, о чемъ свидѣтельствуетъ анализъ мочи, который былъ сдѣланъ, спустя мѣсяцъ послѣ принятія курса лѣченія Вашимъ средствомъ. Прошу Васъ выслать 2 кор. для моего товарища. Уважающій Васъ М. Н. К. Старая Бухара, 20 января 1913 г.“. 2630 (6)

Разр. Кіевск. учебн. окр. курсы

БУХГАЛТЕРІИ

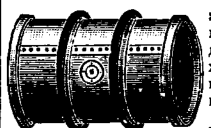
2849 (существуютъ съ 1894 г.) 10-6

скоро и основательно выуч. всякій лично и посредст. переписки, вполнѣ замѣн. устное преподав. Условія высыл. безплатно.

А. П. БОБЫРЬ, Кіевъ.

Ни хищеній! Ни утечки! Ни ремонта!

БОЧКИ



желѣзныя, оцинкованныя, луженыя, для перевозки и храненія спирта, керосина, масла, кислотъ и пр., изготовляетъ заводъ **Г. РЮЛИНГЪ.** Москва, Мясницкая, Кривоколѣнный, 3. (13) Прейсъ-курантъ безплатно. 8760

Подлинныя почт. марки иностран. миссій. Гарантировано не сортированныя, продаются на вѣсъ. Требуйте поясненій у Р. Беканнъ, Директора миссіон. почт. марокъ, 14, ул. Редутъ, Тулуза (Франція).

БУХГАЛТЕРІЯ и коммерч. образов. **Заочные КУРСЫ** по самой обширной программѣ **СТЕНОГРАФІЯ. АТТЕСТАТЪ.** **ЦѢННЫЯ ПРЕМІИ.** Разсрочка. Проспектъ безплатно. С.-Петербургъ, „КОММЕРЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ“.

Библиотека "Руниверс"

1914 г.
№ 30.
Выданъ 26 Іюля 1914 г.

XLV г. изданія

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. А. Н. Майкова" кн. 5.

Требуйте **КОНЬЯКЪ ШУСТОВА** Вездѣ.
1743 30-19

НЕ КУРИ!
Желающимъ бросить курить высылается безплатно проспектъ, указывающій путь, какъ избавиться отъ этой вредной привычки. Москва, Уланскій пер., д. № 30—4.
П. КОМИСАРЕНКО.
888

Thüringisches
Technikum Jlmenau
Машиностроеніе и электротехника. Отдѣленія для инженеровъ, техниковъ и мастеровъ.
2105 10-7
Дир. проф. Шмидтъ.

ЗАОЧНЫЕ, САМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ И ПРОЧИХЪ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ
— С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ —
Москва, Староконюшенный, д. Курилко. 7
АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА. РУЧАТЕЛЬСТВО ВЪ УСПѢХѢ. ТЫСЯЧИ БЛАГОДАРН.
ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО УСЛОВІЯ ИЗУЧЕНІЯ КОММЕРЧЕСК. НАУКЪ ПО ПИСЬМЕННЫМЪ ЛЕКЦІЯМЪ, ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.
2021 16-13

ДѢТИ ВЕСЕЛЫ только тогда, когда они чувствуютъ себя здоровыми, а главнымъ условіемъ здоровья является правильное пищевареніе. Какъ часто непонятливыя дѣти не обращаютъ на это вниманія, но ихъ измѣнившееся существо, апатія къ игрѣ и работѣ выдаютъ намъ ихъ болѣзнь. Принятая въ теченіе нѣсколькихъ дней подъ рядъ натуральная горькая вода Франца-Іосифа незамѣтно устраняетъ испорченное пищевареніе и къ малюткамъ опять возвращается веселость. Составитель учебника по дѣтскимъ болѣзнямъ, тайный совѣтникъ профессоръ Gerhardt, въ 1888 и 1889 гг. бывшій ректоромъ берлинскаго университета, въ своемъ отзывѣ сообщаетъ, что онъ многократно примѣнялъ горькую воду Франца-Іосифа и постоянно съ хорошимъ успѣхомъ. Продажа въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.
3183

НОТЫ 10 КОП. ЭКЗ.
Изданіе С. Я. ЯМБОРЪ.
Москва, Б. Тверская-Ямская, соб. д. 47
2160 катал. безпл. (24)

BRISE DE MAI
PARFUM ULTRA-PERSISTANT
ED. PINAUD
18 PLACE VENDÔME PARIS
1545 13-10

ФОТОграфическіе снимки Испанскихъ и Французскихъ красавицъ. Русск. каталогъ 40 коп. почт. марками: Gennert, Calle Padua Barcelona (Испанія).
2099 15-

МОСКОВСКАЯ КАССА ВЗАИМО-ПОМОЩИ НЕВѢСТЪ,

Москва, Фуркасовскій пер., д. Кононовой. Телефонъ № 1-91-14.

Существуетъ съ 1 мая 1902 года, обезпечиваетъ приданымъ отъ 100 до 3000 руб. Къ обезпечиванію принимаются дѣвочки въ возрастѣ отъ рожденія до 10 лѣтъ. Плата отъ 15-ти коп. въ мѣс. Уставъ утвержденъ Правительствомъ и высылается за 7 коп. марку. Касса не преслѣдуетъ никакихъ коммерческихъ цѣлей и насчитываетъ въ своемъ составѣ 1500 участниковъ на сумму приданаго около **1.500.000 рублей.** Всѣ капиталы кассы хранятся въ государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ.
2578 6 6

Опасность

грозитъ волосамъ, когда начинаетъ появляться перхоть, а слѣдомъ за ней идетъ выпаденіе волосъ, но бороться съ этимъ зломъ не такъ трудно, если только регулярно употреблять
ПЕРУИН-ПЕТО
единственное средство, не содержащее въ себѣ вредныхъ веществъ.
Флаконъ вездѣ—1 руб. 75 коп.
1869 17-14

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ! При покупкѣ ПЕРУИНА-ПЕТО надо непремѣнно слѣдить за тѣмъ, чтобы у горлышка флакона была бы привѣшена парижская золотая медаль и приложенъ аттестатъ изобрѣтателя **Р. Г. Пето.** Всѣ остальныя безъ медали и безъ аттестата—поддѣлки. Оптовый складъ: **Базаръ Марокъ.** СПБ., Невскій пр., 20, кв. 8.

СЛАБИТЕЛЬНЫЯ ✻ ПИЛЮЛИ ✻ ПРОНОСНЫЯ ✻ КРОВООЧИСТИТЕЛЬНЫЯ
А АРА А
95 коп.

Слабительныя пилюли Ара
нѣжное, безъ боли
дѣйствующее слабительное средство и съ хорошимъ успѣхомъ употребляемое при растройствѣ пищеварительныхъ органовъ.
Коробка 95 коп.

Основанъ въ 1875 г. Въ 1913 учебн. году 1689 слушат. (290 русскихъ).
Polytechn. Institut Strelitz in Meckl.
Политехническій Институтъ Стрелицъ въ Мекленб.
(2 часа отъ Берлина.)

Отдѣленіе А для архитект., инженер. механ., электр., строит., желѣзн. конструкц., желѣзобетон. сооруж., отопл. и вентиляц., газоваго производ., водоснабжд. и межевыхъ.

Отдѣленіе В для техниковъ тѣхъ-же спеціальностей.

Условія пріема на планъ А: VI кл. средн. учебн. зав., на пл. В: IV кл. ср. уч. зав.; послѣ сдачи предварит. экз. можно перейти на пл. А.

Для иностранц. спеціальн. курс. нѣмец. языка. Начала механ. и статики по-нѣмец. въ связи съ русск. — Лабораторіи. Подробн. русск. програм. безплат. высыл. секретаріатъ. Не получ. прогр. треб. вторично.
2854

Библиотека "Руниверс"

ИДЕАЛЪ ДЖЕНТЕЛЬМЭНА! ЛУЧШІЙ ДРУГЪ СПОРТСМЭНА!
10 шт. 10 коп.
Османъ
Т-во ТАБАЧ. ФАБР.
А. Н. ШАПОШНИКОВЪ и К°
С.-П.-Б.

АКЦІОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ"
(основана 1860 года).
ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, № 27.

О-де-колонъ двойной,
О-де-колонъ тройной,
О-де-колонъ № 4 (Экстрактъ),

ПЕРВЫЙ ПО КАЧЕСТВУ

ВЪ ПРОДАЖѢ ВЕЗДѢ.

Общество „С.-Петербургская Химическая Лабораторія" проситъ, въ виду повторяющихся поддѣлокъ, обращать особенное вниманіе на наименованіе фирмы, состоящее только изъ трехъ словъ.

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ", Золотая медаль Парижъ 1900 г.

и на марку съ изображеніемъ памятника Императору Петру Великому.

ФОТО гр. снимки парижск. красавицъ для **любителей:** новый каталогъ на 1914 годъ съ подробн. описан. серіи высыл. въ закр. письмѣ по получ. 2×7 к. марокъ. Адр.
М. ЛИПМАНОВИЧЪ,
3148 Лодзь 5, ящ. 526. 3 8

КУРСЫ газетной техники. 1-е въ Рос. 9-й г. Лично и заочно подгот. лицъ об. пола въ сотрудн. Спец.: фельет., статьи, корресп. и пр. Выд. свид. Рек. редакц. Прежн. курс. работ. въ газет. на жалов. Подр. за 7 к. м. Одесса, Ришельевская, д. Мар. № 12, Чивонибару. 8188

МОНЕТЫ Россіи стар. покупаю. Каталогъ о рѣдк. мон. и вещ. за 1 р., нал. плат. 1 р. 15 к., гор. Ровно (Волынь) М. Ш. Тине.

Неврастенія

у мужчинъ. Ея причины, сущность и лѣченіе. Сочиненіе удостоено наградъ и составлено на основаніи новѣйшихъ данныхъ науки. 228 стр. съ рисунк. Полезное руководство для излѣченія. **Цѣна 60 коп.** (можно русскими почтовыми марками).

1466 Адресъ: (36)
Швейцарія, Женева 567, Genève 567. Dr. med. Rumler.

ВОЗСТАНОВИТЕЛЬ ОРІАНТИНЪ

фирмы „Parfumerie d' Orient" лучше всѣхъ красокъ для волосъ!

ПРОДАЖА по 3 и 5 руб. ВЕЗДѢ!

2537 Остерегайтесь подражаній! 11-5

100 рублей въ мѣсяцъ 2551 (7) **ВѢРНАГО обезпеченнаго заработка** для всѣхъ при удобн. домашн. раб. Разст. не мѣш. За раб. плат. наличн. Усл. высыл. безпл. **1-ое Западн. Т-во** Вязальн. изд. Варшава, Капуцинская, 13-37.

Sanitätsrat Dr. med. Bilfinger, Dr. med Aschke. 2441 28-17

Наилучшее Слабительное
Пилюли д'АЛЬСЪ

содержащія исключительно растительныя вещества и не вызывающія никогда ни коликъ, ни поносовъ.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫ ПРИ САМЫХЪ СИЛЬНЫХЪ ЗАПОРАХЪ.

Доза: 1 пилюля (или 2 при особо сильныхъ запорахъ) **вечеромъ передъ ѣдой.**

Флаконъ съ 30-ю пилюлями: 75 коп.

Въ продажѣ во всѣхъ аптекахъ и аптекар магазинахъ, а въ Парижѣ у H. Noguès, 64, boulevard de Port-Royal. 2249 10-11

Названіе „Альсъ" имѣется на каждой пилюлѣ.

LAXATIVES PURGATIVES DÉPURATIVES PILULES D' ALS H. NOGUÈS

КУРСЫ общед. **ЗАОЧНЫЕ** ком. самообр. ПРОГР.: 2-ая итальянск. и американская **БУХГАЛТЕРІЯ СТЕНОГРАФІЯ** (искусство писать со скоростью рѣчи), коммерч. ариеметика, коммерч. корреспонденція, ком. географія, товаровѣдѣніе. Курсъ правоп. **КАЛЛИГРАФІИ,** контор скорописи, **ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА. БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ** (труды професс. и препод. высш. и средн. учебн. завед.). Отзывы спец. благ. письма. **АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА.** Льготн. условія: разсрочка отъ 2 руб. **Программы и пробныя лекціи высылаются БЕЗПЛАТНО.** Адресъ: Книгоиздательство „Кругъ Самообразованія".—С.-Петербургъ. НЕВСКІЙ, д. 57—11.

ФОТО гр. снимки парижск. красавицъ новые интересные каталоги съ подробн. описан. серіи выс. въ закр. письмѣ по получен. 2×7 к. марокъ. Адр.: Л. Франкфортеръ. 2908 Лодзь 4. Ящ. 571 (сохр. адр.). 12-1

Подлинныя почт. марки иностран. миссій. Гарантировано не сортированныя, продаются на вѣсъ. Требуйте поясненій у Р. Бекannъ, Директора миссіон. почт. марокъ, 14, ул. Редутъ, Тулуза (Франція).

ГИМНАЗІЯ на ДОМУ

Если Вы хотите дополнить свое образованіе, поступить въ какое-либо учебн. заведеніе или сдать какой-либо экзаменъ: на аттест. зрѣл., на классн. чинъ, на аптек. учен., учит. город., домашн., нач. училищъ и т. п., то слѣдуйте примѣру тысячъ нашихъ подписчиковъ, успѣвшихъ въ короткое время, безъ помощи учителей, пользуясь только изданіемъ „ГИМНАЗІЯ на ДОМУ" (расходуя всего 1 р. 50 к. въ м-цъ) пройти курсъ, получить нужный имъ дипломъ или поступить въ учебн. завед. 3187 2-1

Курсъ „Гимназія на Дому" состоитъ изъ 30 томовъ больш. формата, по 280—320 стр. Цѣна тома съ перес. 1 р. 50 к. При первомъ томѣ прилагается **безплатно** географическій атласъ въ краскахъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ БЮРО

опытн. преподават. исправляетъ безплатно письмен. работы учащихся и руковод. ихъ занятіями. Популярн. изложеніемъ лекцій и серьезнымъ отношеніемъ руководителей къ каждому изъ ученик. нашихъ мы добились того, что громадное большинство достигло намѣченной цѣли.

Другія наши изданія для „Самообученія и Самообразованія":

АКАДЕМ. ИНОСТР. ЯЗЫКОВЪ (Самостоятельное изучен. франц., нѣм., англ. язык.). Курсъ каждаго языка 10 вып. по 1 р. 20 к.

АКАДЕМІЯ КОММЕРЧ. ЗНАНІЙ (Заочн. курсы коммерч. средн. и высш. уч. зав.) 15 том. по 2 р. 20 к.

ИСКУССТВО для ВСѢХЪ (Школа рисов., жив. и прикладн. искусствъ) 10 том. по 2 р. 20 к.

ИНОСТРАН. ЖУРНАЛЫ ДЛЯ РУССКИХЪ (Оригин. методъ усовершенств. во франц. и нѣм. яз.) 3 р. въ годъ за каждый журналъ.

Подробные проспекты и тысячи благод. отзывовъ подписчиковъ, засвидѣтельств. нотаріусомъ, высылаются безплатно.

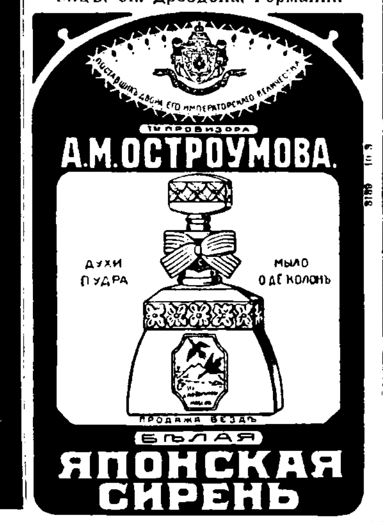
Изданія наши можно выписыв. и **по одному тому** съ налож. платеж.

Издательское Т-во „БЛАГО", С.-Петербургъ, Николаевская, 44 29.

— НУЖНЫ АГЕНТЫ. —

ПАНСІОНЪ

для изученія и усовершенствованія въ **нѣмецкомъ языкѣ.** Свѣдѣнія можно получить отъ **Директора Денгардъ, Лошвицъ, ок. Дрездена, Германія.** 27.. 10-10



КАРТАВОСТЬ.
ЗАИКАНІЕ

Лѣчебница К. Ю. ЭРНСТЪ, Москва, Тверская, Газетный пер., д. № 3. Имѣется пансіонъ. **ПЛАТА ПО ИЗЛѢЧЕНІИ.** Условія безплатно. **РУКОВОДСТВО** къ самолѣченію — 5 руб. съ пересылкой.

Конторскую скоропись, рондо, готикъ обучаю заочно каждаго въ 6 уроковъ. Въ 15 уроковъ исправляю самый дурной почеркъ. За 5 семик. марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условія. Одесса. Проф. Каллиграфіи Адольфъ **КОССОДО.** Дерибасовская. д. № 19

Химико-бактеріологич. лабораторія **Б. ГУРЕВИЧА,** КІЕВЪ, Б. Васильковская, 10.
Предл. **единственно вѣрное средство** для массоваго истребленія

КРЫСЪ и МЫШЕЙ

бактерійную заразу, безвредн. для людей и домашн. животн. Порція въ 2 р. 5 к. и 5 р. 20 к. съ перес. 2987 6-5

СПЕЦІАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ для устройства и перестройки **Крахмальныхъ, паточныхъ,** декстриновыхъ и саговыхъ заводовъ

В. Г. УЛАНДЪ, об. съ огр. отв. 3001 16-4
Лейпцигъ-Голисъ.

— Проспекты высылаются безплатно. —

ОТКРЫТКИ художеств. посл. новости

выс. нал. пл. Цѣна за 100 шт.	Р.	К.
Глянцев.: парочки и др.	2	—
Клейнъ: цвѣты и фрукты	2	50
Бромъ: копіи, головки и др.	3	—
Австрійскія: дѣтскія	3	—
Виды: Малороссія и др.	3	50
Тукъ: Ландшафты и др.	3	50
Бромъ краш.: головки и др.	4	—
Роммель: цвѣты и фрукты	4	—
Третьяковск. галл.: въ краск.	4	—
Англійскія: головки и др.	5	—
Польскіе художн.: въ краск.	5	—
Русскіе художн.: въ краск.	6	—

Поздравит.: въ 2 р., 2 р. 50 к., 3 р. и др.
3165 Тысячами—10% ск. СПБургъ, 10 2
10 рота, № 10/4 И. РОЗОВСКІЙ. 3188 10-9

Филиконъ

ПРЕВОСХОДНОЕ и ВѢРНОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВЪ ГЛИСТОВЪ-СОЛИТЕРА. ПЕРЕДЪ ПРІЕМОМЪ НЕ ТРЕБУЕТЪ ОСОБЫХЪ ПОДГОТОВЛЕНІЙ. ДѢЙСТВУЕТЪ ЛЕГКО и БЫСТРО, БЕЗЪ УЩЕРБА ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ. ПРОДАЖА ВЕЗДѢ. ЦѢНА ФЛАКОНА 1 Р. 75 К. ЕДИНСТВ. ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ **Т/Д Ю. МАРТЕНСЪ** С.П.Б., Гороховая, 9. 2971 23-10

ПИСАТЬ КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО. **КАЛЛИГРАФІЯ** в отдѣл Рондо, Готикъ, Батардъ и пр., 206 рис и черт въ текстѣ, изящн альбомъ шрифтовъ, транспорант и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит для исправл почерка въ короткій ср. Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. **Цѣна** за полн курсъ съ прилож и перес. **1 р. 50 к.**

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод для самообраз., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч больш форм 330 стр убористый шрифт **Цѣна** съ перес **1 р 50 к.**

СЛОВАРЬ коммерч. словъ и термин., употребляем въ коммерч мірѣ. **Цѣна** съ перес. **1 р.**

ТАБЛИЦЫ для быстраго вычисленія безъ помощи счетовъ и бумаги, значительно сокращ. трудъ бухгалтер и конторщ и вычисленія на счетахъ на всѣ 4 дѣйств. ариѳм. Ц. 40 к. съ пер

СПРАВОЧНИКЪ какъ поступить на службу въ казён., обществ. и частн. учр., формы прошен. и писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. **Цѣна** съ перес **1 руб** При посылкѣ налож. плат дороже на 25 коп.

Адр. Книгоизд. «КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ» — С.-Петербургъ. Невскій. д. 57—3

Библиотека "Руниверс"

XLV г. | г. XLV

№ 30 | 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложенiй, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 26 iюля 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается **„Полнаго собранiя сочиненiй А. Н. Майкова" кн. 5.**

Продолжается подписка на „НИВУ" 1914 г.

Съ приложенiемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ", содержащихъ

ПОЛНЫЯ СОБРАНIЯ СОЧИНЕНIЙ:

В. Г. КОРОЛЕНКО А. Н. МАЙКОВА Э. РОСТАНА,

12 книгъ „Ежемѣсячныхъ Литературныхъ и Популярно-Научныхъ Приложенiй" и пр.

Н. Харитоновъ. Въ полѣ. Весенняя выставка въ Академiи Художествъ.

Библиотека "Руниверс"

Сердце жизни.

Повѣсть В. В. Муйжеля.

(Продолженіе).

Дверь изъ спальни въ кабинетъ была отворена, и слышно было, какъ Антонина Александровна вошла туда. Должно-быть, Прохоровъ переодѣвался, потому что онъ забормоталъ что-то испуганнымъ голосомъ, потомъ вдругъ сказалъ ясно:

— Ну, ничего, я готовъ уже, входи...

— Ты опять ѣдешь? — услышалъ Березскій ея голосъ и закрылъ глаза.

— Да вѣдь знаешь — надо... Опять на станцію... — отвѣтилъ мужъ.

Она проговорила что-то, чего нельзя было разобрать, и онъ отвѣтилъ такъ же громко и ясно:

— Нѣтъ, нельзя, ты же знаешь, такая масса работы... Мнѣ обязательно надо.

— Не поѣзжай,—яснѣе сказала она, и Березскій безпомощно оглянулся: теперь закрыть дверь значило показать, что онъ слышалъ уже ихъ, а не закрывъ—онъ могъ сдѣлаться свидѣтелемъ объясненія. Выйти тоже нельзя было, такъ какъ надо было пройти кабинетъ. Онъ оперся локтями о столъ и обнялъ руками голову.

— Ну, не поѣзжай этотъ разъ, останься!..—говорила она просящимъ голосомъ.—Ты всегда ѣздишь, а я одна, одна...

— Дѣточка, что съ тобой?—удивленно бормоталъ Прохоровъ, шагая по комнатѣ, должно-быть, отыскивая что-то.—Я не узнаю тебя... Ты знаешь, что мнѣ надо ѣхать, что у меня работа... Я думалъ, что это у насъ уже давно кончилось...

— Но ты подумай, подумай только — я одна... Я сижу одна день и вечеръ, день и вечеръ... Кругомъ такъ нехорошо... Я боюсь!..

— Чего бояться?

— Всего боюсь... Такъ тихо, и эти большія комнаты, и все молчитъ... И люди—всѣ смотрятъ и — молчатъ... Не поѣзжай!.. Какъ-нибудь потомъ, можетъ-быть...

Она говорила слабымъ, виноватымъ голосомъ, и похоже было, что готова заплакать. Чтобы не слышать, Березскій заткнулъ уши ладонями и съ исказившимся судорожной гримасой лицомъ уставился глазами въ размѣченную на бумагѣ площадь Сонинскаго моста. Но голоса въ спальнѣ глухо отдавались, хотя нельзя было разобрать словъ, и отъ этого было еще больнѣе.

Онъ поднялъ голову, когда стукнула дверь и мимо пробѣжалъ Владиславъ. Когда Прохоровъ съ женой выходили на крыльцо— онъ заперъ дверь въ кабинетъ. Потомъ сѣлъ, не глядя въ окно, взялъ отброшенную инженеромъ папку съ замѣтками и раскрылъ ее.

— Мнѣ надо,—шепталъ онъ вслухъ, усиліемъ воли заставляя себя думать о другомъ: — мнѣ надо найти эскизъ водокачки на Струговѣ, надо перевести его и вычертить... Мнѣ надо!..

Брякнули за окномъ мягкимъ звономъ бубенцы, кто-то что-то крикнулъ, потомъ послышался дружный и тяжкій топотъ пары лошадей. Мелькомъ взглянувъ въ окно, онъ видѣлъ, какъ длинная линейка заворачиваетъ въ ворота съ нелѣпыми вазами, а на крыльцѣ стоитъ свѣтлая тѣнь.

— Гдѣ же этотъ эскизъ?—бормоталъ онъ, поворачивая тугіе, иногда смятые листы бумаги.—Онъ говорилъ, на листкѣ записной книжки...

У Прохорова была привычка набрасывать первоначальный проектъ гдѣ попало—въ вагонѣ, на станціи, гдѣ онъ ждалъ лошадей, при чемъ онъ пользовался въ такихъ случаяхъ записной книжкой, первымъ попавшимся листкомъ бумаги и потомъ, мелко сложивъ его, пряталъ въ карманъ, а иногда носилъ такъ нѣсколько дней, до того, что бумага почти изнашивалась.

Развертывая такіе листочки, Березскій слышалъ, какъ входная дверь затворилась, потомъ мимо простучали тѣ же знакомые шаги, особый сухой и короткій звукъ высокихъ каблуковъ. У двери кабинета шаги пріостановились на минуту, потомъ послышались опять.

Онъ вздохнулъ и, вынувъ двѣ мелко сложенныя бумажки, сталъ разглядывать ихъ. Одна изъ нихъ была исписана страннымъ почеркомъ, падающимъ въ обратную сторону. Онъ думалъ, что это какая-нибудь замѣтка, написанная Середой или кѣмъ-нибудь изъ работавшихъ на станціи, и сталъ читать. И вдругъ, откинувшись, посмотрѣлъ кругомъ.

— Что это такое? Откуда могла попасть эта записка въ папку?

Онъ прочелъ еще и густо покраснѣлъ. Ломанымъ, очевидно, нарочно измѣненнымъ, почеркомъ было написано:

„...а вы уѣзжаите и ничемъ не глядите а онъ кажній день пропадаетъ въ васъ и съ вашей мадамъ анжинершей всякіі разговоры и все прочее какъ полагитца въ молодыхъ кавалерѣ и дамѣ. И еще не глядите вы какъ змѣю отогрѣли на грудѣ и она жалить васъ честь вашу позорить и все про это знаютъ и на пасадѣ говорять одинъ мужъ въ неведеніи блаженномъ и очень жалко даже до слезъ васъ, потому какъ настоящій господинъ вашъ доброжелатель...“

Да, конечно, иначе это не могло быть.

Въ послѣднее время Антонина Александровна иногда заходила вечеромъ, когда темнѣло, въ чертежную и говорила:

— Работать уже темно, а мнѣ подали самоваръ. Я не могу пить чай одна — пойдемте вмѣстѣ.

Первое время онъ отказывался, говорилъ, что торопится домой, гдѣ его ждетъ дѣло, но потомъ соглашался и шелъ въ столовую. За большимъ столомъ, казавшимся пустымъ оттого, что за нимъ сидѣли только два человѣка, они сидѣли иногда по часу за остывшимъ чаемъ. Всей своей долгой неудачной жизнью онъ пріучился презирать такихъ людей и въ особенности женщинъ, какъ она. Онъ считалъ, что они являются людьми разныхъ лагерей, и въ первые вечера онъ отвѣчалъ рѣзко, хмурился и торопился уходить. Но потомъ вышло такъ, что послѣ чаю они переходили въ гостиную, иногда она садилась за рояль, и въ полутемной комнатѣ, заставленной тяжелой мебелью, похожей на дно сказочнаго грота, плыли затушеванные нажатой педалью звуки.

Когда-то она играла очень хорошо, но потомъ забросила музыку, и рояль стоялъ по цѣлымъ мѣсяцамъ закрытый расшитой золотомъ матеріей, напоминающей церковную ризу. Теперь у нея пропала техника, появилась неувѣренность, но это почему-то нравилось Березскому больше, чѣмъ что-либо. Она любила Чайковскаго—и мягкая, безотчетная грусть его мотивовъ странно сливалась съ зеленоватыми сумерками, наполнявшими комнату, съ свѣтлой фигурой когда-то любимой женщины, склонившейся надъ клавіатурой, съ строгимъ молчаніемъ большого, пустыннаго дома.

Что-то таяло и расплывалось въ душѣ отъ этихъ неокрѣпшихъ аккордовъ, и почему-то, когда онъ слышалъ по вечерамъ игру Прохоровой, Березскій думалъ о томъ, что вся его жизнь прожита какъ-то не такъ, какъ ее надо бы было прожить, что много ушло назадъ безвозвратныхъ годовъ, и что впереди нѣтъ ничего, кромѣ одинокой старости...

Отъ музыки, отъ сумерекъ, отъ того, что фигура въ свѣтломъ платьѣ дѣлалась въ темнѣющей комнатѣ какъ будто тоньше и легче, привычный знакомый холодъ въ душѣ таялъ, и, когда она, обернувшись, говорила, — онъ отвѣчалъ безъ обычной нетерпимости, мягко и тихо. И странныя печальныя слова знакомаго голоса будили давній отзвукъ.

— Я прежде не замѣчала этого, — говорила она, повернувшись къ нему и слегка качаясь изъ стороны въ сторону на вертящемся стулѣ:—но теперь мнѣ почему-то тяжело и трудно жить здѣсь... Максъ думаетъ навсегда поселиться тутъ—и я знаю, что ему нужно это, но я не могу безъ ужаса думать о томъ, что всегда буду одна, онъ попрежнему будетъ уѣзжать, и кругомъ это село...

Ему хотѣлось отвѣтить рѣзко, чѣмъ-нибудь разорвать возникающую жалость къ этой молодой, печальной въ сѣрыхъ тѣняхъ сумерекъ женщинѣ, но не было сильныхъ словъ, и онъ говорилъ:

— Максимъ Павловичъ не всегда будетъ такъ разъѣзжать. Когда окончится постройка, работы у него будетъ меньше, и притомъ она просто войдетъ въ колею...

— Вы думаете?—спрашивала она, и по самому тону ея голоса видно было, что оба они не вѣрятъ тому, что сказалъ онъ.

— Притомъ мнѣ кажется,—продолжалъ онъ, чтобы пройти скорѣе эту невысказанную ложь: — притомъ вы живете — я бы сказалъ — не современно.

Библиотека "Руниверс"

— Какъ не современно?

— Это трудно сказать. Я боюсь, что буду непонятымъ. Дѣло въ томъ, что самъ я тоже не современенъ: въ то время какъ вы пришли изъ прошлаго — я явился изъ будущаго. Вы родились слишкомъ поздно — я слишкомъ рано. Прежде люди жили, стараясь сохранить благожелательное отношеніе къ окружающему и примирить его съ собою; примѣръ: люди поняли, что хозяинъ и работникъ никогда не могутъ быть друзьями — они всегда враги, потому что работникъ заявляетъ свои права на обладаніе прерогативой хозяина — орудіемъ производства. Но добрый душевно человѣкъ, родившійся слишкомъ поздно, хочетъ примирить это и кладетъ заплаты на отношенія и боится посмотрѣть правдѣ въ глаза. Это, разумѣется, рѣзкій до карикатуры примѣръ, но я нарочно взялъ такой. Перенося это въ область вообще житейскихъ отношеній, я назвалъ васъ человѣкомъ, родившимся слишкомъ поздно.

— А вы? — тихо спросила она.

— Я? Я родился слишкомъ рано. Я осмѣливаюсь думать, что я — новый человѣкъ. Я долго смотрѣлъ на жизнь людей и поставилъ себѣ правиломъ: никакихъ иллюзій. А такъ какъ безъ иллюзій жить нельзя, то я отошелъ отъ жизни. Я просто бродячій человѣкъ, „человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій", если хотите; я иду мимо жизни, какъ случайный прохожій, и стараюсь не принимать въ ней участія. Ибо — едва вы войдете въ жизнь на одну секунду — будетъ боль и тоска и рабство, а я этого не хочу. Я назвалъ себя новымъ, потому что обычно принято думать, что вся нескладица жизни — явленіе временное, а вотъ завтра, или черезъ годъ, или черезъ десять лѣтъ люди проснутся — и все будетъ великолѣпно. Я не вѣрю этому и поэтому иду въ сторонѣ своей дорогой.

— Какъ вы дошли до этого?

— То-есть — „какъ дошла ты до жизни такой"? Видите ли, я имѣлъ прежде глупость вѣрить и поэтому ломалъ свою жизнь такъ, что теперь отъ нея осталось одно недоразумѣніе: бородатый, почти сорокалѣтній человѣкъ бродитъ по землѣ, служитъ чертежникомъ, или статистикомъ, или еще чѣмъ-нибудь и возбуждаетъ изумленіе какой-нибудь старухи-мѣщанки, сдающей комнату: — Пьешь ты, что ли, сильно, али запоемъ? — спрашиваетъ она меня...

— Неужели вы все время такъ жили?

— Увы. Я считаю это болѣе достойнымъ человѣка, чѣмъ строить дороги и летать изъ Петербурга въ деревню, со станціи въ Петербургъ. Я просто не хочу этого — отнесите это къ недостатку моей психики — и предпочитаю просто смотрѣть на жизнь, чѣмъ принимать участіе въ этой грязной исторіи.

— И вы довольны, счастливы?

Уже совсѣмъ темнѣло, и онъ видѣлъ только свѣтлое пятно у рояля. Она, должно-быть, не глядѣла на него, потому что слова доносились неясно, и онъ скорѣе угадалъ, чѣмъ услышалъ ихъ.

— А вы очень счастливы? Впрочемъ, это не отвѣтъ, — перебилъ онъ себя: — дѣло не въ томъ, счастливъ человѣкъ или нѣтъ. По крайней мѣрѣ я осмѣливаюсь такъ думать. Я просто „не согласенъ". Есть у Чехова такой монахъ — что бы ни видѣлъ, онъ на все ворчитъ: „не ндравится мнѣ, прости Господи". Очевидно, я — разновидность этого монаха. Я хожу по жизни, хмурюсь, иногда ворчу, иногда бранюсь — и качаю головой: — Не ндравится, прости Господи...

— Это любопытно... — задумчиво бросила она.

— Не знаю, можетъ-быть.

Они долго молчали, потомъ онъ подымался и собирался домой. Но иногда ихъ разговоры принимали иной оттѣнокъ. Она разспрашивала его, гдѣ онъ жилъ, что видѣлъ — и онъ начиналъ расказывать медленно, скупо бросая слова, но потомъ самъ увлекался, вспомнивъ какой-нибудь фактъ или мѣсто изъ своей долгой бродячей жизни, вдругъ загорался — и говорилъ своимъ глуховатымъ голосомъ, странно гудѣвшимъ въ темной комнатѣ, вставалъ, ходилъ изъ угла въ уголъ и, взмахивая рукой, спрашивалъ ее:

— Понимаете? Это пошлость, узость, злость!.. Вы понимаете? Вотъ почему я хожу и смотрю и не желаю принимать въ этомъ участіе... Потомъ я былъ на лѣсныхъ промыслахъ. Если бъ вы видѣли, что это такое: лѣсъ — ему нѣтъ конца! Когда я просыпался утромъ въ крохотной сторожкѣ, я слышалъ: гудитъ боръ. Его голосъ суровъ и благостенъ, какъ голосъ бога, уже забытаго людьми, умирающаго бога. Его жизнь проста и несложна, и въ жестокости ея, въ самой безпощадности ея борьбы, такой простой, какъ рожденіе и смерть, великая мудрость. Объ этой мудрости говорятъ по утрамъ старыя деревья, и когда я слушалъ ихъ — я начиналъ понимать нѣчто. Я чувствовалъ, что мое существо распаляется, что я — часть природы, что моя воля — это воля зайца, птицы, ничтожной песчинки этого лѣса. Я не знаю, какъ это объяснить, — упавшимъ голосомъ говорилъ онъ.

— Я понимаю, — тихимъ эхо отзывалось свѣтлое пятно.

— Да, да, вы должны понимать это...

И онъ опять говорилъ — быстро и неясно, какъ бы для самого себя; это похоже было, какъ будто онъ думалъ вслухъ передъ этой женщиной. А когда онъ шелъ домой и вспоминалъ все, о чемъ говорилъ вечеромъ, онъ морщился, какъ отъ боли. И въ душѣ было такое впечатлѣніе, словно онъ старается развлечь ее, какъ ребенка, этими разсказами и бережетъ ее отъ чего-то, что должно обрушиться и придавить слабую, одинокую женщину.

Дома старуха отворяла ему двери и ворчала что-то о безпокойствѣ, о томъ, что лучше ему житіе почитать, чѣмъ таскаться по ночамъ. Потомъ спрашивала:

— Анжинеръ-то опять уѣхадчи?

Думала нѣкоторое время, склонивъ голову въ черномъ платкѣ набокъ, словно рѣшала трудную задачу, и прибавляла безъ всякой связи съ предыдущимъ:

— Вотъ она бабья-то доля наша, да-а... Ты тутъ себѣ сиди, ровно на чемъ привязана, тоскуй безъ мужа-то, лица человѣческаго не видѣвши, да-а... Охъ, ужъ горькая, можно сказать, обидная даже до крайности доля-то бабья... Разлучная доля!..

И когда уходила къ себѣ, Березскій долго еще слышалъ за стѣною медленное ворчанье о разлучной доли, о „чемы", на ко-

В. Вучичевичъ-Сибирскій. Осенній шумъ Байкала.

Библиотека "Руниверс"

торой сидитъ жена по долгу своему женскому, о мужскомъ легкомысліи...

VIII.

Послѣ письма, которое онъ случайно нашелъ въ папкѣ для замѣтокъ, Березскій сталъ рѣже оставаться въ домѣ. Когда въ чертежную приходила Антонина Александровна и звала его пить чай, онъ отговаривался домашней работой и, не глядя на нее, говорилъ особенно строгимъ голосомъ, а она смотрѣла удивленно и не могла понять — почему этотъ странный человѣкъ опять сталъ замкнутымъ и угрюмымъ?

Теперь она была совсѣмъ одна, такъ какъ дѣти не заходили совсѣмъ, а учительница куда-то уѣхала и тоже не показывалась. Цѣлые дни она бродила по дому, выходила въ садъ, шла въ конюшню и ласкала лошадей, встрѣчавшихъ ее сдержаннымъ ржаніемъ—и вездѣ: въ комнатахъ—Владиславъ, въ спальнѣ—Нюша, на дворѣ кучеръ Александръ или садовникъ, сѣдой, весь заросшій волосами старикъ Кудимычъ—всѣ смотрѣли на нее такъ, какъ будто бы она была давно и неизлѣчимо больна.

В. Вучичевичъ-Сибирскій. Байкалъ нахмурился.

Если она обращалась къ кому-нибудь съ вопросомъ—ей отвѣчали быстро и охотно и съ такимъ выраженіемъ, какъ отвѣчаютъ болѣзненному ребенку, который долженъ скоро умереть. И самое странное было, когда она спрашивала о мужѣ.

В. Вучичевичъ-Сибирскій. Разрушенная берлога.

— Вамъ когда приказалъ Максимъ Павловичъ выѣхать на станцію?—спрашивала она встрѣтившагося Александра.

Кучеръ бросалъ ведро, которое несъ къ колодцу, быстро оправлялся и глядѣлъ на нее пустыми, стеклянными глазами, отвѣчалъ, какъ солдатъ офицеру:

— Не могу знать... Такъ что они ничего не говорили — и, когда будутъ, неизвѣстно. Какъ въ нихъ работы очень много, на ту станцію поѣхадчи и послѣ мостъ этотъ самый...

Владиславъ, подавая чай или убирая со стола, дѣлалъ таинственное лицо и вѣжливымъ голосомъ сообщалъ:

— Нынче у барина ужасно какъ много работы — надо такъ думать, не раньше вторника должны быть. Мостъ въ Заборовьѣ и потомъ совѣщаніе въ комитетѣ въ Петербургѣ будетъ безпремѣнно.

И когда она смотрѣла на него — скромно опускалъ глаза и вздыхалъ сдержанно. Если она спрашивала раздѣвавшую ее Нюшу о чемъ-нибудь или жаловалась ей, что стало скучно — опять слышала про какой-то мостъ, про комитетъ, про работу, и ловила соболѣзнующій, жалостный взглядъ.

Тогда она начинала разспрашивать Березскаго. Но онъ отдѣлывался короткими замѣчаніями, хватался за циркуль или карандашъ, хмурилъ брови—и неловко было мѣшать занятому человѣку. Такъ одна, полная неясной тревоги, поддаваясь смутнымъ голосамъ женскаго инстинкта, бродила она, какъ сказочная царевна въ заколдованномъ царствѣ, и прислушивалась къ легкому постукиванію своихъ каблуковъ и смотрѣла кругомъ недоумѣннымъ взглядомъ...

А ночи были безсонныя, длинныя, свѣтлыя... Тишина опускалась на большой домъ, и смутныя мысли текли въ ней медленно, неуклонно, какъ тяжкія тучи въ вечернемъ небѣ. Били, отмѣчая падающее въ вѣчность время, часы на колокольнѣ, и каждый ударъ несъ напоминаніе о томъ, чего никто не минуетъ.

Недвижно стояли въ пустомъ, по-ночному, саду деревья—уже бѣлыя отъ нѣжнаго цвѣта, и свѣтлымъ облакомъ казались цвѣтущія яблони, нѣжныя вишни, корявыя старыя груши. Какъ будто рой легкихъ видѣній недвижно застылъ въ воздухѣ и смотритъ безсонными очами прямо въ душу и слѣдитъ, какъ копится горькая увѣренность въ одинокомъ сердцѣ...

Она вставала, подходила къ окну и подолгу смотрѣла на грустныя звѣзды, мерцающія блѣднымъ жидкимъ огнемъ въ свѣтломъ небѣ.

Библиотека "Руниверс"

В. Вучичевичъ-Сибирскій. Шаманскій хоботъ. Байкалъ.

Нѣтъ болѣе горькаго чувства, какъ чувство обманутой женщины. Оно тонко—и жалитъ, какъ отравленная стрѣла, и разъ нанесенная рана не заживаетъ. Она затягивается тонкой пленкой, и можно подумать, что зажила, но малѣйшее прикосновеніе къ ней заставляетъ сочиться свѣжую, красную кровь... Уходитъ сонъ, и мертвыя тѣни ложатся на лицо, и впалые глаза смотрятъ съ нѣмымъ вопросомъ, и блѣдныя губы шепчутъ:

— За что?

Такъ внезапно опустошается жизнь, и, милая прежде, гнететъ своей безцѣльностью; остается одна оболочка жизни, а таинственная сущность ея — иногда заключающаяся въ смѣшной мелочи, въ какой-нибудь улыбкѣ или шутливомъ словѣ — гаснетъ, и холодный, сѣдой пепелъ ложится тамъ, гдѣ было радостное ожиданіе.

Пустымъ и мрачнымъ сталъ огромный старинный домъ, такъ нравившійся прежде. Остановившись гдѣ-нибудь въ полутемной гостиной или въ ненужно большой столовой, молодая женщина шептала:

— Да, конечно, —шептала молодая женщина, подавленная безмолвіемъ и пустотой ночи:—я для него—только будни. Свой праздникъ, свое веселье онъ ищетъ тамъ, вдали отъ дома, а сюда приходитъ усталый, измученный, къ вѣчной работѣ, къ чертежамъ и расчетамъ. И всѣ видятъ это, и имъ жаль меня — и Березскій, этотъ странный, чуждый всему человѣкъ, уходитъ раньше, чтобъ какъ-нибудь не проговориться или случайно не выдать его...

Она смотрѣла на бѣлыя видѣнія, молчаливо стоявшія въ тайномъ ожиданіи, и спрашивала:

— Но зачѣмъ такъ? Почему ложь, зачѣмъ это вниманіе ко мнѣ, бережливость, какъ къ привычной старой игрушкѣ? Максъ, вѣдь ты не такой! Когда мы узнали другъ друга — ты подходилъ ко мнѣ и, взявъ меня за подбородокъ, говорилъ: „Когда мы разлюбимъ другъ друга—мы скажемъ объ этомъ одинъ другому; не будетъ позорящей обоихъ лжи“. Максъ, вѣдь это ты говорилъ!

Молчалъ садъ, молчалъ старый домъ, молчало высокое небо. И безсонная, полная темной тоски, ходила по комнатѣ одинокая женщина, крѣпко сжимая холодныя руки.

Тогда она начинала припоминать; незамѣтныя прежде мелочи выплывали въ памяти и пріобрѣтали характеръ увѣренности.

Максъ пріѣзжалъ домой и спалъ по тринадцати часовъ. Какъ будто тамъ, гдѣ онъ былъ, — онъ совсѣмъ не спалъ; не можетъ быть столько работы. Разъ она замѣтила, что отъ него пахнетъ какими-то тонкими, незнакомыми духами. Максъ никогда не покупалъ духовъ и не любилъ ихъ. Другой разъ Нюша, вынимая носовые платки изъ кармановъ барина, принесла ей маленькій кружевной платокъ, какихъ у нея никогда не было. Онѣ обѣ не знали, откуда могъ взяться этотъ платокъ, и рѣшили, что прачка случайно обмѣнила послѣ стирки. Какъ-то разъ Владиславъ передалъ ей почту, и среди газетъ, бандеролей съ каталогами какого-то цемента, желѣзодѣлательнаго завода, дѣловыхъ писемъ,—было одно въ твердомъ бѣломъ конвертѣ, и отъ него пахло тѣми же незнакомыми тонкими духами. Она потомъ забыла спросить мужа—что это за письмо?

Середа пьянствовалъ, и его не пускали въ домъ. А однажды онъ пьяный пришелъ въ кухню и рвался къ барынѣ и кричалъ:

— Я его выведу на свѣжую воду, я знаю такое, что тутъ и крышка!.. Дайте мнѣ барыню, не могу, чтобы не сказать!..

Александръ вытолкалъ его, а потомъ она узнала, что мужъ разсчиталъ десятника.

В. Вучичевичъ-Сибирскій. Скала на Байкалѣ, гдѣ въ старину приносились человѣческія жертвы.

Библиотека "Руниверс"

лодая женщина съ изумленіемъ оглядывала большую комнату и съ оттѣнкомъ глубокаго, непонятнаго страха спрашивала:

— Какъ, зачѣмъ, почему попала она сюда? Отчего все такъ тихо кругомъ, и она одна во всемъ домѣ? Какая страшная сила бросила ее сюда, одинокую, всѣми оставленную, робкую, слабую женщину, съ испугомъ прислушивающуюся къ жуткой тишинѣ пустыхъ комнатъ?..

Казалось, случилось какое-то непоправимое несчастье — произошло крушеніе, непонятное разрушеніе, холодное и равнодушное, какъ смерть, — и весь домъ притаился и замеръ и стоитъ слѣпой пустыми окнами, какъ трупъ съ насильно закрытыми глазами. И какъ на мѣстѣ, гдѣ вмѣсто сверкающей жизни безмолвно стала смерть, неслышно двигались прислуги, говорили пониженными голосами, и часто Антонина Александровна ловила на себѣ сочувствующій взглядъ и слышала легкій вздохъ Нюши или кухарки, приходившей со счетомъ.

И молчаніе. Оно легло на весь домъ, на садъ, на дворъ, распростерло черныя крылья и властно обняло одинокаго человѣка. О, это молчаніе!..

Отъ него хотѣлось уйти — и она шла въ садъ, спускалась по аллеямъ, останавливалась на поворотахъ дорожекъ и смотрѣла кругомъ, вспоминая что-то давно минувшее и безвозвратное.

Чаще, чѣмъ когда-либо, она вспоминала такую недавнюю и казавшуюся такой далекой молодость, когда она въ коричневомъ платьѣ гимназистки бродила такъ же по дорожкамъ сада въ далекомъ городѣ и ждала. Чего она ждала?

Она возвращалась домой, заглядывала въ чертежную—и тамъ никого не было...

Послѣ обѣда, прежде чѣмъ сѣсть за работу, Березскій любилъ иногда выйти въ садъ выкурить трубочку—рѣдкое удовольствіе, которое онъ считалъ слабостью и скрывалъ отъ всѣхъ.

Садъ былъ большой, запущенный, и расположенъ онъ былъ по склону оврага, на днѣ котораго немолчно звенѣлъ ручей. Была въ этомъ саду нижняя аллея—большіе, когда-то подстриженные каштаны, широкіе, особенно красивые въ маѣ. Какъ рождественская елка, были украшены они прямыми свѣчами розовато-бѣлыхъ цвѣтовъ, и тѣнь подъ ними была прозрачная отъ лапчатыхъ солнечныхъ пятенъ, ползавшихъ по черной, еще сырой поутреннему дорожкѣ.

Ее рѣдко чистили, и молодая яркая травка лѣзла изъ земли рядомъ съ правильными, какъ кучки насыпанной дроби, бугорками—слѣдами земляныхъ червей, ушедшихъ въ глубь.

Березскій любилъ покоробившуюся отъ дождей и солнца деревянную скамейку на этой дорожкѣ. Сидя здѣсь съ трубкой и поглядывая на ту сторону оврага, правильно расчерченную мягкими волнами пашни, онъ слушалъ, какъ гдѣ-то въ кустахъ несложной трелью заливается малиновка, а издали—мягко и звучно—вторитъ ей старинный колоколъ сельской церкви...

Разъ, когда онъ собрался уже спрятать трубочку и итти домой, изъ боковой аллеи, сверху, неожиданно вышла Антонина Александровна. Она какъ будто нисколько не удивилась, увидѣвъ его здѣсь, поздоровалась и сѣла рядомъ на скамейку, наивно сложивъ руки на колѣняхъ.

— Какъ хорошо, когда такъ тихо кругомъ, — сказала она, словно думая вслухъ.—Я живу въ постоянной тишинѣ, но у меня такое впечатлѣніе, какъ будто кругомъ меня шумъ, какая-то борьба, непонятная злоба...

Березскій посмотрѣлъ на нее, незамѣтно выколотилъ свою трубку и спряталъ ее въ карманъ.

— Пожалуй, такъ оно и есть,—отвѣтилъ онъ, слегка пожимая плечомъ:—но только вы, какъ сказочная царевна, сидите за семью замками...

— Не сидите, а спите, вы хотѣли сказать, — усмѣхнулась она.—Злая царевна зачаровала меня, и я сплю... Лежу спокойно и не двигаюсь и вижу долгій, страшный сонъ...

Она помолчала, опять улыбнулась и заговорила:

— Въ такое время, когда въ домѣ никого нѣтъ, и даже прислуга разбрелась куда-то... когда по-особенному тихо, совсѣмъ иначе—и звонъ—вы слышите?—это ко всенощной—такой тягучій, зовущій... Въ это время я брожу изъ комнаты въ комнату или здѣсь въ саду—смотрю и удивляюсь: неужели это я? Понимаете? Та самая я, что когда-то смѣялась всякому пустяку, танцовала на гимназическихъ балахъ, плакала оттого, что получила переэкзаменовку по русскому языку... Понимаете? Вы помните?

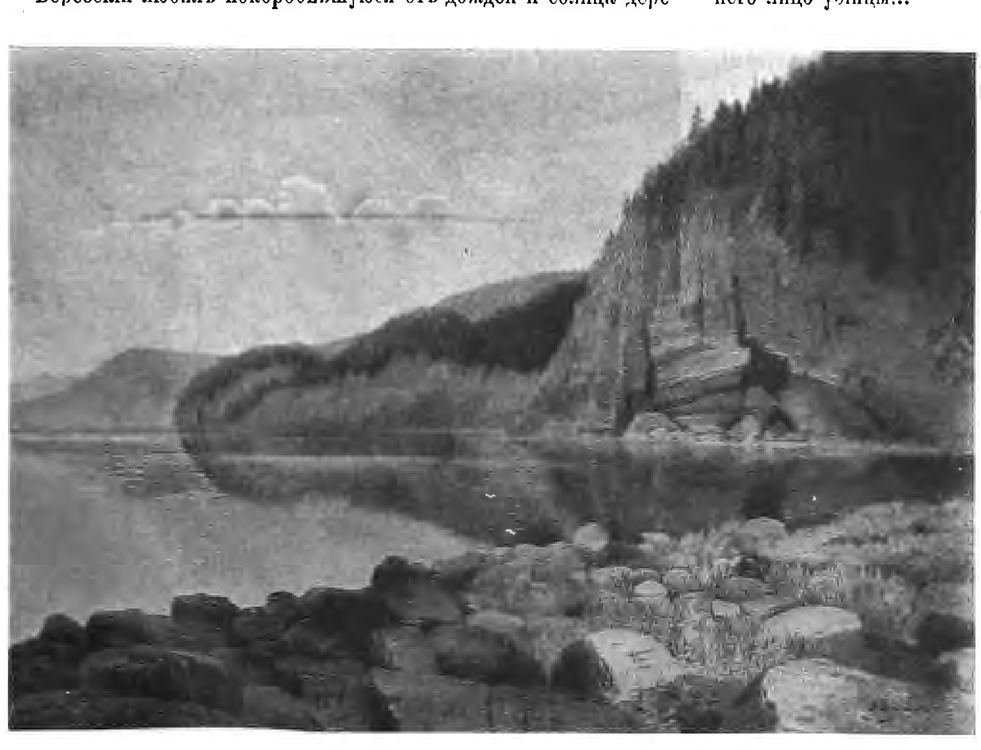
— То-есть, что помните?

— Ну, какъ вы не понимаете, ну, нашъ городъ, городской садъ, кладбище? Ну, помните?

Онъ глубже взглянулъ въ загорѣвшіеся, нетерпѣливые глаза и опустилъ голову. Ему хотѣлось сказать:—то-есть, помню ли я молодость?—но онъ сказалъ:

— Да, помню...

— Помните, помните?—обрадовалась она и засмѣялась, а ему казалось, что она сейчасъ заплачетъ.—Помните кладбище старое, гдѣ мы гуляли по вечерамъ, и сторожъ—такой бородатый, страшный, и я его боялась, потому что вы увѣряли, что у него лицо убійцы...



В. Вучичевичъ-Сибирскій. Береговыя дали Байкала.

Онъ вспомнилъ и невольно улыбнулся.

— Когда надо было запирать кладбище, онъ неслышно выныривалъ изъ кустовъ и пугалъ васъ,— проговорилъ онъ.

— Ну да, ну да!—обрадовалась она. — Вотъ видите, вы отлично помните,—увѣряла она, какъ будто онъ говорилъ противное.—А потомъ Лапинскую горку помните? Ахъ, какъ тамъ хорошо было — рѣка внизу, на той сторонѣ слобода...

Они вспоминали то, что уже давно прошло: пору, когда сердце начинало биться сильнѣе, и жизнь лежала впереди прямой и широкой дорогой. Она все говорила, перебирая далекое время, и часто, вспомнивъ что-либо особенно забавное или радостное, довѣрчиво хватала его за руку и сердито трясла ее, если онъ забывалъ какую-нибудь мелочь. Или, заливаясь смѣхомъ при другомъ воспоминаніи, наклонялась къ нему и, заглядывая въ глаза, повторяла:

— Помните? Помните?..

И онъ смѣялся и кивалъ голо-

Библиотека "Руниверс"

В. Вучичевичъ-Сибирскій. **Александровская сопка въ утреннемъ туманѣ. (Граница Европы и Азіи).**

ее изъ этого сада, отъ этого дома, отъ села, гдѣ теперь такъ плавно и торжественно гудитъ колоколъ.

Ему хотѣлось встать, схватить ее за плечи и сказать сильнымъ, твердымъ голосомъ:

— Послушайте, уходите... Дайте мнѣ вашу тонкую, нѣжную руку, такую нѣжную, что кольца кажутся на ней бременемъ, дайте мнѣ ее и пойдемте... Пойдемте отсюда, потому что тутъ боль, тутъ нищета духа, тутъ пошлость мѣщанскаго бытія, независимо отъ того, строитъ ли она дороги и мосты или торгуетъ молокомъ и плачется на бѣдность... Уйдемте вмѣстѣ, я ничего отъ васъ не хочу, ничего никогда не потребую и буду счастливъ, если вы когда-нибудь обопретесь на мое плечо... Поймите же, повѣрьте, почувствуйте, какъ страшно, какъ тяжко я люблю васъ,— милую дѣвочку въ коричневомъ платьѣ!..

Но сказать ничего нельзя, и онъ смѣялся пустячному воспоминанію, чтобы не плакать, ощущая прикосновеніе ея руки, кивалъ утвердительно головой и повторялъ:

— Да, да, какъ же, помню...

А вечеромъ, когда село уже спало, и въ окнахъ тухли огни, и бѣлыми призраками стояли цвѣтущія яблони, онъ пробирался въ садъ и смотрѣлъ на освѣщенное окно, за которымъ двигалась знакомая легкая тѣнь, и, прислонившись къ какому-нибудь дереву, тосковалъ.

И уже не молодой, забывшій ушедшіе въ прошлое годы, полный поздняго, страшнаго чувства, готовъ былъ плакать, какъ мальчикъ.

вой, и ему казалось, что эти прямо уставленные на него сѣровато-голубые глаза, съ маленькими золотыми искрами въ нихъ, смотрятъ изъ туманной дымки давно пережитыхъ годовъ, — глаза дѣвочки-гимназистки въ коричневомъ платьѣ,—и сердце замирало трепетнымъ, сладкимъ восторгомъ...

Надо было дѣлать большое усиліе надъ собой, чтобы не схватить ея руку; надо было сжимать зубы, чтобы смотрѣть въ мерцающіе золотыми искрами глаза и не крикнуть, чтобы не увести

(Окончаніе слѣдуетъ).

Буря.

Разсказъ **А. Грузинскаго.**

Перепечатка воспрещается.

Время тянется медленно. До свиданія еще не близко, часа полтора, но Басаргина начинаетъ бить лихорадка, и опасенія, что кто-нибудь придетъ и помѣшаетъ ему уйти, все растутъ и растутъ. Какъ на грѣхъ, вбѣгаетъ сестра Басаргина, Таня, веселая, возбужденная, и говоритъ радостно:

— Куда ты спрятался? Пойдемъ играть въ крокетъ, Борисъ.

— Не хочу! — мрачно отзывается Басаргинъ.—Мнѣ нездоровится,—болитъ голова.

— Ну, да, конечно, будетъ болѣть, если ты будешь сидѣть въ комнатахъ, неподвижно, какъ сычъ или сова. Пойдемъ! На воздухѣ твоей головѣ будетъ легче.

— Не пойду.

— Ну, для меня! Ну, милый! Тамъ Лелька безъ партнера,—вѣдь это же разстраиваетъ игру.

— Не пойду.

— Ффу... какъ это неделикатно, какъ гадко...

Личико Тани темнѣетъ; она заинтересована гораздо больше, чѣмъ говоритъ, въ томъ, чтобы братъ шелъ играть въ крокетъ и сдѣлался партнеромъ Лельки: вѣдь тогда никто не помѣшаетъ ей хохотать и кокетничать съ Передольскимъ. И она дѣлаетъ послѣднюю попытку.

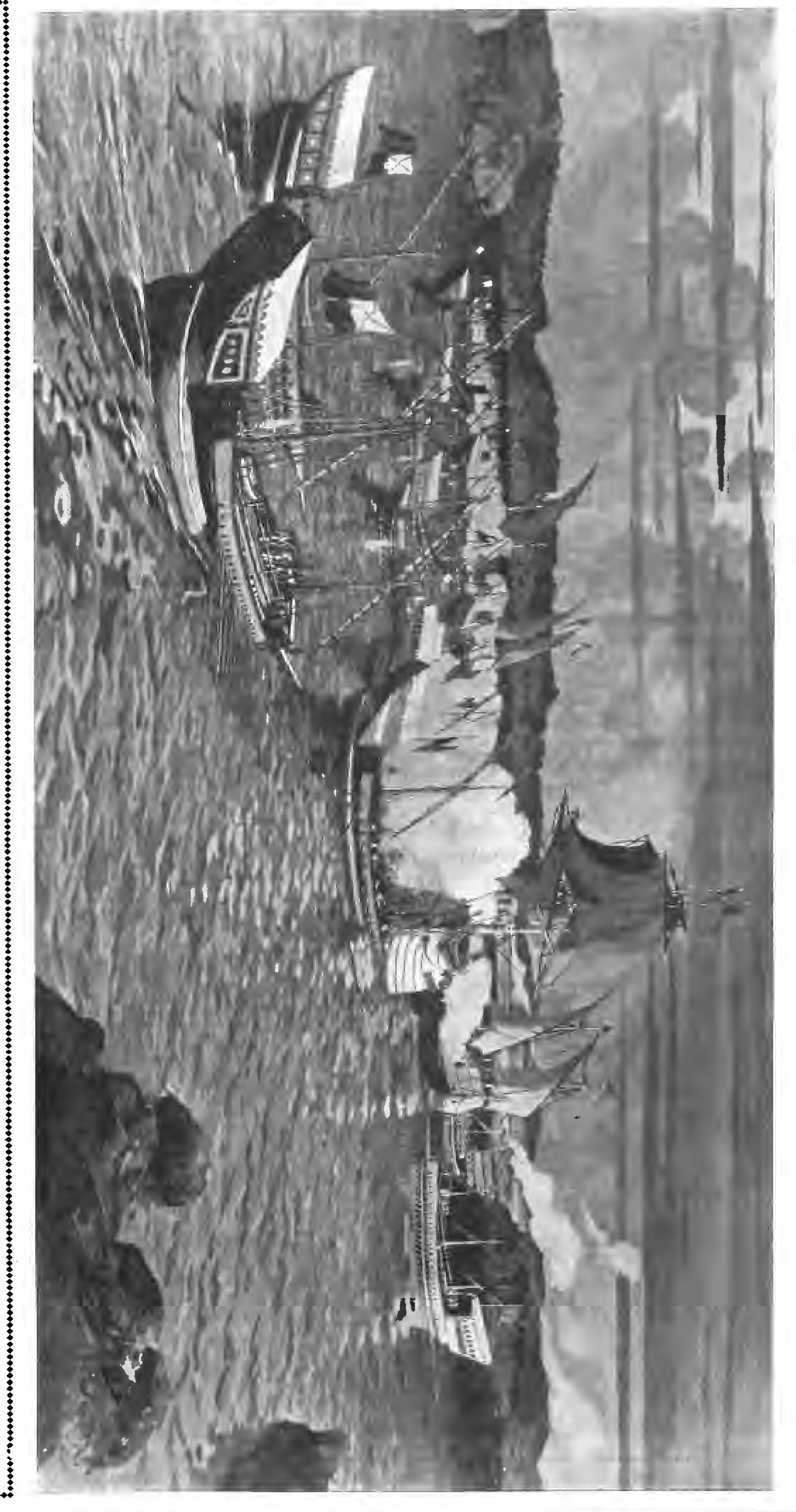
— Неужели ты не можешь сдѣлать этого для меня?—спрашиваетъ она кротко.

— Не могу!

Тогда Таня уходитъ, совсѣмъ не кротко хлопнувъ дверью, и Борису чудится, что съ ея розовыхъ губокъ скачутъ по его адресу и сычи, и совы, и тому подобныя неласковыя слова. Но это не огорчаетъ его; онъ радъ, какъ муха, счастливо выпутавшаяся

В. Вучичевичъ-Сибирскій. **Озеро Солонъ-Нуръ. Забайкалье.**

Библиотека "Руниверс"



П. Вагнеръ. Сраженіе при Гангутѣ 27 іюля 1714 г. Первая побѣда Петра I надъ шведами.

изъ сѣрой вязкой сѣти паука.

„Отдѣлался!“ — думаетъ Басаргинъ.

Когда до свиданія остается только часъ, Басаргинъ чувствуетъ, что, если онъ будетъ еще медлить, сердце его разорвется, не хватитъ воздуха для дыханія, вообще произойдетъ что-нибудь страшное, и онъ снимаетъ съ гвоздя фуражку. Съ фуражкой въ рукахъ минуты двѣ онъ стоитъ передъ окошкомъ въ раздумьѣ, чтобы показать, что онъ совсѣмъ не спѣшитъ и можетъ простоять у окна хоть полчаса, наблюдая, какъ черный пудель Дэнди носится по двору за Лэди, и какъ играютъ разрѣзвившіяся собаки, стараясь схватить другъ друга за уши. Затѣмъ медленными шагами человѣка, которому некуда спѣшить, котораго никто не ждетъ, и который никуда не торопится, онъ медленно сходитъ съ крыльца.

Для отвлеченія подозрѣній, хотя рѣшительно никто и ни въ чемъ не подозрѣваетъ его, идетъ онъ къ мѣсту свиданія окольной дорогой. Конечно, было бы лучше, если бы Басаргинъ, вмѣсто окольной дороги, шелъ по прямой, но съ менѣе зажигательнымъ выраженіемъ на лицѣ; конечно, было бы лучше, если бы Басаргинъ менѣе походилъ на заговорщика, не съ такимъ испугомъ оглядывался по сторонамъ и рѣже переходилъ съ одной стороны улицы на другую, завидѣвъ впереди „какъ будто знакомый“ силуэтъ. Но вѣдь человѣку свойственно плохо взвѣшивать свои собственные поступки — тѣмъ болѣе человѣку, идущему на первое свиданіе.

Вечеръ тихонько подкрадывается къ землѣ, но лѣтній вечеръ такъ же душенъ, какъ душенъ былъ лѣтній день. Золотистая пыль, поднятая лошадью какого-то франта въ черкескѣ, купается въ послѣднихъ солнечныхъ лучахъ. Западъ затянутъ розовой кисеей. Бѣлыя акаціи пахнутъ опьяняюще сильно. Когда Басаргинъ входитъ въ городской садъ, онъ не узнаетъ городского сада: тоны вечера, запахъ акацій, сѣрыя сумерки, что прячутся въ глубинѣ между кустовъ, и яркіе блики, что горятъ на вершинахъ деревьевъ, окутываютъ садъ дымкой

Библиотека "Руниверс"

очарованья. А впрочемъ, иначе не можетъ и быть: не можетъ же не чувствовать старый, густо разросшійся, городской садъ, чьи ножки сейчасъ будутъ топтать песокъ его аллей!

Когда Басаргинъ проходитъ по условленной дорожкѣ разъ пять или шесть, песокъ скрипитъ подъ крошечными туфельками Валентины. Валентина, какъ всегда, весела и жива, до того весела и жива, что это чуть-чуть разочаровываетъ Бориса: ни тѣни смущенія на смугломъ личикѣ или въ карихъ глазахъ дѣвушки! Даже странно. Точно Тиночка пришла не на свиданіе, а идетъ въ библіотеку перемѣнить книги или въ нотный магазинъ купить нотъ. Точно свиданія у нея бываютъ каждый день!

— Ну, здравствуйте! Что такое вы хотѣли сказать мнѣ, Басаргинъ? — весело спрашиваетъ Тиночка. — Интересное? Предвкушаю. Вы знаете, что на все интересное у меня ужасный аппетитъ.

Валентина жметъ руку Басаргина и улыбается, какъ ему кажется, чуть-чуть насмѣшливо.

На ней бѣлое платье съ краснымъ поясомъ, красными бантиками, брошенными кое-гдѣ и похожими на лепестки мака, а по вороту ея платья бѣжитъ такая же красная лента; ея бѣлыя туфельки пошмыгиваютъ изъ-подъ платья, какъ бѣлыя мыши. Изъ-подъ бѣлой шляпки на смуглый лобъ выбивается маленькая задорная прядь черныхъ волосъ. Щечки Тиночки отъ быстрой ходьбы разгорѣлись, и милый гость-румянецъ трепетно пылаетъ на нихъ.

— Ну-съ, будемъ слушать интересное!—повторяетъ Тиночка.—Вѣдь такъ?

— Конечно жъ, интересное,—говоритъ Басаргинъ.—Но... зачѣмъ вы такъ быстро бѣжите?

— Развѣ быстро?

Тиночка пожимаетъ плечами.

— На это у меня можетъ быть тысяча причинъ. Во-первыхъ, я могу любить быструю ходьбу, во-вторыхъ, я могу бояться коего-то и мечтать о томъ, чтобы задать, какъ это говорятъ школьники?.. вспомнила: задать „стрекача“. Я робкая, робкая, а кругомъ такъ много опасностей, что, чуть зазѣваешься, легко пострадать.

Каріе глазки Валентины мерцаютъ по-старому насмѣшливо, и Басаргину становится отъ ихъ мерцанія тяжело.

— Но если вамъ такъ хочется, мы можемъ и сѣсть. Честь и мѣсто!

Дѣвушка опускается на скамью подъ бѣлыми цвѣтами акацій и указываетъ Борису мѣсто рядомъ. Садится и Басаргинъ. На душѣ у него смутно; свиданіе оказывается совсѣмъ непохожимъ на то свиданіе, о которомъ мечталъ онъ, съ нѣжнымъ шопотомъ рѣчей, съ робкимъ признаніемъ о томъ, что безконечно серьезно и важно. Что случилось съ Валентиной? Что за странный тонъ у нея? Свиданье, о которомъ мечталъ онъ, походило на садъ, полный душистыхъ цвѣтовъ, а это свиданье—садъ, въ которомъ порвали всѣ цвѣты, и острые стебли торчатъ изъ черной земли сиротливо и скучно.

— Однако, что же у васъ наконецъ интереснаго?—спрашиваетъ Тиночка, оправляя платье.—Разсказывайте. До какихъ поръ мнѣ ждать? Кстати: вы знаете, что самое трудное?

— Что?

— Русскій народъ говоритъ, что самое трудное—ждать и догонять. Мудрые люди говорятъ, впрочемъ, что ожиданіе удовольствія лучше самаго удовольствія, но... я не согласна съ ними, Басаргинъ. Нѣтъ. И если вы хотите доказать, что вы—мудрый человѣкъ тѣмъ, что испытываете мое терпѣніе, изберите другой путь.

— Я... я совсѣмъ не хочу этого доказывать!—мрачно говоритъ Басаргинъ.

— Да? Вы думаете, что это и безъ доказательствъ ясно, самоувѣренный вы человѣкъ?

Она начинаетъ чертить зонтикомъ по песку дорожки какіе-то нелѣпые кружки, похожіе на ноли, которые дряннымъ школьникамъ ставятъ строгіе педагоги. Отъ новой дерзости на душѣ Басаргина становится еще смутнѣй.

— Ну, что же, услышу я интересное сегодня? Ей-Богу, жестоко такъ мучить меня.

— Я не говорю ничего потому, что, кажется... я ошибался. Мнѣ начинаетъ сдаваться, что я былъ глупцомъ, — горько вздыхаетъ Басаргинъ.

— Да? А вы... не черезчуръ строги къ себѣ?

— Я былъ глупцомъ,—машетъ рукою юноша.—Я вывелъ изъ нашихъ послѣднихъ встрѣчъ то, чего нельзя было изъ нихъ вывести. Впрочемъ, нѣтъ, не стоитъ и говорить! Я вижу, что все это вздоръ, а я хотѣлъ говорить серьезно.

— Боже мой, да это жъ моя мечта, Басаргинъ! Я очень люблю серьезничать, и говорятъ, что серьезное, хотя этому трудно повѣрить, мнѣ къ лицу. О чемъ же мы будемъ говорить серьезно: объ астрономіи, философіи, о путешествіи къ южному полюсу, для открытія котораго отправилось нѣсколько экспедицій? Ну-съ, начинайте, пожалуйста. Серьезное—моя страсть.

Басаргинъ вздыхаетъ и низко опускаетъ свою незадачливую голову, которой судьба не судила счастья; послѣдніе цвѣты облетаютъ въ его саду, ничего нѣтъ въ немъ, кромѣ черной земли и голыхъ прутьевъ; судьба сшутила съ нимъ злую шутку, судьба завела его въ лѣсную топь, гдѣ не можетъ онъ сдѣлать шага, и печаль гложетъ сердце Басаргина.

Съ чего вообразилъ онъ, что Валентина относится къ нему не такъ, какъ къ другимъ; что, дерзкая, взбалмошная съ другими, она мѣняетъ съ нимъ тонъ; что въ карихъ глазахъ ея мелькаетъ симпатія, а въ голосѣ звучитъ нѣжность, когда она обращается къ нему? Несбыточныя надежды! Пустыя мечты!.. Какъ глупо попалъ онъ впросакъ, упросивъ Валентину прійти въ городской садъ, гдѣ онъ хотѣлъ разсказать ей „все“! О чемъ говорить? Что разсказывать? Ея поведеніе открыло бы глаза и слѣпому. Для Валентины онъ то же, что десятки другихъ. Гдѣ ея симпатія? Гдѣ нѣжность? Чего только ни насочинялъ онъ, дико, глупо, безсмысленно!

— И серьезничать не хотите?—пожимаетъ плечами Тиночка.—Что съ вами дѣлать, я ужъ и ума не приложу.

Ея тонъ кажется Басаргину отвратительнымъ, нестерпимымъ; ему до слезъ жаль прежней, непохожей на эту, Тиночки, хотя та Тиночка только созданье его мечты; неуклюже поднимается онъ со скамейки и говоритъ громко:

— Прощайте!

— Куда же вы?

— Домой.

Валентина широко открываетъ глаза и въ удивленіи тоже чуть-чуть привстаетъ со скамейки, но затѣмъ опять садится.

— Да вы съ ума сошли? — говоритъ она. — Нѣтъ, нѣтъ, я не согласна! Я не пущу васъ. Я нарочно пришла, чтобы выслушать что-то интересное, и не уйду, не выслушавъ. Я не позволю шутить съ собой! Нѣтъ!

По губамъ ея прыгаетъ улыбка, а въ голосѣ звучитъ тревога, когда она кончаетъ капризно:

— Говорите то, что вы хотѣли сказать!

Уже темнѣетъ, но воздухъ полонъ духоты, какъ будто она думаетъ заночевать въ городѣ; крупныя звѣзды, какъ золотистыя блестки синей бархатной ризы, сверкаютъ въ небѣ; Басаргинъ поднимаетъ къ нимъ, далекимъ, свое смущенное, хмурое лицо и говоритъ:

— Это было раньше...

— А теперь?

— Теперь, если бъ я сталъ говорить, я сказалъ бы совсѣмъ другое. Я не хочу говорить... щадя васъ.

— Не желаю я вашей пощады. Говорите. Я не изъ трусливыхъ женщинъ, нѣтъ.

— Вы хотите слушать?

— Хочу, хочу, хочу!

— Ну, что же, слушайте,—начинаетъ, блѣднѣя, Басаргинъ.—Я думалъ сказать вамъ, что... люблю васъ, что съ ума схожу отъ любви, что ангелы въ небѣ представляются мнѣ менѣе прекрасными, чѣмъ вы (онъ блѣднѣетъ еще больше, чувствуетъ, что слѣдовало бы остановиться, но уже не можетъ остановиться), но... теперь я этого не скажу вамъ! Теперь я скажу...

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь!

— Что терпѣть не могу васъ, что вы... гадкая, злая! Слышите? Гадкая, злая!

Блаженство разливается по лицу дѣвушки.

— Злая? Я злая?—переспрашиваетъ она.

— Злая. У васъ нѣтъ души. Есть женщины некрасивыя, но милыя, надѣленныя душой... А вамъ Богъ далъ красивое лицо...

— Красивое, Басаргинъ? Все жъ это пріятно.

— Да, красивое, но вы хуже тѣхъ женщинъ, въ тысячу разъ хуже! У васъ нѣтъ души! Вы не понимаете, когда можно шутить и когда нельзя; вы не понимаете, что нельзя безконечно глумиться надъ человѣкомъ, что... О, если бъ вы знали, какъ я ненавижу васъ!

Дѣвушка всплескиваетъ руками.

— Дальше, дальше! Великолѣпно! Я не узнаю васъ, Басаргинъ!

Басаргинъ взглядываетъ на Тиночку и говоритъ рѣзко:

— Прощайте!

— Стойте, куда вы?! Съ чего вы взяли, что я пущу васъ?—спрашиваетъ дѣвушка.—Ни за что! Садитесь на мѣсто.

Она притягиваетъ его за рукавъ и властно сажаетъ на скамью.

— Какъ суровъ вашъ голосъ, какъ сердито сверкаютъ ваши глаза! Вы глядите настоящимъ мужчиной, а мужчина долженъ быть силенъ и смѣлъ! О, вы человѣкъ съ характеромъ, вы не тряпка! Терпѣть не могу тряпокъ! Пожалуйста, не сердитесь на меня за то, что я васъ мучила, но нужно же было васъ хотя разъ вывести изъ себя. Развѣ я виновата? Зачѣмъ вы взяли себѣ манеру тихоней смотрѣть! Терпѣть не могу тихонь!

Басаргинъ смотритъ въ глаза Тиночкѣ.

— Значитъ?..—медленно шепчетъ онъ.

Но дѣвушка отводитъ свой взглядъ въ сторону и перебиваетъ его:

— Значитъ, всходитъ луна, и мы поѣдемъ кататься на лодкѣ.

Они встаютъ со скамьи, спускаются изъ сада къ рѣчной пристани и спрашиваютъ лодку; Басаргинъ берется за весла, а дѣвушка садится за руль.

— Значитъ, — вновь медленно шепчетъ Басаргинъ, когда они отъѣзжаютъ на середину рѣки:—значитъ, вы... я не противенъ вамъ, Валентина Леонтьевна?

Она лукаво закусываетъ губки:

— А какъ вы думаете?

— Я... не знаю.

Дѣвушка вздыхаетъ и говоритъ сердито:

Библиотека "Руниверс"

— Терпѣть васъ не могу!
— Какъ?!
— Ну, да. Вѣдь это жъ всегда такъ бываетъ: вмѣсто того, чтобы итти на вечеръ, гдѣ будутъ танцы, и гдѣ можно встрѣтить любимыхъ и милыхъ людей, приходятъ въ садъ, катаются на лодкѣ и смотрятъ на луну съ тѣми, которыхъ терпѣть не могутъ. Вѣдь въ жизни всегда же бываетъ такъ!

Она поднимаетъ вверхъ руку къ желтой лунѣ душнаго лѣтняго вечера и спрашиваетъ притихшимъ голосомъ:

— Что вы съ луны свалились, что не знаете такихъ вещей?!

Медленно движутся весла, какъ крылья бѣлой птицы. И Басаргину кажется, что у него тоже вырастаютъ крылья и поднимаютъ его высоко, высоко, къ синему небу, къ звѣздамъ, къ бѣлымъ, кудрявымъ, какъ Божьи ангелы, облакамъ.

Острая боль возвращаетъ его къ землѣ.

— А вы знаете,—говоритъ Тиночка:—я здѣсь пробуду только три недѣли.
— Три недѣли?!
— Да. Ну, можетъ, четвертую какъ-нибудь натяну.
— И потомъ... уѣдете?
— Уѣду въ усадьбу.
— А когда же вернетесь? На будущій годъ?
— Не знаю. Едва ли. Будущимъ лѣтомъ мама думаетъ ѣхать на Кавказъ. Все „Дубки" да „Дубки", говоритъ. Ей надоѣло.
— „Дубки"?—задумчиво переспрашиваетъ Басаргинъ.—А это не въ Черномъ уѣздѣ? „Михольцово" не близко отъ васъ?
— Близко. Михольцовъ почти нашъ сосѣдъ.
— Эге. Ну, такъ на будущій годъ мы непремѣнно увидимся съ вами. Такъ и знайте.
— Почему?
— Господи, Михольцовъ—мой дядя. На будущее лѣто я пріѣду къ нему гостить.
— А знаете, вѣдь это жъ прелестно выходитъ, Басаргинъ. Никогда не надо, не разобравъ дѣла какъ слѣдуетъ, вѣшать носъ на квинту. Голенькій—охъ, за голенькимъ Богъ!

Басаргинъ складываетъ весла и говоритъ радостно:

— Вы—правы.
— Я познакомлю васъ съ моимъ отцомъ, Басаргинъ. И съ мамой. Папа у меня славный, сама прелесть. Мы обожаемъ другъ друга.
— А мама славная?
— Ну, да,—говоритъ Тиночка, помолчавъ.—И мама тоже славная.

Но голосъ дѣвушки звучитъ не особенно убѣдительно, и въ сердце юноши закрадывается сомнѣніе.

— Она не безъ странностей, но она славная. И любитъ меня,—говоритъ Тиночка.
— А вотъ я не смогу познакомить васъ съ дядей,—грустно вздыхаетъ Басаргинъ.—Онъ живетъ уединенно, обложившись старыми книгами, и ни съ кѣмъ не водитъ знакомствъ. У него въ жизни было что-то... какая-то драма, и съ тѣхъ поръ людей онъ смѣнилъ на книги; въ „Михольцовѣ" не увидишь живого лица. Впрочемъ, онъ человѣкъ не злой, и съ нимъ можно ладить. А если ему нравится походить на сурка и жить, какъ живетъ старый сычъ, что же подѣлаешь съ этимъ.
— Да, Басаргинъ, у каждаго своя манера веселиться.

И Тиночка тихонько напѣваетъ что-то веселое, бравурное, отъ чего у Басаргина становится безконечно весело на сердцѣ.

И если бы кто-нибудь шепнулъ имъ, что они увидятся въ „Дубкахъ" не черезъ годъ, а только черезъ два года, ихъ печаль не была бы остра. Юношѣ свойственно думать, что время летитъ, какъ птица, и человѣческая жизнь почти безконечна...

II.

Ясное утро. На такія утра іюль не скупится и посылаетъ ихъ человѣчеству другъ за дружкой; кусты и деревья, будто очарованные, не шевелятся въ старомъ саду. Облака въ темно-синемъ небѣ плывутъ лѣниво. Кажется, они плывутъ, исполняя скучную, давно надоѣвшую имъ обязанность, и если бы ихъ воля, они застыли бы на мѣстѣ, любуясь желтыми полями, голубыми извивами рѣкъ и бѣлыми, прячущимися среди тополей, хуторами. Но вѣтеръ, котораго нѣтъ внизу, тамъ, вверху, говоритъ имъ властно:

— Плывите!

И они лѣниво плывутъ, все впередъ и впередъ.

Въ это ясное утро въ ракитинской усадьбѣ „Дубки" маленькій лысенькій человѣчекъ, съ добродушнымъ, но какъ бы испуганнымъ лицомъ, мелкимъ шажкомъ ходитъ взадъ и впередъ по садовой дорожкѣ. Въ противоположность ясному утру, онъ хмуръ. По временамъ маленькій человѣчекъ останавливается, вытягиваетъ впередъ короткую шею и бормочетъ:

— Нѣтъ еще,—не идетъ.

И, помолчавъ, прибавляетъ:

— Ахъ, Тиночка, Тиночка!

Тайная забота угнетаетъ маленькаго человѣчка. Когда пастухъ Родіонъ, бродящій со стадомъ по оврагу въ верстѣ отъ усадьбы, начинаетъ наигрывать на жилейкѣ что-то меланхолически грустное, что-то хватающее за сердце, говорящее о тоскѣ одиночества и несбывшихся думахъ, маленькій человѣчекъ замираетъ на мѣстѣ, зажмуриваетъ глаза и говоритъ одобрительно и нѣжно:

— Какъ ловко выводитъ! Ахъ, чтобъ тебя, Родіонъ! Дастъ же человѣку этакій даръ Создатель!

Но старая тайная забота жалитъ его сердце. Онъ попрежнему вытягиваетъ впередъ шею и забываетъ все, на мгновеніе тронувшее его: и жилейку, и Родіона, и его меланхолически грустный мотивъ.

— Что же это Тиночка не идетъ?—шепчетъ маленькій человѣчекъ.—Удивительно. Давно бы пора прійти было.

Наконецъ, послѣ долгаго и томительнаго ожиданія, впереди, между зелени кустовъ, мелькаетъ розовое платье. Маленькій человѣчекъ, завидя розовое платье, трепещетъ, останавливается, торопливо одергиваетъ свой чесучевый пиджакъ, какъ школьникъ на экзаменѣ, услыхавшій свою фамилію, и лицо его моментально выражаетъ еще большій испугъ, передъ которымъ тотъ, что бродилъ ранѣе по лицу маленькаго человѣчка, оказывается пустякомъ. Но это продолжается только одно мгновеніе, а затѣмъ маленькій человѣчекъ сдвигаетъ брови, опускаетъ углы губъ и дѣлаетъ строгую физіономію, отъ которой на сажень пахнѣтъ холодомъ.

Розовое платье мелькаетъ среди кустовъ все ближе и ближе. Вотъ исчезаетъ послѣдній кустъ, закрывающій его, оно выскакиваетъ на дорожку и оказывается въ двухъ шагахъ отъ маленькаго человѣчка.

Розовое платье надѣто на особѣ лѣтъ семнадцати, съ смуглымъ личикомъ, смѣлыми глазками и плутовски вздернутой верхней губкой, алой, какъ вишня; въ густыхъ волосахъ съ синеватымъ отливомъ красуется пышная роза.

Когда особа замѣтила маленькаго человѣчка, въ ея смѣлыхъ глазахъ вспыхиваетъ огонь, на ея губы набѣгаетъ улыбка, и звонкимъ, какъ пѣніе жаворонка, голосомъ она говоритъ:

— Папочка, здравствуй!

Губы у маленькаго человѣчка шевелятся, какъ будто имѣютъ намѣреніе кого-то поцѣловать, но маленькій человѣчекъ вдругъ дѣлается хмурымъ, подбираетъ ихъ и говоритъ кисло:

— Здравствуй, здравствуй.

Небывалый случай. Тиночка быстро взглядываетъ на маленькаго человѣчка, отступаетъ на шагъ и, скрестивъ на груди понаполеоновски руки, спрашиваетъ строго:

— Папочка?!
— Ну?
— Что это значитъ?
— Что, Тиночка?
— Да вотъ это самое... поведеніе твое?

Маленькій человѣчекъ трепещетъ, какъ угорь на горячей сковородкѣ, но моментально оправляется. Губы его начинаютъ что-то шептать.

Если бъ у Тиночки былъ такой тонкій слухъ, который давалъ бы ей возможность слышать глухою ночью шопотъ травы съ цвѣтами, божьихъ коровокъ съ букашками, она услыхала бы странныя слова: „Не робѣй! Будь мужественнымъ, старый башмакъ!"

Но ея слухъ не настолько тонокъ, чтобы слышать это. И она слышитъ лишь то, что маленькій человѣчекъ говоритъ громко:

— Я не понимаю тебя, Тиночка!
— Отчего ты не цѣлуешь меня, папа?
— А, вотъ что...

Маленькій человѣчекъ достаетъ темный фуляровый платокъ изъ кармана, отираетъ со лба потъ, прибавляетъ на лицо строгости и говоритъ:

— Ты хочешь знать, почему я не цѣлую тебя, Тиночка? Гм... почему, почему?.. Потому что я недоволенъ тобою: ты огорчаешь меня!

По лицу молодой дѣвушки бѣжитъ сѣрая тѣнь: оно становится серьезнымъ.

— Но чѣмъ же я огорчаю тебя, папочка?—спрашиваетъ Тиночка съ недоумѣніемъ.

Маленькій человѣчекъ кашляетъ и отвѣчаетъ загадочно:

— Ты знаешь, чѣмъ.
— Ничего я не знаю,—качаетъ головкою Тиночка, и въ голосѣ ея звенитъ обида.—Быть-можетъ, я забыла вчера полить твои цвѣты? Но, кажется, я полила ихъ?
— Что цвѣты!
— Ты просилъ написать отъ тебя поздравленія Передольскому; я написала и отослала письмо еще третьяго-дня,
— Что письмо!
— Но, папочка, что же я забыла сдѣлать?

Она разводитъ смѣлыми ручками.

— Пыль съ твоихъ раковинъ я стираю сама, чтобы Людмила ихъ не раздавила; книги на твоихъ полочкахъ въ порядкѣ; твои газеты на этажеркѣ подобраны по нумерамъ. Папиросы, папочка, у тебя всегда есть готовыя, и тебѣ самому ихъ не приходится набивать. Развѣ вотъ что...

Тиночка весело усмѣхается; тайна открыта, трудный вопросъ рѣшенъ.

— Теперь знаю. Ты, вѣрно, не нашелъ пера у своей любимой чернильницы? Но честное слово, папочка, я не брала твоего пера. Я его видѣла въ рукахъ Марьи Антоновны, когда она писала билетики на банкахъ съ вареньемъ и крупнымъ почеркомъ выводила: „сливы", „персики", „абрикосы", „черешни"; мама заставила ее писать и велѣла взять у тебя перо, а Марья

Библиотека "Руниверс"

Антоновна, вѣрно, забыла снести его назадъ. Вотъ и все. Но честное слово, папочка, это Марья Антоновна, а не я.

Маленькій человѣчекъ машетъ рукой съ нескрываемой досадой.

— Что перо, тутъ не въ перѣ дѣло! Тутъ дѣло поважнѣе какого-то глупаго пера,— говоритъ онъ.

Тиночка такъ закусываетъ губку, какъ будто хочетъ выразить, что теперь она уже рѣшительно ничего не понимаетъ; а маленькій человѣчекъ снова отираетъ съ влажнаго лба потъ и говоритъ уныло:

— Пойдемъ-ка въ бесѣдку. Тамъ попрохладнѣе.

Они дѣлаютъ нѣсколько шаговъ по горячему песку дорожки и входятъ въ бесѣдку.

Это старая, запущенная, когда-то, въ давно прошедшія времена выложенная туфомъ бесѣдка; возлѣ входа и кое-гдѣ по стѣнамъ ея вьется плющъ; въ бесѣдкѣ полутьма и прохлада; только въ рѣдкія щели межъ разъѣхавшимися кусками туфа врываются солнечныя пятна и золотыми кружками и полосами бѣгаютъ по полу, по противоположнымъ отъ солнца стѣнамъ, по круглому столу, который стоитъ посрединѣ бесѣдки, и по широкой скамьѣ, дѣлающей около стѣнъ бесѣдки почти полный кругъ.

Отецъ садится по одну сторону стола, а дочь по другую.

— Да, не въ перѣ дѣло, перо—пустяки,—повторяетъ меленькій человѣчекъ.—Ты огорчаешь меня, Тиночка, не перомъ, а поведеніемъ своимъ. Вотъ оно что.

— Но, папочка...

— Помолчи. Какъ ты держишь себя съ Рахимовымъ? Съ какой стати ты смотришь на него злыми глазами, отвертываешься, когда онъ заговариваетъ съ тобой, а если отвѣчаешь, то такъ и жди, что отвѣтишь ему какой-нибудь шпилькой. Что это такое?

— Но почему же, папочка, мнѣ смотрѣть на него влюбленными глазами, если я его терпѣть не могу?

— Гм... влюбленными... Кто же тебя проситъ смотрѣть влюбленными?

— Онъ нехорошій человѣкъ, этотъ Рахимовъ. Говорятъ, что онъ пустилъ по міру племянницу-сироту.

— Сироту? Вздоръ! Говорятъ болтуны, не знающіе дѣла. Не одну сироту Рахимовъ пустилъ по міру, а двухъ сиротъ! —говоритъ маленькій человѣчекъ съ жаромъ.

— Говорятъ, что онъ дурно обращался съ женой и сжилъ жену со свѣта.

— Конечно, сжилъ. И къ ворожеѣ не ходи—сжилъ.

— Вотъ видишь!

— Гм... гм...

Ракитинъ багровѣетъ, усиленно кашляетъ и вдругъ напускаетъ на себя строгость.

— Но это, въ сущности, не имѣетъ никакого отношенія къ предмету, Тиночка!—говоритъ онъ дочери. — И кто тебя проситъ разсуждать? Что же послѣ этого родителямъ дѣлать, если дѣти начнутъ разсуждать? Ты не разсуждать должна, а слушать.

Молодая дѣвушка пожимаетъ плечами и говоритъ холодно:

— Я слушаю. Говори.

— Гм... Такъ-то. Ты вотъ одно о Рахимовѣ думаешь, а мать, можетъ-быть, совершенно другое. Д-да. И притомъ, ежели разсудить здраво, кто былъ при этомъ, какъ Рахимовъ пускалъ по міру сиротъ или сживалъ со свѣту жену? Никто не былъ. Можетъ-быть, сироты сами себя пустили по міру...

— Папочка...

— Не перебивай! Можетъ-быть, пришла смерть, и померла жена у Рахимова: кашляла, кашляла и померла. Смерть причину найдетъ. Можетъ-быть, о Рахимовѣ идутъ только слухи дурные, слухи эти—небывальщина, а дѣйствительность, которую мы видимъ передъ собою, Тиночка, совсѣмъ не плоха. Нѣтъ! Что показываетъ эта дѣйствительность? Дѣйствительность показываетъ, что Рахимовъ—дѣлецъ и предприниматель, какихъ еще съ огнемъ поискать надо, что онъ такими предпріятіями ворочаетъ, отъ корыхъ у простыхъ смертныхъ духъ захватываетъ. Дѣйствительность показываетъ, что Рахимовъ своими предпріятіями весь край оживляетъ. Д-да...

— Ну, дутыми предпріятіями, папочка, края не оживишь!

— Кто тебѣ эту чепуху сказалъ?

— Борисъ Сергѣевичъ.

— Что знаетъ твой Борисъ Сергѣевичъ, кромѣ своего дядюшкисурка? Дутыми? Ха-ха-ха!..

— Дутыми, дутыми!

— Дутыми, глупая, милліоновъ не наживешь, а Рахимовъ, если еще не нажилъ милліоновъ, то мы и мигнуть не успѣемъ, какъ онъ наживетъ ихъ. Вотъ дорогу желѣзную строить собирается. Что же, это тоже дутое предпріятіе, по-твоему? А? Повторяю, мигнуть не успѣемъ мы, какъ Рахимовъ будетъ милліонеромъ!

— Но что же тутъ хорошаго, папочка?

— Какъ, что хорошаго? Милліонеромъ-то быть что хорошаго? Благодарю, не ожидалъ. Что же, по-твоему, это плохо?

— Конечно же, плохо.

— Ка-а-акъ?

— Ахъ, папочка, въ два-три года, въ пять лѣтъ честнымъ трудомъ не наживешь милліоновъ. Это и Борисъ Сергѣевичъ говоритъ, да и сама я это знаю. Не ребенокъ же я! Нажить такъ быстро ихъ можно только аферами, биржевой игрой или темными дѣлами, за которыя тянутъ въ судъ. Не понимаю, что хорошаго нажить милліонъ хотя бы и биржевою игрой, за которую не судятъ, папочка? Вѣдь эти милліоны-то не съ неба свалились, а у кого-нибудь взяты, можетъ-быть, по тысячкѣ, по двѣ тысячки взяты у бѣдныхъ людей! Можетъ-быть, бѣдные-то люди всего лишились, можетъ-быть, они по міру пошли! Почему выиграть у человѣка все состояніе въ карты и пустить его по міру считается некрасивымъ, а выиграть у человѣка состояніе на биржѣ, разорить его—это ничего? Можетъ-быть, потому, что на биржѣ ты не знаешь, кого обыгралъ? Такъ не все ли равно, папочка? Развѣ ударить съ открытыми глазами человѣка—дурно, а ударить, закрывъ глаза, не зная, кого бьешь,—хорошо?

— Боже мой, и откуда ты только всего этого набралась?!

— Папочка...

— Перестань сыпать словами, будто горохомъ. Не трещи. У меня отъ твоей трескотни шумъ въ ушахъ поднялся.

Ракитинъ отираетъ платкомъ потъ, отдувается и говоритъ:

— Уфъ... Теперь отошелъ немножко! Въ чувство начинаю приходить... уфъ...

Маленькій человѣчекъ совсѣмъ овладѣваетъ положеніемъ.

— Дитятко ты глупое,—говоритъ онъ.—При чемъ тутъ биржа? О, Мать Пресвятая Богородица! Я ей о Рахимовѣ, а она мнѣ о биржѣ! Да откуда ты знаешь, что Рахимовъ на биржѣ играетъ? Да зачѣмъ ему на биржѣ играть? Человѣкъ въ превосходныя предпріятія ушелъ съ головой...

— Въ аферы!

— Въ солидныя предпріятія...

— Въ аферы, въ аферы!

— Откуда ты слышала это?!

— Всѣ говорятъ.

— Всѣ говорятъ? А развѣ ты не знаешь, что людскую молву не переслушаешь и что люди вѣчно что-нибудь дрянное болтаютъ, потому что языкъ у нихъ безъ костей?

— Однако о тебѣ, папочка, ничего дурного не болтаютъ.

— А можетъ, и болтаютъ? Ты-то что за всезнайка?

— Не болтаютъ! Про Бориса Сергѣевича тоже не болтаютъ ничего.

— Ну, вотъ еще?! У кого же повернется языкъ сказать что-нибудь дурное про Бориса Сергѣевича? Онъ славный малый, у него открытая душа.

— А вотъ мама его не любитъ, папочка. Отчего?

— Не знаю. Думаю... а, впрочемъ, нѣтъ, даже и не думаю ничего...

— Ты знаешь, Борисъ Сергѣевичъ пріѣдетъ сегодня?

— Да что ты? Не можетъ быть.

— Если я говорю, пріѣдетъ, значитъ—пріѣдетъ.

— Отлично!

Маленькій человѣчекъ радостно потираетъ руки и даже привстаетъ на мѣстѣ отъ нетерпѣнія.

— Устроимъ же мы нынче генеральное рыболовство: поѣдемъ на островъ втроемъ.

— Браво!

— Самоваръ съ собой захватимъ.

— Вотъ будетъ отлично, папочка!

— А вечеромъ въ шахматы засядемъ играть.

— Прелесть! Но если такъ, нужно будетъ пойти и сказать Тихону, чтобы онъ осмотрѣлъ лодку.

— Вѣрно! Идемъ.

Отецъ и дочь вскакиваютъ со скамьи съ одинаковой живостью, рука объ руку направляются къ двери и вдругъ... пятятся, точно видятъ привидѣніе.

Въ дверяхъ бесѣдки стоитъ высокая, полная женщина, съ насмѣшливой улыбкой на тонкихъ губахъ, съ холоднымъ блескомъ большихъ сѣрыхъ глазъ и приподнятыми вверхъ широкими бровями, что у нея служитъ признакомъ большого удивленія. Высокая женщина пожимаетъ плечами. Передъ нею совершается что-то такое, чего она, несмотря на все свое желаніе, никакъ не можетъ понять. Она вздыхаетъ и еще разъ пожимаетъ плечами.

— Вмѣсто Тихона,—обращается высокая женщина къ дочери:—потрудитесь итти домой и сидѣть въ своей комнатѣ, а вы (она бросаетъ холодный взглядъ своихъ сѣрыхъ глазъ на мужа)—останьтесь здѣсь: мнѣ нужно поговорить съ вами.

Маленькій человѣчекъ пугливо моргаетъ глазами и опускается опять на скамью. Смуглое, внезапно поблѣднѣвшее личико, какъ звѣздочка, мелькаетъ для него въ послѣдній разъ у входа въ бесѣдку, онъ слышитъ легкій сдержанный кашель, удаляющіеся шаги Тиночки, и болѣе онъ не видитъ и не слышитъ ничего.

— Позвольте спросить,—что вамъ было велѣно сдѣлать?—спрашиваетъ Ракитина, когда розовое платье дочери исчезаетъ среди кустовъ.

— Выговоръ Тиночкѣ,—глухо говоритъ маленькій человѣчекъ.

— За что?

— За дурное отношеніе къ Рахимову.

— Такъ... Что же вы сдѣлали? Что говорили? Я стояла у входа и слышала отъ слова до слова вашу глупую рѣчь. Что говорили вы вашей испорченной дочери, старый глупецъ?

Въ голосѣ высокой женщины слышатся все болѣе и болѣе суровыя нотки.

— Вмѣсто того, чтобы объяснить дѣвочкѣ, какъ глупо и дико,

Библиотека "Руниверс"

какъ безсмысленно ея поведеніе по отношенію къ Рахимову, вмѣсто того, чтобы объяснить, какая умница, какой талантивый, выдающійся и предпріимчивый дѣлецъ Рахимовъ, и какая ничтожность этотъ Басаргинъ. этотъ мальчишка-нищій, котораго я не велю пускать на порогъ, потому что рѣшительно неизвѣстно, достанется ему что-нибудь отъ дяди или нѣтъ,—вы разсказываете рядъ глупостей о какихъ-то пущенныхъ по міру миѳическихъ сиротахъ, о сжитой со свѣту женѣ Рахимова (въ какихъ лакейскихъ вы наслушались этихъ сплетенъ?) и открытой душѣ вашего проходимца! Кто васъ просилъ выхвалять добродѣтели этого мальчишки? Развѣ вы не видите, что ваша дочь и такъ имъ увлечена? Глазъ у васъ нѣтъ? Отецъ вы или глупый ребенокъ? Они втроемъ поѣдутъ на островъ заниматься рыболовствомъ? Скажите, какая идиллія, какіе милые рыбаки! Я вамъ задамъ идиллію, я вамъ покажу островъ!

Въ глазахъ Ракитиной все чаще и чаще вспыхиваютъ злые огни.

— Долго ли вы будете дѣлать глупость за глупостью и мучить меня?—спрашиваетъ она почти тихо, потому что волна бѣшенства перехватываетъ ей голосъ.

Маленькій человѣчекъ по привычкѣ пугливо моргаетъ глазами.

Высокая женщина хмуро придвигается къ мужу: въ подобныхъ случаяхъ маленькій человѣкъ имѣетъ обычай благоразумно отступать. Но въ этотъ день, по всей вѣроятности, въ книгѣ судебъ написано, чтобы все шло шиворотъ навыворотъ: маленькій человѣчекъ вскакиваетъ съ мѣста, останавливается передъ самымъ носомъ жены и говоритъ хмуро:

— Брось, Наталья Дементьевна! Не бывать этому. Такъ и знай!

— Съ ума вы сошли?! Чему не бывать?

— Не бывать этому аферисту съ его дутыми милліонами мужемъ Валентины! Сегодня онъ панъ, а завтра его въ тюрьму засадили. Къ чорту этихъ выдающихся дѣятелей, предпринимателей, прожекторовъ!

— Да вы взбѣсились?!

— И будь на ихъ мѣстѣ настоящіе милліонеры съ настоящими, а не дутыми милліонами, и тѣхъ къ чорту! Мнѣ нѣтъ дѣла до того, завѣщалъ или не завѣщалъ дядя „Михольцево“ Басаргину, я знаю одно, что Басаргинъ славный малый, открытая душа. Я буду любить его нищимъ. А милліоны я шлю къ чертямъ!

— Милліоны къ чертямъ?!

— Именно. Все къ чорту! Не нужно намъ милліоновъ! Безъ нихъ проживемъ.

— И если бъ этотъ голышъ задумалъ быть мужемъ Валентины, вы бы отдали Валентину за него?

— Обѣими руками! Съ удовольствіемъ! Съ восторгомъ! Такъ и знай! Довольно того, что ты мою жизнь сгубила (когда-то и я человѣкомъ былъ!), а жизнь Тиночки я тебѣ губить не позволю! Слышишь ты: не позволю! Нѣтъ.

Слезы ручьемъ текутъ по его щекамъ, но маленькій человѣчекъ молодецки поводитъ плечами, топаетъ ножкой еще разъ и выходитъ изъ бесѣдки.

Ракитина съ испугомъ смотритъ вслѣдъ мужу.

— Богъ знаетъ что̀ такое!—срывается съ ея устъ.—Нынче всѣ точно съ ума посошли! Съ чего это? Съ жары, что ли?

И, уходя отъ бесѣдки, она говоритъ:

— Ну, это мы еще посмотримъ. Да.

И заканчиваетъ съ мольбой:

— Ахъ, если бъ дьяволъ убралъ этого мальчишку съ дороги! Дьяволъ слышитъ ея мольбу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Засуха.

Дальній пламень лѣсного пожара,
Въ небѣ—солнце, несущее смерть:
Неотвратно, слѣпительно-яро
Краснымъ окомъ глядящая твердь!

Къ нищимъ избамъ ползетъ лихолѣтье...
Что̀ ты можешь? Смирись и молчи.
Словно плетью, язвящею плетью,
Грудь земную изсѣкли лучи.

Отъ сожженной измученной груди
Запахъ тлѣнья и терпкая гарь...
И, скорбя, приникаютъ къ ней люди:
Сѣрый пахарь, пастухъ и косарь.

Мать-земля! Оросить ли слезами
Или кровью тебя напоить?
И какими словами, мольбами,
Непомѣрную муку избыть?..

И вѣщаетъ имъ странникъ убогій,
У часовни слагая суму,
Что архангелъ, губящій и строгій,
Къ намъ ниспосланъ въ грѣховную тьму.

Мечъ его озаряетъ пожаромъ
Нѣдра дикихъ, глухихъ деревень,
А въ десницѣ пылающимъ шаромъ
Солнце, солнце не меркнетъ весь день!

М. Пожарова.

П. Г. Шелапутинъ.

(Съ портр. и 6 рис. на стр. 593).

Имя Шелапутина извѣстно всей культурной Россіи: недавно скончавшійся Павелъ Григорьевичъ Шелапутинъ былъ яркимъ представителемъ того благороднаго меценатства, которымъ издавна отличалась и отличается Москва, создавшая множество культурныхъ учрежденій — больницъ, школъ и т. п. на частныя средства. Но среди многихъ московскихъ меценатовъ П. Г. Шелапутинъ выдѣлялся, во-первыхъ, широкимъ размахомъ своей благотворительной дѣятельности, а во-вторыхъ, изумительной скромностью: его благотворительная и просвѣтительная дѣятельность выражается огромной суммой въ восемь милліоновъ рублей (если еще не болѣе), но покойный умѣлъ ставить себя въ тѣнь—о немъ мало говорили, и получалось такое впечатлѣніе, будто основываемыя имъ замѣчательныя учрежденія вырастали сами собой.

Въ Москвѣ имѣется цѣлый рядъ „шелапутинскихъ“ учрежденій: шелапутинское реальное училище, шелапутинская гимназія, шелапутинское женское ремесленное училище, шелапутинскій педагогическій институтъ, и т. д.

П. Г. Шелапутинъ посвятилъ всю свою жизнь дѣлу народнаго просвѣщенія. Разные этапы этой мудрой и обильной добрыми дѣлами жизни — различныя культурныя учрежденія, созданныя покойнымъ: мы уже назвали нѣкоторыя изъ нихъ. Кромѣ нихъ Шелапутинъ создалъ еще два ремесленныхъ училища, школу и пріютъ увѣчныхъ сиротъ, домъ дешевыхъ квартиръ и, самое главное—великолѣпный гинекологическій институтъ имени Анны Шелапутиной при Московскомъ университетѣ. Уже подъ конецъ своей жизни—совсѣмъ еще недавно П. Г. Шелапутинъ пожертвовалъ свыше полутора милліона рублей на задуманный имъ институтъ для учительницъ (женская учительская семинарія). Въ этомъ институтѣ онъ хотѣлъ широко поставить не только учебное, но и прикладное преподаваніе съ тѣмъ, чтобы выпускать изъ женской учительской семинаріи не только широко образованныхъ учительницъ по предметамъ общаго образованія, но и опытныхъ инструкторшъ по кустарному и ремесленному труду.

Каждое изъ созданныхъ Шелапутинымъ учрежденій отличается солидностью и всевозможными техническими совершенствами: все это въ своемъ родѣ дворцы, обставленные съ роскошью, которую покойный милліонеръ-меценатъ допускалъ только для общественныхъ учрежденій. Самъ онъ жилъ какъ нельзя болѣе скромно и просто. Онъ неоднократно говаривалъ, что всякая лишняя личная трата отнимаетъ средства отъ любимаго имъ дѣла просвѣщенія.

И реальное училище, и гимназія, и педагогическій (мужской) институтъ, представляющій собой единственное въ своемъ родѣ учрежденіе, и въ особенности гинекологическая клиника—все это настоящія достопримѣчательности Москвы. Гинекологическій институтъ и клиника образцово обставлены, находятся въ великолѣпномъ зданіи и владѣютъ собственнымъ капиталомъ свыше 100.000 р. Прекрасно обставлены и созданныя Шелапутинымъ среднія учебныя заведенія, обезпеченныя всевозможными учебными пособіями и отличающіяся рѣдкой въ смыслѣ гигіеничности обстановкой.

До послѣднихъ дней своей жизни П. Г. Шелапутинъ не переставалъ живо интересоваться всѣмъ тѣмъ, что̀ такъ или иначе приноситъ помощь человѣчеству. Его занимали всѣ научныя открытія, весь прогрессъ науки — въ особенности медицинскій. И когда въ печати стали говорить о новыхъ цѣлебныхъ свойствахъ радія, П. Г. Шелапутинъ немедленно откликнулся и пожертвовалъ извѣстному московскому профессору Снегиреву 40.000 р. на покупку радія для гинекологическаго института.

П. Г. Шелапутинъ происходилъ изъ старокупеческой московской семьи. Одинъ изъ его предковъ былъ во время французскаго нашествія городскимъ головой въ Москвѣ. Обладая громаднымъ состояніемъ, покойный былъ виднымъ представителемъ московскаго коммерческо-промышленнаго міра: онъ былъ учредителемъ и предсѣдателемъ правленія Балашинской мануфактуры—громаднаго предпріятія, насчитывающаго свыше 8 тысячъ рабочихъ.

Личная жизнь этого удивительнаго человѣка сложилась неудачно: одинъ за другимъ умерли его взрослые сыновья. Эту тяжкую семейную драму П. Г. Шелапутинъ сумѣлъ пережить—

Библиотека "Руниверс"

и создалъ въ память скончавшихся дѣтей одно за другимъ свои замѣчательныя просвѣтительныя учрежденія. Онъ какъ бы воскресилъ въ этихъ учрежденіяхъ тѣхъ, кто безвременно погибъ въ его личной семейной жизни.

Въ январѣ текущаго года П. Г. Шелапутинъ серьезно заболѣлъ и уѣхалъ лѣчиться въ Фрейбургъ. Но болѣзнь взяла свое — и 22-го мая П. Г. Шелапутина не стало.

Но онъ вѣчно будетъ живъ въ совершенныхъ имъ дѣлахъ. Такіе люди не умираютъ. И тамъ, гдѣ на созданныхъ имъ стѣнахъ красуется скромная и красивая надпись: „посильный даръ родинѣ“ — тамъ будетъ постоянно чувствоваться живой духъ этого рѣдкаго человѣка.

1. П. Г. Шелапутинъ. 2. Реальное училище и Педагогическій институтъ на Дѣвичьемъ полѣ. 3. Ремесленное училище на Міусской площади. 4. Гинекологическій институтъ на Дѣвичьемъ полѣ. 5. Мужское и женское ремесленное училище на Калужской улицѣ. 6. Мужская гимназія на Дѣвичьемъ полѣ. 7. Педагогическій институтъ на Дѣвичьемъ полѣ.

Памяти П. Г. Шелапутина. Просвѣтительныя учрежденія, созданныя на его средства. По фот. А. Савельева.

Библиотека "Руниверс"

Новооткрытая плащаница Горленковъ—даръ св. Іоасафу отъ его семьи. По снимку, любезно доставленному «Нивѣ» преосвященнымъ Никодимомъ, епископомъ бѣлгородскимъ.

Недавно въ Бѣлгородѣ преосвященнымъ Никодимомъ, епископомъ бѣлгородскимъ, обслѣдована старинная большихъ размѣровъ плащаница, хранившаяся на хорахъ мѣстной Знаменской церкви. На этомъ цѣнномъ памятникѣ искусства конца XVIII вѣка изображенъ моментъ, описанный въ XVI главѣ Евангелія Марка, ст. 1 — 4. Вдали виденъ Іерусалимъ: на пути отъ него къ пещерѣ движутся три мироносицы, средняя съ кувшиномъ. У пещеры на ложѣ Спаситель. Небо ранняго утра, съ кудрявыми облаками; надъ пещерою дерево. По бокамъ — чудной работы орнаментъ и въ срединахъ стихи изъ «статей» Великой Субботы на утрени. Работа ручная, шито золотомъ, серебромъ, шелкомъ и черненымъ серебромъ. Длина ея—2 арш. $2^1/_2$ верш. и ширина — 3 арш. $2^1/_2$ верш. Сохранилась плащаница великолѣпно. На верхнихъ углахъ справа: «1754 годъ», а слѣва — гербъ Горленковъ: стрѣла остріемъ внизъ съ четырьмя звѣздами по бокамъ, съ атрибутами епископской власти (гербъ самого св. Іоасафа). Когда была отпорота подшивка, то на холстѣ была найдена истершаяся надпись скорописью XVIII в., что эта плащаница учинена Андреемъ Горленко. Все это неопровержимо говоритъ, что эта плащаница даръ св. Іоасафу отъ его родной семьи. Въ настоящее время эта плащаница составляетъ главное украшеніе церкви въ покояхъ св. Іоасафа, только-что полностью реставрированныхъ епископомъ Никодимомъ. Покои эти скоро будутъ художественно росписаны И. И. Ижакевичемъ, картины и рисунки котораго изъ духовной и свѣтской жизни хорошо извѣстны читателямъ «Нивы». И. И. Ижакевичъ ранѣе уже росписалъ залъ святителя Іоасафа, возстановленный въ 1911 г., и такимъ образомъ покои эти станутъ цѣннымъ памятникомъ святителя Іоасафа и его времени.

Берта фонъ-Зуттнеръ.

(Портр. на стр. 595).

Скончалась Берта фонъ-Зуттнеръ. Съ ея именемъ неразрывно связано представленіе о знаменитомъ романѣ „Долой оружіе!“ и о многолѣтней идейной борьбѣ во имя всесвѣтнаго мира — противъ войны. Почти четверть вѣка эта замѣчательная женщина и словомъ и дѣломъ вела горячую дѣятельность въ пользу мира и пріобрѣла этой дѣятельностью всемірную извѣстность и всеобщее уваженіе. Въ 1905 году она получила, какъ пропагандистка мира, нобелевскую премію.

Берту фонъ-Зуттнеръ сравниваютъ съ авторшей другого знаменитаго романа, Бичеръ-Стоу. Внѣшнее сходство въ данномъ случаѣ дѣйствительно существуетъ: и та и другая написали по роману, которымъ удалось произвести громадное впечатлѣніе на умы, при чемъ романы эти вошли въ плоть и кровь современнаго общества и оказали помимо нравственнаго извѣстное фактическое воздѣйствіе. Но „Хижинѣ дяди Тома“ довелось достигнуть болѣе реальныхъ результатовъ, чѣмъ роману Берты фонъ-Зуттнеръ. Агитація, поднятая „Хижиной дяди Тома“, повлекла освобожденіе негровъ-рабовъ; страстный вопль „Долой оружіе!“ пока не достигъ еще такихъ же положительныхъ результатовъ — оружіе еще не сложено, народы еще воюютъ, Молохъ войны еще поглощаетъ неисчислимыя жертвы и наноситъ культурѣ тяжкіе удары, и все, что было сдѣлано Бертой фонъ-Зуттнеръ въ смыслѣ фактическихъ результатовъ, сводится пока къ внѣдренію въ общество сознанія необходимости бороться съ войной и къ учрежденію многочисленныхъ обществъ, конгрессовъ и конференцій пацифистическаго характера. Короче говоря, у англійской писательницы уже все въ прошломъ, тогда какъ у Берты фонъ-Зуттнеръ все въ будущемъ... Да и самыя задачи у нихъ различны: Бичеръ-Стоу ратовала только за освобожденіе негровъ-невольниковъ и за прекращеніе рабовладѣльческаго террора тамъ, гдѣ онъ существовалъ въ ея время—въ Сѣверной Америкѣ. Берта фонъ-Зуттнеръ поставила себѣ неизмѣримо большую и широчайшую задачу—освободить весь міръ отъ террора войны...

Очень своеобразна и интересна — и во многихъ отношеніяхъ даже знаменательна — самая жизнь скончавшейся пацифистки. Страстная противница войны, она родилась въ военной средѣ, въ семьѣ небезызвѣстнаго австрійскаго полководца, фельдмаршала графа Кинскаго. Дѣдъ ея тоже занималъ высокій военный постъ, а ея мать приходилась родственницей знаменитому воинственному поэту, Теодору Кернеру. Ни среда ни семья не могли привить ей ея пацифистическихъ тенденцій...

Въ ранней юности графинѣ Кинской улыбалась блестящая свѣтская карьера. Благодаря своему аристократическому происхожденію, красотѣ, молодости и остроумію она пользовалась большимъ успѣхомъ не только у себя въ родной Прагѣ (въ этомъ городѣ она родилась), но даже въ блестящемъ Парижѣ при дворѣ Наполеона III. Тамъ она была помолвлена съ молодымъ княземъ Витгенштейномъ, но ея женихъ внезапно умеръ. Вскорѣ поразилъ

Библиотека "Руниверс"

ее и другой ударъ—разореніе семьи. Блестящей молодой графинѣ пришлось задуматься о средствахъ къ жизни. Энергичная и самостоятельная, она сумѣла побороть выпавшее на ея долю несчастіе и поступила простой воспитательницей въ домъ барона фонъ-Зуттнеръ. Тамъ въ нее влюбился молодой сынъ барона. Его любовь не осталась безъ отвѣта, и молодые люди порѣшили вступить въ бракъ. Но противъ этого брака возстали родные съ обѣихъ сторонъ—и Кинскіе и Зуттнеры. Тогда влюбленные тайно повѣнчались и бѣжали отъ родительскаго гнѣва на Кавказъ, къ одной мингрельской княжнѣ, пріятельницѣ молодой Берты фонъ-Зуттнеръ по Парижу.

На Кавказѣ чета фонъ-Зуттнеръ прожила около девяти лѣтъ, и за это время Берта фонъ-Зуттнеръ успѣла изучить русскій языкъ и русскую жизнь. По примѣру мужа, который обладалъ литературнымъ талантомъ и добывалъ себѣ тогда средства къ жизни работой въ нѣмецкихъ журналахъ, вступила на литературное поприще и она. И мало-по-малу составила себѣ имя сначала газетными фельетонами, а потомъ и романами. Въ 1885 году скончался въ Прагѣ старый фельдмаршалъ, графъ Кинскій, и молодые фонъ-Зуттнеръ получили возможность возвратиться на родину.

Въ 1887 году, будучи въ Парижѣ, Берта фонъ-Зуттнеръ познакомилась съ начавшимся тогда пацифистическимъ движеніемъ. Это движеніе сразу привлекло къ себѣ всѣ ея симпатіи и опредѣлило разъ навсегда всю ея дальнѣйшую дѣятельность. Въ слѣдующемъ же 1888 году она съ ораторской трибуны и съ газетныхъ страницъ горячо поддерживала иниціативу членовъ французскаго и англійскаго парламентовъ относительно ежегоднаго устройства въ одномъ изъ европейскихъ столичныхъ городовъ конференціи изъ представителей всѣхъ законодательныхъ собраній. И въ 1889 году дѣйствительно было организовано и состоялось въ Парижѣ, при участіи Берты фонъ-Зуттнеръ, первое такое междупарламентское собраніе. Въ этомъ же году появился и знаменитый романъ Берты фонъ-Зуттнеръ „Долой оружіе!“

Этотъ романъ имѣетъ свою исторію. Берта фонъ-Зуттнеръ задумала написать его еще въ 60-хъ годахъ, послѣ братоубійственной австро-прусской войны, ужасы которой прошли тогда довольно близко передъ ней. Франко-прусская война 1870 года еще болѣе укрѣпила ее въ этомъ намѣреніи, но форма романа долго не давалась ей. А еще труднѣе оказалось выпустить уже написанный романъ въ свѣтъ. Газеты, куда обращалась съ своимъ столь прославленнымъ впослѣдствіи произведеніемъ Берта фонъ-Зуттнеръ, отказывались печатать романъ, ссылаясь на то, что романъ посягаетъ на честь арміи и оскорбляетъ патріотическія чувства. Такъ же мотивировали свой отказъ и издатели. Никто не рѣшался издать „опасную книгу“. Не побоялся наконецъ одинъ издатель—и не раскаялся. Книга сразу имѣла громадный успѣхъ. Достаточно сказать, что въ первые же годы своего существованія она была переведена на всѣ европейскіе языки и даже на нѣкоторые изъ внѣевропейскихъ (напримѣръ, японскій языкъ). И авторъ романа — Берта фонъ-Зуттнеръ сдѣлалась всемірной знаменитостью.

Столѣтній поэтъ—Франсуа Фертіо. Первое его произведеніе появилось въ свѣтъ въ 1830 году.

Слѣдуетъ замѣтить, что самъ по себѣ этотъ романъ не отличается особыми художественными достоинствами. Берта фонъ-Зуттнеръ никогда не была истинной беллетристкой, и не въ художественномъ творчествѣ кроется ея сила и слава. Романъ „Долой оружіе!“ построенъ довольно примитивно, мѣстами наивенъ, загроможденъ массой нехудожественнаго матеріала... Но страстный протестъ противъ „Молоха войны“ высказанъ въ немъ такъ убѣдительно и съ такой яркостью и сердечной убѣжденностью, что читатель испытываетъ при чтеніи романа невольное волненіе и чувствуетъ въ немъ наличность громадной моральной силы. Эта именно моральная сила романа Берты фонъ-Зуттнеръ и создала ему славу и громадное вліяніе на читательскія массы. Недаромъ извѣстный австрійскій романистъ Розеггеръ писалъ по поводу „Долой оружіе“: „Есть общества для распространенія Библіи. Теперь нужно образовать общество для распространенія удивительнаго романа Берты фонъ-Зуттнеръ“. Впрочемъ, романъ Берты фонъ-Зуттнеръ получилъ широчайшее распространеніе и безъ такого общества...

Баронесса Берта фонъ-Зуттнеръ, извѣстная писательница въ пользу всесвѣтнаго мира, авторъ книги „Долой оружіе!“ переведенной, на всѣ языки міра, получившая нобелевскую премію мира.

Покойная писательница-пацифистка дожила до преклоннаго возраста (она въ іюнѣ прошлаго года праздновала 70-лѣтіе дня рожденія). До послѣднихъ своихъ дней она продолжала неутомимо вести „войну противъ войны“: она участвовала въ созывѣ мирныхъ конгрессовъ и междупарламентскихъ конференцій, издавала журналъ, посвященный распространенію идеи мира, вела колоссальную корреспонденцію, обращаясь въ извѣстныхъ случаяхъ даже къ коронованнымъ особамъ, выступала въ разныхъ странахъ съ докладами и т. п.

За нѣсколько недѣль до своей кончины Берта фонъ-Зуттнеръ помѣстила въ одной нѣмецкой газетѣ восторженную статью о пацифистскихъ драмахъ Гауптмана. Это была уже лебединая пѣсня Зуттнеръ.

Послѣ нея осталось шесть томовъ литературныхъ работъ — по беллетристикѣ, публицистикѣ и философіи. Но еще большій слѣдъ въ общественной жизни она оставила своей личной дѣятельностью, какъ неутомимая провозвѣстница и пропагандистка „борьбы съ оружіемъ“. Во всей ея необыкновенно цѣлостной личности и жизни чувствуется что-то поистинѣ апостольское: ей было дано зажигать сердца, и хочется вѣрить, что ея проповѣдь о „мирѣ всего міра“ когда-нибудь принесетъ свой настоящій плодъ...

Столѣтній поэтъ—Франсуа Фертіо.

(Портр. на этой стр.).

Рѣдко кому изъ людей удается дожить до столѣтняго возраста. Еще рѣже удается достичь столь преклоннаго возраста литературнымъ труженикамъ, сгорающимъ, какъ свѣча, въ напряженной работѣ нервовъ. Счастливое исключеніе въ этомъ родѣ представляетъ французскій поэтъ Франсуа Фертіо, недавно отпраздновавшій столѣтіе со дня своего рожденія. Юбилей этотъ обратилъ на себя вниманіе не только во Франціи, но и во всемъ литературномъ мірѣ, тѣмъ болѣе, что Ф. Фертіо — поэтъ даровитый, создавшій немалое количество цѣнныхъ литературныхъ произведеній.

Франсуа Фертіо родился въ 1814 году въ гор. Верденѣ, и, не окончивъ по волѣ родителей курса въ мѣстномъ коллежѣ, былъ направленъ ими на коммерческую дорогу. Но талантливый юноша посвящалъ слишкомъ много времени поэтическимъ опытамъ для того, чтобы ему удалась дѣятельность простого коммерсанта. Къ счастью для него, мѣстная пресса поддержала начинающаго писателя хвалебными отзывами о его талантѣ—и тогда родители сдались и разрѣшили ему заниматься литературой. Ф. Фертіо переселился послѣ того въ Парижъ, гдѣ его дѣятельность встрѣтила горячій, откликъ со стороны знаменитаго критика Сенъ-Бева. Этотъ критикъ, давно уже причисленный къ классикамъ, пережитъ Фертіо не на одинъ десятокъ лѣтъ. Вообще, Ф. Фертіо является какъ бы живой лѣтописью классиче-

Библиотека "Руниверс"

Памятникъ Петру Аркадьевичу Столыпину, воздвигнутый въ г. Гроднѣ, гдѣ протекла часть служебной дѣятельности покойнаго. По фот. Модернъ въ Гроднѣ.

Художникъ В. Д. Вучичевичъ-Сибирскій, устроившій выставку своихъ картинъ; нѣкоторыя изъ нихъ помѣщены въ этомъ нумерѣ «Нивы» (стр. 583—587).

скаго періода французской литературы: онъ былъ современникомъ Гюго, Бальзака, Додэ и другихъ корифеевъ, уже давно отошедшихъ въ преданіе.

Изъ его литературныхъ произведеній наибольшей извѣстностью пользуются слѣдующія поэмы: «La nuit du génie» и «Arthur», сатира «Le dix-neuvième siècle», разсказы: «Pâquerettes et boutons d'or» и «Les Noëls bourgignos». Кромѣ того его перу принадлежитъ интересная «Histoire pittoresque et anécdotique de la danse». Въ послѣднее время старецъ-поэтъ заканчиваетъ книгу воспоминаній подъ заглавіемъ „За сто лѣтъ".

Несмотря на свой болѣе чѣмъ преклонный возрастъ, Франсуа Фертіо—еще бодрый и живой старикъ. Онъ много работаетъ, и талантъ его попрежнему поражаетъ яркостью и красочностью.

Академикъ Л. В. Поповъ († 7 мая 1914 г.).

Л. В. Поповъ. Къ закату.

Библиотека "Руниверс"

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССІЙСКІЙ,
ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Слѣдуя историческимъ своимъ завѣтамъ, Россія, единая по вѣрѣ и крови съ славянскими народами, никогда не взирала на ихъ судьбу безучастно. Съ полнымъ единодушіемъ и особою силою пробудились братскія чувства русскаго народа къ славянамъ въ послѣдніе дни, когда Австро-Венгрія предъявила Сербіи завѣдомо непріемлемыя для Державнаго государства требованія.

Презрѣвъ уступчивый и миролюбивый отвѣтъ Сербскаго правительства, отвергнувъ доброжелательное посредничество Россіи, Австрія поспѣшно перешла въ вооруженное нападеніе, открывъ бомбардировку беззащитнаго Бѣлграда.

Вынужденные, въ силу создавшихся условій, принять необходимыя мѣры предосторожности, Мы повелѣли привести армію и флотъ на военное положеніе, но, дорожа кровью и достояніемъ Нашихъ подданныхъ, прилагали всѣ усилія къ мирному исходу начавшихся переговоровъ.

Среди дружественныхъ сношеній, союзная Австріи Германія, вопреки Нашимъ надеждамъ на вѣковое доброе сосѣдство и не внемля завѣренію Нашему, что принятыя мѣры отнюдь не имѣютъ враждебныхъ ей цѣлей, стала домогаться немедленной ихъ отмѣны и, встрѣтивъ отказъ въ этомъ требованіи, внезапно объявила Россіи войну.

Нынѣ предстоитъ уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Намъ страну, но оградить честь, достоинство, цѣлость Россіи и положеніе ея среди Великихъ Державъ. Мы непоколебимо вѣримъ, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанутъ всѣ вѣрные Наши подданные.

Въ грозный часъ испытанія да будутъ забыты внутреннія распри. Да укрѣпится еще тѣснѣе единеніе Царя съ Его народомъ, и да отразитъ Россія, поднявшаяся, какъ одинъ человѣкъ, дерзкій натискъ врага.

Съ глубокою вѣрою въ правоту Нашего дѣла и смиреннымъ упованіемъ на Всемогущій Промыселъ, Мы молитвенно призываемъ на Святую Русь и доблестныя войска Наши Божіе благословеніе.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ двадцатый день Іюля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четырнадцатое, Царствованія же Нашего въ двадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

20-го сего іюля, по окончаніи молебствія въ Зимнемъ Дворцѣ, Его Величество Государь Императоръ изволилъ обратиться къ присутствующимъ съ слѣдующими словами:

„Съ спокойствіемъ и достоинствомъ встрѣтила Наша Великая Матушка Русь извѣстіе объ объявленіи Намъ войны. Убѣжденъ, что съ такимъ же чувствомъ спокойствія Мы доведемъ войну, какая бы она ни была, до конца.

Я здѣсь торжественно заявляю, что не заключу мира до тѣхъ поръ, пока послѣдній непріятельскій воинъ не уйдетъ съ земли Нашей.

И къ вамъ, собраннымъ здѣсь представителямъ дорогихъ Мнѣ войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа, и въ вашемъ лицѣ обращаюсь ко всей единородной, единодушной, крѣпкой, какъ стѣна гранитная, арміи Моей и благословляю ее на трудъ ратный“.

Верховный главнокомандующій.

Именной Высочайшій Указъ

Правительствующему Сенату.

1914 года Іюля 20.

„Не признавая возможнымъ, по причинамъ общегосударственнаго характера, стать теперь же во главѣ Нашихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, предназначенныхъ для военныхъ дѣйствій, признали Мы за благо Всемилостивѣйше повелѣть Нашему Генералъ-Адъютанту, Главнокомандующему войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа, генералу отъ кавалеріи Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу быть Верховнымъ Главнокомандующимъ“.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Въ С.-Петербургѣ.
20 іюля 1914 года.

Скрѣпилъ: Предсѣдатель Совѣта Министровъ, статсъ-секретарь Горемыкинъ.

Его Императорское Высочество Августѣйшій Главнокомандующій войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа, Великій Князь Николай Николаевичъ, Высочайше назначенный Верховнымъ Главнокомандующимъ.

Чрезвычайный созывъ Гос. Совѣта и Гос. Думы.

Именной Высочайшій Указъ

Правительствующему Сенату.

Въ виду ниспосланныхъ Отечеству Нашему тяжкихъ испытаній, желая быть въ полномъ единеніи съ народомъ, признали Мы за благо созвать Государственный Совѣтъ и Государственную Думу.

Вслѣдствіе сего, на основаніи статьи 99 Основныхъ Государственныхъ Законовъ, повелѣваемъ: возобновить занятія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы 26 сего іюля.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ къ исполненію сего учинить надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Въ С.-Петербургѣ.
20 Іюля 1914 года.

Скрѣпилъ: Предсѣдатель Совѣта Министровъ, статсъ-секретарь Горемыкинъ.

Библиотека "Руниверс"

Командующій войсками кіевскаго военнаго округа генералъ-отъ-артиллеріи Н. І. Ивановъ.

Командующій войсками виленскаго военнаго округа генералъ-отъ-кавалеріи Н. К. Ренненкампфъ.

Отъ Военнаго Министерства.

Симъ объявляется населенію Имперіи о необходимости общихъ усилій къ сохраненію въ полной тайнѣ всего, что касается выполняемыхъ нынѣ военныхъ мѣропріятій. Неосторожность въ разговорахъ, письмахъ и телеграммахъ можетъ способствовать распространенію за предѣлы Россіи свѣдѣній о расположеніи, передвиженіяхъ, составѣ и численности нашихъ вооруженныхъ силъ, чѣмъ будетъ нанесенъ нашей родинѣ трудно поправимый вредъ и что можетъ потребовать отъ нашей арміи лишнихъ жертвъ.

Залогомъ довѣрія къ мощи арміи должна служить спокойная сдержанность общества ко всякаго рода непровѣреннымъ слухамъ, которые часто могутъ быть не достовѣрными и даже злонамѣренными.

Освѣдомленіе населенія, въ предѣлахъ возможности, въ переживаемыхъ и предстоящихъ военныхъ событіяхъ исторической важности возложено на Главное Управленіе Генеральнаго Штаба.

Общество должно мириться съ краткостью и вѣроятною скудностью тѣхъ свѣдѣній, которыя будутъ сообщаться, находя удовлетвореніе въ томъ, что приносимая такимъ отношеніемъ жертва вызывается военною необходимостью, передъ которой должны преклониться всѣ въ годину посылаемаго родинѣ испытанія.

Вслѣдствіе того, что въ иностранной печати появилось искаженное изложеніе событій послѣднихъ дней, министерство иностранныхъ дѣлъ считаетъ долгомъ дать слѣдующій краткій обзоръ дипломатическихъ сношеній за указанное время.

10 іюля сего года австро-венгерскій посланникъ въ Бѣлградѣ вручилъ сербскому министру-президенту ноту, заключающую въ себѣ обвиненіе сербскаго правительства въ поощреніи великосербскаго движенія, приведшаго къ убійству наслѣдника австро-венгерскаго престола. Въ виду сего Австро-Венгрія требовала отъ сербскаго правительства не только осужденія въ торжественной формѣ означенной пропаганды, но также принятія, подъ контролемъ Австро-Венгріи, ряда мѣръ къ раскрытію заговора, наказанію участвовавшихъ въ немъ сербскихъ подданныхъ и пресѣченію въ будущемъ всякихъ посягательствъ на территоріи королевства. Для отвѣта на означенную ноту сербскому правительству предоставлялось 48 часовъ.

Командующій войсками варшавскаго военнаго округа генералъ-отъ-кавалеріи Я. Г. Жилинскій.

Командующій войсками одесскаго военнаго округа генералъ-отъ-артиллеріи В. Н. Никитинъ.

Библиотека "Руниверс"

Императорское правительство, освѣдомившись изъ сообщеннаго ему австро-венгерскимъ посломъ въ С.-Петербургѣ по истеченіи уже 17 часовъ текста врученной въ Бѣлградѣ ноты о сущности заключавшихся въ ней требованій, не могло не усмотрѣть, что нѣкоторыя изъ таковыхъ по существу своему являлись не выполнимыми, нѣкоторыя же были предъявлены въ формѣ, несовмѣстимой съ достоинствомъ независимаго государства. Считая недопустимымъ заключающееся въ такихъ требованіяхъ умаленіе достоинства Сербіи и проявленное этимъ самымъ Австро-Венгріей стремленіе утвердить свое преобладаніе на Балканахъ, Россійское правительство въ самой дружеской формѣ указало Австро-Венгріи на желательность подвергнуть новому обсужденію содержащіеся въ австро-венгерской нотѣ пункты. Австро-венгерское правительство не сочло возможнымъ согласиться на обсужденіе ноты. Равнымъ образомъ, умѣряющее дѣйствіе другихъ державъ въ Вѣнѣ не увѣнчалось успѣхомъ.

Несмотря на осужденіе Сербіей преступнаго злодѣянія и на выказанную Сербіей готовность дать удовлетвореніе Австріи въ мѣрѣ, которая превзошла ожиданія не только Россіи, но и другихъ державъ, австро-венгерскій посланникъ въ Бѣлградѣ призналъ сербскій отвѣтъ неудовлетворительнымъ и выѣхалъ изъ Бѣлграда.

Еще ранѣе, сознавая чрезмѣрность предъявленныхъ Австріею требованій, Россія заявила о невозможности остаться равнодушной, не отказываясь въ то же время приложить всѣ усилія къ изысканію мирнаго выхода, пріемлемаго для Австро-Венгріи и не затрагивающаго ея самолюбія, какъ великой державы. При этомъ Россія твердо установила, что мирное разрѣшеніе вопроса она допускаетъ лишь, поскольку оно не вызоветъ умаленія достоинства Сербіи, какъ независимаго государства. Къ сожалѣнію, однако, всѣ приложенныя Императорскимъ правительствомъ въ этомъ направленіи усилія оказались тщетными. Австро-Венгерское правительство, уклонившись отъ всякаго примирительнаго вмѣшательства державъ въ его ссору съ Сербіей, приступило къ мобилизаціи, офиціально объявило Сербіи войну, и на слѣдующій день Бѣлградъ подвергся бомбардировкѣ. Въ манифестѣ, сопровождающемъ объявленіе войны, Сербія открыто обвиняется въ подготовкѣ и выполненіи сараевскаго злодѣянія. Подобное обвиненіе цѣлаго народа и государства въ уголовномъ преступленіи своей явной несостоятельностью вызвало по отношенію къ Сербіи широкія симпатіи европейскихъ общественныхъ круговъ.

Вслѣдствіе такого образа дѣйствій австро-венгерскаго правительства, вопреки заявленію Россіи, что она не можетъ остаться равнодушной къ участи Сербіи, Императорское правительство сочло необходимымъ объявить мобилизацію кіевскаго, одесскаго, московскаго и казанскаго военныхъ округовъ.

Такое рѣшеніе представлялось необходимымъ въ виду того, что со дня врученія австро-венгерской ноты сербскому правительству и первыхъ шаговъ Россіи прошло пять дней, а между тѣмъ со стороны вѣнскаго кабинета не было сдѣлано никакихъ шаговъ на встрѣчу нашимъ мирнымъ попыткамъ, и, наоборотъ, была объявлена мобилизація половины австро-венгерской арміи.

О принимаемыхъ Россіей мѣрахъ было доведено до свѣдѣнія германскаго правительства съ объясненіемъ, что онѣ являются послѣдствіемъ австрійскихъ вооруженій и отнюдь не направлены противъ Германіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Императорское правительство заявило о готовности Россіи, путемъ непосредственныхъ сношеній съ вѣнскимъ кабинетомъ, или же, согласно предложенію Великобританіи, путемъ конференціи четырехъ незаинтересованныхъ непосредственно великихъ державъ—Англіи, Франціи, Германіи и Италіи, продолжать переговоры о мирномъ улаженіи спора.

Однако и эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ. Австро-Венгрія отклонила дальнѣйшій обмѣнъ мнѣній съ нами, а берлинскій кабинетъ уклонился отъ участія въ предположенной конференціи державъ.

Тѣмъ не менѣе Россія и здѣсь продолжала свои усилія въ пользу мира. На вопросъ германскаго посла, на какихъ условіяхъ мы еще согласились бы пріостановить наши вооруженія, министръ иностранныхъ дѣлъ заявилъ, что таковымъ условіемъ является признаніе Австро-Венгріею, что австро-сербскій вопросъ принялъ характеръ европейскаго вопроса и заявленія ея, что она согласна не настаивать на требованіяхъ, несовмѣстныхъ съ суверенными правами Сербіи.

Предложеніе Россіи было признано Германіей непріемлемымъ для Австро-Венгріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Петербургѣ было получено извѣстіе объ объявленіи Австро-Венгріей общей мобилизаціи.

Въ то же время продолжались военныя дѣйствія на сербской территоріи, и Бѣлградъ подвергся новой бомбардировкѣ.

Послѣдствіемъ такого неуспѣха нашихъ мирныхъ предложеній явилась необходимость расширенія военныхъ мѣръ предосторожности.

На запросъ по этому поводу берлинскаго кабинета было отвѣчено, что Россія вынуждена была начать вооруженія, дабы предохранить себя отъ всякихъ случайностей.

Принимая такую мѣру предосторожности, Россія вмѣстѣ съ тѣмъ продолжала всѣми силами изыскивать исходъ изъ создавшагося положенія и выразила готовность согласиться на всякій способъ разрѣшенія спора, при коемъ были бы соблюдены поставленныя нами условія.

Несмотря на такое миролюбивое сообщеніе, германское правительство 18 іюля обратилось къ россійскому правительству съ требованіемъ къ 12 часамъ 19 іюля пріостановить военныя мѣры, угрожая въ противномъ случаѣ приступить къ всеобщей мобилизаціи.

На слѣдующій день, 19 іюля, германскій посолъ передалъ министру иностранныхъ дѣлъ отъ имени своего правительства объявленіе войны.

Германія объявила войну Россіи.

Ея союзница—Австро-Венгрія начала военныя дѣйствія недѣлей ранѣе, обрушившись на Сербію и сдѣлавъ этимъ прямой вызовъ Россіи.

На Россію ополчились двѣ страны, которыя обязаны намъ всѣмъ своимъ нынѣшнимъ могуществомъ, которыя Россія вывела изъ праха и позора: Германію спасла въ 1812—13 годахъ отъ занесенной надъ нею руки Наполеоновской Франціи, Австрію—отъ пораженій 1848 года.

Молебно обращавшіяся къ Россіи руки нашихъ отнынѣ кровныхъ враговъ постепенно складывались въ бронированный кулакъ, создавшій ужасы вооруженнаго мира.

Горделиво объяснявшая свою побѣду въ войнѣ съ Франціей побѣдою школьнаго учителя, Германія въ ослѣпленіи милитаризма отбросила завѣты прошлаго и всю дальнѣйшую исторію своей культуры писала остріемъ штыка. Имъ самонадѣянно начертана и послѣдняя ея вербальная нота, врученная ея посломъ нашему министру иностранныхъ дѣлъ.

Россія въ вѣковѣчномъ единеніи съ своимъ Царемъ грудью встрѣтила этотъ вызовъ, открывъ ее другу и недругу.

Нашъ союзникъ—Франція и нашъ другъ—Англія раздѣлятъ съ нами терніи и лавры на бранномъ полѣ. Это поле—вся Европа съ ея землями, на которыя бранный кличъ Германіи созоветъ на смертный бой милліоны лучшихъ силъ,—и съ ея обширными водами, на которыхъ внесутъ смерть и разрушеніе исполинскія пловучія крѣпости—броненосцы-дредноуты—стоящія милліарды народныхъ денегъ.

На нападающаго Богъ.

Россія, ведомая гуманностью своего Царя, привела Европу въ Гаагу, къ благамъ священнаго мира. Два десятилѣтія наши нынѣшніе враги испытывали долготерпѣніе русскаго Царя, принявшаго отъ Своего Родителя вѣнецъ Миротворца, нарушали договоры, беззастѣнчиво творили насиліе надъ слабымъ, но чаша слезъ тѣснимаго славянства переполнилась.

Насталъ историческій часъ міровой борьбы правды съ насиліемъ.

Предстоитъ битва народовъ ожесточеннѣе и страшнѣе той, которую молитвенно поминали мы недавно вмѣстѣ со своими нынѣшними врагами на поляхъ Лейпцига.

Россія, единая многоплеменная, разноязычная Россія вышлетъ всѣхъ своихъ сыновъ на бой. Все смолкло въ эту минуту рѣшенія историческихъ судебъ. Въ этой святой тишинѣ каждое русское сердце твердитъ и слышитъ одно слово: „Родина“.

За нее, къ ея алтарю, за Царя, къ Его престолу сложимъ всѣ наши силы.

Великъ Богъ земли русской.

Библиотека "Руниверс"

Его Величество сербскій король Петръ.

На судъ Божій.

(Политическое обозрѣніе).

Какъ громовой ударъ изъ яснаго неба поразило Европу австрійское нападеніе на Сербію. Внѣшнимъ предлогомъ для столкновенія послужило якобы соучастіе какихъ-то сербскихъ общественныхъ дѣятелей въ подготовкѣ сараевскаго преступленія, жертвой котораго сдѣлался покойный наслѣдникъ австрійской короны, но очевидно, что истинные мотивы вызова кроются несравненно глубже—въ ревнивомъ опасеніи дряхлѣющей полуславянской по составу населенія монархіи передъ гигантскимъ ростомъ юнаго чисто-славянскаго государства. Никогда еще ни одно правительство не возлагало отвѣтственность за недосмотръ своей полиціи, не сумѣвшей охранить будущаго монарха, на другое государство. Притомъ же вполнѣ установлено, что сербскій посланникъ совершенно офиціально предупреждалъ эрцгерцога Франца-Фердинанда, на основаніи полицейскихъ свѣдѣній, объ опасности путешествія въ Сараево; незадолго передъ тѣмъ австрійскій посланникъ въ Бѣлградѣ ходатайствовалъ передъ сербскимъ правительствомъ объ отмѣнѣ высылки одного изъ участниковъ заговора, австрійско-подданнаго серба, заподозрѣннаго бѣлградской полиціею въ недобрыхъ замыслахъ. При наличности такихъ твердо установленныхъ фактовъ ультимативное требованіе австрійскаго правительства предоставить ему право разслѣдованія, суда и расправы на территоріи сербскаго государства можетъ быть понято только какъ намѣренный вызовъ къ войнѣ. Сербія по совѣту и настоянію друзей и по собственному миролюбію приняла всѣ условія ультиматума, кромѣ тѣхъ, которыя совершенно несовмѣстны съ достоинствомъ и честью независимой державы, а Россія обратилась къ Австріи съ предложеніемъ продолжить опредѣленный въ ультиматумѣ короткій срокъ для продолженія мирныхъ переговоровъ. Послѣ экстреннаго совѣщанія въ Петергофѣ совѣта министровъ подъ предсѣдательствомъ Государя Императора русская дипломатія сразу заняла въ назрѣвающемъ конфликтѣ твердую и рѣшительную позицію, опираясь на экстренныя мѣропріятія военнаго вѣдомства. Казалось, энергичное выступленіе Россіи заставить образумиться австрійцевъ и предотвратить кровавое столкновеніе. Германскій посолъ въ Петербургѣ выразилъ неодобреніе австрійской политикѣ и заявилъ, что поддержка австрійской нотѣ, оказанная германскимъ посланникомъ въ Парижѣ, была основана на незнакомствѣ съ подлиннымъ текстомъ ноты. Австрійскій посланникъ въ Петербургѣ завѣрилъ нашего министра иностранныхъ дѣлъ, что обращеніе къ Сербіи вовсе не имѣло характера ультиматума, но было вербальной нотой, допускающей дальнѣйшее обсужденіе. Оптимисты уже заговорили о возможности мирнаго исхода спора, сэръ Грей предложилъ созвать конференцію въ Лондонѣ, но Германія уклонилась отъ участія въ примирительныхъ переговорахъ, а Австрія отвѣтила на англійское предложеніе формальнымъ объявленіемъ войны и началомъ военныхъ дѣйствій противъ Сербіи.

Такова краткая исторія сенсаціонныхъ событій послѣднихъ дней. Многіе признаки указываютъ на то, что за кулисами австрійскихъ выступленій стоитъ Германія. Требуя отъ Франціи и Россіи „локализаціи австро-сербскаго конфликта“, берлинскіе политики пытаются заранѣе изолировать Сербію и оставить ее безпомощной подъ австрійскимъ разгромомъ. Повидимому, хитрый планъ потерпѣлъ полную неудачу. Въ лицѣ Сербіи руководимая берлинскими политиками Австрія наноситъ смертельный ударъ всему славянству. Сломивъ молодое славянское государство, растущая сила котораго внушаетъ вѣнскимъ нѣмцамъ тревожныя опасенія за будущее, воинственный германизмъ мечтаетъ затѣмъ быстро раздѣлаться и со старымъ. Ихъ расчетъ разъединить естественныхъ союзниковъ, чтобы разбить ихъ поочередно,—это уже слишкомъ явная спекуляція на близорукость русской дипломатіи. Совѣтовать при такихъ условіяхъ „невмѣшательство въ австро-сербскій конфликтъ“ значитъ открыто призывать Россію къ тому, чтобы предать Сербію, къ измѣнѣ славянству и самой себѣ, къ самоубійству въ будущемъ во имя обманчиваго покоя въ настоящемъ. Судьба великой славянской державы нераздѣльна отъ судьбы всего славянства. Нападая на Сербію, воинственный германизмъ въ то же время наступаетъ и на Россію: эту внутреннюю связь живо почувствовали и русское общество и русское правительство. Небывалый подъемъ общественнаго негодованія, выразившійся въ шумныхъ манифестаціяхъ на улицахъ Петербурга, Москвы, Кіева и прочихъ городовъ Имперіи, нашелъ свое лучшее выраженіе въ энергичныхъ военныхъ мѣропріятіяхъ правительства. Каждый чувствуетъ, что, если война начнется, то она произойдетъ уже не между Сербіей и Австріей, а между германизмомъ и славянствомъ. Смутно чувствуется, что въ исторіи Европы наступаетъ грозный часъ, предрѣшающій грядущія судьбы государствъ и народовъ. Не только Сербіи, но и всему двухсотмилліонному славянству предстоитъ или отстоять съ оружіемъ въ рукахъ свое право на существованіе, или же покорно склонить голову передъ торжествующимъ германскимъ насиліемъ и обречь себя и своихъ потомковъ на позорную жизнь безправныхъ нѣмецкихъ рабовъ. Смутное сознаніе колоссальной важ-

Его Высочество сербскій наслѣдный королевичъ Александръ, побѣдоносно командовавшій сербскими войсками въ балканскую войну и принявшій на себя командованіе войсками противъ Австріи.

Библиотека "Руниверс"

ности переживаемаго момента заставляетъ слиться въ одномъ высокопатріотическомъ порывѣ и русское общество и государственную власть. Защита угрожаемой родины заставляетъ забыть о всякихъ мелкихъ внутреннихъ разногласіяхъ. Исторія требуетъ отъ насъ величайшихъ жертвъ и героическихъ напряженій. Она возлагаетъ на насъ тяжкій крестъ. Война за свободу порабощаемыхъ славянскихъ народовъ, война за неприкосновенность своихъ границъ, война за свободу расцвѣта рассовой культуры — воистину священная война. Ея герои будутъ биться и умирать на поляхъ сраженій съ подвижничествомъ христіанскихъ мучениковъ и самоотверженныхъ борцовъ за національную идею. Въ этой войнѣ соединяются вся сила и вся красота славянскаго духа. Передавая свой вѣковой споръ съ наступающимъ германизмомъ на кровавый судъ Божій, глубокомиролюбивый и кроткій русскій народъ пойдетъ въ смертный бой съ пламенной вѣрой, что Богъ пошлетъ побѣду правому дѣлу.

Сербскій воевода Радомиръ Путникъ.

Сербскій воевода (фельдмаршалъ) Радомиръ Путникъ, бывшій начальникомъ штаба сербской арміи въ обѣихъ балканскихъ войнахъ, прозванный «сербскимъ Мольтке», во все время балканской войны работалъ одинъ, безъ помощниковъ, безвыходно въ своемъ кабинетѣ, имѣя передъ собою только карту театра военныхъ дѣйствій съ воткнутыми въ нее флажками, на которыхъ значились нумера и названія полковъ, дивизій и корпусовъ. Распоряженія свои о передвиженіяхъ десятковъ тысячъ солдатъ дѣлалъ онъ по телефону. Хорошо памятны слова этого выдающагося стратега XX вѣка: «главнокомандующій не долженъ слышать ни гула орудій, ни стона раненыхъ, не долженъ видѣть труповъ убитыхъ и друзей и близкихъ. Онъ долженъ оставаться одинъ и быть холоднымъ, сосредоточеннымъ руководителемъ военныхъ дѣйствій». 12 іюля воевода Путникъ, захваченный врасплохъ австрійскимъ ультиматумомъ Сербіи во время лѣченія въ Грацѣ (въ Австріи), былъ арестованъ австрійцами по дорогѣ въ Сербію, близъ Будапешта, но на другой день былъ, съ соблюденіемъ подобающихъ его фельдмаршальскому званію почестей, освобожденъ и прослѣдовалъ черезъ Бухарестъ въ Нишъ, куда переѣхали король Петръ, королевичъ Александръ и все правительство Сербіи изъ Бѣлграда, мало защищеннаго отъ бомбардировки австрійцевъ изъ Землина и съ мониторовъ на р. Савѣ.

Военныя силы Сербіи и Австро-Венгріи.

Военныя силы Сербіи состоятъ изъ народнаго войска, дѣлящагося на три призыва и ополченія. По даннымъ 1912 года Сербія имѣла въ мирное время 30 тысячъ человѣкъ войска при трехмилліонномъ населеніи. Во время болгарской войны Сербія выставила свыше 400.000 чел., т.-е. на одного кадроваго солдата приходилось около 14 резервныхъ.

Всего въ сербской дѣйствующей арміи можно считать 240 батальоновъ пѣхоты, 56 эскадроновъ кавалеріи, 167 батарей и 40 инженерныхъ ротъ — общей численностью до 300.000 нижнихъ чиновъ при 668 орудіяхъ и 286 пулеметахъ.

Оборона трехъ главныхъ сербскихъ крѣпостей, Ниша, Зайчана и Пирота, этапная и полицейская службы — жандармерія и пограничная стража составляютъ до 400.000 чел., главный контингентъ которыхъ даетъ ополченіе.

Послѣ второй балканской войны Сербія увеличилась населеніемъ болѣе чѣмъ на одинъ милліонъ.

Общій итогъ вооруженныхъ силъ Сербіи вмѣстѣ съ запасными войсками долженъ превысить 450.000 человѣкъ. Если къ нимъ причислить черногорскую армію, которая рѣшила примкнуть къ войнѣ, добровольцевъ изъ другихъ странъ, а также славянскія войска въ Босніи и Герцеговинѣ, которыя врядъ ли пойдутъ убивать своихъ братьевъ, то можно опредѣлить общее количество сербскихъ вооруженныхъ силъ около 600.000 человѣкъ.

Вооруженныя силы Австріи состоятъ изъ общей (имперской) арміи, австрійскаго ландвера и венгерскаго гонведа, хорватской домоброны, австрійскаго и венгерскаго ландштурма. Въ мирное время ихъ насчитывается всего около 600.000 или 0,8% всего населенія, въ военное же время — около 2.330.000 солдатъ.

Сербскій посланникъ при русскомъ Дворѣ д-ръ М. И. Сполайковичъ, ежедневно чествуемый, какъ высшій представитель Сербіи, столичнымъ населеніемъ сердечными народными манифестаціями. Д-ръ М. И. Сполайковичъ снятъ въ формѣ запасного офицера сербской арміи.

Австро-венгерская армія состоитъ изъ 17 корпусовъ: въ каждомъ корпусѣ въ военное время 60.000 человѣкъ. Въ 1914 г. предполагалось сформировать еще 2 корпуса: одинъ въ Буковинѣ, а другой въ Люблянѣ.

Изъ 17-ти австрійскихъ корпусовъ для военныхъ дѣйствій противъ Сербіи предназначаются шесть корпусовъ.

Австрійскій генеральный штабъ разработалъ планъ стратегическаго развертыванія австрійской арміи, основанный на территоріальной системѣ комплектованія, при которой запасные проживаютъ въ своемъ полковомъ округѣ комплектованія.

Необыкновенно пестрый этнографическій характеръ Австро-Венгерской монархіи въ высшей степени отражается и на ея арміи.

Эту племенную пестроту воинскихъ частей двуединой монархіи поддерживаетъ, какъ упомянуто, принятая ею система комплектованія ея арміи, извѣстная подъ именемъ „территоріальной“.

Населеніе опредѣленной мѣстности отбываетъ воинскую повинность въ той войсковой части, которая расположена въ этомъ округѣ. Отсюда становится понятнымъ, что австрійскій полкъ обыкновенно состоитъ почти исключительно изъ лицъ одной національности и имѣетъ въ своемъ составѣ солдатъ другой національности большею частью не свыше 10—20%.

Если игнорировать столь незначительный процентъ примѣси къ племенному ядру той или другой войсковой части Австро-Венгріи, то оказывается, что 90 пѣхотныхъ полковъ ея имперской арміи весьма рѣзко различаются между собою по національности солдатъ. Именно: венгерскихъ полковъ — 20, нѣмецкихъ—16, чешскихъ—14, польскихъ — 10, русскихъ—9, сербо-хроатскихъ — 9, румынскихъ — 6, словацкихъ—4, словенскихъ — 2. Прочіе пѣхотные полки имперской арміи представляютъ по своему національному составу каждый въ отдѣльности весьма пеструю картину, и преобладанія одного какого-либо племени здѣсь почти незамѣтно.

Стоящія въ Босніи и Герцеговинѣ пѣхотныя части комплектуются, согласно общему порядку, мѣстнымъ населеніемъ — босняками.

Въ другихъ родахъ оружія войсковыя единицы имѣютъ по національности тотъ же характеръ, что и въ пѣхотѣ.

Въ отношеніи же кавалеріи характерно то, что драгунскіе полки — преимущественно чешско-нѣмецкіе, уланскіе — польско-русскіе, а гусарскіе — венгерскіе.

Въ общемъ итогѣ, процентъ разныхъ національностей въ австрійской арміи приблизительно выражаетъ такая таблица: нѣмцевъ—24,3%, венгровъ—18,6%, чеховъ—14,2%, поляковъ—9,4%, русскихъ—8,6%, сербо-хорватовъ—8,3%, румынъ — 7,4%, словаковъ — 4,5%, словенцевъ — 2,7%, итальянцевъ (въ Тиролѣ)—2%.

Такимъ образомъ славянскій элементъ въ австро-венгерской арміи представляетъ собою грозную величину — почти 50 процентовъ.

Интересно отмѣтить, что хотя

Къ войнѣ Австро-Венгріи съ Сербіей, объявленной въ Вѣнѣ 14 іюля с. г.

Библиотека "Руниверс"

командный языкъ въ австро-венгерской арміи нѣмецкій, но для обихода установлены въ арміи „полковые“ языки.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ, гдѣ преобладаютъ двѣ и даже три національности, существуютъ и два-три офиціально установленныхъ „полковыхъ“ языка.

Пограничная между Австріей и Россіей мѣстность, лежащая въ бассейнѣ рѣкъ Вислы, Буга и Днѣстра, къ сѣверо-востоку отъ главнаго Карпатскаго хребта, именуется галиційскимъ театромъ, и этому раіону австрійскій генеральный штабъ придаетъ особое значеніе въ виду того, что въ немъ расположенъ авангардъ австрійской арміи, которая вторгнется въ случаѣ войны въ Россію.

На галиційскомъ театрѣ въ настоящее время расположены три австрійскихъ корпуса: 1-й въ Краковѣ, 10-й въ Перемышлѣ и 11-й въ Львовѣ. По плану австрійскаго генеральнаго штаба сосредоточеніе большей части австрійской арміи на галиційскомъ театрѣ должно занять нѣсколько дней.

Въ первые же дни на пограничномъ съ Россіей галиційскомъ театрѣ будутъ сосредоточены кромѣ 1, 10 и 11-го корпусовъ еще корпуса: 6-й—изъ Кашау, 5-й—изъ Пресбурга, 2-й изъ Вѣны, 8-й—изъ Праги и 9-й изъ Лейтмерица. Каждый изъ этихъ корпусовъ имѣетъ свою желѣзную дорогу—всего на галиційскомъ театрѣ со стороны Австро-Венгріи къ Россіи подходитъ 14 желѣзныхъ дорогъ.

Для обороны Галиціи и для прикрытія войскъ, доставляемыхъ на галиційскій театръ изнутри имперіи вдоль линіи Краковъ—Львовъ и по оборонительной линіи рѣки Днѣстра расположенъ цѣлый рядъ крѣпостей: Краковъ, Перемышль и Львовъ. Кромѣ того на этой линіи расположены предмостныя укрѣпленія у Ярослава, Николаева, Галича, Сивка и Залѣсскаго — для обезпеченія переправъ черезъ рѣку Днѣстръ. Полевая австро-венгерская армія состоитъ въ военное время изъ 701 бат. пѣхоты, 370 эскадр. кавалеріи, 509 артилл. батарей и 75 ротъ инженерныхъ войскъ—всего до 884.000 чел. при 2.964 орудіяхъ. По послѣднимъ извѣстіямъ въ настоящее время мобилизованы восемь австрійскихъ корпусовъ, — нѣсколько болѣе 400.000 чел.

Что же касается резервистовъ, то призывъ ихъ будетъ очень затруднителенъ: въ Америкѣ находится свыше 500.000 австрійскихъ запасныхъ; нѣсколько тысячъ чешскихъ резервистовъ отказались вернуться въ австрійскіе ряды; надо думать, что здѣсь сильно скажется „лоскутность“ Австро-Венгерской монархіи.

Его Апостолическое Величество императоръ Австріи, король Венгріи Францъ-Іосифъ I.

Къ рисункамъ.

Большинство рисунковъ настоящаго № знакомятъ нашихъ читателей съ интересными работами В. Д. Вучичевича-Сибирскаго, посвященными видамъ и пейзажамъ Сибири. Талантливый пейзажистъ, В. Д. Вучичевичъ, черногорецъ по происхожденію и уроженецъ г. Харькова, живетъ и работаетъ близъ г. Томска, гдѣ у него находится мастерская на берегу р. Томи, среди дикой и прекрасной природы. Поставивъ своей задачей „иллюстрировать Сибирь“, В. Д. Вучичевичъ воспроизводитъ въ своихъ работахъ не только разные виды этой красивой и интересной страны, но и передаетъ соотвѣтствующія настроенія мѣстной природы. Въ теченіе 14 лѣтъ онъ не появлялся въ западной Россіи и только въ текущемъ году пріѣхалъ въ Петербургъ съ выставкой своихъ сибирскихъ видовъ. Воспроизводимыя въ настоящемъ № „Нивы“ картины сибирскаго художника взяты нами именно съ этой выставки, устроенной въ Петербургѣ и другихъ городахъ.

Загадочная, то суровая, то свѣтлая страна, полная противорѣчивыхъ настроеній, холодная и знойная, богатая и бѣдная, дикая и своеобразно-культурная — Сибирь даетъ громадный матеріалъ пейзажисту. Жуткія горы Байкала, гдѣ еще не такъ давно совершались человѣческія жертвоприношенія, неизвѣданная глубина его водъ и пространство его лѣсовъ, его хмурыя дали и дикія скалы захватили вниманіе художника, и онъ изображаетъ „священное озеро“ въ цѣломъ рядѣ картинъ. Изображены имъ и другія живописныя мѣстности Сибири — Александровская сопка на Уралѣ, виды Забайкалья (озеро Солонъ-Нуръ) и др. Интересны и такія картины, какъ, напримѣръ, „Разрушенная берлога“: здѣсь предъ нами своеобразный охотничій жанръ — слѣды недавней борьбы сибирскаго крестьянина-медвѣжатника съ медвѣдемъ.

Своеобразный географическій характеръ выставки г. Вучичевича, разнообразіе и богатство выставленныхъ на ней работъ привлекали къ ней общее вниманіе. Мы слишкомъ мало знаемъ нашу великую окраину, и многое въ произведеніяхъ сибирскаго художника явилось для насъ свѣжимъ, новымъ и интереснымъ.

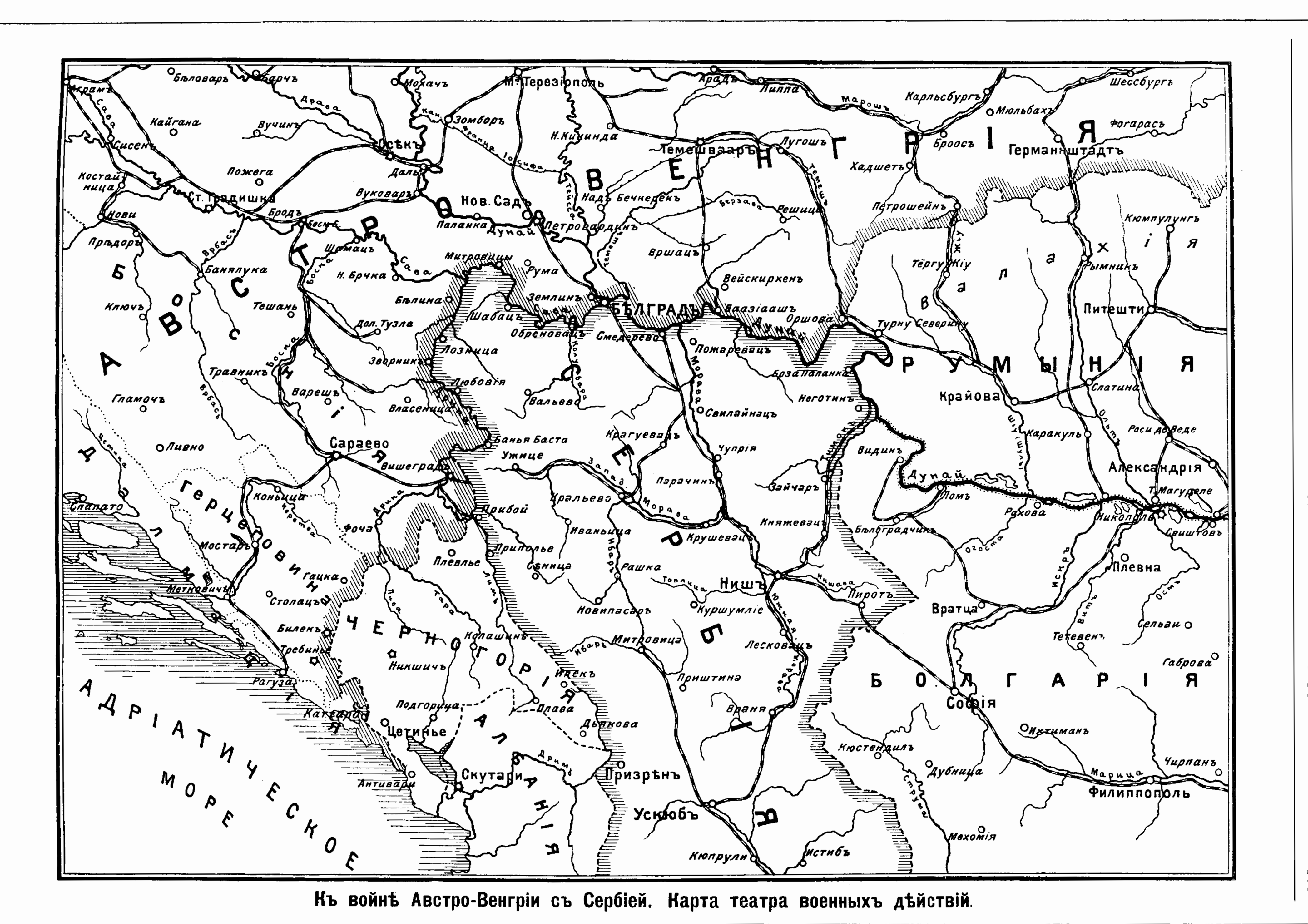
У себя въ Сибири г. Вучичевичъ успѣлъ сдѣлать очень многое для развитія художественной жизни въ мѣстныхъ городахъ. По его иниціативѣ во многихъ сибир-

Начальникъ австрійскаго генеральнаго штаба генералъ Конрадъ фонъ-Гетцендорфъ.

Австрійскій эрцгерцогъ Фридрихъ, назначенный генералъ-инспекторомъ австро-венгерской арміи взамѣнъ покойнаго эрцгерцога Франца-Фердинанда.

Враги. Къ войнѣ Австро-Венгріи съ Сербіей, объявленной въ Вѣнѣ 14 іюля с. г.

Библиотека "Руниверс"



Къ войнѣ Австро-Венгріи съ Сербіей. Карта театра военныхъ дѣйствій.

Библиотека "Руниверс"

Протоіерей Максимъ Іоанновичъ Сапѣжко. Къ 60-лѣтію священнослуженія, исполнившемуся 12 іюля с. г. Пастырское служеніе маститаго юбиляра началось въ 1854 г. на Кавказѣ, до его покоренія, на священническомъ посту въ станицѣ передовой Урупской линіи, а съ 1858 г. по сіе время несмѣняемо священнослужительствуетъ и законоучительствуетъ въ станицѣ Отрадной, Кубанской области. Посвятивъ всю жизнь служенію слову Божію, о. М. Сапѣжко выстроилъ въ станицѣ Отрадной на свои средства два большихъ училища для бѣднѣйшей, безземельной части населенія. Глубоко почитаемый и сердечно любимый прихожанами и духовенствомъ, о. М. Сапѣжко былъ постоянно избираемъ и утверждаемъ благочиннымъ, состоя въ этой почетной должности уже около полувѣка.

скихъ городахъ стали устраиваться художественные выставки и открыты три рисовальныя школы.

27 іюля нынѣшняго года исполняется столѣтіе *Гангутской побѣды*, одержанной Петромъ Великимъ надъ шведами въ 1714 году. Эта побѣда была завершеніемъ предпринятой Петромъ Великимъ кампаніи для отвоеванія Финляндіи. Кампанія эта началась въ 1712 году, и Петръ писалъ тогда одному изъ своихъ сотрудниковъ: „Ежели Богъ попуститъ лѣтомъ до Абова, то шведская шея мягче гнуться станетъ“... Дѣйствительно, лѣтомъ 1712 года русскіе заняли Або. Спустя два года былъ предпринятъ второй походъ въ Финляндію-Швецію. Петръ Великій двинулъ на шведовъ свой маленькій боевой флотъ, состоявшій изъ галеръ и ботовъ (т.-е. попросту изъ лодокъ), и 27 іюля столкнулся съ шведскимъ флотомъ у мыса Гангеуддъ (Гангутъ), около нынѣшняго городка Гангэ. Русскими судами командовалъ самъ царь подъ именемъ „шаутъ-бейнахта Петра Михайлова“. Послѣ отчаяннаго боя русскіе нанесли шведамъ рѣшительное пораженіе и взяли 12 шведскихъ судовъ вмѣстѣ съ адмираломъ Эреншильдтомъ.

Гангутская побѣда повела къ окончательному утвержденію въ Финляндіи русскаго владычества. А шаутъ-бейнахтъ Петръ Михайловъ за эту побѣду былъ торжественно произведенъ Сенатомъ въ адмиралы русскаго флота.

Картина П. Вагнера изображаетъ этотъ знаменательный въ русской исторіи морской бой.

Старѣйшій русскій журналистъ князь Владиміръ Петровичъ Мещерскій, издатель «Гражданина», внукъ Н. М. Карамзина, авторъ ряда романовъ, пользовавшихся въ свое время широкой извѣстностью: «Женщины изъ петербургскаго большого свѣта», «Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ», «Хочу быть русской», «Реалистъ большого свѣта», «Графъ Обезьяниновъ». Кн. В. П. скончался 75 лѣтъ отъ роду (отъ крупознаго воспаленія легкихъ), бодрымъ и жизнедѣятельнымъ, до послѣднихъ дней работая для своего журнала, значительная часть котораго состояла изъ его статей.

Новый русскій посланникъ въ Сербіи кн. Г. Н. Трубецкой, состоявшій начальникомъ ближне-восточнаго отдѣла министерства иностранныхъ дѣлъ.

7 мая текущаго года въ Оренбургѣ безвременно скончался талантливый художникъ Лукіанъ Васильевичъ Поповъ. Сынъ крестьянина, онъ до 13 лѣтъ исполнялъ простыя крестьянскія работы. Затѣмъ мальчика опредѣлили на службу въ писчебумажный магазинъ, и тамъ, увидѣвъ картинки, онъ сталъ и самъ рисовать. Благодаря помощи и поддержкѣ участливаго хозяина магазина, Л. В. Поповъ имѣлъ возможность отправиться въ Петербургъ, въ Академію Художествъ. Тамъ онъ поступилъ въ классъ извѣстнаго жанриста проф. В. Е. Маковскаго и блестяще дебютировалъ своими работами жанроваго характера: („Затопило“, „На новыя мѣста“, „Встрѣча чудотворной иконы“). Первыя свои картины покойный художникъ выставилъ на Передвижной выставкѣ („Встрѣча“ и „Дѣти“) и имѣлъ выдающійся успѣхъ, и съ того времени сталъ каждый годъ появляться на выставкахъ передвижниковъ. Изъ другихъ его картинъ пользуются извѣстностью „Защита“, „До зари“, „Гдѣ же истина?“, „Ходоки на новыя мѣста“, „Своя компанія“ и много другихъ.

Л. В. Поповъ отличался большой продуктивностью, и имъ написано весьма много картинъ. Смерть положила конецъ его дѣятельной и еще молодой жизни.

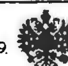
Въ этомъ № нашего журнала мы помѣщаемъ портретъ художника и одну изъ его картинъ—„Къ закату“.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Майкова“ кн. 5.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.



Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

Библиотека "Руниверс"

ТОЛЬКО И РАЗГОВОРОВЪ, ЧТО О ВЫПИВКѢ.

Настоящій „Ситровинъ-Эмбрей"— самое вѣрное средство противъ пьянства.

Сейчасъ всѣ удивляются почему я пересталъ пить водку и даже ненавижу тѣхъ, кто ее пьетъ. Получилъ я „Ситровинъ-Эмбрей" 3 октября, приступилъ къ лѣченію въ тотъ же день и постепенно сталъ чувствовать отвращеніе къ вину. Послѣ же окончанія пакета я даже сталъ избѣгать разговоровъ съ пьяными, а до принятія Вашего препарата, у меня только и было разговоровъ о выпивкѣ. Спасибо Вамъ, что спасли меня отъ пьянства и позора. Также благодаритъ Васъ моя мать, жена и дѣти; будемъ всѣ рекомендовать Вашъ препаратъ „Ситровинъ-Эмбрей". Онъ стоитъ въ аптекѣ очень дешево. Готовый къ вашимъ услугамъ — Н. Н. Симоновъ. На каждой коробкѣ настоящаго Ситровина имѣется наклейка: „Издѣліе лабораторіи К. В. Эмбрей". Остерегайтесь поддѣлокъ. 3178

ПОЛНОТА ГРОЗИТЪ ОПАСНОСТЬЮ.

Съ какимъ неудовольствіемъ Вы замѣчаете, что съ каждымъ днемъ Ваша фигура дѣлается все полнѣе, а это во многихъ случаяхъ является не только непріятностью, но и грозитъ опасностью, т. к. одышка, которой страдаютъ всѣ тучные люди, является результатомъ неправильныхъ функцій сердца.

Поэтому чрезвычайно важно для каждаго не доводить себя до чрезмѣрной тучности, не только для продленія жизни, но также изъ соображеній эстетическихъ, такъ какъ каждое лицо, имѣющее несчастье быть чрезмѣрно полнымъ, прекрасно знаетъ, какъ часто приходится имъ бывать посмѣшищемъ цѣлаго общества. 3180

Въ настоящее время очень легко избавиться отъ излишней полноты. Стоитъ лишь ежедневно принимать по нѣсколько пилюль „Apollo", которыя своимъ дѣйствіемъ на ткани, а равно и на пищеварительные центры, не допускаютъ отложенія жира и предохраняютъ отъ излишней полноты. Испытанныя и рекомендуемыя знаменитыми врачами всѣхъ странъ, пилюли „Apollo" являются спасеніемъ для всѣхъ тѣхъ, кто хочетъ избавиться отъ тучности.

Пилюли „Apollo" J. Ratié, Pharmacien, Paris, Passage Verdeau, 5. Исключительная продажа на всю Россію: Леонъ Бернгардтъ и Сынъ, Варшава, Варецкая, 9.

Можно получать также во всѣхъ аптекахъ и крупныхъ аптекарскихъ магазинахъ.

3140 10-9

КАКЪ КОРРЕСПОНДИРОВАТЬ ВЪ ГАЗЕТЫ?

2914 50-12

Побочн. зараб. для кажд. Подробн. просп. за двѣ семик. мар. Адресъ: Москва, редакція журн. „Соколъ", отд. 3.

3004 6-5

ГРЫЖА.

Всѣ страдающіе грыжей должны прочесть новое изданіе книги извѣстнаго парижскаго спеціалиста **А. Клавери:**

„КАКЪ ЛѢЧИТЬ ГРЫЖУ".

Въ этой научной книгѣ изложенъ драгоцѣнный способъ, какъ быстро и вѣрно можно устранить боли и всѣ непріятности, сопровождающія появленіе грыжи. Текстъ иллюстрированъ многочисленными анатомическими рисунками, которые наглядно показываютъ всѣ стадіи развитія этой мучительной болѣзни.

Чтеніе этой книги укажетъ больнымъ, какъ легко и просто можно получить немедленное облегченіе и скорое избавленіе отъ тягостной болѣзни.

Книга высылается за 2 7-ми копеечныя марки. 3184

А. КЛАВЕРИ: Москва, Петровка, д. 8, отд. 526.

YALE

Во время Вашего

ЛѢТНЯГО ПУТЕШЕСТВІЯ

Ваша квартира и контора

надежно закрыты?

Ваше имущество находится въ безопасности только въ томъ случаѣ, если всѣ главныя двери снабжены

Цилиндрическими замками „YALE".

Наименьшій ключъ—
Наибольшая безопасность.

Чердаки и подвалы

въ особенности во время Вашего путешествія должны быть защищены отъ взломщиковъ; вслѣдствіе этого, самое цѣлесообразное — безусловно надежный дверной или висячій замокъ.

Висячіе замки „YALE"

изготовлены изъ наилучшаго матеріала и даютъ безусловную безопасность. 3163

Клеймо (YALE) Ваша гарантія.

Требуйте наши брошюры.

Продажа его во всѣхъ желѣзныхъ торговляхъ и спеціальныхъ магазинахъ.

YALE & TOWNE, Ltd.
Hamburg 1 L

Адреса: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Фонтанка, 52.
МОСКВА, Лубянскій проѣздъ, № 23.

ГЕМОРРОЙ

хотя бы самой сильной степени у мужчинъ и женщ. вылѣч. **НАВСЕГДА** въ 1—2 нед. **МОИМЪ** прост., безвредн., дешев. **ДОМАШНИМЪ** сред., которое сами легко приготовите. Рецептъ и наставл. высыл. немедл. за 1 р. 25 к., можно марками или налож. плат. Предлож. **честн. и серьезн.**

Адр.: Москва, Долгоруковская ул., № 11, кв. 9—3. Марія Чурбанова. 3181 2-1

Библиотека "Руниверс"

3179 **СБЕРЕЖЕНІЕ ДЕНЕГЪ** 3-1

труда и врем. Учитесь стенографіи. Хорош. зараб. Самоучитель Стенографіи по сист. Габельсбергера, сост. В. Нечаевой, прод. во вс. кн. м. и на курсахъ. Ц. 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 50 к.—Москва, Страстной бул., 4.

Курсы Ст—іи Нечаевой, т. 133-74.

2913 8-8

3141 10-3

3117 20-1

ВЪ ЛѢТНІЕ ЖАРКІЕ ДНИ,
когда изобиліе плодовъ и ягодъ, высокая температура и вообще вся нѣсколько безпорядочная лѣтняя жизнь легко располагаетъ къ желудочнымъ заболѣваніямъ, лучшимъ предохранительнымъ средствомъ для взрослыхъ и дѣтей является маленькая рюмка превосходнаго на вкусъ французскаго вина „Сенъ-Рафаэль“. Оно поддерживаетъ нормальное состояніе желудка, укрѣпляетъ организмъ, освѣжаетъ и возстанавливаетъ силы.

Настоящее съ этой подписью *St Raphaël*

3190

ФОРТУНА МУЗЫКАЛЬНЫЯ ШКАТУЛКИ

въ 10, 14, 18, 25, 40, 50, 85, 110, 120, 150 р. и дороже. Доставляютъ не только прекрасное развлеченіе, но и способствуютъ развитію музыкальнаго слуха и любви къ музыкѣ. Прейсъ-курантъ высылается по требованію.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Москва, Рига. 3156

Настоящія Фортуны имѣютъ надпись: „Fortuna. Jul. Heinr. Zimmermann“.

Электрическій аппаратъ для разрушенія волосъ.

Фирма Л. М. Багинскій выступила съ замѣчательнымъ изобрѣтеніемъ. Дамская борода и нежелательная волосатость тѣла безслѣдно уничтожаются съ корнемъ. Аппаратъ приводится въ дѣйствіе при помощи нажатія кнопки, и сейчасъ же волосы выпадаютъ, и корни погибаютъ. Новый волосъ не можетъ болѣе вырасти на томъ мѣстѣ. За полный успѣхъ фирма ручается возвратомъ денегъ. Аппаратомъ можетъ пользоваться всякій безъ какого-либо подготовленія. Стоимость его 5 р., лучшаго качества 8 р. Съ заказами обращаться къ спеціалисту: Л. М. Багинскій. Рига, 45, Романовская ул., № 29.

2865 (Институты въ Берлинѣ и въ Парижѣ). (8)

Министерство Торговли и Промышленности. **СЧЕТОВОДНЫЕ КУРСЫ Московскаго Общества Распространенія Коммерческаго Образованія.**

Открытъ пріемъ прошеній на основной и спеціальный семестры; начало занятій 9-го Сентября. Принимаются лица обоего пола, всякаго образованія. Слушатели Курсовъ имѣютъ право посѣщать эпизодическія лекціи, читаемыя **профессорами московскаго коммерческаго института.** На спеціальномъ семестрѣ преподаются: счетоводство фабричное, банковое, земское и кооперативное. Обученіе **каллиграфіи, стенографіи и работѣ на пишущихъ машинахъ.** Свѣдѣнія и программы высылаются за пять 2-хъ копеечн. марокъ, краткій проспектъ—безплатно. Адресъ Канцеляріи: Москва, Стремянный пер., помѣщ. Московскаго Коммерческаго Института.

6-2 3168

17591 (35)

Никуда негодную поддѣлку и фальсификаты содержать всѣ тѣ коробки, которыя не снабжены синей бандеролью съ русской надписью и на которыхъ внизу на крышкѣ не помѣщена фирма Dr. Bayer és Társa Budapest. Коробка 65 коп., во всѣхъ аптекахъ.

СРЕДСТВО отъ ГЕМОРРОЯ
ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ
ПРОФЕССОРЪ ДОКТОРЪ ПЕЛЬ и СЫНОВЬЯ
С.ПЕТЕРБУРГЪ, ВАС. ОСТР. 7 ЛИН. Д. № 18.

ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ
(PROCTOL-POEHL)

СУППОЗИТОРІИ (СВѢЧКИ) ПРОТИВЪ ГЕМОРРОЯ. ОСТАНАВЛИВАЮТЪ КРОВОТЕЧЕНІЕ. УКРѢПЛЯЮТЪ СЛИЗИСТУЮ ОБОЛОЧКУ и СПОСОБСТВУЮТЪ СМОРЩИВАНІЮ и ИСЧЕЗНОВЕНІЮ ШИШЕКЪ. УСТРАНЯЮТЪ: БОЛЬ, ЗУДЪ и ЖЖЕНІЕ. ОКАЗЫВАЮТЪ ПРОТИВОВОСПАЛИТЕЛЬНОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Цѣна коробки 1 р. 50 к.

28-й годъ. Основан. въ 1886 году, разрѣшенные Начальствомъ **28-й годъ.**

КУРСЫ и БЮРО БУХГАЛТЕРІИ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ,
преподавателя бухгалтеріи московскаго учительскаго института.
МОСКВА, Тверская ул., уголъ Леонтьевскаго пер., д. № 33, бывш. Полякова. 3195 8-1

І-го СЕНТЯБРЯ НАЧАЛО ОБЩАГО КУРСА. Программы высылаются безплатно.

БУХГАЛТЕРІЯ ТОРГОВАЯ, БАНКОВАЯ, ФАБРИЧНАЯ, СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВ., ВИННОЙ МОНОПОЛІИ, ГОРОДСКИХЪ И ЗЕМСКИХЪ УПРАВЪ. ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА.

Въ текущемъ учебномъ году на курсахъ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ обучалось 486 человѣкъ, всего же за 27 лѣтъ—свыше 8,500 человѣкъ.

НА КУРСЫ ПРИНИМАЮТСЯ ЛИЦА ОБОЕГО ПОЛА, ВСЯКАГО ВОЗРАСТА и ОБРАЗОВАНІЯ.

СЕНТЯБРЬСКІЙ КУРСЪ ОСОБЕННО УДОБЕНЪ ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ.

ИСТОЩЕНІЕ

2965 12-7

и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Спермин-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копеечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья. С.П.Б.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Библиотека "Руниверс"

Главная Контора и редакція: С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г. № 31. Выданъ 2 августа 1914 г.

XLV г. изданія

Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагаются „Лит. Прил." и „Новѣйш. Моды" за августъ.

РАДІОАКТИВНЫЙ ИСТОЧНИКЪ **„РЯБОВО".** УГЛЕКИСЛАЯ КЛЮЧЕВАЯ СТОЛОВАЯ **ВОДА.** Главный Представитель: А. Дерингеръ, Царское Село. Складъ: С.-Петербургъ, Перевозная, 8. Тел. 503-36.

1-Й ГИГ. УМЫВАЛЬНИК-ДУШ
д. м. Н. Н. Макшеева Сер. Мед. Всер. Гиг. Выст. Вездѣ с собой умыв.-душ. Эсм. кр. Просп. безпл. Цѣна 8 руб. 50 коп. налож. плат.
3134 СПБ., Литейный, 52, кв. 10. 8-1

ВЪ ПАРФЮМЕРІИ НОВОЕ ДѢЛО.
ДОРОГІЕ ДУХИ лучшихъ фабрикъ міра можно имѣть **ЗОЛОТНИКАМИ** въ огромномъ выборѣ изъ перваго въ Россіи спеціально организованнаго склада. Почти безъ добавочныхъ расходовъ Вы получите всѣ лучшіе запахи. Пробный флаконъ съ любымъ указаннымъ Вами запахомъ (а если хотите, и фирму назовите) Вы получите по высылкѣ марками 40 коп.
Коллекціи:
6 фл. разн. зап. по 1/2 зол.—1 р. 25 к.
12 " " " " " " —2 р. 25 к.
6 " " " по 1 зол.—2 р. 25 к.
12 " " " " " " —4 р. 25 к.
Цѣны съ перес. Налож. плат. на 10 к. дороже. Треб. подробн. список. запах. и цѣнъ.
Калуга, П. П. КАННИНГЪ.

ВАЖНО для учителей музыки и родителей.
Новое педагогическое изданіе:
КЛАССИКИ XVII и XVIII вѣковъ, для фортепіано, подъ редакціей и съ аппликатурой проф. М. Пресмана, 68 №№ по 25 — 40 коп.
Все собраніе—22 руб. 75 коп.
Проспекты и каталоги безплатно.
П. Юргенсонъ 3026 Москва, Неглинный пр., 14. 8-2

МАРКИ для коллекцій. Продажа на выборъ. Кн. писч. магаз. высыл. на комис. Подробн. усл. безпл. Харбинъ, Мѣщанск., 9, Ярошевичъ. 3207

УГРИ,
прыщи, жиров. выдѣл. и желт. пятна уничтож. БЕЗСЛѢДНО въ 1—2 недѣли МОИМЪ безвреди. ДОМАШНИМЪ средст. Большой флаконъ, съ наставл., хватающ. на все время, высылаю немедл. наложен. плат. за 1 р. 75 к. съ перес. я упак. Получила массу благодарн. со всѣхъ концовъ Россіи. Предлож. моему прошу вѣрить, оно ИСКРЕННО и ЧЕСТНО. Адресъ: Москва, Долгоруковская ул., № 11,
3186 кв. 9—3; Марія Е. Чурбанова. 4-2

ОТЪ АЛЕКСАНДРОВСКАГО КОМИТЕТА О РАНЕНЫХЪ.

Для облегченія участи жертвъ войны, 18 Августа 1814 года ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ БЛАГОСЛОВЕННЫМЪ учрежденъ особый Комитетъ, носящій нынѣ названіе „Александровскій Комитетъ о раненыхъ". На этотъ Комитетъ возложена забота о судьбѣ воиновъ, пролившихъ кровь на полѣ брани, и ихъ осиротѣвшихъ семействъ. Отеческими заботами и попеченіемъ Россійскихъ МОНАРХОВЪ о нуждахъ раненыхъ воиновъ и ихъ семействъ созданъ инвалидный капиталъ. Пожертвованія Особъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамиліи, правительственныхъ, земскихъ, городскихъ и общественныхъ учрежденій и многихъ частныхъ обществъ и лицъ всѣхъ сословій послужили къ увеличенію средствъ инвалиднаго капитала. Слѣдуя указаніямъ ВЫСОЧАЙШЕЙ Воли, Александровскій Комитетъ о раненыхъ постоянно расширялъ свою благотворительную дѣятельность. Подъ покровительствомъ Комитета въ настоящее время состоитъ свыше 150 тысячъ лицъ. Покровительство Комитета заключается: а) по отношенію къ офицерскимъ чинамъ—въ назначеніи инвалидной пенсіи раненымъ и семействамъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ, въ опредѣленіи дѣтей на средства Комитета въ учебныя заведенія и въ выдачѣ пособій на лѣченіе, на воспитаніе дѣтей и вообще въ различныхъ затруднительныхъ и несчастныхъ случаяхъ, б) по отношенію къ нижнимъ чинамъ: закономъ 25 іюня 1912 года обезпеченіе пенсіями раненыхъ нижнихъ чиновъ и ихъ осиротѣвшихъ семействъ возложено на счетъ казны, для чего и перечислены въ доходъ казны всѣ прежнія доходныя поступленія инвалиднаго капитала. За Комитетомъ же о раненыхъ сохранено право выдавать нижнимъ чинамъ пособія изъ остатковъ процентныхъ денегъ съ инвалиднаго капитала. Пользуясь симъ правомъ, Комитетъ оказываетъ раненымъ нижнимъ чинамъ и ихъ семействамъ посильную помощь во всѣхъ случаяхъ нужды, назначая пособія на лѣченіе ранъ и болѣзней, по бѣдности, многосемейности и во всѣхъ несчастныхъ случаяхъ, какъ то: пожаръ, наводненіе, землетрясеніе, неурожай, голодъ, падежъ скота и проч., но по ограниченности остающихся средствъ Комитетъ лишенъ возможности выдавать эти пособія въ достаточныхъ размѣрахъ. Современная война потребовала въ ряды арміи огромное число воиновъ и можетъ вызвать небывалыя потери и жертвы, для оказанія помощи которымъ понадобятся большія средства. Въ надеждѣ на отзывчивость русскихъ людей и на участіе къ страданіямъ воиновъ, отдавшихъ здоровье и силы за ЦАРЯ и РОДИНУ, Александровскій Комитетъ о раненыхъ приглашаетъ желающихъ оказать содѣйствіе въ дѣлѣ призрѣнія воиновъ, пострадавшихъ въ настоящую войну, и ихъ осиротѣвшихъ семействъ къ пожертвованіямъ на это святое дѣло. Всякое пожертвованіе будетъ принято съ благодарностію. Пожертвованія принимаются: въ Канцеляріи Александровскаго Комитета о раненыхъ (С.-Петербургъ, Кирочная ул., д. № 4), въ присутственные дни отъ 9 час. утра до 9 час. вечера, а въ остальные дни—отъ 10 час. утра до 5 час. вечера; кромѣ того, въ редакціяхъ газетъ, во всѣхъ казначействахъ,—въ суммы Александровскаго Комитета о раненыхъ по счету „пожертвованія", а также и почтою.

Покорнѣйшая просьба къ Редакціямъ столичныхъ и провинціальныхъ газетъ—перепечатать настоящее воззваніе и принимать пожертвованія.

УЧЕБНИКЪ КУРСОВЪ ДОПУЩ. МИНИСТ. ТОРГ. и ПРОМЫШЛ. ВО ВСѢ КОММЕРЧ. УЧЕБН. ЗАВЕДЕН. отношен. 29-го мая 1913 г., № 1786.

Плата за заочный курсъ **БУХГАЛТЕРІЯ** 6 р.

Программа та же какъ за 30 руб. || 24-й годъ со дня открытія курсовъ.

Мы преслѣдуемъ единственную цѣль обслуживать нашими курсами исключительно неимущій, трудящійся классъ учениковъ. Съ этой цѣлью мы назначили за весь курсъ только **ШЕСТЬ руб.**, безъ всякой доплаты за пересылку и отвѣтовъ на вопросы. Допускается разсрочка: при зачисленіи **ТРИ руб.** и среди курса **ТРИ руб.** По окончаніи курса выдается **АТТЕСТАТЪ** на званіе бухгалтера. Въ продолженіе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ руководимъ занятіями учениковъ, отвѣчая на всѣ вопросы. Въ программу входятъ всѣ отрасли счетоводства: банковое, торговое, заводское, мельничное, строительное, кустарное и др. Подготовки никакой не требуется. Нужно только знать четыре дѣйствія ариөметики. (Коммерческая ариөметика, корреспонденція и вычисленіе процентовъ входить въ курсъ). **ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО НАШУ ПРОГРАММУ** и ручательство за успѣхъ, которая послужитъ Вамъ нашимъ обязательствомъ выполнить все содержаніе программы. Въ программѣ прочтете благодарственные отзывы главныхъ бухгалтеровъ банковъ, управъ и разныхъ Торговыхъ Домовъ, бывшихъ нашихъ заочныхъ учениковъ. Курсы удостоены почетнаго креста и золотыхъ медалей на всемірныхъ выставкахъ и массы благодарностей. Курсы существуютъ 24 года (съ 1890 года). Требованія адресовать: **ПОЛТАВА, Бухгалтерскіе Курсы „КОММЕРЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ",** Ново-Петровская, 2—2. 8209

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, СПБ., улица Гоголя, 22.

Мольеръ. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ 4 т., съ портретомъ автора. Подъ ред. П. Вейнберга и П. Быкова. Цѣна каждаго тома 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.; въ перепл. 2 р. 35 к. съ

Каменскій, А. Разсказы. Въ 3 томахъ. Изящное изданіе на хорошей бумагѣ, отпечат. четкимъ шрифтомъ. Цѣна каждаго тома 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.; въ перепл.

Библиотека "Руниверс"

3037

ЧИСТОЕ ЛИЦО

получается скоро послѣ употребленія новаго средства

Угринъ

отъ

ПРЫЩЕЙ и УГРЕЙ

Продается вездѣ по 1 р. 90 к. за банку. Перес. налож. плат. изъ оптов. склада **Рич. Пето.** СПБ. Караван. ул. 5, кв. 8.

1935 8-3

ЖЕНЩИНЫ и НАРЯДЫ.

Съ незапамятныхъ временъ драгоцѣнности содѣйствовали красотѣ женщинѣ. Но въ то же время, по общему признанію, эти послѣднія должны быть хотя бы сравнительно красивыми, чтобы лучше оттѣнить цѣнность ихъ украшеній, ибо наилучшія драгоцѣнности блѣднѣютъ, не привлекши къ себѣ вниманія, если ихъ носитъ неинтересная женщина. Если онѣ и въ состояніи обратить на себя вниманіе, то лишь для подчеркиванія болѣе рельефнаго контраста между ними и ихъ владѣлицей. Что можно сказать о брилліантовомъ кольѣ на худенькой шеѣ? Ни одна интеллигентная женщина, считая себя худой, не захочетъ украсить себя имъ, и прежде всего подумаетъ о томъ, какъ бы найти средство, способное устранить этотъ дефектъ.

Поэтому всѣ женщины въ данномъ случаѣ должны употреблять извѣстнѣйшія пилюли „Marbor“, которыя въ нѣсколько мѣсяцевъ развиваютъ самый скромный бюстъ. Чудное дѣйствіе ихъ ставитъ ихъ въ первомъ ряду препаратовъ этого рода.

Надо замѣтить, что, дѣйствуя единственно на бюстъ, онѣ устраняютъ опасность полноты другихъ частей тѣла. 3196

Пилюли „Marbor“ J. Ratié, Pharmacien, Paris, Passage Verdeau, 5. Исключительная продажа на всю Россію: Леонъ Бернгардтъ и Сынъ, Варшава, Варецкая, 9.

Можно получить также въ аптекахъ и крупныхъ аптекарскихъ магазинахъ.

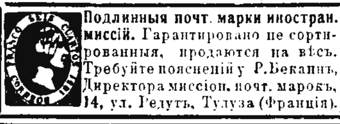
АКЦІОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
Основана 1860 года
С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, № 27.

МОМЕНТАЛЬНАЯ КРАСКА ДЛЯ **ВОЛОСЪ**

„ВѢЧНАЯ МОЛОДОСТЬ“ мгновенно и натурально окрашиваетъ волосы въ черный, темнорусый и наштановый цвѣтъ

Цѣна 1 руб.

Въ продажѣ у извѣстныхъ торговцевъ парфюмерными товарами и въ аптек. магазинахъ.



Подлинныя почт. марки иностран. миссій. Гарантировано не сортированныя, продаются на вѣсъ. Требуйте поясненій у Р. Беканнъ, Директора миссіон. почт. марокъ, 14, ул. Редутъ, Тулуза (Франція).

ОТКРЫТКИ художеств. посл. новости

выс. нал. пл. Цѣна за 100 шт.	Р.	К.
Глянцев.: парочки и др.	2	—
Клейнъ: цвѣты и фрукты. . . .	2	50
Бромъ: копіи, головки и др. . .	3	—
Австрійскія: дѣтскія	3	—
Виды: Малороссія и др.	3	50
Тукъ: Ландшафты и др.	3	50
Бромъ краш.: головки и др. . .	4	—
Роммель: цвѣты и фрукты. . .	4	—
Третьяковск. галл.: въ краск. . .	4	—
Англійскія: головки и др. . . .	5	—
Польскіе художн.: въ краск. . .	5	—
Русскіе художн.: въ краск. . . .	6	—

Поздравит.: въ 2 р., 2 р. 50 к., 3 р. и др.
3165 Тысячами—10% ск. СПБургъ, 10 з.
10 рота, № 10/4 И. РОЗОВСКІЙ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ!

При покупкѣ ПЕРУИНА-ПЕТО надо непремѣнно слѣдить за тѣмъ, чтобы у горлышка флакона была бы привѣшена парижская медаль и приложенъ аттестатъ изобрѣтателя Р. Г. Пето. Все остальное безъ медали и безъ атестата поддѣлки.

БАЗАРЪ МАРОКЪ НЕВСКІЙ 20 КВ

1891 17-10

ОБУЧЕНІЕ ЗАОЧНО 3-8 1918 **ГАЗЕТНОМУ и ЖУРН. ТРУДУ** (статьи, корресп. и пр.). Подробныя свѣдѣнія требуйте безплатно. Адрес.: Редакція журн. „СОТРУДНИКЪ ПЕЧАТИ“, С.-Петербургъ, Коломенская, 27—5.

Память укрѣпляетъ заочно проф. С. Файнштейнъ, Одесса, с. д. 28. Просп. выс. за 7 к. м.

2953 ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ 12-6

БУХГАЛТЕРІИ

И КОММЕРЧ. ЗНАНІЙ

Условія и пробн. лекціи **безплатно**. Адресъ:

Я. Ю. МАРКЪ, г. ЛИБАВА.

ФОТОграфическіе снимки Испанскихъ и Французскихъ красавицъ. Русск. каталогъ 40 коп. почт. марками: **Gennert, Calle Padua Barcelona** (Испанія). 2909 18-9

Состоящіе въ вѣдѣніи Мин. Торг. и Промышл.

КУРСЫ бухгалтеріи М. Л. Гурвича. 3191 **Симферополь (КРЫМЪ).** 4-1

Начало зан. 1-го сентября. Програм. безплат.

ДРАГОЦѢННАЯ КНИГА ДАРОМЪ!

Сообщите мнѣ свой адресъ только въ закрытомъ письмѣ (открытки остаются безъ отвѣта), и я вышлю Вамъ для ознакомленія безплатно (не присылайте ни денегъ, ни марокъ) свой **КРАТКІЙ САМОУЧИТЕЛЬ ГИПНОТИЗМА, ХИРОМАНТІИ, ФИЗІОГНОМИКИ, ФРЕНОЛОГІИ, ГРАФОЛОГІИ и АСТРОЛОГІИ** съ рисунками въ текстѣ. По этой книгѣ Вы узнаете много **УДИВИТЕЛЬНАГО, НОВАГО и ВАЖНАГО** о себѣ лично, о близкихъ друзьяхъ и знакомыхъ. По ней легко опредѣлить **ХАРАКТЕРЪ, ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ и БУДУЩЕЕ.** Адресуйте: **ПСИХО-ФРЕНОЛОГУ Х. М. ШИЛЛЕРУ-ШКОЛЬНИКУ, ВАРШАВА, ПЕНКНАЯ, 25. Лит.—26.**

КУРСЫ общед. **ЗАОЧНЫЕ** ком. самообр. ПРОГР.: 2-ая итальянск. и американская **БУХГАЛТЕРІЯ СТЕНОГРАФІЯ** (искусство писать со скоростью рѣчи), коммерч. ариѳметика, коммерч. корреспонденція, ком. географія, товаровѣдѣніе. **Курсъ правоп. КАЛЛИГРАФІИ, контор скорописи, ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА. БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ** (труды професс. и препод. высш. и средн. учебн. завед.). **Отзывы спец. благ. письма. АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА.** Льготн. условія: разсрочка отъ 2 руб. **Программы и пробныя лекціи высылаются БЕЗПЛАТНО.** Адресъ: Книгоиздательство „Кругъ Самообразованія“.—С.-Петербургъ. **НЕВСКІЙ,** д. 57—11.

СУДИТЕ САМИ

Парижъ

по получаемымъ нами ежедневно **благодарностямъ**: Въ прошломъ году я выписалъ отъ Вашей Фирмы 9 штукъ часовъ, которые по **вѣрности хода исключительно хороши.** Теперь же прошу Васъ выслать пока еще 5 такихъ же часовъ. Адр. Владикавказъ, Кадетскій Корпусъ. Эд. Ив. Менско.

Я, С. Юденко, благодарю за Ваши высланные часы. Прошу выслать еще 4 экземпляра съ такимъ же вѣрнымъ ходомъ. Кіевъ.

Выписывая отъ насъ часы непосредственно изъ Парижа, Вы гарантированы и увѣрены, что Ваши часы **аккуратнѣйшіе, прочные и элегантные.** Рекомендуемые нами мужскіе и дамскіе часы **„Сецесія“** откр. съ 2-мя крышками и закрытые съ 3-мя крышками изъ металла наподобіе Кавказскаго серебра, живописно гравированные красивыми рисунками (см. рис.) никогда не теряютъ своего первоначальнаго вида. Механизмъ часовъ самаго лучшаго качества, **настоящій анкеръ на 15 камняхъ.** Заводъ головкой „Ремонтуаръ“ разъ въ 40 час., съ провѣреннымъ до минуты ходомъ и позолочен. или посеребрен. циферблат. **Ручаемся за вѣрность хода и прочность металла на 10 лѣтъ.**

Цѣна час. открыт. съ 2 крышк. 4 руб. 50 коп., 2 час. 8 руб. 50 коп., 4 час. 16 руб.
„ „ закрыт. съ 3 крышк. 5 руб. 25 коп., 2 час. 10 руб. — — 4 час. 19 руб.

Безплатно прилагается къ каждымъ часамъ: 1) цѣпь мужская никелевая „Шатленъ“, никогда не чернѣющая, или дамская шейная настоящаго французскаго новаго золота, 2) брелокъ и 3) замшевый кошелекъ для храненія часовъ. Пересылка съ пошлиной 50 коп. Въ Азіатск. Россію 75 коп. Заказы высылаются аккуратно и немедленно наложеннымъ платежомъ и безъ задатка. Писать можно на всѣхъ языкахъ по нижеслѣдующему адресу, который можно переписать или вырѣзать и наклеить на конвертъ (10 коп. мар.) или откр. (4 коп. мар.) **Адресовать:** 2717 2-2

Парижъ, Франція. 8. Paris.	B. Fichelson. Bureau № 13.

Предостереженіе. Во избѣжаніе поддѣлки объявляемъ, что на циферблатѣ рекомендуемыхъ часовъ находится надпись нашей Парижской фирмы.

СЕРДЕЧНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ,

ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцебіенія и одышки, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

2145 12-3

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬ и СЫНОВЬЯ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Библиотека "Руниверс"

ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. | № 31 | г. XLV | 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложенiй, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 2 августа 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на ½ года 4 р., на ¼ года 2 р. Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенiя“ за Августъ 1914 г., 2) „НОВѢЙШIЯ МОДЫ“ за Августъ 1914 г. съ 37 рис., отдѣльн. листъ съ 31 черт. выкр. въ натур. величину и 48 рис. дамскихъ рукодѣлiй.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1914 г.

Съ приложенiемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ
ПОЛНЫЯ СОБРАНIЯ СОЧИНЕНIЙ:

В. Г. КОРОЛЕНКО | А. Н. МАЙКОВА | Э. РОСТАНА,

12 книгъ „Ежемѣсячныхъ Литературныхъ и Популярно-Научныхъ Приложенiй“ и пр.

П. Венигъ. Раннiй снѣгъ. XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

Библиотека "Руниверс"

Сердце жизни.

Повѣсть **В. В. Муйжеля.**

(Окончаніе).

IX.

Прохорова посылала Владислава за Колей — милымъ мальчикомъ, такъ весело смѣявшимся какому-нибудь пустяку, веселымъ мальчикомъ, отъ голоса котораго оживали комнаты, и казалось, что солнце свѣтитъ ярче... Но Владиславъ пришелъ и, глядя въ сторону, доложилъ, что Коля не можетъ прійти.

— Почему не можетъ—онъ боленъ? — спросила Прохорова.

— Надо полагать, что боленъ...—отведя глаза въ сторону, отвѣтилъ Владиславъ.—Извѣстно, ребенокъ,—насморкъ тамъ или кашель...

И, незамѣтно двигаясь назадъ къ двери, ушелъ.

Она прошла въ свою комнату, отыскала ящикъ съ игрушками, которыми играли дѣти: маленькими смѣшными паровозиками, плюшевыми обезьянками, карточными лошадками, и, сѣвъ на коврѣ, перебирала ихъ. И она, никогда не имѣвшая дѣтей, вдругъ остро почувствовала невыносимую боль какой-то страшной утраты, глядя на глупыя вещицы, еще сохранившія слѣды прикосновенія дѣтскихъ рукъ. Эти игрушки въ пустой комнатѣ, погруженной въ насторожившееся молчаніе!..

Она склонилась къ нимъ лицомъ—и вдругъ заплакала горько, безутѣшно, вся потрясенная непонятной потерей того, чего никогда не имѣла, и слезы падали на фарфоровыхъ слоновъ, жестяныхъ зайчиковъ, на деревянныхъ куколъ, отъ которыхъ пахло красками и лакомъ.

— За что, за что?..—спрашивала она своими слезами, а голосъ прерывался и выходило: „что̀", „что̀", словно она спрашивала, не понимая сама, что̀ съ нею.

Она сидѣла долго, уже въ столовой брякала посуда—должно-быть, накрывали къ обѣду. Кто-то подошелъ къ двери и осторожно кашлянулъ. И это было новое, потому что прежде слуги днемъ входили безъ предупрежденія.

— Кто тамъ? — крикнула она, торопливо вытирая теплыя слезы.

Вошелъ Владиславъ и, слегка склонившись, тихо сообщилъ:

— Тамъ женщина пришла... которая молоко носитъ, мальчика этого мать, что̀ тогда посылали.

— Хорошо, я сейчасъ выйду. Проведите ее въ маленькую гостиную.

Она собрала игрушки, оттащила ящикъ подъ столикъ и, намочивъ конецъ полотенца одеколономъ, вытерла лицо. И, по привычкѣ взглянувъ на себя въ зеркало, на моментъ остановилась:

„Что̀ такое? Неужели это она? Такая блѣдная, съ темными тѣнями подъ глазами, съ желтизной у висковъ? Какъ могло случиться, что она за нѣсколько дней такъ постарѣла? Откуда этотъ болѣзненный, жалкій видъ?"

Она смотрѣла долго, изучая это чужое и вмѣстѣ привычное лицо,—и то же жуткое изумленіе охватило ее:

„Какъ, какимъ образомъ могло случиться это?"

Въ маленькой гостиной ожидала высокая, худая женщина. Какъ у большинства жившихъ въ селѣ мѣщанокъ, черный платокъ у нея былъ низко надвинутъ на глаза, и изъ-подъ него виденъ былъ только желтый, словно вылѣпленный изъ воска, носъ.

Дверь въ садъ изъ маленькой гостиной была уже выставлена, и теперь черезъ нее несся сложный и грустный ароматъ распускающейся сирени, вечерней земли и тонкаго благоуханія осыпанной бѣлыми снѣжинками яблони. Запахъ былъ такъ нѣженъ, что его едва можно было разобрать, но онъ говорилъ сильнѣе всѣхъ, и отъ него почему-то хотѣлось плакать. Пришедшая стояла какъ разъ противъ двери, и ея сухая, чуть-чуть согнутая фигура вырѣзывалась на свѣтломъ квадратѣ рѣзкимъ чернымъ силуэтомъ.

— Вы хотѣли меня видѣть?—проговорила Антонина Александровна, останавливаясь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея.— Вѣроятно, насчетъ Коли?

Баба быстро обернулась, перехватила сложенными у пояса руками и, не кланяясь, взглянула на нее.

— Насчетъ его самаго, насчетъ Коли моего, истинное слово сказали,—запѣла она нѣжнымъ пѣвучимъ голосомъ, и Прохорова видѣла, какъ все лицо ея сложилось въ приторную, ласковую улыбку.— Вотъ насчетъ сынка моего, Коли-то этого самаго, я пришла, какъ вы присылали за нимъ... Очень вами благодарна, что прислали за мальчикомъ моимъ, чувствительно даже благодарна и за все прочее, что грамоту съ нимъ учили и въ игрушки всякія играли, очень вами благодарна...—повторила она и низко поклонилась. Потомъ выпрямилась и опять поклонилась и еще разъ — и дѣлала это какъ заведенный манекенъ, все съ той же сладкой, напряженной улыбкой, отъ которой лицо ея съежилось мелкими морщинками. — Очень даже чувствительно вами благодарна, — твердила она, заглядывая снизу въ лицо барыни.—Какъ мы люди простые, мѣщане посадскіе — извѣстное дѣло безъ образованія, и совсѣмъ, можно сказать, въ грязи выросши, такъ намъ очень даже лестно, что такая барыня важная, можно сказать, первая персона по всей округѣ и окромя прочаго генеральша...

По мѣрѣ того, какъ она говорила, кланялась и улыбалась, Антонина Александровна отодвигалась отъ нея все дальше и дальше. Было что-то въ словахъ и манерахъ этой бабы, что̀ вселяло смущеніе.

— Я очень рада,—пробормотала она.—Коля такой хорошій мальчикъ... Мнѣ жаль, что онъ не приходитъ...

— И не придетъ, не при-детъ, — запѣла баба, заглядывая изъ-подъ платка круглымъ, какъ у большой хищной птицы, глазомъ:—вотъ ужъ истинно сказать—не-е при-и-де-етъ теперь!.. Какъ мы простого мѣщанскаго званія и, выросши въ избенкахъ нашихъ бѣдныхъ, нуждишкой нашей придавлены, ужъ такъ убого, такъ убого, но только-что Бога мы помнимъ и стыдъ отъ людей тоже не забываемъ... И не придетъ—никакъ теперь не придетъ, потому хоть мы отъ генеральскаго чина далеко и простые что ни на есть мѣщане и такіе бѣдные, такіе бѣдные—что и сказать невозможно, но только-что думаемъ умишкомъ нашимъ убогимъ такъ, что дитенку малому, мальчишкѣ то-есть нашему—не слѣдъ на такія дѣла смотрѣть и худости всякой набираться!.. И не можемъ мы пустить его никакъ —потому ваше дѣло господское, и разсужденіе, значитъ, ваше, какъ угодно, а чтобы ребенку несмысленочку смотрѣть на всѣ дѣла ваши и пакостямъ всяческимъ научаться—такъ умишкомъ моимъ мы разсудили—не время еще...

Она выпрямилась и прямо взглянула на барыню—и улыбка ея стала жестокой и торжествующей.

— Я не понимаю васъ... — растерянно говорила молодая женщина, чувствуя, что на нее надвигается что-то скверное и злое.—Въ чемъ дѣло? Какія дѣла?

— А такія дѣла, матушка-барыня, что совсѣмъ даже ребенку нехорошо смотрѣть на нихъ... Конечно, мы бѣдные мѣщане, и умишко у насъ худенькій, а только нельзя такъ чтобы смолчать, и какъ ребенокъ рвется все время, а тутъ присылы разные, хахаль-то этотъ съ усищами, Ладиславъ, ай какъ его—ходитъ, такъ должна я дите свое въ защиту взять!.. И не слѣдъ, барыня хорошая, какъ вы человѣкъ съ образованіемъ, можно сказать, всѣмъ наукамъ обучены, совсѣмъ даже не слѣдъ мальчишекъ всякихъ звать глядѣть, какъ вы съ разными тутъ путаетесь и всякія дѣла вытворяете!.. Коли мужъ отъ тебя бѣгаетъ, надо прямо сказать — тебѣ же на пользу, такъ ты хоть дома-то сиди чинно-благородно, чтобъ отъ людей стыда не было!.. А то учителишекъ всякихъ назоветъ, пива-вина поставитъ да любуется, какъ они тутъ съ дѣвчонками-учительшами шуры-муры водятъ, да еще себѣ завела бородищу. Чертежникъ! Знаемъ мы, какіе чертежи онъ тутъ чертитъ!.. А ребенку малому на все это глядѣть совсѣмъ нехорошо, и очень даже нехорошо—я тебѣ прямо для твоей пользы скажу!.. Какъ саму тебя Богъ наказалъ, своего не далъ, такъ ты чужихъ не порти, на свои пакости глядѣть не заставляй, да еще хахалей своихъ усатыхъ не присылай, ребенка изъ спокойствія не выводи!.. Бились-бились съ мальцемъ, что̀ прутьевъ исколотили — отучили шляться сюда, а тутъ на̀, поди:

Библиотека "Руниверс"

М. Игнатьевъ. На молитвѣ.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

холуевъ своихъ присылаетъ—опять мальцу безпокойство, опять прутомъ сѣки!..

Она уже кричала на весь домъ, сыпала словами такъ, что нельзя было услѣдить за смысломъ, и, какъ большая черная птица, взмахивала руками, наступая на барыню.

— Гдѣ бы мальчонку, на нуждишку нашу глядя, сапожонки, либо пальтишко тамъ справить — она только холуевъ посылаетъ!.. А ты думаешь, что мы, мѣщанишки, такъ такъ тебѣ это и пройдетъ? Думаешь, мужъ твой анжинеръ мужиковъ окручиваетъ, виномъ спаиваетъ да землю за полцѣны въ свою пользу скупаетъ, такъ тебѣ такъ это и пройдетъ? Нѣтъ, погоди, и въ насъ языкъ есть, я тебѣ отпою, а ты послушай, я тебѣ правду-то скажу, а ты поучись!.. Что такое задумала? Ахъ ты, баба непутящая, ахъ ты...

Но Прохорова больше не слушала. Она зажала уши и выбѣжала изъ комнаты, какъ будто ее преслѣдовали фуріи.

„...Что такое, какой еще новый ужасъ долженъ упасть на нее? О чемъ кричала эта страшная баба?! Боже мой, какъ страшно, какъ ужасно все—и какъ непонятно...“

Она прибѣжала къ себѣ и, схвативъ голову руками, упала на маленькій диванчикъ. Ее трясла нервная дрожь—и казалось, вотъ-вотъ сюда ворвется опять страшная черная баба и станетъ браниться и кричать, и нельзя ничего сдѣлать, чтобы она замолчала.

Что-то случилось съ нею или вокругъ нея, и все странно измѣнилось, и жестокіе, несправедливые удары одинъ за другимъ падали на нее. Что измѣнилось? Все, кажется, было такъ же, какъ прежде,—но ушло что-то самое главное изъ жизни, самое существенное, и все пошло страннымъ, путающимся кругомъ боли, обиды, ненужности... Зачѣмъ-то вставала она каждый день—двигалась, говорила, ждала, думала, для чего-то ходили вокругъ нея люди, почему-то жила она въ большомъ, страшномъ домѣ, окруженная дорогими вещами, купленными далекимъ, чужимъ человѣкомъ...

Она опустила руки и прислушалась. Все было тихо—должно-быть, баба ушла, или ее вывелъ Владиславъ—и обычная глухая тишина опустилась на домъ. Въ напряженномъ молчаніи стояли знакомыя вещи; мертвыми пятнами смотрѣли старыя картины; свѣтлѣли окна—и мертвый бѣлый свѣтъ лился въ нихъ—такой холодный, чуждый.

И ей показалось, что она поняла: ушло сердце жизни, самое подлинное, что было въ ней — что гнало живую красную кровь по венамъ, что заставляло пульсировать артеріи, придавало смыслъ и оправданіе органическаго единства ея существованію. Сердце жизни перестало биться—и ненужнымъ сталъ домъ, чуждыми знакомыя вещи, и странно было видѣть себя въ большой, раздѣленной приземистыми колоннами, комнатѣ...

И стало пусто и холодно, и слѣпыми свѣтлыми глазами смотрѣлъ яркій весенній день въ большія окна, и каждый часъ несъ оскорбленіе, боль, горечь.

Такъ въ просторномъ, безкрайнемъ полѣ, на пологомъ курганѣ, измученный ранами, испускаетъ послѣдній вздохъ сраженный боецъ. И тишина мягко подходитъ и ласково обнимаетъ старый курганъ и одинокій трупъ и смежаетъ полуоткрытыя незрячія очи. А въ вышинѣ, въ безпредѣльной синевѣ уже черными точками плаваютъ почуявшія добычу черныя птицы и смотрятъ зоркимъ взглядомъ внизъ и ждутъ и вдругъ падаютъ смертельнымъ камнемъ съ веселымъ, хищнымъ клекотомъ, и далеко разносится погребальный крикъ.

. . . .

X

Этотъ день начался такъ.

Въ семь часовъ утра принесли телеграмму. Владиславъ, еще только-что вставшій, въ лѣтнемъ пальто, надѣтомъ прямо на бѣлье, повертѣлъ ее въ рукахъ и рѣшилъ нести барынѣ. Нюша разбудила Антонину Александровну и передала ей неопрятную сѣрую бумажку.

Размашистымъ, торопливымъ почеркомъ въ телеграммѣ было написано:

„Буду завтра три дня Максимъ“.

К. Маковскій. Рыженькая.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

Библиотека "Руниверс"

Антонина Александровна съ изумленіемъ повертѣла, такъ же, какъ Владиславъ, телеграмму, расписалась и еще разъ перечитала.

Прежде мужъ никогда не давалъ телеграммъ. Его ждали каждую минуту и никогда не ждали, онъ пріѣзжалъ тогда, когда разсчитывали видѣть его черезъ день или два. Зачѣмъ теперь телеграмма?

Прохорова вздохнула. Эта грязная бумажка съ таинственными знаками и росчерками писарского почерка была еще одной ячейкой въ сложной лжи и тяжести и ненужности, опутавшихъ жизнь.

—„Буду завтра три дня“...—горько шептала она, опять ложась и глядя въ лѣпной потолокъ. — Какое вниманіе!..

В. Мазуровскій. На помощь раненымъ.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

Н. Шаховской. Холодно.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

Сна уже не было, и она пролежала, почти не двигаясь, часа два. Слышно было, какъ стукнула входная дверь,—это пришелъ Березскій. Онъ о чемъ-то спросилъ Владислава, и тотъ отвѣтилъ, потомъ все стихло.

За окномъ спальни, въ густыхъ кустахъ какая-то маленькая птичка все время просила.

„Пи-ить-пи-ить, пи-и-ить-пить!..“ — высвистывала она, и Антонина Александровна знала, что это къ дождю.

Въ столовой гремѣла посуда, и раза два слышались осторожные шаги возлѣ дверей; это Нюша прислушивается, не встала ли барыня, и не надо ли ей подать чаю.

Но встать было трудно, потому что сразу, поднявшись съ постели, надо было начинать лгать и путаться въ этой безконечной сѣти, безъ всякой надежды когда-нибудь выпутаться.

Но какъ бы тамъ ни было, а вставать надо. Она позвонила и стала медленно одѣваться, съ такимъ чувствомъ, какъ будто ей предстоитъ нѣчто невѣроятно сложное, трудное и больное, какъ тяжелая операція.

Наташа болтала что-то, возясь съ шнурками ботинокъ, но она не слушала. Раза два горничная что-то спросила, но, не получивъ отвѣта, внимательно поглядѣла на барыню и замолчала.

Надо было одѣться, выходить въ столовую, говорить съ кухаркой, отвѣчать на привѣтствіе Владислава, надо было дѣлать массу ненужнаго, лишняго, когда хотѣлось остаться совсѣмъ одной и лежать, закрывъ глаза, въ спальнѣ.

Она вспомнила, какъ однажды, не выдержавъ экзамена, она пришла домой и легла на свою кровать, уткнувшись головой въ подушку. Гдѣ-то за двѣ комнаты ходили, говорили, кто-то смѣялся—и скоро могли войти къ ней, а она лежала безъ мыслей, безъ чувствъ, полная однимъ страстнымъ желаніемъ: если бы можно такъ пролежать весь день, ночь, и завтра, и послѣзавтра, и всю жизнь, и не отвѣчать ни на какіе вопросы, не вставать, не думать ни о чемъ...

Въ одиннадцать часовъ пришла Полина Сергѣевна. При видѣ Прохоровой она всплеснула руками, и брови на ея маленькомъ, напоминающемъ какого-то звѣрька, лицѣ поднялись кверху.

— Боже мой, душечка, что съ вами такое? Вы нездоровы, у васъ такой видъ...

Она сразу заговорила, спрашивая и не дожидаясь отвѣта, и отрывистый, торопливый голосъ утомительно затрещалъ въ ушахъ Антонины Александровны. Ей хотѣлось сморщиться, какъ отъ го-

Библиотека "Руниверс"

П. Поляковъ. Московскій дворикъ.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

сафьяна, кисетомъ, тронула ее, какъ маленькая слабость большого и суроваго человѣка. И ей представлялось, что есть гдѣ-то другая жизнь—умная, честная, свѣтлая, какъ апрѣльское утро,—жизнь, гдѣ много дѣтей, веселыхъ, радостныхъ, сверкающихъ оживленными глазками,—и угрюмый чертежникъ знаетъ про эту жизнь и бережетъ ее, какъ великій секретъ.

— И вотъ видите, прелесть моя,—доносился откуда-то издали, словно она лежала на днѣ глубокаго колодца:—и представьте, тогда стали говорить Богъ знаетъ что... Я говорю:—оставьте, вѣдь это же никто не можетъ знать, зачѣмъ говорить?!—но нѣтъ, всѣ продолжаютъ, шепчутся, передаютъ на ухо другъ другу всякіе слухи — картина, достойная кисти Айвазовскаго!.. Конечно, — что вы можете требовать отъ нашего народа? Бытовыя черты...

— А что же Жаворонокъ?—словно проснувшись, вспомнила Антонина Александровна. — Она

ловной боли, слушая прыгающія, быстрыя слова учительницы, но усиліемъ воли она сдерживала себя.

— Нѣтъ, вы больны, вамъ непремѣнно надо лѣчиться. Это Богъ знаетъ что такое,—трещала Полина Сергѣевна.—У васъ такой видъ!.. Это все равно, какъ я была у Жаворонка сейчасъ,—я отъ нея къ вамъ,—Боже мой, вы не узнали бы ея. Это что-то ужасное!

— Она нездорова?—чтобы сказать что-нибудь, спросила хозяйка.

— О, да, и очень... И это уже давно. Говорятъ, боюсь думать, у нея скоротечная чахотка. И вы знаете, отъ чего? Вы знаете, учитель—Усачовъ, такой здоровый, тотъ самый, что на Пасху еще приходилъ съ своимъ хоромъ мальчиковъ? Это замѣчательный типъ. Нѣтъ, знаете—у насъ здѣсь бы-тъ!.. Вы только посмотрите кругомъ...

Она забыла уже про Жаворонка и разсказывала про Усачова, про то, что она называла словомъ „бытъ" и отъ чего теперь Антонина Александровна усиливалась не морщиться. Она слушала учительницу—но слова плыли мимо, и на ихъ безпокойномъ и вмѣстѣ нагонявшемъ сонъ фонѣ временами мелькала только вопросительная фраза:

— Ну, конечно, что же вы хотите отъ нашего народа?

Въ чертежной упало что-то и зазвенѣло, покатившись—должно-быть, рейсфедеръ. Потомъ тамъ загремѣлъ отодвигаемый стулъ, послышался кашель,—низкій, глуховатый, знакомый.

„...Вотъ человѣкъ, отдѣлившій себя отъ жизни... Что онъ думаетъ, когда сидитъ въ молчаливой чертежной? Какъ онъ живетъ? Почему такъ непримиримо сурово глядятъ его впалые глаза?"

Когда она думала о немъ прежде—ей казалось страннымъ чудачествомъ то, что онъ постоянно одинъ, мало говоритъ и избѣгаетъ людей. Ей казалось, что онъ стыдится: взрослый, бородатый человѣкъ—и вдругъ чертежникъ у своего же товарища, съ жалкимъ жалованьемъ въ сорокъ рублей. Но теперь ей уже не казалось это—и она съ любопытствомъ, похожимъ на зависть, слѣдила иногда, какъ онъ, окончивъ работу и не зная, что дѣлать до пріѣзда инженера, ходилъ медленно по саду, заложивъ руки назадъ и глядя въ землю.

Разъ она подсмотрѣла, какъ на нижней аллейкѣ онъ быстро оглянулся, вытащилъ небольшую бѣлую трубочку и, набивъ ее табакомъ изъ кожанаго кисета, съ наслажденіемъ затянулся. Эта маленькая трубочка съ разноцвѣтнымъ, сшитымъ изъ кусочковъ

Д. Гаврильцевъ. Портретъ г-жи Г. Л. Вишневецкой.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

Библиотека "Руниверс"

дѣйствительно такъ больна? Вѣдь совсѣмъ недавно я ее видѣла здоровой...

— Ахъ, не говорите, — это цѣлая исторія, какъ она заболѣла!.. Теперь чахотка самая настоящая—хуже, чѣмъ у меня,—съ шутливой хвастливостью подхватила учительница.—Я-то еще, можетъ-быть, поправлюсь—вотъ вы билетъ даете, потомъ кумысъ, а она... Видите ли, ангелъ мой,— таинственно заговорила она, придвигая ближе стулъ и наклоняясь къ самому лицу Прохоровой такъ, что та чувствовала на щекахъ горячее, нездоровое дыханіе: — это тоже бытовая картинка мѣстныхъ нравовъ... Она пошла съ Усачовымъ, вотъ про котораго я говорила вамъ, ну и я не знаю — увѣрять не имѣю права, но говорятъ, что они всю ночь за кладбищемъ просидѣли вмѣстѣ, вдвоемъ, да, да-а!.. Конечно, холодно, вѣдь былъ апрѣль только, земля сырая, притомъ потрясеніе, вы сами понимаете...

М. Малышевъ. Послѣ отдыха. XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

— Послушайте, Полина Сергѣевна... — начала Прохорова, но смутилась и покраснѣла, какъ будто не учительница, а она сейчасъ сказала нехорошую вещь.

— Что вы думаете, неправда? — вскрикнула Полина Сергѣевна. — Какъ же, ихъ тамъ видѣла баба одна, вотъ та, что вамъ молоко носитъ, она и разсказывала, и какъ видѣла — анъ пленъ эръ, какъ говорится... Понимаете? Вѣдь это ужасъ что такое, это такой бытъ!..

Въ чертежной опять что-то упало, и оттуда донесся глухой, громкій кашель. Антонина Александровна вспыхнула и покраснѣла еще больше. Ей захотѣлось протестовать, что-то сломать, устранить съ дороги, за что-то уцѣпиться, что ускользало изъ рукъ. Она прямо посмотрѣла въ глаза учительницѣ и покраснѣла еще больше, но не отъ неловкости, а отъ гнѣва.

— Полина Сергѣевна... я не думала... — заговорила она волнующимся голосомъ. — Мнѣ казалось, что я хоть немного, чуть-чуть помогу бороться съ одиночествомъ людей, которые... которыхъ... Я никакъ не ожидала... И потомъ... Полина Сергѣевна, послушайте, позвольте мнѣ сказать вамъ откровенно нѣсколько словъ...

Она говорила, путаясь въ словахъ, и съ изумленіемъ видѣла, какъ лицо учительницы вдругъ измѣнилось.

— Вы простите меня, — продолжала она, раздражаясь этой улыбкой и бѣгающими глазами: — мнѣ хотѣлось только украсить, вѣрнѣе: — скрасить — нѣсколько духовную жизнь одинокихъ людей... Я никакъ не думала, что это поведетъ къ такимъ... слухамъ... Я прежде съ нѣкоторымъ интересомъ слушала все, что вы говорите, этотъ — какъ вы говорите, бытъ, и притомъ мнѣ незнакомый, но... Но, не находите ли вы, что этого быта — какъ это сказать — ну, слишкомъ много, что ли?.. Я не знаю, — можетъ-быть, я несправедлива, но вѣдь это же... это же сплетни...

Она раздражалась все больше и уже плохо владѣла собой. Вся горечь послѣднихъ дней вдругъ встала въ ея душѣ, и, сжимая виски, возмущаясь этимъ липнущимъ потокомъ грязи, она уже кричала, не находя словъ выразить свой глухой протестъ:

— Извините, я не имѣю права вмѣшиваться въ вашу жизнь, но позвольте мнѣ, позвольте мнѣ сказать вамъ, что вы сами причастны къ этому міру сплетенъ, васъ затянула эта среда, эта

М. Малышевъ. Пріѣхали гости. XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

Библиотека "Руниверс"

грязь!.. Я не хочу, понимаете?—не хочу слушать все это, и, пожалуйста, не передавайте мнѣ этого никогда, никогда, я не хочу!..

Она сжала голову руками и выкрикивала послѣднія слова съ брезгливой, напряженной гримасой. Учительница поднялась и отодвинулась назадъ.

— Я не знаю... Я не знаю, что дало вамъ право...—слегка задыхаясь и раскрывая яркія, словно нарисованныя, губы такъ, что видны были зубы, говорила она: — я не знаю, почему вы вздумали... Это оскорбленіе. Какъ вы могли... И потомъ, прежде, чѣмъ судить другихъ...

— Это грязь. Неужели вы не понимаете этого? Я не хочу...— твердила Прохорова: —я не могу слышать этого, это гадость...

Учительница вдругъ покраснѣла и крикнула, плохо выговаривая слова трясущимися губами:

— Вы сами, вы сами посмотрите на себя!.. Вы не имѣете права!.. Я никому не говорю, какъ вы проводите время въ чертежной, когда вашъ мужъ пропадаетъ у жены земскаго начальника!.. Я не говорю, а вы, вы...

Она остановилась и, видя, что хозяйка, шатаясь, пошла къ дверямъ, кинулась въ переднюю.

— Это издѣвательство, я же никому не говорю!..— кричала она плачущимъ голосомъ, но Антонина Александровна уже не слышала ея.

Она не помнила, какъ и почему она очутилась въ кабинетѣ, и зачѣмъ надъ нею склонился человѣкъ съ большой бородой и что-то говорить ей...

Она хотѣла говорить, крикнуть, но горячій терпкій комокъ сжалъ горло, и она твердила только:

— Я не могу, не могу, не могу!..

Ей хотѣлось крикнуть, что такъ нельзя убивать жизнь, мучить такъ человѣка, о томъ, какъ ужасно сознавать, что лучшіе годы лучшаго чувства потрачены напрасно, такъ же, какъ усилія сдѣлать жизнь этихъ людей лучше,—но голоса не было, и, сжимая конвульсивнымъ движеніемъ его руку, она, захлебываясь, выкрикивала:

— Поймите, поймите, поймите!..

А онъ метался, не зная, за что схватиться, кидался въ кабинетъ и трясущимися руками силился заставить ее выпить воды, а она отталкивала стаканъ, и вода проливалась на платье, на коверъ...

И, не зная, чѣмъ остановить этотъ внезапный припадокъ, онъ хватался за голову и безсильно метался по большой, угрюмой комнатѣ:

„Что же, что значить вся его ненужная любовь, вся нѣжность, все обожаніе передъ взрывомъ этого отчаянія?!.“

Онъ кидался къ ней, пытался говорить, но она билась въ истерикѣ и хватала его руки, и такъ, растерянные, обезсиленные, они цѣплялись,одинъ за другого, подавленные обрушившимся на нихъ...

Потомъ, когда она успокоилась и плакала тихими, безнадежными слезами, онъ сидѣлъ у ея ногъ на коврѣ и говорилъ:

— Не надо отчаиваться... Не надо думать, что все кончено. Надо итти впередъ, надо вѣрить въ лучшую жизнь... Мы проживемъ еще долго, мы увидимъ еще много горя и боли, но никогда не надо забывать, что должна быть лучшая жизнь, и надо всегда искать ее... Мы оба несчастны: вы трагически ошибались во всемъ, что васъ окружало, и когда протягивали руку за хлѣбомъ, вамъ клали въ нее камень, и самое большое, что было въ вашей жизни, оказалось ненужнымъ и обманутымъ... Я... я шелъ одинъ, и вся жизнь моя была темна и печальна, и начинать снова нельзя... Но не надо отчаиваться, надо итти впередъ и вѣрить, что должно быть лучшее...

Онъ говорилъ, робко взглядывая на нее и не смѣя коснуться опущенной безсильно руки, не находя въ себѣ силы сказать ей самое главное, или просто взять эту руку и вывести ее отсюда,— и отъ этого слова его звучали блѣдно и тускло...

Онъ говорилъ еще—и голосъ глухо отдавался въ молчаливой комнатѣ, заставленной строгими, важными вещами. За окномъ сверкало солнце, бѣлыя круглыя облака плыли по синему небу, качались вѣтви деревьевъ, и чей-то зычный хриплый басъ кричалъ что-то... А здѣсь было тихо, и слабой, безсильной мечтой звучалъ просящій голосъ...

М. Малышевъ. За жизнь. XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

Это была мечта—и никогда она не могла стать дѣйствительностью, потому что люди живутъ только одинъ разъ, и умершее сердце ожить не можетъ. Но оттого, что этотъ одинокій человѣкъ, робко глядящій просящими глазами, думаетъ такъ же, какъ она, оттого, что сейчасъ, когда такъ страшно, такъ пусто въ груди— она не одна, что есть хоть одинъ человѣкъ, говорящій о лучшей жизни—ей было легче.

И, глядя на него усталымъ, печальнымъ взглядомъ, она тихо перебирала его волосы, а онъ боялся двинуться и тянулся къ этой ласкѣ, какъ осеннее растеніе къ позднему, далекому солнцу.

Такъ сидѣли они въ огромномъ старомъ домѣ, гдѣ пустынныя комнаты гулки, какъ брошенныя, и вещи сумрачно хранятъ темную память былыхъ прикосновеній.

На дворѣ попрежнему кричалъ грубый, простуженный голосъ, и черезъ окно видна была тяжелая, оборванная фигура дурачка Захара.

Должно-быть, его дразнили, потому что онъ топтался, какъ медвѣдь въ клѣткѣ, и взмахивалъ длинной черной рукой.

— Не надо косить! Чай пить, кофей пить, а косить не надо!..—бубнилъ онъ ожесточенно и тупо.—Зачѣмъ косить? Кто сказалъ—косить? Кофей пить надо!

И опять топтался, махалъ рукой въ оборванномъ рукавѣ и, повернувшись къ окнамъ, грозилъ чернымъ грязнымъ кулакомъ...

КОНЕЦЪ.

Библиотека "Руниверс"

Буря.

Разсказъ **А. Грузинскаго.**

(Продолженіе).

III.

Зной не спадаетъ, и одинъ знойный день идетъ за другимъ.

Даже въ лѣсу пышетъ жаромъ. Отъ стройныхъ сосенъ, какъ отъ коричневыхъ кадильницъ, струится во всѣ стороны ароматъ; на полянѣ пахнетъ калуферомъ и одичавшей мятой; пряный запахъ ея раздражаетъ; а листья, вѣтви, хвоя, густая трава не шелохнутся: чудится, что зноемъ сморенъ даже вѣтеръ: вѣтеръ спитъ гдѣ-нибудь въ чащѣ, радуясь въ сладкомъ снѣ тому, что можно не бѣжать надъ рѣкой, не шумѣть надъ полянами, не качать вѣтви деревьевъ, не шевелить траву.

Старый дѣдъ перехватываетъ удочку и смахиваетъ крупныя капли пота съ загорѣлаго лба.

— Великъ нашъ лѣсъ! — благоговѣйно говоритъ онъ.— На много верстъ тянется, и гдѣ ему конецъ, батюшка, по всей окружности никто не знаетъ.

— И тебѣ не скучно въ лѣсу, дѣдъ? — спрашиваетъ Басаргинъ.

— Почтоже скучать мнѣ? Вы не знаете этого, батюшка, а старый человѣкъ и промежъ людей, какъ въ лѣсу. У меня вотъ попримерли всѣ—и родные и знакомые, и когда я приду на деревню — все народъ чужой. Хуже, чѣмъ въ лѣсу. Что въ лѣсу нечисть есть, такъ и въ народѣ ея не мало!

— Какая нечисть? — съ улыбкой взглядываетъ на дѣда Басаргинъ.

Дѣдъ усмѣхается любовно и кротко, какъ усмѣхаются наивному вопросу малыхъ ребятъ, и дѣлаетъ задумчивое лицо; старику приходитъ на мысль, что нечисти въ лѣсу такъ много, что сразу ее всю и не вспомнишь; онъ скользитъ взглядомъ по лужайкѣ, на которой они сидятъ у самаго берега, по высокимъ деревьямъ, окружающимъ ее съ трехъ сторонъ,—съ четвертой змѣится выбѣгающая изъ чащи рѣчка,—по синему небу, съ небольшими, будто приклеенными къ нему, бѣлыми облачками, похожими на груду пуха, и говоритъ медленно:

— Лѣшіе, вѣдьмы, лѣшачихи, русалки, упыри. Мало ли нечисти, батюшка?

— Ты думаешь, они есть?

Е. Андерсонъ. Крестьянская дѣвочка.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

С. Егоровъ. Іоаннъ Грозный приговариваетъ четвертую жену свою Марію Долгорукую къ смерти.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

Библиотека "Руниверс"

Изъ „пѣсенъ войны".

1812—1914.

Поля родныя задрожали,
Когда, поднявшись Русью всей,
Мы грудью голою встрѣчали
Въ броню закованныхъ гостей...
Взрывая тучи грозной пыли,
Сошлись мужикъ и гренадеръ,
И оба вѣчности явили
Безсмертной доблести примѣръ!..
— Смоленскъ!.. Москва!.. Но, волей рока,
Застыла дерзкая рука,
И мечъ пришельца былъ далеко
Отброшенъ взмахомъ кулака!..

* * *

И вотъ опять мы всѣ, на стражѣ,
Плечомъ къ плечу сомкнулись въ рядъ,
И доблесть наша—точно та же,
Что и сто лѣтъ тому назадъ!
И вновь, какъ прежде, мы отвѣтимъ
За Русь мильонами головъ,
И вновь, какъ прежде, грудью встрѣтимъ
И грудью вытѣснимъ враговъ!

Н. Агнивцевъ.

Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ, Самодержецъ Всероссійскій. По фот. Буассона и Эгглеръ.

Библиотека "Руниверс"

Дѣдъ усмѣхается по-старому, любовно и кротко.

— Какъ же имъ не быть, ежели ихъ, между прочимъ, видятъ?

— А ихъ видятъ?

— Еще бы, часто видятъ, батюшка.

— А ты самъ видѣлъ?

— И самъ видѣлъ. Не одинъ разъ.

— Какъ же ты ихъ видѣлъ?

— Разно. Не скажу такъ явственно, какъ васъ вижу, а все же видѣлъ. Явственно нечисть нельзя увидать. Не показывается явственно. Отъ свѣту Божьяго, отъ дня бѣлаго она прячется. Она хитра. А вотъ какъ сумерки спустятся, или черная ночь поползетъ по землѣ, тогда нечисть-то и выходитъ изъ логовищъ да изъ норъ. Тогда ей раздолье. Чувствуетъ она въ себѣ вольный духъ и давай дебоширить по свѣту. Кого съ пути стащитъ, закружитъ и насилу отпуститъ душу на покаянье. А съ инымъ хуже дѣлаетъ: закружитъ-закружитъ, да и пуститъ либо въ трясину, либо въ бочагъ. Выползай изъ трясины, если можешь. Выручай жизнь. Со мной такой страсти ни разу не было, не былъ я отъ смерти на волосъ, не стану врать.

— Что же съ тобой было?

Дѣдъ, не спѣша, раскуриваетъ короткую носогрѣйку, медленно дѣлаетъ нѣсколько затяжекъ и дымитъ такъ, что чуть не вся поляна покрывается голубовато-сѣрыми облаками, изъ которыхъ красивымъ краснымъ пятномъ выглядываетъ его обожженное солнцемъ лицо съ бѣлыми усами и ласковымъ взглядомъ свѣтло-голубыхъ глазъ. Дымъ табаку у дѣда такой ѣдкій, что на глазахъ Басаргина выступаютъ слезы, и онъ закашливается.

— Какой крѣпкій табакъ ты куришь!—говоритъ Басаргинъ.—Такъ что жъ съ тобой было?

— Много было кое-чего. Какъ вспомнишь иной разъ, такъ даже диву дашься: зачѣмъ вся эта нечисть, съ позволенія сказать, на землѣ шебаршитъ? Тьфу!

Дѣдъ опять перехватываетъ удочку и, облокотившись о старый пень, давно поваленный вѣтромъ, начинаетъ неторопливо разсказывать о томъ, какъ его обходилъ лѣшій, какъ заставлялъ часами плутать возлѣ знакомаго мѣста, у котораго только одного не оказывалось: знакомыхъ дорогъ. Дѣдъ разсказываетъ о томъ, какъ, уставши, измучившись, приходилось ему съ печалью бросаться на траву и слышать громкій хохотъ лѣшаго, разносившійся по темному лѣсу. „Хо-хо-хо!"—грохоталъ лѣшій, ломалъ молодыя деревья, при чемъ шелъ такой трескъ, точно медвѣдь лѣзъ черезъ лѣсную трущобу, и уходилъ отъ старика прочь. Все тише и тише звучалъ его хохотъ, все тише и тише трещалъ лѣсъ. Старику случалось и заночевывать среди лѣса. Лѣшій пугалъ его, ухая дико и страшно, страшнѣе, чѣмъ ухаетъ филинъ-пугачъ, такъ страшно, что волосы шевелились на старой, видавшей виды, головѣ. Въ лунныя ночи, во время рыбаченья, поднявъ отъ удочекъ и зеркальной глади уставшіе глаза, ему приходилось видѣть русалокъ, которыя плескались въ водѣ, а порой выбѣгали на берегъ, выжимали на пескѣ покрытые рѣчной пѣной, съ пестрѣвшими въ нихъ зелеными листьями и бѣлыми лиліями, волосы, водили странные хороводы, кружились, гонялись другъ за другомъ, то скрываясь въ рѣчномъ туманѣ, то появляясь опять, и пѣли заунывныя, хватающія за душу пѣсни, глядя широко-открытыми глазами на полночное небо, откуда лился бѣлый свѣтъ и скользилъ по ихъ нагому бѣлому тѣлу.

— Дѣдъ, ты во снѣ видѣлъ русалокъ!—усмѣхается Басаргинъ.

— Зачѣмъ во снѣ? Я не малый ребенокъ, чтобы надъ удочкой спать,—сердито двигаетъ дѣдъ бровями, какъ паукъ сѣрыми паутинами.—Не во снѣ, а наяву я видѣлъ ихъ, батюшка. Да развѣ я одинъ русалокъ видѣлъ? Мало народа ихъ видѣло! Да спросите во всей округѣ. Рѣдкій человѣкъ русалокъ не видѣлъ, потому что гдѣ жъ и видѣть русалку, ежели не возлѣ озера или возлѣ рѣки? Всякой твари, батюшка, и нечистой и чистой, свое мѣсто въ свѣтѣ отведено. Птица на деревѣ или кусту живетъ или въ рѣчномъ берегу, какъ стрижъ къ примѣру, и подъ небомъ носится или съ дерева на дерево порхаетъ; червь ползучій въ землѣ таится, лягушка въ болотѣ прячется, звѣрь въ лѣсу или въ полѣ живетъ, яму себѣ для ночлега имѣетъ или логово изъ листьевъ и травъ, а русалкѣ въ рѣкѣ или въ озерѣ предѣлъ жить положенъ и по берегу ночью рѣзвиться. Такъ-то. Какъ омутъ глубокій, тутъ онѣ и живутъ.

— А гдѣ омута нѣтъ?

— Да гдѣ жъ омута нѣтъ? Вездѣ они есть, омута-то. Развѣ въ какомъ ручьѣ. Ну, тамъ и русалокъ не водится.

Дѣдъ значительно подмигиваетъ, и морщины подъ его блѣдно-голубыми глазами дрожатъ.

— Отчего въ омутахъ народъ тонетъ?—спрашиваетъ онъ.—Отъ этого самаго. Доплыветъ человѣкъ до омута, а онѣ его щекотать начнутъ, внизъ тащить, ну, гдѣ же живому остаться? Человѣкъ-то одинъ, а ихъ много. И утащатъ на дно и поминай, какъ звали. А вы: „во снѣ видѣли". Ежели бы во снѣ, развѣ бы тонуло столько народу?

— Ты думаешь?

— Вѣрное слово. А то вотъ я вамъ еще что скажу...

Дѣдъ оглядывается по сторонамъ, точно боится, что у деревьевъ есть уши.

— Въ нашей глухой сторонѣ хуже русалки сыщешь нечисть. Что русалка! Что съ нея взять? А вотъ какъ баба начнетъ колдовать да вѣдьмачить и разную пакость творить, это уже послѣднее дѣло!

— Какая баба, дѣдъ?

— Да обыкновенная баба, которую грѣхъ не страшитъ, и которая съ нечистой силой якшается: и печки и лавочки съ нечистою силой у ней. Вотъ, къ примѣру сказать, Татьяну-мельничиху изволили видѣть?

— Нѣтъ, не видалъ.

— Ну, какъ ея не видать? У нихъ и мельница недалеко отсюда, версты три-четыре. Да нѣтъ, не больше трехъ верстъ.

— И мельницы не знаю.

— А впрочемъ, откуда вамъ знать, батюшка. Я все забываю, что вы всего-ничего какъ пріѣхали въ нашу сторону.

— Что же Татьяна?

Дѣдъ понижаетъ голосъ.

— Вѣдьма она.

— Полно, дѣдъ!

— Я вамъ говорю. Какъ есть вѣдьма.

— Почему ты думаешь, что она вѣдьма, дѣдъ?

— А мало развѣ она вѣдьмачила на своемъ вѣку, мало пакости творила, мало дѣлала зла и поганыхъ дѣлъ? Столько ихъ, батюшка, что муравьевъ въ кучѣ, что кочекъ въ большомъ болотѣ. Колдовства за ней много значится... не разскажешь всего.

— Какое же это колдовство, дѣдъ? Ей-Богу, это любопытно.

— Кабы къ ночи шло, я бы и разсказывать вамъ не сталъ,—пугливо покашивается дѣдъ на лѣсъ и на рѣчку.—Много за ней всякой дряни. Да вотъ хотя бы Ардальона Матвѣича Шумова взять. Слышали?

— Нѣтъ.

— Сосѣдъ вашему дядюшкѣ былъ: бокъ о бокъ съ „Михальцовомъ" было его имѣнье. Положимъ, теперь, какъ вся эта исторія вышла, имѣніе его продано, и ихней фамиліи не осталось въ уѣздѣ. А дѣло было лѣтъ пять назадъ. Купилъ господинъ Шумовъ имѣнье и пріѣхалъ съ женой изъ станицы. Жена молодая, красоты необыкновенной, полная, румяная, косы до самой земли. Поженились они передъ тѣмъ незадолго, жили по-хорошему, дружно, многіе имъ завидовали и на счастье ихъ нарадоваться не могли. Такъ бы, можетъ-быть, и до сей поры длилось, если бы господинъ Шумовъ Татьяны не увидалъ.

— Что же случилось, дѣдъ?

— Напустила на его вѣдьма туману, отвела глаза, приколдовала. То, бывало, онъ отъ жены не отходитъ, такъ ей въ глаза и глядитъ, а то повадился въ лѣсъ ходить: въ лѣсу ночуетъ и днюетъ. Охотникомъ сдѣлался. Полюбилъ будто бы охоту до страсти, и съ утра ранняго въ лѣсъ. А прежде терпѣть не могъ никакой охоты. Ну, извѣстно, вся эта охота только для отвода глазъ была, чтобы совѣсть свою успокоить: я-де не на мельницу, я въ лѣсъ хожу; а на мельницу такъ заверну—отдохнуть или молока напиться. Да, правду сказать, зачѣмъ ему было и на мельницу часто завертывать, ежели вѣдьма сама по лѣсу шатуномъ шатается и то тутъ, то тамъ на глаза попадаетъ? Такимъ порядкомъ господинъ Шумовъ отъ дому отбился и жену ненавидѣть сталъ. „Нелюба ты мнѣ!—говоритъ.—Глаза бы мои на тебя не глядѣли". Она въ слезы: „Другъ мой, опомнись, что ты говоришь?" А онъ ногами топаетъ, въ гнѣвъ приходитъ и совсѣмъ изъ дому бѣжитъ. Прошло нѣкоторое время, батюшка, онъ домой даже и заглядывать пересталъ. Будто и дома у него не существуетъ, или далъ онъ обѣщаніе жить въ лѣсу. А когда изъ лѣсу порою выйдетъ, то не домой пойдетъ, а къ пріятелю въ Озерушки. Въ Озерушкахъ у него пріятель жилъ, помѣщикъ одинъ непутевый.

— Почему непутевый?

— Въ карты игралъ и пилъ шибко. Дальше—больше. Ну, какъ увидѣла вѣдьма, что совсѣмъ завертѣла христіанскую душу и что не уйти ей изъ-подъ ея власти, она такую линію повела: „Оставьте меня, я васъ разлюбила: и сколько вы ни просите, больше любить я васъ не могу". Другой бы, который дьявольскимъ сѣтямъ не поддался, плюнулъ да и думать забылъ, а этотъ сохнуть сталъ съ горя, а въ концѣ концовъ, когда жизнь ему не въ жизнь стала, пошелъ будто бы купаться, да и утопился въ пруду. Свалили на то, что несчастный случай вышелъ. Но какой тутъ несчастный случай, ежели человѣкъ плавалъ, какъ рыба, и по несчастному случаю никогда не могъ въ пруду утонуть? Ну, если бъ въ морѣ потонулъ—дѣло десятое, а то и прудишка-то такъ себѣ небольшой, лядащій. Прямо лужа, не прудъ. Такъ вотъ она вѣдьма-то какая. Много она перебаламутила людей на своемъ вѣку. Не счесть.

Дѣдъ разсказываетъ и другія исторіи.

Цѣлая вереница блѣдныхъ, измученныхъ, несчастныхъ, благодаря вѣдьмѣ, людей проходитъ передъ юношей, выступая изъ мрака прошлаго и уходя въ тотъ таинственный мракъ, откуда никто не возвращался.

Басаргинъ слушаетъ съ широко открытыми глазами: но когда дѣдъ смолкаетъ, онъ встряхиваетъ головой, будто хочетъ сбросить съ себя чары, навѣянныя страннымъ разсказомъ, лѣтнимъ зноемъ, запахомъ мяты, шопотомъ рѣки, и говоритъ:

— Что за вздоръ, дѣдъ?! Изъ чего ты видишь, что мельничиха вѣдьмой была? Мало развѣ бываетъ случаевъ, что мужья женъ бросаютъ, влюбившись въ другихъ женщинъ? Ужели эти другія—все вѣдьмы?

Дѣдъ трясетъ головой.

Библиотека "Руниверс"

— Не то говорите, батюшка, не то!—шепчетъ онъ.—Конечно, бываетъ, что человѣкъ разлюбитъ жену и на какую-нибудь красавицу соблазнится. Такъ не на вѣдьму же страшную, не на такую женщину, которой смерть краше.

— А она очень страшна, дѣдъ?

— Вѣдьма-то? На рѣдкость страшна: худая, тощая, какъ кошка некормленная. Взглянуть не на что.

— А сколько ей лѣтъ?

— Да развѣ у вѣдьмы есть лѣта? Можетъ, тридцать, можетъ, сорокъ, а можетъ, и всѣ семьдесятъ. Не здѣшняя она, съ чужой стороны, лѣтъ восемь, какъ въ нашихъ мѣстахъ объявилась.

Вдругъ дѣдъ поднимаетъ голову и шепчетъ зловѣще:

— Вотъ она—легка на поминѣ!

— Кто?

— Да вѣдьма жъ. Чуетъ, проклятая, что о ней рѣчь. Смотрите, батюшка.

Басаргинъ тоже поднимаетъ голову и вздрагиваетъ.

Изъ лѣса выходитъ молодая женщина и странной походкой, будто скользя, не касаясь земли, приближается къ нимъ.

Басаргинъ не находитъ, чтобы вѣдьма была страшнѣй смерти. Юношѣ кажется, что вѣдьма красива; она стройна и гибка, какъ лоза, на ея блѣдномъ лицѣ красныя губы горятъ, какъ губы вурдалака. А зеленоватые глаза поблескиваютъ, какъ кожа змѣи, когда, грѣясь на солнцѣ, змѣя лѣниво свиваетъ и распускаетъ свои кольца, шурша золотистой листвой, на которой лежитъ.

Дойдя до мужчинъ, мельничиха останавливается.

— А, это ты, дѣдъ?—говоритъ она, чуть-чуть улыбнувшись одними кончиками своихъ ярко-красныхъ губъ.—Вотъ не узнала. Богатому быть.

— Я, Татьяна Михайловна, я.

— Чтò ты тутъ дѣлаешь? Рыбу ловишь? Въ этакій зной?

— Да, не клюетъ въ зной, Татьяна Михайловна. Сидимъ, больше лясы точимъ...

— А...

Мельничиха проходитъ мимо, но вдругъ останавливается, думаетъ и смотритъ на дѣда черезъ плечо.

— Складывай свои удочки, дѣдъ!—говорятъ ея красныя губы, и юношѣ кажется, что зеленоватые глаза вѣдьмы бросаютъ на него насмѣшливый взглядъ.

— Почему?

— Больше тебѣ ничего не поймать сегодня. Я не хочу.

Она дѣлаетъ еще нѣсколько шаговъ, опять останавливается, будто ее удерживаетъ какая-то сила, и опять смотритъ на стараго дѣда черезъ плечо.

— Понимаешь, дѣдъ: я не хочу. Недаромъ я—вѣдьма.

Ея бѣлое платье мелькаетъ разъ-другой среди кустовъ и скрывается; Басаргинъ слышитъ только тихій смѣхъ стройной женщины, которая не кажется ему страшной, да смущенный шопотъ дѣда:

— Она все знаетъ, батюшка! Я говорилъ... я говорилъ вамъ. Ея не было, а она знаетъ, что рѣчь шла о ней. Она знаетъ...

Но Басаргинъ не слушалъ дѣда; юношу тянетъ встать съ лѣсной поляны и итти за вѣдьмой.

— Дѣдъ,—говоритъ онъ:—гдѣ ихъ мельница?

— Внизъ по рѣкѣ.

Дѣдъ поднимаетъ свои старые глаза на юношу и спрашиваетъ:

— А чтò?

— Такъ. Будь здоровенекъ.

— Прощайте, батюшка! Захаживайте. А какъ завидите мельницу, дальше держитесь. Обходите ее стороной.

Но Басаргинъ опять не слушаетъ дѣда. Онъ слышитъ задорный смѣхъ мельничихи и ея слова: „я—вѣдьма“. Красныя губы роняютъ улыбки, и въ зеленоватыхъ глазахъ, какъ блестки молній, змѣятся насмѣшки. Чтò это за женщина? Чтò таится въ ея душѣ?

Поднявшись, съ смутной тревогой въ крови, онъ шагаетъ подъ шатеръ зеленаго лѣса.

Туда, гдѣ исчезло бѣлое платье.

IV.

Бѣлое платье красивой мельничихи мелькаетъ гдѣ-то далеко среди зеленой листвы кустовъ и темныхъ стволовъ.

Басаргинъ шагаетъ впередъ, не отводя отъ него глазъ, какъ не отводитъ глазъ отъ одинокой звѣзды кормчій, ведя корабль въ темную даль послѣ жестокаго шторма. На ходу становится еще жарче; солнце не палитъ сквозь чащу вѣтвей, но, кажется, если бы выйти на лугъ, на солнечный свѣтъ, было бы легче; можетъ-быть, тамъ хотя легкій порывъ вѣтерка освѣжилъ бы лицо; а въ лѣсу безконечно душно; смола, похожая на капли слезъ, течетъ по коричневымъ стволамъ сосенъ: почти не слышно пѣнія птицъ, только неугомонный дятелъ гдѣ-то долбитъ еловую тишку, и по лѣсу время отъ времени разносится меланхолическое „тукъ-тукъ“.

Борисъ прибавляетъ шагу, но странная мельничиха, не оглядываясь, какъ будто чувствуя это, тоже прибавляетъ шагу, и ея бѣлое платье не становится ближе къ юношѣ ни на мигъ. Все это похоже на игру въ кошку и мышку, только бѣлая кошка идетъ далеко впереди, а любопытный мышонокъ старается, плетясь сзади, настичь ее во что бы то ни стало.

Лѣсная тропинка чуть-чуть поднимается въ гору; итти становится еще жарче; бѣлое платье мельничихи мелькаетъ гдѣ-то впереди и вдругъ исчезаетъ.

Поднявшись наверхъ, Басаргинъ видитъ оврагъ, заросшій деревьями и кустами; передъ спускомъ тропинка расходится, изъ одной ихъ становятся двѣ, одна бѣжитъ зигзагами вправо, другая—влѣво; ни на той ни на другой не видно красивой мельничихи.

Борисъ останавливается въ раздумьѣ.

— Она пошла направо!—съ досадой говоритъ онъ.

Оглядѣвшись еще разъ и не найдя нигдѣ бѣлаго платья, Борисъ шагаетъ назадъ; посматривая по сторонамъ, онъ медленно поднимается до того мѣста, гдѣ тропинки расходятся въ разныя стороны, чтобы итти вмѣсто лѣвой по правой тропинкѣ, но... ему не приходится итти по правой тропинкѣ; поднявъ глаза выше спуска, онъ вновь видитъ бѣлое платье мельничихи: она сидитъ на старой поваленной бурей соснѣ, безсильно раскинувшей въ воздухѣ свои слабые короткіе корни съ приставшими къ нимъ комками земли; мельничиха не видитъ юноши. Голова ея опущена. Она смотритъ внизъ и медленно разбираетъ лежащіе у нея на колѣнахъ цвѣты: васильки, колокольчики, ромашку, повилику и какіе-то бѣлые цвѣты, похожіе на бувардіи, названія которыхъ Борисъ не знаетъ.

Онъ пятится, краснѣетъ и противъ воли съ языка его срывается радостно:

— Вы здѣсь?

Молодая женщина поднимаетъ голову и не кажется удивленной.

— Здѣсь,—говоритъ она.

И такъ же медленно, какъ будто чуть-чуть лѣниво, спрашиваетъ:

— А почему же мнѣ и не быть здѣсь?

Борисъ молчитъ. И мельничиха добавляетъ задумчиво:

— Я люблю быть здѣсь. Здѣсь тихо. Здѣсь никого нѣтъ.

Юношѣ дѣлается неловко.

Чтобы скрыть смущеніе, онъ говоритъ торопливо:

— Я хотѣлъ спросить васъ... скажите, какъ пройти къ мельницѣ?

— Къ мельницѣ нужно итти по той тропинкѣ, по которой вы пришли сюда.

Она поднимаетъ на него свои странные темноватые глаза и, кажется, спрашиваетъ безъ словъ:

— Ну, чтò жъ? Чтò жъ вы не идете?

Но, конечно, онъ не затѣмъ пришелъ сюда, чтобъ уходить.

— Какая жара!—говоритъ онъ, краснѣя.

— Особенно, если бѣгать по оврагамъ,—киваетъ она головой, и въ ея глазахъ, какъ холодная жаба, шевелится насмѣшка.

Насмѣшка дѣйствуетъ на него, какъ хлыстъ на горячую лошадь; и когда онъ заговариваетъ, въ голосѣ его уже звучитъ меньше смущенья.

— Можно сѣсть?—спрашиваетъ онъ.

Мельничиха пожимаетъ плечами:

— Мнѣ чтò жъ за дѣло? Сядьте. Отдохните, если вамъ хочется. До мельницы не ближній путь. Только, если вы спѣшите на мельницу, отдыхая въ лѣсу на каждомъ шагу, вы не скоро туда попадете.

Насмѣшка опять поблескиваетъ въ ея глазахъ; проворные пальцы мельничихи подбираютъ цвѣты въ букетъ, такой же странный, какъ и сама мельничиха; не обращая вниманія на Басаргина, она что-то напѣваетъ, тихо и грустно; вслушавшись, Борисъ узнаетъ старую кольцовскую „Ночь“:

«Не смотря въ лицо,
Она пѣла мнѣ,
Какъ ревнивый мужъ
Билъ жену свою;
А въ окно луна
Тихо свѣтъ лила,
Сладострастныхъ сновъ
Была ночь полна»...

— Послушайте,—перебилъ онъ ея пѣніе.

— Чтò вамъ?

— Почему...

Онъ останавливается съ тревогой во взглядѣ, но затѣмъ рѣшается и договариваетъ:

— Почему васъ вѣдьмой считаютъ?

— Не знаю, — говоритъ она простодушно, хотя въ зеленыхъ глазахъ ея вспыхиваютъ и гаснутъ огоньки.—Можетъ-быть, потому,—добавляетъ она, обращая блѣдное лицо къ Борису:—что я похожа на вѣдьму?

— Ахъ, нѣтъ!

— Нѣтъ?

— Вѣдьмы страшныя, вы же... красивы.

— Развѣ?

Она по-старому простодушно поднимаетъ вверхъ брови и съ недовѣріемъ смотритъ ему въ лицо.

— Да ну? — говоритъ она. — Скажите на милость! А я и не знала.

А въ глазахъ ея пляшутъ огоньки, которые волнуютъ и бѣсятъ юношу.

— Вы—красивая, но вы—злая, — хмуро говоритъ онъ, постегивая себя прутомъ по сапогу.—Это дурно.

— Напротивъ, очень хорошо, — качаетъ она головой. — Люди злы. Съ чего жъ мнѣ быть доброй? Зачѣмъ мнѣ быть доброй? Добрымъ плохо живется на бѣломъ свѣтѣ посреди злыхъ.

— Злымъ лучше?

Библиотека "Руниверс"

— Лучше. Много ли знаете вы? Вы не знаете ничего.

Она вытягиваетъ руку съ букетомъ и осматриваетъ его, тихо повертывая во всѣ стороны; въ жаркомъ воздухѣ по-старому стучитъ дятелъ, гдѣ-то кукуетъ кукушка.

— Кукушка, кукушка, сколько лѣтъ мнѣ осталось жить?— быстро спрашиваетъ она.

Кукушка кукуетъ что-то долго, и мельничихѣ надоѣдаетъ считать.

— О, еще поживу!—говоритъ она серьезно.

Положивъ букетъ на колѣни, она продолжаетъ:

— Была у меня одна подружка... близкая, хорошая подружка. У нея мать была—святая душа и отецъ—почтенный, всѣмъ городомъ уважаемый человѣкъ: городской голова, староста церковный; на украшеніе храмовъ жертвовалъ, на отливку колоколовъ деньги вносилъ; орденъ имѣлъ за пожертвованія, золотую медаль на лентѣ. И наружности благообразной былъ: бородка сѣденькая, улыбочка привѣтливая, прямо хоть старца благочестиваго житія съ него пиши. А между тѣмъ ни одной горничной не давалъ прохода. Бывало, придешь къ подружкѣ, только и слышишь за стѣной: „Павелъ Яковлевичъ, постыдись! Опомнись! Павелъ Яковлевичъ, у тебя взрослая дочь!“ А въ отвѣтъ только одно: „Молчи! Не твое дѣло. Я знаю, что̀ дѣлаю“. Да. И въ одномъ большомъ городѣ домъ есть. Сѣрый домъ, страшный домъ. На окнахъ рѣшетки. Впускаютъ туда всѣхъ, а выпускаютъ съ разборомъ: когда вы выходите, смотрятъ на васъ, можно ли вамъ уходить. Въ каждой комнатѣ дома прячется горе, такое же сѣрое, такое же грустное, какъ домъ. Жаль тѣхъ, кто тамъ плачетъ; жаль тѣхъ, кто смѣется; и тѣхъ жаль, кто не смѣется, не плачетъ, а съ безсмысленнымъ взглядомъ бродитъ изъ одного угла въ другой уголъ. Такъ вотъ въ одной изъ комнатъ сѣраго дома причитаетъ святая душа: „Павелъ Яковлевичъ, постыдись! Павелъ Яковлевичъ, опомнись!“ Подойдетъ къ окну, отойдетъ къ двери, ни печали ни мысли нѣтъ въ ея старыхъ глазахъ, и языкъ твердитъ то, что̀ такъ часто твердилъ, по привычкѣ. И я думаю: зачѣмъ она была доброй? Если бъ она была злой, она не попала бы въ сѣрый домъ, гдѣ въ каждой комнатѣ—горе.

Мельничиха подноситъ букетъ къ лицу, можетъ-быть, затѣмъ, чтобы скрыть волненіе, и говоритъ съ злой улыбкой:

— Лучше быть доброй? Много знаете вы! Была у меня еще подружка. Добрая. Когда ее выдавали замужъ, ей не было шестнадцати лѣтъ. Мать спѣшила сбыть ее съ рукъ, овдовѣвъ, чтобы не то въ Крымъ, не то на Кавказъ къ татарину уѣхать. Татаринъ одинъ ей по вкусу пришелся. Ждать не могла. Прожилъ мужъ съ подружкой мѣсяцъ и говоритъ: „Совсѣмъ ты ребенокъ! Гдѣ тебѣ хозяйство вести. Напишу я двоюродной сестрѣ; пусть пріѣдетъ; за хозяйствомъ будетъ смотрѣть“. Подруга думаетъ: „Что̀ жъ, пускай смотритъ. Что̀ я, въ самомъ дѣлѣ, знаю? Ничего“. Выписалъ мужъ сестру; та мѣсяцъ за хозяйствомъ смотритъ, полгода смотритъ; подружкѣ весело, хозяйство съ рукъ сбыла. Только видитъ, что старая няня ея каждый день плачетъ. Допрашивать начала: „Что̀ съ тобой, няня?“ Ну, та сначала отговаривалась— „ничего“ да „ничего“, а потомъ призналась: „Дѣточка моя, сердце у меня рвется на части, не могу я съ собой совладать; обманываютъ тебя: не сестра она мужу твоему; и раньше онъ жилъ съ ней, а теперь, на-ка поди, въ домъ перевезъ; срамъ-то, срамъ-то какой“. Подружка моя и крылышки опустила; покончить хотѣла съ собой, утопиться, яду принять. Добрая, говорю вамъ, была. А потомъ и пришло ей на мысли: „Чѣмъ душу свою губить, буду злой! Насмѣялись вы надо мной, всѣ мечты мои въ грязь затоптали, буду жъ злой!“ И стала злою подружка.

— И стало ей легче?

— Еще бы! Совсѣмъ легко стало. Отъ сестры въ недѣлю и званія не осталось, а когда мужа разбилъ параличъ, другой бы женѣ печаль, а ей только забава. Гуляетъ, гуляетъ, придетъ домой на мельницу...

— На мельницу?

Мельничиха спокойно поднимаетъ глаза на Бориса.

— Ну, да; подружка моя тоже мельничиха; только мельница ея далеко-далеко, верстъ за пятьсотъ отсюда. Придетъ на мельницу, мужъ въ креслѣ сидитъ, ни рукой ни ногой двинуть не можетъ, только лѣвымъ глазомъ помаргиваетъ; говорить тоже не можетъ, бормочетъ что-то, но подружка привыкла и знаетъ, что̀ мужъ спрашиваетъ: „Гдѣ была?“ — „Гдѣ была? — переспроситъ подружка. — Гдѣ была, тамъ больше нѣту, мужъ. Весело было, мужъ!“ У него съ лѣваго глаза слеза скатится, а ей смѣхъ.

— Что̀ говорите вы?! — въ испугѣ шепчетъ Борисъ. — Это же ужасъ.

Мельничиха щуритъ глаза.

— Вотъ и мужъ то жъ бормочетъ. А подружка въ отвѣтъ: „А помнишь, мужъ, какъ вѣнчали насъ? Мнѣ шестнадцати лѣтъ не было, а ты себѣ возлюбленную завелъ. Это не ужасъ? Я ли виновата, что ты состарился раньше времени, и Богъ раздавилъ тебя, какъ жабу камень? А вѣдь я молодая, я здоровая, красивая была, мужъ! А ты кого въ нашъ домъ перевезъ? Это не ужасъ?“ Мужъ воетъ, какъ звѣрь, а подружкѣ весело. Нужно быть доброй? Что̀ знаете вы? Злой нужно быть, лучше быть злой, чтобы мстить дряннымъ, подлымъ людямъ. Намотайте это себѣ на усъ, когда... у васъ выростутъ настоящіе усы.

Изъ печальныхъ глаза мельничихи становятся насмѣшливыми, какъ раньше.

Она еще разъ внимательно осматриваетъ свой странный букетъ и сбрасываетъ мелкіе зеленые листики съ бѣлаго платья.

— Такъ-то,—говоритъ она.—Чего не бываетъ въ жизни. Боже мой, если бъ вы знали только, что̀ бываетъ! И нельзя ко всему съ одной мѣрочкой подходить. Вы извините, можетъ, я не такъ что̀ сказала, но ваши слова за живое задѣли меня. А я... я не люблю въ долгу оставаться: я люблю, чтобы долгъ былъ платежомъ красенъ.

Басаргинъ смотритъ въ ея зарумянившееся, а прежде такое блѣдное лицо.

Почему слова его задѣли красивую женщину за сердце? Не съ ней ли самой было то, о чемъ она разсказываетъ, не ея ли мужъ разбитъ параличомъ, и не ему ли она говоритъ, что вся заласкована, зацѣлована? Или, можетъ-быть, въ ея жизни было что-нибудь схожее съ тѣмъ, о чемъ она говоритъ?

— Ну... посидятъ, посидятъ да и пойдутъ!—вздыхаетъ мельничиха и тихо поднимается со ствола старой сосны. — Будьте здоровеньки!

Прищуривъ глаза, она вспоминаетъ:

— Ахъ, да! Вѣдь и вамъ тоже къ мельницѣ нужно. Ну, значитъ, намъ по пути.

Она говоритъ совсѣмъ серьезно, но подбородокъ ея дрожитъ, какъ будто смѣхъ просится на ея губы, и ей трудно удержать этотъ смѣхъ.

Стряхнувъ съ платья послѣдніе зеленые листики и порванные цвѣточные стебли, она, не спѣша, спускается по лѣвой тропинкѣ въ глубину оврага. И опять прохлада ласкаетъ лицо Басаргина.

— Здѣсь есть родники?—спрашиваетъ онъ у мельничихи.

— Есть,—коротко отвѣчаетъ она.

У нея красивыя плечи и тонкая, будто выточенная изъ кости шея, на которой мило курчавятся завитки темныхъ волосъ. Мельничиха чувствуетъ на себѣ взглядъ юноши, но идетъ впереди, не поворачивая головы.

— Вы часто бродите здѣсь?—спрашиваетъ онъ.

— А вамъ зачѣмъ это знать?—въ свою очередь спрашиваетъ мельничиха.

Но она передумываетъ и говоритъ равнодушно:

— Впрочемъ, что̀ же это за секретъ? Часто.

— Одна?

По тому, какъ дрожитъ ея подбородокъ, видно, что она смѣется.

— Не всегда, какъ видите.

Досадуя на себя и на мельничиху, Басаргинъ угрюмо молчитъ; она чувствуетъ эту досаду, хотя не оборачивается и не видитъ его лица, и начинаетъ напѣвать знакомую „Ночь“ отъ скуки:

„Не смотря въ лицо,
Она пѣла мнѣ,
Какъ ревнивый мужъ
Билъ жену свою;
А въ окно луна
Тихо свѣтъ лила,
Сладострастныхъ сновъ
Была ночь полна“...

Миновавъ поляну, которая идетъ за оврагомъ, они выходятъ на берегъ рѣки; неглубокая рѣчка чуть-чуть движется въ зеленыхъ берегахъ, будто скованная лѣтней дремотой. Мельничиха останавливается и смотритъ въ лицо Борису.

— Однако вы пріуныли,—говоритъ она, усмѣхаясь и чуть-чуть лаская его взглядомъ своихъ зеленоватыхъ глазъ. — Букой смотрите. Нужно будетъ васъ развеселить. Стойте!

Онъ останавливается, не понимая, въ чемъ дѣло, а она уходитъ шаговъ на двадцать впередъ и, готовясь бѣжать, торопливо подбираетъ свое бѣлое платье.

— Ловите!—кричитъ она неожиданно.

Пока онъ срывается съ мѣста, она уже далеко; но онъ мастеръ бѣгать, онъ летитъ, точно за плечами его прикрѣплены крылья, и черезъ минуту крѣпко схватываетъ ее за талію.

— Пустите жъ!—весело говоритъ мельничиха.—Устала!

Но онъ держитъ ее еще крѣпче и тянется къ ея губамъ, страннымъ краснымъ губамъ на блѣдномъ лицѣ. Тогда большіе глаза ея темнѣютъ; и она ловко, какъ тонкая змѣйка, выскальзываетъ изъ его рукъ; а когда, блестя глазами, тяжело дыша, Басаргинъ опять хочетъ схватить ее, молодая женщина съ силой, которой нельзя было предположить въ ней, отталкиваетъ его, и онъ летитъ на землю, ударившись головой при паденіи о какой-то нелѣпый, торчащій совсѣмъ не на мѣстѣ, пенекъ.

Кто-то льетъ ему на голову воду, кто-то шепчетъ ему надъ ухомъ:

— Милый, очнись!

И какъ будто чьи-то горячія уста прижимаются къ его холоднымъ губамъ.

Но онъ не знаетъ, чудится ли ему все это, или все это происходитъ на самомъ дѣлѣ. Онъ знаетъ одно—что, когда приходитъ въ себя, возлѣ него уже нѣтъ красивой мельничихи съ зеленоватыми русалочными глазами и красными губами вурдалака...

V.

Въ „Михольцовѣ“ тихо и скучно, и на всемъ лежитъ какой-то сѣрый налетъ, какъ будто въ давно прошедшее время гигантскій паукъ заткалъ всю усадьбу унылой сѣрой паутиной.

Библиотека "Руниверс"

Отъ живой жизни дядя Басаргина уже давно, больше десяти лѣтъ назадъ, ушелъ въ мертвое царство старыхъ пропыленныхъ книгъ въ большихъ кожаныхъ переплетахъ, порой съ мѣдными позеленѣвшими застежками, порой съ шитыми бисеромъ, лѣтъ 75 назадъ, закладками, порой съ закладками изъ ветхихъ, полуистершихся лентъ. Михольцовъ любитъ разбираться въ книжныхъ рѣдкостяхъ и перечитывать толстый дневникъ, который онъ никому не показываетъ и который ведетъ уже много лѣтъ. Большинство книгъ Михольцова увидѣли свѣтъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣковъ. Кромѣ русскихъ въ библіотекѣ старика есть не мало французскихъ и нѣмецкихъ книгъ. По великолѣпнымъ гравюрамъ любопытенъ знаменитый романъ Виктора Гюго въ прекрасныхъ изъ желтой тисненой кожи переплетахъ; вѣроятно, это первое изданіе когда-то прочтеннаго всѣмъ свѣтомъ романа. На заглавной страницѣ перваго тома стоитъ:

Notre-Dame
de Paris.
Par Victor Hugo.
I.
Paris.
Eugène Benduel.

А ниже, самымъ мелкимъ шрифтомъ, который можетъ прочесть только человѣкъ съ острымъ зрѣніемъ, значится:

Rue des Grands-Augustins, 22.
1836.

Въ третьемъ томѣ есть прелестная гравюра, на которую иногда заглядывается Басаргинъ. Гравюра изображаетъ Эсмеральду въ комнатѣ наверху колокольни; дѣвица сидитъ на постели, поджавъ босыя ноги; козочка Эсмеральды прижимается милой мордочкой къ бѣлому платью хозяйки; въ дверяхъ стоитъ маленькій, похожій на гориллу Квазимодо, кривоногій, мохнатый, съ покорно сложенными на колѣняхъ руками и молитвеннымъ выраженіемъ устремленныхъ на Эсмеральду глазъ. Сквозь стекла книжныхъ шкаповъ можно видѣть „Разсужденіе о религіи патріарховъ, до Юнона жившихъ“, изданное въ Петербургѣ въ 1807 году. Рядомъ стоитъ позже изданный, но рѣдкій „Петербургскій некрополь, или справочный историческій указатель лицъ, родившихся въ XIII и XVIII столѣтіяхъ“, Радищевское „Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ по долгу званія своего“, помѣченное 1790 годомъ, „Памятники московской древности“ Снегирева, „Обозрѣніе ложныхъ религій“, изданное въ 1849 году, и цѣлый рядъ другихъ старыхъ книгъ.

Порою Михольцовъ вынетъ изъ шкапа какую-нибудь книгу или тетрадь и скажетъ племяннику:

— Это „Описаніе коронаціи Императрицы Анны Іоанновны“, изданное въ 1730-мъ году, я купилъ за 100 рублей. Цѣна дешевая, такъ какъ экземпляръ въ хорошей сохранности, и всѣ гравюры цѣлы. Есть экземпляры безъ гравюръ; тѣ значительно дешевле; экземпляры безъ гравюръ можно купить рублей за 30, за 40. А вотъ обрати вниманіе на рѣдкое изданіе въ четырехъ томахъ...

— Что это, дядя?

— „Москва, или историческій путеводитель по знаменитой столицѣ Государства Россійскаго, заключающій въ себѣ: 1-е, исторію сего Престольнаго града отъ начала онаго до нашихъ временъ; 2-е, подробное описаніе всѣхъ важныхъ событій, случившихся въ ономъ; 3-е, описаніе находящихся въ немъ рѣдкостей, монастырей, церквей и разныхъ зданій и памятниковъ, съ показаніемъ времени ихъ основанія“.

— Что же, интересны эти четыре тома?

— О, да.

Дядя раскрываетъ одинъ изъ томовъ и начинаетъ читать:

— „Первые боевые часы, поставленные на дворѣ Велико-Княжескомъ, за церковью Благовѣщенія, сдѣлалъ въ Москвѣ, въ 1414 году, Аѳонской горы монахъ, родомъ сербъ, а именемъ Лазарь; оные стоили болѣе 150 рублей, то-есть около 30 фунтовъ серебра“. А вотъ тебѣ „любопытственныя свѣдѣнія“ о происхожденіи слова „копейка“: „Въ правленіе Елены Глинской, въ 1533—1538 годахъ, открылось также злоупотребленіе: до сего времени дѣлывалось изъ фунта серебра пять рублей и двѣ гривны, корыстолюбцы же начали переливать деньги, убавляя вѣсъ оныхъ, и дошли до того, что фунтъ серебра составлялъ уже десять рублей; отъ сей причины цѣны на все возвысились. Елена, узнавъ объ обманѣ, запретила всѣ старыя деньги и установила чеканить монету изъ фунта шесть рублей; на монетѣ изображался Великій Князь на конѣ съ копьемъ (а до сего съ мечомъ); отъ сего изображенія монеты и получили названіе „копеекъ“. А вотъ эта книга... Обрати вниманіе на эту книгу...

— Чѣмъ она интересна?

— Это—экземпляръ „Хризомандера“. Книга будто бы открываетъ тайны алхиміи и, какъ вредная, была когда-то сожжена.

Поставивъ книги въ шкапъ, дядя вытаскиваетъ старыя литографіи.

— Вотъ взгляни. Литографіи Орловскаго, изданныя въ 1825 году. Русскіе типы.

Басаргинъ смотритъ на старые, запыленные, порой ветхіе, томы, на старыя литографіи, а изъ ветхихъ томовъ, изъ литографій Орловскаго, на него смотритъ одно лицо—лицо Татьяны.

— Я купилъ ихъ за 10 рублей,—говоритъ о литографіяхъ дядя.—Это дешево. Онѣ рѣдки. Книги сохраняются лучше, экземпляры же всѣхъ старыхъ изданій гравюръ или литографій найти до крайности трудно. Это потому, что въ старые годы ихъ вѣшали на стѣны, вставляли въ рамы.

Басаргинъ слушаетъ дядю и думаетъ:

„Удастся встрѣтить нынѣ въ лѣсу прекрасную мельничиху или нѣтъ?“

Надо бы сходить въ „Дубки“ но... въ „Дубки“ его не тянетъ такъ, какъ тянетъ въ лѣсъ,—туда, гдѣ ходитъ тонкая, стройная женщина въ бѣломъ платьѣ, собираетъ цвѣты, улыбается красными губами и поетъ кольцовскую „Ночь“.

Дядя порой говоритъ ему:

—Тебѣ записка!

Басаргинъ смотритъ:

— Изъ „Дубковъ“.

Онъ садится и пишетъ отвѣтъ, и назначаетъ день, когда онъ придетъ въ „Дубки“; и когда онъ пишетъ записку, онъ знаетъ, что не придетъ въ этотъ день. Но... не все ли равно? Вѣдь дней такъ много. Кто помѣшаетъ ему прійти, если не въ этотъ, то на другой день? Или въ одинъ изъ ближайшихъ?

А день идетъ за днемъ, недѣля бѣжитъ за недѣлей. Однажды вечеромъ Михольцовъ говоритъ племяннику:

— Завтра утромъ я ѣду въ городъ на кладбище.

Онъ жуетъ губами, щуритъ глаза, какъ будто хочетъ сдержать набѣгающія слезы, и добавляетъ:

— Служить панихиду... Ѣдешь со мной?

— Ѣду.

— Вели Терентію завтра подать къ девяти.

Наутро, ровно въ девять, застоявшаяся лошадь выноситъ ихъ за ограду усадьбы.

— Терентій,—говоритъ кучеру Михольцовъ брюзгливо:—что ты, братецъ мой, зѣваешь по сторонамъ? Впереди косогоръ, а ты смотришь всюду, кромѣ дороги.

— Не безпокойтесь, ваша милость!—отвѣчаетъ Терентій.— Дорога знакомая.

— Когда мы слетимъ въ оврагъ, тогда предупреждать тебя будетъ поздно.

— Да гдѣ жъ тутъ оврагъ, ваша милость?

— А сбоку.

— Да развѣ это оврагъ? Такъ, овражекъ.

Михольцовъ надвигаетъ шляпу ниже на лобъ и съ гнѣвомъ глядитъ въ спину Терентія; онъ не любитъ лишнихъ разговоровъ; онъ любитъ, чтобы всѣ окружающіе слушались его съ перваго слова, ибо, какъ умный человѣкъ, онъ не станетъ говорить вздора, и все, что онъ говоритъ, обдумано, взвѣшено, соображено. Зачѣмъ же всѣ возраженія? Зачѣмъ пустыя слова? Къ сожалѣнію, никто не слушается Михольцова съ перваго слова. Даже Терентій.

Но Терентій оказывается правымъ: тарантасъ благополучно минуетъ овражекъ; черезъ часъ вдали показывается колокольня кладбищенской церкви, а вскорѣ и самое кладбище, съ бѣлой оградой и съ темной зеленью деревьевъ надъ оградой. Минутъ черезъ десять Терентій осаживаетъ горячую лошадь у самыхъ кладбищенскихъ воротъ. Къ пріѣзжимъ ковыляетъ пара калѣкъ, и спѣшитъ кладбищенскій сторожъ.

— Который священникъ на кладбищѣ, Кузьма?—спрашиваетъ Михольцовъ.

— Отецъ Петръ, Левъ Ѳомичъ!—отвѣчаетъ сторожъ.

— Отецъ Петръ? Это хорошо, что отецъ Петръ.

По губамъ Михольцова ползетъ довольная улыбка; онъ ласково смотритъ на корявое лицо Кузьмы, на его широкую бороду лопатой и говоритъ:

— Попроси, Кузьма, отца Петра прійти на могилку.

Михольцовъ и Басаргинъ идутъ по усыпанной пескомъ дорожкѣ, и старикъ задумчиво шепчетъ:

— Я люблю, когда служитъ отецъ Петръ: у него такой нѣжный, проникающій въ душу голосъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Полное затменіе солнца.

Очеркъ **Н. С. Павловскаго.**

(Съ 2 рис. и картой).

Перепечатка воспрещается.

8 августа текущаго года произойдетъ полное солнечное затменіе, которое будетъ видимо почти исключительно въ предѣлахъ Европейской Россіи, почему за границей оно получило названіе „русскаго затменія“. Это затменіе среди другихъ является выдающимся, благодаря необычайно удобному расположенію полосы полной фазы затменія среди культурно-населенныхъ мѣстностей, что даетъ возможность астрономамъ, расположеннымъ въ различныхъ частяхъ полосы, наблюдать послѣдовательно въ теченіе

Библиотека "Руниверс"

получаса за этимъ любопытнымъ явленіемъ и до нѣкоторой степени рѣшить назрѣвшій любопытный вопросъ объ измѣненіяхъ формы солнечной короны въ теченіе короткаго промежутка времени.

Затменіе начнется въ сѣверной части Гренландіи, пройдетъ черезъ Атлантическій океанъ, пересѣчетъ Скандинавскій полуостровъ, захватитъ юго-западную часть Ботническаго залива съ Аландскими островами и послѣ полудня вступитъ въ окрестностяхъ Риги въ предѣлы Европейской Россіи. Тутъ полоса пройдетъ слѣдующимъ образомъ: Рига, Икскюль, Фридрихштатъ, Новоалександровскъ, Свѣнцяны, Вилейка, Минскъ, Мозырь, Кіевъ, Каневъ, Смѣла, Елисаветградъ, Горностаевка, Геническъ, Арбатовая Коса, Ѳеодосія. Соединивъ прямой линіей эти пункты, мы въ точности получимъ центральную линію полосы полной фазы затменія. Проведя, приблизительно, въ разстояніи 80 верстъ къ сѣверу и югу отъ этой центральной линіи двѣ другія линіи, параллельныя ей, мы получимъ, приблизительно, сѣверную и южную границы полосы полной фазы затменія. Такъ, около южной границы расположены: Ирбеня, Корваны, Вилькоміръ, Вильна, Радомысль, Чальбисы, Айдаръ; около сѣверной—Перновъ, Вольмаръ, Черниговъ, Пирятинъ, Кременчугъ, Мелитополь.

Главнымъ условіемъ для успѣшнаго наблюденія солнечнаго затменія являются благопріятныя метеорологическія условія, въ особенности ясное небо.

Пользуясь любезностью директора главной физической обсерваторіи, академика князя Б. Б. Голицына, я получилъ возможность прослѣдить метеорологическія условія (ясность неба) вдоль всей полосы полной фазы затменія, начиная съ береговъ Балтійскаго моря до южнаго мало-азіатскаго берега Чернаго моря.

Въ наилучшихъ метеорологическихъ условіяхъ, какъ и слѣдовало ожидать, находится южный берегъ Крымскаго полуострова, гдѣ облачность въ началѣ августа достигнетъ абсолютнаго минимума, хотя уже на мало-азіатскомъ берегу (въ Трапезундѣ) облачность нѣсколько больше. Поэтому наилучшимъ пунктомъ для наблюденія затменія является Ѳеодосія, куда и направляется наибольшое количество большихъ русскихъ и иностранныхъ экспедицій. Слѣдующимъ благопріятнымъ пунктомъ является Геническъ. Въ районѣ Кривого Рога облачность достигаетъ 25 процентовъ и постепенно повышается по мѣрѣ удаленія къ сѣверу. Подъ Кіевомъ облачность достигнетъ немного менѣе 45 процентовъ, но зато тутъ астрономическія условія наилучшія, такъ какъ продолжительность полной фазы затменія наибольшая. Поэтому подъ Кіевомъ и въ самомъ Кіевѣ также расположено много большихъ русскихъ и иностранныхъ экспедицій, которыя, находясь хотя и въ менѣе благопріятныхъ метеорологическихъ условіяхъ, чѣмъ крымскія, хотятъ воспользоваться при ясномъ небѣ выгодами астрономическихъ условій. Къ сѣверу отъ Кіева облачность быстро возрастаетъ, достигая въ Вильнѣ 60 процентовъ. Къ сѣверу отъ Вильны облачность немного уменьшается, падая въ Ригѣ до 50 процентовъ. Но изъ всѣхъ сѣверныхъ пунктовъ минимумомъ облачности выдѣляются Аландскіе острова (городъ Маріехамъ), гдѣ облачность падаетъ до 45 процентовъ, т.-е. условія такія же, какъ и подъ Кіевомъ. Эта малая облачность Аландскихъ острововъ объясняется ихъ островнымъ положеніемъ, такъ какъ, будучи окруженными на большомъ пространствѣ водяной поверхностью, они не имѣютъ дневной лѣтней облачности, вызываемой на материкѣ восходящими токами.

Такимъ образомъ для сѣверянъ наиболѣе подходящими и ближайшими пунктами для наблюденія затменія являются Аландскіе острова или окрестности Риги. Поэтому настоящее затменіе для русскихъ астрономовъ представляетъ исключительный интересъ, такъ какъ они могутъ наблюдать его у себя дома и притомъ въ наивыгоднѣйшихъ, какъ астрономическихъ, такъ и метеорологическихъ, условіяхъ.

Поэтому понятно, что затменіе вызвало крупныя приготовленія среди русскихъ астрономовъ, которые, можно смѣло сказать, впервые снаряжаютъ такое большое число богато оборудованныхъ экспедицій. Не меньшій интересъ вызвало настоящее затменіе и въ образованномъ обществѣ и даже въ простомъ народѣ, который еще до сихъ поръ относится къ затменіямъ съ нѣкоторымъ суевѣріемъ и страхомъ.

Въ недавно появившейся книжкѣ Д. О. Святскаго („Предстоящее полное затменіе солнца 8 августа 1914 года, видимое въ Европейской Россіи“) собраны на основаніи лѣтописныхъ данныхъ и народныхъ повѣрій интересные взгляды русскаго народа на солнечныя затменія.

Въ древней Руси полагали, что солнце во время затменія пожирается злымъ духомъ, котораго простой народъ воплотилъ въ образъ Волкодлака—это оборотень, человѣкъ, обращенный въ волка. Такъ по поводу полнаго затменія въ одномъ древне-русскомъ памятникѣ говорится: „Егда убо погибаетъ Луна или Солнце, глаголютъ—волкодлацы Луну изъѣдающа или Солнце“. Даже при Петрѣ Великомъ солнечныя затменія вызывали панику въ простомъ народѣ, считавшемъ ихъ дьявольскимъ навожденіемъ. Такъ, въ 1706 году, во время Великой Сѣверной войны, должно было въ октябрѣ случиться полное солнечное затменіе. Чтобы избѣжать паники въ войскахъ и возмущенія въ простомъ народѣ, Петръ Великій разослалъ войсковымъ начальникамъ, архіереямъ и прочему мѣстному начальству приказъ о томъ, чтобы всѣ солдаты и прочіе граждане заранѣе были оповѣщены о предстоящемъ полномъ затменіи солнца, „дабы про то вѣдая не сочли его за чудо“. Даже Ломоносовъ, этотъ великій русскій ученый, не могъ противостоять распространенному въ Западной Европѣ повѣрью, что полныя солнечныя затменія очень вредны для жителей земли, такъ какъ они наполняютъ нашу атмосферу сильно дѣйствующими ядами, почему жители земли во избѣжаніе отравленія должны на время затменія укрываться въ герметически закупоренныхъ погребахъ, заблаговременно надушенныхъ благовоніями, что̀ дѣйствительно и практиковалось въ Западной Европѣ трусливыми и суевѣрными людьми.

Это повѣрье навѣяно скорѣе не суевѣрнымъ страхомъ, а неправильно истолкованнымъ фактомъ. Во время наступленія тьмы при полной фазѣ затменія иногда приходилось наблюдать, какъ птицы на лету ударялись во тьмѣ о твердые предметы, дома, деревья и мертвыми падали на землю. Д. О. Святскій передаетъ также любопытный фактъ, относящійся къ полному затменію 26 іюня 1842 г., когда въ г. Сѣвскѣ, Орловской губ., въ мѣстномъ женскомъ монастырѣ было устроено спеціальное молебствіе во время затменія, при чемъ суевѣрная молва оставила преданіе о томъ, что свѣчи передъ иконами „не могли горѣть“ во время полнаго мрака.

Что̀ касается причинъ солнечныхъ затменій, то о нихъ, повидимому, знали еще въ до-Петровской Руси. Такъ, въ житіи протопопа Аввакума при описаніи полныхъ затменій 1654 и 1666 годовъ говорится, что „съ запада Луна подтекала“. Эти свѣдѣнія Аввакумъ, навѣрное, вычиталъ въ „Правильномъ изложеніи вѣры Іоанна Дамаскина“, гдѣ сказано: „Тогда же оскудѣніе, или затменіе солнечное бы-

Карта полнаго затменія солнца 8 августа с. г.

Библиотека "Руниверс"

ваетъ, егда Луна тѣломъ своимъ, аки нѣкімъ средствіемъ застѣсняетъ Солнце, и не попускаетъ отъ него подаватися намъ свѣту".

Однако знаніе истинной причины солнечныхъ затменій еще не дало въ древности ученымъ возможности опредѣлять съ увѣренностью моментъ наступленія полнаго затменія. Хотя уже тогда дѣлались попытки предсказывать затменія, и намъ извѣстно одно удачное предсказаніе затменія, случайно сдѣланное Ѳалесомъ Милетскимъ. Но точнѣе дѣлались, повидимому, предсказанія солнечныхъ затменій въ Китаѣ, хотя и въ этой странѣ ученымъ не всегда удавалось предсказать затменіе, на что указываетъ печальная судьба китайскихъ придворныхъ астрономовъ Хи и Хо, которые лишены были жизни за то, что не сообщили заблаговременно о предстоящемъ затменіи. У насъ на Руси мужички безъ всякихъ астрономическихъ познаній также предугадывали о наступленіи затменія. Такъ, В. Г. Короленко въ своихъ впечатлѣніяхъ отъ затменія 1887 г. передаетъ, между прочимъ, рѣчь одного мужичка „изъ-за Пучежа":

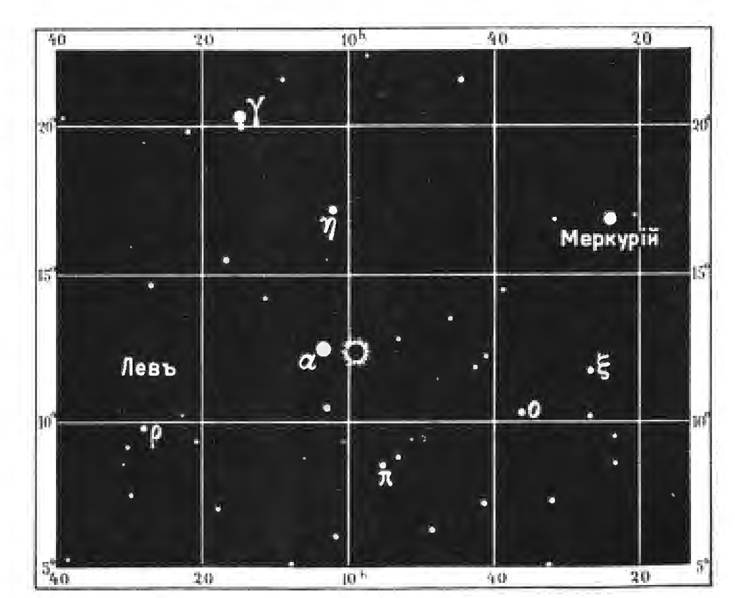
— А у насъ, братцы, мужики и безъ остроумовъ знали, что будетъ затменіе. Ей-Богу... Потому старики учили: ежели, говорятъ, мѣсяцъ по зорямъ ходитъ, — непремѣнно къ затменію... Ну, только въ какой день — этого не знали...

Эта народная примѣта дѣйствительно вѣрна, такъ какъ передъ затменіемъ луна появляется на утренней зарѣ не въ сторонѣ отъ нея, какъ обыкновенно, а прямо въ ея заревѣ.

Солнечная корона максимума.

Во всякомъ случаѣ, древнія предсказанія затменій основывались скорѣе на случайно подмѣченныхъ изъ наблюденій признакахъ, чѣмъ на знаніи истиннаго движенія луны. Точное предсказаніе затменій на много десятковъ и сотенъ лѣтъ впередъ сдѣлалось возможнымъ лишь въ самое послѣднее время, когда астрономамъ удалось въ совершенствѣ изучить сложное, запутанное движеніе нашего спутника—луны. Самая крупная работа въ этомъ направленіи была произведена австрійскимъ астрономомъ Оппольцеромъ, который въ своемъ объемистомъ сочиненіи „Канонъ затменій" вычислилъ всѣ солнечныя и лунныя затменія за періодъ времени съ 1.500 года до Р. Х. по 2.000 лѣтъ послѣ Р. Х.

Вычисленія Оппольцера показали, что на весь этотъ періодъ времени приходится до 8.000 солнечныхъ затменій, при чемъ любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что число полныхъ солнечныхъ затменій, видимыхъ въ какомъ-либо пунктѣ на земной поверхности, чрезвычайно ничтожно, и въ среднемъ полныя затменія солнца въ какомъ-либо пунктѣ бываютъ разъ въ 200 лѣтъ, хотя на долю всей земной поверхности ежегодно приходится въ среднемъ одно или два полныхъ затменія, но, такъ какъ полосы этихъ затменій чрезвычайно узки и въ ширину достигаютъ лишь 200 километровъ (во время настоящаго затменія всего 165 колом.), то отдѣльные пункты попадаютъ въ эту полосу чрезвычайно рѣдко. Если бы луна обращалась вокругъ земли въ той же плоскости, въ какой послѣдняя обращается около солнца, то ежемѣсячно каждое новолуніе, когда луна находится между землею и солнцемъ, мы наблюдали бы полное затменіе солнца. Въ дѣйствительности же плоскость вращенія луны пересѣкается съ эклиптикой въ двухъ точкахъ, называемыхъ узлами лунной орбиты. Такимъ образомъ полныя затменія солнца наблюдаются, когда луна и солнце находятся въ одномъ узлѣ. Эти узлы не остаются на небѣ постоянно въ одномъ и томъ же мѣстѣ, а постепенно перемѣщаются по эклиптикѣ, совершая полный оборотъ въ періодъ 18,6 года, который былъ извѣстенъ еще халдеямъ за шесть вѣковъ до Р. Х. и назывался Саросомъ. Въ теченіе Сароса, т.-е. 18,6 лѣтъ, происходитъ 41 затменіе солнца, но это число для всей поверхности земли. Что касается до отдѣльныхъ пунктовъ, то, какъ показалъ Галлей въ 1715 году, въ Лондонѣ въ теченіе 575 лѣтъ съ 20 марта 1140 по 1724 годъ не наблюдалось ни одного полнаго затменія, равно какъ и въ XIX столѣтіи, а въ Парижѣ послѣднее полное затменіе было лишь въ 1724 году, а въ XIX столѣтіи тоже не было ни одного.



Видъ неба со звѣздами и затемненнымъ солнцемъ во время фазы полнаго затменія.

Что касается Россіи, то, несмотря на огромную площадь, занимаемую ею, на ея долю въ теченіе ближайшихъ трехъ вѣковъ придется лишь пять полныхъ затменій: ближайшее настоящее въ 1914 году, затѣмъ въ XX вѣкѣ въ 1954 и 1961, въ XXI вѣкѣ въ Россіи не будетъ совершенно полныхъ солнечныхъ затменій, а въ XXII вѣкѣ ихъ будетъ видно два: въ 2126 и 2142 годахъ.

Поэтому вполнѣ понятно, что настоящее затменіе вызвало крупныя приготовленія не только у насъ, но и за границей, откуда за тысячи верстъ присылаются къ намъ большія экспедиція для изученія и разрѣшенія вопросовъ изъ физики солнца. Вообще ожидается къ намъ около сотни иностранныхъ экспедицій.

Пулковская обсерваторія снаряжаетъ для наблюденія затменія три большихъ экспедиціи: въ Ригу, въ Ставниы, имѣніе К. П. Гревса (Кіевской губ.), и въ Ѳеодосію.

Императорская Академія Наукъ посылаетъ въ Ѳеодосію подъ руководствомъ Н. Н. Донича большую астрономическую экспедицію. Главной задачей экспедиція поставила себѣ разрѣшеніе основныхъ вопросовъ физики солнца, т.-е. изученіе спектра солнечной атмосферы (хромосферы) и изслѣдованіе спектра короны и ея структуры и внѣшней формы. Для изслѣдованія внутренней короны (непосредственно прилегающей къ солнечной атмосферѣ) и ея строенія предназначается большой коронографъ, длиною въ десять метровъ, изъ частной обсерваторіи Н. Н. Донича въ Старыхъ Дубоссарахъ (Бессарабской губерніи). Изображеніе солнца будетъ фотографироваться на большихъ пластинкахъ, размѣромъ 30 на 40 сантиметровъ. Для изслѣдованія внѣшнихъ областей солнечной короны предназначенъ небольшой экваторіалъ. Кромѣ этихъ приборовъ, предназначенныхъ для изслѣдованія формы и структуры короны, будетъ еще шесть большихъ спектральныхъ приборовъ для фотографированія спектра солнечной атмосферы. Изъ нихъ четыре спектральныхъ прибора съ щелью и большой дисперсіей спеціально заказаны Академіей Наукъ извѣстной оптической фирмѣ Цейсса. Свѣтъ солнечной атмосферы будетъ посылаться въ спектральные приборы при помощи семи особыхъ зеркалъ-целостатовъ, прикрѣпленныхъ къ подвижнымъ осямъ.

Большія экспедиціи снаряжаются также Русскимъ Астрономическимъ Обществомъ на Аландскіе острова, въ Кіевъ, Ѳеодосію и на мало-азіатскій берегъ Чернаго моря въ окрестности города Трапезунда.

Главнымъ предметомъ изслѣдованій всѣхъ снаряжаемыхъ экспедицій является таинственная солнечная корона, которую мы можемъ видѣть лишь въ теченіе кратковременныхъ полныхъ затменій. Еще не такъ давно, лѣтъ 75 тому назадъ, затменія не такъ волновали астрономовъ, которые если наблюдали ихъ, то только какъ своеобразное красивое небесное явленіе, и только затменіе 1842 года вызвало живой научный интересъ къ этому явленію, которое наблюдали экспедиціи отъ многихъ крупныхъ обсерваторій и въ томъ числѣ отъ недавно открытой тогда Пулковской обсерваторіи. Результаты наблюденій превзошли самыя смѣлыя ожиданія. Когда луна закрыла совершенно солнце, то вокругъ темнаго диска, кромѣ нѣжно-серебристаго вѣнца короны, хорошо описанной еще Плутархомъ, всѣ наблюдатели замѣтили розоватые выступы (наподобіе языковъ пламени), которые привели въ недоумѣніе всѣхъ астрономовъ, такъ какъ ихъ появленія никто не ожидалъ (хотя профессоръ Вассеніусъ на нихъ указывалъ еще при затменіи 1733 года). Одни наблюдатели считали эти выступы за лунныя горы, а другіе — за образованія на солнечной поверхности, но ни тѣ ни другіе доказать правильность своихъ предположеній не могли, и потому всѣ съ нетерпѣніемъ ждали слѣдующаго затменія 1851 года, для наблюденія котораго обсерваторіи снарядили въ Швецію спеціальныя экспедиціи для выясненія происхожденія этихъ таинственныхъ выступовъ, получившихъ впослѣдствіи названіе протуберанцовъ.

Экспедиціи успѣшно выполнили возлагавшіяся на нихъ задачи. Было выяснено, что выступы-протуберанцы—не лунныя горы, а образованія на солнечной поверхности; но окончательно подтвердили эти результаты только фотографическіе снимки выступовъ, полученные Секки и Деляромъ во время затменія 1860 года.

Однако до 1868 года свѣдѣнія наши о формѣ и природѣ вы-

Библиотека "Руниверс"

ступовъ были крайне ограничены, такъ какъ ихъ наблюдали только въ теченіе нѣсколькихъ минутъ во время полныхъ солнечныхъ затменій. И только въ 1868 году былъ сдѣланъ крупный шагъ въ дѣлѣ изученія солнечныхъ выступовъ, когда Жансенъ показалъ, что выступы можно наблюдать черезъ расширенную щель спектроскопа и безъ затменія при полномъ блескѣ солнца.

Съ тѣхъ поръ только бѣлые протуберанцы, открытые при затменіи 1883 года, можно наблюдать еще во время полныхъ солнечныхъ затменій.

Но совершенно иначе обстоитъ дѣло съ загадочной солнечной короной, которая еще до сихъ поръ наблюдается во время полныхъ затменій лишь въ теченіе 2—5 минутъ. Относительно происхожденія короны уже давно высказывались всевозможныя предположенія. Кеплеръ и многіе другіе астрономы до первой четверти прошлаго столѣтія считали ее атмосферой луны, которая во время затменія закрываетъ солнце, но это объясненіе пришлось признать несостоятельнымъ послѣ того, какъ тщательныя изслѣдованія показали, что луна не имѣетъ сколько-нибудь замѣтной атмосферы. Послѣ этого корону считали за оптическое явленіе, происходящее въ земной атмосферѣ, но въ 1869 году профессора Харкнесъ и Юнгъ при помощи спектроскопа независимо другъ отъ друга нашли въ спектрѣ короны яркую зеленую линію, которая образуется раскаленнымъ газомъ, а таковой можетъ находиться лишь около солнца. Однако къ этому выводу многіе отнеслись съ недовѣріемъ, и только въ 1871 году было наглядно подтверждено, что корона принадлежитъ къ солнцу, такъ какъ на фотографіяхъ короны, снятыхъ во время затменія въ Индіи и на островѣ Цейлонѣ, были получены однѣ и тѣ же подробности въ ея строеніи и формѣ, чего не могло быть, если признать ее за явленіе въ нашей атмосферѣ. Въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію, что корона находится около солнца и является дальнѣйшимъ протяженіемъ солнечной атмосферы, но она настолько разрѣжена, что кометы, которыя погружались въ короніальную атмосферу, не встрѣчали никакого сопротивленія при своемъ движеніи. На основаніи новѣйшихъ спектроскопическихъ изслѣдованій мы можемъ сказать, что корона состоитъ изъ раскаленнаго легкаго газа коронія—яркія линіи спектра—и значительнаго количества вещества, носящагося въ формѣ пыли и отражающаго солнечный свѣтъ, на что указываетъ сплошной спектръ.

Наблюдая корону и сравнивая между собой различные рисунки ея, астрономы замѣтили, что въ ея формѣ происходятъ какъ быстрыя измѣненія, такъ и медленныя, періодическія, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Нашъ извѣстный пулковскій астрофизикъ А. П. Ганскій въ концѣ 90-хъ годовъ XIX столѣтія произвелъ тщательное изслѣдованіе и сравненіе всѣхъ прежнихъ рисунковъ и фотографій короны и на основаніи ихъ показалъ періодическое измѣненіе ея формы, совпадающее съ періодомъ солнечныхъ пятенъ. Ганскій нашелъ, что въ эпоху максимума солнечныхъ пятенъ волокна или лучи, изъ которыхъ состоитъ корона, симметрично окружаютъ солнце, принимая форму звѣзды съ четырьмя лучами. Въ минимумѣ эти лучи сходятся въ пучокъ около солнечнаго экватора, вытягиваясь вдоль его по обѣ стороны, и почти совершенно пропадаютъ около полюсовъ солнца.

Для объясненія связи между періодическимъ измѣненіемъ формы короны и періодомъ солнечныхъ пятенъ, равно какъ для объясненія самой короны, предложено нѣсколько теорій, но ни одна изъ нихъ не можетъ во всей полнотѣ объяснить происхожденіе короны, возможно потому, что мы еще недостаточно хорошо изучили не только ея природу, но и внѣшнюю форму. И всякій разъ, какъ наше дневное свѣтило затмевается, астрономы напрягаютъ всѣ усилія проникнуть въ тайны строенія этого серебристаго вѣнца и научиться наблюдать его внѣ затменій при полномъ солнечномъ блескѣ, такъ какъ только ежедневныя систематическія наблюденія могутъ успѣшно рѣшить этотъ трудный вопросъ.

Кромѣ астрономическихъ наблюденій во время предстоящаго полнаго затменія будутъ впервые производиться по почину директора С.-Петербургской главной физической обсерваторіи академика князя Б. Б. Голицына геофизическія наблюденія, т.-е. наблюденія надъ тѣми явленіями, которыя вызоветъ солнечное затменіе въ жизни нашей планеты.

Для этой цѣли главная физическая обсерваторія отправляетъ экспедиціи въ Ригу, въ Кіевскую губернію—въ Смѣлу, имѣніе графа А. А. Бобринскаго, и въ Ѳеодосію. Во всѣхъ экспедиціяхъ во время затменія будутъ производиться метеорологическія наблюденія надъ температурой, давленіемъ и влажностью воздуха, надъ направленіемъ и скоростью движенія облаковъ и вѣтра для опредѣленія мѣста возникновенія и передвиженія вихрей, которые, какъ показали предыдущія затменія, возникаютъ во время полной фазы въ нашей атмосферѣ. Всѣ эти наблюденія позволятъ ученымъ сдѣлать рядъ интересныхъ выводовъ для такой важной области метеорологіи, какъ динамика нашей атмосферы.

Такія же наблюденія обще-метеорологическаго характера предположено произвести по особо выработанной инструкціи на многихъ метеорологическихъ станціяхъ Европейской Россіи, гдѣ затменіе будетъ уже частнымъ, т.-е. будетъ затемнена часть солнечнаго диска. Къ этимъ наблюденіямъ обще-метеорологическаго характера можно также отнести изслѣдованія верхнихъ слоевъ нашей атмосферы при помощи змѣевъ до высоты въ 2.000 метровъ и шаровъ-зондовъ до высоты въ 20 километровъ, которые будутъ произведены въ Кіевской губ. въ имѣніи графа А. А. Бобринскаго. Для актинометрическихъ измѣреній предполагаются также свободныя поднятія на воздушныхъ шарахъ, которые военное начальство предпологало предоставить на мѣстахъ во время затменія въ распоряженіе экспедицій наравнѣ съ дирижаблями, но разразившаяся война врядъ ли дастъ возможность сдѣлать это.

Кромѣ того, въ случаѣ ясной погоды можно будетъ наблюдать окраску земныхъ пейзажей и фотографировать ихъ во время разныхъ фазъ затменія, а во время наступленія и окончанія полной фазы пронаблюдать и по возможности сфотографировать любопытное явленіе „летучихъ тѣней“.

Кромѣ другихъ болѣе или менѣе спеціальныхъ наблюденій, можно указать на магнитныя наблюденія, при помощи самопишущихъ, спеціально изготовленныхъ точныхъ приборовъ съ фотографической записью всѣхъ трехъ элементовъ земного магнетизма. Затѣмъ при помощи чувствительныхъ точныхъ приборовъ будутъ производиться электрическія наблюденія надъ проводимостью и іонизацiей воздуха въ моментъ полной фазы затменія, а также будетъ измѣряться ультра-фіолетовая радіація какъ самого солнечнаго диска, такъ и солнечной короны.

Кромѣ этихъ наблюденій большой интересъ представляютъ также наблюденія надъ вліяніемъ, производимымъ затменіями на окружающую флору и фауну.

Большинство наблюдателей единогласно свидѣтельствуетъ, что, съ наступленіемъ полнаго затменія, когда послѣдній лучъ солнца потухнетъ, среди животныхъ наблюдается нѣкоторое волненіе: собака жмется къ ногамъ своего хозяина, наседка прячетъ подъ крылья цыплятъ, летучія мыши, обманутыя темнотою, оставляютъ свои убѣжища, какъ будто бы наступила ночь. Майоки разсказываетъ, что „пчелы, вылетѣвшія въ большомъ количествѣ изъ улья при восходѣ солнца, возвратились туда даже нѣсколько раньше наступленія полнаго затменія и вновь вылетѣли уже послѣ того, какъ солнце вновь пріобрѣло свой прежній блескъ“.

Многіе наблюдатели пытались объяснить волненія среди животныхъ страхомъ передъ такъ называемыми летучими тѣнями, которыя, когда погаснетъ послѣдній лучъ солнца, со страшной быстротой проносятся по воздуху. Чѣмъ вызываются летучія тѣни—пока въ точности неизвѣстно.

Любопытно провѣрить эти наблюденія во время предстоящаго затменія.

Вообще солнечныя затменія принадлежатъ къ числу самыхъ грандіозныхъ и эффектныхъ явленій природы. Они издавна поражали своимъ величіемъ и своеобразіемъ человѣка, и кто хоть разъ въ жизни видѣлъ полное затменіе, у того никогда не изгладится изъ памяти впечатлѣніе этого великолѣпнаго своеобразнаго зрѣлища.

Изъ пѣсенъ войны.

Пора!..

Поэты, встаньте въ общемъ кличѣ!
Довольно пѣть о Беатриче,—
Уже въ поляхъ свиститъ картечь
И рѣютъ ядра!..—О, поэты,
Пора звенящіе сонеты
Перековать на звонкій мечъ!

* *
*

Пока оружія не сложитъ
Раздутый спесью швабскій гномъ,
Пусть каждый бьется тѣмъ, чѣмъ можетъ:
Солдатъ—штыкомъ, поэтъ—перомъ!..
Пусть вмѣстѣ съ кровью пѣсня льется,
И вѣрьте: въ даляхъ голубыхъ
Цѣною крови вамъ зачтется
Изъ сердца вылившійся стихъ!..

* *
*

Я слышу гулъ далекой битвы.
И вотъ проклятья и молитвы,
Желѣзо, золото и мѣдь—
Бросаю въ горнъ святого гнѣва,
Чтобъ сталью новаго напѣва
Съ нежданной силой зазвенѣть!

Н. Агнивцевъ.

Библиотека "Руниверс"

ВОЙНА.

Церковь и война.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ приказалъ: призвать монастыри, церкви и православную паству къ пожертвованіямъ на врачеваніе раненыхъ и больныхъ воиновъ и на вспомоществованіе семействамъ лицъ, призванныхъ на войну; во всѣхъ церквахъ установить особыя кружки для сбора пожертвованій въ пользу Краснаго Креста и семействъ пострадавшихъ отъ войны, каковыя кружки обносить среди богомольцевъ за каждымъ богослуженіемъ, за коимъ обносится блюдо или кружка для сбора пожертвованій; призвать монастыри, общины и всѣ духовныя учрежденія къ отводу и приготовленію всѣхъ свободныхъ и могущихъ быть свободными помѣщеній подъ госпитали для раненыхъ и больныхъ воиновъ и къ содѣйствію, поддержанію сихъ госпиталей на все время надобности въ нихъ; призвать мужскіе и женскіе монастыри и общины къ немедленному подысканію и подготовленію способныхъ и благонадежныхъ лицъ для ухода за ранеными и больными воинами какъ въ самыхъ обителяхъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, по распоряженію управленія Краснаго Креста; призвать монастыри, общины и всѣхъ боголюбивыхъ людей къ заготовленію собственными силами и средствами принадлежностей для оборудованія госпиталей, какія окажутся возможными и потребными; призвать все православное населеніе, по заповѣди Христовой о братской любви къ ближнимъ, имѣть особливую заботу объ облегченіи печали и улучшеніи матеріальнаго положенія женъ и дѣтей лицъ, призванныхъ къ военнымъ дѣйствіямъ и обязанныхъ покинуть свои семьи; призвать все православное духовенство въ своихъ поученіяхъ располагать свою паству къ содѣйствію всѣми мѣрами и способами успѣху войны и облегченію участи такъ или иначе отъ нея потерпѣвшихъ; призвать всѣхъ православныхъ людей, безъ различія званія, положенія, возраста и пола, въ настоящій часъ испытанія для нашей Родины оставить взаимныя несогласія, ссоры, распри и обиды, крѣпкою стѣной сплотиться у Царскаго Престола и по Царскому зову охотно и бодро итти на защиту Отечества всѣми способами и мѣрами, какими кому предназначено и указано, не щадя, по примѣру славныхъ своихъ предковъ, своихъ силъ, достоянія и даже жизни, памятуя, что позоръ и гибель падутъ на главу лѣнивыхъ, своекорыстныхъ и предателей, а тѣмъ, кои принесутъ свое достояніе и свою жизнь на алтарь Отечества, уготована вѣчная слава въ роды родовъ.

Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица на балконѣ Зимняго Дворца изволятъ отвѣчать на привѣтствія народа.

Посланіе.

„Святѣйшій Правительствующій Всероссійскій Синодъ чадамъ Православной Россійской церкви.

Всемогущему Богу, въ неисповѣдимыхъ судьбахъ Его, угодно было ниспослать Отечеству нашему новую годину тяжелаго испытанія.

Вѣрный завѣтамъ Христа Спасителя о братской любви и жизни въ мирѣ со всѣми народами земными, народъ русскій въ теченіе своей многовѣковой исторіи неизмѣнно стремился къ мирному прохожденію своего жизненнаго пути. Но вмѣстѣ съ тѣмъ народъ русскій всегда считалъ своею священною обязанностію защищать слабыхъ и угнетаемыхъ меньшихъ братій, родныхъ по вѣрѣ и

Стотысячная масса народа, опустившись на колѣни, со склоненными національными флагами, привѣтствуетъ Царя гимномъ и громовымъ „ура".

У Зимняго Дворца 20 іюля с. г. — въ день объявленія Высочайшаго Манифеста о войнѣ съ Германіей.

По фот. К. Булла.

Библиотека "Руниверс"

Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Императорскія Высочества, прибывъ на Царскую пристань изъ Новаго Петергофа, изволятъ слѣдовать въ Зимній Дворецъ, къ торжественному молебствію о ниспосланіи русскому оружію побѣды надъ врагомъ.

по племени, памятуя слово Господа: „Больше сея любве никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя“.

Нынѣ Россія нежданно вовлечена въ брань съ врагами. Предстоитъ защищать не только братій нашихъ по вѣрѣ, но и постоять за славу нашего Царя, за честь и величіе Родины.

Воины русскіе. Грядите съ Богомъ на поле брани. Да увѣнчаетъ Господь оружіе ваше побѣдою. Явите врагамъ нашимъ воинскую доблесть, искони присущую русскому воину. Грядите съ глубокою вѣрою въ то святое дѣло, которому служите. Вѣра — оружіе непобѣдимое. Бодро идите въ бой: знайте, что святая церковь Христова непрестанно будетъ молиться ко Господу, да сохранитъ Онъ васъ невредимыми подъ кровомъ Своимъ и да даруетъ вѣнецъ вѣчнаго царствія тѣмъ, коимъ суждено будетъ пасть въ славномъ бою.

Братіе и сестры о Христѣ. Мужайтеся, будьте тверды въ вѣрѣ, будьте всѣ едино. Въ великій часъ, наставшій для нашей Родины, станьте, какъ одинъ человѣкъ, съ готовностію принести всѣ жертвы, какія потребуетъ отъ васъ защита вѣры и Родины. Возгрѣйте пламень любви, углубите источникъ милосердія къ женамъ и дѣтямъ братій нашихъ, на полѣ брани сущихъ.

У Зимняго Дворца 20 іюля с. г. — въ день объявленія Высочайшаго Манифеста о войнѣ съ Германіей.

По фот. К. Булла.

Библиотека "Руниверс"

Народъ привѣтствуетъ Царя и Царицу.
У Зимняго Дворца 20 іюля с. г.—въ день объявленія Высочайшаго Манифеста о войнѣ съ Германіей.
По фот. К. Булла.

Архипастыри и пастыри церкви русской. Въ наступившее тяжелое время испытанія ободряйте паству вашу, укрѣпляйте ее въ вѣрѣ православной, охраняйте отъ всякихъ соблазновъ, направляйте жизнь ея по заповѣдямъ Божіимъ, поддерживайте въ народѣ любовь къ Церкви, Царю и Родинѣ. Сугубо творите молитвы, моленія, прошенія за вся человѣки, въ бѣдахъ войны сущіе.

Всѣ же мы вмѣстѣ едиными усты и единымъ сердцемъ будемъ непрестанно молиться Господу разумовъ, да ниспошлетъ Онъ силу и премудрость Самодержавному Царю Нашему, да укрѣпитъ Онъ воиновъ нашихъ въ непоколебимомъ мужествѣ.

Будемъ молиться ко Господу Милосердія, да подастъ единовѣрнымъ братіямъ нашимъ духъ вѣры, терпѣнія и благоразумія для перенесенія новой тяжелой годины испытанія, ихъ обышедшаго, и да избавитъ ихъ отъ скорбей и угнетенія.

Будемъ молиться Творцу и Подателю всяческихъ, Царю царствую-

Петербургъ. Запасные направляются на пріемный пунктъ. У зданія Императорской Публичной Библіотеки, на Невскомъ проспектѣ. По фот. К. Булла.

Библиотека "Руниверс"

щихъ и Господу господствующихъ, да даруетъ Онъ намъ и союзникамъ нашимъ побѣду надъ врагами, да прекратитъ Онъ Своею всемогущею силою начавшуюся великую брань и распрю народовъ, да вразумитъ враговъ нашихъ и всѣхъ ненавидящихъ насъ, да ниспошлетъ землѣ нашей скорый миръ и благоденствіе, во еже возмощи намъ благодарнымъ сердцемъ, во умиленіи, непрестанно славити Пресвятое Имя Его нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Смиренный *Сергій*, архіепископъ финляндскій и выборгскій.
Смиренный *Никонъ*, архіепископъ бывшій вологодскій и тотемскій.
Смиренный *Серафимъ*, архіепископъ иркутскій и верхоленскій.
Смиренный *Владиміръ*, архіепископъ донскій и новочеркасскій".

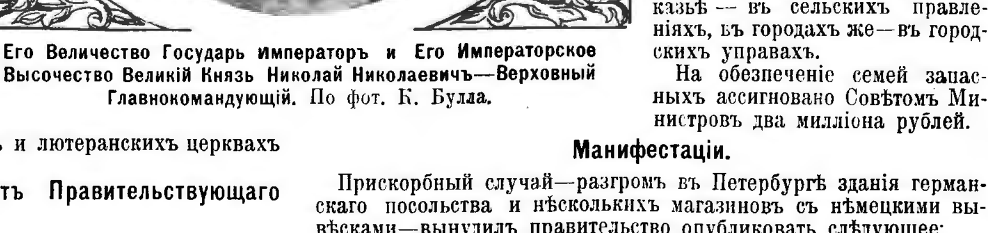
Военныя нужды и монастыри.

На призывъ Св. Синода, обращенный къ русскимъ обителямъ о пожертвованіяхъ на врачеваніе больныхъ и раненыхъ и объ отводѣ помѣщеній подъ госпитали откликнулись первыми Кіево-Печерская и Почаевская лавры и монастыри кишиневской епархіи: Кицканскій (онъ же Новоямецкій), Гербовецкій, Чирнявскій и кіевскій Злато-Верхо-Михайловскій монастыри устраиваютъ у себя больницы, а Почаевская лавра и кишиневскіе монастыри предоставляютъ подъ помѣщеніе для раненыхъ всѣ свои свободныя кельи и другія постройки.

Подъ помѣщеніе для раненыхъ по распоряженію Учебнаго Комитета Св. Синода отведены зданія духовно-учебныхъ заведеній въ кишиневской, подольской, волынской, холмской и варшавской епархіяхъ.

22 іюля въ покояхъ управляющаго московской епархіей преосвященнаго Трифона происходило совѣщаніе всѣхъ московскихъ викаріевъ. Единогласно было постановлено исполнить патріотическій долгъ до конца и употребить всѣ свободные капиталы монастырей гор. Москвы и епархіи для цѣлей войны. На первый разъ рѣшено открыть нѣсколько госпиталей въ Романовской больницѣ, которая сооружается на средства монастырей, и въ Покровскомъ и Знаменскомъ монастыряхъ.

Въ Петербургѣ приступлено къ образованію приходскихъ попечительныхъ совѣтовъ для заботъ о семьяхъ лицъ, призванныхъ въ войска. Попечительные совѣты учреждаются также и при костелахъ и лютеранскихъ церквахъ столицы.



Его Величество Государь Императоръ и Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ—Верховный Главнокомандующій. По фот. К. Булла.

Адресъ Государю Императору отъ Правительствующаго Сената.

Ваше Императорское Величество.

Какъ и встарь, не за мірскія выгоды, велѣніемъ Своего Государя, ополчилась нынѣ на врага Россійская Держава.

Вновь льется кровь нашихъ единовѣрныхъ братьевъ, и дерзкій вызовъ брошенъ всему славянству.

Исторія скажетъ свое слово о неоцѣнимыхъ трудахъ Державнаго Родителя Вашего и Вашихъ, Государь, на дѣло мира.

Но есть предѣлъ: Россія не уклонится отъ священной цѣли, ей Божественнымъ Промысломъ поставленной.

Какъ въ былые годы, при Вѣнценосныхъ Предкахъ Вашего Величества, съ мечомъ въ рукахъ, съ вѣрою съ сердцѣ, встанетъ святая Русь на защиту исконныхъ своихъ завѣтовъ.

Вознеся къ престолу Всевышняго горячія мольбы о здравіи и благоденствіи Вашего Императорскаго Величества и Августѣйшей Семьи Вашей и о дарованіи славной побѣды россійскому воинству, Правительствующій Сенатъ, по заслушаніи въ чрезвычайномъ засѣданіи Высочайшаго манифеста объ объявленіи военныхъ дѣйствій, всеподданнѣйше повергаетъ къ стопамъ Вашимъ, Великій Государь и Самодержецъ Всероссійскій, выраженіе безграничной любви къ Священной Особѣ Вашей и готовности къ всемѣрнымъ жертвамъ на благо Россіи.

Открытіе въ Зимнемъ Дворцѣ склада вещей для раненыхъ

По повелѣнію Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, въ залахъ Новаго Эрмитажа Императорскаго Зимняго Дворца, въ среду, 23 іюля, открылся складъ вещей для раненыхъ и больныхъ воиновъ. Вещи будутъ изготовляться въ складѣ, тамъ же будутъ приниматься пожертвованія вещами и деньгами.

Желающіе работать въ помѣщеніи склада приглашаются записываться въ зданіи Зимняго Дворца, съ Комитетскаго подъѣзда (онъ же—Императорской Археологической Комиссіи), съ набережной, 1-й отъ Зимней канавки.

Складъ открытъ ежедневно съ 1 часа дня до 6 час. вечера, за исключеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Работы могутъ быть также раздаваемы на домъ.

Обезпеченіе семействъ запасныхъ.

Отъ управленія воинской повинности объявляется:

По закону 25 іюня 1912 года семейства нижнихъ чиновъ запаса и ратниковъ ополченія, призванныхъ по случаю войны на дѣйствительную службу, будутъ получать отъ казны пособіе.

Правомъ на пособіе пользуются:

1) жена и дѣти призваннаго во всѣхъ случаяхъ и

2) отецъ, мать, дѣдъ, бабка, братья и сестры призваннаго, если они содержались его трудомъ.

Размѣръ ежемѣсячнаго денежнаго пособія каждому призрѣваемому члену семьи призваннаго опредѣляется для каждой мѣстности (уѣзду, округу, волости), по расчету стоимости продовольственнаго пайка, состоящаго изъ 1 пуда 28 фунтовъ муки, 10 ф. крупы, 4 ф. соли и 1 ф. постнаго масла.

Малолѣтнія дѣти до 5 лѣтъ получаютъ половину.

Достигшіе 17-лѣтняго возраста сыновья и незамужнія дочери призванныхъ получаютъ пособіе лишь въ случаѣ доказанной ихъ нетрудоспособности.

Семейства призванныхъ пользуются правомъ на указанное пособіе со дня отправленія ихъ кормильцевъ на службу, но первая выдача будетъ произведена по обслѣдованіи на мѣстахъ личнаго состава и ихъ семействъ.

Выдача пособій будетъ производиться въ волостныхъ, гминныхъ, станичныхъ, а въ Закавказьѣ — въ сельскихъ правленіяхъ, въ городахъ же—въ городскихъ управахъ.

На обезпеченіе семей запасныхъ ассигновано Совѣтомъ Министровъ два милліона рублей.

Манифестаціи.

Прискорбный случай—разгромъ въ Петербургѣ зданія германскаго посольства и нѣсколькихъ магазиновъ съ нѣмецкими вывѣсками—вынудилъ правительство опубликовать слѣдующее:

„Непрекращающіяся повсемѣстно манифестаціи, все болѣе многолюдныя и происходящія даже въ ночное время, побуждаютъ правительство, вполнѣ раздѣляющее этотъ патріотическій порывъ, вновь обратиться къ населенію съ призывомъ соблюдать спокойствіе и сдержанность и избѣгать проявленій возбужденнаго народнаго чувства, которыя могутъ только осложнить создавшееся положеніе".

Военныя и морскія силы воюющихъ державъ.

(По офиціальнымъ даннымъ):

Сухопутныя силы.

Ежегодный контингентъ новобранцевъ составляетъ: въ Россіи (до введенія въ дѣйствіе новаго запаса)—430.000, во Франціи 225.000. Итого 655.000, въ Германіи 270.000, въ Австріи 133.000; итого 403.000.

Количество новобранцевъ на 1.000 населенія: Россія 2,7 чел., Франція 5,9, Австрія 2,6, Германія 4,1.

Для формированія полевыхъ и полевыхъ резервныхъ частей (дѣйствующей арміи) предназначается (считая 15 проц. убыли): въ Россіи 3.655.000, во Франціи 2.925.000, въ Австріи 1.356.000, въ Германіи 2.754.000. Всего въ русско-французской арміи — 6.580.000, а въ австро-германской арміи—4.110.000.

Для формированія войскъ второй линіи (ландверъ 2-го разряда, мѣстныхъ войскъ и пр.) государства имѣютъ въ своемъ распоряженіи: Россія 2.580.000 чел., Франція 1.013.000, объ Австріи данныхъ нѣтъ, Германія 1.418.000.

Библиотека "Руниверс"

Къ войнѣ Германіи и Австріи съ Россіей. Карта театра военныхъ дѣйствій.

Библиотека "Руниверс"

Для формированія ландштурма и ополченія имѣется обученныхъ людей (считая 33½% убыли): Россія 1.433.000 чел., Франція 900.000 ч., Австрія 887.000 ч., Германія 1.080.000 ч.

Итого двойственный союзъ имѣетъ 2.333.000 чел. противъ 1.967.000 ч. двухъ державъ тройственнаго союза.

Всего имѣютъ военно-обученныхъ людей: Россія—7.668.000 ч., Франція—4.838.000 ч., Австрія—2.243.000 ч., Германія—5.251.000 ч.

Такимъ образомъ Россія и Франція могутъ выставить 12.506.000 ч. противъ 7.495.000 австро-германцевъ.

Регулярная армія на британскихъ островахъ, въ колоніяхъ и въ Египтѣ—162.251 чел.; колоніальныя части—8.694; регулярная армія въ Индіи—77.097. Итого—248.042 чел.

Въ военное время англійская армія повышаетъ свой составъ до 450.000 чел.

Морскія силы.

Въ мирное время: Англія—61 броненосецъ, Франція—23, Россія—12. Итого—96 броненосцевъ.

Въ военное время: Англія—42 боевыхъ крейсера, Франція—19, Россія—6; итого 67 крейсеровъ, а вмѣстѣ 163 судна.

Въ мирное время: Германія—35 броненосцевъ, Австро-Венгрія—10. Итого 45 броненосцевъ.

Въ военное время: Германія—12 боевыхъ крейсеровъ, Австро-Венгрія—2; итого 14 крейсеровъ, а всего 59 боевыхъ судовъ.

Послѣдняя война въ исторіи Европы.

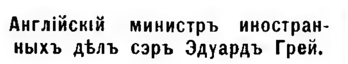
(Политическое обозрѣніе).

Недовольная вмѣшательствомъ Россіи въ австро-сербскую распрю, Германія неожиданно объявила намъ войну, обстрѣляла морскими судами Либаву, перешла сухопутную границу около Калиша и вторглась заранѣе мобилизованными корпусами въ территорію Люксембурга, Бельгіи и Франціи. Общая картина ея наступательныхъ дѣйствій по всѣмъ фронтамъ и направленіямъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что весь австро-сербскій споръ былъ только внѣшнимъ предлогомъ для начала давно рѣшенной и подготовленной войны. Дерзкій ультиматумъ, внезапное нападеніе на Сербію и противорѣчащая всѣмъ международнымъ соглашеніямъ бомбардировка мирнаго Бѣлграда — все это было со стороны Австріи только преднамѣренной и заранѣе условленной вызывающей провокаціей общеевропейскаго замѣшательства, предпринятой по предварительному соглашенію съ Германіей. Характерно, что дальше бомбардировки Бѣлграда австрійцы въ теченіи первой недѣли не пошли. Ихъ попытки перейти сербскую границу были отброшены сербскимъ арьергардомъ; слѣдовательно, предпринимались не особенно серьезно и настойчиво. Еще характернѣе, что съ самой Австріей, какъ первой виновницей всего замѣшательства, Россія до 24 іюля было офиціально въ мирѣ, между тѣмъ какъ австрійская заступница — Германія, которая, казалось бы, должна считаться менѣе заинтересованной въ балканскомъ спорѣ, чѣмъ сама Австрія, — уже съ 20 іюля открыла противъ насъ военныя дѣйствія. Выходитъ, какъ будто бы слѣдствія опережаютъ причины, а мотивы и поводы значительно отстаютъ отъ прикрываемыхъ ими поступковъ. Очевидно, что австрійское выступленіе противъ Бѣлграда должно было играть роль лишь аванпостнаго сраженія въ общемъ наступленіи германизма противъ всего славянства и Россіи.

Выступивъ защитницею Сербіи и связавъ свою судьбу съ судьбой славянства, Россія пошла навстрѣчу германскимъ планамъ и смѣло приняла брошенный ей вызовъ на смертный бой. Манифестъ Русскаго Царя, Его призывъ русскаго народа на защиту родины, его обѣщаніе не слагать оружія до тѣхъ поръ, пока хоть одинъ непріятельскій солдатъ останется на Русской Землѣ,—вызвали во всей странѣ высокій подъемъ патріотическаго энтузіазма. Ясная и родная каждому русскому гражданину идея войны—защита Россіи и славянства—сразу сдѣлала ее необычайно популярной во всѣхъ общественныхъ кругахъ. Горячо отозвавшіеся на Монаршій призывъ къ національной самозащитѣ, запасные идутъ въ армію съ бодрыми пѣснями и радостными кликами „ура!“

Каковы будутъ результаты этой грандіозной войны, подобной которой еще не было съ

Его Величество Георгъ V, Король Великобританіи и Ирландіи, Императоръ Индіи.



Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ сэръ Эдуардъ Грей.

Англійскій посолъ при Русскомъ Дворѣ, сэръ Джонъ Бьюкененъ.

Къ объявленію войны Англіей Германіи 22 іюля с. г.

Библиотека "Руниверс"

Новый французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Анри Думергъ, принявшій этотъ крупнѣйшій министерскій портфель отъ Р. Вивіани, сохранившаго за собою постъ министра-президента.

сотворенія міра? Всѣми воюющими сторонами можетъ быть выставлено на поле битвы до двадцати милліоновъ воиновъ. Каждая изъ нихъ чувствуетъ, что на карту поставлено самое существованіе государства, и будетъ напрягать всѣ усилія для достиженія побѣды какою бы то ни было цѣною. Европа захлебнется въ крови. Судьба народа въ рукахъ Божіихъ, а пути ведущаго насъ Промысла неисповѣдимы. Но все, что открыто математическому расчету ума человѣческаго, не предвѣщаетъ ничего хорошаго дерзкимъ нарушителямъ европейскаго мира, въ легкомысленномъ честолюбіи своемъ принявшимъ на свою душу тяжкую отвѣтственность за величайшее въ исторіи человѣчества кровопролитіе. Политическое положеніе Германіи страшно ухудшилось съ объявленіемъ нейтралитета со стороны Италіи, которая сочла себя въ правѣ отказаться отъ участія въ войнѣ, такъ какъ послѣдняя носитъ со стороны Австріи и Германіи не оборонительный, а наступательный характеръ. Какъ и предвидѣли очень многіе политики, тройственный союзъ фактически распался именно въ тотъ моментъ, когда предстояло приступить къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ, и поднявшая мечъ на славянство Германія осталась съ поддержкою одной только Австріи, наполовину славянской.

Тройственное согласіе, напротивъ, именно подъ прессомъ агрессивной политики Германіи сплотилось въ тѣсный и дѣйственный союзъ. Раздѣлившееся первоначально на два лагеря, общественное мнѣніе Англіи подъ вліяніемъ правительственной печати, доказывавшей необходимость честно поддержать союзниковъ, чтобы не остаться затѣмъ въ трудную минуту германскаго натиска безъ ихъ поддержки, постепенно съ развитіемъ событій стало склоняться къ войнѣ, а вслѣдъ затѣмъ грубое нарушеніе нѣмцами нейтралитета Бельгіи и Люксембурга заставило англійскій парламентъ вотировать въ распоряженіе правительства просимый кредитъ на военныя издержки, и затѣмъ король Георгъ объявилъ Германіи войну. Къ тройственному согласію уже присоединилась и маленькая Бельгія, тоже объявившая Германіи войну. Такимъ образомъ Германія, почти изолированная, если не считать Австріи, очутилась лицомъ къ лицу съ грозной, почти общеевропейской коалиціей. Нынѣшняя война становится войною европейскихъ народовъ противъ нѣмцевъ. Ослѣпленный тщеславіемъ, германскій императоръ Вильгельмъ своей вызывающей политикой удачно объединилъ противъ себя всѣхъ сосѣдей. Своими безграничными вооруженіями и безпрерывнымъ бряцаніемъ меча онъ долгіе годы держалъ въ страхѣ и трепетѣ всю Европу и невольно заставилъ ее возненавидѣть Германію, какъ главный очагъ тормозящаго всякую культуру милитаризма. Европа поняла, что нынѣшняя война есть въ сущности война за миръ, и объединилась противъ дерзкаго нарушителя международнаго порядка.

Сербскій министръ-президентъ Никола Пашичъ, создатель балканскаго союза.

Французскій посланникъ при русскомъ, Дворѣ Морисъ Палеологъ.

Послѣдствіемъ полной побѣды войны за миръ должно быть, разумѣется, установленіе вѣчнаго мира. Въ лицѣ Австріи и Германіи Европа должна сломить и уничтожить Божій бичъ агрессивнаго милитаризма, неисчерпаемый источникъ отравляющаго человѣчество грубаго тевтонскаго насильничества. Уничтоженіе насильничества будетъ равносильно обращенію международной жизни къ нормамъ права и справедливости. Угнетенная; истомленная полувѣковымъ кошмаромъ Европа цѣною послѣднихъ героическихъ усилій завоюетъ себѣ наконецъ вѣчный миръ.

Сербскій генералъ Божидаръ Янковичъ, президентъ сербскаго „Союза народной обороны" (Народна Обрана), закрытія котораго требовала Австро-Венгрія въ своемъ ультиматумѣ, — назначенный командующимъ дунайской дивизіей.

Библиотека "Руниверс"

Высочайше утвержденное положенiе Совѣта Министровъ.

Совѣтъ Министровъ, на основанiи статьи 87 Основныхъ государственныхъ Законовъ (Св. Зак., т. I, ч. 1, изд. 1906 г.), постановилъ:

I. Временно, впредь до минованiя чрезвычайныхъ обстоятельствъ, размѣнъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ на золотую монету прiостанавливается.

II. Государственному банку предоставляется, сверхъ разрѣшенной къ выпуску суммы государственныхъ кредитныхъ билетовъ (Св. Зак., т. XI, ч. 2, разр. 3, изд. 1903 г., ст. 1), выпускать эти билеты на сумму не свыше одного миллiарда двухсотъ миллiоновъ рублей.

III. Государственному банку предоставляется, въ случаѣ истребованiя находящихся на его счетахъ суммъ казны, учитывать краткосрочныя обязательства государственнаго казначейства въ размѣрѣ, вызываемомъ потребностями военнаго времени.

Государь Императоръ, въ 23 день iюля 1914 года, на сiе Высочайше соизволилъ.

помощь раненымъ санитарный отрядъ Краснаго Креста... И сейчасъ такъ же спѣшатъ на помощь защитникамъ чести и достоинства Россiи многочисленные отряды врачей и сестеръ милосердiя, и да зачтется имъ въ великую заслугу и доблесть ихъ тяжелый въ настоящее время подвигъ!

Грознымъ настроенiемъ вѣетъ и отъ картины М. Малышева *„За жизнь“*. Скромная по темѣ сценка погони волка за конемъ принимаетъ теперь почти символическiй характеръ: все Европа— и Россiя съ нею вмѣстѣ—охвачена сейчасъ этой тяжкой борьбой за жизнь: и летящая, какъ быстрый конь, мiровая цивилизацiя, и напавшiй на нее хищный волкъ германскаго засилья ведутъ грозную борьбу за существованiе... И несутся стремглавъ къ неизвѣстному будущему.

Картина того же художника *„Прiѣхали гости“* переноситъ насъ въ далекое прошлое нашей родины. Прiѣхали въ старинный русскiй городъ по рѣкѣ заморскiе гости купцы—и медлительно выходитъ изъ воротъ кремля къ нимъ навстрѣчу городской посадникъ...

Иное настроенiе чувствуется въ третьей картинѣ М. Малышева

Мобилизацiя въ Петербургѣ. На Царицыномъ лугу. Прiемъ лошадей въ воинскiя части. По фот. К. Булла.

Отъ управленiя воинской повинности.

Государь Императоръ, въ 22 день сего iюля, Высочайше повелѣть соизволилъ принимать нынѣ же, внѣ установленнаго прiемнаго перiода, въ войска молодыхъ людей, подлежащихъ исполненiю воинской повинности на правахъ вольноопредѣляющихся и изъявившихъ желанiе поступить по случаю войны на дѣйствительную военную службу.

Освидѣтельствованiе и прiемъ означенныхъ молодыхъ людей въ войска производится на общемъ основанiи присутствiями по воинской повинности, о чемъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ циркулярно сообщаетъ губернаторамъ.

Къ рисункамъ.

Въ настоящемъ № „Нивы“ наши читатели найдутъ рядъ рисунковъ, знакомящихъ съ послѣдней (XXII) выставкой С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

Картина В. Мазуровскаго *„На помощь раненымъ“* создаетъ настроенiе, очень близкое къ тому, которое сейчасъ переживаемъ всѣ мы, русскiе люди: по размытой дождями дорогѣ ѣдетъ на *„Послѣ отдыха“*: настроенiе мирной работы, къ которой приступаетъ поутру человѣкъ труда послѣ спокойнаго ночного отдыха.

Пейзажъ П. Венига *„Раннiй снѣгъ“* представляетъ собою своеобразный pendant къ только что упомянутой картинѣ М. Малышева: и здѣсь такое же настроенiе ранняго рабочаго дня. Кончился лѣтнiй отдыхъ, наступила ранняя трудовая зима, и въ преддверiи трудовыхъ заботъ и усилiй встаетъ день, еще полный спокойствiя и тишины...

Другой пейзажъ, воспроизводимый въ настоящемъ № „Нивы“ (*„Московскiй дворикъ“* П. Полякова), переноситъ насъ въ будничную среду нашей второй столицы: сѣрый дворикъ съ покосившимися старыми постройками, а на фонѣ ихъ величаво высятся главы старинной церкви, еще помнящей Наполеона... Въ картинѣ П. Полякова много свѣжей колоритности и какого-то бодрящаго холодка.

Портретный жанръ среди воспроизводимыхъ въ настоящемъ № картинъ представленъ изящными работами М. Игнатьева (*„На молитвѣ“*), К. Маковскаго (*„Рыженькая“*), Н. Шаховскаго, (*„Холодно“*) Д. Гаврильцева, (*„Портретъ г-жи Г. Л. Вишневецкой“*) и В. Андерсона (*„Крестьянская дѣвочка“*).

Содержанiе.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенiя“ за Августъ 1914 г. 2) „НОВѢЙШIЯ МОДЫ“ за Августъ съ 37 рис., отдѣльн. листъ съ 31 черт. выкр. въ натур. величину и 48 рис. дамскихъ рукодѣлiй.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведенiе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29 Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

Библиотека "Руниверс"

Тайна Красоты.

Для гладкаго, свѣжаго цвѣта лица, для совершенной чистоты, для нѣжнаго восточнаго аромата, для освѣжающей пріятной прохлады, для такого цвѣта лица, который болѣе, чѣмъ обыкновенное очарованіе, есть одно лишь средство, — Дермозонъ. Чтобы создать кожу, которая мягка, гладка, упруга и свободна отъ морщинъ, чтобы превратить тусклый, блѣдный и грубый цвѣтъ лица въ волшебно-гладкій, —

Дермозонъ не имѣетъ равнаго себѣ.

Съ Дермозономъ каждая женщина можетъ пріобрѣсти ту чистую, безупречную кожу, которая дѣлаетъ самое некрасивое лицо очаровательнымъ и привлекательнымъ и даетъ возможность женщинѣ пріобрѣсти и сохранить юношескій видъ.

Въ Дермозонѣ мы имѣемъ научно приготовленный препаратъ, который помогаетъ природѣ питать и улучшать кожу. Вы можете употреблять его безъ опасенія вреда или порчи для самой чувствительной кожи.

Дермозонъ, нанесенный на кожу, какъ бы исчезаетъ, если взять его немного и втереть легкимъ массажемъ. Онъ поглощаетъ и удаляетъ всѣ выдѣленія и загрязненія кожи.

Употребляйте Дермозонъ и вы будете владѣть силой красоты — у Васъ получится очаровательный, бархатистый цвѣтъ кожи. Вы будете знать тайну красоты.

На каждой банкѣ настоящаго Дермозона имѣется наклейка: „Издѣліе Лабораторіи Доктора Антона Мейеръ". Если имя Доктора Антона Мейеръ сокращено или искажено, то предъ вами явная поддѣлка. 3205

КАКЪ КОРРЕСПОНДИРОВАТЬ ВЪ ГАЗЕТЫ?

2914 50-13

Побочн. зараб. для кажд. Подробн. просп. за двѣ семик. мар. Адресъ: Москва, редакція журн. „Соколъ", отд. 3.

Мыло „Конекъ"

для полученіе нѣжной бѣлой кожи и прелестнаго цвѣта лица. Цѣна куска 50 коп.

Кремъ „Конекъ"

Изъ молока лиліи. Туба 40 коп.

Превращаетъ красную, шероховатую съ трещинами кожу въ бѣлую, мягкую и бархатную.

Пудра „Конекъ"

Изъ молока лиліи. Цѣна коробки 1 руб.

Содержитъ избытокъ жира, нѣжна, держится хорошо на кожѣ; выгодна въ употребленіи представляетъ собою среди другихъ косметическихъ препаратовъ совершенство.

Продажа вездѣ. Требуйте только красную упаковку

Фабрики Бергманъ и Ко., Радебейль-Дрезденъ. Главный складъ для Россіи.
КОНТОРА ХИМИЧЕСКИХЪ ПРЕПАРАТОВЪ, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Малая Конюшенная № 10

2886 17-5

При ПОТЕРѢ АППЕТИТА, малокровіи, хлорозѣ, слабости тысячи врачей назначаютъ

ЖЕЛѢЗО АТЕНШТЕДТЪ.

2948 6-2

Дамскія и дѣтскія шляпы

много лѣтъ существующей фирмы

Н. М. Селинъ и П. Д. Золотаревъ, въ Москвѣ

по Неглинному проѣзду, въ Александровск. Пассажѣ, рядомъ съ Императ. Малымъ театромъ, и въ Нижегор. Ярмаркѣ. Главная линія, лавка № 8, большой магазинъ, торговля оптомъ и въ розницу. Для увеличенія сбыта въ розницу, предлагаетъ товары по оптовой цѣнѣ: новѣйшихъ фасоновъ дамскія и дѣтскія шляпы: бархатныя, шелковыя и фетровыя, также мѣховыя изъ разныхъ мѣховъ, шляпы, шапки, отдѣланныя и безъ отдѣлки; муфты, горжеты и боа, страусовыя боа, страусовыя и фантази перья, крылья и разныя друг. новости; цвѣты искусственные лучшіе. На всѣ товары цѣны оптовыя. Требованія и запросы покупательницъ исполняются въ самомъ скоромъ времени и со всей аккуратностью. Иногороднимъ можно наложеннымъ платежомъ.

2-1 2193

Инженерное училище въ Мангеймъ (Германія).

Субсидируемое городомъ высшее спеціальное техническое учебн. заведеніе по

3070 26-4

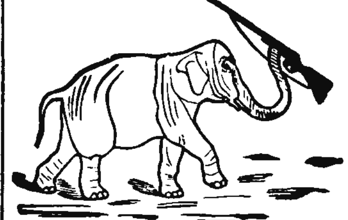
машиностроенію, электротехникѣ, литейн. и металлургическому дѣлу.

Программы высыл. безплатно.

ХУДОБУ,

страшное малокровіе, безсиліе и ужасн. недуги наборъ майскихъ травъ удаляетъ навсегда. Тысячи благодарн.: 3 года жена моя А. Чижова, Балаханы, еле двигала ноги и въ мѣсяцъ выздоровѣла и пополнѣла. Гольдштейнъ въ Самарѣ: страдая 27 л., майскія травы дали мнѣ жизнен. энергію, полноту и новыя силы. Пишите: МОСКВА, изобрѣтателю П. МЕНЗЕЛИНЦЕВУ.

2928 6-5



СТАРѢЙШІЙ ОРУЖЕЙНЫЙ МАГАЗИНЪ г. МОСКВЫ

8-2 основанъ 1860 года. 2463

Т./Д. Э. БЕРНГАРДЪ и К°,

преемникъ И. ШЕНБРУНЕРА,

Москва, Кузнецкій Мостъ, 5,

Рекомендуетъ лучшія нѣмецкія ружья, новѣйшія спеціальныя модели, фабрики Грейфельдъ и К° въ Зулѣ. Большой выборъ курковыхъ и безкурковыхъ ружей.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ

Прейсъ-курантъ высылается по первому требованію безплатно.

3074 6-4

2861

Библиотека "Руниверс"

ГРЫЖА

Примѣните усовер. анатомо-пневматич. бандажъ безъ пружинъ д-ра МАРКОНИ, и вы изб. отъ мучит. страдан. Выс. нал. пл. Высш. кач. 7 р.; дв. 12 р. 50 к. Указать сторону и длину пояса отъ больн. паха до этого мѣста круг.; для двухст. отъ одного паха до другого. Паховая или мошон. СПБ., Пушкинская, № 11, кв. 6. отд. 21. ЗЕМСКЕРУ. Тел. 223-14. 2292

ДЕНЬГИ КАЖДОМУ!

За первич. сообщеніе адресовъ мастерскихъ или магазиновъ надгроб. памятниковъ или крестовъ (какъ мраморн., каменн., такъ и чугунн.) Вашего или друг. городовъ уплачивается соотвѣтств. хорош. вознагражденіе. Адресовать: Hrn. Dir. W. Kolesnikow, Karlsbad, Postfach. (Австрія). 8204

ТРЕБУЙТЕ „НЕСТОР" ВЕЗДѢ.

ИЗГОТОВЛЯЕТСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО НЕВСКИМЪ СТЕАРИНОВЫМЪ ТОВАРИЩЕСТВОМЪ

Фотографич. снимк., недоб по нашим по исполненію, не получите ни у кого!! Роскошн. каталог с **2000** захватыв. артистическ. миніатюр высылаем **только по полученіи 95 коп.** почтов. рус. марк. Корресп. на русск. яз. Charles Wohll, Paris XV-e, Boite de com. A 29. 8129 9-2

Министерство Торговли и Промышленности. **СЧЕТОВОДНЫЕ КУРСЫ Московскаго Общества Распространенія Коммерческаго Образованія.** Открытъ пріемъ прошеній на основной и спеціальный семестры; начало занятій 9-го Сентября. Принимаются лица обоего пола, всякаго образованія. Слушатели Курсовъ имѣютъ право посѣщать эпизодическія лекціи, читаемыя профессорами московскаго коммерческаго института. На спеціальномъ семестрѣ преподаются: счетоводство фабричное, банковое, земское и кооперативное. Обученіе каллиграфіи, стенографіи и работѣ на пишущихъ машинахъ. Свѣдѣнія и программы высылаются за пять 2-хъ копеечн. марокъ, краткій проспектъ—безплатно. Адресъ Канцеляріи: Москва, Стремянный пер., помѣщ. Московскаго Коммерческаго Института. 6-8 8168

2887 6-6

ПИСАТЬ КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО. КАЛЛИГРАФІЯ 8 отдѣл Рондо, Готикъ, Батардъ и пр., 206 рис и черт. въ текстѣ, изящн альбомъ шрифтовъ, транспорант. и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит для исправл почерка въ короткій ср Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. Цѣна за полн курсъ съ прилож. и перес. 1 р. 50 к. ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообраз., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч больш форм 330 стр убористі. шрифт Цѣна съ перес 1 р 50 к. СЛОВАРЬ коммерч. словъ и термин., употребляем въ коммерч мірѣ. Цѣна съ перес. 1 р. ТАБЛИЦЫ для быстраго вычисленія безъ помощи счетовъ и бумаги, значительно сокращ. трудъ бухгалтер и конторщ и вычисленія на счетахъ на всѣ 4 дѣйств. арифм Ц 40 к съ пер СПРАВОЧНИКЪ какъ поступить на службу въ казён., обществ. и частн. учр., формы прошен. и писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу Цѣна съ перес. 1 руб При посылкѣ налож. плат. дороже на 25 коп. Адр. Книгоизд. «КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ»—С.-Петербургъ, Невскій. д. 57—3

ВѢНСКІЯ ГАРМОНІИ
ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА, ВЪ БОЛЬШОМЪ ВЫБОРѢ.

ДВУХРЯДНЫЯ съ мѣдными планками о 21 клап., двухголосныя.

№ 4553—10 бас.,	гол. нов. серебр., выш. 6½ вер.	12 р.
№ 4556—12 „	гол. нов. сер., корп. орѣх. дер., выш. 6¾ в.	15 р.
№ 4559—12 „	лучшей работы, съ двойнымъ мѣхомъ.	18 р.
№ 4562—12 „	со стальн. гол.	20 р.
№ 4566—12 „	со стальн. гол., корп. палис. дер. съ инкрустаціей, густые, низкіе басы.	30 р.
№ 4573—12 „	Трехголосная, концертная, стальные голоса, корпусъ палис. дер., выш. 6¾ вер.	40 р.

ТРЕХРЯДНЫЯ въ 35, 45, 50, 60 р. и дороже до 250 руб.

РУССКІЯ: Невскія въ 2, 3, 4, 5 и 7 р., Ливенки въ 5½, 7, 8½ р. и дороже, Итальянки въ 5, 6 и 8 р., Азіатскія въ 8½ и 11 р., Вятскія въ 11, 13 и 15 р., Нѣмецкія однорядныя отъ 4 до 25 р., двухрядныя отъ 11 до 25 р. 8201

Школы-самоучители 75 коп., 1 р. и 1 р. 50 к. Пр.-кур. высылается по требованію.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Морская, 34. Москва, Кузнецкій м. Рига, Сарайная, 15.

ЛѢЧЕНІЕ ІОДИРИНОМЪ ТУЧНОСТИ Д-ра DESCHAMP'A.

Вамъ извѣстно, что тучность основывается на чрезмѣрномъ увеличеніи тѣла, происходитъ вслѣдствіе глубокихъ осложненій физіологическихъ функцій, по словамъ Huchard'a, „нормальной тучности не существуетъ", такъ какъ это состояніе является результатомъ постепенно возрастающаго самоотравленія организма. Грозные результаты тучности еще не достаточно извѣстны, но она предрасполагаетъ къ сахарному мочеизнуренію, ревматизму, астмѣ, экземѣ, грудной жабѣ, однимъ словомъ, къ цѣлому раду заболѣваній.

Въ виду этого станетъ понятнымъ, что страдающіе тучностью не останавливаются ни предъ какими средствами, чтобы устранить эту опасность. Можно ли однако похудѣть, не подвергая себя опасности? Такой вопросъ ставитъ себѣ каждый, особенно въ виду многочисленныхъ средствъ, предложенныхъ съ этой цѣлью и изъ которыхъ каждое приписываетъ только себѣ возможность излѣченія тучности.

Мы говоримъ здѣсь только въ защиту науки, именемъ которой они злоупотребляютъ. При этомъ имѣются въ виду тѣ шарлатанскія средства, которыя, подобно чародѣйской палочкѣ, будто бы изъ тучной особы дѣлаютъ граціозную сильфиду.

Большинство средствъ противъ тучности, не обращая вниманія на степень ихъ рекламы, приносятъ только разочарованія, и въ короткое время больные возвращаются къ прежнему вѣсу.

Даже извѣстныя травы на исхуданіе не дѣйствуютъ лучше, чѣмъ ромашка или липовый цвѣтъ. 8114 3-2

Единственнымъ истинно научнымъ лѣченіемъ тучности будетъ такое, которое вызываетъ постепенное исхуданіе безъ какого-либо осложненія и которое не допускаетъ новаго отложенія жира. Громадными преимуществами предъ другими средствами противъ тучности обладаетъ іодиринъ, благодаря своему постоянному дѣйствію и совершенной безвредности. Онъ былъ изслѣдованъ клинически. Эти изслѣдованія показали его полную безупречность дѣйствія. Дѣйствительно, основаніемъ іодирина является іодъ, но іодъ коллоидальный, т.-е. растворимый, дѣйствіе котораго очень нѣжно и не вызываетъ никакихъ вредныхъ явленій, которыя обычно бываютъ при обыкновенномъ іодѣ. Впрочемъ, мы здѣсь не говоримъ ничего такого, что нельзя было бы доказать.

Результаты, полученные отъ примѣненія іодирина, безусловно вѣрны, подтверждены тщательными наблюденіями какъ клинически, такъ и въ частной практикѣ. Убыль въ вѣсѣ отъ примѣненія іодирина достигаетъ отъ 10 до 15 фунтовъ въ мѣсяцъ. Мы не преувеличиваемъ нисколько и не боимся обвиненія, когда утверждаемъ, что Іодиринъ д-ра Deschamp'a представляетъ для тучныхъ идеальное лѣченіе, позволяющее имъ въ короткое время пріобрѣсти прежнюю граціозность и и гармонію линій тѣла.

Д-ръ Romilly.

ПРИ ПОМОЩИ ІОДИРИНА Д-ра DESCHAMP'A

Іодиринъ Д-ра Deschamp'a находится въ продажѣ во всѣхъ аптекахъ, аптечныхъ складахъ. Цѣна 4 р. 25 к. за коробку, заключающую 60 лепешекъ въ облаткахъ. При каждой коробкѣ находится описаніе способа употребленія на русскомъ языкѣ.

Главное представительство на Россію, Польшу:

Торговый Домъ ЛЮКСЕМБУРГЪ и Ко,
ВАРШАВА,
Вспульная ул., 53.

Библиотека "Руниверс"

Главная Контора и редакція: С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г.
№ 32.
XLV г. изданія
Выданъ 9 августа 1914 г.
Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.
ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ ¼ ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.
Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. В. Г. Короленко“ кн. 16.

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, С.-Петербургъ, улица Гоголя, 22.

БОЛЬШОЙ ВСЕМІРНЫЙ НАСТОЛЬНЫЙ

Атласъ Маркса

подъ редакціей

Э. Ю. ПЕТРИ и Ю. М. ШОКАЛЬСКАГО.

2-ое пересмотрѣнное и дополненное изданіе.

состоящее изъ 62 главныхъ, 160 дополнительныхъ картъ и 17 фигуръ на 55 большихъ двойныхъ таблицахъ in folio. **Съ алфавитнымъ указателемъ всѣхъ (около 130.000) географическихъ названій, помѣщенныхъ въ Атласѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія.**

Въ каждой странѣ географическіе Атласы приспособлены для мѣстныхъ надобностей, почему мы и задались цѣлью дать такой же Атласъ, не обработанный съ русской точки зрѣнія и, воспользовавшись для иностранныхъ картъ оригиналами одного изъ лучшихъ европейскихъ Атласовъ, отвели первенствующее мѣсто въ Атласѣ картамъ Россіи. Карта Европейской Россіи въ масштабѣ 1 : 2.000.000 (или около 48 вер. въ дюймѣ), являющаяся подробнымъ и точнымъ изображеніемъ поверхности страны, значительно усовершенствована какъ въ техническомъ отношеніи, такъ и по своему содержанію, сравнительно съ первымъ изданіемъ. Все, что было сдѣлано въ Россіи новаго по картографіи страны за 4 года, протекшихъ отъ перваго изданія, принято во вниманіе, при чемъ использованы многіе матеріалы, еще не изданные ко времени печати карты.

На картѣ нанесены: *всѣ населенныя мѣста съ числомъ жителей до 1000 чел., форты, колодцы, пороги, водопады, болота, озера, минеральные источники и курорты, таможни, монастыри, желѣзныя, шоссейныя и почтовыя дороги, каналы, порты, маяки, почтовыя и телеграфныя станціи, телеграфные кабели, пароходные рейсы на моряхъ* и т. п.

Всѣ безъ исключенія карты Атласа, относящіяся къ другимъ странамъ, подверглись такому же изученію, исправленію и дополненію, какъ и карты Россіи. Кромѣ того добавлено два совершенно новыхъ листа: одинъ, дающій изображеніе разныхъ небесныхъ явленій, а другой—карту Сѣвернаго полярнаго пространства.

Цѣна Атласа—**15 руб.**, съ пересылкой (въ Европейской Россіи)—**16 руб.**; въ переплетѣ—**20 руб.**, съ пересылкой—**21 руб.**

Отъ С.-Петербургскаго Городского Общественнаго Управленія.

ГРАЖДАНЕ!

Великіе страдные дни переживаетъ нынѣ Россія.

Родина наша, такъ искренно желавшая мирнаго и спокойнаго развитія, неожиданно подверглась вооруженному нападенію врага.

Какъ одинъ человѣкъ родная страна, безъ различія состояній, народностей и партій,—воспрянула на защиту своей державной чести и своего государственнаго достоянія.

Твердо вѣримъ, что такой подъемъ народныхъ силъ и полное ихъ единеніе дадутъ успѣхъ въ справедливомъ нашемъ дѣлѣ.

Вся Россія слилась съ своей арміей въ одномъ непреодолимомъ желаніи побѣды надъ врагомъ, и пусть защитники родины знаютъ, съ какою вѣрою и любовію великая страна на нихъ взираетъ.

Но одного сочувствія мало. Помощь странѣ въ переживаемое трудное время должны оказывать не только вооруженная сила, но и всѣ граждане.

Мы прежде всего обязаны всемѣрно позаботиться о томъ, чтобы семьи ушедшихъ на военную службу не остались въ нуждѣ и нищетѣ, а раненые и больные воины нашли въ столицѣ лѣченіе и помощь.

Городская Дума главное руководство въ дѣлѣ сбора и распредѣленія пожертвованій на военныя нужды поручила особо избранному Комитету изъ 21 гласнаго подъ предсѣдательствомъ Городского Головы.

Комитетъ можетъ выполнить свои обязанности, только опираясь на все населеніе Петербурга, которое и призываетъ къ содѣйствію.

Комитетъ находится въ зданіи Городской Думы и имѣетъ дежурство для всякаго рода объясненій и пріема пожертвованій ежедневно отъ 11 до 2 часовъ дня.

Кромѣ Комитета, забота о семействахъ запасныхъ нижнихъ чиновъ возложена городомъ на Городскія Попечительства о бѣдныхъ.

Пусть каждый изъ Васъ пожертвуетъ хоть что-либо.

Жертвуйте не только деньгами, но и вещами, припасами и топливомъ. Не стѣсняйтесь количествомъ. Жертвуйте личнымъ безплатнымъ трудомъ — всегда найдется работа.

Если кто изъ Васъ можетъ пріютить у себя осиротѣлую семью или предоставить городу для военныхъ надобностей безплатное помѣщеніе — заявляйте объ этомъ либо въ Комитетъ, либо въ мѣстное попечительство.

Помните, что, кромѣ заботы о семьяхъ нижнихъ чиновъ, на городѣ, а слѣдовательно и на Васъ, граждане, лежитъ обязанность приготовить все необходимое для помѣщенія, быть-можетъ, весьма значительнаго числа раненыхъ и больныхъ воиновъ.

Помогите городу Вашими силами и средствами въ исполненіи этой священной обязанности.

Грозные настали дни. Духъ Божій проносится надъ нивою жизни и будитъ совѣсть каждаго. 3214

Да успокоится же совѣсть Ваша сознаніемъ исполненнаго долга.

Помогите братьямъ, сражающимся за Васъ.

ПОЖЕРТВОВАНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ:

1) Въ Городской Думѣ, въ помѣщеніи Комитета,
2) Въ мѣстныхъ Городскихъ Попечительствахъ и
3) Въ банкахъ и учрежденіяхъ, списокъ которыхъ будетъ указанъ дополнительно.

ЧРЕЗМѢРНАЯ ТУЧНОСТЬ.

Явленіе весьма нежелательное какъ для молодой женщины, такъ и для молодого еще мужчины, когда они начинаютъ излишне полнѣть. Прежде всего тучность старитъ человѣка, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на 10 и дѣлаетъ затруднительнымъ каждое движеніе. Освободиться отъ ожирѣнія можно при помощи пилюль „Apollo“, которыя своимъ дѣйствіемъ на жировыя ткани придаютъ тѣлу стройность и возвращаютъ свободу движеній. Пилюли „Apollo“ принадлежатъ къ медицинскимъ средствамъ, рекомендуемымъ большинствомъ врачей почти всего міра.

Пилюли „Apollo“ J. Ratié, Pharmacion, Paris, Passage Verdeau, 5.

Исключительная продажа на всю Россію: Леонъ Бернгардтъ и Сынъ, Варшава, Варецкая, 9.

Можно получать также во всѣхъ аптекахъ и крупныхъ аптекарскихъ магазинахъ.

Состоящіе въ вѣдѣніи Мин. Торг. и Промышл.
КУРСЫ бухгалтеріи М. Л. Гурвича.
3191 Симферополь (КРЫМЪ). 4-2
Начало зан. 1-го сентября. Програм. безплат.

НА МАНДОЛИНѢ, ГИТАРѢ
въ 30 урок. выуч. играть. ЗАОЧНО
Усл. заочн. обуч. выс. безпл. (для провин.) ЛИЧНО ежед. Москва, Срѣтенка, 21, кв. 30. „КУРСЫ МУЗ.“

3179 СБЕРЕЖЕНІЕ ДЕНЕГЪ 8-2
труда и врем. Учитесь стенографіи. Хорош. зараб. Самоучитель Стенографіи по сист. Габельсбергера, сост. В. Нечаевой, прод. во вс. кн. м. и на курсахъ. Ц. 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 50 к.—Москва, Страстной бул., 4, Курсы Ст—іи Нечаевой. т. 133-74.

3037

Библиотека "Руниверс"

Товарищество „А. Ф. Марксъ“,
СПБ., улица Гоголя, 22.
Картографическій отдѣлъ.

Въ самомъ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ
БОЛЬШАЯ ПОДРОБНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА

ВЕЛИКАЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА.

ТЕАТРЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ,

печатанная шестью красками, размѣромъ 82 × 120 сантиметровъ. Въ масштабѣ 1 : 2.100.000 (50 верстъ въ дюймѣ).

Библиотека "Руниверс"

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. № 32 Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ. г. XLV 1914

Выданъ 9 августа 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко" кн. 16.

Хасибэ.

Разсказъ **Бориса Лазаревскаго.**

Перепечатка воспрещается.

I.

Я шелъ на большомъ итальянскомъ пароходѣ „Porto di Smirne" изъ Константинополя въ Палермо. Мягкая погода, тихое зеленоватое море и теплое солнце позволяли почти все время оставаться на палубѣ, хотя по русскому стилю кончался уже октябрь.

Въ салонѣ II-го класса было тѣсновато, и въ каждой каютѣ помѣщалось по четыре человѣка. Греки, евреи и большинство турокъ—цѣлый день сидѣли за длиннымъ столомъ, безъ конца курили, играли въ карты и пили кофе.

Дамъ было всего двѣ: пожилая, очень худая турчанка и ея восемнадцатилѣтняя дочь Хасибэ, — въ Стамбулѣ онѣ заняли отдѣльную каюту и выходили только къ завтраку и обѣду, при чемъ каждый разъ платили отдѣльно (изъ чего я заключилъ, что онѣ ѣдутъ недалеко) остальное время дня, какъ и я, проводили на спардэкѣ. Обѣ интеллигентныя, одѣты по-европейски, безъ традиціонныхъ чадръ на лицахъ. Дочь хорошо говорила по-французски, мать только понимала.

Какъ затѣмъ оказалось, билеты у нихъ были до Салоникъ и безъ продовольствія. Отъ Константинополя до этого города, при нормальныхъ условіяхъ, всего трое сутокъ ходу, о чемъ я искренно пожалѣлъ. У Хасибэ были нѣжно-оливковый цвѣтъ лица, удивительныя брови и еще болѣе прекрасные глаза. О такихъ глазахъ на Украинѣ говорятъ:

А як гляне,—
Сердце вьяне..

К. Маковскій. Русская боярыня. XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

Библиотека "Руниверс"

И мать и дочь—обѣ были одѣты въ черное, обѣ задумчивыя, обѣ, вѣроятно, потеряли кого-нибудь изъ близкихъ,—еще свѣжая печаль застыла въ ихъ темныхъ зрачкахъ.

Какъ и я, онѣ, повидимому, интересовались нравами и жизнью пассажировъ III-го класса, которыхъ было: человѣкъ полтораста турокъ, десятка два болгаръ и небольшая, державшаяся отдѣльно, группа албанцевъ. Я видѣлъ и грековъ, но они рѣдко появлялись на палубѣ.

Бѣднота, бѣднота,—ни съ чѣмъ несравнимая, молчащая, разочарованная, мечтающая буквально только о черствомъ кускѣ хлѣба и о тяжелой дешевой работѣ.

Молодыхъ людей я почти не замѣтилъ, а можетъ, они и были, но отъ вѣчнаго, скорѣе лошадинаго, чѣмъ человѣческаго, труда казались стариками. Равнодушные ко всему на свѣтѣ, съ утра и до вечера они сидѣли на палубѣ и поворачивались только для того, чтобы закурить новую папиросу или развязать грязный узелокъ съ маслинами; и позы у нихъ были художественныя, безыскусственныя; особенно красивыми казались при заходѣ солнца мрачные, горбоносые албанцы въ своихъ оригинальныхъ повязкахъ на головахъ.

Всѣ они тоже держали путь въ Салоники.

Медленно, при чудесной погодѣ, подъ конвоемъ небольшого турецкаго военнаго судна, мы прошли заминированныя Дарданеллы, здѣсь постояли три часа и передъ вечеромъ опять снялись съ якоря.

Не руками человѣческими сдѣланный турецкій гербъ уже стоялъ на зеленомъ небѣ, и даже яркая звѣздочка была на своемъ мѣстѣ—слѣва.

Въ этотъ вечеръ я рѣшилъ заговорить съ Хасибэ или съ ея матерью. Это оказалось нетруднымъ. Я спросилъ по-французски, не знаютъ ли онѣ, когда мы придемъ въ Салоники.

— C'est sera le matin dans trente six heures,—отвѣтила Хасибэ съ едва слышнымъ восточнымъ акцентомъ.

— Теперь это, кажется, греческій городъ?—спросилъ я.

— Да, онъ принадлежитъ грекамъ, но всегда былъ и всегда останется турецкимъ. Тамъ есть замѣчательная мечеть Айя-Софія, она меньше, но еще красивѣе, чѣмъ въ Стамбулѣ; вы непремѣнно осмотрите ее внутри...

Мнѣ показалось, что Хасибэ считаетъ неприличнымъ продолжать дальнѣйшій разговоръ съ незнакомымъ человѣкомъ, но она не ушла, вѣроятно, чтобы не показать, что смутилась. Ея мать вопросительно осмотрѣла меня и, вѣроятно, рѣшила, что разговоръ со мною не можетъ компрометировать дѣвушку. Послѣ паузы въ цѣлыхъ пять минутъ Хасибэ вдругъ обернулась и, глядя мнѣ въ глаза, сказала:

— Да, турки перестали быть завоевателями, потому что нашихъ лучшихъ людей теперь гораздо больше интересуютъ вопросы о культурѣ духа, чѣмъ та грубая физическая, почти машинная, сила, которая требуется для современной войны... Моего отца убили болгары; онъ былъ храбръ, какъ левъ, но не видѣлъ даже своего противника: прилетѣла откуда-то и неизвѣстно кѣмъ выпущенная пуля и—все кончила. Въ современной войнѣ нѣтъ и не можетъ быть никакой поэзіи, а турки никогда не умѣли и не умѣютъ жить одной прозой...

Говорила она съ болью въ голосѣ.

Я поглядѣлъ на Хасибэ и удивился ея красотѣ. Трудно было различить, вспыхнулъ ли во время этихъ словъ на ея щекахъ яркій румянецъ, или еще играютъ на нѣжной, покрытой пушкомъ, кожѣ лучи уже невидимаго, только-что опустившагося въ море, солнца.

Внизу лакей Джузеппе зазвонилъ въ колоколъ къ ужину.

Зажглось электричество.

Молча мы всѣ трое вошли въ салонъ. Я чувствовалъ, что мать не совсѣмъ довольна послѣднимъ порывомъ дочери. Она сказала ей что-то на своемъ языкѣ.

За столомъ мнѣ не удалось услышать голоса милой, умной Хасибэ. Послѣ сладкаго старуха положила возлѣ своего прибора нѣсколько серебряныхъ монетъ и, взявъ кофе, ушла вмѣстѣ съ Хасибэ въ свою каюту.

II.

За столомъ остался я одинъ и долго сидѣлъ. Джузеппе, чѣмъ-то недовольный, слишкомъ громко убиралъ тарелки. Какъ бы извиняясь, онъ сказалъ мнѣ на ломанномъ французскомъ языкѣ, что непріятно подавать къ столу, если не знаешь навѣрное, сколько именно будетъ персонъ, что нѣкоторые изъ пассажировъ взяли въ Константинополѣ билеты безъ продовольствія, а теперь недовольны, если съ нихъ требуютъ порціонно, потому что выходитъ дороже...

Онъ кивнулъ въ сторону каюты Хасибэ и ея матери и однимъ взмахомъ снялъ длинную скатерть.

Я отвѣтилъ, что у меня билетъ съ продовольствіемъ до самаго Палермо и pour boire я дамъ ему сразу, когда оставлю пароходъ...

— Si, signore, grazie...—отвѣтилъ онъ уже почему-то поитальянски и, помахивая скатертью, ушелъ.

Мужчины принялись за карты и шахматы. Дымъ ихъ негасающихъ папиросъ тянулся къ иллюминаторамъ. Только одинъ, уже немолодой, серьезный офицеръ не игралъ, онъ вынулъ изъ нессесера томикъ Мопасана—я успѣлъ даже увидѣть, что это романъ „Une Vie"—и, развалившись на диванѣ, сталъ читать.

Меня снова потянуло на палубу.

Уже горѣли всѣ звѣзды, и едва бѣлѣла пѣна за пароходнымъ винтомъ. Было тепло, и не вѣрилось, что теперь октябрь. Справа все время темнѣлъ берегъ; огней нигдѣ не было видно. Молодой мѣсяцъ уже давно скрылся. На душѣ было хорошо и покойно,—чувствовалось, что я вездѣ и нигдѣ; что не можетъ догнать меня никакое непріятное письмо; что не могутъ коснуться никакія дрязги...

Приходило въ голову, что есть какая-то аналогія между далекимъ морскимъ путешествіемъ на иностранномъ пароходѣ, гдѣ много людей, но никто тебя не знаетъ и не понимаетъ, и, если такъ можно выразиться, между пребываніемъ души на томъ свѣтѣ, далеко отъ земного шара. Только здѣсь я былъ отрѣзанъ отъ грубой обыденщины на время, а тамъ—навсегда.

И какъ духъ человѣческій послѣ физической смерти вдругъ увидитъ и узнаетъ цѣлый сонмъ другихъ болѣе прекрасныхъ существъ, такъ и я увидѣлъ и узналъ, что есть на свѣтѣ такія дѣвушки, какъ Хасибэ.

Врядъ ли она много читала, врядъ ли она знаетъ столько фактовъ, сколько знаютъ газетные работники, и тѣмъ не менѣе поняла и совершенно вѣрно опредѣлила причину великой перемѣны въ судьбѣ ея родного народа.

„Господь умудряетъ младенцевъ",—мелькнула у меня мысль.

Въ Петербургѣ не было времени думать о Богѣ, и я не видѣлъ Его, зналъ только, что все красивое кругомъ сдѣлано руками человѣческими. А здѣсь ночью на пароходѣ и безъ всякаго особеннаго мистическаго настроенія вдругъ ясно стало, что тамъ—и въ русскихъ и въ не русскихъ городахъ всѣ самыя великолѣпныя человѣческія жилища похожи на картонные домики, и вѣчность ихъ подъ великимъ сомнѣніемъ... На разсвѣтѣ я увидѣлъ ярко голубой огромный островъ, высоко подымавшійся надъ водой; на немъ могли бы умѣститься двѣ Москвы и одинъ Петербургъ. Онъ былъ отъ нашего парохода очень далеко, но чувствовалось, что красота его вѣчная, и потому именно, что не людьми она создана.

Точно пьяный, утомленный своими мыслями и окружавшей меня во время восхода солнца красотой, я спустился въ свою каюту и крѣпко заснулъ.

Я ничего не видѣлъ во снѣ и открылъ глаза только за полчаса до завтрака. Мои попутчики уже давно были въ салонѣ.

Какъ можно скорѣе я умылся, причесался и тоже вышелъ въ каютъ-компанію. Чуяло сердце, что и Хасибэ съ матерью тамъ, а не на палубѣ, и не ошиблось. Я невольно поклонился. Хасибэ мнѣ отвѣтила какъ-то неуловимо, съ настоящимъ царскимъ достоинствомъ.

Я сѣлъ за столъ рядомъ съ турецкимъ офицеромъ. Джузеппе открылъ блестящую крышку блюда и началъ обносить неизмѣнными макаронами съ томатомъ. Всѣ ѣли съ большимъ аппетитомъ и почти не разговаривали. Послѣ сладкаго, какъ и вчера, Хасибэ и ея мать взяли по чашкѣ кофе и ушли въ свою каюту.

Настроеніе сразу измѣнилось, точно въ оперѣ послѣ того, какъ упалъ занавѣсъ. Я спросилъ офицера, давно ли турецкія интеллигентныя женщины перестали носить чадры.

— Давно; собственно говоря, съ начала конституціи; да и

Библиотека "Руниверс"

Ѳ. Вахрушовъ. На далекомъ сѣверѣ.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

вообще онѣ у насъ гораздо свободнѣе, чѣмъ объ этомъ думаютъ европейцы: почти всѣ учатся и много читаютъ, даже больше мужчинъ.

— А не знаете ли вы эту даму и барышню, которыя сидѣли vis-à-vis?

— Я съ ними не знакомъ, но мнѣ извѣстно, что это—вдова полковника, убитаго въ Адріанополѣ. Имъ плохо придется. Вотъ уже во II-мъ классѣ ѣдутъ...

— Почему?

— Да такъ, избалованы онѣ, а теперь у насъ насчетъ пенсій скверно,—денегъ мало. Ну, да, вѣроятно, барышня выйдетъ замужъ.

Офицеръ всталъ изъ-за стола и сказалъ:

— Черезъ часъ мы будемъ въ Галлиполи,—это—мѣсто моей службы,—тамъ живутъ моя жена и дѣти.

— А въ Салоники когда мы придемъ?

— Въ Салоники... Завтра рано утромъ пароходъ будетъ въ Каваллѣ и, если недолго простоитъ, то къ вечеру придетъ въ Салоники. Извините меня...

Онъ звякнулъ шпорами и пошелъ въ каюту укладываться. Я видѣлъ черезъ открытую дверь свертки съ игрушками и матеріями.

Въ Галлиполи нашъ „Porto di Smirne" взялъ нѣсколько бочонковъ масла и сейчасъ же снялся съ якоря, даже буфетчикъ не успѣлъ съѣздить въ городъ за провизіей, и когда я спросилъ его, будетъ ли у насъ свѣжій хлѣбъ, онъ отвѣтилъ по-итальянски:

— На сегодня хватитъ, а завтра утромъ въ Каваллѣ купимъ,—тамъ есть отличная пекарня.

До самаго захода солнца плыли мимо голубые острова Архипелага. Не хотѣлось уходить съ палубы.

Не спускались внизъ и Хасибэ съ матерью. Я все время любовался выраженіемъ ихъ гордыхъ, классическихъ лицъ. И настойчиво не вѣрилось, что черезъ сутки онѣ уйдутъ, какъ ушелъ офицеръ, и я увижу Хасибэ развѣ послѣ смерти, — если тамъ видятъ...

Если можно такъ выразиться, я самъ себѣ завидовалъ. Мнѣ жаль было тѣхъ родныхъ и знакомыхъ, которые вдыхаютъ въ себя гнилой петербургскій осенній воздухъ или сидятъ при электрическомъ освѣщеніи въ насквозь прокуренныхъ комнатахъ и никогда не увидятъ ни лиловыхъ и синихъ острововъ ни Хасибэ.

Послѣ ужина, когда загорѣлись всѣ звѣзды, палубные матросы и свободная часть машинной команды собрались небольшой группой на кормѣ и долго пѣли. Долго раздавалась неизмѣнная мелодичная „Santa Lucia".

Пѣли они, можетъ-быть, черезчуръ громко, но это forte и самые мотивы такъ гармонировали съ безконечнымъ моремъ, молодымъ мѣсяцемъ и мощнымъ силуэтомъ нашего двигавшагося все впередъ парохода. Ни страха за будущее ни тоски о прошломъ, только наслажденіе настоящимъ было слышно въ ихъ пѣсняхъ.

Хотѣлось и мнѣ такъ жить, какъ они.

И только къ полуночи, когда пробило восемь склянокъ, все затихло и успокоилось. Хасибэ и ея матери уже давно не было на палубѣ. Воздухъ сильно посвѣжѣлъ. Захотѣлось спать. Подъ мѣрный храпъ сосѣдей я раздѣлся въ каютѣ и, нагибая голову, полѣзъ въ похожую на гробъ койку.

III.

Въ три часа ночи я проснулся. Винтъ работалъ особенно сильно, но не было слышно характернаго шума волнъ о борты.

Захотѣлось пить. Въ графинѣ оказалось пусто. Я одѣлся и вышелъ въ слабо освѣщенную каютъ-компанію. Здѣсь я услышалъ торопливые тяжелые шаги на палубѣ, потомъ кто-то что-то громко прокричалъ, вѣроятно, выругался, и побѣжалъ.

Вся корма тряслась отъ работы винта. Отворилась дверь, и

Ѳ. Сычковъ. Сиротка.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

Библиотека "Руниверс"

вошелъ взъерошенный, полуодѣтый лакей Джузеппе. Замѣтивъ меня, онъ печально развелъ руками и пробормоталъ:

— „Porto di Smirne"... Basta!..

— Avaria?.. спросилъ я.

— Si, signore.

Я быстро одѣлся и побѣжалъ на спардэкъ.

Вверху такъ же ясно и спокойно горѣли звѣзды, сзади шумѣлъ винтъ, а впереди носъ парохода слился съ темной массой близкаго берега. Возлѣ входа въ машину я увидѣлъ самаго спокойнаго человѣка на пароходѣ—механика.

— Добраго утра,—сказалъ я ему по-итальянски.

— Къ сожалѣнію, до утра еще слишкомъ далеко,—отвѣтилъ онъ и закурилъ сигару, затѣмъ съ трудомъ, немножко по-нѣмецки, немножко по-итальянски и частью по-французски разсказалъ, что въ этомъ мѣстѣ долженъ быть маякъ, и пока его огонь не показался, пароходу слѣдовало придерживаться вправо... Но кто-то потушилъ огонь, и на самомъ маякѣ не оказалось ни одного человѣка. Капитанъ и его помощники убѣждены, что это сдѣлали болгары съ цѣлью, чтобъ сѣло на камни турецкое судно, но вмѣсто турокъ попались мы. Къ счастью, берегъ оказался пологимъ, и ходъ „Porto di Smirne" въ это время былъ относительно тихій, онъ только частью носа въѣхалъ на плоскій камень, но довольно глубоко... Въ трюмахъ воды нѣтъ, и вообще нѣтъ никакой опасности, и поэтому приказано пассажировъ не будить, а утромъ мы навѣрное снимемся своими силами.

Механикъ посовѣтовалъ и мнѣ итти спать, что я и сдѣлалъ, хотя на всякій случай легъ, не раздѣваясь. Затѣмъ, какъ мнѣ показалось, меня очень скоро разбудили похожіе на выстрѣлы стуки парового ворота — лебедки, помѣщавшейся какъ разъ надъ моей головой.

И. Гороховъ. Бабочекъ ловятъ.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

И. Вельцъ. Въ лагунахъ Венеціи.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

Всѣ пассажиры уже поднялись, суетились, галдѣли, спорили; только турки совсѣмъ спокойно пили кофе.

Я опять вышелъ наверхъ. Хасибэ была уже здѣсь и, конечно, не одна. Но я почему-то смѣло подошелъ къ нимъ и поздоровался. Мать протянула мнѣ руку, а за нею и Хасибэ.

Вѣроятно, въ эти моменты я былъ единственнымъ человѣкомъ на борту, такъ по-дѣтски, такъ искренно радующимся тому, что мы стоимъ на мели.

Капитанъ, его помощники и почти всѣ матросы были заняты работой. Они хотѣли завести съ кормы въ море сначала одинъ запасный якорь на канатѣ, затѣмъ другой и, натягивая лебедкой конецъ, сдвинуться съ мѣста. Винтъ заднимъ ходомъ долженъ былъ помогать. Оба якоря отвезли въ шлюпкѣ довольно далеко и благополучно опустили въ море. Такъ же благополучно началъ напрягаться первый канатъ, но второй, какъ только поднялся изъ воды, весь покрытый водорослями,—вдругъ лопнулъ. Красивая рябь разбѣжалась вправо и влѣво по тихой утренней, еще розовой, водѣ.

Всѣ наблюдавшіе за работой ахнули,—всѣ, кромѣ меня и Хасибэ.

— Кисметъ,—судьба, — сказалъ я одновременно по-турецки и по-русски.

— Кисметъ! — повторила Хасибэ и въ первый разъ улыбнулась.

Съ капитанскаго мостика и со шлюпки раздались ругательства. Затѣмъ снова цѣлый день искали, подымали и сцѣпляли оторвавшійся конецъ. Дѣло подвигалось туго, потому что не было водолазовъ.

Ждали встрѣчнаго парохода, чтобы просить о помощи. Уже никто не волновался. Палубные пассажиры, турки и албанцы,

Библиотека "Руниверс"

Г. Манизеръ. Объясненіе.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

сидѣли попрежнему, не двигаясь, точно вылѣпленные изъ глины. Болгары ходили своей развалистой походкой, топая неуклюжими лаптями, хныкали и разсказывали что-то печальное.

Хасибэ явно повеселѣла, а ея мать стала задумчивѣе и подъ вечеръ даже оставила дочь одну.

Погода оставалась такой же тихой, опять взошелъ мѣсяцъ, но еще не было темно.

Прозрачность воздуха позволяла видѣть горизонтъ на огромномъ разстояніи. У меня былъ великолѣпный цейсовскій бинокль, въ него поле зрѣнія было еще больше,—вѣроятно, около десяти миль вокругъ. Я подалъ его Хасибэ. Она долго смотрѣла, затѣмъ отняла бинокль отъ глазъ и сказала по-французски:

— Никого и ничего ни на морѣ ни на сушѣ, даже птицъ нѣтъ...

Помолчала и добавила:

— Это хорошо...

Не знаю, почему, но послѣднія два слова радостно отозвались въ моей груди, хотя я постѣснялся спросить ее, почему „хорошо"?

За ужиномъ, который прошелъ обычнымъ порядкомъ, Хасибэ ѣла съ большимъ аппетитомъ и послѣ кофе не скрылась въ каютѣ, а снова вышла наверхъ, но уже съ матерью.

Вода была тихая, и огни „Porto di Smirne" отражались непоколеблющимися спиралями. На первой мачтѣ засвѣтился зловѣщій красный фонарикъ, означавшій, что судно терпитъ бѣдствіе. У капитанской рубки все время постукивалъ безпроводный телеграфъ, но никто намъ не отвѣчалъ.

Палубные пассажиры и замученные дневной работой матросы давно спали. Всѣ, въ томъ числѣ и я, и Хасибэ, и ея мать, были увѣрены, что завтра непремѣнно мимо пройдетъ какой-нибудь пароходъ, который поможетъ намъ сняться съ мели. Мнѣ пріятно было стоять возлѣ дѣвушки, съ которой мы никогда больше не встрѣтимся и потому никогда и ни въ чемъ не упрекнемъ другъ друга.

И приходила въ голову какъ будто нелогичная мысль: „чѣмъ дальше человѣкъ отъ нравящейся женщины, тѣмъ она ему ближе и тѣмъ чище его радость".

Послѣ долгаго молчанія у меня неожиданно вырвалось:

— Какъ бы я хотѣлъ, чтобы мы простояли здѣсь еще цѣлыя сутки...

Мнѣ показалось, что Хасибэ едва замѣтно опустила головку въ знакъ того, что согласна со мной. Къ сожалѣнію, и старуха поняла мою фразу и, коверкая французскій языкъ, отвѣтила приблизительно слѣдующее:

— О, нѣтъ, это было бы ужасно, у меня въ Салоникахъ дѣла, и сегодня меня ждутъ тамъ, а мы еще здѣсь.

Кажется, она замѣтила кивокъ Хасибэ, потому что сказала ей еще болѣе раздраженнымъ тономъ длинную фразу по-турецки.

Скоро обѣ онѣ ушли.

IV.

На слѣдующій день капитанъ и его помощники снова пытались сняться съ мели собственными силами, и опять изъ этого ничего не вышло. Среди пассажировъ уже чувствовалась какая-то молчаливая тревога.

Меня волновало другое: ни Хасибэ ни ея мать не вышли къ завтраку, долго не выходили онѣ и на палубу.

Думалось, что причиной этому моя вчерашняя радость о томъ, что мы застряли на мели, и что, вѣроятно, старуха чутьемъ угадала, какъ нравится мнѣ ея дочь, и рѣшила не выпускать ея изъ каюты.

Но я ошибся.

Около трехъ часовъ дня я увидѣлъ на спардэкѣ Хасибэ, и даже

И. Пассъ. Женская головка.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

Библиотека "Руниверс"

одну; она поздоровалась со мною первая, улыбнулась и попросила бинокль. Только личико ея было нѣсколько блѣдно, но отъ этого оно показалось еще милѣе.

„Вѣроятно, ей просто нездоровится“,—подумалъ я.

— Неужели и сегодня ни одного парохода не пройдетъ мимо? Ахъ, проклятые болгары, они всегда плачутъ, что ихъ обижаютъ, но сами такъ много приносили и приносятъ зла совсѣмъ неповиннымъ людямъ! Потушить маякъ,—это такъ нехорошо... Вѣдь пароходъ могъ и совсѣмъ разбиться. Это такъ нехорошо!..—проговорила Хасибэ.

Черезъ нѣсколько минутъ вышла ея мать, привѣтливо отвѣтила на мой поклонъ и сѣла довольно далеко отъ насъ въ плетеное кресло. И была она вся грустная, грустная.

Я и Хасибэ молча наблюдали за работой матросовъ. Гдѣ-то достали еще канатъ и опять сцѣпили его съ лопнувшимъ. Лебедка стала осторожно наматывать. Чтобы облегчить напряженіе, заработалъ винтъ. Было слышно, какъ въ машинѣ механикъ кричалъ:

— Forso!.. Agitato!

Но лопнулъ и этотъ конецъ. Машину остановили. Бѣлая пѣна успокоилась. Наматывать канатъ, прикрѣпленный къ первому якорю,—боялись, какъ бы не лопнулъ и онъ, и тогда корма осталась бы на волѣ вѣтра, котораго по времени года всегда было можно ожидать.

Не прошелъ ни одинъ пароходъ мимо и въ этотъ день.

— Вѣроятно, Дарданеллы уже совсѣмъ заминированы,—высказалъ свое предположеніе механикъ.

Вечеромъ къ ужину Хасибэ снова не вышла. А я, сытый и спокойный, настроенный, вѣроятно, болѣе фатально, чѣмъ кто-либо изъ пассажировъ, отправился съ биноклемъ въ рукахъ на самый носъ парохода, чтобы посмотрѣть, что дѣлается на каменистомъ, поросшемъ какими-то колючками, берегу, но ничего не увидѣлъ. По трапу поднялся и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ко мнѣ старикъ-турокъ.

— Эк-мэк іокъ!..—сказалъ онъ печально.

Я пожалъ плечами и поднялся по трапу. Но и здѣсь ко мнѣ подошло уже нѣсколько турокъ. Одинъ изъ нихъ показалъ себѣ на ротъ, потомъ на животъ и повторилъ ту же фразу:

Эк-мэк іокъ...

Я почувствовалъ, что это не просьба о деньгахъ, вернулся назадъ въ кормовую часть и, замѣтивъ еще издали у борта фигуру Хасибэ, подошелъ и спросилъ, что значатъ по-турецки эти слова?

Она вдругъ густо покраснѣла, затѣмъ поблѣднѣла и отвѣтила:

— Это значитъ: нѣтъ хлѣба...

В. Фендрихъ. **Въ кельѣ.** XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

Тогда я вспомнилъ, что на палубѣ у насъ еще человѣкъ полтораста такихъ пассажировъ, у которыхъ, вѣроятно, уже нѣтъ хлѣба.

Вечеромъ, во время ужина, за столомъ отсутствовали и многіе изъ классныхъ пассажировъ. Опять не было и Хасибэ. Со мною рядомъ сидѣли только два богатыхъ грека съ черными, длинноносыми, некрасивыми женами.

Вмѣсто хлѣба намъ подали твердые, какъ камень, и невкусные галеты. Мнѣ полагалось цѣлыхъ пять блюдъ, но аппетита не было.

Въ головѣ вдругъ зародилась и неотступно сверлила мозгъ мысль, что, вѣроятно, и Хасибэ и ея мать уже вторыя сутки голодаютъ... И также весьма вѣроятно, что деньги у нихъ были разсчитаны на двое сутокъ до Салоникъ, а сегодня уже оканчивался четвертый день съ тѣхъ поръ, какъ мы вышли изъ Константинополя.

Не задумываясь о томъ, деликатно или неделикатно это выйдетъ, я наложилъ почти полную тарелку жареной рыбы, всталъ и направился къ ихъ каютѣ. Я смѣло отворилъ дверь. Обѣ женщины лежали на койкахъ. Зрачки ихъ глазъ испуганно расши-

Библиотека "Руниверс"

С. Юнкеръ-Крамская. Nature morte.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

рились. Прежде чѣмъ Хасибэ и мать успѣли произнести хоть одно слово, я быстро и непринужденно сказалъ:

— Сегодня намъ дали очень вкусную рыбу, я бы хотѣлъ, чтобы и вы ее попробовали и сказали мнѣ, какъ она называется?

Хасибэ вскочила и что-то пробормотала. Старуха тоже поднялась быстро и, къ моему удивленію, безъ разговоровъ и съ поклономъ взяла тарелку.

На душѣ у меня стало вдругъ весело.

Позднѣе погода измѣнилась, подулъ вѣтеръ, и стало такъ холодно, что безъ пальто невозможно было выйти. Я остался въ салонѣ. Вспомнилъ, что у меня въ чемоданѣ есть неоткупоренная жестянка сардинъ и коробка еще петербургскихъ бисквитовъ. Я разложилъ все это на тарелки, велѣлъ Джузеппе принести самый большой кофейникъ кипятку и подать лимонъ. Затѣмъ заварилъ чай и пригласилъ Хасибэ и ея мать.

Оказалось, что онѣ никогда не пробовали чаю, который имъ очень понравился. Остальные турки поглядывали на насъ искоса, но никто ничего не сказалъ.

Щечки Хасибэ порозовѣли, старуха тоже оживилась. Выпили одинъ кофейникъ и послали за другимъ. Я замѣтилъ, какъ понравились Хасибэ бисквиты, но она съѣла ихъ только пять и ни за что не хотѣла взять еще.

— Ну, тогда и я не буду!..—вырвалось у меня.

И только при помощи этого маневра я заставилъ ее взять еще два бисквита.

Мы разговорились.

Хасибэ разсказала, что у нея есть семнадцатилѣтній братъ Хафысъ, который учится въ лицеѣ, но мечтаетъ о военной службѣ.

— Но я все сдѣлаю, чтобы онъ не былъ военнымъ, онъ такой способный,—это единственная наша надежда, и вдругъ убьютъ неизвѣстно кто и неизвѣстно за что, а главное, зачѣмъ, откуда-нибудь съ аэроплана.

Она помолчала и добавила:

— Мнѣ кажется, что уже прошло время, когда народы дѣлались сильнѣе или слабѣе, хуже или лучше путемъ войны, и скоро къ счастью людей будетъ найденъ путь совсѣмъ другой...

— Какой?—спросилъ я.

— Не знаю, но онъ будетъ найденъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Буря.

Разсказъ **А. Грузинскаго.**

(Окончаніе)

Михольцовъ и Басаргинъ медленно двигаются къ могилкѣ: съ другой стороны къ ней подходитъ съ дьячкомъ о. Петръ, и начинается панихида.

Кудрявое облачко дыма вылетаетъ изъ стараго мѣднаго кадила; солнечные лучи прорѣзаютъ его насквозь, скользятъ по закопченому металлу, сверкаютъ на ярко-рыжемъ ржавомъ крестѣ сосѣдней могилы. Голосъ священника, дрожащій и нѣжный, какъ о томъ говорилъ Михольцовъ, далеко разносится въ жаркомъ воздухѣ, прося объ упокоеніи души рабы Божіей Варвары; дребезжащій басокъ старенькаго дьячка вторитъ ему. Лицо Михольцова дѣлается грустнымъ; воспоминанія набѣгаютъ на него волной, губы его дрожатъ, ему хочется плакать. Онъ смотритъ вверхъ, на голубое небо, безцѣльно бродитъ глазами по кладбищу, останавливаетъ взглядъ на темномъ платкѣ бабы съ измученнымъ лицомъ, которая шагаетъ вдали по дорожкѣ, и упорно старается не глядѣть на бѣлый мраморъ памятника, на вѣнокъ изъ иммортелей, которымъ обвитъ крестъ. Такъ трусъ боится взглянуть въ тотъ уголъ, гдѣ глухой ночью ему чудятся лицо блѣднаго призрака, шепотъ, чьи-то шаги.

Панихида кончается: Михольцовъ благодаритъ священника, дьячокъ и священникъ шагаютъ прочь и скоро исчезаютъ за поворотомъ дорожки.

Михольцовъ и Басаргинъ остаются одни въ послѣднемъ пріютѣ мертвыхъ, среди тишины кладбища. Это—не жуткая тишина ночи, когда пугаетъ и скрипъ деревьевъ, и шумъ вѣтра, и крикъ птицы, которая не спитъ, или которой мѣшаютъ спать; это—тишина, вносящая въ душу покой и примиреніе,—по крайней мѣрѣ въ душу Басаргина. Но Михольцовъ хмуро сдвигаетъ густыя, начинающія сѣдѣть, брови.

— Ѣдемъ?—спрашиваетъ Борисъ.

— Нѣтъ,—медленно отвѣчаетъ Михольцовъ.—Я не люблю уѣзжать такъ скоро. Посидимъ немного.

Н. Шатиловъ. Мальчикъ съ хворостомъ.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

Библиотека "Руниверс"

Они садятся на старую, покрашенную темной зеленой краской, скамью возлѣ памятника. Какая-то проворная птичка на одинъ мигъ показывается среди зеленыхъ вѣтокъ, и солнечный лучъ скользитъ по ея черно-синей головкѣ.

— Давно ли, кажется, случилось, а нынче ровно двѣнадцать лѣтъ,—уныло говоритъ Михольцовъ.

Басаргинъ широко открываетъ глаза.

— Двѣнадцать лѣтъ уже?!—переспрашиваетъ онъ.

— Двѣнадцать лѣтъ. Идетъ время. За границу мы съ нею ѣхали, когда она подъ поѣздъ упала. Ужасъ!

борьбу. Когда кремень ударяется о кремень, получаются искры, и эти искры сожгутъ ваше счастье. Ничего отъ него не останется,—одинъ пепелъ; бури развѣютъ пепелъ по вѣтру, и жизнь пропадетъ ни за что. Была жизнь—и не станетъ жизни. Если же ты—тряпка, ничтожество, рѣшительная женщина упрячетъ тебя подъ башмакъ, втопчетъ въ грязь, начнетъ изъ тебя, мужчины, вить веревки, и ничего, кромѣ обиды и позора, не оставитъ въ твоей душѣ. Я—старый одинокій холостякъ, зарывшійся въ книги, въ усадьбѣ у меня пусто и скучно. Въ моихъ комнатахъ — соръ и чуть не въ каждомъ углу паутина; кучеръ Терентій не слу-

И. Гороховъ. Семья. XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

Лицо Михольцова дергается; воображеніе рисуетъ ему картину, которую онъ когда-то видѣлъ, которую хотѣлъ бы давно позабыть, но которую позабыть не въ силахъ. И чѣмъ сильнѣе онъ хочетъ избавиться отъ тяжелыхъ впечатлѣній, тѣмъ ярче страшное прошлое встаетъ передъ нимъ.

Михольцовъ вздыхаетъ и добавляетъ голосомъ, въ которомъ слышатся слезы:

— Ахъ, Варя, Варя, сгубила ты меня, голубка! О, если бъ я зналъ!..

Басаргинъ смотритъ на начавшую сѣдѣть голову дяди, на его нависшія щеки, на морщины, избороздившія его лицо, на все, чего не видно въ тусклой усадьбѣ за старыми книгами, но что рѣжетъ глаза въ этотъ солнечный день,—и находить, что за послѣдніе годы дядя сильно одряхлѣлъ.

— Не люби рѣшительныхъ женщинъ, Борисъ!—говоритъ дядя съ тоскою.—Рѣшительнымъ долженъ быть мужчина, а женщина должна быть слабымъ, нѣжнымъ, эфирнымъ существомъ.

— Вы думаете?

— Да. Разсуди здраво: если ты самъ человѣкъ рѣшительный, и она рѣшительная—ваша жизнь превратится въ вѣчную азартную

шается меня; горничная, будемъ говорить откровенно, въ грошъ не ставитъ моихъ приказаній, грубитъ мнѣ, а кухарка готовитъ обѣды, которыхъ нельзя ѣсть. Это для твоего пріѣзда она подтянулась, а когда я одинъ, мои обѣды несносны, какъ несносно мое существованіе. И почему все это? Почему?

Михольцовъ смотритъ на зеленую хвою, которая молчалива и неподвижна, и на кружевную листву березъ, которую чуть-чуть шевелитъ вѣтеръ надъ чьей-то могилой.

Никто не даетъ ему отвѣта.

— Потому,—говоритъ онъ самъ, печально вздыхая:—что я имѣлъ несчастье увлечься рѣшительной женщиной. Она отравила мнѣ жизнь, лишила меня счастья, спокойствія, тихой старости въ кругу собственной семьи, лишила всего, чѣмъ красно существованіе.

Борисъ молчитъ и избѣгаетъ встрѣчаться взглядомъ съ грустными глазами дяди. Ему тяжело и... стыдно за дядю: онъ сомнѣвается, чтобы все было такъ, какъ разсказываетъ Левъ Өомичъ.

— Ты знаешь,—продолжаетъ Михольцовъ:—Варвара Павловна была женою одного изъ моихъ лучшихъ друзей. Не будь она

Библиотека "Руниверс"

рѣшительной женщиной, дѣло, конечно, окончилось бы ничѣмъ. Поглядѣли бы мы другъ на друга нѣжными глазами, повздыхали бы чуточку—и конецъ. Я бы уѣхалъ и уже собирался уѣхать на югъ, гдѣ у меня былъ маленькій хуторъ, который я продалъ лѣтъ пять назадъ. Прошелъ бы мѣсяцъ-другой тоски, меланхоліи, печали, а затѣмъ пришли бы тишина, забвенье, все поросло бы быльемъ, и надъ моей головой не разразилась бы та гроза, что меня смяла, что разбила мнѣ жизнь и сдѣлала изъ меня раньше времени старика. Да, все это было бы, если бъ Варвара Павловна не была рѣшительной женщиной. Но она была рѣшительной женщиной. Разъ просыпаюсь я утромъ, и никакихъ предчувствій у меня нѣтъ, а она въ гостиной сидитъ, меня дожидается.

„— Здравствуйте, - говоритъ. — Я къ вамъ отъ мужа ушла. Совсѣмъ ушла. Ну, говорите же, рады?

„И смѣется, хотя вижу, что сама вся блѣдная, трепещущая, и на душѣ у нея кошки скребутъ. Ждетъ не дождется, что я скажу, и въ глаза мнѣ засматриваетъ. Совершенно напрасно! Что я могъ сдѣлать? Страсть затуманила мнѣ голову, умныя мысли разлетѣлись куда-то, и, конечно, пришелъ я въ восторгъ,—вѣдь любилъ же я Варю! На колѣни передъ нею бросился, ручки, ножки давай цѣловать. „Ангелъ мой, божество, сколь я счастливъ",—и все такое. Съ перваго-то мгновенія, пьяный отъ страсти, вообразилъ я, что такое мнѣ счастье съ неба свалилось, что на всю жизнь его хватитъ".

Михольцовъ презрительно машетъ рукой:

— Въ раю Магомета себя почувствовалъ, въ эдемѣ, среди ароматовъ, цвѣтовъ. Думалъ, что конца счастью не будетъ.

Борисъ подпираетъ руками голову; на его губахъ горятъ поцѣлуи Татьяны, и онъ шепчетъ:—Какъ я... Я тоже думаю, что не будетъ конца моему счастью...

— Но черезъ мѣсяцъ хватился за умъ,—продолжаетъ старикъ.— „Его", мужа Вари, жаль стало. Какъ онъ одинъ живетъ, что чувствуетъ? Обманутый, брошенный. Намъ-то любовь и блаженство, а ему каково? Какъ я ему въ глаза посмотрю при встрѣчѣ? Онъ-то мнѣ прямо въ глаза взглянетъ, а я-то, пожалуй, и не смогу. Сами-то мы, раздумываю, блаженствуемъ, а жизнь у хорошаго человѣка разбили. Не хвалятъ за такія дѣла и порядочными людьми не зовутъ. Дальше—больше. Сталъ я задумчивъ и грустенъ, сталъ отдаляться отъ Вари, сижу по цѣлымъ часамъ надъ работой, пера въ руки не беру, старыя книги забросилъ и все думаю. Замѣтила. И между нами такіе разговоры пошли:

„— Что съ тобой?

„— Ничего особеннаго. Такъ.

„— Нѣтъ, что-то случилось.

„— Да правда же, ничего.

„— Зачѣмъ ты меня мучишь? Вѣдь я вижу, вижу же я!

„— Да видѣть-то нечего.

Михольцовъ проводитъ рукой по лбу и закрываетъ усталые глаза.

— Ну-съ, дальше. Нѣдѣля прошла, двѣ недѣли, мѣсяцъ. Пристаетъ ко мнѣ бѣшеная женщина безъ отдыха; наконецъ я не выдержалъ и сознался. Побѣлѣла, какъ мѣлъ, зашаталась.

„— Ты правъ, говоритъ, но вѣдь нужно было объ этомъ раньше думать, а не теперь. Раньше, въ то утро, когда я въ первый разъ пришла къ тебѣ. Помнишь?

„— Помню.

„— То-то. А теперь поздно. Слышишь ли, поздно!

„Молчу.

„Улыбнулась и заговорила кротко-кротко:

„— А что же, ступай къ нему, проси прощенья. Онъ—добрый, можетъ-быть, и проститъ. Можетъ-быть, вы попрежнему друзьями будете, ходить другъ къ другу будете, когда я въ театръ вздумаю съѣздить, въ шахматы по-старому станете играть. Ступай къ нему, ступай же скорѣе, не теряй золотого времени, спѣши!..

„Я сначала-то не разобралъ дѣла, думалъ, что она всерьезъ говоритъ, и даже обрадовался: можетъ, и правда, все по-хорошему кончится и все по-хорошему можетъ пойти? Но какъ взглянулъ ей въ лицо—батюшки-свѣты, волосы на головѣ зашевелились, страшно стало. Бѣшеная, чисто бѣшеная. Глаза, какъ уголья, щеки загорѣлись, губы прыгаютъ, вотъ-вотъ истерика случится, и рыданія зазвенятъ на весь домъ". — Полно, полно, говорю, зачѣмъ я къ нему пойду? Я такъ, между прочимъ, сказалъ то, что изъ головы не выходитъ".—Куда тебѣ! И слушать не хочетъ.

„— Ступай, кричитъ,—пресмыкайся, ползай у ногъ его,—можетъ-быть, онъ и проститъ!

„— Никуда я не пойду.

„— Нѣтъ ступай, поплачь у него на груди, меня брани, скажи, что я тебѣ жизнь отравила, что ты тяготишься мной, не знаешь, какъ избавиться отъ меня!

„— Да, полно же, полно, Варя! Ну, пощади!

„— Скажи, что ненавидишь меня. Онъ проститъ. Вы побраните меня вмѣстѣ, вмѣстѣ поплачете—и все будетъ забыто. А я... ну, что вамъ до меня?

„— Варя!

„— Особенно же не забудь сказать, что ты ненавидишь меня,—это тебѣ поможетъ. Вѣдь ты и въ самомъ дѣлѣ ненавидишь? Сознайся! Вѣдь ты не способенъ на ложь, ты лгать не станешь! Будь правдивъ. Что же молчишь ты? Ха-ха-ха!.. Что я сдѣлала? Къ кому я ушла? Кого полюбила?

„И въ обморокъ, по всей формѣ. Часа три оттирать и приводить въ чувство пришлось. Когда же очнулась, однимъ порадовала:—„Докторъ, зачѣмъ вы меня оттирали? Зачѣмъ хлопотали надо мной? Лучше бы я умерла. Мнѣ было бы легче, и ему тоже было бы легче".—И указываетъ на меня.

„— Варя, говорю, опомнись!

„— Я опомнилась, отвѣчаетъ, и жалѣю объ этомъ. Тебѣ было бы легче, если бы я умерла. Вѣдь я знаю, я знаю же это!

„Мучился я, такимъ образомъ, съ полгода. Разъ даже ядъ у нея отнялъ: отравиться хотѣла. И въ безпамятствѣ, въ истерикѣ только одно повторяла:

„— Отдай ядъ! Отдай же мнѣ ядъ! Будь великодушенъ, отдай. Какъ мнѣ просить тебя?

„Да нѣтъ, даже не разъ исторія съ ядомъ выходила. Два раза. Каково это было перенести? Я—человѣкъ нервный, у меня болѣзнь сердца, и какъ оно у меня двадцать пять разъ не разорвалось, я не могу понять до сихъ поръ. Не говорю уже о томъ, что во все это страшное время мнѣ пришлось махнуть рукой на работу; я люблю работать въ тишинѣ, чтобы вокругъ меня вѣтерокъ не подулъ, чтобы вѣточка не шелохнулась, а тутъ я все время кипѣлъ, какъ въ аду. Попробовалъ черезъ силу написать одно изслѣдованіе объ Азовскомъ сидѣньѣ — самому стыдно стало: ни ясности, ни логики, ни смысла, белиберда какая-то, чепуха. Но... черезъ полгода тучи чуть-чуть прояснились."

Михольцовъ съ облегченіемъ вздыхаетъ; съ облегченіемъ вздыхаетъ и Басаргинъ, надѣясь увидѣть хоть одинъ свѣтлый лучъ среди общей тьмы и печали.

— Узнали мы, что униженный и обиженный утѣшился: на смѣну старой явилась новая любовь. У Вари появился смѣхъ на губахъ, и щеки порозовѣли. Никогда я ее такой сумасшедше веселой не видѣлъ. Счастливое время было! Это было время смѣшныхъ безумствъ со стороны Вари. Она шалила, какъ школьница, и чуть не каждый день ставила весь домъ вверхъ дномъ. Рядилась (это случилось на святкахъ) и придумывала массу такихъ дурачествъ, которыя мнѣ бы никогда и въ голову не пришли; я отъ нихъ хохоталъ до упаду. У нея былъ талантъ хорошей актрисы, и, когда мы ѣздили въ гости, она, нарядившись, подъ маской, имитировала пять-шесть женщинъ, и каждый готовъ былъ поклясться, что это—тѣ общія знакомыя, которыхъ имитируетъ она. Варя придумывала имъ невозможныя положенія, ставила ихъ въ такія затруднительныя обстоятельства, которыя только она и могла придумать, и затѣмъ начинала импровизировать, что бы въ данныхъ обстоятельствахъ онѣ стали дѣлать и говорить. Ее носили на рукахъ. Она была царицею вечеринокъ. Ты знаешь, въ обществѣ встрѣчаются очень талантливые актеры и актрисы, которыхъ хочется спросить: „зачѣмъ вы не на сценѣ?"

Борисъ думаетъ:

„Что же было дальше?"

И Михольцовъ продолжаетъ, будто отвѣчая на вопросъ:

— Да, счастливое было время! Жаль, что недолго длилось оно, да и не могло долго длиться, если разсудить здраво. Въ моемъ мозгу начали понемногу опять копошиться проклятые вопросы: почему тотъ, другой, утѣшился? Можетъ-быть, только самолюбіе заставило его носить личину? Можетъ-быть, на душѣ у него кошки скребутъ, хотя онъ и веселъ и счастливъ наружно? Въ душу человѣческую нельзя заглянуть, если бы и хотѣлъ кто заглянуть. Забудешь, забудешь о немъ, да и вспомнишь вдругъ, „средь шумнаго бала" (какъ у Алексѣя Толстого сказано) или въ тишинѣ, за работой; въѣлась въ мозгъ отрава, и нѣтъ силъ избавиться отъ нея. Работа все хуже и хуже стала; день-ото-дня. Когда мысли и чувства не въ порядкѣ, трудно, чтобы работа шла хорошо. Сталъ я задумываться; она замѣтила то, что происходило со мной, и нахохлилась, какъ обиженная птица. И все пошло по-старому, все пошло скверно. И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Коротко было счастливое время,—и Михольцовъ никнетъ головой. — А тутъ явилась эта дѣвушка, — печально продолжалъ онъ.

— Какая дѣвушка, дядя?

— Анелька Завадская. Ты помнишь Завадскую? Лѣтъ семь назадъ она вышла замужъ за Кремнева.

— Нѣтъ, не помню.

— Да, ты едва ли встрѣчался съ нею въ дѣтствѣ, а можетъ-быть, просто позабылъ. Въ то время, когда ты былъ еще ребенкомъ, Завадскіе снимали домъ Дегтярева черезъ переулокъ отъ насъ. Тогда Анелька тоже была маленькой дѣвочкой, но затѣмъ эта дѣвочка сдѣлалась стройной и нѣжной, похожей на ангела, дѣвушкой. Не подумай чего-нибудь, но... сравненіе между нею и Варей невольно приходило на умъ. Тамъ — чистая, ясная, съ душой, какъ хрусталь, а тутъ—бѣшеная, порочная, злая... Да, да, порочная, не хмурь бровей, не дѣлай нетерпѣливыхъ движеній. Того, что случилось, не измѣнишь, не передѣлаешь. Если женщина сбѣжала отъ мужа къ любовнику, трудно рисовать съ нея ангела чистоты... И Варя замѣтила мое благоговѣніе передъ Анелькой и устраивала мнѣ не мало бѣшеныхъ сценъ, хотя, готовъ поклясться, я не былъ ни въ чемъ виноватъ, кромѣ благоговѣнія. Но поклоняться ясной душѣ не закажетъ же сердцу. А Варя твердила съ упрямымъ сарказмомъ:

„— Это всегда такъ начинается... съ благоговѣнія.

Библиотека "Руниверс"

„Когда я указывалъ на любовь Анельки къ старинѣ (а Варя была равнодушна и къ старинѣ и къ моимъ работамъ), она упрямо говорила въ отвѣтъ:

„— Знаю, знаю! Это всегда такъ начинается... со старины.

„Чѣмъ бы все кончилось, если бы мы остались въ Россіи, не знаю. Но когда, по настоянію Вари, съ тоской въ душѣ я повезъ ее за границу, все кончилось тѣмъ, что она упала подъ поѣздъ. О, какой ужасъ, какой ужасъ я пережилъ!“

Михольцовъ склоняетъ голову на руки и тихо всхлипываетъ.

— Помню, я спалъ въ эту страшную ночь, и снилось мнѣ, будто Варя склонилась ко мнѣ и шепчетъ: „не тоскуй; я чувствую, что скоро умру, и ты будешь свободенъ“. Когда же я проснулся, Вари уже не было... въ живыхъ. Какъ уцѣлѣлъ я при всемъ этомъ, не знаю. О Варя, Варя!..

Михольцовъ наклоняется къ племяннику и шепчетъ такъ тихо, что тотъ едва можетъ разобрать:

— Ты пойми, что я до сихъ поръ не знаю и не узнаю никогда, никогда, случайно она упала, или... сонъ ли мнѣ снился, или то шептала она наяву... Для нея все кончилось, а я... я... легче бы мнѣ умереть.

Михольцовъ отвертывается и всхлипываетъ. Басаргинъ съ тоской взглядываетъ на бѣлый мраморъ памятника, подъ которымъ спитъ вѣчнымъ сномъ женщина, горячо любившая и много страдавшая, на потускнѣвшія отъ времени золотыя слова, на вѣнокъ изъ иммортелей и угрюмо молчитъ.

Когда же они ѣдутъ съ кладбища въ усадьбу, и дядя опять брюзгливо напоминаетъ Терентію объ оврагахъ и косогорахъ, Басаргинъ думаетъ, что человѣкъ, который искренно говоритъ, что смерть для него облегченіе, не будетъ такъ страстно цѣпляться за жизнь на каждомъ оврагѣ и косогорѣ.

Въ сумерки Басаргинъ идетъ на свиданіе къ мельничихѣ на ту поляну, гдѣ они увидѣли другъ друга въ первый разъ.

Прижимаясь горячими губами къ губамъ Татьяны, онъ вспоминаетъ слова дяди: „не люби рѣшительныхъ женщинъ“. И думаетъ: „Гдѣ та сила, которая заставила бы его разлюбить эти зеленоватые глаза, эти красныя губы и гибкое тѣло прекрасной женщины?“—и не находитъ отвѣта. Нѣтъ той силы, въ цѣломъ свѣтѣ не сыщешь ея.

Поцѣлуи туманятъ голову, поцѣлуи обжигаютъ лицо.

Тихій вечеръ слышитъ сдавленный шепотъ:

— Милая!

— Счастье мое!

Тихій вечеръ слышитъ поцѣлуи, тягучіе, медленные, такіе, какъ будто тотъ, кто цѣлуетъ, хочетъ съ поцѣлуями выпить душу любимаго человѣка; тихій вечеръ слышитъ сердитыя слова:

— Боже избави тебя ходить въ „Дубки!“

— Я не собираюсь.

— Боже избави!

Сова летитъ черезъ чащу, медленно хлопая крыльями.

Какъ гигантскіе свѣтляки, горятъ ея большіе глаза.

— А на мельницу, королевичъ, къ намъ „шалый баринъ“ повадился.

— Какой „шалый баринъ“?

— Рахимовъ.

— По сердцу я пришлась ему, кажется.

Красныя губы тихо смѣются.

— За границу съ собой зоветъ...

— Это зачѣмъ?

— Людей посмотрѣть и себя показать. Зачѣмъ всѣ люди за границу ѣздятъ? Не Богъ знаетъ, какія большія у нихъ за границей дѣла.

— Не вздумай поѣхать!

— Я же съ ума не сошла, хотя и орелъ этотъ „шалый баринъ“...

— Ужъ будто бы орелъ?!

— Это не я. Это Наталья Дементьевна въ „Дубкахъ“ зоветъ его такъ. Да, хоть и орелъ „шалый баринъ“, но тебя, королевичъ, я ни на кого не смѣняю. Ты мой единственный. Ты мой любимый. Нѣтъ, королевичъ, я не уѣду за границу отъ тебя. Нѣтъ.

— Не обманешь?

— Нѣтъ, королевичъ, не обману. Денегъ у „шалаго барина“ много, но... зачѣмъ мнѣ деньги? Не нужно денегъ мнѣ. Скучно съ нимъ!

— А со мною весело?

— Съ тобой, королевичъ, весело. И пока съ тобой будетъ весело, никуда отъ тебя не уйду. Никуда.

— А когда будетъ скучно?

— Прощай, королевичъ, тогда. Я—вольная птица: улечу.

Она смотритъ на свои нѣжныя руки и говоритъ:

— А вѣдь перстни (много перстней!) пошли бы къ этимъ тонкимъ пальцамъ. Теперь мода такая—унизать всѣ, всѣ пальцы перстнями.

— Глупая мода.

— Нѣтъ, ничего.

— Глупая мода: нельзя цѣловать эти тонкіе пальчики, если ихъ унижутъ перстнями!

— Да, вотъ оно что! Тогда, пожалуй, ты правъ, королевичъ. И къ этимъ маленькимъ ушамъ пошли бы большія-большія подвѣски изъ брильянтовъ. Люблю брильянты! Сверкаютъ, какъ Божьи звѣздочки.

— Но если бъ нужно было выдрать эти маленькія уши, какъ это можно было бы сдѣлать, если бъ на нихъ были большія подвѣски?

— Выдрать уши? Руки коротки! Не народилось, королевичъ, еще такихъ рукъ, которыя могли бы выдрать эти маленькія уши!

— А эти руки? Развѣ ты не видишь ихъ?

— Коротки, королевичъ! Пусти! Что ты дѣлаешь? Не смѣй! Уйду къ Рахимову! Уѣду съ нимъ за границу. Ей-Богу!

— Это тебѣ за Рахимова!

— Уѣду и буду носить на шеѣ толстыя нити жемчуговъ.

— Это тебѣ за толстыя нити жемчуговъ!

— Брось мои уши! Слушай серьезно. Развѣ бы къ этой шеѣ не пошли жемчуга, королевичъ? О, еще какъ бы пошли! Помню, въ дѣтствѣ няня разсказывала славную сказку о принцессѣ съ звѣздою во лбу, и мнѣ страстно, до боли, хотѣлось быть этой принцессой. Теперь я знаю, что этой принцессы нѣтъ и быть не можетъ, но, если меня нарядить въ брильянты и жемчугъ, я буду не хуже принцессы. Не правда ли, да?

— Глупая женщина! Безъ брильянтовъ и жемчуга ты лучше этой принцессы.

— Лжешь?

— Я никогда не лгу, счастье мое. Хочешь, могу поклясться? Ты лучше этой принцессы, и у тебя есть свой королевичъ, отъ котораго ты хочешь бѣжать за границу. Какъ не стыдно?

— Я шутила. Этого не случится.

Небо становится темно-синимъ. Крупныя звѣзды загораются то тутъ, то тамъ. Тихіе шорохи ночи летятъ изъ-подъ кустовъ и деревьевъ.

Мельничиха поднимается съ травы:

— Ну, проводи меня, королевичъ! Пора.

Они идутъ къ мельницѣ. И красивая женщина шепчетъ:

— Я не уѣду. Этого не случится. Слышишь ты? Этого не случится. Никогда.

Это случается...

VI.

Льетъ дождь, вѣтеръ воетъ разсерженнымъ дьяволомъ, вода передъ мельничной запрудой шумитъ, вертится, какъ спущенная съ цѣпи собака, и бьетъ черезъ запруду.

Горбатый Исайка носится по плотинѣ и кричитъ рабочимъ куда-то въ кромѣшную тьму:

— Поднимите шлюзы, черти! Слышите? Поднимите шлюзы, чтобъ розорвало васъ!

Сильныя, темныя руки, похожія на руки сожженныхъ солнечнымъ зноемъ дикарей, поднимаютъ шлюзы, вода ухаетъ въ широкія щели, какъ въ пропасть, и мчится въ темную даль, въ просторъ бурной ночи.

Изъ тьмы чей-то голосъ окликаетъ Исайку:

— Исай, ты?

— Гей,—отвѣчаетъ Исайка.—Кто здѣсь?

— Басаргинъ.

Борисъ Сергѣевичъ выходитъ изъ тьмы; но тучи такъ черны, и ночь такъ беззвѣздна, что его не видать, хотя онъ стоитъ отъ Исайки такъ близко, что его можно ощупать рукой; слышно его частое, порывистое, взволнованное дыханье, и передъ Исайкой блестятъ его глаза.

— Хозяйка дома, Исай?—спрашиваетъ онъ.

— Эге,—говоритъ Исайка.—Нѣтъ ея. Уѣхала.

— Куда?

Исайка бьетъ себя по бокамъ и шепчетъ тихо, хотя сквозь ревъ и вой бури ихъ не можетъ подслушать никто:

— Если бы знать! Но кто жъ ее знаетъ? Она не сказалась.

Исайка наклоняется еще ближе къ Басаргину и шепчетъ еще тише:

— Совсѣмъ уѣхала! Сбѣжала. Въ заграничныя земли, надо быть.

— Съ Рахимовымъ?

— Съ имъ самымъ.

Онъ вздыхаетъ и говоритъ мрачно:

— Пойдемте на мельницу, къ самому.

По скрипучей лѣстницѣ они поднимаются въ пристройку, входятъ въ переднюю и затѣмъ въ комнаты, гдѣ еще такъ недавно звенѣлъ милый голосъ красивой женщины, но теперь все тихо и пусто, какъ въ тѣлѣ, изъ котораго вынули душу. На столѣ въ столовой горитъ одинокая свѣча и бросаетъ тусклый свѣтъ только на столъ да на мужа ушедшей, оставляя и углы комнаты, и большой образъ, и буфетъ, и все остальное въ тѣни. Больной старикъ сидитъ въ громоздкомъ креслѣ угрюмо и неподвижно, и голова его ниже обычнаго склонилась на грудь. Услышавъ стукъ двери, онъ поднимаетъ голову. Лѣвый глазъ его съ тоской и насмѣшкой останавливается на Басаргинѣ. Слеза катится изъ лѣваго глаза и бѣжитъ, крупная, горячая, на сѣдую бороду по морщинистой, желтой щекѣ.

Красивый юноша и этотъ больной, разбитый параличомъ, старикъ, безъ движенія, почти безъ слова, теперь близки другъ другу: оба брошены; бѣда породнила ихъ.

Лѣвый глазъ смотритъ на Басаргина и, чудится, хочетъ сказать ему:

— И ты... и ты...

Исайка стоитъ въ дверяхъ, какъ горбунъ на старой гравюрѣ въ французскомъ изданіи „Собора Парижской Богоматери“,—гравюрѣ, которой такъ часто любуется Басаргинъ; но выраженіе

Библиотека "Руниверс"

лица у Исайки не молитвенное: онъ хмуритъ сѣдыя брови, и злымъ блескомъ посверкиваютъ его маленькіе сѣрые глаза.

Вся группа подъ тусклымъ свѣтомъ свѣчи точно соскочила со старой фламандской картины: только лица другія—сердитыя, хмурыя, не похожія на добродушныя лица фламандскихъ старриковъ.

— Уѣхала?—спрашиваетъ, дрожа, Басаргинъ.

— Ууу...—мычитъ старикъ.

Болѣе онъ ничего не можетъ сказать.

— Давно?—спрашиваетъ Басаргинъ у Исайки.

— Около сумерекъ...

Исайка говоритъ отрывисто, зло, точно вколачиваетъ гвозди въ стѣну; Исайку дергаетъ. Что владѣетъ имъ—любовь ли къ больному, у котораго онъ служитъ болѣе тридцати лѣтъ, ненависть ли къ мельничихѣ и Рахимову—Богъ вѣсть. Или и его сердце затронула красивая женщина, и хмурому, сѣдому Исайкѣ теперь мерещатся зеленые русалочьи глаза?

— Тройка подъѣхала... баринъ на тройкѣ... вышла хозяйка, только и видѣли ее.

— Можетъ, вернется?

— Нѣтъ ужъ, аминь.

Исайка шаритъ по столу и достаетъ смятую газету, на которой чернила отъ слезъ старика расплылись въ большія темныя пятна.

„Прощай мужъ! Уѣзжаю. Не жди. Не вернусь", — читаетъ Басаргинъ.

Ему ни слова; ему ни строчки; ревность больно жалитъ его сердце; любовь шепчетъ въ уши: „догнать, воротить! Она послушаетъ словъ, она вернется. Безуміе схватило ее въ свои лапы, какъ паукъ муху. Вѣдь не любитъ же она Рахимова! Не можетъ любить. Это—порывъ, это—глупость, въ которой она сама раскается, о которой сама пожалѣетъ".

— О, если бъ знать, куда они поѣхали!—бормочетъ Басаргинъ.

— На станцію! — отзывается Исайка. —Кучеръ Парѳену сказалъ—на станцію, больше имъ и ѣхать некуда.

Лѣвый глазъ больного съ надеждой смотритъ на юношу.

— Вер... вер...—силится сказать что-то больной.

— Можетъ, вернете? — съ надеждой спрашиваетъ Исайка. — Хозяинъ говоритъ: „вернуть бы"! А? Вдругъ да вернете? Она послушаетъ васъ. Ей-Богу! Въ головѣ у ней потемнѣніе, и ничего больше. „Шалый баринъ"—голый баринъ. Какія у него деньги? Никакихъ у него денегъ нѣтъ.

— На ст...

— Да, прямо на станцію. Вонъ и хозяинъ то жъ говоритъ. Лѣсомъ. Лѣсной дорогой. А подъ Ахметьевымъ черезъ перевозъ. Ежели Кузьма Артамоновъ возьмется перевезти, поспѣете. Загодя, поспѣете.

Больной мычитъ одобрительно, и лѣвый глазъ его смотритъ веселѣе: больной думаетъ, что Татьяна вернется: Богъ съ ней, пусть она дѣлаетъ, что хочетъ, только бы она была здѣсь; Богъ съ ней, пусть она уходитъ съ утра до ночи, только бы ночь проводила на мельницѣ; каждую ночь. Онъ привыкъ къ ней, какъ собака къ цѣпи, какъ каторжникъ къ тачкѣ. Какъ онъ будетъ жить безъ Татьяны? Онъ не можетъ представить себѣ этого. Безъ Татьяны лучше не жить.

— Гдѣ эта дорога?—спрашиваетъ Басаргинъ у Исайки. — Гдѣ дорога, которой нужно итти на перевозъ?

— Господи, да я провожу васъ! Зачѣмъ вамъ искать? Господи, на самую дорожку поставлю.

— Скорѣй бы, Исай! Скорѣй.

— Духомъ дойдемъ.

Больной старикъ одобрительно трясетъ головою.

— Ре... ре...—киваетъ онъ на темную комнату.

— Это точно! Револьверъ вамъ съ собою взять не мѣшаетъ!—шепчетъ Исайка.

Онъ уходитъ въ темную спальню хозяина и достаетъ изъ хозяйскаго стола револьверъ.

— На что мнѣ?!—спрашиваетъ Басаргинъ хмуро.

Больной качаетъ головой сверху внизъ, Исайка добавляетъ коротко:

— Сгодится!

— Не нужно! — пробуетъ протестовать юноша, и душа его чуетъ надвигающуюся бѣду.

— Сгодится!—настойчиво повторяетъ Исайка.—Теперь не день бѣлый,—ночь, лѣсъ.

Черезъ пять минутъ Басаргинъ и Исайка за воротами мельницы шлепаютъ по лужамъ; пока брежжитъ крохотный, тусклый свѣтъ отъ окна мельницы, но что будетъ дальше, и кто сохранитъ человѣка, попавшаго въ лѣсъ, отъ лѣсныхъ овраговъ и косогоровъ?

— Ну, прощай, Исай!—говоритъ Басаргинъ возлѣ лѣса.

— Прощайте! — весело отвѣчаетъ Исайка. — Теперь дорога прямая, сбиться нельзя. А револьверъ вамъ не помѣшаетъ въ дорогѣ: ночь и лѣсъ.

Улыбка кривитъ губы горбатаго человѣка, но средь тьмы Басаргинъ не видитъ ея.

(Окончаніе будетъ).

На войну.

Разсказъ **Л. Григорова.**

„Женщина кокетлива, она вѣчно играетъ. Она не знаетъ и не хочетъ признавать никакой границы. Она кокетничаетъ со смертью; да она и смерть дразнитъ, надъ смертью издѣвается... ужасъ, что такое!"

Такія черныя мысли бродили въ головѣ запаснаго вольноопредѣляющагося Николая Порошина; онъ находился на сборномъ пунктѣ, ждалъ часа, когда его отправятъ вмѣстѣ съ группой къ воинскому начальнику, который скажетъ, куда кто посылается, и, кромѣ того, Порошинъ еще ждалъ, какъ луча солнечнаго, Лену, эту милую и ужасную дѣвушку, которую онъ любитъ больше солнца. Она обѣщала притти сюда въ девять часовъ, теперь уже десять, а ея все нѣтъ и нѣтъ...

На сборномъ пунктѣ запасныхъ вольноопредѣляющихся было шумно, царило оживленіе, раздавался даже смѣхъ; по большимъ комнатамъ прогуливались группами и парами призванные воины; среди нихъ находилось много провожающихъ дамъ въ модныхъ платьяхъ и шляпахъ; шелъ непринужденный говоръ, слышались шутки—и вовсе не было похоже на то, что отсюда людей отправляютъ на битву, на смерть,—казалось, что собрались они по какому-то другому дѣлу, простому, далекому отъ опасностей, не страшному и не будничному, обыкновенному, а похожему на какой-то праздникъ, можетъ, на праздникъ смерти; но онъ не вызывалъ ни малѣйшей жути, а создавалъ подъемъ въ груди, шевелилъ нервы, будилъ спавшія мирно чувства,—и только очень немногіе, еще не вполнѣ примирившись съ неизбѣжнымъ, были задумчивы, какъ бы не вѣрили, что то зло, отъ котораго отворачивается человѣческое сердце, уже началось и перевернуло жизнь каждаго, отъ младенца до старика.

Это не былъ страхъ передъ войной, а тоска, что такъ оно случилось, и нельзя уже повернуть обратно, надо итти и биться, надо бросить все и всѣми силами устремиться на обезумѣвшаго въ жаждѣ завоеваній врага, защитить свою родину, защитить наконецъ себя, свой домъ, своихъ близкихъ. Такъ оно ясно и понятно, а все-таки больно, грустно, что такъ случилось, и трудно примириться сразу, всѣ помыслы свои мгновенно повернуть въ эту новую и совсѣмъ неожиданную сторону. Но надо, надо и надо. Орудія уже навѣрно гремятъ на границѣ, борьба уже началась—и думать нечего. Но все же думалось, мысль не могла сразу примириться съ этимъ зломъ. Тамъ, на полѣ сраженія, все забудется, но здѣсь, еще не оторвавшись отъ своихъ близкихъ, отъ всякихъ житейскихъ дѣлъ, бродятъ въ головѣ разныя догадки, предположенія, думы о томъ, что будетъ твориться тутъ, дома, когда уѣдешь? И только хочется, чтобы тебя скорѣе отправили на поле брани, скорѣе бросили въ битву, въ самый центръ огня. Война—такъ пусть и будетъ настоящая война!

И Николай Порошинъ тоже переживалъ такое же,—но все это слетѣло бы съ него мгновенно, если бы пришла на пунктъ Лена. Вѣдь можетъ статься, что онъ ее увидитъ въ послѣдній разъ, вѣдь поговариваютъ тутъ, что нѣкоторыя группы отъ воинскаго начальника отправляются прямо на вокзалъ, садятся на поѣздъ и мчатся на границу. Это понятно, потому что медлить нечего, надо спѣшить, нѣмцы не будутъ ждать, пока соберутся передъ ними русскіе легіоны.

„Но Лена—кокетка, она и въ этотъ моментъ не можетъ забыть свое кокетство,—думалъ съ горечью Николай.—Но кому это теперь нужно? Что она хочетъ этимъ доказать? Ахъ, вздоръ, какой вздоръ... А можетъ, что-либо случилось, задержало что-нибудь? Но нѣтъ, еще вчера она вела себя такъ, что выругаться хотѣлось".

Николай вспоминаетъ, что было вчера.

Она пришла къ нему. Вошла въ его комнату. Онъ бросился къ ней съ разбросанными руками, съ возгласомъ отъ всего сердца, сталъ цѣловать ее, весь точно впился, — а она стояла холодная, застывшая, каменная, ну, такая, какъ всегда. Ни тоски ни боли, никакого чувства не было на ея красивомъ лицѣ, словно ничего особеннаго не случилось, а все идетъ попрежнему, какъ было вчера, позавчера... Это ужасно, это невыносимо... Долго онъ сидѣлъ съ нею, говорилъ, обнималъ, цѣловалъ ее, пока она сама вспыхнула, зардѣлась... Сколько онъ усилій сдѣлалъ, чтобы сбить съ нея эту игру не во-время... И потомъ, по обыкновенію, посыпалось: „Милый, дорогой, хорошій"... Пошли эти долгіе убивающіе взгляды, внезапные тихіе, глубокіе возгласы...

Николай то сидитъ, то стоитъ, то ходитъ, — ему очень не по себѣ. Онъ замѣчаетъ одного запасного въ студенческой формѣ, замершаго въ тоскующей позѣ. Студентъ сидѣлъ съ опущенной головой, о чемъ-то думалъ, весь былъ погруженъ въ себя и, казалось, ничего не замѣчалъ вокругъ.

„Вотъ и у этого,— подумалъ Николай:—тоже что-нибудь въ этомъ родѣ случилось. Тоже, должно быть, не пришла своя Лена... А можетъ, онъ боится, потрясенъ тѣмъ, что его отправляютъ на войну? Но нѣтъ, такихъ чувствъ сейчасъ ни у кого быть не можетъ. У больного развѣ можетъ зародиться чувство страха, у оторваннаго отъ жизни, жалкаго, несчастнаго, но у здороваго не можетъ быть и признака страха... Боже, какъ было бы хорошо, если бъ сейчасъ пришла Лена!.."

Библиотека "Руниверс"

И каждая мысль у Николая Порошина непремѣнно оканчивалась тоской по Ленѣ, которая точно забыла, что его отправляютъ на войну. Онъ подошелъ къ студенту и сказалъ, стараясь быть оживленнымъ:

— Вотъ и представился наконецъ случай побывать за границей. Я все стремился туда, и наконецъ удалось.

Студентъ поглядѣлъ на него тусклыми глазами и ничего не возразилъ. Николай не зналъ, что еще сказать. Онъ чувствовалъ, что студенту совсѣмъ не по себѣ, хотѣлъ спросить, что съ нимъ? — но это было неловко, не у мѣста. Мало ли у человѣка всякихъ причинъ...

— Я не могу примириться съ войной, — вдругъ сказалъ студентъ, смотря прямо передъ собой.—Я страшно люблю культуру, а война, это — варварство. Русскихъ считаютъ варварами, а они такъ были далеки отъ войны. А та страна,—страна гуманитарныхъ наукъ, высокой поэзіи, глубокихъ мыслей,—вдругъ осатанѣла будто и напала на насъ, какъ орда дикихъ татаръ или гунновъ. На насъ нападаютъ, и мы должны защищаться. Мы станемъ, волею судебъ, воинами, устремимся лишь къ одному— разбить врага вдребезги. Безъ этой мысли нельзя и на войну ѣхать. Должна быть вѣра въ побѣду.

Тусклые глаза студента преобразились, — въ нихъ замелькали искры, лицо оживилось, покрылось легкой краской. Онъ, повидимому, обрадовался слушателю, жестомъ пригласилъ его присѣсть около.

— Вы тоже запасный?—спросилъ у него студентъ.

— Да.

— Съ охотой идете?

— Страна въ опасности—и этимъ все сказано. Только у меня тутъ одно обстоятельство...

— Какое?—просто спросилъ студентъ.

— Это смѣшно говорить...— замялся Николай.— Но и трудно побороть... Я вотъ жду... Но это, право, мелко. Это такъ незначительно... Я жду свою вдохновительницу,—съ какъ бы извиняющейся улыбкой признался онъ.—Она давно уже должна притти, а ея все нѣтъ.

— Придетъ еще, — холодно сказалъ студентъ. Помолчалъ немного, и лицо его внезапно просіяло.—А это... и не совсѣмъ ужъ малое событіе. Я вотъ только что подумалъ, что оно мелко, а оказывается, что вовсе не такъ. Вѣдь не на торжество какое-либо мы ѣдемъ, а на смертную битву. Я понимаю васъ, но вы не волнуйтесь, вы еще увидитесь съ вашей пассіей. Смотрите, какое грустное лицо у этой дѣвушки въ бѣломъ. Бѣдненькая, она, видно, совсѣмъ огорошена отъѣздомъ своего друга. И какъ она засіяетъ, какъ преобразится, когда онъ возвратится, увѣшанный орденами, обоженный порохомъ, загорѣлый, мужественный, какъ никогда. Какая гордость охватитъ ее, что вотъ у нея такой смѣлый, храбрый мужъ, какъ она его любить будетъ! А теперь это сердечко замираетъ отъ страха. Смотрите, какъ она грустно глядитъ на него, какъ готовы заплакать ея печальные глазки... Ничего, милая, все это пройдетъ, надо вѣрить, что Гриша или Вася твой возвратится домой цѣлымъ и невредимымъ.

Студентъ, говоря это, смотрѣлъ на грустную дѣвушку въ бѣломъ, и въ глазахъ его было что-то ласковое, доброе. Николаю. казалось, что онъ хотѣлъ всѣхъ утѣшить, всѣмъ сдѣлать что-нибудь пріятное. Но въ комнатѣ было оживленно, и если попадались тоскливыя лица, то это были женскія лица. И не всѣ женщины отражали собой эту тоску, — у многихъ былъ видъ покорныхъ существъ, что вотъ неизбѣжное уже произошло, и надо примириться, надо не плакать, а согласиться съ тѣмъ, что предстало для испытанія. А были тутъ и такія, что ничуть не унывали, говорили безъ умолку съ запасными, смѣялись, и на нихъ было отрадно смотрѣть. Онѣ точно воодушевляли, заражали жизнью остальныхъ, которымъ было не по себѣ.

Николай глядѣлъ на пары, видѣлъ, какъ эти пары—онъ и она— любятъ другъ друга передъ разлукой, какъ любовно оглядываютъ, слушаютъ, говорятъ. Смотрѣлъ Николай, и ему опять стало грустно, онъ снова предался своимъ ноющимъ мыслямъ и уже не слушалъ, что тамъ еще говорилъ студентъ.

„Какъ все однако это безчеловѣчно,—думалъ онъ.—Я иду на войну, меня, быть-можетъ, убьютъ, а она... хоть бы что ей... Ну, пришла бы, согрѣла, благословила бы... А можетъ, она кого другого теперь провожаетъ? Кто знаетъ? Эти женщины... не понять ихъ. Голова просто кружится. Чортъ знаетъ, что такое!..“

Николай сдѣлалъ рѣзкое движеніе, будто его укололи иглой. Студентъ замѣтилъ это.

— Ну, что вы волнуетесь,—мягко сказалъ онъ, чуть прикоснувшись къ его плечу.—Увѣряю васъ, что ваша пассія придетъ, что-нибудь очень важное ее задержало. Моментъ такой, что тутъ не до того, чтобы мучить тѣхъ, кто идетъ на войну. Вотъ вамъ честное слово, что она придетъ. Хотите пари держать?

— Какое тамъ пари,—тихо сказалъ Николай.

— Не хотите? Очень жаль, а то я былъ бы въ выигрышѣ.

Въ комнатѣ началось движеніе. Запасные устремились къ столу, стоявшему въ углу, за которымъ сидѣло нѣсколько лицъ, провѣряющихъ списки. Кто-то крикнулъ:

— Тише, господа!

И послышались фамиліи тѣхъ, кто сейчасъ долженъ отправиться къ воинскому начальнику. Николай сталъ прислушиваться.

— Петровъ, Сергѣй!—звенѣлъ громкій голосъ.

— Есть!—раздавалось въ отвѣтъ.

— Васильевъ, Аристархъ!

— Есть!

— Безпамятовъ, Павелъ!

— Есть!

Еще одна фамилія и имя, еще, и еще... И раздалось:

— Порошинъ, Николай!

— Есть!—крикнулъ онъ, вскинулся весь и направился къ образовавшейся группѣ. Ему стало совсѣмъ нехорошо. Ну, какъ это можно, чтобы не повидаться въ послѣдній разъ?.. Онъ началъ смотрѣть на двери, но въ глазахъ его была безнадежность, чувство унынія поглотило всего... Вдругъ онъ сильно вздрогнулъ. Въ толпѣ показалась знакомая высокая шляпа съ большимъ плюмажемъ. Онъ оторвался отъ группы и быстро пошелъ къ дверямъ, быстро протиснулся къ колыхающейся шляпѣ—и вскрикнулъ:

— Лена!

Рослая красивая дѣвушка, рванулась къ нему и, не обращая вниманія на постороннихъ, бросилась на шею, впилась губами въ губы...

— Что съ тобой? Отчего ты такъ долго не приходила? Но ничего, ничего... Хорошо, что ты пришла. Я молчу. Совсѣмъ молчу. Сейчасъ насъ отправляютъ. Подойдемъ сюда, я пойду вмѣстѣ съ ними. Какъ хорошо, что пришла, какъ хорошо... Милая, милая!.. Я теперь счастливъ, я съ радостью пойду... Ты извини... Я тутъ думалъ...

Николай говорилъ безсвязно, прерывистымъ голосомъ, лицо его блистало, онъ весь сверкалъ и совсѣмъ не слышалъ, что тамъ ему возражала Лена. Онъ былъ такъ радъ, что все ей простилъ; не надо ничего говорить, все теперь хорошо, все прекрасно, все сіяетъ, все улыбается.

— Съ мамой дурно стало, — перебиваетъ его она: — ты мнѣ прости. Я сама плакала, что не могу оставить маму. Мишу вѣдь берутъ, онъ ополченецъ,—а ты знаешь мамино сердце...

— Ничего, ничего... Не надо говорить. Я очень радъ, ты хорошая. Милая, милая... Мы сейчасъ пойдемъ.

— Я провожу васъ. Я пойду съ вами.

— Да, да, пойдемъ.

Къ нимъ приблизился студентъ, его фамилію только-что выкрикнули. Онъ сразу узналъ, что это за дѣвушка стоитъ около Николая. Дружески широко улыбнулся и сказалъ:

— Ну, что? Моя правда?

— Да, ваша правда,—сіяющимъ голосомъ отвѣтилъ Николай.— Леночка, познакомься съ моимъ коллегой, онъ тоже идетъ бить нѣмцевъ.

Лена крѣпко пожала руку студента.

— А что за правда тамъ у васъ?—ласково спросила она.

— Да вотъ я сомнѣвался, что ты придешь, а онъ увѣрялъ меня, что это вздоръ,—отвѣтилъ за студента Николай.

— Богъ съ тобой!—воскликнула Лена.—Ну, какъ это я могла не притти!?

— Ты прости, я больше не буду...

— Только одна мама могла меня задержать... Что такое съ тобой, Коля? Я... я...—Она взглянула на студента,—онъ догадался и отошелъ въ сторону...—Я... тебѣ скажу... Я никогда тебѣ этого не говорила, а теперь скажу. Я, вотъ, какъ видишь... Я уже не та, что была... Я вся твоя. Я принадлежу тебѣ, только тебѣ... Ты знаешь, я не бросаю свои слова на вѣтеръ. Я тебѣ никогда ничего не говорила и не обѣщала, а теперь, вотъ передъ отъѣздомъ, знай, что ты одинъ у меня. Клянусь тебѣ! Мамой своей клянусь!

— Не надо, не надо, Лена, я вѣрю, я всегда вѣрилъ.

Онъ схватилъ ея руку и крѣпко сжалъ.

— Теперь я такъ спокоенъ. Теперь мнѣ совсѣмъ не страшно. Я съ тобой буду. Какъ хорошо, что ты пришла...

Раздалась команда. Вызванные запасные построились въ шеренги и вышли на улицу. Скоро они подъ клики толпы зашагали, направляясь къ воинскому начальнику.

Въ часъ отхода поѣзда Лена была на вокзалѣ. Она успѣла перекинуться нѣсколькими словами съ Николаемъ. На лицѣ его горѣла такая благодарность, такъ онъ радовался, а ей очень хотѣлось плакать. Но она сдерживала себя.

— Смотри, Леночка, я не понимаю, какъ это можно тосковать, идя на войну,—сказалъ Николай.—Я буду всегда съ тобой, а ты будешь вѣчно со мной. У меня теперь спокойно на сердцѣ. Я непремѣнно вернусь, я вѣрю, что вернусь.

Потомъ она видѣла его въ окнѣ вагона, улыбалась ему, бормотала что-то, страшно хотѣлось заплакать,—но сдержалась.

— Урррра!—загремѣло на перронѣ, когда поѣздъ тронулся.

— Урррра!—кричали изъ открытыхъ оконъ солдаты.

Поѣздъ скоро скрылся.

— Дай Богъ,—шептали въ толпѣ.

Библиотека "Руниверс"

Пулковская обсерваторія.

Очеркъ **Н. С. Павловскаго**. (Къ 75-лѣтнему юбилею).

(Съ 8 рис. на стр. 633 и 634).

Темной шапкой зелени красиво выдѣляется въ солнечный день на голубомъ фонѣ неба Пулковская гора съ высящимися на ней бѣлыми башнями знаменитой астрономической обсерваторіи, подъ тихими сводами которой, въ прохладной полутьмѣ, среди утонченныхъ орудій научныхъ изслѣдованій, подъ равномѣрное тиканье хронометровъ, этихъ безстрастныхъ и вѣрныхъ глашатаевъ быстро текущаго времени, производится изслѣдованіе волшебно-сказочной, полной жизни и чудесъ, природы, что лежитъ далеко за предѣлами нашей маленькой планеты—Земли.

Въ то время, когда земля засыпаетъ въ голубомъ сіяніи сумерекъ, и на небѣ одна за другой вспыхиваютъ милліарды яркихъ звѣздъ, подъ сводами обсерваторіи начинается кипучая, упорная борьба человѣка съ природой за обладаніе ея тайнами, ревниво скрытыми въ темныхъ безднахъ безконечной вселенной.

Вотъ уже 75 лѣтъ, окруженная ореоломъ безсмертія, работаетъ астрономическая обсерваторія на вершинѣ Пулковской горы, въ 13 верстахъ отъ Петербурга. Это мѣсто для обсерваторіи было указано самимъ ея Державнымъ Основателемъ—Императоромъ Николаемъ I, желавшимъ ее видѣть не только главнымъ центромъ астрономической науки въ Россіи, но и первой по размѣрамъ и значенію въ Европѣ, для чего были отпущены неограниченныя средства.

Первая астрономическая обсерваторія въ Россіи была основана Петромъ Великимъ въ 1725 году при Академіи Наукъ. Ея первымъ директоромъ былъ французскій астрономъ Делиль. Но въ 1747 году эта обсерваторія вмѣстѣ съ инструментами и полученными наблюденіями сгорѣла, а ея директоръ Делиль вернулся обратно въ Парижъ. Затѣмъ обсерваторія вновь была отстроена въ томъ видѣ, въ какомъ она сохранилась еще по настоящее время въ видѣ восьмиугольной башни надъ зданіемъ Академіи Наукъ. Уже слѣдующіе ея директора—Гришовъ и Румовскій—указывали на неблагопріятное положеніе обсерваторіи среди города на высокомъ зданіи, гдѣ прежде всего сильно ощущалась тряска отъ уличнаго движенія, дѣлавшая невозможнымъ производить астрономическія измѣренія, къ тому же сильно мѣшали наблюденіямъ городской свѣтъ, пыль, дымъ и водяная поверхность Невы, дававшая потоки восходящаго воздуха, а по вечерамъ — туманъ. Поэтому еще въ 1760 году Гришовъ разработалъ проектъ переноса обсерваторіи за черту города, но преждевременная смерть не позволила ему довести дѣло до конца, какъ это не удалось сдѣлать и Румовскому, разработавшему планъ обсерваторіи въ Царскомъ Селѣ, вслѣдствіе смерти Императрицы Екатерины II.

Послѣ этого вопросъ о переносѣ обсерваторіи за городъ какъ-то утихъ и возникъ снова лишь въ началѣ второй четверти прошлаго столѣтія, когда кромѣ неудобства въ положеніи обсерваторіи стала еще ощущаться крайняя тѣснота помѣщеній, въ которыхъ не было возможности установить даже наиболѣе важные инструменты, и передъ Академіей Наукъ выросъ вопросъ: или отодвинуть занятія астрономіей на задній планъ, или же устроить за городомъ новую обширную обсерваторію, отвѣчающую всѣмъ требованіямъ современной астрономической науки.

Бюстъ Императора Николая Павловича, Основателя Пулковской обсерваторіи, находящійся въ южной нишѣ круглой залы обсерваторіи.

Академіей Наукъ была избрана съ Высочайшаго разрѣшенія спеціальная комиссія, въ составъ которой въ качествѣ астронома вошелъ извѣстный изслѣдователь двойныхъ звѣздъ директоръ Дерптской (Юрьевской) обсерваторіи В. Я. Струве. В. Я. Струве принималъ дѣятельное участіе въ выборѣ мѣста, при чемъ указанная самимъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ Пулковская гора оказалась наиболѣе удачнымъ мѣстомъ подъ Петербургомъ, а также въ разработкѣ подробнаго проекта обсерваторіи, подъ которую была отведена площадь въ $21^{1}/_{2}$ десятины.

Послѣ утвержденія Государемъ плана обсерваторіи, разработаннаго архитекторомъ А. П. Брюловымъ, 21 іюня 1835 года состоялась торжественная закладка обсерваторіи.

Открыта Пулковская обсерваторія была 7 августа 1839 года. Съ этого дня и началась ея знаменитая научная дѣятельность. Инструменты, заказанные лучшимъ заграничнымъ мастерамъ, не заставляли желать ничего лучшаго, какъ и самое зданіе обсерваторіи, чему нагляднымъ свидѣтельствомъ является тотъ фактъ, что за 75 лѣтъ, несмотря на многія перемѣны въ научныхъ методахъ, оно осталось неизмѣннымъ, если не считать надстроекъ жилыхъ помѣщеній для астрономовъ.

Главнымъ фасадомъ своимъ Пулковская обсерваторія обращена къ сѣверу, въ сторону Петербурга. Тѣнистой дорожкой вѣковыхъ березъ вы подъѣзжаете къ оградѣ обсерваторіи, а далѣе по аллеѣ среди кустовъ сирени и газоновъ съ цвѣтами подходите къ массивнымъ ступенямъ въ волшебный замокъ Вселенной.

Вы входите въ круглую залу съ портретами Государей, и предъ вашими глазами въ южной нишѣ залы бѣлый бюстъ Императора Николая Павловича, Монаршей милостью котораго было основано это высшее астрономическое учрежденіе въ Россіи, гдѣ долженъ побывать, какъ сказалъ знаменитый директоръ Гринвичской обсерваторіи Эри, всякій астрономъ, желающій съ гордостью носить это имя.

Вся эта торжественно молчаливая обстановка, нарушаемая лишь своеобразнымъ монотоннымъ отстукиваніемъ секундъ часами, придаетъ залѣ какой-то мистическій характеръ.

Вы сворачиваете въ окружающую залу портретную галлерею, и передъ вами одинъ за другимъ проходятъ знаменитые корифеи науки, потемнѣвшія лица которыхъ глядятъ со стѣнъ на васъ изъ золотыхъ ободковъ рамокъ.

Въ особую группу въ сѣверозападной части залы сгруппированы портреты бывшихъ

Пулковская обсерваторія съ птичьяго полета.

Библиотека "Руниверс"

В. Я. Струве, первый директоръ обсерваторіи.

директоровъ Пулковской обсерваторіи—В. Я. Струве (1839 — 1864), его сына, О. В. Струве (1864—1890), и Ѳ. А. Бредихина (1890 — 1894).

Послѣ Бредихина директоромъ обсерваторіи былъ назначенъ академикъ О. А. Баклундъ, въ рукахъ котораго и по настоящее время находится управленіе обсерваторіей.

Прежде чѣмъ покинуть залу и перейти въ другія помѣщенія обсерваторіи, необходимо отмѣтить въ центрѣ

Меридіанная зала.

залы точку, выложенную изъ квадратиковъ паркета, которая является началомъ Пулковскаго меридіана, отъ котораго въ Россіи, какъ отъ начальнаго, опредѣляется долгота населенныхъ пунктовъ. Этотъ меридіанъ идетъ къ югу и сѣверу отъ обсерваторіи, проходя въ Петербургѣ черезъ Новодѣвичій монастырь, недавно сгорѣвшій Троицкій соборъ и Ботаническій садъ.

Изъ круглой центральной залы ведутъ двери въ „залы" съ современными измѣрительными инструментами, установленными въ легкихъ деревянныхъ помѣщеніяхъ изъ тонкихъ досокъ, чтобы при наблюденіяхъ температура у инструментовъ быстро уравновѣшивалась съ температурой внѣшняго воздуха, потому что иначе въ люкахъ (отверстіяхъ), продѣланныхъ въ потолкѣ и стѣнахъ, будетъ происходить теченіе холоднаго внѣшняго воздуха въ помѣщеніе и теплаго—изъ помѣщенія. Эти передвиженія воздушныхъ массъ сильно мѣшаютъ наблюденіямъ, искажая изображенія.

Большой 30-дюймовый рефракторъ Пулковской обсерваторіи.

Переходя къ перечисленію самихъ инструментовъ и тѣхъ наблюденій, которыя съ ними производятся, считаемъ нужнымъ указать, что главное вниманіе въ обсерваторіи съ самаго ея основанія и до настоящихъ дней удѣлялось и удѣляется вопросамъ звѣздной астрономіи. Выборъ этой области астрономіи былъ произведенъ еще первымъ директоромъ обсерваторіи, В. Я. Струве, и, какъ показала 75-лѣтняя исторія, очень удачно.

Однако, поставивъ главной задачей разработку звѣздной астрономіи, Пулковская обсерваторія успѣшно работала и въ другихъ областяхъ современной астрономіи, имѣя преимущество передъ другими обсерваторіями, благодаря своимъ сильнымъ и точнымъ инструментамъ.

Въ восточной залѣ (отъ центральной) на массивныхъ гранитныхъ столбахъ, на фунтаментѣ, идущемъ въ землю до 6 саженъ, и изолированныхъ отъ почвы и пола свободнымъ пространствомъ, — установленъ большой 6-дюймовый меридіанный кругъ работы знаменитыхъ мастеровъ-художниковъ братьевъ Репсольдъ.

Задачей меридіаннаго круга было точное опредѣленіе положенія звѣздъ отъ 1-й до 7-й величины для Пулковскаго каталога, а также опредѣлялось положеніе 300 двойныхъ звѣздъ, открытыхъ В. Я. Струве еще въ Дерптской обсерваторіи, и 500 звѣздъ, открытыхъ въ Пулковѣ О. В. Струве. Кромѣ того, было опредѣлено еще положеніе 400 звѣздъ, обладающихъ быстрымъ собственнымъ движеніемъ.

Въ западныхъ помѣщеніяхъ об-

Академикъ О. А. Баклундъ, нынѣшній директоръ обсерваторіи.

Большой нормальный астрографъ.

Библиотека "Руниверс"

серваторіи установлены: вертикальный кругъ и пассажный инструментъ Эртеля. Установка этихъ инструментовъ такая же, какъ и меридіаннаго круга, который, въ сущности, есть соединеніе воедино этихъ двухъ инструментовъ, такъ какъ при помощи меридіаннаго круга одновременно можно опредѣлять прямое восхожденіе и склоненіе звѣзды, а эти два инструмента опредѣляютъ порознь: вертикальный кругъ—склоненія, а пассажный—прямыя восхожденія.

Главная задача пассажнаго инструмента и вертикальнаго круга Эртеля—составленіе фундаментальнаго Пулковскаго каталога всѣхъ неподвижныхъ звѣздъ отъ 1-й до 4-й величины.

Въ западной же части обсерваторіи находятся кабинетъ директора и комната, гдѣ помѣщаются часы Мустона, соединенные электрическими проводами съ часами въ Публичной Библіотекѣ, часами телеграфной конторы въ Петербургѣ и часами въ кабинетѣ коменданта Петропавловской крѣпости; при чемъ послѣдніе часы соединены электрическими проводами съ одной изъ пушекъ на веркахъ крѣпости, и каждый день въ 12 часовъ дня контактомъ отъ часовъ электрическій токъ отъ батареи воспламеняетъ порохъ въ пушкѣ, результатомъ чего является хорошо извѣстный петербуржцамъ полуденный выстрѣлъ. Но пулковскимъ временемъ пользуется не только Петербургъ, но и вся Россія, такъ какъ часы въ главной телеграфной конторѣ синхронизованы (соединены электрическими проводами) съ другими часами, автоматически соединяющимися каждое утро безъ пяти минутъ восемь съ телеграфными аппаратами, которые начинаютъ отбивать дробь, передаваемую во всѣ крупныя телеграфныя конторы Россіи, чтобы приготовить служащихъ къ пріему сигналовъ времени. Первый сигналъ слѣдуетъ безъ одной минуты 8, второй—ровно въ 8 часовъ утра. Затѣмъ часы автоматически выключаются изъ телеграфныхъ аппаратовъ. Такимъ образомъ разъ въ сутки пулковское время, результатъ точныхъ наблюденій обсерваторіи, передается во всѣ концы Россіи.

Надъ центральной залой въ восьмиконечной галлереѣ, окружающей во второмъ этажѣ сводъ, на которомъ покоится башня 15-дюймоваго рефрактора, находится величайшая въ мірѣ астрономическая библіотека, заключающая въ себѣ свыше 50.000 книгъ и брошюръ.

Надъ главнымъ зданіемъ находятся три башни. Въ двухъ крайнихъ установлены астрографы, приборы для фотографированія небесныхъ свѣтилъ, въ средней—15-дюймовый рефракторъ, находящійся въ обсерваторіи съ самаго дня ея открытія и бывшій въ теченіе многихъ лѣтъ первымъ въ мірѣ по величинѣ и силѣ.

Вмѣстѣ съ обсерваторіей 15-дюймовый рефракторъ также является юбиляромъ, вписавшимъ въ теченіе 75-ти лѣтъ въ лѣтописи Пулковской обсерваторіи много свѣтлыхъ, безсмертныхъ страницъ. При помощи его отецъ и сынъ Струве составили знаменитые Пулковскіе каталоги двойныхъ звѣздъ, равныхъ которымъ нѣтъ ни въ одной обсерваторіи. Могучимъ глазомъ этого телескопа въ 1843 году В. Я. Струве послѣдній наблюдалъ на землѣ знаменитую комету Біэлы, распавшуюся затѣмъ въ метеорный потокъ, а въ 1851 году открылъ темное кольцо около Сатурна. Кромѣ этихъ открытій могучимъ глазомъ этого телескопа, пулковскіе астрономы пользовались всякій разъ, когда надо пронаблюдать вновь открытую слабую комету или какое-нибудь другое слабое свѣтило нашего неба.

Въ западной башнѣ въ 1891 году для фотографированія неба былъ установленъ, благодаря хлопотамъ академика Ѳ. А. Бредихина, большой, нормальный астрографъ. Во время послѣдняго затменія солнца 4 апрѣля 1912 года, бывшаго въ Пулковѣ частнымъ, С. К. Костинскій получилъ этимъ астрографомъ впервые внѣ полной фазы затменія при помощи свѣтофильтровъ, изготовленныхъ Г. А. Тиховымъ, фотографію солнечнаго протуберанса. Лѣтомъ 1905 года А. П. Ганскій сдѣлалъ астрографомъ свои дивные снимки солнечныхъ пятенъ и гранулъ солнечной поверхности. Обыденно же астрографомъ производятся различныя спеціальныя изслѣдованія слабыхъ небесныхъ свѣтилъ.

Совершенно отдѣльно отъ главнаго зданія расположена башня съ большимъ 30-дюймовымъ рефракторомъ.

Сооруженіе такого объектива обошлось въ 88.000 рублей, и вѣсъ его съ оправой достигаетъ 11 слишкомъ пудовъ.

Достаточно указать, что общій поперечникъ башни при высотѣ въ 50 футовъ равняется 66 футамъ, а поперечникъ залы—61 футу. Башня имѣетъ посрединѣ разрѣзъ (люкъ) для наблюденія (шириною въ 7 футовъ), который легко открывается и закрывается при помощи особой рукоятки. Общій вѣсъ подвижной части башни достигаетъ 3.000 пудовъ, но, несмотря на это, легкость ея вращенія такова, что одинъ человѣкъ можетъ въ пять минутъ сдѣлать полный оборотъ ея. Въ настоящее время вращеніе башни производится электрическимъ моторомъ.

15 іюня 1885 года въ Высочайшемъ присутствіи состоялось открытіе этого гигантскаго рефрактора, бывшаго величайшимъ въ мірѣ въ теченіе почти 15 лѣтъ. Общая стоимость всего сооруженія съ башней—330.000 рублей.

Залу наблюденій 30-дюймоваго рефрактора опоясываетъ галлерея, гдѣ помѣщается музей обсерваторіи съ коллекціей старинныхъ инструментовъ. Весной минувшаго года въ музеѣ былъ установленъ аппаратъ для пріема сигналовъ международнаго времени по радіотелеграфу съ Эйфелевой башни, для чего около башни 30-дюймоваго рефрактора находится ажурная вышка.

Рядомъ съ башней 30-дюймоваго рефрактора, нѣсколько восточнѣе, въ 1886 году было выстроено спеціальное зданіе для астрофизической лабораторіи.

Кромѣ этихъ главныхъ зданій, на территоріи обсерваторіи раскинутъ рядъ мелкихъ башенъ, принадлежащихъ частью обсерваторіи, частью Морской Академіи и Академіи Генеральнаго Штаба, присылающихъ въ Пулково своихъ офицеровъ для окончательнаго усовершенствованія подъ руководствомъ опытныхъ астрономовъ какъ въ астрономическихъ, такъ и геодезическихъ наблюденіяхъ.

Въ 1912 году Пулковская обсерваторія получила новыя средства для расширенія своей научной дѣятельности. 12 іюня 1912 года удостоился Высочайшаго утвержденія одобренный Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой законъ объ учрежденіи двухъ новыхъ отдѣленій Пулковской обсерваторіи въ Симеизѣ (Крымъ) и городѣ Николаевѣ (Херсонской губ.), которыя будутъ устроены по послѣднимъ требованіямъ астрономической науки. На первоначальное оборудованіе и устройство ассигновано 310.000 руб., и 35.700 рублей будутъ отпускаться ежегодно на содержаніе обоихъ отдѣленій.

Оканчивая настоящій очеркъ, необходимо отмѣтить, что всемірную извѣстность и безсмертіе въ лѣтописяхъ человѣческой культуры, въ частности въ астрономіи, Пулковская обсерваторія стяжала благодаря талантливымъ работамъ своихъ астрономовъ. Точность пулковскихъ наблюденій уже издавна обратила вниманіе ученыхъ всего свѣта. Она всегда стояла въ обсерваторіи на должной высотѣ, не столько благодаря самымъ лучшимъ и точнымъ инструментамъ, сколько вслѣдствіе знанія и любви къ дѣлу астрономовъ, прилагавшихъ всѣ усилія для опредѣленія ошибокъ инструмента и всѣхъ тѣхъ явленій природы, которыя въ той или иной степени могли бы вліять на точность результатовъ, какъ-то: иней, роса, колебаніе температуры и давленія, въ холодныя зимнія ночи теплота самого наблюдателя, сотрясенія почвы, вліяніе вѣтра и т. д. Еще Бессель говорилъ, что хорошій инструментъ въ рукахъ безпечнаго и неопытнаго наблюдателя теряетъ свои достоинства, а плохой инструментъ при искусномъ и умѣломъ пользованіи даетъ цѣнные результаты. Въ Пулковской же обсерваторіи мы имѣемъ счастливое сочетаніе дивныхъ инструментовъ съ искусными опытными наблюдателями.

Война въ пятой стихіи.

Очеркъ **Н. Инсарова**.

I.

Наша послѣдняя японская война и война Италіи въ Триполитаніи окончательно убѣдили въ томъ, что военный воздушный флотъ при современныхъ условіяхъ войны необходимъ и можетъ оказать незамѣнимыя, громадныя, а зачастую и неожиданныя услуги.

Серьезно отнеслось къ этому военное министерство Германіи и въ особенности Франціи.

Несомнѣнно, что начавшаяся война окончательно выяснитъ значеніе воздушнаго флота и, быть-можетъ, дастъ толчокъ къ будущему образованію и организаціи громадныхъ военныхъ флотилій. Конечно, тѣ силы, съ которыми сейчасъ выступаютъ въ воздухѣ воюющія страны, не велики. Къ сожалѣнію, точно опредѣлить количество военныхъ кораблей и летательныхъ аппаратовъ въ данный моментъ невозможно, но цифры и размѣры воздушныхъ флотовъ воюющихъ державъ къ началу 1914 года не составляютъ секрета. Такимъ образомъ приведенныя ниже цифры воздушныхъ судовъ есть цифры минимальныя, и надо полагать, что въ прошедшее полугодіе воздушные флоты сильно были увеличены, ибо для кого же могло остаться секретомъ непремѣнное желаніе Германіи подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ начать войну съ своими противниками.

Наиболѣе серьезно и энергично работали надъ дѣломъ воздушнаго флота Германія и Франція.

Воздушный флотъ Германіи состоитъ изъ аэроплановъ и дирижаблей. Въ общемъ, Германія въ настоящее время, принимая во вниманіе, что погибшіе въ прошломъ году два большихъ морскихъ дирижабля Цеппелина еще не замѣнены новыми, обладаетъ не болѣе, какъ 18 дирижаблями *) различныхъ размѣровъ, постройки 1909—1910 гг., общей емкостью около 200.000 куб. метровъ и общей мощностью двигателей въ 5.500 лошадиныхъ силъ. Въ это число входятъ 7 дирижаблей I-го класса типовъ Цеппелина и Шютте-Ланцъ, 5 дирижаблей II-го класса типа Парсефаль и Гросса. Остальные управляемые аэростаты принадлежатъ къ III-му классу. Въ число упомянутыхъ воздушныхъ крейсеровъ германскаго флота включено 5 дирижаблей, принадлежащихъ частнымъ воздухоплавательнымъ обществамъ. Дирижабли эти, впрочемъ, приспособлены къ пассажирскимъ полетамъ и потому не имѣютъ большого боевого значенія. Число же аэроплановъ, находящихся въ обладаніи Германіи, если допустить,

*) Изъ нихъ, по телеграфнымъ свѣдѣніямъ, два уже погибло благодаря Гарро и удачнымъ выстрѣламъ пушекъ Льежа.

Библиотека "Руниверс"

что всѣ частные авіаторы будутъ привлечены къ военнымъ дѣйствіямъ, достигнетъ 600.

Теперешній военный союзникъ Германіи—Австро-Венгрія—хотя и намѣтила планъ общей организаціи воздушныхъ силъ, но война прервала эту работу и не допустила до ея окончательнаго завершенія. Можно только сказать, что воздушный флотъ Австро-Венгріи заключаетъ въ себѣ 180—200 аэроплановъ и 4 дирижабля.

Франція влюблена въ свой воздушный флотъ и можетъ насчитать среди своихъ аэронавтовъ многихъ въ высокой степени талантливыхъ и знающихъ дѣло летчиковъ. Въ различныхъ пунктахъ Франціи устроены воздушные порты, и на всѣхъ этихъ портахъ расположены въ общемъ 10 авіаціонныхъ секцій, 4 аэростатическихъ роты и 3 роты авіаціонныхъ. Въ настоящее время Франція имѣетъ около 10 боеспособныхъ дирижаблей, а число аэроплановъ, считая также и аэропланы частные, достигаетъ 1.000.

Англія сначала не довѣряла военной пригодности воздушнаго флота, но въ послѣднее время завела и у себя управляемые аэростаты, но они предназначены главнымъ образомъ для нуждъ флота. Воздушный флотъ Англіи распадается на флотъ метрополіи и на флотъ различныхъ англійскихъ колоній. Метрополія имѣетъ въ настоящее время 5 управляемыхъ аэростатовъ общей емкостью въ 30—35.000 куб. метровъ и около 180—200 аэроплановъ.

Произведемъ приблизительный подсчетъ воздушнаго флота тройственнаго союза и соглашенія. Германіи и Австро-Венгріи принадлежатъ 22 дирижабля и 800 аэроплановъ различныхъ типовъ и размѣровъ. Противъ этого флота государства тройственнаго согласія могутъ выставить 22—23 аэростата и никакъ не меньше 1.600 аэроплановъ. Къ этому числу надо еще прибавить воздушный флотъ Бельгіи, доблестно ведущей войну съ нарушившей ея нейтралитетъ Германіей. Бельгія обладаетъ 70 аэропланами и 3 военными дирижаблями.

Такимъ образомъ мы видимъ, что воздушныя силы тройственнаго соглашенія по крайней мѣрѣ въ два раза превосходятъ силы своего врага. Правда, Германія болѣе сильна своими аппаратами легче воздуха — дирижаблями. Но что касается аэроплановъ, то они могутъ быть выставлены Россіей, Франціей, Англіей и Бельгіей въ количествѣ вдвое большемъ. Но, быть-можетъ, въ боевомъ дѣлѣ именно дирижабли и представляютъ собой наиболѣе грозную силу? Мнѣнія многихъ авторитетовъ сходятся въ томъ, что дирижабли благодаря своей громоздкости неповоротливы, а потому и легко уязвимы со стороны артиллеріи. Кромѣ того, дирижабли при полетѣ не могутъ достигать такой высоты, какъ аэропланы, что опять-таки дѣлаетъ ихъ легко уязвимыми для ружейныхъ пуль и артиллерійскихъ снарядовъ.

II.

Когда люди, мало знакомые съ затронутымъ вопросомъ, представляютъ себѣ роль, которую, по ихъ мнѣнію, будутъ играть воздушные флоты въ современной войнѣ, то они полагаютъ, что роль эта сведется къ метанію бомбъ съ аэроплановъ. Такъ, впрочемъ, рисуется это и тѣмъ многочисленнымъ авторамъ, которые написали множество политическихъ романовъ, рисуя въ нихъ будущую войну. Имъ представляется, что тысячи летчиковъ, забравъ съ собою сотни тысячъ бомбъ, подымутся въ воздухъ на недосягаемую высоту и оттуда начнутъ метать свои разрушительные мячи. Достаточно такимъ образомъ какого-нибудь часа, чтобы поле сраженія покрылось грудами тѣлъ непріятеля отъ небесной артиллеріи, чтобы крѣпости превратились въ груды развалинъ, чтобы города были уничтожены до основанія. Сверху летчикъ, ничѣмъ не рискуя, начнетъ бросать бомбы страшной разрывной силы и уничтожать по произволу зданія, пороховые склады, мосты, помѣщеніе главнаго штаба, свиту главнокомандующаго, погубитъ и самого военачальника, разрушитъ любую батарею и даже самый мощный сверхъ-дредноутъ пустить ко дну, какъ яичную скорлупу. Напрасно человѣчество строило и выводило мощныя стѣны крѣпостей, тщетны окопы, безполезны морскіе гиганты, закованные въ броню, тщетна артиллерія и все то, что изобрѣлъ до сихъ поръ геній войны. Все будетъ разрушено въ нѣсколько дней!

Если все это такъ, то, конечно, война при большомъ, хорошо организованномъ, воздушномъ флотѣ невозможна. До сихъ поръ война велась въ четырехъ стихіяхъ: на землѣ, подъ землею, на водѣ и подъ водой. Но вотъ явился новый соперникъ, новое орудіе войны—и война перенесена въ облака. Невидимый, неуязвимый и недосягаемый, новый врагъ сталъ внѣ границъ боя и, пользуясь разрушительной силой бомбъ, легко можетъ уничтожить своихъ противниковъ.

Такъ рисуютъ себѣ будущую войну очень и очень многіе, но они глубоко заблуждаются.

Многими французскими летчиками въ видѣ опыта производились воздушныя бомбардировки, и надо сказать, что эти бомбардировки были довольно удачны. Такіе же опыты были произведены и нѣмецкими летчиками и дали болѣе чѣмъ удовлетворительные результаты: бомбы достигали 50% попаданія. Но такіе успѣхи еще ничего не доказываютъ, потому что они были произведены въ обстановкѣ, далекой отъ той, съ которой эти летчики встрѣтятся въ условіяхъ военнаго времени. Они метали свои снаряды съ высоты всего въ 200—220 саженъ, что врядъ ли имъ удастся сдѣлать на театрѣ военныхъ дѣйствій. Конечно же, тамъ имъ придется обезопасить себя отъ выстрѣловъ и раньше, чѣмъ начать метаніе, подняться на высоту 1.000, а то и болѣе метровъ (около версты), а многіе полагаютъ, что въ современной войнѣ летчикъ можетъ считать себя безопаснымъ, поднявшись лишь на $1^1/_2$, а то и на 2 версты.

Кромѣ того, продѣланные опыты съ метаніемъ бомбъ производились по неподвижной цѣли, на знакомомъ мѣстѣ, и при этомъ по цѣли, хорошо видной, да вдобавокъ еще и при прекрасной погодѣ. Конечно, всѣ эти условія въ военное время будутъ отсутствовать. Летчикъ долженъ будетъ работать и въ дурную погоду и при вѣтрѣ, относящемъ въ сторону метательный снарядъ. Летчику придется тутъ же вѣрно опредѣлить скорость движенія его аппарата, опредѣлить разстояніе отъ цѣли, скорость вѣтра и пр. Правда, теперь существуетъ для всего этого цѣлый рядъ приборовъ и таблицъ, но тѣмъ не менѣе задача метанія осталась дѣломъ весьма труднымъ, а успѣхи — чисто случайными.

Но если невозможно попаданіе въ опредѣленную цѣль, если невозможно направленіе метательнаго снаряда на опредѣленное зданіе, мѣсто и пр., то, можетъ-быть, возможно метаніе на болѣе или менѣе значительную площадь, каковой представляется крѣпость, городъ, портъ, военный лагерь, движущіяся колонны войскъ и пр. Въ такихъ случаяхъ нѣтъ надобности дѣлать вычисленія и мѣтить въ опредѣленный пунктъ. Достаточно воздушной флотиліи налетѣть на крѣпость или укрѣпленный лагерь, достаточно летчикамъ выбросить свои снаряды—и крѣпость уничтожена, окопы разрушены, и войска приведены въ смятеніе, при которомъ они уже дѣлаются неспособными къ защитѣ.

Ничуть не бывало. Правда, задача метанія бомбъ съ выси на обширную площадь до безконечности упрощаетъ задачу, но въ то же самое время и дѣлаетъ ее безцѣльной. Брошенная съ высоты бомба не такъ страшна по своему разрушительному дѣйствію, какъ это кажется. Нѣмецкимъ полковникомъ фонъ-Штокгаузеномъ была вычислена сила снаряда, брошеннаго на землю съ той высоты, которая можетъ быть названа боевою высотою, т.-е. на разстояніи $1^1/_2$ тысячи футовъ отъ земли. Снарядъ, брошенный съ такой высоты, достигаетъ земли со скоростью 300 футовъ въ секунду, а это сильно ослабляетъ его взрывающую силу. Можно разсчитывать на успѣхъ только такого снаряда, который заключаетъ въ себѣ лишь большое количество взрывчатыхъ веществъ и который, слѣдовательно, даже при ослабленномъ дѣйствіи можетъ дать эффектъ. Но такой снарядъ долженъ вѣсить около 4—5 пудовъ. Такого груза аэропланъ метать не можетъ, потому что грузоподъемность этихъ аппаратовъ не такъ велика, чтобы брать съ собою сотни пудовъ. Теперешній самолетъ можетъ взять не болѣе 200 бомбъ по $2^1/_2$ фунта каждая, и, слѣдовательно, нуженъ колоссальный воздушный флотъ, чтобы бросить на землю то количество разрывныхъ снарядовъ, которое могло бы причинить мало-мальски серьезное пораженіе и произвести большія разрушенія.

Гудзонъ Максимъ, извѣстный спеціалистъ по вопросамъ о взрывчатыхъ веществахъ, тоже утверждаетъ, что воздушный флотъ, поскольку дѣло идетъ о метаніи бомбъ, объ уничтоженіи такимъ путемъ крѣпостей, броненосцевъ и городовъ, не выдерживаетъ серьезной критики. Для этого надо было бы изобрѣсти взрывчатыя вещества несравненно большей силы, чѣмъ существующія сейчасъ, и только тогда летчикъ могъ бы превратиться въ воздушнаго артиллериста и удачно дополнить, а можетъ-быть, отчасти даже и замѣнить существующую артиллерію. При теперешнихъ же условіяхъ; при великолѣпныхъ и дальнобойныхъ орудіяхъ, при 100-пудовыхъ бомбахъ артиллерія производитъ несравненно болѣе сильный эффектъ, чѣмъ метаніе летчиками двухфунтовыхъ бомбочекъ съ высоты.

Нѣкоторые военные авторитеты согласны съ тѣмъ, что и въ самомъ дѣлѣ воздушный флотъ пока что не можетъ быть сравниваемъ съ артиллеріей, но что тѣмъ не менѣе метаніе бомбъ съ высоты, паденіе ихъ на головы врага съ заоблачной выси должно произвести моральное, психическое воздѣйствіе. Если такія бомбы не причинятъ болѣе или менѣе серьезнаго, вреда—говорятъ нѣкоторые военные,—то онѣ могутъ вызвать панику среди непріятеля, лишить войска боевого воодушевленія, вызвать невольный страхъ, а это уже много.

Врядъ ли и это правильно. Къ воздушной бомбардировкѣ и „воздушнымъ набѣгамъ“ привыкнутъ арміи такъ же быстро, какъ и ко всему остальному, тѣмъ болѣе, что, какъ мы уже сказали, метаніе бомбъ сверху для непріятеля менѣе опасно, чѣмъ артиллерійская канонада. Въ этомъ смыслѣ имѣется уже нѣкоторый опытъ. Въ послѣднюю итальянскую войну, когда поручикъ Говатти въ первый разъ бросилъ бомбу близъ оазиса Айнъ-Зара 19 октября 1911 года, бомба эта попала въ арабскій лагерь. Она произвела поразительный эффектъ и вызвала всеобщую панику. Однако послѣдующія бомбардировки летчиковъ и ихъ воздушные набѣги принимались уже арабами довольно равнодушно и не только не пугали ихъ, но вызывали „разстрѣлъ аэроплановъ“. Арабы начали разстрѣливать аэропланы и, какъ сообщаютъ, разстрѣливали ихъ довольно успѣшно.

Можно еще указать и на „воздушные набѣги“ болгарскихъ летчиковъ въ послѣднюю турецкую войну, пробовавшихъ бомбардировать Адріанополь. И этотъ недавній опытъ показалъ, что воздушная артиллерія не страшна.

Такимъ образомъ то, чѣмъ особенно страшенъ на войнѣ воздушный флотъ въ глазахъ публики, можетъ лишь увлекать фантазію романистовъ.

Библиотека "Руниверс"

Но если это такъ, то почему же вопросъ о воздушномъ флотѣ обращаетъ на себя въ послѣднее десятилѣтіе такое огромное вниманіе со стороны военныхъ сферъ и военныхъ министерствъ? Почему въ послѣднее время произведены значительныя затраты на созданіе воздушныхъ военныхъ флотовъ, и почему многіе авторитетные люди указываютъ на летчиковъ, какъ на серьезныхъ и необходимыхъ участниковъ будущей войны? Потому что у воздушнаго флота есть своя задача, но только она заключается не въ метаніи бомбъ въ непріятеля, а въ развѣдочной службѣ и направленіи артиллерійскаго огня.

Въ современномъ бою артиллерія играетъ громадную роль, и, какъ показала намъ послѣдняя славяно-турецкая война, артиллерійскій огонь зачастую рѣшалъ дѣло. Но по мѣрѣ того, какъ артиллерійскія орудія пріобрѣтали все бо́льшую и бо́льшую мѣткость и дальнобойность, батареи все дальше и дальше отодвигались другъ отъ друга и стали прятаться за прикрытія. Теперь уже немыслимо выставить артиллерійскую батарею на возвышенное мѣсто съ такимъ расчетомъ, чтобы она могла видѣть батареи непріятеля. Въ нашу войну съ японцами мы въ этомъ вполнѣ убѣдились. Мы въ первое время этой войны ставили свои батареи на возвышенностяхъ и на гребняхъ сопокъ, чтобы огонь этихъ батарей былъ мѣткимъ и дѣйствительнымъ. Этотъ расчетъ оказался правильнымъ, но тѣмъ не менѣе не достигающимъ цѣли, потому что огонь японцевъ быстро поражалъ нашихъ артиллеристовъ и приводилъ въ негодность наши орудія.

Такимъ образомъ артиллерія сама себя убила. При мѣткости огня и при возможности стрѣлять на далекія разстоянія, артиллерійскія батареи скрылись за горизонтомъ или за прикрытіями и стали невидимыми другъ другу. Въ послѣднюю войну уронъ, причинявшійся намъ японской артиллеріей, былъ сравнительно ничтоженъ, несмотря на то, что артиллерійское дѣло у нихъ было поставлено болѣе чѣмъ удовлетворительно. Одинъ военный писатель произвелъ подсчетъ выпущенныхъ японцами снарядовъ и тотъ уронъ, который причинили эти снаряды, и пришелъ къ выводу, что нѣсколько сотъ выпущенныхъ шрапнелей приходилось на 1—2 жертвы. Конечно, такой подсчетъ производился не въ дни большихъ боевъ, которые, какъ извѣстно, бываютъ не такъ часто и приниматься въ расчетъ въ данномъ случаѣ не могутъ. Въ нашихъ войскахъ говорили: „Палять, бывало, японскія батареи цѣлый день, а справишься къ вечеру и узнаешь, что нѣсколько нашихъ было тронуто“... Наши офицеры-артиллеристы прозвали японскія шрапнели „ракетами“. И въ самомъ дѣлѣ, эти шрапнели рвались обыкновенно очень эффектно, съ большимъ трескомъ, давали красивое облачко дыма, но при этомъ рвались высоко и падали за цѣпью, т.-е. тамъ, гдѣ никого не было. Вѣроятно, и нашъ артиллерійскій огонь причинялъ такъ же мало вреда японцамъ. И они и мы посылали снаряды въ пространство и надѣялись на простой случай, на слѣпую удачу, и только. Мы не видѣли врага, и врагъ не видѣлъ насъ. Такъ, напримѣръ, говорятъ, что въ бояхъ подъ Ляояномъ, Шахэ, Дашичао, Хайченомъ и Айсядзаномъ артиллерійскій огонь японцевъ все время давалъ большой перелетъ, и снаряды падали въ пустомъ, незанятомъ войсками, полѣ.

Какъ видимъ, современная артиллерія, такъ сказать, ослѣпла, и ей стали нужны если не глаза, то по крайней мѣрѣ хорошіе очки. Вотъ этими-то очками, очевидно, и суждено быть летательнымъ аппаратамъ.

Полковникъ Эстьенъ говоритъ, что „артиллерія умираетъ отъ того, что она слѣпнетъ, а поэтому теперь рекомендуются усиленно аэропланы точно такъ же, какъ прежде рекомендовались высокія лѣстницы для наблюденія за огнемъ“. И въ самомъ дѣлѣ, безъ преувеличенія можно сказать, что летчики способны дать зрѣніе артиллеріи и этимъ путемъ снова вернуть ей мѣткость огня. Одинъ воздухоплаватель пишетъ, что „во Франціи были произведены опыты, могутъ ли летчики наблюдать за дѣйствіемъ огня артиллеріи и сообщать ей всѣ необходимыя свѣдѣнія. Результаты получились столь блестящіе, что ихъ не ждали даже самые горячіе сторонники военнаго лета. Огонь артиллеріи становился столь же мѣткимъ, какъ если бы командующій имъ стоялъ невдалекѣ отъ мѣста паденія снарядовъ и видѣлъ ясно дѣйствіе ихъ“.

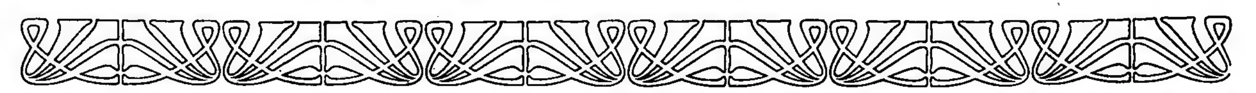
Достаточно летчику подняться надъ поверхностью земли, и, вооружившись сильнымъ биноклемъ, онъ можетъ отчетливо не только видѣть расположеніе боевыхъ силъ непріятеля и его артиллеріи, но точно подсчитать количество войскъ и орудій. Ему ничего не стоитъ всѣ свои наблюденія передать командиру своей батареи и направить огонь этой батареи по ставшей уже видимой цѣли. Для этого нѣтъ надобности прибѣгать даже къ безпроволочному телеграфу или телефону. Летчику надо знать только 4 сигнала: „перелетъ“, „недолетъ“, „направо“ и „налѣво“, да еще, пожалуй пятый сигналъ—„вѣрно“. Первый снарядъ установленной батареи можетъ дать, скажемъ, перелетъ; второй—недолетъ, направо и налѣво, а уже съ пятаго выстрѣла огонь станетъ настолько мѣткимъ, какъ если бы командиръ батареи находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ непріятеля.

При такихъ условіяхъ огонь современныхъ орудій можетъ быть дѣйствительно страшнымъ. Впрочемъ, такого рода опыты были уже сдѣланы итальянскими летчиками въ войну въ Триполитаніи. Когда турецко-арабскія войска произвели общую атаку на позиціи итальянцевъ, то населеніе Триполи увидѣло, что въ воздухъ поднялась полотняная птица и стала флагами сигнализировать артиллеристамъ броненосца „Карло Альберто“. Послѣ трехъ первыхъ повѣрочныхъ сигналовъ на аэропланѣ былъ поднятъ огромныхъ размѣровъ красный флагъ. Онъ означалъ: „прицѣлъ правиленъ“. Не прошло и минуты, какъ броненосецъ „Карло Альберто“, не могшій видѣть врага и, въ свою очередь, скрытый отъ него, сталъ забрасывать турецкій лагерь градомъ шрапнелей. Огонь былъ мѣтко направленъ на оазизъ Аинъ-Зару и на размѣщенныя поблизости турецкія батареи. Одинъ изъ очевидцевъ этого боя разсказывалъ корреспонденту парижской газеты, что снаряды съ броненосца попадали именно туда, куда надо, т.-е. въ самую гущу турецкихъ войскъ. Насколько дѣйствительнымъ оказался этотъ огонь пушекъ броненосца, служитъ то обстоятельство, что черезъ 15 минутъ турки вынуждены были бѣжать, оставивъ на мѣстѣ груды труповъ и нѣсколько орудій.

Извѣстный французскій авіаторъ Роландъ Гарро, прославившійся полетомъ черезъ Средиземное море и установившій всемірный рекордъ высоты, обезсмертилъ свое имя патріотическимъ подвигомъ: поднявшись на аэропланѣ, атаковалъ нѣмецкій дирижабль „Цеппелинъ“ и, пробивъ его корпусъ, привелъ его къ гибели. Вмѣстѣ съ врагомъ погибъ и самъ Гарро.

Первые же опыты артиллерійской стрѣльбы съ помощью сигнализаціи съ аэроплановъ, произведенные во Франціи, положительно поразили артиллеристовъ. Съ тѣхъ поръ знатоки артиллерійскаго дѣла стали настаивать на томъ, чтобы при каждой батареѣ непремѣнно были два аэроплана и два летчика — одинъ дѣйствующій, другой запасной, и чтобы они служили очами батареи. Одинъ изъ лучшихъ французскихъ артиллеристовъ, полковникъ Бернаръ, сказалъ: „Двѣ батареи съ летчикомъ въ пять разъ сильнѣе трехъ батарей безъ летчика“.

(Окончаніе слѣдуетъ).



Библиотека "Руниверс"

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ Великій Князь Алексѣй Николаевичъ. Къ исполнившемуся 30 іюля с. г. 10-лѣтію со дня рожденія. По фот. К. Ганъ.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ:

Немного дней тому назадъ Манифестомъ Нашимъ оповѣстили Мы русскій народъ о войнѣ, объявленной Намъ Германіей.

Нынѣ Австро-Венгрія, первая зачинщица міровой смуты, обнажившая посреди глубокаго мира мечъ противъ слабѣйшей Сербіи, сбросила съ себя личину и объявила войну не разъ спасавшей ее Россіи.

Силы непріятеля умножаются: противъ Россіи и всего славянства ополчились обѣ могущественныя нѣмецкія державы. Но съ удвоенною силою растетъ навстрѣчу имъ справедливый гнѣвъ мирныхъ народовъ, и съ несокрушимою твердостью встаетъ предъ врагомъ вызванная на брань Россія, вѣрная славнымъ преданіямъ своего прошлаго.

Видитъ Господь, что не ради воинственныхъ замысловъ или суетной мірской славы подняли Мы оружіе, но, ограждая достоинство и безопасность Богомъ хранимой Нашей Имперіи, боремся за правое дѣло. Въ предстоящей войнѣ народовъ Мы не одни: вмѣстѣ съ Нами встали доблестные союзники Наши, также вынужденные прибѣгнуть къ силѣ оружія, дабы устранить, наконецъ, вѣчную угрозу германскихъ державъ общему миру и спокойствію.

Да благословитъ Господь Вседержитель Наше и союзное Намъ оружіе, и да поднимется вся Россія на ратный подвигъ съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ 26-й день іюля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четырнадцатое, Царствованія же Нашего въ двадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ".

Великая европейская война.

Первыя недѣли со дня объявленія войны тянутся медленно и тяжко. Для военныхъ это — пора напряженныхъ подготовительныхъ работъ по сформированію, передвиженію и сосредоточенію колоссальныхъ войсковыхъ массъ, для широкой публики—пора томительныхъ ожиданій, угнетающихъ тревогъ и самыхъ фантастическихъ вымысловъ, рождающихся изъ тьмы временнаго бездѣйствія. Въ сущности, ничего важнаго и рѣшительнаго до сихъ поръ ни на одномъ фронтѣ войны не произошло, да и не могло произойти, уже по одному тому, что главныя силы всѣхъ армій еще не успѣли прибыть на поля сраженій. Поэтому всякіе успѣхи и неудачи носятъ пока чисто временный и какъ бы случайный характеръ. Что сегодня взято, то завтра же можетъ быть отдано почти безъ сопротивленія при сосредоточеніи большихъ непріятельскихъ силъ, а послѣзавтра, съ прибытіемъ новыхъ подкрѣпленій, опять взято обратно. Болѣе или менѣе прочными могутъ считаться развѣ только успѣхи сербской арміи, отбившей на разныхъ пунктахъ границы отъ Бѣлграда до Семендріи и Шабаца семь попытокъ австрійцевъ къ наступленію и не позволившей ни одному непріятельскому солдату вступить на сербскую территорію. Сербская мобилизація прошла несравненно лучше и закончилась значительно быстрѣе, чѣмъ австрійская, поэтому защита границъ оказалась успѣшнѣе, чѣмъ предполагалось. Необходимость выставить сильную армію противъ Россіи вынудила австрійцевъ оттянуть много войска съ сербской границы и позволила сербамъ и черногорцамъ перейти въ наступленіе. Маленькая черногорская армія уже вторглась въ Герцеговину, незначительные сербскіе отряды тоже проникли вглубь австрійской территоріи. Дальнѣйшее развитіе наступательныхъ дѣйствій Сербіи вполнѣ зависитъ однако отъ степени безопасности ея тыла, которому угрожаютъ болгарская и турецкая мобилизаціи. Слѣдовательно, и на южномъ фронтѣ войны, впредь до выясненія политической позиціи балканскихъ державъ, достигнутые успѣхи сербскаго оружія еще не могутъ считаться прочными и окончательными.

Болѣе рѣшающую роль на западномъ фронтѣ войны сыграло героическое сопротивленіе бельгійской арміи и покрывшихъ себя неувядаемою славою фортовъ Льежа. Они отбили рядъ германскихъ атакъ, нанесли огромный уронъ германской арміи (до 25.000 выбывшихъ изъ строя) и на цѣлыхъ десять дней задержали ея стремительное движеніе, давъ тѣмъ самымъ время для сосредоточенія и мобилизаціи французскихъ войскъ. Неудачи осаждающей арміи произвели потрясающее впечатлѣніе въ Берлинѣ. Германскій императоръ пригрозилъ лишить воинскаго званія весь корпусъ, если Льежъ не будетъ взятъ, и самъ прибылъ въ Аахенъ (городъ по сосѣдству съ дѣйствующею арміею). Противъ маленькой и устарѣлой крѣпости были сосредочены огромныя массы артиллеріи. Она приступила къ такъ называемой ускоренной артиллерійской атакѣ и въ теченіе двухъ дней выпустила свыше 200.000 снарядовъ. Въ результатѣ нѣкоторые болѣе слабые форты были разрушены, между дѣйствующими образовались такъ называемыя мертвыя пространства, свободныя отъ обстрѣла, по которымъ германскія войска свободно прошли къ городу Льежу и заняли его безъ сопротивленія со стороны мирныхъ гражданъ, но остальные форты не думали сдаваться и продолжали героическое сопротивленіе. Къ этому времени на помощь изнемогающей въ непосильной борьбѣ бельгійской арміи уже успѣли прибыть значительныя англійскія и французскія подкрѣпленія, и до тѣхъ поръ, пока они не будутъ уравновѣшены сосредоточеніемъ новыхъ германскихъ корпусовъ, дальнѣйшее движеніе германской арміи черезъ Бельгію можетъ считаться задержаннымъ.

Въ Эльзасѣ сами французы перешли въ энергичное наступленіе, рѣшительной фронтовой атакой взяли двойные окопы, настойчиво преслѣдовали обращеннаго въ бѣгство непріятеля, захватили Мелузу (Мюльгаузенъ), городъ съ стотысячнымъ населеніемъ, въ которомъ находится главный германскій заводъ аэроплановъ, и, двинувшись дальше на сѣверъ, овладѣли Кольмаромъ. Этотъ успѣхъ имѣлъ не столько стратегическое, сколько моральное значеніе, и вызвалъ огромный подъемъ настроенія во всей Франціи и въ Эльзасѣ. Но въ своемъ движеніи вглубь германской территоріи наступающія французскія войска непремѣнно должны были встрѣтить превосходныя силы непріятеля и подъ

Библиотека "Руниверс"

ихъ напоромъ податься назадъ. Телеграмма французскаго военнаго министра сообщаетъ, что французы ночью очистили Мюльгаузенъ, а берлинскія телеграммы хвастливо говорятъ объ истребленіи всего французскаго корпуса, проникшаго въ Эльзасъ. Въ побѣдныхъ нѣмецкихъ реляціяхъ ясно слышится лживое преувеличеніе.

На восточномъ—русскомъ фронтѣ войны царитъ выжидательное спокойствіе. И та и другая сторона впредь до сосредоточенія главныхъ силъ не позволяетъ себѣ увлекаться наступательными дѣйствіями. Частичныя наступленія происходятъ, но не имѣютъ характера серьезныхъ операцій. Судя по офиціальнымъ даннымъ, наше наступленіе около Эйдкунена было очень удачнымъ и обошлось безъ большихъ жертвъ. Кромѣ Калиша, германцы завладѣли уѣзднымъ городомъ Андреевымъ и ознаменовали свое появленіе возмутительными насиліями надъ мирнымъ населеніемъ, разстрѣломъ женщинъ и дѣтей и прочими гнусностями. Достойно вниманія героическое поведеніе уѣзднаго казначея Соколова, звѣрски разстрѣляннаго нѣмцами за то, что онъ исполнилъ свой долгъ и при вступленіи нѣмецкаго отряда сжегъ бумажныя деньги казначейства. Вторженіе австрійцевъ по направленію къ Варшавѣ встрѣтило рѣшительный отпоръ русскихъ войскъ. Австрійскіе отряды были опрокинуты къ Радзивиллову и преслѣдуемы по австрійской территоріи. Они потеряли много убитыми и плѣнными, сопротивлялись очень слабо и сдавались очень охотно. Преслѣдуя ихъ, русская кавалерія проникла верстъ на 40 вглубь австрійской территоріи. Большого стратегическаго значенія всѣ эти передвиженія, разумѣется, не имѣютъ. Сколько-нибудь важныхъ событій надо ожидать не раньше середины августа.

На морѣ военныхъ дѣйствій не было почти никакихъ. Германскій флотъ не пожелалъ вступить въ борьбу съ англійскимъ. Онъ блокировался въ портахъ Сѣвернаго моря и скрылся въ Кильскомъ каналѣ. Минировавъ Зундскіе проливы, онъ можетъ чувствовать себя въ безопасности отъ англійскихъ дредноутовъ и свободно оперировать всѣми силами противъ насъ на всемъ протяженіи Балтійскаго моря. Однако сфера дѣятельности его здѣсь не особенно широка. Нѣмцы, очевидно, не особенно рискуютъ многомилліонными броненосцами въ столкновеніи съ русскими подводными лодками, съ минными загражденіями и крѣпостною артиллеріею Кронштадта или Гельсингфорса. Ограничившись 20-минутною бомбардировкою Либавы, они благоразумно держатся вдали отъ русскихъ береговъ. Вынужденное бездѣйствіе ихъ военнаго флота передало въ распоряженіе англичанъ весь ихъ коммерческій флотъ и лишило Германію всякаго морского подвоза. Недостатокъ коммерческихъ судовъ значительно затрудняетъ производство дессанта на балтійскомъ или финляндскомъ берегахъ. Германскіе крейсера дальневосточной эскадры уже заперты въ Кіао-Чао и, повидимому, осуждены на захватъ или истребленіе превосходными силами англійскаго флота.

Альбертъ I, король бельгійскій, командующій своей арміей и получившій отъ Франціи высокое воинское отличіе — военную медаль за доблестное отраженіе отъ фортовъ Льежа нѣсколькихъ корпусовъ германскихъ войскъ.

Единеніе Царя съ народомъ.

I. Въ Зимнемъ Дворцѣ. Царь къ народу.

26 іюля 1914 года—одинъ изъ великихъ дней въ исторіи Россіи. „Въ знаменательные и тревожные дни, переживаемые всей Россіей", Государь призвалъ къ Себѣ со всѣхъ концовъ страны „лучшихъ ея людей" и,—какъ въ первый день ихъ призванія на службу родинѣ, передъ первымъ засѣданіемъ первой Государственной Думы,—Самъ пожелалъ высказать имъ Свою „увѣренность, что всѣ они, каждый на своемъ мѣстѣ, помогутъ Ему перенести ниспосланное испытаніе".

Въ этотъ незабвенный день наши народные представители—члены обоихъ законодательныхъ учрежденій—услышали незабвенныя слова, слова великой мощи и широкаго довѣрія.

Къ 11 часамъ утра въ Николаевской залѣ Зимняго Дворца собрались члены Государственной Думы во главѣ съ ея предсѣдателемъ М. В. Родзянко и члены Государственнаго Совѣта во главѣ съ и. о. предсѣдателя И. Я. Голубевымъ.

Торжественность, величіе переживаемаго передалось настроенію всѣхъ, и во всей этой массѣ людей, разныхъ по своему костюму,—отъ мужицкой поддевки до придворнаго мундира, по партійнымъ убѣжденіямъ, общественному положенію—отъ бывшаго министра-президента до волостного старшины, чувствовалось полнѣйшее единеніе. Непримиримые противники въ законодательной палатѣ дружественно пожимали другъ другу руки: В. М. Пуришкевичъ и Н. Е. Марковъ съ П. Н. Милюковымъ, октябристъ Н. И. Антоновъ съ кадетомъ К. К. Черносвитовымъ, крайне-правый А. Н. Хвостовъ съ М. А. Стаховичемъ, графъ В. Н. Коковцовъ съ кадетомъ А. И Шингаревымъ—всѣ чувствовали себя не только членами одной палаты, но и членами одной народной семьи передъ лицомъ призвавшаго ихъ Царя въ Его палатахъ.

Ровно въ 11 часовъ двери распахнулись, и въ Николаевскую залу вошелъ Государь Императоръ въ предшествіи перваго оберъ-церемоніймейстера д. т. с. бар. Корфа и оберъ-гофмаршала генералъ-адъютанта графа Бенкендорфа. За Его Величествомъ слѣдовали: Августѣйшій Верховный Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ, министръ Императорскаго Двора графъ Фредериксъ, дежурство и чины Государевой свиты.

Войдя въ залу, Государь Императоръ изволилъ обратиться къ присутствующимъ со слѣдующими словами:

Привѣтствую васъ въ нынѣшніе знаменательные и тревожные дни, переживаемые всей Россіей. Германія, а затѣмъ Австрія объявили войну Россіи. Тотъ огромный подъемъ патріотическихъ чувствъ, любви къ Родинѣ и преданности Престолу, который, какъ ураганъ, пронесся по всей землѣ Нашей, служитъ въ Моихъ глазахъ и, думаю, въ вашихъ ручательствомъ въ томъ, что Наша великая матушка-Россія доведетъ ниспосланную Господомъ Богомъ войну до желаннаго конца.

Въ этомъ же единодушномъ порывѣ любви и готовности на всякія жертвы вплоть до жизни своей Я черпаю возможность поддерживать Свои силы и спокойно и бодро взирать на будущее.

Мы не только защищаемъ свою честь и достоинство въ предѣлахъ земли своей, но боремся за единокровныхъ и единовѣрныхъ братьевъ-славянъ. И въ нынѣшнюю минуту Я съ радостью вижу, что объединеніе славянъ происходитъ также крѣпко и неразрывно со всей Россіей.

Увѣренъ, что вы всѣ и каждый на своемъ мѣстѣ поможете Мнѣ перенести ниспосланное Мнѣ испытаніе, и что всѣ, начиная съ Меня, исполнятъ свой долгъ до конца.

Великъ Богъ Земли Русской.

Слова Государя Императора были покрыты восторженными, долго несмолкавшими кликами „ура!"

Первымъ отвѣчалъ Его Императорскому Величеству статсъ-секретарь И. Я. Голубевъ, сказавшій:

„Ваше Императорское Величество! Государственный Совѣтъ повергаетъ передъ Вами, Великій Государь, проникнутыя безпредѣльною любовію вѣрноподданническія чувства и всеподданнѣйшее благодареніе за предоставленіе законодательнымъ установленіямъ нынѣ же принять участіе въ разработкѣ мѣропріятій, вызываемыхъ тяжкимъ испытаніемъ, которое, вопреки миролюбивымъ усиліямъ Вашего Величества, наступило вслѣдствіе объявленія Россіи войны двумя сосѣдними монархіями.

„Единеніе возлюбленнаго Государя и населенія Имперіи Его усугубляетъ ея мощь.

„Мы готовы на всѣ жертвы для охраненія чести и достоинства единаго, нераздѣльнаго Государства Россійскаго.

„Съ усердною молитвою къ Царю царствующихъ и Господу господствующихъ о сохраненіи нашей Родины подъ святымъ кровомъ Всевышняго мы мужественно и спокойно взираемъ на грядущее.

„Доблестное русское воинство побѣдоноснымъ отраженіемъ враговъ да увѣнчаетъ славою Державнаго Вождя всея Россіи.

Библиотека "Руниверс"

„На благо и счастіе дорогого Отечества да здравствуетъ Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ“.

Послѣ рѣчи И. Я. Голубева, покрытой долго не смолкавшими кликами „ура“, съ блестящей рѣчью обратился къ Государю М. В. Родзянко:

„Ваше Императорское Величество! Съ глубокимъ чувствомъ восторга и гордости вся Россія внимала Вашимъ словамъ Русскаго Царя, призывавшаго Свой народъ къ полному съ Нимъ единенію въ трудный часъ ниспосланныхъ Отечеству тяжкихъ испытаній.

„Государь! Россія знаетъ, что воля и мысли Ваши всегда были направляемы къ дарованію странѣ условій спокойнаго существованія и мирнаго труда, и что любвеобильное сердце Ваше стремилось къ устойчивому миру во имя охраны дорогой Вамъ жизни Вашихъ подданныхъ, но пробилъ грозный часъ; отъ мала до велика всѣ поняли значеніе и глубину развернувшихся событій, объявлена угроза благополучію и цѣлости государства, оскорблена народная честь, а честь народная намъ дороже жизни, пришла пора явить всему міру, какъ грозенъ своимъ врагамъ русскій народъ, окружившій несокрушимою стѣною своего Вѣнценоснаго Вождя съ твердою вѣрою въ небесный Промыселъ. Государь, настала пора упорной борьбы во имя охраны государственнаго достоинства, борьбы за цѣлость и неприкосновенность Русской Земли, и нѣтъ ни въ комъ изъ насъ ни сомнѣній ни колебаній. Призванное къ государственной жизни по волѣ Вашего Величества, народное представительство нынѣ предстало передъ Вами. Государственная Дума, отражающая въ себѣ единодушный порывъ всѣхъ областей России и сплоченная одною объединяющею всѣхъ мыслью, поручила мнѣ сказать Вамъ, Государь, что народъ Вашъ готовъ къ борьбѣ за честь и славу Отечества, безъ различія мнѣній, взглядовъ и убѣжденій. Государственная Дума отъ лица Русской Земли спокойно и твердо говоритъ своему Царю: „Дерзайте, Государь, русскій народъ съ Вами и, твердо уповая на милость Божію, не остановится ни передъ какими жертвами, пока врагъ не будетъ сломленъ и достоинство Родины не будетъ ограждено“.

Произнесенная горячо, съ яркимъ ораторскимъ подъемомъ и одушевленіемъ, рѣчь М. В. Родзянко была покрыта криками „ура“ и общимъ пѣніемъ народнаго гимна.

Государь Императоръ изволилъ отвѣтить на этотъ яркій взрывъ народнаго чувства:

Сердечно благодарю васъ, господа, за проявленныя вами искреннія патріотическія чувства, въ которыхъ Я никогда не сомнѣвался, и проявленныя въ такую минуту на дѣлѣ.

Отъ всей души желаю вамъ всякаго успѣха. Съ нами Богъ!

Радостное, воодушевленное „ура“ и пѣніе „Спаси, Господи, люди Твоя“ долго оглашали залу Дворца и заключили торжество.

Министръ иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновъ.

Члены Государственной Думы и значительное число членовъ Государственнаго Совѣта направились изъ Зимняго Дворца въ Таврическій Дворецъ, гдѣ состоялось въ 3 ч. 35 м. дня историческое засѣданіе.

II. Въ Таврическомъ Дворцѣ. Народъ къ Царю.

На слова Государя, сказанныя въ Зимнемъ Дворцѣ, народъ въ лицѣ своихъ представителей, отъ всѣхъ его сословій и національностей, далъ горячій единодушный отвѣтъ въ стѣнахъ Государственной Думы.

Засѣданію предшествовалъ молебенъ. Служилъ членъ Гос. Думы

Члены Государственной Думы, направляющіеся 26 іюля с. г. изъ Зимняго Дворца, послѣ Высочайшаго пріема, въ Государственную Думу.
По фот. Ю. Штейнберга.

Библиотека "Руниверс"

преосвященный Анатолій въ сослуженіи съ думскимъ духовенствомъ.

Первыми словами Гос. Думы былъ возгласъ ея предсѣдателя: „Да здравствуетъ Государь Императоръ!“

Какъ только стихли звуки привѣтственнаго „ура“, М. В. Родзянко обратился къ членамъ Гос. Думы съ рѣчью:

„Господа члены Государственной Думы. Государю Императору благоугодно было въ трудный часъ, переживаемый отечествомъ, созвать Государственную Думу во имя единенія русскаго Царя съ вѣрнымъ Ему народомъ.

„Государственная Дума уже отвѣтила своему Государю на Его призывъ на сегодняшнемъ Высочайшемъ пріемѣ.

„Мы всѣ знаемъ хорошо, что Россія не желаетъ войны, что русскій народъ чуждъ завоевательныхъ стремленій. Но самой судьбѣ угодно было втянуть насъ въ военныя дѣйствія. Жребій брошенъ, и во весь ростъ всталъ передъ нами вопросъ объ охранѣ цѣлости и единства государства.

„Въ этомъ небываломъ еще въ міровой исторіи стремительномъ круговоротѣ событій отрадно видѣть то величіе и преисполненное достоинства спокойствіе, которое охватило всѣхъ безъ исключенія и которое ярко и безъ лишнихъ словъ подчеркиваетъ передъ всѣмъ міромъ величавую силу русскаго духа.

(*Бурные аплодисменты на всѣхъ скамьяхъ. Клики „ура!“*)

„Спокойно и безъ задора мы можемъ сказать нападающимъ на насъ: „Руки прочь“.

(*Бурные аплодисменты и клики „ура“*).

„Не дерзайте касаться нашей святой Руси. Народъ нашъ миролюбивъ и добръ, но страшенъ и могучъ, когда вынужденъ за себя постоять.

(*Бурные аплодисменты*).

„Смотрите, — можемъ мы сказать: — вы думали, что насъ раздѣляютъ раздоръ и вражда, а между тѣмъ всѣ народы, населяющіе Россію, слились въ одну братскую семью, когда общему отечеству грозитъ бѣда.

(*Бурные аплодисменты*).

„И не повѣситъ головы въ уныніи русскій богатырь, какія бы испытанія ни пришлось ему переживать. Все вынесутъ его могучія плечи, и, отразивъ врага, вновь засіяетъ миромъ, счастьемъ и довольствомъ единая, нераздѣльная родина во всемъ блескѣ своего несокрушимаго величія.

(*Аплодисменты на всѣхъ скамьяхъ*).

„Гг. члены Государственной Думы. Въ этотъ часъ наши мысли и пожеланія—тамъ, на границахъ нашихъ, гдѣ безтрепетно идутъ въ бой наша доблестная армія, нашъ славный флотъ. Мы мысленно тамъ, гдѣ наши дѣти и братья съ присущей имъ доблестью защищаютъ наше отечественное величіе.

Генералиссимусъ французской арміи, генералъ Жозефъ Жоффръ.

Англійскій военный министръ лордъ Китченеръ.

„Помоги имъ Всевышній Господь, укрѣпи ихъ и защити, а наши горячія пожеланія успѣха и славы будутъ всегда съ ними, нашими героями.

„Мы, оставшіеся дома, должны работать, не покладая рукъ, въ дѣлѣ обезпеченія оставшихся безъ своихъ кормильцевъ семей, и пусть въ арміи нашей знаютъ, что не только на словахъ, но и на дѣлѣ мы не допустимъ ихъ до острой нужды“.

Бурные аплодисменты всей залы заключили слова этой блестящей рѣчи. Рукоплесканія пронеслись по всѣмъ скамьямъ отъ крайней правой до крайней лѣвой стороны и встрѣтились съ аплодисментами въ ложѣ Государственнаго Совѣта и въ креслахъ высшихъ представителей правительства, находившагося въ полномъ составѣ съ И. Л. Горемыкинымъ во главѣ, съ громовыми оваціями предсѣдателю въ трибунѣ для публики и въ ложѣ печати. Охватившее всѣхъ патріотическое чувство вылилось въ свѣтлыхъ звукахъ національнаго гимна, исполненнаго всѣми присутствовавшими,—въ мѣстахъ членовъ Гос. Думы и на хорахъ для публики.

Дальнѣйшій ходъ засѣданія былъ рядомъ восторженныхъ овацій и привѣтствій нашимъ доблестнымъ братьямъ-славянамъ, союзникамъ и друзьямъ—Франціи, Англіи и Бельгіи. М. В. Родзянко доложилъ привѣтственныя телеграммы отъ предсѣдателя сербской и черногорской народныхъ скупщинъ. Выслушавъ эти привѣтствія, Гос. Дума и всѣ присутствовавшіе, поднявшись со своихъ мѣстъ, устроили бурную овацію присутствовавшему въ дипломатической ложѣ сербскому посланнику П. Сполайковичу. Аплодисментами и долго несмолкавшими оваціями вся Гос. Дума, члены правительства, публика, печать привѣтствовали затѣмъ посла Франціи — М. Палеолога, Англіи — сэра Д. Бьюкенена и Бельгіи—К. Буиссерэ. Всѣмъ парламентамъ этихъ союзныхъ и дружественныхъ странъ Гос. Дума постановила послать телеграфныя привѣтствія.

Послѣдовавшія затѣмъ рѣчи высшихъ представителей правительства открылъ предсѣдатель Совѣта Министровъ И. Л. Горемыкинъ, широко отмѣтившій, при многократно вспыхивавшихъ рукоплесканіяхъ, значеніе переживаемаго Россіей историческаго момента и заявившій о томъ, что острый вопросъ, волновавшій всю страну—очеркъ событій, приведшихъ къ европейской войнѣ—представитъ министръ иностранныхъ дѣлъ.

Появленіе С. Д. Сазонова на министерской трибунѣ встрѣчено было бурной оваціей всей залы. Въ рукоплесканіяхъ, длившихся нѣсколько минутъ, ярко выражено было одобреніе, сочувствіе и признательность страны прямой, честной и талантливой дѣятельности министра, нашедшей наконецъ свою должную оцѣнку.

Глубоко взволнованный этимъ небывалымъ въ стѣнахъ Гос. Думы привѣтствіемъ члену правительства, С. Д. Сазоновъ низко поклонился Гос. Думѣ и началъ свою рѣчь.

Въ залѣ водворилась мертвая тишина: — было слышно, какъ перевернулась страница русской исторіи, и первыя

Библиотека "Руниверс"

строки на этой новой свѣтлой страницѣ были первыя слова С. Д. Сазонова:

„Въ трудныя минуты,—минуты отвѣтственныхъ рѣшеній, правительство почерпало свои силы въ сознаніи полнаго единомыслія своего съ народной совѣстью".

Бурныя рукоплесканія были отвѣтомъ на эти незабвенныя слова и затѣмъ встрѣчали почти каждую фразу исторической рѣчи министра, вполнѣ заслуживающей того, чтобы, по образцу иностранныхъ парламентовъ, отпечатать ее въ милліонахъ экземпляровъ и распространить по всей Россіи, чтобы ее прочелъ каждый русскій человѣкъ. Приводимъ здѣсь эту рѣчь цѣликомъ:

„Когда наступитъ время для исторіи произнести свой безпристрастный судъ, ея рѣшеніе,—я твердо вѣрю въ это, — не будетъ инымъ, какъ то, которымъ мы руководились.

„Россія не могла уклониться отъ дерзкаго вызова своихъ враговъ. Она не могла перестать быть великой Россіей.

„Наши враги стремятся перенести на насъ отвѣтственность за бѣдствія, которыя они навлекли на Европу. Но ихъ лживые навѣты не могутъ ввести въ заблужденіе никого, кто добросовѣстно слѣдитъ за политикой Россіи за послѣдніе годы и за послѣдніе дни.

„Въ сознаніи задачъ, связанныхъ съ ея внутреннимъ развитіемъ и преуспѣяніемъ, Россія не со вчерашняго дня дала многочисленныя доказательства своего искренняго миролюбія. Только благодаря этому миролюбію въ Европѣ былъ предотвращенъ пожаръ, готовый разгорѣться въ 1912 и 1913 гг. Не въ русской политикѣ заключалась угроза европейскому миру. Свое достоинство великая Россія никогда не полагала въ безславномъ бряцаніи оружіемъ, въ попраніи чужого самолюбія, въ пренебреженіи къ правамъ слабыхъ.

„Спокойная, мирная мощь Россіи не давала покоя ея врагамъ. Нужно ли напоминать вамъ обо всѣхъ попыткахъ Австро-Венгріи подорвать историческое положеніе Россіи на Балканахъ? Пришелъ часъ, когда я могу здѣсь, не обинуясь, сказать, что ея стараніями удалось посѣять братоубійственную рознь между Болгаріей и ея союзниками...

„Но подвергшееся тяжелымъ испытаніямъ дѣло единенія православныхъ народовъ Балканскаго полуострова, Богъ дастъ, не погибнетъ.

„Вы знаете поводъ къ войнѣ. Раздираемая внутренними неурядицами, Австро-Венгрія рѣшила выйти изъ нихъ какимъ-нибудь ударомъ, который создалъ бы впечатлѣніе ея силы, нанеся въ то же время Россіи униженіе. Для этой цѣли была выбрана Сербія, съ которой связываютъ насъ узы исторіи, происхожденія и вѣры.

„Вамъ извѣстны условія, при которыхъ Сербіи былъ предъявленъ ультиматумъ. Согласившись на него, Сербія стала бы вассаломъ Австріи.

„Было ясно, что для насъ не вступиться въ дѣло — значило бы не только отказаться отъ вѣковой роли Россіи, какъ защитницы балканскихъ народовъ, но и признать, что воля Австріи и стоящей за ея спиной Германіи для Европы есть законъ.

„На это не могли согласиться ни мы, ни Франція, ни Англія.

„Не менѣе насъ наши доблестныя союзницы прилагали всѣ усилія къ укрѣпленію мира въ Европѣ. Наши враги ошиблись, принявъ эти усилія за проявленіе слабости. И послѣ вызова, брошеннаго Австріей, Россія не отвергла ни одной попытки, которая могла бы привести къ мирному разрѣшенію конфликта.

„Въ этомъ направленіи были до конца исчерпаны всѣ усилія наши и нашихъ союзницъ.

„Вы убѣдитесь въ этомъ изъ документовъ, которые будутъ обнародованы и которые излагаютъ послѣдовательный ходъ переговоровъ.

„Мы твердо стояли на одномъ условіи. Готовые принять всякій компромиссъ, способный, безъ умаленія ея достоинства, быть принятымъ Австріей, мы исключали все, что могло задѣть самостоятельность и независимость Сербіи.

„Съ самаго начала мы не скрывали нашей точки зрѣнія отъ Германіи.

„Несомнѣнно, что если бы берлинскій кабинетъ захотѣлъ, онъ могъ бы во-время однимъ властнымъ словомъ остановить свою союзницу такъ же, какъ онъ сдѣлалъ это во время балканскаго кризиса.

„Между тѣмъ Германія, до самыхъ послѣднихъ дней не переставая высказывать на словахъ свою готовность воздѣйствовать на Вѣну, отвергала одно за другимъ дѣлавшіяся предложенія и съ своей стороны выступала съ пустыми завѣреніями.

„Время шло. Переговоры не подвигались, Австрія подвергла Бѣлградъ ожесточенной бомбардировкѣ. Это былъ организованный правительствомъ погромъ, естественное продолженіе погрома беззащитнаго сербскаго населенія Сараева послѣ извѣстнаго злодѣянія 16-го іюня.

„Явной цѣлью всего этого было выиграть переговорами время, поставить насъ и Европу передъ совершившимся фактомъ униженія и уничтоженія Сербіи.

„При такихъ условіяхъ мы не могли не принять естественныхъ мѣръ предосторожности,—тѣмъ болѣе, что Австрія уже мобилизовала половину своей арміи и флота.

„Когда въ Россіи была объявлена мобилизація арміи и флота, Государю Императору благоугодно было Своимъ Царственнымъ словомъ поручиться передъ германскимъ императоромъ, что Россія не приступитъ къ примѣненію силы, пока есть надежда на мирный исходъ переговоровъ.

„Этотъ голосъ не былъ услышанъ.

„Германія объявила войну сначала намъ, потомъ—нашей союзницѣ. Потерявъ всякое самообладаніе, она стала попирать права государствъ, нейтралитетъ которыхъ обезпеченъ торжественной подписью ея самой наравнѣ съ другими государствами.

(Слова эти встрѣчены были возгласами: „позоръ! позоръ!")

„Нельзя не преклониться передъ героизмомъ бельгійскаго народа, борющагося противъ огромной германской арміи.

(При бурныхъ аплодисментахъ на всѣхъ скамьяхъ, депутаты встали съ мѣстъ и съ энтузіазмомъ привѣтствовали находившагося въ дипломатической ложѣ представителя Бельгіи).

„Образъ дѣйствія Германіи не можетъ не вызвать глубокаго негодованія всего цивилизованнаго міра и, прежде всего, благородной Франціи, которая вмѣстѣ съ нами встала на защиту попранныхъ правъ и справедливости.

Болгарскій генералъ Радко Дмитріевъ, герой и военачальникъ въ послѣднюю балканскую войну, состоявшій донынѣ болгарскимъ посланникомъ въ С.-Петербургѣ и нынѣ подавшій въ отставку и вступившій въ ряды русской арміи. Въ своемъ прошеніи объ отставкѣ генералъ Р. Дмитріевъ высказалъ: «Принимая во вниманіе, что Болгарія остается нейтральной, я прошу освободить меня отъ занимаемаго мною поста посланника и уволить съ военной службы. Какъ болгаринъ, я не могу въ эту историческую минуту оставаться въ сторонѣ и считаю своимъ святымъ долгомъ отдать свои силы Россіи, которой Болгарія обязана своимъ національнымъ существованіемъ».

У храма Воскресенія на Крови, послѣ молебствія о ниспосланіи побѣды русскому оружію, отслуженнаго по единодушному желанію болгарской колоніи въ Петербургѣ.
По фот. Ю. Штейнберга.

Библиотека "Руниверс"

(При аплодисментахъ и возгласахъ: „Да здравствуетъ Франція!“ депутаты встали съ мѣстъ и устроили овацію французскому послу).

„Нужно ли говорить, что тѣ же чувства одухотворяли Англію, которая, какъ одинъ человѣкъ, воплотилась въ общемъ чувствѣ необходимости дать отпоръ Германіи въ ея стремленіи наложить на Европу тяжелую руку своей гегемоніи.

(Съ бурными рукоплесканіями на всѣхъ скамьяхъ депутаты, стоя, привѣтствовали англійскаго посла).

„Теперь тотъ поводъ, изъ-за котораго началась война, отступаетъ передъ значеніемъ, которое она пріобрѣла для каждаго изъ насъ и нашихъ союзниковъ.

„Германія намъ объявила войну 19-го іюля, а черезъ пять дней послѣ нея—и Австрія, мотивировавшая свое рѣшеніе нашимъ вмѣшательствомъ въ ея споръ съ Сербіей, а также тѣмъ, что мы открыли враждебныя дѣйствія противъ Германіи. Этимъ будто бы и вызвана война послѣдней противъ насъ.

„Непріятельскія войска вступили на русскую землю. Мы боремся за нашу родину, мы боремся за свое достоинство и положеніе великой державы.

„Владычества Германіи и ея союзницы въ Европѣ мы допустить не можемъ.

„Тѣ же побужденія руководятъ нашими союзниками.

„Мы не предавались пустому тщеславію. Мы знаемъ, что на нашемъ пути могутъ быть тяжелыя испытанія.

„Они уже учитываются нашими врагами. Не зная Россіи, они разсчитываютъ на возможность малодушія съ нашей стороны. Но Богъ, не оставлявшій Россіи въ самыя тяжелыя годины ея исторіи, не покинетъ и теперь нашей родины, которая вся сплотилась вокругъ своего Царя въ чувствѣ любви и самопожертвованія“.

Слова эти вызвали бурныя рукоплесканія на скамьяхъ и возгласы: „вѣрно, вѣрно, вѣрно!“

С. Д. Сазоновъ, сильно взволнованный, закончилъ свою рѣчь повышеннымъ голосомъ:

„Со смиреннымъ упованіемъ на помощь Божію, съ непоколебимой вѣрой въ Россію, правительство съ горячимъ довѣріемъ обращается къ вамъ, народнымъ избранникамъ, убѣжденное, что въ вашемъ лицѣ отражается образъ нашей великой родины, надъ которой да не посмѣются наши враги!“

Послѣднія слова С. Д. Сазоновъ произнесъ съ еле сдерживаемыми рыданіями и, сойдя съ трибуны, медленно, при царившей еще одну минуту тишинѣ, опустился въ свое кресло.

Вся еще подъ впечатлѣніемъ рѣчи, вмѣстѣ съ своимъ министромъ пережившая въ теченіе часа всю исторію міровыхъ событій, совершившихся только-что на нашихъ глазахъ, Гос. Дума встала, какъ одинъ человѣкъ, передъ величіемъ истины, провозглашенной министромъ, и отвѣтила ему такой же бурной оваціей, какъ и передъ его рѣчью.

После рѣчи С. Д. Сазонова съ глубокимъ вниманіемъ выслушана была и многократно привѣтствовалась рукоплесканіями дѣловая, содержательная рѣчь министра финансовъ П. Л. Барка, сообщившаго о блестящемъ состояніи нашихъ финансовъ, огромномъ фондѣ золотой наличности, хранящемся въ Россіи и въ дружественныхъ государствахъ, и предложившаго принять тутъ же единогласно безъ преній вотированные законопроекты о мѣрахъ денежнаго обращенія въ виду военнаго времени и о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ усиленію рессурсовъ на веденіе военныхъ дѣйствій.

Рѣчь министра финансовъ была послѣднимъ словомъ представителей правительства Гос. Думѣ, и затѣмъ послѣ перерыва раздался отвѣтъ представителей народа на призывъ Царя и правительства. Всѣ партіи поочередно выступали на трибунѣ съ своими декларациями. Особенно ярко было то, что начало положили крайніе лѣвые: трудовики (Керенскій) и соціалъ-демократы (Хаустовъ), затѣмъ слѣдовали: прибалтійскіе нѣмцы (баронъ Фелькерзамъ), поляки (Яронскій), латыши и эстонцы (Гольдманъ), литовцы (Ичасъ), евреи (Фридманъ), русскіе нѣмцы (Люцъ), татары (Годневъ), партія народной свободы—к.-д. (Милюковъ), націоналисты (Балашовъ), группа центра (гр. Мусинъ-Пушкинъ): крайніе правые (Марковъ 2-й) и октябристы (Протопоповъ) замкнули тѣсный кругъ, объединившій въ лицѣ присутствовавшихъ всю 150-милліонную Россію, говорившую и слушавшую въ этотъ великій историческій день великія, незабвенныя слова любви и преданности общей родинѣ.

Народное моленіе и манифестація въ Москвѣ, у памятника Минину и Пожарскому, на Красной площади. По фот. А. Савельева.

Заключительнымъ гармоничнымъ аккордомъ была единогласно при шумныхъ одобреніяхъ принятая формула перехода къ очереднымъ дѣламъ:

„Выслушавъ объясненія правительства и съ чувствомъ удовлетворенія убѣдившись, что были исчерпаны всѣ средства для сохраненія мира, отвѣчающія достоинству Россіи, какъ великой державы, Государственная Дума выражаетъ непоколебимое убѣжденіе въ томъ, что въ тяжелый часъ испытанія, передъ начинающейся военной грозой, всѣ народы Россіи, объединенные единымъ чувствомъ любви къ родинѣ, твердо вѣря въ правоту своего дѣла, по призыву своего Государя, готовы встать на защиту родины, ея чести и достоинства. Въ сознаніи этого Государственная Дума черпаетъ спокойную увѣренность въ несокрушимой силѣ и славномъ будущемъ Россіи.

„Переходя къ очереднымъ дѣламъ и выражая полную готовность содѣйствовать дѣлу обороны страны и обезпеченія семействъ за-

Библиотека "Руниверс"

пасныхъ, Государственная Дума посылаетъ свой братскій привѣтъ доблестнымъ защитникамъ родины, самоотверженно приступившимъ къ выполненію геройскаго своего долга".

Государственная Дума достойно выполнила свой долгъ передъ Царемъ и родиной. По приглашенію В. М. Родзянко, члены Гос. Думы стоя выслушали Высочайшій указъ о перерывѣ занятій Гос. Думы и назначеніи срока ихъ возобновленія не позднѣе 1 февраля 1915 г. въ зависимости отъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ.

Громкіе крики „ура" и священные звуки народной молитвы „Боже, Царя храни" заключили это историческое засѣданіе.

Продолженіемъ его было состоявшееся вечеромъ торжественно-величавое засѣданіе Государственнаго Совѣта. На засѣданіи присутствовалъ Совѣтъ Министровъ во главѣ съ И. Л. Горемыкинымъ; ложи дипломатическая, сенаторская, для членовъ Гос. Думы и для публики были совершенно переполнены. Первую рѣчь произнесъ и. о. предсѣдателя Государственнаго Совѣта И. Я. Голубевъ. Отъ правительства произнесъ рѣчь (ту же, что и въ Гос. Думѣ) И. Л. Горемыкинъ. Отъ группъ Государственнаго Совѣта выступили преосвященный Арсеній, кн. Голицынъ-Муравлинъ, А. Б. Нейдгардтъ, изъ выборныхъ членовъ — отъ академической группы — Д. Д. Гриммъ, отъ польскаго народа — А. Э. Мейштовичъ, отъ прибалтійскихъ нѣмцевъ — бар. А. А. Пиларъ фонъ-Пильхау.

Вслѣдъ затѣмъ Государственный Совѣтъ единогласно принялъ слѣдующую формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ:

„Вѣроломствомъ и злобой врага нашего Россія вызвана на смертный бой, грозящій потрясти въ основаніи благосостояніе западныхъ народовъ, остановить на долгое время ихъ мирное развитіе и нарушить политическое равновѣсіе во всей вселенной. Но, сильная сознаніемъ правоты своей, въ единеніи съ доблестными своими союзниками, Россія спокойно и безропотно принимаетъ ниспосланное ей Всевышнимъ испытаніе и вѣритъ, что жертва ея Богу угодна для торжества правды и мира всего міра. Отечеству нашему не впервые ополчаться за угнетаемыхъ и преслѣдуемыхъ, не впервые защищать свои святыни и очаги отъ дерзновенныхъ посягательствъ ослѣпленнаго жаждою захвата и господства врага. Пережила Россія не одно лихолѣтье, но, израненная, она всегда выходила изъ боя одухотворенная новыми силами, славная и могущественная, и нынѣ русскій Царь, Предвозвѣстникъ всеобщаго мира, въ единеніи со Своими вѣрными подданными, — та несокрушимая твердыня, о которую разобьется бѣшеная волна насильниковъ права и закона.

„Съ упованіемъ на милость Божію Государственный Совѣтъ переходитъ къ очереднымъ дѣламъ".

Единогласно принявъ внесенные правительствомъ и уже одобренные Гос. Думой законопроекты, Государственный Совѣтъ единогласно вотировалъ предложеніе В. И. Карпова:

„Прежде чѣмъ закроется засѣданіе чрезвычайной сессіи Государственнаго Совѣта, мы чувствуемъ потребность передать черезъ военнаго и морского министровъ нашимъ доблестнымъ арміи и флоту увѣренность Государственнаго Совѣта, что армія и флотъ въ теперешнемъ ихъ составѣ явятся преемниками всѣхъ тѣхъ подвиговъ, которые всегда совершали русская армія и флотъ, передать арміи и флоту отъ Государственнаго Совѣта увѣренность, что о семьяхъ, которыя оставлены здѣсь, будутъ заботиться и государство и общество".

Это предложеніе соотвѣтствовало единогласно принятому предложенію въ Государственной Думѣ С. И. Шидловскаго о томъ, чтобы, въ дополненіе предусмотрѣнныхъ закономъ 25 іюня 1912 г. мѣръ, были „привлечены къ дѣлу обезпеченія семействъ запасныхъ земскія и городскія учрежденія и общественныя силы въ тѣсномъ единеніи съ административными органами".

Чтеніемъ Высочайшаго указа о перерывѣ занятій Государственнаго Совѣта до 1 февраля 1915 г. было закрыто засѣданіе. Троекратно исполненнымъ всѣми хоромъ гимномъ заключенъ былъ день 26 іюля, начертанный отнынѣ на скрижаляхъ русской исторіи.

И. Э.

СМѢСЬ.

Продолжительность войны. Европейская война, въ которой приняли уже участіе восемь державъ (Россія, Франція, Англія, Бельгія, Сербія, Черногорія — противъ Германіи и Австро-Венгріи), врядъ ли можетъ быть продолжительной въ силу тѣхъ военныхъ потрясеній народнаго организма, которыя вызоветъ эта титаническая борьба вооруженныхъ націй. Предположеніе это основывается на опытѣ предыдущихъ войнъ, въ которыхъ рѣшительныя событія, исходъ которыхъ опредѣлялъ судьбу всей войны, обыкновенно происходили не позже двухъ мѣсяцевъ со времени начала военныхъ дѣйствій. Такъ, напримѣръ, въ 1870 г. седанская катастрофа разразилась на 46-й день послѣ объявленія войны, пораженіе турецкой арміи у Вардара — на 16-й, занятіе греками Салоникъ — на 22-й, битва при Люле-Бургасѣ, рѣшившая участь войны на ѳракійскомъ театрѣ, — на 17-й день послѣ начала враждебныхъ дѣйствій. Изъ прежнихъ кампаній можно указать еще на войну 1866 г., въ которой отъ вступленія прусскихъ войскъ въ Саксонію до битвы при Кениггрецѣ протекло всего 18 дней.

Эта подневольная непродолжительность европейской войны вызывается главнымъ образомъ тѣмъ, что никакія, даже богатѣйшія, финансовыя средства страны не могутъ долго выдержать современной войны. Какъ извѣстно, франко-прусская война 1870—71 гг., не считая выплаченной контрибуціи, обошлась Франціи приблизительно около 3.200 милліоновъ рублей: — около 500 милліоновъ въ мѣсяцъ или 17 милліоновъ въ день. Несомнѣнно, что нынѣшняя европейская война обойдется во много разъ дороже, т.-е. болѣе милліарда рублей въ мѣсяцъ, и къ этому должна быть готова каждая изъ воюющихъ великихъ державъ. Кромѣ того, милліонныя арміи Франціи, Бельгіи и Германіи вынуждены сосредоточиваться на довольно тѣсномъ пространствѣ, самое большее — въ нѣсколько сотенъ верстъ, и такое скопленіе войскъ не можетъ не столкнуть грудь съ грудью большія массы армій, и заставить военачальниковъ дать рядъ рѣшительныхъ боевъ и тѣмъ приблизить исходъ войны.

Солнечное затменіе и война. Солнечное затменіе 8 августа произойдетъ главнымъ образомъ въ полосѣ военныхъ дѣйствій.

Прежде такія явленія дѣйствовали на впечатлительность народа. Распускались слухи о кончинѣ міра и Страшномъ Судѣ.

Теперь нашъ народъ больше знакомъ съ этимъ явленіемъ. Школы сдѣлали свое дѣло.

Къ тому же, знаменія небесныя были намъ во благо въ самые трудные моменты нашей исторической жизни.

Во время Куликовской битвы, когда была одержана величайшая побѣда надъ несмѣтными полчищами татаръ, было солнечное затменіе.

Было оно и въ самый разгаръ Великой Сѣверной войны, въ которую Петръ Великій разгромилъ могущественнѣйшую тогда державу шведовъ.

Чего лишится Германія. Уже въ настоящее время самое объявленіе Германіей войны державамъ тройственнаго согласія создаетъ для нея огромныя экономическія потери. Съ момента объявленія Англіей блокады германскихъ портовъ нѣмцы оказались отрѣзанными отъ внѣшняго міра.

Ни единой крупинки зерна, ни капли молока, ни грамма селитры, ни одного фунта мяса Германія съ ея 50 милліонами чисто-промышленнаго населенія болѣе не получитъ.

40 лѣтъ строила Германія свой торговый флотъ и заняла одно изъ первыхъ мѣстъ по числу и качеству торговыхъ судовъ. Къ 1912 году общій тоннажъ ея коммерческаго флота равнялся 5.537.391 тоннѣ, распредѣляясь между 6.741 судномъ.

Этотъ колоссальный флотъ теперь долженъ или стоять и прятаться въ нейтральныхъ портахъ, или сдѣлаться добычей англійскихъ крейсеровъ.

Чрезвычайно быстрое рѣшеніе начать войну не дало Германіи возможности убрать большую часть своего флота, и въ ближайшее время тысячи германскихъ торговыхъ судовъ стали военными призами Англіи. Самыя суда пойдутъ для усиленія англійской боевой силы, а ихъ грузы покроютъ часть англійскихъ убытковъ отъ войны.

Въ то же время блокада береговъ Германіи выбрасываетъ ее со всѣхъ рынковъ міра. Она теряетъ Китай, куда ввозила товаровъ на 50 милліонъ рублей ежегодно, Соединенные Штаты, куда ввозила на 400 милліоновъ, Аргентину съ 184 милліонами ввоза, Бразилію съ 160 милліонами, Австралію съ 124 милліонами, Чили съ 74 милліонами, Остъ-Индію съ 44 милліонами, Бельгію съ 156 милліонами ввоза ежегодно; нечего говорить о полномъ закрытіи ввоза въ Россію, Англію и Францію.

Невозможно подсчитать всю сумму убытковъ Германіи. Утраченные заморскіе рынки большею частью никогда къ ней не вернутся, и ударъ, теперь ей нанесенный, надолго подорветъ ея мощь.

Другимъ неисчислимымъ послѣдствіемъ войны будетъ потеря Германіей всѣхъ ея заморскихъ колоній. Въ одной Африкѣ она имѣетъ 2.347.752 кв. версты съ населеніемъ въ 15 милліоновъ человѣкъ. Эту огромную черную массу держали въ повиновеніи и безчеловѣчной эксплоатаціи 20.000 нѣмцевъ, посланныхъ метрополіей. Теперь Германія неминуемо лишится этихъ безпредѣльныхъ площадей Того, Камеруна, юго-западной и восточной Африки. Она утратитъ также и свои важнѣйшія стратегическія станціи: Каролинскіе, Маршальскіе, Соломоновы, Маріанскіе острова и архипелагъ Пелау и Самоа.

Эти важнѣйшія стратегическія и экономическія базы Германіи будутъ подѣлены между Англіей и Японіей, которая правильно учитываетъ моментъ и намѣрена присоединиться къ Англіи, какъ ея союзникъ. Между тѣмъ въ эти свои колоніи Германія уже вложила милліарды.

Огромнымъ экономическимъ ударомъ для Германіи будетъ потеря ея пріобрѣтеній въ Малой Азіи. Въ одну Багдадскую дорогу Германіей вложено болѣе 2 милліардовъ марокъ, а на всю Турцію она израсходовала 20 милліардовъ марокъ. Къ этой суммѣ теперь прибавится еще новый, сравнительно небольшой, долгъ Турціи за «купленныя» ею у Германіи два крейсера «Goeben» «Breslau».

Та же участь постигнетъ, въ случаѣ пораженія Германіи, и ея стратегическую станцію Александретту на Средиземномъ морѣ и всѣ ея экономическія вліянія въ Месопотаміи.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко кн. 16".

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. Марксъ,** Измайл. просп., № 29. **Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ,** П...

Библиотека "Руниверс"

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, въ СПБ.

А. М. ЛОВЯГИНЪ.

ОБОЗРѢНІЕ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ

сравнительно съ важнѣйшими государствами, по программѣ V класса гимназій и реальн. училищъ. Съ приложеніемъ на 11 таблицахъ 34 картъ и картограммъ и 6 діаграммъ, составленныхъ **барономъ Н. Н. Торнау.**

Уч. Ком. М. Н. П. допущенъ въ качествѣ учебнаго руководства для V класса гимназій и реальныхъ училищъ.

Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

УЧЕБНЫЕ ИСТОРИЧЕСКІЕ АТЛАСЫ

Барона Н. Н. ТОРНАУ.

1) Учебный историческій атласъ

(по Всеобщей Исторіи), въ 3-хъ отдѣльн. частяхъ: Ч. I. ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ. 25 картъ съ текстомъ и указ. 14 изд. Ц. въ папкѣ 60 к. Ч. II. СРЕДНЯЯ ИСТОРІЯ. 29 картъ съ текстомъ и указ. 11 изд. Ц. въ папкѣ 60 к. Ч. III. НОВАЯ ИСТОРІЯ. 23 карты съ текстомъ и указ. 9 изд.

Цѣна въ папкѣ 55 коп.

2) Учебный атласъ **(по Русской Исторіи).** 29 картъ. Одиннадцатое изданіе.

Цѣна въ папкѣ 75 коп

Выписывающіе отдѣльные атласы прилагаютъ за пересылку заказною бандер.: за 1 экз. 15 к., за 2 экз. 25 коп., за 3 экз. 35 к. и за 4 экз. 40 к.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО НЕБУ

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО

къ астрономическимъ наблюденіямъ невооруженнымъ глазомъ и малой трубой.

Соч. **К. Д. ПОКРОВСКАГО,** астронома-наблюдателя Юрьевск. Универс. **3-е изданіе. Съ 5 картами звѣзднаго неба, картой луны, 2 хромолитограф. (карта Марса и полное лунное затменіе) и 110 рисунками.**

„Для общаго знакомства съ безчисленными чудесами неба,—какъ говоритъ авторъ въ предисловіи,—нѣтъ нужды въ огромныхъ, могущественныхъ телескопахъ. Небольшой, сравнительно, обыкновенной любительской трубы совершенно достаточно, чтобы получить высокое эстетическое наслажденіе“... „Можно съ пользой поработать и для науки. Астрономія не разъ пользовалась услугами любителей“...

Учен. Ком. М. Н. П. первое изданіе рекомендовано для библіотекъ основныхъ и ученич., старшаго возраста, всѣхъ средн. учебн. завед., а также для подарковъ ученикамъ. За второе изданіе автору присуждены: ПРЕМІЯ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА отъ Русскаго Астрономическаго Общества и малая ПРЕМІЯ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Книга издана очень изящно, на превосх. бумагѣ въ 8 д. л., 314 стр.

Цѣна **2** р., съ перес. **2** р. **50** к.; въ коленкор. перепл. **2** р. **75** к., съ перес. **3** р. **25** к.

ИНСТИНКТЪ И НРАВЫ НАСѢКОМЫХЪ.

Изъ энтомологич. воспоминаній ФАБРА.

Перев. съ французскаго, подъ ред. Учен. Секретаря Русскаго Энтомологическаго Общества **Ив. Я. ШЕВЫРЕВА.**

Прекрасное изданіе, отпечатанное на веленевой бумагѣ.

Томъ I-й -VIII-+590 стр. съ **213 рисунками.** Томъ II-й—607 страницъ съ **портретомъ автора и 250 рисунками.**

Оба тома Уч. Ком. М. Н. П. **допущены** въ ученич., старшаго возраста, библіотеки всѣхъ средн. уч. заведеній, учительскихъ институтовъ и семинарій и **рекомендованы** для выдачи воспитанн. въ качествѣ награды.

Цѣна каждаго тома въ прочной папкѣ **3 руб.,** съ пересылкой **3 руб. 60 коп.**

А. Ф. МАРКСЪ.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ И СТАТИСТИЧЕСКІЙ КАРМАННЫЙ АТЛАСЪ РОССІИ.

17 географич. картъ, 29 діаграммъ, въ нѣсколько красокъ, и множество статистическихъ таблицъ на 172 страницахъ.

Уч. Ком. М. Н. Пр. изданіе это внесено въ списокъ сочиненій, заслуживающихъ вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіот.

Цѣна атласа въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ВСЕОБЩІЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ И СТАТИСТИЧЕСКІЙ КАРМАННЫЙ АТЛАСЪ

проф. **А. Л. Гикмана и А. Ф. Маркса,** состоящій изъ **68 табл. съ карт. и діагр. и изъ 74 стр. объяснит. текста.** СПБ. 1908.

3-е изданіе, значительно исправленное и дополненное.

Графическія таблицы атласа наглядно и ясно указываютъ сразу, путемъ разныхъ красокъ и разной величины линій, квадратовъ и круговъ,—размѣры искомыхъ данныхъ и ихъ соотношенія, объяснительный же текстъ, какъ нельзя лучше, содѣйствуетъ систематическому усвоенію содержанія картъ и діагр. Атласъ допущенъ М. Нар. Пр., Учебн. Ком. Мин. Фин. и рекомендованъ Гл. Упр. Военно-учебн. заведеній.

ЦѢНА атласа въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 2 руб., съ перес. 2 р. 30 к.

Я. И. РУДНЕВЪ,

директ. СПБ. гимназіи Имп. Петра Великаго, бывшій директ. Гатчинской учит. семинаріи.

1) УЧЕБНИКЪ ГЕОГРАФІИ

для народн. школъ съ 3-хъ и 4-хъ годичн. курсомъ.

Изданіе 3-е, исправленное.

Родиновѣдѣніе. Краткій обзоръ земного шара, частей свѣта и Россіи. — Приложеніе: Картины русск. прир. и жизни людей. Курсъ младш. возр.

Съ картами и многими рис. въ текстѣ. Въ 1-мъ изд. учебникъ **допущенъ:** 1) Уч. Ком. М. Н. П. въ качествѣ класснаго пособія для начальн. школъ. 2) Учил. Сов. при Св. Синодѣ въ библ. церковн. школъ. Цѣна **40** к., съ перес. **60** к.

2) Краткое руководство по МЕТОДИКѢ ГЕОГРАФІИ.

Для учительск. семинарій и школъ, педагогич. классовъ женск. гимн. и епархіальн. женск. училищъ.

Изданіе 4-е, исправленное и дополненное.

1-е изд. допущено Уч. Ком. М. Н. Пр. въ библ. учит. семин. и низш. учебн. завед., Уч. Сов. при Св. Синодѣ одобрено какъ пособіе для второклассн. и церк.-учит. школъ. Цѣна **50** к., съ пер. **70** к.

3) О ПРЕПОДАВАНІИ ГЕОГРАФІИ ВЪ НАЧ. ШКОЛѢ.

2-е изданіе. Учен. Ком. М. Н. Пр. допущено въ библ. учительск. семинарій и низшихъ учебн. заведеній. Цѣна **20** к., съ перес. **30** к.

4) ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ КУРСЪ МАТЕМАТИЧЕСК. ГЕОГРАФІИ.

Руководство для учит. семинарій. Пособіе для 4-хъ классн. гор. уч., двухклассн. сельск. училищъ и церковно-прих. школъ. Уч. Сов. при Св. Синодѣ допущено въ качествѣ пособія при преп. географіи для второклассн. и церковно-учит. школъ. 2-е изд. Цѣна **35** к., съ перес. **50** к.

ЗВѢЗДНЫЙ АТЛАСЪ

для всеобщаго ознакомленія съ небомъ и систематическихъ наблюденій.

13 картъ, 2 табл. и 15 сѣтокъ. Съ объяснит. текст. и 5-ю рис.-изображ. созвѣздій.

К. Д. ПОКРОВСКАГО, астронома-наблюдателя Императ. Юрьевскаго Университета.

2-ое изданіе.

Цѣль „Атласа“ — служить пособіемъ, съ одной стороны, для общаго и болѣе подробнаго изученія неба, а съ другой — для организаціи систематическихъ наблюденій астрономическихъ явленій, — наблюденій, доступныхъ каждому любителю. Къ картамъ приложены отдѣльно сѣтки, настолько частыя, что на нихъ возможно дѣлать отчеты до долей градуса.

Изящное изданіе, на превосходной бумагѣ.

ЦѢНА атласа въ прочной папкѣ **3 р. 50 к.,** съ перес. **4 руб.**

Требованія и деньги просимъ адресовать въ **Контору изданій Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, С.-Петербургъ, ул. Гоголя, № 22.** Изданія эти имѣются также въ конторѣ Н. Н. Печковской въ Москвѣ (Петровскія линіи), въ кн. магазинѣ „Образованіе“ въ Одессѣ (Дерибасовская, 18) и во всѣхъ больш. книжн. магазинахъ.

Библиотека "Руниверс"

КАКЪ КОРРЕСПОНДИРОВАТЬ ВЪ ГАЗЕТЫ?

2914 50-14

Побочн. зараб. для кажд. Подробн. просп. за двѣ семик. мар. Адресъ: Москва, редакція журн. „Соколъ", отд. 3.

1-й ГИГ. УМЫВАЛЬНИК-ДУШ

д. м. Н. Н. Макшеева Сер. Мед. Всер. Гиг. Выст. Вездѣ с собой умыв.-душ. Эсм. кр. Просп. безпл. Цѣна 8 руб. 50 коп. налож. плат

3194 СПБ., Литейный, 52, кв. 10. 3 2

КУРСЫ общед. **ЗАОЧНЫЕ** ком. самообр. ПРОГР.: 2-ая итальянск. и американская **БУХГАЛТЕРІЯ СТЕНОГРАФІЯ** (искусство писать со скоростью рѣчи), коммерч. ариеметика, коммерч. корреспонденція, ком. географія, товаровѣдѣніе. Курсъ правоп. **КАЛЛИГРАФІИ**, контор скоропись, **ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА. БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ** (труды професс. и препод. высш. и средн. учебн. завед.). Отзывы спец. благ. письма. **АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА**. Льготн. условія: разсрочка отъ 2 руб. **Программы и пробныя лекціи высылаются БЕЗПЛАТНО.** Адресъ: Книгоиздательство „Кругъ Самообразованія".—С.-Петербургъ, НЕВСКІЙ, д. 57—11.

XXXIII учебный годъ.

КУРСЫ РАПГОФЪ

съ Курсомъ Консерваторіи, Педагогическимъ Отд., Регентскими и Оперными Классами. 3213 2-1

С.-Петербургъ, улица Гоголя, 7. Телеф. 60-82.

Подробныя условія и программы съ составомъ педагогическаго персонала выдаются (цѣна 10 коп.) у швейцара и высылаются по присылкѣ въ Канцелярію Курсовъ 14 коп. марками. Начало занятій 1-го сентября. Вступительные экзамены съ 26-го августа.

Директоръ Курсовъ: Евг. Павл. РАПГОФЪ.

СТОМОКСИГЕНЪ

Д-ра Антона Мейеръ.

СТОМОКСИГЕНЪ даетъ новую силу и энергію переутомленному и больному желудку. Онъ сразу уничтожаетъ кислый вкусъ, изжогу, несвареніе желудка и запоръ. Онъ уничтожаетъ судороги и боли, вѣтры, скопленіе газовъ, тяжесть въ желудкѣ и потерю аппетита.

СТОМОКСИГЕНЪ дѣйствуетъ на желудокъ озономъ и вытягиваетъ тѣ кислоты и яды, которые являются причиной болей и судорогъ. Какъ бы продолжительны ни были ваши страданія, какъ ни запущена ваша болѣзнь, какъ бы плохо вы себя ни чувствовали,—Стомоксигенъ васъ исцѣлитъ. Принятіе пищи снова будетъ для васъ удовольствіемъ, а не страданіемъ. Послѣ принятія Стомоксигена во рту не остается непріятнаго вкуса и того чувства отвращенія, которое почти всегда бываетъ послѣ принятія другихъ желудочныхъ средствъ.

СТОМОКСИГЕНЪ великое, изумительное, почти волшебное средство противъ всѣхъ болѣзней желудка. Испытайте его и вы будете здоровы. Онъ вноситъ отраду въ сердце страдающаго желудкомъ. Цѣна отъ 75 к.

СТОМОКСИГЕНЪ имѣется во всѣхъ лучшихъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Остерегайтесь поддѣлокъ. Если на коробкѣ или на правилахъ пользованія не написано полностью имя Докторъ Антонъ Мейеръ, если адресъ Екатерининск. кан., 29 не указанъ, то предъ Вами, несмотря на всѣ другія надписи и подписи, явная поддѣлка. 3210

СРЕДСТВО отъ ГЕМОРРОЯ

ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ ПРОФЕССОРЪ ДОКТОРЪ ПЕЛЬ и СЫНОВЬЯ С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ВАС. ОСТР. 7 ЛИН. Д. № 18.

ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ

PROCTOL-POEHL

Суппозиторіи (свѣчки) противъ ГЕМОРРОЯ. Останавливаютъ КРОВОТЕЧЕНІЕ. Укрѣпляютъ слизистую оболочку и способствуютъ сморщиванію и исчезновенію шишекъ. Устраняютъ: БОЛЬ, ЗУДЪ и ЖЖЕНІЕ. Оказываютъ ПРОТИВОВОСПАЛИТЕЛЬНОЕ дѣйствіе.

Цѣна коробки 1 р. 50 к.

РУБЕРОЙДЪ

ЛУЧШАЯ КРЫША и ИЗОЛЯЦІЯ

ЛУЧШАЯ ЗАМѢНА ТОЛЯ И ЖЕЛѢЗА, НЕ ТРЕБУЕТЪ НИ ОКРАСКИ, НИ РЕМОНТА.

Русск. Акц. О-во „РУБЕРОЙДЪ"

С.-Петербургъ, Гороховая ул., № 13. Тел. 407-83.

Адр. для писемъ, почт. ящ. 227, для телегр РУБЕРОЙДЪ ПЕТЕРБУРГЪ. 2168 6-4

ПИСАТЬ КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл Рондо, Готикъ, Батардъ и пр., 206 рис и черт. въ текстѣ, изящн альбомъ шрифтовъ, транспорант. и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит для исправл почерка въ короткій ср Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. **Цѣна** за полн курсъ съ прилож. и перес. **1 р. 50 к.**

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообраз., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч больш форм 330 стр убористн. шрифт **Цѣна** съ перес **1 р 50 к.**

СЛОВАРЬ коммерч. словъ и термин., употребляем въ коммерч мірѣ. **Цѣна** съ перес. **1 р.**

ТАБЛИЦЫ для быстраго вычисленія безъ помощи счетовъ и бумаги, значительно сокращ. трудъ бухгалтер и конторщ и вычисленія на счетахъ на всѣ **4 дѣйств.** ариѳм **Ц. 40 к.** съ пер

СПРАВОЧНИКЪ какъ поступить на службу въ казен., обществ. и частн. учр., формы прошен. и писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу **Цѣна** съ перес **1 руб** При посылкѣ налож. плат. дороже на 25 коп.

Адр. Книгоизд. «КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ»—С.-Петербургъ. Невскій. д. 57—3

„А"

КАПСЮЛИ

Капсюли „А" Александра Акопяна.

Рекомендуется, какъ новое усовершенствованное средство противъ обыкновенной и хронической **ГОНОРРЕИ.** Разрѣшено Медиц. Совѣт. при М. В. Д. за № 765. Полный курсъ лѣченія — 4 коробки. Цѣна 1 короб. (60 капс.) — 2 р. 50 к., высылается наложен. платежомъ.

Продается во всѣхъ крупн. аптекахъ и аптекар. магазин.

Въ случаѣ неизлѣченія деньги возвращаются.

Контора и складъ: Москва, Срѣтенка, Просвиринъ, 7.

Почт. ящ. 486/ч. Адресъ для телеграммъ: „Москва, АНАЯНОСЪ", Телеф. 3-10-06. 3211 4-1

артеріосклерозъ, переутомленіе, общая слабость послѣ перенесенныхъ болѣзней, послѣдствія алкоголизма и т. д., неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ"** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина", интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПрофессоръД-ръ ПЕЛЬ и С-вья. С.П.Б.

ПОСТАВЩИКИ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

3193 12-5

Библиотека "Руниверс"

Главная Контора и редакція: С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г.
№ 33.
Выданъ 16 августа 1914 г.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

XLV г. изданія

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ ¼ ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. А. Н. Майкова" кн. 6.

ГОЛОВНЫЯ БОЛИ ИЗЛѢЧИВАЮТСЯ КЕФАЛДОЛОМЪ.

Это лучшее средство отъ головныхъ болей. Онъ исцѣляетъ ихъ радикально и безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій. Не вызываетъ удушья и безопасенъ даже при усиленныхъ дозахъ.

КЕФАЛДОЛЪ

не дѣйствуетъ на сердце. Вы сами убѣдитесь, что Кефалдолъ замѣчательное новое средство отъ головныхъ болей, если сегодня же купите его. Ваши головныя боли быстро исчезнутъ и вы будете благодарить судьбу, что узнали объ этомъ средствѣ.

КЕФАЛДОЛЪ

излѣчиваетъ всѣ нервныя страданія и прекращаетъ лихорадку. Вы страдаете невральгіей,—это чисто нервное заболѣваніе:—принимайте Кефалдолъ. Дѣлайте то же самое, если у васъ лихорадка, такъ какъ это не что иное, какъ воспаленіе нервовъ и засореніе желудка.

КЕФАЛДОЛЪ

сразу излѣчитъ васъ отъ лихорадки и вернетъ вамъ здоровье. Гдѣ бы вы ни чувствовали боль,—въ рукахъ, плечахъ, спинѣ или ногахъ, Кефалдолъ излѣчитъ эти боли, такъ какъ онъ успокоитель болей.

КЕФАЛДОЛЪ

прописывается врачами лучшихъ Вѣнскихъ клиникъ отъ головныхъ болей, отъ болей въ поясницѣ, отъ невральгіи, ишіаса и ревматизма. Онъ получилъ одобрительные отзывы отъ врачей всѣхъ странъ. Не оставайтесь никогда безъ этого новоизобрѣтеннаго лѣкарства. Имѣйте его всегда при себѣ. Слѣдите, чтобы трубочка имѣла надпись **Кефалдолъ** Д-ра Сторъ и тогда вы можете быть увѣрены, что передъ вами единственное вѣрное и немедленно помогающее средство отъ головныхъ болей. 3216

Въ самомъ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ

въ изданіи Т-ва А. Ф. Марксъ

БОЛЬШАЯ ПОДРОБНАЯ ГЕНЕРАЛЬНАЯ

КАРТА ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ,

печатанная шестью красками, размѣромъ 82×120 сантиметровъ. Въ масштабѣ 1:2.100.000 (50 верстъ въ дюймѣ).

НОВОСТЬ изъ репертуара **Ѳ. И. ШАЛЯПИНА:**

„Къ родинѣ". Сюита для баса съ фортепіано **Ю. Сахновскаго.**

№ 1. **Ой, стоги, стоги**—ц. 60 к. № 2. **Ходитъ смерть.** № 3. **Кузнецъ**—ц. по 50 к. № 4. **Къ родинѣ**—ц. 75 к.

Списокъ романсовъ и арій, исполняемыхъ Ѳ. И. Шаляпинымъ, и полный каталогъ для пѣнія, съ обозначеніемъ голосовъ и діапазона, высылаются безплатно.

П. ЮРГЕНСОНЪ,

3177 Москва, Неглинный пр., 14. 3-2

Питомникъ И. С. Балабанова. Почт. адр. г. **Короча,** Курской губ. **Пониженныя цѣны!** Большой запасъ **Антоновки и Любской вишни.** Полнокронныя деревца съ сильными корнями. Привиты отъ плодоносящихъ деревьевъ въ собственныхъ садахъ. Кустовыя яблони **на невымерзающихъ** дичкахъ **сибирской ягодной.** Дички яблонь, грушъ, вишенъ. (Образцы безпл.). Треб. каталогъ. 3218

XXXIII учебный годъ.

КУРСЫ РАПГОФЪ

съ Курсомъ Консерваторіи, Педагогическимъ Отд., Регентскими и Оперными Классами. 3213 2-2

С.-Петербургъ, улица Гоголя, 7. Телеф. 60-82.

Подробныя условія и программы съ составомъ педагогическаго персонала выдаются (цѣна 10 коп.) у швейцара и высылаются по присылкѣ въ Канцелярію Курсовъ 14 коп. марками. Начало занятій 1-го сентября. Вступительные экзамены съ 26-го августа.

Директоръ Курсовъ: Евг. Павл. **РАПГОФЪ.**

Библиотека "Руниверс"

РАДІОАКТИВНЫЙ ИСТОЧНИКЪ „РЯБОВО". УГЛЕКИСЛАЯ КЛЮЧЕВАЯ СТОЛОВАЯ ВОДА. Главный Представитель: А. Дерингеръ, Царское Село. Складъ: С.-Петербургъ, Перевозная, 8. Тел. 503-36.

Грозный часъ испытанія насталъ.

Германія, вѣковой врагъ славянства, объявила Россіи войну и, въ союзѣ съ Австріей, желаетъ посягнуть на Могущество Нашей Дорогой Родины.

По слову Своего ДЕРЖАВНАГО ВОЖДЯ, Русскій Народъ, какъ одинъ человѣкъ, всталъ на защиту Своего Отечества.

ВЫСОЧАЙШЕ учрежденный Особый Комитетъ по усиленію военнаго флота на добровольныя пожертвованія, давшій Флоту и Арміи, за десятилѣтнее свое существованіе, 23 боевыхъ судна и подготовившій значительное количество военныхъ летчиковъ, несущихъ, въ настоящее время, боевую службу, направилъ нынѣ всѣ свои средства на постройку самолетовъ и на непрерывную подготовку летчиковъ и авіаціонныхъ мотористовъ, какъ изъ чиновъ Арміи и Флота, такъ и изъ числа частныхъ лицъ, желающихъ служить, на правахъ охотниковъ, въ военно-авіаціонныхъ отрядахъ.

Ко всѣмъ, кому дорого благо Великой Россіи, обращаюсь съ горячимъ призывомъ оказать состоящему подъ Моимъ Предсѣдательствомъ Особому Комитету посильную помощь пожертвованіями на воздушный флотъ — могучее оружіе современной войны.

Великій Князь Александръ Михаиловичъ.

2 Августа 1914 г.
С.-Петербургъ.

1. Прошенія принимаются въ Канцеляріи ВЫСОЧАЙШЕ учрежденнаго Особаго Комитета—С.-Петербургъ, Офицерская улица, д. № 35.

2. Къ прошенію должны быть приложены документы, указанные въ перечнѣ требованій, предъявляемыхъ къ желающимъ обучаться искусству летать на аэропланахъ или подготовляться къ обязанностямъ авіаціонныхъ мотористовъ.

3. Пожертвованія принимаются: въ Конторѣ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА Великаго Князя АЛЕКСАНДРА МИХАИЛОВИЧА, СПБ., Офицерская, 35, въ мѣстныхъ комитетахъ, казначействахъ, конторахъ и отдѣленіяхъ Государственнаго банка, въ государственныхъ сберегательныхъ кассахъ, въ Волжско-Камскомъ Коммерческомъ банкѣ и отдѣленіяхъ его, въ Московскомъ Купеческомъ банкѣ и его отдѣленіяхъ и въ Конторѣ газеты „Новое Время" СПБ., Невскій, 40.

1-й ГИГ. УМЫВАЛЬНИК-ДУШ
д. м. Н. Н. Макшеева Сер. Мед. Всер. Гиг. Выст. Вездѣ с собой умыв.-душ. Эсм. кр. Просп. безпл. Цѣна 8 руб. 50 коп. налож. плат.
8194 СПБ., Литейный, 52, кв. 10. 3-3

Состоящіе въ вѣдѣніи Мин. Торг. и Промышл.
КУРСЫ бухгалтеріи М. Л. Гурвича.
8191 Симферополь (КРЫМЪ). 4-3
Начало зан. 1-го сентября. Програм. безплат.

Съ правами правительственныхъ учебныхъ заведеній
МУЖСКАЯ и ЖЕНСКАЯ ТОРГОВЫЯ ШКОЛЫ
при ев.-лют. церкви Христа Спасителя **въ С.-Петербургѣ, Подольская, 2.** Въ текущемъ учебномъ году 650 учащихся. Пріемные экзамены 28 августа.
Начало занятій 1-го сентября. 8217

Дамскія и дѣтскія шляпы
много лѣтъ существующей фирмы
Н. М. Селинъ и П. Д. Золотаревъ, въ Москвѣ
по Неглинному проѣзду, въ Александровск. Пассажѣ, рядомъ съ Императ. Малымъ театромъ, и въ Нижегор. Ярмаркѣ. Главная линія, лавка № 8, большой магазинъ, **торговля оптомъ и въ розницу.** Для увеличенія сбыта **въ розницу,** предлагаетъ товары **по оптовой цѣнѣ:** новѣйшихъ фасоновъ дамскія и дѣтскія шляпы: бархатныя, шелковыя и фетровыя, также мѣховыя изъ разныхъ мѣховъ, шляпы, шапки, отдѣланныя и безъ отдѣлки; муфты, горжеты и боа, страусовыя боа, страусовыя и фантази перья, крылья и разныя друг. новости; цвѣты искусственные лучшіе. На всѣ товары цѣны оптовыя. Требованія и запросы покупательницъ исполняются въ самомъ скоромъ времени и со всей аккуратностью. Иногороднимъ можно наложеннымъ платежомъ.
2-2 8193

Отъ С.-Петербургскаго Городского Общественнаго Управленія.

ГРАЖДАНЕ!

Великіе страдные дни переживаетъ нынѣ Россія.

Родина наша, такъ искренно желавшая мирнаго и спокойнаго развитія, неожиданно подверглась вооруженному нападенію врага.

Какъ одинъ человѣкъ родная страна, безъ различія состояній, народностей и партій,—воспрянула на защиту своей державной чести и своего государственнаго достоянія.

Твердо вѣримъ, что такой подъемъ народныхъ силъ и полное ихъ единеніе дадутъ успѣхъ въ справедливомъ нашемъ дѣлѣ.

Вся Россія слилась съ своей арміей въ одномъ непреодолимомъ желаніи побѣды надъ врагомъ, и пусть защитники родины знаютъ, съ какою вѣрою и любовію великая страна на нихъ взираетъ.

Но одного сочувствія мало. Помощь странѣ въ переживаемое трудное время должны оказывать не только вооруженная сила, но и всѣ граждане.

Мы прежде всего обязаны всемѣрно позаботиться о томъ, чтобы семьи ушедшихъ на военную службу не остались въ нуждѣ и нищетѣ, а раненые и больные воины нашли въ столицѣ лѣченіе и помощь.

Городская Дума главное руководство въ дѣлѣ сбора и распредѣленія пожертвованій на военныя нужды поручила особо избранному Комитету изъ 21 гласнаго подъ предсѣдательствомъ Городского Головы.

Комитетъ можетъ выполнить свои обязанности, только опираясь на все населеніе Петербурга, которое и призываетъ къ содѣйствію.

Комитетъ находится въ зданіи Городской Думы и имѣетъ дежурство для всякаго рода объясненій и пріема пожертвованій ежедневно отъ 11 до 2 часовъ дня.

Кромѣ Комитета, забота о семействахъ запасныхъ нижнихъ чиновъ возложена городомъ на Городскія Попечительства о бѣдныхъ.

Пусть каждый изъ Васъ пожертвуетъ хоть что-либо.

Жертвуйте не только деньгами, но и вещами, припасами и топливомъ. Не стѣсняйтесь количествомъ. Жертвуйте личнымъ безплатнымъ трудомъ — всегда найдется работа.

Если кто изъ Васъ можетъ пріютить у себя осиротѣлую семью или предоставить городу для военныхъ надобностей безплатное помѣщеніе — заявляйте объ этомъ либо въ Комитетъ, либо въ мѣстное попечительство.

Помните, что, кромѣ заботы о семьяхъ нижнихъ чиновъ, на городѣ, а слѣдовательно и на Васъ, граждане, лежитъ обязанность приготовить все необходимое для помѣщенія, быть-можетъ, весьма значительнаго числа раненыхъ и больныхъ воиновъ.

Помогите городу Вашими силами и средствами въ исполненіи этой священной обязанности.

Грозные настали дни. Духъ Божій проносится надъ нивою жизни и будитъ совѣсть каждаго. 8214

Да успокоится же совѣсть Ваша сознаніемъ исполненнаго долга.

Помогите братьямъ, сражающимся за Васъ.

ПОЖЕРТВОВАНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ:

1) Въ Городской Думѣ, въ помѣщеніи Комитета,
2) Въ мѣстныхъ Городскихъ Попечительствахъ и
3) Въ банкахъ и учрежденіяхъ, списокъ которыхъ будетъ указанъ дополнительно.

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, С.-Петербургъ, улица Гоголя, 22.

БОЛЬШОЙ ВСЕМІРНЫЙ НАСТОЛЬНЫЙ

Атласъ Маркса

подъ редакціей

Э. Ю. ПЕТРИ и Ю. М. ШОКАЛЬСКАГО.

2-ое пересмотрѣнное и дополненное изданіе.

состоящее изъ 62 главныхъ, 160 дополнительныхъ картъ и 17 фигуръ на 55 большихъ двойныхъ таблицахъ in folio. Съ алфавитнымъ указателемъ всѣхъ (около 130.000) географическихъ названій, помѣщенныхъ въ Атласѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія.

Въ каждой странѣ географическіе Атласы приспособлены для мѣстныхъ надобностей, почему мы и задались цѣлью дать такой же Атласъ, но обработанный съ русской точки зрѣнія и, воспользовавшись для иностранныхъ картъ оригиналами одного изъ лучшихъ европейскихъ Атласовъ, отвели первенствующее мѣсто въ Атласѣ картамъ Россіи. Карта Европейской Россіи въ масштабѣ 1 : 2.000.000 (или около 48 вер. въ дюймѣ), являющаяся подробнымъ и точнымъ изображеніемъ поверхности страны, значительно усовершенствована какъ въ техническомъ отношеніи, такъ и по своему содержанію, сравнительно съ первымъ изданіемъ. Все, что было сдѣлано въ Россіи новаго по картографіи страны за 4 года, протекшихъ отъ перваго изданія, принято во вниманіе, при чемъ использованы многіе матеріалы, еще не изданные ко времени печати карты.

На картѣ нанесены: *всѣ населенныя мѣста съ числомъ жителей до 1000 чел., форты, колодцы, пороги, водопады, болота, озера, минеральные источники и курорты, таможни, монастыри, желѣзныя, шоссейныя и почтовыя дороги, каналы, порты, маяки, почтовыя и телеграфныя станціи, телеграфные кабели, пароходные рейсы на моряхъ* и т. п.

Всѣ безъ исключенія карты Атласа, относящіяся къ другимъ странамъ, подверглись такому же изученію, исправленію и дополненію, какъ и карты Россіи. Кромѣ того добавлено два совершенно новыхъ листа: одинъ, дающій изображеніе разныхъ небесныхъ явленій, а другой—карту Сѣвернаго полярнаго пространства.

Цѣна Атласа—**15** руб., съ пересылкой (въ Европейской Россіи)—**16** руб.; въ переплетѣ—**20** руб., съ пересылкой—**21** руб.

Библиотека "Руниверс"

XLV г. ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. г. XLV
№ 33 Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ. 1914
Выданъ 16 августа 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на ½ года 4 р., на ¼ года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Майкова" кн. 6.

Воззванія Верховнаго Главнокомандующаго.

Поляки! Пробилъ часъ, когда завѣтная мечта вашихъ отцовъ и дѣдовъ можетъ осуществиться.

Полтора вѣка тому назадъ живое тѣло Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ея. Она жила надеждой, что наступитъ часъ воскресенія Польскаго народа, братскаго примиренія его съ Великой Россіей.

Русскія войска несутъ вамъ благую вѣсть этого примиренія.

Пусть сотрутся границы, разрѣзавшія на части Польскій народъ. Да возсоединится онъ воедино подъ скипетромъ Русскаго Царя.

Подъ скипетромъ этимъ возродится Польша, свободная въ своей вѣрѣ, въ языкѣ, въ самоуправленіи.

Одного ждетъ отъ васъ Россія—такого же уваженія къ правамъ тѣхъ народностей, съ которыми связала васъ исторія.

Съ открытымъ сердцемъ, съ братски протянутой рукой идетъ вамъ навстрѣчу Великая Россія. Она вѣритъ, что не заржавѣлъ мечъ, разившій врага при Грюнвальдѣ.

Отъ береговъ Тихаго океана до Сѣверныхъ морей движутся Русскія рати.

Заря новой жизни занимается для васъ.

Да возсіяетъ въ этой зарѣ знаменіе Креста — символъ страданія и воскресенія народовъ!

Верховный Главнокомандующій, Генералъ-Адъютантъ *Николай.*

1/14 августа 1914 года.

Русскому народу.

Братья.

Творится судъ Божій.

Терпѣливо, съ христіанскимъ смиреніемъ, въ теченіе вѣковъ томился Русскій народъ подъ чужеземнымъ игомъ, но ни лестью, ни гоненіемъ нельзя было сломить въ немъ чаяній свободы.

Какъ бурный потокъ рветъ камни, чтобы слиться съ моремъ, такъ нѣтъ силы, которая остановила бы Русскій народъ въ его порывѣ къ объединенію.

Да не будетъ больше подъяремной Руси. Достояніе Владиміра Святого, земля Ярослава Осмомысла, князей Даніила и Романа, сбросивъ иго, да водрузитъ стягъ единой, великой нераздѣльной Россіи.

Да свершится Промыслъ Божій, благословившій дѣло великихъ собирателей Земли Русской.

Да поможетъ Господь Царственному Своему Помазаннику Императору Николаю Александровичу всея Россіи завершить дѣло великаго князя Ивана Калиты.

А ты, многострадальная братская Русь, встань на срѣтеніе русской рати!

Освобождаемые русскіе братья!

Всѣмъ вамъ найдется мѣсто на лонѣ Матери—Россіи. Не обижая мирныхъ людей, какой бы они ни были народности, не полагая своего счастья въ притѣсненіи иноземцевъ, какъ это дѣлали швабы, обратите мечъ свой на врага, а сердца свои къ Богу съ молитвой за Россію, за Русскаго Царя.

Верховный Главнокомандующій, Генералъ-Адъютантъ *Николай.*

5 августа 1914 года.

Верховный Главнокомандующій—Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ.

Библиотека "Руниверс"

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1914 г.

Содержание.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Майкова“ кн. 6.

Воскресшая Польша и объединенное славянство.

Еще до начала крупныхъ военныхъ дѣйствій Августѣйшій Верховный Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ одержалъ уже крупную политическую побѣду: двумя воззваніями онъ приковалъ къ русскимъ знаменамъ пламенное сочувствіе всѣхъ поляковъ и славянъ, не забывшихъ о своемъ славянскомъ происхожденіи. Эти воззванія — крупнѣйшіе правительственные акты — помѣщены на первой страницѣ этого нумера рядомъ съ возвѣстившимъ ихъ Россіи.

Быть-можетъ, никогда еще за все существованіе Россіи и Польши русско-польскія отношенія не достигали такой моральной чистоты и ясности, какъ въ настоящее время. Общій врагъ заставилъ насъ почувствовать себя родными братьями, общая опасность заставила забыть мелкую рознь и соединиться въ братской самозащитѣ. Насталъ часъ, когда должны быть искуплены такіе тяжкіе историческіе грѣхи, какъ раздѣлъ Польши и ея вѣковая борьба съ единоплеменной Россіей. Отдача славянскихъ областей въ порабощеніе тевтонамъ является такимъ же преступленіемъ противъ славянства, какъ и все братоубійственное междоусобіе родныхъ по крови и духу народовъ. Просвѣтленные совѣстью и разумомъ потомки, почувствовавшіе свое родство въ мукахъ и подъ угрозою тяжкаго нѣмецкаго ига, искупятъ грѣхи предковъ. Какъ въ дни Грюнвальда, они обнажаютъ мечъ уже не другъ противъ друга, а противъ общаго недруга. Пережитыя несчастія заставили обѣ стороны взглянуть на жизнь не подъ угломъ узкаго племенного эгоизма, а съ точки зрѣнія права и справедливости. Иллюзіи слѣпого честолюбія и племенного властолюбія вносили между братскими народами кровавую ненависть и непримиримую вражду, нравственная же оцѣнка вопросовъ политической жизни, столь свойственная національному духу всѣхъ славянскихъ народовъ, открыла передъ ними радостную и свѣтлую перспективу примиренія. Братскій миръ, купленный столь дорогою цѣною вѣковыхъ страданій, отнынѣ будутъ бережно хранить, какъ зѣницу ока. Политическому воскресенію Польши предшествовало ея нравственное воскресеніе.

Воскреснувшая изъ мертвыхъ Польша не можетъ быть ни поработительницей ни порабощенной, она должна быть независимой и единой. Она уже не будетъ смѣшивать свою національную свободу съ угнетеніемъ другихъ народностей, не будетъ простирать свои требованія за предѣлы своихъ этнографическихъ границъ. Быть рабовладѣльцами могутъ только рабы въ душѣ, свободный же человѣкъ всегда свято чтитъ свободу другого.

Судьбы Польши тѣсно слиты съ судьбою всего славянства. Какъ вѣтка дерева, отрѣзанная отъ родного ствола, она погибла въ разъединеніи со своимъ славянскимъ корнемъ и начинаетъ возрождаться по мѣрѣ того, какъ возстановляется порванная связь. Не слѣпой капризъ исторіи, а внутренняя логика событій слила воедино участь Польши съ участью Прикарпатской Руси. И славянскій и польскій вопросы разрѣшаются исходомъ одной и той же войны, потому что исторически они сплелись въ одинъ узелъ, который разрубитъ мечъ русскаго витязя. Безъ объединенія славянства возстановленіе Польши было бы невозможнымъ, безъ возстановленія Польши объединеніе славянства было бы неполнымъ. Побѣда русскаго оружія принесетъ свободу всѣмъ порабощеннымъ народамъ. На картѣ Европы не останется ни подъяремной Руси ни угнетенной Польши. Великая семья свободныхъ славянскихъ народовъ соберется подъ главенствомъ своего старшаго брата, и на развалинахъ сокрушеннаго тевтонскаго насильничества установится свѣтлое царство всеобщей свободы и права.

Перспективы войны.

(Политическое обозрѣніе).

Въ обыкновенное время объявленіе войны какою-нибудь одною державою другой заставило бы говорить о себѣ весь міръ, но теперь, когда Европа раздѣлилась на два враждующихъ лагеря, объявленіе войны Англіей Австро-Венгріи прошло почти никѣмъ не замѣченнымъ, какъ простая формальность, продиктованная общимъ положеніемъ вещей. И понятно: въ томъ морѣ крови, котораго потребуетъ отъ человѣчества искупленіе отъ германскаго ига, много ли значитъ какая-нибудь лишняя капля, которая будетъ пролита при столкновеніи англо-австрійскихъ отрядовъ на сушѣ или на морѣ? Да и гдѣ можетъ произойти это столкновеніе? Средиземное море, въ бассейнъ котораго входятъ порты Австріи, охраняется французскимъ флотомъ, уже потопившимъ нѣсколько австрійскихъ миноносцевъ и одинъ австрійскій броненосецъ, а въ германскомъ наступленіи на Бельгію, которому противостоитъ англійскій дессантъ, австрійскія сухопутныя силы, какъ извѣстно, никакого участія не принимаютъ. Такимъ образомъ, за отсутствіемъ театра для столкновенія военныхъ силъ, война между Англіей и Австріей, строго говоря, остается чисто теоретической. Реально она по всей вѣроятности выразится развѣ только въ отъѣздѣ изъ Лондона и Вѣны аккредитованныхъ пословъ да въ англійскомъ захватѣ австрійскихъ коммерческихъ судовъ, если они попадутся англійскимъ крейсерамъ гдѣ-нибудь въ открытомъ морѣ.

Другое дѣло объявленіе войны Японіей Германіи. Оно имѣетъ совершенно спеціальный смыслъ и значеніе. Предъявляя Германіи ультиматумъ съ требованіемъ немедленнаго отказа отъ владѣнія Кіао-Чао, Японія становится какъ бы формальной участницей дѣлежа германскаго наслѣдства. Она желаетъ захватить азіатскія владѣнія императора Вильгельма и хоть скромную крупицу богатаго германскаго коммерческаго флота. Формальный поводъ къ выступленію съ оружіемъ въ рукахъ ей далъ захватъ

Сербскій королевичъ Георгій, раненый въ голову при бомбардировкѣ Бѣлграда австрійскими войсками.

Библиотека "Руниверс"

Объявленіе командира нѣмецкаго отряда, занявшаго Калишъ.

Листы этого объявленія, напечатанные на красной бумагѣ, на нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ, были расклеены по городу. Указываемые въ объявленіи, какъ поводъ къ строгостямъ по отношенію къ населенію, выстрѣлы изъ домовъ были, по словамъ лицъ, бѣжавшихъ изъ города, произведены самими нѣмцами, чтобы придраться къ населенію, изъ мести за неудачу, постигшую нѣмецкій отрядъ на развѣдкахъ за Калишемъ. Приводимъ переводъ объявленія:

Комендантство. Калишъ, 4. 8. 1914.

Калишскому Магистрату.

Въ виду того, что въ нынѣшнюю ночь многократно стрѣляли изъ домовъ по гарнизону Калиша, съ населеніемъ больше церемониться не стану.

Запрещаю всякія сношенія съ внѣшнимъ міромъ и объявляю недѣйствительными выданные разрѣшительные билеты.

Всѣ гостиницы должны быть закрыты. Единственное исключеніе — «Европейскій Отель», въ которомъ я живу.

Всякое пребываніе безъ нужды на улицахъ и площадяхъ запрещено; вообще не разрѣшено останавливаться.

Невыполненіе военныхъ приказаній карается смертью.

Арестованные сегодняшней ночью 6 гражданъ остаются въ моемъ распоряженіи и будутъ при малѣйшемъ сопротивленіи разстрѣляны.

Для искупленія происшествій сегодняшней ночи городъ долженъ сегодня до 5 час. пополудни уплатить сумму въ 50 (пятьдесятъ) тысячъ рублей.

При повтореніи непріязненныхъ дѣйствій со стороны населенія будетъ разстрѣлянъ каждый 10-й житель.

Съ 8 часовъ вечера всѣ дома должны быть закрыты и всѣ окна освѣщены.

Магистратъ долженъ распорядиться немедленнымъ опубликованіемъ сего.

Запрещаю выпускъ газетъ.

Комендантъ Калиша

(подп.) Прейскеръ

Маіоръ и командиръ 11-155.

Kommendentur. Kalisz, den 4. 8. 1914.

An der Magistrat Kalisch.

Nachdem in der heutigen Nacht vielfach auf die Besatzung von Kalisch aus den Häusern geschossen worden ist, hört jede Rucksichtnahme auf die Bewölkerung auf.

Ich verbiete jeden Verkehr nach auswärts und erkläre die Ungültichkeit der ausgestellten Erlaubniskarten

Sämtliche Wirtschaften werden geschlossen Ausnahme (Europäisches Hotel), woselbst ich wohnen bleibe.

Jeder unnötige Aufenthalt auf den Strassen und Plätzen ist verboten, ein Stehbenbleiben überhaupt nicht gestattet.

Nichtbefolgung der militaerischen Befehle wird mit dem Tode bestraft

Die heute Nacht festgenommenem 6 Bürger bleiben im meinem Gewahrsam und werden bei geringstem Widerschtand erschossen.

Zur Sühne der Vorkommnise der heutigen Nacht hat die Stadt **bis heute 5 Uhr Nachm.** die Summe von

50000 (fünfzigtausend) Rubel zu zahlen

Bei Wiederholung der Feindseligkeiten seiten der Einwohnerschaft wird jeder 10 Bürger erschossen, Von 8 Uhr Abends ab sind die Häuser geschlossen und sämtliche Fenster erleuchtet

Der Magistrar hat die **sofortige** Bekanntgabe zu veranlassen.

Ich verbiete das Erscheinen der Zeitungen.

Kommandant von Kalisch.

(gez.) Preusker

Maior u. Komandeur II/155.

германскимъ миноносцемъ еще до объявленія войны парохода Русскаго Добровольнаго Флота „Рязань“. Такъ какъ захватъ произошелъ въ Японскомъ морѣ, то Японія разсматриваетъ его, какъ нарушеніе японскаго нейтралитета. Она выступаетъ какъ бы мстительницею за своего недавняго врага,—въ сущности же, конечно, пользуется только благопріятнымъ случаемъ ликвидировать разъ навсегда коммерческое и политическое соперничество Германіи въ Китаѣ. Такимъ образомъ всѣ дерзостныя и беззаконныя нарушенія международнаго права, чинимыя германцами, въ концѣ концовъ обращаются на нихъ самихъ.

Насильственная конфискація частнаго автомобиля лейбъ-медика С. П. Федорова въ Берлинѣ дала право русскому правительству конфисковать множество автомобилей, принадлежащихъ находившимся въ Россіи германскимъ и австрійскимъ автомобильнымъ фирмамъ. Нѣмцы выгадали какихъ-нибудь десять тысячъ рублей, а потеряли цѣлые милліоны. Близорукая жадность жестоко наказана огромными потерями. Точно такъ же и захватъ „Рязани“ будетъ возмѣщенъ потерею цѣлой колоніи и по крайней мѣрѣ всей военной флотиліи, сосредоточенной въ портѣ Кіао-Чао. Нарушая основныя требованія международнаго права, ослѣпленные самомнѣніемъ и иллюзіей своего всемогущества, германцы не замѣтили, что они тѣмъ самымъ уничтожаютъ гарантіи своихъ собственныхъ интересовъ и правъ.

Единственнымъ утѣшеніемъ въ скорбной долѣ императора Вильгельма является пока только Турція да отчасти офиціальная Болгарія, выжидающая случая сосчитаться съ сербами изъ-за Македоніи. Турція въ лицѣ Энвера-паши и его друзей выразила легкомысленную готовность примкнуть къ Германіи и Австріи, не могущей имѣть никакого иного объясненія мобилизаціей арміи на границахъ Россіи и Болгаріи и возмутительнымъ укрыватель-

Группа чеховъ (42 человѣка), присоединившихся къ православію. Торжество присоединенія происходило въ Казанскомъ соборѣ и совершено было архіепископомъ Геннадіемъ въ сослуженіи съ настоятелемъ Казанскаго собора протоіереемъ Ѳ. Орнатскимъ. По фот. Я. Штейнберга.

Библиотека "Руниверс"

Польскіе крестьяне-рабочіе, преимущественно жители Варшавской, Плоцкой и Калишской губерній, застигнутые войной въ Германіи и послѣ цѣлаго ряда притѣсненій вернувшіеся нынѣ черезъ Торнео въ Петербургъ. По фот. Я. Штейнберга.

ствомъ преслѣдуемыхъ англійской эскадрой двухъ германскихъ крейсеровъ, нашедшихъ защиту подъ прикрытіемъ Дарданелльскихъ укрѣпленій. Она объявила, что оба крейсера, только что обстрѣлявшіе французскіе порты, якобы еще раньше были куплены ею у Германіи, и подняла надъ ними флагъ съ полумѣсяцемъ. Но разъ покупка ихъ состоялась еще до обстрѣла французскихъ портовъ, то въ такомъ случаѣ Турція является участницей военныхъ дѣйствій, и всѣ берега ея подлежатъ обстрѣлу англо-французскихъ судовъ, къ чему, вѣроятно, и будетъ приступлено въ томъ случаѣ, если младо-турки не откажутся отъ своей слишкомъ опасной игры. Турецкій народъ, страшно истощенный двумя неудачными войнами, не хочетъ и не можетъ воевать, и новая попытка вовлеченія его въ политическую авантюру можетъ легко привести къ новому внутреннему перевороту въ Турціи. Что же касается Болгаріи и Румыніи, то ихъ колебанія объясняются только недостаточно ясной постановкой этическихъ задачъ нынѣшней войны: какъ только будетъ рѣзко подчеркнутъ и всенародно заявленъ верховный принципъ этнографическаго раздѣла территоріи, разрѣшающій македонскій и трансильванскій вопросы, болгары и румыны, даже вопреки желанію ихъ монарховъ, сдѣлаются самыми пылкими нашими союзниками, сербы въ предвосхищеніи огромныхъ и безспорныхъ пріобрѣтеній, на которыя они имѣютъ право на всемъ югѣ Австріи, не будутъ ссориться съ болгарами изъ-за маленькаго спорнаго клочка, и всѣ славянскіе народы снова сойдутся на полѣ чести, какъ братья и союзники, для одолѣнія общаго врага.

Польскіе крестьяне-рабочіе, преимущественно жители Варшавской, Плоцкой и Калишской губерній, застигнутые войной въ Германіи и послѣ цѣлаго ряда притѣсненій вернувшіеся нынѣ черезъ Торнео въ Петербургъ. За безплатнымъ обѣдомъ, предоставленнымъ имъ польскимъ благотворительнымъ обществомъ „Огниско Польске“.

Библиотека "Руниверс"

Полкъ отправляется на войну. Молитва передъ походомъ.
По фот. А. Оцупа.

* *
*

Еще вчера твоею страстью
Была душа моя пьяна,
А нынче—звѣрь съ кровавой пастью,
Тебя похитила война.
Гдѣ-бъ ни былъ ты: въ пылу ли брани,
Гдѣ блекнутъ жизни, какъ цвѣты,
Или подъ дуломъ въ вражьемъ станѣ,
Въ стократъ меня счастливѣй ты.
Меня влечетъ и манитъ сѣча
И боевыхъ орудій громъ.
Мой прадѣдъ атаманъ былъ въ Сѣчи
И на враговъ леталъ орломъ.
И вижу я: во мракѣ ночи
Въ гнѣздо тевтоновыхъ вождей
Сторожко онъ вперяетъ очи
Изъ подъ насупленныхъ бровей,
И слышу я: шумятъ знамена,
Бѣгутъ тевтонскіе полки,
Славянскихъ братьевъ изъ полона
Ведутъ съ собою казаки.

Наталія Грушко.

До свиданья на позиціяхъ!

Разсказъ **Ивана Островного**.

I.

Что жъ, прежде всего надо сказать, что Катерина Ивановна была женщина. Да, онѣ какъ-то умѣютъ это совмѣщать. Только-что, минуту назадъ—да, а вотъ ужъ, смотришь,—и нѣтъ. И то и другое не только искренно, а даже пламенно, съ горящими глазами, отъ всего сердца. Такія ужъ у нихъ многогранныя души, и на все у нихъ хватаетъ огня и слезъ.

Когда по Петербургу съ быстротой пули разнеслась вѣсть о войнѣ, Катерина Ивановна была у знакомыхъ — Тростниковыхъ. Милое семейство, съ которымъ она была, какъ своя. Старикъ — важный чиновникъ, но безъ всякой важности, жена — хлопотунья, вѣчно занятая заботой, чтобы въ домѣ и свои и гости какъ можно вкуснѣе и сытнѣе были накормлены, сынъ—Костя, студентъ, товарищъ ея мужа, и дочь, съ которой она училась въ гимназіи и вмѣстѣ кончили.

Пили чай съ пятью сортами вареній и съ домашними булочками; было еще трое знакомыхъ—жена доктора, студентъ-технологъ и молодой, всего только годъ тому назадъ выпущенный изъ школы, офицеръ. Окна квартиры въ первомъ этажѣ выходили въ садъ, откуда вѣяло свѣжестью и запахомъ сосны. Благодаря этому саду, Тростниковы лѣтомъ никогда не ѣздили на дачу и только въ августѣ на мѣсяцъ отправлялись въ Крымъ, гдѣ глава семьи, Петръ Степановичъ, страдающій катарромъ желудка, ѣлъ лѣчебный виноградъ.

Его Величество Черногорскій Король Николай.

Библиотека "Руниверс"

Они и теперь уже понемногу готовились къ отъѣзду. Петра Степановича не было дома, его потребовали въ какую-то комиссію. Разговоръ шелъ самый мирный: о Крымѣ, о тамошнихъ лунныхъ ночахъ, о виноградѣ, о прогулкахъ въ горы. Костя Тростниковъ, разумѣется, шутя, такъ какъ онъ вовсе не былъ и влюбленъ въ Катерину Ивановну и привыкъ смотрѣть на нее, какъ на товарища, уговаривалъ ее бросить Андрюшу (это мужа-то ея, Андрея Васильевича Комарницкаго) и укатить съ нимъ въ Крымъ. Самъ Андрюша не могъ ѣхать, потому что онъ, будучи студентомъ, служилъ гдѣ-то секретаремъ и этимъ зарабатывалъ деньги на жизнь. Катерина Ивановна чуточку кокетничала и съ Костей, и съ технологомъ, и съ офицеромъ, а хозяйка, Варвара Михайловна, ко всѣмъ приставала, чтобы побольше ѣли варенья и домашнихъ булочекъ.

Въ это время пріѣхалъ Петръ Степановичъ и сообщилъ о войнѣ. Боже, что тутъ сдѣлалось! Тихій ангелъ мира какъ будто выпорхнулъ въ раскрытое окно и улетѣлъ въ небеса. Крымъ, море, лунныя ночи, прогулки, виноградъ и даже милое кокетство Катерины Ивановны—все отошло на Богъ знаетъ на какой планъ, спряталось, было забыто, у всѣхъ загорѣлись глаза, и поднялись воинственные разговоры.

Генералъ-лейтенантъ Н. Н. Янушкевичъ.

Офицеръ, впрочемъ, сейчасъ же началъ прощаться, такъ какъ ему послѣ такихъ извѣстій надо было мчаться въ свою военную часть. Но и среди штатскихъ вдругъ не оказалось ни одного мирнаго человѣка. Петръ Степановичъ отмѣнилъ Крымъ. Какое теперь лѣченіе, какой виноградъ! Онъ разсказывалъ, казавшіяся невѣроятными, вещи о поведеніи народа, вдругъ ставшаго нашимъ врагомъ. Не хотѣлось вѣрить, подымалось чувство негодованія, и, Богъ знаетъ, почему, всѣхъ потянуло на улицу.

Впрочемъ, Варвара Михайловна осталась дома, но не потому, чтобы у нея патріотизма было меньше, чѣмъ у другихъ, а потому, что у нея болѣли ноги, и она могла только ѣздить на извозчикахъ, а объ этомъ, конечно, не могло быть и рѣчи. Что же касается Петра Степановича, важнаго чиновника, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, обладавшаго знаками отличія на шеѣ и въ петлицѣ и чуть ли даже не владѣющаго звѣздой, то онъ, гордо неся свою почти бѣлую бороду, шелъ впереди всѣхъ, и глаза его были нисколько не меньше юны и горящи, чѣмъ у молодежи. Костя объявилъ, что „ну, его къ чорту—университетъ и всякія тамъ науки“, что онъ все это броситъ и пойдетъ на войну, и Катерина Ивановна горячо одобряла его и крѣпко жала его руку. Когда же замѣтила, что технологъ какъ будто мямлитъ и колеблется, продолжать ли ему ученье, или итти въ солдаты, она набросилась на него съ такой горячностью, такъ пристыдила его за трусость и недостатокъ любви къ родинѣ, что онъ тутъ же далъ честное слово, что завтра же запишется въ вольноопредѣляющіеся.

А на улицѣ она смотрѣла на толпу возбужденныхъ людей, которая росла и росла. Раздавались воинственные клики, говорили призывныя рѣчи, и Катерина Ивановна отъ всего сердца кричала, пѣла гимнъ, пожимала протягивавшіяся къ ней незнакомыя людьми руки и плакала отъ умиленія.

— Конечно,—говорила она:—всѣ должны итти на войну и грудью защищать родину. Да, да, съ этой минуты никто уже не принадлежитъ себѣ, и каждый долженъ отдать свою жизнь!

Петръ Степановичъ, который до сихъ поръ зналъ ее только какъ милую и веселую молоденькую женщину, которая любила попѣть, повеселиться, потанцовать, ну, иногда и почитать занимательную книжку и пойти въ театръ, былъ пріятно изумленъ, когда услышалъ отъ нея такой горячій, сердечный призывъ къ общественному дѣлу.

— Ахъ, Катерина Ивановна,—восторженно воскликнулъ онъ:—право же, вы насъ, мужчинъ, воодушевляете! Когда вы такъ говорите, мнѣ, старику, стыдно оставаться въ штатскомъ платьѣ. Вотъ такъ бы и надѣлъ сейчасъ солдатскую шинель и подставилъ голову подъ вражескія пули!

И главное—что Катерина Ивановна была безконечно искренна. Если бы какой-нибудь врачъ въ тѣ минуты послушалъ ея сердце и сосчиталъ пульсъ, то онъ сказалъ бы, что у нея лихорадка, можетъ быть, даже горячка,—такъ пламенно было ея увлеченіе.

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Ольга Александровна.

Медицинскій и служебный составъ госпиталя Общины св. Евгеніи (на 200 кроватей), во главѣ съ Ея Императорскимъ Высочествомъ Великой Княгиней Ольгой Александровной. По фот. А. Оцупа.

Библиотека "Руниверс"

II.

Когда вечеромъ она пришла домой, Андрей Васильевичъ, безъ пиджака, въ жилеткѣ, сидѣлъ за небольшимъ столикомъ и копался надъ какими-то цифрами, которыя навязали ему на службѣ. Лицо его, всегда имѣвшее нѣсколько утомленный видъ, было очень спокойно. При ея появленіи онъ улыбнулся.

— Навѣрно, у Тростниковыхъ была? Я хотѣлъ-было туда направиться прямо съ службы, да вотъ работу навязали мнѣ. Эксплоатируютъ меня, подлецы, да ничего не подѣлаешь: — сто рублей платятъ, и я долженъ еще почитать ихъ благодѣтелями.

Говоря это, онъ продолжалъ что-то высчитывать и писать цифры. Но Катерина Ивановна почти не слышала его словъ. Она спѣшно сняла съ головы шляпу, скинула синюю кофточку, поцѣловала мужа въ голову и сказала:

— Ты работаешь... Какія-то цифры... И такъ спокоенъ, какъ будто ничего не произошло...

Тутъ Андрей Васильевичъ поднялъ голову и посмотрѣлъ ей въ глаза. Глаза ея горѣли, а лицо сохраняло всѣ слѣды недавняго, еще и теперь владѣвшаго ею, волненія.

— Да, у тебя такое лицо... Я вижу теперь, что произошло что-то... Ну?

— Гм... Такъ, стало-быть, придется оставить службу, и сто рублей уплывутъ отъ насъ... Ну, что жъ, это неизбѣжно и въ концѣ концовъ каждый долженъ исполнить свой долгъ.

Тутъ ужъ наступила очередь Катерины Ивановны не понимать. Она сдѣлала большіе глаза:

— Почему оставить службу? Не понимаю.

— Какъ же ты не понимаешь? Это ясно. Это совершенно неизбѣжно.

— Но почему? Почему? Всѣ говорятъ, что Петербургу не угрожаетъ ни малѣйшая опасность... Кронштадтъ, ну, и тамъ все другое...

— О, да, я въ этомъ не сомнѣваюсь—ни въ надежности Кронштадта ни всего другого. Но ты же знаешь, что я, какъ и всякій гражданинъ, долженъ служить въ войскѣ...

— Какъ долженъ? Да вѣдь ты же студентъ. У тебя отсрочка..

— Во время войны отсрочекъ не бываетъ, милая Катя. Непріятель не даетъ намъ отсрочки, какъ и мы ему. Онъ не станетъ ждать, пока я кончу курсъ и получу дипломъ... И такъ какъ я по жребію долженъ служить, то, значитъ, придется итти на войну.

Лицо Катерины Ивановны, до сихъ поръ еще сохранившее

Попечительница Общины М. Н. Зиновьева. Товарищъ попечительницы—А. А. Ридигеръ. Казначей—докторъ А. А. Эберманъ. Старшая сестра Емельянова. Докторъ А. Л. Маршандъ.

Отрядъ сестеръ милосердія Александровской общины Краснаго Креста.

— Какъ? Ты не знаешь? Ты ничего не знаешь? Да это уже перевернуло вверхъ дномъ весь Петербургъ и всю Россію!..

— Голубчикъ, ничего не знаю. Пришелъ домой, засѣлъ за работу... Откуда же мнѣ знать?

Ну, Катерина Ивановна все и сообщила ему — и о томъ, что объявлена война, и что дѣлается на улицахъ столицы.

— Это такое одушевленіе, такой подъемъ!.. Я, знаешь, плакала... Ахъ, Андрюша, какъ ты можешь сидѣть и писать какія-то цифры!..

Но Андрей Васильевичъ, человѣкъ хотя и неглупый, но не умѣвшій скоро разбираться въ слишкомъ сложныхъ вещахъ, не сразу даже понялъ.

— Война? Что ты говоришь? Какая война? Съ кѣмъ? Почему?

— Господи! Какой ты непонятливый, Андрюша! Значитъ, я должна все объяснить тебѣ сначала...

И разсказала все сначала. Но странно было то, что лицо Андрея Васильевича не только не свидѣтельствовало о воодушевленіи, а скорѣе было подавлено.

— Ты, Андрюша, совсѣмъ какой-то вялый. Съ этими цифрами ты потерялъ всякую впечатлительность и отзывчивость. Ну, право же, какъ будто я сообщила тебѣ, что у Варвары Михайловны сегодня не удались сдобныя булочки къ чаю...

— Это не совсѣмъ такъ, Катя... Я впечатляюсь, и даже, можетъ-быть, гораздо больше, чѣмъ ты думаешь...

— Ну, это ни изъ чего не видно... Все-таки подобное извѣстіе должно вызывать острое чувство...

— Погоди-ка, Катя, тутъ надо разобраться... Такъ, говоришь, объявлена война?

— Ну, да, да, да! Тысячу разъ да!—уже даже съ легкой досадой подтвердила Катерина Ивановна.

слѣды волненія, вдругъ потускнѣло, и глаза потухли и сейчасъ же загорѣлись другимъ огнемъ—жгучей тревоги. Она какъ будто растерялась.

— Но какъ же такъ? Что ты говоришь Андрюша?.. Этого не можетъ быть... Ужъ если отсрочка, такъ отсрочка... Не могутъ же прервать ученье... И наконецъ... наконецъ... тебѣ итти на войну... подъ пули... Это же ужасно!..

И когда ея живое воображеніе нарисовало картину: ея милый и безконечно любимый Андрюша въ передовыхъ рядахъ... Пули свистятъ надъ головой, съ визгомъ пролетаютъ мимо ушей... Разрывается граната, ему отрываетъ руку, голову... О Боже!.. Слезы подступили къ горлу и она зарыдала:

— Тебя могутъ убить!.. А я... какъ же я? Я такъ люблю тебя!.. Я безъ тебя ничто!.. Это невозможно!.. Невозможно!..

Андрей Васильевичъ успокаивалъ ее, какъ могъ, но объ одномъ просилъ: чтобы она выбросила изъ головы мысль, что это невозможно. Съ этой мыслью ей необходимо разстаться, потому что это не только возможно, но и неизбѣжно.

Но она не могла примириться съ этимъ, она страшилась даже представить это. Какъ? Его? Андрюшу, и вдругъ убьютъ? Это невозможно!.. Нѣтъ, нѣтъ, это было бы слишкомъ жестоко.

— Но послушай, Катя, вѣдь я же не одинъ: такихъ, какъ я, навѣрно десятки тысячъ. И каждый можетъ быть убитъ. И такъ какъ это долгъ каждаго, то тутъ нечего разсуждать.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!—твердила Катерина Ивановна и ничего не хотѣла слушать. И, къ стыду ея, надо сказать, что, обливаясь слезами при мысли о томъ, что Андрюша можетъ быть убитъ, она подумала также и о томъ, что онъ потеряетъ съ такимъ трудомъ добытую секретарскую должность, и у нихъ не будетъ ста рублей, у нихъ ничего не будетъ. Впрочемъ, мысль

Библиотека "Руниверс"

объ этомъ только промелькнула въ ея головѣ и даже не была высказана.

Но вдругъ она перестала плакать и подняла голову:

— Постой,—я придумала... Ну, да, конечно, онъ это можетъ сдѣлать... Онъ сдѣлаетъ непремѣнно... У него тамъ связи... И ему ничего не стоитъ...

— Кто это? О комъ ты, Катя?—спросилъ Андрей Васильевичъ.

— Да какъ о комъ! Боже мой! О дядѣ твоемъ, Алексѣѣ Семеновичѣ... О дядѣ Лешѣ... Онъ самъ военный, положимъ, хотя въ отставкѣ... Но у него тамъ знакомства...

— Да при чемъ же онъ тутъ, дядя Леша?

— Онъ тебя очень любитъ, и ему ничего не стоитъ выхлопотать, чтобы тебя какъ-нибудь освободили...

— Что? Ты съ ума сошла, Катя! Не говоря ужъ о томъ, что подобныя хлопоты неприличны, и дядю просить объ этомъ просто нельзя,—но о такихъ вещахъ хлопотать невозможно! Это непорядочно и постыдно!

— Ну, пожалуйста, оставь. Я увѣрена, что очень многіе это дѣлаютъ... Да наконецъ ты долженъ пожалѣть меня. А если ты этого не сдѣлаешь, то это только покажетъ, что ты вовсе меня не любишь и мое спокойствіе ни въ грошъ не ставишь! Ну, да, и это, должно-быть, такъ и есть. Я тебѣ надоѣла. Я до того тебѣ противна, что ты предпочитаешь смерть!..

И ужъ тутъ пошли такія слова и такое множество словъ, что Андрею Васильевичу только и оставалось въ тревожномъ волненіи слушать и ходить по комнатѣ.

А когда наступилъ его чередъ, онъ возражалъ, и надо это сказать—долго держался довольно стойко. Но Катерина Ивановна была такъ несчастна, и такъ трогательны были ея слезы, и такъ обильно орошали онѣ бѣлую наволочку ея подушки, что онъ, отъ природы мало устойчивый въ такого рода атакахъ, въ концѣ концовъ сдался и обѣщалъ Катеринѣ Ивановнѣ завтра же отправиться къ дядѣ Лешѣ.

Всего же замѣчательнѣе въ этой исторіи было то, что дома она была нисколько не меньше искренна, чѣмъ у Тростниковыхъ и потомъ на улицѣ, когда, вмѣстѣ съ толпой взволнованныхъ гражданъ, она считала, что каждый долженъ отдать свою жизнь на защиту отечества. Но еще замѣчательнѣе, что въ этомъ она не видѣла и не чувствовала ни малѣйшаго противорѣчія.

Да, женщины это умѣютъ.

III.

Дядя Леша, онъ же Алексѣй Семеновичъ Комарницкій, полковникъ въ отставкѣ, былъ родной братъ покойнаго отца Андрюши. Не такъ еще давно, передъ японской войной, онъ занималъ мѣсто въ ряду способныхъ, стоящихъ на виду, боевыхъ офицеровъ, и его ожидала блестящая будущность. Во время войны онъ отличился не разъ, но въ одной изъ стычекъ былъ раненъ въ плечо и, оставшись во всѣхъ отношеніяхъ невредимымъ, потерялъ способность владѣть правой рукой. Пришлось ему прервать карьеру, онъ вышелъ въ отставку въ чинѣ полковника.

Одинокій, нетребовательный, довольствующійся малымъ, онъ жилъ на скромную пенсію, рылся въ книгахъ и что-то писалъ. За годы отставки онъ усердно упражнялъ свою лѣвую руку и научился при помощи ея не только владѣть вилкой, ножомъ, топоромъ, но и перомъ. Теперь онъ писалъ лѣвой рукой такъ же свободно, какъ раньше правой. Мало того, онъ не оставилъ и военныхъ привычекъ и, когда лѣтомъ уѣзжалъ на свой маленькій хуторокъ въ Екатеринославской губерніи, упражнялся въ стрѣльбѣ изъ револьвера въ цѣль и научился даже какимъ-то образомъ владѣть охотничьимъ ружьемъ.

Ему было немного больше пятидесяти лѣтъ, но рана, которая и теперь еще давала себя чувствовать, порядочно измучила его, и онъ казался значительно старше. Густая борода его посѣдѣла, голова облысѣла, спина нѣсколько сгорбилась. Къ Андрюшѣ онъ относился съ теплымъ родственнымъ чувствомъ и въ трудныя минуты помогалъ ему. Въ свое время, года два тому назадъ, когда Андрей, будучи еще первокурсникомъ, вздумалъ жениться, онъ отговаривалъ его, но не потому, чтобы что-нибудь имѣлъ противъ его невѣсты, а потому, что былъ вообще противъ женитьбы, особенно же въ слишкомъ молодомъ возрастѣ, еще во время ученья. Онъ говорилъ: „Это, братъ, все равно, какъ если бы цыпленокъ-курочка недѣли черезъ три послѣ того, какъ вылупилась, вздумала нести яйца". Но когда Андрей по неудержимой любви женился, онъ не только примирился съ фактомъ, но еще и помогъ имъ устроиться въ двухъ комнатахъ.

Связи, о которыхъ говорила Катерина Ивановна, у него дѣйствительно были, такъ какъ онъ сохранилъ наилучшія отношенія съ прежними товарищами по службѣ, ушедшими далеко впередъ.

Къ нему-то и собрался Андрей Васильевичъ, но на другой день никакъ не успѣлъ.

А въ этотъ день обстоятельства развернулись такъ, что поступленіе его на военную службу вышло изъ области предположеній,—оно стало неизбѣжностью.

Самъ Андрей Васильевичъ былъ человѣкъ не особенно сильной воли. Въ своемъ студенческомъ дѣлѣ онъ работалъ усердно, не ограничиваясь лекціями, но читая источники. Даже частная служба, которая вслѣдствіе его ранней женитьбы сдѣлалась необходимостью, не уменьшала его рвенія. Онъ только мало спалъ и замѣтно утомлялся. Но здоровье у него было крѣпкое и организа-

Отдѣлъ Склада Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны для сбора пожертвованій и работъ на раненыхъ и солдатъ въ квартирѣ супруги военнаго министра, Е. В. Сухомлиновой. По фот. Я. Штейнберга.

Библиотека "Руниверс"

ція выносливая. „Кончу курсъ, тогда и отдохну", говорилъ онъ Катеринѣ Ивановнѣ, когда та печаловалась о его здоровьѣ.

Но во всемъ, что выходило изъ круга его занятій, онъ подчинялся вліянію своей молоденькой жены и почти безъ критики принималъ всѣ ея рѣшенія.

Въ этомъ вопросѣ однако было не совсѣмъ такъ. Если тогда, ночью, во время слезныхъ припадковъ, онъ согласился съ нею, то это произошло единственно отъ неспособности переносить ея слезы. Внутреннее же убѣжденіе его не было нисколько поколеблено. Онъ ни на минуту не переставалъ считать, что военная служба его нравственный долгъ, и что, стараясь уклониться отъ нея, онъ дѣлаетъ преступленіе.

И эта двойственность подавляла его и лишала увѣренности въ дѣйствіяхъ. Весь день, предшествовавшій посѣщенію дяди, онъ ходилъ хмурый и какъ бы чѣмъ-то обиженный. На службѣ, гдѣ вмѣсто работы, всѣ занимались горячимъ обсужденіемъ событій,

Ну, конечно! Какъ же иначе! Костя и вчера уже собирался, а Вахтина—такъ я уговорила. Онъ колебался, а я начала стыдить его... Вотъ онъ и воодушевился. Я сказала ему, что каждый долженъ отдать свою жизнь...

Андрей съ величайшимъ удивленіемъ посмотрѣлъ на жену:

— Но, Катя, если каждый, то, стало-быть, и я...

— Ахъ, что ты говоришь, Андрюша! Какое же сравненіе! Они свободны, а ты...

— Что значитъ—свободны? У Кости родные, которые его обожаютъ, у Вахтина—мать, у которой онъ одинъ...

— Андрюша, Андрюша!.. Да какъ же тебѣ не стыдно! Ты сравниваешь... Родные, мать... Ну, да, конечно, имъ тяжело... Но они уже прожили свою жизнь, а я... а мы... мы только начинаемъ!.. Нѣтъ, нѣтъ,—заговорила она уже голосомъ „опаснымъ", въ которомъ дрожали слезы:—объ этомъ нечего и думать. Костя и Вахтинъ... Конечно, они должны отдать жизнь, но ты, ты от-

Манифестаціи чеховъ и моравовъ въ Москвѣ, на Тверской улицѣ. По фот. А. Савельева.

онъ почти не принималъ въ этомъ участія. Половина его сослуживцевъ въ томъ или иномъ качествѣ призывалась на военную службу, и рѣшительно никого это не печалило и не подавляло. А нѣкоторые, болѣе пылкіе, даже выражали нетерпѣніе, рвались къ опасному дѣлу.

И это еще больше углубляло его въ себя, отъ этого онъ становился еще угрюмѣе. Вечеромъ же, дома, мрачность его была до того очевидна, что обезпокоила Катерину Ивановну, и она съ чистымъ сердцемъ начала приставать къ нему съ вопросами о причинахъ. Она предполагала, что угодно: утомленіе, нездоровье, какая-нибудь непріятность на службѣ или въ университетѣ, но только не то, что дѣйствительно томило его.

— Ахъ, Боже мой... Но въ чемъ же дѣло, Андрюша? Ты молчишь, а смотришь угрюмо, какъ волкъ... Нѣтъ, право, я начну думать, что просто я надоѣла тебѣ. Ну, что жъ, конечно, пора... Уже два года... А я такая пустенькая, ужь навѣрно вся исчерпалась. Мужчины любятъ, чтобы женщина каждый день представляла для нихъ что-нибудь новое.

И многое въ такомъ родѣ собиралась сказать Катерина Ивановна, но Андрей пресѣкъ потокъ ея рѣчей:

— Полно говорить вздоръ, Катя. Ты очень хорошо знаешь, что ничего подобнаго быть не можетъ. А знаешь ли, я сегодня встрѣтилъ Костю Тростникова и технолога Вахтина. Они оба идутъ на войну: Костя по призыву, а Вахтинъ—по своей волѣ. Вѣдь онъ—единственный сынъ при матери и былъ освобожденъ. И если бы ты видѣла, какое у нихъ настроеніе: словно они именинники.

далъ ее уже мнѣ и не имѣешь права отнять!.. И я тебѣ говорю, Андрюша, что если ты уйдешь, то я... я умру!..

И не зналъ Андрей, какъ быть съ нею и съ собой самимъ. Нисколько не согласенъ онъ былъ съ нею въ этомъ вопросѣ. Все въ душѣ его протестовало противъ подобнаго образа дѣйствій. Сознаніе долга ярко вставало передъ нимъ. И между тѣмъ онъ чувствовалъ, что не въ силахъ противостоять вліянію нѣжной подруги.

Андрею Васильевичу Комарницкому было уже двадцать четыре года; но въ школѣ онъ слишкомъ много предавался учебникамъ, а въ университетѣ, женившись, зарылся въ работу и добываніе средствъ. Въ душѣ его были зачатки твердыхъ нравственныхъ началъ, но какъ-то не было у него времени привести свое міровоззрѣніе въ ясность, все было разрознено, онъ какъ будто еще не вполнѣ выросъ и не созрѣлъ. А чувство къ Катѣ, сильное и еще до сихъ поръ пылкое, болѣе всего размягчало его волю. И вотъ онъ, чувствуя по внутреннимъ побужденіямъ, что ему нужно дать отпоръ рѣшительный и твердый, не могъ этого сдѣлать.

Мало зная жизнь и людей, а въ особенности женщинъ, онъ не зналъ и того, что слезы далеко не всегда являются результатомъ глубокаго страданія, и когда женщина, обливаясь слезами, говоритъ: „я умру", то отъ этого еще очень далеко до похоронъ. Онъ вѣрилъ всему этому, какъ факту, думалъ, что его горячо любимая Катенька глубоко несчастна и страдаетъ, и полагалъ, что высшимъ проявленіемъ любви съ его стороны будетъ уступка ей во всемъ, что для него самого составляетъ долгъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Библиотека "Руниверс"

Варвары.

(Нѣмцы во Франціи въ 1870 году).

Очеркъ **Н. Денисюка.**

Каждый день газеты приносятъ намъ извѣстія о тѣхъ жестокостяхъ и оскорбленіяхъ, которымъ нѣмцы подвергаютъ нашихъ соотечественниковъ безъ различія пола, возраста и общественнаго положенія. Ни посолъ, огражденный законами международнаго права, ни ученый, ни министръ, ни женщина, ни простой путешественникъ, ни больной, лѣчащійся въ курортѣ Германіи, не избѣгли униженій всѣхъ видовъ, включительно до грубой расправы, оскорбленія словомъ и дѣйствіемъ, незаконнаго задержанія и лишенія свободы.

Въ то время, какъ одни негодуютъ, другіе недоумѣваютъ. Какъ это,—говорятъ недоумѣвающіе:—могла позволить себѣ страна порядка, дисциплины, страна культуры, науки, высоко развитой техники и промышленности, страна многовѣковыхъ университетовъ, страна Гёте и Шиллера? Подыскиваютъ самыя разнообразныя объясненія поведенію нѣмцевъ, видимо, не допуская, нею нѣтъ правовой угрозы, когда она является властителемъ страны, когда она пишетъ законы побѣжденнымъ остріемъ меча,— тогда душа народа, поскольку она проявляется въ своей арміи, обнажается вся.

Какъ же обнаружили себя нѣмцы въ 1870 году? Они показали міру, что они способны на величайшія жестокости, что вѣка цивилизаціи прошли надъ головой германцевъ, не затронувъ ихъ души и не измѣнивъ ихъ нравственныхъ идеаловъ. Поведеніе нѣмцевъ въ предѣлахъ Франціи тогда же показало Европѣ, чего можно ждать отъ восходящей звѣзды нѣмецкаго народа. Еще не закончилась эта война, какъ у насъ, въ Россіи, и въ другихъ странахъ всѣ тѣ, кто умѣлъ понимать и анализировать событія, всѣ тѣ, кто обладалъ политическимъ смысломъ, не ждали ничего хорошаго для будущности Европы отъ громкихъ побѣдъ Германіи. Въ началѣ этой войны и у насъ, и въ Англіи,

Манифестація рабочихъ въ Москвѣ. По фот. А. Савельева.

чтобы весь тотъ кошмаръ жестокости, какой происходитъ сейчасъ, былъ проявленіемъ германской натуры.

Лучшее объясненіе — факты, взятые изъ дѣйствительности. „Прошлое—мать настоящаго“, — говоритъ мудрое изреченіе.

Наши соотечественники, продолжавшіе оставаться въ предѣлахъ Германіи, несмотря на тревожное время, и претерпѣвшіе невѣроятные ужасы со стороны самого нѣмецкаго населенія, жестоко ошиблись въ своемъ представленіи о культурности и человѣчности нѣмцевъ, потому что забыли яркую, характерную страничку изъ прошлаго Германіи,—забыли о томъ, какъ вели себя нѣмцы въ качествѣ побѣдителей Франціи.

Правда, съ тѣхъ поръ прошло болѣе 40 лѣтъ, и можно было думать, что успѣхи нѣмцевъ въ различныхъ отрасляхъ умственной и общественной жизни сдѣлали ихъ иными, но такой взглядъ свидѣтельствовалъ бы только о незнаніи внутренней жизни Германіи.

Германская имперія, созданная съ мечомъ въ рукахъ, на полѣ битвы, „на желѣзѣ и крови“, не могла измѣнить нравовъ, не могла стать на путь уваженія права, личности, солидарности и доброжелательства къ другимъ націямъ. Эпоха насилія, времена „огня и желѣза“ наложили свое неизгладимое клеймо на характеръ народа, на весь строй политической и общественной жизни Германіи и дали этой жизни ту острую закваску, на которой поднялись сила и могущество Германіи, вызвавшія къ нѣмцамъ общую ненависть всѣхъ культурныхъ народовъ. Германія осталась по существу такой же, какой она была во время Бисмарка, и такой, какой мы знаемъ ее въ періодъ войны 1870 года.

Въ такой моментъ, какъ моментъ войны, сказываются всѣ положительныя и отрицательныя стороны націи. Дурные инстинкты въ мирное время сдерживаются страхомъ передъ карой закона, но когда армія вступила на непріятельскую землю, когда надъ

и въ Америкѣ, и даже въ родственныхъ Франціи государствахъ южной Европы симпатіи общества сильно раздѣлились между обѣими воюющими сторонами, и въ то время, какъ одни желали побѣды французамъ, другіе рукоплескали удачамъ нѣмцевъ. Но по мѣрѣ того, какъ шли событія, какъ нѣмцы превращались въ повелителей, а Франція, разгромленная, лежала у ногъ Бисмарка и Мольтке, по мѣрѣ того, какъ тонъ Германіи становился все болѣе угрожающимъ и надменнымъ, по мѣрѣ того, какъ нѣмцы получали власть и силу, народы Европы поняли, что между ними нежданно выросло новое государство, которое станетъ поперекъ дороги тѣмъ политическимъ и правовымъ идеаламъ, къ которымъ такъ мучительно тянутся руки и сердца народовъ.

Война 1870 года вызвала во Франціи массу сочиненій, въ которыхъ описываются дѣйствія нѣмецкихъ войскъ въ разныхъ провинціяхъ и городахъ. Книги эти рисуютъ бѣдствія, выпавшія на долю французскаго населенія, и то, что пришлось испытать ему подъ бременемъ непріятельскаго нашествія. Литература эта цѣнна для насъ тѣмъ, что она принадлежитъ исключительно лицамъ, видѣвшимъ собственными глазами все, что они описываютъ, а частью передающимъ слова очевидцевъ. Огромная часть этихъ сочиненій прямо и называется „Воспоминаніями“ и „Впечатлѣніями“.

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ разгрома Франціи, въ Парижѣ появилась книга, въ которой авторъ дѣлаетъ сводку всему тому, что вышло изъ-подъ пера очевидцевъ о пребываніи нѣмцевъ въ предѣлахъ имперіи Наполеона III. Книга эта принадлежитъ Жюлю Лермина и озаглавлена: „La France-Martyre. Documents pour servir à l'histoire de l'invasion de 1870“. („Франція-Мученица. Документы для исторіи нашествія 1870 года“).

Теперь для насъ эта книга представляетъ большой интересъ и рисуетъ намъ нѣмцевъ при свѣтѣ и въ условіяхъ войны, т.-е. при тѣхъ условіяхъ, которыя теперь повторяются на нашихъ

Библиотека "Руниверс"

глазахъ и объясняютъ тѣ событія, которыя изумили и возмутили весь міръ.

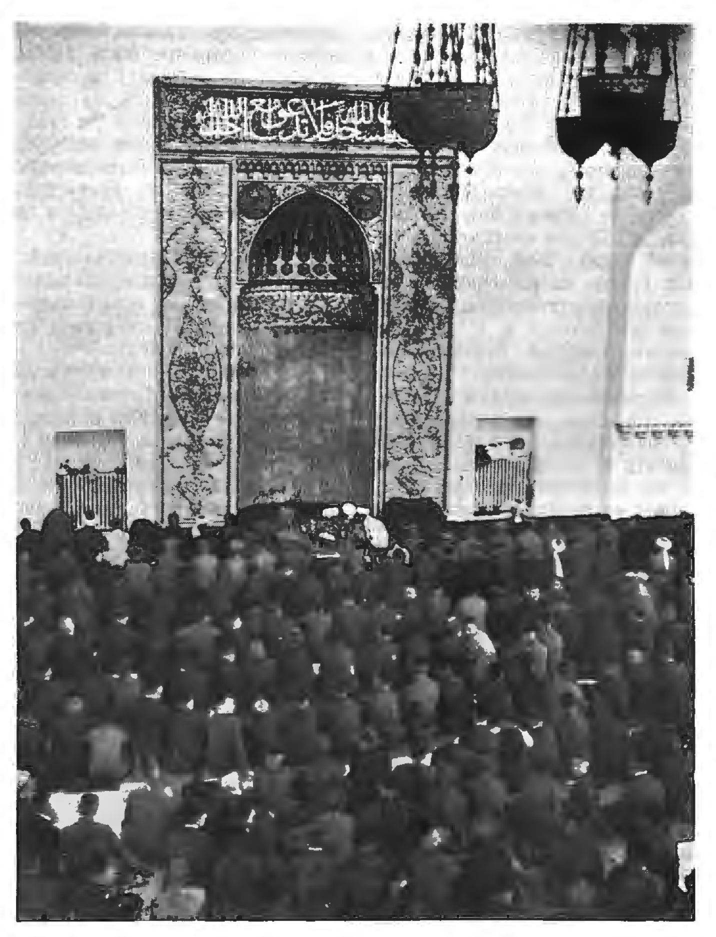
Но могутъ возразить, что поведеніе арміи еще не есть поведеніе страны, и что нравы казармы еще не есть нравы даннаго общества. Но для нѣмцевъ нѣтъ и этого оправданія. Послѣ войны 1870 г. на ряду съ отдѣльными мнѣніями нѣмцевъ, высказанными печатно, съ болью въ душѣ говорившихъ о позорномъ поведеніи германской арміи, появилось въ германской печати масса статей, хвастливо и цинично восхваляющихъ грубый произволъ и насилія надъ беззащитнымъ населеніемъ Франціи.

Воспользоваться вполнѣ содержаніемъ книги г. Лермина мы, конечно, не можемъ за недостаткомъ мѣста, но и тѣ нѣсколько фактовъ, которые мы заимствуемъ оттуда, будутъ достаточны для нашей цѣли.

Говоря о поведеніи нѣмцевъ во Франціи, прежде всего приходится обратить вниманіе на то, что они расширили предѣлы войны и разсматривали ее не какъ борьбу нѣмецкой арміи съ французской, а какъ истребленіе французскаго народа. Сплошь и рядомъ нѣмцы избивали мирное населеніе, не исключая женщинъ и дѣтей. Уже съ первыхъ шаговъ войны нѣмцы стали вести себя такъ, какъ вели себя древніе гунны въ войнѣ съ врагомъ. Избіеніе населенія началось со Страсбурга.

Когда нѣмцы 8 августа начали бомбардировку Страсбурга, то мѣстныя власти обратились къ генералу Вердеру съ просьбой позволить вывести изъ города женщинъ и дѣтей. Просьба уважена не была. Бомбы летѣли въ городъ и производили тамъ страшное опустошеніе. Одна изъ первыхъ же бомбъ попала въ дѣвичій пансіонъ, и семь дѣвочекъ было убито наповалъ, а у четырехъ были оторваны ноги.

Правила Женевской конвенціи подписаны были вмѣстѣ съ другими державами и Германіей въ 1864 г. задолго до войны. Кто станетъ возражать противъ того, что раненые и больные воины— уже не боевые враги, что они выбыли изъ строя и не могутъ причинить вреда противникамъ? Женевская конвенція сдѣлала благородную попытку смягчить ужасы войны и оградила госпитали и лазареты отъ выстрѣловъ и нападенія. Но нѣмцы, къ ихъ стыду, при бомбардировкѣ Страсбурга и впослѣдствіи стрѣляли въ госпитали, въ родильные дома, въ церкви, и обезумѣвшіе отъ страха раненые, больные, родильницы не знали, гдѣ найти убѣжище.



Молебствіе о дарованіи побѣды русскому оружію въ новосооруженной мусульманской мечети въ Петербургѣ, на Кронверкскомъ проспектѣ.
По фот. Я. Штейнберга.

Когда Страсбургъ сдался (27 сентября), то въ немъ оказались разрушенными 700 домовъ, 16.000 жителей бродили по улицамъ, лишенные крова, и большое количество ихъ погибло подъ выстрѣлами. Городъ во время осады загорѣлся, и когда онъ уже былъ объятъ пламенемъ, президентъ Швейцарскаго Союза усиленно просилъ прусскаго короля, чтобы тотъ позволилъ вывести изъ пылающаго города женщинъ и дѣтей. Когда президентъ входилъ 11 сентября въ осажденный городъ, то городской голова Страсбурга, г. Кюссъ, со слезами въ голосѣ сказалъ ему: „Сообщите Европѣ о томъ зрѣлищѣ, котораго вы будете свидѣтелемъ въ стѣнахъ нашего города: разскажите ей, какъ могутъ вести войну въ XIX столѣтіи. Не противъ стѣнъ и фортовъ Страсбурга, не противъ нашихъ солдатъ непріятель направляетъ свой огонь, а противъ беззащитнаго населенія. Женщины и дѣти — вотъ главныя жертвы германцевъ! Наши твердыни,—вы это видѣли, остаются нетронутыми, а жилища наши сожжены. Наши церкви, вѣковые и историческіе памятники постыднымъ образомъ обезображены и разрушены, и наша превосходная библіотека уничтожена навсегда. Допуститъ ли совѣсть Европы, чтобы цивилизація отступила назадъ до такого пункта вандализма, и чтобы мы снова подпали подъ господство варварскихъ законовъ?"

Многіе могутъ сказать, что война, конечно, жестока, но что, по французской поговоркѣ, „на войнѣ, какъ на войнѣ". Страсбургъ былъ укрѣпленнымъ городомъ и защищался регулярной арміей, а поэтому избіеніе жителей могло вестись параллельно съ разрушеніемъ крѣпости и уничтоженіемъ арміи. Но нѣмцы избивали населеніе и по окончаніи боя съ арміей. Яркій возмутительный фактъ такой безчеловѣчной расправы происходилъ въ Базейлѣ, деревнѣ подъ Седаномъ. Когда защитники деревни, принадлежавшіе къ морской пѣхотѣ, пали, а оставшіеся въ живыхъ положили оружіе, тогда вошедшіе въ Базейль баварцы накинулись на жителей, которые совсѣмъ не принимали участія въ сраженіи, и стали избивать ихъ безъ всякой пощады. Г. Лермина приводитъ, между прочимъ, списокъ разстрѣлянныхъ и изрубленныхъ стариковъ и больныхъ. Когда убивать было уже некого, ворота домовъ были обмазаны керосиномъ, дома были обложены пуками соломы, и деревня была зажжена. Въ живыхъ оставалось лишь 30 раненыхъ, лежавшихъ въ каретномъ сараѣ г. Тома. Нѣмцы не пощадили и этихъ несчастныхъ, безпомощныхъ людей. Сарай былъ подожженъ, и всѣ раненые погибли въ пламени.

Неподалеку отъ того мѣста находился старинный замокъ и при немъ вѣрный сторожъ Безэ Бертранъ. Старикъ пытался оказать сопротивленіе варварству нѣмцевъ и за это былъ разстрѣлянъ, а дочь его подверглась насилію. Въ книгѣ г. Лермина приведенъ длинный списокъ лицъ, разстрѣлянныхъ, убитыхъ и заживо сожженныхъ въ этой деревнѣ: среди послѣднихъ — двѣ старухи, одна 78 лѣтъ, другая 69, а также одна дѣвочка.

Инквизиціонную казнь — сожженіе заживо на кострахъ нѣмцы предпочитали всѣмъ другимъ способамъ истребленія врага. Больше всего они предавали сожженію пойманныхъ французскихъ вольныхъ стрѣлковъ, при чемъ каждой казни предшествовало издѣвательство и примѣнялись утонченные пріемы мучительства.

Звѣрства и неистовства, какія были произведены баварцами въ Базейлѣ, произведены были германскими войсками и надъ жителями города Шатодэна: избіеніе всѣхъ безъ разбора пола и возраста, сожженіе живыми раненыхъ, истребленіе пожаромъ города послѣ предварительнаго, впрочемъ, его разграбленія, — все это происходило послѣ битвы, когда была одержана нѣмцами полная побѣда надъ національной гвардіей и вольными стрѣлками. Въ довершеніе всего, на другой день послѣ битвы 75 человѣкъ изъ числа жителей были взяты въ плѣнъ и отправлены въ Германію. Въ приведенномъ авторомъ книги поименномъ спискѣ варварски убитыхъ и сожженныхъ жителей упоминается не мало дряхлыхъ стариковъ.

Звѣрства и неистовства германскихъ войскъ совершались во всѣхъ округахъ, городахъ и деревняхъ Франціи, и списокъ ихъ занялъ бы цѣлый томъ. Пытали, сжигали и звѣрски избивали, насиловали и издѣвались и въ Ножанѣ, и Фонтенуа, и въ Клери, и въ Фукокурѣ, словомъ—во всѣхъ уголкахъ страны. Достаточно было затѣять жителю ссору съ солдатомъ, оказать хотя бы слабое сопротивленіе капризу какого-нибудь капрала или офицера, не угодить чѣмъ-нибудь фельдфебелю или поручику, и это влекло за собой не только побои, не только увѣчья, но и смерть.

Смерть, грабежи, убійства и пожары всегда неминуемо сопровождаютъ войну, но война нѣмцевъ 1870 года сопровождалась систематическимъ грабежомъ, утонченными издѣвательствами надъ мирными гражданами и истребительными пожарами, имѣвшими цѣлью въ конецъ разорить и уничтожить страну. Грабежъ Франціи былъ организованъ, и награбленныхъ вещей никто не скрывалъ отъ глазъ начальства: все это увозилось открыто въ повозкахъ, заранѣе приготовленныхъ и имѣвшихъ при себѣ людей, нарочито для этого назначенныхъ. Грабили все, что представлялось мало-мальски цѣннымъ: мебель, бронзу, стѣнные часы, шелковыя матеріи, фарфоръ, шали, всевозможныя матеріи, полотно, платье, драгоцѣнныя украшенія, породистыхъ лошадей и даже собакъ.

Г. Лермина приводитъ большой списокъ нѣмецкихъ генераловъ и высокопоставленныхъ лицъ, которые оставались и жили въ замкахъ Франціи, а затѣмъ брали себѣ на память то цѣнныхъ лошадей, то дорогихъ охотничьихъ собакъ, а то просто нагружали корзины разными драгоцѣнными вещами, рѣдкостями и

Библиотека "Руниверс"

художественными произведеніями и увозили все это къ себѣ. Почтовые денежные пакеты обыкновенно не доходили по назначенію и оставались въ рукахъ нѣмцевъ, а если и доходили, то вскрытыми, при чемъ въ конвертѣ оставалось только письмо, „вложеніе" же исчезало.

Простые солдаты не брезгали ничѣмъ: брали и отнимали такія вещи, какъ туфли, ножницы, наперстки, однимъ словомъ— все, что можно было унести съ собой и спрятать въ мѣшкѣ. Иногда случались сцены комическо-простодушныя. Послѣ битвы при Кульмѣ французскіе врачи были удивлены тѣмъ, что тяжко раненые и находившіеся у нихъ въ лазаретѣ баварцы старались всячески скрыть свои мѣшки отъ глазъ наблюдателей. Оказалось, что въ этихъ мѣшкахъ находилась всевозможная мелкая добыча незначительной цѣнности. Видя, какъ имъ дорога эта добыча, имъ объяснили, что она останется при нихъ, и для успокоенія ихъ мѣшки были положены подъ изголовье. Статистическія данныя, собранныя въ 34-хъ подвергшихся непріятельскому нашествію департаментахъ, опредѣлили общую сумму цѣнности украденныхъ и награбленныхъ вещей, не считая въ томъ числѣ официальныхъ реквизицій, въ 259 милліоновъ франковъ.

Находясь въ завоеванной странѣ и вызвавъ противъ себя острую ненависть, нѣмцы боялись взрывовъ поѣздовъ при передвиженіяхъ и умышленнаго разрушенія пути. Для того, чтобы обезопасить себя въ этомъ отношеніи, они установили своеобразный, недопустимый международнымъ правомъ, способъ парализовать дѣйствія враговъ. По приказу Мольтке, нѣмцы брали на локомотивъ каждаго поѣзда, въ какую бы сторону онъ ни направлялся, одного изъ уважаемыхъ и значительныхъ лицъ города; съ требованіемъ о командировкѣ такихъ лицъ Мольтке велѣлъ обращаться въ городскія думы. Города протестовали и указывали, что это неслыханно въ исторіи международнаго права, но городскіе совѣты должны были покориться и поочередно исполнять эту печальную обязанность, посылая заложниковъ, какъ это дѣлалось въ суровыя времена средневѣковья.

Впрочемъ, заложники брались не только въ видахъ безопасности хода поѣздовъ по желѣзнымъ дорогамъ, но и просто для глумленія надъ непріятелемъ. Такъ, напримѣръ, 13 ноября Бисмаркъ сдѣлалъ распоряженіе: захватить 40 человѣкъ французовъ и отправить ихъ въ Германію. Все это были не рядовые люди, не бульвардье, не лавочники, а члены академіи и выдающіеся общественные дѣятели.

Мы уже говорили, что нѣмцы грубо и возмутительно занесли руку на постановленія Женевской конвенціи и этимъ оскорбили не только человѣческія чувства Европы, но и европейскихъ государей, скрѣпившихъ своими подписями ненарушимость международныхъ правилъ войны. Мало того, что нѣмецкія войска обстрѣливали зданія, на которыхъ развѣвался флагъ Краснаго Креста, не говоря о томъ, что французскіе и иностранные походные лазареты встрѣчали со стороны нѣмецкихъ властей самыя придирчивыя требованія, притѣсненія и непріятности, не говоря о томъ, что со священниками и врачами этихъ лазаретовъ обращались грубо, оскорбляли ихъ, а иногда даже и убивали,—нѣтъ, нѣмцы на этомъ не остановились. Занявъ непріятельскій городъ, не зная ни жалости, ни укоровъ совѣсти, ни простого человѣколюбія, они выбрасывали изъ госпиталей и лазаретовъ французскихъ раненыхъ, а на ихъ кровати клали своихъ. Такъ было въ Орлеанѣ, такъ было въ Понтарлье, такъ было также въ Версалѣ, гдѣ они отняли у голландцевъ организованный ими лазаретъ для раненыхъ, выгнали изъ него французовъ и помѣстили на ихъ мѣсто вновь прибывшихъ нѣмецкихъ раненыхъ. Начальникъ лазарета, г. Вандервельде, тщетно указывалъ на то, что онъ со своимъ врачебнымъ персоналомъ и госпитальными принадлежностями присланъ для врачеванія въ одинаковой степени раненыхъ той и другой воюющей стороны; на его протесты пруссаки отвѣчали угрозами, которыя и не замедлили привести въ исполненіе: г. Вандервельде со своими врачами былъ выгнанъ изъ Версаля, а привезенныя ими лазаретныя принадлежности были оставлены въ рукахъ пруссаковъ.

Корреспондентъ „Кёльнской Газеты", Веккеде, бывшій очевидцемъ войны, писалъ о ней въ своей исторіи этой войны слѣдующее: „война тотчасъ приняла жестокій характеръ, который былъ иногда безчеловѣчнымъ. Находились офицеры, которые старались дать почувствовать самымъ жестокимъ образомъ мирному населенію Франціи свою враждебную грубость и высокомѣрное нахальство. Примѣры этой грубости и произвола, которыхъ мы были свидѣтелями, внушаютъ ужасъ человѣчеству и безчестятъ германское имя. Они безполезно возбуждали къ намъ ненависть Франціи".

Слыша объ этихъ жестокостяхъ, Бисмаркъ, какъ свидѣтельствуютъ сами нѣмцы, сказалъ: „Чѣмъ больше будетъ число обиженныхъ французовъ, тѣмъ сильнѣе они будутъ желать мира на какихъ бы то ни было условіяхъ. Слѣдовало бы сжигать всѣ деревни, въ которыхъ проявилась измѣна, и вѣшать мужчинъ".

Конечно, подобныя заявленія Бисмаркъ дѣлалъ не официально: онъ ихъ высказывалъ за столомъ, среди приближенныхъ къ себѣ людей, но эти люди находили, что ихъ „глава" высказываетъ мысли, достойныя быть переданными потомству, да и самъ Бисмаркъ никогда не протестовалъ противъ нескромности своего секретаря, опубликовавшаго такое интересное заявленіе своего „патрона".

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе 40 лѣтъ, и мы снова видимъ Германію во всеоружіи, и она доказала міру свою жестокость и кровожадность въ еще болѣе сильной степени. Система Бисмарка и Вильгельма II дала свои плоды, и идеалы кулака сроднились съ душой германцевъ.

Нынѣшняя война съ первыхъ же шаговъ обнаружила предъ всѣмъ міромъ обѣ Германіи: официальную—правительство и армію, и частную—горожанъ и поселянъ.

Европа узрѣла и оцѣнила по достоинству эту официальную Германію, которая сдѣлала британскому правительству такія предложенія въ отношеніи дружественныхъ государствъ, что премьеръ-министръ Англіи вынужденъ былъ съ парламентской трибуны назвать ихъ „гнусными", а исполненіе ихъ—„позоромъ и безчестьемъ". Но такими же гнусными въ своихъ поступкахъ оказались и германскіе интеллигентные классы и горожане. Единогласное сообщеніе десятковъ тысячъ частныхъ лицъ, пріѣхавшихъ изъ Германіи въ Россію, Францію и Англію, рисуютъ намъ все тѣ же факты нравственнаго одичанія и безсмысленной животной злобы, которые записаны на многочисленныхъ страницахъ воспоминаній 1870 года.

Все тѣ же отвратительныя сцены избіенія женщинъ и дѣтей, все то же жестокое, безчеловѣчное выбрасываніе на улицу тяжкихъ больныхъ, дерзкое оскорбленіе пословъ и расправа съ уважаемыми и занимающими почетное положеніе лицами. Мы видимъ, какъ германцы ведутъ себя съ жителями занятыхъ городовъ нашей Польши: избіеніе до смерти городского головы, провокаціонные выстрѣлы и наложеніе на жителей контрибуціи въ десятки тысячъ рублей, безразсудныя, наглыя выходки германскихъ офицеровъ—все это подтверждаетъ намъ, что германцы утратили свои былыя нравственныя качества и даже не въ состояніи уже понимать, что теперешнее ихъ поведеніе толкаетъ народы къ еще бóльшему сплоченію, къ еще болѣе глубокой рѣшимости освободиться навсегда отъ первобытнаго варварства и казарменнаго духа нѣмцевъ.

Высочайшій Указъ о правилахъ веденія войны Россіей.

Для сравненія съ дѣйствіями Германіи, представляющими вопіющее нарушеніе незыблемыхъ основъ международнаго права, хранить и оберегать которыя обязались всѣ державы, помѣщаемъ только-что опубликованный Высочайшій Указъ Правительствующему Сенату объ установленіи правилъ, коими Россія будетъ руководствоваться во время настоящей войны.

28 іюля с. г. Государь Императоръ Высочайше повелѣлъ:

„Соблюдать подъ условіемъ взаимности, сверхъ установленныхъ въ законѣ на случай войны правилъ, постановленія нижеслѣдующихъ международныхъ договоровъ: Парижской морской декларацiи 4 (16) апрѣля 1856 г.; С.-петербургской декларацiи 29 ноября (11 декабря) 1868 г. объ исключеніи изъ употребленія взрывчатыхъ пуль; декларацій, подписанныхъ на первой конференціи мира въ Гаагѣ 17 (29) іюля 1899 г., а именно: декларацiи о неупотребленіи снарядовъ, имѣющихъ единственнымъ назначеніемъ распространить удушающіе и вредоносные газы; декларацiи о неупотребленіи пуль, легко разворачивающихся или сплющивающихся въ человѣческомъ тѣлѣ, къ каковымъ относятся оболочечныя пули, коихъ твердая оболочка не покрываетъ всего сердечника или имѣетъ надрѣзы; Женевской конвенціи 23 іюня (6 іюля) 1906 г. объ улучшеніи во время сухопутной войны участи раненыхъ и больныхъ воиновъ; договоровъ, подписанныхъ на второй конференціи мира въ Гаагѣ 5 (18) октября 1907 г., а именно: конвенціи о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны; конвенціи о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ державъ и лицъ въ случаѣ сухопутной войны; конвенціи о положеніи непріятельскихъ торговыхъ судовъ при началѣ военныхъ дѣйствій; конвенціи объ обращеніи торговыхъ судовъ въ военныя суда; конвенціи о бомбардированіи морскими силами во время войны; конвенціи о примѣненіи въ морской войнѣ началъ Женевской конвенціи и конвенціи о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ державъ въ случаѣ морской войны".

Библиотека "Руниверс"

Хасибэ.

Разсказъ Бориса Лазаревскаго.

(Окончаніе).

V.

Когда я проснулся, солнце уже давно встало, и моихъ сожителей по каютѣ не было. На палубѣ раздавались оживленные человѣческіе голоса. Послышался чей-то крикъ и сразу оборвался.

„Вѣроятно, снова удалось зацѣпить канатъ за второй якорь, а можетъ-быть, мы уже и сдвинулись“,—подумалъ я и быстро началъ одѣваться.

Снова донесся какой-то гулъ, въ родѣ солдатскаго „ура“.

Не умываясь, безъ фуражки, я побѣжалъ наверхъ и увидѣлъ, что нашъ всегда владѣющій собою капитанъ стоитъ посреди третьеклассныхъ пассажировъ. Это уже не были неподвижные, похожіе на каменныя изваянія, люди. У всѣхъ глаза горѣли, руки жестикулировали. Тѣснымъ кольцомъ они окружили капитана, и всѣ сразу говорили. Нѣсколько болгаръ сзади вдругъ повалились на колѣни. Одинъ изъ нихъ поцѣловалъ доски палубы.

Албанцы въ гордыхъ и живописныхъ позахъ стояли, опершись спинами о бортъ.

Капитанъ покраснѣлъ, пощипалъ себя за усъ, вынулъ сигару, закурилъ ее, потомъ поднялъ руку и сдѣлалъ знакъ замолчать, обернулся къ стоявшему возлѣ матросу и коротко отдалъ какое-то приказаніе. Матросъ ткнулъ въ грудь пяти самымъ здоровымъ туркамъ и сказалъ по-итальянски:

— Avanti!

Они поняли, и толпа вдругъ успокоилась. Пять турокъ пошли за матросомъ и скоро вернулись. У каждаго изъ нихъ за спиною было по огромному мѣшку съ мукой.

Я только теперь замѣтилъ, что на спардэкѣ стоитъ, глядитъ на меня и улыбается Хасибэ. Затѣмъ мы вмѣстѣ съ нею наблюдали какъ турки здѣсь же, на палубѣ, выскребли чисто-начисто доски, закатали рукава и принялись мѣсить тѣсто.

Получившіе свою, не меньшую, долю болгары ходили и о чемъ-то просили всѣхъ, кто получше одѣтъ. Съ двѣнадцати часовъ камбузъ *) былъ предоставленъ хлѣбопекамъ. Въ каютъ-компаніи я подѣлился съ Хасибэ своимъ завтракомъ. Она вздумала отказываться, но мать почти приказала ей съѣсть макаронъ и выпить кофе, а сама не дотронулась ни до чего, какъ я ни упрашивалъ, и точно еще похудѣла за эту ночь.

Послѣ завтрака мы съ Хасибэ опять долго бесѣдовали. Она разспрашивала, правда ли, что въ Россіи до сихъ поръ увѣрены, будто среди турчанокъ нѣтъ интеллигентныхъ женщинъ, что онѣ ходятъ въ шароварахъ и закрываютъ лицо?

Потомъ прибавила:

— Это только жены и дочери простолюдиновъ до сихъ поръ такъ одѣваются...

Говорили мы сегодня о самыхъ простыхъ вещахъ, но какъ иногда въ письмѣ между строкъ можно прочесть многое, такъ и среди словъ Хасибэ читалъ я безнадежную тоску,—тоску человѣка, который знаетъ, что скоро ему предстоитъ пожизненное заключеніе.

И я не ошибся.

Позже она разсказала, что скоро должна выйти замужъ за какого-то эффенди,—богатаго и немолодого, хотя не любитъ его. Должна, чтобы обезпечить покой матери, и чтобы братъ могъ окончить образованіе.

— Кисмэтъ...—закончила она съ грустной улыбкой.

Я не сталъ ее больше разспрашивать объ этомъ и не сталъ уговаривать не выходить замужъ за эффенди, а только спросилъ:

— Ну, а чего бы вы хотѣли теперь, сейчасъ?

Она вдругъ разсмѣялась, покраснѣла и какъ-то по-дѣтски отвѣтила:

— Теперь бы я хотѣла, чтобы нашъ пароходъ просидѣлъ на мели какъ можно дольше. У людей столько хлѣба, сколько не будетъ на берегу. Да...

Я отвѣтилъ, что желалъ бы того же.

Въ это время со стороны носовой части парохода послышались крики, затѣмъ бѣготня и шумъ. Оставивъ Хасибэ, я бросился туда и увидѣлъ окровавленное лицо одного изъ грековъ; онъ прижималъ къ груди нѣсколько свѣжихъ пшеничныхъ лепешекъ. Задыхаясь, съ обнаженною грудью, передъ нимъ стоялъ турокъ и хрипѣлъ какія-то полныя негодованія слова. Вокругъ уже сгрудилась толпа. Оказалось, что грекъ спряталъ свою долю муки и укралъ у турокъ три лепешки.

Болгары тоже не умѣли или не хотѣли печь хлѣба и были не прочь воспользоваться чужимъ добромъ.

Капитанъ, наблюдавшій эту сцену съ мостика, приказалъ разъединить турокъ и болгаръ, а всѣхъ грековъ перевести въ отдѣльный носовой трюмъ.

Албанцы молча улыбались.

Какъ разъ въ это время кто-то закричалъ сверху радостно и неистово:

— Vapore! Vapore!

Я бѣгомъ вернулся на спардэкъ и прильнулъ къ стекламъ бинокля.

Справа изъ-за лиловаго холма ясно былъ виденъ синій дымъ. Пришлось довольно долго ждать, пока пароходъ неизвѣстной національности обогнулъ мысъ и началъ приближаться. На „Porto di Smirne“ подняли сигнальные флаги. Чужой пароходъ показалъ греческій флагъ и замедлилъ ходъ, но не остановился до тѣхъ поръ, пока нашъ капитанъ не подалъ нѣсколькихъ тревожныхъ гудковъ.

Команда и пассажиры, особенно греки, ликовали. Одни турки оставались равнодушными. На ихъ лицахъ было написано: „Что же тутъ необыкновеннаго, такъ и должно было случиться“.

Не радовались и мы съ Хасибэ. Зато ея мать сразу ожила и не отрывалась отъ бинокля.

Старшій помощникъ капитана отправился въ шлюпкѣ на бросившій якорь въ нѣсколькихъ стахъ саженяхъ отъ насъ пароходъ. Капитанъ, видимо, волнуясь, ходилъ взадъ и впередъ по мостику. Ожидать пришлось долго, не менѣе часа.

Наконецъ стало видно, какъ отваливаетъ отъ борта греческаго парохода шлюпка. Кромѣ нашего помощника и гребцовъ, въ ней сидѣлъ еще кто-то. Черезъ десять минутъ уже можно было различить крохотную физіономію съ длинными тараканьими, но только черными усами.

Этотъ человѣкъ быстро взбѣжалъ по трапу и, встрѣченный нашимъ капитаномъ, ушелъ вмѣстѣ съ нимъ въ рубку.

Совѣщались долго.

Черезъ механика я узналъ, что грекъ запросилъ за снятіе съ мели сто двадцать пять тысячъ лиръ. Чуть не со слезами нашъ капитанъ долженъ былъ согласиться.

Хасибэ презрительно поджала губки и съ непонятной увѣренностью пробормотала:

— Они не получатъ этихъ денегъ!

— Почему?

— А такъ, не получатъ!—повторила она и блеснула глазами.

Но уже было отдано распоряженіе вытащить якорь съ уцѣлѣвшимъ концомъ, послѣ чего капитанъ долженъ былъ подписать договоръ, а греческій пароходъ приблизиться къ намъ кормой и приступить къ дѣлу. Чтобы не порвать каната, механикъ приказалъ поворачивать лебедку—adagio...

Поршень медленно заработалъ, конецъ натянулся. Черезъ пять-шесть оборотовъ я замѣтилъ, что не брошенный якорь идетъ къ намъ, а какъ будто мы къ нему. Съ верхней палубы нашего „Porto di Smirne“ раздалось громкое „ура“. Уже не было никакого сомнѣнія, что мы сдвинулись своими силами. Ночью небольшой вѣтеръ качалъ „Porto di Smirne“, и главная точка опоры измѣнилась, о чемъ никто не подозрѣвалъ.

— Ну, видите, я говорила, что они не получатъ этихъ денегъ,—спокойно произнесла Хасибэ и повела въ каюту обрадовавшуюся до полусмерти мать.

Я побѣжалъ наверхъ поздравлять капитана и былъ свидѣтелемъ, какъ взбѣшенный, сначала покраснѣвшій, а затѣмъ поси-

*) Кухня.

Библиотека "Руниверс"

нѣвшій грекъ спускался по трапу въ шлюпку. Онъ уѣхалъ, что называется, съ носомъ, провожаемый улыбками и многозначительнымъ покашливаніемъ итальянцевъ.

VI.

Черезъ часъ нашъ винтъ уже спокойно обращалъ синія волны въ бѣлую, чуть зеленоватую, пѣну. Горѣла вверху первая звѣзда, точно хризолитъ, и потемнѣли Балканы.

Необыкновенная дѣвушка снова была возлѣ меня. Полушутя, она говорила:

— Знаете, съ мамой почти истерика сдѣлалась, она мнѣ призналась, что все время не сомнѣвалась въ неминуемой гибели нашего парохода. А я знала навѣрное, что ничего худого не произойдетъ.

— Но какъ же вы могли это знать?

— Такъ, знала, и больше ничего.

Въ эту минуту и я не сомнѣвался, что Хасибэ дѣйствительно знаетъ многое сердцемъ, знаетъ то, до чего мы, европейцы, додумаемся еще не скоро. И вспомнились мнѣ ея слова о томъ, что наступитъ время, когда не войной будутъ народы добывать свое счастье.

— Послушайте,—сказалъ я:—не сочтите мою просьбу банальной, но мнѣ... Послушайте, я дамъ вамъ адресъ, а вы мнѣ пришлите свою фотографію, я буду ее хранить, какъ...

— Этого нельзя,—перебила меня Хасибэ.

— Почему?

— Изображеніе мусульманской женщины можетъ быть только или у ея отца, или у мужа, и сниматься она можетъ только въ особой фотографіи, а негативъ сейчасъ же отбирается... У насъ такъ... Законъ такой...

— Странный законъ.

— Нѣтъ, не странный. Если идешь жить для одного, такъ ужъ для одного.

Я не сталъ возражать, а если бы и возразилъ, то неискренно. Я не подозрѣвалъ, что на земномъ шарѣ еще гдѣ-нибудь остались такіе взгляды. Эти взгляды были мнѣ по душѣ, вѣроятно, потому, что кто-нибудь изъ предковъ моихъ былъ такимъ же азіатомъ, какъ и отецъ Хасибэ.

Она почувствовала мои мысли и, какъ бы желая утѣшить, произнесла:

— Если вы будете меня помнить, такъ будете и видѣть... А пока—спокойной ночи, нужно итти къ мамѣ.

Я молча пожалъ горячую ручку. Въ эту ночь я совсѣмъ не ложился спать и просидѣлъ съ сигарой въ зубахъ на палубѣ, пока мы не пришли въ греческій городъ Кавалу. Здѣсь смотрѣть было нечего: Кавалла очень похожа на нашу Балаклаву, увеличенную въ пять разъ.

На берегъ съѣхали почти всѣ греки, отправился съ ними и нашъ буфетчикъ; черезъ часъ онъ возвратился въ шлюпкѣ, нагруженной хлѣбомъ, рыбой, мясомъ и чудеснымъ виноградомъ.

Въ девять часовъ утра „Porto di Smirne“ опять снялся съ якоря, чтобы итти въ Салоники, гдѣ мы должны были разстаться навсегда съ милой, необыкновенной Хасибэ.

Изъ моей головы не выходила ея фраза:

— Если вы меня будете помнить, такъ будете и видѣть...

„Какъ же такъ? Какъ же это нужно понимать?“—спрашивалъ я самого себя и не умѣлъ ничего отвѣтить, но зналъ, что это не пустыя слова. Какой-то арабской, мало понятной намъ, мудростью вѣяло отъ нихъ.

И когда Хасибэ вышла и поздоровалась со мною, я не попросилъ ее объяснить подробнѣе эту фразу.

Блѣдная и невеселая была Хасибэ въ этотъ день, но зато до самыхъ Салоникъ не отходила отъ меня.

Я приказалъ Джузеппе подать имъ завтракъ и обѣдъ. Хасибэ не отказывалась, но ѣла очень мало, а ея мать и совсѣмъ ни къ чему не прикоснулась, только взяла кисточку винограда.

Когда впереди уже бѣлѣли дома и минареты Салоникъ, Хасибэ ушла въ каюту, затѣмъ вернулась съ небольшимъ свертком въ рукахъ. На палубѣ, когда мы остались одни, она спросила:

— У васъ есть дочери?

— Есть,—отвѣтилъ я.

— Такъ вотъ, передайте имъ на память. Это—единственное, чѣмъ я могу выразить вамъ свою благодарность за вниманіе ко мнѣ и мамѣ,—и она протянула мнѣ свертокъ.

— Спасибо. Хорошо, передамъ.

Я развернулъ бумагу и увидѣлъ нѣчто въ родѣ дамскаго отложного воротничка изъ тончайшаго кружева, сплетеннаго руками; это была удивительная ажурная, чисто артистическая работа, которой можно любоваться, но надѣть на себя жаль.

И я не исполнилъ своего слова. Это художественное кружево до сихъ поръ хранится у меня, и я его никогда и никому не отдамъ.

Въ Салоникахъ мы распрощались просто и коротко. Хасибэ и ея мать сошли съ парохода раньше меня. Я съѣхалъ на берегъ только черезъ часъ. Сумерки уже сгустились. Я взялъ извозчика и поѣхалъ въ мечеть Айя-Софія.

Великолѣпный храмъ былъ уже наполовину православнымъ. Грекамъ удалось снять краску, покрывавшую мозаику, и передъ чудеснымъ образомъ Христа уже горѣли безчисленныя лампады.

Вмѣсто иконостаса алтарь былъ отдѣленъ еще шелковой красной занавѣсью. Темный, глубокій куполъ казался необъятнымъ и напоминалъ о вѣчности, одинаковой для всѣхъ людей.

Хотѣлось молиться.

VII.

Переходъ отъ Мессины до Палермо былъ тяжкій. Все время мотало. Воздухъ былъ раскаленный, настоящій африканскій. Дулъ сирокко. Вся вершина Этны покрылась облаками. Наступала гроза. Волны прыгали, какъ будто подъ каждой изъ нихъ взрывалась небольшая мина.

Меня не укачивало, но все время давила особенная предсердечная тоска.

Мы вышли изъ порта въ восьмомъ часу. Внизу по всей линіи берега свѣтились яркія линіи электрическихъ огней. Зато въ небѣ было совсѣмъ темно, иногда прорѣзывала его молнія, и страшный грохотъ, отражаясь отъ горъ, катился далеко въ темноту, и дѣлалось всему организму больно отъ этихъ басовыхъ, ни съ чѣмъ несравнимыхъ, звуковъ.

Разболѣлась голова.

Около полуночи я ушелъ въ свою, теперь пустую, каюту и легъ на койку, не раздѣваясь. Такъ, не раздѣваясь, и заснулъ.

Въ четыре часа ночи я открылъ глаза и почувствовалъ, что качаетъ уже меньше и ровнѣе. Захотѣлось покурить. Я долго искалъ спичекъ и не нашелъ. Рѣшилъ пойти на палубу и попросить ихъ у вахтеннаго матроса.

Поднявъ воротникъ тужурки, я прошелъ черезъ кормовую часть палубы и по трапу поднялся на спардэкъ.

Возлѣ рубки при слабомъ освѣщеніи фонаря я увидѣлъ темную женскую фигуру...

Хасибэ стояла, прислонившись къ стѣнѣ, чуть опустивъ голову.

„Какимъ же образомъ она здѣсь?“—подумалъ я, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и остановился. Затѣмъ громко спросилъ:

— Хасибэ, это вы?

Женская фигура утвердительно и медленно еще ниже опустила голову.

Я обрадовался до слезъ и бросился къ ней, мигнулъ глазами, чтобы увидѣть ее яснѣе, и увидѣлъ, что надо мною потолокъ каюты, что въ рукахъ у меня папироса, и услышалъ черезъ стѣнку мѣрный храпъ Джузеппе.

Старался понять, какъ все это произошло,—и не могъ. Ясно было одно: она не солгала, когда говорила:

— Если вы будете меня помнить, такъ будете и видѣть...

Библиотека "Руниверс"

Буря.

Разсказъ **А. Грузинскаго.**

(Окончаніе).

VII.

Холодныя волны рѣки съ мутными гребнями каждую секунду подкатываются къ берегу, высоко взбѣгаютъ вверхъ и лижутъ пожелтѣвшую траву и прибрежные камни. Гдѣ дорогу имъ загораживаетъ старое дупло или большой, обросшій мхомъ, камень, онѣ отскакиваютъ назадъ, разсыпаются тысячами брызгъ въ воздухѣ, и только небольшія, обезсиленныя струйки встрѣчаются дальше камня и, лѣниво шепчась, пробѣгаютъ какой-нибудь аршинъ, чтобы вернуться обратно.

Дождь идетъ цѣлый вечеръ, и, кажется, ему не будетъ конца: большіе и маленькіе ручьи сбѣгаютъ съ обрывистаго берега, путаются между обнаженными корнями деревьевъ, между низенькой желтой травой и летятъ водопадами прямо въ рѣку.

Глухо шумятъ деревья; въ ихъ шумѣ слышна жалоба на судьбу, печаль по быстро пролетѣвшему лѣту съ синимъ небомъ, солнечнымъ зноемъ и пѣніемъ соловьевъ въ прибрежныхъ рощахъ. Деревья вспоминаютъ, какъ сладко было тихимъ шелестомъ листвы отъ предразсвѣтнаго вѣтра встрѣчать восходъ солнца, блѣдно-розовыя, постепенно краснѣвшія, облака; какъ хорошо было въ полдень стоять въ нѣмой истомѣ подъ жаркими лучами и дремать въ тихіе вечера и короткія ночи. Теперь кончились хорошія времена; непогода треплетъ ихъ полунагія вѣтви, тучи поливаютъ ихъ потоками холоднаго дождя. И завтра и послѣзавтра будетъ то же,—до тѣхъ поръ, пока не придетъ зима съ морозомъ, не засыплетъ лѣсъ снѣгомъ и не скуетъ деревьевъ тяжелымъ сномъ.

На берегу стоитъ шалашъ перевозчика; шалашъ сплетенъ подъ большими деревьями, густо засыпанъ опавшими листьями и обмазанъ глиной; близъ шалаша въ берегъ рѣки вбитъ колъ, и къ нему желѣзной цѣпью прикрѣплена большая лодка, которая пляшетъ по рѣкѣ какой-то бѣшеный танецъ, хотя дождь наполнилъ ее водой почти наполовину; рѣка посылаетъ къ ней волну за волной, и часто грязныя брызги окачиваютъ лодку отъ узкаго носа до широкой кормы.

Перевозчикъ Кузьма Артамоновъ дремлетъ въ шалашѣ; шумъ непогоды, лай собакъ и бой часовъ въ церкви села онъ слышитъ, какъ сквозь сонъ; пригрѣвшись подъ теплымъ тулупомъ съ свѣжими заплатами на старой овчинѣ, онъ думаетъ, что скоро перевозу—аминь, что скоро нужно будетъ итти къ давыдовскому барину Ильѣ Тимоѳеевичу въ сторожа—сторожить хуторъ, такъ какъ Илья Тимоѳеевичъ зиму проводитъ въ городѣ и на время своего отсутствія беретъ лишнихъ сторожей. Кузьма Артамоновъ думаетъ и о томъ, что прежде, чѣмъ закабалиться въ сторожа, онъ пойдетъ въ городъ, а путь туда не близокъ для его старыхъ ногъ. Въ городѣ Кузьма Артамоновъ повидаетъ внучковъ; черноглазая Маша живетъ въ ученьѣ у мадамъ, а внучекъ Васютка—у сапожника Шигалева, у котораго на Прудовой улицѣ есть собственный ветхій домишко, съ прибитымъ къ калиткѣ жестянымъ сапогомъ, густо выкрашеннымъ въ черную краску. Старикъ похоронилъ всѣхъ близкихъ—Богъ не послалъ имъ долгаго вѣку, и если бы не внучекъ и внучка, у него совсѣмъ бы не было родни. А бойкій Васютка и черноглазая Маша ждутъ не дождутся дѣда,—они не видали его съ самой весны. Дѣдъ купитъ имъ въ городѣ по фунту пряниковъ, сводитъ на карусели и, уходя, дастъ по полтинѣ денегъ. А разговору у нихъ будетъ столько—хоть отбавляй.

Понемногу дрема перевозчика переходитъ въ сонъ; онъ не знаетъ, долго ли спитъ подъ шумъ дождя, но, когда просыпается, до его слуха долетаютъ совсѣмъ новые звуки: чьи-то тяжелые шаги быстро приближаются отъ села къ берегу; человѣкъ бѣжитъ, тяжело дыша, шлепая по водѣ и разбрызгивая грязь во всѣ стороны.

Старикъ приподнимается на локтѣ и слушаетъ.

Долго ничего не слышно въ ночной тьмѣ, кромѣ шаговъ; затѣмъ дождь, непогоду и тьму прорѣзаетъ крикъ:

— Эй, кто тамъ!

И такъ какъ перевозчикъ молчитъ, и кругомъ все тихо, неизвѣстный голосъ спрашиваетъ еще громче:

— Кто тамъ въ шалашѣ? Есть перевозчикъ?

Старикъ поднимается и высовываетъ изъ шалаша голову.

— Что надо, добрый человѣкъ?—спрашиваетъ онъ.

— Ты перевозчикъ?

— Я.

— Перевези меня на ту сторону.

Кузьма Артамоновъ качаетъ головой.

Непогода набирается новыхъ силъ, шалашъ дрожитъ, и даже высокія деревья вздрагиваютъ, какъ вздрагиваютъ подсѣченные топоромъ стволы передъ тѣмъ, какъ упасть. Кто въ такую пору

С. Бакаловичъ. **Послѣдніе лучи.** XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

Библиотека "Руниверс"

С. Ледневъ-Щукинъ. У монастырской ограды.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

— Убирайся ты къ чорту съ своимъ шалашомъ!

Перевозчикъ вздыхаетъ; тяжело на душѣ, должно-быть, если такъ бѣсится человѣкъ.

— Изъ какихъ будете?—спрашиваетъ онъ робко.

— Молчи!..

Кузьма Артамоновъ смолкаетъ; дождь прыгаетъ по лужамъ и съ шумомъ полошится о мутныя волны рѣки; церковные часы въ селѣ бьютъ двѣнадцать разъ: ихъ бой глухо и боязливо разлетается въ мокромъ воздухѣ и чуть-чуть долетаетъ до рѣки: но его слышатъ и старый перевозчикъ и этотъ пришедшій изъ ночной тьмы человѣкъ.

— Полночь... — бормочетъ онъ.— Поѣздъ уходитъ въ половинѣ второго... Если переѣхать сейчасъ, я еще могу поспѣть къ поѣзду... До станціи только шесть верстъ. И ждать, сидѣть здѣсь, и ждать до утра, когда все будетъ кончено, когда поѣздъ мнѣ будетъ не нуженъ, когда я не смогу ни увидать ни догнать ихъ! О, чортъ!

Онъ думаетъ и останавливается на какой-то мысли.

— Послушай, ты...—говоритъ онъ болѣе спокойно.—Я забылъ сказать: перевези меня на тотъ берегъ, и я отдамъ тебѣ... вотъ все, что тутъ есть.

Онъ подходитъ къ шалашу, зажигаетъ спичку и освѣщаетъ золотые кружки на днѣ кошелька.

поѣдетъ черезъ рѣку? Развѣ такой человѣкъ, у котораго помутился разумъ.

— Ну, что жъ?—нетерпѣливо спрашиваетъ изъ тьмы тотъ же голосъ.

Кузьма Артамоновъ пристально оглядываетъ неизвѣстнаго человѣка; насколько ночь позволяетъ его разсмотрѣть—это высокій юноша въ короткомъ пальто и длинныхъ охотничьихъ сапогахъ, измазанныхъ глиной и грязью. Голосъ у него хриплый отъ простуды или гнѣва, и глаза блестятъ, какъ уголья, когда онъ смотритъ на смущеннаго старика.

— Долго ли ты поворачиваться будешь? — топаетъ онъ ногой по липкой грязи.

Перевозчикъ вздыхаетъ.

— Развѣ можно въ такую погоду, батюшка, черезъ рѣку переѣзжать?—говоритъ онъ.

— Почему же нельзя?

— Съ лодкой не справиться, лодку завертитъ. Рѣка у насъ бурливая, нравная рѣка, а вѣтеръ-то вонъ какъ гудетъ... на рѣкѣ—стонъ стономъ.

— Испугался? Вѣтра испугался? Какой же ты перевозчикъ?

— Всякому, батюшка, жизнь дорога. Я—человѣкъ старый, не хочу безъ покаянія помереть.

Юноша стряхиваетъ съ шапки дождевые потоки — вода начинаетъ течь ему на плечи—думаетъ и молчитъ минуту.

— Какъ же быть?—спрашиваетъ онъ.

— Подождите до утра, батюшка. Можетъ, буря угомонится.

— До утра? — раздраженно говоритъ неизвѣстный. — До утра, когда мнѣ нужно сейчасъ! Можетъ, дня два посидѣть на перевозѣ? Баба, ворона старая, трусъ!

Кузьма Артамоновъ молчитъ.

— Какъ тамъ тебя?! Можетъ, кто на селѣ перевезти возьмется?

Перевозчикъ машетъ рукой:

— Кому взяться? Кому жизнь-то не надоѣла? Никто не возьмется, батюшка. Могу васъ завѣрить, не возьмется никто.

— Ахъ, чортъ побери!

Юноша садится на пень и хватается за голову.

Дождь поливаетъ его, и вѣтеръ налетаетъ каждую минуту съ новою силой, точно старается сбить его съ пня, но онъ не замѣчаетъ ни дождя ни вѣтра.

— Рѣка...—бормочетъ онъ.—Рѣка, какъ рѣка... Выдумали тоже.

Перевозчикъ думаетъ, что выгнало этого человѣка въ непогоду и дождь на рѣку, почему загорѣлось ее переѣзжать въ эту бурю, но ничего не придумываетъ: чужая душа — потемки; мало ли можетъ быть причинъ.

Такъ сидятъ они молча, какъ двѣ модели для скульптора, если бы онъ вздумалъ лѣпить пылкую молодость, которую тянетъ, несмотря на опасности и препятствія, въ безвѣстную даль, и осторожную старость, которая взвѣшиваетъ каждый свой шагъ и старается не итти туда, гдѣ путь тревоженъ, гдѣ есть опасность, и силенъ вѣтеръ, и бурлива рѣка.

— Подите въ шалашъ, батюшка! — предлагаетъ Кузьма Артамоновъ.

— Разъ, два, три, пять... шесть... здѣсь семьдесятъ рублей, старина. Я себѣ только на билетъ оставлю. Мнѣ по желѣзной дорогѣ, быть-можетъ, ѣхать придется, я оставлю себѣ десять рублей... только десять рублей, а ты бери остальные шестьдесятъ. Хочешь? Ну, отвѣчай!

Шестьдесятъ рублей! Такихъ денегъ еще отъ роду не бывало въ рукахъ Кузьмы Артамонова. Чего, чего на эти деньги нельзя сдѣлать, чего нельзя накупить. Шестьдесятъ рублей! Да это цѣлое состояніе, цѣлый капиталъ!

Бѣсъ корысти начинаетъ смущать перевозчика.

„Развѣ попробовать? — думаетъ онъ. — Правда, непогода большая, да Богъ милостивъ и бѣды не попуститъ".

Теперь у старика ослабѣли руки, и нѣтъ прежней силы въ груди, а въ молодости случалось ему переѣзжать рѣку и не въ такую непогодь. И ничего, Богъ хранилъ.

— Ну, хочешь, что ли?—спрашиваетъ юноша съ тоской, и глаза его вспыхиваютъ надеждой.—Хочешь везти за шестьдесятъ рублей?

Случай ужъ очень необыкновенный, и плата за перевозъ черезчуръ велика: эта плата пугаетъ Кузьму Артамонова, и перевозчикъ впадаетъ въ раздумье; довольно минуты, чтобы мысли старика приняли иной оборотъ.

„Кто его знаетъ, что онъ за человѣкъ? — робѣетъ Кузьма Артамоновъ.— Можетъ, убивецъ... Ишь, глаза горятъ, какъ вповтьмахъ у кошки. Наживешь съ нимъ бѣды. Перевезешь, а потомъ и не раздѣлаешься: „зачѣмъ, спросятъ, старый, убивца перевозилъ? Засадить его, стараго, въ острогъ". На желѣзную дорогу спѣшитъ. Зачѣмъ ему въ такую-то ночь загорѣлось ѣхать? А можетъ, ограбилъ кого... Эхъ, совсѣмъ, было, засмутьянилъ мою душу, смутьянъ! Грабительскія деньги-то не очень идутъ на разживу, съ грабительскихъ денегъ не будетъ пути. Ну, его, оглашеннаго, къ бѣсу!"

— Что жъ, старикъ, повезешь? — угрюмо спрашиваетъ неизвѣстный.

— Нѣтъ, не повезу. Пускай другой кто везетъ, а мнѣ... несподручно, — отвѣчаетъ Кузьма Артамоновъ, и въ голосѣ его слышна злоба—онъ золъ на человѣка, чуть-чуть не соблазнившаго его „проклятыми" деньгами, ибо кто же будетъ платить за перевозъ „чистыми" деньгами по шестидесяти рублей?—Нѣтъ, не повезу.

— Почему же?

— Да такъ.

— Вѣдь шестьдесятъ рублей много денегъ, старикъ!

— Богъ съ ними, батюшка. Душа мнѣ дороже шестидесяти рублей. Не смущайте: не повезу.

Неизвѣстный хватается за голову; безполезно говорить старику, что есть любовь, безуміе ревности, есть многое, что дороже души, дороже жизни: старикъ не пойметъ этихъ словъ; старикъ не знаетъ, что есть муки, передъ которыми муки ада—ничто.

— Мнѣ нужно быть на томъ берегу, и никто, кромѣ тебя, не можетъ перевезти меня!—говоритъ онъ съ отчаяніемъ.

— Дойдите до мосту, до мосту пять верстъ, не болѣ.

Библиотека "Руниверс"

— До моста пять, да отъ моста пять, да до станціи шесть — шестнадцать верстъ, когда до поѣзда часъ съ четвертью только! Не поспѣю.

— Не поспѣете. Гдѣ поспѣть!—вздыхаетъ Кузьма Артамоновъ.

— Кромѣ тебя—некому. Вези!

— Я ужъ сказалъ, батюшка: не повезу. Не охота мнѣ помирать безъ покаянья.

Послѣдняя надежда рушится, и это переполняетъ чашу.

Высокій человѣкъ вскакиваетъ съ пня, на который онъ опять сѣлъ, и въ бѣшенствѣ топаетъ ногой; во взглядѣ его — безуміе, видъ его страшенъ.

— А, ты не повезешь?!—кричитъ онъ.—Ты не повезешь? Выходи и отвязывай лодку, старый сычъ, не то я вытрясу изъ тебя твою поганую душу!

У Кузьмы Артамонова душа уходитъ въ пятки; что-то говоритъ ему, что теперь ни отказываться ни спорить уже нельзя. Какъ побитый песъ, онъ выползаетъ изъ шалаша, кряхтя, натягиваетъ на плечи полушубокъ и идетъ къ лодкѣ.

— Поворачивайся!—говоритъ Басаргинъ у него надъ ухомъ.— Вода въ лодкѣ. Вычерпывай! Ну, скорѣе!

Старыя руки дрожатъ; Басаргину кажется, что Кузьма Артамоновъ работаетъ черезчуръ медленно, онъ хватаетъ ведро изъ его рукъ, и вода цѣлыми каскадами вылетаетъ за бортъ.

— Готово!—говоритъ онъ черезъ минуту, бросая ведро на дно лодки.—Ползи!

Кузьма Артамоновъ влѣзаетъ въ лодку, юноша прыгаетъ въ нее, и скоро старая лодка летитъ по волнамъ, какъ одряхлѣвшая птица, которую треплятъ и вѣтеръ и волны, и которая не въ силахъ плыть черезъ рѣку наперерѣзъ.

— Господи Іисусе Христе! — бормочетъ старикъ, дрожа отъ холода и страха.—Мать Пресвятая Богородица!

Видя, что лодка пляшетъ среди волнъ, юноша беретъ рулевую лопату и начинаетъ работать такъ сильно, что кажется, что они бѣгутъ впередъ больше отъ рулевой лопаты, чѣмъ отъ веселъ Кузьмы Артамонова. И перевозчикъ думаетъ, что безъ помощи безумнаго человѣка ему, несмотря на его опытность, ни за что бы не доѣхать до другого берега рѣки.

Богъ знаетъ, сколько времени скрипитъ старая лодка среди мутныхъ волнъ, холодныхъ брызгъ и грязной пѣны; юношѣ кажется, что безконечно долго, Кузьма же Артамоновъ знаетъ, что они плывутъ не больше десяти минутъ; противоположный берегъ уже вырѣзывается изъ темноты, и надежда на спасеніе забирается въ старческое сердце; Басаргинъ зорко вглядывается въ тьму.

— Эге,—берегъ,—говоритъ онъ, на мгновеніе бросая работу.

Высокая, похожая на гору, волна пользуется этимъ и подхватываетъ лодку: Кузьма Артамоновъ не можетъ справиться съ ней: волна выбиваетъ весла изъ обезсилѣвшихъ, старыхъ рукъ; перевозчикъ думаетъ, что пришелъ его конецъ, и вскрикиваетъ жалобно, какъ подстрѣленный заяцъ.

Приходитъ въ себя онъ на берегу, возлѣ выброшенной на песокъ лодки и юноши, который тащитъ ее по песку, дальше отъ набѣгающихъ волнъ.

— Ну, вотъ, и переѣхали, а ты, старикъ, говорилъ, что переѣхать нельзя!—кричитъ высокій человѣкъ, отряхивая руки отъ воды и песку.

Онъ достаетъ кошелекъ съ деньгами и бросаетъ его Кузьмѣ Артамонову.

Ѳ. Бухгольцъ. Мать.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

— Получай,—говоритъ онъ:—и не поминай лихомъ. Только и всего, что придется тебѣ пережидать погоду не на томъ, а на этомъ берегу.

Черезъ минуту отъ него остается неясный силуэтъ, который все болѣе и болѣе сливается съ тьмой ночи, да кошелекъ, который медленно ощупываетъ старый перевозчикъ.

Пылкая молодость уходитъ черезъ бурю и тьму въ безвѣстную даль, куда зовутъ ее горячая кровь, гнѣвъ, безуміе страсти; осторожная старость глядитъ въ хмурое небо, темную воду и шепчетъ въ ужасѣ:

— Господи, грѣхъ-то какой! Чуть-чуть было не потопъ безъ покаянья. —

Старости ничего не говорятъ ни безуміе страсти ни горячая кровь...

VIII.

Проходитъ два съ половиною года.

Однажды, читая газету за утреннимъ чаемъ, Басаргинъ натыкается на телеграмму изъ Кисловодска: прекрасная мельничиха убита, — убита гнусно, изъ-за угла, какимъ-то помощникомъ присяжнаго повѣреннаго, ея возлюбленнымъ, всадившимъ въ ея прекрасное тѣло пять револьверныхъ пуль.

Басаргинъ тихо откладываетъ газету.

И передъ нимъ проходитъ буря, налетѣвшая на него и смявшая его два съ половиною года назадъ. Басаргинъ вспоминаетъ поцѣлуи прекрасной мельничихи и ту дьявольскую ночь, когда, добѣжавъ до станціи, онъ узналъ, что поѣздъ ушелъ уже полчаса назадъ, что она уѣхала съ этимъ поѣздомъ,—ночь, когда въ отчаяніи, въ мукахъ ревности онъ стрѣлялъ въ себя и на себя истратилъ тѣ пули, которыя Исайка и старый мельникъ предназначали не ему; Басаргинъ вспоминаетъ, что очнулся онъ недѣли черезъ двѣ послѣ дьявольской ночи въ „Дубкахъ“, гдѣ Тиночкой все было прощено и забыто.

Да, налетѣвшая буря только смяла его; та же, что налетѣла на прекрасную мельничиху, раздавила, стерла ее въ прахъ.

Тиночка спрашиваетъ его: — О чемъ задумался? — но онъ отвѣчаетъ: — Такъ, ни о чемъ, — и прячетъ отъ жены газету.

А. Гирвъ. Заяцъ. XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

Библиотека "Руниверс"

Война въ пятой стихіи.

Очеркъ **Н. Инсарова**.

(Окончаніе).

III.

Когда во Франціи производились маневры съ участіемъ летчиковъ, генералъ Бональ по окончаніи этихъ маневровъ сказалъ: „C'est un regard infaillible, jeté dans l'armée ennemie" („Это безошибочный взглядъ, направленный въ непріятельскую армію"). А русскій генералъ, тоже присутствовавшій на французскихъ маневрахъ и слѣдившій за тѣмъ, какую помощь оказывали летчики командирамъ частей, сказалъ: „Съ летчиками слѣпой командующій становится зрячимъ".

И въ самомъ дѣлѣ, невозможность знать мѣсто нахожденія и силы непріятеля парализуютъ соображенія и дѣйствія даже геніальныхъ полководцевъ. Одинъ изъ извѣстныхъ нашихъ летчиковъ, Н. Поповъ, приводитъ интересный случай изъ боевой дѣятельности Наполеона. Мы знаемъ, что Наполеонъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе подъ Ватерлоо, но, имѣй онъ въ своемъ распоряженіи хотя бы одинъ аэропланъ и хотя бы одного летчика, результаты этого знаменитаго боя были бы, вѣроятно, другими. Во время боя подъ Ватерлоо Наполеонъ увидѣлъ облако пыли на горизонтѣ. Очевидно, оттуда шли войска, но это могъ быть и прусскій генералъ Блюхеръ и генералъ Наполеона Груши. Въ первомъ случаѣ надо было принять мѣры обороны, во второмъ же можно было разсчитывать на серьезную помощь. Если бы кто-нибудь могъ разрѣшить Наполеону этотъ вопросъ, то великій полководецъ могъ бы принять соотвѣтствующія мѣры и извѣстнымъ образомъ направить бой. Но онъ былъ слѣпъ и долженъ былъ рѣшить вопросъ при помощи догадки. Наполеонъ рѣшилъ, что къ нему на помощь идетъ Груши, но это былъ не Груши, а врагъ, и Наполеонъ проигралъ сраженіе.

Конечно, и сейчасъ производятся развѣдки при помощи кавалеріи, но, какъ показалъ опытъ войны, эти развѣдки крайне несовершенны, а иногда прямо-таки вводятъ въ заблужденіе военачальниковъ. Говорятъ, что Ляоянскій бой былъ бы блестяще выигранъ нами, если бы генералъ Куропаткинъ не былъ введенъ въ заблужденіе донесеніями командировъ корпусовъ и дивизій, которые сами добросовѣстно заблуждались и не могли составить себѣ яснаго представленія о дѣйствительномъ положеніи вещей. Несомнѣнно, летчики должны были бы ясно видѣть ходъ боя, блестяще отбитыя нами атаки японцевъ, ихъ большія потери, разстроенную обходящую колонну генерала Куроки, и бой остался бы за нами. Боя подъ Шахэ мы тоже не проиграли бы, потому что летчики, облетѣвъ передъ боемъ фронтъ, донесли бы Куропаткину, что на лѣвомъ флангѣ имѣются неприступныя и защищенныя сопки, а на правомъ—отличная для обходнаго движенія нашихъ войскъ долина. Мы же не имѣли тогда мало-мальски удовлетворительныхъ картъ мѣстности и начали наступленіе и обходное движеніе какъ разъ именно на лѣвомъ флангѣ. Бой подъ Мукденомъ тоже могъ бы быть не такимъ, какимъ онъ оказался вслѣдствіе нашей полной неосвѣдомленности о расположеніи силъ непріятеля. „Этотъ бой, — говоритъ Н. Поповъ:— былъ настоящая каша, толчея, смятеніе всего. Японцы показывались всюду, гдѣ ихъ не ждали, съ боковъ и съ тыла. Военные знаютъ, что, когда враги нежданно-негаданно появляются какъ разъ тамъ, гдѣ ихъ не ждутъ, гдѣ къ ихъ приходу не готовы, то происходитъ не бой, а побоище, какимъ и былъ для нашихъ войскъ злосчастный бой подъ Мукденомъ".

Японцы при помощи шпіоновъ были несравненно болѣе освѣдомлены обо всемъ, чѣмъ мы, по самой натурѣ своей мало способные къ шпіонству. Развѣдки нашихъ кавалеристовъ были малоуспѣшны, и это, быть-можетъ, и послужило одной изъ главныхъ причинъ нашего пораженія въ послѣднюю войну. Теперь, надо полагать, претящее нравственному чувству шпіонство замѣнится развѣдками летчиковъ, глаза которыхъ и днемъ и ночью будутъ слѣдить за каждымъ движеніемъ врага, и при ихъ помощи главнокомандующій и его штабъ будутъ освѣдомляемы обо всемъ несравненно быстрѣе и точнѣе, чѣмъ посредствомъ шпіоновъ. Ночныя развѣдки и кавалеріи и даже шпіоновъ, понятно, не могутъ быть сравниваемы съ идеальными развѣдками аэроплановъ, снабженными электрическими прожекторами, ярко освѣщающими мѣстность на огромномъ пространствѣ.

Еще не такъ давно, какихъ-нибудь 20 лѣтъ тому назадъ, никому и въ голову не приходило, что военный флотъ можетъ занять въ дѣлѣ войны первенствующее положеніе. Теперь мы видимъ, что траты европейскихъ державъ на увеличеніе своихъ флотовъ колоссальны, и что военныя суда начинаютъ играть въ ходѣ войны незамѣнимую, выдающуюся, а иногда и рѣшающую роль. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ мы и вмѣстѣ съ нами Франція ждали рѣшенія англійскаго парламента относительно участія Англіи въ начавшейся войнѣ. Когда намъ стало извѣстно, что Англія, вѣрная союзу съ Франціей, объявила войну Германіи, то всѣ свободно вздохнули, и для всѣхъ стало ясно, что вѣсы войны склонились въ сторону тройственнаго соглашенія. Ни для кого не секретъ, что Англія не имѣетъ значительной сухопутной арміи, и все, что она можетъ дать своимъ европейскимъ союзникамъ,—это дессантный отрядъ въ 150.000—200.000 человѣкъ. Но у Англіи есть сильный, многочисленный флотъ, и это является огромнымъ преимуществомъ въ рукахъ тройственнаго соглашенія.

Но и флотъ въ наше время уже вооружился летчиками и спеціальными воздушными аппаратами. И здѣсь услуги аэронавтовъ будутъ, надо полагать, громадны.

Въ февралѣ 1912 года командиръ французской эскадры Средиземнаго моря адмиралъ Буэ-де-Лапейреръ внимательно слѣдилъ за эволюціями летчиковъ около Каннъ и любовался, какъ Поланъ и Робинсонъ вились надъ эскадрой, слетали съ берега, садились на волны моря, снова взлетали съ гребней волнъ, снова подымались ввысь, возвращались на берегъ и по пути кидали на палубы броненосцевъ и къ ногамъ адмирала бомбы, заключавшія въ себѣ... привѣтствія и любезныя приглашенія на завтракъ. Врядъ ли послѣ этого адмиралъ могъ бы скептически отнестись къ значенію своихъ морскихъ воздушныхъ аппаратовъ и летчиковъ. Адмиралъ Лапейреръ тутъ же, обращаясь къ окружающимъ, сказалъ: „Да, я теперь совершенно убѣжденъ, что воздушный аппаратъ, это—крейсеръ близкаго будущаго, способный плавать и надъ моремъ и надъ сушей. Съ увѣренностью могу сказать, что очень скоро эти воздушные корабли станутъ страшной силой".

Надо полагать, что мнѣніе адмирала возымѣло свое дѣйствіе, потому что съ 1912 года французское правительство обзавелось большимъ количествомъ самолетовъ для своего флота.

Услуги морскихъ самолетовъ (гидроплановъ) несомнѣнны, и флоты европейскихъ державъ стали снаряжать ими всѣ броненосцы. По легкому скату, сдѣланному на носу броненосца, самолеты скользятъ на колесахъ или на полозьяхъ и затѣмъ подымаются въ воздухъ, если нужно, садятся на волны, то тихо, то быстро плывутъ по водѣ, точно морскія птицы, а въ минуты надобности снова взлетаютъ вверхъ. Такимъ образомъ морской самолетъ является соединеніемъ летательнаго аппарата съ моторной лодкой, въ которой сидятъ 5—6 человѣкъ. „Настоящій, понимающій дѣло боевой морякъ, — сказалъ одинъ изъ извѣстныхъ французскихъ адмираловъ: — не можетъ не цѣнить самолетовъ, удесятеряющихъ силу флота". И это удесятереніе обойдется очень дешево, потому что цѣлая эскадра аэроплановъ стоитъ столько же, сколько одинъ морской крейсеръ. Японскій морякъ, лейтенантъ Канеко, посланный во Францію для изученія вопроса о пригодности морскихъ самолетовъ, внимательно изучилъ предметъ и сдѣлалъ экстренное сообщеніе о своихъ наблюденіяхъ своему начальству. И Японія тотчасъ же заказала 23 морскихъ самолета.

Въ томъ же 1912 году въ маневрахъ англійскаго флота впервые принимали участіе гидро-аэропланы, и спеціалисты-моряки сразу поняли значеніе этого новаго орудія войны. На маневрахъ присутствовалъ и самъ король Георгъ, который вполнѣ согласился съ необходимостью создать спеціальный морской воздушный флотъ, способный работать рука объ руку съ дредноутами. Маневры окончились знаменательными словами морского министра: „Отнынѣ всѣ суда нашего флота и большіе контръ-миноносцы будутъ снабжены морскими самолетами". Слова эти немедленно перешли въ дѣло, и уже въ 1912 году Англія приступила къ постройкѣ 203 морскихъ гидро-аэроплановъ.

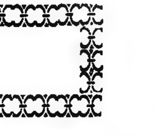
Мы уже сказали, что летчикъ и его летательный аппаратъ не только станутъ глазами морской и сухопутной артиллеріи, не только возвратятъ артиллеріи ея мѣткость и всю ея страшную разрушительную силу, но что они станутъ глазами и всей арміи вообще. Русская кавалерія считается превосходной, но сила орудійнаго и оружейнаго огня теперь такъ велика, что думать о кавалерійскихъ атакахъ—это значитъ воскрешать невозвратное и красивое прошлое. Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе стремительное, полное жизни, чѣмъ картина удалой атаки нашихъ казаковъ, драгуновъ или гусаръ. Еще недавно по старой памяти мы послали въ японскую кампанію нашу кавалерію, но она оказалась мало пригодной. У японцевъ, какъ извѣстно, было очень мало конницы, да они и не заботились о ней, такъ какъ они раньше насъ поняли, что роль кавалеріи при обстановкѣ настоящей войны сводится только къ развѣдочной службѣ. Но и эту часть программы войны нынѣшняя конница выполнить съ былымъ блескомъ и успѣхомъ не можетъ.

Теперь, при наличности воздушныхъ развѣдчиковъ, конница утрачиваетъ и это свое послѣднее значеніе. Во время послѣднихъ маневровъ во Франціи былъ сдѣланъ опытъ пользованія услугами кавалеристовъ и летчиковъ для доставки приказаній военачальниковъ. Кавалеристы доставляли приказанія на протяженіи 12 верстъ въ 1 часъ, а летчики—въ 5 минутъ.

Такимъ образомъ аэропланъ пріобрѣтаетъ еще и значеніе летающаго коня, при чемъ четвероногому животному никогда не удастся сравниться съ желѣзо-парусиннымъ конемъ.

Въ то время, какъ на одномъ заводѣ, напримѣръ, Круппа спѣшно изготовляются новыя пушки, превосходящія своей силой существовавшія до того, на другомъ заводѣ, напримѣръ, Армстронга, уже отливается новая броня, способная противостоять

Библиотека "Руниверс"



В. Фендрихъ. Отказала. XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

Библиотека "Руниверс"

Р. Зоммеръ. Табунъ. XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

силѣ этого новаго крупповскаго орудія. То же самое происходитъ и съ воздушнымъ флотомъ. Въ то время, какъ спеціальные заводы воздухоплавательныхъ аппаратовъ выпускаютъ свои цеппелины, аэростаты и аэропланы, въ это время на заводѣ Круппа уже ломаютъ голову надъ новой артиллеріей, способной поражать врага въ небесахъ. И въ самомъ дѣлѣ, у Круппа уже вырабатываются особыя пушки, стрѣляющія въ воздухъ и способныя уничтожить высоко рѣющихъ летчиковъ. Орудія эти снабжены снарядами, заключающими въ себѣ не ядра, а взрывчатыя вещества. Послѣ выстрѣла такой снарядъ летитъ вверхъ, разрывается на извѣстномъ разстояніи и производитъ сильное сотрясеніе воздуха близъ самолета, нарушаетъ его устойчивость, опрокидываетъ его и роняетъ на землю. Такія орудія поставлены на быстрые автомобили и гоняются за самолетами, выпуская снарядъ за снарядомъ. Такимъ образомъ низко опустившійся летчикъ можетъ быть разстрѣлянъ ружейными пулями, а поднявшійся на боевую высоту можетъ быть пораженъ снарядомъ крупповскаго орудія.

Трудно сказать, насколько дѣйствительно это орудіе, ибо опыты мирнаго времени производились далеко не въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ придется дѣйствовать крупповскому дѣтищу на войнѣ. Во всякомъ случаѣ, надо сказать, что крупповскій снарядъ имѣетъ много общаго съ тѣми бомбами, которыя будутъ бросаться летчиками сверху. Надо, чтобы этотъ снарядъ разорвался очень близко отъ летчика, а это не такъ легко сдѣлать, потому что угнаться и попасть въ эту механическую птицу, летящую съ быстротою 100—170 верстъ въ часъ, довольно мудрено. Попробуйте попасть пулей въ ласточку.

Вотъ почему намъ кажется, что работа Круппа пропала даромъ.

Изъ всего предыдущаго можно сдѣлать выводъ, что воздушный флотъ неуязвимъ и неотразимъ. Но это правильно лишь постольку, поскольку непріятель не построитъ своего воздушнаго флота. На войнѣ летчики станутъ уничтожать летчиковъ, воздушные корабли будутъ низвергать на землю воздушные же корабли непріятеля. Надо полагать, что увертюрой ко всякому серьезному бою будетъ предварительный бой въ воздухѣ. Военачальники враждующихъ армій прежде всего постараются освободить себя отъ зоркаго глаза воздушныхъ соперниковъ и пошлютъ въ бой съ ними свою воздушную армію, понимая, что побѣда въ воздухѣ предрѣшитъ побѣду на землѣ. Можетъ ли сражаться слѣпой великанъ со зрячимъ человѣкомъ? Мы уже имѣемъ единичный примѣръ уничтоженія воздушнаго корабля нѣмецкой арміи самоотверженнымъ французскимъ авіаторомъ Гарро. Нѣчто подобное будетъ свершаться при войнѣ въ воздухѣ и одиночныхъ летательныхъ аппаратовъ и цѣлыхъ флотилій. Самолеты-истребители должны быть быстры и нести достаточное количество летчиковъ. Приближаясь другъ къ другу, они станутъ палить изъ ружей, бросать другъ въ друга бомбы, быть-можетъ, итти на абордажъ, таранить другъ друга, опрокидывать другъ друга и низвергать со страшной высоты на землю.

Мы уже сказали, что для воздушнаго боя нужны быстро двигающіеся, способные быстро подыматься вверхъ, опускаться внизъ, отклоняться въ стороны летательные аппараты. Отсюда, намъ кажется, можно сдѣлать выводъ, что тихолеты, т.-е., значитъ, прежде всего цеппелины и вообще дирижабли наименѣе пригодны и наиболѣе уязвимы. Пока такой левіаѳанъ успѣетъ повернуться, быстроходный самолетъ подымется надъ этой тушей, бросить въ нее десятокъ-другой бомбъ—и чудовище погибло.

Такова въ общихъ чертахъ предстоящая роль въ войнѣ воздушнаго флота. Конечно, трудно быть пророкомъ, а въ этомъ дѣлѣ почти все гадательно, и только опытъ покажетъ намъ, въ какой мѣрѣ воздушные корабли, воздушная артиллерія, воздушная кавалерія и воздушные развѣдчики заслуживаютъ вниманія и тратъ государственныхъ средствъ. Во всякомъ случаѣ летчики не могутъ не сыграть болѣе или менѣе замѣтной роли.

Гроза.

Пусть скрылося солнце, не видно лазури,
Пусть тучи—темнѣй и темнѣй,
Пусть клонятся ивы подъ натискомъ бури
И пѣнятся волны бѣлѣй.

Пусть гордая молнія въ небѣ заблещетъ,
И гнѣвно раскатится громъ,
Въ объятьяхъ грозы пусть земля затрепещетъ,
И все озарится огнемъ.

Пусть старая роща съ корнями простится,
Не жаль мнѣ: я вѣрю, съ зарей
Разсѣятся тучи, гроза усмирится,
И выростетъ лѣсъ молодой.

Н. Власовъ.

Костеръ.

Разгорается яркій костеръ на бугрѣ,
На высокомъ бугрѣ въ обезлюдившемъ полѣ;
Кто-то пѣсню поетъ «о загубленной долѣ»
За рѣкой въ одинокомъ шатрѣ.

Въ небѣ звѣзды и мѣсяца сумрачный ликъ;
Пахнетъ сѣномъ и сладкою мятой,
А изъ темныхъ лощинъ, изъ травы непримятой—
Коростельный плыветъ переклинъ...

Тихо полемъ иду, по вечерней зарѣ,
По широкой межѣ, какъ по ровной аллеѣ...
Разгораясь, горитъ все сильнѣй и сильнѣе
Искрометный костеръ на бугрѣ.

Я. Тисленко.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29 Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., Улица Гоголя (М. Морская), № 22.

Библиотека "Руниверс"

Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., ул. Гоголя, 22.

Чеховъ, Ант. „Вишневый садъ". Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна съ перес. 40 к.

ФОТОграфическіе снимки Испанскихъ и Французскихъ красавицъ. Русс. каталогъ 40 коп. почт. марками: Gennert, Calle Padua Barcelona (Испанія). 2999 18-10

ОТЪ АЛЕКСАНДРОВСКАГО КОМИТЕТА О РАНЕНЫХЪ.

Для облегченія участи жертвъ войны, 18 Августа 1814 года ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ БЛАГОСЛОВЕННЫМЪ учрежденъ особый Комитетъ, носящій нынѣ названіе „Александровскій Комитетъ о раненыхъ". На этотъ Комитетъ возложена забота о судьбѣ воиновъ, пролившихъ кровь на полѣ брани, и ихъ осиротѣвшихъ семействъ. Отеческими заботами и попеченіемъ Россійскихъ МОНАРХОВЪ о нуждахъ раненыхъ воиновъ и ихъ семействъ созданъ инвалидный капиталъ. Пожертвованія Особъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамиліи, правительственныхъ, земскихъ, городскихъ и общественныхъ учрежденій и многихъ частныхъ обществъ и лицъ всѣхъ сословій послужили къ увеличенію средствъ инвалиднаго капитала. Слѣдуя указаніямъ ВЫСОЧАЙШЕЙ Воли, Александровскій Комитетъ о раненыхъ постоянно расширялъ свою благотворительную дѣятельность. Подъ покровительствомъ Комитета въ настоящее время состоитъ свыше 150 тысячъ лицъ. Покровительство Комитета заключается: а) по отношенію къ офицерскимъ чинамъ—въ назначеніи инвалидной пенсіи раненымъ и семействамъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ, въ опредѣленіи дѣтей на средства Комитета въ учебныя заведенія и въ выдачѣ пособій на лѣченіе, на воспитаніе дѣтей и вообще въ различныхъ затруднительныхъ и несчастныхъ случаяхъ, б) по отношенію къ нижнимъ чинамъ: закономъ 25 іюня 1912 года обезпеченіе пенсіями раненыхъ нижнихъ чиновъ и ихъ осиротѣвшихъ семействъ возложено на счетъ казны, для чего и перечислены въ доходъ казны всѣ прежнія доходныя поступленія инвалиднаго капитала. За Комитетомъ же о раненыхъ сохранено право выдавать нижнимъ чинамъ пособія изъ остатковъ процентныхъ денегъ съ инвалиднаго капитала. Пользуясь симъ правомъ, Комитетъ оказываетъ раненымъ нижнимъ чинамъ и ихъ семействамъ посильную помощь во всѣхъ случаяхъ нужды, назначая пособія на лѣченіе ранъ и болѣзней, по бѣдности, многосемейности и во всѣхъ несчастныхъ случаяхъ, какъ-то: пожаръ, наводненіе, землетрясеніе, неурожай, голодъ, падежъ скота и проч., но по ограниченности остающихся средствъ Комитетъ лишенъ возможности выдавать эти пособія въ достаточныхъ размѣрахъ. Современная война потребовала въ ряды арміи огромное число воиновъ и можетъ вызвать небывалыя потери и жертвы, для оказанія помощи которымъ понадобятся большія средства. Въ надеждѣ на отзывчивость русскихъ людей и на участіе къ страданіямъ воиновъ, отдавшихъ здоровье и силы за ЦАРЯ и РОДИНУ, Александровскій Комитетъ о раненыхъ приглашаетъ желающихъ оказать содѣйствіе въ дѣлѣ призрѣнія воиновъ, пострадавшихъ въ настоящую войну, и ихъ осиротѣвшихъ семействъ къ пожертвованіямъ на это святое дѣло. Всякое пожертвованіе будетъ принято съ благодарностію. Пожертвованія принимаются: въ Канцеляріи Александровскаго Комитета о раненыхъ (С.-Петербургъ, Кирочная ул., д. № 4), въ присутственные дни отъ 9 час. утра до 9 час. вечера, а въ остальные дни—отъ 10 час. утра до 5 час. вечера; кромѣ того, въ редакціяхъ газетъ, во всѣхъ казначействахъ,—въ суммы Александровскаго Комитета о раненыхъ по счету „пожертвованія", а также и почтою.

Покорнѣйшая просьба къ Редакціямъ столичныхъ и провинціальныхъ газетъ—перепечатать настоящее воззваніе и принимать пожертвованія. 3208

КАНЦЕЛЯРІЯ
Ея Величества Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ

симъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что пріемъ пожертвованій деньгами и вещами, въ Собственномъ Его Величества Аничковомъ Дворцѣ, въ пользу больныхъ и раненыхъ воиновъ будетъ производиться, начиная съ 8 сего августа, ежедневно: въ будни—отъ 11 час. утра до 4 час. дня, а въ праздники отъ 2 час. до 4 час. дня.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ складѣ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА Великой Княгини **Маріи Павловны (Мойка, 122,** Дворецъ Вел. Кн. Алексѣя Александровича) принимаются **пожертвованія** вещами и деньгами въ пользу

1) № 1 **Военно-Санитарнаго поѣзда** имени Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Павловны;

2) **Перваго летучаго автомобильнаго отряда** имени Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Викторіи Ѳеодоровны

и 3) **Красносельскаго Офицерскаго Лазарета** Великой Княгини Маріи Павловны.

Складъ открытъ ежедневно съ 2 ч. пополудни до 6 час. вечера.

Министерство Торговли и Промышленности. **СЧЕТОВОДНЫЕ КУРСЫ Московскаго Общества Распространенія Коммерческаго Образованія.**
Открытъ пріемъ прошеній на основной и спеціальный семестры; начало занятій 9-го Сентября, Принимаются лица обоего пола, всякаго образованія. Слушатели Курсовъ имѣютъ право посѣщать эпизодическія лекціи, читаемыя **профессорами московскаго коммерческаго института.** На спеціальномъ семестрѣ преподаются: счетоводство фабричное, банковое, земское и кооперативное. Обученіе **каллиграфіи, стенографіи и работѣ на пишущихъ машинахъ.** Свѣдѣнія и программы высылаются за пять 2-хъ копеечн. марокъ, краткій проспектъ—безплатно. Адресъ Канцеляріи: Москва, Стремянный пер., помѣщ. Московскаго Коммерческаго Института. 6-4 3168

ВОЙНА НЕ МѢШАЕТЪ РАБОТАТЬ.

На многочисленные запросы заинтересованныхъ лицъ сообщаемъ, что война не мѣшаетъ намъ работать:

КАКЪ ПРЕЖДЕ мы продаемъ наши быстровязальныя автоматическія машины „**Викторія**" по цѣнѣ Р. 100.—.

КАКЪ ПРЕЖДЕ всякій, купившій машину, становится нашимъ сотрудникомъ.

КАКЪ ПРЕЖДЕ мы платимъ за работу дюжины паръ чулокъ или носковъ нашимъ сотрудникамъ по Р. 1.50.

КАКЪ ПРЕЖДЕ наши сотрудники зарабатываютъ ежемѣсячно Р. 50.— и болѣе. 3219 2-1

Машины и разнообразная пряжа въ большомъ запасѣ на складѣ. Подробности по первому требованію безплатно.

Товарищество Вязальныхъ Машинъ ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ КЮНАУ и Ко (Лондонъ, E. C. 114 Leodenhall Street).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій, 40—42. Отд. 11 В. МОСКВА, Красныя ворота, д. Афремова. Отд. 11 В. Нижній-Новгородъ. Главный домъ, 68.

Открывъ со вторника, 29-го іюля, при домѣ Военнаго Министра

Отдѣлъ Склада ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ

для сбора пожертвованій и работъ на раненыхъ и солдатъ, Е. В. СУХОМЛИНОВА извѣщаетъ матерей, женъ и дочерей военныхъ, а также всѣхъ желающихъ принять участіе въ работахъ какъ личнымъ трудомъ, такъ и пожертвованіемъ, что работы и выдача матеріаловъ для работъ на домъ производятся въ квартирѣ Военнаго Министра, Мойка, 67, по вторникамъ, средамъ, четвергамъ и пятницамъ отъ 1 часа до 6 час. и отъ 8½ час. до 10 час. вечера.

Пожертвованія принимаются ежедневно: Ни суммой, ни количествомъ жертвуемаго просятъ не стѣсняться,—все принимается съ глубокою благодарностью.

НЕВРАСТЕНІЯ

и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, невральгіи, спинная сухотка, параличи, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ"** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина", интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ Пель и С-вья С.П.Б.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

3206 12-7

Библиотека "Руниверс"

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, въ СПБ.

УЧЕБНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ,

составленный проф. **Э. Ю. ПЕТРИ**

и состоящій изъ 49 главныхъ картъ, 140 дополнительныхъ картъ и чертежей на 48 таблицахъ.

Новое 9-е, исправленное проф. Ю. М. Шокальскимъ и дополнен. изданіе. СПБ., 1914 г.

Къ атласу приложены: оглавленіе, «краткія указанія для учащихся» и «методологическое введеніе», въ которомъ обстоятельно изложены тѣ основанія, которыми руководствовался составитель атласа, имѣвшій въ виду **полноту и разносторонность содержанія на ряду съ ясностью и краткостью картъ и сколь возможно лучшимъ освѣщеніемъ наиболѣе выдающихся для описываемыхъ мѣстностей особенностей.**

Учебный Географическій атласъ Э. Ю. Петри

въ I, II, III и VI изд. (нынѣ исправл. и дополн.) былъ:

I. **Допущенъ Учен. Ком. М. Н. П.**—въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній. II. **Рекомендованъ Уч. Ком. Вѣд. Учр. Императрицы Маріи**—какъ пособіе при преподаваніи географіи въ средн. уч. заведеніяхъ. III. **Рекомендованъ Гл. Упр. военно-учебн. завед.**—какъ полезное пособіе для преподаванія географіи въ кад. корпусахъ. IV. **Одобренъ учил. Совѣтомъ при Св. Синодѣ**—для пріобрѣтенія въ библіотеки второкл. и учит. церковно-приходскихъ школъ.

Цѣна АТЛАСА: 1) брошюрованн. экз. — 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; 2) въ папкѣ съ коленк. корешкомъ и углами — 2 р. 35 к., съ перес.— 2 р. 90 к.; 3) въ коленк. перепл. съ кожан. корешкомъ и металлич. углами—2 р. 60 к., съ перес.—3 р. 20 к.

УЧЕБНЫЕ ИСТОРИЧЕСКІЕ АТЛАСЫ

Барона Н. Н. ТОРНАУ.

1) Учебный историческій атласъ

(по Всеобщей Исторіи), въ 3-хъ отдѣльн. частяхъ: Ч. I. ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ. 25 картъ съ текстомъ и указ. 14 изд. Ц. въ папкѣ 60 к. Ч. II. СРЕДНЯЯ ИСТОРІЯ. 29 картъ съ текстомъ и указ. 11 изд. Ц. въ папкѣ 60 к. Ч. III. НОВАЯ ИСТОРІЯ. 23 карты съ текстомъ и указ. 9 изд. Ц. въ папкѣ 55 к.

2) Учебный атласъ

(по Русской Исторіи). 29 картъ. Одиннадцатое изданіе.

Цѣна въ папкѣ 75 коп.

Выписывающіе отдѣльные атласы прилагаютъ за пересылку заказною бандер.: за 1 экз. 15 к., за 2 экз. 25 коп., за 3 экз. 35 к. и за 4 экз. 40 к.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО НЕБУ

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО

къ астрономическимъ наблюденіямъ невооруженнымъ глазомъ и малой трубой.

Соч. **К. Д. ПОКРОВСКАГО,** астронома-наблюдателя Юрьевск. Универс. **3-е изданіе. Съ 5 картами звѣзднаго неба, картой луны, 2 хромолитограф. (карта Марса и полное лунное затменіе) и 110 рисунками.**

„Для общаго знакомства съ безчисленными чудесами неба,— какъ говоритъ авторъ въ предисловіи,—нѣтъ нужды въ огромныхъ, могущественныхъ телескопахъ. Небольшой, сравнительно, обыкновенной любительской трубы совершенно достаточно, чтобы получить высокое эстетическое наслажденіе“... „Можно съ пользой поработать и для науки. Астрономія не разъ пользовалась услугами любителей“...

Учен. Ком. М. Н. П. первое изданіе рекомендовано для библіотекъ основныхъ и ученич., старшаго возраста, всѣхъ средн. учебн. завед., а также для подарковъ ученикамъ. За второе изданіе автору присуждены: ПРЕМІЯ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА отъ Русскаго Астрономическаго Общества и малая ПРЕМІЯ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Книга издана очень изящно, на превосх. бумагѣ въ 8 д. л., 314 стр.

Цѣна **2** р., съ перес. **2** р. **50** к.; въ коленкор. перепл. **2** р. **75** к., съ перес. **3** р. **25** к.

А. Ф. МАРКСЪ.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ И СТАТИСТИЧЕСКІЙ КАРМАННЫЙ АТЛАСЪ РОССІИ.

17 географич. картъ, 29 діаграммъ, въ нѣсколько красокъ, и множество статистическихъ таблицъ на 172 страницахъ.

Уч. Ком. М. Н. Пр. изданіе это внесено въ списокъ сочиненій, заслуживающихъ вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіот.

Цѣна атласа въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ВСЕОБЩІЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ И СТАТИСТИЧЕСКІЙ КАРМАННЫЙ АТЛАСЪ

проф. А. Л. Гикмана и А. Ф. Маркса, состоящій изъ **68 табл. съ карт. и діагр.** и изъ **74 стр. объяснит. текста.** СПБ. 1908.

3-е изданіе, значительно исправленное и дополненное.

Графическія таблицы атласа наглядно и ясно указываютъ сразу, путемъ разныхъ красокъ и разной величины линій, квадратовъ и круговъ,—размѣры искомыхъ данныхъ и ихъ соотношенія, объяснительный же текстъ, какъ нельзя лучше, содѣйствуетъ систематическому усвоенію содержанія картъ и діагр. Атласъ допущенъ М. Нар. Пр., Учебн. Ком. Мин. Фин. и рекомендованъ Гл. Упр. Военно-учебн. заведеній.

ЦѢНА атласа въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 2 руб., съ перес. 2 р. 30 к.

Я. И. РУДНЕВЪ,

директ. СПБ. гимназіи Имп. Петра Великаго, бывшій директ. Гатчинской учит. семинаріи.

1) УЧЕБНИКЪ ГЕОГРАФІИ

для народн. школъ съ 3-хъ и 4-хъ годичн. курсомъ.

Изданіе 4-е, исправленное.

Родиновѣдѣніе. Краткій обзоръ земного шара, частей свѣта и Россіи.—Приложеніе: Картины русск. прир. и жизни людей. Курсъ младш. возр.

Съ картами и многими рис. въ текстѣ. Въ 1-мъ изд. учебникъ **допущенъ:** 1) Уч. Ком. М. Н. П. въ качествѣ класснаго пособія для начальн. школъ. 2) Учил. Сов. при Св. Синодѣ въ библ. церковн. школъ. Цѣна **40** к., съ перес. **60** к.

2) Краткое руководство по МЕТОДИКѢ ГЕОГРАФІИ.

Для учительск. семинарій и школъ, педагогич. классовъ женск. гимн. и епархіальн. женск. училищъ.

Изданіе 4-е, исправленное и дополненное.

1-е изд. допущено Уч. Ком. М. Н. Пр. въ библ. учит. семин. и низш. учебн. завед., Уч. Сов. при Св. Синодѣ одобрено какъ пособіе для второклассн. и церк.-учит. школъ. Цѣна **50** к., съ пер. **70** к.

3) О ПРЕПОДАВАНІИ ГЕОГРАФІИ ВЪ НАЧ. ШКОЛѢ.

2-е изданіе. Учен. Ком. М. Н. Пр. допущено въ библ. учительск. семинарій и низшихъ учебн. заведеній. Цѣна **20** к., съ перес. **30** к.

4) ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ КУРСЪ МАТЕМАТИЧЕСК. ГЕОГРАФІИ.

Руководство для учит. семинарій. Пособіе для 4-хъ классн. гор. уч., двухклассн. сельск. училищъ и церковно-прих. школъ. Уч. Сов. при Св. Синодѣ допущено въ качествѣ пособія при преп. географіи для второклассн. и церковно-учит. школъ. 2-е изд. Цѣна **35** к., съ перес. **50** к.

ЗВѢЗДНЫЙ АТЛАСЪ

для всеобщаго ознакомленія съ небомъ и систематическихъ наблюденій.

13 картъ, 2 табл. и 15 сѣтокъ. Съ объяснит. текст. и 5-ю рис.-изображ. созвѣздій.

К. Д. ПОКРОВСКАГО, астронома-наблюдателя Императ. Юрьевскаго Университета.

2-ое изданіе.

Цѣль „Атласа“ — служить пособіемъ, съ одной стороны, для общаго и болѣе подробнаго изученія неба, а съ другой — для организаціи систематическихъ наблюденій астрономическихъ явленій, — наблюденій, доступныхъ каждому любителю. Къ картамъ приложены отдѣльно сѣтки, настолько частыя, что на нихъ возможно дѣлать отчеты до долей градуса.

Изящное изданіе, на превосходной бумагѣ.

ЦѢНА атласа въ прочной папкѣ **3 р. 50 к.,** съ перес. **4 руб.**

Требованія и деньги просимъ адресовать **въ Контору изданій Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, С.-Петербургъ, ул. Гоголя, № 22.** Изданія эти имѣются также въ конторѣ Н. Н. Печковской въ Москвѣ (Петровскія линіи), въ кн. магазинѣ „Образованіе“ въ Одессѣ (Дерибасовская, 18) и во всѣхъ больш. книжн. магазинахъ.

Библиотека "Руниверс"

Главная Контора и редакція: С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г. № 34.

XLV г. изданія

Выданъ 23 августа 1914 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ страп. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Э. Ростана“ кн. 4.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1914 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложеніями: Безъ дост. въ СПБ. 6 р. 50 к., съ дост. 7 р. 50 к.; съ пересылкой по всей Россіи: на годъ 8 р., на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Питомникъ И. С. Балабанова. Почт. адр. г. **Короча,** Курской губ. **Пониженныя цѣны!** Большой запасъ **Антоновки и Любской вишни.** Полнокронныя деревца съ сильными корнями. Привиты отъ плодоносящихъ деревьевъ въ собственныхъ садахъ. Кустовыя яблони на невымерзающихъ дичкахъ **сибирской ягодной.** Дички яблонь, грушъ, вишенъ. (Образцы безпл.). Треб. каталогъ. 3218

ФЛАЖКИ

всѣхъ воюющихъ государствъ, комплектъ 100 флажковъ на булав. для накал. на карту цѣна 50 коп., съ перес. нал. плат. 75 коп. Книжный складъ

Н. Н. ХАРИТОНОВА,
СПБ., Казанская ул., 33/5. 3222

ФОТОграфическіе снимки Испанскихъ и Французскихъ красавицъ. Русск. каталогъ 40 коп. почт. марками: Gennert, Calle Padua Barcelona (Испанія). 2999 12-11

Состоящіе въ вѣдѣніи Мин. Торг. и Промышл.
КУРСЫ бухгалтеріи М. Л. Гурвича.
3191 **Симферополь (КРЫМЪ).** 4-4
Начало зан. 1-го сентября. Програм. безплат.

100 ш. 5 р. портр. Государей и военныя событія въ открытыхъ письмахъ высылаетъ налож. плат. Изд—во Д. Хромовъ и М. Бахрахъ. Москва, Покровка, д. 2. 3220 **50 ш. 3 р.**

ХУДОБУ, страшное малокровіе, безсиліе и ужасн. недуги наборъ майскихъ травъ удаляетъ навсегда. Тысячи благодарн.: 3 года жена моя А. Чижова, Балаханы, еле двигала ноги и въ мѣсяцъ выздоровѣла и пополнѣла. Гольдштейнъ въ Самарѣ: страдая 27 л., майскія травы дали мнѣ жизнен. энергію, полноту и новыя силы. Пишите: МОСКВА, изобрѣтателю
П. МЕНЗЕЛИНЦЕВУ.
2928 6-6

Новое изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, СПБ., ул. Гоголя, 22.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

КАРТА

СРЕДНЕ-ЕВРОПЕЙСКАГО

ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

(Россія, Франція, Англія, Бельгія, Австро-Венгрія и Германія), печатанная шестью красками, размѣромъ 82×120 сантиметровъ. Въ масштабѣ 1 : 2.100.000 (50 верстъ въ дюймѣ).

Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ.

Подъ редакціей проф. **Ю. М. ШОКАЛЬСКАГО.**

Цѣна съ пересылкою одинъ рубль.

Требованія и деньги просимъ адресовать въ Контору изданій Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22. Изданіе это имѣется также въ конторѣ Н. Н. Печковской въ Москвѣ (Петровскія линіи), въ кн. магазинѣ „Образованіе“ въ Одессѣ (Дерибасовская, 18) и во всѣхъ больш. книжн. магазинахъ.

ИСТОЩЕНІЕ

и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Спермином-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

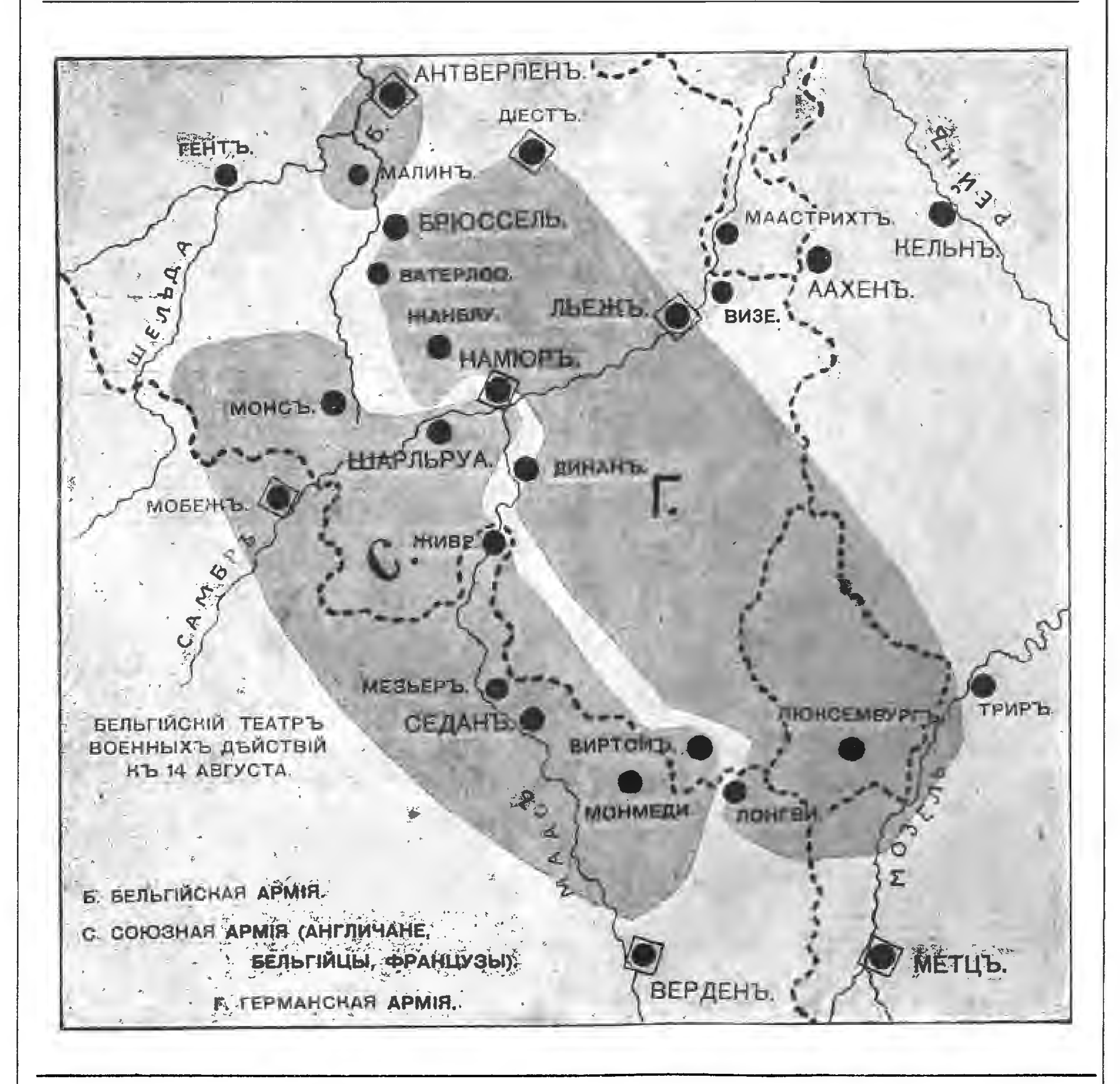
Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья. С.П.Б.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

РАДІОАКТИВНЫЙ ИСТОЧНИКЪ **„РЯБОВО“** УГЛЕКИСЛАЯ КЛЮЧЕВАЯ СТОЛОВАЯ **ВОДА.** Главный Представитель: **А. Дерингеръ, Царское Село.** Складъ: **С.-Петербургъ,** Перевозная, 8. Тел. 503-36.

Библиотека "Руниверс"



Отклики войны.

Рѣчь англійскаго короля къ войскамъ.

Передъ уходомъ войскъ король обратился къ нимъ со слѣдующимъ посланіемъ: «Вы покидаете родину, чтобы биться за безопасность и честь нашей имперія. На Бельгію, которую мы обязались защищать, совершено нападеніе, и Франція грозитъ нашествіе того же самаго могущественнаго врага. Я имѣю полное довѣріе къ вамъ, мои солдаты. Вашъ лозунгъ—долгъ, и я знаю, что вашъ долгъ вы исполните благородно. Съ самымъ глубокимъ интересомъ я буду слѣдить за каждымъ вашимъ движеніемъ и съ величайшимъ удовлетвореніемъ отмѣчать каждый день ваши успѣхи. Мысль моя будетъ всегда о вашемъ благополучіи. Я прошу Бога благословить и сохранить васъ и позволить вамъ вернуться побѣдителями».

Манифестъ о войнѣ съ Германіей императора Японіи.

«Мы, милостью неба императоръ Японіи, возсѣдающій на престолѣ, занимаемомъ одной и той же династіей съ незапамятныхъ временъ, симъ объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрнымъ и храбрымъ подданнымъ:

Симъ мы объявляемъ войну Германіи и повелѣваемъ нашимъ арміи и флоту открыть военныя дѣйствія противъ сей имперіи со всей ихъ мощью; мы повелѣваемъ также всѣмъ подлежащимъ властямъ приложить все рвеніе при исполненіи ихъ обязанностей для достиженія національной цѣли въ предѣлахъ международныхъ законовъ.

Съ возникновеніемъ настоящей войны въ Европѣ, на бѣдственныя послѣдствія которой мы взираемъ съ великимъ прискорбіемъ, мы, съ своей стороны, питали надежду сохранить миръ на Дальнемъ Востокѣ, соблюдая строгій нейтралитетъ. Но дѣйствія Германіи въ концѣ концовъ побудили союзную намъ Великобританію начать противъ этого государства военныя дѣйствія. Германія же, съ своей стороны, принимаетъ въ Кіао-Чао, арендуемомъ у Китая, спѣшныя военныя приготовленія, а ея вооруженные корабли, крейсирующіе въ водахъ восточной Азіи, угрожаютъ нашей торговлѣ и торговлѣ нашей союзницы. Миръ на Дальнемъ Востокѣ подвергся такимъ образомъ опасности. Въ силу сего наше правительство и правительство Великобританіи, послѣ всесторонняго и искренняго обмѣна мыслей другъ съ другомъ, согласились принять мѣры, необходимыя для обезпеченія нашихъ общихъ интересовъ, предусмотрѣнныхъ союзными договорами. Мы же, стремясь достигнуть этой цѣли мирными средствами, повелѣли нашему правительству преподать императорскому германскому правительству искренній совѣтъ. Но въ послѣдній назначенный для сего день наше правительство не получило отвѣта, принимающаго нашъ совѣтъ. И вотъ съ глубокою скорбью мы, невзирая на всю нашу горячую преданность дѣлу мира, были вынуждены объявить войну, особо прискорбную для насъ при началѣ нашего царствованія и когда мы находимся въ траурѣ по нашей возлюбленной матери. Мы глубоко желаемъ, чтобы благодаря преданности долгу и отвагѣ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ миръ былъ въ скоромъ времени возстановленъ и возсіяла слава имперія».

Султанъ марокскій противъ Германіи и Австріи.

Султанъ марокскій прервалъ дипломатическія сношенія съ Германіей и Австріей. По категорически выраженному желанію султана, представителямъ

Библиотека "Руниверс"

этихъ державъ въ Танжерѣ немедленно же были вручены паспорта, и имъ было предложено оставить предѣлы Марокко. Въ тотъ же день австрійскіе и германскіе дипломатическіе представители при дворѣ султана силою были посажены въ Танжерѣ на французскій корабль.

Бельгійскій король на войнѣ.

Французскіе солдаты, видѣвшіе бельгійскаго короля Альберта, разсказываютъ о немъ слѣдующее: «Бельгійскій король, проѣзжая по линіи аванпостовъ, не приказалъ встрѣчать себя обычнымъ торжественным способомъ и привѣтственными криками. Подъѣзжая къ отрядамъ, король выходитъ изъ своего автомобиля и пожимаетъ руки офицерамъ и солдатамъ, называя ихъ товарищами. Король охотно принималъ отъ солдатъ письма для отправки ихъ по назначенію».

Приказъ англійскаго военнаго министра лорда Китченера.

Лордъ Китченеръ издалъ слѣдующій приказъ по экспедиціонной арміи:

«Вы посланы за границу, какъ солдаты короля, для оказанія помощи французскимъ товарищамъ противъ вторженія общаго врага. Вамъ предстоитъ задача, которая потребуетъ напряженія всей вашей храбрости, энергіи и терпѣнія. Помните, что честь британской арміи зависитъ отъ поведенія каждаго изъ васъ. Вашъ долгъ не только служить примѣромъ дисциплины и стойкости подъ огнемъ, но также поддерживать самыя дружескія отношенія съ тѣми, кому вы помогаете въ борьбѣ. Военныя дѣйствія, въ которыхъ вы будете участвовать, будутъ имѣть мѣсто въ дружественной странѣ, и вы не сможете оказать вашей родинѣ большей услуги, какъ проявивъ себя во Франціи и Бельгіи достойнымъ британскаго солдата. Будьте неизмѣнно учтивы, внимательны, доброжелательны къ населенію, не дѣлайте ничего, что могло бы нанести ущербъ чужой собственности или уничтожить ее, смотрите на мародерство, какъ на дѣйствіе безчестное, и вы можете быть увѣрены, что васъ встрѣтятъ радушно и съ довѣріемъ. Ваше поведеніе должно вызвать и радушіе и довѣріе. Вы не сможете исполнить вашъ долгъ, если не будете пользоваться крѣпкимъ здоровьемъ. Поэтому удерживайтесь всегда отъ излишествъ. Вы встрѣтите на своемъ пути искушенія въ видѣ вина и женщинъ, воздерживайтесь отъ обоихъ искушеній. Обращайтесь вѣжливо съ женщинами, но избѣгайте близости съ ними. Исполняйте вашъ долгъ, бойтесь Бога и почитайте короля».

Геройскій подвигъ донского казака Крючкова.

Находясь вмѣстѣ съ четырьмя своими товарищами въ развѣдкѣ, онъ замѣтилъ нѣмецкій разъѣздъ въ 22 всадника. Выждавъ время, донской казакъ Козьма Крючковъ съ гикомъ бросился на непріятеля и, сидя на хорошемъ рѣзвомъ конѣ, раньше всѣхъ врѣзался въ сбившихся въ кучу нѣмецкихъ кавалеристовъ.

Ловко владѣя шашкой, вертясь волчкомъ среди враговъ, онъ первымъ ударомъ свалилъ офицера, начальника разъѣзда, а затѣмъ, несмотря на полученныя раны, продолжалъ рубить направо и налѣво. Когда у него, уже слабѣющаго отъ ранъ, выбили изъ рукъ шашку, онъ вырвалъ у кого-то пику и, то защищаясь, то нанося ею удары, продолжалъ этотъ неравный бой. Подоспѣвшіе товарищи съ неменьшимъ натискомъ обрушились на многочисленныхъ противниковъ Козьмы Крючкова и послѣ непродолжительнаго боя обратили немногихъ оставшихся въ живыхъ въ бѣгство. Сильно израненнаго героя товарищи казаки безъ всякой помѣхи доставили на мѣсто стоянки своей сотни.

Подвигъ священника.

Волынскій архіепископъ Евлогій выразилъ благодарность священнику села Мервы, Дубенскаго уѣзда, Іосифу Уловичу, воодушевлявшему взволнованную паству и служившему молебенъ о дарованіи побѣды 26-го іюля въ церкви, въ 70 шагахъ отъ боя, сообщилъ о геройскомъ поступкѣ пастыря военному начальству.

Всеподданнѣйшая телеграмма Совѣта Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

Ваше Императорское Величество!

Для Россіи настали дни великихъ испытаній, и всѣ народы русскаго государства, всѣ слои общества слились въ одномъ патріотическомъ порывѣ, готовые на подвиги и жертвы для спасенія нашей родины отъ грозящей ей опасности.

Вѣрьте, Великій Государь, что въ этотъ рѣшительный часъ нашего историческаго бытія Вашъ Петербургскій университетъ горитъ одинаковымъ съ Вашимъ народомъ стремленіемъ посвятить всѣ свои силы на служеніе Вамъ и Отечеству.

Уже въ настоящее время служа своими помѣщеніями русскому войску, онъ и впредь готовъ отдать всѣ средства, находящіяся въ его распоряженіи, дѣлу государственной обороны и помощи страждущимъ отъ навязанной намъ войны.

Горячо молимся, да пошлетъ Господь побѣду Вашему, Государь, оружію, дружно поднятому въ защиту Святой Руси и всего славянства.

Воззваніе къ крестьянамъ.

Московскій губернаторъ обратился къ сельскому населенію Московской губерніи со слѣдующимъ объявленіемъ:

«Во все время, пока длится война, будутъ обезпечены казеннымъ пособіемъ семьи призванныхъ въ ряды войскъ.

Но не подъ силу женамъ ушедшихъ защищать родину, ихъ дѣтямъ и отцамъ вспахать поле и засѣять его. Не на комъ вспахать поле и привезти домой урожай тѣмъ, чьи лошади взяты для надобности войны. И тѣмъ и другимъ на помощь должны прійти либо сосѣдъ, либо весь міръ.

Съ Божіею помощью мы одолѣемъ врага, потому что за насъ не только сила, но и правда.

Но чтобы война не ослабила нашей родины, намъ, не призваннымъ подъ Царскія знамена, надо работать не только за себя, но и за ушедшихъ.

Въ эту тяжкую годину, когда наши воины пошли проливать свою кровь за вѣру, Царя и отечество, выполнимъ ихъ домашнюю работу. Пусть каждый работаетъ за двоихъ: за себя и за ушедшаго. Пусть нивы русской земли не оскудѣютъ, какъ не оскудѣла она героями и добрыми людьми!

Съ Божіею помощью, вѣрою въ побѣду надъ врагомъ и надеждою на скорое возвращеніе нашихъ доблестныхъ воиновъ приступите къ вашему святому долгу передъ родиною. Обсудите на сходахъ, кто изъ покинутыхъ своими кормильцами въ чемъ нуждается и какъ имъ помочь,—всѣмъ міромъ вспашите и засѣйте поля ушедшихъ, уберите хлѣба обезлошаденныхъ.

Въ сомнѣніяхъ обращайтесь къ своимъ земскимъ начальникамъ, и они окажутъ вамъ всяческое содѣйствіе.

Да поможетъ намъ Господь!».

Письма въ армію.

Въ видахъ обезпеченія правильной пересылки почтовыхъ отправленій и телеграммъ въ дѣйствующую армію, главное управленіе почтъ и телеграфовъ, по соглашенію съ главнымъ управленіемъ генеральнаго штаба, признало соотвѣтственнымъ установить съ 29-го сего іюля слѣдующій порядокъ адресованія, направленія и пересылки почтовыхъ отправленій и телеграммъ: 1) въ адресахъ телеграммъ и почтовыхъ отправленій въ дѣйствующую армію надлежитъ указывать только чинъ, имя, отчество и фамилію адресата, а также наименованіе части или учрежденія, въ которомъ адресатъ служитъ; 2) обозначеніе на письмахъ и телеграммахъ мѣста расположенія частей войскъ или войсковыхъ учрежденій воспрещается; письма и телеграммы съ указаніемъ мѣстъ нахожденія войсковой части или учрежденія вовсе не будутъ отправляемы; 3) простыя письма вѣсомъ до 30-ти граммовъ ($2^1/_3$ лота), а равно почтовыя карточки пересылаются на имя чиновъ арміи и состоящихъ при ней учрежденій безплатно.

Письма во флотъ.

Главный Морской Штабъ проситъ сообщить, что всю корреспонденцію на имя офицеровъ и командъ судовъ балтійскаго флота слѣдуетъ направлять въ Ревель, начальнику района службы связи, для передачи такому-то.

Просьбы объ освобожденіи отъ военной службы.

Въ Главное Управленіе Генеральнаго Штаба поступаетъ масса телеграфныхъ съ оплаченнымъ отвѣтомъ ходатайствъ и просьбъ объ освобожденіи отъ службы призванныхъ при мобилизаціи лицъ, о предоставленіи имъ отсрочекъ и другихъ льготъ, а равно съ различными другими разъясненіями.

Отвѣчать на каждый изъ такихъ запросовъ Главное Управленіе Генеральнаго Штаба вслѣдствіе значительныхъ лежащихъ на немъ работъ не имѣетъ никакой возможности, о чемъ и считаетъ нужнымъ оповѣстить путемъ печати, тѣмъ болѣе, что для принятыхъ на дѣйствительную службу существуетъ установленный закономъ порядокъ выясненія своихъ правъ, почему просьбы за нихъ родственниковъ подлежатъ оставленію безъ разсмотрѣнія.

Не разглашайте военной тайны.

Военное вѣдомство принимаетъ всѣ мѣры для надлежащаго упорядоченія доставки корреспонденціи въ армію и обратно, но громадное число войсковыхъ частей и учрежденій, въ кои корреспонденція направляется, при полной недопустимости указанія пунктовъ нахожденія адресатовъ, при неизбѣжномъ перемѣщеніи войсковыхъ единицъ, дѣлаетъ всю эту операцію крайне громоздкой, почему, какъ это ни желательно, доставка корреспонденціи, въ особенности первое время, будетъ происходить съ нѣкоторыми опозданіями. На ряду съ этимъ корреспонденція изъ арміи, сдаваемая въ полевыя конторы и мѣстныя почтовыя учрежденія, не требующая для отправленія по назначенію тѣхъ мѣропріятій, какъ направляемая въ армію, доставляется на общемъ основаніи въ зависимости хода почтовыхъ поѣздовъ. Военное Вѣдомство обращается съ покорнѣйшей просьбой къ роднымъ и родственникамъ, получающимъ корреспонденцію изъ арміи и знающимъ мѣстонахожденіе частей или учрежденій арміи, не разглашать этихъ свѣдѣній, составляющихъ самую серьезную военную тайну.

Право чиновъ арміи и флота, запасныхъ и ополченцевъ отказаться отъ квартирныхъ контрактовъ.

Въ виду обстоятельствъ военнаго времени Высочайше повелѣно:

Всѣмъ чинамъ военнаго и морского вѣдомства, какъ состоящимъ на дѣйствительной службѣ, такъ и призваннымъ на таковую изъ запаса или ополченія, или ихъ семействамъ, съ ними проживавшимъ, предоставить право отказаться отъ заключенныхъ ими по найму квартиръ договоровъ въ теченіе одного мѣсяца со дня воспослѣдованія распоряженія правительства или подлежащаго начальства, исполненіе коего препятствуетъ названнымъ чинамъ или ихъ семействамъ лично пользоваться нанятыми квартирами, съ тѣмъ, что указанные договоры почитаются нарушенными со дня фактическаго очищенія квартиры.

Помощь женъ офицеровъ.

По сообщенію газеты «Старый Владимірецъ», жена капитана одного изъ полковъ, знающая французскій и нѣмецкій языки, подала на Высочайшее Имя прошеніе о разрѣшеніи итти въ дѣйствующую армію въ качествѣ переводчицы. Отвѣтъ получился благопріятный, и женщина-воинъ отправилась на театръ военныхъ дѣйствій. Въ походъ она надѣла солдатскій костюмъ и остригла свои роскошные волосы.

Жена поручика, назначеннаго завѣдывать хозяйственной частью въ отрядѣ дѣйствующей арміи, съ Высочайшаго разрѣшенія отправилась на войну въ качествѣ помощницы своему мужу. Она надѣла костюмъ нижняго чина.

Библиотека "Руниверс"

XXXIII учебный годъ.

КУРСЫ РАПГОФЪ

съ Курсомъ Консерваторіи, Педагогическимъ Отд., Регентскими и Оперными Классами.

С.-Петербургъ, улица Гоголя, 7. Телеф. 60-82.

Подробныя условія и программы съ составомъ педагогическаго персонала выдаются (цѣна 10 коп.) у швейцара и высылаются по присылкѣ въ Канцелярію Курсовъ 14 коп. марками. Начало занятій 1-го сентября. Вступительные экзамены съ 26-го августа.

Директоръ Курсовъ: **Евг. Павл. РАПГОФЪ.** 8221

4179 **СБЕРЕЖЕНІЕ ДЕНЕГЪ** 8-3

труда и врем. Учитесь стенографіи. Хорош. зараб. Самоучитель Стенографія по сист. Габельсбергера, сост. В. Нечаевой, прод. во вс. кн. м. и на курсахъ. Ц. 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 50 к.—Москва, Страстной бул., 4.

Курсы Ст—іи Нечаевой, т. 133-74.

Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., ул. Гоголя, 22.

Данилевскій, Г. П. Общедоступная библіотека А. Ф. Маркса: № 1. „Историческіе разсказы“. № 2. „Украинскія сказки“. Цѣна каждой книги 30 к., съ перес. 40 к.

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, С.-Петербургъ, улица Гоголя, 22.

БОЛЬШОЙ ВСЕМІРНЫЙ НАСТОЛЬНЫЙ

Атласъ Маркса

подъ редакціей

Э. Ю. ПЕТРИ и Ю. М. ШОКАЛЬСКАГО.

2-ое пересмотрѣнное и дополненное изданіе,

состоящее изъ 62 главныхъ, 160 дополнительныхъ картъ и 17 фигуръ на 55 большихъ двойныхъ таблицахъ in folio. **Съ алфавитнымъ указателемъ всѣхъ (около 130.000) географическихъ названій, помѣщенныхъ въ Атласѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія.**

Въ каждой странѣ географическіе Атласы приспособлены для мѣстныхъ надобностей. почему мы и задались цѣлью дать такой же Атласъ, но обработанный съ русской точки зрѣнія и, воспользовавшись для иностранныхъ картъ оригиналами одного изъ лучшихъ европейскихъ Атласовъ, отвели первенствующее мѣсто въ Атласѣ картамъ Россіи. Карта Европейской Россіи въ масштабѣ 1:2.000.000 (или около 48 вер. въ дюймѣ), являющаяся подробнымъ и точнымъ изображеніемъ поверхности страны, значительно усовершенствована какъ въ техническомъ отношеніи, такъ и по своему содержанію, сравнительно съ первымъ изданіемъ. Все, что было сдѣлано въ Россіи новаго по картографіи страны за 4 года, протекшихъ отъ перваго изданія, принято во вниманіе, при чемъ использованы многіе матеріалы, еще не изданные ко времени печати карты.

На картѣ нанесены: *всѣ населенныя мѣста съ числомъ жителей до 1000 чел., форты, колодцы, пороги, водопады, болота, озера, минеральные источники и курорты, таможни, монастыри, желѣзныя, шоссейныя и почтовыя дороги, каналы, порты, маяки, почтовыя и телеграфныя станціи, телеграфные кабели, пароходные рейсы на моряхъ* и т. п.

Всѣ безъ исключенія карты Атласа, относящіяся къ другимъ странамъ, подверглись такому же изученію, исправленію и дополненію, какъ и карты Россіи. Кромѣ того добавлено два совершенно новыхъ листа: одинъ, дающій изображеніе разныхъ небесныхъ явленій, а другой—карту Сѣвернаго полярнаго пространства.

Цѣна Атласа—**15 руб.**, съ пересылкой (въ Европейской Россіи)—**16 руб.**; въ переплетѣ—**20 руб.**, съ пересылкой—**21 руб.**

Вѣд. Минист. Торг. и Промышл. С.-Петербургскіе

СЧЕТОВОДНЫЕ и КОНТОРСКІЕ КУРСЫ АБОЛТИНА

С.-Петербургъ, Подольская, 2. Тел. 473-19 и 456-39.

Отдѣленія: обще-бухгалт., спеціально-бухгалт., стенографическое (корр. и парламентск. курсъ), нѣмецк. яз. и корреспонд. По окончаніи аттестаты и самая широкая рекомендація на мѣста. **Начало занятій 15-го Сентября.** 3229

Министерство Торговли и Промышленности. **СЧЕТОВОДНЫЕ КУРСЫ Московскаго Общества Распространенія Коммерческаго Образованія.**

Открытъ пріемъ прошеній на основной и спеціальный семестры; начало занятій 9-го Сентября. Принимаются лица обоего пола, всякаго образованія. Слушатели Курсовъ имѣютъ право посѣщать эпизодическія лекціи, читаемыя **профессорами московскаго коммерческаго института**. На спеціальномъ семестрѣ преподаются: счетоводство фабричное, банковое, земское и кооперативное. Обученіе **каллиграфіи, стенографіи и работѣ на пишущихъ машинахъ**. Свѣдѣнія и программы высылаются за пять 2-хъ копеечн. марокъ, краткій проспектъ—безплатно. Адресъ Канцеляріи: Москва, Стремянный пер., помѣщ. Московскаго Коммерческаго Института. 6-5 3138

2168 6-5

ВОЙНА НЕ МѢШАЕТЪ РАБОТАТЬ.

На многочисленные запросы заинтересованныхъ лицъ сообщаемъ, что война не мѣшаетъ намъ работать:

КАКЪ ПРЕЖДЕ мы продаемъ наши быстровязальныя автоматическія машины **„Викторія“** по цѣнѣ Р. 100.—.

КАКЪ ПРЕЖДЕ всякій, купившій машину, становится нашимъ сотрудникомъ.

КАКЪ ПРЕЖДЕ мы платимъ за работу дюжины паръ чулокъ или носковъ нашимъ сотрудникамъ по Р. 1.50.

КАКЪ ПРЕЖДЕ наши сотрудники зарабатываютъ ежемѣсячно Р. 50.— и болѣе. 3219 2-2

Машины и разнообразная пряжа въ большомъ запасѣ на складѣ.

Подробности по первому требованію безплатно.

Товарищество Вязальныхъ Машинъ ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ КЮНАУ и Ко (Лондонъ, E. C. 114 Leodenhall Street).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій, 40—42. Отд. 11 В. МОСКВА, Красныя ворота, д. Афремова. Отд. 11 В. Нижній-Новгородъ, Главный домъ, 68.

Отъ С.-Петербургскаго Городского Общественнаго Управленія.

ГРАЖДАНЕ!

Великіе страдные дни переживаетъ нынѣ Россія.

Родина наша, такъ искренно желавшая мирнаго и спокойнаго развитія, неожиданно подверглась вооруженному нападенію врага.

Какъ одинъ человѣкъ родная страна, безъ различія состояній, народностей и партій,—воспрянула на защиту своей державной чести и своего государственнаго достоянія.

Твердо вѣримъ, что такой подъемъ народныхъ силъ и полное ихъ единеніе дадутъ успѣхъ въ справедливомъ нашемъ дѣлѣ.

Вся Россія слилась съ своей арміей въ одномъ непреодолимомъ желаніи побѣды надъ врагомъ, и пусть защитники родины знаютъ, съ какою вѣрою и любовію великая страна на нихъ взираетъ.

Но одного сочувствія мало. Помощь странѣ въ переживаемое трудное время должны оказывать не только вооруженная сила, но и всѣ граждане.

Мы прежде всего обязаны всемѣрно позаботиться о томъ, чтобы семьи ушедшихъ на военную службу не остались въ нуждѣ и нищетѣ, а раненые и больные воины нашли въ столицѣ лѣченіе и помощь.

Городская Дума главное руководство въ дѣлѣ сбора и распредѣленія пожертвованій на военныя нужды поручила особо избранному Комитету изъ 21 гласнаго подъ предсѣдательствомъ Городского Головы.

Комитетъ можетъ выполнить свои обязанности, только опираясь на все населеніе Петербурга, которое и призываетъ къ содѣйствію.

Комитетъ находится въ зданіи Городской Думы и имѣетъ дежурство для всякаго рода объясненій и пріема пожертвованій ежедневно отъ 11 до 2 часовъ дня.

Кромѣ Комитета, забота о семействахъ запасныхъ нижнихъ чиновъ возложена городомъ на Городскія Попечительства о бѣдныхъ.

Пусть каждый изъ Васъ пожертвуетъ хоть что-либо.

Жертвуйте не только деньгами, но и вещами, припасами и топливомъ. Не стѣсняйтесь количествомъ. Жертвуйте личнымъ безплатнымъ трудомъ — всегда найдется работа.

Если кто изъ Васъ можетъ пріютить у себя осиротѣлую семью или предоставить городу для военныхъ надобностей безплатное помѣщеніе — заявляйте объ этомъ либо въ Комитетъ, либо въ мѣстное попечительство.

Помните, что, кромѣ заботы о семьяхъ нижнихъ чиновъ, на городѣ, а слѣдовательно и на Васъ, граждане, лежитъ обязанность приготовить все необходимое для помѣщенія, быть-можетъ, весьма значительнаго числа раненыхъ и больныхъ воиновъ.

Помогите городу Вашими силами и средствами въ исполненіи этой священной обязанности.

Грозные настали дни. Духъ Божій проносится надъ нивою жизни и будитъ совѣсть каждаго. 3211

Да успокоится же совѣсть Ваша сознаніемъ исполненнаго долга.

Помогите братьямъ, сражающимся за Васъ.

ПОЖЕРТВОВАНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ:

1) Въ Городской Думѣ, въ помѣщеніи Комитета,

2) Въ мѣстныхъ Городскихъ Попечительствахъ и

3) Въ банкахъ и учрежденіяхъ, списокъ которыхъ будетъ указанъ дополнительно.

Библиотека "Руниверс"

НИВА № 34
23 Августа 1914 г.

Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай II. Его Императорское Величество Король Великобританіи и Ирландіи, Императоръ Индіи Георгъ V. Его Королевское Величество Король бельгійскій Альбертъ I.

Августѣйшіе Братья по оружію.

Библиотека "Руниверс"

Гг. подписчиковъ „Нивы", находящихся въ районахъ военныхъ дѣйствій, или выбывающихъ въ таковые районы,

Контора журнала проситъ, во избѣжаніе пропажи нумеровъ, **извѣщать во-время о перемѣнѣ адреса. Лица, не имѣющія возможности теперь же указать новый адресъ, благоволятъ довести объ этомъ до свѣдѣнія Конторы для временной пріостановки имъ высылки журнала впредь до сообщенія адреса.**

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **28 коп.** и **печатный адресъ.**

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Эдмонда Ростана" кн. 4.

Рѣчь Государя Императора

представителямъ дворянства, города, земства и купечества, произнесенная въ Москвѣ, въ Большомъ Кремлевскомъ Дворцѣ, 5 августа с. г.

„Въ часъ военной грозы, такъ внезапно и вопреки Моимъ намѣреніямъ, надвинувшейся на миролюбивый народъ Мой, Я, по обычаю Державныхъ Предковъ, ищу укрѣпленія душевныхъ силъ въ молитвѣ у святынь московскихъ. Въ стѣнахъ древняго Московскаго Кремля, въ лицѣ вашемъ, жители дорогой Мнѣ Первопрестольной Москвы, Я привѣтствую весь вѣрный Мнѣ русскій народъ, повсюду—и на мѣстахъ, въ Государственной Думѣ, и въ Государственномъ Совѣтѣ—единодушно откликнувшійся на Мой призывъ встать дружно всей Россіей, откинувъ распри, на защиту родной земли славянства. Въ могучемъ всеобщемъ порывѣ слились воедино всѣ безъ различія племена и народности великой Имперіи Нашей, и вмѣстѣ со Мной никогда не забудетъ этихъ историческихъ дней Россія. Такое единеніе Моихъ чувствъ и мыслей со всѣмъ Моимъ народомъ даетъ Мнѣ глубокое утѣшеніе и спокойную увѣренность въ будущемъ. Отсюда, изъ сердца Русской Земли, Я шлю доблестнымъ войскамъ моимъ и мужественнымъ иноземнымъ союзникамъ, заодно съ Нами поднявшимся за попранныя начала мира и правды, горячій привѣтъ! Съ нами Богъ!"

На пути слѣдованія Ихъ Величествъ у городской думы.—Ихъ Императорскія Величества при выходѣ изъ часовни Иверской Божіей Матери

Высочайшее посѣщеніе Москвы. По фот. С. Смирнова.

Библиотека "Руниверс"

Высочайшее шествіе изъ Успенскаго собора въ Николаевскій дворецъ.

Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Θеодоровна съ Августѣйшими Дочерьми и Ея Императорскимъ Высочествомъ Великой Княгиней Елисаветой Θеодоровной, посѣтившіе Солдатенковскую больницу 7 августа с. г. По фот. К. Фишера.

Высочайшее посѣщеніе Москвы. По фот. С. Смирнова.

Библиотека "Руниверс"

Великая европейская война.

(Хроника военныхъ дѣйствій).

Болѣе или менѣе рѣшительныя событія на театрѣ военныхъ дѣйствій начались несравненно скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. Сосредоточеніе огромныхъ армій прошло чрезвычайно быстро, и въ какія-нибудь 2—3 недѣли онѣ уже успѣли созрѣть для важныхъ операцій, которыя еще не рѣшаютъ вопроса о побѣдѣ, но несомнѣнно отразятся на всемъ дальнѣйшемъ ходѣ войны. Разсчитывая на медленность нашей мобилизаціи, Германія выставила на нашей границѣ только 6 корпусовъ, остальные же 20 корпусовъ бросила на Бельгію и Францію въ надеждѣ однимъ ударомъ сокрушить нашу союзницу и затѣмъ направить на насъ всѣ свои силы, перебросивъ побѣдоносные полки въ теченіе какой-нибудь недѣли съ запада на востокъ. Для того, чтобы выиграть время и по возможности помѣшать нашей мобилизаціи и сосредоточенію нашихъ силъ, германскіе корпуса должны были вторгнуться возможно глубже въ наши предѣлы, внести сумятицу высадкой дессанта на Балтійскомъ побережьѣ гдѣ-нибудь возможно ближе къ столицѣ и затѣмъ ужъ постепенно отступать подъ напоромъ нашей арміи до подхода разгромившихъ Францію корпусовъ.

Къ счастью для Европы, выполненіе нѣмецкаго плана оказалось неудачнымъ во всѣхъ его частяхъ. Вмѣсто того, чтобы пройти въ шесть дней Бельгію, армія генерала Эммиха потеряла двѣ недѣли подъ стѣнами Льежа и понесла рядъ опустошительныхъ пораженій по всей линіи первоначальнаго, плохо подготовленнаго, наступленія. Только тогда, когда маленькая Бельгія была затоплена полумилліонной арміей, бельгійцы, по соглашенію съ союзниками, сняли живой заслонъ своихъ полковъ и, не использовавъ для защиты холмистыхъ окрестностей Брюсселя изъ опасенія обхода, отвели свою армію въ огромный укрѣпленный лагерь Антверпена. Занятіе столицы нѣмцы отпраздновали, какъ побѣду, и тотчасъ же обложили Брюссель огромной контрибуціей въ 200 милліоновъ франковъ, но, въ сущности, никакой побѣды они не одержали, такъ какъ уступка незащищеннаго Брюсселя вызвана только стратегическими соображеніями. Бельгійская армія сдѣлала свое дѣло, блестяще исполнила назначеніе перваго заслона, подъ прикрытіемъ котораго безпрепятственно совершалось сосредоточеніе французскихъ силъ, и будетъ теперь висѣть за неприступными укрѣпленіями Антверпена, какъ угроза, въ тылу праваго фланга нѣмецкаго наступленія. Въ своемъ движеніи впередъ нѣмцы встрѣтятъ теперь живую стѣну французскихъ и англійскихъ штыковъ. Даже при необходимости оставить заслонъ противъ Антверпена численность нѣмецкихъ полчищъ на этомъ фронтѣ все-таки нѣсколько превышаетъ силы союзниковъ, но это преимущество нѣсколько уравновѣшивается возможностью использованія обороняющимися укрѣпленій Намюра и преимуществъ оборонительной тактики, позволяющей всюду вести бой изъ-за земляныхъ окоповъ.

Въ настоящую минуту сраженіе между главными силами нѣмцевъ и французовъ идетъ уже по всей линіи съ яснымъ перевѣсомъ счастья на сторонѣ обороняющихся. Имъ много помогла удачная диверсія генералиссимуса Жоффра въ видѣ вторженія въ Лотарингію, которое ставило французскій корпусъ въ тылу германскаго наступленія. Нѣмцы вытѣснили слабый отрядъ французовъ изъ Лотарингіи обратно почти къ самой границѣ, но для этого они были вынуждены отвлечь отъ главнаго театра военныхъ дѣйствій четыре или пять корпусовъ и ослабить свое численное преимущество. Французское вторженіе въ Эльзасъ не имѣло характера стратегической диверсіи и было поведено съ большими силами. Вынужденные первоначально уступить занятые слабыми отрядами Кольмаръ и Мюльгаузенъ подъ напоромъ двухъ германскихъ корпусовъ, французы сосредоточили затѣмъ здѣсь болѣе значительныя силы и послѣ рѣшительныхъ боевъ снова заняли и Кольмаръ и Мюльгаузенъ и оттѣснили нѣмцевъ къ самому Рейну. Однако рѣшающее значеніе для перваго періода войны имѣетъ исходъ сраженій не въ Эльзасѣ и не въ Лотарингіи, а на бельгійскомъ театрѣ войны по линіи расположенія нѣмецкихъ и англо-французскихъ войскъ. Повидимому, нѣкоторый перевѣсъ въ первыхъ бояхъ, особенно подъ Намюромъ, передовая линія котораго была взята атакующими, склоняется на сторону Германіи. Официальная реляція французскаго правительства говоритъ о неизбѣжности общаго отступленія французовъ и англичанъ не только въ Бельгіи, но также и въ Эльзасъ-Лотарингіи. Армія генерала Жоффра будетъ отступать на заранѣе подготовленныя позиціи, безпрерывно получая новыя подкрѣпленія. Для того, чтобы добраться до Парижа, представляющаго собою огромную крѣпость, обложеніе которой требуетъ милліонной арміи, нѣмцамъ потребуется огромный притокъ силъ и не менѣе трехъ мѣсяцевъ времени, но необходимость вести борьбу на восточномъ фронтѣ не дастъ имъ ни того ни другого.

Расчеты нѣмецкихъ стратеговъ на медлительность русской мобилизаціи тоже оказались совершенно ошибочными. Быстрый ходъ ея не позволилъ генералу Притвицу развить наступленіе на нашу границу. Занятіе Калиша, Ченстохова, Сувалокъ, Вержболова, Плоцка получило характеръ мимолетнаго набѣга. Русскія силы сами быстро перешли въ наступленіе и во многихъ пунктахъ вторглись въ территорію противника. Отбивъ Вержболово, они заняли Эйдкуненъ, разрушили кавалерійскими набѣгами питающія его желѣзнодорожныя линіи и съ самаго начала заложили здѣсь основу для прочнаго развитія своихъ удачныхъ наступательныхъ операцій. Послѣ троекратнаго отраженія усиленнаго нѣмецкаго наступленія на Эйдкуненъ мы сами перешли въ наступленіе и нанесли рѣшительное пораженіе тремъ германскимъ корпусамъ на широкомъ фронтѣ въ 40 верстъ. Въ разгаръ боя германцы пытались охватить нашъ правый флангъ и, съ цѣлью усилить обходныя колонны, ослабили свой центръ; но желѣзная стойкость праваго фланга позволила намъ благополучно выдержать бѣшеный натискъ, а рѣшительная атака на Гумбиненъ побѣдоносно прорвала германскій центръ.

Уже 4 августа потрясенный огромными потерями непріятель началъ общее отступленіе по всему фронту, оставляя намъ много плѣнныхъ, раненыхъ, пушекъ, пулеметовъ, боевыхъ запасовъ и провіантскихъ складовъ. Купленная кровавою цѣною блестящая побѣда при Гумбиненѣ имѣетъ огромное стратегическое значеніе. Она отдаетъ въ нашу власть всю восточную привислинскую Пруссію и открываетъ дорогу для движенія на западъ въ обходъ Мазурскихъ озеръ съ укрѣпленными перешейками. Разбитые германскіе корпуса лишились способности къ энергичному сопротивленію и спѣшно отходятъ на сѣверо-западъ, частью къ Кёнигсбергу; на поддержку имъ двинутъ данцигскій корпусъ, и даже, можетъ-быть, будутъ спѣшно двинуты тѣ имперскіе резервы изъ Лейпцига, Берлина и западной Германіи, которые должны были бы усилить наступленіе на Бельгію и Францію. Понятно, почему наша побѣда вызываетъ такую шумную радость у нашихъ союзниковъ. Ея стратегическое значеніе усиливается еще тѣмъ, что съ юга въ обходъ первой линіи тѣхъ же Леценскихъ озеръ изъ Ломжинской и Плоцкой губ. въ предѣлы германской территоріи вторглась другая русская армія, занявшая рядъ городовъ: Зольдау, Найденбургъ, Виленбергъ и Ортельсбургъ. Она идетъ наперерѣзъ отступленію разбитыхъ нѣмецкихъ войскъ, открываетъ для удара флангъ второй и третьей линій озерныхъ укрѣпленій и грозитъ отрѣзать сообщеніе всѣхъ нѣмецкихъ силъ восточной Пруссіи съ имперіей. Германскіе корпуса сжимаются съ двухъ сторонъ желѣзными тисками и будутъ вынуждены или спѣшно отступать, бросая всѣ свои, считавшіяся неприступными, укрѣпленія съ громадными складами оружія и провіанта, или же рисковать очутиться въ плѣну. Двойное наступленіе широкимъ фронтомъ въ сто верстъ, начавшееся уже на 17-й день со дня объявленія войны, угрожая въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи центру Германіи, страшно невыгодно отзовется на германскихъ операціяхъ западнаго фронта.

Одновременно мы очень удачно перешли въ наступленіе и противъ сѣверной части Австріи, открывающее пути для еще болѣе глубокихъ вторженій въ незащищенную со стороны Австріи германскую территорію въ тылъ и флангъ оборонительныхъ армій. До сихъ поръ сопротивляемость австрійскихъ войскъ въ рядѣ мелкихъ столкновеній была довольно слабой. Австрійцы легко отступаютъ и охотно сдаются въ плѣнъ. Трудно предположить, чтобы въ предстоящихъ болѣе крупныхъ бояхъ они обнаружили большую устойчивость. Объявленный въ Австріи призывъ къ поголовному ополченію увеличитъ, можетъ-быть, численность австрійской арміи, но не ея боевую мощь.

Какъ и предвидѣли спеціалисты, Австрія не способна оказать значительной поддержки Германіи. Уже въ первый же мѣсяцъ войны она понесла рѣшительныя пораженія отъ сербовъ въ районѣ Шабаца, между Дриной и Савой. Разгромъ австрійской арміи, потерявшей свыше 30.000 убитыми и ранеными, 5.000 плѣнными, около 100 орудій и до 40.000 ружей, множество боевыхъ припасовъ и даже полковыя кассы, былъ несравненно болѣе жестокій и полный, чѣмъ знаменитое пораженіе подъ Содовой.

Австрійской арміей командовалъ фельдмаршалъ Франкъ, сербской—воевода Путникъ, находившійся въ Крагуевацѣ.

Путникъ крайне скупъ на реляціи, и въ теченіе восьми дней онъ томилъ Сербію. Всѣ его донесенія правительству ограничивались одной фразой: „На театрѣ войны все благополучно".

Только на восьмой день онъ сообщилъ подробности боя, начавъ свое донесеніе такъ:

„Сербское войско одержало большую побѣду."

Взятіе штурмомъ Шабаца, это—уже начало конца. Знаменательно, что въ Шабацкомъ сраженіи участвовала только одна треть дѣйствующей сербской арміи. Остальныя части, еще нетронутыя огнемъ, готовы вступить въ австрійскіе предѣлы и защищать свою родину отъ всякихъ попытокъ со стороны Балканъ. Вмѣстѣ съ русской побѣдой при Гумбиненѣ сербская побѣда при Шабацѣ знаменуетъ собою благопріятный оборотъ начавшейся европейской борьбы въ пользу славянъ.

Библиотека "Руниверс"

Москва встрѣчаетъ Царя. У Кремля, на Красной площади. По фот. А. Савельева.

Библиотека "Руниверс"

Кто виноватъ?

Очеркъ **Н. Инсарова.**

Трудно предугадать, чѣмъ кончится война Германіи и Австріи со всей почти Европой и даже съ Японіей, но если опираться на логику вещей и событій, сравнить и подвести итоги, то нельзя не признать, что начавшаяся война грозитъ Австріи и Германіи чрезвычайными послѣдствіями. Уже подсчетъ количества армій и флотовъ, морского и воздушнаго, говоритъ самъ за себя.

Нѣмцы, конечно, какъ одинъ человѣкъ, станутъ въ ряды своей арміи и исполнятъ свой долгъ до конца, но у нихъ нѣтъ теперь того слiянія, того подъема, того окрыленія, которое несло ихъ по полямъ битвъ во времена Седана, Вёрта и Садовой. Ихъ встрѣтитъ теперь неисчислимый, многоплеменный врагъ, идущій во имя самообороны, во имя избавленія Европы отъ нѣмецкаго засилья, отъ грубаго попранія права и человѣчности, отъ вѣчной угрозы нарушенія мира и отъ постояннаго страха за свои владѣнія, къ которымъ простиралась безцеремонная рука изъ Берлина.

Но вся ли Германія такова? Всѣ ли нѣмцы только и думаютъ о безпредѣльномъ расширеніи своего отечества и о подчиненіи Пруссіи всѣхъ частей свѣта? Врядъ ли это такъ. Въ своей послѣдней статьѣ, озаглавленной: „Der Krieg“ („Война“), извѣстный журналистъ Максимиліанъ Гарденъ обращается къ благоразумнымъ, не потерявшимъ равновѣсія, нѣмцамъ. Онъ говоритъ, что теперь наиболѣе разумная и сознательная часть націи повторяетъ на всѣ лады: „Германія обезумѣла“. Но не слѣдуетъ отождествлять Германіи съ тѣми, кто руководитъ ея судьбой. Гарденъ предостерегаетъ Европу отъ такого умозаключенія и говоритъ, что это было бы огромной ошибкой, и послѣдствія этой ошибки могутъ отравить всю жизнь Европы на цѣлыя десятилѣтія.

„Германія не исчерпывается прусскимъ юнкерствомъ, взявшимъ надъ ней команду и готовымъ безоглядно вести ее къ пропасти. Есть Германія сознательная и разумная, умѣющая понять и оцѣнить положеніе. Ея голоса мы не слышимъ,—да и смѣетъ ли она его подать? Но подавить его въ своемъ сознаніи она не можетъ. Игра начата съ безумнымъ легкомысліемъ, и каждый новый шагъ свидѣтельствуетъ о немъ. Точно попавшій въ капканъ, ощетинившійся, дрожащій отъ безсильнаго бѣшенства, звѣрь, лязгающій зубами направо и налѣво, чуя въ каждомъ зрителѣ врага и поздно догадываясь о непоправимой бѣдѣ“.

Гарденъ недоумѣваетъ передъ тѣмъ, что̀ происходитъ сейчасъ въ Германіи, и, вглядываясь въ событія послѣднихъ дней, онъ съ грустью вопрошаетъ: „Неужели ослѣпленіе правящихъ круговъ Германіи такъ велико, что они не видятъ, что за рубежомъ все то, что̀ дѣлается въ Германіи, производитъ впечатлѣніе ряда оглушительныхъ нравственныхъ ударовъ? Неужели эти удары, — говоритъ онъ: — были предусмотрѣны, и на нихъ шли сознательно? Но тогда это какой-то неистовый порывъ безграничной самоувѣренности. Нѣмецкій народъ не сдѣлалъ бы этого безумнаго шага, если бы онъ не былъ загипнотизированъ, если бы ему не лгали, если бы его не обманывали и не дурачили. „Смотрите,—обращается онъ къ своимъ соотечественникамъ:—на то, что есть, а не на то, чѣмъ васъ морочатъ“. Зло смѣется талантливый публицистъ надъ всѣми, кто думаетъ, будто Россію, „выдержавшую татаръ и турокъ, Бонапарта и Наполеона“,—эту Россію, не изолированную за Байкаломъ, а стоящую въ замкнутой боевой линіи рядомъ со своими друзьями, можно „такъ вѣрно поразить въ сердце, что она будетъ обезсилена хотя бы на 10 лѣтъ“. „Неужели,—спрашиваетъ Гарденъ:—кто-нибудь считаетъ британцевъ настолько слѣпыми и ожидаетъ отъ нихъ, что они съ благоговѣйно сложенными руками останутся спокойно сидѣть въ своихъ клубныхъ креслахъ до тѣхъ поръ, пока ни одна континентальная держава и даже ни одинъ союзъ державъ не будетъ въ состояніи оспаривать господство нѣмецкой имперіи, чьи дредноуты скоро сравняются по числу съ англійскими, отъ чьей милости тогда будетъ зависѣть судьба Индіи?“

Германія обезумѣла, Германію толкаютъ въ пропасть, но „горе тому, кто игралъ такими высокими предметами и вмѣсто того, чтобы выяснить цѣль борьбы и значеніе ея, только услаждалъ свое тщеславіе!“ Кто же этотъ вдохновитель политики авантюръ, политики, не принимающей въ расчетъ дѣйствительныхъ интересовъ страны, а видимо тѣшащій свое личное тщеславіе? Конечно, тотъ, въ рукахъ котораго находятся по законамъ страны война и миръ, т.-е. императоръ Вильгельмъ II. Онъ бросилъ сейчасъ перчатку Европѣ, и бросилъ ее кичливо, легкомысленно и дерзко. Но бросить перчатку еще не значитъ выиграть поединокъ. Гарденъ говоритъ, что французы готовы обѣщать корону побѣдоносному вождю. А побѣжденный Гогенцоллернъ — не рискуетъ ли онъ той же короной?

Центральной фигурой этой роковой войны является фигура Вильгельма II. Онъ приковываетъ теперь къ себѣ взгляды всего міра, и всякій поступокъ его прошлаго и настоящаго, всякое его слово имѣетъ несомнѣнное значеніе и уясняетъ событія и политику Германіи, а вмѣстѣ и причины, вызвавшія европейскую войну.

Вотъ почему мы задались цѣлью привести нѣсколько рѣчей и фактовъ изъ жизни императора Вильгельма, дополняющихъ его портретъ и объясняющихъ, почему онъ велъ Германію, а вмѣстѣ съ нею и Австро-Венгрію, по торному пути неустаннаго вооруженія и милитаризма и привелъ всю Европу къ войнѣ.

Вильгельмъ II получилъ хорошее образованіе, много работалъ, учился, и нѣмецкій народъ возлагалъ на него большія надежды, предполагая въ лицѣ молодого императора встрѣтить сына Фридриха III. При вступленіи на престолъ Вильгельма II печать Германіи и Европы говорила, что эпоха „огня и желѣза“ наложила свое неизгладимое клеймо на весь строй политической и соціальной жизни Германіи, и что теперь нѣмецкому народу предстоитъ длинный рядъ усилій, чтобы устранить изъ общественной и государственной жизни ту острую политику, которая внесена была людьми, много и славно поработавшими для осуществленія идеи нѣмецкаго единства. Но задача эта можетъ быть выполнена безъ глубокихъ внутреннихъ потрясеній только въ томъ случаѣ, если новый императоръ Вильгельмъ II сознаетъ, что та внутренняя и внѣшняя политика, которая была пригодна и, быть-можетъ, даже необходима въ періодъ созиданія имперіи, вовсе непримѣнима тогда, когда государственная жизнь вошла или должна была войти въ болѣе или менѣе нормальныя условія существованія.

Къ сожалѣнію, надежды нѣмецкаго народа и Европы не оправдались, и въ лицѣ Вильгельма II союзныя государства Германіи получили императора, стремящагося къ безграничной власти, человѣка тщеславнаго, склоннаго преувеличивать свои положительныя качества, человѣка задорнаго, неспокойнаго, не считающагося ни съ волей народа ни съ достоинствомъ союзныхъ государей. Рядъ фактовъ, рѣчей императора и отдѣльныхъ его выраженій даетъ основаніе для подобной характеристики его, какъ правителя и человѣка.

Во время восшествія на престолъ Вильгельма II нѣмецкіе чиновники всѣхъ классовъ, во всѣхъ союзныхъ государствахъ носили на фуражкахъ кокарды цвѣта своего государства. Это не понравилось юному императору, не считавшемуся уже съ первыхъ шаговъ своего царствованія съ тѣмъ, что Германія представляетъ собою союзъ нѣмецкихъ государствъ; онъ приказалъ, чтобы выше федеральной кокарды была другая, для всѣхъ однородная: кокарда императорскихъ цвѣтовъ. Но и на этомъ онъ не остановился и выжидалъ только момента, чтобы окончательно устранить всѣ федеральные значки. События въ Китаѣ дозволили ему добиться въ этомъ направленіи новаго успѣха. Германскимъ войскамъ на Дальнемъ Востокѣ была дана особая форма и при ней широкополая шляпа, одинъ изъ краевъ которой былъ залихватски приподнятъ на манеръ шляпъ буровъ. Вотъ на этотъ-то плоскій бокъ шляпы императоръ и налѣпилъ громадную императорскую кокарду и, не рѣшаясь окончательно покончить съ федеральной кокардой, помѣстилъ ее подъ своей кокардой, сдѣлавъ ее еле замѣтной и рѣшивъ, видимо, ждать случая уничтожить и послѣдніе слѣды этого знака федераціи.

Съ удивительной послѣдовательностью Вильгельмъ II вытравляетъ все, что̀ мѣшаетъ ему выдвинуть себя и свой императорскій титулъ на первое мѣсто. Въ концѣ 1899 года онъ приказалъ уничтожить изображеніе орла на германскихъ почтовыхъ маркахъ, а вмѣсто орла помѣстилъ свое изображеніе. Однако союзные государи остались недовольны этимъ приказомъ, идущимъ въ разрѣзъ съ духомъ германской конституціи, и скромно, но однако рѣшительно запротестовали. Дѣлать было нечего, Вильгельму II пришлось уступить, но уступилъ онъ только наполовину. На маркахъ была изображена вмѣсто орла виньетка съ фигурой Германіи: однако лицо Германіи получило такое огромное сходство съ императрицей, супругой Вильгельма, что императоръ почти утѣшился въ томъ, что ему не удалось замѣнить собою орла. Впрочемъ, и до сихъ поръ императоръ не оставляетъ въ покоѣ нѣмецкія марки, и не такъ давно онъ избралъ слѣдующій девизъ для новыхъ марокъ: „Nur einig, einig, einig“ („Только союзны, союзны, союзны“). Все это, конечно, мелочи, но мелочи очень показательныя, свидѣтельствующія о томъ, что нѣмецкія государства мѣшаютъ Вильгельму, и что его стремленіе:—уйти отъ „союзности“ къ цезаризму. Одинъ писатель говоритъ, что „онъ (императоръ) желалъ бы видѣть въ союзныхъ государяхъ только свой блестящій генеральный штабъ; титулъ императора союза кажется ему мелкимъ, и нѣтъ сомнѣнія, что именоваться повелителемъ „германцевъ“ пріятнѣе для его слуха, нежели именоваться повелителемъ „нѣмцевъ“.

Австрію Вильгельмъ II, раздѣляющій взгляды пангерманцевъ, разсматриваетъ, какъ часть своей имперіи, пока еще не вошедшую въ составъ Германіи. Онъ зорко слѣдитъ за австрійцами и особенно за ихъ арміей. Состоя въ спискахъ полковникомъ венгерскихъ гусаръ, Вильгельмъ пользуется ежегоднымъ полковымъ праздникомъ для того, чтобы являться въ Вѣну и производить тамъ военный смотръ. Однако ведетъ онъ себя на смотру не какъ „почетный полковникъ“, а какъ главнокомандующій австрійской арміи. Такое отношеніе императора всполошило наконецъ австрійскій дворъ и австрійскій генеральный штабъ. Чтобы пре-

Библиотека "Руниверс"

Англійскій флотъ, расположенный близъ Портсмута, заключающій въ себѣ 24 дредноута, 35 броненосцевъ, 18 броненосныхъ крейсеровъ и свыше 100 другихъ судовъ.

Библиотека "Руниверс"

кратить ежегодные визиты императора и его тщательные смотры, гусарскій полкъ былъ внезапно перемѣщенъ въ глубь Венгріи, и уже съ 1898 года Вильгельмъ II пересталъ совершать свои традиціонныя поѣздки въ Вѣну. Но равнодушнымъ къ этому онъ не остался, и престарѣлому Францу-Іосифу пришлось въ маѣ 1900 года самолично явиться въ Берлинъ, извиниться передъ Вильгельмомъ, свалить все на графа Туна и произвести германскаго императора въ самый высокій чинъ австрійской арміи.

Въ своихъ рѣчахъ императоръ Вильгельмъ проявляетъ себя въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ въ своихъ поступкахъ. Слѣдя за рѣчами императора изъ года въ годъ, мы видимъ, какъ онѣ становятся все болѣе и болѣе властными и указываютъ на быстрый ростъ притязаній нѣмецкаго государя. Началъ онъ свои многочисленныя рѣчи относительно скромно, а уже въ началѣ 1896 года гордо заявилъ: „Германская имперія сдѣлалась имперіей міровой“ („Aus dem deutschen Reich ist ein Weltreich geworden“. Тость, провозглашенный императоромъ Вильгельмомъ II въ Берлинѣ 18 января 1896 года).

Англійскій король Георгъ V и адмиралъ Каллаганъ.

Но почему Германская имперія такъ быстро выдвинулась на первое мѣсто? Усиліями народнаго учителя, успѣхами промышленности и торговли, трудолюбіемъ населенія, любознательностью и бережливостью? Ничуть. Императоръ прекрасно знаетъ, что все это пустяки, и что только сила позволяетъ расширять, поддерживать и развивать великую имперію. Въ своей рѣчи къ гвардіи въ 1898 году онъ громко провозглашаетъ это: „Опираясь на армію,—говоритъ императоръ:—и надѣясь на нашего Всемогущаго Бога, я предпринялъ свою трудную задачу, прекрасно зная, что армія—главная опора моей страны и самый прочный оплотъ прусскаго трона“.

При такомъ взглядѣ на вещи надо ли удивляться тому, что Вильгельмъ II съ первыхъ же лѣтъ своего царствованія сталъ готовиться къ войнѣ и нападенію, намѣчая себѣ жертву среди государствъ Европы. Въ чемъ угодно можно упрекнуть Вильгельма II, но только не въ скупости расходованія государственныхъ средствъ, когда вопросъ касался военныхъ издержекъ.

Генералъ Джонъ Френчъ, главнокомандующій англійской дессантной арміей.

Фельдмаршалъ лордъ Робертсъ, главнокомандующій англійской колоніальной арміей.

Библиотека "Руниверс"

Е. И. В. Великій Князь Дмитрій Павловичъ.

Е. И. В. Великій Князь Борисъ Владиміровичъ.

Е. И. В. Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ.

Е. И. В. Великій Князь Петръ Николаевичъ.

Е. И. В. Великій Князь Николай Михаиловичъ.

Е. В. Князь Александръ Георгіевичъ Романовскій Герцогъ Лейхтенбергскій.

Е. В. Князь Гавріилъ Константиновичъ.

Е. В. Князь Константинъ Константиновичъ.

Е. В. Князь Іоаннъ Константиновичъ.

Е. В. Князь Игорь Константиновичъ.

Е. В. Князь Олегъ Константиновичъ.

Члены Императорской Фамиліи, находящіеся въ рядахъ арміи на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Библиотека "Руниверс"

Французскій адмиралъ Буэ-де-Лапейреръ, командующій соединеннымъ англо-французскимъ флотомъ въ Средиземномъ и Адріатическомъ моряхъ.

Высчитано, что въ восемь первыхъ лѣтъ своего царствованія Вильгельмъ II издержалъ на армію и на флотъ 5,926 милліоновъ марокъ, тогда какъ дѣдъ его, побѣдитель при Седанѣ, въ послѣднія 8 лѣтъ своей жизни истратилъ только 4,114, что составляетъ излишекъ въ 1,812 милліоновъ марокъ.

Въ унисонъ съ пангерманцами Вильгельмъ II считаетъ, что всѣ нѣмцы, какъ живущіе въ Австріи, такъ и въ другихъ странахъ, суть граждане единой Германской имперіи, а глава этой имперіи и монархъ — Вильгельмъ II. Начиная съ 1898 года, мы можемъ замѣтить, что въ своихъ рѣчахъ императоръ все чаще и чаще говоритъ объ „единеніи и соединеніи всѣхъ германскихъ племенъ“ („Dazu bedarf es der Einigkeit und Mitwirkung aller deutschen Stämme“).

Кто сталъ бы сомнѣваться въ томъ, что подъ „германскими племенами“ Вильгельмъ II разумѣлъ и австрійскихъ нѣмцевъ, тотъ пусть обратитъ вниманіе на рѣчь императора, сказанную 3 февраля 1899 года въ Бранденбургскомъ ландтагѣ. „Мы желаемъ дѣйствовать, — сказалъ императоръ: — такимъ образомъ, чтобы всѣ мы, германцы, могли по меньшей мѣрѣ соединиться въ одну плотную массу. Объ эту бронзовую скалу нѣмецкаго народа на далекихъ моряхъ и у насъ, въ Европѣ, будутъ разбиваться всѣ волны, угрожающія миру“. Миролюбивое окончаніе рѣчи не смутило пангерманцевъ, и поэтому черезъ нѣсколько дней въ ихъ органѣ, руководимомъ докторомъ Гассе, рѣчь императора была комментирована съ восторгомъ и глубокой радостью. „Императоръ считаетъ, что имперія еще не закончена... Онъ желаетъ, чтобы дубъ Германской имперіи разроссся еще шире. Онъ, какъ и его предки, исходитъ изъ точки зрѣнія государственной пользы. Сначала Бранденбургская марка, затѣмъ Пруссія, наконецъ Германская имперія. Что же дальше? *Если онъ говоритъ обо всѣхъ германцахъ, то, быть-можетъ, думаетъ и объ англо-саксахъ?“* (Рѣчь въ Барменѣ доказываетъ, что предположеніе это имѣетъ несомнѣнное основаніе). „Намъ невозможно,—продолжаетъ газета:— перескочить черезъ промежуточную ступень расширенной Германіи, которая объединяетъ всѣхъ нѣмцевъ... германскій императоръ станетъ внѣ всякаго сомнѣнія императоромъ всѣхъ германцевъ“.

Подъ этой статьей могъ бы подписаться самъ императоръ. Послѣдующіе поступки его подтверждаютъ это предположеніе. Вильгельмъ II несомнѣнно начерталъ себѣ опредѣленный политическій планъ, который неукоснительно и преслѣдуетъ. „Я нисколько не боюсь будущаго, — сказалъ онъ въ своей рѣчи въ Штеттинѣ въ сентябрѣ 1900 года: — я убѣжденъ, что планъ мой удастся. Моя воля непреклонна, я иду твердымъ шагомъ, не взирая ни на какое сопротивленіе, по тому пути, который я разъ навсегда призналъ правильнымъ“. (Рѣчь въ Билефельдѣ, іюль 1899 года).

На кого же будетъ опираться императоръ при выполненіи своего „плана“, и почему онъ „нисколько не боится будущаго“ и не страшится сопротивленія? На армію. „Если на свѣтѣ желаютъ рѣшить что-нибудь,—сказалъ императоръ:—то перо могущественно только тогда, когда его поддерживаетъ сила меча“. (Рѣчь къ гвардіи, январь 1900 года).

Несомнѣнно, что когда императоръ станетъ „рѣшать“ вопросы силою меча, то первый вопросъ, который будетъ разрѣшенъ этимъ способомъ, коснется Австріи. Это соображеніе императоромъ было тонко подчеркнуто въ августѣ 1900 г., когда въ Берлинскомъ арсеналѣ происходило освященіе знаменъ, предназначавшихся для отправляемыхъ въ Китай войскъ. Вильгельмъ II по этому случаю въ первый разъ явился съ фельдмаршальскимъ жезломъ, который онъ пожаловалъ себѣ по просьбѣ своихъ генераловъ. Жезлъ этотъ имѣлъ видъ трости, длиной около метра: онъ былъ покрытъ желтой шелковой матеріей и перевитъ красной лентой съ вышитыми на ней черными императорскими орлами. Въ Германіи часто и не безъ основанія замѣчали эти три цвѣта: желтый, красный и черный; это цвѣта не Германской имперіи, а прежняго Германскаго союза и тѣхъ флаговъ, которые австрійскіе пруссофилы употребляютъ теперь въ знакъ протеста противъ знамени Габсбурговъ.

Тѣсно Вильгельму II не только въ своей Пруссіи, но и въ въ своей Германіи, тѣсно ему даже и тогда, когда пылкое воображеніе присоединяетъ Австрію къ его владѣніямъ. Тоскуетъ его душа по могуществу римскихъ императоровъ, повелѣвавшихъ всѣмъ міромъ и не знавшихъ предѣла ни своимъ владѣніямъ ни своей власти. Достаточно для этого прочесть рѣчь Вильгельма при закладкѣ перваго камня Заальбургскаго римскаго музея 4 октября 1900 года. „Въ нынѣшній день,—сказалъ императоръ:—первая моя мысль, первое мое, полное тихой скорби, воспоминаніе посвящены незабвенному родителю моему императору Фридриху III. Заальбургскій замокъ обязанъ своимъ возсозданіемъ его энергіи, его творческой волѣ. Подобно тому, какъ на западѣ монархіи колоссальный замокъ рыцарей, насадившихъ тамъ нѣкогда нѣмецкую цивилизацію, былъ возстановленъ и скоро будетъ оконченъ по его повелѣнію, такъ на вершинѣ очаровательнаго Таунуса, точно фениксъ, возрождающійся изъ пепла, возвышается древняя римская твердыня. Она была свидѣтелемъ римскаго могущества, звеномъ этой крѣпкой мѣдной цѣпи, которая связала легіоны Рима съ мощной имперіей,—тѣ легіоны, которые, по повелѣнію римскихъ императоровъ Цезарей-Августовъ, предписывали свою волю всему свѣту и открывали весь міръ римской цивилизаціи, оказавшейся особенно благодѣтельной для германцевъ“.

Въ этой рѣчи изъ каждой фразы брыжжетъ страстное и увѣренное желаніе расширить имперію до размѣровъ, ставящихъ германскаго императора въ положеніе божественнаго Цезаря-Августа.

Приведенные здѣсь отрывки изъ рѣчей императора вполнѣ достаточно выясняютъ стремленія Вильгельма II. Несомнѣнно, что этотъ государь надѣленъ нестерпимымъ воинственнымъ честолюбіемъ, и какъ онъ ни пытается не переступать границъ необходимой въ его положеніи осторожности, онъ не можетъ не выдать себя. Увѣренный и настойчивый, не знающій сомнѣній и колебаній, онъ вѣритъ въ свою звѣзду. Онъ безповоротно считаетъ себя призваннымъ возстановить древнюю Германскую имперію и соединить Гамбургъ съ Тріестомъ. Онъ вѣритъ, что его смѣлое предпріятіе превратитъ его въ императора всѣхъ германцевъ, и онъ сдѣлается современнымъ Карломъ Великимъ. (Депеша къ Моммзену, октябрь 1900 года).

Наблюдавшіе настроеніе умовъ въ Германіи говорятъ, что идеи и поведеніе императора находятъ благопріятный откликъ въ общественномъ мнѣніи и согласуются съ вожделѣніями „истинно нѣмецкихъ нѣмцевъ“. Полковника Бернгарди поддержали всѣ и рукоплескали, когда онъ произнесъ свою рѣчь въ Берлинскомъ военномъ собраніи. „Главный вождь,—сказалъ онъ:—будетъ признавать единственнымъ закономъ свои планы и свою волю. Только свободно зачатая мысль, примѣненная на дѣлѣ твердой и смѣлой волей, можетъ породить великія дѣла, которыя обезпечиваютъ или измѣняютъ условія существованія людей и государствъ“.

Такимъ образомъ мы видимъ, что о миролюбіи Вильгельма II не можетъ быть рѣчи. Его планъ — нападеніе и расширеніе своихъ владѣній. Даже его одноплеменный сосѣдъ—Австрія—обреченъ въ жертву честолюбія Цезаря изъ Берлина. Вильгельмъ II рѣшилъ къ извѣстному сроку быть настолько сильнымъ, чтобы однимъ ударомъ сразить своихъ сосѣдей и сѣсть на тронъ Великой Германіи. Съ 1899 года онъ начинаетъ рѣшительную ломку арміи и внезапно вноситъ въ рейхстагъ военный законъ. Начинается лихорадочная работа, и производятся крупныя фортификаціонныя сооруженія.

Въ Страсбургѣ, и безъ того прекрасно защищенномъ, произведены новыя работы. Въ Мюльсхеймѣ возведены два могучихъ форта. Ней-Бризакъ, близъ Кольмара, сталъ первоклассной крѣпостью. Въ Гитранжѣ, близъ Тріонвиля, возводится фортъ. Вокругъ Меца сооружаютъ четыре форта: фортъ „Пуанъ-дю-Журъ“, на самомъ полѣ сраженія при Гравелоттѣ; фортъ „Анси“, орудія котораго господствуютъ надъ французской пограничной станціей Батильи, на линіи Вердэнской желѣзной дороги; фортъ „Хэзелеръ“ на вершинѣ Сенъ-Блэза и фортъ „Имперскій Принцъ“ на вершинѣ Горжимона. Такія же постройки одновременно стали производиться и на русской границѣ, а именно въ Торнѣ, Кёнигсбергѣ и Бреславлѣ.

Вся эта спѣшная работа свидѣтельствовала и свидѣтельствуетъ несомнѣнно о томъ, что императоръ Вильгельмъ подготавливалъ событія, наступленіе которыхъ онъ считалъ близкими. Росъ военный флотъ, реформировалась и увеличивалась армія, дрессировались почтовые голуби, производились фортификаціонныя работы, поспѣшно создавался воздушный флотъ.

Библиотека "Руниверс"

Вильгельмъ II быстрыми шагами шелъ къ своей кровавой цѣли, и это въ то время, когда ни со стороны Франціи ни со стороны Россіи ничего не предпринималось такого, что бы могло встревожить берлинское правительство. Наоборотъ, Гаагская конференція привлекла всеобщее вниманіе, и народамъ казалось, что они смогутъ облегчить бремя милитаризма. Даже въ самой Германіи военный законъ поразилъ всѣхъ, а увеличенные налоги встрѣчены были народными массами съ нескрываемымъ неудовольствіемъ. Но императоръ Вильгельмъ II былъ глухъ ко всему и продолжалъ шагать къ своей цѣли.

Если бы на этомъ остановиться, то картина подготовленія Вильгельма II къ войнѣ со своими сосѣдями была бы неполной. Теперь развернулась передъ всѣмъ міромъ та сѣть коварной, двуличной, построенной на обманѣ, политики, которой Вильгельмъ II старался опутать Францію и Россію и, готовя имъ гибель, игралъ на ихъ довѣріи и вѣковыхъ традиціяхъ родства и дружбы. Возводя все новыя и новыя укрѣпленія на французской границѣ, Вильгельмъ II сумѣлъ сдѣлать такъ, что Франція одно время склонялась къ союзу съ нѣмцами. Германскій императоръ сумѣлъ усыпить бдительность министровъ на берегахъ Сены, и они носились съ мечтой осуществить франко-русско-германское соглашеніе противъ Англіи.

Въ іюлѣ 1899 года Вильгельмъ II очутился въ гостяхъ у французовъ! Это было настолько необычайно, что газета „Berliner Tageblatt", протирая глаза отъ изумленія, воскликнула: „Германскій императоръ на суднѣ французскаго государства! Французскіе гардемарины, маневрирующіе передъ прусскимъ королемъ! Это—первое офиціальное дѣйствіе Франціи, совершенное съ цѣлью засвидѣтельствовать желаніе установить дружественныя отношенія съ Германіей..."

Удивительно, какъ Франція не замѣтила, что Вильгельмъ II употребляетъ совершенно тотъ же пріемъ, какъ и всѣ Гогенцоллерны. Если бы правящіе круги порылись въ исторіи своихъ отношеній къ Германіи, то увидѣли бы, что передъ каждымъ крупнымъ политическимъ событіемъ Гогенцоллерны усыпляли ее. Такъ же поступилъ съ Франціей и дѣдъ Вильгельма II. Какъ извѣстно, Вильгельмъ I въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ тянулъ дружескіе переговоры съ парижскимъ дворомъ и якобы налаживалъ союзъ, а въ то же самое время готовилъ страшный ударъ Наполеону III и странѣ.

Въ отношеніи Россіи политика Вильгельма II была такою же, хотя пріемы ея иные. Германскій императоръ офиціально завѣрялъ въ Петербургѣ, что онъ преисполненъ добрыхъ чувствъ по отношенію къ Россіи. Но въ эти сладкія рѣчи какъ-то само собою вкрапливалось пожеланіе объ обязательномъ разрушеніи франко-русскаго союза. Надо отдать справедливость Вильгельму II, что дѣлалъ онъ это чрезвычайно ловко. Искусно разставленныя ловушки, по крайней мѣрѣ временно, лишили франко-русскій союзъ его первоначальнаго характера и позволили парижскимъ органамъ интернаціональной печати поднять вопросъ о томъ, существуетъ ли въ дѣйствительности союзъ Царя съ Франціей. Писались статьи о разстроенныхъ, якобы, русскихъ финансахъ, а банкиры маленькихъ провинціальныхъ городковъ совѣтовали своимъ кліентамъ продавать русскія бумаги. Надо сказать, что банкиры эти дѣйствовали, не понимая, на чью мельницу они льютъ воду. Они были лишь отголоскомъ столичныхъ крупныхъ финансовыхъ тузовъ, которые, повидимому, направляли свою дѣятельность, повинуясь чьему-то таинственному приказу. Все это захватило общественное мнѣніе Франціи и вызвало антирусскую кампанію. Но въ то время, какъ агенты Вильгельма старались расшатать франко-русскій союзъ и наладить отношенія съ Германіей, вдругъ Франція узнала, что между Германіей и Англіей состоялось соглашеніе, направленное противъ Франціи. 24 октября 1900 года императоръ Вильгельмъ II произнесъ рѣчь, въ которой торжественно провозгласилъ о новомъ соглашеніи и его прочности: „Соглашеніе съ величайшимъ изъ германскихъ государствъ, исключая Германіи,—сказалъ онъ:—сдѣлается въ будущемъ могучимъ вспомогательнымъ средствомъ для совмѣстныхъ усилій обоихъ народовъ на всемірномъ рынкѣ, гдѣ они могутъ дружественно конкурировать другъ съ другомъ, *безъ всякаго враждебнаго между собою столкновенія*".

Поль Дешанель въ своей рѣчи при пріемѣ во Французскую Академію совершенно вѣрно сказалъ, что Вильгельмъ II еще разъ примѣнилъ по отношенію къ Франціи все ту же политику, къ которой прибѣгалъ Бисмаркъ, и еще разъ попытался осуществить планъ „желѣзнаго канцлера": „поссорить насъ съ Англіей, затѣмъ круто повернуть, сблизиться съ нею и оставить насъ болѣе одинокими, чѣмъ когда-либо..."

Это постоянное лавированіе Вильгельма II между тремя величайшими державами привело послѣднія къ сознанію, что онъ одновременно готовитъ ковы противъ всѣхъ трехъ, замышляя поражать ихъ по очереди, временно усыпляя остальныхъ то традиціями родственныхъ узъ правителей, то кровной близостью германской и англо-саксонской расы, то наконецъ всеисцѣляющей силой времени, заживляющаго глубокія народныя раны, нанесенныя сорокъ лѣтъ тому назадъ. И постепенно создались франко-русскій союзъ и франко-англійское и англо-русское соглашенія.

Тѣсно сомкнувшееся кольцо мира разрушало всѣ завоевательные планы Вильгельма II, и онъ, очевидно, не вѣря въ крѣпость этихъ союзныхъ отношеній, рѣшилъ, что уже наступило время дѣйствовать, и обрушился сначала на сильнѣйшаго врага—на Россію.

Тотъ, кто обращался недавно къ народамъ Европы съ призывомъ оберегать свои культурныя блага противъ „желтой опасности", надвигавшейся съ Востока, самъ превратился въ истребителя культуры, Атиллу Запада.

Варвары.

II. Нѣмецкіе офицеры во Франціи въ 1870 г.

Очеркъ **Б. Никонова.**

Въ предыдущемъ очеркѣ мы дали картину звѣрствъ и жестокостей нѣмцевъ въ 1870 г. на основаніи воспоминаній очевидцевъ. Здѣсь мы приводимъ рядъ яркихъ картинъ той же эпохи, изображенныхъ въ художественныхъ произведеніяхъ. Въ нихъ мы встрѣчаемъ, такъ сказать, коллективный портретъ воинствующаго нѣмца. Мы нарочно взяли художественныя изображенія, потому что они ярче и правдивѣе простыхъ реляцій и сообщеній. Художникъ даетъ намъ детально разработанныя фигуры, взятыя прямо съ натуры. И намъ остается лишь избрать художника, наиболѣе объективнаго и наименѣе склоннаго къ тенденціознымъ преувеличеніямъ.

Такимъ художникомъ именно является Мопассанъ. Непосредственный свидѣтель всей эпохи франко-германской войны 70-го года, Мопассанъ всегда отличался рѣдкой уравновѣшенностью, какъ художникъ-беллетристъ. И, что всего цѣннѣе для насъ въ данный моментъ, Мопассанъ никогда ничего не „придумывалъ": по собственному признанію, онъ всѣ свои разсказы, всѣ типы и образы бралъ прямо изъ жизни.

Страшная и величавая страница изъ французской исторіи—семидесятый годъ—вызвала крупную и многостороннюю литературу во Франціи. Ея изобразителями и истолкователями были, кромѣ Мопассана, А. Додэ, Э. Зола и многіе изъ второстепенныхъ художниковъ. Иные изъ писателей черезчуръ поддавались настроенію ненависти къ пруссакамъ и скорби по поводу разгрома отчизны. Всѣхъ трезвѣе былъ Мопассанъ, но и его упрекали въ тенденціозности. Мы приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ разсказовъ французскаго новеллиста — и пусть наши читатели сами рѣшаютъ, „преувеличивалъ"-ли Мопассанъ. Достаточно сопоставить съ его изображеніями все то, что мы за послѣднее время читаемъ и слышимъ о „подвигахъ" нѣмцевъ, чтобы притти къ убѣжденію, какъ правдивы его образы и какъ неизмѣнна душа тевтонца.

* * *

На литературное поприще Мопассанъ выдвинулся своимъ разсказомъ „Пышка" (Boule de suif). Содержаніе этого разсказа цѣликомъ взято изъ эпохи разгрома Франціи. Небольшая компанія французскихъ путешественниковъ застряла на маленькой станціи по капризу нѣмецкаго лейтенанта. Лейтенантъ не желаетъ пропустить путниковъ, пока одна изъ путешественницъ—„Пышка"—не подчинится его безобразной прихоти. За „Пышку" вступаются остальные пассажиры, люди съ большимъ общественнымъ положеніемъ. Они являются депутатами къ лейтенанту, и вотъ какъ принимаетъ ихъ лейтенантъ:

„Онъ растянулся на креслѣ, положивъ ноги на каминъ и куря длинную фарфоровую трубку. На немъ былъ халатъ яркихъ цвѣтовъ, очевидно, принадлежавшій прежнимъ хозяевамъ этого жилища. Онъ не всталъ, не поздоровался съ вошедшими, даже не глядѣлъ на нихъ. Онъ представлялъ собою великолѣпный образчикъ прирожденной грубости.

Черезъ нѣсколько секундъ онъ наконецъ промолвилъ:

— Чего вамъ надо?

Графъ началъ:

— Мы желали бы уѣхать отсюда.

— Нельзя!

— Могу я узнать причину этого отказа?

— Я не желаю этого. Вотъ и все. Вы можете уходить".

Въ этомъ разсказѣ Мопассанъ даетъ „образчикъ прирожденной грубости" нѣмецкаго офицера. Въ другихъ разсказахъ мы встрѣчаемъ кое-что неизмѣримо худшее. Такъ, въ „Безумной" знаменитый новеллистъ рисуетъ возмутительный по безцѣльной жестокости поступокъ офицера, не отступившаго въ своихъ жестокихъ издѣвательствахъ даже предъ завѣдомо больной женщиной. Нѣмецкія войска расквартированы среди мѣстныхъ жителей-французовъ. Нѣсколько солдатъ во главѣ съ лейтенантомъ, „грубымъ насильникомъ", попали на постой къ больной дамѣ. Эта дама, впавшая нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ тихое сумасшествіе, все время лежитъ въ постели и молчитъ. Попавшій къ ней на жительство пруссакъ считаетъ ея „поведеніе" оскорбительнымъ для себя: ему кажется, что хозяйка не показывается и не появляется къ нему изъ гордости. И хотя ему говорятъ, что она больна, онъ не вѣритъ и отправляется къ ней самолично „поднимать ее съ постели".

Библиотека "Руниверс"

— Я прошу васъ, мадамъ, встать и пожаловать ко мнѣ внизъ!—промолвилъ онъ грубымъ тономъ.

Она повернула къ нему свой блуждающій взглядъ и ничего не отвѣтила.

Онъ продолжалъ:

— Я не выношу заносчивости. Если вы не встанете по доброй волѣ, я найду способъ заставить васъ прогуляться.

Она не отвѣтила ему ни единымъ жестомъ: она была все время неподвижна, какъ будто не видѣла его предъ собой.

Онъ выходилъ изъ себя, принимая это спокойное молчаніе за выраженіе высшаго презрѣнія...

На другое утро больная осталась попрежнему лежать. Офицеръ опять явился и въ гнѣвѣ хотѣлъ силой стащить ее съ кровати. Но потомъ онъ впалъ въ раздумье и вдругъ, расхохотавшись, отдалъ какое-то приказаніе своимъ солдатамъ по-нѣмецки.

Спустя нѣсколько минутъ, больную вмѣстѣ съ ея постелью положили на носилки, и солдаты понесли ее въ лѣсъ. Офицеръ смѣялся и потиралъ отъ удовольствія руки:

— Посмотримъ, не пожелаете ли вы теперь наконецъ одѣться и совершить маленькую прогулку...

Солдаты оставили больную въ лѣсу и вернулись обратно. И съ той поры уже никто не видѣлъ несчастной женщины. Оккупаціонный нѣмецкій отрядъ былъ уведенъ. Наступила зима. Въ лѣсахъ бѣгали и выли волки.

И лишь весной былъ найденъ обглоданный волками трупъ несчастной жертвы лейтенанта-шутника... Она такъ и лежала на своемъ матрасѣ".

Необычайно яркій и любопытный типъ нѣмецкаго офицера Мопассанъ даетъ въ знаменитомъ разсказѣ „Мадемуазель Фифи". Здѣсь фигурируетъ уже цѣлая компанія нѣмецкихъ варваровъ, которые хозяйничаютъ въ покинутомъ французскомъ замкѣ, портятъ камины, ковры, вытаскиваютъ спрятанное столовое серебро, пьянствуютъ и насильничаютъ. Это—истинные варвары; во главѣ ихъ—маркизъ Вильгельмъ Эйрикъ.

„Съ момента вступленія во Францію товарищи маркиза называли его не иначе, какъ „мадемуазель Фифи". Это прозвище возникло благодаря кокетливой фигуркѣ маркиза, его тонкой таліи, которую онъ затягивалъ въ корсетъ, его блѣдному лицу, на которомъ едва пробивались усики, и въ особенности благодаря его манерѣ употреблять для выраженія наивысшаго презрѣнія французское выраженіе: „fi, fi donc".

Этотъ кокетливый маленькій офицеръ съ тонкой, какъ у женщины, таліей, развлекается въ замкѣ тѣмъ, что устраиваетъ въ комнатахъ взрывы и разрушаетъ драгоцѣнную посуду, хрусталь, старинный фарфоръ, статуэтки и картины. Остальные офицеры съ удовольствіемъ и съ выраженіемъ какого-то ребяческаго любопытства участвуютъ въ этихъ взрывахъ. Увидѣвъ на стѣнѣ портретъ какой-то дамы, маркизъ прицѣливается въ него изъ револьвера и пробиваетъ пулями оба глаза. Другіе портреты въ фамильной галлереѣ замка носятъ такіе же варварскіе слѣды — дѣло рукъ того же маленькаго женственнаго маркиза: къ мужскимъ портретамъ пририсованы углемъ длинныя трубки и сигары, а у женщинъ намалеваны усы и бороды.

Скучающіе въ замкѣ офицеры устраиваютъ пиршество съ участіемъ женщинъ. Изъ сосѣдняго города привозятъ пять дѣвушекъ. И въ видѣ перваго привѣта „мадемуазель Фифи" вмѣстѣ съ поцѣлуемъ пускаетъ одной изъ нихъ табачный дымъ въ носъ и ротъ, такъ что та едва не задыхается. Далѣе во время кутежа „Фифи" кусаетъ до крови губы своей дамѣ, щиплетъ ее... Затѣмъ начинается ссора изъ-за того, что пьяные офицеры стали кричать оскорбительныя фразы по адресу французовъ и Франціи. Молоденькая Рахиль не вытерпѣла и вступилась за оскорбляемую родину. Тогда храбрый нѣмецкій офицеръ, маркизъ Эйрикъ или, иначе, „мадемуазель Фифи" ударилъ съ размаху по щекѣ дѣвушку... Та схватила столовый ножъ и убила его."

Въ разсказѣ „Два друга" онъ изображаетъ двухъ парижанъ, страстныхъ рыболововъ, принужденныхъ отказаться отъ этого удовольствія въ осажденномъ пруссаками Парижѣ. Оба друга — Мориссо и Соважъ—простоватые, средней руки люди, далекіе отъ какой бы то ни было политики и отъ какого бы то ни было вмѣшательства въ вооруженную борьбу съ врагомъ. Имъ только бы порыбачить! И вотъ въ одинъ прекрасный день пріятели находятъ возможность пробраться съ удочками за французскіе аванпосты на берегъ Сены. Забывъ все на свѣтѣ отъ наслажденія, дорвавшись до любимаго занятія, Соважъ и Мориссо не замѣчаютъ, что какъ разъ противъ нихъ, на островѣ, находятся нѣмцы. И вотъ оба пріятеля схвачены и приведены къ нѣмецкому офицеру.

— Хорошо ли вы рыбачили, господа? — насмѣшливо спросилъ ихъ офицеръ.

Нѣмецкій солдатъ, арестовавшій пріятелей, положилъ къ ногамъ офицера мѣшокъ съ живыми угрями—результатъ рыбаченья.

Пруссакъ улыбнулся: „Ага, я вижу, что дѣло шло хорошо... Но дѣло, собственно, не въ этомъ. По-моему, вы не что иное, какъ шпіоны. Я васъ поймалъ и я васъ разстрѣляю. Но такъ какъ вы прошли черезъ аванпосты, то вы должны знать пароль для возвращенія. Сообщите мнѣ этотъ пароль, и я васъ помилую.

Соважъ и Мориссо молчали. Офицеръ продолжалъ запугивать ихъ разстрѣломъ: „Черезъ пять минутъ вы будете на днѣ рѣки... Подумайте объ этомъ! У васъ навѣрное есть родители?.." Затѣмъ онъ пытался узнать пароль по одиночкѣ у каждаго изъ пріятелей. Но французы молчали. И тогда „четырнадцать выстрѣловъ слились въ одинъ залпъ"... Нѣмецкіе солдаты привязали къ трупамъ камни и бросили бѣдныхъ рыболововъ-героевъ въ рѣку...

Затѣмъ произошло самое отвратительное... Офицеръ замѣтилъ въ травѣ сѣтку съ блестящими угрями. Онъ поднялъ сѣтку, разсмотрѣлъ ее, улыбнулся и крикнулъ:

— Вильгельмъ!

Прибѣжалъ солдатъ въ бѣломъ передникѣ. И пруссакъ, бросивъ ему сѣтку съ угрями, пойманными тѣми, кого онъ только что приказалъ разстрѣлять, скомандовалъ:

— Изжарь мнѣ ихъ, пока они еще живы. Это будетъ отлично! И онъ опять принялся спокойно курить свою трубку..."

Эта сценка, какъ и все, что изображалъ Мопассанъ, очевидно, взята прямо изъ жизни.

Предъ нами наконецъ еще одинъ разсказъ, характеризующій съ необычайной яркостью нѣмецкую „шутливость"... Вспомнимъ о тѣхъ издѣвательствахъ и насмѣшкахъ, которымъ подвергались теперь въ Германіи русскіе. Вспомнимъ о томъ, какъ нѣмцы потѣхи ради раздѣвали до-нага женщинъ, угрожали разстрѣломъ дѣтямъ, морили русскихъ голодомъ и въ присутствіи голодныхъ людей пили и ѣли—„шутки ради"... И, вспомнивъ все это, прочитайте разсказъ Мопассана „Дуэль".

Дѣйствіе происходитъ въ поѣздѣ. Господинъ Дюбюи, французскій купецъ, толстый и миролюбивый человѣкъ, ѣдетъ изъ Парижа по окончаніи войны домой къ женѣ и дѣтямъ. На одной изъ станцій въ купэ къ нему входитъ прусскій офицеръ. Вначалѣ все идетъ благополучно. Тутъ же сидятъ два англичанина-туриста и разсматриваютъ поля недавнихъ сраженій. Нѣмецъ обращается къ нимъ:

— Я убилъ двѣнадцать французовъ въ этой деревнѣ. Я взялъ въ плѣнъ болѣе ста французовъ.

Г. Дюбюи закрылся газетой, чтобы не принимать участія въ разговорѣ, но нѣмецъ, замѣтивъ, что предъ нимъ французъ, сталъ забавляться:

— Я взялъ этихъ негодяевъ-французовъ за уши.

И онъ поглядывалъ на г. Дюбюи и горделиво посмѣивался себѣ въ бороду.

— Если бы я имѣлъ надлежащую власть,—продолжалъ онъ:— я взялъ бы Парижъ и сжегъ бы все и убилъ бы всѣхъ. Долой всю Францію!

Дюбюи молчалъ. Молчали и англичане.

— Черезъ двадцать лѣтъ вся Европа,—да вся Европа,—будетъ принадлежать намъ. Пруссія будетъ сильнѣе всѣхъ.

Нѣмецкій офицеръ принялся смѣяться. Откинувшись на спинку дивана, онъ издѣвался надъ всѣмъ: надъ побѣжденной Франціей, надъ ея защитниками, которыхъ онъ ругалъ самыми скверными словами, надъ упорной, но неудачной защитой провинцій, надъ французской арміей, надъ ея оружіемъ. Онъ заявилъ, что Бисмаркъ построитъ желѣзный городъ, укрѣпленный отвоеванными у французовъ пушками. И внезапно онъ положилъ свои ноги прямо на диванъ къ Дюбюи, почти на колѣни къ послѣднему. Французскій купецъ покраснѣлъ отъ негодованія, но молчалъ.

Нѣмецъ вынулъ изо рта трубку и обратился къ нему:

— У васъ есть табакъ?

— Нѣтъ, сударь.

— Когда поѣздъ остановится, я прошу васъ пойти и купить мнѣ табаку.

И прибавилъ, смѣясь:

— Я вамъ дамъ на водку.

Когда поѣздъ остановился, нѣмецъ отдернулъ портьеру и, взявъ Дюбюи за руку, промолвилъ:

— Ступайте, исполните мое порученіе. Скорѣе, скорѣе!

Дюбюи вырвался отъ него и бросился въ другое отдѣленіе вагона. Но нѣмецъ послѣдовалъ за нимъ и туда.

— Вы не исполнили моего приказанія?—началъ онъ.

— Нѣтъ, сударь!

— Въ такомъ случаѣ я отрѣжу ваши усы, чтобы набить мою трубку.

Нѣмецъ протянулъ руку къ лицу г. Дюбюи. Но тотъ вспыхнулъ и бросился на своего врага. Онъ повалилъ его на диванъ и сталъ бить. Явившіеся сюда же англичане съ интересомъ наблюдали, чѣмъ это кончится. А кончилось тѣмъ, что избитый нѣмецкій офицеръ вызвалъ французскаго коммерсанта на дуэль. Дуэль состоялась на одной изъ слѣдующихъ станцій, при чемъ секундантами были любопытствующіе англичане. Г. Дюбюи, не цѣлясь, выстрѣлилъ въ своего противника и наповалъ убилъ его. Англичане взяли его подъ руки, торжественно провели обратно къ поѣзду и тамъ троекратно прокричали въ его честь:

— Hip, hip, hurra!

Этотъ разсказъ Мопассана въ прежнее время производилъ впечатлѣніе тенденціознаго пересола. Но кто же теперь послѣ всѣхъ тѣхъ издѣвательствъ, которыя были продѣланы нѣмцами надъ русскими людьми, будетъ придерживаться этого прежняго мнѣнія? Мопассанъ, очевидно, и здѣсь срисовывалъ все съ натуры.

Наглость, жестокость, безсмысленная надменность и грубость сквозятъ въ каждой чертѣ нѣмцевъ, изображенныхъ геніальнымъ французскимъ художникомъ.

Библиотека "Руниверс"

До свиданія на позиціяхъ!

Разсказъ **Ивана Островного.**

(Окончаніе).

IV.

Полковникъ въ отставкѣ Алексѣй Семеновичъ Комарницкій жилъ на Петербургской Сторонѣ, занимая свѣтлыя, уютно обставленныя комнаты. Служилъ ему Корнѣй, когда-то, до войны, состоявшій у него денщикомъ, а потомъ, по выходѣ въ запасъ, явившійся къ нему и изъявившій готовность состоять при немъ. И онъ дѣлалъ въ домѣ все, не допуская участія какой бы то ни было другой прислуги: варилъ обѣдъ, убиралъ комнаты, ходилъ на посылкахъ и со всѣмъ справлялся какъ нельзя лучше.

Такъ какъ въ этотъ день Андрею и на службу надо было притти раньше обыкновеннаго, то онъ вышелъ изъ дому въ девять и въ половинѣ десятаго былъ уже около квартиры Алексѣя Семеновича. Къ его удивленію, на звонъ въ квартирѣ никто не откликнулся. Это было очень странно: полковникъ никогда раньше полудня не выходилъ изъ дома. Но если даже и вышелъ, то въ квартирѣ долженъ бы находиться Корнѣй.

И такъ какъ Андрей не видался съ своимъ дядей уже недѣли три, то у него явилась мысль, не уѣхалъ ли онъ куда-нибудь изъ Петербурга. Въ послѣднее время онъ что-то сталъ жаловаться на плечо. Могъ уѣхать для лѣченья грязевыми ваннами, которыя ему помогали, или на свой хуторокъ,—и ужъ въ такомъ случаѣ, конечно, взялъ бы съ собой Корнѣя.

И когда въ головѣ его возникло это предположеніе, мгновенно онъ почувствовалъ такъ, какъ будто у него была мучительная боль и вдругъ прошла. „Дяди нѣтъ, и ни о чемъ просить его нельзя, значитъ—все будетъ такъ, какъ должно“, — мелькнуло у него въ головѣ. Но увѣренности не было; поэтому онъ спустился въ дворницкую и тамъ спросилъ о дядѣ.

— А они ушли съ утра! — отвѣтили ему.—Куда—не знаю, а только, должно-быть, по военному дѣлу, потому даже ордена свои надѣли.

— А Корнѣй? Его вѣдь тоже нѣтъ...

— Корнѣй пошелъ записываться.

— Куда записываться?

— А извѣстно, куда: на призывъ. Онъ запасной. Вотъ и у насъ обоихъ младшихъ дворниковъ берутъ. Нынче всѣ идутъ. Да вы извольте подождать. Алексѣй Семенычъ навѣрно скоро будутъ.

Андрей остался ждать. Онъ бродилъ по улицѣ, не отходя на большое разстояніе отъ дома. „Облегченіе“, которое онъ почувствовалъ на минуту, смѣнилось еще большей тяжестью. „Всѣ идутъ... Корнѣй, который уже отслужилъ свое и чуть ли даже не воевалъ, идетъ... Два дворника пошли... Костя, Вахтинъ... Идутъ безъ принужденія, съ охотой, съ воодушевленіемъ, отдаютъ свои силы и жизнь... А я пришелъ клянчить дядиной протекціи, чтобы увильнуть... Этого хочетъ Катенька, которую я люблю. Да знаетъ ли она, чего хочетъ? Не долженъ ли я пойти наперекоръ ей, хотя бы она стала отъ этого и несчастной?“

Конечно, онъ отвѣчалъ себѣ, что долженъ, но не уходилъ, поджидалъ дядю и зналъ, что все-таки будетъ „клянчить“.

„Эхъ, — говорилъ онъ себѣ: — какъ было бы хорошо, если бъ дядя спустилъ меня съ лѣстницы“.

— Стой-ка, стой!—послышался невдалекѣ знакомый голосъ.

Андрей оглянулся и увидѣлъ только-что вынырнувшій изъ-за угла извозчичій экипажъ. Въ немъ сидѣлъ полковникъ, который, увидѣвъ его, схватилъ извозчика за плечо, тотъ потянулъ возжи— и экипажъ остановился.

Полковникъ соскочилъ на мостовую, ткнулъ извозчику деньги и обратился къ Андрею:

— Ты ко мнѣ, голубчикъ? Ну, вотъ, хорошо, что я тебя нагналъ... Идемъ!

— Да я уже тутъ минутъ двадцать шагаю, дядя. Звонилъ къ вамъ, но никто не отвѣтилъ. Ни васъ ни Корнѣя.

— Да, да, Корнѣй ушелъ на явку. Но ничего, у меня есть ключъ. Давно не видались. Что забываешь меня? Ахъ, да, впрочемъ, у тебя есть служба... Нѣтъ, какіе порядки...- говорилъ онъ, когда они поднимались по лѣстницѣ. Казенное учрежденіе. Пріѣзжаю въ девять часовъ, и мнѣ говорятъ, что только къ одиннадцати соберутся. Понимаешь? Народу тамъ, должно-быть, не одна тысяча ждетъ... А впрочемъ, это послѣ... Прежде всего я долженъ спросить тебя о женѣ. Какъ здоровье Катерины Ивановны?

Андрей довольно угрюмо отвѣтилъ и прибавилъ, что Катя кланяется ему. Они вошли въ квартиру.

- Эхъ, и угостить тебя ничѣмъ не могу. Безъ Корнѣя, какъ безъ рукъ. Этакій хитрецъ, пріучилъ меня къ себѣ, и сталъ—

Вѣсти съ войны. Рисунокъ И. А. Владимірова.

Библиотека "Руниверс"

точно какая-нибудь часть моего тѣла. Бѣда, братъ, намъ, одиночкамъ. Есть много преимуществъ, но и бѣда... Какъ же твои дѣла? Разсказывай. Я совсѣмъ потерялъ тебя изъ виду. Э, я вспомнилъ: сливки кипяченыя есть, а кофе я сварю на машинкѣ. Вотъ и угостимся.

Андрей разсказывалъ о своихъ дѣлахъ,—они были самыя заурядныя, и даже больше въ нихъ было пріятнаго, а тонъ у него былъ такой похоронный, какъ будто все это были несчастья.

— Ну, что жъ, отлично. Все недурно. И если еще прибавить, что у тебя есть жена, которая тебя любитъ, то и окажется, что ты одинъ изъ счастливцевъ... А видъ у тебя, между тѣмъ, неважный. Не то заработался, не то съ женой поссорился...

Андрей принужденно усмѣхнулся:

— Нѣтъ, дядя, ничего такого...

— Ну, такъ тѣмъ лучше. А дѣла-то, дѣла каковы! Ну, можно ли было думать, что міръ, послѣ того, какъ онъ такъ далеко ушелъ въ наукахъ и искусствахъ, самъ себя, свои великолѣпные города и парки начнетъ обращать въ груды развалинъ... Ты былъ вчера на улицѣ?

— Нѣтъ, дядя, я не былъ. Катя была и разсказывала.

— А, Катя; ну, такъ она молодецъ! А я попалъ въ самую гущу... Да что со мной сдѣлалось, даже самъ не понимаю. Есть, братъ Андрюша, что-то такое, что сильнѣе насъ. Вѣдь вотъ я—инвалидъ, съ одной дѣйствующей рукой, съ вѣчно ноющимъ плечомъ. Ужъ думалъ: никуда не гожусь. А вчера воодушевился, вскочилъ гдѣ-то на заборъ около новой постройки и сказалъ рѣчь, да какую! Откуда слова взялись. И теперь ужъ кончено: больше мирно жить не могу. И вотъ сейчасъ ѣздилъ, да оказалось, что рано... Ну, такъ опять поѣду и своего добьюсь.

— Чего это, дядя?

— Какъ чего? На войну, въ строй, въ ряды! Если не согласятся, такъ хоть солдатомъ пойду. Понимаешь, такое чувство, что дома оставаться нельзя. Буду денно и нощно чувствовать себя преступникомъ. Да какъ же! Мои товарищи, да и всѣ остальные, нѣсколько милліоновъ людей моихъ соотечественниковъ, подставляютъ грудь подъ пули и ядра, а я тутъ буду сидѣть на пенсіи да пить кофе со сливками! Да ни за что!

— Но какъ же, дядя, вы будете воевать, когда у васъ правая рука не дѣйствуетъ?

— Что такое? Правая рука? А чѣмъ она лучше лѣвой? А я лѣвой теперь дѣйствую не хуже, чѣмъ всякій другой правой. Пусть попробуютъ, пусть сдѣлаютъ экзаменъ моей лѣвой рукѣ! Я, братецъ ты мой, сторонникъ мира. Что можетъ быть лучше мирной, спокойной работы каждаго за своимъ дѣломъ! Но когда этой работѣ мѣшаютъ, когда у моего родного народа изъ-подъ носа хотятъ вырвать кусокъ земли, которую предки его добыли своею кровью, такъ ужъ тутъ — нѣтъ, братъ, шалишь! Мирная работа на время въ сторону; я захлопываю книжку и запираю въ шкапъ кофейную машинку. Надо обороняться... Что? Развѣ не такъ?.. Ну, а пока кофейная машинка не заперта, вотъ и кофе вскипѣлъ. Тащи-ка изъ кухни сливки, тамъ гдѣ-то Корнѣй ихъ поставилъ,—и давай кутить, — ха-ха-ха!.. Пока мирно, а потомъ посмотримъ!.. Черезъ часъ я опять поѣду туда и ужъ вернусь домой не иначе, какъ зачисленнымъ на дѣйствительную службу.

V.

И Андрей пилъ кофе и слушалъ воинственныя рѣчи дяди Леши, и ему даже въ голову не приходило сказать ему о цѣли своего посѣщенія. Ну, какъ же въ самомъ дѣлѣ! Человѣкъ, прожившій уже главную и значительно бо̀льшую часть жизни, лишенный руки, вѣчно страдающій отъ боли въ плечѣ, — и вотъ онъ при извѣстіи о войнѣ весь зажегся и горитъ, какъ костеръ. Глаза его блестятъ, голосъ звучитъ, какъ труба, явилась какая-то, несвойственная ему, подвижность, лицо оживилось, даже станъ выпрямился. Прямо чудо какое-то.

И этотъ человѣкъ, до сихъ поръ такъ любившій покой и свою уютную квартирку и свое безмятежное одиночество, рвется на войну, готовъ стать хоть на передовыя позиціи. И такому человѣку, въ такомъ настроеніи предъявить просьбу, чтобъ онъ хлопоталъ объ освобожденіи отъ военной службы, — кого?—его, Андрея, молодого, здороваго, сильнаго!

Нѣтъ, это невозможно. Онъ не пойметъ, онъ просто не станетъ слушать. Да и кромѣ того, Андрею самому съ каждой минутой становилось все болѣе и болѣе стыдно своего намѣренія. Оно не отъ него исходило, оно было навязано ему,—но развѣ это не все равно? Человѣку убѣжденному нельзя навязать рѣшеніе, противорѣчащее его убѣжденію. И если онъ скажетъ дядѣ, то будетъ отвѣчать передъ нимъ онъ, а не Катя.

А полковникъ ударился въ воспоминанія о прошлой войнѣ, которая сыграла такую роковую роль въ его жизни. Но ни малѣйшей горечи не было въ его словахъ. Онъ потерялъ руку, но это случайность,—онъ исполнялъ свой долгъ. Другіе, столь же храбрые, ничего не потеряли, а иные отдали жизнь. И всѣ равны передъ родиной, потому что всѣ съ одинаковой готовностью несли ей свою жизнь.

Андрюшѣ уже было пора итти на службу, но онъ не двигался. Разсказы дяди были такъ интересны и живы, что ему хотѣлось слушать ихъ безъ конца.

Въ кухнѣ щелкнулъ ключъ въ замкѣ, и кто-то вошелъ.

— Это—Корнѣй!—сказалъ полковникъ и громко черезъ дверь прибавилъ:—Ну, что, вояка, записался?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе! — зычнымъ голосомъ отвѣтилъ изъ кухни Корнѣй:—все сдѣлано, какъ слѣдуетъ быть

— А не забраковали тебя? Не нашли, что ты отпустилъ слишкомъ большой животъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе!

— Ну, иди сюда!

И Корнѣй вошелъ и своимъ видомъ изумилъ полковника.

— Какъ! Ты уже въ военномъ?

— Такъ точно. Сразу и обрядили!..

На немъ дѣйствительно была солдатская шинель, подъ нею тоже что-то военное, а на ногахъ новые большіе сапоги.

— Ну, скажите, пожалуйста!—говорилъ полковникъ, со всѣхъ сторонъ разглядывая его.—Онъ уже готовъ! Вишь, какъ ему повезло. Ну, такъ ѣду и устраиваю свои дѣла. Ахъ, Андрюша, вѣдь и ты тоже пойдешь. Льгота твоя кончилась. Эхъ, если бъ намъ всѣмъ троимъ въ одно мѣсто. Весело было бы.

— Да,—сказалъ Андрей:—я пойду.

— Только ужъ, ваше высокоблагородіе,—промолвилъ Корнѣй:—ежели что, такъ я въ строй. Денщика ужъ, пока что, другого возьмите. А опосля, ежели останусь цѣлъ, всю жизнь буду служить вамъ.

— Э, милый, какіе же на войнѣ денщики. Тамъ, братъ, генералы должны сами для себя печь картофель. Ну, а пока мы еще не на войнѣ, помоги-ка мнѣ одѣться. А когда тебѣ приказано явиться?

— Завтра къ полудню.

— Ну, идемъ же, Андрей... Тебѣ еще въ штатскомъ погулять придется до призыва, но, кажется, не долго. Призывъ навѣрно будетъ нынче раньше. А изъ тебя хорошій солдатъ выйдетъ, право! Правда, Корнѣй? Этакихъ немного найдется.

— Андрей Васильевичъ на васъ похожи, какъ ваше высокоблагородіе до войны были. Такіе же бравые...

— Вишь, хитрецъ, косвеннымъ образомъ комплименты мнѣ говоритъ.

— Скорѣе мнѣ, дядя,—сказалъ Андрей, и они направились въ переднюю.

Корнѣй уже былъ тамъ. Онъ распахнулъ плащъ и накинулъ его на плечи полковника, у Андрея же не было пальто. Они вышли на улицу. Полковникъ позвалъ извозчика, усадилъ Андрея и довезъ его до мѣста службы.

— А знаешь что,—сказалъ онъ, прощаясь съ племянникомъ:—я давно не видалъ твоей жены, а она милая, и я ее люблю. Пригласи-ка меня сегодня обѣдать.

— Но, дядя, неужели надо приглашать? Мы съ Катей всегда рады вамъ.

— Ну, вотъ и прекрасно. Значитъ, буду.

И онъ уѣхалъ. Андрей, придя на службу, сейчасъ же послалъ Катеринѣ Ивановнѣ записку о томъ, что сегодня у нихъ будетъ обѣдать дядя Леша, и чтобы она къ этому приготовилась. Но о своемъ свиданіи и о томъ, былъ ли у него тотъ разговоръ съ дядей, онъ не сообщилъ ни слова. Да и какъ было сообщить? Въ запискѣ онъ могъ только упомянуть о фактѣ: не просилъ дядю. Но все то сплетеніе обстоятельствъ, какое случилось, и тѣ переживанія, что онъ испыталъ, и что остановило его, на бумагѣ онъ не могъ описать.

Нѣкоторое время послѣ прощанія съ дядей состояніе его души было подавленное. Самъ за себя онъ уже рѣшилъ, какъ поступить: подчиниться непосредственному движенію своего сердца. Оно, это движеніе, было ясно съ самаго начала, съ того момента, какъ жена сообщила ему о войнѣ. И онъ уже пообѣщалъ себѣ, что такъ и поступитъ. Послѣ разговора съ полковникомъ онъ понялъ, что, несмотря ни на какую горячую любовь, тутъ нельзя сдѣлать уступки.

Но для него было еще неясно, какой оборотъ примутъ его отношенія къ Катенькѣ. Будутъ огорченіе, обида, слезы, упреки,—все это онъ приготовился мужественно перенести. Но вѣдь можетъ быть и хуже. Она сдѣлаетъ выводъ, что онъ разлюбилъ ее, и вотъ—драма.

Да, онъ слишкомъ былъ неопытенъ и вовсе не зналъ женщинъ. Если бы это было не такъ, то онъ сообразилъ бы, что, поступи онъ по ея совѣту, она же впослѣдствіи, когда пройдетъ опасность, упрекнула бы его за слабость, и всѣ тѣ, что исполнили свой долгъ, котораго онъ по ея настоянію не исполнилъ, казались бы ей героями, а онъ трусомъ.

Но потомъ подавленное настроеніе прошло. Причиной этого были несмолкаемые разговоры его сослуживцевъ, которые всѣ неожиданно оказались большими патріотами и воинственными людьми.

Работать никто не хотѣлъ. Всякія тамъ конторскія книги и цифры въ сравненіи съ тѣмъ огромнымъ всенароднымъ дѣломъ, которое заполонило всѣ умы, казались такими нестоящими пустяками, о которыхъ не хотѣлось думать.

Въ самомъ дѣлѣ, къ чему работать, громоздить цифры, подводить итоги, если завтра все можетъ измѣниться, можетъ-быть — новая карта Европы будетъ, и все будетъ по-новому, и вся эта работа пойдетъ на смарку.

Все это, конечно, было только въ первые дни неизвѣстности и тревоги, а потомъ все успокоилось, и всѣ поняли, что до новой карты Европы еще очень далеко.

Но на Андрея это общее настроеніе произвело отрезвляющее дѣйствіе. Если все такъ неопредѣленно, неизвѣстно и непрочно,

Библиотека "Руниверс"

то нечего тревожиться изъ-за какой-то личной драмы. Сколько людей сегодня улыбаются, мечтают объ устроеніи своей жизни, а черезъ недѣлю, быть-можетъ, уста ихъ сомкнутся навсегда. Такъ, по крайней мѣрѣ, у каждаго должно быть сознаніе, что онъ исполняетъ свой долгъ.

И тутъ ему снова вспомнились и Костя, и технологъ (котораго, какъ это ни странно, уговорила Катя), и дядя Леша, и Корнѣй, особенно эти двое, которые уже однажды исполнили свой долгъ, а теперь съ горящими глазами идутъ исполнять его вторично.

И стало стыдно даже за минуты колебанія, и какъ-то само собою рѣшилось, что Катѣ надо сказать это прямо, безъ всякихъ оговорокъ, и съ такой твердостью, чтобы она даже не рѣшилась отговаривать.

VI.

Катерина Ивановна, получивъ записку отъ мужа, принялась за усиленныя хлопоты. Она поняла дѣло по-своему: полковникъ на просьбу Андрея откликнулся не особенно охотно. Онъ вообще терпѣть не можетъ просить своихъ знакомыхъ, которые прежде были его товарищами, а теперь ушли далеко и стали важными персонами. И вотъ его надо задобрить.

Поэтому она купила его любимыхъ анчоусовъ, бутылку краснаго французскаго вина, а въ качествѣ сладкаго достала меренги, словомъ—сдѣлала, что могла, и порядочно-таки разорилась.

Прислуга, служившая и горничной и кухаркой, узнавъ, что дѣло идетъ о полковникѣ, приложила все свое искусство, чтобы обѣдъ вышелъ получше.

Обѣдали обыкновенно въ половинѣ шестого, когда приходилъ со службы Андрей. Къ этому времени Катерина Ивановна и ждала полковника. И хорошо еще, что она раньше принарядилась, такъ какъ полковникъ, сверхъ ожиданія, позвонилъ, когда еще и пяти часовъ не было.

Но что за лицо у него было, когда онъ вошелъ! Катерина Ивановна въ первое мгновеніе даже не узнала его. Онъ сбрилъ свою довольно длинную бороду и оставилъ только густые, закрученные кверху, усы и совершенно преобразился.

— Что? Не узнали? Помолодѣлъ? А?—говорилъ онъ, цѣлуя ея маленькую ручку.— Да ужъ, знаете, время такое, что не до бороды. Съ нею еще возись да расчесывай, да еще нѣмецъ какой-нибудь за бороду тебя таскать вздумаетъ... А мужа нѣтъ еще?

— Онъ скоро придетъ,—отвѣтила Катерина Ивановна, пристально разсматривая его и дивясь перемѣнѣ.—Безъ всякой лести скажу,—прибавила она:—что вы помолодѣли на десять лѣтъ,—ужъ это самое меньшее.

— Ага! Такъ и надо. Нынче стариковъ нѣтъ въ Россіи. Всѣ стали молоды. Всѣ горимъ молодымъ огнемъ... Ну, дорогая моя,—говорилъ онъ, усаживаясь на диванѣ:—вы можете меня поздравить: меня приняли на службу, и я ѣду на войну!

— Какъ? Вы? Какимъ же это образомъ? Это въ какомъ-нибудь переносномъ смыслѣ?

— Что? Въ переносномъ? Въ самомъ прямомъ, голубушка. Не хотѣли. Косились на мою правую руку: а я, знаете, какъ сталъ лѣвой-то продѣлывать имъ разныя штуки—и съ ружьемъ, и съ шашкой, и съ чѣмъ хотите, такъ они ахнули. Ну, однимъ словомъ, послѣзавтра ѣду туда, въ дѣйствующую армію.

И не только отъ снятія бороды помолодѣлъ полковникъ, а молодыми стали его глаза и движенія и голосъ. И теперь Катерина Ивановна видѣла, что между нимъ и Андреемъ ужасно много общаго. Такая же фигура и то же лицо. Только Андрей отъ конторской работы нѣсколько какъ будто завялъ, и дядя казался, пожалуй, даже моложе его.

И, должно-быть, отъ повышеннаго настроенія онъ все время говорилъ, такъ что ей оставалось только слушать. Когда онъ вышелъ, она начала-было обдумывать, какъ бы перевести разговоръ на Андрея и поискуснѣе перейти къ той просьбѣ, съ которой онъ сегодня ѣздилъ къ нему. И вначалѣ нѣсколько разъ порывалась перевести на это разговоръ.

Но полковникъ заглушалъ ее своимъ зычнымъ „командирскимъ“ голосомъ. А потомъ она забыла объ этомъ и совсѣмъ не вспоминала. Рѣчи полковника были такъ интересны, столько было въ нихъ подъема и воодушевленія, что просто пріятно было ихъ слушать.

Онъ разсказывалъ о томъ, что дѣлается въ призывныхъ пунктахъ, какое нетерпѣніе выражается на лицахъ у призванныхъ. Никто не хочетъ ждать, а всѣмъ нестерпимо хочется, чтобы ихъ поскорѣе записали и отправили воевать.

— Да, милая,—говорилъ онъ:—эта война особенная. Воевать будутъ не спеціалисты-военные только, а вся Россія. Ну, просто вотъ вся сдвинется съ мѣста, помолится на востокъ и пойдетъ на западъ. Нѣмцы этого не знаютъ, и въ этомъ вся ихъ бѣда. Если бъ знали, то, можетъ-быть, поудержались бы. Они вѣдь все по цифрамъ, все у нихъ на математикѣ основано. Шпіоны имъ доложили, что у насъ столько-то войска и столько-то пушекъ да ружей, они и дѣлаютъ тамъ свои выкладки. Мы, дескать, на десятокъ солдатъ погонимъ полтора, на одну пушку поставимъ двѣ... А у насъ-то не въ пушкахъ дѣло, а въ духѣ. Русскій духъ поднялся. Вся Русь, почуявъ смертельнаго врага, встала и идетъ всей своей неукротимой мощью. Вотъ оно въ чемъ дѣло, голубушка!

Слушала эти рѣчи Катерина Ивановна и чувствовала, какъ у нея въ груди словно что-то зажигается. И не только ей страннымъ казалось, что можно думать иначе, и что она иначе думала, а самой ей хотѣлось надѣть военную шинель, взять въ руки ружье и итти вмѣстѣ съ полковникомъ въ первые ряды.

— Какъ это досадно, что насъ, женщинъ, не берутъ на войну!—воскликнула она въ порывѣ воодушевленія.—Я пошла бы и научилась бы владѣть ружьемъ. Вотъ вы говорите: вся Русь идетъ. А насъ, женщинъ, оставляютъ. Развѣ это справедливо?

Полковникъ улыбнулся.

— И вы пойдете, дитя мое. Ружье? Но развѣ для войны нужно только ружье? Къ сожалѣнію, столько же нужны бинты, нѣжный уходъ и утѣшающая улыбка. Вы сдѣлаете все это лучше, чѣмъ мы, а для ружья ваши ручки слишкомъ малы и слишкомъ красивы... А!—воскликнулъ онъ, когда изъ передней въ комнату вошелъ Андрей.—Вотъ настоящій вояка! Ужъ не знаю, какимъ онъ тамъ послѣ войны будетъ юристомъ, а солдатъ изъ него выйдетъ прекрасный.

Когда они сѣли обѣдать, то выяснилось, что Катерина Ивановна завтра же поступаетъ на курсы для подготовки въ сестры милосердія.

— Нѣтъ, нѣтъ,—говорила она:—нельзя такъ сидѣть, сложа руки, читать газеты да сочувствовать! Всякій долженъ что-нибудь сдѣлать! Вы, господа, будете сражаться, подставлять свою грудь подъ удары непріятеля, а я буду лѣчить и утѣшать васъ.

Такъ и прошелъ весь обѣдъ. О томъ, что такъ удручало ее вчера и утромъ и заставило послать мужа къ полковнику, она даже и не вспоминала. Это такъ не совмѣщалось съ тѣмъ подъемомъ, который охватилъ ихъ всѣхъ троихъ.

И потомъ, на слѣдующій день и послѣ, ни о чемъ подобномъ не было и рѣчи. Она даже не хотѣла вспоминать о своей слабости. Андрей ждалъ призыва, а Катерина Ивановна начала ходить на курсы.

Полковникъ же уѣхалъ на западъ вмѣстѣ съ Корнѣемъ и, уѣзжая, предоставилъ Катеринѣ Ивановнѣ свою квартиру, которая была предусмотрительно оплачена за полгода, да кромѣ того вручилъ ей нѣкоторую сумму изъ своихъ сбереженій.

— Когда научитесь ухаживать за больными, и если въ этомъ будетъ надобность—можете у меня въ кабинетѣ и въ гостиной устроить маленькій лазаретъ. Вамъ на это хватить, да я еще и оттуда пришлю,—разумѣется, если нѣмецкая пуля не прошибетъ мнѣ лобъ.

А Андрея онъ на прощанье горячо обнялъ и сказалъ:

— До свиданія на позиціяхъ!

Галиційская пѣсня.

Неподвижны крылья мельницъ.
Что молоть-то! Хлѣбъ не сжатъ.
Грустно вѣтки липъ-отшельницъ
Надъ Галиціей дрожатъ.

Горько, братья, тошно, братья,
Посылать своихъ дѣтей
Подъ австрійскія проклятья,
Подъ удары ихъ плетей!

Въ день суровый бабы выли—
Не излѣчится тоска,
Если въ рекруты забрили
И сынка и муженька.

Да велятъ итти сражаться
Съ братомъ русскимъ, какъ съ врагомъ...
Какъ же сердцу тутъ не сжаться
Тайной мыслью о другомъ!

Съ Богомъ, братья! Рабство сбросимъ,
Смѣло вспрянемъ безъ оковъ,
Мы недаромъ имя носимъ
Угро-руссовъ отъ вѣковъ.

Пусть война встаетъ пожаромъ—
Въ немъ свободы намъ заря,
Тамъ трепещетъ въ блескѣ яромъ
Знамя Бѣлаго Царя.

Прочь кокарды и погоны
Швабовъ! Выше русскій стягъ!
Мы австрійскіе патроны
Не истратимъ на пустякъ!

Пусть не сняли урожая,
Но зато нашъ мирный край,
Австріяковъ поражая,
Сниметъ славы урожай!

Георгій Ивановъ.

Библиотека "Руниверс"

Женевская конвенція.

Къ 50-лѣтію со дня ея подписанія.

Среди грома орудій, въ потокахъ крови, обагрившей всю Европу, исполняется юбилей одного изъ величайшихъ актовъ милосердія—50-лѣтіе Женевской конвенціи.

На языкѣ международнаго права война есть борьба двухъ или нѣсколькихъ вооруженныхъ и организованныхъ силъ, т.-е. армій. Борьба ведется только между этими силами и не должна затрагивать жизнь и имущество мирныхъ гражданъ. Военно-плѣннымъ считается только лицо, принадлежащее къ воюющей арміи. Военный плѣнъ является только временнымъ лишеніемъ свободы, но самъ плѣнникъ неприкосновененъ. Плѣнные могутъ быть употреблены на работы, но съ условіемъ, чтобы эти работы не были унизительны или тяжелы и не были военными. Плѣнникъ долженъ содержаться государствомъ на его средства, и приблизительно такъ же, какъ и солдаты арміи этого государства.

Гуманность нашего вѣка приняла въ расчетъ положеніе раненыхъ и путемъ соглашенія государствъ выработала и для нихъ условія, достойныя вѣка просвѣщенія и гуманности. Актъ международнаго соглашенія относительно защиты и нейтралитета раненыхъ называется „Женевской конвенціей" и выработанъ и принятъ въ 1864 г.

50 лѣтъ тому назадъ былъ созванъ международный съѣздъ представителей европейскихъ государствъ въ городѣ Женевѣ, и на немъ были выработаны основы того договора, который и носитъ названіе „Женевской конвенціи". Собравшіеся офиціальные представители 16 государствъ приняли этотъ договоръ, и съ тѣхъ поръ онъ дѣйствуетъ и понынѣ. Несмотря однако на то, что приглашеніе на Женевскую конференцію было послано всѣмъ государствамъ, на засѣданія прибыли, какъ мы уже сказали, только 16. Не прислали своихъ представителей Турція, Соединенные Штаты, Персія, Японія, Боливія, Чили, Аргентинская республика и Перу. Однако теперь къ договору всѣ они примкнули, и только одна Турція осталась свободной и не связанной Женевской конвенціей.

По точному смыслу этого договора всѣ госпитали съ ранеными, весь медицинскій персоналъ, всѣ перевязочные пункты считаются нейтральными до тѣхъ поръ, пока тамъ находятся больные и раненые. Такіе пункты не могутъ быть подвергнуты ни обстрѣлу, ни плѣненію, ни нападенію со стороны непріятельской арміи, и все, что обслуживаетъ раненаго, неприкосновенно въ смыслѣ враждебныхъ дѣйствій. Весь персоналъ госпиталей и походныхъ лазаретовъ (съ интендантами, санитарными и административными чинами, съ лицами, на которыхъ возложена перевозка раненыхъ, съ полковыми священниками и пр.) неприкосновененъ, подлежитъ защитѣ и обязуется тоже не принимать никакихъ враждебныхъ дѣйствій противъ непріятельской арміи, исполняя лишь обязанности подачи помощи и ухода за ранеными.

Если непріятель займетъ территорію, на которой находится госпиталь или перевязочный пунктъ, то персоналъ такого госпиталя можетъ продолжать свое дѣло, оставаясь на мѣстѣ, но можетъ и уходить. Раненые и больные воины должны быть принимаемы на перевязочные пункты, госпитали и лазареты и призираемы, не взирая ни на національность ни на вѣроисповѣданіе. Главнокомандующіе имѣютъ право всѣхъ раненыхъ во время даже сраженія передавать немедленно на непріятельскіе форпосты, т.-е. передовые пункты непріятельской арміи. Если такіе раненые оправятся отъ своихъ ранъ, то ихъ не задерживаютъ, а отпускаютъ на родину, и только съ нихъ берется слово, что они не подымутъ снова оружія противъ отпускающаго ихъ врага въ теченіе всей войны. Если раненый или больной воинъ принятъ въ частный домъ, то и домъ уже считается подъ охраной правилъ нейтралитета. Каждый житель, принявшій къ себѣ раненаго, получаетъ извѣстныя привилегіи (освобождается отъ постоя и отъ наложенной контрибуціи).

Для того, чтобы враждующія стороны знали, кто изъ лицъ непріятельской арміи подлежитъ нейтралитету, какъ причастный къ дѣлу ухода и лѣченія больныхъ и раненыхъ,—установленъ внѣшній отличительный знакъ: повязка на рукѣ съ краснымъ крестомъ на бѣломъ полѣ. Раздача такихъ знаковъ должна производиться только военной властью, а тотъ, кто надѣваетъ такую повязку, не имѣя на то права, подвергается строгой отвѣтственности. На всѣхъ лазаретахъ, госпиталяхъ и пунктахъ, занятыхъ ранеными, выставляется тоже флагъ съ краснымъ крестомъ. Турція вмѣсто краснаго креста употребляетъ красный полумѣсяцъ на бѣломъ же полѣ, а Японія, сохранивъ красный крестъ, разграфила его бѣлыми поперечными полосами въ четыре красныхъ четыреугольника.

Эмблемой Краснаго Креста могутъ пользоваться также всевозможныя общества, посвятившія себя уходу за больными и ранеными воинами въ періодъ войны, а также духовные рыцарскіе ордена (іоанниты, мальтійцы, орденъ св. Георгія и пр.).

До основанія Краснаго Креста и до постановленія Женевской конвенціи раненые оставались почти безъ всякаго призора, и только въ тѣхъ случаяхъ, когда частныя лица брали на себя заботу о нихъ, они получали необходимый уходъ и лѣченіе. Такъ, напримѣръ, въ Крымскую войну миссъ Найтингаль путемъ воззванія къ гражданамъ Англіи собрала извѣстную сумму и, организовавъ свой отрядъ, отправилась на поле битвы. То же самое сдѣлали и Великая Княгиня Елена Павловна, миссъ Станлей и другія.

Положеніе раненыхъ было ужасно, и извѣстный швейцарскій писатель, путешественникъ и филантропъ Анри Дюнанъ вызвалъ своими сочиненіями съ описаніемъ бѣдственнаго положенія раненыхъ созывъ Женевской конференціи, а вмѣстѣ съ этимъ и Женевскую конвенцію. Книга Дюнана „Souvenirs de Solferino" съ описаніемъ положенія раненыхъ вызвала откликъ во всѣхъ уголкахъ цивилизованнаго міра и поставила вопросъ объ улучшеніи судьбы раненыхъ и больныхъ воиновъ. Это-то общее сочувствіе и дало возможность появиться на свѣтъ соглашенію всѣхъ европейскихъ государствъ и организовать учрежденіе Краснаго Креста.

Постановленія Женевской конференціи впослѣдствіи были дополнены новыми статьями, и расширены дѣйствія Краснаго Креста. Теперь Красный Крестъ можетъ участвовать и въ оказаніи помощи раненымъ при морской войнѣ. Для этого сооружаются особливыя суда-лазареты, и они пользуются такимъ же нейтралитетомъ, какъ и сухопутныя. Ихъ не могутъ обстрѣливать или захватить, какъ и весь персоналъ врачей и санитаровъ, находящихся на судахъ. Кромѣ того, санитаровъ не могутъ задержать даже и въ томъ случаѣ, если они находятся на судахъ, подлежащихъ захвату.

Хотя Общества Краснаго Креста и являются національными, но тѣмъ не менѣе они объединены въ международный союзъ; поэтому-то и существуетъ такъ называемый „Международный Комитетъ Краснаго Креста", находящійся въ Женевѣ и дѣйствующій съ 1864 г. Комитетъ объединяетъ дѣйствія Краснаго Креста и слѣдитъ за точнымъ исполненіемъ правилъ конференціи и Женевскаго договора.

Комитетъ выдаетъ преміи за лучшія изобрѣтенія для уменьшенія страданій раненыхъ воиновъ. Преміи эти выдаются изъ капитала въ 100.000 рублей, оставленнаго на этотъ предметъ Государыней Императрицей Маріей Ѳеодоровной.

Организованы Общества Краснаго Креста различно въ различныхъ государствахъ. Въ Россіи Общество Краснаго Креста возникло 3 мая 1867 г. по иниціативѣ фрейлины М. С. Сабининой и сейчасъ же было принято подъ покровительство Государыни Императрицы Маріи Александровны.

Въ мирное время наше Общество Краснаго Креста совершенно самостоятельно и не зависитъ отъ военнаго вѣдомства, а въ военное подчинено главнокомандующему арміей. Отдѣленія Общества находятся въ разныхъ мѣстахъ, и ихъ въ настоящее время около 640, но они всѣ подчинены Главному Управленію, находящемуся въ Петербургѣ. Въ Обществѣ насчитываютъ около 24.000 членовъ, и ими созданы многочисленныя больницы, общины, лѣчебницы для приходящихъ, пріемные покои и инвалидные дома, пріюты и санаторіи, какъ для взрослыхъ, такъ и для дѣтей. Доходы общества слагаются изъ всякихъ сборовъ, а также постоянныхъ членскихъ взносовъ и одновременныхъ пожертвованій. Мѣстные отдѣлы Общества Краснаго Креста 10% всѣхъ своихъ доходовъ отправляютъ въ Главное Управленіе, а изъ остальныхъ 90% производятъ текущіе расходы. Остатокъ дѣлится съ такимъ расчетомъ, чтобы $^2/_3$ его перечислялись въ капиталъ на случай войны, а $^1/_3$—въ капиталъ на содержаніе престарѣлыхъ и увѣчныхъ воиновъ.

Въ мирное время Общество занято приведеніемъ своихъ денежныхъ средствъ въ наибольшую готовность на случай войны, и съ момента объявленія мобилизаціи всѣ расходы производятся по распоряженію и усмотрѣнію Главнаго Управленія Краснаго Креста. Военная дѣятельность нашего Краснаго Креста началась съ момента похода нашихъ войскъ въ Туркестанъ, т.-е. съ 1868 г. Русско-турецкая война застала нашъ Красный Крестъ въ состояніи уже налаженномъ и хорошо организованномъ, и онъ показалъ, какую пользу арміи можетъ принести подобнаго рода учрежденіе. Въ эту войну Краснымъ Крестомъ было перевезено болѣе 100.000 раненыхъ и больныхъ воиновъ, а въ его лазаретахъ получили медицинскую помощь 134.000 раненыхъ и больныхъ солдатъ и офицеровъ.

Нашъ Красный Крестъ оказывалъ помощь обѣимъ воюющимъ сторонамъ и въ кровавую войну Германіи съ Франціей 1870—71 г.г., а также на абиссинско-итальянскомъ театрѣ войны, оказавъ помощь 30.000 раненымъ. Работалъ нашъ Красный Крестъ и въ англо-бурскую войну, и въ греко-турецкую, и въ испанско-американскую.

Такова организація и польза, принесенная учрежденіемъ, вызваннымъ гуманнымъ чувствомъ народовъ и правительствъ къ войнѣ и воинамъ. Теперь къ ихъ услугамъ десятки тысячъ врачей, сотни тысячъ сестеръ милосердія и громадныя средства, которыми располагаютъ всѣ организаціи Краснаго Креста въ Европѣ.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ**. Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ**.

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. Марксъ**, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Библиотека "Руниверс"

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г. № 35.
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ
XLV г. изданія
Выданъ 30 августа 1914 г.
Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ страп. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. А. Н. Майкова" кн. 7.

Новое изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА

СРЕДНЕ-ЕВРОПЕЙСКАГО ТЕАТРА

ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

Подъ редакціей проф. **Ю. М. ШОКАЛЬСКАГО.**

(Россія, Франція, Англія, Бельгія, Австро-Венгрія и Германія), печатанная шестью красками, размѣромъ 82×120 сантиметровъ. Въ масштабѣ 1:2.100.000 (50 верстъ въ дюймѣ).

Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ (около 10.000) географическихъ названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія.

Цѣна съ пересылкою одинъ рубль.

Требованія и деньги просимъ адресовать въ Контору изданій Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22. Изданіе это имѣется также въ конторѣ Н. Н. Печковской въ Москвѣ (Петровскія линіи), въ кн. магазинѣ „Образованіе" въ Одессѣ (Дерибасовская, 18) и во всѣхъ больш. книжн. магазинахъ.

ЛЮБИТЕЛЯМЪ МУЗЫКИ.

Собраніе трудныхъ пьесъ русскихъ композиторовъ въ **легкомъ переложеніи** въ 4 руки
3116 3-1

В. ЛАНДШТЕЙНА.

25 №№ сочиненій Чайковскаго, Рахманинова, Аренскаго, Кюи, Метнера, Скрябина, Амани, Панченко, Акименко, Бармотина и Бубека. Цѣны отъ 25 коп. до 60 коп.

П. ЮРГЕНСОНЪ, Москва, Неглинный пр., 14.

„СЮЗАННА ИЛИ ОРѢШЕКЪ"

Очароват. мин. Грабины (автора „Тамбов. Случая"). Ц. 20 к. Петроградъ, Литейн., № 49. Театр. Библ. Ларина. 3226

„РАБСТВО СЛУЖБЫ

смѣни на свое хозяйств. дѣло съ доходомъ 2—6,000 р. въ годъ!"... Переводъ изв. книги кн. Кропоткина Ц. 1 р. 95 к. налогом. (теперь—**особенный успѣхъ** этого желан. дѣла!). **Требуйте подробн.**—высыл. **безплатно:** Кн—во „Новая Жизнь и Наука". **Москва,** Ср. Переславская, 12—А. 3226

ПЕТРОГРАДСКІЙ ГОРОДСКОЙ КОМИТЕТЪ.

ЖЕРТВУЙТЕ НА НУЖДЫ БОЛЬНЫХЪ и РАНЕНЫХЪ ВОИНОВЪ

ПРИДИТЕ НА ПОМОЩЬ СЕМЬЯМЪ ЗАЩИТНИКОВЪ РОДИНЫ.

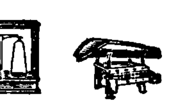
ПРІЕМЪ ПОЖЕРТВОВАНІЙ ПРОИЗВОДИТСЯ:

1) Въ зданіи городской думы.
2) Въ городскомъ попечительствѣ о бѣдныхъ. 3227 4-1
3) Во всѣхъ крупныхъ банкахъ.

ФАБРИКА ВѢСОВЪ И ГИРЬ

Т. Д. **АРНДТЪ, ДМИТРІЕВЪ,**

инженеръ **ВЕРШОВЪ.**



Москва, Б. Дорогомиловская, № 28.
Тел. 2-44-38. Телегр. адресъ: МОСКВА—ВѢСЫ.

Вѣсы и разновѣсы всегда имѣются готовыми: для аптекъ, аптек. магаз., **БОЛЬНИЦЪ и ГОСПИТАЛЕЙ,** лабораторій, учебныхъ заведеній, фабрикъ, заводовъ и друг. назначеній. 3225

Прейсъ-курантъ по требованію безплатно.

ФОТОграфическіе снимки Испанскихъ и Французскихъ красавицъ. Русск. каталогъ 40 коп. почт. марками: **Gennert, Calle Padua Barcelona** (Испанія). 2999 13-12

Министерство Торговли и Промышленности. **СЧЕТОВОДНЫЕ КУРСЫ**

Московскаго Общества Распространенія Коммерческаго Образованія.

Открытъ пріемъ прошеній на основной и спеціальный семестры; начало занятій 9-го Сентября. Принимаются лица обоего пола, всякаго образованія. Слушатели Курсовъ имѣютъ право посѣщать эпизодическія лекціи, читаемыя **профессорами московскаго коммерческаго института.** На спеціальномъ семестрѣ преподаются: счетоводство фабричное, банковое, земское и кооперативное. Обученіе **каллиграфіи, стенографіи и работѣ на пишущихъ машинахъ.** Свѣдѣнія и программы высылаются за пять 2-хъ копеечн. марокъ, краткій проспектъ—безплатно. Адресъ Канцеляріи: Москва, Стремянный пер., помѣщ. Московскаго Коммерческаго Института. 6-6 3169

С.-Петербургскіе Желѣзнодорожные Курсы,

состоящіе въ вѣдѣніи ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Техническаго Общества. Существуютъ съ 1903 года.

Подготовляютъ для службы на желѣз. дорогахъ, какъ станціонныхъ агентовъ по технич. и коммерч. движенію и телеграфу, такъ равно и агентовъ для Правленій и Управленій жел. дор. по Службѣ Сборовъ и по Коммерч. Части. Слушателями принимаются лица мужск. пола, не моложе 16 лѣтъ, окончив. курсъ учил. съ програм. не ниже сельск. двухклас. учил. М. Н. П. и лица женс. пола, не моложе 18 лѣтъ, представившія свидѣтельства объ окончаніи не ниже 4 клас. сред. учебн. завед. Занятія вечернія, практическія же могутъ быть и дневныя. Курсъ обученія одногодич., съ 1-го по 1-е Октября вмѣстѣ съ трехмѣсяч. лѣтней практикой, по возможности, на желѣзныхъ дорогахъ. **Совѣтъ Курсовъ ходатайствуетъ о распредѣленіи успѣшно окончившихъ Курсы на желѣзнодорожную службу.** Плата 150 р. вносится по полугодіямъ. Прошенія подаются заблаговременно. Подробн. свѣдѣнія объ условіяхъ пріема на Курсы и прохожденія курса выдаются въ Канцеляріи Курсовъ: Петроградъ, Бронницкая ул., д. № 7, или высыл. за двѣ 7 коп. марки. Въ этихъ свѣдѣніяхъ имѣются также данныя объ успѣхахъ Курсовъ за минувшее десятилѣтіе ихъ дѣятельности и одобрительный отзывъ Министерства Путей Сообщенія. 3229

ВОЙНА НЕ МѢШАЕТЪ РАБОТАТЬ.

На многочисленные запросы заинтересованныхъ лицъ сообщаемъ, что война не мѣшаетъ намъ работать:

КАКЪ ПРЕЖДЕ, мы продаемъ наши быстровязальныя автоматическія машины „**Викторія**" по цѣнѣ Р. 100.—.

КАКЪ ПРЕЖДЕ, всякій, купившій машину, становится нашимъ сотрудникомъ.

КАКЪ ПРЕЖДЕ, мы платимъ за работу дюжины паръ чулокъ или носковъ нашимъ сотрудникамъ по Р. 1.50.

КАКЪ ПРЕЖДЕ, наши сотрудники зарабатываютъ ежемѣсячно Р. 50.— и болѣе. 3224

Машины и разнообразная пряжа въ большомъ запасѣ на складѣ. Машина вѣситъ около 1 пуда, желающимъ высылается по почтѣ. Подробности по первому требованію безплатно.

Товарищество Вязальныхъ Машинъ ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ КЮНАУ и Ко (Лондонъ, E. C. 114 Leodenhall Street).

ПЕТРОГРАДЪ, Невскій, 40—42. Отд. 11 В. МОСКВА, Красныя ворота, д. Афремова. Отд. 11 В. Нижній-Новгородъ. Главный домъ, 68.

28-й годъ. Основан. въ 1886 году, разрѣшенные Начальствомъ **28-й годъ.**

КУРСЫ и БЮРО БУХГАЛТЕРІИ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ,

преподавателя бухгалтеріи московскаго учительскаго института.

МОСКВА, Тверская ул., уголъ Леонтьевскаго пер., д. № 33, бывш. Полякова. 3195 8-2

1-го СЕНТЯБРЯ НАЧАЛО ОБЩАГО КУРСА. Программы высылаются безплатно.

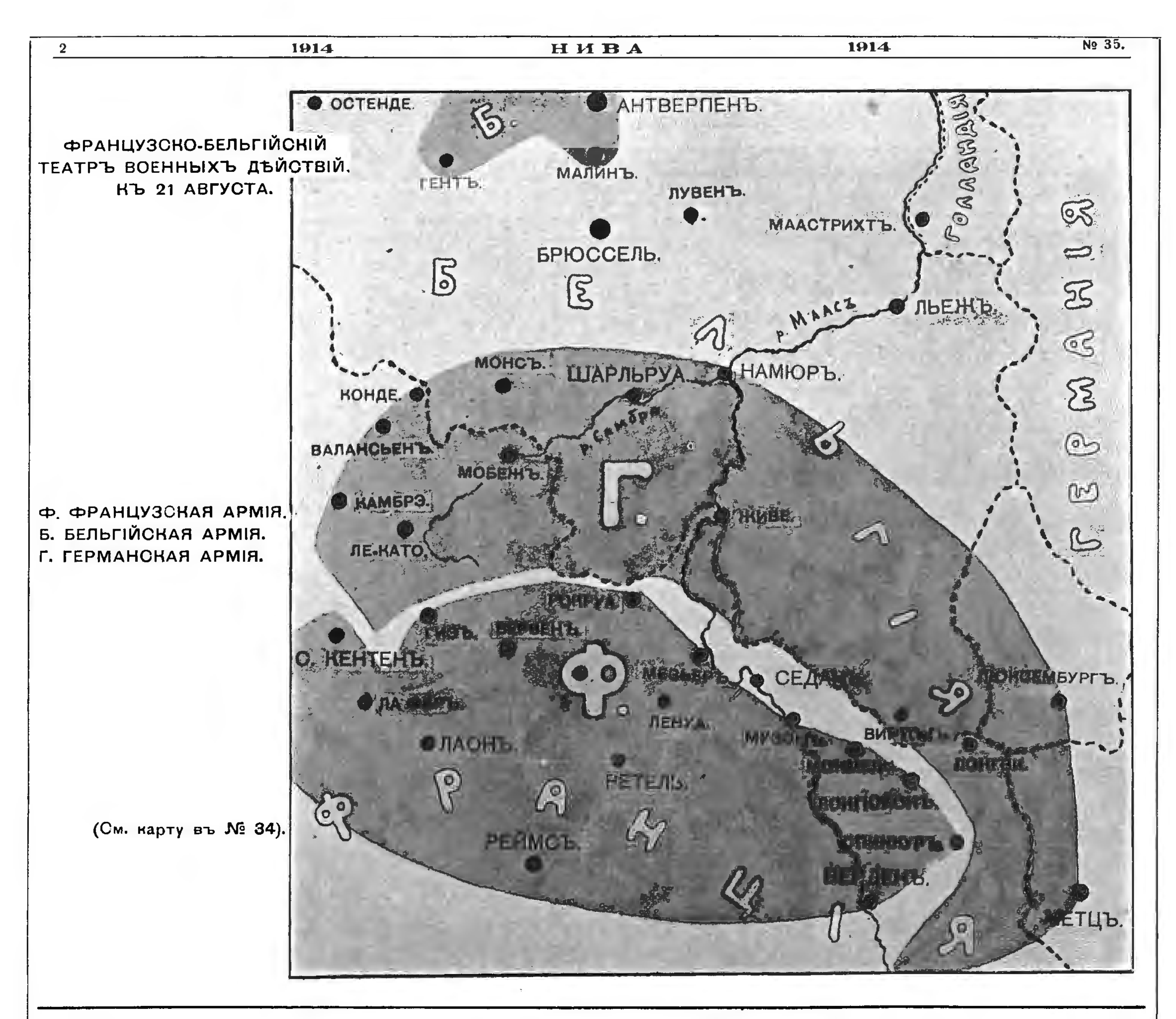
БУХГАЛТЕРІЯ ТОРГОВАЯ, БАНКОВАЯ, ФАБРИЧНАЯ, СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВ., ВИННОЙ МОНОПОЛІИ, ГОРОДСКИХЪ И ЗЕМСКИХЪ УПРАВЪ. ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА.

Въ текущемъ учебномъ году на курсахъ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ обучалось 486 человѣкъ, всего же за 27 лѣтъ—свыше 8,500 человѣкъ.

НА КУРСЫ ПРИНИМАЮТСЯ ЛИЦА ОБОЕГО ПОЛА, ВСЯКАГО ВОЗРАСТА и ОБРАЗОВАНІЯ.

СЕНТЯБРЬСКІЙ КУРСЪ ОСОБЕННО УДОБЕНЪ ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ.

Библиотека "Руниверс"



ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Переименованіе Петербурга. Государь Императоръ 18 сего августа Высочайше повелѣть соизволилъ именовать впредь городъ С.-Петербургъ Петроградомъ.

Высочайшая телеграмма Шотландскому полку. Шотландскій полкъ, шефомъ котораго состоитъ Его Величество Государь Императоръ, получилъ слѣдующую Высочайшую телеграмму:

«Я счастливъ при мысли, что Мой доблестный полкъ Royal Scots Greys сражается вмѣстѣ съ Россіей противъ общаго врага. Я убѣжденъ, что онъ поддержитъ славныя преданія прошлаго. Посылаю ему Мой горячій привѣтъ и желаю ему побѣды въ бою».

Сестры милосердія. Опубликовано слѣдующее приказаніе Верховнаго Главнокомандующаго:

«Опытъ послѣднихъ войнъ показалъ, что присутствіе въ передовыхъ линіяхъ армій сестеръ милосердія, и особенно сестеръ-добровольцевъ, является весьма нежелательнымъ. Получившія наиболѣе слабую подготовку, имѣющія зачастую весьма недостаточный, а то и вовсе слабый опытъ въ уходѣ за ранеными, сестры послѣдней категоріи, являющіяся очень желательными помощницами врачебнаго персонала въ болѣе глубокихъ тыловыхъ районахъ, представляютъ собой въ громадномъ большинствѣ случаевъ лишь обузу для перволинейныхъ полевыхъ врачебныхъ заведеній. Вслѣдствіе того Его Императорское Высочество приказалъ принять къ точному исполненію, чтобы во всѣхъ перволинейныхъ врачебныхъ учрежденіяхъ, гдѣ по штату положены сестры милосердія, мѣста послѣднихъ отнюдь не замѣщать добровольцами, а равнымъ образомъ не разрѣшать присутствія названныхъ сестеръ въ различныхъ частяхъ санитарныхъ отрядовъ, работающихъ въ передовыхъ линіяхъ армій».

Примѣръ энергіи и распорядительности. И. д. саратовскаго губернатора сообщилъ, что прапорщикъ запаса Алексѣй Волковъ, купецъ города Петровска, будучи призванъ при мобилизаціи на дѣйствительную службу, въ тотъ же день, бросивъ свои торговыя дѣла, явился къ мѣстному уѣздному воинскому начальнику и вступилъ въ завѣдываніе сборнымъ пунктомъ.

Благодаря его энергіи, распорядительности и добросовѣстному отношенію къ дѣлу, на сборномъ пунктѣ было накормлено 43 тысячи человѣкъ, довольствіе производилось образцово, и за все время на него не поступило ни одной жалобы. Кромѣ того, завѣдуя въ ночное время посадкой нижнихъ чиновъ, въ трудныя минуты пользовался помощью своихъ не призванныхъ на службу родственниковъ.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ о семъ военнаго министра Его Императорскому Величеству благоугодно было Собственноручно начертать: «ОБЪЯВЛЯЮ ЕМУ МОЕ СПАСИБО».

Регистрація выбывшихъ изъ строя. При Главномъ Штабѣ организовано дѣлопроизводство по сбору и регистраціи свѣдѣній о выбывшихъ, вслѣдствіе смерти или ранъ, а также пропавшихъ безъ вѣсти военныхъ чинахъ дѣйствующей арміи.

Завѣдываніе дѣлопроизводствомъ поручено состоящему для порученій при начальникѣ Главнаго Штаба генералъ-майору Калугину.

Манифестъ Президента и Правительства французской республики: «Французы! Вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ наши геройскія войска неутомимо ведутъ упорный бой съ непріятельской арміей.

Храбрыми усиліями нашихъ доблестныхъ солдатъ мы одержали значительные успѣхи во многихъ мѣстахъ театра войны, но въ сѣверной его части, подъ давленіемъ превосходныхъ непріятельскихъ силъ, мы были вынуждены отступить.

Создавшееся вслѣдствіе этого положеніе побуждаетъ президента и правительство республики принять печальное рѣшеніе.

Для лучшей заботы о благѣ народа правительственныя и общественныя учрежденія должны быть временно перенесены изъ города Парижа.

Предводительствуемая своимъ выдающимся вождемъ французская армія, полная силы и мужества, будетъ попрежнему защищать столицу и ея патріотическое населеніе противъ непріятельскаго нашествія.

Но война должна быть также продолжена и на всей остальной территоріи театра войны.

Не зная ни минуты отдыха, безъ устали и остановки будетъ продолжаться священная война за честь націи и за возстановленіе попраннаго права.

Ни одна изъ нашихъ армій не потерпѣла серьезнаго урона. Если же нѣкоторыя части нашихъ силъ и понесли чувствительныя потери, то онѣ были немедленно заполнены запасными войсками. Въ то же время призывъ новобранцевъ обезпечиваетъ намъ въ будущемъ новыя свѣжія силы молодыхъ и энергичныхъ людей.

«Терпѣть и бороться»!—таковъ долженъ быть лозунгъ союзныхъ армій—англійской, русской, бельгійской и французской. Терпѣть и бороться, пока на морѣ намъ будутъ помогать англичане; бороться, пока русскіе будутъ продолжать свое наступательное движеніе въ сердце Германіи для нанесенія ей рѣшительнаго удара. На долю республиканскаго правительства выпала задача руководить этимъ упорнымъ сопротивленіемъ.

Вездѣ и всюду встанутъ французы на защиту независимости своей страны,

Библиотека "Руниверс"

но для того, чтобы придать нашей борьбѣ грозную и великую силу, необходимо, чтобы правительство оставалось свободнымъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ.

Поэтому, по предложенію военныхъ властей Парижа, правительство переноситъ временно свое мѣстопребываніе на такую часть французской территоріи, гдѣ оно можетъ оставаться въ постоянномъ и свободномъ общеніи со всѣмъ государствомъ. Правительство приглашаетъ членовъ законодательныхъ учрежденій не удаляться отъ него, чтобы имѣть возможность слиться съ нимъ въ одно неразрывное цѣлое.

Правительство оставляетъ Парижъ послѣ того, какъ оно приняло всѣ зависящія отъ него мѣры къ защитѣ города и его укрѣпленій.

Правительство знаетъ, что ему не нужно совѣтовать доблестному населенію Парижа сохранять спокойствіе, рѣшимость и хладнокровіе, которыя оно уже проявило во всѣ эти дни, находясь на высотѣ своихъ великихъ обязанностей.

Французы! Будемъ достойны нынѣшнихъ трагическихъ обстоятельствъ. Добьемся конечной побѣды, добьемся ея неутомимой волей, терпѣніемъ и упорствомъ.

Народъ, который не хочетъ погибнуть и который для защиты своего существованія не отступаетъ ни передъ какими испытаніями, ни передъ какими жертвами, можетъ быть увѣренъ, что онъ побѣдитъ». Манифестъ подписанъ президентомъ Пуанкарэ и всѣми министрами.

Протестъ противъ нарушенія Женевской конвенціи. Германскія и австрійскія войска въ послѣднихъ сраженіяхъ неоднократно нарушали Женевскую конвенцію, пристрѣливая раненыхъ, безчеловѣчно относясь къ военноплѣннымъ, злоупотребляя парламентерскимъ и флагомъ Краснаго Креста и т. д.

Вслѣдствіе этого членъ Главнаго Управленія Россійскаго Общества Краснаго Креста А. И. Гучковъ сдѣлалъ особое заявленіе въ Красный Крестъ, указавъ на рядъ нарушеній Женевской конвенціи со стороны германской и австрійской армій.

Главное Управленіе Краснаго Креста рѣшило зарегистровать подобныя нарушенія и обратиться съ протестомъ по поводу нихъ къ Международному Комитету Краснаго Креста въ Женевѣ.

Призывъ Всероссійскаго земскаго союза. Всероссійскій земскій союзъ помощи больнымъ и раненымъ воинамъ обращается ко всѣмъ гражданамъ со слѣдующимъ призывомъ:

«Россія и ея Державный Вождь спокойны. Довольно стали въ рукахъ нашихъ братьевъ-воиновъ. Еще больше мужества въ ихъ сердцахъ. Всѣ готовы умереть, защищая отечество и Царя. Мы, оставшіеся дома, не имѣющіе возможности итти на ратное поле, готовы за братьевъ-защитниковъ нашихъ принести жизнь свою, помогать имъ и ихъ семьямъ. Окружимъ ихъ любовью матери-родины. Встрѣтимъ ихъ лаской, обмоемъ ихъ раны, накормимъ, напоимъ ихъ, согрѣемъ ихъ души, успокоимъ ихъ семьи. Пусть почувствуютъ они въ бою нашу помощь, нашу любовь. Несите всѣ свой трудъ, свое достояніе на помощь доблестнымъ воинамъ нашимъ. Несите деньги, несите имущество свое. Станемъ духомъ рядомъ съ ними въ честномъ бою на защиту правды Божіей, родины и Царя. Главноуполномоченный *князь Львовъ*».

Пожертвованія принимаются во всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управахъ Россіи и въ Москвѣ, въ управленіи «Всероссійскаго земскаго союза помощи больнымъ и раненымъ воинамъ»: Петровскій бульваръ, д. № 3, телеф. 1-66 и 1-11-68.

На помощь раненымъ. Общая сумма взносовъ губернскихъ земствъ въ кассу недавно образовавшагося земскаго союза для помощи раненымъ достигаетъ 6.000.000 руб. Размѣръ взносовъ отдѣльныхъ земствъ составляетъ (въ тысячахъ руб.): астраханское 100, бессарабское 100, витебское 100, вологодское 50, воронежское 150, вятское 100, екатеринославское 100, казанское 50, калужское 100, костромское 100, минское 75, могилевское 100, московское 500, нижегородское 110, новгородское 50, олонецкое 60, орловское 200, пензенское 100, пермское 500, подольское 500, петроградское 300, полтавское 100, рязанское, 100, самарское 100, саратовское 100, симбирское 100, смоленское 100, ставропольское 100, таврическое 50, тамбовское 100, тульское 150, уфимское 100, харьковское 150, херсонское 100, черниговское 50, ярославское 50.

Курское губернское земство ассигновало на организацію помощи раненымъ 1 милліонъ рублей, но въ земскій союзъ не вступило и будетъ дѣйствовать самостоятельно.

Мы свое дѣло сдѣлаемъ. Группа членовъ Гос. Думы (кн. Геловани, Некрасовъ, Волковъ и др.), ѣхавшихъ съ Кавказа въ Петербургъ, въ Ростовѣ-на-Дону вышла изъ поѣзда и разговорилась съ запасными, выглядывавшими изъ вагоновъ стоявшаго рядомъ воинскаго поѣзда. Спокойная увѣренность и ясное сознаніе долга передъ родиной сквозили во всѣхъ разговорахъ запасныхъ. Прощаясь съ запасными, депутаты предложили имъ взять «на табакъ» собранные ими между собою 25 рублей.

— Спасибо. Не возьмемъ. У насъ все есть, и денегъ намъ не надо. Перешлите деньги нашимъ семьямъ, о нихъ позаботьтесь, а мы свое дѣло сдѣлаемъ...

Патріотическая рѣчь соціалъ-демократа. Въ Николаевѣ, Херсонской губ., многотысячная толпа рабочихъ явилась къ дому градоначальника адмирала Мязговскаго, и отъ лица рабочихъ мастеровой с.-д. Бѣловъ обратился къ градоначальнику со слѣдующею рѣчью:

«Ваше превосходительство, отъ лица всѣхъ рабочихъ николаевскихъ заводовъ свидѣтельствую о единеніи и преданности нашему Государю Императору и дорогой родинѣ, переживающей вторую Отечественную войну. Мы, рабочіе, въ достаточной степени сознаемъ, какія жертвы потребуются отъ русскаго народа, и въ достаточной степени оцѣнили поступокъ нашихъ коварныхъ сосѣдей-германцевъ, посягнувшихъ на цѣлость русской территоріи и на достоинство Русскаго Государя. Они объявили войну Россіи, они нарушили нашу мирную работу, они потрясли русло нашей нормально текущей жизни, они нарушили покой царственной Россіи. Эти шаги подготовлялись Германіей въ теченіе ряда лѣтъ, и наконецъ она покусилась на насъ. Пусть помнитъ нашъ врагъ, что западныя поля русской земли въ прошлыя войны обильно политы святою русскою кровью, и мы, свято чтя эту кровь, прольемъ нашими дѣдами и отцами, будемъ защищать эти поля до послѣдняго издыханія. Пусть врагъ нашъ знаетъ, что русская рабочая семья слилась въ одномъ чувствѣ любви и преданности Государю и родинѣ со всей Россіей, и она грозна своимъ единодушіемъ и сплоченностью.

Болѣе ста лѣтъ тому назадъ великій русскій полководецъ Суворовъ обрадовалъ Императрицу Екатерину II двумя словами: «Варшава наша!». Мы теперь повторяемъ: «Варшава наша и ничья больше!». Пусть врагъ не надѣется на внутреннія распри въ Россіи: напрасны надежды! Товарищи! Я отъ вашего лица заявляю, что рабочіе, если будетъ на то воля Божія, оставятъ свои работы на корабляхъ и пойдутъ, какъ одинъ человѣкъ, на ратный подвигъ во славу Государя, во имя святого дѣла, въ наказаніе тѣхъ, кто поднялъ дерзновенную руку на цѣлость и достоинство нашей великой родины».

Адмиралъ Мязговскій подошелъ къ Бѣлову и трижды поцѣловалъ его.

Призывъ соціалистовъ къ борьбѣ съ гегемоніей Германіи. Оффиціальный органъ бельгійской соціалистической партіи «Le Peuple», призывая всѣхъ бельгійцевъ къ борьбѣ съ врагомъ, говоритъ:

«Если вопреки всякимъ ожиданіямъ Германія вышла бы побѣдительницей изъ настоящей войны, то неминуемо наступила бы полная гегемонія Германіи въ Европѣ и даже во всемъ мірѣ. Если ее побѣдятъ лишь наполовину, то она скоро снова оправится, и черезъ нѣсколько лѣтъ намъ придется снова начать все сызнова. Необходимо разъ навсегда освободить міръ отъ постоянной угрозы милитаризма и окончательно раздавить германскій имперіализмъ».

Воззваніе Бурцева. Извѣстный русскій соціалистъ въ Парижѣ Бурцевъ обратился съ воззваніемъ ко всѣмъ политическимъ партіямъ Россіи забыть раздоры и сплотиться вокругъ правительства для того, чтобы отстоять русскую національность.

Контрибуція. Англія уже получила милліардную контрибуцію отъ Германіи. Одна изъ англійскихъ бухтъ буквально набита захваченными нѣмецкими пароходами.

Король-солдатъ. Король бельгійскій Альбертъ все время проводитъ среди своихъ солдатъ, успокаивая и ободряя ихъ своимъ присутствіемъ.

Одѣтый въ простую синюю форму, безъ всякихъ орденовъ и отличій, король проводитъ всѣ ночи на бивуакѣ рядомъ со своими храбрыми солдатами. Для переѣздовъ онъ пользуется автомобилемъ, которымъ управляетъ шофферъ-солдатъ. Изрѣдка короля сопровождаетъ какой-нибудь офицеръ.

Король безстрашно появляется тамъ, гдѣ идетъ сраженіе. Короля часто толкаютъ, перегоняя или отстраняя съ дороги. Еще меньше обращаютъ на него вниманіе во время сраженія. Высокій, красивый мужчина въ pince-nez, одѣтый въ покрытый пылью мундиръ, слишкомъ просто выглядитъ и просто держится, чтобы привлекать вниманіе. Часто можно видѣть его въ госпиталяхъ, гдѣ столько же раненыхъ нѣмцевъ, сколько и бельгійцевъ.

Король ѣздитъ безъ свиты, и, когда его автомобиль останавливается гражданской гвардіей или крестьянами, добровольно взявшими на себя обязанности сельской полиціи, онъ предъявляетъ свой пропускъ.

Пропускъ выданъ Главнымъ Штабомъ и подписанъ начальникомъ штаба. Въ немъ помѣчены полное имя короля, мѣсто рожденія и профессія: «король бельгійцевъ».

Провѣрка свѣдѣній о притѣсненіяхъ русскихъ. Съ самаго начала военныхъ дѣйствій русская печать полна сообщеніями о тѣхъ жестокихъ и грубыхъ оскорбленіяхъ, которымъ подверглись наши соотечественники, не успѣвшіе своевременно выѣхать на родину изъ предѣловъ Германіи и Австро-Венгріи. Въ виду этого министерство иностранныхъ дѣлъ сочло нужнымъ поручить бывшему нашему посланнику въ Дармштадтѣ С. Д. Боткину провѣрить эти извѣстія путемъ опроса отдѣльныхъ пострадавшихъ при возвращеніи изъ Германіи и Австро-Венгріи.

Возмущеніе русскихъ нѣмцевъ. Неслыханныя звѣрства германскихъ нѣмцевъ вызвали глубокое возмущеніе даже среди нѣмцевъ-колонистовъ, нѣкогда выселившихся изъ Германіи. Многіе изъ старыхъ колонистовъ, семьи которыхъ живутъ въ Россіи со временъ Екатерины II и Александра I, съ цѣлью отмежеваться отъ германскаго варварства, рѣшили ходатайствовать объ измѣненіи ихъ фамилій и даже именъ на русскія и совершать въ киркахъ моленія порусски, чтобы ихъ никто не могъ считать нѣмцами, а считали русскими лютеранами. Движеніе это, возникшее въ Херсонской губерніи, сочувственно встрѣчено нѣмцами-колонистами въ другихъ губерніяхъ.

Отзывы нѣмецкихъ ученыхъ о звѣрствахъ нѣмцевъ. Германскимъ астрономамъ Фрейглиху и Михау, пріѣхавшимъ въ Одессу для наблюденія солнечнаго затменія, разрѣшено возвратиться на родину. Въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Бирж. Вѣд.» нѣмецкіе ученые сказали: «Императоръ Вильгельмъ играетъ ва-банкъ. Только чудо можетъ спасти Германію. Жестокости нашихъ соотечественниковъ производятъ на насъ ошеломляющее впечатлѣніе. Мы можемъ объяснить это явленіе только массовымъ психозомъ. Стыдно становится называться германцемъ».

Нѣмецкіе шпіоны въ Парижѣ. Директоръ большой гостиницы «Astoria» въ Парижѣ оказался нѣмецкимъ шпіономъ. На крышѣ гостиницы обнаруженъ безпроволочный телеграфъ, перехватывавшій всѣ телеграммы, отправляемыя съ Эйфелевой башни стоящимъ на границѣ французскимъ корпусамъ. Директоръ и семеро его сообщниковъ-нѣмцевъ были немедленно разстрѣляны.

Что такое казаки? Раненый венгерскій офицеръ-гусаръ далъ корреспонденту «Нов. Вр.» характерное описаніе лихихъ атакъ казаковъ.

— Гдѣ и какъ вы попали въ плѣнъ?

— Подъ Луцкомъ; казакъ меня забралъ.

— Одинъ казакъ?

— Одинъ.

— А васъ было сколько?

— Насъ было много, но онъ опомниться не далъ, выхватилъ изъ строя... Вы не можете представить себѣ, что такое вашъ казакъ, когда онъ летитъ на насъ. Ихъ было много, и мы готовы были сражаться, но они налетѣли на насъ въ одинъ мигъ, и я не успѣлъ отклониться, какъ одинъ казакъ нанесъ мнѣ сразу три удара: пикой, саблей и кулакомъ. Какъ онъ могъ такъ сразу, не знаю. Я даже упасть не успѣлъ: онъ схватилъ меня за шею, въ одинъ мигъ перетащилъ на свою лошадь и увезъ. Я очнулся не скоро и увидѣлъ много казаковъ и много нашихъ плѣнныхъ... О, ваши казаки, — закончилъ венгерецъ, — съ ними трудно: они не хотятъ сражаться, какъ всѣ, а прямо налетаютъ, палятъ и берутъ...

Отряды маркитантовъ въ Москвѣ. Писательница А. Тыркова разсказываетъ въ «Рѣчи» о томъ, какъ встрѣчаютъ въ Москвѣ раненыхъ отряды маркитантовъ, организованные графиней Бобринской. Ихъ пока везутъ въ простыхъ товарныхъ вагонахъ, гдѣ кое-какъ сколочены нары, прикрытые соломой.

На багажной тележкѣ стояла большая корзина, съ нарисованнымъ на ней

Библиотека "Руниверс"

знакомъ Краснаго Креста. Въ корзинѣ бутерброды, молоко, папиросы. Маленькія гимназистки и совсѣмъ молоденькія дѣвушки, съ повязкой Краснаго Креста, дѣловито забирали провизію и снơвали изъ вагона въ вагонъ. Раненые улыбались. А тѣ старались во всю, озабоченныя и довольныя. Вѣдь подумайте, къ какому ихъ дѣлу приставили. Эти бутерброды съ колбасой и папиросы «Трезвонъ», и кружка чая, которую малышъ-гимназистъ тащитъ въ вагонъ къ солдату, раненому осколкомъ бомбы, брошенной съ нѣмецкаго аэроплана, все это можетъ оставить глубочайшій слѣдъ, воспитать гораздо крѣпче, чѣмъ сотни педагогическихъ наставленій.

— Какъ вы все это устроили?—спросила я гр. Бобринскую, когда мы съ ней летѣли къ другому вокзалу, гдѣ ей надо было встрѣтить поѣздъ съ ранеными.

— Никакъ. Ничего я не устраивала. Просто увидала, что надо ихъ кормить. Кликнула кличъ прямо на улицѣ. Вотъ они всѣ и пришли. Милѣйшіе люди. Мы съ ними отлично спѣлись, хотя я ихъ никого почти не знаю.

— А деньги?

— Деньги?..—пренебрежительно переспросила гр. Бобринская.—Это пустяки. Тысячу мнѣ управа дала. А главное, добрые люди даютъ. Я пришла въ первый вечеръ въ большой магазинъ, говорю: «дайте мнѣ то и то». Дали. «Ну,—говорю,—денегъ я вамъ не заплачу. Это для раненыхъ. Такъ они меня же еще благодарили. Руки жали. Какъ же иначе?»

Безсильный гнѣвъ. Бывшій англійскій посолъ въ Берлинѣ сэръ Эдуардъ Гошенъ передъ своимъ отъѣздомъ послѣ объявленія войны испросилъ аудіенцію у императора, дабы откланяться ему.

Вильгельмъ принялъ англійскаго посла въ мундирѣ, на которомъ были надѣты всѣ англійскіе ордена.

Едва лишь сэръ Эдуардъ Гошенъ вошелъ, какъ императоръ сорвалъ съ себя всѣ эти ордена и, бросивъ ихъ въ каминъ, заявилъ:

— Вотъ какъ я поступаю съ орденами вашего короля. Можете ѣхать и донести ему объ этомъ.

Затѣмъ, повернувшись къ послу спиной, Вильгельмъ вышелъ изъ комнаты, не сказавъ болѣе ни слова.

Нѣсколько позже сэру Гошену въ посольствѣ былъ присланъ англійскій маршальскій мундиръ, который носилъ Вильгельмъ.

При дворѣ Франца-Іосифа. Отъ престарѣлаго Франца-Іосифа тщательно скрываются всѣ многочисленныя извѣстія объ австрійскихъ и германскихъ пораженіяхъ, и его все время утѣшаютъ миѳическими побѣдами. Газетъ императоръ не читаетъ никакихъ, кромѣ «Neue Freie Presse»—его любимаго органа, который однако для императора печатается совсѣмъ иначе, чѣмъ для остальной публики.

Обманываемый императоръ каждый день требуетъ для подписи декреты о наградахъ, объ орденахъ и повышеніяхъ. Его съ великимъ трудомъ удерживаютъ отъ этихъ неумѣстныхъ по нынѣшнимъ временамъ актовъ. Къ числу такихъ наградъ относится и производство пресловутаго фальсификатора дипломатическихъ документовъ Форгача въ послы. Эта награда какъ-то проскользнула. На ней ужъ очень настаивалъ Францъ-Іосифъ.

Весь день императоръ проводитъ въ молитвѣ, и по его приказу въ дворцовой капеллѣ ежедневно служатся благодарственные молебны за дарованныя побѣды и поютъ «Te Deum laudamus».

Рѣшительность лорда Китченера. Послѣ назначенія Китченера военнымъ министромъ, онъ немедленно устроился въ зданіи военнаго министерства. Первыми словами его, когда онъ явился туда, были:

— Кровать есть?

— Нѣтъ.

— Пусть принесутъ!

Въ тотъ же день Китченеръ приказалъ отобрать 30 опытныхъ телеграфистовъ для отправки въ дѣйствующую армію.

Высшее должностное лицо отвѣтило, что почтовое вѣдомство, и безъ того обремененное войной, не можетъ лишиться такого числа людей.

Китченеръ послалъ на это сказать:

— Если 30 человѣкъ не будутъ здѣсь черезъ полчаса, то я самъ явлюсь за ними.

Черезъ четверть часа требуемые 30 телеграфистовъ были въ военномъ министерствѣ.

ХРОНОЛОГІЯ ВОЙНЫ.

ПЕРВЫЙ МѢСЯЦЪ

Іюль.

16-го. Австрія объявила войну Сербіи.

18-го. Указомъ императора германскаго вся имперія объявлена на военномъ положеніи.

19-го. Въ виду отклоненія Россіей требованій Германіи о демобилизаціи германскій посолъ передалъ С. Д. Сазонову вербальную ноту съ объявленіемъ войны. Во Франціи объявлена всеобщая мобилизація. Мобилизація Бельгіи. Нейтралитетъ Швеціи, Норвегіи и Даніи.

20-го. Высочайшій манифестъ объ объявленіи войны Германіей Россіи. Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ назначенъ Верховнымъ Главнокомандующимъ. Германскія войска перешли французскую границу и обстрѣляли Птикруа. Занятіе нѣмцами Люксембурга. Нейтралитетъ Италіи.

21-го. Бельгія объявила войну Германіи. Франція и Алжиръ объявлены на осадномъ положеніи. Нейтралитетъ Болгаріи. Въ Германіи задержанъ поѣздъ Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Обстрѣлъ германскимъ крейсеромъ Либавы.

22-го. Германскіе разъѣзды заняли Калишъ, Бендинъ и Ченстоховъ. Германія объявила войну Франціи.

23-го. Англія объявила войну Германіи. Гибель англійскаго крейсера «Амфіонъ». Первая неудача германцевъ въ Бельгіи.

24-го. Австрія объявила войну Россіи. Первый бой у Льежа. Германцы потеряли 8,000 человѣкъ. Австрійцы бомбардируютъ Шабацъ. Нейтралитетъ Греціи.

25-го. Занятіе нѣмцами Калиша и ихъ звѣрства тамъ. Англійскій десантъ въ Бельгіи. Турція минируетъ Босфоръ. Болгарскій посланникъ генералъ Радко Дмитріевъ вступилъ въ русскую армію.

26-го. Манифестъ о войнѣ съ Австріей. Въ Зимнемъ дворцѣ состоялся Высочайшій пріемъ членовъ Г. Совѣта и Г. Думы. Историческое засѣданіе Гос. Думы и Гос. Совѣта. Г. Совѣтъ и Г. Дума проявили полное единодушіе съ правительствомъ. Палаты распущены до 1 февраля 1915 года. Французы вошли въ Эльзасъ. Пораженіе германскихъ войскъ у Льежа.

27-го. Занятіе французами Мюлузы (Мюльгаузена). Успѣхи черногорцевъ у Бутвы и Металки. Мобилизація Португаліи.

28-го. Бой между Берестечкомъ и Почаевомъ съ австрійскими войсками, которыя отступили въ Радзивиловъ. Неудачная атака германскими судами англійской эскадры. Бомбардировка австрійцами Антивари и Дульциньо. Блокада англичанами Сѣвернаго моря.

29-го. Франція объявила войну Австро-Венгріи. Два австрійскихъ полка выбиты изъ селенія Заложце. Бой французовъ и германцевъ у Лонгви.

30-го. Германскіе крейсера «Гебенъ» и «Бреслау» укрылись въ Дарданеллахъ и куплены турками. Неудача австрійцевъ на сербо-черногорскомъ фронтѣ. Блокада черногорскаго побережья Австріей.

31-го. Русскія войска выбили австрійскій отрядъ изъ Сокаля, оттѣснили противника за рѣку Бугъ и взорвали два моста. Англія объявила войну Австро-Венгріи. Болгарія вручила русской мисіи ноту о сохраненіи ею строгаго нейтралитета. Германія предложила Бельгіи миръ, но Бельгія отказалась. Бой у Льежа. Потери нѣмцевъ до 30,000 человѣкъ.

Августъ.

1-го. Верховный Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ издалъ воззваніе къ полякамъ. Первымъ георгіевскимъ крестомъ награжденъ Косьма Крючковъ, убившій 11 нѣмцевъ и получившій 16 ранъ пикой. Въ м. Олитѣ выстрѣлами войскъ подбитъ германскій аэропланъ. Французы отразили нѣмцевъ въ Вогезахъ. Успѣхи бельгійцевъ у Алена и Льежа.

2-го. Обстрѣлъ германскими миноносцами Полангена.

3-го. Японское правительство вручило ультиматумъ германскому послу объ очищеніи въ мѣсячный срокъ Кіао-Чао, требуя отвѣта къ 10 августа. Русскія войска заставили австрійцевъ очистить Кѣльцы, Хенцины и выбили противника изъ Мирунескена, Дроздовенъ и Лаккельна. Русская кавалерія заняла Маркграбовъ. Англійскій флотъ обезопасилъ всѣ моря. Французы заняли Таинъ, Сирей и Бламонъ.

4-го. Государь Императоръ съ Августѣйшей Семьей прибыли въ Москву. Французская эскадра потопила въ Адріатикѣ австрійскій броненосецъ и три крейсера. Успѣхи французовъ въ Эльзасѣ. Бои у Льежа. Бой подъ Динаномъ.

5-го. Рѣчь Государя Императора въ Москвѣ къ представителямъ русской земли. Верховный Главнокомандующій обратился съ воззваніемъ къ зарубежной Руси. Русскими войсками взятъ Бѣлжецъ. Возстаніе поляковъ и чеховъ въ Прагѣ. Пораженіе австрійцевъ сербами у Шабаца. Австрійцы опять бомбардируютъ Бѣлградъ.

6-го. При Красникѣ русскія войска отбили непріятельскій отрядъ, перешли въ наступленіе и взяли въ плѣнъ 6 офицеровъ и 250 солдатъ. У Бильдервейделя русскія войска взяли 8 германскихъ орудій, 12 зарядныхъ ящиковъ и 2 пулемета.

7-го. Русскія войска заняли селеніе Гумбиненъ, захвативъ у нѣмцевъ 12 орудій и много плѣнныхъ. Черногорскія войска отразили нападеніе австрійцевъ у Грахова. Въ водахъ Дальняго Востока русскими задержано 4 германскихъ парохода.

8-го. Русскія войска, перейдя рѣку Збручъ, вступили на австрійскую территорію. Сербы разбили на голову австрійцевъ на рѣкѣ Ядарѣ и на южной равнинѣ Церъ. Французскій дирижабль бросилъ бомбы въ два германскихъ кавалерійскихъ лагеря въ Бельгіи и успѣлъ благополучно улетѣть. Марокскій султанъ объявилъ войну Германіи и Австріи. Германцы заняли Брюссель.

9-го. Побѣда русской арміи въ Восточной Пруссіи. Русскія войска заняли Инстербургъ. Пораженіе нѣмцевъ у Тирлемона. Отступленіе французовъ отъ границы Лотарингіи. Нѣмцы обложили Брюссель контрибуціей въ 200 милліоновъ фр., Льежъ—въ 50 мил. франковъ.

10-го. Русскія войска заняли Іоганнисбургъ, Ортельсбургъ, Вилленсбургъ и Сольдау. Японія объявила Германіи войну. Звѣрства австрійцевъ надъ сербами. Американскій посланникъ взялъ подъ свое покровительство Брюссель.

11-го. Русскія войска наступаютъ въ Восточной Пруссіи. Бой у Намюра и Шарльруа. Бой англичанъ съ нѣмцами у Монса. Занятіе нѣмцами Люневиля. Адмиралъ Буэ-де-Лапейрѣръ потопилъ въ Адріатическомъ морѣ австрійскій крейсеръ «Зента».

12-го. Русскія войска разбили аріергардъ австрійской арміи. Занятіе русскими войсками Ангенбурга. Отступленіе 20-го германскаго корпуса передъ нашими войсками. Французская армія остановилась на оборонительныхъ позиціяхъ. Англо-французскій флотъ бомбардируетъ Которскую бухту (Катарро). Сербы отбили у австрійцевъ Шабацъ. Началась блокада японцами Циндао.

13-го. Русскія войска очистили Лодзь отъ непріятеля и заняли городъ. Русскими войсками заняты въ Восточной Пруссіи города Норденбургъ, Бишофсбургъ, Зенсбургъ и Ротфлисъ. Австрійскія войска оттѣснены за рѣку Золотая Липа. Австрія объявила войну Японіи. Нѣмцы разрушили плотины въ Эльбингенской низменности для ея потопленія. Съ пролетѣвшаго надъ Антверпеномъ цепелина бомбами ранено 18 человѣкъ и повреждено много домовъ въ городѣ. Бельгійскія войска изъ Антверпена проникли до Малина и отбросили германскія войска до Вильверде.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1914 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложеніями: Безъ дост. въ Петроградѣ **6 р. 50 к.**, съ дост. **7 р. 50 к.**; съ перес. по всей Россіи: на годъ **8 р.**, на 1/2 года **4 р.**, на 1/4 года **2 р.**

Библиотека "Руниверс"

№ 35.

30 Августа
1914 г.

А. Рябушкинъ.
„Ѣдутъ".
Русскій Музей
Императора
Александра III.

Библиотека "Руниверс"

Срѣтенье Царя.

1.
Народъ съ утра спѣшилъ на площадь
Къ Дворцу на срѣтенье Царя.
Тѣснилась флаговъ русскихъ роща,
Цвѣтами яркими горя.
Національныхъ пѣснопѣній
Опять катился мощный валъ,
И Александра вѣщій геній
Вѣнокъ побѣды поднималъ.

2.
Да, не бывало у столицы
Такого утра съ давнихъ лѣтъ!
Въ подъѣздъ влетали вереницы
Автомобилей и каретъ.
Примчались сербы, намъ родные,
Былъ пышенъ быстрый съѣздъ Двора,
И проходили запасные
Подъ клики дружнаго „ура".

3.
До полдня близко было солнцу,
Когда раздался пушекъ гулъ.
Глазами къ каждому оконцу
Народъ съ мечтою жадной льнулъ.
Изъ церкви доносилось пѣнье...
Передъ началомъ битвъ, какъ встарь,
Свершивъ великое моленье,
Къ народу тихо вышелъ Царь.

4.
Что̀ думалъ Онъ въ тотъ мигъ великій,
Что̀ чувствовалъ, Державный, Онъ.
Когда восторженные клики
Неслись къ Нему со всѣхъ сторонъ?
Какая сказочная сила
Была въ благихъ Его рукахъ,
Которымъ мечъ судьба вручила
На славу намъ, врагамъ на страхъ!

5.
Какъ море въ мощный часъ прилива,
Народный хоръ не умолкалъ,
И Царь, внимая терпѣливо,
Главу отвѣтно наклонялъ.
Къ Нему невидимыя нити
Изъ всѣхъ сердецъ неслись, горя...
Такъ въ незабвенный часъ событій
Свершилось срѣтенье Царя.

Сергѣй Городецкій.

Маякъ.

Поэма **Б. Никонова.**

У меня на всю жизнь останется въ памяти этотъ день.

Въ этотъ день съ утра надъ землей нависли тяжелыя темныя тучи. Лѣто съ его солнечными днями, зноемъ и пылающей засухой куда-то исчезло, хотя стоялъ попрежнему іюль мѣсяцъ. Холодный вѣтеръ вздымалъ преждевременно опавшія листья и крутилъ ихъ въ саду и по дорогѣ. Какъ я ни старался внушить себѣ, что все это—простая случайность, мнѣ все казалось, что есть какая-то мистическая зависимость между надвигавшимся грознымъ событіемъ и настроеніемъ природы. Природа томилась, хмурилась и отвѣчала тяжкимъ и суровымъ безпокойствомъ на жуткій кличъ войны...

Въ этотъ день пришли газеты съ громадными черными, словно траурными, заголовками: „Германія объявила войну". Отъ этихъ заголовковъ, отъ черныхъ огромныхъ буквъ вѣяло холодомъ и тьмою. Какъ будто именно война, черная, огромная, сама набирала и печатала ихъ... И сердце невольно сжала тоска, и низкія тучи стали какъ будто еще ниже и тяжелѣе.

Уже нѣсколько дней черный звѣрь тоски шмыгалъ у насъ между цвѣтущими куртинами, въ саду, въ полѣ, на берегу моря. Жуткое событіе надвигалось; мы почти видѣли его, мы знали, что оно наступитъ, но все не вѣрили въ него. Странно было подумать, что цивилизованные люди, христіане, вдругъ пойдутъ братъ на брата съ пушками и ружьями, съ огнемъ пожаровъ и крикомъ насилій, будутъ убивать другъ друга, жечь и истреблять имущество, топтать нивы. И что пойдутъ на это страшное дѣло многіе изъ моихъ знакомыхъ и ближнихъ и, быть-можетъ, и я самъ—и только потому, что нѣкій совершенно чужой мнѣ властный человѣкъ, отъ котораго, казалось, я былъ всегда совершенно независимъ, вдругъ вздумалъ послать своихъ солдатъ въ Россію, на наши поля и нивы, въ наши города и села... Все это было такъ странно и дико, что не хотѣлось вѣрить въ возможность войны. Но въ то же время нельзя было не думать о ней: она вторгалась въ нашу жизнь, еще не будучи сама приведена къ своему страшному бытію; она вливалась къ намъ сотнями мелкихъ струекъ, какъ вливается вода въ запертый и опорожненный шлюзъ.

Кучеръ, возвратясь со станціи, говорилъ:

— Поѣзда перестали ходить. Запасныхъ везутъ. Овсянниковскія барыни поѣхали въ городъ утромъ, сидѣли весь день на станціи да и назадъ вернулись ни съ чѣмъ...

Надвигавшаяся война обрѣзала одну жизненную ниточку за другой. Потомъ и кучеръ попалъ въ запасные и ушелъ отъ насъ. Потомъ кухарка съ ужасомъ говорила:

— У Самойловыхъ къ мясу приступу нѣту. Яйца расхватали въ одинъ день... Сказываютъ, скоро и вовсе никакой провизіи не достанешь...

Затѣмъ къ намъ пришла знакомая дачница—вся въ слезахъ. Говорила, что на дачѣ нельзя оставаться—страшно, да и провизія вздорожала. И просила дать ей лошадь, чтобы уѣхать въ городъ.

И не она одна: нѣсколько семействъ уѣхали въ городъ на лошадяхъ вмѣсто желѣзной дороги. Этого здѣсь не бывало уже лѣтъ тридцать. Невольно вспоминалось давно забытое время медлительныхъ поѣздокъ „на долгихъ", когда стоверстное разстояніе проѣзжали въ три долгихъ дня съ безконечными отдыхами на остановкахъ, ломая экипажи на ухабахъ, томясь въ пыли, подъ вѣтромъ, подъ дождемъ... Повѣяло какой-то глубокой стариной отъ всего этого. И старину эту внесла съ собой война, которая сама по себѣ есть не что̀ иное, какъ злой пережитокъ глубочайшей человѣконенавистнической старины...

Все тревожнѣе и тревожнѣе разсуждали газеты. Все тяжелѣе нависалъ Дамокловъ мечъ рокового вопроса: будетъ война или не будетъ? Съ каждымъ днемъ темнѣло вокругъ насъ: портилась погода, и сгущалась тоска. И когда наступалъ вечеръ, и тоска, какъ темное облако, вздымалась во всѣхъ уголкахъ въ домѣ и въ саду, я бродилъ по аллеѣ близъ моря и старался угадать, что̀ таится сейчасъ за его темной далью.

А тамъ вдали ярко вспыхивалъ маякъ. Исчезалъ и снова вспыхивалъ. И его равномѣрное вспыхиванье почему-то ободряло меня. Мнѣ казалось, что, пока маякъ горитъ, ничего страшнаго и необычайнаго въ мірѣ не должно случиться. Ровный, спокойный огонь словно охранялъ насъ отъ грядущаго ужаса. Я вспоминалъ далекое дѣтство: темную дѣтскую и тусклый свѣтъ лампадки въ углу передъ иконами. Этотъ свѣтъ тогда успокаивалъ меня, и ночная темнота съ ея страхами и кошмарами переставала тогда пугать меня.

Такъ и нынче: пока я смотрѣлъ на вспыхивающій маякъ, пока маякъ горѣлъ — я переставалъ вѣрить въ неизбѣжность и близость страшной общественной катастрофы и, успокоенный, уходилъ домой и ложился спать. Далекая лампадка маяка отгоняла отъ меня надвигавшійся кошмаръ.

Такъ продолжалось до того рокового дня.

Повторяю, этотъ день навсегда останется въ моей памяти: точно какое-то черное покрывало надвинулось тогда на насъ и похоронило солнечные дни, зеленыя лужайки, беззаботность дѣтей и спокойную мирную работу взрослыхъ. Темное низкое небо словно закрыло до поры, до времени тусклымъ чехломъ все то, чѣмъ мы жили въ обычное время, и что̀ составляло нашу радость жизни. Такъ въ дни тревоги мы прячемъ въ темный ящикъ наши драгоцѣнности и хранимъ ихъ во тьмѣ до наступленія лучшихъ дней...

Весь день съ утра тянулись низкія темныя тучи, и никто изъ насъ не находилъ мѣста отъ тоски. А вечеромъ ко мнѣ прибѣжали дѣти и кричали:

— Папа, маякъ погасъ! Маякъ не горитъ!

Я вышелъ на берегъ. Море разстилалось холодной темной пеленой. Я тщетно прождалъ нѣсколько минутъ. Знакомый спокойный свѣтъ не вспыхивалъ вдали. Лампадка погасла.

Это было самое тяжелое впечатлѣніе въ теченіе всего этого тягостнаго дня.

Яркій свѣтъ нашего маяка, вспыхивавшій такъ же размѣренно и неуклонно, какъ вспыхиваетъ отъ приливающей крови живое сердце, освѣщалъ въ теченіе долгихъ лѣтъ мои вечера и ночи. Онъ освѣщалъ многія радости, и много мыслей, новыхъ для меня, возникало при его свѣтѣ. Казалось, онъ самъ зажигаетъ въ моей душѣ и въ моемъ умѣ такія же яркія точки, какъ онъ самъ. По ночамъ, когда я гулялъ по берегу или сидѣлъ у себя на балконѣ, я невольно обращался взглядомъ въ его сторону и искалъ его—и огненный взоръ маяка всегда отвѣчалъ мнѣ: „Я здѣсь. Я бодрствую. Я стою на стражѣ покоя". И не было ни разу, чтобы онъ измѣнилъ, промолчалъ, не взглянулъ мнѣ въ отвѣтъ.

Двадцать лѣтъ—съ той поры, какъ я поселился на здѣшнемъ побережьѣ,—маякъ былъ мнѣ другомъ. Солнце иногда пряталось за тучи, луна цѣлыми днями не показывалась на небѣ. Маякъ же никогда не скрывалъ отъ меня своего свѣта. И въ самыя счастливыя мгновенія моей жизни онъ былъ неизмѣннымъ участникомъ моего счастья.

Я помню тотъ вечеръ, когда я впервые познакомился съ моей будущей женой. Мы катались по морю на яхтѣ. Стояла темная

Библиотека "Руниверс"

августовская ночь. По небу тянулись облака, скрывая звѣзды. Было темно и тихо,—такъ особенно тихо, какъ бываетъ передъ дождемъ въ теплую лѣтнюю ночь. Но несмотря на тишину, море было неспокойно — откуда-то изъ темной дали катились крутые валы — отголоски какой-то отдаленной бури. Яхта въ темнотѣ быстро неслась навстрѣчу имъ. Неслышно подбѣгалъ темный валъ и вздымалъ ее вверхъ. Мгновеніе — и онъ прокатывался мимо, а вслѣдъ за нимъ подкрадывался другой неслышный валъ. И когда яхта падала въ пучину, мнѣ становилось невольно жутко. Казалось, что тьма сію минуту поглотитъ насъ, и намъ уже никогда не выбраться изъ холодныхъ объятій внезапно и предательски налетѣвшаго на насъ морского разбойника. Такое же настроеніе испытывала и моя будущая жена. Она робко взглядывала на меня и съ тревожнымъ смѣхомъ спрашивала: „А мы не потонемъ?“ И въ эти мгновенія минутной робости надъ темными грядами волнъ загорался маякъ. И мы чувствовали тогда, что мы не только не потонемъ, но что будемъ счастливы, какъ еще никогда не бывали, и маякъ будетъ свѣтить долгіе годы нашей радости.

Я помню вечеръ нашей свадьбы. Іюньскій, теплый и свѣтлый, вечеръ. Было много огней и на берегу, и въ небѣ, и въ морѣ. Мимо плыли красиво освѣщенные пароходы, горѣлъ костеръ на мысу, сіяли крупныя и рѣдкія звѣзды, точно капли небесной росы. Такъ же много звѣздъ было и въ моей душѣ. Но всего ярче сіялъ въ моей душѣ вѣчный свѣтъ любви — и всего ярче горѣлъ въ морской дали огонь маяка. „Я сторожу твое счастье,— говорилъ онъ мнѣ.—Угаснутъ другіе огни, но я все буду свѣтить тебѣ, какъ свѣтилъ тебѣ и твоей возлюбленной тогда, въ тихую ночь подкрадывавшейся бури“. Я стоялъ рука объ руку съ моей женой, и мнѣ казалось, что въ ея затуманенныхъ глазахъ сіяетъ отблескъ яркаго далекаго огня. И я понялъ, что этого огня уже не погаситъ никакая ночь и никакая бѣда. И яркій огонь нашего маяка вошелъ съ того времени въ нашу жизнь.

Я помню вечеръ, когда я узналъ о своемъ первомъ большомъ успѣхѣ въ жизни. Мнѣ подали письмо съ радостной вѣстью позднимъ вечеромъ. Я долго не могъ успокоиться и до ночи ходилъ по берегу, стараясь осмыслить свое новое положеніе. Съ моря надвигалась гроза, разорванныя лохмотья тучъ протягивались къ зениту словно щупальцы какой-то страшной твари. Падали молніи, струясь, какъ потокъ воды, по одному и тому же мѣсту. Деревья тревожно шелестѣли, по морю пробѣгала темная крупная зыбь, словно кто-то невидимый убѣгалъ отъ грозы по морю и по сушѣ, тревожа волны и деревья... Но на горизонтѣ спокойно загорался маякъ. И свѣтъ его, непреклонный и ровный, не смущавшійся предъ грозою, какъ будто говорилъ мнѣ: „Въ твоей жизни будутъ грозы и волненія и бури, но они не страшны, если твоя жизнь и твоя дѣятельность будутъ озарены вѣчными огнями идеаловъ добра и правды“... И мнѣ казалось, что огонь маяка и есть именно огонь этихъ идеаловъ, и мнѣ было радостно думать, что огонь этотъ никогда не погаснетъ въ жизни...

И много разъ нашъ маякъ свѣтилъ мнѣ въ незабываемыя мгновенія моей жизни. Я сроднился съ нимъ и не могъ представить нашего тихаго побережья безъ него. И вдругъ произошло нѣчто странное и жуткое: нашъ маякъ погасъ.

Злая чужеземная рука опустилась на него и погасила. Эта же рука опустилась на другіе огни — на яркіе маяки человѣчества—любовь, справедливость, истину—и ожесточенно пыталась погасить и ихъ. Желѣзный кулакъ обезумѣвшаго нѣмца, казалось, разбилъ всѣ свѣтильники міра, и всюду полилась густыми струями тьма, имѣвшая тысячи образовъ и именъ: Жестокость, Насиліе, Ложь, Ненависть... Казалось, навсегда угасли всѣ маяки земли и огни неба.

Я стоялъ на холодномъ и пустынномъ прибрежьѣ и тщетно ожидалъ, что маякъ опять загорится. Мнѣ казалось, что я вижу какой-то жуткій и мутный сонъ. Стоитъ сдѣлать усиліе, постараться проснуться, понять, что это не явь, а кошмаръ — и я проснусь. И все окажется ложнымъ ночнымъ страхомъ, и окажется, что никакой войны нѣтъ, и маякъ горитъ попрежнему, и все окружающее освободится отъ страшныхъ потемокъ. Но сонъ не проходилъ...

Мнѣ вспоминалось прошлое: наше катанье на яхтѣ, далекая, еще незримая, буря, подкрадывавшіеся темные валы... Не такъ ли неслышно подкрался къ намъ и грозный валъ войны? Мы еще не знали и не видѣли, что гдѣ-то, за предѣлами горизонта, вскипаетъ буря—но вотъ подкатились темные гребни валовъ, и вся жизнь перевернута самымъ страннымъ и непостижимымъ образомъ. Не сегодня-завтра сюда придутъ враги, сожгутъ нашъ домъ, вытопчутъ поле, разграбятъ имущество, будутъ разстрѣливать людей... И никакія облака не спрячутъ отъ нихъ наши лужайки, наши тропинки, наши цвѣты... Если бы можно было свернуть все это, какъ свертываютъ ковры, и спрятать въ сохранномъ мѣстѣ отъ насилія и оскверненія!

Темный валъ разбойнически-предательски подкатился къ намъ. Но что же маякъ? Гдѣ же онъ?

Никогда не забыть мнѣ этого вечера, когда всюду, во всемъ цивилизованномъ мірѣ гасли маяки, и ползла холодная тьма... Смерть стучалась въ окна къ человѣчеству. Зачѣмъ? Отчего? Кто вызвалъ ее? Кто предательски и самовольно открылъ лазейку въ ея заповѣдной клѣткѣ и выпустилъ ее на міръ? Она проходила уже гдѣ-то вблизи, и отъ ея мертвящаго дыханія умерло лѣто, ниспадалъ холодный осенній дождь, леденѣла земля. Какое великое преступленіе свершилось въ мірѣ!

Съ тяжестью въ сердцѣ, весь разбитый, я ушелъ къ себѣ. Жена не спала. Она сидѣла въ полутьмѣ на балконѣ и тоже смотрѣла въ сторону моря.

— Маякъ погасъ,—сказалъ я.

— Да, погасъ,—отвѣтила она.—Это ничего. Потомъ онъ опять загорится.

Эти простыя слова ободрили меня. Я взглянулъ въ ея глаза, и мнѣ вдругъ показалось, что въ ея глазахъ сіяетъ отблескъ нашего милаго маяка. Нѣтъ, маякъ не погасъ... Онъ затаился въ нашей душѣ. Мы сохранимъ его сіянье подъ пепломъ нашихъ жуткихъ переживаній и не дадимъ никакой бѣдѣ погасить въ нашихъ глазахъ и нашихъ сердцахъ искорку того огня, который свѣтилъ намъ въ дни нашего счастья. Маякъ въ былое время охранялъ насъ—теперь мы будемъ охранять его, какъ самую лучшую драгоцѣнность. Въ дни тревоги мы спрячемъ наше сокровище, а когда придетъ день свѣта и радости, сбереженные огни загорятся краше и ярче прежняго.

Я пересталъ тосковать и бояться будущаго. Я теперь вѣрю, что нѣтъ такой силы въ мірѣ, какъ бы она ни была грозна и жестока, которая могла бы погасить вѣчные маяки человѣчества. Безумный насильникъ, открывшій лазейку Смерти, только на время затуманилъ эти вѣчные огни. Но развѣ облака дыма могутъ уничтожить солнце? Оскорбленное человѣчество уже поднимается грозной силой на насильниковъ, и кто знаетъ, быть-можетъ, уже близокъ часъ торжества, такого же неожиданнаго и скораго, какъ неожиданны были черныя слова объявленія о войнѣ...

Сегодня я спокойно ходилъ по берегу. Вдали бѣлѣлъ тонкой бѣлой черточкой на солнцѣ нашъ маякъ. Я знаю, что онъ опять загорится и будетъ опять освѣщать нашу жизнь и сіять намъ въ мгновенья счастья... Нужно только сберечь его огонь въ сердцѣ. И если всѣ мы будемъ въ эти смутные дни беречь въ душѣ дерзновенно погашенные насильниками огни человѣческихъ идеаловъ— то побѣда будетъ еще ближе и еще полнѣе!

Подвигъ войны.

1.

Не первый вечеръ пѣли волны
Въ народномъ морѣ, и стоналъ
Стихійный вѣтеръ, мощи полный.
И къ небу гимнъ летѣлъ, какъ валъ;
Опять на небѣ пламенѣла
Заря, невиданно ясна,
Когда изъ вражьяго предѣла
Домчалась вѣсть войны. Война!

2.

Война! Война! Такъ вотъ какія
Отверзлись двери предъ тобой,
Любвеобильная Россія,
Страна съ Христовою судьбой!
Такъ пріими жъ вѣнецъ терновый
И въ адъ убійственный сойди
Въ рукѣ съ мечомъ своимъ суровымъ,
Съ крестомъ, сіяющимъ въ груди!

3.

Прости, несжатый, мирный колосъ!
Земля родимая, прости!
Самой судьбы громовый голосъ
Зоветъ Россію въ бой итти.
Не праздень будетъ подвигъ бранный,
Въ крови родится новый вѣкъ,
И къ пашнѣ, славой осіянный,
Вернется русскій человѣкъ.

4.

Какъ по нѣмому уговору,
Среди внезапной тишины
Текли къ Казанскому собору
Россіи вѣрные сыны.
Колонны гордаго портала,
Казалось, выше поднялись.
Какъ изумрудъ, надъ всѣмъ сіяла
Небесъ торжественная высь.

5.

Сѣдой священникъ тихо вышелъ...
Изъ тысячъ вспыхнувшихъ сердецъ
Молитва вырвалась... Услышалъ
Ее въ раю Своемъ Творецъ.
Блаженъ, кто пѣлъ въ народномъ хорѣ,
Кто встрѣтилъ съ вѣрою грозу,
Кто видѣлъ силу въ русскомъ взорѣ
И чудотворную слезу!

Сергѣй Городецкій.

Библиотека "Руниверс"

А. Рябушкинъ. Семья купца въ XVII вѣкѣ. Изъ собранія В. А. Фролова.

Библиотека "Руниверс"

Намѣстникъ Святого Петра.

(Къ кончинѣ папы Пія X).

Умеръ папа римскій... Умеръ глава римско-католической церкви и духовный повелитель 300.000.000 католиковъ. Грохотъ пушекъ европейской войны заглушилъ это событіе и отвлекъ отъ него вниманіе міра, но тѣмъ не менѣе смерть папы является событіемъ міровымъ и по своему значенію даже въ этотъ историческій моментъ не можетъ пройти неотмѣченнымъ. Если въ лицѣ почившаго папы католическій міръ и не имѣлъ выдающагося главу церкви, то все же онъ представлялъ собою того намѣстника Святого Петра, голосъ котораго былъ слышенъ во всѣхъ уголкахъ міра, и волѣ котораго подчинялись сотни милліоновъ людей.

Правда, въ наше время значеніе и власть папскаго престола не тѣ, какими они были въ Средніе Вѣка и даже въ послѣдующее время, но и теперь воля Ватикана не можетъ быть игнорируема почти ни однимъ государствомъ. Съ папой римскимъ и посейчасъ считается весь міръ, и государи согласуютъ свою политику съ директивами, идущими изъ Ватикана.

Смерть папы всегда и невольно вызываетъ передъ мысленнымъ взоромъ величественную историческую картину папства и снова заставляетъ любоваться вѣковымъ зданіемъ папской теократіи. На протяженіи цѣлаго ряда вѣковъ папская власть вела, руководила и повелѣвала міромъ. И религіозная, и государственная, и общественная, и семейная, и нравственная, и экономическая, и правовая стороны жизни людей направлялись римскимъ первосвященникомъ. Въ силу своей духовной власти, папа ставилъ патріарховъ, митрополитовъ, епископовъ и приматовъ, въ силу же своей царской власти онъ назначалъ сенаторовъ, префектовъ, судей и нотаріевъ и наконецъ свергалъ съ троновъ и самихъ королей. Какъ носитель императорской власти, римскій первосвященникъ надѣвалъ царскую корону (utitur regno), какъ носитель же духовной власти, онъ пользовался митрой. Однако духовная власть папы стоитъ выше власти его, какъ „царя царей“. Поэтому митрой онъ пользовался всегда и вездѣ, царскую же корону носилъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Священническая власть папы и по достоинству и по обширности преобладала надъ императорской, такъ какъ „священство предшествовало у Божьяго народа—евреевъ—царству, и Ааронъ, первый первосвященникъ, былъ раньше перваго царя, Саула“.

Намѣстникъ Св. Петра—папа Пій X († 7 августа с. г.).

Уже со времени папы Иннокентія III папская власть является не преемственной властью Святого Петра, и папа становится не намѣстникомъ этого апостола, а намѣстникомъ Самого Бога. Высоко былъ поставленъ апостолъ Петръ надъ людьми, но все же онъ былъ человѣкъ; правда, авторитетъ святого Петра данъ ему свыше, но все же при такихъ условіяхъ викарій апостола, т.-е. папа, получаетъ блѣдное отраженіе божественной власти. Поэтому онъ долженъ подняться выше и заимствовать свое призваніе, свою власть непосредственно изъ божественнаго источника. „Римскій первосвященникъ, — провозгласилъ папа Иннокентій:—поистинѣ есть намѣстникъ не человѣка, не апостола, а истиннаго Бога. Ибо хотя мы и преемники главы апостоловъ, однако мы не его и не какого-либо апостола или человѣка, но Самого Іисуса Христа намѣстники...“

Такимъ образомъ былъ указанъ путь для преемниковъ Петра, и званіе „викарія Христа“ сдѣлалось привилегіей и офиціальнымъ титуломъ римскихъ епископовъ.

Это духовное возвышеніе папы вполнѣ соотвѣтствовало расширенію его власти. Какъ и всякая монархическая власть, власть папы расширилась въ двухъ направленіяхъ—въ теоретическомъ и въ практическомъ—т.-е. въ области права и въ области управленія. Папа управлялъ церковью, а церковь управляла государствомъ. Государство издавало законы, но законы, изданные папой, стояли выше законовъ государства, и папскіе „декреты“ или „декреталіи“ приравнивались къ „канонамъ“, т.-е. къ правиламъ, установленнымъ апостолами и святыми отцами церкви. Папа не только издавалъ законы, но и пользовался правомъ диспенсаціи ante factum, т.-е. правомъ разрѣшать напередъ отъ обязанности соблюдать извѣстный законъ. Такимъ образомъ папа сталъ выше закона и началъ издавать законы для всѣхъ государствъ.

Весь католическій міръ благоговѣйно-торжественно проводилъ къ мѣсту вѣчнаго упокоенія папу Пія X, жизнь котораго сложилась необычайно, и дѣятельность котораго, а также и его нравственныя качества заслуживаютъ подробнаго описанія.

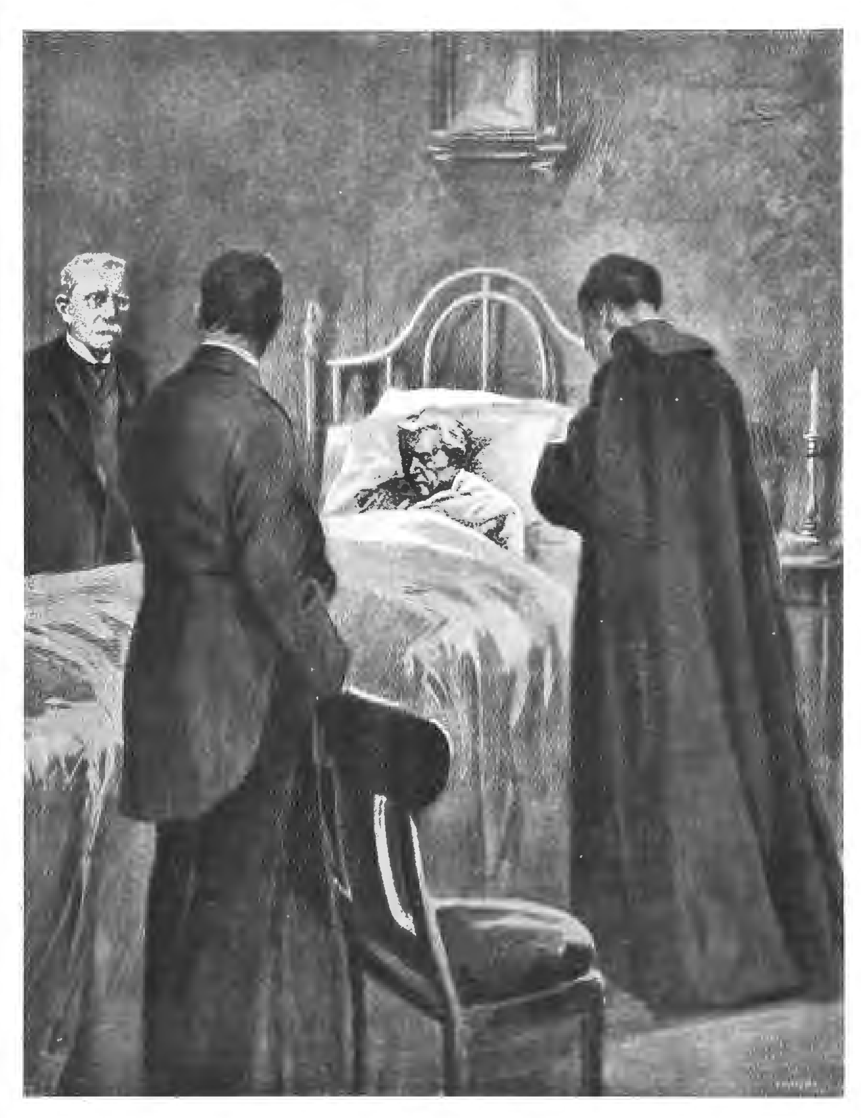
Въ 1903 году умеръ блестящій, гордый, изнѣженный, утонченно воспитанный поэтъ и аристократъ Левъ XIII, и на его мѣсто конклавъ кардиналовъ долженъ былъ избрать новаго римскаго первосвященника. Никто не сомнѣвался, что на этотъ высокій постъ будетъ возведенъ умный, тонкій политикъ, пользовавшійся симпатіями широкихъ круговъ Италіи, кардиналъ Рамполла. Но несмотря на то, что Рамполлѣ обезпечено было большинство голосовъ кардиналовъ, онъ все же папой не сталъ. Австрія, имѣющая право протеста при избраніи папы, вспомнила объ этомъ правѣ, и краковскій кардиналъ Пузына отъ имени императора Франца-Іосифа возсталъ противъ избранія Рамполлы. Австрія знала, что Рамполла—горячій итальянскій патріотъ, вѣрный другъ Франціи, желавшій примиренія съ итальянскимъ правительствомъ, а все это было не на руку Австріи. Она знала, что Рамполла, выдающаяся личность, блестяще образованный князь церкви, поведетъ католическую церковь по пути, который грозитъ Австріи распадомъ, потому что эта „лоскутная монархія“, враждующая съ Франціей, держится только Францемъ-Іосифомъ и ортодоксальнымъ католицизмомъ. Австрійскій императоръ зналъ, что Рамполла, ставъ папой, будетъ меньше всего считаться съ интересами Австріи.

Устраненный кардиналъ Рамполла долженъ былъ уступить свое мѣсто Джузеппе Сарто, который при избраніи, совершенно неожиданномъ для него, могъ только, потрясенный, пролепетать формулу:

— Accepto in crucem...

— На вопросъ: „Quomodo vis vocari?“ (Какъ желаешь называть себя?) — Сарто отвѣтилъ, что онъ хотѣлъ бы именоваться Піемъ X. Затѣмъ два кардинала провели новаго папу къ алтарю,

Библиотека "Руниверс"



Кончина папы Пія X.

облекли въ новую одежду, надѣли бархатныя красныя туфли съ золотымъ крестомъ, бѣлую сутану и поясъ, бѣлую шапочку и пурпурнаго цвѣта бархатную пелерину съ лебяжьимъ пухомъ; кардинальское кольцо было замѣнено „кольцомъ Рыбака“, и кардиналы распростерлись передъ Піемъ X, цѣлуя его ноги и руки. Около $2^1/_2$ часовъ дня въ центральной большой галлереѣ открылось окно, и Пій X въ первый разъ благословилъ народъ...

Во время 10-лѣтняго папства Пія X о немъ много писали, но среди всего написаннаго трудно найти похвалы этому папѣ. Его изображали то человѣкомъ недалекаго ума, то слѣпымъ фанатикомъ, то изувѣромъ. Теперь, послѣ смерти, односторонность оцѣнки должна отпасть. И справедливость требуетъ сказать, что въ лицѣ покойнаго совмѣщались два человѣка: высокой нравственности и евангельской доброты монахъ и папа, надѣлавшій много политическихъ ошибокъ по своей неспособности къ сложнымъ обязанностямъ главы католической церкви.

Въ маленькой, сверкавшей подъ лучами южнаго солнца, деревушкѣ Ріезэ жила семья бѣднаго крестьянина, владѣвшаго тремя гектарами „неудобной“ земли. Въ дѣйствительности бо̀льшая часть земли старика Сарто представляло болото. Но имѣя мало земли, Сарто имѣлъ большую семью, и эти два обстоятельства заставили его въ концѣ концовъ поступить посыльнымъ въ коммуну. Но и это не спасло семью отъ жизни впроголодь. Сарто сдѣлался почтальономъ; жена Сарто, насколько могла, помогала своему мужу: превратившись въ деревенскую швею, шила рубахи по 40 сантимовъ за штуку.

Въ числѣ дѣтей почтаря Сарто былъ и будущій папа, а пока что̀—большой шалунъ, веселый и жизнерадостный Джузеппе. Казалось бы, что внѣшняя обстановка, условія жизни и принадлежность къ бѣдной крестьянской семьѣ заранѣе опредѣляли карьеру Джузеппе. Выборъ жизненнаго поприща для Джузеппе былъ неразнообразенъ: Джузеппе могъ стать либо крестьянскимъ батракомъ, либо почтовымъ разсыльнымъ. Несомнѣнно, это и случилось бы, если бы сосѣди стараго Сарто не обратили вниманія на то, что его сынъ необыкновенно любознателенъ, прилеженъ въ умственномъ трудѣ и страстно любитъ чтеніе. Кромѣ того, Джузеппе отличался большою набожностью, а это тоже склонило въ его пользу всѣхъ его односельчанъ. Дѣло происходило въ началѣ 40-хъ годовъ прошлаго вѣка, и стремившійся къ ученію мальчикъ былъ предметомъ всеобщаго удивленія и восторга.

Рѣшено было, что маленькій Сарто годится на нѣчто болѣе выдающееся, чѣмъ должность почтоваго разсыльнаго. Онъ несомнѣнно долженъ быть „ученымъ“. Рѣшивъ на этомъ, родители помѣстили своего Джузеппе въ начальную двухъ-классную школу. Но когда Джузеппе блистательно прошелъ всѣ два класса, то сталъ увѣрять, что онъ еще пока не ученый, но чувствуетъ силы стать имъ, если его пошлютъ въ „высшую“ школу. Эта высшая школа отстояла отъ деревни Джузеппе въ 7 верстахъ. Ребенку предстояло, такимъ образомъ, дѣлать ежедневно 14 верстъ, да еще высиживать четыре часа на занятіяхъ. Приходилось раннимъ утромъ уходить изъ дому, а домой возвращаться только къ вечеру, съѣдая за все это время ломоть хлѣба и головку лука. Но Сарто мужественно преодолѣлъ четыре года учёбы въ школѣ и голодовокъ и за все это время не явился въ классъ лишь одинъ разъ.

Школа окончена. Что̀ дѣлать дальше? Глубокая религіозность и любовь къ церкви опредѣлили карьеру мальчика. Его отвезли въ Падую и опредѣлили въ семинарію. Въ 1858 году молодой Сарто окончилъ курсъ семинаріи и пріѣхалъ въ родную деревушку, чтобы тамъ подъ сводами старенькой, бѣдной церкви отслужить свою первую мессу...

Такъ началась „карьера“ Сарто: онъ назначается капелланомъ въ Томболо, и назначеніе это рѣшаетъ дальнѣйшую судьбу молодого священника. Въ Томболо настоятелемъ тогда былъ человѣкъ большого ума и хорошаго образованія. Настоятель Кастальтини, полюбивъ сразу своего капеллана, беретъ его подъ свою защиту и обучаетъ его произнесенію проповѣдей, что̀ такъ важно для карьеры католическаго священника. Кромѣ того, Кастальтини руководитъ имъ и въ наукѣ жизни, воспитываетъ его характеръ и знакомитъ его съ тѣми терніями и препятствіями, которыя приходится преодолѣвать католическимъ патерамъ.

У Кастальтини была опредѣленная мысль: сдѣлать изъ своего молодого капеллана блестящаго проповѣдника и открыть ему дорогу къ высшимъ духовнымъ должностямъ. Но самъ Сарто мало объ этомъ думалъ и мало этого желалъ. Его мечты витали въ другой области, и вскорѣ онъ ихъ частью осуществилъ. На свои скромныя средства въ 1859 году онъ открылъ школу для крестьянскихъ дѣтей. Тратя все на школу, самъ Сарто принужденъ былъ питаться хлѣбомъ и сыромъ, имѣя при этомъ только три перемѣны бѣлья. Симпатіи Сарто и склонности, такимъ образомъ, обнаружились: онъ хотѣлъ служить тому народу, изъ среды котораго вышелъ, и надо было видѣть, съ какой благодарностью впослѣдствіи ученики его школы относились къ своему бывшему учителю. Частенько въ Венецію, гдѣ Сарто былъ уже патріархомъ, пріѣзжали крестьяне и выкладывали на столъ патріаршихъ покоевъ деревенскій сыръ, корзинки съ яйцами и незатѣйливое вино. Кардиналъ радостно принималъ своихъ учениковъ, любовно цѣловалъ ихъ въ губы, усаживалъ, разспрашивалъ о деревнѣ, вспоминалъ о быломъ и съ юморомъ, никогда не оставлявшимъ Сарто, разсказывалъ имъ сценки изъ деревенской жизни.

Въ 1884 году Сарто былъ назначенъ каноникомъ каѳедральной церкви въ Тревизо профессоромъ тревизской семинаріи и одновременно руководителемъ „спеціальныхъ конференцій“ для семинаристовъ. Не проходитъ и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ Сарто переводятъ въ Ломбардію, въ городъ Мантую, но уже епископомъ. И здѣсь Сарто остается такимъ же демократомъ и такимъ же горячимъ сторонникомъ народнаго образованія. Онъ прежде всего по собственному побужденію принимаетъ на себя должность ректора семинаріи, а также и профессора морали и догматики. Свободные часы отъ своего упорнаго труда онъ посвящаетъ начальной школѣ, ходитъ по бѣднымъ кварталамъ и трущобнымъ квартирамъ, помогаетъ, чѣмъ можетъ, бѣднотѣ и наставляетъ паству въ вѣрѣ. Мантуанцы никогда до того не видѣли такого простого, такого доступнаго и такого скромнаго епископа, какимъ былъ Сарто. Привыкшіе къ пышной жизни католическихъ епископовъ, мантуанцы поражались тѣмъ, что Сарто вставалъ въ 5 часовъ утра, наскоро одѣвался и самъ бѣжалъ въ сосѣднюю лавочку за хлѣбомъ и коробкой сардинокъ. Но что̀ же было дѣлать епископу, если онъ все раздавалъ бѣднымъ и тратилъ на школы, оставаясь самъ безъ гроша.

Сарто прозвали „бѣднымъ епископомъ“. Но и тогда, когда онъ сталъ кардиналомъ, эта кличка осталась за нимъ, съ тою только разницею, что онъ сталъ уже „бѣднымъ кардиналомъ“.

Насколько Сарто былъ бѣденъ и неприхотливъ, видно изъ того, что онъ всегда ѣздилъ въ III-мъ классѣ, мирно и запросто бе-

Библиотека "Руниверс"

сѣдуя съ крестьянами, даже и не подозрѣвавшими, что рядомъ сидящій толстый патеръ, добродушно улыбающійся и удачно вставляющій въ рѣчь простонародныя словечки, епископъ Мантуи.

Черезъ девять лѣтъ Сарто изъ епископа дѣлается кардиналомъ и въ 1894 году въѣзжаетъ въ Венецію, какъ ея патріархъ. И здѣсь Сарто остается такимъ же, какъ и въ Ріезэ и Мантуѣ: открываетъ школы, учреждаетъ общества взаимопомощи и рабочіе дома.

Проходитъ съ этого момента еще девять лѣтъ, и Сарто занимаетъ папскій престолъ. И здѣсь онъ, ставъ выше всѣхъ, ушелъ изъ повседневной жизни скромно, тихо и просто. Надо ли говорить, что такой человѣкъ, какъ Пій X, не понималъ и не видѣлъ разницы между положеніемъ пастуха и кардинала. Онъ самъ никогда „не дѣлалъ" карьеры, терпѣть не могъ карьеристовъ и точно такъ же относился и къ своей роднѣ. Горячо любя своихъ братьевъ и кузеновъ и часто съ ними видаясь, онъ не повышалъ ихъ и не старался вытянуть изъ безызвѣстнаго положенія. Они, какъ были, такъ и остались почтарями, землеробами и разсыльными. Его сестру прекрасно зналъ весь Римъ,— но эта старушка до самой своей смерти ходила по-деревенски, въ платочкѣ и черномъ простомъ платьѣ.

Таковъ былъ покойный папа Пій X. Чистый душою, евангельски добрый, отказавшійся отъ жизни, глубоко, искренно вѣрующій, отдавшій всѣ силы души служенію у алтаря, онъ былъ не на мѣстѣ, какъ папа.

Простой, безхитростный, не умѣющій выбирать людей, непосвященный въ тонкости политической интриги, неумѣющій разбираться въ политическихъ комбинаціяхъ и итти, когда надо, на уступки духу времени, Пій X представлялъ собою средневѣковаго монаха, опоздавшаго родиться на пять-шесть столѣтій. Его предшественникъ старался примирить церковь и науку, царство Божіе и царство земное, но Пій X круто повернулъ назадъ въ Средневѣковье и рѣшилъ подчинить свѣтское знаніе теологіи и превратить такимъ образомъ нашъ вѣкъ разума въ вѣкъ вѣры. Пій X требовалъ абсолютнаго подчиненія церкви и ея канонамъ, не допуская свободной мысли и современнаго прогресса. Стремясь возстановить во всей средневѣковой полнотѣ власть римскихъ папъ, папа Пій X добился какъ разъ обратнаго. Настаивая на усиленіи клерикализма во всѣхъ католическихъ странахъ, папа вызвалъ конфликтъ съ Франціей, закончившійся тамъ отдѣленіемъ церкви отъ государства.

Крестовые походы нашихъ дней.

(Изъ впечатлѣній военнаго корреспондента).

Н. Н. Брешко-Брешковскаго.

Перепечатка воспрещается

На сербскомъ театрѣ.

Крестовый походъ нашихъ дней...

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ вся эта война, пылающимъ заревомъ охватившая Европу, не является крестовымъ походомъ славянства противъ самодовольнаго, все и вся попиравшаго германизма?..

Нѣмцы хотѣли задушить ненавистное имъ славянство. Въ послѣдніе годы съ успѣхами на Балканахъ сербовъ и черногорцевъ это желаніе обострилось. И вмѣстѣ съ нимъ росла черная, непримиримая ревность, именно ревность германизма къ славянству.

Вдохновляемая Германіей, Австрія „приказала" царю Фердинанду разрушить балканскій союзъ и напасть на сербовъ. Фердинандъ такъ и сдѣлалъ.

Результатъ получился неожиданный, принизившій Болгарію и возвеличившій Сербію.

Мнѣ вспоминается бесѣда съ престолонаслѣдникомъ сербскимъ королевичемъ Александромъ. Это было минувшимъ лѣтомъ, въ самомъ началѣ его, когда, казалось, никто и не помышлялъ о войнѣ. Въ окрестностяхъ Бѣлграда, на курортѣ Врыньячке-Банье я провелъ два дня въ обществѣ будущаго монарха героической Сербіи. Съ горечью и тоскою вспоминалъ благородный королевичъ-рыцарь, королевичъ-солдатъ болгарскую войну:

— Какъ мучительно жаль разбитыхъ иллюзій! Какъ величаво-красива была идея балканскаго союза! И какъ грубо растоптали ее. Я не виню болгаръ. Болгарскій народъ ни при чемъ здѣсь. Онъ введенъ былъ въ заблужденіе своимъ правителемъ и его министрами, которые, въ свою очередь, являлись маріонетками въ рукахъ искусно державшей ихъ за нитку Австріи. Ахъ, эта Австрія!.. Она всегда жгуче ненавидѣла Сербію. Ея завѣтною мечтою было погубить насъ... Вспыхнула война съ турками... Австрія потирала отъ удовольствія руки, въ надеждѣ, что турки разгромятъ насъ. Вышло наоборотъ. Австрія позеленѣла отъ разочарованія и натравила на насъ болгаръ, убѣжденная, что здѣсь ужъ не миновать намъ разгрома. Новое разочарованіе. Австрія вдохновляетъ и субсидируетъ возстаніе арнаутовъ, надѣясь, что годъ съ лишнимъ непрерывныхъ войнъ утомилъ Сербію, и албанцы, тѣ самые албанцы, которыхъ боялись турки даже въ лучшую свою пору, самую цвѣтущую, расшатаютъ насъ... Албанскій походъ явился для Сербіи лишь обыкновенной карательной экспедиціей,—и вотъ вамъ третье разочарованіе нашей доброжелательной сосѣдки!

— Теперь, надѣюсь, она оставитъ надолго въ покоѣ Сербію,— замѣтилъ я.

— Не думаю,—замѣтилъ королевичъ Александръ.—Не думаю... Хотя мы теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь нуждаемся въ покоѣ и отдыхѣ. Впереди намѣчена такая бездна культурной, созидательной работы. Надо залѣчивать раны, необходимо насаждать просвѣщеніе, государственность въ новыхъ завоеванныхъ областяхъ. Въ этомъ полудикомъ турецкомъ наслѣдствѣ, гдѣ сербъ чувствовалъ себя такимъ угнетеннымъ, и гдѣ съ большимъ трудомъ и съ крайними ограниченіями допускались сербскія школы... Австрія не можетъ остаться равнодушной созерцательницей, видя, какъ растетъ и ширится Сербія... Я не сомнѣваюсь, что завѣтная мечта монархіи Габсбурговъ возможно скорѣе напасть на насъ и разгромить, пока, подточенные цѣлымъ рядомъ войнъ, мы не успѣли еще оправиться и окрѣпнуть.

Слова королевича Александра оказались пророческими. Эта бесѣда происходила въ маѣ, а черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ Австрія послала Сербіи свою возмутительно наглую ноту, придравшись къ убійству въ Сараевѣ эрцгерцога Франца-Фердинанда,— убійству, къ слову сказать, до сихъ поръ еще темному и неясному. И хотя австро-мадьяры изо всѣхъ силъ старались обвинить въ заговорѣ сербское правительство, но есть основаніе предполагать, что если кто и былъ замѣшанъ въ заговорѣ, такъ это именно вѣнская придворная камарилья. Она не могла примириться съ мыслью, что на тронъ Габсбурговъ взойдетъ не сегодня-завтра вмѣстѣ со своимъ вѣнценоснымъ супругомъ простая чешская графиня. При этомъ такъ легко и удобно было свалить убійство на сербовъ и этимъ ускорить разгромъ небольшой славянской страны...

Австрія давно готовилась къ войнѣ съ Сербіей, вѣрнѣе—къ нападенію на нее. Еще за мѣсяцъ до сараевской катастрофы объявлена была Австріей всеобщая мобилизація. Сербія же, для которой война эта явилась нежданной, была совершенно не готова

Сербскій Престолонаслѣдникъ Королевичъ Александръ съ нашимъ сотрудникомъ Н. Н. Брешко-Брешковскимъ на курортѣ Врыньячке-Банье, въ окрестностяхъ Бѣлграда.

Библиотека "Руниверс"

Мудрено ли, что въ первые дни послѣ объявленія войны растерянность охватила Сербію. Тѣмъ болѣе, что она еще не знала, въ какой формѣ и степени выразятся сочувствіе и помощь великой Россіи.

Моментъ объявленія войны засталъ меня въ Дураццо. Въ эту албанскую глушь, отрѣзанную отъ газетъ и отъ правильнаго телеграфнаго сообщенія, доходили фантастическіе слухи...

Общій видъ Бѣлграда съ Дуная и Савы.

Сербскій посланникъ Гавриловичъ, отважный офицеръ запаса, храбрый солдатъ минувшихъ войнъ, рыдалъ въ отчаяніи, повторяя:

— Что̀ будетъ съ Сербіей!?.

Дѣйствительно, при всемъ своемъ героизмѣ, при всѣхъ своихъ боевыхъ качествахъ, 300-тысячная сербская армія не могла бы, пожалуй, выдержать натиска двухъ съ половиною милліоновъ австрійцевъ, первоначальный планъ которыхъ, не учитывавшій вмѣшательства Россіи, заключался въ томъ, чтобы однимъ стремительнымъ натискомъ задушить Сербію и заставить ее раздѣлить участь Босніи и Герцоговины.

Мнѣ вспомнились слова королевича Александра, давшаго мнѣ глубоко-психологическое объясненіе дѣйствій Австріи.

Когда онъ говорилъ о томъ, что Австрія послѣдовательно, этапъ за этапомъ, разочаровалась въ своихъ надеждахъ видѣть Сербію униженной и разбитой, меня это удивило, и я сказалъ:

— Вашему высочеству извѣстно, что Сербія всегда наводнена была австрійскими шпіонами. А разъ такъ — они должны были освѣдомить свое правительство объ истинныхъ качествахъ сербской арміи, справиться съ которой не такъ ужъ легко.

На это престолонаслѣдникъ возразилъ:

— Ненависть къ Сербіи такъ велика у Австріи, что она рѣшительно не желаетъ признавать за нами какихъ бы то ни было положительныхъ качествъ...

Типъ сербскаго добровольца-комитаджія.

Дѣйствительно, Австрія была увѣрена до послѣдней минуты, что война съ Сербіей превратится въ легкую военную прогулку, въ карательную экспедицію, въ которой „крамольная“ Сербія будетъ жестоко и примѣрно наказана.

Австрійцы не сомнѣвались, что въ двадцать четыре часа займутъ Бѣлградъ и оттуда властно продиктуютъ свою волю Сербіи. Теперь мы уже знаемъ, сколько жестокихъ разочарованій принесъ этотъ кичливый планъ Австріи.

Повторяемъ, Сербію охватила растерянность лишь въ первую минуту. Но это не былъ страхъ передъ многочисленнымъ, хотя и подлымъ и трусливымъ, врагомъ. Это была отъ мала до велика, до послѣдняго человѣка готовность умереть, пядь за пядью, шагъ за шагомъ защищая родную землю.

— Австріи дорого обойдется ея торжество! — мрачно говорили сербы.

Но когда выяснилось, что Россія не дастъ въ обиду свою младшую славянскую сестру, и австрійцамъ придется воевать на два фронта, бурное праздничное ликованіе охватило всю Сербію. Люди обнимались на улицахъ, какъ въ Свѣтлый Праздникъ. Вѣра въ конечную побѣду охватила сербовъ, и весело, радостно, какъ на пиръ, шли они на войну, украшая свои винтовки полевыми цвѣтами.

Все способное носить оружіе двинулось на позиціи. Спѣшно мобилизованная армія — сама по себѣ, но къ ней присоединилось еще около двухсотъ тысячъ добровольцевъ или, какъ называютъ ихъ въ Болгаріи и Сербіи — „комитаджіевъ“.

Среди комитаджіевъ найдете вы и глубокихъ стариковъ, правда, сухихъ, крѣпкихъ и бодрыхъ, и пятнадцатилѣтнихъ юношей, рвущихся встрѣтиться лицомъ къ лицу со швабомъ.

Одно изъ самыхъ цѣнныхъ качествъ сербскаго пѣхотинца, это — его невѣроятная физическая выносливость. Онъ можетъ дѣлать по семидесяти километровъ въ сутки въ полномъ походномъ снаряженіи, питаясь однимъ хлѣбомъ. Случалось, что въ дикихъ, непроходимыхъ мѣстностяхъ Албаніи, гдѣ горы мѣшали слѣдовать обозу, сербы по три дня ничего не ѣли, что̀ не мѣшало имъ храбро и побѣдно драться съ непріятелемъ.

Разсыпной строй сербской пѣхоты достоинъ всяческаго вниманія. Она умѣетъ пользоваться малѣйшимъ прикрытіемъ, и огонь ея отличается убійственной мѣткостью. Штыковой ударъ сербской пѣхоты — нѣчто стихійное по своей безудержной стремительности. Даже болгарская армія и та не выдерживала рукопашныхъ аттакъ сербовъ.

Походное снаряженіе сербскаго солдата отличается удобствомъ и простотою. Защитный цвѣтъ мундира, шароваръ и головного убора дѣлаетъ солдата невидимымъ даже сравнительно на небольшомъ разстояніи.

Вмѣсто сапогъ, жмущихъ ногу во время затяжныхъ маршей, сербы носятъ просторныя опанки — родъ мягкихъ лаптей изъ буйволовой кожи. Опанки — національная сербская обувь.

Что̀ касается артиллеріи, то она вся французская, изготовленная на заводѣ Крезо. Сербская артиллерія какъ въ минувшія балканскія войны, такъ и теперь, на австрійскомъ фронтѣ, обнаружила свое несомнѣнное превосходство надъ артиллеріей противниковъ, сплошь нѣмецкой. Давно уже въ Сербіи въ каждомъ пѣхотномъ полку имѣется пулеметная рота. Своими пулетами сербы нагоняли паническій ужасъ на арнаутовъ во время албанскаго возстанія.

Солдаты сербской пѣхоты.

Библиотека "Руниверс"

До сихъ поръ вспоминаютъ албанцы съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ:

— Сербы... така-така!..

„Така-така“ — это подражательный звукъ шуму пулемета въ дѣйствіи. Дѣйствительно, дорогою цѣною обошлось арнаутамъ ихъ возстаніе. Сербскіе пулеметы тысячами косили этихъ дикарей, не имѣющихъ понятія о разсыпномъ строѣ, хотя ими и руководили австрійскіе офицеры.

Комитаджіи — незамѣнимое по своей полезности партизанское войско. Эти балканскіе гверильясы положительно „универсальны“. Они совмѣщаютъ въ себѣ рѣшительно всѣ роды оружія. Комитаджій — не знающій устали пѣхотинецъ, способный пробираться самыми головоломными козьими тропами. Комитаджій — солдатъ инженерныхъ войскъ. Онъ взрываетъ мосты, портитъ желѣзнодорожные пути, прерываетъ телеграфное и телефонное сообщенія. Комитаджій—пѣшая кавалерія. Развѣдочнымъ отрядомъ, отъ котораго ничто не ускользаетъ, движутся они впереди арміи. Наконецъ комитаджіевъ, чудесно владѣющихъ ручными бомбами—въ этомъ отношеніи они всѣ виртуозы — можно назвать артиллеристами.

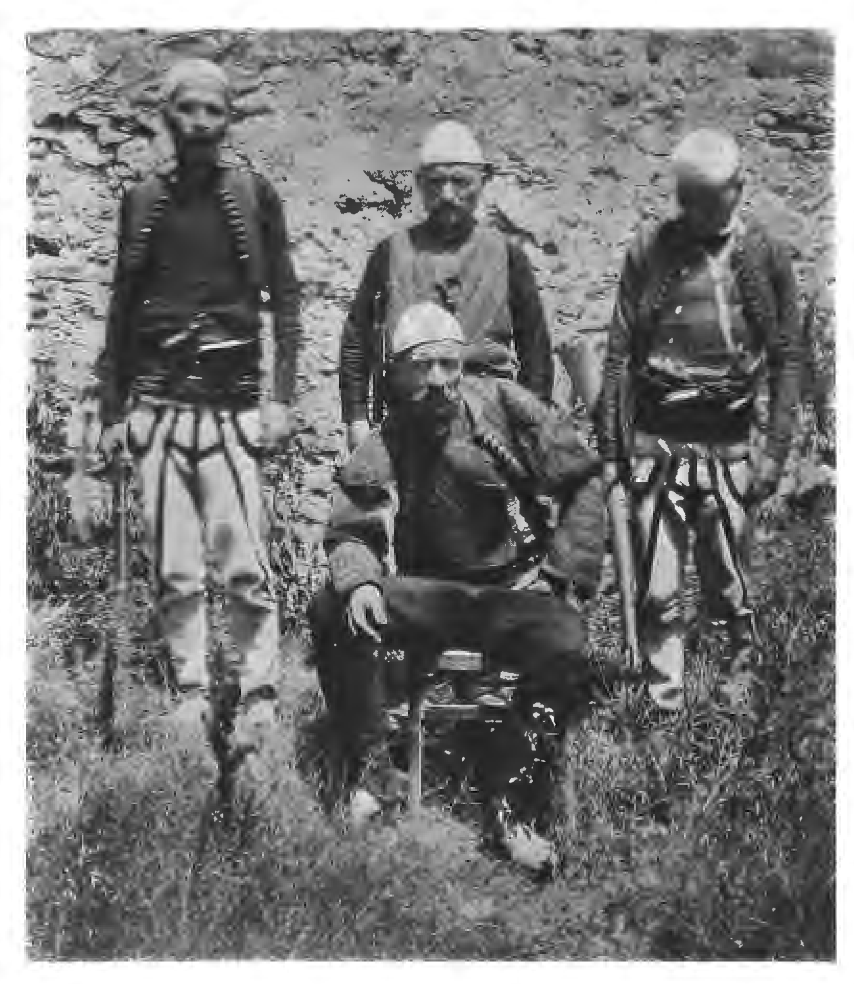
Теперь, въ дни бомбардировки Бѣлграда, комитаджіи пользуются покровительствомъ ни на одинъ день не покидавшаго обстрѣливаемой столицы королевича Георгія. Онъ организовалъ изъ комитаджіевъ сильный отрядъ, причинившій австрійцамъ огромный уронъ.

Я провелъ двое сутокъ въ Бѣлградѣ во время самой ожесточенной бомбардировки. Вмѣстѣ съ отрядомъ королевскихъ войскъ несутъ на себѣ въ равной степени всю тяжесть обороны и комитаджіи. Не проходитъ ночи, чтобъ не добыли они десятокъ-другой плѣнныхъ австрійцевъ. Комитаджіи дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи, какъ майнъ-ридовскіе охотники за черепами. Покровительствуемые сумерками темной южной ночи, они безшумно переплываютъ на маленькихъ челнахъ Дунай и уже на австрійскомъ берегу тихо подползаютъ къ ничего не подозрѣвающимъ венгерскимъ пикетамъ...

Бомбардировка незащищеннаго и неукрѣпленнаго Бѣлграда — явленіе чрезвычайно характерное для австрійцевъ вообще и австрійской арміи въ частности. Въ этомъ цѣликомъ сказались ихъ трусость, ихъ ничтожность, ихъ полное неумѣнье вое-

Къ бомбардировкѣ Бѣлграда австрійцами. Рельефная карта мѣстности на границѣ Сербіи и Венгріи.

Библиотека "Руниверс"



Албанскій вождь Исса-Болетинацъ (сидитъ) со своими арнаутами.

вать. Вотъ уже больше мѣсяца обстрѣливаютъ они осадными орудіями Бѣлградъ, день за днемъ превращая его въ развалины. Теперь, конечно, имъ уже не видать его. Сильный гарнизонъ Бѣлграда отразитъ какой угодно австрійскій дессантъ. Да они никогда и не посмѣютъ сунуться. Но въ первые дни, будь вмѣсто австрійцевъ кто-нибудь другіе,—незащищенный, неприготовившійся отразить непріятеля, Бѣлградъ можно было бы взять безъ труда.

Яркимъ показателемъ прямо-таки классической никчемности австрійцевъ въ военномъ дѣлѣ является ихъ плачевная попытка высадить ночной дессантъ до объявленія войны, тотчасъ же послѣ того, какъ они послали Сербіи свой беззастѣнчивый, ихъ же самихъ погубившій, ультиматумъ.

Австрійцы думали обрушиться на спящій, ничего не подозрѣвающій, Бѣлградъ двумя баталіонами, въ общемъ больше двухъ тысячъ человѣкъ, нагруженныхъ,—именно „нагруженныхъ",—ибо это былъ нелѣпый хаотическій грузъ, — на большія понтонныя барки. Часовые бѣлградской цитадели, замѣтивъ эту, медленно пересѣкающую Дунай, флотилію, поспѣшно донесли своему коменданту полковнику Пирочанацу. Полковникъ, герой турецкой войны, собралъ мигомъ все, что у него было подъ рукою. Жандармы, комитаджіи и чины пограничной стражи — все это въ общемъ дало лишь сотню стрѣлковъ. И эти 100 удальцовъ бѣшенымъ ружейнымъ огнемъ не только отбросили австрійскій дессантъ, но и нанесли ему чувствительныя потери... Много австрійскихъ труповъ плыло внизъ по теченію мутнаго Дуная...

Живописный, разметавшійся на крутомъ берегу Дуная и Савы, Бѣлградъ опустѣлъ, изъ обычныхъ ста пятидесяти тысячъ жителей теперь въ немъ едва ли наберется и десять. Трусливые лицомъ къ лицу съ врагомъ и храбрые на разстояніи, австрійцы продолжаютъ громить безотвѣтный городъ. Но о вторичномъ дессантѣ и думать боятся. Первая попытка отбила у нихъ всякую охоту „обѣдать въ Бѣлградѣ",—какъ хвастались они вначалѣ.

Съ особеннымъ тщательнымъ удовольствіемъ обстрѣливаютъ австрійцы госпиталь, дѣтскіе пріюты, больницы. Нѣкоторые изъ этихъ учрежденій разворочены до тла, и подъ развалинами ихъ погибло не мало жертвъ.

Своеобразно мстятъ австрійцы Италіи за ея нейтралитетъ и Англіи за то, что „осмѣлились" воевать противъ нѣмцевъ. Итальянское и англійское посольства подверглись самой ожесточенной бомбардировкѣ. Въ особенности пострадало отъ громадныхъ снарядовъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ пробуравившихъ крышу и стѣны, англійское посольство.

Теперь только, послѣ ихъ кошмарнаго разгрома при Шабацѣ, горькимъ опытомъ на собственной спинѣ своей убѣдились австрійцы, съ какимъ противникомъ имѣютъ они дѣло... Не надѣясь на собственныя силы въ этой борьбѣ, Австрія во что бы то ни стало, цѣною золота, которое она щедро раздаетъ албанцамъ, рѣшила инсценировать новое возстаніе арнаутовъ.

Вождь такъ называемыхъ коссовскихъ арнаутовъ Исса-Болетинацъ получилъ милліонъ кронъ, чтобъ двинуть своихъ головорѣзовъ на Призрѣнъ, Ускюбъ, Приштину и другіе пункты и города Новой Сербіи, недавно лишь отвоеванной у турокъ.

Исса-Болетинацъ—типичный балканскій кондотьеръ, продающій свою шпагу тому, кто лучше оплатитъ ея кровавыя услуги. Въ эпоху Абдулъ-Гамида онъ игралъ видную роль, умудряясь получать жалованье отъ Австріи, Турціи, Италіи, Сербіи и Черногоріи. Познакомился я съ Иссою-Болетинацомъ этимъ лѣтомъ въ Албаніи, гдѣ онъ служилъ князю Виду, сражаясь противъ своихъ же албанцевъ-мусульманъ... Секретъ весь въ томъ, что Видъ, не торгуясь, далъ арнаутскому вождю потребованную имъ сумму.

Исса производитъ впечатлѣніе лукаваго и вѣроломнаго человѣка. Да онъ такой и на самомъ дѣлѣ, этотъ балканскій кондотьеръ... Большого труда стоило мнѣ уговорить его сняться. Какъ правовѣрный мусульманинъ, Болетинацъ считаетъ фотографированіе грѣхомъ...

Конечно, имѣть у себя въ тылу враждебныя банды арнаутовъ непріятно, что и говорить! Но существеннаго вреда Сербіи выступленіе албанцевъ принести не можетъ. Два-три баталіона съ нѣсколькими пулеметами надолго отобьютъ охоту у дикихъ горцевъ переступать границу.

Сербы всегда хорошо относились къ русскимъ, гораздо сердечнѣе, чѣмъ болгары, нами цѣликомъ созданные и нами облагодѣтельствованные. Теперь же, когда русская и сербская арміи бьютъ каждая на своемъ фронтѣ швабовъ и, почемъ знать, быть-можетъ, встрѣтятся скоро въ Будапештѣ и Вѣнѣ, отношеніе сербовъ къ русскимъ исключительное по своей сердечности и пріязни.

Многія сотни злосчастныхъ русскихъ туристовъ, вынужденныхъ покинуть Германію, Австрію и Швейцарію, ѣхавшіе кружнымъ путемъ черезъ Солоники, очутились въ Сербіи. Многіе были безъ копейки денегъ. Сербы приняли въ нихъ самое трогательное участіе. Все, до полнаго пансіона включительно и проѣзда по сербской желѣзной дорогѣ, предоставлено было безплатно. Мало этого: каждый туристъ получилъ нѣкоторую сумму денегъ, обезпечивающую возвращеніе на родину. Покидая гостепріимные предѣлы Сербіи, русскіе увозили самое теплое, самое нѣжное чувство къ братьямъ, истиннымъ братьямъ-славянамъ. Заслуживаетъ вниманіе то здѣсь, что нянчилась любовно Сербія съ нашими туристами не въ спокойное, безмятежное время, а вся охваченная порывомъ великой освободительной войны отъ швабско-мадьярскаго гнета,—войны, столь же прекрасной, сколь и героической. Священной войны, гдѣ на ряду съ мужчинами принимаютъ участіе и доблестныя сербскія женщины, — войны, въ которой въ концѣ концовъ на развалинахъ „лоскутной монархіи" Габсбурговъ выростетъ великая свободная Сербія!

Отъ голода или на полѣ битвы?

Очеркъ **Н. Денисюка.**

Финансисты говорятъ, что для успѣшнаго веденія войны нужно раньше всего деньги и послѣ всего—деньги. Но они не предвидѣли такого положенія, при которомъ деньги теряютъ свою покупательную силу, потому что отсутствуетъ товаръ. Благодаря англійскому флоту, нейтралитету Италіи и тому обстоятельству, что остальныя границы Германіи на сушѣ заперты ея военными противниками, она, даже обладая вполнѣ достаточными покупательными средствами, можетъ очутится безъ пищи, т.-е. безъ возможности не только прокормить армію, но и населеніе страны.

Въ наше время страны міра подѣлились на страны, вывозящія хлѣбъ, и страны, ввозящія хлѣбъ. Среди странъ, не могущихъ прокормить себя своимъ собственнымъ хлѣбомъ и мясомъ, на ряду

Библиотека "Руниверс"

съ Англіей, Австріей и Италіей оказалась и Германія. Это даетъ поводъ многимъ публицистамъ дѣлать выводъ, что Германія раньше, чѣмъ быть побѣжденной на полѣ битвы, должна будетъ признать себя побѣжденной голодомъ. Многіе полагаютъ, что скоро въ Германіи нечѣмъ будетъ прокормить не только населеніе страны и армію, но и скотъ, такъ какъ Германія въ громадной массѣ получаетъ кормовыя средства для скота изъ тѣхъ же странъ, откуда получаетъ она и хлѣбъ.

Правда, Германія въ послѣднія десятилѣтія сильно индустріализировалась, и въ то время, какъ продукты ея фабрикъ все въ большемъ и большемъ количествѣ вывозились за границу, сама Германія все больше и больше принуждена была ввозить къ себѣ пищевыхъ продуктовъ и корма. Однако мы сильно преувеличиваемъ потребность со стороны Германіи въ привозномъ хлѣбѣ и переоцѣниваемъ это обстоятельство въ смыслѣ неспособности нѣмцевъ вести по этой причинѣ болѣе или менѣе продолжительный срокъ войну. Надо знать, что въ Германіи по вопросу о снабженіи населенія земледѣльческими продуктами на случай войны много писали, этому обстоятельству придавали большое значеніе, объ этомъ заботились и всяческими путями поддерживали національное сельское хозяйство. Надо помнить, что нѣмцы въ дѣлѣ сельскаго хозяйства достигли громадныхъ результатовъ, и хотя поля ихъ и не могутъ равняться по обширности съ полями нѣкоторыхъ земледѣльческихъ странъ, но зато они путемъ улучшенныхъ пріемовъ веденія своего сельскаго хозяйства добились высокихъ урожаевъ и сильно подняли продуктивность почвы.

Начиная съ 30-хъ годовъ прошлаго вѣка, Германія живетъ жизнью земледѣльческихъ странъ съ тою только разницею, что дѣлаетъ попытки и усилія перейти къ болѣе усовершенствованнымъ способамъ полеводства. До 70-хъ годовъ она остается все въ томъ же положеніи страны землеробовъ, но доводитъ свое сельское хозяйство до замѣчательнаго расцвѣта и совершенства. Въ началѣ XIX вѣка Германія была въ состояніи не только прокормить свое населеніе своимъ хлѣбомъ, а свой скотъ — кормами, добытыми на нѣмецкой землѣ, но могла еще значительную часть этихъ продуктовъ вывозить за границу. Однако населеніе Германіи быстро росло, а вмѣстѣ съ этимъ росло и потребленіе пищевыхъ припасовъ, и, несмотря на успѣхи агрономической техники и на увеличеніе производства хлѣбовъ, внутренній рынокъ Германіи все же въ концѣ концовъ оказался не въ состояніи удовлетвориться національнымъ производствомъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Уже около середины прошлаго вѣка привозъ ржи въ страну начинаетъ превышать вывозъ ея, и Германія оказывается данницей чужихъ странъ, сначала благодаря ввозу ржи, а затѣмъ — пшеницы, ячменя, овса и кормовыхъ средствъ. Это влечетъ за собой необходимость ввоза и животныхъ—рогатаго скота, овецъ— и наконецъ, домашней птицы.

Начиная приблизительно съ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка, благодаря развитію международныхъ сношеній, желѣзнодорожной сѣти и пароходному транспорту, во всей Западной Европѣ начинаетъ чувствоваться конкуренція новыхъ странъ, въ изобиліи производящихъ дешевый хлѣбъ: Россіи, Соединенныхъ Штатовъ, Румыніи, Аргентины, Остъ-Индіи и Урагвая. Наступаетъ длительный періодъ паденія хлѣбныхъ цѣнъ, и Германія оказывается неспособной растить и продавать хлѣбъ по тѣмъ цѣнамъ, по которымъ предлагаютъ его поименованныя выше земледѣльческія страны, и нѣмецкому народу все труднѣе и труднѣе становится прокормить себя отъ доходовъ съ полей.

Правда, уже Бисмаркъ окружаетъ сельское хозяйство Германіи протекціонной политикой, удешевляетъ желѣзнодорожный тарифъ при провозѣ туземныхъ продуктовъ и всячески облегчаетъ имъ борьбу съ иностранной конкуренціей. Нѣмецкіе помѣщики рука объ руку съ государствомъ дѣлаютъ многое для развитія сельскаго хозяйства, но все же оно начинаетъ отставать отъ развитія нѣмецкой промышленности, и капиталъ, а вмѣстѣ съ этимъ и рабочія руки все больше и больше уходятъ отъ земледѣлія и приливаютъ къ фабрикамъ и заводамъ. Сельское хозяйство въ Германіи, такимъ образомъ, къ нашему времени потеряло большую долю своего значенія въ жизни народа. Еще въ 1830 году сельскимъ хозяйствомъ занимались четыре пятыхъ населенія страны. Въ 1860 г. мы уже видимъ, что только три пятыхъ населенія Германіи удержаны сельскимъ промысломъ, въ 1882 году отъ земли кормятся только уже двѣ пятыхъ населенія, а къ 1895 г. эта цифра падаетъ еще ниже и немногимъ превышаетъ одну треть жителей Германіи, а именно 35%. Послѣдняя промысловая перепись, произведенная въ 1907 году, показала, что доля населенія, живущаго доходами отъ сельскаго хозяйства въ Германіи, продолжаетъ падать, при чемъ падаетъ она не только относительно, но и абсолютно. Въ 1907 году населеніе Германіи оказалось равнымъ 61.720.529, а количество лицъ, живущихъ доходами отъ сельскаго хозяйства, выразилось вь цифрѣ 17.681.176 человѣкъ, что даетъ 28,6% ко всему населенію страны.

Словомъ, на нашихъ глазахъ Германія стала безусловно промышленной страной, и въ данный моментъ, по вычисленіямъ нѣмецкихъ статистиковъ, годичное производство нѣмецкаго сельскаго хозяйства достигаетъ шести милліардовъ марокъ, тогда какъ годичное производство фабрикъ и заводовъ равняется приблизительно двѣнадцати милліардамъ марокъ. Доходъ, получаемый нѣмецкимъ народомъ отъ своихъ сельскохозяйственныхъ предпріятій, ежегодно достигаетъ трехъ милліардовъ марокъ, а доходъ отъ промышленности и торговли — почти четырнадцати милліардамъ марокъ.

Все это говоритъ за то, что Германія въ настоящее время живетъ не продуктами своей земли, а промышленной дѣятельностью своихъ жителей. Нѣмецкіе экономисты вычислили, что если бы Германія должна была извлекать изъ собственной земли всѣ тѣ пищевые продукты и сырые матеріалы, которые необходимы для прокормленія населенія и для промышленности, то она должна была бы обладать пространствами земли по крайней мѣрѣ вдвое и втрое бо̀льшими, чѣмъ та территорія, которою она владѣетъ въ данный моментъ.

Все это и дало поводъ предположить, что Германія абсолютно неспособна воевать въ данный моментъ, и что не пройдетъ и двухъ-трехъ мѣсяцевъ, какъ она должна будетъ положить оружіе. Извѣстія о томъ, что плѣнные нѣмецкіе солдаты оказываются изголодавшимися, а также и то, что въ первые дни объявленія войны цѣны на пищевые продукты въ Берлинѣ выросли до небывалыхъ размѣровъ,—какъ бы подтверждаютъ предположенія о томъ, что нѣмцы безъ привознаго хлѣба должны сдаться въ самый непродолжительный срокъ.

Но такъ ли это? Дѣйствительно ли Германія такъ плохо подготовлена къ войнѣ въ смыслѣ продовольствія населенія? Наша страна, какъ и Франція, не нуждается въ привозѣ пищевыхъ продуктовъ, и у насъ достаточно своихъ собственныхъ съѣстныхъ припасовъ, ибо мы сами ежегодно вывозимъ на милліардъ рублей хлѣба, масла, птицы, яицъ и мяса. Какъ бы ни былъ у насъ плохъ урожай, все же онъ вполнѣ достаточенъ для того, чтобы прокормить до новыхъ хлѣбовъ все населеніе нашей страны. Что̀ же касается Германіи, то она должна у насъ ежегодно покупать почти половину тѣхъ съѣстныхъ припасовъ, которые она потребляетъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы даемъ ей ихъ чуть ли не цѣликомъ. Такъ, напримѣръ, Германія ввозила къ себѣ 3.895.081 двойныхъ центнеровъ ржи, и изъ этого количества ржи Россія доставляла ей 3.580.760 двойныхъ центнеровъ (1912 г.); пшеницы Германія потребляетъ приблизительно 23½ милліона двойныхъ центнеровъ, а изъ Россіи получала ея около 15 милліоновъ центнеровъ; изъ 28 милліоновъ центнеровъ ячменя Россія давала ей 27 милліоновъ.

Германія ввозитъ къ себѣ изъ разныхъ странъ около 2.488.000 тоннъ пшеницы, 614.000 тоннъ ржи, 628.000 тоннъ овса, 3.477.000 тоннъ ячменя, 743.000 тоннъ кукурузы, 22 милліона пудовъ картофеля и около 13 милліоновъ пудовъ бобовъ, гороха и чечевицы, не считая тѣхъ кормовыхъ средствъ, которыми питается и растится нѣмецкій скотъ. Ежегодное потребленіе Германіей кормовыхъ средствъ составляетъ 223 милліона двойныхъ центнеровъ, и изъ этого числа въ предѣлахъ Германіи производится не болѣе 167 милліоновъ центнеровъ, а остальные 66 милліоновъ привозятся изъ всѣхъ частей свѣта.

Если мы попробуемъ сопоставить цифры германскаго ввоза и вывоза главнѣйшихъ продуктовъ земледѣлія, то должны будемъ притги къ выводу, что Германія находится въ сильной зависимости отъ иностраннаго ввоза.

Вотъ эти цифры (въ тысячахъ тоннъ):

Ввозъ:	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
рожь	389,6	614,1	315,7	352,5
пшеница	2.343,7	2.488,3	2.297,4	2.545,9
ячмень	3.000,6	3.636,1	2.969,4	3.238,2
овесъ	457,7	628,4	665,9	505,0
кукуруза	573,1	743,4	1.142,5	918,6
Итого	6.764,6	8.110,2	7.390,9	7.560,3
Вывозъ:	**1910 г.**	**1911 г.**	**1912 г.**	**1913 г.**
рожь	825,2	768,5	797,3	933,9
пшеница	281,3	309,9	322,6	535,4
ячмень	2,1	1,8	1,2	6,0
овесъ	436,8	296,2	385,2	659,9
кукуруза	0,4	0,4	0,5	0,3
Итого	1.545,8	1.376,8	1.5008	2.135,5

Какъ видимъ, цифры ввоза въ Германію хлѣбовъ и кормовъ велики, но это еще не значитъ, что Германія производитъ своихъ хлѣбовъ и своихъ продуктовъ питанія такъ мало, что вопросъ о продовольствіи населенія долженъ представляться именно въ томъ видѣ, какъ онъ представляется нашей широкой публикѣ, а отчасти и нашей печати. Надо помнить, что Германія не только ввозитъ овесъ, рожь, пшеницу и пр., но, какъ видимъ, также и сама вывозитъ ихъ въ другія страны. Если Германія ввозитъ, напримѣръ, отъ 130—150 милліоновъ пудовъ пшеницы, то она въ то же самое время и вывозитъ ея около 17—18 милліоновъ пудовъ; если она ввозитъ къ себѣ около 30—40 милліоновъ пудовъ ржи, то вывозитъ тоже около этого же количества, а въ 1910 году она вывезла ржи свыше 50 милліоновъ пудовъ; если Германія ввозитъ къ себѣ отъ 30—50 милліоновъ пудовъ овса, то надо знать, что и вывозитъ она около 20—30 милліоновъ пудовъ. Германія вывозитъ около 2—3 милліоновъ пудовъ овощей, около 10 милліоновъ пудовъ ржаной муки и столько же пшеничной и пр. Все это теперь останется въ странѣ и увеличитъ общую сумму продуктовъ питанія. Къ этому надо прибавить, что, по увѣренію нѣмецкихъ сельскохозяйственныхъ журналовъ, нѣ-

Библиотека "Руниверс"

мецкихъ сельскихъ хозяевъ, путешественниковъ и по даннымъ офиціальной статистики, урожай хлѣбовъ въ Германіи въ этомъ году оказался очень обильнымъ.

Если распредѣлить сумму привоза хлѣбныхъ товаровъ въ Германіи по числу жителей, то окажется, что на германскую душу въ годъ привозится пшеницы около $2^1/_2$ пудовъ, ржи — около $^1/_2$ пуда, столько же овса, около 3 пудовъ ячменя и около $^1/_2$ пуда кукурузы. Вотъ та нехватка, которая получится теперь, если предположить, что война затянется. Но здѣсь надо принять въ расчетъ, что эта недостача частью будетъ покрыта тѣмъ количествомъ пшеницы, ржи и овса, которое останется въ странѣ благодаря прекращенію вывоза товаровъ изъ Германіи.

Всѣ эти цифры однако говорятъ намъ, что все же Германія прокормиться своимъ хлѣбомъ, мясомъ и картофелемъ не будетъ въ состояніи, и что если все то количество хлѣба, которое Германія получитъ въ этомъ году отъ своихъ полей, раздѣлить на число жителей, то мы получимъ, что на каждую душу населенія придется немногимъ больше 14 пудовъ. Норма эта невелика, потому что для прокормленія человѣка необходимо по крайней мѣрѣ 22—25 пудовъ въ годъ. Однако надо принять въ соображеніе еще и то немаловажное обстоятельство, что нѣмцы, предвидя войну, усиленно закупали хлѣбъ за границей и у насъ. Такимъ образомъ надо полагать, что, помимо того хлѣба, который получатъ нѣмцы со своихъ полей, они имѣютъ въ своемъ распоряженіи значительные запасы хлѣба иноземнаго.

Въ какой мѣрѣ закупки иноземнаго хлѣба въ этомъ году были велики, сказать трудно, но можно предполагать, что во всякомъ случаѣ онѣ были значительны. Однако врядъ ли хлѣбъ, закупленный Германіей наканунѣ войны, могъ цѣликомъ достигнуть пунктовъ назначенія. Особенно много пшеницы было закуплено въ Сѣверной Америкѣ, но погрузка зерна происходила во второй половинѣ іюля по новому стилю, объявленіе же войны послѣдовало въ первыхъ числахъ августа, а надо сказать, что транспорты изъ американскихъ портовъ Антлантическаго океана идутъ въ Западную Европу на паровыхъ судахъ не менѣе двухъ недѣль. Что же касается Аргентины, изъ которой особенно много идетъ пшеницы въ Германію, то тутъ дѣло еще сложнѣе, такъ какъ рейсъ изъ Ла-Платы къ берегамъ Германіи длится 35 дней. Съ объявленіемъ Англіей войны Германіи упомянутыя количества хлѣба врядъ ли могли достигнуть портовъ Германіи, такъ какъ Англія стала хозяиномъ на морѣ.

Что касается продовольствія населенія мясомъ, то и съ этой стороны положеніе Германіи, къ сожалѣнію, не такъ трагично, какъ это было бы желательно. Хотя, какъ мы уже сказали, кормовыя средства привозятся въ Германію изъ другихъ странъ и главнымъ образомъ изъ Россіи и частью изъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, все же и сама Германія производитъ ихъ не мало.

Произведенная 1 декабря 1913 г. перепись скота въ Германіи, по даннымъ имперскаго статистическаго бюро, обнаружила, что въ Германіи имѣется почти 21 милліонъ штукъ крупнаго рогатаго скота, почти 25.600.000 свиней, болѣе $3^1/_2$ милліоновъ козъ и $5^1/_2$ милліоновъ овецъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что послѣ Россіи въ Европѣ нѣтъ страны, которая имѣла бы такое количество скота, какъ Германія. Правда, что количество головъ скота на душу населенія въ Германіи уступаетъ многимъ странамъ и въ то время, какъ въ другихъ странахъ на 100 жителей приходится по 50—70 и даже 80 штукъ крупнаго рогатаго скота, въ Германіи на 100 жителей насчитываютъ 34 штуки скота и 36 свиней. Словомъ, если взять весь крупный рогатый скотъ Германіи, ея свиней, овецъ и барановъ, то получимъ около 420 милліоновъ пудовъ мяса. Теперь надо считать въ Германіи около 70 милліоновъ душъ населенія, а это значитъ, что если на каждую душу ежедневно выдавать по фунту мяса, то все населеніе можетъ питаться имъ около 240 дней, при чемъ оно не будетъ нуждаться ни въ какомъ ввозѣ. Принимая въ расчетъ, что грудныя дѣти и даже дѣти до 1 — 2 лѣтъ, а также многіе старики не ѣдятъ вовсе мяса, мы должны будемъ прійти къ выводу, что мяса въ Германіи хватитъ такъ же, какъ и хлѣба, приблизительно на годъ. Во всякомъ случаѣ тѣми запасами, которые имѣются тамъ въ данное время, нѣмецкій народъ можетъ безъ тяжкой голодовки вполнѣ свободно и въ достаточной мѣрѣ питаться отъ 6—8 мѣсяцевъ.

По этому вопросу уже давно, задолго до войны, нѣмцы написали многотомную литературу, взвѣсили всѣ обстоятельства и высчитали все количество пудовъ хлѣба и мяса, которое надо имъ для войны и прокормленія арміи и жителей. Но и здѣсь сказались самоувѣренность и переоцѣнка своихъ силъ и своихъ политическихъ связей. Насколько можно вѣрить знатокамъ этого дѣла, оказывается, что никогда ни одинъ нѣмецкій экономистъ не подымалъ вопроса, что будетъ дѣлать и какія мѣры приметъ Германія, если она будетъ окружена и съ суши и съ моря противникомъ. Вопросъ этотъ, конечно, возникалъ, но вызывалъ улыбки политиковъ и экономистовъ и самъ собою отпадалъ и не подвергался серьезному обсужденію. Такъ, напримѣръ, проф. Дитцель, трактуя вопросъ о продовольствіи въ Германіи на случай войны, категорически высказалъ мысль, что полное прекращеніе подвоза хлѣба въ Германію немыслимо, ибо Германія имѣетъ для этого достаточно сильный флотъ, способный помѣряться силами съ флотомъ Франціи и Россіи, а на сушѣ доставка хлѣба и пищевыхъ продуктовъ обезпечена нѣмцамъ актомъ союза съ Италіей.

„Если случится одновременно война и съ Франціей и съ Россіей,—пишетъ проф. Дитцель:—и флоты этихъ державъ будутъ блокировать наши морскія гавани, то кто же намъ помѣшаетъ получить хлѣбъ на Рейнѣ, Эльбѣ и Дунаѣ, черезъ Роттердамъ, Антверпенъ, Геную и Тріестъ („Міровое хозяйство")"? „Разумѣется, если всѣ страны преградятъ доступъ продуктамъ въ предѣлы Германіи, то тогда,—говоритъ профессоръ Риссеръ:—конечно, Германія очутится въ крайне затруднительномъ положеніи. Но развѣ это возможно?" Такую комбинацію профессоръ рѣшительно отвергаетъ и считаетъ безусловно невозможной. „Для того, чтобы это случилось, надо, чтобы экспортъ хлѣба въ Германію былъ прекращенъ Англіей, Росссіей, Франціей, Бельгіей, Голландіей, Швейцаріей, Италіей и даже Австріей. Но развѣ это возможно?— говоритъ Риссеръ.—Развѣ возможно, чтобы Германія, имѣющая такъ много друзей и союзниковъ, оказалась настолько изолированной?"

Дѣйствительность показала, что расчеты нѣмецкихъ профессоровъ пали и, что то, что имъ казалось невозможнымъ, осуществилось. Мы видимъ, что Англія, Франція и Россія склонны скорѣе конфисковать хлѣбъ, идущій въ Германію, чѣмъ снабжать имъ нѣмцевъ: Австрія и сама нуждается въ хлѣбѣ, доставляемомъ ей Венгріей; Швейцарія нейтральна, да наконецъ у нея хлѣба нѣтъ, и она сама питается привознымъ хлѣбомъ въ теченіе 51 недѣли въ году. Италія и Голландія тоже нейтральны, а Бельгія объявила войну Германіи.

Надо отдать справедливость нѣмцамъ въ томъ, что голоса ихъ профессоровъ и экономистовъ, полагавшихъ, что Германія на случай войны неуязвима въ отношеніи продовольствія населенія, не усыпили ихъ бдительности и скептицизма. На ряду съ профессорами Дитцелемъ и Риссеромъ раздавались голоса осторожныхъ людей, настойчиво требовавшихъ, чтобы въ странѣ еще до войны накопить запасы хлѣба, который можетъ оказаться дороже золота. Эти люди рекомендовали соорудить колоссальныя цементированныя зернохранилища и всыпать въ нихъ продовольственный фондъ, равный приблизительно 125 милліонамъ пудовъ пшеницы. Эти запасы осторожные нѣмцы признали дѣломъ неотложной важности и крайней необходимости.

Надо надѣяться, что увѣренность въ успѣхѣ германскаго оружія и мощи нѣмецкаго флота такъ была сильна въ воинствующей и правящей партіи, на нихъ такъ надѣялся создатель военнаго закона 1899 года и „великій адмиралъ Атлантическаго океана", какъ именовалъ себя открыто Вильгельмъ II, что планъ зернохранилищъ и хлѣбныхъ запасовъ не былъ осуществленъ.

Теперь и въ самомъ дѣлѣ, несмотря на собственное значительное производство пищевыхъ продуктовъ, вопросъ о продовольствіи во время войны грозно всталъ передъ страной, и она увидѣла, что гамбургскій банкиръ Варбургъ былъ только отчасти правъ, когда онъ сказалъ на съѣздѣ нѣмецкихъ финансистовъ, что Германія плохо подготовлена къ войнѣ въ финансовомъ отношеніи. Теперь, вѣроятно, раздаются голоса въ странѣ, что она плохо подготовлена скорѣе не въ финансовомъ, а въ экономическомъ отношеніи, что денегъ у нея больше, чѣмъ хлѣба, и что ей придется, сидя на грудахъ денегъ, умирать отъ голоду.

Но когда наступитъ этотъ заслуженный ею моментъ? Подсчеты и цифры говорятъ намъ, что моментъ этотъ въ Германіи не такъ близокъ, какъ увѣряютъ французскія газеты, сообщающія, что цѣны на съѣстные припасы въ Берлинѣ поднялись на сказочную высоту, и что Германія уже голодаетъ. Поднявшіяся цѣны объясняются пріостановкой въ подвоза изъ деревень и провинцій. Мобилизація захватила всѣ вагоны и всѣ паровозы, всю поѣздную прислугу и всѣ средства перевозки. Это значитъ, что Берлинъ, а можетъ-быть, и другіе крупные нѣмецкіе центры и большіе города временно лишились того притока пищевыхъ средствъ, къ которому они привыкли, и который имъ необходимъ. Ясно, что при такихъ условіяхъ цѣны должны были сразу взлетѣть, но, по минованіи мобилизаціи, онѣ должны войти въ норму.

Кромѣ того, какъ ни тѣсна блокада береговъ Германіи, какъ ни великъ англійскій флотъ, и какъ ни труденъ подвозъ въ предѣлы Германіи на сушѣ, но все же нельзя ожидать, чтобы иностранный хлѣбъ не проникалъ вовсе туда. Внѣ всякаго сомнѣнія, Германія будетъ получать пищевые продукты черезъ Голландію, Данію и Италію, да наконецъ и Румынія сможетъ дать часть хлѣба нѣмцамъ. Но, конечно, все же эти доставки связаны будутъ съ большими затрудненіями, и врядъ ли Германія получитъ этимъ путемъ большое количество провіанта.

Трудно что-нибудь сказать относительно длительности начавшейся войны, но врядъ ли она будетъ продолжаться годъ, т.-е. столько времени, въ теченіе котораго Германія, отрѣзанная отъ всего міра, способна прокормить себя и свою армію. Расходы на войну будутъ такъ колоссальны, военныя операціи такъ рѣшительны, что война врядъ ли протянется дольше нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а это значитъ, что если суждено услышать Германіи то, что она сказала въ 1870 году Франціи: „горе побѣжденнымъ!", то она услышитъ это не голодная и не сдавшаяся отъ недостатка пищевыхъ продуктовъ, а разбитая на полѣ битвы.

Библиотека "Руниверс"

Генералъ-отъ-инфантеріи Н. Н. Мартосъ, павшій въ бою.

Телеграмма Верховнаго Главнокомандующаго Его Императорскому Величеству отъ 20-го августа.

Счастливъ порадовать Ваше Величество побѣдой, одержанной арміей генерала Рузскаго подъ Львовомъ послѣ семидневнаго непрерывнаго боя. Австрійцы отступаютъ въ полномъ безпорядкѣ, мѣстами бѣгутъ, бросая легкія и тяжелыя орудія, артиллерійскіе парки и обозы. Непріятель понесъ громадныя потери, и взято много плѣнныхъ. До этого же рѣшительнаго боя арміей генерала Рузскаго взято за семь дней сорокъ четыре орудія, множество ручного оружія, большое число пулеметовъ.

Телеграмма Верховнаго Главнокомандующаго Его Императорскому Величеству отъ 21-го августа 1914 г

Съ восторженной радостью и принеся благодареніе Богу, доношу Вашему Величеству, что побѣдоносная армія генерала Рузскаго сегодня, въ одиннадцать утра, взяла Львовъ, а армія Брусилова — городъ Галичъ. Ходатайствую о награжденіи за всѣ предыдущіе бои генерала Рузскаго Георгіемъ 4-й степени, а за взятіе Львова—Георгіемъ 3-й степени, генерала Брусилова за всѣ бои—Георгіемъ 4-й степени. Подробностей еще нѣтъ.

Отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

I.

Послѣ семидневнаго боя наша армія овладѣла передовыми, сильно укрѣпленными, позиціями Львова, вынесенными на 15—20 верстъ къ востоку отъ города, и приблизилась къ главнымъ Львовскимъ фортамъ. Послѣ крайне упорнаго боя австрійцы 19-го августа бѣжали въ безпорядкѣ, бросая легкія и тяжелыя орудія, артиллерійскіе парки, походныя кухни. Наши авангарды и конница преслѣдовали непріятеля, понесшаго огромныя потери убитыми и ранеными. Дѣйствовавшая на Львовскомъ направленіи австрійская армія состояла изъ третьяго, одиннадцатаго, двѣнадцатаго корпусовъ и частей седьмого и четырнадцатаго корпусовъ: она, повидимому, совершенно разбита. При преслѣдованіи отступавшихъ съ Гнилой Липы австрійскихъ корпусовъ непріятель былъ вынужденъ бросить еще тридцать одно орудіе. Наши войска находятъ всѣ дороги загроможденными брошенными австрійскими парками и обозами съ разными грузами. Общее количество взятыхъ нами орудій на Львовскомъ направленіи около полутораста.

II.

15-го августа у Лащова была совершенно разбита вся пятнадцатая австрійская дивизія, начальникъ дивизіи, командиръ бригады и начальникъ штаба убиты. Взяты въ плѣнъ: 100 офицеровъ, 4.000 солдатъ и 600 раненыхъ, захвачено знамя 65 полка и двадцать орудій. Все поле покрыто убитыми.

III.

19-го августа непріятельскія колонны пытались прорвать нашъ центръ на направленіи между Люблиномъ и Холмомъ. Успѣхъ однако перешелъ на нашу сторону. Преслѣдуемые нами остатки непріятельскихъ колоннъ поспѣшно отступаютъ на югъ, оставивъ намъ знамя, 8 пулеметовъ и болѣе 1.000 плѣнныхъ.

20-го августа упорные бои на всемъ фронтѣ возобновились съ новой силой.

Плѣнные показываютъ, что вторая австрійская армія, составлявшая заслонъ къ востоку отъ Львова, совершенно охвачена паникой. Въ ближайшихъ окрестностяхъ Львова 20-го августа нами захвачено еще 20 орудій. Наши войска на этомъ фронтѣ безостановочно продвигаются впередъ.

Генералъ-маіоръ Е. Ф. Пестичъ павшій въ бою.

Великая европейская война.

(Хроника военныхъ дѣйствій).

Истекшая недѣля ознаменовалась крупными событіями: гибелью германскаго крейсера „Магдебургъ", сѣвшаго на мель у входа въ Финскій заливъ и разстрѣляннаго русскими судами, гибелью трехъ германскихъ крейсеровъ и нѣсколькихъ миноносцевъ въ морскомъ сраженіи съ англичанами подъ Гельголандомъ, уничтоженіемъ (по имѣющимся свѣдѣніямъ) послѣдняго германскаго крейсера, свободно плававшаго въ Атлантическомъ океанѣ у береговъ Африки, рядомъ новыхъ пораженій германцевъ и австрійцевъ при побѣдоносномъ движеніи русскихъ армій къ Кёнигсбергу, Грауденцу, Данцигу и Львову и долговременной задержкой всего германскаго наступленія на Францію черезъ Бельгію.

Послѣ общаго сосредоточенія бельгійской арміи къ укрѣпленному лагерю Антверпена, которое открыло германцамъ свободные пути для наступленія на него, англо-французскія войска смѣло встрѣтили грудью стремительный натискъ германскихъ силъ по всему фронту соприкосновенія. Нѣсколько дней велось генеральное сраженіе съ частичнымъ успѣхомъ въ отдѣльныхъ пунктахъ огромнаго фронта то на той, то на другой сторонѣ. Городъ Шарльруа неоднократно переходилъ то къ нѣмцамъ, то къ французамъ. Разъяренные полки бросались другъ на друга въ изступленіи и переходили даже въ рукопашную. При Рамильѣ послѣ штыкового боя изъ двухъ германскихъ полковъ осталось въ строю только 60 человѣкъ, англійскіе полки подъ натискомъ тройныхъ германскихъ силъ стояли каменной стѣной, но въ концѣ концовъ численное превосходство наступающихъ оказало свое вліяніе, и города Намюръ, Шарльруа, старая крѣпость Лонгви остались въ германскихъ рукахъ, и англо-французская армія, нанеся непріятелю огромныя потери, отступила къ границамъ Франціи, на заранѣе выбранныя и укрѣпленныя позиціи. Въ теченіе нѣсколькихъ дней на бельгійскомъ фронтѣ установилось затишье. Лѣвый флангъ англо-французскихъ силъ, находившійся между Монсомъ и Живе, 13 августа отошелъ верстъ на 60 въ юго-западномъ направленіи и занялъ укрѣпленныя позиціи въ долинѣ р. Соммы на французской территоріи. Германская армія была совершенно обезсилена достигнутыми успѣхами, доставшимися ей ужъ слишкомъ дорогою цѣною. Нѣмецкіе командующіе не жалѣли ни людей ни снарядовъ. О колоссальныхъ потеряхъ германцевъ можно судить по тому, что, напр., подъ Нанси на фронтѣ въ 3 километра найдено $2^1/_2$ тысячи убитыхъ нѣмцевъ. Въ области Витримонъ на фронтѣ въ 4 километра обнаружено $4^1/_2$ тысячи нѣмецкихъ труповъ, подъ фортами Намюра насчитано 10 тысячъ нѣмецкихъ труповъ.

Убійственную разрушительную силу обнаруживаетъ шрапнельный огонь фран-

Генералъ-отъ-кавалеріи А. В. Самсоновъ, павшій въ бою.

Библиотека "Руниверс"

Генералъ-отъ-инфантеріи Н. В. Рузскій, разбившій австрійцевъ и взявшій Львовъ. За эти великія отличія представленъ къ награжденію орденами св. Георгія 4-й и 3-й степеней.

цузовъ: онъ выкашиваетъ сплошные ряды непріятеля. Въ одной траншеѣ былъ уничтоженъ цѣлый взводъ, при чемъ многіе изъ убитыхъ застыли въ позѣ прицѣла. Германцы, повидимому, до такой степени ослаблены своими побѣдами, что не въ силахъ воспользоваться ихъ плодами и даже удержать завоеванное положеніе.

Дальнѣйшія попытки наступленія ведутся ими крайне вяло и почти вездѣ кончаются неудачами, а сохранившій энергію противникъ въ разныхъ пунктахъ снова переходитъ въ наступленіе и отбираетъ уступленныя вчера позиціи. При новомъ натискѣ германцевъ на югъ оставшіеся въ тылу праваго фланга бельгійцы, выйдя изъ Антверпена, неожиданно напали на германскій заслонъ, опрокинули рѣшительнымъ ударомъ три сильныхъ отряда и заняли городъ Малинъ, захвативъ много нѣмецкихъ пушекъ. Наступающій бельгійскій отрядъ угрожаетъ тыловой линіи германцевъ и Брюсселю, который нѣмцы спѣшно укрѣпляютъ. Французы тоже перешли въ наступленіе, заняли обратно Люневиль и успѣшно продвигаются въ глубину Лотарингіи. На лѣвомъ флангѣ четыре французскихъ корпуса оттѣснили на востокъ отъ Гиза 10-й германскій корпусъ, поддержанный гвардіей. Въ Вогезахъ генералъ По разбилъ сильную армію противника и почти уничтожилъ цѣлый германскій корпусъ. Противъ Нанси французы значительно продвинулись впередъ, нанеся непріятелю чувствительныя потери. Принцъ Саксенъ-Мейнингенскій, тяжело раненый, взятъ въ плѣнъ. Убиты принцъ Леопольдъ Баварскій и германскій владѣтельный князь Липпе. Командующій арміею принцъ Рупрехтъ Баварскій взятъ въ плѣнъ въ полномъ здравіи. На Маасѣ французы отразили нѣсколько германскихъ атакъ и захватили нѣмецкое знамя. 14 августа разыгралось серьезное сраженіе на линіи Музонъ—Седанъ, кончившееся отступленіемъ нѣмцевъ за р. Маасъ. Энергичная активность обороны, вездѣ и всегда при сколько-нибудь благопріятныхъ условіяхъ переходящей въ наступленіе, даже при дальнѣйшемъ стратегическомъ отступленіи союзниковъ на вторую линію укрѣпленій свидѣтельствуетъ о томъ, что сопротивленіе союзниковъ еще не сломлено, что если германцы выиграли какихъ-нибудь 70—90 километровъ бельгійско-французской территоріи, то они еще не выиграли ни одного рѣшительнаго сраженія. Бомбардированіе Парижа съ аэроплановъ можетъ произвести извѣстный эффектъ, но не имѣетъ рѣшающаго стратегическаго значенія. Временный захватъ Брюсселя, Лонгви, Шарльруа, Люневиля и пр. не есть еще германская побѣда, точно такъ же, какъ временное отступленіе союзниковъ на ранѣе заготовленныя позиціи не есть еще ихъ пораженіе. Занимая цѣною огромныхъ потерь спѣшно укрѣпленныя позиціи и города для того, чтобы черезъ 2—3 дня отдать ихъ обратно, германцы только даромъ растрачиваютъ свою силу и кровь. Продвигаясь съ трудомъ два шага впередъ и шагъ назадъ, „побѣдоносныя“ войска Вильгельма не скоро доберутся до Парижа, а тѣмъ временемъ, пока они топчутся въ Бельгіи чуть не по поясъ въ собственной крови, постепенно теряя силы и утрачивая способность къ дальнѣйшему наступленію, съ востока къ ихъ собственной столицѣ быстро приближается грозный непріятель, сокрушающій на своемъ пути всякія преграды.

Сраженія на франко-бельгійскомъ театрѣ войны до сихъ поръ носятъ нерѣшительный характеръ, рѣшающее же значеніе въ смыслѣ исхода всей войны пріобрѣтутъ бои, происходящіе на восточномъ фронтѣ. Необходимость строгаго соблюденія военной тайны вынуждаетъ Верховнаго Главнокомандующаго быть очень скупымъ въ сообщеніи свѣдѣній о ходѣ военныхъ дѣйствій. Если нѣмецкія военныя власти въ своихъ реляціяхъ описываютъ даже такія побѣды, какихъ не было, то нашъ Генеральный Штабъ умалчиваетъ иногда и о такихъ побѣдахъ, которыя были одержаны надъ противникомъ. Сухой и лаконичный перечень успѣховъ, одержанныхъ подъ Эйдкуненомъ, Столупененомъ, Гумбиненомъ съ захватомъ непріятельской батареи лихой кавалерійской атакой у Лиденталя, не даетъ достаточно полнаго представленія о томъ, что достигнуто нами въ Пруссіи. Естественнымъ послѣдствіемъ этихъ тихихъ побѣдъ служитъ дальнѣйшее необычайно быстрое движеніе русскихъ отрядовъ съ двойнымъ обходомъ укрѣпленій линіи Мазурскихъ озеръ.

Обойдя преграды, считавшіяся неодолимыми, наша армія послѣ новыхъ столкновеній съ растерянными и деморализованными германскими корпусами захватила цѣлый рядъ важныхъ стратегическихъ пунктовъ: города Инстербургъ, Тильзитъ, Аленштейнъ и приблизилась къ линіи нѣмецкихъ крѣпостей—Торну, Кёнигсбергу и Грауденцу. Въ послѣднихъ трехдневныхъ бояхъ кромѣ свѣжихъ германскихъ корпусовъ, стянутыхъ отовсюду и спѣшно переброшенныхъ изъ Бельгіи, приняли участіе и гарнизоны крѣпостей съ тяжелой артиллеріей, но остановить наше общее наступленіе они не могли. Только на путяхъ движенія южнаго нашего отряда нѣмцамъ удалось достигнуть нѣкотораго успѣха и временно задержать обходныя колонны генерала Самсонова, при чемъ самъ командующій, а также генералы Пестичъ и Мартосъ были убиты, страшно пострадалъ отъ артиллерійскаго огня штабъ, и русскимъ полкамъ были нанесены тяжелыя потери. Насколько можно судить по дальнѣйшимъ событіямъ, отъ этой прискорбной случайности наше стратегическое положеніе нисколько не пострадало, такъ какъ вся линія Мазурскихъ укрѣпленій все-таки осталась обойденной, а продолжающійся непрерывный притокъ силъ, прибывающихъ изъ Россіи, быстро измѣнилъ ихъ соотношеніе въ данномъ пунктѣ въ нашу пользу. Для того, чтобы удержать Самсонова, нѣмцамъ пришлось перебросить на 160 поѣздахъ два корпуса изъ Бельгіи. Такимъ образомъ энергичное движеніе генерала Самсонова какъ бы имѣло своимъ назначеніемъ оказать косвенную поддержку далекимъ союзникамъ, было кровавою жертвою, принесенною на алтарь боевого братства. Выяснившееся подъ Остероде, Орлау и Франкенау участіе въ полевомъ сраженіи крѣпостныхъ горнизоновъ можетъ разсматриваться, какъ крайняя мѣра, неспособная усилить сопротивляемость самихъ крѣпостей.

Очевидно, германскія крѣпости будутъ или обложены, или же изолированы выставленіемъ соотвѣтствующихъ заслоновъ, но не смогутъ сыграть роль неодолимой преграды на путяхъ нашего побѣдоноснаго движенія къ Берлину. Еще большія перспективы въ томъ же направленіи открываетъ намъ побѣда надъ австрійскою арміею у Подгойцъ, въ районѣ города Томашева и при переправѣ черезъ Золотую и Гнилую Липы. У Лащова совершенно разбита 15-я австрійская дивизія, взято въ плѣнъ 4.000 солдатъ и 100 офицеровъ. Наше движеніе вглубь Галиціи вынудило австрійцевъ очистить занятую русскую территорію въ районѣ варшавскаго военнаго округа. Общія потери австрійцевъ въ генеральномъ сраженіи на трехсотверстномъ фронтѣ исчисляются десятками тысячъ убитыхъ, раненыхъ и взятыхъ въ плѣнъ. Потери австрійцевъ въ общихъ цифрахъ указаны въ Высочайшей телеграмѣ Верховнаго Главнокомандующаго и сообщеніяхъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, помѣщенныхъ на стр. 695. Такъ какъ у Австріи нѣтъ больше резервовъ, и всѣ наличныя силы выдвинуты ею въ бой, то утеря генеральнаго сраженія на русскомъ фронтѣ уже предрѣшаетъ окончательный исходъ войны на этомъ фронтѣ. Генеральный разгромъ австрійцевъ не только оставляетъ беззащитной Вѣну, но также открываетъ намъ наиболѣе удобные, ничѣмъ не защищенные, подходы къ Берлину, а овладѣніе Берлиномъ положитъ желанный конецъ режиму германскаго насильничества надъ Европой и конецъ всей европейской войнѣ.

Турція и европейская война.

(Политическое обозрѣніе).

Война за освобожденіе Европы отъ тевтонскаго ига затрагиваетъ кровные интересы почти всѣхъ народовъ Европы. И поляки, и румыны, и итальянцы, и болгары, и греки всѣмъ сердцемъ желаютъ торжества Россіи, Франціи и Англіи, но воля народовъ часто расходится съ дѣйствіями правителей. Если въ Италіи все рѣзче и рѣзче намѣчается переходъ на сторону тройственнаго согласія, выразившійся, между прочимъ, въ допущеніи бомбардировки австрійскихъ судовъ и портовъ Адріатическаго моря, то въ Болгаріи и Румыніи, напротивъ, династическія связи берутъ явный перевѣсъ надъ народными симпатіями. Румыны рвутся въ бой за возсоединеніе съ румынской Трансильваніей, но король Карлъ формально заявилъ, что онъ не можетъ воевать ни съ Гогенцоллернами ни съ Габсбургами. Рѣзкая оппозиція румынскаго общественнаго мнѣнія противъ нару-

Казакъ Усть-Хоперской станицы, Донской области, хутора Нижне-Калмыкова, Косьма Крючковъ, за выдающуюся храбрость первый въ настоящую войну награжденный Георгіевскимъ крестомъ. По фотографіи, любезно доставленной редакціи подписчикомъ «Нивы», священникомъ о. В. Финляндскимъ.

Библиотека "Руниверс"

шенія нейтралитета, выразившагося въ пропускѣ черезъ Румынію 500 германскихъ матросовъ для турецкихъ военныхъ судовъ, заставила короля Карла поднять вопросъ объ отреченіи отъ престола.

И Румынія и Болгарія въ настоящую тревожную минуту ведутъ какіе-то таинственные переговоры съ чрезвычайною турецкою миссіею Талаатъ-бея, а Турція почти уже не скрываетъ своей вражды къ Россіи и ея союзницамъ: она арестовываетъ пароходы съ французскими резервистами, спѣшно мобилизуетъ свою армію на кавказской границѣ, укрѣпляетъ Дарданеллы подъ руководствомъ германскихъ инженеровъ и превращаетъ Чаталджу въ огромный укрѣпленный лагерь и готовитъ свои силы къ нападенію на насъ. Генералъ Сандерсъ уже появился въ Эрзерумѣ во главѣ цѣлаго штаба изъ 15 германскихъ офицеровъ. Все говоритъ за то, что намъ нужно ждать гостей на Кавказѣ и придется вести войну на новомъ фронтѣ. Весьма вѣроятно, что турецкая услуга Германіи не пойдетъ дальше простой демонстраціи, которая заставитъ насъ оттянуть часть войскъ на югъ, но это, надѣемся, не пройдетъ Турціи даромъ. Она должна понимать, что ея вмѣшательство въ европейскую войну въ такую тревожную минуту, какую переживаетъ теперь Европа, ставитъ на карту самое существованіе Турецкой имперіи.

Греки, какъ бы ни симпатизировалъ юный король нѣмцамъ, не удержатся отъ соблазна свести счеты съ турками и на островахъ и на мало-азіатскомъ, населенномъ эллинами, берегу. Арабы, послушные указаніямъ Англіи, сирійцы, армяне Кавказа и пр. народы пожелаютъ получить больше, чѣмъ сколько имъ дано,—и трудно сказать, что останется отъ нѣкогда всемогущей Оттоманской имперіи послѣ новой войны съ коалиціей тройственнаго согласія. Можно надѣяться, что первыя рѣшительныя побѣды сербовъ и русскихъ заставятъ образумиться азартныхъ константинопольскихъ политикановъ. Послѣ Шабаца и Гумбинена болгарскіе дипломаты, судя по газетнымъ извѣстіямъ, не захотѣли продолжать бесѣду съ Талаатъ-беемъ о новомъ балканскомъ союзѣ, опирающемся на разбитую Австрію и потрепанную Германію. Еще одинъ такой же рѣшительный ударъ — и вражьи происки сократятся сами собою. Легкомысліе Энвера-паши ставитъ на очередь окончательный раздѣлъ Турціи. При сколько-нибудь рѣшительной и дѣятельной политикѣ, способной согласовать интересы балканскихъ и малоазійскихъ народовъ, онъ намъ нисколько не страшенъ, но даже желателенъ.

Германское знамя, взятое въ бою французами и выставленное въ окнѣ зданія военнаго министерства въ Парижѣ.

Къ рисункамъ.

(Картины А. Рябушкина).

Десять лѣтъ тому назадъ скончался А. П. Рябушкинъ. Въ видѣ иллюстраціи его творчества, мы воспроизводимъ здѣсь двѣ его картины: *„Ѣдутъ“* и *„Семья купца въ XVII вѣкѣ“*.

Бельгійскіе кавалеристы отправляются на войну.

Передъ походомъ. Французское знамя 102 пѣхотнаго полка.

Библиотека "Руниверс"

Новообразованный отрядъ гусситовъ-чеховъ, принявшихъ православіе и отправляющихся на театръ военныхъ дѣйствій.

Добровольцы-евреи изъ Россіи, застигнутые войною во Франціи и вступившіе въ ряды французской арміи.

А. П. Рябушкинъ любилъ изображать въ своихъ картинахъ старую Русь, старинный русскій обиходъ, старые типы, костюмы, обряды. Тщательно изучивъ до-петровскій бытъ и укладъ на Руси, талантливый, преждевременно угасшій, художникъ такъ живо возстановлялъ все это въ своихъ картинахъ, что невольно казалось, будто онъ срисовываетъ съ натуры. Вѣрность стиля и колорита, знаніе мельчайшихъ деталей быта и обстановки, пониманіе самаго духа эпохи сквозятъ у него въ каждомъ штрихѣ. Воспроизводимыя двѣ картины даютъ яркое представленіе о творчествѣ А. П. Рябушкина.

Толпа людей разнаго званія тѣсно сгрудилась на улицахъ старой Москвы. Ждутъ царскаго проѣзда. Тутъ и посадскіе жители, и смерды, и торговые люди, и пришлые татары и черкесы, и много „женокъ" съ ребятами. А впереди стоятъ цѣпью царевы стрѣльцы и сдерживаютъ напоръ толпы. И вотъ въ напряженномъ вниманіи задрожала толпа: ѣдутъ!..

Своеобразное впечатлѣніе производитъ картина „Семья купца". Написанная въ слегка стилизованномъ тонѣ, она является какъ бы историко-бытовымъ коллективнымъ портретомъ. Художникъ хотѣлъ изобразить купеческій типъ XVII столѣтія и далъ намъ типичныя черты тогдашней купеческой аристократіи. Предъ нами „самъ", въ богатой шубѣ и шелковомъ кафтанѣ, чваный и грубоватый, „сама" въ рогатой золотой кикѣ и сафьянныхъ красныхъ сапожкахъ, набѣленная и нарумяненная, какъ тогда полагалось „женскому чину", затѣмъ дочь-невѣста и малыя дѣтки. Въ картинѣ А. П. Рябушкина чувствуется дыханіе подлинной жизни, хотя и отошедшей уже въ глубину вѣковъ...

ЗАЯВЛЕНІЕ.

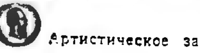
По условіямъ разсрочки, подписная плата за „Ниву" 1914 года должна быть внесена **полностью къ 1-му августа сего года.** Контора журнала „Нива" покорнѣйше проситъ поэтому гг. подписчиковъ, не внесшихъ сполна подписныхъ денегъ, озаботиться **немедленною присылкою** остальной причитающейся съ нихъ суммы, **во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ 6 сентября—съ 36 нумера.** Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ копію печатнаго адреса** съ бандеролью или **прилагать самый адресъ** и **указать,** что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ.**

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **28 коп.** и **печатный адресъ.**

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Майкова" кн. 7.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**



Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29

Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Библиотека "Руниверс"

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г. XLV г.
№ 36. изданія
Выданъ 6 сентября 1914 г. Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагаются „Лит. Прил.“ и „Новѣйш. Моды“ за сентябрь.

СЕРДЕЧНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ, ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцебіенія и одышки, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копеечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬ и СВЬЯ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

2166 12-4

28-й годъ. Основан. въ 1886 году, разрѣшенные Начальствомъ 28-й годъ.

КУРСЫ и БЮРО БУХГАЛТЕРІИ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ,

преподавателя бухгалтеріи московскаго учительскаго института.

МОСКВА, Тверская ул., уголъ Леонтьевскаго пер., д. № 33, бывш. Полякова. 3185 8-3

1-го СЕНТЯБРЯ НАЧАЛО ОБЩАГО КУРСА. Программы высылаются безплатно.

БУХГАЛТЕРІЯ ТОРГОВАЯ, БАНКОВАЯ, ФАБРИЧНАЯ, СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВ., ВИННОЙ МОНОПОЛІИ, ГОРОДСКИХЪ И ЗЕМСКИХЪ УПРАВЪ. ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА.

Въ текущемъ учебномъ году на курсахъ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ обучалось 486 человѣкъ, всего же за 27 лѣтъ—свыше 8,500 человѣкъ.

НА КУРСЫ ПРИНИМАЮТСЯ ЛИЦА ОБОЕГО ПОЛА, ВСЯКАГО ВОЗРАСТА И ОБРАЗОВАНІЯ.

СЕНТЯБРЬСКІЙ КУРСЪ ОСОБЕННО УДОБЕНЪ ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ.

ЗАИКАНІЕ

Радикальн. отвыкан. в Лѣчебном Кабинетѣ Рг. М. Вагнер, Петроград, Невскій, 53. Патентов. в Россіи, Франц., Бельг., Венгр. аппарат. Брошюры безплатно. 3233 6 1

НА МАНДОЛИНѢ, ГИТАРѢ въ 30 урок. выуч. играть. ЗАОЧНО

Усл. заочн. обуч. выс. безпл. (для провин.) ЛИЧНО ежед. Москва, Срѣтенка, 21, кв. 30. „КУРСЫ МУЗ.“

3038 7-4

КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ и прочихъ коммерческихъ знаній

ЗАОЧНЫЕ, САМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ

— С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ —

Москва, Староконюшенный, д. Курилко. 7

Аттестатъ бухгалтера. Ручательство въ успѣхѣ. Тысячи благодарн.

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО УСЛОВІЯ ИЗУЧЕНІЯ КОММЕРЧЕСК. НАУКЪ ПО ПИСЬМЕННЫМЪ ЛЕКЦІЯМЪ, ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.

3237 16-1

БЕЗПЛАТНО! ВАЖНО ПРОВИНЦІИ!

НАШЪ СЕЗОННЫЙ ПРЕЙСЪ КУРАНТЪ послѣднихъ моделей дамскихъ пальто, костюмовъ, платьевъ, юбокъ, бѣлья, обуви, корсетовъ, хозяйствен. принадлежн. и многихъ другихъ интересныхъ предметовъ **ОТПЕЧАТАНЪ** и **разсылается всѣмъ иногороднимъ БЕЗПЛАТНО. Все иллюстрировано, все дешево, все ново!** Не откладывайте на завтра, требуйте выслать сегодня, **сейчасъ же, немедленно.**

3232 2-1

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ

ПАВЕЛЪ ОБОИМОВЪ,

Москва, Тверская, д. 30 12.

Шартрезскіе монахи

изгнанные изъ Франціи и лишенные владѣнія только во Франціи ихъ старинныхъ марокъ, проданныхъ съ публичныхъ торговъ, унесли съ собою свой секретъ. Они фабрикуютъ теперь ихъ извѣстный ликеръ въ Таррагонѣ (Испанія). Эта фабрикація продолжается по способу, секретъ котораго они сохранили. Измѣнилась только форма бутылки. Посмотрите на нее внимательно, чтобы не смѣшивать таковую. Въ ожиданіи разрѣшенія въ Россіи процесса, начатаго по дѣлу о прежнихъ маркахъ, надо требовать эту бутылку, спрашивая

ликеръ, фабрикуемый въ Таррагонѣ

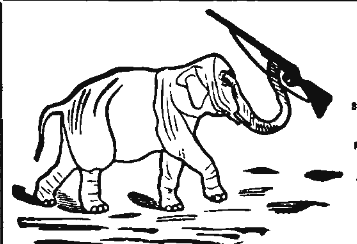
ШАРТРЕЗСКИМИ МОНАХАМИ

или просто требовать **ТАРРАГОНЪ**

Продажа во всѣхъ первоклассныхъ виноторговляхъ.

3234 9-1

Библиотека "Руниверс"



СТАРѢЙШІЙ ОРУЖЕЙНЫЙ МАГАЗИНЪ г. МОСКВЫ

8-2 основанъ **1860** года. 2853

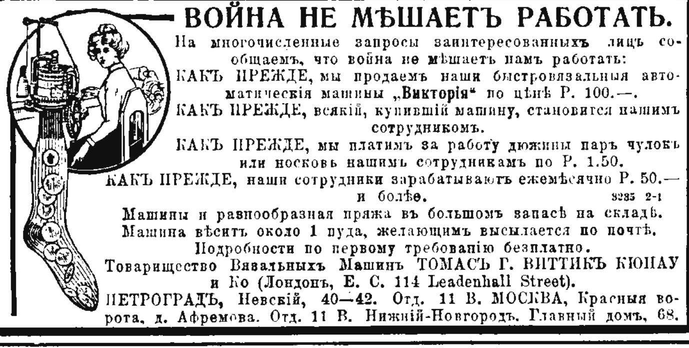
Т./Д. Э. БЕРНГАРДЪ и К°,

преемникъ И. ШЕНБРУНЕРА,

Москва, Кузнецкій Мостъ, 5,

рекомендуетъ дешевыя ружья съ хорошимъ боемъ, курковыя и безкурковыя, Національной Бельгійской фабрики.

Прейсъ-курантъ высылается по первому требованію безплатно.



ФОТОграфическіе снимки Испанскихъ и Французскихъ красавицъ. Русск. каталогъ 40 коп. почт. марками: Gennert, Calle Padua Barcelona (Испанія). 2999 13-13

КУРСЫ Счетоводства **Г. К. БУРЕНКО.** Первые частн. курсы въ Кіевѣ. На курс. прох. бухгалт., коммерч., банков. и фабр.-заводскую. Пріемъ лицъ обоего пола во всяк. время. Усл. и прогр. высыл. безпл. Кіевъ, Прорѣзная, № 16. 3231 5-1

НЕ КУРИ!

Желающимъ бросить курить высылается безплатно проспектъ, указывающій путь, какъ избавиться отъ этой вредной привычки. Москва, Уланскій пер., д. № 30—4. П. КОМИСАРЕНКО. 3230 (1)

ПЕТРОГРАДСКІЙ ГОРОДСКОЙ КОМИТЕТЪ.

ЖЕРТВУЙТЕ НА НУЖДЫ БОЛЬНЫХЪ и РАНЕНЫХЪ ВОИНОВЪ.

ПРИДИТЕ НА ПОМОЩЬ СЕМЬЯМЪ ЗАЩИТНИКОВЪ РОДИНЫ.

ПРІЕМЪ ПОЖЕРТВОВАНІЙ ПРОИЗВОДИТСЯ:

1) Въ зданіи городской думы.
2) Въ городскомъ попечительствѣ о бѣдныхъ. 3237 4-2
3) Во всѣхъ крупныхъ банкахъ.

Новое изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА

СРЕДНЕ-ЕВРОПЕЙСКАГО ТЕАТРА

ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

Подъ редакціей проф. **Ю. М. ШОКАЛЬСКАГО.**

(Россія, Франція, Англія, Бельгія, Австро-Венгрія и Германія), печатанная шестью красками, размѣромъ 82×120 сантиметровъ. Въ масштабѣ 1 : 2.100.000 (50 верстъ въ дюймѣ).

Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ всѣхъ (около 10.000) географическихъ названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія.

Цѣна съ пересылкою одинъ рубль.

Требованія и деньги просимъ адресовать въ Контору изданій Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22. Изданіе это имѣется также въ конторѣ Н. Н. Печковской въ Москвѣ (Петровскія линіи), въ кн. магазинѣ „Образованіе“ въ Одессѣ (Дерибасовская, 18) и во всѣхъ больш. книжн. магазинахъ.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Русское управленіе въ Галиціи. Верховный Главнокомандующій издалъ слѣдующій приказъ: «Повелѣваю: во-первыхъ, находящіеся въ предѣлахъ непріятельскихъ державъ, Австріи и Германіи, мѣстности, по мѣрѣ ихъ занятія Россійскими войсками, включать въ театръ военныхъ дѣйствій, и, во-вторыхъ, изъ театра военныхъ дѣйствій, расположеннаго въ предѣлахъ Австро-Венгріи, образовать особое генералъ-губернаторство, съ подчиненіемъ его, черезъ главнаго начальника снабженій юго-западнаго фронта, главнокомандующему арміями юго-западнаго фронта. Генералъ-адъютантъ *Николай*».

Львовъ — столица Галиціи. Занятый нашими доблестными войсками городъ Львовъ (Лембергъ) считался въ Австріи четвертымъ по значенію, послѣ Вѣны, Праги и Тріеста, городомъ.

Въ Львовѣ сосредоточены были всѣ высшія административныя и просвѣтительныя учрежденія края. Онъ былъ резиденціей австрійскаго намѣстника и галицкаго сейма, уніатскаго митрополита, католическаго и армянскаго архіепископовъ. Въ мирное время въ немъ расположены были штабъ и управленіе 11-го австрійскаго корпуса.

Изъ просвѣтительныхъ учрежденій въ Львовѣ имѣются: университетъ (свыше 2.000 студентовъ), гдѣ въ послѣднее время было введено нѣсколько каѳедръ съ украинскимъ языкомъ, затѣмъ политехникумъ и институтъ имени Оссолинскихъ, обладающій богатѣйшей коллекціей рѣдкихъ документовъ по исторіи Польши. Многія аристократическія польскія фамиліи передали въ этотъ институтъ свои семейные архивы.

При университетѣ и институтѣ имѣются хорошія библіотеки, насчитывающія до 100.000 томовъ каждая.

Львовъ промышленный и торговый центръ всей Галиціи.

Въ Львовѣ свыше 200 тысячъ жителей, преимущественно поляковъ.

Основаніе Львова относятъ къ 1259 году. Столицей края онъ сталъ въ 1270 г., при галицкомъ князѣ Львѣ Даниловичѣ, послѣ разгрома древней столицы, Галича, татарами, а затѣмъ не разъ переходилъ въ руки враговъ. Въ 1340 году онъ былъ завоеванъ польскимъ королемъ Казиміромъ Великимъ и съ этого времени сталъ заселяться поляками и нѣмцами. Въ 1648 и 1665 гг. его подвергъ осадѣ Богданъ Хмельницкій, отъ котораго городу удалось откупиться большими суммами. Въ 1672 г. его осаждали турки, разбитые въ 1675 г. подъ самыми стѣнами Львова Яномъ Собѣсскимъ. Въ 1704 г. его взялъ Карлъ XII. При первомъ раздѣлѣ Польши Львовъ отошелъ къ Австріи.

Семья покорителя Львова. Имя генерала Н. В. Рузскаго, покорителя Львова, давно уже пользуется огромной любовью и уваженіемъ въ Кіевѣ, гдѣ преимущественно протекала его дѣятельность. Тамъ живетъ его семья, состоящая изъ супруги, Зинаиды Александровны, и трехъ дочерей. Одна изъ нихъ живетъ при матери, вторая посѣщаетъ кіевскіе курсы сестеръ милосердія, третья, Ольга, въ прошломъ году окончила курсы сестеръ милосердія въ Кауфмановской общинѣ въ Петроградѣ и теперь усиленно работаетъ на театрѣ войны. Недавно О. Н. Рузская случайно пріѣхала въ Кіевъ съ партіей раненыхъ, пробыла здѣсь часъ и снова вернулась на театръ войны.

Славная смерть героя. Извѣстный нашъ военный летчикъ штабсъ-капитанъ Нестеровъ, первый въ мірѣ сдѣлавшій мертвую петлю въ воздухѣ, находившійся, по сообщенію «Правительств. Вѣстника», въ дѣйствующей арміи, въ періодъ подхода нашихъ войскъ къ Львову, летая съ производившимъ развѣдку офицеромъ Генеральнаго Штаба вслѣдствіе порчи аппарата благополучно спустился въ окрестностяхъ Львова, не будучи замѣченъ австрійскими войсками. Съ помощью жителей-поляковъ летчики уничтожили аэропланъ и скрытно, пѣшкомъ, не только успѣшно пробрались обратно въ свою армію, но и привели съ собою плѣннаго австрійскаго часового, котораго взяли на передовыхъ постахъ. 27 августа получено свѣдѣніе, что штабсъ-капитанъ Нестеровъ на-дняхъ, увидѣвъ въ районѣ Жолкіева летящій надъ нашимъ расположеніемъ австрійскій аэропланъ, собиравшійся бросить бомбу, взлетѣлъ, атаковалъ непріятеля и протаранилъ чужой аппаратъ. Уничтоживъ австрійскаго летчика и предотвративъ жертвы въ нашихъ войскахъ отъ бомбы, Нестеровъ самъ погибъ смертью героя.

Французскій заемъ въ Америкѣ. Съ согласія президента Вильсона Франція заключила у наслѣдниковъ Моргана заемъ въ 100 милл. долларовъ для обезпеченія вывоза средствъ продовольствія во Францію.

Парижъ преобразился. Въ Парижѣ приняты мѣры съ цѣлью разсѣять опасенія, что Парижъ въ случаѣ осады можетъ остаться безъ достаточнаго количества припасовъ. Булонскій лѣсъ, излюбленное мѣсто прогулокъ, обращенъ въ импровизированное пастбище, на Лоншанскомъ ипподромѣ пасутся двѣ тысячи воловъ, возлѣ Сюрэнскаго моста двѣ тысячи телятъ, въ «Bagatelle» сосредоточены десять тысячъ барановъ. Всѣ лавки запаслись массой съѣстныхъ припасовъ.

Страна героевъ. Бельгійскій премьеръ сказалъ корреспонденту «Journal», пробравшемуся въ Антверпенъ: «Пусть солдаты Вильгельма продолжаютъ гнусныя убійства, пусть разрушаютъ памятники, красота которыхъ недоступна ихъ пониманію, имъ не удастся насъ обезоружить и навести панику. Нѣмцы настолько неразборчивы въ средствахъ, что разбрасываютъ въ нѣкоторыхъ городахъ газеты съ выдержками якобы изъ парижскихъ и лондонскихъ газетъ, гдѣ сообщается, что союзники предоставили Бельгію ея судьбѣ. Такія газеты фабрикуются въ Берлинѣ. Король подаетъ примѣръ мужества. «Вы увидите меня всюду, гдѣ идетъ бой, — сказалъ король. — Если понадобится, мы сами возьмемъ ружья и пойдемъ рядомъ съ солдатами».

Обращеніе гаагскаго трибунала къ Германіи. Международный трибуналъ въ Гаагѣ обратился къ германскому правительству съ просьбой при бомбардировкѣ городовъ щадить нѣкоторыя зданія и особо произведенія искусства.

Библиотека "Руниверс"

Контрибуція. Какъ извѣстно, Брюссель со всѣми его матеріальными и духовнымъ богатствами попалъ въ руки германцевъ, и завоеватели наложили на брюссельцевъ контрибуцію въ 200 милл. франковъ. Это звучитъ совсѣмъ по старинному, по средневѣковому. Когда жизнь и имущество населенія всей занятой территоріи считались добычей и собственностью побѣдителей, тогда контрибуція, налагаемая и на мирныхъ жителей, была замѣной разграбленія и насилій. Это было своего рода массовымъ выкупомъ. Въ новѣйшее время была провозглашена неприкосновенность частной собственности не воюющаго населенія, и контрибуція такого рода признается противорѣчащей элементарнымъ принципамъ международнаго права. Акты брюссельской, а въ особенности 1-ой и 2-ой гаагской конференцій установили точныя правила о контрибуціи и дали этому институту извѣстное юридическое содержаніе. Статьи 48, 49, 50 и 51

«Положенія о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны» указываютъ, что контрибуція, устанавливаемая мирными договорами по окончаніи войны, выходитъ за предѣлы права войны въ узкомъ смыслѣ этого слова, что обложеніе во время войны мирнаго населенія допускается только примѣнительно къ дѣйствующей податной системѣ, что денежное взысканіе не можетъ быть наложено на населеніе округа даже за какія-нибудь дѣйствія отдѣльныхъ жителей... Эти правила приняты были въ свое время и Германіей. Болѣе ста лѣтъ тому назадъ, въ 1785 году въ трактатѣ, заключенномъ между Пруссіей и созданными тогда Сѣв.-Амер. Соед. Штатами, мирное населеніе было обезпечено отъ контрибуціи и захватовъ частной собственности. Пруссаки забыли объ этомъ уже во время войны съ французами въ 1870—71 годахъ, когда они разоряли населеніе контрибуціями по всякому поводу и безъ всякаго повода. Жители Фонтенуа заплатили 10 милл. франк. контрибуціи, жители Руана — $6^1/_2$ милл., но тогда все-таки придумывались для соблюденія конвенансовъ мотивы: то контрибуція взималась, какъ замѣна податей, то какъ кара за «преступленія». Брюссельская контрибуція выступаетъ въ чистомъ, неприкрашенномъ видѣ той военной добычей, тѣмъ вымогательствомъ, на которое были такіе мастера нѣмецкіе ландскнехты былыхъ временъ.

Новое звѣрство нѣмцевъ. Самыя жестокія пытки и ужасы инквизиціи блѣднѣютъ передъ тѣмъ, чтó продѣлываютъ нѣмцы въ цѣляхъ обезвредить раненыхъ русскихъ воиновъ. Одинъ изъ доставленныхъ въ Петроградъ раненыхъ офицеровъ, участникъ боя   передаетъ, по сообщенію «Бирж. Вѣд.», о слѣдующемъ пріемѣ, широко практикуемомъ нѣмцами. Легко раненые русскіе воины, попадающіе къ нѣмцамъ въ плѣнъ, подвергаются операціи перерѣзанія сухожилій на рукахъ. Операція сама по себѣ, быть можетъ, не очень мучительная, ведетъ однако къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Оперируемые лишаются возможности двигать пальцами и кистью руки. Рука совершенно деревенѣетъ. Послѣ такой операціи нѣмцы «получаютъ увѣренность», что раненый не будетъ владѣть больше оружіемъ и станетъ безопаснымъ для нихъ.

Запрещеніе ношенія австро-венгерскихъ и германскихъ орденовъ. Послѣ исключенія всѣхъ правителей Германіи и Австро-Венгріи изъ списка шефовъ русскихъ полковъ послѣдовалъ приказъ о воспрещеніи ношенія орденовъ и другихъ знаковъ отличія, пожалованныхъ особами владѣтельныхъ домовъ Германіи и Австро-Венгріи.

Военное положеніе на Кавказѣ. Опубликовано слѣдующее объявленіе намѣстника Кавказа:

Библиотека "Руниверс"

«Въ осуществленіе Высочайшаго указа Правительствующему Сенату, отъ 12-го августа, весь Кавказскій край подчиненъ дѣйствію законовъ при военномъ положеніи. Единственной цѣлью перевода мѣстностей Кавказа на военное положеніе является предупрежденіе возможности проявленія со стороны отдѣльныхъ, злоумышленно настроенныхъ лицъ нарушеній государственнаго порядка и безопасности. Будучи направлены къ защитѣ законныхъ интересовъ какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ группъ населенія, вводимыя нынѣ въ дѣйствіе правила военнаго положенія поражаютъ дѣятельность преступныхъ элементовъ, отнюдь не стѣсняя мирное населеніе въ сферѣ личныхъ и имущественныхъ его правъ. Обращая нынѣ эти правила къ исполненію, пребываю въ увѣренности, что все населеніе Кавказа, безъ различія національностей, въ такомъ именно смыслѣ учтетъ значеніе предпринимаемой мѣры и испытанной уже на дѣлѣ лояльностью своею поможетъ мнѣ въ сохраненіи порядка и спокойствія въ краѣ, столь необходимыхъ, въ виду переживаемыхъ нынѣ отечествомъ военныхъ событій».

Помощь Франціи черногорскому народу. Франція, опасаясь, что въ Черногоріи можетъ обнаружиться недостатокъ продовольствія, отправила въ Черногорію большое количество зерна и муки.

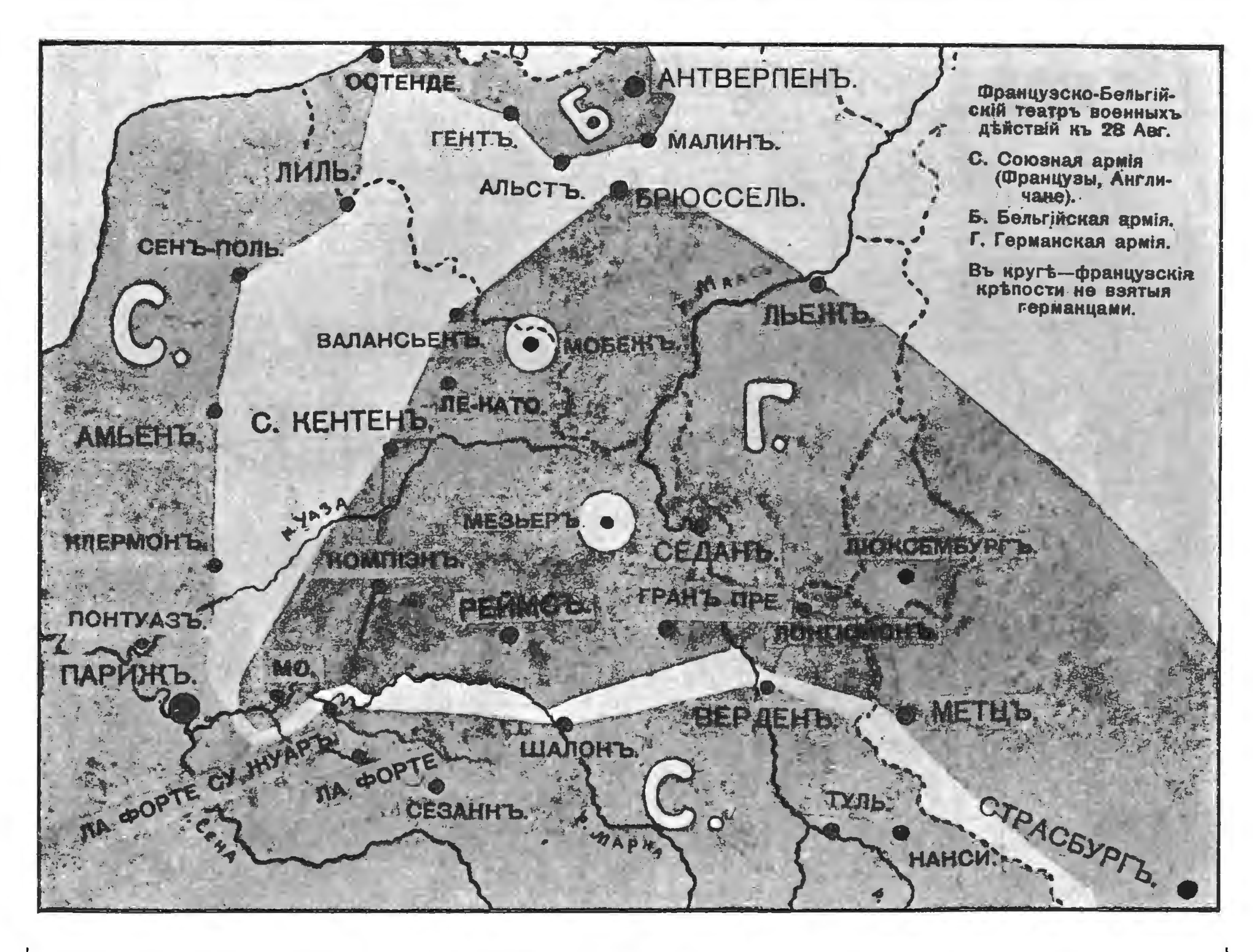
Франція—часовой латинской расы. Знаменитый латинскій писатель Бласко Ибаньесъ, хорошо извѣстный и у насъ, въ Россіи, особенно ярко высказался о роли Франціи въ настоящей войнѣ:

«Чехи, насталъ двѣнадцатый часъ! Ни минуты больше колебаній. Кровь за освобожденіе славянства льется рѣкой. Наши братья въ рядахъ австрійской арміи вынуждены защищать шатающійся тронъ вѣковыхъ притѣснителей нашихъ, проклятыхъ Габсбурговъ. Безоружный же нашъ народъ за стѣною нѣмецкихъ штыковъ не можетъ подняться на защиту правъ родины и ждетъ—не дождется своихъ освободителей. Докажите, что только славянскія чувства руководили вами, когда вы отказались слѣдовать зову швабовъ и не пошли сражаться противъ братьевъ. Докажите, что въ жилахъ вашихъ течетъ еще кровь храбрыхъ предковъ. Кто изъ васъ силенъ и здоровъ, долженъ примкнуть къ чешской добровольческой дружинѣ, взяться за оружіе и смѣло итти въ бой. Осуществленіе нашей трехсотлѣтней мечты о свободной, независимой Чехіи теперь или никогда».

Воззваніе къ латышамъ и литовцамъ. Латышскія газеты напечатали воззваніе къ нашимъ латышскимъ воинамъ, сражающимся въ рядахъ русской арміи:

«На древнюю столицу меченосцевъ!

Послѣ занятія Ротфлиса, Бишофсбурга, Зенсбурга и побѣдоноснаго шествія нашей арміи на Алленштейнъ (уже взятъ) приближается для насъ, латышей и литовцевъ, часъ отомщенія. На юго-западѣ отъ Эльбинга, на берегу рѣки Ногата, стоитъ Маріенбургъ, древняя столица ордена меченосцевъ. Отсюда хищническая шайка подъ названіемъ ордена меченосцевъ распространила свою жадную руку надъ древней Пруссіей, Литвой и землей Латышей (Ливоніей);



«Франція, подобно часовому, стоящая на аванпостахъ латинской расы, начала теперь борьбу противъ антихриста, и въ этой борьбѣ на ея сторонѣ право и справедливость. Всѣ латинскіе народы идутъ вслѣдъ за ней. Если бы она пала въ этой борьбѣ, глубокій мракъ окуталъ бы человѣчество. Но не ночь насъ ждетъ, а заря новой жизни занимается на небѣ. Да здравствуетъ Франція!»

Вооруженныя силы Англіи. Газета «Times» даетъ слѣдующій подсчетъ всѣхъ вооруженныхъ силъ Англіи: 330,000 регулярныхъ войскъ, 300,000 территоріальныхъ, 70,000 спеціальныхъ резервовъ, 200,000 національныхъ резервовъ и 100,000 вновь поступившихъ, не считая добровольцевъ—ирландскихъ волонтеровъ. Но лорду Китченеру этихъ силъ мало.

Главнымъ вопросомъ дня въ Лондонѣ является наборъ рекрутовъ. О призовѣ на военную службу вывѣшиваются большіе плакаты на станціяхъ, въ омнибусахъ и таксомоторахъ. Газеты печатаютъ статьи, призывающія людей къ оружію. Женщины поступаютъ въ качествѣ агентовъ по рекрутскому набору. Мужчины въ театрахъ, ресторанахъ и во всевозможныхъ общественныхъ учрежденіяхъ произносятъ рѣчи, призывая къ вступленію въ ряды арміи. Успѣхъ этихъ выступленій блестящій. Тысячи людей ежедневно являются на сборные пункты. Въ паркахъ, на площадяхъ для игръ и во всевозможныхъ другихъ открытыхъ мѣстахъ ежедневно происходитъ обученіе строю.

Воззваніе къ чехамъ. Комитетъ по организаціи чешской добровольческой дружины издалъ слѣдующее воззваніе:

отсюда они держали въ желѣзныхъ объятіяхъ нашу истекшую кровью и потомъ родину. Еще теперь въ стѣнахъ этой тевтонской твердыни отдаются вздохи латышскихъ воиновъ, которые годами или всю жизнь задыхались въ темныхъ подвалахъ ордена. И вечернее солнце, зажигая своими лучами окна маріенбургскихъ башенъ, сохраняетъ неприкосновенной тайной печальные привѣты родинѣ латышскихъ дѣвушекъ, взятыхъ заложницами и которыя чахли въ башняхъ меченосцевъ. Еще теперешнее благосостояніе основано на добычѣ, привезенной въ темныя осенніе ночи изъ далекихъ литовско-латышскихъ странъ рыцарями-грабителями. Здѣсь еще раздается плачъ поруганной святыни латышей и литовцевъ! Здѣсь еще раздается плачъ обезчещенныхъ жрицъ и поруганныхъ бѣлыхъ одеждъ жрецовъ—Кривовъ! Латышскіе воины, вмѣстѣ съ геройской русской арміей вы приближаетесь къ этому источнику страданій нашихъ предковъ! Прилагайте всѣ усилія и все мужество, чтобы вскорѣ въ прахъ рухнули стѣны Маріенбурга! Латышскіе старики должны дожить до паденія тѣхъ, кто нѣкогда держалъ ихъ въ рабствѣ! Латышскія дѣвушки ожидаютъ, чтобы вы отомстили за поруганіе ихъ сестеръ! Умершіе прислушиваются въ гробахъ, какъ отнимаютъ кнутъ у тѣхъ, кто имъ били и всегда и всюду латышей. Впередъ, славою увѣнчанная русская армія! Мы, матери и сестры, перевяжемъ ваши раны; мы, старики, выкуемъ изъ плуговъ мечи, если ваши сотрутся въ бою! Мы, латышскія невѣсты, будемъ ждать домой только героевъ! Не проходите мимо Голговы нашихъ отцовъ!»

Библиотека "Руниверс"

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

НИВА № 36.
6 Сентября 1914 г.

Улица Баторія. (Ulica Batorego).

Галицкая площадь. (Plac Halicki).

Театръ.

Преображенская церковь.

Успенская церковь.

Церковь св. Параскевы.

Каѳедральный соборъ св. Георгія.

Львовъ, столица Галиціи, взятый 21 августа с. г. русскими доблестными войсками.

Библиотека "Руниверс"

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1914 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложеніями: Безъ дост. въ Петроградѣ 6 р. 50 к., съ дост. 7 р. 50 к.; съ перес. по всей Россіи: на годъ 8 р., на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Генералъ-отъ-кавалеріи П. К. Ренненкампфъ, Высочайше награжденный за боевыя отличія орденомъ св. Владиміра 2-й степени съ мечами. По фот. Ренца и Шрадера.

Война до конца.

(Политическое обозрѣніе).

Россія, Англія и Франція формально обязались другъ передъ другомъ не заключать отдѣльнаго мира съ Германіей и Австро-Венгріей безъ согласія остальныхъ союзницъ. По существу своему, этотъ договоръ является для участвующихъ въ немъ державъ какъ бы актомъ взаимнаго страхованія отъ миролюбія, угрожающаго уничтожить плоды кровавой войны или могущаго помѣшать довести ее до заранѣе намѣченныхъ всѣми участниками результатовъ. Нерѣдко въ исторіи неожиданные порывы великодушія губили все, что было достигнуто цѣною кровавыхъ усилій арміи и народа. Въ нынѣшней войнѣ подобная неустойчивость въ преслѣдованіи конечной цѣли была бы измѣною всему человѣчеству, предательствомъ противъ всей Европы, ополчившейся противъ тевтонскаго насильничества. Народы, проливающіе въ титанической борьбѣ цѣлыя моря крови, не допустятъ, чтобы эти потоки крови не принесли въ воздаяніе счастье и благоденствіе мира всему міру. Гибель почившихъ за національное дѣло героевъ обязываетъ живыхъ остаться вѣрными ихъ задачамъ. Но этотъ дипломатическій актъ имѣетъ всемірно-моральный смыслъ. Дипломаты тройственнаго согласія нравственно слились съ своими народами, почувствовали переживаемый моментъ всемірной исторіи такъ же остро, такъ же мучительно и непосредственно, какъ простые граждане, и написали своими дипломатическими перьями на знаменахъ сражающихся армій вѣщія слова:

— Война до конца!

Это—своего рода дипломатическая клятва на окровавленныхъ мечахъ. Она спаяла въ рыцарской вѣрности одной цѣли три правительства, три мощныхъ государства, три многомилліонныя арміи, три величайшихъ народа. Какъ бы ни было капризно и перемѣнчиво военное счастье, какихъ бы тяжелыхъ жертвъ ни требовали отъ каждаго участника священной коалиціи борьба за свободу Европы—отнынѣ конечный успѣхъ ея можетъ считаться обезпеченнымъ. Ослабѣвшая сторона заранѣе лишила себя права заключать сепаратный миръ, т.-е. права сдаться подъ натискомъ противника и тѣмъ не портить общаго дѣла. Германская военная тактика опиралась на расчетѣ разбить противниковъ порознь, но разумная дипломатическая стратегія союзниковъ заранѣе уничтожила всякое значеніе такихъ частичныхъ

Бельгійская крѣпость Намюръ, взятая, послѣ долгаго геройскаго сопротивленія, германскими войсками лишь послѣ доставки къ крѣпости гигантскихъ крупповскихъ орудій небывалыхъ размѣровъ и силы.

Библиотека "Руниверс"

германскихъ побѣдъ. Для того, чтобы Германія могла восторжествовать, она теперь должна сокрушить всю Европу, но такъ какъ Европа не можетъ быть сокрушена, то, слѣдовательно, будетъ сокрушена Германія.

Великая европейская война.

(Хроника военныхъ дѣйствій).

Кончился первый мѣсяцъ величайшей изъ міровыхъ войнъ, рѣшающей судьбы славянства и Европы. Мѣсяцъ кровавой борьбы ознаменовался жаркими боями. Германскія войска хотя и вторглись во Францію и приблизились на 40 верстъ къ Парижу, но стремительное наступленіе ихъ не закрѣплено разгромомъ непріятельскихъ силъ, и, благодаря этому, каждый шагъ впередъ не столько улучшаетъ, сколько ухудшаетъ ихъ стратегическое положеніе, безконечно удлиняя комуникаціонную линію съ необезпеченными тыломъ и флангами. Четыре корпуса, освобожденные съ итальянской границы въ силу соглашенія о нейтралитетѣ Италіи, остались у Франціи совершенно свободными и могутъ быть брошены по распоряженію генералиссимуса Жоффра въ любую точку нѣмецкаго тыла и фланговъ. Сверхъ того, въ первой линіи огня со стороны французовъ участвовали, повидимому, далеко не всѣ ихъ силы. Въ Бельгію, гдѣ происходили наиболѣе жаркіе бои, были двинуты только половина французской арміи и лишь первые кадры англійскаго набора. Добрая половина французскихъ войскъ еще не тронута главнокомандующимъ и оставлена для сраженія въ глубинѣ Франціи, долженствующаго рѣшить исходъ войны. Въ высшей степени знаменательно, что, располагая свободными, нетронутыми корпусами, французы на всемъ фронтѣ быстро отступаютъ передъ непріятелемъ. Такъ, первая линія защиты была взята нѣмцами только послѣ двухнедѣльныхъ кровавыхъ сраженій, а вторая и третья, несравненно болѣе укрѣпленныя, пройдены въ 10—12 дней. Французы отступаютъ передъ непріятелемъ съ легкими арьергардными боями, оставляя на его пути гарнизоны въ своихъ крѣпостяхъ, а нѣмцы слѣдуютъ по пятамъ за полевою арміею французовъ, оставляя на пройденномъ пути передъ каждою французскою крѣпостью болѣе или менѣе значительные заслоны. Такимъ образомъ съ каждымъ шагомъ впередъ французская армія все увеличивается и растетъ, а нѣмецкая таетъ, и взаимное отношеніе силъ становится все болѣе и болѣе благопріятнымъ для нашихъ союзниковъ.

Генералъ-отъ-кавалеріи А. А. Брусиловъ, Высочайше пожалованный орденомъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія за бои съ австрійцами, результатомъ коихъ было взятіе 21 сего августа города Галича.

Обходы, совершаемые германскими войсками и вызывающіе необходимость отступленій французскихъ войскъ, возможны только при значительномъ численномъ преимуществѣ, потому-что иначе всегда обходящій рискуетъ получить прорывъ центра и оказаться обойденнымъ. Помощь бельгійской и англійской армій, а также оттяжка 6—7 германскихъ корпусовъ къ границамъ Россіи, вѣроятно, уравняютъ численный составъ французскихъ и нѣмецкихъ армій, а сраженіе въ глубинѣ Франціи создастъ уже несравненно болѣе благопріятную для французовъ комбинацію. Генералъ Жоффръ сознательно и намѣренно бережетъ свои силы для нанесенія послѣдняго рѣшительнаго удара ослабленному врагу въ глубинѣ Франціи. Отступая передъ нѣмцами на французской территоріи, онъ настойчиво тѣснитъ ихъ въ Эльзасъ-Лотарингіи. По послѣднимъ извѣстіямъ, и нѣмцы не особенно торопятся обложить Парижъ и обходятъ его по широкому радіусу съ обоихъ фланговъ. Загибъ фланговъ обезпечиваетъ французамъ свободу дѣйствій по внутреннимъ сообщеніямъ, т.-е. возможность быстро сосредоточивать силы въ опредѣленномъ пунктѣ непріятельскаго расположенія, чѣмъ такъ геніально умѣлъ пользоваться Наполеонъ. Въ ближайшіе дни въ теченіе какой-нибудь недѣли или двухъ надо ожидать рѣшительной развязки загадочнаго стратегическаго положенія на западномъ фронтѣ.

Послѣднія сообщенія говорятъ уже о разгорающихся столкновеніяхъ въ районѣ Парижа. Генеральное сраженіе началось на линіи, проходящей черезъ Контейнъ ле Бодуэнъ, Мо, Сезаннъ

Одно изъ крупповскихъ осадныхъ орудій, съ помощью которыхъ германцамъ удалось сломить геройское сопротивленіе фортовъ бельгійской крѣпости Намюръ.

Библиотека "Руниверс"

Казначей калишскаго губернскаго казначейства Соколовъ, замученный и разстрѣлянный нѣмцами за отказъ выдать русскія деньги, заблаговременно, до вступленія нѣмцевъ, уничтоженныя имъ по приказу начальства.

Семья казначея калишскаго губернскаго казначейства Соколова, замученнаго и убитаго нѣмцами. Вдова его, Елизавета Николаевна Соколова, съ пятью дѣтьми.

Витри и Верденъ, и кончилось отступленіемъ нѣмцевъ. Въ то же время генералъ Жоффръ обошелъ правый германскій флангъ и заставилъ ихъ очистить городъ Лилль (крѣпость Лилль не была взята) и окрестные города.

Въ связи съ другими дѣйствіями союзниковъ, это движеніе можетъ разсматриваться, какъ начало конца германскому наступленію.

Небывалый по героичности поступокъ Бельгіи: затопленіе бельгійскими инженерами окрестностей Термонда и Малина на протяженіи 250 квадр. километровъ, сопровождавшееся гибелью 5.000 нѣмцевъ, потерей всей осадной артиллеріи и захватомъ 6.000 плѣнныхъ, еще больше затруднитъ положеніе тыловой части германской арміи. Значительные, вновь сформированные, англійскіе отряды высаживаются въ Булони и Остендэ съ явнымъ намѣреніемъ ударить въ тылъ правому нѣмецкому флангу. Нѣмцы нѣсколько пренебрежительно относятся къ сухопутнымъ силамъ англичанъ, но не надо забывать, что вынужденная къ борьбѣ на сушѣ энергичная британская нація всегда умѣла въ концѣ создавать сильныя сухопутныя арміи, удары которыхъ чувствовалъ даже Наполеонъ. Стотысячный англійскій дессантъ вскорѣ выросъ уже въ двухсоттысячную армію и въ скоромъ времени, съ прибытіемъ колоніальныхъ подкрѣпленій и новыхъ, организованныхъ лордомъ Робертсомъ, отрядовъ, перевалитъ уже за 300.000 штыковъ, въ то время какъ германская армія, подкрѣпленная малоспособнымъ къ бою ландштурмомъ, будетъ постепенно уменьшаться отъ огромныхъ потерь и отъ необходимости передвигать новые корпуса на восточный фронтъ въ защиту германской территоріи отъ русскаго вторженія.

Наше наступленіе вглубь восточной Пруссіи продолжается. Постоянный притокъ новыхъ силъ изъ Россіи создаетъ возможность продолжать вторженіе, и для отраженія его германцамъ все время нужно будетъ подвозить въ противовѣсъ намъ новые и новые корпуса, что немыслимо безъ дальнѣйшаго ослабленія западнаго фронта. Идутъ только мелкія стычки по линіи занятыхъ германцами Остероде, Алленштейна и Сольдау, вся энергія наступленія русскихъ войскъ перенесена въ Галицію. Послѣ ряда пораженій, нанесенныхъ австрійцамъ подъ Томашевомъ, Лащевомъ, Золотой и Гнилой Липами, Галичемъ и Львовымъ, послѣ взятія крѣпостей Львова и Галича, потери почти всей артиллеріи въ количествѣ около 250 пушекъ, несмѣтнаго количества пулеметовъ, ружей, артиллерійскихъ парковъ, продовольственныхъ запасовъ 70 — 80.000 плѣнныхъ и пр., правый флангъ австрійской арміи можетъ считаться совершенно уничтоженнымъ. Ея центръ и лѣвый флангъ, вступившій въ составѣ 10—11 корпусовъ въ районѣ Люблинской и Холмской губерній, затиснуть между рядомъ крѣпостей, преграждающихъ путь внутрь Россіи, и болотистыми берегами Вислы, страшно затрудняющими отступленіе къ Кракову. Съ фронта оперирующихъ въ нашей территоріи австрійцевъ тѣснитъ наступающая армія, съ южнаго фланга старается пресѣчь имъ путь къ отступленію взявшій Львовъ генералъ Рузскій. При такихъ условіяхъ надо со дня на день ожидать разгрома или капитуляціи остальныхъ корпусовъ арміи эрцгерцога.

Выдача женамъ и семьямъ запасныхъ, призванныхъ на войну, казеннаго пайка въ Петроградѣ: по 5 р. 32 коп. на каждаго взрослаго члена семьи и по 2 р. 66 коп. (половина пайка) на ребенка до 5 лѣтъ. По фот. І. Оцупа.

Библиотека "Руниверс"

Старый казакъ.

Разсказъ **Владиміра Воинова**.

Перепечатка воспрещается.

I.

Пока казаки сѣдлали коней и прилаживали переметныя сумы, старикъ Данила Забурунновъ толкался по хутору и мрачно сопѣлъ носогрѣйкой.

— Эй, Жабурунъ! А ты чиво жа глидишь? Гналъ ба тожа подъ нѣмца!—кричалъ старику молодой казакъ, заправляя скошевки подъ брюхомъ буланаго мерина.

Данила взглянулъ изъ-подъ сивыхъ бровей на насмѣшника и сплюнулъ слюну:

— Чего галганишь! Беруть, такъ ступай, а людей замать не къ чему!

— Ды я не къ тому ета, чтобы въ обиду табѣ пріизвесть! — оправдывался смутившійся казакъ: — а такъ я мячтаю, что вдарилъ ба дѣдъ, ежели бъ, къ примѣру сказать, довелось.

— А то, думаешь, нѣтъ?—поднялъ старикъ чубатую сивую голову.—Такъ ба вдарилъ, что ажнакъ пуза ба лопнула.

Данила расправилъ широкія плечи и гордо взглянулъ на другихъ. Никто не посмѣлъ возражать: всѣмъ вѣдомы были старыя дѣ-

На походѣ. Рисунокъ И. А. Владимірова.

Библиотека "Руниверс"

довы заслуги еще по турецкой кампаніи, и усомниться въ Даниллиной храбрости могъ только тотъ, кто не видѣлъ суроваго дѣда въ великіе праздники съ однимъ золотымъ и двумя серебряными георгіевскими крестами; правда, старикъ сильно сдалъ за послѣднее время, но противъ рожна не попрешь — годы-то тоже не малые; другой бы на печкѣ сидѣлъ, а Данила вотъ ходитъ, всякому совѣтъ норовитъ дать.

И въ шуткахъ молодыхъ казаковъ, уходящихъ теперь на войну, не было ничего оскорбляющаго доброе имя Данилы, а чувствовалось скорѣе желаніе примирить старика съ печальной необходимостью сидѣть не у дѣлъ и трогательное вниманіе къ старому кавалеру.

Но Данила по-своему понималъ казацкіе выкрики, и больному его самолюбію казалось, что молодежь потѣшается надъ его немощью; а это было обидно.

И Данила ходилъ то туда, то сюда, кусая коротенькую трубку, и чувствовалъ съ особенной остротой, что онъ уже лишній.

Когда посадились на кони и тронулись къ сборному пункту, старикъ проводилъ казаковъ затуманеннымъ взглядомъ и, выждавъ, пока пропадутъ за кургановъ послѣднія линіи пикъ, пошелъ къ куреню торопливой, сухой походкой.

Тамъ снялъ со стѣны дорогую турецкую шашку и левадой прошелъ на сады.

Оглядѣвшись опасливо по сторонамъ, выбралъ молоденькій крѣпкій дубокъ и, ставъ въ сторонѣ, вынулъ холодный клинокъ.

— А ну-ка-сь, Данила, махни! — сказалъ онъ себѣ, поднимая кривую, широкую шашку — и молодой дубъ, встрепенувшись листвою, скользнулъ мимо корня на землю.

Данила пощупалъ рукою ровный, какъ точенный, срѣзъ, и морщины у глазъ разбѣжались.

— Могiмъ!—сказалъ онъ спокойно и весело и бережно сунулъ клинокъ въ золотыя ножны.

Потомъ, перебравшись левадой обратно въ курень, досталъ изъ-за печки тяжелую пику и, выйдя на дворъ, пробилъ три четкихъ, увѣренныхъ круга.

— И это могiмъ!—рѣшилъ онъ совсѣмъ уже весело.

И вдругъ, подойдя къ закопченой землянкѣ, повелительно крикнулъ:

— Старуха! Будя балясы-то бить! Вынимай-ка-сь сядло! Ды крясты приняси! А Никешка, нехай, маштака привядеть!

Поглядѣла старуха на мужа, хотѣла сначала сказать ему что-то, да поняла сразу, что старый не шутитъ; повернулась спиною, прижала передникъ къ глазамъ и покорно пошла въ куреню.

— Ну, полѣзла на ноты!—махнулъ Забурунновъ рукою и пошелъ снаряжаться къ походу.

Передъ вечеромъ сѣла на землю роса.

Возлѣ рѣки повисъ сизоватый туманъ, и дикіе гуси, распластавшись въ густомъ, напоенномъ прибрежными травами пьяною одурью, воздухѣ, тянулись на свѣжіе зарѣчные луга съ протяжнымъ серебрянымъ крикомъ.

Набѣжалъ вѣтерокъ, шевельнулъ камыши по затонамъ, и спокойная ночь опустилась надъ степью расшитымъ ковромъ.

Заломивъ набекрень боевую папаху, старый казакъ наклонился съ коня, принялъ изъ рукъ отъ старухи стремянную, послѣднюю чашу, губы отеръ бородой и, забравъ старуху и внука въ охапку, долго держалъ ихъ въ рукахъ, качая сѣдой головой.

Потомъ положилъ за чекмень родимой землицы, поглядѣлъ мокрымъ глазомъ туда, гдѣ невидимо несъ свои воды притихнувшій Донъ, и тронулъ тихонько коня.

— Съ Богомъ! — сказала старуха, стараясь не сбиться на вой.

— Съ Господомъ! — отвѣтилъ Данила и, глянувъ на мокрыя звѣзды, выѣхалъ въ степь.

Гдѣ-то завыла собака, что-то плеснуло подъ яромъ. А потомъ стихло.

Только влажно пофыркивалъ крѣпкій маштакъ, да перепела били звонко и весело.

— На-а-съ съ по-хо-о-домъ онъ про-здра-вилъ...
Э-о-а-т-давалъ стро-га-ой при-а-казъ...—

поплыла понадъ степью одинокая пѣсня.

Это старый казакъ-кавалеръ Забурунновъ Данила шелъ походомъ къ атаману добывать себѣ право итти на войну съ басурманомъ.

II.

Въ атаманскомъ дворцѣ было шумно и людно.

То и дѣло входили чиновники, оставляли фуражки внизу и, оправивъ усы, взбѣгали по устланной краснымъ сукномъ лѣстницѣ въ высокіе свѣтлые покои.

Выждавъ случай, когда молодой адъютантъ остался одинъ, Забурунновъ Данила подошелъ къ нему бодрымъ, увѣреннымъ шагомъ и спокойно сказалъ:

— Ваша благородія! Мнѣ ба того... самаго атамана ба надо.

— Вы что? Насчетъ сына пришли хлопотать?

Данила взглянулъ на него холодными, строгими глазами и тихо отвѣтилъ:

— О чемъ я прибѣгъ хлопотать, ето вѣдомо намъ.

Адъютантъ покосился на грудь старика, укрытую сплошь орденами, и куда-то ушелъ.

Скоро Данилу позвали въ пріемную.

Опасливо шагая по скользкому, начищенному паркету, Данила прошелъ до стола и выставилъ грудь.

— Здорово, старикъ!—сказалъ генералъ, вставая навстрѣчу.

Ея Величество Бельгійская Королева Елисавета, раздѣляющая съ Царственнымъ Супругомъ, Королемъ-героемъ ужасы германскаго вторженія въ Бельгію. Королева Елисавета, дочь знаменитаго окулиста-принца Карла Теодора Баварскаго, совершенно сжилась со своей второй родиной и не считаетъ себя нѣмкой. Въ тяжелую годину, когда тевтонскія полчища вторглись въ предѣлы цвѣтущей Бельгіи, королева Елисавета отъ всей души одобрила героическую рѣшимость своего супруга отразить съ оружіемъ въ рукахъ нашествіе дерзкаго завоевателя. Стараніями королевы всѣ великолѣпные покои королевскаго дворца въ Брюсселѣ обращены въ импровизированный госпиталь. Въ маленькой бѣлой залѣ, служившей для пріема представителей дипломатическаго корпуса, нашли себѣ мѣсто 8 кроватей для раненыхъ, 5 кроватей помѣщены въ роскошной спальнѣ, которую когда-то занималъ императоръ Вильгельмъ. Танцовальная зала дворца дала пріютъ 30 кроватямъ.

Ея Величество Королева Великобританіи и Ирландіи, Императрица Индіи Марія, рожденная принцесса Текъ.

Ея Высочество герцогиня Люксембургская Марія-Аделаида, самая молодая правительница въ Европѣ. Герцогство Люксембурга оказалось на пути насильственно-завоевательныхъ дѣйствій Германіи, и, отстаивая право нейтральной державы, герцогиня сама выѣхала навстрѣчу германскому отряду, направлявшемуся черезъ границу Люксембурга, и заявила протестъ противъ нарушенія границъ. Германскій офицеръ возразилъ, что онъ пройдетъ герцогство, и пригрозилъ герцогинѣ оружіемъ, на что ея высочество заявила, что уступаетъ грубой силѣ.

Библиотека "Руниверс"

— Здравія желаю, ваше превосходительство!
— Какъ зовутъ?
— Данила Терентьевъ Забурунновъ!
— Станицы?
— Такой-то!
— Съ чѣмъ пожаловалъ?
— Съ покорнѣйшей прозьбой! Жалаю итить на войну!
Данила качнулся впередъ и сталъ на колѣни:
— Дозвольте итить! Не могёмъ по станицамъ сидѣть! Какъ увздумаю, что усѣ на войнѣ, ажнакъ тошна становица.
— Встань, старикъ!—поднялъ его съ пола сѣдой генералъ, и, когда Забурунновъ всталъ, лицо атамана какъ будто свѣтилось, а глаза покраснѣли и сдѣлались мокрыми.
Онъ похлопалъ Данилу рукой по плечу и печально сказалъ:
— Не могу. Полученъ приказъ относительно льготныхъ одной второй очереди. Впрочемъ, мы сдѣлаемъ вотъ что.
Атаманъ нажалъ кнопку звонка. Вошелъ адъютантъ.
— Кавалеръ желаетъ итти на войну! Каковъ молодецъ!
Адъютантъ взглянулъ на Данилу и дѣланно усмѣхнулся, не зная еще, что̀ думаетъ по этому поводу генералъ.
А атаманъ кивнулъ головой на Данилу и коротко объяснилъ:
— Прецедентъ! Не знаю, какъ быть. Принять не смѣю. Отказывать—тоже не въ силахъ. Кавалеръ трехъ орденовъ имѣетъ моральное право. Идите писать прошеніе. На Высочайшее! Поняли?
— Слушаю-съ!
Адъютантъ повернулся и вышелъ.
А Данила рванулся впередъ и припалъ къ рукаву атамана.
— Ну, что̀ тамъ! Ну, что̀ тамъ!—растерянно твердилъ атаманъ, замѣтно волнуясь, и, обнявъ старика, ушелъ въ кабинетъ, вздрагивая худыми плечами.
Черезъ десять минутъ Данила сидѣлъ въ канцеляріи и давалъ объясненія дежурному адъютанту:

Франція и Эльзасъ. Рисунокъ Г. Скотта.

Библиотека "Руниверс"

— Тольки минѣ ужъ дюжа желательна увъ самой Бендинъ... Парнишка тамъ мой на дѣйствительной!

— Ладно! Напишемъ!—обѣщалъ адъютантъ и быстро работалъ перомъ.

Когда все закончилось, Данила вздохнулъ и крѣпко перекрестился.

А надушенный, лоснящійся адъютантъ проводилъ старика до дверей и, убѣдившись, что никто не видитъ, пожалъ старику заскорузлую, твердую руку.

— Вы поступили, какъ истинный казакъ,—сказалъ онъ, краснѣя и запинаясь, и, чувствуя, что все, что онъ скажетъ, — не къ мѣсту и лишнее, бросился снова по лѣстницѣ вверхъ, цѣпляясь бренчащими шпорами.

„Кубыть дѣло сварганитца!" — подумалъ старикъ и вышелъ на улицу мимо застывшихъ на вытяжку часовыхъ парнаго караула.

III.

Въ крестьянской избѣ одного изъ селеній возлѣ австрійской границы сидѣлъ за столомъ командиръ третьей сотни казачьяго полка и внимательно читалъ бумагу.

Это была копія съ Высочайшаго приказа о зачисленіи въ дѣйствующую армію кавалера Данилы Забуруннова.

Окончивъ читать, есаулъ поглядѣлъ на крѣпкаго, жилистаго старика и ясно сказалъ:

— Ну, что же, старикъ! Поздравляю! Мнѣ — честь отъ такого высокаго назначенія, а тебѣ тутъ работа найдется.

Есаулъ указалъ на широкую грудь старика и, улыбнувшись, добавилъ:

— Дастъ Богъ—и четвертый заслужишь! Вѣстовой! Позвать казака Илью Забуруннова!

Есаулъ закурилъ и принялся разспрашивать старика о станицѣ.

Тѣмъ временемъ въ комнату вошелъ загорѣлый высокій казакъ и обмеръ отъ изумленія.

— Батинка! — кинулся-было Илья къ старику, но во-время вспомнилъ, что онъ позванъ по приказу атамана, и сталъ, точно вкопанный:—Изволили звать?

— Да, изволилъ!

Есаулъ поглядѣлъ и слегка улыбнулся.

— Ну, что же стоишь? Принимай старика! Назначаю въ твой взводъ. Надѣюсь, что старый у насъ служанетъ по-заправски. А чтобъ долго не ждать — нынче трое въ разъѣздъ. Тамъ и потолкуете съ батькой.

Казаки поклонились и вышли.

А есаулъ затянулся покрѣпче и опять углубился въ бумаги.

IV.

Пока подвозили войска въ главную армію, по всей полосѣ у границы шныряли казачьи разъѣзды, разгоняя австрійскихъ драгунъ, забредавшихъ трусливыми кучками на русскую сторону.

Крупныхъ боевъ еще не было, но по всей ширинѣ многоверстнаго фронта головные отряды развѣдочныхъ войскъ вошли уже въ близкую связь съ непріятелемъ, и громкія стычки десятковъ и сотенъ людей уже показали, какое значеніе имѣютъ въ развѣдочномъ дѣлѣ отряды донцовъ.

Гдѣ-то на сѣверѣ гремѣла часами далекая канонада; говорили, что наши войска захватили у нѣмцевъ десятокъ орудій; доходили туманные слухи о нашихъ союзникахъ, — но вѣрнаго не было ничего, и главная армія еще не вступала ни разу въ сферу огня.

Одни казаки забирались за добрую сотню верстъ въ чужіе предѣлы и давали не разъ австріякамъ понять, что значитъ казацкая пика...

Разбитый на сотни, N—скій полкъ сумѣлъ уже прославить себя не однимъ молодецкимъ набѣгомъ, и весь пограничный районъ былъ развѣданъ до мелкихъ подробностей въ ожиданіи крупнаго боя...

На разсвѣтѣ на опушкѣ березовой рощи показался казачій разъѣздъ.

Впереди шелъ Илья Забурунновъ, озираясь, какъ хищный волчонокъ, по сторонамъ; за нимъ неширокой рысцой трусили на горбоносыхъ сухихъ лошадяхъ старикъ Забурунновъ Данила и калмыкъ Сархалтыхъ — узкоглазый и плоскій, напѣвавшій какую-то дикую пѣсню.

Казаки шли спокойно, совсѣмъ по-домашнему, а безпечный калмыкъ даже винтовки не снялъ, пока не подъѣхали къ рощѣ.

Перейдя черезъ ровъ, разыскали просѣку и пошли уже ша-

Парижъ въ ночь на 20 іюля. Народная манифестація у Вандомской колонны по поводу объявленія Германіей войны Россіи.

Библиотека "Руниверс"

гомъ, одинъ за другимъ. Скоро роща опять порѣдѣла, и прямо передъ глазами сверкнула рѣка неширокой прохладной гладью.

За рѣкою тянулись поля полосою версты въ полторы, а тамъ наступали опять плотнымъ строемъ большія деревья, а за ними вставали холмы.

На поляхъ были сложены копны, а въ верстѣ отъ опушки съ винтовкой въ рукахъ стоялъ австріякъ.

Казаки задержались у темной опушки и стали глядѣть.

— Одинъ чортовъ сынъ,—замѣтилъ Илья.

— А въ лѣсу, можетъ, сотни,—отвѣтилъ Данила.

— Нужно забрать,—рѣшилъ сынъ.

— И то дѣло,—согласились другіе.

— Прими-ка коня, — отдалъ Илья поводъ калмыку и тихо поползъ на опушку. Осторожно, какъ звѣрь, проползъ онъ травою до рѣчки и безслѣдно пропалъ.

Казаки опустились на землю и принялись ждать.

Было ясно и тихо. На небѣ ни облачка. И воздушная синь колебалась слегка надъ землею, позволяя разглядывать каждую пядь до самаго лѣса.

Австріецъ, какъ влитый, маячилъ внизу за рѣкой, и копны стояли спокойныя, четкія, не давая подумать о томъ, что здѣсь каждый мигъ могутъ пройти безконечной лавиной тяжелые всадники, и вся эта мирная твердь окрасится теплой кровью.

Данила забылся на мигъ, припомнилъ родную станицу и тихо застылъ, глядя въ открытый просторъ.

Минуты текли, и все было тихо.

Но вотъ Сархалтыхъ тронулъ его за плечо, и глаза у него заблестѣли:

— Ай, бачка, Иля молодца! Большая молодца!—и калмыкъ защелкалъ зубами.

Старикъ поглядѣлъ на ту сторону и зорко уставился въ поле.

Было такъ же, какъ прежде, только одна изъ копёшекъ чуть-чуть отодвинулась дальше отъ берега.

Вся Францiя подъ ружьемъ. Ветеранъ франко-прусской войны, охраняющій желѣзнодорожные пути. Рис. Г. Скотта.

На стражѣ. Въ Вогезахъ. Рис. Г. Скотта.

Старикъ посвѣтлѣлъ и слѣдилъ за копной, не дыша.

А калмыкъ весь дрожалъ отъ зажатаго смѣха и хлопалъ себя по колѣнямъ.

Скоро австріецъ усталъ стоять неподвижно и тихо побрелъ параллельно рѣкѣ. И тотчасъ же копна шевельнулась сильнѣй и смѣлѣй поползла по равнинѣ. Когда австріякъ обернулся, все было попрежнему пусто и голо; и онъ зашагалъ, успокоенный, отъ копны до копны, озираясь и глядя на лѣсъ.

Незамѣтно совсѣмъ на моментъ двѣ копны оказались почти уже рядомъ. Потомъ все застыло опять, и только кузнечики звонко трещали, взлетая на воздухъ.

Вотъ австріякъ присѣлъ у копны, и видно, какъ ярко сверкаетъ дуло винтовки. Теперь онъ привсталъ и тихо шагаетъ къ сосѣдней копнѣ.

Калмыкъ покатился на землю и защелкалъ зубами.

— Бачка! Чичасъ! Бурханъ меня убивай, чичасъ!

Данила застылъ и украдкой перекрестился.

Австріецъ дошелъ до копны и оперся спиною.

Не успѣлъ Сархалтыхъ сморгнуть глазомъ, какъ изъ мягкой копны протянулись двѣ здоровыя руки, и австріецъ пропалъ безъ слѣда.

— Ой, бачка! Моя умираитъ! — катался калмыкъ по опушкѣ, не въ силахъ сдержать охватившаго чувства; а Данила вздохнулъ глубоко и сказалъ:

— Молодчага Илья! Облапилъ разиню!

Черезъ часъ казаки уже снова втроемъ сидѣли у ясной опушки, а межъ ними лежалъ на травѣ, ворочая красными бѣлками, австрійскій драгунъ.

V.

— Ишь ты, погань! Брыкаться задумалъ!—ворчалъ недовольно Илья. — Я его честью, какъ слѣдоваетъ быть, за енто вотъ мѣсто, а онъ супротивленіе оказывать.

— Хиба жъ я брыкавсь, чи шо?—неожиданно буркнулъ австріецъ: — та я зъ рукамы, зъ ногамы до васъ передався! А тіи австрыякы — бодай бы воны повыздохлы!

Библиотека "Руниверс"

Первыя жертвы германскаго насилія. Алексъ Самэнъ (въ центрѣ), основатель и члены общества „Спортивная Лотарингія“, разстрѣлянные въ Мецѣ нѣмцами.

Данила съ Ильей разинули рты, не въ силахъ понять, что случилось, а плѣнный, увидѣвъ, какое впечатлѣніе произвелъ на нихъ говоръ, пересталъ безпокойно вращать налитыми кровью глазами и тихо сказалъ:

— Насъ много зъ ными. Усихъ по переду послалы, а сами ховаются. Вы трохы ослобонить мини, я щось маю казаты.

Илья наклонился къ нему и немного ослабилъ ремень.

— Ось гарно! — вздохнулъ плѣнникъ. — А я-таки думавъ, якъ бы це воно передатця до русскыхъ. Слухайте, братья панове! Учера я чувъ, якъ нашъ камандырь казавъ охвыцеро: „Ходыть изъ усими силàми до русскаго стану, бо зъ ими стоить казначейство, и грошей богацько“. Сю нічь воны нападуть. Ховайте, якъ можете, гроши!

Хохолъ поблѣднѣлъ и принялся сново ворочать глазами.

— А дюже всего берегить...

Хохолъ не окончилъ.

Откуда-то сбоку хлестнуло свинцомъ, и весь перелѣсокъ заговорилъ короткими, гулкими перекатами.

Калмыкъ, точно вихрь, метнулся къ коню и сразу вскочилъ на сѣдло.

Данила отдернулъ затворъ и тоже взлетѣлъ на коня.

А Илья поглядѣлъ вдоль опушки и крикнулъ:

— Айда! Эскадронъ!

Казаки ураганомъ помчались въ тѣнистую чащу, а вслѣдъ имъ свистѣли горячія пули, впиваясь въ стволы мягкотѣлыхъ березъ.

Впереди всѣхъ на рѣдкомъ конѣ уходилъ Сархалтыхъ, а за нимъ, разрывая листву, поспѣшали Илья и Данила.

Скоро близко въ глазахъ зарябилъ ослѣпительный свѣтъ, и горячіе кони пустились по чистой равнинѣ, унося на себѣ казаковъ, привалившихся грудью къ лукѣ.

А изъ ближней деревни выѣзжали уже казаки на стрѣльбу, и по гладкому полю запѣли казацкія пули, осыпая лѣсную опушку, гдѣ мелькнули и скрылись опять силуэты скакавшихъ австрійцевъ.

Лицей имени Карно въ Парижѣ, обращенный въ госпиталь Краснаго Креста.

Бельгійцы, жившіе въ Парижѣ, отправляются защищать свою родину.

Библиотека "Руниверс"

Матросы-запасные, несущіе полицейскую службу въ Парижѣ.

VI.

Вечеромъ состоялся совѣтъ.

Командиры сотенъ, оцѣнивъ донесеніе разъѣзда, пришли къ заключенію, что серьезной опасности нѣтъ, хотя нападеніе весьма вѣроятно, и мѣры предосторожности вовсе не лишни.

Командиръ же полка настаивалъ на немедленной отправкѣ наличности въ безопасное мѣсто.

— Я нахожу эту мѣру излишней, — осмѣлился заявить казначей.

— Почему?—спросилъ полковой командиръ, уставившись въ лобъ казначея выпуклыми глазами.

Казначей молчалъ.

Молчалъ и полковой командиръ.

Въ странѣ героевъ. Бельгійскіе блиндированные автомобили для борьбы съ германской кавалеріей.

Наконецъ онъ поднялся:

— Кто еще желаетъ высказаться по данному поводу?

Желающихъ не было.

Всѣ внутренне были согласны съ голосомъ стараго казначея, но перечить полковнику не было охоты.

— Никого? Тогда я поступлю такъ, какъ подсказываютъ мнѣ долгъ и моя совѣсть. Я долженъ принять всѣ зависящія отъ меня мѣры къ охранѣ полковыхъ суммъ, которыя считаю, согласно полученнымъ свѣдѣніямъ, въ опасности. Силою ввѣренной мнѣ власти приказываю отправить сегодня же въ ночь полковую казну въ мѣсто, которое будетъ указано мною особо. Прошу казначея принять это къ свѣдѣнію и сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія. Для эскорта — два взвода!

Полковникъ поднялся.

Совѣщаніе кончилось.

Офицеры разъѣхались по частямъ, а полковой казначей пошелъ собираться.

VII.

Въ ночь въ направленіи парка выступилъ конный отрядъ.

На полковой одноколкѣ везли запечатанный денежный ящикъ; по бокамъ гарцовали два отдѣленія лучшихъ джигитовъ; сзади шелъ легкій отрядъ, прикрывая тылъ, а впереди разсыпались мелкіе казачьи дозоры.

Ночь была тихая, темная, и только по легкому погромыхиванію двуколки можно было узнать, что кто-то идетъ по дорогѣ.

Казаки, словно тѣни, качались на мягко ступающихъ, привычныхъ къ ночной темнотѣ, лошадкахъ, а оружіе было прилажено такъ, что ни треска ружья за плечами ни бряцанія коротко взятыхъ ноженъ не было слышно уже за десятокъ шаговъ.

Люди шли съ сознаніемъ важности возложеннаго на нихъ порученія, и казалось, что и казацкіе кони понимаютъ возможность внезапной опасности, — до того они мягко ступали на плотный укатанный грунтъ.

Почетный легіонъ Европы. Бельгійскіе стрѣлки въ траншеяхъ у Діеста.

Далеко впереди, въ головномъ, самомъ важномъ, разъѣздѣ шелъ старый Данила съ калмыкомъ и сыномъ Ильей.

Всѣ трое внимательно вглядывались въ неподвижную мглу и жадно ловили ушами далекіе ночные звуки.

Скоро у самой дороги чернымъ порогомъ всталъ паркъ.

Казаки разыскали просѣку и, выждавъ, когда подтянулись идущіе вслѣдъ, въѣхали въ черную, влажную мглу.

Въ странѣ героевъ. Война въ Бельгіи. Поле сраженія въ Гаэльни.

Библиотека "Руниверс"

Солдаты территоріальной арміи, охраняющіе дороги во Франціи, останавливаютъ автомобили и спрашиваютъ у проѣзжихъ паспорта.

Запахло грибами и сыростью.

Невольно припомнилъ Илья лѣсокъ, что разросся за его домомъ. Тамъ сырости не было, а стояли веселыя, свѣтлыя вербы, шевеля глянцевитыми плотными листьями, да внизу, по талѣ, заплетались горячимъ душистымъ ковромъ пьяный хмель съ ежевикой.

„Какъ они могутъ тутъ жить?“ — подумалъ Илья, ощущая холодную сырость, и тихонько подъѣхалъ къ отцу.

— Батя, а батя!—шепнулъ онъ въ лицо старику, наклоняясь съ коня.

— Чиво табѣ, сынъ?—повернулся отецъ, придерживая маштака.

— Ды такъ-вотъ! Вспомнилась наша станица, какъ у лѣси ходилъ за жавикой. Чи есть она, ягода, увъ етомъ году?

— А чиво жъ ей не быть. Ядреная ягода. Дѣвки таскали.

— А Маланья Сычева—чиво? Увъ здравіи пребываеть?

— Малашка Сычева? Цвѣтеть! При себѣ дѣвка, уся на мѣстяхъ!

Илья потихоньку вздохнулъ и отъѣхалъ въ сторону. Рядомъ съ нимъ закачался калмыкъ и тронулъ его за плечо:

— Бачка! А бачка—бурунъ! Моя мурунъ ухами шивиляеть!

Илья придержалъ крѣпче поводъ и тронулъ рукою винтовку.

Конь задержался, какъ вкопанный, и вздрогнулъ всей кожей.

Съ минуту стояли на мѣстѣ и слушали; потомъ въ сторонѣ зашумѣли копыта второго дозора, и чуткій калмыкъ отпустилъ туго натянутые поводья.

Стало совсѣмъ темно.

Теперь уже не было видно ни неба ни звѣздъ; деревья сходились верхами, и съ листьевъ на землю валились холодныя капли сѣвшаго густо тумана.

Лошади шли почти ощупью, нюхомъ угадывая дорогу, и казаки стали держаться плотнѣе, стараясь итти стремя въ стремя.

Понемногу глаза отупѣли совсѣмъ, и легкая плавная качка нагнала спокойную ночную тоску.

Оставалось, должно-быть, не больше версты до выхода изъ чернаго парка, а тамъ уже будетъ просторная чистая дорога, и опять станутъ съ неба свѣтить ясныя звѣзды.

Отъѣздъ бельгійскихъ волонтеровъ изъ Парижа на родину.

— Бачка! Будемъ стояли,—очнулся калмыкъ.

— Угу! — согласился Илья: — нехай подойдуть!

Неожиданно вздрогнула тьма, и вдали за спиной загудѣла поспѣшная, жаркая пальба.

Казаки, какъ одинъ, поднялись въ стременахъ и ринулись въ тьму.

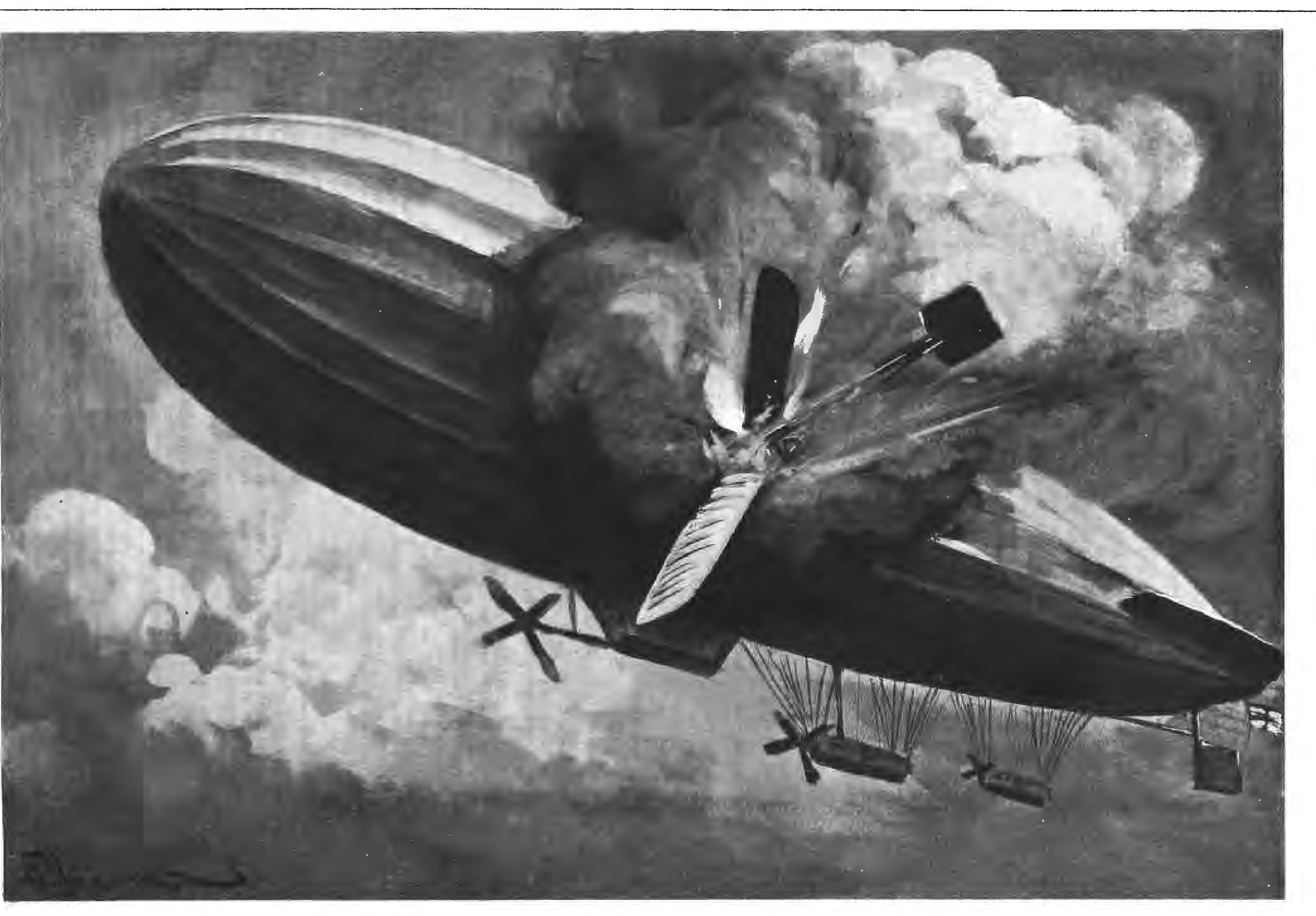
Вѣтеръ гудѣлъ за ушами, мокрыя вѣтки хлестали лицо, а кони совсѣмъ распластались въ воздухѣ и мчались одинъ за другимъ, чудомъ угадывая невидимый путь. Скоро во мглѣ впереди засверкали огни, и при пламенныхъ вспышкахъ зарябили въ глазахъ четкіе, черные всадники.

— Ги-и-и!—завопилъ дѣдъ Данила и съ пикой наперевѣсъ ахнулъ въ черную гущу австрійскихъ драгунъ; за нимъ ураганомъ промчался Илья и на полномъ ходу шарахнулъ съ плеча высокаго всадника; что-то плюхнулось гулко о землю, и надъ самымъ лицомъ у Данилы полыхнуло огнемъ. При вспышкѣ метнулась въ глазахъ скуластая рожа калмыка, и кто-то взмотнулъ сапогами въ воздухѣ, подсаженный калмыцкою пикой.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Плѣнные раненые германскіе солдаты, охраняемые бельгійскимъ солдатомъ.

Библиотека "Руниверс"



Бой въ воздухѣ. Нападеніе французскаго аэроплана на германскій дирижабль („цеппелинъ“). Рисунокъ А. Чикина.

Библиотека "Руниверс"

Силуэты войны.

Брошенная хата.

Заслезились пасмурныя стекла...
Пожелтѣлъ у озера камышъ,
И трава поникла и поблекла,
И шуршитъ подъ поломъ гдѣ-то мышь...
И стоитъ она одна въ забросѣ
Позабытая, ненужная давно,
Только рѣдко вѣтеръ съ плачемъ броситъ
Вялый листъ въ разбитое окно...
Разбросали ядра шумный улей,
И давно замолкъ въ деревнѣ шагъ,
Лишь ее, задѣвъ шальною пулей,
Пощадилъ безликій, злобный врагъ...
Приходилъ загадочный прохожій,
Что-то жуткое онъ прошепталъ въ окно—
И бѣжали всѣ въ одной одёжѣ,—
А она вотъ все понять не можетъ,
Отчего такъ пусто и темно...

Братская могила.

Въ степи осенней и унылой,
Изрытой сотнями копытъ,
Надъ одинокою могилой
Простой сосновый крестъ стоитъ...
Простой, какъ сердце тѣхъ, чьи думы
Неслись въ забытый сельскій домъ,
Кто были сѣры и угрюмы
При встрѣчѣ съ бѣшенымъ врагомъ...
Покорные Верховной Волѣ,
Со свѣтлымъ Именемъ Христа,
Они легли въ изрытомъ полѣ
Подъ сѣрымъ деревомъ креста...
Осенній день и даль безъ линій...
Иду одинъ издалека,
И передъ новою святыней
Любовно креститъ лобъ рука...

Сергѣй Михѣевъ.

Посѣвъ войны.

Разсказъ **Б. Никонова.**

Перепечатка воспрещается.

I.

Чиновникъ губернскаго казначейства, Александръ Ивановичъ Лебедевъ, засидѣлся за работой въ казначействѣ до пяти часовъ утра. Уже давно разсвѣтало, и пѣли пѣтухи, а въ прихожей безмятежно храпѣлъ курьеръ Тищенко, не превозмогшій сна, несмотря на присутствіе въ казначействѣ начальства. Александръ Ивановичъ кончалъ ликвидацію казначейскихъ дѣлъ по случаю войны.

Въ сосѣдней пустой комнатѣ прохрипѣли часы. Стукнула въ прихожей дверь. Александръ Ивановичъ не обернулся, думая, что это вошелъ Тищенко. Но знакомый женскій голосъ заставилъ его обернуться. Это была его жена, Анна Павловна.

— Ты что̀, Анюта?

— Я пришла за тобой,—отвѣтила она.—Не могла уснуть. Все думается. Жутко какъ-то... Ты скоро кончишь?

— Сейчасъ.

Кутаясь въ косынку отъ нервной дрожи, молодая женщина присѣла къ столу и молча слѣдила за работой мужа. Она была блѣдна, глаза у нея ввалились, и на лбу появились какія-то новыя складки. Много такихъ складокъ уже успѣла провести война на женскихъ лицахъ; это были первые знаки ея грозной власти надъ людьми.

Александръ Ивановичъ запечаталъ послѣдній пакетъ, прибралъ и разорвалъ нѣсколько бумагъ и устало приподнялся.

— Въ послѣдній разъ я такъ долго засидѣлся на службѣ въ прошломъ году передъ Рождествомъ,—промолвилъ онъ:—передъ получкой наградныхъ. Хорошее было время... Ну, пойдемъ!

Анна Павловна не улыбнулась въ отвѣтъ на его улыбку. Воспоминаніе о прошломъ больно рѣзнуло ее по сердцу.

Они вышли на пустынную улицу. За ночь прошелъ дождь и прибилъ пыль. Мостовая казалась пестрой отъ темныхъ мокрыхъ пятенъ и лужъ. Въ саду громко и какъ-то безнадежно кричали вороны: онѣ чуяли новый дождь. Было по-утреннему свѣтло, свѣжо и какъ-то чисто на улицахъ, и ярко—по-утреннему—бѣлѣли тихіе дома.

Нѣкоторое время супруги шли молча. Анна Павловна первая прервала молчаніе:

— Что̀ же будетъ теперь, Саша?

— Кто же знаетъ?—промолвилъ съ прежней печальной улыбкой Александръ Ивановичъ.—Что̀ будетъ, то и будетъ. Придутъ нѣмцы...

— Господи, какъ страшно! Неужели они въ самомъ дѣлѣ придутъ, Саша?

— Я думаю, что ничего особенно страшнаго въ этомъ нѣтъ,—задумчиво возразилъ Лебедевъ.—Вѣдь мы же не сражающаяся сторона, а они—люди культурные. Вѣдь это только зулусы какіе-нибудь нападаютъ на мирныхъ жителей. И вообще на войнѣ даже частная собственность щадится.

— Страшно,—твердила Анна Павловна, нервно кутаясь въ косынку.—Точно я сонъ вижу и все никакъ не могу проснуться... Такъ внезапно все измѣнилось... Вотъ и небо все такое же, и земля, и трава, и дома все тѣ же, и солнце встаетъ, какъ всегда, а какъ начнешь думать да соображать, какъ вспомнишь—такъ и покажется все это какимъ-то новымъ и особеннымъ. И знаешь, Саша, мнѣ думается, что теперь все это сдѣлалось уже какимъ-то ненужнымъ... Обреченнымъ какимъ-то...

— Пустяки!—пробормоталъ Лебедевъ, глядя себѣ въ ноги.

— И за что все это налетѣло на насъ?—продолжала Анна Павловна.—Съ какой стати? Жили мы такъ счастливо, тихо, хорошо, и домъ свой и хозяйство. Десять лѣтъ пролетѣли безъ облачка. И вдругъ точно волшебство какое-то... Почему война? Какая можетъ быть война для насъ, мирныхъ русскихъ людей?

Александръ Ивановичъ мѣрно шагалъ, понуривъ голову. Ему самому казалось страннымъ сопоставленіе такого страшнаго, неслыханно величаваго и героическаго дѣла, какъ война, съ міркомъ окружающихъ его скромныхъ и простыхъ людей и съ нимъ самимъ. Вѣдь война должна происходить среди какихъ-то совсѣмъ особенныхъ людей, героевъ. Ну, военные еще подходятъ для этого,—но военные ушли изъ городка, и въ немъ остались только такіе безнадежно-штатскіе и мирные люди, какъ Александръ Ивановичъ Лебедевъ, любители повинтить по сотой, побалагурить въ своемъ кругу, порыбачить въ праздникъ за городомъ.

— А нѣмцы-то все-таки придутъ?—неотставала Анна Павловна.

Лебедевъ разсердился:

— Вотъ заладила: „нѣмцы“ да „нѣмцы“... Что̀ жъ такого, что нѣмцы? Не видала ты, что ли, нѣмцевъ? Слава Богу, на самой границѣ живемъ и нѣмцевъ этихъ самыхъ сто разъ видали. Вѣдь ты видала ихъ?

— Видала...

— Ну, такъ чего жъ бояться? Значитъ, не звѣри заморскіе. Небось, Шульце, Карлъ Ѳедоровичъ, пожалуетъ изъ имѣнія. Онъ вѣдь въ ландверѣ состоитъ въ ихнемъ. Земляки, можно сказать.

Супруги подошли къ своему дому. Калитка не была заперта, и съ громкимъ стукомъ подалась подъ рукой Лебедева. Анна Павловна вздрогнула отъ этого стука и схватилась за сердце.

— Что̀ ты?—удивился мужъ.

— Такъ, ничего... Мнѣ показалось, точно выстрѣлили...

— Ужъ очень ты изнервничалась,—усмѣхнулся Лебедевъ.—А кстати, когда же мы исправимъ ворота? Того гляди, повалятся. Ты послала бы за Войцѣхомъ.

— Къ чему?—нахмурившись, возразила жена.—Не сто̀итъ.

— Отчего не сто̀итъ?

— Да что̀ тамъ... Все равно все пропадетъ.

— Пустяки!

Мужъ и жена вошли въ домъ. Утро разгоралось. Кругомъ стояла невозмутимая тишина, какъ будто въ мірѣ все было попрежнему. И еще никто въ тихомъ городкѣ не слышалъ, какъ сотнями и тысячами шаговъ уже шла сюда война. О войнѣ всѣ уже знали, но глухой грохотъ ея тяжкихъ шаговъ еще не поражалъ ничьего слуха. Громко и беззаботно пѣли пѣтухи...

II.

Шаги приближающейся войны горожане услышали въ полдень. Далеко за городомъ послышался глухой гулъ. Онъ прокатился гдѣ-то вдоль горизонта, словно ударъ далекаго грома, и затихъ. Потомъ этотъ странный громъ при ясномъ небѣ прокатился еще разъ. Это взрывали желѣзнодорожный мостъ.

Затѣмъ опять все стихло. Въ городѣ шла обычная жизнь. Магазины были открыты: въ городскомъ садикѣ играли ребятишки; шли съ завода рабочіе. Внезапно на улицѣ проскакали два всадника въ нерусскихъ мундирахъ, съ ружьями наперевѣсъ. Брызгая грязью и громко стуча по мостовой, они пронеслись по всему городу изъ конца въ конецъ и скрылись.

На улицахъ стали собираться любопытные. Бургомистръ въ мундирѣ проѣхалъ куда-то за городъ. Всѣ кругомъ говорили объ этомъ, и создавалось торжественное и немного страшное впечатлѣніе.

Библиотека "Руниверс"

Самихъ нѣмцевъ ждали безъ особаго страха и только съ нѣкоторымъ волненіемъ. Нѣмцы здѣсь никому не были въ диковину — въ этомъ Лебедевъ былъ совершенно правъ. Горожане постоянно имѣли дѣло съ толстыми Карлами Ивановичами и краснощекими бравыми, усатыми Генрихами Өедоровичами, которые постоянно наѣзжали сюда для покупокъ, для постройки новой пивной, для свиданья съ родственниками. Порубежные нѣмцы почти всѣ говорили по-русски и по-польски, и большинству горожанъ даже казалось странно: какъ будутъ воевать эти нѣмцы, и что вообще дѣлать здѣсь воюющимъ, — здѣсь, въ тихомъ, безобидномъ городкѣ, гдѣ и тѣни нѣтъ ничего военнаго?

Часа черезъ полтора послѣ появленія иностранныхъ всадниковъ въ городъ вступилъ небольшой нѣмецкій отрядъ. Катились, погромыхивая, два орудія. Запыленные солдаты въ покрытыхъ чехлами каскахъ тяжело отбивали по мостовой шагъ за шагомъ. На лошадяхъ ѣхали два офицера. Ихъ бритыя, съ закрученными вверхъ усами, лица были холодно-равнодушны, какъ у манекеновъ. Одинъ изъ нихъ подъѣхалъ къ кучкѣ зрителей и что-то спросилъ.

— Что онъ сказалъ? Что? — заговорили на другой сторонѣ улицы.

— Ничего. Просто спросилъ: гдѣ казаки?

— Зачѣмъ ему казаки понадобились? Какіе здѣсь казаки? — добродушно посмѣивались въ толпѣ.

Отрядъ прошелъ по одной улицѣ, по другой и разсѣялся въ городкѣ. Потомъ то здѣсь, то тамъ стали попадаться солдаты-нѣмцы: въ пивной, на рынкѣ, въ магазинѣ. Они вели себя скромно, не шумѣли, никого не обижали, и горожане стали успокаиваться. Все это совсѣмъ не походило на войну.

У Лебедевыхъ тоже воцарилось успокоеніе. Анна Павловна дала наконецъ убѣдить себя, что нѣмцы вовсе не страшны, и что война опасна только для того, кто непосредственно воюетъ. Особенно успокоило ее то обстоятельство, что Александръ Ивановичъ уступилъ ея просьбѣ и обѣщалъ выходить на улицу не въ форменномъ, а въ статскомъ платьѣ. Она сама купила ему шляпу, и Александръ Ивановичъ со смѣхомъ примѣрялъ ее передъ зеркаломъ.

— Такъ лучше, — говорила она. — Мнѣ сказывали, что въ формѣ теперь ходить опасно: нѣмцы могутъ подумать, что ты — военный. И что-нибудь сдѣлаютъ съ тобой.

Вечеромъ прислуга ходила смотрѣть нѣмцевъ. Кухарка и горничная вернулись домой возбужденныя и обиженныя и разсказывали, что солдаты — ничего, но офицеръ такой срамникъ, что и сказать совѣстно.

— Вотъ еще тоже! — обезпокоилась Анна Павловна.

— Пустяки, — разсмѣялся Лебедевъ. — Это обычный способъ воздѣйствія на мирное женское населеніе со стороны воюющей державы. Пускай наши сидятъ дома, а не бѣгаютъ на сторону.

Вечеръ прошелъ тихо и спокойно. Александръ Ивановичъ, покончивъ еще вчера со служебными обязанностями, не зналъ, чѣмъ заняться, и спозаранку улегся спать.

Ночью его разбудилъ какой-то смутный гулъ.

Онъ приподнялся съ постели. Анна Павловна не спала. Она сидѣла, полуодѣтая, на краю кровати и нервно дрожала.

— Что такое? — пробормоталъ Лебедевъ. — Что съ тобой?

Прерывающимся шопотомъ она промолвила:

— Стрѣляютъ... На улицѣ...

Лебедевъ вскочилъ и кинулся къ окну. Анна Павловна схватилась за него:

— Саша, ради Бога... не подходи къ окну!.. Страшно!.. Страшно, Саша!..

Она всхлипнула и упала на постель.

— Господи, Господи, что это такое?.. Что будетъ съ нами?.. Неужели насъ убьютъ? Господи, спаси и помилуй!..

За окнами ударилъ глухой выстрѣлъ. Потомъ другой. Словно что-то тяжелое, многопудовое подкатилось къ окнамъ и навалилось на домъ, такъ что домъ заскрипѣлъ и вздрогнулъ всѣмъ своимъ корпусомъ. На улицѣ блеснулъ яркій огонекъ, и что-то выстрѣлило по-другому, звонко и раскатисто, какъ ударъ фейерверочнаго бурака. Потомъ опять подкатился къ окнамъ глухой, всесокрушающій ударъ, и черезъ секунду снова блеснулъ надъ крышей сосѣдняго дома яркій огонекъ, и звякнулъ ударъ разорвавшагося снаряда.

У Лебедева зашевелились волосы на головѣ, и по спинѣ пробѣжалъ непріятный рѣзкій холодокъ. Анна Павловна рыдала, лежа ничкомъ на кровати.

„Вотъ она, война-то... — пронеслось у него въ головѣ. — Это ужъ, кажется, по-настоящему...“

Онъ не могъ дать себѣ отчета, что все это значитъ, и кто стрѣляетъ и въ кого?

Онъ сѣлъ рядомъ съ женой на кровать... Неужели смерть уже близка? Неужели сейчасъ она грянетъ здѣсь своимъ звенящимъ грохотомъ, окутаетъ удушливымъ дымомъ и убьетъ ее, его? Лебедевъ взглянулъ на жену — и ему стало смертельно жаль ея, и чувство острой, до боли жгучей, любви къ ней охватило его. Слезы градомъ покатились изъ его глазъ. И онъ, пожилой, уравновѣшенный и немного вялый человѣкъ, не плакавшій уже Богъ знаетъ сколько лѣтъ, плакалъ сейчасъ надъ нею горючими дѣтскими слезами и невольно молился, поднимая кверху заплаканные глаза:

— Господи, спаси насъ! Не дай, Господи, погибнуть!..

Такъ просидѣлъ онъ долгое время въ темнотѣ, приникнувъ къ рыдавшей женѣ. Выстрѣлы и огоньки разрывовъ прекратились. Послышалась мелкая ружейная трескотня, и подъ окнами прогремѣлъ копытами и звяканьемъ орудій военный отрядъ. Что-то кричали. Затѣмъ все смолкло. Наступила мертвая тишина, странная и необычная послѣ только-что пережитаго грохота.

Анна Павловна приподняла голову.

— Что это такое было? — спросила она.

— Не знаю, — отозвался Лебедевъ. — Стрѣляли изъ пушекъ. Но кто и въ кого, не понимаю. Можетъ-быть, наши подходили отбивать городъ...

Онъ вздохнулъ прерывистымъ нервнымъ вздохомъ и усмѣхнулся:

— А знаешь, Анюта, я оказываюсь порядочный трусъ. Никогда не думалъ, что пальба произведетъ на меня такое впечатлѣніе. Стыдно сознаться, а я струхнулъ... А вѣдь, въ сущности, это были, вѣроятно, какіе-нибудь пустяки съ военной-то точки зрѣнія... Напугали меня Карлы Иванычи! Стыдно!..

— Господи, какой ужасъ! — прошептала молодая женщина.

— Ничего, надо привыкать, — попробовалъ шутить Лебедевъ.

— Страшно, страшно!.. — твердила она. — Такая тоска, такая мука... Чѣмъ это все кончится?..

III.

Наутро городъ имѣлъ какой-то совсѣмъ особенный, тревожный видъ. По улицамъ взадъ и впередъ разъѣзжали патрули. На окраинѣ города догоралъ зажженный ночью домъ. Горожане испуганно жались къ стѣнамъ и къ заборамъ и шепотомъ передавали другъ другу, что ночью кто-то стрѣлялъ въ нѣмцевъ изъ того дома, что теперь догоралъ на окраинѣ. И что поэтому нѣмцы стрѣляли по городу. Говорили также, что утромъ около городской думы лежало нѣсколько человѣкъ убитыхъ, но ихъ куда-то убрали.

На главной улицѣ по столбамъ были расклеены объявленія на нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ отъ имени „коменданта города, майора Притвица“. Суконнымъ канцелярскимъ языкомъ майоръ Притвицъ объявлялъ, что „текущей ночью“ было произведено нѣсколько выстрѣловъ въ императорскія германскія войска, и что поэтому онъ, майоръ Притвицъ, считаетъ необходимымъ радикально измѣнить свое отношеніе къ жителямъ города и подвергнуть ихъ заслуженнымъ репрессіямъ. Далѣе говорилось, что городъ долженъ уплатить штрафъ въ сто тысячъ марокъ, а если нападенія на „императорскія германскія войска“ повторятся, то „каждый десятый человѣкъ изъ числа жителей города будетъ разстрѣлянъ“...

Горожане собирались группами около объявленій, читали и испуганно оглядывались. Говорили, что никакихъ выстрѣловъ изъ злополучнаго дома не было, а если и были, то стрѣляли сами же нѣмцы, потому что наканунѣ нѣмцы забрались въ этотъ, пустовавшій, покинутый владѣльцами, домъ и пьянствовали тамъ весь вечеръ... Но вслухъ объ этомъ говорить не рѣшались.

Говорили также, что нѣмцы схватили въ видѣ заложниковъ бургомистра, священника и раввина и грозились разстрѣлять ихъ, если штрафъ, наложенный на городъ, не будетъ уплаченъ въ теченіе этого дня. Напуганные люди молча читали страшное объявленіе и отходили, покачивая головами. Развѣ мыслимо было собрать въ теченіе одного дня такую сумму денегъ въ маленькомъ городѣ!..

Въ семействѣ Лебедевыхъ съ ужасомъ передавались подробности ночныхъ событій. Александръ Ивановичъ только головой покачивалъ, слушая все это. Онъ и половинѣ того не вѣрилъ, о чемъ разсказывали. Но Александру Ивановичу принесли и показали майорское объявленіе. И у него невольно опустились руки...

— Знаешь, Анюта, — сказалъ онъ женѣ: — этотъ майоръ Притвицъ, очевидно, спятилъ съ ума. Кто же доставитъ ему здѣсь такія деньги?

Осунувшаяся до неузнаваемости за ночь Анна Павловна ничего не отвѣтила. Ей казалось, что она сходитъ съ ума. Такъ страшно мѣнялась жизнь...

— Все это какая-то чепуха! — рѣшилъ Лебедевъ.

Онъ пообѣдалъ и прилегъ отдохнуть. Анна Павловна однако не могла ни на секунду успокоиться. Она ходила отъ окна къ окну, тревожно прислушивалась къ доносившимся съ улицы звукамъ, и ей казалось, что тамъ кто-то кричитъ, стонетъ, призываетъ на помощь. Пришла испуганная кухарка и задыхающимся шепотомъ сказала, что прибѣгалъ дворникъ и велѣлъ ни подъ какимъ видомъ не открывать оконъ на улицу — иначе будутъ въ окна стрѣлять... Ей показался на улицѣ знакомый профиль всадника въ каскѣ...

Сердце у нея все болѣе и болѣе сжимали тоска и тревога. Точно чья-то желѣзная, грубая рука медленно сдавливала его все сильнѣе и сильнѣе. Что будетъ дальше? Не лучше ли ужъ бросить все и убѣжать совсѣмъ изъ города? Уѣхали же многіе ихъ знакомые еще до объявленія войны, едва только почувствовалась возможность военныхъ дѣйствій. Надо бѣжать, пока не поздно... Что жъ изъ того, что Александръ Ивановичъ, какъ чиновникъ, обязанъ оставаться на своемъ посту, въ здѣшнемъ городѣ? Развѣ въ такое страшное время могутъ соблюдаться обязанности?

Она бросилась будить мужа.

Библиотека "Руниверс"

Въ передней позвонили.

Анна Павловна остановилась въ дверяхъ. Сердце у нея заколотилось такъ сильно, что она стала задыхаться. Звонокъ повторился. Звонила чья-то властная, не сомнѣвающаяся въ томъ, что отворятъ, рука.

Кухарка пробѣжала отперетъ. Анна Павловна, чуя недоброе, остановила ее:

— Не надо... Не отпирай!

За дверью раздался сердитый говоръ. И черезъ мгновеніе снаружи на дверь посыпались тяжелые удары. Пришедшіе люди ломали дверь.

Анна Павловна поняла, что сопротивляться невозможно. Она крикнула черезъ дверь:

— Не надо ломать! Я сейчасъ отворю!

Она повернула ключъ дрожащей рукой. Въ ней все замерло. Ощущеніе страшнаго сна, отъ котораго необходимо проснуться какъ можно скорѣе, снова охватило ее съ небывалой силой.

Дверь распахнулась, словно на нее дунулъ страшный порывъ урагана. Анна Павловна вдругъ съ особенной ясностью поняла это и вся похолодѣла и стояла, какъ скованная, не шевеля ни рукой ни ногой.

Ворвался—не вошелъ, а именно ворвался—офицеръ въ сѣрой шинели съ узкими погонами, съ револьвернымъ шнуромъ, въ каскѣ. Холодные, какъ у восковой куклы, глаза уставились на Лебедеву. И съ такимъ же мертвенно-холоднымъ выраженіемъ уставилось на нее поднятое имъ дуло револьвера.

— Гдѣ вашъ мужъ?—крикнулъ офицеръ по-нѣмецки.

— Я... я не понимаю...—пробормотала Анна Павловна.

— Мужъ!—крикнулъ офицеръ уже по-русски.

Вслѣдъ за офицеромъ вломились четверо или пятеро солдатъ съ красными, окаменѣвшими, безсмысленными лицами. Анна Павловна стояла, заломивъ руки, и молчала. Офицеръ грубо дернулъ ее за руку и раздраженно крикнулъ:

— Ведите насъ къ вашему мужу! Сію же минуту! Маршъ!

Анна Павловна, не помня себя, бросилась въ спальню. У нея мелькнула мысль, что надо предупредить мужа или хоть успокоить его, или просто быть съ нимъ вмѣстѣ... Но слѣдомъ за нею кинулась вся орда. Застучали подкованные сапоги, лязгали сабли... Ураганъ войны ворвался въ мирное жилище и закрутился въ немъ, кидаясь, какъ дикій звѣрь, на людей и на все окружающее.

Нѣмцы ворвались въ спальню, грубо стащили Александра Ивановича съ кровати, били его по спинѣ прикладами. Онъ даже не сопротивлялся спросонокъ. Онъ недоумѣвающе озирался кругомъ и бормоталъ:

— Что̀ такое? Господи, помилуй, что̀ это такое? Да что̀ вамъ надо?

Онъ не замѣчалъ жены. Она стояла въ сторонкѣ, уже плохо понимая, что̀ творится передъ нею. Какъ во снѣ, она видѣла добродушно-толстую фигуру мужа, трясущіяся руки, которыя онъ торопливо продѣвалъ въ рукава пиджака, не попадая въ нихъ, взлохмаченные со сна, порѣдѣвшіе волосы съ пробивавшейся сѣдиной... Офицеръ стоялъ посрединѣ комнаты, какъ истуканъ, перетянутый, съ утрированно вздернутыми плечами.

— Маршъ!—скомандовалъ онъ.

Лебедевъ, уже совсѣмъ одѣтый, придя въ себя, просто и спокойно пошелъ изъ комнаты. Не доходя до двери, онъ обернулся и увидѣлъ жену.

— Анюта, не безпокойся!—сказалъ онъ, улыбнувшись.

Съ дикимъ воплемъ она кинулась къ нему. Она хотѣла схватить и навсегда прижать къ себѣ его милую посѣдѣвшую голову, его лицо, его широкую, отяжелѣвшую фигуру... Что-то безконечно милое и дорогое и невозвратимое засвѣтилось для нея въ немъ, въ его глазахъ, въ смущенной улыбкѣ, въ покорно опущенной головѣ.

Солдатъ грубо схватилъ ее и швырнулъ въ сторону, словно щепку. Застучали подбитые гвоздями сапоги. Опять пронесся по дому ураганъ насилія, воплотившійся въ грубыхъ людей съ каменными лицами и мертвыми глазами. И все стихло. Незатворенныя, распахнутыя двери зіяли какимъ-то вопросительнымъ недоумѣніемъ. Такъ открываютъ широко свои глаза пораженные невиданнымъ и неожиданнымъ зрѣлищемъ люди... Домъ, гдѣ только-что совершилось безсмысленное насиліе, какъ бы спрашивалъ недоумѣвающе: „Что̀ это такое? Почему эти люди накинулись, какъ дикари, на мирнаго и беззащитнаго человѣка? Зачѣмъ они били его? Зачѣмъ швырнули, какъ мѣшокъ, его жену? Развѣ нужно было это дѣлать? Какой смыслъ въ этихъ нелѣпыхъ жестокостяхъ?“

Но отвѣта не было...

IV.

Александръ Ивановичъ не столько былъ испуганъ, сколько просто удивленъ этимъ неожиданнымъ приключеніемъ. Онъ чувствовалъ себя ни въ чемъ неповиннымъ даже съ нѣмецкой точки зрѣнія и не могъ понять, что̀ сдѣлалось съ нѣмцами, и почему они напустились на него съ такой непонятной грубостью и жестокостью? Ему думалось, что солдаты и лейтенанты вовсе не грубы и не дики по природѣ, но просто чувствуютъ себя обязанными соблюдать „стиль“ войны. Онъ даже почти не чувствовалъ себя оскорбленнымъ и былъ увѣренъ, что „недоразумѣніе“ весьма скоро разъяснится, и все кончится благополучно.

— Съ ума они всѣ спятили,—повторялъ онъ пришедшую ему сегодня въ голову фразу.—Честное слово, съ ума спятили...

Его привели въ гостиницу, гдѣ квартировалъ самъ комендантъ города.

Это былъ такой же сухой и чопорный манекенъ, какъ и лейтенантъ. Онъ окинулъ Лебедева мертвымъ взглядомъ и отрывисто спросилъ:

— Вы казначей?

— Да, казначей,—отвѣтилъ Александръ Ивановичъ.

— Вы должны немедленно представить намъ всю денежную наличность.

Александръ Ивановичъ поднялъ голову и весь подобрался. „А, вотъ что̀ тебѣ захотѣлось, нѣмчура!—пронеслось у него въ головѣ.—Нѣтъ, этого ты не дождешься...“

Какое-то особое, незнакомое прежде, чувство вдругъ охватило его. Въ этомъ чувствѣ тѣсно перемѣшались и спаялись въ одно цѣлое и чувство служебнаго долга, и ненависть къ насильничеству, и какой-то задоръ, не допускающій и мысли о томъ, чтобы врагъ и насильникъ получилъ для себя какую-либо выгоду...

— У меня ничего нѣтъ,—просто и спокойно возразилъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ вы будете разстрѣляны!—произнесъ комендантъ, отвернувшись въ сторону.

Александру Ивановичу стало почти смѣшно.

— Это довольно странный способъ добывать деньги,—произнесъ онъ, чуть-чуть улыбнувшись.

— Молчать!—крикнулъ офицеръ, покраснѣвъ и налившись до краевъ всего своего естества алой, какъ кровь, злобой.—Если вы не доставите сію же минуту денегъ, вы будете убиты, какъ собака!

— Я уничтожилъ, согласно распоряженію начальства, всѣ денежные знаки!—отчеканилъ Лебедевъ, прямо глядя въ каменное лицо пруссака.—У меня ничего нѣтъ.

Комендантъ скомандовалъ по-нѣмецки. Солдаты щелкнули ружьями, окружили Александра Ивановича и повели его.

Александръ Ивановичъ шелъ спокойно, не пытаясь и даже не думая сопротивляться. Ему только все кругомъ казалось какимъ-то необычнымъ и страннымъ. „Вѣдь все это я вижу въ послѣдній разъ,—подумалъ онъ.—Какъ странно...“

Онъ вспомнилъ о женѣ. На секунду сердце ему стиснула острая скорбь, но владѣвшее имъ новое чувство было такъ сильно и всеобъемлюще, что боль какъ-то сразу отошла отъ сердца. „Что̀ жъ?—подумалъ онъ:—не вѣкъ жить... А жили хорошо, любовно, непостыдно... Дай Богъ всякому!..“

Его привели на площадь къ магистрату и поставили около стѣнки къ пожарной части. Отсюда былъ виденъ почти весь городъ. И словно съ горы Александръ Ивановичъ вдругъ увидѣлъ и всю свою жизнь. Это была самая простая и обыкновенная жизнь, съ маленькими дѣлами, съ маленькими радостями и горестями... Онъ словно шелъ всю жизнь по узенькой и тѣсной улицѣ маленькаго городка—и вдругъ вышелъ на какой-то громадный и жуткій просторъ.

Солдаты стянули ему за спиной руки веревкой.

— Развяжите меня,—обратился онъ къ лейтенанту.

— Зачѣмъ?

— Перекреститься.

— Не зачѣмъ!—холодно бросилъ нѣмецкій офицеръ и отошелъ въ сторону.

Солдаты замѣшкались. Александръ Ивановичъ опять увидѣлъ передъ собой лейтенанта съ неестественно вздернутыми плечами.

— Комендантъ даруетъ вамъ жизнь,—произнесъ лейтенантъ напыщеннымъ тономъ:—если вы немедленно укажете, гдѣ деньги.

Лебедевъ вспыхнулъ и промолвилъ, подчеркивая каждое слово:

— Я не торгую своимъ служебнымъ долгомъ.

Офицеръ опять отошелъ въ сторону. Солдаты выстроились. Офицеръ помедлилъ секунды три-четыри и вдругъ быстро взмахнулъ саблей... Раздался залпъ...

Лебедевъ не упалъ. Онъ осѣлъ, словно подрѣзанный подъ ноги. Лейтенантъ подошелъ къ нему и сталъ разсматривать его. Затѣмъ вынулъ браунингъ и—такъ какъ ему еще не приходилось въ эту войну убивать людей—выстрѣлилъ въ високъ лежавшему на землѣ чиновнику. Выстрѣлилъ безъ всякой нужды, потому что Лебедевъ уже былъ мертвъ.

Темное небо опустилось къ землѣ. Шелъ дождь. Казалось, что вмѣстѣ съ этимъ дождемъ на землю ниспадаетъ кровавый дождь войны. Дождь убійствъ, насилій, злодѣяній, которымъ нѣтъ числа и названія... Война сѣяла изъ неисчерпаемой кошницы зла милліоны преступленій и бѣдствій...

Но въ отвѣтъ ей поднимался иной посѣвъ... Выростали изъ простыхъ и скромныхъ людей герои. Трусливые, робкіе, смирные поднимали головы, загорались священнымъ огнемъ всечеловѣческой любви и доблести, и геній мира поднималъ ихъ на неизмѣримую высоту и облекалъ въ ореолъ негаснущей славы.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ**. Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ**.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Библиотека "Руниверс"

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г. № 37

XLV г. изданія

Выданъ 13 сентября 1914 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ **за строку нонпарейль** въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): **передъ** текстомъ и на **первой** страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на **послѣдней** страницѣ **обложки 1 р. 50 к.**; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. В. Г. Короленко“ кн. 17.

ОТЪ ВСЕРОССІЙСКАГО ЗЕМСКАГО СОЮЗА.

Тѣсно сплотилась земская Русь. Она напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы облегчить страданія и прійти на помощь доблестнымъ защитникамъ родины. Война съ каждымъ днемъ увеличиваетъ число жертвъ, и съ каждымъ днемъ должна расти общественная помощь. Пусть же къ земствамъ примкнетъ все русское общество. Мы призываемъ его къ напряженію силъ и средствъ, къ дружному единенію съ Всероссійскимъ Земскимъ Союзомъ. Главноуполномоченный кн. *Львовъ*.

Пожертвованія деньгами и вещами принимаются въ Главномъ Управленіи Союза (Петровскія ворота, № 3) ежедневно во всякое время и во всѣхъ Губернскихъ и Уѣздныхъ земскихъ управахъ Россіи. 3-1 3223

ФОТОграфическіе снимки Испанскихъ и Французскихъ красавицъ. Русск. каталогъ 40 коп. почт. марками: Gennert, Calle Padua Barcelona (Испанія). 2999 13-13

РОЗЫ 600 СОРТОВЪ 150 НОВИНОКЪ
Ю·К·РОТЕ ОДЕССА
БОГАТО ИЛЛЮСТР. КАТАЛОГЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ДУХОВНАЯ МУЗЫКА.

Новости для **однородныхъ** хоровъ (дѣтскихъ или женскихъ, и мужскихъ):
Чесноковъ, П. 60 переложеній наиболѣе выдающихся сочиненій Чайковскаго, Гречанинова, Кастальскаго, Ипполитова-Иванова, Никольскаго, Черепнина и др. для однороднаго хора. Партитуры и голоса.
Крыловъ, П. Литургія св. Іоанна Златоуста. Партитура 2 р. 50 к. Голоса 2 р.
Каталогъ собственныхъ изданій безплатно.
3257 Общій полный каталогъ 20 к. 3-2
П. ЮРГЕНСОНЪ, Москва, Неглинный, 14.

7-4

РУБЕРОЙДЪ

ЛУЧШАЯ КРЫША и ИЗОЛЯЦІЯ
ЛУЧШАЯ ЗАМѢНА ТОЛЯ И ЖЕЛѢЗА, НЕ ТРЕБУЕТЪ НИ ОКРАСКИ, НИ РЕМОНТА.
Русск. Акц. О-во „РУБЕРОЙДЪ“
Петроградъ, Гороховая ул., № 13. Тел. 407-83.
Адр. для писемъ, почт. ящ. 227, для телегр. РУБЕРОЙДЪ ПЕТРОГРАДЪ.
2358 6-6

ЗАОЧНЫЕ, САМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ И ПРОЧИХЪ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ
— С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ —
МОСКВА, Староконюшенный, д. Курилко. 7
АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА / РУЧАТЕЛЬСТВО ВЪ УСПѢХѢ / ТЫСЯЧИ БЛАГОДАРН.
ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО УСЛОВІЯ ИЗУЧЕНІЯ КОММЕРЧЕСК. НАУКЪ ПО ПИСЬМЕННЫМЪ ЛЕКЦІЯМЪ, ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.
3137 16-2

БЕЗПЛАТНО! ВАЖНО ПРОВИНЦІИ!

НАШЪ СЕЗОННЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ послѣднихъ моделей дамскихъ пальто, костюмовъ, платьевъ, юбокъ, бѣлья, обуви, корсетовъ, хозяйствен. принадлежн. и многихъ другихъ интересныхъ предметовъ **ОТПЕЧАТАНЪ** и **разсылается всѣмъ иногороднимъ БЕЗПЛАТНО. Все иллюстрировано, все дешево, все ново!** Не откладывайте на завтра, требуйте выслать сегодня, **сейчасъ же, немедленно.** 3232 2-2

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ
ПАВЕЛЪ ОБОИМОВЪ,
Москва, Тверская, д. 30 12.

28-й годъ. Основан. въ 1886 году, разрѣшенные Начальствомъ **28-й годъ.**

КУРСЫ и БЮРО БУХГАЛТЕРІИ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ,

преподавателя бухгалтеріи московскаго учительскаго института.
МОСКВА, Тверская ул., уголъ Леонтьевскаго пер., д. № 33, бывш. Полякова. 3185 3-4
I-го СЕНТЯБРЯ НАЧАЛО ОБЩАГО КУРСА. Программы высылаются безплатно.
БУХГАЛТЕРІЯ ТОРГОВАЯ, БАНКОВАЯ, ФАБРИЧНАЯ, СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВ., ВИННОЙ МОНОПОЛІИ, ГОРОДСКИХЪ И ЗЕМСКИХЪ УПРАВЪ. ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА.
Въ текущемъ учебномъ году на курсахъ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ обучалось 486 человѣкъ, всего же за 27 лѣтъ—свыше 8,500 человѣкъ.
НА КУРСЫ ПРИНИМАЮТСЯ ЛИЦА ОБОЕГО ПОЛА, ВСЯКАГО ВОЗРАСТА и ОБРАЗОВАНІЯ.
СЕНТЯБРЬСКІЙ КУРСЪ ОСОБЕННО УДОБЕНЪ ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ.

Старческая дряхлость, артеріосклерозъ, переутомленіе, общая слабость послѣ перенесенныхъ болѣзней, послѣдствія алкоголизма и т. д., неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“, интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПрофессоръД-ръ ПЕЛЬ и С-вья. С.П.Б.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.
3193 17-9

Библиотека "Руниверс"

2 внутренній 5% съ выигр. Заемъ Гос. Банка 1866 г. 97 тиражъ 1-го сентября 1914 г.

ТИРАЖЪ ПОГАШЕНІЯ

билетовъ 2-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1866 г.

НУМЕРА СЕРІЙ, ВЫШЕДШИХЪ ВЪ ТИРАЖЪ.

(Каждая изъ нижеслѣдующихъ серій заключаетъ въ себѣ 50 билетовъ, съ № 1 по № 50 включительно).

31	835	1668	2746	3287	4372	4792	5529	6292	7182	7742	8388	9024	9498	10008	10643	11317	11866	12452	13207	14331	15600	16249	16744	17461	18147	18748	19523
50	847	1701	2769	3302	4482	4810	5575	6293	7186	7845	8475	9057	9528	10030	10706	11406	11912	12576	13336	14333	15713	16272	17061	17465	18178	18798	19546
64	942	1798	2783	3339	4522	4957	5601	6396	7236	7891	8531	9061	9595	10051	10713	11541	11929	12639	13442	14388	15798	16430	17100	17578	18226	18918	19677
93	967	2108	2825	3362	4533	4983	5735	6430	7327	7895	8537	9136	9786	10097	10776	11563	11930	12685	13447	14446	15894	16444	17130	17643	18229	19049	19708
223	1030	2123	2830	3384	4545	5028	5850	6522	7397	7966	8672	9144	9790	10129	10824	11629	11938	12698	13472	14454	15964	16449	17187	17683	18248	19149	19870
241	1035	2126	2843	3475	4554	5191	5922	6598	7489	7967	8678	9321	9795	10187	10892	11698	12032	12796	13530	14472	16015	16484	17216	17725	18308	19201	19896
318	1166	2249	2844	3503	4569	5278	5932	6672	7595	8092	8707	9345	9801	10339	10929	11707	12042	12972	13705	14617	16038	16501	17228	17734	18315	19236	
330	1283	2311	2902	3572	4627	5321	5990	6727	7638	8199	8824	9374	9820	10412	10950	11766	12122	13050	13817	14898	16111	16566	17236	17841	18476	19450	
699	1318	2337	2994	3784	4706	5343	6141	6829	7649	8244	8828	9380	9830	10467	11034	11767	12235	13083	13922	15014	16114	16631	17244	17871	18574	19454	
794	1377	2388	3092	3991	4711	5354	6214	7023	7673	8263	8893	9383	9947	10476	11125	11773	12257	13100	14003	15337	16122	16640	17281	17972	18617	19463	
800	1490	2438	3128	4291	4734	5380	6232	7087	7728	8282	8961	9439	9955	10502	11157	11851	12304	13105	14032	15436	16193	16656	17343	18084	18688	19493	
805	1638	2509	3213	4306	4780	5511	6255	7123	7737	8315	9008	9466	9977	10549	11219	11858	12320	13134	14048	15438	16195	16684	17449	18112	18726	19507	

Всего 330 серій, составляющихъ 16.500 билетовъ, на сумму 2.310.000 рублей.

Заочные ○ УРОКИ ○ безплатно **ГИТАРА** Тюмень, 2 ○ Тоб. губ. ○ Афромѣеву.

КУРСЫ Счетоводства **г. К. БУРЕНКО.** Первые частн. курсы въ Кіевѣ. На курс. прох. бухгалт., коммерч., банков. и фабр.-заводскую. Пріемъ лицъ обоего пола во всяк. время. Усл. и прогр. высыл. безпл. Кіевъ, Прорѣзная, № 16.
8231 5-2

АТТЕСТАТЪ Университета. золот. медали за почерки учениковъ. Въ **15 уроковъ** научаю **заочно красиво и скоро писать.** За 5 семик. марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условія. Одесса. Профес. Каллиграф. Адольфъ **КОССОДО**, Дерибасовская, д. № 19.

50.000.000

фруктовыхъ и лѣсныхъ деревьевъ приготовлено къ осенней продажѣ 3-хъ лѣтнія яблони отъ 15 руб., 4-5 л. отъ 19 руб. 50 коп. за 100. Прейсъ-куранты безплатно, руководство къ посадкѣ садовъ за 10 коп. высылаетъ

А. А. БЫХАНОВА съ С-ми,
2-2 Долгоруково, Орл. губ. 3206

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Купенъ, Анри. „ПРИЧУДЛИВЫЯ ЖИВОТНЫЯ“. Съ 211 рис. въ текстѣ. Пер. съ франц. женщины-врача **Е. Д. Вургафтъ.** Изящно изд. книга, 447 стр. больш. 8⁰, отпечатанная на прекрасн. бумагѣ. Ц. **3 р.**, съ перес. **3 р. 50 к.**; въ перепл. **3 р. 50 к.**, съ перес. **4 р.**

Новыя изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

ДВѢ КАРТЫ

ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

Подъ редакціей проф. **Ю. М. ШОКАЛЬСКАГО.**

1) ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА СРЕДНЕ-ЕВРОПЕЙСКАГО ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

(Россія, Франція, Англія, Бельгія, Австро-Венгрія и Германія), печатанная шестью красками, размѣромъ 82×120 сантиметровъ. Въ масштабѣ 1 : 2.100.000 (50 верстъ въ дюймѣ).

Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ всѣхъ (около 10.000) географическихъ названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія.

2) ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА ЮЖНАГО ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

(Россія, Франція, Англія, Сербія, Черногорія, Германія, Австро-Венгрія, Турція, Италія, Швейцарія, Греція, Болгарія, Румынія, Албанія), печатанная шестью красками, размѣромъ 80×90 сантиметровъ (50 верстъ въ дюймѣ).

Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ всѣхъ (свыше 9.000) географич. названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія.

Цѣна каждой картѣ одинъ рубль.

Иногородніе за пересылку не платятъ.

Требованія и деньги просимъ адресовать **въ Контору изданій Т-ва А. Ф. МАРКСЪ**, Петроградъ, улица Гоголя, № 22. Изданія эти имѣются также въ **конторѣ Н. Н. Печковской въ Москвѣ** (Петровскія линіи), въ кн. магазинѣ „Образованіе“ въ Одессѣ (Дерибасовская, 18) и во всѣхъ больш. книжн. магазинахъ.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Война за 300 лѣтъ. За послѣднія 300 лѣтъ на земномъ шарѣ произошло 1.700 вооруженныхъ столкновеній, изъ которыхъ на сушѣ было 1,044, морскихъ боевъ—122, осадъ—490 и капитуляцій—34.

Больше всѣхъ воевала Франція: 1,079 сраженій (652 на сушѣ, 63 на морѣ, 332 осады и 32 капитуляціи), второе мѣсто занимаетъ Австрія, затѣмъ—Англія, Пруссія, Испанія, Турція и затѣмъ уже Россія.

Въ 1,079 вооруженныхъ столкновеніяхъ Франція одержала 584 побѣды и потерпѣла 495 пораженій. На долю Англіи и Пруссіи приходится по 60 проц. побѣдъ, Австріи—42 проц. и Испаніи—36 проц.

Начиная съ 1600 года, Франція сражалась съ арміями 15 государствъ, при чемъ съ австрійскими войсками имѣла 262 вооруженныхъ столкновенія, потерпѣвъ 196 неудачъ. При встрѣчѣ съ англійскими войсками французы одерживали верхъ 120 разъ и 155 разъ были побѣждены Великобританіей. На долю побѣдъ французовъ надъ Испаніей падаетъ 119 при 45 неудачахъ. Съ Голландіей 93 при 63 неудачахъ.

Въ теченіе восьми войнъ между Франціей и Германіей, приведшихъ къ 307 вооруженнымъ столкновеніямъ, французы одержали 152 побѣды.

Изъ крѣпостей, бывшихъ наибольшее время въ осадномъ положеніи, дольше всѣхъ держался Гибралтаръ—1,167 дней, осаждавшійся съ 1810 по 1812 годъ англичанами; затѣмъ—Кадиксъ, сдавшійся лишь спустя 903 дня осады англо-испанской арміи; третье мѣсто занимаетъ Севастополь, сопротивлявшійся 346 дней; Кандія, защищаемая 20,000 венеціанцевъ противъ 130,000 турокъ, продержалась 228 дней; Портъ-Артуръ—221 день и Плевна—142 дня.

По числу жертвъ сраженій самое большое пало въ бояхъ при Мукденѣ: изъ 624,000 сражавшихся пало 138,000. При Седанѣ изъ 320,000 пало 122,000. Въ Бородинскомъ бою изъ 246,000 — 80,000. При Ваграмѣ изъ 290,000 — 63,000. Подъ Дрезденомъ изъ 300,000 — 50,000. Подъ Плевной изъ 163,000—50,000. При Аустерлицѣ изъ 148,000 —46,000. При Ватерлоо изъ 192,000—45,000 и при Сольферино изъ 273,000—39,000.

Право нейтралитета. Нейтралитетъ предполагаетъ соблюденіе двухъ принциповъ: невмѣшательства и неприкосновенности. Понятіе о нейтралитетѣ, какъ объ извѣстномъ правовомъ международномъ отношеніи, возникло въ XIV вѣкѣ, и нормировано примѣнительно къ торговлѣ актомъ Consolato del mare. Актъ этотъ установилъ слѣдующія правила: 1) грузъ непріятеля, находящійся на дружескомъ суднѣ, подлежитъ конфискаціи. Наоборотъ, дружескій грузъ на непріятельскомъ суднѣ конфискаціи не подлежитъ; 2) нейтральныя государства въ правѣ выкупить захваченное воюющими государствами судно. Въ дальнѣйшемъ, приблизительно въ XVI в., право нейтралитета начинаетъ разрабатываться болѣе подробно и пріобрѣтаетъ значеніе опредѣленнаго отношенія между воюющими державами съ одной стороны и невоюющими съ другой; толкованіе сущности нейтралитета въ то время допускало, при фактическомъ невмѣшательствѣ нейтральнаго государства въ войну, оказаніе имъ извѣстной помощи одной изъ воюющихъ сторонъ. Позднѣйшія постановленія, касающіяся нейтралитета (Парижскій миръ 1856 г. и мирная конференція), отвергли, однакоже, право частичной помощи воюющимъ со стороны нейтральныхъ государствъ и признали, что нейтралитетъ можетъ быть только полнымъ, безъ всякихъ изъятій и градацій. Съ этого момента понятіе о нейтралитетѣ окончательно отожествляется съ понятіями о неприкосновенности и невмѣшательствѣ. Отсюда, какъ логическое послѣдствіе, вытекаютъ слѣдующія положенія: 1) въ предѣлахъ нейтральнаго государства недопустимы никакія военныя дѣйствія воюющихъ сторонъ; 2) въ свою очередь нейтральное государство не въ правѣ вмѣшиваться въ военныя дѣйствія внѣ своей территоріи; 3) своимъ подданнымъ, состоящимъ на военной службѣ, нейтральное государство не должно разрѣшать участія въ войнѣ; частныя же лица имѣютъ право участвовать въ войнѣ, но при этомъ теряютъ свой нейтралитетъ; 4) нейтральное государство въ правѣ поддерживать дружескія отношенія съ обѣими воюющими сторонами.

Указанныя начала опредѣляютъ права и обязанности нейтральныхъ государствъ, заключающіяся въ слѣдующемъ: нейтральная территорія служитъ убѣжищемъ и охраною отъ военныхъ дѣйствій всѣхъ находящихся на ней вещей и лицъ. Поэтому на нейтральной территоріи не допускаются: вербовка солдатъ, снаряженіе каперовъ и т. д. Нейтральная территорія является неприкосновенною для воюющихъ; черезъ нее не разрѣшается передвиженіе ихъ войскъ, устройство призовыхъ судовъ воюющихъ и транспортъ военныхъ за-

Библиотека "Руниверс"

пасовъ. Согласно Гаагской конференціи 1899 г., черезъ нейтральную территорію допускается перевозка раненыхъ и больныхъ съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы вмѣстѣ съ ранеными не перевозился воинскій составъ на пополненіе армій. Это, такъ сказать, пассивная сторона нейтралитета. Активная же возлагаетъ на нейтральное государство слѣдующія обязанности: 1) разоружать перешедшіе границу его территоріи непріятельскіе отряды; 2) освобождать захваченныя въ предѣлахъ его территоріальныхъ водъ суда; 3) закрывать свои порты и гавани для судовъ воюющихъ державъ; 4) препятствовать воюющимъ злоупотреблять нейтральнымъ флагомъ, и 5) противодѣйствовать устройству на своей территоріи складовъ военной контрабанды.

Изъ приведеннаго ясно, что нынѣшняя война дала уже яркіе примѣры нарушеній Германіей нейтралитета съ одной стороны, и охрану его Бельгіей—съ другой.

Новый русскій національный флагъ. Министръ Императорскаго Двора увѣдомилъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, что Государь Императоръ всемилостивѣйше разрѣшить соизволилъ употребленіе новаго національнаго флага, символически изображающаго единеніе Царя съ народомъ.

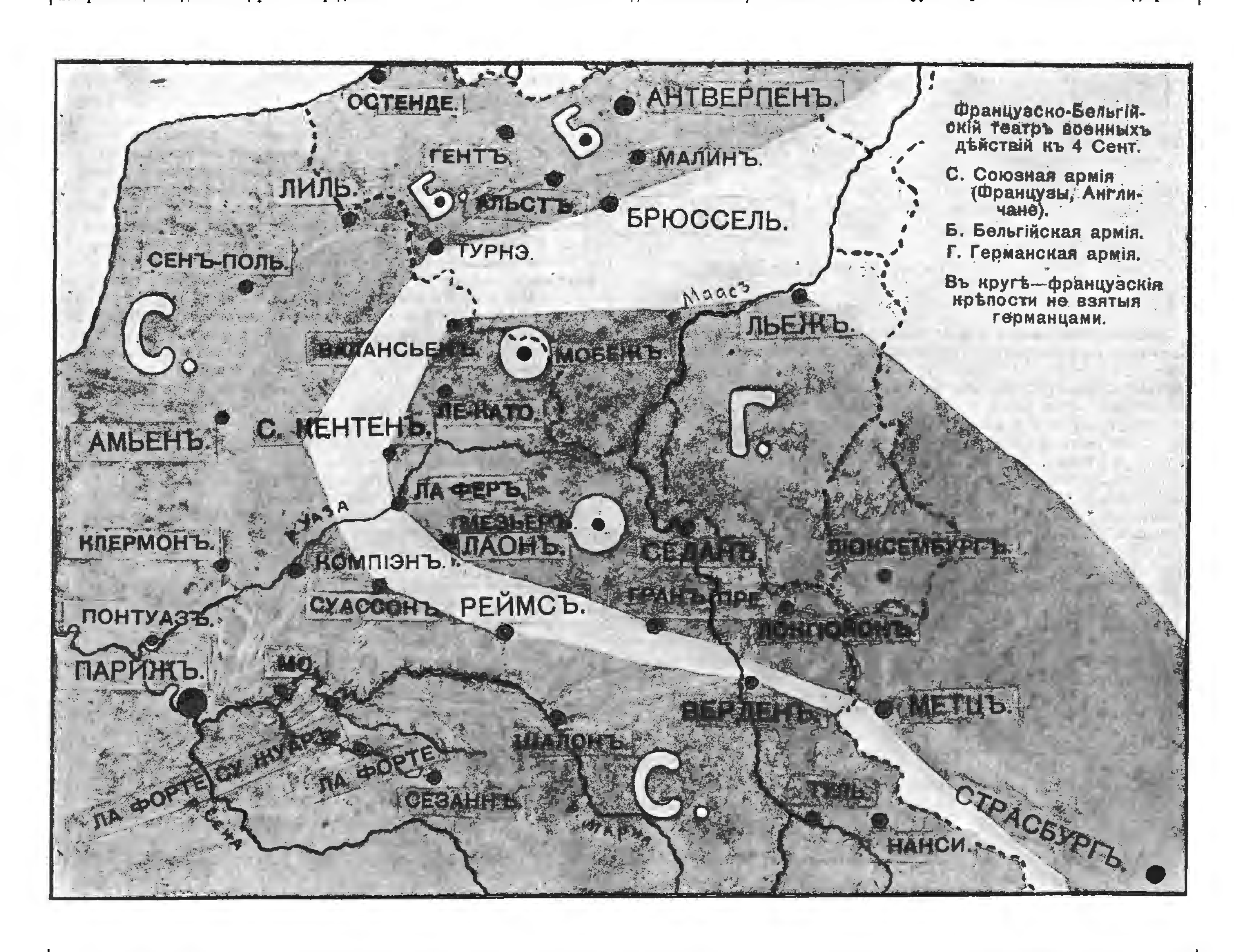
Рисунокъ новаго флага представляетъ сочетаніе Царскаго Штандарта съ національнымъ флагомъ.

Какъ и въ нынѣшнемъ національномъ флагѣ, здѣсь имѣются три полосы: бѣлая—вверху, синяя—посрединѣ и красная—внизу. Въ углу, у древка, на бѣлой полосѣ, на желтомъ фонѣ, красуется черный Государственный гербъ—двуглавый орелъ.

Желтый фонъ покрываетъ около четверти синей и бѣлой полосъ. Красная остается совершенно открытой.

Смерть-подвигъ Нестерова. Въ дополненіе къ сообщенію, помѣщенному въ «Откликахъ войны» въ № 36, приводимъ подробное описаніе геройской смерти Нестерова (портретъ на стр. 716):

Надъ нашей арміей появились австрійскіе аэропланы. 25 августа появилось три такихъ аэроплана, при чемъ съ одного брошена была фитильная бомба. Вдогонку полетѣлъ Нестеровъ, но его моторъ давалъ перебой, и австрійцы улетѣли. 26 августа непріятельскіе аэропланы вновь появились. Нестеровъ приказалъ готовиться и крикнулъ аппаратъ. Заработалъ пропеллеръ. Герой-летчикъ взвился на высоту 2.000 метровъ. Стоявшіе внизу скоро увидѣли, что Нестеровъ пронесся высоко надъ австрійскимъ аэропланомъ. Поравнявшись съ нимъ, Нестеровъ съ большой высоты обрушился на аппаратъ непріятеля, направивъ свой аэропланъ вертикально, носомъ внизъ. Наблюдавшіе съ замираніемъ сердца ожидали результата столкновенія. Нестеровъ мастерски пронесся и при помощи шасси своего аппарата подсѣкъ австрійскій. Послѣдній опрокинулся и стремительно сталъ падать на землю. Аппаратъ же Нестерова пронесся дальше. Затѣмъ спиралью онъ сталъ опускаться. Вырвался вздохъ облегченія. Значитъ Нестеровъ живъ; но въ тотъ же моментъ аппаратъ Нестерова рѣзко качнуло, и онъ сталъ стремительно падать, обгоняя по быстротѣ паденія непріятельскій аэропланъ. На лету изъ аппарата Нестерова выпала человѣческая фигура. Все перемѣшалось. Подбѣжавшимъ представилась такая картина. Моторъ аппарата Нестерова, сорвавшись съ петель, глубоко врѣзался въ землю. Повозка и крылья отброшены въ другую сторону. Въ серединѣ же лежалъ мертвый русскій герой. Невдалекѣ оказался разбитый австрійскій аэропланъ съ двумя убитыми летчиками. Возлѣ нихъ валялись двѣ бомбы. Выяснилось, что Нестеровъ блестяще выполнилъ намѣченный планъ. Ударомъ шасси онъ налету опрокинулъ непріятельскій аппаратъ и самъ благополучно пролетѣлъ мимо, но толчокъ отъ столкновенія былъ столь силенъ, что Нестерова качнуло. Онъ странно ударился спиной о сидѣнье своего аппарата и переломилъ позвоночникъ. Смерть была мгновенной. Аппаратъ же механически продолжалъ совершать данное ему направленіе спуска. При паденіи трупъ Нестерова получилъ лишь незначительное повреждение. Мѣсто паденія болотистое, съ зыбкой почвой. Трупъ героя съ почестями подобрали.



Подобраны также всѣ части аппарата. На мѣстѣ катастрофы водрузили бѣлый крестъ, отслужили первую панихиду. Похороны Нестерова, состоявшіяся 31 августа и собравшія нѣсколько тысячъ человѣкъ, носили очень торжественный характеръ. Въ военный Никольскій соборъ, гдѣ происходило отпѣваніе, прибыли Великая Княгиня Милица Николаевна съ Княземъ Романомъ Петровичемъ. Передъ отпѣваніемъ произнесъ рѣчь епископъ уманскій Димитрій, который назвалъ Нестерова вдохновеннымъ искателемъ новыхъ истинъ и новыхъ горизонтовъ, свято исполнившимъ свой долгъ и положившимъ душу свою за други своя.

Похороненъ Нестеровъ на Аскольдовой могилѣ на террасѣ, обращенной къ Днѣпру.

Успѣхи англійскихъ авіаторовъ. До войны высказывались въ печати опасенія, что Англія, обладающая міровымъ флотомъ, не сможетъ отстаивать свое островное положеніе подъ угрозой нападенія германскаго воздушнаго флота. До сихъ поръ считали, что англійскіе летчики занимаютъ очень скромное мѣсто въ ряду авіаторовъ другихъ великихъ державъ. Но оказалось, что англичане не уступаютъ мірового первенства въ воздушномъ флотѣ такъ же, какъ и въ морскомъ. 26 августа фельдмаршалъ сэръ Джонъ Френчъ получилъ слѣдующую телеграмму отъ генерала Жоффра:

«Примите особую мою благодарность за услуги, оказываемыя ежедневно британскими летчиками. Точность и аккуратность въ доставленіи ими свѣдѣній свидѣтельствуетъ объ отличной организаціи и дисциплинѣ».

Библиотека "Руниверс"

Мы Нѣмцы не боимся никого кромѣ Бога... и...

My Niemcy nie boimy się nikogo prócz Boga... i...

Карикатура изъ польскаго журнала «Муха».

Самоотверженный подвигъ русскаго солдата. При осмотрѣ санитарнаго поѣзда Верховный Главнокомандующій соизволилъ пожаловать рядовому Давиду Выжимокъ, изъ крестьянъ Полтавской губерніи, Георгіевскій крестъ 4-ой степени за слѣдующій подвигъ: Выжимокъ состоялъ вѣстовымъ у гусарскаго офицера, тяжело раненаго въ голову въ бою съ германскими войсками и оставленнаго на полѣ сраженія при отходѣ гусаръ. Выжимокъ, подъ сильнымъ огнемъ, разыскалъ своего офицера, состояніе котораго оказалось безнадежнымъ, и доставилъ его своимъ. Выжимокъ одинъ, скрываясь подъ мостами въ канавахъ отъ непріятельскихъ дозоровъ, несъ офицера подъ огнемъ на протяженіи 6-ти верстъ.

Посѣщая раненыхъ въ санитарныхъ поѣздахъ, останавливающихся близъ ставки, Верховный Главнокомандующій ежедневно знакомится съ такими проявленіями глубочайшей преданности русскаго солдата къ своему долгу и исключительной привязанности къ офицерамъ.

Герой обороны Льежа—генералъ Леманъ. Славнѣйшій изъ славныхъ — генералъ Леманъ увѣнчалъ своимъ геройствомъ великую эпопею защиты крѣпости Льежа. Паденіе Льежа произошло 4-го (17) августа.

Въ тотъ день командующій германской осадной арміей въ послѣдній разъ предложилъ генералу Леману сдать крѣпость. Генералъ отвѣтилъ на это предложеніе категорическимъ отказомъ. Въ это время, однако, положеніе крѣпости было безнадежно. Было немыслимо продержаться хотя бы одинъ часъ въ случаѣ возобновленія бомбардировки.

Тогда генералъ Леманъ заперся въ фортѣ Лозенъ, собралъ своихъ офицеровъ и, обратившись къ боевымъ товарищамъ, сказалъ:

«Вы храбро сражались за нашу дорогую родину. Борьба стала невозможной. Сопротивляться долѣе было бы безуміемъ. И такъ уже довольно пролито крови. Ваша воинская честь незапятнана. Пришелъ часъ намъ проститься и пожать другъ другу руки. Я рѣшилъ умереть здѣсь. Лозенъ будетъ моей могилой».

Офицеры, воодушевленные рѣчью командира, просили его продолжать бой, и всѣ поклялись умереть рядомъ съ нимъ.

Въ послѣдній разъ загремѣли орудія, сотрясая полуразрушенные бастіоны форта. Потомъ они замолчали. И вдругъ раздался ужасный взрывъ. Всѣ въ городѣ Льежѣ, видѣвшіе это, затрепетали отъ ужаса: генералъ Леманъ взорвалъ себя вмѣстѣ со своимъ фортомъ.

Но желанію героя не суждено было исполниться.

Изъ всѣхъ своихъ товарищей онъ одинъ уцѣлѣлъ подъ обломками развалинъ. Истекающій кровью, онъ еще дышалъ. Его подобрали нѣмцы, и быть-можетъ жизнь его еще будетъ спасена заботливымъ уходомъ, въ которомъ ему не отказываютъ даже враги. Даже Вильгельмъ, отдавая дань уваженія такому противнику, приказалъ возвратить генералу Леману его саблю.

Изъ плѣна генералъ Леманъ послалъ своему королю письмо, которое ярко рисуетъ его героическій образъ:

«Послѣ цѣлаго ряда упорныхъ боевъ 22-го, 23-го и 24-го іюля я пришелъ къ заключенію, что форты Льежа могутъ играть лишь роль временной задержки. Тѣмъ не менѣе, я сохранилъ военное управленіе, дабы не нарушать согласованности оборонительныхъ мѣръ и оказать нравственное воздѣйствіе на духъ гарнизона. Я находился съ 24-го іюля на фортѣ Лозенъ. Вчера этотъ фортъ былъ взорванъ, при чемъ большая часть гарнизона погибла подъ развалинами. Я былъ вынесенъ изъ форта, гдѣ я отравился пороховыми газами, и былъ отнесенъ въ траншею, гдѣ германскій капитанъ далъ мнѣ пить и взялъ меня въ плѣнъ. Мое письмо написано небрежно, организмъ мой расшатанъ взрывомъ. Высоко чтя наше оружіе, я не сдавалъ ни крѣпости, ни фортовъ. Благоволите простить меня, государь! Всѣ мои помыслы всегда съ Бельгіей и съ моимъ королемъ. Я охотно бы отдалъ свою жизнь за нихъ, но мнѣ не дано было умереть».

Полученіе вѣстей объ убитыхъ и раненыхъ. Главный Штабъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе полученную 28-го августа отъ начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго телеграмму слѣдующаго содержанія:

«Начальнику Главнаго Штаба.

Неполученіе изъ арміи свѣдѣній объ убитыхъ и раненыхъ естественно вызываетъ среди родныхъ и близкихъ волненія и безпокойство. Со стороны подлежащихъ штабовъ приняты всевозможныя мѣры къ сообщенію этихъ свѣдѣній; однако, по условіямъ боевой обстановки это является весьма трудно осуществимымъ. Для выясненія, насколько возможно разсчитывать на правильную постановку означеннаго вопроса въ соотвѣтствіе съ сдѣланными по нему распоряженіями, былъ командированъ въ армію дежурный генералъ при Верховномъ Главнокомандующемъ. Этой командировкой выяснилось, что войска, находясь непрерывно третью недѣлю въ упорныхъ кровопролитныхъ бояхъ, соединенныхъ часто съ усиленными маршами, положительно не въ состояніи сообщать поименныя свѣдѣнія объ убитыхъ и раненыхъ. При первой возможности всѣ потери будутъ приведены въ извѣстность и въ должной полнотѣ сообщены Главному Штабу и подлежащимъ мѣстнымъ органамъ. Прошу распоряженія объ оглашеніи вышеизложеннаго во всеобщее свѣдѣніе, дабы внести въ среду населенія возможное успокоеніе».

Какъ узнать имена убитыхъ? У насъ уже сообщалось, что изъ Бельгіи отправлено въ Германію 62,000 аллюминіевыхъ дощечекъ съ именами и фамиліями убитыхъ нѣмецкихъ солдатъ. Такіе способы регистраціи солдатъ введены почти во всѣхъ арміяхъ съ тою только разницей, что въ однихъ имена и фамиліи, съ указаніемъ войсковой части, записываются на особыхъ дощечкахъ, какъ, напримѣръ, у германцевъ, въ другихъ эти данныя вышиваются на шинеляхъ, фуражкахъ и т. п., или зашиваются въ особыя ладонки, которыя солдаты носятъ на шеѣ. У многихъ казаковъ ихъ имена и фамиліи выгравированы на серьгахъ, которыя они носятъ въ правомъ ухѣ.

Ознакомленіе населенія съ ходомъ войны. Въ Кіевской губерніи шесть уѣздныхъ земскихъ управъ сдѣлали добрый починъ, взявъ на себя распространеніе среди населенія бюллетеней петроградскаго телеграфнаго агентства о ходѣ военныхъ дѣйствій. Согласилась также на это и губернская управа. Въ разосланномъ по этому поводу новомъ циркулярѣ губернатора говорится, что бюллетени будутъ сообщаться агентствомъ управамъ безплатно по телеграфу, а управами — уже на свой счетъ — бюллетени должны быть отпечатаны и распространены по волостямъ и селеніямъ. Если управы признаютъ почему-либо невозможнымъ печатать бюллетени въ типографіяхъ, имъ предоставляется печатать ихъ на гектографахъ и другихъ множительныхъ аппаратовъ.

Къ врачамъ всего міра. Московскіе врачи обратились къ врачамъ всего міра со слѣдующимъ воззваніемъ, подписаннымъ сотнями врачей:

«Велики ужасы войны!

Но для народовъ, стоящихъ на высотѣ современной цивилизаціи, война не можетъ быть средствомъ грубаго и окончательнаго уничтоженія народовъ и культуры.

Въ современной общечеловѣческой культурѣ существуютъ такія области, нравственно-научные устои которыхъ никакой войной поколеблены быть не могутъ.

Къ такимъ областямъ относятся, прежде всего, наша врачебная наука и нашъ врачебный долгъ, въ силу котораго мы, врачи, призваны нести помощь и облегченіе всѣмъ безъ исключенія страждущимъ и больнымъ. Эта единственная, конечная цѣль объединяетъ всѣхъ врачей міра въ одно цѣлое, въ одно братство, въ одинъ союзъ, основной догматъ котораго ясно выраженъ въ приносимой врачами присягѣ.

Какой же ужасъ и негодованіе испытали мы, русскіе врачи, когда дошли до насъ свѣдѣнія о томъ положеніи, въ которомъ очутились наши больные въ Германіи и Австріи, о тѣхъ пріемахъ обращенія, которымъ мы въ первое время не хотѣли даже вѣрить.

Мы, передовѣряя нашихъ больныхъ врачамъ Германіи и Австріи, несемъ нравственную отвѣтственность во всей ея полнотѣ. Мы отправляемъ сотни тысячъ нашихъ больныхъ въ германскіе и австрійскіе курорты, думая, что передаемъ ихъ въ вѣрныя руки культурныхъ врачей, и что наши больные, при помощи знанія и гуманнаго отношенія этихъ врачей, получатъ облегченіе ихъ физическихъ и нравственныхъ страданій.

Мы никогда не допускали и мысли, что можетъ наступить такой моментъ, когда врачебная присяга и сознаніе врачебнаго долга потеряютъ для врача всякое значеніе.

Между тѣмъ, со времени объявленія войны этотъ невѣроятный моментъ, очевидно, наступилъ.

Наши больные, захваченные войной въ Германіи и Австріи, попали въ самыя ужасныя физическія и нравственныя условія. Многіе навсегда потеряли здоровье, а многихъ уже нѣтъ. Къ страданіямъ этихъ несчастныхъ присоединились мученія оставшихся дома родителей, дѣтей, близкихъ.

Врачебный долгъ властно требуетъ отъ насъ поднять голосъ въ защиту больныхъ.

Пусть нѣмецкіе врачи дадутъ отвѣтъ передъ лицомъ всего врачебнаго міра. Были ли приняты ими мѣры къ облегченію участи русскихъ больныхъ? Нашли ли русскіе больные защиту у нѣмецкихъ врачей въ это тяжелое время? Мы ждемъ отвѣта на эти вопросы.

Мы требуемъ отъ нѣмецкихъ врачей принятія немедленно мѣръ къ тому, чтобы русскіе больные, оставшіеся еще въ Германіи и Австріи, безъ различія пола и возраста, получили бы полную возможность возвращенія на родину.

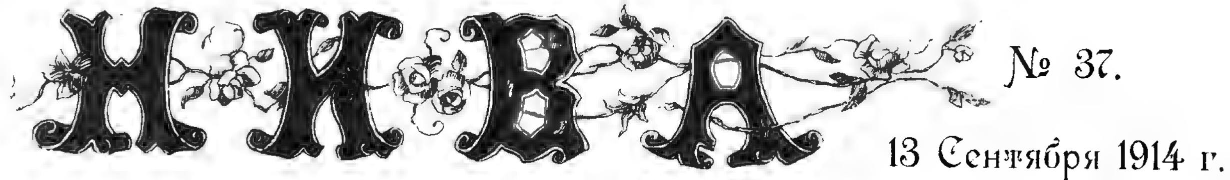
Привлекая къ позорному столбу всѣхъ, забывшихъ свою врачебную присягу, мы въ то же время протягиваемъ руку всѣмъ исполнившимъ свой долгъ и стремившимся облегчить участь несчастныхъ больныхъ».

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1914 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложеніями: Безъ дост. въ Петроградѣ 6 р. 50 к., съ дост. 7 р. 50 к.; съ перес. по всей Россіи: на годъ 8 р., на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Библиотека "Руниверс"

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.



№ 37.

13 Сентября 1914 г.

Великая Княгиня Елисавета Θеодоровна.

Государыня Императрица Александра Θеодоровна.

Великая Княжна Ольга Николаевна.

Великая Княгиня Марія Павловна.

Августѣйшія Предсѣдательница и Вице-Предсѣдательницы Верховнаго Совѣта по призрѣнію семей лицъ, призванныхъ на войну, и семей раненыхъ и павшихъ воиновъ, Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Θеодоровна и Ихъ Императорскія Высочества Великая Княгиня Елисавета Θеодоровна и Великая Княжна Ольга Николаевна и Высочайше назначенная главной руководительницей устройства и призрѣнія всѣхъ раненыхъ въ Петроградѣ Великая Княгиня Марія Павловна.

Библиотека "Руниверс"

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко кн. 17".

Генералъ-отъ-инфантеріи Н. В. Рузскій. Высочайше награжденный орденами Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й и 3-й степеней.

Воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго.

Народы Австро-Венгріи!

Вѣнское правительство объявило Россіи войну за то, что Россія, вѣрная своимъ историческимъ завѣтамъ, не могла оставить беззащитной Сербію и допустить ея порабощеніе.

Народы Австро-Венгріи!

Вступая во главѣ россійскаго войска въ предѣлы Австро-Венгріи, Именемъ Великаго Русскаго Царя объявляю вамъ, что Россія, не разъ уже проливавшая кровь за освобожденіе народовъ отъ иноземнаго ига, ничего иного не ищетъ, кромѣ возстановленія права и справедливости. Вамъ, народы Австро-Венгріи, она также несетъ теперь свободу и осуществленіе вашихъ народныхъ вожделѣній.

Австро-венгерское правительство вѣками сѣяло между вами раздоры и вражду, ибо только на вашей розни зиждилась его власть надъ вами.

Россія, напротивъ, стремится только къ одному: чтобы каждый изъ васъ могъ развиваться и благоденствовать, храня драгоцѣнное достояніе отцовъ — языкъ и вѣру, и, объединенный съ родными братьями, жить въ мирѣ и согласіи съ сосѣдями, уважая ихъ самобытность.

Увѣренный, что вы будете всѣми силами содѣйствовать достиженію этой цѣли, призываю васъ встрѣчать русскія войска, какъ вѣрныхъ друзей и борцовъ за ваши лучшіе идеалы.

Верховный Главнокомандующій,
Генералъ-Адъютантъ *Николай*.

Августъ 1914 года.

Великая Европейская война.

(Хроника военныхъ дѣйствій).

Почти одновременно и на западномъ и на восточномъ фронтахъ Германія и Австрія потерпѣли тяжелое пораженіе: милліонная австрійская армія послѣ напряженныхъ 17-дневныхъ боевъ была сначала расщеплена на три части, а затѣмъ по частямъ окончательно разбита русскими на всемъ протяженіи отъ Люблина до Львова и въ безпорядкѣ бѣжала на правый берегъ болотистой рѣки-Сана съ потерей около 250.000 плѣнными, множества пушекъ и пулеметовъ, обозовъ, зарядныхъ ящиковъ и пр., а германская армія, еще болѣе крупная по численности корпусовъ, приблизившаяся на 40 километровъ къ Парижу, оказалась не въ силахъ преодолѣть сопротивленіе защищавшихъ его союзныхъ англо-французскихъ войскъ и, повернувъ назадъ, стала поспѣшно отступать къ бельгійской границѣ по опустошеннымъ ею же самой провинціямъ. Германское отступленіе сопровождается безпрерывными арьергардными боями съ преслѣдующимъ непріятелемъ, и хотя совершается въ относительномъ порядкѣ, но не безъ потерь артиллеріи. По дошедшимъ уже офиціальнымъ свѣдѣніямъ, англичане отбили у отступающихъ нѣмцевъ 11 орудій, французы захватили всю артиллерію германскаго корпуса въ количествѣ 160 пушекъ. Этотъ значительный успѣхъ французовъ сильно затруднитъ дальнѣйшую боевую службу потерявшаго свою артиллерію корпуса. Французы блестяще выиграли гран-

Трофеи войны. Австрійскія пушки, взятыя нашими войсками подъ Львовомъ и привезенныя въ Москву

Библиотека "Руниверс"

діозное сраженіе на огромномъ фронтѣ Парижъ — Верденъ, и выиграли его благодаря стойкости своего центра и явному превосходству тонкихъ стратегическихъ расчетовъ своего талантливаго генералиссимуса. Кутузовскій планъ удался генералу Жоффру даже больше, чѣмъ самому Кутузову: соотвѣтствующее Бородинскому бою сраженіе подъ Парижемъ закончилось отступленіемъ наступающаго непріятеля, и защитникамъ страны не пришлось отдавать на разгромъ свою столицу. При выяснившейся невозможности прорвать французскій центръ, фланговые обходы союзниками угрожали германской арміи неизбѣжною гибелью. Для парированія ихъ армія нѣмецкаго генерала фонъ-Клука была вынуждена перестроить свой фронтъ почти перпендикулярно къ линіи прежняго наступленія: но такъ какъ обходъ ея продолжался новыми силами, искусно стянутыми Жоффромъ, то ей ничего не оставалось больше, какъ спѣшно отступать въ возможно бóльшемъ порядкѣ. Онъ не вездѣ былъ

Знамя одного изъ венгерскихъ полковъ, взятое нашими войсками.

соблюденъ, благодаря большой торопливости, о которой свидѣтельствуетъ захватъ непріятелемъ канцеляріи штаба съ массою документовъ и переписки. Одному изъ наиболѣе выдающихся французскихъ полководцевъ, генералу По, не такъ давно уничтожившему цѣлый нѣмецкій корпусъ, удалось захватить въ плѣнъ 11.000 германцевъ. Армія кронпринца и армія генерала фонъ-Клука находились одно время въ весьма критическомъ положеніи, но успѣли благополучно выйти изъ него благодаря быстрому передвиженію на сѣверъ. Однако попытки германцевъ задержаться на оборонительныхъ позиціяхъ около Реймса и по рѣкѣ Энъ между Компьеномъ и Суассономъ не удались. Всѣ переправы черезъ рѣку быстро были захвачены союзниками. Армія кронпринца пробовала прорваться на востокъ между Тулемъ и Верденомъ возлѣ форта Тройонъ, но тоже неудачно. Главная опасность отступленія заключается въ необходимости производить его постепенно суживающимся фронтомъ, проходя вблизи оставшихся невзятыми французскихъ крѣпостей, подъ огнемъ дѣлающихъ вылазки гарнизоновъ. Французы изъ Вердена и бельгійцы изъ Антверпена бьютъ въ тылъ и флангъ проходящіе германскіе полки. Полный крахъ всего германскаго наступленія на Парижъ не можетъ не оказать своего вліянія на дальнѣйшій ходъ и исходъ всей кампаніи. Кровавая прогулка къ Парижу, оставшись безплодной, стоила нѣмцамъ очень дорого. Англійскіе источники исчисляютъ

Генералъ-лейтенантъ Радко-Димитріевъ, Высочайше награжденный орденомъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й степени за отличіе въ дѣлахъ противъ непріятеля.

общее количество нѣмецкихъ потерь въ безпрерывныхъ бояхъ отъ Льежа до Парижа въ колоссальную сумму: до 600.000 выбывшихъ изъ строя. Оставшіеся въ строю страшно истощены и утомлены напряженными двухмѣсячными переходами съ неизбѣжными при передвиженіяхъ массовыхъ армій голодовками и безсонницами. Неудача убила въ ихъ сердцахъ вѣру въ побѣду, а безъ вѣры въ побѣду нѣтъ подъема духа, нѣтъ героизма, нѣтъ и шансовъ на успѣхъ. Если Вильгельму не удалось разгромить Францію въ первые мѣсяцы войны, пока еще не закончилась русская мобилизація, то теперь, когда на восточной границѣ Германіи успѣла вырасти грозная армія, уже на голову разбившая милліонную армію австрійцевъ, повтореніе новаго похода на Парижъ представляется уже немыслимымъ. Нѣмцамъ впору позаботиться только о защитѣ своей собственной территоріи. Въ самый разгаръ боевъ на западномъ фронтѣ они были вынуждены нашимъ вторженіемъ въ Восточную Пруссію оттянуть на подкрѣпленіе тѣснимыхъ нами восточныхъ корпусовъ свыше 300.000 штыковъ. Теперь выясняется,

Трофеи войны. Австрійское дальнобойное орудіе.

Библиотека "Руниверс"

Извѣстный авіаторъ штабсъ-капитанъ П. Н. Нестеровъ, погибшій геройской смертью въ воздушномъ бою съ австрійскимъ авіаторомъ при подходѣ нашихъ войскъ къ гор. Львову. Прахъ героя торжественно погребенъ 31 августа въ Кіевѣ, на Аскольдовой могилѣ. (См. „Отклики войны“).

Пѣснь о Нестеровѣ.

Въ безбрежности неба, въ безкрайности ясной пустыни
Сражались лишь птицы и гибли лишь птицы донынѣ.
Такъ птицѣ подобный, полетъ свой направивъ могучій,
Унесся пилотъ легкокрылый за темныя тучи.
А тамъ, на землѣ, колыхаясь, знамена шумѣли,
И лязгали сабли, и пушки зловѣще гремѣли.
И пламенно богу войны посылалъ онъ молитвы;
И очи горѣли и звали и жаждали битвы...
Величіе духа въ равнинѣ обманчиво-зыбкой.
Презрѣніе смерти подъ свѣтлою солнца улыбкой...
Мольбы не напрасны. Велѣнію рока послушный,
Противникъ ужъ рѣетъ кругами въ стихіи воздушной.
И дрогнуло сердце. Рука, какъ пружина стальная,
На руль налегла. Встрепенулась машина живая...
Чти, родина, память героя! Рѣшенье созрѣло.
Мгновенье—и врѣзался дерзко онъ въ хрупкое тѣло.
Пощады не знаетъ стихія. Побѣда наградой...
И пали противники грузной и странной громадой...
Въ безбрежности неба, въ безкрайности ясной пустыни
Лишь птицы сражались и гибли лишь птицы донынѣ.

Вл. Черевковъ.

что побѣдоносное вторженіе арміи генерала Ренненкамфа имѣло своею цѣлью и своимъ результатомъ главнымъ образомъ косвенную помощь далекимъ союзникамъ, изнемогавшимъ подъ тяжестью численнаго превосходства нѣмцевъ. Располагай генералъ фонъ-Клукъ подъ Парижемъ лишними 300.000 войска, обходъ его арміи былъ бы невозможнымъ, и ему не пришлось бы отступать къ германскимъ границамъ. Ударомъ на Гумбинненъ, Алленштейнъ въ направленіи къ Кёнигсбергу мы выручили изнемогавшихъ союзниковъ. Необходимость сосредоточить всѣ свободныя силы на главномъ для насъ пунктѣ борьбы съ Австріею заставила насъ временно ослабить свою армію на прусскомъ фронтѣ; но одержанная нами рѣшительная побѣда по всей линіи Люблинъ—Красноставъ—Лащево — Томашовъ — Львовъ — Галичъ—Миколаевъ—Рава Русская — Стрый, сопровождавшаяся занятіемъ Галиціи и Буковины, наполовину развязываетъ намъ руки. Молніеносное взятіе чрезвычайно сильно укрѣпленной крѣпости Миколаева, а затѣмъ Городка, расположеннаго въ 30 верстахъ западнѣе Львова, указываетъ на полную надломленность духа австрійцевъ.

Неудача германскаго нашествія на Францію и разгромъ Австріи ставятъ Германію между трехъ огней, дѣлаетъ задачу ея самозащиты невыносимо трудной, почти безнадежной. Борьба будетъ чрезвычайно упорной и настойчивой, но можно надѣяться, что уже заранѣе выясняющаяся безплодность сопротивленія приведетъ къ окончанію кроваваго кошмара войны несравненно скорѣе, чѣмъ разсчитываютъ профессіональные стратеги и дипломаты.

Послѣ долгаго періода времени, отдѣляющаго насъ отъ эпохи Суворова и Кутузова, мы съ гордой радостью чувствуемъ не только превосходство русскаго солдата надъ непріятельскимъ, но также и неоспоримое превосходство русскаго командного состава надъ нѣмецкимъ и австрійскимъ. Слава одержанныхъ побѣдъ, героическая скромность реляцій, отсутствіе какихъ-либо преувеличеній въ оцѣнкѣ дѣйствительнаго положенія устанавливаютъ неразрывную духовную связь полнаго нравственнаго довѣрія между страною и Главою арміи и рождаютъ въ милліонахъ русскихъ сердецъ непоколебимую вѣру въ свѣтлое будущее, въ торжество руководящей Россіей идеи права и справедливости.

Бульдогъ-гонецъ подъ Льежемъ. Фотографъ-корреспондентъ «Daily Miror» разсказываетъ случай, который порадуетъ всѣхъ друзей животныхъ. Лейтенантъ бельгійской артиллеріи, руководившій обороной одного изъ фортовъ Льежа, ни за что не хотѣлъ разстаться съ своей собакой—бульдогомъ. Когда пруссаки пробрались между фортовъ въ самый городъ, офицеру пришло въ голову довѣрить бульдогу письмо, въ которомъ онъ посылалъ успокоительную вѣсть своимъ родителямъ. Благородный песъ честно исполнилъ свою миссію. Десять часовъ спустя бульдогъ проникъ обратно въ фортъ и принесъ отвѣтъ. Съ этого момента бульдогъ сталъ настоящимъ гонцомъ. Много разъ пробирался онъ черезъ линіи германскихъ войскъ, неся на себѣ спрятанными въ ошейникѣ шифрованныя депеши.

Герой обороны Льежа—генералъ Леманъ, взорвавшій фортъ вмѣстѣ съ послѣдними защитниками крѣпости и единственный изъ всѣхъ уцѣлѣвшій подъ обломками развалинъ. Въ безсознательномъ состояніи онъ былъ взятъ въ плѣнъ германцами, и императоръ Вильгельмъ, отдавая дань уваженія доблестному врагу, приказалъ возвратить генералу Леману его саблю. (См. „Отклики войны“).

Библиотека "Руниверс"

Великая литургія.

Повѣсть **И. Н. Потапенко.**

Перепечатка воспрещается.

I.

Къ кожевенному заводу, строенія котораго, вмѣстѣ съ жилыми для управляющаго и другихъ служащихъ, представляли цѣлый небольшой поселокъ, верстахъ въ семи отъ губернскаго города,—къ главнымъ воротамъ подкатила нарядная коляска, запряженная парой сѣрыхъ рысаковъ въ богатой серебряной русской упряжкѣ. Живописный кучеръ съ окладистой сѣдой бородой, одѣтый въ синій кафтанъ и восьмиугольную шапку, съ разгону остановилъ лошадей.

Хромой привратникъ, сидѣвшій на лавкѣ за воротами, узнавъ лошадей, кучера и коляску, вскочилъ съ мѣста и засуетился около воротъ, желая, очевидно, растворить ихъ, но сидѣвшій въ коляскѣ господинъ, въ желтомъ пиджакѣ изъ англійскаго шелка, въ соломенной шляпѣ, сдѣлалъ ему знакъ рукой и для поясненія еще крикнулъ глухимъ и сиповатымъ голосомъ:—Стой! Стой! Не надо!— и привратникъ остановился, снялъ съ головы фуражку и окаменѣлъ.

Это однако случилось съ нимъ не отъ изумленія и не отъ страха, и вообще какое бы то ни было чувство не играло въ этомъ никакой роли. А просто—пріѣхалъ на заводъ самъ хозяинъ, Григорій Аѳанасьевичъ Осмоленко, и хромому сторожу Ермолаю казалось, что уваженіе къ хозяину лучше нельзя выразить, какъ окаменѣніемъ.

Но это продолжалось не болѣе полуминуты. Замѣтивъ со стороны хозяина намѣреніе вылѣзть изъ коляски, Ермолай ожилъ, прыжкомъ приблизился къ коляскѣ и началъ со всею, доступною ему, деликатностью оказывать ему содѣйствіе.

Оно было необходимо, такъ какъ Осмоленко былъ тученъ и, при сравнительно небольшомъ ростѣ, имѣлъ жирный и тяжелый животъ, который мѣшалъ ему свободно распоряжаться своей особой.

— Спасибо, братецъ...—промолвилъ хозяинъ, когда послѣ нѣкоторыхъ усилій, благополучно сошелъ на землю.—Оттонъ Оттоновичъ здѣсь?

Онъ при этомъ указалъ на заводъ палкой, которую держалъ въ правой рукѣ и которая помогала ему сохранять равновѣсіе.

— Такъ точно, Григорій Аѳанасьевичъ, оны, Антонъ Антоновичъ, издѣсь!—отвѣтилъ Ермолай.

— Экой ты остолопъ! Оттонъ Оттоновичъ, говорю... Управляющій. Тутъ, на заводѣ?

— Такъ точно: Антонъ Антоновичъ! Оны сами тутъ...

Осмоленко махнулъ рукой и двинулся къ калиткѣ, которую распахнулъ передъ нимъ Ермолай. Онъ уже много лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ къ нему на заводъ поступилъ управляющимъ великій спеціалистъ по кожевенному дѣлу, Оттонъ Оттоновичъ Шлихенсонъ,—всѣми силами боролся противъ упорнаго общаго нежеланія или, вѣрнѣе, неумѣнья настоящимъ образомъ произносить его имя. „Оттонъ Оттоновичъ“ никому изъ рабочихъ не давался, даже не всѣ мастера и приказчики могли справиться съ нимъ, и всѣ называли его Антономъ Антоновичемъ, искренно не видя въ этомъ никакой разницы. Что же касается фамиліи, то ее передѣлали такимъ образомъ, что она сдѣлалась бранньмъ словомъ, и рабочіе произносили ее только въ своемъ кругу.

Григорій Аѳанасьевичъ вошелъ въ заводскій дворъ, и въ ту же минуту на него пахнуло непріятнымъ густымъ запахомъ кожи; но онъ такъ былъ озабоченъ своими мыслями и такъ спѣшилъ съ ними въ контору, гдѣ надѣялся застать Шлихенсона, что не обратилъ на это вниманія. Обыкновенно, проходя по двору, онъ закрывалъ рукою носъ, теперь же обошелся безъ этой мѣры.

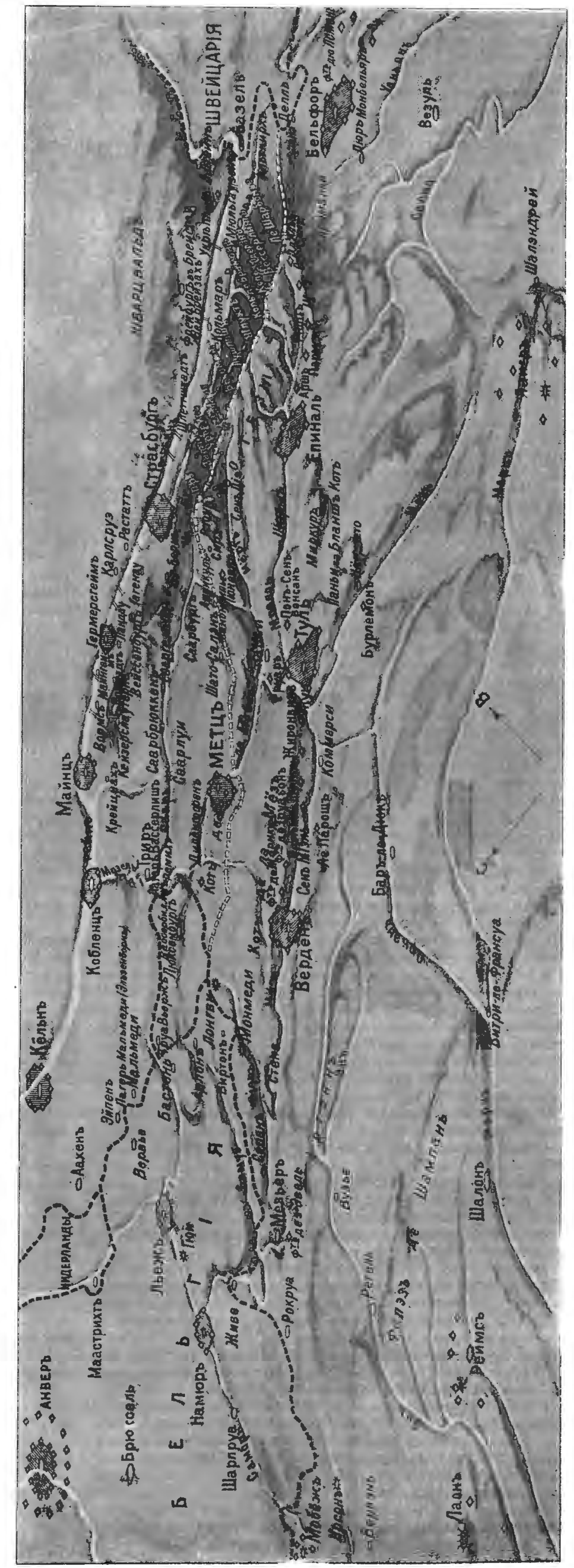
Въ конторѣ, въ первой комнатѣ, служащіе при внезапномъ появленіи самого хозяина, заглядывавшаго сюда довольно рѣдко, стремительно поднялись съ своихъ мѣстъ, а Григорій Аѳанасьевичъ кивалъ головой въ обѣ стороны и благожелательно говорилъ:

— Здравствуйте, здравствуйте, господа! Оттонъ Оттоновичъ тамъ?

— Они въ кабинетѣ,—въ одинъ голосъ отвѣтили ему конторскіе служащіе.

Онъ вошелъ въ кабинетъ управляющаго. Оттонъ Оттоновичъ, высокій, сухощавый, съ длиннымъ бритымъ лицомъ, съ густыми упругими волосами, сидѣлъ за письменнымъ столомъ, погруженный въ работу. При видѣ вошедшаго Григорія Аѳанасьевича, онъ положилъ карандашъ, поднялся и вышелъ изъ-за стола.

— Рѣдкій гость у насъ!.. Совсѣмъ забыли насъ, Гри-



Великая европейская война. Рельефная карта западнаго театра военныхъ дѣйствій (Бельгія, Франція, Германія).

Библиотека "Руниверс"

горій Аѳанасьевичъ, ну, такъ, словно бы и заводъ не вашъ! — сказалъ онъ правильнымъ русскимъ языкомъ, очень твердо отчеканивая каждый слогъ, и пожалъ при этомъ протянутую ему толстую руку хозяина.

— Вполнѣ довѣряю вамъ, милѣйшій Оттонъ Оттоновичъ, оттого это!—отвѣтилъ хозяинъ и съ видомъ усталости, такъ какъ его утомилъ переходъ черезъ довольно длинный дворъ, съ подъемомъ во второй этажъ, опустился въ кресло.—А теперь вотъ пріѣхалъ по дѣлу серьезному и важному,—продолжалъ онъ.—Будьте любезны притворить дверь, Оттонъ Оттоновичъ...

И когда Шлихенсонъ, нѣсколько озабоченный важностью дѣла, ради котораго пріѣхалъ Осмоленко, исполнилъ его просьбу, сказалъ:

— Присядьте, Оттонъ Оттоновичъ!

Тотъ сѣлъ на стулъ рядомъ съ нимъ, предположивъ, что разговоръ будетъ конфиденціальный и тихій. И не ошибся: Осмоленко заговорилъ почти шепотомъ, при чемъ, благодаря ожирѣнію голосовыхъ связокъ, въ горлѣ у него по временамъ какъ бы что-то клокотало.

— Я сейчасъ изъ города. Получено извѣстіе, что объявлена война...

— Кому? Кѣмъ? — еще довольно спокойно спросилъ управляющій.

— Намъ объявлена Германіей, Оттонъ Оттоновичъ.

— Что вы говорите? Этого не можетъ быть. Вы неправильно сообщили, Григорій Аѳанасьевичъ...

— Ну, какъ неправильно, когда я прямо отъ губернатора и отъ него самого узналъ. Война объявлена, имѣется уже манифестъ и приказъ объ общей мобилизаціи...

Тутъ ужъ Оттонъ Оттоновичъ повѣрилъ и вскочилъ съ мѣста и заметался:

— Такъ это жъ... Такъ это жъ... Ужасно! Это значитъ, все дѣло бросай... Война. О! Это не игрушка! Она шутить не любитъ...

Конечно, и Осмоленко понималъ, что война дѣло серьезное, но все же ему казалось, что Оттонъ Оттоновичъ взволновался больше, чѣмъ это вызывается обстоятельствами. Но онъ объяснилъ это его нервностью и неожиданностью извѣстія и продолжалъ прерванную нить разговора:

— Шутить она не будетъ, Оттонъ Оттоновичъ, это вѣрно. Но и мы — люди серьезные и постараемся принять свои мѣры. Я затѣмъ и пріѣхалъ, чтобы заблаговременно, — понимаете?..

Но Шлихенсонъ не понималъ. Какія мѣры и противъ чего хочетъ принимать Осмоленко? Тому, что встревожило его самого, никакія мѣры не помогутъ.

— Такъ вотъ, видите ли,—продолжалъ Григорій Аѳанасьевичъ:— призываются запасные, и, по всей вѣроятности, будутъ призваны и ратники. Ну, значитъ, нужно сейчасъ же всѣхъ опросить и составить списокъ призываемыхъ...

— А что же изъ этого выйдетъ?

— А то выйдетъ, что мы будемъ знать, на кого махнуть рукой, а о комъ позаботиться. Плохихъ работниковъ мы всегда замѣнимъ, а хорошихъ, разумѣется, не отпустимъ.

— Да какъ же вы можете не отпустить, Григорій Аѳанасьевичъ?

— Ну, какъ? Извѣстно, какъ! Вѣдь все-таки я не кто-нибудь, а Осмоленко. Въ городѣ больницу недаромъ же я построилъ, и школу и церковь при ней. Да и мало ли еще что! Э, да однимъ словомъ — ужъ похлопочемъ. Нельзя, чтобы заводъ остановился. Мы не игрушки какія-нибудь производимъ, а кожу. А кожа нужна и во время войны... А? Какъ вы полагаете? Ну, такъ вотъ, сдѣлайте этотъ списокъ и пришлите мнѣ. И въ немъ обозначьте, кто наиболѣе необходимъ для дѣла... А затѣмъ я ѣду... Если бъ вы видѣли, что дѣлается въ городѣ! Стонъ стоитъ. На улицахъ толпы ходятъ, кричатъ, потрясаютъ...

— Что они кричатъ, Григорій Аѳанасьевичъ?—какъ-то опасливо спросилъ управляющій.

— А всякое тамъ! „Да здравствуетъ Франція и Англія!“ „Долой нѣмцевъ!“

— А вѣдь я нѣмецъ, Григорій Аѳанасьевичъ...

— Ну, какой же вы нѣмецъ, Оттонъ Оттоновичъ! Вы — бывшій нѣмецъ, а это не считается. Хорошъ нѣмецъ, который пятнадцать лѣтъ мнетъ русскую кожу и не выѣзжалъ изъ Россіи... Ну, такъ до свиданія. Жду списка!

Онъ пожалъ руку управляющаго, но тотъ проводилъ его черезъ первую комнату, гдѣ опять почтительно вставали служащіе, черезъ дворъ, за ворота, гдѣ помогъ своему толстому хозяину взобраться въ экипажъ. Осмоленко покатилъ по направленію къ городу.

Шлихенсонъ же вернулся въ контору, и когда онъ проходилъ черезъ первую комнату, то всѣ видѣли, что онъ чѣмъ-то взволнованъ, какъ никогда еще. Лицо его вдругъ осунулось, и глаза лихорадочно блестѣли. О, онъ вовсе не былъ такъ наивенъ, чтобы успокоиться на замѣчаніи Осмоленко: „бывшій нѣмецъ“. Онъ, конечно, далеко отошелъ отъ своего нѣмецкаго отечества и, если говорить правду, не питаетъ къ нему никакихъ нѣжныхъ чувствъ, а предпочитаетъ вотъ этотъ губернскій городъ и этотъ заводъ, который хорошо кормитъ его.

Но все-таки онъ — Шлихенсонъ, Оттонъ Шлихенсонъ, и главное, главное, — чего, должно-быть, не принялъ въ счетъ Осмоленко, — онъ все еще германскій подданный. Онъ этого почему-то не сказалъ хозяину, то-есть не напомнилъ, — потому что никогда вѣдь не дѣлалъ изъ этого секрета. Было у него какое-то чувство опасенія, что-то какъ будто пронеслось въ воздухѣ.

Но было нѣчто еще и поважнѣе. Оттонъ Оттоновичъ не претендовалъ на симпатіи со стороны служащихъ завода. Онъ управлялъ желѣзной рукой, не прощалъ ни малѣйшей оплошности. Весь авторитетъ его былъ основанъ на страхѣ. Благодаря этому, заводъ работалъ блестяще, изъ каждаго служащаго онъ извлекалъ все, что тотъ могъ дать, и Осмоленко, получавшій прекрасный доходъ, могъ только одобрять его систему. Недаромъ Григорій Аѳанасьевичъ гонялся за нимъ нѣсколько лѣтъ, ухаживалъ и соблазнялъ высокимъ жалованьемъ и процентомъ. Восемь лѣтъ тому назадъ ему-таки удалось переманить Шлихенсона съ другого завода, и съ тѣхъ поръ дѣла его пошли неузнаваемо блестяще.

Оттонъ Оттоновичъ позвалъ старшаго конторщика Ливанова и приказалъ ему изготовить списокъ. — Только не дѣлайте изъ этого никакой исторіи, — прибавилъ онъ внушительно. Онъ не объяснилъ, зачѣмъ понадобился списокъ, а конторщикъ не посмѣлъ спросить и только удивился.

Самъ же Оттонъ Оттоновичъ сейчасъ же велѣлъ заложить одноколку и поѣхалъ въ городъ. Проѣзжая по улицамъ, онъ видѣлъ тамъ и здѣсь кучки народа. Шли куда-то, останавливались, кричали. Шлихенсону было не до того, онъ страшно торопился. Однакоже до его слуха долетали слова, которыхъ, въ сущности, онъ разобрать не могъ, но ему показалось, что это были именно тѣ самыя и такъ испугавшія его слова, о которыхъ упомянулъ Осмоленко. „Долой нѣмцевъ!“ — послышалось ему, и онъ дернулъ вожжами, поощряя лошадь бѣжать быстрѣе.

Онъ удалился отъ центральныхъ мѣстъ и въ одной изъ небольшихъ чистенькихъ улицъ повернулъ къ двухъэтажному дому. У воротъ стояло четверо полицейскихъ, видимо, охраняя входъ. Онъ выскочилъ изъ экипажа и двинулся къ воротамъ, надъ которыми обыкновенно висѣла вывѣска, гласившая, что здѣсь помѣщается германское консульство. Но теперь этой вывѣски тамъ не оказалось. Очевидно, она была снята. Полицейскіе опросили его.

— Я—Шлихенсонъ, германскій подданный, — сказалъ Оттонъ Оттоновичъ и самъ сейчасъ же испугался своихъ словъ, такъ они странно прозвучали въ обстановкѣ этого дня. Но ничего страшнаго не случилось. Его пропустили безпрепятственно. „А можетъ-быть, не выпустятъ“,—мелькнуло у него въ головѣ.

Онъ вошелъ во дворъ, затѣмъ въ квартиру въ первомъ этажѣ. Тутъ онъ засталъ жаркую работу: укладывали вещи и бумаги, упаковывали ящики, стучали молотками... Перебрасывались отрывочными фразами по-нѣмецки.

Оттона Оттоновича здѣсь всѣ знали, тутъ были у него пріятели, въ числѣ которыхъ былъ и самъ консулъ. Но консула увидѣть ему не удалось. Онъ былъ занятъ важными послѣдними распоряженіями. Да и вообще всѣмъ было не до него. У всѣхъ были угрюмыя, недовольныя, сердитыя лица. Люди эти обжились въ городѣ, обзавелись имуществомъ, семьями; большинство, можетъ-быть, разсчитывало окончить здѣсь свою жизнь. И вотъ нужно тащиться вонъ.

Съ нимъ говорили непривѣтливо, но все-таки напоминали ему о томъ, о чемъ онъ больше всего хотѣлъ забыть, и отъ чего лицо его сдѣлалось желтымъ. Да, больше пятнадцати лѣтъ тому назадъ онъ на своей первой родинѣ былъ солдатомъ. Теперь ему сорокъ лѣтъ, онъ въ запасѣ. И вотъ оказывается, что на немъ лежитъ долгъ: явиться туда для военной службы. И это нужно сдѣлать сейчасъ, немедленно, чуть-что не сію минуту, иначе — на этотъ счетъ ему насказали страшныхъ вещей. При малѣйшемъ промедленіи его здѣсь арестуютъ и посадятъ въ тюрьму, а можетъ-быть, и гораздо хуже. И притомъ у консульскихъ нѣмцевъ былъ такой зловѣщій видъ, что Шлихенсонъ перепугался на-смерть.

Очень разстроенный вышелъ Шлихенсонъ изъ консульства и былъ изумленъ, что полицейскіе, стоявшіе у воротъ, его не арестовали и предоставили ему сѣсть въ пролетку и ѣхать, куда ему угодно.

А куда онъ могъ поѣхать при такихъ обстоятельствахъ? Въ городѣ теперь онъ всего боялся. Его тутъ знаютъ сотни людей, среди нихъ не мало пріятелей, но, можетъ-быть, эти самые пріятели теперь ходятъ въ толпѣ и кричатъ: „Долой нѣмцевъ!“ Да и всѣ остальные... Ему казалось, что у него на лицѣ написано: „германскій подданный“, и стоитъ только взглянуть на него, какъ всѣмъ это станетъ ясно.

Такъ что же, въ самомъ дѣлѣ, уложить вещи, забрать семью и мчаться туда, за рубежъ? Да ни за что! У него тутъ имѣется земля и садъ и домъ, онъ тутъ пустилъ корни. Онъ—здѣшній, здѣшній! Съ какой же стати онъ будетъ куда-то уѣзжать? Долгъ? Но почему это его долгъ?.. Онъ спеціалистъ по кожевенной части, онъ это отлично умѣетъ дѣлать, а больше ничего не умѣетъ.

И, конечно, онъ рѣшилъ ѣхать къ Григорію Аѳанасьевичу. Что онъ сдѣлаетъ, это ужъ онъ самъ знаетъ. Но сдѣлаетъ что-нибудь. О, этотъ человѣкъ тутъ, въ городѣ, все можетъ. Недаромъ онъ и говорилъ такъ самоувѣренно о служащихъ.

И одноколка Оттона Оттоновича повернула за городъ, гдѣ, на окраинѣ, окруженный великолѣпнымъ садомъ, красовался лѣтній домъ Осмоленко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Герои-станичники.

(Изъ эпизодовъ войны).

Г. Полилова.

Перепечатка воспрещается.

I.

Лѣтнія сумерки сгрудились надъ экономiей; день еще боролся съ ночью, но послѣдняя осиливала.

Очертанія построекъ мало-по-малу сглаживались и исчезали въ полумракѣ; громадныя старинныя деревья принимали небывалые размѣры. Видъ всей мѣстности измѣнился.

Половина полей была уже убрана, оставались еще позднія яровыя, за уборку которыхъ предстояло вскорѣ приняться.

Лѣто было жаркое съ перепадавшими кой-когда дождями, и урожай выдался хорошій.

Работники въ экономіи, вернувшись съ полей, ужинали въ большомъ сараѣ, — въ избу забираться было душно. Туда же сошлись и дивчата. Не слышно было ни смѣха ни веселаго разговора. Кто-то разсказывалъ, остальные внимательно слушали, стараясь не проронить ни слова.

— Вотъ онъ обозлился, что воли ему надъ сербяками не даютъ, и пошелъ,—степенно разсказывалъ рыжій Грицко, старый пасѣчникъ, считавшійся среди рабочихъ наиболѣе свѣдущимъ и бравшимъ у управляющаго для чтенія газетку.

— А что жъ, дядя Грицай, сюды онъ не придетъ?—съ любопытствомъ, тараща глаза на стараго разсказчика, спросилъ молодой парень.

— Кто его знаетъ, ему воли не закажешь; самъ, поди, знаешь, что на самой границѣ сидимъ. И кавалерія и инфантерія у него имѣется, автомобили тоже ходятъ. Возьметъ да и шаркнетъ.

— Ну, чего ему тутъ дѣлать-то!—окликнулся другой работникъ.—Не видалъ онъ, что ли, экономій? Онъ прямо въ городъ направится,—тамъ богатыхъ много.

Лихая атака. Рисунокъ **И. Владимірова.**

— Сказывай тоже!—послышался негодующій протестъ пожилого работника Аркадія.—Статочное ли дѣло, чтобы его въ городъ-то пустили! Тамъ и войско и пушки.

— Прость ты больно, дядя Аркадій! Разбери-ка насъ: у насъ два казака въ стражникахъ имѣются, за нами блюдутъ, да и мы сами не малыя ребята, кто съ косой, кто съ топоромъ,—все отстоимъ!

— А въ самомъ дѣлѣ, гдѣ наши охранители-то? — оглядывая ужинающихъ, спросилъ рыжій пасѣчникъ.

— Да они пораньше поѣли и въ объѣздъ пошли,—отозвалась вся загорѣвшая отъ солнца, какъ негритянка, стряпка Ганка. — Даве все другъ съ другомъ что-то шептались, пистоли свои чистили, саблюшки вострили.

— Э-э, — протянулъ Аркадій и, захвативъ деревянной ложкой изъ стоявшей передъ нимъ миски кусокъ говядины, сталъ прожевывать ее бѣлыми крѣпкими зубами. — Должно, звѣря чуютъ. Казачки — народъ дошлый.

— На скрипкѣ бы теперь вдарить, пѣсню спѣть, — тоскливо проговорилъ молодой черноватый парень Казиміръ.

— Ну, ну, объ этомъ и думать не стоитъ: — время не то, и впрямь какъ бы австріякъ сюда не набѣжалъ! Сиди работай зубами да помалкивай! — наставительно сказалъ Грицко.

Не долог рабочій ужинъ. Усталыя спины просятся на покой, утомленныя руки и ноги требуютъ отдыха.

Стали стлаться на полу на соломѣ, полной еще аромата полей. Стряпка и другая работница помоложе спѣшно прибирали миски, ложки и рушники со стола. Гдѣ-то въ углу слышалась тихая молитва Аркадія. Онъ былъ изъ средней губерніи и не ложился и не вставалъ никогда, не прочитавъ молитвы. Ему вторилъ старый Грицко, перемѣшивая слова молитвы. Затѣмъ оба старика распрощались, и рыжій пчеловодъ отправился къ себѣ на пасѣку.

Скоро въ сараѣ все затихло, только слышалось сопѣніе работниковъ да громкій храпъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Погасли огни и въ домѣ управляющаго. Вся экономія погрузилась въ сонъ.

II.

Короткія сумерки давно уже смѣнились мглистой ночью. На югѣ день быстро смежается съ такой темнотой.

Два полевыхъ сторожа, служащіе въ экономіи, казаки Зонтiевъ и Біевъ, на низкорослыхъ мастачкахъ, попыхивая трубочками, тихо ѣхали по старинной аллеѣ, состоявшей изъ вѣковыхъ вязовъ и каштановъ. Изрѣдка они перекидывались словами, но тихо, вполголоса, чутко прислушиваясь къ каждому шороху, доносившемуся со стороны лѣса и поля.

Знаетъ казакъ свою обязанность, нѣтъ лучшаго сторожа на свѣтѣ, какъ наши станичники.

— А что, братику, не проѣхать ли намъ по опушкѣ, а тамъ свернемъ краемъ поля, да вокругъ ударимъ, — дѣловито замѣтилъ Біевъ. Послѣдній ничего не отвѣтилъ товарищу, и они, свернувъ съ широкой аллеи, пробрались межъ кустарниковъ и пошли опушкой.

Здѣсь вниманіе обоихъ сторожей еще болѣе усилилось: они жадно ловили ухомъ каждое дуновеніе воздуха.

— Взаправду думаешь, что австріякъ сюда придетъ?—спросилъ Біевъ.

Зонтiевъ наклонился къ нему ближе и повелительнымъ голосомъ замѣтилъ:

— Чего глотку дерешь! Помалкивай, слышь!

Этого замѣчанія было достаточно для того, чтобы они, какъ змѣи, соскользнули съ сѣделъ и, не выпуская изъ рукъ поводовъ, приникли ухомъ къ землѣ.

Казацкая опытность не обманула сторожей.

Земля чуть слышно гудѣла отъ топота ногъ.

— Идутъ, должно, много людей, — чуть слышно замѣтилъ Біевъ.

Молча, они вскочили на лошадей и, стараясь не дѣлать шума, понеслись вдоль лѣса по мягкой тропинкѣ.

Прошло около двадцати минутъ, пока они добрались до другого конца перелѣска и стали снова слушать.

На этотъ разъ имъ было ясно приближеніе довольно большого отряда. Слышалось даже металлическое бряцаніе сабель и ружейныхъ стволовъ.

Библиотека "Руниверс"

— Что жь, братику, будемъ дѣлать? Вепэлошимъ, что ли, рабочихъ?—спросилъ Зонтіевъ.

— Нѣтъ, не стоитъ, пока безъ нихъ обойдемся,— спокойно отозвался другой казакъ и, повернувъ лошадь, той же дорогой направился къ лѣсной просѣкѣ, чрезъ которую пролегалъ путь къ экономіи.

Казаки знали, что австрійцы непремѣнно должны пройти здѣсь. Они отошли во время своей поѣздки отъ экономіи версты на три. Лѣсъ былъ густой, темная ночь благопріятствовала отважнымъ станичникамъ.

— Ты, братику, возьми коняку въ поводъ да ступай по ту сторону дороги, а я здѣсь засяду. Какъ пойдутъ австріяки проклятые, такъ и зачнемъ въ нихъ палить,— сказалъ Біевъ.—Только смотри, жалѣй патроновъ, цѣлься ловчѣй!

— Знаю, дядько,—послышался отвѣтъ Зонтіева.

Они замолчали, ожидая съ нетерпѣніемъ, когда отрядъ австрійцевъ подойдетъ ближе.

III.

Тишина ночи, безлюдность заставляли австрійцевъ предполагать, что приходъ ихъ явится для всѣхъ неожиданнымъ. Вышли они довольно поздно вечеромъ и шли навѣрняка по хорошо размѣченнымъ картамъ, зная, что первой остановкой для нихъ будетъ богатая экономія, гдѣ они смогутъ основаться, и разсчитывали не встрѣтить сопротивленія, такъ какъ знали, что русскихъ войскъ здѣсь не было.

Высокій худощавый майоръ, ведшій отрядъ, шелъ рядомъ съ молодымъ поручикомъ изъ мадьяръ, жаждавшихъ поскорѣе сразиться съ русскими.

— Постоимъ здѣсь до завтрашняго дня, тѣмъ временемъ подойдутъ къ намъ подкрѣпленія, тогда и ударимъ всѣ вмѣстѣ на русскихъ,—съ довольнымъ видомъ говорилъ майоръ.

— Покажемъ мы этимъ русскимъ, какъ нужно воевать!— хвастливо отвѣтилъ ему гонведъ.— А пока что, я проголодался. Такая ходьба усиленнымъ маршемъ возбуждаетъ аппетитъ. Вѣроятно, въ этомъ помѣстьѣ мы найдемъ себѣ хорошій ужинъ. Разбудимъ хозяина и велимъ дать намъ все, что у него есть лучшаго.

— Да, поѣсть я тоже не прочь,—отвѣтилъ на его разсужденія майоръ.

Въ лѣсу стало темнѣе. На минуту движеніе отряда остановилось. Подошли остальные офицеры, стали совѣщаться. Одинъ изъ нихъ, немолодой человѣкъ, недовѣрчиво спросилъ:

— Туда ли мы идемъ, господинъ майоръ?

— Прямой дорогой къ усадьбѣ,—увѣренно отозвался майоръ.— Вотъ смотрите сами.

Онъ вытащилъ небольшой планъ и при свѣтѣ электрическаго фонаря указалъ на него офицеру.

Дорога черезъ лѣсъ была ярко обозначена красной чертой, въ концѣ которой находилась экономія съ разбросанными строеніями.

— Тутъ недалеко, километра три-четыре, не больше,— увѣренно сообщилъ майоръ.

— Такъ чего же намъ ждать! Идемъ!— неожиданно вступилъ въ разговоръ кто-то изъ офицеровъ и скомандовалъ маршъ.

Отрядъ снова потянулся по лѣсной дорогѣ.

Притаившіеся казаки замѣтили при вспышкѣ электрическаго фонаря фигуры австрійскихъ солдатъ. Они были отъ нихъ не болѣе, какъ въ ста шагахъ.

Держа браунинги наготовѣ, станичники ждали, когда врагъ подойдетъ поближе.

Луна яркой полосой падала на мундиры отряда, вырисовывая каждаго солдата.

Біевъ намѣтилъ себѣ высокаго майора. Зонтіевъ, какъ младшій, сообразилъ это, и его жертвой былъ молодой поручикъ-гонведъ. Казаки впились глазами въ обоихъ офицеровъ, разсчитывая, когда наступитъ время стрѣлять. Они не хотѣли промахнуться.

Все ближе и ближе наступаетъ отрядъ. Казацкія руки судорожно сжимаютъ маленькіе браунинги, палецъ готовъ нажать собачку. Мгновеніе- и маленькіе смертоносные жучки полетятъ навстрѣчу врагу.

Австрійцы въ десяти шагахъ отъ лежащихъ станичниковъ. Мгновенія летятъ... Еще... еще...

„Звякъ... звякъ",—раздались два выстрѣла, и оба офицера со стономъ свалились.

Отрядъ встрепенулся, замеръ, невольно остановился, и солдаты, приложивъ къ плечамъ ружья, начали обстрѣлъ безмолвнаго лѣса. Они не знали, гдѣ находится врагъ, стрѣляли наугадъ, пули впивались со свистомъ въ деревья, ломали частый кустарникъ, не нанося никому вреда. Между тѣмъ выстрѣлы казаковъ дѣлали свое дѣло. Ихъ браунинги, точно маленькія собачки, тявкали безъ конца и уносили все больше и больше жертвъ среди австрійцевъ.

Пораженные ужасомъ враги, предполагая, что въ лѣсу засада русскихъ войскъ, потеряли голову. Они не знали, что имъ дѣлать. Среди нихъ уже выбыло девять человѣкъ, изъ которыхъ трое были офицеры.

— Назадъ, назадъ, тамъ засада! — послышался чей-то голосъ, и австрійцы стали отступать.

Какъ только они отошли на довольно большое разстояніе, станичники перестали стрѣлять и, вскочивъ на лошадей, окольными тропинками промчались мимо враговъ, направляясь въ близлежащій городъ Почаевъ.

IV.

Для сообщенія о появленіи австрійскаго отряда не потребовалось много времени.

Быстро собрались десятка два-три всадниковъ изъ объѣздчиковъ, вольныхъ охотниковъ. Они захватили винтовки и помчались вслѣдъ за обоими станичниками.

Недоумѣніе австрійцевъ продолжалось довольно долго.

Еще ночь далеко не перешла вторую половину, какъ къ стоявшимъ врагамъ подошли двѣ роты подкрѣпленія.

Они слышали перестрѣлку и поспѣшили на помощь къ товарищамъ.

— Тамъ засада! Русскихъ гибель! Съ такими силами мы не можемъ двигаться впередъ! — говорили оставшіеся въ живыхъ офицеры изъ двухъ первыхъ ротъ.—Подождемъ, пока подойдетъ кавалерія съ пулеметами. Они такъ и сыпали на насъ пули!

Задумались и вновь пришедшіе офицеры. Рисковать быть убитымъ невидимымъ врагомъ, какъ это случилось съ двумя ихъ товарищами, имъ не улыбалось. Подождали съ часъ времени, но кавалерійское подкрѣпленіе не подходило.

Ночь стала смѣняться утромъ. Чуть забрезжилъ востокъ, но все было еще темно, ночной туманъ не спадалъ.

— Ждать больше нечего, сейчасъ утро, идемъ впередъ! — рѣшительно замѣтилъ старшій офицеръ изъ подошедшей позднѣе роты.— Завяжемъ бой, а тамъ подоспѣетъ и наша кавалерія.

Нехотя поднимались расположившіеся на травѣ солдаты, разобрали ружья, построились и слитной колонной пошли впередъ.

Съ ружьями наготовѣ они подошли къ тому мѣсту, гдѣ нѣсколько часовъ тому назадъ ихъ встрѣтилъ свинцовый дождь. Но на этотъ разъ они переступили страшное мѣсто благополучно.

Продвинулись дальше.

До конца лѣса уже недалеко, какъ вдругъ съ лѣсныхъ тропинокъ вылетѣли всадники и съ гикомъ понеслись на оторопѣвшихъ австрійцевъ.

И такъ уже напуганные ночнымъ нападеніемъ, австрійцы бросились бѣжать.

Навстрѣчу имъ неслись на своихъ мастачкахъ оба станичника, которые также принялись рубить отступающихъ враговъ.

И четыре роты австрійскихъ воиновъ постыдно бѣжали отъ горсти русскихъ храбрецовъ.

Австрійцы были вполнѣ увѣрены, что подверглись нападенію крупнаго русскаго кавалерійскаго отряда, засѣвшаго въ усадьбѣ и приготовившаго для нихъ ловушку.

Весь Почаевъ былъ полонъ восторга. Всѣ съ восхищеніемъ отзывались о храбрецахъ Біевѣ и Зонтіевѣ... Работники изъ усадьбы подобрали убитыхъ австрійцевъ и похоронили ихъ...

Памяти павшихъ.

Васъ родина звала, и вы съ любовью встали
На стражѣ у границъ отеческой земли...
Вы принесли порывъ и волю тверже стали,
И руки мощныя бороться не устали,
Когда вы на посту сраженные легли...
Гордясь своей судьбой быть жертвой искупленья,
Вы шли безъ ропота въ осенніе луга,
И въ славные часы великаго служенья
Вы были, какъ всегда, героями смиренья,
Щадившими, какъ встарь, сраженнаго врага...

Грядущихъ дней Весны вы—свѣтлые предтечи
(Ужъ слышно, какъ звучатъ весенніе ручьи),
И въ храмахъ теплятся, не угасая, свѣчи
За вѣрныхъ сыновей отдавшихъ грозной сѣчи
И сердце, и любовь, и помыслы свои...
Пройдутъ года—и все, что было нынѣ,
Въ тетради занесутъ историка персты,
И будутъ новыя народныя святыни—
И эти братскія могилы средь пустыни
И эти сѣрые сосновые кресты!.

Сергѣй Михѣевъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ плѣну у бабъ. Рисунокъ И. Владимірова.

Библиотека "Руниверс"

Въ плѣну у бабъ.

(Рис. на стр. 721).

Высоко въ небѣ рѣетъ чуть видная точка, похожая на птицу. Купаясь въ небесной синевѣ, эта птица унеслась далеко отъ всего земного. Такъ, по крайней мѣрѣ, кажется тому, кто видитъ ее издалека, стоя на землѣ, среди безконечныхъ желтѣющихъ нивъ...

Въ небесной выси рѣютъ жаворонки, ласточки, ястреба... Что же за птица паритъ тамъ въ видѣ чуть замѣтной черной точки? Ласточка, жаворонокъ, ястребъ?

Да, это ястребъ. Но ястребъ совсѣмъ особой породы. Назадъ тому лѣтъ десять въ мірѣ еще не было этой породы. Этотъ ястребъ называется боевымъ аэропланомъ. Подобно своему хищному сородичу изъ птичьяго царства, онъ зорко выглядываетъ съ высоты свою добычу и, высмотрѣвъ ее, или самъ нападаетъ на нее, или же указываетъ на нее своимъ собратьямъ на землѣ...

Онъ гордо паритъ въ небесномъ пространствѣ. Четко постукиваетъ пропеллеръ, заглушая своимъ шумомъ всѣ остальные окрестные звуки. Если смотрѣть съ земли, то кажется, будто аэропланъ стоитъ на одномъ мѣстѣ, но въ дѣйствительности онъ летитъ съ страшной быстротой. Такъ летаютъ однѣ только птицы...

На аэропланѣ сидятъ два офицера австрійской арміи. Одинъ управляетъ аэропланомъ, другой, съ записной книжкой и карандашомъ, наноситъ планъ мѣстности, черезъ которую они пролетаютъ, и зорко смотритъ въ бинокль, не покажутся ли на горизонтѣ русскіе отряды. Офицеры вооружены, а подъ сидѣньемъ у нихъ лежатъ бомбы. Стоитъ нажать кнопку—и раскроется нижняя площадка, и упадетъ внизъ разрывная бомба, несущая гибель и разрушеніе.

Офицерамъ кажется, будто ихъ несетъ на своихъ могучихъ крыльяхъ Духъ Войны. Страшный и мстительный Духъ, гордый и сильный, не знающій сожалѣнія и страха, слабости и слезъ... Этотъ могучій Духъ несетъ ихъ къ подвигу и славѣ.

Они съ тщательнымъ вниманіемъ разсматриваютъ, что дѣлается тамъ, внизу, на вражьей землѣ... Но не видно нигдѣ вооруженнаго врага. Только бабы жнутъ рожь, еле замѣтныя сверху. И крошечныя фигурки ихъ тонутъ въ необозримомъ океанѣ желтыхъ, спѣлыхъ нивъ.

Бабы замѣтили диковинную птицу.

— Смотри-ка, что тамъ летаетъ? Ровно коршунъ?

— Коршунъ и есть... Нѣтъ, какой коршунъ, это ребятишки балуются—змѣя пускаютъ...

— Гляди, падаетъ! Нѣтъ, на змѣя не похоже...

— Люди тамъ! Смотри-ка!

— Какіе люди!.. Нѣмцы!

Диковинный „змѣй" быстро и плавно опускался на просторное поле. Духъ вышелъ изъ мотора: машина вдругъ перестала работать. Исчезла вся мощь чудесной птицы, и непреложный законъ природы опять вступилъ въ свои права: дерзнувшій летѣть—падаетъ на землю...

Австрійскіе офицеры приготовились къ упорной оборонѣ. Хоть и не видно было сверху врага, но врагъ можетъ появиться изъ-за кустовъ, изъ-за скирдъ хлѣба. Врагъ, въ образѣ страшнаго казака, можетъ вырасти изъ земли... Неужели въ самомъ дѣлѣ примчатся казаки?.. И вооруженные до зубовъ авіаторы блѣднѣютъ при одной мысли о казакахъ и приготовляются дорого продать свою жизнь.

Еще нѣсколько мгновеній—и аэропланъ садится на поле.

Кто бѣжитъ къ нимъ съ криками, визгомъ, гиканьемъ? Это казаки?..

Нѣтъ, это не казаки. Это летятъ со всѣхъ ногъ къ упавшему „змѣю" бабы. Онѣ летятъ почти такъ же скоро, какъ сами авіаторы, но съ еще большей воинственностью. Это настоящія амазонки, валкиріи.

— Держи нѣмца!

И прежде, чѣмъ изумленные авіаторы успѣли опомниться, бабы ухватились дюжими руками за аппаратъ, разорвали парусину крыльевъ и кинулись на офицеровъ.

— Держи ихъ! Вяжи!

Авіаторы хватаются за браунинги. Но не стрѣлять же, чортъ возьми, въ бабъ. Если офицеры-товарищи по полку узнаютъ о сраженіи съ бабами, то проходу не будетъ отъ насмѣшекъ.

— Послушайте! — растерянно кричатъ они по-нѣмецки. — Мы васъ не тронемъ... Мы не причинимъ вамъ никакого вреда... Мы сражаемся только съ русскими солдатами... Мы не трогаемъ мирныхъ жителей... Оставьте насъ въ покоѣ...

— Держи нѣмцевъ! Тащи ихъ къ войту!

— Зови самого войта сюда! Пусть онъ ихъ засадитъ въ холодную!

Одну изъ бабъ отрядили въ село за войтомъ. Остальныя скрутили нѣмцевъ по рукамъ и ногамъ и крѣпко держали „змѣя", боясь, что онъ какъ-нибудь сорвется и улетитъ...

Офицеры пожимали плечами, бранились, увѣряли бабъ, что они вовсе не думали на нихъ нападать, и что поэтому нѣтъ никакой надобности въ столь энергическихъ мѣрахъ пресѣченія. Бабы не понимали по-нѣмецки и ждали войта съ мужиками...

А когда явились мужики и увели плѣнныхъ, бабы принялись снова жать рожь.

Крестовые походы нашихъ дней.

(Изъ дневника военнаго корреспондента). **Н. Н. Брешко-Брешковскаго.**

На сербскомъ театрѣ.

Навсегда останется у меня въ памяти потрясающая картина бѣгства изъ Бѣлграда мирныхъ жителей, гонимыхъ прочь разрушительной бомбардировкой австрійцевъ.

Поезда, уходящіе вглубь мирной — слово „мирной" въ данномъ случаѣ весьма относительное — Сербіи, останавливались приблизительно въ двадцати верстахъ отъ Бѣлграда, и конечною станціею было маленькое мѣстечко Рѣсникъ. Отъ Рѣсника до Бѣлграда и наоборотъ надлежало ѣхать либо на лошадяхъ, которыхъ по случаю реквизиціи осталось очень мало, либо на автомобиляхъ, которыхъ было и того меньше. Бѣдный людъ спасался пѣшкомъ.

Было чудесное лѣтнее утро. Ярко свѣтило солнце, и теплые ранніе лучи сообщали живописной сербской природѣ какую-то особенную жизнерадостность. Но равнодушная, безмятежная, спокойная природа чаще всего въ разладѣ съ человѣческой дѣйствительностью. Такъ и теперь было...

Вѣрить не хотѣлось, что въ такое ликующее утро швабы съ того берега Дуная ожесточенно, съ непонятной яростью обстрѣливаютъ беззащитный Бѣлградъ. Если бъ они даже превратили его въ одну сплошную груду кирпичей и камней -- это ни на іоту не измѣнило бы ихъ положенія къ лучшему.

Воздухъ положительно содрогался отъ непрерывнаго грохота тяжелыхъ осадныхъ орудій. Можно представить себѣ весь ужасъ дѣтей и женщинъ, вынужденныхъ волей-неволей по цѣлымъ днямъ и ночамъ слышать этотъ адскій грохотъ и находиться въ сферѣ этого убійственнаго огня, разворачивающаго монументальныя каменныя, въ нѣсколько этажей, постройки, словно карточные домики.

Мы ѣхали, покидая Бѣлградъ, въ одной коляскѣ съ сербскимъ капитаномъ генеральнаго штаба Миланомъ Джорджевичемъ и корреспондентомъ итальянскихъ газетъ Бенедетти. Ѣхали сквозь сплошной лагерь конницы, пѣхоты и артиллеріи,—лагерь, тянувшійся на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Эти войска стояли въ резервѣ на случай, если бъ австрійцамъ пришла безумная мысль повторить неудавшуюся попытку овладѣнія Бѣлградомъ и обрушиться на сербскую столицу большими массами. Баталистъ нашелъ бы здѣсь интересный матеріалъ для своихъ жанровъ. И на какомъ все это великолѣпномъ фонѣ! Въ лѣсу, подъ сѣнью могучихъ вѣковыхъ дубовъ съ густой листвою, такъ ярко и трепетно пронзаемою солнцемъ, бравые и рослые сербскіе кавалеристы чистили своихъ коней. Лошади, вздрагивая, фыркали, косясь налитыми кровью бѣлками. Нестроевые съ веселыми пѣснями разводили костры, чтобъ варить въ громадныхъ котлахъ „чорбу". Артиллеристы съ заботливой внимательностью приводили въ порядокъ и чистили изящныя полевыя орудія,—послѣднее слово техники.

Я умышленно всматривался въ солдатъ—ни одного понураго, недовольнаго лица. Наоборотъ, всѣ полны были кипучей энергіи. Всѣ горѣли огнемъ движенія впередъ и впередъ, и если что и томило ихъ, такъ это временное бездѣйствіе. Они такъ часто и много за послѣднее время воевали, что война перестала быть для нихъ войною въ смыслѣ чего-то невѣдомаго и тяжелаго. Она стала для нихъ обыденнымъ, хозяйственно-домашнимъ дѣломъ. И такъ, именно такъ смотрятъ на войну сербскіе солдаты.

Дальше,—кончился этотъ бодрый и живописный лагерь, и по холмамъ, буграмъ и ложбинамъ потянулись кукурузныя поля. Кукуруза сербская — четырехъ-аршинная, всадникъ спрячется. Здѣсь, на этомъ просторѣ, переходящемъ въ дальніе горы и лѣса, обогнали мы, и все время обгоняли, множество, цѣлыя толпы бѣглецовъ. Переселеніе народовъ да и только,—такое было сильное впечатлѣніе. Вспотѣвшія, измученныя лица со страхомъ, округлившимъ глаза, порою прямо безумныя. Женщины, старики, дѣти, все это, перегруженное чаще всего предметами далеко не первой необходимости. Въ паникѣ сплошь да рядомъ человѣкъ хватаетъ первое попавшееся подъ руку. Такъ охваченные острымъ, разсудокъ туманящимъ, отчаяніемъ люди спасаютъ добро свое изъ пламени пожара. Такъ и здѣсь было. Вотъ согнувшаяся въ три погибели цыганка, спотыкаясь, тащитъ на спинѣ контрабасъ. Что она будетъ дѣлать съ этимъ контрабасомъ, нищая, безпріютная? У молодого человѣка—подъ мышкою англійское сѣдло. Зачѣмъ

Библиотека "Руниверс"

ему это сѣдло, и гдѣ собирается ѣздить онъ, этотъ гонимый изъ родного города австрійскими гранатами юноша?

Мы встрѣчали морщинистыхъ, глубокихъ старухъ съ какими-то чудовищными узлами всякой всячины. Дѣти не отставали отъ взрослыхъ, спасая кто игрушки, кто сито, эмалированную посуду и горы никому ни на что не нужныхъ тряпокъ.

Вотъ и станція Рѣсникъ. На полянѣ вокругъ собрались тысячи несчастныхъ семей, жаждущихъ поскорѣе уѣхать. Цѣлый таборъ, раскинувшійся безъ конца-краю. Таборъ съ пожитками и даже шатрами. Немудрено. Ночуютъ и живутъ подъ открытымъ небомъ уже цѣлую недѣлю въ чаяніи дождаться когда-нибудь мѣста въ поѣздѣ, который увезетъ ихъ подальше отъ этихъ горячечныхъ кошмаровъ бомбардировки.

Поѣздъ — единственный въ сутки, и количество вагоновъ ограниченное. Да и этотъ поѣздъ наладился совсѣмъ недавно. Одновременно съ нами пріѣхали на вокзалъ чины германскаго посольства, отбывающіе къ себѣ, такъ какъ

Союзная армія.

1. Французская армія. Погрузка снарядовъ.
2. Англо-французское единеніе.
3. Французская армія. На позиціи.
4. Бельгійская армія. Передвиженіе войскъ.
5. Англійская армія во Франціи. Лагерь въ Амьенѣ.

Библиотека "Руниверс"

Сингалезскіе стрѣлки, прибывшіе во Францію и вступившіе въ ряды французской арміи.

Сербія уже офиціально объявила войну и Германіи. Они стараются держаться развязно, эти бритые, щеголеватые, бѣлобрысые нѣмцы. Но вмѣсто развязности получается какая-то жалкая пришибленность. Люди выбиты изъ колеи, въ которой они, какъ имъ казалось, нерушимо крѣпко держались. Выбиты, и ни за что не найти имъ прежняго равновѣсія. Администрація желѣзной дороги отводитъ имъ купэ II-го класса. Чего лучше, кажется. Русскихъ дипломатовъ нѣмцы въ товарныхъ вагонахъ жаждой и голодомъ томили и мучали. Нѣмцы однако начинаютъ фыркать:

— Мы думали, что намъ отведутъ спеціальный вагонъ I-го класса... Къ особамъ дипломатическаго корпуса надо относиться съ исключительнымъ вниманіемъ...

— Въ вагонахъ I-го класса мы возимъ нашего короля, престолонаслѣдника и нашихъ раненыхъ, нуждающихся въ тщательномъ уходѣ, а не дипломатовъ странъ, съ которыми мы воюемъ,—сухо отвѣтилъ комендантъ.

Нѣмцы негодующе переглядывались, но въ концѣ концовъ подчинились обстоятельствамъ...

Поѣздъ былъ биткомъ набитъ человѣческой гущей. Даже на подножкахъ висѣли пассажиры. Съ какой завистью смотрѣли на нихъ тѣ, кому не удалось получить мѣста!

Ихъ было много, этихъ неудачниковъ,—цѣлыя тысячи.

Паровозъ съ трудомъ сдвинулъ цѣпь вагоновъ, и поѣздъ медленно двинулся. Толпа провожала насъ безнадежными, полными тоски, взглядами, въ которыхъ читалось: „Будьте вы прокляты, счастливцы!..“ Когда-то имъ удастся уѣхать, и уѣдутъ ли они вообще изъ этого лагеря отчаянія? Фигура бѣдной цыганки съ контрабасомъ была одной сплошной скорбью. Поѣздъ катился межъ луговъ; намѣчались впереди семафоры и каменныя водокачки слѣдующей станціи, а большіе печальные глаза продолжали смотрѣть на меня съ нѣмымъ укоромъ со смуглаго, изможденнаго лица этой преждевременно увядшей цыганки.

Кое-какъ, съ безконечными остановками на разъѣздахъ,—все шли и шли навстрѣчу воинскіе поѣзда, —наконецъ прибыли мы въ Нишъ, эту временную столицу Сербіи.

Вскорѣ изъ Ниша я направился въ Россію черезъ Румынію. И этотъ путь продолжался одиннадцать сутокъ вмѣсто обычныхъ трехъ съ половиною! Скорѣй можно было бы достичь Петрограда черезъ Болгарію. Но, какъ это ни странно,—Болгарія, нами освобожденная и нами созданная, относилась къ русскимъ весьма и весьма непріязненно. Меня и нѣсколькихъ запасныхъ офицеровъ, спѣшившихъ въ Россію, не безъ основанія пугали, что въ Болгаріи насъ могутъ задержать. И — „тише ѣдешь, дальше будешь“ — мы двинулись на Румынію.

Изъ сербскаго городка Неготина до береговъ Дуная, за которыми уже начиналась Румынія, желѣзной дороги не было. Мѣстная администрація любезно предложила намъ коляски. На рѣдкость живописенъ былъ этотъ путь! Все время, то поднимаясь, то опускаясь, ѣдете вы по шоссе вдоль широко раскинувшагося Дуная. Пустынна была эта рѣка народовъ. Хоть бы одно какое-нибудь суденышко оживило ея необъятный просторъ. Пароходные рейсы прекратились въ силу неопредѣленности положенія, занятаго Болгаріей и отчасти Румыніей въ этомъ, охватившемъ Европу, бурливомъ водоворотѣ.

Тѣмъ болѣе, что за нѣсколько дней до нашего проѣзда болгарскіе солдаты обстрѣляли пассажирскій пароходъ сербовъ.

За всю эту пятидесятиверстную дорогу я нѣсколько разъ замѣчалъ, какъ посрединѣ Дуная плыли внизъ по теченію какіе-то небольшіе предметы, и надъ ними настойчиво и зловѣще кружились стаи воронья. Потомъ я узналъ, что это были трупы австрійскихъ офицеровъ и солдатъ, убитыхъ въ береговомъ бою у Обреновца. Сербы загнали ихъ въ воду, истребили часть, другую часть взяли въ плѣнъ, а мертвыхъ медленно уносило теченіе прямо къ Черному морю...

Позже мы встрѣтили на шоссе партію плѣнныхъ, доставшихся сербамъ послѣ этого боя. Ихъ было человѣкъ шестьдесятъ. Все сильный и рослый народъ, одѣтый во все синее. Синіе головные уборы, синія куртки, синія пѣхотныя панталоны въ обтяжку. Весь конвой состоялъ изъ двухъ старыхъ войниковъ съ нашими берданками. Я вышелъ изъ коляски, остановились плѣнные со своими конвойными, и завязался разговоръ.

— Васъ всего двое... Вы не боитесь, что они разбѣгутся?— спросилъ я конвойныхъ.

— Куда имъ бѣжать, господине?— возразилъ старшій, пожавъ плечами.— Они рады-радехоньки, что попали къ намъ. Это жъ наша родная кровь, сербская!..

И дѣйствительно, всѣ плѣнники оказались сербо-хорваты.

— Ну, какъ вы себя чувствуете?—спросилъ я ихъ.

— Да что жъ!.. Лучше не надо,—отвѣтилъ высокій загорѣлый блондинъ съ усами.—Мы не хотѣли итти противъ своихъ: наши офицеры изъ мадьяръ принуждали насъ револьверами. Такъ до перваго боя, а потомъ мы сразу и передались сербамъ; офицеръ не хотѣлъ, въ Дунай прыгнулъ, тутъ они его и застрѣлили. Онъ и поплылъ трупомъ, а насъ накормили свои же, и вотъ папиросы куримъ, а швабы намъ не давали ни табаку ни хлѣба...

Мы разстались: я продолжалъ свой путь, а плѣнные, дружески болтая съ конвойными, двинулись въ облакахъ пыли къ Неготину.

Тупая австрійская политика, изощрившаяся въ темныхъ авантюрахъ, не учла одного: что славянскія части арміи будутъ постепенно переходить къ своимъ братьямъ какъ на сербскомъ, такъ и на русскомъ фронтѣ. И сейчасъ, когда я пишу эти строки, въ Варшавѣ, я узналъ съ большой радостью, что цѣлый кавалерійскій полкъ австрійскихъ славянъ въ боевомъ составѣ и полномъ снаряженіи, со знаменемъ и музыкой, исполнявшей русскій гимнъ, перешелъ границу и передался нашей арміи. Это лишь начало. Впереди сколько еще такихъ переходовъ! Въ концѣ концовъ въ непріятельской арміи останутся одни лишь мадьяры и швабы, другими словами—только горсть всей австрійской арміи.

Англійскіе моряки.

Библиотека "Руниверс"

Плѣнили. Картина М. Авилова.

Библиотека "Руниверс"

Старый казакъ.

Разсказъ **Владиміра Воинова.**

(Окончаніе).

Ровно звѣрь, загорѣлся Данила: то туда, то сюда онъ ворочалъ коня и, срывая куски вражьяго мяса турецкою шашкой, успѣвалъ въ промежуткахъ колоть и палить изъ винтовки въ гудящую стѣну насѣвшихъ австрійцевъ.

— Ги-и-и!!!—застонало опять въ темнотѣ, и второй подоспѣвшій дозоръ въѣлся въ гущу столпившихся тѣлъ.

Загудѣли въ просѣкѣ копыта, трепухнулась земля, и съ отчаяннымъ бѣшенымъ воемъ на разстроенный флангъ эскадрона словно туча упала казацкая лава тыловыхъ молодцовъ.

Было мутно, темно; было жарко и душно. Въ темнотѣ австріяки рубили другъ друга, валились съ коней, стрѣляли куда попало и жались, какъ стадо барановъ, одинъ къ одному, боясь налетѣть на казацкую пику.

А лихіе казаки, привычные къ дѣлу и ночью и днемъ, какъ шальные метались по лѣсу и съ воемъ и гикомъ рубили драгунъ, разбивая ихъ плотную группу на отдѣльныя слабыя кучки.

И когда налетѣлъ тыловой бравый взводъ, цѣлый лѣсъ застоналъ отъ казацкаго гика, и австрійцы, бросая людей, безтолково шарахнулись въ чащу подъ ружейнымъ огнемъ.

Вкругъ Данилы лежала гора изсѣченныхъ людей, опрокинутыхъ вмѣстѣ съ конями атакою съ фланга.

Калмыкъ бормоталъ что-то дикое подъ носъ, сопѣлъ, раздувая широкія ноздри, и одну за другой гналъ горячія пули туда, гдѣ трещали корявые сучья подъ напоромъ бѣгущихъ людей.

Скоро стало значительно тише. Казаки возвращались одинъ за другимъ на просѣку, и кони храпѣли намыленной грудью и били копытами землю, порываясь скакать.

— Бачка большая молодца!—крикнулъ калмыкъ, вынимая обойму.

Въ этотъ самый моментъ на другой сторонѣ засверкали огни, и цѣлая туча австрійцевъ ураганомъ влетѣла въ просѣку.

Подъ Данилой свалили коня.

Онъ упалъ въ темноту и барахтался въ чьей-то крови, выбираясь изъ чащи кустарника.

— Бачка! Трогай за мной! Айда на туда!—успѣлъ закричать казаку Сархалтыхъ и пропалъ въ темнотѣ.

Забурунновъ-старикъ приподнялъ опрокинутаго коня, нащупалъ рукою холодное стремя и, стиснувъ зубы, помчался во тьму за калмыкомъ.

Скоро стало просвѣчивать темное небо, и старикъ увидѣлъ Сархалтыха, стоявшаго смирно у самой опушки.

— Гдѣ Илья?—прорвалось у Данилы.

— Бачка Иля пошла на туда,—указалъ Сархалтыхъ вдоль опушки.—Казенна деньга бирала драгуна... Парапала усе! І-ю-юй! Бурханъ забывала казаковъ!

Калмыкъ придавилъ ладонями голову и жалобно выль, скрипя въ темнотѣ отъ досады зубами.

А Данила глядѣлъ на него и съ трудомъ оправлялся отъ всего, что случилось сейчасъ.

Крѣпко ныла нога, съ головы по щекѣ ползла теплая липкая кровь, а въ душѣ шевелилась горячая злая обида.

— Не смогли отстоять! — процѣдилъ онъ досадливо, щупая голову, и отчаянно махнулъ рукой.

— Цѣлая полкъ проходила, а насъ, бачка, двѣ увзводы!—клацнулъ калмыкъ зубами и сочувственно потрепалъ старика по плечу.

— Ѣзжаемъ на бачка, Иля!

Казаки повернули коней и тихо пошли вдоль опушки.

VIII.

— Ну, какъ? Живъ, здоровъ?—привѣтствовалъ сына Данила.

— Ничаво! Хочь куды! Ошкраябало трошки! Ну ды ета дли насъ безъ усякихъ послѣдствівъ! А ихняго брата по канавахъ валяетца—коню пройтить негдѣ.

Илья былъ спокоенъ и увѣренно ѣхалъ впередъ. Очевидно, онъ зналъ уже, что нужно дѣлать, и во всѣхъ его движеніяхъ не было и тѣни растерянности.

Спустя полчаса молчаливой ѣзды, онъ свистнулъ тихонько, и изъ парка одинъ за другимъ вышло съ десятокъ казаковъ.

— Айда на трясину!—скомандовалъ бойко Илья, и лошади тронулись, отчетливо ёкая впалыми животами.

— Я тутъ пробѣгъ до самаго краю!—объяснилъ старику Забурунновъ Илья.—Ихніе дрыгуны—безъ тямки народъ, отбѣгли съ десятокъ верстовъ и засѣли надъ самой трясиной. Я ишелъ на хвостѣ, — ни дозоровъ ни конныхъ разъѣздовъ; голой рукою возьмемъ.

Илья шевелилъ молодого коня и быстро тянулъ за собой остальныхъ.

Показался вдали огонекъ.

Казаки придержали коней

Въ мутно-молчавшемъ заревѣ видны были низкія, приземистыя фигуры.

Кони стояли въ сторонѣ большимъ косякомъ: казакамъ было слышно ихъ сочное фырканье.

— Слязай!—предложилъ Илья.

Казаки послѣзали.

— Таперича нада подсабразить. что къ чему!

Илья сѣлъ на корточки и крѣпко задумался.

А калмыкъ между тѣмъ снялъ винтовку, отстегнулъ ремень шашки, стянулъ патронташъ и все это сунулъ подъ дерево.

— Ты чаво, кунакъ?—освѣдомился Илья.

— Моя, бачка, пошла!—отвѣтилъ калмыкъ, зажимая въ зубахъ короткій широкій кожъ.—Када мая громка кирчалъ, твая шибка скакалъ.

Илья сразу понялъ, въ чемъ дѣло, и весело кивнулъ головой:

— Твоя башка, какъ моя кишка,—своего не упуститъ!

Калмыкъ усмѣхнулся, опуталъ себя поперекъ крѣпкимъ арканомъ и легъ на животъ.

— Айда!—прошипѣлъ онъ въ травѣ.

— Дай Богъ!—отвѣтили казаки и принялись ждать, не спуская съ огня зоркихъ глазъ.

IX.

Трава была мокрая, скользкая.

Сархалтыхъ, подминая подъ себя душистыя волны травы, упорно продвигался впередъ.

Пока до огня оставалось довольно большое пространство земли, онъ дико сопѣлъ раздувающимися ноздрями и что-то бормоталъ себѣ подъ носъ; когда же по расчетамъ калмыка до стоянки людей осталось немного, онъ поднялъ изъ травы плоскую голову, уставился косыми глазами впередъ, затаивъ совершенно дыханіе.

Прямо передъ глазами веселый огонь игралъ въ темнотѣ языками; временами слышна была непонятная, чуждая рѣчь, и черныя фигуры шевелились надъ пламенемъ, заслоняя собою костеръ.

Сархалтыхъ отдохнулъ, оглянулся назадъ къ тому мѣсту, гдѣ остались стоять казаки, и снова полѣзъ осторожно и чутко, то припадая къ землѣ головой, когда разгулявшееся пламя костра между темныхъ фигуръ попадало въ лицо тревожнымъ, мигающимъ отблескомъ, то поднимаясь опять на локтяхъ, когда пламя сбивалось охапкою свѣжей травы.

Теперь весь огонь игралъ передъ нимъ, какъ на ладони; было слышно, какъ влажно шипитъ еще непросохшій камышъ, а волна обогрѣтаго воздуха доносила пахучій дымокъ, щекоча пересохшее горло.

Тѣснымъ кругомъ, сплотившись у свѣта, люди безпечно галдѣли, повышая охрипшіе голоса почти что до крика; и вся эта группа совсѣмъ не имѣла военнаго вида.

„Какъ на базаръ, много-много кирчалъ“,—подумалъ калмыкъ и вдругъ привалился къ землѣ, точно вросъ въ онѣмѣвшую траву: ему ясно послышался тихій, но явственный лязгъ, долетѣвшій изъ круга.

Глаза у калмыка сверкнули, и онъ приподнялся, рискуя собой, почти до груди.

Теперь стало ясно, откуда идетъ этотъ лязгъ: у большого костра, на суконной попонѣ, горѣла гора русскаго золота; чьи-то проворныя руки дѣлили его на мелкія кучки, а десятки взволнованныхъ глазъ слѣдили за счетомъ.

Изъ середины костра торчали пылающіе обломки полковой одноколки и разбитыя доски денежнаго ящика.

Сархалтыхъ даже почувствовалъ запахъ кипящаго сургуча, напомнившій ему канцелярію въ день получки посылокъ изъ дому.

Затаивъ совершенно дыханіе, калмыкъ окунулся въ траву и пополэъ къ косяку.

Низкорослые венгерскіе кони мирно сопѣли въ десяткѣ шаговъ, мотая лохматыми головами.

Сархалтыхъ подобрался къ ближайшей лошади, подлѣзъ ей подъ брюхо и ловкимъ движеніемъ ножа подрѣзалъ почти до конца туго затянутую подпругу; потомъ дружелюбно огладилъ коня и полѣзъ подъ животъ другого.

Черезъ десять минутъ всѣ подпруги были подрѣзаны.

Тогда Сархалтыхъ повернулся ногами къ костру и тихо поползъ въ свою сторону.

Отойдя саженей полтораста, онъ сталъ во весь ростъ, набралъ полную грудь воздуха, приложилъ ладони къ губамъ, и вдругъ на весь лугъ прокатился пронзительный, бѣшеный вой.

Заметался тревожно костеръ, полетѣли по вѣтру огнистыя искры, и драгуны метнулись къ конямъ.

Загремѣла слѣпая ружейная трескотня, просвистѣли куда-то пущенныя трусливой рукой безтолковыя пули, и лугъ загудѣлъ отъ тяжелаго конскаго топота.

— Ги-и-и! — застоналъ перелѣсокъ въ отвѣтъ на австрійскіе выстрѣлы, и изъ испуганной тьмы понеслись на огонь казаки Забуруннаго.

Сархалтыхъ приглядѣлся въ сѣрѣвшую мглу и увидѣлъ съ десятокъ метавшихся лошадей, потерявшихъ въ дорогѣ и сѣдла и всадниковъ.

Тогда Сархалтыхъ распоясалъ арканъ, набросалъ его ровными петлями на правую руку, зажалъ мокрый хрустящій конецъ въ крѣпкихъ зубахъ и чутко застылъ.

И когда передъ нимъ показалась изъ сѣраго полога утренней мглы взбѣшенная морда венгерскаго жеребца, ронявшаго мыло

Библиотека "Руниверс"

на полномъ ходу, калмыкъ весь собрался въ комокъ, и тяжелая мокрая петля волосяного аркана, засвистѣвъ на излетѣ, повисла на шеѣ ставшаго свѣчкой плѣненнаго скакуна.

Безъ сѣдла, безъ стремени, на одномъ поводу Сархалтыхъ полетѣлъ догонять казаковъ, и отовсюду ему отвѣчали на гикъ смертоносные крики десятки казаковъ.

X.

Начинался разсвѣтъ.

Теперь Сархалтыхъ, Илья и Данила стояли у мѣста дѣлежки драгунъ и полными пригоршнями собирали холодное, мокрое золото.

Увязавъ его крѣпко въ попону дубленымъ ремнемъ, обошли всѣ кусты, встрѣчая повсюду слѣды разрушенія: тамъ и здѣсь валялись разбитыя спицы изъ сломанныхъ колесъ одноколки; въ высокой травѣ попадались обрывки раскрытыхъ пакетовъ; на верхушкахъ кустовъ застряли солдатскія сѣдла, упавшія вмѣстѣ съ наѣздниками при первой попыткѣ драгунъ принять казачью атаку въ конномъ строю.

Все это было измазано кровью и могло разсказать о томъ, что ночью здѣсь вышло не легкое дѣло.

— Гляди-ка-сь суды! — окликнулъ Данила Илью. — Чиво-сь то еще!

Данила пробрался въ кусты, гдѣ темнѣлъ одинъ бокъ неизвѣстнаго темнаго предмета, и вынулъ оттуда пузатую сумку.

Сума была плотно набита, но вѣса въ ней не было.

Это заставило Данилу усомниться въ ея полезности, и онъ распахнулъ верхній край.

То, что увидѣлъ казакъ, заставило трепетно дернуться привыкшее ко всякимъ случайностямъ сердце: изъ сумки глядѣли огромныя пачки кредитныхъ билетовъ совсѣмъ незнакомаго Данилѣ достоинства; и было тѣхъ пачекъ такое количество, что даже туманъ пошелъ въ голову.

— Эхъ, и махина же! Ажнакъ у пяткахъ моргнуло! — сказалъ онъ растроганнымъ голосомъ и, бережно задернувъ края, повѣсилъ суму на плечо.

— Ну, двигаемъ, братцы! — замѣтилъ Илья, приладивъ попону съ завернутымъ золотомъ за задней лукой.

— Пошли!—согласились казаки, но не тронулись съ мѣста.

Изъ-за сизаго лѣса, выходившаго краемъ къ трясинѣ, показалось венгерское знамя, а за нимъ на высокихъ коняхъ выплывали гусары.

На востокѣ сквозь плотную тучу пробилось вдругъ солнце и вспыхнуло яркимъ горячимъ огнемъ на раструбѣ сигнальной трубы.

Казаки онѣмѣли отъ дивнаго зрѣлища и стояли, какъ вкопанные, не въ силахъ отвести прикованныхъ глазъ.

Одинъ за другимъ выходили на лугъ эскадроны, и скоро всю синюю опушку ожившаго парка укрыли отряды гусаръ.

Это былъ лѣсъ, стройный и плотный, горящій на солнцѣ холодною сталью.

Значки колыхались по вѣтру живымъ ожерельемъ и тихо сползали съ пригорковъ на мокрую, росистую равнину.

— Эхъ, ты, братики!—съ досадою плюнулъ Илья черезъ зубы и тронулъ ногою коня. — Таперича айда куликать!

Онъ спрыгнулъ съ коня и проворно отпуталъ попону.

— Слѣзай, старики! Все одно не пройтись! — кивнулъ онъ десятку казаковъ головою.

Тѣ поняли правду въ его дѣловитыхъ словахъ и слѣзли покорно съ коней.

— Таперича клади лошадей!—скамандовалъ строго Илья.

Казаки положили.

— Ложись подъ прикрытію и жарь до послѣдку! А мы съ старикомъ попытаемъ пронесть казначейства наскрозь по болотамъ! Кунккъ, — обратился Данила къ калмыку: — ты съ нами въ подпомочь!

Казаки защелкали затворами и строго притихли, чуя послѣднюю свою минуту.

— А ну, на прицѣлъ!—гаркнулъ Илья, вскинувъ винтовку къ щекѣ.—Взво-о-дъ пли!

Вдрогнуло мокрое поле, и десятокъ гусаръ покатился съ коней.

— Пачками! Дуй! — крикнулъ Илья, посылая горячую пулю прямо въ широкую грудь офицера, и, вскинувъ на плечи попону съ деньгами, шагнулъ въ камыши.

Данила съ калмыкомъ махнули за нимъ.

А сзади трещали казацкіе выстрѣлы, и отвѣтнымъ дождемъ басурманскихъ гусаръ осыпало мокрые камыши холодной трясины.

XI.

Солнце стояло высоко на ясномъ, безоблачномъ небѣ, но вода въ камышахъ облегала до пояса желѣзнымъ, сжимающимъ холодомъ.

Ноги вязли въ грязи до колѣнъ, и просторные казацкіе сапоги мягко булькали, поднимая со дна пузыри.

Казаки истомились въ конецъ отъ долгой дороги и уныло брели по болотамъ, спотыкаясь и зябко дрожа.

У Данилы рука занѣмѣла совсѣмъ, сжимая холодное дуло винтовки; Илья сильно сгорбился подъ тяжестью казеннаго золота, а Сархалтыхъ громко клацалъ зубами и шелъ въ сторонѣ, неся двѣ винтовки, свою и Ильи Забуруннаго.

Стрѣльба прекратилась давно; казаки съ честью кончили дѣло въ послѣднемъ неравномъ бою, и цѣлыя шайки гусаръ бродили теперь въ камышахъ, ища казаковъ, унесшихъ съ собой заманчивую добычу.

Временами Данила и сынъ замирали на мѣстѣ, прислушиваясь къ гулкому хлопанью гусарскихъ сапогъ гдѣ-то близко совсѣмъ.

И тогда у Данилы сжималось въ тоскѣ ослабѣвшее старое сердце, и онъ тихо молился за сына Илью и за бѣднаго раба Сархалтыха.

Потомъ удалялись шаги, голоса становились слабѣй, и въ эти минуты Данила слыхалъ, какъ издали вѣяло дыханіе смерти, прошедшей въ десяткѣ шаговъ отъ мокрыхъ, измученныхъ путниковъ.

Скоро итти стало невмоготу: штаны, чекмени—все набухло, облипло холодною грязью и страшно тянуло растертыя въ кровь, неподвижныя плечи.

— Прицетца скидать,—уныло замѣтилъ Илья и, отдавъ калмыку драгоцѣнную ношу, раздѣлся до самой рубашки.

— Все одно, — согласился старикъ: — кабы грѣло, а то одна тягота!

И онъ вслѣдъ за сыномъ стянулъ съ себя все до рубашки и бросилъ въ камышъ.

Сархалтыхъ поглядѣлъ на станичниковъ косыми глазами, но раздѣваться не сталъ... У него начиналась горячка.

Кровь толчками стучала въ виски, ноги упорно подламывались, а въ глазахъ уже плавали цвѣтные круги, застилая собой камыши.

Онъ только сбросилъ папаху и шелъ теперь, мутно водя горящими, сухими глазами, и все его плоское, скуластое лицо горѣло отъ страшнаго жара.

— Что, братъ-кунакъ, чижало?—спросилъ его старый Данила.

— Моя, бачка, скора капутъ,—тоскливо отвѣтилъ калмыкъ, и изъ узкихъ, сверкающихъ глазъ покатились слезинки.

Зашумѣлъ гдѣ-то рядомъ камышъ.

Илья и Данила шагнули въ зеленую гущу и застыли на мѣстѣ.

Загудѣли поблизости тревожные, злобные голоса, и гулко захлюпали ноги.

Данила взглянулъ на калмыка и замеръ.

Кунакъ, какъ стоялъ, такъ и остался на чистой болотной равнинѣ. А дальше, налѣво, верхомъ на коняхъ, стояли три австрійскихъ гусара и глядѣли куда-то впередъ.

„Одинъ поворотъ головы—и калмыкъ будетъ виденъ, какъ на ладони. Тогда...“—Данила не смогъ даже думать, что будетъ тогда, и отчаянно принялся дѣлать сигналы калмыку.

Тотъ глянулъ на голаго дѣда, потомъ повернулся туда, гдѣ молча стояли гусары, и понялъ.

Взглянулъ на товарищей послѣднимъ, проясненнымъ взглядомъ и тихо, безъ звука ушелъ съ головою подъ воду.

И когда сторожевые гусары повернули къ нему головы, на водѣ было пусто, только два пузыря показались на гладкой поверхности и трепетно лопнули.

Безъ звука, безъ мысли слѣдили Данила съ Ильей за тѣмъ мѣстомъ, гдѣ скрылся калмыкъ подъ водой; боялись, что вотъ-вотъ прорвется поверхность, и плоское, скуластое лицо задыхающагося Сархалтыха выдастъ гусарамъ присутствіе казаковъ.

Но калмыкъ не являлся.

И когда нашумѣвшій разъѣздъ удалился совсѣмъ, казаки уже сами достали холодное тѣло калмыка.

Сархалтыхъ предпочелъ задохнуться въ водѣ, но не выдать оплошностью старыхъ товарищей.

Онъ такъ и застылъ со стиснутыми желтыми зубами, съ потемнѣвшимъ лицомъ и скрюченными корявыми пальцами, не выпустившими и послѣ смерти казацкой винтовки.

— Помяни, Господи душу раба Сархалтыха, — тихо шепнулъ дѣдъ Данила и быстро сморгнулъ съ глазъ набѣжавшую слезинку.

XII.

Третьи сутки брели казаки камышами.

Трясина то бѣлѣлась уже, и тогда по ея берегамъ слышны были чужіе, враждебные голоса; то расплывалась безъ края, и тогда казакамъ казалось, что они уже сбились съ пути и обратно идутъ къ тому мѣсту, гдѣ покончилъ съ собой Сархалтыхъ.

Дѣдъ Данила весь высохъ, сталъ синій, согнулся совсѣмъ, но все еще шелъ, еле двигая изодранными жилистыми ногами, съ завѣтною сумкой черезъ плечо.

Илья похудѣлъ, сталъ угрюмымъ, безжизненнымъ и терпѣливо тащилъ свою тяжкую ношу, блуждая горящими ввалившимися глазами.

Иногда казакамъ попадались сухія мѣста въ камышахъ; тогда они долго лежали, подставивъ подъ солнце истертыя до крови спины, а потомъ поднимались опять и снова шагали по поясъ въ студеной водѣ, не видя конца своимъ мукамъ.

Страшный случай съ калмыкомъ научилъ ихъ бояться нечаянныхъ встрѣчъ: дѣдъ Данила устроилъ двѣ толстыя прочищенныя камышинки, и когда возлѣ берега появлялись внезапно разъѣзды австрійскихъ гусаръ, не желавшихъ мириться съ досадной потерей, казаки опускались подъ воду и сидѣли минутами на илистомъ днѣ, дыша черезъ дѣдовы камышинки.

Сколько разъ они видѣли смерть въ двухъ шагахъ отъ себя, но ни разу имъ даже и въ голову не приходило сдаться позорно въ полонъ.

И къ ночи на третьи сутки казаки очутились у выхода изъ

Библиотека "Руниверс"

страшной трясины, одинъ только узкій, проросшій насквозь, ручеекъ подымался отсюда на взгорки, а тамъ уже близко синѣла опушка той рощи, гдѣ когда-то Илья захватилъ изъ копны австріяка.

Передъ вечеромъ плотный туманъ упалъ на болото; казаки простояли у устья ручья до самой зари, а когда потемнѣло кругомъ, рѣшили пойти на ура: будь что̀ будетъ; дальше терпѣть не было силъ человѣческихъ.

Къ ночи туманъ порѣдѣлъ, и стали видны далекія звѣзды.

Теперь, когда старый Данила глядѣлъ на нихъ долгимъ, пристальнымъ взглядомъ, казалось ему, что все это—сонъ, страшный, запутанный, съ еще неизвѣстнымъ концомъ.

И только когда возвращался онъ мыслью къ началу, къ отъѣзду изъ дому, къ прощанію съ внукомъ, со старухой,—ему становилось не по себѣ, и горькія слезы сжимали хрипящее горло.

Теперь, когда путь впереди сталъ ясенъ и коротокъ, Данила подумалъ о немъ, и не было въ сердцѣ его ни страха ни радости.

Все такъ же уныло и вяло вступилъ онъ въ шумящій просвѣтъ между двухъ береговъ ручейка и такъ же покорно понесъ свою ношу, точно рѣшилъ до конца довести разъ взятое на себя дѣло, а тамъ—будь, что̀ будетъ.

Среди ночи Илья оставилъ отца дожидаться, а самъ пошелъ на развѣдку.

Воротился онъ мрачный, убитый.

— Залегло! Каюкъ намъ съ тобою, отецъ. Коли хочешь, испробуй пройтить, а я выйду тѣмъ часомъ наружу и открою пальбу. Можа, удастца отвесть.

Старикъ покачалъ головой и упрямо сказалъ:

— Нѣтъ, Илья! Это не дѣло! Ужъ ежели кому рискануть, такъ ета минѣ. У тябѣ еще уся жисть попереди ляжить, а минѣ усе одно край приходитъ.

Старикъ помолчалъ, глядя въ воду, и взялся за мокрый ремень:

— Вотъ табѣ, Илюша, казна! А таперича примай мою благословенію.

Илья подошелъ и принялъ.

Старикъ перекрестилъ его широкимъ крестомъ, обнялъ троекратно и, взявъ винтовку въ корявыя руки, полѣзъ черезъ чащу на берегъ.

И какъ только вышелъ на твердую землю, всѣ старыя думки сняло, какъ рукой.

Поглядѣлъ на высокое небо, на далекія звѣзды, на сторожевые костры, залегшіе у узкаго ручья,—и все стало ясно и просто, и сердце наполнилось легкою теплотой.

Теперь миновали уже тяжелые дни, убившіе вѣру, смутившіе душу; теперь предстояло опять итти въ дѣло, подставить себя замѣсто сына; и въ старой груди опять загорѣлась казацкая искра.

„Таперича знаю по крайности — что̀ и къ чему! — подумалъ Данило. — Помру, такъ за сына, за вѣрное дѣло; и не въ болотахъ, какъ погань какая, а въ честномъ бою“.

Старикъ заложилъ единственную обойму, откинулъ затворъ и пошелъ отъ ручья прямо въ лугъ.

Тамъ онъ спокойно опустился на колѣно, поймалъ огонекъ сторожевого костра на прицѣлъ и дернулъ курокъ.

У костра что-то быстро метнулось, и скоро десятокъ коней помчалось на выстрѣлъ.

Данила стоялъ, точно камень, слѣдя за движеніями всадниковъ, и когда они стали отчетливо видны на заревѣ пылающаго костра, одну за другой опрокинулъ съ коня еще двѣ фигуры.

Послышались крики, и съ разныхъ концовъ понеслись на Данилу какія-то тѣни.

Теперь у Данилы остался одинъ лишь зарядъ. Его онъ оставилъ на самый послѣдокъ и ждалъ.

Не прошло и минуты, какъ цѣлая шайка выросла рядомъ.

Впереди на красивомъ гнѣдомъ жеребцѣ скакалъ стройный гусаръ-офицеръ.

Онъ что-то звонко кричалъ и размахивалъ саблей.

Данила взглянулъ на него и узналъ.

Это былъ тотъ самый хохолъ, котораго нѣсколько дней назадъ забралъ изъ копны его сынъ.

Только его подлымъ словамъ были обязаны всѣ тѣ изрубленные казаки поѣздкой съ казеннымъ ящикомъ подъ носомъ у непріятеля, кончившейся смертью столькихъ лихихъ джигитовъ.

Данила лохматый, сѣдой, съ узловатыми жилами на голыхъ ногахъ, поднялся навстрѣчу предателю и грозно сказалъ:

— Узнаешь, чортовъ сынъ?

Офицеръ покачнулся въ сѣдлѣ и попятился бокомъ отъ страшнаго призрака.

Но Данила не далъ ему даже опомниться.

Ловкимъ взмахомъ руки вскинулъ винтовку къ щекѣ, приложился и послѣднюю казацкую пулю влѣпилъ прямо въ лобъ молодому гусару.

Потомъ старикъ бросилъ винтовку и палъ, разрубленный цѣлымъ десяткомъ вражескихъ сабель.

Послѣдняя мысль его была объ Ильѣ.

„Какъ-то сынъ? Чи пробился, чи нѣтъ?“

Потомъ старикъ рухнулъ, и земля приняла казацкую старую кровь.

XIII.

На разсвѣтѣ казачій разъѣздъ неожиданно шарахнулся отъ ручья, и кони встревоженно захрипѣли.

Изъ сухихъ камышей вышелъ голый, изодранный человѣкъ и, качнувшись подъ тяжестью ноши, опустился безсильно на землю.

Казаки поглядѣли на страннаго выходца, и вдругъ приказный четвертаго взвода радостно вскрикнулъ:

— Братцы! Ды ета Илья Забурунновъ!

Казаки соскочили съ коней, подобрали совсѣмъ обезсилѣвшаго товарища и тронулись въ путь.

— Сумку мою захватили?—спросилъ еле слышно Илья.

— Узяли!

— А попону узяли?

— Узяли! Чижолая страсть!

Илья болѣзненно улыбнулся и принялся что-то быстро, тревожно лопотать самъ съ собою.

Начинался бредъ.

— Не въ себѣ парень,—молча переглянулись казаки и прибавили шагу.

У мѣста стоянки полка Илью передали начальству.

Полковой командиръ приказалъ сыграть сборъ офицерамъ.

Пришли командиры сотенъ и стали вкругъ Ильи; дальше стояли хорунжіе, сотники и восковые старшины.

Вызвали новаго казначея и поставили рядомъ со сверткомъ и сумкой часового.

Когда, послѣ долгихъ стараній полкового врача, Илья разжалъ зубы, ему влили въ глотку горячаго рому.

Илья задышалъ сразу крѣпче, и слабый румянецъ тронулъ ввалившіяся щеки.

Открывъ глаза, казакъ поглядѣлъ на склоненныя къ нему офицерскія головы и сдѣлалъ попытку привстать.

— Лежи!—приказалъ полковой командиръ, и Илья уронилъ опять голову, глядя вокругъ успокоенными, ожившими глазами.

Вдругъ онъ рванулся съ постели и сразу осѣлъ.

— Что̀ такое?—спросилъ его докторъ.

— Казакъ моего увзводу Данила Забурунновъ увъ безвѣстной отлучки! Прикажите послать казаковъ икъ ручью, что̀ увпадаетъ увъ трясину!

— Послали уже!—успокоилъ его командиръ и, глядя на офицеровъ, внушительно выговорилъ: — Поступокъ, достойный быть занесеннымъ въ отечественную лѣтопись. Горжусь! Представлю къ знаку отличія Военнаго Ордена!

Командиръ повернулся на каблукахъ и, указавъ на казацкую ношу, приказалъ казначею:

— Примите!

Офицеры одинъ за другимъ расходились...

Къ полудню вернулись разъѣзды, высланные разыскивать Данилу Забуруннаго.

Старика привезли, какъ онъ былъ.

Голова у Данилы была изсѣчена въ кашу, и только по окровавленной густой бородѣ, прилипшей къ исколотой груди, можно было узнать, что это лежитъ кавалеръ трехъ орденовъ казакъ Данила Терентьевичъ Забурунновъ.

Когда закопали Данилу, командиръ приказалъ адъютанту:

— Вмѣстѣ съ представленіемъ Ильи Забуруннаго довести до свѣдѣнія главнаго штаба о безпримѣрномъ подвигѣ покойнаго кавалера, нашего полчанина Данилы Забуруннаго!.. Миръ праху твоему, герой-старикъ!

Командиръ опустился на колѣни и долго стоялъ, припавъ головою къ свѣжему холмику.

Офицеры поникли печальными головами, а чубатые казаки тихо вздрагивали и крѣпко крестились у новой могилы.

Прямо отсюда многимъ изъ нихъ нужно итти снова въ дѣло, и, кто знаетъ, не насыплютъ ли завтра такой же курганчикъ и надъ его изсѣченнымъ басурманскими шашками тѣломъ.

Крѣпко задумались казаки, стоя у братской могилы, и только порывистый вѣтерокъ шевелилъ ихъ чубы, прикрывавшіе буйныя головы.

XIV.

Въ концѣ августа въ станицѣ состоялся сходъ.

Изъ округа прибылъ гонецъ съ летучкой, и станица заволновалась, собираясь къ правленію.

Когда подошло все, что̀ было еще не ушедшаго служить на границу, атаманъ развернулъ бумагу и громко прочелъ:

„Объявляю о подвигѣ безпримѣрной храбрости, проявленной казакомъ Ильей Забурунновымъ, представленнымъ мною къ наградѣ знакомъ отличія Военнаго Ордена“.

Далѣе шло описаніе подвига Ильи, отбившаго у австрійцевъ полковую казну и пронесшаго ее въ цѣлости и сохранности черезъ вражескій станъ по зыбучей трясинѣ.

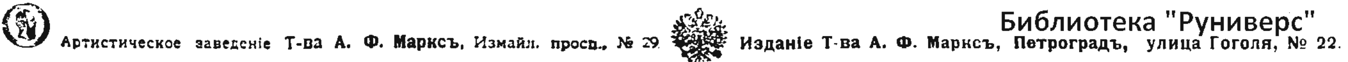
А въ концѣ сообщалось о славной, геройской смерти казака той же казачьей станицы Данилы Забуруннаго, отдавшаго жизнь за святое и правое дѣло.

„Миръ праху твоему, старый герой,—говорилось въ приказѣ:—да сохранитъ потомство честное имя твое славное, и да послужитъ твой подвигъ примѣромъ будущимъ поколѣніямъ храбрыхъ казаковъ!“

Послѣ приказа служили панихиду.

Возлѣ клироса лежала ничкомъ на полу Данилина старуха, рядомъ съ нею стоялъ на колѣняхъ мальчонокъ, сынишка Ильи, а сзади старухи молилась Маланья Сычева, и молодое лицо ея горѣло пожаромъ отъ сладкой тоски по далекомъ возлюбленномъ.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.


Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.
Библиотека "Руниверс"

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1914 г. № 38 — XLV г. изданія

Выданъ 20 сентября 1914 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. А. Н. Майкова“ кн. 8.

ЗАОЧНЫЕ, САМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ

КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ И ПРОЧИХЪ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ

— С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ —

МОСКВА, Староконюшенный, д. Курилко. 7

АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА. РУЧАТЕЛЬСТВО ВЪ УСПѢХѢ. ТЫСЯЧИ БЛАГОДАРН.

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО УСЛОВІЯ ИЗУЧЕНІЯ КОММЕРЧЕСК. НАУКЪ ПО ПИСЬМЕННЫМЪ ЛЕКЦІЯМЪ, ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.

3237 16—8

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО для ВСѢХЪ.

Не требуется знаній. Доступно всѣмъ. Многимъ хорошій заработокъ.

Популярныя руководства, заслужившія массу благодарностей:

1) Устр. домашн. электр. освѣщ. безъ машинъ.—50 к. 2) Изгот. аккумуляторовъ—40 к. 3) Изгот. сухихъ батареекъ.—30 к. 4) Устан. телефоновъ, электр. звонковъ и сигнализаціи.—50 к. 5) Устр. индукц. медицинск. аппарата.—40 к. 6) Гальванопластика, никкелир., волоч. и пр.—1 руб. 7) Устр. динамо-маш. и электро-мотор. до 500 уатгъ.—1 р. 20 к. 8) Устр. вольтметр., амперометр., реостат. и пр.—65 к.

Пересылка одной книги 10 к., двухъ, трехъ и болѣе — 15 к. За налож. плат. прибавляется 15 к. на всю посылку, независимо отъ числа книгъ.

Всѣ 8 руковод. высыл. за 4 р. 85 к.; съ налож. плат.—5 руб.

Проспекты и отзывы высылаются **безплатно.**

Адр.: Техн. М. А. БОГОЛѢПОВУ, Москва, Бол. Козихинскій пер., д. 4—65. 3243

САМОУЧИТЕЛИ

РЕМЕСЛЪ И ПРОИЗВОДСТВА.

Багетно-рамочное производство—30 к. Устройство водяныхъ двигателей съ 15 рис.—40 к. Устройство вѣтряныхъ двигателей съ 27 рис.—40 к. Производство дрожжей—30 к. Жестяныя работы съ 68 рис.—40 к. Зеркальное производство—30 к. Золоченіе и серебреніе по дереву и металлу съ 14 рис. — 30 к. Каменная кладка съ 41 рис. — 40 к. Клееночное производство — 30 к. Кожевенное производство съ 5 рис.—30 к. Колбасное производство съ 40 рис.—50 к. Корзиночное производство съ 52 рис.—30 к. Красильщикъ-любитель—30 к. Крахмальное производство съ 11 рис.—30 к. Кровельное дѣло съ 86 рис.—30 к. Кузнецъ-любитель съ 46 рис.—30 к. Луженіе, паяніе и никелированіе — 30 к. Маслобойное производство съ 23 рис.—25 к. Мукомольное производство съ 27 рис.—50 к. Мыловаръ-практикъ съ 36 рис. — 40 к. Переплетчикъ-любитель съ 76 рис. — 35 к. Печное дѣло съ 22 рис.—40 к. Плотникъ-любитель съ 85 рис.—30 к. Полировка, шлифовка и лакировка—50 к. Постройка лодокъ съ 76 рис.—50 к. Починка резиновыхъ галошъ—20 к. Приготовленіе лампаднаго масла—30 к. Приготовленіе колесной, сбруйной и копытной мази—30 к. Приготовленіе ваксы—25 к. Приготовленіе минеральныхъ красокъ—30 к. Протрава и окраска дерева въ разные цвѣта—50 к. Приготовленіе прохладительныхъ напитковъ — 35 к. Рѣзчикъ-любитель съ 60 рис. — 30 к. Сапожникъ-любитель съ 47 рис.—40 к. Скорняжное дѣло—30 к. Слесарь-любитель съ 62 рис. — 30 к. Столярное ремесло съ 100 рис. — 40 к. Токарь-любитель съ 12 рис.—30 к. Какъ устроить небольшой мыловар. заводъ—30 к. Фотографъ-любитель съ 68 рис. — 40 к. Часовщикъ-любитель съ 28 рис. — 30 к. Чернильное производство—30 к. Шорно-сѣдельное дѣло съ 25 рис.—30 к. Штукатурное дѣло съ 22 рис. — 30 к. Винодѣлія, плодовое и ягодное съ 9 рис. — 30 к. Жерновъ вовка съ 34 рис.—30 к. Землемѣръ сельскій съ 43 рис.—30 к. Квасоваръ-любитель—30 к. Кондитеръ-практикъ—35 к. Кожи, окрашиваніе—30 к. Пивовареніе домашнее съ 8 рис.—30 к. Карамел.-конфектное производство съ рис.—75 к. Слесаря и токаря по металлу, спутникъ съ рис.—50 к. Кузнечно-слесарныя работы съ рис.—80 к. Ремесленникъ-любитель—30 к. Спутникъ механика съ 113 рис.—1 р. Спутникъ фотографа съ 108 рис.—1 р. Столярно-токарное и мебельное ремесло съ 125 рис. въ текстѣ и 75 рис. мебели на отд. листахъ—1 р. 75 к. Полный курсъ малярнаго дѣла съ 60 рис.—1 р. Полный курсъ переплетнаго ремесла съ 203 рис.—1 р. Полный курсъ часового ремесла съ 87 рис. 1 руб. Портландъ-цементъ и др. связывающ. вещества—60 к. Устройство воздушнаго тормоза—50 к. Обойщикъ-любитель—30 к. Туалетныя мыла съ рис.—60 к. Керосиновые и бензин. двигатели съ 29 рис.—40 к. Нефтяныя двигатели — 40 к. Газовые двигатели съ 40 рис. — 80 к. Парфюмеръ домашній—30 к.

Книжный магазинъ **П. КОМИСАРЕНКО.**

МОСКВА, Уланскій пер., д. № 30—4.

За пересылку взимается по почтовой таксѣ.

Каталогъ книгъ БЕЗПЛАТНО.

3242

Шартрезскіе монахи

изгнанные изъ Франціи и лишенные владѣнія только во Франціи ихъ старинныхъ марокъ, проданныхъ съ публичныхъ торговъ, унесли съ собою свой секретъ. Они фабрикуютъ теперь ихъ извѣстный ликеръ въ Таррагонѣ (Испанія). Эта фабрикація продолжается по способу, секретъ котораго они сохранили. Измѣнилась только форма бутылки. Посмотрите на нее внимательно, чтобы не смѣшивать таковую. Въ ожиданіи разрѣшенія въ Россіи процесса, начатаго по дѣлу о прежнихъ маркахъ, надо требовать эту бутылку, спрашивая

ликеръ, фабрикуемый въ Таррагонѣ

ШАРТРЕЗСКИМИ МОНАХАМИ

или просто требовать **ТАРРАГОНЪ**

Продажа во всѣхъ первоклассныхъ виноторговляхъ.

НЕВРАСТЕНІЯ

и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, невральгіи, спинная сухотка, параличи, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“, интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ Пель и С-вья С.П.Б.

Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Библиотека "Руниверс"

УВЕЛИЧЕНІЕ ПОРТРЕТОВЪ

Пришлите намъ Вашу фотогр. карточку и мы чр. 15 дн. вышл. Вамъ худож. увелич. портр. въ изящн. паспарту и баг. рамѣ 10×12 вер. всего за 2 р. 50 к. налож. пл. Петроградъ, Пантелеймонская, 8. Ателье изящной свѣтописи Г. Д. Шишкарева. Пригл. представители — условія за 4 коп. марку. Фирма сущ. съ 1903 г. 824

ЗАИКАНІЕ

Радикальн. отвыкан. в Лѣчебном Кабинетѣ Гг. М. Вагнер, Петроград, Невскій, 53. Патентов. в Россіи, Франц., Бельг., Венгр. аппарат. Брошюры безплатно. 8233 6 2

КУРСЫ Счетоводства **Г. К. БУРЕНКО.**

Первые частн. курсы въ Кіевѣ. На курс. прох. бухгалт., коммерч., банков. и фабр.-заводскую. Пріемъ лицъ обоего пола во всяк. время. Усл. и прогр. высыл. безпл. Кіевъ, Прорѣзная, № 16. 8231 5-9

Конторскую скоропись, рондо, готикъ обучаю **заочно** каждаго въ 6 уроковъ. Въ 15 уроковъ исправляю самый дурной почеркъ. За 5 семик. марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условія. Одесса. Проф. Каллиграфіи Адольфъ **КОССОДО**, Дерибасовская. д. № 19

НЕ КУРИ!

Желающимъ бросить курить высылается безплатно проспектъ, указывающій путь, какъ избавиться отъ этой вредной привычки. Москва, Уланскій пер., д. № 30—4. П. КОМИСАРЕНКО. 8230 (21)

Новыя изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

ДВѢ КАРТЫ

ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

Подъ редакціей проф. **Ю. М. ШОКАЛЬСКАГО.**

1) ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА СРЕДНЕ-ЕВРОПЕЙСКАГО ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

(Россія, Франція, Англія, Бельгія, Австро-Венгрія и Германія), печатанная шестью красками, размѣромъ 82×120 сантиметровъ. Въ масштабѣ 1 : 2.100.000 (50 верстъ въ дюймѣ).

Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ всѣхъ (около 10.000) географическихъ названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія.

2) ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА ЮЖНАГО ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

(Россія, Сербія, Черногорія, Австро-Венгрія, Италія, Греція Болгарія, Румынія, Турція, Албанія и Швейцарія), печатанная шестью красками, размѣромъ 80×90 сантиметровъ (50 верстъ въ дюймѣ).

Съ картой Малой Азіи и Кавказа.

Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ всѣхъ (свыше 9.000) географич. названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія.

Цѣна каждой картѣ одинъ рубль.

Иногородные за пересылку не платятъ.

Требованія и деньги просимъ адресовать **въ Контору изданій Т-ва А. Ф. МАРКСЪ**, Петроградъ, улица **Гоголя, № 22.** Изданія эти имѣются также **въ конторѣ Н. Н. Печковской въ Москвѣ** (Петровскія линіи), въ **кн. магазинѣ „Образованіе“ въ Одессѣ** (Дерибасовская, 18) и во всѣхъ больш. книжн. магазинахъ.

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Чеховъ, Ант. „Вишневый садъ“. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна съ перес. **40 к.**

НОВАЯ КНИГА.

ЮРИДИЧЕСКІЙ СПРАВОЧНИКЪ.

Краткое содержаніе книги: Бракъ. Опека и попечительство. Раздѣльное жительство супруговъ. Духовныя завѣщанія и наслѣдованія по закону. Мировой, волостной и Верхній сельскій суды. Землеустройство. Воинская повинность. Кооперація и мелкій кредитъ. Желѣзнодорожныя почтовыя правила. Вознагражденія нотаріусовъ. Устройство сельскохозяйственныхъ обществъ. Казенныя и мірскія повинности. О выборахъ въ Государственную Думу. Уѣздная и полицейская стража. Переселеніе на казенныя земли. Принудительное отчужденіе недвижимыхъ имуществъ. Льготный отпускъ лѣсныхъ матеріаловъ. Административное устройство Россіи. Дѣлопроизводство въ Волостныхъ правленіяхъ. Формы дѣловыхъ бумагъ. Формы прошеній на Высочайшее Имя. Образцы прошеній, заявленій, отзывовъ, жалобъ, кассацій, апелляцій, приговоровъ и проч. Права и обязанности сельскихъ должностныхъ лицъ и проч. и проч. Въ книгѣ 512 стр. убористаго текста на хорошей бумагѣ. Составилъ **П. Ѳедосѣевъ.** Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылкой 1 руб. 85 коп. Съ требованіями обращаться: **МОСКВА, Уланскій пер., д. № 30—4. Книжный магазинъ П. К. КОМИСАРЕНКО.** Каталогъ книгъ безплатно. 8241

ВОЙНА НЕ МѢШАЕТЪ РАБОТАТЬ.

На многочисленные запросы заинтересованныхъ лицъ сообщаемъ, что война не мѣшаетъ намъ работать:

КАКЪ ПРЕЖДЕ, мы продаемъ наши быстровязальныя автоматическія машины **„Викторія“** по цѣнѣ Р. 100.—.

КАКЪ ПРЕЖДЕ, всякій, купившій машину, становится нашимъ сотрудникомъ.

КАКЪ ПРЕЖДЕ, мы платимъ за работу дюжины паръ чулокъ или носковъ нашимъ сотрудникамъ по Р. 1.50.

КАКЪ ПРЕЖДЕ, наши сотрудники зарабатываютъ ежемѣсячно Р. 50.— и болѣе. 3295 2-2

Машины и разнообразная пряжа въ большомъ запасѣ на складѣ. Машина вѣситъ около 1 пуда, желающимъ высылается по почтѣ. Подробности по первому требованію безплатно.

Товарищество Вязальныхъ Машинъ ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ КЮНАУ и Ко (Лондонъ, E. C. 114 Leadenhall Street).

ПЕТРОГРАДЪ, Невскій, 40—42. Отд. 11 В. МОСКВА, Красныя ворота, д. Афремова. Отд. 11 В. Нижній-Новгородъ. Главный домъ, 68.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Опроверженіе слуховъ о мирѣ. Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатано: Въ послѣдніе дни особенно часто появляются извѣстія о переговорахъ дипломатическихъ представителей, съ цѣлью подготовить почву для будущей мирной конференціи, о созывѣ въ Вашингтонѣ совѣщанія представителей великихъ державъ для предварительнаго обсужденія условій будущаго мира и т. д. Всѣ эти извѣстія, по свѣдѣніямъ министерства иностранныхъ дѣлъ, не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Ни одна изъ воюющихъ державъ тройственнаго согласія до сихъ поръ не предпринимала рѣшительно никакихъ шаговъ въ этомъ направленіи, а также и никого не уполномочивала созывать предварительныя совѣщанія. Правительства державъ тройственнаго согласія всецѣло поглощены войною, а потому находятъ, что переговоры о мирѣ были бы несвоевременны.

Крѣпость Ярославъ. Ярославъ, занятый нашими доблестными войсками, является сильнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ въ 35 верстахъ отъ Перемышля и 30 верстахъ отъ русской границы. Своими предмостными укрѣпленіями онъ прикрывалъ важную переправу черезъ рѣку Санъ и господствовалъ надъ находящейся въ двухъ верстахъ желѣзнодорожной переправой на линіи отъ Равы Русской. Кромѣ того, въ Ярославѣ находились значительные военные склады, широко развитая станція на линіи Краковъ — Львовъ. Гарнизонъ Ярослава могъ превышать 10,000. Укрѣпленія его расположены на обоихъ берегахъ рѣки Сана: на правомъ три отдѣльныхъ укрѣпленія, на фронтѣ въ пять верстъ съ сильнымъ фортомъ въ тылу и на лѣвомъ берегу свыше 16 укрѣпленій на фронтѣ въ 7½ верстъ.

Эти свѣдѣнія относятся ко времени до начала войны. Несомнѣнно, что ходъ событій на галиційскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій способствовалъ увеличенію Ярослава, усиленію его обороноспособности, усовершенствованію и широкому развитію его фортификаціонныхъ сооруженій. Въ Ярославѣ группировались силы австрійцевъ, превышающія гарнизонъ его укрѣпленій.

Крѣпость Перемышль. Находящаяся на пути нашей доблестной арміи на австрійскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій крѣпость Перемышль, послѣ Львова и Ярослава, — главнѣйшая опора и надежда разбитыхъ австрійскихъ армій. Перемышль — новѣйшая и сильнѣйшая крѣпость на всей австрійской территоріи. Наружный поясъ его фортовъ, длиной болѣе чѣмъ на 40 верстъ, состоитъ изъ 42-хъ крѣпостей-фортовъ, отстоящихъ на 6 — 6½ — 7 верстъ отъ центральнаго огражденія. Это — въ полномъ смыслѣ первоклассная европейская крѣпость, оборудованная и вооруженная по послѣднему слову военной техники.

Крѣпость Перемышль преграждаетъ путь между рѣками Саномъ и Днѣстромъ и прикрываетъ перевозку войскъ изъ-за Карпатъ и обратно, а также прикрываетъ всѣ пути на Будапештъ и Краковъ.

Гарнизонъ крѣпости состоитъ изъ 50 — 60,000 человѣкъ. Населеніе города — около 54,000 жителей. Городъ не имѣетъ политическаго или торговаго значенія, а только чисто-военное.

Самый городъ Перемышль расположенъ на правомъ берегу рѣки Сана и соединяется со своимъ предмѣстьемъ Засанье, на лѣвомъ берегу, желѣзнодорожнымъ и шоссейнымъ мостами. Кромѣ этого предмѣстья, имѣются еще три: Подзамчи, Подгорное и Львовское.

Привѣтствіе арміямъ союзниковъ, сражающихся противъ Германіи. Въ чрезвычайномъ засѣданіи генеральнаго совѣта въ Бордо предсѣдатель его, Монисъ, обратился со слѣдующею рѣчью: «Мы привѣтствуемъ побѣдоносную Россію, безчисленныя войска которой во имя общаго торжества постарались сократить и время и пространство, привѣтствуемъ Англію, являющую столь высокіе примѣры военнаго знанія, спокойной отваги и несокрушимаго упорства; славную Бельгію, вызывающую восхищеніе всего міра своимъ геройскимъ сопротивленіемъ возмутительнѣйшему нарушенію ея нейтралитета; храбрую Сербію, натискъ которой сокрушаетъ передъ собою всѣ преграды, и наконецъ Японію, великаго піонера европейской цивилизаціи въ Азіи. Когда Франція будетъ избавлена отъ врага, эти соединенныя силы обезпечатъ окончательное установленіе новаго порядка вещей въ Европѣ, основывающагося на принципѣ справедливости и долженствующаго, путемъ устраненія навсегда нынѣшняго чудовищнаго милитаризма, водворить во всемъ мірѣ спокойствіе и свободу».

Отмѣна чарки во флотѣ. Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу морскимъ министромъ постановленія Адмиралтействъ-Совѣта, Высочайше повелѣть соизволилъ:

Библиотека "Руниверс"

I. Въ измѣненіе ст. 272 кн. XIII св. морск. пост., выдачу чарки вина натурою прекратить.

II. Предусмотрѣнный въ ст. 290 кн. XIII отпускъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ добавочныхъ чарокъ вина замѣнить, въ предѣлахъ стоимости вина, отпускомъ дополнительнаго пищевого довольствія, по представленіямъ въ каждомъ случаѣ врача команды.

Поставка одежды для армія. На Главное Управленіе Землеустройства и Земледѣлія возложено снабженіе арміи нѣкоторыми предметами одежды: фуфайками, перчатками, сапогами и полушубками. Вѣдомство пригласило земства устроить артели кустарей, при чемъ будетъ снабжать ихъ матеріалами и орудіями производства. Подольская, Московской губерніи, земская управа организовала изготовленіе вязаныхъ фуфаекъ, при чемъ не одна сотня вязальныхъ машинъ была роздана кустарямъ изъ партіи, закупленной вѣдомствомъ земледѣлія. Боровичская, Новгородской губ., земская управа организовала кустарное вязанье теплыхъ перчатокъ. Заготовка сапогъ производится, при посредствѣ земствъ, кустарными артелями въ губерніяхъ: Курской, Полтавской, Кіевской, Тверской, Владимірской, Воронежской и Пермской. Изготовленіе полушубковъ приняли на себя губернскія земскія управы: Нижегородская, Пермская, Симбирская, Калужская, Пензенская, Владимірская, Вятская и Кіевская; кромѣ того, къ этому дѣлу привлечены кустари Тюменскаго уѣзда, гдѣ шубный промыселъ развитъ очень широко. Закупка сырья, пріемка готовыхъ издѣлій и сдача ихъ интендантству возложены на особую комиссію, находящуюся въ Москвѣ и состоящую изъ представителей кустарныхъ кооперативовъ, земствъ и главнаго управленія землеустройства и земледѣлія.

Заготовка продовольствія для арміи. Главноуполномоченный Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія по закупкѣ хлѣба для арміи, тайный совѣтникъ Г. В. Глинка посѣтилъ городъ Кіевъ и Воронежскую, Полтавскую, Харьковскую и Курскую губерніи для ознакомленія на мѣстѣ съ организацієй пріема хлѣба, закупленнаго уполномоченными вѣдомства, и для разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ о заготовкахъ овса и ржаной и пшеничной муки. На мѣстахъ выяснилось, что закупки хлѣба для нуждъ арміи вездѣ проходятъ въ высшей степени успѣшно, и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ до истеченія назначенныхъ сроковъ полностью закуплено то количество хлѣба, которое было для нихъ опредѣлено. При этомъ уполномоченными закуплена только небольшая часть имѣющихся у населенія запасовъ свободнаго хлѣба, и заготовка хлѣба могла бы быть продолжена на прежнихъ условіяхъ. Нѣсколько поѣздовъ закупленнаго уполномоченными хлѣба уже отправлены въ магазины арміи.

Теплыя вещи для армій. Приводимъ нѣсколько практичныхъ мыслей офицера о томъ, какъ должно снабдить «тепломъ» нашу армію. При посылкѣ теплыхъ вещей въ армію необходимо сообразоваться съ условіями походной обстановки и быть осмотрительными въ ихъ выборѣ.

Мѣховые тулупы и полушубки стѣсняютъ свободу движеній и вредны для здоровья, распространяя простуду. Въ сырую погоду они намокаютъ, становятся тяжелыми и киснутъ. Какъ человѣкъ, весьма часто бывавшій и осенью, и зимой на воздухѣ, и какъ охотникъ,—пишетъ этотъ офицеръ,—рекомендую всѣмъ жертвователямъ изготовлять и высылать въ армію: фуфайки, теплыя панталоны, прямые шерстяные чулки, варежки и теплые охотничьи жилеты съ рукавами. Эти жилеты для солдатъ предпочтительнѣе дѣлать изъ парусины или грубаго холста на такой же подкладкѣ. Между верхомъ и подкладкой должно быть положено что-либо задерживающее теплоту (вата, фланель, бумазея). Жилетъ, конечно, долженъ быть простеганъ. На спинѣ слой ваты (фланели и т. п.) нужно сдѣлать толще. Одна пола жилета должна далеко заходить на другую. Петель и пуговицъ не нужно. Вмѣсто нихъ можно по краю одной полы крѣпко пришить круглыя толстыя металлическія кольца. Такія же кольца пришиваются и на другой полѣ жилета, гдѣ обыкновенно пришиваются пуговицы. Приближая одно кольцо къ другому, солдатъ всѣ кольца сразу можетъ продѣть ремешкомъ. Стоимость такого жилета ничтожна, а изготовленіе его просто и не требуетъ много времени. Солдаты могутъ надѣвать ихъ подъ свои рубашки и кителя защитнаго цвѣта.

Лазаретъ Виленскаго уѣзднаго мѣстнаго Комитета Краснаго Креста. На стр. 739 «Нивы» помѣщены видъ лазарета Виленскаго Комитета Краснаго Креста и группа членовъ Комитета и врачебнаго персонала. Лазаретъ этотъ заслуживаетъ особаго вниманія, какъ находящійся близъ театра военныхъ дѣйствій, и ему придется быть на передовых позиціяхъ милосердія, осѣненныхъ Краснымъ Крестомъ. Чѣмъ болѣе будутъ притекать въ лазаретъ средства, тѣмъ шире сможетъ онъ развернуть свою благостную помощь нашимъ раненымъ. Приводимъ воззваніе Комитета:

Вся Россія поднялась, какъ одинъ, на защиту родного очага отъ злѣйшаго и сильнаго врага. Наша храбрая армія выступила уже на поле брани для встрѣчи съ врагомъ. Помоги ей Богъ! Укрѣпи и защити!

Въ тотъ моментъ, когда наши отцы, братья и сыновья грудью стоятъ за честь нашей дорогой родины, нашъ долгъ, всѣхъ оставшихся подъ роднымъ кровомъ, помочь раненымъ и больнымъ воинамъ. Виленскій Уѣздный Комитетъ устраиваетъ въ Веркахъ (въ Іерусалимкѣ, у Кальваріи) лазаретъ на нѣсколько десятковъ кроватей. Жертвуйте всѣ, кто что можетъ: деньги, холстъ, полотенца, одѣяла, сукно, теплыя вещи, халаты, туфли, носки, муку, крупу, сало, соль, свѣчи, вино, сахаръ, мыло, табакъ, чай, кофе, посуду и другія вещи. Глубоко вѣруя въ сердечную отзывчивость населенія, Комитетъ увѣренъ, что онъ сумѣетъ дать раненымъ и больнымъ воинамъ теплый уголъ, здоровую пищу и согрѣетъ ихъ своей заботливой любовью. Пожертвованія принимаются: 1) Уѣзднымъ Предводителемъ Дворянства — въ уѣздномъ воинскомъ присутствіи (Антоколь); 2) Дворяниномъ Л. В. Заіончковскимъ—въ Веркахъ; 3) Іеромонахомъ Іоной—въ Тринополѣ; 4) Настоятелемъ костела въ Кальваріи; 5) всѣми волостными правленіями Виленскаго уѣзда, и 6) другими лицами, уполномоченными Комитетомъ.

Генералъ По. Имя генерала По послѣ генералиссимуса Жоффра—самое любимое и популярное во французской арміи. Если Жоффръ, прославившійся теперь на весь міръ своимъ стратегическимъ планомъ войны съ Германіей, считается холоднымъ, строгимъ организаторомъ, то генералъ По, старый, пылкій солдатъ, «быстрый, какъ порохъ», «генералъ-впередъ», «желѣзная рука». Такъ прозвала его армія, и одно сознаніе, что въ ея рядахъ движется величавая фигура По, наэлектризовываетъ солдатъ и смѣло ведетъ ихъ въ атаку на непріятеля. Блестящія побѣды арміи По въ Эльзасѣ выдѣлили его изъ ряда другихъ французскихъ генераловъ. Генералъ По родился въ 1845 году въ Монтелимарѣ. Свои солдатскіе завѣты онъ принялъ отъ отца, который самъ дослужился до чина капитана. Окончивъ Сенъ-Сирскую школу и вступивъ въ ряды арміи, молодой По, въ чинѣ подпоручика 78-го армейскаго полка, 6-го августа 1870 г. уже принималъ участіе въ сраженіи при Фрешвильерѣ. Его полкъ тамъ отличился, но понесъ огромныя потери. Среди раненыхъ, упавшихъ на самомъ полѣ сраженія, былъ и подпоручикъ По, тяжело раненый осколками гранаты въ лѣвое бедро и въ правую руку. Рана въ руку была настолько тяжела, что пришлось ампутировать кисть руки. Этимъ объясняется его прозвище: «желѣзная рука». Едва оправившись отъ своихъ ранъ, По уже отправился въ восточную армію и принималъ участіе въ ея блестящихъ операціяхъ подъ командой генерала Брессоля. Здоровье его далеко не было возстановлено, но, фанатикъ своего долга, молодой офицеръ дѣлалъ надъ собой нечеловѣческія усилія, и только послѣ перехода французскихъ войскъ въ Швейцарію товарищамъ удалось уложить его въ госпиталь Безансона. Пройдя къ 1903 году всѣ ступени военной іерархіи вплоть до дивизіоннаго генерала, въ 1913 году генералъ По, по закону о предѣльномъ возрастѣ, принужденъ былъ выйти въ отставку.

Однако популярность его въ арміи была такъ велика, что при первыхъ выстрѣлахъ правительство поспѣшило призвать старика-генерала и довѣрить его командованію армію, готовившуюся итти въ Эльзасъ. И вотъ этотъ почти 70-лѣтній старикъ-генералъ за мѣсяцъ войны успѣлъ выказать блестящія способности боевого вождя, непоколебимую стойкость, стремительный натискъ и неизсякаемую энергію. Въ Эльзасѣ онъ дважды отбилъ у нѣмцевъ Мюльгаузенъ (Мюлузъ).

Вынужденный отступить передъ превосходными силами непріятеля, черезъ нѣсколько дней онъ уже оказался на другомъ отвѣтственномъ посту и тамъ нанесъ германскимъ войскамъ жестокое пораженіе въ лѣсахъ департамента Соммъ.

Германскія суда, разбрасывающія мины. Число жертвъ германскаго миннаго загражденія въ Сѣверномъ морѣ увеличивается съ каждымъ днемъ, особенно среди англійскихъ рыболовныхъ пароходовъ. Германцы съ поразительной энергіей продолжаютъ разбрасывать минныя загражденія по всему морю, а англичане не перестаютъ вытраливать ихъ. Несмотря, однако, на самоотверженную работу британскихъ тралящихъ партій, несчастья и взрывы съ судами не прекращаются. Это производитъ угнетающее впечатлѣніе въ Англіи; страна требуетъ, чтобы такъ или иначе были приняты рѣшительныя мѣры для обезпеченія плаванія мирныхъ и нейтральныхъ судовъ въ Сѣверномъ морѣ.

Извѣстный авторитетъ по военно-морскимъ вопросамъ, г. Арчибальдъ Гердъ сообщаетъ, что среди офицеровъ британскаго флота назрѣла мысль о желательности использовать для этого плѣнныхъ германцевъ и насильно подъ надлежащей охраной заставить ихъ работать на судахъ англійскихъ тралящихъ партій. «Такой пріемъ, можетъ быть, противорѣчитъ существующимъ законамъ, — говоритъ Гердъ: — но нельзя считаться съ законами, борясь противъ врага, который самъ ихъ открыто нарушаетъ. Постановка минныхъ загражденій на открытыхъ водныхъ путяхъ есть нарушеніе всѣхъ человѣческихъ и божескихъ законовъ, и поэтому, что дьяволъ надѣлалъ, то пусть дьяволъ и расхлебываетъ».

До какого изощренія и предательства доходятъ германскіе моряки, не желающіе уступать въ этомъ своимъ собратьямъ въ арміи, можно видѣть изъ того, что они, завидя англійскія суда, спускаютъ на море спасательныя лодки, къ которымъ прикрѣплены подъ водою мины. Англичане, видя лодки и предполагая, что на нихъ погибаютъ люди, спѣшатъ къ нимъ на помощь и, ударившись о мины, гибнутъ.

Какъ адресовать письма сестрамъ милосердія. Письма сестрамъ милосердія, находящимся на театрѣ военныхъ дѣйствій какъ въ лѣчебныхъ заведеніяхъ Краснаго Креста, такъ и въ учрежденіяхъ военнаго вѣдомства, надлежитъ на общихъ основаніяхъ адресовать слѣдующимъ образомъ: Дѣйствующая армія, наименованіе лѣчебнаго заведенія (напримѣръ: Полевой подвижной госпиталь N..., или запасный госпиталь N...) сестрѣ милосердія—имя, отчество и фамилія. Мѣсто же расположенія госпиталя въ адресѣ не должно обозначаться. Открытыя письма и простая кореспонденція отправляются безплатно.

Табачокъ солдатамъ. По свѣдѣніямъ, приходящимъ изъ дѣйствующей арміи, у нашихъ солдатъ нѣтъ табаку — махорки... А между тѣмъ солдату, зашедшему за сотни верстъ отъ дома, лишенному писемъ и всякихъ вѣстей изъ Россіи, окруженному чуждымъ бытомъ, въ неустанномъ трудѣ только и осталось отрады, что выкурить на бивакѣ, у костра, за чайкомъ—добрую цыгарку или люльку. Но ни махорки, ни бумаги у нихъ уже нѣтъ.

Швабскій звѣрь. Лица, пріѣхавшія въ Варшаву изъ Люблина, передаютъ, что туда доставленъ «швабскій звѣрь»—взятый въ плѣнъ прусскій маіоръ Прейскеръ, бывшій комендантъ Калиша. Это — здоровый дѣтина, съ типично прусскимъ наглымъ лицомъ и мутными глазами. Когда этого «звѣря» вели съ партіей плѣнныхъ по улицѣ и изъ толпы раздались крики и проклятія, Прейскеръ трусливо замѣшался въ толпу плѣнныхъ, стараясь скрыться. Зато въ заключеніи, подъ конвоемъ нашихъ солдатъ, Прейскеръ принялъ пришедшаго къ нему русскаго офицера сидя, нагло развалившись въ креслѣ. Конвойные «помогли» ему подняться и вытянуться во фронтъ. Кромѣ Прейскера, нашими войсками взятъ въ плѣнъ и другой «швабскій звѣрь»—капитанъ Шмидтъ, живьемъ сжигавшій жителей деревень, запирая ихъ въ хатахъ.

Искъ объ убыткахъ въ Калишѣ. Въ числѣ разрушенныхъ пруссаками въ Калишѣ домовъ многіе принадлежали нѣмцамъ, германскимъ подданнымъ, понесшимъ значительные убытки. По словамъ «Варшавской Мысли», нѣмцы эти уполномочили адвоката предъявить къ германскимъ нѣмецкимъ властямъ искъ въ $2^1/_2$ милліона руб. въ возмѣщеніе причиненныхъ убытковъ.

По стопамъ казака Козьмы Крючкова. Корреспондентъ «Нов. Вр.» изъ Люблина сообщаетъ новый подвигъ казака-добровольца Ловина. Ловинъ выходитъ на

Библиотека "Руниверс"

развѣдки одинъ, вылетаетъ изъ лѣса и кричитъ: «Взводъ за мной», чѣмъ терроризируетъ австрійцевъ. Первый разъ онъ привелъ троихъ плѣнныхъ съ офицеромъ, которому отрубилъ палецъ, когда тотъ хотѣлъ его застрѣлить. Второй разъ онъ забралъ девять австрійцевъ и доставилъ всѣхъ по начальству. Казаки вообще проявляютъ изумительную храбрость, сообразительность, находчивость и умѣніе пользоваться растерянностью непріятеля.

Другой казакъ—Дьяковъ—превзошелъ и Крючкова и Ловина. Казакъ Дьяковъ взялъ въ плѣнъ трехъ офицеровъ, 19 нижнихъ чиновъ и 32 лошади.

Трауръ внутри насъ. Въ Англіи,—этой странѣ сильнаго характера, джентльменства и самобытности,—дамы рѣшили не носить траура по близкимъ, павшимъ на войнѣ. Рѣшеніе это продиктовано не черствостью, не сухостью души, а глубокой деликатностью. Давая извѣстное утѣшеніе носящему его, трауръ навѣваетъ грусть и уныніе на окружающихъ. И англичанки рѣшили: «Горе это мое кровное, внутреннее, неизбывное. У каждаго, теперь есть собственное горе, своя тревога за судьбу близкаго, родного на полѣ брани. Зачѣмъ же затягивать ихъ душу чужимъ трауромъ? Зачѣмъ пріобщать ихъ къ чашѣ, которая меня не миновала, а ихъ, можетъ быть, минуетъ? Горе мое, и я должна замкнуть его въ себѣ». Сколько вѣковъ гражданства должно было протечь надъ этой «страной тумановъ», чтобы выковать такихъ ясныхъ стоиковъ!

Облаченія для церквей Галиціи. Учрежденное Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княгинею Елисаветою Ѳеодоровною отдѣленіе Комитета по сбору пожертвованій въ пользу бѣднѣйшихъ храмовъ «Церковная лепта», по приказанію Своей Августѣйшей Учредительницы, посылаетъ въ распоряженіе генералъ-губернатора занятыхъ нашими войсками мѣстностей Галиціи, генералъ-адъютанта гр. Бобринскаго, изготовленныя въ «лептѣ» десять полныхъ священнослужительскихъ облаченій для галиційскихъ церквей.

Бельгійскій король Альбертъ среди солдатъ. Мы уже сообщали о томъ, что бельгійскій король объѣзжаетъ передовыя линіи, восторженно привѣтствуемый войсками. Король останавливаетъ свой автомобиль и съ улыбающимся лицомъ пожимаетъ протягиваемыя ему руки своихъ «товарищей». «Мы—товарищи,— поясняетъ онъ офицерамъ,—всѣ мы обязаны стоять другъ за друга и жать солдатскія руки».

Сообщаютъ новый интересный фактъ изъ боевой жизни короля.

У одного солдата король Альбертъ замѣтилъ въ рукѣ конвертъ:

— Письмо къ роднымъ? Передайте мнѣ это письмо, я его отправлю.

Массу подобныхъ солдатскихъ писемъ король лично отвозитъ въ главную квартиру.

Использованіе труда военноплѣнныхъ. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ обратилось 1-го сентября сего года къ начальникамъ неземскихъ губерній и областей съ предложеніемъ выяснить и немедленно донести, какія казенныя и общественныя работы и на какое число рабочихъ можно намѣтить въ соотвѣтствующихъ мѣстностяхъ, при условіи безвозмездняго и продуктивнаго привлеченія къ этимъ работамъ военноплѣнныхъ.

При этомъ Министерство предлагаетъ обратить особое вниманіе на дорожныя, мостильныя и вообще строительныя работы.

Въ русскомъ Львовѣ. Побывавшіе во Львовѣ сообщаютъ, что намъ досталось тамъ много медикаментовъ и перевязочныхъ средствъ. Городъ ночью освѣщается электричествомъ, ходятъ трамваи, открыты рестораны и кинематографы. При наступленіи русскихъ Львовъ покинули преимущественно нѣмцы и мадьяры. Во время бомбардировки переселились въ окрестности города и славяне, но со вступленіемъ русскихъ они возвратились. Войска расплачиваются съ жителями русскими и австрійскими деньгами, при чемъ населеніе даже предпочитаетъ русскіе кредитные билеты. Вечеромъ на улицахъ Львова продаются телеграммы Петроградскаго агентства. На улицахъ Львова вывѣшены объявленія русскихъ властей, нормирующія жизнь.

Австрійцы спаиваютъ своихъ солдатъ. Когда наши войска гнали австрійцевъ, то обнаруживали среди отставшихъ и раненыхъ совершенно пьяныхъ. Начальство австрійской арміи систематически передъ боями спаивало своихъ солдатъ особымъ напиткомъ, составленнымъ изъ смѣси пива и вина. Этотъ напитокъ находили въ баклажкахъ у раненыхъ и отставшихъ австрійцевъ. Мало того, что солдатъ спаивали передъ боемъ, имъ еще давали этотъ напитокъ на дорогу. Заботясь о спаиваніи своихъ солдатъ, австрійцы одновременно совершенно не думали объ ихъ прокормленіи. Попавшіе къ намъ въ плѣнъ жаловались, что они 9 дней не ѣли ничего горячаго.

Подвигъ маіора Мамеша. Имя маіора Мамеша вписано отнынѣ золотыми буквами въ исторію Бельгіи,—этой страны героевъ. Подъ долговременнымъ натискомъ огромныхъ полчищъ германцевъ одинъ изъ фортовъ Льежа—Шодфонтэнъ—палъ. Отъ него ничего не осталось. Но его уничтожили не нѣмецкія пушки, и надъ нимъ никогда не будетъ развѣваться нѣмецкій орелъ въ знакъ побѣды нѣмцевъ.

Фортъ воздымался надъ желѣзнодорожной линіей въ Аахенъ и представлялъ собою для нѣмцевъ громадное значеніе. А потому онъ все время былъ подъ огнемъ нѣмецкихъ пушекъ; когда командовавшій фортомъ маіоръ Мамешъ убѣдился въ томъ, что далѣе защищаться безполезно, отступленіе же было отрѣзано, онъ приказалъ немногимъ, оставшимся въ живыхъ, солдатамъ поджечь все, что только было возможно. Приказаніе было исполнено, и фортъ запылалъ; тогда онъ велѣлъ собрать въ одно мѣсто взрывчатыя вещества, находившіяся въ фортѣ, созвалъ къ себѣ всѣхъ солдатъ и взорвалъ фортъ. Такъ умираютъ герои. Такъ отстаиваютъ родину въ Бельгіи.

Пулеметы, перевозимые на собакахъ. Одинъ изъ бельгійскихъ корреспондентовъ сообщаетъ своеобразную картину: «По дорогѣ я видѣлъ очень оригинальную запряжку въ бельгійскихъ войскахъ. Въ одной изъ деревень расположилась бельгійская пулеметная рота, при чемъ пулеметы были поставлены на колеса съ дутыми резиновыми шинами, какъ у автомобилей. Каждый пулеметъ перевозился при помощи собакъ, напоминавшихъ собою нашихъ овчарокъ. Были запряжки по двѣ и по четыре собаки. По словамъ солдатъ, собаки прекрасно выполняютъ свою службу. Онѣ гораздо понятливѣе лошадей и быстро постигаютъ систему звуковой сигнализаціи. Къ тому же пользованіе собаками очень удобно еще и потому, что собаки требуютъ за собой очень небольшого ухода и надзора.

Кіао-Чао дороже Берлина. Японскимъ безпроволочнымъ телеграфомъ въ районѣ Кіао-Чао перехвачена телеграмма императора Вильгельма губернатору Кіао-Чао слѣдующаго содержанія:

«Предлагаю вамъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы порученная вамъ крѣпость продержалась, по крайней мѣрѣ, полгода. Имѣйте въ виду, что крѣпость Кіао-Чао мнѣ будетъ болѣе стыдно сдать японцамъ, чѣмъ Берлинъ русскимъ».

Самъ-одиннадцать. Недавно черезъ станцію Минскъ по Либаво-Роменской желѣзной дорогѣ прослѣдовала интересная группа изъ старика и 10 молодыхъ людей, въ возрастѣ 20—30 лѣтъ. Всѣ они были одѣты въ казацкую одежду. Оказалось, что старикъ-отецъ везетъ своихъ 10 сыновей на войну. Всѣ они проживали въ разныхъ мѣстахъ и собрались къ отцу, чтобы вмѣстѣ отправиться на театръ военныхъ дѣйствій.

Какъ бросаютъ бомбы съ „Цеппелина". Очевидецъ, наблюдавшій эволюціи боевого «Цеппелина» на войнѣ, разсказываетъ, какъ производится сбрасываніе бомбъ:

«Цеппелинъ» долго носится на значительной высотѣ надъ намѣченнымъ имъ пунктомъ, тщательно избѣгая обстрѣла. Выбравъ затѣмъ необходимое направленіе, онъ быстро снижается, накреняется подъ угломъ до 25—30 градусовъ, задней площадкой внизъ, и изъ спеціально приспособленнаго на этой площадкѣ люка скатывается громадная, въ человѣческій ростъ, бомба съ заостреннымъ концомъ, принимающая въ воздухѣ всегда одно и то же направленіе—концомъ внизъ.

Разрывная сила бомбы страшная. Попадая на землю, она вырываетъ громадную воронку и, разрываясь, разсыпается на мелкіе, далеко разлетающіеся, осколки.

Направлять движеніе этихъ бомбъ въ опредѣленную цѣль, повидимому, очень трудно, тѣмъ болѣе подъ страхомъ постояннаго разстрѣла «Цеппелина» русскими орудіями. Удачное бомбометаніе наблюдалось крайне рѣдко, да и то только тогда, если въ раіонѣ дѣйствій «Цеппелина» не оказывалось русской артиллеріи.

Ружейный огонь для «Цеппелина» не такъ страшенъ. Состоя изъ безчисленнаго количества прикрытыхъ аллюминіемъ оболочекъ, наполненныхъ газомъ, «Цеппелинъ» безъ особаго вреда для себя можетъ быть обстрѣленъ изъ винтовокъ даже на близкомъ разстояніи. Артиллерійскій же огонь является для него губительнымъ.

Сохраняйте спокойствіе. Англійскія газеты обратились къ своимъ согражданамъ съ такимъ воззваніемъ: «Сохраняйте спокойствіе. Не впадайте въ истерику. Не волнуйтесь. Не будьте мрачными и не падайте духомъ. У насъ, вѣроятно, будутъ пораженія. Во всѣхъ войнахъ это случается. Пусть это не вызоветъ паники или унынія. У насъ будутъ, вѣроятно, успѣхи. Пусть это васъ не заставитъ потерять разсудокъ. Сохраните спокойствіе, что бы ни случилось». Британская твердость, несокрушимая вѣра въ свою силу и въ правоту своего дѣла чувствуются въ каждомъ словѣ.

«Единичное пораженіе возможно, какъ возможны и успѣхи, это—непреложный законъ войны. Но,—заканчиваетъ воззваніе,—въ вихрѣ европейскаго урагана каждый англичанинъ долженъ, прежде всего, быть образцомъ британскаго гражданина».

Настроеніе въ Англіи. Пріѣхавшій въ Петроградъ изъ Лондона молодой англійскій писатель-романистъ Персеваль Гиббонъ сообщаетъ въ «Рѣчи» картину общественныхъ настроеній въ Лондонѣ. Въ столицѣ Англіи почти ничего не измѣнилось въ сравненіи съ тѣмъ, что было до войны. Самая значительная перемѣна произошла въ политической жизни: не стало политики. Совершенно замерла дѣятельность суфражистокъ, измѣнившихъ своей шумной боевой тактикѣ ради тихихъ дѣлъ милосердія. Многія суфражистки вошли въ организацію Краснаго Креста. Нѣсколько затихла свѣтская жизнь Лондона, но это просто потому, что чуть ли не изъ каждой свѣтской семьи кто-нибудь ушелъ на войну. Лозунгъ общества такой: «ведите свою жизнь такъ, какъ вели ее до войны».

Лордъ Китченеръ, по словамъ Гиббона, уже получилъ тѣ 500.000 солдатъ, которые ему нужны были. Теперь онъ проситъ еще 500.000 солдатъ для третьей арміи. Онъ ихъ получитъ. Фабриканты условились между собою сохранить въ своихъ предпріятіяхъ всѣ мѣста за молодыми людьми, ушедшими въ армію и рѣшили послѣ войны отдавать преимущество службы лицамъ, бывшимъ на войнѣ. На континентъ Англія послала 300.000 солдатъ. Я видѣлъ, — говоритъ Гиббонъ, — въ Булони наши отряды. На французовъ наши солдаты произвели впечатлѣніе удивительно хорошее. Это лучшія силы нашей арміи. Солдатамъ приказано не вступать въ союзныхъ странахъ ни въ какія интимныя сношенія съ населеніемъ: соблюдать дружелюбную вѣжливость и строго блюсти свое достоинство. На французской территоріи солдатъ встрѣчали съ цвѣтами и выраженіями экспансивной привѣтливости. Наши солдаты молча кланялись, улыбались, но въ разговоры не вступали.

Довѣріе къ національному флоту въ Англіи огромно. Адмиралъ Джелико пользуется безграничнымъ признаніемъ. Англичанину не придетъ въ голову спросить: «отчего нѣтъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ флота?» Всѣ знаютъ, что адмиралъ Джелико знаетъ свое дѣло хорошо и дѣлаетъ то, что надо.

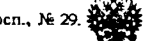
Въ заключеніе Гиббонъ прибавилъ, что Англія запросила колоніи, что онѣ могутъ сдѣлать для Англіи въ военное время. Колоніи отвѣтили:

— Все до послѣдняго шиллинга и до послѣдняго человѣка.

Такъ отвѣтили—Индія, Канада, Австралія, Южная Америка, Новая Зеландія и многіе острова. Въ распоряженіи Англіи цѣлыя арміи черныхъ войскъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ" 1914 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" со всѣми приложеніями: Безъ дост. въ Петроградѣ 6 р. 50 к., съ дост. 7 р. 50 к.; съ перес. по всей Россіи: на годъ 8 р., на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.  Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Библиотека "Руниверс"

XLV г. | г. XLV

№ 38 | Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложенiй, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ. | 1914

Выданъ 20 сентября 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Содержанiе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранiя сочиненiй А. Н. Майкова кн. 8“.

Великая европейская война.

(Хроника военныхъ дѣйствiй).

Послѣ двухъ рѣшительныхъ побѣдъ, одержанныхъ надъ общимъ врагомъ на галицiйскихъ и французскихъ поляхъ битвы, на главныхъ театрахъ военныхъ дѣйствiй наступило относительное затишье. И русская армiя въ Галицiи и франко-англiйская армiя во Францiи были заняты преслѣдованiемъ отступавшаго непрiятеля, стремились возможно шире и полнѣе использовать одержанную побѣду въ смыслѣ внесенiя въ ряды противника полнаго разстройства и деморализацiи. Однако, какъ показали дальнѣйшiя послѣдствiя, слишкомъ оптимистическiе расчеты и надежды въ этомъ направленiи оказались грубо преувеличенными. Если можно еще говорить о полномъ разгромѣ австрiйцевъ въ Галицiи, то у сколько-нибудь объективнаго и научно безпристрастнаго военнаго обозрѣвателя не поднимется перо писать о разгромѣ нѣмцевъ подъ Парижемъ. Истинный же патрiотизмъ не долженъ жить ни сладкими иллюзiями ни сознательнымъ самообманомъ. Офицiальныя реляцiи русскихъ, англiйскихъ и французскихъ военныхъ властей все время были несравненно скромнѣе и суше, чѣмъ выводы и заключенiя слишкомъ пылкихъ и слишкомъ увлекаю-

Прибытiе Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Марiи Θеодоровны, Августѣйшаго Шефа лейбъ-гвардiи Кавалергардскаго Имени Ея Величества полка, на торжество освященiя Кавалергардскаго лазарета для раненыхъ воиновъ, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества.

Библиотека "Руниверс"

Генералъ-лейтенантъ М. В. Алексѣевъ, Высочайше награжденный по представленію Верховнаго Главнокомандующаго орденомъ Св. Георгія 4-й степени.

Трофеи войны. Венгерское знамя съ вензелями и короной императора Франца-Іосифа.

При несомнѣнномъ превосходствѣ полевой французской артиллеріи надъ германской огромный численный перевѣсъ крупнокалиберныхъ мортиръ-гаубицъ оказался на сторонѣ нѣмцевъ.

Автомобиль-прожекторъ

щихся обозрѣвателей. Да, было полное отступленіе нѣмецкихъ и бѣгство австрійскихъ армій, но ни на берегахъ рѣкѣ Сана ни тѣмъ болѣе на берегахъ рѣкъ Эна и Мааса не повторилось того, что свершилось когда-то на берегахъ Березины. Цѣлый рядъ кровавыхъ арьергардныхъ боевъ на французскомъ театрѣ войны показываетъ, что отступающая германская армія нисколько не утратила еще способности къ сопротивленію и самозащитѣ. Она то и дѣло переходитъ въ наступленіе, сама атакуетъ преслѣдующаго непріятеля и отступаетъ на заранѣе приготовленныя позиціи, укрѣпленныя тяжелой артиллеріей, для преодолѣнія которой союзникамъ приходится нести много жертвъ.

Надъ умирающимъ врагомъ.

Раздача жалованья нижнимъ чинамъ на походѣ

Тяжелая нѣмецкая мортирная артиллерія показала свое дѣйствіе и въ сраженіи подъ Сольдау и при осадѣ Намюра, всѣ укрѣпленія котораго были буквально уничтожены въ теченіе первыхъ трехъ дней бомбардировки. Благодаря необычайной громоздкости гаубицъ, пользованіе ими при наступленіи значительно затрудняется, особенно на восточномъ фронтѣ, гдѣ германская армія не найдетъ хорошихъ бетонированныхъ шоссейныхъ путей, но зато при неторопливомъ боевомъ отступленіи на заранѣе укрѣпленныя позиціи преимущество въ крупной артиллеріи даетъ въ руки нѣмцевъ огромный козырь. Весьма вѣроятно, что именно систематическимъ использованіемъ дальнобойнаго артиллерійскаго огня объясняется въ значительной степени образцовая устойчивость нѣмецкаго отступленія.

Находившаяся въ наиболѣе тяжеломъ положеніи армія кронпринца послѣ неудачной попытки прорваться между Верденомъ и Тулемъ свободно отошла на

Библиотека "Руниверс"

Генералъ-лейтенантъ Н. М. Драгомировъ, сынъ знаменитаго М. И. Драгомирова, Высочайше награжденный по представленію Верховнаго Главнокомандующаго орденомъ Св. Георгія 4-й степени.

Люксембургъ для посадки въ заранѣе сосредоточенные поѣзда, которые должны перебросить ее на русскій фронтъ.

Повидимому, германцамъ все-таки не удастся долго задержаться на берегахъ рѣкъ Энъ и Уазы и на высотахъ Реймса. Преслѣдующія ихъ англо-французскія колонны завладѣли переправами и частью высотъ и продолжаютъ настойчиво тѣснить непріятеля. Огромное стратегическое значеніе имѣетъ высадка англійскихъ силъ въ Остендэ на подмогу бельгійцамъ. Если даже крошечная армія короля Альберта такъ сильно тревожила своими дерзко-активными выступленіями флангъ и тылъ германцевъ, то, усиленная значительнымъ англійскимъ корпусомъ,

Раненые казаки по дорогѣ въ госпиталь.

оперирующимъ на путяхъ отступленія германскихъ силъ, она станетъ вдесятеро опаснѣе. Повидимому, дальнѣйшій притокъ англійскихъ подкрѣпленій будетъ направленъ именно въ эту сторону. Не забудемъ, что въ военномъ смыслѣ Англія представляетъ собою прямую противоположность Германіи: въ то время, какъ германскіе кадры съ каждымъ днемъ постепенно таютъ и сокращаются, кадры англійскихъ войскъ, напротивъ, непрерывно растутъ и въ общей численности и въ степени боевой подготовки и опытности.

Начавъ съ высадки въ первый мѣсяцъ войны двухъ корпусовъ и одной кавалерійской дивизіи (всего около 100.000 воиновъ), лордъ Китченеръ уже собралъ и подготовилъ новую 300.000-ю армію и съ помощью индійскихъ и колоніальныхъ войскъ обѣщаетъ въ скоромъ времени довести общую численность англійской арміи на континентѣ до милліона. Спортсменское воспитаніе и неисчерпаемая расовая энергія англо-саксовъ обезпечиваютъ британской арміи побѣду. Одна возможность появленія трехсотъ—четырехсотъ-тысячной англо-бельгійской арміи въ тылу праваго фланга германцевъ заставила послѣднихъ спѣшно очистить Брюссель и всю приморскую часть Бельгіи, значительно сужая пути отступленія. Покинувъ опустошенный Брюссель, они отошли къ Намюру и Льежу, т.-е. вернулись къ тѣмъ исходнымъ пунктамъ, съ которыхъ начали всю кампанію. Таковы ближайшія послѣдствія англійской высадки въ Остендэ. Выгодная фланговая позиція новаго англійскаго дессанта сдѣлаетъ германскую оборону въ Бельгіи и сѣверной Франціи еще болѣе затруднительной и вынудитъ нѣмцевъ отступить на германскую территорію.

Русская побѣда надъ милліонной австро-германской арміей въ Галиціи была несравненно болѣе рѣшительной и полной, но даже и она не привела еще къ окончательному уничтоженію австрійскихъ силъ. Наполовину уничтоженные австрійскіе полки не отступали, а попросту бѣжали, бросая раненыхъ, плѣнныхъ, артиллерію и обозы, не задержавшись даже на выгодныхъ позиціяхъ по рѣкѣ Санъ. Сдача въ плѣнъ пяти

Въ лазаретѣ. Вѣсти съ войны.

тысячъ германцевъ и захватъ 48 тяжелыхъ германскихъ гаубицъ и около 60 полевыхъ пушекъ никакъ не позволяютъ объяснять всѣ неудачи славянскими симпатіями многихъ австрійскихъ полковъ. Несравненно правдоподобнѣе капитуляція австро-германскихъ дивизій объясняется поистинѣ ужаснымъ дѣйствіемъ русской полевой артиллеріи, покрывающей поля и траншеи грудами непріятельскихъ труповъ. Осмотръ галиційскаго поля сраженія, усѣяннаго трупами лошадей и людей, остатками разбитыхъ непріятельскихъ орудій и разгромленныхъ обозовъ, свидѣтельствуетъ о страшной разрушительной силѣ русскаго артиллерійскаго огня и объ удивительной согласованности его работы съ дѣятельностью остальныхъ родовъ оружія. Страна, располагающая такою арміею, можетъ не бояться за свой завтрашній день.

Плѣнные австрійскіе солдаты.

Библиотека "Руниверс"

Австрійцы и германцы бѣжали не по трусости, а по явной невозможности сопротивляться смертоносному натиску русскихъ силъ.

Но даже послѣ проигрыша такой огромной битвы Австрія еще не слагаетъ оружія и пытается сопротивляться. Остатки ея арміи сосредоточиваются на четырехугольникѣ Перемышль—Ярославъ — Ряшевъ — Дыновъ и на 100-верстномъ фронтѣ отъ Кракова до Ясло, усиливаясь новыми кадрами и подкрѣпленіями. Такъ какъ въ первой галиційской линіи были сосредоточены всѣ лучшія австрійскія войска, то нѣтъ основаній преувеличивать боевое значеніе новыхъ формированій, состоящихъ преимущественно изъ малоспособныхъ къ бою ландштурма и угнетенныхъ воспоминаніями пораженій полковъ. Пока русскія арміи продолжаютъ тѣснить непріятеля, постепенно окружая весь перемышльскій районъ. 4 сентября наши войска заняли Синяву и Самборъ—крайніе укрѣпленные пункты всего района, охраняющіе его связь съ столицами страны. 8 или 9 сентября палъ Ярославъ, сильная крѣпость, не уступающая Миколаеву. Занятіемъ этихъ крѣпостей мы отрѣзали Перемышль отъ Кракова и отъ Венгріи.

У Медыки мы перебросились на правый берегъ Сана и подошли уже къ самымъ стѣнамъ внѣшнихъ фортовъ Перемышля. Начался обстрѣлъ осаждающихъ войскъ крѣпостными орудіями.

Остатки милліонной австрійской арміи или отошли къ Кракову, или же должны быть обложены въ осажденной крѣпости. Ни тотъ ни другой исходъ не сулитъ имъ ничего хорошаго, такъ какъ полевая армія, запертая въ крѣпости, не поддерживаетъ гарнизона, не неизбѣжно ускоряетъ моментъ его капитуляціи. Вотъ почему попытка разбитыхъ легіоновъ эрцгерцога Фридриха найти спасеніе за крѣпостными валами можетъ пониматься только, какъ начало неизбѣжнаго и скораго конца военныхъ дѣйствій на австрійскомъ фронтѣ.

Герой эльзасскаго наступленія—французскій генералъ По.
(См. «Отклики войны»).

Верховный Начальникъ санитарной и эвакуаціонной части Его Императорское Высочество Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій.

Чѣмъ же уравновѣшивается вытѣсненіе нѣмцевъ изъ Франціи и Бельгіи и захватъ русскими Галиціи и Буковины для нашихъ противниковъ? Однимъ отступленіемъ арміи генерала Ренненкампфа изъ Восточной Пруссіи. Послѣ тяжелаго удара, нанесеннаго двумъ корпусамъ генерала Самсонова, который подвергся нападенію сосредоточенныхъ около Остероде огромныхъ германскихъ силъ, генералъ Ренненкампфъ, въ цѣляхъ поддержки, долженъ былъ сдѣлать сильный натискъ на непріятельское расположеніе по рѣкѣ Алле. Этимъ онъ оттянулъ на себя часть германскихъ полковъ и далъ возможность арміи Самсонова выйти изъ критическаго положенія.

Но вслѣдъ затѣмъ необезпеченность собственной комуникаціонной линіи и глубокій заходъ непріятеля съ лѣваго фланга вынудилъ генерала Ренненкампфа заблаговременно передвинуть свои обозы въ тылъ и послѣ двухъ противофланговыхъ атакъ, приведшихъ къ полной неудачѣ нѣмецкой попытки окружить его, отвести свою армію назадъ. Такъ какъ фланговые бои талантливаго полководца сопровождались захватомъ новыхъ трофеевъ въ видѣ нѣмецкихъ пушекъ и плѣнныхъ, то на нихъ можно смотрѣть, какъ на новыя маленькія тактическія побѣды, тѣмъ болѣе цѣнныя, что онѣ привели къ серьезному и несомнѣнному стратегическому успѣху — неудачѣ всего нѣмецкаго плана наступленія. Само по себѣ очищеніе Восточной Пруссіи никакъ нельзя истолковывать, какъ наше пораженіе, потому что прочное занятіе края отнюдь не входило въ наши планы. Армія генерала Ренненкампфа, состоящая преимущественно изъ кавалерійскихъ частей и занимавшая фронтъ всего въ какихъ-нибудь 35 верстъ, была слишкомъ малочисленной для такого заданія. Вынудивъ ее очистить германскую территорію, несравненно болѣе многочисленный противникъ не дерзнулъ однакоже вторгнуться глубоко въ русскую территорію, но остановился на границѣ. Онъ вполнѣ основательно разсчиталъ, что при отсутствіи сколько-нибудь сносныхъ путей сообщенія и при начавшейся осенней распутицѣ пользованіе такими козырями, какъ крупноколиберныя гаубицы и блиндированные автомобили, въ наступленіи противъ русскихъ по русской территоріи совершенно невозможно, а безъ нихъ перевѣсъ въ вооруженіи скажется на сторонѣ русскихъ. Когда слишкомъ опасно итти впередъ, благоразумнѣе постоять на мѣстѣ. Временно мы можемъ вполнѣ примириться съ такимъ положеніемъ вещей, тѣмъ болѣе, что главный интересъ нынѣшняго момента борьбы для насъ складывается не на прусскомъ, а на австрійскомъ фронтѣ.

Библиотека "Руниверс"

Вандализмъ германцевъ. Оставленіе бельгійскими войсками Лувена, сожженнаго до тла германскими войсками. Въ Лувенѣ на ряду съ цѣнными памятниками старины уничтожено германцами одно изъ крупнѣйшихъ въ мірѣ книгохранилищъ.

Августѣйшіе георгіевскіе кавалеры.

Государь Императоръ 3 сего сентября Высочайше пожаловалъ Королю Бельгіи Альберту и Сербскому Престолонаслѣднику Королевичу Александру орденъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й степени.

Телеграмма Верховнаго Главнокомандующаго генералъ-адъютанту Иванову.

„Государь Императоръ повелѣлъ мнѣ передать молодецкимъ войскамъ юго-западныхъ армій Его горячее спасибо за проявленную ими старо-русскую удаль. Счастливъ исполнить волю нашего обожаемаго Верховнаго Вождя и сердечно поздравляю ваши арміи съ высокомилостивой оцѣнкой.

Генералъ-адъютантъ *Николай*".

Миролюбіе не во-время.

(Политическое обозрѣніе).

Неблагопріятный для нѣмцевъ и австрійцевъ оборотъ войны сразу сдѣлалъ ихъ чрезвычайно миролюбивыми. Оказывается, что Австрія, приступившая къ уничтоженію крошечной Сербіи, и Германія, объявившая войну Россіи—убѣ-

Вандаламъ.

Германія! Союзники твои —
Насиліе, предательство да плети!
Въ развалинахъ Лувенъ и Шантильи
Горятъ книгохранилища столѣтій.
Но близокъ часъ! Уже темнѣетъ высь
Отъ грознаго возмездья приближенья,
И слышенъ громъ побѣдъ:—то начались
Вандаловъ современныхъ пораженья!
Смятенные исчезнутъ дикари,
Какъ послѣ бури исчезаетъ пѣна, —
Но свѣтомъ вѣчной залиты зари
Священныя развалины Лувена!

Георгій Ивановъ.

Телеграфныя привѣтствія Государя Императора и Президента Французской Республики:

„Извѣстіе о блестящей побѣдѣ, одержанной французской арміей, доставило Мнѣ большую радость, и Я приношу вамъ по этому случаю Мои сердечнѣйшія поздравленія. Испытанная доблесть французскихъ войскъ и таланты ихъ вождей достойны той великой націи, которой они принадлежатъ, и Мнѣ доставляетъ удовольствіе заявить во всеуслышаніе о чувствѣ удивленія, которое они во Мнѣ вызываютъ.

НИКОЛАЙ."

Отвѣтная телеграмма Президента Французской Республики Его Императорскому Величеству.

„Приношу благодарность Вашему Величеству за поздравленія, глубоко тронувшія Францію и ея армію. Великая побѣда, одержанная русскими войсками въ Галиціи, исполнила радости сердца всѣхъ французовъ. Правительство Республики не сомнѣвается, что за нею вскорѣ послѣдуютъ какъ на германскомъ, такъ и на австрійскомъ театрахъ войны новые блестящіе успѣхи. Франція, исполненная рѣшимости сама продолжать борьбу со всей энергіей, шлетъ благородной союзной націи выраженіе своего удивленія къ ней и пожеланія, исполненныя твердой увѣренности въ успѣхѣ. *Раймондъ Пуанкарэ*".

Какъ они воюютъ. Рис. М. Скотта.

Добиваніе раненыхъ плѣнниковъ, разстрѣливанье священниковъ, оскорбленіе и убійство беззащитныхъ женщинъ и дѣтей, сожженіе и разграбленіе деревень и городовъ, уничтоженіе драгоцѣнныхъ и священныхъ историческихъ памятниковъ—вотъ способъ веденія войны германцами, считавшимися такъ недавно передовыми и культурными людьми.

Библиотека "Руниверс"

Послѣдніе германскіе резервы. Обученіе освобожденныхъ ранѣе отъ военной службы молодыхъ людей въ Берлинѣ.

жденныя стороницы мира. Тѣ самые миролюбцы, которые съ четырехъ угловъ легкомысленно зажгли Европу, обжегшись на кровавомъ пожарищѣ, теперь дѣлаютъ робкія признанія о великихъ благахъ нарушеннаго ихъ собственными руками мира и призываютъ къ окончанію затѣянной ими же общеевропейской войны. Формально инициативу мирнаго посредничества принимаютъ на себя президентъ С.-Американской республики Вильсонъ и его министръ иностранныхъ дѣлъ Брайанъ, но сразу было ясно, что ихъ гуманное обращеніе продиктовано изъ Берлина: подобныя предложенія всегда дѣлаются только по просьбѣ одной изъ воюющихъ сторонъ. Ни для кого не тайна, что новый шагъ австро-германской дипломатіи внушенъ вовсе не чувствомъ гуманности и не антипатіею къ массовымъ кровопролитіямъ, а желаніемъ сколько-нибудь безубыточно ликвидировать свою собственную, легкомысленно предпринятую, кровавую затѣю. Нѣмецкое миролюбіе или слишкомъ преждевременно, или слишкомъ запоздало. Изъ принциповъ гуманности, нарушенныхъ осквернителями европейскаго мира, берлинскіе и вѣнскіе хитрецы пытаются сдѣлать ловушку для начинающихъ одолѣвать ихъ враговъ. Это уже не миролюбіе, а наглая спекуляція на довѣрчивость. Война, насильно навязанная нѣмцами Россіи, Англіи и Франціи, можетъ быть оконченной не ранѣе, чѣмъ по достиженіи великихъ цѣлей войны. Ея первая цѣль—установить прочныя гарантіи европейскаго мира и лишить созидательницу современнаго европейскаго милитаризма—Германію возможности держать въ вѣчномъ страхѣ войны всѣхъ сосѣдей. Затѣмъ необходимо дать свободу всѣмъ угнетеннымъ германцами народамъ Европы, начиная съ поляковъ, австрійскихъ славянъ и кончая румынами и итальянцами. Высшія этико-гражданскія цѣли войны съ самаго начала ея инстинктивно чувствовались всѣми, но офиціально съ полною ясностью и опредѣленностью были указаны только въ двухъ воззваніяхъ Верховнаго Главнокомандующаго. Не ограничиваясь идеей возстановленія Польши, сознавшей наконецъ свое расовое единство и политическую солидарность съ Россіей и славянствомъ, второе воззваніе гласитъ уже объ освобожденіи всѣхъ народовъ Австріи, томящихся цѣлыя столѣтія подъ игомъ германизма.

Такую же печальную участь испытываютъ и жители Шлезвига и Голштиніи и все населеніе Эльзасъ-Лотарингіи. Осуществленіе святыхъ задачъ священной освободительной войны перекраситъ карту Европы въ совершенно новые тона. Оно требуетъ раздѣла Австріи, умаленія Германіи, лишенной Познани, Шлезвига, Эльзаса и прочихъ награбленныхъ у сосѣдей провинцій, полной автономіи такихъ этнографически своеобразныхъ областей, какъ Чехія, Венгрія, Румынія, и наконецъ такого политическаго переустройства германскихъ земель, которое освободило бы германскій народъ отъ опасныхъ для всѣхъ сосѣдей извращеній кровожаднаго нѣмецкаго имперіализма и снова сдѣлало бы нѣмцевъ добрыми гражданами Европы. Все несчастье германскаго народа заключается въ томъ, что, не ограничиваясь созданіемъ національнаго государства, на что имѣетъ безспорное право каждая нація, онъ занялся постройкой всемірной имперіи, не располагая тѣми духовными и моральными рессурсами, какіе нужны для такого великаго строительства. Для того, чтобы спаять покоренные народы въ одно великое, сверхнаціональное государство, мало одной силы и безпрерывнаго насилія, необходима еще способность привязать ихъ къ себѣ, объединить въ одно нераздѣльное цѣлое съ собою духовными и моральными узами, а этой-то культурно-ассимилирующей способностью нѣмцы бисмарковскаго періода, нравственно отупѣлые въ гордомъ самодовольствѣ громкихъ побѣдъ 1871 г., и не имѣютъ въ своемъ крупповскомъ арсеналѣ. Къ выполненію морально-гражданскихъ задачъ они приступили съ помощью бронированнаго Круппомъ кулака и въ непримиримомъ противорѣчіи національной цѣли съ національными средствами, приведшими ихъ къ обидному сознанію своего творческо-политическаго безсилія, постепенно сами одичали и озвѣрѣли до позорныхъ неистовствъ нынѣшней войны. Переживаемыя въ наши дни историческія событія обнаружили всю тщету вѣковой работы Бисмарка и его предшественниковъ, всю призрачность и безплодность ихъ политическаго зиждительства. Пришла пора—и возводимая съ такими усиліями на костяхъ милліоновъ людей новая Вавилонская башня рухнула на голову своихъ строителей.

Членъ королевскаго французскаго дома—рядовой гражданской милиціи. Гастонъ Орлеанскій графъ д'Э, собственникъ замка д'Э, старшій сынъ герцога Немурскаго и внукъ короля Луи-Филиппа, родился въ Нёльи въ 1842 г. Въ 1864 г. онъ женился въ Ріо-де-Жанейро на дочери императора донъ-Педро II, которому и долженъ былъ наслѣдовать. Во время большой войны въ Парагваѣ графъ д'Э командовалъ соединенными силами Бразиліи, Аргентины и Урагвая. Сейчасъ этотъ генералъ, который долженъ былъ сдѣлаться императоромъ Бразиліи, исполняетъ свой долгъ передъ родиной, какъ самый обыкновенный французскій гражданинъ, вступивъ въ ряды милиціи города д'Э.

Германское судно, разбрасывающее мины въ Сѣверномъ морѣ. (См. «Отклики войны»).

Библиотека "Руниверс"

Не разрѣзайте страницъ 735—742!

Внутри помѣщена на четырехъ страницахъ

Генеральная карта средне-европейскаго театра военныхъ дѣйствій,

представляющая уменьшенный фотографическій снимокъ съ карты, составленной подъ редакціей профессора Николаевской Морской академіи Ю. М. Шокальскаго и отпечатанной въ 6 краскахъ картографическимъ заведеніемъ Т-ва А. Ф. Марксъ.

Въ Петропавловской больницѣ въ Петроградѣ. Раненый рядовой.

Добровольцы, переносящіе тяжело-раненаго, доставленнаго военно-санитарнымъ поѣздомъ.

Отправка перевязочныхъ средствъ Главнымъ Складомъ Краснаго Креста.

Студентъ-доброволецъ, переносящій раненаго солдата.

Библиотека "Руниверс"

Репродукціи воспрещаются.

Библиотека "Руниверс"

1 и 3. Заготовка перевязочныхъ средствъ въ Главномъ Складѣ Краснаго Креста. Рѣзка бинтовъ на машинахъ. Упаковка бинтовъ. 2. Шитье бѣлья въ Складѣ Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны въ Зимнемъ Дворцѣ. 4 Семьи запасныхъ, призрѣваемыя городскимъ Попечительствомъ въ Петроградѣ. За обѣдомъ.

Библиотека "Руниверс"

На помощь раненымъ. Шитье бѣлья въ помѣщеніи Склада Ея Величества Государыни Императрицы Александры Өеодоровны въ Зимнемъ Дворцѣ.

Лазаретъ виленскаго уѣзднаго комитета Краснаго Креста, устроенный въ имѣніи „Верки" (въ пяти верстахъ отъ Вильны) на добровольныя пожертвованія мѣстнаго населенія, преимущественно крестьянъ. Лазаретъ разсчитанъ на 300 и болѣе кроватей.

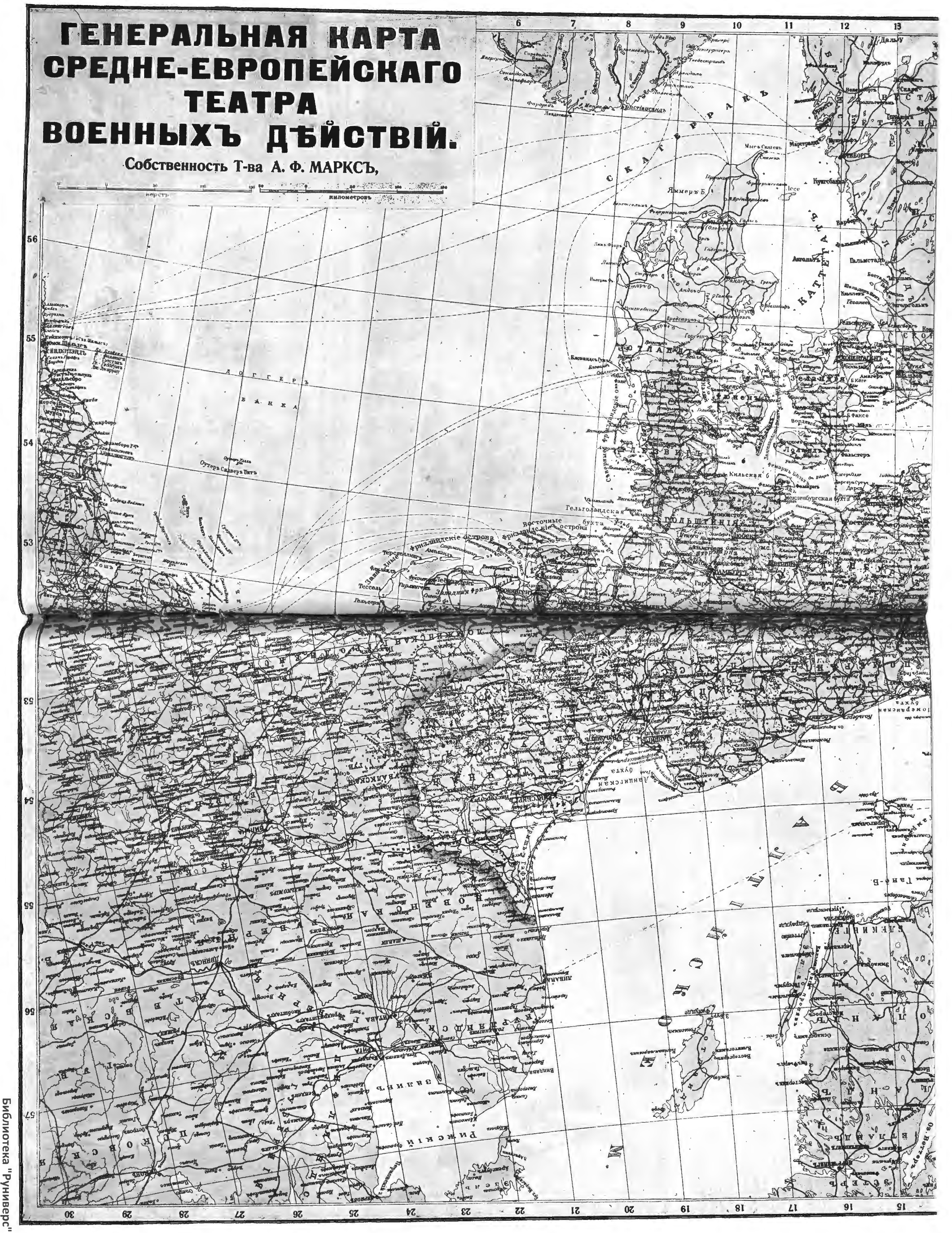
Лазаретъ, устроенный виленскимъ уѣзднымъ комитетомъ Краснаго Креста (въ имѣніи „Верки"), состоящимъ, подъ предсѣдательствомъ виленскаго уѣзднаго предводителя дворянства, изъ земскаго начальника Э. К. Соколовскаго, настоятеля верковскаго костела ксендза Б. Саросѣка и главноуправляющаго дѣлами владѣльца имѣнія „Верки" Б. К. Спинека—Л. В. Заіончковскаго.

Всероссійскій съѣздъ городскихъ головъ въ Москвѣ. Группа городскихъ головъ, съѣхавшихся въ Москвѣ для организаціи и объединенія мѣръ помощи воинамъ и ихъ семьямъ.

Библиотека "Руниверс"

ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА СРЕДНЕ-ЕВРОПЕЙСКАГО ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

Собственность Т-ва А. Ф. МАРКСЪ,



Библиотека "Руниверс"

Жертвы войны.

1. Перевозка раненыхъ въ Бельгіи.

2. Въ Петропавловской больницѣ въ Петроградѣ.

3—5. Въ Лицейскомъ лазаретѣ въ Петроградѣ—тяжело раненые подпоручикъ Синицынъ и Савицкій и легко раненые подпоручикъ Мельниковъ, Ямберъ и Ризе.

6. Попечительный совѣтъ Лицейскаго лазарета: сестра милосердія Матвѣева, графиня Сольская и А. Рубецъ.

Библиотека "Руниверс"

Подвигъ казака Козьмы Крючкова. Рисунокъ М. Авилова.

Приводимъ изъ «Донскихъ Областныхъ Вѣдомостей» письмо Козьмы Крючкова къ родителямъ, въ которомъ герой просто и образно разсказываетъ о своемъ подвигѣ. Пусть не сѣтуютъ читатели на грамматическія ошибки въ письмѣ: —казакъ Крючковъ долженъ владѣть не перомъ, а шашкой и пикой.

«1914 г. 3 дня августа Господи благослови письмо написать до натихой донъ послатъ радной сямье здрастваитя дорогая мая семия я помилости Господа Бога нахожуся живъ и здоровъ чево и вамъ жалаю получить отъ Бога скораго успеха делахъ рукъ вашихъ затѣмъ нонискому и усердному поклону посылаю въ семъ роднымъ и знакомымъ ниска кланиюсь всему тихому дону ниска кланиюся всѣмъ православнымъ христеянамъ помолитесь Богу обнасъ всехъ военохъ Затѣмъ мы были посланы вразиветъ изъ местечка Коцвари къ границы 10 верстъ 5 розъездовъ 6 человѣкъ вразъезди внашимъ врозъезди былъ приказнай Казьма Фирсавичъ Крючковъ Иванъ Щаголковъ Василій Астаховъ схутора Астаховъ Михаилъ Иванковъ схутора Карігина двое увезли донисения 29 іюля а мы асталися ночь баялися 30 іюля 7 чесовъ утра наворили картошки поели я лохъ спать немнога уснулъ мене будютъ ставай Фирсавичъ я скачилъ что тутъ вонъ немцы я взялъ бинокъ посмотрѣлъ 27 человѣкъ сѣли мы погоние поѣхали надграницай атбили ихъ отграницы и погнали верстъ 12 прагнали 1 офицеръ немцы збутовалися офицера убили мы немцы инно збутовалися товарищи мои поскакали двоя виравo аднвъ вылеза а я одинъ остался нѣмцы зачали мене колоть пиками, а я отбивался винтовкою винтовку у мене выбили а я выхватилъ шашку шашкою рубилъ шашку вълажилъ вырвалъ у немца пику да пикою докололь 11 человекъ приехалъ всотню мине осмотрѣли сочли у мене 16 ранъ у коня 11 ранъ отъправили мене вбольницу приехалъ командочій воисками вбольницу снелъ себе 1 степени Геворгиское крестъ навесилъ на мине и благодарилъ мине топеря идутъ комне господа офицеры полковники хорунжи заручку берутъ астаюся живъ и здравъ какъ самъ такъ конъ денъ 5 пробуду вболницы потомъ поѣду всотню».

Библиотека "Руниверс"

Письмо.

Пишу тебѣ, мой другъ, изъ лазарета.
Я раненъ. Въ памяти какой-то смутный мракъ:
Упалъ снарядъ, взорвался, какъ ракета,
Смѣшались мы и хищно-дерзкій врагъ.
Вокругъ и дымъ, и грохотъ, и безумья...
Знамёна славныя ведутъ за ратью рать...
Ура! Впередъ, безъ страха, безъ раздумья!
О милый другъ, какъ сладко умирать.
За славу родины я такъ мечталъ когда-то
Отдать себя въ суровый битвы часъ.
И вѣрь: для сердца русскаго солдата
Нѣтъ жизни дней святѣе, чѣмъ сейчасъ.
И такъ легко... Но пуля разрывная
Глубоко грудь изранила мою.
Не вдругъ ее залѣчитъ глушь родная,
Когда вернусь въ любимую семью.
Сегодня все съ утра глядятъ мнѣ въ очи
И хуторà, и старый нашъ погостъ,
И наши тихія украинскія ночи,
Гдѣ жизни путь такъ ясенъ былъ и простъ.
Но какъ темно!.. Какъ душно!.. Силъ излишекъ
Уже иссякъ, и мысль не поймать.
Что я хотѣлъ?.. Да... Поцѣлуй дѣтишекъ
И успокой мою старушку-мать:
Я возвращусь... Вотъ батюшка подходитъ,
За нимъ сестра-печальница идетъ,
И вся въ слезахъ. И глазъ съ меня не сводитъ,
И знаю я: она чего-то ждетъ.
Прощай!.. Но, что̀ это?.. Въ бронѣ одеждъ нетлѣнныхъ
Архистратигъ съ сверкающимъ мечомъ...
За нимъ полки на брани убіенныхъ
Идутъ на бой со швабскимъ палачомъ...
Великій часъ! Я вижу въ блескѣ славы
Знамена русскія надъ вражеской страной.
Архистратигъ, съ святой твоей державой
И я иду... служить землѣ родной...

Елена Өедотова.

Великая литургія.

Повѣсть **И. Н. Потапенко.**

II.

Григорій Аѳанасьевичъ по праву считался самымъ богатымъ человѣкомъ въ городѣ. Но основное состояніе было нажито не имъ и даже не отцомъ его, а дѣдомъ. Этотъ предокъ былъ простымъ мужичкомъ изъ хохлацкой деревни, но имѣлъ страсть къ охотѣ и плохое старое ружье. Промышляя отхожей работой, онъ былъ занесенъ судьбой на сѣверо-востокъ Россіи, гдѣ въ то время были еще дѣвственные лѣса и много звѣрья. Тутъ онъ бросилъ работу и сдѣлался заправскимъ охотникомъ и, имѣя практическую смѣтку, скоро сосредоточился на торговлѣ шкурами и въ какой-нибудь десятокъ лѣтъ нажилъ крупныя средства. Вернувшись на родину, онъ занялся кожевеннымъ дѣломъ и оставилъ своему сыну большое состояніе. Сынъ, кромѣ смѣтки, имѣлъ уже нѣкоторыя познанія, которыя позволили ему поставить дѣло прочно, на правильной промышленной основѣ. Явился заводъ, предпріятіе расширилось, и Григорію Аѳанасьевичу уже досталось богатство.

Но, не имѣя отцовскихъ и дѣдовскихъ дарованій, онъ въ первое время велъ дѣло неудачно, терпѣлъ даже убытки, пока не добылъ себѣ образцоваго директора въ лицѣ Оттона Оттоновича Шлихенсона. Тогда дѣло пошло прекрасно, и онъ почилъ на лаврахъ. Имѣя свободныя средства, онъ не ограничивался кожей, а участвовалъ въ другихъ предпріятіяхъ. Губернскій городъ былъ бойкій и торговый, въ немъ имѣли мѣстопребываніе правленія нѣсколькихъ промышленныхъ предпріятій и банковскихъ отдѣленій. Осмоленко чуть ли не всюду былъ крупнѣйшимъ акціонеромъ и членомъ правленій, и это давало ему вліятельное положеніе въ городѣ, которое, къ тому же, онъ укрѣпилъ щедрой благотворительностью.

Во всѣхъ казенныхъ учрежденіяхъ, у губернатора, у архіерея, всюду для него было почетное мѣсто, вездѣ прислушивались къ его словамъ и ходатайствамъ и старались ихъ исполнить.

Семья у него была большая, но уже разошедшаяся по разнымъ мѣстамъ. Дочери повыходили замужъ, при чемъ одна была за какимъ-то вліятельнымъ графомъ и жила въ Петербургѣ. Старшій сынъ получилъ техническое образованіе, открылъ какую-то фабрику близъ Москвы и тамъ жилъ, младшій былъ студентъ въ Петербургѣ, а средній, его любимецъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ бросилъ ученье, отслужилъ въ арміи и теперь постоянно жилъ при немъ.

Почему именно этотъ сынъ, Андрей, былъ его любимцемъ, рѣшительно никто не могъ объяснить. Въ немъ совсѣмъ не было тѣхъ качествъ, которыя позволяли бы смотрѣть на него, какъ на будущаго преемника его дѣлъ и главу фирмы. Дѣлъ онъ терпѣть не могъ, о дѣлахъ не хотѣлъ и слышать. Онъ жилъ въ небольшомъ особнякѣ, спеціально для него построенномъ, держалъ пары двѣ слугъ, прекраснаго повара, лошадей, автомобиль. Въ городѣ у него было нѣсколько друзей, но съ городскимъ обществомъ онъ не якшался, считая его скучнымъ.

И надо думать, что особое пристрастіе Григорія Аѳанасьевича къ этому сыну было основано главнымъ образомъ на томъ, что онъ не походилъ на него самого и на все то обыкновенное, что̀ его окружало. Старшій сынъ Сергѣй былъ повтореніемъ его и предковъ. Дѣятельный, практичный, онъ не возвысился надъ мѣщанскимъ міровоззрѣніемъ и всего себя посвятилъ выколачиванію рубля и богатѣнію. Младшій, Василій, еще юноша, мечталъ о томъ времени, когда станетъ во главѣ дѣла, и уже теперь интересовался тонкостями кожевеннаго дѣла. А Андрей презиралъ наживанье и всѣ другія дѣла. Въ организаціи его было что-то тонкое, хрупкое, какой-то своеобразный упадочный аристократизмъ, Богъ знаетъ откуда взявшійся. Всѣ другіе члены семьи,- не исключая самого Григорія Аѳанасьевича, сохранили полностью мужицкія типическія черты родоначальника, а вотъ Андрей былъ словно подкинутъ. Объясняли это тѣмъ, что жена Григорія Аѳанасьевича была взята имъ изъ обѣднѣвшей и сильно захудалой дворянской семьи, въ которой во время оно были и знатные люди.

Кромѣ того, Андрей обладалъ интересной и привлекательной наружностью, чего нельзя было сказать про другихъ Осмоленко. Высокаго роста, тонкій, съ блѣдной, прозрачной кожей лица, онъ производилъ впечатлѣніе дерева, чрезмѣрно вытянувшагося вверхъ. Да и въ умѣ Богъ ему не отказалъ, правда, поверхностномъ, но остромъ и привлекательномъ.

Все это вмѣстѣ вызывало со стороны Григорія Аѳанасьевича нѣжное, почти благоговѣйное, отношеніе къ Андрею. Его, человѣка практическаго и собирателя по натурѣ, нимало не возмущало бездѣлье Андрея, безплодный образъ жизни, и онъ предоставлялъ ему тратить деньги почти безъ отказовъ. Андрей тратилъ много, особенно на покупку картинъ и художественныхъ рѣдкостей.

Когда Оттонъ Оттоновичъ пріѣхалъ въ загородный домъ Осмоленко, Григорія Аѳанасьевича не оказалось дома. Онъ еще не возвращался изъ города, куда поѣхалъ прямо съ завода. Но Шлихенсонъ встрѣтилъ въ саду жену Осмоленко, Марью Михайловну, и младшаго сына, петербургскаго студента. Они мирно прогуливались по главной аллеѣ сада, гдѣ была глубокая тѣнь, и, повидимому, ничего еще не знали о событіяхъ.

— Почему вы нынче такой неспокойный, Оттонъ Оттоновичъ?— спросила Марья Михайловна, взглянувъ ему въ лицо. — Что-нибудь на заводѣ случилось?

— На нашемъ заводѣ спокойно,—сказалъ Шлихенсонъ, цѣлуя руку: — а вотъ на другомъ заводѣ, который въ милліоны разъ больше нашего и называется Европой,—тамъ очень, очень неспокойно... Да неужели вы ничего не знаете? Только что въ городѣ получено извѣстіе, что Германія объявила намъ войну...

— Какъ? Война? Настоящая война? Да почему? Съ какой стати?

— Ну, ужъ этого я вамъ не могу объяснить. Знаете, я такъ занятъ на заводѣ, что и въ газету не всегда успѣваю заглянуть. Что-то изъ-за Сербіи и изъ-за Австріи... Будетъ призывъ запасныхъ и ратниковъ...

— Какъ вы говорите: запасныхъ? Это какихъ же?

— Тѣхъ, которые отслужили и вышли въ запасъ...

Марья Михайловна поблѣднѣла.

— Такъ это значитъ и... и Андрей?

— Если Андрей Григорьевичъ въ запасѣ, то, разумѣется, и его.

Страшно разволновалась Марья Михайловна и сейчасъ же отправилась въ домъ и начала вызванивать по телефону мужа, но онъ отовсюду уже уѣхалъ. Студентъ же Василій побѣжалъ въ конюшню и быстро, при помощи конюха, снарядилъ пролетку, вскочилъ въ нее и помчался въ городъ.

Оттону Оттоновичу сталъ успокаивать Марью Михайловну. Въ это время пріѣхалъ Осмоленко.

Шлихенсону пришлось уступить его на нѣкоторое время

Библиотека "Руниверс"

Марьѣ Михайловнѣ, которая сейчасъ же бросилась къ нему съ своими тревогами.

— Да, да... Довольно однакожъ,—спокойно сказалъ Григорій Аѳанасьевичъ.—Я объ этомъ и не подумалъ!..

— Но вѣдь это же ужасно, Гриша! Ты только подумай: Андрей пойдетъ подъ пули!..

— Это, конечно, было бы ужасно, мой другъ, если бы такъ было. Но неужели же ты думаешь, что я это допущу? Да ни въ какомъ случаѣ. Мнѣ стоитъ только шепнуть одному да другому...

— Это навѣрно? Ты мнѣ за это ручаешься?

— Ручаюсь, какъ въ томъ, что мы въ лоскъ разобьемъ нѣмцевъ... Надѣюсь, Оттонъ Оттоновичъ не обижается... А впрочемъ, какой же онъ нѣмецъ!..

— Я не обижаюсь,—очень сосредоточенно сказалъ Шлихенсонъ:—но у меня... мнѣ надо съ вами поговорить, Григорій Аѳанасьевичъ...

— А что? Списокъ? Неужели готовъ? Такъ скоро?

— Нѣтъ,—списокъ я приказалъ сдѣлать, но онъ еще не готовъ, а поговорить нужно о другомъ.

Марья Михайловна, которая не только не вмѣшивалась въ дѣла, но тщательно избѣгала ихъ, сейчасъ же ушла, и они остались вдвоемъ.

— Ну-те, ну-те, Оттонъ Оттоновичъ,—сказалъ Осмоленко, взявъ его за рукавъ и усадивъ на садовую скамейку, на которой самъ сидѣлъ.—Говорите же.

— Я относительно своей особы. Мы утромъ говорили и упустили изъ виду одно важное обстоятельство, а именно: что я германскій подданный.

— Неужели?.. А впрочемъ, да, да. Вѣдь я же зналъ, только забылъ. А что же? Развѣ это худо?

— Да вѣдь вы же слышали: „Долой нѣмцевъ!“

— Ну, это пустое; есть нѣмцы и нѣмцы. Мы должны сдѣлать разницу. Я самъ патріотъ и ненавижу нѣмцевъ, но это не мѣшаетъ мнѣ любить васъ, Оттонъ Оттоновичъ.

— Все это такъ, и я вамъ благодаренъ, но мнѣ всего только сорокъ одинъ годъ, и я когда-то служилъ въ Германіи и состою въ запасѣ...

— Ахъ, вотъ въ чемъ дѣло! И вы хотите уѣхать туда, чтобы сражаться съ нашими?

Это было произнесено тономъ, въ которомъ Оттону Оттоновичу послышалось недружелюбіе.

— Ничего подобнаго. Не имѣю ни малѣйшаго желанія. Я хотѣлъ бы только, чтобы меня оставили въ покоѣ и предоставили заниматься своимъ дѣломъ...

— И прекрасно! Я тоже этого только и хочу! Ну, такъ что же? И занимайтесь. Я увѣренъ, что васъ никто не тронетъ.

— Я слышалъ нѣсколько иной взглядъ. Послѣ вашего отъѣзда я поѣхалъ въ городъ и побывалъ въ германскомъ консульствѣ. Оно уже не существуетъ. Ворота охраняются полиціей. Тамъ идетъ укладка вещей. И мнѣ сказали, что если я не уѣду въ Германію сейчасъ же, то меня арестуютъ, посадятъ въ тюрьму, а можетъ-быть, и хуже...

— Пустое, все пустое, милый мой Оттонъ Оттоновичъ. Положитесь на меня и можете быть увѣрены, что я этого не допущу. Сегодня же въ семь часовъ я увижу губернатора — у насъ экстренный совѣтъ изъ самыхъ почетныхъ гражданъ по вопросу о помощи раненымъ — и поговорю съ нимъ... Прекрасно, прекрасно, Оттонъ Оттоновичъ, что вы такъ рѣшили; а иначе вы сдѣлались бы моимъ врагомъ... Но что дѣлается въ городѣ! Какой энтузіазмъ! Это что-то невиданное. Наши-то флегматическіе горожане, которыхъ, было, на какое-нибудь общественное дѣло пушкой не подвинешь, вдругъ точно проснулись. Жертвуютъ сотни и тысячи! Я пока молчу. Вы понимаете, что Осмоленко обязанъ принести на алтарь больше всѣхъ, и потому я долженъ выждать... Ну, что жъ, пойдемте закусимъ! Я вѣдь не завтракалъ сегодня...

— Нѣтъ, благодарю васъ: поѣду на заводъ. Не въ моихъ правилахъ такъ надолго оставлять его.

— Ну, какъ хотите. А насчетъ того не безпокойтесь. Сегодня же поговорю съ губернаторомъ.

Шлихенсонъ простился съ нимъ и уѣхалъ на заводъ.

III.

Еще не доѣзжая съ полверсты до завода, Оттонъ Оттоновичъ замѣтилъ, что тамъ не все такъ, какъ должно быть и какъ обыкновенно бываетъ. По заведеннымъ имъ строгимъ порядкамъ, ворота, ведшія во дворъ, были всегда на запорѣ, да и калиткой пользоваться зря не разрѣшалось. Рабочій всегда долженъ находиться за своимъ дѣломъ и на своемъ мѣстѣ. Въ обѣденный часъ всѣ они находились въ казармѣ, отведенной для этой цѣли, и времени полагалось ровно столько, сколько нужно было на обѣдъ и отдыхъ. Когда, въ началѣ его управленія, раздавались протесты и высказывалась мысль, что ужъ временемъ отдыха служащій человѣкъ могъ бы пользоваться, какъ ему угодно, Оттонъ Оттоновичъ сказалъ:

— Это совершенно неправильное понятіе. Я смотрю на отдыхъ не какъ на льготу, а какъ на обязанность рабочаго. Отдыхъ дается для того, чтобы дальнѣйшая работа была удовлетворительна. А потому отдыхъ долженъ быть правильный, какъ и работа.

И за „неправильный отдыхъ“, когда рабочіе уходили со двора, болтались въ окрестностяхъ, затѣвали игры и т. п., онъ налагалъ штрафъ и въ концѣ концовъ вывелъ эти отклоненія.

А теперь за воротами двигались какія-то фигуры, калитка была растворена настежь, и вообще происходилъ явный безпорядокъ. Былъ третій часъ, т.-е. время, когда обѣдъ и отдыхъ кончился, и весь заводъ бывалъ въ ходу. Ясное дѣло, что происходитъ какое-то броженіе.

Когда пролетка управляющаго приблизилась къ заводу, группа рабочихъ десятка въ два начала расходиться въ стороны, давая ей дорогу. Хромой сторожъ стремительно заковылялъ къ воротамъ и растворилъ ихъ. Управляющій строгимъ взглядомъ окинулъ рабочихъ и, напряженно сжимая вожжи, въѣхалъ во дворъ.

Во дворѣ тоже тамъ и здѣсь сновали рабочіе, изъ чего онъ безошибочно заключилъ, что на заводѣ никто не работаетъ.

Онъ остановилъ пролетку, сдалъ ее съ лошадью подошедшему кучеру и поднялся во второй этажъ, въ контору. Въ первой комнатѣ сидѣло за столами только четверо служащихъ, между ними былъ Ливановъ. Но только онъ одинъ и поднялся, чтобы привѣтствовать его, остальные сидѣли. Онъ прошелъ въ свой кабинетъ и позвонилъ. Вошелъ Ливановъ.

— Что здѣсь произошло?—мрачно спросилъ онъ.

Ливановъ былъ человѣкъ практическій, разсчетливый, умѣвшій подмѣчать слабыя струны у людей и играть на нихъ. Шлихенсона онъ обошелъ, какъ и другихъ, и тотъ довѣрялъ ему.

— Понять не могу, Оттонъ Оттоновичъ, какъ ужъ это они узнали. Изъ города кто-то пришелъ и разсказалъ, что война намъ германскими нѣмцами объявлена. Поднялся галдежъ. Я тутъ какъ разъ приступилъ къ составленію списка, который приказали. Опрашиваю, а они и слушать не хотятъ.—Что тутъ, кричатъ, записывать! Мы и безъ записи всѣ пойдемъ нѣмца бить!..—Послѣ обѣда на работу никто не сталъ. Человѣкъ пятнадцать въ городъ ушли, а остальные такъ болтаются. Но все же списокъ я, по имѣющимся у меня даннымъ, составилъ. Вотъ онъ.

Онъ вынулъ изъ кармана бумагу и положилъ на столъ.

— Хорошо. Благодарю. Я потомъ позову васъ, Ливановъ.

Но Ливановъ не уходилъ, и было видно, что онъ хочетъ еще что-то сообщить.

— Оттонъ Оттоновичъ,—проговорилъ онъ сильно пониженнымъ голосомъ:—я хотѣлъ вамъ сказать... Разговоры были...

— Какіе разговоры?

— Насчетъ того, чтобы нѣмцевъ обижать... Такъ ужъ вамъ бы, Оттонъ Оттоновичъ, осторожность соблюдать. Мнѣніе мое такое, что строгости они теперь не примутъ...

— А что? Развѣ рѣчь шла объ опредѣленныхъ лицахъ?

— Ваше имя было упомянуто...

— Благодарю васъ, Ливановъ. Скажите тамъ подъ рукой, что съ минуты на минуту пріѣдетъ хозяинъ, Григорій Аѳанасьевичъ, и будетъ говорить съ ними...

Ливановъ ушелъ, но Оттонъ Оттоновичъ не долго тутъ оставался. Черезъ минуту онъ выпорхнулъ изъ конторы и побѣжалъ наверхъ, въ третій этажъ, въ свою квартиру.

Оттонъ Оттоновичъ Шлихенсонъ растерялся. Весь его желѣзный характеръ, вся неуклонность исчезли. Все это годилось при управленіи дѣломъ, но онъ совсѣмъ не былъ рожденъ для битвъ. А тутъ, повидимому, весь, заведенный имъ, порядокъ разомъ рухнулъ, и онъ не чувствовалъ себя въ силахъ при такихъ обстоятельствахъ возстановить его.

Онъ чувствовалъ себя жертвой какого-то міроваго столкновенія. Выброшенный обстоятельствами изъ первой своей родины, онъ принужденъ покидать и другую. Оказывается, что у него есть долгъ за что-то биться и жертвовать своей жизнью. И притомъ отдавать все это не за то, что ему дѣйствительно дорого — жена, дѣти, никогда не видѣвшія Германіи, кожевенный заводъ, который такъ хорошо кормитъ его, земля, которую онъ воздѣлываетъ,—а что-то условное, съ чѣмъ у него сами собою порвались всякія связи...

Онъ прошелъ въ свою квартиру и встрѣтилъ жену, Амалію. Лицо у нея было испуганное и блѣдное.

— Ты слышалъ? Что они говорятъ? Война? Они на наши окна косятся, показываютъ кулаки...

— Слышалъ, знаю. Погоди, Маля, я занятъ...

Онъ побѣжалъ въ кабинетъ. Тамъ у него стоялъ телефонный аппаратъ, и онъ позвонилъ Григорію Аѳанасьевичу.

— Я засталъ на заводѣ безпорядокъ. Требуется ваше присутствіе. Я убѣдительно прошу... Нѣтъ, умоляю васъ сейчасъ пріѣхать сюда. Я и моя семья въ опасности...

Это было сильно преувеличено, но онъ зналъ, что безъ такихъ мѣръ трудно заставить Осмоленко въ такой день вторично пріѣхать на заводъ. Григорій Аѳанасьевичъ, должно-быть, испугался и сказалъ, что сейчасъ выѣдетъ.

Послѣ этого Оттонъ Оттоновичъ вышелъ къ женѣ и нашелъ ее въ состояніи, близкомъ къ истерикѣ. И виною этого была слишкомъ впечатлительная служанка, Авдотья, которая ежеминутно выбѣгала во дворъ и приносила оттуда самыя потрясающія вѣсти.

Надо однако сказать, что среди рабочихъ ничего опредѣленно враждебнаго по отношенію къ управляющему проявляемо не было. Было ворчанье общаго характера, нѣкоторые не безъ удовольствія говорили, что теперь, молъ, „нашему нѣмцу круто придется“, и что его, какъ и всѣхъ остальныхъ, „безпремѣнно убе-

Библиотека "Руниверс"

рутъ“, но ближайшимъ образомъ никто ничѣмъ не угрожалъ Оттону Оттоновичу. Но Авдотья все пропускала черезъ свое, почему-то вдругъ напуганное, воображенiе и приносила наверхъ извѣстiя дѣйствительно угрожающаго свойства.

Въ то время, когда Оттонъ Оттоновичъ вышелъ изъ кабинета, какъ разъ Авдотья ворвалась въ гостиную съ самыми свѣжими вѣстями и, можно сказать, добивала ими Амалiю Ѳедоровну.

— И теперь,—говорятъ они:—ничего имъ, нѣмцамъ, не пройдетъ даромъ, будемъ въ нихъ палить изъ пушекъ, и ему, стало-быть, нашему Шлюхину-сыну, не сдобровать...

— Что такое?—спросилъ Оттонъ Оттоновичъ.—Что это значитъ: Шлюхинъ-сынъ?

— А нехорошее значитъ. А только это они вашу собственную фамилiю этакимъ манеромъ оборачиваютъ!

— Шлихенсонъ... Шлюхинъ-сынъ... Что за нелѣпость!

Оттонъ Оттоновичъ прогналъ Авдотью и началъ успокаивать жену. Онъ увѣрилъ ее, что нѣтъ ничего страшнаго, что мѣры будутъ приняты, но нужно подождать прiѣзда Осмоленко.

Оттонъ Оттоновичъ каждую минуту подходилъ къ окну, которое выходило на поле, откуда видна была дорога. Наконецъ онъ увидѣлъ вдали коляску, которая мчалась прямо къ заводу.

— Ну, вотъ, онъ ѣдетъ!.. Самъ Григорiй Аѳанасьевичъ! — радостно сообщилъ онъ женѣ.—Онъ дорожитъ мною и постарается все устроить. Успокойся же, успокойся. Я долженъ спуститься внизъ, такъ какъ ему очень трудно подыматься въ третiй этажъ...

Они встрѣтились въ конторѣ. Тамъ уже никто не работалъ: только Ливановъ считалъ долгомъ оставаться на своемъ посту и на глазахъ у управляющаго и хозяина.

Оттонъ Оттоновичъ описалъ хозяину положенiе дѣлъ, но Осмоленко довольно добродушно махнулъ рукой:

— Вы все преувеличили, Оттонъ Оттоновичъ, увѣряю васъ. Это оттого, что вы не знаете русскаго человѣка. На войнѣ онъ будетъ безпощадно рубить всякаго врага, будь то нѣмецъ или кто другой, но мирнаго не тронетъ, особенно если видитъ, что онъ притиснутъ къ стѣнѣ. Вотъ погодите-ка, я сейчасъ... Какъ бы позвать кого-нибудь...

Шлихенсонъ позвонилъ. Сейчасъ же явился Ливановъ.

— А, Ливановъ! Вотъ что, голубчикъ, собери всѣхъ рабочихъ и служащихъ гдѣ-нибудь, ну, хоть во дворѣ, и объяви, что я хочу сказать имъ нѣсколько словъ.

— Слушаю, Григорiй Аѳанасьевичъ, — сказалъ исполнительно Ливановъ и вышелъ.

— Оттонъ Оттоновичъ, повѣрьте, что все уладится какъ нельзя лучше. Наша Россiя такая ужъ милая страна: въ ней все можно уладить, поговоривъ съ кѣмъ слѣдуетъ. Надобно только говорить умѣючи.

Тутъ онъ вспомнилъ о спискѣ служащихъ:

— Давайте займемся. Вы, Оттонъ Оттоновичъ, лучше меня знаете, кто нужнѣе заводу, и за кого слѣдуетъ хлопотать. Итакъ, начнемте по порядку.

Онъ прочитывалъ фамилiи вошедшихъ въ списокъ служащихъ, которымъ предстояло итти въ войска, а Шлихенсонъ дѣлалъ краткую характеристику каждаго. Имена тѣхъ, о комъ слѣдовало хлопотать, отмѣчались крестиками. Занятiе это отняло у нихъ съ полчаса.

Ливановъ же въ это время сзывалъ во дворъ служащихъ, расползшихся по всѣмъ закоулкамъ широкаго заводскаго пространства. Многихъ онъ не нашелъ, такъ какъ они, рискуя штрафомъ, не выдержали и ушли въ городъ. Другiе рвались туда, но еще сдерживали себя.

Во дворѣ собралось съ полсотни народа, и тогда Ливановъ доложилъ начальству.

— Мнѣ позвольте не выйти, — сказалъ Шлихенсонъ, который не очень-то раздѣлялъ оптимизмъ Григорiя Аѳанасьевича.

Осмоленко махнулъ на него рукой:

— Хорошо, оставайтесь, хотя, по-моему, напрасно.

И вышелъ во дворъ. Онъ шелъ совершенно увѣренно, ни на минуту не сомнѣваясь въ томъ, что встрѣтитъ полное согласiе и покорность.

Его встрѣтили почтительно, даже сняли шапки и стояли безъ нихъ.

— Здравствуйте, господа, — сказалъ Григорiй Аѳанасьевичъ, приподнявъ надъ лысой головой свою панаму. Ему отвѣтили привѣтственнымъ гуломъ. — Ну, вотъ, господа, пришелъ великiй моментъ... Ну, да... То-есть моментъ великiй, но въ то же время и печальный, когда вѣроломный сосѣднiй народъ грозитъ нашему дорогому отечеству. Вся Россiя встанетъ на защиту, вся, какъ одинъ человѣкъ! — воскликнулъ Григорiй Аѳанасьевичъ, сильно, насколько могъ, нажавъ на свои голосовыя связки, и послѣ многозначительнаго перерыва продолжалъ: — И вы, господа, это почувствовали и, понятно, не могли оставаться спокойными. Вы оставили работу и, взволнованные, ищете способа, какъ бы проявить свой патрiотизмъ. И я, хозяинъ, не осуждаю васъ за это. Личные интересы должны отойти на второй планъ передъ интересами отечества. Многiе изъ васъ, господа, — продолжалъ, съ полминуты отдохнувъ, Осмоленко:—многiе изъ васъ несутъ на себѣ долгъ стать въ ряды воинства, и, конечно, они не задумаются передъ этимъ. Но однакоже, друзья мои, долженъ вамъ сказать, что мирная работа такъ же необходима для отечества во время войны, какъ и работа пушекъ и ружей. А потому, работая, вы также будете исполнять свой священный долгъ... О, разумѣется, не я буду совѣтовать кому-либо уклониться отъ защиты отечества. Но если бы кто-нибудь изъ подлежащихъ призыву по своему здоровью или настроенiю чувствовалъ себя болѣе пригоднымъ для мирной работы, такъ пусть онъ заявитъ объ этомъ мнѣ, и я сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы онъ могъ оставаться при своей работѣ... Итакъ, чтобы напрасно не тратить время, прошу всѣхъ, состоящихъ въ запасѣ, перейти на правую сторону.

Разомъ двинулась направо значительно бо́льшая часть присутствовавшихъ, слѣва остались только старшiе мастера, люди почтеннаго возраста.

— Ну, такъ кто же изъ васъ желалъ бы остаться при мирной работѣ?—обратился Осмоленко къ группѣ, перешедшей направо.

Въ отвѣтъ ему было глубокое молчанiе.

— Что же? Никто не хочетъ? Или, можетъ-быть, меня не поняли?

— Всѣ желаемъ служить отечеству, желаемъ исполнить долгъ!.. Всѣ желаемъ! Всѣ, всѣ! — раздалось нестройно, но энергично и горячо.

— Гм...—промычалъ, на минуту смутившись, Осмоленко, но сейчасъ же овладѣлъ собой.—Ну, такъ это и хорошо. Прекрасно. Очень, очень похвально... Конечно, заводъ нашъ на первое время будетъ въ затрудненiи, но, говорю я, личные интересы должны быть отодвинуты на второй планъ. Такъ вотъ, господа: когда понадобится, вы получите полный расчетъ, и, кромѣ того, обѣщаю вамъ, и вы можете на меня положиться, что семьи ваши не будутъ нуждаться ни въ чемъ необходимомъ. Это я вамъ обѣщаю, самъ позабочусь объ этомъ. Можете передать это и вашимъ ушедшимъ въ городъ товарищамъ.

— Покорнѣйше васъ благодаримъ,—промолвило нѣсколько голосовъ, и всѣ начали кланяться Григорiю Аѳанасьевичу, и даже тѣ, что остались справа, не призываемые на войну.

— Ну, вотъ... Н-да... Такъ можете быть въ этомъ увѣрены. Но, мои друзья, я не могу отъ васъ скрыть, что этому моему рѣшенiю много способствовалъ вашъ непосредственный начальникъ, управляющiй заводомъ, Оттонъ Оттоновичъ Шлихенсонъ. Да, да, именно онъ, человѣкъ столько же справедливый, сколько и требовательный въ исполненiи долга. Онъ, близко знающiй каждаго изъ васъ, только что засвидѣтельствовалъ передо мной, что на моемъ заводѣ нѣтъ ни одного плохого работника, а всѣ, какъ одинъ, всегда добросовѣстно исполняли свои обязанности. Да. Это онъ сообщилъ мнѣ, какъ хозяину, и этимъ расположилъ меня въ вашу пользу, такъ что мнѣ захотѣлось сдѣлать для васъ доброе дѣло.

Тутъ опять Григорiй Аѳанасьевичъ на минуту остановился для отдыха, вынулъ платокъ, вытеръ лобъ и продолжалъ:

— Этотъ человѣкъ, господа, хотя и носитъ иностранную фамилiю, но по духу такой же русскiй, какъ и мы, и русскому предпрiятiю, а не какому иному, онъ отдалъ свои силы и свои большiя познанiя. И вотъ ему-то вы и должны быть благодарны за то, что сможете спокойно исполнять вашъ высокiй патрiотическiй долгъ передъ родиной, увѣренные, что ваши близкiе не нуждаются въ насущномъ хлѣбѣ и кровѣ...

— Мы благодарны... Благодаримъ Антона Антоновича!

„Оттона Оттоновича“,—хотѣлъ-было по обыкновенiю поправить Осмоленко, но на этотъ разъ счелъ за благо воздержаться.

Онъ считалъ, что миссiя его исполнена какъ нельзя лучше, но такъ какъ онъ все-таки чувствовалъ себя ораторомъ, то требовался какой-нибудь эффектный финалъ.

И онъ закончилъ:

— А теперь, господа, объявляю вамъ, что по случаю знаменательнаго событiя работы на заводѣ сегодня не будетъ. Но, само собою разумѣется, за сегодняшнiй день вы получите плату полностью. Можете итти въ городъ и принять тамъ участiе въ общенародномъ движенiи высокаго патрiотическаго подъема. Да здравствуетъ наша великая родина! Ура!

Раздалось отвѣтное „ура“. Рабочiе и служащiе двинулись къ воротамъ, а оттуда въ городъ, и на заводѣ стало пусто. Еще около Осмоленко вертѣлся Ливановъ, но и у того было такое лицо, что Григорiй Аѳанасьевичъ самъ предложилъ ему свободу, и онъ поспѣшилъ вслѣдъ за другими.

Въ конторѣ Оттонъ Оттоновичъ горячо пожималъ руку Осмоленко:

— О, какъ вы хорошо съ ними говорили! Я стоялъ здѣсь, у отвореннаго окна, и все видѣлъ и слышалъ. И какъ благодаренъ вамъ за себя! Хотя судьба моя находится въ неизвѣстности...

— Не бойтесь, Оттонъ Оттоновичъ. Сегодня же устроимъ и остальное. Все устроится, надо только имѣть терпѣнiе. А главное, во-время пожертвовать своими интересами... Ну, вотъ, если бы я не отпустилъ ихъ на сегодняшнiй день, такъ они сами ушли бы. Работы все равно не было бы, а тонъ былъ бы другой, гораздо хуже. Ну, теперь ѣду... Ахъ, я сегодня цѣлый день въ разъѣздахъ. Столько хлопотъ, что въ другое время на недѣлю хватило бы. Ну, да ужъ время такое, ничего не подѣлаете.

(Продолженiе слѣдуетъ).

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Артистическое заведенiе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданiе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.
Библиотека "Руниверс"

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г.
№ 39
XLV г. изданія
Выданъ 27 сентября 1914 г.
Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ **за строку нонпарейль** въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): **передъ** текстомъ и на **первой** страницѣ послѣ текста **1 р. 75 к.**: на послѣдней страницѣ **обложки 1 р. 50 к.**: на остальныхъ стран. **1 р. 25 к.**

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. В. Г. Короленко“ кн. 18.

Новыя изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

ДВѢ КАРТЫ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

Подъ редакціей проф. **Ю. М. ШОКАЛЬСКАГО.**

1) ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА
СРЕДНЕ-ЕВРОПЕЙСКАГО ТЕАТРА
ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

(Россія, Франція, Англія, Бельгія, Австро-Венгрія и Германія), печатанная шестью красками, размѣромъ 82×120 сантиметровъ. Въ масштабѣ 1 : 2.100.000 (50 верстъ въ дюймѣ).

Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ всѣхъ (около 10.000) географическихъ названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія.

2) ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА
ЮЖНАГО ТЕАТРА
ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

(Россія, Сербія, Черногорія, Австро-Венгрія, Италія, Греція, Болгарія, Румынія, Турція, Албанія и Швейцарія), печатанная шестью красками, размѣромъ 80×90 сантиметровъ (50 верстъ въ дюймѣ).
Съ картой Малой Азіи и Кавказа.

Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ всѣхъ (свыше 9.000) географич. названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія.

Цѣна каждой картѣ одинъ рубль.
Иногородные за пересылку не платятъ.

Требованія и деньги просимъ адресовать въ Контору изданій Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ГИМНЫ
НАРОДОВЪ СОЮЗНЫХЪ РОССІИ.

Для **смѣшаннаго хора**, переложеніе *Астафьева:* № 1 Французскій, № 2 Англійскій, № 3 Бельгійскій, № 4 Сербскій, № 5 Черногорскій, № 6 Японскій, партитуры по 15 к., голоса №№ 1 и 3 по 20 к., остальныхъ по 10 коп. 8244
Для **фортепіано:** № 2—20 к., № 3—30 к., остальные по 15 коп.

П. ЮРГЕНСОНЪ,
Москва, Неглинный пр., № 14.

Изящные модные колье, кулоны, кольца, броши, запонки и т. п. у фирмы:
„Драгоцѣнные Камни“
К. А. НАСОНОВОЙ
въ Екатеринбургѣ. 3.47
Иллюст—ный пр.-кур. выс. безплатно.

МОНЕТЫ и МАРКИ.
ПОКУПКА и ПРОДАЖА.
Вышелъ новый каталогъ русскихъ монетъ, чеканен. съ 1699 г. до 1914 г. съ 3-мя табл. Практическое руководство для собирателей. Цѣна 2 р., на велен. бумагѣ 3 р. 50 к. съ перес. Маг. В. Бобкова, Невскій, 164, тел. 86-03. Петроградъ. 8245

РАДІОАКТИВНЫЙ ИСТОЧНИКЪ **„РЯБОВО“.** УГЛЕКИСЛАЯ КЛЮЧЕВАЯ СТОЛОВАЯ **ВОДА.**
Главный Представитель: **А. Дерингеръ, Царское Село**
Складъ: **С.-Петербургъ,** Перевозная, 8. Тел. 503-36.

ИСТОЩЕНІЕ

и **худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость** съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья. С.П.Б.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Библиотека "Руниверс"

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА.
Полеводство—30 к. Садоводство и огородничество—30 к. Выборъ коровы для хозяйства, съ 8 рис.—30 к. Выборъ лошади, съ 18 рис.—15 к. Скотолѣчебникъ—30 к. Свиноводство и овцеводство — 15 к. Куроводство (куры простыя и индѣйскія) — 30 к. Пчеловодство — 15 к. Разведеніе кроликовъ, съ 15 рис.—15 к. Серебристый кроликъ — 15 к. Землемѣръ сельскій, съ 43 рис. и 5 табл.—30 к. Сушка плодовъ, овощей и грибовъ—25 к. Какъ удобрять поля, луга, виноградники, сады, огороды и цвѣтники, чтобы имѣть высшій доходъ—25 к. Хлѣбный жукъ (кузка), съ 1 таб. рисунк. — 25 к. Живая изгородь. Популярн. руков. къ устр. и использ. доходн. живой изгороди—25 к. Борьба съ фальсификаціей предметовъ потребленія—врача Соколова—40 к. Улучшеніе крестьянскаго свиноводства, съ рис.—5 к. Улучшеніе крестьянскаго овцеводства, съ рис.—5 к. Улучшеніе крестьян. птицеводства—5 к. Огородникъ-любитель съ 28 рис.—30 к. Курсъ двойной сел.-хоз. бухгалтеріи ц. 3 р. Теорія плуга, бороны и окучника, съ 66 рис. — 1 р. Курсъ агрономіи (Сборникъ лекцій) съ рис. ц. 2 р. 75 к. Самоучитель пчеловодства — 1 р. 35 к. Разведеніе огурцовъ—15 к. Разведеніе картофеля—15 к. Бахчеводство—15 к. Разведеніе капусты—15 к. Разведеніе конопли—15 к. Консервы и припасы и ихъ заготовка въ прокъ—30 к. За пересылку взимается по почт. таксѣ.
Съ требованіями обращаться: Москва, Уланскій пер., д. № 30—4. Книжн. магаз. П. К. Комисаренко. Каталогъ книгъ—безплатно. 3248

ЗАОЧНЫЕ, САМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ И ПРОЧИХЪ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ
С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ
Москва, Староконюшенный, д. Курилко. 7
Аттестатъ бухгалтера. Ручательство въ успѣхѣ. Тысячи благодарн.
ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО УСЛОВІЯ ИЗУЧЕНІЯ КОММЕРЧЕСК. НАУКЪ ПО ПИСЬМЕННЫМЪ ЛЕКЦІЯМЪ, ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.
3237 18-4

КУРСЫ Счетоводства г. К. БУРЕНКО.
Первые частн. курсы въ Кіевѣ. На курс. прох. бухгалт., коммерч., банков. и фабр.-заводскую. Пріемъ лицъ обоего пола во всяк. время. Усл. и прогр. высыл. безпл. Кіевъ, Прорѣзная, № 16. 3231 5-4

АТТЕСТАТЪ Университета, волот. медали за почерки учениковъ. Въ 15 уроковъ научаю заочно красиво и скоро писать. За 5 семик. марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условія. Одесса. Профес. Каллиграф. Адольфъ КОССОДО, Дерибасовская, д. № 19

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Моленіе о ниспосланіи побѣды. Св. Синодъ постановилъ совершать моленія о дарованіи побѣды не только нашему воинству, но и воинству нашихъ союзниковъ. Отнынѣ Церковь наша обращается къ Царю Царствующихъ: «Православному же воинству и воинству народовъ, въ союзѣ съ нами сущихъ, подаждь во множѣмъ дерзновеніи и мужествѣ о имени Твоемъ побѣдити!»

Посланіе Троице-Сергіевской лавры въ станъ русскихъ воиновъ. Троице-Сергіевская лавра обратилась къ Св. Синоду съ ходатайствомъ разрѣшить ей послать посланіе въ станъ русскихъ воиновъ. Въ этомъ посланіи иноковъ Троице-Сергіевской лавры, между прочимъ, говорится:

«Сохрани васъ Боже, дорогіе братья, русскіе воины, въ минуты гнѣва справедливаго, увлечься чувствомъ мщенія и обижать мирныхъ жителей тѣхъ областей, которыя Богъ поможетъ намъ захватить отъ непріятеля. Мы, смиренные иноки обители Сергіевой, ваши богомольцы у гроба сего великаго чудотворца, умоляемъ васъ именемъ преподобнаго Сергія: помните, что званіе воина — святое званіе, что въ ликѣ святыхъ Божьихъ немало и святыхъ воиновъ. Никого не обижайте, ни на кого не клевещите, не обижайте врага бѣгущаго, врага лежащаго, истекающаго кровью. Лежачаго не бьютъ, учитъ родная пословица. Къ чужому добру не прикасайтеся... Берегите свою совѣсть, братья воины, какъ зѣницу ока, храните себя въ чистотѣ и цѣломудріи, и Богъ васъ сохранитъ».

Ангелъ-утѣшитель. На ряду съ Августѣйшими воинами—членами Императорской Фамиліи, сражающимися въ рядахъ нашихъ войскъ, несутъ великую службу Царю, Родинѣ и родному воинству Великія Княгини въ качествѣ сестеръ милосердія. Раненые офицеры и солдаты принесли всей Россіи трогательныя вѣсти о великихъ подвигахъ любви и милосердія Августѣйшихъ сестеръ. Простой, рядовой сестрой милосердія Ксеніинской общины Краснаго Креста работаетъ въ ровненскомъ госпиталѣ Великая Княгиня Ольга Александровна. Трогательный разсказъ о дѣятельности Ея Императорскаго Высочества помѣщенъ со словъ одного раненаго въ «Новомъ Времени»:

Послѣ подачи мнѣ помощи, меня въ числѣ многихъ отправили въ лазаретъ Великой Княгини Ольги Александровны. Я не видалъ Ея Высочества, и когда ко мнѣ подошла сестра милосердія, небольшая, худенькая, съ лицомъ прекраснѣйшей доброты и нѣжности,—я не зналъ, кто была она.

— Нога вотъ... говорю, да и плечо... а рука это пустое.

— Снимайте рубаху, я осмотрю вашу рану,—сказала тихо и просто сестра.

Я раздѣлся. Сестра осторожно сняла бинтъ, отмочила повязку, позвала врача, и минутъ черезъ десять меня повели въ операціонную. Я былъ тамъ не одинъ. Когда до меня дошла очередь, начали очищать рану. Сестра, которая меня встрѣтила, стояла около; тутъ же былъ фельдшеръ и другія сестры; дальше — шли другія операціи. Плечо сильно болѣло, кость была разбита и выниманіе кусочковъ доставило мнѣ немало боли.

— Пожалуйста, ваты,—сказалъ докторъ.

Сестра подала.

— Мало...

Сестра подала громадный кусокъ, намоченный какой-то жидкостью. Далѣе—это были уже настоящія команды, которыя исполнялись сестрой безпрекословно, въ то время какъ другая держала тазъ и полотенце, третья кипятила инструменты, а фельдшеръ держалъ руку и голову.

— Ваты! Воды!.. Ножницы № 6... Скорѣй! Примите руку... Ваты!.. Дайте шприцъ... скорѣе!..

Все это исполнялось моментально, безъ малѣйшаго смущенія и волненія; на меня въ упоръ смотрѣли два добрыхъ глаза, полныхъ нѣжности, состраданія и, какъ мнѣ казалось,—печали; въ то же время, эти глаза смотрѣли строго и притягивали къ себѣ, заставляя на секунды отвлекаться отъ боли. Очистка кончилась.

Отдохнувъ и ободрившись послѣ перевязки, я только-что собирался приподняться, чтобы пить чай, какъ подошла та сестра, что мыла мнѣ рану, и, подхвативъ подъ здоровое плечо, помогла подняться. Затѣмъ, она сѣла на край кровати, налила въ блюдечко чаю и стала меня поить.

— Вы семейный?—спросила сестра:—дѣтки есть? — Ну, что жъ, поѣдете ихъ провѣдать, а потомъ опять?..

Я отвѣчалъ, что черезъ мѣсяцъ я, должно-быть, вернусь къ ротѣ.

— А вы очень любите свою роту? — спросила сестра и, не дождавшись отвѣта, сказала:

— Вамъ надо спать, уже поздно, девять часовъ, а завтра поговоримъ...

Затѣмъ сестра встала, мягко провела рукой по моимъ волосамъ и какъ-то по-матерински, какъ помню въ дѣтствѣ мнѣ мама говорила, сказала:

— Ну, спите, будьте умницей...

— Сестра!—остановилъ я:—скажите: въ этомъ лазаретѣ работаетъ Великая Княгиня Ольга Александровна?..

— Да, а что?

— Мнѣ бы повидать...

— А вамъ зачѣмъ,—улыбнулась сестра.

— Да какъ же,—говорю, — вѣдь Царская Сестра и вдругъ такую работу исполняетъ... да и потомъ говорятъ, она такая хорошая. добрая... мнѣ бы ручку поцѣловать Великой Княгинѣ...

— А вы мнѣ обѣщаете спать, если я это вамъ устрою?

— Обѣщаю,—сказалъ я, ободрившись.

— Ну, цѣлуйте скорѣе и спите, — сказала сестра и ладонью закрыла мнѣ ротъ.

Я обомлѣлъ въ первую секунду. Затѣмъ, схвативъ руку, прижалъ ее къ губамъ.

— Ваше Императорское Высочество...

Сестра тихо отвела руку и сказала:

— Зовите меня сестрой и помните, что вы дали обѣщаніе спать.

Съ этими словами Сестра отошла.

Высочайшая забота о чинахъ арміи и флота. Опубликованъ Высочайшій указъ о пріостановленіи исковыхъ дѣлъ, въ которыхъ одною изъ тяжущихся сторонъ является лицо, призванное въ ряды арміи или флота, и не поручившее веденіе своего дѣла повѣренному. Слушаніе дѣлъ по этимъ искамъ откладывается до истеченія трехъ мѣсяцевъ со дня приведенія арміи на мирное положеніе. Точно также пріостанавливается разсмотрѣніе уголовныхъ дѣлъ, касающихся лицъ, призванныхъ на войну.

Производство нижнихъ чиновъ въ прапорщики. Государь Императоръ по всеподданнѣйшимъ докладамъ Военнаго Министра въ 3-й и 6-й дни сего сентября Высочайше повелѣть соизволилъ всѣхъ нижнихъ чиновъ, пользующихся правами по образованію 1-го и 2-го разряда и удовлетворяющихъ требованіямъ офицерской службы, допустить къ производству въ прапорщики запаса и прапорщики на нижеслѣдующихъ основаніяхъ:

1) Всѣхъ, состоящихъ на службѣ въ частяхъ войскъ, находящихся на театрѣ военныхъ дѣйствій, вольноопредѣляющихся, охотниковъ и жеребьевыхъ 1-го разряда по образованію какъ призванныхъ изъ запаса, такъ и поступившихъ на дѣйствительную военную службу къ 1-му января 1914 г. (по уставу воинской повинности 1912 г.), произвести безъ экзамена: призванныхъ изъ запаса—въ прапорщики запаса, а состоящихъ на дѣйствительной службѣ—въ прапорщики соотвѣтствующаго рода оружія.

2) Всѣхъ означенныхъ выше, въ пунктѣ 1-мъ, нижнихъ чиновъ, состоящихъ на службѣ въ частяхъ войскъ, не выступавшихъ въ походъ, произвести въ прапорщики запаса и въ прапорщики соотвѣтствующаго рода оружія по установленному экзамену.

3) Вольноопредѣляющихся и охотниковъ 2-го разряда по образованію всѣхъ войсковыхъ частей, кои находятся на театрѣ военныхъ дѣйствій, допустить къ производству въ прапорщики запаса безъ экзамена, но по особому удостовѣренію строевого начальства.

4) Вольноопредѣляющихся и охотниковъ 2-го разряда по образованію, состоящихъ на службѣ въ частяхъ войскъ, не выступившихъ въ походъ, допустить къ экзамену на чинъ прапорщика запаса наравнѣ съ лицами, поименованными выше, въ пунктѣ 2-мъ.

5) Право производства въ прапорщики запаса и въ прапорщики соотвѣтствующаго рода оружія, согласно изложенному выше въ пунктахъ 1-мъ и 3-мъ, предоставить власти главнокомандующихъ арміями фронтовъ и главнокомандующихъ отдѣльными арміями, съ утвержденіемъ затѣмъ таковыхъ производствъ Высочайшими приказами.

6) Требуемыя пунктами вторымъ и четвертымъ испытанія на чинъ прапорщика запаса и прапорщика произвести установленнымъ порядкомъ при штабахъ дивизій и корпусовъ, а гдѣ таковыхъ не имѣется, въ виду выступленія ихъ въ походъ,—при управленіяхъ запасныхъ бригадъ.

Торфяной мохъ — замѣна ваты. Завѣдующій Софіевской больницей графовъ Бобринскихъ въ мѣстечкѣ Смѣлѣ, Кіевской губерніи, д-ръ А. Якубовскій сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о торфяномъ мхѣ, примѣняемомъ нынѣ взамѣнъ марли и гигроскопической ваты, запасы которой иссякаютъ въ Россіи.

Торфяной мохъ, произрастающій, между прочимъ, въ лѣсныхъ болотахъ окрестностей м. Смѣлы, много лѣтъ примѣняется въ мѣстной больницѣ, какъ прекрасное перевязочное средство, взамѣнъ марли и гигроскопической ваты, превосходя ихъ своими всасывающими свойствами. Укажу здѣсь простѣйшіе способы сбора и подготовки мха для перевязокъ.

Ранняя осень — самое подходящее время для сбора мха. Торфяной мохъ, растущій въ лѣсныхъ болотахъ съ чистой водой, болѣе цѣнными для насъ, отжившими частями погруженъ въ воду.

Извлекая граблями изъ воды эти отжившія части мха, ихъ промываютъ въ ней, а затѣмъ приступаютъ къ просушкѣ мха, для чего разстилаютъ его на травникахъ, газонахъ, крышахъ и т. п. Можно просушивать мохъ и въ спеціальныхъ сушилкахъ.

Послѣ просушки занимаются тщательной сортировкой мха, отбирая постороннія примѣси, въ видѣ сорныхъ травъ, листьевъ, еловыхъ иглъ и шишекъ. Полученный чистый мохъ (сфагнумъ) складывается въ ящики или мѣшки

Библиотека "Руниверс"

подъ легкимъ давленіемъ. По мѣрѣ надобности изъ этого мха готовятся для перевязокъ марлевыя подушечки различной величины.

На марлевыя салфетки накладывается равномѣрно мохъ, края салфетки заворачиваются или по типу конвертовъ съ четырехъ угловъ или съ четырехъ сторонъ салфеткой и обшиваются. Работа быстрая и несложная.

Послѣ стерилизаціи (обезпложиванія) паромъ подушечки готовы для перевязокъ и кладутся прямо на раны. Получается очень нѣжная, прекрасно всасывающая повязка.

Русскіе раненые-плѣнные въ берлинскомъ лазаретѣ. Находившійся въ Германіи русскій врачъ Литинскій получилъ разрѣшеніе посѣтить въ Берлинѣ, въ одномъ изъ лазаретовъ, нашихъ раненыхъ-плѣнныхъ и, возвратившись нынѣ въ Россію, исполняетъ просьбу томящихся въ плѣну соотечественниковъ сообщить списокъ ихъ именъ для свѣдѣнія ихъ родныхъ и близкихъ. На излѣченіи въ лазаретѣ находятся: полковникъ (военный прокуроръ) А. М. Терне, капитанъ И. Ф. Острокопытовъ, шт.-кап. В. Н. Полковниковъ, поручикъ С. М. Боголинскій, подпрапорщикъ А. С. Оттовичъ-Воловскій, подпрап. П. И. Ершовъ, поручикъ Ю. М. Купча; прапорщики: А. А. Соколовъ, Н. Н. Померанцевъ, Ѳ. Ф. Феодоровичъ; кол. секр. С. Я. Ковалевъ, священникъ о. Петръ Разумовъ, врачъ А. П. Орловскій, заур.-прапорщикъ Ф. Е. Маргачевъ.

Желающіе получить справки о нихъ могутъ обращаться къ доктору Литинскому въ Ялту.

Семья героевъ. Постановленіемъ отъ 5-го сентября французскій дивизіонный генералъ де-Кюльеръ-де-Кастельно записанъ на особую доску Почетнаго Легіона, въ качествѣ кавалера высшей степени этого ордена. Съ первыхъ дней войны войска генерала де-Кастельно непрестанно сражались съ врагомъ. Выдающаяся энергія генерала и чрезвычайное напряженіе силъ ввѣренныхъ ему войскъ доставили французской арміи рядъ крупныхъ побѣдъ. Вмѣстѣ съ генераломъ де-Кастельно стали въ ряды арміи шесть его сыновей. Изъ нихъ два сына убиты, одинъ — раненъ. Однако генералъ съ неуклонной энергіей продолжаетъ руководить ввѣренными ему войсками, служа высокимъ примѣромъ воинской отваги и доблести. Старшій сынъ генерала де-Кастельно, поручикъ Жеральдъ де-Кастельно, былъ убитъ вражеской пулей 26 августа, въ то время, когда съ крикомъ «впередъ» онъ бросился на враговъ. Второй сынъ генерала, Мишель, былъ тяжело раненъ и остался на полѣ сраженія. О немъ нѣтъ свѣдѣній въ продолженіе 25 дней. Третій сынъ генерала, Ксавье, также палъ на полѣ брани.

Генералу Кастельно донесли подъ конецъ боя о славной смерти его старшаго сына. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его лицѣ. Онъ продолжалъ командованіе. Когда бой кончился, онъ подъѣхалъ къ мѣсту, гдѣ лежалъ трупъ его сына, сошелъ съ коня нагнулся, взглянулъ въ угасшіе глаза, поцѣловалъ въ лобъ и велѣлъ похоронить сына на мѣстѣ боя.

Героизмъ отца дополняется героизмомъ матери — супруги генерала де-Кастельно, достойной его подруги жизни, воспитавшей цѣлую семью героевъ. Проводивъ мужа и шесть сыновей на войну, она поселилась въ скромномъ мѣстечкѣ на югѣ Франціи. Ежедневно она ходитъ въ мѣстную церковь исповѣдываться и пріобщаться. Настоятелю церкви было поручено передать ей грустную вѣсть о смерти сына. Во время причащенія Св. Таинъ рука настоятеля, подносившая ей Св. Дары, дрогнула. Взглянувъ въ глаза настоятеля и прочтя въ нихъ ожидавшее ее извѣстіе, она не дрогнула и только поблѣднѣвшими губами прошептала одно слово: «Который?»...

Оскверненіе нѣмцами фамильнаго склепа семьи президента Пуанкарэ. Германскія войска, бомбардируя Нюбекуръ, гдѣ находится помѣстье французскаго президента Пуанкарэ, разгромили имѣніе главы французскаго народа и, въ довершеніе своей гнусной мести, совершили оскверненіе могилъ, взломавъ фамильный склепъ семьи Пуанкарэ и похоронивъ въ немъ своихъ убитыхъ солдатъ.

Письмо бельгійки-матери германской императрицѣ. «Madame! Я узнала изъ газетъ, что сынъ вашъ Іоахимъ вернулся съ поля битвы раненый, и что вы при встрѣчѣ съ гордостью любовались Желѣзнымъ крестомъ на его груди. У меня тоже есть сынъ, онъ тоже раненъ, какъ и вашъ, но еще не вернулся. Уже три недѣли молю я за него Господа. Онъ сражался, слава Богу, не подъ одними знаменами съ вашимъ сыномъ, но, какъ мать, я понимаю вашу радость. Но я не могу забыть, что сынъ вашъ заслужилъ Желѣзный крестъ, командуя дикой ордой, наводнившей грабежами и убійствами мою бѣдную Бельгію. Неужели вы можете гордиться этимъ? Васъ не смутили никакія мрачныя мысли? Увѣрены ли вы, что его Желѣзный крестъ не запятнанъ, что онъ можетъ считаться почетнымъ отличіемъ за военную доблесть? Увѣрены ли вы, что крестъ этотъ снимаетъ отвѣтственность за ту преступную оргію жестокостей, которую изверги учинили надъ моимъ народомъ? Неужели вы думаете, что хоть одинъ офицеръ, а вашъ сынъ менѣе, чѣмъ кто-либо другой, можетъ надѣяться избѣгнуть отвѣта передъ Богомъ за преступленія, совершавшіяся цѣлыми недѣлями методически и безпощадно во всѣхъ уголкахъ моей родины? Не вызываетъ ли этотъ крестъ въ васъ, помимо гордости, нѣкотораго содроганія при мысли о томъ, что символъ Христа украшаетъ собою грудь тѣхъ, кто виновенъ въ самыхъ низкихъ насиліяхъ? Я не завидую вашей гордости. Много слезъ предстоитъ намъ осушить, много развалинъ возстановить, но я благословляю Бога за то, что мы можемъ обнять нашихъ сыновей-солдатъ съ гордою увѣренностью, что они воины, а не убійцы!»

Геройскій подвигъ кубанцевъ. Подъ Ченстоховомъ, для охраны важнаго стратегическаго моста, нѣмцы поставили передовую цѣпь, за ней заставу, и кромѣ того усиленную охрану самого мостового строенія. Отрядъ кубанцевъ, въ составѣ четырехъ человѣкъ, ночью попытался взорвать мостъ. Запасшись пироксилиновыми шашками и бикфордовымъ шнуромъ, казаки прошли цѣпь, снявъ кинжалами безъ крика часовыхъ, и проползли къ рѣкѣ. Бросившись въ воду, казаки въ темнотѣ подплыли къ деревяннымъ устоямъ моста и, ловко взобравшись по перекладинамъ подъ настилъ, кинжалами сдѣлали отверстія и, прикрѣпивъ шашки, подожгли шнуръ. Уплывъ обратно и выбравшись на берегъ, храбрецы стали ожидать взрыва, котораго, къ смущенію ихъ, долго не было. Для провѣрки они рѣшили бросить жребій и послать одного осмотрѣть шнуръ. На жеребьевку никто не согласился, такъ какъ всѣ рѣшили плыть вторично. Доплыли опять до моста. Оказалось, что въ одномъ мѣстѣ шнуръ замокъ и потухъ. Его обрѣзали и зажгли снова. Свѣтъ привлекъ вниманіе нѣмцевъ, которые открыли по рѣкѣ пальбу. Казаки, видя, что дѣло плохо, бросились въ воду и поплыли по теченію. Не успѣли они отплыть и 20 саженъ, какъ раздался взрывъ, и мостъ рухнулъ въ рѣку. Храбрецы, выйдя на берегъ, благополучно вернулись къ своимъ.

Ноги перебиты — руки есть. Въ одномъ изъ боевъ снарядъ разорвался какъ разъ около орудійнаго колеса, орудіе на нѣсколько минутъ замолкло.

— Вы что не стрѣляете?!—крикнулъ руководившій стрѣльбой офицеръ.

— Чичасъ, ваше благородіе.

Оказалось, изъ трехъ человѣкъ орудійной прислуги одинъ былъ убитъ, у другого перебиты ноги и контужена голова, третій свалился отъ пули, скользнувшей по черепу и сорвавшей кожу. Отвѣтилъ офицеру этотъ третій. Въ первый моментъ, ошеломленный ударомъ по головѣ, онъ свалился, затѣмъ вскочилъ съ лицомъ, залитымъ кровью, и крикнулъ своимъ товарищамъ: «ни черта, братцы, цѣлъ», отвѣтилъ на окрикъ офицера и вслѣдъ затѣмъ орудіе загрохотало вновь.

Контуженный и съ перебитыми ногами лежалъ вблизи орудія и, превозмогая адскую боль отъ перебитыхъ ногъ, уцѣлѣвшими руками ставилъ дистанціонныя трубки.

— Ноги перебиты—такъ руки есть, — сказалъ онъ наводчику, уговаривавшему его лежать смирно.

Раненый въ голову не ушелъ на перевязку до десяти часовъ вечера, да и вечеромъ явился на перевязочный пунктъ только по приказанію офицера. А дня черезъ три, разматывая на пунктѣ повязку, самъ выдавилъ изъ раны какой-то осколокъ и подалъ доктору со словами: «а у меня, ваше благородіе, осколокъ гранаты въ головѣ завязъ».

Рота на деревьяхъ. Въ бою на австрійскомъ фронтѣ отличилась рота одной изъ московскихъ частей. Вблизи лѣса австрійцы пытались обойти флангъ расположенія нашей части. Замѣтивъ это, командиръ роты приказалъ своимъ людямъ взобраться на деревья и оттуда стрѣлять, подпустивъ непріятеля совсѣмъ на близкое разстояніе. Солдаты выполнили заданіе прекрасно. Скрывшись въ густой зелени деревьевъ, они близко подпустили врага и затѣмъ открыли такой огонь, что непріятель въ паникѣ бѣжалъ. Взятые въ плѣнъ раненые австрійцы увѣряли, что они обратились въ бѣгство, предполагая, что ихъ обстрѣливаютъ съ аэроплановъ. При отступленіи австрійцы наткнулись на другую роту, кинувшуюся въ рукопашную, при чемъ наши дрались прикладами и даже кулаками.

Герои-англичане. Англійской саперной ротѣ приказано было взорвать мостъ. Подъ сильнымъ огнемъ непріятеля удалось подложить подъ мостъ взрывчатыя вещества, оставалось поджечь фитиль. Но вся рота была перебита поголовно. Тогда на смѣну была прислана другая. Первый солдатъ этой роты, попытавшійся подойти къ мосту, былъ убитъ. То же произошло и со слѣдующимъ. Лишь 17-му солдату удалось подойти къ мосту и поджечь фитиль. Раздался оглушительный взрывъ и мостъ рухнулъ.

Духъ русскаго солдата. Участники боевъ на австрійской границѣ разсказываютъ характерные эпизоды, рисующіе спокойствіе и невозмутимость русскихъ солдатъ. Во время двухдневнаго боя наши войска, находившіяся въ деревнѣ, были буквально осыпаны гранатными и гаубичными снарядами. Однако, несмотря на ужасный огонь, солдаты подъ градомъ пуль и снарядовъ готовили обѣдъ и даже напекли картофель. Еще характернѣе случай произошелъ въ передовыхъ окопахъ. Расположившіеся въ окопахъ солдаты замѣтили бѣгущаго впереди окоповъ зайца, спугнутаго съ несжатаго поля австрійцами. Сейчасъ же нашлось много любителей поохотиться, несмотря на то, что заяцъ бѣжалъ возлѣ непріятельскихъ окоповъ. Черезъ нѣсколько минутъ трупъ злополучнаго зайца былъ доставленъ въ русскій станъ. «Оце хочь добра вечеря буде нашому ротному»—говорили солдаты-охотники. Солдаты одного изъ московскихъ полковъ, отправляясь на театръ военныхъ дѣйствій, захватили съ собой собаку-дворняжку, ставшую любимицей роты. Собака таскала во рту живыхъ кроликовъ, исполняла различныя порученія солдатъ, а въ одномъ изъ сраженій, въ самомъ пеклѣ боя, какъ бѣшеная лаяла на наступавшихъ австрійцевъ.

Австрійская знать — мародеры и грабители. Мародерствуя въ южной части Царства Польскаго, австрійскія войска явились, по словамъ "Варш. Мысли», между прочимъ, въ имѣніе извѣстнаго помѣщика, скотовода и коннозаводчика А. Будны. Къ нему явился «цвѣтъ» австрійской кавалеріи — отрядъ венгерскихъ гусаръ, которые насчитываютъ въ своихъ рядахъ много представителей высшей австро-венгерской аристократіи. Изъ числа послѣднихъ въ помѣстье прибыли графъ Зичи, баронъ Сардасъ и другіе. Прежде всего они заказали обильный обѣдъ, а въ ожиданіи его пошли любоваться роскошнымъ домомъ г. Будны и осмотрѣли его конскій заводъ. Осмотръ сопровождался самымъ беззастѣнчивымъ грабежомъ. Баронъ Сардасъ открыто стащилъ со стола и положилъ въ карманъ дорогіе золотые часы съ цѣпочкой и брелоками, а когда г. Будны пытался протестовать, то баронъ Сардасъ вытащилъ револьверъ и пригрозилъ имъ г. Будны. Его «соратникъ», графъ Зичи, запасшись маленькимъ ручнымъ саквояжемъ, сложилъ туда «на память» дорогія бездѣлушки, украшавшія кабинетъ и гостиную г. Будны, а третій офицеръ, «попрактичнѣе», снялъ съ г. Будны мѣховую «венгерку», а изъ шкапа укралъ гетры и хлыстъ съ дорогой рукояткой. На конскомъ заводѣ офицеры выбрали шесть чистокровныхъ скакуновъ, общею стоимостью въ 50.000 руб., и «реквизировали» ихъ. Послѣ обѣда пьяная компанія рѣшила «развлечься» и отправилась на свиной дворъ. Выпустивъ изъ хлѣвовъ свиней, пьяные офицеры устроили «охоту» и перестрѣляли нѣсколько десятковъ дорогихъ іоркширскихъ производителей и матокъ. Въ общемъ итогѣ визитъ австрійской аристократіи обошелся г. Будны свыше 80.000 руб.

Рождественскій корабль. Мирный Новый Свѣтъ создалъ для Стараго Свѣта, объятаго кровавой войной, красивую, поэтичную сказку любви и милосердія.

Въ Чикаго возникъ проектъ снарядить огромный корабль, который долженъ на Рождество посѣтить Европу и передать отъ американскихъ дѣтей рождественскіе подарки осиротѣлымъ въ эту войну европейскимъ дѣтямъ.

Американскія газеты полны воззваній, приглашающихъ дѣтей экономить деньги, данныя имъ на лакомства и на удовольствія. Президентъ Вильсонъ сталъ во главѣ «Комитета рождественскаго корабля». Закипѣла грандіозная, чисто-американская по широтѣ замысла работа. Сборъ милліоннаго фонда на пріобрѣтеніе подарковъ уже открытъ...

И въ началѣ декабря, «по синимъ волнамъ океана», будетъ плыть къ европейскимъ берегамъ гигантъ-корабль съ высокой миссіей напомнить человѣчеству о неумирающихъ завѣтахъ братской любви и состраданія.

Библиотека "Руниверс"

Рыба поймала птицу. Англійская подводная лодка доставила на берегъ германскаго летчика съ механикомъ. Авіаторы носились по волнамъ въ открытомъ морѣ, въ 60-ти миляхъ отъ Гарвича. Они были отправлены на воздушную развѣдку на гидроаэропланѣ, но, въ виду порчи мотора, вынуждены были спланировать на море.

Команда подводной лодки спасла авіаторовъ, а аппаратъ пустила ко дну.

Соболѣзнованіе Портѣ. Турецкіе дипломаты, посѣтивъ бельгійскаго посланника, выразили ему соболѣзнованіе по поводу занятія нѣмцами Льежа. Въ отвѣтъ на это посланникъ просилъ передать и его соболѣзнованіе Портѣ.

— По какому поводу?—удивился турокъ.

— По поводу занятія нѣмцами Константинополя, — отвѣтилъ бельгіецъ.

ХРОНОЛОГІЯ ВОЙНЫ.

ВТОРОЙ МѢСЯЦЪ

(См. № 35 «Нивы»).

Августъ.

14-го. Русскія войска заняли Тильзитъ и приблизились къ Кенигсбергу и Алленштейну. Крейсеръ «Магдебургъ» сѣлъ на камни въ Балтійскомъ морѣ и потопленъ нашими судами. Наступленіе французовъ между Вогезами и Нанси.

15-го. Русскія войска заняли Алленштейнъ. Французы отбросили нѣмцевъ за рѣку Мартъ. Капитуляція Лонгви. Англійскій крейсеръ потопилъ океанскій пароходъ «Кайзеръ Вильгельмъ деръ-Гроссе».

16-го. Австрія объявила войну Бельгіи. Бой судовъ англійскаго флота съ германскими у Гельголанда, окончившійся побѣдой англичанъ. Германцы разрушили древній городъ Лувенъ въ Бельгіи. Русскія войска разстрѣляли у Млавы цеппелинъ. Бои съ австрійцами у Томашева.

17-го. Въ Галиціи наши войска взяли города: Каменка, Глиняны, Перемышляны и Бржуховица. Южнѣе Люблина началось наступленіе русскихъ войскъ. Успѣхи французовъ въ Лотарингіи. Нѣмцы отброшены за Маасъ. Убиты въ бояхъ принцъ Леопольдъ Баварскій и владѣтельный князь Липпе. Черногорцы разбили австрійцевъ у Будвы и взяли Плевлье.

18-го. Наши войска въ Восточной Пруссіи понесли значительныя потери. Погибли генералы: Самсоновъ, Мартосъ и Пестичъ. Германскій корпусъ уничтоженъ войсками генерала По. Съ германскаго аэроплана брошены въ Парижѣ бомбы. Германскій генералъ Сандерсъ назначенъ турецкимъ главнокомандующимъ.

19-го. На австрійскомъ фронтѣ русскія войска отовсюду отбросили непріятеля, захвативъ тысячи плѣнныхъ, много орудій и припасовъ. Нашими войсками взяты важныя позиціи на р. Гнилая Липа. Французы разбили армію кронпринца въ районѣ Спенкуръ и Лонгюйонъ. Японцы заняли всѣ острова у Кіао-Чао.

20-го. Армія генерала Рузскаго одержала побѣду подъ Львовомъ. Захвачено 150 орудій. Австрійскія войска потерпѣли пораженіе при Вучидолѣ. Черногорцы преслѣдуютъ ихъ.

21-го. Армія генерала Рузскаго взяла Львовъ. Армія генерала Брусилова заняла Галичъ. Французскія правительственныя учрежденія переѣхали изъ Парижа въ Бордо. Французскій флотъ бомбардировалъ портъ и рейдъ Каттаро. Германскій губернаторъ острововъ Самоа сдался англійскимъ войскамъ.

22-го. Приказомъ Верховнаго Главнокомандующаго изъ занятыхъ русскими войсками Галиціи образовано особое генералъ-губернаторство.

23-го. Русскими войсками отраженъ X австрійскій корпусъ, пытавшійся прорваться между Люблиномъ и Холмомъ. Взято 5.000 плѣнныхъ.

24-го. Россія, Франція и Великобританія подписали декларацію, которой обязуются не заключать отдѣльнаго мира въ теченіе нынѣшней войны. Нѣмцы наложили на г. Лилль контрибуцію въ 200 милліоновъ франковъ. Черногорцы отразили атаку австрійцевъ въ направленіи Грахова.

25-го. Нашими войсками взяты укрѣпленія Миколаева, гдѣ захвачено 40 орудій и большія запасы. Гарнизонъ Парижа отразилъ германцевъ на рѣкѣ Уркъ. Германцы очистили Лилль. Бельгійцы взорвали свои плотины у Малина. Въ затопленной части Бельгіи погибло 8.000 германцевъ съ орудіями. Въ битвѣ подъ Термономъ германцы потеряли пять тысячъ человѣкъ. Черногорцы разбили австрійцевъ у Болянича и близъ Чайницы.

26-го. Союзныя войска одержали подъ начальствомъ генерала Френча большую побѣду въ 25 миляхъ къ сѣверу отъ Парижа. Сербскія войска перешли австрійскую границу.

27-го. Атакованная съ трехъ сторонъ томашевская австрійская армія отступила въ полномъ безпорядкѣ. Нападеніе австрійцевъ отъ Равы-Русской отбито. Нѣмцы потерпѣли значительное пораженіе у Монмирайля и Феръ-Шампенуаза. Черногорскія войска заняли Фочу. Японія присоединилась къ деклараціи Россіи, Франціи и Великобританіи.

28-го. На фронтѣ отъ Томашева и Равы-Русской до Днѣстра идутъ упорные бои. Лѣвофланговая армія австрійцевъ отрѣзана отъ другихъ своихъ силъ. Сербскія войска заняли Землинъ послѣ кровопролитнаго сраженія.

29-го. Русскія войска овладѣли приступомъ укрѣпленной позиціи Ополе—Туробинъ. Томашевъ взятъ послѣ упорнаго боя. На прусскомъ театрѣ германцы нами отброшены близъ Мышинца и Хоржеле. На французскомъ театрѣ германцы отступаютъ по всей линіи. Раненъ сынъ Вильгельма, принцъ Іоахимъ и убитъ принцъ Эрнестъ Мейнингенскій.

30-го. Побѣда русскихъ войскъ на галиційскомъ театрѣ. Отступленіе германцевъ на французскомъ фронтѣ. Бельгійцы наступаютъ на германскій аріергардъ.

31-го. Франко-англійскія войска повсюду тѣснятъ нѣмцевъ. Нами взята артиллерія цѣлаго германскаго корпуса. Бельгійцы вновь заняли Малинъ и и Эршоттъ. Французы отняли у нѣмцевъ Люневиль.

Сентябрь.

1-го. С.-А. Соединенные Штаты отказались реализовать хотя бы часть предположеннаго Германіей займа. Бельгійскія войска послѣ четырехдневныхъ боевъ отступили къ фортамъ Антверпена.

2-го. Русскія войска на нижнемъ теченіи рѣки Сана, не встрѣчая сопротивленія, преслѣдуютъ непріятеля. Занята Городокская позиція. Русскія войска приблизились къ Перемышлю на одинъ переходъ.

3-го. Верховный Главнокомандующій обратился съ воззваніемъ къ народамъ Австро-Венгріи. Русскія войска продолжаютъ преслѣдовать австрійцевъ. Попытка нѣмцевъ обойти русскія войска въ Восточной Пруссіи не осуществилась. Черногорцы заняли Горажду между Фочей и Вышеградомъ и заставили непріятеля отойти съ потерями. Сербы заняли крѣпость Вышеградъ въ Босніи и продолжаютъ наступленіе вглубь страны.

4-го. Русскія войска продолжаютъ преслѣдовать австрійцевъ. Взятъ Сандоміръ. Взяты сильныя укрѣпленія предмостной позиціи у Кржешова. Въ районѣ Яворова захвачены обозы, 30 орудій и 5,000 плѣнныхъ. Британская подводная лодка «Е 9» взорвала германскій крейсеръ «Hela» у Гельголанда. Японцы прервали сообщеніе между Циндао и Шаньдунемъ. Англійскіе инструкторы въ Турціи замѣнены германскими морскими офицерами. Бельгійская комиссія вручила президенту С.-А. Соединенныхъ Штатовъ Вильсону протестъ противъ германскихъ жестокостей.

5-го. Генералъ Ренненкампфъ окончательно задержалъ наступленіе германцевъ. На австрійскомъ фронтѣ русскія войска приблизились къ укрѣпленіямъ Синявы—Ярослава и Перемышля. Подъ Сандоміромъ вновь разбиты остатки германскаго корпуса. Черногорскія войска соединились съ сербскими войсками на рѣкѣ Доинѣ и побѣдоносно вступили въ Боснію. Австрійская эскадра обстрѣляла Антивари.

6-го. Русскія войска овладѣли укрѣпленіями Синявы и Самбора. Ярославъ горитъ. Въ районѣ Сандоміръ—Радомысль взято нами болѣе 3.000 плѣнныхъ и 10 орудій. Черногорская армія, послѣ занятія Фочи, Горажды и Рогатицы, находится въ 15 километрахъ отъ Сараева.

7-го. На всемъ австрійскомъ фронтѣ наши войска дѣйствуютъ на непріятельской территоріи. Австрійскіе аріергарды отброшены. Идетъ неустанное преслѣдованіе австрійскихъ армій русскими войсками. Французскія войска заняли всѣ высоты на правомъ берегу рѣки Эна. Армія кронпринца отступаетъ. Германцы бомбардируютъ соборъ въ Реймсѣ. Соборъ горитъ. Раненъ сербскій королевичъ Георгій. Сербы отступили отъ Землина.

8-го. На правомъ берегу Уазы французы продвинулись впередъ до высотъ Лассиньи. На сѣверѣ отъ Эна произошли жестокія схватки, непріятель отброшенъ. Въ Шампани и Аргоннѣ французы завладѣли Мениль-ле-Гердюсомъ и Массижемъ. Германская артиллерія разрушила въ Реймсѣ соборъ, ратушу, музей и госпитали. Черногорцы заняли городъ Прачу въ 20 километрахъ отъ Сараева.

9-го. Русскія войска заняли Ярославъ. На правомъ берегу Уазы германцы отступили подъ натискомъ французскихъ атакъ. Австрійцы подъ напоромъ сербскихъ войскъ отступаютъ къ Доинѣ.

10-го. Русскія войска заняли Пржеворскъ и Ланцутъ. Атаки нѣмцевъ къ сѣверо-востоку отъ Вердена отброшены. Нѣмцы очистили Номени и Арракуръ. Сербскія войска отбросили австрійцевъ на Савѣ и препятствуютъ переправѣ ниже Смедерева. Бурскій генералъ Бота принялъ на себя главное командованіе военными силами въ операціяхъ противъ германскихъ колоній юго-западной Африки.

11-го. Русскія войска на австрійскомъ фронтѣ взяли укрѣпленныя позиціи Чишки—Фульштынъ. Гарнизонъ Перемышля очистилъ селеніе Медыка, и на восточномъ секторѣ оттѣсненъ къ линіи фортовъ. Французскій флотъ выгрузилъ въ Антивари нѣсколько батарей крупныхъ артиллерійскихъ орудій и команду для вооруженія горы Ловченъ. Сраженіе на Энѣ продолжается восьмой день. Французскія войска продвинулись въ направленіи къ Руа и заняли Перронъ. Наступленіе нѣмцевъ пріостановлено. Британскіе аэропланы бросили бомбы на ангары цеппелиновъ въ Дюссельдорфѣ и зажгли ангаръ въ Бикендорфѣ, близъ Кельна. На фронтѣ Зворникъ—Лозница и Митровица—Шабацъ произошли ожесточенные бои, окончившіеся побѣдой сербовъ. Попытки перехода австрійцевъ черезъ Дунай потерпѣли неудачу. Черногорцы пошли на приступъ Сараева. Въ Шаньдунѣ высадился англійскій отрядъ въ 1.000 человѣкъ для совмѣстнаго дѣйствія съ японцами противъ Циндао.

12-го. Русскія войска отбили попытку германскаго авангарда продвинуться къ востоку въ предѣлахъ Сувалкской губерніи. На лѣвомъ флангѣ французскихъ войскъ между Соммой и Уазой идетъ ожесточенное сраженіе. Въ центрѣ французы продвинулись до Берри—Моранвилье. Въ Категатѣ близъ датскаго острова Ангольта прошла эскадра изъ 30 судовъ неизвѣстной національности, направлявшаяся къ Зунду.

13-го. Въ районѣ Сопоцкина и Друскениқъ начался бой русскихъ войскъ съ германскими войсками. На австрійскомъ фронтѣ русскія войска, отбросивъ два гонведныхъ полка, заняли Турку. Сербскія войска на фронтѣ Лозница—Рача оттѣснили австрійцевъ. Албанскія разбойничьи шайки напали на Сербію, угрожая Гостивару. Возобновился обстрѣлъ Каттарской бухты франко-англійской эскадрой. Сильная крѣпость Пелагоза разрушена. У Вевра 14 германскій корпусъ отступилъ, потерпѣвъ большія потери.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ" 1914 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" со всѣми приложеніями: Безъ дост. въ Петроградѣ **6 р. 50 к.**, съ дост. **7 р. 50 к.**; съ перес. по всей Россіи: на годъ **8 р.**, на 1/2 года **4 р.**, на 1/4 года **2 р.**

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. Марксъ**, Измайл. просп., № 29. **Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.**

Библиотека "Руниверс"

ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. — № 39 — г. XLV — 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 27 сентября 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на ½ года 4 р., на ¼ года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко кн. 18".

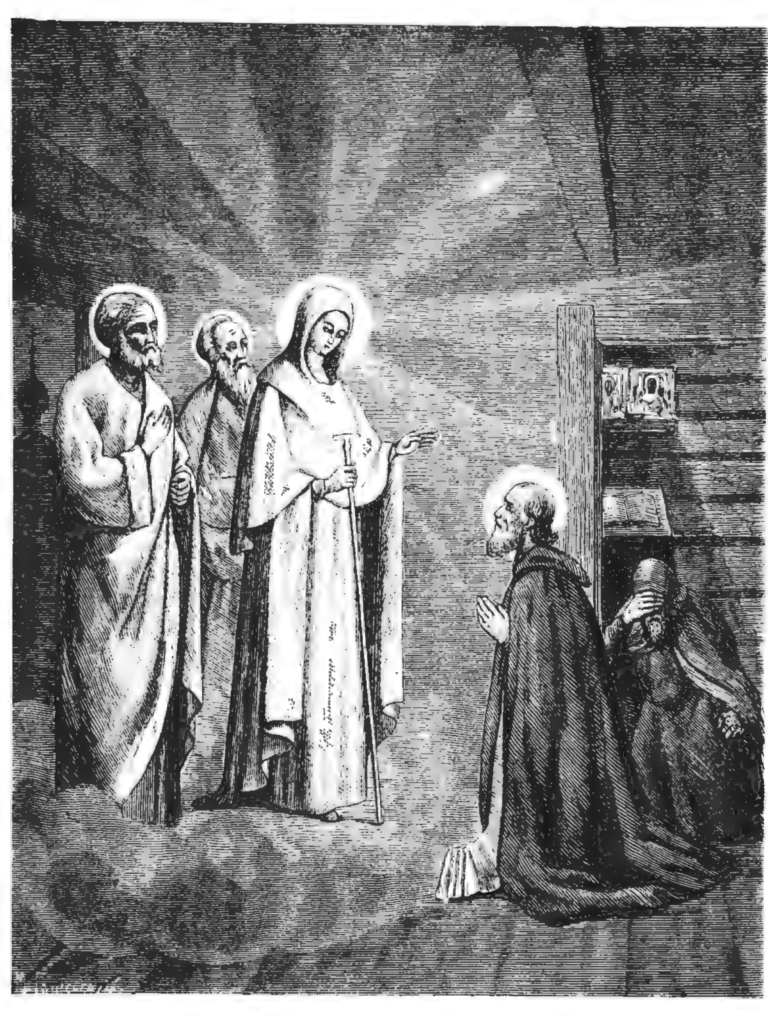
Галиція.

Позабывъ напѣвную
Рѣчь свою, была
Мертвою царевною
Въ темномъ замкѣ зла...
Сторожили вороги
Къ замку всѣ пути,
Тѣ жъ, кто сердцу дороги,
Падали въ пути...
Вдругъ упалъ подъ кручею
Витязь молодой,
Что подъ грозной тучею
Шелъ съ живой водой...
Но все ближе слышится
Звонкій лязгъ мечей,
И уже колышется
Пологъ у дверей...
И сквозь брызги пламени,
Сквозь летучій градъ
Виденъ крестъ на знамени
И любовный взглядъ...
Отдохни жъ, невольница.
На Руси святой—
Надъ тобою молится
Мѣсяцъ золотой.
Рать неутомимая
Бьется до утра...
Отдохни жъ, любимая,
Милая сестра!..

Сергѣй Михѣевъ.

Англійскіе солдаты привѣтствуютъ союзника-героя бельгійскаго солдата.

Библиотека "Руниверс"



Св. Икона Явленія Божіей Матери преподобному Сергію Радонежскому Чудотворцу, доставленная 30 августа с. г. изъ Троице-Сергіевской лавры въ ставку Верховнаго Главнокомандующаго. Св. Икона эта сопровождала россійское воинство со временъ Царя Алексѣя Михайловича во всѣхъ важнѣйшихъ войнахъ.

Возсоединеніе съ Червонною Русью.

Въ издающейся во Львовѣ „Прикарпатской Руси" въ нумерѣ отъ 12 сентября опубликована слѣдующая Высочайшая телеграмма: Львовъ. Изъ Царскаго Села. Генералъ-губернатору Галиціи:

„Передайте депутаціямъ русскихъ организацій Галиціи, явившимся къ вамъ съ выраженіями любви и преданности, Мою сердечную благодарность и Мой привѣтъ многострадальному русскому народу. Вся Россія со мною радуется совершающемуся возсоединенію съ дорогой каждому Русскому древнею Червонною Русью. Вамъ лично желаю полнаго успѣха.

НИКОЛАЙ".

Эта телеграмма послѣдовала въ отвѣтъ на посланную 9 сентября генералъ-губернаторомъ Галиціи графомъ Бобринскимъ телеграмму:

„Царское Село. Его Императорскому Величеству. Счастливъ донести Вашему Величеству, что сегодня ко мнѣ явились депутаціи девятнадцати культурно-просвѣтительныхъ и экономическихъ русскихъ организацій Галиціи и отъ имени галицкаго русскаго народа просили меня повергнуть къ стопамъ Царскимъ чувства вѣрноподданнической преданности, сыновней любви и благодарности ихъ природному Бѣлому Русскому Царю, освободившему Червонную Русь отъ многовѣкового рабства и возсоединившаго ее съ матерью Россіей. Графъ Бобринскій".

Возсоединеніемъ зарубежной Руси, возстановленіемъ Польши и объединеніемъ всѣхъ славянскихъ земель въ одинъ общій политическій и таможенный союзъ Россія приближается къ завершенію своей исторической миссіи въ Западной Европѣ. Высочайшій отвѣтъ на выраженіе всеподданнѣйшей преданности представителей галиційскаго населенія офиціально свидѣтельствуетъ о томъ, что присоединеніе Прикарпатской Руси къ Россіи стало уже совершившимся фактомъ великаго историческаго значенія. Первая задача войны, указанная въ воззваніи Верховнаго Главнокомандующаго, уже осуществлена: нѣтъ больше подъяремной Руси. Милліоны нашихъ братьевъ, томившихся подъ нѣмецкимъ игомъ, получили наконецъ то̀, на что имѣетъ неоспоримое право каждый народъ, — національную свободу. Только теперь Россія закончила наконецъ свое національное объединеніе, и всѣ русскіе люди сошлись подъ скипетромъ Императора Всероссійскаго. Мы переживаемъ великій день своей исторіи, свѣтлый праздникъ своего національнаго торжества.

Наши зарубежные братья переживаютъ теперь то, что̀ переживали наши предки, сбросившіе съ себя тяжкое ярмо Мамая, а державная Россія, какъ мать, дождавшаяся возвращенія дорогихъ дѣтей изъ вражьяго плѣна, плачетъ слезами радости и упоенія. Завершая великое дѣло собиранія Русской Земли, на которое благословилъ Ивана Калиту молитвенникъ Земли Русской и печальникъ Червонной Руси, св. Петръ, первый митрополитъ галицкій и первый митрополитъ московскій и всея Руси, мы близки и къ разрѣшенію другой задачи войны, указанной Верховнымъ Главнокомандующимъ: къ возрожденію Польши. Какую форму приметъ политическое сліяніе остальныхъ славянскихъ государствъ— Сербіи, Чехіи, Болгаріи и пр. — покажетъ, надѣемся, уже недалекое будущее. Габсбургская монархія, объединявшая множество разноименныхъ и разноязычныхъ народовъ посредствомъ жестокаго военно-полицейскаго насилія, фактически уже перестала существовать, и ея наслѣдство подлежитъ немедленной ликвидаціи.

Статуя Мадонны въ соборѣ г. Термона (Бельгія), чудесно уцѣлѣвшая во время бомбардировки города, превращеннаго нѣмцами въ развалины.

Библиотека "Руниверс"

Наши отцы, братья, мужья и сыновья геройски сражаются за славу и благо дорогой Родины, за могущество ея Царя.

Великъ и могучъ духъ русскаго воинства. Но если каждый воинъ, въ случаѣ ниспосланнаго на него, по волѣ Всевышняго, несчастья—пораненія, будетъ знать, что необходимая врачебная помощь ему обезпечена, что эта помощь не только облегчитъ его временное страданіе, но вполнѣ возстановитъ его силы и дастъ возможность вернуться подъ знамена для новыхъ боевъ съ врагами Родины, то онъ еще съ бо̀льшимъ воодушевленіемъ пойдетъ въ бой.

Предстоятъ еще большіе бои, много еще прольется крови героевъ нашихъ, а нужды Краснаго Креста необъятны.

Ко всѣмъ, болѣющимъ душою за русское воинство, ко всѣмъ, стремящимся облегчить страданія раненыхъ воиновъ, обращаюсь съ просьбой: жертвуйте, сколько и что̀ можете—деньги, вещи и запасы Россійскому Обществу Краснаго Креста.

Великая Княгиня

Ксенія Александровна

16 сентября 1914 г., г. Петроградъ.

Пожертвованія направляются непосредственно въ центральную кассу Россійскаго Общества Краснаго Креста въ Петроградъ или чрезъ посредство мѣстныхъ учрежденій Краснаго Креста.

Великая европейская война.

(Хроника военныхъ дѣйствій).

Минувшая недѣля не принесла нѣмцамъ ничего утѣшительнаго, ничего, окрыляющаго надежды на возможность сколько-нибудь благополучнаго для нихъ исхода затѣянной ими кампаніи. Рядъ жестокихъ боевъ по р. Энъ съ бѣшеными атаками обороняющихся только подтвердилъ сдѣланное и ранѣе заключеніе относительно полнаго сохраненія боеспособности отступившихъ отъ Парижа нѣмецкихъ армій: но такъ какъ почти всѣ нѣмецкія атаки были съ успѣхомъ и съ огромными потерями для атакующаго отражены союзными англо-французскими войсками, то отчаянныя попытки германцевъ поправить свое пошатнувшееся положеніе на западномъ фронтѣ въ общемъ итогѣ все-таки приходится признать неудавшимися. На лѣвомъ флангѣ расположенія союзниковъ, около Перонна, французы получили явный перевѣсъ и продвинулись нѣсколько впередъ, заходя въ тылъ арміи фонъ-Клука. Благодаря заранѣе подготовленнымъ германцами окопамъ и траншеямъ, война приняла здѣсь характеръ упорной крѣпостной обороны. Германскія позиціи на р. Энъ, это—своего рода Плевна, растянутая на добрыхъ 300—400 верстъ по всему фронту отъ швейцарской границы до Брюсселя. Каждый окопъ, каждую пядь земли союзникамъ приходится брать штурмомъ съ предварительной подготовкой артиллерійскимъ огнемъ. О напряженности борьбы и безумной стоимости самыхъ маленькихъ по территоріальному захвату побѣдъ ясное представленіе даетъ описаніе сраженія подъ Сенъ-Кантэномъ.

Первая линія нѣмецкихъ траншей была взята французской пѣхотой при поддержкѣ артиллеріи, но тяжелыя нѣмецкія орудія, выдвинутыя на высоты, косили ряды французовъ.

Рѣшено было тогда взять позицію приступомъ. Съ наступле-

Августѣйшая сестра милосердія Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Ольга Александровна, состоящая въ 1-мъ Евгеніинскомъ госпиталѣ Краснаго Креста.

Постоянное присутствіе Ея Высочества въ палатахъ среди раненыхъ, Ея сердечное отношеніе къ нимъ, а также ко всѣмъ окружающимъ, исполненіе Ея Высочествомъ всѣхъ работъ сестры милосердія утѣшаетъ страждущихъ, поднимаетъ духъ, придаетъ энергію въ работѣ, освящая ее любовью къ ближнему. Въ виду этого предсѣдательница петроградскаго попечительства о сестрахъ Краснаго Креста комитета, состоящаго подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской, фрейлина Е. Ф. Джунковская, отъ имени общины св. Евгеніи ходатайствовала о присвоеніи госпиталю имени Ея Императорскаго Высочества. Главное Управленіе Краснаго Креста, отнесясь съ чувствомъ восхищенія къ самоотверженной дѣятельности Великой Княгини Ольги Александровны, постановило повергнуть къ стопамъ Ея Высочества сердечную благодарность и всепреданнѣйше доложить о семъ Августѣйшей Покровительницѣ Общества Краснаго Креста Государынѣ Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ, испросивъ Высочайшее Ея Императорскаго Величества соизволеніе на присвоеніе Евгеніинскому госпиталю № 1 Имени Ея Высочества. (См. «Отклики войны».

Госпиталь общины св. Евгеніи № 3 (на 200 кроватей). Группа врачебнаго, санитарнаго и служебнаго персонала.

1. Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Павловна Младшая, отправляющаяся съ госпиталемъ въ качествѣ сестры милосердія. 2. Фрейлина Е. Ф. Джунковская. 3. Начальница общины В. С. Терпигорева. 4. Главный врачъ общины К. Я. Акимовъ-Перетцъ. 5. Главный врачъ отряда проф. С. Ф. Чижъ. 6. Сестра милосердія Н. И. Сергѣева.

Библиотека "Руниверс"

ніемъ ночи французы сомкнутыми рядами, подъ страшнымъ огнемъ непріятеля, пошли черезъ болота. Солдатамъ приходилось шагать по трупамъ своихъ товарищей, но все же имъ удалось дойти до второй линіи нѣмецкихъ траншей.

Тутъ произошла ожесточеннѣйшая рукопашная схватка. Французамъ помогло то, что инціатива исходила отъ нихъ. Сыгралъ роль и тотъ удивительный энтузіазмъ, которымъ охвачены французскія войска, понимающія, что рѣшается участь Франціи. Несмотря на ужаснѣйшія потери, французамъ удалось мѣсто сраженія оставить за собой, и они заставили нѣмцевъ очистить Сенъ-Кантэнъ. Подоспѣвшія свѣжія войска гнали нѣмцевъ по улицамъ города. Въ узкихъ переулочкахъ происходили рукопашныя схватки. Въ концѣ концовъ нѣмцы отошли на одинъ километръ отъ Сенъ-Кантэна, собрались съ силами и вновь атаковали французовъ, сдѣлавъ отчаянную попытку снова захватить городъ. Имъ удалось оттѣснить французовъ въ болота, но, послѣ небольшого роздыха, французы пошли въ новую атаку и снова вытѣснили нѣмцевъ изъ Сенъ-Кантэна.

Отрядъ въ честь св. Серафима Саровскаго, организованный духовными учебными заведеніями. Главный врачъ отряда—студентъ Академіи, докторъ — іеромонахъ Николай; сестры милосердія — Георгіевской общины и братья милосердія — студенты Императорской Духовной Академіи.

Германскіе и австрійскіе плѣнные и нашъ ополченецъ.

Разсказываютъ, что вся равнина между Перонномъ и Сенъ-Кантэномъ, по фронту въ 15 километровъ, покрыта трупами павшихъ въ бою. Мѣстами трупы лежатъ цѣлыми холмами. Это—результатъ ужаснаго огня нѣмецкой тяжелой артиллеріи.

На исходъ боевъ на лѣвомъ французскомъ флангѣ должно было оказать вліяніе безпрерывное полученіе французами свѣжихъ подкрѣпленій.

Во вторникъ вечеромъ въ Лондонѣ уже разсчитывали, что армія генерала фонъ-Клука частично окружена.

Французамъ подъ Сенъ-Кантэномъ удалось взять въ плѣнъ весь штабъ нѣмецкой дивизіи, 20 грузовыхъ автомобилей и уничтожить на пути между Перонномъ и Сенъ-Кантэномъ два блиндированныхъ поѣзда съ войсками, высланными на подкрѣпленіе.

Этимъ своимъ успѣхомъ французы обязаны изобрѣтательности одного офицера, который сумѣлъ сдѣлать отводъ отъ телефона нѣмецкаго отряда и перехватилъ сообщеніе о времени проѣзда и мѣстѣ назначенія поѣздовъ съ подкрѣпленіями. Получивъ эту справку, французскій штабъ немедленно послалъ отрядъ кавалеріи, который минировалъ желѣзнодорожный путь, въ то время какъ артиллерія установила точный прицѣлъ на полотно желѣзной дороги.

Оба поѣзда были уничтожены въ нѣсколько минутъ.

Подавляющее преимущество крупной артиллеріи германцевъ дѣлаетъ фронтальныя атаки еще болѣе затруднительными. Поэтому все наступленіе союзниковъ въ осадной полевой войнѣ поневолѣ должно сводиться къ фланговымъ обходамъ. Разумѣется, и противъ обходящихъ непріятельскихъ колоннъ германцы могутъ выставлять тѣ же окопы и свою тяжелую артиллерію, но при неограниченной свободѣ все новыхъ и новыхъ обходовъ со стороны противника дальнѣйшее послѣ-

Защита Парижа. Рытье траншей и постройка баррикадъ у воротъ города.

Библиотека "Руниверс"

Къ австро-сербской войнѣ. Прибытіе колонны австрійскихъ плѣнныхъ въ Нишъ.

при отраженіи насѣдающихъ на нихъ союзническихъ армій изъ тревожнаго опасенія, какъ бы не было отрѣзано благополучное отступленіе въ Германію. На нихъ должно подавляюще дѣйствовать сознаніе необезпеченности ихъ не только тактическаго, но и стратегическаго тыла, которому угрожаетъ затаившаяся въ Антверпенѣ бельгійская армія, ежедневно растущая въ числѣ и силѣ отъ непрерывнаго притока англійскихъ дессантныхъ войскъ. Необходимость защиты тыла и фланговъ, повидимому, задержала уже намѣченную ранѣе отправку арміи кронпринца на русскій фронтъ. Можно надѣяться, что у германцевъ скоро не хватитъ силъ отстаивать свои позиціи, и что черезъ нѣсколько дней они будутъ вынуждены начать общее отступленіе по направленію къ своей границѣ: чрезмѣрно долго задерживаться на французской и даже бельгійской территоріи съ ихъ стороны не только неразсчетливо, но даже прямо рискованно.

довательное развитіе системы плевненской земляной обороны неизбѣжно привело бы къ такому же полному окруженію германской арміи, какое испытала турецкая армія въ Плевнѣ, что вовсе не входитъ въ расчеты германскихъ стратеговъ. Вотъ почему каждый болѣе или менѣе глубокій обходъ фланговъ союзниками при всемъ преимуществѣ германской тяжелой артиллеріи вынуждаетъ въ концѣ концовъ германцевъ къ оставленію передовыхъ позицій на обойденномъ фронтѣ. Само собою разумѣется, что такая кротовая землекопная война не можетъ быть быстрой. При большомъ сравнительно успѣхѣ побѣдитель продвигается впередъ на какихъ-нибудь полкилометра въ день. Это уже не бой въ смыслѣ полевого сраженія, а скорѣе состязаніе въ терпѣніи и настойчивости. Въ стратегическомъ и психологическомъ отношеніяхъ положеніе французовъ, защищающихъ свою родину и имѣющихъ за собою вполнѣ обезпеченный тылъ, несравненно болѣе благопріятно, чѣмъ положеніе вторгнувшихся въ Бельгію и Францію нѣмцевъ. По чисто моральнымъ мотивамъ запасъ энергіи и настойчивости у обороняющихъ родину всегда больше, чѣмъ у пришедшихъ издалека завоевателей. Французы не смогутъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не прогонятъ съ родной земли ненавистнаго врага, а нѣмцы вынуждены не очень-то засиживаться

Мостъ на Марнѣ въ Ланьи, взорванный французскими саперами.

Задачи германцевъ на русскомъ фронтѣ, пожалуй, еще болѣе трудны и сложны. Производя общее наступленіе противъ арміи ген. Ренненкампфа, имъ удалось оттѣснить русскія войска изъ Восточной Пруссіи, но, перейдя на русскую территорію, они успѣли уже потерпѣть цѣлый рядъ мелкихъ тактическихъ пораженій и неудачъ. Уже къ 4 сентября ген. Ренненкампфъ остановилъ дальнѣйшее наступленіе. Вторгнувшіеся въ Сувалки и Ковенскую губерніи нѣмецкіе корпуса были вынуждены отойти обратно къ своей границѣ. Въ Сувалкской губерніи, по частнымъ свѣдѣніямъ изъ Петрограда, отступавшіе отъ рѣки Шешупы нѣмцы были настигнуты нашей кавалеріей и отброшены назадъ, къ Мазурскимъ озерамъ. У Райгорода (въ 40 верстахъ южнѣе Сувалокъ) наша кавалерія уничтожила три эскадрона гусаръ 17-го корпуса, въ срединѣ августа еще бывшаго во Франціи. Въ центрѣ непріятель отброшенъ у Вержболова, а на правомъ нашемъ флангѣ, у Юрбурга, также произошелъ успѣшный для насъ бой. Дессантъ, шедшій отъ Мемеля, былъ основательно побитъ русскимъ заслономъ; попытка перейти Нѣманъ стоила большихъ потерь, но не увѣнчалась успѣхомъ: движеніе по фронту Сопоцкъ—Друскеники закончилось отступленіемъ; Августовскіе лѣса и

Германскія траншеи близъ Гента, защищенныя по новой системѣ кругами стальной проволоки, которая ослабляетъ силу шрапнельнаго огня и препятствуетъ осколкамъ снарядовъ разлетаться въ стороны.

Библиотека "Руниверс"

Дѣлопроизводство по сбору и регистраціи свѣдѣній объ убитыхъ, раненыхъ и пропавшихъ безъ вѣсти воинскихъ чинахъ дѣйствующей арміи въ Петроградѣ, въ зданіи Казачьяго Отдѣла Главнаго Штаба (Караванная улица, № 1). Завѣдывающіе выдачей справокъ.

самый городъ Августовъ пришлось очистить. Бомбардировка маленькой крѣпости Осовца, закрывающей желѣзнодорожный узелъ Брестъ-Литовскъ, Бѣлое-Граево и пространство между непроходимыми болотами, не дала ничего положительнаго. Вести бомбардировку страшно трудно, потому что болотистость почвы окрестностей чрезвычайно затрудняетъ установку тяжелыхъ осадныхъ орудій. Защищенный съ фланговъ непроходимыми болотами, Осовецъ подвергается только фронтальной артиллерійской атакѣ съ большихъ разстояній, при чемъ обезпеченность помощи съ тыла дѣлаетъ возможность сопротивленія крѣпости почти безконечной. Какъ ни разрушительна новая осадная артиллерія германцевъ, но здѣсь она, повидимому, встрѣтитъ несравненно болѣе непреодолимыя препятствія, чѣмъ въ Льежѣ, опрокинувшемъ настойчивостью своего сопротивленія всѣ завоевательные планы Вильгельма. Столкновенія въ пограничной части Ломжинской губ. въ районѣ Щучина и Винцянта прошли для насъ тоже вполнѣ успѣшно. До 7 сентября значительный германскій отрядъ доходилъ до Млавы, но затѣмъ снова вернулся во-свояси. Болѣе или менѣе прочно нѣмцы укрѣпляются только въ Калишскомъ районѣ. Отрядъ въ 25—30.000 широкимъ фронтомъ около 10 сентября продвинулся къ р. Вартѣ и занялъ Варту, Блошки, Велунь, Лутутовъ. Потѣсненный нами у Серадзя, онъ оставилъ за собою сильно укрѣпленную линію Калишъ—Ченстоховъ, которая можетъ разсматриваться, какъ фланговая позиція на примыкающемъ къ ней Силезско-Краковскомъ районѣ. Повидимому, въ этомъ направленіи и совершается новое сосредоточеніе германской арміи и постоянно прибывающихъ къ ней значительныхъ подкрѣпленій. Предпринятое 12 сентября наступленіе на Друскеники, Сопоцкъ и прочее въ пространствѣ, заключенномъ между крѣпостями Ковной и Гродной, едва ли имѣло цѣлью прорвать нашу линію фронтальной атакой съ тѣмъ, чтобы выйти въ тылъ и перерѣзать питающія нашу южную армію линіи Варшавской желѣзной дороги. Скорѣе его слѣдуетъ понимать, какъ простую демонстрацію, предпринятую съ цѣлью отвлеченія силъ отъ галицкаго театра военныхъ дѣйствій. Какъ демонстрація, это движеніе не было достаточно настойчивымъ и быстро окончилось общимъ отступленіемъ, не приведя къ намѣченной цѣли.

Движеніе это какъ бы связываетъ воедино австрійскій и прусскій фронты, при чемъ центръ общаго фронта переносится отнынѣ къ Торну съ флангами у Кракова и Тильзита.

Общее тактическое положеніе борющихся армій характеризуется тѣмъ, что мы съ огромнымъ и ошеломляющимъ успѣхомъ давимъ непріятеля на нашемъ лѣвомъ флангѣ, а онъ неудачно пытается давить на нашъ правый флангъ и центръ.

Рѣка Нѣманъ, по которой расположилась здѣсь линія нашей обороны, представляетъ собою значительную защиту, тѣмъ болѣе, что мы владѣемъ высокимъ берегомъ, а нѣмцы вынуждены оперировать противъ насъ на низменномъ и болотистомъ берегу. Съ этой стороны, намъ кажется, опасаться особенно нечего. Все это дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ быстрое отступленіе нѣмцевъ, которое можно разсматривать, не только какъ простую неудачу, но и какъ чувствительное пораженіе. Повидимому, главныя военныя дѣйствія должны произойти въ Силезскомъ районѣ, вблизи Ченстохова и Кракова. Тутъ рѣшится судьба Германской имперіи. Полный разгромъ австрійской арміи въ Галиціи, удачное вторженіе черезъ Карпаты въ Венгрію, обложеніе и болѣе чѣмъ вѣроятное близкое паденіе Перемышля, удачно продолжающійся обходъ Краковскаго района съ запада и даже съ сѣвера, сопровождаемый оттѣсненіемъ бѣгущихъ, разстроенныхъ, зараженныхъ паникой, австрійскихъ полковъ къ веркамъ Краковской крѣпости—все это едва ли облегчаетъ германцамъ взятую ими на себя защиту Кракова. Задержанные обороной отъ французскаго наступленія на р. Энъ германцы не могутъ выставить противъ насъ болѣе 20—22 корпусовъ, главную часть которыхъ, вѣроятно, сосредоточатъ въ Силезіи и на юго-востокѣ отъ Кракова. Если бы сосредоточеніе такихъ громадныхъ силъ произошло какихъ-нибудь двѣ-три недѣли назадъ, когда противъ нашей арміи стояла въ Люблинѣ и Галиціи милліонная австрійская армія, дѣло могло бы принять для насъ иной оборотъ, но теперь отъ австрійскихъ корпусовъ остались отдѣльныя, разрозненныя части, спѣшно отступающія и столь же спѣшно преслѣдуемыя нашими войсками, и грозной двадцатикорпусной германской арміи придется уже имѣть дѣло не только съ значительно усиленными корпусами сѣверной арміи, но также и съ главными силами нашей побѣдоносной южной арміи, показавшей свою силу и свое умѣнье на галиційскихъ поляхъ. Нѣмецкія полчища встрѣтятъ противъ себя по меньшей мѣрѣ равную численность и неизмѣримо болѣе крѣпкій духъ. При такихъ условіяхъ можно смотрѣть въ темное будущее со свѣтлой надеждой и не бояться исхода предстоящаго рѣшительнаго сраженія, которое можетъ оказаться послѣднимъ большимъ сраженіемъ настоящей кампаніи.

Событія на главныхъ театрахъ войны—галицко-прусскомъ и франко-бельгійскомъ—заслоняютъ собою то, что происходитъ на второстепенныхъ театрахъ. Поневолѣ приходится мало удѣлять вниманія героической борьбѣ сербской и черногорской армій, уже успѣвшихъ покрыть свое оружіе въ третьей подъ рядъ войнѣ славою новыхъ побѣдъ. Сербы снова нанесли тяжкое пораженіе австрійцамъ, предпринявшимъ вторичную попытку вторженія черезъ Дрину и Саву, и, перейдя въ наступленіе, вторично заняли временно отданный австрійцамъ безъ боя Землинъ. Непосредственное значеніе новой сербской побѣды заключается только въ томъ, что она должна наконецъ прекратить безумную, почти двухмѣсячную бомбардировку Бѣлграда и открыть широкій просторъ для дальнѣйшаго вторженія сербской арміи въ славянскія провинціи Австріи. Несомнѣнно, что послѣ взятія черногорцами Фочи и соединенія ихъ съ сербской арміею уже не долго ожидать и занятія столицы Босніи—Сараево. Такъ печально кончается попытка австрійцевъ подвергнуть сербовъ „карательной экспедиціи". Справедливая кара Божія направилась на тѣхъ, кто хотѣлъ карать невинныхъ и подвергать истребленію мирныхъ гражданъ сосѣдней страны. Занятіе сербами и черногорцами столицъ Босніи и Герцеговины будетъ имѣть огромное политическое значеніе. Оно ликвидируетъ всю аннексіонную политику Австріи и утверждаетъ юныя сербскія государства писанымъ кровью историческимъ актомъ громкихъ побѣдъ въ правахъ наслѣдства на южнославянскія земли, захваченныя заживо разваливающейся на нашихъ глазахъ Австрійскою имперіею. Вооруженіе черногорской горы Ловчена доставленными французами осадными пушками обрекаетъ австрійскій флотъ, запертый въ Каттарской бухтѣ, на вѣрный разстрѣлъ съ суши. Уничтоженіе австрійскихъ дредноутовъ, закрывшихся отъ непріятельскаго флота минами и береговыми батареями, еще болѣе усилитъ перевѣсъ тройственнаго соглашенія на морѣ.

Дѣлопроизводство по сбору и регистраціи свѣдѣній объ убитыхъ, раненыхъ и пропавшихъ безъ вѣсти воинскихъ чинахъ дѣйствующей арміи въ Петроградѣ, въ зданіи Казачьяго Отдѣла Главнаго Штаба (Караванная улица, № 1). Выдача справокъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ городкѣ плѣнныхъ.

Очеркъ **Ив. Митропольскаго.**

(Съ 4 рис. на стр. 751 и 752).

Съ особеннымъ чувствомъ шагнулъ я въ калитку воротъ лѣтняго отдѣленія N—скаго военнаго госпиталя, бараки котораго отведены теперь почти исключительно подъ военно-плѣнныхъ.

Раненый плѣнный венгерскій гусаръ-офицеръ въ госпитальной палатѣ для плѣнныхъ офицеровъ въ Москвѣ.

Плѣнъ уже давно утратилъ то свое значеніе военнаго рабства, которое имѣлъ въ древности, когда плѣнники становились вещью и достояніемъ побѣдителей, и теперь, въ наше время, только эксцессы и звѣрства такихъ представителей германской арміи, какъ, слава Богу, пойманный казаками майоръ Прейскеръ, переносятъ насъ опять на нѣсколько вѣковъ назадъ, ко временамъ „потока и разграбленія".

Но все-таки самое слово „плѣнъ" звучитъ зловѣще для уха современнаго свободнаго человѣка, привыкшаго уважать и свою и чужую свободу.

Вотъ почему я не могъ преодолѣть въ себѣ непріятно тревожнаго чувства, когда подходилъ къ коричневому забору на зеленомъ пригоркѣ, за которымъ, всѣ въ зелени, показывались крыши госпитальныхъ бараковъ.

Но уже первое впечатлѣніе у воротъ разсѣяло это мое чувство.

У калитки стоялъ дневальный, нашъ солдатикъ въ зеленой рубахѣ, а рядомъ съ нимъ, у косяка калитки, стоялъ весь въ сѣромъ и въ сѣромъ австрійскомъ кэпи одинъ изъ плѣнныхъ. Оба курили, изрѣдка подбавляя другъ другу огоньку, и бесѣдовали самымъ благодушнымъ образомъ, какъ два старинныхъ пріятеля.

Дневальный отдалъ мнѣ честь, вытянулся и австріецъ.

— Чему онъ улыбается? — спросилъ я дневальнаго про австрійца.

— Дюже радъ, ваше благородіе!—отрапортовалъ тотъ.

— Радъ, радъ,—закивалъ тотъ головой:—естемъ бардзо радъ! Бой то кепское дѣло.

— А вы полякъ?

— Полякъ, естемъ полякъ, съ подъ Кракова,—закивалъ онъ опять головой.—Нашихъ тутай за веле.

— Совсѣмъ, какъ нашъ, ваше благородіе, — снисходительно пояснилъ дневальный. Мы имъ ни въ чемъ передъ нашими разницы не дѣлаемъ.

Вотъ это-то размягченно добродушное отношеніе и бросилось мнѣ потомъ въ глаза въ общей массѣ плѣнныхъ, заполонившей всѣ бараки, даже проходы между кроватями, лужайками госпитальнаго сада и всѣ дорожки и скамейки.

Люди, только что пережившіе весь кошмаръ и весь ужасъ теперешняго кроваваго боя, всѣ безъ исключенія раненые, наслаждались всѣми фибрами своего тѣла покоемъ и безопасностью, наслаждались такъ, какъ не можемъ наслаждаться мы, не испытывавшіе ничего подобнаго.

Отошли напряженные, взвинченные до послѣдней степени, нервы, позади и воспоминанія о боѣ и о долгой дорогѣ: вчерашніе солдаты стали опять людьми и по-человѣчески улыбаются другимъ людямъ, въ которыхъ такъ недавно готовы были видѣть враговъ.

Вонъ статный гонведъ въ красномъ мундирѣ, въ которомъ онъ появлялся и на передовыхъ линіяхъ къ великому искушенію нашихъ донцовъ, стремившихся во что бы то ни стало „ссадить съ коня краснаго чорта", миролюбиво сидитъ на скамейкѣ подъ деревомъ вмѣстѣ съ бородатымъ казакомъ, призваннымъ, должно быть, со льготы, и оба благодушно бесѣдуютъ.

— Наша конница гутъ!—говоритъ гонведъ и пріятельски треплетъ казака по колѣнкѣ лѣвой рукой (правая у него на перевязи).—Казакъ конницъ—гутъ!

Славянскія племена—конгломератъ многоязычной Австріи—какъ-то разомъ почувствовали здѣсь подъ собой родную почву: русины тѣ прямо называютъ себя русскими, чехи не преминутъ подчеркнуть, что они только по приказанію начальства шли противъ нашихъ, а поляки сокрушенно вздыхаютъ, вспоминая, что они дрались на землѣ Царства Польскаго противъ своихъ же единовѣрцевъ.

— Ницъ не зробишь! — пожимаютъ они плечами, и жители Кракова, какъ „столичные" обыватели, щеголяютъ утонченной вѣжливостью передъ нашими солдатиками.

— Нехъ панъ бенде ласковъ, прошу огню!—беретъ какой-нибудь такой галантный краковецъ подъ козырекъ передъ нашимъ дневальнымъ, и тотъ охотно лѣзетъ въ карманъ или за голенище за спичками.

Въ четырехугольникѣ лагерныхъ госпитальныхъ построекъ, превратившемся въ настоящій городокъ плѣнныхъ, славяне какъ-то сразу объединились между собою и отдѣлились отъ немногочисленныхъ германцевъ, собравшихся въ отдѣльныя кучки.

Отношеніе и къ нимъ не плохое: наши солдаты, приставленные къ плѣннымъ, не дѣлаютъ и съ ними никакой разницы для другихъ, также надѣляютъ краюхами ржаного солдатскаго хлѣба, оловянными мисками, съ которыми плѣнные легко-раненые ходятъ сами въ кухню за обѣдомъ и ужиномъ, также носятъ легкораненые и санитары тяжело-раненыхъ германцевъ на перевязку, но глубокая и племенная разница въ духѣ и характерѣ разобщаетъ и здѣсь германца отъ славянина.

При моемъ проходѣ раненые германскіе солдаты поднимаются и отдаютъ честь и даже пытаются маршировать за нѣсколько шаговъ до меня по прусскому образцу, высоко вытягивая носокъ, но холодно и недружелюбно смотрятъ ихъ глаза, и сразу видно, что человѣкъ занятъ здѣсь своей одинокой и нерадостной думой.

Прямо на меня подходятъ два германскихъ пѣхотинца: одинъ—худой и высокій, какъ жердь, другой—маленькій и несуразный, ничѣмъ не отличающійся отъ какого-нибудь нашего вотяка. Маленькій, барабанщикъ или горнистъ, былъ тяжело раненъ въ бою при Эйдкуненѣ и въ безпамятствѣ поднятъ на полѣ битвы нашими санитарами. Ему пуля попала въ носъ, разбила кость и прошла навылетъ сквозь шею.

Этотъ раненый, когда его наши санитары несли на носилкахъ, весь истекающій кровью, пришелъ въ себя и первымъ дѣломъ попытался вытащить забытый у него на поясѣ тесакъ и хватить имъ по пальцамъ несшаго его же ближняго санитара.

Тесакъ отняли. Къ счастью, рана у санитара оказалась не опасной, онъ не перерубилъ кости, и связали нѣмцу руки. Такъ въ наказаніе онъ и былъ доставленъ связаннымъ на перевязочный пунктъ.

— Раненъ пулей навылетъ, — докладываетъ мнѣ нашъ фельдшеръ.

— Іа, кугель,—кивая головой, гнуситъ раненый и трясетъ головой:—нихтъ гутъ!

— А ѣсть, ваше благородіе, дюже здоровъ!—докладываетъ тотъ же фельдшеръ.—Газманъ, обѣдать хошь? Амъ, амъ, хошь?

— Амъ, амъ? О іа, іаволь! — гнуситъ раненый, и только тутъ на его завязанномъ лицѣ расплывается нѣкоторое подобіе улыбки.—Амъ; амъ, іаволь!

— А этотъ, ваше благородіе, — показываетъ на его длиннаго товарища фельдшеръ:—очень дивился, сказываютъ, что Москва еще не германская. Имъ ихъ полковой командиръ передъ походомъ объявилъ, что Москву уже взяли австрійцы, а германцы—Петербургъ, такъ что имъ только пробиться къ своимъ нужно.

— Іа, Питербургъ, — киваетъ головой и длинный:—шене штадтъ.

Вообще некультурность встрѣченныхъ здѣсь мною германцевъ меня поразила. Передъ австрійскими солдатами, въ большинствѣ случаевъ развитыми и довольно интеллигентными, они не могутъ итти ни въ какое сравненіе. Можетъ-быть, здѣсь были только представители резервныхъ дивизій, тогда какъ среди австрійцевъ были исключительно представители кадровыхъ полевыхъ полковъ, но тѣмъ не менѣе контрастъ между ними и австрійцами уже слишкомъ рѣжетъ глазъ.

Гдѣ же, спрашивается, эта хваленая германская культура? Оказывается, мы судили

Плѣнный австрійскій солдатъ — сербъ-босніецъ.

Библиотека "Руниверс"

о германской арміи по тѣмъ щеголеватымъ оловяннымъ солдатикамъ, которые маршировали передъ Вильгельмомъ на площади передъ цейхгаузомъ, и совершенно не знали того сѣраго и туповатаго Михеля, который вѣрилъ баснямъ про Россію, а самъ по тупости и дикости мало чѣмъ отличался отъ какого-нибудь африканца.

Я не могу сравнить съ тѣми германскими солдатами, которыхъ я видѣлъ въ городкѣ плѣнныхъ, даже босняковъ или боснійскихъ сербовъ, полки которыхъ всѣ безъ исключенія передвинули въ Галицію, съ тѣмъ, чтобы они дѣйствовали противъ нашей арміи. Отправить ихъ къ Бѣлграду было невозможно, и австрійскій генеральный штабъ не безъ злорадной ироніи послалъ ихъ на восточную границу:

„Ладно, молъ, вы, русскіе, идете защищать сербовъ? Такъ вотъ вамъ, мы пошлемъ тоже сербовъ сражаться съ вами!"

Мирное сосѣдство.

Какъ сражались эти сербы, лучше всего разсказываютъ наши же раненые солдатики, называющіе почему-то босняковъ турками. Можетъ-быть, потому, что головной уборъ боснійскихъ полковъ—сѣрая феска, но безъ кисти.

— Они, ваше благородіе, только смотрятъ, какъ бы къ нашимъ перебѣжать,—докладывалъ мнѣ шустрый солдатикъ, побывавшій въ трехъ бояхъ и раненымъ, съ тремя пулями, въ рукѣ и ногѣ, вернувшійся на поправку.—Какъ у нихъ офицера убьютъ или ранятъ, такъ сейчасъ ружье оземь, и гайда лататы!

— Гайда, лататы!—подтверждаетъ и самъ представитель боснійцевъ, рослый, статный малый, съ глазами точно черносливины.—Русска лататы...

— Къ намъ, значитъ, — поясняетъ фельдшеръ и почему-то добавляетъ по-китайски:—Шанго!—осталось въ памяти отъ японской кампаніи.

Но босняку почему-то китайское слово нравится и, должно-быть, понятно.

— О, лататы шанго! — говоритъ и онъ и скалитъ зубы такой ослѣпительной бѣлизны, точно слоновая кость.

Нѣмцы—и длинный и безносый—презрительно поворачиваются, еще разъ отдаютъ мнѣ честь и размашисто, съ носка, уходятъ вглубь аллеи.

— Швейнъ...—доносится до меня шепотливое гнусавенье безносаго.

Это онъ по адресу жизнерадостнаго босняка, который чувствуетъ себя здѣсь, въ плѣну, какъ у Христа за пазухой; но и боснякъ не остается въ долгу: уморительно присѣдаетъ на корточки по-восточному и выразительно прикладываетъ палецъ къ кончику носа, придавливая его и прыская со смѣху.

Германцы еще разъ въ концѣ аллеи оборачиваются на босняка и рѣшительно скрываются въ баракѣ.

Мѣрнымъ шагомъ, позвякивая шпорами, чистенькій и подтянутый, подходитъ ко мнѣ австрійскій уланъ. И не похоже, что онъ въ этомъ самомъ мундирѣ кирпичнаго цвѣта сдѣлалъ походъ, трепался въ развѣдкахъ на границѣ, попалъ въ плѣнъ и продѣлалъ длинное путешествіе вглубь Россіи съ границы отъ города Бродъ. Чистенькій, аккуратный и интеллигентный. Ужасно напоминаетъ берейтора въ какомъ-нибудь частномъ манежѣ, да, вѣроятно, и служилъ гдѣ-нибудь у какого-нибудь магната въ наѣздникахъ. Полякъ, и великолѣпно говоритъ по-русски.

— Ваше благородіе,—обращается онъ ко мнѣ:—не изволите ли знать, говорятъ, Львовъ взятъ русскими?

— Взятъ,—отвѣчаю я и смотрю, какое впечатлѣніе произведутъ эти слова на улана.

— Вотъ видишь, взятъ,—обращается онъ къ своему товарищу, австрійскому пѣхотинцу, по-нѣмецки.

У того лицо—какая-то маска:—обожгло при взрывѣ своего же австрійскаго фугаса.

— А, взятъ?—повторяетъ тотъ удивленно.

Оказывается, у австрійца была причина безпокоиться о томъ, взятъ Львовъ или не взятъ: ихъ полкъ спѣшно погнали противъ русскихъ, и въ Львовѣ остался весь обозъ этого полка, а съ обозомъ—и багажъ этого австрійца. Маска на лицѣ австрійца двигается: видимо, онъ опечаленъ, но неизвѣстно чѣмъ: тѣмъ ли, что пропалъ багажъ, или тѣмъ, что Австрія потеряла цѣлую провинцію, вѣрнѣе—первымъ.

— Какъ вамъ опалило лицо?—спрашиваю я его.

Маска двигается еще сильнѣе.

— Скверная исторія, герръ капитэнъ,—отвѣчаетъ онъ.—Наши поторопились взорвать фугасы, и погибла половина моей роты. Я-то еще хорошо отдѣлался, но могло бы быть гораздо хуже. Гешторбенъ,—поясняетъ онъ съ выразительнымъ жестомъ.

Вотъ человѣкъ счастливо избавился отъ ужасной смерти, могъ быть разорваннымъ на куски, какъ его товарищи, а теперь думаетъ о томъ, что въ Львовѣ погибли, можетъ-быть, какіе-нибудь старые брюки и сапоги, въ которыхъ этотъ австрійскій бюргеръ явился въ строй по призыву своего императора.

— Скверная война! — говоритъ онъ:—очень скверная! Мы совсѣмъ не хотѣли воевать. Это все германцы со своимъ Вильгельмомъ.

Говоритъ, прибавляя нецензурное нѣмецкое ругательство, а самъ оглядывается, нѣтъ ли тутъ поблизости безносаго барабанщика съ длиннымъ верзилой-товарищемъ. Не такъ давно, какъ сказалъ мнѣ фельдшеръ, въ укромной аллеѣ произошла потасовка австрійцевъ съ германцами изъ-за Вильгельма, котораго австрійскій гусаръ-полякъ назвалъ скотиной.

Сражающихся разнимали наши дневальные мокрыми швабрами и обратили германцевъ въ бѣгство. Какъ знать, не показатель ли это тѣхъ отношеній между союзниками, которыя, быть-можетъ, уже назрѣваютъ и на поляхъ теперешнихъ битвъ? Австрійцамъ нѣтъ причинъ быть довольными императоромъ Вильгельмомъ.

Попробовалъ я въ разговорѣ съ нѣкоторыми австрійцами коснуться и деликатной темы объ убійствѣ Франца-Фердинанда, но не встрѣтилъ и тѣни озлобленія противъ сербовъ, о которомъ такъ свидѣтельствовали австрійскія газеты, изображая „волю націи".

„Убили наслѣдника престола, убили какіе-то преступники, ихъ поймали, казнили,—при чемъ же тутъ сербы?"—сквозило въ отвѣтахъ многихъ изъ разспрошенныхъ мною унтеръ-офицеровъ и сержантовъ. Одинъ изъ нихъ даже случайно былъ въ Сараевѣ въ день убійства,—онъ комми-вояжеръ какой-то австрійской фирмы, бывшій и въ Россіи и хорошо говорящій по-русски.

— Погромы въ Сараевѣ устраивали не мы, не австрійскій народъ,—говорилъ онъ, опустивъ глаза.

Кто устраивалъ погромы, бывшій комми-вояжеръ не говорилъ, но это было понятно и безъ словъ.

Австрійскіе офицеры, тоже въ огромномъ большинствѣ славяне, поляки и чехи, держали себя сдержаннѣе и не болтали такъ охотно, какъ нижніе чины, но охотно говорили о сраженіяхъ, въ которыхъ участвовали, и охотно согласились попозировать передъ фотографическихъ аппаратомъ, снявшись цѣлой группой.

Народъ выдержанный, интеллигентный, но не интеллигентнѣе нашего офицерства, даже, если можно такъ выразиться, сѣрѣе.

— Славные ребята, — охарактеризовалъ ихъ дежурный офицеръ, прапорщикъ ополченія:—нетребовательный и вѣжливый.

Впрочемъ, о требовательности приходится забыть: плѣнныхъ такая масса, что уже давно въ госпиталѣ не хватаетъ кроватей, и раненые плѣнные лежатъ на полу на тюфякахъ, набитыхъ сѣномъ, а то такъ и вовсе на голомъ полу, на своихъ же шинеляхъ, положивъ подъ голову сумки, у кого онѣ сохранились. А новыхъ раненыхъ все везутъ и везутъ.

Врачи и дежурный офицеръ въ отчаяніи хватаются за головы:

— Куда мы ихъ будемъ дѣвать?

При мнѣ за какую-нибудь четверть часа принесли на носилкахъ нѣсколько человѣкъ раненыхъ германцевъ-пѣхотинцевъ и поставили ихъ пока у воротъ. Служителя стояли около носилокъ и въ задумчивости чесали затылки. Наконецъ одинъ

Плѣнные германцы—барабанщикъ и пѣхотинецъ.

Библиотека "Руниверс"

придумалъ: вспомнили про какую-то кладовую и понесли германцевъ въ кладовую.

Но что будетъ, когда заполнится кладовая? Этого пока никто не знаетъ.

Австрійскимъ офицерамъ пришлось отвести помѣщеніе вмѣстѣ съ солдатами, конечно, на койкахъ, но они благодарны и за это: жалобъ неудовольствія не высказываютъ никакихъ и, наоборотъ, благодарны за всякое проявленіе вниманія. Обращаются съ ними, конечно, хорошо, дежурный офицеръ здоровается за руку. Съ ними же и нѣсколько австрійскихъ врачей, не пожелавшихъ оставить свою часть и пользующихъ теперь больныхъ солдатъ и офицеровъ. Случается имъ оказывать помощь и нашимъ солдатамъ.

Врачи, по преимуществу молодежь, работаютъ съ утра до поздняго вечера, хотя имъ и помогаютъ наши врачи, а также нѣсколько нашихъ фельдшеровъ и сестеръ милосердія.

Видѣлъ умилительную сцену: молодая измученная сестра милосердія перевязываетъ раздробленную, неимовѣрно грязную, ногу какого-то гуцула (австрійскаго цыгана), обмываетъ ее своими бѣлыми руками, очищаетъ грязь и запекшуюся кровь, а черный, курчавый гуцулъ, похожій всѣмъ своимъ видомъ на дикаря, смотритъ на нее увлажненнымъ взглядомъ и ласково гладитъ ее мозолистой, черной рукой по плечу.

Только война съ ея ужасами и можетъ давать такія трогательныя картины нѣжности и милосердія.

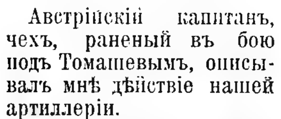
Среди офицеровъ есть очень интересные раненые: одинъ молодой лейтенантъ былъ раненъ пулей въ носъ, пуля прошла по носоглоткѣ, затѣмъ въ горло и вышла на спинѣ, въ лопаткѣ, причинивъ сквозную и зигзагообразную рану. Какимъ образомъ такая страшная рана оказалась не только не смертельной, но даже не повліявшей на способность говорить—это можно отнести только къ чудесамъ нашей остроконечной пули, которая прошиваетъ человѣка, какъ игла.

При мнѣ этимъ раненымъ заинтересовался московскій врачъ, профессоръ Баженовъ, посѣтившій австрійскихъ врачей. Отъ входного отверстія раны остался снаружи только маленькій рубчикъ на носу, даже мало замѣтный. Самъ раненый очень весело разсказываетъ о своей любопытной ранѣ и показываетъ всѣмъ пулю, которая застряла въ лопаткѣ и была вытащена уже здѣсь, въ госпиталѣ.

Этотъ раненый снялся въ общей группѣ.

Австрійскій капитанъ, чехъ, раненый въ бою подъ Томашевымъ, описывалъ мнѣ дѣйствіе нашей артиллеріи.

— Это — нѣчто ужасное, говорилъ онъ.—Это—вихрь, ураганъ снарядовъ! Невозможно удержаться на позиціи отъ этого вихря,—который сметаетъ все живое съ поля, какъ щетка мѣлъ съ карточнаго стола, — не зарывшись въ землю въ вертикальной траншеѣ, гдѣ нужно стоять во весь ростъ, прижимая голову къ брустверу. Но и въ такомъ положеніи находитъ человѣка лопающаяся надъ головами шрапнель, осыпая васъ градомъ свинцовыхъ пуль. Бомбы съ аэроплановъ — дѣтская игрушка сравнительно съ артиллерійскими снарядами, и дѣйствіе ихъ главнымъ образомъ моральное.



Выступленіе въ походъ.

— А пулеметы?—добавилъ молодой лейтенантъ. — Какъ вамъ понравилась эта штучка, эта „геверъ-машине"?

— Шреклихъ! шреклихъ!—вздрогнулъ капитанъ.—Ваши пулеметчики дьявольски наловчились управлять этой лейкой. Они стрѣляютъ изъ пулеметовъ, положительно поливая передъ собой мѣстность пулями.

И разсказчикъ передалъ мнѣ объ одномъ фактѣ, какъ стрѣльбою всего двухъ пулеметовъ, замаскированныхъ въ кустахъ, были положительно сметены три роты. Едва десять человѣкъ, и то раненыхъ, уползли въ безопасное мѣсто изъ этого ада.

— Да, кавалерійская атака красивѣе и благороднѣе, — вздохнулъ раненый гусарскій лейтенантъ. Онъ раненъ казацкой пикой въ бѣшеной атакѣ и лежитъ уже много дней, прикрываясь все

Англія. Отправленіе кавалерійскаго развѣдчика.

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ же краснымъ ментикомъ съ золотыми шнурами, въ которомъ отправился и на войну и выѣхалъ въ первый разъ на развѣдку на борзомъ венгерскомъ скакунѣ.

Теперь сѣрое защитное хаки произнесло окончательный смертный приговоръ прежнимъ боевымъ модамъ, и золотые шнуры съ краснымъ сукномъ, которыми щеголялъ

Новое нѣмецкое орудіе для стрѣльбы по аэропланамъ и дирижаблямъ.

Орудіе это, вѣсящее съ автомобилемъ-лафетомъ болѣе 3.500 килограммовъ, отличается сравнительно большою подвижностью и имѣетъ возможность обстрѣла во всѣхъ направленіяхъ подъ очень разнообразными углами. Орудійная прислуга не должна сходить на землю во время стрѣльбы.

когда-то такой лихой наѣздникъ, какъ Мюратъ, давно отошли въ область исторіи, но сохранились почему-то въ австро-венгерской арміи, въ которой, единственной во всемъ мірѣ, сохранилась и бронза въ тѣлѣ артиллерійскихъ орудій.

Лежитъ вмѣстѣ съ австрійскими офицерами и раненый нѣмецкій офицеръ, но онъ

Первые французскіе опыты стрѣльбы по аэропланамъ.

Сначала прибѣгали къ пѣхотнымъ митральезамъ Гочкиса, поставленнымъ на сильные автомобили,—однако это черезчуръ простое рѣшеніе сложной задачи не дало никакихъ результатовъ.

такъ же мраченъ и неразговорчивъ, какъ и германскіе солдаты. Цѣлыми часами лежитъ онъ, повернувшись къ стѣнѣ, чтобы не видѣть никого изъ проходящихъ, и поворачивается къ своимъ товарищамъ по палатѣ только тогда, когда ему нужно попросить спичку.

При мнѣ одинъ изъ австрійскихъ офицеровъ сообщилъ ему о смерти сына Вильгельма, принца Адальберта. Германецъ ничего не отвѣтилъ австрійцу и только взглянулъ на него.

Но этотъ взглядъ былъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ: германецъ точно укололъ его своимъ холоднымъ взглядомъ и тотчасъ же перевелъ взглядъ на меня.

Допускаетъ онъ къ себѣ только австрійскаго врача и стоически переноситъ мучительныя перевязки.

Ни стона ни жалобы. Только сильнѣе пыхтитъ въ его зубахъ папироса, и чаще ползутъ густыя кольца дыма, пока врачъ возится съ его раной.

И мнѣ невольно вспомнилась наша пѣсенка, сложенная про „Варяга“, въ которой есть строфа:

— „Пощады никто не желаетъ!“

Да, никто изъ такихъ германцевъ не желаетъ, но и не даетъ пощады, и та борьба не на жизнь, а на смерть, которую затѣяла со всѣмъ міромъ Германія, находитъ откликъ даже на больничной койкѣ въ палатѣ госпиталя для плѣнныхъ.

Правъ чехъ-капитанъ, который говорилъ о томъ, что эта война будетъ, вѣроятно, послѣдней въ Европѣ. И дай Богъ, чтобы это сбылось!

Орудіе нѣмецкой подводной лодки, стрѣляющее по аэроплану.

Съ нѣкоторыхъ поръ нѣмцы производятъ на борту своихъ подводныхъ лодокъ опыты надъ пушками разныхъ типовъ, спеціально предназначенными для стрѣльбы по воздушному противнику.

Библиотека "Руниверс"

Крестовые походы нашихъ дней.

(Изъ дневника военнаго корреспондента). **Н. Н. Брешко-Брешковскаго.**

На сербскомъ театрѣ.

Военный корреспондентъ, брошенный теперь на другой театръ, далекій пока еще отъ сѣверныхъ сербскихъ границъ, не можетъ обойти молчаніемъ послѣдніе успѣхи героической славянской арміи, такъ тѣсно и дружно переплетенные съ нашими успѣхами въ Галиціи и Карпатахъ.

Государь Императоръ пожаловалъ орденъ св. Георгія 4-й степени бельгійскому королю Альберту и сербскому престолонаслѣднику Александру. И король Бельгіи и будущій король Сербіи проявили себя не только вождями талантливыми, но и солдатами большого личнаго мужества и беззавѣтной храбрости.

Бельгійскій король получилъ въ доблестной борьбѣ своей съ полчищами германскихъ варваровъ первое боевое крещеніе. Для сербскаго престолонаслѣдника боевымъ крещеніемъ была минувшая война съ турками. Королевичу Александру пошелъ всего лишь двадцать третій годъ, а онъ уже дѣлаетъ теперь четвертую войну и неуклонно ведетъ къ побѣдамъ славную армію, боготворящую своего вождя.

Солдаты съ особой любовью относятся всегда къ тѣмъ командирамъ, которые могутъ и даже порою обязаны находиться въ тылу, чтобы легче руководить операціями, но которые, несмотря на это, весь походъ продѣлываютъ на передовыхъ позиціяхъ, рискуя жизнью наравнѣ съ сидящими въ окопахъ рядовыми.

Къ числу такихъ военачальниковъ принадлежитъ и королевичъ Александръ.

Покойный посланникъ нашъ въ Бѣлградѣ, Н. Г. Гартвигъ, разсказывалъ мнѣ:

— Въ битвѣ подъ Кумановымъ наслѣдный принцъ Александръ проявилъ исключительную отвагу. Въ то время, какъ турки сплошнымъ свинцовымъ ливнемъ шрапнелей и винтовочныхъ пуль осыпали сербскія позиціи, королевичъ верхомъ объѣзжалъ фронтъ, будучи замѣтной и притягательной мишенью для турокъ. Мало того, когда наконецъ послѣ жестокаго кровопролитнаго боя Куманово было взято, принцъ Александръ первымъ въѣхалъ въ павшій городъ. А между тѣмъ засѣвшіе въ домахъ албанцы и турки отстрѣливались изо всѣхъ оконъ, и чуть ли не каждую мусульманскую лачугу приходилось брать штурмомъ... Узнавъ объ этомъ, я сказалъ Пашичу, что наслѣдникъ престола не можетъ рисковать въ такой степени своей жизнью...

Н. Г. Гартвигъ говорилъ это мнѣ въ Бѣлградѣ во время первой балканской войны. Прошелъ годъ съ лишнимъ. Недавно, въ маѣ, я снова очутился въ Сербіи и, какъ уже писалъ, провелъ два дня въ обществѣ королевича Александра.

Мы сидѣли въ небольшомъ скромномъ кабинетѣ на „Вилла Агнесса“, гдѣ королевичъ проводитъ часть лѣта, пользуясь цѣлебными водами курорта Врыньячке-Banье. На письменномъ столѣ передъ принцемъ лежала карта Балканскаго полуострова, и онъ шагъ за шагомъ, бой за боемъ подробно описывалъ мнѣ всѣ операціи и движенія своихъ и непріятельскихъ армій во всѣхъ трехъ войнахъ: турецкой, болгарской и албанской. По чрезвычайной скромности своей королевичъ, умышленно оставляя себя въ тѣни, говорилъ о заслугахъ своихъ генераловъ Путника, Стефановича, Янковича, Живковича и другихъ.

Къ слову пришлось,—я вспомнилъ разсказъ Гартвига.

Да, это было дѣйствительно такъ,—подтвердилъ королевичъ, смущаясь и краснѣя. — Но я менѣе всего хотѣлъ бы говорить о себѣ...

- Но, ваше высочество, изъ пѣсни слова не выкинешь, храбрость остается храбростью.

— Я не задавался вопросомъ, храбрость ли это, но я считалъ своимъ долгомъ передъ арміей и передъ народомъ быть всегда вмѣстѣ съ моими солдатами. Тѣмъ болѣе, въ силу суевѣрнаго или какого-либо другого чувства — не знаю, но въ арміи создалось мнѣніе, что мое присутствіе даетъ ей успѣхъ, окрыляетъ ее военнымъ счастьемъ. Совершенно невольно это сознаніе передалось и мнѣ... Послѣ Куманова я сильно простудился на осеннемъ холодѣ и захворалъ не на шутку. Было это подъ Прилѣпомъ. Докторъ уговорилъ меня, вѣрнѣе заставилъ, лечь и нѣсколько дней пролежать въ палаткѣ. Докторъ угрожалъ мнѣ какими-то мудреными осложненіями, если я не буду беречься, но я мучился не этимъ, не своей болѣзнью, а тѣмъ, что я разлученъ съ арміей, которая уже подвигалась къ Монастырю. Подъ Монастыремъ долженъ былъ произойти серьезный бой, рѣшавшій исходъ всего македонскаго театра. Я обращаюсь къ доктору, прошу отпустить меня къ арміи.—„Ни подъ какимъ видомъ!“ И слышать ничего не хотѣлъ. Они бываютъ неумолимы, эти доктора. Я же чувствую, что мнѣ гораздо хуже, мучительнѣе лежать въ палаткѣ, прикованнымъ къ постели, и томиться неизвѣстностью, чѣмъ, если бы я сталъ догонять армію... Наконецъ я не выдержалъ и ночью, тайкомъ отъ доктора, бросился на автомобилѣ къ Монастырю и поспѣлъ какъ разъ во̀-время: къ началу боя. Бой, жестокій и упорный, окончившійся нашей полной побѣдой, продолжался три дня. Эту побѣду было труднѣе вырвать у турокъ, чѣмъ Кумановскую. Мы боролись съ двойнымъ непріятелемъ: съ турецкой арміей и съ природой, такъ были невыгодны и трудны наши позиціи. Два сербскихъ полка въ теченіе четырнадцати часовъ сражались, стоя по горло въ осенней водѣ. Даже легко раненые захлебывались и гибли. Вода была вишневаго цвѣта отъ крови.

Германскій военный агентъ поздравляетъ сербскаго престолонаслѣдника Александра съ блестящей побѣдой надъ болгарской арміей.

Паденіе Битоля отдало всю Македонію во власть побѣдителей. Когда въ городъ вошла сербская армія во главѣ со своимъ вождемъ, сербское духовенство въ полномъ облаченіи торжественно встрѣтило королевича-избавителя:

— Привѣтъ тебѣ, хвала и благословеніе Божіе, Александръ Македонскій, освободившій насъ!..

Это былъ величественный и красивый моментъ. Пять вѣковъ изнывали македонскіе сербы подъ турецкимъ игомъ. И вотъ пришли ихъ братья съ юнымъ королевичемъ и разбили оковы рабства, окропивъ ихъ своей героической кровью...

Не успѣла кончиться освободительная война, вспыхнулъ братоубійственный кошмаръ. Сербамъ пришлось отражать болгаръ, вѣроломно сдѣлавшихъ нападеніе по всему фронту. И здѣсь королевичъ-витязь на поляхъ Брегальницы и Криволака дрался въ первыхъ рядахъ на самыхъ опасныхъ, засыпаемыхъ не-

Его Величество сербскій король Петръ награждаетъ своего сына, королевича Александра, золотой медалью за храбрость.

Библиотека "Руниверс"

Воевода сербскихъ комитаджіевъ Стефанъ Симичъ, отличившійся при разгромѣ вторгнувшихся въ сербскую Македонію болгарскихъ бандъ.

пріятельскимъ огнемъ, линіяхъ.

Война окончилась разгромомъ болгаръ. Престолонаслѣдникъ-побѣдитель возвратился въ Бѣлградъ. Августѣйшій отецъ его, король Петръ, собственноручно прикрѣпилъ къ груди сына золотую медаль Милоша Обилича,—медаль за храбрость. Воспроизведенный на стр. 755 снимокъ изображаетъ этотъ трогательный моментъ.

Не менѣе интересенъ, хотя и совсѣмъ въ другомъ отношеніи, другой снимокъ, гдѣ нѣмецкій военный агентъ въ Бѣлградѣ поздравляетъ престолонаслѣдника Александра съ побѣдою надъ болгарами. Лицо королевича Александра холодное, недоумѣвающее. Оно и не могло быть инымъ.

Я вспоминаю слова королевича:

— Германія, въ рукахъ которой Австрія была послушной заводной маріонеткой, въ чаяніи униженія и разгрома Сербіи приказала Болгаріи напасть на насъ, и когда вышло наоборотъ, и не Болгарія разгромила насъ, а мы ее, какимъ это горькимъ разочарованіемъ было для германскихъ и австрійскихъ нѣмцевъ!..

И послѣ этого германскій военный агентъ безтактно разлетѣлся къ престолонаслѣднику со своимъ непрошеннымъ поздравленіемъ. Нужно ли говорить, что его выходка могла встрѣтить одинъ лишь недоумѣнный, холодный взглядъ королевича.

Въ лѣвомъ углу снимка видна крупная фигура сербскаго премьеръ-министра Николы Пашича въ цилиндрѣ и во фракѣ съ тремя звѣздами.

Лѣтомъ сербы смотрѣли на войну съ Австріей, какъ на нѣчто неминуемое, неотвратимое, но болѣе или менѣе отдаленное. Они говорили:

— Намъ необходимо отдохнуть, собраться съ силами, и тогда съ помощью Россіи мы разобьемъ швабовъ! И какъ разобьемъ!..

Сербскіе офицеры съ увлеченіемъ и горячностью, такой характерной для этихъ южныхъ славянъ, предвкушали одинъ изъ красивѣйшихъ въ исторіи славянства моментовъ, когда сербская армія, идущая съ юга, и русская, движущаяся съ востока, въ искреннемъ задушевномъ братаніи встрѣтятся въ Будапештѣ.

Старые генералы, побѣдители турокъ, плакали отъ волненія:

— Удастся ли намъ дожить до этого великаго момента?.. Какъ безмѣрно были бы мы счастливы!..

Оказывается, этотъ моментъ близокъ. То, что чудилось хотя и страстно желаннымъ, но далекимъ и смутно-неяснымъ,— вдругъ со стихійной силой надвинулось. И разными путями: русскіе—черезъ суровыя твердыни лѣсистыхъ Карпатъ, а сербы—по богатѣйшимъ,—сплошнымъ житницамъ,—венгерскимъ равнинамъ приближаются къ мадьярской столицѣ.

Насталъ часъ возмездія для австрійцевъ и великаго торжества для сербовъ.

Сербы идутъ на Будапештъ. Сербско-черногорская армія подвигается къ Сараеву, тому самому Сараеву, гдѣ всего два мѣсяца назадъ швабы, подкупивъ мусульманскую чернь, устроили сербскій погромъ. А теперь братья этихъ боснійскихъ сербовъ перешли черезъ Дрину и плечо къ плечу съ горстью легендарныхъ орловъ Черной горы надвигаются суровыми мстителями за всѣ выплаканныя и невыплаканныя слезы южныхъ славянъ, что изъ турецкой неволи попали въ еще горшую неволю—швабскую.

Россія, вся охваченная браннымъ кипѣньемъ, воюющая на два фронта, чутко прислушивается къ успѣхамъ своей союзницы Сербіи. Но какъ ни головокружительны побѣды сербовъ, непреодолимо рвущихся въ своемъ выступленіи впередъ, все же приходится порой за нихъ опасаться внимательной и любящей тревогой. Если бы они всю свою силу и мощь могли сосредоточить противъ одной только Австріи, всякая тревога оказалась бы совершенно излишней. Но дѣло въ томъ, что сербамъ поминутно необходимо зорко оглядываться въ тылъ, гдѣ у нихъ не все обстоитъ благополучно...

Австрійцы въ своихъ послѣднихъ агонійныхъ усиліяхъ щедро подкупаютъ всѣхъ тѣхъ, кто можетъ оказать имъ услугу въ смыслѣ набѣговъ на Сербію съ албанской и болгарской границъ, дабы отвлечь хоть небольшія части сараевской и будапештской армій.

Австрійцы подкупаютъ албанцевъ и болгарскихъ комитаджіевъ, этихъ профессіональныхъ убійцъ Балканскаго полуострова, которые идутъ съ тѣмъ и за того, кто имъ больше заплатитъ.

И хотя солдаты австрійской арміи голодаютъ по цѣлымъ недѣлямъ, однако въ карманахъ балканскихъ конквистадоровъ, натравляемыхъ на Сербію, звенитъ золото съ барельефнымъ профилемъ стараго Франца-Іосифа.

Объ одномъ изъ такихъ конквистадоровъ, Иссѣ Болетинацѣ, вождѣ коссовскихъ арнаутовъ, мы упоминали въ первомъ очеркѣ. Другой конквистадоръ, во всѣхъ отношеніяхъ болѣе крупный, это князь, и вдобавокъ владѣтельный, миридитскаго племени албанцевъ-католиковъ—Пренкъ Бибъ-Дода.

Знаменитый Пренкъ Бибъ-Дода—образованный, владѣющій нѣсколькими языками, интересный собесѣдникъ, но человѣкъ совершенно безпринципный. Я познакомился съ нимъ въ Дураццо и въ его обществѣ провелъ нѣсколько вечеровъ. Онъ поражалъ меня своимъ знаніемъ Босніи и русской исторіи, но и не менѣе поражалъ своимъ цинизмомъ.

Онъ прямо заявлялъ:

— Въ политикѣ не должно быть ни благородства ни рыцарства. Пустыя слова, отъ которыхъ ни тепло ни холодно. Выгода, выгода и выгода!.. Сегодня я съ черногорцами и сербами противъ турокъ, какъ это и было въ прошлую войну, а назавтра я могу очутиться лицомъ къ лицу противъ черногорцевъ и сербовъ, какъ ихъ врагъ, и даже не врагъ, а просто потому, что мнѣ выгодно дѣйствовать заодно съ Австріей.

Такъ оно и случилось.

Миридитскій владѣтельный князь Пренкъ Бибъ-Дода.

Пренкъ Бибъ-Дода, „вдохновленный" нѣсколькими сотнями тысячъ кронъ, посланныхъ ему „въ подарокъ" изъ Вѣны, двинулъ своихъ миридитовъ, подкрѣпленныхъ коссовскими арнаутами, на Черногорію и Сербію въ надеждѣ, что обложенныя границы позволютъ безпрепятственно вторгнуться въ предѣлы обѣихъ сосѣднихъ странъ. Однако и Бибъ-Дода и Болетинацъ ошиблись въ своихъ расчетахъ. Оставшихся для охраны границъ сербско-черногорскихъ силъ хватило съ избыткомъ, чтобы отбросить обоихъ конквистадоровъ, да еще и съ весьма и весьма чувствительными потерями.

Плачутъ австрійскія денежки. Зря только раскошеливаться пришлось.

Въ Дураццо Пренкъ Бибъ-Дода „оберегалъ" съ отрядомъ своихъ миридитовъ князя Вида отъ вторженія повстанцевъ. Это удовольствіе обошлось албанскому правителю, и даже не ему, а великимъ державамъ, покровительницамъ Албаніи, въ немалую сумму денегъ.

Бибъ-Дода сидѣлъ у себя въ гостинницѣ, перелистывая желтенькій французскій томикъ, и перебиралъ крупныя янтарныя четки. А внизу въ обширномъ дворѣ лагеремъ расположились съ винтовками вѣрные миридиты. Что-то средневѣковое, какой-то пережитокъ далекихъ временъ феодализма чудился въ этой дѣйствительности.

Бибъ-Дода откровенно смѣялся надъ „монархомъ" Албаніи:

— Онъ парень ничего бы, но глупъ и вѣчно смѣется! Вы замѣтили? Его лицо какая-то безпрестанно улыбающаяся маска. Чудакъ! Онъ предлагалъ мнѣ портфель министра иностранныхъ дѣлъ. Не угодно ли? Быть министромъ миѳическаго государства, имѣющаго въ обхватѣ три километра,—я считаю окружность Дураццо, за предѣлами Дураццо его никто не признаетъ! Такъ у меня, въ Миридитіи больше земли и пятьдесятъ тысячъ подданныхъ, а у Вида ни одного настоящаго. У него до тѣхъ поръ подданные, пока онъ имъ платитъ, я первый изъ ихъ числа!—хохоталъ, ничуть не стѣсняясь, Бибъ-Дода.

А между тѣмъ это человѣкъ и умный и одаренный, и не будь въ немъ этого чисто албанскаго безпринципнаго корыстолюбія, кидающаго изъ однихъ „золоченыхъ" объятій въ другія, онъ могъ бы сдѣлаться хорошимъ, полезнымъ правителемъ своей крохотной, затерянной въ горахъ Малиссіи, Миридитіи.

Библиотека "Руниверс"

* * *

Въ далекомъ прошломъ, въ иные годы,
Такъ пылки были мечты сердецъ,
Такъ ярко рдѣла звѣзда свободы,
И бранной славы сіялъ вѣнецъ,

Что юный рыцарь къ Креста подножью,
Съ мольбой склоняя свой добрый мечъ,
Мечталъ сразиться за Правду Божью
И, какъ на праздникъ, стремился въ сѣчь!

И пѣли барды въ напѣвахъ стройныхъ
Про доблесть въ битвѣ, про смерть въ бою,
И лишь для храбрыхъ, любви достойныхъ,
Хранили дѣвы любовь свою!

И вотъ нежданно, въ нашъ вѣкъ холодный,
Тотъ духъ побѣдный проснулся вновь,
И вспыхнулъ пламень войны народной,
И льется снова рѣкою кровь;

Полки стремятся, какъ волны моря,
Идутъ безстрашно врага встрѣчать.
Такъ много вѣры, такъ много горя...
Поэты, вамъ ли теперь молчать?

Нѣтъ, пойте, пойте! Но лишь отнынѣ
Забудьте грезу и счастья пиръ;
Пусть служатъ только одной святынѣ
Языкъ созвучій и струны лиръ;

Вѣщайте міру про подвигъ ратный,
Про тѣхъ героевъ родной земли,
Что съ поля славы придутъ обратно,
И тѣхъ, что въ битвахъ за насъ легли!..

Великой брани мечта, воскресни!
Кто можетъ слезы о павшихъ счесть?
Но только храбрымъ слагайте пѣсни,
Но только смѣлымъ воздайте честь!

Кн. Марія Трубецкая.

Въ Брюсселѣ, захваченномъ нѣмцами. Германская армія покидаетъ бельгійскую столицу.

Бельгійская санитарная собака, взятая въ плѣнъ, на германской службѣ.

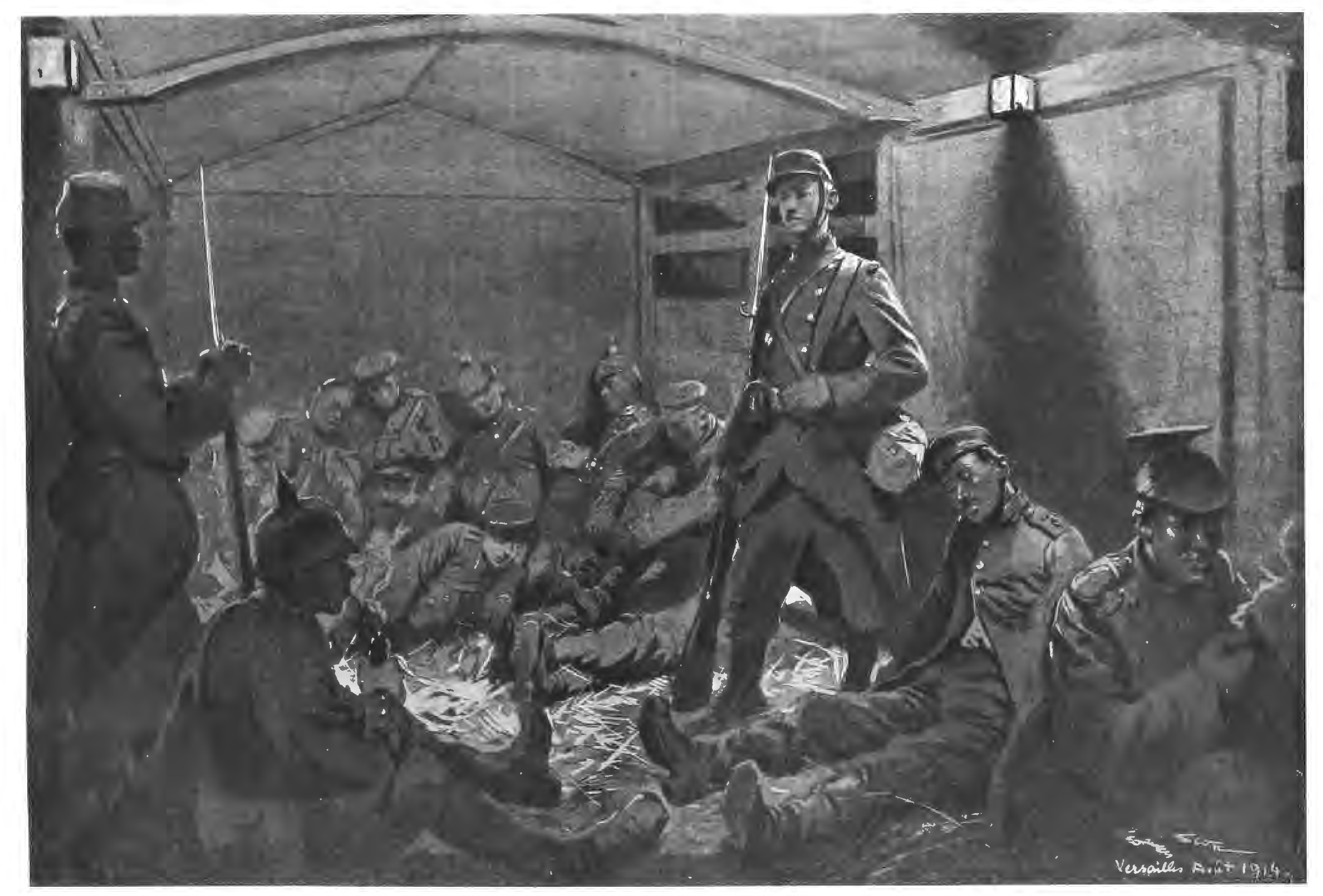
Въ Брюсселѣ, захваченномъ нѣмцами. Германскіе обозы во дворѣ „Народнаго дома".

Библиотека "Руниверс"

Въ Брюсселѣ, захваченномъ нѣмцами. Германскія войска на Grande Place.

Въ Брюсселѣ, захваченномъ нѣмцами. Германскіе обозы на „Place d'Anvers“.

Библиотека "Руниверс"



Въ плѣну. Рисунокъ г. Скотта.

Библиотека "Руниверс"

Накануне.

Ужъ близокъ, близокъ часъ зарницы,
Когда историкъ въ Книгѣ Царствъ
Заполнитъ новыя страницы,
Стирая старыя границы
На картѣ «бывшихъ» государствъ...
Когда уйдутъ ночныя тѣни,
И распадутся цѣпи путъ,
Когда овѣетъ Мира Геній
И храмы дремлющихъ селеній
И ихъ святой крестьянскій трудъ...
Великъ душой и сердцемъ молодъ,
Не можетъ пасть такой народъ,
И сталь славянства тяжкій молотъ
Не раздробитъ, а лишь скуетъ...
Затихнетъ шумъ великой битвы,
Но не замолкнутъ никогда
О павшихъ воинахъ молитвы
И слава ратнаго труда...

Сергѣй Михѣевъ.

Великая литургія.

Повѣсть **И. Н. Потапенко.**

(Продолженіе).

IV.

Въ семь часовъ вечера губернаторъ назначилъ у себя въ квартирѣ частное собраніе именитыхъ гражданъ для обсужденія вопроса о помощи воинамъ и ихъ семействамъ. Приглашеніе было сдѣлано лично или по телефону, и въ собраніи ничего офиціальнаго не предполагалось.

Время и всѣ связанные съ нимъ обычаи въ этотъ день перепутались. Никто своевременно не завтракалъ и не обѣдалъ. У губернатора, напримѣръ, такъ много было дѣла, что онъ едва успѣлъ перехватить кой-чего холоднаго часа въ три, а объ обѣдѣ и не подумалъ.

Григорій Аѳанасьевичъ тоже пообѣдалъ въ неурочное время и поспѣшилъ въ городъ. Ему хотѣлось пріѣхать къ губернатору раньше другихъ, чтобы поговорить съ нимъ о своихъ дѣлахъ, но его встрѣтила неудача. Въ половинѣ седьмого губернаторъ еще домой не вернулся.

Ему пришлось сидѣть одному, потомъ начали съѣзжаться приглашенные, все люди почтенные, хорошо ему извѣстные. А губернаторъ опоздалъ даже къ назначенному часу и явился только въ половинѣ восьмого. Онъ торопливо вошелъ въ залу, гдѣ всѣ его ждали, и, держа въ рукѣ часы, на ходу извинялся:

— Вы понимаете, господа, что моей вины тутъ нѣтъ. Все кругомъ кипитъ, и на все нужно откликаться. Прошу васъ, сейчасъ же займемся дѣломъ и будемъ кратки въ своихъ разсужденіяхъ, такъ какъ я могу быть съ вами лишь до девяти часовъ, а затѣмъ долженъ буду ѣхать въ другое мѣсто, гдѣ будетъ важное засѣданіе.

Это заявленіе отняло у Григорія Аѳанасьевича всякую надежду переговорить сегодня съ губернаторомъ, но онъ все же хотѣлъ этого достигнуть и подсѣлъ къ нему близко. Пока разсаживались по мѣстамъ, онъ нагнулся къ нему и сказалъ тихо:

— Не найдется ли у вашего превосходительства хоть десять минуточекъ для меня? Очень нужно бы поговорить...

Губернаторъ поднялъ кверху обѣ руки.

— Дорогой мой Григорій Аѳанасьевичъ,—всего себя предложилъ бы вамъ... но даже одной минутой не располагаю. Вѣрите ли, не завтракалъ и не обѣдалъ сегодня и не знаю, когда попаду въ постель.

— А, можетъ-быть, я подвезъ бы васъ въ своемъ экипажѣ, куда поѣдете въ засѣданіе?

— Везти-то некуда, родной мой: въ помѣщеніе городской думы— два шага отсюда. Нѣтъ, ужъ отложите на завтра. Но только рано, въ девять часовъ утра пріѣзжайте, а позже меня не поймаете.

Григорію Аѳанасьевичу оставалось только поблагодарить его и за это.

Но зато ужъ самое засѣданіе обошлось ему очень дорого. Тутъ окончательно выяснились всѣ суммы, пожертвованные самыми богатыми людьми города. Пожертвованія были довольно крупныя, и когда подвели итогъ, то оказалась сумма около полутораста тысячъ.

Могло показаться однако страннымъ, что въ этомъ числѣ не было ни одного рубля отъ Осмоленко, столь извѣстнаго своей широтой, самаго крупнаго благотворителя въ городѣ, и на него смотрѣли не то что подозрительно, а скорѣе выжидательно.

И онъ не только не разочаровалъ ожиданія, но прямо-таки огорошилъ всѣхъ. Онъ обратился къ губернатору:

— Прошу извиненія у вашего превосходительства за маленькое опозданіе. Такъ много сегодня было дѣлъ, что, видите, упустилъ изъ виду самое главное и до сихъ поръ не пожертвовалъ... Такъ вотъ, благоволите, ваше превосходительство, занести въ реестръ: отъ потомственнаго почетнаго гражданина Осмоленко Григорія двѣсти тысячъ рублей, каковые завтра будутъ мною внесены.

Эффектъ былъ поразительный. Почтенные городскіе богатѣи знали его широкую руку и заранѣе завидовали той цифрѣ, которую онъ назоветъ, но эта цифра была такъ велика, что не вызвала даже зависти. Она какъ бы выходила изъ круга ихъ обыденныхъ чувствъ и помышленій.

Пронесся гулъ одобренія. Губернаторъ началъ крѣпко жать его руку, но какъ бы найдя это недостаточно выразительнымъ, еще обнялъ и расцѣловалъ его. Пожимали ему руку и другіе, и такимъ образомъ онъ сдѣлался героемъ собранія.

Осмоленко, конечно, былъ такой же патріотъ, какъ и другіе, и жертвовалъ искренно. Но это не мѣшало ему не выпускать изъ виду и то обстоятельство, что губернаторъ теперь будетъ долго находиться подъ впечатлѣніемъ его сегодняшняго подвига, и, значитъ, его можно будетъ просить о чемъ угодно.

А завтра объ этомъ узнаетъ весь городъ, а значитъ—и въ другихъ мѣстахъ почва будетъ изрядно подготовлена.

Таковъ ужъ былъ складъ его души. Онъ былъ человѣкъ мягкій и добрый по природѣ и довольно легко откликался на всякія общественныя нужды. Ему пріятно было жертвовать, и именно крупно, такъ, чтобы оставался слѣдъ. Но сейчасъ же какъ-то сама собою возникала мысль объ использованіи.

Послѣ засѣданія Григорій Аѳанасьевичъ велѣлъ кучеру держать путь къ особняку, въ которомъ обиталъ Андрей. Онъ сегодня цѣлый день не видѣлъ сына и хотѣлъ подѣлиться съ нимъ впечатлѣніями такого сложнаго и необыкновеннаго дня. Но когда подъѣхалъ къ дому, то увидѣлъ, что во всѣхъ окнахъ темно, и отъ слуги узналъ, что Андрей ушелъ изъ дому около полудня и не возвращался.

Пришлось ѣхать домой, пообѣщавъ завтра заѣхать часовъ въ одиннадцать утра. Григорій Аѳанасьевичъ надѣялся къ этому времени окончить свои главныя хлопоты.

На другой день онъ всталъ нѣсколько раньше обыкновеннаго, и въ половинѣ девятаго экипажъ уже мчалъ его въ городъ. За пять минутъ до девяти часовъ онъ былъ у подъѣзда губернаторскаго дома, послалъ свою карточку и былъ тотчасъ же принятъ.

Губернаторъ былъ человѣкъ далеко еще не старый, нѣкоторые даже находили, что онъ слишкомъ молодъ для своей должности. Ему было меньше пятидесяти лѣтъ.

Въ обычное время онъ велъ себя бариномъ хорошаго, непреувеличеннаго тона, былъ мягокъ, лѣнивъ, весьма снисходителенъ, въ лицѣ его и въ движеніяхъ было какое-то постоянное утомленіе, какъ будто раньше, до губернаторства, онъ свершилъ уже много непосильныхъ подвиговъ. Въ общемъ же человѣкъ онъ былъ пріятный, и къ нему хорошо относились въ губерніи.

Но теперь, подъ вліяніемъ событій и общаго настроенія, онъ подтянулся, оживился, почувствовалъ приливъ энергіи и самъ себѣ удивился. Въ этотъ день, напримѣръ, онъ безъ всякаго понужденія поднялся въ восемь часовъ, тогда какъ прежде едва въ силахъ былъ открыть глаза въ десять. Движенія его стали быстры, онъ готовъ былъ носиться изъ конца въ конецъ города, появилась жажда дѣятельности необычайная. И, конечно, жажда эта не оставалась безъ утоленія, такъ какъ не было, кажется, въ городѣ ни одного общественнаго дѣла, которое въ концѣ концовъ такъ или иначе не упиралось бы въ него. Всюду требовалось его присутствіе, если не рѣшающее слово, то обязательное мнѣніе.

— Ну-те, ну-те, милѣйшій Григорій Аѳанасьевичъ,—встрѣтилъ онъ Осмоленко въ столовой, гдѣ торопливо пилъ кофе:—садитесь, завтракайте и говорите скорѣе и какъ можно короче, потому что надъ моей головой виситъ уже сотня дѣлъ.

— Двѣ просьбы у меня, ваше превосходительство, и я сильно надѣюсь на вашу помощь и содѣйствіе,—сказалъ Осмоленко.

— И вы знаете, насколько я готовъ оказать вамъ въ наибольшей мѣрѣ и то и другое, разумѣется—если оно не выходитъ изъ предѣловъ моей компетенціи.

— Ахъ, Боже мой... Ваше превосходительство! Да развѣ въ городѣ есть хоть одно дыханіе, выходящее изъ предѣловъ вашей компетенціи! Все подъ вашей эгидой совершается, ничто не минетъ вашего попечительнаго ока. Такъ вотъ первое: касательно моего сына Андрея...

— А что же такое съ Андреемъ Григорьевичемъ?

— Да вѣдь онъ служилъ и числится въ запасѣ прапорщикомъ. Ну, вы же его знаете, ваше превосходительство. Такъ сами согласитесь, какой онъ воинъ.

— Ахъ, вотъ что,—промолвилъ губернаторъ, и глаза его выразили сперва удивленіе, а потомъ, словно ихъ покрылъ легкій туманъ, лишились всякаго выраженія.—Андрей Григорьевичъ хочетъ избѣжать службы въ войскахъ? Я, признаться, этого никакъ не думалъ.

Библиотека "Руниверс"

— Не онъ хочетъ, а я и жена моя... Намъ трудно допустить это... Вѣдь человѣкъ-то онъ особенный. Пользы не принесетъ, но будетъ убитъ тамъ, гдѣ всякій другой остался бы цѣлъ...

— Объ этомъ судить, почтеннѣйшій Григорій Аѳанасьевичъ, преждевременно. Это ужъ тамъ Провидѣніе знаетъ, кому пасть, а кому вернуться со славой,—нѣсколько холодно и поучительно замѣтилъ губернаторъ. — Но долженъ вамъ сказать, что это совершенно отъ меня не зависитъ. Я здѣсь—представитель гражданской власти, а это зависитъ отъ военныхъ.

— Знаю, знаю... Но вамъ только стоитъ поговорить съ кѣмъ слѣдуетъ. Вы меня знаете, и я васъ знаю, а военные — съ ними мнѣ почти не приходится встрѣчаться. Для нихъ Осмоленко, можетъ-быть, пустой звукъ. Такъ ужъ пожалуйста...

— Мнѣ трудно отказать вамъ въ чемъ-нибудь, Григорій Аѳанасьевичъ, хотя, признаюсь, это не изъ тѣхъ одолженій, которыя я сдѣлалъ бы съ удовольствіемъ. Я держусь взгляда, что никто не имѣетъ права уклоняться отъ исполненія долга передъ родиной.

— Но тутъ нѣтъ уклоненія. Ахъ, Боже мой! Я же вамъ говорю: человѣкъ ни съ какой стороны не пригоденъ для войны. Слабый, изнѣженный, нервный...

— Хорошо, хорошо! Не будемъ объ этомъ говорить. Я приложу старанія, чтобы исполнить вашу просьбу, Григорій Аѳанасьевичъ,— нетерпѣливо сказалъ губернаторъ.—Перейдемте ко второму.

— Второе касается управляющаго моего завода, Оттона Оттоновича Шлихенсона.

— Знаю его. Дѣльный человѣкъ.

— Вотъ, вотъ... Превосходный спеціалистъ. Пятнадцать лѣтъ живетъ въ Россіи, отлично говоритъ по-русски, а по-нѣмецки чуть ли не позабылъ совсѣмъ. Но по небрежности остался въ германскомъ подданствѣ и даже числится тамъ у нихъ въ запасѣ...

— Такъ онъ—германскій подданный? Я не зналъ.

— Ахъ, да и онъ самъ такъ основательно забылъ объ этомъ, что тоже, можно сказать, не зналъ... И, конечно, ни малѣйшаго желанія не имѣетъ ѣхать туда, а между тѣмъ вѣдь могутъ быть непріятности.

— Да, да, могутъ... Офиціально еще не объявлено, но могу вамъ сказать, что германскіе подданные-запасные будутъ трактоваться, какъ военно-плѣнные.

— Неужели? Значитъ, арестъ и тюрьма?

— Зачѣмъ же тюрьма? Я этого не думаю. Можетъ-быть, временный арестъ, тщательный надзоръ, высылка... Но если онъ такъ далекъ отъ желанія служить Германіи и по духу русскій человѣкъ, то что же ему мѣшаетъ сдѣлаться русскимъ подданнымъ?

— А развѣ теперь это можно?

— Вотъ объ этомъ, Григорій Аѳанасьевичъ, я охотно берусь хлопотать. Не могу обѣщать, но очень надѣюсь на успѣхъ. Дамъ о вашемъ управляющемъ самые лучшіе отзывы... Пусть сейчасъ же подастъ прошеніе о подданствѣ. Конечно, пройдетъ время...

— А пока его не арестуютъ, не посадятъ въ тюрьму?

— Отъ этого я буду оберегать его до тѣхъ поръ, пока это не станетъ серьезнымъ нарушеніемъ закона. Мнѣ доставитъ великое удовольствіе сдѣлать это для васъ, уважаемый Григорій Аѳанасьевичъ. Гораздо большее, чѣмъ исполненіе той вашей просьбы. Особенно мнѣ жаль, что дѣло идетъ объ Андреѣ Григорьевичѣ, котораго я искренно уважаю... Но вотъ что странно: мы встрѣтились съ нимъ вчера, говорили о войнѣ, и онъ ни однимъ словомъ не намекнулъ мнѣ о подобномъ своемъ желаніи. Даже, напротивъ, мнѣ показалось, что онъ горитъ воодушевленіемъ.

— Что жъ, мой сынъ хорошій патріотъ, ваше превосходительство, но можно быть хорошимъ патріотомъ и плохимъ воиномъ.

„Гм...—подумалъ губернаторъ:—патріотизмъ на чужой счетъ; одинъ—хорошій патріотъ, а другой—хорошій воинъ. Хорошій воинъ воюетъ за хорошаго патріота“,—но не сказалъ, чтобы не обидѣть такого крупнаго жертвователя, какимъ былъ Осмоленко.

Послѣ этого онъ, кончивъ завтракъ, началъ извиняться и торопиться. Вспомнилъ о крупномъ пожертвованіи Григорія Аѳанасьевича и опять благодарилъ и жалъ его руку, и Осмоленко простился съ нимъ.

Къ Андрею ѣхать было еще слишкомъ рано: тотъ никогда не подымался съ постели раньше одиннадцати; поэтому Осмоленко отправился на заводъ. Ему пріятно было успокоить Оттона Оттоновича, который несомнѣнно тревожился и страдалъ.

Къ его удивленію, оказалось, что на заводѣ съ ранняго утра установился обычный порядокъ. Всѣ были на своихъ мѣстахъ, и работа шла во всю.

Конечно, онъ имѣлъ полное право приписать это своей вчерашней рѣчи, да оно, въ сущности, такъ и было.

Но, разумѣется, не краснорѣчіе его упорядочило рабочихъ, а торжественное обѣщаніе заботиться о семействахъ тѣхъ, кто пойдетъ на войну. Это тронуло ихъ, и всѣ захотѣли показать ему это. Поэтому, не сговариваясь, всѣ, какъ одинъ, явились на работу.

Оттонъ Оттоновичъ также былъ на высотѣ своего призванія, обходилъ заводъ, дѣлалъ указанія мастерамъ. Григорій Аѳанасьевичъ встрѣтилъ его во дворѣ выходящимъ изъ заводскаго зданія. Онъ взялъ его подъ руку.

— Ну, что? Какъ у васъ?—спросилъ онъ управляющаго.

— Все въ порядкѣ,—отвѣтилъ тотъ.

— И съ вами какъ слѣдуетъ?

— Лучше, чѣмъ всегда. Почтительны и послушны.

— Ага! Ну, вотъ и я привезъ вамъ хорошія вѣсти. Только что отъ губернатора. Сейчасъ же, милый мой Оттонъ Оттоновичъ, подавайте прошеніе о принятіи васъ въ русское подданство. Надѣюсь, вы противъ этого ничего не имѣете?

— О, что же я могу имѣть? Я—русскій. Все мое—въ Россіи Я здѣсь родился во второй разъ.

— Вотъ, вотъ. Мнѣ пріятно слышать это отъ васъ, дорогой мой Оттонъ Оттоновичъ. Итакъ, подавайте прошеніе—и вы будете находиться подъ личнымъ покровительствомъ самого губернатора. Онъ будетъ охранять васъ отъ всякихъ напастей. Если будутъ маленькія временныя непріятности, не пугайтесь и не обращайте вниманія... Ну, такъ пишите же прошеніе и давайте его мнѣ, я самъ по дорогѣ свезу его въ канцелярію губернатора.

Шлихенсонъ радостной рукой и съ самымъ искреннимъ чувствомъ подъ диктовку Григорія Аѳанасьевича начерталъ прошеніе о переходѣ въ русское подданство, затѣмъ вынулъ изъ-подъ спуда свои документы, какіе нашлись, и все это отдалъ въ полное распоряженіе Осмоленко, а тотъ повезъ ихъ въ городъ.

Когда, завезя бумаги въ домъ губернатора, Осмоленко опять заѣхалъ къ Андрею, то былъ очень изумленъ: Андрей, который всегда вставалъ такъ поздно, на этотъ разъ поднялся въ девять часовъ и ушелъ изъ дому.

V.

Въ числѣ знакомыхъ, и даже довольно близкихъ, Андрея Григорьевича былъ и губернаторъ. Конечно, онъ не принадлежалъ къ тому тѣсному кругу людей одинаковаго возраста, съ которыми молодой Осмоленко проводилъ веселые, хотя и довольно умѣренные, никогда не переходившіе въ разгулъ, вечера, но они видѣлись довольно часто, бывали другъ у друга и цѣнили другъ друга. И потому-то просьба Григорія Аѳанасьевича о содѣйствіи освобожденію его сына отъ призыва на военную службу страшно изумила губернатора. Не такимъ онъ зналъ Андрея Осмоленко. Всегда онъ казался ему человѣкомъ прямымъ, благороднымъ и, главное, очень щепетильнымъ къ своей чести.

И онъ не могъ представить себѣ, чтобы такой человѣкъ унизилъ себя до малодушія самаго дурного качества, граничащаго съ трусостью. Отказаться исполнить свой долгъ подъ тѣмъ или инымъ благовиднымъ предлогомъ, нѣтъ,—этого онъ никакъ не предполагалъ въ числѣ душевныхъ качествъ Андрея Григорьевича.

И губернаторъ не зналъ, какъ ему быть. Сейчасъ послѣ ухода Григорія Аѳанасьевича ему предстояло ѣхать именно въ то учрежденіе, гдѣ онъ могъ бы до извѣстной степени исполнить просьбу Осмоленко относительно Андрея, то-есть по крайней мѣрѣ поговорить объ этомъ. Но ему казалось, что это у него просто не выйдетъ, что онъ совершитъ этимъ преступленіе. Онъ попробовалъ позвонить Андрею по телефону, но того уже не было дома.

Когда, въ началѣ одиннадцатаго часа, губернаторъ пріѣхалъ въ учрежденіе, вѣдавшее призывомъ запасныхъ, гдѣ онъ долженъ былъ присутствовать, тамъ уже толпился народъ. Люди какъ будто не могли терпѣть и торопились заявить о себѣ. Казалось, всѣ считали это не обязанностью, а правомъ.

Но не успѣлъ онъ поздороваться съ военными и чиновниками, завѣдывавшими дѣломъ, и занять свое мѣсто, какъ къ нему приблизилась высокая, тонкая фигура.

— Вы?—съ изумленіемъ и вмѣстѣ съ тревогой воскликнулъ губернаторъ, увидѣвъ передъ собою Андрея Осмоленко и подумавъ, что тотъ пришелъ какъ разъ по тому дѣлу, о которомъ просилъ Григорій Аѳанасьевичъ.

— А почему вы такъ изумлены этимъ?—промолвилъ Андрей, протягивая ему руку.

Но и руку губернаторъ пожалъ какъ-то нерѣшительно.

— Да вотъ именно я хочу это знать: зачѣмъ вы здѣсь, Андрей Григорьевичъ?—повторилъ онъ.

— Меня удивляетъ и, простите, ваше превосходительство, даже обижаетъ вашъ вопросъ. Развѣ вы меня считаете не такимъ же гражданиномъ, какъ другіе?

— То-есть?—все-таки не сдавался въ своемъ непониманіи и недовѣрчивости губернаторъ.

— Я—прапорщикъ запаса. Нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что я явился по мѣсту назначенія. Но если бы я и не состоялъ въ запасѣ, то неужели вы думаете, что въ то время, какъ чуть не половина Россіи идетъ на войну и готова умереть, я сидѣлъ бы въ своемъ особнякѣ и наслаждался жизнью на средства, доставляемыя мнѣ моимъ отцомъ?

— Значитъ, вы явились къ исполненію долга? — спросилъ губернаторъ.

— Но за чѣмъ другимъ я могъ бы притти сюда?

— Простите, дорогой... Простите и дайте мнѣ обнять васъ.

И губернаторъ дѣйствительно обнялъ его. Андрей Григорьевичъ принялъ это трогательное проявленіе чувства съ недоумѣніемъ. Онъ не могъ объяснить его простымъ патріотическимъ порывомъ со стороны губернатора, такъ какъ не считалъ его такимъ экспансивнымъ человѣкомъ. Да наконецъ если бъ это было такъ, то ему пришлось бы обнимать всю эту тысячную толпу, наполняющую огромный манежъ.

И губернаторъ сейчасъ же понялъ его недоумѣніе и, дружески взявъ его за талію, объяснилъ:

— Вы изумлены, я понимаю, и сейчасъ объясню. Видите ли, мой другъ, сегодня утромъ, вотъ сейчасъ, у меня былъ вашъ почтенный отецъ, Григорій Аѳанасьевичъ, который, кстати сказать, вчера, ну прямо сразилъ меня и собравшихся у меня имени-

Библиотека "Руниверс"

тыхъ гражданъ своимъ крупнымъ пожертвованіемъ на нужды воиновъ и семействъ,—двѣсти тысячъ!.. Да, такъ онъ былъ у меня и, очевидно, не поговоривъ съ вами и понимая по-своему вашу пользу, просилъ...—нѣтъ, вы этого, очевидно, даже не можете и представить,—просилъ меня похлопотать, чтобы васъ освободили отъ военной службы!

Андрей даже отшатнулся отъ него.

— Мой отецъ? — воскликнулъ онъ. — Поразительно, до какой степени люди близкіе могутъ мало знать другъ друга. Но я отрываю васъ отъ дѣла... Я уже записался и получилъ право облечься въ мундиръ прапорщика. Если позволите, сегодня покажусь въ немъ.

— Какъ? Онъ уже готовъ?

— Ну, еще бы. Я заказалъ его вчера черезъ полчаса по полученіи извѣстія о войнѣ. Мой портной обязался подъ страхомъ смерти сшить его въ полной исправности въ двадцать четыре часа. Сегодня въ полночь происходила примѣрка...

Губернаторъ съ величайшей горячностью пожалъ его руку и занялся своими дѣлами. Андрей Григорьевичъ отправился домой, гдѣ узналъ, что съ полчаса тому назадъ къ нему заѣзжалъ Григорій Аѳанасьевичъ и убѣдительно просилъ его, когда вернется, позвонить по телефону на дачу, куда онъ поѣхалъ. А въ домѣ въ это время сидѣлъ портной съ двумя подмастерьями и дошивалъ прапорщицкій мундиръ.

— Ну, что же? Срокъ истекаетъ! —обратился къ нимъ Андрей Григорьевичъ.

— Можете облачаться,—отвѣтилъ портной, стоявшій за импровизированной гладильной доской и усердно надсаживавшійся надъ утюгомъ, въ то время какъ помощники его спѣшно дѣлали послѣдніе стежки.

— Отлично. Я вотъ только два слова скажу по телефону.

Онъ прошелъ въ другую комнату и позвонилъ на дачу. Подошелъ самъ Григорій Аѳанасьевичъ и, узнавъ его голосъ, разразился упреками: два раза заѣзжалъ, никогда его дома нѣтъ.

— А теперь вотъ я дома и черезъ полчаса буду у васъ! — веселымъ голосомъ отвѣтилъ Андрей и повѣсилъ трубку.

Послѣ этого портной съ помощниками принялись со всѣмъ усердіемъ и поспѣшностью одѣвать его въ только-что сшитый мундиръ, была на надлежащее мѣсто водружена шашка, а также пристроенъ кожаный чехолъ съ револьверомъ. Минутъ черезъ десять Андрей Осмоленко вышелъ изъ дома уже въ видѣ настоящаго прапорщика, сѣлъ въ стоявшій у подъѣзда экипажъ и поѣхалъ на дачу отца.

Когда экипажъ въѣхалъ въ ворота и подкатилъ къ крыльцу дачнаго дома, стоявшая на крыльцѣ Марья Михайловна, увидѣвъ издали, что пріѣхалъ какой-то военный, и не обративъ вниманія на хорошо знакомыхъ кучера, лошадей и самый экипажъ, поспѣшно ушла въ домъ и послала къ Григорію Аѳанасьевичу сказать, что къ нему пріѣхалъ какой-то офицеръ.

Между тѣмъ Андрей Григорьевичъ выскочилъ изъ экипажа и появился на крыльцѣ, потомъ прошелъ въ комнаты и прямо къ матери. Марья Михайловна до того была поражена этимъ появленіемъ, что въ первую минуту даже не узнала его, а, разглядѣвъ, вскрикнула и поблѣднѣла:

— Андрей? Ты? Какъ же это? Почему? Гриша! Григорій!..

Пришелъ и Григорій Аѳанасьевичъ. Онъ-то сразу понялъ, что значитъ переодѣваніе Андрея, но его небыстрый умъ какъ-то не смогъ согласовать этотъ фактъ съ его собственными недавними дѣйствіями. Въ самомъ дѣлѣ, получалась какая-то несогласимая нелѣпость: только-что,—ну, всего какихъ-нибудь полтора часа тому назадъ,—онъ хлопоталъ у губернатора объ освобожденіи сына отъ службы, а сынъ стоитъ передъ нимъ въ военномъ мундирѣ.

— Ну, что же? Какъ находите? Развѣ это мнѣ не къ лицу?— говорилъ Андрей, по-дѣтски красуясь передъ ними, поворачиваясь то бокомъ, то спиной и закручивая кверху свои небольшіе усы.

Наконецъ все было понято и усвоено. Марья Михайловна заплакала, но вытерла слезы и наружно успокоилась:

— Что жъ, если ты такъ хочешь, Господь съ тобой.

Вполнѣ овладѣлъ своимъ смущеніемъ и Григорій Аѳанасьевичъ.

— Конечно,—сказалъ онъ:—это твоя добрая воля, которой никто не можетъ препятствовать. Но жаль, что ты не посовѣтовался съ нами. Все-таки была бы не лишней нѣкоторая согласованность дѣйствій.

— Но мнѣ казалось, папа, что согласованы не только наши съ вами, а и всѣхъ россійскихъ гражданъ дѣйствія. Всѣ нынче поступаютъ одинаково.

— Да, но ты никогда не проявлялъ склонности поступать, какъ всѣ... Ты всегда и во всемъ выбиралъ свою особую дорогу и свысока смотрѣлъ на то, что было общее для всѣхъ! — возразилъ Григорій Аѳанасьевичъ.

— Это вѣрно, папа. Но теперь вѣдь совсѣмъ другое дѣло: всѣ идутъ на смерть. И если я, желая быть оригинальнымъ, уклонюсь отъ этого, то этимъ совершу подлость передъ другими и передъ самимъ собой. Полкъ въ военное время состоитъ изъ тысячи восьмисотъ человѣкъ. Если я пойду, то буду въ немъ, ну, скажемъ, тысяча восьмисотымъ номеромъ. Но если я не пойду, то его не уменьшатъ на одинъ номеръ, въ немъ все-таки будетъ тысяча восемьсотъ человѣкъ; значитъ, тысяча восьмисотый будетъ вмѣсто меня кто-то другой. И кто-то другой, папа, пойдетъ за меня на смерть. Вотъ этого и не соображаютъ тѣ, кто уклоняется отъ своей обязанности. Они какъ будто думаютъ, что если они не пойдутъ, то ихъ мѣста останутся незанятыми. Все равно, какъ школьникъ, который лѣнится и не посѣщаетъ класса... У насъ есть даже цѣлыя секты и ученія, послѣдователи которыхъ, считая войну зломъ, отказываются служить и въ простотѣ сердечной увѣрены, что этимъ совершаютъ богоугодное дѣло, совсѣмъ, кажется, и не подозрѣвая, что этимъ производятъ покушеніе на убійство ближняго. Нѣтъ, папа, неужели вы находите, что я не правъ?

— Правъ-то, правъ. Но намъ-то съ матерью какъ тяжело представить тебя идущимъ на смерть! Развѣ ты не понимаешь, какъ мы тебя любимъ?

— Ахъ, Боже мой! Я это знаю и страшно цѣню. Но у каждаго другого тоже есть отецъ и мать, которые его любятъ, и имъ тоже тяжело представить своихъ дѣтей идущими на смерть!

— Какой это ужасъ—война!—воскликнула Марья Михайловна, какъ бы вдругъ глубоко почувствовавъ все грозящее ей несчастье, и снова принялась плакать.

— Ужасъ, мама, конечно, ужасъ,—никто и не думаетъ иначе. Но ужасъ для всѣхъ, для всей страны одинаковый. А былъ бы еще болѣе страшный ужасъ, если бы одни имѣли возможность подставлять подъ него головы другихъ, а сами прятаться и только читать газеты о войнѣ и ахать и качать головами. Неужели вы думаете, что я съ удовольствіемъ пойду на смерть? Нѣтъ, жизнь все-таки остается для меня прекраснѣйшей вещью и величайшимъ благомъ, но только тогда, когда она не совмѣщена съ подлостью. Жизнь съ клеймомъ подлаго труса, посылающаго за себя на смерть другого, это уже не благо и не прекрасная вещь, а гнуснѣйшая. Вотъ этого всего, папа, вы, любя меня, не приняли въ расчетъ, когда говорили обо мнѣ съ губернаторомъ. И если бы вы видѣли, съ какимъ презрѣніемъ онъ встрѣтилъ меня!

— Какъ, ты уже это знаешь? — густо покраснѣвъ, спросилъ Григорій Аѳанасьевичъ.

— Да, я встрѣтился съ нимъ только-что во время моей явки на призывъ. Ему было бы очень тяжело исполнить просьбу, и когда онъ узналъ, что я въ ней не принималъ участія, то обрадовался, какъ ребенокъ, и тутъ же началъ обнимать и поздравлять меня. Ну, съ этимъ покончено. Я обѣщалъ сегодня показаться ему въ мундирѣ прапорщика... Онъ въ восторгѣ отъ вашего щедраго пожертвованія, папа.

— Да что жъ, не люблю выступать съ пустяками... Сегодня былъ въ банкѣ и распорядился передать губернатору двѣсти тысячъ.

— Да, это красиво. Съ пятью тысячами не стоило бы и выступать. А гдѣ же мой братъ Василій?

— Да вотъ не знаемъ. Подымается раньше всѣхъ и укатываетъ на велосипедѣ въ городъ. Что онъ тамъ дѣлаетъ, Богъ знаетъ. Должно-быть, участвуетъ въ манифестаціяхъ...

— А какъ вашъ заводъ?

— Съ заводомъ предстоитъ большая возня. Чуть не всѣ рабочіе—запасные и уходятъ на войну. Думалъ кой-кого задержать, похлопотать—да не тутъ-то было, всѣ такъ и рвутся. Эта война, братъ, какое-то священнодѣйствіе. Я пережилъ ужъ двѣ большихъ войны, но ни въ одной не было ничего подобнаго.

— Да, да. Литургія. Всѣ какъ будто сознали себя великими грѣшниками передъ родиной и рѣшили великимъ говѣніемъ искупить свой грѣхъ. И будетъ продолжительное великое говѣніе Россіи, пока она не причастится въ великой побѣдѣ... А вы зачѣмъ собственно ѣздили сегодня къ губернатору? Неужели единственно хлопотать о моемъ безчестіи,—нѣтъ, нѣтъ, не сердитесь, это я такъ,—хлопотать обо мнѣ?

— Нѣтъ, было и другое. Мой Оттонъ Оттоновичъ, представь себѣ, оказался германскимъ подданнымъ, да еще запаснымъ.

— О, неужели? Бѣдняга... Мнѣ больше всего жаль этихъ простаковъ, которые, помимо ихъ воли, вдругъ оказались въ станѣ вражескомъ. Ну, что жъ, онъ струсилъ, конечно?

— Разумѣется. А главное, мнѣ никакъ невозможно потерять его.

— Да, да, на немъ держится фабрика. Но подумайте, на немъ держится фабрика, а слѣдовательно—ваше и мое благополучіе, но могло бы случиться, что мы встрѣтились бы съ нимъ въ открытомъ полѣ, и онъ убилъ бы меня или я его.

— Ну, этого во всякомъ случаѣ не будетъ.

— Еще бы! Онъ, конечно, поспѣшилъ перейти въ русское подданство? Вы хлопотали объ этомъ у губернатора, и тотъ обѣщалъ посодѣйствовать? Въ данномъ случаѣ я обхожусь безъ негодованія. Пусть тамъ поставятъ на его мѣсто другого нѣмца, котораго я непремѣнно убью, а онъ пускай управляетъ нашей фабрикой.

Бодрый видъ и глубокая убѣжденность подѣйствовали даже на Марью Михайловну. Она перестала плакать и приказала подавать завтракъ. Скоро сѣли за столъ, и оба Осмоленко любовались сыномъ, который хотя и не имѣлъ особенно воинственнаго вида, но былъ очень изященъ и красивъ въ офицерской формѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Библиотека "Руниверс"

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29

Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г.

№ 40

XLV г. изданія

Выданъ 4 октября 1914 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.: на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.: на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагаются „Лит. Прил." и „Новѣйш. Моды" за октябрь.

Новыя изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

ДВѢ КАРТЫ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

Подъ редакціей проф. **Ю. М. ШОКАЛЬСКАГО.**

1) ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА СРЕДНЕ-ЕВРОПЕЙСКАГО ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

(Россія, Франція, Англія, Бельгія, Австро-Венгрія и Германія), печатанная шестью красками, размѣромъ 82×120 сантиметровъ. Въ масштабѣ 1 : 2.100.000 (50 верстъ въ дюймѣ).

Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ всѣхъ (около 10.000) географическихъ названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія.

2) ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА ЮЖНАГО ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

(Россія, Сербія, Черногорія, Австро-Венгрія, Италія, Греція. Болгарія, Румынія, Турція, Албанія и Швейцарія), печатанная шестью красками, размѣромъ 80×90 сантиметровъ (50 верстъ въ дюймѣ).

Съ картой Малой Азіи и Кавказа.

Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ всѣхъ (свыше 9.000) географич. названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія.

Цѣна каждой картѣ одинъ рубль.

Иногородные за пересылку не платятъ.

Требованія и деньги просимъ адресовать въ Контору изданій Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

III изданіе, 13-ая тысяча экземпляровъ:

„Я НИКОГО НЕ ѢМЪ!" 2 руб.

1500 вегетаріанскихъ кушаній, 365 меню по временамъ года. Подъ редакціей д-ра мед. Зеленкова. Авторъ (жена д-ра мед. Зеленкова: Петроградъ, Шпалерная, 44б, кв. 23) высылаетъ налож. платежомъ. Пересылка 35 коп. Иногороднымъ 55 коп. Продается и въ книжн. маг. „Новаго Времени". 3249

НЕ КУРИ!

Желающимъ бросить курить высылается безплатно проспектъ, указывающій путь, какъ избавиться отъ этой вредной привычки. Москва, Уланскій пер., д. № 30—4.

П. КОМИСАРЕНКО. 3283 (3)

ПЕТРОГРАДСКІЙ ГОРОДСКОЙ КОМИТЕТЪ.

ЖЕРТВУЙТЕ НА НУЖДЫ БОЛЬНЫХЪ и РАНЕНЫХЪ ВОИНОВЪ. ПРИДИТЕ НА ПОМОЩЬ СЕМЬЯМЪ ЗАЩИТНИКОВЪ РОДИНЫ.

ПРІЕМЪ ПОЖЕРТВОВАНІЙ ПРОИЗВОДИТСЯ:

1) Въ зданіи городской думы.
2) Въ городскомъ попечительствѣ о бѣдныхъ. 3237 4-9
3) Во всѣхъ крупныхъ банкахъ.

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Чеховъ, Ант. „Вишневый садъ". Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна съ перес. 40 к.

ЗАИКАНІЕ

Радикальн. отвыкан. в Лѣчебном Кабинетѣ Pr. М. Вагнер, Петроград, Невскій, 53. Патентов. в Россіи, Франц., Бельг., Венгр. аппарат. Брошюры безплатно. 3233 6-3

КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ ЗАОЧНЫЕ, САМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ и прочихъ коммерческихъ знаній

— С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ —

Москва, Староконюшенный, д. Курилко. 7

Аттестатъ бухгалтера — ручательство въ успѣхѣ — тысячи благодарн.

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО УСЛОВІЯ ИЗУЧЕНІЯ КОММЕРЧЕСК. НАУКЪ ПО ПИСЬМЕННЫМЪ ЛЕКЦІЯМЪ, ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ. 3297 16-5

ВОЙНА НЕ МѢШАЕТЪ РАБОТАТЬ.

На многочисленные запросы заинтересованныхъ лицъ сообщаемъ, что война не мѣшаетъ намъ работать:

КАКЪ ПРЕЖДЕ, мы продаемъ наши быстровязальныя автоматическія машины „Викторія" по цѣнѣ Р. 100.—.

КАКЪ ПРЕЖДЕ, всякій, купившій машину, становится нашимъ сотрудникомъ.

КАКЪ ПРЕЖДЕ, мы платимъ за работу дюжины паръ чулокъ или носковъ нашимъ сотрудникамъ по Р. 1.50.

КАКЪ ПРЕЖДЕ, наши сотрудники зарабатываютъ ежемѣсячно Р. 50.— и болѣе. 3248 2-1

Машины и равнообразная пряжа въ большомъ запасѣ на складѣ. Машина вѣситъ около 1 пуда, желающимъ высылается по почтѣ. Подробности по первому требованію безплатно.

Товарищество Вязальныхъ Машинъ ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ КЮНАУ и Ко (Лондонъ, Е. С. 114 Leadenhall Street).

ПЕТРОГРАДЪ, Невскій, 40—42. Отд. 11 В. МОСКВА, Красныя ворота, д. Афремова. Отд. 11 В. Нижній-Новгородъ. Главный домъ, 68.

ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ КОМПАНІИ ЗИНГЕРЪ

продаются исключительно въ собственн. магазинахъ Компаніи.

Разсрочка платежа отъ 1 руб.

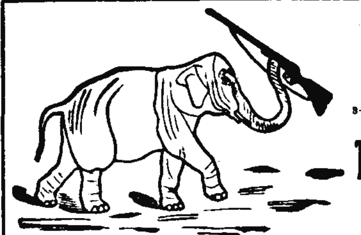
Ручныя машины отъ 25 руб.

МАГАЗИННАЯ ВЫВѢСКА.

Остерегайтесь поддѣлокъ

Магазины во всѣхъ городахъ Имперіи.

Библиотека "Руниверс"



СТАРѢЙШІЙ ОРУЖЕЙНЫЙ МАГАЗИНЪ г. МОСКВЫ

основанъ 1860 года.

т./д. Э. БЕРНГАРДЪ и К°,

преемникъ И. ШЕНБРУНЕРА,

Москва, Кузнецкій Мостъ, 5,

предлагаетъ своимъ уважаемымъ покупателямъ большой выборъ курковыхъ и безкурковыхъ ружей и револьверовъ фабрики АВГУСТА ФРАНКОТТА.

Прейсъ-курантъ высылается по первому требованію безплатно.

КУРСЫ Счетоводства г. К. БУРЕНКО. Первые частн. курсы въ Кіевѣ. На курс. прох. бухгалт., коммерч., банков. и фабр.-заводскую. Пріемъ лицъ обоего пола во всяк. время. Усл. и прогр. высыл. безпл. Кіевъ, Прорѣзная, № 16.

Конторскую скоропись, рондо, готикъ обучаю заочно каждаго въ 6 уроковъ. Въ 15 уроковъ исправляю самый дурной почеркъ. За 5 семик. марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условія. Одесса, Проф. Каллиграфіи Адольфъ КОССОДО, Дерибасовская, д. № 19

ОТЪ ВСЕРОССІЙСКАГО ЗЕМСКАГО СОЮЗА.

Тѣсно сплотилась земская Русь. Она напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы облегчить страданія и прійти на помощь доблестнымъ защитникамъ родины. Война съ каждымъ днемъ увеличиваетъ число жертвъ, и съ каждымъ днемъ должна расти общественная помощь. Пусть же къ земствамъ примкнетъ все русское общество. Мы призываемъ его къ напряженію силъ и средствъ, къ дружному единенію съ Всероссійскимъ Земскимъ Союзомъ. Главноуполномоченный кн. *Львовъ.*

Пожертвованія деньгами и вещами принимаются въ Главномъ Управленіи Союза (Петровскія ворота, № 3) ежедневно во всякое время и во всѣхъ Губернскихъ и Уѣздныхъ земскихъ управахъ Россіи.

СЕРДЕЧНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ, ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцебіенія и одышки, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ" и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина"; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Разрушеніе Реймскаго собора. Въ настоящемъ нумерѣ «Нивы» помѣщены фотографическіе снимки разрушеннаго германской бомбардировкой собора въ Реймсѣ. Этотъ свѣтописный обвинительный актъ неопровержимо докажетъ всему культурному міру, что совершила одичавшая, преступная Германія съ этими царственными профилями тысячелѣтняго величія. На ряду съ красивой поэмой Б. Никонова «Лебединая пѣснь стараго собора» (стр. 764) приводимъ здѣсь изумительныя по яркости и образности строки нашего извѣстнаго писателя Вас. Ив. Немировича-Данченко, посвященныя вандализму германцевъ:

«Когда я рисую себѣ черныя величавыя скрижали Реймскаго собора въ красномъ полымѣ, представляю, какъ въ этомъ всепожирающемъ огнѣ окуривалась дымомъ, раскалялась, лопалась и падала обугленными осколками прекрасная Жанна д'Аркъ; какъ ежились, комкались, чернѣли и вспыхивали умиравшія картины великихъ мастеровъ; какъ на каменные полы плакалъ храмъ расплавленными слезами своего золота и серебра, и во что обратилась бездна дивнаго собора; — я готовъ, если бы у меня были въ горлѣ милліоны мѣдныхъ трубъ, крикнуть прямо въ адскую пасть, въ перекошенное отъ злобы лицо этого народа:

«Отнынѣ и вовѣки проклятіе и презрѣніе тебѣ, нѣкогда великая страна, павшая сейчасъ до послѣднихъ степеней варварства, подлости и злобы. Мы не пойдемъ за тобою. Мы пощадимъ твой Кельнскій соборъ, чтобы каждый вечеръ и утро отъ солнца выступалъ румянецъ стыда на его башняхъ, на его каменныхъ стѣнахъ—отъ призраковъ такихъ же, какъ и онъ, великихъ, но уничтоженныхъ соборовъ Реймса и Лувена. Я бы не возстановлялъ ихъ. Посреди торжествующаго свою побѣду человѣчества оставилъ бы черные профили гигантскихъ руинъ. Пусть онѣ живутъ вѣчными памятниками безумія и отчаянія неудавшагося поэта, жалкаго композитора, обличеннаго обманщика и плачевнаго вождя — Вильгельма II, недостойнаго даже развязать сандаліи своему прототипу Нерону. Тотъ съ своей башни пѣлъ величіе пылающаго Рима; ты, когда горѣла базилика Реймса, мученически умиралъ Лувенъ, истлѣвали драгоцѣннѣйшія библіотеки его и Шантильи,—ты оставался въ сторонѣ, за стѣной своей одичавшей орды. У тебя не хватило мужества лицомъ къ лицу стать съ умирающими гигантами, принять на себя багровое проклятіе смерти этихъ царей человѣческаго генія, созданныхъ имъ для вѣчности и уничтоженныхъ тобою въ минуту... Если бы еще ты самъ умеръ въ этихъ кострахъ! Нѣтъ, ты предпочелъ жить, испепеляя въ нихъ только свою честь, свою славу, какъ и честь и славу своей мрачной имперіи. Проклятіе тебѣ, жалкій Геростратъ!»

Страшную картину разрушенія Реймскаго собора видѣлъ и описалъ корреспондентъ извѣстной англійской газеты «Daily Mail». По его словамъ, древній Реймскій соборъ представляетъ собою въ настоящее время лишь колоссальный скелетъ изъ почернѣвшихъ стѣнъ. Страшно было видѣть, какъ пламя уничтожало этотъ замѣчательный памятникъ XIII столѣтія, это неоцѣнимое произведеніе искусства, которое созидали въ теченіе 150 лѣтъ и которое до сихъ поръ было пощажено множествомъ войнъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что нѣмецкая артиллерія преднамѣренно направляла свои выстрѣлы на соборъ. Пожаръ начался 19 сентября. Въ теченіе всего дня бомбы сыпались на городъ, и весь кварталъ, въ которомъ находится Реймскій соборъ, представлялъ собою море огня.

Незадолго передъ тѣмъ соборъ былъ превращенъ въ лазаретъ для раненыхъ нѣмецкихъ солдатъ, и на крышѣ собора развѣвался флагъ Краснаго Креста. Первый снарядъ попалъ въ крышу уже 17 сентября вечеромъ, но тогда казалось, что это было случайно залетѣвшее ядро. Однако 19 сентября утромъ одна нѣмецкая батарея, занявшая восточный фортъ Реймса, принялась усердно обстрѣливать соборъ, представлявшій хорошую цѣль, такъ какъ онъ господствовалъ надъ всѣмъ городомъ.

Одно ядро за другимъ падали на него; стѣны, нерушимо простоявшія цѣлыя столѣтія, падали со страшнымъ грохотомъ на улицы, окружавшія соборъ. Наконецъ, загорѣлись лѣса, выстроенные для ремонтныхъ работъ вдоль западной стѣны собора. Искры начали сыпаться на крышу, старыя дубовыя стропила запылали. Вскорѣ весь соборъ представлялъ собою бушующее море огня; деревянныя скульптурныя украшенія внутри собора рухнули на полъ, гдѣ на соломѣ лежали раненые нѣмцы. Конечно, солома сейчасъ же вспыхнула, вслѣдъ за этимъ загорѣлись деревянныя украшенія на стѣнахъ и алтарь, а также рѣзная каѳедра. Во время этого переполоха французы поспѣшили вынести 20 раненыхъ нѣмецкихъ солдатъ. Несмотря на опасность отъ гранатъ, дождемъ сыпавшихся на улицы, вокругъ собора собралось нѣсколько сотъ горожанъ, съ ужасомъ и негодованіемъ взиравшихъ на страшное зрѣлище. Когда изъ собора выносили раненыхъ нѣмцевъ, то французами овладѣла ярость и раздался даже голосъ:

— Убить ихъ!

Однако французы сдержали себя, и среди толпы раздались крики, что не надо брать примѣръ съ нѣмцевъ и совершать такіе же позорные поступки, которыми они запятнали себя.

Другой очевидецъ, корреспондентъ газеты «Times», дополняетъ этотъ разсказъ нѣсколькими яркими подробностями: Ію паперти собора потоками лилась кровь. Четыре сестры милосердія лежали мертвыя на полу собора. Вокругъ статуи Жанны д'Аркъ, оставшейся невредимой, на колѣняхъ стояло множество женщинъ, горячо молившихся. При началѣ обстрѣла собора архіепископъ и священники собрались у алтаря на молитву.

Захватывающее впечатлѣніе производило, когда они продолжали молиться и въ то время, когда пламя охватило башни собора. Только послѣ того, какъ башни обрушились, закончилось торжественное богослуженіе, и всѣ покинули соборъ.

Германскій флотъ въ Кильскомъ каналѣ. На картѣ Кильскаго канала, помѣщенной въ настоящемъ нумерѣ (стр. 774), ясно видно, что если англійскій флотъ, заставивъ замолчать укрѣпленія на островахъ Баркумъ—Гельголандъ—Сильтъ и обезопасивъ себя отъ нападенія германскихъ подводныхъ лодокъ, сумѣлъ бы черезъ густо разставленныя нѣмцами линіи минныхъ загражденій подойти къ устью р. Эльбы съ цѣлью бомбардировать укрывшійся тамъ германскій флотъ, послѣдній могъ бы, воспользовавшись Кильскимъ каналомъ, перейти въ Балтійское море, избѣжавъ этимъ навязываемаго ему боя. Такая же картина получилась бы и въ томъ случаѣ, если бы англійскій флотъ, форсируя Зундъ или Большой Бельтъ, попытался приблизиться къ кильскимъ укрѣпленіямъ, защищающимъ каналъ со стороны Балтійскаго моря.

При такомъ нападеніи британскаго флота германскій флотъ, пользуясь опять-таки Кильскимъ каналомъ, могъ бы рискнуть на смѣлый набѣгъ къ

Библиотека "Руниверс"

берегамъ Англіи, имѣя въ своемъ распоряженіи нѣсколько часовъ времени, необходимыхъ британскому флоту, чтобы вернуться къ берегамъ Англіи, огибая кругомъ Ютландію.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что для дѣйствительной блокады германскаго флота въ предѣлахъ Кильскаго канала необходимы двѣ самостоятельныхъ нападающихъ эскадры, могущихъ каждая порознь противустоять нападенію всего германскаго флота. Положеніе такой эскадры, дѣйствующей со стороны Балтійскаго моря, отличается еще тѣмъ, что, въ виду нейтралитета Даніи, Норвегіи и Швеціи, эскадрѣ придется базироваться на одинъ изъ русскихъ портовъ Балтійскаго моря, т.-е. въ очень большомъ удаленіи отъ своей базы.

Не говоря уже о томъ, что даже соединенному англо-французскому флоту затруднительно будетъ формированіе двухъ эскадръ, отвѣчающихъ указаннымъ требованіямъ, взятіе сильно укрѣпленнаго Гельголанда, а также и форсированіе чрезвычайно узкихъ и сплошь заминированныхъ нѣмцами Зунда и Большого Бельта является весьма опасной операціей, угрожающей нападающему большими потерями, такъ какъ въ подобныхъ обстоятельствахъ большую роль могутъ сыграть и подводныя лодки обороняющагося, которыя, очевидно, будутъ имѣть много шансовъ на полный успѣхъ.

Въ виду этого возможно, что промелькнувшее въ газетахъ извѣстіе о появленіи у острова Ангольтъ сильной англійской эскадры надо разсматривать, лишь какъ глубокую развѣдку англичанъ въ воды Каттегата, съ цѣлью выясненія дѣйствій германскаго флота въ этомъ раіонѣ.

Писатели въ рядахъ арміи. Теперь, когда вся Россія безъ различія чина, званія, положенія, занятій, національности стала въ ряды арміи на защиту родины отъ нападенія дерзкаго врага, изъ среды людей свободныхъ профессій—писателей и художниковъ—много пошло запасныхъ, ополченцевъ, а также и охотниковъ-добровольцевъ. И въ данный моментъ интересно привести списокъ писателей, пользовавшихся извѣстностью и служившихъ въ прежнее время въ рядахъ арміи.

Беремъ время съ половины XVIII столѣтія. Баснописецъ и сатирикъ Ив. Ив. Дмитріевъ прослужилъ 22 года въ Семеновскомъ полку. Первый проповѣдникъ славянофильскихъ идей Ал. Сем. Шишковъ былъ морякомъ и участвовалъ въ войнѣ со шведами до конца ея, т.-е. до 1790 г. Драматургъ Ал. Ал. Шаховской служилъ въ арміи и воевалъ съ французами въ 1812 году. Гр. Ѳед. Квитка-Основьяненко пробылъ въ военной службѣ 4 года. Вас. Андр. Жуковскій сражался въ бою подъ Бородиномъ. Поэтъ Денисъ Вас. Давыдовъ участвовалъ во всей кампаніи 1812 года, организовавъ партизанскіе отряды. Конст. Ник. Батюшковъ участвовалъ также въ Отечественной войнѣ. Ѳаддей Булгаринъ состоялъ въ русской, а потомъ во французской военной службѣ. Всю Отечественную войну провелъ въ рядахъ арміи Мих. Ник. Загоскинъ. Въ Бородинскомъ бою участвовалъ Петръ Андр. Вяземскій. Тайно отъ родителей ушелъ въ 1812 году въ ополченіе Ив. Ив. Лажечниковъ. До декабрьскихъ событій 1811 года былъ на военной службѣ Петръ Яковл. Чаадаевъ. Всю кампанію 1812 года провелъ Раф. Мих. Зотовъ. Ал. Серг. Грибоѣдовъ убитъ во время бунта персовъ въ 1829 году. Шведскій и французскій походъ совершилъ Кондр. Ѳед. Рылѣевъ. Драгуномъ былъ Ал. Ал. Бестужевъ (Марлинскій). Влад. Ив. Даль служилъ во флотѣ. Ал. Ив. Одоевскій — въ конной гвардіи. Ал. Ст. Хомяковъ — въ кирасирахъ. Ал. Ив. Полежаевъ отличился въ бояхъ Бутырскаго полка на Кавказѣ. Мих. Юр. Лермонтовъ — служилъ въ гусарскомъ полку. Гр. Ал. Конст. Толстой служилъ въ стрѣлковомъ полку Императорской Фамиліи. Ѳед. Мих. Достоевскій служилъ въ СПБ. инженерной командѣ. Ал. Ник. Плещеевъ прошелъ службу въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Мих. Евгр. Салтыковъ-Щедринъ служилъ въ Военномъ Министерствѣ. Графъ Левъ Ник. Толстой, будучи артиллеристомъ, принималъ участіе въ оборонѣ Севастополя. Ал. Ант. Потѣхинъ пробылъ на военной службѣ нѣсколько лѣтъ. Тоже и Вас. Ст. Курочкинъ. Ѳед. Вл. Вишневскій (Черниговецъ) прослужилъ 8 лѣтъ въ саперахъ. Всев. Вл. Крестовскій былъ на военной службѣ нѣсколько лѣтъ. Ник. Ник. Каразинъ провелъ военную службу въ Средней Азіи. Конст. Мих. Станюковичъ былъ морякомъ. Иппол. Вас. Шпажинскій—армейскій офицеръ. Тоже и Мих. Ал. Протопоповъ. Всев. Мих. Гаршинъ участвовалъ въ русско-турецкой кампаніи и былъ раненъ при Аясларѣ. Вл. Ал. Тихоновъ пробылъ на военной службѣ нѣсколько лѣтъ. Вас. Ив. Немировичъ-Данченко воспитывался въ Брестскомъ кадетскомъ корпусѣ и, хотя не состоялъ на военной службѣ, но продѣлалъ три войны: русско-турецкую, русско-японскую и балканскую, и былъ награжденъ двумя георгіевскими крестами. Сем. Яковл. Надсонъ, окончивъ курсъ Павловскаго военнаго училища, пробылъ на военной службѣ до 1884 года. Изъ художниковъ: Пав. Андр. Ѳедотовъ былъ офицеромъ л.-гв. финляндскаго полка. Алексѣй Петр. Боголюбовъ—морякомъ. Погибшій на «Петропавловскѣ» Вас. Вас. Верещагинъ пробылъ въ морской службѣ очень короткій срокъ, но всю русско-турецкую кампанію провелъ въ качествѣ военнаго корреспондента.

Для пули и креста. Наша отважная молодежь рвется въ бой. Въ ряды арміи стремятся юноши, по состоянію своего здоровья не подлежащіе воинской службѣ. Яркимъ примѣромъ этого можетъ служить разсказъ объ одномъ юношѣ-добровольцѣ, котораго воинская комиссія не согласилась зачислить въ добровольцы въ виду того, что у него не хватило мѣры въ груди.

Выслушавъ заключеніе комиссіи, юноша отвѣтилъ:

— Какъ ни узка моя грудь, на ней хватитъ мѣста и для пули, и для знака военнаго отличія!

Юноша былъ принятъ въ полкъ и въ первомъ же сраженіи получилъ знакъ отличія.

Юный герой-бельгіецъ. Бельгійскій король Альбертъ наградилъ недавно орденомъ одного мальчика за удивительную храбрость, проявленную имъ. Мальчика зовутъ Лейзенъ, онъ родился въ Льежѣ. Онъ совершилъ цѣлый рядъ подвиговъ и отличился изумительнымъ мужествомъ, находчивостью и сообразительностью. Онъ самъ обнаружилъ и способствовалъ задержанію 11 шпіоновъ; ему же удалось выслѣдить важныя передвиженія вражеской арміи, о чемъ онъ во-время предупредилъ бельгійцевъ и тѣмъ нарушилъ всѣ планы враговъ. Когда бельгійская армія была отрѣзана отъ Антверпена, мальчикъ предложилъ доставить въ Брюссель оффиціальное донесеніе. Недавно ему удалось въ десятый разъ пробраться сквозь цѣпь германскихъ войскъ и доставить въ Брюссель извѣстіе о томъ, что происходитъ во Франціи и Россіи.

Насъ вѣнчали съ побѣдой! Солдатъ, назначенный вмѣстѣ со своимъ братомъ въ одинъ и тотъ же полкъ, который находится въ дѣйствіи противъ германцевъ, прислалъ своимъ роднымъ въ Одессу своеобразное по своему стилю и по краткости письмо, которое приводимъ цѣликомъ:

«У насъ была большая свадьба, такая большая, что и сказать вамъ не могу; насъ вѣнчали съ побѣдой, которая крѣпко насъ полюбила. Вино на свадьбѣ лилось рѣкой. Я принесъ въ подарокъ невѣстѣ руку, а братъ мой ногу. Послѣ свадьбы наши быстро пошли впередъ, а я съ братомъ остались и отдыхаемъ въ лазаретѣ».

Тюрьма и каторга на зовъ войны. Главное Тюремное Управленіе предложило губернскому тюремному инспектору Сухорукову вывести арестантовъ, содержащихся въ тюрьмахъ Бессарабіи, на полевыя работы, чтобы скорѣе собрать съ поля хлѣбъ въ хозяйствахъ, члены коихъ призваны на войну. Каторжане Нерчинской каторги, желая прійти на помощь родинѣ, согласились безплатно убрать поля взятыхъ на войну хозяевъ Зерентуя.

Трое сутокъ безъ сна. Одна изъ нашихъ частей трое сутокъ безъ перерыва вела ожесточенный бой съ австрійскимъ корпусомъ, все время обманывая непріятеля, предполагавшаго, что противъ него стоятъ два корпуса. Эти трое сутокъ солдаты и офицеры жили безъ сна. Въ самый послѣдній моментъ, получивъ значительное подкрѣпленіе патронами, цѣпи открыли по австрійцамъ такой частый и мѣткій огонь, что тѣ вынуждены были отступить.

Мы и они. Жители деревень и селеній въ Германіи и Австріи при прохожденіи чрезъ нихъ нашихъ войскъ пользуются всякою возможностью напасть на нихъ изъ-за угла, стрѣляютъ изъ оконъ. Одну деревню за такой разстрѣлъ приказано было сжечь,—разсказываетъ офицеръ, командовавшій ротой, нынѣ раненый и находящійся на излѣченіи въ госпиталѣ, — и нѣсколько человѣкъ было послано поджечь дома въ разныхъ мѣстахъ. Ко мнѣ возвращается посланный мною солдатъ и докладываетъ:

— Ваше благородіе, этотъ домъ никакъ поджечь нельзя: тамъ малыя дѣти.

— Правильно,—только и могъ я отвѣтить.

Пѣсни для подъема духа войскъ. Французскій военный министръ Мильеранъ издалъ приказъ о предоставленіи Теодору Бортрелю права «пребывать во всѣхъ лагеряхъ, депо и лазаретахъ внутренней зоны на сѣверномъ и восточномъ театрахъ войны и тамъ исполнять свои патріотическія пѣсни. Всѣмъ военнымъ властямъ предлагается оказывать ему хорошій пріемъ». Т. Бортрель—извѣстный въ Парижѣ уличный пѣвецъ. Многіе уличные пѣвцы получили разрѣшеніе находиться при арміи на позиціяхъ, чтобы своими пѣсенками поддерживать настроеніе войскъ.

Священная война противъ Германіи. Возвратившіеся изъ-за границы чрезъ Англію русскіе разсказываютъ, что на улицахъ Лондона они видѣли и слышали женщинъ (между ними много недавнихъ суффражистокъ), проповѣдывавшихъ «священную войну» противъ Германіи.

Молодому, сильному и здоровому мужчинѣ нельзя показаться на улицѣ. Женщины встрѣчаютъ такихъ негодующими криками:

— Какъ, вы еще не въ арміи? Что вы дѣлаете здѣсь, когда ваши братья умираютъ за святое дѣло?

За ушедшихъ за Ламаншъ работаютъ подростки отъ десяти до четырнадцати лѣтъ. Они на велосипедахъ развозятъ почту и телеграммы, добровольно исполняютъ обязанности министерскихъ разсыльныхъ, короче, всѣ по возможности служатъ родинѣ. Какъ нельзя лучше, въ эти минуты сказалась англійская подготовка дѣтей къ самодѣятельности. «Наши братья дерутся, мы должны ихъ замѣнить такъ, чтобы родина ни въ чемъ не почувствовала ихъ отсутствія. Они умираютъ тамъ, мы будемъ работать здѣсь. Если продлится война, старшіе изъ насъ запишутся въ армію, а младшіе станутъ на ихъ мѣсто». Славная, бодрая, здоровая молодежь! Великъ народъ, умѣющій такъ воспитывать юношество!

Плѣнные славяне учатся русскому языку. Въ виду заявленія, поданнаго плѣнными славянами о желаніи ихъ учиться русскому языку, общество «За Россію» организуетъ въ Москвѣ для этой цѣли особые курсы.

Арабы-добровольцы. Со времени объявленія войны изъ Сиріи и Палестины отправились во Францію добровольцами около 5.000 арабовъ. Добровольцы принадлежатъ, главнымъ образомъ, къ числу жителей Бейрута и Ливана, гдѣ Франція и Россія имѣютъ большое вліяніе. Среди добровольцевъ преобладаютъ арабы-марониты, но есть и много мусульманъ. Населеніе Сиріи и Палестины явно сочувствуетъ тройственному согласію. Во всѣхъ городахъ объявленъ бойкотъ нѣмецкимъ товарамъ.

Письмо Эмиля Оливье къ германскому императору. Сейчасъ, когда надъ Германіей творится судъ Божій, интересно привести письмо Эмиля Оливье, президента французскаго Совѣта Министровъ въ 1870 г., посланное имъ въ моментъ объявленія войны Вильгельму I. Нѣкоторыя мѣста письма Оливье оказались пророческими:

«Ваше величество! Вы были счастливы, будьте великодушны. Я совѣтовалъ объявить войну, совсѣмъ не имѣя въ виду ни мѣшать объединенію Германіи, ни завладѣть Рейномъ. Я уже 12 лѣтъ оспариваю право Франціи мѣшать созданію единой Германіи и захватить Рейнъ. Я совѣтовалъ войну исключительно потому, что гордый народъ не могъ помириться съ тѣмъ, что Момзенъ назвалъ «эмскимъ отвѣтомъ».

Я мою страну знаю лучше, чѣмъ ваши германскіе журналисты. Если вы съ уваженіемъ отнесетесь къ нашей территоріи и удовлетворитесь громадной славой, только-что выпавшей на вашу долю, и завоеванной вами неограниченной свободой распоряженія судьбами Германіи, вы обезпечите міру долгій и прекрасный миръ.

Но если вы посягнете на нашу территорію, вы тѣмъ самымъ начнете новую 30-лѣтнюю войну. Если вы не увлечетесь корыстью, вы создадите нерушимый союзъ германской и латинской расы. Если же вы задаетесь завоевательными замыслами, вы готовите коалицію славянскихъ и латинскихъ народовъ противъ Германіи.

Вы ссылаетесь на Бога въ своихъ прокламаціяхъ. Я тоже вѣрую въ Господа Бога и Его справедливость. Онъ насъ наказалъ за то, что мы изнѣжились въ продолжительномъ благополучіи, но будьте увѣрены, что Богъ накажетъ и вашъ народъ, и вашу расу, возгордившіеся побѣдой. Вы насильно отрываете

Библиотека "Руниверс"

отъ французскаго отечества сросшееся съ ней душевными узами населеніе, но голосъ угнетеннаго слабаго дойдетъ до Того, Кто даруетъ побѣду, и его жалобы будутъ услышаны.

Ваше Величество, не пренебрегайте тѣмъ, что я говорю, только потому, что это слова побѣжденнаго. Наполеонъ послѣ Іены отнесся съ пренебреженіемъ къ словамъ побѣжденныхъ, но эти побѣжденные отвѣтили ему Ватерлоо.

Пусть духъ кротости и справедливости снизойдетъ на васъ».

Пророчество Гамбетты и японскаго генерала Ноги. Въ одномъ изъ своихъ старыхъ писемъ знаменитый создатель французской республики, Леонъ Гамбетта, писалъ: «Я заявляю, что, если мы подадимъ руку славянамъ, населяющимъ низовье Дуная, тѣмъ самымъ мы подготовимъ побѣду надъ германскимъ Вавилономъ. Я собралъ цѣнныя свѣдѣнія объ этомъ маленькомъ мужественномъ народѣ, которому суждено стать носителемъ права и культуры для всего огромнаго бассейна Савы и Дуная, вплоть до береговъ Чернаго моря и Босфора. Сербы, этотъ сильный и бодрый народъ, готовятся сыграть роль Пьемонта на Ближнемъ Востокѣ. Все низовье Дуная слѣдуетъ предоставить имъ. Когда они создадутъ мощное юго-славянское государство, пѣсня пруссаковъ, какъ диктаторовъ Европы, будетъ спѣта».

Рядомъ съ этимъ интересно сопоставить пророчество извѣстнаго японскаго генерала Ноги, покончившаго жизнь самоубійствомъ въ періодъ своей высшей славы.

Бесѣдуя во время осады Портъ-Артура съ иностранными офицерами и корреспондентами, генералъ Ноги, между прочимъ, сказалъ слѣдующее:

«Я полагаю, что міру придется быть свидѣтелемъ двухъ великихъ войнъ, одинаково ужасныхъ. Первая, театромъ которой будетъ Европа, принесетъ съ собою разрѣшеніе франко-германскаго конфликта и англо-германскаго соперничества. Эта рѣшительная борьба между Франціей и Германіей разыграется на бельгійскихъ равнинахъ, весьма вѣроятно, поблизости отъ Ватерлоо,—единственнаго мѣста, дающаго возможность развернуться тѣмъ ужасающимъ массамъ, которыя придутъ тамъ въ столкновеніе. Граница Франціи и Германіи въ томъ видѣ, какъ она существуетъ въ настоящее время, слишкомъ усѣяна крѣпостями для того, чтобы оба враждебныхъ народа могли ее перейти. Результаты этой войны не представляются для меня сомнительными: французы побѣдятъ нѣмцевъ на сушѣ, а англичане нанесутъ нѣмцамъ пораженіе на морѣ. Эта война будетъ послѣдней въ Европѣ. Цивилизованныя государства выйдутъ изъ этой борьбы настолько истощенными, что они всѣми силами постараются устроить такую коалицію, которая дала бы возможность избѣжать въ будущемъ войнъ. Что касается второй войны, то она явится результатомъ столкновенія Японіи и Соединенныхъ Штатовъ въ Тихомъ океанѣ и окончится побѣдой японцевъ».

Протестъ великаго химика Рамзая. Всемірно-извѣстный химикъ, сэръ Вильямъ Рамзай, членъ почти всѣхъ европейскихъ академій, подписавшій наканунѣ объявленія войны протестъ противъ участія Англіи въ войнѣ, обратился на-дняхъ въ «Times» со слѣдующимъ письмомъ: «Уваженіе, которое мнѣ внушала Германія, какъ цивилизаторская сила, дѣйствующая своими путями (отличными отъ нашихъ), смѣняется во мнѣ чувствомъ отвращенія, когда она нечестиво обращаетъ свое вполнѣ законно-заслуженное въ области мысли вліяніе на попраніе права и справедливости, принуждаетъ нейтральное государство переносить всѣ ужасы войны. Въ силу тѣхъ же соображеній, по которымъ я подписалъ манифестъ противъ войны, я признаю теперь, что Германія стремится поработить Европу, и что этой попыткѣ надо противиться изо всѣхъ силъ. Я не раскаиваюсь въ томъ, что подписалъ упомянутый манифестъ. Мы имѣли право желать оправдаться передъ всѣмъ міромъ и передъ исторіей, доказавъ, что англійскій народъ желалъ избѣжать этой войны всѣми способами, которые допускала его честь». Теперь Вильямъ Рамзай пошелъ дальше:—онъ записался въ англійскую армію добровольцемъ и будетъ занимать постъ военнаго фармацевта.

Донесеніе американскаго врача о жестокостяхъ нѣмцевъ. Военный врачъ Семанъ, командированный въ Бельгію «Краснымъ Крестомъ» Соединенныхъ Штатовъ, прибылъ въ Антверпенъ и въ донесеніи своему правительству заявляетъ, что сдѣлалъ на своемъ вѣку восемь походовъ, былъ свидѣтелемъ боксерскаго возстанія въ Китаѣ, но никогда еще ему не приходилось видѣть ужасовъ и жестокостей, подобныхъ тѣмъ, какіе совершаютъ нѣмцы въ Бельгіи.

Въ видѣ потрясающаго примѣра, Семанъ приводитъ случай, когда цѣлая семья, состоявшая изъ старухи-матери и трехъ дочерей, молодыхъ дѣвушекъ, была заколота нѣмцами въ постели, во время сна. Семанъ умоляетъ правительство Соединенныхъ Штатовъ затребовать отъ Германіи объясненія по поводу подобнаго поведенія ея войскъ.

Польскій доброволецъ-герой. Въ числѣ поступившихъ въ нашу армію добровольцевъ есть крестьянинъ пос. Константиновъ, Лодзинскаго у., Петроковской губ., Антонъ Соботковскій, 52 лѣтъ отъ роду. Онъ уже третій разъ идетъ на войну добровольцемъ. Боевое крещеніе онъ получилъ въ Китаѣ. Затѣмъ онъ участвовалъ въ русско-японской войнѣ и, наконецъ, теперь, несмотря на свой преклонный возрастъ, пошелъ помѣряться съ исконнымъ врагомъ славянства. Закаленный въ бояхъ, старикъ-доброволецъ въ предыдущихъ войнахъ былъ раненъ 7 разъ. Черепъ его покрытъ шрамами отъ зажившихъ сабельныхъ ранъ. Въ шеѣ сидитъ заросшая японская пуля. Тѣмъ не менѣе, онъ держится замѣчательно бодро, а стрѣлокъ онъ—идеальный. За прежніе походы онъ имѣетъ всѣ четыре степени знака отличія Военнаго Ордена; кромѣ того, грудь его украшена многими золотыми, серебряными и бронзовыми медалями. Въ настоящую войну онъ уже успѣлъ отличиться два раза.

Лицемѣріе Вильгельма. Однимъ изъ временныхъ любимцевъ императора Вильгельма былъ извѣстный художникъ-баталистъ Коссакъ. Онъ родомъ—полякъ, по воспитанію—французъ, по службѣ—австрійскій офицеръ, а по профессіи—художникъ. Его картины очень нравились Вильгельму, и онъ сдѣлалъ Коссака своимъ придворнымъ художникомъ. Отправляясь на маневры или на охоту, онъ всегда бралъ съ собой Коссака и любилъ съ нимъ разговаривать на разныя темы, особенно за завтракомъ или ужиномъ.

Съ теченіемъ времени Вильгельмъ, вѣроятно, забылъ, что Коссакъ иностранецъ и притомъ полякъ, и началъ откровенно высказывать взгляды и сужденія по поводу разныхъ событій, давая при этомъ характеристику отдѣльнымъ лицамъ и народамъ. Коссакъ все это выслушивалъ до тѣхъ поръ, пока сужденія императора не коснулись поляковъ. Когда же Вильгельмъ однажды назвалъ поляковъ «паразитами, которые разъѣдаютъ организмъ нѣмецкаго государства», Коссакъ, покраснѣвъ, сказалъ:

— Ваше императорское величество изволите сидѣть за однимъ столомъ тоже съ паразитомъ, о которомъ вы не разъ отзывались благосклонно...

Вильгельмъ ничего не отвѣтилъ, всталъ и ушелъ, гнѣвно хлопнувъ дверью.

Черезъ пять минутъ флигель-адъютантъ заявилъ Коссаку, что императоръ повелѣваетъ Коссаку немедленно оставить дворецъ. И онъ покинулъ дворецъ навсегда.

Оскорбленный Коссакъ издалъ недавно свои воспоминанія. Въ нихъ есть интересныя сужденія императора Вильгельма о Россіи:

«Эта страна скиѳовъ очень меня безпокоитъ, — сказалъ онъ однажды. — «Въ сущности, Европа кончается на германской границѣ»,—сказалъ онъ въ другой разъ. «Русскій мужикъ—это варваръ изъ полчищъ Атиллы. Онъ любитъ только разрушать».

Гусары смерти. Такъ называется одинъ изъ германскихъ полковъ.

Трагизму имени соотвѣтствуетъ ужасная эмблема полка на знамени и на эполетахъ: два меча, скрещенныхъ надъ чернымъ черепомъ.

Удручающему символу вполнѣ отвѣчаетъ и исторія полка, по сгущенному трагизму напоминающая фантастическіе вымыслы Эдгара По.

Жестокому прусскому полководцу, воевавшему съ поляками, пришла въ голову дьявольская мысль: подъ самый огонь польскихъ отрядовъ онъ выслалъ полкъ, сформированный исключительно изъ поляковъ. Бравые гусары, несмотря на желѣзную прусскую «выучку», не подняли однако руки противъ своихъ братьевъ. Въ авангардѣ нѣмецкой арміи покорно вышли они противъ непріятеля, но не сдѣлали изъ своихъ ружей ни одного выстрѣла и не обнажили своихъ мечей. Мрачно-торжественно, одинъ за другимъ, падали они подъ непріятельскимъ огнемъ и оставили на полѣ битвы гору труповъ. Жалкіе остатки полка были пополнены, и полкъ остался въ составѣ германской арміи, но получилъ свое мрачное наименованіе и страшную эмблему...

Звѣрства нѣмцевъ въ Бельгіи. Французское Министерство Иностранныхъ Дѣлъ опубликовало официальный докладъ слѣдственной комиссіи по дѣлу о звѣрствахъ, учиненныхъ нѣмцами въ Арсхотѣ, въ Бельгіи.

Въ докладѣ описывается, между прочимъ, что сдѣлали нѣмцы въ одной изъ церквей Арсхота.

Исповѣдальни, органъ, паникадила сломаны. Разбиты кружки для сбора денегъ. Старинныя статуи изъ дерева, украшавшія колонны большого нефа, сорваны съ мѣстъ и расколоты.

Много домовъ въ Арсхотѣ сожжены. За городомъ, на Лувенскомъ шоссе, комиссарамъ, производившимъ разслѣдованіе, мѣстные жители показали мѣсто, на которомъ еще можно было замѣтить слѣды запекшейся крови. Здѣсь были разстрѣляны мэръ Тильмансъ, его сынъ, братъ и нѣсколько гражданъ Арсхота.

Если Арсхотъ пострадалъ отъ пожара не весь, то нѣтъ дома, не пострадавшаго отъ грабежей. Въ частныхъ квартирахъ все перевернуто, все переломано. Мягкая мебель испорчена, загажена. Въ богатыхъ домахъ разрѣзаны картины, разбиты статуи. Въ одномъ большомъ домѣ, въ которомъ жили нѣмецкіе офицеры, та же омерзительная картина. Разбитые рояли, вспоротые диваны. Всюду пустыя бутылки, вездѣ слѣды гнусныхъ оргій.

Выясняется также, что нѣмцы подожгли Арсхотъ, дабы уничтожить слѣды грабежей.

Австрійцы бомбардируютъ Бѣлградъ... Эта фраза военныхъ донесеній, сообщаемая неизмѣнно въ телеграммахъ, стала уже въ публикѣ вызывать улыбку. Десять недѣль бомбардировки сдѣлали свое дѣло: Бѣлградъ представляетъ теперь груду развалинъ. Одна дама, г-жа Пейовичъ, прибывшая въ г. Измаилъ изъ Ниша, сообщила объ ужасахъ, пережитыхъ жителями Бѣлграда съ момента объявленія войны. По ея сообщенію, столица Сербіи на три четверти разрушена. Поскольку мыслимо, жизнь понемногу входитъ въ колею. Открылись базары и лавки, возобновилось уличное движеніе.

Нѣтъ тѣхъ ужасовъ, съ которыми человѣкъ, въ концѣ-концовъ, не сживается, къ которымъ не привыкаетъ.

Вотъ случай, разсказанный г-жой Пейовичъ, и названный ею заурядным:

— Поѣхала за покупками. Въ это время надъ головой разорвалось австрійская шрапнель, убившая лошадь.

Я перемѣнила извозчика и продолжала поѣздку.

Бомбы и шрапнели стали до того обычнымъ явленіемъ для жителей Бѣлграда, что часы рѣдкаго затишья всѣмъ казались странными.

Недавно въ Бѣлградъ пріѣзжалъ Пашичъ съ семьей. Премьеръ осматривалъ свой разрушенный домъ.

Между прочимъ, г-жа Пейовичъ передаетъ подробности подвига королевича Георгія въ бою при Крупани. Во время сраженія, подъ дѣйствіемъ убійственнаго огня австрійской артиллеріи, сербскія колонны поколебались.

Объѣзжавшій войска королевичъ Георгій обратилъ вниманіе на бездѣйствовавшій резервный полкъ.

На вопросъ королевича:

— Почему не помогаете своимъ?

Послѣдовалъ отвѣтъ:

— Некому повести насъ. Командиръ и всѣ офицеры перебиты.

Королевичъ самъ сталъ во главѣ полка, воодушевилъ солдатъ, бросился на австрійскую батарею и, овладѣвъ ею, рѣшилъ исходъ сраженія въ пользу сербовъ.

По словамъ г-жи Пейовичъ, выносливость сербскихъ войскъ изумительна. Плохо одѣтые, часто безъ сапогъ, солдаты совершаютъ огромные переходы.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1914 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложеніями: Безъ дост. въ Петроградѣ 6 р. 50 к., съ дост. 7 р. 50 к.; съ перес. по всей Россіи: на годъ 8 р., на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Библиотека "Руниверс"

XLV г. — г. XLV

№ 40 — 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. **В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА,** 12 книгъ **Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній,** 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 4 октября 1914 г. — Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. — Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенія“ за Октябрь 1914 г., 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ“ за Октябрь 1914 г. съ 32 рис. отдѣльн. листъ съ 27 черт. выкр. въ натур. величину и 25 выкр. бѣлья для раненыхъ.

Помни Реймсъ!

Когда добыча каннибала,
Въ сѣнь капища замѣтивъ слѣдъ,
Его порогъ переступала —
Смирялся дикій людоѣдъ,
И жажда крови умолкала.

Когда фанатики Ислама,
Ордой нахлынувши въ Царьградъ,
Поили кровью орифламмы,—
Дотоль неистовый Мурадъ
Склонился предъ стѣнами храма.

Но передъ Реймскимъ храмомъ нынѣ,
Передъ молитвою вѣковъ,
Объятый бѣшеной гордыней,
Не стихъ тевтонскихъ пушекъ ревъ—
И надругался надъ святыней!

Земля, вскипѣвъ негодованьемъ,
Все тщетно ищетъ жгучихъ словъ,
Чтобы позорнѣйшимъ названьемъ
Навѣкъ отмѣтить наглецовъ—
И отомстить за поруганье!..

Но нѣтъ у насъ такого слова,
Чтобъ безпощаднѣе бича
Оно вздымалось, жгло и снова
Впивалось въ сердце палача.

И лишь вспоенное презрѣньемъ
Къ зловѣщей стаѣ злобныхъ псовъ
Скуетъ другое поколѣнье
Клеймо позора для отцовъ!..

І. Арденинъ.

Чудо міровой архитектуры — порталъ Реймскаго собора, разрушенный бомбардировкой вандаловъ-германцевъ.

Библиотека "Руниверс"

Къ этому № прилагается: I) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенія“ за Октябрь 1914 г. 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ“ за Октябрь 1914 г. съ 32 рис., отдѣльн. листъ съ 27 черт. выкр. въ натур. величину и 25 выкр. бѣлья для раненыхъ.

Лебединая пѣснь стараго собора.

Поэма **Б. Никонова.**

Старый звонарь поднимается на башню собора.

Непослушныя, больныя, старческія ноги съ трудомъ одолѣваютъ каменныя стертыя ступени, по которымъ поднимались и спускались цѣлыя поколѣнія звонарей. У стараго звонаря дрожатъ ноги и бьется небывалымъ волненіемъ сердце... Еще никогда такъ не дрожали его ноги и такъ не билось и не звенѣло сердце. Какъ вся страна охвачена великимъ событіемъ кровавой борьбы за свою честь и существованіе, и въ сердцахъ ея гражданъ совершается торжественное богослуженіе...

Старый звонарь медленно, съ великимъ трудомъ поднимается вверхъ по мшистымъ и избитымъ ступенямъ. Такъ по холоднымъ камнямъ жизненнаго пути усталые люди медленно восходятъ

Художественныя статуи святыхъ на фронтонѣ Реймскаго собора, разбитыя германскими снарядами.

будто въ его сердцѣ есть свой звонарь, и этотъ невидимый звонарь бьетъ въ сердце, какъ въ колоколъ:

— Иди, иди, старина! Въ послѣдній разъ послужи своему собору и своимъ ближнимъ. Прозвони имъ въ мѣдные голоса старыхъ колоколовъ о томъ, что еще не угасли вѣковая доблесть твоего народа и его глубокая вѣра. И пусть слышитъ эти голоса и врагъ, подступившій къ городу, и пусть онъ пойметъ, что тщетна его борьба съ такой вѣрой и доблестью!..

И старый звонарь поднимается все выше и выше по каменнымъ ступенямъ. Тяжко подниматься на такую высоту слабому старику,—но сегодня онъ ни за что не остался бы у себя внизу. Сегодня онъ долженъ быть тамъ, гдѣ его присяга, гдѣ его постъ. Къ городу подступилъ врагъ и стрѣляетъ по городу, и уже горятъ дома, и падаютъ убитые и раненые горожане. И старый звонарь спѣшитъ наверхъ, къ колоколамъ, - туда, гдѣ онъ провелъ почти всю свою жизнь, пронизанную ихъ громкимъ пѣніемъ. И если старый соборъ пѣлъ своимъ громкимъ голосомъ всякій разъ, когда совершались торжественныя событія, или въ соборѣ шла торжественная служба, то онъ будетъ пѣть и сегодня: вѣдь подъ конецъ своей жизни къ Небу. И, быть-можетъ, сегодня Небо ближе, чѣмъ когда-либо, и къ старому собору и къ старому звонарю.

По пути, проходя по узкимъ лѣстницамъ, звонарь выглядываетъ въ огромныя длинныя окна и видитъ знакомыя изображенія святыхъ и страшныя лица и фигуры чудовищъ-химеръ. Много вѣковъ здѣсь, высоко надъ землей, на углахъ башенъ и надъ сводчатыми пилястрами оконъ и дверей, идетъ борьба святости съ грѣхомъ, добра со зломъ: изображенія святыхъ изгоняютъ злыхъ химеръ, и онѣ буйно и злобно вырываются изъ обители Бога и безмолвно разѣваютъ страшные зубастые рты въ крикѣ ужаса и ненависти. А святые въ спокойномъ созерцаніи глядятъ отсюда на весь міръ. Уже нѣсколько вѣковъ пронеслось предъ ними. Видѣли они и вдали и вблизи чудовищъ грѣха и ненависти, видѣли страшныя войны, нападенія злыхъ болѣзней, злыя дѣла. Но безстрастныя лица ихъ, какъ кажется старому звонарю, сегодня омрачены тоской и скорбью. Еще никогда не приходилось имъ созерцать такихъ ужасовъ и преступленій, какія совершаются теперь отъ восхода солнца и до за-

Библиотека "Руниверс"

ката въ великой и прекрасной странѣ, терзаемой и оскверняемой вторгшимися въ нее врагами.

Старый звонарь забирается туда, гдѣ висятъ самые звонкіе и мощные колокола. Всякій разъ, когда онъ звонитъ въ нихъ, и они поютъ на весь міръ, звонарю кажется, будто въ углахъ колокольни шевелятся люди стараго вѣка. Они просыпаются и удивленными глазами осматриваются кругомъ и тихо спрашиваютъ могильными голосами: „Что случилось? Что дѣлается въ мірѣ? Что происходитъ въ нашей прекрасной Франціи? Почему гудятъ наши колокола? Не вѣнчается ли на царство новый король? Не клянется ли онъ надъ древнимъ Евангеліемъ служить славѣ и чести родной страны? Не торжествуетъ ли родина побѣду надъ врагами?..“ А внизу, по улицамъ стараго города идутъ короли старой Франціи и вмѣстѣ съ ними знаменитые граждане, возлюбившіе отчизну сильнѣе своей жизни. Вѣютъ древнія знамена, звенятъ латы и шлемы. И среди нихъ ѣдетъ на закованномъ въ броню конѣ прекрасная Дѣвственница, бѣлая статуя которой стоитъ въ соборѣ. Всѣ эти призраки древняго времени вызываетъ пѣніе колоколовъ стараго собора. Но эти призраки живутъ и никогда не умрутъ, потому что въ нихъ таится душа всего народа...

Душа всего народа таится и въ старомъ соборѣ. И поэтому старый звонарь, плоть отъ плоти своего народа, видитъ и понимаетъ все то, что появляется и возстаетъ подъ звуки древнихъ колоколовъ. Что увидитъ онъ сегодня? Какія видѣнія возстанутъ предъ нимъ, когда онъ заставитъ звучать свои любимые колокола?

Городъ окутанъ дымомъ и пылью отъ разрушающихся и горящихъ зданій. Гдѣ-то вдали, тамъ, гдѣ зеленѣютъ поля и лѣса, притаился съ своими страшными пушками врагъ и посылаетъ оттуда въ городъ гранату за гранатой, ударъ за ударомъ. Съ воемъ и свистомъ летятъ оттуда смертоносныя птицы и падаютъ въ городъ, и разрушаютъ дома, и жгутъ ихъ, и убиваютъ людей.

Грохотъ и трескъ наполняютъ воздухъ. Но сквозь грохотъ и ураганъ разрушенія ясно слышится звонъ соборныхъ колоколовъ. Старый звонарь помнитъ свой долгъ. Подъ его рукой колокола поютъ о славѣ и чести и вѣрѣ, и голосъ ихъ не заглушаетъ ни грохотъ гранатъ, ни стоны жителей, ни сотни иныхъ голосовъ бѣды и несчастія.

Соборъ въ Реймсѣ, разрушенный германской бомбардировкой. Видъ собора до разрушенія.

Одно изъ старинныхъ художественныхъ оконъ Реймскаго собора, разбитое германскими снарядами.

Сегодня колокола должны пѣть съ особенной силой и проникновенностью, потому что врагъ подошелъ къ самому городу и разрушаетъ и городъ и все, что дорого его жителямъ.

Старый звонарь ясно видитъ, какъ въ углахъ колокольни поднимаются люди стараго вѣка и тревожно спрашиваютъ: „Что случилось съ Франціей?..“ И колокола отвѣчаютъ имъ: „Близокъ врагъ, но былая честь и доблесть не умерли... Мы поемъ о нихъ, и возвѣщаемъ ихъ. Не бойтесь, старые люди. Не погибнетъ наша прекрасная Франція!..“

Старый звонарь видитъ, какъ по улицамъ ѣдутъ на коняхъ короли и великіе граждане, спасавшіе нѣкогда Францію. Ихъ пробудилъ голосъ стараго собора, и всѣ они встали изъ могилъ на помощь нынѣшнимъ бойцамъ и защитникамъ... И чѣмъ громче поютъ колокола, тѣмъ многочисленнѣе становится шествіе старинныхъ тѣней, тѣмъ быстрѣе несутся они на помощь къ своимъ потомкамъ—воодушевлять ихъ въ грозной борьбѣ не на жизнь, а на смерть...

Но что это? Старый звонарь на мгновеніе застываетъ отъ ужаса: вражеская граната вонзается въ стѣну собора и съ грохотомъ разрывается... Летятъ внизъ обломки статуй. Еще ударъ! Опять падаютъ старинныя статуи. Старый звонарь склоняется черезъ окно надъ землей: соборъ раненъ... И ему кажется, что все кругомъ—вся вселенная ропщетъ отъ негодованія и скорби: старый святой соборъ, радость, краса и утѣшеніе поколѣній—раненъ!

Мгновеніе—и уже нѣтъ и тѣни ужаса въ сердцѣ стараго звонаря. Онъ схватываетъ веревку и опять раскачиваетъ колокола, и снова соборъ поетъ громкую пѣснь о вѣрѣ и доблести. Соборъ раненъ, но онъ долженъ и будетъ взывать къ гражданамъ. Онъ будетъ неустанно пѣть имъ: „Не отчаивайтесь! Не унывайте! Собирайтесь въ ряды и смѣло идите на защиту родины и чести. И пока въ васъ будетъ жива вѣра, хранимая мною вѣка и вѣка, никакой врагъ не сломитъ васъ, и отчизна извергнетъ его!.. Я пою вамъ! Не бойтесь!..“

Новый ударъ... Въ одной изъ башенъ пробита стѣна. У стараго звонаря невольно дрожитъ рука... Что же это за варвары скры-

Библиотека "Руниверс"

ваются тамъ, за городомъ? Люди ли они? Какъ поднимаются у нихъ руки на многовѣковую святыню народа? Какъ могутъ они наносить раны старому собору, созданному и вѣрой, и любовью, и великимъ искусствомъ? Развѣ у человѣка, имѣющаго сердце, можетъ явиться желаніе совершать такое кощунство? Значитъ, они выродки, злое отребье человѣчества, уроды,—дѣти, рожденныя уродами-отцами... Это не люди и не звѣри, а новыя существа, полныя зла и мерзости,—существа, для которыхъ еще нѣтъ названія, потому что міръ еще не видалъ ихъ и не успѣлъ назвать!

Быть-можетъ, они нечаянно попадаютъ въ соборъ, не цѣлясь въ него? Старый звонарь собираетъ всѣ свои силы и сотрясаетъ колокола, чтобы они громко на весь міръ звенѣли: „Мы—колокола стараго священнаго собора! Не дерзайте стрѣлять въ насъ! Оставьте насъ въ покоѣ!“... Колокола поютъ и стонутъ на весь міръ... Должны же враги услышать ихъ стонъ...

Да, враги услышали ихъ стонъ. Они поняли, что предъ ними великій старый соборъ съ дивными колоколами. И они пожелали посмѣяться надъ соборомъ и надъ колоколами... Надъ головой стараго звонаря раздается страшный звонъ и грохотъ. Летятъ обломки кирпичей и осколки гранаты—и дикимъ воемъ звенитъ колоколъ. Онъ звенитъ самъ, безъ помощи стараго звонаря... Въ него попала граната и ранила его. И раненый, пораженный колоколъ стонетъ отъ гнѣва и боли, и стонъ его несется по всему городу... Значитъ, не случайно попадали прежнія гранаты въ соборъ. Значитъ, враги знаютъ, во что они стрѣляютъ...

У подножія Реймскаго собора. Обломки статуй, украшавшихъ фасадъ собора и разбитыхъ бомбардировкой вандаловъ-германцевъ.

— Негодяи, негодяи! — кричитъ внѣ себя старый звонарь. Сквозь облака пыли и дыма онъ видитъ, какъ падаютъ со стѣнъ собора камни на землю, какъ разрушается одна изъ стѣнъ, уже пробитая многочисленными гранатами. Тамъ, внизу, предъ соборомъ, собрались люди. Они стонутъ и плачутъ, видя разрушеніе святыни, и потрясаютъ кулаками и оружіемъ по направленію къ невидимому врагу... Дорого обойдется ему это оскорбленіе націи, эта гибель національной святыни!..

Старый звонарь, раненый въ голову осколкомъ гранаты, сотрясаетъ колокола. „Не отчаивайтесь, граждане!—кричитъ онъ имъ мѣдными голосами колоколовъ.—Не унывайте! Вставайте всѣ, какъ одинъ, на защиту нашихъ святынь! Кричите повсюду, на весь міръ, о томъ, какъ кощунствуетъ низкій врагъ! Не можетъ быть, чтобы крикъ вашъ и голосъ нашего раненаго собора не пронеслись по всему свѣту изъ края въ край и не ударили въ сердца людей!.. И тѣ, кто имѣетъ уши, тѣ услышатъ послѣднюю пѣсню стариннаго собора, и сердца ихъ запылаютъ гнѣвомъ. И нашъ стонъ и пѣсня нашего собора превратятся въ ихъ сердцѣ и устахъ въ сокрушающій вопль: „Горе тебѣ, народъ-насильникъ! Горе тебѣ, Германія!..“

И старый звонарь, не чувствуя, какъ струя горячей и липкой крови заливаетъ ему лицо, звонитъ въ колоколъ и призываетъ весь міръ къ отмщенію... А гранаты съ дикимъ воемъ все летятъ и летятъ на соборъ, какъ зловѣщія птицы, ударяются о его стѣны и разбиваютъ ихъ... И чѣмъ громче раздаются ихъ взрывы, тѣмъ громче поетъ старый соборъ свою лебединую пѣснь...

До сердца стараго звонаря доходятъ страшныя вѣсти.

Уже всѣ святые упали со своихъ подножій... Разбита и бѣлоснѣжная статуя великой Дѣвственницы, предъ которой склонялись цѣлыя поколѣнія съ мольбой о счастьѣ и о подвигѣ добра. Разбиты драгоцѣнныя колонны, люстры, разбитъ алтарь. Разрушены изображенія святыхъ, и черезъ сорванную крышу падаютъ внутрь собора камни, осколки гранатъ и разбитыхъ колоколовъ... Уцѣлѣвшіе святые благословляютъ страдающихъ прихожанъ.

Старый звонарь слышитъ и знаетъ обо всемъ этомъ. Онъ самъ раненъ и истекаетъ кровью. Слабѣющими руками съ трудомъ дергаетъ веревку отъ колоколовъ. И колоколовъ осталось уже мало: они сбиты вражескими выстрѣлами...

— Уходи! — кричатъ ему снизу люди. — Ты погибнешь! Тебя разстрѣляютъ нѣмцы!..

— Уходи, вѣрный старый звонарь! — шепчутъ тихими голосами святые.—Ты уже достаточно послужилъ, и заслуга твоя не забудется ни родиной ни Небомъ!

Но старый звонарь не хочетъ уходить. Соборъ гибнетъ,—долженъ погибнуть съ нимъ вмѣстѣ и старый звонарь! Уже не долго ждать конца. Сосѣдняя башня разрушена до конца, и пылаютъ ея развалины, какъ гигантскій безформенный костеръ. А на этой башнѣ уже сбиты дивныя каменныя кружева, уже проломлены стѣны и разрушена лѣстница. А удары гранатъ не перестаютъ сыпаться. Враги словно обрадовались гибели собора и впали въ буйное торжество разрушенія. Они съ радостью разрушили бы весь міръ, взорвали бы всю землю,—старую землю, которая слишкомъ мала для нихъ и не вмѣщаетъ ихъ ненависти...

Старый звонарь не хочетъ уходить. Затуманившимся взоромъ, сквозь слипшіяся отъ крови рѣсницы онъ обводитъ колокольню и не узнаетъ ея. Сквозь стѣны сіяетъ небо. Два колокола разбиты, остальные унесены взрывами гранатъ... Нѣтъ ни статуй ни химеръ...

И умирающій старый звонарь понялъ, куда дѣвались колокола, статуи святыхъ и изображенія химеръ.

Колокола не погибли. Они улетѣли далеко въ Божій міръ, чтобы звонить на свободѣ всюду и возвѣщать вездѣ о преступленіи безсовѣстнаго врага. Быть-можетъ, сейчасъ они звенятъ уже въ Россіи, въ Америкѣ, въ Африкѣ, звенятъ въ сердцѣ каждаго человѣка, отдаются въ каждомъ уголкѣ его жилища. Этихъ колоколовъ ничто не истребитъ, и голосовъ ихъ не заглушатъ никакія пушки. Ихъ звонъ воцарится надъ всѣмъ міромъ и будетъ пѣть и въ небѣ и на землѣ о совершенномъ преступленіи противъ Святого Духа. И милліоны голосовъ присоединятся къ ихъ пѣнію. И въ мірѣ настанетъ торжество добра и прославленіе правды послѣ того, какъ всюду будетъ услышана страшная вѣсть о разрушеніи добра и правды.

Не погибли и статуи святыхъ, не погибли и изображенія свирѣпыхъ химеръ. Какъ въ древнихъ легендахъ, разрушенныя и разбросанныя священныя изображенія оживутъ и пойдутъ по свѣту съ повѣстью о зломъ дѣлѣ безбожнаго народа. А химеры, какъ птицы, понесутся съ криками отмщенія. Услышатъ и ихъ! И ихъ страшные голоса найдутъ не одно мужественное сердце и вложатъ оружіе въ руки тѣхъ, кто имѣетъ силы постоять за родину.

Старый звонарь знаетъ это и не боится умирать. Вѣдь и соборъ умираетъ. Старый звонарь умираетъ на посту своего маленькаго служенія. Старый соборъ умираетъ на посту великой многовѣковой службы христіанству.

Торжествуйте, язычники и выродки рода человѣческаго! Собора нѣтъ! Вы превратили въ развалины красоту и величіе, существовавшія сотни лѣтъ.

Но того, что создало этотъ старинный соборъ и чѣмъ былъ живъ онъ, вы не уничтожили и никогда не сможете уничтожить! Вы сами погибнете, какъ плѣсень на старой стѣнѣ подъ лучами вѣчнаго солнца!

А это именно солнце и горѣло въ томъ соборѣ, который вы не постыдились разстрѣлять. Оно и теперь горитъ и будетъ горѣть, и, ослѣпленные имъ, вы исчезнете предъ дуновеніемъ вѣчной жизни, и отъ дыханія ея возстанутъ въ новой славѣ терзаемые вами города и народы и люди отъ простого звонаря до великаго полководца!

Библиотека "Руниверс"

Государь Императоръ на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Его Императорское Величество Государь Императоръ 20 сентября, въ 2 часа 30 мин. дня, изволилъ отбыть изъ Царскаго Села по желѣзной дорогѣ на театръ военныхъ дѣйствій.

Во время Высочайшаго пребыванія въ дѣйствующей арміи Императорскій поѣздъ имѣлъ остановку 25 сентября въ Вильнѣ. Къ приходу поѣзда, въ четвертомъ часу дня, собрались высшія военныя и гражданскія власти и представители сословій и обществъ. Со станціи Государь Императоръ съ военнымъ министромъ отбылъ на автомобилѣ въ Святодуховъ монастырь, гдѣ Его Императорское Величество былъ встрѣченъ архіепископомъ виленскимъ и духовенствомъ. Послѣ молебствія Государь Императоръ прикладывался къ святынямъ въ Алтарной пещерѣ, затѣмъ изволилъ посѣтить раненыхъ въ военномъ госпиталѣ и въ лазаретѣ дамскаго комитета. Поклонившись особо чтимой святынѣ-иконѣ Остробрамской Божіей Матери, Его Величество отбылъ. Императорскій поѣздъ отошелъ при восторженныхъ кликахъ „ура".

Телеграмма Его Императорскаго Высочества Верховнаго Главнокомандующаго отъ 25 сентября 1914 года.

Государь Императоръ, выѣхавъ вчера вечеромъ изъ ставки Верховнаго Главнокомандующаго, проѣзжая черезъ Бѣлостокъ, повелѣлъ поѣзду остановиться и прослѣдовалъ въ крѣпость Осовецъ, дабы лично поблагодарить гарнизонъ за отраженіе атаки.

Такимъ образомъ Его Величество изволилъ быть вблизи боевой линіи.

Посѣщеніе нашего Державнаго Верховнаго Вождя объявлено мною по всѣмъ арміямъ и, я увѣренъ, воодушевитъ всѣхъ на новые подвиги, подобныхъ которымъ Святая Русь еще не видала.

Генералъ-адъютантъ *Николай.*

Генералъ-отъ-кавалеріи Павелъ Адамовичъ Плеве, Высочайше пожалованный орденомъ Св. Георгія 4-й степени за бои съ австрійскими и германскими войсками въ періодъ съ 24 августа по 1 сентября с. г.

Генералъ-отъ-инфантеріи Алексѣй Ермолаевичъ Эвертъ, Высочайше пожалованный орденомъ Св. Георгія 4-й степени за отбитіе атакъ непріятельскихъ силъ на г. Люблинъ съ 13 по 21 августа с. г.

Великая европейская война.

(Хроника военныхъ дѣйствій).

Въ теченіе двухъ первыхъ мѣсяцевъ войны Россія, Франція и Англія успѣли собрать противъ общаго врага значительныя силы для нанесенія всесокрушающаго удара. Районы нынѣшнихъ сраженій, обнимающихъ фронтъ въ 400—700 верстъ, такъ велики, что отдѣльныя битвы и движенія въ родѣ нашего отступленія изъ Восточной Пруссіи или германскаго пораженія на Нѣманѣ не оказываютъ большого вліянія на конечный исходъ войны. Частичные успѣхи на одной части фронта и частичные неудачи на другой рядомъ съ предстоящими великими сраженіями многомилліонныхъ армій имѣютъ характеръ только взаимной пробы силъ, взаимнаго нащупыванія противника. Мы дали себя знать нѣмцамъ подъ Эйдкуненомъ, Сталупененомъ, Алленштейномъ, заставили ихъ почувствовать силу русскаго удара подъ Осовцомъ, Друскениками, Сапоцкиномъ и Августовомъ, въ свою очередь и сами ознакомились съ дѣйствіемъ ихъ тяжелой артиллеріи подъ Сольдау и при отступленіи ген. Ренненкампфа. Пораженіе, нанесенное нѣмцамъ на берегахъ Нѣмана и у крѣпости 3-го разряда Осовца, съ лихвой возмѣщаетъ нашу неудачу у Сольдау.

Враги успѣли ближе ознакомиться другъ съ другомъ, узнать слабыя и сильныя стороны непріятеля. Какъ бы критически ни относиться къ смѣлымъ операціямъ генерала Ренненкампфа, предпринявшаго въ самомъ началѣ войны походъ вглубь непріятельской страны съ сравнительно небольшими силами и пускавшаго кавалерію во фронтовыя атаки противъ пѣхоты и укрѣпленныхъ батарей,—за нимъ останется та неоспоримая заслуга, что удачными дѣйствіями въ рядѣ мелкихъ боевъ онъ уничтожилъ вздорную легенду о непобѣдимости нѣмцевъ. Для всего дальнѣйшаго теченія войны много значитъ бодрящее и окрыляющее впечатлѣніе первыхъ побѣдъ. Полководцы должны считаться не только съ стратегическими соображеніями, но также и съ прихотливою психологіею войсковыхъ массъ. Счастливый ходъ лихихъ набѣговъ ген. Ренненкампфа прежде всего показалъ, что нѣмецъ не такъ страшенъ, какъ онъ самъ себя малюетъ. Старымъ теоріямъ онъ противопоставилъ данныя новаго боевого опыта, показавшаго, что воинская удаль даетъ возможность побѣждать и „непобѣдимыхъ". Правда, за это время наша южная армія, сосредоточившая въ себѣ главныя русскія силы, успѣла подъ руководствомъ своихъ чрезвычайно талантливыхъ и осторожныхъ вождей уничтожить милліонную армію австрійцевъ, взять нѣсколько крѣпостей, захватить свыше тысячи орудій, вы-

Библиотека "Руниверс"

Впредь до окончанія войны, министромъ внутреннихъ дѣлъ установлена повышенная такса почтовыхъ отправленій: **иногороднія письма оплачиваются десятью копейками** (вмѣсто 7 копеекъ), а **мѣстныя (городскія)—пятью копейками** (вмѣсто трехъ копеекъ).

Считаемъ долгомъ оповѣстить объ этомъ нашихъ читателей во избѣжаніе штрафовъ, которые съ 21 сентября с. г. будутъ накладываться (въ двойномъ размѣрѣ недостающей суммы оплаты) на получателей писемъ.

Е. А. Зноско-Боровскій, раненый въ бою и находящійся на излѣченіи въ лазаретѣ Александровской общины въ Петроградѣ.

Призванный на войну Е. А. Зноско-Боровскій — извѣстный русскій шахматистъ, состоящій редакторомъ Шахматнаго Отдѣла «Нивы». Е. А. Зноско-Боровскому 30 лѣтъ; онъ окончилъ курсъ Александровскаго лицея, а затѣмъ Петроградскій университетъ по филологическому факультету. Въ 1904 г. Е. А. отправился добровольцемъ на войну съ Японіей. За отличія въ бояхъ онъ былъ награжденъ георгіевскимъ крестомъ. По окончаніи военныхъ дѣйствій, Е. А. издалъ двѣ книги, посвященныя его боевымъ впечатлѣніямъ: «Крейсеръ Алмазъ» (о Цусимѣ) и «Фантастическія были» (разсказы о войнѣ).

вести изъ строя противника больше полумилліона плѣнными и ранеными, завоевать почти всю Галицію и вторгнуться черезъ Карпаты четырьмя колоннами въ долину Венгріи,—но плоды громкихъ побѣдъ не должны заслонять и весьма цѣнныхъ успѣховъ ген. Ренненкампфа.

Двухмѣсячные бои на прусскомъ фронтѣ установили несомнѣнный успѣхъ нѣмцевъ въ крупной артиллеріи, въ оборудованіи вооруженныхъ пулеметами и легкою артиллеріею бронированныхъ автомобилей, оказавшихъ огромныя услуги при преслѣдованіи отступающихъ полковъ, и въ прекрасно поставленной воздушной развѣдкѣ, но зато наша полевая артиллерія оказалась несравненно лучше нѣмецкой, а стрѣльба русской пѣхоты — несравненно болѣе поражающей. Нѣкоторыя преимущества техническаго оборудованія у нѣмцевъ вполнѣ покрываются неоспоримымъ преимуществомъ болѣе усовершенствованной боевой тактики русскихъ, а главное—чуднымъ воинскимъ духомъ нашей арміи. Теперь, когда сосредоточеніе громадныхъ войсковыхъ массъ близится уже къ концу, обновленная и освѣженная притокомъ новыхъ частей русская армія, съ точнымъ знаніемъ сильныхъ и слабыхъ сторонъ своего противника, можетъ готовиться къ рѣшительному сраженію на всемъ почти 800-верстномъ фронтѣ соприкосновенія съ врагомъ.

Однимъ изъ важныхъ ресурсовъ для насъ въ предстоящемъ въ близкомъ будущемъ величайшемъ въ исторіи міра сраженіи является, между прочимъ, также и сравнительная свѣжесть русскаго войскового состава. Неимовѣрная напряженность современнаго боя быстро изнашиваетъ и моральныя и физическія силы воиновъ.

Въ этомъ отношеніи огромность нашихъ людей и даже самая медленность нашей мобилизаціи является какъ бы новымъ преимуществомъ Россіи. Въ то время, какъ нѣмцы почти что сразу мобилизовали свои главныя силы и выставили ихъ на обоихъ фронтахъ, мы оперировали первые мѣсяцы только съ незначительною частью своего контингента. Теперь нѣмцы перебрасываютъ по прекрасно оборудованнымъ линіямъ внутренняго сообщенія свои уже изношенныя и истрепанныя арміи съ одного фронта на другой, разбавляя ряды уставшихъ бойцовъ мало способнымъ къ бою ландверомъ и ландштурмомъ, мы же выставляемъ противъ нихъ свѣжихъ бойцовъ изъ своего неистощимаго и прекрасно обученнаго запаса. Быть-можетъ, именно физическою и нервною изношенностью переброшенныхъ съ запада и уже битыхъ тамъ полковъ изъ арміи германскаго кронпринца объясняется отчасти и послѣдній разгромъ, понесенный нѣмцами при попыткѣ форсировать переправы черезъ Нѣманъ. Судя по телеграммѣ Главнаго Штаба, отмѣчавшей быстрое овладѣніе техникою боя вновь прибывшими войсковыми частями, такое постоянное частичное освѣженіе производится не только въ сѣверной, но также и въ нашей южной арміи. Теперь, когда австро-германскій фронтъ окончательно слился въ совмѣстной защитѣ Кракова, непріятель, изнемогающій отъ понесенныхъ неудачъ и пораженій и на юго-западѣ и на юго-востокѣ, встрѣтитъ противъ себя въ рѣшительный часъ послѣдней битвы грозные ряды бодрыхъ, полныхъ энтузіазма, русскихъ воиновъ. Одновременность рѣшительнаго натиска и съ западнаго и съ восточнаго фронта, о которой говоритъ одновременный выѣздъ въ армію Государя и президента Пуанкарэ, лишитъ возможности нѣмцевъ, перебрасывая корпуса съ одного театра военныхъ дѣйствій на другой, явиться поочередно и тамъ и здѣсь въ численно подавляющихъ массахъ.

Собственно стратегическое расположеніе австро-германской арміи на фронтѣ Краковъ—Ченстоховъ представляется далеко не блестящимъ. Желаніе защитить австрійскій Краковъ, прикрывающій дорогу русской арміи черезъ Моравію и Чехію на Берлинъ, заставляетъ германцевъ усиленно держаться въ довольно узкомъ клинообразномъ пространствѣ по р. Вартѣ между южной и сѣверной русскими арміями. Отбитые отъ Нѣмана и прогнанные на германскую территорію на сѣверѣ, они въ то же время беспрепятственно продвигаются все впередъ и впередъ въ восточномъ направленіи на югѣ, безъ боя занимая Петроковъ, Лодзь, Андреевъ и пр., чѣмъ еще болѣе вытягиваютъ и заостряютъ клинообразность своего общаго расположенія. Расколотивъ и погнавъ ихъ назадъ на сѣверѣ, мы не мѣшаемъ имъ двигаться впередъ на югѣ.

На западномъ фронтѣ дѣла нѣмцевъ нисколько не поправляются. Съ обѣихъ сторонъ военныя дѣйствія попрежнему продолжаютъ носить здѣсь характеръ затяжной осадной войны. Съ помощью постоянныхъ вылазокъ и взаимныхъ атакъ и нѣмцы и французы поочередно отнимаютъ другъ у друга взятыя кровавой цѣной позиціи, Пероннъ, форты въ промежуткѣ между Верденомъ и Лилемъ и т. д., но въ общемъ итогѣ все-таки нѣмцы постепенно отходятъ все больше и больше къ сѣверу. Самые ожесточенные бои сосредоточиваются на лѣвомъ французскомъ флангѣ противъ арміи генерала Клука. Давя на его флангъ, французы предпринимаютъ цѣлый рядъ попытокъ обхода его съ сѣвера и тѣмъ вынуждаютъ его къ безконечному растягиванію своего фронта. Чтобъ защититься, нѣмцы должны по мѣрѣ надобности перевозить на лѣвый, наиболѣе угрожаемый, флангъ войсковыя части съ праваго фланга и центра, ослабить линію обороны въ другихъ пунктахъ и по мѣрѣ возможности переходить въ атаку на болѣе южныхъ частяхъ непріятельскаго расположенія съ цѣлью замедлить сосредоточеніе атакующихъ колоннъ на юго-западѣ.

Такой, чисто демонстративный и тактически-оборонительный, характеръ имѣютъ всѣ нѣмецкія атаки. Онѣ даже въ рѣдкихъ случаяхъ успѣха не получаютъ никакого дальнѣйшаго развитія и поддержки, но въ большинствѣ случаевъ, несмотря на бѣшенство наступленія, обыкновенно съ огромными жертвами для нѣмцевъ, отражаются засѣвшими въ траншеи французами и англичанами. Отчаянность нѣмецкихъ фронтовыхъ атакъ всего больше свидѣтельствуетъ объ отчаянности стратегическаго положенія нѣмцевъ. Они, кажется, и сами признаютъ уже рискованнымъ задерживаться дальше на укрѣпленныхъ позиціяхъ по р. Энъ и приготовляются къ постепенному отступленію. Главный штабъ западной арміи уже переведенъ далеко вглубь тыла, раненые массами вывозятся изъ Брюсселя въ Германію, за ними должны слѣдовать обозы и тяжелая артиллерія. Съ единственною цѣлью обезпечить себѣ безпрепятственное отступленіе на германскую территорію нѣмцы предприняли энергичную осаду Антверпена, стараясь наглухо запереть въ крѣпостномъ районѣ слишкомъ активныхъ и безпокойныхъ бельгійцевъ, предпринимающихъ неожиданныя наступленія на комуникаціонныя линіи германцевъ. Теперь вопросъ сводится къ тому, успѣетъ ли нѣмецкая армія благополучно отступить во-свояси. Наступая обходными колоннами на лѣвый флангъ, все болѣе и болѣе удлиняя юго-западную линію обхвата, французы, по частнымъ свѣдѣніямъ, уже пришли въ соприкосновеніе съ бельгійской арміей и съ англійскимъ десантнымъ корпусомъ, идущимъ отъ Остендэ. Сосредоточеніе сколько-нибудь значительныхъ англо-франко-бельгійскихъ силъ въ этомъ районѣ грозитъ опаснымъ натискомъ на тыловыя части арміи Клука, можетъ привести къ лишенію германской арміи подвоза провіанта и боевыхъ запасовъ и окончится для нихъ огромной катастрофой.

Библиотека "Руниверс"

„Волчья яма“.

Разсказъ раненаго офицера. **Грааля Арельскаго.**

I.

День былъ пасмурный... На мутномъ небѣ неслись разорванные вѣтромъ клочья сѣрыхъ, безформенныхъ облаковъ, и свѣтъ солнца, струившійся сквозь ихъ прорывы, былъ слабый и расплывчатый и напоминалъ скорѣе вечерній сумракъ. Изрѣдка накрапывалъ дождь, и тогда необозримое пространство полей и дальній горизонтъ затягивались бѣлесоватой дрожащей сѣткой. Далеко справа синеватымъ силуэтомъ слабо вырисовывалась невысокая гора, вершина и склоны которой заросли густымъ смѣшаннымъ лѣсомъ, гдѣ преобладали въ большинствѣ кедровыя и каштановыя деревья. Еще дальше впереди длинными прямыми полосами выступали непріятельскіе окопы. Еще рано утромъ послѣ трехъ непрерывныхъ атакъ мы заняли гору, и теперь тамъ находились наши батареи. Часъ тому назадъ какъ непріятель, такъ и мы неожиданно, будто по уговору, прекратили орудійный огонь.

У насъ въ окопахъ было настороженно тихо. И эта странная тишина послѣ шума и грохота разрывающихся снарядовъ была такъ странно-необычна, что заставляла все время чего-то ждать. Хотя еще не было никакихъ приказаній, но всѣ были увѣрены, что сегодня будетъ атака. Мимо насъ непрерывно передвигали артиллерію для укрѣпленія горы, и она беззвучно скользила по глинистому, размытому, мягкому грунту и быстро стушевывалась за сѣткой сѣраго тумана. Къ вечеру стали передвигать пѣхоту. Густыя безконечныя колонны потянулись вдоль окоповъ къ траверсамъ. Безопаснаго цвѣта рубахи солдатъ сливались въ одну непрерывную массу двигающагося гигантскаго живого организма, и, куда хваталъ глазъ, эта инертная живая масса развертывалась, дробилась и строилась около траверсовъ въ почти геометрически точныя фигуры. И было странно видѣть эту точность и порядокъ, и невольно рождалось сознаніе

Польскій лазаретъ, открытый въ Петроградѣ. Среди учредителей—могилевскій епископъ-суффраганъ Цеплякъ и проф. С. І. Залѣсскій. Сестры милосердія — представительницы польскаго общества въ Петроградѣ.

Лазаретъ на 200 кроватей, устроенный въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія въ Петроградѣ. Группа присутствовавшихъ на открытіи лазарета: министръ путей сообщенія С. В. Рухловъ съ супругой Е. Е. Рухловой, Н. И. Туганъ-Барановскій, директоръ канцеляріи министра и другіе чины министерства и Института.

5-й санитарный отрядъ, отправившійся на театръ военныхъ дѣйствій 3 сентября с. г.

Библиотека "Руниверс"

Походная кухня для дѣйствующей арміи имени Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Вагонъ-помѣщеніе кухни, отбывающій на театръ военныхъ дѣйствій. Среди присутствующихъ — Верховный Начальникъ санитарной и эвакуаціонной части Его Императорское Высочество Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій.

Походная кухня для дѣйствующей арміи имени Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго.

однообразно сѣрыхъ, суровыхъ лицъ вѣяло слабымъ свѣтомъ умиленія и грусти и почти дѣтскаго восторга. Но молитва кончилась. Опять заколыхались ряды, и опять откуда-то пришло то грозное и зловѣщее, что исчезло во время молитвы. По всему безконечному ряду окоповъ изъ траверсовъ вправо и влѣво стали выливаться тихо и настороженно зеленоватыя массы и сейчасъ же разсыпались по полю. Атака началась. Нѣкоторое время шли въ глубокомъ напряженномъ молчаніи, и только непріятный хлюпающій звукъ уходящихъ въ мягкую глинистую почву сапогъ нарушалъ эту тишину. Но потомъ, когда линіи непріятельскихъ окоповъ заволоклись дымомъ, и началась орудійная стрѣльба какъ со стороны непріятеля, такъ и съ нашей батареи на горѣ, — напряженность исчезла, какъ нѣчто ненужное теперь и сковывающее. Массы забились порывистѣе и свободнѣе и ринулись впередъ. И вотъ начался ужасъ... Отвратительно и жалобно заухала картечь и затрещалъ, методически отбивая тактъ, огонь о какомъ-то колоссальномъ точномъ механизмѣ, управляемомъ твердой и умѣлой рукой. Черезъ полчаса нашъ полкъ тоже двинули въ самый конецъ окоповъ, къ послѣднему траверсу, и мы слились съ стоящей уже тамъ молчаливой и грозной массой. Было тихо кругомъ. Матово сверкали штыки, и хотя кругомъ царило безмолвіе, но чувствовалось, какъ дышала, порывисто билась и волновалась эта громадная масса людей, этотъ пущенный въ ходъ гигантскій механизмъ. Пришелъ священникъ и сталъ служить молебенъ. Молебенъ передъ атакой. Заколыхались длинные ряды,—всѣ одновременно обнажили головы и опустились на колѣни. Прежній зловѣщій и грозный видъ вдругъ заслонился торжественнымъ и грустнымъ. Набожно поднимались руки солдатъ, колыхались головы, глухо шелестѣли слова молитвы, и отъ

Офицеры 7-й автомобильной роты.

Въ Москву вернулось съ театра военныхъ дѣйствій нѣсколько раненыхъ мотористовъ, которые сообщили много интересныхъ эпизодовъ изъ жизни автомобильныхъ ротъ на боевыхъ позиціяхъ. (См. «Отклики войны»).

Библиотека "Руниверс"

пулеметовъ. Смерть занесла надъ нами свою косу и стала, широко и поспѣшно размахивая, косить направо и налѣво. Снаряды, какъ гигантскіе бичи, разрѣзали воздухъ и вырывали длинныя, стремящіяся впередъ, полосы, оставляя позади груды растерзанныхъ тѣлъ...

Я бѣжалъ впереди своей роты... Солдаты бѣжали за мной съ злобными, перекошенными лицами и почти безумными глазами. Когда разрывалась надъ головами шрапнель, нѣкоторые посылали ей площадную брань, а нѣкоторые призывали Бога. Были такъ нелѣпы, но зловѣщи и полны какого-то скрытаго ужаса эти сочетанія. Пробѣжавъ еще двѣсти саженъ, я со своей ротой неожиданно попалъ въ замаскированное колючее загражденіе. Саперы стали съ ожесточеніемъ перерубать и перестригать длинные, колючіе ряды переплетеной проволоки, которая обвивалась вокругъ ногъ и цѣплялась за одежду въ своемъ почти осмысленномъ стремленіи удержать рвущуюся впередъ ожесточенную массу. Наконецъ эта временная преграда рухнула, и мы опять ринулись впередъ, оставивъ позади себя груды труповъ. Мы бѣжали наискось къ виднѣющимся вдали непріятельскимъ окопамъ, стараясь попасть въ такъ называемую „мертвую полосу“ и быть внѣ обстрѣла батарей. Но вдругъ случилось нѣчто неожиданное,

Герои Гэленской битвы. Бельгійскіе самокатчики, вооруженные ручными митральезами Гочкиса.

Бельгійскіе карабинеры защищаютъ подступъ къ деревнѣ близъ Антверпена.

Военные трофеи. Орудія, отобранныя у германцевъ въ Верхнемъ Эльзасѣ въ бою подъ Дорнакомъ и выставленныя въ Бельфорѣ передъ памятникомъ Антонина Мерсье „Quand même!“—Защитникамъ Бельфора—Тьеру и полковнику Данферъ Рошро (1870 г.).

Библиотека "Руниверс"

Въ Брюсселѣ, захваченномъ нѣмцами. Отдыхъ германской пѣхоты на улицахъ бельгійской столицы.

времени, когда я припомнилъ все происшедшее. Я понялъ, что лежу въ „волчьей ямѣ" на холодныхъ трупахъ солдатъ, и что я какимъ-то чудеснымъ образомъ живъ,—какимъ—я не могъ еще сообразить. Съ возвратомъ сознанія пробудилась жажда жизни. Лѣвая нога мучительно ныла, и малѣйшее движеніе ею вызывало страшную боль. Я протянулъ руку и ощупалъ ее. Она была сломана ниже колѣна и страшно распухла. Я протянулъ руки вверхъ, но онѣ встрѣтили пустое, темное пространство. Вспомнивъ, что въ карманѣ есть спички, я повернулся на правый бокъ

что̀ заставило на минуту остановиться сердце. Слѣва отъ меня взорвался фугасъ. Цѣлый фонтанъ жидкой грязи, мелкихъ камней, переломанныхъ мелкихъ кустовъ и человѣческихъ тѣлъ, разорванныхъ на куски, взметнулся вверхъ. Оставшіеся солдаты ринулись впередъ, въ отчаянномъ стремленіи уйти изъ этого фонтана смерти, и обогнали меня... Но вдругъ почва задрожала, и я полетѣлъ куда-то внизъ... На меня валились въ безпорядкѣ солдаты и кричали и цѣплялись руками другъ за друга.

„Волчья яма", — мелькнуло у меня въ мозгу, но что-то темное и непомѣрно тяжелое навалилось на грудь и затемнило сознаніе.

II.

Я не знаю, долго ли лежалъ въ ямѣ.

Сознаніе вернулось не сразу. Сначала родилось инстинктивное чувство, что я живу, но мозгъ еще работалъ слабо, и я лежалъ неподвижно, прислушиваясь, какъ оживало мое тѣло. Прошло очень много

Австралійская кавалерія, прибывшая на помощь англійской арміи на европейскій театръ военныхъ дѣйствій.

Русскіе добровольцы со знаменемъ передъ отправкой въ дѣйствующую союзную армію.

14 сентября въ Петроградъ прибыло изъ Бельгіи нѣсколько русскихъ студентовъ, которые принимали самое близкое участіе въ защитѣ Льежа. Русскій добровольческій отрядъ въ Бельгіи, въ составъ котораго вошли и славяне всѣхъ государствъ, былъ организованъ самими же студентами, при чемъ одинъ изъ нихъ, Арнольдъ Левинсонъ, отбывшій въ Россіи военную службу вольноопредѣляющимся, былъ назначенъ начальникомъ отряда. Русскіе добровольцы наравнѣ съ бельгійцами несли всю тяжесть осады Льежа и покинули его только тогда, когда послѣдній фортъ былъ взорванъ его защитниками. Изъ Бельгіи они выѣхали въ Лондонъ. Въ Лондонѣ и другихъ городахъ не только Англіи, но и Швеціи герои-добровольцы были привѣтствуемы всѣми слоями общества и властями.

Жизнь въ Парижѣ въ военное время. Жены призванныхъ на войну контролеровъ и кондукторовъ трамвая, исполняющія ихъ обязанности.

Библиотека "Руниверс"

и досталъ ихъ. Черезъ секунду мнѣ стало ясно, почему я живъ. Четыре винтовки, падая, скрестились между собой и образовали сводъ, на который упали бѣгущіе сзади меня солдаты. Я очутился такимъ образомъ въ пустомъ пространствѣ и случайно благодаря этому избѣжалъ участи быть раздавленнымъ. Хотя боль въ ногѣ была невыразимо сильна, но радость жизни была сильнѣе ея и заставляла меня искать способа выбраться отсюда. Спичка догорѣла, и я зажегъ новую. Стараясь не встрѣчаться съ мертвыми глазами солдатъ, я осмотрѣлся еще разъ и рѣшилъ раздвинуть трупы и выбраться наверхъ. Но прежде чѣмъ мнѣ удалось подняться на здоровую ногу, я три раза терялъ сознаніе отъ нестерпимой боли. Наконецъ я привыкъ къ ней, и она не вызывала больше обморока. Я поднялся и принялся за работу. Спичекъ не зажигалъ и работалъ въ темнотѣ. Прошло много времени, когда я увидѣлъ среди раздвинутыхъ труповъ темно-синее, звѣздное небо. Къ моему счастью, труповъ надо мной было только два ряда. Но и эта работа такъ истощила меня, что я долго лежалъ и отдыхалъ. Не отрываясь, смотрѣлъ я на узкую темно-синюю полоску звѣзднаго неба, гдѣ была жизнь. И вдругъ ужасъ сталъ сжимать сердце. Онъ подползъ неожиданно изъ темноты снизу, гдѣ лежали истерзанные воткнутыми въ дно ямы кольями трупы. Тѣло задрожало мелкой, непріятной дрожью. Я не могъ лежать и ничего не дѣлать. Сдѣлавъ усиліе, я всталъ и сталъ карабкаться вверхъ, скрипя зубами отъ боли въ ногѣ. Два раза я обрывался и падалъ внизъ, на холодные, твердые трупы... И снова отчаяніе и ужасъ овладѣвали мною, а за ними приходило вдругъ полное безразличіе. Хотѣлось закрыть глаза и лежать неподвижно...

Умереть... Такой сладостной и желанной казалась смерть. Только не нужно открывать глаза и смотрѣть на узкую полоску звѣзднаго неба, тамъ наверху, гдѣ была жизнь... Умереть... Но глаза открывались и почти съ ненавистью видѣли синеватыя, мерцающія звѣзды. На третій разъ мнѣ удалось выбраться изъ ямы... Я даже отползъ отъ нея въ сторону и легъ на траву.

Кругомъ было тихо. Высоко надо мною мерцали звѣзды, и вѣчнымъ покоемъ вѣяло изъ необъятной глубины темно-синяго неба. Я долго, не отрываясь, смотрѣлъ. Временами казалось, что ничего не случилось... Ничего не произошло... И такъ невыразимо сладостно было лежать и смотрѣть и вдыхать полной грудью бодрящій ночной воздухъ. Никогда еще мнѣ не казалось такимъ неизмѣримымъ наслажденіемъ дышать полной грудью. Но боль въ ногѣ давала себя чувствовать. Я отводилъ глаза въ сторону и видѣлъ безпредѣльное темное поле. Вѣтеръ шелестѣлъ травой... Впереди въ различныхъ направленіяхъ, въ одиночку и кучами, темнѣли трупы... Трупы и трупы... И вдругъ родилось въ мозгу такое ощущеніе, что въ этомъ безпредѣльномъ темномъ полѣ, безъ огней и безъ конца, съ нависшимъ надъ нимъ мертвымъ покоемъ,—только трупы.

Отдохнувъ, я поползъ дальше. Я не зналъ направленія и ползъ наобумъ. Въ темнотѣ я наткнулся на два трупа, лежавшихъ ничкомъ на землѣ... Одинъ

Письмо на родину.

Французское военное министерство издало для облегченія корреспонденціи нижнихъ чиновъ бланки писемъ съ готовымъ печатнымъ текстомъ: «Здоровъ, не раненъ; все благополучно»; несоотвѣтствующее вычеркивается.

Вся Франція—на поля чести!

Остановка на станціи воинскаго поѣзда, перевозящаго алжирскихъ стрѣлковъ къ боевымъ позиціямъ.

Библиотека "Руниверс"

держалъ въ рукахъ винтовку, а другой широко раскинулъ руки и лежалъ, зарывшись лицомъ въ траву. Я обшарилъ трупы и у одного изъ нихъ нашелъ флягу съ водой. У меня давно явилась жажда, но за работой я забылъ о ней, и теперь она пробудилась вновь. Я долго пилъ... Холодная вода освѣжила и дала силу. Я поползъ дальше... Изрѣдка я вставалъ на здоровую ногу и осматри-

Тяжелая артиллерія канадскаго войска, отправленная въ Европу на усиленіе англійской арміи.

Офицеры бельгійской арміи въ походѣ.

вался по сторонамъ... Нигдѣ не было огней... Мертвая тишина и мракъ царили попрежнему надъ полемъ... Съ отчаяніемъ я поползъ дальше... На этотъ разъ я ползъ долго, не останавливаясь. Съ трудомъ перебрался черезъ канаву, миновалъ рядъ низкорослыхъ кустовъ и вдругъ справа услышалъ тихій, протяжный стонъ. Этотъ слабый звукъ человѣческаго голоса наполнилъ почти радостью мое сердце. Въ этой безмолвной мертвой тишинѣ, гдѣ ничто не говорило о жизни, этотъ стонъ былъ такъ сладостенъ и ободряющъ. Онъ одинъ говорилъ о жизни... о жизни, къ которой я стремился... Я долго слушалъ... Стонъ повторился. Повернувъ къ кустамъ, я скоро выбрался на небольшое углубленное пространство рыхлой глинистой почвы. Недалеко впереди сидѣлъ какой-то человѣкъ. Онъ методически раскачивался и стоналъ. Я подобрался ближе. Человѣкъ не шелохнулся, хотя смотрѣлъ на меня въ упоръ... Я долго, въ свою очередь, смотрѣлъ на него и наконецъ понялъ, что онъ былъ слѣпъ. Шрапнель вырвала у него оба глаза и разворотила високъ. Я окликнулъ его. Онъ не вздрогнулъ и не измѣнилъ позы и не прекратилъ методическаго раскачиванья изъ стороны въ сторону, только чуть слышно сказалъ безразличнымъ, мертвымъ голосомъ:

— Вы тоже ранены?.. Насъ забыли... Мы все равно умремъ... Мы все равно умремъ...

Мертвая тишина темнаго поля и мертвый, безразличный голосъ... А гдѣ-то вдали была жизнь... Жизнь!.. Одно это слово давало невыразимое наслажденіе. И я шопотомъ повторилъ это слово...

Онъ поднялъ голову и вздрогнулъ... Губы его затрепетали, и я услышалъ:

— Жизнь... Почему?.. Мы все равно умремъ...

— Нѣтъ! — громко и вызывающе закричалъ я. — Нѣтъ! Мы не умремъ!

Отчетливо прозвучали мои слова. Мертвая тишина заколыхалась и вдругъ, испугавшись чего-то, замерла. А въ темной необозримости поля эхо повторило послѣднее слово... Мнѣ стало страшно и холодно...

— Слушайте!—дрожащимъ голосомъ повторилъ я.—Мы не умремъ... Не нужно отчаиваться... У меня переломлена только нога — я поползу впередъ и буду подавать вамъ голосъ... Идите за мной.

Онъ не измѣнилъ позы и почти враждебно добавилъ:

— Къ чему?.. Мы все равно умремъ...

— Но тамъ жизнь!.. Жизнь!.. Слышите!..

Онъ поднялся и пошелъ за мною. Я ползъ впереди... Сначала я ползъ молча, только изрѣдка подавая ему голосъ, чтобы онъ не терялъ направленія... Но потомъ я сталъ говорить съ нимъ.

Онъ отвѣчалъ неохотно и безразлично. Два раза онъ падалъ на землю, натыкаясь на трупы... Я останавливался тогда и ждалъ, когда онъ поднимется... Впередъ мы подвигались медленно. Иногда онъ останавливался и бросалъ мнѣ упреки:

— Я не пойду дальше... Къ чему? Все равно мы умремъ... Только лишнее мученіе... Я усталъ... — Но я упрашивалъ его и умолялъ...

Въ этомъ безконечномъ темномъ полѣ смерти онъ былъ единственнымъ живымъ существомъ. Я умолялъ его потому, что его голосъ напоминалъ мнѣ о томъ, что гдѣ-то есть жизнь... Его го-

Бельгійская деревня Гэленъ послѣ бомбардировки.

Наборъ рекрутовъ въ Лондонѣ.

Библиотека "Руниверс"

Островъ Гельголандъ, у котораго произошло морское сраженіе англійскаго флота съ германскимъ (потоплены три германскихъ крейсера, два истребителя миноносцевъ и два мин носца).

Звѣзды дѣлались туманнѣе и расплывчатѣе и начинали исчезать съ неба. У самаго горизонта надъ темнымъ полемъ отчетливо вырисовывалась узкая свѣтлая полоса. Близился разсвѣтъ. Мы долго подвигались впередъ, съ неимовѣрнымъ трудомъ завоевывая каждый кусокъ земли.

Вдругъ онъ остановился и упалъ на землю. Я долго ждалъ, когда онъ поднимется. Но онъ продолжалъ лежать все въ той же неудобной позѣ. Я подползъ къ нему и наклонился... Губы были неподвижны... Я взялъ тогда его руку — она была холодна и плохо гнулась, пульса не было. Зловѣще смотрѣли темныя впадины вырванныхъ глазъ въ спокойное свѣтлѣющее небо. Блѣдное, точно каменное, лицо было спокойно и торжественно...

Онъ былъ мертвъ...

Я сѣлъ около него... Безразличное отчаяніе овладѣло мною. Я смотрѣлъ въ даль, въ безконечное поле, надъ которымъ начинала алѣть узкая полоса неба.

Звѣзды угасли. Съ востока началъ дуть сильный холодный вѣтеръ. Все отчетливѣе и отчетливѣе вырисовывались разбросанные повсюду трупы. И не было имъ конца...

Теперь мнѣ было все равно... Маленькой и ничтожной казалась боль въ ногѣ. Слегка кружилась голова, и мозгъ работалъ вяло и безразлично. А гдѣ-то тамъ, за полемъ, была жизнь...

Транспорты, перевозящіе англійскія войска по Сенѣ къ Руану.

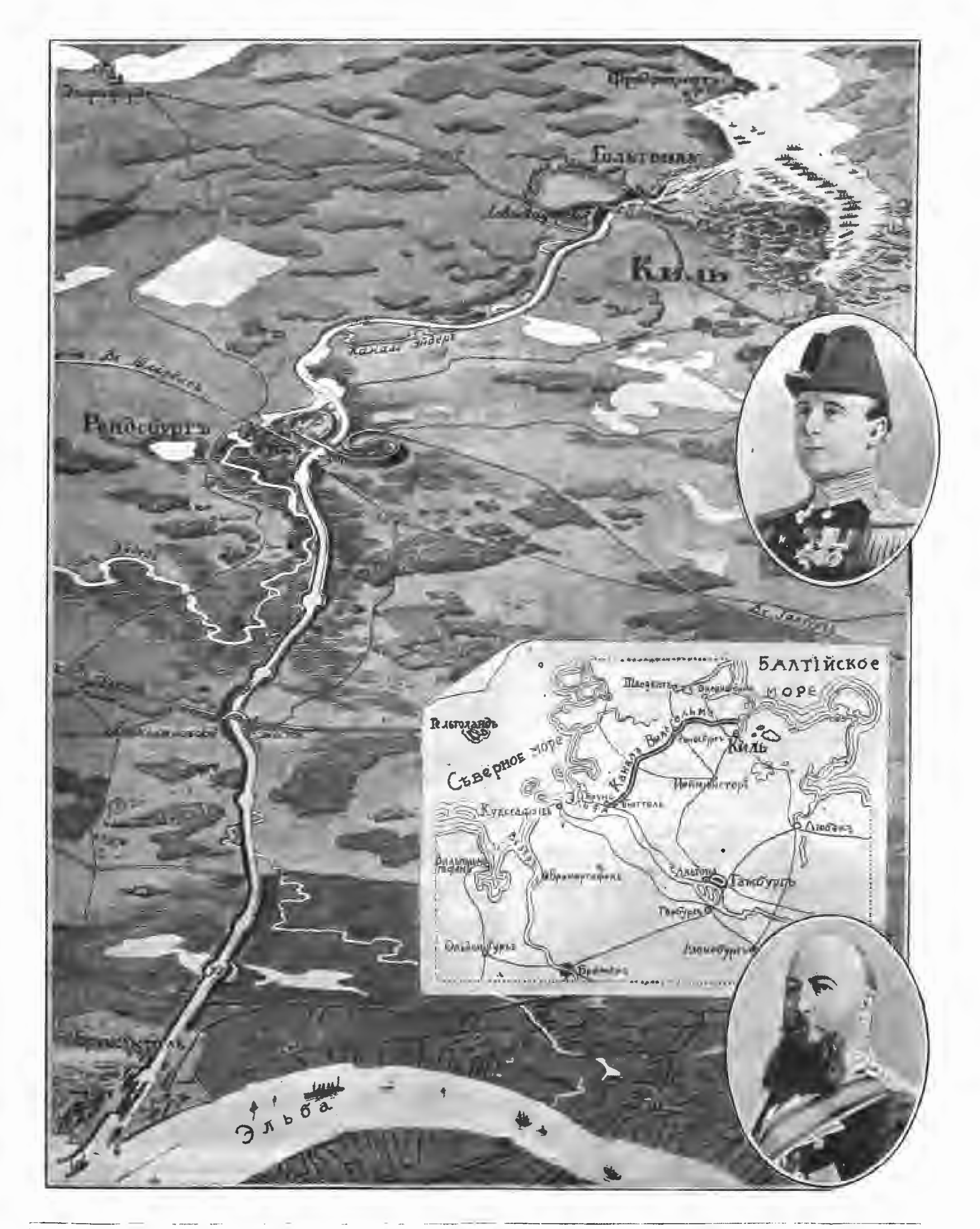
лосъ давалъ мнѣ силу, превозмогая боль въ ногѣ, стремиться впередъ. И я просилъ и умолялъ:

— Мы отдохнемъ, а потомъ двинемся впередъ. Мы скоро придемъ... Еще немного — и мы придемъ. — Онъ не отвѣчалъ мнѣ ничего и шелъ дальше.

Бой-скоуты (юные развѣдчики).

Въ дѣйствующихъ арміяхъ Англіи, Франціи и Германіи бой-скоуты несутъ не только развѣдочную и сторожевую службу, но и обслуживаютъ войска: разносятъ приказы и донесенія, подаютъ снаряды и патроны. Въ Англіи бой-скоуты наиболѣе организованы: ихъ насчитывается около 200.000; въ Германіи — 50.000, а во Франціи ихъ всего 8.000. У насъ, въ Россіи, организуются теперь также отряды юныхъ развѣдчиковъ. На рисункѣ изображенъ парадъ бой-скоутовъ въ присутствіи англійскаго короля Георга.

Привѣтъ союзникамъ! Французское населеніе встрѣчаетъ англійскихъ солдатъ.



Рельефная карта Кильскаго канала. (Канала Императора Вильгельма).

Германскій военный флотъ заперся въ своей базѣ, въ устьѣ Эльбы и Везера, подъ защитою укрѣпленій острова Гельголанда, и въ рѣшительный часъ оказался неспособнымъ выполнить свое назначеніе—разбить морское владычество Англіи.

Задача англійскаго флота—понудить къ бою усердно скрывающійся германскій линейный флотъ—чрезвычайно затрудняется нахожденіемъ въ рукахъ германцевъ превосходнаго стратегическаго воднаго пути, какимъ является знаменитый Кильскій каналъ, соединяющій кратчайшимъ путемъ Балтійское море съ Сѣвернымъ, разрѣзая Ютландскій полуостровъ. Нѣмцы великолѣпно учли стратегическое значеніе этой водной артеріи и напрягали всѣ усилія, чтобы къ началу военныхъ дѣйствій закончить углубленіе и расширеніе канала, приспособивъ его для прохода дредноутовъ. Характерно, что 15-го іюля с. г. были закончены работы по углубленію этой водной артеріи для прохода дредноутовъ, а черезъ четыре дня уже была объявлена Германіей война Россіи. Пользуясь Кильскимъ каналомъ, нѣмцы въ кратчайшій срокъ и съ полною безопасностью могутъ сосредоточивать всѣ свои морскія силы по желанію въ Сѣверномъ или Балтійскомъ морѣ.

Длина Кильскаго канала отъ Гольтенау до Брунсбютелля—61 миля.

Сооруженіе Кильскаго канала, который значительно длиннѣе Панамскаго, обошлось въ 100 милліоновъ марокъ.

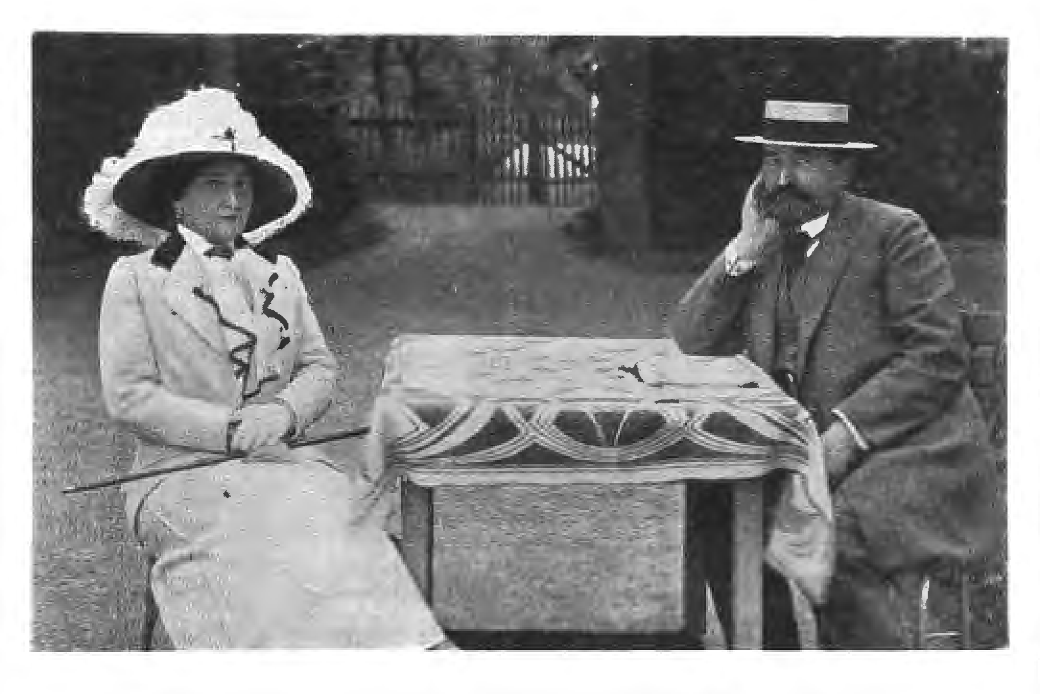
На картѣ помѣщены портреты: вверху—англійскаго адмирала сэра Джона Р. Джелико, командующаго англійскимъ флотомъ въ Сѣверномъ морѣ; внизу—его противника—нѣмецкаго адмирала Альфреда фонъ-Тирпица, перваго въ германскомъ флотѣ адмирала послѣ принца Генриха, брата императора Вильгельма. (См. «Отклики войны»).

Библиотека "Руниверс"

Калишъ.

(Изъ дневника военнаго корреспондента).

Н. Н. Брешко-Брешковскаго.



Президентъ калишскаго магистрата Брониславъ Буковинскій съ супругою.

... — Вотъ печать всего міра съ негодованіемъ клеймитъ вандализмъ нѣмцевъ, разрушившихъ и уничтожившихъ въ Бельгіи старинный Лувенъ, а у насъ, напримѣръ, они продѣлали то же самое съ Калишемъ. Я, конечно, далекъ отъ мысли сравнивать въ смыслѣ художественно-историческомъ и архитектурномъ Калишъ съ Лувеномъ. Слишкомъ велика разница. Однакоже, какъ бы то ни было, Калишъ такой красивый, живописный, болѣе родной намъ и близкій...

Это говорилъ президентъ калишскаго магистрата Брониславъ Буковинскій, вырвавшійся изъ нѣмецкаго плѣна и бѣжавшій, это ему удалось наконецъ послѣ долгихъ мытарствъ,—въ Варшаву.

Буковинскій былъ свидѣтелемъ и однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ всей тяжелой калишской драмы. Съ необычайными благородствомъ и гордостью держался онъ по отношенію къ насильникамъ и захватчикамъ нѣмцамъ... И хотя тернистъ былъ его путь, но онъ высоко держалъ русское знамя,—этотъ полякъ, вѣрный присягѣ и долгу.

Буковинскій еще не старъ. Ему около шестидесяти лѣтъ. Отъ всей его сухощавой, стройной фигуры вѣетъ силой, энергіей, бодростью. Но эти нѣсколько недѣль, выстраданныхъ сначала въ Калишѣ съ момента появленія пруссаковъ, затѣмъ въ познанской тюрьмѣ и наконецъ опять въ Калишѣ,—всѣ эти мучительныя переживанія, всѣ эти пытки, какъ духа, такъ и тѣла, не могли не отразиться на Буковинскомъ и не надломить его организма, такого выносливаго, казалось бы, несокрушимаго.

Въ устахъ самого Буковинскаго вся скорбная эпопея Калиша пріобрѣтаетъ исключительный интересъ. Вотъ что разсказываетъ онъ, вотъ какъ описываетъ всѣ нѣмецкія звѣрства и гнусности, начиная съ появленія въ Калишѣ пруссаковъ.

— Мы уже были освѣдомлены о движеніи на Калишъ нѣмецкаго отряда. Губернскія власти получили предписаніе оставить городъ. Этимъ законнымъ правомъ могъ бы и я воспользоваться, но сознаніе, что въ тяжелую годину непріятельскаго нашествія бургомистръ долженъ быть на своемъ посту, продиктовало мнѣ остаться. Но странное дѣло, хотя нѣмцы должны были войти въ городъ съ минуты на минуту, я спокойно сидѣлъ у себя въ магистратѣ и занимался. Ни малѣйшаго волненія! Главная причина такого спокойствія:—мнѣ хотѣлось вѣрить въ культурность нѣмцевъ, которые, по всей вѣроятности, отнесутся гуманно и корректно къ мирному, беззащитному и безоружному, населенію. Я былъ убѣжденъ въ этомъ. Но съ первыхъ же шаговъ пришлось мнѣ, да и не одному только мнѣ—всѣмъ намъ—съ ужасомъ разочароваться въ воображаемой культурности пруссаковъ, да и вообще германцевъ, потому что, кромѣ пруссаковъ, къ намъ пожаловали еще и саксонцы.

„Когда передовой кавалерійскій отрядъ нѣмцевъ вступалъ въ Калишъ, обыватели-нѣмцы бросились ко мнѣ, настойчиво предлагая непремѣнно встрѣтить „завоевателей“ привѣтственной рѣчью, хлѣбомъ-солью и поднесеніемъ на блюдѣ городскихъ ключей, хранившихся въ одной изъ магистратскихъ башенъ. „Вы—президентъ, вы—бюргермейстеръ,—это ваша прямая обязанность“. Я съ негодованіемъ отклонилъ всѣ эти „совѣты“, находя такую встрѣчу безтактной и глубоко непатріотичной.

„Офицеръ-пруссакъ, явившійся съ кавалерійскимъ отрядомъ, самоувѣренный бѣлобрысый хлыщъ, держа наготовѣ револьверъ, влетѣлъ, звеня шпорами, громыхая саблей, въ зданіе магистрата. И хотя видъ у меня и моихъ сослуживцевъ былъ самый миролюбивый, самый „штатскій“: перья да карандаши—все оружіе,—онъ всѣмъ намъ поочередно прямо въ физіономію совалъ свой револьверъ съ оскорбительной наглостью. Мнѣ пришлось ему замѣтить, и моя дерзость ужаснула толпившихся кругомъ туземныхъ нѣмцевъ:

— „Оставьте ваше оружіе, господинъ лейтенантъ. Какъ видите, прибѣгать къ нему нѣтъ никакой надобности.

— „Черезъ нѣсколько часовъ сюда придетъ батальонъ подъ командой майора фонъ-Прейскера, — началъ офицеръ, пропустивъ мимо ушей мое замѣчаніе. — Вы должны приготовить тысячу обѣдовъ, сорокъ пудовъ кофе, пятьсотъ пудовъ хлѣба, семьдесятъ пудовъ сахару!.. Здѣсь, кажется, поблизости сахарный заводъ?.. Запишите все это, чтобы не забыть!

„Я сказалъ, что такихъ крупныхъ запасовъ мы не имѣемъ, и приготовить требуемое въ короткій срокъ невозможно... Обѣды еще возможно, но все остальное требуетъ по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ дней...

— „Не совѣтую вамъ противиться! Повинуйтесь безпрекословно моимъ требованіямъ! Вы не знаете майора фонъ-Прейскера! Онъ славится въ арміи своей строгостью. Для побѣжденныхъ, какъ и для побѣдителей, нѣтъ ничего невозможнаго! Зарубите себѣ! Кстати, это мой афоризмъ. Повинуйтесь безпрекословно всему, что вамъ будутъ приказывать. Въ повиновеніи залогъ вашего... вашей безопасности!..

„И съ этими словами офицеръ, сочиняющій собственные афоризмы, выпятивъ грудь, звеня шпорами и ни на кого не глядя, покинулъ магистратъ журавлинымъ шагомъ въ три пріема...

„Спустя нѣсколько часовъ, я имѣлъ честь и удовольствіе принимать у себя майора Прейскера. Это человѣкъ съ отталкивающей внѣшностью. Въ жизни своей не встрѣчалъ я такой гнусной физіономіи! Красная, налитая пивомъ, рожа, грубая, нескладная фигура, подстриженные усы и монокль. Низкіе, темные пороки такъ и отпечатаны на всемъ его обликѣ. На видъ ему лѣтъ подъ пятьдесятъ. Явился онъ раздосадованный, что не было ему подобающей встрѣчи съ хлѣбомъ-солью и городскими ключами. Онъ повторилъ всѣ требованія кавалерійскаго офицера, присовокупивъ къ съѣстнымъ припасамъ еще фуражу для лошадей — овса и сѣна. И тоже въ какомъ-то невѣроятномъ количествѣ.

„Первый день прошелъ въ относительномъ спокойствіи. Впрочемъ, какое спокойствіе! Несчастный казначей Соколовъ былъ разстрѣлянъ. Разумѣется, настроеніе всѣхъ горожанъ было подавленное, гнетущее. Нѣмцы, расположившіеся въ Калишѣ, не успѣли еще проявить себя, хотя, видимо, большого труда стоило имъ сдерживаться. Но кутежи, разгулъ и пьянство уже начались. Солдаты не отставали въ этомъ отношеніи отъ офицеровъ. Въ ресторанахъ и трактирахъ—обѣды, ужины, попойки, но никто не платилъ ни гроша. „Завоеватели“!..

„Прейскеръ, видимо, тяготился такимъ „бездѣйствіемъ“, ему хотѣлось терроризировать населеніе, а калишане, какъ на зло, не давали рѣшительно никакого повода, сидя у себя по домамъ тише воды, ниже травы. Прейскеръ заявилъ мнѣ, облизывая подстриженные усы:

— „Пока все идетъ хорошо, но знайте: одинъ единственный выстрѣлъ по нашимъ войскамъ, хотя бы и не достигшій цѣли, и я велю разстрѣлять все мужское населеніе города черезъ десятаго! Что же касается города—камня на камнѣ не оставлю! Это говорю вамъ я, майоръ фонъ-Прейскеръ, слово котораго—законъ!..

„Я читалъ на его налитомъ кровью и пивомъ, вздутомъ, какъ фонарь, лицѣ, что ему до смерти хочется этого хотя бы не достигшаго цѣли выстрѣла, и онъ не прочь самъ создать его, спровоцировать. Но создать не пришлось. Прейскеру благопріятствовалъ случай.

„Жителямъ строго настрого запрещено было появляться на улицахъ послѣ захода солнца. На всѣхъ углахъ и перекресткахъ были разставлены нѣмецкіе патрули. Во избѣжаніе внезапнаго вторженія откуда-нибудь русскаго отряда, нѣмцы во многихъ мѣстахъ нагромоздили баррикады. Былъ у насъ дурачокъ-нищій, бездомный бродяга. Ночью вышелъ онъ со своей торбой, остановился посрединѣ площади, осматривается. Нѣмецкій часовой крикнулъ ему „halt!“ Нищій, думая, что тотъ зоветъ его, пошелъ къ нему навстрѣчу. Солдатъ уложилъ его двумя выстрѣлами. Пере-

Библиотека "Руниверс"

Калишъ. Ставишинское предмѣстье.

полохъ получился страшный. Нѣмцамъ, большинство которыхъ было пьяно, померещилось нападеніе русскихъ. Они открыли безпорядочный огонь и свою же роту, спѣшившую на площадь, приняли за русскихъ и такъ усердно обстрѣляли ее, что въ одну минуту выбыло изъ строя около тридцати пяти человѣкъ. Словомъ, вышелъ скандалъ. Прейскеру могло сильно влетѣть отъ его высшаго начальства. Онъ тотчасъ же рѣшилъ свалить все на калишанъ. Калишане-де подали сигналъ къ возмущенію первыми двумя выстрѣлами. Калишане-де изъ оконъ охотились на нѣмцевъ, причинивъ имъ такой замѣтный уронъ. Словомъ, Прейскеръ пожелалъ наказать городъ. Онъ принялъ карательныя мѣры. Полупьяные солдаты стрѣляли въ окна, прикладами выбивали двери, врывались въ дома и тамъ кололи штыками всѣхъ, кто не успѣвалъ спрятаться отъ разсвирѣпѣвшихъ варваровъ. Мало того, среди ночи полураздѣтыхъ мужчинъ и женщинъ вытаскивали на улицу и тутъ же ихъ приканчивали. Все это сопровождалось неистовымъ грабежомъ. Разбивались комоды, шкапы, нѣмцы тащили утварь, деньги, драгоцѣнности, взламывались кассы въ магазинахъ и конторахъ.

„Торжествующій Прейскеръ всюду самъ лично руководилъ этими кровавыми неистовствами, предупреждая солдатъ, что малѣйшее послабленіе будетъ наказываться разстрѣломъ. „Въ карательныхъ дѣйствіяхъ своихъ войска должны быть неумолимы".

„На другой день—то же самое, но только въ крупнѣйшемъ, болѣе безобразномъ масштабѣ. Вдребезги и со звономъ разбивались зеркальныя окна магазиновъ. Солдаты расхищали все, что можно, а въ колоніальныхъ и фруктовыхъ лавкахъ прямо изъ горлышка напивались ликерами, шампанскимъ, дорогимъ коньякомъ. И всюду и вездѣ—кровь и насилія. Я могу указать нѣсколько примѣровъ, когда вырѣзывали поголовно до послѣдняго человѣка цѣлыя семьи. Нѣтъ словъ на человѣческомъ языкѣ, чтобы описать всѣ злодѣйства, совершенныя Прейскеромъ и его разбойниками.

„Наступила ночь...

„Всѣхъ уцѣлѣвшихъ обывателей, самыхъ видныхъ, приказано было согнать на площадь. Сюда согнали около шестисотъ человѣкъ, растерзанныхъ, полуодѣтыхъ, а то и въ одномъ бѣльѣ, стащенныхъ съ постелей. Къ этой, сбившейся, какъ стадо передъ грозой, толпѣ Прейскеръ держалъ грозную рѣчь... „Онъ явился въ Калишъ съ самыми миролюбивыми намѣреніями, но калишане своимъ вѣроломствомъ сами заставили его принять такія суровыя мѣры. Онъ предупреждалъ, что малѣйшій выстрѣлъ по войскамъ вызоветъ строгія карательныя мѣры, его не послушались, и вотъ результатъ!"

„Многіе, въ томъ числѣ и я, дрожали отъ безсильной ярости, слушая эту наглую вопіющую ложь. Но что могли мы подѣлать, жалкіе, безпомощные, съ голыми руками передъ щетиною направленныхъ на насъ отовсюду винтовокъ. Прейскеръ закончилъ свою рѣчь наложеніемъ на городъ пятидесятитысячной контрибуціи.

„Слѣдующимъ утромъ я пошелъ въ госпиталь, гдѣ лежали наши и нѣмецкіе раненые. Главный врачъ, по моей просьбѣ, далъ мнѣ шесть пуль, извлеченныхъ изъ тѣлъ нѣмецкихъ солдатъ. Я отправился съ ними къ Прейскеру и показалъ ему ихъ со словами:

— „Всѣ эти пули—нѣмецкаго происхожденія, и не калишане, а ваши собственные солдаты разстрѣливали своихъ же...

„Прейскеръ и слушать не хотѣлъ, затопалъ на меня ногами, требуя скорѣйшаго взноса контрибуціи. Съ трудомъ удалось мнѣ собрать по частямъ эти пятьдесятъ тысячъ, и я внесъ ихъ извергу къ назначенному сроку.

„Но и этого ему было мало. Онъ объявилъ, что, во избѣжаніе повторенія выстрѣловъ по нѣмецкимъ солдатамъ, онъ беретъ двадцать заложниковъ, которые будутъ отосланы въ Пруссію. За каждый новый выстрѣлъ по германскимъ войскамъ они отвѣтятъ своими головами. Выбиралъ заложниковъ самъ Прейскеръ. Въ составъ этихъ двадцати вошли: предсѣдатель окружнаго суда тайный совѣтникъ Зеландъ, чиновники, духовенство православное, католическое и еврейское, банкиры, фабриканты и я, Буковинскій... Долго было бы разсказывать во всѣхъ подробностяхъ, какимъ униженіямъ и издѣвательствамъ онъ подвергалъ насъ. О мукахъ физическихъ я и не говорю:—мы ко всему притерпѣлись. Насъ били прикладами, кулаками, нагайками, мы всѣ были въ синякахъ и кровоподтекахъ... Насъ заставляли смотрѣть, какъ рушились отъ артиллерійскаго огня бомбардируемые дома наши, гдѣ находились въ это время отцы, жены и дѣти заложниковъ. Насъ держали подъ угрозой разстрѣла, по крайней мѣрѣ нѣсколько разъ повторялся омерзительный маскарадъ полевой казни... Насъ разставляли вдоль забора, приказывали завязать глаза, а въ нѣсколькихъ шагахъ выстраивался взводъ солдатъ съ ружьями наизготовѣ. Кто молился, кто исповѣдывался, кто плакалъ. Отъ однихъ этихъ подготовленій можно было съ ума сойти... Насъ заперли въ мельницѣ, гдѣ въ продолженіи шестидесяти часовъ намъ не давали ни пить ни ѣсть, а въ это время дрожали стекла отъ непрерывной бомбардировки—это нѣмцы громили Калишъ. Прейскеръ посылалъ телеграммы, что лишь послѣ ожесточеннаго сопротивленія была взята крѣпость Калишъ. Наконецъ всѣхъ насъ отправили въ Познань. Я всю дорогу томился невѣдѣніемъ, какая участь постигла мою семью. Тѣмъ болѣе, что послѣднимъ впечатлѣніемъ было: я видѣлъ изъ окна мельницы, которое наши тюремщики предусмотрительно распахнули, какъ разсыпались, зашатавшись, царившіе надъ всѣмъ Калишемъ купола магистрата, гдѣ находилась моя квартира...

„Тернистъ былъ нашъ путь въ Познань. Везли насъ въ скотскомъ вагонѣ. Душно, тѣсно, спертый воздухъ... Присѣсть не было физической возможности ни на минуту, и во весь долгій двадцативосьмичасовой путь ни крошки хлѣба ни глотка воды. На каждой станціи насъ подъ конвоемъ выводили изъ вагона, какъ дикихъ звѣрей, на показъ сходившейся публикѣ. Нѣмецкая толпа гоготала, злорадствуя:

— „А, наконецъ вы получили заслуженное, русскія собаки,

Калишъ. Каменный мостъ.

Библиотека "Руниверс"

польскія и жидовскія свиньи! Будете противъ насъ воевать?.. Сами затѣяли,—теперь получайте должное!..

„Намъ плевали въ лицо, женщины били насъ зонтиками, мужчины раздавали намъ оплеухи: какой-то негодяй вырвалъ у еврейскаго раввина Мозеса клокъ бороды, на священникѣ разорвали подрясникъ, на ксендзахъ вмѣсто черныхъ сутанъ уныло висѣли какія-то лохмотья. Полумертвыхъ, избитыхъ, падавшихъ отъ изнеможенія, привезли насъ въ Познань и бросили въ каторжную одиночную тюрьму. Къ довершенію всего, меня терзалъ еще прокуроръ своими глупѣйшими тенденціозными допросами:

— „Кто изъ калишанъ стрѣлялъ въ германскія войска? Не были ли это переодѣтые казаки? Или, быть-можетъ, бандиты, которыми наводнена Россія?.. Сознайтесь... Имѣйте мужество сказать правду!..

„Что я могъ отвѣчать на весь этотъ вздоръ? Единственнымъ моимъ отвѣтомъ было указаніе на нѣмецкія пули, вынутыя у раненыхъ.

Въ заключеніе рѣшено было меня отпустить, единственнаго изъ всѣхъ заложниковъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что присутствіе мое, какъ бургомистра, необходимо въ Калишѣ. Спохватились!.. Познанскій генералъ-губернаторъ генералъ-отъ-инфантеріи фонъ-Бернарди сказалъ мнѣ въ напутствіе:

— „Напрасно вы такъ враждебно встрѣчаете нашу армію. Мы, нѣмцы, по-братски идемъ къ вамъ, неся всѣ блага цивилизаціи и культуры.

„Я не выдержалъ и, — будь, что будетъ,—отвѣтилъ генералу:

— „Я не знаю, что несетъ намъ Германія, но плоды вашей культуры и цивилизаціи очень горьки. Весь Калишъ сожженъ, половина населенія вырѣзана, а у меня, бургомистра, вся голова разбита, пуля задѣла щеку, и весь я въ синякахъ... Если не вѣрите — могу показать...

„Генералъ усмѣхнулся, дымя сигарой:

— „Во всякомъ большомъ дѣлѣ неизбѣжны маленькія недоразумѣнія...

„Это называлъ онъ „маленькими недоразумѣніями“! Животное!..

„Такъ я вернулся въ Калишъ, вѣрнѣе — на мѣсто, еще недавно бывшее Калишемъ, цвѣтущимъ Калишемъ.

„За двѣнадцать дней моего отсутствія городъ превратился въ груду развалинъ. Семья исчезла, я не имѣлъ понятія, гдѣ она и что съ нею. Красивое, въ стилѣ Возрожденія, зданіе магистрата представляло собою груды обуглившихся кирпичей и камней. Населеніе Калиша зловѣще уменьшилось. Движеніе прекратилось, замерло. На улицахъ, вѣрнѣе—тамъ, гдѣ раньше проходили улицы, разбросаны были обглоданные собаками трупы. Количество бездомныхъ собакъ до страшнаго увеличилось... Прейскера не было. Его вызвали въ главную квартиру: замѣнялъ его другой „комендантъ“. Только теперь, уже здѣсь, въ Варшавѣ, я узналъ, что Прейскеръ потомъ вернулся и опять вступилъ въ „управленіе“ Калишемъ. Императоръ Вильгельмъ вызывалъ его въ главную квартиру за тѣмъ, чтобы лично выразить ему свое благоволеніе. Онъ ставилъ его въ примѣръ другимъ офицерамъ, совѣтуя носить прусскій мундиръ такъ же честно и доблестно, какъ носитъ его майоръ Прейскеръ!

„Единственнымъ моимъ желаніемъ было спастись какой угодно цѣною изъ этого ада. Все мужское населеніе Калиша, оставшееся въ живыхъ, согнано было укрѣплявшимися нѣмцами на фортификаціонныя работы. Солдаты-надсмотрщики, помимо своихъ винтовокъ, снабжены были отъ начальства плетьми изъ гиппопотамовой кожи. Они били нещадно всякаго заподозрѣннаго въ лѣности и нерадѣніи. Сначала били, а потомъ разбивали черепъ прикладомъ... Чтобы пресѣчь малѣйшую попытку къ бѣгству, съ этихъ подневольныхъ рабочихъ снимали одинъ сапогъ. Кромѣ того, цѣлыя группы несчастныхъ рабовъ связывались веревками“.

Буковинскій умолкъ подъ наплывомъ чудовищныхъ воспоминаній объ ужасахъ, какіе перенесъ онъ, о страданіяхъ его семьи, чудомъ спасшейся отъ гибели.

Прейскеръ велѣлъ сжечь въ зданіи бомбардируемаго магистрата семью Буковинскаго. Всѣ ходы и выходы по приказанію майора были наглухо и накрѣпко закрыты. Если Буковинскій увидѣлся съ женою и дочерью уже въ Варшавѣ послѣ всѣхъ испытаній своихъ, это лишь съ подлиннымъ чудомъ граничащая слѣпая случайность. Этимъ обреченные обязаны всецѣло нѣмецкому солдату изъ поляковъ. Сжалившись надъ ними, онъ уже на свой рискъ и страхъ вывелъ ихъ чернымъ ходомъ изъ оцѣпленнаго и подожженнаго магистрата...

Такъ Буковинскій томился въ Калишѣ. Еще недавно богатый человѣкъ, онъ теперь—круглый бѣднякъ. Все его имущество частью разграблено, частью погибло въ пламени. На немъ все его имущество — единственный пиджачный костюмъ, въ которомъ онъ пропутешествовалъ въ Познань и вернулся въ Калишъ и Варшаву, куда ему удалось бѣжать.

Только въ Варшавѣ пришелъ Буковинскій въ себя и вздохнулъ свободно отъ этихъ кровавыхъ кошмаровъ, не дававшихъ ему ни минуты покоя въ теченіе безъ малаго двухъ мѣсяцевъ.

Генрикъ Сенкевичъ.

Изъ приведеннаго нами разсказа Буковинскаго ярко вырисовывается цѣльная, мощная фигура этого поляка по происхожденію и русскаго гражданина и общественнаго дѣятеля по убѣжденіямъ. Буковинскій, слава Богу, не одинокъ. Онъ только лишь выпукло подчеркиваетъ собою единодушное настроеніе всего польскаго общества. Окрыленные воззваніемъ Верховнаго Главнокомандующаго, поляки проявили себя настоящими русскими патріотами. Ненависть къ Германіи и всему германскому у поляковъ— единодушная, у всѣхъ безъ исключенія. И аристократы, и средніе круги, и народъ — всѣ одинаково мыслятъ, какъ одинъ человѣкъ.

Генрихъ Сенкевичъ, зная, что австрійскіе сородичи, отъ которыхъ нѣмцы скрывали воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго, подстрекаемые швабами, рисовавшими имъ русскую дѣйствительность въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, могутъ выступить противъ Россіи, обратился къ нимъ съ пламеннымъ призывомъ не вѣрить нѣмецкимъ лжецамъ и не итти противъ великой Россіи, освободительницы славянства, уже намѣтившей возсозданіе единой и недѣлимой Польши.

Но еще не успѣлъ дойти этотъ прекрасный зовущій призывъ по адресу, какъ австрійцы, затуманивая своихъ поляковъ, принудили ихъ выставить небольшой легіонъ, сформированный изъ юношей, почти мальчиковъ. Это выступленіе искренно огорчило и ужаснуло русскихъ поляковъ. Чтобы положить разъ навсегда конецъ всѣмъ этимъ гибельнымъ заблужденіямъ зарубежныхъ братьевъ, Генрихъ Сенкевичъ самъ поѣхалъ въ Галицію. Тамъ, на мѣстѣ, обаяніе великаго писателя сдѣлало свое дѣло, и галиційскіе поляки узнали настоящую правду изъ устъ автора многочисленныхъ романовъ, которыми зачитывается уже второе поколѣніе поляковъ.

Прошелъ тревожный слухъ, что Сенкевичъ, обвиненный въ антигерманской пропагандѣ, схваченъ австрійцами и посаженъ въ краковскую тюрьму. Но слухъ этотъ оказался, по счастью, невѣрнымъ. Австрійцы не посмѣли его арестовать. Не посмѣли при всемъ желаніи. Ихъ тюрьмы оказались бы слишкомъ тѣсными для человѣка съ такой міровой славой. Задержаніе Сенкевича отозвалось бы неслыханной стихійной бурей негодованія какъ среди русскихъ поляковъ, такъ и австрійскихъ и прусскихъ. Сенкевичъ для поляковъ, что для русскихъ Толстой. Учтя все это, швабы со скрежетомъ зубовнымъ не дерзнули посягнуть на свободу великаго славянскаго писателя, который уже въ концѣ седьмого десятка загорѣлся такимъ гражданско-политическимъ подъемомъ, обнаруживъ молодую и пылкую, увлекающуюся душу.

По своимъ взглядамъ Сенкевичъ всегда былъ убѣжденнымъ сторонникомъ польско-русскаго сближенія и такимъ же убѣжденнымъ противникомъ порабощающаго славянство германизма. Но теперь, когда пробилъ часъ, эти взгляды автора „Огнемъ и мечомъ“ облеклись въ реальную форму негодующаго протеста.

Библиотека "Руниверс"

Великая литургія.

Повѣсть **И. Н. Потапенко.**

(Окончаніе).

VI.

На заводѣ Осмоленко работа шла безпорядочно, и не было никакой возможности наладить ее.

Въ городъ пришли извѣстія о злоключеніяхъ русскихъ путешественниковъ въ Германіи и о совершенно необъяснимыхъ жестокостяхъ, чинимыхъ надъ ними тамъ. И тогда вдругъ въ толпѣ, непрерывно устраивавшей патріотическія шествія на улицахъ города, появилась новая нотка. Искали, на комъ выместить гнѣвъ. Полиціи пришлось напречь вниманіе и усиліе. Были даже враждебныя попытки по отношенію къ двумъ-тремъ магазинамъ. Прозвенѣли разбитыя стекла, но дальше этого не пошло.

И, понятно, городское настроеніе сейчасъ же отразилось и на заводѣ. Оставшаяся еще тамъ половина рабочихъ начала коситься на управляющаго.

Ливановъ сдѣлалъ ему конфиденціальное предостереженіе, и онъ перестаЛъ выходить во дворъ, а придерживался конторы.

Но произошло нѣчто гораздо худшее. Послѣ полудня, когда рабочіе обѣдали, на заводъ прибыла полиція въ лицѣ трехъ городовыхъ и околоточнаго и еще одного высшаго чина. Двое городовыхъ встали у дверей конторы, а остальные поднялись въ третій этажъ, гдѣ Оттонъ Оттоновичъ завтракалъ съ женой.

Въ квартирѣ у него произвели обыскъ, потомъ то же самое сдѣлали въ конторѣ и въ его кабинетѣ, а въ заключеніе арестовали и увезли въ городъ.

Амалія Ѳедоровна упала въ обморокъ, а когда очнулась, то въ квартирѣ не было уже ни полиціи ни мужа. Прибѣжалъ Ливановъ, все еще неизмѣнно остававшійся вѣрнымъ, и сообщилъ ей объ арестѣ Оттона Оттоновича и о томъ, что его увезли куда-то.

Смущеніе на фабрикѣ было огромное. Какъ ни старался Ливановъ удержать рабочихъ на мѣстѣ, увѣряя, что сейчасъ пріѣдетъ самъ хозяинъ, это ему не удалось. Всѣ бросили работу и разбѣжались—кто въ свои квартиры, кто въ городъ.

По просьбѣ Амаліи Ѳедоровны Ливановъ бросился къ телефону и сталъ трезвонить въ дачный домъ Осмоленко. Григорія Аѳанасьевича не оказалось на дачѣ. Подошла Марья Михайловна и восприняла ужасную вѣсть.

Послали въ городъ человѣка разыскать во что бы то ни стало Осмоленко, и тамъ послѣ долгихъ поисковъ наконецъ нашли Григорія Аѳанасьевича въ одномъ изъ банковъ.

Встревоженный Осмоленко позвонилъ по телефону на заводъ, и Ливановъ объяснилъ ему, въ чемъ дѣло.

Было уже часа три дня. Оставалось одно: кинуться къ губернатору. Но этого человѣка поймать было не легко. Онъ былъ всюду и нигдѣ. Куда ни пріѣзжалъ Григорій Аѳанасьевичъ, оказывалось, что губернаторъ только что былъ и уѣхалъ. Такъ ловилъ онъ губернатора цѣлый часъ и наконецъ поймалъ его на улицѣ во время переѣзда его изъ одного учрежденія въ другое.

Выслушавъ его и узнавъ, въ чемъ дѣло, губернаторъ нисколько не удивился, что̀ крайне смутило Григорія Аѳанасьевича.

— Да, да, это было необходимо. Мы получили изъ Петербурга совершенно опредѣленное распоряженіе. Впредь до выясненія обстоятельствъ каждаго подданнаго враждебной стороны, арестовать его. И вы, Григорій Аѳанасьевичъ, должны подчиниться общему положенію.

— Но я этого никакъ не ожидалъ. Опираясь на ваше доброе обѣщаніе...

— Мы живемъ въ такое время, почтеннѣйшій мой Григорій Аѳанасьевичъ, когда каждую минуту случается то, чего никто не ожидалъ. Свое обѣщаніе я держу. Получивъ прошеніе вашего управляющаго, я тотчасъ же экстренно съ самыми лучшими отзывами послалъ его по назначенію. Но тамъ такое множество подобныхъ прошеній, и такъ всѣ заняты большимъ всенароднымъ дѣломъ, что приходится терпѣть нѣкоторыя неудобства. Пусть и вашъ управляющій потерпитъ. Все-таки мы не виноваты въ томъ, что онъ нѣмецъ.

— Но неужели онъ въ тюрьмѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ,—всего только въ полицейскомъ участкѣ, а къ вечеру онъ будетъ переведенъ въ особое помѣщеніе, гдѣ будетъ у него и кровать и все необходимое и полная возможность за свой счетъ пользоваться столомъ изъ ресторана или изъ дому, а затѣмъ я надѣюсь, что его прошеніе будетъ уважено... Ахъ, да, вотъ еще что̀. У васъ имѣется въ Петербургѣ какое-нибудь вліятельное лицо, знающее о вашей благотворительной дѣятельности?

— Ну, какъ же, я лично знакомъ со многими.—Осмоленко назвалъ нѣсколько именъ.

— Ну, вотъ отлично. Телеграфируйте имъ всѣмъ, сошлитесь на меня, на мои отзывы, уже посланные туда, и, простите меня, я такъ дорожу каждой минутой.

И онъ уѣхалъ, а Григорій Аѳанасьевичъ отправился на телеграфъ. Тутъ тоже было затрудненіе. Телеграфъ былъ заваленъ срочными депешами. Частныхъ почти не принимали. А если и брали, то съ предупрежденіемъ, что очередь можетъ наступить для нихъ только завтра.

Но онъ все-таки былъ Осмоленко. Его знали тутъ, только что прочитали въ мѣстной газетѣ о его крупномъ пожертвованіи. Двѣсти тысячъ—эта цифра еще звучала въ ушахъ, и его срочныя телеграммы приняли и сейчасъ же дали имъ ходъ.

Отсюда онъ отправился въ полицейскій участокъ, чтобы увидѣть и успокоить Оттона Оттоновича. Въ участкѣ германскихъ и австрійскихъ подданныхъ было не мало. Ими были наполнены двѣ комнаты. Ихъ охраняли. Все это были почти сплошь давно обрусѣвшіе люди, хорошо извѣстные всѣмъ горожанамъ, какъ торговцы, комиссіонеры, даже учителя.

Приставъ былъ хорошо знакомъ съ Григоріемъ Аѳанасьевичемъ. Онъ пригласилъ его въ служебный кабинетъ, внимательно выслушалъ и распорядился. И вотъ въ комнату подъ конвоемъ двухъ городовыхъ вошелъ Оттонъ Оттоновичъ Шлихенсонъ. Бѣдняга похудѣлъ и пожелтѣлъ. Увидѣвъ патрона, онъ, какъ ребенокъ, обрадовался ему. Приставъ пригласилъ его сѣсть.

И тутъ Григорій Аѳанасьевичъ разсказалъ ему о своемъ разговорѣ съ губернаторомъ, что̀, видимо, успокоило Шлихенсона.

Приставъ съ своей стороны тоже обѣщалъ Оттону Оттоновичу покровительство.

Уладивъ дѣло съ Оттономъ Оттоновичемъ, Григорій Аѳанасьевичъ поѣхалъ на дачу, чтобы отдохнуть отъ треволненій, но тамъ явилось нѣчто новое и ужъ совсѣмъ неожиданное.

На дачѣ онъ засталъ Андрея, который сидѣлъ на верандѣ съ Марьей Михайловной и разсказывалъ ей о событіяхъ послѣднихъ дней. Онъ былъ, конечно, въ военномъ мундирѣ, и Григорій Аѳанасьевичъ узналъ его издали, еще когда коляска въѣхала во дворъ.

Съ его мундиромъ въ семьѣ уже примирились.

Но едва успѣлъ Григорій Аѳанасьевичъ поздороваться съ старшимъ сыномъ и въ краткихъ словахъ разсказать о событіяхъ на заводѣ и злоключеніяхъ Шлихенсона, какъ въ воротахъ показался велосипедъ и быстро мчавшійся на немъ Василій.

Василій соскочилъ съ велосипеда, отшвырнулъ его въ сторону и въ нѣсколько прыжковъ очутился на верандѣ.

— А, хорошо, что всѣ въ сборѣ!—воскликнулъ онъ, здороваясь съ отцомъ, матерью и братомъ.—Поздравьте меня, я иду на войну!

Конечно, произошло всеобщее замѣшательство, разспросы, восклицанія. Василій стоялъ съ горящими вдохновенными глазами и разсказывалъ, какъ онъ вмѣстѣ съ десятью товарищами-студентами уже два дня хлопоталъ о пріемѣ ихъ на службу въ качествѣ охотниковъ. Ему было девятнадцать лѣтъ, а другимъ тоже не больше. И вотъ сейчасъ было получено какое-то разъясненіе изъ Петербурга, и они всѣ зачислены въ войска.

На этотъ разъ однако вѣсть была принята нѣсколько иначе, чѣмъ тогда, когда узнали о рѣшительномъ шагѣ Андрея. Такъ ли великъ былъ подъемъ у самого Василія, или наконецъ и старики прониклись общимъ воодушевленіемъ, но даже Марья Михайловна не собралась заплакать. Она и Григорій Аѳанасьевичъ обняли Василія и съ какимъ-то любовнымъ благоговѣніемъ крестили его.

— Ну, что̀ жъ, идите, дѣти,—говорилъ Григорій Аѳанасьевичъ,—видно, такова ужъ судьба. Надо, чтобы всѣ жертвовали самымъ дорогимъ, что̀ есть на свѣтѣ. Вотъ и мы съ вашей матерью жертвуемъ вами. Идите, защищайте родную землю! Жертвуйте жизнью, если надо. Жертвуя вами, мы отдаемъ больше, чѣмъ жизнь. Благословляемъ васъ... Идите и служите великую литургію!

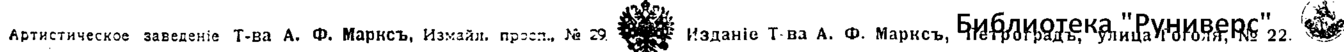
Дней черезъ пять послѣ этого старики провожали обоихъ сыновей. Они уѣзжали въ одномъ вагонѣ куда-то на западъ. На вокзалѣ была тысячная толпа. Въ вагоны сыпались цвѣты, раздавались напутствія, пожеланія.

Марья Михайловна собрала всѣ силы и не пролила тутъ ни одной слезы, а когда пріѣхала домой, дала имъ волю и много пролила ихъ.

Шлихенсонъ еще съ недѣлю сидѣлъ подъ арестомъ, впрочемъ, не терпя никакихъ лишеній. Наконецъ былъ освобожденъ и вернулся на заводъ уже въ качествѣ настоящаго русскаго.

Заводъ стоялъ, въ немъ осталось всего два десятка рабочихъ. Пришлось набирать новыхъ и обучать ихъ дѣлу. И онъ принялся за работу, прилагая все свое искусство и всю энергію, такъ какъ хотѣлъ какъ можно лучше отблагодарить патрона за всѣ его неоцѣненныя услуги.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**


Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.
Библиотека "Руниверс"

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г.
№ 41
Выданъ 11 октября 1914 г.
XLV г. изданія
Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.: на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.: на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. В. Г. Короленко" кн. 19.

Новыя изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

ДВѢ КАРТЫ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

Подъ редакціей проф. **Ю. М. ШОКАЛЬСКАГО.**

1) ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА СРЕДНЕ-ЕВРОПЕЙСКАГО ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

(Россія, Франція, Англія, Бельгія, Австро-Венгрія и Германія), печатанная шестью красками, размѣромъ 82×120 сантиметровъ. Въ масштабѣ 1 : 2.100.000 (50 верстъ въ дюймѣ).

Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ всѣхъ (около 10.000) географическихъ названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія.

2) ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА ЮЖНАГО ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

(Россія, Сербія, Черногорія, Австро-Венгрія, Италія, Греція, Болгарія, Румынія, Турція, Албанія и Швейцарія), печатанная шестью красками, размѣромъ 80×90 сантиметровъ (50 верстъ въ дюймѣ).

Съ картой Малой Азіи и Кавказа.

Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ всѣхъ (свыше 9.000) географич. названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія.

Цѣна каждой картѣ одинъ рубль.

Иногородные за пересылку не платятъ.

Требованія и деньги просимъ адрес. въ Контору изданій Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

ВАЖНО для учителей музыки и родителей.

Новое педагогическое изданіе:

КЛАССИКИ XVII и XVIII вѣковъ, для фортепіано, подъ редакціей и съ аппликатурой проф. М. Пресмана, 68 №№ по 25 — 40 коп.

Все собраніе—22 руб. 75 коп.

Проспекты и каталоги безплатно.

П. Юргенсонъ 3026 Москва, Неглинный пр., 14. 3-3

БУХГАЛТЕРІЯ и коммерческ. образованіе. **ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ.** Обширная программа. **СТЕНОГРАФІЯ.** Разсрочка. **АТТЕСТАТЪ.** Проспектъ безплатно. СПБ. Редакція „Коммерческой Энциклопедіи" Р. 3251

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Данилевскій, Г. П. Общедоступная библіотека А. Ф. Маркса: № 1. „Историческіе разсказы". № 2. „Украинскія сказки". Цѣна каждой книги 30 к., съ перес. 40 к.

АТТЕСТАТЪ Университета, волот. медали за почерки учениковъ. Въ 15 уроковъ научаю заочно красиво и скоро писать. За 5 семик. марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условія. Одесса. Профес. Каллиграф. Адольфъ **КОССОДО**, Дерибасовская, д. № 19.

КТО ХОЧЕТЪ? безъ помощи учителя подготовиться 3254

КЪ ЭКЗАМЕНАМЪ:

на аттестатъ зрѣлости, полный курсъ реальнаго училища, кадетскаго корпуса, **на званія:** учителя, учительницы, чинъ 14 кл., вольноопред. 1 разр., священника, натаріуса, частнаго повѣреннаго и проч. Требуйте **безплатно** условія и программу. Адр.: **Москва, Шаболовка, 1-й Михайловскій пр., собств. домъ № 1, редакціи журнала „Самообразованіе".**

ЗАОЧНЫЕ, САМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ

КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ и прочихъ коммерческихъ знаній

С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ

Москва, Староконюшенный, д. Курилко. 7

Аттестатъ бухгалтера. Ручательство въ успѣхѣ. Тысячи благодарн.

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО УСЛОВІЯ ИЗУЧЕНІЯ КОММЕРЧЕСК. НАУКЪ ПО ПИСЬМЕННЫМЪ ЛЕКЦІЯМЪ, ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.

3237 16-6

ЛЕНТЫ для ПИШУЩИХЪ МАШИНЪ

ВСѢХЪ СИСТЕМЪ

и ПЕРЕВОДНАЯ БУМАГА

ВЫСШАГО КАЧЕСТВА всемірно-извѣстной американской фабрики

КОМПАНІИ КАРТЕРЪ

ВЪ БОСТОНѢ, С. Ш. АМЕРИКИ.

Постоянный складъ всѣхъ сортовъ и оптовая продажа у представителя для всей Россіи **В. Н. КАЦАРАКИ,** **МОСКВА,** Знаменка, 16. Телеф. 125-17.

Иллюстрированные прейсъ-куранты безплатно.

3253

старческая дряхлость,

артеріосклерозъ, переутомленіе, общая слабость послѣ перенесенныхъ болѣзней, послѣдствія алкоголизма и т. д., неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ"** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина", интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПрофессоръД-ръ ПЕЛЬ и С-вья. С.П.Б.

Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

3258 12-10

Библиотека "Руниверс"

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Августѣйшія Сестры милосердія. Офицеры и нижніе чины, находившіеся на излѣченіи въ Царскосельскомъ дворцовомъ лазаретѣ, разсказываютъ о трогательномъ отношеніи къ раненымъ Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны и Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Княженъ Ольги Николаевны и Татіаны Николаевны. Государыня Императрица и Великія Княжны посѣщаютъ лазаретъ ежедневно. Государыня Императрица является въ лазаретѣ не только Высокой Покровительницей, а дѣятельною силою, умѣющею всѣхъ вокругъ одушевлять и объединять, возбуждая въ каждомъ радостное сознаніе общей работы на общую пользу. Ея Величество всею душою входитъ во всѣ подробности жизни лазарета. Нужды лазарета удовлетворяются Ею съ великою и щедрою готовностью. Государыня Императрица лично измѣряетъ раненымъ температуру, пульсъ и дыханіе, лично забинтовываетъ раны и дѣлаетъ перевязки.

Ея Величество присутствуетъ при опасныхъ, тяжелыхъ, мучительныхъ операціяхъ и ободряетъ тяжело раненыхъ. Великія Княжны Ольга Николаевна и Татіана Николаевна работаютъ въ лазаретѣ въ качествѣ сестеръ милосердія наравнѣ съ остальными сестрами милосердія. Своею самоотверженною дѣятельностью и неутомимостью Великія Княжны такъ же, какъ и ихъ Августѣйшая Мать, воодушевляютъ всѣхъ. Великія Княжны нѣжными осторожными руками искусно дѣлаютъ перевязки у раненыхъ офицеровъ и солдатъ, которыхъ до слезъ трогаетъ такая заботливость Августѣйшихъ Сестеръ милосердія.

Августѣйшія Сестры милосердія удостаиваютъ раненыхъ высокомилостивыми вопросами, ободряютъ больныхъ, и въ присутствіи ихъ раненые забываютъ войну со всѣми ея ужасами, забываютъ о своихъ тяжкихъ ранахъ.

Августѣйшія Сестры милосердія постоянно душою съ остальными сестрами милосердія и съ тѣми, чье страданіе онѣ призваны облегчить.

Офицеры и нижніе чины, оставляя лазаретъ, уносятъ съ собою неизгладимыя свѣтлыя воспоминанія о выдающейся дѣятельности Августѣйшихъ Сестеръ милосердія, исполненной подвиговъ самоотреченія и любви, совершаемыхъ съ умилительною простотою и душевнымъ величіемъ.

Крестъ на войнѣ. Въ «Новомъ Времени» Г. Никаноровъ помѣстилъ интересное описаніе дѣятельности Краснаго Креста на основаніи разсказа священника Околовича, члена Государственной Думы, исполняющаго пастырскія обязанности въ санитарномъ поѣздѣ великой княгини Маріи Павловны. «Я думалъ,—сказалъ священникъ,—что у меня будетъ мало работы, но съ перваго же момента, когда я попалъ къ раненымъ, у меня сплошь занято все время: не только весь день, но часто и ночи напролетъ. Раненые, не только солдаты, но и офицеры, настойчиво просятъ благословить ихъ, жадно прислушиваются къ религіозной бесѣдѣ, нарасхватъ берутъ у меня книги и брошюрки религіознаго содержанія. Я захватилъ съ собой маленькую библіотеку и едва въ состояніи удовлетворять спросъ на религіозно-нравственныя книги. Житія святыхъ, сказанія изъ церковной исторіи, особенно первыхъ вѣковъ христіанства, а также связанныя съ историческими обстоятельствами государственной жизни Россіи, перечитываются всѣми. Отъ офицеровъ я слышалъ много разъ выраженія благодарности за эти книжки, которыя я предлагалъ имъ не безъ нѣкоторой робости.

— Мы со многимъ познакомились впервые и страшно вамъ благодарны за то, что̀ узнали.

Когда утромъ я вхожу въ лазаретъ во время остановокъ поѣзда на пунктахъ или въ вагонъ на пути, здороваюсь съ больными, каждый требуетъ, чтобы я непремѣнно подошелъ къ его койкѣ, благословилъ его и далъ приложиться ко кресту. Затѣмъ необходимо присѣсть около каждаго и удѣлить ему хоть нѣсколько минутъ вниманія. Говорить приходится обо всемъ, и о дѣлахъ вѣры, и о дѣлахъ семейныхъ, при чемъ тутъ же мнѣ диктуются письма на родину, распоряженія по семейнымъ дѣламъ, духовныя завѣщанія, передаются деньги, которыя я принимаю подъ особую расписку. Едва остановишься у кого-либо изъ раненыхъ, и, если бесѣда не носитъ характера тайны, немедленно съ сосѣднихъ коекъ подходятъ другіе: одинъ дохромаетъ на костыляхъ, другой доползетъ на четверенькахъ; но всѣ хотятъ быть вмѣстѣ и вести задушевную бесѣду.

Прощаясь съ ранеными, я раздаю имъ Евангеліе, молитвенники, образки и кресты. Принимается все съ глубочайшею благодарностью и очень часто со слезами.

Служить обѣдню въ лазаретѣ и вагонѣ не представляется возможнымъ; поэтому я обычно совершаю литургію не въ церкви лазарета, а раненымъ приношу просфоры. Надо видѣть, какъ они принимаютъ просфору дрожащими руками, и никто изъ нихъ не притрогивается къ этой просфорѣ, всѣ говорятъ, что они сохранятъ эти просфоры на всю жизнь, какъ дорогую молитвенную память.

Религіозный подъемъ среди тѣхъ раненыхъ,—а я уже совершилъ восемь рейсовъ Варшава—Петроградъ,—очень великъ и сказывается въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ.

Родные звуки.

Въ Варшавскомъ лазаретѣ я рѣшилъ отслужить молебенъ въ самомъ помѣщеніи лазарета. Прекрасный хоръ одной изъ варшавскихъ православныхъ церквей и протоіерей изъ этой церкви откликнулись на мой призывъ и пришли въ лазаретъ. Молебенъ мы отслужили соборнѣ съ пѣніемъ полнаго хора. Въ заключеніе хоръ исполнилъ извѣстный концертъ Бортнянскаго «Внуши, Боже, молитву мою». Баракъ наполнился рыданіями. Плакали солдаты, съ залитыми слезами лицами крестились офицеры, кто лежа, кто сидя, кто какъ могъ, но чувствовалось, что это были слезы и рыданія не горя и не отчаянія, а какой-то внутренней радости. Плакалъ весь врачебный персоналъ, и мы, привычные къ горю людскому на путяхъ нашего пастырскаго служенія, не могли оставаться спокойными.

— Батюшка, дорогой, если бъ вы знали, что̀ значитъ послѣ двухъ мѣсяцевъ похода подъ непрерывный грохотъ орудій, визгъ снарядовъ и свистъ пуль услышать родные молитвенные звуки, вы бы поняли, почему мы плачемъ счастливыми слезами...

Католики и лютеране.

Я не могу пройти лазаретъ и благословить крестомъ только своихъ православныхъ. Католики и лютеране также требуютъ, чтобы я подходилъ къ нимъ, и благоговѣйно прикладываются ко кресту, просятъ съ ними бесѣдовать. Я никогда не дѣлаю этого по своему почину, но никогда и не отказываю просящимъ. А эти просьбы постоянны. Болѣе всего меня поразили два офицера. Прощаясь съ ранеными, сданными въ лазаретъ, я роздалъ свои молитвенники, къ которымъ приложенъ краткій православный катехизисъ. Я уже вышелъ за дверь палаты, какъ меня попросили вернуться, и ко мнѣ подошли два офицера: одинъ католикъ, другой лютеранинъ.

— Батюшка, удостойте насъ такого же вниманія, какъ и вашихъ православныхъ. Мы посмотрѣли эти молитвенники и хотимъ ихъ имѣть у себя. Дайте ихъ намъ, если возможно. Можетъ быть,—добавилъ одинъ изъ нихъ,—это послужитъ для насъ путеводною нитью.

Въ Варшавскомъ лазаретѣ, давая книжки для чтенія своимъ православнымъ, я затруднился дать наши православныя изданія католикамъ, чтобы не вызвать нареканій, и обратился къ князю Радзивиллу съ просьбой помочь мнѣ. Князя Радзивилла эта просьба очень взволновала, онъ на нее горячо откликнулся и просилъ указать, какъ это нужно сдѣлать.

— Да просто скажите вашему ксендзу, чтобы онъ принесъ своимъ раненымъ книжки.

— А развѣ это можно?

— Не только можно, а я удивляюсь, почему до сихъ поръ никто изъ католическаго духовенства не посѣтилъ своихъ раненыхъ.

Черезъ два часа католическій прелатъ прибылъ въ лазаретъ, но прошелъ прямо ко мнѣ и спросилъ, можетъ ли онъ пройти къ своимъ раненымъ.

— Ни о какомъ разрѣшеніи,—отвѣтилъ я,—не можетъ быть и рѣчи. И я здѣсь не начальство. Вы такой же священникъ, какъ и я, и, конечно, можете свободно исполнять свои пастырскія обязанности.

Католики раненые получили духовное утѣшеніе и были снабжены книжками. Князь Радзивиллъ подошелъ затѣмъ ко мнѣ и спросилъ, достаточенъ ли у меня запасъ моихъ религіозныхъ брошюръ. Я отвѣтилъ, что мой запасъ невеликъ и во всякомъ случаѣ не удовлетворяетъ огромному спросу. Немедленно же князь Радзивиллъ сдѣлалъ распоряженіе о присылкѣ за его счетъ изъ православной книжной лавки набора брошюръ, по моему указанію.

Поляки.

Я обратился къ князю Радзивиллу, который работаетъ въ лазаретѣ въ качествѣ санитара, съ просьбою устроить тяжело раненаго русскаго офицера въ отдѣльномъ помѣщеніи, такъ какъ ему нуженъ былъ безусловный покой.

— Черезъ часъ, батюшка, я вамъ дамъ отвѣтъ.

Дѣйствительно, черезъ часъ у лазарета стояли уже два автомобиля. Въ первомъ помѣстился князь Радзивиллъ, во второмъ — раненый офицеръ, сестра милосердія и я. Этотъ поѣздъ двинулся по улицамъ Варшавы, при чемъ раскланивавшіеся съ извѣстнымъ, конечно, всей Варшавѣ княземъ Радзивилломъ съ любопытствомъ осматривали слѣдовавшій за нимъ автомобиль съ раненымъ на носилкахъ въ сопровожденіи православнаго священника. Мы подъѣхали къ великолѣпному дому графини Браницкой. Графиня Браницкая встрѣтила насъ передъ своимъ домомъ и привѣтствовала меня глубокимъ поклономъ. Вслѣдъ за нею ко мнѣ подошла молодая дѣвушка, которая заявила, что она англичанка (говоритъ великолѣпно на русскомъ языкѣ), изъ богатой семьи, но не можетъ оставаться безъ дѣла въ такія минуты, какъ теперь, и, взявъ на себя уходъ за раненымъ русскимъ офицеромъ, она проситъ меня ее благословить. Я благословилъ ее, и она приняла это благословеніе такъ же, какъ принимаютъ его всѣ православные. Черезъ нѣсколько минутъ нашъ раненый уже лежалъ въ отдѣльной, прекрасно обставленной комнатѣ. Войдя туда, я невольно окинулъ глазомъ углы комнаты и не нашелъ тамъ образа. Графиня Браницкая уловила мой взглядъ и сказала мнѣ:

— Батюшка, можно ли здѣсь повѣсить образъ?

— Не только можно, но даже должно, графиня.

— А какой образъ?

— Ченстоховской Божіей Матери.

Графиня быстро повернулась, ушла въ свою спальню и черезъ минуту возвратилась, держа въ рукахъ небольшой образъ Ченстоховской Божіей Матери въ драгоцѣнномъ окладѣ.

— Это нашъ фамильный образъ. Онъ переходитъ изъ рода въ родъ у графовъ Браницкихъ. Мы его и поставимъ въ комнатѣ раненаго.

Все было сдѣлано, и я, осмотрѣвъ, по предложенію графини Браницкой, цѣлый лазаретъ, устроенный въ ея домѣ, уѣхалъ съ глубокою увѣренностью, что нашему страдальцу будетъ данъ наилучшій уходъ».

Представители печати въ дѣйствующей арміи. Съ разрѣшенія Верховнаго Главнокомандующаго прибыли въ дѣйствующую армію и 28 сентября посѣтили ставку Его Императорскаго Высочества представители русской и иностранной печати. Среди нихъ находится старѣйшина русскихъ военныхъ корреспондентовъ, стяжавшій себѣ мировое имя блестящими описаніями боевой жизни арміи въ русско-турецкую, русско-японскую и балканскія войны—маститый нашъ писатель Вас. Ив. Немировичъ-Данченко. Приводимъ изъ «Русскаго Слова» его пространную телеграмму, дающую красочную картину этого посѣщенія центра управленія нашей арміей, а затѣмъ расположенныхъ за ней госпиталей въ Ровно, за нѣсколько дней до того посѣщенныхъ Государемъ Императоромъ въ сопровожденіи Августѣйшей Сестры милосердія—сестры Царя Великой Княгини Ольги Александровны.

«Сегодня, — пишетъ В. И. Немировичъ-Данченко,—русскіе и иностранные представители печати были приглашены въ ставку Верховнаго Главнокомандующаго.

Насъ принялъ начальникъ штаба Великаго Князя генералъ-лейтенантъ Янушкевичъ.

Объяснивъ подробно, въ какіе предѣлы поставлена будетъ работа корреспондентовъ, соотвѣтственно условіямъ современной войны, быстрой и требующей строжайшей тайны, онъ просилъ насъ точно подчиняться всѣмъ указаніямъ штаба.

Постороннія лица часто не могутъ понять всей тонкости боевыхъ соображеній. Отъ кажущихся мелочей зависитъ участь величайшихъ событій, и малѣйшій промахъ или нескромность могутъ легко быть использованы врагами.

Библиотека "Руниверс"

Правила, на непосвященный взглядъ непонятныя, не существовавшія прежде, теперь зиждутся на важнѣйшихъ интересахъ арміи.

Намъ будутъ показаны завоеванныя области. Въ нихъ мы сами увидимъ, какъ складываются отношенія русской власти къ мѣстному населенію. На поляхъ битвъ, съ которыхъ арміи уже продвинулись впередъ, мы освѣдомимся, какъ достались успѣхи нашимъ доблестнымъ войскамъ, узнаемъ подробности недавнихъ сраженій, и изъ нашихъ сообщеній общество увидитъ, насколько точно освѣдомляется оно о томъ, что происходитъ здѣсь. Сначала мы посѣтимъ галиційскій театръ войны.

Когда окончилъ генералъ-лейтенантъ Янушкевичъ, насъ попросили подождать. Вдали показалась высокая, тонкая фигура Верховнаго Главнокомандующаго. На суровомъ лицѣ сильное впечатлѣніе производятъ мягкіе, привѣтливые глаза, пристально всматривавшіеся въ насъ. Въ его чертахъ хотѣлось прочесть всю работу души и мысли, которыя ведутъ нашу несравненную доблестную армію къ ея великимъ побѣдамъ. Невольно чувствовалась громадная работа вождя, и въ моихъ воспоминаніяхъ ярко воскресаетъ образъ его отца, отдавшаго всего себя родной арміи въ великіе годы тоже освободительной войны съ Турціей. Голосъ нервный, въ которомъ звучатъ внутренняя сила и неустанная энергія. Только слушая его, понимаешь, сколько той и другой нужно для этой міровой борьбы титановъ, какой до сихъ поръ не знала еще исторія. Пріемъ, оказанный намъ, былъ въ высшей степени милостивъ.

Привожу рѣчь Великаго Князя.

«Господа. Я радъ привѣтствовать васъ у себя. Я всегда считалъ и продолжаю считать, что печать въ умѣлыхъ и достойныхъ рукахъ можетъ принести громадную пользу. Я увѣренъ, что именно вы, господа, своими сообщеніями дадите всѣмъ то, что ихъ живо интересуетъ, и правильнымъ освѣщеніемъ фактовъ принесете пользу какъ обществу, такъ и намъ. Я, къ сожалѣнію, не могу показать вамъ все, что, можетъ-быть, желалъ, такъ какъ во всякой войнѣ, а въ этой грандіозной въ особенности, соблюденіе военной тайны, касающейся плана и всего, могущаго его разъяснить,—залогъ успѣха. Мною предуказанъ тотъ путь, на которомъ вы будете въ состояніи ознакомиться именно съ тѣмъ, что такъ живо всѣхъ интересуетъ, и что всѣ жаждутъ знать.

Позвольте пожелать вамъ успѣха и выразить вамъ мою увѣренность, что своимъ трудомъ вы принесете ожидаемую пользу. Какъ представители общества, вы успокоите родственниковъ и близкихъ, всѣхъ, кто страдаетъ и волнуется.

Привѣтствую васъ, господа, и желаю успѣха».

Въ телеграфной корреспонденціи изъ Ровно В. И. Немировичъ-Данченко пишетъ:

«Сегодня для меня день свѣта и радости.

Въ юдоли скорби и печали я опять встрѣтилъ святыхъ, самоотверженныхъ мірскихъ печальницъ моего далекаго прошлаго, тѣхъ самыхъ сестеръ милосердія, свѣтлыя тѣни которыхъ еще чудятся надъ мрачными вершинами Шипки и на влажныхъ холмахъ Плевны.

Когда-то имъ были посвящены задушевнѣйшія страницы нашихъ военныхъ бытописателей, но въ манчжурскую войну эти кроткіе призраки нашихъ чудесныхъ героинь точно заволокло тучами. Зато въ эти десять лѣтъ такъ поднялась русская женщина, что и на боевыхъ поляхъ, точно воскресшіе изъ далекихъ могилъ, вдругъ появились тѣ же трогательные типы, о которыхъ съ умиленіемъ опять будетъ говорить наша родина.

Это прежняя сестра, равная по силѣ, мужеству и терпѣнію нашему несравненному воину.

Она раздвигаетъ намъ завѣсы лучшаго, лучезарнаго будущаго.

Я только-что видѣлъ ее въ госпиталяхъ на Волыни.

Подъ сѣрымъ небомъ, въ холодномъ дождѣ на меня повѣяло давнею весною.

Отъ Великой Княгини до крестьянки—всѣ здѣсь у постели раненаго въ безустанной страдѣ самаго неусыпнаго ухода за дорогими намъ сраженными за насъ богатырями.

Народу для воспитанія его души нужна легенда, и она здѣсь, передъ нами, воплотившаяся въ живые образы.

Да, русская земля дѣйствительно воскресла, и исполать ей во вѣки-вѣковъ съ ея побѣдными дружинами, съ ея величавыми въ смиренномъ служеніи ихъ горю и мукѣ женщинами!

Отрадное впечатлѣніе производятъ эти военные госпитали,—говорю о видѣнныхъ сегодня.

Масса воздуха и свѣта, чистота, уходъ, заботливо работающіе не за страхъ, а за совѣсть врачи, а главное—результатъ этого: громадное большинство выздоравливающихъ изъ такихъ, которые на первыхъ порахъ казались безнадежными. Наши врачъ и сестра не вѣрятъ такой безнадежности; они не отходятъ отъ постели раненаго до тѣхъ поръ, пока не совершится истинное чудо и смерть не вернетъ землѣ уже захваченную ею жертву.

Больница на 800 больныхъ, но головокружительные по быстротѣ, громадные по длинѣ фронта и небывалые по цифрѣ участвующихъ бои идутъ одни за другими, и изъ видѣннаго мною лазарета большинство раненыхъ эвакуировано: надо мѣсто для новыхъ жертвъ этой великой войны. Сейчасъ здѣсь 176 человѣкъ, между которыми много австрійцевъ.

Я бы написалъ здѣсь на стѣнахъ: «милость побѣжденнымъ». Обманутые своимъ правительствомъ, они ждали здѣсь смерти. Трогателенъ разсказъ врача о двухъ швабскихъ офицерахъ. Ихъ вымыли, уложили, дали ѣсть; они не дотрагивались до пищи, оглядываясь съ ужасомъ, и говорили другъ другу: «Молись... Сейчасъ ихъ заботы обманчивы».

Потомъ обоихъ подняли и положили на носилки. Когда ихъ понесли, одинъ закрылъ руками лицо, другой отчаянно зарыдалъ и забился съ криками: «Пощадите! Не хочу!»

Сами врачи и сестры чуть не плакали надъ ними. Потомъ оба говорили: «Какъ насъ обманывали!»

Надо видѣть другихъ австрійцевъ. Здѣсь, я думаю, за это время они впервые узнали покой и заботу именно тамъ, гдѣ ихъ ждала воображаемая смерть.

Положительно подтверждаются разрывныя пули.

Намъ показывали обойму съ такими. На нихъ черные ободки. Встряхивая, слышишь внутри шумъ отъ посторонняго тѣла. Вынуты изъ ранъ куски такой пули, несомнѣнно, разорвавшейся въ мускулахъ; маленькія входныя отверстія и громадныя выходныя, при чемъ все—и кости, и жилы—искрошено, изорвано.

Красивое, блѣдное, съ горящими глазами лицо еврея Эбельштейна. Именно у него бедро — такой мѣшокъ съ осколками костей. Рядомъ — Матвѣйчукъ. Пуля сквозь темя вышла около уха. Онъ уже начинаетъ понимать и отвѣчаетъ разумно на вопросы. Наканунѣ сознаніе отсутствовало. Это еще недавно было бы смертельно; теперь излѣчивается.

Одинъ полуумирающій просилъ: «Посадите меня, чтобы я видѣлъ Царя». Государь нарочно долго стоялъ передъ нимъ.

Жена пограничнаго офицера Тимошенко пріѣхала съ мужемъ въ отрядъ, въ бою подняла и вынесла раненаго офицера въ безсознательномъ состояніи. Дни и ночи возилась надъ несчастнымъ и спасла его. Теперь она осталась въ лазаретѣ уже настоящей сестрою. Врачи не понимаютъ, когда она спитъ, отдыхаетъ. Она выноситъ массу работы. Я всматривался въ нее: бодрая, спокойная, сильная, только глаза горятъ внутреннимъ огнемъ.

Между сестрами одна австрійка—Савицкая.

Германскія подводныя лодки. Гибель нашего крейсера «Паллады», причиненная миной германской подводной лодки и стоившая гибели нѣсколькихъ германскихъ подводныхъ лодокъ, доказала лишній разъ, какъ страшенъ этотъ маленькій подводный врагъ для большихъ военныхъ судовъ. Германскій подводный флотъ—одинъ изъ лучшихъ въ мірѣ.

Подводныя лодки Германія начала строить позднѣе другихъ государствъ. 6 лѣтъ тому назадъ, когда вполнѣ выяснились положительные результаты испытаній, нѣмцы сразу ассигновали на подводныя лодки значительныя средства. Въ прошломъ году у нѣмцевъ, какъ сообщаютъ «Бирж. Вѣд.», было уже 28 подводныхъ лодокъ и одна «матка», служащая для подъема подводныхъ лодокъ въ случаѣ ихъ затопленія. Въ прошломъ же году было отпущено 20 милліоновъ марокъ на постройку и опыты съ подводными лодками. Всѣ опыты производились въ большомъ секретѣ. Постройка подводныхъ лодокъ была разсчитана такимъ образомъ, что каждый годъ должно было быть построено 6 подводныхъ лодокъ.

Подводныя лодки нѣмцевъ базируются на островѣ Гельголандѣ. Конвоируются онѣ старыми миноносцами, которые имѣются въ каждой флотиліи подводныхъ лодокъ.

Нѣмцы пока пользовались подводными лодками, главнымъ образомъ, для защиты своихъ береговыхъ водъ.

Подводныя лодки германскаго флота принадлежатъ къ такъ называемому типу «Германія». Онѣ состоятъ изъ 2 главныхъ частей:

а) внутренняго корпуса, выдерживающаго давленіе воды при подводномъ состояніи и потому обладающаго особой прочностью, и

б) внѣшняго корпуса, охватывающаго кольцомъ внутренній и сообщающаго судну необходимую сигарообразную форму.

Съ внутреннимъ корпусомъ органически связана командная башня, обыкновенно бронированная, такъ какъ въ видахъ оріентировки ее приходится выставлять изъ воды даже подчасъ подъ выстрѣлами.

Во внутреннемъ корпусѣ расположены всѣ машины, минные аппараты и помѣщенія для экипажа. Прочность внутренняго корпуса разсчитана на нахожденіе лодки на 50 метровъ подъ водой, въ каковомъ состояніи ей не страшны никакіе снаряды, и она можетъ свободно проходить подъ любымъ судномъ.

Въ командной башнѣ помѣщаются всѣ средства управленія: телефонъ, командныя трубы, инструменты, въ томъ числѣ такъ называемый перископъ—оптическая труба, выставляющаяся надъ водой, которая, благодаря системѣ оптическихъ стеколъ и призмъ, даетъ возможность командиру при нахожденіи лодки до 4 метровъ подъ водой, наблюдать за горизонтомъ. Командная башня обезпечена броней отъ снарядовъ мелкой артиллеріи.

Внѣшній корпусъ соединенъ съ внутреннимъ поперечными перегородками, образующими рядъ отдѣльныхъ камеръ и водныхъ балластныхъ цистернъ, наполненіе которыхъ водой служитъ для опусканія судна.

Германскія подводныя лодки имѣютъ водоизмѣщеніе 200—300 тоннъ, при чемъ замѣчается стремленіе къ увеличенію. Скорость ихъ надъ водой 9—15 морскихъ миль и подъ водой 6—10 морскихъ миль въ часъ. Онѣ снабжены 1 — 2 минными аппаратами и 3 — 4 минами. Экипажъ ихъ состоитъ около 10 человѣкъ. Германскія подводныя лодки могутъ пробыть въ подводномъ состояніи 24 часа.

Интересны также въ нихъ предохранительныя приспособленія.

Подъемъ въ германскихъ лодкахъ достигается вытѣсненіемъ сжатымъ воздухомъ воды изъ водныхъ балластныхъ цистернъ. Если эти приспособленія испортятся, то подъемъ лодки возможно произвести, сбросивъ особый предохранительный свинцовый грузъ, вѣсомъ 5 тоннъ (310 пуд.), вдѣланный въ килевой части судна.

Если лодка по какимъ-либо причинамъ затонетъ, то для обозначенія мѣста ея нахожденія служитъ особый буй, расположенный за командной башней. Въ случаѣ надобности онъ можетъ быть отдѣленъ отъ судна и тогда быстро всплываетъ на поверхность, но сохраняетъ связь съ лодкой телефоннымъ кабелемъ. При этомъ одинъ легкій телефонный аппаратъ находится при немъ, а другой—внутри судна.

Такимъ образомъ, яркая окраска буя даетъ возможность легко найти мѣсто затопленія подводной лодки, а телефонъ позволяетъ вступить въ переговоры съ ея экипажемъ.

Отрядъ американскаго Краснаго Креста. Изъ Нью-Іорка прибылъ въ Петроградъ и уже направился къ мѣсту своего святого служенія дѣлу милосердія отрядъ Краснаго Креста, обратившій на себя вниманіе Главнаго Управленія Россійскаго Краснаго Креста своимъ выдающимся медицинскимъ составомъ. Отрядъ пробылъ нѣсколько дней въ столицѣ и находился при Кауфманской общинѣ. Помѣщая на стр. 782б группу участниковъ отряда, приводимъ рядъ интересныхъ свѣдѣній о немъ со словъ самого главнаго врача д-ра Меджиля: «Со мною прибыли 26 сестеръ, обладающихъ огромнымъ опытомъ и надлежащими знаніями. Мы обратили особое вниманіе на то, чтобы наше трудное дѣло выполнялось женщинами, прослужившими въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ клиникахъ. Главная сестра практиковалась долгіе годы въ чикагскомъ госпиталѣ, другія работали въ клиникахъ Балтиморы, Беклина, Клингтона и въ другихъ американскихъ центрахъ.

Библиотека "Руниверс"

«Какъ только вспыхнула эта ужасная война, нашъ Красный Крестъ рѣшилъ придти на помощь воинамъ Россіи, Франціи, Англіи, Бельгіи, Германіи, Австріи и Сербіи. Въ данномъ случаѣ не было сдѣлано какихъ-либо исключеній. Во главѣ всего обширнаго дѣла Краснаго Креста стоитъ нашъ президентъ Вильсонъ, но фактическимъ распорядителемъ, душой всего является миссъ Мабель Бурдманъ, которая вѣдаетъ всѣмъ штатомъ сестеръ и надзирательницъ.

«Нашъ Красный Крестъ обладаетъ большими денежными средствами, но, кромѣ того, въ дни войны открыта была народная подписка. Американское общество откликнулось съ большой готовностью на это святое дѣло. Насколько всѣ сочувствовали дѣлу, видно изъ того, что въ 15-дневный срокъ былъ собранъ въ одномъ Нью-Іоркѣ милліонъ долларовъ. При такомъ участіи общества можно съ увѣренностью сказать, что въ четыре или пять мѣсяцевъ Красный Крестъ получитъ не менѣе 10 милліоновъ долларовъ.

«Отряды Краснаго Креста, въ количествѣ 175 человѣкъ для всѣхъ воюющихъ странъ, отправились въ сопровожденіи врачей и со всѣмъ необходимымъ матеріаломъ для оказанія помощи раненымъ и страждущимъ изъ Нью-Іорка въ Европу на суднѣ «Red Cross», при чемъ, по странному совпаденію, капитаномъ судна былъ бывшій американскій морской агентъ въ Петроградѣ Ааронъ Вардъ, прекрасно владѣющій русскимъ языкомъ и сохранившій о Россіи самыя свѣтлыя воспоминанія. Мы покинули Нью-Іоркъ 1 (14) сентября и черезъ одиннадцать дней прибыли въ англійскій портъ Фальмутъ, гдѣ намъ пришлось остаться въ теченіе семи дней. Число сестеръ во всѣхъ отрядахъ равное, за исключеніемъ Россіи, куда послана лишняя сестра. Бельгія сдѣлала намъ заявленіе, что она не нуждается ни во врачахъ, ни въ сестрахъ милосердія, а потому Красный Крестъ Америки вмѣсто врачей и сестеръ послалъ въ распоряженіе бельгійскаго правительства 50 тысячъ долларовъ. Мы взяли съ собой всѣ нужныя лѣкарства, марлю, вату и все необходимое, нагрузивъ всѣмъ матеріаломъ двадцать два вагона.

Въ заключеніе докторъ Меджиль съ восторгомъ вспоминаетъ прошлые дни, когда ему приходилось работать на пользу раненыхъ воиновъ:

«Я уже не разъ бывалъ въ Россіи и искренно люблю эту страну. Въ минувшую войну я, какъ могъ, помогалъ русскимъ раненымъ въ Мукденѣ. Тогда я работалъ въ качествѣ волонтера. Мои товарищи, нынѣ меня сопровождающіе,—медики, обладающіе опытомъ: докторъ Ахиллъ Ньютонъ былъ въ Японіи во время войны съ Россіей, а затѣмъ въ Мексикѣ въ дни кровавой революціи; докторъ Эдвардъ Эгбертъ служилъ нѣсколько лѣтъ въ вашингтонской больницѣ, въ хирургическомъ отдѣленіи; врачъ Броунъ Клинтекъ былъ въ Индіанѣ, и два другіе врача работали въ Вашингтонѣ. Все это люди весьма опытные, прекрасно знающіе свое дѣло и могущіе принести серьезную пользу».

Къ русскимъ женщинамъ. По просьбѣ г-жи М. М-ской печатаемъ ея горячій призывъ ко всѣмъ русскимъ женщинамъ:

«Наступаетъ самое тяжелое время года для нашихъ воиновъ, и неужели мы, русскія женщины, допустимъ, чтобы они, наша гордость и наша единственная защита отъ надвигающагося врага, страдали изъ-за отсутствія теплыхъ вещей?

Мы обязаны помочь имъ, и я обращаюсь къ русскимъ женщинамъ, предлагая каждой изъ нихъ непремѣнно собственноручно связать что-либо изъ теплыхъ вещей. Нашимъ воинамъ на передовыя позиціи необходимо доставить побольше теплыхъ вещей: набрюшниковъ, шарфовъ, перчатокъ, шлемовъ, наушниковъ, жилетовъ, фуфаекъ, наколѣнниковъ и напульсниковъ.

«Вѣстникъ Моды» (Итальянская, 16) по первому требованію и безплатно высылаетъ образцы и полное объясненіе, какъ производить работы.

Нечего говорить, что польза отъ связанной руками вещи неизмѣримо выше, чѣмъ отъ купленной за эту же цѣну готовой въ магазинѣ. Напримѣръ, одинъ фунтъ простой шерсти для солдатскихъ чулокъ стоитъ 1 руб. 20 коп., изъ него можно связать двѣ пары великолѣпныхъ длинныхъ, а главное, очень прочныхъ чулокъ, а что представляютъ собою шерстяные чулки, купленные за шесть гривенъ въ магазинѣ, знаетъ каждая изъ насъ...

То же можно сказать и о шарфахъ, которые, какъ показалъ опытъ японской войны, приносятъ большую пользу солдатамъ, предохраняя грудь отъ простуды, а иногда служа вмѣсто набрюшника. Купивъ одинъ фунтъ шерсти за 2 рубля, вы съ успѣхомъ приготовите изъ нея (при помощи вязанія натентъ такъ называемой «резиной») шесть теплыхъ мягкихъ шарфовъ, а что же вы сможете получить за 35 коп. (въ которыя обойдется такой шарфъ при домашней работѣ) въ магазинѣ?

Но время не терпитъ. Надо приняться сейчасъ же за работу, пусть каждая изъ насъ свяжетъ, что ей по силамъ, независимо отъ того, что она сдѣлала или дѣлаетъ для нашихъ воиновъ. Иная работа (шарфъ, напульсники, наушники) займетъ самое большое одинъ день времени. Купите шерсти и дайте связать чулки вашей прислугѣ. Я на опытѣ убѣдилась, съ какою радостью каждая изъ работающихъ у насъ въ домѣ дѣвушекъ и женщинъ берется за это. Не имѣя возможности удѣлять изъ своего скуднаго заработка деньги на пользу воиновъ, онѣ съ восторгомъ готовы служить своимъ братьямъ личнымъ трудомъ.

Пусть работаютъ и наши дочери: даже семилѣтняя дѣвочка, подъ наблюденіемъ взрослыхъ, сумѣетъ связать крючкомъ очень хорошій теплый шарфъ для солдата.

А затѣмъ необходимо объявить по всей Россіи день сбора теплыхъ вещей, связанныхъ для нашихъ воиновъ руками всѣхъ русскихъ женщинъ. Время не терпитъ.

Я твердо вѣрю, что русскія женщины, подобно нашимъ братьямъ, тоже, какъ одинъ человѣкъ, откликнутся на мой призывъ и выполнятъ эту святую и въ общемъ такую ничтожную съ точки зрѣнія затраты труда и денегъ повинность. Объ одномъ лишь надо помнить: ждать нельзя, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше...

Богъ самъ разберетъ. На маленькой станціи солдатикъ, отдѣлившись отъ роты, подбѣжалъ къ корреспонденту и просилъ его прочитать письмо съ родины. Въ письмѣ жена сообщаетъ рядомъ съ поклонами отъ кумы и старостихи, что староста требовалъ подати. Жена обѣщала продать кобылку. Староста согласился подождать. Убрать хлѣбъ помогъ міръ, молотить обѣщали всѣмъ міромъ. «Я,—пишетъ солдатка, — продала куръ и послала тебѣ два рубля. Какъ зайдешь въ церковь, дай на просфору за свое здоровье, а остальныя въ праздникъ купишь себѣ булочки». Письмо подъ диктовку жены Агаѳья писалъ помощникъ писаря Тищенко.

Солдатикъ досталъ гривенникъ: «Баринъ, будьте добры, ежели, гдѣ увидите церковь, дайте на просфору за наше здоровье», и быстро побѣжалъ догонять роту.

— Какъ твое имя? За кого же просфору взять?

— Вы только отдайте,—отвѣтилъ бѣжавшій солдатъ, повернувъ голову,— Богъ самъ разберетъ, Богъ не ошибается.

По примѣру предковъ. Густавъ Фужеръ, директоръ французской школы въ Аѳинахъ, напоминаетъ по поводу разрушенія нѣмцами Реймскаго собора, подобный же случай съ другимъ храмомъ—Парѳенономъ.

Созданіе Иктиноя и Фидія стояло вѣка, пока подъ стѣнами Аѳинъ не появился отрядъ наемныхъ нѣмецкихъ рейтаровъ, находившихся на службѣ у венеціанцевъ. Въ главѣ этой шайки стоялъ Кенигсмаркъ; осадныя мортиры были подъ начальствомъ нѣмецкаго же артиллерійскаго офицера, родомъ изъ Люнебурга въ Ганноверѣ. Ядрами этихъ мортиръ и былъ разрушенъ Парѳенонъ, предшественникъ по судьбѣ Реймской святыни.

«Рекрутскія квитанціи» въ Турціи. Одновременно съ опубликованіемъ въ Турціи указа объ общей мобилизаціи правительство сдѣлало распоряженіе о томъ, чтобы христіане и евреи, не желающіе служить въ войскахъ, вносили въ военное министерство откупную сумму. Новобранцы должны платить 40 турецкихъ лиръ въ пользу военнаго министерства, 10 лиръ въ пользу морского флота и 3 лиры въ пользу краснаго полумѣсяца, всего 53 лиры, т.-е. около 500 руб. Освобожденные такимъ путемъ новобранцы зачисляются въ запасъ.

Запасные въ свою очередь могутъ откупаться. Для этой цѣли они должны вновь внести 30 лиръ на нужды арміи и 5 лиръ на нужды флота, послѣ чего перечисляются въ ополченіе. Ополченцы же, если пожелаютъ окончательно избавиться отъ опасности быть привлеченными къ военной службѣ, должны уплатить еще 50 лиръ.

„Подданные туркестанскаго государства". Въ Ташкентъ возвратился изъ Австріи туркестанецъ, житель г. Ташкента, инженеръ Л. Ко времени разрыва дипломатическихъ сношеній между Австріей и Россіей инженеръ Л. проживалъ въ Карлсбадѣ, а его десятилѣтній сынъ, воспитанникъ ташкентской гимназіи, находился съ бонной въ Швейцаріи. Когда война была уже объявлена, не по годамъ развитой мальчикъ уговорилъ свою бонну поѣхать изъ Швейцаріи въ Карлсбадъ къ отцу. До границы они доѣхали благополучно. На границѣ ихъ остановили, и нѣмецкій офицеръ хотѣлъ-было уже арестовать ихъ какъ русскихъ подданныхъ. Но находчивому мальчику, какъ сообщаетъ «Турк. Кур.», удалось очень остроумно провести нѣмца.

— Совсѣмъ мы не русскіе подданные. Мы изъ средней Азіи, туркестанскіе подданные.

Нѣмецъ сдѣлалъ глубокомысленное лицо и велѣлъ ихъ пропустить.

— Можете пропустить, это подданные туркестанскаго государства.

Такимъ образомъ юный путешественникъ благополучно доѣхалъ до Карлсбада, гдѣ долгое время находился вмѣстѣ съ отцомъ въ плѣну.

Разгромъ великокняжескаго имѣнія. Часть нѣмецкаго гарнизона въ Ченстоховѣ отправилась въ расположенное близъ Ченстохова имѣніе Великаго Князя Михаила Александровича «Загурже» и произвела тамъ полнѣйшій разгромъ.

Всѣ оказавшіяся во дворцѣ Великаго Князя цѣнныя вещи разграблены, а дорогая обстановка разгромлена. Все награбленное нѣмцы увезли на фургонахъ въ Ченстоховъ.

Среди разграбленныхъ вещей нѣкоторые имѣли историческое значеніе. Нѣмцы увели изъ имѣнія также весь скотъ, лошадей, забрали кареты и простыя телѣги.

При этомъ одинъ выведенный изъ конюшни жеребецъ пришелъ въ такую ярость, что сбросилъ сѣдока и искусалъ нѣсколькихъ пруссаковъ, и нѣмцы его застрѣлили. Такая же участь постигла и разъярившагося быка, бросавшагося на непріятельскихъ солдатъ.

Разграбивъ все имущество, нѣмцы подожгли дворецъ со всѣми службами и нѣкоторые дома.

Предсмертное письмо на гребешкѣ. Прибывшіе изъ Берлина русскіе, находившіеся «въ плѣну», передаютъ, что передъ выпускомъ русско-подданныхъ мужчинъ изъ заключенія для отправки въ Россію, они, гуляя во дворѣ тюрьмы, подняли упавшій къ нимъ съ верхняго окна гребешокъ, на которомъ было нацарапано: «Пріятно слышать про русскую побѣду у себя подъ окномъ; завтра въ 6 час. меня не будетъ: разстрѣляютъ. Передайте привѣтъ. Авіаторъ».

12-лѣтній герой. На Кіевскомъ вокзалѣ вниманіе публики привлекъ прибывшій съ театра войны 12-лѣтній мальчикъ Андрей Мироненко. Андрей жилъ въ Харьковѣ, но началась война, и онъ бѣжалъ изъ дому и добрался до театра войны. Послѣ долгихъ мытарствъ мальчикъ попалъ въ одинъ изъ полковъ первой линіи. И вскорѣ же сталъ незамѣнимымъ: во время боя подъ свинцовымъ дождемъ безстрашно разносилъ по окопамъ патроны, тутъ же дѣлалъ перевязки раненымъ и оттаскивалъ ихъ въ безопасныя мѣста. А разъ вышелъ съ нимъ такой случай. Пошелъ куда-то на развѣдку, отсталъ отъ своихъ и заблудился. Долго бродилъ въ поискахъ дороги. Сначала слышны были то здѣсь, то тамъ выстрѣлы. Потомъ все стихло, и ночь надвинулась. Пробрался мальчикъ черезъ лѣсокъ, видитъ впереди холмъ. Залѣзъ на него и прямо попалъ въ непріятельскую батарею. Но ничего, не растерялся и здѣсь. Прислушался: всѣ спятъ. Прокрался ползкомъ между спящими солдатами къ орудіямъ, отвинтилъ замки у двухъ пушекъ и такъ же незамѣтно проползъ до лѣса. Къ утру онъ нашелъ дорогу и возвратился въ полкъ съ трофеями. Юный герой награжденъ Георгіемъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ" 1914 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" со всѣми приложеніями: Безъ дост. въ Петроградѣ 6 р. 50 к., съ дост. 7 р. 50 к.; съ перес. по всей Россіи: на годъ 8 р., на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Библиотека "Руниверс"

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. | № 41 | 1914 | г. XLV

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. **В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА,** 12 книгъ **Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній,** 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 11 октября 1914 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.** Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Содержаніе.

Государь Императоръ въ дѣйствующей арміи.

(Рис. и портр. на стр. 779, 780 и 781).

По официальному сообщенію министра Императорскаго Двора, во время Высочайшаго пребыванія въ районѣ военныхъ дѣйствій, Государь Императоръ изволилъ принимать доклады какъ въ штабѣ Верховнаго Главнокомандующаго, такъ и отъ главнокомандующихъ арміями генералъ-адъютанта Рузскаго и генералъ-адъютанта Иванова, и посѣтилъ, кромѣ ставки Верховнаго Главнокомандующаго, города Ровну, Брестъ, Бѣлостокъ, крѣпость Осовецъ и Вильну.

Въ городахъ Ровнѣ и Вильнѣ Государь Императоръ посѣтилъ раненыхъ, находящихся въ госпиталяхъ военнаго вѣдомства и Краснаго Креста.

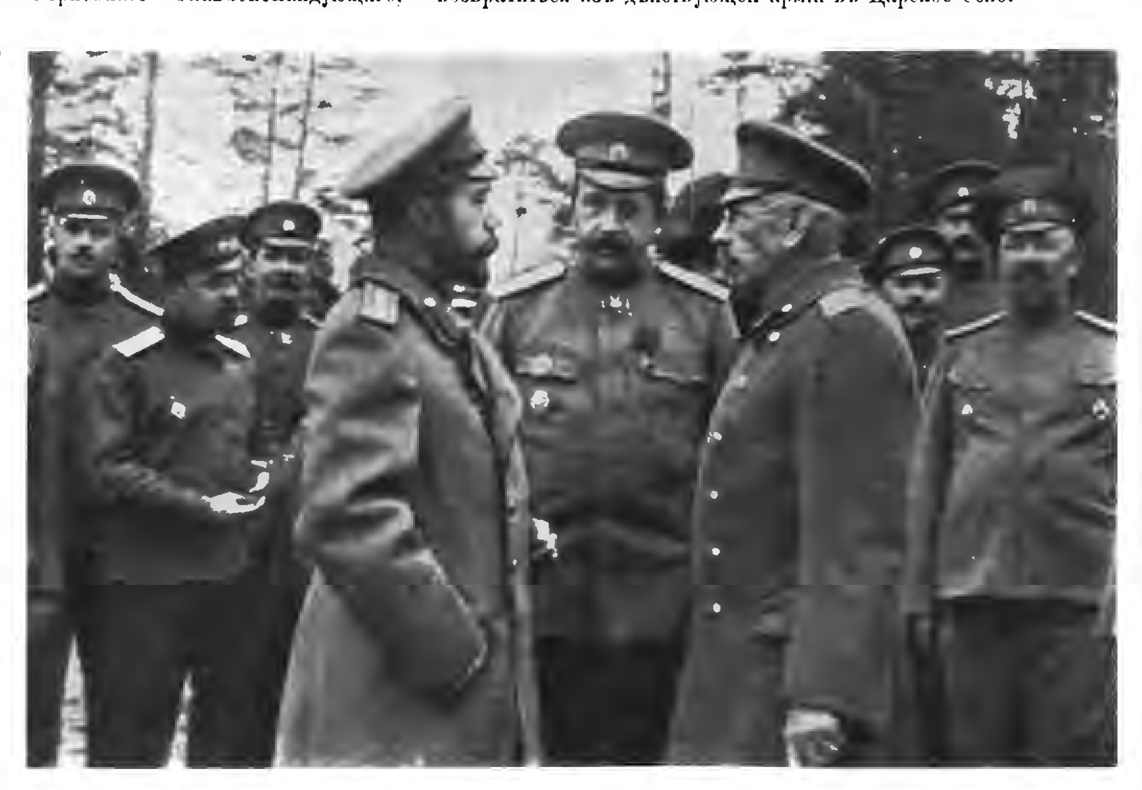
26 сентября Его Величество Государь Императоръ изволилъ возвратиться изъ дѣйствующей арміи въ Царское Село.

Государь Императоръ въ ровненскомъ лазаретѣ.

По сообщенію „Кіевлянина“, въ Кіевъ прибыли изъ Ровны лежавшіе въ госпиталѣ Евгеніинской общины имени Великой Княгини Ольги Александровны четверо раненыхъ, которые помѣщены теперь въ лазаретѣ при IV гимназіи. Они разсказали о завидномъ счастьѣ, какое выпало на ихъ долю:—видѣть и бесѣдовать съ Государемъ:

„Когда прошелъ слухъ, что 23 сентября имѣетъ насъ удостоить посѣщеніемъ Императоръ, мы за каждый часъ, что остаемся въ госпиталѣ, благодарили Господа.

Дожили и до 23-го, а Государя нѣтъ. И вдругъ... О Господи, какъ вспомню, такъ все во мнѣ задрожитъ! Вдругъ утромъ



Государь Императоръ въ дѣйствующей арміи. Его Величество изволитъ принимать докладъ главнокомандующаго арміей генералъ-адъютанта Н. В. Рузскаго. По фот. I. Оцупа.

Библиотека "Руниверс"

24 сентября объявляютъ намъ, что скоро къ намъ прибудетъ Государь. Нога моя въ тотъ день страсть болѣла, но когда, сказали намъ это, все забылъ, готовъ прыгать отъ радости. И наконецъ дождались... Какъ свѣтлое солнышко, вошелъ Государь въ палату, добрый, улыбающійся. Подошелъ къ каждому и милостиво бесѣдовалъ о томъ, какого полка, когда раненъ, какъ здоровье, есть ли какая просьба.

„А когда обошелъ всѣхъ, остановился посреди палаты, обвелъ всѣхъ глазами и взволнованнымъ голосомъ сказалъ: „Спасибо вамъ, братцы!“ Не забуду этой минуты, никогда не забуду!

Государь Императоръ въ дѣйствующей арміи. Его Величество, Августѣйшій Верховный Главнокомандующій, начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго К. В. Янушкевичъ, генералъ-адъютантъ Н. П. Рузскій и командующій составъ офицеровъ. По фот. I. Оцупа.

Главнокомандующій арміей юго-западнаго фронта генералъ-адъютантъ Н. I. Ивановъ, Высочайше награжденный орденомъ Св. Великомученника и Побѣдоносца Георгія 2-й степени — высшаго военнаго отличія, котораго не имѣетъ никто въ Россіи. Единственный кавалеръ ордена Св. Георгія 2-й степени внѣ Россіи — доблестный вождь Черногоріи, Его Величество король Николай I.

„Ужъ на что мы изболѣлись, а какъ гаркнули: „рады стараться, Ваше Императорское Величество“, такъ стекла зазвенѣли...

„Эхъ, жаль, что нога моя теперь никуда не годится, а то снова соколомъ бы полетѣлъ за Него сражаться съ врагомъ!“

Великая европейская война.

(Хроника военныхъ дѣйствій).

Наиболѣе важнымъ событіемъ третьяго мѣсяца войны слѣдуетъ считать быстрое паденіе Антверпена. Оно можетъ служить показателемъ силы крупной нѣмецкой артиллеріи. Взятіе въ теченіе нѣсколькихъ дней артиллерійской атаки первоклассной крѣпости, это вѣдь не побѣда нѣмцевъ надъ бельгійцами, а побѣда необычной осадной артиллеріи надъ обычными способами крѣпостной защиты. Но значитъ ли это, что германская армія, располагающая 42-сантиметровыми мортирами, непобѣдима, и что всякое сопротивленіе ей безнадежно? Ничуть не бывало! Напротивъ, весь опытъ первыхъ двухъ мѣсяцевъ нынѣшней войны краснорѣчиво говоритъ противное.

Отступленіе нѣмцевъ отъ Парижа и рядъ пораженій на ихъ восточной границѣ, начиная отъ Эйдкунена и кончая разгромомъ на Нѣманѣ, доказываютъ, что нѣмцевъ можно очень и очень бить.

Задача побѣды заключается въ данномъ случаѣ въ томъ, чтобы соотвѣтствующей боевой тактикой уравновѣсить преимущество тяжелой артиллеріи противника. Для того, чтобы парализовать дальнобойную артиллерію, необходимо право выбора дистанціи боя не предоставлять противнику, а оставлять за собою, т.-е. всегда и вездѣ, когда и гдѣ возможно захватывать иниціативу дѣйствій въ свои руки. Умѣлое наступленіе при такихъ условіяхъ будетъ несравненно менѣе опаснымъ, чѣмъ пассивная оборона. Въ полевомъ наступательномъ бою смѣло атакующая легкая артиллерія, напротивъ, представляетъ собой для 42-сантиметровыхъ мортиръ слишкомъ маленькую и слишкомъ подвижную цѣль. Это даетъ ей возможность приблизиться къ огнедышащимъ чудовищамъ на болѣе близкое разстояніе и тѣмъ самымъ нѣсколько уравновѣсить шансы борьбы. Умѣлое пользованіе пересѣченной мѣстностью затрудняетъ дальнобойную стрѣльбу, сокрытіе батарей въ лѣсахъ и оврагахъ, возможность быстро мѣнять позиціи, въ то время какъ тяжеловѣсный противникъ остается прикованнымъ къ одному мѣсту, которое къ тому же необходимо оборудовать бетонными неподвижными площадями, иногда задолго до войны, какъ это было сдѣлано въ Мобежѣ шпіонами-рабочими бетоннаго завода, пріобрѣтеннаго нѣмцами въ мирное время,—залогъ побѣды.

Библиотека "Руниверс"

Появленіе сколько-нибудь значительной непріятельской части въ тылу тяжелой батареи грозитъ уже потерею послѣдней, такъ какъ перевозка тысячепудовыхъ стальныхъ титановъ требуетъ очень много времени и сложнѣйшихъ техническихъ приспособленій и матеріаловъ. Системою фланговыхъ обходовъ, замѣнившихъ фронтальныя атаки, генералиссимусъ Жоффръ парализуетъ преимущества крупной артиллеріи противника и, постепенно напирая, „вытискиваетъ нѣмецкую армію съ французской территоріи". Немаловажнымъ орудіемъ являются также русское бездорожье и грунтовая защита. Образчикъ послѣдней мы видѣли подъ Осовцомъ. Нѣмцы подвезли къ нашей крѣпости крупные калибры, отказавшись отъ крупнѣйшихъ, и безславно отступили отъ Осовца, построеннаго на болотистой низменности. Въ этомъ случаѣ грунтовая защита, не позволившая подвести тяжелыя мортиры, оказалась наиболѣе дѣйствительной, но и крѣпостныя стѣны, три года тому назадъ заново сооруженныя изъ бетона, укрѣпленнаго желѣзомъ, выдержали невѣроятную силу непріятельскаго огня, буквально засыпавшаго Осовецъ своими тяжелыми снарядами. Талантливые полководцы должны использовать всѣ обстоятельства боя и принять его тамъ, гдѣ онъ всего выгоднѣе для нихъ и всего тяжелѣе для непріятеля.

Овладѣніе Антверпеномъ и вторженіе въ русскую территорію въ южныхъ районахъ Вислы нѣмцы не могутъ разсматривать, какъ свое торжество, потому что удаленіе англо-бельгійской арміи изъ крѣпостныхъ верковъ къ Остендэ и отходъ русскихъ войскъ противъ Лодзи и Петрокова вглубь страны есть только тактическій пріемъ боя. И та и другая стороны не утратили силы сопротивленія, но разсчитываютъ принять рѣшительный бой тамъ, гдѣ это будетъ удобнѣе и выгоднѣе для нихъ. Такъ какъ переѣздъ бельгійскаго правительства былъ совершенъ еще до начало бомбардировки, то очевидно, что оставленіе Антверпена входило въ планъ кампаніи союзниковъ, сосредоточившихъ всѣ свои силы на правомъ флангѣ германской арміи.

Элементарныя тактическія соображенія обязывали короля Альберта не хоронить свои славные полки подъ развалинами обреченной на разрушеніе крѣпости, а вывести ихъ для дальнѣйшаго продолженія героической борьбы съ врагомъ. Вообще не только тактика боя, но также и общій стратегическій планъ военныхъ дѣйствій въ нынѣшней войнѣ долженъ сообразоваться съ особенностями современнаго германскаго оружія. Съ этой точки зрѣнія получаютъ неожиданное освѣщеніе многія загадочныя дѣйствія и движенія союзныхъ армій. Преимущество дальнобойнаго германскаго огня парализуется благодаря малой подвижности тяжелой артиллеріи напряженнымъ и крайне дѣятельнымъ маневрированіемъ непріятельскихъ армій. Чѣмъ чаще лихое наступленіе смѣняется тактическимъ отступленіемъ, чѣмъ подвижнѣе противникъ, тѣмъ меньшее значеніе пріобрѣтаютъ неподвижныя чудовища. Быть-можетъ, здѣсь мы найдемъ и разгадку послѣднихъ перемѣнъ на нашемъ прусско-австрійскомъ фронтѣ Многіе не могутъ понять, почему мы, побѣдоносно наступая на сѣверной части фронта, вторгаясь въ Восточную Пруссію по слѣ

Верховный Главнокомандующій Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ изволитъ бесѣдовать съ дворцовымъ комендантомъ Свиты Его Величества генералъ-маіоромъ Е. В. Воейковымъ. По фот. І. Опупа.

Открытіе эвакуаціоннаго и питательнаго пункта на Варшавскомъ вокзалѣ въ Петроградѣ. Группа присутствовавшихъ на торжествѣ: 1—Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Павловна. 2—Петроградскій градоначальникъ князь А. Н. Оболенскій. 3—Петроградскій городской голова графъ И. И. Толстой. 4—Генералъ-лейтенантъ Н. К. Шведовъ. 5—Начальникъ Сѣв.-Зап. дор. гофмейстеръ Ф. М. Валуевъ. По фот. Я. Штейнберга.

Библиотека "Руниверс"

дамъ разбитыхъ у Нѣмана и Осовца германскихъ корпусовъ и продолжая побѣдоносно продвигаться впередъ на южно-галиційскомъ фронтѣ, въ то же время почти безъ сопротивленія отступаемъ въ центрѣ своего расположенія передъ арміей генерала Гинденбурга, идущей по направленію къ Сандоміру, Ново-Георгіевску, Ивангороду и Варшавѣ?

Но именно тактика борьбы, необходимость утомить громоздкаго непріятеля изнурительными передвиженіями заставляетъ насъ не задерживать его на берегахъ сравнительно маленькой рѣчки Варты и свободно пропустить къ многоводной Вислѣ съ тѣмъ, чтобы потомъ гнать его оттуда обратно, какъ уже гнали тѣхъ же нѣмцевъ отъ береговъ Нѣмана и австрійцевъ отъ Люблина.

Насколько форсированіе Вислы неизмѣримо труднѣе форсированія Варты, настолько генеральное сраженіе, данное въ глубинѣ страны, дороги которой затрудняютъ пользованіе тяжелой артиллеріей, будетъ сопровождаться для насъ удвоенными шансами на побѣду. Были же основанія у генерала Рузскаго разыграть рѣшительный бой не около Сувалокъ при нѣмецкомъ наступленіи, а у самаго Нѣмана, и конечными результатами его гостепріимства можемъ быть недовольны не мы, а только нѣмцы, потерявшіе во время своей прогулки свыше сорока орудій (въ томъ числѣ 16 осадныхъ), около 20.000 плѣнныхъ и огромное количество убитыхъ и раненыхъ. Точно такъ же намъ нечего смущаться и новой прогулкой, предпринятой тѣмъ же генераломъ Гинденбургомъ къ Вислѣ по всему фронту отъ Сандоміра до Варшавы.

Послѣ опыта первыхъ двухъ мѣсяцевъ войны русскому обществу пора наконецъ отрѣшиться отъ стараго взгляда на временную утрату захваченныхъ городовъ и территорій. Задача войны— не удержаніе пограничныхъ уѣздовъ въ своемъ обладаніи, а уничтоженіе и ослабленіе враждебныхъ армій, и если послѣдняя цѣль лучше достигается вдали отъ непріятельской границы, то для окончательнаго разгрома врага не жалко подпустить его не только къ Варшавѣ, но, если нужно, и дальше. Многіе погра-

† Его Высочество Князь Олегъ Константиновичъ.

29 сентября с. г. вся Россія прочла телеграмму изъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго о геройскомъ подвигѣ одного изъ Царственныхъ защитниковъ нашей родины—Его Высочества Князя Олега Константиновича: „при слѣдованіи заставъ нашей передовой кавалеріи были атакованы и уничтожены германскіе разъѣзды. Частью нѣмцы были изрублены, частью взяты въ плѣнъ; первымъ доскакалъ до непріятеля и врубился въ него корнетъ Его Высочество Олегъ Константиновичъ“. Телеграмма заканчивалась скорбною вѣстью о томъ, что Его Высочество раненъ. Рана оказалась смертельной. 29 сентября въ витебскомъ военномъ лазаретѣ на рукахъ Августѣйшихъ родителей доблестный юноша въ Бозѣ почилъ.

Свѣтлая память героя отличена посмертнымъ сопричисленіемъ его къ ордену св. Георгія. Свято памятуя незабвенныя слова Высочайшаго манифеста: „съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ“, доблестно раздѣлилъ почившій герой великую судьбу своихъ боевыхъ сподвижниковъ, отдавшихъ жизнь за Царя и родину. Предъ лицомъ Вседержителя въ искупительномъ жертвенномъ сосудѣ слилась кровь потомка Царской Семьи и невѣдомаго пахаря, и воедино слились за нихъ молитвы всей Россіи предъ Престоломъ Всевышняго. Русское воинство въ безмолвномъ восхищеніи склонилось предъ памятью героя, русскія матери благоговѣйно склонились передъ Августѣйшими родителями почившаго, пославшими на бранное поле всѣхъ своихъ пять сыновей, отдавшими на защиту родины все самое дорогое въ жизни.

Его Высочество Олегъ Константиновичъ, четвертый сынъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича, родился 15 ноября 1892 года и десяти лѣтъ былъ зачисленъ въ кадеты Полоцкаго кадетскаго корпуса. Прилежный ученикъ, Его Высочество выдѣлялся среди другихъ кадетъ своей начитанностью и способностями. Каждый годъ онъ сдавалъ переходные экзамены, а въ 1910 году, по окончаніи корпуса, поступилъ въ Императорскій Александровскій лицей. Унаслѣдовавъ литературное дарованіе Августѣйшаго отца, Его Высочество съ юныхъ лѣтъ увлекался родными классиками, и въ лицеѣ онъ всецѣло предался изученію любимыхъ авторовъ. Боготворя Пушкина, еще будучи воспитанникомъ лицея, Его Высочество немало работалъ въ лицейскомъ музеѣ. Въ 1911 году Его Высочествомъ былъ изданъ печатный трудъ подъ названіемъ „Рукописи Пушкина“. Немало занимался также князь Олегъ Константиновичъ исторіей. Имъ было задумано нѣсколько очень интересныхъ по замыслу литературныхъ трудовъ, которые не удалось осуществить изъ-за болѣзни Его Высочества. Осенью 1913 года Князь Олегъ Константиновичъ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ, былъ отправленъ въ Крымъ, а зиму провелъ въ имѣніи „Осташево“ въ Московской губерніи. По окончаніи курса Императорскаго Александровскаго лицея съ золотою медалью, Его Высочество былъ зачисленъ въ л.-гв. Гусарскій Его Императорскаго Величества полкъ, а въ 1912 г. былъ произведенъ въ корнеты.

Его Высочество князь Олегъ Константиновичъ, скончавшійся отъ ранъ, полученныхъ въ бою 28 сентября с. г.

Библиотека "Руниверс"

Флаги—кормовой, стеньговый, гюйсъ—съ германскаго крейсера „Магдебургъ", наскочившаго на мель въ Балтійскомъ морѣ и разстрѣляннаго нашими крейсерами. Командиръ и часть офицеровъ и команда крейсера взяты были нами въ плѣнъ. „Магдебургъ"—одинъ изъ новѣйшихъ германскихъ крейсеровъ и вступилъ въ строй въ 1912 г. Водоизмѣщеніе крейсера—4.550 тоннъ.

Крейсеръ „Паллада", погибшій отъ мины германской подводной лодки 28 сентября с. г.

Гибель крейсера „Паллада".

По сообщенію Морского Генеральнаго Штаба, 27 сентября въ Балтійскомъ морѣ было обнаружено появленіе непріятельскихъ подводныхъ лодокъ. Утромъ означеннаго дня подводной лодкой былъ атакованъ крейсеръ «Адмиралъ Макаровъ», остановившійся для осмотра подозрительнаго парусннаго барка, шедшаго подъ коммерческимъ нидерландскимъ флагомъ. Лодка выпустила по крейсеру нѣсколько минъ, которыя всѣ, къ счастью, прошли мимо, не причинивъ «Адмиралу Макарову» никакого вреда.

28 сентября, во второмъ часу дня, непріятельскими подводными лодками были вновь атакованы наши крейсера «Баянъ» и «Паллада», бывшіе въ дозорной службѣ въ Балтійскомъ морѣ. Несмотря на то, что крейсера своевременно открыли сильный артиллерійскій огонь, одной непріятельской лодкѣ все-таки удалось выпустить мины въ крейсеръ «Паллада», на которомъ произошелъ взрывъ, и крейсеръ стремительно затонулъ со всѣмъ своимъ личнымъ составомъ. По дополнительнымъ свѣдѣніямъ Морского Генеральнаго Штаба, двѣ германскія подводныя лодки были въ бою потоплены артиллерійскимъ огнемъ нашихъ крейсеровъ.

Крейсеръ «Паллада» построенъ Адмиралтейскимъ судостроительнымъ заводомъ въ 1906 году. Водоизмѣщеніе его было—7.775 тоннъ, размѣры корпуса: длина 442 фута, ширина 57,5 фута и осадка 21,3 фута.

Погибшіе въ бою—офицеры: Командиръ крейсера «Паллада», капитанъ 1-го ранга Сергѣй Романовичъ Магнусъ, капитанъ 2-го ранга Анатолій Михайловичъ Романовъ; лейтенанты: Андрей Арсеньевичъ Измайловъ, Григорій Петровичъ Коринфскій, Леонидъ Андреевичъ Гавриловъ 2-й, Юрій Константиновичъ Быковъ 3-й, Владиміръ Константиновичъ Гутъ, Александръ Ипполитовичъ Студницкій, Михаилъ Ниловичъ Штиръ, Константинъ Сергѣевичъ Бутомо, Георгій Александровичъ фонъ-Петцъ; мичманы: Иванъ Борисовичъ Амантовъ, Николай Александровичъ Баулинъ, Леонидъ Вячеславовичъ Воскресенскій, Георгій Генриховичъ Цывинскій, Людомиръ Маріановичъ Издебскій, Сергѣй Сергѣевичъ Полтановъ; кор. гардемарины: Іосифъ Вячеславовичъ Здановскій, Николай Евгеньевичъ Свѣшниковъ; инж.-механики: кап. 1-го ранга Александръ Александровичъ Дешевовъ; мичманы: Бернгардъ Андреевичъ Рейсонъ, Генрихъ Петровичъ Голинскій, Николай Андреевичъ Коленда, Александръ Генриховичъ Вольфъ; надворные совѣтники, врачи: Александръ Михайловичъ Чмыховъ, Георгій Павловичъ Сильверсванъ; штатный судовой священникъ Николай Антиповичъ Сысоевъ; подполковникъ в.-м. суд. вѣд. Сергѣй Ивановичъ Сикорскій; кондуктора флота на крейсерѣ «Палада»: старшій боцманъ Степанъ Ивановъ Шабановъ (кр. Тамбовской губ.), старшій машинный содержатель Венедиктъ Ивановъ Іодковскій (мѣщ. гор. Гродны), старшій артиллерійскій содержатель Θедоръ Савельевъ Тюкинъ (кр. Астраханской губ.). старшій баталеръ Яковъ Антоновъ Сидорчукъ).

Автомобильный отрядъ, оборудованный на средства Русскаго Общества Пароходства и Торговли и предназначенный для перевозки раненыхъ изъ линіи огня въ ближайшіе лазареты.

Библиотека "Руниверс"

Миссъ Бьюкененъ.
Лэди Бьюкененъ. Сэръ Бьюкененъ.

Открытіе англійскаго лазарета въ Покровской общинѣ. Врачебный персоналъ лазарета и его учредители, во главѣ съ англійскимъ посломъ сэромъ Бьюкененомъ и его семьей.

ничные прусскіе и русскіе города и мѣстечки уже неоднократно, по три, по четыре раза переходили то въ наши, то въ германскія руки, но въ концѣ концовъ споръ идетъ не о судьбѣ Инстербурга или Сувалокъ, а о судьбѣ Россіи и Германіи. О томъ, какъ похозяйничали нѣмцы въ Друскеникахъ, скоро забудутъ и сами друскеничане, а рѣшительный разгромъ, нанесенный непрошеннымъ гостямъ въ Августовскихъ лѣсахъ, скажется на всемъ дальнѣйшемъ ходѣ кампаніи. Какими непріятными и обидными для патріотическаго чувства вторженіями ни сопровождалась бы война, русскіе граждане должны стать выше обывательской точки зрѣнія и не утрачивать вѣру въ грядущую побѣду своего отечества только изъ-за того, что тѣ или другіе, микроскопическіе по сравненію съ государственной территоріей, кусочки пограничныхъ владѣній по чисто тактическимъ соображеніямъ обречены на гибель непріятельскимъ арміямъ. Торжествуетъ тотъ, кто торжествуетъ послѣднимъ.

Молодая Румынія.

(Политическое обозрѣніе).

Сердце, угнетенное разладомъ между династической вѣрностью Гогенцоллернамъ и повелительными требованіями нравственнаго долга передъ управляемой страной, перестало биться, и престарѣлый румынскій монархъ отошелъ въ вѣчность. Націо-

Отрядъ американскаго Краснаго Креста, состоящій изъ шести врачей, во главѣ съ д-ромъ Меджилемъ, и 26 сестеръ милосердія. Отрядъ прибылъ изъ Нью-Іорка въ Петроградъ и отправился 29 сентября на театръ военныхъ дѣйствій. (См. «Отклики войны»).

Библиотека "Руниверс"

нальные интересы Румынiи требуютъ активнаго выступленія ея противъ Австріи и Германіи для присоединенія 3.000.000 трансильванскихъ румынъ, но родственныя чувства покойнаго короля толкали его политику въ противоположномъ направлении. Онъ не могъ измѣнить своимъ фамильнымъ традиціямъ. Германскій принцъ восторжествовалъ въ его сердцѣ надъ румынскимъ королемъ. Смерть явилась, быть-можетъ, наиболѣе безболѣзненнымъ выходомъ изъ безвыходнаго положенія.

Преемникомъ и замѣстителемъ почившаго короля является его племянникъ, сынъ его старшаго брата, принца Прусскаго Фердинанда, принцъ Фердинандъ. Новый король Фердинандъ I не связанъ никакими обязательствами и потому можетъ свободно и безпрепятственно повести политику своего государства въ томъ направленіи, въ какомъ желаетъ его народъ.

Новый король присягнулъ конституціи и торжественно обѣщалъ быть ей вѣрнымъ. Но вѣрность конституціи прежде всего обязываетъ править въ согласіи съ народомъ и вести политику сообразно съ его національными интересами, а не наперекоръ имъ. Вѣрность конституціи, — слѣдуетъ надѣяться, — обяжетъ молодого правителя, согласно настоятельному требованію румынскаго общественнаго мнѣнія, открыто присоединиться къ державамъ тройственнаго согласія и занять своими войсками Трансильванію, гдѣ милліоны единоплеменниковъ томятся подъ австрійскимъ игомъ. Взгляды румынскаго общества по трансильванскому вопросу до такой степени опредѣленны и категоричны, что не оставляютъ мѣста ни для сомнѣній ни для колебаній. Правительство можетъ или открыто попирать ихъ, или покорно подчиняться имъ. Третьяго выхода нѣтъ. Событія идутъ такъ быстро, что для Румыніи создается большой рискъ утерять благопріятный моментъ для расширенія своихъ границъ на западѣ. Такой ошибки страна никогда не простила бы своему правителю. Если борьба съ общественнымъ мнѣніемъ въ концѣ концовъ оказалась непосильной даже для популярнаго престарѣлаго короля, имѣвшаго за спиною столько великихъ историческихъ заслугъ передъ народомъ, то еще невозможнѣе будетъ она для его молодого преемника, всѣ патріотическія заслуги котораго еще въ будущемъ. Вотъ почему его вступленіе на престолъ заставляетъ ожидать рѣзкаго поворота внѣшней и внутренней политики Румыніи и рѣшительнаго вступленія румынской арміи въ австрійскую Трансильванію.

Его Величество король Румынiи Карлъ I, скончавшійся 27 сентября с. г.

Ея Величество королева румынская Марія, внучка Императора Александра II и дочь Великой Княгини Маріи Александровны герцогини Саксенъ-Кобургъ-Готской.

Вступившій на престолъ Румыніи Его Величество король Фердинандъ I, племянникъ почившаго короля Карла I, не оставившаго отъ брака съ королевой Елисаветой потомства.

Библиотека "Руниверс"

Amtlicher Teil.

Bekanntmachung.

Es wird hierdurch zur öffentlichen Kenntnis gebracht, daß jede Begünstigung der hier anwesenden Russen mit den schärfsten Strafen bedroht ist. Gegen Zuwiderhandelnde wird unnachsichtlich vorgegangen.

Friedberg, den 21. September 1914.

Großherzogliches Kreisamt.

Herberg

Возмутительный нѣмецкій документъ. Документъ этотъ, доставленный вернувшимся недавно въ Петроградъ изъ германскаго плѣна членомъ Государственнаго Совѣта Ф. А. Ивановымъ, — нумеръ нѣмецкой газетки «Бадъ-Наухеймеръ Цейтунгъ», отъ 21 сентября н. с., въ которомъ помѣщено объявленіе отъ мѣстныхъ властей. Воспроизводимъ здѣсь фотографическій снимокъ съ этого удивительнаго объявленія. Въ немъ сказано: «Доводится до свѣдѣнія, что за всякое вниманіе, оказываемое прожикающимъ здѣсь русскимъ, грозитъ штрафъ. Съ нарушителями сего будетъ поступлено безъ пощады». Такимъ образомъ нѣмецкія власти ставятъ застрявшихъ въ Германіи русскихъ какъ бы внѣ закона.

Первый кавалеръ Почетнаго Легіона, лейтенантъ Брюянъ, награжденный за боевыя отличія въ настоящую франко-германскую войну. Лейтенантъ Брюянъ обратилъ въ бѣгство 30 германскихъ уланъ, зарубивъ предварительно ихъ командира-офицера.

Французскій дивизіонный генералъ де-Кюльеръ-де-Кастельно, за боевыя отличія записанный на особую доску кавалеровъ Почетнаго Легіона. (См. „Отклики войны“ въ № 39 „Нивы“).

Ангаръ цеппелиновъ въ Дюссельдорфѣ, на который бросилъ три бомбы съ аэроплана англійскій летчикъ лейтенантъ Коллетъ. Кромѣ Дюссельдорфа, выстроены въ Германіи вдоль границъ Франціи и Бельгіи ангары для дирижаблей: въ Биккендорфѣ (на него было одновременно совершено нападеніе другихъ англійскихъ летчиковъ), Кёльнѣ, Мецѣ, Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Ванне, Лейхлингенѣ, Рейнау, Оосѣ, Страсбургѣ, Мантелѣ и Фридрихсгафенѣ.

Англійскій летчикъ лейтенантъ Коллетъ, произведшій во главѣ цѣлой эскадры гидроплановъ нападеніе на ангаръ цеппелиновъ въ Дюссельдорфѣ. Сбросивъ три бомбы съ высоты 400 футовъ, Коллетъ повредилъ одинъ изъ цеппелиновъ и причинилъ пожаръ ангара. Несмотря на то, что въ аппаратъ Коллета попалъ одинъ снарядъ изъ стрѣлявшихъ по нему германскихъ орудій, отважный летчикъ долетѣлъ невредимымъ въ пунктъ отправленія, на суда англійской эскадры, крейсировавшей у береговъ Бельгіи на разстояніи 250—300 верстъ. Это нападеніе гидроплановъ вызвало панику во всей Германіи, трепещущей за участь цеппелиновъ.

Нѣмые свидѣтели германскаго варварства. Разбитые колокола Реймскаго собора.

Библиотека "Руниверс"

Храбрѣйшій изъ храбрыхъ. Бельгійскій король Альбертъ I.

Бельгіи.

Уноситъ все потокъ временъ и смерти,
Но не исчезнетъ память на землѣ
О маленькомъ народѣ и Альбертѣ,
Геройскаго народа королѣ.

Покой и трудъ въ отчизнѣ процвѣтали,
Но грянулъ громъ губительной войны—
И предъ лицомъ ея бельгійцы встали
Всѣ, какъ одинъ, за честь родной страны.

И наглецовъ остановилась лава,
Уронъ непоправимый получа...
Хвала бельгійцамъ и Альберту слава!
Поднявшій мечъ—да сгинетъ отъ меча!

Георгій Ивановъ.

Король Альбертъ императору Вильгельму.

Задумавъ нарушить „вѣчный“ нейтралитетъ Бельгіи и занять ее своими войсками для нападенія на Францію, императоръ Вильгельмъ началъ съ обмана.

Какъ сообщаетъ „Новое Время“, за два дня до осуществленія намѣренія императора Вильгельма германскій посланникъ въ Брюсселѣ явился къ бельгійскому министру иностранныхъ дѣлъ и заявилъ главѣ дипломатическаго вѣдомства, что Германія не нарушитъ нейтралитета Бельгіи. Но зато самъ императоръ Вильгельмъ отправилъ королю Альберту телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Если ты воспротивишься проходу моихъ войскъ черезъ Бельгію, я буду считать тебя моимъ личнымъ врагомъ и разорю твою страну.“ („Si tu t'opposes au passage de mes troupes par la Belgique je te considérerai comme mon ennemi personnel, et je désasterai ton pays“).

Король Альбертъ тотчасъ же отвѣтилъ слѣдующей телеграммой: „Я сожалѣю лишь объ одномъ, что королямъ не разрѣшено носить ружье: моя первая пуля была бы предназначена тебѣ.“ („Je regrette seulement qu'il ne soit pas permis aux rois de porter un fusil: ma première balle aurait été pour toi“).

Антверпенъ.

Надъ павшимъ городомъ лежала ночь устало.
По мертвымъ улицамъ куда-то шли враги...
И въ жуткой тишинѣ стариннаго квартала
Звучали мѣрные, тяжелые шаги...

Ползли, какъ призраки, орудій вереницы.
Темнѣли въ сумракѣ ряды чужихъ солдатъ,
И молча шли войска по улицамъ столицы,—
Шли за своей судьбой, чтобъ не притти назадъ...

И конница, звеня по плитамъ тротуара,
Безмолвно двигалась куда-то на востокъ,—
Туда, гдѣ ждетъ ихъ смерть, невѣдомая кара,
И местью сторожитъ невѣдомый имъ Рокъ...

Кругомъ нѣмая ночь стояла тьмой упорной,
Кралася всюду смерть, вперивъ тяжелый взоръ...
И шли войска впередъ, колеблясь массой черной,—
Шли за своей судьбой на гибель и позоръ...

Вл. Краковецкій.

Антверпена не стало.

Болѣе трехъ четвертей Бельгіи занято безпощаднымъ врагомъ, около полумилліона бельгійцевъ бѣжало со своей родины, а оставшееся подъ властью нѣмцевъ населеніе влачитъ жалкое существованіе, впроголодь, ежеминутно

Въ Антверпенѣ. Обстрѣлъ цеппелина, обнаруженнаго прожекторами. Рис. Л. Шафера.

Библиотека "Руниверс"

Антверпенъ. Соборъ.

Антверпенъ. Королевскій дворецъ.

опасаясь за свою жизнь. Богатѣйшая въ мірѣ страна превращена въ пустыню.

Весь міръ знаетъ о неоднократныхъ отказахъ бельгійскаго короля принять „мирныя" предложенія германцевъ и прекратить военныя дѣйствія противъ нихъ. Доблестный вождь геройскаго народа отказался отъ всякихъ переговоровъ съ безчестнымъ врагомъ, нарушившимъ всѣ права божескія и человѣческія. Мы знаемъ теперь достойный отвѣтъ короля Альберта, данный императору Вильгельму.

Бельгійцы предпочли смерть позору соглашенія съ Германіей. И смерть постигла Бельгію.

Человѣческое сердце отказывается вмѣстить все величіе этого подвига, равнаго которому не знаетъ всемірная исторія. Бельгійскій народъ добровольно принесъ себя въ жертву во имя не только свободы, независимости и національнаго достоинства, но и ради спасенія Франціи и высшихъ идеаловъ человѣчества.

Могущественный врагъ окружилъ батареями осадныхъ орудій вторую столицу Бельгіи—Антверпенъ. Тысячи тяжелыхъ снарядовъ засыпали улицы и площади, превращая все въ дымящіяся развалины. Доблестно защищавшій городъ, король, во главѣ героевъ-защитниковъ Льежа и Намюра, два дня боролся съ врагами, но когда городъ запылалъ со всѣхъ сторонъ, король призналъ борьбу непосильной и безполезной. Пусть сильные форты еще могли бы устоять нѣсколько дней противъ чудовищныхъ орудій германцевъ, но на борьбу съ ними пришлось бы уложить подъ развалинами Антверпена лучшую часть арміи. И Антверпенъ былъ очищенъ бельгійскими войсками, ушедшими по направленію къ Остендэ и увезшими съ собою все наиболѣе цѣнное.

Пока существуетъ бельгійская армія, до тѣхъ поръ существуетъ Бельгія!

Антверпенъ. Музей Яна Стеена.

Антверпенъ. Ратуша.

Библиотека "Руниверс"

Антверпенъ. Разрушенія, причиненныя взрывомъ бомбы, брошенной съ цеппелина. Солдаты антверпенскаго гарнизона.

Малинъ. Домъ, разрушенный германскимъ снарядомъ.

Льежъ. Церковь, разрушенная бомбардировкой

На помощь и въ честь Бельгіи.

Прекрасная Бельгія, что̀ осталось теперь отъ твоихъ красотъ? Гдѣ твои рѣдкія сокровища наукъ и искусствъ? Во что обратилась нынѣ твоя мирная агрикультурная жизнь, полная задушевной настроенности!

То, что̀ передаетъ со слезами на глазахъ прибывшій въ Петроградъ бельгійскій инженеръ Лео Бальѐ, не поддается описанію.

— Нѣтъ больше прекрасной Бельгіи, — говоритъ инженеръ. — Тевтонская орда на своемъ пути въ конецъ разорила эту цвѣтущую страну. На этомъ пути безжалостные варвары уничтожали фермы, сжигали деревни, съ корнями вырывали плодовыя деревья. Вся наша цвѣтущая страна, словно послѣ жестокаго урагана, превратилась въ сплошную пустыню.—Такъ, вспоминая о разоренномъ своемъ отечествѣ, продолжалъ грустную повѣсть бельгіецъ. — Этого мало. Всѣ фабричныя и заводскія зданія, съ ихъ дорогими машинами, разрушены германскими бомбами. Для того, чтобы хоть отчасти привести въ должный видъ все разрушенное, потребуется не одинъ и не два года. Отъ цвѣтущаго Льежа остались однѣ развалины. Намюра больше не существуетъ. Очередь раз-

Улица въ Термонѣ.

Въ странѣ героевъ. Бельгійскіе города, разрушенные германцами.

Библиотека "Руниверс"

рушенія дошла до Брюсселя и Антверпена. Когда-то вся мѣстность, окружающая эти города, была покрыта культурными полями, садами и огородами. Все это потоптали безжалостный нѣмецкій сапогъ и копыта германской кавалеріи.

Бѣдный Лувенъ! Сколько въ немъ было книжныхъ сокровищъ. Ни одно въ мірѣ книгохранилище не могло сравниться съ лувенскимъ. Университетъ Лувена, одинъ изъ древнѣйшихъ въ мірѣ, представлялъ собою неисчислимое количество всевозможныхъ лабораторій. Все это разрушили нѣмцы, надо всѣмъ надругались. Библіотеку они сожгли, а университетъ разрушили. Дымъ отъ сжигаемыхъ нѣмцами книгъ и рукописей опьянилъ этихъ дикарей,— продолжалъ г. Бальè. — Мало того, нѣмцы разстрѣливали стариковъ и дѣтей, надругались надъ женщинами. Какой-то особый садизмъ вселился въ нѣмецкихъ офицеровъ: они совершали насилія надъ дѣвушками непремѣнно въ присутствіи ихъ родителей, заставляя солдатъ держать отца и мать своей жертвы за руки въ той же комнатѣ, гдѣ производили свои неистовства. Вырывая изъ рукъ матерей младенцевъ, они тутъ же разрубали невинныхъ дѣтей на части и, насытившись горемъ матери, убивали здѣсь же и ее.

Страна героевъ—Бельгія. Развалины Лувена.

Англія. Велосипедно-пулеметный отрядъ въ бою.

Положительно кровь стынетъ въ жилахъ, когда слышишь про подобные ужасы. Нѣтъ словъ, чтобы заклеймить этихъ изверговъ рода человѣческаго по достоинству. И вотъ за такія нечеловѣческія страданія, соединенныя съ рѣдкимъ героизмомъ, Бельгія окружена сейчасъ ореоломъ величія.

Ея народъ достоинъ того, чтобы лучшіе плоды побѣдъ союзниковъ на западномъ фронтѣ были отданы ему, какъ первому, наиболѣе разоренному и пострадавшему въ столь самоотверженной защитѣ общеевропейской цивилизаціи. Отнынѣ Бельгія должна стать предметомъ особыхъ заботъ со стороны великихъ державъ, сводящихъ успѣшно счеты съ зазнавшимся германцемъ.

Поэтому нельзя не привѣтствовать отъ всей души торжественное заявленіе въ англійской палатѣ лордовъ лорда Китченера, нынѣшняго военнаго министра, опредѣленно сообщившаго, что Великобританія твердо рѣшилась добиться, чтобы жертвы Бельгіи не были безплодны.

И мы знаемъ, что если англійскій лордъ что-либо обѣщаетъ, то онъ исполнитъ. Съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія мы также должны отмѣтить, что

и среди русскаго общества собираются обильныя пожертвованія въ пользу безстрашныхъ героевъ Бельгіи, а также, по почину газеты „Новое Время“, принимаются пожертвованія для поднесенія почетнаго золотого оружія верховному повелителю Бельгіи, королю Альберту, героическая дѣятельность коего была по достоинству оцѣнена и съ Высоты Россійскаго Престола. Какъ извѣстно, король Альбертъ за проявленную имъ храбрость Высочайше награжденъ орденомъ св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія.

С. Н.

Англія. Велосипедно-пулеметный отрядъ на походѣ

Библиотека "Руниверс"

Генералъ.

Разсказъ **Владиміра Воинова.**

I.

У начальника отряда было три привычки: теребить большимъ пальцемъ правой руки Владимірскій крестъ на шеѣ, говорить, заикаясь, въ минуты волненія „такъ я ничего не понимаю“ и наконецъ — прекрасно понимать все, вопреки собственному заявленію.

Все это и было продѣлано въ обычной послѣдовательности.

Прежде всего онъ принялъ пакетъ отъ запыленнаго, потнаго казака, пробѣжалъ его прищуренными умными глазами, потомъ шевельнулъ крестикъ перстомъ и, глядя поверхъ казака, заявилъ:

— Такъ я ничего не понимаю!

— Точно такъ! — ввернулъ бойкій донецъ, въѣвшись въ лицо генерала плутоватыми сѣрыми глазками.

— Чтò точно такъ?—улыбнулся разсѣянный генералъ.

— Енто самое...

— Какое самое?

— А не могёмь знать, ваше превосходительство!— опредѣленно закончилъ казакъ, и только глаза его заходили совсѣмъ уже весело подъ щетиною мокрыхъ бровей.

Генералъ поглядѣлъ на него проницательнымъ взглядомъ и сказалъ:

— Ступай! Скажи, пусть накормятъ!

Казакъ повернулся на каблукахъ и вышелъ, а начальникъ отряда еще разъ прочелъ полученную бумагу и быстро раскинулъ во всю ширину стола карту.

— М-да-съ! М-да-съ!—мычалъ онъ время отъ времени, водя указательнымъ пальцемъ по сѣрому полю, и лохматыя сивыя брови опускались все больше и все плотнѣе сходились надъ острыми маленькими глазами.

Карта была еще въ мирное время сработана офицерами генеральнаго штаба, и не вѣрить ей не было никакого повода, а если вѣрить, то поле, лежавшее впереди нашихъ войскъ, было значительно уже, чѣмъ этого требовала необходимость развертки дѣятельнаго фронта, правый флангъ упирался въ лѣсныя болота, показанныя непроходимыми для кавалеріи, а лѣвый—граничилъ съ высотами, которыя частью сходили на нѣтъ у открытой равнины, а частью терялись въ глубокомъ лѣсу, разрѣзанномъ прямою шоссейною дорогою, далеко впереди, за полемъ, неровно виляла рѣчонка съ пологими, топкими берегами, и тамъ показаны мелкіе густые кустарники.

Все это было на картѣ, все это вполнѣ совпадало съ наблюденіями казачьихъ разъѣздовъ, нащупавшихъ широкій раіонъ по бокамъ до предѣловъ возможности.

Конечно, шоссе могло оказаться испорченнымъ отступающими пруссаками; конечно, лѣса могли быть снесенными въ цѣляхъ дать болѣе широкую фазу обстрѣла,—но это уже были частности и на общее развитіе операцій вліянія имѣть не могли.

Важно было знать общую, неизмѣняемую структуру мѣстности, въ которой должны будутъ пройти послѣдующія событія, а въ этомъ смыслѣ отъ карты нельзя было бòльшаго требовать.

Оставалось только выяснить расположеніе отдѣльныхъ частей непріятеля и связать это все въ одно цѣлое съ мѣстностью, а тамъ уже опытъ и умъ подскажутъ, чтò дѣлать.

Генералъ опустилъ на глаза покраснѣвшія, вздрагивающія вѣки и тихо задумался:

„Ну чтò жъ! Выбивать, такъ выбивать! Вотъ только сфера-то узкая!“

Генералъ постучалъ чайной ложкой о тяжелое преспапье и повернулся къ двери.

— Позвать Олехновича!—приказалъ онъ вошедшему вѣстовому, потомъ заложилъ обѣ руки въ карманы тужурки и принялся ходить изъ угла въ уголъ, мягко позвякивая шпорами.

II.

Олехновичъ пришелъ очень скоро.

Стянулъ съ головы шлемъ и застѣнчиво улыбнулся.

Генералъ подошелъ къ нему быстрыми, взволнованными шагами, обнялъ за талію и потащилъ къ столу.

— Вотъ, дорогой мой, глядите! Это—мы... Это— лѣсъ съ болотами... Это — лѣсъ безъ болотъ и даже съ возвышенностями.. Вонъ туда побѣжало шоссе... А вонъ тамъ—это рѣчка съ кустарниками...

Генералъ дышалъ Олехновичу въ ухо и сердито топорщилъ усы, опираясь рукой на крѣпкую спину поручика.

Потомъ отшатнулся отъ карты, дернулъ рукой крестъ и въ упоръ заявилъ:

— Такъ я ничего не понимаю! Гдѣ лѣсъ—понимаю! Гдѣ болота — понимàю! Гдѣ мы — понимаю! А гдѣ „они“—ничего не понимаю.

Олехновичъ глядѣлъ на начальника отряда и чувствовалъ, что въ кожаной курткѣ становится тѣсно дышать.

Кровь прилила къ головѣ, а ладони рукъ стали мокрыми.

Онъ вынулъ платокъ, помялъ его въ лѣвой рукѣ, потомъ переложилъ въ правую и тихо сказалъ:

— Когда прикажете?

— Сегодня, родной! Сейчасъ, дорогой! Сію же минуту, мой милый!

Олехновичъ свелъ каблуки и коротко поклонился.

Генералъ подошелъ къ нему снова, обнялъ за плечи, и оба они принялись тихо ходить изъ угла въ уголъ.

На поворотахъ начальникъ топтался на мѣстѣ, поворачивая поручика вокругъ себя, окидывая его печальными, ласковыми глазами, и нервно потрогивалъ свободной рукой шейный крестъ.

Франція. Битва на рѣкѣ Энъ. Взрывъ шрапнели надъ Суассономъ. Рѣдкая фотографія, снятая съ опасностью для жизни англійскимъ фотографомъ.

Франція. На походѣ. Полковой священникъ читаетъ отходную надъ могилой умершаго отъ ранъ офицера.

Библиотека "Руниверс"

Индійскія войска, отправленныя въ Европу, на помощь метрополіи—Англіи. Отрядъ на верблюдахъ.

„Какіе они всѣ хорошіе... Вотъ пришли проводить... Спасибо имъ...“ — растроганно думалъ Олехновичъ и пробовалъ руками тяжи, шевелилъ по очереди рулями, покачивалъ легонько крылья.

Онъ зналъ, что всѣ смотрятъ теперь на него, и боялся съ кѣмъ-нибудь встрѣтиться глазами.

Неожиданно въ толпѣ пробѣжало смятеніе, офицеры раздвинулись въ стороны, и все замолчало.

Пріѣхалъ начальникъ отряда и бодро сошелъ съ лошади на землю.

Не глядя ни на кого, онъ прошелъ къ аппарату и сталъ рядомъ съ поручикомъ.

— Ну, что? Полетимъ?—улыбнулся онъ Олехновичу.

— Я готовъ!—сказалъ Олехновичъ, забираясь на мѣсто.

Генералъ пожалъ ему руку и, опустивъ низко голову, отошелъ къ сторонѣ.

Механикъ пробрался впередъ и взялся за лопасть пропеллера.

Олехновичъ окинулъ глазами товарищей, опустилъ забрало и поднялъ вверхъ руку.

— Ну, съ Богомъ!—сказалъ генералъ.

— Счастливо!—раздалось у опушки, гдѣ стояли нѣмою толпой солдаты.

Механикъ качнулъ лопасть.

Щелкнуло четко и коротко.

Еще и еще...

Вздрогнули крылья ожившаго аппарата, и онъ загудѣлъ напряженно и весело.

Олехновичъ махнулъ рукой и поплылъ по лужайкѣ, мягко подскакивая на кочкахъ.

Вотъ онъ повисъ надъ землей, бросивъ опору, и круто забралъ сразу вверхъ, оставивъ внизу, на зеленой травѣ, только мутное облачко отработаннаго бензина.

Казакъ у опушки сдержалъ рванувшагося-было коня, задралъ голову кверху и раскрылъ ротъ.

— Новая дѣла!—промычалъ онъ обиженно.—Движенію имѣя увполнѣ, а въ крылахъ спокойствію соблюдая! Кубыть и впрямь съ винта ходя!

— Лѣсъ—наплевать,—говорилъ онъ, перебирая пальцами на плечѣ у поручика:—болота—тоже! А вотъ—рѣчка, голубчикъ мой... То, что за рѣчкой, и что по сю сторону... „Они“, однимъ словомъ... Это намъ важно! Задача, не скрою отъ васъ, предстоитъ намъ серьезная, и отъ успѣшности вашей развѣдки будетъ зависѣть очень и очень многое. Вы—наши очи... какъ это тамъ сказано?

Генералъ засмѣялся короткимъ смѣшкомъ, потомъ, точно вспомнивъ о чемъ-то, сталъ снова серьезенъ и продолжалъ говорить попрежнему тихо, сосредоточенно.

— Вотъ и все, дорогой, что мы отъ васъ потребуемъ,—кончилъ онъ, останавливаясь у стола:—а теперь съ Богомъ! Идите готовиться! Когда все наладите—пришлите сказать. Я выйду благословить на дорогу! Постойте, голубчикъ. Вы головной вашъ уборецъ забыли. Вотъ такъ. До свиданія.

Олехновичъ торопливо забралъ шлемъ и, когда надѣвалъ его, оправляя торчавшіе наушники, чувствовалъ, что щеки горятъ отъ смѣшного ребяческаго смущенія.

III.

Солдаты стояли плотной толпой. Всѣ жарко дышали и нудились.

— Вядуть!—сказалъ наконецъ конный казакъ и привсталъ на стременахъ, сдѣлавъ ладонью щитокъ надъ веселымъ расплывшимся лицомъ.

Солдаты завистливо поглядѣли на коннаго казака и полѣзли одинъ на другого.

— Эхъ, и конь жа!—не унимался казакъ.—Небось, усякаю препятствію произойтить могёть!

— А ты думалъ что? Ему это плюнуть раза.

— А чѣмъ яго въ пищію производять?

Солдаты не поняли казака и скромно смолчали.

— Чяво вонъ исть? Чи правда, чи нѣтъ—минѣ одинъ гутарилъ, что яво фитаженомъ ублаготворяють.

— Бензиномъ,—поправилъ солдатъ.

— Бянзиномъ? А ходя съ чяво?

— Винтомъ ходитъ! Винтъ у него напереди придѣланный!

Казакъ поглядѣлъ на солдата и крѣпко задумался. Потомъ покачалъ головой и коротко бросилъ съ коня:

— Будя табѣ астрелябію наводить! Штобъ съ винта имѣлъ дѣйствію? Не иначе—въ крылахъ трепыханіе долженъ содержать.

Солдаты дружно и весело разсмѣялись, а казакъ солоно выругался и отъѣхалъ въ сторонку.

Толпа зашумѣла.

Съ опушки на свѣжую зеленую лужайку свели аппаратъ, и теперь уже всѣмъ было видно, какъ плавно покачивались широкія, легкія крылья.

Впереди шелъ летчикъ, торопливо докуривая папиросу, а въ хвостѣ аппарата брели любопытные офицеры.

— Вотъ здѣсь,—указалъ Олехновичъ рукою и сталъ обходить аппаратъ, оглядывая его внимательными глазами.

Это былъ боевой аэропланъ.

Олехновичъ съ нимъ сжился давно и зналъ хорошо его высокія качества.

Въ мирное время полеты на немъ давали не мало тревоги и радости, а теперь обычное чувство углубилось еще сознаніемъ важной отвѣтственности, а возможность большой посторонней опасности придавала полету совсѣмъ небывалое, особенное значеніе и дѣлала его красивымъ и трогательнымъ.

Въ разговорахъ товарищей, во взглядахъ солдатъ, во всемъ обращеніи съ нимъ Олехновичъ почувствовалъ особую бережность, особую грустную теплоту и большое сердечное участіе. Отъ этого было тепло на душѣ, и вставали печальныя свѣтлыя думы.

Милосердный врагъ. Французскіе солдаты угощаютъ нѣмецкихъ плѣнныхъ.

Библиотека "Руниверс"

Солдаты прикрыли глаза безкозырками и жадно слѣдили за взлетомъ.

А аэропланъ все выше и выше всплывалъ въ голубое, спокойное небо, и гулъ отъ мотора тревожно и бодро сливался въ густыя, округлыя волны надъ притихнувшимъ лѣсомъ, залитымъ лучами веселаго свѣта.

Скоро на небѣ осталось одно только сѣрое пятно, да и то пропадало изъ виду, стоило только сморгнуть или отвести на минуту глаза въ сторону. И странно было подумать, глядя на мирно дымящуюся въ зеленой травѣ папиросу, что ее минуту тому назадъ держалъ въ рукѣ улетѣвшій поручикъ.

Генералъ сѣлъ на коня и отъѣхалъ тихонько къ опушкѣ, офицеры гуськомъ потянулись за нимъ, а солдаты разбились на кучки и тихо гудѣли, провожая глазами начальство.

Одинъ только казакъ на конѣ все стоялъ, словно вылитый, и его степные глаза слѣдили еще за далекой точкой, давно уже всѣми потерянной.

IV.

Уже двадцать минутъ офицеры безплодно глядѣли въ бинокли въ ту сторону, куда улетѣлъ Олехновичъ.

Всѣ знали, что эта развѣдка должна будетъ выяснить многое, о чемъ теперь только догадывались, и каждая лишняя минута казалась томительно-долгой. До сихъ поръ, день за днемъ, часъ за часомъ, продвигались впередъ опасливо, ощупью, натыкаясь то тамъ, то здѣсь на одинокіе разъѣзды прусскихъ драгунъ; иногда наши головные отряды попадали подъ выстрѣлы нѣмецкой пѣхоты, отходили назадъ и снова пытались прорваться въ незнакомыя, чужія мѣста; порой удавалось поймать языка или снять небольшой зазѣвавшійся пикетъ,—но все это только указывало на непосредственную близость враждебнаго лагеря, и по обрывкамъ туманныхъ, порою разнорѣчивыхъ, несвязанныхъ свѣдѣній не было силъ выяснить размѣры и истинное положеніе частей непріятельской арміи. Такія частичныя соприкосновенія въ одной плоскости, укрытой лѣсами, изрѣзанной оврагами, богатой болотами и наполненной дѣятельнымъ, осторожнымъ противникомъ, могли повести къ ошибочнымъ выводамъ и во всякомъ случаѣ лишали увѣренности въ цѣлесообразности принятыхъ мѣръ. Возможность же воздушной развѣдки надъ лагеремъ близкаго непріятеля съ широкимъ, открытымъ кругозоромъ вносила опредѣленность въ дальнѣйшія дѣйствія, позволяла однимъ острымъ взглядомъ окинуть всю сложность чужихъ, ревниво скрываемыхъ, построеній и сдѣлать прямые и точные выводы.

Начальникъ отряда многаго ждалъ отъ этой развѣдки и не меньше другихъ волновался, щуря усталые, выцвѣтшіе глаза на пустое, бездонное небо.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бой съ германскимъ бронированнымъ пулеметомъ. Рисунокъ **И. Владиміров**а.

Съ поля битвы.

Разсказъ **Л. Григорова.**

Въ домѣ Полуниныхъ невѣроятный переполохъ: изъ маленькаго городка П., завоеваннаго русскими войсками въ Галиціи, получена телеграмма:

„Раненъ но живъ здоровъ ѣду домой Петя“.

Телеграмма помѣчена шестымъ числомъ, а уже одиннадцатое, съ часу на часъ можетъ подкатить поѣздъ, и милый, славный Петя будетъ въ семейномъ кругу, всѣ услышатъ его голосъ, увидятъ его лицо... Боже мой, онъ живъ-здоровъ, его только ранили!..

Глава семьи, отставной полковникъ Владиміръ Сергѣевичъ, волнуется больше всѣхъ: онъ все потряхиваетъ сѣдой, какъ у кудесника, бородой и въ сотый разъ повторяетъ одни и тѣ же слова:

— Надо принять воина, надо принять... Господи, защитникъ отечества... Бился за честь и славу... Неустрашимо сражался съ врагомъ... Надо принять съ великими почестями поручика великой русской арміи Петра Полунина!..

— Да перестань ты, — перебиваетъ его жена Анна Николаевна.—Кто же говоритъ, что не надо принимать? Какой ты смѣшной, Володя... Какой ты... Ахъ, Петя, нашъ Петя!..

Она смѣется и плачетъ, бросается на грудь стараго полковника, заливаетъ его радостными слезами, бормочетъ что-то совсѣмъ непонятное. Полковникъ волнуется еще больше, но старается утѣшить старую подругу:

— Ну, зачѣмъ плакать? Что за вздоръ... Ахъ, что такое... Перестань...

Но у него у самого глаза покрываются влагой... Когда это съ нимъ бывало...

— Тьфу, ты, безобразіе!..

Слезы сверкаютъ и на глазахъ дочери Лиды, не помнитъ себя

Библиотека "Руниверс"

отъ радости и пожилая кухарка Степанида. Только одинъ гимназистъ Степа не можетъ понять, что̀ такое особенное случилось, что въ домѣ все пошло кувыркомъ, все переполошилось... Онъ косится на всѣхъ и говоритъ, ни къ кому не обращаясь:

— Вотъ удивительные люди... Петя вамъ задастъ, когда пріѣдетъ. Онъ не любитъ, когда такое дѣлаютъ. Онъ настоящій вояка.

И Степа сохраняетъ на лицѣ серьезную мину. Въ глубинѣ души онъ страшно завидуетъ брату своему Петѣ, что вотъ тому удалось повоевать съ австрійцами и получить рану: въ городѣ теперь будутъ считать его героемъ... Всѣ будутъ смотрѣть на него съ уваженіемъ и со страхомъ. Онъ знаетъ, что̀ такое бомбы и пули, что̀ такое атака и штурмъ... Какъ это хорошо биться съ врагомъ, побѣдить его и возвратиться съ войны домой! Лицо обожжено порохомъ, грудь прострѣлена, голова забинтована, видны одни только глаза... Степѣ въ минуты такого раздумья была ненавистна его гимназическая курточка, но еще противнѣе было это возмутительное, ни на что негодное дѣтство... Приходилось только слышать, какъ бьются и отличаются другіе, приходилось только завидовать имъ...

Восторги, поливаемые слезами, длились въ домѣ очень долго, и никакихъ мѣръ къ принятію милаго Пети не принималось. Наконецъ старый полковникъ взялъ себя въ руки, принялъ позу начальствующаго, и по всему дому понеслись его приказы:

— Очистить совершенно Петину комнату отъ женскаго хлама! Приготовить постель, покрыть ее чистымъ, бѣлоснѣжнымъ бѣльемъ! Все время провѣтривать комнату! Чтобы ни одной пылинки! Сколотить на всякій случай носилки, если въ автомобилѣ будетъ неудобно! Сообщить Михайлѣ Иванычу, чтобы онъ присутствовалъ при прибытіи поѣзда даже и тогда, если поѣздъ придетъ въ три часа ночи!

Приказы сыпались одинъ за другимъ, но самаго главнаго полковникъ не отдавалъ или считалъ его не столь важнымъ: въ сосѣднемъ городѣ К. въ лазаретѣ для раненыхъ воиновъ въ качествѣ сестры милосердія работала невѣста Пети, Наташа—и кого, какъ не ее, слѣдовало бы извѣстить о радостномъ событіи,—и объ этомъ позаботилась Лида. Она послала по телеграфу краткое сообщеніе:

„Пріѣзжай. Петя возвращается“.

Поѣздъ съ раненымъ поручикомъ прибылъ утромъ. Докторъ Михайло Иванычъ едва поспѣлъ къ его приходу. Семейство Полуниныхъ въ сильномъ волненіи стояло на перронѣ. Степа съ отвращеніемъ поглядывалъ на носилки, застывшія въ четырехъ

Кощунство германцевъ. Рисунокъ **И. Владимірова.**

Библиотека "Руниверс"

Плѣнные германскіе офицеры и солдаты. Рисунокъ И. А. Владимірова.

крѣпкихъ рукахъ внезапно появившихся санитаровъ-добровольцевъ. За станціоннымъ зданіемъ величаво замеръ громадный новый автомобиль, взятый на прокатъ.

На площадкѣ вагона, опираясь на палку, показался блѣдный отъ волненія офицеръ. Онъ сразу увидѣлъ свою семью и улыбнулся широкой радостной улыбкой...

— Петя! Петечка! Милый!..

Докторъ Михайло Иванычъ съ серьезнымъ до чрезвычайности лицомъ рѣшительно приблизился къ вагону, вскочилъ на ступеньку, пожалъ поручику руку, внезапно обхватилъ его за талію и поставилъ на каменныя плиты перрона.

— Что вы, что вы, Михайло Иванычъ... Я могу самъ...—слабо проговорилъ раненый.

Мать первая бросилась къ нему на шею, пробормотавъ что-то никому непонятное. Лида въ одно мгновеніе прижалась къ его плечу, стала цѣловать помятую, сильно загрязненную, солдатскую шинель... Старый полковникъ стоялъ нѣсколько поодаль и ежесекундно кряхкалъ, кашлялъ, но въ концѣ концовъ не смогъ совладать съ собой, глаза его застлало словно туманомъ, и вдругъ онъ сорвался съ мѣста:

— Петрусь!.. Родной!.. Защитникъ!.. Честь и слава!.. Петя, Петя!

А за отцомъ не выдержалъ и Степа. Онъ удивился только тому, что на братѣ не было ни единой повязки, и на лицѣ не замѣчалось и слѣдовъ вражескаго пороха...

Старый полковникъ первымъ пришелъ въ себя—и посыпались его приказы:

— Носилки! Живо носилки! Михайло Иванычъ, сюда! Помочь надо!

Но Михайло Иванычъ былъ тутъ какъ тутъ, и носилки съ санитарами находились въ двухъ шагахъ. Все было готово. За станціоннымъ зданіемъ свирѣпо зачухкалъ, точно разсердился на всѣхъ, автомобиль.

— Папа, что съ тобой?—слабо сказалъ раненый.—Какія тамъ носилки... Я пѣшкомъ могу дойти.

— Автомобиль!—скомандовалъ полковникъ.

— Ну, это другое дѣло,—согласился поручикъ.

Поддерживаемый отцомъ и Михайлой Иванычемъ, онъ тихо пошелъ къ выходу. Позади шли мать и сестра, а Степа заскочилъ впередъ и, быстро очутившись около автомобиля, съ большимъ интересомъ сталъ разглядывать переднюю часть его.

— Въ ногу, въ одну ногу раненъ?—спросилъ у сына старый полковникъ.—Въ одну ногу? Шрапнелью или пулей? А?

— Да, да, папа, въ одну ногу. Въ правую. Глупая пуля разо-

Библиотека "Руниверс"

рвала какую-то тамъ жилку. Совсѣмъ чепуховая рана. Вздоръ. Ты, папа, и не спрашивай. Я такъ злюсь, что не могу ступать прямо. Не могу вотъ ногу эту выравнять... Чуть захочу, такъ больно дѣлается.

— Ничего, ничего, заживетъ, скоро заживетъ. У Евграфа Евграфыча въ японскую кампанію всѣ жилки подъ колѣнкой перервало—и ничего, ходитъ и будетъ ходить... молодцомъ!

— Ну, конечно, все пустяки, папа, я тоже буду еще молодцомъ.

Подошли къ автомобилю. Старый полковникъ засуетился, но раненый обернулся къ дамамъ и, слабо улыбаясь, сказалъ:

— Пусть, папа, раньше дамы сядутъ.

— Что ты, что ты, Петенька!—воскликнула Анна Николаевна.—Какія тамъ дамы... Садись прежде самъ, какъ тебѣ будетъ поудобнѣе. Да, что жъ ты смотришь, Володя!.. Ну, сажай его, голубчика. Михайло Иванычъ, да помогите же...

Михайло Иванычъ, ни слова не говоря, поднялъ поручика крѣпкими руками и бережно усадилъ на мягкое сидѣнье.

— Мамочка, садись рядомъ со мной.

Михайло Иванычъ помогъ и Аннѣ Николаевнѣ, усадилъ и Лиду. Вскочилъ въ автомобиль и Степа. Лицо его горѣло восторгомъ,—онъ страшно любилъ ѣзду на автомобилѣ.

— Ну, и поѣзжайте,—сказалъ полковникъ.—А мы съ Михайлой Иванычемъ на извозчикѣ доберемся.

Еще свирѣпѣе зачухкалъ автомобиль („какъ пропеллеръ", — пронеслось въ головѣ Степы), подергался сначала на мѣстѣ, потомъ двинулся и скоро исчезъ, повернувъ за уголъ улицы.

— Заживетъ... Жилка заживетъ...—бормоталъ старый полковникъ, садясь съ докторомъ въ экипажъ.—Надо благодарить Бога... Помиловалъ... Господь-Вседержитель... На васъ всѣ надежды, Михайло Иванычъ. Вы должны привести ногу въ соотвѣтствующее положеніе. Должны приложить всѣ свои знанія. Насталъ и вашъ чередъ.

Михайло Иванычъ послѣ каждой фразы полковника кивалъ головой и, когда тотъ умолкъ, серьезно и убѣжденно проговорилъ:

— Непремѣнно вылѣчимъ. Непремѣнно.

— Ну, разсказывай, расказывай, какъ ты былъ раненъ,—сказалъ старый полковникъ, когда всѣ очутились въ столовой за завтракомъ.

Тутъ былъ и Михайло Иванычъ. Онъ уже внимательно освидѣтельствовалъ раненую ногу поручика и нашелъ, что „все пустяки, и черезъ недѣлю или двѣ нога будетъ здоровой". Нѣсколько паръ глазъ жадно впилось въ воина, а онъ сидѣлъ смущенный, недоумѣвающій. То, что приключилось, казалось ему пустякомъ, не заслуживающимъ никакого вниманія, говорить даже объ этомъ не хотѣлось,—но семья насторожилась и ждала интересныхъ подробностей, и нужно было разсказывать.

— Это сущіе пустяки, папа...—началъ онъ и оборвалъ.

— Ну, не скромничай, Петрусь, не прикидывайся ужъ такимъ неслыханнымъ героемъ. Разскажи все по порядку, а мы послушаемъ. Налей-ка, Анна, ему еще чайку.

— Цеппелинъ въ васъ бомбы бросалъ?—вдругъ спросилъ Степа.

— Нѣтъ, нѣтъ, не бросалъ,—улыбнулся поручикъ.—У австрійцевъ, кажется, нѣтъ цеппелиновъ.

— А аэропланы летали?

— Аэроплановъ сколько хочешь было.

— А не страшно?

— Ничуть. Напротивъ, даже интересно смотрѣть было. Два аэроплана мы, какъ птицъ, подстрѣлили,—такъ и брякнулись на землю.

— И разбились?

— Конечно. И съ нашей стороны тоже летали. Всѣ благополучно возвращались. Я самъ одинъ разъ поднимался, развѣдку дѣлалъ. Ахъ, какъ чудно глядѣть сверху, а какъ посмотришь еще въ бинокль, то все видно, какъ на ладони. Каждаго солдата въ отдѣльности видишь, каждое движеніе видишь,—только ничего не слышно: пропеллеръ шумитъ, какъ бѣшеный. Мнѣ запомнился паръ, который валилъ отъ полевой кухни, и солдатъ, усердно мѣшавшій что-то въ котлѣ, должно-быть, кашу. Аэропланъ мчится, какъ угорѣлый, а ты сидишь и наблюдаешь, силы непріятельскія считаешь. И вдругъ—какъ тряхнетъ, какъ рванетъ, какъ шарахнетъ... Это, значитъ, бомба вражеская пролетѣла близко, дала промахъ. Аэропланъ получилъ легкую контузію. Чуть не перекувырнулся.

— Страшно?—замирающимъ голосомъ спросилъ Степа.

— Не страшно, а крайне непріятно. Хуже всякаго землетрясенія. А потомъ, когда еще нѣсколько разъ рвануло, то будто и ничего, привыкаешь какъ будто и къ этому. Ахъ, на войнѣ очень быстро ко всему привыкаешь. Въ началѣ битвы, первой битвы, какъ-то не по себѣ. Пока еще нѣтъ выстрѣловъ, то жутко, такъ жутко, что кажется, не выдержишь. А только началось... упалъ одинъ, другой, третій—все проходитъ. На убитыхъ смотришь вотъ точно такъ, какъ на листья, упавшіе съ дерева. Послѣ одного боя я бродилъ среди труповъ, смотрѣлъ и совсѣмъ не думалъ о нихъ, а думалъ о томъ, что у васъ тутъ дѣлается, какъ вы тутъ поживаете, что подѣлываете. Вотъ такъ чайку хотѣлось попить съ вами, поболтать... И къ грохоту орудій скоро привыкаешь. Бывало такъ: непріятель палитъ въ насъ издалека, а ты усталъ, ну, сорокъ восемь часовъ былъ на ногахъ, нужно хоть немного отдохнуть,—спрячешься за какой-нибудь холмикъ и прикурнешь какъ ни въ чемъ не бывало и спишь, какъ убитый, подъ выстрѣлы.

— А если бъ австрійская бомба прилетѣла? — встревоженно спросилъ Степа.

— Богъ миловалъ...—тихо проговорила Анна Николаевна.

— Ну, поспалъ часъ-другой, — продолжалъ поручикъ: — проснулся, и опять за работу. Долго мы не застаивались на одномъ мѣстѣ, все наступали и наступали. Передвигались очень быстро, и австрійцамъ отъ насъ не было отдыха. Атакъ на нихъ мы устраивали безчисленное множество, и вотъ въ одной схваткѣ они и подстрѣлили меня. Я не упалъ сразу, а еще минутъ двадцать бѣжалъ съ подстрѣленной ногой. Подъемъ былъ необыкновенный,—и оторви они мнѣ совсѣмъ ногу, я поскакалъ бы впередъ, кажется, на одной ногѣ. Совершенно забываешь объ опасности и къ пулямъ испытываешь такое же чувство, какъ къ мухамъ... Потомъ, когда меня привезли въ лазаретъ, я пережилъ что-то очень непріятное. Напала такая меланхолія, что радъ себѣ не былъ. И странно: стало страшно, и начали мерещиться передъ глазами видѣнныя картины. То одна рука, сжатая въ кулакъ, то оторванный палецъ будто грозитъ тебѣ, то въ ушахъ загудитъ такъ, словно стонетъ надъ головой тысяча безумныхъ. Ты слышишь свирѣпый грохотъ или трескъ пулеметовъ, и хочется вскочить на ноги и мчаться куда-то... Или еще такое покажется, чего на самомъ дѣлѣ и не было, а можетъ, и было, но не помнишь. И страшно, очень страшно...

Поручикъ умолкъ. И всѣ молчали. Степа горящими глазами пожиралъ брата. Сердце его колотилось и замирало. Лицо поблѣднѣло, и чуть шевелились губы.

— А въ лазаретъ не стрѣляли?—глухо спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не стрѣляли,—отвѣтилъ поручикъ.—Если бъ стрѣляли, то, быть-можетъ, ничего и не мерещилось бы. Тишина была въ лазаретѣ, кто-нибудь постонетъ, постонетъ—и тишина. Сестры въ свѣтломъ, какъ ангелы, ухаживаютъ, и эти сестры послѣ пушекъ тоже какъ-то пугаютъ, одолѣваетъ какой-то мистическій страхъ, точно на тотъ свѣтъ попалъ. Видишь нѣжныя руки, добрыя лица, ласковые глаза, чувствуешь тепло, уютъ—и не вѣришь, что это на землѣ, что это все живое, настоящее... Смертная тоска охватываетъ, хочется убѣжать на поле битвы, хочется грохота, криковъ, треска... Это, вѣроятно, оттого, что я цѣлый мѣсяцъ провелъ на поляхъ, цѣлый мѣсяцъ слышалъ грохотъ, вой ядеръ, визжаніе пуль. И меня долго поражала тишина, свѣтлыя, ласковыя лица сестеръ. А однажды я не выдержалъ... сорвался съ койки, бросился къ выходу... Меня схватили и опять уложили. Повредилъ что-то въ ногѣ. А потомъ... ничего, прошло. Привыкъ къ тишинѣ, съ радостью по утрамъ встрѣчалъ свою сестру, цѣловалъ ея руку и, странно—думалъ о томъ, что...

Поручикъ не договорилъ. Рѣзкій электрическій звонокъ прервалъ его.

— Это—Наташа! Я чувствую!—воскликнула Лида и бросилась къ дверямъ.

— Наташа...—тихо пробормоталъ раненый.

Черезъ нѣсколько мгновеній въ столовую вошла стройная дѣвушка съ симпатичнымъ лицомъ въ формѣ сестры милосердія. Она окинула взглядомъ комнату и остановила глаза на поручикѣ. Онъ поднялся, но она быстро обошла столъ и приблизилась къ нему:

— Петя!..

— Наташа!..

Они поцѣловались. Мать не могла не всплакнуть, глядя на эту встрѣчу, старый полковникъ сталъ кряхкать, Лида полѣзла въ карманъ за платочкомъ, а Степа былъ безучастенъ. Онъ задумался о томъ, почему это на самой войнѣ не страшно, а послѣ войны, въ лазаретѣ, нападаетъ страхъ?.. Это что-то совсѣмъ непонятное. Вѣдь и на войну ему хочется пойти только потому, что тамъ страшно, что каждую минуту придется замирать отъ ужаса и приводить въ еще большій ужасъ непріятеля, чтобы волосы у него постоянно стояли дыбомъ, глаза были навыкатѣ, какъ дурные, ноги коченѣли и дѣлались, какъ чурбаны... А въ лазаретѣ... Вотъ ерунда...

Бесѣда въ столовой продолжалась еще очень долго... Много интереснаго услышала семья...

Раненый поручикъ потомъ часто прогуливался по улицамъ города. Опираясь на палку, онъ тихо шагалъ по тротуарамъ въ сопровожденіи маленькаго гимназиста.

— Мнѣ больно ходить, — говорилъ поручикъ гимназисту: — но мнѣ хочется выпрямить понемногу свою ногу. Мнѣ вовсе не хочется, чтобы она застыла въ согнутомъ положеніи.

Встрѣчавшіеся обыватели съ глубокимъ уваженіемъ смотрѣли на раненаго воина. Нѣкоторые снимали передъ нимъ свои шляпы. А одинъ, загородивъ дорогу, попросилъ у поручика позволенія пожать ему руку.

— Вы за всѣхъ насъ бились...—проговорилъ еще этотъ обыватель.—За всѣхъ...

Раненый сильно смутился, покраснѣлъ, но горячо пожалъ протянутую руку. Боже мой, онъ ровно ничего не сдѣлалъ! Онъ не знаетъ, за что его благодарятъ...

Степа замиралъ, глядя на брата...

Библиотека "Руниверс"

Лодзь.

(Изъ дневника военнаго корреспондента).

Н. Н. Брешко-Брешковскаго.

Деньги въ Лодзи. Банковый «бонъ» въ 50 копеекъ, по которому сумма будетъ уплачена «черезъ три мѣсяца послѣ подписанія договора о мирѣ». Боны эти были выпущены мѣстными банками на миллiонъ рублей на мелкія суммы въ 1 р., 50 к. и 20 к., въ виду отсутствія размѣнной монеты въ городѣ, подвергшемся захвату нѣмцевъ.

Тяжкую участь жизнерадостнаго, чистенькаго, наряднаго Калиша, превращеннаго въ жалкія руины, раздѣлили и нѣкоторые уѣздные города, въ томъ числѣ и Ченстоховъ, нѣмецкій гарнизонъ котораго словно соперничалъ въ грабежахъ, безобразіяхъ и жестокостяхъ съ вторгнувшейся въ Калишъ ордою майора Прейскера.

Приближеніе русскаго отряда обратило храбрыхъ завоевателей въ постыдное бѣгство. И это, вѣрнѣе сказать, было даже не приближеніе нашего отряда, а скорѣе его призракъ, уже дополненный и расцвѣченный пугливой фантазіей нѣмцевъ. Но объ этомъ мы скажемъ потомъ.

Сидя въ Варшавѣ, я зналъ, что пруссаки не оставили въ Лодзи никакихъ вещественныхъ воспоминаній о своемъ посѣщеніи. Но все же меня потянуло въ Лодзь. Меня интересовало другое. Интересовало отношеніе лодзинскихъ нѣмцевъ-фабрикантовъ къ своимъ воюющимъ сородичамъ. Любопытно было провѣрить всѣ эти разсказы на мѣстѣ.

И вотъ я поѣхалъ въ Лодзь, находящуюся отъ Варшавы въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды.

Этотъ громадный, съ полумилліоннымъ населеніемъ, фабричный центръ въ силу событій оказался на нѣкоторое время отрѣзаннымъ отъ имперіи въ смыслѣ телеграфнаго и почтоваго сообщенія. По распоряженію высшихъ властей, покинувшимъ Лодзь чинамъ почтово-телеграфнаго вѣдомства передъ вступленіемъ пруссаковъ было велѣно испортить всѣ аппараты и закрыть почту.

Лодзь — городъ чисто-американскаго типа, не развивавшійся медленно, постепенно, исторически, а создавшійся скоро и спѣшно по причинамъ характера экономическаго. Онъ застраивался лихорадочно быстро, и не успѣли еще прорѣзаться ровные правильные кварталы и длинныя улицы, прямыя, словно по линейкѣ, какъ уже повсюду выростали изъ-подъ земли многоэтажные дома.

И еще стремительнѣе, опережая дома, выростали громадные фабрики и заводы. Все это по преимуществу нѣмецкое. Среди сотенъ лодзинскихъ фабрикъ польскія и еврейскія являются лишь исключеніемъ. Вся промышленность, по крайней мѣрѣ созидательная, обрабатывающая, въ рукахъ нѣмцевъ, частью русскихъ подданныхъ, частью же германскихъ. Но и тѣ и другіе одинаково обращаютъ свои взоры на западъ, одинаково радѣютъ своему фатерланду.

Взаимоотношеніе между этими фабрикантами и германскимъ правительствомъ — самое тѣсное. Дѣйствительность показала совершенно противоположное. Ни смутъ, ни броженій, ни революцій, а наоборотъ—общее единодушіе, спаянное искреннимъ, дружнымъ и горячимъ желаніемъ бороться всѣми силами противъ нашествія германскихъ варваровъ.

Поляки совсѣмъ не оправдали надеждъ. Они успѣли проявить и проявляютъ съ каждымъ днемъ преданность Россіи и своему Государю, а нѣмецкое нашествіе встрѣчаютъ съ поголовной ненавистью.

Достойно вниманія возникновеніе въ Лодзи многихъ нѣмецкихъ предпріятій. Всѣ они создались на средства государственнаго казначейства въ Берлинѣ. Правительство намѣчало среди своихъ нѣмцевъ наиболѣе способныхъ и смышленыхъ піонеровъ, имъ отпускали ту или другую кругленькую сумму съ напутствіемъ:

— „Идите, селитесь, размножайтесь, богатѣйте и оповѣщайте насъ обо всемъ, что будете видѣть, слышать и узнавать!..

Такимъ образомъ на гигантскихъ фабрикахъ, кирпично-краснымъ каменнымъ кольцомъ окружившихъ Лодзь, создавались цѣлые планы и заговоры.

Поучителенъ въ данномъ случаѣ примѣръ бельгійскаго Антверпена. Въ одномъ изъ большихъ домовъ наканунѣ объявленія войны обнаруженъ былъ мѣстной жандармеріей цѣлый секретный вещевой складъ. Нашли полное нѣмецкое обмундированіе для двухъ тысячъ солдатъ. Каски, шинели, мундиры, винтовки. Въ Антверпенѣ проживало нѣсколько тысячъ германскихъ запасныхъ солдатъ и офицеровъ. Было рѣшено между ними, что въ моментъ подхода германскихъ войскъ къ Антверпену всѣ нѣмцы со скоростью трансформаторовъ переодѣнутся въ военное и займутъ городъ изнутри. Довольно вѣренъ былъ психологическій расчетъ на панику среди антверпенцевъ, но коварный замыселъ не удался, къ счастью, для нашихъ союзниковъ. Всѣ запасные были предусмотрительно арестованы, и тотчасъ же вслѣдъ за этимъ жандармы нашли заботливо приготовленную и спрятанную обмундировку.

Но не будемъ гадать о томъ, что могло бы случиться, а взглянемъ на то, что уже имѣется подъ руками въ качествѣ обвинительнаго матеріала. Еще до появленія въ городѣ пруссаковъ лодзинскіе нѣмцы занялись подготовленіемъ почвы.

Слишкомъ осторожные для личныхъ выступленій, фабриканты дѣйствовали черезъ своихъ агентовъ—комми-вояжеровъ, механиковъ, старшихъ мастеровъ и служащихъ въ конторахъ.

Агенты, оглядываясь съ опаскою, говорили на улицахъ, въ кинематографахъ, парикмахерскихъ, въ уголкахъ ресторановъ:

„Бронированный нѣмецкій кулакъ разгромитъ Россію,—въ этомъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Всякое сопротивленіе безполезно и только ухудшитъ положеніе побѣжденныхъ. Нѣмцы несутъ съ собою всѣ блага культуры, государственности, просвѣщенія и свободы. Одна изъ главныхъ задачъ Германіи — возродить былую Польшу. Насколько правительство озабочено польскимъ вопросомъ, это видно изъ того, что въ Берлинѣ уже поднимался вопросъ о будущей коронѣ. По всей вѣроятности, возложить на себя польскую корону сынъ императора Вильгельма принцъ Іоахимъ... Вотъ почему надо встрѣтить нѣмцевъ съ покорностью и окружить ихъ заботливымъ вниманіемъ...“

Такъ сладко пѣли нѣмецкіе агенты. Но имъ никто не вѣрилъ, ни одному слову. Во-первыхъ, отношеніе Вильгельма къ полякамъ было хорошо извѣстно по неслыханнымъ притѣсненіямъ, жестокостямъ и репрессіямъ въ Познани, а во-вторыхъ, медовыя рѣчи шпіоновъ запоздали. Во время этихъ агитаціонныхъ соблазновъ Прейскеръ въ Калишѣ уже успѣлъ сверкнуть всѣми цвѣтами радуги „нѣмецкой культуры и государственности“. Уже Ка-

Лодзь. „Старый рынокъ“, гдѣ была продажа конфискованныхъ у нѣмцевъ каретъ, экипажей и фургоновъ.

Библиотека "Руниверс"

Лодзь. Фабричный пейзажъ.

лишъ пылалъ весь въ пламени, уже грохотали орудія, разстрѣливавшія мирные дома обывателей, а улицы были покрыты изуродованными трупами несчастныхъ жертвъ.

И когда нѣмцы вступили въ Лодзь, весь городъ встрѣтилъ ихъ со сдержанной молчаливой враждебностью.

Къ вечеру улица на большомъ пространствѣ усѣяна была храпѣвшими нѣмцами, и получилось впечатлѣніе не регулярнаго отряда, занявшаго непріятельскій городъ, а пьяной орды голодныхъ дикарей, которые нѣсколько дней ничего не ѣли и дорвались наконецъ до мяса и безплатнаго пива, которымъ насасываться можно было до потери образа человѣческаго...

А польское населеніе мрачно, запершись у себя по домамъ, съ тревогою думало, что-то будетъ дальше? На основаніи поучительнаго калишскаго примѣра, оно могло ожидать послѣ этого относительно спокойнаго пролога болѣе энергичныхъ дѣйствій, а именно грабежей и убійствъ.

Но ни грабить ни убивать, по крайней мѣрѣ здѣсь и сейчасъ, нѣмцы не имѣли времени, преслѣдуя какую-то, имъ однимъ извѣстную, стратегическую задачу. На слѣдующій день проспавшіеся и съ опухшими отъ пьянства физіономіями двинулись они къ востоку отъ Лодзи въ составѣ эскадрона конницы и батальона пѣхоты.

За Лодзью кавалерія и пѣхота отдѣлились другъ отъ друга, направившись разными путями.

По дорогѣ батальонъ всячески старался вывѣдать у сельскихъ жителей, нѣтъ ли поблизости русскихъ войскъ. Смѣшное недоразумѣніе явилось поводомъ къ тому, что нѣмцы поспѣшно отступили изъ Лодзи. Вѣрнѣе, это было трусливое, безпорядочное бѣгство.

Въ своемъ наступательномъ движеніи они встрѣтили старыхъ бабъ. И обратились къ нимъ съ тѣмъ же вопросомъ, съ которымъ обращались ко всякому прохожему:

— Нѣтъ ли поблизости казаковъ?

Бабы поняли это по-своему. Онѣ менѣе всего думали о казакахъ, наводящихъ на нѣмцевъ такую панику. Польское простонародье называетъ „казаками" бѣлые грибы. И бабы отвѣтили съ полной добросовѣстностью:

— Казаковъ много—вотъ въ этомъ сосѣднемъ лѣсу. И все такіе крупные, красноголовые. У каждаго дерева чуть ли не сотня!..

Можно представить себѣ испугъ нѣмцевъ:

„Мало того, что много казаковъ, но ко всему этому еще отборный народъ, человѣкъ къ человѣку, очевидно, гвардія, и у нихъ красноверхія шапки"...

Нѣмцы давай Богъ ноги. Бросились назадъ въ село, которое только-что миновали. Торопя угрозами и побоями, они выгнали изъ хатъ все мужское населеніе, требовали скорѣе запрягать возы. Кое-какъ, разсѣвшись вповалку вмѣстѣ съ офицерами, пруссаки велѣли гнать что есть духу.

Батальонъ превратился въ „ѣздящую пѣхоту". Но ѣздившую не для того, чтобы скорѣе попасть на позиціи, а чтобы унести свои головы отъ страшныхъ казаковъ въ красныхъ шапкахъ.

Вся эта кавалькада на возахъ съ грохотомъ промчалась по лодзинскимъ улицамъ, на которыхъ они два дня назадъ такъ весело пировали.

Крайне характеренъ для нѣмцевъ финалъ этого бѣгства. Они оказались не только трусами, но и гнусными грабителями.

Когда призракъ опасности очутиться въ страшныхъ казацкихъ лапахъ разсѣялся, и они докатились на мужицкихъ возахъ подъ защиту своего главнаго отряда, стоявшаго на границѣ, нѣмцы поспѣшили „конфисковать" у своихъ спасителей и лошадей и возы. А когда „спасители" пытались вступиться за свою собственность, ихъ безпощадно избивали. И вернулись мужики въ свое село съ пустыми руками и, въ довершеніе всего, въ синякахъ и въ крови...

Такова картина кратковременнаго пребыванія нѣмцевъ въ Лодзи и ея окрестностяхъ.

Картина, что и говорить, въ достаточной степени отвратительная, но въ сравненіи съ калишскими и ченстоховскими „дѣйствами" пруссаковъ она производитъ впечатлѣніе положительной пасторали.

Изъ этого вовсе однако не слѣдуетъ, что нѣмцы, посѣтившіе Лодзь, гуманнѣе и человѣчнѣе своихъ товарищей, засѣвшихъ въ двухъ упомянутыхъ городахъ. А просто имъ не было времени какъ слѣдуетъ развернуться. И если бы не бабы, сообщившія о казакахъ въ сосѣднемъ лѣсу, неизвѣстно, во что превратили бы нѣмцы и всю богатую Лодзь и весь уѣздъ.

Лодзинскій полицмейстеръ, капитанъ Чесноковъ, отмѣчая безупречное поведеніе мѣстныхъ поляковъ, въ бесѣдѣ со мною дополнилъ и безъ того опредѣленно сложившуюся характеристику нѣмецкихъ фабрикантовъ.

Какъ мы уже говорили, среди фабрикантовъ имѣлись и германскіе подданные. Одни задержаны и отправлены вглубь страны, другіе, болѣе ловкіе и дальновидные, успѣли уѣхать на родину въ самомъ началѣ мобилизаціи. Самый крупный суконщикъ—Леонардъ, по словамъ капитана Чеснокова, исчезъ при условіяхъ, довольно загадочныхъ. Фабрика Леонарда—этотъ цѣлый городъ главныхъ корпусовъ, флигелей и особнячковъ, разбросанныхъ въ паркѣ, обнесенномъ высокой каменной стѣной,—бездѣйствуетъ. Тихо, пустынно, не дымятся трубы.

Впрочемъ, теперь всѣ лодзинскія фабрики бездѣйствуютъ.

Споконъ вѣку сотни лодзинскихъ заводовъ и фабрикъ снабжались каменнымъ углемъ изъ сосѣдняго Домбровскаго округа. Но весь запасъ этого угля частью вывезенъ нѣмцами въ Пруссію, частью охраняется до поры до времени сидящими тамъ непріятельскими отрядами.

Лодзи съ ея двухсоттысячной арміей рабочихъ грозилъ настоящій физическій голодъ. Тогда группа мѣстныхъ банкировъ выпустила „собственныя" бумажныя деньги, такъ называемые „боны", въ 20 к., 50 к. и 1 рубль (см. стр. 793).

Въ этомъ краѣ боны выпущены были единственный разъ въ 1863 году, во время польскаго возстанія. Боны дѣйствительны какъ въ самой Лодзи, такъ и во всемъ уѣздѣ. Въ ресторанахъ и магазинахъ я получалъ бонами сдачу и самъ расплачивался бонами.

Повсемѣстная конфискація въ Россіи „средствъ передвиженія" у германскихъ и австрійскихъ подданныхъ не могла не коснуться и Лодзи, гдѣ такъ много подданныхъ этихъ обѣихъ воюющихъ съ нами странъ. Я видѣлъ на площади „Стараго рынка" множество экипажей, каретъ, колясокъ, фургоновъ и бричекъ, выставленныхъ для продажи съ публичныхъ торговъ. Все это — бывшая собственность лодзинскихъ фабрикантовъ, представляющая въ общемъ полумилліонную стоимость.

Лодзь—классическій городъ бандитовъ. Не проходитъ ночи и даже дня безъ нѣсколькихъ убійствъ и крупныхъ грабежей. Мѣстная полиція при самомъ добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу по малочисленности своего штата не можетъ справиться съ этой чудовищной арміей убійцъ, мошенниковъ и воровъ, приблизительно равняющейся сорока тысячамъ. Нѣкоторые лодзинскіе бандиты прославились на всю Россію, соперничая кровавой популярностью своей со знаменитою въ свое время въ Парижѣ шайкою Гарро. Особенно отличался нѣкій Рихардъ Вильгельмъ Фремель. Даже среди лодзинскихъ бандитовъ этотъ негодяй, провокаторъ, убійца и подкалыватель былъ на дурномъ счету. Водиться съ нимъ бандиты считали для себя дурнымъ тономъ. Преслѣдуемый полиціей, онъ вынужденъ былъ покинуть Лодзь, уѣхалъ на родину и жилъ подъ Берлиномъ въ Шарлоттенбургѣ.

Вспыхнула война, и этотъ разбойникъ и поджигатель поступилъ волонтеромъ въ прусскую армію и вмѣстѣ съ нею двинулся въ Россію за „воинскими лаврами".

Многіе калишане, которымъ часто приходилось ѣздить по дѣламъ въ сосѣднюю Лодзь, знали хорошо Фремеля. Каково же было ихъ изумленіе, когда они увидѣли этого гонимаго русской полиціей преступника уже въ военной формѣ и бокъ-о-бокъ съ майоромъ Прейскеромъ. Всюду въ Калишѣ эти двѣ темныя личности появлялись вмѣстѣ, и, видимо, связывала ихъ самая тѣсная дружба. Есть основаніе думать, что на многія жестокости и звѣрства Прейскера вдохновлялъ Фремель, этотъ профессіональный палачъ и злодѣй-мучитель.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29 Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ. Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Библиотека "Руниверс"

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г. № 42

XLV г. изданія

Выданъ 18 октября 1914 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарель въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.: на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.: на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. В. Г. Короленко“ кн. 20.

Новыя изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

ДВѢ КАРТЫ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

Подъ редакціей проф. **Ю. М. ШОКАЛЬСКАГО.**

1) ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА СРЕДНЕ-ЕВРОПЕЙСКАГО ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

(Россія, Франція, Англія, Бельгія, Австро-Венгрія и Германія), печатанная шестью красками, размѣромъ 82×120 сантиметровъ. Въ масштабѣ 1 : 2.100.000 (50 верстъ въ дюймѣ).

Изданіе 5-ое.

Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ всѣхъ (около 10.000) географическихъ названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія.

2) ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА ЮЖНАГО ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

(Россія, Сербія, Черногорія, Австро-Венгрія, Италія, Греція, Болгарія, Румынія, Турція, Албанія и Швейцарія), печатанная шестью красками, размѣромъ 80×90 сантиметровъ (50 верстъ въ дюймѣ).

Съ картой Малой Азіи и Кавказа.

Изданіе 3-е.

Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ всѣхъ (свыше 9.000) географич. названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія.

Цѣна каждой картѣ одинъ рубль.

Иногородные за пересылку не платятъ.

НЕ КУРИ!

Желающимъ бросить курить высылается безплатно проспектъ, указывающій путь, какъ избавиться отъ этой вредной привычки. Москва, Уланскій пер., д. № 30—4.

П. КОМИСАРЕНКО.

3280 (4)

ИСКУССТВА ДОМА:

имѣются всѣ принадлежности для выжиганія, выпиливанія, рисованія, металль-пластикъ, работъ гвоздями, терракоты. Въ большомъ выборѣ: рисунки, кисти, краски, холстъ.

А. СКРОНЪ, Петроградъ, Морская, 23-В.

Иллюстриров. прейсъ-курантъ высыл. за 2 семикопѣечн. марки. 3216

„ЛЕМАНЪ“.

Мастерская сущ. съ 1889 г.

Скрипки, альты, віолончели, смычки и книги о скрипкѣ. Пріемъ инструментовъ въ починку, точная и совершенная гардеровка. **Струны** итальянскія и французскія, провѣренныя. **Смычки** англійскіе, французскіе и нѣмецкіе. **Дерево** и инструменты для построенія скрипокъ. **Лаки** собственнаго изготовленія. **Футляры** и все, что нужно для струнныхъ инструментовъ, отъ рѣдкихъ, художественныхъ произведеній до самыхъ доступныхъ. Заказные инструменты выполняются по моделямъ Лемана и извѣстныхъ итальянскихъ мастеровъ. Ученическія скрипки отъ 30 руб. Все требуемое высылается наложеннымъ платежомъ по полученіи задатка въ размѣрѣ 1/3 стоимости выписываемаго товара. Запросы и деньги слѣдуетъ адресовать на имя **Л. А. Лашеевой, Петроградъ, Рузовская, 27, кв. 5.**

3-1 Каталогъ высылается безплатно. 3 5?

ВОЙНА НЕ МѢШАЕТЪ РАБОТАТЬ.

На многочисленные запросы заинтересованныхъ лицъ сообщаемъ, что война не мѣшаетъ намъ работать:

КАКЪ ПРЕЖДЕ, мы продаемъ наши быстровязальныя автоматическія машины „Викторія“ по цѣнѣ Р. 100.—.

КАКЪ ПРЕЖДЕ, всякій, купившій машину, становится нашимъ сотрудникомъ.

КАКЪ ПРЕЖДЕ, мы платимъ за работу дюжины паръ чулокъ или носковъ нашимъ сотрудникамъ по Р. 1.50.

КАКЪ ПРЕЖДЕ, наши сотрудники зарабатываютъ ежемѣсячно Р. 50.— и болѣе. 3243 2-2

Машины и разнообразная пряжа въ большомъ запасѣ на складѣ. Машина вѣситъ около 1 пуда, желающимъ высылается по почтѣ. Подробности по первому требованію безплатно.

Товарищество Вязальныхъ Машинъ ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ КЮНАУ и Ко (Лондонъ, E. C. 114 Leadenhall Street).

ПЕТРОГРАДЪ, Невскій, 40—42. Отд. 11 В. МОСКВА, Красныя ворота, д. Афремова. Отд. 11 В. Нижній-Новгородъ. Главный домъ. 68.

ЗАИКАНІЕ

Радикальн. отвыкан. в Лѣчебном Кабинетѣ Гг. М. Вагнер, Петроград, Невскій, 53. Патентов. в Россіи, Франц., Бельг., Венгр. аппарат. Брошюры безплатно.

3233 6-4

Курсы бухгалтеріи

ЗАОЧНЫЕ, САМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ И ПРОЧИХЪ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ

— С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ —

Москва, Староконюшенный, д. Курилко. 7

Аттестатъ бухгалтера. Ручательство въ успѣхѣ. Тысячи благодарн.

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО УСЛОВІЯ ИЗУЧЕНІЯ КОММЕРЧЕСК. НАУКЪ ПО ПИСЬМЕННЫМЪ ЛЕКЦІЯМЪ, ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.

3231 16-7

НЕВРАСТЕНІЯ

и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, невральгіи, спинная сухотка, параличи, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“, интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

3234 6-9

Профессоръ Д-ръ Пель и С-вья С.П.Б.

Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Библиотека "Руниверс"

Петроградскій Городской Комитетъ.
ЖЕРТВУЙТЕ НА НУЖДЫ БОЛЬНЫХЪ и РАНЕНЫХЪ ВОИНОВЪ.
ПРИДИТЕ НА ПОМОЩЬ СЕМЬЯМЪ ЗАЩИТНИКОВЪ РОДИНЫ.
ПРІЕМЪ ПОЖЕРТВОВАНІЙ ПРОИЗВОДИТСЯ:
1) Въ зданіи городской думы.
2) Въ городскомъ попечительствѣ о бѣдныхъ. 3227 4-4
3) Во всѣхъ крупныхъ банкахъ.

КВАСЪ 3258 Т. Д. Закиматова, сам. здоровый и пріятн. напитокъ во всяк. время года, изгот. исключ. на сахарѣ. Зав. Петроградъ. Броницкая, а 31. Иногор. высыл. ящиками. городск. доставка на домъ. Телеф. 469-25.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО для ВСѢХЪ.
Не требуется знаній. Доступно всѣмъ. Многимъ хорошій заработокъ.
Популярныя руководства, заслужившія массу благодарностей:
1) Устр. домашн. электр. освѣщ. безъ машинъ.—50 к. 2) Изгот. аккумуляторовъ—40 к. 3) Изгот. сухихъ батареекъ.—30 к. 4) Устан. телефоновъ, электр. звонковъ и сигнализаціи.—50 к. 5) Устр. индукц. медицинск. аппарата.—40 к. 6) Гальванопластика, никкелир., волоч. и пр.—1 руб. 7) Устр. динамо-маш. и электро-мотор. до 500 уаттъ.—1 р. 20 к. 8) Устр. вольтметр., амперометр., реостат. и пр.—65 к.
Пересылка одной книги 10 к., двухъ, трехъ и болѣе — 15 к. За налож. плат. прибавляется 15 к. на всю посылку, независимо отъ числа книгъ.
Всѣ 8 руковод. высыл. за 4 р. 85 к.; съ налож. плат.—5 руб.
Проспекты и отзывы высылаются безплатно.
4-1 Адр.: Техн. М. А. БОГОЛѢПОВУ, Москва, Бол. Козихинскій пер., д. 4—65. 3257

ОТЪ ВСЕРОССІЙСКАГО ЗЕМСКАГО СОЮЗА.
Тѣсно сплотилась земская Русь. Она напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы облегчить страданія и прійти на помощь доблестнымъ защитникамъ родины. Война съ каждымъ днемъ увеличиваетъ число жертвъ, и съ каждымъ днемъ должна расти общественная помощь. Пусть же къ земствамъ примкнетъ все русское общество. Мы призываемъ его къ напряженію силъ и средствъ, къ дружному единенію съ Всероссійскимъ Земскимъ Союзомъ. Главноуполномоченный кн. *Львовъ*.
Пожертвованія деньгами и вещами принимаются въ Главномъ Управленіи Союза (Петровскія ворота, № 3) ежедневно во всякое время и во всѣхъ Губернскихъ и Уѣздныхъ земскихъ управахъ Россіи. 8-8 8226

КУРСЫ общед. ЗАОЧНЫЕ ком. самообр. ПРОГР.: 2-ая итальянск. и американская **БУХГАЛТЕРІЯ** СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи), коммерч. ариеметика, коммерч. корреспонденція, ком. географія, товаровѣдѣніе. Курсъ правоп. КАЛЛИГРАФІИ, контор скорописи, ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА. БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ (труды професс. и препод. высш. и средн. учебн. завед.). Отзывы спец. благ. письма. АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА. Льготн. условія: разсрочка отъ 2 руб. Программы и пробныя лекціи высылаются БЕЗПЛАТНО. Адресъ: Книгоиздательство „Кругъ Самообразованія".— Петроградъ, Невскій, д. 57—11.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Крестъ на войнѣ. Въ «Откликахъ войны» предыдущаго нумера «Нивы» мы помѣстили разсказы I. Никанорова со словъ члена Государственной Думы протоіерея Околовича о той высокой миссіи, какая выпала кресту на войнѣ. Приводимъ въ дополненіе еще рядъ его разсказовъ:

Спасти пришелъ.

Съ позицій привезли тяжело раненаго въ бокъ солдата. Мнѣ сказали, что надо поспѣшить, такъ какъ онъ уже безъ сознанія и съ минуты на минуту можетъ умереть. Въ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ и со Св. Дарами я подошелъ къ умирающему; но объ исповѣди и причастіи нельзя было и думать, и я сталъ читать отходную. Вдругъ раненый открылъ глаза, мутный взоръ прояснился; съ усиліемъ, словно припоминая что-то, онъ сталъ всматриваться въ меня и вскрикнулъ: «Землячокъ, дорогой мой... Нѣтъ... не то... Батюшка... родной... Ты спасать меня пришелъ».

Раненый началъ дѣлать какія-то усилія, сталъ приподниматься, неожиданно для всѣхъ сѣлъ, широко перекрестился и потянулся ко кресту, повторяя все тѣ же слова: «Ты спасти пришелъ»...

Стоявшая рядомъ со мной сестра милосердія неудержимо разрыдалась, ее вынесли въ другое помѣщеніе; къ больному подошла другая сестра.

Короткая исповѣдь, затѣмъ причащеніе Св. Таинъ. Раненый съ тяжелымъ усиліемъ, но твердой рукой крестится, говоритъ: «Слава Богу, теперь хорошо», откидывается на подушку и впадаетъ въ забытье.

«Конецъ»,—мелькнуло у меня въ головѣ. Я осѣнилъ его крестомъ и отошелъ къ другимъ больнымъ. Черезъ нѣкоторое время справляюсь: раненый живъ, но глубоко спитъ. Всю ночь и сестры, и я подходили къ этому раненому, но онъ оставался въ томъ же положеніи не то глубокаго сна, не то болѣзненнаго забытья. Утромъ я первымъ дѣломъ пошелъ къ нему. Онъ встрѣтилъ меня ласковымъ взоромъ и привѣтствіемъ: «здравствуйте».

— Развѣ ты меня узналъ?

— Какъ же? Вы, батюшка, меня вчера пріобщали, и мнѣ теперь хорошо.

Раненый настолько чувствовалъ себя бодро, что, сидя, пилъ чай и нѣсколько минутъ разговаривалъ съ нами. Разговоръ мы прекратили сами, чтобы не утомлять его. Жалѣю, что мнѣ неизвѣстна дальнѣйшая судьба этого раненаго, который оставленъ, какъ тяжелый, въ одномъ изъ лазаретовъ.

Маріавиты.

— Батюшка, не можете ли вы исповѣдывать и пріобщить меня?—сказалъ мнѣ тяжело раненый солдатъ,—но только я маріавитъ.

— Голубчикъ, ты знаешь, что, если ты примешь св. причастіе отъ меня, это вѣдь будетъ значить, что ты присоединился къ православной церкви. Поэтому, можетъ-быть, лучше, если я позову маріавитскаго ксендза.

— А это можно?—робко спросилъ солдатъ. — Но вѣдь надо мною будутъ смѣяться другіе католики.

— Устроимъ.

Черезъ часъ маріавитскій ксендзъ уже былъ въ лазаретѣ. Больного вынесли въ другое помѣщеніе, какъ будто бы для перевязки, отгородили ширмой, и маріавитскій священникъ его исповѣдывалъ и причастилъ. Я въ это время ушелъ въ складъ. Маріавитскій священникъ разыскалъ меня тамъ и въ присутствіи большого числа лицъ, находившихся въ складѣ, бросился передо мною на колѣни и положилъ земной поклонъ. Едва сдерживая душившія меня слезы, я кинулся поднимать его со словами: «Батюшка, что́ вы дѣлаете?!»

— Батюшка, — отвѣтилъ мнѣ, держа меня за руки и весь трепеща, маріавитскій священникъ,—мы всегда знали, что православное духовенство высоко въ своемъ духѣ, но вы это доказали такимъ дѣломъ... — И голосъ его прервался.

Мы братски обнялись.

Атеистъ.

Я подошелъ къ раненому офицеру.

— Батюшка, я атеистъ и въ Бога не вѣрую, но побесѣдовать съ вами хочу...

Черезъ три дня этотъ офицеръ, три года уже не бывавшій въ церкви и у св. причастія, исповѣдывался такъ, какъ дай Богъ всякому истинному христіанину пріобщиться Св. Таинъ, и теперь продолжаетъ переписываться со мной. Его письма дышатъ глубокою вѣрою. Наибольшею его скорбью было то, что онъ ушелъ на войну, отказавшись принять благословеніе у матери, и онъ ей не написалъ даже о томъ, что тяжело раненъ.

— Если Богъ спасетъ меня, и я выздоровѣю, то тогда, батюшка, замолю грѣхъ и передъ Богомъ, и передъ материнскимъ сердцемъ.

Закройте купола.

Какъ-то вечеромъ около православнаго варшавскаго собора я встрѣтился съ варшавскимъ православнымъ священникомъ и разговорился съ нимъ. Къ намъ подошла пожилая интеллигентная полька, поздоровалась съ нами и, извиняясь за то, что прервала нашу бесѣду, обратилась къ намъ съ поразившею насъ обоихъ просьбою:

— Батюшка, похлопочите у вашего начальства, чтобы закрыли купола собора. Это такой прекрасный памятникъ, построенный на кровныя деньги, а вѣдь проклятый нѣмецъ его не пощадитъ. Золото на куполахъ собора такъ блеститъ, даже ночью при лунѣ, что нѣмецъ прямо по куполамъ будетъ стрѣлять. На нашихъ костелахъ крыши темныя, а на вашемъ такое ясное золото, которое видно далеко. Замазывать ихъ нельзя: это дорого будетъ стоить; такъ, можетъ-быть, сдѣлаютъ какіе-нибудь чехлы.

Мы поблагодарили за такую трогательную заботу о нашей православной святынѣ и обѣщали непремѣнно переговорить съ нашимъ духовнымъ начальствомъ.

Награжденіе священниковъ за пастырскіе подвиги. Святѣйшій синодъ, заслушавъ ходатайство епископа холмскаго Анастасія о награжденіи священниковъ холмской епархіи за выдающіеся пастырскіе подвиги при вторженіи непріятеля въ приходы холмской епархіи, постановилъ наградить: священника Свято-Троицкой церкви г. Бѣлгорая В. Козловскаго возведеніемъ въ санъ протоіерея съ возложеніемъ наперснаго креста, священника Рождество-Богородицынской церкви въ г. Красноставѣ, Люблинской губ., А. Жуковскаго возведеніемъ въ санъ протоіерея, священника села Лашова, Томашевскаго уѣзда, В. Теодоровича наперснымъ крестомъ и камилавкой, священника с. Ощова, Грубешовскаго уѣзда, А. Митроцкаго за похвальную дѣятельность наградить иконой Всемилостивѣйшаго Спаса съ выдачей отъ св. синода уставной грамоты.

Алый Крестъ. Лошади, раненыя на полѣ сраженія, вызываютъ среди англичанъ такія же заботы, какъ и люди. Въ Лондонѣ организовано спеціальное общество для ухода за лошадьми. Нерѣдко съ опасностью для собственной жизни члены общества спасаютъ пострадавшихъ животныхъ. Убитыхъ лошадей они сжигаютъ, смертельно раненыхъ тутъ же пристрѣливаютъ. Называется общество — Алый Крестъ. Госпитали Алаго Креста разсѣяны теперь по всей Англіи.

Король-солдатъ. Бельгійскій король, стоя во главѣ своей арміи, такъ сблизился съ своими солдатами, что ѣстъ вмѣстѣ съ ними изъ общаго котла, спитъ вмѣстѣ съ ними, куритъ солдатскій табакъ и, проходя по рядамъ, дружески бесѣдуетъ съ каждымъ. Недавно мэръ города Льерра пригласилъ короля на обѣдъ. Король отказался, говоря, что обѣдъ слишкомъ пышенъ, а солдату не пристало роскошествовать. Въ томъ же Льеррѣ король зашелъ побриться въ самую простую цырюльню. Цырюльникъ до того взволновался, что долго не могъ справиться съ бритвой. Когда же первое волненіе прошло, онъ попросилъ у короля позволенія помѣстить надъ дверью вывѣску:

— Поставщикъ Двора Его Величества.

Разрѣшеніе ему было дано, но вскорѣ нѣмцы разрушили Льерръ, и, гдѣ этотъ цырюльникъ, неизвѣстно.

По слѣдамъ отцовъ. Можно подумать, что вожди германскихъ войскъ задались нарочитой цѣлью навлечь на себя ненависть всего міра: столько жестокости въ ихъ способахъ вести войну, столько даже чисто-нѣмецкаго трудолюбія вкладываютъ они въ свою жестокость. Но нѣтъ, доходящая до патологіи черта эта у нынѣшнихъ германцевъ наслѣдственная. Сейчасъ она только обостреннѣе и лучше вооружена всѣмъ, что́ только можетъ дать современная техника, но «паѳосъ» у нынѣшнихъ нѣмцевъ тотъ же, что у ихъ отцовъ. Сожженіе Лувена, разрушеніе Реймскаго собора и много подобныхъ, лишенныхъ всякой военной цѣлесообразности актовъ тупой злобы сравнительно мало способны удивить того, кому знакомы «gesta Germanorum». О нихъ напоминаетъ популярная во Франціи, на дняхъ появившаяся въ русскомъ переводѣ (изданіе К. Ф. Некрасова) книга извѣстнаго драматическаго критика, покойнаго Франциска Сарсэ—«Осада Парижа».

Это—хроника осады великой столицы германцами въ 1870—1871 г., въ высшей степени безпристрастное, безъ малѣйшей тѣни шовинизма, описаніе 135 дней, пережитыхъ Парижемъ въ желѣзныхъ объятіяхъ нѣмецкихъ войскъ. Честный лѣтописецъ, Сарсэ объективно отмѣтилъ все хорошее и все дурное и у своихъ, и у враговъ. Между прочимъ, онъ съ похвалою отзывается объ умѣніи нѣмцевъ держать свои дѣйствія въ тайнѣ. «Объ ихъ работахъ (осадныхъ) даже хорошенько не знали; знали только одно: что они работали неустанно». Между

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ осажденные проявляли не такія качества, и Сарсэ съ сокрушеніемъ жалуется на лѣность и непредусмотрительность, раздоры и деморализацію, на гибельное легкомысліе, проявлявшееся то въ безпричинныхъ подъемахъ радужнаго настроенія, то въ столь же безосновательныхъ приступахъ унынія, охватывавшихъ все населеніе. Съ негодованіемъ рисуетъ онъ заведшійся въ этой атмосферѣ типъ лгуна-вѣстовщика, типъ и намъ, увы, не чуждый. Разноситель вѣстей располагалъ свѣдѣніями, какъ водится, изъ «самаго вѣрнаго» источника: «я слышалъ это отъ офицера, который былъ тамъ»... (или что-нибудь въ этомъ родѣ). Одинъ распространялъ радостныя извѣстія и, уличенный во лжи, оправдывался ссылкой на свое доброе сердце: «я дѣлаю это изъ филантропіи. Люди пойдутъ теперь спать со свѣтлыми мечтами, имъ будутъ сниться самые сладкіе сны, и до завтра они останутся вполнѣ счастливы. Развѣ это бездѣлица?...»

Такому честному наблюдателю, не щадившему ради правды и своихъ соотечественниковъ (книга Сарсэ вышла въ свѣтъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по окончаніи войны), можно вѣрить во всемъ: и въ фактахъ, и въ выводахъ. Самыя интересныя для насъ страницы, вызывающія наше живѣйшее сочувствіе, это тѣ, гдѣ онъ разсказываетъ о жестокости нѣмцевъ. Городъ голодалъ и не сегодня—завтра неминуемо долженъ былъ пасть. Нѣмцы это отлично знали, но все-таки развлекали себя бомбардировкой не имѣвшихъ никакого военнаго значенія городскихъ строеній. «Если цѣлью пруссаковъ было распространять своей бомбардировкой между нами ужасъ, я смѣло могу сказать, что цѣли этой они ничуть не достигли, а наоборотъ, возбудили къ себѣ такую ненависть и отвращеніе, что ихъ трудно передать словами. Пруссаки безъ нужды, безъ цѣли совершали разрушеніе изъ одного лишь удовольствія разрушать; имъ хотѣлось доставить себѣ удовольствіе, и доставить его вмѣстѣ диллетантамъ цѣлаго міра, великолѣпнымъ зрѣлищемъ уничтоженія великаго Вавилона посредствомъ огненнаго дождя! При одной этой мысли сердце наше разрывалось отъ негодованія и презрѣнія. Но, если матеріальныя потери были не такъ значительны, какъ того желали эти вандалы, зато много было убитыхъ и раненыхъ, въ особенности между тѣми, чей возрастъ и полъ не позволялъ носить оружіе. Каждое утро газеты возвѣщали намъ печальную новость о подобныхъ жертвахъ: то были убиты бомбою матери съ младенцами у груди, то малютки, спавшія въ колыбели, то женщины, выжидавшія своей очереди на полученіе раціона, были подняты съ оторванными ногами или пробитой грудью. Можно подумать, что пруссаки съ умысломъ направляли свои бомбы на такія мѣста, гдѣ онѣ могли причинить наиболѣе горя. Не проходило дня, чтобы мы не читали въ газетахъ протестовъ, подписанныхъ знаменитыми медиками, противъ варварства пруссаковъ касательно нашихъ госпиталей». Былъ уничтоженъ знаменитый зоологическій и батаническій садъ, и вся академія подписала слѣдующій протоколъ объ этомъ: «Садъ медицинскихъ растеній, основанный въ Парижѣ 3 января 1636 г., по повелѣнію короля Людовика XIII, и обращенный 23 мая 1794 г. въ музей естественной исторіи, былъ подвергнутъ прусской арміей бомбардировкѣ въ царствованіе короля прусскаго Вильгельма I, при канцлерѣ его графѣ Бисмаркѣ, въ ночь съ 8 на 9 января 1871 г. До того же времени садъ этотъ щадили всѣ партіи и всѣ какъ національныя, такъ и иностранныя власти».

Медицинская школа, древняя Сорбонна также пострадали отъ германскихъ бомбъ. «Вся Европа была тронута этимъ зрѣлищемъ и протестовала голосами своихъ уполномоченныхъ представителей. Но какое дѣло дерзкому побѣдителю, опьяненному своей силой и своими побѣдами, до робкихъ увѣщаній, выраженныхъ дипломатическими фразами? Онъ отвѣтилъ съ грубымъ цинизмомъ, который можно резюмировать энергическимъ выраженіемъ: «не мѣшайтесь не въ свое дѣло!» И бомбардировка продолжалась съ прежней силой, а населеніе отъ насмѣшекъ перешло къ равнодушной и гордой покорности».

Городъ палъ, чтобы вскорѣ, вмѣстѣ со всей Франціей, воспрянуть въ новой, небывалой красѣ и мощи. А въ Германіи, подъ обаяніемъ этихъ «славныхъ» воспоминаній, выросло новое поколѣніе и по слѣдамъ отцовъ идетъ и ведетъ родную страну къ безславію и, быть-можетъ, конечной гибели. Дѣти тѣхъ, кто тогда осыпалъ бомбами голодающій, обреченный городъ, превзошли отцовъ. Въ сравненіи съ пожаромъ Лувена, разрушеніемъ Реймскаго собора представляется дѣтской игрою бисмарковская бомбардировка Парижа, но духъ, которымъ внушены эти позорныя дѣянія, духъ безсмысленной злобы и грубаго презрѣнія къ нравственнымъ и эстетическимъ святынямъ человѣчества, на черныхъ крыльяхъ рѣялъ надъ германскими полчищами еще полвѣка назадъ. Теперь онъ еще грознѣе поднялся надъ горизонтомъ культурнаго міра... будемъ вѣрить, что уже въ послѣдній разъ.

Увѣковѣченіе памяти убитыхъ воиновъ. Предположено во всѣхъ приходскихъ церквахъ соорудить доски съ начертаніемъ именъ павшихъ воиновъ; кромѣ того, на родинѣ убитыхъ, на болѣе видныхъ мѣстахъ ставить памятники, хотя бы примитивнаго устройства, въ видѣ часовенъ, крестовъ, каменныхъ столбовъ, плитъ.

Убитыхъ на поляхъ сраженій погребаютъ въ братскихъ могилахъ на мѣстахъ сраженій. На такихъ могилахъ сооружаются памятники преимущественно заботами частей войскъ и правительства.

Въ настоящее время во многіе города Имперіи съ театра войны прибываютъ раненые и больные воины и размѣщаются въ мѣстныхъ госпиталяхъ, лазаретахъ и больницахъ, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ умираютъ.

Въ заботахъ объ увѣковѣченіи памяти жертвъ настоящей войны Александровскій комитетъ о раненыхъ повергалъ на Высочайшее благовоззрѣніе пожеланія свои о томъ, чтобы умершихъ воиновъ хоронили въ каждомъ городѣ лишь на опредѣленномъ кладбищѣ и въ одномъ мѣстѣ. Впослѣдствіи такія мѣста могутъ быть обсажены деревьями, обнесены рѣшеткой и будутъ представлять особыя братскія кладбища. На нихъ можно сооружать часовни, кресты, памятники. Такія братскія кладбища будутъ напоминать будущимъ поколѣніямъ о жертвахъ Великой Европейской войны.

Пожеланія комитета 19 сентября с. г. удостоены Высочайшаго одобренія.

Во исполненіе Высочайшей воли, военнымъ министромъ, предсѣдателемъ Александровскаго комитета о раненыхъ, сдѣлано сношеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ о желательности привлеченія земскихъ, городскихъ и общественныхъ учрежденій къ содѣйствію въ устройствѣ братскихъ кладбищъ для жертвъ войны и сооруженію въ церквахъ досокъ и различныхъ памятниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ военный министръ проситъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода о соотвѣтствующемъ распоряженіи по сему дѣлу чрезъ епархіальныхъ архіереевъ.

Подвигъ дѣвушки. Лѣтопись русскихъ героевъ украсилась еще однимъ именемъ.

Это—имя молодой дѣвушки Надежды Николаевны Семеновской, одной изъ многострадальныхъ жительницъ города Калиша, застигнутыхъ нѣмецкимъ нашествіемъ.

Н. Н. Семеновская — образованная дѣвушка, состояла преподовательницей одного изъ учебныхъ заведеній Калиша. Когда врагъ подошелъ къ Калишу, въ городѣ поднялась неописуемая тревога.

У г-жи Семеновской были на рукахъ училищныя деньги—730 руб. 90 коп. Вторженіе пруссаковъ застало врасплохъ весь училищный персоналъ. Училище было брошено на произволъ судьбы. На улицахъ Калиша начиналась дикая оргія «побѣдителей».

Г-жа Семеновская, предвидя, какая участь ожидаетъ ее, молодую дѣвушку, рѣшилась бѣжать изъ города, предварительно спрятавъ на груди казенныя деньги.

Что только довелось испытать бѣглянкѣ! Укрываясь отъ безчинствовавшихъ пруссаковъ, она пробиралась черезъ лѣса и овраги, попадала въ непроходимыя мѣста, шла наугадъ, пока не достигла города, гдѣ жили ея родственники.

Г-жа Семеновская прошла пѣшкомъ 70 верстъ, питалась кореньями, которыя выкапывала руками изъ земли.

Своихъ денегъ у нея не было ни копѣйки, а казенныхъ денегъ г-жа Семеновская не тронула, предпочитая ночевать подъ открытомъ небомъ, голодать и терпѣть неимовѣрныя лишенія, чѣмъ истратить на ночлегъ или на обѣдъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ она проходила, хоть копѣйку изъ казенныхъ денегъ.

Скромная героиня явилась въ министерство народнаго просвѣщенія и представила всѣ деньги въ полной сохранности.

Рѣдкая благотворительница. Въ Москвѣ скончалась недавно на 85-мъ году жизни одна изъ крупнѣйшихъ въ Россіи благотворительницъ—Александра Ивановна Коншина. Только въ Москвѣ, не знающей предѣловъ щедрости и широты размаха, бываютъ такіе благотворители. А. И. Коншина завершила свое достойное земное странствіе, сплошь усѣянное дѣлами благотворенія и милосердія, широкимъ даромъ въ пользу жертвъ войны: на учрежденіе лазаретовъ, санаторій и домовъ призрѣнія для раненыхъ и убитыхъ воиновъ покойная пожертвовала около двухъ милліоновъ рублей. Незадолго до кончины А. И. Коншиной маститую благотворительницу посѣтилъ главноначальствующій г. Москвы свиты Его Величества ген.-майоръ А. А. Адріановъ и передалъ ей слѣдующее письмо министра Императорскаго Двора графа Фредерикса:

«Милостивая государыня, Александра Ивановна!

По всеподданнѣйшему моему докладу сообщенія московскаго градоначальника о сдѣланныхъ вами пожертвованіяхъ на нужды воиновъ, съ широкимъ обезпеченіемъ всѣхъ устраиваемыхъ вами лѣчебныхъ мѣстъ для нашихъ раненыхъ, Государь Императоръ повелѣть мнѣ соизволилъ сердечно благодарить васъ, милостивая государыня, отъ имени Его Императорскаго Величества за патріотическое и щедрое пожертвованіе.

О такой Высочайшей благодарности имѣю честь васъ увѣдомить, прося принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности. Графъ Фредериксъ».

Богатства Галиціи. Занятая русскими войсками Галиція является весьма богатымъ краемъ, но до сихъ поръ ея природныя богатства мало разработаны.

Въ Бохнѣ и Величкѣ—всемірно-извѣстныя соляныя копи. Въ Горлицахъ—нефть, единственная въ Европѣ. Тамъ же залежи озокерита—минеральнаго воска.

Въ Плокахъ и въ Хржановѣ — желѣзная руда. Около Кржетовицъ—огнеупорная глина. Порфиръ и мраморъ—въ Менкинѣ и Дубникѣ.

Почва чрезвычайно плодородна; въ предгорьяхъ, въ лессовыхъ глинахъ заключается до 41 проц. перегноя.

У Великихъ Дорогъ, недалеко отъ Львова, занимая огромное пространство, находятся залежи каменнаго бураго угля превосходнаго качества, не ниже силезскаго.

Всѣ эти богатства до сихъ поръ почти не разработаны.

Въ началѣ австрійскаго владычества надъ Галиціей русскія войска были въ ней два раза. Екатерина Великая велѣла занять Львовъ въ 1764 г. Онъ былъ отданъ Австріи въ 1772 г. Въ 1809 году, когда Россія вмѣстѣ съ Франціей воевала съ Австріей, Кутузовъ взялъ почти безъ боя Львовъ. Тогда же нами былъ занятъ Тарнопольскій округъ, остававшійся въ нашемъ владѣніи до вѣнскаго конгресса 1815 г.

Письмо дѣвочки Государю Императору. «Русскій Инвалидъ» приводитъ съ сохраненіемъ орѳографіи слѣдующее письмо малолѣтней Елизаветы Гюбнеръ.

«Его Императорское Величество Государю Императору Николаю Александровичу».

«Являюсь письменно къ Государю Императору, чтобы помочь чемъ-нибудь въ это тяжелое время Царю, такъ что я будущая русско-подданная и много думаю про Войну: Вотъ и выдумала, что если бы Ейропланъ покрыть большимъ полотномъ покрашено похоже на облочко такъ какъ такой можетъ все незамѣтно розузнать. Я сама хочу пойти на Войну только мама говоритъ что я мала мнѣ только 12-тый годъ не возмутъ и дѣвочка. Елизавета Гюбнеръ. Московской губ., гор. Богородскъ Фабр. Ѳедора Елагина С-вей».

Армія длиною въ 2.000 верстъ. Наглядное изображеніе колоссальности современной дѣйствующей арміи даетъ слѣдующій разсчетъ. Если предположить, что каждому воину по фронту полагается одинъ аршинъ, и съ такимъ разсчетомъ вытянуть трехмилліонную армію въ одну линію, то она займетъ весь путь отъ Петрограда до Севастополя. Отсюда видно, какъ сложно управленіе современными арміями, и какъ мощенъ долженъ быть механизмъ, приводящій ее въ движеніе.

Перехитрилъ нѣмца. Интересный разсказъ о томъ, какъ русскій офицеръ управлялъ нѣмецкой батареей, приводитъ «Русскій Инвалидъ».

Командиръ нашей батареи замѣтилъ, что нѣмцы очень быстро и точно опредѣлили мѣсто нахожденія его батареи. Перемѣнилъ позицію,—опять снаряды летятъ на самую батарею; перемѣнилъ еще разъ,—то же самое.

«Дѣло неладно,—думаетъ онъ:—вѣроятно, нѣмцамъ кто-то даетъ знать, гдѣ батарея...»

Библиотека "Руниверс"

Случайно его взглядъ упалъ на вѣтряную мельницу. Ужъ не съ нея ли кто сигнализуетъ нѣмцамъ? На мельницу скачетъ офицеръ батареи съ двумя нижними чинами.

Что же оказалось? На мельницѣ подъ самой крышей сидѣли два нѣмецкихъ солдата и преспокойно сообщали по телефону своимъ о переѣздѣ нашей батареи на новую позицію и о томъ, гдѣ падали ихъ снаряды.

Нѣмцы были «сняты» въ то время, когда одинъ изъ нихъ, держа трубку у уха, говорилъ по-нѣмецки:

— Перелетъ...

Снявъ нѣмцевъ, офицеръ хотѣлъ-было уничтожить телефонъ, но ему пришла въ голову блестящая мысль. Онъ зналъ нѣмецкій языкъ.

— Батарея снимается. Вправо...—говоритъ онъ по-нѣмецки въ телефонъ. И тотчасъ же нѣмецкіе снаряды летятъ вправо, обстрѣливая якобы передвигающуюся нашу батарею, а она, конечно, стоитъ на старомъ мѣстѣ.

— Еще вправо... Недолетъ... Недолетъ... Перелетъ... Вѣрно.

Нѣмцы послушно передвигаютъ свой огонь вправо; ихъ снаряды рвутся тамъ, гдѣ никого нѣтъ.

До конца боя стоялъ нашъ офицеръ у телефона и водилъ ихъ за носъ. Какія только цѣли ни выдумывалъ онъ, нѣмцы послушно обстрѣливали пустое пространство. Сколько даромъ снарядовъ потратили. Можно представить себѣ ихъ ярость, если бы они узнали о томъ, что ихъ огнемъ управляетъ русскій офицеръ.

— Хитеръ нѣмецъ, а мы его перехитрили,—смѣялись наши солдаты...

Крестоносцы. Прибывшіе съ австрійской границы раненые разсказываютъ, по словамъ «Гол. Москвы», трогательныя подробности о своихъ павшихъ на полѣ брани товарищахъ.

Когда кончается бой, и начинаетъ стихать канонада, на полѣ сраженія взвивается флагъ Краснаго Креста, и между убитыми и ранеными начинаютъ свое доброе дѣло люди съ красными крестами на груди. Это—санитары, сестры и врачи. Они неслышными шагами тихо переходятъ отъ группы къ группѣ и осторожно отдѣляютъ живыхъ отъ мертвыхъ.

Священники отпѣваютъ сложенныхъ въ ряды умершихъ, для которыхъ товарищи, оставшіеся въ живыхъ, роютъ братскія могилы.

Иногда, если есть время, солдаты изъ вѣтокъ дѣлаютъ небольшіе кресты и водружаютъ ихъ надъ братскими могилами.

При уборкѣ раненыхъ послѣ битвы въ общей работѣ сливаются санитарные отряды враждующихъ лагерей. Всѣ заняты отборкой своихъ къ своимъ.

Раненыхъ австрійцевъ обходятъ съ напутствіемъ ксендзы и пасторы.

Послѣ одного жаркаго сраженія на полѣ осталось нѣсколько убитыхъ австрійскихъ офицеровъ. Австрійцы на этотъ разъ бѣжали и не успѣли похоронить своихъ. Вѣсть о томъ, что нѣсколько австрійскихъ офицеровъ лежатъ не погребенными, дошла до русскаго лагеря. Дѣло было близъ Люблина. Русскіе офицеры, узнавъ, что убитые офицеры—сербы, австрійскіе подданные, рѣшили похоронить ихъ. Нѣсколько офицеровъ отправились въ Люблинъ, купили тамъ вѣнковъ, крестъ и цвѣтовъ. Затѣмъ убитыхъ обмыли, вырыли для нихъ братскую могилу, и православный священникъ предалъ ихъ землѣ по христіанскому обряду. Офицеры водрузили надъ могилой крестъ, убрали его вѣнками и сдѣлали сердечную надпись о павшихъ въ честномъ бою воинахъ.

Блестящій подвигъ англійской подводной лодки. Англійскій король пожаловалъ флаги съ изображеніями черепа и двухъ перекрещенныхъ костей — высшее отличіе подводному флоту—подводной лодкѣ «Е—9», принадлежащей къ составу эскадры адмирала Битти. Получивъ радіотелеграмму о готовящемся къ выходу отрядѣ минныхъ крейсеровъ и заградителей германской эскадры, адміралъ Битти отрядилъ флотилію крейсеровъ и контръ-миноносцевъ съ цѣлью атаковать германскія суда по выходѣ ихъ изъ Гельголанда. Лодка «Е—9» была выслана впередъ. Вскорѣ послѣ этого рядъ короткихъ радіотелеграммъ на адмиральское судно засвидѣтельствовалъ, что германцы, повидимому, поняли маневръ англичанъ и повернули быстро назадъ.

Погрузившись глубоко въ воду, лодка «Е—9» сумѣла тѣмъ не менѣе, идя со скоростью 11 узловъ въ часъ, настичь нѣмецкій минный крейсеръ «Hela» и на разстояніи трехъ кабельтовыхъ выпустила въ него одну за другою пять минъ. Крейсеръ получилъ рядъ страшныхъ ударовъ въ кормовую часть и сталъ быстро погружаться въ воду.

Экипажъ пробовалъ искать спасенія въ водѣ, но черезъ короткое время оставшіеся на поверхности воды матросы были подобраны подоспѣвшими англійскими судами, а находившіеся на обломкахъ тонувшаго крейсера и на палубѣ его офицеры и остальной экипажъ сдались въ плѣнъ англичанамъ. Командиръ подводной лодки представленъ къ отличію и наградѣ.

Подвигъ авіатора Ведрина Въ газетѣ «Excelsior» отъ 21 сентября помѣщена телеграмма изъ Невера съ подробностями о послѣднемъ подвигѣ Ведрина. Надъ отрядомъ французскихъ войскъ появился нѣмецкій аэропланъ. Войска открыли огонь, но не могли сбить аппаратъ. Въ это время Ведринъ на своемъ Блеріо въ 180 силъ взвился вверхъ и сталъ преслѣдовать врага. Восемь минутъ длилась борьба. Но затѣмъ Ведринъ поднялся на 2.000 метровъ и разстрѣлялъ нѣмца изъ пулемета. Вражескій аппаратъ упалъ, какъ камень, къ великой радости французовъ. На все дѣло Ведрину потребовалось только 15 минутъ. Такимъ же способомъ онъ уничтожилъ въ три дня два нѣмецкихъ аэроплана.

Устройство частныхъ лазаретовъ. Предвидя переполненіе существующихъ и вновь открываемыхъ большихъ госпиталей и лазаретовъ, военно-санитарная и городская санитарныя комиссіи первоначально предполагали воспользоваться частными квартирами для размѣщенія раненыхъ. Проектировали даже предложить желающимъ взять на свое попеченіе одного-двухъ нуждающихся въ уходѣ. Теперь комиссіи отказываются отъ этого плана по той причинѣ, что онъ осложняетъ медицинское наблюденіе. Наиболѣе раціональнымъ и лучшимъ признается иной способъ помощи, также стаціонарный. Жильцы одного или нѣсколькихъ домовъ въ складчину нанимаютъ квартиру на 10—15 человѣкъ раненыхъ, обставляютъ ее и отдаютъ свой безвозмездный трудъ по уходу за больными. Средства на устройство такого госпиталя требуются небольшія. Проживающіе же вблизи его врачи не откажутся наблюдать за теченіемъ болѣзни паціентовъ. Въ Петроградѣ уже устроено нѣсколько такихъ лазаретовъ и госпиталей, и желательно устройство ихъ въ большомъ числѣ какъ въ столицѣ, такъ и въ другихъ большихъ городахъ, гдѣ есть крупныя жилыя строенія.

Братъ на брата. Трогательный эпизодъ разсказалъ раненый въ плечо у дер. Жуково, подъ Львовомъ. Русскій конный разъѣздъ наткнулся на вражескій пикетъ. Одинъ изъ нашихъ кавалеристовъ занесъ пику надъ начальникомъ пикета, какъ вдругъ тотъ вскрикнулъ:

«Я вашъ, русскій!»

Привели его солдаты къ командующему русскимъ разъѣздомъ и отъ удивленія остолбенѣли, когда увидѣли, что ихъ командиръ слился съ плѣннымъ врагомъ въ радостномъ, горячемъ родственномъ поцѣлуѣ.

Потомъ выяснилось, что плѣнный былъ роднымъ братомъ ихъ начальника. Оба они—поляки. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ отбывать повинность въ австрійскихъ рядахъ.

Подвигъ казака. «Арм. Вѣстникъ» разсказываетъ, что въ бою подъ В. казакъ везъ донесеніе большой важности изъ разъѣзда и нарвался на непріятельскій разъѣздъ. Подъ казакомъ убили коня. Тогда не растерявшійся казакъ ссадилъ выстрѣломъ передняго гусара-венгерца съ лошади, вскочилъ на нее и на глазахъ всего разъѣзда ускакалъ; такимъ образомъ, онъ передалъ донесеніе своевременно лично командиру корпуса; тутъ же молодецъ былъ поздравленъ Георгіевскимъ крестомъ 3-й степени, въ виду особой важности донесенія и выдающейся лихости и находчивости доставившаго его.

Спасительная солома. Газета «Journal» разсказываетъ исторію спасенія изъ плѣна извѣстнаго пѣвца Дорвиля.

Извѣстіе о мобилизаціи застало Дорвиля во время вечерняго представленія въ Виши. Онъ немедленно же переодѣлся въ мундиръ бельгійскаго подпоручика и отправился въ Бельгію, гдѣ принялъ участіе въ оборонѣ Льежа. Однажды онъ продвинулся со своими людьми слишкомъ далеко и былъ взятъ въ плѣнъ. Но въ плѣну онъ пробылъ недолго. Ему удалось забраться въ возъ съ соломой. Нѣмцы отправили этотъ возъ въ свой обозъ, но по дорогѣ на нихъ напали бельгійцы и обратили ихъ въ бѣгство. Къ величайшему своему удивленію, въ соломѣ они обнаружили своего подпоручика.

Теперь Дорвиль находится во Франціи. Онъ разсказываетъ, что нѣмцы обращаются ужасно съ населеніемъ деревень: гонятъ людей бичами, какъ стадо, истребляютъ всѣ жизненные припасы, а когда видятъ изголодавшихся крестьянъ, издѣваются надъ ними, бросая имъ дочиста обглоданныя кости.

Дѣйствіе новаго французскаго пороха. Корреспондентъ американской газеты «New-York Herald» сообщаетъ подробности дѣйствія французской артиллеріи, примѣняющей для своихъ тяжелыхъ снарядовъ новое взрывчатое вещество, изобрѣтенное французскимъ химикомъ Тюрпеномъ.

Корреспонденту довелось видѣть картину разрушенія, производимаго этимъ веществомъ въ двухъ его стадіяхъ. За два мѣсяца до войны онъ былъ приглашенъ начальникомъ французскаго артиллерійскаго управленія на испытаніе «тюрпенита» сначала въ окрестности Бреста, а затѣмъ въ Шалонскій лагерь.

Въ морѣ въ разстояніи восьми километровъ отъ берега, противъ Бреста были сооружены и укрѣплены на якоряхъ огромныя баржи, въ которыхъ было помѣщено 300 отслужившихъ и забракованныхъ для военнаго вѣдомства лошадей. По этимъ баржамъ было дано три выстрѣла, изъ которыхъ одинъ пришелся значительно правѣе, а два другихъ дали взрывъ надъ баржами, нагруженными лошадьми.

Когда пароходъ военнаго вѣдомства подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ лишь бились буруны и кружились гигантскія воронки, засасывавшія остатки баржъ и обрывки несчастныхъ животныхъ, то артиллеристы убѣдились, что всѣ лошади были совершенно искрошены. Доски баржъ и контрфорсы дна ихъ были превращены въ щепы, чѣмъ доказывалась страшная бризантная сила снарядовъ, начиненныхъ «тюрпенитомъ».

Второе испытаніе этого вещества въ лагерѣ подъ Шалономъ состояло въ томъ, что на точно опредѣленное мѣсто было согнано стадо овецъ, въ количествѣ 450 головъ, и надъ ними разорвался бризантный снарядъ. Отъ осколковъ снаряда, но еще болѣе отъ выдѣляемыхъ имъ ядовитыхъ газовъ не спаслась ни одна овца изъ всего большого стада.

Примѣненіе «тюрпенита» на войнѣ уже состоялось, и дѣйствіе его приводило въ ужасъ даже привычныхъ къ кровавымъ военнымъ картинамъ людей. Картина эта, какъ въ южной части Вевра, такъ и въ траншеяхъ, окружающихъ городъ Мо, откуда нельзя было вытѣснить германскую пѣхоту и артиллерію, совершенно одинакова.

Смерть застигла людей такъ, какъ они стояли. Многіе изъ нихъ стояли, прислонившись другъ къ другу плечомъ, съ винтовками, положенными на окопы; другіе сидѣли съ широко открытыми глазами; у нѣкоторыхъ не исчезла еще улыбка на лицахъ, и не выпали недокуренныя папиросы изо рта.

Ни ужаса, ни страданія нельзя было найти на этихъ лицахъ. Видимо, смерть застала ихъ мгновенно и прекратила ихъ жизнь безъ предсмертнаго ужаса и безъ боли.

Но это наблюдалось лишь въ окопахъ, которые находились непосредственно у точки взрыва. Что же касается тѣхъ мѣстъ, которыя лежали въ зонѣ дѣйствія осколковъ и воздушныхъ волнъ взрыва, то тамъ вмѣсто людей осталось лишь кровавое мѣсиво, заключенное въ пропитанное кровью сукно.

Послѣ дѣйствія новыхъ снарядовъ французской артиллеріи мѣстность, куда они падали, представляетъ собою почву, изрытую глубокими оврагами. Холмы почти сравниваются силою взрыва съ землею. Разсыпаются даже твердыя скалы.

Однако самой страшной особенностью «тюрпенита» является его ядовитыя свойства, представляющія собой секретъ изобрѣтателя.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1914 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложеніями: Безъ дост. въ Петроградѣ 6 р. 50 к., съ дост. 7 р. 50 к.; съ перес. по всей Россіи: на годъ 8 р., на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.
Библиотека "Руниверс"

ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. г. XLV

№ 42 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 18 октября 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается **„Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко" кн. 20.**

Вѣсти съ войны. Рисунокъ **Н. Богданова-Бѣльскаго.**

Библиотека "Руниверс"

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко кн. 20“.

Отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

Германскія войска, находившіяся на путяхъ къ Варшавѣ, въ районѣ къ сѣверу отъ рѣки Пилицы, отброшены и находятся въ полномъ отступленіи. Раненые ихъ оставлены на мѣстахъ боевъ. Заранѣе подготовленныя укрѣпленныя позиціи брошены. Наши войска энергично наступаютъ по всему фронту. На лѣвомъ берегу Вислы, южнѣе Пилицы, въ районѣ до Сандоміра, противникъ еще держится. Наши войска, доблестно удерживавшія въ теченіе 8 дней районъ у Козеницъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ мѣстности, подъ огнемъ тяжелой артиллеріи, 7 октября одержали значительные успѣхи, и положеніе ихъ на лѣвомъ берегу Вислы въ настоящее время закрѣплено.

На Санѣ, ниже Перемышля, попытки австрійцевъ перейти рѣку остановлены, и мы переходимъ въ наступленіе. Въ районѣ къ югу отъ Перемышля обнаружены части почти всѣхъ уже разбитыхъ въ галицкихъ бояхъ австрійскихъ корпусовъ. Здѣсь наши закаленныя въ побѣдахъ войска энергичными ударами рушатъ натискъ непріятельскихъ массъ.

Въ Восточной Пруссіи безъ значительныхъ перемѣнъ.

Такимъ образомъ въ настоящее время мы находимся въ соприкосновеніи съ непріятелемъ на фронтѣ свыше 400 верстъ, отъ нижней Бзуры до предгорій Карпатъ. Это положеніе является результатомъ маневра, предпринятаго нами послѣ галицкихъ боевъ. Разбивъ австро-венгерскія Австріи и такимъ образомъ обезпечивъ со стороны Галиціи основную нашу операцію, направленную противъ германцевъ, мы имѣли въ виду соотвѣтственнымъ образомъ сосредоточить наши арміи для развитія нашихъ военныхъ дѣйствій на лѣвомъ берегу Вислы. Это рѣшеніе совпало по времени съ полученіемъ опредѣленныхъ данныхъ о развертываніи большихъ германскихъ силъ на фронтѣ Калишъ—Ченстоховъ—Олькушъ и о переходѣ ихъ въ наступленіе. Наступленіе германцевъ было начато съ большой стремительностью, поэтому въ интересахъ безопасности операціи нами рѣшено было развернуть намѣченныя силы на правомъ берегу Вислы, прикрывая это сложное движеніе со стороны противника кавалерійскими массами, поддержанными пѣхотными отрядами. При выполненіи этого сложнаго маневра отъ нѣкоторыхъ корпусовъ потребовалось прохожденіе до 200 верстъ. Маршъ пришлось совершать подъ непрерывнымъ дождемъ въ осеннюю распутицу, когда вода въ рѣкахъ сильно поднялась, а долины ихъ превратились въ болота. Проявивъ обычную выносливость и энергію, наши войска къ началу октября заняли новое исходное положеніе. Къ этому времени нѣмцы, продолжая свое наступленіе, успѣли подойти къ средней Вислѣ и, увлекая за собой къ сѣверу часть австрійцевъ, прочно заняли ея лѣвый берегъ и приблизились къ району укрѣплнѣій Варшавы. Въ занятомъ расположеніи нашъ противникъ укрѣпился и выставилъ многочисленную артиллерію.

Генералъ-отъ-инфантеріи П. А. Лечицкій, Высочайше награжденный Георгіевскимъ оружіемъ, брильянтами украшеннымъ, за бои съ 21 августа по 10 сентября с. г.

Съ 30 сентября наши войска перешли въ наступленіе въ районѣ Варшавы и Козеницъ, стремясь постепенно расширить плацдармъ на лѣвомъ берегу Вислы и вводя въ бой новыя силы, прибывавшія по желѣзнымъ дорогамъ. Главное сопротивленіе германцы оказали на линіи Блоне—Пясечно, откуда 4 и 5 октября переходили въ энергичныя, но безуспѣшныя контръ-атаки.

Обойденная конницей въ направленіи Сохачевъ—Ловичъ, охваченная съ лѣваго фланга отъ Новогеоргіевска и нижней Бзуры, угрожаемая съ праваго фланга переправой нашихъ войскъ черезъ Вислу въ районѣ Гура—Кальварія, германская армія, послѣ семидневныхъ боевъ подъ Варшавой, въ ночь на 7-е октября начала очищать свои позиціи, укрѣпленныя чрезвычайно тщательно.

Наши войска, какъ уже отмѣчено, нынѣ наступаютъ на широкомъ фронтѣ, преодолѣвая сопротивленіе германскихъ арьергардовъ, выбивая ихъ штыками изъ лѣсовъ и селеній и забирая плѣнныхъ.

Великая европейская война.

(Хроника военныхъ дѣйствій).

Россія пережила тяжелую недѣлю напряженныхъ ожиданій. И по частнымъ слухамъ, расходящимся невѣдомыми путями, какъ безпроволочныя телеграммы, и по краткимъ извѣщеніямъ Штаба Верховнаго Главнокодандующаго всѣ знали, что австро-германскія войска начали наступленіе по всему фронту, отъ Карпатъ до Сандоміра и отъ Сандоміра до Варшавы и Ивангорода. И Галиція, и юго-западная Польша, и Восточная Пруссія представляютъ собою одинъ грандіозный театръ военныхъ дѣйствій. На необозримомъ полѣ брани сошлись милліонныя арміи, чтобы помѣряться силами въ рѣшительной битвѣ. Въ чью сторону повернется капризное военное счастье? Кто одолѣетъ въ послѣднемъ бою?—эти вопросы не могли не волновать милліоны трепетныхъ русскихъ сердецъ. Мы вѣрили въ свою побѣду и съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ ожидали офиціальнаго увѣдомленія, что мы дѣйствительно побѣждаемъ.

Мы по опыту знаемъ, что Верховный Главнокомандующій радуетъ Россію не словами, а дѣлами. Его сообщенія, въ отличіе отъ германскихъ хвастливыхъ реляцій о несуществующихъ побѣдахъ, отличаются удивительной скромностью и спартанскимъ лаконизмомъ. И вотъ теперь мы знаемъ, что какъ наступленіе на Нѣманъ и Осовецъ, такъ и грандіозное наступленіе на Варшаву, Ивангородъ, среднюю Вислу и р. Санъ оказались отбитыми, притомъ съ огромными потерями для наступающихъ. При прогулкѣ къ Нѣману 250-тысячная нѣмецкая армія потеряла 40% своего состава, т.-е. около 100.000 человѣкъ. Во что обошлась прогулка полуторамилліонной австро-германской арміи къ Вислѣ и Сану—подсчитаютъ нѣмцы въ томъ счетѣ, который они подадутъ Вильгельму при окончательной ликвидаціи затѣяннаго имъ обще-европейскаго кровопролитія. Во всякомъ случаѣ привислинское кровопусканіе ослабляетъ силу австро-германской арміи и подрываетъ шансы на какой-либо крупный успѣхъ въ будущемъ. Ослабленные полки, подавленные неудачами и потерями, переходя отъ наступленія къ оборонѣ, утрачиваютъ уже способность къ активнымъ дѣйствіямъ.

Привислинскіе бои окончательно выяснили перевѣсъ русскихъ силъ надъ нѣмецкими. Непосвященное въ тайны военнаго искусства общество часто выражаетъ недоумѣніе: почему мы, располагая крупнымъ преимуществомъ въ полевой борьбѣ, все-таки отступали передъ непріятелемъ до самой Вислы, дали ему возможность разорить пройденный край и не уничтожили врага на самой границѣ при первой же попыткѣ вступить на русскую землю? Отвѣтъ на этотъ вопросъ въ высшей степени простъ: генеральное сраженіе всегда нужно принимать въ условіяхъ, наиболѣе не-

Библиотека "Руниверс"

благопріятныхъ для противника. При сраженіи на границахъ онъ имѣлъ бы позади себя прекрасно оборудованную сѣть шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ, которая помогала бы ему перебрасывать войска въ пункты наибольшаго тактическаго сосредоточенія, тогда какъ мы вынуждены были бы опираться на сравнительно бездорожный тылъ. Подойдя же къ Варшавѣ, наоборотъ, непріятель очутился съ бездорожнымъ тыломъ, мы же опирались на сравнительно болѣе лучшую сѣть стратегическихъ линій, соединяющихъ Вислу съ центромъ Россіи. Вотъ почему главныя наши силы были заранѣе сосредоточены на Вислѣ, и только слабыя, болѣе подвижныя, преимущественно кавалерійскія, части были выдвинуты къ границѣ. Это дало намъ возможность нанести истощеннымъ походомъ нѣмецкимъ полчищамъ рѣшительный ударъ заранѣе сосредоточенными на линіи свѣжими полками и отбросить непріятеля назадъ. Всю глубину стратегическаго маневра нашего Верховнаго Главнокомандующаго оцѣнять только при полномъ развитіи задуманныхъ операцій. Конечно, кровавые бои повторятся и на границѣ и на германской территоріи, но теперь русскимъ войскамъ придется сражаться уже съ обезсиленной и наполовину разстроенной нѣмецкой арміей, духовно надломленной, утратившей вѣру въ себя, потерявшей надежду на побѣду.

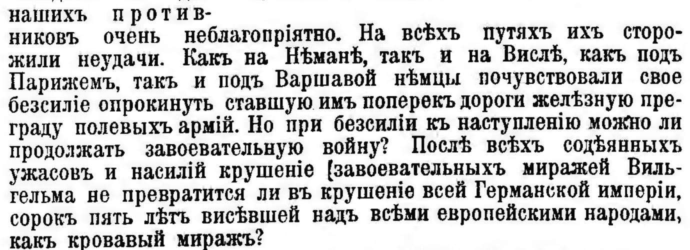
Въ конечномъ итогѣ всѣхъ своихъ расчетовъ высшая стратегія, въ сущности, сводится къ массовой психологіи: побѣждена не та армія, которая истреблена, а та, которая утратила вѣру въ побѣду и признала себя побѣжденной. Ружья и пушки, пулеметы и 42 с/м. чудовища важны на войнѣ не столько даже какъ орудія истребленія, сколько какъ средства устрашенія врага. Рѣшивъ принять первое сраженіе въ наиболѣе благопріятныхъ для насъ условіяхъ, давшихъ намъ возможность отбросить нѣмцевъ отъ Варшавы, нашъ Верховный Главнокомандующій первою побѣдою заложилъ на берегахъ Нѣмана и Вислы прочный фундаментъ для окончательнаго торжества надъ легкомысленно вторгнувшимся въ русскую землю противникомъ.

Съ германской арміей подъ Варшавой повторилось то же, что произошло съ австрійской арміей подъ Люблиномъ: путемъ прекрасно выполненнаго маневра русскія войска подъ видомъ вынужденнаго отступленія передъ превосходными силами постепенно завлекли непріятеля вглубь страны къ наиболѣе сильнымъ, заранѣе укрѣпленнымъ, позиціямъ, героически выдержали атаки и, перейдя неожиданно въ наступленіе, обрушились на него неудержимымъ потокомъ. Положеніе германской арміи значительно тяжелѣе положенія австрійской уже по одному тому, что австрійцы отступили въ концѣ лѣта, когда дороги были еще болѣе или менѣе сносны, а нѣмцамъ съ ихъ тяжелой артиллеріей и тяжелыми обозами приходится отступать среди убійственной осенней распутицы. При такихъ условіяхъ вывезти артиллерію имъ будетъ чрезвычайно трудно, тѣмъ болѣе, что ихъ армія, подступавшая къ Варшавѣ, не только отброшена съ фронта, но въ то же время подверглась почти одновременному обходу кавалерійскими массами отъ нижней Бзуры и Новогеоргіевска.

На западномъ фронтѣ взятіе нѣмцами Антверпена парализовалось значительными успѣхами болѣе быстраго наступательнаго движенія союзниковъ. Несмотря ни на какія усилія, нѣмцамъ не удалось отрѣзать отступленіе бельгійской арміи. Повидимому, всего больше помѣшалъ имъ въ этомъ сильный англійскій отрядъ, успѣвшій высадиться въ Остендэ, отчасти же встрѣчное движеніе генералиссимуса Жоффра, лѣвый флангъ котораго, отбросивъ нѣмцевъ отъ города Ипра, соединился здѣсь съ отступающими бельгійцами. Усиленіе этого фланга новыми англо-бельгійскими отрядами создало значительный перевѣсъ союзниковъ надъ арміей генерала Клука и тотчасъ же выразилось въ удачномъ наступленіи по направленію къ Лиллю и Армантьеру. Всѣ германскія атаки были побѣдоносно отбиты, цѣлый рядъ германскихъ позицій у Армантьера, Ипра, Лабассэ и Лана взятъ, въ теченіе двухъ дней союзники продвинулись впередъ на 30 километровъ, и расположеніе ихъ лѣво-фланговыхъ линій, имѣющихъ задачей обходъ арміи Клука, достигло моря, которымъ владѣетъ англійскій флотъ, уже обстрѣливающій германскую армію съ ея праваго фланга.

Его Императорское Высочество Великій Князь Дмитрій Павловичъ, Высочайше награжденный за боевыя отличія орденомъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й степени.

Такимъ образомъ питающія комуникаціонныя линіи германской арміи обнажились для ударовъ противника съ моря и съ суши. Въ теченіе полуторамѣсяцевъ велась напряженная борьба за пути сообщенія германской арміи съ фатерландомъ, и теперь, повидимому, она кончается новой большой стратегической побѣдой французовъ, сводящей на нѣтъ тактическую побѣду нѣмцевъ надъ Антверпеномъ. Логически неизбѣжнымъ результатомъ исполненныхъ передвиженій должно явиться отступленіе германской арміи. По всѣмъ признакамъ, побѣдители Антверпена быстро и скоро перенесутъ свою оборонительную линію на Маасъ, отойдутъ на фронтъ Мецъ—Намюръ, очистивъ большую часть бельгійской и французской территорій. Судя по тому, что теперь уже заблаговременно въ тылу Намюра подготовляется другая оборонительная линія у Аахена, война и съ запада будетъ перенесена на германскую территорію.



Итоги первыхъ мѣсяцевъ войны складываются для нашихъ противниковъ очень неблагопріятно. На всѣхъ путяхъ ихъ сторожили неудачи. Какъ на Нѣманѣ, такъ и на Вислѣ, какъ подъ Парижемъ, такъ и подъ Варшавой нѣмцы почувствовали свое безсиліе опрокинуть ставшую имъ поперекъ дороги желѣзную преграду полевыхъ армій. Но при безсиліи къ наступленію можно ли продолжать завоевательную войну? Послѣ всѣхъ содѣянныхъ ужасовъ и насилій крушеніе завоевательныхъ миражей Вильгельма не превратится ли въ крушеніе всей Германской имперіи, сорокъ пять лѣтъ висѣвшей надъ всѣми европейскими народами, какъ кровавый миражъ?

Германская имперія родилась въ дыму пожаровъ и кровопролитій и разсыплется прахомъ въ кровавомъ заревѣ общеевропейскаго пожарища.

Страничка нѣмецкаго варварства.

А. М. Ѳедорова. (Рис. на стр. 798).

Есть войны, въ которыхъ народы теряютъ свою воинскую славу.

Еще тяжелѣе, когда въ войнѣ погибаетъ народная честь. Это уже не несчастье, не пораженіе, а позоръ для народа, и этотъ позоръ тѣмъ страшнѣе, что онъ приносится арміей, которая должна быть охранительницей народнаго имени, его рыцаремъ-защитникомъ.

Въ такое унизительное положеніе поставила себя и свой народъ въ нынѣшнюю войну прусская армія.

Разгромъ Бельгіи, варварское отношеніе къ сокровищамъ Лувена и Реймсу, бомбы, бросаемыя съ цеппелиновъ на Парижъ, разрушеніе Калиша и десятки, сотни мелкихъ сравнительно съ этими, но гнусныхъ внѣ всякаго сравненія звѣрствъ и варварствъ, среди которыхъ не послѣднее мѣсто должно занять поведеніе нѣмцевъ въ Радомѣ.

Я былъ въ Радомѣ въ то самое время, какъ оттуда уже прекратили движеніе пассажирскіе поѣзда на Варшаву и Кѣльцы.

Радомъ опять сталъ взволнованно ожидать вражескаго нашествія, хотя не могъ еще опомниться отъ того, что было. Правда, не длительно было первое господство нѣмцевъ въ Радомѣ. Всего пять дней продолжалось оно, но этихъ пяти дней было совершенно достаточно, чтобъ пруссаки оставили на себѣ презрѣніе и проклятіе жителей.

Не за то, что нѣмцы грабили лавки и дома, не за то, что они наложили на городъ контрибуцію въ видѣ доставки провіанта для скота и войскъ, повозокъ и лошадей, грозя разгромомъ города и смертью взятыхъ заложниковъ, если этотъ приказъ не будетъ исполненъ; даже не за то, что все доставленное имъ жителями Радома они потомъ, уходя, продали городу же за четыре слишкомъ тысячи, какъ жалкіе лавочники,—а за безчинства, творимыя ими, за безчинства, непростительныя ни при какихъ обстоятельствахъ, даже въ видѣ мести!

Было ли, за что мстить?

А вотъ судите.

Жилъ въ Радомѣ стражникъ-старикъ. Вѣроятно, у него было

Библиотека "Руниверс"

Страничка нѣмецкаго варварства. Кабинетъ директора гимназіи въ Радомѣ послѣ посѣщенія „культурныхъ" германцевъ.

достаточно основаній ненавидѣть нѣмцевъ не только какъ націю, съ которой мы воюемъ.

Онъ поклялся во что бы то ни стало убить хоть одного нѣмца, прежде чѣмъ покинуть Радомъ.

Прослышавшее объ этомъ начальство стражника употребляло всѣ средства, чтобы отговорить его отъ этого безумнаго поступка. Наконецъ прямо-таки силой увели его изъ Радома, когда вся администрація покидала городъ.

Но у стражника нашелся уважительный предлогъ, чтобы вернуться въ Радомъ, когда тамъ уже было 8.000 пруссаковъ.

Онъ объявилъ тамъ первому встрѣчному прусскому солдату, что хочетъ сдѣлать важное сообщеніе прусскому начальству.

Его повели въ штабъ. Тамъ стражникъ былъ позванъ къ допросу. Но едва допрашивавшій его офицеръ выпятилъ передъ нимъ надутую чванствомъ грудь, какъ стражникъ всадилъ въ эту грудь смертельную пулю.

Конечно, его тутъ же убили самымъ звѣрскимъ образомъ. Кровь за кровь. Кажется, этого было бы довольно. Во всякомъ случаѣ это героическое безуміе не имѣло никакого отношенія къ остальнымъ жителямъ Радома, особенно же къ тому культурному достоянію, на которое обрушились послѣ этого такъ тупо и злобно пруссаки.

Приказавъ жителямъ снести все оружіе въ магистратъ, они утащили вмѣстѣ съ этимъ оружіемъ и дорогую древнюю рѣдкую коллекцію оружія, принадлежавшую частному лицу, хотя, конечно, это оружіе имѣло лишь историческое значеніе.

Радомъ не богатъ ни художественными ни музейными сокровищами. Два древнихъ костела его обращены въ тюрьмы. Кажется, это единственныя историческія достопримѣчательности Радома.

Но въ Радомѣ при гимназіи былъ рѣдкій естественный и физическій кабинетъ.

Нѣмцы, ограбивъ и разгромивъ квартиру директора гимназіи, безсмысленно разбили вдребезги, истоптали и уничтожили всѣ рѣдкія коллекціи и приборы, эти научныя сокровища, которыми Радомъ гордился. Но этимъ пруссаки не ограничились: мало было вандализма, они прибѣгли къ кощунству.

Въ гимназической и полковой церквахъ они устроили казарму, навалили туда соломы, спали тамъ, не щадя даже алтаря, и пьянствовали, какъ въ кабакѣ.

2 сентября по новому стилю корнетъ Батюшковъ съ героемъ Соколовскимъ и десятью развѣдчиками своимъ отважнымъ до безумія набѣгомъ на Радомъ произвели отчаянный переполохъ въ восьмитысячномъ прусскомъ войскѣ. Соколовскій былъ раненъ, его денщикъ убитъ.

Но 3 сентября пришли русскія войска, и пруссаки отступили отъ Радома.

Незавидную славу оставили они по себѣ въ Радомѣ, и врядъ ли со временемъ, когда исторія будетъ судить не только побѣды и пораженія, но и характеръ дѣяній,—нѣмецкій народъ будетъ благодаренъ своимъ защитникамъ за эти безсмысленныя, позорящія его, гнусности.

Миръ павшимъ...

Луна всходила надъ полемъ битвы,
Туманы никли къ сырой землѣ,
И Ангелъ Смерти творилъ молитвы,
И плакалъ кто-то въ осенней мглѣ.

Въ траншеяхъ трупы лежали всюду,
Вдали, темнѣя, молчалъ курганъ,
И поле труповъ и мертвыхъ груду
Окуталъ тихо ночной туманъ...

— Миръ павшимъ въ битвѣ! —шептали травы...
Звучалъ невнятно далекій звонъ...
— Миръ павшимъ людямъ—героямъ славы!..
Пошли, Спаситель, имъ тихій сонъ!..

Кругомъ безмолвно ложились тѣни.
Блѣднѣли трупы родныхъ солдатъ.
И Ангелъ тихо, склонивъ колѣни,
Ласкалъ ихъ лица, какъ нѣжный братъ...

На влажныхъ травахъ лучи сверкали.
Роса роняла алмазовъ пыль.
Кругомъ молились ночныя дали,
И плакалъ нѣжно сухой ковыль...

— Миръ павшимъ братьямъ... Васъ много пало!..
И Ангелъ тихо ронялъ слезу.
Молитвѣ небо вверху внимало,
Безъ словъ молилась земля внизу...

Вл. Краковецкій.

Лазаретъ въ г. Смоленскѣ, устроенный кн. М. К. Тенишевой. 1—княгиня Тенишева читаетъ раненымъ вѣсти съ войны. 2—Ю. А. Пестичъ (вдова генерала Пестича, павшаго въ бою въ Восточной Пруссіи).

Библиотека "Руниверс"

Подполковникъ
В. В. Атамановъ.

Корнетъ
С. Н. Воеводскій.

Корнетъ
Д. С. Курчениновъ.

Подпоручикъ
А. Пенхоржевскій.

Корнетъ
Г. А. Зиновьевъ.

Полковникъ
Н. А. Герцыкъ.

Поручикъ
А. Н. Шкилевъ.

Вольноопредѣляющійся
М. Г. Бобриковъ.

Капитанъ
М. Н. Мѣреновъ.

Корнетъ
В. И. Быховецъ.

Ротмистръ
В. А. Каульбарсъ.

Капитанъ
І. А. Эйсымонтъ.

Штабъ-ротмистръ
А. П. Корвинъ.

Полковникъ
К. П. Линда.

Подпоручикъ
П. С. Терне.

Капитанъ
А. Л. Орлицкій.

Библиотека "Руниверс"

Австрійскіе мониторы на Дунаѣ. Мониторы эти крейсируютъ вдоль сербскихъ береговъ и участвуютъ въ бомбардировкѣ Бѣлграда, длящейся уже три мѣсяца. Когда сербы овладѣли австрійскимъ берегомъ Дуная и заняли Землинъ, австрійскіе мониторы обстрѣливали Землинъ.

Энверъ-паша, турецкій военный министръ.

Германское засилье въ Турціи. Германскій дреднаутъ „Гебенъ“ входитъ въ Босфоръ, привѣтствуемый германскими моряками съ „Бреслау“. Оба эти судна проданы германцами туркамъ, замѣнившимъ часть экипажа судовъ турецкими матросами, но оставившимъ командованіе ими и вообще всѣмъ своимъ флотомъ въ рукахъ германцевъ.

Библиотека "Руниверс"

Галицкая Русь въ борьбѣ за вѣру и народность.

Очеркъ **А. Бѣлгородскаго.**

I.

Въ 1772 году по первому раздѣлу Польши Галицкая Русь была присоединена къ Австріи, за исключеніемъ двухъ уѣздовъ, отошедшихъ къ Россіи. Въ 1815 году и эти уѣзды были переданы Австріи, согласно постановленіямъ Вѣнскаго конгресса.

Свыше четырехсотлѣтнее владычество Польши (1340—1772) оставило въ жизни населенія Галицкой Руси тяжелые, трудно изгладимые, слѣды. Народъ находился въ состояніи полнаго порабощенія, крайней бѣдности и забитости. Русское дворянство давно уже было здѣсь ополячено, хотя въ домашнемъ быту иногда и употребляло еще родной языкъ. Постепенно подчинились польской культурѣ и русское купечество и высшее духовенство. Только мелкіе ремесленники, низшее духовенство и простой народъ („попъ да хлопъ“,— по пословицѣ галичанъ) оставались еще вѣрны своей народности и православной вѣрѣ.

Австрійское правительство на первыхъ порахъ принимало нѣкоторыя мѣры къ улучшенію матеріальнаго состоянія разореннаго галицко-русскаго народа. Въ 1782 г. крестьяне получили личную свободу, а въ 1786 г. были значительно облегчены ихъ прежнія тяжелыя повинности въ отношеніи польскихъ помѣщиковъ-пановъ. Русскій языкъ также получилъ нѣкоторыя права гражданства. По мѣстамъ были открыты народныя школы, учреждена Львовская духовная семинарія и въ 1784 г.— Львовскій университетъ, въ которомъ студенты богословскаго и философскаго факультетовъ имѣли возможность слушать лекціи на русскомъ языкѣ.

Но эта заря возрожденія скоро погасла, и для многострадальнаго народа Галицкой Руси началась новая тяжелая эпоха упорной борьбы за свою вѣру и народность. Край началъ усиленно заселяться нѣмецкими колонистами, вносившими всюду свою культуру. Поляки также начинають возвращать свое прежнее господство надъ русскимъ населеніемъ. Католическое духовенство, вдохновляемое изъ Рима, забираетъ въ руки устройство всей духовной жизни народа и при помощи іезуитовъ ведетъ усиленную пропаганду латинства и уніатства. Съ этой цѣлью въ Львовѣ учреждается уніатская митрополія, находившаяся всецѣло въ рукахъ католиковъ и іезуитовъ.

Реймскій соборъ въ огнѣ.

Австрійское правительство начинаетъ систематически преслѣдовать въ Галиціи русскую народность, не признавая за нею никакихъ правъ. Къ этому побуждала его опасность, на которую указывали нѣкоторые нѣмецкіе ученые (Энгель и Гоппе), спеціально изучившіе исторію новоприсоединенныхъ земель. Они обратили вниманіе правительства на то, что Галиція нѣкогда входила въ составъ Кіевскаго государства, а потому Россія всегда можетъ предъявить на нее свои притязанія. Вотъ почему не поддержаніе и развитіе, а систематическое истребленіе русской народности и связаннаго тѣсно съ нею православія составляетъ съ этихъ поръ главнѣйшую задачу австрійской политики въ отношеніи къ Галиціи до самыхъ послѣднихъ дней.

Начинаются прежде всего преслѣдованія русскаго языка, вмѣсто котораго всюду насаждается польскій. Уже въ 1816 г. львовскій губернаторъ доносилъ въ Вѣну, что „политическія соображенія не велятъ вмѣсто польскаго распространять здѣсь малорусскій языкъ, который составляетъ только нарѣчіе россійскаго языка“. Первымъ защитникомъ русской народности въ Галиціи явился въ г. Перемышлѣ каноникъ Иванъ Могильницкій, ревностно заботившійся о народномъ образованіи. Онъ, между прочимъ, желалъ учредить особое просвѣтительное общество для изданія и распространенія въ народѣ популярныхъ книгъ. Сочиненный имъ уставъ общества хотя и былъ утвержденъ императоромъ, но не получилъ санкціи въ Римѣ.

Нѣсколько позже въ защиту русскаго языка выступаютъ питомцы Львовской духовной семинаріи—Яковъ Головацкій, Маркіанъ Шашкевичъ и Иванъ Вагилевичъ, извѣстные подъ именемъ „русской троицы“. Они стояли во главѣ тайнаго кружка, поставившаго себѣ цѣлью: возрожденіе въ Галиціи русской народности, борьбу противъ полонизаціи и изданіе литературы на родномъ языкѣ. Въ 1837 г. они издали на русскомъ языкѣ сборникъ стихотвореній подъ заглавіемъ: „Русалка Днѣстрова“. Католическое духовенство усмотрѣло въ этой невинной затѣѣ чуть ли не государственное преступленіе. По его происканмъ, правительство подвергло „Русалку“ конфискаціи, а ея авторовъ—строгому преслѣдованію. Кружокъ былъ разгромленъ.

II.

Наступилъ 1848 годъ. Происшедшая въ этомъ году февральская революція во Франціи вызвала возстаніе и въ Австріи, среди нѣмцевъ, венгровъ, поляковъ и итальянцевъ. Помощь русскаго императора Николая Павловича спасла Австрію отъ гибели. Русскіе галичане остались въ это критическое для монархіи время вѣрны императору и оказали ему большія услуги. Въ благодарность правительство дало русскимъ галичанамъ нѣкоторыя льготы: крѣпостное право было совершенно уничтожено, для защиты правъ русской народности было основано общество „Головная Русская Рада“, для народнаго просвѣщенія учреждена „Галицко-русская матица“. Появилась и первая газета: „Зоря Галицкая“. По образцу „Головной Рады“ во Львовѣ были открыты подобныя же общества и въ другихъ городахъ (Стріѣ, Коломнѣ и др.). Въ 1849 году послѣдовало основаніе знаменитаго Львовскаго „Народнаго дома“, который явился центральнымъ просвѣтительнымъ учрежденіемъ для всей Галицкой Руси. Весь народъ участвовалъ въ пожертвованіяхъ на его созданіе и дальнѣйшее содержаніе. Въ Львовскомъ университетѣ

Библиотека "Руниверс"

Францисканскія монахини—„миссіонерки Дѣвы Маріи“—на полевыхъ работахъ. Рисунокъ Ж. Симонъ.

Все работоспособное мужское населеніе Франціи ушло на поля чести, покинувъ поля жатвы. Его замѣнили эти святыя женщины, девизомъ которыхъ въ счастливыя времена Франціи было: «не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ». Теперь онѣ заботятся объ этомъ хлѣбѣ, чтобы поддержать жизнь стариковъ и дѣтей, лишенныхъ жестокой войной своихъ кормильцевъ, защитниковъ отечества.

была учреждена особая каѳедра русскаго языка, которую занялъ упомянутый выше Я. Головацкій. Русскій языкъ получилъ также права гражданства какъ въ средней, такъ и низшей школѣ. Въ первомъ засѣданіи „Галицко-русской школьной матицы“ послѣ долгихъ преній было постановлено издавать для народа сочиненія не на малороссійскомъ нарѣчіи, а на обще-русскомъ литературномъ языкѣ. Знаменательны слова, сказанныя по поводу этого рѣшенія Головацкимъ: „Галичане этимъ постановленіемъ открыли себѣ храмъ народнаго развитія, который перестоитъ вѣка, и который никакая сила не сможетъ ни пошатнуть ни повалить“.

Въ это же время Галицкая Русь торжественно заявляла о своемъ единствѣ со всѣмъ русскимъ народомъ. Молодой ученый, священникъ А. С. Петрушевичъ въ изданной имъ на польскомъ языкѣ брошюрѣ открыто исповѣдывалъ, что „Галицкая Русь—малая часть общей матери—Руси Нестора, на ряду съ Кіевомъ, Новгородомъ, Суздальщиной, Сѣверщиной и т. д.“ Другой ученый, историкъ Зубрицкій, написалъ на литературномъ русскомъ

Библиотека "Руниверс"

языкѣ „Исторію Галичскаго княжества“ въ четырехъ томахъ. Между прочимъ, этимъ сочиненіемъ пользовался для своихъ научныхъ трудовъ нашъ историкъ М. Погодинъ.

Охватившее всю Галицкую Русь общее народное движеніе, казалось, предвѣщало скорое и полное возрожденіе русской народности. Но уже въ это время среди галицко-русской интиллигенціи начинается расколъ, окончившійся нѣсколько позднѣе образованіемъ партіи „украйнофиловъ“. Эта партія стоитъ за самостоятельность малорусскаго племени и полную отдѣленность его исторіи отъ Россіи. Происшедшій расколъ для послѣдующей жизни Галицкой Руси имѣетъ роковое значеніе. Австрійское правительство и покровительствуемые имъ поляки умѣло пользуются имъ для достиженія своей завѣтной цѣли—совершенно уничтожить въ Галиціи русскій языкъ и русскую народность. „Натравить русскаго на русскаго“ („Puscic rusina na rusina“),—вотъ лозунгъ всей дальнѣйшей политики Австріи и поляковъ въ Галиціи.

Обстоятельства не заставили себя долго ждать. Въ 1859 г. намѣстникъ Галиціи, графъ Голуховскій, назначилъ особую комиссію, предложивъ ей устранить письменный русскій языкъ и замѣнить его латинскимъ. Насколько откровенны были при этомъ цѣли правительства, хорошо свидѣтельствуютъ слова, сказанныя Голуховскимъ при открытіи этой комиссіи: „Галичане до сихъ поръ не сдѣлали ничего, чтобы надлежащимъ образомъ обособить свой языкъ отъ великорусскаго, а потому за это вынуждено взяться правительство“.

На этотъ разъ попытка Голуховскаго не удалась, такъ какъ Вѣна еще не рѣшилась встать открыто на сторону поляковъ и не поддержала своего намѣстника. Но это не помѣшало Голуховскому въ томъ же году запретить своей властью печатать что-либо въ Галиціи на русскомъ языкѣ, допуская въ типографіяхъ лишь церковно-славянскій шрифтъ. Для того, чтобы имѣть возможность отрицать самое существованіе русскихъ въ Австріи, правительство объявило галицкихъ русскихъ людей особымъ, не русскимъ племенемъ. Оно долго не могло придумать названія для этого новаго племени, называя русскихъ галичанъ „русинами“, „рутенами“ или „рутенцами“, позднѣе „украинцами“, „мазепинцами“, „руськими“ (черезъ „ь“) или „рускими“ (черезъ одно „с“).

Еще въ 1848 г. губернаторъ Галиціи Стадіонъ заявилъ русской депутаціи: „Вы можете разсчитывать на поддержку правительства только въ томъ случаѣ, если захотите быть самостоятельнымъ народомъ и откажетесь отъ національнаго единства съ народомъ внѣ государства, именно въ Россіи, т.-е. если захотите быть рутенами, не русскими“.

Опасность, угрожаемая русской народности, заставила теснѣе сплотиться борцовъ-патріотовъ Галиціи. Они смѣло и

Новый Намѣстникъ св. Петра—вновь избранный на конклавѣ кардиналовъ папа римскій Бенедиктъ XV.

Папа римскій Бенедиктъ XV.

Новоизбранный на Святѣйшій Престолъ кардиналъ Джіакомо-делль-Кіеза, принявшій имя Бенедикта XV—самый молодой изъ кардиналовъ: онъ возведенъ былъ въ этотъ санъ 25 мая с. г., и ему идетъ 60-й годъ.

Джіакомо-делль-Кіеза происходитъ изъ старинной итальянской аристократической семьи, и его фамилія («кіеза» по-итальянски — церковный) отвѣчаетъ характеру первосвященника Римской церкви.

Избраніе папы римскаго. Сикстинская капелла во время конклава.

Выборный бюллетень, на которомъ кардиналы, члены конклава, пишутъ имя избранника на Святѣйшій Престолъ.

Папа Бенедиктъ XV — человѣкъ строгой, пылкой вѣры, большой церковникъ, склонный къ аскетизму. Папы Левъ XIII и Пій X высоко цѣнили его освѣдомленность въ вопросахъ внѣшней политики. Склоняющійся къ церковной политикѣ папы Льва XIII и его «правой руки» кардинала Рамполы—политикѣ ума и культурной вѣротерпимости, папа Бенедиктъ XV питалъ всегда, особенно на болонской архіепископской каѳедрѣ, глубокія симпатіи къ Франціи и неоднократно высказывался за желательность дружбы съ Россіей.

Подобно своему предшественнику папѣ Пію X, отказавшемуся на смертномъ одрѣ благословить оружіе Австріи, папа Бенедиктъ XV уже дважды выступилъ со словомъ политическаго протеста: пославъ Германіи протестъ противъ разрушенія Реймскаго собора и давъ благословеніе многострадальной Бельгіи въ лицѣ ея архіепископа.

Библиотека "Руниверс"

неустрашимо продолжаютъ заявлять о своемъ національномъ единствѣ со всѣмъ русскимъ народомъ. Въ 1866 году львовская газета „Слово“, основанная М. Качковскимъ, громко провозглашала: „Наступило время перешагнуть Рубиконъ и сказать откровенно, во всеуслышаніе: мы не можемъ отдѣляться китайской стѣной отъ нашихъ братій, отъ языковой, литературной, церковной и народной связи со всѣмъ русскимъ міромъ; мы не рутены 1848 года, мы— настоящіе русскіе“. Еще болѣе знаменательны слова священника Іоанна Наумовича, знаменитаго печальника Галицкой Руси, сказанныя имъ въ Галичскомъ сеймѣ, въ Деножѣ 1866 г.: „Сходства нашего языка съ языкомъ всей Руси не уничтожитъ никто на свѣтѣ: ни законы, ни сеймы, ни министръ!“

Въ 1867 году, послѣ пораженія въ войнѣ съ Пруссіей, въ Австріи произошли большія перемѣны. Монархія получила дуалистическое устройство и превратилась въ современную Австро-Венгрію. Рѣка Лейта раздѣлила ее на двѣ части—Цислейтанію и Транслейтанію. Въ составъ первой вошли области съ нѣмецкимъ населеніемъ, а изъ славянскихъ — Чехія, Моравія и Галиція, а вторую составили Венгрія, Трансильванія, Хорватія и Далмація. Каждая изъ этихъ двухъ частей получила свою конституцію и свое народное представительство: рейхсратъ или Державную Думу въ Австріи и сеймъ въ Венгріи, для общихъ же дѣлъ имперіи (внѣшняя политика, армія, финансы) избираются особыя делегаціи.

Франція. Взорванный мостъ въ Трильпорѣ.

Франція. Городъ Сенлисъ, разрушенный германцами.

Для Галицкой Руси конституціонная жизнь не принесла никакой пользы. Поляки окончательно овладѣли краемъ, получивъ перевѣсъ и въ Львовскомъ сеймѣ и въ Вѣнскомъ парламентѣ. А русскіе галичане тратили, между тѣмъ, свои силы въ междоусобной внутренней борьбѣ. Въ 1868 году украйнофилы основали общество „Просвіта“, а въ 1873 году „Товарищество имени Шевченко“.

Франція. Трупы германскихъ автомобилистовъ, пытавшихся взорвать мостъ черезъ р. Энъ и убитыхъ часовымъ на площади города Сауссона.

Франція. Битва на рѣкѣ Энъ. Улица въ г. Суассонѣ послѣ бомбардировки германскими 42-сантиметровыми осадными орудіями.

Оба эти общества, покровительствуемыя и матеріально поддерживаемыя австрійскимъ правительствомъ и поляками, носятъ явно враждебный характеръ для русскаго дѣла въ Галиціи. Украйнофилы мечтаютъ о созданіи особаго, „самостійнаго“ украинскаго государства, простирающагося „отъ Карпатъ до Кавказа“. Въ этомъ государствѣ должны поселиться всѣ малороссы, при чемъ Кіевъ будетъ объявленъ столицей. Свои идеи вожди этой партіи распространяютъ посредствомъ газетъ („Діло“, „Воля“, „Русланъ“, „Свобода“ и др.) и многочисленныхъ книгъ и брошюръ,

Библиотека "Руниверс"

которыя въ послѣднее время обильно вывозятся въ наши южныя губерніи. Въ этихъ газетахъ и книгахъ ведется усиленная пропаганда борьбы съ Россіей и съ русскимъ правительствомъ.

Умѣло пользуясь ожесточенной борьбой старо-русской и—украйнофильской партій, австрійское правительство и поляки стараются создать въ Галиціи анти-русскую Русь и раздуть пламя междоусобицы. При этомъ поляки часто вспоминаютъ завѣщаніе своего генерала Мѣрошевскаго, выраженное имъ въ слѣдующихъ характерныхъ словахъ: „бросимъ огни и бомбы за Днѣпръ и Донъ въ самое сердце Руси; пусть разоряютъ, опустошаютъ и губятъ Русь; возбудимъ ссоры въ самомъ русскомъ народѣ, пусть онъ разрываетъ себя собственными когтями; по мѣрѣ того, какъ онъ ослабляется, мы крѣпнемъ и растемъ“.

Франція. Развалины вокзала маленькой желѣзнодорожной станціи, разрушенной германскими войсками.

славныхъ защитниковъ, истинныхъ патріотовъ, которые самоотверженно вступаютъ въ неравную борьбу съ врагомъ. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить Михаила Качковскаго (1802—1872) и о. Іоанна Наумовича (1826—1891). Первый всей своей жизнью и всѣмъ своимъ имуществомъ пожертвовалъ на защиту русской народности и православія въ Галиціи. Отказывая себѣ въ самомъ необходимомъ, Качковскій сберегъ значительный капиталъ, который завѣщалъ Народному Дому на дѣло просвѣщенія галицко-русскаго народа. Основанная имъ въ 1861 году во Львовѣ газета „Слово“ въ теченіе 27 лѣтъ неустрашимо боролась за права русскаго народа въ Галиціи, его

Франція. Мостъ въ Ферте-су-Жуаръ, взорванный французами.

И дѣйствительно, поляки скоро получили новыя важныя льготы и преимущества. Въ 1869 г. польскій языкъ пріобрѣтаетъ въ Галиціи офиціальный характеръ въ управленіи, судопроизводствѣ и школѣ. Русскому языку была объявлена война не на жизнь, а на смерть, хотя ст. XIX основныхъ австрійскихъ законовъ и говоритъ о равноправіи всѣхъ языковъ монархіи. Въ Львовскомъ университетѣ, откуда за свои руссофильскія идеи еще въ 1866 году былъ удаленъ проф. Я. Головацкій, съ 1871 г. воцарился польскій языкъ. Наконецъ въ томъ же 1871 году австрійское правительство въ угоду полякамъ создаетъ въ Вѣнѣ особую должность министра Галиціи, съ предоставленіемъ ему права защиты и расширенія польскихъ интересовъ.

Надъ Галицкой Русью нависли новыя, еще болѣе грозныя, тучи... Къ великому благу, она имѣла въ это время не мало

Франція. Битва на рѣкѣ Энъ. Улица въ г. Суассонѣ послѣ германской бомбардировки.

Библиотека "Руниверс"

исконную вѣру и народность. Отправившись въ 1872 г. въ Россію, Качковскій здѣсь скончался и былъ похороненъ въ Кронштадтѣ.

Но память о немъ живетъ и свято хранится въ Галицкой Руси. Въ 1875 г. о. Наумовичемъ было основано „Общество имени Качковскаго", на знамени котораго были начертаны слѣдующія слова: „молись, учись, трудись и трезвись". Широкая и плодотворная дѣятельность этого просвѣтительнаго общества распространилась по всей Галиціи. Она выразилась въ учрежденіи многочисленныхъ народныхъ читаленъ, число коихъ въ послѣднее время достигало 1.500, и въ изданіи, въ тысячахъ экземпляровъ, популярныхъ брошюръ и книгъ въ защиту вѣры и русской народности. Многочисленные члены этого общества, среди которыхъ не мало насчитывается и женщинъ, ежегодно собираются на торжественныя собранія. Со всѣхъ концовъ Галицкой Руси стекаются тысячами русскіе люди на эти собранія, какъ на національный праздникъ, объединяющій ихъ въ неравной борьбѣ съ врагомъ.

Личность о. Наумовича принадлежитъ къ числу самыхъ популярныхъ въ Галиціи. Она всегда будетъ служить яркимъ примѣромъ энергичной и плодотворной патріотической работы для народа. Среди русскихъ галичанъ о. Наумовичъ чтится, какъ новый Моисей, выведшій народъ изъ рабства невѣжества. Съ его именемъ связано основаніе популярной газеты „Русская Рада", популярнаго журнала „Наука", учрежденіе цѣлаго ряда народныхъ читаленъ, изданіе многочисленныхъ полезныхъ книгъ и брошюръ, устройство ссудо-сберегательныхъ кассъ, братствъ трезвости, общественныхъ магазиновъ, пасѣкъ и многое другое. Лучшая изъ галицко-русскихъ газетъ, издающаяся во Львовѣ „Галицкая Русь", такъ характеризуетъ его значеніе, какъ народнаго писателя: „Наумовичъ былъ творцомъ галицко-русской энциклопедической литературы, составляющей эпоху въ литературномъ и культурномъ развитіи галицко-русскаго народа. Онъ указалъ народу путь къ высшимъ идеаламъ, и галицко-русскій народъ всегда будетъ называть Наумовича своимъ просвѣтителемъ. Онъ научилъ народъ его исторіи, научилъ любить свою церковь, обрядъ, землю, вывелъ народъ изъ тьмы и указалъ путь къ достиженію цѣли, а своими основательными церковно-историческими статьями оживилъ церковную жизнь и твердо и неутомимо отстаивалъ независимость и достоинство церкви".

Общественно-политическая дѣятельность о. Наумовича, какъ депутата Львовскаго сейма и Вѣнскаго парламента, была направлена къ защитѣ правъ русскаго народа. Въ 1882 г., по поводу присоединенія къ православію жителей прихода Гниличекъ, онъ былъ привлеченъ вмѣстѣ съ другими русскими патріотами къ судебной отвѣтственности и обвиненъ въ государственной измѣнѣ. Отлученный папой Львомъ XIII отъ церкви, лишенный сана и прихода, преслѣдуемый іезуитами и поляками, о. Наумовичъ въ 1885 г. перешелъ въ православіе и послѣдніе годы своей жизни прожилъ въ Россіи, гдѣ былъ сначала епархіальнымъ миссіонеромъ въ г. Кіевѣ, а затѣмъ приходскимъ сельскимъ священникомъ. Его перу принадлежитъ громадное количество сочиненій. Нѣкоторые изъ его популярныхъ разсказовъ выдержали нѣсколько изданій. Таковы „Псалтырникъ", „Завѣтные тополи", „Христіанскія добродѣтели", „Какъ въ простотѣ люди живутъ" и др. Умеръ о. Наумовичъ 4 августа 1891 года въ г. Новороссійскѣ, куда онъ отправился съ цѣлью личнаго ознакомленія съ вопросомъ о галицко-русской колонизаціи на Кавказѣ. Прахъ его покоится въ Кіевѣ, на Аскольдовомъ кладбищѣ.

Изъ другихъ дѣятелей, ревностно защищавшихъ права галицко-русскаго народа, заслуживаютъ упоминанія Добрянскій, Дѣдицкій и Мончаловскій.

IV.

Вернемся къ послѣднимъ историческимъ судьбамъ Галицкой Руси. Въ 1890 году послѣдовало окончательное соглашеніе поляковъ и украинцевъ, положившее начало такъ называемой „новой эры". Результатомъ этого союза былъ новый натискъ на русскій языкъ, введеніе въ 1892 г. фонетики и собраніе особаго украинскаго жаргона, представляющаго собой смѣсь польскаго, нѣмецкаго, малорусскаго и даже латинскаго языковъ. Прекрасный народный русскій языкъ былъ изуродованъ и обратился въ какое-то неудобоваримое мѣсиво. „Квестія", „колумнія" „денунціація", „донація", „субвенція", „кавція", „праця", „квота", „мова"—вотъ немногіе перлы этого новаго языка, который австрійское правительство старается насильственно, помимо желанія народа, ввести въ школѣ, судѣ и управленіи. Цѣль этого ясна, и она не скрывается авторами фонетики или кулишовки, какъ ее зовутъ въ Галиціи по имени выписаннаго изъ Россіи украйнофила Пантелеймона Кулиша. „Фонетика отдѣляетъ Галицкую Русь отъ остальной Руси",—вотъ что писалъ въ Вѣну польскій намѣстникъ Галиціи, Бобржинскій.

Началось сильнѣйшее гоненіе на все, что считало и называло себя русскимъ. Но русская народная партія и при новыхъ тяжелыхъ условіяхъ не падала духомъ и не складывала своего оружія. Лишенная въ 1894 г. школы, откуда былъ совершенно изгнанъ русскій языкъ, она основываетъ общежитія—„бурсы", въ которыхъ русскія дѣти изучаютъ по вечерамъ родной языкъ, русскую литературу и исторію и воспитываются въ русскомъ національномъ и церковномъ направленіи.

Въ 1899 года русская народная партія еще разъ торжественно исповѣдала, на основаніи науки, дѣйствительной жизни и глубокаго убѣжденія, національное и культурное единство всего русскаго народа и признала своими плоды тысячелѣтней культурной работы всего русскаго народа. Въ защиту русскаго языка и русской народности велась въ послѣдніе годы борьба и въ Вѣнскомъ парламентѣ, гдѣ нѣкоторые депутаты (Марковъ, Глѣбовицкій) требовали для русскаго языка правъ гражданства наравнѣ съ прочими языками монархіи.

Присланныя въ 1908 году въ Львовскій сеймъ и Вѣнскій парламентъ многочисленныя (около 70.000) петиціи отдѣльныхъ лицъ и обществъ о признаніи за русскимъ языкомъ въ Галиціи правъ гражданства въ школѣ, администраціи и судѣ, были оставлены австрійскимъ правительствомъ безъ всякаго вниманія и отвѣта. Напротивъ, правительство устами своихъ министровъ и намѣстниковъ въ Галиціи продолжало публично отрицать существованіе въ Австріи русской народности и принимало всѣ мѣры къ тому, чтобы раздавить здѣсь русское національное движеніе, оживившееся особенно послѣ славянскаго съѣзда въ Прагѣ (въ 1908 г.).

Массовый переходъ уніатовъ въ православіе, наблюдавшійся въ Галиціи въ послѣдніе годы, вызывалъ жестокія религіозныя преслѣдованія до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Аресты, штрафы, всевозможныя обвиненія въ шпіонствѣ въ пользу Россіи, запечатаніе православныхъ храмовъ, насильственное, при помощи жандармовъ и войска, прекращеніе богослуженія, варварскія издѣвательства надъ православными — вотъ обычныя явленія въ жизни многострадальнаго народа Галиціи. Такъ много нашумѣвшій Львовскій процессъ, происходившій въ февралѣ настоящаго года, повѣдалъ всему міру о тяжеломъ, безправномъ положеніи русскихъ галичанъ. Вдохновителемъ и главнымъ виновникомъ религіозныхъ гоненій православнаго духовенства и населенія Галицкой Руси является львовскій уніатскій митрополитъ графъ Андрей Шептицкій, взятый нынѣ въ плѣнъ и привезенный въ Россію. Будучи послушнымъ орудіемъ въ рукахъ іезуитовъ, онъ ревностно вводилъ въ уніатское богослуженіе католическіе обряды и обычаи. Извѣстно, что унія всегда служила для католическаго духовенства удобнымъ переходнымъ мостомъ къ латинству. Болѣе сорока тысячъ уніатовъ-галичанъ, не выдержавъ религіознаго гнета, бѣжало изъ Галиціи и нашло себѣ пріютъ въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ они всѣ поголовно бросили унію и присоединились къ православію. Это служитъ лучшимъ доказательствомъ, что унія была навязана имъ путемъ обмана и насилія католиками. Душой же они всегда были преданы православію, исконной вѣрѣ ихъ отцовъ и дѣдовъ.

На ряду съ религіозными преслѣдованіями происходили въ послѣдніе годы гоненія на русскія школы, вышеупомянутыя бурсы, служившія послѣдними культурными очагами для русскаго населенія. Правительство посылала вооруженныя силы для ихъ закрытія, при чемъ находимыя при обыскахъ школьныхъ помѣщеній учебныя книги и пособія на русскомъ языкѣ конфисковывались, а портреты національныхъ русскихъ писателей (Гоголя, Пушкина, Толстого и др.) рвались въ клочки. Положеніе русскихъ дѣтей, вынужденныхъ, за неимѣніемъ своихъ, посѣщать польскія школы, было ужасно. Въ 1910 г. польскій учитель Грейсъ такъ избилъ кастетомъ русскаго мальчика Михаила Коханчика, что тотъ скончался въ страшныхъ мученіяхъ отъ воспаленія мозга. И это за то, что онъ прочелъ „Отче нашъ" по-славянски, какъ его выучила русская мать. Передъ этимъ тотъ же Грейсъ выбилъ кулакомъ глазъ сестрѣ Коханчика за то же самое. Оба преступленія остались безнаказанными. И такіе случаи не единичны. Издѣвательства и истязанія русскихъ дѣтей въ низшихъ и среднихъ школахъ Галиціи были въ 1910 г. предметомъ обсужденія въ нашей Государственной Думѣ. Между прочимъ, по поводу мученической кончины Михаила Коханчика въ Казанскомъ соборѣ была отслужена панихида, на которой присутствовали члены Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, представители Академіи Наукъ, различныхъ славянскихъ организацій и множество учащейся молодежи. Епископъ холмскій Евлогій сказалъ прочувствованное слово, тронувъ молящихся до слезъ.

Въ такомъ печальномъ и жалкомъ состояніи находилась Галицкая Русь въ послѣдніе годы. Украинская партія, напротивъ, пользовалась со стороны австрійскаго правительства, во главѣ съ убитымъ наслѣдникомъ престола Францемъ-Фердинандомъ, явнымъ покровительствомъ и поддержкой. Она получала для пропаганды своихъ идей значительныя субсидіи не только въ Вѣнѣ, но и въ Берлинѣ, откуда шло главное вдохновеніе австрійской политики. Въ благодарность за это вожди украинской партіи не разъ заявляли, что Австріи не нужно держать жандармовъ въ Галиціи, такъ какъ они сами будутъ истреблять „москвофиловъ" и указывать ихъ полиціи.

Все это ясно говоритъ о томъ, что гоненія на православную вѣру, русскій языкъ и русскую народность въ Галиціи представляютъ собой только одинъ изъ моментовъ вѣковой борьбы германскаго міра съ славянскимъ, всегдашняго натиска нѣмцевъ на Востокъ. Съ этой точки зрѣнія и украйнофильское движеніе необходимо разсматривать, какъ жертву тонко сплетенной дипломатіи Вѣны и Берлина. И теперь на полѣ брани рѣшается этотъ міровой, историческій вопросъ.

Библиотека "Руниверс"

Германскіе аэропланы надъ Парижемъ. Публика на бульварахъ слѣдитъ за эволюціями германскаго летчика, ничуть не страшась вражескихъ бомбъ, направляемыхъ главнымъ образомъ на монументальныя сооруженія и на церкви.

Генералъ.

Разсказъ **Владиміра Воинова.**

(Продолженіе).

На опушкѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояли солдаты, офицеры замѣтили оживленіе.

Адъютантъ сѣлъ на коня и подъѣхалъ къ толпѣ.

— Что тутъ у васъ?—спросилъ онъ рябого, безусаго солдатика, взобравшагося на спину товарищу.

— Такъ что казакъ говоритъ, бытто видно уже.

— Точно такъ,—отвѣтилъ казакъ, не поворачивая головы:—имѣя свою приближенію.

Адъютантъ поскакалъ къ генералу, и бинокли уставились въ небо.

— Летитъ! — Раздалось одновременно въ разныхъ концахъ, и толпа повалила опять на лужайку.

Генералъ долго ворочалъ винты полевого бинокля, наконецъ приспособилъ глаза и поймалъ въ синемъ небѣ далекую, четкую точку.

Аппаратъ шелъ на очень большой высотѣ прямо надъ лѣсомъ.

— Тамъ ихъ два! Я еще одинъ вижу! Правѣе и ниже!—услыхалъ генералъ за спиною и тотчасъ увидѣлъ другую, такую же, точку.

— Нѣмца ведетъ! Это здорово!—задрожалъ отъ сладкаго удовольствія молоденькій подпоручикъ и крѣпко потеръ руки.

Офицеры застыли въ тревожномъ волненіи. Теперь уже всѣмъ было видно, какъ за быстро плывущимъ аэропланомъ шелъ ровно и сильно чужой аппаратъ.

Защита Парижа. Баррикады изъ срубленныхъ деревьевъ у Венсенскихъ воротъ.

Милосердіе къ врагу. Французскія женщины кормятъ раненыхъ плѣнныхъ нѣмцевъ.

— Бипланъ! Типа Фарманъ! Здоровый, подлецъ!—срывались отдѣльныя замѣчанія, и у всѣхъ наростала тревога.

Аэропланъ значительно снизился, и надъ лѣсомъ поплылъ его ровный, увѣренный гулъ.

На минуту сверкнули на солнцѣ широкія лопасти, и красивый виражъ измѣнилъ направленіе аппарата.

И тотчасъ же второй аппаратъ повторилъ поворотъ Олехновича и пошелъ за нимъ, постепенно снижаясь.

Офицеры слѣдили за ними, не смѣя дышать, и у всѣхъ поднимался вопросъ: что же будетъ?

— Ура, господа! — не выдержалъ молоденькій подпоручикъ.—Молодецъ Олехновичъ!

Библиотека "Руниверс"

Смотрите, что̀ дѣлаетъ! Онъ ведетъ нѣмца на батарею!

Дѣйствительно, Олехновичъ забралъ сильно вправо и шелъ теперь метрахъ въ трехстахъ надъ лѣсными высотами.

Генералъ неожиданно бросилъ бинокль и знакомъ позвалъ адъютанта:

— Передайте сейчасъ въ батарею, чтобы не смѣли стрѣлять! Поняли?

— Слушаю!

Адъютантъ поскакалъ къ телефону, а офицеры переглянулись.

Молоденькій подпоручикъ даже пожалъ плечами. Онъ съ минуты на минуту ожидалъ, что вотъ-вотъ съ высоты сорвется веселое облачко, и въ летучаго нѣмца закатятъ свинцовымъ дождемъ.

Однако упитанный, толстый пѣхотный полковникъ затрясъ головой и жирнымъ баскомъ успокоилъ зеленаго подпоручика:

Франція. Колоніальныя войска. Переноска раненыхъ марокканцевъ.

Франція. Битва на р. Энъ. Церковь въ деревнѣ Барей, разрушенная германской артиллеріей.

— А если промажутъ? Что̀ тогда? Нѣмецъ уйдетъ къ своимъ, и они будутъ знать, гдѣ наши орудія!

— Да! Это вѣрно...—сказалъ подпоручикъ, и ему стало стыдно за отсутствіе выдержки. Онъ строго насупился, кашлянулъ и, убѣдившись, что всѣ смотрятъ въ небо, уставился снова въ бинокль.

Теперь Олехновичъ свернулъ оченъ круто надъ лѣсомъ и поплылъ надъ лужайкой.

Нѣмецъ шелъ близко за нимъ и сворачивалъ тоже по кругу.

— Пусть обстрѣляютъ!—сказалъ генералъ, указывая головой на пѣхоту.

На опушкѣ сверкнули винтовки, и четко защелкали затворы.

И когда Олехновичъ проплылъ надъ опушкой, забирая опять на лужайку, перелѣсокъ запѣлъ, и веселая ружейная трескотня разбила густой гулкій воздухъ на звонкіе, ликующіе осколки.

Непріятельскій аппаратъ круто взмылъ въ небо и сталъ удаляться за Олехновичемъ.

— Ишь чортъ! Яво пуляють, а вонъ себѣ претъ почемъ зря!—разсердился казакъ и медленно вытянулъ изъ-за спины легкую казацкую винтовку.

Подождавъ, пока Олехновичъ, давъ кругъ на большой высотѣ, снова проплылъ у опушки, казакъ перекинулъ винтовку черезъ сгибъ лѣвой руки, не упустившей поводьевъ, и прижался щекою къ прикладу.

Съ минуту онъ ерзалъ на высокомъ сѣдлѣ, усаживаясь поглубже, потомъ запрокинулся кверху острымъ, худымъ кадыкомъ и прищурилъ глаза.

Адъютантъ осторожно притронулся къ локтю начальника и указалъ на казака.

Вздрогнула шапка на лохматомъ затылкѣ,

Франція. Лошади, отбитыя англійскими войсками у нѣмцевъ.

Библиотека "Руниверс"

Франція. Парижскіе городскіе автобусы, несущіе интендантскую службу въ тылу арміи, направляются черезъ Компьенскій лѣсъ.

и винтовку откинуло въ сторону. И въ ту же минуту аппаратъ клюнулъ носомъ и, скользя на крыло, началъ падать въ болотную чащу.

Казакъ прослѣдилъ его медленнымъ взглядомъ и ринулся въ лѣсъ; толпа загудѣла и бросилась вслѣдъ.

И только начальникъ и группа офицеровъ остались на мѣстѣ, слѣдя, какъ по ясному небу, вертясь и сверкая, падалъ плоскій осколокъ чего-то, отколотый пулей отъ сбитаго на землю аппарата.

За спиной офицеровъ гулко и весело гудѣлъ моторъ Олехновича.

Франція. Битва на рѣкѣ Энъ. Германскій автомобильный транспортъ, попавшій подъ огонь французской артиллеріи.

Франція. Битва на рѣкѣ Энъ. Обозъ колоніальныхъ африканскихъ войскъ въ Компьенскомъ лѣсу.

— А непріятно, когда надъ тобой летаетъ чужая машина,—сказалъ своимъ жирнымъ баскомъ упитанный пѣхотный полковникъ. — Словно ты въ банѣ раздѣлся, а кто-то нашелъ себѣ щель и смотритъ на твое грѣшное тѣло.

Потомъ неожиданно сдѣлалось тихо, и Олехновичъ, свистя пропеллеромъ, пошелъ безъ мотора на низъ, выбирая площадку для спуска.

V.

— Ну-съ, дорогой, сообщайте!—торопилъ генералъ Олехновича, сажая его передъ картой, потомъ поглядѣлъ на иззябшія, синія руки поручика и крикнулъ за дверь:—Чаю и рому!

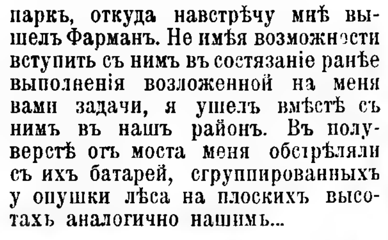
Олехновичъ блаженно расправился, ощущая пріятную, сладкую теплоту, тронувшую иголками занѣмѣвшее тѣло, и нервная дрожь передернула его широкія плечи.

Стараясь быть краткимъ и дѣловито-послѣдовательнымъ, излагалъ онъ начальнику богатые результаты воздушной развѣдки; и когда говорилъ, то ловилъ себя на томъ, что за всѣмъ, что сейчасъ происходитъ, лежитъ большая, еще не пробившаяся наружу, радость души, познавшей себя послѣ многихъ тревогъ опять въ обычной, родной обстановкѣ. Олехновичъ водилъ карандашомъ по картѣ, а въ глазахъ его плавалъ туманъ, и въ ногахъ ощущалась пріятная слабость.

— Вотъ здѣсь,—говорилъ онъ начальнику, показывая то мѣсто на картѣ, гдѣ прорѣзавшее гущу лѣса шоссе упиралось въ рѣчную петлю:—мостъ... Къ этому пункту стремятся ихъ главныя силы. Большіе отряды кавалеріи и пѣхоты уже переброшены на эту сторону и раскинулись лагеремъ у самой рѣки. Видѣлъ хвосты кавалерійскихъ частей, втянувшихся въ лѣсъ у шоссе; разъѣзды разбросаны всюду на всей широтѣ, доступной обзору; передовые отряды пѣхоты въ резервныхъ колоннахъ вступили въ открытое поле, а черезъ мостъ перевозятъ орудія. Сейчасъ по сю сторону не меньше двѣнадцати тысячъ пѣхоты при двухъ кавалерійскихъ полкахъ, есть конныя и пѣшія батареи, а тамъ, за мостомъ, по четыремъ направленіямъ подходятъ большія пѣхотныя массы; кавалеріи нѣтъ; подвозятъ тяжелыя орудія на огромныхъ платформахъ; видны автомобили; въ центрѣ тыла разбиты артиллерійскіе парки, много зарядныхъ ящиковъ, а дальше безъ конца тянутся обозы. Безусловно отрядъ питается артиллеріей изъ крѣпости Торнъ, такъ какъ тяжелыя орудія идутъ по шоссе съ юго-запада. Поражаетъ растянутость массъ и небрежность въ смыслѣ дозоровъ. Передовые не дальше трехъ верстъ отъ линіи пѣшихъ частей. Въ тылу аэро-

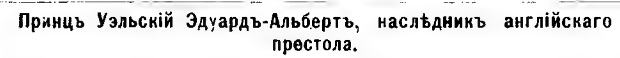
На парижскомъ кладбищѣ. У братскихъ могилъ павшихъ въ бою солдатъ.

Библиотека "Руниверс"



паркъ, откуда навстрѣчу мнѣ вышелъ Фарманъ. Не имѣя возможности вступить съ нимъ въ состязаніе ранѣе выполненія возложенной на меня вами задачи, я ушелъ вмѣстѣ съ нимъ въ нашъ районъ. Въ полуверстѣ отъ моста меня обстрѣляли съ ихъ батарей, сгруппированныхъ у опушки лѣса на плоскихъ высотахъ аналогично нашимъ...

Англійскія войска отправляющіяся на помощь Франціи.



Принцъ Уэльскій Эдуардъ-Альбертъ, наслѣдникъ англійскаго престола.

Его Высочество числится лейтенантомъ флота, но, въ виду того, что принцъ еще не закончилъ своего военнаго образованія, военный министръ лордъ Китченеръ не разрѣшилъ ему отправиться на театръ военныхъ дѣйствій. Лишенный возможности стать грудью противъ общаго врага, принцъ организовалъ сборъ въ пользу раненыхъ англійскихъ солдатъ и собралъ уже сумму въ 75 милліоновъ.

Англійскій блиндированный автомобиль, находящійся при экспедиціонномъ корпусѣ во Франціи и участвовавшій въ бояхъ противъ германской кавалеріи.

Англія. Знаменщикъ королевской конной гвардіи.

Олеховичъ продолжалъ излагать свои наблюденія, а генералъ сосредоточенно глядѣлъ въ карту и дѣлалъ помѣтки карандашомъ на страницахъ блокнота.

Потомъ пересталъ слушать поручика и нервно заходилъ изъ угла въ уголъ.

Библиотека "Руниверс"

Германскій аэропланъ, подбитый и взятый въ плѣнъ казаками. Рисунокъ И. Владимірова.

Библиотека "Руниверс"

— Хорошо-съ! Хорошо-съ! Вы свободны, поручикъ! — сказалъ онъ рѣзкимъ, звенящимъ голосомъ, глядя куда-то застывшими, сосредоточенными глазами.

Потомъ неожиданно брови его расправились, и лицо засвѣтилось обычной, хорошей улыбкой:

— Спасибо, голубчикъ! Спасибо, родной! Я этого вамъ не забуду!

Генералъ подошелъ къ Олехновичу и, обнявъ его накрестъ руками, ткнулся усами въ горячую щеку поручика.

— Пошлите, родной, адъютанта, а сами идите уснуть! — крикнулъ старикъ на ходу Олехновичу.

VI.

Въ 6 часовъ вечера состоялся военный совѣтъ.

Рѣшено было принять противника на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояли теперь.

Пѣхотѣ приказано было въ ночь окопаться на полѣ; артиллеристы должны были сдѣлать полууглубленные ложементы; полкъ драгунъ брошенъ былъ въ лѣсъ, гдѣ тянулось шоссе, съ приказаніемъ устроить засѣки и опутать деревья колючей проволокой, а командиру казачьяго полка предложено было итти въ засаду въ тотъ самый болотистый лѣсъ, который былъ показанъ непроходимымъ для конницы.

Теперь для начальника все было ясно, какъ на ладони. Сочетавъ данныя мѣстности съ матеріаломъ воздушной развѣдки, генералъ отослалъ донесеніе въ главную квартиру съ тѣмъ самымъ донцомъ, который привезъ поутру пакетъ, и принялся дѣятельно размѣщать подчиненныя части согласно сложившемуся уже крѣпкому, вѣрному плану.

Отпустивъ на позиціи командировъ отдѣльныхъ частей, генералъ собственноручно зажегъ лампадку передъ стариннымъ, давно почернѣвшимъ образомъ и, заложивъ руки въ карманы тужурки, принялся тихо ходить изъ угла въ уголъ, напѣвая псалмы слабымъ, пріятнымъ голосомъ.

За окномъ уже быстро сѣрѣло, и тихія осеннія сумерки глядѣли сквозь стекла, какъ сквозь мутную, тонкую льдинку, — спокойно и грустно.

Одна за другой пробивались на небѣ звѣздочки. И ночь опускалась на землю широкими, темными крыльями, укрывая молчаніе лѣса и повитую дымкой тумана лужайку.

VII.

Съ наступленіемъ сумерекъ, пять сотенъ донского казачьяго полка вошли въ лѣсъ и начали осторожно продвигаться впередъ, охватывая справа открытое поле.

Въ головной сотнѣ первому взводу, подъ командой хорунжаго Наскокова, было приказано пройти сколько можно впередъ и пощупать передовые разъѣзды пруссаковъ.

Хорунжій отдѣлился отъ сотни и повелъ за собой казаковъ своего взвода.

Рѣшили держаться, пока будетъ можно, опушки, а тамъ — что Богъ дастъ.

Впереди шелъ Бадьма.

У калмыка было чутье собаки. На конѣ онъ сидѣлъ, какъ пришитый, и во время похода только широкая, немного сутулая, спина его мягко покачивалась изъ стороны въ сторону, изгибаясь у пояса привычнымъ, наметаннымъ движеніемъ. Казачій чекмень былъ немного широкъ для Бадьмы и лежалъ на немъ плоскими, мятыми складками; но каждый ремень, каждая пряжка заправлены были всегда любовной, умѣлой рукой, и тяжелая шашка ни разу не стукнула о чуткое стремя, а винтовка ни разу не тронула серебрянаго набора калмыцкаго кушака.

И конь подъ Бадьмой былъ подъ стать. Шелъ плавно, спокойно подъ высокимъ казачьимъ сѣдломъ, неслышно ступая стаканами породистыхъ, легкихъ копытъ; и если когда-нибудь уши его начинали вилять, а нервную кожу тревожила дрожь, ужъ навѣрно вблизи не все было ладно.

Бадьма зналъ до тонкости натуру коня, и не было случая, чтобы признаки самой пустячной тревоги, проявленной породистымъ мериномъ, были оставлены безъ вниманія.

Стрѣлялъ калмыкъ мѣтко на рѣдкость, рубилъ съ упоеніемъ, а пикой работалъ съ такой чистотой, что даже лихіе развѣдчики только покачивали чубатыми головами.

— Глянь-ка-сь! — гуторили они, улыбаясь: — кубыть и нехристь, а рубя и коля въ плепорцію!

Хорунжій Наскоковъ давно уже крѣпко приглядывался къ молодому калмыку и, какъ только выпалъ чередъ итти на ночную развѣдку, сейчасъ же забралъ и Бадьму изъ четвертаго взвода.

— Сбирайся, кунакъ! — сказалъ Бадьмѣ старшій развѣдчикъ изъ взвода Наскокова: — ихъ благородія требуя!

Калмыкъ засопѣлъ широкими, раздутыми ноздрями и сталъ приторачивать крѣпкій арканъ у луки.

— Моя, бачка, чичая! Малъ-малъ аркана брала! — отвѣтилъ онъ хрипло развѣдчику. — Скажи твоя благородія — моя собиралась айда!

Развѣдчикъ похлопалъ его по плечу и тихо отъѣхалъ...

Ночь была тихая, теплая, гдѣ-то въ тылу бродили неясные, далекіе звуки, а впереди, вдоль опушки, неподвижно и глухо висѣла густая и влажная тьма, напоенная чуткимъ молчаніемъ.

Высоко надъ землею роились холодныя звѣзды, такія спокойныя, ясныя, и ихъ золотые дозоры глядѣли на землю красиво и грустно.

Уже больше часа проѣхали молча.

Впереди шелъ калмыкъ, то пропадая во тьмѣ, то появляясь опять — неслышный и призрачный: и если закрыть на минуту глаза, то казалось, что ѣдешь одинъ, безъ людей: до того осторожно ступали казацкія лошади, до того растворились въ молчаніи ночи привычные, опытные развѣдчики.

Хорунжій любовно оглядывалъ нѣмыя фигуры своихъ полупризрачныхъ спутниковъ и упивался тревожной таинственностью красивой ночной обстановки.

Незамѣтно прошли до болота и пошли по густому и влажному мху между рѣдкихъ березокъ, отдавъ лошадямъ полный поводъ.

Подъ Бадьмой вздрогнулъ конь и сразу остановился.

Стали и всѣ остальные.

На опушкѣ послышалось сочное фырканье чьихъ-то коней, и холодно звякнули чьи-то ножны.

Казаки простояли, не трогаясь, пока не затихли совсѣмъ отдаленные звуки, и снова пошли вдоль болота.

— Бачка! Нѣмца пошла! — прошипѣлъ Бадьма на ухо своему офицеру и клацнулъ зубами.

Хорунжій почувствовалъ, что позади замкнулось уже чужое кольцо, и ему стало жутко и радостно.

Скоро лошади стали вязнуть въ грязи, и пришлось забрать круто налѣво.

Калмыкъ повернулъ своего маштака головою къ опушкѣ, но тотъ не пошелъ.

Тогда Бадьма слѣзъ и пошелъ въ обратную сторону, въ самую чащу, ведя маштака въ поводу; хорунжій и взводъ казаковъ тоже спѣшились и пошли за калмыкомъ, утопая почти по колѣно въ грязи и водѣ.

Пройдя по болоту версты полторы, Бадьма остановился и сталъ ждать хорунжаго:

— Дальше, бачка, шабашъ! Нѣмца кругомъ! Оставляй казакамъ мурунъ, малъ-малъ ногами пошла.

Хорунжій отдалъ свою лошадь развѣдчику и, приказавъ дожидаться здѣсь, пошелъ за калмыкомъ опять по болоту.

Теперь воды стало значительно больше: временами она доходила до пояса, и пришлось переложить все, что было въ карманахъ, въ фуражку.

Вода обжигала сначала отяжелѣвшія ноги, но потомъ онѣ свыклись и сладко зудѣли, утопая по щиколодку въ опутанной травами тинѣ.

Скоро лѣсъ порѣдѣлъ, перешелъ въ невысокіе густые кустарники, и теперь приходилось уже продираться сквозь мокрую, скользкую чащу почти на животѣ.

Потянулъ вѣтерокъ, и пахнуло тепломъ.

Потомъ порѣдѣли кустарники, и передъ глазами развѣдчиковъ спокойной, темной лентой открылась рѣка.

Калмыкъ повертѣлъ головой, понюхалъ ночной воздухъ и тихо полѣзъ вдоль рѣки, забирая налѣво.

Скоро изъ тьмы возлѣ берега проступили какія-то тѣни, и оба застыли на мѣстѣ, стараясь вглядѣться.

— Парахода, бачка! Раньше ходила, чичая на дно ныряла, одинъ палка стыргалъ! — услышалъ хорунжій тихій шопотъ калмыка.

Миновали затопленный пароходъ.

И вдругъ услыхали тревожный, громыхающій гулъ, идущій откуда-то сбоку и сверху.

Калмыкъ поднялъ голову, поймалъ за рукавъ офицера и клацнулъ зубами.

Передъ ними саженяхъ въ тридцати легкимъ темнѣющимъ силуэтомъ высился мостъ.

Что-то свезли, громыхая и охая, гдѣ-то растаяли въ воздухѣ простые, спокойные голоса, и опять стало тихо.

Офицеръ подобрался вплотную къ калмыку и тихо шепнулъ:

— Впередъ!

— Айда! — отвѣтилъ калмыкъ, и они поползли вдоль по берегу, осторожно ощупывая руками мохнатыя, зыбкія кочки.

Скоро мостъ сталъ отчетливо виденъ.

Онъ темнѣлъ надъ водою холоднымъ, нависнувшимъ профилемъ, и въ его неподвижности было что-то нѣмое, значительное.

Наверху у ажурной рѣшетки, проступавшей рельефнымъ плетеніемъ на Млечномъ пути, шевелилась худая фигура, качаясь изъ стороны въ сторону.

Калмыкъ приподнялся до пояса и сталъ осторожно отматывать тяжелый арканъ.

Офицеръ поглядѣлъ на него, чувствуя, какъ больно задергалось сердце, и вынулъ револьверъ.

— Прощай, бачка! — тихо сказалъ калмыкъ. — Если моя пропадала, мала-мала свѣчка давай на твой Богъ.

Калмыкъ набросалъ весь арканъ широкими, ровными петлями на обѣ руки, зажалъ свободный конецъ въ зубы и беззвучно исчезъ въ темнотѣ.

Офицеръ онѣмѣлъ въ напряженіи и глядѣлъ, не мигая, на черную тѣнь у перилъ.

Теперь время остановилось совсѣмъ.

Молчала вода, молчали кусты, молчали нѣмыя сплетенія желѣзной рѣшетки, и холодомъ смерти повѣяло изъ лѣса, оттуда, гдѣ звонко застыло невидимое, глухое болото.

Неожиданный всплескъ подъ мостомъ разбудилъ тишину.

Офицеръ чутко вздрогнулъ и нащупалъ рукою собачку Нагана.

Шевельнулась фигура вверху надъ перилами и тревожно склонилась надъ черной водой.

Библиотека "Руниверс"

И въ ту же минуту что-то свистнуло въ воздухѣ, и нѣмая фигура, раскинувъ безпомощно руки, метнулась по воздуху внизъ.

Мягко и сочно хряснуло что-то тяжелое внизу подъ мостомъ, и снова молчаніе повисло надъ черной водой.

Офицеръ, задыхаясь, поползъ въ темноту и скоро столкнулся съ калмыкомъ.

Онъ сидѣлъ на безжизненномъ сѣромъ комкѣ и хрипло дышалъ, выплевывая кровь изъ разбитаго рта.

— Нѣмца брала! Живая была! Рукамъ болталъ, зубамъ давалъ! Чичая смирно ставалъ!

Офицеръ оглядѣлся кругомъ и вздохнулъ полной грудью.

Словно кошка, вскочилъ онъ на ноги и бросился прямо къ мосту. Оглядѣвъ быстро быкъ, на которомъ лежалъ всею тяжестью холодный, покрытый росой, черный остовъ, офицеръ подложилъ подъ устои пять вѣскихъ пироксилиновыхъ шашекъ и вынулъ изъ фуражки кольцо бикфордова шнура съ набитымъ уже капсюлемъ гремучей ртути. Зажавъ между шашками головку шнура, офицеръ чиркнулъ около вспыхнувшей сразу машинкой и, убѣдившись, что пламя забило фонтаномъ изъ тающаго шнура, бросился снова къ болоту.

Калмыкъ уже былъ впереди. Онъ быстро бѣжалъ, хлопая въ грязи сапогами и указывая путь, куда нужно итти.

Мелькнули холодные, хлесткіе кустарники, плеснулась вода подъ ногами, и вдругъ что-то ахнуло громомъ въ расколотомъ воздухѣ и бѣшено взвизгнуло желѣзными голосами.

Метнулось по берегу гулкое эхо и далекими, круглыми перекатами раскатилось по лѣсу.

Потомъ на минуту повисла зловѣщая тишина, и что-то огромное рухнуло въ воду, захлестнувъ цѣлый берегъ тяжелымъ, сметающимъ вздохомъ.

Загудѣли на томъ берегу голоса, и тревожная, жесткая трескотня прокатилась по всей ширинѣ золотыми огнями.

— Ну, теперь айда, бачка!—крикнулъ калмыкъ и пошелъ мять болото кривыми ногами.

Офицеръ загорѣлся огнемъ и врѣзался яростно въ холодную, мокрую гущу.

Стрѣльба сзади крѣпла, росла, охватывая все новые и новые участки. Гдѣ-то забили тревогу. Ночь загудѣла на всѣ голоса. И вдругъ далеко впереди одиноко и гулко ахнула пушка.

VIII.

Передъ самымъ разсвѣтомъ въ деревню, гдѣ находилась квартира начальника праваго фланга, ворвался казакъ на взмыленной лошади и на карьерѣ сорвался съ сѣдла.

— Доложи!—крикнулъ онъ заспанному денщику, отворившему дверь.

Черезъ минуту пришелъ адъютантъ и провелъ казака къ генералу.

Генералъ уже былъ на ногахъ, какъ всегда, въ своей сѣрой тужуркѣ, и нервно потрогивалъ Владимірскій крестикъ на шеѣ пальцами правой руки.

— Такъ я ничего не понимаю!—встрѣтилъ онъ жарко дышавшаго казака.—Что тамъ вышло?

— Такъ што, ваше превосходительство, ихъ благородіе хорунжій Наскоковъ съ казакомъ Бадьмою Улановымъ взорвали у нѣмца въ тылу димянитомъ мостъ!

— Такъ!—стиснулъ ладони начальникъ, и глаза у него загорѣлись.

— А еще, позвольте вамъ доложить, что нѣмецъ съ перепугу зачалъ палить почемъ зря. Что за рѣчкой—стрѣлили своихъ, а енти, что тутъ,—спужались и зачали итить удоль лѣсу. Мы забѣгли глыбоко, ажнакъ верстовъ на двѣнадцать, и намъ наскрозь видно! Какъ аглашенные прутъ, сами сабѣ въ смятенію пріизводють!

— Хорошо! Можешь ѣхать! Передай командиру вотъ это!

Генералъ набросалъ нѣсколько словъ на клочкѣ и вышелъ.

— Лошадь!

Вѣстовой подалъ лошадь.

Генералъ свободно вскочилъ въ сѣдло и рысью пошелъ черезъ поле.

Проѣзжая рядами окоповъ, онъ видѣлъ, какъ тускло блестѣли штыки въ туманѣ разсвѣта.

Поздоровался зычно и молодо.

— Здр-р-равія желаемъ!..—отвѣтили дружно невидимые стрѣлки.

Потомъ передалъ приказаніе толстому пѣхотному полковнику, подавшему рапортъ, и поѣхалъ къ опушкѣ, туда, гдѣ стояли на плоскихъ высотахъ незримыя пушки.

Тамъ генералъ слѣзъ съ коня и собралъ офицеровъ.

— Господа!—сказалъ онъ:—будьте крайне внимательны. Ваша задача сегодня—продольный огонь. Боже васъ сохрани тронуть лѣсъ:—тамъ наши донцы въ засадѣ. Господа офицеры, къ орудіямъ! Слушать каманду!

Сѣрые люди закопошились по ложементамъ, и тяжелыя думы зашевелились надъ свѣжею насыпью.

Настало глубокое, чуткое ожиданіе.

Откуда-то издали наплывала волна безпокойнаго гула; гдѣ-то трещали безпорядочные ружейные выстрѣлы; временами незримыя дали гудѣли глухими раскатами, а затѣмъ высоко въ небесахъ, порывисто хлопая, проносился снарядъ и лопался гдѣ-то за лѣсомъ.

Начинало свѣтать.

Загорѣлись края сѣрыхъ тучъ, поблѣднѣли туманы у лѣса, и вотъ впереди на открытомъ пространствѣ показались неясныя тѣни.

— Шрапнель! —пронеслось нараспѣвъ по высотамъ.

Заработали четко замки, и наводчики застыли верхомъ на лафетахъ.

— Прицѣлъ!.. Трубка!.. Влѣво два!..—все такъ же протяжно пѣлъ голосъ спокойнаго батарейнаго командира.

И гдѣ-то работали мозолистыя, крѣпкія руки, вырывая ненужныя чёки, устанавливая дистанціонныя трубки, поднимая кремальерные прицѣлы.

— Первое-е-е!—захлебнулся камандою командиръ и привычно открылъ ротъ.

Стегнуло желѣзнымъ ударомъ по воздуху, и первый снарядъ запѣлъ надъ равниной.

Взметнулось далеко бѣлое облако и застлало собою неясныя чужія фигуры.

— Недолетъ!—сказалъ командиръ. Прицѣлъ,—поднялся опять его голосъ: —второе-е!

Ахнуло громомъ опять, и на бѣломъ туманѣ, застлавшемъ собою лужайку, проступили отчетливо силуэты людей.

— Перелетъ!—спокойно сказалъ командиръ:—вилка есть! Прицѣлъ!.. Батарейнымъ залпомъ! Батарея-а-а!

Застыли номера у орудій, а всѣ взоры глядѣли теперь на одного человѣка, снявшаго шапку и державшаго ее высоко надъ головой.

Вотъ рука дрогнула и плавно упала внизъ.

Проѣхавъ вдоль ряда окоповъ, генералъ повернулъ на опушку, гдѣ стояли резервы, и, сказавъ нѣсколько словъ командирамъ отдѣльныхъ частей, проѣхалъ на конную батарею, стоявшую выше шоссе, за открытымъ холмомъ.

Принявъ рапортъ отъ молодого, щеголеватаго подполковника, генералъ закурилъ папиросу и долго смотрѣлъ вдоль шоссе, уходящаго въ лѣсъ.

— Вотъ это, полковникъ, — сказалъ онъ франтоватому конннику:—это—дорога! Направо и налѣво вы видите лѣсъ: вправо за лѣсомъ идетъ бой; а влѣво, за этой дорогой, передвигаются лѣсомъ большіе отряды противника. Если вы разовьете самый отчаянный огонь вдоль шоссе, не считаясь съ присутствіемъ или отсутствіемъ непріятеля, ваша задача будетъ исполнена. Забросайте осколками все! Поняли?

— Слушаю!—отвѣтилъ артеллеристъ, улыбаясь красивыми умными глазами.

— Теперь ступайте къ орудіямъ, а мнѣ пришлите поручика... м-м...—Генералъ на минуту замялся и потрогалъ рукой шейный крестъ. Потомъ отвернулся отъ подполковника и рѣзко назвалъ свою собственную фамилію.

IX.

— Вы извините, мы малость того... по-семейному,—смущенно сказалъ генералъ адъютанту.

Адъютантъ отошелъ за сосну, ведя въ поводу свою лошадь, и знакомъ позвалъ казака, державшаго лошадь начальника.

Изъ-за заросшей желтаго папоротника вышелъ молоденькій офицеръ въ формѣ поручика конной артиллеріи и торопливо пошелъ къ генералу.

Безусое дѣтское лицо его было сильно взволновано, а большіе открытые глаза глядѣли подъ ноги изъ-подъ прыгающихъ темныхъ ресницъ.

Въ рукѣ у поручика былъ коротенькій стэкъ, и онъ имъ похлопывалъ себя по колѣну на каждомъ шагу.

— Изволили звать, ваше превосходительство?—остановился онъ рядомъ съ начальникомъ, но, поглядѣвъ на отца, сразу понялъ, зачѣмъ его звали, и поникъ головой ни груди генерала.

Генералъ потрепалъ его ласково широкой ладонью по голому, выбритому затылку и посадилъ возлѣ себя на поваленное грозой корявое дерево.

— Хочешь курить, Николай?—открылъ генералъ портсигаръ.

Молодой офицеръ зажегъ папиросу, и оба сидѣли теперь и молчали, потупившись въ землю, не слыша тяжелаго гула за лѣсомъ и горячей, разсыпчатой трескотни. Папиросы уже догорѣли.

Генералъ свою бросилъ и придавилъ каблукомъ, а поручикъ порвалъ на куски и осыпалъ себѣ колѣни обрывками желтой бумаги.

Время шло. Трудно было подняться.

Неожиданно ухнуло около и пахнуло кисловатымъ, горячимъ дымкомъ.

Это открыла огонь сосѣдняя конная батарея.

Генералъ быстро всталъ.

Торопливо и нервно разстегнулъ сѣрую тужурку и снялъ золотой медальонъ, висѣвшій на общей цѣпочкѣ съ натѣльнымъ серебрянымъ крестомъ.

— Это—моя мать надѣла... когда отправляла въ корпусъ!..—крикнулъ онъ въ ухо поручику, стараясь быть слышнымъ:—это останется мнѣ. А вотъ здѣсь, въ медальонѣ, портретъ... Это... твоя мать... когда...

Генералъ не окончилъ и, наклонивъ низко голову, снялъ медальонъ съ цѣпочки.

Поручикъ прижался губами къ холодному, чистому овалу и, быстро стянувъ съ шеи крестъ, закрѣпилъ рядомъ съ нимъ медальонъ.

Библиотека "Руниверс"

Потомъ офицеры взглянули одинъ на другого и крѣпко прижались другъ къ другу.

Да сохранитъ тебя Богъ, Николай! — кричалъ старикъ въ ухо приникшему сыну.—Помни мать... она у насъ... бѣдная...

Старикъ не окончилъ опять и, выпустивъ изъ рукъ молодого поручика, пошелъ на опушку.

Молодой офицеръ поднялъ шапку съ земли, тряхнулъ ею въ воздухѣ и быстро пошелъ къ батареѣ.

Когда генералу давали коня, адъютанта не было у стараго мѣста. Онъ стоялъ въ сторонѣ, отвернувшись, и изъ-за приподнятыхъ, вздрагивающихъ плечъ предательски трепался шелковый желтый платокъ, развѣваемый утреннимъ вѣтромъ.

X.

Съ главныхъ высотъ все, что осталось внизу, казалось красивой, веселенькой панорамой.

Совсѣмъ, какъ игрушечная, обозначалась конная батарейка, обстрѣливающая сѣрую ленту шоссе: правѣе—кудревато бѣлѣли дымки, одѣвая темнѣющіе окопы: еще въ сторонѣ—голубымъ, безмятежнымъ дыханіемъ курился болотный лѣсокъ, а по склонамъ горѣла роса, обозначивъ слѣпящими, мокрыми бликами крутые слѣды, по которымъ недавно прошли зарядные ящики.

На равнинѣ шелъ бой.

А на главныхъ высотахъ съ тяжелыхъ полевыхъ орудій только что сняли чехлы, и прислуга спокойно лежала на мокрой травѣ, безпечно покуривая.

На переметной сумѣ, брошенной кѣмъ-то поперекъ запасного лафета, сидѣлъ генералъ, опершись руками о согнутыя колѣни, и штабные, не смѣя тревожить его, отошли къ сторонѣ, озирая въ бинокли равнину.

Генералъ былъ спокоенъ и строгъ. Лохматыя сивыя брови сползли на глаза, и рѣзкая жесткая складка разрѣзала лобъ.

Одинъ за другимъ подъѣзжали на взмыленныхъ лошадяхъ офицеры изъ сферы огня и, выслушавъ короткія приказанія, отъѣзжали опять, торопливо обмѣниваясь словами съ офицерами штаба.

Непріятель шелъ густо, упорно, занимая одинъ за другимъ лѣсные участки.

Части войскъ тамъ и здѣсь измѣняли свои положенія, то продвигались впередъ, то отступали назадъ...

Все это нужно было учитывать въ каждый отдѣльный моментъ и быть одновременно мыслью въ различныхъ мѣстахъ, оцѣнивая серьезность нарастающихъ, ширящихся операцій.

Все, что лежало внизу, было сѣтью невидимыхъ нитей спаяно въ единое цѣлое, и концы этихъ нитей лежали въ рукѣ генерала: всѣ онѣ были одинаковы цѣнны, одинаково значущи, и стоило только ослабнуть, порваться одной—и вся сѣть будетъ спутана: связь разорвется, и стройная, живая система утеряетъ верховное руководительство, и части ея будутъ брошены на собственный, слѣпой произволъ.

Генералъ это чувствовалъ и крѣпко вязалъ донесенія на одну основную, суровою нить.

Онъ сидѣлъ неподвижно, не глядя на поле. Передъ нимъ была брошена карта, но глаза его были закрыты и открывались только тогда, когда передъ нимъ выростала фигура чужого всадника, носящаго на себѣ слѣды буйной тревоги, царящей внизу.

Отсюда со стороны, съ большой высоты, напряженно застывшей надъ лѣсомъ и полемъ, все, что вершилось внизу, было сложнымъ, живымъ процессомъ, управляемымъ единою волей.

И подъ грохотъ далекихъ орудій, подъ громыханье зарядныхъ ящиковъ, уходящихъ на линію дѣйствія, начальникъ сидѣлъ, опустивъ низко голову съ закрытыми, все видящими глазами, и только жилы на лбу проступили сильнѣй, да густыя, лохматыя брови все ниже и ниже ползли на глаза.

Въ восемь часовъ нѣмцы нащупали трепавшую ихъ батарею и открыли по ней безпощадный огонь.

Съ главныхъ высотъ было видно, какъ рвались по ней тяжелые фугасные снаряды осадныхъ орудій, вздымая столбы, уходящіе въ небо.

Батарея стрѣляла все рѣже и рѣже, и скоро оттуда сказали по телефону, что въ одномъ изъ орудій свернуло станину, у двухъ сбиты прицѣлы, а остальныя утратили почти цѣликомъ прислугу.

Одновременно съ этимъ драгунскій корнетъ прискакалъ сообщить, что въ лѣсу показались гусары, но послѣ залпа у загражденій ушли, пропустивъ впередъ пѣхоту. Пѣхота пробилась сквозь линію загражденій, и драгуны должны были уйти къ лошадямъ, откуда прошли подъ прикрытіе своей батареи.

Генералъ приказалъ драгунамъ выйти изъ лѣса совсѣмъ, прикрывъ отступленіе батареи совмѣстно съ двумя пулеметными ротами, брошенными въ лѣсъ впереди замолчавшихъ высотъ.

Потомъ подозвалъ штабного полковника и коротко приказалъ:

— Приготовить тяжелыя полевыя! Сейчасъ лѣсъ будетъ нами очищенъ! Пусть батареи откроютъ огонь во всю глубину.

Вслѣдъ за этимъ начальнику доложили, что гусары выходятъ изъ лѣса и строятся подъ огнемъ у опушки.

Генералъ взялъ бинокль и сталъ на лафетъ.

Картина была изумительная.

Гусары, роняя людей, широкой дугой стремились вдоль лѣса и шли на безпомощную уже, молчавшую батарею.

Съ безлюдныхъ высотъ имъ отвѣтили одинокимъ, послѣднимъ выстрѣломъ, и настала томительно-жуткая минута.

Гусары шли крѣпкой стѣной; упорнымъ, тяжелымъ наметомъ покрывали они остатокъ пространства, отдѣлявшаго ихъ отъ высотъ.

Вотъ уже близко откосъ.

„Успѣютъ ли наши?" — мучительно думаетъ генералъ, оглядывая лѣсную опушку, и вдругъ морщина на лбу распрямилась, а мѣшки подъ глазами запрыгали.

Вздыбились переднія лошади...

— Пулеметы!—сказалъ кто-то рядомъ съ начальникомъ.

„Успѣли!" — подумалъ начальникъ и снова позвалъ одного изъ штабныхъ:—Введите еще полкъ пѣхоты!

Генералъ поглядѣлъ еще разъ на опушку, гдѣ за спиной пулеметовъ драгуны свозили съ высотъ подбитыя пушки, и снова уперся глазами въ открытую карту.

Теперь съ двухъ сторонъ загромыхали тяжелыя орудія, бросая на лѣсъ, набитый нѣмецкой пѣхотой, потоки снарядовъ, и генералъ ощутилъ, какъ холодное, ясное спокойствіе начинаетъ его оставлять.

Голосъ орудій увлекъ его старую душу, и она загорѣлась огнемъ, подчиняясь всеобщему бурному возбужденію. Вся атмосфера теперь дышала огнемъ и стонала.

Генералъ попытался-было подавить въ себѣ наплывъ буйныхъ силъ, туманящихъ голову, сознавая, что въ эти минуты, близкія къ страшной развязкѣ, онъ долженъ быть холоднымъ и твердымъ.

Наступила высокая, отвѣтственная минута.

Въ такіе моменты у исключительныхъ, богатыхъ натуръ подъ вліяніемъ высшаго напряженія всѣ воспріятія обостряются до крайняго, сверхчеловѣческаго предѣла и даютъ носителю ихъ великія прозрѣнія генія, пробившаго себѣ выходъ сквозь утерявшую способность сопротивленія оболочку.

И этотъ моментъ наступилъ, расплавивъ въ себѣ тревогу обычныхъ сомнѣній.

Генералъ рѣзко всталъ и нѣсколькими короткими словами бросилъ все, что имѣлъ подъ рукою, на открытое поле.

XI.

Когда затрещалъ барабанъ, и рожки простонали атаку, толстый пѣхотный подполковникъ вытащилъ изъ ноженъ тонкую стальную шашку и сталъ во весь ростъ передъ первымъ окопомъ.

На минуту припомнилась ему висѣвшая гдѣ-то, кажется, въ залахъ училища, старая яркая олеографія: солдаты склонили щетину штыковъ, угрожая бѣгущему съ фронта противнику, а впереди офицеръ, вытянувъ руку впередъ, указываетъ шашкой солдатамъ ихъ путь.

Вертѣлись въ горячемъ мозгу какія-то красивыя, звонкія слова, но вспомнить ихъ въ данный моментъ подполковникъ не могъ.

Онъ вытянулъ шашку, оглянулся на выросшіе окопы и бросился быстро впередъ, роняя пенснэ съ широкаго, мокраго носа.

Солдаты рванулись за нимъ и съ протяжными дикими криками пошли на огонь, то вставая, то падая.

Молоденькій подпоручикъ, тотъ самый, которому такъ жадно хотѣлось, чтобы наши артиллеристы обстрѣляли нѣмецкаго летчика, вырвался впередъ передъ цѣпью и рухнулъ на землю.

Усатый сверхсрочный фельдфебель качнулся надъ нимъ, повернулъ его кверху лицомъ и бросился дальше, стиснувъ широкія челюсти.

Снаряды ложились одинъ за другимъ. Люди валились въ дыму одинъ на другого...

Откуда-то сзади прорвалась лохматая полковая собака и металась вдоль цѣпи, болтая запѣненнымъ языкомъ.

Фельдфебель взглянулъ на нее, замѣтилъ, что въ шерсть налипли комками колючіе репухи, и невольно осклабился.

Потомъ взмахнулъ кверху шашкой и клюнулъ въ канаву съ прострѣленной головой.

Земля подъ ногами взметалась и прыгала, словно живая. Въ ушахъ стоялъ вой, и воздухъ казался густымъ и горячимъ...

Отъ первыхъ рядовъ уже никого не осталось. Солдаты вприпрыжку бѣжали, махая винтовками: и далеко впереди, не опуская застывшей руки, бѣжалъ, не видя, куда, подполковникъ.

Неожиданно сбоку мелькнули драгуны и, поднявъ палаши, просвистѣли впередъ, обдавая солдатъ комьями рыхлой земли.

Стало сразу свѣжѣй и спокойнѣй.

Солдаты сплотились, врываясь въ широкій просвѣтъ, пробитый драгунами въ нѣмецкой пѣхотѣ, и тонкія жала штыковъ потянулись впередъ.

— Ура-а-а!—прокатилось въ тылу, разрастаясь и ширясь.

— Ура-а-а!—застонало по линіи отъ лѣса до лѣса.

— А-а-а...—зазвенѣло въ лѣсу и повисло надъ полемъ.

И живая волна, сметая тѣла, кровавымъ налетомъ легла на равнину.

Качнулось вдали раздутое вѣтромъ, широкое знамя и рухнуло внизъ.

А солдаты бѣжали, бѣжали, не чувствуя больше снарядовъ, свистѣвшихъ уже высоко, и грудились плотно и крѣпко, нажимая на спины переднихъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Библиотека "Руниверс"

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29 Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ. Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г.
№ 43
XLV г. изданія
Выданъ 25 октября 1914 г.
Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.
ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на **первой** страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.: на послѣдней страницѣ **обложки 1 р. 50 к.**: на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.
Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. В. Г. Короленко“ кн. 21.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1915 г.

Съ приложеніемъ **40 КНИГЪ „СБОРНИКА НИВЫ“**, содержащихъ:

1-ю серію полнаго собранія сочин. **Д. Мамина-Сибиряка** 18 книгъ больш. формата,

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ **И. А. Бунина** въ 12 книгахъ,

НОВ. ПРОИЗВЕД. **А. И. Куприна** въ 2-хъ книгахъ и

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ **М. Метерлинка** въ 8 книгахъ.

1 Генеральная карта средне-европейск. и южнаго театра военныхъ дѣйствій.

Подъ ред. проф. **Ю. М. Шокальскаго.** Въ шесть красокъ, размѣръ 100×130 сант., въ масштабѣ 50 верстъ въ дюймѣ.

12 книгъ ЕЖЕМѢСЯЧН. ЖУРНАЛА **„Литературныя и популярно-научныя Приложенія“.**

12 №№ „НОВѢЙШИХЪ МОДЪ“. До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ.

12 ЛИСТОВЪ: до 300 рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ и для выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ.

1 „ОТРЫВНОЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ КАЛЕНДАРЬ“ на **1915** годъ, отпечатанный красками.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“ **1915** г. со всѣми приложеніями:

Въ Петроградѣ:		Безъ доставки:		Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи	Допускается РАЗСРОЧКА платежа:
Безъ доставки	6 р. 50 к.	1) въ **Москвѣ:** въ конторѣ Н. Н. Печковской.	7 р. 25 к.	8 р.	**въ два срока** (при подпискѣ 4 р. и 1 іюня 4 р.), **въ три срока** (при подпискѣ 3 р., 1 апрѣля 2 р. 50 к. и 1 августа 2 р. 50 к.) и **въ 4 срока** (при подпискѣ 2 р., 1 марта 2 р., 1 іюня 2 р. и 1 августа 2 р.).
Съ доставкою	7 р. 50 к.	и 2) въ **Одессѣ:** въ книжн. маг. „ОБРАЗОВАНІЕ“.	7 р. 50 к.		

Подробное объявленіе будетъ помѣщено въ слѣдующемъ № „Нивы“.

Библиотека "Руниверс"

ИСТОЩЕНІЕ

и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ" и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина"; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья. С.П.Б.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Химико-бактеріологич. лабораторія Б. ГУРЕВИЧА, КІЕВЪ, Б. Васильковская, 10.
Единственно вѣрное средство для массоваго истребленія домашнихъ и полевыхъ
МЫШЕЙ и КРЫСЪ
бактерійную заразу, безвредн. для людей и домашн. животн. Порція въ 2 р. 5 к. и 5 р. 20 к. съ перес.

газетн. и журн. дѣлу. Ежедн. возникають нов. газеты, всюду нужда въ опытн. сотрудникахъ. Очень важно теперь науч. писать корресп., статьи, разск. и проч. Программа высыл. БЕЗПЛАТНО. Адр.: ред. „СОТРУДНИКЪ ПЕЧАТИ", Петроградъ, Коломенская, 27—5.

БУХГАЛТЕРІЯ
и коммерческое самообразованіе. Заочное обученіе. Безплатныя преміи. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. Аттестатъ. Льготныя условія подписки и пробная лекція БЕЗПЛАТНО. Адресъ: Петроградъ, „Кругъ Самообразованія", Невскій, 57—30.

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.
Даниилевскій, Г. П. Общедоступная библіотека А. Ф. Маркса: № 1. „Историческіе разсказы". № 2. „Украинскія сказки". Цѣна каждой книги 30 к., съ перес. 40 к.

ЗАОЧНЫЕ, САМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ И ПРОЧИХЪ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ
— С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ —
Москва, Староконюшенный, д. Курилко. 7.
ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО УСЛОВІЯ ИЗУЧЕНІЯ КОММЕРЧЕСК. НАУКЪ ПО ПИСЬМЕННЫМЪ ЛЕКЦІЯМЪ, ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.
Терпигоревъ, С. Н. (С. Атава) СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ, въ 6 т., 3562 стр. in 8°, съ критико-біографическимъ очеркомъ, составленнымъ П. В. Быковымъ, и съ портретомъ автора. Цѣна 12 р., съ перес. 12 р. 75 к.; въ перепл. 15 р. 60 к., съ перес. 16 р. 50 к.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Высочайшее пожертвованіе полякамъ. Ихъ Императорскимъ Величествамъ Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Өеодоровнѣ благоугодно было пожертвовать изъ личныхъ средствъ 200.000 рублей въ пользу пострадавшаго отъ военныхъ дѣйствій населенія губерній Царства Польскаго.

Польскіе легіоны въ Россіи. Съ разрѣшенія Верховнаго Главнокомандующаго формируются польскіе легіоны. На перекресткахъ улицъ въ городахъ и мѣстечкахъ Западнаго края расклеено слѣдующее воззваніе на польскомъ языкѣ:

«Какъ одинъ человѣкъ, должны мы стать въ ряды русской арміи для удаленія пруссаковъ изъ предѣловъ Царства Польскаго. Не допустимъ въ будущемъ обиды нашихъ братьевъ въ мѣстахъ, завоеванныхъ пруссаками. Берутъ нашу молодежь, посылаютъ ихъ въ первые ряды войскъ, насилуютъ нашихъ матерей, сестеръ и дочерей; грабятъ наши имѣнія, оставляя послѣ себя нищету и опустошеніе. Воюютъ польскіе легіоны и во Франціи: туда прибыло 40.000 поляковъ изъ Америки.

Мы твердо убѣждены, что наше начинаніе будетъ имѣть большое значеніе для тройственнаго согласія; что оно вызоветъ энергію въ слабыхъ, разбудитъ спящихъ, дастъ мужество и спокойствіе.

Въ польскихъ легіонахъ будетъ введена польская команда. Оружіе, аммуниція и продовольствіе будутъ даны правительствомъ, обмундировка на свой счетъ.

Болѣе состоятельные смогутъ сообразно своимъ средствамъ обмундировать неимущихъ».

Вслѣдъ за этимъ воззваніемъ указываются слѣдующія условія пріема:

1) Въ число легіонеровъ принимаются молодые люди, достигшіе 18-лѣтняго возраста.
2) Поляки-католики.
3) Не бывшіе подъ судомъ.
4) Каждый легіонеръ обязанъ соблюдать дисциплину.
5) Не разрѣшается до окончаніи войны оставлять ряды легіона.
6) Каждый легіонеръ обязанъ представить свидѣтельство о состояніи здоровья.
7) Принимаются всѣ безъ различія взглядовъ.
8) Въ легіонахъ заниматься политикой воспрещается.

Два друга. Подъ этимъ заглавіемъ помѣщено въ «Бирж. Вѣд.», въ отдѣлѣ частныхъ писемъ съ войны очень яркое письмо рядового, яркое по своей простотѣ и драматичности.

«Мы лежимъ въ окопахъ. Я, что называется, барчукъ, маменькинъ сынокъ, спавшій до послѣдняго времени на пружинномъ матрасѣ и укрывавшійся байковыми одѣялами, подшитыми бѣлоснѣжнымъ холстомъ, избалованный и изнѣженный роскошной жизнью, а рядомъ со мной тверской крестьянинъ, еле грамотный, считающій кашу лакомствомъ, не имѣющій представленія объ одѣялахъ и простыняхъ, впрочемъ, привыкшій разъ въ недѣлю смывать съ себя грязь въ жарко натопленной банѣ и сейчасъ же выходящій босикомъ на снѣгъ или ступающій по лужамъ, закаленный, улыбающійся надъ словомъ «простуда», силачъ и добродушнѣйшій малый, философія котораго исчерпывается знаменитыми «ничаво» и «авось». Зовутъ его Андреемъ. Такъ какъ мы оба нижніе чины и лежимъ рядомъ, пострѣливая изъ винтовокъ и впадая то въ возбужденіе, которое можно назвать «боевой лихорадкой», то въ смертельную скуку, между нами завязывается уже со второго дня, смѣло могу сказать, дружба въ полномъ смыслѣ этого слова. У него простая, но глубокая душа, и мнѣ пріятно коротать съ нимъ время и, не скрою, пользоваться его услугами. Никогда я не думалъ, что черный хлѣбъ такъ вкусенъ, и что вода, зачерпнутая изъ лужи, такъ пріятна, и ее можно пить съ такимъ наслажденіемъ. И хлѣбомъ, и водой угощаетъ меня Андрей. Лужа, изъ которой онъ добываетъ воду, шагахъ въ пятнадцати отъ окоповъ, и каждый разъ, когда онъ ползетъ къ ней, увязая въ грязи руками и колѣнями, я испытываю страхъ за него. «Вернись,—кричу ему,—я ужъ не хочу пить!». А онъ отвѣчаетъ:—«Ничаво. Ня бойтесь». Впрочемъ, съ нѣкоторыхъ поръ онъ сталъ мнѣ говорить «ты». Не знаю, гдѣ онъ беретъ эти великолѣпные пряники, которые называются чернымъ хлѣбомъ. Они тѣмъ болѣе привлекательны, что величина ихъ мала до смѣшного.

Кромѣ того, эти аккуратно нарѣзанные кубиками кусочки тверды, какъ камень. Мы размачиваемъ ихъ въ грязной водѣ, обильно посыпаемъ солью и медленно и сосредоточенно ѣдимъ, съ удовлетвореніемъ глядя другъ другу въ глаза. Соль принадлежитъ мнѣ. Я давалъ деньги, а Андрей бѣгалъ за ней въ сосѣднее еврейское мѣстечко опять-таки съ опасностью для своей жизни и заплатилъ, надо замѣтить, бѣшеныя деньги. Но онъ столько принесъ соли, что ея хватило на всю роту, и остался еще запасъ этого благодѣтельнаго минерала. Андрей такъ бережетъ ее, что, если упадетъ крупинка на землю, онъ старается поднять крупинку. Когда наступаетъ ночь и почти утихаетъ пальба, онъ разсказываетъ мнѣ о деревенскомъ житьѣ-бытьѣ. «Травы у насъ большія, ахъ, травы! А поля у насъ съ камнемъ. Ахъ, и камни же! А толокно у насъ сладкое, а дѣвки веселыя и ужъ во—добротныя... Ахъ, дѣвки!» Если Господь помилуетъ, и я останусь живъ и вернусь на родину, я никогда не забуду чудесныхъ минутъ, проведенныхъ мною съ Андреемъ, когда мы лежали съ нимъ рядомъ, приникая грудью къ сырой землѣ, когда одинаково стрѣляло отъ начинающагося ревматизма не только у меня, нѣжнаго барченка, но и у закаленнаго сѣраго друга моего. И думаю также, что никогда уже не придется мнѣ такъ цѣнить черный хлѣбъ, посыпанный сѣрою мужицкою солью. Вотъ все, что я могу сообщить вамъ о нашемъ житьѣ-бытьѣ. Мы еще не ходили въ атаку, а штыковой бой не сегодня-завтра. Мы уже продвинули впередъ свои окопы, и «онъ» придвинулся. Настала пора ужъ выбивать «его». Что же касается артиллерійскаго огня, наши артиллеристы, грѣхъ сказать, работаютъ хорошо. Настроеніе у насъ бодрое и увѣренное. Не только вѣримъ, но и знаемъ, что побѣдимъ».

Въ ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго. Высочайшее посѣщеніе дѣйствующей арміи—навѣки запечатлѣнный праздникъ среди ея трудовыхъ боевыхъ будней. Яркимъ событіемъ этихъ радостныхъ дней было прибытіе генералъ-адъютанта Рузскаго въ ставку Верховнаго Главнокомандующаго по приказанію Государя Императора. Въ «Нивѣ», въ № 41, помѣщены были фотографическіе снимки, представляющіе пребываніе Его Императорскаго Величества среди своихъ доблестныхъ войскъ. Прекрасной дополнительной иллюстраціей можетъ служить красивый разсказъ объ этихъ знаменательныхъ событіяхъ очевидца М. Доманскаго, помѣщенный въ «Русск. Словѣ».

«Это было въ понедѣльникъ, 22 сентября.

Герой Львова, герой второй отечественной войны, генералъ, имя котораго, мало извѣстное до сихъ поръ, сейчасъ повторяется въ самыхъ заброшенныхъ уголкахъ нашего отечества съ восторгомъ, съ обожаніемъ. Я былъ однимъ изъ первыхъ въ числѣ желающихъ видѣть знаменитаго генерала.

Библиотека "Руниверс"

Черезъ полчаса мы были возлѣ поѣзда Верховнаго Главнокомандующаго. Здѣсь, на перекресткѣ двухъ шоссе, уже ожидало нѣсколько человѣкъ.

— Погода-то, погода райская! — замѣтилъ кто-то изъ присутствующихъ.

Дѣйствительно утро было удивительное. Небо густо-бирюзовое, безъ единаго облачка, яркое солнце. Совсѣмъ лѣто, если бы не ярко-золотой съ багровыми отливами осенній уборъ лѣса.

Не успѣли мы распространиться насчетъ погоды, какъ со стороны поѣзда показалась величественная фигура Верховнаго Главнокомандующаго. Какъ всегда, на лицѣ Великаго Князя играла привѣтливая улыбка. Поздоровавшись съ нами, Верховный Главнокомандующій отошелъ нѣсколько въ сторону и сталъ разговаривать съ однимъ изъ генераловъ.

Въ ту же минуту вдали по шоссе показался автомобиль. Еще черезъ минуту онъ остановился шагахъ въ двадцати отъ насъ. Первымъ выскочилъ изъ автомобиля полковникъ, за нимъ — генералъ Рузскій. Сбросивъ шинель, онъ направился къ Великому Князю.

Выше средняго роста, худощавый, съ крупными, рѣзкими чертами лица, съ сѣро-сѣдыми, нѣсколько нависшими густыми усами, удивительно спокойный въ движеніяхъ.

— Такъ вотъ онъ каковъ, герой нынѣшней войны! — думалъ я. — Человѣкъ, имя котораго, несомнѣнно, будетъ вписано въ исторію.

— Идемъ же скорѣе! Верховный Главнокомандующій нетерпѣливо подхватилъ ген. Рузскаго подъ руку и, не давъ ему поздороваться съ присутствующими, быстро повелъ къ поѣзду Государя Императора.

Встрѣчавшіе стали расходиться.

Въ тотъ же день, часа черезъ два, чины штаба Верховнаго Главнокомандующаго были осчастливлены Монаршей милостью: Государь Императоръ выразилъ желаніе сняться среди офицеровъ штаба.

На небольшой полянкѣ возлѣ Царскаго поѣзда были поставлены двѣ длинныя скамьи. Возлѣ нихъ разостланы нѣсколько шинелей.

Большими группами стали подходить офицеры. Наконецъ всѣ въ сборѣ. Фотографъ штаба установилъ аппаратъ. Оживленіе, разговоры, шутки. Изъ устъ въ уста передается послѣдняя новость.

— Генералъ Рузскій Высочайше пожалованъ званіемъ генералъ-адъютанта.

Прошло нѣсколько минутъ.

— Идутъ.

Изъ салона-вагона вышелъ Его Императорское Величество въ сопровожденіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Николая Николаевича и Кирилла Владиміровича, министровъ военнаго и двора, дворцоваго коменданта и начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго ген. Янушкевича.

Милостиво раскланявшись съ офицерами, Государь Императоръ занялъ мѣсто въ центрѣ группы, имѣя съ лѣвой стороны Верховнаго Главнокомандующаго и ген. Рузскаго, а съ правой — ген. Янушкевича.

Нѣсколько разъ щелкнулъ аппаратъ. Готово. Снято.

Удостоивъ послѣ съемки милостиваго разговора нѣкоторыхъ генераловъ, Государь Императоръ вернулся въ поѣздъ.

Офицеры окружили ген. Рузскаго и поздравляютъ съ Монаршей милостью.

— Покорнѣйше благодарю, господа! — съ видимымъ смущеніемъ кланяется во всѣ стороны генералъ. — Извините, некогда. Нужно ѣхать. Вонъ и автомобиль уже поданъ.

— Позвольте! А вѣдь погоны у генерала на шинели не адъютантскіе! — замѣчаетъ кто-то.

— Какъ быть?

— Давайте вашу шинель! — обратился вдругъ къ ген. Рузскому Верховный Главнокомандующій. — Прикажите перешить съ моей шинели на генеральскую! — приказалъ Великій Князь одному изъ офицеровъ.

Приказаніе было исполнено очень быстро.

Черезъ 5 минутъ генералъ Рузскій садился въ автомобиль въ шинели, на которой красовались ген.-адъютантскіе погоны.

Раздались перебои мотора.

— Счастливаго пути!

— Успѣха въ дальнѣйшемъ!

Автомобиль уже далеко, а мы все еще продолжаемъ махать фуражками.

Новый законъ о военно-плѣнныхъ. Въ порядкѣ 87 ст. основныхъ законовъ Высочайшаго одобренія удостоился проектъ новаго положенія о военно-плѣнныхъ.

Согласно новому закону, военно-плѣнными считаются всѣ лица, входящія въ составъ непріятельскихъ вооруженныхъ силъ, за исключеніемъ шпіоновъ, которые не пользуются правами военно-плѣнныхъ.

Лица, сопровождающія съ надлежащаго разрѣшенія непріятельскую армію (корреспонденты газетъ, репортеры, маркитанты и поставщики), могутъ быть по усмотрѣнію Верховнаго Главнокомандующаго или задержаны въ качествѣ военно-плѣнныхъ, или отпущены на свободу.

Признавая военно-плѣнныхъ законными защитниками своего отечества, положеніе предписываетъ обращаться съ ними человѣколюбиво, не стѣсняя ихъ въ исполненіи вѣроисповѣдныхъ обрядовъ, подъ условіемъ соблюденія предписанныхъ военною властью мѣръ порядка и безопасности. Собственность военно-плѣнныхъ, за исключеніемъ оружія, лошадей и военныхъ бумагъ, остается неприкосновенною. При возвращеніи ихъ въ отечество дозволяется имъ вывезти съ собою принадлежащее имъ имущество; оружіе ни въ какомъ случаѣ не возвращается.

Военно-плѣнные подсудны военнымъ судамъ; всякое неповиновеніе съ ихъ стороны даетъ право на примѣненіе къ нимъ мѣръ строгости. Военно-плѣнные могутъ быть подвергнуты водворенію въ городѣ, крѣпости или лагерѣ съ обязательствомъ не выходить за извѣстныя границы; собственно заключенію подъ стражу они могутъ быть подвергнуты лишь при наличіи особой къ тому необходимости и исключительно, пока она существуетъ. Оружіе противъ военно-плѣнныхъ употребляется при открытомъ съ ихъ стороны возмущеніи или совмѣстномъ побѣгѣ; при побѣгѣ отдѣльныхъ лицъ оружіе употребляется только тогда, если, не взирая на предостереженіе, военно-плѣнный не остановится.

Бѣжавшіе и пойманные во время побѣга военно-плѣнные не подлежатъ взысканію по суду, а подвергаются болѣе строгому надзору и дисциплинарнымъ взысканіямъ; военно-плѣнные, совершившіе побѣгъ и вновь взятые въ плѣнъ, не подлежатъ за свой побѣгъ никакому взысканію.

Военно-плѣнные могутъ быть освобождаемы на честное слово, но не могутъ быть принуждаемы къ дачѣ его; военно-плѣнный, отпущенный на честное слово и вновь взятый въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ, теряетъ права военно-плѣннаго и можетъ быть преданъ военно-полевому суду.

Военно-плѣнные могутъ быть привлекаемы къ казеннымъ и общественнымъ работамъ сообразно съ ихъ чиномъ и способностями, за исключеніемъ офицеровъ; работы не должны быть изнурительными и не могутъ имѣть отношенія къ военнымъ дѣйствіямъ; оплатѣ вознагражденіемъ работы эти не подлежатъ.

Расходы по содержанію военно-плѣнныхъ относятся на военный фондъ; всякаго рода вспомоществованіе военно-плѣннымъ разрѣшается принимать только съ вѣдома подлежащаго начальства.

Духовныя завѣщанія военно-плѣнныхъ принимаются на храненіе и составляются на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и для чиновъ русской арміи; при погребеніи военно-плѣнныхъ принимаются во вниманіе ихъ чинъ и званіе.

Русскіе подданые, находившіеся на службѣ въ непріятельскихъ арміяхъ или флотахъ, военно-плѣнными не признаются; по взятіи съ ними поступаютъ по общимъ законамъ Имперіи.

Перевозятся военно-плѣнные по желѣзнымъ дорогамъ на общемъ основаніи: генералы и адмиралы, по возможности, въ вагонахъ перваго класса, штабъ и оберъ-офицеры во второмъ классѣ; по грунтовымъ дорогамъ нижніе чины идутъ обыкновеннымъ этапнымъ порядкомъ, оберъ-офицеры — на подводахъ, генералы и штабъ-офицеры перевозятся отдѣльно на парѣ лошадей.

Завѣдываніе военно-плѣнными внутри Имперіи принадлежитъ военному министерству; содержатся они при мѣстныхъ войскахъ въ видѣ отдѣльныхъ безоружныхъ командъ, при чемъ начальникамъ частей вмѣняется въ обязанность наблюдать, чтобы военно-плѣннымъ не было причиняемо обидъ и притѣсненій и чтобы положенное имъ довольствіе доходило до нихъ полностью и въ надлежащемъ видѣ. Лицамъ, которымъ ввѣренъ надзоръ за военно-плѣнными, воспрещается брать ихъ на собственныя работы, хоть бы и за плату и по добровольному съ ними соглашенію. Плѣнные нижніе чины получаютъ кормовыя и продовольствіе на одинаковомъ основаніи съ русскими нижними чинами.

Внутри Имперіи военно-плѣннымъ разрѣшается носить свою форменную одежду, но безъ всякихъ отличій (погоновъ, петлицъ и кокардъ).

Военно-плѣнные генералы, адмиралы, штабъ- и оберъ-офицеры ни вещевого, ни кормового довольствія не получаютъ. Имъ, буде на то не послѣдуетъ особыхъ Высочайшихъ повелѣній, назначается содержаніе въ размѣрѣ: генераламъ и адмираламъ 1,500 рублей въ годъ, штабъ-офицерамъ — 900 руб., а оберъ-офицерамъ — 600 руб.

Расходы по найму помѣщеній для военно-плѣнныхъ производятся согласно уставу о земскихъ повинностяхъ, а для офицеровъ и генераловъ — въ половинномъ размѣрѣ противъ дѣйствующаго у насъ расписанія квартирныхъ окладовъ.

Въ случаѣ невозможности военно-плѣнному нанять квартиру, ему отводится помѣщеніе натурою.

Приказы императора Вильгельма. Передъ наступленіемъ германской арміи на восточно-прусскомъ театрѣ войны, окончившимся пораженіемъ у Варшавы и Ивангорода, императоръ Вильгельмъ II издалъ слѣдующій приказъ:

«Солдаты!

Помните, что вы — избранный народъ. Духъ Божій сошелъ на меня, такъ какъ я императоръ германцевъ.

Я являюсь оружіемъ Всемогущаго! Я — Его мечъ и Его воля!

Уничтоженіе и смерть всѣмъ, кто противится моей волѣ!

Уничтоженіе и смерть всѣмъ, кто не вѣритъ въ мою божественную миссію!

Уничтоженіе и смерть трусливымъ!

Да погибнутъ всѣ враги германскаго народа!

Богъ требуетъ ихъ уничтоженія, Богъ, вѣщающій черезъ меня, приказываетъ вамъ исполнить Его святую волю».

На ряду съ этимъ кощунственнымъ приказомъ воспроизводимъ опубликованный въ издающейся нѣмцами «Gazeta Czenstochowska» воззваніе Вильгельма II къ полякамъ:

«Поляки! Вы, конечно, помните, какъ однажды ночью начали звонить безъ участія человѣка колокола святого Святогорскаго монастыря.

Тогда уже люди набожные поняли, что случилось великое и важное событіе, отмѣченное чудомъ.

Событіе это — рѣшеніе мое воевать съ Россіей и отдать Польшѣ ея святыни и присоединить ее къ культурнѣйшей странѣ, Германіи.

У меня былъ чудесный сонъ. Ко мнѣ явилась Богородица и приказала спасти ея святую обитель, которой угрожаетъ опасность.

Она смотрѣла на меня со слезами, и я пошелъ исполнить Ея Божественную волю.

Знайте объ этомъ, поляки, и встрѣчайте мои войска, какъ братьевъ и спасителей.

Знайте, поляки, что тѣ, кто со мною, будутъ щедро вознаграждены, кто противъ — погибнетъ!

Со мною Богъ и Святая Богородица!

Она подняла мечъ Германіи на помощь Польшѣ!»

Что это: сумасшествіе или искусная поддѣлка подъ сумасшествіе, подготовка почвы для отказа отъ престола?

На табакъ для арміи. Въ Петроградѣ въ день тезоименитства Наслѣдника Цесаревича былъ устроенъ артистами Императорскихъ театровъ сборъ табаку и денегъ на покупку табака для дѣйствующей арміи. Сборъ удался блестяще. Приводимъ здѣсь одну характерную сцену, происшедшую на углу Невскаго и Литейнаго съ извѣстнымъ драматическимъ артистомъ В. Н. Давыдовымъ. Густая толпа обступила артиста, вооруженнаго большимъ щитомъ съ флажками и кружкой.

— Собирался я, — сообщаетъ онъ публикѣ, — на войну ѣхать, да, видно, не судьба. «Табакъ — дѣло» вышло!

— Владиміръ Николаевичъ, можно съ вами поцѣловаться? — спрашиваетъ его протискавшаяся впередъ дама съ маленькимъ мальчикомъ.

— За золотой можно.

— Уступки не будетъ?

— Никакой. Развѣ только, что бумажныя деньги дадите.

Библиотека "Руниверс"

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

ВЪ ПОЛЬЗУ РАНЕНЫХЪ И БОЛЬНЫХЪ ВОИНОВЪ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ 1914 ГОДА.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО. Цѣна 6 к.

Состоящій подъ Высочайшимъ Е. И. В. ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА покровит. Скобелевскій Комитетъ. Изд. «Три флага согласія». Петроградъ, Мытнинская, 27, тел. № 229-46

Пишите на этихъ открыткахъ!

Черезъ минуту В. Н. держалъ уже въ рукахъ красненькую и потянулся къ дамѣ.

— Да я не для себя поцѣлуй вашъ купила. Для сына. Петя, поди ближе къ дядѣ, онъ тебя поцѣловать хочетъ.

Подъ громкіе аплодисменты публики В. Н. Давыдовъ звонко расцѣловалъ прелестнаго мальчугана и подарилъ ему на память флажокъ.

Хорунжій-машинистъ. Въ окрестностяхъ Сандоміра, на австрійскомъ берегу Вислы, стоитъ небольшая помѣщичья усадьба. Вокругъ нея при отступленіи австрійцевъ разыгрался бой. Проходящая мимо усадьбы желѣзнодорожная вѣтка была мѣстами повреждена взорвавшимися снарядами. На полотнѣ стоялъ сошедшій съ рельсовъ австрійскій паровозъ.

На слѣдующій день по прибытіи въ усадьбу штаба распространился слухъ, что паровозъ предполагается исправить и пустить въ ходъ. Къ этому въ штабѣ отнеслись довольно недовѣрчиво. Слухъ упорно держался. И дѣйствительно вдругъ услышали свистокъ. Вышли посмотрѣть. Къ общему удивленію, паровозъ уже прямо стоялъ на рельсахъ, тендеръ былъ тоже поднятъ изъ ямы, образовавшейся въ полотнѣ отъ взрыва снаряда, и исковерканный путь былъ возстановленъ. Всѣ были поражены: вѣдь и средствъ-то на это надлежащихъ не было подъ рукой. Виновникомъ совершившагося чуда оказался молодой хорунжій Болдыревъ.

Еще въ отроческіе годы, по его словамъ, ему приходилось часто кататься на паровозѣ; онъ страстно любилъ «желѣзку» и незамѣтно изучилъ и самую машину, и устройство полотна. Замѣтивъ этотъ заброшенный паровозъ, юноша заинтересовался имъ, осмотрѣлъ всѣ части и вскорѣ убѣдился, что можно будетъ дѣло наладить. При помощи казаковъ были поставлены на рельсы паровозъ и тендеръ, исправлено полотно въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и вѣтка приведена въ дѣйствіе. Велико было торжество хорунжаго, когда онъ, разведя пары, двинулъ машину на глазахъ у привѣтствовавшихъ его зрителей.

Подвигъ казака Нечипуренко. Въ клиникѣ лейбъ-хирурга профессора Е. В. Павлова въ Петроградѣ лежитъ на излѣченіи сестра милосердія г-жа М., доставленная въ Петроградъ съ передовыхъ позицій.

Въ одномъ изъ послѣднихъ нашихъ славныхъ боевъ съ германцами, когда доблестныя наши войска оттѣснили врага и заставили его бѣжать съ поля брани, передовой отрядъ Краснаго Креста послѣдовалъ за преслѣдовавшими непріятеля частями.

Отдѣлившись отъ своего отряда, сестра милосердія М. вмѣстѣ съ другою сестрою и двумя санитарами замѣшкалась на покрытомъ трупами враговъ полѣ, осматривая мѣсто боя въ надеждѣ найти кого-нибудь изъ оставшихся нашихъ раненыхъ.

Неожиданно изъ прилегавшаго къ полю лѣска выскочило нѣсколько германскихъ кавалеристовъ во главѣ съ офицеромъ. Замѣтивъ, что въ травѣ копошатся одѣтыя въ бѣлое сестры милосердія, германскій офицеръ отдѣлился отъ своихъ солдатъ и поскакалъ прямо на сестеръ.

Подруга г-жи М. упала въ обморокъ. Безоружные санитары не знали, что дѣлать.

Подскакавъ къ г-жѣ М., германскій варваръ съ грубымъ смѣхомъ схватилъ ее за руки, перевязалъ кисти рукъ ремнемъ и, ударивъ нѣсколько разъ по спинѣ стекомъ, поволокъ за собою въ лѣсъ. Крики и стоны обезумѣвшей отъ ужаса сестры милосердія вызвали со стороны германскаго офицера новыя издѣвательства.

Г-жа М. считала себя погибшей. Ноги у нея подкосились, она повисла на ремнѣ, теряя сознаніе отъ боли и ужаса.

И вдругъ совершилось чудо...

Откуда ни возьмись, на полѣ появился казакъ. Услыхавъ крики дѣвушки и увидя, что германскій офицеръ волочитъ ее на ремнѣ за собой, казакъ съ пикой на перевѣсъ, что было духу, помчался на врага. Перепрыгивая черезъ трупы, кочки, окопы и канавы, казакъ летѣлъ, точно по воздуху.

Варваръ замѣтилъ погоню, поднялъ къ себѣ на сѣдло сестру милосердія и пришпорилъ лошадь... Поздно!.. Казакъ, какъ молнія, налетѣлъ, пика пронзила германца, и трупъ его свалился съ лошади.

Казакъ развязалъ руки сестры милосердія и сталъ приводить ее въ чувство. Придя въ сознаніе, г-жа М. бросилась на колѣни, благодаря своего спасителя. Она хотѣла поцѣловать его руку, но казакъ не позволилъ и, поднявъ сестру съ колѣнъ, сказалъ:

— Помилуй, сестрица, что жъ я особеннаго сдѣлалъ? Ты Бога благодари, что я поблизости ѣхалъ...

Потомъ заботливо посадилъ сестру на лошадь германца и отправился съ нею въ ближайшій подвижной госпиталь.

По дорогѣ сестра спросила, какъ зовутъ ея освободителя.

— Нечипуренко я, N-скаго казачьяго полка.

Благополучно доставилъ Нечипуренко сестру въ госпиталь. Однако не кончились несчастія г-жи М...

Едва уложили ее на койку, какъ надъ самымъ госпиталемъ разорвался снарядъ германскаго тяжелаго орудія... Горячимъ воздухомъ опалило г-жѣ М. все лицо и грудь.

Сейчасъ же врачъ оказалъ ей помощь, а когда она немного оправилась, распорядился ее эвакуировать.

Здоровье г-жи М. возстанавливается.

О посылкахъ въ армію. Несмотря на распубликованіе правилъ отсылки въ дѣйствующую армію предметовъ теплой одежды, вооруженія и т. п., продолжаютъ раздаваться сѣтованія на то, что почтовое вѣдомство не принимаетъ къ отправкѣ посылокъ съ одеждою вѣсомъ болѣе 12 фунтовъ. Въ виду этого главное управленіе почтъ и телеграфовъ считаетъ необходимымъ вновь подтвердить, что дѣйствующими правилами разрѣшается подача на почту адресованныхъ въ дѣйствующую армію посылокъ съ предметами вооруженія, съ мундирною и сюртучною парою, съ верхнею одеждою, не исключая мѣховыхъ и непромокаемыхъ вещей, при чемъ вѣсъ такихъ посылокъ можетъ быть и свыше 12 фунтовъ, но при условіи, чтобы въ каждой посылкѣ заключалось не болѣе одного изъ числа поименованныхъ предметовъ (одна сюртучная пара, одинъ полушубокъ, одинъ спальный мѣшокъ и т. п.).

Вмѣстѣ съ тѣмъ главное управленіе почтъ и телеграфовъ обращаетъ вниманіе на необходимость прочной задѣлки посылокъ, адресованныхъ въ дѣйствующую армію. (О. Б.)

Трата на войну. Извѣстный политико-экономъ Сидней Веббъ вычислилъ, что Англія тратитъ на войну 10.000.000 рублей въ день, то-есть четыреста тысячъ въ часъ, т.-е. около 6.700 руб. въ минуту. Траты Германіи превышаютъ эту сумму больше, чѣмъ вчетверо.

Венгерскій «бойкотъ». Въ Будапештѣ хотѣли бы бойкотировать французскіе товары, но венгерскія дамы не могутъ разстаться съ парижскими модами, пудрой, духами и проч. Бойкотъ англійскихъ товаровъ оказался такимъ же призрачнымъ. Тѣ магазины, на окнахъ которыхъ прежде было начертано:

— Здѣсь говорятъ по-англійски,

теперь вывѣсили новую надпись:

— Здѣсь говорятъ по-американски,

хотя американскій языкъ доселѣ былъ лингвистамъ невѣдомъ.

Жертвы войны. Берлинская газета Vorwärts, желая выяснить истинное положеніе нѣмецкихъ рабочихъ во время войны, обратилась къ рабочимъ союзамъ за справками. Отвѣты получились зловѣщіе. Есть такія отрасли труда, гдѣ число безработныхъ уже превышаетъ шестьдесятъ процентовъ, и это въ самомъ началѣ кампаніи! Среди шляпниковъ 62 процента выброшены изъ своихъ мастерскихъ, 55 процентовъ литографовъ находятся въ такомъ же положеніи. Среди рабочихъ гончарнаго промысла безработныхъ 54%, среди сапожниковъ—35%.

Въ области женскаго труда цифры еще болѣе печальныя. Ровно треть всего количества женщинъ оказалась буквально на улицѣ. Нужно помнить, что эти цифры относятся къ организованнымъ рабочимъ, состоящимъ въ различныхъ союзахъ. Положеніе остальныхъ еще ужаснѣе.

Сладкія гостинцы солдатамъ. Лондонская газета «Daily News» посылаетъ британскимъ солдатамъ во Францію милліонъ рождественскихъ пудинговъ.

Не Вильгельмъ, но Альбертъ. Въ послѣднемъ номерѣ газеты Daily Mail нѣкто Кларенсъ предлагаетъ всѣмъ, носящимъ имя Вильгельмъ (William), замѣнить его именемъ Альбертъ. «Я лично даже Вильяма Шекспира отнынѣ буду звать: Альбертъ Шекспиръ,»—заявляетъ увлекшійся Кларенсъ. Такое негодованіе вызываетъ среди англичанъ личность озвѣрѣлаго кайзера. Симпатіи англичанъ къ королю Бельгіи выразилось не только въ томъ, что они собрали для него по подпискѣ колоссальную сумму денегъ, но также и въ томъ, что большинство новорожденныхъ англійскихъ мальчиковъ получаютъ при рожденіи имя Альбертъ.

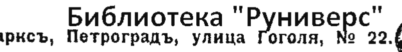
Самая страшная кара. Въ Германіи возмущены тѣмъ сочувствіемъ, которое норвежская пресса выказываетъ союзнымъ державамъ. «Норвежскіе журналисты подкуплены англичанами»,—увѣряютъ газеты въ Берлинѣ. Редакторъ «Aftenposten» въ Христіаніи получилъ отъ одного нѣмецкаго профессора изъ Гамбурга письмо, гдѣ тотъ угрожаетъ Норвегіи всякими карами за ея «измѣну германцамъ». Самая страшная кара заключается, по словамъ профессора, въ томъ, что кайзеръ никогда больше не пріѣдетъ въ Норвегію! Большаго ужаса нѣмцы и представить не въ силахъ.

Армія дѣтей. Въ Англіи теперь формируется оригинальная армія. Всѣ ея солдаты—дѣтвора отъ семи до двѣнадцати лѣтъ. Армія дѣлится на корпуса, баталіоны, въ ней есть генералы, полковники, но воевать ей едва ли придется, такъ какъ это—армія «сборщиковъ». Она собираетъ пожертвованія въ пользу пострадавшихъ отъ войны. Каждому ребенку дается особая кружка для еженедѣльнаго сбора, и каждый сообразно усердію получаетъ повышеніе въ чинъ. Въ походъ эти солдаты выступаютъ лишь въ сопровожденіи бабушекъ, нянь, матерей...

Каторга за оказаніе кредита врагамъ. По сообщенію нѣмецкихъ газетъ, въ Англіи давно уже изданъ законъ, согласно которому лица, оказывающія кредитъ германцамъ, подвергаются заключенію на шесть мѣсяцевъ въ каторжную тюрьму.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ" 1914 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" со всѣми приложеніями: Безъ дост. въ Петроградѣ 6 р. 50 к., съ дост. 7 р. 50 к.; съ перес. по всей Россіи: на годъ 8 р., на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.


Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.
Библиотека "Руниверс"

НИВА

№ 43.

25 октября
1914 г.

В. Васнецовъ. Богоматерь. Запрестольный образъ Кіевскаго Владимірскаго Собора.

Библиотека "Руниверс"

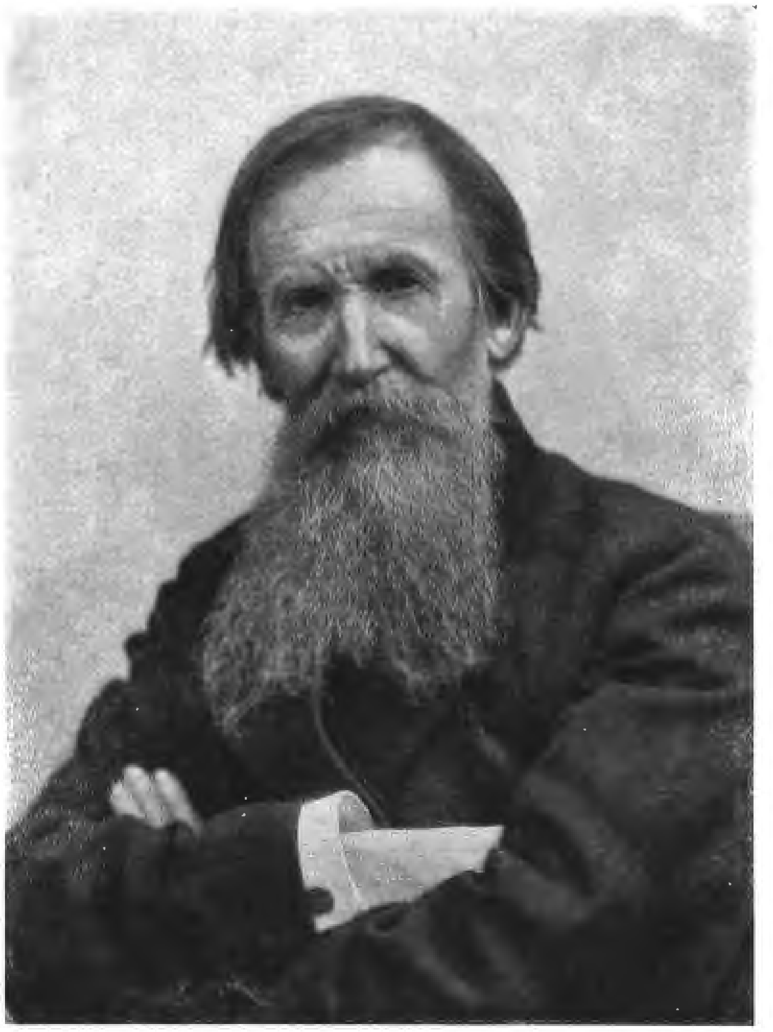
В. М. Васнецовъ и его творчество.

Очеркъ **Іер. І. Ясинскаго.**

Я былъ еще маленькимъ гимназистомъ, когда былъ построенъ соборъ св. Владиміра въ Кіевѣ архитекторомъ Беретти. Прошло четверть вѣка, и опять, уже зрѣлымъ человѣкомъ, увидѣлъ я сводъ и стѣны заброшеннаго собора, который суждено было призвать къ жизни проф. Прахову при содѣйствіи такого великаго художника, какъ Васнецовъ.

Благодаря геніальнымъ усиліямъ Васнецова, стиль его иконописи возобладалъ въ храмѣ, и его религіозныя композиціи вызываютъ такія настроенія, что картины Свѣдомскаго и Котарбинскаго въ томъ же соборѣ, при всѣхъ ихъ живописныхъ достоинствахъ, тускнѣютъ и теряются въ лучахъ Васнецовскихъ художественныхъ озареній и откровеній.

Васнецовъ былъ уже зрѣлымъ художникомъ, когда сталъ участвовать въ росписи Владимірскаго собора. Рано проявилъ онъ любовь ко всему національному въ искусствѣ. Еще ребенкомъ онъ рисовалъ крестьянъ. Чтобы поступить въ Петербургскую Академію Художествъ изъ богословскаго класса Вятской духовной семинаріи (отецъ его былъ священникомъ, хотя въ жилахъ художника течетъ англійская кровь, и Васнецовы ведутъ свой родъ отъ какого-то давняго англійскаго выходца), В. М. Васнецовъ разыгралъ въ лотерею двѣ свои масляныя картины „Молочницу“ и „Жницу“. Въ 1868 году 20-лѣтній Васнецовъ былъ уже награжденъ бронзовой медалью на Лондонской Всемірной выставкѣ за его рисунки перомъ, а черезъ годъ—тремя медалями изъ Академіи Художествъ. Съ этого же года начинаетъ онъ участвовать на Академическихъ выставкахъ и вскорѣ на Передвижныхъ. Всѣ темы у него спеціально русскія: „Царь-дѣвица“, „Княжеская иконописная мастерская“, „Конекъ Горбунокъ“, „Жаръ-птица“, „Витязь“, „Богоматерь“ (акварель).



Викторъ Михайловичъ Васнецовъ.

Молодой художникъ стоитъ еще на распутьѣ: его влекутъ къ себѣ историческіе сюжеты, и ему хочется писать жанровыя картины и сцены.

Подобно тому, какъ В. В. Верещагинъ долго рисовалъ и избѣгалъ масляныхъ красокъ, такъ и Васнецовъ не сразу принялся за масляныя картины.

Первыя масляныя картины его появились на постоянной выставкѣ Общества Поощренія Художниковъ въ 1872—1874 гг., и въ журналѣ „Пчела“ была воспроизведена лучшая изъ нихъ—„Нищіе“. У церковной ограды въ селѣ Рябовскомъ—родина художника—усѣлись въ кружокъ нищіе и собираютъ слушателей. На этой картинѣ Васнецовъ проявилъ недюжинное дарованіе сатирика и юмориста. Другая картина его—„Чаепитіе“—обратила на себя вниманіе красотой колорита: она была и въ Парижѣ на выставкѣ.

Вѣрный своимъ первоначальнымъ симпатіямъ, Васнецовъ продолжалъ создавать жанровыя картины, и въ 1876 году, въ бытность свою во Франціи и живя у крестьянина въ Медонѣ, онъ написалъ картину „Представленіе уличныхъ акробатовъ“. Картина эта была куплена Императоромъ Александромъ III (тогда еще Великимъ Княземъ) и теперь находится въ Русскомъ Музеѣ. Русская критика встрѣтила „Акробатовъ“ похвалами. Картина была привѣтствована, какъ огромный шагъ Васнецова впередъ въ техническомъ отношеніи.

На родинѣ, послѣ Парижа, особенно ярко потянули Васнецова не только бѣдность и уродство, нищенскія и смѣшныя сцены, но и богатыри, и святые идеалы, и величавыя легенды. Еще раньше на Васнецова большое впечатлѣніе производили литературныя чтенія, которыя устраивались на товарищескихъ собраніяхъ. Одинъ чтецъ, студентъ Савенковъ, заразилъ Васнецова на этихъ собраніяхъ своею любовью къ былинамъ. Васнецовъ часто перечитывалъ ихъ потомъ. А какъ Васнецовъ могъ увлекаться чтеніемъ, я самъ былъ очевидцемъ. Какъ-то я принесъ къ нему на лѣса, когда онъ работалъ во Владимірскомъ соборѣ, „Очарованнаго странника“ Лѣскова. Васнецовъ сталъ читать и уже не могъ оторваться. Полтора дня ничего не дѣлалъ и все читалъ на лѣсахъ „Очарованнаго странника“.

Большое впечатлѣніе произвела появившаяся на Передвижной выставкѣ картина „Побоище“. Лежатъ русскіе витязи, спокойные, величавые, повитые мертвымъ сномъ; полегли за землю русскую храбрые руссичи; ночь освѣщаетъ ихъ блѣдныя лица; поднимаются изъ земли полевые цвѣты; а надъ побоищемъ паритъ въ тихомъ воздухѣ теплой лѣтней ночи крылатый хищникъ.

Сильнымъ историческимъ національнымъ настроеніемъ проникнуты и картина „Витязь на распутьѣ“ (воспроизводится въ настоящемъ нумерѣ въ краскахъ), и „Коверъ самолетъ“, и религіозныя картины въ Абрамцевской церкви, и декораціи, и костюмы къ „Снѣгурочкѣ“, о которой А. Бенуа отозвался, что „она дышитъ непосредственной простотой и свѣжестью народнаго эпоса и прекрасна по своей народной русской фантастикѣ“.

Любитъ жанръ Васнецовъ, но отстаетъ отъ него, покидаетъ его. Его увлекаетъ тотъ родъ живописи, который французы называютъ большой живописью (La grande peinture). Ему не только хочется подмѣчать мелкія движенія души русскаго человѣка, онъ чувствуетъ себя въ силахъ передать въ своихъ картинахъ душу русскаго народа, а не только русскаго человѣка. Его акварель „Царь Берендей“ до такой степени новое, оригинальное, самобытное и вмѣстѣ русское произведеніе, что знаменитый въ свое время Стасовъ писалъ: „я не могъ долго отвести отъ этой картинки глазъ. Это—изумительная по творчеству и мастерски исполненная акварель“.

Въ 1881 году написана была Васнецовымъ „Аленушка“, тоже относящаяся уже къ „большой живописи“. Аленушка—героиня сказки „Братецъ Иванушка и сестрица Аленушка“.

Спустя три года, русское искусство обогатилось новымъ произведеніемъ Васнецова. То были фрески въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ, изображающія каменный вѣкъ. Художникъ обнаружилъ тутъ большую силу воображенія и знакомство съ русскими древностями и проникновеніе въ духовный міръ первобытнаго человѣка, современника мамонта и пещернаго медвѣдя. Охота на мамонта, который попался въ западню и яростно защищается отъ толпы озвѣрѣлыхъ людей, производитъ потрясающее впечатлѣніе.

Большая живопись особенно выдвинула Васнецова; сталъ онъ самъ большимъ художникомъ. Послѣ новыхъ картинъ его „Пименъ“ и „Три дѣвицы подъ окномъ пряли поздно вечеркомъ“, въ особенности послѣдняя проникнута чарующимъ свѣтомъ чисто русской, сказочной, нѣжной и вмѣстѣ величавой красоты, Васнецовъ пріѣзжаетъ въ Кіевъ, гдѣ развернулся во всемъ блескѣ его огромный живописный талантъ.

Даже бѣглое перечисленіе религіозныхъ картинъ В. М. Васнецова, украшающихъ Владимірскій соборъ въ Кіевѣ, заняло бы вдвое больше мѣста, находящагося въ нашемъ распоряженіи. Намъ придется ограничиться только общей характеристикой религіознаго творчества Васнецова.

Библиотека "Руниверс"

В. Васнецовъ. Изъ Оссіана. Пѣснь о Сальгарѣ.

Библиотека "Руниверс"

В. Васнецовъ. Баянъ. Русскій Музей Императора Александра III.

Библиотека "Руниверс"

Разумѣется, мало сказать, что иконопись В. М. Васнецова носитъ глубоко національный характеръ. Она всѣмъ своимъ существомъ, своими глубочайшими настроеніями, исторической преемственностью примыкаетъ къ древне-русской народной, кіево-печерской легендѣ. Строгіе, съ византійскими чертами, лики святыхъ, написанные вдохновенной кистью Васнецова, прониклись какими-то едва уловимыми и однакоже уже неизгладимо русскими этническими особенностями. Греко-византійское стало славяно-русскимъ, ни въ чемъ не измѣнивъ въ то же время своей духовной природѣ. Все наносное, западное, что привито было русскому иконописному искусству до Владимірскаго собора, потускнѣло и исчезло подъ обновляющимъ дыханіемъ генія Васнецова. Его трудъ тѣмъ болѣе поразителенъ, что въ наше время не легкая задача вызвать къ жизни то древнее религіозное чувство благоговѣнія, смѣшаннаго съ ужасомъ, со „страхомъ Божіимъ“, которое внушали нашимъ предкамъ картины Страшнаго Суда, грѣхопаденія, страстей Господнихъ вплоть до Распятія, Бога-Отца, возсѣдающаго на херувимахъ...

Какъ въ только-что названныхъ религіозныхъ картинахъ, такъ и въ другихъ, неизсякающимъ источникомъ бьетъ чисто-русская національная стихія, поскольку она стремится выразить себя въ религіозныхъ подъемахъ и взлетахъ. Тайна обаянія васнецовской живописи заключается не только, впрочемъ, въ этой подлинности русской стихіи, но и въ необычайной искренности и наивности, съ какою художникъ, созерцая русскую старину, претворяетъ ее въ своей душѣ; и подобно тому, какъ обветшалый металлъ древнихъ злато-кузнецовъ расплавляется въ огнѣ горна и снова становится чистымъ, яркимъ и безукоризненнымъ, до-никоновская иконопись чудесно обновилась на палитрѣ Васнецова. Его археологическая эрудиція такъ велика, какъ велико его творчество.

Исключительное мѣсто среди религіозныхъ картинъ Владимірскаго собора занимаетъ его „Богоматерь“ (воспроизводится въ настоящемъ нумерѣ въ краскахъ) съ Младенцемъ на рукахъ, небесно-величавая. Она идетъ по облакамъ среди ангеловъ, величающихъ ее. Это—воплощеніе святости, цѣломудрія и дѣвственности, которое обѣщаетъ помощь и утѣшеніе всѣмъ, прибѣгающимъ къ ней. И не на однихъ вѣрующихъ дѣйствуетъ такъ этотъ несравненный образъ русской Мадонны. Особыя высокія чувства пробуждаетъ онъ и у людей научно-образованныхъ и относящихся къ религіи съ большимъ или меньшимъ скептицизмомъ...

Владимірскій соборъ былъ расписанъ. И еще въ Кіевѣ В. М. Васнецовъ написалъ картину „Иванъ-царевичъ“ съ прекрасной Еленой на сѣромъ волкѣ. „Царь Иванъ Васильевичъ Грозный“—страшный, величественный, увѣренный въ своей непогрѣшимости тиранъ, предъ которымъ все дрожитъ и преклоняется, и „Великая застава богатырская“, изображающая типы героевъ древней Руси, уступившихъ свое богатырство и мощь московскому царю,—вотъ новые шедевры, подаренные Васнецовымъ русскому искусству въ промежутокъ между росписью Владимірскаго собора и его новыми иконописными работами.

Силы художника въ этотъ періодъ творческой дѣятельности его все развивались. Въ особенности выявило себя ярко, во всей непринужденности мистическаго размаха, большое дарованіе Васнецова въ церкви м. Гусь (Владимірской губ. при Мальцовской мануфактурѣ). Тутъ онъ повторилъ, сильно разработавъ, „Страшный Судъ“, написалъ „Распятіе Іисуса Христа“ съ разбойниками, необычайной драматичности „Сошествіе во адъ“ и наконецъ икону „О тебѣ радуется“—великолѣпной древне-русской композиціи. Гусинская церковь могла бы быть мѣстомъ паломничества для знатоковъ и цѣнителей нашего художника.

Послѣ долгаго перерыва В. М. выставилъ въ Москвѣ большую картину „Баянъ“. На Олеговомъ курганѣ князь съ княжичемъ и дружиною слушаетъ баяна, который поетъ о подвигахъ давнихъ временъ. Что ни голова на этой картинѣ, то типъ. Витязи внимательны, задумчивы, но еще внимательнѣе слушаетъ княжичъ—„отроча“. Раньше еще написана была Васнецовымъ картина на Лермонтовское „Желаніе“: „Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной“, принадлежащая къ тому же циклу легендарно-богатырскихъ картинъ художника. Кромѣ „Баяна“, В. М. Васнецовымъ были выставлены еще двѣ новыя картины: „Бой Ивана-Царевича съ трехглавымъ змѣемъ“ и „Пѣснь о Сальгари изъ Оссіана“. Двѣ послѣднія картины петербургская публика могла видѣть на выставкѣ Союза. Братъ Колмы и Сальгарь, ея возлюбленный, убиваютъ другъ друга въ поединкѣ. И дѣвушка поетъ надъ трупами погибшихъ милыхъ и упрекаетъ ихъ, зачѣмъ они убили другъ друга.

Нечего и говорить, что В. М. Васнецовымъ оказано сильное вліяніе на русскую иконопись, и въ его стилѣ расписаны уже многія церкви. Вѣроятно, онъ способствовалъ также и возрожденію интереса къ русской старинѣ. Но непосредственнымъ обученіемъ и приготовленіемъ художниковъ къ иконописной дѣятельности В. М. не занимался. Правда, Академія Художествъ предложила ему руководство иконописной мастерской въ Петербургѣ. Но Васнецовъ поставилъ условіе, чтобы мастерская была основана въ Москвѣ, какъ въ древне-русскомъ городѣ и древней столицѣ, полной древне-русскихъ памятниковъ. Академія не приняла условія Васнецова. Затѣмъ возникло еще одно недоразумѣніе съ выставкою картинъ художника — и Васнецовъ попросилъ его исключить изъ числа членовъ Академіи.

Три слова истины.

Поэма **Елены Ѳедотовой**.

I.

Это было давно.

Это было въ то время, когда строился городъ Арль, и даже ранѣе того.

Въ одномъ изъ такихъ вновь основанныхъ городовъ жилъ молодой ученый Фридрихъ Гарсіа.

Надъ дверью его дома красовался родовой гербъ: левъ, борющійся съ крылатымъ змѣемъ. И каждый проходящій съ уваженіемъ смотрѣлъ на этотъ гербъ, ибо Фридрихъ Гарсіа былъ мудръ, какъ змѣй, и храбръ, какъ царь пустыни.

Фридрихъ былъ послѣднимъ въ роду. И не было у него ни родныхъ ни друзей; но каждый день кто-нибудь изъ горожанъ стучалъ деревяннымъ молоткомъ въ его незапертую дверь и просилъ разумнаго совѣта.

Приходили къ нему философы и каменщики, купцы и архитекторы, и всѣхъ ихъ не отпускалъ Фридрихъ безъ отвѣта.

Далеко за предѣлы города разносилась слава о мудромъ Фридрихѣ Гарсіа, до самыхъ каменоломенъ, до болотъ, гдѣ хижины бѣдняковъ обсажены можжевельникомъ и верескомъ.

Разносили слухъ о немъ всадники, закутанные въ дорожные плащи, и богатые горожане, путешествующіе въ громадныхъ почтовыхъ каретахъ, небрежно бросавшіе червонцы въ гостиницахъ и харчевняхъ.

Изъ года въ годъ росло населеніе города.

Люди родились, женились и умирали.

Стройныя, молодыя дѣвушки танцовали подъ тѣнью каштановъ и, приходя домой, находили на подоконникѣ розу, брошенную влюбленнымъ юношей. А когда наступала ночь, и надъ рѣкою

В. Васнецовъ. „Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной“...
(„Желаніе, “стих. Лермонтова).

Библиотека "Руниверс"

поднимали мостъ, по темнымъ, узкимъ улицамъ робко скользили чьи-то тѣни, и изъ открытыхъ оконъ слышался тихій, заглушенный поцѣлуемъ, смѣхъ свѣтловолосыхъ Гретхенъ,—тѣхъ самыхъ Гретхенъ, что, разодѣтыя въ атласъ, сверкающія золотыми крестиками на жемчужныхъ нитяхъ, шли по праздникамъ съ матерями въ церковь, скромно опустивъ глаза на молитвенникъ.

Но миновала юность Арля, миновала юность прочихъ новосозданныхъ городовъ.

Нравы стали портиться.

Уже не скакали по дорогамъ безстрашные всадники, не запасшись оружіемъ. Кареты мчались по ухабистымъ дорогамъ въ сопровожденіи конной охраны изъ слугъ. Въ харчевняхъ и гостиницахъ стало небезопасно останавливаться на ночлегъ.

Свѣтловолосыя Гретхенъ не гуляли больше по вечерамъ съ жемчужными нитями на бѣлыхъ шейкахъ, хотя ювелиры уже и научились поддѣлывать простыя стекла подъ драгоцѣнные камни.

Разбои на дорогахъ стали такъ часты, что торговое населеніе города выѣзжало за товаромъ не иначе, какъ съ попутчиками и многочисленными вооруженными слугами.

горожанъ подходила къ дому ученаго и привѣтствовала его восторженными кликами.

А молодой ученый, погруженный въ пыльные фоліанты книгъ, чуждый отдыху и веселью, улыбался и опускалъ голову на длинные исписанные свитки.

Но прошла молодость Арля. Прошла молодость новосозданныхъ городовъ.

Горожане, сперва нѣсколько стѣсненные новымъ укладомъ жизни, приспособились къ нему, но нравы стали, увы, еще хуже.

Не только драгоцѣнные камни, но и атласъ и тонкія кружева стали поддѣлывать ловкіе торгаши. Дѣвушки уже давно не танцовали подъ тѣнью деревьевъ, но злая клевета и сплетня, словно паутина, опутали весь городъ.

Стоило женѣ бургомистра разбить о голову супруга тарелку съ супомъ, какъ къ вечеру объ этомъ зналъ уже весь городъ.

Вмѣсто грубой силы проникла за крѣпкіе желѣзные засовы дверей тайная отрава, и уколъ драгоцѣннаго перстня былъ вѣрнѣе удара шпаги. По большимъ дорогамъ рыскали разбойники и грабители, держа въ осадѣ весь городъ. Ихъ уже не пугали тюрьмы и висѣлицы. Разбойники стали теперь хитрѣе, изобрѣ-

В. Васнецовъ. Бой Ивана-Царевича съ Трехглавымъ Морскимъ Змѣемъ.

Двери домовъ стали запираться на желѣзные засовы, и прежде чѣмъ впустить вечеромъ гостя, хозяинъ внимательно всматривался въ его лицо черезъ дверное окошко.

И много темныхъ дѣлъ стало твориться по окраинамъ города, въ узкихъ улицахъ и по пустыннымъ берегамъ рѣки.

Наконецъ пришелъ день, когда горожане сошлись у дверей дома Фридриха Гарсіа и стали просить совѣта и защиты.

Фридрихъ выслушалъ жалобы горожанъ и молча ушелъ къ себѣ въ домъ.

Цѣлый мѣсяцъ просидѣлъ онъ въ комнатѣ, и когда вышелъ, то созвалъ горожанъ, архитекторовъ, судей и рабочихъ, и, какъ улей, зашумѣлъ городокъ.

Одинъ за другимъ исчезали скромные домики горожанъ съ красными фонарями у входовъ. Узкія, кривыя улочки выпрямились и расширились. Высокіе каменные дома со стрѣльчатыми окнами, надежными башнями поднялись по бокамъ новыхъ улицъ.

Обширныя площади съ фонтанами и статуями святыхъ украсили городъ. Въ сводчатыхъ залахъ собирались судьи, строго карая по новымъ законамъ Гарсіа воровъ и разбойниковъ. Запирали ихъ въ только что выстроенные темные, крѣпкіе казематы, у дверей которыхъ теперь посмѣнно сторожила надежная стража.

Прочные мосты соединили оба берега рѣки, и у концовъ ихъ зажигались фонари, съ заправленными масломъ свѣтильниками.

Права горожанъ расширились.

Не только почтенные старцы, но и безусые юноши имѣли теперь право голоса въ общественныхъ дѣлахъ. Дѣвушки уже не танцовали подъ тѣнью каштановъ и чинно вышивали тонкіе кружевные воротники и нарукавники, посматривая черезъ цвѣтныя стекла на пустынныя, широкія улицы.

По большимъ праздникамъ къ ярко-освѣщенному дому, смежному съ тѣмъ, гдѣ днемъ засѣдали судьи, сходились горожане.

И почти до разсвѣта оттуда неслись звуки музыки и веселый, безпечный смѣхъ. Послѣ каждаго такого собранія толпа веселыхъ

тательнѣе и даже наглѣе, ибо ставили на карту свободу и жизнь. Наемные люди въ черныхъ плащахъ и широкополыхъ, закрывающихъ лица, шляпахъ увозили среди бѣла дня дѣвушекъ знатныхъ родителей наравнѣ съ простыми горожанками.

Чернь обвиняла знатныхъ горожанъ въ подкупахъ и хищеніяхъ, такъ какъ все это было дѣломъ звонкихъ червонцевъ, знатные же горожане презирали заплатанные плащи и помятыя шляпы, видя въ каждомъ наемнаго убійцу или вора.

Вражда положила непримиримую борьбу сословій и охватила цѣлые города.

Казалось, давно, давно, когда люди положили первый камень первой городской стѣны и ударили по немъ тяжелымъ молотомъ, брызнула огненная искра. И съ тѣхъ поръ, никѣмъ невидимая, она поползла вверхъ по камнямъ, на стѣны и крыши домовъ, вползла въ монастыри и вертепы, бѣжала по улицамъ, проникала въ умы и сердца людей, отравляла росу, подымающуюся съ луговъ и долинъ, отравляла самый воздухъ и, невидимая, разжигала страшное, гибельное пламя, и имя ему было: вражда.

И опять бросились горожане къ дому Фридриха Гарсіа.

На площади, противъ статуи Елисаветы возвышался домъ его.

Прошла уже большая половина жизни ученаго, но все же былъ онъ еще достаточно силенъ. Взоръ его блисталъ юношеской вѣрой, и только чуть-чуть посѣдѣла пышная грива волосъ.

Безмолвно стоялъ онъ передъ взывающей толпой, и ни единое слово не слетѣло съ устъ его.

Наконецъ онъ поднялъ руку и заговорилъ тихо:

— Граждане. Второй разъ вы приходите ко мнѣ, второй разъ просите помощи и совѣта! Но я уже отвѣтилъ вамъ, я далъ вамъ новые законы. И что же?

„Законы порядка, законы справедливой кары породили большее зло, нежели было. Я удвоилъ ваше благосостояніе, но городъ сталъ бѣднѣе, нежели былъ.

„Городъ сталъ чище и наряднѣе. Музеи ваши наполнились прекрасными произведеніями искусства, философы развили до не-

Библиотека "Руниверс"

бывалыхъ предѣловъ идею о прекрасномъ, идею о долгѣ и назначенiи человѣка, монахи въ своихъ проповѣдяхъ напоминали фанатиковъ древнихъ вѣковъ.

„Крѣпкiя тюрьмы и висѣлицы, казалось, изъяли отбросы общества и обезпечили безопасность населенiя. Увы... прекрасное не помѣшало уживаться отвратительнымъ, уродливымъ явленiямъ жизни. Проповѣди добра не искоренили зла, и я, Фридрихъ Гарсiа, я признаю себя безсильнымъ!

„Но слушайте, граждане! Я не оставлю васъ безъ отвѣта. Я пойду въ другiя страны, къ другимъ людямъ и найду одну великую, всеобъемлющую идею правды и принесу ее вамъ. Когда пройдетъ двѣнадцать лѣтъ со дня моего ухода — ждите меня обратно. Въ первый день Новаго года я возвращусь къ вамъ.

„Я возьму съ собой великое множество свитковъ и испещрю ихъ лучами великой правды.

„Черезъ двѣнадцать лѣтъ я принесу вамъ нужное великое слово.

„Я не знаю его. Не знаю, воздвигну ли тогда тюрьмы, похожiя на Вавилонскiя башни, или онѣ будутъ легче гнѣзда синицы, мечъ ли охранитъ гордость сословiй, или заржавѣетъ клинокъ его, когда рука объ руку пойдутъ въ церковь знатный юноша и дѣвушка-простолюдинка... Я не знаю. Но черезъ двѣнадцать лѣтъ приду и открою. Только черезъ двѣнадцать, ибо долгъ путь мой и обширны земли мiра... Прощайте!

Молча разступилась толпа передъ Фридрихомъ Гарсiа, и онъ ушелъ.

II.

Медленно стала развертываться передъ глазами ученаго панорама земли.

Бурно стремились водопады, лежали безмолвныя долины, горы преграждали путь. Словно причудливые гобелены, лѣпились на нихъ города и селенiя.

Безстрашно шелъ впередъ Фридрихъ Гарсiа. У него нечего было взять корыстнымъ людямъ. Какъ-то въ началѣ пути ночью напали на него люди въ черныхъ широкополыхъ шляпахъ, но, найдя въ тяжелой ношѣ ученаго только безчисленное множество чистыхъ свитковъ, повернули коней и скрылись въ лѣсной чащѣ. Въ другой разъ трое незнакомцевъ преградили путь ему острыми шпагами и вызывающе бросили:

— Кто ты?

— Я—Фридрихъ Гарсiа. Я иду искать свѣтъ жизни, миръ и благополучiе народовъ, — отвѣтилъ ученый.

Трое незнакомцевъ бросили къ его ногамъ кошелекъ съ мелкой серебряной монетой и молча разступились.

Такъ шелъ Фридрихъ Гарсiа. И гдѣ бы ни появлялся онъ, никто не отказывалъ ему въ прiютѣ, кускѣ мяса дикой козы или вѣткѣ винограда.

Ходилъ Фридрихъ Гарсiа по площадямъ большихъ городовъ, слушалъ знаменитыхъ проповѣдниковъ, посѣщалъ алхимиковъ, внималъ рѣчамъ воиновъ, и столь многообразны были новыя слова и мысли, что скоро не хватило свитковъ ученому. Въ каждомъ городѣ онъ пополнялъ свое сокровище новыми и новыми перлами человѣческаго разума, съ трудомъ подвигаясь впередъ подъ тяжелой ношей.

Однажды какой-то добродѣтельный купецъ встрѣтилъ ученаго въ предмѣстьѣ города и подарилъ ему одноглазаго мула.

Фридрихъ взвалилъ на него свою тяжелую ношу и бодро зашагалъ впередъ.

— Привѣтствую тебя, земля благочестiя, земля вѣрныхъ служителей истиннаго Бога,—сказалъ однажды ученый, спустившись съ послѣдняго уступа послѣдней горы, и поцѣловалъ землю, ибо въ землѣ той во имя Единаго тысячами сжигали еретиковъ, переносили на землю загробныя муки ада. „Желѣзныя бабы" пронизывали насквозь тѣла, кипящая смола чернымъ саваномъ покрывала живыхъ людей, на пышныя ауто-да-фе собиралась вся благочестивая знать во главѣ съ великимъ инквизиторомъ, котораго боялся даже самъ король, и тронъ котораго былъ на одну ступень выше королевскаго.

На церемонiю сожженiя двѣнадцати еретиковъ удостоился быть приглашеннымъ и Фридрихъ Гарсiа.

Но едва закорчился въ раскаленной печи первый осужденный, какъ неизвѣданныя дотолѣ чувства, похожiя на ревъ океана, на вопль смертельно раненаго звѣря, родились въ душѣ ученаго.

Когда поздней ночью, блѣдный и дрожащiй, онъ вышелъ, спотыкаясь, за предѣлы благочестиваго города, почти вдвое меньше свитковъ покоилось на спинѣ его одноглазаго мула. Избѣгая большихъ городовъ, пугливо озираясь, шелъ незнакомыми тропами ученый, пока не достигъ страны пирамидъ и лотосовъ. Въ глубокомъ молчанiи онъ созерцалъ каменныхъ сфинксовъ, очами которыхъ глядѣли безстрастныя тысячелѣтiя, проходилъ по могиламъ Ниневiи и Вавилона, проходилъ пустынями раскаленныхъ песковъ, пожравшихъ вѣковую культуру великихъ народовъ, и словно бѣлыя птицы падали одинъ за другимъ исписанные свитки и уносили съ дыханiемъ самума многоокую мудрость людей. Теперь прислушивался ученый къ щебетанью птицъ, къ звонкимъ крикамъ и смѣху дѣтей и нерѣдко проводилъ цѣлыя ночи въ безхитростной бесѣдѣ съ какимъ-нибудь пастухомъ-феллахомъ. Наконецъ онъ вступилъ въ землю пророковъ.

Развернулась передъ очами великая пустыня Синъ. Пришли въ ветхость сандалiи изъ верблюжьей кожи на ногахъ ученаго, когда достигъ онъ Синая. Но что значитъ усталость и раны, когда, уходя острыми иглами въ безпредѣльное небо, высится передъ очами Джебель Муса (Гора Моисея)! Словно крылья вознесли Гарсiа на вершину Рафъ Сафсата,—вершину священнаго десятисловiя Моисея. Мудрое молчанiе хранила высота. Трепетно билось сердце ученаго, созерцая далекiя земли, ничтожныя селенiя гордыхъ, ослѣпленныхъ людей.

Когда сошелъ онъ въ долину земли, легкой сѣдиной посеребрились его волосы, согнулся станъ, а рука сжимала послѣднiе два-три свитка.

Уходили одинъ за другимъ дни и недѣли.

И вотъ онъ у вратъ страны величайшей жертвы, величайшей любви и всепрощенiя.

Омывъ израненныя ноги въ струѣ холодной воды, трепетно идетъ Фридрихъ Гарсiа по узкимъ улицамъ Назарета, идетъ къ стѣнамъ библейскаго Iерусалима, идетъ къ Голгоѳѣ.

Три седьмицы разъ восходило надъ Iудеей солнце, три седьмицы разъ вспыхивали въ тверди небесной звѣзды, и всѣ три седьмицы видали ученаго то на пути въ Эммаусъ, то на Голгоѳу, то подъ тѣнистыми вѣтвями Геѳсиманскаго сада; а на четвертую седьмицу солнце Палестины озарило путь ученаго, уходящаго изъ Святой Земли, озарило его совсѣмъ посѣдѣвшую голову, сгорбленный станъ и единственный свитокъ, который онъ бережно несъ въ пожелтѣвшей рукѣ.

III.

Прошло двѣнадцать лѣтъ.

Печально глядитъ пустыми окнами домъ Фридриха Гарсiа.

Давно расхитили его богатую утварь, сорвали тяжелыя драпировки и драгоцѣнные гобелены, исковеркали дубовыя плиты пола, сбили со стѣнъ гербы. Пощадили только столъ и кресло, въ которомъ когда-то сидѣлъ ученый.

Весело встрѣчали горожане часъ Новаго года.

Звенѣли бокалы вина, слышались пѣсни, на улицахъ зажгли бумажные фонари, пускали фейерверки.

Казалось, прежнiе дни вернулись къ городу. Такъ ясны были взоры юношей и дѣвушекъ, такъ заботливы и благодарны были взгляды отцовъ и матерей. Увы, внѣшности уже никто не вѣрилъ.

Мать не довѣряла дочери, сынъ, глядя на улыбающееся лицо отца, тайно сжималъ кинжалъ, боясь предательства.

Всѣ были пестро и богато одѣты.

Но такъ какъ поддѣлка парчи и драгоцѣнныхъ камней достигла совершенства, а дѣвушки улицы научились потуплять глаза не хуже знатныхъ горожанокъ, то трудно было различить классы общества.

Ни лѣта ни санъ, повидимому, уже не играли никакой роли: все покупалось и продавалось.

Монаха, не во-время появившагося съ проповѣдью, забросали гнилыми яблоками, а вдовый бургомистръ что-то сладко лепеталъ беззубымъ ртомъ юной бѣлокурой дѣвушкѣ.

Веселящаяся толпа знала, что сегодняшняя ночь насчитываетъ много жертвъ, погибшихъ отъ кинжала убiйцы или укола перстня дружеской руки, что наутро многiя матери будутъ оплакивать похищенныхъ дочерей, но сегодня—послѣднiй день ужаса и злобы: сегодня долженъ возвратиться Фридрихъ Гарсiа.

Уже сталъ клониться къ вечеру первый день Новаго года, но тщетно глядѣла толпа на городскiя ворота... Нѣтъ ученаго Гарсiа.

— Онъ обманулъ!—бросило чье-то недовѣрiе злое слово.

— Обманулъ! — подхватила толпа. Въ воздухѣ сверкнули кинжалы.

— О, мы отомстимъ! Мы сумѣемъ...

— Но какъ найти его?

— А можетъ-быть, онъ уже возвратился?

— Идемте къ дому.

Бросилась на площадь толпа.

Ворвались люди въ незапертыя двери, и болѣе нетерпѣливые полѣзли по колоннамъ прямо на балконъ.

И вдругъ крикнулъ кто-то съ балкона:

— Онъ здѣсь!

Замерла толпа. А тотъ, кто крикнулъ, подошелъ къ ученому и положилъ на плечо его руку.

Весь сѣдой, высохшiй, какъ скелетъ, сидѣлъ у стола ученый. Плащъ его былъ покрытъ дорожной пылью, къ сапогамъ пристали солома и комки глины.

— Отвѣчай, Гарсiа! — молвилъ пришедшiй и невольно отшатнулся: черезъ плащъ коснулся руки холодъ коченѣющаго трупа.

— Онъ умеръ! — крикнулъ вошедшiй. И вдругъ рванулся къ столу. Желтая, какъ восковая, рука лежала на развернутомъ свиткѣ.

Вошедшiй выдернулъ бумагу и бросился на балконъ, къ свѣту.

Тамъ ждала безмолвная толпа.

— Слушайте, слушайте!—взмахнулъ онъ свиткомъ:—Гарсiа не обманулъ! Вотъ оно, благо нашего города, благо всѣхъ городовъ мiра! — и, высоко приподнявъ свитокъ прочиталъ единственныя три слова:

„Любите другъ друга".

Библиотека "Руниверс"

В. Васнецовъ. Витязь на распутьѣ. Русскій музей Императора Александра III.

Библиотека "Руниверс"

Воскресшіе богатыри.

Стихотвореніе **Аполлона Коринфскаго.**

Я видѣлъ сонъ...
Подъ гулъ громовъ
Распались древніе курганы,
И встали—жизнью осіяны—
Богатыри былыхъ вѣковъ.
Сыны сѣдой Руси былинъ,
Могилъ овѣянные снами,
Поднялись тяжкими стопами
На вольный свѣтъ родныхъ долинъ.
Грозой имъ очи ослѣпило
На мигъ одинъ, но въ тотъ же мигъ
Въ глубь ихъ сердецъ огонь проникъ,
И въ нихъ зажглась живая сила.
Старикъ Илья, Алёша-младъ,
Потокъ Михайло, свѣтъ-Добрыня,
Съ тысячелѣтней выйдя скрыни,
На Русь родимую глядятъ.
Имъ не итти по раздорожью,
Предъ ними—древнихъ былей степь,
Въ нихъ та же удаль, та же крѣпь,
Въ нихъ цѣло все во славу Божью...
Стоятъ конь-о̀-конь кони ихъ,
Бокъ-о̀-бокъ съ ними, бьютъ копытомъ
Да удила грызутъ сердито,—
Ждутъ новыхъ схватокъ боевыхъ.
На коней сѣли побратимы,
Колчаны стрѣлами полны,
Мечи по ножнамъ вложены,
И копья ихъ непреломимы.
Изъ-подъ нахмуренныхъ бровей
Матёръ-казакъ снопъ молній мечетъ,
Княжой охоты старый кречетъ
Грозо̀выхъ черныхъ тучъ темнѣй.
— Неладно чтой-то, мнѣ сдается,—
Ведетъ онъ самъ съ собою рѣчь:—
Не видно во̀рога, а мечъ
Изъ ноженъ прочь вотъ такъ и рвется!..
— Откуда громъ—тамъ и враги!—
Къ Ильѣ Поповичъ держитъ слово.
— Съ закату онъ,—Потокъ сурово
Молвь молвитъ:—Богъ обереги!..
Добрыня—слѣдомъ:—Что̀ жъ, съ закату,
Съ восхода ль врагъ—не все ль равно...
Поднялись мы—такъ суждено
Острастку дать намъ супостату!..
— Гей!—кликнулъ Муромецъ сѣдой:—
Кто въ полѣ живъ изъ братьи нашей?!.
За нами—пить кровавой чаши
Въ честно̀мъ бою за край родной!..
И, слившись въ откликъ перекатный,
Отозвалась на кличъ Ильи
Вся ширь, вся даль, вся глубь земли:
— Всѣ за тобой на подвигъ ратный!..
Глядитъ старикъ: полнымъ-полна
Вся воля-степь богатырями,—
Пройдутъ однѣ, звеня мечами,
Вослѣдъ—еще дружинъ волна;
Отъ ржанья конскаго и гула
Не слышно рокота громовъ,—
Ведетъ на западныхъ враговъ
Самъ Селяниновичъ Микула
Всѣхъ, сохи бросившихъ, сыновъ.

Сонъ—въ руку: лютый врагъ съ заката
Родные рушитъ алтари;
Русь бьётся съ нимъ... Богатыри,
Богъ по̀мочь! Наше мѣсто—свято!..

Вѣстникъ войны.

Очеркъ **Н. С. Павловскаго.** (Рис. на стр. 824).

Гонецъ міроваго пространства — таинственная комета, тщательно скрывавшая въ теченіе болѣе шести мѣсяцевъ вѣсть о грозящей Европѣ войнѣ, появилась на нашемъ сѣверномъ небѣ.

Комета эта была открыта еще осенью минувшаго года американскимъ астрономомъ Делаваномъ. Тогда комета была слабой телескопической и наблюдалась главнымъ образомъ фотографическимъ способомъ, такъ какъ для самыхъ большихъ телескоповъ міра комета была едва уловимымъ туманнымъ пятнышкомъ.

Вычисленія пути кометы и ея яркости по законамъ оптики не обѣщали ничего интереснаго, комета все время должна была оставаться слабымъ телескопическимъ свѣтиломъ, и въ настоящее время ея яркость вмѣсто 3-й величины должна была быть всего лишь приблизительно 6-й величины, т.-е. въ два раза меньше.

Если сравнить отдѣльные моменты развитія кометы съ моментами развитія настоящей Европейской войны, то приходится отмѣтить любопытное совпаденіе. Увеличеніе яркости кометы произошло въ первой половинѣ іюля такъ же нежданно-негаданно для астрономовъ, какъ и положеніе настоящей войны для дипломатовъ тройственнаго согласія (не союза). И блестящій хвостъ кометы, которымъ мы теперь можемъ любоваться на небѣ въ темную, безлунную ночь простымъ глазомъ, появился подъ грохотъ первыхъ выстрѣловъ войны.

Любопытно то, что настоящая комета въ концѣ іюля и въ началѣ августа находилась въ созвѣздіи Рыси, приблизительно въ томъ же мѣстѣ, гдѣ около этого времени года находилась комета, наблюдавшаяся на небѣ нашими предками во время Отечественной войны въ 1812 году. Кромѣ того, можно указать, что названная комета 1812 года наблюдалась на небѣ также въ началѣ осени до конца сентября, т.-е. въ тѣ же самые мѣсяцы, что̀ и настоящая комета, которая въ началѣ октября скроется отъ насъ въ лучахъ солнца. Поэтому у многихъ лицъ изъ публики

Библиотека "Руниверс"

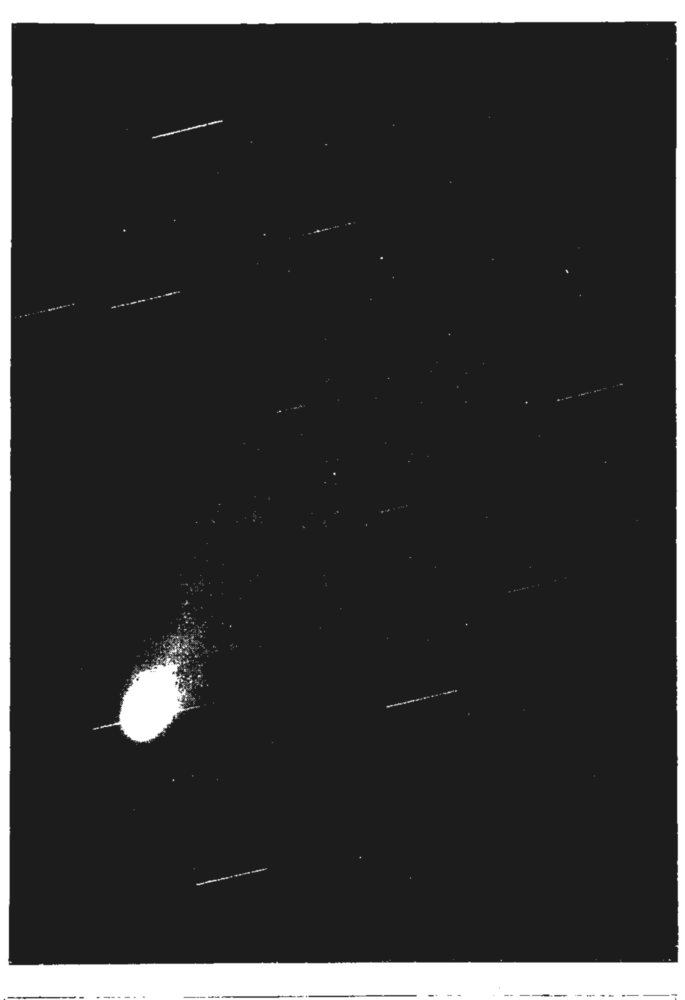
возникъ вопросъ, не является ли наблюдаемая нами комета вторично возвратившейся къ намъ кометой 1812 года. Астрономическія вычисленія показали однако съ несомнѣнной точностью, что обѣ названныя кометы ничего общаго не имѣютъ между собой, и лишь по случайному совпаденію ихъ видимые пути по небу сблизились въ созвѣздіи Рыси.

Въ настоящее время комета находится въ созвѣздіи Большой Медвѣдицы подъ знаменитой фигурой ковша. Въ Пулковской обсерваторіи комета все время наблюдалась какъ визуально при помощи 15-дюймоваго рефрактора, такъ и фотографическимъ способомъ С. К. Костинскимъ при помощи большого нормальнаго астрографа. Комета имѣетъ яркое, рѣзко очерченное, ядро и хвостъ съ яркими струями истеченія туманнаго вещества изъ головы кометы.

Комета движется съ запада на востокъ и пройдетъ черезъ созвѣздія Гончихъ Собакъ, Волопаса (нѣсколько выше яркой звѣзды Арктура) въ созвѣздіе Змѣи, направляясь въ южное полушаріе. Поэтому, скрывшись въ лучахъ солнца, комета послѣ прохожденія черезъ перигелій (ближайшая точка кометной орбиты къ солнцу) снова появится на нашемъ небѣ въ началѣ ноября въ созвѣздіи Волопаса, при чемъ въ это время комета и ея хвостъ достигнутъ наибольшей яркости и величины. Къ концу декабря комета скроется съ нашего сѣвернаго неба, перейдя въ южное полушаріе.

Въ заключеніе приведемъ нѣсколько характерныхъ данныхъ относительно наиболѣе яркихъ кометъ и войнъ, которыя произошли въ эпоху ихъ появленія, начиная съ XVI столѣтія.

Въ 1556 году, во время Астраханскаго похода, на небѣ находилась яркая комета, оказавшаяся впослѣдствіи періодической кометой, наблюдавшейся въ 1264 году. Во время Ливонской войны, продолжавшейся, какъ извѣстно, въ теченіе 24 лѣтъ (1558 — 1582), наблюдалось пять яркихъ кометъ, изъ которыхъ наиболѣе красивой была комета 1569 года, о чемъ свидѣтельствуетъ надпись на церковной стѣнѣ города Кронштадта въ Трансильваніи. Всѣ эти кометы наблюдались лишь невооруженнымъ глазомъ, такъ какъ первая подзорная труба была построена лишь въ 1610 году.



„Вѣстникъ войны“.
Комета Делавана, по фотографіи С. К. Костинскаго, полученной при помощи нормальнаго астрографа Пулковской обсерваторіи 7 сентября при экспозиціи въ 3 часа. На снимкѣ кометы видны свѣтлыя черточки,—это звѣзды, которыя приняли такую форму вслѣдствіе того, что комета въ теченіе трехъ часовъ передвинулась среди звѣздъ. За кометой продвинулась и труба съ фотографической пластинкой, почему неподвижныя звѣзды и вышли черточками.

Въ 1607 году во время смуты на Руси блестѣла на небѣ грозная комета Галлея, — это было четвертое ея появленіе. Во время Великой сѣверной войны (1700 — 1721) наблюдалась въ концѣ апрѣля и въ маѣ 1702 года большая комета съ красивымъ яркимъ хвостомъ. Во время Семилѣтней войны (1756—1763) при взятіи русскими войсками Берлина (1760) наблюдалось шестое появленіе кометы Галлея, которую въ этотъ разъ астрономы ждали съ нетерпѣніемъ. Особенно много шуму надѣлала комета 1769 года, появившаяся во время первой турецкой войны. Комета имѣла большой блестящій хвостъ, видъ котораго быстро измѣнялся, принимая самыя причудливыя формы, что порождало паническій страхъ среди населенія, принимавшаго кометный хвостъ то за огненный мечъ, то за копье и т. д. Во второй половинѣ 1807 года, во время войны Россіи и Пруссіи съ Наполеономъ, на небѣ находилась яркая комета, строеніе которой тщательно изучалъ Вильямъ Гершель при помощи своего могущественнаго телескопа. Отечественной войнѣ 1812 г. предшествовала яркая комета, открытая въ 1811 году и наблюдавшаяся до средины августа 1812 года. Это была одна изъ самыхъ любопытныхъ кометъ первой четверти минувшаго столѣтія. Ея хвостъ занималъ чуть ли не половину небосклона. Но собственно комета Отечественной войны была открыта 20 іюля 1812 года Понсомъ въ созвѣздіи Рыси. Точно такъ же наблюдалась комета во время Крымской войны въ 1853 году. Во время послѣдней русско-японской войны на нашемъ небѣ не было яркой кометы. Только въ началѣ 1904 года на небѣ находилась слабая періодическая комета Темпеля.

Нынѣшняя яркой силы комета Делавана знаменуетъ собою и наиболѣе яркую, міровую войну, которой суждено измѣнить положеніе свѣтилъ политическаго небосклона.

Коллекціи профессора Мортона.

Разсказъ **Бор. Мирскаго.**

I.

— Нѣтъ, Чарли, вы не правы! Вы заходите слишкомъ далеко въ своей осторожности. У васъ какая-то странная навязчивая боязнь шпіоновъ: они мерещатся вамъ всюду и вездѣ... Право, Мортонъ очень славный малый. Онъ чудакъ, но, знаете, похоронить полжизни на амебахъ и луковицахъ — это не то, что цѣлый день торчать около бильярда... Отъ борта... есть!.. Въ уголъ... попалъ!.. Итакъ, партія за мной... Ну, на сегодня хватитъ. Чарли, бросайте кій и идемте обѣдать.

Лейтенантъ Стрэдъ и Чарли Рэмби — „маленькій Чарли“, какъ звали его въ колледжѣ—вотъ ужъ почти три года, какъ застряли въ этомъ захолустномъ экзотическомъ городкѣ, состоящемъ изъ крѣпости, пушекъ, скалъ и мавританскихъ развалинъ. Первые мѣсяцы молодые офицеры упивались суровой жизнью гибралтарскихъ отшельниковъ. Потомъ это наскучило, а черезъ годъ оба только и мечтали—скорѣе бы вырваться назадъ въ Англію.

Началась война. Теперь о переводѣ въ Лондонъ нечего и думать. Режимъ Гибралтара сталъ еще суровѣе, еще напряженнѣе. Представьте себѣ такое тягостное состояніе, нервирующее даже опытныхъ служакъ,—война безъ войны! Гарнизонъ Гибралтара переживалъ все напряженіе міровой трагедіи, на немъ лежала громадная отвѣтственная задача сторожить этотъ скалистый ключъ Средиземнаго моря, и не угодно ли—почти за два мѣсяца войны, развернувшейся совсѣмъ въ другомъ концѣ Европы, ни одного выстрѣла! Вотъ только въ первую же недѣлю захватили какой-то неуклюжій нѣмецкій грузовикъ, отмахавшій тысячу миль изъ Аргентины и задержанный въ Гибралтарской бухтѣ.

Тревожное бездѣлье и постоянная напряженность дергали нервы, раздражали и безпокоили. Даже невозмутимый комендантъ забросилъ ежедневный боксъ, а гарнизонный врачъ пересталъ рисовать аляповатые пейзажи и футуристическія каракули. Всѣ ждали, готовились...

Стрэдъ и Рэмби, младшіе лейтенанты форта „Е8“, полдня дежурили на высокой скалѣ, отвѣсно падавшей въ голубую воду, а потомъ уходили въ офицерское собраніе, и тогда начиналась бильярдная баталія. Стрэдъ игралъ лучше своего товарища, и „маленькій Чарли“, остря надъ своими всегдашними пораженіями, говорилъ, что у него „австрійская игра“...

Продолжая спорить, офицеры вошли въ столовую, обставленную съ тѣмъ особеннымъ экзотическимъ комфортомъ, который такъ любятъ англійскіе военные. Спорили о профессорѣ Мортонѣ. Американскій ученый, натуралистъ, профессоръ какого-то заокеанскаго университета, мѣсяцъ тому назадъ поселился въ окрестностяхъ Гибралтара. Онъ выискивалъ здѣсь какую-то диковинную луковицу и прожужжалъ уши всѣмъ офицерамъ этой „Regia fixa“, заставляя выслушивать о ней длиннѣйшія научныя тирады. Если бъ не его странности и какая-то наивная таинственность, которой профессоръ окружалъ поиски своихъ луковицъ, онъ въ общемъ былъ интереснымъ собесѣдникомъ, много видѣвшимъ, много знающимъ человѣкомъ, съ которыми такъ пріятно

Библиотека "Руниверс"

встрѣчаться въ вагонѣ, клубѣ или ресторанѣ. Такіе люди—обыкновенно знатоки и цѣнители винъ, сыплютъ анекдотами и угощаютъ хорошими сигарами. Офицеры принимали профессора очень охотно. Только двое людей составляли ему оппозицію — футуристъ-докторъ и „маленькій Чарли“, который вотъ ужъ третій день ссорится изъ-за него со своимъ другомъ.

За обѣдомъ Чарли снова обрушился на „гнуснаго проходимца“, такъ титуловалъ онъ профессора. Но Стрэду уже надоѣло спорить, и онъ, мечтательно изучая „гаванну“, не возражалъ ему ни слова.

II.

Вечеромъ Стрэдъ зашелъ къ коменданту. Генералъ держалъ его цѣлый часъ, разсказывая послѣднія новости изъ Лондона.

— Все обстоитъ благополучно. Еще мѣсяцъ, два, три наконецъ — и Германія будетъ, конечно, разбита... Да, да... Это неминуемо... Кстати, будьте очень осторожны въ разговорахъ въ

Воздушный врагъ. Рисунокъ В. Сварога.

Библиотека "Руниверс"

Сторожевой нѣмецкій постъ у деревенской часовни во Франціи. На солдатахъ въ видѣ плащей надѣты одѣяла.

городѣ. Вѣдь вы часто ѣздите въ Линею. Испанія — нейтральная страна, и тамъ, по всей вѣроятности, не мало нѣмецкихъ агентовъ. Имѣйте это въ виду... До свиданья.

Стрэдъ вышелъ отъ коменданта, сѣлъ на лошадь и поскакалъ по узенькой горной дорогѣ на сѣверъ—туда, гдѣ въ ночной чернотѣ карнавальными звѣздами горѣли испанскіе огоньки. Совсѣмъ не хотѣлось спать въ эту чудную ночь южной осени. Лейтенантъ отдыхалъ отъ томительной напряженности крѣпостного дня, отъ дежурствъ и карауловъ. Мысли были далекія и спокойныя. Отдыхъ, отдыхъ...

Стрэдъ, оставивъ позади послѣднюю англійскую заставу, миновалъ покосившійся навѣсъ испанскаго поста. Альгвазилъ узналъ его и съ добродушной экспрессивностью южанина пожелалъ ему „доброй ночи и сладкой любви". До Линеи оставалось не больше пяти километровъ.

III.

...Подъ утро лейтенантъ возвращался въ Гибралтаръ. Томительно хотѣлось спать, все тѣло ныло отъ долгой тряски, и въ головѣ шумѣло отъ сквернаго испанскаго вина... Въ „Альказарѣ" было, какъ всегда, шумно, безтолково и душно отъ нависшаго сигарнаго дыма. Эти захолустныя камеліи, отъ которыхъ пахло дешевымъ одеколономъ и лукомъ, теперь, при свѣтѣ розовой полоски начинающагося утра, казались ему отвратительными.

— Сколько разъ давалъ себѣ слово не ѣздить туда!.. Чортъ знаетъ что!..—и, досадливо щурясь, лейтенантъ пришпорилъ коня.

Онъ подъѣзжалъ къ границѣ. Въ ста шагахъ отъ англійской „каракколь", почти у самой дороги, Стрэдъ замѣтилъ свѣтъ въ полузавѣшенныхъ окнахъ низкаго, типично по-испански выбѣленнаго, домика.

„Вѣдь здѣсь живетъ профессоръ",—вспомнилъ онъ и, свернувъ съ дороги, подъѣхалъ къ дому.

— Вотъ неутомимый ученый, — бормоталъ Стрэдъ: — даже по ночамъ корпитъ надъ своими ерундовыми растеніями...

Какая-то почти мальчишеская шаловливость, особый, опохмеливающійся задоръ дразнилъ его: „а ну-ка, загляни!" И Стрэдъ осторожно, стараясь не звенѣть шпорами, подошелъ къ окну. Заглянулъ въ узкую щель между ставнями...

Когда лейтенантъ оторвался отъ окна, востокъ совершенно посвѣтлѣлъ, и предразсвѣтныя сумерки розовѣли въ утреннихъ отблескахъ южнаго солнца.

IV.

Стрэдъ вернулся въ казарму и, не раздѣваясь, легъ на постель совершенно растерянный, смятый страшнымъ, неожиданнымъ открытіемъ.

„Значитъ, Чарли правъ... Профессоръ — шпіонъ... Нѣтъ, не можетъ быть! Но тогда для чего эти карты, планы? Вѣдь я ясно видѣлъ двухверстную крѣпостную; откуда она у него?.. Странно. А эти химическіе препараты... Вѣдь Мортонъ—ботаникъ... Боже мой! Вѣдь я ясно видѣлъ на столѣ пироксилиновыя шашки. Какъ не узнать ихъ мнѣ, артиллерійскому офицеру!.. Здѣсь какая-то тайна!.."

Лейтенантъ мучился въ противорѣчивыхъ догадкахъ, сомнѣвался, минутами вѣрилъ въ самыя невѣроятныя предположенія, бросался къ телефону, чтобы звонить коменданту, предупредить его. Но о чемъ?.. Стрэдъ рѣшилъ сегодня же во что бы то ни стало узнать тайну профессора. И это рѣшеніе сразу успокоило его: стало легко, взвинченные, встревоженные нервы нашли успокоеніе. И день потянулся обычнымъ монотонно-заученнымъ порядкомъ. Провѣрялъ караулы, осматривалъ новыя орудія, писалъ рапорты, сыгралъ съ Чарли неизмѣнную партію „карамболя", обѣдалъ въ собраніи и въ шесть часовъ, сдавъ дежурство, поѣхалъ къ профессору.

V.

Вечерѣло. На дорогѣ было безлюдно, и съ крѣпостныхъ вышекъ уже бѣгали ищущія полоски прожекторовъ, бороздя посинѣвшій горизонтъ. У развалинъ стараго колодца Стрэдъ остановился. Мавританская арка, помнившая кордовскихъ калифовъ, вызывала тихія меланхолическія думы.

— Это вы, господинъ лейтенантъ? раздалось вдругъ изъ кустовъ.

— Профессоръ?.. Какими судьбами?

— Я ищу здѣсь удивительный экземпляръ одного рѣдкаго растенія, которое встрѣчается только на югѣ Испаніи. Это рѣдкость, дорогой другъ, величайшая рѣдкость. Но уже становится темно, и я съ трудомъ различаю траву. Пора домой...

— Идемте вмѣстѣ. Я провожу васъ.

Лейтенантъ взялъ подъ уздцы лошадь и зашагалъ рядомъ съ профессоромъ. Они шли довольно долго. Говорили объ испанской природѣ, о захолустной жизни здѣшнихъ мѣсть, о театрѣ, о чемъ угодно кромѣ войны. Войны профессоръ не признавалъ. Онъ—убѣжденный пацифистъ и, несмотря на всемірный пожаръ, совершенно не интересуется происходящими событіями.

У дверей своего дома Мортонъ остановился:

— Дорогой лейтенантъ, я очень извиняюсь. Я не прошу васъ къ себѣ—у меня настоящее столпотвореніе. Я разбиралъ сегодня свои коллекціи, и теперь мое скромное жилище завалено чуть ли не до потолка. Простите... До завтра.

Стрэдъ пожалъ ему руку и медленно повернулъ обратно. Пройдя шаговъ тридцать, онъ остановился, привязалъ коня къ дереву и осторожно подкрался къ окну.

VI.

Профессоръ сидѣлъ за большимъ столомъ, углубившись въ карту. Онъ дѣлалъ на ней помѣтки карандашомъ и заносилъ что-то въ записную книжку. На полу въ безпорядкѣ лежали какіе-то ящики, соединенные между собой тонкими электрическими проволоками.

Лейтенантъ постучалъ въ дверь — никто не отвѣтилъ. Стрэдъ навалился всѣмъ тѣломъ—замокъ поддался, треснула пружина, и лейтенантъ очутился въ темной передней. Слѣва отворилась низкая дверь, и въ ярко освѣщенномъ квадратѣ просвѣта показался профессоръ.

— Съ вами что-нибудь случилось?.. Я очень занятъ. Что?.. Вы хотите со мной поговорить? Пожалуйста... Сюда, сюда... направо... Нѣтъ, нѣтъ... не сюда, не сюда... направо...

Поздно. Лейтенантъ уже былъ въ той комнатѣ, гдѣ нѣсколько минутъ тому назадъ сидѣлъ профессоръ. Мортонъ вбѣжалъ вслѣдъ за офицеромъ и сѣлъ у стола.

— Послушайте, профессоръ... Объясните мнѣ, что это значитъ?.. Почему у васъ карты нашей крѣпости?

— Я отмѣчаю по картѣ мѣста моихъ изслѣдованій...

— Что?.. Вы еще смѣете отпираться?.. Вы еще скажете, что эти снаряды—ваши ботаническія коллекціи? Это—динамитъ и пироксилинъ! Я арестую васъ. Идемте къ коменданту!..

— Не волнуйтесь, господинъ лейтенантъ. Вы забываете, что мы находимся съ вами на нейтральной территоріи. Англійскій офицеръ не можетъ никого арестовать въ Испаніи.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ придется прибѣгнуть къ силѣ,—спокойно сказалъ Стрэдъ, вынимая изъ кармана браунингъ. — Ну!.. Вставайте!..

— Господинъ лейтенантъ, прошу васъ не двигаться съ мѣста. Стоитъ мнѣ нажать эту кнопку,—видите ее? — и Гибралтарская крѣпость взлетитъ на воздухъ... Положите вашъ револьверъ вотъ сюда, ко мнѣ... на столъ... я жду...

Въ головѣ Стрэда пробѣгали смутные обрывки встревоженныхъ, отчаянныхъ мыслей: „Профессоръ... шпіонъ... взрывъ крѣпости... всѣ погибнутъ... комендантъ... Чарли... докторъ... всѣ..."

— Вотъ такъ. Сюда. А теперь позвольте представиться—майоръ германской службы фонъ-Дикъ. Не ожидали?.. Не волнуйтесь, господинъ лейтенантъ! Васъ навѣрное интригуетъ техническая сторона дѣла? Пожалуйста. Эта кнопка соединяется съ электрической батареей, отъ которой идутъ провода почти къ самому центру крѣпости, къ офицерскому собранію. Какъ видите, работа не плохая. Я тоже артиллеристъ, какъ и вы, дорогой лейтенантъ. И собралъ свои „коллекціи" по всѣмъ правиламъ нашего искусства.

Майоръ, не выпуская изъ рукъ браунингъ, насмѣшливо разсказывалъ свой планъ. Онъ смаковалъ подробности кропотливой работы, описывалъ, какъ, рискуя жизнью, проносилъ динамитъ въ своемъ гербаріи подъ видомъ ботаническихъ препаратовъ. Онъ упивался адскимъ планомъ, какъ снобъ, кокетничающій какимъ-нибудь диковиннымъ раритетомъ. А Стрэдъ, опустивъ голову, слушалъ его, понимая, что онъ долженъ, непремѣнно, неминуемо

Библиотека "Руниверс"

долженъ, не сознавая еще, какъ и какимъ образомъ, спасти англійскую твердыню. Майоръ разстегнулъ жилетъ, развалился въ креслѣ и, доставъ сигары, развязно протянулъ Стрэду ароматный ящикъ:

— Пожалуйста, курите... Настоящая „гаванна"...

— Благодарю васъ.

Лейтенантъ всталъ, наклонился и быстро, въ одинъ мигъ, бросился на шпіона. Профессоръ судорожно рванулся къ кнопкѣ, но, мускулистый и сильный, прекрасный спортсменъ, Стрэдъ сжалъ его, какъ въ тискахъ. Нѣмецъ былъ тоже силенъ. Стрэдъ обхватилъ его поперекъ тѣла, и они, сцѣпившись, барахтались на полу, задѣвая ногами препараты и склянки, разрывая проволоки, опрокидывая мебель. Лейтенантъ изловчился, сильнымъ ударомъ швырнулъ нѣмца въ сторону и, схвативъ со стола револьверъ, выстрѣлилъ.

Майоръ былъ мертвъ...

VII.

— ...Благодарю васъ, лейтенантъ. Вы оказали услугу націи. Распорядитесь послать саперовъ уничтожить всѣ провода. Еще разъ благодарю васъ... Мы увидимся вечеромъ въ собраніи...

Стрэдъ вышелъ отъ коменданта и остановился у амбразуры. Утомленный событіями прошлой ночи, онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ свѣжій воздухъ моря. Внизу суетились едва замѣтныя фигуры матросовъ, мѣрно ударяли волны о каменный берегъ, и на горизонтѣ бѣлыми пятнышками свѣтились проходящія суда...

— Богъ хранитъ Англію...—прошепталъ лейтенантъ.

Генералъ.

Разсказъ **Владиміра Воинова.**

(Окончаніе).

XII.

— Усѣ чисто пробѣгли! — донесъ командиру казачьяго полка вихрастый приказный изъ бокового дозора.

— Выводи! — скомандовалъ сѣдоусый полковникъ, и первая сотня начала выбираться изъ мутныхъ болотъ.

Лошади шли осторожно, ощупывая ногами вязки набухшаго хвороста, проложеннаго всюду расторопными казаками.

Вода подъ ногами беззвучно плескалась и хлюпала, но теперь не было надобности соблюдать осторожность, такъ какъ въ ревѣ тяжелыхъ нѣмецкихъ орудій безслѣдно тонули даже напряженные людскіе голоса.

— Я больше ждать не намѣренъ!—сказалъ офицерамъ полковникъ. — Одно изъ двухъ: либо о нашемъ существованіи забыли фазаны, либо мы пробились настолько глубоко, что сиповскимъ ординарцамъ невмоготу насъ найти. Исходя изъ этого соображенія, я принимаю дальнѣйшіе шаги на собственную свою отвѣтственность. Не ночевать же намъ еще разъ въ этой бурдѣ, когда въ двухъ шагахъ нѣмцы кромсаютъ несчастную крупу!

— Точно такъ! — поддержалъ есаулъ.—Казаки уже нудятся и просятся въ дѣло.

— Казаки всегда просятся!—сердито отвѣтилъ полковникъ, неизвѣстно чѣмъ больше обиженный—невниманіемъ ли штабныхъ офицеровъ, или тѣмъ, что пришлось цѣлую ночь и все утро провести въ тѣхъ мѣстахъ, которыя опредѣленно считаются для кавалеріи непроходимыми. — Драгунъ бы сюда! — промычалъ онъ подъ носъ. — Поглядѣлъ бы я, какъ бы они здѣсь выглядѣли!

Полковникъ остановилъ головной взводъ и принялся ждать, пока подтянутся всѣ остальные.

— Хорунжій Наскоковъ! Это мы вамъ, по совѣсти говоря, обязаны всей этой кашей... Допрыгаетесь вы у меня! — полушутя, полусердито кивнулъ онъ на молодого смѣющагося офицера и принялся раскуривать короткую носогрѣйку.

Казаки подтянулись немного и начали быстро итти къ окраинамъ болота.

Скоро вода подъ ногами пропала, и между рѣдкихъ березокъ раскинулся мшистый, зеленый коверъ.

Всѣ были мокры до нитки и голодны. И у всѣхъ на душѣ кипѣла горячая злоба на нѣмца, по милости котораго пришлось увязнуть на цѣлую ночь на болотѣ, гдѣ комары донимали коней до бѣшенства.

У опушки застали свои дозоры, безпечно жевавшіе какія-то ягоды.

Бадьма весь былъ вымазанъ до ушей чернымъ сокомъ и смахивалъ сильно на чорта.

Полковникъ сошелъ съ коня и прошелъ до самой лужайки.

„Пусто! — подумалъ онъ, прислушиваясь къ далекому гулу въ промежуткахъ между стальными раскатами нѣмецкихъ тяжелыхъ орудій.—Ну и ладно!"

Германскіе плѣнные, захваченные въ одномъ изъ боевъ подъ Реймсомъ.

Библиотека "Руниверс"

Потомъ онъ окинулъ глазами противоположную сторону лѣса и крѣпко задумался.

— А ну, была не была!—тряхнулъ онъ рѣшительно головою.— Посмотримъ, какая сегодня казацкая удача!

И онъ отошелъ назадъ, подзывая къ себѣ командировъ сотенъ.

Казаки смирно ждали, пока шелъ летучій совѣтъ.

Потомъ командиры сотенъ ушли по частямъ, и полкъ началъ строиться у самой опушки.

Полковникъ проѣхалъ изъ края въ край, оглядывая внимательно людей, и вынулъ изъ раззолоченныхъ ноженъ кривую турецкую шашку.

Потомъ повернулъ горбоногаго дончака головой въ поле и взялъ почти съ мѣста въ карьеръ.

Когда весь полкъ вышелъ на чистое мѣсто, командиры сотенъ взяли направленіе на своего полковника, и цѣлый лѣсъ пикъ склонился впередъ.

— Ги-ги-и-и-и!—застонало все поле отъ страшнаго воя, и тысяча буйныхъ коней понесла на высоты склонившихся къ сѣдламъ наѣздниковъ.

Наверху проревѣли одинъ за другимъ два чудовищныхъ выстрѣла, и вдругъ напряженная, жуткая тишина повисла надъ степью.

Только ахало гдѣ-то, совсѣмъ далеко, глухо и коротко, да пули визжали, ложась на излетѣ хлесткими рикошетами.

колки съ носилками, и подъ солнцемъ горячо зарябили въ глазахъ кровавые кресты на бѣлыхъ повязкахъ.

— Не могутъ найти!—прокричалъ возлѣ уха забрызганный грязью, лоснящійся адъютантъ.

— Кого?—спросилъ генералъ.

— Казаковъ!.. Словно сквозь землю пропали.

— Найдутся!—отвѣтилъ начальникъ и снова прижался къ биноклю.—Пусть конная снимется и преслѣдуетъ непріятеля! Драгуны въ прикрытіе!—продолжалъ генералъ отдавать приказанія.

Онъ чувствовалъ, что моментъ былъ вѣрно уловленъ, что теперь уже нѣтъ такой силы, которая могла бы выбить изъ русла потокъ разворачивающихся событій, и прежнее нервное напряженіе внезапно упало, и вмѣсто него ощущалась тупая разбитость во всѣхъ частяхъ тѣла.

Теперь уже все неуклоннымъ порядкомъ стремилось къ уготованному судьбою удѣлу, и генералъ только разъ за все время на минуту зажегся и принялся дергать рукою Владимірскій крестикъ.

Это было тогда, когда неожиданно смолкла нѣмецкая канонада,— точно кто-то огромный однимъ мановеніемъ десницы заклепалъ всѣ эти рявкающія чудовища.

— Такъ я ничего не понимаю!—крикнулъ-было начальникъ стоявшему рядомъ штабному полковнику и тутъ же добавилъ:— Разыскались казаки! Я такъ и зналъ, что они это сдѣлаютъ, ибо

Военный министръ В. А. Сухомлиновъ. Супруга воен. мин. Е. В. Сухомлинова. Л. А. Манташевъ. Проф. С. П. Федоровъ. Д-ръ В. П. Федоровъ. Ген.-отъ-кав. Н. А. Винтуловъ.

Открытіе эвакуаціоннаго лазарета Имени Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича. Лазаретъ оборудованъ на средства Л. А. Манташева, пожертвовавшаго 200.000 рублей. По фот. А. Оцупа.

Командиръ приподнялся на стременахъ и глянулъ впередъ.

Два крайнихъ широкихъ жерла ворочались медленно въ воздухѣ и постепенно склоняли открытыя пасти навстрѣчу несущейся лавѣ.

Командиръ измѣнилъ направленіе фронта, взмахнулъ въ воздухѣ сверкающей шашкой, и весь полкъ пошелъ двумя гибкими лентами, перемѣщаясь по линіи, параллельной оси наводимыхъ орудій.

Грохнуло гулко и больно, захлестнувъ упругой волной нагнетеннаго воздуха, и тяжелая фугасная бомба взорвалась горячимъ фонтаномъ за спинами скачущихъ казаковъ.

Командиръ замахалъ снова шашкой, и всѣ пять сотенъ, завернувъ на полномъ ходу правыя плечи впередъ, одна за другой пошли на откосъ съ потрясающимъ, рѣжущимъ воемъ.

Кто-то вскинулъ тяжелый прибойникъ у крайняго осаднаго орудія и рухнулъ съ разрубленнымъ черепомъ, обдавая мозгами горячее тѣло мортиры.

Затрещали сухіе револьверы, разрывая густую волну горячаго, душнаго воздуха, и цѣлый лѣсъ пикъ ураганомъ прошелъ по линіи нѣмецкихъ орудій.

Все, что было живого, лежало на взрытой землѣ между еще не использованныхъ тяжелыхъ снарядовъ, стоявшихъ рядами за каждымъ орудіемъ. И только на самомъ концѣ, возлѣ лѣса, извивался еще высокій, сухой офицеръ подъ плетью калмыка Уланова.

— Ступай! Донеси!—приказалъ командиръ молодому урянднику и спокойно вложилъ въ ножны кривую турецкую шашку.

XIII.

— Бѣгутъ!—донесли генералу, стоявшему съ биноклемъ въ рукахъ возлѣ мельницы.

— Послать санитаровъ!—отвѣтилъ начальникъ, не отрываясь отъ поля.

Замелькали по мокрымъ откосамъ автомобили, потянулись двупередъ уходомъ въ засаду приказалъ крѣпко-накрѣпко ихъ полковнику не лазить на пушки.

Генералъ замолчалъ и больше ни слова не сказалъ никому изъ приближенныхъ до самаго окончанія боя.

— Батарея взята!—доносилъ генералу сіяющій казачій урядникъ.

Генералъ только кивнулъ головою.

— Непріятель выбитъ изъ лѣса!

Генералъ ничего не отвѣтилъ.

— Бѣгутъ прямо въ воду...

— Казаки съ драгунами топятъ остатки!..

— Конная взяла продольнымъ по берегу.

Генералъ не кивнулъ головой.

Онъ сидѣлъ на переметной сумѣ, опустивъ низко голову, и грудь его медленно то поднималась, то опускалась.

Адъютантъ наклонился къ начальнику и, улыбаясь, сказалъ:

— Ихъ превосходительство спятъ!

Канонада тяжелыхъ орудій гремѣла.

XIV.

Солнце стояло высоко.

Отъ нагрѣтой земли клочками срывался сизоватый дымокъ и таялъ, не успѣвъ приподняться.

Великая тишина висѣла надъ полемъ и лѣсомъ, и человѣческіе голоса звучали въ ней вѣско, значительно.

Генералъ на конѣ объѣзжалъ части войскъ, стараясь не видѣть того, что было внизу, подъ ногами, и сердце его давила большая, саднящая боль.

Проѣхалъ вдоль фронта драгунъ, который былъ втрое короче, чѣмъ наканунѣ, выслушалъ рапортъ, поданный командиромъ, и тронулся дальше.

Вотъ впереди двѣ линіи чубатыхъ казаковъ.

Эти стоятъ почти въ полномъ составѣ, а вѣдь лѣзли на самыя дула. Неоцѣнимый народъ! Ловкій, выносливый, смѣтливый и храбрый до сумасшествія.

Библиотека "Руниверс"

Полковникъ
В. А. Шалевичъ.

Капитанъ
В. В. Гродековъ.

Корнетъ
М. П. фонъ-Кауфманъ.

Корнетъ
Н. И. Хоружинскій.

Подполковникъ
Н. А. Дорошенко.

Штабъ-ротмистръ
Д. В. Суровцовъ.

Подпоручикъ
Б. Н. Нечаевъ.

Поручикъ
А. А. Ивановъ.

Подпоручикъ
А. В. фонъ-деръ-Лауницъ.

Прапорщикъ
С. А. Адамовичъ.

Подпоручикъ
Б. Н. Байбородинъ.

Подпоручикъ
Б. Д. Моллеріусъ.

Полковникъ
П. Д. Комаровъ.

Штабъ-ротмистръ
Ф. Л. Ягелло.

Поручикъ
А. С. Курчениновъ.

Вольноопредѣляющійся
Ф. В. Комаровъ.

Библиотека "Руниверс"

Генералъ выслушалъ рапортъ сѣдоусаго, хмураго полковника и громко сказалъ:

— Представляю васъ въ георгіевскіе кавалеры.

Полковникъ шевельнулъ усами и что-то пробормоталъ мало внятное, потомъ моментально оправился и напомнилъ о подвигѣ хорунжаго Наскокова.

— Это не я, — виновато потупился молодой офицеръ: — это казакъ Бадьма Улановъ!

— Знаю все! — покачалъ головою начальникъ. — Оба будете мною представлены.

Офицеръ закраснѣлся отъ счастья, а генералъ, миновавъ длинный рядъ, поѣхалъ въ пѣхотныя части.

На флангѣ стояла конная батарея.

Начальникъ подъѣхалъ къ щеголеватому подполковнику и низко опустилъ голову.

— Убитыхъ нижнихъ чиновъ столько-то, — рапортовалъ быстро конникъ. — Изъ раненыхъ остались въ строю одиннадцать. Убитыхъ офицеровъ — два, раненыхъ два, оба остались въ строю.

— Кто убитъ? — тихо спросилъ генералъ.

— Штабсъ-капитанъ Змѣйкинъ и... — подполковникъ запнулся.

— Гдѣ убитый поручикъ? — еще тише спросилъ генералъ.

Подполковникъ поникъ головой и пошелъ къ лѣсу.

Генералъ нашелъ сына у того самаго дерева, на которомъ они сидѣли вдвоемъ передъ боемъ.

Николай лежалъ съ вытянутыми по швамъ руками, прислонясь головой къ стволу дерева. Рядомъ лежалъ коротенькій стэкъ.

Генералъ сошелъ съ лошади и сталъ на колѣни.

Съ минуту онъ глядѣлъ въ открытые широкіе глаза Николая, потомъ наклонился къ нему, взялъ въ обѣ руки холодную голову и поцѣловалъ ее въ губы.

Потомъ такъ же тихо поднялся, взялъ стэкъ и поѣхалъ обратно.

XVI.

Вечеромъ начальникъ сидѣлъ въ новой избѣ и писалъ донесеніе въ главную квартиру:

„Честь имѣю донести Вашему Императорскому Высочеству, что дѣйствіемъ частей ввѣреннаго мнѣ отряда непріятель въ составѣ 1 Кенигсбергскаго корпуса съ частью XX-го и частями ландвера, при тяжелыхъ орудіяхъ изъ крѣпости Торнъ, отброшенъ съ большими потерями обратно за рѣку“...

Генералъ написалъ и задумался.

„Вотъ оно все!“

Прошелъ передъ глазами весь день: батарея, окопы, минуты, проведенныя вдвоемъ съ Николаемъ въ лѣсу, потомъ рядъ тревогъ и глубокихъ волненій на главныхъ высотахъ; тяжелыя, мучительныя сомнѣнія; высокій подъемъ: побѣдная радость: безбрежное поле, усѣянное трупами; кровавыя руки санитаровъ и страшная работа на перевязочномъ пунктѣ; кресты на повязкахъ: казакъ, подстрѣлившій нѣмецкій аэропланъ, и опять Николай... но уже возлѣ дерева, съ холодной головой и открытыми ясными глазами.

Вотъ эта бумага придетъ теперь съ казакомъ въ главную квартиру; потомъ нѣсколько фразъ изъ нея черезъ штабъ попадутъ въ печать.

Милліоны людей будутъ читать „отброшенъ съ большими потерями“.

Генералъ попытался представить себѣ эти читающіе милліоны, во имя благополучія которыхъ здѣсь, на далекихъ поляхъ, льется кровь, во имя спокойствія которыхъ палъ Николай и другіе, и вдругъ все лицо его засіяло примиренной печальной улыбкой.

— Да! Поймутъ! Вѣрую, Господи! — сказалъ онъ покорно и опустился на землю передъ стариннымъ, прадѣдовскимъ образомъ.

Пособія и льготы чинамъ дѣйствующихъ арміи и флота и ихъ семействамъ.

Очеркъ **Г. С. Вольтке.**

До послѣдняго времени помощь государства гражданамъ, призваннымъ въ ряды арміи во время войны, выражалась лишь въ выдачѣ членамъ семьи, находившихся на ихъ иждивеніи, небольшихъ пособій, въ размѣрѣ, необходимомъ для ихъ прокормленія, изъ средствъ Государственнаго Казначейства. Пособіе это или мѣсячный паекъ опредѣлено закономъ 25 іюня 1912 г. въ слѣдующемъ размѣрѣ. 1 п. 28 ф. муки, 10 ф. крупы, 1 ф. постнаго масла и 4 ф. соли на каждаго члена семьи нижняго чина (жена, дѣти, отецъ, мать, братья, сестры, дѣдъ и бабка), при чемъ дѣти моложе пяти лѣтъ получаютъ половину этого пайка. Пособіе выдается деньгами по оцѣнкѣ мѣстнаго Губернскаго Присутствія: въ городахъ за мѣсяцъ впередъ, а въ сельскихъ мѣстностяхъ — за три мѣсяца впередъ. Для Петрограда стоимость пайка опредѣлена въ 3 р. 75 к. Такое небольшое пособіе, конечно, не можетъ удовлетворить всѣхъ нуждъ семьи ушедшаго на войну нижняго чина, оно едва можетъ покрыть самые скромные расходы на пищу.

Но какъ оплатить квартиру? Вопросъ этотъ особенно остро чувствуется въ городахъ, гдѣ даже уголъ въ комнатѣ обходится не дешево.

Въ первое время послѣ объявленія войны домовладѣльцы и квартиронаниматели, сдававшіе отъ себя комнаты и углы, пытались выселять семьи запасныхъ нижнихъ чиновъ за неплатежъ наемныхъ денегъ безъ суда. Вслѣдствіе этого мѣстныя власти издали обязательное постановленіе, коимъ, подъ страхомъ наказанія или штрафа въ административномъ порядкѣ, запрещено выселять семьи запасныхъ безъ суда.

Это распоряженіе не могло однако оказать существенную помощь семьямъ запасныхъ, такъ какъ иски о выселеніи разрѣшаются мировыми или городскими судьями или земскими начальниками очень быстро. Бѣдные люди не могутъ взять для веденія дѣла повѣреннаго, который во многихъ случаяхъ сумѣлъ бы путемъ отводовъ и возраженій не допустить до скораго постановленія рѣшенія или предварительнаго исполненія. Напримѣръ, по закону повѣстка о вызовѣ въ судъ должна быть вручена самому отвѣтчику и можетъ быть оставлена у домашнихъ, дворника или сосѣдей лишь въ случаѣ отлучки изъ квартиры, но не выбытія изъ мѣста жительства. По незнанію закона, домашніе ушедшаго на войну запаснаго ополченца или добровольца часто принимаютъ повѣстку, вслѣдствіе чего она считается врученною, и рѣшеніе о выселеніи постановляется заочно.

Еще въ худшемъ положеніи находится семья запаснаго, если предъявленъ къ нему искъ по протестованному векселю или нотаріальному обязательству. Такой искъ присуждается въ порядкѣ понудительнаго исполненія резолюціей судьи на самомъ актѣ безъ вызова отвѣтчика, при самомъ предъявленіи иска. Правда, въ 31 губерніи Европейской Россіи, прилегающихъ къ западной и южной границамъ, Указомъ 25 іюня 1914 г. пріостановлено на два мѣсяца до 25 сентября 1914 г. совершеніе протестовъ и принятіе мѣръ взысканія по всѣмъ вообще векселямъ, выданнымъ до 17 іюля 1914 г. сроками послѣ этого числа, если мѣсто выдачи векселя или платежа въ этихъ губерніяхъ (это — такъ называемый вексельный мораторій). Указомъ 12 сентября 1914 г. срокъ этотъ для векселей, платежъ по которымъ долженъ быть произведенъ между 26 августа и 25 сентября 1914 г., продолженъ на одинъ мѣсяцъ со дня истеченія срока платежа, т.-е. по 26 сентября — 25 октября 1914 г. Наконецъ Указомъ 19 сентября 1914 г. вексельный мораторій продленъ для 16 губерній: десяти — Царства Польскаго, Холмской, трехъ Сѣверо-западныхъ и двухъ Прибалтійскихъ для векселей, выданныхъ до 17 іюля срокомъ до 17 ноября 1914 г. включительно, на 4 мѣсяца со дня срока каждаго векселя. Мѣра эта однако не распространяется на другія долговыя обязательства и на векселя, сроки коихъ наступили до 17 іюля 1914 г. По этимъ векселямъ и обязательствамъ допускаются иски и взысканія. Къ тому же мораторій не распространяется на внутреннія губерніи Россіи, гдѣ также взяты запасные и ополченцы. Мѣстопребываніе чиновъ дѣйствующей арміи неизвѣстно постороннимъ лицамъ. Поэтому по общему закону такія лица могутъ вызываться къ суду посредствомъ публикацій въ вѣдомостяхъ. По истеченіи четырехъ мѣсяцевъ со дня публикаціи дѣло можетъ быть назначено къ слушанію и рѣшено заочно.

Правда, заочное рѣшеніе можетъ быть исполнено лишь по врученіи повѣстки отвѣтчику судебнымъ приставомъ. Прежде это было бы невозможно въ виду неизвѣстности пребыванія отвѣтчика. Но 12 марта 1914 г. изданъ былъ законъ, направленный противъ недобросовѣстныхъ отвѣтчиковъ, уклонявшихся отъ принятія повѣстки судебнаго пристава. По этому закону судъ обязанъ, по просьбѣ взыскателя, назначить отвѣтчику, мѣстопребываніе коего неизвѣстно, защитника изъ числа присяжныхъ или частныхъ повѣренныхъ или старшихъ кандидатовъ на судебныя должности. Этотъ защитникъ долженъ принимать за отвѣтчика повѣстки объ исполненіи и вообще замѣнять отвѣтчика во всѣхъ исполнительныхъ дѣйствіяхъ, пока не обнаружится мѣстопребываніе отвѣтчика.

Въ отношеніи лицъ, находящихся на государственной службѣ, судъ собираетъ свѣдѣнія объ адресѣ отвѣтчика чрезъ его начальство.

Этимъ закономъ, изданнымъ для иныхъ цѣлей, могли воспользоваться истцы и взыскатели для исполненія заочныхъ рѣшеній противъ призванныхъ на войну чиновъ арміи и флота, продать въ уплату долга все оставшееся у семьи имущество, наложить арестъ на жалованье, которое многія учрежденія и лица сохранили за ушедшими на войну запасными для поддержки ихъ семей, и такимъ образомъ лишить послѣднія всякихъ средствъ къ существованію. Этимъ путемъ можно было бы осуществить и выселеніе семьи запаснаго изъ квартиры за неплатежъ денегъ. Надо наконецъ имѣть въ виду, что въ судахъ производится много дѣлъ, начатыхъ призванными на войну запасными или противъ нихъ. Дѣла эти бѣдными людьми велись часто безъ участія повѣренныхъ. Со времени призыва въ ряды арміи дѣла этихъ лицъ остались безъ всякаго наблюденія.

Если первая повѣстка отвѣтчику была вручена, дѣло можетъ слушаться далѣе и можетъ быть рѣшено, хотя бы дальнѣйшія повѣстки не были вручены отвѣтчику. Въ случаѣ неявки истца, дѣло можетъ быть прекращено судомъ, если истецъ не просилъ о рѣшеніи дѣла въ его отсутствіи. Не имѣя свѣдѣній о состоявшемся противъ него рѣшеніи, тяжущійся можетъ пропустить срокъ на обжалованіе, и рѣшеніе вступитъ въ законную силу.

Библиотека "Руниверс"

Перевезеніе тѣла Князя Олега Константиновича со ст. Волоколамскъ въ Осташево. За гробомъ слѣдуютъ Августѣйшіе родители почившаго.

Передъ опущеніемъ тѣла почившаго Князя въ могилу.

Вѣнки, слѣдующіе въ простыхъ повозкахъ за траурной процессіей.

Могила Князя Олега Константиновича.

Дворецъ Великаго Князя Константина Константиновича въ Осташевѣ. ×—мѣсто погребенія Князя Олега Константиновича.

Погребеніе Его Высочества Князя Олега Константиновича, въ Бозѣ почившаго отъ ранъ, полученныхъ въ бою съ непріятелемъ. Траурный кортежъ изъ г. Волоколамска въ село Осташево, гдѣ въ имѣніи Августѣйшаго Родителя почившаго преданъ землѣ прахъ юнаго героя. По фот. А. Савельева.

Библиотека "Руниверс"

Всѣ эти неудобства, возникшія для лицъ, призванныхъ въ ряды вооруженныхъ силъ, заставили правительство издать для нихъ особыя льготныя правила въ порядкѣ 87 ст. Основныхъ Законовъ. (Именной Высочайшій Указъ отъ 13 сентября 1914 г.).

Въ силу этого Указа, всѣ суды, въ томъ числѣ и судебно-административныя установленія (земскіе начальники, уѣздные съѣзды), обязаны по просьбѣ тяжущагося, находящагося въ дѣйствующей арміи или въ флотской командѣ и не поручившаго веденіе дѣла повѣренному, пріостановить производство исковаго дѣла, понудительное взысканіе по актамъ и исполненіе рѣшеній противъ просителя впредь до истеченія трехъ мѣсяцевъ со дня приведенія арміи и флота на мирное положеніе и возвращенія изъ плаванія судовъ, задержанныхъ военными обстоятельствами. Прошенія эти не оплачиваются ни гербовымъ ни листовымъ сборомъ. Къ прошенію надо приложить удостовѣреніе военнаго или морского начальства, что проситель состоитъ въ дѣйствующихъ арміи или флотѣ.

Но и безъ просьбы тяжущагося судъ обязанъ пріостановить производство дѣла или взысканіе, если у суда имѣются свѣдѣнія о принадлежности кого-либо изъ тяжущихся или отвѣтчика по исполненію рѣшенія къ составу дѣйствующихъ арміи или флота. Въ законѣ не сказано, кѣмъ могутъ быть доставляемы суду такія свѣдѣнія. Поэтому надо думать, что они могутъ быть доставляемы учрежденіями или лицами, заслуживающими довѣрія: полиціей, начальствомъ тяжущагося или отвѣтчика, хозяевами, членами семьи, родными, сослуживцами, городскими попечительствами, благотворительными учрежденіями и т. п.

Въ случаѣ пріостановленія судомъ производства дѣла, понудительнаго исполненія по актамъ или исполненія рѣшенія, пріостанавливается также и теченіе установленныхъ въ законѣ сроковъ для подачи всякаго рода состязательныхъ бумагъ, отзывовъ, жалобъ, просьбъ объ отмѣнѣ рѣшеній и пр. до истеченія указаннаго выше срока.

Въ случаѣ предъявленія иска къ лицу, находящемуся въ рядахъ дѣйствующихъ арміи или флота, вызовъ его къ суду повѣсткой отлагается до истеченія того же срока. Не допускается и вызовъ чрезъ публикацію въ вѣдомостяхъ. Такимъ образомъ до окончанія войны никакое дѣло, въ которомъ участвуетъ чинъ арміи или флота, не можетъ получить никакого движенія, если онъ самъ не пожелаетъ дать ему ходъ.

Законъ однако не могъ не считаться и съ справедливыми интересами истцовъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда отвѣтчикъ—чинъ арміи или флота—обладаетъ достаточнымъ имуществомъ для уплаты долга. Во избѣжаніе переукрѣпленія этого имущества во время войны, Указъ 13 сентября 1914 г. допускаетъ обезпеченіе исковъ, предъявленныхъ къ чинамъ дѣйствующихъ арміи или флота, въ случаѣ ихъ пріостановленія.

Однако мѣры обезпеченія не могутъ касаться ни жалованья и другихъ окладовъ этихъ лицъ, ни находящагося въ ихъ квартирѣ движимаго имущества. Наложеніе ареста на это имущество или жалованье не допускается. Благодаря этому гуманному и справедливому закону, семьи рабочихъ, служащихъ и вообще лицъ, живущихъ личнымъ трудомъ, ограждены отъ выселенія изъ квартиръ до окончанія войны, отъ описи и продажи квартирной обстановки, отъ вычетовъ изъ получаемаго ими за ушедшихъ на войну жалованья. Что касается прочаго имущества, которое можетъ быть предметомъ обезпеченія иска, то для огражденія интересовъ отвѣтчиковъ, не имѣющихъ повѣреннаго, судъ назначаетъ имъ защитника въ указанномъ выше порядкѣ.

Въ случаѣ смерти лица, находящагося въ рядахъ дѣйствующихъ арміи или флота, до истеченія срока, на который пріостановлено производства дѣла, понудительное исполненіе или взысканіе, вступаютъ въ силу общія правила, установленныя на этотъ случай, т.-е. сторона, заинтересованная въ возобновленіи дѣла, должна просить о назначеніи опеки надъ имуществомъ умершаго для отвѣта по иску или взысканію.

Указъ 13 сентября 1914 г. предусматриваетъ и тѣ случаи, когда во время войны истечетъ срокъ давности для предъявленія иска лицомъ, находящимся въ рядахъ дѣйствующихъ арміи или флота, для выкупа родового имущества отъ чужеродца или для совершенія какого-либо иного дѣйствія или заявленія.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ теченіе давности пріостанавливается на тотъ же срокъ, который установленъ для производства судебныхъ дѣлъ.

Не забыты Указомъ интересы лицъ, находящихся въ рядахъ дѣйствующихъ арміи или флота, и въ тѣхъ случаяхъ, когда они участвуютъ въ уголовномъ дѣлѣ въ качествѣ обвиняемыхъ, обвинителей или гражданскихъ истцовъ.

Повѣстки о вызовѣ въ судъ имъ не посылаются въ теченіе того же времени, на которое пріостановлено производство гражданскихъ дѣлъ. Неявка такого лица въ засѣданіе по уголовному дѣлу служитъ препятствіемъ къ открытію засѣданія въ теченіе того же времени. Теченіе сроковъ для жалобъ по уголовнымъ дѣламъ пріостанавливается на тотъ же срокъ, какъ и по дѣламъ гражданскимъ. Благодаря этому закону, обвиняемый чинъ дѣйствующихъ арміи или флота можетъ быть спокоенъ, что до его возвращенія изъ арміи по окончаніи войны онъ не можетъ быть заочно осужденъ, а постановленный о немъ приговоръ не вступитъ въ законную силу за пропускомъ срока на обжалованіе. Что касается дѣлъ, находящихся въ производствѣ уголовнаго Кассаціоннаго Департамента по кассаціоннымъ жалобамъ и протестамъ, то Сенатъ разъяснилъ, что Указъ 13 сентября 1914 г. на эти дѣла не распространяется, и примѣненіе этого закона въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ зависитъ отъ усмотрѣнія присутствія Сената.

О содержаніи этого благодѣтельнаго закона, независимо отъ обычной публикаціи въ Собраніи Узаконеній и Распоряженій Правительства, оповѣщены и всѣ чины дѣйствующихъ арміи и флота черезъ военное и морское министерства.

Указъ 13 сентября 1914 г. спасетъ отъ разоренія и гибели многія тысячи семействъ воиновъ, сражающихся въ настоящее время за отечество, и дастъ послѣднимъ столь необходимое имъ спокойствіе за судьбу женъ и дѣтей, оставшихся безъ кормильца, и за судьбу дѣлъ, начатыхъ до призыва на военную службу или возникшихъ послѣ ихъ вступленія въ ряды арміи.

Надъ Вислой.

Глухая ночь легла надъ старою Варшавой...
Ночные призраки полны тревожныхъ чаръ.
По улицамъ войска идутъ тяжелой лавой.
Далекимъ заревомъ встаетъ ночной пожаръ.

Гудятъ орудія. Спѣшатъ во тьмѣ отряды.
Ползетъ по городу темнѣющій обозъ.
Растётъ неясный гулъ далекой канонады.
Кругомъ идутъ войска... Грохочетъ сталь колесъ...

Нестройный шумъ плыветъ отъ тысячнаго шага.
Молчитъ загадочно Варшавы цитадель...
Надъ Вислой зарево... Въ туманѣ тонетъ Прага...
Внизу шумитъ волна, блеститъ рѣчная мель...

Нѣмое зарево становится все больше...
Яснѣе выстрѣлы. Гудитъ сильнѣй пальба.
Война пылаетъ тамъ, въ поляхъ старинной Польши,
Растетъ и ширится мятежная борьба.

Геройство тамъ вѣнчаютъ вѣчной славой.
Позоръ тому, кто духомъ слабъ и старъ!..
Глухая ночь лежитъ надъ темною Варшавой...
Ночные призраки полны тревожныхъ чаръ...

Вл. Краковецкій.

Метерлинкъ и война.

(Съ портр. на стр. 833).

Развернувшіяся въ Европѣ грозныя событія и героическая роль Бельгіи, принявшей въ ней трагическое участіе, выдвинули на одно изъ первыхъ мѣстъ въ міровомъ вниманіи знаменитаго бельгійца—Мориса Метерлинка.

Казалось бы, грохотъ орудій и стоны и побѣдные клики войны должны бы заглушить голоса мирныхъ художниковъ и поэтовъ... Казалось бы, все невоенное, все мирное должно отойти теперь далеко въ сторону. Но волею судебъ это не коснулось Метерлинка. Этотъ глубоко мирный человѣкъ, этотъ пѣвецъ тайниковъ души человѣческой, неутомимый искатель разрѣшенія міровыхъ загадокъ любви и смерти, возстаетъ теперь трагическимъ силуэтомъ на фонѣ окровавленной и озаренной пожарами Бельгіи.

Правда, Метерлинкъ выступилъ сейчасъ не какъ поэтъ, но какъ гражданинъ истерзанной героической страны и какъ страстный агитаторъ „войны противъ войны", борьбы съ нѣмецкимъ варварствомъ, призывающій къ защитѣ и охранѣ всего святого, чѣмъ донынѣ жило человѣчество. Мало того, Метерлинкъ сталъ въ ряды борцовъ-защитниковъ родины. Но этотъ новый Метерлинкъ неразрывно связанъ съ Метерлинкомъ прежнимъ—авторомъ тончайшихъ поэтическихъ произведеній, проникнутыхъ вѣяніемъ неземныхъ ожиданій и острыми нотками тоски предъ вѣчной загадкой смерти и цѣли человѣческаго бытія. Метерлинкъ-воинъ, Метерлинкъ - защитникъ родины и пламенный трибунъ,—этотъ Метерлинкъ всталъ сейчасъ предъ нашими изумленными глазами, какъ прежній поэтъ и человѣкъ, но только на новомъ фонѣ и въ рамкахъ неожиданно новаго бытія.

Главный смыслъ произведеній Метерлинка — „трагическое въ повседневности". Трагическое вступаетъ въ человѣческую жизнь то среди мелочной обыденной суеты, то на фонѣ очаровательной сказки,—но все равно оно входитъ въ жизнь и приноситъ съ собой

Библиотека "Руниверс"

тайну и тысячи томительныхъ вопросовъ, обращенныхъ къ темному и молчаливому лику этой тайны...

Кромѣ внѣшней дѣйствительности, по его убѣжденію, есть другая дѣйствительность, не реальная, но возможная. И Метерлинкъ изучаетъ законы Рока, чтобы по мѣрѣ своей земной возможности бросить отблескъ свѣта на тайны нашей жизни и найти гармонію между трагическимъ и радостнымъ.

И вотъ Рокъ вторгся съ сказочной силой въ его до той поры спокойную жизнь. Вспыхиваетъ война, и жизнь Метерлинка превращается какъ бы въ одну изъ его поэмъ, исполненныхъ трагизма и смерти... Его личная жизнь и жизнь его окружающихъ охвачена со всѣхъ сторонъ тѣми вѣяніями ужаса смерти и предчувствій, которыми полны его прелестныя поэмы. Но теперь это уже не поэма, а реальная жизнь. Художественное творчество стало дѣйствительностью. И какъ странно и жутко видѣть Метерлинка въ этой дѣйствительности. Какое роковое шествіе событій въ его жизни и кругомъ него!

Все свершается по слову поэта-провидца. Но что же самъ поэтъ? Какъ встрѣтилъ онъ это страшное воплощеніе своихъ поэтическихъ созданій въ реальную жизнь?

Метерлинкъ недаромъ бельгіецъ. Онъ—сынъ героической страны; вся исторія Бельгіи родилась изъ героической фламандской легенды, гдѣ поэтическая фантастика переплелась съ дѣяніями мощной борьбы за существованіе. Изъ тумана вѣковъ выплылъ стойкій и смѣлый народъ, склонный къ глубокимъ вѣрованіямъ и къ поэтическому міровоззрѣнію, и въ то же время народъ—дѣлецъ. Таковъ и Метерлинкъ: поэтъ, дитя и отецъ легендъ, вдумчивый фантастъ, онъ въ то же время спокойный и трезвый дѣятель, онъ умѣетъ въ нужныя минуты смотрѣть на жизнь и дѣйствовать вполнѣ реально. И когда надъ его родиной разразилось страшное несчастіе, когда въ нее вторглись варвары, не щадящіе и не признающіе ничего святого, тогда Метерлинкъ положилъ въ сторону перо поэта и мыслителя и сталъ на защиту родной страны, какъ рядовой солдатъ. Это его не удовлетворило, и онъ, кромѣ того, выступилъ съ горячими публичными протестами противъ германскаго насилія.

Сильное впечатлѣніе производитъ недавно появившаяся въ англійской газетѣ („Daily-Mail") статья Метерлинка о войнѣ. Въ этой статьѣ Метерлинкъ-боецъ встаетъ во весь свой ростъ.

„Въ эти трагическіе моменты нашей жизни никому не должно быть позволено говорить, кто не умѣетъ или не хочетъ носить ружье—ибо такъ чудовищно безполезно, такъ безнадежно легкомысленно кажется писаное слово предъ могучей драмой, которая, быть-можетъ, навсегда освободитъ человѣчество отъ бича войны—того единственнаго бича среди всѣхъ бичей человѣчества, котораго нельзя извинить, нельзя объяснить, такъ какъ онъ одинъ среди всѣхъ исходитъ и зависитъ отъ рукъ человѣка.

„Но пока этотъ бичъ виситъ надъ нами, пока мы окружены имъ со всѣхъ сторонъ, надо попытаться взвѣсить грѣхъ тѣхъ, кто совершилъ это неимѣющее прощенія преступленіе. Теперь, когда мы живемъ въ самой гущѣ этого ужаса, мы имѣемъ — и только теперь можемъ имѣть достаточную энергію и зоркость, чтобы судить его. Только изъ глубинъ самой ужасной и жестокой несправедливости можно узрѣть справедливость. Когда пробьетъ часъ для оплаты счетовъ — а часъ этотъ не такъ ужъ далекъ—мы уже позабудемъ многое изъ того, что мы вынесли и претерпѣли, и позорное милосердіе застелетъ намъ глаза. Поэтому теперешній моментъ—моментъ, когда мы должны принять наше непоколебимое рѣшеніе".

Метерлинкъ далѣе говоритъ, что несомнѣнно послѣ побѣды надъ врагомъ будутъ сдѣланы попытки пробудить нашу жалость къ нему. Будутъ говорить, что воевала не та Германія, которую мы знали и видѣли въ дымкѣ поэтическихъ грезъ и добродушія, и что во всемъ виновата грубая Пруссія, а не Баварія, не Саксонія и т. д. „Всѣ они сразу станутъ бѣлѣе снѣга, болѣе безобидными, чѣмъ овцы на англійскомъ пастбищѣ. И окажется, что они только слушались, были принуждены слушаться приказаній, которыя были для нихъ ненавистны, но не послушаться которыхъ они не смѣли".

„Но теперь,—говоритъ Метерлинкъ:—когда мы стоимъ лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, посмотримъ ей прямо въ лицо и произнесемъ нашъ приговоръ. Ибо въ этотъ настоящій моментъ, когда въ нашихъ рукахъ всѣ улики и вещественныя доказательства, когда еще не стерты слѣды преступленія, мы должны крикнуть правду, которая скоро поблѣднѣетъ въ нашей памяти. Поэтому скажемъ себѣ теперь, что все то, что намъ потомъ скажутъ, будемъ ложью, и будемъ въ дальнѣйшемъ неуклонно придерживаться рѣшенія, принятаго въ этотъ моментъ, когда насъ еще окружаетъ зарево ужаса".

Знаменитый бельгійскій поэтъ и драматургъ Морисъ Метерлинкъ.

По словамъ Метерлинка, въ исполинскомъ преступленіи нынѣшней войны нѣтъ невинныхъ и нѣтъ различныхъ степеней вины, но всѣ стоятъ на одномъ уровнѣ: и нѣмцы съ сѣвера и нѣмцы съ юга. Это просто нѣмцы, „нѣмцы вообще", открывшіе передъ нами свое истинное лицо хищнаго звѣря. И это не рабы, которыхъ затянулъ въ войну якобы единственно отвѣтственный императоръ-тиранъ. Метерлинкъ утверждаетъ, что къ данному случаю вполнѣ примѣнима извѣстная формула: „Народы имѣютъ ту форму правленія, которую они заслуживаютъ". „Если 80 милліоновъ невинныхъ людей выбираютъ себѣ и поддерживаютъ чудовище-императора, то эти 80 милліоновъ просто раскрываютъ намъ всю внутреннюю фальшь и поверхностность ихъ невинности. И то чудовище, которое стоитъ во главѣ ихъ, является показателемъ истиннаго характера ихъ натуры, такъ какъ оно является представителемъ вѣчныхъ стремленій ихъ расы,—тѣхъ стремленій, которыя лежатъ гораздо глубже, чѣмъ ихъ мнимыя и показныя добродѣтели".

„Черезъ тысячу лѣтъ нѣмцы останутся такими же: ни искусство ни образованіе не помогутъ".

„Сумѣемъ быть безжалостными, чтобы больше никогда не нуждаться въ жалости! — восклицаетъ въ заключеніе Метерлинкъ. — Это — мѣра естественной защиты. Необходимо, чтобы современное человѣчество уничтожило навсегда прусскій милитаризмъ!"

Вотъ какія страстныя слова нашелъ въ своей опаленной гнѣвомъ и скорбью душѣ поэтъ-провидецъ, въ чью жизнь и творчество ворвался такъ неожиданно трагическій Рокъ!

Эта яркая рѣчь бельгійскаго поэта вызвала къ себѣ величайшій интересъ во всемъ мірѣ, и слава Метерлинка удесятерилась. Милліоны людей восхищаются его героизмомъ и сочувствуютъ ему, какъ великому представителю великой въ своей скорби и доблести бельгійской страны.

Французская Академія избрала Метерлинка въ свои „безсмертные"—въ академики и ради этого даже нарушила свой статутъ, по которому не французскіе подданные не могутъ быть избираемы въ Академію.

Въ Англіи Метерлинкъ встрѣтилъ необычайно сердечный пріемъ. На митингѣ въ Ньюкэстлѣ онъ произнесъ рѣчь, начинавшуюся словами: „Грустную исторію я хочу вамъ повѣдать: это—исторія о маленькомъ королевствѣ, которое свято исполнило святое дѣло и должно умереть"... Вся зала отвѣтила на эти слова единодушнымъ крикомъ: „Никогда!" Публика восторженно привѣтствовала Метерлинка и выслушала его рѣчь, стоя.

Этотъ единодушный возгласъ былъ лучшимъ отвѣтомъ на все, что повѣдалъ міру о судьбѣ Бельгіи ея великій патріотъ, поэтъ и проповѣдникъ духа и жизни надъ насиліемъ и смертью.

Поляки!

Поляки! Я не вижу смысла
Въ безумномъ подвигѣ стрѣлковъ!
Иль воронъ заклюетъ орловъ?
Иль потечетъ обратно Висла?

Или снѣга не будутъ больше
Зимою покрывать ковыль?
Или о Габсбурговъ костыль
Пристало опираться Польшѣ?

И ты, славянская комета,
Въ своемъ блужданьѣ вѣковомъ
Разсыпалась чужимъ огнемъ,
Сообщница чужого свѣта!

О. Мандельштамъ.

Библиотека "Руниверс"

Великая европейская война.

(Хроника военныхъ дѣйствій).

16 октября Турція, потерявшая всякое сознаніе своихъ государственныхъ интересовъ и поставивъ на карту свое существованіе въ качествѣ европейской державы, начала военныя дѣйствія противъ Россіи. Всецѣло отдавшись въ политическое рабство германскимъ инструкторамъ и дипломатамъ, утратившая тѣнь державной самостоятельности, превратившаяся въ жалкаго тевтонскаго вассала, Турція рискнула, подкравшись ночью къ Ѳеодосіи и Новороссійску, бомбардировать эти порты, въ то время какъ ея дипломатическіе представители на берегахъ Невы неустанно заявляли о своемъ строгомъ нейтралитетѣ. Россія съ полнѣйшимъ спокойствіемъ встрѣтитъ вѣроломное и гнусное нападеніе этого новаго въ нынѣшней Великой европейской войнѣ врага и достойно отвѣтить на его наглый вызовъ. Этому новому и вмѣстѣ съ тѣмъ исконному врагу Россіи придется вспомнить старое время, когда доблестная и побѣдоносная русская рать стояла подъ стѣнами Цареграда. Вступая въ дерзкую борьбу съ Россіей, Турція обрушиваетъ на себя и грозныя силы ея союзниковъ. Только заразившись безуміемъ своихъ растерявшихся вдохновителей, Турція могла рѣшиться на такой самоубійственный шагъ. И конечно грозенъ и неумолимъ будетъ для нея часъ недалекаго возмездія, послѣдній часъ вѣкового спора между Россіей и Турціей.

Въ теченіе нынѣшней войны нѣмцы, къ великому счастью Европы и человѣчества, на обоихъ фронтахъ неоднократно несли тяжелыя пораженія: ихъ вынужденныя отступленія отъ Парижа, отъ Нѣмана и отъ Вислы вполнѣ заслуживаютъ именно этого имени. Но справедливость обязываетъ признать, что, не въ примѣръ австрійцамъ, нѣмцы отходили всегда болѣе или менѣе заблаговременно и въ относительномъ порядкѣ. Можно сказать, что въ теченіе нынѣшней кампаніи нѣмцы демонстрировали свое военное искусство почти спеціально по части аккуратно выполненныхъ отступленій. Для одержанія громкихъ побѣдъ нуженъ большой подъемъ, высокое воодушевленіе, но у нѣмцевъ его нѣтъ—и побѣдъ они не одерживаютъ; германскіе стратеги, лишенные вдохновенія, разсчетливые и аккуратные, умѣютъ отступать и отступать. Графъ Мольтке и генералъ Гинденбургъ — почти геніи „ретирадной" стратегіи. Эту ихъ отрицательную въ военномъ дѣлѣ способность необходимо отмѣтить, потому что она въ наибольшей мѣрѣ предопредѣляетъ весь характеръ и даже степень продолжительности кровавой войны. Намъ необходимо считаться съ этой особенностью непріятеля, вытекающей изъ національныхъ качествъ германцевъ: ихъ массовой дисциплинированности и механической систематичности. Когда энергія нѣмецкаго нашествія на Варшаву разбилась о гранитное мужество нашей арміи, нѣмцы подъ страхомъ начавшихся фланговыхъ обходовъ начали отступать еще съ вечера, маскируя свое отступленіе усиленной артиллерійской канонадой русскихъ позицій.

Сообщенія главнаго штаба Верховнаго Главнокомандующаго кратко рисуютъ эпическую картину нашего преслѣдованія торопливо уходившаго непріятеля. Настигая отступающія колонны, наши войска вынуждали ихъ развертываться для новыхъ боевъ, одерживали новыя побѣды, захватывали плѣнныхъ, пулеметы и пушки. Разбитыя арміи, поддержанныя подошедшими подкрѣпленіями, рисковали давать побѣдителю встрѣчные бои, которые кончались новыми нашими побѣдами подъ Радомомъ, подъ Равой, Новымъ Мѣстомъ, Мочидлой, Блоной, Сухочевымъ, на р. Пилицѣ, Ильжанкѣ и пр. Преслѣдованіе разбитыхъ полчищъ ведется съ надлежащею энергіею и при неотступности непремѣнно внесетъ въ германскіе ряды общую дезорганизацію. На югѣ противъ австрійской арміи, привыкшей терять орудія и плѣнныхъ безъ счета, преслѣдованіе сопровождается еще болѣе обильными трофеями. И на югѣ и на сѣверѣ отъ Перемышля австрійцы шагъ за шагомъ снова теряютъ всѣ мѣстности, которыя были временно уступлены имъ при сосредоточеніи силъ нашей арміи къ средней Вислѣ, гдѣ должно было разыграться рѣшительное сраженіе съ центральными германскими арміями. Неудача австро-германскихъ попытокъ задержаться на путяхъ отступленія краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что идущія на подмогу нѣмцамъ подкрѣпленія слишкомъ ничтожны для того, чтобы дать другой оборотъ исходу борьбы. Постоянно обновляемая и освѣжаемая, благодаря неисчерпаемости нашего человѣческаго запаса, русская армія не позволитъ многократно разбитому непріятелю слишкомъ засиживаться на попутныхъ оборонительныхъ позиціяхъ и, очистивъ отъ нѣмцевъ столь пострадавшія польскія губерніи, Богъ дастъ, скоро и въ центральной части фронта перенесетъ войну на германскую территорію.

Такія же качества дисциплинированности въ оборонѣ и полнѣйшей бездарности въ наступленіи выказали нѣмцы и на своемъ западномъ фронтѣ. Взятіе Антверпена и выходъ къ морскому берегу мало поправили ихъ положеніе, созданное неудачей движенія на Парижъ. Удачное отступленіе есть все-таки отступленіе, а не побѣда, т.-е. въ лучшемъ случаѣ безплодная потеря сотенъ тысячъ воиновъ и милліардовъ марокъ. Преслѣдуя антверпенскій гарнизонъ, ген. Клукъ дошелъ до Остендэ, мечталъ утвердиться въ Па-де-Калэ и превратить Дувръ въ базу для нападеній на Англію съ помощью воздушной флотиліи цеппелиновъ, подводныхъ лодокъ и дессантныхъ судовъ. Но результаты не оправдали этихъ надеждъ. До сихъ поръ нѣмцамъ никакъ не удается опрокинуть желѣзную стѣну англо-французскихъ и бельгійскихъ войскъ, протянувшуюся черезъ сѣверъ Франціи и Бельгіи отъ Швейцаріи до Сѣвернаго моря. Многіе усматриваютъ въ наступательныхъ попыткахъ нѣмцевъ нѣчто похожее на судороги агоніи: напрягая послѣднія усилія, чтобы достигнуть рѣшительнаго успѣха, который упрямо не дается въ руки, германскіе военачальники втихомолку подготовляютъ свою армію къ отступленію на заранѣе подготовленныя позиціи по р. Маасу. Использовавъ сразу почти весь свой контингентъ, нѣмцы лишены возможности пополнять рѣдѣющіе ряды своей арміи, между тѣмъ какъ армія союзниковъ продолжаетъ расти, безпрерывно пополняемая притокомъ колоніальныхъ войскъ изъ Индіи, Австраліи, Канады, Алжира, Южной Африки и пр. и новосформированными полками лорда Робертса. Неумолимое время является самымъ надежнымъ союзникомъ генералиссимуса Жоффра и самымъ опаснымъ врагомъ императора Вильгельма.

Призывъ учащейся молодежи въ армію.

(Вопросы внутренней жизни).

Рѣдко актъ государственной власти вызывалъ такой высокій моральный подъемъ въ обществѣ, какъ Высочайшій призывъ учащейся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ молодежи къ непосредственному участію въ защитѣ родины. Обыкновенно въ мирное время великое національно-государственное значеніе военной подготовки у насъ какъ-то непосредственно мало чувствуется и плохо воспринимается. Но нынѣшняя война, пробудившая въ русскомъ обществѣ живое патріотическое чувство и сознаніе нравственнаго долга передъ родиной, сразу переродила отношеніе къ военной службѣ. Многимъ изъ самыхъ передовыхъ юношей показалось неловкимъ, пользуясь отсрочками и привилегіями, предаваться въ теплѣ и холѣ научнымъ занятіямъ въ то время, когда милліоны русскихъ гражданъ, милліоны отцовъ, покинувшихъ своихъ дѣтей, среди невзгодъ и лишеній тяжкой войны защищаютъ ихъ покой и безопасность отъ нашествія непріятеля своею кровью. Въ юныхъ сердцахъ властно заговорила гражданская совѣсть. При видѣ возвращающихся съ войны раненыхъ священная повинность крови стала казаться такой высокой, а уклоненіе отъ нея — обидно-унизительнымъ. Царскій призывъ къ непосредственному участію учащейся молодежи въ защитѣ родины придалъ благородному порыву отдѣльныхъ, наиболѣе впечатлительныхъ, юношей характеръ и значеніе уже не единичнаго, а массоваго рѣшенія. Тѣ, у кого не хватило рѣшимости и личной инищіативы, получили послѣднюю отъ Верховной власти. И въ Петроградѣ, и въ Москвѣ, и въ провинціальныхъ университетскихъ городахъ на Указъ о зачисленіи студентовъ въ юнкерскія училища для ускореннаго выпуска черезъ четыре мѣсяца офицерами въ армію учащаяся молодежь отвѣтила горячими патріотическими манифестаціями.

За послѣднее время столица видѣла много всевозможныхъ манифестацій, но ни одна изъ нихъ не носила такого возвышеннаго характера, какъ огромная студенческая манифестація по поводу привлеченія студентовъ къ военной службѣ. Это была минута великаго значенія. Она никогда не забудется тѣми, кто ее пережилъ, и оставитъ свой слѣдъ на всю остальную жизнь каждаго изъ безчисленныхъ участниковъ демонстраціи. Поколѣніе, вступившее въ жизнь подъ этимъ примиряющимъ и воодушевляющимъ впечатлѣніемъ, не пройдетъ безслѣдно въ исторіи своего народа. Въ торжественномъ и трогательномъ объединеніи съ родиной оно найдетъ могучій стимулъ къ творческой и созидательной работѣ на всѣхъ поприщахъ общественной и государственной жизни.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко кн. 21".

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Библиотека "Руниверс"

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ. Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Выданъ 1 ноября 1914 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ **за строку нонпарейль** въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): **передъ** текстомъ и на **первой** страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.: на **послѣдней** страницѣ **обложки 1 р. 50 к.**: на остальныхъ стран. **1 р. 25 к.**

Къ этому № прилагаются „Лит. Прил." и „Новѣйш. Моды" за ноябрь.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ" 1915 г.

Съ приложеніемъ **40 КНИГЪ „СБОРНИКА НИВЫ"**, содержащихъ:

1-ю серію полнаго собранія сочин. **Д. Мамина-Сибиряка** **18** книгъ большого формата,

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ **И. А. Бунина** въ **12** книгахъ,

НОВОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ „ЯМА" (окончаніе) **А. И. Куприна** въ **2**-хъ книгахъ и

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ **М. Метерлинка** въ **8** книгахъ.

1 Генеральная карта средне-европейск. и южнаго театра военныхъ дѣйствій.

Подъ ред. проф. **Ю. М. Шокальскаго.** Въ шесть красокъ, размѣръ 100×130 сант., въ масштабѣ 50 верстъ въ дюймѣ.

12 книгъ ЕЖЕМѢСЯЧН. ЖУРНАЛА **„Литературныя и популярно-научныя Приложенія".**

12 №№ „НОВѢЙШИХЪ МОДЪ". До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ.

12 ЛИСТОВЪ: до 300 рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ и для выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ.

1 „ОТРЫВНОЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ КАЛЕНДАРЬ" на **1915** годъ, отпечатанный красками.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ" **1915** г. со всѣми приложеніями:

Въ Петроградѣ:	Безъ доставки:	Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи	
Безъ доставки **6 р. 50 к.**	1) въ **Москвѣ:** въ конторѣ Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ. **7 р. 25 к.**	**8 р.**	**Допускается РАЗСРОЧКА платежа: въ два срока** (при подпискѣ 4 р. и 1 іюня 4 р.), **въ три срока** (при подпискѣ 3 р., 1 апрѣля 2 р. 50 к. и 1 августа 2 р. 50 к.) и **въ 4 срока** (при подпискѣ 2 р., 1 марта 2 р., 1 іюня 2 р. и 1 августа 2 р.).
Съ доставкою **7 р. 50 к.**	и 2) въ **Одессѣ:** въ книжн. маг. „ОБРАЗОВАНІЕ". **7 р. 50 к.**		

Подробное объявленіе см. на стр. 842—842в этого нумера.

Библиотека "Руниверс"

КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ
ЗАОЧНЫЕ, САМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
И ПРОЧИХЪ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ
— С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ —
МОСКВА, Староконюшенный, д. Курилко. 7.
ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО УСЛОВІЯ ИЗУЧЕНІЯ КОММЕРЧЕСК. НАУКЪ ПО ПИСЬМЕННЫМЪ ЛЕКЦІЯМЪ, ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.
3262 10-2

Печатается и на-дняхъ поступитъ въ продажу изящный альбомъ:

ДОБЛЕСТНАЯ БЕЛЬГІЯ,

заключающій въ себѣ 16 рѣдкихъ видовъ этой геройской страны, взятыхъ изъ собственной коллекціи видовъ Бельгіи, за малыми исключеніями еще не появлявшихся въ печати, съ приложеніемъ весьма рѣдкаго, неизвѣстнаго въ Россіи портрета короля-героя Альберта и краткой карты Бельгіи. Альбомъ изданъ изящно на лучшей двухсторонней мѣловой бумагѣ въ форматѣ in 16°. Цѣна альбома 50 коп., съ пересылкою 70 коп. Иногородніе благоволятъ обращаться съ требованіями къ издателю И. И. Смирнягину. Москва, Б. Козловскій, 12/21. Почтамтъ, абонем. ящикъ № 596.

НУЖНЫ АГЕНТЫ въ большихъ городахъ для распространенія альбома на комиссію по мѣстнымъ книжнымъ и писчебумажнымъ магазинамъ. 3266

КУРСЫ

общед. **ЗАОЧНЫЕ** ком. самообр. ПРОГР.: 2-ая итальянск. и американская

БУХГАЛТЕРІЯ

СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи), коммерч. ариѳметика, коммерч. корреспонденція, ком. географія, товаровѣдѣніе. **Курсъ правоп. КАЛЛИГРАФІИ, контор скорописи, ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА. БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ** (труды профессъ. и препод. высш. и средн. учебн. завед.). **Отзывы спец. благ. письма. АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА.** Льготн. условія: разсрочка отъ 2 руб. **Программы и пробныя лекціи высылаются БЕЗПЛАТНО.** Адресъ: **Книгоиздательство „Кругъ Самообразованія".**— Петроградъ, Невскій, д. 57—11.

ЗАИКАНІЕ

Радикальн. отвыкан. в Лѣчебном Кабинетѣ Dr. М. Вагнер, Петроград, Невскій, 53. Патентов. в Россіи, Франц., Бельг., Венгр. 3233 аппарат. Брошюры безплатно. 6-5

НЕ КУРИ!

Желающимъ бросить курить высылается безплатно проспектъ, указывающій путь, какъ избавиться отъ этой вредной привычки. Москва, Уланскій пер., д. № 30—4.
П. КОМИСАРЕНКО.
3261 (5)

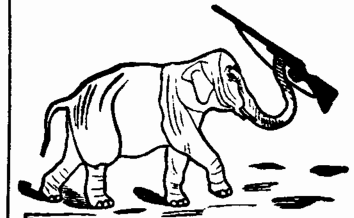
„ЛЕМАНЪ".

Мастерская сущ. съ 1889 г.

Скрипки, альты, віолончели, смычки и книги о скрипкѣ. Пріемъ инструментовъ въ починку, точная и совершенная гардеробка. **Струны** итальянскія и французскія, провѣренныя. **Смычки** англійскіе, французскіе и нѣмецкіе. **Дерево** и инструменты для построенія скрипокъ. **Лаки** собственнаго изготовленія. **Футляры** и все, что нужно для струнныхъ инструментовъ, отъ рѣдкихъ художественныхъ произведеній до самыхъ доступныхъ. Заказные инструменты выполняются по моделямъ Лемана и извѣстныхъ итальянскихъ мастеровъ. Ученическія скрипки отъ 30 руб. Все требуемое высылается наложеннымъ платежомъ по полученіи задатка въ размѣрѣ 1/3 стоимости выписываемаго товара. Запросы и деньги слѣдуетъ адресовать на имя **Л. А. Лашеевой, Петроградъ, Рузовская, 27, кв. 5.**

2-2 Каталогъ высылается безплатно. 3250

УЧЕБНО-СПРАВОЧНОЕ БЮРО сообщаетъ немедленно подробныя справки о **всѣхъ экзаменахъ**, а также объ условіяхъ поступленія во **всѣ учебныя заведенія** Россіи, о новѣйшихъ циркулярахъ по поводу **вольноопредѣл. и воен. учил.** Справки высылаются налож. платежомъ. Обыкновенная справка—1 р. 20 к.; сложная—3 р. 20 к. Адресъ: Москва. почт. ящ. 967 (девятьсотъ шестьдесятъ семь), отд. 2. 3267



СТАРѢЙШІЙ ОРУЖЕЙНЫЙ МАГАЗИНЪ г. МОСКВЫ

3-3 основанъ **1860** года. 3468

т./д. Э. БЕРНГАРДЪ и К°,

преемникъ И. ШЕНБРУНЕРА,

Москва, Кузнецкій Мостъ, 5,

Рекомендуетъ лучшія ружья, новѣйшія спеціальныя модели, фабрики **Грейфельдъ и К°** въ Зулѣ. Большой выборъ курковыхъ и безкурковыхъ ружей.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ

Прейсъ-курантъ высылается по первому требованію безплатно.

Книгоиздательство А. С. ПАНАФИДИНОЙ.

Открыта подписка на 1914/15 г. на еженед. иллюстр. журналъ

„ГАЗЕТКА для дѣтей и ЮНОШЕСТВА." (5-й г. изд.).

52 №№ журнала большого формата, съ массой рисун., сост. при уч. **лучшихъ литер. силъ.** | 52 прилож. на отд. лист. **въ краск.**, содерж. болѣе 200 игръ, игрушекъ, интер. занятій, рукодѣлій и т. п.

и полное собраніе сочиненій М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

въ одномъ томѣ, со множ. рисунковъ и біографіей; кромѣ того,

НѢСКОЛЬКО ПРЕМІЙ - ПОДАРКОВЪ (книгъ).

Три конкурса на преміи. ● Интересн. табель-календарь въ краскахъ на 1915 г.

Цѣна: на 1 г.—3 р. 50 к., 1/2 г.—2 р. Адресъ редакціи и конторы: **Москва, Лялинъ п., д. № 11—4.**

Подробный проспектъ съ рисунк. БЕЗПЛАТНО. Цѣна нумера въ отд. прод. 3258 у разносч. и въ кіоскахъ 7 к. **Подписной годъ начинается 1-го ноября.** 2-1

СѢДЫЕ ВОЛОСЫ

Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній натуральный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и незамѣтно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ натуральный цвѣтъ. Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались. Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства

СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ. 3252

Пишите немедленно! Не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ.

Лабораторія КАЛЬТОКО, МОСКВА. Отд. 1 А. М.

СЕРДЕЧНЫЯ — ЗАБОЛѢВАНІЯ,

ожиреніе, склерозъ сердца, сердцебіенія и одышки, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ"** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина"; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬ и С ВЬЯ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

3162 12-6

Вышелъ изъ печати **вторымъ** исправленнымъ и значительно увеличеннымъ изданіемъ составленный **В. ЗЕЛИНСКИМЪ**

ПОДРОБНЫЙ ОРѲОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ,

заключающій въ себѣ: правильное начертаніе словъ, объясненіе малопонятныхъ и непонятныхъ словъ, указаніе удареній во всѣхъ словахъ и географическихъ названіяхъ, а также раздѣленіе каждаго слова на части для правильнаго переноса ихъ изъ одной строки въ другую. Въ книгѣ 688+VIII страницъ и 2,055 столбцовъ съ объясненіями. Цѣна 2 руб. безъ пересылки. Пересылка по вѣсу книги (2 ф. 12 л.), т.-е.=45 к., съ наложен. плат.—55 коп.

Продается въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ, а почтой высылается изъ **склада изданій В. ЗЕЛИНСКАГО:** Москва, Спиридоновка, д. 16—8. 3270

Grand-Prix.
Парижъ, Лондонъ, Флоренція: до 30 мед.

ВАЛЕНКИ

изъ пуха и шерсти, на двухъ подошвахъ: пробочной и войлочной; не скользятъ, теплы, легки и очень прочны. Особенно рекомендуются гг. военнымъ. **„НОВОСТЬ"** Вязаные ПЬЕКСЫ на шнуркахъ для ЛЫЖНИКОВЪ.

Привилегія заявлена въ Департ. Торг. и Пром. за № 51982

Поставщика ИМПЕРАТОРСКАГО О-ва ОХОТЫ

Т. С. ПРИВЕЗЕНЦЕВА.

Москва, Покровка, д. № 4—Н.

3269 **Прейсъ-курантъ высылается безплатно.** 2-1

Библиотека "Руниверс"

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Сколько милліоновъ человѣкъ вовлечено въ войну? Проводимъ интересный подсчетъ тѣхъ милліоновъ людей, которые вовлечены въ общеевропейскую войну. Въ Австро-Венгріи 54,4 милл. жителей, въ Германіи—66,8 милл., въ Россіи—167 милл., въ Англіи—423 милл., во Франціи—39,6 милл., въ Бельгіи—7,4 милл., въ Сербіи—4,5 милл., въ Черногоріи 4 милл. и наконецъ въ Японіи—69 милл. Всѣ эти цифры составляютъ солидную сумму въ 834 милл. людей. Въ эту цифру еще не включена Турція.

Если принять во вниманіе только тѣхъ людей, которыхъ коснулась война въ Европѣ, то въ общей сложности они составляютъ 320 милл. изъ 400 милліоновъ всѣхъ жителей Европы. Изъ великихъ державъ одна только Италія не принимаетъ участія въ войнѣ, но не слѣдуетъ забывать, что даже тѣ государства, которыя не принимаютъ непосредственнаго участія въ войнѣ, во всякомъ случаѣ, мобилизованы.

Общая сумма, представляющая собою ежегодный оборотный капиталъ торговли воюющихъ державъ, составляетъ по меньшей мѣрѣ 100 милліардовъ.

Чтеніе для солдатъ. Комитетъ народныхъ изданій предоставилъ въ распоряженіе Краснаго Креста 1.000 безплатныхъ солдатскихъ библіотекъ для чтенія раненымъ въ лазаретахъ. Въ составъ каждой библіотеки вошли книги религіозныя, военно-историческія, дешевыя изданія русскихъ классиковъ, военные разсказы Погосскаго и др., всего около 130 названій. По предварительному соглашенію съ главноуполномоченными Краснаго Креста, библіотеки эти распредѣлены слѣдующимъ образомъ: 500 библіотекъ выслано въ Москву въ распоряженіе А. Д. Самарина, 100—въ Кіевъ сенатору Иваницкому, 200—въ сѣверо-западный районъ ген. Дашкову и 200 библіотекъ оставлены для солдатскихъ госпиталей Петрограда.

«Въ полкъ баба пріѣхала». Забавный случай изъ боевой жизни полка приведенъ въ «Русскомъ Словѣ»:

Полкъ уже не первый день стоялъ на позиціяхъ у австрійской границы. Отъ скуки рыли окопы, но думали только о движеніи впередъ.

Утро. Въ избу командира полка вбѣгаетъ его денщикъ Сидоровъ и, ухмыляясь, докладываетъ:

— Такъ что, ваше-скродь, въ полкъ баба пріѣхала!

— Какая баба? Что ты врешь!

— Такъ точно, къ рядовому изъ 15-й роты изъ Верхнеднѣпровска пріѣхала.

— Что за ерунда! Зачѣмъ?

— Такъ что, ваше-скродь, сестрой милосердія при емъ хочетъ быть.

— При мужѣ? Позвать его сюда!

Черезъ нѣкоторое время появляется счастливый мужъ. Лицо испуганное. Командиръ извѣстенъ строгостью. Подтверждаетъ рапортъ Сидорова.

— Ну, вотъ что,—рѣшаетъ полковникъ, бывшій въ шутливомъ настроеніи:—выбирай изъ трехъ: или одѣнемъ бабу солдатомъ, и пусть стрѣляетъ съ твоей ротой, или отправить ее на аэропланѣ домой, или пусть пока моетъ посуду на полковой кухнѣ, а тронемся дальше, какъ-нибудь пусть сама добирается до своего Верхнеднѣпровска.

— Дозвольте посовѣтоваться, ваше-скродь!

— Совѣтуйся.

Совѣтъ длился цѣлыя сутки. На другой день солдатъ снова предсталъ передъ полковникомъ.

— Ну, какъ?

— Такъ что, ваше-скродь, стрѣлять не хочетъ, на ероплане летѣть не хочетъ, а на кухню просится...

— Ладно. Ступай.

Прошло нѣсколько дней. Бабой не нахвалятся. Перемыла бѣлье солдатамъ, на кухнѣ помогала. Присмотрѣли ея таланты врачи и говорятъ адъютанту:

— Вы бы доложили полковнику, можетъ, онъ оставитъ ее при лазаретѣ: вѣдь мытья тамъ много будетъ.

Но прежде, чѣмъ адъютантъ рѣшился выступить съ такимъ необычнымъ предложеніемъ, прозвучала тревога. Черезъ десять минутъ первые ряды уже выступали, бросивъ ненужные окопы, а за ними, змѣей вытягиваясь по шоссе, тронулся и весь полкъ. Позади него—обозъ. Жаль было разставаться съ знакомыми, но нельзя было удержаться отъ веселаго смѣха, когда мимо насъ, высоко возсѣдая на послѣднемъ возу, на кипѣ прессованнаго сѣна прослѣдовала баба изъ Верхнеднѣпровска, серьезно и просто глядѣвшая туда, гдѣ и вправду ждала ее, быть-можетъ, обязанность:

— Быть при емъ сестрой милосердія.

Германскій кронпринцъ—грабитель. По сообщенію г. Лазарева въ «Бирж. Вѣд.», въ Москвѣ находится теперь баронъ Дебей, за̀мокъ котораго въ Шампоберѣ, во Франціи, былъ разграбленъ германскимъ кронпринцемъ. Баронъ Дебей послѣдніе мѣсяцы проводилъ въ Россіи, и извѣстіе о разгромѣ его имѣнія въ Шампоберѣ было получено имъ здѣсь. Извѣстіе это страшно огорчило барона. Пропалъ трудъ 28 лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ такъ старательно собиралъ свои драгоцѣнныя коллекціи. На свой запросъ во Францію о размѣрахъ разграбленнаго баронъ получилъ вчера изъ Франціи отъ своего племянника телеграмму, въ которой тотъ въ общихъ чертахъ выясняетъ размѣры вреда, нанесеннаго коллекціямъ барона хищничествомъ кронпринца. За̀мокъ и паркъ уцѣлѣли, сожжена только нижняя часть имѣнія и ферма. Двѣ древнихъ часовни XV вѣка, за судьбу которыхъ особенно опасался баронъ, остались нетронутыми. Въ за̀мкѣ осталась нетронутой картинная галлерея: всѣ картины и портреты на мѣстахъ. Повидимому, германцы или не понимали толку въ картинахъ, или просто не хотѣли возиться съ ними, хотя цѣнную старинную мебель они увезли. Увезены всѣ коллекціи, собранныя барономъ въ Россіи, древнія иконы, кресты, серебро, различныя старинныя вещи, драгоцѣнные подарки Высочайшихъ Особъ, полученные барономъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда онъ пріѣзжалъ въ Россію съ одной изъ французскихъ депутацій, и цѣлый рядъ другихъ предметовъ; все это сдѣлалось добычей грабителей.

Грабежомъ руководилъ самъ кронпринцъ. Не сумѣвъ открыть витрины, онъ велѣлъ привести шампоберскаго слесаря и, приставивъ ему ко лбу револьверъ, подъ страхомъ смерти приказалъ взломать витрины, что слесаремъ было исполнено.

Внутри за̀мокъ представляетъ картину полнѣйшаго разгрома. Открыты всѣ шкапы, столы; бумаги разбросаны, изорваны; среди сора—масса цѣнныхъ вещицъ, очевидно, оброненныхъ ворами во время поспѣшнаго грабежа.

Семью барона, оставшуюся въ Парижѣ и послѣ отступленія германцевъ поспѣшившую въ имѣніе, картина разгрома привела въ ужасъ. Баронъ Дебей еще остается въ Россіи. 30 сентября онъ выступилъ въ публичномъ засѣданіи московскаго Императорскаго Археологическаго Общества съ докладомъ о Реймсѣ и другихъ древностяхъ сѣверной Франціи, пострадавшихъ отъ германскаго нашествія.

Спросъ на газеты въ деревнѣ. Отрезвившаяся деревня проявляетъ огромный интересъ къ войнѣ и жаждетъ о ней свѣдѣній. Во многихъ деревняхъ появились разносчики газетъ, которые обслуживаютъ спеціально деревни.

Въ одной изъ деревень, лежащихъ на пути въ г. Егорьевскъ, имѣлъ мѣсто такой случай. Газетчикъ, ежедневно ѣздившій черезъ это селеніе въ названный городъ, не хотѣлъ задерживаться и поэтому газетъ не продавалъ. Мужики протестовали противъ этого, но ничто не помогало. Тогда они простонапросто остановили газетчика и категорически заявили: «если не будешь продавать газеты, то не будемъ пускать черезъ деревню». Газетчику пришлось удовлетворить требованіе крестьянъ.

Австрійскій усовершенствованный аэропланъ. Во время отступленія австрійцевъ нашими войсками былъ захваченъ австрійскій аэропланъ совершенно новой конструкціи, вмѣстѣ съ летчиками, одинъ изъ которыхъ оказался извѣстнымъ австрійскимъ авіаторомъ Бляшке.

Захваченный аэропланъ, построенный въ австрійскихъ авіаціонныхъ мастерскихъ, представляетъ послѣднее слово авіаціонной техники. Это — огромный воздушный дредноутъ системы Лоннера, съ шестицилиндровымъ двигателемъ въ 120 силъ, съ водянымъ охлажденіемъ. Размахъ крыльевъ аэроплана — $16^1/_2$ метровъ, длина—десять метровъ, общая несущая поверхность — пятьдесятъ кв. метровъ. Аэропланъ двухмѣстный, снабженъ автоматическимъ приборомъ для приведенія двигателя въ движеніе безъ посторонней помощи, что давало летчикамъ возможность взлетать безъ помощи механика.

Аэропланъ приспособленъ для военныхъ цѣлей и располагаетъ удобными установками для пулеметовъ. Баки вмѣщаютъ количество бензина для десятичасового полета. Крылья устроены съ такимъ расчетомъ, чтобы предоставить летчику возможно большее поле наблюденія. Особое устройство шасси позволяетъ посадку на любой поверхности.

Послѣ захвата аэропланъ подвергся ремонту. Наши мастера быстро ознакомились съ незнакомой еще для нихъ новой конструкціей и исправили всѣ поврежденія.

По полученнымъ «Русскимъ Словомъ» свѣдѣніямъ, была уже произведена проба аэроплана, давшая блестящіе результаты.

Спартанскій духъ. Рѣшеніе буровъ сражаться вмѣстѣ съ англичанами противъ нѣмцевъ вызвало въ Лондонѣ несказанное ликованіе. Семнадцатилѣтній сынъ генерала Боты записался въ добровольцы. Узнавъ объ этомъ, генералъ Бота сказалъ со слезами на глазахъ: «Это лучшее извѣстіе, которое я получилъ въ своей жизни».

Наши плѣнные солдаты въ Германіи. Корреспондентъ датской газеты «Politiken» посѣтилъ нашихъ русскихъ плѣнныхъ, находящихся въ нѣмецкомъ городѣ Котбусѣ. Гор. Котбусъ (Cottbus) насчитываетъ около 50.000 жителей. Расположенъ онъ въ южной части провинціи Бранденбургъ, въ 100 верстахъ отъ Берлина.

Котбусъ сейчасъ центральный сборный пунктъ русскихъ плѣнныхъ солдатъ. Всѣхъ ихъ размѣстили подъ открытымъ небомъ на ипподромѣ, за чертою города. Ипподромъ окруженъ высокимъ заборомъ и изгородью изъ колючей проволоки.

По всему полю ипподрома тянутся длинные ряды соломы, на которой спятъ плѣнные. Къ зимѣ нѣмцы предполагаютъ построить здѣсь бараки.

Датчанина-корреспондента приводятъ въ востргъ мундиры нашихъ солдатъ. Ихъ землисто-зеленый цвѣтъ прекрасно сливается съ мѣстностью. Почти у всѣхъ солдатъ отличные сапоги.

Печальное зрѣлище представляютъ собою раненые. Нѣкоторые изъ нихъ хромаютъ, у другихъ руки на перевязи, у третьихъ забинтована голова.

Тяжело раненые и больные размѣщены внутри скаковыхъ грибунъ, гдѣ устроенъ временный лазаретъ.

Пища для плѣнныхъ приготовляется въ походныхъ кухняхъ. Все продовольствіе сдано въ подрядъ нѣмецкому ресторатору.

Порціи состоятъ изъ большихъ кусковъ хлѣба, изъ риса, гороха и картофеля. Мясо даютъ крайне рѣдко.

Къ лагерю проведенъ водопроводъ, и на возвышеніи устроенъ душъ. Нѣмцы, всегда считавшіе русскихъ грязными и называвшіе ихъ «schmutzige Russen» (грязные русскіе), удивляются чистоплотности нашихъ солдатъ. Плѣнные массу времени посвящаютъ своему туалету. Многіе изъ нихъ, раздѣвшись догола, моютъ въ чанахъ свои рубахи и штаны.

Плѣнныхъ русскихъ офицеровъ здѣсь нѣтъ ни одного, они содержатся гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, въ крѣпости.

Въ общемъ, говоритъ корреспондентъ «Politiken», грустно смотрѣть на этихъ людей, запертыхъ, какъ скотъ, на огромномъ полѣ, лишенныхъ самыхъ элементарныхъ человѣческихъ удобствъ.

Герои морского боя. Во время боя англійскихъ судовъ: «Абукиръ», «Кресси» и «Хогъ» (Hogue) съ германской подводной лодкой, напавшей на крейсера и поплатившейся за это гибелью, англійскіе моряки выказали чудеса героизма. Въ послѣднія минуты жизни тонущіе матросы были всѣми своими помыслами съ роднымъ флотомъ: когда они увидѣли, что выстрѣлами съ крейсера «Кресси» наконецъ удалось потопить подводнаго врага, все море огласилось радостными криками во славу родины. Погибающіе привѣтствовали гибель врага. Скоро все стихло. Море скрыло героевъ подъ своей гладью, но слава о ихъ подвигахъ не умретъ.

Африканскія войска. Черезъ Парижъ все время проходятъ африканскія войска. Ихъ ведутъ въ Марсель на соединеніе съ главной французской арміей.

Африканцы идутъ, почти бѣгутъ по улицамъ своимъ легкимъ плавнымъ

Библиотека "Руниверс"

шагомъ. Цвѣты, сладости, папиросы, воздушные поцѣлуи сыплются на нихъ безъ счета. Проходящіе тюркосы выразительнымъ жестомъ хватаютъ себя пальцами за горло, желая показать, какъ они поступаютъ съ непріятелемъ. При этомъ жестѣ сверкаютъ ихъ бѣлые зубы въ жестокой и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтской улыбкѣ.

Одинъ изъ тюркосовъ обращается къ дѣвушкѣ, бросившей ему цвѣтокъ:

— Дайте мнѣ вашъ адресъ, мадемуазель. Я пришлю вамъ прусскую каску. Дѣвушка краснѣетъ до корней волосъ.

— А если вы не... не сможете исполнить этого обѣщанія?

— Тогда мои товарищи исполнятъ его за меня.

Улыбающіяся черныя лица окружаютъ дѣвушку.

— Клянемся, мадемуазель, что у васъ будетъ прусская каска.

И двадцать человѣкъ записываютъ адресъ дѣвушки.

Ода Д'Аннунціо. Въ «Figaro» помѣщена ода Д'Аннунціо подъ названіемъ «Ода на воскрешеніе латинскихъ народовъ». Ода призываетъ Италію присоединиться къ ея сестрѣ, Франціи, противъ варварства нѣмцевъ: «Горе тебѣ, если ты сомнѣваешься,—обращается поэтъ къ своей родинѣ:—горе тебѣ, если колеблешься, если не осмѣлишься вытянуть свой жребій. Выбирай между рѣшеніемъ оставаться рабой или быть властительницей». Поэтъ напоминаетъ объ униженіяхъ Италіи отъ австрійцевъ, призываетъ умершихъ героевъ родины и кончаетъ обращеніемъ ко всей латинской расѣ: «Вы слышите велѣніе Бога, будьте же Ему послушны, спѣшите, не теряя времени. Вы—посѣвъ новаго міра, и самыя дивныя зори еще ожидаютъ васъ».

Даръ чая русской арміи. Газета «Times» сообщаетъ, что чайные плантаторы въ Коломбо предложили русской арміи въ даръ запасы чая, стоимостью въ 30.000 рублей. Такая же сумма ассигнована военному фонду принца Уэльскаго.

Парижъ на полѣ битвы. По переписи населенія, которую произвелъ теперь губернаторъ Парижа генералъ Галліени, оказалось 2.000.000 жителей противъ 2.800.000 въ 1911 г., т.-е. населеніе Парижа уменьшилось на 30 процентовъ.

Стоимость современныхъ войнъ. Англійское общество мира (Peace Society) приводитъ подсчетъ потерь, причиненныхъ войнами. Стоимость современныхъ войнъ, постепенно возрастая, достигаетъ громадныхъ суммъ. Общая стоимость 25 главныхъ войнъ, имѣвшихъ мѣсто въ XIX вѣкѣ, опредѣляется около 98 милліардовъ франковъ. Отдѣльныя войны обходились воюющимъ сторонамъ (въ милліонахъ франковъ):

Гражданская война 1848 г.	300
Крымская война 1854—56 гг.	10.000
Итальянская война 1859 г.	1.500
Война въ Соединенныхъ Штатахъ	50.000
Австро-прусская война 1866 г.	1.700
Русско-турецкая война 1877—78 гг.	5.000
Японско-китайская война 1894 г.	1.500
Испано-американск. война 1898 г.	4.000

Что мѣшаетъ австрійскимъ побѣдамъ? Эрцгерцогъ Іосифъ, посѣщая раненыхъ въ войнѣ съ сербами австрійцевъ въ Будапештѣ, сказалъ имъ, что успѣху австрійскихъ войскъ мѣшали поля, засѣянныя кукурузой, и что сербы ведутъ варварскую войну. Онъ предлагалъ раненымъ проникнуться къ сербамъ кровавымъ негодованіемъ.

Пріемы австрійской развѣдки. Раненый офицеръ разсказываетъ, что пріемы австрійской развѣдки тѣ же, что и пріемы германской: широкая сѣть телефоновъ въ домахъ, сараяхъ, скотныхъ дворахъ, баняхъ, стогахъ сѣна и даже въ отхожихъ мѣстахъ. «Удивляешься изобрѣтательности австрійцевъ. Придешь въ церковь, благообразный псаломщикъ идетъ навстрѣчу. Оказывается, что гдѣ-нибудь у престола устроенъ телефончикъ. Псаломщикъ оказывается австрійскимъ офицеромъ».

Деньги казенныя. Труденъ былъ переходъ до Львова, -разсказываетъ одинъ изъ раненыхъ.—Бои слѣдовали за боями каждый день безъ перерыва. Въ одномъ мѣстѣ, уже недалеко отъ Львова, выставили противъ насъ тирольцевъ. Тирольцы—хорошій народъ, замѣчательные стрѣлки. Схватились мы съ ними возлѣ одного небольшого мѣстечка. Они что сдѣлали? Выходя изъ мѣстечка, поснимали всѣ двери и увезли ихъ съ собою на позиціи, окопались и накрылись привезенными дверями. Залегли и мы. Начался обстрѣлъ. У тирольцевъ позиція прямо неприступная: гора, надъ ней лѣсъ, а потомъ опять гора, тройное природное укрѣпленіе. И послѣдняя гора прямо отвѣсная. Но къ намъ подошла артиллерія, зашла съ обоихъ фланговъ. Нашъ батальонъ повелъ наступленіе во фронтъ. Тирольцы—народъ воспріимчивый, замѣтили нашу атаку; одинъ выскочилъ впередъ, за нимъ другой, и всѣ высыпали. А тутъ нашъ огонь и охватилъ ихъ съ обѣихъ сторонъ... Они направо, налѣво, а нашъ батальонъ наступаетъ. Огонь—истребительный. Затрещали ихъ брустверы, разлетаются вдребезги. Нечего дѣлать, сдались. Подходитъ ихъ начальникъ, спрашиваетъ:

— Гдѣ вашъ главный капитанъ?

Подходитъ батальонный, здоровается. Тиролецъ вынимаетъ изъ кармана пакетъ, подаетъ:

— Вотъ, говоритъ, здѣсь двѣ тысячи кронъ, вручаю, но попрошу расписку: деньги казенныя...

Вилли Ферреро рѣшилъ отправиться на войну. Изъ Турина сообщаютъ, что проживавшій тамъ въ послѣднее время съ своими родителями знаменитый маленькій дирижеръ Вилли Ферреро куда-то скрылся и пропалъ безъ вѣсти. Вилли недавно вернулся изъ Лондона, гдѣ выступалъ въ Букингэмскомъ дворцѣ передъ королевой Александрой. Послѣдніе дни впечатлительный мальчикъ совсѣмъ забросилъ музыкальныя занятія и все прислушивался къ разговорамъ взрослыхъ о войнѣ. Вся туринская полиція была поставлена на ноги, при чемъ на всѣ ближайшія станціи были даны телеграммы съ описаніемъ примѣтъ мальчика. И, только спустя три дня, маленькаго Вилли удалось найти на станціи Лоцерно, гдѣ усталаго мальчика пріютилъ стрѣлочникъ. Въ качествѣ багажа Вилли захватилъ свой завтракъ и... дѣтское ружье. Когда его спросили, почему онъ скрылся изъ дому, онъ заявилъ, что рѣшилъ отправиться на войну.

Австрійскій маскарадъ. «Нов. Вр.» приводитъ интересные пріемы, къ которымъ прибѣгали австрійцы, чтобы убѣдить населеніе въ своихъ побѣдахъ.

Офиціально объявлялись списки десятковъ тысячъ русскихъ плѣнныхъ и время, когда ихъ будутъ провозить по желѣзной дорогѣ. Конечно, къ станціямъ собиралось населеніе, дѣйствительно прибывали поѣзда, но къ нимъ народъ не пускали: поѣзда шли пустые, и только въ нѣкоторыхъ окнахъ стояли австрійскіе солдаты въ русскихъ шинеляхъ.

Немудрено, что послѣ такихъ комедій, послѣ того, какъ было объявлено сперва о взятіи Люблина, а потомъ и Варшавы, появленіе русскихъ войскъ въ глубинѣ Галиціи и бѣгство австрійцевъ были громомъ въ ясный день.

Теперь въ Галиціи отказываются брать австрійскія деньги, и русскій бумажный рубль стоитъ тамъ на 5 коп. дороже серебрянаго рубля кронами.

Звѣрство нѣмцевъ. Отношеніе къ казакамъ со стороны нѣмцевъ самое возмутительное. На рѣдкихъ случайныхъ плѣнныхъ вымещаютъ нѣмецкіе солдаты свою безсильную злобу.

Въ дер. Саепки, близъ Августова, нашли обгорѣвшій остовъ казака-урядника, котораго облили керосиномъ и живого сожгли. У взятыхъ въ плѣнъ и раненыхъ вырѣзываютъ лампасы вмѣстѣ съ мясомъ...

Прокламація «Лиги человѣчности». Германская «Лига человѣчности» выпустила въ Роттердамѣ прокламацію ко всему цивилизованному міру: «Какъ долго ни продолжалась бы кампанія, какъ велики ни были бы жертвы, — говорится въ воззваніи:—мы знаемъ, что истинные интересы рабочаго класса Германіи связаны тѣсно съ успѣхами союзниковъ. Кайзеръ, опустошивъ невинную обманутую Бельгію, заливаетъ теперь кровью поля Франціи. Должно быть ясно поэтому всѣмъ честнымъ людямъ, безъ различія племени, религіи и убѣжденій, что поднятыя бури не улягутся, что не можетъ быть прочнаго мира, гарантіи человѣческимъ правамъ, правильнаго развитія демократизма, пока господство Пруссіи надъ Германіей не будетъ сломлено и прусскій имперіализмъ не будетъ раздавленъ и сметенъ навсегда. Только тогда Баварія, Вюртембергъ, Саксонія и Ганноверъ будутъ спасены, а прусская Польша освобождена отъ мертвой хватки монарха, который, презрѣвъ всѣ международные обычаи и права, выступилъ на путь преступленій, равныхъ которымъ нѣтъ ни въ древней ни въ современной исторіи». Прокламація вызываетъ самихъ нѣмцевъ арестовать кайзера и его клику, чтобы привлечь ихъ къ суду, какъ преступниковъ противъ человѣчества и культуры.

Воззваніе фельдмаршала Робертса. Лордъ Робертсъ обратился къ командиру полка ирландскихъ волонтеровъ со слѣдующимъ письмомъ: «Пусть всѣ помнятъ, что въ этой борьбѣ гигантовъ дорогъ каждый человѣкъ, такъ какъ мы сражаемся съ могущественнѣйшей военной державой, много лѣтъ готовившейся къ войнѣ и способной выбросить милліоны. Правда, наши союзники также располагаютъ милліонными арміями, но мы не можемъ и не должны зависѣть отъ нихъ. Великобританія должна взять на себя свою долю общей борьбы. Мы только тогда успокоимся, когда наши силы сравняются съ союзниками. Вербуйте новыхъ солдатъ: къ веснѣ мы выставимъ армію въ милліонъ человѣкъ».

Свистокъ раненаго. Парижская газета «Echo de Paris» разсказываетъ слѣдующій любопытный случай:

Одинъ французскій солдатъ былъ раненъ при ночной атакѣ. На всякій случай онъ, идя на войну, запасся свисткомъ. Теперь этотъ свистокъ ему пригодился. Чтобъ привлечь вниманіе санитаровъ, онъ время отъ времени давалъ свистки. Наконецъ его замѣтили и подобрали. Вмѣстѣ съ нимъ подобрали и другихъ раненыхъ, находившихся поблизости.

Газета рекомендуетъ солдатамъ послѣдовать удачному примѣру ихъ находчиваго товарища.

Нѣмецкая театральность. Въ Восточной Пруссіи нашимъ войскамъ приходилось видѣть почти рядомъ братскія могилы—русскія и нѣмецкія. Надъ могилами русскихъ воиновъ всегда скромный деревянный крестъ. Нѣмецкія могилы — это высокіе холмы; вмѣсто креста—двѣ перекрещивающіяся винтовки, надъ ними черная каска, внизу барабанъ, проколотый саблей. Нѣмцы даже у послѣдняго предѣла не могутъ обойтись безъ театральности.

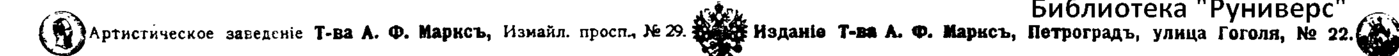
Нѣмцы показываютъ плѣнныхъ за деньги. По сообщенію норвежской газеты „Morgenbladet", въ баварскомъ лагерѣ подъ Лехвельдомъ, гдѣ сосредоточены военноплѣнные французы, къ которымъ присоединены задержанные мирные иностранцы, устроено нѣчто въ родѣ «паноптикума» изъ живыхъ людей—плѣнныхъ. Послѣднихъ показываютъ любопытнымъ нѣмцамъ за деньги: 20 пфенниговъ за входъ! И, очевидно, плѣнные для нѣмцевъ такая рѣдкость, что при всей своей экономіи нѣмецкіе бюргеры и бюргерши не скупятся на эти пфенниги, да еще пріѣзжаютъ въ лагерь съ экстренными поѣздами. Въ одно изъ воскресеній такихъ любопытныхъ перебывало до 20.000, внесшихъ на поправленіе германскихъ финансовъ 4.000 марокъ.

Война и рулетка. Война, нарушившая ходъ міровой жизни и пріостановившая торговлю всѣхъ странъ, прекратила жизнь «торговаго дома князя Монакскаго»—его знаменитую рулетку. За всѣ полвѣка существованія рулетки въ Монте-Карло не было перерыва въ ея круговращеніи, кромѣ ежегоднаго «отдыха» въ день св. Альберта, патрона Монакскаго князя. Монако и Монте-Карло лишились иностранцевъ: германскіе и австро-венгерскіе подданные были изгнаны изъ княжества по договорному соглашенію съ Франціей на случай войны съ Германіей, остальные щедрые гости, русскіе и англичане, поспѣшили на родину, и жизнь княжества замерла. Отели заколотили свои окна, магазины закрылись.

Закрытіе казино во время міровой войны вызвано отчасти предусмотрительностью принца Альберта, опасающагося за судьбу золотого запаса, собраннаго въ подвалахъ казино. Открытое положеніе княжества на берегу Средиземнаго моря, защищеннаго арміей всего въ 82 солдата, можетъ подвергнуть княжество всякимъ случайностямъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ" 1914 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" со всѣми приложеніями: Безъ дост. въ Петроградѣ 6 р. 50 к., съ дост. 7 р. 50 к.; съ перес. по всей Россіи: на годъ 8 р., на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.



НИВА. Иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни.

XLV г. — г. XLV

№ 44 — 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. **В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА**, 12 книгъ **Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній**, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 1 ноября 1914 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на ½ года 4 р., на ¼ года 2 р.** Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенія" за Ноябрь 1914 г., 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ за Ноябрь 1914 г. съ 34 рис., отдѣльн. листъ съ 25 черт. выкр. въ натур. величину и 48 выкр. дамскихъ рукодѣлій.

Бѣлая одежда.

Стихотвореніе **Н. Тэффи.**

Въ ночь скорбей три дѣвы трехъ народовъ
До разсвѣта не смыкали вѣжды:
Для своихъ, для павшихъ въ ратномъ полѣ
Шили дѣвы бѣлыя одежды.
Первая со злобой ликовала:
«Та одежда плѣннымъ пригодится,
Шью ее отравленной иглою,
Чтобы ихъ страданьемъ насладиться!»
А вторая дѣва говорила:
«Для тебя я шью, о мой любимый!
Пусть весь міръ погибнетъ лютой смертью,
Только бъ ты былъ Господомъ хранимый!»
И шептала тихо третья дѣва:
«Шью для всѣхъ, будь другъ онъ или ворогъ,
Если кто, страдая, умираетъ.
Не равно ль онъ жалокъ намъ и дорогъ!..»
Умилилась въ небѣ Матерь Божья,
Тѣ слова предъ Сыномъ повторила,
Третьей дѣвы бѣлую одежду
На Христовы раны положила.
«Радуйся, воистину Воскресшій!
Скорбь Твоихъ страданій утолится,—
Нынѣ сшита кроткими руками
Чистая Христова плащаница».

„Душа Моя скорбитъ смертельно". Картина П. И. Геллера.

Библиотека "Руниверс"

Содержание.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Въ безуспѣшной доселѣ борьбѣ съ Россіей, стремясь всѣми способами умножить свои силы, Германія и Австро-Венгрія прибѣгли къ помощи Оттоманскаго правительства и вовлекли въ войну съ нами ослѣпленную ими Турцію.

Предводимый Германцами Турецкій флотъ осмѣлился вѣроломно напасть на Наше Черноморское побережье.

Немедленно послѣ сего повелѣли Мы Россійскому Послу въ Царьградѣ, со всѣми чинами посольскими и консульскими, оставить предѣлы Турціи.

Съ полнымъ спокойствіемъ и упованіемъ на помощь Божію приметъ Россія это новое противъ нея выступленіе стараго утѣснителя христіанской вѣры и всѣхъ славянскихъ народовъ.

Не впервые доблестному русскому оружію одолѣвать Турецкія полчища,—покараетъ оно и на сей разъ дерзкаго врага Нашей Родины. Вмѣстѣ со всѣмъ народомъ Русскимъ Мы непреклонно вѣримъ, что нынѣшнее безразсудное вмѣшательство Турціи въ военныя дѣйствія только ускоритъ роковой для нея ходъ событій и откроетъ Россіи путь къ разрѣшенію завѣщанныхъ ей предками историческихъ задачъ на берегахъ Чернаго моря.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, въ двадцатый день октября, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четырнадцатое, Царствованія же Нашего въ двадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ".

Обмѣнъ телеграммами между Государемъ Императоромъ и президентомъ Пуанкарэ.

21 октября, въ день двадцатой годовщины восшествія Государя Императора на Престолъ, Его Величеству президентомъ Пуанкарэ послана слѣдующая телеграмма:

„Никогда еще годовщина восшествія Вашего Величества на Престолъ не давала президенту Французской республики болѣе знаменательнаго случая выразить чувства Франціи къ русскому Императору и доблестному союзному народу. Я прошу Ваше Величество принять мои самыя сердечныя пожеланія и передать такія же пожеланія Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ. Его Высочеству Наслѣднику Цесаревичу и всей Императорской Фамиліи. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что Россія будетъ праздновать будущую годовщину Вашего восшествія на престолъ въ радости и въ мирѣ, твердо закрѣпленномъ побѣдами".

Государь Императоръ благоволилъ отвѣтить:

„Ея Величество Государыня Императрица и Я просимъ Васъ, господинъ президентъ, принять самую искреннюю Нашу благодарность за выраженныя Вами пожеланія Намъ и Нашей Семьѣ. Какъ и Вы, господинъ президентъ, мы твердо убѣждены въ конечномъ успѣхѣ, который долженъ увѣнчать побѣдами усилія нашихъ братскихъ армій. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что соединеннымъ силамъ Франціи и Россіи и нашихъ доблестныхъ союзниковъ удастся добиться прочнаго мира на благо и процвѣтаніе обѣихъ нашихъ странъ и всей Европы".

Государь Императоръ въ дѣйствующей арміи.

Его Величество Государь Императоръ изволилъ отбыть 21 октября изъ Царскаго Села къ дѣйствующей арміи, куда изволилъ прибыть 22 октября. Въ путешествіи Его Императорское Величество сопровождаютъ: военный министръ генералъ-адъютантъ Сухомлиновъ, флагъ-капитанъ Его Императорскаго Величества генералъ-адъютантъ Ниловъ, дворцовый комендантъ Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Воейковъ, начальникъ военно-походной канцеляріи Императорской Главной квартиры Свиты Его Величества генералъ-маіоръ князь Орловъ, въ должности гофмаршала Высочайшаго Двора Свиты Его Величества генералъ-маіоръ князь Долгоруковъ, флигель-адъютанты Нарышкинъ, Дрентельнъ, Саблинъ и лейбъ-хирургъ Федоровъ.

23 октября въ ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго въ присутствіи Его Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича, свиты, сопровождающей Государя Императора, и штаба Верховнаго Главнокомандующаго было отслужено молебствіе по случаю полученнаго извѣстія объ отступленіи австрійцевъ на всемъ Галиційскомъ фронтѣ.

Телеграмма генералиссимуса Жоффра Верховному Главнокомандующему.

Генералиссимусъ Жоффръ телеграфировалъ Верховному Главнокомандующему Великому Князю Николаю Николаевичу, поздравляя Его Императорское Высочество по случаю тріумфальнаго шествія русскихъ войскъ въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль и послѣдняго движенія впередъ, приблизившаго русскія войска къ германской границѣ.

Генералиссимусъ Жоффръ присовокупляетъ: „Мы, съ своей стороны, остановили яростныя атаки германцевъ, силы которыхъ мы стремимся разбить энергичными неустанными дѣйствіями. Наше положеніе представляется хорошимъ, и я надѣюсь, что общія наши усилія приведутъ скоро къ окончательному успѣху".

Отъ штаба Кавказской арміи.

Наши войска вторглись въ Турцію, опрокинули передовыя части турецкихъ войскъ и съ боя заняли Зивинъ, Каракилиссу-Пассинскую, Ахты, Дыдагъ, Корунъ, Мысунъ и Арзапъ.

Турки отступаютъ, неся потери и бросая убитыхъ.

Одна изъ нашихъ колоннъ внезапно атаковала противника въ Ардостѣ; турки бѣжали, бросивъ раненыхъ. Выбивъ противника изъ селенія Идъ, мы захватили много продовольственныхъ запасовъ. Нами съ боя заняты: Аликилиса, Хорасанъ, Карадербентскій проходъ.

Одна изъ нашихъ казачьихъ сотенъ лихо атаковала въ конномъ строю окопы и порубила турецкую пѣхоту.

Наша колонна, пройдя по труднымъ горнымъ дорогамъ въ теченіе тридцати часовъ восемьдесятъ верстъ, обрушилась на турокъ у Мысуна и Діадина, разсѣяла значительныя силы курдскихъ полковъ, заняла Діадинъ, захватила плѣнныхъ, оружіе и боевые припасы.

21 октября занятъ Баязетъ. Турецкія войска, оказавшія сопротивленіе, разсѣяны.

Библиотека "Руниверс"

Бургомистръ Брюсселя Адольфъ Максъ, заточенный нѣмцами въ крѣпость.

Конецъ Турціи.

(Политическое обозрѣніе).

Кажется, ни для кого въ Европѣ не было тайной, что Турція давно уже находится въ состояніи государственнаго разложенія. Дипломаты называли ее „больнымъ человѣкомъ", публицисты — „живымъ трупомъ". Она жила уже не своими внутренними силами, а искусственной поддержкой извнѣ, держалась исключительно взаимнымъ соперничествомъ и рознью европейскихъ державъ, каждая изъ которыхъ могла бы безпрепятственно завладѣть ея наслѣдствомъ. Наивные оптимисты питали несбыточную надежду, что младо-турецкая революція, формально установившая въ странѣ парламентскій режимъ, исцѣлитъ „больного человѣка". Однако дальнѣйшія событія не преминули разоблачить всю тщету младо-турецкаго конституціонализма. Подъ флагомъ либерализма власть надъ страной захватила деспотическая партія авантюристовъ, назвавшаяся громкимъ именемъ: „Единеніе и Прогрессъ". Ея владычество, въ которомъ хотѣли видѣть начало возрожденія Турціи, въ дѣйствительности оказалось началомъ ея государственной смерти. Младо-турецкая Турція перестала быть имперіей оттомановъ и незамѣтно превратилась въ прусскую провинцію, служащую уже не турецкимъ, а прусскимъ интересамъ. Продажные авантюристы въ родѣ Энвера-паши въ угоду Германіи ввергли свое отечество въ войну съ Россіей и со всѣмъ тройственнымъ согласіемъ. Устроенное по приказу изъ Берлина разбойничье нападеніе турецко-германскихъ крейсеровъ на мирные города русскаго Черноморскаго побережья—Новороссійскъ, Ѳеодосію, Одессу и на Севастополь—не принесли значительнаго ущерба Россіи, но дали намъ неоспоримое право послать въ предѣлы Турціи свою армію. Началась новая война, исходъ которой предвидѣть не такъ уже трудно. Урѣзанная послѣ итальянской и балканской войнъ Турція располагаетъ плохо организованной, еще хуже снаряженной и чрезвычайно малочисленной арміей, приблизительно въ 13 корпусовъ, т.-е. около 500—600 тысячъ человѣкъ.

Большая часть артиллеріи была потеряна ею еще въ балканскую войну и возстановлена только частью. Финансовые рессурсы ея, столь необходимые въ современной войнѣ, крайне скудны. Для защиты малоазійскихъ береговъ отъ англо-французскаго и греческаго флота, для охраны Адріанополя отъ болгаръ, для усмиренія всегда непріязненной Аравіи и Арменіи турки вынуждены оставить по крайней мѣрѣ половину своей арміи; слѣдовательно, противъ Россіи они будутъ въ силахъ выставить не болѣе 300.000 войска. Такія силы не страшны. Между тѣмъ война съ Турціею будетъ имѣть поистинѣ огромныя политическія послѣдствія.

На англійской торговой корреспонденціи наклеивается теперь эта „памятная" марка со слѣдующимъ текстомъ: Когда на какомъ-нибудь товарѣ вы увидите слова: „сдѣланъ въ Германіи", не забудьте, что было „сдѣлано Германіей" въ 1914 году. Покупайте англійскіе товары!

Прежде всего она поставитъ Европу лицомъ къ лицу передъ необходимостью полнаго рѣшенія восточнаго вопроса. Послѣ кроваваго скандала, устроеннаго нѣмецко-турецкими крейсерами на русскомъ побережьѣ, никто уже не можетъ оспаривать законное право Россіи имѣть въ своихъ рукахъ ключи отъ входа въ Черное море. Вопросъ о проливахъ поставленъ младотурками на очередь и долженъ быть рѣшенъ безповоротно. За все это мы можемъ сказать только сердечное спасибо легкомысленному Энверу-пашѣ. Его руками Турція сама себѣ подписала смертный приговоръ. Ея безумное выступленіе освѣжитъ сгущенную атмосферу на Балканахъ. Сербія, располагающая 500—600-тысячною арміею, до сихъ поръ ведетъ войну съ Австріею ничтожными силами, не смѣя пустить въ дѣло всѣ свои полки, такъ какъ опасается нападенія со стороны Болгаріи. Занятіе Македоніи связало сербовъ и обезсилило ихъ въ рѣшеніи главной задачи объединенія западнаго славянства въ области Босніи, Герцеговины, Далмаціи, Хорватіи и т. д. Выступленіе Турціи вызоветъ, надѣемся, улучшеніе сербско-болгарскихъ отношеній и вернетъ враждующія славянскія государства къ сознанію славянской солидарности. Болгарія, рожденная изъ потоковъ русской крови, не должна остаться нейтральной послѣ открытаго нападенія турокъ на Россію, и ея мѣсто—въ одномъ военномъ лагерѣ съ Сербіей. Предварительное соглашеніе съ Сербіей относительно Македоніи облегчитъ возрожденіе Балканскаго союза. Голосъ крови прозвучитъ въ болгарскихъ сердцахъ такъ громко и такъ властно, что софійское правительство не сможетъ противиться повелительно выраженному требованію народа. Ускоренный ходъ событій положитъ предѣлъ и безконечнымъ колебаніямъ Румыніи, которая и раньше обусловливала свой нейтралитетъ нейтралитетомъ Турціи, а вслѣдъ за Румыніей, вѣроятно, двинется Италія—и вся Европа объединится въ защитѣ основъ культуры и права. Такимъ образомъ наглое германско-турецкое нападеніе на русскіе берега скуетъ общеевропейскую коалицію и придастъ силу жизни и плоть бытія безплотному до сихъ поръ сознанію солидарности международныхъ интересовъ.

VILLE DE BRUXELLES

Le Gouverneur Allemand de la Ville de Liège, Lieutenant-Général von Kolewe, a fait afficher hier l'avis suivant :

« *Aux habitants de la Ville de Liège.*

« Le Bourgmestre de Bruxelles a fait savoir au » Commandant allemand que le Gouvernement » francais a déclaré au Gouvernement belge » l'impossibilité de l'assister offensivement en » aucune manière, vu qu'il se voit lui-même forcé » à la défensive. »

J'oppose à cette affirmation le démenti le plus formel.

Bruxelles le 30 aout 1914.

Le Bourgmestre,
ADOLPHE MAX

Объявленіе бургомистра Брюсселя Адольфа Макса, которое было расклеено на улицахъ Брюсселя и за которое нѣмцы заточили А. Макса въ крѣпость. Городъ Брюссель.

Нѣмецкій губернаторъ города Льежа генералъ-лейтенантъ фонъ-Колеве, вчера приказалъ расклеить слѣдующее объявленіе:

«Жителямъ города Льежа. Бургомистръ Брюсселя извѣстилъ нѣмецкаго коменданта, что французское правительство объявило бельгійскому правительству о невозможности оказать ему военную помощь въ виду того, что оно само вынуждено защищаться».

Протестую противъ этого совершенно ложнаго утвержденія.

Бургомистръ Адольфъ Максъ.

Библиотека "Руниверс"

Великая европейская война.

(Хроника военныхъ дѣйствій).

Отступленіе австро-германской арміи отъ Вислы было поворотнымъ пунктомъ войны. Въ рѣшительномъ столкновеніи подъ Варшавой взаимныя силы воюющихъ народовъ опредѣлились, и конечный исходъ многовѣкового единоборства между германцами и славянами сталъ совершенно яснымъ. Сломивъ въ напряженныхъ восемнадцатидневныхъ бояхъ наступленіе противниковъ, мы одержали надъ ними рѣшительную побѣду, дальнѣйшіе же бои на этомъ фронтѣ ставили передъ нами сложную и требующую особаго искусства задачу по возможности полнаго и всесторонняго использованія одержанной побѣды. Задача эта рѣшена нами превосходно. Несмотря на очень относительную стойкость германской арміи, проявленную только въ отступленіи, наше преслѣдованіе разбитыхъ австро-венгерскихъ полчищъ велось со все возрастающими результатами. Задерживаемые переправами черезъ рѣки, на которыхъ были взорваны всѣ мосты, усталые отъ непрерывныхъ боевъ, русскіе солдаты шли по пятамъ бѣгущаго непріятеля, добивая уже разбитую армію. Въ цѣломъ рядѣ упорныхъ арьергардныхъ боевъ подъ Радомомъ, Скерневицами, Ловичемъ, Блоне, Ракитинымъ, Ильжанкой, Опатовкой и пр. они довершили то, что было начато подъ Осовцомъ и Варшавой. Нѣкоторыя изъ этихъ боевъ носили, въ сущности, характеръ генеральныхъ сраженій. Ихъ фронтъ простирался на сто, сто тридцать верстъ, длились они по 3—4—5 и 6 дней, сопровождались упорнымъ сопротивленіемъ нѣмцевъ, но, несмотря на самыя отчаянныя усилія задержать преслѣдованіе съ помощью свѣжихъ подкрѣпленій, неизмѣнно оканчивались рѣшительной побѣдой русскихъ. Въ каждомъ изъ новыхъ сраженій нѣмцы несутъ новое пораженіе, при чемъ быстро возрастаютъ и размѣры потерь и размѣры отбитыхъ у бѣгущаго врага орудій, пулеметовъ, обозовъ, запасовъ, аэроплановъ, автомобилей и т. д. Среди захваченныхъ нами артиллерійскихъ орудій имѣются и мортиры. Къ серединѣ октября общее количество потерянныхъ нѣмцами при отступленіи пушекъ приблизилось уже къ 200. Цифры нѣмецкихъ утратъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о возрастающей дезорганизаціи разбитой арміи, и въ этомъ именно и заключается ихъ главная цѣнность.

Раненая сестра милосердія, дочь генералъ-лейтенанта В. В. Гаврилова.

Юный герой. Конный развѣдчикъ-доброволецъ, уроженецъ Петрограда, 14-лѣтній Александръ Марковъ, раненый при развѣдкѣ подъ Сувалками.

Вездѣ по пути отступленія непріятель заранѣе понастроилъ рядъ временныхъ земляныхъ укрѣпленій. Нерѣдко однѣ траншеи тянулись вслѣдъ за другими въ нѣсколько ярусовъ. Выбитые штыками изъ первыхъ укрѣпленій, нѣмцы перебѣгали въ слѣдующія, которыя нашимъ войскамъ приходилось брать съ новыми усиліями, съ новыми жертвами. Если бы люди были машинами, работа которыхъ можетъ быть вычислена математически, то взятіе такихъ многоярусныхъ укрѣпленій непремѣнно закончилось бы полнымъ уничтоженіемъ атакующей арміи — до такой степени губителенъ огонь обороняющихся, охраняемыхъ отъ нашего огня земляными закрытіями. Но въ томъ-то и несчастіе нѣмецкихъ стратеговъ, что солдаты—не автоматы, а живые люди, подверженные душевнымъ волненіямъ страха и растерянности. Въ дрожащихъ рукахъ магазинное, многозарядное ружье уже не стрѣляетъ такъ мѣтко, огонь его перестаетъ быть губительнымъ, обреченный на истребленіе атакующій противникъ остается цѣлымъ и невредимымъ, а выбѣгающій въ страхѣ и смятеніи изъ неприступныхъ укрѣпленій атакуемый несетъ удвоенныя и утроенныя потери. Корреспонденты, осматривавшіе грандіозныя земляныя сооруженія нѣмецкой защиты, проходившіе пути побѣдъ по слѣдамъ умчавшихся въ даль армій, невольно поражаются величіемъ совершенныхъ русскими полками подвиговъ. Живой героическій духъ здѣсь торжествовалъ надъ всѣми расчетами мертвой механики, и линіи опустѣвшихъ окоповъ славили тѣхъ, кто совершилъ невозможное. Грозныя, защищенныя молніеноснымъ огнемъ, позиціи падали подъ воодушевляющимъ возгласомъ: „ура!“ Отбивъ одинъ рядъ укрѣпленій, русскіе минуту отдыхали въ нихъ и вслѣдъ затѣмъ выбивали непріятеля изъ слѣдующей линіи. Остріе первобытнаго штыка сокрушило силу современнаго огня и низводило къ нулю всѣ хитрости полевой фортификаціи. Центральныя позиціи подъ Ракитинымъ съ 8-ярусными траншеями были почти сплошь пройдены штыковымъ ударомъ. Цѣпи атакующихъ рѣдѣли подъ огнемъ, но не останавливались на полупути и всегда доходили до окоповъ, а защищавшіеся или бѣжали, или сдавались въ плѣнъ, или безпомощно гибли на остріяхъ штыковъ.

Еще болѣе неприступныя укрѣпленія были возведены между Прусами и Ежовымъ. Нѣмцы все здѣсь предусмотрительно приготовили заранѣе. Вымѣрявъ разстоянія, ихъ артиллерія обстрѣливала насъ перекиднымъ огнемъ и перекрестнымъ дождемъ пулеметовъ. Ихъ полки успѣли оправиться и отдохнуть, наши вступили въ бой

Св. Георгій.

Трепещетъ сердце въ святомъ восторгѣ,
Услыша вѣсти въ родномъ краю:
«Святой Георгій
Опять въ бою!..»
Въ рядахъ славянства Онъ местью дышитъ,
И змѣй слабѣетъ и ищетъ норъ,
Онъ ясно слышитъ
Свой приговоръ...

Земля устала, и сердцу мнится,
Что скоро, бою отдавъ экстазъ,
Копье вонзится
Въ послѣдній разъ...
Замолкнутъ клики кровавыхъ оргій,
И только будутъ среди полей—
Святой Георгій
И мертвый змѣй...

Сергѣй Михѣевъ.

Библиотека "Руниверс"

Св. Георгій. Рисунокъ **И. Ижакевича.**

Библиотека "Руниверс"

усталые. И все-таки мы погнали ихъ, какъ стадо, и всесокрушающимъ ударомъ рѣшили участь всего нѣмецкаго похода на Варшаву. Для сокращенія потерь мы большею частью атакуемъ ночью, а нѣмцы, чтобъ облегчить работу своей артиллеріи, освѣщаютъ свои позиціи пожарищами польскихъ усадебъ и деревень. Австрійскія войска, воодушевленныя жаждою реванша послѣ неудачи перваго наступленія на Люблинъ, которое закончилось утратою Галиціи и Буковины, держались еще устойчивѣе германскихъ, но, разъ вынужденные къ отступленію, стали отступать въ большемъ безпорядкѣ, снова сдаваться цѣлыми массами въ плѣнъ, терять остатки своей артиллеріи и пр. Ихъ дивизія, наступавшая на Стрый, была совершенно уничтожена и разсѣяна русскими. Вблизи Тарлова отступавшій отъ Вислы австрійскій отрядъ былъ перехваченъ русскимъ отрядомъ, переправившимся у Юзефова, попалъ подъ перекрестный огонь и частью сдался въ плѣнъ, частью же разсѣялся въ стремительномъ бѣгствѣ. Понесенныя неудачи ошеломляютъ противника, и духъ его падаетъ съ каждымъ днемъ. Одинъ за другимъ освобождаются отъ иноплеменнаго захвата русскіе города — Скерневицы, Радомъ, Петроковъ, Сандоміръ, очищаются отъ нѣмцевъ разгромленныя ими окраины польскихъ губерній, и временно очищенныя нами части Галиціи и Буковины для сосредоточія всѣхъ силъ на полѣ генеральнаго сраженія вновь занимаются побѣдоносной русской арміей. Въ надеждѣ сколько-нибудь задержать побѣдное шествіе русской арміи, германцы въ Восточной Пруссіи въ теченіе нѣсколькихъ дней подъ рядъ упорно производили фронтальныя атаки на русскія позиціи. Корпуса, только что прогнанные нами отъ Осовца и Нѣмана, наполовину уничтоженные въ Августовскихъ лѣсахъ, получивъ подкрѣпленія изъ Торна и Кёнигсберга, попытались опрокинуть своихъ побѣдителей рѣшительнымъ ударомъ въ лобъ. Со стороны нѣмцевъ это былъ безнадежный натискъ отчаянія. Они не могли побѣдить, потому что для этого имъ нужно было бы сломить волю, еще болѣе сильную, сокрушить воодушевленіе, не знающее преградъ, но они могли умереть съ доблестью воина.

О. Наркисъ, отецъ Д. Н. Мамина-Сибиряка.

По свидѣтельству штаба Верховнаго Главнокомандующаго, послѣ повторныхъ нѣмецкихъ атакъ около русскихъ траншей нагромоздились груды непріятельскихъ труповъ, такія высокія, что даже затрудняли намъ дальнѣйшій обстрѣлъ. Изъ того, что они образовались вблизи траншей, можно заключить, что мы подпускали атакующія колоны почти безъ выстрѣла на самое близкое разстояніе и сразу уничтожали ихъ огнемъ орудій, пулеметовъ и ружейныхъ залповъ. Своими безумными атаками главнокомандующій восточно-прусскимъ фронтомъ достигъ обратныхъ результатовъ: ему не удалось ни прорвать русскій центръ ни оттѣснить русскихъ назадъ, напротивъ того, обезсиливъ свою армію, онъ далъ возможность намъ снова перейти въ наступленіе и продвинуться впередъ. Неразсчетливая настойчивость главнокомандующаго, смотрящаго на своихъ солдатъ, какъ на пушечное мясо, подготовила почву для новыхъ нашихъ побѣдъ въ Восточной Пруссіи.

Почти столь же безнадежный оборотъ пріобрѣтаютъ дѣла германцевъ и на западномъ фронтѣ. Самые напряженные и кровопролитные бои въ теченіе послѣдняго періода сосредоточились здѣсь на сравнительно небольшомъ пространствѣ отъ Лилля до Остендэ и по р. Изеру.

Методическій генералиссимусъ Жоффръ ведетъ безпроигрышную игру и беретъ нѣмцевъ изморомъ. Въ то время, какъ азартный Вильгельмъ все ставитъ на карту и всѣмъ рискуетъ, его выдержанный противникъ идетъ къ цѣли медленнымъ, но вѣр-

Висимо-Шайтанскій заводъ близъ г. Нижняго-Тагиля на Уралѣ—мѣсто родины Д. Н. Мамина-Сибиряка.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, къ этому нумеру прилагается для гг. **иногородныхъ** подписчиковъ **подписной бланкъ** (въ двухъ экземплярахъ) для **заблаговременнаго возобновленія подписки** на «Ниву» **1915** года, при чемъ для удобства гг. подписчиковъ бланки отпечатаны на **почтовыхъ переводахъ установленнаго образца, которыми можно воспользоваться для перевода подписныхъ денегъ. Второй экземпляръ подписного бланка, предназначенный для новыхъ подписчиковъ, можетъ быть переданъ тѣмъ лицамъ, которыя пожелали бы подписаться на „Ниву“ 1915 г.**

Библиотека "Руниверс"

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.

пріятеля въ Аргонахъ, въ Лотарингіи, въ районѣ Суассона и пр. Приказъ Вильгельма объ овладѣніи Па-де-Калэ остался невыполненнымъ, между тѣмъ напряженность и кровопролитность боевъ по Изеру превосходила все, что было до сихъ поръ. Послѣднія неудачи сломили духъ германской арміи. Она потеряла вѣру въ себя и въ свое превосходство. Вмѣстѣ съ надеждой на побѣду убита и энергія сопротивленія. За одну недѣлю союзникамъ сдалось въ плѣнъ болѣе 7.000 нѣмцевъ. Много нѣмецкихъ солдатъ дезертируетъ въ Голландію. Все это очень тревожныя признаки для Вильгельма. Быть-можетъ, стойкость германскихъ войскъ повысится, когда имъ придется защищать родную землю, но покорять и завоевывать чужія территоріи съ такимъ настроеніемъ арміи немыслимо. Нѣмцамъ не остается иного исхода, какъ отступать къ Маасу, въ предвидѣніи чего ими уже возведены на его берегахъ земляныя укрѣпленія и построено восемь широкихъ и прочныхъ мостовъ, способныхъ выдержать огромный грузъ тяжелой артиллеріи. Четвертый мѣсяцъ войны принесетъ намъ окончательную ликвидацію нѣмецкаго вторженія и на русскомъ и на франко-бельгійскомъ фронтахъ.

Западнымъ славянамъ.

Не снятъ урожай на Червонной Руси,
И въ рабствѣ безправія чехи.
Но крестъ, славянинъ, терпѣливо неси—
Ты ставишь великія вѣхи!

Истоптаны нивы, дома спалены,
Отчизна въ кровавомъ туманѣ...
Спѣшите, спѣшите на поле войны
За общее дѣло, славяне!

И дряхлыя цѣпи тевтонскихъ коварствъ
Не сдержатъ возмездія лаву,
И рухнутъ престолы неправедныхъ царствъ
Славянскому царству во славу!

Георгій Ивановъ.

нымъ путемъ. Выпирая нѣмцевъ изъ Франціи и Бельгіи, онъ стратегически ведетъ наступленіе, тактически же большею частью является обороняющейся стороной, предоставляя всѣ невыгоды и потери фронтальныхъ атакъ безразсудному противнику. Для того, чтобы защитить себя отъ настойчивыхъ обходовъ съ лѣваго фланга, нѣмцы вынуждены были упереться въ море, но тутъ ихъ встрѣтилъ губительный огонь дальнобойной морской артиллеріи англійской эскадры. Единственнымъ дѣйствительнымъ орудіемъ защиты отъ послѣдней являются для нѣмцевъ ихъ подводныя лодки, которыя были бы неотразимы въ ускомъ пространствѣ пролива Па-де-Калэ. Отсюда у императора Вильгельма возникъ естественный планъ — захватить Дюнкеркъ и Дувръ, организовать на французскомъ берегу пролива прочную базу для подводныхъ и воздушныхъ судовъ, вызвать нѣсколькими нападеніями дирижаблей общую панику въ Англіи и защитить себя отъ обходовъ Жоффра. Послѣ молніеноснаго взятія Антверпена, Лилля и Остендэ оставалось только опрокинуть бельгійцевъ на р. Изерѣ и быстрымъ маршемъ двигаться вдоль морского берега къ проливу. Однакоже при практическомъ выполненіи этого плана все вышло совсѣмъ иначе. Защищая послѣднюю свободную полосу родной земли, захваченной непріятелемъ, бельгійская армія обнаружила чисто спартанскую стойкость и отбила самыя отчаянныя атаки нѣмцевъ.

Поддержанные съ моря англійской судовой артиллеріей, разгромившей фланговымъ огнемъ крупнокалиберныя батареи германцевъ, въ прибрежной полосѣ бельгійцы опрокинули германскую пѣхоту зато ниже по р. Изеру германскимъ полчищамъ удалось прорваться на противоположный берегъ. Но здѣсь бельгійцы открыли шлюзы каналовъ, затопили занятую нѣмцами долину и заставили ихъ переправляться обратно съ огромными потерями подъ непрерывнымъ дождемъ шрапнелей. Сосредоточеніемъ силъ для атаки на Изерѣ нѣмцы ослабили остальныя части своего фронта, чѣмъ дали возможность союзникамъ продвинуться впередъ сразу во многихъ пунктахъ. Послѣ упорныхъ боевъ союзники отобрали Лилль, Руллеръ, потѣснили не-

Ф. Ф. Фидлеръ. Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Н. К. Михайловскій.
Группа, снятая во время пребыванія писателя на Кавказѣ.

Библиотека "Руниверс"

Открыта подписка на „НИВУ“ 1915 г.

„Нива“ — журналъ литературы, политики и современной жизни.

Этотъ заголовокъ, неизмѣнно повторяемый каждую недѣлю въ теченіе почти полувѣка существованія нашего журнала, всегда опредѣлялъ его внутреннее содержаніе. Политика и общественная жизнь страны находили свое отраженіе въ литературѣ.

Въ годы мирнаго роста народа „Нива“ устами крупнѣйшихъ писателей говорила съ широкими массами, отвѣчала на ихъ духовные запросы.

Дважды на вѣку „Нивы“ пресѣкалась мирная жизнь Россіи. Годы войны—1877-й и 1904-й—Россіи съ Востокомъ измѣняли характеръ журнала: всѣ интересы жизни переходили изъ народной глуби на бранныя поля, и журналъ, дававшій въ художественныхъ и литературныхъ изображеніяхъ картину этой героической жизни, каждый разъ все болѣе скрѣплялъ духовную связь съ читателемъ—обществомъ.

Судьбѣ угодно было избрать всѣхъ нынѣ живущихъ на великое и отвѣтственное служеніе—жить въ такое великое время, участвовать въ міровой борьбѣ народовъ. Небывалая въ исторіи война уравняла и сблизила всю Россію общностью народной жертвы, общностью проливаемой за родину крови.

Нѣтъ почти русской семьи, которая не отдала бы въ защиту родины все, что у нея есть лучшаго:—свои молодыя, рослыя силы.

Нѣтъ отдѣльныхъ семей, есть теперь одна русская семья, и никогда на долю печати, какъ голоса общественной мысли и совѣсти, особенно на долю общественнаго семейнаго журнала, не выпадало такой великой, отвѣтственной задачи, какъ теперь.

Съ первыхъ дней войны журналъ нашъ измѣнилъ не только свое содержаніе, но и свой внѣшній характеръ. Событіямъ войны въ Россіи и на Западѣ отведено первое мѣсто. Всѣ страницы еженедѣльныхъ нумеровъ полны богатымъ иллюстраціоннымъ матеріаломъ.

По мѣрѣ развивающихся военныхъ и политическихъ событій, „Нива“ какъ въ нынѣшнемъ, такъ и въ будущемъ 1915 году до конца войны будетъ ей посвящать страницы своего еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала и значительную часть своего ежемѣсячника—„Литературныхъ Приложеній“.

Перомъ и карандашомъ лучшихъ мастеровъ слова и „батальнаго дѣла“ изобразитъ „Нива“ предъ своими читателями картину героической войны въ ея отдѣльныхъ событіяхъ и эпизодахъ; въ цѣломъ рядѣ снимковъ дастъ запечатлѣнные моменты боевой жизни нашей и союзныхъ армій, портретную галлерею героевъ, увѣнчанныхъ боевыми отличіями, портреты павшихъ на полѣ чести.

Рядъ очерковъ непосредственныхъ наблюдателей войны—спеціалистовъ военнаго дѣла освѣтитъ предъ читателями постепенный ходъ военныхъ дѣйствій. Спеціальныя обозрѣнія будутъ въ сжатой формѣ давать сводку всего совершившагося за недѣлю на театрѣ войны. Все это вмѣстѣ составитъ постепенно исторію войны ея въ хронологическомъ развитіи.

Особо прилагаемая къ „Нивѣ“ будущаго 1915-го года *Генеральная карта европейскаго театра войны*, составленная подъ редакціей Вице-Президента Императорскаго Русскаго Географическаго Общества профессора генералъ-лейтенанта Ю. М. Шокальскаго, отпечатанная красками, въ масштабѣ 50 верстъ въ дюймѣ, дастъ читателю возможность зорко слѣдить за каждымъ шагомъ передвигающихся милліонныхъ армій и представитъ собой тотъ фонъ, на которомъ будетъ освѣщать журналъ ходъ развивающихся военныхъ дѣйствій.

На ряду съ этой широкой картиной военныхъ событій крупнѣйшіе современные писатели, постоянные сотрудники „Нивы“, представятъ читателю въ рядѣ художественныхъ разсказовъ, повѣстей и очерковъ другую героическую картину современныхъ событій тотъ духовный подъемъ въ странѣ, который вызвала эта народная война, тѣ великіе подвиги единенія Царя съ народомъ, которые должны быть запечатлѣны въ исторіи Россіи, начавшей на нашихъ глазахъ свою новую эру.

Обѣ эти титаническія картины войны и мира, — войны, поднявшей весь русскій народъ, и мира, установившагося въ его душѣ, братски объявшей всѣхъ, осѣненныхъ крыльями побѣдоноснаго русскаго орла отъ Охотскаго моря до русскихъ Карпатъ, сами собою опредѣляютъ на будущій годъ содержаніе „Нивы“.

Въ 1915 году „Нива“ будетъ продолжать свою просвѣтительную задачу — давать широкимъ массамъ читателей собранія сочиненій выдающихся русскихъ и иностранныхъ писателей. Въ 40 книгъ „Сборника Нивы“ на 1915-й годъ войдутъ:

I. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА

(первыя **18** книгъ большого формата въ 8-ю долю листа).

Сорокъ лѣтъ проработалъ Маминъ-Сибирякъ на славномъ посту въ первыхъ рядахъ нашихъ корифеевъ слова. Крупный писатель старыхъ литературныхъ традицій, примыкающій къ великимъ мастерамъ художественнаго слова, Маминъ-Сибирякъ написалъ на своемъ литературномъ вѣку больше ихъ всѣхъ.

Въ виду такого богатства произведеній Мамина-Сибиряка, приходится ихъ раздѣлить и дать въ будущемъ 1915 году *первую серію* его произведеній, включивъ въ нее рядъ крупныхъ, извѣстныхъ его романовъ: „Хлѣбъ“, „Три конца“, „Приваловскіе милліоны“, „Дикое счастье“ и „Черты изъ жизни Пепко“, изъ которыхъ каждый — цѣлая эпопея русской жизни: знаменитые его „Уральскіе разсказы“ и повѣсти „Изъ Уральской старины“ и двѣ другія серіи его разсказовъ: „Преступники“ и „Дѣтскія тѣни“.

Маминъ-Сибирякъ росъ вмѣстѣ съ Россіей, съ русскимъ народомъ. Яркій, цвѣтной, узорчатый языкъ его произведеній, это—коренной образный языкъ самого народа. Его герои — весь русскій народъ. Самъ вышедшій изъ народа, выбившись своимъ великимъ художественнымъ даромъ въ первые ряды борцовъ слова за благо народа, онъ показалъ „верхамъ“ на „низы“ и сумѣлъ въ своемъ писательскомъ „я“ объединить ихъ въ общемъ служеніи родинѣ.

Для Мамина-Сибиряка литература была всегда миссіей, служеніемъ. Въ романѣ „Черты изъ жизни Пепко“—яркой біографіи его, какъ литератора — Маминъ-Сибирякъ изобразилъ жизнь нашей учащейся молодежи и начинающихъ литераторовъ—той интеллигентной русской богемы, у которой сквозь безшабашность и безпутность ярко сказываются благородство, необычайная способность къ самоотреченію и безкорыстная идеалистичность.

Въ этихъ скульптурныхъ „Чертахъ изъ жизни Пепко“ молодежь обрисована съ такимъ нѣжнымъ юморомъ, задушевной теплотой и гуманностью, что понимаешь, почему этотъ интересный романъ сталъ одной изъ излюбленныхъ книгъ русской молодежи.

Главная основа славы Мамина-Сибиряка, наиболѣе обширная область его популярности, это—Сибирь и Уралъ. Тамъ, по свидѣтельству посѣтившаго Сибирь Чехова, „о Маминѣ-Сибирякѣ говорятъ больше, чѣмъ о Толстомъ“.

Въ „Хлѣбѣ“ и „Приваловскихъ милліонахъ“ онъ обрисовалъ бытъ уральскаго купечества и роль капитализма въ его средѣ, представивъ намъ типы мѣстнаго самородка, ведущаго дѣла „по старинкѣ“, деревенскаго кулака-прасола и хлѣбника и пришедшаго имъ на смѣну новаго человѣка, капиталиста европейской складки, опаивающаго и разоряющаго цѣлый округъ устройствомъ винокуреннаго завода. Все это—герои законной наживы, „провозвѣстники новой философіи „купона и процента“, и для просвѣтлѣнія фона изображенъ „кающійся заводчикъ“ („При-

Библиотека "Руниверс"

валовскіе милліоны“) въ параллель съ „кающимся дворяниномъ“ 60-хъ годовъ.

„Три конца“, „Дикое счастье“ и „Братья Гордѣевы“ вмѣстѣ съ романами „Золото“ и „Горное гнѣздо“ рисуютъ жизнь общественныхъ „низовъ“, переживанія заводской толпы, безпросвѣтную жизнь рабочихъ и старателей, спивающихся и уходящихъ въ „лѣтные“.

Въ странѣ золотыхъ пріисковъ, желѣза и самоцвѣтовъ, таящихся въ глубокихъ нѣдрахъ земли, Маминъ-Сибирякъ отрылъ и показалъ намъ „самоцвѣты“ духа—людей тайной вѣры и явнаго подвижничества, пришедшихъ туда вмѣстѣ съ искателями золота искать Бога. На Уралѣ взошли первые ростки раскола, и тамъ „на камнѣ“ они высоко поднялись къ небу изъ тайниковъ скитовъ.

Маминъ-Сибирякъ вѣренъ себѣ: врагъ возвышающаго обмана, всю жизнь борющійся за возвышающую правду, онъ и тутъ не далъ себя увлечь „художественному вымыслу“: онъ отворяетъ двери скитскихъ тайниковъ („Три конца“) и обнаруживаетъ ихъ непригладныя стороны: невѣжество, корысть, зависть и жестокосердіе. Золото чистыхъ исканій у него, какъ и въ природѣ, вкраплено въ камень, окружено грязью, забрызгано слезами и кровью. Но тутъ же, рядомъ съ этой мрачной картиной, любовными, ясными красками рисуетъ Маминъ-Сибирякъ паломничество старообрядцевъ всѣхъ согласій на Крестовые острова, собирающее богомольный народъ изъ дальнихъ краевъ, съ Поволожья, изъ-подъ Москвы.

Въ своихъ описаніяхъ Маминъ-Сибирякъ мощенъ и увлекателенъ. Его пейзажъ—красоченъ, но вмѣстѣ цѣломудренно простъ. Онъ сливается въ одно органическое цѣлое съ разсказомъ и проходитъ передъ глазами подвижнымъ фономъ безграничныхъ далей. Нѣсколькими штрихами писатель умѣетъ дать сущность, выразить душу ландшафта („Гроза“).

Маминъ-Сибирякъ—философъ-пантеистъ. Онъ вѣритъ въ душу и умъ природы: природа все понимаетъ, у нея есть свой языкъ. Отъ лица природы говоритъ онъ устами Ѳомича („Лѣсъ“): „ты по лѣсу-то идешь, какъ чума, все отъ тебя прячется. А попробуй, затихни!..“

Предъ широкой любящей душой писателя притихали люди—люди отпѣтые, преступники; въ нихъ Маминъ-Сибирякъ умѣлъ подмѣчать огонекъ души и, понявъ, почему они пали, какое сцѣпленіе роковыхъ случайностей привело ихъ къ преступленію („Преступники“), онъ заставляетъ и читателя понять это и убѣждаетъ его въ возможности возрожденія человѣка къ новой, честной жизни („Родительская кровь“).

Находя въ звѣрномъ образѣ совѣстливую душу, Маминъ-Сибирякъ умѣлъ подмѣчать черты трогательныя и необычныя для дикаго поселенца уральскихъ дебрей. Во всей нашей литературѣ мы не знаемъ такого любовнаго, такого мягкаго изображенія привязанности одинокихъ „пропащихъ“ людей къ животнымъ, съ которыми имъ приходится подвергаться общимъ опасностямъ, дѣлиться рѣдкими удачами и радостями („На шиханѣ“). Поразителенъ по тонкости пониманія сокровенныхъ глубинъ души человѣческой разсказ „Башка“. Въ немъ Маминъ-Сибирякъ первый въ нашей литературѣ отмѣтилъ бывшихъ людей, какъ „наизаконнѣйшее явленіе“.

Показавъ міръ преступниковъ, измѣрившихъ въ своемъ раскаяніи глубину своего паденія, Маминъ-Сибирякъ раскрылъ предъ нами другой страшный міръ — міръ призраковъ — „Дѣтскія тѣни“. Это—рядъ разсказовъ, раскрывающихъ отвратительныя общественныя язвы, таящіяся подъ полированной внѣшностью нашей „цивилизованной“ жизни, это — призраки милліоновъ младенцевъ, безвинно погибающихъ „на законныхъ основаніяхъ“ жертвами минутныхъ похотей, низменныхъ пороковъ и страстей ихъ отцовъ.

Это звѣрство культурныхъ слоевъ Маминъ-Сибирякъ такъ же обнажалъ предъ своимъ читателемъ, какъ и звѣрство народа, его невѣжество и жестокость.

Обнажая жизнь народа, Маминъ-Сибирякъ не боится упрека въ сгущеніи красокъ, въ клеветѣ на народъ. Народъ ему близокъ, это—родная, исходная среда его жизни и творчества. Для него народъ—ветхозавѣтный Ной, и, какъ любящій сынъ его, Маминъ-Сибирякъ не смѣется наготѣ отцовской, не равнодушенъ къ ней, а вопіетъ всю жизнь, призывая общество помочь народу, просвѣтлить его тьму.

Въ этомъ высокомъ сыновнемъ служеніи народу Маминъ-Сибирякъ встрѣтилъ въ литературѣ брата и сверстника—Бунина.

На одной литературной нивѣ проработали они болѣе четверти вѣка, и мы рады возможности дать читателямъ „Нивы“ на ряду съ сочиненіями Мамина-Сибиряка

II. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

И. А. БУНИНА

(въ **12** книгахъ).

Бунинъ, перешедшій уже за четверть вѣка писательской дѣятельности, увѣнчанный Пушкинской преміей и лаврами почетнаго академика, духовно живетъ деревней, и наибольшая часть его писательскаго существа неотразимо заинтересована деревенскимъ началомъ и безначаліемъ.

Къ народу, въ деревню Бунинъ пришелъ изъ старой дворянской семьи. Дворянское гнѣздо, уходящую радость котораго еще засталъ Тургеневъ и по которомъ красиво тосковалъ Чеховъ, опредѣлило душевный складъ Бунина.

Чистый реалистъ, до ужаса честный изобразитель жизни, Бунинъ въ своихъ знаменитыхъ произведеніяхъ: „Деревня“ и „Суходолъ“ достигаетъ предѣла, гдѣ беллетристика уже выходитъ изъ своихъ рамокъ, отрицаетъ самое себя и въ первоначальную правду обращаетъ свой вымыселъ. „Потомокъ виноватыхъ предковъ“, врагъ „тысячелѣтней, рабской нищеты“, онъ бичуетъ ее, но крестъ на ея груди, ея „смиренныя, родимыя черты“ заставляютъ полюбить ее, Русь многострадальную, и ея изобразителя. Бунинъ самъ живетъ въ деревнѣ, для него деревня не сюжетъ, а единственное поприще жизни. Въ томъ, чѣмъ она виновата, чувствуетъ себя виноватымъ и онъ, и потому такъ жизненна и правдива каждая его строка, такъ трогаетъ и увлекаетъ она душу.

Пусть трагедія его героевъ одѣта въ сермягу, изъ-подъ которой не сразу разглядишь ея красоту, но тотъ, кто разъ ее увидѣлъ и почувствовалъ ея высокое и примиряющее начало,—тотъ пойметъ, почему такъ чутко прислушивается вся широкая читающая Россія къ каждому новому произведенію Бунина, и станетъ всѣмъ яснымъ, почему наша Академія Наукъ увѣнчала писательскую дѣятельность Бунина высшимъ отличіемъ для русскаго писателя, избравъ его въ почетные академики.

Это высокое признаніе таланта Бунина явилось оцѣнкой его не только какъ прозаика, но и какъ поэта.

Поэзія Бунина, какъ и его проза, имѣетъ свои особыя черты: продолжая вѣчную традицію Пушкина, нѣсколькими своими мотивами она напоминаетъ Тютчева, но въ общемъ она своеобразна и единственна. У Бунина свой рисунокъ—сжатый и сосредоточенный, свое совершенно отличное отъ всѣхъ отношеніе къ стиху; онъ вовремя останавливается у грани прозы и не приноситъ въ жертву версификаціи жизненной простоты мысли. Въ стихахъ Бунина научаешься, до чего обыкновенное сродни высокому, сколько въ житейской будничности красоты, и какимъ простымъ образомъ можно ее извлечь.

Въ своихъ описаніяхъ природы Бунинъ достигъ совершенно исключительнаго мастерства. Въ его пейзажахъ масса зелени; въ нихъ живетъ и дышитъ русская деревня съ ея полями, сѣнокосами и хлѣбными нивами.

Извѣстный сборникъ стиховъ Бунина „Листопадъ“, за который ему присуждена была Пушкинская премія, завоевалъ ему имя поэта осени, „поры увяданья“. Въ нихъ онъ нашелъ новыя краски, новые звуки для своей осенней мелодіи...

Въ поэзіи Бунина, какъ и въ прозѣ, сказывается тургеневское начало, придавшее его стихамъ всю поэзію печали „дворянскихъ

Библиотека "Руниверс"

гнѣздъ", поэзію опустѣлой комнаты, грустящаго балкона, одинокой залы, гдѣ на старыхъ половицахъ играютъ лучи нестарѣющаго солнца.

Бунинъ рисуетъ не только осень, увяданье, но и яркое солнце, солнце нездѣшнихъ краевъ. Душа его ищетъ отблесковъ міровой красоты, и онъ въ своемъ поклоненіи солнцу, уловленный его „золотымъ неводомъ", странствуетъ по берегамъ Малой Азіи, направляется въ Св. Софію, въ Грецію, въ Іерусалимъ, на Нилъ, стремится къ колыбели человѣчества, и изъ древнѣйшихъ въ мірѣ руинъ взираетъ онъ въ туманно-голубую бездну миѳа.

Развернувшіяся міровыя дали сомкнулись въ сердцѣ поэта.

Отъ Храма Солнца возвращается Бунинъ въ родную деревню.

„Бѣдныя селенья—моя отчизна,—говоритъ онъ.—Я вернулся къ ней, усталый отъ скитаній одинокихъ и понялъ красоту въ ея печали и счастіе—въ печальной красотѣ".

III. НОВОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ А. И. КУПРИНА:

„Яма" (Окончаніе)

(въ **2** книгахъ),

Въ противоположность или, вѣрнѣе—въ дополненіе къ Бунину—*Купринъ* свой яркій талантъ посвящаетъ городу, его скрытымъ язвамъ и показному блеску.

Читатели „Нивы" знакомы съ произведеніями А. И. Куприна, собраніе сочиненій котораго было дано при „Нивѣ" въ 1912 году.

Въ числѣ данныхъ нами произведеній особенно сильное впечатлѣніе произвела прогремѣвшая по всей Россіи повѣсть Куприна „Яма".

По своей темѣ и совершенно исключительной трактовкѣ ея „Яма" — одно изъ крупнѣйшихъ произведеній русской литературы.

Это не повѣсть, это — сплошной крикъ возмущеннаго сердца, это—кровавая проповѣдь лицемѣрному человѣчеству о падшемъ человѣкѣ.

Но то, что авторъ сказалъ въ „Ямѣ", напечатанной въ собраніи его сочиненій, оказалось еще далеко не всѣмъ тѣмъ, что онъ хотѣлъ, что онъ долженъ былъ сказать.

Прошло три года, и теперь Купринъ написалъ окончаніе „Ямы"—то, чего такъ ждало отъ него русское общество, захваченное началомъ повѣсти.

„Яма"—русская „Хижина дяди Тома".

Какъ это великое соціальное произведеніе Бичеръ-Стоу привело къ освобожденію негровъ, изнывавшихъ отъ рабства, такъ „Яма" должна привести къ освобожденію женщины отъ рабства, покрывающаго своимъ позоромъ не только Россію, но и весь міръ.

Взявъ на себя мужество, прямо-таки подвигъ: обрисовать страшный міръ паденія человѣческаго достоинства, Купринъ силой своего яркаго изобразительнаго таланта заставилъ общество открыть глаза на тотъ нравственный и соціальный ужасъ, который совершается въ жизни, но отъ котораго всѣ лицемѣрно сторонятся.

Не ищите въ изображеніи этого нравственнаго ада мягкихъ тоновъ, „беллетристики салоновъ",—предъ нами анатомическій театръ со всей его обнаженной правдой тѣла, противъ лицемѣрнаго поруганія котораго вопіетъ благородный писатель. Это — книга горькой правды и великой совѣсти. Авторъ посвящаетъ ее русскимъ матерямъ. Пусть ее внимательно прочтутъ и отцы, въ рукахъ которыхъ власть и сила сломить это позорное иго.

Давъ въ свое время читателямъ въ собраніи сочиненій Куприна начало „Ямы", мы не только сочли себя обязанными, но крайне рады дать теперь, *въ 1915 году*, только что написанное *Купринымъ окончаніе „Ямы"*—большое произведеніе, занимающіе двѣ книги. Мы рады за писателя, смѣлой проповѣди котораго мы дадимъ милліонную аудиторію—Россію, читающую „Ниву"; мы рады за Россію, которая въ годы своего болѣзненнаго соціальнаго роста обрѣла въ своихъ нѣдрахъ такой правдивый сильный талантъ, какъ Купринъ, возвысившійся въ своемъ писательскомъ служеніи до высоты народнаго трибуна.

Мы переживаемъ время великаго подвига. Люди безтрепетно отдаютъ жизнь свою, совершаютъ подвиги героизма, но есть страна, въ которой всѣ граждане—герои, жизнь которой сплошная жертва, одинъ подвигъ. Это—безсмертная, великая Бельгія. Пусть варварскою рукою разрушены ея города, сожжены ея книгохранилища, но ея духъ, ея литература ближе всѣхъ современному культурному міру.

Величайшій писатель Бельгіи—Метерлинкъ.

IV. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

М. МЕТЕРЛИНКА

(въ **8** книгахъ)

подъ редакціей **Н. М. Минскаго.**

Метерлинкъ теперь на устахъ всего міра. Французская Академія только что избрала его въ „безсмертные". Въ Россіи знаютъ его уже давно, зачитываются его психологическими драмами, увлекаются ими въ талантливомъ исполненіи московскаго Художественнаго театра.

Авторъ „Принцессы Маленъ", „Смерти Тентажиля", „Непрошенной", „Слѣпыхъ"—пѣвецъ трагическаго начала въ нашей обыденной жизни. Трагическое играетъ въ произведеніяхъ Метерлинка ту же роль, какую играетъ Рокъ въ произведеніяхъ древне-греческихъ писателей. И вотъ тотъ самый Рокъ, который царитъ и въ „Слѣпыхъ", и въ „Тентажилѣ", и въ „Тамъ внутри" нашелъ величавое и жуткое воплощеніе въ вспыхнувшихъ трагическихъ событіяхъ на родинѣ Метерлинка. Уже это одно окружаетъ теперь бельгійскаго поэта изумительнымъ по красотѣ и величію ореоломъ.

Главный смыслъ произведеній Метерлинка—„трагическое въ повседневности". Въ простой будничной жизни, въ буржуазной обстановкѣ проносится жуткимъ холодомъ присутствіе незримой смерти, бѣды, несчастія. Смерть приходитъ въ семейный кругъ къ только-что родившей ребенка женщинѣ—и не только старый слѣпой дѣдушка чувствуетъ ея приближеніе, но незримое присутствіе Вечерней Гостьи сжимаетъ сердце и у остальныхъ членовъ семьи („Непрошенная"). Утонула молодая дѣвушка. Семья ждетъ ее домой подъ вечеръ, и несчастіе медленно и почти неуловимо подкрадывается къ ожидающимъ („Тамъ внутри"). Слѣпые бредутъ по лѣсу, не вѣдая, куда, говорятъ о своемъ проводникѣ, ждутъ его, боятся невѣдомаго—и жуткое предчувствіе начинаетъ овладѣвать ими: они догадываются, что ихъ вожатый умеръ, и что имъ грозитъ неизбѣжная катастрофа („Слѣпые"). Жизнь течетъ обычнымъ порядкомъ, исполненная будничныхъ мелочей, но Рокъ не дремлетъ и является непрошеннымъ въ мирную среду и уводитъ своихъ жертвъ куда-то туда, гдѣ, быть-можетъ, нѣтъ ничего, но, быть-можетъ, ждетъ ихъ великая и радостная разгадка всего сущаго... Это и есть трагическое въ повседневности.

Трагическое начало проникаетъ и другія произведенія Метер-

Библиотека "Руниверс"

линка, въ которыхъ будничное поглощено сказочной обстановкой и ореоломъ легендарности.

Въ чувствѣ—а еще болѣе въ области сверхчувствуемаго, въ неразгаданныхъ, но навѣрное существующихъ законахъ иного, еще невѣдомаго намъ, порядка Метерлинкъ ищетъ новыхъ надеждъ для человѣческой души и нежданныхъ утѣшеній. Метерлинкъ изучаетъ законы Рока, чтобы по мѣрѣ своей земной возможности бросить отблескъ свѣта на тайны нашей жизни и найти гармонію между трагическимъ и радостнымъ. Весь онъ — въ поискахъ золотыхъ ключей къ неизвѣстному, въ ожиданіяхъ, въ предчувствіяхъ. Онъ—пѣвецъ Рока.

И вотъ Рокъ вторгся съ сказочной быстротой и силой въ его до той поры спокойную жизнь. Вспыхиваетъ война — и жизнь Метерлинка превращается какъ бы въ одну изъ его поэмъ, исполненныхъ трагизма и смерти. Его личная жизнь и жизнь его окружающихъ охвачена со всѣхъ сторонъ тѣми вѣяніями ужаса смерти и предчувствій, которыми полны его прелестныя поэмы. Но теперь это уже не поэма, а реальная жизнь. Художественное творчество стало дѣйствительностью. И какъ странно и жутко видѣть Метерлинка въ этой дѣйствительности! Какое роковое шествіе событій въ его жизни и кругомъ него!

Какъ въ „Принцессѣ Маленъ", на страну налетѣла опустошительная война. Родные принцессы (ихъ такъ много этихъ родственниковъ маленькой Маленъ: вѣдь это всѣ тѣ бельгійцы, которыхъ застигъ шквалъ войны) подверглись изгнанію... Это именно они бѣгутъ, лишенные крова, одежды и пищи въ Голландію. Это они стоятъ по колѣно въ водѣ — тысячной толпой въ ожиданіи парохода, который перевезетъ ихъ въ Англію... Принца Гіальмара принуждаютъ къ вѣроломству и измѣнѣ, и если онъ, благородный принцъ, сдержитъ слово, данное милой и несчастной Маленъ, то „злая королева Анна" (мы знаемъ и другое имя этой вѣдьмы—мужское!) убьетъ и отравитъ Маленъ...

Только жизнь могла создать такую трагедію. Частѣйшій христіанинъ нашихъ дней, всегда воспѣвавшій жалость къ человѣческому страданію, создавшій знаменитыя „Сокровища смиренныхъ", великій авторъ „Синей птицы",—изгнанъ вмѣстѣ со своимъ народомъ изъ своей страны... Единственное утѣшеніе ему то, что въ каждой странѣ онъ свой, близкій.

„ЕЖЕМѢСЯЧНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ"

(двѣнадцать книгъ).

Подведемъ теперь итогъ всему, что получатъ наши читатели въ 1915 году:

52 нумера **еженедѣльнаго** художеств.-литер. журн. „**НИВА**", содержащаго въ себѣ романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, очерки; снимки съ картинъ прежнихъ и современныхъ художниковъ, рисунки и иллюстраціи военныхъ событій, портреты и т. д.

12 книгъ ежемѣсячнаго журнала **„Литературныя и Популярно-Научныя Приложенія"**, содержащаго повѣсти, разсказы, стихотворенія; военные и комическіе очерки, популярно-научныя и критическія статьи и отдѣлы библіографіи, смѣси, шахматъ и шашекъ, задачъ и разныхъ игръ

40 книгъ „Сборника Нивы", въ которыя войдутъ:

Полнаго собранія сочиненій **Д. Н. Мамина-Сибиряка** 1-я серія въ 18 книгахъ. Цѣна входящихъ въ эту серію произведеній въ существ. изданіяхъ—15 руб. безъ перес.

Полное собраніе сочиненій **И. А. Бунина** въ 12 книгахъ. Цѣна существующаго изданія—15 руб. безъ перес.

Новое произведеніе **А. И. Куприна**—Окончаніе повѣсти „Яма" въ 2 книгахъ. Будетъ стоить приблизительно 1 р. 50 к. безъ перес.

Полное собраніе сочиненій **М. Метерлинка** въ 8 книгахъ. Цѣна существ. издан. болѣе 8 руб. безъ перес.

1 **Генеральная карта** средне-европейск. и южнаго театра воен. дѣйствій подъ ред. проф. Ю. М. Шокальскаго. Въ 6 красокъ. Масштабъ 50 верстъ въ дюймѣ. Размѣръ 100×130 сант.

12 нумеровъ **„Новѣйшихъ Модъ"**, со многими (около 300) иллюстраціями и **почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ** на разнообразные вопросы подписчиковъ.

12 листовъ **рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ и для выжиганія** съ 300 рис. и чертежами выкроекъ (тоже до 300).

1 **отрывной (ежемѣсячный) календарь** на 1915 г., отпечатанный красками.

Содержаніе 40 книгъ „Сборника Нивы" на 1915 годъ будетъ приблизительно слѣдующее:

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Первыя 18 книгъ, большого формата, въ 8-ю долю листа.

Приваловскіе милліоны, романъ въ 5 частяхъ. — Хлѣбъ, романъ въ 5 частяхъ. Три конца, уральская лѣтопись въ 6 частяхъ. Изъ Уральской старины: Охонины брови, повѣсть.— Братья Гордѣевы, повѣсть. Черты изъ жизни Пепко, романъ.—Преступники. Разсказы и повѣсти: Разбойники.—Дружки.—Красное яичко.—Неразвязанный грѣхъ.—Варнакъ.—Искушеніе о. Спиридона.—Наслѣдникъ.—На мѣстѣ преступленія.—Съ голоду.—Безъ особенныхъ правъ.—Дикое счастье, романъ.—Дѣтскія тѣни, разсказы: Аннушка.—Живая совѣсть.—Коробкинъ.— Онъ.— Господинъ Скороходовъ.— Папа.—Тотъ самый, который...—Сусанна Антоновна.—Врагъ. — Уральскіе разсказы въ четырехъ томахъ: Въ худыхъ душахъ. Разсказъ.—Башка. (Изъ разсказовъ о погибшихъ людяхъ).—Отрава. Очеркъ.—Гроза. (Изъ охотничьихъ разсказовъ).—На Шиханѣ. Изъ записной книжки охотника.—Летные. (Изъ разсказовъ о жизни сибирскихъ бѣглыхъ).—Бойцы. Очерки весенняго сплава по рѣкѣ Чусовой.—Золотуха. (Очерки пріисковой жизни).— Поправка доктора Осокина.— Первые студенты. Разсказъ.— Изъ Уральской старины. Разсказъ.—Родительская кровь. Очеркъ.— Лѣсъ. Психологическій этюдъ.—Озорникъ. Разсказъ.—Переводчица на пріискахъ. Разсказъ.—Доброе старое время. Повѣсть.— Вѣрный рабъ. Повѣсть.—Вольный человѣкъ Яшка.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И. А. БУНИНА

(въ 12 книгахъ).

Изъ юношескихъ стихотвореній. — Листопадъ (стихотворенія). — Новыя стихотворенія.—Стихотворенія (1902). — Лонгфелло. Пѣснь о Гайаватѣ.—Разсказы: Перевалъ.— Танька. — Кастрюкъ. — На хуторѣ.—Вѣсти съ родины.—На чужой сторонѣ.—На край свѣта.—Учитель.—Байбаки.—На Донцѣ.—На дачѣ.—Велга.—Безъ роду-племени.—Поздней ночью. — Антоновскія яблоки. — Руда. — Надъ городомъ.—Новая дорога.—Сосны.—Скитъ.—Туманъ.—Костеръ.—Въ Августѣ.—Осенью.—Новый Годъ.—Тишина.—Надежда.—Стихотворенія. — Годива, поэма А. Теннисона. — Изъ „Золотой Легенды" Лонгфелло. — Каинъ, мистерія Байрона. — Манфредъ, драм. поэма Байрона. — Небо и земля, мистерія Байрона. — Разсказы: Золотое дно.—Сны.—У истока дней.—Астма.—Счастье. — Цифры.—Бѣденъ бѣсъ.—Старая пѣсня.—Сонъ Обломова внука.—Чеховъ.— Храмъ Солнца. — Деревня. — Суходолъ. Суходолъ. Разсказы: — Захаръ Воробьевъ.—Сто восемь.—Ночной разговоръ. — Сила. — Хорошая жизнь.—Сверчокъ.—Веселый дворъ.—Игнатъ. — Іоаннъ Рыдалецъ. Разсказы: Іоаннъ Рыдалецъ. — Илья Пророкъ. — Худая трава. — Псальма.—Вѣра.—Весна.—Преступленіе. — Князь во князьяхъ.—Послѣдній день.—Сказка.—Будни.—Хорошихъ кровей.—Личарда.—Забота.—Безъ заглавія.—Крикъ. — Въ Красномъ морѣ. — Геннисаретъ. — Смерть. — Я все молчу.—Стихи. — Въ Венеціи. Поэма.—Разсказы: Чаша жизни. — При дорогѣ. — Пыль. — Святые. — Братья.— Весенній вечеръ.—Новыя воспоминанія о Чеховѣ.— Рѣчь о современной русской литературѣ.—и др.

НОВОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ А. И. КУПРИНА

(въ 2 книгахъ).

Повѣсть **„Яма"** (Окончаніе).

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Мориса МЕТЕРЛИНКА

Въ пер. Л. Вилькиной и Н. М. Минскаго подъ редак. Н. М. Минскаго.

(Въ 8 книгахъ).

Морисъ Метерлинкъ. Біогр. оч. Н. Минскаго. — Предисловіе Метерлинка.—Драмы: Принцесса Маленъ.—Слѣпые.—Непрошенная гостья.– За стѣнами дома.—Смерть Тентажиля.—Теплица (стихотворенія). — Пѣсни. — Сокровище смиренныхъ.—Драм. произведенія: Семь принцессъ. — Сестра Беатриса. — Алладина и Паломидъ. — Пеллеасъ и Мелисанда.—Погребенный храмъ.—Драм. произведенія: Аглавэна и Селизета.—Аріана и Синяя Борода.—Монна Ванна.—Жуазель.—Жизнь пчелъ.—Разумъ цвѣтовъ: Разумъ цвѣтовъ.—Мѣра часовъ.—Тревожность нашей морали.—Похвала боксу.—По поводу короля Лира.—Боги войны.—Прощеніе обидъ.—Несчастный случай. Наша соціальная обязанность. — Безсмертіе. — Марія Магдалина, пьеса—Синяя птица, пьеса.—Мудрость и судьба и др.

Библиотека "Руниверс"

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“ 1915 г.

СО ВСѢМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

Безъ доставки въ Петроградѣ . **6 р. 50 к.**
Съ доставкою въ Петроградѣ. . . . . **7 р. 50 к.**
Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи. **8 р.**
Съ перес. за границу . . . **12 р.**

БЕЗЪ ДОСТАВКИ: 1) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Н. Печковской. 7 р. 25 к.
2) въ Одессѣ, въ кн. маг. „Образованіе“. 7 р. 50 к.

Разсрочка допускается на слѣдующихъ условіяхъ:

	Безъ доставки въ ПГР.			Съ доставкою въ ПГР.			Съ перес. иногородн.		
	2 срока.	3 срока.	4 срока.	2 срока.	3 срока.	4 срока.	2 срока.	3 срока.	4 срока.
При подпискѣ.	3 р. 50 к.	2 р. 50 к.	2 р.	4 р.	3 р.	2 р.	4 р.	3 р.	2 р.
1 марта . . .	—	—	1 р. 50 к.	—	—	2 р.	—	—	2 р.
1 апрѣля . . .	—	2 р.	—	—	2 р. 50 к.	—	—	2 р. 50 к.	—
1 іюня	3 р.	—	1 р. 50 к.	3 р. 50 к.	—	2 р.	4 р.	—	2 р.
1 августа . . .	—	2 р.	1 р. 50 к.	—	2 р.	1 р. 50 к.	—	2 р. 50 к.	2 р.
Итого . . .	6 р. 50 к.	6 р. 50 к.	6 р. 50 к.	7 р. 50 к.	7 р. 50 к.	7 р. 50 к.	8 р.	8 р.	8 р.

Для гг. служащихъ какъ въ частныхъ, такъ и въ казенныхъ учрежденіяхъ (въ ПГР., Москвѣ, Одессѣ и др. город.), допускается разсрочка на еще болѣе льготныхъ условіяхъ, за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ.

Гг. **новые подписчики**, желающіе получить, кромѣ „НИВЫ“ 1915 г. со всѣми прилож., еще **21 книгу Собр. соч. А. И. КУПРИНА,** приложенныя при „НИВѢ“ **въ 1912 г.**, доплачиваютъ: 1) **Безъ доставки въ Петроградѣ—4 р.**, въ Москвѣ и Одессѣ—4 р. 25 к.; 2) **Съ доставкой и пересылкой** (въ Европ. Россіи)—4 р. 50 к. Эту доплату можно производить и **частями до 1-го сентября 1915 г.** съ тѣмъ, что книги соч. Куприна за 1912 г. **будутъ высланы не ранѣе полученія сполна всей суммы доплаты.**

При высылкѣ денегъ почтовымъ переводомъ просимъ обозначать непремѣнно на самомъ переводѣ (а не въ отдѣльномъ письмѣ), на что именно предназначаются деньги, а также свой адресъ (подробный и четкій).

Адресъ: ПЕТРОГРАДЪ, въ Главную Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя, 22.

Для пріема подписки въ ПЕТРОГРАДѢ Главная Контора открыта ежедневно (кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней) **отъ 10 час. утра до 6 час. вечера.** Телефонъ 4—33.

Захватъ казаками германскаго автомобиля. Рисунокъ И. Владимірова.

Библиотека "Руниверс"

* * *

Шли войска на войну... Колыхались цвѣтныя знамена,
Колебались штыки загорѣлыхъ и пыльныхъ солдатъ,
И звучали шаги подъ аккорды далекаго звона,
И за рядомъ солдатъ проходилъ наступающій рядъ.

А кругомъ, въ тишинѣ, подъ лучами туманнаго утра,
Шелъ толпою народъ, шла съ молитвой родная страна,
И востокъ надъ землей чуть алѣлъ, какъ изломъ перламутра,
И святая земля пробуждалась отъ тихаго сна.

По дорогамъ большимъ, передъ грозной, неслыханной битвой,
Противъ темной страны, гдѣ царитъ и насилье и гнетъ,—
Проходили войска, проходило Славянство съ молитвой,
И до самыхъ границъ провожалъ ихъ съ молитвой народъ.

И въ лучахъ заревыхъ надъ толпой проплывала икона,—
И народъ понималъ этотъ тихій и благостный взглядъ.
Шли войска на войну... Колыхались цвѣтныя знамена,
Удалялись штыки загорѣлыхъ и пыльныхъ солдатъ...

Вл. Краковецкій.

Шли войска на войну... Рисунокъ **И. Владимірова.**

Эхо войны.

Добровольцы.

Миніатюра **Евгенія Чирикова.**

Тревоги начались со дня объявленія войны. Тихая, лѣнивая, немного скучная своимъ однообразіемъ, жизнь дачниковъ сразу оборвалась, словно именно имъ, дачникамъ, безмятежно бултыхавшимся въ морскомъ заливѣ, по цѣлымъ часамъ дремавшимъ на песчаной отмели подъ зонтиками подъ ласковый прибой и звонкій крикъ дѣтворы разнаго возраста, была объявлена война Германіей.

Сразу въ жизнь ворвалась тревога, взбудоражила душу—и все пошло вверхъ дномъ. Пріѣзжіе издалека стали проворно собирать пожитки, чтобы ѣхать по домамъ, гдѣ оставались мужья и отцы, и это волновало всѣхъ остальныхъ, потому что походило на бѣгство отъ готоваго завоевать дачниковъ непріятеля.

Появились нелѣпые слухи о стотысячномъ десантѣ, который не сегодня-завтра высадится какъ разъ тутъ, гдѣ дачники ежедневно бултыхаются въ морской водѣ, и тревога перешла въ панику...

Большая семья Перепелкиныхъ, пріѣхавшихъ сюда изъ глубины Россіи, нѣсколько дней храбрилась и посмѣивалась надъ трусами, но ночью пришла телеграмма съ нарочнымъ отъ папы: „выѣзжайте немедленно", и Перепелкины поддались общему настроенію. Мадамъ Перепелкина, полная, сырая женщина съ больнымъ сердцемъ, почуяла въ телеграммѣ дѣйствительную и близкую опасность, сильно взволновалась и ночью же, разбудивъ прислугу, начала укладываться. Шумъ, бѣготня и свѣчи въ темнотѣ разбудили дѣвочекъ, а дѣвочки разбудили мальчиковъ, начались разговоры шепотомъ въ двухъ сосѣднихъ дѣтскихъ спальняхъ. Соня, завернувшись въ пикейное одѣяло, перешла къ мальчикамъ, за нею то же сдѣлала младшая, Надя. Всѣ сидѣли на кроватяхъ въ темнотѣ и тревожно совѣщались и обсуждали поведеніе мамы.

— Пришла телеграмма. Я слышала.

— Ага! Я говорилъ, что правда!.. Должно-быть, высадились...

— Могутъ всѣхъ насъ убить.

Ребята вскакивали съ постелей и смотрѣли въ окна, въ темноту ночи, которую изрѣдка прорѣзали синеватые отблески далекихъ передвигающихся прожекторовъ, отъ чего и ночь, и тишина за окнами, и темные силуэты деревьевъ начинали казаться зловѣщими и таинственными, пробуждая въ дѣвочкахъ страхъ, а въ мальчикахъ —необузданную фантазію.

— Ну такъ что же? Если придутъ, скажемъ, сдаемся и...— шептала готовая расплакаться трусиха-Надя, пожимая голенькими плечиками.

— Сдавайся, коли хочешь!—презрительно бросилъ храбрый Коля, перешедшій въ четвертый классъ и считавшій теперь себя уже большимъ.

— А ты? Скажешь, не сдашься?

— А вотъ это видѣла?—спросилъ Коля, вытащивъ изъ-подъ подушки финскій ножъ въ футлярѣ.

— Если мама сдастся, всѣмъ придется... Разстрѣляютъ...

Надя вдругъ потихоньку захныкала, и совѣщаніе оборвалось: мать услыхала наверху топотъ босыхъ ногъ, пришла со свѣчой въ рукѣ и застала военный совѣтъ на мѣстѣ преступленія.

— Что вы! Спать! Завтра надо вставать рано, потому что поѣдемъ домой къ папѣ!

— А что случилось? Почему ты не спишь? Высадились нѣмцы?..

— Ахъ, какія глупости! Идите на мѣста... Во-первыхъ, неприлично, Соня и Надя, бѣгать къ мальчикамъ въ такихъ костюмахъ, а затѣмъ... что же смотритъ фрейлейнъ!

Мать разбудила крѣпко спавшую въ комнатѣ дѣвочекъ краснощекую, здоровенную Альму Ивановну и сдѣлала ей выговоръ:

— Спите, какъ мертвая! Не слышите, что дѣлается у васъ подъ носомъ!

Нѣмка изъ Либавы спросонья не сразу поняла, въ чемъ дѣло: у нея явилась мысль, что близко нѣмцы, и она испугалась ихъ больше, чѣмъ плачущая Надя...

— Варумъ? Варумъ? Варумъ?—испуганнымъ шепотомъ спрашивала она хныкавшую дѣвочку, торопливо напяливая на ногу ботинокъ...

— Н-ѣ-м-**ц-ы!**—шептала дѣвочка, кутаясь въ одѣяло.

Вмѣсто того, чтобы успокоить ребятъ, Альма Ивановна окончательно растревожила и разгуляла ихъ. Полуодѣлась и начала воевать съ мальчиками, которые продолжали обсуждать вполголоса положеніе дѣла, переговариваясь черезъ досчатую перегородку съ дѣвочками.

— Шляфенъ!—шипѣла Альма Ивановна.

— Я знаю, вы рады, если нѣмцы побѣдятъ насъ!—обвинялъ младшій, Гриша.

Альма Ивановна сердилась, обѣщала сейчасъ же позвать маму. Коля поддерживалъ брата:

— Долой нѣмцевъ! Мы не желаемъ разговаривать по-нѣмецки! Хераусъ! Отваливайте!

Библиотека "Руниверс"

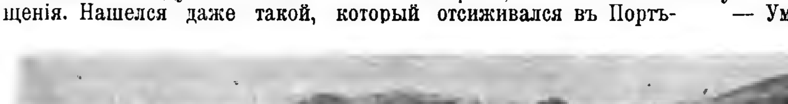
Ночь прошла какимъ-то кошмаромъ. Почти не спали. Мадамъ Перепелкина чуть держалась на ногахъ отъ усталости и волненія. Ребята были въ повышенномъ, нервозномъ состояніи. Прислуга ворчала. Однако оказалось, что все это были пустяки, а главное предстояло впереди. Пришлось приступомъ брать мѣста на поѣздъ, растерять часть узловъ и корзинокъ, всю дорогу ругаться съ сосѣдями и вмѣсто двухъ сутокъ ѣхать четверо. Какъ долгую тяжелую болѣзнь, перенесли дорогу и пріѣхали наконецъ домой. Мадамъ Перепелкина слегла въ постель, но ребята быстро оправились, и у нихъ началась своя жизнь. Война уже пропитала собой всѣ стороны городской жизни. Городъ стоялъ на пути передвиженія войскъ, былъ биткомъ набитъ военными, запасными; кипѣла военная суетолока въ городскихъ и земскихъ учрежденіяхъ, на площадяхъ и улицахъ. Отодвинулись всѣ другіе интересы. Война, одна война, заполняла все вниманіе людей, мужчинъ и женщинъ, взрослыхъ и дѣтей. Даже въ семьѣ жили теперь по-новому: каждый отецъ семейства сдѣлался стратегомъ и дипломатомъ, газета съ военными новостями сдѣлалась столь же необходимой, какъ булка къ чаю. Почти каждый домъ и семья связались кровными нитями съ воюющей арміей: гдѣ сынъ, гдѣ братъ, гдѣ дядя или самъ отецъ ушли на войну. Тревога сдѣлалась общей, общей сдѣлались радость побѣдъ, горе неудачъ, страданіе за павшихъ.

Орудіе тяжелой германской артиллеріи. Его окружаютъ солдаты австрійской батареи. Ударяясь въ землю, снарядъ образуетъ столь глубокую яму, что въ ней могутъ помѣститься трупы пяти лошадей.

Домъ, гдѣ жили Перепелкины, былъ исключительнымъ въ этомъ отношеніи. Почти изъ каждой квартиры кто-нибудь ушелъ или уходилъ на войну—гдѣ баринъ, гдѣ сынъ старшій, гдѣ мужъ или кумъ кухарки. Флигель былъ отданъ подъ постой запасныхъ. На большомъ дворѣ стояли комплектующіяся въ армію лошади. Все это придавало двору дома характеръ военнаго лагеря. Многочисленная дѣтвора изъ разныхъ квартиръ, отъ полутемнаго нижняго этажа до мансарды, жила среди этого лагеря въ непрестанномъ общеніи съ солдатами и съ головой уходила въ военные интересы. Даже игры у ребятъ носили теперь военный характеръ: на дворѣ шли безконечныя сраженія, атаки, перемирія. Солдатики, скучающіе отъ неизвѣстности и ждущіе очередныхъ отправокъ, успѣли сдѣлаться ихъ друзьями и участниками. По вечерамъ отыскивался какой-нибудь „бывалый“, участникъ войны съ японцами, и, собравъ многочисленную аудиторію изъ ребятъ, кухарокъ и горничныхъ, разсказывалъ о своихъ геройскихъ подвигахъ.

— Георгія имѣю... Вотъ онъ, Георгій!

Женщины благосклонно и умилительно жались къ герою, а ребята смотрѣли на него съ восхищеннымъ изумленіемъ и почтительностью. Духъ захватывало то отъ страха, то отъ восхищенія. Нашелся даже такой, который отсиживался въ Портъ-Артурѣ, былъ раненъ и своими глазами видѣлъ, какъ погибъ адмиралъ Макаровъ!..



Коля Перепелкинъ и Вася Никоновъ, одноклассники, жившіе въ сосѣднихъ квартирахъ, закадычные пріятели, теперь сдружились еще болѣе. Водой не разольешь! Это были самые воинственные люди на всемъ дворѣ. Они коноводили въ сраженіяхъ, изображая непобѣдимыхъ генераловъ, и частенько увлекались такъ битвой съ врагами, что матери изъ подвальнаго этажа приходили съ жалобами къ родителямъ. Битвы на день-два прекращались. Коля съ Васей начинали ходить на вокзалъ встрѣчать воинскіе поѣзда и начавшихъ уже появляться раненыхъ и плѣнныхъ. Воинственный духъ получалъ обильную пищу всюду: на улицахъ, на вокзалахъ, на дворѣ и за столомъ, около вечерней лампы, гдѣ сходились члены семьи и знакомые и велись нескончаемые разговоры и споры на тѣ же темы о войнѣ, о побѣдахъ, о разныхъ удивительныхъ случаяхъ. Изъ такихъ случаевъ особенно поразилъ Колю казакъ Крючковъ: одинъ зарубилъ одиннадцать нѣмцевъ, получилъ шестнадцать ранъ и находится въ добромъ здравіи! Когда Коля узналъ объ этомъ героѣ, онъ не вытерпѣлъ, сейчасъ же побѣжалъ къ сосѣду, Васѣ Никонову, и, задыхаясь отъ волненія и радости, спросилъ:

— Читалъ про Крючкова?

— А что?

— Одинъ зарубилъ... одиннадцать нѣмцевъ!

— Врешь?

— Читай самъ! Вотъ здѣсь, въ газетѣ! Шестнадцать ранъ получилъ!

— Умеръ?

— Какое! Живъ!

— Врешь?

— Въ добромъ здравіи! Читай самъ!

— Вотъ такъ здорово! Молодчина!

Весь дворъ на другой день говорилъ о казакѣ Крючковѣ. Солдаты кричали „ура“. Мальчишки играли въ Крючкова. Конечно, имъ былъ Коля Перепелкинъ... У него была уже приготовлена изъ ручки половой щетки казацкая пика, а у Васи не было ея. Кромѣ того, Коля, заведя въ укромный уголокъ товарища, показалъ ему настоящій револьверъ.

— Гдѣ взялъ? — съ завистью спросилъ товарищъ.

— Не выдашь?

— Вотъ дуракъ!

— Я рѣшилъ ѣхать на войну... Хочешь?

Такъ явилась первая мысль перейти отъ игръ въ войну къ настоящей войнѣ. Никто не зналъ, что уединившіеся въ запертой комнатѣ пріятели обсуждали теперь уже серьезный вопросъ о бѣгствѣ изъ родительскаго дома и поступленіи въ дѣйствующую армію добровольцами. Немного жалко было папу съ мамой, но...

— У всякаго есть отецъ съ матерью! Этакъ никому нельзя итти...

— А деньги есть?

— А это видѣлъ?

— Гдѣ досталъ?

— Пять было, а три за книги дали... Восемь!

— Я тоже могу продать...

Все было готово, остановка была за оружіемъ для Васи. Вася бѣгалъ по товари-

Отверстіе разрушеній, производимыхъ бризантными снарядами тяжелой германской артиллеріи. По фигурѣ человѣка, стоящаго у отверстія, можно судить о чудовищныхъ размѣрахъ разрушенія.

Библиотека "Руниверс"

Германскія орудія, пробывшія четверть часа подъ огнемъ французской артиллеріи.

щамъ, по рынку со старьемъ, — нигдѣ не удалось. Рѣшили, что достанутъ тамъ...

— У перваго убитаго нѣмца найдемъ все!.. Солдаты дадутъ!..

Сбѣжали вечеромъ вмѣстѣ съ уходившими съ пѣснями со двора солдатами. Всѣ видѣли, какъ они шли по панели, не отставая отъ отбивающихъ шагъ солдатъ, и такъ же въ тактъ пѣснѣ двигались по направленію вокзала. Много ребятъ со двора провожали своихъ пріятелей на войну, поэтому никто не обратилъ особеннаго вниманія на Колю Перепелкина и Васю Никонова. А между тѣмъ у нихъ все было взвѣшено и обдумано. Пробравшись на запасные пути, гдѣ стоялъ воинскій поѣздъ, они забрались на груженую военными повозками платформу и залегли подъ брезентомъ, никѣмъ незамѣченные... Здѣсь было тепло и удобно. Размѣстились подъ одной повозкой рядышкомъ, брезентъ покрывалъ ихъ, какъ крыша палатки, нашлось сѣно для подстилки, ранцы были набиты провизіей. Была даже бутылка молока! Долго не отходилъ поѣздъ, и пріятели сидѣли смирно и терпѣливо, не выглядывая и не разговаривая, объясняясь одними жестами. Только бы двинулся поѣздъ! Мимо ходили солдаты, громко переговаривались; иногда казалось, что кто-то говорилъ именно о нихъ, — тогда они грозили другъ другу кулаками и переставали дышать. О, какъ мучительно было ожиданіе!.. Но вотъ заигралъ призывной рожокъ, жалобно такъ и протяжно, словно прощался навсегда съ кѣмъ-то. На одно мгновеніе у Васи явилась мысль о домѣ, о папѣ съ мамой, и захотѣлось соскочить съ платформы и поскорѣе вернуться домой. Не таковъ былъ Николай Перепелкинъ: при грустномъ звукѣ военнаго рожка онъ улыбнулся, снялъ фуражку, перекрестился и произнесъ:

— Ну, слава Богу! Двинемся!

Еще разъ проигралъ военный рожокъ. Толкнулась платформа—пріятели ткнулись головами, и желѣзный лязгъ пробѣжалъ, какъ судорога, по поѣзду. Донеслось громкое „ура", потомъ послышался жалобный вой заголосившей бабы, смѣшавшійся съ свисткомъ локомотива, и поѣхали...

— Ну-съ, а теперь можно покурить! — произнесъ Перепелкинъ довольно громко и вынулъ изъ кармана отцовскій портсигаръ, биткомъ набитый папиросами...—Не угодно ли?

— Развѣ ты куришь?

— Раньше не курилъ, а теперь нельзя... На войнѣ безъ этого нельзя.

Всю ночь ѣхали спокойно. Просыпаясь на рѣдкихъ остановкахъ, выглядывали въ щель на огоньки, слышали, какъ кричатъ „ура" и плачутъ, и снова засыпали. Когда утромъ проснулись, поѣздъ стоялъ у какой-то большой станціи. Очень было интересно, куда пріѣхали, и Вася выглянулъ изъ-подъ отвороченнаго брезента. И этимъ погубилъ все дѣло! У платформы стоялъ смазчикъ съ большой масленкой, готовясь нагнуться къ колесамъ. Сверкнувшіе подъ брезентомъ глаза Васи заставили смазчика пугливо вздрогнуть и отскочить отъ платформы.

— Кто забился?!

Коля оттянулъ товарища вглубь, сердито ткнулъ его кулакомъ подъ бокъ, но было уже поздно.

— Ребята! Кто у васъ тамъ сидитъ? Не нѣмецъ ли спрятался?

Все пропало! Два солдата и усатый жандармъ подошли къ платформѣ и отвернули брезентъ.

— Вы чего тутъ? А? Ну-ка, вылазьте, господа честные, да пожалуйте къ коменданту!

Попробовали-было объяснить, врали, что имъ кто-то разрѣшилъ ѣхать на войну.

Не вѣрили и смѣялись. Повели, какъ воровъ, къ станціи. Было и страшно и обидно, такъ обидно, что на рѣсницахъ Коли дрожали слезинки.

— Откуда вы? Кто такіе?

— Добровольцы!

— Ага! Не о васъ ли, голубчики, сейчасъ только телеграмма получена? Фамилія?

— Перепелкинъ Николай!

— А ты?

— Никоновъ Василій!

— Такъ и есть!

Коменданта не было. Пришлось запереть бѣглецовъ въ дежурной комнатѣ. По станціи быстро разнеслась вѣсть о поимкѣ двухъ бѣжавшихъ на войну гимназистовъ, и любопытные стали собираться подъ окномъ дежурной комнаты и показывать пальцами на плѣнниковъ. Они жались въ уголокъ и, поѣдая бутерброды съ огромнымъ аппетитомъ, старались не смотрѣть на окна и другъ

Геройскій подвигъ бельгійскаго рядового 24-го полка, Ж. де-Манта.

18-лѣтній герой де-Мантъ поджигаетъ мостъ у Термонда, чтобы воспрепятствовать наступленію германскихъ войскъ. Съ горящимъ факеломъ взобрался де-Мантъ на мостъ, поджегъ приготовленную заранѣе для этой цѣли бочку съ парафиномъ и затѣмъ, когда мостъ запылалъ, подъ градомъ пуль вернулся невредимымъ къ своему полку, восторженно встрѣтившему юнаго героя.
Рисунокъ Г. Кёккекъ по наброску съ натуры Ж. Линча.

Библиотека "Руниверс"

на друга. Что тамъ собрались и разсматриваютъ ихъ чрезъ стекла, какъ звѣрей въ клѣткѣ! Коля не вытерпѣлъ: повернулся и показалъ языкъ. Не обидѣлись, только загоготали и еще больше столпились у окна. Позоръ вмѣсто славы! И все это изъ-за Васьки!

— Оселъ! Зачѣмъ выглядывать? - сердито ворчалъ Коля на товарища.

— Не ругайся пожалуйста, а то я...

Поссорились и не глядѣли другъ на друга. Пришелъ комендантъ. Веселый, довольный и ласковый. Думали, будетъ бранить, а онъ вошелъ и сказалъ по-военному:

— Здорово, ребята!

Поговорилъ, погладилъ по головѣ Колю, а Васю потрепалъ по плечу. Повелъ къ себѣ въ комнату, напоилъ чаемъ и далъ телеграму родителямъ.

— Надо подрасти! Вамъ рано на войну! Вы ружья не поднимете...

— У меня револьверъ!—признался Коля.

— Ну-ка, дай сюда!

Комендантъ взялъ револьверъ, осмотрѣлъ, покачалъ головой и сталъ разряжать его. Коля, видя явное намѣреніе коменданта отобрать револьверъ, робко признался:

— Вѣдь онъ не мой, а папинъ!

До вечера арестованные сидѣли въ дежурной комнатѣ и мучились неизвѣстностью, что хотятъ и будутъ съ ними дальше дѣлать. Поѣли всю провизію, помирились и обсуждали планъ новаго побѣга изъ-подъ ареста... Было очень страшно возвращаться домой, и казалось, что лучше погибнуть... Бѣжать однако не удалось: пришелъ поѣздъ, и дежурный жандармъ, войдя въ комнату, строго приказалъ:

-- Слѣдуйте за мной, господа добровольцы!

Привелъ въ вагонъ, усадилъ въ служебномъ отдѣленіи и самъ остался. Боже мой, какой позоръ! Пассажиры, заглядывая въ дверку и предполагая, что жандармъ поймалъ какихъ-нибудь воришекъ, злорадно усмѣхались.

— Карманники, что ли?

— Гимназисты! На войну хотѣли!

И всѣ хохотали и опять разсматривали арестованныхъ, трунили надъ ними:

— Герои какіе! Чуть отъ земли видать, а тоже...

На ближайшей остановкѣ появлялся новый жандармъ и садился на мѣсто уходившаго.

И такъ всю дорогу до родного города. Хорошо, что пріѣхали туда ночью, и никто не видалъ, какъ Коля съ Васей шагали, понуря головы, за сердитымъ городовымъ.

Вотъ и домъ... Въ окнахъ второго этажа—огни. Не спятъ у нихъ...

— А вы шагайте! Впередъ идите!

— Мы сами! Теперь ужъ мы сами можемъ!

— Сами. Такъ я васъ и пустилъ! А потомъ отвѣчай за ваши глупости!.. Подъ расписку приказано сдать. Драть васъ надо!

Страшно было звонить. Коля чуть-чуть дотронулся до звонка и прямо обмеръ отъ ужаса, когда щелкнула задвижка двери. Отворила Альма Ивановна и радостно закричала на весь домъ:

— Бѣглый привели! Мадамъ!

Въ переднюю вбѣжали братъ и сестры, задыхаясь, приплыла мать, выглянулъ изъ кабинета отецъ.

— Коля!

— Примите-ка! Расписочку выдайте, что доставлены оба...

— Я не ихъ, я живу рядомъ!—пискнулъ за спиной будочника готовый расплакаться Вася. Ребята визжали отъ радости, наперебой распрашивая, видѣли ли нѣмцевъ, убили ли хотя одного непріятеля, страшно ли было... Мать расплакалась и рылась дрожащей рукою въ кошелькѣ, чтобы дать на чай будочнику. Только отецъ сурово молчалъ и сверкалъ глазами... Будочникъ повелъ Васю, чтобы и его сдать подъ расписку и получить на чай... Появился снова отецъ и строго началъ:

— Какъ ты смѣлъ безъ спроса, безъ моего разрѣшенія, взять мой револьверъ?

— Странно! Надо же чѣмъ-нибудь сражаться!..—отвѣтилъ Коля, пожавъ плечами.

Отецъ хотѣлъ возразить, но не сразу нашелся, и неожиданно гнѣвъ его растаялъ. А Коля продолжалъ, сдѣлавшись отъ страха храбрымъ:

— Скажешь, что умереть за отечество нехорошо? А что говорилъ тогда? А Крючковъ?—Коля забрасывалъ отца вопросами, и тотъ начиналъ улыбаться...

— Ну, поди ко мнѣ, защитникъ отечества!.. Я хочу тебя поцѣловать...—Теперь Коля расплакался и уперся:

— Не пойду! Вы всѣ насмѣхаетесь! А вотъ если бы меня убили нѣмцы, тогда всѣ вы стали бы меня хвалить... и плакать стали бы. А теперь браните и насмѣхаетесь...

Долго отецъ и мать ластились къ герою, довольные, гордые втайнѣ, но не могли не улыбаться, слушая эти горячія обличенія. Когда герой, утомленный приключеніями и пережитымъ волненіемъ, уснулъ въ своей кровати, отецъ съ матерью тихо вошли въ комнату и умиленно разсматривали своего Колю.

— Тише! Не буди его!

— А я все-таки поцѣлую его!—прошепталъ отецъ и, приблизившись на цыпочкахъ къ постели, наклонился и осторожно коснулся горячей, раскраснѣвшейся щеки мальчика.

— Пойдемъ. Тише!

Они, крадучись, выходили изъ комнаты. Мать отирала слезы...

На Мазурскихъ озерахъ.

I. По водѣ.

Разсказъ **Николая Роминскаго.**

Наконецъ дневка.

Сегодня боя не было, погода хороша, и мы цѣлый день грѣлись на солнышкѣ. Я хотѣлъ итти спать въ девять часовъ вечера, но въ восемь бригаду внезапно подняли и стали собирать палатки. Меня позвали къ бригадному генералу, и я получилъ экстренное порученіе: провѣрить, возможно ли перейти черезъ найденный казаками бродъ, чтобы зайти непріятелю почти въ тылъ и этимъ неожиданнымъ движеніемъ поддержать нашу атаку съ фронта.

Бригада выступала одновременно со мною, такъ какъ донесеніе командира сотни было ясно и опредѣленно: онъ прислалъ казака съ того берега и увѣрялъ, что переходъ возможенъ и артиллеріи. Пользуясь скоростью лошадей, я долженъ былъ убѣдиться въ справедливости его словъ и, если артиллерія дѣйствительно можетъ перейти, оставшись тамъ, подготовить безостановочную переправу. Въ противномъ случаѣ спѣшить навстрѣчу бригадѣ и доложить.

Когда я вышелъ отъ генерала, было уже совершенно темно. Вѣтеръ усиливался и гналъ тучи. Луна выскакивала иногда на темно-синій кусокъ неба и быстро перебѣгала его, прячась опять въ густыхъ облакахъ. Иногда она лишь выглядывала, освѣщала лѣса, поля и дорогу быстрымъ скользящимъ лучемъ, исчезала, и кругомъ дѣлалось еще темнѣе, чѣмъ до ея появленія.

Три казака, которые должны были меня провожать, неподвижно стояли у лошадей. Мой конь, казавшійся огромнымъ среди своихъ товарищей-степняковъ, нетерпѣливо билъ копытомъ.

Когда я садился, луна блеснула изъ-за тучъ и скользнула по лицу высокаго, широкоплечаго урядника съ блестящими глазами, небольшими свѣтлыми усами и длиннымъ орлинымъ носомъ. Онъ почему-то не былъ похожъ на остальныхъ казаковъ, или чего-то ему недоставало, или что-то было лишнее. Въ этотъ разъ я замѣтилъ это лишь мелькомъ и сейчасъ же забылъ, думая о порученіи.

Онъ поѣхалъ впередъ, за нимъ я и сзади оба рядовые казака.

Мы скоро обогнали наши походныя колонны, авангардъ, передовой отрядъ и его щупальцы отдѣльные дозоры. Одинъ изъ нихъ остановилъ насъ и пропустилъ, только освѣтивъ мое лицо карманнымъ электрическимъ фонарикомъ и пробѣжавъ его лучомъ по лицамъ казаковъ. Когда поѣхали, урядникъ обернулся и сказалъ:

-- Молодчага,—свое дѣло знаетъ.

Это было все, что мы говорили. Лишь за полверсты до переправы онъ издалъ какой-то рѣзкій странный звукъ, и черезъ нѣсколько времени другой звукъ, не похожій на прежній, пронесся надъ лѣсомъ. Это намъ отвѣтили казаки, ожидавшіе у брода.

Бродъ? Но я его представлялъ совершенно иначе. Передъ нами было огромное озеро, скорѣе прѣсное море! Всюду, сколько могъ проникнуть глазъ, вода! Въ бинокль колебалась тоже темная, при лунѣ покрытая серебристыми волнами, жидкость. Тяжелая, свинцовая, бившая съ глухимъ шумомъ о берегъ, волна.

Нигдѣ ни строенія ни кустика. На берегу кучка казаковъ, державшихъ въ поводу лошадей.

Отъ кучки отдѣлилась темная фигура и, передавъ лошадь товарищу, направилась къ намъ. Урядникъ съ орлинымъ носомъ поднялся на стременахъ и сказалъ:

— Это, батя, командиръ батальона, чтобы посмотрѣть, можно ли переѣхать. Хочетъ тоже попробовать мостъ, выдержитъ ли орудію.

Темная фигура взяла подъ козырекъ:

— Старшій урядникъ Евстигнѣевъ второй, ваше высокоблагородіе.

Затѣмъ уже другимъ тономъ, болѣе по-товарищески, добавилъ:

— А это мой сынъ, старшій урядникъ Евстигнѣевъ первый, мой начальникъ теперь. Я охотой, потому...

Чуть выглянула луна. Да, то же лицо съ орлинымъ носомъ, сѣдые усы и небольшая рѣдкая сѣдая бородка. На груди блестѣли три Георгія: два серебряныхъ, одинъ золотой.

— Мы и бродъ съ Василіемъ нашли.

Затѣмъ, сѣвъ на коня, уже дѣловымъ тономъ сказалъ:

— Я поѣду впередъ, вы, ваше высокоблагородіе, за мною и Василій сзади.

Кони неохотно шли въ воду, особенно мой. Василій слегка подстегнулъ его нагайкой, онъ взвился на дыбы и обдалъ меня брызгами.

Когда мы уже въѣхали въ воду, Василій обернулся и крикнулъ:

— Кудряшовъ, оставайся за старшого.

— Ладно,—совсѣмъ не по-военному раздался голосъ Кудряшова.

Библиотека "Руниверс"

Странное ощущенiе было ѣхать въ озеро, въ которомъ не было береговъ. Я не желалъ показывать передъ казаками своего удивленiя, но не понималъ ничего. Куда мы могли выѣхать? Вѣдь мы прямо ѣхали въ одно изъ безчисленныхъ здѣсь Мазурскихъ озеръ. Какъ въ озерѣ могъ быть бродъ? И куда этотъ бродъ могъ вывести? Какъ, если даже предположить такую ерунду, могли казаки найти бродъ? Или они, какъ таинственныя племена Ниль-Гири въ книгѣ Блаватской „Тодда и Курумба", обладаютъ тоже какими-то чарами, спецiально казачьими, передаваемыми отъ старшаго урядника Евстигнѣева второго, вмѣстѣ съ орлинымъ носомъ, горящими глазами и маленькими усиками, старшему уряднику Евстигнѣеву первому, нынѣ начальнику Евстигнѣева второго?

Чортъ знаетъ что! Но обстановка была такая, что можно было повѣрить въ любое колдовство.

Куда мы дѣйствительно ѣхали? Почему старикъ-казакъ, ѣхавшiй впереди, зналъ, что нужно ѣхать не по прямой, а нѣсколько по кривой линiи? Я видѣлъ это, наблюдая за свѣтлымъ мѣстомъ на небѣ, гдѣ за облаками проходила луна: сначала она мнѣ свѣтила прямо въ лицо, теперь слегка слѣва. И онъ продолжалъ забирать по кривой. Я обернулся и увидѣлъ по ѣхавшему сзади Василiю, что мы дѣйствительно загибали. Но почему? Куда? Кто имъ сказалъ въ чужой землѣ, не зная ея языка, что въ озерѣ есть бродъ, и этотъ бродъ идетъ по кривой линiи?

Я обернулся. Надъ озеромъ стоялъ легкiй туманъ; покинутый нами берегъ уже былъ чуть виденъ. Даже вышедшая луна освѣтила лишь что-то легкое, прозрачное, едва колышающееся. Но фигуры казаковъ, оставшихся на берегу, были замѣтны: они казались огромными колоссами, держащими какихъ-то фантастическихъ животныхъ.

Господи, какъ освѣщенiе мѣняетъ пейзажъ!

Старикъ-казакъ остановился и чего-то искалъ глазами. Потомъ двинулся впередъ, но нерѣшительно. Моя лошадь сдѣлала не-

Разрушенiе австрiйскаго понтоннаго моста черезъ рѣку Вислу во время отступленiя австрiйскаго войска. Рис. И. Владимiрова.

Библиотека "Руниверс"

Британская подводная лодка, пробравшаяся въ устье рѣки Энъ и потопившая тамъ германское военное судно. Эта же лодка потопила недавно германскій крейсеръ „Гела“.

осторожный шагъ, ринулась въ сторону и сразу очутилась по брюхо въ водѣ. Шарахнулась въ другую, выскочила на твердое мелкое мѣсто, рванулась дальше и попала опять на глубину.

Съ трудомъ я ее поставилъ сзади Евстигнѣева, остановившагося, чтобы дать время моей лошади успокоиться. Потомъ онъ тронулся тихо и осторожно дальше, все время зорко вглядываясь въ воду озера, какъ бы разыскивая какой знакъ.

Наконецъ рѣшительно проѣхалъ шаговъ пятнадцать и остановился:

— Мостъ, ваше высокоблагородіе.

Затѣмъ тупымъ концомъ пики постучалъ въ твердое каменистое дно и сказалъ:

— Каменный. Всякую орудію выдержитъ.

Я, кромѣ воды, ничего не видѣлъ и ничего не понималъ. Гдѣ онъ видѣлъ мостъ? Почему онъ зналъ, что этотъ мостъ каменный? Гдѣ это видано посреди озера строить каменные мосты? Что это? Шутка? Сказка? Сонъ?

Но старикъ, — онъ былъ старше меня лѣтъ на десять, — не шутилъ, и мнѣ оставалось слушать его тоже съ серьезнымъ видомъ, разсчитывая потомъ разгадать странную загадку.

— Надо удостовѣриться, каменный ли, — сказалъ я.

— Такъ точно. Василій лазилъ подъ мостъ, смотрѣлъ, не повредили ли его нѣмцы.

Василій, подъѣхавшій къ намъ вплотную, подтвердилъ:

— Такъ точно. Лазилъ съ одного и съ другого боку. Они только перила сняли, чтобы не торчали изъ воды, думали, мы не догадаемся.

Но я не вѣрилъ. „Ладно, думаю, пока самъ не пощупаю перила, не повѣрю, что среди озера бываютъ мосты“. Тогда я вспомнилъ, что и генералъ что-то говорилъ про мостъ: „Посмотрите и удостовѣрьтесь, пройдетъ ли дѣйствительно орудіе?“ Едва ли генералъ думалъ о мостѣ, могущемъ быть среди озера...

Предстояла дилемма: лѣзть въ воду въ сапогахъ и потомъ сидѣть верхомъ до конца боя съ мокрыми, холодными ногами, или снять ихъ? Разумѣется, лучше бы снять, но... Воды я не боялся, плавалъ хорошо на всѣ лады, но гдѣ же было раздѣться при казакахъ, да еще и на конѣ? Или ѣхать назадъ?..

— Сапожки сними, ваше высокоблагородіе, — сказалъ старый Евстигнѣевъ: — чего потомъ съ мокрыми ногами сидѣть, да ревматизмы наживать!.. Годы у насъ уже не тѣ, да и матушкѣ Рассеѣ еще надо послужить. Дай помогу...

Сапоги снялись легко: я вытянулъ ногу, и онъ снялъ сначала одинъ, потомъ другой сапогъ.

Въ это время вышла луна и ярко освѣтила лицо Василія: онъ насмѣшливо улыбался. Комична ли ему была моя фигура безъ сапогъ, или просто было обидно, что не вѣрять?

Но дѣло было начато: я снялъ носки, закаталъ, сколько могъ, шаровары и спрыгнулъ въ воду. Подъ босой ногой ясно. былъ слышенъ твердый грунтъ, — скорѣе всего щебень. Но это еще больше путало дѣло: откуда взялся этотъ щебень? Посрединѣ-то озера?

— Правѣе, правѣе, ваше высокоблагородіе, — заботливо говорилъ старый Евстигнѣевъ: — правѣе, а то попадешь въ воду!

Какъ будто тамъ, гдѣ мы были, не была вода!

— Правѣе, правѣе... Тутъ Вася подвязалъ лозинку, чтобы видно было.

И дѣйствительно, изъ воды торчала тоненькая вѣтка.

Старикъ въ первый разъ сказалъ слово „Вася“, и это слово у него прозвучало особенно нѣжно. Раньше онъ говорилъ Василій, и говорилъ дѣловито.

— Вотъ тутъ, тутъ. Попробуй ножкой — и будетъ. Вася здѣсь вездѣ излазилъ, — онъ за что возьмется, такъ ужъ на чистоту сдѣлаетъ.

И вдругъ разсмѣялся, — самымъ дребезжащимъ старческимъ смѣхомъ:

— А помнишь, Вася, какъ въ Донцѣ за раками лазилъ, а тебя сомъ ухватилъ? Аршина полтора, ей-Богу, ваше высокоблагородіе! Не понимаю, какъ онъ его тогда отъ страху и вытащилъ. Какъ колода! До сихъ поръ на рукѣ слѣдъ, знать!

Луна поспѣшно выскочила на черную площадку и быстро побѣжала къ другому ея берегу, къ толпившимся тамъ тучамъ. Она освѣтила красиваго старика. При лунѣ глаза его сверкали, какъ двѣ звѣздочки. Я взглянулъ на Василія. Тотъ тоже улыбался, на этотъ разъ мило и добродушно.

Я стоялъ посрединѣ воды, береговъ которой не видѣлъ, и пробовалъ босой ногой разрушенныя перила моста. И въ головѣ мелькала мысль: „Боже, какъ все это странно, красиво, поэтично и невѣроятно!“

Затѣмъ мысль перешла къ дѣйствительности. Кое-что начинало проясняться. Очевидно, черезъ озеро шла дорога. По чему? — на этотъ вопросъ я еще не могъ отвѣтить. Но дорога шла, доходила до какой-то подводной рѣки, береговъ которой не только не было видно, и ничто, кромѣ прикрѣпленной Василіемъ лозины, не указывало на ихъ присутствіе, переходила черезъ рѣку каменнымъ мостомъ, перила котораго разрушили нѣмцы, — мостомъ, могущимъ легко выдержать орудіе, и шла куда-то дальше. Эту дорогу казаки Евстигнѣевы, отецъ и сынъ, какимъ-то чудомъ или чарами нашли, перевели всю сотню и теперь въ тылъ нѣмцамъ, ничего съ этой стороны не ожидающимъ, переведутъ цѣлую бригаду пѣхоты съ обозомъ перваго разряда, то-есть патронными двуколками, лазаретной линейкой, аптечными и офицерскими двуколками, затѣмъ пушки и пулеметы.

Логически мысль развивалась и дальше: когда-то дорога эта шла надъ водою, что-то затопило мѣстность, и она исчезла. Изъ воды торчали только перила, но нѣмцы, чтобы скрыть отъ насъ присутствіе моста, разрушили ихъ.

Спросить дальше или продолжать догадываться самому?

Очевидно, моимъ спутникамъ казалось, что для меня все такъ же ясно, какъ и для нихъ, и я рѣшилъ лучше помолчать теперь, отыскать потомъ на картѣ то мѣсто, гдѣ мы находимся, и постараться сообразить дальше.

Я взобрался на коня, надѣлъ сухіе носки и сапоги, почувствовалъ въ ногахъ пріятную теплоту, разливающуюся по всему тѣлу, и пришелъ совсѣмъ въ хорошее настроеніе:

— Ну, старина, ты ручаешься, что дальше легко перейдетъ вся бригада съ артиллеріей и обозомъ? Сколько тамъ до другого берега?

— Версты двѣ. Ась, Вася?

— Такъ и будетъ версты двѣ.

Василій говорилъ дѣловымъ тономъ, — онъ опять былъ на службѣ.

— Проѣдемъ еще малость? — не то спросилъ, не то приказалъ я.

— Чего жъ, — проѣдемъ. А тамъ, смотришь, и бригада подойдетъ!

Опять молча гуськомъ поѣхали по колѣни въ водѣ.

По озеру проходили легкіе туманы; луна временами поспѣшно перебѣгала отъ облака къ облаку, освѣщая озеро и на немъ трехъ одинокихъ всадниковъ.

Вдругъ лошадь старика сразу остановилась и рѣзко заржала.

— Тьфу! Ошалѣла, что ли?

Мы насторожились.

Я еще ничего не видѣлъ и не слышалъ, но старикъ уже что-то зналъ: онъ остановился, снялъ винтовку и поставилъ на бедро, готовясь ежесекундно выстрѣлить. Я обернулся, то же продѣлалъ и Василій. Теперь я могъ отлично разглядѣть его лицо: высокій лобъ, интеллигентное выраженіе, сверкающіе при лунѣ глаза и орлиный носъ. Удивительное сходство со старикомъ! Но что-то опять поразило меня въ его наружности: казалось бы, просто хорошее типичное лицо казака, и лишь орлиный носъ немного нарушалъ эту типичность: но, кромѣ того, было еще что-то, и это что-то я не смогъ опредѣлить и въ этотъ разъ.

Теперь, впрочемъ, было не до того: моя лошадь тоже волновалась, — впереди угрожала какая-то бѣда. Я не видѣлъ ея и не могъ представить себѣ. Будь я одинъ, безъ лошадей и казаковъ, я бы спокойно продолжалъ свой путь, а теперь я чувствовалъ, что и эти люди и эти лошади чѣмъ-то выше меня, много учившагося на своемъ вѣку жителя большого города.

Порывы вѣтра затихли: луна, стоящая посрединѣ широкаго

Библиотека "Руниверс"

темно-синяго куска неба, прекратила свой быстрый бѣгъ, не двигалась и освѣщала всю нашу группу. Сзади опять можно было разобрать, какъ фантастическіе великаны держали фантастическихъ огромныхъ животныхъ на фонѣ театральной декораціи, съ причудливыми узорами расплывающихся зеленыхъ и сѣровато-лиловыхъ тоновъ.

Спереди послышалось какое-то хлюпанье, прежде мною не слышное. Теперь насторожился и я. Лошади стояли тоже неподвижно, какъ и всадники. Онѣ вытянули шеи, подняли головы и навострили уши.

Впереди и въ стороны, насколько хваталъ глазъ, была вода,—темно-свинцовая около нашихъ ногъ, сѣро-стальная по сторонамъ и широкой серебряной полоской тянущаяся къ лунѣ.

Конь старика хотѣлъ опять заржать, но онъ его предупредилъ, слегка хлопнувъ по шеѣ, и тотъ вздрогнулъ и затихъ.

Странное хлюпанье было все ближе. Даже для меня было ясно, что кто-то осторожно, выбирая дорогу, ѣдетъ по водѣ. Ближе и ближе, и наконецъ изъ тумана, легкаго, прозрачнаго тумана, покрывавшаго озеро, показалась темная фигура лошади.

Сначала я думалъ, что лошадь одна, безъ всадника, пробирается по озеру,—я уже могъ различить голову ея, ноги и туловище и только потомъ замѣтилъ всадника, одѣтаго въ одежду, цвѣтъ которой сливался съ цвѣтомъ воды.

Черезъ нѣсколько минутъ къ намъ подъѣхалъ казакъ.

— Благополучно?

— Благополучно. Брошенный артиллерійскій окопъ нашли въ лѣсу. Есаулъ остался телефона искать. А то все благополучно. Есаулъ приказалъ поторопить пяхоту,—говоритъ, чтобъ шла да не барылась. Какъ бы, молъ, нѣмцы да не пронюхали

Мы вернулись назадъ. Я все еще не совсѣмъ ясно понималъ, почему среди озера шла дорога, но моя задача была выполнена: я убѣдился, что мостъ каменный, и что проѣхать на ту сторону не составляетъ труда. Я спѣшилъ поторопить бригаду.

Казаки не стояли попрежнему неподвижно около своихъ лошадей, но толпились и оживленно разговаривали. Они разбились на двѣ кучки, и каждая кучка что-то внимательно разсматривала.

Василій, какъ начальникъ взвода, толкнулъ свою лошадь и выѣхалъ впередъ:

— Чаво?

— Телефонъ, вонъ, нашли.

— Закопанъ былъ?

— Закопанъ. Да, видно, спѣшили. Неглубоко. Кирилка ловилъ крота и выкопалъ.

Я подъѣхалъ. Проволока была уже перерублена, и одна кучка держала одинъ конецъ, другая—другой. Василій повернулся ко мнѣ, взялъ подъ козырекъ и серьезно сказалъ:

— Плохо. Навѣрно уже сообщили. Если наши не поспѣшать, то нѣмцы не пустятъ. А то еще хуже: пустятъ и разстрѣляютъ.

Затѣмъ онъ повернулся къ казаку, только-что пріѣхавшему съ того берега, и прежнимъ суровымъ голосомъ спросилъ:

— Все, говоришь, благополучно? Есаулъ самъ тебя послалъ?

Отвѣтъ былъ успокоительный.

Около часу мы еще ждали бригаду. Я послалъ казака доложить генералу о возможности переправы и о томъ, что мы перерѣзали полевой непріятельскій телефонъ. Время тянулось поразительно медленно, и каждыя пять минутъ казались чуть не вѣчностью. Командиръ казачьей сотни тоже сгоралъ отъ нетерпѣнія, потому что каждыя двадцать минутъ присылалъ казака съ просьбой поторопить переходъ.

Но каждый его посланецъ увѣрялъ въ то же время, что по ту сторону все тихо и благополучно.

Я сдѣлался нервенъ и нетерпѣливъ, ходилъ большими шагами по лужайкѣ и жалѣлъ, почему самъ не поѣхалъ навстрѣчу бригадѣ.

Чего они дѣйствительно тамъ возятся? Что ихъ могло задержать?

Мнѣ казалось, прошла цѣлая вѣчность съ тѣхъ поръ, какъ я подъѣхалъ къ таинственному озеру съ дорогой и мостомъ посрединѣ его. Оно, кстати, при свѣтѣ электрическаго фонарика, упавшаго на карту, сильно потеряло въ своей таинственности: на картѣ, несмотря на сравнительно малый масштабъ, ясно были видны два озера, находившіяся въ двухъ, двухъ съ половиной верстахъ одно отъ другого, протекавшая между ними рѣчонка и проходящая между озерами дорога, идущая въ этомъ мѣстѣ дѣйствительно полукругомъ. Очевидно, уровень меньшаго озерка искусственно, плотиной, поддерживался выше окружающихъ луговъ, и нѣмцы, разрушивъ плотину, почти слили оба озера, заливъ неглубокой массой воды пространство, какъ оказалось потомъ, около трехъ квадратныхъ верстъ.

Казаковъ прежде всего поразила дорога, спускающаяся изъ лѣса прямо въ озеро,—такъ какъ въ первый моментъ они приняли залитый лугъ также за озеро,—но взглядъ на карту указалъ дорогу и мостъ. И вотъ оба Евстигнѣева отправились на поиски моста, нашли его, Василій осмотрѣлъ хорошенько его состояніе и доложилъ командиру сотни. Тотъ провѣрилъ донесеніе, переѣхалъ съ сотней на ту сторону и доложилъ генералу.

Исчезла поэтическая сказка, и, стоя на берегу туманнаго озера, со слабо колышащейся свинцовой водой и съ нетерпѣніемъ поглядывая на дорогу, идущую въ лѣсъ, непріятно было думать, какъ-то даже обидно, что передо мною не безконечно глубокій омутъ, а тутъ вотъ дорога, а тутъ канава, дальше же—размокшій лугъ, и только...

Наконецъ изъ лѣсу вышли дозоры.

Я прислушивался къ ихъ разговорамъ,—интересно было, какъ они отнесутся къ предстоящему переходу. Удивленію дѣйствительно не было конца:

— Такъ и помаршируемъ по водѣ-то? Да что мы, о двухъ головахъ, что ли?

— Тише, ты, тише, не видишь,—батальонный!

Рысью изъ лѣсу выѣхала группа начальства. Генералъ былъ пораженъ:

— А гдѣ же бродъ? Вѣдь это же озеро! А гдѣ бродъ?

Я давалъ объясненія.

— Вы ѣздили? Да? Сами пробовали мостъ? Да?

Генералъ спрашивалъ и самъ искоса, съ опаской поглядывалъ на тяжелую свинцовую массу, чуть слышно колышущуюся около нашихъ ногъ.

Луна опять скрылась, и въ темнотѣ, сразу заволокшей насъ, зловѣщая масса воды казалась глухой, холодной, бездной.

Желая отвлечься отъ непріятныхъ мыслей, я заговорилъ о вырытомъ казаками телефонѣ. Рѣшили подождать нашихъ телефо-

Герои морского боя. Тонущіе англійскіе матросы съ потопленнаго германской подводной лодкой миноносца „Hoge", поднявъ руки, привѣтствуютъ восторженными кликами потопленіе германской подводной лодки. (См. „Отклики войны").

Библиотека "Руниверс"

Казачья переправа. Рисунокъ художника Гаанена.

Библиотека "Руниверс"

нистовъ и сейчасъ попробовать соединить насъ съ тѣмъ концомъ, который былъ въ нашемъ тылу. Изъ разговора, возможно, удастся узнать, передали ли уже непріятелю о нашемъ движеніи. Хорошо зная нѣмецкій языкъ, я предложилъ свои услуги.

— Ужъ не нашъ ли герръ лереръ Альтфуксъ сообщаетъ по этому телефону? — засмѣялся полковой адъютантъ и разсказалъ мнѣ, что они сегодня великолѣпно пообѣдали. — Во время отдыха вдругъ пришелъ мѣстный учитель со странной фамиліей Альтфуксъ,—понимаете, это вѣдь по-нѣмецки старая лисица,— и пригласилъ герра оберста и меня къ себѣ обѣдать. И мы пошли, и было очень гемютлихъ. Намъ зажарили поросенка, угостили вареньемъ. Былъ герръ лереръ, фрау лереръ и альте танте... У нихъ свой фруктовый садъ съ великолѣпными яблоками и грушами. Огородъ, пасѣка, въ комнатахъ ковры, піанино... Очень гемютлихъ... Вечеромъ, сейчасъ послѣ вашего отъѣзда, учитель пришелъ звать насъ ужинать и былъ очень огорченъ, что мы уходимъ...

Но слова адъютанта заставили меня задуматься, да не только меня, потому что командиръ полка насупился, отвелъ адъютанта въ сторону и тихо, но выразительно сказалъ:

— А вы не толкуйте, что мы обѣдали у этого учителя!..

Какъ только подошелъ передовой отрядъ, начали переправу. По моему приказанію Василій скомандовалъ, и казаки, поѣхавъ по дорогѣ, скрытой въ водѣ, заняли ее живой цѣпью всадниковъ до моста, по мосту и немного далѣе, чтобы отмѣтить начало дороги. Цѣпь стоящихъ верховыхъ ясно показывала заворотъ дороги въ этомъ мѣстѣ.

Генералъ пришелъ въ восхищеніе и почему-то пожалъ мнѣ руку, точно я былъ тотъ, кто нашелъ бродъ и такъ красиво расположилъ дорогу, потому что дѣйствительно была красива эта линія лошадей, стоящихъ какъ разъ посрединѣ широкой серебряной полосы, брошенной на озеро только что-вышедшей луной.

Впереди всѣхъ поѣхалъ старый Евстигнѣевъ. Онъ долженъ былъ вести живую змѣю до другого берега. За нимъ въѣхалъ въ воду командиръ перваго батальона и пѣшкомъ пошелъ командиръ первой роты, длинный человѣкъ съ голенищами сапоговъ выше колѣнъ. Онъ хвалился, что придетъ на другую сторону сухохонекъ. За ними поползла и вся змѣя.

Мы смотрѣли съ довольно высокаго берега вправо отъ дороги, и на меня, уже все знающаго, для котораго тайна озера и дороги уже была обнажена, все-таки производило сильное впечатлѣніе движеніе массы людей по водѣ, берега которой исчезали въ туманѣ, и картина казалась странной, захватывающей и поэтичной.

Хотя каждый десятокъ шаговъ обозначался стоящимъ на конѣ казакомъ, и хотя людямъ было приказано держаться вплотную къ лошадямъ, въ предупрежденіе соскальзыванія въ канаву, но какъ только живая волна людей двинулась въ воду, начались паденія. Первый полетѣлъ высокій мѣшковатый солдатъ, который сразу почему-то отдѣлился отъ своего ряда,—шли по четыре,—и забралъ вправо. Онъ подпрыгнулъ, высоко взмахнулъ ружьемъ и очутился по поясъ въ водѣ.

Всѣ шли въ сапогахъ. Нужно было быть готовымъ каждую минуту къ встрѣчѣ непріятеля, и хотя казачья сотня все время рыскала по тому берегу, но могли и казаки промахнуться. Не исключено было и минированіе дороги, и хотя перерѣзка телефона являлась крупнымъ козыремъ въ нашихъ рукахъ, но требовались крайняя осторожность и мелочное вниманіе.

У кого сапоги были хороши, тотъ долгое время шелъ съ сухими ногами. Особенно тѣ люди, которые шли посрединѣ выпуклости дороги, гдѣ глубина не превышала трехъ-четырехъ вершковъ. Но затѣмъ вода потихоньку, крадучись, заползала маленькими холодными струйками и разливалась по подошвѣ. Иногда невѣрный шагъ или рытвина—и въ сапогъ сразу вливалась холодная вода, владѣлецъ сапога пожимался, ругался и шелъ дальше какъ ни въ чемъ не бывало,—онъ уже не боялся воды.

Несмотря на запрещеніе говорить, шутки, произносимыя громкимъ шопотомъ, и сдержанный смѣхъ сопровождали входъ въ воду каждаго ряда. Паденія вызывали громкій и дружный смѣхъ, и всѣ усилія сдержать людей мало вели къ цѣли: — новое паденіе и новый шумъ и смѣхъ.

До моста, гдѣ дорога была обозначена рядомъ верховыхъ, и на мосту, гдѣ казаки стояли особенно густо, было еще ничего, и падали лишь отдѣльные рѣдкіе люди, но послѣ моста, когда всѣ шли только за старымъ Евстигнѣевымъ, лошадь котораго какимъ-то шестымъ чувствомъ находила средину дороги, паденія сильно участились.

За первымъ батальономъ вошли два орудія. Первое прошло вполнѣ благополучно, но второе задѣло колесомъ остатки перилъ, и одна уносная лошадь, испуганно шарахнувшись въ сторону, перебросилась въ рѣку. Все орудіе могло скатиться съ моста, такъ какъ и другія лошади начали биться и прыгать, но удалось перерубить постромки, и лошадь, побарахтавшись въ рѣкѣ, выплыла на другую сторону, гдѣ и была поймана казаками.

Она стояла на лугу, по колѣни въ водѣ, дрожала всѣмъ тѣломъ, отдувалась и фыркала. Казакъ ее гладилъ и успокаивалъ.

Послѣ второго батальона поѣхалъ командиръ полка.

Когда пошелъ четвертый батальонъ, всѣмъ стало легче: явилась надежда, что удастся благополучно перевести всю бригаду.

Какъ только подошли наши телефонисты, проволока, идущая въ нашъ тылъ, была соединена. Сначала хотѣли-было соединить проволоку, ведущую въ непріятельскій лагерь, но потомъ рѣшили воздержаться: какъ ни желательно было усыпить бдительность нѣмцевъ, но полное молчаніе было полезнѣе новой увѣренности, что телефонъ находится въ нашихъ рукахъ. Соединеніе же съ тѣми мѣстами, которыя мы уже прошли, было совершенно безопасно, но могло дать кой-какія указанія, съ помощью которыхъ мы могли бы успокоить нѣмцевъ, выдавъ себя за знакомаго имъ человѣка.

Надежда не велика, но все-таки надежда.

Телефонистъ прикрѣпилъ проволоку и подалъ мнѣ трубку. Я приложилъ ее къ уху и сейчасъ же услышалъ:

— Keiner ist da?—(Никого тамъ нѣтъ?).

Голосъ былъ старый, сильно волнующійся. „Альтерфуксъ“,—подумалъ я.

— Nun? Was gibt's? (Ну? Въ чемъ дѣло?)—спросилъ я.

Въ отвѣтъ продолжительное молчаніе. Я заговорилъ опять:

— Telephon war verdorben. Gibt's was wichtiges? (Телефонъ былъ испорченъ. Есть что-нибудь важное?)

Полное молчаніе. Наконецъ прежній голосъ, но робкій, неувѣренный, дрожащій:

— Wer spricht? (Кто говоритъ?)

— Unter-Offizier Müller (унтеръ-офицеръ Мюллеръ),—не задумываясь, сразу отвѣтилъ я.

Опять длинная пауза:

— Und wo ist Herr Leutenant von-Hülsenitz? (А гдѣ господинъ поручикъ фонъ-Гюльзеницъ?)

— Kommt nach einer Stunde. (Придетъ черезъ часъ),—такъ же бойко отвѣтилъ я.

Опять длинная пауза.

— Ich will einen Offizier haben, (Мнѣ нуженъ офицеръ),—послышалось въ телефонѣ, но робко и неувѣренно.

Я почелъ долгомъ обидѣться:

— Alle abwesend. Aber Sie können dreist sprechen — ich bin doch da! (Всѣ отсутствуютъ. Но вы можете говорить совершенно смѣло—я вѣдь здѣсь!).

И вдругъ я самъ перешелъ въ наступленіе:

— Aber wer spricht da? (Но кто тамъ говоритъ?)

— Ich bin es,—послышался старческій голосъ:—Lehrer Altfuchs. (Я, учитель Альтфуксъ).

Я даже трубку опустилъ и чуть громко не выругался, позабывъ, что при тишинѣ ночи каждый звукъ ясно доносится телефономъ.

— Ахъ, ты, старая лиса. А? Каково?

Но приложилъ трубку опять и вѣжливо и почтительно спросилъ:

— Ach, das sind Sie, Herr Lehrer. Also was gibt's? (Ахъ, это вы, господинъ учитель. Въ чемъ же дѣло)?

— Sind Sie Unter-Offizier Müller? (Вы унтеръ-офицеръ Мюллеръ?)

— Ja doch! (Ну да же), — уже дѣйствительно раздраженно отвѣтилъ я.

Но старикъ опять замолчалъ.

— Ишь, хитрая, старая, осторожная лисица. Фамилія какъ разъ по немъ.

Въ сущности, намъ дальше было неважно: мы знали, кто говоритъ, а сказанное имъ нисколько не могло измѣнить дѣла.

Я закрылъ крышку телефона, чтобы мои слова не доносились до герра лерера, и приказалъ соединить другой конецъ: уже переходилъ второй полкъ, и появленіе нѣмцевъ,—раньше получаса они же не могли поспѣть,—мало измѣняло дѣло. Къ тому же я только хотѣлъ послушать, что говорятъ они, съ своей стороны не отвѣчая на вопросы.

Пока прикрѣпляли другую трубку, я поднесъ къ уху свою прежнюю: герръ лереръ наконецъ рѣшился и теперь говорилъ,— передаю его слова по-русски:

— ..... черезъ залитый лугъ... Бригада пѣхоты съ обозомъ и артиллеріей. Сколько пушекъ, я не могъ опредѣлить точно, боясь навлечь подозрѣніе, но четыре видѣлъ самъ. Они очень спѣшили и были озабочены...

— Sie sind Herr?.. (Вы господинъ?)—перебилъ онъ самъ себя.

— Müller. Weiter! (Мюллеръ, дальше!) — повелительно приказалъ я.—Warten Sie,—перебилъ я его:—das ist sehr wichtig, was sie sprechen... (Обождите,—это очень важно, что вы говорите...).

Я закрылъ трубку и взялъ другую, но мнѣ не удалось послушать, что говорили изъ нѣмецкаго стана: послышался хорошо знакомый трескъ пропеллера.

Все ближе и ближе, но за облаками, почти совсѣмъ скрывавшими луну, ничего нельзя было разобрать.

Чѣмъ дальше, тѣмъ звукъ становился слышнѣе и отчетливѣе. Солдаты перестали шутить, и при тишинѣ, нарушаемой только осторожнымъ хлюпаніемъ воды подъ ногами идущихъ людей, ясно былъ слышенъ звукъ приближающагося аэроплана.

У насъ не было ни одного огня, и поэтому оставалась надежда, что сверху насъ нельзя замѣтить. И дѣйствительно, аэропланъ пролетѣлъ мимо; звукъ сталъ затихать.

Однако не надолго: слышнѣе и отчетливѣе и наконецъ, видимо, остановился надъ нами.

Промахнулся ли летчикъ и пропустилъ то мѣсто, которое ему

Библиотека "Руниверс"

было приказано осмотрѣть, и теперь искалъ его вторично, или у него было другое порученіе? Или это былъ даже нашъ летчикъ?

Во всякомъ случаѣ мы его не трогали, продолжая змѣиться по залитому водою полю.

Вдругъ въ небѣ загорѣлось нѣсколько десятковъ яркихъ голубыхъ звѣздочекъ. Онѣ полопались, изъ каждой вылетѣло нѣсколько десятковъ такихъ же звѣздочекъ, и вся мѣстность освѣтилась, какъ днемъ. Я увидѣлъ влѣво въ верстѣ мельницу, вдали какія-то деревья, нашъ лѣсъ, блѣдныя отъ голубого свѣта лица телефонистовъ и переходящія змѣей черезъ залитый водою лугъ наши войска.

Зрѣлище было волшебное, и, очарованный имъ, я не замѣтилъ, когда пересталъ работать пропеллеръ и по какому направленію полетѣлъ летчикъ.

но лишь отпустили—я упалъ на поврежденное колѣно: правая нога не держала меня.

Я стоялъ, сцѣпя отъ боли зубы, поддерживаемый двумя людьми. Мимо меня проходили рота за ротой. Медленно, но боль уменьшалась, и когда въ концѣ всей колонны тронулись казаки, я могъ сѣсть на одну изъ казачьихъ лошадей.

Благодаря этому случаю, я имѣлъ возможность видѣть точность нѣмецкихъ донесеній и распорядительность и толковость дѣйствій ихъ штабовъ. Нѣсколько поздно, положимъ, такъ какъ наши успѣли уже перейти, но непріятель буквально засыпалъ шрапнельнымъ огнемъ мѣсто переправы, особенно мостъ, и на немъ и вокругъ его вода какъ будто кипѣла, и въ воздухѣ стояли, ежесекундно вздымаясь, новые и новые столбы брызгъ.

Аэропланъ вернулся и опять освѣтилъ всю картину своей волшебной иллюминаціей.

Пахарь ушелъ на войну. Рисунокъ **Б. Щеглова.**

Генералъ не сталъ ждать конца переправы и сейчасъ же поѣхалъ на ту сторону.

Моя задача была выполнена, и я тоже поѣхалъ догонять свой батальонъ.

Теперь весь вопросъ заключался въ томъ, поспѣемъ ли мы,—если непріятель не ждалъ насъ раньше, и мы идемъ на вѣрную смерть въ разставленную заранѣе ловушку,—поспѣемъ ли мы выполнить хоть отчасти возложенную на насъ задачу?

Я обождалъ до конца колонны и поѣхалъ съ командиромъ послѣдняго батальона.

Но мнѣ такъ и не удалось благополучно доѣхать до другого берега: едва перейдя мостъ, мой конь бросился въ сторону и попалъ въ канаву, черезъ моментъ онъ уже несся по полю, а я барахтался въ холодной водѣ. Падая, онъ всей тяжестью придавилъ мнѣ ногу, и теперь въ колѣнѣ была невыносимая боль.

Я окунулся съ головой, поднялся, но отъ боли упалъ вторично и окунулся опять. Нѣсколько сильныхъ рукъ подхватили меня.

Не хотѣлось уѣзжать, такъ красива была эта канонада съ ея удивительнымъ и страннымъ освѣщеніемъ.

Мы переѣхали уже озеро и не могли оторваться отъ своеобразнаго зрѣлища.

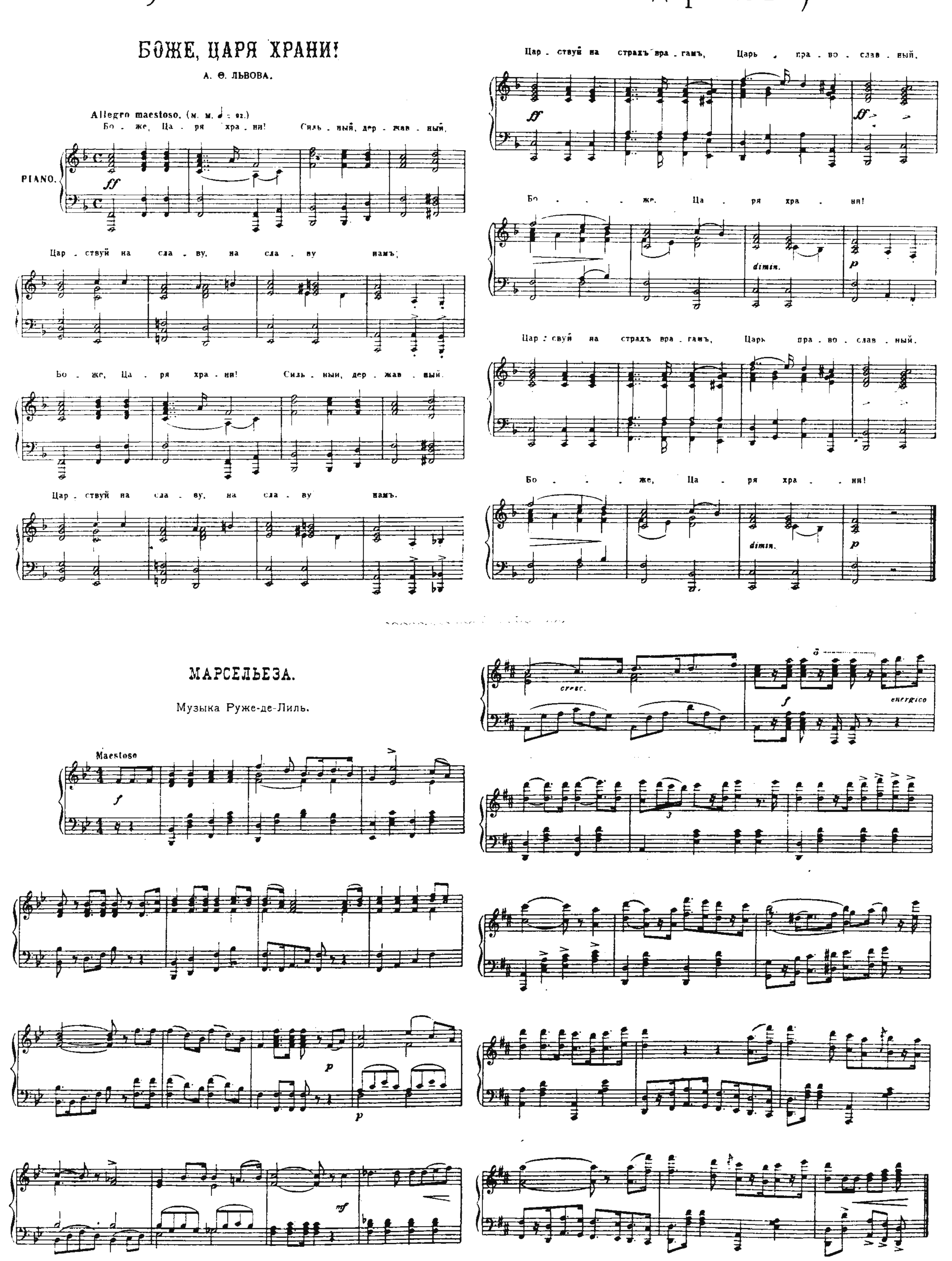
— И все даромъ! И все для насъ!—засмѣялся одинъ изъ казаковъ.

Бой былъ для насъ удачный:—мы поспѣли во-время, и хотя непріятель выслалъ навстрѣчу небольшой отрядъ, вѣроятно, около двухъ батальоновъ съ артиллеріей,—но этотъ отрядъ былъ смятъ, и мы даже захватили одно орудіе. При этомъ захватѣ опять отличились отецъ и сынъ Евстигнѣевы.

На короткое время судьба связала меня съ ними, и я, ходя съ палочкой по биваку,—на нѣсколько дней я былъ выведенъ изъ строя,—узналъ отъ стараго Евстигнѣева про оригинальную поѣздку „для наказанія учителя Альтфукса“ и наконецъ про странную судьбу Василія Евстигнѣева.

Но объ этомъ слѣдующій разъ.

Библиотека "Руниверс"

Національные гимны союзныхъ державъ *)

*) Статья о „Національныхъ гимнахъ союзныхъ державъ" помѣщена въ „Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеніяхъ" къ журналу „Нива" за ноябрь мѣс. с. г.. приложенныхъ къ настоящему № „Нивы". Ноты гимновъ, воспроизводимыхъ здѣсь, изданы музыкальной фирмой Ю. Г. Циммерманъ, въ Петроградѣ.

Библиотека "Руниверс"

МАРСЕЛЬЕЗА.

I.

Будемъ биться, о братья, до гроба...
Близокъ день — и разсѣется мгла.
Тираніи постыдная злоба
Окровавленный стягъ подняла...
Слышно ль вамъ, какъ въ долинахъ родимыхъ
Вражьи крики все громче звучатъ?
Тамъ чужой и жестокій солдатъ
Убиваетъ родныхъ и любимыхъ!
О граждане, впередъ!
Сбирайтесь въ ратный строй!
На бой! На бой!
Пусть кровь враговъ
Поля кропитъ собой!

II.

Что ей надо, ордѣ озвѣрѣлой
Злыхъ измѣнниковъ, чуждыхъ царей?
Для кого эти копья и стрѣлы
И позорныя звенья цѣпей?
То для насъ, о французы! О мщенье!
О священнаго гнѣва порывъ!
Насъ хотятъ покорить, обративъ
Въ рабство злобѣ, цѣпямъ, угнетенью!
О граждане, впередъ!.. (и т. д.).

III.

Какъ! Разбойники чуждаго края
Свой законъ въ нашъ очагъ принесутъ?
Какъ! Наемниковъ гнусныя стаи
Нашихъ гордыхъ героевъ убьютъ?
Боже правый! Народъ угнетенный
Подъ ярмомъ свое сморщитъ чело
И познаетъ кровавое зло,
Властью деспотовъ ярыхъ плѣненный?..

IV.

Горе вамъ, о тираны-злодѣи,
Вы, чье имя — позоръ міровой!
Горе вамъ! Ваши злыя затѣи
Мы оцѣнимъ достойной цѣной.
Всякъ изъ насъ, какъ солдатъ, будетъ драться.
Если жъ юноши наши падутъ —
Какъ цвѣты, они вновь возрастутъ
Изъ земли, чтобы съ вами сражаться...

V.

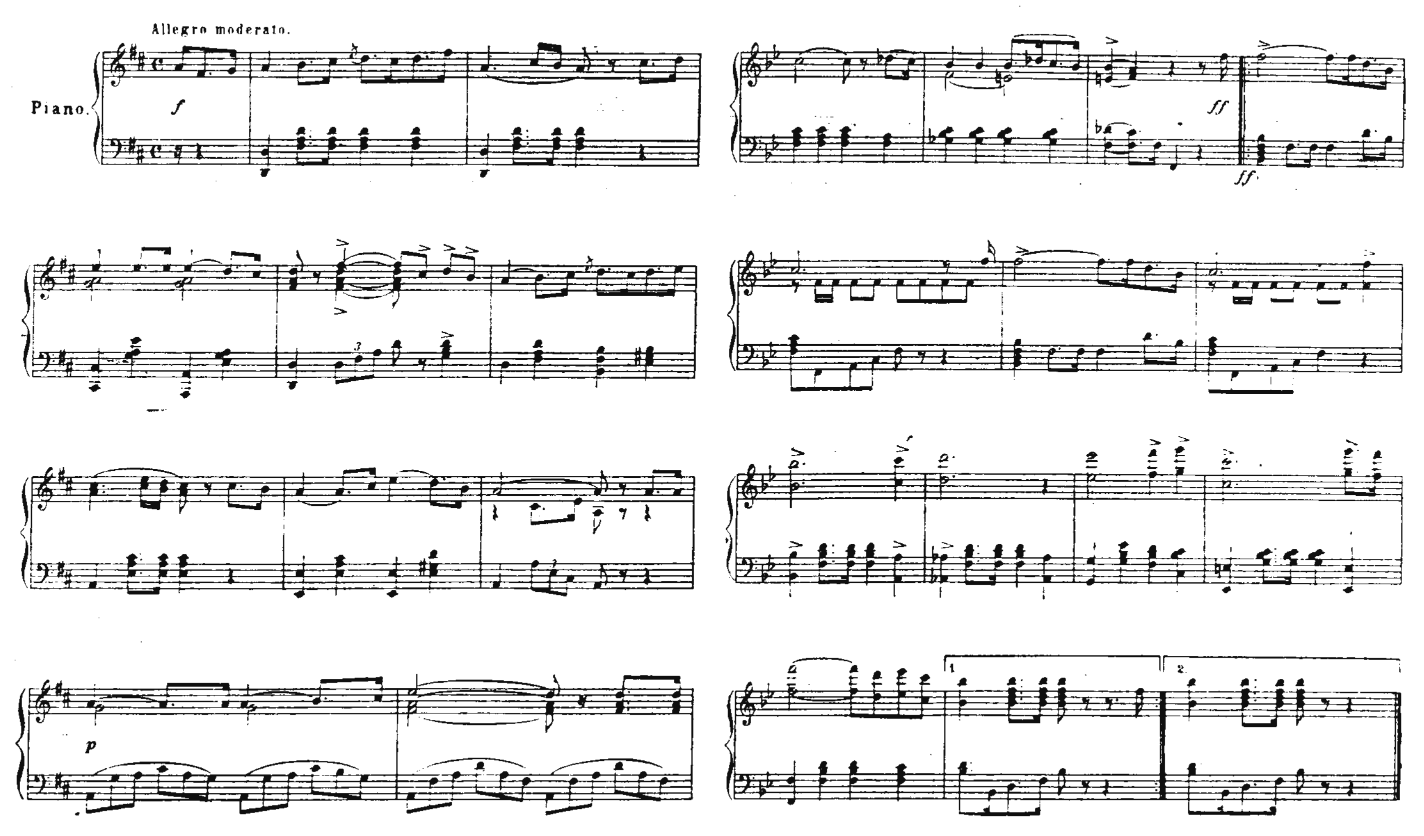
О французы! Вы великодушны.
Не касайтесь же мстящей рукой
Тѣхъ, кто, только насилью послушный,
Съ сожалѣніемъ ринулся въ бой.
Но тирановъ ордѣ безпощадной,
Но измѣнникамъ, но палачамъ —
Горе имъ! Горе тиграмъ и псамъ,
Грудь родную терзающимъ жадно!

VI.

Ты, къ отчизнѣ любовь неземная,
Наше мстящее войско веди!
О свобода, свобода святая,
Съ нами рядомъ на битву иди!
Пусть побѣда подъ наши знамена
Принесется на громкій твой зовъ,
И блеснешь ты предъ сонмомъ враговъ,
Ниспадающихъ въ смертное лоно!

VII.

Въ часъ, какъ вступимъ на путь мы побѣдный,
Мы не встрѣтимъ тамъ нашихъ отцовъ,
Только прахъ мы найдемъ заповѣдный
Да примѣры великихъ трудовъ...
Позавидуемъ долѣ ихъ славной —
Умирая въ борьбѣ, побѣждать!
Мстить за нихъ или имъ подражать —
Будетъ гордостью нашей державной!
О граждане, впередъ!
Сбирайтесь въ ратный строй!
На бой! На бой!
Пусть кровь враговъ
Поля кропитъ собой!

БЕЛЬГІЙСКІЙ ГИМНЪ.

БЕЛЬГІЙСКІЙ ГИМНЪ.

I.

Прошли вѣка порабощенья:
Народъ, возставшій изъ могилъ,
Святыни старыя изъ тлѣнья
Ты смѣло спасъ и воскресилъ!
Рукой державною и твердой,
Святой свободой окрыленъ,
На знамени ты пишешь гордо:
„Король, свобода и законъ!"

II.

Иди своей стопою смѣлой
Къ успѣхамъ новымъ, къ свѣтлымъ днямъ!
Благословитъ твой трудъ и дѣло
Господь, благотворящій намъ.
Работай! Трудъ — благодѣянье!
Въ искусствахъ, въ знаньѣ свѣтитъ онъ.
И свѣтятъ намъ въ его сіяньѣ:
„Король, свобода и законъ!"

III.

Вновь призовемъ мы прежнихъ братій,
Забытыхъ въ мглѣ былыхъ разлукъ.
Довольно войнъ, угрозъ, проклятій!
Тотъ, кто свободенъ, тотъ намъ другъ!
Насъ всѣхъ сольетъ союзъ великій,
Навѣки братствомъ освященъ,
Объединимся жъ въ общемъ кликѣ:
„Король, свобода и законъ!"

IV.

О Бельгія! О мать родная!
И сердца кровь и жаръ любви —
Тебѣ, отчизна дорогая!
Все для тебя! Во вѣкъ живи!
Во вѣкъ живи! Въ твоей святынѣ
Нашъ лучшій жребій воплощенъ,
И будетъ нашъ девизъ отнынѣ —
„Король, свобода и законъ!"

(Остальные Національные гимны союзныхъ державъ будутъ помѣщены въ № 45 „Нивы").

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. Марксъ,** Измайл. просп., № 29. **Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ,** Петроградъ, улица Гоголя, № 22.
Библиотека "Руниверс"

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1914 г. № 45

XLV г. изданія

Выданъ 8 ноября 1914 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. В. Г. Короленко" кн. 22.

Открыта подписка на 1915 годъ

НА САМЫЙ РАСПРОСТРАНЕННЫЙ ДѢТСКІЙ ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„СВѢТЛЯЧОКЪ"

для дѣтей младшаго возраста, отъ 4–8 лѣтъ,
подъ редакціей **А. А. ѲЕДОРОВА-ДАВЫДОВА.**

24 №№ — Годъ изданія XIV-й. — 30 премій.

Особ. Отд. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. допущенъ къ выпискѣ по предварительной подпискѣ въ библ. гор. уч., дѣтскихъ садовъ и пріютовъ, въ безпл. нар. чит. и библ., для нар. чтеній и въ ученич. библ. средн. учебн. завед.
Удостоенъ серебр. медали на науч.-промышл. выст. „Дѣтскій Міръ" 1903—1904 г.

Подписавшіеся на 1915 г. заблаговременно, начиная съ 1-го ноября 1914 г.
до 22 декабря 1914 года,
СВЕРХЪ объявленныхъ премій получатъ:
2 книги:
„Приключенія Лѣснушки-малыша". Сказка А. А. Ѳедорова-Давыдова. || „Въ царствѣ сказокъ". Сборн. лучш. сказокъ. Съ иллюстр.

Въ 1915 году подписчики получатъ:

24 КНИЖКИ ЖУРНАЛА, печатающагося крупнымъ шрифтомъ, на плотной бумагѣ, со множествомъ иллюстрацій.
30 ПРЕМІЙ—игры, игрушки изъ папки и бумаги, работы, занятія, книжки, въ числѣ ихъ:

1 небывалая цѣнная премія.
Новость!
- Больш. движ. панорама „Великая Россія". Путешествіе отъ Балтійскаго моря до Тихаго океана. Виды и сцены.

12 игрушекъ-самодѣлокъ.
- Кукольный театръ „МОРСКОЙ ЦАРЬ". Декораціи. Фигуры. Арка. Занавѣсъ. Текстъ.
- Маленькій театръ „ПЕТРУШКА".
- Басня-игрушка „СЛОНЪ и МОСЬКА". Толстенькія фигурки.
- „Пожарные".
- „Бабушкинъ домикъ".
- „Стадо".
- „Гнѣздо малиновки".
- „Піанино" для куколъ.
- „Птичій теремокъ". Календарь.
- „Куколка съ переодѣваніемъ".
- „Плита съ посудой".
- „Ружье и кэпи".

3 ИГРЫ.
- „Зоологическій садъ".
- „Веселый циркъ".
- „Сказочное домино".

3 панорамы-картины.
- „Христосъ на полѣ битвы".
- „Троицкая лавра".
- „Витязь на распутьи".

6 КНИЖЕКЪ „Библіотека Свѣтлячковъ".
2 потѣшныя книжки
- „Плюшевый Робинзонъ".
- „Ариѳметика въ разсказахъ".

2 книжки
- „Дѣти-герои".

2 книжки „Разсказы о животныхъ".
- „Хромуля медвѣжонокъ".
- „Обезьянка-героиня".

4 работы и занятія.
- „Картонажи для елки".
- „Вышиваніе по рисункамъ".
- „Вышиваніе стежками".
- „Картинки для раскрашиванія".

10 №№ „Картинная Галлерея Свѣтлячковъ".

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ, съ дост. и перес. 4 р. — к.
На годъ, безъ дост. и перес. 3 р. 50 к.
На годъ, за границу . . . 8 р. — к.

РАЗСРОЧКА:
При подпискѣ за 1-е полуг. 2 р. 50 к.
За 2-е полуг., къ 1-му іюля, 1 р. 50 к.

№ 1-й 1915 года, съ богатыми приложеніями, выйдетъ до праздника Р. Х.

КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ: Москва, Малая Дмитровка, 17. ОТДѢЛЕНІЕ: Книжный магазинъ Н. ЛИДЕРТЪ, Москва, Петровскія Линіи.

Подписка — во всѣхъ лучшихъ книжн. магазинахъ.

Открыта подписка на 1915 годъ

на ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ художественно-литературный и научный журналъ
для средняго возраста, подъ редакціей **А. А. Ѳедорова-Давыдова,**

„ПУТЕВОДНЫЙ ОГОНЕКЪ".

24 №№ — Годъ изданія XII-й. — 30 премій.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. „Путеводный Огонекъ" и „Юная Жизнь" допущены къ выпискѣ по предварительной подпискѣ въ ученич. библіот. низшихъ и среднихъ учебн. завед. и въ безпл. народн. читал. и библіотеки. 8274

Подписавшіеся на 1915 г. заблаговременно, начиная съ 1-го ноября 1914 г.
до 22 декабря 1914 года.
СВЕРХЪ объявленныхъ премій получатъ:
2 книги:
„Дочь Черной Горы". Повѣсть А. А. Ѳедорова-Давыдова. || „Короли морей". Съ иллюстраціями.

Въ 1915 году подписчики получатъ:

24 НОМЕРА ЖУРНАЛА богатаго изданія, съ иллюстраціями, при участіи лучшихъ литературныхъ и художественныхъ силъ.
30 ПРЕМІЙ — игры, модели изъ папки и бумаги, работы, занятія, книги, въ числѣ ихъ:

1 небывалая цѣнная премія.
Новость!
- Большая подвижная панорама „Великая Россія". Путешествіе отъ Балтійскаго моря до Тихаго океана. Виды и сцены.

4 МОДЕЛИ для вырѣз. и склеив.
- „Реймскій соборъ".
- „Серебряный витязь". Календарь пресcъ-папье.
- „Мраморный бюстъ М. Лермонтова".
- „Памятникъ Скобелеву въ Москвѣ".

3 панорамы-картины, въ наклейныхъ бум. рамкахъ.
- „Осада Льежа".
- „Сестра милосердія".
- „Атака казаковъ".

4 ИГРЫ.
- „Игра въ воланы".
- „Попрыгунчики".
- „Колесо счастья". Арабск. игра.
- „Солдатики".

12 книгъ приложеній.
4 тома „Романы М. Н. Загоскина", въ сокр. обработкѣ.
- „Брынскій лѣсъ".
- „Кузьма Рощинъ".
- „Рославлевъ".
- „Юрій Милославскій".

4 тома Повѣсти Джорджа Элліотъ.
- „Мельница на Флоссѣ".
- „Буря въ тихомъ омутѣ".
- „Дѣвочка съ золот. кудрями".
- „Данієль Деронда".

8 ВЫПУСКОВЪ „Вторая Отечествен. Война". Разсказы, очерки, стихи, басни, относящіеся къ эпохѣ всемірной войны 1914 г., со многими иллюстрац.

2 КНИГИ „Разсказы о животныхъ" Чарльза Робертса.

1 книга „ДОМАШНІЙ ТЕАТРЪ". Сборникъ пьесъ.

5 работъ и занятій.
- „Картонажи для елки".
- „Узоры для вышиванія".
- „Узоры для выпиливанія".
- „Узоры для выжиганія".
- „Узоры для металлопластики".

12 №№ ГАЗЕТЫ: „Юная Жизнь", для писемъ подписчиковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ, съ дост. и перес. 5 р. — к.
На годъ, безъ дост. и перес. 4 р. 50 к.
На годъ, за границу . . . 9 р. — к.

РАЗСРОЧКА:
При подпискѣ за 1-е полуг. 3 р. — к.
За 2-е полуг., къ 1-му іюля, 2 р. — к.

№ 1-й 1915 года, съ богатыми приложеніями, выйдетъ до праздника Р. Х.

КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ: Москва, Малая Дмитровка, 17. ОТДѢЛЕНІЕ: Книжный магазинъ Н. ЛИДЕРТЪ, Москва, Петровскія Линіи.

Подписка — во всѣхъ лучшихъ книжн. магазинахъ.

Библиотека "Руниверс"

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразованіе. Заочное обученіе. Безплатныя преміи. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **Аттестатъ.** Льготныя условія подписки и пробная лекція **БЕЗПЛАТНО.** Адресъ: **Петроградъ, „Кругъ Самообразованія", Невскій, 57—30.** 3261 (2)

ПОКУПАЮ МАРКИ:

почтовыя, гербовыя, земскія, паспортныя и всякія другія. При запросахъ прилагать марку. **В. Р. Гессе,** Москва, Остоженка, Бутиковъ пер., 5. 3272

„Тамбовскій случай" мин. Грабины, ц. 50 к. Написанная въ тонахъ старыхъ мастеровъ, это лучшая изъ соврем. 1-акт. комедій. Петроградъ, Литейный, № 49. Театр. Библ. К. И. Ларина. Москва, Т. Библ. Разсохина.

ЗАОЧНЫЕ, САМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ И ПРОЧИХЪ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ

С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ

МОСКВА, Староконюшенный, д. Курилко. 7.

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО УСЛОВІЯ ИЗУЧЕНІЯ КОММЕРЧЕСК. НАУКЪ ПО ПИСЬМЕННЫМЪ ЛЕКЦІЯМЪ, ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.

3262 10-3

ВОЙНА НЕ МѢШАЕТЪ РАБОТАТЬ.

На многочисленные запросы заинтересованныхъ лицъ сообщаемъ, что война не мѣшаетъ намъ работать:

КАКЪ ПРЕЖДЕ, мы продаемъ наши быстровязальныя автоматическія машины **„Викторія"** по цѣнѣ Р. 100.—.

КАКЪ ПРЕЖДЕ, всякій, купившій машину, становится нашимъ сотрудникомъ.

КАКЪ ПРЕЖДЕ, мы платимъ за работу дюжины паръ чулокъ или носковъ нашимъ сотрудникамъ по Р. 1.50.

КАКЪ ПРЕЖДЕ, наши сотрудники зарабатываютъ ежемѣсячно Р. 50.— и болѣе. 3273 3-1

Машины и равнообразная пряжа въ большомъ запасѣ на складѣ. Машина вѣситъ около 1 пуда, желающимъ высылается по почтѣ. Подробности по первому требованію безплатно.

Товарищество Вязальныхъ Машинъ ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ КЮПАУ и Ко (Лондонъ, Е. С. 114 Leadenhall Street).

ПЕТРОГРАДЪ, Невскій, 40—42. Отд. 11 В. МОСКВА, Красныя ворота, д. Афремова. Отд. 11 В. Нижній-Новгородъ, Главный домъ, 68.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО для ВСѢХЪ.

Не требуется знаній. Доступно всѣмъ. Многимъ хорошій заработокъ.

Популярныя руководства, заслужившія массу благодарностей:

1) Устр. домашн. электр. освѣщ. безъ машинъ.—50 к. 2) Изгот. аккумуляторовъ—40 к. 3) Изгот. сухихъ батареекъ—30 к. 4) Устан. телефоновъ, электр. звонковъ и сигнализаціи—50 к. 5) Устр. индукц. медицинск. аппарата—40 к. 6) Гальванопластика, никкелир., золоч. и пр.—1 руб. 7) Устр. динамо-маш. и электро-мотор. до 500 уаттъ—1 р. 20 к. 8) Устр. вольтметр., амперометр., реостат. и пр.—65 к.

Пересылка одной книги 10 к., двухъ, трехъ и болѣе — 15 к. За налож. плат. прибавляется 15 к. на всю посылку, независимо отъ числа книгъ.

Всѣ 8 руковод. высыл. за 4 р. 85 к.; съ налож. плат.—5 руб.

Проспекты и отзывы высылаются **безплатно.**

4-2 Адр.: **Техн. М. А. БОГОЛѢПОВУ, Москва, Бол. Козихинскій пер., д. 4—65.** 3257

старческая дряхлость, артеріосклерозъ, переутомленіе, общая слабость послѣ перенесенныхъ болѣзней, послѣдствія алкоголизма и т. д., неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ"** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина", интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПрофессоръД-ръ ПЕЛЬ и С-вья. С.П.Б. Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

2163 12-11

ОТЪ ВСЕРОССІЙСКАГО ЗЕМСКАГО СОЮЗА.

Тѣсно сплотилась земская Русь. Она напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы облегчить страданія и прійти на помощь доблестнымъ защитникамъ родины. Война съ каждымъ днемъ увеличиваетъ число жертвъ, и съ каждымъ днемъ должна расти общественная помощь. Пусть же къ земствамъ примкнетъ все русское общество. Мы призываемъ его къ напряженію силъ и средствъ, къ дружному единенію съ Всероссійскимъ Земскимъ Союзомъ. Главноуполномоченный кн. *Львовъ.*

Пожертвованія деньгами и вещами принимаются въ Главномъ Управленіи Союза (Петровскія ворота, № 3) ежедневно во всякое время и во всѣхъ Губернскихъ и Уѣздныхъ земскихъ управахъ Россіи. 3223

Химико-бактеріологич. лабораторія **Б. ГУРЕВИЧА,** КІЕВЪ, Б. Васильковская, 10. Единственно вѣрное средство для массоваго истребленія домашнихъ и полевыхъ **МЫШЕЙ и КРЫСЪ** бактерійную заразу, безвредн. для людей и домашн. животн. Порція въ 2 р. 5 к. и 5 р. 20 к. съ перес. 3261 4-3

Драгоцѣнности незамѣнимо способствуютъ красотѣ женщинъ. **ФИРМА:** *ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ* ***К. А. НАСОНОВОЙ.*** ***Въ Екатеринбургѣ.*** 3275 Иллюстрированный пр.-курантъ выс. безплатно. ◆ Сущ. съ 1892 г.

ХРОНОЛОГІЯ ВОЙНЫ.

ТРЕТІЙ МѢСЯЦЪ.

(См. № 39 «Нивы»).

Сентябрь.

14-го. Германскія войска отступили отъ Сопоцкина и Друскеникъ. Германская артиллерія обстрѣливала крѣпость Осовецъ. Русскія войска заняли Дембицу въ Галиціи и вступили въ Венгрію. Германскій цеппелинъ бросилъ въ Варшаву нѣсколько бомбъ; цеппелинъ разстрѣлянъ русскими войсками. Около Эйфелевой башни, въ Парижѣ, съ германскаго аэроплана брошены бомбы. Французы начали занимать германское Конго. Англичане заняли бухту Людерица въ германской колоніи Западной Африки. Въ Австріи—холера. Начались атаки японцевъ на Циндао.

15-го. Въ Августовскихъ лѣсахъ русскія войска съ боемъ продвигаются впередъ. Неудача германской пѣхоты, подходившей къ Осовцу. Всѣ попытки германцевъ прорвать французскій фронтъ отражены. Сербы заняли главныя позиціи подъ Земльномъ.

16-го. Бой подъ Августовомъ съ пруссаками. Австрійскій аріергардъ разбитъ у Дуклы. 38 германскихъ судовъ подходили къ Виндавѣ (11 сентября), обстрѣлявъ маякъ. Бой во Франціи между р. Энъ и Аргоннами продолжается съ успѣхомъ для союзниковъ. Бельгійцы взяли Алостъ и испортили желѣзную дорогу между Маасомъ и Брюсселемъ. Сербы вновь заняли Земльнъ. Занятіе англо-французскими войсками Камеруна. Бой у Циндао.

17-го. Наши войска овладѣли германскими позиціями у Августова и Копціова. Германцы отброшены въ районѣ: Сувалки—Сейны—Маріамполь. Кронпринцъ похитилъ художественныя коллекціи изъ замка баронессы Дебей.

18-го. Отступленіе германской арміи изъ Сувалкской и Ломжинской губерній. Французскія войска продвинулись до рѣки Рюитемадъ. Бой на рѣкѣ Соммѣ развивается съ успѣхомъ для союзныхъ армій. Германскія войска разрушили въ Бельгіи городъ Ліеръ. Германцы разграбили дворецъ въ Компіенѣ (Франція). Германскій крейсеръ «Эмденъ» потопилъ нѣсколько британскихъ пароходовъ. Сербскія и черногорскія войска заняли рядъ важныхъ позицій въ Босніи.

19-го. Русскія войска взяли германскія позиціи у села Краснова. Германцы выбиты изъ Щучина и Граева, при чемъ наши войска перешли на германскую территорію. Германцы бомбардируютъ форты Антверпена. Французы разрушили мостъ на Маасѣ, наведенный германцами. Японцы бомбардируютъ форты Циндао.

20-го. Государь Императоръ отбылъ въ дѣйствующую армію. Сраженіе у Августова развивается. Русскія войска спустились въ долину Надъ-Ядъ. Неудачи германскихъ войскъ въ районахъ Руа, Веврь и на правомъ берегу Мааса. Германскіе крейсера бомбардировали Таити.

21-го. Августовское сраженіе закончилось побѣдой нашихъ войскъ надъ германцами. Германскія войска въ безпорядкѣ спѣшно отступаютъ къ своимъ границамъ. Французскія войска продвинулись впередъ по всему фронту. Гарнизонъ Антверпена отступилъ до форта Нэты. Отъѣздъ президента Пуанкарэ въ дѣйствующую армію.

22-го. Государь Императоръ прибылъ въ дѣйствующую армію. На прусскомъ театрѣ войны германцы тщетно пытаются удержаться между Вержболовомъ и Лыкомъ. Французы отступили въ нѣсколькихъ пунктахъ къ сѣверу отъ Уазы. Сербско-черногорская армія приблизилась къ фортамъ Сараева. Продолжается бой у Циндао.

23-го. Наступленіе русской арміи на германскія войска продолжается. Германцы получили подкрѣпленіе изъ Кенигсберга. Успѣхи французовъ въ области Аргоннъ и на Маасѣ. Бельгійцы отбили всѣ атаки германскихъ войскъ на антверпенскіе форты. Великая герцогиня Люксембургская заключена германцами въ замокъ въ окрестностяхъ Нюрнберга. Англо-французскій флотъ разрушаетъ форты Каттаро. 3.000 португальцевъ отправились въ Центральную Африку въ помощь Англіи. Холера въ Австро-Венгріи распространяется.

24-го. Австрійцы разбиты у Санока. Начался бой подъ Антверпеномъ при поддержкѣ бельгійцевъ англичанами. Ожесточенный бой на сѣверѣ отъ Уазы. Французы минировали Адріатическое море у австрійскихъ береговъ.

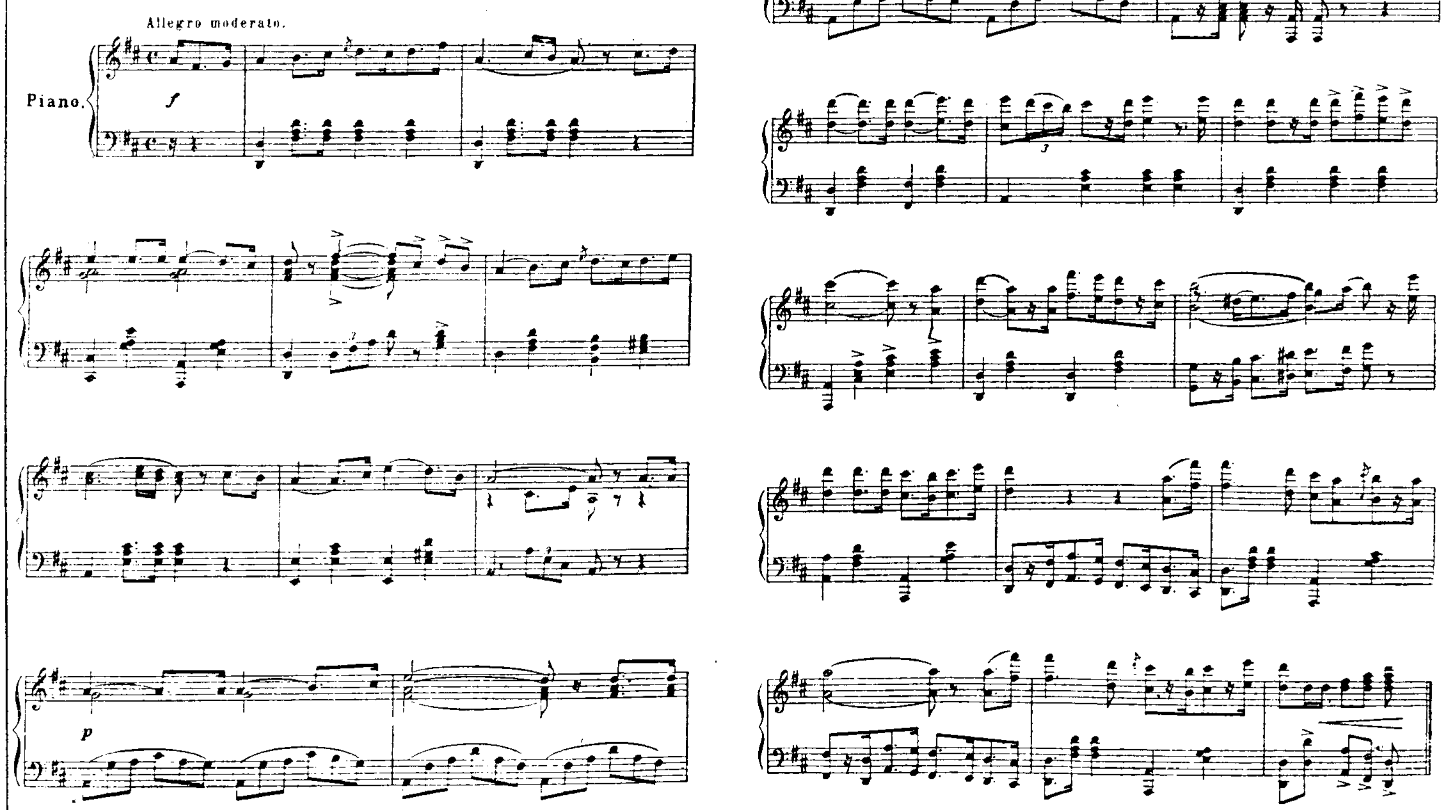
Библиотека "Руниверс"

Національные гимны союзныхъ державъ *).

МАРСЕЛЬЕЗА.

Музыка Руже-де-Лиль.

Maestoso.

БЕЛЬГІЙСКІЙ ГИМНЪ.

*) Въ № 44 „Нивы“ ошибочно сверстаны отрывки гимновъ „Марсельезы“ и „Брабансоны“. Въ виду этого помѣщаемъ вновь оба эти гимна въ исправленномъ видѣ.

Библиотека "Руниверс"

25-го. Государь Императоръ посѣтилъ крѣпость Осовецъ и благодарилъ гарнизонъ за отраженіе германцевъ. Русскія войска овладѣли однимъ изъ передовыхъ фортовъ Перемышля. Отъ Вержболова и Филиппова отражены германцы. Гор. Бяла взятъ русскими войсками. Французы въ области Руа тѣснятъ германскую армію. Англійская подводная лодка потопила германскій контръ-миноносецъ. Началась бомбардировка Антверпена. Германцы съ аэроплановъ бросаютъ бомбы въ окрестностяхъ Парижа. Черногорцы разбили австрійцевъ у Бѣласницы.

26-го. Государь Императоръ вернулся въ Царское Село изъ дѣйствующей арміи. Германцы выбиты изъ Владиславова; русскія войска заняли Лыкъ. Въ Антверпенѣ пало нѣсколько фортовъ. Англичане разрушили бомбами съ аэроплана ангаръ въ Дюссельдорфѣ.

27-го. Артиллерійскій бой между Ивангородомъ и Сандоміромъ. Германцы заняли Антверпенъ. Успѣхи французовъ въ раіонахъ С.-Міэля и Руа. Гибель двухъ французскихъ миноносцевъ, столкнувшихся близъ Тулона. Кончина румынскаго короля Карла. Черногорцы отразили австрійцевъ отъ Калиновика. Въ Персіи началась пропаганда противъ Россіи.

28-го. Во время кавалерійской атаки раненъ въ ногу навылетъ князь Олегъ Константиновичъ. Авангардныя стычки на Вислѣ. Два германскихъ аэроплана бросили въ Парижъ 20 бомбъ, при чемъ одна бомба произвела незначительный пожаръ въ Notre Dame. Въ Антверпенѣ бельгійцы взорвали форты, сожгли склады и суда и разрушили шлюзы. 2.000 англійскихъ войскъ, отрѣзанные у Антверпена германцами, разоружились въ Голландіи. Король съ бельгійской и англійской арміями прибылъ въ Остендэ. Принцъ Фердинандъ провозглашенъ румынскимъ королемъ Фердинандомъ I. Начались бои на путяхъ къ Ивангороду и Варшавѣ.

29-го. Въ Витебскѣ скончался отъ раны Е. В. князь Олегъ Константиновичъ. Русскіе кавалерійскіе отряды вторглись въ Венгрію. Германская подводная лодка взорвала въ Балтійскомъ морѣ крейсеръ «Палладу». Нами потоплены двѣ германскія подводныя лодки. У Романіи черногорцы нанесли пораженіе австрійцамъ.

30-го. Въ раіонѣ Варшавы по Вислѣ и Сану развиваются военныя дѣйствія. Городъ Лилль занятъ германцами. Бельгійское правительство и дипломатическій корпусъ переѣхали во Францію. Изъ Антверпена бельгійцы вывезли всю артиллерію. Въ Парижъ съ германскаго аэроплана брошено 6 бомбъ.

Октябрь.

1-го. Бельгійская армія, во главѣ съ королемъ Альбертомъ, присоединилась къ французской арміи. Бельгійское правительство переѣхало изъ Остендэ въ Бордо; во Францію же выѣхали члены дипломатическаго корпуса. На Антверпенъ германцами наложена контрибуція въ 200 милл. руб. Германскій аэропланъ сбросилъ на Парижъ 6 бомбъ, причинившихъ незначительныя поврежденія. Эссадъ-паша избранъ президентомъ правительства Албаніи и главнокомандующимъ войсками. Въ Капской колоніи вспыхнулъ бунтъ, поднятый начальникомъ части войскъ колоніи, заключившимъ соглашеніе съ германцами.

2-го. На лѣвомъ берегу Вислы на путяхъ отъ Варшавы и Ивангорода русскія войска успѣшно тѣснили нѣмцевъ. Взяты въ плѣнъ двѣ германскія роты. Гражданское населеніе эвакуировано изъ Бельфора. Германцы заняли Гентъ, населеніе котораго бѣжало передъ ними. Германцы продолжаютъ наступленіе на Остендэ. Сербскія войска отбили атаки австрійцевъ на правомъ крайнемъ флангѣ линіи Зворникъ—Лозница, а также на лѣвомъ берегу Савы въ направленіи Большой и Малой Цыганліи. Губернаторъ Циндао согласился на предложеніе Японіи эвакуировать мирное населеніе изъ крѣпости. Датскій Красный Крестъ принялъ на себя передачу списковъ русскихъ и германскихъ плѣнныхъ.

3-го. Къ югу отъ Перемышля одна изъ русскихъ колоннъ нанесла пораженіе австрійцамъ и взяла 500 плѣнныхъ и пулеметы. Французскія войска значительно продвинулись впередъ въ раіонѣ Ланса и въ центрѣ къ Краонѣ къ Берри-о-Баку, у Реймса и у Прюне. Германцы очистили лѣвый берегъ рѣки Лиса. Атаки ихъ между Маасомъ и Мозелемъ отражены. Британскія войска на лѣвомъ флангѣ германцевъ заставили ихъ отступить въ глубь фланговой линіи. Сербскія войска въ Босніи отразили непріятельскія атаки на фронтѣ Зворникъ—Лозница. Отражены также атаки на Даинѣ и Савѣ. Король Альбертъ въ отвѣтъ на телеграмму Пуанкарэ съ предложеніемъ гостепріимства бельгійскому правительству, выразилъ вѣру въ конечный успѣхъ союзниковъ и непоколебимую стойкость Бельгіи. Бельгійское правительство, покидая Бельгію, обратилось съ воззваніемъ къ населенію. Президентъ Пуанкарэ посѣтилъ русскій лазаретъ, устроенный г-жей Извольской близъ Бордо. Въ Плимутъ прибылъ первый контингентъ канадскихъ войскъ.

4-го. Южнѣе Перемышля взяты въ плѣнъ 3 австрійскія роты и 6 офицеровъ. Турція самовольно упразднила европейскій высшій санитарный совѣтъ. Французскія войска на лѣвомъ флангѣ къ сѣверу отъ Лиса взяли Эстеръ и продвинулись впередъ на разныхъ пунктахъ фронта. Германцы отброшены со своихъ позицій у Лилля и по ту сторону бельгійской границы. Германской подводной лодкой потопленъ англійскій крейсеръ «Hawke» въ сѣверныхъ водахъ Нѣмецкаго моря, атака на «Theseus» была безуспѣшна. Англійское военное судно потопило пароходъ гамбурго-американской линіи «Marcomania» и греческій пароходъ, сопровождавшіе германскій крейсеръ «Эмденъ». Въ Гибралтаръ приведенъ, какъ военный призъ, германскій пароходъ «Graecia». Скончался итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ маркизъ ди-Санъ-Джуліано. Арестованъ нѣмцами бывшій бургомистръ Брюсселя Максъ и отвезенъ въ Саксенъ-Мейнингенъ. Студенты университета въ Глазго избрали Пуанкарэ лордомъ-ректоромъ университета. Японцы подбили фортъ Ильтисъ въ Циндао.

5-го. Русское правительство довело до всеобщаго свѣдѣнія о постановкѣ минъ загражденія и о закрытіи Финскаго и Рижскаго заливовъ для всѣхъ судовъ. На правомъ берегу рѣки Лиса французскія войска заняли Флербэ и подходы къ Армантьеру. У Гучева черногорскія войска отразили атаки австрійцевъ. У Курячницы сербы отбросили непріятеля къ Дринѣ, гдѣ погибло значительное количество австрійцевъ. Сербы утвердились на лѣвомъ берегу Савы противъ Бѣлграда. Продолжается бомбардировка Катарро англо-французской эскадрой, а также съ горы Ловчена. Бельгійскія войска окопались у голландской границы и рѣшили оказать отчаянное сопротивленіе. Король румынскій Фердинандъ пожертвовалъ милліонъ франковъ пріюту для сиротъ-дѣвочекъ въ Яссахъ и даровалъ широкую амнистію преимущественно военнымъ. Британскій посолъ обратилъ вниманіе С.-А. С. Штатовъ на нарушеніе нейтралитета погрузкой угля на германское судно близъ Филиппинъ. Болгарскій синодъ предложилъ всѣмъ православнымъ монастырямъ отчислять по меньшей мѣрѣ 5 процентовъ въ пользу русскихъ раненыхъ.

6-го. Наши войска въ тѣсномъ соприкосновеніи, а частью въ бою на фронтѣ отъ рѣки Бзуры до Стрыя и въ Восточной Пруссіи. Французы отбросили атаки германцевъ на сѣверѣ и востокѣ отъ Сенъ-Дье. Бельгійская армія къ востоку отъ Диксмюдена отразила непріятеля и продвинулась къ Рулеру. Англичане отодвинули нѣмцевъ на сѣверѣ на 30 миль. Въ Адріатикѣ отъ собственныхъ минъ погибли 4 австрійскихъ миноноски и два контръ-миноносца. Англичане захватили въ Сѣверномъ морѣ германскій минный заградитель, скрывавшійся подъ видомъ госпитальнаго судна. Подъ Циндао затонулъ японскій крейсеръ «Такашихо».

7-го. Остендэ вновь занятъ союзными войсками. Французы и бельгійцы отразили всѣ атаки у Ньюпорта, Диксмюде, Лабассэ, у Мамаце, у Вокуа и на правомъ берегу Мааса, у Шамплона. Двѣ англійскія канонерки обратили въ бѣгство напавшія на нихъ германскія подводныя лодки. Французскій крейсеръ «Вальдекъ Руссо» уничтожилъ германскую подводную лодку у Катарро. Японская эскадра заняла Маршальскіе, Каролинскіе и Маріанскіе острова. У Циндао наскочилъ на скалу и погибъ германскій миноносецъ № 90.

8-го. Русскія войска отбросили нѣмцевъ на всѣхъ путяхъ къ Варшавѣ и заставили ихъ отступить и бросить укрѣпленныя позиціи и раненыхъ. Южнѣе Пилицы противникъ еще держится. Въ раіонѣ Козеницъ мы одержали значительные успѣхи. Къ сѣверу отъ Перемышля мы переходимъ въ наступленіе. Французы и черногорцы нанесли большія поврежденія бомбардировкой съ Ловчена главному катаррскому форту. Англо-японскія суда разрушили фортъ въ бухтѣ Августы-Викторіи въ Циндао и потопили три германскихъ транспорта. Сербы отбили всѣ атаки австрійцевъ въ направленіи Дуаны и Лозницы, на Дринѣ, а также въ Босніи и у Бѣлграда. Кильскій каналъ закрытъ для нейтральныхъ судовъ.

9-го. Быстрое отступленіе германцевъ отъ Варшавы продолжается. Общій отходъ германцевъ обнаруженъ также на путяхъ отъ Ивангорода и Новой-Александріи. Между Перемышлемъ и Вислой взято нами въ плѣнъ свыше 30 офицеровъ и 2.000 нижнихъ чиновъ, захвачено много пулеметовъ. Въ Ловичѣ захваченъ оберъ-шталмейстеръ саксонскаго короля съ его штабомъ. Три британскихъ монитора помогали защитѣ Ньюпорта, обстрѣливая правый флангъ германцевъ. Черногорцы заставили австрійцевъ отступить отъ Калиновика къ Добрнополью. Французы потопили два австрійскихъ миноносца. Австрійскій миноносецъ наскочилъ въ Кварнеро на мину загражденія и погибъ.

10-го. Энергичное наступленіе нашихъ армій, переправившихся на широкомъ фронтѣ черезъ Вислу, не встрѣчаетъ сопротивленія со стороны германцевъ, продолжающихъ отступленіе. Подъ Ивангородомъ захвачено много снарядовъ и снаряженія. На всемъ фронтѣ отъ морского берега до Уазы идетъ бой на западѣ. Германцы усиленно ведутъ атаки между моремъ и Лабассэ. 11 англійскихъ военныхъ судовъ громятъ германскія войска, наступающія на побережьѣ Бельгіи.

11-го. Наши войска нанесли рядъ пораженій германцамъ, отступавшимъ вдоль рѣчекъ Равки, Скерневки, Рыльки. Штыковыми атаками взяты Ловичъ, Скерневицы и Рава. Большое сраженіе идетъ на путяхъ къ Радому, гдѣ отступавшіе получили подкрѣпленіе. Нами здѣсь взяты плѣнные, пулеметы, орудія. Русскіе съ боемъ переправляются черезъ Вислу выше Ильжанки. При взятіи высотъ у Тыченцы захвачено пять австрійскихъ ротъ. Къ югу отъ Перемышля взято много плѣнныхъ, оружія, 9 пулеметовъ, зарядные ящики. Взятъ нами вновь Стрый и въ немъ 1.000 плѣнныхъ. Наступленіе германцевъ на крайній лѣвый флангъ союзниковъ прекратилось. На Савѣ затонулъ, наткнувшись на мину, австрійскій рѣчной мониторъ. Японцы захватили два германскихъ крейсера, одинъ изъ нихъ затопилъ себя. Германскій крейсеръ «Карлсруэ» потопилъ 13 британскихъ коммерческихъ судовъ, крейсеръ «Эмденъ» также потопилъ нѣсколько судовъ у Малайскаго архипелага.

12-го. На Санѣ и къ югу отъ Перемышля упорные бои. У гор. Долина мы разсѣяли австрійскую колонну. Французы заняли Мельзикуръ къ западу отъ Арраса и, отразивъ всѣ атаки непріятеля, удержали въ своихъ рукахъ Ипръ и Ньюпортъ. Англійскія военныя суда продолжали обстрѣлъ праваго фланга германцевъ, отбивъ въ то же время всѣ атаки непріятельскихъ подводныхъ лодокъ. Англійскій контръ-миноносецъ протаранилъ и потопилъ германскую подводную лодку у береговъ Голландіи.

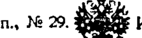
13-го. Идетъ большое сраженіе на фронтѣ въ 100 верстъ отъ Равы до устья Ильжанки. Всюду успѣшные для насъ штыковые бои. Взяты орудія (двѣ батареи при Казимиржевѣ цѣликомъ), много плѣнныхъ, пулеметы. Въ Галиціи мы успѣшно наступаемъ къ югу отъ Самбора и Стараго Мѣста, гдѣ взяли 20 орудій, много зарядныхъ ящиковъ.

14-го. На восточно-прусскомъ фронтѣ начались бои. У Бакаларжева атаки германцевъ отражены. Въ Гомбинѣ (на Вислѣ) нами взяты обозъ и плѣнные. Фронтъ боя расширился отъ Кутно на Ежовъ, Раву, Новое-Място, Бялобржеги, Гловачовъ, устье Ильжанки. Въ раіонѣ Новая Александрія — Зволенъ нами взято въ плѣнъ 50 офицеровъ и 3.000 солдатъ, пулеметы и 8 орудій. Къ югу отъ Перемышля мы съ боемъ достигли линіи Старое Мѣсто—Турка. Французы отбили германцевъ между Лабассэ и Соммой, продвигаются впередъ къ востоку отъ Нанси, между Ипромъ и Рулеромъ. Поднявшій возстаніе въ Южной Африкѣ полковникъ Марицъ совершенно разбитъ и бѣжалъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1914 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложеніями: Безъ дост. въ Петроградѣ **6 р. 50 к.**, съ дост. **7 р. 50 к.**; съ перес. по всей Россіи: на годъ **8 р.**, на 1/2 года **4 р.**, на 1/4 года **2 р.**

Библиотека "Руниверс"

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ. Измайл. просп., № 29.  Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

XLV г. ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. г. XLV

№ 45 Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ. 1914

Выданъ 8 ноября 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на ½ года 4 р., на ¼ года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко" кн. 22.

Въ разоренной Польшѣ. 1. Изваяніе Богоматери, разбитое нечестивой рукой нѣмцевъ въ Пясечно. 2. У Распятія, оскверненнаго сабельными ударами нѣмцевъ въ Пясечно.

Въ Львовѣ.

(Отъ собственнаго корреспондента „Нивы").

Львовъ, 16—20 октября.

Трехнедѣльный жестокій бой по всему галиційскому фронту, бой грудь съ грудью, „упорный" бой,—какъ его называла телеграмма Верховнаго Главнокомандующаго,—конченъ, австрійцы всюду отступили, и новая лавровая вѣтвь вплетена въ неувядаемый вѣнецъ славы нашей могучей арміи.

Какіе это были бои! Только русскіе солдаты, воскресшіе суворовскіе чудо-богатыри, могли ежедневно, начиная съ 24 сентября, днемъ и ночью, не зная ни сна ни отдыха, часто голодая, сражаться съ австрійцами, превосходившими ихъ силами въ три раза.

Австрійскія войска за эти дни боевъ состояли сплошь изъ коренныхъ нѣмцевъ и венгерцевъ; славянскихъ народностей въ ихъ рядахъ почти совсѣмъ не было: славянскія войска австрійцы отодвинули къ французской границѣ, а противъ насъ сосредоточили лучшія свои силы.

Съ безумной яростью напали они на нашъ лѣвый флангъ у Самбора, намѣреваясь обойти насъ и отрѣзать Львовъ отъ сообщенія съ Россіей, въ центрѣ нашего галиційскаго фронта они выдвинули огромныя силы, чтобы освободить Перемышль отъ осады нашими войсками, а на нашемъ правомъ флангѣ они также намѣревались насъ обойти вмѣстѣ съ нѣмцами.

Превышая численностью, австрійскіе солдаты въ кровавомъ угарѣ лѣзли на наши окопы—и погибали тысячами. Изъ-за груды непріятельскихъ тѣлъ, горой выроставшихъ у нашихъ окоповъ, наша пѣхота иногда не могла стрѣлять:—ничего не было видно, кромѣ труповъ. Приходилось растаскивать эти трупы подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятельскихъ орудій и пулеметовъ.

Библиотека "Руниверс"

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко кн. 22“.

Въ первыхъ числахъ октября австрійскій главнокомандующій предложилъ перемиріе на три дня для уборки труповъ, но, зная, что австрійцы этими днями перемирія пользуются для новаго сосредоточенія и распредѣленія силъ и подвоза новыхъ войскъ, наши военныя власти отказали.

Венгерская кавалерія съ безумной отвагой атаковывала наши позиціи, безчисленные эскадроны одинъ за другимъ стремительно приближались къ нашимъ батареямъ — и гибли всадники и кони лихой венгерской кавалеріи подъ убійственнымъ огнемъ нашей артиллеріи. Дождь шрапнелей низко разрывался надъ мчавшимися сомкнутыми рядами всадниками—эскадроны вен-

Выселеніе германскихъ войскъ изъ Лодзи.

Въ разоренной Польшѣ. Разрушенная Центральная площадь въ Пясечно, обстрѣлянная шрапнелью.

герцевъ таяли, какъ снѣгъ, и исчезали: вѣдь каждый осколокъ шрапнели при низкомъ разрывѣ смертеленъ.

На смѣну павшихъ мчались все новые и новые эскадроны, залпы картечи уничтожали, ихъ, и въ результатѣ—венгерская кавалерія въ этихъ бояхъ почти вся была уничтожена.

Въ синихъ, расшитыхъ шнурами, доломанахъ, въ красныхъ рейтузахъ, съ ментиками изъ бараньей кожи, съ длинною шерстью на воротникахъ, на прекрасныхъ коняхъ, эта венгерская кавалерія была гордостью австрійской арміи. У большинства ея офицеровъ старинные дѣдовскіе изогнутые ятаганы временъ Крестовыхъ походовъ и войнъ съ турками; у самой рукоятки ихъ—вычеканенный золотомъ, отъ времени уже потемнѣвшій, крестъ. Отбить такой ятаганъ у венгерца — завѣтная мечта нашихъ офицеровъ-кавалеристовъ.

На головахъ у венгерцевъ надѣты красные кивера изъ юфти. Ударомъ шашки прорубить этотъ киверъ и баранью толстую кожу ментика во время атаки очень трудно—такова крѣпость кожи, — но наша кавалерія бьетъ венгерцевъ сильными ударами по незащищенной части шеи и затылка, иначе они неуязвимы.

Трупами венгерской кавалеріи, намѣревавшейся въ бѣшеныхъ атакахъ сломить наши войска, теперь усѣяны поля сраженій.

Кощунство Вильгельма. Пророкъ Даніилъ съ лицомъ Вильгельма. Эта характерная статуя изваяна на фасадѣ собора въ Мецѣ въ ряду другихъ статуй пророковъ. Пророку Даніилу приданы черты лица Вильгельма по повелѣнію самого императора, видимо, уже давно проявляющаго симптомы «религіознаго помѣшательства».

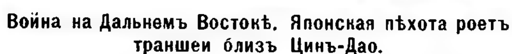
Библиотека "Руниверс"

Его Величество Императоръ Японіи Іошихито.

Въ товарныхъ вагонахъ и теплушкахъ плѣнные—безъ погонъ, истерзанные, въ рваныхъ голубыхъ мундирахъ, въ дырявыхъ штиблетахъ, въ помятыхъ голубыхъ кэпи съ кокардами,—плѣнные, еще такъ недавно отчаянно сражавшіеся, теперь возбуждаютъ только одно чувство жалости. Нашъ солдатъ не жалѣетъ ихъ въ бою, но страшно жалостливо относится къ нимъ въ плѣну и буквально дѣлится послѣднимъ кускомъ, послѣдней щепотью табаку.

Русское сердце—могучее сердце: великодушіе къ плѣнному врагу—да вѣдь это самая отличительная черта русскаго чудо-богатыря!

И австрійскіе солдаты отлично понимаютъ это чувство. Въ этихъ плѣнныхъ, узнавшихъ хотя бы отчасти душу русскаго солдата, уже нѣтъ озлобленности, нѣтъ враждебныхъ чувствъ.



Война на Дальнемъ Востокѣ. Японская пѣхота роетъ траншеи близъ Цинъ-Дао.

Станція Подзамочье около Львова всѣ эти дни биткомъ набита вагонами съ плѣнными. Солдаты-плѣнные мирно, на какомъ-то чудномъ нарѣчіи, состоящемъ изъ комичной смѣси русскихъ, польскихъ и нѣмецкихъ словъ, бесѣдуютъ съ нашими солдатами, обѣдая изъ общаго котла; плѣнные австрійскіе офицеры, наоборотъ, жмутся кучкой, смотрятъ недружелюбно и недовѣрчиво.

Ихъ щегольского покроя мундиры потрепаны, обувь сильно порвана, но наклонность къ франтов-

Японскій министръ-президентъ графъ Окума.

По всему фронту потерпѣвъ пораженіе, австрійцы спѣшно отступаютъ, бросая орудія, пулеметы, зарядные ящики, обозы. Тысячи плѣнныхъ, голодныхъ, измученныхъ, обезсиленныхъ, сдаются, и сдаются только потому, что нѣтъ никакихъ человѣческихъ силъ сопротивляться натиску нашей могучей арміи,—пробовали три недѣли бороться и не выдержали.

Не дешево далась и намъ эта блестящая побѣда, много человѣческихъ вѣнцовъ пріяла наша армія, но потери австрійцевъ въ этихъ бояхъ—неисчислимы: однихъ плѣнныхъ мы взяли болѣе 20.000 человѣкъ.

Теперь въ эти дни по всѣмъ желѣзнодорожнымъ путямъ, тянущимся къ Львову и отъ Львова по направленію къ Россіи, безконечные поѣзда везутъ на открытыхъ платформахъ громадныя тяжелыя бронзовыя австрійскія пушки, съ жерлами, поднятыми къ небу. Тутъ же ихъ легкія полевыя орудія, пулеметы, повозки, ящики, снаряды.

Эти громадные въ 60 вагоновъ поѣзда, ползущіе теперь длинными лентами въ Россію, напоминаютъ славные дни августовскихъ боевъ у Тарнополя, Львова и Ярослава, когда мы захватили безчисленное количество трофеевъ.

Теперь на открытыхъ платформахъ часто видишь громадные австрійскіе локомобили, съ колесами діаметромъ болѣе аршина, предназначавшіеся для утрамбованія шоссе. Австрійцы, наступая на насъ, срубали тысячами старыя сосны и грабы, укладывали ихъ по дорогѣ рядами и затѣмъ утрамбовывали локомобилями. По этимъ дорогамъ они везли тяжелыя орудія. Въ послѣдніе дни боевъ мы захватили эти тяжелыя орудія, благодаря молодецкому натиску нашихъ войскъ. Изъ нѣкоторыхъ орудій они не успѣли даже сдѣлать нѣсколькихъ выстрѣловъ, а по только-что проложенному шоссе мы гнали австрійцевъ, не давая имъ отдыха.

Война на Дальнемъ Востокѣ. Японскія дамы приготовляютъ перевязки для Краснаго Креста.

Библиотека "Руниверс"

Война на Дальнемъ Востокѣ. Японская артиллерія близъ Цинъ-Дао.

большихъ гонведскихъ отрядовъ.

Все, что нужно было, мы узнали, и нашъ передовой кавалерійскій отрядъ тронулся дальше, а В. И. К. остался у телефоннаго аппарата слушать дальнѣйшій разговоръ венгерскихъ штабовъ.

Сидитъ онъ одинъ въ полѣ, разъѣзды далеко, заноситъ въ записную книжку наиболѣе важные переговоры -- вдругъ слышитъ сзади себя конскій топотъ, — оборачивается:

Австрійцы!

Въ утреннемъ туманѣ вырисовываются свѣтло-голубые мундиры, скачутъ по направленію къ тому мѣсту, гдѣ сидитъ В. И. К.

— „Смерть,—подумалъ В. И. К.:—спасенія нѣтъ",—и сталъ рвать бывшія при немъ записки.

Оборачивается еще разъ, присматривается внимательнѣе. „Да вѣдь это наши, а не австрійцы. Слава Богу!"

Дѣйствительно, это мчались наши кавалеристы съ приказаніемъ уничтожить телеграфъ.

Въ утреннемъ мглистомъ туманѣ почти невозможно различить своихъ отъ непріятелей.

Какъ обезпечены австрійскія войска военными запасами, какъ легко они съ ними разстаются, показываетъ слѣдующій случай.

Когда австрійцы уже отступали отъ рѣки Сана, а мы насѣдали на нихъ по пятамъ, имъ пришлось спѣшно переходить одинъ изъ небольшихъ притоковъ р. Сана, имѣвшій въ глубину полтора аршина и въ ширину саженей пятнадцать.

Наводить мостъ подъ огнемъ нашей артиллеріи они не могли. Тогда они стали сбрасывать въ воду патронные ящики, клали ихъ на дно одинъ на другой поперекъ всего русла рѣки до тѣхъ поръ, пока ящики не показались на поверхности воды. Тысячи ящиковъ были сброшены въ воду, милліоны ружейныхъ патроновъ устлали дно—и по этому мосту австрійцы, спасаясь отъ нашихъ войскъ, спѣшно перешли рѣку.

Вѣсть о томъ, что русскія войска хорошо обходятся съ плѣнными, кормятъ ихъ,—далеко распространилась по непріятельской арміи, и будущее не пугаетъ австрійскихъ солдатъ.

Часто голодный, полубольной австрійскій солдатъ (въ послѣдніе дни боевъ на передовыхъ позиціяхъ австрійцы питались одной сырой свеклой и сырымъ же картофелемъ, отчего у нихъ свирѣпствуетъ сильнѣйшая холера), отбившись отъ своей отступающей части, бредетъ проселкомъ, проситъ хлѣба и всюду встрѣчаетъ одинъ отвѣтъ у мѣстныхъ, совершенно разоренныхъ, крестьянъ, — отвѣтъ, ставшій здѣсь, въ Галиціи, классическимъ:

— Ницъ нема.

ству и даже при такихъ печальныхъ обстоятельствахъ бросается въ глаза.

Одинъ прикололъ бѣлый цвѣтокъ къ кокардѣ своего кэпи, другой размахиваетъ стэкомъ, третій старается привести въ порядокъ свою прическу, и только одинъ венгерецъ въ красныхъ рейтузахъ и синемъ доломанѣ мрачно вскидываетъ глаза на каждаго, кто слишкомъ близко подходитъ къ нему. Кстати сказать, наши солдаты называютъ венгерцевъ „красноштанниками".

На обращенные къ нимъ вопросы австрійскіе плѣнные офицеры, повидимому, не желая отвѣчать, говорятъ что-то крайне неразборчиво, односложно, и только офицеры славянскихъ племенъ охотно разсказываютъ, гдѣ они были взяты въ плѣнъ, въ какихъ бояхъ участвовали.

— Напрасно въ Россіи думаютъ, — говорилъ мнѣ на ст. Подзамочье австрійскій плѣнный офицеръ-полякъ: — что мы, славяне, не желаемъ сражаться съ вами и охотно сдаемся въ плѣнъ. Нѣтъ, на войнѣ, во время боя нѣтъ національныхъ чувствъ, національныхъ симпатій. Я—славянинъ, но я—офицеръ австрійской арміи, я присягалъ и исполню свой долгъ. Во время боя я знаю только одно: если я не всажу пули врагу, то онъ мнѣ ее всадитъ!

Что подобные отвѣты не единичны, объ этомъ мнѣ разсказывалъ извѣстный въ Петроградѣ лингвистъ В. И. К., одинъ изъ немногихъ лицъ, владѣющій почти всѣми нарѣчіями „лоскутной имперіи", и теперь, будучи прикомандированнымъ къ штабу доблестнаго генерала Б., допрашивающій плѣнныхъ. Австрійскіе офицеры абсолютно опровергаютъ слухи о какъ будто добровольной сдачѣ; наоборотъ, они всѣ утверждаютъ, что только непреодолимая сила русской арміи и полная невозможность сопротивляться принудила ихъ итти въ плѣнъ.

— Но какъ же вы, славянинъ,—допрашиваетъ В. И. К. плѣннаго офицера-боснійца:—могли биться съ русскими? Вѣдь вамъ извѣстно, что Россія отстаиваетъ всегда славянскіе интересы и именно изъ-за этихъ интересовъ ведетъ теперь войну?

— Да,—отвѣчаетъ босніецъ:—я это знаю. Но я—офицеръ австрійской арміи, я люблю Франца-Іосифа, я присягалъ и долженъ исполнить свой долгъ до конца...

— Вамъ неизвѣстно, — продолжаетъ В. И. К.: — что сербская армія уже вторглась въ Боснію, она уже у Сараева, и близокъ часъ освобожденія боснійцевъ?

— Развѣ? — отвѣчаетъ удивленный босніецъ, и только при этомъ извѣстіи о близкомъ освобожденіи его родины что-то похожее на радость вспыхиваетъ въ его глазахъ.

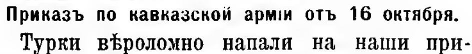
Насколько угрюмо настроены плѣнные офицеры, настолько солдаты-плѣнные чувствуютъ себя, какъ дома.

Тотъ же В. И. К. разсказалъ мнѣ случай, бывшій съ нимъ.

Нашъ разъѣздъ наткнулся на австрійскую телеграфную линію, повидимому, неповрежденную; телеграфные столбы шли по направленію къ австрійскимъ позиціямъ. Зная, что австрійцы пользуются телеграфными линіями для телефонныхъ переговоровъ, нашъ начальникъ передового отряда приказалъ накинуть на телеграфъ соединительную телефонную проволоку. Слушаетъ. Дѣйствительно идутъ переговоры, но на незнакомомъ языкѣ. Бывшій въ отрядѣ В. И. К. сталъ слушать—оказалось, на мадьярскомъ языкѣ переговариваются штабы

Война на Дальнемъ Востокѣ. Къ взятію японцами германской крѣпости Цинъ-Дао. Японскій флотъ передъ Кіао-Чао.

Библиотека "Руниверс"



Приказъ по кавказской арміи отъ 16 октября.

Турки вѣроломно напали на наши прибрежные города и суда Черноморскаго флота. Высочайше повелѣно считать, что Россія въ войнѣ съ Турціей, войскамъ ввѣренной мнѣ кавказской арміи перейти границу и атаковать турокъ.

Генералъ-адъютантъ
графъ *Воронцовъ-Дашковъ*.

Турецкій крейсеръ „Гамидіе“.

Турецкій крейсеръ „Меджидіе“.

Турецкое судно „Мессудвенъ“.

Турецкій броненосный крейсеръ „Султанъ Османъ“.

Германскій дредноутъ „Гебенъ“, предательски уступленный въ эту войну нѣмцами Турціи.

«Гебенъ», подъ турецкимъ названіемъ «Султанъ Селимъ», съ германскими офицерами и матросами, переодѣтыми въ турецкую форму, произвелъ 16 октября с. г. неожиданное нападеніе на Севастополь. Не причинивъ значительныхъ поврежденій, «Гебенъ», обстрѣлянный орудіями береговыхъ укрѣпленій, съ тремя пробоинами ушелъ въ море.

Библиотека "Руниверс"

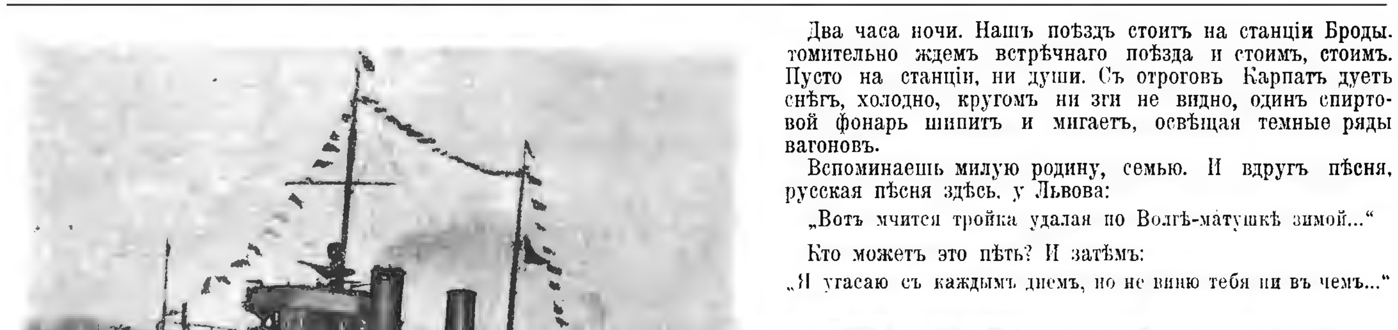
Два часа ночи. Нашъ поѣздъ стоитъ на станціи Броды. томительно ждемъ встрѣчнаго поѣзда и стоимъ, стоимъ. Пусто на станціи, ни души. Съ отроговъ Карпатъ дуетъ снѣгъ, холодно, кругомъ ни зги не видно, одинъ спиртовой фонарь шипитъ и мигаетъ, освѣщая темные ряды вагоновъ.

Вспоминаешь милую родину, семью. И вдругъ пѣсня, русская пѣсня здѣсь, у Львова:

„Вотъ мчится тройка удалая по Волгѣ-матушкѣ зимой..."

Кто можетъ это пѣть? И затѣмъ:

„Я угасаю съ каждымъ днемъ, но не виню тебя ни въ чемъ..."



Турецкій миноносецъ „Берки-Сатветъ".

Онъ проситъ отвести его къ нашимъ отрядамъ—и опять отвѣтъ, такой же классическій:

— Да нэ нада.

И этотъ отвѣтъ „да нэ нада"—какъ будто кто-то предлагаетъ кому-либо купить товаръ, а этотъ послѣдній отказывается отъ покупки—больной австрійскій солдатъ слышитъ до тѣхъ поръ, пока не набредетъ на какого-нибудь сердобольнаго желѣзнодорожнаго сторожа или сторожиху, которая послѣ долгихъ „да нэ нада" приведетъ, безоружная, этого вооруженнаго винтовкой и сотней патроновъ австріяка къ начальнику отряда.

Подобные случаи добровольной сдачи въ плѣнъ однако за послѣдніе дни боевъ были рѣдки. Боясь своихъ солдатъ, боясь возможности сдачи, австрійскіе штабы, по совѣту германскихъ, на каждую роту назначаютъ по восьми субалтернъ-офицеровъ, и эти офицеры безжалостно разстрѣливаютъ изъ револьверовъ всякаго солдата, всякую часть, которая или побѣжитъ съ поля сраженія, или обнаружитъ намѣреніе сдаться.

Турецкій броненосный крейсеръ „Кер-Эд-динъ Барбаросса" со своимъ экипажемъ.

Турецкіе броненосные крейсера „Кер-Эд-динъ Барбаросса" и „Ассаръ-и-Тевфикъ".
«Кер-Эд-динъ Барбаросса»—бывшій германскій броненосный крейсеръ устарѣлаго типа, построенный въ 1891 г. и проданный туркамъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Прошелъ на конецъ станціи, смотрю, открываются платформы товарныхъ вагоновъ, на нихъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, едва согрѣваясь въ своихъ легкихъ голубыхъ шинеляхъ, спятъ плѣнные австрійскіе солдаты. Одинъ изъ нихъ стоитъ у края платформы и поетъ, поетъ.

— Откуда вы знаете русскія пѣсни?

— Я два года жилъ въ Ригѣ и Варшавѣ, — отвѣчаетъ плѣнный: — игралъ на скрипкѣ въ румынскомъ оркестрѣ. Вотъ судьба, опять ѣду въ Россію. А вы русскій? Нѣтъ ли у васъ покурить?

Я далъ ему папиросъ — и долго его пѣсни неслись въ ночной тишинѣ...

О чудесахъ стрѣльбы нашей артиллеріи, о ея замѣчательной мѣткости и страшной силѣ разрушенія въ австрійской арміи ходятъ легенды.

Наши артиллеристы — артисты въ стрѣльбѣ, но среди даже артистовъ есть виртуозы артиллерійскаго искусства...

Батарея поручика Г. Ея удивительной

Библиотека "Руниверс"

стрѣльбой восхищается вся наша армія, за ея попаданіями съ вниманіемъ слѣдятъ во время боя тѣ части войскъ, которыя находятся возлѣ.

Вотъ случай изъ послѣднихъ боевъ. У N. одна непріятельская батарея, хорошо пристрѣлявшись, мѣткими выстрѣлами наносила большой уронъ нашей пѣхотѣ. Батарея поручика Г. стояла на закрытой

Турецкіе запасные, направляющіеся въ казармы въ Константинополѣ.

Бомбардировка турецкаго города.

позиціи, за холмомъ, и хотя и наносила удары непріятелю, но изъ-за положенія мѣстности не могла заставить замолчать непріятельскую батарею.

Наши развѣдчики донесли, что эта австрійская батарея потому такъ мѣтко стрѣляетъ, что ея сигнальщики сидятъ на едва замѣтной отъ насъ колокольнѣ.

Этого указанія было достаточно, чтобы поручикъ Г. рѣшился на отчаянно храбрый подвигъ. Мгновенно орудія на передки, батарея выносится на совершенно открытую позицію на холмѣ, гдѣ непріятельскія орудія ее могутъ тотчасъ же подбить.

Но прежде чѣмъ ошеломленный неожиданнымъ появленіемъ непріятель успѣлъ навести свои орудія и пристрѣляться, раздался первый залпъ орудій батареи поручика Г. по колокольнѣ— и вдребезги разнеслась эта колокольня съ австрійскими сигнальщиками, второй залпъ и подбиты орудія наиболѣе досаждавшей намъ непріятельской батареи. Орудія на передки—и снова наша молодецкая батарея стоитъ на своей старой позиціи за холмомъ, посылая снаряды австрійцамъ, а то открытое мѣсто, гдѣ только-что стрѣляла батарея, напоминаетъ буквально адъ отъ числа рвущихся гранатъ и шрапнелей.

(Окончаніе будетъ).

Вс. Надеждинъ.

Отклики турецкаго выступленія.

(Политическое обозрѣніе).

Попытка нѣмцевъ эксплуатировать въ пользу Германіи мусульманскій фанатизмъ, какъ и надо было ожидать, окончилась полной неудачей. Ни русскіе, ни англійскіе, ни фран-

Остатки разбитаго турецкаго обоза.

Библиотека "Руниверс"

цузскіе мусульмане не дались въ обманъ и самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовали противъ нападенія Турціи на Россію и на державы тройственнаго согласія. Въ высшей степени поучительно офиціальное разъясненіе событій, сдѣланное духовнымъ главою индійскихъ мусульманъ. Въ попыткѣ младо-турецкихъ временщиковъ использовать въ нѣмецкихъ интересахъ религіозную вѣру многихъ милліоновъ послѣдователей пророка онъ справедливо усматриваетъ прежде всего нѣчто глубоко кощунственное. Вмѣстѣ съ нимъ весь мусульманскій міръ рѣшительно и безповоротно отказался признать въ Вильгельмѣ правопреемника Магомета.

Неудачливому Вильгельму не пришлось быть даже калифомъ на часъ. Затѣянная по его приказу легкомысленнымъ Энверомъ-пашою война противъ Россіи не пользуется популярностью даже въ самой Турціи и, вѣроятно, окончится скорымъ низверженіемъ политическаго авантюриста.

Въ видѣ протеста противъ его политики многіе изъ самыхъ видныхъ членовъ кабинета вышли въ отставку. Сочувствіе населенія, отъ котораго война потребуетъ неисчислимыхъ жертвъ и кровью и достояніемъ, находится явно на сторонѣ мирной партіи. Даже въ темныхъ нѣдрахъ младо-турецкаго комитета произошелъ рѣзкій расколъ. Очевидно, война держится только диктатурой Энвера или, вѣрнѣе, военной диктатурой нѣмцевъ, захватившихъ власть надъ правительствомъ. При пассивномъ отношеніи народа она не можетъ быть сколько-нибудь успѣшной, а каждая крупная неудача на границахъ грозитъ неминуемымъ переворотомъ въ Константинополѣ. И теперь уже младо-турецкая помощь не укрѣпила, а скорѣе еще болѣе ослабила политическое положеніе Германіи. Поскольку самый призывъ къ священной войнѣ и воинственное выступленіе Энвера нашли наибольшій отзвукъ въ той странѣ, гдѣ онъ дѣятельно работалъ—въ мусульманской Триполитаніи,—постольку онъ заставилъ Италію яснѣе и осязательнѣе почувствовать солидарность своихъ интересовъ съ интересами антигерманской коалиціи. Въ константинопольскихъ событіяхъ данъ толчокъ къ болѣе рѣшительному и активному выраженію господствующаго на Аппенинскомъ полуостровѣ германофобскаго направленія общественной мысли. Италія еще можетъ охранять нейтралитетъ по отношенію къ Австріи и Германіи, какъ своимъ вчерашнимъ союзницамъ, но ей трудно будетъ сохранить его по отношенію къ вчерашней противницѣ, при раздѣлѣ наслѣдства которой можетъ что-нибудь перепасть и сосѣдкѣ. Триполи и Киренаика, въ которыхъ призывы Энвера-паши грозятъ вызвать много непріятностей для итальянцевъ, далеко не удовлетворили аппетиты римскихъ политиковъ, но для того, чтобы получить что-нибудь еще, имъ приходится выступить противъ Турціи вмѣстѣ съ державами тройственнаго соглашенія. И бѣгая Германія, и тѣмъ болѣе торжествующая Австрія, зажавшая въ кулакъ двѣ итальянскія провинціи, имъ ничего не могутъ дать, а при неизбѣжномъ раздѣлѣ Турціи, при хорошихъ отношеніяхъ съ европейской коалиціей побѣдоносный римскій кабинетъ имѣетъ полное право разсчитывать и на удовлетвореніе своихъ законныхъ національныхъ требованій и на расширеніе культурно-колонизаторской дѣятельности въ Албаніи и Малой Азіи. Въ такомъ же приблизительно положеніи находятся и Румынія и Болгарія. Во время пріема депутаціи націоналистовъ-профессоровъ Фердинандъ румынскій выразилъ полную солидарность съ ихъ требованіями рѣшительныхъ и активныхъ мѣръ и просилъ вѣрить въ искренность его національно-патріотической политики, которая вынуждена временно держаться выжидательнаго курса, чтобы не создать опаснаго конфликта съ Болгаріей. Національные интересы Болгаріи точно такъ же требуютъ совмѣстнаго выступленія съ Россіей и остальными балканскими государствами, потому что только посредничество Россіи можетъ гарантировать болгарамъ справедливое разрѣшеніе македонскаго вопроса и возвращеніе Адріанопэльскаго округа. Съ первымъ выстрѣломъ нынѣшней войны ненавистный болгарамъ Бухарестскій трактатъ, обезпечивавшій равновѣсіе силъ на Балканахъ, фактически уже пересталъ существовать. Греція еще до исхода войны расширила свои владѣнія присоединеніемъ Эпира, Сербія и Черногорія обезпечили себѣ огромное расширеніе на сѣверъ и сѣверо-западъ, Румыніи предстоитъ почти удвоить свою территорію присоединеніемъ Трансильваніи—можетъ ли одна Болгарія остаться безъ всякихъ компенсацій и прирѣзокъ? Это мыслимо только въ томъ случаѣ, если она пойдетъ противъ породившей ее Россіи и объединенной Европы. Обручившись съ обреченными на раздѣлъ Австріей и Турціей, она раздѣлила бы участь обреченныхъ, но живой инстинктъ національнаго самосохраненія не допуститъ болгарскій народъ до пагубнаго акта политическаго самоубійства.

Великая Европейская война.

(Хроника военныхъ дѣйствій).

Четвертый мѣсяцъ войны принесъ нѣмцамъ ясно обозначившееся пораженіе на обоихъ фронтахъ. Побѣды русской арміи въ арьергадныхъ бояхъ подъ Ловичемъ, Радомомъ и пр. были столь сокрушительными, что, вопреки своему первоначальному плану и рѣшенію, нѣмцы не рискнули даже задержаться на тщательно укрѣпленныхъ позиціяхъ по р. Вартѣ, позволили нашимъ корпусамъ почти безпрепятственно перейти ее въ нѣсколькихъ пунктахъ и поспѣшно бѣжали дальше по направленію къ линіи своихъ долговременныхъ и укрѣпленныхъ крѣпостей Краковъ, Торнъ, Кёнигсбергъ. Изъ дошедшихъ до насъ подробностей нѣмецкаго отступленія выяснился, между прочимъ, секретъ, почему они сравнительно такъ мало теряютъ пушекъ. Очень просто: артиллерія принимаетъ самое незначительное участіе въ ихъ арьергардныхъ бояхъ и снимается съ передковъ уже при первыхъ признакахъ рѣшительной атаки противника, благодаря чему вся сила удара послѣдняго падаетъ, разумѣется, на оставленную безъ артиллерійской поддержки пѣхоту. При такихъ пораженіяхъ пѣхота несетъ удвоенныя и утроенныя потери, но зато пушки остаются въ арміи, а не фигурируютъ въ роли трофеевъ побѣдоноснаго врага. Дорого стоящее орудіе экономный Вильгельмъ цѣнитъ неизмѣримо выше, чѣмъ жизнь лишней тысячи солдатъ. Съ своей точки зрѣнія онъ, пожалуй, правъ: на денежномъ рынкѣ пушка цѣнится куда дороже, чѣмъ дешевое пушечное мясо, въ роли котораго теперь безропотно фигурируютъ гордые нѣмецкіе бюргеры и даже объятая воинственнымъ пыломъ германская соціалъ-демократія. Подъ общимъ командованіемъ германцевъ такую же тактику отступленія выработали у себя и австрійцы. Оправдываются ли однакоже практическими результатами такая экономія въ пушкахъ и расточительность на солдатскую кровь? Сомнительно. Нѣмцы и въ своей системѣ отступленій совершаютъ одну и ту же, вообще свойственную имъ, ошибку—предпочтенія матеріальнаго духовному.

Война, которая ведется силами вооруженныхъ массъ, должна быть построена на тонкомъ расчетѣ массовой психологіи. Всѣ великіе полководцы отъ Цезаря, Наполеона и Суворова были въ то же время глубокими знатоками толпы, повелителями ея думъ и чувствъ. Вильгельмъ—неудачный стратегъ уже по одному тому, что онъ чрезвычайно самоослѣпленный человѣкъ и плохой психологъ. Третируя своихъ солдатъ, какъ бездушное пушечное мясо, онъ не понимаетъ народной души, не сообразуется съ ея законами. Онъ не принимаетъ въ расчетъ того, что армія, истощенная безчисленными потерями, сохранившая артиллерію, но утратившая вѣру въ побѣду, уже не можетъ побѣждать. Человѣческій матеріалъ даже съ узко практической точки зрѣнія неизмѣримо цѣннѣе механическаго, потому что всякій механизмъ въ конечномъ счетѣ приводится въ дѣйствіе только человѣческимъ духомъ. На бранномъ полѣ массовый гипнозъ имѣетъ безграничную власть.

Нѣмецкія арміи съ надломленнымъ духомъ, зарвавшіяся дальше, чѣмъ сколько позволяли ихъ силы, вынужденныя съ востока и запада отступать на родную землю послѣ понесенныхъ ударовъ, и на родину принесутъ уже надломленный духъ и утраченную энергію сопротивленія. Не полагаясь уже на устойчивость своей восточной арміи, императоръ Вильгельмъ снова спѣшно перебрасываетъ ей въ подкрѣпленіе 300-тысячный корпусъ изъ Бельгіи, вынужденный отказаться отъ продолженія настойчивыхъ атакъ по направленію къ Ламаншу.

Быть-можетъ, положеніе нѣмцевъ на западѣ еще безнадежнѣе, чѣмъ на востокѣ. Легко читать на столбцахъ газетъ чуть не ежедневно повторяющіяся фразы: „атака отбита“—но страшенъ реальный смыслъ этихъ, сдѣлавшихся стеоретипами, словъ. Вѣдь каждая отбитая германская атака оставляетъ послѣ себя груды труповъ, устилающихъ весь путь двойного прохожденія атакующихъ колоннъ подъ огнемъ скрытаго въ окопахъ непріятеля. Цѣлые два мѣсяца нѣмецкіе корпуса медленно истекаютъ кровью въ желѣзной оградѣ окружающихъ со всѣхъ сторонъ на цѣлыя 600 верстъ англо-французскихъ и бельгійскихъ окоповъ. Выдержанный и разсчетливый генералиссимусъ Жоффръ не желаетъ рисковать жизнью сотенъ тысячъ своихъ воиновъ, а безъ рѣшительнаго удара онъ не можетъ сразу выгнать нѣмцевъ на Маасъ и Рейнъ,—но чѣмъ дольше остаются они въ Бельгіи и на сѣверѣ Франціи, тѣмъ хуже для нихъ, тѣмъ больше изничтожится германская сила въ безплодныхъ попыткахъ сопротивленія, тѣмъ меньшіе остатки ея вернутся на родину.

Перебросивъ изъ рядовъ западной арміи полмилліона штыковъ на востокъ, нѣмцы будутъ вынуждены скоро очистить Бельгію или добровольно, или же подъ усилившимся натискомъ союзниковъ, которые не преминутъ нажать своими усилившимися корпусами на порѣдѣвшіе тевтонскіе ряды. Нужно ожидать, что рѣшительный натискъ съ запада будетъ произведенъ своевременно, т.-е. именно въ тотъ моментъ, когда будетъ окончательно рѣшаться судьба германской имперіи на востокѣ. Предстоящее сраженіе на фронтѣ германско-австрійскихъ крѣпостей, по всей линіи перерѣзывающихъ сѣверъ Галиціи, Силезіи и Познани, будетъ, вѣроятно, еще болѣе ужаснымъ и кровопролитнымъ, чѣмъ всѣ предыдущіе бои. Выдернувъ могучимъ движеніемъ изъ своего необъятнаго тѣла кровавую занозу германскаго вторженія, разгнѣванная Россія подниметъ грозную руку, чтобы наказать дерзкаго врага въ его собственныхъ владѣніяхъ. Ей придется сломить послѣдній отчаянный отпоръ и однимъ героическимъ ударомъ окончательно сокрушить владычество тевтонскаго насильничества надъ міромъ. Свергнувшіе звѣрное иго народы, преслѣдуя разгромленныя тевтонскія орды съ востока и запада, закончатъ кровавую страду европейской исторіи братскимъ рукопожатіемъ на площадяхъ капитулировавшаго Берлина. Начало четвертаго мѣсяца войны ознаменовалось паденіемъ германскаго оплота на Востокѣ—Цин-Дао и взятіемъ турецкаго оплота—Баязета.

Библиотека "Руниверс"

Знаменіе Августовской побѣды. Рисунокъ **И. Ижакевича.** (См. „Отклики войны“).

Библиотека "Руниверс"

Львы Фландріи.

Разсказъ **Н. Н. Брешко-Брешковскаго.**

I.

Чуть ли не въ самый день объявленія войны карабинеры бельгійской жандармеріи обыскали одинъ изъ громадныхъ шестиэтажныхъ домовъ. На чердакѣ нашли полное обмундированіе для двухъ тысячъ нѣмецкихъ солдатъ. Каски, синіе мундиры, шинели, карабины—все! Расчетъ наводнявшихъ Бельгію нѣмецкихъ шпіоновъ былъ ясенъ. По данному сигналу двѣ тысячи „мирно" жившихъ въ Антверпенѣ пруссаковъ съ трансформаторской быстротой должны были превратиться въ вооруженныхъ солдатъ.

Эти двѣ тысячи винтовокъ были розданы бельгійцамъ—жителямъ Антверпена.

Обмундированіе прусскихъ солдатъ—каски, мундиры, шинели—отданы были военной властью въ распоряженіе города и свезены въ ратушу.

Бургомистру доложили, что его хочетъ видѣть Клодъ Мишо.

— Просите!

Клода Мишо зналъ весь городъ. Это былъ укротитель въ антверпенскомъ зоологическомъ саду.

Бургомистръ принялъ Клода Мишо въ своемъ громадномъ кабинетѣ со стрѣльчатыми окнами и монументальными сводами.

Клодъ Мишо былъ высокъ, плечистъ, и лицо съ крупными чертами, все въ глубокихъ шрамахъ, отличалось когда-то красотою. Длинная грива сѣдыхъ волосъ, мягкій, разстегнутый воротникъ рубахи, плисовая куртка и высокіе шнурованные сапоги—все это сообщало Клоду Мишо какую-то особенную артистически-цирковую величавость...

— Здравствуйте Мишо, садитесь. Какъ поживаютъ ваши звѣри?.. Впрочемъ, виноватъ... Развѣ можно теперь назвать звѣрями вашихъ львовъ и тигровъ? Настоящіе звѣри—тамъ, подъ Льежемъ! Двуногіе звѣри, выпущенные на свободу своимъ укротителемъ Вильгельмомъ. Они выкалываютъ мирнымъ жителямъ глаза, рѣжутъ имъ уши, языкъ, отсѣкаютъ женщинамъ груди... Бѣдная Бельгія!.. Но что съ вами?—почти съ испугомъ спросилъ бургомистръ, видя, что старый укротитель весь дрожитъ, гнѣвно сжимая громадные кулаки.

— Ахъ, господинъ бургомистръ, во мнѣ все кипитъ! Я и прежде не питалъ особенной нѣжности къ этой подлой тевтонской расѣ, а теперь... я не могу равнодушно слышать... При одномъ имени ихъ чортъ знаетъ что со мною творится!.. Палачи, подлые негодяи, убійцы!

Едва успокоился Клодъ Мишо. Потомъ онъ спросилъ:

— Какъ вы думаете, господинъ бургомистръ, они докатятся сюда къ намъ, подъ стѣны Антверпена?..

— Увы, это въ концѣ концовъ неизбѣжно,—печально развелъ руками бургомистръ.—Сколь ни доблестна бельгійская армія, сколь ни талантливъ верховный вождь, но непріятельскія орды несмѣтны. Онѣ задавятъ насъ!

Клодъ Мишо сидѣлъ съ минуту, опустивъ голову, что-то соображая. Взглядъ его, устремленный куда-то вбокъ, былъ почти безумный.

Бургомистру сдѣлалось жутко. Онъ вспомнилъ разсказы о странностяхъ Клода Мишо,—странностяхъ, граничившихъ иногда съ ненормальностью.

Укротитель быстро поднялъ голову и, откинувъ назадъ сѣдую гриву сѣдыхъ волосъ, молвилъ:

— Господинъ бургомистръ, у меня къ вамъ большая, большая просьба.

— Я къ вашимъ услугамъ, Мишо. И, если могу чѣмъ-нибудь...

— Это—сущіе пустяки, господинъ бургомистръ... Прикажите выдать мнѣ полную обмундировку для дюжины германскихъ солдатъ, конфискованную на чердакѣ... Мундиры, панталоны, каски...

— Зачѣмъ вамъ все это, Мишо?..

— Необходимо, господинъ бургомистръ, увѣряю васъ...

— Ладно, милый Мишо. Я исполню вашу просьбу, не допытываясь никакихъ объясненій. Я лично знаю васъ около десяти лѣтъ. Вы можете получить просимое въ любое время.

— Благодарю васъ, господинъ бургомистръ, отъ всего сердца! Сегодня же пришлю моего помощника. Онъ свезетъ...

„Чудакъ человѣкъ! Чудакъ!"—подумалъ, качая головой, бургомистръ, простившись съ Клодомъ Мишо.

II.

Это было давно... Было назадъ тому много лѣтъ. Тогда Клода Мишо никто не зналъ. Знали стяжавшаго себѣ легендарную извѣстность Антоніо ди-Кастро. Молодой, богатырски сложенный красавецъ, Антоніо ди-Кастро работалъ съ труппою хищниковъ своихъ во всѣхъ выдающихся циркахъ Европы, Америки, сѣверной Африки. Ему везло. Всѣ его выступленія сопровождались успѣхомъ и горстями золота, которое онъ расшвыривалъ, не считая. Безумно дерзкій со своей звѣриною труппой, Антоніо ди-Кастро неоднократно подвергался нападенію тигровъ, львовъ и пантеръ. Онъ отлеживался, несокрушимое здоровье въ концѣ концовъ брало свое, заживали и затягивались глубокіе слѣды когтей и зубовъ...

Знаменитый бельгійскій укротитель, скрывавшійся благозвучности ради подъ итало-испанскимъ псевдонимомъ Антоніо ди-Кастро, этотъ кумиръ женщинъ, влюбился самъ наконецъ чистымъ и бережнымъ чувствомъ въ хрупкую, граціозную балетную танцовщицу, выступавшую въ феерiи, въ томъ самомъ циркѣ, куда приглашенъ былъ на весь зимній сезонъ укротитель. Но эту любовь растопталъ грубо, отвратительно соперникъ его, партерный гимнастъ Гансъ Мейеръ, нѣмецъ изъ Ганновера.

„Ты—модная знаменитость, имѣешь такой успѣхъ, тебя рекламируютъ аршинными буквами, такъ вотъ—получи!.."

Партерный гимнастъ сманилъ дѣвушку, уѣхалъ съ нею и вскорѣ выгналъ бѣдняжку, когда она готовилась сдѣлаться матерью...

Узнавъ объ этомъ, Антоніо ди-Кастро носился по всей Европѣ, гоняясь за человѣкомъ, похитившимъ его счастье. Нагналъ онъ его въ Барцелонѣ.

Гансъ Мейеръ гримировался въ уборной передъ выходомъ. Распахивается дверь, и стремительно входитъ ди-Кастро, блѣдный, горящій весь. Тотчасъ же заперъ дверь на крючокъ. Этотъ визитъ не сулилъ ничего хорошаго... Гансъ Мейеръ, ошеломленный, побѣлѣвшій сквозь румяна, лепеталъ срывающимся голосомъ:

— Позвольте... Сейчасъ мой выходъ... На какомъ основаніи?..

Антоніо ди-Кастро протянулъ партерному гимнасту двѣ навахи.

— Что это?.. Я ничего не понимаю...—бормоталъ Гансъ Мейеръ.

— Сейчасъ поймешь! Одинъ изъ насъ останется здѣсь, въ этой уборной... Долженъ остаться. Начинаемъ!..

Но нѣмецъ вовсе не хотѣлъ „начинать". Бросился къ дверямъ съ неистовымъ крикомъ:

— Помогите!..

Поведеніе трусливаго подлеца возмутило Клода Мишо. Острой, какъ бритва, навахой, онъ полоснулъ партернаго гимнаста по горлу... Судъ приговорилъ убійцу къ десяти годамъ каторги. Клодъ Мишо былъ сосланъ въ Цеуту, гдѣ въ теченіе десяти лѣтъ волочилъ за собою ядро, прикованное цѣпью къ ногѣ. Отбывъ наказаніе, состарившись, съ посѣдѣвшей головою, разоренный, нищій, возвратился Мишо на родину. Въ Антверпенѣ ему удалось пристроиться въ зоологическій садъ на скромную должность чего-то средняго между надсмотрщикомъ за дикими звѣрями и укротителемъ.

Особеннымъ благоволеніемъ стараго укротителя пользовались жившіе въ одной клѣткѣ берберійскіе левъ и львица, Сарданапалъ и Зарема. Онъ проводилъ съ ними цѣлые часы. И эти царь и царица пустыни были покорны и послушны ему, какъ ручные котята. Сарданапалъ и Зарема ластились, шершавымъ, влажнымъ языкомъ своимъ лизали ему руки. Сарданапалъ, взиравшій изъ своей клѣтки на все и на вся съ поистинѣ царственно-великолѣпнымъ презрѣніемъ, отражавшимся и въ чертахъ громадной косматой головы и въ желтыхъ сузившихся зрачкахъ, на одного Клода Мишо смотрѣлъ съ умной, почти человѣческой лаской.

Мишо подолгу разговаривалъ со своими любимцами. Левъ и львица по-своему понимали его.

Вся многочисленная прислуга зоологическаго сада, сторожа и надсмотрщики рѣшили, что старый укротитель, у котораго и безъ того „не всѣ дома", теперь окончательно помѣшался.

Раннимъ утромъ, когда осеннее солнце вставало гдѣ-то далеко за каменнымъ городомъ и, проснувшееся, рдѣло розоватыми огоньками на острыхъ верхушкахъ каѳедральнаго собора, когда въ зоологическомъ саду не было еще ни души, и сторожа въ форменныхъ кэпи подметали дорожки, человѣкъ, называвшійся прежде Антоніо ди-Кастро, входилъ въ львиную клѣтку, таща за собою набитое соломой чучело германскаго солдата. Гигантская кукла, съ разрисованнымъ лицомъ, въ каскѣ, въ солдатскомъ мундирѣ, прислонялась къ стѣнѣ.

Клодъ Мишо—и Сарданапалъ и Зарема понимали его языкъ—нашептывалъ имъ что-то, гладилъ ихъ головы, какъ гладятъ комнатныхъ собакъ, и указывалъ на куклу германскаго солдата. Левъ и львица, спружинивши гибкимъ, мощнымъ тѣломъ своимъ, однимъ прыжкомъ черезъ всю клѣтку кидались на куклу и начинали ее терзать.

Старый укротитель смѣялся тихимъ, какимъ-то внутреннимъ смѣхомъ. И глаза его горѣли безуміемъ...

III.

Нѣмцы обложили Антверпенъ, стянувъ громадный осадный паркъ. Въ нѣсколькихъ километрахъ отъ передовой линіи фортовъ поставили они на бетонныхъ площадкахъ чудовищныя орудія,—„послѣднее слово" дьявольской кузницы Круппа.

Красивая мужественная фигура короля Альберта поспѣвала всюду. То онъ мчался на запыленной машинѣ и самъ въ пыли черезъ городъ къ фортамъ, гдѣ германцы сосредоточили самый яростный огонь, то спѣшилъ куда-то верхомъ безъ свиты, какъ простой офицеръ, въ сопровожденіи одного ординарца. Король посѣщалъ раненыхъ, ободрялъ населеніе города и вмѣстѣ съ хранителями музеевъ выбиралъ наиболѣе цѣнныя сокровища

Библиотека "Руниверс"

искусства для отправки въ Лондонъ, чтобъ они не стали добычею варваровъ и не погибли отъ снарядовъ, залетавшихъ все чаще и чаще въ самые центральные кварталы.

Особенно тягостна была разлука съ громадными картинами Рубенса, на протяженіи столѣтій висѣвшихъ въ каѳедральномъ соборѣ, въ мистическихъ потемкахъ важнаго и строгаго полумрака. Эти благородные, потемнѣвшіе отъ дыханія вѣковъ, холсты пришлось вырѣзывать, и всѣ, кому выпало наблюдать это, не могли удержаться отъ слезъ... Имъ казалось, что это вырываютъ съ мясомъ и кровью кусочекъ ихъ собственнаго сердца.

Цѣною страшныхъ потерь и жертвъ, всползая по грудамъ своихъ же труповъ, скошенныхъ мѣткимъ огнемъ бельгійскихъ стрѣлковъ и полевой артиллеріи, овладѣли нѣмцы частью фортовъ. Имъ стало легче и ближе отсюда обстрѣливать городъ. И они залили его потопомъ свинца и стали. Бѣшено разворачивали все на своемъ пути чудовищные снаряды. Уже разнесенъ въ мельчайшіе дребезги мрамора памятникъ Ванъ-Дейку, и на мѣстѣ его зіяло средь асфальтовой площади хаотическое дупло, въ которомъ могъ бы спрятаться взводъ солдатъ. Легкіе, кружевные фасады особняковъ и дворцовъ, старинныя зданія—все это рушилось, превращая нетлѣнный человѣческій геній въ нагроможденіе камней...

Кто только могъ, покидалъ городъ. Объятые страхомъ бѣглецы безконечными толпами направлялись—одни въ Голландію, другіе—въ Остендэ, гдѣ ждали ихъ англійскіе транспорты.

Потерпѣлъ и зоологическій садъ.

Снарядъ взорвался тамъ въ загородкѣ, гдѣ лѣниво бродилъ и валялся по цѣлымъ днямъ въ жирной тинѣ безобразный, массивный, съ засохшей на его панцырной кожѣ грязью, носорогъ... И видѣла прислуга, какъ вмѣстѣ съ тучею земли взметнулось высоко въ воздухѣ безформенной массой чудовище. И черезъ мгновеніе, когда все кончилось, и люди подошли къ загородкѣ, тамъ и сямъ на разлыхленной влажной почвѣ валялись клочки окровавленнаго мяса. А часть головы носорога, допотопной, нелѣпой головы съ крохотными глазами, плавала въ другомъ концѣ сада въ бассейнѣ для бѣлыхъ медвѣдей.

Грохотъ непрерывной канонады, не смолкавшей ни днемъ ни ночью, приводилъ въ смятеніе всѣхъ обитателей зоологическаго сада. Какъ одержимые бѣсомъ, метались по своей клѣткѣ черныя пантеры. Отвратительный ревъ верблюдовъ, вой гіэнъ и шакаловъ, рыканье львовъ и тигровъ, стонущія, совсѣмъ дѣтскія рыданья громадныхъ австралійскихъ совъ и сычей, безпокойный орлиный клекотъ—все это, сливаясь вмѣстѣ, могло растрепать самые крѣпкіе нервы. И дикіе звѣри, и домашняя тварь, и птицы, и обезьяны—худѣли, теряя аппетитъ и сонъ. Даже отличавшіеся прожорливостью бенгальскіе тигры отворачивали сѣдоусыя, съ отвисшими „баками", морды отъ сырого мяса.

И животныя и люди, приставленные къ нимъ, потеряли головы. Не потерялся одинъ Клодъ Мишо. Онъ зналъ что-то свое затаенное, чего никто не зналъ. Когда всѣ надсмотрщики прятались, чаще и чаще попадали снаряды, и когда за носорогомъ вскорѣ погибъ весь развороченный хрупкій обезьяній домикъ въ стилѣ индійской пагоды—одинъ Клодъ Мишо не боялся. И въ свободное время отъ общества своихъ друзей львовъ онъ, съ какой-то странной улыбкой и съ зажигавшимъ глаза вдохновеннымъ безуміемъ, прогуливался въ пустынномъ саду, обходя дорожки въ мѣстахъ, глубоко развороченныхъ снарядами. Иногда онъ останавливался, поднималъ осколокъ металлическаго „стакана", вертѣлъ его съ тихимъ, беззвучнымъ смѣхомъ и грозилъ кому-то въ пространство громаднымъ кулакомъ...

IV.

Предстояло бельгійцамъ одно изъ двухъ: либо защищать городъ до послѣдняго человѣка и въ концѣ концовъ—вопросъ лишь времени—отдать нѣмцамъ Антверпенъ, вѣрнѣе—то, что называлось Антверпеномъ, либо отступить, сохранивъ и армію и пока еще мало поврежденный непріятельской бомбардировкой городъ.

Военный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ короля далъ приказъ отступить.

Ни одного орудія не оставили бельгійцы въ видѣ трофея германскимъ корпусамъ. Спокойно, какъ на парадѣ или на маневрахъ, отступали доблестные львы Фландріи. Пестрая лента бельгійской арміи тянулась черезъ весь Антверпенъ, исчезая гдѣ-то въ прибрежныхъ даляхъ. Колонна за колонною, быстро и съ вѣрой въ конечное торжество, шла пѣхота. Линейныя части въ лихо сдвинутыхъ на затылокъ мягкихъ кэпи, стрѣлки въ черныхъ клеенчатыхъ киверахъ, королевскіе карабинеры въ живописныхъ беретахъ. Вереницею двигались автомобили съ митральезами и пулеметами. Запряжки въ нѣсколько паръ слоноподобныхъ арденновъ тянули осадныя, съ длиннымъ хоботомъ, орудія и короткожерлыя гаубицы. Вслѣдъ за отважной конницей, не разъ сметавшей и рубившей нѣмецкую кавалерію, увозили раненыхъ.

Королевскій автомобиль замыкалъ арьергардъ почетнаго, въ образцовомъ порядкѣ, отступленія. Мрачный сидѣлъ король. Но это не была мрачность унынія. Бельгійскому монарху тяжело было видѣть густыя, безпорядочныя толпы бѣглецовъ, куда глаза глядятъ покидавшихъ Антверпенъ. Двумя человѣческими потоками горя и бездомовья катились бѣглецы вмѣстѣ съ уходившей арміей.

Женщины съ грудными дѣтьми, старухи, перегруженныя узлами, дѣти, хватавшіяся за подолы матерей и старшихъ сестеръ, все это спѣшило прочь, гонимое слухами о невѣроятной жестокости прусскихъ варваровъ.

Не успѣлъ королевскій автомобиль очутиться за чертою города, какъ съ противоположнаго конца уже вступалъ въ Антверпенъ нѣмецкій авангардъ, кирасирскій эскадронъ, ведомый однимъ изъ безчисленныхъ германскихъ принцевъ. Эти кирасиры не были ни разу въ бояхъ. Ихъ берегли для „декоративнаго впечатлѣнія". Вотъ почему и конскій составъ и всадники—все это было здоровое, крѣпкое, холеное.

Бомбардировка стихла. Однако германскіе артиллеристы, не по разуму усердные, продолжали посылать въ городъ, беззащитный, сдавшійся, одиночные выстрѣлы. Тягучими басовыми перекликами „ухали" орудія съ бетонныхъ платформъ. Одинъ снарядъ, слава Богу, не разорвавшійся, „контузилъ" каѳедральный соборъ, незначительно повредивъ кружевную орнаментику фасада. Другое стальное чудовище, зарывшись въ самомъ центрѣ зоологическаго сада, разворотило осколками тигровую клѣтку. Полосатые хищники, одна лишь тигрица осталась на мѣстѣ,—получили свободу. Гигантскій бросокъ желто-черной сбитой массы—и старый бенгалецъ перемахнулъ черезъ высокую, въ два человѣческихъ роста, проволочную сѣтку. Сваливъ длиннаго жирафа, перегрызъ его тонкую шею, жадно упиваясь горячей кровью...

Остальные тигры очутились на улицѣ, широкой, прямой, съ зеркальными витринами. Въ паникѣ бѣжали отъ нихъ люди. Началась кровавая охота дикаго звѣря джунглей за культурнымъ городскимъ человѣкомъ.

Экстренныя прибавленія газетъ, послѣднихъ бельгійскихъ газетъ,—пока войдутъ нѣмцы,—оповѣщали о сдачѣ крѣпости и города. Клодъ Мишо, прочитавъ летучку, сказалъ себѣ мысленно: „Теперь наступило время"...

И глаза его и каждый шрамъ лица съ крупными чертами смѣялись торжествомъ безумія. Онъ зашелъ къ себѣ въ свой маленькій охотничьяго стиля домикъ и, вынувъ изъ громаднаго револьвера холостые патроны, которыми оглушалъ звѣрей во время „работы", вложилъ боевые.

А черезъ нѣсколько минутъ забившіеся въ домахъ у себя антверпенцы были свидѣтелями необычайнаго зрѣлища. И, не вѣря глазамъ, блѣдные, испуганные, смотрѣли изъ оконъ...

Посрединѣ вымершихъ улицъ медленно двигался высокій старикъ съ длинной гривой сѣдыхъ, непокрытыхъ волосъ. А по бокамъ его неслышно и мягко ступали когтистыми лапами левъ и львица, покорные своему господину, какъ гигантскіе псы.

Они были царственно-величавы, какъ у себя въ пустынѣ.

И вотъ встрѣтилось лицомъ къ лицу это шествіе съ авангарднымъ эскадрономъ прусскихъ кирасиръ, медленно выступавшихъ „гусинымъ шагомъ". Человѣкъ со львами остановился... Лошади, почуявъ хищныхъ звѣрей, въ тревогѣ храпя и фыркая, дрожали всѣмъ тѣломъ, пятясь, вздымаясь на дыбы, нарушая стройность колонны. А когда раздалось изъ широко раскрытыхъ пастей страшное, глухое рыканье, сумятица и паника воцарились полныя... Дрожащимъ голосомъ призывалъ принцъ свой эскадронъ къ порядку и дрожащей рукою пытался вынуть револьверъ... Но тысячный гунтеръ его, давъ „свѣчку", опрокинулся навзничь вмѣстѣ съ всадникомъ...

Клодъ Мишо выпустилъ своихъ львовъ. Сарданапалъ и Зарема,—одинъ гигантскій прыжокъ за другимъ, уже метались посреди этой разстроенной человѣческой и лошадиной гущи. Взмахомъ лапъ дробились черепа... Еще взмахъ, и вмѣсто лица—кровавыя лохмотья, безъ глазъ... Львы разгрызали обезумѣвшихъ кирасиръ, яростно разрывая въ клочья этихъ крупныхъ, дородныхъ людей. А человѣкъ съ сѣдой гривою, съ какимъ-то дикимъ клокотаніемъ въ горлѣ, неустанно разряжалъ свой револьверъ и съ каждымъ выстрѣломъ падалъ всадникъ, до котораго еще не дошелъ чередъ ужасныхъ когтей и клыковъ...

Въ пятистахъ шагахъ выстроились автомобили съ пулеметами и прислугой, не понимавшей, что тамъ творится. Лейтенантъ, красный отъ возбужденія, заоралъ что-то изступленнымъ голосомъ. Пулеметы затрещали, и подъ непріятные звуки „така, така, така" свинцовый дождь хлынулъ, кося своихъ и „чужихъ".

. . . .

Широкая улица отъ края до края запрудилась горноподобной баррикадою лошадиныхъ и человѣческихъ тѣлъ. И на этомъ холмѣ теплаго окровавленнаго мяса выли послѣднимъ предсмертнымъ воемъ пронизанные десятками, сотнями пуль Сарданапалъ и Зарема...

Эти же самыя пули сразили въ общей адской бойнѣ и стараго укротителя. Онъ лежалъ, раскинувъ руки, лежалъ лицомъ вверхъ. Пряди серебряной гривы слиплись отъ крови. Но не печатью смерти, а ликующимъ побѣднымъ торжествомъ дышали застывшія черты...

Библиотека "Руниверс"

Бой подъ Ярославомъ (на Галиційскомъ фронтѣ). Рисунокъ профессора Н. С. Самокиша.

Библиотека "Руниверс"

Новая книга А. И. Куприна.

Критическій очеркъ **К. Чуковскаго.**

I.

Вы сидите на скамьѣ подсудимыхъ и слушаете рѣчь прокурора. Прокуроръ называетъ васъ извергомъ, сулитъ вамъ жесточайшія кары. А вы слушаете его съ восхищеніемъ:

— Какая превосходная рѣчь!

Это случилось со мной, когда я читалъ Куприна, его новую послѣднюю повѣсть. Въ ней Купринъ уличаетъ меня и всѣхъ насъ въ ужаснѣйшихъ, величайшихъ злодѣйствахъ. Онъ доказываетъ, что мы изъ шайки преступниковъ, которые торгуютъ людьми, и что если въ повѣсти повѣсилась женщина, то повѣсили ее, въ сущности, мы. А я читаю эту повѣсть съ восторгомъ и на каждой строкѣ повторяю:

— Какая превосходная повѣсть!

Повѣсть Куприна есть пощечина всему современному обществу.

— Какъ вы смѣете пить чай, ходить въ гости, разсуждать о высокихъ матеріяхъ, если здѣсь, за угломъ, въ двухъ шагахъ, гибнутъ по вашей винѣ, ради вашихъ омерзительныхъ прихотей, униженныя и оскорбленныя женщины! Какъ вы смѣете смотрѣть людямъ въ глаза, если изъ-за васъ и для васъ гнѣздится среди васъ проституція!— вотъ о чемъ кричитъ эта повѣсть.

Читая ее, ощущаешь, что здѣсь нѣтъ виноватыхъ и правыхъ, что здѣсь виноваты мы всѣ — осквернители человѣческой личности, насильники, убійцы, душители глупыхъ, голодныхъ, больныхъ, пьяныхъ, безпомощныхъ женщинъ.

— „Живыя! Живыя! Боже мой, онѣ живыя!"—вопилъ у Чехова какой-то студентъ, попавшій на минуту къ этимъ „тварямъ". Гаршинъ тоже, чуть глянулъ на нихъ, такъ и забился въ истерикѣ. Пристально на *нихъ* никто не смотрѣлъ, только минуту, не больше. Посмотрятъ, закричатъ караулъ— и назадъ.

Но Купринъ ненавидитъ истерику. Истерикой здѣсь не поможешь. Здѣсь нужно не рыдать, а изучать. И ровнымъ, медлительнымъ голосомъ, спокойно, дѣловито, безъ всхлипываній, даже, пожалуй, лѣниво, даже какъ будто съ зѣвотой началъ онъ показывать намъ каждую пылинку, каждый гвоздикъ этихъ отвратительныхъ мѣстъ, заглянулъ во всѣ щели, понюхалъ всѣ запахи, перетрогалъ всѣ вещи, и—чудо!—его ровная, лѣнивая рѣчь для насъ, какъ удары кнута, страшнѣе всѣхъ истерикъ и воплей.

Это—почти диссертація, безстрастный научный трактатъ, а читаешь, и хочется каяться, и чувствуешь, что ты заклейменъ, что это твой приговоръ, твоя кара, и что тебѣ не будетъ прощенія...

А. И. Купринъ.

II.

До сихъ поръ я не очень-то вѣрилъ въ чудодѣйственное вліяніе книгъ. Мнѣ казалось: смѣшно утверждать, будто „Записки охотника" или „Антонъ Горемыка" освободили крестьянъ. Легенду, будто Александръ II подъ вліяніемъ повѣствованій Тургенева далъ волю крѣпостнымъ мужикамъ, я считалъ очень наивной легендой.

Но теперь я вѣрю въ это чудо.

Я вѣрю, что тотъ, кто прочтетъ Куприна, эту его новую, жгучую повѣсть, уже не повторитъ никогда преступныхъ своихъ надругательствъ надъ оплеванной, продающейся женщиной.

Я вѣрю, что русское общество, именно подъ воздѣйствіемъ этихъ купринскихъ страницъ, какимъ-то героическимъ усиліемъ воли, въ одну минуту, какъ въ сказкѣ, сброситъ съ себя эти скверныя язвы, такъ что въ нѣкое прекрасное утро мы проснемся и съ ликованіемъ узнаемъ, что древнее, вѣчное рабство, позорившее насъ тысячи лѣтъ, уже исчезло, не тяготѣетъ надъ нами,— звоните же во всѣ колокола, обнимайте, поздравляйте другъ друга, вѣдь впервые мы тогда посмѣемъ сказать завѣтное слово: *свобода!* До сихъ поръ мы только оскверняли его, ибо уста, которыя цѣлуютъ продажную, не смѣютъ говорить о свободѣ.

Вы скажете, что это утопія. Или вы забыли, что живете въ Россіи? Въ Россіи возможно все. Могла же она въ одинъ мигъ, въ фантастическій, сказочный день сразу сбросить съ себя проклятіе вѣковѣчнаго пьянства.

Если бы намъ сказали объ этомъ заранѣе, мы только махнули бы рукой. Еще вчера мы такъ робко мечтали о томъ, какъ бы уменьшить это страшное море выпиваемаго народомъ вина хоть на капельку, хоть на милліонную долю! И это казалось баснословной утопіей, несбыточнымъ поэтическимъ бредомъ. Но наступаетъ магическій день, и весь стомилліонный народъ, точно по мановенію жезла, преображается въ единственный мигъ.

То же будетъ и здѣсь, я увѣренъ. Нынѣ—время великихъ чудесъ. Все русское общество жаждетъ воскреснуть, обновиться, очиститься. Въ эстазѣ самообновленія, въ порывѣ къ великому будущему, оно однимъ какимъ-нибудь изумительнымъ жестомъ, просто, легко, безъ натуги, какъ будто шутя и играя, искоренитъ этотъ ужасъ, и тогда-то купринская повѣсть останется на вѣки вѣковъ памятникомъ этого великаго подвига, какъ „Хижина Дяди Тома" осталась для всѣхъ поколѣній памятникомъ освобожденія рабовъ.

Купринская повѣсть и есть наша русская „Хижина Дяди Тома". Въ ней тотъ же великолѣпный протестъ противъ насилія и рабства. Наши дѣти съ изумленіемъ читаютъ, что когда-то можно было пойти на базаръ и купить себѣ за нѣсколько рублей человѣка. Такимъ же чудовищно-страннымъ покажется намъ черезъ нѣсколько лѣтъ то, о чемъ повѣствуетъ Купринъ.—„Неужели это было возможно: пойти на такую-то улицу и купить себѣ женщину за два рубля, за полтинникъ!"

Я видѣлъ въ музеѣ записку одного русскаго барина: „Препровождаю при семъ моего человѣка и прошу дать ему двадцать плетей".

Точно такъ же пора поскорѣе въ музей другую роковую бумагу: желтый билетъ проститутки. Ему не мѣсто въ нашей сегодняшней жизни, скорѣе же его подъ стекло! Онъ долженъ сдѣлаться музейной рѣдкостью. Ибо уже никакое перо не можетъ написать на бумагѣ: „этотъ человѣкъ продается"...

III.

Новая книга А. И. Куприна носитъ названіе: „Яма".

Это не та „Яма", которую мы всѣ прочитали нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а другая,—еще никому неизвѣстная.

До читателя она пока не дошла, но тѣ, кто, подобно мнѣ, имѣли возможность познакомиться съ нею, чувствуютъ, что эта новая „Яма" нисколько не похожа на прежнюю, хотя съ перваго взгляда и кажется, будто она есть продолженіе прежней.

Тѣ же лица, та же обстановка, но какой-то новый волнующій паѳосъ, котораго не было тамъ. Тамъ были картинки, nature morte, а тутъ смятеніе, тревога и боль.

Та „Яма" не только не жалила сердце, но, напротивъ, скорѣе баюкала. Мнѣ она казалась всегда альбомомъ фотографическихъ карточекъ: „вотъ Манька, вотъ Сонька, вотъ Нюра, вотъ Тамара, вотъ Эмма, всѣ сняты превосходнымъ фотографомъ, въ профиль, en-face, во весь ростъ, по одиночкѣ и цѣлыми группами,—но на что мнѣ эти дюжины карточекъ? Для чего старательный фотографъ изготовилъ ихъ въ такомъ чрезвычайномъ количествѣ?"— думалъ я, равнодушно разсматривая эти равнодушные снимки.

Оттого-то меня такъ и обрадовало, что эта нынѣшняя новая „Яма" нисколько не похожа на ту!

Въ этой—напряженъ каждый нервъ. Это—книга великаго гнѣва. Вся она,—съ виду такая безстрастная,—охвачена всепоглощающей страстью. Читаешь ее словно въ трансѣ и даже забываешь подумать, хороша она или бездарна. Всѣ ея страницы—какъ въ огнѣ!

Прежняя „Яма" была анемичная. Въ ней не было ни фабулы,

Библиотека "Руниверс"

А. И. Купринъ у своего дома, въ Гатчинѣ.

ни дѣйствія, никакого кипѣнія жизни, здѣсь же цѣлая буря событій, цѣлый ураганъ катастрофъ, словно множество молній ударило въ мирно дремавшую заводь, и все въ ней заметалось, закорчилось, и вотъ, какъ въ кинематографѣ, понеслись передъ нами сонмы самоубійцъ, сумасшедшихъ, подкалывателей, воровъ, баронессъ, скупщиковъ живого товара, нотаріусовъ, босяковъ, генераловъ,—какія искаженныя лица, какія корчи и судороги!

Все стало трагично и грозно.

Въ прежней „Ямѣ“ все дѣйствіе протекало въ одномъ закоулкѣ, а въ нынѣшней авторъ швыряетъ насъ въ тысячу мѣстъ: изъ кафе шантана на кладбище, изъ мертвецкой въ веселый домъ, изъ участка въ студенческую келью, и сквозь эту пеструю сутолоку разнообразнѣйшихъ лицъ и событій просвѣчиваетъ единая грандіозная тема, единое мощное чувство, какого опять-таки не было въ той „Ямѣ“.

Тамъ было описаніе нравовъ, здѣсь—проповѣдь, призывъ, обличеніе,—и недаромъ Купринъ эту повѣсть посвящаетъ юношамъ. Онъ съ истинно-отцовской заботливостью хочетъ ихъ предохранить и спасти. Онъ какъ бы говоритъ своей повѣстью:

Напутствовать юное хочется
мнѣ поколѣніе,
Отъ мрака и грязи умы и
сердца уберечь.
Быть-можетъ, средь нравственной скверны иныхъ отъ паденія
Спасетъ задушевная рѣчь.

Онъ нарочно изображаетъ предъ нами одного изъ такихъ падшихъ подростковъ, котораго ничья „задушевная рѣчь“ не „уберегла отъ паденія“, и, какъ на экранѣ, показываетъ намъ, какимъ преступленіямъ и ужасамъ этотъ падшій обрекаетъ себя.

IV.

Казалось бы, что здѣсь ужаснаго, если Коля Гладышавъ, полуребенокъ, веселый, румяный кадетъ, проберется, озираясь, къ Манькѣ Бѣленькой и купить себѣ на два рубля поцѣлуевъ?

Казалось бы, это безобидно и мило, и трагедіи тутъ нѣтъ никакой. Да Манька и сама ему рада: угощаетъ его карамельками, зоветъ его дурашкой и бебешкой.

Вамъ кажется, что это скорѣе идиллія, чѣмъ драма: что нужно улыбаться, а не хмуриться.

Но Купринъ говоритъ: милый Коля, мой краснощекій бебе, ты знаешь ли, какою цѣною куплена эта идиллія? Ты знаешь ли, чрезъ какіе застѣнки и пытки должны были пройти сердца людей, чтобы ты, такъ забавно краснѣя и такъ бравурно насвистывая, могъ пробираться въ потемкахъ въ твой дешевый трехрублевый Эдемъ?

Позволь же первѣе всего познакомить тебя съ Горизонтомъ. Семенъ Яковлевичъ Горизонтъ. Пожми ему руку, это—твой ближайшій товарищъ, хоть ты его никогда не видалъ. Если бъ не Семенъ Горизонтъ, могъ ли бы ты, милый Коля, такъ романтично и весело тратить свои рубли на любовь? И если бы ты ихъ не тратилъ, что дѣлалъ бы Семенъ Горизонтъ?

Вы связаны съ нимъ неразрывными узами и служите другъ другу всей душой: онъ вѣдь гуртовой, оптовый поставщикъ блондинокъ, брюнетокъ, пожилыхъ, молодыхъ, малолѣтнихъ, гречанокъ, армянокъ, евреекъ, русскихъ, румынокъ, литвинокъ въ харьковскія, кіевскія, минскія, одесскія, житомирскія „Ямы“.

Закажи ему—и онъ доставитъ тебѣ цѣлую партію, десять-пятнадцать вагоновъ этого живого товару. Хватитъ и для тебя, и для Прохорова, и для всѣхъ твоихъ школьныхъ товарищей.

За одну получаетъ онъ триста, за другую—пятнадцать рублей.

Свою жену продаетъ онъ за тысячу, свою возлюбленную—лишь за полсотни. У него широкое торговое дѣло, у него связи съ Аргентиной и Турціей, у него бездна самыхъ почтенныхъ кліентовъ. Онъ на этомъ огромномъ невольничьемъ рынкѣ крупнѣйшій промышленный тузъ: бракуетъ, покупаетъ, расцѣниваетъ, перепродаетъ, сортируетъ живое человѣческое тѣло, точно это вобла или сельдь.

Ты—его сподвижникъ, милый Коля, и каждой своей трехрублевкой поощряешь его ремесло.

Онъ не одинъ: ихъ десятки и сотни, такихъ работорговцевъ-

Лазаретъ для раненыхъ солдатъ, устроенный А. И. Купринымъ въ его квартирѣ въ г. Гатчинѣ. На постели раненаго сидитъ дочь писателя.

Библиотека "Руниверс"

промышленниковъ. Купринъ выводитъ ихъ одного за другимъ: вотъ Шапшеровичъ, вотъ Кербешъ, вотъ Шойбесъ, вотъ мадамъ Тицнеръ, мадамъ Барсукова,—со всѣми ними ты связанъ единою цѣпью взаимныхъ интересовъ и выгодъ.

Безъ этой крѣпко спаянной *организаціи невольничества* былъ бы совершенно невозможенъ твой комфортабельный трехрублевый развратъ.

Для того, чтобы ты безъ хлопотъ, аккуратно, но также могъ покупать Маньку Бѣленькую, ее держатъ въ такомъ безпросвѣтномъ, чудовищномъ рабствѣ, предъ которымъ крѣпостная неволя кажется идеаломъ свободы: она въ рабствѣ у городового, у портнихи, у швейцара, у хозяйки, у экономки, у дворника, и Купринъ отчетливо показываетъ, какой ужасъ ожидаетъ ее, если она возжаждетъ свободы и попробуетъ порвать эти путы.

Главный эпизодъ его повѣсти—какъ одна такая „разнесчастная“ Любка попробовала бѣжать изъ притона, и какъ она вернулась назадъ, истоптанная, вся въ ранахъ и струпьяхъ, и какъ ея тюремщица-хозяйка била ее по лицу, а она молила, рыдая:

— Миленькая, не бейте! Дорогая же вы моя, не бейте!

Безъ побоевъ совершенно немыслимъ укладъ этихъ невольничьихъ мѣстъ.

Купринъ словно за руку взялъ безпечальнаго кадетика Колю и водитъ его отъ ужаса къ ужасу. Онъ показываетъ ему слабоумную Пашу, которая сидитъ на полу и мычитъ съ идіотской улыбкой. Она помутилась въ разсудкѣ, не выдержала здѣшняго быта. И писатель говоритъ юношѣ:

— Вотъ жертва твоей трехрублевой любви!

И ведетъ его дальше въ какой-то отвратительный уголъ и показываетъ ему „разнесчастную“ Женьку, повѣсившуюся на шнуркѣ отъ корсета:

— Это тоже твоя вина!

Едва ты переступаешь порогъ этой веселой залы, гдѣ тебя встрѣчаютъ такъ радостно:

— Кадетикъ, кадетикъ пришелъ!

ты становишься палачомъ и душителемъ, соучастникомъ преступныхъ насильниковъ.

Это превосходно, что Купринъ посвящаетъ свое произведеніе юношамъ. Юношамъ оно нужнѣе всего. Оно воочію вскрываетъ предъ ними тайную, невидимую, глубоко-сокрытую связь между ихъ ребяческимъ безпечнымъ развратомъ и величайшими соціальными бѣдствіями. Прочитавшій эту книгу уже не можетъ сказать:

— А кому какое будетъ горе, если я поѣду на Ямскую?

Зависимость между такими поѣздками и самымъ тяжкимъ человѣческимъ горемъ установлена на этихъ страницахъ незыблемо.

Самое же страшное то, что въ итогѣ такой безпросвѣтной невольничьей жизни оторванная отъ семьи, отъ материнства, отъ общества, заплеванная, оскорбленная женщина получаетъ, какъ вѣнецъ, какъ награду, какъ воздаяніе за свой страдальческій путь,—позорную свирѣпую болѣзнь, которая въ нѣсколько лѣтъ искромсаетъ, изжуетъ ее всю. Мудрено ли, что эта болѣзнь становится ея страшнымъ орудіемъ для отмщенія тѣмъ, кто сдѣлалъ ее гніющею падалью. И вотъ у Куприна—грандіозный, трагическій образъ такой демонической мстительницы.

— Я рѣшила заражать ихъ всѣхъ,—молодыхъ, старыхъ, бѣдныхъ, богатыхъ красивыхъ, уродливыхъ,— всѣхъ, всѣхъ, всѣхъ!— шепчетъ она въ лютомъ отчаяніи.

— Неужели тебѣ ихъ не жаль?—спрашиваетъ одна изъ подругъ.

А меня тебѣ не жаль? А себя тебѣ не жаль? А эту Любку разнесчастную не жаль?.. Пускай они гніютъ, пускай переносятъ заразу на своихъ женъ и дѣтей!

Эта месть безчеловѣчно-жестока, но развѣ мы не заслужили ея? Кто осмѣлится осудить эту женщину? Не она виновата предъ нами, а мы виноваты предъ ней,—внушаетъ своей повѣстью Купринъ.

Одинъ изъ тѣхъ, кому она такъ отомстила, застрѣлился и написалъ передъ смертью:

„Виноватъ во всемъ случившемся, а значитъ—и въ моей смерти, одинъ только я. Я и заслужилъ наказаніе, которое самъ на себя налагаю“.

Коля Гладышевъ, котораго она пощадила, тоже чувствуетъ передъ нею раскаяніе:

— Прости! Ты простишь ли меня, Женя? Простишь?

— Да, мой мальчикъ, да, мой хорошій, да, да...

Многое намъ еще предстоитъ совершить, чтобы заслужить такое прощеніе *падшей*.

V.

Но не думайте, что, желая привлечь наши сердца къ этимъ падшимъ, Купринъ изображаетъ ихъ мученицами, въ чарующемъ ореолѣ страданія.

Напротивъ, онъ не скрываетъ отъ насъ, что въ большинствѣ это—наглыя, лѣнивыя, глупыя, пьяныя, циничныя „твари“, нисколько не похожія на гаршинскихъ застѣнчивыхъ и кроткихъ Магдалинъ. (Такія, какъ купринская Сусанна—рѣдкость, исключительный случай).

И главное, онѣ сами не знаютъ, что онѣ такъ безнадежно-несчастны. Жирный и сытный обѣдъ, пестрыя и модныя платья, кофе, вино, кадриль, бездѣльная и безтревожная жизнь, спанье до четвертаго часу доставляютъ имъ столько довольства, что онѣ даже не поймутъ нашей жалости.

Е. М. Куприна.

Лазаретъ для раненыхъ солдатъ, устроенный А. И. Купринымъ въ его домѣ въ г. Гатчинѣ. Сестрой милосердія въ лазаретѣ состоитъ супруга писателя, Е. М. Куприна.

Библиотека "Руниверс"

Но именно въ томъ-то весь ужасъ, что онѣ не чувствуютъ ужаса. Рабъ, которому не тягостно рабство,—самый падшій изъ падшихъ людей! „Ихъ продаютъ, покупаютъ, топятъ въ винѣ и въ мерзостяхъ, а онѣ, какъ овцы, равнодушны и не понимаютъ!“— ужасался когда-то Чеховъ, жалѣя ихъ больше всего именно за отсутствіе муки.

Если даже въ этомъ аду онѣ не чувствуютъ тоски и отчаянія, значитъ—онѣ воистину падшія, и тѣмъ тягостнѣе наша вина, что мы довели ихъ до такого паденія.

То же говоритъ у Куприна одна изъ его героинь:

— Всѣ дѣвушки, съ которыми я встрѣчалась и съ которыми вотъ теперь живу,—поймите, поймите меня! вѣдь онѣ ничего не сознаютъ! Говорящія, ходящія куски мяса!

И, конечно, самое страшное въ „Ямѣ“—не „разнесчастная“ Женька, проклинающая всѣхъ и повѣсившаяся, а та счастливая жирная остзейская нѣмка, которая съ такой ясной душой аккуратно занимается позорнымъ своимъ ремесломъ и никогда не пойметъ, почему мы глядимъ на нее съ пугливымъ омерзеніемъ и жалостью.

Напрасно писатели, желая привлечь наше сочувствіе къ падшимъ, придаютъ имъ поэтично-страдальческій обликъ. Купринъ—первый, безо всякихъ прикрасъ, сказалъ о нихъ жестокую правду.

Онъ сказалъ: онѣ гадки, но, чѣмъ онѣ гаже, тѣмъ больше позора для насъ.

Нечего спасать ихъ, воскрешать: ихъ нужно не спасать, а уничтожить. Нужно такъ перестроить весь нашъ общественный бытъ, чтобы для *ямы* въ немъ не было мѣста. Здѣсь нужны не личныя геройства и подвиги, а серьезный общественный трудъ, къ которому и зоветъ насъ Купринъ.

VI.

Итакъ, эта новая книга есть проповѣдь? Нравоученіе? Назиданіе? Мораль?

Нисколько. Это чистая живопись. Художникъ ни на мигъ не покинулъ своей богатой и щедрой палитры. Такъ же энергично и смачно пишетъ онъ этюдъ за этюдомъ. Попрежнему для него величайшее счастье: всматриваться въ каждую вещь съ жаднымъ, ненасытнымъ любопытствомъ и потомъ изображать ее подробно, любовно, рачительно.

У него геніальный глазъ. Если бы онъ не былъ писателемъ, онъ былъ бы непремѣнно живописцемъ. Лучшія его страницы—картины. Недаромъ его враги говорятъ, будто онъ писатель-описатель. Онъ гурмански смакуетъ зримое. Для него чрезвычайно важно, какой въ „Ямѣ“ узорчикъ обоевъ и какіе костюмы, прически, ботинки у каждаго его персонажа. Каждое пятно на стѣнѣ, каждая складка на скатерти—для него страшно приманчивы, и, каюсь, иногда мнѣ мерещилось, что глазомъ онъ живетъ больше, чѣмъ сердцемъ.

Но теперь я вижу, что его глазъ на службѣ у его сердца. Именно благодаря своей могучей изобразительной силѣ, эта повѣсть и волнуетъ меня, какъ страстная, вдохновенная проповѣдь.

Каждый ея образъ такъ рельефенъ, точно ты его ощущаешь рукой, оттого-то онъ бьетъ тебя по сердцу. Кербешъ, Сонька Руль, Анна Марковна, докторъ, Ванька-Встанька, Эмма, Семенъ Горизонтъ—всѣ они нарисованы такъ, что если бы я ихъ встрѣтилъ на улицѣ, я узналъ бы ихъ среди огромной толпы. Все изображенное въ повѣсти стало какъ бы частью моей біографіи, какъ будто пережито мною самимъ—какъ же мнѣ не волноваться и не мучиться?

Я сравнивалъ „Яму“ съ „Хижиной дяди Тома“, но, конечно, по своимъ живописнымъ достоинствамъ „Яма“ выше въ тысячу разъ. Я люблю „Хижину дяди Тома“, какъ свѣтозарное воспоминаніе дѣтства и какъ священную скрижаль человѣчества, но не могу же не видѣть, что на любой страницѣ этого купринскаго творенія больше образовъ, красокъ, картинъ, чѣмъ во всемъ американскомъ романѣ. Какой-нибудь кафе-шантанный дирижеръ, или кладбищенскій сторожъ, или цѣпная собака Амуръ, которымъ Купринъ посвящаетъ по три, по четыре строки, болѣе жизненны, красочны, ярки, чѣмъ дядя Томъ съ тетей Хлоей!

Впрочемъ, и у Куприна его второстепенныя, эпизодичныя лица выходятъ жизненнѣе главныхъ героевъ, и нужно радоваться, что, по завѣту Толстого, въ этомъ новомъ его сочиненіи нѣтъ ни второстепенныхъ, ни главныхъ героевъ, а есть одинъ, который прекраснѣе всѣхъ и который называется: правда.

На Мазурскихъ озерахъ.

Разсказъ **Николая Роминскаго.**

II. Отецъ и сынъ Евстигнѣевы.

Послѣ удачнаго для насъ, но неудачнаго для меня боя я упалъ вмѣстѣ съ лошадью, и она мнѣ сильно помяла колѣно, причинявшее при каждомъ движеніи рѣзкую боль. Когда я лежалъ въ походной палаткѣ и старался не двигаться, пришелъ денщикъ и доложилъ, что меня желаетъ видѣть казачій унтеръ-офицеръ.

Я догадался, что, вѣроятно, это — мой вчерашній знакомый Евстигнѣевъ, и приказалъ позвать его.

Онъ вошелъ, длинный, крѣпкій, отвѣтилъ на мое привѣтствіе отчетливымъ, но негромкимъ „здравія желаю, ваше высокоблагородіе“, но сейчас же спросилъ другимъ тономъ о состояніи моей ноги, отдѣливъ этимъ тономъ службу отъ знакомства.

— Садись, Евстигнѣевъ гостемъ будешь.

И я приказалъ денщику приготовить чайку.

Онъ не сталъ себя просить вторично и сѣлъ, но и здѣсь показалъ тактъ и скромность, сумѣлъ сѣсть такъ, что видно было, какъ онъ хорошо понимаетъ дисциплину, и знаетъ, что здѣсь нужна не дисциплина, а уваженіе.

— Я, собственно, съ порученіемъ: мой отецъ просилъ узнать о вашемъ здоровьѣ и приказалъ доложить, можно ли ему зайти къ вамъ, ваше высокоблагородіе?

— А гдѣ отецъ?

— Да онъ тутъ, ожидаетъ.

— Такъ проси же его скорѣе.

— Слушаю-съ.

И Василій, сильно согнувшись въ низкой палаткѣ, вышелъ. Я приказалъ денщику принести еще одинъ стулъ и съ любопытствомъ ждалъ гостей: мнѣ нравились оба казака.

Старикъ вошелъ, осторожно ступая, точно у меня въ палаткѣ была не трава, какъ вездѣ, а скользкій паркетъ. Снялъ фуражку, перекрестился и поставилъ на столъ большую банку варенья. Малиноваго,—какъ будто зная, — моего любимаго.

Я удивился:

— Это что?

И у меня явилось нехорошее, неріязненное чувство къ обоимъ казакамъ. Очевидно, варенье не было куплено, а взято у какого-нибудь нѣмца, говоря проще—ограблено. Мнѣ всегда казалось, что если грабежъ преступенъ въ мирное время, то онъ вдвойнѣ преступенъ въ военное, когда съ особенною рѣзкостью должна быть проведена граница между воюющими войсками и мирными жителями, и такъ въ достаточной мѣрѣ страдающими отъ войны. Отношеніе къ неприкосновенности мирнаго жителя какъ его самого, такъ и ему принадлежащаго имущества, является самымъ вѣрнымъ показателемъ культуры, и поэтому меня больно рѣзнуло именно въ старикѣ, прежде столь симпатичномъ, легкое отношеніе къ чужому добру.

Но старый Евстигнѣевъ не смутился: онъ осторожно поставилъ банку, взглянулъ на меня яснымъ и чистымъ, незамутненнымъ взглядомъ и, выждавъ, пока я кончу говорить, мило и ласково сказалъ:

— Зачѣмъ? Никакъ нѣтъ,—смѣло кушай себѣ на здоровье.

Я рѣзко отодвинулъ банку:

— Возьми, старикъ,—я не могу ѣсть грабленное!

Но онъ ласково улыбнулся,—ласково, но съ примѣсью какой-то плутоватости.

— Постой, постой, батюшка, ваше высокоблагородіе, ты не торопись, сначала послушай,—тутъ, я тебѣ скажу, цѣлая исторія!

Я взглянулъ на Василія. Онъ тоже слегка улыбался, и не насмѣшливо или дѣланно, а искренно, какъ-то по-дѣтски, совершенно какъ и его отецъ. Тоже съ легкимъ намекомъ на плутоватость: когда, молъ, узнаешь, не то скажешь!

— Ну, ладно, садитесь, гости будете. А только варенья не возьму, пока не узнаю, что оно досталось совсѣмъ чисто.

— А то какъ, какъ же! Извѣстное дѣло! Видишь, батюшка, послѣ боя Василій мнѣ разсказалъ все про этого учителя, фукса-то этого. Про того самаго, что, помнишь, говорилъ съ тобою въ телефонъ? А этого учителя мы знали уже раньше, апостоломъ называли. А называли такъ потому, что всѣ ихніе жители боятся насъ, ненавидятъ, а онъ совсѣмъ какой-то особенный: „ти—сольдатъ, я—учитель: ти свой дѣль, вой, я добру училь; вотъ какъ!“ Ей-Богу, такъ и говорилъ. Онъ вѣдь здорово говоритъ по-русски: „любитель русскій“,—говоритъ. Мы это, казаки, какъ пріѣхали сюда еще въ первый разъ, такъ тутъ не дай Богъ что было: бѣгаютъ, бабы голосятъ, и черезъ пять минутъ ни единой души не видно. Ну, мы это ѣдемъ, извѣстно, наготовѣ, я даже раза два выстрѣлилъ, чтобы попугать ихъ,—нельзя иначе, а то осмѣливаются и сами начинаютъ стрѣлять въ насъ,—ѣдемъ къ дому побольше. Подъѣзжаемъ, видимъ: школа: скамьи, какъ и у насъ, стоятъ. Только выходитъ это на балкончикъ такой,—большой, крытый, крыльцо такое.—сѣдой старикъ. Стоитъ, и волосы вѣтерокъ слегка колышетъ. „Здравствуй, говоритъ, господинъ казакъ.“ Я, извѣстно, сильно удивился. Къ нему это. „Здравствуй и ты, говорю. Гдѣ бы тутъ лошадей напоить, ведерко бы?“

— „Вотъ, говоритъ, голюбчикъ,—и даетъ ведро. Я тебя въ клёдецъ проведу.

„Оставилъ насъ около колодца, а самъ поскорѣе въ домъ. „Удеретъ сейчасъ,—думаю“. Анъ, оказалось другое. „Много васъ?“—спрашиваетъ.

„Посмотрѣлъ я на него внимательно и заподозрѣлъ.—Здѣсь-то, говорю, немного, а за нами вся дивизія идетъ. Знаешь, спрашиваю, что это дивизія?

„А онъ и руками замахалъ: „Что мнѣ до дивизій, я не могу кормить дивизія, я вамъ хочу дать молёчка съ медъ“.

Библиотека "Руниверс"

„И въ самомъ дѣлѣ: сказалъ что-то старухѣ,—смотрю, несетъ молоко и медъ. Потомъ булки и масло: „Кушай, кушай на здоровье“.

„Мы ѣдимъ, пьемъ,—по очереди: онъ хоть и апостолъ, а все только половина здѣсь, другая въ полной готовности у коней стоитъ. Ты не смотри, что Вася тутъ тихоней прикидывается,—тамъ онъ орломъ: строгій урядникъ, умѣетъ урядъ держать! И самъ первый во всемъ показчикъ!

„Поѣли это мы у него, попили, лошадей покормили и дальше. Сказали только, чтобы жителей успокоилъ: безоружному волоска не тронемъ, а вооруженному или шпіону-доносчику пули или шашки не миновать, — потому не солдатъ, не въ свое дѣло не мѣшайся!

„Онъ и руками замахалъ: „И гдѣ мнѣ, старику, мѣшаться? Далъ бы Богъ умереть спокойно“.

„— Не про тебя говорю,—другимъ скажи, молодымъ: мое слово твердо.—это уже Вася ему говоритъ, — вооруженному и доносчику пуля.—Медленно такъ говоритъ, съ разстановкой. Говоритъ и смотритъ пронзительно. Апостолъ нашъ даже поёжился, — понялъ, значитъ“.

Евстигнѣевъ помолчалъ, опустивъ глаза въ землю. Потомъ поднялъ и опять заговорилъ:

— Такъ понимаешь теперь, какъ меня колыхнуло, когда я узналъ, что въ телефонъ именно самъ-то апостолъ и говорилъ? Ахъ, ты, думаю, проклятая лисица,—а у него такая и фамилія.—Вася сказывалъ, вашъ полковой адъютантъ говорилъ,—а мы все апостолъ да апостолъ...

„И послѣ боя, какъ разсказалъ мнѣ все Вася, такая меня противъ него злоба взяла, ѣсть, знаешь, не могу, — кусокъ стаетъ поперекъ горла!

„Такъ и ѣсть не сталъ, всталъ и говорю: „Слушай, Василій: отпросимся у есаула да и поѣдемъ къ нашему апостолу. Есаулу ничего не скажемъ,—можетъ не пустить, а такъ, просто отпросимся, поѣдемъ. тутъ недалече, да и прихлопнемъ старую лису. Ужъ очень обидно онъ насъ обошелъ, значитъ. Да и другимъ наука будетъ. Съ гадиной покончить нужно“.

„И знаешь, столько у меня этой самой злобы, и сказать не могу, такъ и душитъ всего!

„Пріѣзжаемъ. Видимъ, стоитъ на своемъ крылечкѣ, и вѣтеръ сѣдые волосы развѣваетъ. Увидѣлъ—точно роднымъ обрадовался: съ балкона бѣжитъ и кричитъ еще издали: „А, стари касакъ. Здравъ, здравъ“.

„Меня и такъ злоба мутила, а тутъ къ сердцу такъ и подошло,—наружу рвется!

„Слажу это я съ коня медленно-медленно. Коня привязываю тоже не спѣша.

„Онъ заглянулъ мнѣ въ лицо и поблѣднѣлъ, заикнулся и замолчалъ. Я повернулся къ нему и все таково медленно... Хочу говорить и не могу: только такъ къ сердцу и приливаетъ: прильетъ и уйдетъ назадъ и сейчасъ опять поднимется...

„Потомъ взялъ его за грудь и говорю, сквозь зубы процѣживаю: „Говори, гадина, гдѣ телефонъ?“

„Выскочила одна старуха, потомъ и другая и этакъ по-бабьему: „ахъ, ахъ“,—одна упала и лежитъ, потомъ вскочила и побѣжала, а другая ревмя-реветъ. Бѣжитъ около меня и норовитъ за руку ухватить, руку цѣловать хочетъ. И вотъ, странное дѣло, я тебѣ скажу,—ей-Богу, не злой человѣкъ, а тутъ никакой тебѣ жалости! Ни къ нему ни къ бабамъ.—а вѣдь онѣ-то совсѣмъ ужъ неповинныя! Злоба такъ и душитъ: убилъ бы и не оглянулся бы!

„Отвелъ это я ихъ рукой: отойдите, треклятое племя,—убью!

„Смотрю на учителя, а онъ уже позеленѣлъ весь: губы трясутся, какъ въ лихорадкѣ, хочетъ что-то сказать и не можетъ.

„— Что, говорю,—сольдатъ свой дѣль, а учитель добро учитъ,—гдѣ телефонъ, треклятое племя?

„А онъ молчитъ и только дрожитъ. И никакой у меня жалости ни къ нему ни къ старухамъ нѣту.

„Посмотрѣлъ на Василія. А онъ сидитъ верхомъ, точно памятникъ Петра императора. Не шелохнетъ.

„Я опять къ учителю. Трясу его, — веди къ телефону! А онъ дрожитъ, и зубы у его цокаютъ. Выпустилъ грудь ему, вынулъ шашку: разъ, — веди! Два, — веди!.. Повернулся онъ и пошелъ. Идетъ и мямлитъ что-то, не разберешь,—хочетъ сказать, да языкъ не повинуется. Привелъ на пасѣку, тамъ у него десятка два ульевъ, открылъ одинъ и показываетъ. Вижу—телефонъ. Не выдержалъ я, снялъ трубку, оторвалъ и по мордѣ его смазалъ. Такъ смазалъ, легонько,—ни кровинки не показалось.

„Увидя, что меня при этихъ словахъ покоробило, Евстигнѣевъ почелъ долгомъ извиниться: „нельзя, батюшка, ужъ очень злоба меня мучила“.

Потомъ продолжалъ дальше:

— А Вася за нами такъ и ѣздитъ. Все на конѣ. Ѣздитъ и молчитъ. А потомъ и сказалъ:

„— А ёнъ патріотъ.

„Учитель-то, значитъ. И какъ сказалъ онъ это слово, такъ во мнѣ переворотъ: плохо, значитъ, что апостоломъ прикинулся, а то что жъ что телефонъ? А я бы не помогъ своимъ?

„И стала меня злоба душить уже на Василія, — зачѣмъ онъ такое слово сказалъ?

„Повернулся я къ нему да и говорю: „Молчи, щенокъ“.

„А онъ сидитъ на конѣ, какъ статуй, и не шевельнется, только и сказалъ это слово.

„Повернулся я къ учителю, — вижу, пропалъ у меня весь зарядъ,—не то что убить—по мордѣ не могу какъ слѣдуетъ дать,—да какъ закричу что есть голосу:

„— А, ферфлюхтеръ! — это проклятый по-ихнему, по-нѣмецкому,—пояснилъ Евстигнѣевъ“.—Закричалъ это и думаю: ладно, ну а дальше что?

„А онъ дрожитъ, блѣдный такой и только бормочетъ: „Ахъ, Готтъ, ахъ, Готтъ!“—Готтъ это Богъ по-ихнему.—„Давай, говорю, варенье, чортовъ сынъ!“ Угощу хоть сотню, думаю. А какъ молокомъ тогда насъ поилъ, такъ я видѣлъ въ кладовкѣ,—весь уголъ былъ банками заставленъ.

„Крикнулъ это я про варенье, и стыдно мнѣ посмотрѣть на Василія. Злоба-то совсѣмъ прошла. — ничегошеньки не осталось. Стыдно только. Вижу—не то дѣлаю, а признаться не хочется. —„Накричался, — это я про себя думаю:—орломъ хотѣлъ быть, а сѣлъ курицей,—варенья потребовалъ!“—Самъ думаю, а отказаться стыдно передъ Василіемъ: какъ сынъ можетъ про отца думать, что онъ что сдуру сдѣлалъ?

„И сталъ я весь красный, а бодрюсь, хочу хоть крикомъ показать, что все обдуманно дѣлаю.

„— Понимаешь,—говорю, кричу скорѣе, а не говорю:— понимаешь? Давай все варенье: казаковъ угощать буду!

„Не понималъ долго, потомъ,—какъ уже понялъ,—какъ забѣгаетъ самъ, какъ зачнетъ старухъ гонять: бѣгаютъ, банки въ корзины укладываютъ!

„А Вася на дворѣ остался,—сидитъ верхомъ и никакихъ!

„Вышелъ это я, прикидываюсь злымъ да свирѣпымъ и командую, какъ лучше варенье подвязать. Сѣлъ на коня,—думаю: сказать же еще что-нибудь нужно: потрясъ я нагайкой и говорю: „Счастливъ твой Богъ. А только смотри,—еще поймаю съ телефономъ—живымъ тебѣ не оставаться“.

„Какъ лѣсомъ ѣхали, смѣхъ меня разобралъ, и говорю Васѣ: „Какъ быть съ вареньемъ-то? Скажутъ, мародеръ старый Евстигнѣевъ?..—А варенье тоже жаль бросить... Отвезъ бы я ему и назадъ,—стыдно...

„Сѣномъ прикрылъ корзины да такъ и поѣхалъ...

„— Не обезсудь, возьми банку-то! Себѣ банку за труды взяли, а остальные девять сотнѣ отдали. Одиннадцать всего банокъ было.

„Не заводи телефона, значитъ, „не мѣшайся въ сольдатскій дѣль“...

Прошло нѣсколько дней. Судьба опять столкнула меня съ Евстигнѣевымъ, но уже при совершенно иныхъ обстоятельствахъ. Нѣсколько казаковъ поили лошадей. Около, верхомъ, сидѣлъ старый Евстигнѣевъ. Онъ увидѣлъ меня, медленно повернулъ коня и криво усмѣхнулся:

— Поздравь меня, ваше благородіе, съ повышеніемъ: получилъ урядъ сына Василія...

Но что съ нимъ? Пепельный цвѣтъ лица, какая-то странная медлительность движеній...

Онъ нагнулся съ сѣдла ко мнѣ и тихо спросилъ:

— Можно къ тебѣ зайти душу отвести?

— Разумѣется. Чего и спрашивать!

— Такъ я сейчасъ!—Кудряшевъ, останься за меня, возьми и коня,—я послѣ приду.

Онъ слѣзъ съ коня, передалъ казаку, и мы пошли. До палатки шли молча. Онъ вошелъ и сѣлъ. Какъ-то безсильно, какъ мѣшокъ. Я сидѣлъ противъ него, и свѣтъ, проходившій въ раскрытое полотнище палатки, падалъ ему въ лицо. Да, онъ измѣнился: постарѣлъ и какъ-то завялъ. Началъ говорить и нѣсколько времени не могъ: губы дрожали, ротъ кривился, но слова не шли. Потомъ сдѣлалъ усиліе и заговорилъ твердо и сурово:

— Вася-то... того...

— Убитъ?

— Пропалъ. И говорить стыдно: за печеную картошку... За печеную картошку, понимаешь? Это такой человѣкъ, какъ Василій. Сказать никому не смѣю, смѣяться будутъ... Такъ и въ станицѣ,—если Богъ во гнѣвѣ своемъ меня оставитъ въ живыхъ,—ничего не скажу. Тебѣ другое дѣло, ты—человѣкъ чужой, посторонній, послушаешь и забудешь, а тамъ его всѣ знаютъ: Васька-то Евстигнѣй, скажутъ, за печеную картошку пропалъ. Георгіевскій-то кавалеръ.

Я взглянулъ на грудь старика: къ прежнимъ тремъ Георгіямъ присоединился четвертый, большой золотой. Онъ замѣтилъ мой взглядъ.

— За тотъ день дали, помнишь, какъ воду переѣзжали? За это, да батарею тогда атаковали, одну орудію взяли.

Помолчалъ, потомъ опять началъ:

— Такъ вотъ слушай: рыскали это мы и забрались за линію ихняго оцѣпленія: я, Вася покойный, Кудряшовъ да Пѣвунъ. Шуму, значитъ, надѣлали и теперь домой ѣдемъ. Сначала нѣмцы гонялись за нами, да. слѣдъ потеряли. Въ лѣсу тихо, пріятно. Ѣдемъ шажкомъ и наткнулись: сидятъ ихніе три улана около кострика. Мы это заорали по-казачьему и на нихъ. Умудрились какъ-то на коней вскочить и ускакать. Прогнали мы это ихъ версты три и ѣдемъ назадъ потихонечку. Все около рѣчечки да около рѣчечки. Анъ, глядь, и доѣхали опять до кострика. Смотримъ, а они какъ бѣжали, то одинъ потерялъ винтовку, а другой—свою шапку уланскую. Костеръ-то тоже затихъ, только ды-

Библиотека "Руниверс"

мокъ стелется. Слѣзъ Кудряшовъ подобрать оружіе,—трофеи, значитъ, подошелъ и къ кострику: подковырнулъ, а тамъ картошка печеная. А около въ банкѣ изъ-подъ ваксы и соль стоитъ. А подъ кустомъ бѣлая мисочка и въ ней масло. Попробовалъ: картошка въ самомъ смаку!

„Посмѣялись мы находкѣ, слѣзли съ коней и давай ѣсть: ужинъ хоть въ столицѣ!

„Сначала осторожно, на чеку, знаемъ, что непріятель подъ бокомъ, потомъ смѣлѣе да смѣлѣе. Тихо, не шелохнетъ, и кони спокойны. Потомъ только я подумалъ, чего кони были спокойны: оно хоть и тихо, а дымокъ-то такъ и тянуло отъ насъ ко врагамъ нашимъ, кони поэтому его и не чуяли. А онъ былъ тутъ, въ пятидесяти шагахъ, лежалъ и смотрѣлъ на насъ.

„Ѣдимъ это мы картошку, похваливаемъ да тихо балакаемъ. А Вася-то, покойникъ,—старикъ перекрестился,—дай ему, Боже, вѣчный покой,—и говоритъ: „искупаюсь я, батя?"—„Что же, говорю. купайся: все тихо, а мы посторожимъ".

„И все жуемъ картошку.

„Раздѣлся-то это онъ, снялъ оружіе, положилъ около коня, какъ и надлежитъ казаку,—голый да съ оружіемъ,—и шасть въ воду. Онъ купается, а нѣмцы смотрятъ... А мы ничего, тоже довольны: Кудряшъ и Пѣвунъ спорятъ, кому теперь очередь...

„Только вдругъ „урра", совсѣмъ по-нашему. Видимъ, бѣгутъ нѣмцы, со всѣхъ кустовъ, вѣрно, больше сотни.

Кудряшъ и Пѣвунъ сразу на лошадей, а я попридержался, хочу посмотрѣть, поспѣетъ ли Вася добѣжать до коня. Вижу, вотъ онъ ближе, ближе. Спибѣ одного нѣмца, что ужъ очень насѣдалъ, толкнулъ другого, нагнулся, схватилъ шашку и на коня.

„Ну, слава Тебѣ, Господи. Я тоже на коня, а меня уже нѣмцы держатъ, внизъ тянутъ, хотятъ казака живьемъ взять,—птица рѣдкая!

„Я саданулъ шашкой двухъ,—упали. Остальные выпустили, конь рванулъ, еще двухъ-трехъ перевернулъ,—выскочилъ я живъ и невредимъ, поскакалъ.

„Съѣхались мы: я, Кудряшъ и Пѣвунъ,—Васю поджидаемъ... Да такъ и ждемъ до сей поры...

„Самъ видѣлъ, какъ на конѣ сидѣлъ и шашку держалъ: живымъ, значитъ, въ плѣнъ не отдался".

Мы долго сидѣли молча. Потомъ я спросилъ:

— Почему ты все называешь его покойникомъ? Да, можетъ, онъ живехонекъ?

Евстигнѣевъ обидѣлся:

— Простой казакъ не сдастся живьемъ въ плѣнъ, не то что Василій.

— Противъ рожна не попрешь, можетъ-быть, только раненъ, можетъ, даже и здоровъ—хоть казакъ, а все человѣкъ: ихъ было много, развѣ не могли скрутить?

Евстигнѣевъ подумалъ и недовѣрчиво покачалъ головой:

— Не могли: самъ видѣлъ, какъ сидѣлъ на конѣ и шашку держалъ...

Онъ перекрестился:

— Погибъ казакъ, дай ему, Боже, царствіе небесное.

Но я разсердился:

— Ой, старикъ, не служи панихиды по живомъ,—грѣхъ!

Прошло еще нѣсколько дней. За это время обстоятельства измѣнились, и намъ пришлось отступать: многочисленныя силы непріятеля надвигались намъ въ обходъ, и противъ подобнаго обхода, производимаго значительно превосходящими намъ силами, тактика, эта „математика здраваго смысла", знаетъ лишь одинъ способъ: усиленное задерживаніе противника съ того фланга, который онъ хочетъ обойти, и поспѣшное отодвиганіе угрожаемыхъ частей, т.-е. центра и другого фланга, до того момента, когда мы будемъ въ состояніи противопоставить противнику силы, равныя ему или, если возможно, превосходящія.

Это элементарное правило тактики относится какъ къ маленькимъ частямъ, не больше роты, такъ и къ полкамъ, дивизіямъ, корпусамъ и цѣлымъ арміямъ. Въ послѣднемъ случаѣ, разумѣется, все происходитъ въ грандіозныхъ размѣрахъ, что даетъ основаніе,—людямъ, конечно, не посвященнымъ,—думать, что подобное отступленіе равносильно пораженію. На самомъ же дѣлѣ часто бываетъ, что это является разбѣгомъ для прыжка, гдѣ прыгающій тоже сначала отступаетъ, чтобы, разогнавшись, съ большей силой выполнить свою задачу.

При отступленіи, на мой батальонъ, шедшій въ арьергардѣ, выпала тяжелая и крайне неблагодарная задача оберегать отъ непріятеля уходящія наши войска, принимая на себя удары энергичнаго противника.

Мы поминутно разсыпали боевыя цѣпи и огнемъ пѣхоты, пулеметовъ, а если надобилось—то и артиллеріи, охлаждали пылъ насѣдавшаго противника. Объ отдыхѣ и снѣ, разумѣется, надо было забыть, и лишь изрѣдка удавалось посидѣть спокойно.

Но наши войска двигались быстро и безъ задержекъ, и пѣхотныя части противника начали отставать. Кавалерію мы легче осаживали огнемъ, и намъ изрѣдка удавалось немного отдыхать.

На третью ночь мы сидѣли и грѣлись у костра. При отходѣ намъ нечего было бояться разводить огни: мы были послѣдними, сзади насъ былъ лишь непріятель, котораго мы ждали, готовя всякую минуту гостинцы. Мы отъ него не скрывались, а напротивъ—вызывали его.

Пройдя широкій, слегка болотистый, лугъ и небольшую, но глубокую,—шаговъ около пятидесяти ширины,—рѣчку, мы спокойно остановились на опушкѣ лѣса. Мѣстность была сухая,—нашъ берегъ довольно высоко поднимался надъ низиной пройденнаго луга.

Позиція была очень удобная: мы при лунѣ видѣли каждую травинку, рѣка являлась серьезнымъ препятствіемъ не только для кавалеріи, но и для пѣхоты. Мы рѣшили задержаться здѣсь подольше,—отдохнуть самимъ и дать нашимъ войскамъ спокойно двигаться дальше.

Въ первую половину ночи иногда появлялась непріятельская конница, но затѣмъ и она исчезла. Около часу ночи въ сосѣднемъ батальонѣ, несшемъ такую же службу, какъ и мы, затрещали-было пулеметы и поднялась оживленная ружейная стрѣльба, но она затихла такъ же внезапно, какъ и началась. Тогда все поле замолчало. Надъ всѣмъ легла тишина. Въ первый разъ за 80 часовъ ни вблизи ни вдали не было слышно ни одного выстрѣла.

Солдаты развели огромный костеръ и все таскали новые и новые сучья. Мы, офицеры, сидѣли у другого, маленькаго костра, и ѣли печеную картошку съ солью и масломъ. Было вкусно, спокойно, тепло.

Большинство солдатъ спало, лежа кучками у костровъ. Мы, группа офицеровъ, лѣниво доѣдали картофель и зѣвали: разговоры кончились, и намъ тоже хотѣлось спать. Я все время думалъ о Василіи, пропавшемъ изъ-за такой же печеной картошки...

Вдругъ по полю пронесся какой-то странный стонъ,—что-то въ родѣ ау... ау... но странное, протяжное, тягучее.

Мы встрепенулись. Многіе дремавшіе поднялись и взялись за ружья.

Звукъ былъ ближе, повторялся и стономъ несся по полю.

— Вурдалакъ,—сказалъ одинъ солдатъ и перекрестился.

— Что жъ,—и не штука: сколько теперь христіанскихъ душъ блуждаетъ по полю.

А звукъ несся, то затихая, то усиливаясь.

Прошло полчаса.

Крикъ повторялся рѣже, но все приближаясь. Двѣ собаки, провожавшія батальонъ въ походѣ,—одна лохматая, по имени Мурмузъ, еще изъ Россіи, и другая нѣмецкая, тоже лохматая, носившая чисто-русское имя Жучки, конечно, данное уже нашими солдатами,—начали выть.

При тишинѣ ночи этотъ стонъ, несшійся по полю, и собачій вой дѣйствовали на нервы, раздражали ихъ. Прапорщикъ, состоятельный человѣкъ, изнѣженный и когда-то выхоленный, часто капризничавшій, вскочилъ и началъ быстро ходить около костра.

— Вотъ онъ, вотъ!

Дѣйствительно, по лугу, по направленію къ намъ, двигалась какая-то сѣрая фигура. Человѣкъ то держалъ руки кверху, то опускалъ ихъ. Шелъ онъ нѣсколько зигзагами, какъ будто пьяный или сильно уставшій, борющійся со своими силами, человѣкъ. Онъ остановился, поднялъ руки кверху и ясно крикнулъ:

— Ахъ, Готтъ, ахъ, Готтъ!

— Что онъ кричитъ?—спросилъ одинъ изъ офицеровъ.

— Ахъ, Готтъ, ахъ, Готтъ.

— Сумасшедшій, что ли?

— Вѣроятно.

Одинъ изъ солдатъ хотѣлъ выстрѣлить: я во-время остановилъ его.

Шедшій подошелъ къ рѣкѣ, поднялъ руки кверху и крикнулъ опять свое жалобное, стонущее „ахъ, Готтъ, ахъ, Готтъ". Затѣмъ, не опуская рукъ, дошелъ до воды и повалился въ нее. Я думалъ, онъ сразу пойдетъ ко дну,—рѣчка была глубока,—но онъ поплылъ, молча доплылъ до нашего берега и, выйдя изъ воды, поднялъ руки и опять простоналъ свой вѣчный припѣвъ.

Это былъ нѣмецкій солдатъ. Очевидно, безумный.

Собаки бросились къ нему, но онъ ихъ не замѣчалъ и шелъ дальше.

Подойдя къ костру, остановился, и какъ только остановился, вода начала капать съ его платья.

Вся его фигура была какая-то странная и при другой обстановкѣ казалась бы комичной: онъ былъ больше своей одежды. Брюки были коротки и вылѣзли изъ сапоговъ. Крѣпкія руки торчали изъ короткихъ рукавовъ. Въ рукѣ онъ держалъ кусокъ хлѣба, замокшій при его переправѣ черезъ рѣку.

Какое-то жалкое соединеніе мощи тѣла и слабости духа.

Увидѣвъ группу офицеровъ, онъ направился къ намъ. Когда онъ подошелъ къ костру, я разсмотрѣлъ его лицо,—оно было мнѣ хорошо знакомо, я его гдѣ-то встрѣчалъ. Онъ заговорилъ, и я вспомнилъ: Василій Евстигнѣевъ! И тогда же замѣтилъ то, что въ его лицѣ поражало меня: казаки носятъ длинные волосы, у него же они были острижены подъ гребенку, что придавало его лицу не казачій видъ.

Онъ тоже узналъ меня, взялъ подъ козырекъ и отрапортовалъ:

— Честь имѣю явиться, ваше высокоблагородіе,—старшій урядникъ Василій Евстигнѣевъ—первый изъ нѣмецкаго плѣна прибылъ!

Хотя онъ бодрился, но вскорѣ можно было замѣтить, что онъ говоритъ и дѣлаетъ больше механически. Напримѣръ, на вопросы офицеровъ онъ отвѣчалъ почтительно и толково, но ужъ очень односложно:

Библиотека "Руниверс"

— Какъ ты бѣжалъ изъ плѣна?
— Такъ точно, бѣжалъ.
— Да, но какъ?
— Ударилъ генерала и выскочилъ.
— Какъ ты его ударилъ?
— Кулакомъ, ваше благородіе.
— Куда?
— Въ лицо.
— Давно это было?
— Такъ точно.
— Сколько дней?

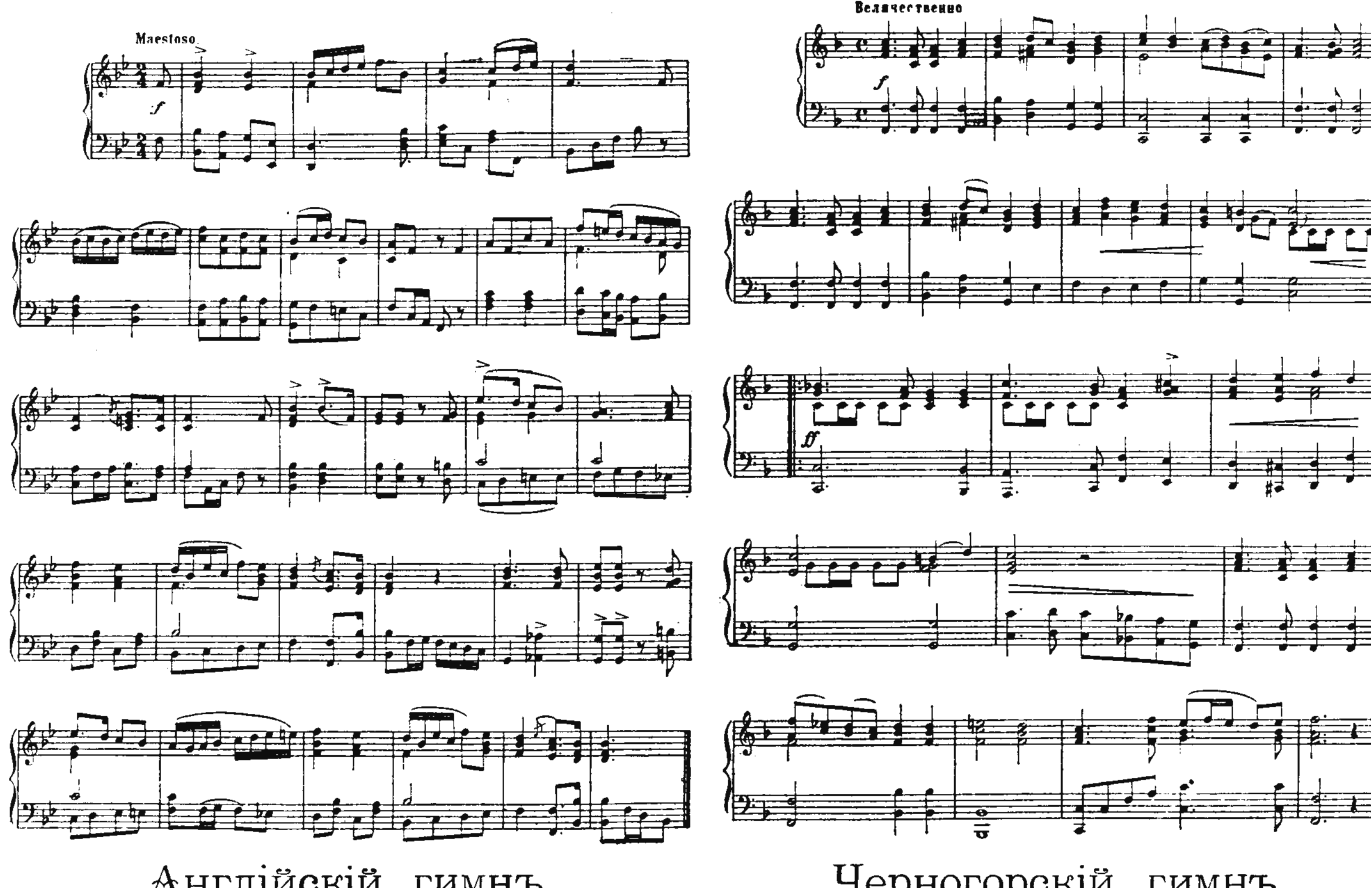
Евстигнѣевъ напряженно думаетъ.

— Дня четыре... Можетъ, недѣлю...

Я приказалъ раздѣться Евстигнѣеву, чтобы высушить бѣлье. Какъ только я сказалъ объ этомъ, солдаты, густой толпой окружавшіе насъ, начали приносить бѣлье и одежду. Нѣмецкій солдатъ сразу превратился въ русскаго пѣхотинца. Тогда я его уложилъ спать. Но онъ былъ до того взволнованъ всѣмъ происшедшимъ, что долгое время ворочался съ боку на бокъ, и я видѣлъ не разъ, какъ онъ открывалъ глаза и смотрѣлъ на костеръ.

Черезъ полчаса весь батальонъ спалъ, и лишь дежурные боролись со сномъ, разводя костры побольше.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Національные гимны союзныхъ державъ *)

Англійскій гимнъ.

I.

Когда Британію Творецъ
Изъ тверди ясной сотворилъ,
Она была всѣхъ странъ вѣнецъ,
И пѣлъ ей хоръ небесныхъ силъ:
„Правь, Британія,
Царствуй надъ морями!
Дѣти твои никогда,
Никогда не будутъ рабами!"

II.

Печаленъ жребій странъ иныхъ—
Имъ тиранія суждена,
Ты жъ процвѣтешь, сильна, властна,
Угрозой, завистью для нихъ!
Правь, Британія,
Царствуй надъ морями!
Дѣти твои никогда,
Никогда не будутъ рабами!

III.

Надменный деспотъ никогда
Твоихъ сыновъ не сокрушитъ.
Въ борьбѣ лишь ярче заблеститъ
Твоя счастливая звѣзда!
Правь, Британія,
Царствуй надъ морями!
Дѣти твои никогда,
Никогда не будутъ рабами!

Черногорскій гимнъ.

I.

Черногорію родную въ горной ризѣ величавой,
Огражденную свободой, гордой доблестью и славой,
И того, кто вмѣстѣ съ нами знамя чести сохранилъ,—
Сохрани Царя-Николу, Царь святыхъ небесныхъ силъ!

II.

Пусть пребудетъ здравымъ, мощнымъ, всей странѣ на украшенье,
Равный доблестію предкамъ, злымъ врагамъ на устрашенье,
Къ добрымъ — кроткій, къ дерзкимъ — строгій, — нашей вольности оплотъ,
Оборона вѣры нашей—пусть вовѣки онъ живетъ!

III.

Отъ коварства и напасти защити его съ семьею,
Проклятъ тотъ, кто помышляетъ на него душою злою!
Пусть того, кто вѣру губитъ, правды мечъ низвергнетъ въ тлѣнъ!
О, расторгни, Боже правый, ковы распрей и измѣнъ!

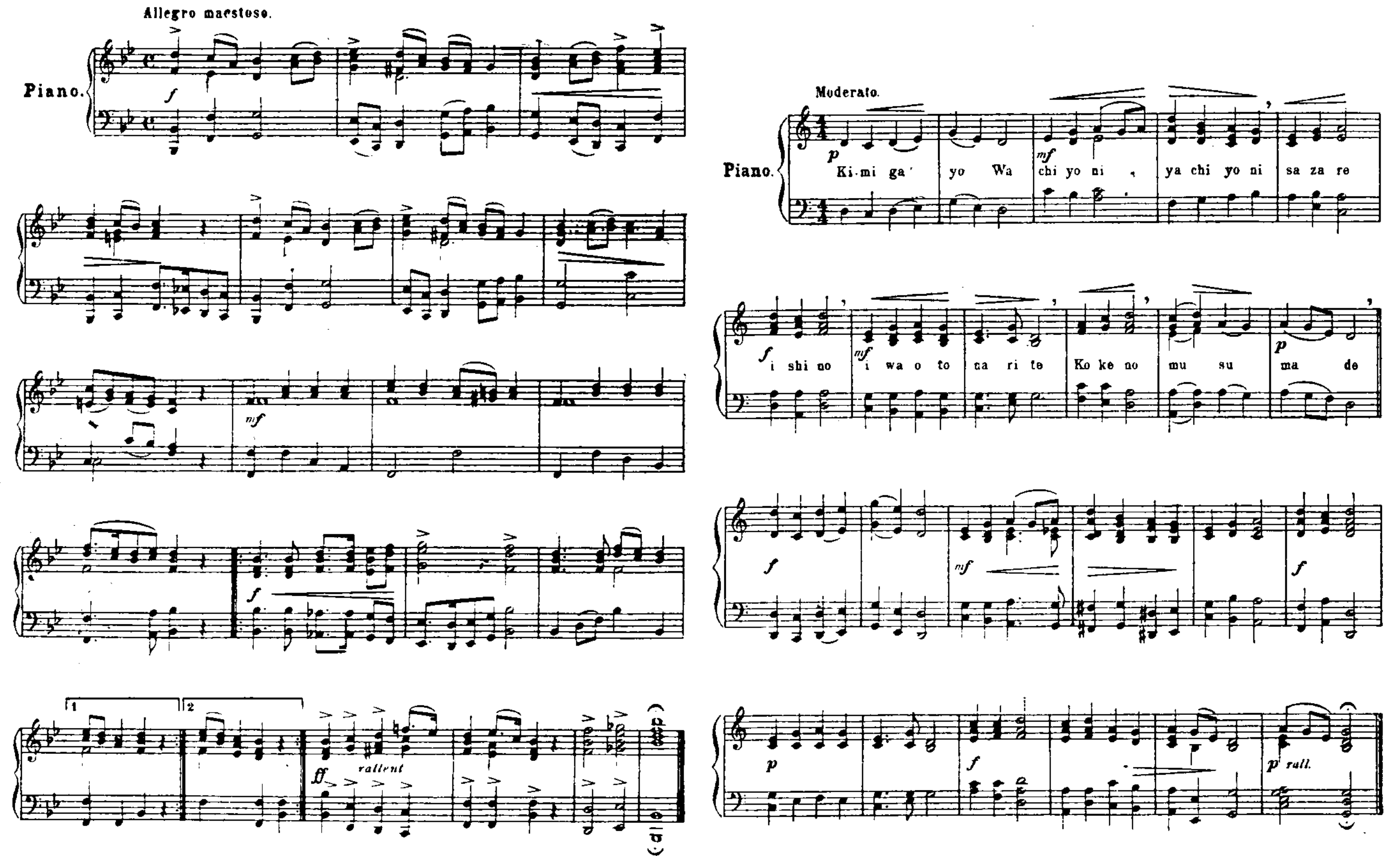
IV.

Всюду съ нимъ и за него мы кровь свою пролить готовы—
За него, за наше имя, за того, кто впалъ въ оковы.
Своему святому долгу мы послушны всякій часъ.
Боже свѣтлый, буди съ нами, сохрани его и насъ!

*) Русскій, французскій и бельгійскій гимны помѣщены въ № 44 „Нивы". Ноты гимновъ, воспроизводимыхъ здѣсь, изданы музыкальной фирмой Ю. Г. Циммерманъ, въ Петроградѣ.

Библиотека "Руниверс"

СЕРБСКІЙ ГИМНЪ.

ЯПОНСКІЙ ГИМНЪ „KIMIGAYO“.

Сербскій гимнъ.

I.

Боже правый, Ты спасалъ насъ
Отъ напастей и враговъ—
Голосъ нашъ услышь и нынѣ,
Будь и нынѣ нашъ покровъ!
Ты направь десницей мощной
Бѣгъ родного корабля,
Сохрани, спаси, Всесильный,
Нашъ народъ и короля!

II.

Въ узы братства и единства
Сербскихъ братій Ты сплоти,
Чтобъ могли мы грозной силой
За отчизну въ бой итти.
Пусть великій плодъ свободы
Наша возраститъ земля!
Сохрани, спаси, Всесильный,
Нашъ народъ и короля!

III.

Гнѣвъ Твой, праведный и грозный,
Да не обратится къ намъ!
Ниспошли благословенье
Сербскимъ нивамъ и полямъ!
Если жъ день борьбы настанетъ,
Духъ побѣды въ насъ вдохни.
Боже свѣтлый, Боже правый,
Короля и насъ храни!

IV.

Изъ могилы мрачной, темной
Вновь возсталъ нашъ сербскій край.
Ты зажги надъ нимъ сіянье,
Счастье новое намъ дай!
Сохрани страну родную,
Долгихъ битвъ и скорби плодъ.
Сохрани, о Боже правый,
Короля и нашъ народъ!

Японскій гимнъ.

Славный міра властелинъ,
Солнца утренняго свѣтъ!
Вѣкъ живи!
Вѣкъ цари!
Крѣпокъ, свѣтелъ и могучъ—
Солнца лучъ!
Вѣченъ будь, какъ вѣченъ свѣтъ,
Правь для славы и побѣдъ!
Пусть моря уйдутъ въ гранитъ,
Пусть разсыплются въ песокъ
Выси скалъ,
Цѣпи горъ—
Свѣтелъ, ясенъ и высокъ,
Ты цари
Дольше скалъ и волнъ морскихъ,
Ярче утренней зари!

„Въ строю“.

Сборникъ стихотвореній К. Р. Петроградъ. 1915. Цѣна 25 коп.

Современныя событія, въ которыхъ такую яркую роль играетъ военная мощь Россіи, возбудили въ широкихъ слояхъ общества особый повышенный интересъ къ военной жизни и быту. Съ тѣмъ большимъ вниманіемъ наша читающая публика должна отнестись къ только что вышедшей книжкѣ стихотвореній Августѣйшаго поэта К. Р., озаглавленной „Въ строю“.

Здѣсь собраны исключительно стихотворенія военнаго содержанія, произведенія уже извѣстныя, но въ свое время еще не имѣвшія возможности быть оцѣненными въ такой исключительной степени, какъ теперь, въ военное время. До сихъ поръ эти стихотворенія К. Р. были популярны по преимуществу въ военной средѣ, теперь для нихъ пришелъ чередъ быть популярными въ самыхъ широкихъ читательскихъ кругахъ.

Сборникъ „Въ строю“, собственно, предназначенъ для народа. Стихи К. Р. посвящены именно солдату: въ нихъ поэтъ говоритъ о жизни солдата, о его долгѣ, о воинской чести, о его подвигахъ и трудахъ. Чувствуются глубочайшее душевное единеніе между авторомъ и тѣми незамѣтными въ массѣ героями, которыхъ онъ воспѣваетъ, сердечная любовь къ нимъ и знаніе всѣхъ мелочей ихъ жизни.

Этотъ сборникъ стихотвореній будетъ дорогимъ и милымъ подаркомъ на позиціяхъ и въ лазаретахъ. Но въ то же время эти военныя стихотворенія К. Р., отмѣченныя свойственными таланту Августѣйшаго поэта сердечностью и поэзіей, несомнѣнно будутъ по достоинству оцѣнены и читателями иныхъ круговъ.

Въ сборникѣ помѣщено тринадцать стихотвореній. Въ самомъ началѣ книги помѣщены три извѣстныхъ стихотворенія, сразу дающія должный тонъ всему сборнику: „Полкъ“, „Новобранцу“ и „Часовому“. Въ нихъ опредѣленно и ярко выражено отношеніе Августѣйшаго поэта къ роднымъ воинамъ. Стихотвореніе „Умеръ бѣдняга“ уже вошло цѣликомъ въ народъ и поется въ видѣ народной пѣсни по всей Россіи. Другимъ стихотвореніямъ несомнѣнно, предстоитъ такая же славная доля, напримѣръ, прелестной поэмѣ „Уволенъ“. Въ иныхъ (напримѣръ, „Въ дежурной палаткѣ“, „Письмо къ дежурному по полку“ и др). рисуется въ мягкихъ, акварельныхъ тонахъ своеобразная полковая жизнь. Наконецъ мы встрѣчаемъ и чисто героическія строфы въ стихотвореніи „Портъ-Артурцамъ“.

Сборникъ „Въ строю“ изданъ изящно, снабженъ двумя портретами Великаго Князя Константина Константиновича и многочисленными рисунками, подобранными съ большимъ вниманіемъ и вкусомъ. Издатель (Н. Н. Сергіевскій) позаботился также и о томъ, чтобы дать краткій, но ясный и содержательный очеркъ жизни и дѣятельности Августѣйшаго поэта.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Библиотека "Руниверс"

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29

Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ. Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г. № 46

XLV г. изданія

Выданъ 15 ноября 1914 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.: на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.: на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. В. Г. Короленко“ кн. 23.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1915 г.

Съ приложеніемъ **40 КНИГЪ „СБОРНИКА НИВЫ“**, содержащихъ:

первую серію полнаго собранія сочин. **Д. Мамина-Сибиряка** 18 книгъ формата „Литерат. прилож.“,

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ **И. А. Бунина** въ 12 книгахъ,

НОВОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ „ЯМА“ (окончаніе) **А. И. Куприна** въ 2-хъ книгахъ и

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ **М. Метерлинка** въ 8 книгахъ.

1 ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА средне-европейскаго и южнаго театра военныхъ дѣйствій.

12 книгъ „Ежемѣсячныхъ Литературныхъ Приложеній“ и проч.

Подробное объявленіе см. на стр. 842—842в № 44 „Нивы“.

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ ПАПИРОСЫ Тва БОСТАНЖОГЛО **АЛИ** 10 ш 6 к. ДЛ. МУН.

ДЕНЬГИ большія ТЕПЕРЬ платятъ за нѣкоторыя МОНЕТЫ съ 1425 до 1913 года, которыя попадаются случайно каждому, но по незнанію Вы старинныя бросаете, а новаго чеканя — передаете, и этимъ лишаетесь той пользы, которую могли бы имѣть. Напримѣръ, платятъ ЗА МѢДНЫЯ: 1, 2, 3 и 5 к. 1871 г. СПБ. по 12 р., 5 к. 1740 г. по 200 р., 10 к 1760 г.—20 р., за кв. руб. 1726 г.—1000 р.; ЗА СЕРЕБРЯНЫЯ: 5 к. 1901 г. А. Р — 20 р., 50 к. 1845 г. п. Н.—40 р., 1 р. 1825 г. п. К.—900 р.; ЗА ЗОЛОТЫЯ: 5 р. 1907 г.—100 р., 15 р. 1895 г. — 60 р; ЗА ПЛАТИНОВЫЯ всѣхъ годовъ плачу въ шесть разъ болѣе ихъ стоим. Монетъ бол. 2000 назв. Подробности въ „Нивѣ“ на первой стран. обложки въ №№ 3, 10, 23, 26 за 914 г. **В. Низовцевъ.** 8279

Настоящимъ имѣемъ честь довести до свѣдѣнія своихъ почтенныхъ Гг. покупателей, что, какъ и всегда, у насъ имѣются въ громадномъ выборѣ **коллекціи украшеній для елки** въ 2 р. 95 к., 5, 10, 15, 25, 50 руб. и дороже, а равно хлопушки съ сюрпризами и костюмами, подарки для дѣтей и взрослыхъ, различныя игры, занятія и т. п. Заказы просимъ присылать заблаговременно, чтобы они могли получиться къ Рождеству. **БАЗАРЪ МАРОКЪ, Петроградъ,** Невскій, 20—Н. 8275

III изданіе, 13-ая тысяча экземпляровъ:
„Я НИКОГО НЕ ѢМЪ!“ 2 руб.
1500 вегетаріанскихъ кушаній, 365 меню по временамъ года. Подъ редакціей д-ра мед. Зеленкова. Авторъ (жена д-ра мед. Зеленкова: Петроградъ, Шпалерная, 44б, кв. 23) высылаетъ налож. платежомъ. Пересылка 35 коп. Иногороднымъ 55 коп. Продается и въ книжн. маг. „Новаго Времени“. 8277

НЕ КУРИ!
Желающимъ бросить курить высылается безплатно проспектъ, указывающій путь, какъ избавиться отъ этой вредной привычки. **Москва**, Уланскій пер., д. № 30—4.
П. КОМИСАРЕНКО.

За 3 руб. 60 коп.
высылаю: 1) 100 изящ. визитн. карточекъ съ им., от. и фамиліей; 2) 24 л. изящ. почтов. бумаги, 24 такихъ же конверт. съ тисн. монограммой: 3) 1 штемпель-монограмма съ принад.; 4) Карман. никкел. письмен. приборъ, состоящ. изъ 5 предмет.; 5) Плюш. дамскій нессесеръ, содерж. все для рукодѣлія; 6) Автомат. зажигат. для папиросъ. Въ Азіат. Россію—4 руб. Адрес.: Ш. Брикеру. Одесса, п. ящ. 145. 8280

НОВОСТЬ изъ репертуара **Ѳ. И. ШАЛЯПИНА:** „Къ родинѣ“. Сюита для баса съ фортепіано **Ю. Сахновскаго.**
№ 1. Ой, стоги, стоги—ц. 60 к. № 2. Ходитъ смерть. № 3. Кузнецъ—ц. по 50 к. № 4. Къ родинѣ—ц. 75 к.
Списокъ романсовъ и арій, исполняемыхъ Ѳ. И. Шаляпинымъ, и полный каталогъ для пѣнія, съ обозначеніемъ голосовъ и діапазона, высылаются безплатно.
П. ЮРГЕНСОНЪ,
8277 Москва, Неглинный пр., 14. 8-3

При Инфлуэнцѣ, Простудѣ и Ломотѣ въ Суставахъ, примите на ночь двѣ таблетки
КЕФАЛДОЛЪ Д-РА СТОРЪ
Кефалдолъ считается, какъ спецификумъ противъ инфлуэнцы, и въ то же время онъ абсолютно безвреденъ. Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Лабораторіи: Лондонъ, Парижъ, Нью-Іоркъ. Остерегайтесь поддѣлокъ. 8276

Grand-Prix.
Парижъ, Лондонъ, Флоренція: до 30 мед.

ВАЛЕНКИ
изъ пуха и шерсти, на двухъ подошвахъ: пробочной и войлочной; не скользятъ, теплы, легки и очень прочны. Особенно рекомендуются гг. военнымъ. „НОВОСТЬ“ Валяные ПЬЕКСЫ на шнуркахъ для ЛЫЖНИКОВЪ.
Привилегія заявлена въ Департ. Торг. и Пром. за № 51982
Поставщика ИМПЕРАТОРСКАГО О-ва ОХОТЫ
Т. С. ПРИВЕЗЕНЦЕВА.
Москва, Покровка, д. № 4—Н.
Прейсъ-курантъ высылается безплатно. 8283 2-2

Библиотека "Руниверс"

5% закладн. съ выигр. листы Гос. Дв. Зем. Банка 1889 г. 50 тиражъ 1-го ноября 1914 г.

ТИРАЖЪ ПОГАШЕНІЯ

листовъ Дворянскаго съ выигрышами займа 1889 г.

НУМЕРА СЕРІЙ, ВЫШЕДШИХЪ ВЪ ТИРАЖЪ.

(Каждая изъ нижеслѣдующихъ серій заключаетъ въ себѣ 50 листовъ, съ № 1 по № 50 включительно).

127	500	1027	1402	1865	2432	2845	3679	4093	4882	5395	6075	6871	7254	7776	8579	9182	9551	10021	10551	11179	11576	12029	12808	13570	14190	14763	15705
133	611	1081	1416	1951	2483	2923	3691	4105	5001	5400	6314	6881	7267	7792	8652	9207	9635	10058	10611	11189	11614	12105	12846	13573	14193	14773	15735
156	622	1082	1420	1984	2605	3072	3697	4240	5006	5467	6408	6891	7392	7829	8661	9208	9669	10091	10639	11203	11681	12293	12856	13607	14218	14868	15832
170	668	1124	1448	1990	2653	3091	3716	4421	5021	5477	6465	6917	7453	7832	8662	9255	9677	10092	10724	11239	11729	12343	12859	13630	14272	4959	15926
182	683	1125	1470	2113	2678	3269	3745	4515	5046	5621	6529	6957	7461	7900	8681	9377	9715	10204	10741	11339	11733	12379	13024	13833	14334	14997	15970
187	686	1219	1471	2134	2695	3344	3772	4533	5061	5806	6531	6979	7464	8106	8689	9415	9727	10233	10861	11343	11740	12430	13029	13865	14357	15040	15987
239	747	1264	1527	2192	2697	3420	3842	4557	5095	5886	6537	6980	7547	8109	8702	9440	9804	10242	10868	11345	11848	12452	13033	13887	14383	15220	
337	762	1289	1614	2204	2745	3435	3884	4667	5159	5888	6586	7128	7559	8252	8925	9455	9841	10318	10888	11374	11909	12520	13111	13941	14524	15228	
383	780	1302	1645	2284	2760	3464	3927	4724	5161	5920	6591	7134	7742	8466	8941	9499	9914	10369	11010	11387	11918	12599	13175	14063	14588	15327	
413	846	1316	1709	2303	2769	3545	3974	4725	5212	5929	6636	7140	7745	8468	8983	9500	9953	10404	11105	11531	11926	12687	13267	14076	14728	15395	
421	872	1353	1787	2354	2781	3547	4055	4779	5330	5977	6653	7172	7758	8485	9029	9504	9990	10429	11108	11552	11975	12736	13565	14151	14742	15457	
[illegible]	878	1359	1852	2401	2804	3634	4069	4883	5369	5999	6778	7195	7766	8565	9075	9543	10017	10449	11121	11561	12007	12757	13568	14181	14755	15495	

Всего 330 серій, составляющихъ 16.500 билетовъ, на сумму 2.310.000 рублей.

НЕВРАСТЕНІЯ

и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, невральгіи, спинная сухотка, параличи, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ" и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина", интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ Пель и С-вья С.П.Б.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

2236 12-10

ВОЙНА НЕ МѢШАЕТЪ РАБОТАТЬ.

На многочисленные запросы заинтересованныхъ лицъ сообщаемъ, что война не мѣшаетъ намъ работать:
КАКЪ ПРЕЖДЕ, мы продаемъ наши быстровязальныя автоматическія машины „Викторія" по цѣнѣ Р. 100.—.
КАКЪ ПРЕЖДЕ, всякій, купившій машину, становится нашимъ сотрудникомъ.
КАКЪ ПРЕЖДЕ, мы платимъ за работу дюжины паръ чулокъ или носковъ нашимъ сотрудникамъ по Р. 1.50.
КАКЪ ПРЕЖДЕ, наши сотрудники зарабатываютъ ежемѣсячно Р. 50.— и болѣе. 8273 3-2
Машины и разнообразная пряжа въ большомъ запасѣ на складѣ.
Машина вѣситъ около 1 пуда, желающимъ высылается по почтѣ.
Подробности по первому требованію безплатно.
Товарищество Вязальныхъ Машинъ ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ КЮНАУ и Ко (Лондонъ, Е. С. 114 Leadenhall Street).
ПЕТРОГРАДЪ, Невскій, 40—42. Отд. 11 В. МОСКВА, Красныя ворота, д. Афремова. Отд. 11 В. Нижній-Новгородъ, Главный домъ, 68.

ОТЪ ВСЕРОССІЙСКАГО ЗЕМСКАГО СОЮЗА.

Тѣсно сплотилась земская Русь. Она напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы облегчить страданія и прійти на помощь доблестнымъ защитникамъ родины. Война съ каждымъ днемъ увеличиваетъ число жертвъ, и съ каждымъ днемъ должна расти общественная помощь. Пусть же къ земствамъ примкнетъ все русское общество. Мы призываемъ его къ напряженію силъ и средствъ, къ дружному единенію съ Всероссійскимъ Земскимъ Союзомъ. Главноуполномоченный кн. *Львовъ.*

Пожертвованія деньгами и вещами принимаются въ Главномъ Управленіи Союза (Петровскія ворота, № 3) ежедневно во всякое время и во всѣхъ Губернскихъ и Уѣздныхъ земскихъ управахъ Россіи. 8223

К
ЗАОЧНЫЕ, САМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
УРСЫ БУХГАЛТЕРІИ И ПРОЧИХЪ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ
С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ
Москва, Староконюшенный, д. Курилко. 7.
ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО условія изученія коммерческ. наукъ по письменнымъ лекціямъ, вполнѣ замѣняющихъ устное преподаваніе.
3262 10-4

Вышли 4-мъ дополн. изданіемъ книга **Е. Д. Кирюшина:**
1) „ВЫЧИСЛЕНІЯ на СЧЕТАХЪ". 3231 2-1
Пріемы быстр вычисл. на всѣ 4 ариѳм. дѣйст. надъ цѣл., дробн. и имен. числ., пр. и сл. %% и проч. 184 стр. Ц. 1 р. 2) **„Сборн. зад. для упражн. на счет."**. 80 стр. Ц. 50 к. 3) Его же: **„Умн. и дѣл. при пом. особ. таблицъ"**. 72 стр. Ц. 50 к. Выпис. 3 назв. кн.—10% скидки. Нал. пл. (за скид.) — 2 р. 15 к., деньги и мар. — 2 руб. Адрес. **Москва,** Тверская, Бухгалт. курсы Езерскаго, **Е. Д. Кирюшину.**

КУРСЫ общед. ЗАОЧНЫЕ ком. самообр. ПРОГР.: 2-ая итальянск. и американская
БУХГАЛТЕРІЯ
СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи), коммерч. ариѳметика, коммерч. корреспонденція, ком. географія, товаровѣдѣніе. Курсъ правоп. КАЛЛИГРАФІИ, контор скорописи, ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА. БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ (труды професс. и препод. высш. и средн. учебн. завед.). Отзывы спец. благ. письма. АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА. Льготн. условія: разсрочка отъ 2 руб. Программы и пробныя лекціи высылаются БЕЗПЛАТНО. Адресъ: Книгоиздательство „Кругъ Самообразованія".— Петроградъ, Невскій, д. 57—11.

„ЛЕМАНЪ".

Мастерская сущ. съ 1889 г.

Скрипки, альты, віолончели, смычки и книги о скрипкѣ. Пріемъ инструментовъ въ починку, точная и совершенная гардеровка. **Струны** итальянскія и французскія, провѣренныя. **Смычки** англійскіе, французскіе и нѣмецкіе. **Дерево** и инструменты для построенія скрипокъ. **Лаки** собственнаго изготовленія. **Футляры** и все, что нужно для струнныхъ инструментовъ, отъ рѣдкихъ художественныхъ произведеній до самыхъ доступныхъ. Заказные инструменты выполняются по моделямъ Лемана и извѣстныхъ итальянскихъ мастеровъ. Ученическія скрипки отъ 30 руб. Все требуемое высылается наложеннымъ платежомъ по полученіи задатка въ размѣрѣ 1/3 стоимости выписываемаго товара. Запросы и деньги слѣдуетъ адресовать на имя **Л. А. Лашеевой, Петроградъ, Рузовская, 27, кв. 5.**

2-3 Каталогъ высылается безплатно. 8251

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Данилевскій, Г. П. Общедоступная библіотека А. Ф. Маркса: № 1. „Историческіе разсказы". № 2. „Украинскія сказки". Цѣна каждой книги **30 к.**, съ перес. **40 к.**

ЕЛКА ПО ПОЧТѢ

Настоящимъ увѣдомляемъ нашихъ покупателей, что по примѣру прошлыхъ лѣтъ мы начали высылку коллекцій украшеній и сюрпризовъ для ёлки.

НАШИ УСЛОВІЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫ:

Пересылка въ пред. Европ. Россіи **за счетъ фирмы.**
Отправка коллекцій наложен. платежомъ **безъ задатка.**

Коллекція изъ 146 предм. 1 руб. 90 коп. | *съ перес.*
Коллекція изъ 204 предм. 2 руб. 50 коп. | *съ перес.*
Коллекція изъ 268 предм. 3 руб. | *съ перес.*
Коллекція изъ 384 предм. 5 руб. | *съ перес.*
Кол. изъ 519 пр. 8 р., изъ 612 пр. 10 р., изъ 732 пр. 15 р., изъ 921 пр. 20 р., изъ 1184 пр. 25 р. съ пересылкой.

Въ интересахъ постоянныхъ покупателей въ этомъ году мы удачно измѣнили содержаніе коллекцій и дополн. ихъ интересн. новинками

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ БАЗАРЪ И. ГЛАЗУНОВА.

Москва, Столешниковъ, № 8.

Добросовѣст. и аккуратн. выполн. заказовъ гарантируется.
Описаніе коллекцій и каталогъ подарковъ **безплатно.**

3282 2-1

Библиотека "Руниверс"

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Высочайшее слово о мирѣ. 20 октября въ экстренномъ собраніи московскаго купеческаго сословія была сообщена телеграмма Государя Императора:

«Передайте московскому купечеству, что Я искренно цѣню и вмѣстѣ съ нимъ раздѣляю высказанныя имъ въ обращеніи ко Мнѣ чувства, и что всѣ его опасенія о возможности какихъ-либо мирныхъ переговоровъ до полнаго сокрушенія нашего врага напрасны. *НИКОЛАЙ*».

Высочайшая телеграмма послѣдовала въ отвѣтъ на слѣдующее всеподданнѣйшее обращеніе московскаго купечества къ Его Императорскому Величеству:

«Выражая вѣрноподданническія чувства по поводу успѣшныхъ дѣйствій нашихъ войскъ, московское купечество не можетъ не высказать, что его волнуютъ доходящія свѣдѣнія о стремленіи нашихъ враговъ начать тѣ или иные переговоры о мирѣ. Сознавая всю историческую важность и необходимость совершающихся событій, московское купечество, какъ и весь русскій народъ, желаетъ, чтобы эта война, хотя бы съ напряженіемъ всѣхъ силъ государства, была доведена до конца, и возможные переговоры могли бы начаться лишь тогда, когда наши побѣдоносныя войска будутъ находиться въ сердцѣ враждебной Германіи. Вмѣстѣ съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ болѣя всею душой о дорогой нашей родинѣ, мы считаемъ своимъ вѣрноподданническимъ долгомъ довести объ обуреваемыхъ насъ чувствахъ до свѣдѣнія Вашего Величества».

Чудо. Художникъ Н. И. Ижакевичъ для своего рисунка «Знаменіе Августовской побѣды», помѣщеннаго въ № 45 «Нивы», вдохновился событіемъ, случившимся въ рядахъ нашей арміи на восточно-прусскомъ фронтѣ наканунѣ боя подъ Августовомъ. Чудесное явленіе передано въ письмѣ генерала Ш., командовавшаго отдѣльною частью:

«... Послѣ нашего отступленія нашъ офицеръ съ цѣлымъ полуэскадрономъ видѣлъ видѣніе. Они только-что расположились на бивуакѣ. Было 11 час. вечера. Тогда прибѣгаетъ рядовой и говоритъ: «Ваше высокоблагородіе, идите». Поручикъ Р. пошелъ и вдругъ видитъ на небѣ Божью Матерь съ Іисусомъ Христомъ на рукахъ, а одной рукой указываетъ на Западъ. Всѣ нижніе чины стоятъ на колѣняхъ и молятся. Онъ долго смотрѣлъ на видѣніе. Потомъ это видѣніе измѣнилось въ большой крестъ и исчезло...»

Послѣ этого разыгрался бой подъ Августовомъ, ознаменовавшійся грандіозной побѣдой.

Къ области чудеснаго слѣдуетъ отнести и появленіе изъ пучинъ морскихъ образа Спасителя съ крейсера «Паллады», погребеннаго въ Балтійскомъ морѣ со всѣмъ своимъ экипажемъ. Святой образъ всплылъ на поверхность и священною реликвіей доблестнаго русскаго флота соединился съ памятью о нашихъ погибшихъ герояхъ-морякахъ въ храмѣ-памятникѣ Спаса на водахъ (см. стр. 875).

Въ заключеніе приведемъ изъ «Нов. Вр.» разсказъ о чудѣ, явленномъ при осадѣ крѣпости Осовца. «Въ крѣпостную осовецкую церковь влетѣлъ непріятельскій снарядъ. Угодилъ какъ разъ въ придѣлъ, разбилъ окно, повалилъ образъ, но престола не тронулъ. Словно силы небесныя оградили Крестъ и Евангеліе отъ погрома. И вотъ что особенно странно: самый снарядъ исчезъ... Какъ? Куда?.. Неизвѣстно. Въ церкви никого, кромѣ инвалида, не было. Искали, искали и поневолѣ въ чудо повѣрили. А что вы скажете относительно самой бомбардировки? Нѣмцы вѣдь не мальчики, а подъ Осовцомъ одно только орудіе у насъ подбили, надѣлали по всей мѣстности ямъ и получили за это на орѣхи. Послѣ всѣ у насъ опять говорили: «Чудо! чудо!» И когда еще великая княгиня Викторія Ѳеодоровна пріѣзжала, такъ передъ полками панихиду и благодарственный молебенъ служили. Дождь лилъ, какъ изъ ведра, во все время панихиды, а къ молебну, словно по чьему приказу, показалось солнце, и была такая картина, будто наша молитва была угодна Богу.

Чудо-крѣпость, доселѣ мало кому извѣстная, послѣ битвы записана въ ратное поминаніе каждаго русскаго воина».

Новая молитва. Сдѣлано распоряженіе, чтобы въ церковныхъ школахъ на утреннихъ и вечернихъ молитвахъ произносилась слѣдующая новая молитва:

«Спаси, Господи, и помилуй христолюбивое воинство наше и даруй ему на супостаты побѣду и одолѣніе. Воины же наши, на полѣ брани отъ враговъ раны пріимшіи, скоро воздвигни отъ одра болѣзни, а имъ же судилъ еси положити на брани души своя за Вѣру, Царя и Отечество, тѣмъ прости согрѣшенія ихъ, въ день праведнаго воздаянія воздаждь вѣнцы нетлѣнія во Царствіи Твоемъ».

Свѣдѣнія объ убитыхъ и раненыхъ. Главный Штабъ объявляетъ, что по содержанію поступившихъ отъ нѣкоторыхъ войсковыхъ частей дѣйствующей арміи свѣдѣній объ убитыхъ, раненыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ нижнихъ чинахъ составлены и отпечатаны именные списки этимъ нижнимъ чинамъ и разосланы всѣмъ начальникамъ губерній и областей для распубликованія, а также Петроградскому и Московскому градоначальникамъ съ просьбой разослать ихъ въ участковыя полицейскія управленія, которыя будутъ выдавать справки лицамъ, проживающимъ въ районѣ даннаго участка. Поэтому Главный Штабъ проситъ населеніе за справками о нижнихъ чинахъ обращаться въ столицахъ непосредственно въ полицейскія участковыя управленія, а не въ «особое отдѣленіе по сбору свѣдѣній о потеряхъ въ дѣйствующихъ арміяхъ» при Главномъ Штабѣ.

Именные списки нижнимъ чинамъ будутъ печататься незамедлительно по полученіи свѣдѣній изъ дѣйствующей арміи и, по полученіи свѣдѣній типографіи, отправляться вышеназваннымъ должностнымъ лицамъ.

Въ этихъ спискахъ, кромѣ именъ, отчествъ и фамилій нижнихъ чиновъ, помѣщены указанія: какой губерніи, уѣзда и волости выбывшій изъ строя, почему выбылъ (убитъ, раненъ, пропалъ безъ вѣсти), когда выбылъ (годъ, мѣсяцъ, число), какого вѣроисповѣданія, какое семейное положеніе выбывшаго. Главный Штабъ проситъ всѣ повременныя изданія перепечатать настоящее объявленіе въ интересахъ населенія на видномъ мѣстѣ.

Какъ писать въ Кавказскую армію. Въ видахъ обезпеченія правильной пересылки почтовыхъ отправленій и телеграммъ въ кавказскую армію, въ адресахъ такихъ отправленій и телеграммъ надлежитъ помѣщать отмѣтку: «Въ Кавказскую армію» и точно указывать чинъ, имя, отечество и фамилію адресата, а также названіе части или учрежденія, въ которомъ адресатъ служитъ. Примѣрный адресъ: Въ Кавказскую армію. 5-й пѣхотный Калужскій полкъ. Рядовому 7-й роты Николаю Кускову.

На подмогу. Мобилизація въ Пріамурьѣ, прошедшая весьма стройно, характерна высокимъ патріотическимъ подъемомъ. Между прочимъ, запасными двухъ волостей послана Верховному Главнокомандующему телеграмма слѣдующаго содержанія:

«Батько, идутъ къ тебѣ дѣтки на подмогу. Идутъ и кричатъ тебѣ ура».

Великій князь милостиво отвѣтилъ: «И радъ буду видѣть».

Корова — нѣмецкій парламентеръ. Когда французскіе окопы близъ Берри-о-Бака близко придвигались къ германскимъ, между врагами порою возникали забавныя, шаловливо-дѣтскія игры.

Одинъ французскій офицеръ повѣствуетъ: «Вечеромъ, чуть смолкла перестрѣлка, мы видимъ: скачетъ къ намъ какая-то нѣмецкая кляча. У клячи на шеѣ — цѣлая связка газетъ. Мы поймали клячу, заглянули въ газеты: все лживыя, хвастливыя реляціи о колоссальныхъ побѣдахъ. Къ газетамъ привязана записка:

«Добрый вечеръ, милые французики! Позвольте васъ поздравить съ пораженіемъ! Рады ли вы, что мы взяли Парижъ и разгромили Россію?»

Такимъ же маneромъ въ другой разъ прислали къ намъ нѣмцы въ качествѣ почтальона корову, привязавъ къ ея рогамъ кусокъ картона. На картонѣ была крупная надпись: «Comment vous portez-vous?»

Корова обошла всѣ преграды, даже колючую проволоку, но, когда мы на томъ же картонѣ написали столь же любезный отвѣтъ, корова отказалась итти къ нѣмцамъ. Мы гнали ее, махали руками, бросали въ нее камушки, щепки, нѣмцы кричали ей: «Komm! Komm!» Ничего не помогало. Какъ истинно-французская корова, она не желала имѣть дѣло съ пруссаками.»

Иногда французы, среди которыхъ было много отличныхъ музыкантовъ и артистовъ, устраивали въ окопахъ концерты на флейтахъ, на кларнетахъ и т. д. Нѣмцы громко аплодировали имъ, подпѣвали, кричали бисъ, отвѣчали такимъ же концертомъ, но нерѣдко за аплодисментами тотчасъ же слѣдовали пули.

Стыдно быть нѣмцемъ. Въ Лондонѣ на дняхъ повѣсился нѣмецкій купецъ Эрнстъ Клудасъ, 52 лѣтъ. Онъ оставилъ своей женѣ англичанкѣ такую записку: «Моя родина покрыла себя вѣчнымъ позоромъ. Мнѣ стыдно быть нѣмцемъ. Я не могу больше жить».

«Свиной» бунтъ. На «Гебенѣ» и «Бреслау» возникъ «свиной» бунтъ.

Матросы-нѣмцы требуютъ свинины. Коранъ запрещаетъ.

Турки, находящіеся на «Гебенѣ» и протестовавшіе противъ употребленія свинины, арестованы.

Завѣтъ русской матери. «Голосъ Руси» приводитъ текстъ письма матери, найденнаго у павшаго на полѣ брани юноши-офицера.

«Твой отецъ былъ убитъ за Ляояномъ, тебя я отдала святому дѣлу защиты нашей милой родины. Помни, что ты — сынъ героя. Мое сердце сжимается, и глаза плачутъ, когда я говорю тебѣ: «Будь его достоинъ!» Вѣдь я знаю весь роковой ужасъ этихъ словъ, и все-таки въ мукѣ за тебя повторяю ихъ. Насъ всѣхъ не будетъ. Что наша жизнь? Это капля въ океанѣ прекрасной России. Насъ всѣхъ не будетъ, но пусть цвѣтетъ и радуется она. Цѣлуя и благословляя тебя, я простилась съ тобою. Когда тебя пошлютъ на подвигъ, не помни моихъ слезъ, помни только мои благословенія... Да хранитъ тебя Богъ, мой дорогой, свѣтлый, любимый... Еще одно: враги—вездѣ пишутъ это—злы и дики, но не поддавайся слѣпой мести. Не подымай руки на лежащаго и будь милостивъ къ тѣмъ, кого изъ нихъ судьба отдастъ въ твои руки».

Это говоритъ русская мать! «Что же удивительнаго,— добавляетъ газета,— что у такихъ матерей сыновья — герои?»

Судъ Божій. Доблестныя дѣйствія нашихъ сверхъ-богатырей сокрушили не только ряды, но и умы нашихъ враговъ. По сообщенію Н. Кравченко, посѣтившаго поля бывшихъ героическихъ боевъ, въ Радомѣ ему передали характерный отзывъ о нашей арміи принца Іоахима, сына Вильгельма, и генерала Гинденбурга, командовавшаго германской арміей на восточномъ фронтѣ: «Русская пѣхота и русская артиллерія это—Судъ Божій».

Новыя ополченскія знамена. Съ образованіемъ ополченскихъ дружинъ 24 августа послѣдовалъ указъ о выдачѣ ополченцамъ старыхъ знаменъ 1855 года. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ однако такихъ знаменъ не оказалось, а въ нѣкоторыхъ число старыхъ знаменъ явилось недостаточнымъ. Въ виду этого послѣдовало распоряженіе, согласно которому городамъ и большимъ селеніямъ, гдѣ организованы дружины ополченцевъ, предоставлено право благословить свои дружины поднесеніемъ имъ знаменъ, которыя будутъ служить ополченцамъ дорогой святыней. Знамена можно заказывать въ женскихъ монастыряхъ. Кромѣ того, изготовленіе знаменъ для ополченцевъ приняло на себя петроградское земство.

Медали за усердную помощь раненымъ. Государь Императоръ 19-го октября на всеподданнѣйшемъ докладѣ Верховнаго начальника санитарной и эвакуаціонной части Его Императорскаго Высочества Принца Александра Петровича Ольденбургскаго о предоставленіи ему права награжденія медалями различныхъ степеней съ надписью «за усердіе» особенно отличившихся чиновъ и лицъ медицинскаго и санитарнаго персонала Собственноручно начертать соизволилъ: «Согласенъ, и въ крайнихъ случахъ—Георгіевскими медалями».

Противъ турокъ. Въ тифлисскую армянскую дружину записался 70-лѣтній старецъ, извѣстный боевикъ Кеворкъ Даралагескій, явившійся вмѣстѣ со своимъ 15-лѣтнимъ сыномъ. Корреспондентъ «Кавказскаго Слова», побывавшій на позиціяхъ, встрѣтилъ тамъ много школьниковъ. Гимназисты съ возмущеніемъ говорили: «Намъ не даютъ оружія, такъ мы будемъ бить курдовъ кулаками. Будемъ на передовыхъ позиціяхъ подавать патроны солдатамъ».

Въ южной Гуріи идетъ спѣшная организація отряда добровольцевъ. Въ кутаисское дворянское собраніе ежедневно является масса добровольцевъ, требующихъ пріема въ дружину. Одинъ глубокій старикъ заявилъ: «Если не запишете добровольно, самъ пойду».

Что посылать въ армію? По словамъ офицеровъ, пріѣзжающихъ съ позицій,

Библиотека "Руниверс"

лучше всего посылать табакъ. Онъ доставляетъ солдатамъ высшее удовольствіе:

Другая нужда — ложки. Ихъ поломали, растеряли, и теперь приходится ѣсть щи по очереди. Хотя деревянныя ложки и хрупки, но лучше посылать все-таки деревянныя: къ нимъ привыкли, онѣ не жгутъ губъ, что тоже очень важно въ походѣ, при ѣдѣ наскоро, и не ерзаютъ за голенищемъ, какъ металлическія, а другого хранилища для ложки солдаты обыкновенно не признаютъ.

Многіе шьютъ кисеты, кладутъ въ нихъ чай, сахаръ, почтовую бумагу. Чаю въ войскахъ довольно: его даетъ интендантство, а если его посылать помногу, то на имя части, потому что заваривають его не для каждаго, а сразу на роту. Лучше положить въ кисетъ сахару, табаку, пуговицъ, иголокъ съ моткомъ вощеныхъ нитокъ; а если хотятъ, чтобы кисетъ берегли и пользовались имъ, то лучше шить его изъ яркаго ситца.

Не лишнимъ было бы и сѣрое мыло. Получившій его лишній разъ вымоется самъ и простираетъ портянки, а въ пѣхотѣ это великая вещь. Многіе, посылая табакъ, забываютъ о бумагѣ, которую надо обязательно прикладывать, но не очень тонкую.

Изъ теплыхъ вещей посылаютъ шарфы, но дѣлаютъ ихъ шейными. Лучше дѣлать широкими: тогда они оборотомъ вокругъ тѣла замѣняютъ фуфайку и набрюшникъ. Вяжутъ теплые шлемы, но нынѣшняя папаха съ откиднымъ назатыльникомъ и подбороднымъ клапаномъ, введенная во всей арміи, съ успѣхомъ замѣняетъ ихъ. А о согрѣваніи ногъ забыли: въ сырую погоду ступни зябнутъ, и надо было бы шить теплыя портянки.

Пѣхотные офицеры, пріѣзжающіе изъ дѣйствующей арміи и берущіе съ собой къ частямъ подарки съ родины, просятъ посылать какъ можно больше суконныхъ, фланелевыхъ и т. п. портянокъ. Чулокъ посылать не стоитъ. Даже чулки безъ пятокъ не выдерживаютъ сравненія съ портянками, которыя можно при проношиваніи перематывать на ногѣ такъ, что пятка всегда будетъ закрыта цѣлымъ кускомъ.

Солдатъ-артиллеристъ пишетъ женѣ: «вышли шерстяныя перчатки, а не варежки: намъ, артиллеристамъ, нужно съ пальцами, а рукавички не годятся: въ нихъ неудобно ставить трубку и работать у дальномѣра».

Врачъ съ передовыхъ позицій сообщаетъ:

Въ письмахъ ко мнѣ меня все спрашиваютъ, «куда и что посылать?» Мой совѣтъ: посылайте въ передовыя (боевыя) части бѣлье, сахаръ, чай, махорку, бумагу для куренья, носки, холстъ для портянокъ и шерстяную матерію, уже раскроенную на портянки, трубки, набрюшники, башлыки и пр. Дѣло въ томъ, что положеніе раненыхъ въ этомъ отношеніи гораздо лучше. У насъ они не задерживаются, ихъ быстро эвакуируютъ, а на мѣстахъ уже окружаютъ заботливымъ уходомъ. Поэтому особенно важно не забывать защитниковъ отечества, терпящихъ нужду на передовыхъ позиціяхъ. Мы, врачи, всегда покупаемъ тамъ, гдѣ это возможно, табакъ, бумагу и пр. и раздаемъ нуждающимся въ нихъ солдатамъ. Присылайте всего перечисленнаго возможно больше!

Лазаретъ имени почившаго князя Олега Константиновича. Въ память почившаго героя въ Петроградѣ устроенъ на частныя средства лазаретъ на 30 раненыхъ солдатъ (Лиговская, 87). На торжествѣ освященія лазарета было прочитано трогательное стихотвореніе извѣстной поэтессы Т. Л. Щепкиной-Куперникъ.

О, юный витязь, князь Олегъ,
Герой невинный и прекрасный,
Съ душой, еще по-дѣтски ясной
И чистой, какъ нагорный снѣгъ.

Ты мирныхъ дней оставилъ дѣло,
Что совершалъ ты въ тишинѣ,
И, какъ Георгій на конѣ,
Въ ряды враговъ врубился смѣло,

И первымъ очутился ты,
Герой, средь вражескаго стана;
Потомъ — зіяющая рана
И мракъ могильной темноты.

Смерть, какъ цвѣтокъ, тебя скосила
На пажитяхъ родной земли...
А сколько бъ дать еще могли
Твои душа и умъ, и сила.

Но ты судьбой на утрѣ дней
Отозванъ къ горнему Престолу...
И кто главы не склонитъ долу
Предъ свѣтлой памятью твоей

И не захочетъ съ умиленьемъ,
Чтобъ милымъ именемъ твоимъ,
Какъ чистоты благословеньемъ,
Пріютъ смиренный былъ хранимъ?

Будь здѣсь съ солдатами своими;
И сладокъ будетъ ихъ ночлегъ,
Коль станетъ бодрствовать надъ ними
Ихъ юный витязь, князь Олегъ.

Сколько пролито голубой крови въ германской арміи? Потери въ командномъ составѣ германской арміи очень значительны. Въ числѣ убитыхъ уже насчитывается шесть принцевъ крови: гессенскій, три принца княжества Липпе и принцы княжествъ Вальдекъ и Рейсъ.

Арабы противъ турокъ. Турки очень озабочены поведеніемъ арабскихъ шейховъ. Разсчетъ на ихъ содѣйствіе рухнулъ. Шейхи вмѣсто агитаціи въ пользу священной войны задумываютъ, воспользовавшись затрудненіями Турціи, отложиться отъ нея. Настроеніе арабовъ характеризуется распространяемой прокламаціей, гласящей, что хранителями ученія пророка являются только арабы, и только они въ правѣ призывать къ священной войнѣ. «Мы — говорится въ прокламаціи — противъ войны, ибо мусульманскій міръ угнетаемъ турками. Намъ, первенцамъ пророка, необходимо соединиться для самоосвобожденія. Когда цѣль будетъ достигнута, мы, а не турки, созовемъ подъ священное знамя пророка мусульманъ міра, и возсіяетъ прежнимъ блескомъ полумѣсяцъ, потускнѣвшій во время владычества турокъ».

Герои-священники. По сообщенію газеты «Колоколъ», большинство священниковъ совершаетъ огромные переходы вмѣстѣ со своими полками. Ѣдутъ верхомъ въ рясахъ на лошадяхъ и очень рѣдко въ экипажахъ. Послѣдніе имѣются, главнымъ образомъ, у пѣхотныхъ частей. Въ кавалерійскихъ же частяхъ священники совершаютъ походы наравнѣ съ офицерами. Разсказываютъ про священника одного изъ гусарскихъ полковъ. Этотъ батюшка дни и ночи проводилъ на передовыхъ позиціяхъ, въ разъѣздахъ, въ ночныхъ пикетахъ, то и дѣло подвергаясь опасности быть обстрѣлянымъ и убитымъ. Пользуются батюшки у солдатъ и офицеровъ необычайной любовью. Многіе обращаются къ нимъ за утѣшеніемъ, за духовной помощью. Особенно часто обращаются солдаты съ разспросами о томъ, какъ общество будетъ помогать ихъ женамъ и дѣтямъ, оставленнымъ безъ призора. Бываютъ страшно рады, узнавъ, что тамъ... дома... въ Россіи дѣлается все возможное, чтобы облегчить ихъ участь и нужду. Находится много героевъ-священниковъ, которые въ трудную минуту сами кидались въ бой и одушевляли своимъ примѣромъ уставшихъ бойцовъ. Почти всегда передъ боемъ священники говорятъ проповѣди. Войска всегда рады этимъ теплымъ, сердечнымъ рѣчамъ. «За Христа, за святую Русь помремъ», — говорятъ они, и истово крестятся спокойные сѣрые герои.

Находчивость сенегальскихъ стрѣлковъ. Послѣдніе годы военной жизни въ Марокко познакомили французовъ съ бытомъ сенегальскихъ войскъ, отличающихся выдающейся храбростью и рѣдкой находчивостью. Вотъ что разсказываютъ объ одномъ черномъ поварѣ-солдатѣ. Во время отдыха послѣ большого перехода, сдѣланнаго стрѣлками, лейтенантъ, завѣдывающій хозяйствомъ, пошелъ осматривать офицерскую походную кухню своего отряда и провѣрить провизію. Къ его удивленію, въ курятникѣ недоставало двухъ цыплятъ. На строгій вопросъ начальника, гдѣ цыплята, черный поваръ серьезно отвѣтилъ, что ввѣренныя его попеченію птицы дезертировали. Еле удерживая улыбку, лейтенантъ посовѣтовалъ солдату разыскать къ слѣдующему утру дезертировъ, въ противномъ случаѣ онъ долженъ быть посаженъ подъ арестъ. Поваръ молча поклонился. Ночью онъ раздобылъ этихъ же и на всякій случай пріобрѣлъ еще двухъ лишнихъ. На вопросъ лейтенанта, откуда лишніе цыплята, поваръ невозмутимо отвѣтилъ: «Это добровольцы, господинъ лейтенантъ!»

Юлій Цезарь о бельгійцахъ. Геройскими подвигами отважныхъ бельгійцевъ восхищается весь свѣтъ. Слава этихъ рыцарей безъ страха и упрека растетъ съ каждымъ днемъ. Но она стара, страшно стара слава львовъ-бельгійцевъ! Она уже жила во времена великаго полководца Юлія Цезаря. Вотъ выдержка изъ его твореній, доказывающая эту славу:

«Вся Галлія раздѣляется на три части: въ одной изъ нихъ живутъ бельгійцы, аквитанцы въ другой, а третья населена кельтами, которыхъ мы называемъ галлами. Самые храбрые изъ нихъ—бельгійцы, такъ какъ они живутъ далеко отъ культурныхъ и цивилизованныхъ странъ и такъ какъ купцы, рѣдко навѣщающіе ихъ, крайне рѣдко привозятъ имъ предметы роскоши, разслабляющіе душу. Они сосѣди германцевъ, живущихъ по р. Рейну, и ведутъ съ послѣдними непрерывную войну. Они воюютъ почти ежедневно, то прогоняя германцевъ со своихъ границъ, то вторгаясь въ ихъ земли».

Цезарь имѣлъ полную возможность судить о доблести бельгійцевъ потому, что ему самому пришлось сражаться съ ними. Въ пятой книгѣ «Комментарій» онъ дѣлится тѣми свѣдѣніями, которыя онъ собралъ до начала борьбы съ бельгійцами. Вотъ они:

«Купцовъ они принимаютъ неохотно, не позволяютъ имъ привозить вино, а также ничего такого, что имѣетъ отношеніе къ роскоши, такъ какъ они увѣрены, что ихъ душевная твердость пострадала бы отъ этого, и храбрость уменьшилась бы. Они порицаютъ тѣхъ своихъ братьевъ, которые покорились римлянамъ и тѣмъ помрачили славу отцовъ и дѣдовъ. Они утверждаютъ, что никогда не пришлютъ посредниковъ и не примутъ никакихъ условій мира».

Событія показываютъ, что душа у бельгійцевъ все та же, что и много вѣковъ тому назадъ. Они не принимаютъ посредниковъ и отклоняютъ предложеніе мира. Слава безстрашнымъ львамъ!

Воззваніе къ американскимъ полякамъ. Выходящая въ Чикаго польская газета «Dzennik Zwiazkowy» помѣстила слѣдующую телеграмму на имя извѣстнаго польскаго дѣятеля въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ Яна Смульскаго:

«Соотечественники! Пришлите 20.000 поляковъ для борьбы съ тевтонами. Пусть они высадятся въ Англіи, чтобы соединиться съ англійской арміей, находящейся во Франціи. Родина призываетъ васъ! Полковникъ Юзефъ-Игнатій Падеревскій, Фортунатъ Стровскій, Янъ Стыка».

«Kurjer Warszawski», изъ котораго мы заимствуемъ настоящее сообщеніе, полагаетъ, что среди высадившихся въ Англіи канадскихъ войскъ находятся тысячи американскихъ поляковъ.

Штыкъ-пила. Когда французскія газеты помѣстили фотографическій снимокъ съ найденнаго на полѣ сраженія нѣмецкаго штыка-пилы, нѣмецкое оффиціальное «Агентство Вольфа» извѣстило, что этотъ «инструментъ» будто бы предназначается для пилки дерева. Объясненіе это ложно, такъ какъ оружіе подобнаго рода было въ употребленіи у нѣмцевъ еще во времена наполеоновскихъ войнъ. На цоколѣ Вандомской колонны, въ Парижѣ, въ числѣ трофеевъ находится нѣмецкая сабля-пила, подобранная на полѣ сраженія.

6/10 берлинцевъ — безъ рукъ и безъ ногъ. Одинъ шведскій дипломатъ, только-что прибывшій изъ Берлина, разсказываетъ, что всѣ улицы нѣмецкой столицы буквально усѣяны ранеными. Изъ каждаго десятка прохожихъ по крайней мѣрѣ шесть человѣкъ — съ повязками, безъ рукъ, на костыляхъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1914 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложеніями: Безъ дост. въ Петроградѣ **6 р. 50 к.**, съ дост. **7 р. 50 к.**; съ перес. по всей Россіи: на годъ **8 р.**, на 1/2 года **4 р.**, на 1/4 года **2 р.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

XLV г. — г. XLV

№ 46 — 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. **В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА,** 12 книгъ **Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній,** 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 15 ноября 1914 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.** **Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.**

Великая общеевропейская война.

(Хроника военныхъ дѣйствій).

Военныя дѣйствія на нашемъ австро-германскомъ фронтѣ пріобрѣтаютъ нѣсколько затяжной характеръ. Отброшенныя нами вражескія арміи, сумѣвшія сохранить прочно организованное ядро, быстро возстанавливаютъ свою временно утраченную боеспособность, задерживая наше преслѣдованіе систематической порчей дорогъ и взрывами мостовыхъ сооруженій, выгадываютъ время, чтобы оправиться отъ понесеннаго удара, подтягиваютъ къ себѣ новыя подкрѣпленія и пытаются мѣстами остановить наше дальнѣйшее преслѣдованіе, мѣстами же сами дерзаютъ переходить въ наступленіе. Попытки остановить наше вторженіе въ Восточную Пруссію въ районѣ Сталупенена, Іоганнисбурга и Сольдау нѣмцамъ до сихъ поръ не удавались. Русскія арміи крайняго праваго фланга побѣдоносно продвигаются впередъ, несмотря на то, что густая сѣть параллельныхъ желѣзнодорожныхъ линій въ нѣмецкомъ тылу даетъ возможность быстро сосредоточивать войсковыя массы въ любомъ пунктѣ. Огромное преимущество врага въ видѣ тактическаго использованія превосходныхъ путей сообщенія мы стараемся уравновѣсить путемъ усиленныхъ тыловыхъ рейдовъ молодецкой кавалеріи, которая, проникая въ глубь Восточной Пруссіи, совершаетъ отчаянно дерзкіе набѣги на непріятельскіе обозы, взрываетъ мосты, телеграфы, портитъ желѣзнодорожное полотно и т. д. Разсказы газетныхъ корреспондентовъ о лихихъ казачьихъ набѣгахъ въ тылу непріятельскихъ армій воскрешаютъ времена Денисовыхъ и Фигнеровъ. Въ страшно рискованныхъ предпріятіяхъ есть гдѣ развернуться личному мужеству и личной предпріимчивости. Талантливые кавалеристы находятъ широкое и благодарное поприще для проявленія легендарной храбрости, находчивости и неутомимости. Сами нѣмцы высоко оцѣнивають развѣдочную и разрушительно-тыловую работу русской кавалеріи.

Ихъ авторитетные военные писатели объясняютъ успѣхи русскаго наступленія удивительной развѣдкой, тонкимъ умѣньемъ русскихъ выискать наиболѣе слабое мѣсто противника и направить на него максимумъ силъ въ томъ расчетѣ, чтобы послѣ прорыва фронта въ слабѣйшемъ пунктѣ заставить путемъ усиленныхъ фланговыхъ атакъ въ обоихъ направленіяхъ и захожденія въ тылъ остающимся на позиціяхъ частямъ вынудить непріятельскую армію

Образъ Спасителя, находившійся на погибшемъ отъ вражеской мины крейсерѣ «Паллада» и всплывшій на поверхность моря. Найденный у острова Куггшеръ, образъ доставленъ въ Петроградъ и находится въ Храмѣ-памятникѣ Спаса на водахъ.

Библиотека "Руниверс"

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко кн. 23".

къ отступленію по всему фронту. Такимъ образомъ частичные прорывы въ слабыхъ пунктахъ неизмѣнно влекутъ за собою очищеніе и прекрасно защищенныхъ пунктовъ. Вообще въ веденіи нашего нынѣшняго наступленія на Восточную Пруссію чувствуется рука тонкаго знатока и мастера дѣла. Сравнивая общій ходъ второго и перваго вторженій, ясно видишь разницу между лихимъ набѣгомъ и строго обдуманнымъ наступленіемъ, между демонстраціей и настоящимъ ударомъ. Нынѣшній главнокомандующій нашей арміей въ сѣверо-восточной Пруссіи сразу придаетъ всѣмъ своимъ операціямъ печать прочности и непререкаемости. Между тѣмъ, кажется, никогда такъ рѣзко, какъ въ настоящую войну, не велась самая широкая игра занятыми городами и территоріями. И русскія и германо-австрійскія арміи какъ будто бы не придаютъ никакого значенія занятію отдѣльныхъ пунктовъ и цѣлыхъ районовъ и своей и непріятельской земли. Современные стратеги наступаютъ, чтобъ отступить, и отступаютъ безъ боя, чтобы черезъ недѣлю-другую вновь вернуть уступленное пространство обратно.

Бѣдные австрійцы уже четыре раза переходили Галицію и западную Польшу въ одномъ направленіи съ гордо распущенными знаменами, въ другомъ — уже безъ знаменъ и почти безъ пушекъ. Будемъ надѣяться, что ихъ послѣдняя прогулка дѣйствительно останется послѣдней. Мы тоже переходимъ черезъ всю Галицію счетомъ въ третій разъ. Захвативъ ее послѣ перваго австрійскаго разгрома, мы передъ началомъ новаго австро-германскаго наступленія очистили ее безъ боя, оставили даже обложенный Перемышль, чтобы вслѣдъ затѣмъ, собравъ всѣ наличныя силы въ кулакъ, однимъ ударомъ опрокинуть всю несмѣтную австро-германскую рать и снова безпрепятственно вернуть себѣ все то, что только было отдано безъ боя. Непосвященному въ стратегическія тайны читателю такіе пріемы кажутся очень странными и непонятными, а между тѣмъ на дѣлѣ они вполнѣ оправдываются результатами: не прошло и четырехъ недѣль со времени нашего стратегическаго очищенія западной Галиціи, какъ она уже вновь въ нашихъ рукахъ, и Перемышль снова обложенъ, и къ Кракову мы уже гораздо ближе, чѣмъ были до отступленія. Послѣ разгрома подъ Варшавой и Радомомъ вытѣсненіе нѣмцевъ съ русской территоріи тоже пріобрѣло характеръ окончательнаго рѣшенія судьбы. Однакоже искусственная задержка преслѣдованія, подходъ новыхъ корпусовъ и возможность тылового маневрированія при помощи густой сѣти германскихъ желѣзныхъ дорогъ позволили нѣмцамъ вновь сосредоточить между Вартой и Вислой густыя войсковыя массы и снова начать наступленіе противъ насъ по направленію отъ Плоцка на Варшаву. Однакоже новое движеніе непріятеля не застигло насъ врасплохъ и встрѣтило своевременно подготовленный отпоръ. Какъ на сѣверномъ флангѣ, такъ и здѣсь нѣмцамъ все равно придется отступить, потому что моральная сила русской арміи неизмѣримо больше нѣмецкой.

При такомъ неоспоримомъ превосходствѣ всѣ самыя тонкія стратегическія соображенія генерала Гинденбурга могутъ только продлить борьбу на лишнюю недѣлю, могутъ заставить насъ еще разъ попятиться на нѣсколько десятковъ верстъ назадъ, чтобы черезъ нѣсколько дней снова прогнать врага, но не могутъ измѣнить конечнаго исхода операціи, не могутъ нарушить рѣзко обозначившійся общій перевѣсъ нашихъ силъ и сдѣлать недѣйствительнымъ уже сложившееся рѣшеніе судьбы. Сознаніе или, вѣрнѣе сказать, мистическое ощущеніе послѣдняго до такой степени ясно чувствуется всѣмъ русскимъ обществомъ и всей русской арміей, что переходъ разбитыхъ германцевъ въ частичное наступленіе никого не поразилъ неожиданностью и ни въ комъ не вызвалъ большой тревоги. Къ новой рискованной операціи германскаго штаба всѣ отнеслись совершенно спокойно, съ полнымъ довѣріемъ къ нашему командующему составу и съ непоколебимой вѣрой въ благополучный исходъ завязавшихся на фронтѣ Плоцкъ—Ленчица боевъ.

На бельгійско-французскомъ фронтѣ послѣ безплоднаго самоистребленія на р. Изерѣ германцы по приказу Вильгельма въ еще большемъ масштабѣ повторили ту же операцію вокругъ Ипра и Диксмюнде. Въ этой безумной игрѣ имъ всего больше помогаетъ умѣнье перебрасывать свои войска по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ, сосредоточивая ихъ въ пунктахъ, выбранныхъ для нападенія. Захвативъ послѣ отчаянныхъ ночныхъ и дневныхъ атакъ оба эти пункта, германцы не были въ силахъ удержать за собою ни тотъ ни другой, особенно послѣ разлива воды, залившей ихъ траншеи, и сосредоточенія новыхъ силъ со стороны противника. Кровопролитная борьба за обладаніе аршинными и чуть не вершковыми полями сраженій, перестрѣлка изъ глубокихъ окоповъ, похожая на безконечное соревнованіе въ долготерпѣніи, продолжается, но все говоритъ, что она скоро надоѣстъ обѣимъ сторонамъ и закончится давно жданнымъ отступленіемъ къ Маасу. Для завоевателя, вторгшагося въ чужую сторону, сидѣть безконечно въ окопахъ не имѣетъ смысла. Если онъ не имѣетъ возможности итти впередъ, ему остается только повернуть назадъ. Горькій опытъ показалъ нѣмцамъ, что для нихъ нѣтъ дороги ни къ Парижу ни къ Ламаншу. Слѣдовательно, имъ приходится итти по единственной дорогѣ, которая открыта—по дорогѣ къ фатерланду. И рано ли, поздно ли, они пойдутъ по ней, потому что больше итти имъ рѣшительно некуда.

Не лучше обстоятъ и дѣла ихъ союзниковъ—младо-турокъ. Въ сущности, въ угоду Вильгельму Турція объявила намъ не настоящую, а скорѣе только символическую войну. Ея флотъ явно уклоняется отъ встрѣчи съ нашимъ, а ея армія, успѣвшая понести нѣсколько пораженій, даже и послѣ очищенія нами кеприкейскихъ позицій, игравшихъ роль подступовъ къ трудно доступному зимою Эрзеруму, лишена возможности вторгнуться въ русскіе предѣлы. Рѣшеніе судебъ Европы и Азіи во всякомъ случаѣ не на Востокѣ, а на Западѣ,—тамъ, гдѣ лицомъ къ лицу столкнулись наконецъ въ смертномъ бою вѣковые противники всемірно-исторической арены—славяне и германцы.

Нейтралитетъ державъ къ германскимъ беззаконіямъ.

(Политическое обозрѣніе).

Призывъ бывшаго президента С.-Американской республики Рузвельта къ активному дипломатическому выступленію Америки противъ германскихъ звѣрствъ толкуется многими только какъ красивый жестъ, способный служить невиннымъ украшеніемъ общественнаго дѣятеля, который вынужденъ самыми условіями своей политической карьеры снискивать себѣ популярность и симпатіи въ широкихъ кругахъ населенія. Нельзя отрицать, что громкая карьера Рузвельта изобиловала подобными жестами, нерѣдко носившими грубо рекламный характеръ. Тѣмъ не менѣе уже то обстоятельство, что теперь онъ ищетъ популярности, организуя моральный и политическій протестъ противъ нѣмецкаго варварства, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о господствующемъ среди американскаго общества настроеніи и показываетъ, куда дуетъ вѣтеръ народныхъ симпатій. Повидимому, всѣ затраты нѣмцевъ на германофильскую агитацію въ Америкѣ были сдѣланы совершенно непроизводительно. Варварское истребленіе памятниковъ искусства и старины въ Европѣ, свято чтимыхъ американскими туристами, а также естественное чувство племенного родства съ англичанами стихійно повернули стрѣлку народныхъ симпатій въ Америкѣ въ сторону союзниковъ. При сознаніи племенной солидарности отвлеченныя пожеланія пріобрѣтаютъ уже до нѣкоторой степени дѣловой, практическій характеръ.

Притомъ же, кромѣ племенной солидарности, есть еще и шкурная солидарность. Сегодня нѣмецъ воюетъ съ англичанами, французами и русскими, а вѣдь завтра онъ можетъ быть въ войнѣ и съ американцами. Сегодня онъ разрушаетъ Реймскій соборъ, а завтра будетъ обстрѣливать статую Свободы въ Нью-Іоркской гавани. Протестъ противъ незаконныхъ пріемовъ войны оправдывается эгоистическими интересами не только воюющихъ, но и невоюющихъ державъ. Но для того, чтобы онъ былъ сколько нибудь дѣйствительнымъ, необходимо, чтобы онъ не былъ только бумажнымъ. Въ этомъ смыслѣ Рузвельтъ совершенно правъ. Америка, какъ и Германія, подписывала постановленія Гаагской конференціи и, слѣдовательно, приняла на себя обязанность слѣдить за выполненіемъ послѣдней. Если, съ общаго согласія всѣхъ державъ, гуманные пріемы войны были признаны закономъ, то равнодушное созерцаніе нарушенія общечеловѣческихъ законовъ становится похожимъ на сознательное попустительство преступленія. Въ нравственномъ смыслѣ положеніе нейтральныхъ державъ въ высшей степени отвѣтственно и щекотливо. Всуе гуманные законы писать, ежели оные не исполнять. Ихъ торжественное сочинительство при полномъ безразличіи относительно ихъ нарушенія въ жизни превращается въ лживый актъ международнаго лицемѣрія и въ сознательный обманъ народовъ.

Подписавъ правила международнаго соглашенія, каждая держава тѣмъ самымъ приняла на себя обязательство слѣдить за

Библиотека "Руниверс"

ихъ строгимъ выполненіемъ. Подобно тому, какъ законы отдѣльной страны выполняются каждымъ ея гражданиномъ подъ вынужденіемъ всего общества въ лицѣ судебной, полицейской и даже военной власти, точно такъ же цѣлыя государства должны понуждаться къ исполненію международныхъ законовъ всею совокупностью государствъ цивилизованнаго міра. Если Америка придаетъ подписаннымъ ею постановленіямъ Гаагской конференціи значеніе обязательствъ, она обязана или формально потребовать отъ Германіи безпрекословнаго выполненія основныхъ правилъ международной порядочности, или же объявить ей войну, по примѣру Англіи, объявившей Германіи войну за нарушеніе подписаннаго ею нейтралитета Бельгіи. Можно соблюдать строгій нейтралитетъ въ войнѣ народовъ, но когда обезумѣвшій народъ возсталъ на борьбу съ правомъ и этикой, съ культурой и цивилизаціей, когда онъ въ изступленіи національной гордыни дерзко попираетъ всѣ законы божескіе и человѣческіе, тогда уже нейтралитетъ по отношенію къ беззаконіямъ превращается въ попустительство и падаетъ несмываемымъ позоромъ на головы слишкомъ равнодушныхъ къ этической оцѣнкѣ политиковъ. Въ этомъ вопросѣ нельзя не согласиться съ Рузвельтомъ.

Его Императорское Величество Государь Императоръ, Ея Императорское Величество Государыня Императрица, Ея Императорское Высочество Великая Княжна Ольга Николаевна, Ея Императорское Высочество Великая Княжна Татьяна Николаевна. 1. Витебскій губернаторъ, шталмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества Арцимовичъ. 2. Замѣститель предсѣдателя двинской земской управы А. Н. Яблоновскій. 3. Бывшій членъ 3-й Государственной Думы, гласный земства М. К. Ермолаевъ. 4. Членъ земской управы И. Ө. Козловъ. 5. Старшій врачъ двинскаго земскаго госпиталя д-ръ А. М. Пальмовъ. 6. Младшій врачъ двинскаго земскаго госпиталя д-ръ Риппе. Дамы-патронессы и сестры милосердія-добровольцы.

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Двинскѣ, 2 ноября с. г. Посѣщеніе Ихъ Императорскими Величествами двинскаго земскаго госпиталя, учрежденнаго на средства двинскаго уѣзднаго земства. Госпиталь оборудованъ на 100 кроватей.

* * *

Я звалъ тебя когда-то въ умиленьѣ, —
Моей мольбѣ ты не хотѣла внять.
Я ждалъ твоей любви, какъ обновленья, —
Но нѣтъ, ты не пришла меня понять!

Я помню балъ... Я помню блескъ жемчужный
Хрустальныхъ люстръ... И были мы съ тобой
Въ весельѣ томъ не близкою, не дружной,
Но чуждою, холодною четой.

Слова любви, рождаясь, умирали,
Убитыя, какъ холодомъ зимы.
И голосъ твой былъ холоднѣе стали,
И былъ твой милый взоръ темнѣе тьмы.

И ты ушла въ туманность грезъ далеко —
И тѣнь твоя меня манила въ даль.
Я былъ одинъ по повелѣнью рока,
И было все кругомъ меня — печаль.

И вотъ сейчасъ съ крестомъ на бѣломъ платьѣ —
Видѣніе печали и добра —
Ты надъ моей склоняешься кроватью,
Святая милосердная сестра.

Исчезло все былое безъ возврата,
Ужъ я не тотъ, и ты совсѣмъ не та —
Насъ сочетали прежнихъ чувствъ утрата
И новыхъ чувствъ святая красота.

Ужъ я не тотъ... Сраженный вражьей сталью,
Калѣка я... Прошла моя пора...
И братскою любовью и печалью
Теперь съ тобой мы вѣнчаны, сестра!

Борисъ Ландшевскій.

Библиотека "Руниверс"

Корнетъ Н. А. фонъ-Рутценъ. Капитанъ В. Ф. Гильдебрандтъ. Прапорщикъ Б. Ю. Серкъ. Подпоручикъ Н. П. Гессе. Капитанъ Б. К. Нищенко.

Капитанъ В. Е. Авдѣевъ. Штабсъ-капитанъ А. П. Масловъ. Поручикъ А. И. Кутузовъ. Штабсъ-капитанъ А. Г. Фуликовъ. Поручикъ В. И. Штольцеръ.

Лейтенантъ В. И. Князевъ. Корнетъ П. Г. Карцевъ. Корнетъ Г. Г. Христіани. Прапорщикъ С. В. Пирамидовъ. Подпоручикъ М. Ѳ. Гусевъ.

Подполковникъ А. Г. Корниловъ. Капитанъ М. В. Гилеровичъ. Капитанъ Н. В. Степановъ. Поручикъ А. А. Осининъ. Капитанъ Е. Г. Сербуловъ.

Поручикъ А. А. Якимовичъ. Войсковой старшина князь Д. А. Хилковъ. Штабъ-ротмистръ А. А. Шевцовъ. Штабсъ-капитанъ А. К. Кочмержевскій. Прапорщикъ А. В. Боковъ.

Библиотека "Руниверс"

Первая помощь подъ огнемъ.

23 октября с. г. отправился на театръ военныхъ дѣйствій вновь сформированный по мысли Великой Княгини Маріи Павловны отрядъ для подачи раненымъ первой помощи подъ огнемъ врага. Главная цѣль отряда—слѣдовать непосредственно за частью войскъ и подавать первую помощь тотчасъ же по полученіи раны. Въ составъ отряда вошли: докторъ Б. Н. Лыжинъ, сестра милосердія В. В. Скачкова, пять санитаровъ (они же—кучера), одинъ доброволецъ—братъ милосердія іеромонахъ о. Арсеній, и, какъ уполномоченный отряда, игуменъ камчатской миссіи о. Несторъ. Весь отрядъ съ инвентаремъ посаженъ на трехъ повозкахъ и одномъ тарантасѣ. Повозки сдѣланы по образцу обыкновенныхъ крестьянскихъ телѣгъ, на которыхъ возятъ сѣно съ луговъ въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ дорогъ, а есть канавы и болота, а тарантасъ—типа сибирскихъ коробковъ на дрожинахъ, выдерживающій въ Сибири огромные перегоны по тайгѣ безъ дорогъ.

Въ Львовѣ.

(Отъ собственнаго корреспондента „Нивы").

(Окончаніе).

Что̀ дѣлалось въ Львовѣ? Тамъ нѣсколько дней царило тревожное затишье, въ особенности въ первыхъ числахъ октября, когда австрійцы навалились на нашъ лѣвый флангъ въ безплодной попыткѣ обойти насъ и отрѣзать Львовъ отъ путей сообщенія съ Россіей.

Улицы опустѣли, магазины стали закрываться, населеніе попряталось. Собирались на перекресткахъ четыре-пять человѣкъ, о чемъ-то шушукались. Чувствовалось что-то тревожное.

Но мы геройски отбили нападеніе, далеко прогнали отъ Самбора австрійцевъ и затѣмъ разбили ихъ на голову—и населеніе Львова какъ будто сразу увеличилось, всѣ высыпали на улицу, магазины открылись, городъ ожилъ, и теперь его жизнь бьетъ ключомъ, съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе.

Характерно, что во время этихъ боевъ жители Львова знали обо всемъ происходящемъ на нашемъ галиційскомъ фронтѣ гораздо лучше и скорѣе насъ, пребывающихъ здѣсь русскихъ. Что̀ дѣлается въ Галиціи, мы узнавали изъ телеграммъ Петроградскаго Агентства, передававшихся сюда изъ Петрограда, да изъ разсказовъ офицеровъ, случайно пріѣзжавшихъ въ Львовъ изъ арміи. Мѣстные жители получали, очевидно, свѣдѣнія, передававшіяся изъ устъ въ уста, и эти свѣдѣнія доходили куда скорѣе, чѣмъ официальныя телеграммы.

Мы безусловно увѣрены, что Галиція отнынѣ наша, и никакія силы не заставятъ насъ отдать ее.

Львовскіе торговцы быстро учли благопріятный моментъ и также быстро перевели кроны на рубли: что̀ стоило три кроны, сто̀итъ теперь три рубля, и что̀ стоило нѣсколько талеровъ, теперь стоитъ столько же копеекъ.

Австрійскихъ денегъ въ обращеніи совершенно нѣтъ, онѣ исчезли,—это дѣло рукъ мѣстныхъ спекулянтовъ. Австрійская крона теперь стоитъ низко—30 коп., она упала въ цѣнѣ почти на треть, спекулянты надѣются, что съ окончаніемъ войны она дойдетъ до своего прежняго курса—и хорошій барышъ обезпеченъ. Спекулянты и торговцы радуются, бо̀льшая же часть населенія буквально страдаетъ отъ наступившей дороговизны.

Много горя и слезъ видѣлъ Львовъ за періодъ войны. Австрійскіе банки выѣхали въ Вѣну, забравъ всѣ деньги населенія. Не только частные банки, но и Австро-Венгерскій банкъ, игравшій здѣсь роль нашего Государственнаго банка, удралъ, увезя съ собою всѣ суммы частныхъ лицъ, бывшія на текущемъ счету, всѣ цѣнныя бумаги и всю валюту.

Вчерашніе богачи оказались нищими. Фабрично-заводская промышленность, торговля, подвозъ съѣстныхъ припасовъ, движеніе поѣздовъ, почта, телеграфъ—все пріостановилось. Настали страдные дни: населеніе голодало, въ городѣ не было хлѣба, соли, сахару, мяса.

Семьи двѣнадцати тысячъ австрійскихъ чиновниковъ, три мѣсяца уже не получающихъ жалованья, семьи банковыхъ и конторскихъ служащихъ, телефонистки, приказчики, фабричные служащіе—всѣ остались безъ куска хлѣба. Многіе отцы семействъ бѣжали въ Австрію, бросивъ женъ и дѣтей.

Наше правительство въ лицѣ галиційскаго генералъ-губернатора гр. Г. А. Бобринскаго пришло на помощь населенію, оно дало безплатно мѣстному магистрату тысячи пудовъ хлѣба, муки, консервовъ, сахару, соли; оно разрѣшило ежедневно доставлять для нуждъ города десять вагоновъ съ провіантомъ, заставило понизить цѣны на продукты первой необходимости, но у правительства главная забота—благосостояніе нашей арміи, подвозъ ей всего необходимаго, и всѣхъ нуждъ населенія оно не можетъ восполнить.

Теперь цѣны понизились, но все-таки онѣ значительно выше нормальныхъ.

Въ Львовѣ ощущается до сихъ поръ большой недостатокъ въ углѣ, дровахъ и керосинѣ, печей нигдѣ не топятъ, даже въ гостиницахъ холодъ ночью отчаянный. Желѣзныя дороги не могутъ провозить частныхъ грузовъ для такого большого города, какъ Львовъ; ихъ главная забота, какъ я сказалъ, обезпеченіе арміи, лошадей же забрали австрійцы при своемъ отступленіи. Бѣднѣйшее населеніе Львова волокомъ тащитъ изъ ближайшихъ рощъ и лѣсовъ только-что срубленныя деревья и продаетъ ихъ по 20 коп. пудъ,—сажень дровъ такимъ образомъ обходится въ 40 рублей. Тащить волокомъ дерево на верезкѣ за нѣсколько верстъ—это тяжелый трудъ, много не протащишь.

Въ вечерній часъ, когда заботами нашей администраціи на главныхъ улицахъ горитъ электричество, когда толпы народа суетливо идутъ мимо оконъ освѣщенныхъ лазаретовъ; когда всюду царитъ оживленіе благодаря присутствію нашихъ офицеровъ, солдатъ, персонала многочисленныхъ отрядовъ Краснаго Креста, общеземской и общедворянской организацій, госпиталей; когда въ толпѣ то и дѣло слышится русская рѣчь,—можетъ показаться, что городъ живетъ своей нормальной жизнью, но это уличное движеніе обманчиво: нормальная жизнь въ Львовѣ еще не вошла въ свою колею, война наложила на нее свой тяжелый отпечатокъ.

Въ девять часовъ вечера всѣ обязаны быть дома, движеніе замираетъ до утра, только изрѣдка проѣдетъ казачій патруль, да на углахъ улицъ расхаживаетъ мѣстная милиція, совсѣмъ штатская—въ черныхъ котелкахъ или рыжихъ мятыхъ шляпахъ, въ длинныхъ штатскихъ пальто, съ перевязью на рукавѣ, съ торчащимъ изъ кармана эфесомъ какой-то очень сверкающей рыцарской шпаги.

Завоеванный городъ спитъ, и только луна освѣщаетъ многочисленныя статуи католическихъ святыхъ, съ мольбою протягивающихъ къ небу свои мраморныя руки...

Положеніе сельскаго населенія Галиціи, тѣхъ мѣстностей, гдѣ шли бои и гдѣ отступали разбитыя австрійскія войска, поистинѣ ужасно. Дома, жилища, сараи, амбары сожжены, разрушены, стоятъ безъ крышъ, скота нѣтъ: коровы съѣдены, лошади взяты австрійцами, поля разорены, картофель выкопанъ, а главное—все почти мужское населеніе, сколько-нибудь способное носить оружіе, уведено австрійцами.

Наше правительство оказываетъ всякаго рода помощь сельскому населенію, посылаетъ хлѣбъ и провіантъ, устраиваетъ безплатныя столовыя, даетъ сѣмена для обсѣмененія полей, но нужда велика, и помощь нужна въ колоссальныхъ размѣрахъ.

Русское общество, судя по приходящимъ сюда хотя и очень запоздалымъ газетамъ, живо откликнулось на помощь пострадавшей Польшѣ, но и тутъ вѣдь такая же нужда, если не больше, однако о частной помощи изъ Россіи здѣсь ничего не слышно.

Наша почта въ Львовѣ пока находится въ зачаточномъ состояніи: письма можно сдавать только въ одномъ мѣстѣ, въ почтамтѣ, нашихъ почтовыхъ ящиковъ еще нѣтъ, а австрійскіе стоятъ закрытыми, нѣтъ пока отправки заказныхъ писемъ, частнымъ лицамъ пока недоступна отправка телеграммъ и денегъ въ Россію и обратно. Въ львовскомъ почтамтѣ до занятія его нашими войсками работало нѣсколько сотъ чиновниковъ и почтальоновъ, теперь же персоналъ нашихъ почтовыхъ чиновниковъ не болѣе тридцати.

Библиотека "Руниверс"

Они работаютъ сверхъ всякихъ человѣческихъ силъ, стараясь удовлетворить и облегчить связь нашей арміи съ родиной, и не ихъ вина, если они не всегда успѣваютъ въ этомъ. Разобраться въ той горѣ писемъ и посылокъ, которую ежедневно шлетъ Россія своимъ сынамъ, при такомъ немногочисленномъ персоналѣ,—трудъ тяжелый, скажу болѣе—трудъ каторжный. Отправить письма изъ арміи въ Россію, сложивъ ихъ въ соотвѣтствующія почтовыя сумки, гораздо легче,—вотъ почему, вѣроятно, письма изъ арміи въ Россію доставляются чаще и скорѣе, чѣмъ въ армію изъ Россіи.

Характерно, что запертые и теперь бездѣйствующіе австрійскіе желтые почтовые ящики, съ австрійскимъ гербомъ, повсюду развѣшанные въ городѣ, хранятъ одну дату, очень дорогую и важную для насъ.

На нашихъ русскихъ почтовыхъ ящикахъ обыкновенно пишутся часы выемки писемъ, на австрійскихъ же вставляется особая бѣлая металлическая пластинка, на которой отпечатанъ часъ ближайшей выемки писемъ. Теперь на всѣхъ австрійскихъ ящикахъ одна дата: 4 ч. 30 м.

Это—дата взятія Львова нашими войсками.

Въ 4 часа дня наша армія заняла городъ, и австрійскіе почтальоны попрятались, не успѣвъ опорожнить почтовыхъ ящиковъ. Такъ и до сихъ поръ въ нихъ лежитъ почтовая корреспонденція.

Первымъ буквально влетѣлъ во Львовъ по опустѣвшимъ улицамъ автомобиль желѣзнодорожнаго батальона, за нимъ съ другого конца—передовой разъѣздъ, сообщившій генералу Рузскому, что городъ очищенъ непріятельскими войсками.

Населеніе растерялось, власти австрійскія бѣжали.

Офицеры передовыхъ нашихъ отрядовъ, вступивъ въ городъ, отправились обѣдать. Нѣкоторые вошли въ залу одного изъ лучшихъ ресторановъ—ресторана Жоржъ. Былъ обѣденный часъ въ Львовѣ.

При появленіи русскихъ офицеровъ мѣстная публика встала съ своихъ мѣстъ. Офицеры приказали подать шампанскаго (это былъ единственный день, когда можно было пить шампанское въ Львовѣ), велѣли разнести бокалы всѣмъ присутствующимъ и провозгласили тостъ за здравіе Государя Императора и за русскую армію.

Всѣ присутствующіе кричали „ура“. Оркестру приказано было играть нашъ гимнъ. Оркестръ сыгралъ, правда, на память,—онъ его не совсѣмъ хорошо зналъ—но сыгралъ, хотя и съ музыкальными ошибками. Публика слушала гимнъ стоя.

Вс. Надеждинъ.

Бельгійскій развѣдчикъ, вскарабкавшись на телеграфный столбъ, высматриваетъ расположеніе непріятеля.

Бельгія. Блиндированный поѣздъ, покинувшій Антверпенъ и оперирующій противъ непріятеля на французской территоріи.

Бельгія. На блиндированномъ поѣздѣ. Стрѣльба по непріятелю.

Бельгія. На блиндированномъ поѣздѣ. Въ огнѣ.

Библиотека "Руниверс"

Морисъ Метерлинкъ.

Очеркъ **Б. П. Никонова.**

I.

Трудно найти писателя, который былъ бы болѣе сыномъ своей родины, чѣмъ Морисъ Метерлинкъ.

Метерлинкъ, какъ писатель, выросъ цѣликомъ изъ духовнаго существа Бельгіи. Обвѣянный съ дѣтства ея мистицизмомъ и философской поэзіей ея прошлаго, онъ съ особенной любовью штудировалъ средневѣковыхъ мистиковъ—Рюисбрека Удивительнаго, Новалиса, Эмерсона, изучалъ романтиковъ вѣка королевы англійской Елисаветы и въ нихъ почерпнулъ свою удивительную по оригинальности и свѣжести философію и свой мистицизмъ и романтизмъ. Въ этихъ источникахъ слѣдуетъ искать первопричину метерлинковскаго символизма, не всегда понятнаго для того, кто читаетъ произведенія Метерлинка, не познакомившись предварительно съ его философскими воззрѣніями. Знакомиться же съ ними не представляетъ затрудненія, потому что Метерлинкъ самъ позаботился о томъ, чтобы приблизиться къ читателю. Въ его философско-поэтическихъ трактатахъ — напримѣръ, „Сокровище Смиренныхъ“ или „Погребенный Храмъ“—мы находимъ полное объясненіе его взглядовъ, убѣжденій и поэтическихъ тенденцій.

Домъ на одной изъ главныхъ улицъ Антверпена, разрушенный германской бомбардировкой.

Говоря о творчествѣ Метерлинка, невольно вспоминаешь нашу русскую легенду объ озерѣ Свѣтлоярѣ.

Въ Свѣтлоярѣ таится незримый свѣтлый городъ Китежъ. Онъ ушелъ въ волшебное озеро и существуетъ тамъ и понынѣ. И тотъ, кто чистъ душою, кто добръ и свѣтелъ духомъ, какъ дитя, тотъ можетъ слышать звонъ колоколовъ китежскихъ храмовъ и видѣть самый городъ. На озерѣ какъ бы параллельно существуютъ двѣ жизни, два существованія: одно—незримое простому человѣку, но настоящее, истинное, и другое—видимое, но ненастоящее, недостойное того, чтобы къ нему обращаться духомъ и сердцемъ.

Эта двойственность, этотъ дуализмъ видимаго-ненастоящаго и незримаго-истиннаго проникаетъ собою все творчество бельгійскаго поэта. Параллельно съ нами, съ нашей будничной жизнью, съ нашими скорбями и радостями существуетъ незримый міръ духа, въ которомъ все—свѣтъ и истина. Кромѣ дѣйствительности реальной, существуетъ дѣйствительность нереальная, въ которой однако и таится настоящая реальность. Здѣсь говорятъ и дѣйствуютъ люди, тамъ—души. И царство душъ неизмѣримо значительнѣе здѣшняго видимаго царства людей, и тѣ мелкія, будничныя событія и случайности повседневной жизни, которыя не окрашены ни значительностью, ни поэзіей, ни трагизмомъ, тамъ—въ царствѣ душъ—принимаютъ важную и яркую окраску, и все простое здѣшнее находитъ тамъ особый серьезный и даже трагическій откликъ. И такъ вся жизнь людей проходитъ параллельно съ жизнью душъ. И задача поэтическаго творчества—ввести насъ въ тайны высшаго міра и подслушать бесѣду душъ.

Нѣмцы въ Бельгіи. Генералъ фонъ-деръ-Гольцъ, назначенный генералъ-губернаторомъ Бельгіи, въ разоренномъ Брюсселѣ.

Люди между собою, по словамъ Метерлинка, бесѣдуютъ двойнымъ языкомъ: языкомъ словъ и неслышнымъ языкомъ душъ. Поэтому молчаніе—болѣе важный актъ сравнительно съ словами. Молчаніе Метерлинкъ вообще разсматриваетъ, какъ нѣчто особо цѣнное, какъ наилучшій способъ „разговора душъ“.

„Въ молчаніи скрываются богатѣйшія истины,—говоритъ Метерлинкъ.—Въ обѣтованной землѣ царитъ молчаніе, а въ надзвѣздномъ мірѣ душа забываетъ всѣ свои горести и слова“... Метерлинкъ идетъ и далѣе: „Всякое безпокойное движеніе испытующей мысли даже мѣшаетъ жить другой жизнью, которая

Изъ героической эпопеи защиты Антверпена. Моряки доставляютъ боевые припасы въ траншеи.

Библиотека "Руниверс"

скрывается въ тайнѣ". „Чтобы познать то, что существуетъ реально, надо воспитывать между людьми молчаніе, ибо только въ молчаніи распускаются неожиданные и вѣчные цвѣты, мѣняющіе форму и окраску согласно душѣ, близъ которой мы находимся. Души взвѣшиваются въ молчаніи, какъ серебро и золото въ чистой водѣ, и произносимыя нами слова имѣютъ смыслъ только благодаря молчанію, въ которомъ они плаваютъ"... („Сокровище Смиренныхъ"). „Уже наши души говорятъ раньше, чѣмъ откроются уста". „Покуда ты говоришь, слышу голосъ своей души. Когда же умолкаю, звучитъ твоя душа". („Аглавэна и Селизетта"). „Мы обмѣниваемся словами лишь въ тѣ часы, когда не живемъ". („Сокровище Смиренныхъ").

II.

Все творчество Метерлинка поглощено душою человѣка: для него—альфа и омега эта таинственная область „незримаго реальнаго". Онъ хочетъ приподнять завѣсу надъ потусторонними тайнами и проникнуть въ природу высшихъ силъ. Метерлинкъ ставитъ насъ прямо предъ великой бездною потусторонней жизни и пытается даже охватить ея пространственную величину. Какъ и въ своемъ догматѣ молчанія, онъ здѣсь бросаетъ ослѣпительные каскады глубочайшихъ и нѣжныхъ афоризмовъ, которые съ перваго взгляда также кажутся парадоксами, но въ которыхъ свѣтятся истинная мудрость и проникновенность въ то, чего еще не видѣлъ и не слышалъ никто.

Царство души громадно. „Неизвѣстно, до какихъ предѣловъ душа простирается вокругъ человѣка" („Непрошенная Гостья"). Но наступятъ времена, когда царство души станетъ совсѣмъ близко къ намъ. „Настанетъ время (а многое возвѣщаетъ, что оно уже приближается), когда души будутъ узнавать одна другую безъ посредства чувствъ". „Нѣтъ сомнѣнія, что область духа съ каждымъ днемъ больше и больше расширяется. Теперь душа гораздо ближе отъ нашего видимаго существа и принимаетъ въ нашихъ дѣйствіяхъ гораздо большее участіе, чѣмъ два-три вѣка назадъ" („Сокровище Смиренныхъ"). Въ исторической жизни человѣчества Метерлинкъ различаетъ цѣлые періоды, когда душа спала и ничѣмъ не проявляла своего присутствія. Такими были, напримѣръ, „прекрасные вѣка, когда царствовали красота и образованность, но душа не показывалась совсѣмъ. Такъ, она очень далека отъ Греціи и Рима". Наоборотъ, „то, что намъ извѣстно о древнемъ Египтѣ, позволяетъ предполагать, что онъ прошелъ черезъ одинъ изъ такихъ духовныхъ періодовъ" („Сокровище Смиренныхъ"). Въ настоящее время, по убѣжденію Метерлинка, душа опять всплываетъ на поверхность человѣчества: „Люди становятся ближе къ самимъ себѣ и къ своимъ братьямъ, они начинаютъ смотрѣть другъ на друга и любить серьезнѣе и задушевнѣе. Они понимаютъ нѣжнѣе и глубже ребенка, женщину, животныхъ, природу и предметы". И, быть-можетъ, уже близко то время, когда „вся душа, подобно чистой водѣ, вырвется изъ глубины печали" („Алладина и Паломидъ"). Въ настоящее время душа съ ея тайнами становится такъ близка къ человѣку, что „крестьянинъ, которому былъ бы данъ внезапно даръ выразить то, что у него въ душѣ, высказалъ бы въ наши дни то, чѣмъ еще не обладала душа Расина". „Гамлетъ, смотрящій на Клавдія или свою мать, научился бы теперь тому, чего тогда еще не зналъ, ибо, кажется, теперь души не окутаны такимъ же числомъ покрывалъ, какъ прежде" („Сокровище Смиренныхъ").

Душа настолько начинаетъ проникать бытіе людей, что уже трудно становится укрыть сокровенныя мысли отъ посторонняго. „Знаете ли вы, что если вы сегодня утромъ опечалили хоть одну душу, душа крестьянина, съ которымъ вы станете бесѣдовать о грозѣ или дождѣ, была объ этомъ увѣдомлена еще раньше, чѣмъ рука его открыла вамъ дверь?" („Сокровище Смиренныхъ"). Вспомнимъ то, что Метерлинкъ говоритъ о молчаніи и о разговорѣ душъ. Теперь такой разговоръ, такое общеніе неизмѣримо возможнѣе и легче, чѣмъ два-три вѣка тому назадъ. Люди говорятъ о дождѣ, о солнцѣ, объ ѣдѣ, но души ихъ въ этотъ моментъ ведутъ иной разговоръ, неизмѣримо важнѣйшій, быть-можетъ, рѣшающій ихъ судьбу... И такое непосредственное общеніе душъ теперь становится все непосредственнѣе и легче... И легче и непосредственнѣе теперь воздѣйствуетъ на человѣка „внутренняя красота" и „незримая доброта", коренящіяся все въ томъ же великомъ царствѣ души и просвѣчивающія теперь сквозь земную реальную внѣшность человѣка, какъ скрытый изнутри огонь. Эту таинственно свѣтящую жизнь души провидѣли, по словамъ Метерлинка, люди гораздо меньшаго генія, чѣмъ Расинъ или Шекспиръ, только потому, что они жили и живутъ въ болѣе одухотворенномъ вѣкѣ. И если мы будемъ внимательнѣе присматриваться къ творчеству Метерлинка, то ясно увидимъ, что все оно, въ сущности, направлено къ выявленію этого внутренняго огня, къ отраженію жизни людей изнутри.

III.

Дѣйствительную цѣнность имѣетъ лишь то, что живетъ въ глубочайшихъ тайникахъ души. Метерлинкъ въ силу этого принципа старается изобразить глубину самаго простого жизненнаго акта: то, что протекаетъ здѣсь предъ нашими земными глазами въ видѣ блѣдныхъ будничныхъ событій, быть-можетъ, отражается тамъ, въ таинственныхъ глубинахъ души, какъ великая трагедія. Трагедія повседневности — вотъ лозунгъ, которому Метерлинкъ слѣдуетъ въ большинствѣ своихъ произведеній, въ особенности первыхъ по времени.

Его не удовлетворяютъ трагедіи прежняго типа („трагедіи большихъ приключеній", по его терминологіи). Тамъ рѣчь идетъ „о борьбѣ одного желанія съ другимъ или о вѣчномъ разладѣ между страстью и долгомъ". Но насколько интереснѣе, если рѣчь шла бы о томъ, чтобы показать то изумительное, что заключается въ единственномъ фактѣ жизни, чтобы заставить слышать за обыкновенной бесѣдой разума и чувствъ какой-то болѣе торжественный и немолчный діалогъ"... („Сокровище Смиренныхъ"). „Безусловно ли нужно вопить, какъ Атриды, для того, чтобы въ нашу жизнь снизошелъ вѣчный Богъ? И не является ли Онъ также посидѣть съ нами при неподвижномъ свѣтѣ нашей лампы? Развѣ не ужасно наше спокойствіе, когда о Немъ подумаешь, и когда звѣзды за Нимъ наблюдаютъ? Развѣ счастье или минута обыкновеннаго отдыха не скрываетъ нѣчто болѣе серьезное и болѣе постоянное, чѣмъ волненія страстей? Не затрагиваетъ ли все это душу глубже, чѣмъ ударъ кинжала въ обыкновенныхъ драмахъ?"

„Я пришелъ въ театръ, говоритъ далѣе Метерлинкъ:—въ надеждѣ увидѣть нѣчто изъ жизни, прикрѣпленное къ ея источникамъ и тайнамъ узами, которыхъ я не имѣлъ ни случая ни силы замѣчать каждый день. Я пришелъ въ надеждѣ увидѣть на мгновеніе красоту, величіе и значительность моего скромнаго каждодневнаго существованія. Я надѣялся, что мнѣ покажутъ чье-то невѣдомое присутствіе, могущество или бога, живущаго со мной, въ моей комнатѣ. Но въ большинствѣ случаевъ мнѣ показываютъ человѣка, который пространно изъясняетъ, почему онъ ревнивъ, отравляетъ или зачѣмъ убиваетъ себя"...

„Я восхищаюсь Отелло, но мнѣ не кажется, что онъ живетъ ежедневной величавой жизнью Гамлета, у котораго есть время жить, потому что онъ не совершаетъ проступковъ"... Не разъ я думалъ, что старикъ, сидящій въ своемъ креслѣ, который просто ждетъ кого-то при свѣтѣ лампы или слушаетъ, самъ того не вѣдая, вѣковѣчные законы, царствующіе вокругъ его дома,—не разъ мнѣ казалось, что такой безмолвствующій старикъ живетъ на самомъ дѣлѣ жизнью болѣе глубокой, болѣе человѣчной и болѣе значительной, чѣмъ любовникъ, душащій свою возлюбленную"...

Въ этихъ словахъ, цитируемыхъ нами изъ „Сокровища Смиренныхъ",—вся теорія драматической литературы, созданная Метерлинкомъ. На ней слѣдуетъ остановиться, потому что такой взглядъ на „трагическое" чрезвычайно характеренъ для Метерлинка, а также и потому, что громадная доля его творчества приходится именно на драматическую литературу, въ которой онъ создалъ нѣчто исключительно своеобразное и небывалое. За немногими исключеніями, почти всѣ драмы Метерлинка (а также и его стихотворенія) проникнуты этой „трагедіей повседневности", въ которой скрываются такія же катастрофы, какъ и въ „трагедіяхъ большихъ приключеній", но неизмѣримо болѣе и ярче просвѣчиваетъ внутреннее существо человѣка—его душа.

Въ развертывающемся предъ духовнымъ взоромъ Метерлинка безконечномъ мірѣ душъ онъ видитъ особыя таинственныя силы, „которыя царятъ въ насъ самихъ, которыя находятся какъ бы въ сообщничествѣ съ обстоятельствами". Онъ говоритъ: „Мы всѣ носимъ въ своей душѣ враговъ. Они знаютъ, что дѣлаютъ и что заставляютъ насъ дѣлать". Эти силы, по словамъ Метерлинка, слабымъ голосомъ предупреждаютъ насъ о бѣдѣ, но просто для того, чтобы потомъ, когда будетъ уже поздно, заставить насъ сожалѣть о томъ, что мы не прислушались къ ихъ неопредѣленнымъ и насмѣшливымъ совѣтамъ.

Но есть, кромѣ этихъ насмѣшливыхъ силъ, и „добрыя обстоятельства"—то, что мы называемъ предчувствіями и роковыми опасеніями. Эти „бѣдныя, робкія сестры" дѣлали безполезныя попытки помочь намъ, но мы ихъ отстраняли, какъ назойливыхъ нищихъ, потому что другія силы уже давно соединяли безчисленныя обстоятельства и событія, которыя должны привести насъ къ неминуемой минутѣ, мѣсту и времени, гдѣ ждутъ насъ слезы.

Это, въ сущности, не что иное, какъ античный фатумъ, какъ Рокъ. Въ нашемъ ненастоящемъ-реальномъ мірѣ мы не имѣемъ никакого представленія о томъ, что уготовано намъ въ мірѣ настоящемъ-невидимомъ. Но это не внѣшній Рокъ, какимъ его представляли древніе, а Рокъ, углубленный въ глубочайшую духовную природу человѣка. Позднѣе, въ своемъ другомъ большомъ философскомъ сочиненіи „Погребенный Храмъ",—Метерлинкъ болѣе развилъ свое ученіе о Рокѣ и тайныхъ, живущихъ въ насъ, силахъ и проявилъ себя большимъ оптимистомъ, заявивъ, что человѣкъ все-таки имѣетъ возможность управлять до нѣкоторой степени живущими въ немъ богами и обезпечивать себѣ при иныхъ условіяхъ счастливую жизнь. Но въ первомъ періодѣ своей философско-художественной дѣятельности, во всѣхъ его сочиненіяхъ проскальзываютъ преклоненіе предъ великимъ фатумомъ и скорбь предъ неизбѣжнымъ концомъ всего сущаго. Позднѣе Метерлинкъ старался свергнуть Смерть съ трона, но въ первыхъ своихъ драмахъ онъ только оплакиваетъ безсиліе человѣка предъ ея строгимъ ликомъ...

Если присоединить къ только-что сказанному нами еще два положенія—особую мистическую роль, которую Метерлинкъ приписываетъ женщинѣ („женщина стоитъ ближе къ Року"), и два главнѣйшіе элемента метерлинковскаго трагическаго — любовь и смерть — то намъ станетъ понятнымъ содержаніе всѣхъ его пьесъ, въ особенности пьесъ перваго періода.

Библиотека "Руниверс"

IV.

Благодаря своеобразнымъ воззрѣніямъ Метерлинка на сущность вещей, его произведенія отличаются рѣдкой оригинальностью какъ по содержанію, такъ и по формѣ и языку.

Онѣ крайне несложны по структурѣ. Въ нихъ дѣйствительно нѣтъ и тѣни „большихъ приключеній". Такъ оно и должно быть: вѣдь трагедіи Метерлинка происходятъ на большой глубинѣ духа. Онъ—поэтъ внутреннихъ событій, онъ отражаетъ жизнь героевъ изнутри въ области несказаннаго и сокровеннаго, а это неизбѣжно ведетъ къ высшей упрощенности въ постройкѣ художественнаго произведенія. Ужъ если сами слова излишни, а важно лишь молчаніе, то тѣмъ менѣе поэтъ нуждается въ томъ, что мы вульгарно называемъ „дѣйствіемъ" въ пьесѣ. Кромѣ того, вспомнимъ слова Метерлинка о трагедіи повседневности, о трагедіи простыхъ и маленькихъ фактовъ.

И вотъ мы видимъ, что въ цѣломъ рядѣ пьесъ Метерлинка, принадлежащихъ въ особенности къ первому періоду его творчества, языкъ пьесы примитивенъ и даже блѣденъ: и зритель-читатель въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ, что здѣсь дѣло вовсе не въ обычныхъ разговорахъ, а въ томъ, что дѣлается и говорится въ тайникахъ души у дѣйствующихъ лицъ. Чувствуется молчаніе, сосредоточенность тишины здѣсь, въ то время когда приближается грозная катастрофа оттуда... У Метерлинка есть пьеса, въ которой главныя дѣйствующія лица такъ и остаются въ теченіе всего хода пьесы безмолвными, и все, что у нихъ дѣлается и происходитъ, зритель узнаетъ лишь изъ разговора второстепенныхъ лицъ („Тамъ внутри"). И по силѣ настроенія, по углубленности, по общей кротости и нѣжности фона это — одна изъ лучшихъ пьесъ бельгійскаго поэта.

Мы забыли о нереальной дѣйствительности... Метерлинкъ ведетъ насъ туда и открываетъ передъ нами новый міръ идеальныхъ образовъ. Пѣвецъ кроткой и нѣжной идеальной любви, онъ даетъ образы чистыхъ душою, ничѣмъ морально не запятнанныхъ существъ, въ которыхъ все—гармонія и красота. Если исключить его первую по времени написанія пьесу „Принцесса Маленъ", гдѣ есть демоническій образъ злой королевы Анны, и гдѣ чувствуется нѣчто шекспировское по обилію крови и ужасовъ, то въ остальныхъ пьесахъ, а также и въ стихотвореніяхъ мы встрѣчаемъ поистинѣ залитые солнцемъ души человѣческіе образы. Вѣрный своему лозунгу изобразить человѣка, „освѣщеннаго изнутри свѣтомъ души", Метерлинкъ погружаетъ читателя-зрителя въ атмосферу величайшей нѣжности и кротости. Въ его „трагедіяхъ повседневности" (къ нимъ не относится „Принцесса Маленъ") нѣтъ злодѣевъ, если не считать невидимыхъ „насмѣшливыхъ силъ" и Рока. Герои и героини Метерлинка, среди которыхъ совершается трагедія повседневности, кроткіе, душевные люди, иногда простодушные (Королева въ „Семи принцессахъ", Старикъ въ „Тамъ внутри"), иногда безумные по своей духовной и физической красотѣ (Аглавэна въ „Аглавэнѣ и Селизеттѣ").

Идеальнымъ человѣческимъ образамъ должна соотвѣтствовать и идеальная обстановка, отрѣшенная отъ обычныхъ условій реальной дѣйствительности. И въ самомъ дѣлѣ, Метерлинкъ только въ самыхъ первыхъ своихъ пьесахъ: „Слѣпые", „Тамъ внутри", „Непрошенная Гостья"—даетъ болѣе или менѣе опредѣленную по мѣсту и времени обстановку. Позднѣйшія же его пьесы („Аглавэна и Селизетта", „Алладина и Паломидъ" и др.) происходятъ, можно сказать, вездѣ и всегда. Въ нихъ можно было бы усмотрѣть эпоху Средневѣковья, такъ какъ Метерлинкъ съ особой охотой изображаетъ старинные зáмки, жуткіе подземелья, ветхія башни. Но этотъ колоритъ излюбленнаго имъ мистическаго Средневѣковья вступаетъ въ большинствѣ пьесъ (за исключеніемъ, пожалуй, „Пелеаса и Мелисанды") въ явный конфликтъ съ изображенными героями, которыхъ скорѣе слѣдуетъ считать нашими современниками по тонкой духовной организаціи...

Въ пьесахъ, гдѣ главную роль играютъ Рокъ и смерть, Метерлинкъ счелъ нужнымъ придать большое значеніе разнымъ примѣтамъ, предчувствіямъ, предзнаменованіямъ... Рокъ говоритъ съ людьми таинственнымъ языкомъ, и чѣмъ совершеннѣе по своей духовной организаціи люди, тѣмъ понятнѣе для нихъ этотъ языкъ. „О, какъ падаютъ вокругъ меня листья!—говоритъ Гіальмаръ, явившійся на свиданіе съ Угліаной. — Никогда я не видѣлъ эти осеннія деревья болѣе странными... И какъ облака надъ луной волнуются! Никогда я не видѣлъ эту рощу болѣе страшной, чѣмъ въ этотъ вечеръ... Никогда я не видѣлъ больше предзнаменованій, чѣмъ въ этотъ вечеръ!.." Въ „Принцессѣ Маленъ", откуда мы заимствуемъ эти строки, Метерлинкъ призываетъ въ качествѣ страшныхъ предзнаменованій даже космическія силы: надъ зáмкомъ появляется комета кроваваго цвѣта, на зáмокъ падаетъ звѣздный дождь. Небо на западѣ облегаютъ какія-то особенно зловѣщія тучи. Въ „Семи принцессахъ" встрѣчаемъ цѣлую гамму пугающихъ предчувствій: спящая Урсула—одна изъ семи принцессъ—имѣетъ общій видъ, пугающій принца: ее трудно видѣть, она какъ-то странно прячется, тогда какъ остальныхъ ея подругъ, спящихъ за стеклянным окномъ, хорошо видно. На ея лицо легла странная тѣнь. Она какъ-то необычно держитъ руку. Королева умоляетъ принца не глядѣть на нее: „Не будемъ больше смотрѣть на нихъ, намъ станетъ страшно. Отвернитесь, отвернитесь! Вы не знаете, что можетъ случиться!.." Эта маленькая и необыкновенно простая по содержанію пьеса вся полна страшныхъ предчувствій, которыя дѣйствительно и оправдываются: шесть принцессъ потомъ просыпаются, но возлюбленная принца, Урсула, для которой онъ и пріѣхалъ сюда, не встаетъ. Она умерла...

Морисъ Метерлинкъ.

Еще больше предчувствій въ пьесѣ „Непрошенная Гостья": Смерть тихо является въ мирное семейство, гдѣ все, казалось бы, налажено въ смыслѣ благополучія: врачъ посѣтилъ роженицу и нашелъ, что она уже внѣ опасности. Всѣ въ домѣ успокоились, и только старикъ дѣдъ, слѣпой и дряхлый, никакъ не можетъ отогнать отъ себя мрачныхъ предчувствій: ему все кажется, что въ домѣ происходитъ что-то неладное: кто-то вошелъ, гдѣ-то зазвенѣла коса, по лѣстницѣ кто-то поднимается, вокругъ какъ будто стало темно. Окружающіе успокаиваютъ его, но старикъ безпокоится еще болѣе. Наконецъ раздается громкій вопль новорожденнаго младенца. Въ комнату входитъ сидѣлка и жестомъ даетъ понять, что больная скончалась... Старикъ и младенецъ оказались правы: они услышали и узнали смерть. Предчувствія не обманули стараго дѣда...

V.

Метерлинкъ является авторомъ стихотвореній, пьесъ и философскихъ трактатовъ. Кромѣ того, ему принадлежатъ философско-научныя изслѣдованія „Разумъ цвѣтовъ" и „Жизнь пчелъ". Послѣднее произведеніе по справедливости пріобрѣло громкую извѣстность во всемъ культурномъ мірѣ: Метерлинкъ сумѣлъ здѣсь обобщить чисто научныя данныя въ глубокій философско-поэтическій синтезъ и создалъ вмѣстѣ съ тѣмъ настоящій шедевръ изящной литературы.

Характерно то, что всѣ эти, казалось бы, разнообразныя по цѣли и по свойствамъ, произведенія должны рѣзко отличаться другъ отъ друга. Въ дѣйствительности не то: Метерлинкъ сумѣлъ объединить все написанное имъ общими идеями. Въ философскихъ трактатахъ („Сокровище Смиренныхъ", „Погребенный Храмъ", „Мудрость и Судьба") онъ объясняетъ свое художественное творчество. Въ научныхъ изслѣдованіяхъ ищетъ объясненій и доказательствъ для своихъ философскихъ утвержденій и исканій. Метерлинкъ удивительно гармониченъ и единъ въ своихъ созданіяхъ.

Метерлинкъ началъ свое художественное творчество стихотвореніями, собранными въ книгѣ „Теплицы". Затѣмъ послѣдовали драмы, которыя можно раздѣлить на три части: драмы „Рока и Смерти", драмы любви и драмы философско-сказочнаго характера. Къ первымъ относятся: „Слѣпые", „Тамъ внутри", „Непрошенная Гостья", „Семь принцессъ", „Смерть Тентажиля". Къ драмамъ любви мы можемъ причислить „Пелеаса и Мелисанду", „Алладину и Палломида", „Аглавэну и Селизетту". Къ драмамъ сказочнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ философскаго характера относимъ „Синюю Птицу", „Жуазель". Отдѣльно стоятъ „Принцесса Маленъ" и двѣ „оперы" (Метерлинкъ самъ называетъ ихъ такъ, объясняя, что писалъ ихъ по просьбѣ композиторовъ, какъ канву для оперной музыки): „Сестра Беатриса" и „Аріана и Синяя Борода".

Библиотека "Руниверс"

Отдѣльно также стоятъ рѣзко-натуралистическая пьеса „Монна-Ванна“ и комедія „Чудо святого Антонія“, написанная въ тонахъ реальнаго комизма. Наконецъ совершенно особнякомъ стоитъ новелла „Избіеніе младенцевъ“, изображающая избіеніе дѣтей въ Фландіи, учиненное кровавымъ императоромъ Филиппомъ II...

Изъ философскихъ трактатовъ Метерлинка мы уже упоминали неоднократно два наиболѣе главныхъ: „Сокровище Смиренныхъ“ и „Сокровенный Храмъ“. Къ нимъ же относятся трактаты „Смерть“, „Мудрость и Судьба“ и „Двойной Садъ“. Мы также уже упоминали о своеобразныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ Метерлинка „Жизнь пчелъ“ и „Умъ цвѣтовъ“. Присоединяя сюда рядъ небольшихъ статей и замѣтокъ: „Похвала боксу“, „Запахи“, „Боги войны“ и др., а также книгу стихотвореній „Фламандскія пѣсни“, мы получаемъ все, что было создано талантливымъ поэтомъ-философомъ до послѣдняго времени.

О драмахъ перваго періода (драмы Рока и Смерти) Метерлинкъ самъ сказалъ свое слово въ предисловіи къ этимъ драмамъ. „Нескончаемое, сумрачное, дѣятельное присутствіе смерти заполняетъ всѣ промежутки поэмы. Это—смерть безразличная и неумолимая, слѣпая, бредущая ощупью по волѣ случая, уносящая преимущественно самыхъ молодыхъ и наименѣе несчастныхъ только потому, что они держатся менѣе спокойно, чѣмъ угнетенные судьбой, а всякое слишкомъ рѣзкое движеніе во мглѣ привлекаетъ ея вниманіе. Вокругъ нея тѣснятся только маленькія существа, хрупкія, дрожащія отъ холода, пассивно-задумчивыя. Произнесенныя ими слова, пролитыя слезы пріобрѣтаютъ значеніе только отъ того, что они попадаютъ въ пропасть, на краю которой разыгрывается драма, и звучатъ въ ней такъ, что бездна кажется необъятной, ибо все въ ней исчезающее рождаетъ неясный и глухой звукъ...“

Метерлинкъ передъ своимъ домомъ.

Метерлинкъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ въ Парижѣ.

Маленькія хрупкія существа—это дѣйствующія лица „Непрошенной Гости“, „Слѣпыхъ“, „Смерти Тентажиля“.

VI.

Въ драмахъ любви Метерлинкъ тоже даетъ намъ очень простыя схемы. Онъ не знаетъ здѣсь правыхъ и виноватыхъ, но даетъ намъ понять, что и любовь, какъ и все въ жизни человѣка, предопредѣлена Рокомъ, и что заранѣе предназначенные другъ другу люди не всегда сразу встрѣчаются, и свершившаяся наконецъ ихъ встрѣча вноситъ трагедію какъ въ жизнь третьихъ лицъ, такъ и въ ихъ собственную. И здѣсь Метерлинкъ отдаетъ дань предчувствіямъ и признакамъ грядущаго горя. Изображаемые имъ возлюбленные вначалѣ счастливы: имъ кажется, что они любятъ другъ друга, но тайная тревога не покидаетъ ихъ: имъ кажется, что кто-то долженъ помѣшать имъ, что къ кому-то они должны и будутъ ревновать. И вотъ является этотъ другой, этотъ таинственный „кто-то“, котораго они втайнѣ боялись. Они стараются не вѣрить въ это, дѣлаютъ видъ, что ничего не случилось, но и для него и для нея уже ясно, что именно теперь раскрывается настоящая жизнь, а все прошлое было самообманомъ. Рокъ предъявляетъ свои требованія: явившійся „другой“ (или другая) уже давно—быть-можетъ, до созданія міра—любилъ одного изъ счастливыхъ донынѣ возлюбленныхъ—и насталъ день, и они объяснились... А тотъ, кто оказался теперь уже лишнимъ, узналъ объ этомъ—и всѣ трое погибли...

Въ этой примитивной схемѣ разыгрываются всѣ три драмы любви: „Аглавэна и Селизетта“, „Пелеасъ и Мелисанда“, „Алладина и Паломидъ“. Маленькая Селизетта покинута Мелеандромъ для прелестной и мудрой Аглавэны. Старый Голо, женившійся на встрѣтившейся ему загадочной и таинственной маленькой принцессѣ Мелисандѣ, вскорѣ убѣждается, что Мелисанда любитъ его брата Пелеаса... Алладина долгое время чувствуетъ себя чужой въ пышномъ и жуткомъ замкѣ стараго Абламора и не можетъ привыкнуть ни къ своему жилищу ни къ старому мужу. Она какъ бы предчувствуетъ, что Рокъ назначилъ ей совсѣмъ иного возлюбленнаго. И вотъ является молодой Паломидъ—это и есть ея настоящій возлюбленный.

Во всѣхъ этихъ драмахъ трагическая коллизія любви случайной съ любовью роковою, отмѣченной съ начала вѣковъ, кончается страданіемъ и смертью. Умираетъ маленькая Селизетта, бросившаяся съ башни. Умираетъ Мелисанда, раненая Голо. Умираютъ Алладина и Паломидъ, нечаянно упавшіе въ отравленное озеро. Рокъ вѣнчаетъ ихъ случайно встрѣтившуюся любовь, но не щадитъ ихъ и бросаетъ ихъ въ объятія смерти...

Въ этихъ пьесахъ Метерлинкъ разсыпалъ щедрой рукой свои воззрѣнія на таинственную область души, на разговоръ душъ, на мистическое значеніе молчанія. Можно сказать, что пьесы эти—художественное резюмэ „Сокровища Смиренныхъ“.

Метерлинкъ со своей любимой собакой „Пелеасомъ“.

Библиотека "Руниверс"

Въ нѣкоторой связи съ ними находятся тѣ стоящія особнякомъ пьесы, о которыхъ мы упоминали: „Принцесса Маленъ“ и „оперы“ („Аріана и Синяя Борода“ и „Сестра Беатриса“).

Домъ Метерлинка въ Грюше-Сенъ-Симеонъ, близъ Люнерэ.

„Принцесса Маленъ“ — одно изъ самыхъ юныхъ произведеній Метерлинка. Она и появилась въ печати довольно своеобразнымъ образомъ: Метерлинкъ самъ напечаталъ ее на ручномъ станкѣ, не имѣя возможности издать ее по-настоящему. Это—пьеса ужасовъ и крови, построенная по образцамъ шекспировскихъ пьесъ, но въ ней свѣтитъ яркимъ внутреннимъ сіяніемъ образъ маленькой принцессы Маленъ съ страннымъ взглядомъ задумчивыхъ глазъ. Это уже истинный метерлинковскій образъ. И любовь ея къ отвергнутому отъ нея принцу Гіальмару—именно та любовь, какая сіяетъ въ произведеніяхъ Метерлинка: безкорыстная, идеальная, готовая на всякія жертвы и мученія. Принцесса Маленъ идетъ за Гіальмаромъ въ чужую страну, нанимается въ служанки къ его новой возлюбленной, Угліанѣ, чтобы только быть ближе къ своему возлюбленному, и въ концѣ концовъ добивается того, что Гіальмаръ снова любитъ ее и готовъ отказаться отъ надменной Угліаны. Но такой поворотъ дѣла не въ интересахъ матери Угліаны, злой королевы Анны, и послѣдняя убиваетъ маленькую принцессу Маленъ. Въ этой пьесѣ Метерлинкъ еще не далъ такихъ идеальныхъ образовъ, какъ въ пьесахъ позднѣйшихъ; въ ней много лишнихъ нагроможденій всякихъ ужасовъ и наивностей, и она совершенно естественно отходитъ нѣсколько въ сторону отъ его остального творчества.

Въ „Сестрѣ Беатрисѣ“ Метерлинкъ облекъ въ прелестную форму мистической сказки извѣстную легенду о чудѣ Мадонны, которая для искупленія грѣшницы-монахини сошла съ Своего пьедестала въ монастырѣ, превратилась въ эту монахиню и долгіе годы исполняла за нее ея монастырскія обязанности. Въ этой пьесѣ мистическій колоритъ сочетается съ глубокимъ проникновеніемъ въ страдающую человѣческую душу и съ божественнымъ прощеніемъ грѣха, совершеннаго сестрой Беатрисой ради любви къ Беллидору. И почти вся суть пьесы исчерпывается въ прелестной пѣснѣ Мадонны:

„Всякой плачущей душѣ,
Бѣдной грѣшницѣ мгновенья
Простираю въ лонѣ звѣздъ
Руки съ благостью прощенья.

Грѣхъ не можетъ больше жить,
Гдѣ любовь, грустя, вздохнула.
Духъ не можетъ умереть,
Гдѣ любовь слезой блеснула.

Если жъ тѣмъ, кто полюбилъ,
Суждено съ дороги сбиться—
Слезы ихъ текутъ ко Мнѣ
И не могутъ заблудиться“...

„Аріана“ стоитъ нѣсколько ниже этой прелестной мистеріи какъ по духу, такъ и по характеру. Послѣдняя жена Синей Бороды, вступившая въ его зáмокъ тогда, когда пять ея предшественницъ уже томятся въ страшномъ заключеніи, оказывается энергичной и мудрой женщиной, сознательно отрицающей всякіе неизвѣстные и непонятные ей запреты и желающей поднять до себя и тѣхъ несчастныхъ, которыя нарушили нелѣпые запреты Синей Бороды и попали въ страшную тюрьму. Она освобождаетъ ихъ, выдержавъ съ Синей Бородой жестокую схватку. А затѣмъ, когда Синяя Борода оказывается въ рукахъ озвѣрѣвшихъ крестьянъ, она освобождаетъ своимъ авторитетомъ и его. Послѣ этого она чувствуетъ себя свободной отъ него и уходитъ. И, уходя, зоветъ съ собой остальныхъ женъ. Но тѣ, привыкшія къ тюрьмѣ, слабовольныя, еще не созрѣли для свободы и остаются съ своимъ тираномъ... Въ лицѣ Аріаны Метерлинкъ далъ нѣкоторымъ образомъ идеальную женщину, но мы напрасно стали бы искать въ ней свойственныхъ творчеству этого мистика поэтическихъ чертъ.

Домъ Метерлинка. Входная дверь.

Съ этой пьесы Метерлинкъ начинаетъ уклоняться въ сторону реализма. Въ особенности ярко такой уклонъ оказался въ его слѣдующихъ пьесахъ: „Монна-Ванна“ и „Чудо святого Антонія“. Первая изъ этихъ пьесъ написана даже въ натуралистическихъ тонахъ, и въ ней почти нельзя узнать прежняго Метерлинка. Это однако не значитъ, что она слабѣе другихъ его пьесъ. Она просто лишь совсѣмъ въ другомъ родѣ. „Въ ней чувствуется ароматъ здороваго человѣческаго тѣла“, — сказалъ про нее одинъ изъ критиковъ. „Чудо святого Антонія“ представляетъ блестящую сатиру на буржуазные нравы современнаго общества.

Но Метерлинкъ не кончилъ на этомъ поворотѣ къ реализму и вскорѣ далъ новыя произведенія, въ которыхъ предъ нами во весь ростъ опять всталъ бельгійскій поэтъ, философъ и мистикъ.

Заключительная сцена пьесы Метерлинка „Пелеасъ и Мелисанда“.

VII.

Подобно тому, какъ „Сокровище Смиренныхъ“ помогаетъ намъ разобраться въ первыхъ пьесахъ Метерлинка, такъ и „Сокровенный Храмъ“ даетъ намъ психологическія указанія для „Жуазели“ и „Синей Птицы“.

Въ „Сокровенномъ Храмѣ“ Метерлинкъ ищетъ все тѣ же золотые ключи отъ незримыхъ тайнъ. Его занимаютъ вопросы: чтò такое справедливость, мораль? Какъ видоизмѣняется въ человѣческомъ воспріятіи тайна („эволюція тайны“)? Чтò такое прошлое и будущее? На чемъ основаны удача и неудача въ человѣческихъ дѣйствіяхъ? Возможна ли борьба съ Рокомъ? Насколько значительна роль нашего безсознательнаго „я“?

Метерлинкъ является въ этомъ философскомъ трактатѣ оптимистомъ, уже отошедшимъ вдаль отъ былыхъ страховъ предъ „Непрошенной Гостьей“ и предъ „Лукавыми и насмѣшливыми силами“. Въ центрѣ всего онъ ставитъ человѣка и его внутренній міръ и въ особенности

Библиотека "Руниверс"

безсознательную (или „подсознательную") дѣятельность его души, — иначе говоря, работу тѣхъ уголковъ нашего сознанія, которые въ обычное время ничѣмъ не даютъ знать ни о себѣ ни о накопленныхъ въ нихъ знаніяхъ и опытахъ, но проявляютъ свою силу и свой психическій запасъ лишь при необычныхъ условіяхъ. Человѣкъ и его внутренній міръ — все. Въ немъ заложены и начала справедливости (нѣтъ надобности искать первопричину справедливости въ природѣ и вообще внѣ человѣка), и счастье, и удача, и тѣ безчисленные боги (по терминологіи Метерлинка), которые направляютъ нашу жизнь въ великой области неизвѣстнаго. Сама смерть теперь менѣе страшитъ Метерлинка: „Не станутъ отрицать, что тяжесть смерти уменьшается съ каждымъ поколѣніемъ по мѣрѣ того, какъ ея страшныя формы и загробные ужасы ослабѣваютъ. Мы думаемъ о ней и опасаемся ея гораздо меньше, чѣмъ прежде. Она мало-по-малу становится самой собой и уже довольно часто бываетъ теперь желаннымъ успокоеніемъ послѣ долгой жизни". Метерлинкъ прибавляетъ, что этимъ устраненіемъ страха смерти человѣчество пріобрѣло большія выгоды: „Въ насъ скрыть запасъ безразличныхъ силъ, всегда готовыхъ къ услугамъ, и когда у насъ отнимаютъ какой-нибудь ужасъ, печаль, разочарованіе, на ихъ мѣсто являются восторгъ, довѣріе, надежда..." И этой эволюціей человѣкъ обязанъ опять-таки самому себѣ и своему внутреннему міру, въ которомъ таится такъ много благотворныхъ жизненныхъ силъ.

Такимъ образомъ Метерлинкъ и здѣсь отводитъ громадную роль душѣ человѣка, громадной таинственной области, находящейся надъ нимъ и безконечно далеко въ сторону отъ него въ прошломъ и будущемъ. Но онъ теперь ставитъ человѣка въ центръ этого громаднаго царства и считаетъ, что человѣкъ только выигрываетъ отъ этой перестановки. Прошлое онъ считаетъ органически связаннымъ съ нами, но не настолько, чтобы оно оставалось всегда неизмѣннымъ для насъ. „Прошлое миновало, — говоримъ мы. — Но это неправда. Прошлое всегда существуетъ". И не оно лежитъ на насъ тяжелымъ бременемъ, но мы сами обременяемъ наше прошлое несоотвѣтствующимъ отношеніемъ къ нему. „Наше прошлое зависитъ отъ нашего настоящаго и постоянно мѣняется вмѣстѣ съ нимъ. Все зависитъ отъ того, какъ оцѣнивать его". Былые факты подъ вліяніемъ нашего измѣняющагося нравственнаго существа принимаютъ иной обликъ и изъ кучи развалинъ, гніющихъ въ тѣни, создаютъ городъ, который снова населяется, и надъ которымъ вновь восходитъ солнце... „Нѣтъ мертвыхъ!" — какъ говоритъ Тильтиль въ „Синей Птицѣ"...

Такъ же отъ насъ самихъ зависитъ и урегулированіе нашего будущаго. Метерлинкъ вообще полагаетъ, что будущее, какъ и прошедшее и настоящее — лишь одно изъ психологическихъ нашихъ недоразумѣній. Существуетъ лишь обширное настоящее, вѣчное, неподвижное, въ которомъ все, что случилось, и все, что случится, безостановочно случается, заранѣе установленное въ обширномъ всемірномъ бытіи. Метерлинкъ даже удивляется, отчего люди до сихъ поръ не знаютъ своего будущаго. „Почти невѣроятно, чтобы мы не знали своего будущаго, — говоритъ онъ. — Можно бы подумать, что у человѣка всегда было такое чувство, точно простой недостатокъ его ума отдѣляетъ его отъ будущаго..." И опять-таки отъ личнаго совершенства человѣка, очевидно, зависитъ когда-нибудь устранить этотъ досадный недостатокъ. Метерлинкъ заинтересовался одно время гадальщицами въ Парижѣ и пришелъ къ выводу, что это — почтенная наука, и что наша подсознательная дѣятельность можетъ оказать намъ и здѣсь важныя услуги, такъ какъ, по его мнѣнію, современные пророки и пророчицы читаютъ будущее не по какой-либо таинственной силѣ, но путемъ особаго самовнушенія въ нашемъ же безсознательномъ мірѣ.

Въ нашъ безсознательный духовный міръ перекочевали съ Олимпа всѣ былые боги. Мы должны знать ихъ и владѣть ими и умѣть пользоваться ихъ силой для того, чтобы бороться съ идущимъ къ намъ навстрѣчу Рокомъ, избѣгая его или уклоняясь отъ него, намѣчая опасныхъ для насъ или благотворныхъ намъ людей...

VIII.

Отраженія всего только-что сказаннаго мы и находимъ въ „Жуазели" и „Синей Птицѣ".

„Жуазель"—одинъ изъ шедевровъ Метерлинка. Эта пьеса проникнута здоровымъ оптимизмомъ и вѣрою въ внутреннее могущество человѣка. Волшебникъ Мерлинъ хочетъ создать для своего сына Лансеора счастливую, основанную на вѣрной и выстраданной любви, жизнь. Ему необходимо намѣтить для него женщину, которая полюбила бы его именно такой любовью. Онъ заставляетъ свою душу Аріэль (здѣсь Метерлинкъ впервые выводитъ на сцену человѣческую душу въ отдѣльномъ отъ человѣка образѣ) указать такую возлюбленную для Лансеора. Аріэль указываетъ на Жуазель, но въ то же время заявляетъ, что Жуазель должна составить счастье и самого Мерлина. Иначе Мерлинъ попадетъ подъ чары недостойной Вивіаны и погибнетъ, а съ нимъ вмѣстѣ погибнетъ и Аріэль. Но Мерлинъ не колеблется и охотно жертвуетъ своимъ счастьемъ для счастья сына. Онъ соединяетъ на своемъ волшебномъ островѣ Жуазель и своего сына (послѣдній пока не узнаетъ въ волшебникѣ своего отца) и подвергаетъ ихъ любовь самымъ страшнымъ испытаніямъ, которыя могутъ навсегда разъединить ихъ. Но Жуазель остается вѣрной Лансеору. И тогда Мерлинъ считаетъ испытанія законченными и благословляетъ Лансеора и Жуазель.

Если припомнимъ страницы „Погребеннаго Храма", то мы легко найдемъ въ „Жуазели" созданный Метерлинкомъ на этихъ страницахъ апоѳеозъ человѣка и его могущественнаго внутренняго міра, способнаго провидѣть грядущій рокъ и свое счастье.

Въ „Синей Птицѣ" Метерлинкъ въ фантастической сказочной формѣ даетъ такую же апологію человѣческаго могущества. И въ этой пьесѣ воскресаютъ главы „Погребеннаго Храма": дѣти, Тильтиль и Митиль, отправляются на поиски Синей Птицы (Счастіе) и въ страну Воспоминаній, и въ страну Грядущаго, и въ царство Ночи, и на кладбище, къ мертвецамъ. Въ странѣ Воспоминаній они встрѣчаются съ умершими родственниками, которые оказываются живыми и не понимаютъ, что такое смерть. Въ странѣ Грядущаго дѣти знакомятся съ неродившимися существами, которымъ отъ вѣка предопредѣлено каждому сдѣлать что-нибудь и принести сдѣланное въ міръ—новый овощь, новое изобрѣтеніе, новую болѣзнь. Здѣсь же томятся любовью отмѣченные судьбою отъ вѣка влюбленные, которые потомъ на землѣ будутъ, быть-можетъ, тщетно искать другъ друга и потерпятъ такую же катастрофу любви, какъ Селизетта или Паломидъ. Судьба человѣка здѣсь отмѣчена, и мы должны понять, что нѣтъ ни прошедшаго ни будущаго, а одно только вѣчное настоящее.

Въ царствѣ Ночи Тильтиль видитъ Ужасы и Страхи. Они уже потеряли свою силу, и люди ихъ не боятся. Тайны, тщательно хранимыя Ночью, также во множествѣ разгаданы человѣкомъ. Ночь жалуется: „За послѣдніе годы я прямо перестала понимать Человѣка. Что ему нужно? Неужели онъ долженъ узнать все? Онъ овладѣлъ третью моихъ Тайнъ, всѣ мои Ужасы боятся и не смѣютъ выйти изъ дома, мои Призраки разбѣжались".

И даже маленькій Тильтиль смѣло вступаетъ въ пререканія съ Ночью и не боится ея Ужасовъ. Не боится онъ и кладбища съ мертвецами и убѣждается, что мертвыхъ нѣтъ. А Синяя Птица, которую онъ такъ тщетно искалъ, оказывается у него въ собственномъ домѣ. Счастье находится въ самомъ человѣкѣ, у него въ дому, и надо только найти его и быть достойнымъ его, чтобы оно не улетѣло, какъ улетѣла Синяя Птица отъ Тильтиля. Но и тогда можно снова найти и поймать ее.

Этой жизнерадостной пьесой мы и заканчиваемъ нашъ обзоръ творчества Метерлинка.

Метерлинкъ дорогъ намъ въ особенности тѣмъ, что онъ ставитъ насъ надъ жуткимъ краемъ бездны и открываетъ изумительныя перспективы. Мы можемъ относиться скептически къ его убѣжденіямъ, но его слова всегда трогаютъ насъ и раскрываютъ предъ нами великія глубины.

Раненый.

Его лицо загаръ здоровый
Покрылъ налетомъ золотымъ.
Его въ окопахъ въ часъ суровый
Осколкомъ ранило шальнымъ.

И вотъ лежитъ онъ недвижимо,
Закрывъ запавшіе глаза.
Ему еще непостижимо,
Что боя кончилась гроза.

Онъ слышитъ взлетъ и взрывъ шрапнели
И голосъ ротнаго: „Въ штыки!"
Онъ видитъ, какъ австріецъ цѣлитъ,
Онъ видитъ вражіе полки.

Онъ бредитъ боемъ и побѣдой,
Воюетъ, бьется и во снѣ,
И странно слышать крики бреда
Въ больничной бѣлой тишинѣ.

Сестра сейчасъ перемѣнила
На головѣ компрессъ ему...
Ужель возьметъ его могила
Въ свою торжественную тьму?

Сергѣй Городецкій.

Библиотека "Руниверс"

Польскіе крестьяне избиваютъ германскихъ фуражировъ, разграбившихъ деревню. Рисунокъ И. Владимірова.

Библиотека "Руниверс"

На Мазурскихъ озерахъ.

Разсказъ **Николая Роминскаго.**

(Окончаніе).

Когда все затихло, молодость Евстигнѣева взяла свое, и онъ заснулъ. Да такъ заснулъ, что когда утромъ появилась сначала непріятельская конница, а къ девяти часамъ утра пожаловала и пѣхота, которую мы встрѣтили огнемъ пушекъ и пулеметовъ, то я приказалъ перенести его въ болѣе безопасное мѣсто. Шесть человѣкъ несли его, и несли никакъ не нѣжно или осторожно, но онъ не проснулся.

— По-казачьи спитъ, — смѣялись солдаты.

Съ наступленіемъ ночи атаки нѣмцевъ ослабѣли. Мы похоронили своихъ убитыхъ, отправили впередъ раненыхъ, развели костры побольше и, оставивъ около костровъ гусаръ, отправились за своими войсками.

Пришлось разбудить и Евстигнѣева. Но не разбудили и первые шаговъ двѣсти вели подъ руки, а онъ ругался и вырывался.

Потомъ на вечернемъ холодкѣ разошелся, пришелъ въ себя, на ходу поѣлъ и разсказалъ мнѣ свои приключенія:

— Я добѣжалъ до лошади и схватилъ ружье и шашку. Но и нѣмцы уже добѣжали. Добѣжали и первымъ дѣломъ выхватили винтовку изъ рукъ. „Шашка, думаю, нужнѣе", — бросилъ я имъ винтовку, не сталъ возжаться, и на лошадь! Вскочилъ, сразу за шашку, — другое несчастье: я держу ножну, а нѣмецъ тащитъ изъ нея шашку. Я его по головѣ кулакомъ, а меня кто-то по глазамъ,—ажъ искры посыпались!.. Вижу, шашки уже нѣтъ, ножна одна! Сижу я на конѣ, какъ младенецъ,—съ ножной въ рукѣ!..

„Вижу,—пропало мое дѣло, вся надежда на коня: можетъ, выручитъ! Крикнулъ я, дернулъ, конь... рванулъ...

„Ружье ему подставили подъ ноги, что ли, на нѣмца ли наткнулся, а только упалъ конь на колѣни. Сейчасъ и вырвнялся, да поздно было.—Нѣмцы народъ здоровый и съ конями умѣютъ обращаться: переднюю ногу ему подняли и подвязать успѣли,— конь рвется, а только на трехъ ногахъ куда же ему!

„А тутъ и меня поволокли, хотятъ съ коня стащить.

„Нѣтъ, думаю, это еще не видано, чтобы казака съ коня стащили!"

„И вѣрно: — со всѣмъ конемъ ворочаютъ, а стащить не могутъ!

„А я руки вырываю: удастся — дамъ кому попадетъ, одному да другому, да и опять мои руки ухватятъ. Даже я уваженіе къ нѣмцамъ получилъ: забористый, настойчивый народъ, и, за что возьмутся, хорошо дѣлаютъ! Какъ изловчусь руку вырвать, да дамъ — сразу падали, а новые сейчасъ меня за руки опять держатъ!

„И дисциплина хорошая: одинъ хотѣлъ меня тесакомъ хватить, что у нихъ замѣсто штыка на ружье надѣвается. Офицеръ закричалъ, и онъ опустилъ тесакъ. Послушался. Живьемъ, значитъ, хотѣлось меня взять.

„Повозились, повозились—а я все на конѣ сижу!

„А только сила, чувствую, у меня уже не прежняя, усталъ, изнемогъ весь. Держатъ мои руки нѣмцы, рванусь—нѣтъ, не то, не могу вырвать!

„Побрыкался еще, какъ вязать начали,—отъ обиды, знать, сила опять явилась, да уже не надолго... Забросили веревку и повалили меня вмѣстѣ съ конемъ на землю. Тутъ навалились и скрутили... Здорово скрутили...

„Ноги потомъ распутали, хотѣли, чтобы я за ними шелъ. „Нѣтъ, думаю, господа нѣмцы, не будетъ того. Скрутили, такъ и везите, какъ барина! Хоть убейте, все равно помирать!"

„И били меня! Здорово били! Моей же нагайкой хлестали... А я лягу—лежу: лучше ужъ подъ родной нагайкой погибну..."

Василій засмѣялся. Я удивленно посмотрѣлъ на него.

— Бить не умѣютъ! Инструментъ у нихъ былъ, а владѣть имъ не умѣютъ. Дали бы мнѣ, я бы имъ показалъ, какъ казацкая нагайка бьетъ!

„Опять пришелъ ихній офицеръ. Видитъ мое упорство, и захотѣлось ему похвастаться плѣнникомъ. Такъ вѣдь что? Ну, убили бы. Однимъ казакомъ меньше стало, вотъ и все. А такъ привезти можно, въ Берлинѣ въ клѣткѣ показывать... похвастаться: вотъ, молъ, каковы эти самые казаки, какого мы экземпляра живьемъ захватили!

„Какъ пришелъ офицеръ,—приказалъ перестать бить. Окатили меня водой,—думали, вѣрно, что я уже чувствъ лишился,—подняли и положили на патронную двуколку.

„Привезли въ городокъ и дѣйствительно стали показывать. Офицеровъ поприходило, и всѣ меня разглядываютъ, между собою разговариваютъ,—всѣмъ живой казакъ, да еще связанный, безвредный, интересенъ.

„Солдаты, тѣ, подъ шумокъ, сначала все норовили долбануть меня, но офицеръ замѣтилъ и настрого приказалъ меня не трогать,—хотѣлъ, значитъ, чтобы у меня видъ былъ чистый.

„Потомъ пріѣхалъ какой-то важный офицеръ въ автомобилѣ. Еще молодой, но всѣ съ нимъ такъ почтительно. Ему захотѣлось имѣть все казацкое снаряженіе. Вижу, несутъ мою винтовку, нагайку, револьверъ, шашку. Показываютъ. А шашка у меня дѣдовская, какъ на войну ѣхалъ, батя благословилъ. Лучше бъ онъ себѣ оставилъ,—чеченскій клинокъ, гвозди рубитъ, какъ палочки, работа тонкая, насѣчка серебряная. Долго дивились, ахали, работу разглядывали. Потомъ нагайку смотрѣли: не понравилась. На винтовку и револьверъ только взглянули: общаго образца, неинтересно!

„Потомъ пришелъ еще одинъ офицеръ. Пришелъ, и всѣ ему обрадовались, руки пожимаютъ, лопочутъ по-своему, на меня показываютъ.

„Чего вы, думаю, точно гуси около воды загоготали?"

„А онъ подошелъ ко мнѣ да и говоритъ:

„— Здравствуй, казакъ!

„Чуть это я ему не отвѣтилъ „здравія желаю, ваше благородіе". Да во-время вспомнилъ, что онъ нѣмецъ.

„Потомъ, какъ говорилъ, сразу видно было, что нѣмецъ, хоть онъ и говорилъ очень бойко, но какъ сказалъ „здравствуй, казакъ"—я думалъ, что онъ русскій. Такъ чисто сказалъ эти два слова.

„Видитъ онъ, что я молчу, и сталъ меня оглаживать: „Не бойся, казакъ, мы вѣдь тебя не съѣдимъ. Ты такъ молодецки защищался, что мы полны уваженія, — такъ и сказалъ: „мы полны уваженія".—А я все молчу. Думаю: „полны уваженія, а привезете въ Берлинъ, все равно въ клѣтку посадите,—не въ желѣзную, такъ въ каменную."

„Сначала офицеры слушали, молчали, потомъ видятъ, что я ни слова, опять гоготать начали. Потомъ началъ говорить тотъ, что въ автомобилѣ пріѣхалъ. Выслушалъ его мой переводчикъ, взялъ подъ козырекъ и пошелъ ко мнѣ:

„— Хочешь, казакъ, въ банѣ попариться?

„— Всякій человѣкъ въ походѣ, думаю, хочетъ въ банѣ попариться",—но ему ничего не сказалъ: почемъ я знаю, что у нихъ тамъ на умѣ.

„Онъ говорилъ-говорилъ и наконецъ такъ кончилъ:

„— Вотъ сейчасъ тебѣ ноги развяжутъ, а какъ помоешься, если дашь честное казацкое слово не убѣгать, мы тебѣ и руки развяжемъ.

„Тутъ я не выдержалъ и спросилъ его:

„— А ты, говорю, орла пробовалъ спрашивать, что онъ не улетитъ, когда ему крылья распутаютъ?

„Тутъ всѣ къ нему: „что, молъ, онъ сказалъ?" Потому это были мои первыя слова.

„Онъ смѣется, переводитъ имъ. И всѣ стали смѣяться.

„Развязали мнѣ ноги, отвели въ баню. Не баня, а ванная. Помылся я хорошенько, и дали мнѣ чистое бѣлье. „Спасибо, думаю, такъ-то пріятно на чистое тѣло чистое бѣлье надѣть!.."

„Привели это меня назадъ, поставили среди офицеровъ. Стою я не связанный... И мысль это у меня: „А что, кабы дернуть? Растолкать тѣхъ, что у дверей и на дворѣ? Время военное, лошади осѣдланныя всегда есть..."

„И начало сердце у меня биться,—чуть не выскочитъ. „Ой, думаю, какъ бы моихъ намѣреній да не замѣтили!"

„А тутъ офицеръ спрашиваетъ меня:

„— Ну, что же, даешь казацкое честное слово, что не будешь пытаться убѣжать? Что не убѣжишь до конца войны, хоть бы и было можно?

„Насупился, почернѣлъ даже, думаю, я весь. Молчу. А онъ опять спрашиваетъ, и такъ торжественно выходитъ при такомъ молчаніи.

„Помолчалъ я и говорю:

„— А ты уже орла спрашивалъ? Что онъ тебѣ отвѣтилъ?

„Всѣ сейчасъ опять къ нему: „что, молъ, сказалъ казакъ?"

„Перевелъ онъ имъ, опять, какъ гуси, загоготали, — не смѣются, а разговариваютъ это они такъ.

„— Ну что же, самъ виноватъ,—сказалъ офицеръ и приказалъ принести кандалы.

„— Надѣвай.

„Протянулъ я руки, какъ дитя покорное, надѣлъ кандалы. Еще и руки ворочалъ, чтобы замыкать было легче. А потомъ не выдержалъ и говорю:

„— Никто, какъ Богъ. Коли Ему угодно, Онъ и кандалы сниметъ, и улечу я изъ вашего плѣна.

„Сказалъ это и про себя думаю: „Чего говорить-то? Развѣ возможно теперь уйти?" Я и не зналъ, что мои слова пророческія будутъ!

„Отвели меня потомъ въ такую тюрьму—маленькую, отдѣльную камеру. Дали хорошо поѣсть и бутылку пива. Пиво хорошее, недаромъ нѣмцы имъ славятся. Какъ я поѣлъ, пришелъ и офицеръ, что говорилъ по-русски:

„— Это тебѣ ужинъ отъ того офицера, что взялъ твое снаряженіе. Онъ все взялъ, говоритъ, и винтовку, и револьверъ, и шашку, сѣдло, лошадь и нагайку.

„А потомъ оказалось и еще больше: всталъ я утромъ—за одежду,—вмѣсто казачьей лежитъ плохая одежонка нѣмецкаго солдата. Значитъ, и одежду мою казачью взялъ... Да все отъ Бога: кабы оставался въ казачьей, не привелось бы теперь видѣться...

„День и полночи пришлось провести еще въ нѣмецкомъ плѣну.

„На другую ночь разбудили меня: шумъ, бѣготня. Дали мнѣ

Библиотека "Руниверс"

Нѣмецкія войска очищаютъ Радомъ.

мокрое полотенце, показываютъ, чтобы я утерся. Кричатъ все: „генералъ“, „генералъ“. Прибѣжалъ и тотъ офицеръ, что по-русски говоритъ.

„— Будь, говоритъ, почтительнѣй,—самъ генералъ...“ ... позабылъ его фамилію.

„Привели меня. Онъ стоитъ около стола, и всѣ офицеры кругомъ его. Говоритъ имъ что-то. Мы потихоньку остановились. Пожалѣлъ я, что не говорю по-нѣмецки,—вѣрно, важное что-то говорилъ генералъ, что ночью всѣхъ разбудили,- могъ бы, пожалуй, важныя новости доложить. Потомъ кончилъ, ему про меня доложили. Онъ сразу важность бросилъ и развеселился.

„Генералъ сталъ меня разглядывать: повернись такъ да повернись этакъ.

„Я ворочаюсь и все на окна смотрю: темно на дворѣ. „Кабы, думаю, не кандалы, можно было бы... Ночь, лошади навѣрно есть...“ И стало у меня дыханіе спирать. „Наши не могутъ быть далеко... Возможно въ одинъ присѣстъ догнать до своихъ...“

„Такъ мысли и бѣгутъ въ головѣ, такъ и бѣгутъ...

„Начинаю думать, какъ бы получше, и рѣшилъ, что ничего больше не придумаешь, какъ самого генерала по головѣ долбануть. Въ первый моментъ сомлѣли бы всѣ нѣмцы, а момента мнѣ достаточно,—выскочилъ бы и былъ таковъ!

„Вотъ только, есть ли звѣзды на небѣ, чтобы не поѣхать въ непріятельскую сторону? Стою, хочу въ окно разсмотрѣть,—темно, ничего не видно!

„Да вотъ кандалы еще... Хоть кабы знать, что Богъ звѣзды поставилъ, ничего бы и кандалы: неужто въ кандалахъ съ лошадью не справлюсь?

„Вихремъ все у меня въ головѣ несется, а я передъ генераломъ ворочаюсь, шагъ чеканю, точно онъ не нѣмецкій, а нашъ генералъ.

„Только вдругъ, смотрю, бѣжитъ ихній унтеръ-офицеръ и ключикъ въ рукахъ держитъ.

„Офицеръ-переводчикъ мнѣ и говоритъ:

„— Его превосходительство мускулы твои посмотрѣть хочетъ,—крѣпки ли казацкіе мускулы.

„Отмыкаетъ унтеръ-офицеръ мои кандалы, а у меня сердце въ груди колотится:—Господи, услышалъ Ты мое моленіе!

„А самъ вытянулся, каблуками щелкнулъ, къ генералу повернулся да какъ брякну:

„— Цу бефель, экселенцъ!

„Всѣ такъ и ахнули. Мой офицеръ, что переводилъ, поднялъ брови и спрашиваетъ:

„— Ты знаешь по-нѣмецки?

„Я и передъ нимъ вытянулся:

„— Никакъ нѣтъ! Слышалъ здѣсь, какъ говорятъ съ его превосходительствомъ!

„Перевелъ. Генералъ улыбается, доволенъ. А я про себя думаю: „какъ только сниметъ, долбану генерала и выскочу!“

„А только не вышло: онъ снялъ кандалы, двери открыли, офицеръ пришелъ, и вижу, въ дверяхъ стоятъ уланы. Какъ бы я ни рвался, могли бы задержать. Погодить надо, мое время еще не пришло!

„— Скажи генералу: „радъ стараться, ваше превосходительство“.

„Это говоритъ мой офицеръ. А я стою передъ ними навытяжку и не понимаю, свое думаю. Сдѣлалъ я усиліе, понялъ, въ чемъ дѣло, да и говорю:

„— Никакъ невозможно сказать такихъ словъ по-нѣмецки.

„Переводчикъ хотѣлъ мнѣ что-то сказать, но генералъ заговорилъ, онъ и замолчалъ. Потомъ спрашиваетъ меня:

„— Почему же нельзя по-нѣмецки?

„— Потому что только русскій можетъ на войнѣ радостно стараться,—сразу отвѣтилъ я. Отвѣтилъ да и думаю: „ужъ не обидѣлъ ли генерала?“ Мнѣ-то теперь важно, чтобъ побольше безъ кандаловъ побыть...

„Можетъ, онъ, спасибо ему, не то перевелъ, а только генералъ ничего, даже посмѣялся.

„А меня такъ и тянетъ къ двери. Голова мутится, такъ тянетъ. Одинъ разъ даже качнулся. Качнулся и испугался: „а что, если замѣтили?“ Оглянулъ всѣхъ,—нѣтъ, какъ будто ничего.

„Сердце у меня стучитъ, и кажется, что всякій шумъ его слышитъ. Въ ушахъ гулъ стоитъ,—жду удобнаго времени!

„— Скинь мундиръ съ праваго плеча,—говорятъ мнѣ.

„Я скинулъ.

„— Закасай рукавъ.

„Закасалъ.

„— Согни руку въ локтѣ, вотъ такъ, да посильнѣе: его превосходительство хочетъ твои казацкіе мускулы видѣть.

„Гну я руку, мускулъ дрожитъ, прыгаетъ... Генералъ нагнулся совсѣмъ близко, трогаетъ, щупаетъ, твердо ли...

Библиотека "Руниверс"

„— Ну, выручай, Святитель Николай Угодникъ Божій!

„Разжалъ я руку и генералу сколько было силъ въ лицо ударилъ. Крикнулъ, бросился на толпу, швырнулъ кто былъ на дорогѣ, выскочилъ, увидѣлъ лошадей и какъ былъ на конѣ!

„Только меня и видѣли...

„Такъ по улицѣ и понесся,—лишь бы въ поле выѣхать. За топотомъ своего коня погони не слышно...

„Посмотрѣлъ на небо—ни единой звѣздочки. Гдѣ наши? Куда ѣхать? Ничего не знаю... Несусь, куда глаза глядятъ.

„Вотъ и конецъ городка, вотъ и поле, а что толку, когда, можетъ, я въ другую сторону гоню!..

„Остановилъ я коня,—думаю: „и коню дамъ отдохнуть и послушаю, нѣтъ ли погони". И чуть сталъ, ясно слышу, какъ гонятъ за мной многіе верховые,—такъ и идетъ гулъ топота въ ночной тишинѣ.

„Нечего дѣлать, гони дальше... Погналъ я коня... А погоня ближе, уже и такъ слышно. Можетъ, у меня просто въ ушахъ отдавало...

„Свернулъ я напрямикъ, черезъ поле. Увязъ конь въ болотѣ, забарахтался, но выскочилъ, пошелъ дальше. Оглянулся я,—да, скачутъ, видно темную группу.

„Сначала проскакали мимо, дальше по дорогѣ, потомъ какъ-то замѣтили, свернули за мной. Свернули да несчастливо: въ болото попали, слышу, теперь уже они барахтаются.

„А я прямо и прямо. Черезъ канавы—спасибо неглубокія—черезъ плетни,—и кто плетни по полю растыкалъ?

„Они изъ канавы и болота вылѣзли и опять за мной гонятъ. Да, вѣрно, кромѣ того по телефону приказали, потому слышу, и изъ другихъ мѣстъ конные скачутъ. Ради этого чуть я не попался: доѣхалъ прямучи по полю до дорожки и пошелъ по ней, вдругъ навстрѣчу цѣлый разъѣздъ! Я назадъ и опять въ поле. Спасибо, снова болото выручило: конь упалъ, я перелетѣлъ черезъ голову, да удержалъ поводъ. Поднялся, осторожно притянулъ коня и поѣхалъ. Съ нѣмцами хуже вышло: застряли, и я могъ ускакать отъ нихъ.

„Выѣхалъ въ чистое поле,—погони больше не слышно, можно одуматься, съ силами собраться.

„На небѣ ни звѣздочки. У меня ни компаса ни чего другого, по чему можно было бы узнать, куда ѣхать. Гдѣ наши? Въ какую сторону востокъ? Хоть я и нѣмецкимъ солдатомъ одѣтъ, но кого я спрошу безъ языка?

„Но и думать не пришлось долго: слышу, опять гонятъ. Насторожился я, прислушиваюсь, да про коня и забылъ. А онъ-то меня и подвелъ,—вѣрно, знакомые кони были,—онъ и заржалъ. Ночью такъ его ржаніе и пронеслось. Эхомъ такъ и гудетъ.

„Голосъ своего коня они узнали, или было строгое приказаніе ловить всякаго:—вѣдь и мое-то преступленіе было велико,—ударить такого важнаго генерала!..

„Представляю, что бы со мной сдѣлали, если бы удалось захватить меня...

„Скачемъ мы теперь такъ: я по полю, они по тремъ дорогамъ: двѣ справа и слѣва меня — третья, вѣрно, шоссе, потому что видны телеграфные столбы,—наискосокъ рѣжетъ. Выходитъ, куда бы я ни поѣхалъ—долженъ съ ними столкнуться.

„Ихъ много, я одинъ. Часть отдѣлилась и, вижу, съѣзжаетъ на поле. Съѣхали и разсыпались.

„Теперь уже я, какъ въ мышеловкѣ, сижу,—нѣмцы окружили со всѣхъ четырехъ сторонъ. Что дѣлать? Куда ткнуться?

„Что же, думаю, двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать",—и пустилъ я коня прямо черезъ шоссе. Чтобы сохранить силы коня на нужное время, пустилъ его рысцою: задніе еще далеко, пусть конь отдохнетъ, чтобы во всю пойти, только когда понадобится.

„И дѣйствительно, — видѣли меня: какъ поѣхалъ я такъ вольготно, поджидать начали. И вижу я, какъ они по всему шоссе становятся. Поняли, значитъ, даже, что я затѣваю. Мало того, — вижу, съѣзжаютъ даже на ту сторону дороги, чтобы образовать вторую линію:—проскочитъ, молъ, одну, другая поймаетъ!

„Смотрю я на своего коня и спрашиваю: выручишь? Онъ идетъ, ушами прядетъ, приглядывается. Вижу, своихъ коней чуетъ, навѣрно лошади его эскадрона. Для меня это плохо, — можетъ такъ и пойти къ знакомымъ лошадямъ, ничѣмъ и не удержишь.

„Будь у меня нагайка, я бы заставилъ его слушаться, а я, пѣшій кавалеристъ, даже безъ шпоръ. Ничего-ничегошеньки у меня нѣту: ни оружія ни даже веревки! Поводкомъ его подхлестывать, что ли.

„И пришла мнѣ въ голову безумная мысль: выхватить саблю у коннаго, что загораживаютъ мнѣ дорогу. Если удастся, я такъ полосану своего коня, что онъ послушается. Пропадать все равно, почему не попробовать.

„И вотъ ѣду я и все виляю,—то вправо подамся, то влѣво поверну. А лошадь и взаправду свой эскадронъ чуетъ и чѣмъ ближе, тѣмъ охотнѣе идетъ.

„А тутъ еще одно думаю: хорошо, коли приказано меня живьемъ взять,—можетъ, тогда и спасусь, а если не приказано, то легко подстрѣлить, потому что я въ пятидесяти шагахъ отъ шоссе чуть не шагомъ поѣхалъ. Теперь уже коня сдерживать нужно,—обрадовался своимъ и ржетъ, чуть не переставая.

„А нѣмцы отлично понимаютъ, что я прорваться думаю, и чѣмъ я ближе, тѣмъ гуще на шоссе собираются. А тутъ и задніе все наближаются.

„Окинулъ я взоромъ,—нѣтъ, Василій Васильевичъ, на этотъ разъ не удастся...

„Ужъ очень я осмѣлѣлъ, пожалуй, поздно теперь! Можно прорваться съ оружіемъ, но не съ голыми руками черезъ толпу всадниковъ!

„А задніе наближаются и тоже начинаютъ полукругъ дѣлать...

„Вотъ тутъ я сразу и рѣшился,—не у тѣхъ, что на шоссе, надо отобрать саблю, а у тѣхъ, что сзади насѣдаютъ: они меньше ждутъ!

„Я повернулъ коня, далъ ему шенкеля, что онъ на мѣстѣ подскочилъ, и на перваго же улана! Проскочилъ мимо, промахнулся. Второй самъ летитъ навстрѣчу,—спасибо тебѣ, голубчикъ! Руки-то у меня свободны, легки, а онъ, вмѣсто того, чтобы меня саблей ударить, хотѣлъ лошадь схватить за поводъ. Ужъ коли приказано было живьемъ взять, такъ нечего было лошади-то жалѣть!..

„Я его ногой въ грудь, а рукой за саблю! Этотъ свалился, а новаго, что налетѣлъ, уже ихней же саблей пришибъ!

„Вотъ тутъ чуть меня не поймали: одинъ былъ умнѣе и выстрѣлилъ въ моего коня. Тотъ такъ и грохнулся и, разумѣется, съ нимъ и я. Но и тутъ помогъ Николай Угодникъ: конь того, что я только-что ударилъ, скачетъ мимо меня. Хорошій конь, спасибо ему, ошалѣлый какой-то, дикій. Какъ вскочилъ я на него, такъ онъ чуть не взбѣсился: закусилъ мундштукъ, голову нагнулъ, хвостъ поднялъ и мимо шоссе.

„Я черезъ шоссе, мимо второй линіи—и въ поле!

„Вотъ тутъ началась охота и-и, Боже избави! И гнали же мы! Конь попался добрый, говорю. Сначала близко гнали, потомъ стали отставать:—мой конь лучше! Тогда начали стрѣлять. Да ужъ какая стрѣльба съ коня!..

„Совсѣмъ я развеселился: уйду, думаю. Вдругъ—трахъ, рѣчка, поросшая густымъ тростникомъ! И, — вотъ тебѣ и разъ, — по ту сторону цѣлая уйма кавалеристовъ! Какъ подъѣхалъ ближе, увидѣлъ, какъ они въ кустахъ мелькаютъ.

„Теперь же что? Назадъ—этимъ въ лапы, впередъ—тѣмъ!

„Вскочилъ съ разгона въ воду мой конь, да какъ былъ ошалѣлый, такъ и тутъ остался: не удержался на ногахъ и покатился. Это меня и спасло: онъ пошелъ не прямо къ тому берегу, а по тростнику. А я остался. Нѣмцы видятъ, какъ тростникъ ворочается, и бѣгутъ за нимъ. Шаговъ двѣсти онъ по берегу по тростнику путался, а тамъ выскочилъ на ту сторону и пошелъ въ кусты.

„Тѣ, что были по ту сторону—за нимъ, а тѣ, что по эту,—начали собираться. Ночью не разобрать хорошо: можетъ, думали, и я на конѣ поѣхалъ, можетъ, думали, въ рѣчкѣ утонулъ. На всякій случай давай берега обыскивать. Да гдѣ же ночью казака въ тростникѣ отыскать.

„Но упрямый народъ нѣмцы: остались до утра сторожить. Возможно, что и поймали бы меня, да что-то у нихъ случилось. Наши ли подошли, или что другое, а только сильное движеніе войскъ началось. Къ утру я успѣлъ версты четыре пробраться по рѣкѣ, днемъ пошло еще скорѣе, иногда я прямо выходилъ и бѣжалъ около берега, — хотѣлъ быть подальше отъ того мѣста, гдѣ меня въ воду загнали. Тутъ я и видѣлъ, какъ ихнія колонны двигались.

„Двое сутокъ я такъ въ кустахъ валялся. Захлялъ совсѣмъ, ѣсть-то нечего было.

„На третьи уже сутки, днемъ, лежу въ кустахъ, и лихорадитъ меня; чувствую, не то сплю, не то въ глазахъ мутится. Вдругъ вѣтки раздвигаются, и голова протягивается. Вижу, нѣмецкій солдатъ...

„Онъ на меня смотритъ, я на него. И лихорадка у меня прошла, — думаю: „теперь что?" И вспомнилось мнѣ, какъ учитель Альтфуксъ жалобно говорилъ. И вотъ тутъ, самъ не знаю, какъ, закивалъ я головою, заморгалъ глазами да совсѣмъ какъ Альтфуксъ: „Ахъ, Готтъ, ахъ, Готтъ".

„Смотрю, ихъ еще двое. Лопочутъ между собою, говорятъ мнѣ что-то. А я все свое да свое.

„Тащатъ они меня изъ кустовъ, а я упираюсь. Вижу, они въ самомъ дѣлѣ меня за юродиваго принимаютъ. Пожалѣли, кусокъ хлѣба дали, повздыхали и пошли".

Евстигнѣевъ замолчалъ, и мы долго шли, не говоря ни слова. Наконецъ я спросилъ:

— Но вѣдь прошло еще нѣсколько дней, пока ты добрался до насъ?

— Такъ точно... Да что тамъ уже... Брелъ, голодалъ, отъ людей прятался, а приходилось плохо — юродивымъ прикидывался... Такъ Богъ и вывелъ и довелъ до своего стана...

Когда уходилъ, утромъ сказалъ:

— Спасибо за все доброе, ваше высокоблагородіе..

Помолчалъ и добавилъ:

— Батя-то обрадуется... Шашку-то только жаль... Да и стыдно...

Больше я съ Евстигнѣевымъ не встрѣчался, но война еще тянется,—можетъ, опять придется вмѣстѣ поработать...

Библиотека "Руниверс"

Опростоволосившійся нѣмецъ.

Разсказъ **Бориса Садовскаго.**

I.

Старикъ Балакиревъ былъ не въ духѣ. Заслуженному петровскому шуту, любимцу покойнаго императора, ему въ увеселеніяхъ государыни Анны Іоанновны отводилось теперь всегда послѣднее мѣсто. Новые иноземные шуты-проходимцы явно презирали Балакирева и подчасъ дозволяли себѣ подшучивать надъ нимъ весьма жестоко, да и герцогъ Биронъ не жаловалъ старика. Если бы не императрица Анна, по странной прихоти благоволившая къ Балакиреву и допускавшая его къ своей особѣ, старому шуту Петра Великаго пришлось бы, пожалуй, круто.

Теперь, въ тихій субботній вечеръ, 27 іюня 1737 года, сидѣлъ онъ одиноко въ своей каморкѣ подъ лѣстницей и, кряхтя, допивалъ свой жидкій и горьковатый кофе. На могучей, крѣпкой груди у Балакирева полузастегнутъ былъ ярко-красный, дорогого сукна кафтанъ; одна пола на кафтанѣ была овчинная, другая—изъ сермяги. Огромный завитой парикъ сдвинулся на бокъ: изъ-подъ крутыхъ его завитковъ высматривали внимательно узкіе мышиные глазки, и короткіе стриженые усы надъ запавшей губой шевелились тоже по-мышиному, будто нюхали воздухъ; жесткой старческой рукой Балакиревъ перебиралъ разсѣянно на столѣ шутовскіе свои снаряды: пестрый мѣшокъ страннаго вида, набитый пухомъ и перьями, нѣсколько пуль, табакерку съ перцемъ и чемерицей, зазубренный ножикъ, гребень.

Вдругъ по всѣмъ покоямъ дворцовымъ пошелъ часовой пере-

Взорвали мостъ. Рисунокъ В. Сварога.

Библиотека "Руниверс"

звонъ, будто вечерняя перекличка. Сначала пробили хриплые часы въ кофишенской, надъ головой у Балакирева: имъ отвѣчали звучно столовые изъ хрустальной столовой: дальше пропѣли серебряные часы турецкаго султана, и нѣжными ударами звонкаго колокольчика откликнулись французскіе — подарокъ короля Людовика XV покойному государю Петру I. Часы пѣли и звонили на всѣ лады: потомъ голоса ихъ смѣшались и потонули въ гудѣньѣ субботнихъ колоколовъ.

— Шесть часовъ, — перекрестясь набожно, прошепталъ Балакиревъ и тотчасъ, встрепенувшись, вскрикнулъ:—Охъ, чтобъ тебя!

Раздался громкій пѣтушій окрикъ, и къ ногамъ старика блестящимъ колесомъ подкатился тучный приземистый человѣкъ въ каскѣ съ малиновымъ гребнемъ и пестрымъ хвостомъ позади.

— Перепугалъ ты меня, князенька, — задребезжалъ ласково Балакиревъ, съ улыбкой трепля забавника по круглому животу.— Ишь, какимъ вырядился пѣтухомъ.

Любимый шутъ государыни, князь Михайло Голицынъ, по прозвищу Квасникъ, мужчина пожилой, съ лицомъ неумнымъ и краснымъ, отряхнулся самодовольно.

— Слышь, дѣдушка Балакиревъ,—вяло заговорилъ онъ какъ бы коснѣющимъ языкомъ, водя по сторонамъ молочно-голубыми глазами: — я того... ей... того... все курицей клохталъ... насѣдкой, а теперь, слышь, пѣтухомъ... того...

— Что и говорить: молодецъ ты, князенька, мастеръ. — Балакиреву приходилось заискивать передъ любимымъ царинымъ шутомъ: такъ въ старину передъ нимъ заискивали петровскіе царедворцы.—А чѣмъ тебя угощать прикажешь?

— Венгерскаго мнѣ... венгерскаго,—мямлилъ Голицынъ, чмокая, какъ младенецъ, губами и по-дѣтски заглядывая въ лицо старику.

— Изволь, князенька, изволь, милъ-дружокъ, — для тебя и венгерскаго не жалко.

II.

Балакиревъ и себѣ налилъ стопку... Доброе вино развязало ему языкъ.

— Охти мнѣ, старому: горе мое, горе,—началъ онъ вполголоса.— Бывало, покойный царь-батюшка Петръ Алексѣевичъ (царство ему небесное) жаловалъ и любилъ меня, дурака. Хоть и отвозитъ иной разъ по спинѣ дубинкой, такъ вѣдь не зря, а за дѣло: ври, молъ, Балакиревъ, да мѣру знай. Дубинкой-то вздуетъ, а потомъ шубу либо червонецъ подаритъ. А нонѣ въ конецъ замучили нѣмцы нашего брата-русскаго. Житья не стало отъ нехристей, право слово.

Тутъ старый Балакиревъ спохватился и утерся овчинной полой, но, вглядѣвшись зорко въ круглые, неподвижные глаза Голицына, понялъ, что собесѣдника бояться нечего: не выдастъ. Допивъ стопку до дна, князь стряхнулъ на языкъ себѣ послѣднія капли, улыбнулся, причмокнулъ радостно и выкатился колесомъ въ дверь.

Горько покачивая головой, старикъ прибралъ сулею со стопками въ поставецъ и, присѣвъ у стола, зѣвнулъ.

„Дуракъ,—думалось ему:—дуракъ князенька Голицынъ, какъ есть круглый дуракъ: глупѣе не бываютъ. Да нешто шутъ дуракомъ быть долженъ? Шутъ только видъ глупый долженъ показывать, а быть чтобъ изъ умныхъ умнымъ.“

За дверью послышался шелестъ шелковыхъ юбокъ: розовое дѣвичье лицо глянуло, улыбаясь.

— Аннушка! Касатка моя!—всплеснулъ руками шутъ.—Пожалуй ко мнѣ, голубка!

Аннушка вошла, прижимая розовенькій палецъ къ губамъ и оглядываясь съ опаской. На фижмахъ китоваго уса, раздуваясь, шумѣло голубое платье и разлетѣлось легкимъ облакомъ чуть не на всю каморку.

— Да что ты, тоскуешь ровно, моя красавица?—вглядываясь въ лицо Аннушкѣ, нѣжно допрашивалъ старый шутъ.—Вонъ и глазки припухли у тебя; плакала, видно? Что съ тобою, сударыня?

Аннушка сдержала слезы и отвѣчала чуть слышно:

— Сватаютъ меня, дѣдушка Балакиревъ.

— Сватаютъ? Ишь ты; кажись бы, не изъ чего тужить: дѣло дѣвичье. А за кого сватаютъ-то тебя?

— За нѣмца.

Балакиревъ вздохнулъ и развелъ руками: мышиные глазки его закрылись.

— За нѣмца... Прямое дѣло... А сватаетъ кто?

— Самъ герцогъ,—еле выговорила дѣвушка, съ трудомъ удерживая рыданія.

— Что жъ ты?

— А я не хочу.—Аннушка улыбнулась сквозь слезы.—Больно онъ гадкій.

— Такъ, такъ... Скверный да гадкій, со всей нѣмецкой повадкой, носъ въ табакѣ, голова въ парикѣ, сытъ крупицей, пьянъ водицей, шиломъ брѣется, дымомъ грѣется.

— Такъ и есть дѣдушка.

— Э, да это не графъ ли Аллендорфъ?

— Онъ...

Балакиревъ призадумался. Аннушка тихо рыдала.

— Не тужи, моя красавица. Богъ дастъ, перемелется. И не такія дѣла сходили съ рукъ. Авось вызволю тебя, дай срокъ.

Въ кофишенской часы прохрипѣли семь, имъ отвѣтили задумчиво хрустальные въ хрустальной столовой; пропѣли звучно куранты турецкаго султана, и колокольчиками заиграли французскіе часы.

III.

Ясный лѣтній день вызвалъ государыню на лужокъ. Сквозь дощатый легкій заборъ прохожіе могли видѣть Анну Іоанновну на высокомъ, съ рѣзною спинкою, креслѣ, дородную и веселую; подлѣ красовалось нѣсколько вельможъ въ парикахъ и шитыхъ кафтанахъ, съ тростями, но герцога Бирона не было видно между ними. Два заморскихъ шута, Педрилло и Ла-Коста, оба грязные, вертлявые, похожіе лицомъ и ухватками другъ на друга, выкидывали на лужайкѣ свои колѣнца, кувыркались и дрались. Императрица смѣялась. Квасникъ-Голицынъ прокатился нѣсколько разъ колесомъ, крича по-пѣтушьи, и былъ зато награжденъ червонцемъ. Карлица-калмычка, Авдотья косоглазая, злобно супясь, все шептала что-то государынѣ на ухо и сердито косилась на шутовъ. Анна Іоанновна наконецъ ее оттолкнула и спросила громко:

— А гдѣ же Балакиревъ? Все хвораетъ?

— Видать, что хвораетъ важный баринъ,—пропищала калмычка.

— Русскій свинья не долженъ быть хворъ,—весело замѣтилъ герцогъ Биронъ, вошедшій въ дворцовый садъ изъ боковой калитки.

При его появленіи шуты спутались и умолкли, а вельможи, окружавшіе государыню, низкими поклонами привѣтствовали его свѣтлость. Биронъ отвѣтилъ имъ кивкомъ и усѣлся на услужливо подставленное кѣмъ-то кресло рядомъ съ императрицей. Въ это самое время Балакиревъ выбѣжалъ на лужайку.

— Каръ! каръ!—кричалъ онъ, наскакивая на сидѣвшихъ кучкой шутовъ, и, кружась, распустилъ надъ ними руки, какъ птичьи крылья.

— Кто ты таковъ?—притворно-строго спросила Анна Іоанновна.

— Воронъ, матушка.

— Куда летишь?

— Пѣтушка провѣдать.—Балакиревъ подлетѣлъ къ Голицыну и хотѣлъ его обнять, но поскользнулся и толкнулъ князя такъ неловко, что у Квасника съ головы свалился пѣтушій гребень.

Князь зарыдалъ отъ огорченія и, размазывая слезы, зашагалъ прочь по дорожкѣ, какъ обиженный ребенокъ. Императрица приказала калмычкѣ догнать его и воротить, а Балакирева графъ Аллендорфъ больно ударилъ нѣсколько разъ по спинѣ золоченой тростью.

— Старый песъ,—сказалъ графъ, ненавидѣвшій Балакирева за его шутки о нѣмцахъ:—вотъ тебѣ твоя награда!

— Ой, жжется золотая палочка, жжется! — кричалъ Балакиревъ, гримасничая и кривляясь.

IV.

Графъ Аллендорфъ, какъ настоящій природный нѣмецъ, былъ въ то же время жестокимъ и чувствителенъ сердцемъ. Умилять его равно могли: звуки настроенныхъ прочно клавикордовъ, видъ изрядно выращенныхъ цвѣтовъ, красивый закатъ вечерній. Исхлеставъ въ кровь слугу или выслушавъ равнодушно дикіе вопли виновныхъ солдатъ, наказуемыхъ палками, графъ Аллендорфъ могъ тотчасъ же съ нѣжными чувствами мечтать о невѣстѣ или сочинять для нея, упорно царапая перомъ, приторныя нѣмецкія вирши.

Старый Балакиревъ во вчерашнихъ ѣдкихъ словахъ своихъ весьма вѣрно изобразилъ графа. Любимый адъютантъ Бирона, графъ Аллендорфъ являлъ собой сухопарую, надменную и прямую фигуру, съ тощимъ угреватымъ лицомъ, длиннымъ носомъ и журавлиной походкой. Одѣвался графъ Аллендорфъ всегда по модѣ: въ широкополый цвѣтной кафтанъ съ блестками и шитьемъ и въ разноцвѣтные чулки; сегодня натягивалъ онъ на правую ногу красный чулокъ, а на лѣвую синій, завтра—на лѣвую пестрый, на правую—полосатый. На головѣ у графа возвышался неизмѣнно семиярусный, туго-завитой парикъ съ пришпиленной къ нему маленькой треуголкой.

Императрица съ герцогомъ и свитой, натѣшившись играми шутовъ, изволила удалиться во дворецъ. Графъ Аллендорфъ одинъ остался въ саду и, продолжая свою мѣрную прогулку, незамѣтно отдалился отъ цвѣтника. Задумчивость графа происходила отъ двухъ причинъ. Первое: смущала его холодность прекрасной невѣсты, фрейлины царской, Аннушки Прибыловой, а второе: видѣлъ графъ Аллендорфъ необходимость доказать невѣстѣ любовь свою. Зналъ онъ, что всѣ женихи дѣлаютъ презенты своимъ невѣстамъ, но скаредная скупость превозмогала нѣжныя чувства. Поднести Аннушкѣ перстень или серьги казалось безуміемъ для скупого нѣмца, и теперь, прогуливаясь, размышлялъ онъ о томъ, какъ бы такъ удовольствовать невѣсту, чтобъ и для дѣла было хорошо и для кармана не трудно.

Проходя огородомъ, графъ замѣтилъ въ густой травѣ, подъ кустомъ, крупную ягоду земляники. Она будто нарочно была приготовлена для него. Огромная, спѣлая, душистая, притаилась ягода въ травѣ и никла, совсѣмъ ужъ готовая опасть.

Обезьяньимъ движеніемъ, взмахнувъ руками, графъ отцѣпилъ свою бархатную шляпу отъ парика и прикрылъ ею пышную ягоду земляники.

О, я поднесу ее Анхенъ! — молвилъ онъ вслухъ и поспѣшилъ во дворецъ вдоль грядокъ, похожій издали на летящаго журавля.

Едва сухопарая его фигура исчезла, какъ изъ-за кустовъ показался рогатый парикъ Балакирева. Сморщенное мышиное лицо старика улыбалось; онъ подмигивалъ и потиралъ руки.

Бросившись опрометью къ себѣ въ каморку, старый шутъ выбѣжалъ черезъ минуту съ мѣднымъ кофейникомъ подъ мышкой и рысью пустился къ оставленному кусту. Почти тотчасъ за нимъ съ крыльца сошла плавно Аннушка объ руку съ графомъ Аллендорфомъ.

Библиотека "Руниверс"

Бѣглецы изъ Антверпена на улицахъ Остендэ. Ждутъ очереди впуска въ гостиницу.

V.

Когда графъ и Аннушка подошли къ лежавшей попрежнему на травѣ маленькой фіолетоваго бархата шляпѣ, влюбленный нѣмецъ всталъ на одно колѣно и, вперивъ умильный взоръ въ розовое лицо невѣсты, заговорилъ:

— Сольнце души моей, изобильній и пресвѣтлый моя богинь! Ваше хладность меня убиваеть изъ-подъ сердце. Но я сейчасъ любовь мою вамъ показать имѣю. Кладить ваше амурный ручка подъ сей шляпъ — и тамъ вы сердце мое обрѣсти найдете.

Аннушка потупилась и закраснѣлась. Еще году не прошло, какъ мачеха привезла ее изъ подмосковной, гдѣ съ сѣнными дѣвушками рѣзвилась молодая боярышня въ горѣлки и на качеляхъ: все еще не могла она привыкнуть къ царскому двору и къ придворному обиходу. Теперь необычайныя слова графа, хоть и ненавистнаго жениха, но все же важнаго и влюбленнаго въ нее вельможи, затронули ея дѣвичье сердечко. Заговорило и любопытство: что же такое положилъ графъ подъ свою треуголку?

Она робко запустила ручку подъ шляпу и почуяла на пальцахъ у себя что-то скользкое и холодное, какъ жаба. Въ недоумѣніи Аннушка выхватила ладонь и — о ужасъ! — вся она перепачкана была черной кофейной гущей.

Но ежели Аннушка изумлена была и напугана нежданнымъ сюрпризомъ, то смущеніе графа Аллендорфа не имѣло предѣловъ. Бѣлые глаза его широко раскрылись, и безсмысленно онъ переводилъ ихъ съ Аннушкиной руки на шляпу и со шляпы на сверкающіе глаза невѣсты.

— Это и есть твое сердце? — сурово спросила Аннушка, и прежде чѣмъ женихъ успѣлъ опомниться отъ смущенія, звонкая оплеуха покрыла лицо его кофейной гущей.

Послѣдній воинскій поѣздъ, покидающій Антверпенъ.

Бѣглецы изъ Антверпена, прибывшіе съ семьями въ голландское селеніе.

Графъ упалъ на колѣни.

— Nein... ради Богъ... я пропаль... — залепеталъ онъ, складывая руки и готовый заплакать.

— Пропади ты съ глазъ моихъ, поскудникъ! И не смѣй свататься за меня, а то все разскажу царицѣ! — крикнула грозно Аннушка и тутъ же покатилась со смѣху, видя, какъ долговязый нѣмецъ съ счастливымъ и глупымъ лицомъ пустился бѣжать по грядкамъ, утираясь на бѣгу щегольскимъ платкомъ. Высокій парикъ съѣхалъ на спину графу и открылъ огромную, засіявшую, какъ зеркало, на солнцѣ плѣшь.

— Ха-ха-ха! — заливалась счастливая Аннушка.

— Ха-ха-ха! — завторилъ ей чей-то веселый хохотъ, и въ кустахъ увидѣла она на четверенькахъ ползущаго къ ней Балакирева съ кофейникомъ въ рукѣ.

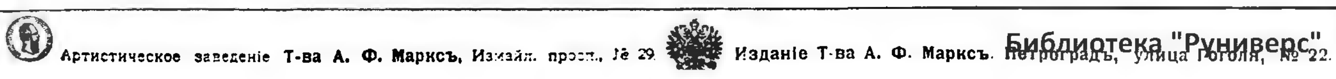
— Вотъ тебѣ и женихъ, — говорилъ старикъ, подымаясь на ноги и захлебываясь отъ смѣха. — Экъ какъ улепетываетъ, нѣмецкая образина! Ну, и плѣшь у него, нечего сказать: что твой эрмитажный глобусъ!

Библиотека "Руниверс"

Великая европейская война.

1. Наблюденіе съ вышки за паденіемъ артиллерійскихъ снарядовъ.
2. Битва на Марнѣ. Французскіе пулеметчики въ дѣйствіи.
3. У пулемета на автомобилѣ.
4. Аэропланъ „Фарманъ“ съ пулеметомъ.
5. Германское 11-дюймовое орудіе.
6. Отрядъ воздушной эскадры.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.



Библиотека "Руниверс"

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Выданъ 22 ноября 1914 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на **первой** страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Э. Ростана“ кн. 5.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на **„НИВУ“ 1915 г.**

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:

ПЕРВУЮ СЕРІЮ — **18** КНИГЪ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ **12** книгахъ **И. А. БУНИНА.**

НОВОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ (окончаніе повѣсти „ЯМА“) въ **2-хъ** книгахъ **А. И. КУПРИНА.**

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ **8** книгахъ **М. МЕТЕРЛИНКА.**

1 Генеральная карта средне-европейскаго и южнаго театра военныхъ дѣйствій, подъ ред. проф. Ю. М. Шокальскаго.

12 книгъ „Ежемѣсячныхъ Литературн. Приложеній“ и проч.

Подробное объявленіе см. на стр. 842—842в № 44 „Нивы“.

ОБУЧЕНІЕ ЗАОЧНО газетн. и журн. дѣлу. Ежедн. возникаютъ нов. газеты, всюду нужда въ опытн. сотрудникахъ. Очень важно теперь науч. писать корресп., статьи, разск. и проч. Программа высыл. **БЕЗПЛАТНО.** Адр.: ред. „СОТРУДНИКЪ ПЕЧАТИ“, Петроградъ, Коломенская, 27—5. 3291

Ищущимъ занятій

предлагаемъ слѣдующія практическія руководства для достиженія самостоятельности: 1) Какъ найти хорошую службу или агентуру—50 к. 2) Какъ организовать торг.-пром. и агентурно-комис. контору — 1 р. 3) Какъ организовать торговлю для иногороднихъ по почтѣ—75 к. 4) Искусство продавать—75 к. 5) Искусство вояжировать—75 к. 6) Искусство рекламировать—75 к. 7) Практич. совѣты изъ торговой практики — 1 р. 75 к. Самоучители: 8) Коммерческая корреспонденція—2 р. 9) Практическая бухгалтерія 2 книги—2 р. Всѣ 10 книгъ вмѣстѣ—6 р. съ перес. Высылаетъ налож. плат. контора журнала „Торговое Дѣло“, Одесса, Соборная, 2. 3290

ПРОТИВЪ ЗАПОРОВЪ 3284

примите Стомоксигенъ д-ра Антона Мейеръ. Стомоксигенъ освобождаетъ желудокъ легко, нормально и пріятно. Предотвращаетъ тошноту, изжогу, отрыжку. Остерегайтесь подделокъ. На оригинальной коробкѣ ясно указано имя Д-ра Антона Мейеръ и адресъ: Екатерин. кан., 29. Стомоксигенъ абсолютно безвреденъ и отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей.

Учебн. допущ. Мин. Торг. и Пром. во всѣ Коммерч. Учебн. завед.

25 л. существ. курсовъ **ЮБИЛ. ЗАОЧН. КУРСЪ БУХГАЛТ.** ПЛАТА за курсъ 6 р.

Программа столичн. заочн. курсовъ.

Въ ознаменованіе **25**-лѣт. существов. курсовъ, поступивш. на заочн. курсъ до 1-го января 1915 г. ученикамъ и ученицамъ, помимо лекцій, высылаемъ **БЕЗПЛАТНО 6 КНИГЪ,** стоящія въ магазинѣ не менѣе **10** руб. Курсъ продолжается отъ 2 до 6 мѣс. безъ всякой доплаты къ 6 руб. По окончан. курса выдаемъ

АТТЕСТАТЪ НА ЗВАНІЕ БУХГАЛТЕРА.

Преподается: торгов., банков., фабр.-завод. и др. счетовод. За пересылку книгъ (до 7-ми фунт.) доплачивается 50 коп., а пересылка лекцій, отвѣтовъ на вопросы и друг. корреспонд.—на нашъ счетъ. Успѣхъ ученія гарантируемъ. Допускается разсрочка: 2 раза по 3 рубля. Наложен. платеж. высыл. при задаткѣ одного рубля. Подготовки не требуется. Нужно знаніе 4 дѣйствій ариѳметики, не больше. Программы и ручательство высылаемъ по первому требованію.

Адресовать: ПОЛТАВА, БУХГАЛТЕРСКІЕ КУРСЫ „КОММЕРЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ“, Гоголевская ул., домъ - ѣша. 3287

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ. Изд. годъ 30-й.

Подписной годъ считается съ 1 ноября 1914 г. по 1 ноября 1915 г.

СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ПРАКТИЧЕСКАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА и ДОМОВОДСТВА.

Редакторъ П. Н. ШТЕЙНБЕРГЪ. Издатель П. П. СОЙКИНЪ.

52 №№ ЖУРН., въ которыхъ будетъ помѣщено **3.000** практическихъ и удобопонятныхъ статей по всѣмъ отраслямъ сел. хозяйства.

Въ числѣ нумеровъ журнала въ 1915 году будутъ даны:

4 СПЕЦІАЛЬНЫХЪ НУМЕРА — АЛЬБОМА **ВСЕ РУССКОЕ ВЪ РУССКОМЪ СЕЛ. ХОЗЯЙСТВѢ**

12 КНИГЪ **„ХУТОРСКОЕ ХОЗЯЙСТВО“** съ рисунками и чертежами.

Въ этихъ книгахъ будетъ помѣщено около **500** практическихъ статей по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, цѣль которыхъ научить, какъ съ небольшихъ хуторскихъ участковъ получать возможно высокіе доходы.

12 КНИГЪ **Библіотека Сельскаго Хозяина** съ рисунк. и чертеж.

1) **Хозяйство въ низменныхъ мѣстахъ. Культура болотъ.** 2) **Хорошее сѣмя.** Какъ его вырастить. 3) **Хозяйство безъ скота.** 4) **Анализъ почвы.** Устройство недорогой сел.-хоз. лабораторіи. 5) **Какъ самому измѣрить землю.** 6) **Хуторскія постройки.** Возведеніе новыхъ построекъ, перестройка старыхъ. 7) **Культура дичковъ и подвоевъ плодов. деревьевъ.** 8) **Уничтоженіе блохъ, клоповъ, вшей, моли, тараканов, мухъ, муравьевъ.** 9) **Примѣненіе искусств. удобреній.** 10) **Сел.-хоз. бухгалтерія.** 11) **Постройка птичниковъ.** 12) **Грибки и бактеріи въ сельск. хозяйствѣ.**

6 ПОЛНЫХЪ ПРАКТИЧЕСКИХЪ РУКОВОДСТВЪ:

Всѣ руководства богато иллюстрированы.

1) **СКОТОЗАВОДСКОЕ ИСКУССТВО.** Раціональн. выращиваніе и содержаніе скота. Проф. *И. И. Калугина.*
2) **ПОСТРОЙКА ЛЕДНИКОВЪ и льдохранилищъ.** *С. Н. Ванкова.*
3) **ДОХОДНОЕ СВИНОВОДСТВО.** Для русск. хозяйствъ. *А. Н. Щербинина.*
4) **КУЛЬТУРА ЛЮЦЕРНЫ**—королевы кормовыхъ травъ. *Д. В. Ѳедорова.*
5) **РАЗВЕДЕНІЕ ПЕРЕПЕЛОВЪ,** куропатокъ, рябчиковъ, тетеревовъ и т. п. дичи. Бар. *Н. Н. фонъ-Винклера.*
6) **ЗЕРНОСУШИЛКИ.** Выборъ и постройка зерносушилки. *К. И. Дебу.*

КРОМѢ ТОГО, всѣ годовые подписчики получатъ три слѣдующ. капитальныхъ приложенія:

«Адвокатъ Сельскаго Хозяина»

Какъ надо самому вести дѣла въ различн. судебн. учрежд. Прис. пов. *П. Брюнелли.*

КАЛЕНДАРЬ „СЕЛЬСКАГО ХОЗЯИНА“ на 1915-й годъ

въ изящномъ коленкоровомъ перепл., съ особымъ, богато иллюстрир. приложеніемъ

«СПРАВОЧНИКЪ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯИНА»

Свыше 500 рисунковъ. Сост. *П. Н. Штейнбергъ.*

Въ будущемъ 1915-мъ году редакціей «Сельскаго Хозяина» объявляются

ДВА КОНКУРСА на денежныя преміи. Темы конкурсовъ и условія участія въ нихъ (участвовать могутъ всѣ подписчики «Сельскаго Хозяина») будутъ напечатаны въ первыхъ нумерахъ журнала.

СѢМЕНА-НОВИНКИ ПОЛЕВЫХЪ И ОГОРОДНЫХЪ РАСТЕНІЙ.

БЕЗПЛАТНО ОТВѢТЫ спеціалистовъ по всѣмъ отраслямъ сельск. хозяйства.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на „СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ“ со всѣми приложеніями на годъ съ дост. и пересылкой **6 РУБ.**

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 рубля и къ 1 мая 3 рубля.

Главная Контора журнала: Петроградъ, Стремянная ул., № 12, собств. д.

Библиотека "Руниверс"

ИСТОЩЕНІЕ

и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья. С.П.Б.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

3286 12-11

Открыта подписка на 1915-й годъ **ХУТОРЯНИНЪ.** Еженедѣльный иллюстрированный журналъ, посвященный интересамъ сельскаго хозяйства, кооперацiи, промышленности и торговли.

Издается Полтавскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства съ 1899 года.
Годовая подписка съ пересылкой и доставкой 2 р. 20 к.

Подписчики получатъ: 52 номера (около двухъ листовъ каждый, что за годъ составитъ томъ свыше 1800 страницъ текста съ иллюстраціями).

Сборникъ с.-х. статей. Календарь „Хуторянинъ“ на 1915 годъ. (Около 200 страп. текста, съ массой рисунк. и чертежей, цѣна въ отдѣльной продажѣ 25 к.). О сборникахъ имѣются самые лучшіе отзывы.

Два выпуска библіотеки „Хуторянина“. Плакатъ въ краскахъ. 10 сортовъ сѣмянъ. Сѣмена заказаны въ одномъ изъ лучшихъ сѣменныхъ хозяйства и будутъ розосланы въ началѣ марта всѣмъ подписавшимся до 1 января 1915 года.

Великая Европейская война. Еженедѣльное приложеніе въ размѣрѣ 1/2 печатн. листа, съ рисунк., портрет. и картами, что въ концѣ года составитъ иллюстриров. исторію войны (въ объемѣ около 26 печ. лист.).

Редакціи журнала въ теченіе послѣдн. лѣтъ **присуждены три золотыхъ медали. На Южно-Русской Областной выставкѣ въ Екатеринославѣ въ 1910 г.** изъ всѣхъ сельско-хоз. журналовъ только **редакція журнала „Хуторянинъ“ получила ЗОЛОТУЮ МЕДАЛЬ.** Спеціально избранная комиссія Одесскаго отдѣленія Императорскаго Техническаго О-ва признала журн. „Хуторянинъ“ чрезвычайно полезнымъ для улучшенія и развитія крестьянскаго хозяйства Малороссіи и заслуживающ. полнаго одобренія.

Журналъ „Хуторянинъ“ допущенъ въ безплатныя библіотеки-читальни и въ библіотеки сельско-хоз. учебныхъ заведеній Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія.

Требуйте безплатно проспекты, номера и смѣты на объявленія.

Адресъ: Полтава, Пушкинская, д. Полт. о-ва сел. хоз., ред. „Хуторянинъ“.
Отвѣтств. редак. Презид. Полт. общ. сел. хоз., заслужен. профессоръ *А. П. Шимковъ.*
Секретарь редакціи *Д. О. Ярошевичъ.* 3236 2-1

Большой выборъ золотыхъ, бриллiант. и серебряныхъ вещей

К. БОКЪ,
ЮВЕЛИРЪ.
ПЕТРОГРАДЪ,
Морская, 9.

ОРДЕНА, ЗНАКИ, ЖЕТОНЫ.

3286 4-1

ЗАОЧНЫЕ, САМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ И ПРОЧИХЪ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ
— С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ —
Москва, Староконюшенный, д. Курилко. 7.

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО УСЛОВІЯ ИЗУЧЕНІЯ КОММЕРЧЕСК. НАУКЪ ПО ПИСЬМЕННЫМЪ ЛЕКЦІЯМЪ, ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.

3282 10-5

Книгоиздательство А. С. ПАНАФИДИНОЙ.

Открыта подписка на 1914/15 г. на еженед. иллюстр. журналъ

„ГАЗЕТКА для дѣтей и ЮНОШЕСТВА.“ (5-й г. изд.).

52 №№ журнала большого формата, съ массой рисун., сост. при уч. **лучшихъ литер. силъ.** ‖ 52 прилож. на отд. лист. **въ краск.**, содерж. болѣе 200 игръ, игрушекъ, интер. занятій, рукодѣлій и т. п.

и полное собраніе сочиненій М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

въ одномъ томѣ, со множ. рисунковъ и біографіей; кромѣ того,

НѢСКОЛЬКО ПРЕМІЙ-ПОДАРКОВЪ (книгъ).

Три конкурса на преміи. ● Интересн. табель-календарь въ краскахъ на 1915 г.

Цѣна: на 1 г.—3 р. 50 к., 1/2 г.—2 р. Адресъ редакціи и конторы: Москва, Лялинъ п., д. № 11—4.

Подробный проспектъ съ рисунк. БЕЗПЛАТНО. Цѣна нумера въ отд. прод. у разносч. и въ кіоскахъ 7 к. **Подписной годъ начинается 1-го ноября.** 3238 2-2

ПРОТИВЪ РЕВМАТИЗМА

„ТАБЛЕТКИ ВИЛЬЯМЪ“

За свѣдѣніями письменно обращаться къ **Вильямъ Г. Волланстонъ.**
Петроградъ, Невскій пр., № 18, кв. 48. Отд. 3. А.

3293

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на **1915** годъ. — **30**-й г. ИЗДАНІЯ.

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
Издается съ 1885 г. Пробный № безплатно. Одобренъ всѣми вѣдомствами.

52 **№№ ЖУРНАЛА,** больш. форм., въ ОБЛОЖКАХЪ, до **2000** стр. текста извѣстныхъ духовн. и свѣтск. писат., свыше **800** иллюстрац., отражающихъ дух.-нравственную жизнь прошлаго и настоящаго.

Съ особымъ иллюстриров. прилож. **„Война“**—обзоръ войны за **недѣлю.**

— **Въ числѣ №№ журнала въ 1915 году будутъ даны:** —

12 СПЕЦІАЛЬН. НУМЕРОВЪ, **СЛАВЯНСКІЙ МІРЪ** посвященныхъ 12-ти славянск. народностямъ, боровшимся за свою самобытность и православную вѣру. Подъ ред. извѣстн. дух. писателя **Е. ПОСЕЛЯНИНА**

— **Кромѣ №№ журнала г.г. подписчики получатъ:** —

12 КНИГЪ свыше 1.500 стр. больш. формата. ЕЖЕМѢСЯЧН. ИЛЛЮСТР. ЛИТЕРАТ. ЖУРНАЛЪ **ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ**

18 КНИГЪ больш. формата. — СОБРАНІЕ ТВОРЕНІЙ — **СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО**

Идя навстрѣчу общему желанію своихъ подписчиковъ, редакція продолжаетъ изданіе полнаго собранія твореній св. Іоанна Златоустаго и въ 1915 году дастъ слѣдующія **18 книгъ,** въ которыя войдутъ **всѣ вѣро-и право-учительныя творенія** этого знаменитаго отца и учителя Церкви.

ПЕРВЫЯ 8 КНИГЪ **Полнаго собр. твореній ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО** новые подписчики могутъ получить за **3** РУБ.

— **КРОМѢ ТОГО ЕЩЕ БУДЕТЪ ДАНО:** —

6 КНИГЪ больш. форм. крупн. текста. = СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ = «пророка славянской свободы» **А. С. ХОМЯКОВА,** **въ котор. войдутъ всѣ богосл. и церк.-публицист. статьи.**

— И —

12 КНИГЪ альбомнаго формата **ИЛЛЮСТР. ИСТОРІЯ РУССК. ВОЙНЪ**
Подъ редакціей *Вл. П. Лебедева.*

Задача изданія—подробно изложить исторію возникновенія, роста и расцвѣта русской военной силы. Богато иллюстрированный текстъ изданія будетъ обнимать періодъ времени начиная съ подвиговъ русскихъ дружинъ родной старины до великихъ войнъ новѣйшихъ вѣковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ съ прилож. безъ дост. въ Петрогр. 6 р. Съ дост. и перес. по Россіи **7** РУБ.
ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: При подпискѣ 3 р., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 іюля остальные.
Главная контора и редакція: ПЕТРОГРАДЪ, Стремянная, 12, соб. домъ.
Редакторъ *Е. А. Поповицкій.* Издатель *П. П. Сойкинъ.*

Библиотека "Руниверс"

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Подъ знакомъ „стрѣльца". Нынѣшнія побѣды, увѣнчавшія оружіе нашей доблестной арміи, обратили вниманіе многихъ толкователей «языка цифръ» на то, что ноябрь, состоящій подъ зодіакальнымъ знакомъ «стрѣльца», есть самый счастливый мѣсяцъ для русскаго оружія. 18-го ноября 1853 г. состоялся знаменитый Синопскій бой, окончившійся разгромомъ всего турецкаго флота; 6-го ноября 1877 г. взята безпримѣрнымъ ночнымъ штурмомъ турецкая крѣпость Карсъ; того же года 22-го ноября взята была Плевна. Въ періодъ Суворовскихъ войнъ ноябрь также ознаменовывался цѣлымъ рядомъ нашихъ побѣдъ на Березинѣ и др. Въ 1812 г. ноябрьскія побѣды докончили разстройство Наполеоновской арміи и подготовили полное изгнаніе непріятеля изъ предѣловъ отечества.

Герой Ивангорода. Геройская оборона крѣпости Ивангорода, руководимая ея комендантомъ генералъ-маіоромъ А. В. Шварцемъ, есть одинъ изъ самыхъ яркихъ подвиговъ нынѣшней великой войны. Помѣщая въ настоящемъ нумерѣ «Нивы» портретъ генералъ-маіора А. В. Шварца, приводимъ здѣсь изъ корреспонденціи С. Н. въ «Новомъ Времени» краткую лѣтопись этой титанической борьбы затерянной въ лѣсахъ одинокой крѣпости, на которую обрушились несмѣтныя вражескія полчища. Атака крѣпости началась 26 сентября и длилась до 13 октября. 26 сентября вечеромъ нѣмцы атаковали крѣпость, но были отбиты и съ большими потерями отошли на нѣсколько верстъ назадъ. Утромъ 27 сентября начался большой бой; нѣмцы атаковали крѣпость и войска, переправлявшіяся у Новой Александріи. Всѣ атаки крѣпости Ивангорода были ею отбиты артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ; ни однимъ клочкомъ земли нѣмцы не овладѣли. Тогда они заняли лѣса, ближайшіе къ крѣпости, и начали тамъ укрѣпляться, но огонь крѣпостной артиллеріи заставлялъ нѣмцевъ разбѣгаться. 28 и 29 сентября атаки нѣмцевъ вновь были повторены, но снова были отбиты. Въ теченіе этихъ дней крѣпостными инженерами былъ построенъ новый мостъ у Козеницъ, по которому переправился корпусъ и, въ свою очередь, атаковалъ нѣмцевъ. Вылазки гарнизона отвлекали нѣмцевъ въ другую сторону. Съ этого времени нѣмцы были вынуждены къ оборонѣ, ограничивъ свою дѣятельность только бомбардировкой, сосредоточивъ особенно сильный огонь по опорнымъ пунктамъ и по обоимъ желѣзнодорожнымъ мостамъ. Такъ продолжалось до 8 октября. Въ ночь на 8 октября нѣмцы отступили отъ крѣпости такъ поспѣшно, что оставили въ своихъ окопахъ, укрѣпленіяхъ и въ лѣсахъ снаряды, телефонные аппараты, снаряженіе убитыхъ и даже часть раненыхъ. Корпусъ и часть гарнизона крѣпости тотчасъ же начали преслѣдовать нѣмцевъ. 8 октября эти части встрѣтили большія силы нѣмцевъ, двигавшихся къ крѣпости. Они шли безъ всякихъ мѣръ охраненія, завѣренные нѣмцами, что крѣпость Ивангородъ уже взята, и что австрійцы должны составить гарнизонъ крѣпости. Раскрывъ движеніе австрійцевъ, части гарнизона возвратились обратно. Въ это время наши переправились, и начался совмѣстный бой съ австрійцами. Бой продолжался до 5 часовъ 13 октября и закончился полнымъ пораженіемъ и бѣгствомъ австрійцевъ. Всѣмъ этимъ мы обязаны крѣпостной артиллеріи, ея удивительной мѣткости и разрушительности дѣйствія ея огня. При этомъ было взято около 10 тысячъ плѣнныхъ.

Блестящая распорядительность и выдающаяся храбрость коменданта крѣпости и его гарнизона дали возможность крѣпости упорно обороняться и отразить всѣ атаки сильнаго своею многочисленностью и упорствомъ противника въ теченіе 13 дней совершенно самостоятельно, съ небольшимъ гарнизономъ, до подхода доблестныхъ и могучихъ силъ. Стойкость и упорство крѣпости Ивангорода съ ея выдающимся по энергіи комендантомъ генераломъ А. В. Шварцемъ, съ его гарнизономъ и штабомъ, непоколебимая храбрость корпусовъ съ ихъ команднымъ составомъ являются исторической эпохою въ жизни нашей арміи.

На кавказско-турецкомъ фронтѣ. Центромъ военныхъ дѣйствій турокъ является Эрзерумъ, въ которомъ базируются главныя турецкія силы. Съ начала войны наши войска перешли въ наступленіе по всѣмъ главнѣйшимъ направленіямъ и захватили всѣ пункты, имѣвшіе болѣе или менѣе стратегическое значеніе, а именно: со стороны мѣстечка Караургана заняли главными силами Кеприкей, на направленіи отъ Эривани — Баязетъ, Алашкертъ и Карадербентскій горный проходъ. Защищать эти стратегическіе пункты посланы иррегулярные курдскіе полки (гамидіэ), которые вездѣ были разбиты и разсѣяны. Хотя на этотъ разъ курды были лучше вооружены, чѣмъ въ предыдущую войну, но это не улучшило ихъ боевыхъ качествъ. Они попрежнему остались годны только для набѣговъ на мирныя селенія и для грабежей и не выдерживаютъ серьезной атаки даже незначительныхъ частей нашихъ войскъ и въ этомъ отношеніи далеко уступаютъ, напримѣръ, туркменамъ или черкесамъ, поселеннымъ въ той же Арменіи. Кромѣ того, среди курдскихъ племенъ въ послѣднее время возгорѣлась вражда, вслѣдствіе чего эта часть вооруженныхъ турецкихъ силъ не можетъ причинить намъ особыхъ безпокойствъ.

Курдская (гамидійская) конница (см. стр. 898 и 899)—своеобразная военная организація. Она не приспособлена къ «регулярному бою». И, надо думать, въ нынѣшнюю войну, какъ въ войны прошлыя, курдскіе полки будутъ носить характеръ «толпъ» лихихъ наѣздниковъ, неспособныхъ къ маневрированію и упорному «строевому» бою. Едва ли регулярныя турецкія войска найдутъ въ нихъ существенную помощь. Мы могли бы поэтому не считаться съ ними, если бы, по примѣру прошлыхъ войнъ, дѣло шло лишь о «походѣ» черезъ турецкую Арменію, лишь о «бояхъ» съ турецкими войсками. Но съ того момента, когда рѣчь заходитъ объ «оккупаціи» пограничныхъ вилайетовъ, мы должны быть готовы къ борьбѣ съ партизанскими дѣйствіями турокъ. И въ этихъ партизанскихъ дѣйствіяхъ курдская конница, несомнѣнно, окажется серьезнымъ, заслуживающимъ самаго напряженнаго вниманія, противникомъ.

Но главнымъ противникомъ нашей арміи являются въ настоящее время не турецкіе корпуса, а климатическія и мѣстныя условія. Восточная Арменія очень возвышенна и гориста. Движенія болѣе или менѣе значительныхъ массъ возможны только въ ущельяхъ, пролегающихъ между горными хребтами Тавра и ихъ отрогами. По названнымъ ущельямъ пролегаютъ главнѣйшіе пути сообщенія отъ Эрзерума съ Закавказьемъ черезъ Караурганъ и Ольты. Эти пути проходятъ по крайне пересѣченной гористой мѣстности и очень трудны для проѣзда. Вообще же отъ Эрзерума до нашей границы турецкія дороги содержатся въ плохомъ видѣ.

Въ виду того, что долины Эрзерумскаго района расположены на высотѣ 6 тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, а окружающія ихъ горы достигаютъ 10 тысячъ фут., зима здѣсь, несмотря на южное положеніе, начинается рано. И теперь, послѣ длительныхъ боевъ подъ Кеприкеемъ, наступили зимніе холода. Изъ арміи сообщаютъ, что всѣ горы кругомъ покрыты снѣгомъ; горныя дороги, въ особенности Ольтинскія, тоже занесены снѣгомъ. При такихъ условіяхъ трудно ждать быстрыхъ операцій.

Возьмись за мечъ, храбрый грузинъ! Кутаисскій губернскій предводитель дворянства Нижарадзе обратился къ представителямъ всѣхъ грузинскихъ сословій съ рѣчью, посвященною переживаемымъ событіямъ. «Государю Императору,— сказалъ онъ: —благоугодно было вновь оказать всемилостивѣйшее безпредѣльное довѣріе грузинскому народу тѣмъ, что даровалъ ему право сорганизовать дружины для борьбы съ турками. Уже болѣе двухсотъ тысячъ грузинъ дерутся съ беззавѣтной храбростью на другихъ театрахъ войны. Съ эпохи Тамары Великой до присоединенія къ Россіи турки отняли у насъ Трапезундъ, не мало другихъ городовъ и земель. Агарскіе и кобулетскіе грузины, наши родные братья, были насильственно отуречены. Нѣтъ сомнѣнія, что грузинскій народъ возстанетъ противъ заклятаго нашего общаго врага, и пробудится въ немъ духъ стараго воина грузина, и по-старому онъ произнесетъ святыя слова, завѣщанныя ему отъ предковъ: «Возьмись за мечъ, храбрый грузинъ!».

Кто хочетъ дать своей крови раненымъ? Такое характерное воззваніе появилось въ парижскихъ газетахъ, и на него въ первый же день откликнулось нѣсколько человѣкъ, освобожденныхъ отъ военной службы. Теперь въ парижскомъ военномъ госпиталѣ извѣстный докторъ Каррель производитъ переливаніе добровольческой крови въ жилы тѣхъ раненыхъ, которые потеряли слишкомъ много ея на полѣ сраженія или во время хирургическихъ операцій.

Фунтовой сборъ сухой провизіи для раненыхъ. Правленіе состоящаго подъ Августѣйшимъ Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны покровительствомъ Михайловскаго въ память Скобелева Общества устроило ко дню св. Михаила, 8-го ноября, ежегодный фунтовой сборъ пожертвованій сухой провизіи, какъ-то: чая, сахара, сушеныхъ фруктовъ, овощей, риса, крупы, макаронъ и т. п.

Въ виду открытія Обществомъ лазарета для раненыхъ на 30 кроватей, всякое пожертвованіе будетъ съ благодарностью приниматься съ 1-го ноября по 1-е декабря 1914 года въ помѣщеніи Общества въ Петроградѣ по Левашовскому просп., № 24, телефонъ № 38—76, и въ принятіи пожертвованія принесшему будетъ выдана квитанція; при желаніи же таковая квитанція будетъ послана почтою на домъ.

Папочка, защити насъ! Глубоко трогательную картину рисуетъ одинъ изъ раненыхъ въ разсказѣ, переданномъ «Утреннею Газетою».

«Проходили мы около усадебки. Чистенькій домикъ, небольшой садикъ, хозяйственныя постройки, но никого не видно...

Вошли. Все было разграблено нѣмцами. Ящики комодовъ повытащены, постель съ кроватей унесена, въ стѣнахъ слѣды пуль. Въ комнатѣ, гдѣ стояли дѣтскія кроватки, на столикѣ я нашелъ четвертушку бумаги, вырванную изъ тетради.

Прочелъ, и сердце у меня болѣзненно сжалось.

На этомъ клочкѣ бумаги было написано дѣтскими каракулями:

«Папочкѣ, который ушелъ на войну. Папочка, защити насъ! Нѣмцы...»

Какъ умираетъ русскій солдатъ. Въ письмѣ офицера изъ дѣйствующей арміи сообщается слѣдующій трогательный эпизодъ:

«Въ этихъ бояхъ я видѣлъ примѣръ истинно христіанской смерти. Я ѣхалъ на развѣдку, когда увидѣлъ одного солдатика, лежащаго на спинѣ и по всѣмъ признакамъ совершенно безнадежнаго. Увидѣвъ меня, онъ сдѣлалъ неимовѣрное усиліе и поманилъ меня. Я, несмотря на то, что страшно торопился, остановился, передалъ лошадь вѣстовому, подошелъ къ умирающему и наклонился надъ нимъ. Солдатъ слабо пробормоталъ: «Ваше благородіе, крестикъ снимите съ меня, достать не могу». Несмотря на то, что крестъ достать было очень трудно, я снялъ его и передалъ раненому въ руку. Грудь у него вся была раздавлена осколкомъ снаряда, и бинты насквозь промокли кровью.

Увидѣвъ свой крестъ, онъ весь затрепеталъ, взялъ въ лѣвую руку цѣпочку, а въ правую крестъ и довольно внятно началъ читать «Отче нашъ». Послѣ первыхъ словъ голосъ его началъ слабѣть.

Дочитавъ до середины, умирающій затихъ, и, когда я взялъ его за руку, пульсъ уже не бился.

Но его рука все еще держала крестъ, а глаза такъ и остались устремленными на Распятіе».

Средство отъ паразитовъ. Старшій врачъ 22 санитарнаго отряда имени графини Е. А. Воронцовой-Дашковой докторъ Карабековъ заготовилъ для кавказской туземной дивизіи предохранительное средство отъ паразитовъ (вшей), которое оказываетъ удивительное дѣйствіе: паразиты убиваются моментально и затѣмъ уже не появляются болѣе. Средство это: 5,0 argenti hydrargyri cinerei. Эту массу надо неплотно завернуть въ вощеную бумагу и положить въ небольшой (величиной въ спичечную коробку) кисетъ изъ тонкой шерсти. Кисетъ сшивается съ трехъ сторонъ, верхняя же, въ которую кладется масса, только стягивается (не туго) шнуркомъ. Кисетъ надо вѣшать на шею (на голое тѣло) и носить все время.

По имѣющимся свѣдѣніямъ, среди солдатъ дѣйствующей арміи паразиты страшно развелись и доставляютъ имъ невѣроятныя мученія.

Помогите нашей арміи этимъ средствомъ. Заказывайте каждый это средство, шейте кисеты и посылайте въ армію.

Ручные панцыри. Главныя квартиры австрійской и германской армій, дѣйствующихъ на восточномъ фронтѣ, по почину доктора Альбрехта, состоящаго

Библиотека "Руниверс"

при австрійскомъ генеральномъ штабѣ, предприняли разслѣдованіе, въ результатѣ котораго установлено, что 70 процентовъ раненій отъ ружейныхъ пуль приходится на раны въ лѣвую руку, полученныя солдатами во время боевъ въ окопахъ. Высшій командный составъ обѣихъ армій озабоченъ заготовленіемъ для пѣхоты маленькихъ ручныхъ панцырей, которые во время боя можно было бы надѣть, а во время передвиженій — носить на поясѣ.

Послѣднее утѣшеніе. Артистъ Императорскаго Александринскаго театра Борисовъ, отвозившій собранный табакъ на передовыя позиціи, передаетъ слѣдующій эпизодъ, очевидцемъ котораго онъ былъ.

При немъ изъ окоповъ принесли тяжело раненаго солдатика. Раненый дрожалъ отъ холода или въ лихорадкѣ и тихо стоналъ. Ему сейчасъ дали выпить рюмку коньяку, и раненый обогрѣлся.

— Покурить бы, — простоналъ онъ.

Присутствовавшій при этомъ И. В. Борисовъ далъ ему немедленно папиросу. Солдатикъ затянулся и сказалъ:

— А теперь и помирать можно.

Что такое германскій солдатъ? Отвѣтъ на это даетъ Г. Загоскинъ въ «Утрѣ Россіи». По его мнѣнію, германцы безусловно не плохіе солдаты. Однако нѣкоторыя черты ихъ природы и духовнаго склада, свойственныя всему германскому народу и сами по себѣ еще не являющіяся недостатками для солдата, въ противопоставленіи ихъ вѣковымъ качествамъ русскаго солдата становятся безспорнымъ минусомъ. Германецъ-солдатъ сохранилъ всѣ тѣ вполнѣ опредѣленныя черты духа, которыя мы знали за нѣмцами въ мирное время. Онъ разсчетливъ, остороженъ, исполнителенъ, не склоненъ къ риску и «безумной» отвагѣ. Ему совершенно чужда идея личнаго подвига, ему понятна только коллективная побѣда. Глубокаго религіознаго, мистическаго одушевленія, часто охватывающаго русскаго солдата, германецъ не знаетъ, да и неспособенъ къ нему, благодаря своей очень дисциплинированной, спокойной, вполнѣ разсудочной натурѣ. Германскій солдатъ — рабочій войны: онъ не «дерется», не «бьется», онъ «производитъ боевыя дѣйствія», совершаетъ тяжелую и опасную работу, требуемую интересами его самого, его семьи и близкихъ, его уютнаго фатерланда.

Идеалистическіе лозунги и призывы слабо проникаютъ въ уравновѣшенную и спокойную голову германца. «Лечь костьми за родину», «стоять за правду», весь паѳосъ войны, весь изступленный восторгъ ея — все это не для него. Зажечь его невозможно, да и безполезно, убѣдить въ легкости предстоящей ему задачи, въ близости побѣды—необходимо, чтобы вызвать наружу весь зарядъ его энергіи. Все это сознаютъ высшіе военные круги Германіи, и отсюда всѣ эти безконечныя лживыя, но ободряющія реляціи, вся груда приказовъ, прокламацій, призывовъ, обиліе рѣчей къ солдатамъ.

Германецъ физически крѣпокъ, но въ его мелкой душѣ нѣтъ огня, распыляющаго тѣлесныя страданія. Требованія тѣла сильны въ немъ. Лишенія совершенно выбиваютъ его изъ колеи, и, оставшись безъ пищи одинъ день, онъ уже чувствуетъ себя несчастнымъ и погибающимъ. Выражусь образно: при поспѣшномъ отступленіи войска теряютъ знамена и обозъ съ походными кухнями.

Германскому солдату гораздо понятнѣе призывъ: «спасайте кухни», чѣмъ призывъ: «спасайте знамя!»

Такова характеристика германскаго солдата, сдѣланная русскимъ боевымъ офицеромъ.

Характеристика французскаго и англійскаго солдата. Мужество французскаго солдата, такъ сказать, яркое, веселое. Пѣхотинецъ балагуритъ со своимъ штыкомъ; артиллеристъ, вкладывая бомбу, поручаетъ ей передать нѣмцамъ его нижайшее почтеніе, а англичане бьются такъ, такъ джентльменъ долженъ дѣлать дѣла: методично и хладнокровно. Но зато, какъ разсказываютъ, когда битва окончена, англичане перестаютъ быть военными и безпечно предаются тремъ своимъ главнымъ занятіямъ: мытью своей особы, бритью и чаепитію. Одинъ разъ нѣмцы напали на цѣлую роту англичанъ, заставъ ихъ голыми, съ мыломъ въ рукахъ, на берегу рѣки.

Какъ умираютъ герои. Офицеръ N-скаго полка, участникъ одного изъ послѣднихъ сраженій, разсказываетъ слѣдующій случай геройской смерти нашего солдатика. Было жаркое дѣло. Кругомъ насъ разрывались шрапнели... Летали пули... Мы подвигались впередъ... Рядомъ со мною шелъ солдатикъ С.—общій любимецъ. Это былъ рѣдкой души человѣкъ, веселый, находчивый, неудержимо храбрый. Всегда рвался впередъ. Я его не разъ предупреждалъ объ опасности. Такъ было и въ этотъ роковой день. С. громко смѣялся надъ мѣткостью врага. Вдругъ я вижу, онъ какъ-то странно опускается на землю. «Ты раненъ?»—спросилъ я его. «Никакъ нѣтъ, ваше благородіе,—отвѣтилъ онъ мнѣ едва слышно:—я убитъ!» И умеръ.

Не штыкомъ—такъ руками. При отступленіи изъ-подъ одного изъ мѣстечекъ Западной Польши сверхсрочный унтеръ-офицеръ—стрѣлокъ Куркинъ при переходѣ черезъ ручей поскользнулся и уронилъ винтовку въ воду. Въ это время на него наскочилъ прусскій офицеръ и выстрѣломъ ранилъ въ грудь. Послѣдній, не растерявшись, безоружный, подбѣжалъ къ офицеру и, схвативъ его шею руками, повалилъ въ ручей и утопилъ.

Забракованіе Анатоля Франса. Знаменитый французскій писатель Анатоль Франсъ, подавшій прошеніе о пріемѣ его въ армію, недавно предсталъ въ комиссіи по пріему добровольцевъ. Послѣ медицинскаго осмотра, предсѣдатель комиссіи объявилъ Анатолю Франсу, что онъ признанъ негоднымъ для военной службы, и, привѣтствуя патріотическій порывъ писателя, заявилъ: «Отказывая вамъ въ шпагѣ, родина разсчитываетъ, что вы будете защищать ее перомъ, которое въ вашихъ рукахъ стоитъ шпаги». Анатолю Франсу 70 лѣтъ.

Нѣмцы и волки. Раненый шрапнелью въ одномъ изъ послѣднихъ боевъ съ германцами санитаръ П. въ «Смол. Вѣстникѣ» передаетъ, что въ Августовскихъ лѣсахъ русскимъ санитарамъ приходилось работать въ исключительныхъ условіяхъ. Артиллерійскій бой 19 сентября велся въ густомъ туманѣ. Нѣмцы понесли тяжелыя потери. Раненыхъ подбирали на каждомъ шагу. Нѣкоторые изъ раненыхъ германцевъ, не желая отдаваться въ плѣнъ, съ огромными усиліями отползали подальше отъ мѣста сраженія. Многіе изъ нихъ, по словамъ П., подверглись нападенію волковъ, которые появились въ Августовскихъ лѣсахъ въ большомъ количествѣ. Напуганные канонадой и стрѣльбой, волки сначала скрывались въ чащѣ, а затѣмъ стали набрасываться на неубранные трупы. Санитарамъ часто приходилось выстрѣлами отгонять ихъ отъ раненыхъ. Лично П. спасъ нѣмецкаго улана отъ гибели при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ болотѣ застрялъ фургонъ съ тѣлами убитыхъ. Санитары стали вытаскивать колеса на твердую почву, но въ это время услышали револьверные выстрѣлы. Направившись къ тому мѣсту, откуда были слышны выстрѣлы, П. услышалъ вой и увидѣлъ прислонившагося къ дереву улана, стрѣлявшаго въ стаю волковъ, терзавшую другого нѣмецкаго солдата. П. выстрѣлилъ, и волки разбѣжались. Спасенный уланъ былъ доставленъ на перевязочный пунктъ, гдѣ онъ разсказалъ, что его товарища волки растерзали еще живымъ.

Собака спасла роту. Къ одной изъ ротъ въ какой-то польской деревушкѣ пристала собачонка. Увязалась и пошла съ нею въ походъ. Солдаты не отгоняли ея, говоря: «кому она мѣшаетъ?» Кормили ее, играли съ ней въ свободное время, выучили ее служить. Во всѣхъ происходившихъ бояхъ она была съ ротой. Куда рота, туда и она. Если рота стрѣляетъ или лежитъ, она лаетъ-заливается здѣсь же на нѣмцевъ. Разъ послѣ боя, когда рота была въ цѣпи, изморенная за день и дремавшая отъ усталости,—собака сумѣла спасти роту отъ грозной опасности. «Дѣло было къ утру,—разсказываетъ одинъ солдатикъ:—слышимъ, суетится нашъ Волчокъ, бѣгаетъ по цѣпи, то того за ногу дернетъ, то другого, ворчитъ... Старшій нашъ и говоритъ: — Ой, ребята, не ладно что-то, не спроста это онъ. Да и мы видимъ, что не спроста. Подтянулись, куда и сонъ отлетѣлъ. И что жъ вы думали? Не будь Волчка, была бы намъ передѣлка. Совсѣмъ ужъ близко нѣмцы подобрались. У нихъ свой расчетъ былъ: кинуться на насъ врасплохъ. Ну, и приняли мы ихъ тутъ, попотчивали за милую душу. Совсѣмъ въ упоръ они подошли, какъ мы ихъ залпами стали жарить. Много ихъ тутъ полегло...»

Арестъ англійскихъ пѣвчихъ въ Германіи. Вся Англія полна негодованія противъ германцевъ по поводу ареста пѣвческихъ хоровъ въ англиканскихъ церквахъ въ Германіи. Всѣ пѣвчіе—дѣти.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ" 1914 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" со всѣми приложеніями: Безъ дост. въ Петроградѣ **6 р. 50 к.**, съ дост. **7 р. 50 к.**; съ перес. по всей Россіи: на годъ 8 р., на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразованіе. Заочное обученіе. Безплатныя преміи. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **Аттестатъ.** Льготныя условія подписки и пробная лекція **БЕЗПЛАТНО.** Адресъ: Петроградъ, „Кругъ Самообразованія", Невскій, 57—30.
8264 (3)

Новыя книги: 1. **Правила жизни и приличія для интел.**; 2. **Секретъ здор.** (Лѣченіе домаш. сред. катарра ж., малокр., невраст. и др.); 3. **Какъ я разбогатѣлъ** (эконом. безъ скупости, пчелы, садъ, огородъ, ремесла и др.); 4. **Успѣш. борьба съ пожар.** (Несгораем. деревян. постройки). Высыл. по получ. 60 к. деньгами или мар., иначе не высыл. Адр.: Бакалы, Уфим. г., свящ. Д. Григорьеву.

Химико-бактеріологич. лабораторія **Б. ГУРЕВИЧА,**
КІЕВЪ, Б. Васильковская, 10.
Единственно вѣрное средство для массоваго истребленія домашнихъ и полевыхъ
МЫШЕЙ и КРЫСЪ
бактерійную заразу, безвредн. для людей и домашн. животн. Порція въ 2 р. 5 к. и 5 р. 20 к. съ перес.
8261

ЛИТЕРАТУРЫ

XLV г. ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. г. XLV

№ 47 Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. **В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА,** 12 книгъ **Литературныхъ и популярно-научныхъ приложенiй,** 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ. 1914

Выданъ 22 ноября 1914 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.** Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Атака сибирскихъ казаковъ. Рисунокъ **И. Владимiрова.**

Библиотека "Руниверс"

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Ростана кн. 5“.

У Казанской.

У Казанской Божьей Матери
Тихо теплятся огни.
Жены, дочери и матери
Къ Ней приходятъ въ эти дни.
И цвѣты къ Ея подножію
Ставятъ съ жаркою мольбой:
— Матерь-Дѣва, силой Божьею
Охрани ушедшихъ въ бой!
Надъ врагомъ побѣду правую
Дай защитникамъ Руси,
Дай сразиться имъ со славою
И отъ смерти ихъ спаси!
На крестѣ Твой Сынъ Единственный
За любовь Свою страдалъ,
И Его Глаголъ таинственный
Къ этимъ битвамъ Русь позвалъ.
Мы воюемъ за спасеніе
Братьевъ страждущихъ славянъ,
Мы свершимъ освобожденіе
Подъяремныхъ русскихъ странъ.
Съ кѣмъ враждуетъ Русь лучистая —
Врагъ и Сына Твоего.
Дай же, Дѣва, дай, Пречистая,
Нашей силѣ торжество!..
У Казанской Божьей Матери
Дивно-свѣтелъ вѣчный взглядъ.
Жены, дочери и матери
Передъ Ней съ мольбой стоятъ.

Сергѣй Городецкій.

Сестра милосердія Тверской общины Евгенія Сергѣевна Митюрева, раненая въ сраженіи подъ Гумбиненомъ.

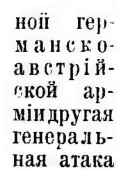
Наступленіе нашихъ войскъ въ Восточную Пруссію. На германской границѣ. Эйдкуненъ, разрушенный и брошенный отступившими нѣмцами.

Великая европейская война.

(Хроника военныхъ дѣйствій).

Трехнедѣльное преслѣдованіе опрокинутой подъ Варшавой германской арміи замерло и закончилось почти около самой германской границы. Въ глубинѣ вражеской территоріи, въ районѣ крѣпости Торна, нѣмцы успѣли произвести сосредоточеніе новыхъ силъ, отчасти переброшенныхъ съ бельгійскаго театра военныхъ дѣйствій, гдѣ временно всѣ германскія атаки затихли, замѣнившись однимъ артиллерійскимъ обстрѣломъ союзническихъ позицій, отчасти же сформированныхъ изъ отступавшихъ корпусовъ, пополненныхъ новыми кадрами ландвера, ландштурма и добровольцевъ сверхъ-предѣльнаго возраста.

Собранная около Торна солидная по своимъ размѣрамъ армія ринулась на линію русскихъ войскъ и произвела новый энергичный натискъ въ пространствѣ между рѣками Вартой и Вислой по направленію къ Варшавѣ. Гонимые перешли въ наступленіе, преслѣдующіе были вынуждены въ этомъ пунктѣ остановить свое преслѣдованіе и самимъ перейти къ оборонѣ. Начинать генеральную атаку въ новомъ направленіи отъ Торна послѣ того, какъ только-что была побѣдоносно отражена съ полнымъ пораженіемъ всей многомиллион-



ной германско-австрійской арміи другая генеральная атака на тотъ же вожделѣнный центръ — Варшаву, повернуть разбитые и бѣгущіе корпуса на противника и попробовать вырвать у судьбы побѣду, которая никакъ не дается сама въ руки, — для выполненія такого рискованнаго маневра нужно обладать недюжинной энергіей и настойчивостью. Германскій главнокомандующій пробуетъ выиграть ставку битыми картами. Въ выполненіи задуманнаго сложнаго маневра ему страшно помогаетъ густая сѣть германскихъ стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ, дающая возможность въ теченіе двухъ-трехъ дней перебросить нѣсколько корпусовъ съ западнаго фронта на восточный и сосредоточить ихъ въ любомъ пунктѣ расположенія.

Наступленіе нашихъ войскъ въ Восточную Пруссію. На германской границѣ. Разрушенный вокзалъ въ Эйдкуненѣ.

Библиотека "Руниверс"

тельные по численности и размѣрамъ свободные резервы для подкрѣпленія боевой линіи въ наиболѣе угрожаемыхъ пунктахъ. Такіе неожиданные удары всегда возможны, но при должной подготовкѣ противника нисколько не опасны. Подъ натискомъ сосредоточенныхъ массъ отдѣльнымъ частямъ нашей арміи иногда приходилось въ теченіе нѣсколькихъ дней и отходить, до тѣхъ поръ, пока не подойдутъ подкрѣпленія изъ ближайшаго резерва и не уравновѣсятъ соотношенія силъ въ районѣ, избранномъ для атаки,—но такой отходъ, при спокойномъ и хладнокровномъ веденіи кампаніи Главнокомандующимъ, всегда сохранитъ только частичный характеръ, только мѣстное и временное значеніе, не будетъ сопровождаться потерей временно отступающими частями непосредственной связи съ сосѣдними корпусами и никогда не превратится въ опасный прорывъ центра боевой линіи.

Именно такую картину мы наблюдали въ районѣ новаго германскаго наступленія между Вислой и Вартой. Оно ни на минуту не остановило общаго наступленія русскихъ войскъ и въ Восточной Пруссіи, гдѣ мы побѣдоносно проходимъ и обходимъ колючія тѣснины Мазурскихъ озеръ, и на фронтѣ Ченстоховъ—Краковъ, гдѣ рѣшается судьба послѣдней австрійской твердыни, наполовину уже обойденной русскими войсками, и въ Галиціи, которую мы снова очистили отъ австрійскихъ войскъ, прогнанныхъ за карпатскіе перевалы. Мы вездѣ идемъ впередъ твердо и неотступно къ намѣченной цѣли и только въ узкой полосѣ между Вислой и Вартой въ теченіе нѣсколькихъ дней подались назадъ.

Наступленіе нашихъ войскъ въ Восточную Пруссію. Гумбиненъ.

Наступленіе нашихъ войскъ въ Восточную Пруссію. Сталупененъ.

Для того, чтобы парализовать это преимущество противниковъ, всегда располагающихъ возможностью неожиданно сосредоточить въ любой части фронта нѣсколько лишнихъ корпусовъ для начала новой атаки въ новомъ направленіи, нужно всегда имѣть въ распоряженіи въ ближайшемъ тылу значи-

Отходя передъ напирающими отъ Торна густыми нѣмецкими колоннами, мы уступили германцамъ и Кутно, и Полоцкъ, и рядъ селеній до Ленчицы, но не потеряли связи съ сосѣдними корпусами и не позволили прорвать линію нашего боевого расположенія. Вмѣсто столь желаннаго нѣмцамъ прорыва получилась только временная вогнутость линіи. Но двинутыя къ угрожаемымъ пунктамъ подкрѣпленія изъ резерва быстро успѣли уравновѣсить наши силы съ нѣмецкими. По всей линіи германскаго наступленія произошли ожесточеннѣйшіе бои, благопріятный для насъ исходъ которыхъ опредѣлился вполнѣ ясно.

Послѣ ряда отбитыхъ атакъ на сѣверѣ отъ Лодзи уже обозначился отходъ нѣмцевъ по всей линіи Стрыковъ—Згержъ—Шадекъ—Здунска Воля—Возники. На сѣверо-западѣ отъ Лодзи наши войска энергичной контръ-атакой сбросили наступавшаго противника около Лодзи, захвативъ тяжелую нѣмецкую батарею и 10 пулеметовъ. На линіи Ленчица—Орловъ подошедшіе русскіе полки опрокинули успѣвшихъ утвердиться нѣмцевъ и захватили въ плѣнъ два съ половиною германскихъ полка и много орудій. Очевидно, пытаясь обойти насъ, часть нѣмецкой арміи сама очутилась въ мѣшкѣ и была вынуждена сдаться. Сдача цѣлаго германскаго корпуса говоритъ о полномъ разгромѣ нѣмцевъ. Эта неудача тяжко отзовется для нихъ на всемъ теченіи войны, она окончательно ликвидируетъ всю наступательную кампанію германцевъ и открываетъ собою переходъ къ оборонительной зимней кампаніи. Замѣчательно, что маневръ генерала Гинденбурга не внесъ никакого смятенія ни въ души русскаго общества ни тѣмъ менѣе въ распоряженія нашего генеральнаго штаба. Онъ

Комендантъ крѣпости Ивангорода генералъ-маіоръ А. В. Шварцъ, блестяще оборонившій крѣпость и доблестно защитившій ее отъ сильнаго натиска непріятеля. За геройскую оборону крѣпости А. В. Шварцъ награжденъ Георгіевскимъ оружіемъ и произведенъ въ генералъ-маіоры. (См. «Отклики войны»).

Библиотека "Руниверс"

ни на одинъ день не задержалъ нашего побѣдоноснаго вторженія въ Пруссію и Галицію, не затормозилъ обложенія Перемышля и Кракова, не остановилъ твердаго и увѣреннаго захожденія фланговъ.

Сравнительно съ событіями на русско-прусскомъ фронтѣ ходъ военныхъ дѣйствій въ Турціи не имѣетъ большого значенія. На берегахъ Вислы рѣшается судьба всей Европы, а на горныхъ перевалахъ къ Эрзеруму рѣшается развѣ только участь одной Турціи, притомъ же давно, въ сущности, уже предрѣшенная. Въ виду непроходимости въ зимнее время горныхъ дорогъ для осадной артиллеріи, мы не идемъ къ Эрзеруму и ограничиваемся только отраженіемъ турецкихъ атакъ и очищеніемъ занятыхъ областей отъ турецкихъ и курдскихъ шаекъ. Для того, чтобы затруднить снабженіе турецкой арміи по Черному морю, нашъ флотъ бомбардировалъ и уничтожилъ ближайшіе къ театру войны турецкіе порты. Въ смыслѣ обладанія Чернымъ моремъ большое значеніе имѣетъ побѣда, одержанная нашимъ флотомъ надъ дредноутомъ „Гебеномъ“. Около Херсонеса турецко-германскіе крейсера были неожиданно настигнуты нашими судами, приблизившимися къ нимъ подъ покровомъ густого тумана. Мы первые замѣтили непріятеля и успѣли дать удачный залпъ изъ всѣхъ орудій по „Гебену“. Удачный залпъ вызвалъ пожаръ на непріятельскомъ дредноутѣ, сбилъ башни съ тяжелыми орудіями, причинилъ нѣсколько пробоинъ и тѣмъ самымъ ослабилъ его отвѣтный огонь.

„Гебенъ“ не могъ продолжать бой и предпочелъ воспользоваться быстротою своего хода. Эта морская побѣда стоила намъ очень немногихъ жертвъ и надолго вывела изъ строя крупнѣйшую силу Турціи на Черномъ морѣ.

Война съ Турціей. На кавказско-турецкомъ фронтѣ. Отрядъ конныхъ курдовъ близъ нашей границы. (См. «Отклики войны»).

Война съ Турціей. На кавказско-турецкомъ фронтѣ. Турецкая иррегулярная конница. Курды въ разъѣздѣ.

Война съ Турціей. На кавказско-турецкомъ фронтѣ. Лагерь курдской конницы.

Война съ Турціей. На кавказско-турецкомъ фронтѣ. Вооруженные курды.

Бой «Сиднея» съ «Эмденомъ» велся на разстояніи двухъ морскихъ миль и длился полтора часа. Пользуясь преимуществомъ въ быстротѣ хода, «Сидней» держался внѣ обстрѣла четырехдюймовыхъ орудій «Эмдена» и разгромилъ его своими шестидюймовыми орудіями.

Крейсеръ «Кёнигсбергъ» на ряду съ «Эмденомъ» топилъ торговые пароходы въ Тихомъ и Индійскомъ океанахъ. Англійскій крейсеръ «Чатамъ» послѣ долгихъ поисковъ обнаружилъ крейсеръ «Кёнигсбергъ» 17 октября въ 6 миляхъ вверхъ по рѣкѣ Руфійи на о. Мафія у береговъ германской Восточной Африки. Германскій крейсеръ стоялъ въ неглубокой водѣ, а экипажъ его окопался на побережьѣ рѣки. «Чатамъ» обстрѣлялъ «Кёнигсбергъ» съ моря, но вслѣдствіе густыхъ пальмовыхъ зарослей не удалось установить размѣры причиненныхъ поврежденій. Чтобы воспрепятствовать выходу германскаго крейсера изъ рѣки, въ ней были затоплены угольщики. Такимъ образомъ «Кёнигсбергъ» какъ бы арестованъ и дальнѣйшее его каперство прекращено.

Англійскій (австралійскій) крейсеръ „Чатамъ“, запершій въ бухтѣ Руфійи (въ Восточной Африкѣ) германскій крейсеръ „Кёнигсбергъ“.

Англійскій (австралійскій) крейсеръ „Сидней“, уничтожившій германскій крейсеръ „Эмденъ“ въ Индійскомъ океанѣ, близъ порта Килинга.

Библиотека "Руниверс"

Тортумское озеро въ Эрзерумскомъ вилайетѣ.

Водопадъ на р. Тортумъ-чай въ Эрзерумскомъ вилайетѣ на границѣ съ Ольтинскимъ округомъ.

Эрзерумъ. Центральная улица.

Турчанки въ Эрзерумѣ.

Эрзерумскій вилайетъ. Озеро Тортумъ-чень въ Тортумскомъ ущельѣ близъ Ольтинскаго округа.

Чорохскій край. (Ущелье рѣки Ардануть-чай близъ г. Ардануга).

Русско-турецкая война. На кавказско-турецкомъ фронтѣ.

Библиотека "Руниверс"

Сестры.

Разсказъ **И. Кипренскаго.**

I.

Послѣ перевязки всѣ лежатъ—вся палата, въ которой насчитывается 20 кроватей. Не всѣ хотятъ этого и, можетъ-быть, не всѣмъ надо. Но такъ требуетъ строгій и неумолимый по части больничнаго порядка и добрѣйшій, милѣйшій и готовый на все согласиться и во всемъ уступить, во всѣхъ частныхъ случаяхъ, старшій врачъ и хирургъ Антонъ Михайловичъ Древковъ. Таковъ заведенный имъ порядокъ.

Но лежатъ добросовѣстно только трое: ефрейторъ Мастакъ, казакъ Забодайло и татаринъ Кардамытовъ. У нихъ есть на это причины.

У казака, впрочемъ, причина внѣшняя: строгое приказаніе доктора,—а то онъ ни за что не лежалъ бы, потому что при его изумительной живости и подвижности и какомъ-то дьявольскомъ темпераментѣ это—настоящая мука. Когда его, недѣли двѣ тому назадъ, привезли сюда прямо изъ огня, онъ былъ, какъ самъ о себѣ повѣствовалъ, „весь въ дырьяхъ": у него были раны и царапины всюду — и на рукахъ, и на спинѣ, и на шеѣ, и на бедрахъ, а на лѣвой ногѣ онъ не досчитывался цѣлаго мизинца, но онъ и въ усъ себѣ не дулъ и увѣрялъ, что чувствуетъ такъ, какъ будто его „здорово покусали блохи". Но зато и заживало все это какъ-то воистину по-военному. Столько жизни было въ этомъ стройномъ, гибкомъ, классически сложенномъ, тѣлѣ, и оно торопилось поскорѣе притти въ порядокъ, чтобы жить и дѣйствовать. И такая ужъ, должно-быть, была въ немъ здоровая кровь.

И ужъ давно былъ на ногахъ, ходилъ по всѣмъ палатамъ, перезнакомился со всѣми ранеными и сестрами, мечталъ о возвращеніи въ полкъ и обѣщалъ, что не вернется на родину раньше, чѣмъ не отправитъ на тотъ свѣтъ собственноручно по крайней мѣрѣ сотню нѣмцевъ. Но докторъ находилъ, что послѣ перевязки ему нужно лежать дольше, чѣмъ другимъ, и онъ повиновался.

У ефрейтора была всего только одна рана въ плечевой области, но глубокая, съ поврежденіемъ костей и очень болѣзненная. Странно было видѣть, какъ этотъ крупный мужчина лѣтъ тридцати пяти, съ густой бородой, молодецкаго тѣлосложенія, во время перевязки страдалъ и нервничалъ, какъ женщина. Иногда лицо его дѣлалось бѣлымъ, и онъ впадалъ въ обморочное состояніе. Когда же потомъ приходилъ въ себя и отдыхалъ, то говорилъ своему сосѣду, Кардамытову:

— Вотъ, братецъ ты мой, штука-то какая. Тридцать шесть часовъ стояли мы въ окопахъ и по болотамъ шлялись, залѣзали по поясъ въ грязь, и чего только не было въ сраженіи-то, и все—какъ съ гуся вода. А этого вотъ не могу: душа не терпитъ. Ей-ей, даже совѣстно доктору и сестрицамъ въ глаза смотрѣть. Ужъ прямо тебѣ хуже всякой бабы... Ей-ей...

Что касается татарина, то его дѣло было хуже всѣхъ, и ему приходилось лежать все время. Съ недѣлю тому назадъ ему отрѣзали ногу, и рана послѣ операціи заживала очень туго.

Небольшого роста, тонкокостный, узкогрудый, онъ лежалъ на спинѣ, блѣдный, похудѣвшій, съ бритой головой, съ узкимъ лбомъ и съ безконечно грустными темными глазами.

Остальные лежали „черезъ силу" только потому, что этого требовалъ порядокъ. Раны у нихъ легкія, заживали исправно и позволяли свободно расхаживать по палатѣ, заходить другъ къ другу, присаживаться, болтать, забираться и въ другія палаты, гдѣ лежали товарищи, и даже заходить въ коридоръ, чтобы взглянуть на публику съ улицы и толкотню.

Все это были люди изъ разныхъ войсковыхъ частей, и раны свои получили они въ различныхъ дѣлахъ. Словно кто-нибудь нарочно позаботился объ этомъ—они представляли тутъ всѣ концы обширной Россіи. Смуглолицый хохолъ занималъ кровать рядомъ съ бѣлобрысымъ эстонцемъ, тутъ же поблизости помѣщался широкоплечій гигантъ, житель пріуральской стороны, а около него ютился молчаливый, вялый и какой-то заморенный молдаванинъ изъ Аккермана.

Говорили они каждый на своемъ нарѣчіи, но прекрасно понимали другъ друга и чувствовали себя членами одной большой семьи.

Принесли обѣденныя порціи и поставили около каждаго на столикѣ. Тѣмъ, кто нуждался въ помощи, помогали сидѣлки. Надъ кушаньями они не любили возиться долго. Они принесли сюда военную привычку ѣсть быстро, между двухъ сраженій. И такъ же быстро исчезла опустошенная столовая посуда.

Теперь начинались долгіе, тягучіе часы, которые нечѣмъ было наполнить, и можно было бы помереть отъ больничной скуки, если бы не сестры.

Утромъ онѣ давали лѣкарства, промывали и перевязывали раны. Конечно, что и говорить, спасибо имъ за это. И само собою разумѣется—это главное, для того и въ лазаретѣ лежишь, чтобы заживали твои раны. И никто же такъ этого не сдѣлаетъ, какъ сестра, и не какая-нибудь опредѣленная, та или другая, а всякая.

Вѣдь онѣ мѣняются—дежурятъ по очереди, а то какая-нибудь переходитъ въ другой госпиталь или уѣзжаетъ на войну, а на ея мѣсто приходитъ другая.

Но, все равно, про всѣхъ это говорится, про всѣхъ сестеръ: у всѣхъ у нихъ нѣжныя руки и, должно-быть, чуткое сердце, которое чувствуетъ малѣйшую неловкость у больного при поворотѣ или сотрясеніи.

Можетъ-быть, что-нибудь и не совсѣмъ такъ сдѣлаетъ, какъ полагается по наукѣ, и за это ихъ бранятъ. Но зато ужъ какъ пріятно! Фельдшеръ Чумиловъ все дѣлаетъ, какъ слѣдуетъ, это и самъ старшій врачъ Антонъ Михайловичъ призналъ и всегда, когда бываетъ что-нибудь очень серьезное и сложное, ему поручаетъ. Но руки у него точно желѣзныя, и вотъ ужъ можно сказать: чужой боли онъ не чувствуетъ. Такъ тебя поворачиваетъ во всѣ стороны, словно ты не живой человѣкъ, да еще прострѣленный, а полѣно.

И все-таки,—вотъ поди жъ ты, какъ странно устроенъ человѣкъ,—не за это они главнымъ образомъ цѣнятъ сестеръ. А вотъ когда наступаютъ эти часы томительно-скучнаго больничнаго житья, когда все медицинское на этотъ день кончено—лѣкарства, перевязки, кому нужно—ванны, кому массажъ, а другому дѣйствіе разныхъ тамъ лучей,—много вѣдь теперь всякой всячины для больного человѣка изобрѣтено, и когда накормили и напоили,—вотъ тутъ безъ сестеръ прямо можно пропасть.

Разговаривать другъ съ другомъ, само собою, не возбраняется, разговаривай сколько хочешь, да о чемъ? Вѣдь уже обо всемъ переговорили. Каждый разсказалъ про свою родню—и про отца и мать, и про братьевъ и сестеръ, и про жену съ дѣтьми, коли у него есть. И о боевыхъ дѣлахъ, въ которыхъ они участвовали, и о ранѣ, какъ и гдѣ получилъ, и какъ доставился въ Питеръ. Все это было уже разсказано всѣми десятки разъ и никого не интересовало, даже надоѣло.

И лежали они или сидѣли, или бродили изъ угла въ уголъ, съ скучающими лицами, не зная, куда дѣвать время, котораго такъ еще много.

Но вотъ появлялись сестры, и всѣ, точно желѣзныя стрѣлки къ магниту, поворачивали лица къ нимъ, и лица эти дѣлались веселыя, улыбающіяся, глаза свѣтлѣли.

Даже бѣдняга Кардамытовъ силился приподняться и хотя при этомъ кривился отъ боли, которую причиняла ему несуществующая уже нога, но улыбался и радостно кивалъ головой.

Какъ будто въ эту сумрачную, тягучую атмосферу безбрежной скуки и незнанія, куда дѣвать себя, вдругъ вливалась струя жизни.

II.

Сестры были разныя. Часто появлялись новыя, въ свѣжихъ халатикахъ, въ нарядныхъ бѣлыхъ косынкахъ. Онѣ являлись на перевязки — одну, другую, а потомъ исчезали. Пробовали, должно-быть, свои силы, но безъ удачи.

Бывали и настоящія, серьезныя, которыя принимались за дѣло, какъ слѣдуетъ, но ихъ переводили въ другія отдѣленія, гдѣ не хватало сестеръ или открывались новыя палаты. А то еще многія приходили сюда учиться. Это тѣ, которыя еще не были сестры, а только готовились на нихъ. Но онѣ только смотрѣли, а если и довѣряли имъ работу, то лишь самую простую и легкую,—„дѣтскую", какъ про это говорили.

Но эти три, онѣ были неотдѣлимы отъ палаты. Казалось, удалить одну изъ нихъ—это то же, что разломать одну изъ стѣнъ зданія: оно рухнетъ. Всѣ раненые, находившіеся въ палатѣ, двухъ изъ нихъ застали уже тутъ, третья пришла позже, но быстро сдѣлалась такой же необходимой, какъ и тѣ двѣ. И онѣ, хотя и имѣли право на дежурство и отдыхъ, были въ больницѣ почти неотлучно: каждая, по соглашенію съ другими, брала себѣ для своихъ дѣлъ одинъ день въ недѣлю.

Палата состояла при огромной больницѣ, въ которой было много врачей и всякихъ медицинскихъ чиновъ и инстанцій, сложная администрація и многочисленныя службы. Но раненые, лежавшіе въ палатахъ, этого ничего не замѣчали. Имъ скорѣе могло показаться, что центромъ всей больницы были „ихъ сестры", что все вокругъ нихъ вертится, имъ повинуется, что онѣ-то и ворочаютъ всей больницей.

Въ дѣйствительности этого, разумѣется, не было. Сестры не обладали никакой властью и были подчинены чуть ли не всѣмъ остальнымъ. Но у нихъ, въ ихъ дѣятельности, было нѣчто такое, что заставляло такъ думать, это — настойчивость во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было отстоять что-нибудь для раненаго.

Иногда это былъ пустякъ, но случалось и важное. Бывали случаи, что изъ-за лишняго стакана молока или пары яицъ приходилось затѣвать цѣлую исторію. Гдѣ-то, въ какой-то канцеляріи или въ кабинетѣ управляющаго, о которыхъ раненые не имѣли понятія, по какимъ-то высшимъ соображеніямъ, рѣшено того-то не выдавать, а тутъ какъ разъ и нужно. Больной обращается къ фельдшеру, тотъ пожимаетъ плечами: не его дѣло; къ старшему врачу—разводитъ руками, дескать, да, нужно, необходимо, но что же онъ можетъ подѣлать, если тамъ такъ распорядились...

И тогда—послѣдняя инстанція: сестра. Да, ей жалуется больной, какъ послѣднему прибѣжищу, и она принимаетъ къ сердцу, хлопочетъ, стучится во всѣ двери, проситъ, а гдѣ это лучше дѣй-

Библиотека "Руниверс"

Бельгійскій блиндированный поѣздъ обстрѣливаетъ германскія войска на побережьѣ Сѣвернаго моря.

Но когда около него появляется сестра, онъ быстро осваивается со всѣмъ. Онъ чувствуетъ въ ней опору—что она вся для него, душа ея полна его интересами. Ей онъ все разскажетъ, на все пожалуется, подѣлится горемъ и мечтами.

И ужъ тогда никакихъ начальствъ для него не существуетъ. Онъ ихъ не замѣчаетъ. „Сестрица не выдастъ".

И эти три подобрались какъ будто нарочно для того, чтобы отвѣчать на всѣ стороны человѣческой души. Онѣ были различны — какъ только можно представить. Въ частной жизни онѣ вращались въ совершенно разныхъ слояхъ общества. По наружности, по характеру, по воспитанію, по взглядамъ — это были три рѣзко очерченныхъ, ни въ чемъ не соприкасающихся, типа. И, можетъ-быть, потому-то онѣ и дѣлали такъ хорошо общее дѣло.

Ирина Аркадьевна Кугасова, высокая стройная брюнетка лѣтъ

ствуетъ—бранится, угрожаетъ—и въ концѣ концовъ-таки добивается.

Сестра для раненаго, это—все. Когда ему предлагаютъ опасную операцію, на которую онъ можетъ и не согласиться, и предлагаетъ не кто иной, какъ старшій врачъ, извѣстнѣйшій хирургъ, самъ Антонъ Михайловичъ,—онъ смотритъ на нее и, если на лицѣ ея видитъ сочувствіе, ободреніе, соглашается.

Онъ знаетъ, что она подумала обо всемъ, навела справки, обсудила.

Благодаря сестрѣ, раненый чувствуетъ себя въ больницѣ, какъ дома. Когда его привозятъ, ему все чуждо, и онъ всего немного дичится. Строгія фигуры врачей и начальства удручаютъ его. У этихъ людей такъ много работы, имъ некогда возиться съ человѣкомъ. Они видятъ только рану, съ нею возятся, а лица, можетъ-быть, и не замѣчаютъ.

Французская артиллерія, замаскированная копнами соломы.

двадцати трехъ. Бѣлая косынка удивительно красиво оттѣняла ея изсиня-черные густые волосы. Бѣлый больничный халатъ или передникъ придавали ея матово-смуглому лицу колоритъ печали. Но лицо это и безъ того всѣми своими красивыми линіями выражало какое-то глубокое, какъ видно, уже пережитое и запечатлѣвшееся въ нихъ, горе.

Французскій аэропланъ съ пулеметомъ.

Бельгійскій блиндированный автомобиль на франко-бельгійской границѣ.

Библиотека "Руниверс"

Капитанъ
И. А. Крестини.

Капитанъ
И. С. Лопатто.

Подпоручикъ
В. В. Аспелундъ.

Капитанъ
Б. Д. Сохачевскій.

Капитанъ
С. И. Добрынинъ.

Капитанъ
А. Н. Поповъ.

Корнетъ
А. А. Горяиновъ.

Подпоручикъ
С. И. Симанкинъ.

Штабсъ-капитанъ
И. А. Григорьевъ.

Капитанъ
С. Ф. Гончаровъ.

Прапорщикъ
Р. И. Аболингъ.

Ротмистръ
К. К. Фроммъ.

Прапорщикъ
П. П. Назаровъ.

Штабсъ-капитанъ
М. К. Поповъ.

Капитанъ
М. В. Андреевъ.

Капитанъ
В. И. Басевичъ.

Капитанъ
К. Е. Бѣлоцерковецъ.

Подпоручикъ
К. К. Семковскій.

Капитанъ
В. В. Грекъ.

Поручикъ
П. В. Вуичъ.

Подпоручикъ
Г. Н. Базилевичъ-Княжеховскій.

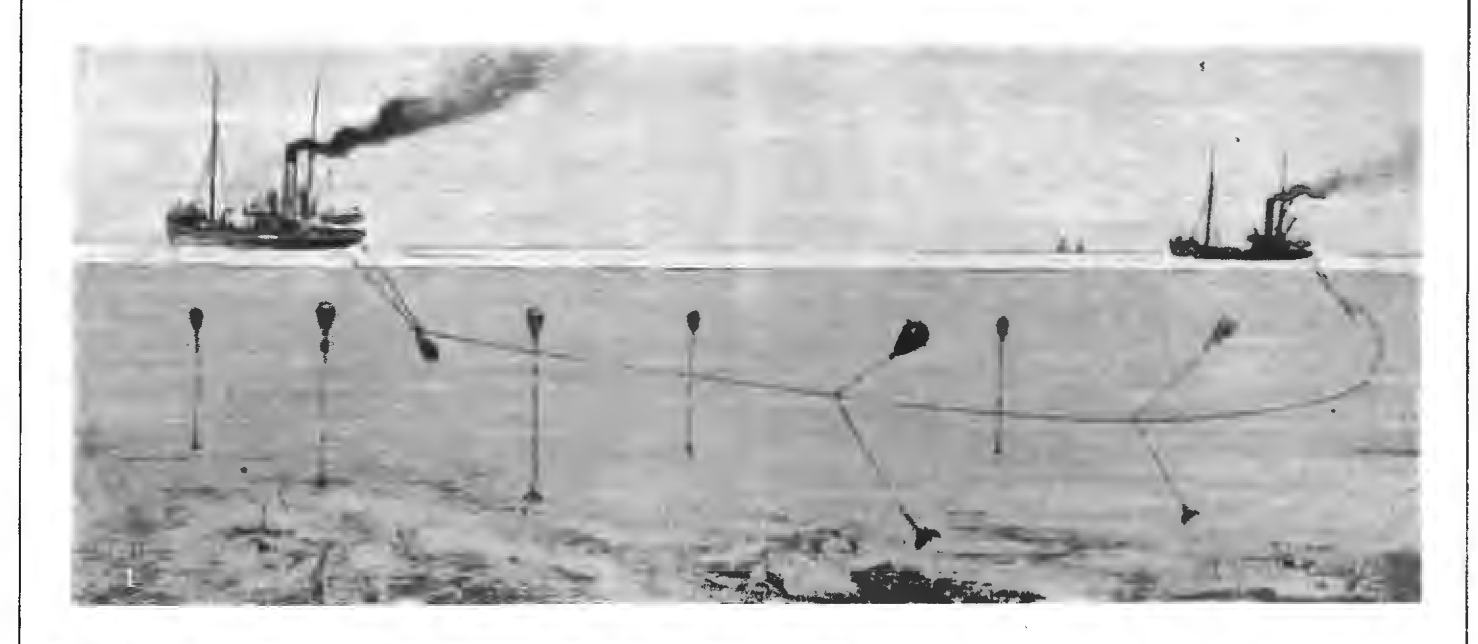
Капитанъ
И. Н. Рудановскій.

Подполковникъ
С. П. Слонѣцкій.

Штабсъ-капитанъ
В. В. Жерве.

Капитанъ
А. А. Молчановъ.

Библиотека "Руниверс"



Подводная война. Роль подводныхъ минъ въ современной морской войнѣ.

1. Траллеры, особо приспособленныя суда для вылавливанія минъ. Для протраливанія загражденнаго минами участка моря употребляется траллъ, состоящій изъ двухъ диплотовъ, связанныхъ между собою линемъ. Зацѣпляя линію минъ, они вылавливаютъ ихъ наподобіе рыбачьей сѣти.

2. Выпусканіе мины изъ подводной лодки.

3. Ходъ мины подъ водой — свѣтлая полоса на водѣ указываетъ движеніе выпущенной мины.

4. «Глазъ» подводной лодки — перископъ, выдающійся на поверхности моря послѣ погруженія лодки. Онъ даетъ возможность командѣ лодки посредствомъ комбинаціи оптическихъ стеколъ видѣть все происходящее на поверхности моря.

Библиотека "Руниверс"

Ея сдержанныя, мягкія, изящныя движенія, неумолимо-прелестная манера держаться, выборъ словъ и произношеніе ихъ — все это говорило о томъ, что надъ ея воспитаніемъ усердно работали. Это такъ и было.

Ирина Аркадьевна происходила изъ семьи, занимавшей видное положеніе въ свѣтѣ, со средствами и имѣвшей княжескій гербъ и титулъ. Семья и теперь существовала и занимала свое положеніе, и Ирина Аркадьевна жила въ ней, но сюда она вошла безъ титула, полагая, что онъ здѣсь некстати и ни на что не нуженъ.

Трагедія, которая запечатлѣлась въ чертахъ ея лица, была глубокимъ переживаніемъ самаго недавняго прошлаго. Еще годъ тому назадъ въ лицѣ этомъ сіяло счастье безъ границъ. Исторія интимнаго свойства, о которой въ свое время не безъ затаеннаго злорадства говорили въ ея кругу.

Героемъ былъ одинъ изъ тѣхъ молодыхъ львовъ, на которыхъ обращено всеобщее вниманіе, и которые являются желанными во всякой семьѣ, гдѣ есть невѣста, человѣкъ, награжденный всѣми внѣшними преимуществами: красотой, огромнымъ богатствомъ, великолѣпными связями, а слѣдовательно — завидной карьерой.

Вскормленный легкими нравами и податливостью очаровательныхъ женщинъ своей среды, онъ въ лицѣ этой дѣвушки столкнулся съ глубокой натурой, способной только къ глубокому чувству. Ирина Аркадьевна не понимала легкой любовной игры. Любить въ ея пониманіи значило отдать всю себя, но зато и взять всего человѣка. И такъ какъ при этомъ она обладала душой глубокой и богатой содержаніемъ, а къ тому же и красотой, то увлекла и его.

И былъ романъ, изумлявшій всѣхъ своей серьезностью и совершеннымъ отсутствіемъ въ немъ легкомыслія, которое придаетъ пикантность отношеніямъ мужчины къ женщинѣ. Но всѣ видѣли, что было большое счастье — оно сіяло въ глазахъ не только ея, но и его. Завидовали дѣвушкѣ, которой удалось такъ привязать къ себѣ или, какъ говорили, „покорить" этого героя, который раньше умѣлъ только перепархивать съ цвѣтка на цвѣтокъ и въ недавнемъ прошломъ считалъ за собою столько жертвъ. Говорили о предстоящемъ бракѣ, и даже въ семьѣ Кугасовыхъ готовились къ этому.

Но произошло несчастье, котораго, впрочемъ, слѣдовало ждать. Отдавая всю себя любимому человѣку, Ирина Аркадьевна ни для чего не сдѣлала исключенія—въ дѣлѣ чувства ей была совершенно чужда осторожность. А для него это было желанное завершеніе пламенныхъ исканій, по ту сторону котораго уже нѣтъ ничего. И послѣдовало охлажденіе, равнодушіе и обычное для него уклоненіе отъ долга подъ разными благовидными предлогами.

Для нея же это была настоящая трагедія—она не умѣла взять обратно душу оттуда, куда отдала ее всю. Но свое горе она спрятала глубоко и осудила себя на вѣчное одиночество.

Но для общества это былъ блестящій поводъ для пересудовъ, неисчерпаемая тема для разговоровъ по секрету, для скверныхъ выдумокъ и для злословія. Она ничего этого не слышала, такъ какъ вся ушла въ переживаніе своего горя и никуда не выѣзжала.

Но у нея былъ братъ, старшій, только сошедшій со школьной скамьи и вступившій въ жизнь,—человѣкъ горячихъ, быстрыхъ и безповоротныхъ рѣшеній. До него дошли гнусные толки и намеки, онъ вызвалъ героя—настойчиво, демонстративно, нарочно обставивъ дѣло такъ, чтобы тотъ не могъ отказаться, и убилъ его.

И вотъ теперь, какъ только началась война, Ирина Аркадьевна Кугасова стала учиться уходу за ранеными, а потомъ поступила въ лазаретъ. Она, конечно, могла бы при своихъ средствахъ и связяхъ сдѣлать это эффектно, такъ что имя ея повторялось бы въ обществѣ и въ газетахъ и было бы окружено ореоломъ геройства.

Но ей это было нужно меньше всего. Она шла по внутреннему призыву. Тотъ міръ, который окружалъ ее, теперь не представлялъ для нея никакого интереса. А этотъ, что открывался передъ нею, сулилъ ея обиженному сердцу такъ много поводовъ для горячей дѣятельной любви.

И онъ не обманулъ ее. Тутъ впервые послѣ катастрофы губы ея сложились въ улыбку. Когда она увидѣла людей, потерявшихъ ноги, здоровье, силы и нестерпимо страдавшихъ—не за свое личное счастье или нужду, а за родину—она поняла, какъ ничтожно было ея личное горе, и какъ мало заслуживало оно, чтобы съ нимъ возиться.

Тутъ встрѣтилась она съ Марьей Герасимовной Побѣдиной, которая своей личностью являла передъ нею цѣлый новый міръ, дотолѣ невиданный, но по наслышкѣ представлявшійся ей чѣмъ-то совсѣмъ противоположнымъ тому, что она нашла.

III.

Когда онѣ встрѣтились, и Ирина Аркадьевна случайно отъ другихъ узнала, что Побѣдина по профессіи актриса, она выпрямилась и вся насторожилась. Первое ихъ знакомство было холодное, даже почти враждебное. И вышло это такъ помимо ихъ воли, само собой.

Кугасова, всю жизнь вращавшаяся въ опредѣленной средѣ и раздѣлявшая всѣ ея предразсудки, а всѣ другіе слои видѣвшая только издали, къ актерскому міру относилась подозрительно. Вѣдь это были тѣ, кого въ фешенебельныхъ гостиныхъ Сергіевской улицы и Англійской набережной не принимаютъ,—тотъ міръ, гдѣ попраны всѣ условныя приличія и презирается то, что въ ея кругу считается священнымъ, гдѣ легко прощаютъ и даже поощряютъ то, за что въ ея кругу зовутъ къ барьеру и убиваютъ. Такое представленіе разъ навсегда составилось въ ея душѣ объ этомъ мірѣ.

На помощь ранены́мъ воинамъ, на уходъ за ними, обмываніе ихъ ранъ, облегченіе страданій она несла все свое сердце и всѣ силы. И когда она увидѣла у того же святого дѣла женщину изъ того міра, первое слово, какое пришло ей въ голову было: „кощунство".

Ей казалось, что женщина оттуда не можетъ быть искренна въ дѣлѣ помощи ближнему, что для нея это можетъ быть только забавой, развлеченіемъ, какъ и ея искусство, ея жизнь и все на свѣтѣ. А когда она вглядѣлась пристально въ лицо Побѣдиной и наблюдательнымъ взоромъ разглядѣла, что у нея слегка подведены глаза и чуть-чуть подчернены брови, то ей стало непріятно отъ сознанія, что предстоитъ работать вмѣстѣ съ „такой женщиной" въ такомъ дѣлѣ.

Но она не высказала этого никому и съ новой знакомой обошлась по внѣшности корректно, не отказавъ ей даже въ знакахъ любезности. Все-таки не въ этомъ же было дѣло, не это главное, зачѣмъ она сюда пришла.

Тогда лазаретъ при больницѣ еще только организовался. Ей съ Побѣдиной суждено было встрѣтить первыхъ раненыхъ и принять ихъ на свои руки. Въ предварительной работѣ, въ различныхъ приготовленіяхъ онѣ сталкивались, по чисто внѣшнимъ образомъ. Тутъ не было еще ничего такого, въ чемъ могъ бы проявиться человѣкъ, и все это время между ними отношенія были формальныя и холодныя.

Марія Герасимовна Побѣдина сразу замѣтила, вѣрнѣе—почувствовала отрицательное отношеніе къ ней со стороны Кугасовой. И объяснила, хотя и не совсѣмъ правильно, но прямолинейно и просто: „княжна... Дѣвушка съ трагическимъ лицомъ... Любая драматическая героиня ухватилась бы за это лицо, какъ за превосходный мотивъ для грима... Должно-быть, претерпѣла свѣтское разочарованіе, романическій крахъ и пришла совершать „подвигъ милосердія"... Принужденно-корректна и презрительно-любезна. Актрису, должно-быть, считаетъ исчадіемъ ада, существомъ третьяго сорта и негодуетъ на судьбу за то, что сталкиваетъ ее съ столь презрѣннымъ міромъ... Ну, и пусть... Я поставлю между собой и ею стоверстное разстояніе".

И поставила. И работали надъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ, и притомъ такимъ, которое для обѣихъ было свято, двѣ взаимно другъ друга отталкивающія души.

Побѣдина была далеко не первая встрѣчная актриса. Въ театральномъ мірѣ это имя было одно изъ самыхъ выпуклыхъ, его тамъ знали всѣ. Она занимала прекрасное положеніе. Война и связанное съ нею закрытіе многихъ театровъ нисколько не коснулись ея. Она могла въ любомъ театрѣ найти для себя почетное мѣсто во всякое время.

Но какъ-то вдругъ почувствовалось ей, что она только оскорбитъ искусство, если въ такое время, какое тогда наступало, будетъ посвящать ему свои силы. Попробовала играть на сценѣ разъ, другой—и увидѣла, что выходитъ слабо, неискренно, принужденно. Это была игра по привычкѣ, по хорошо изученнымъ пріемамъ, не больше, и это не могло удовлетворить ее. Это было то, что дѣлается по нуждѣ. Обмануть публику, заставить ее вѣрить въ искренность — не трудно. А у нея не было нужды, и обманывать она не хотѣла. А отсюда уже прямое рѣшеніе — въ лазаретъ. Она и пошла.

На сценѣ она одинаково умѣла быть изящной, тонкой, свѣтской женщиной и грубоватой мѣщанкой, въ жизни же не была ни тѣмъ ни другимъ. Театральное призваніе лежало у нея въ крови, такъ какъ она происходила изъ актерской семьи въ третьемъ поколѣніи. И, конечно, она была актриса съ ногъ до головы, со всѣми достоинствами и недостатками этого круга, и ей было въ высшей степени свойственно болѣзненно развитое самолюбіе, тонкое и чуткое къ малѣйшей попыткѣ задѣть его. И когда она подобную попытку почувствовала со стороны Кугасовой, то сейчасъ же, даже, можетъ-быть, въ преувеличенномъ видѣ, отвѣтила на нее.

Внѣшность у нея была привлекательная. Лицо, по чертамъ своимъ далекое отъ красоты, заключало въ себѣ что-то дѣтское, а умные большіе красивые глаза какъ-то странно, несмотря на серьезную и грустную обстановку, всегда искрились веселостью.

Но пока, въ этотъ періодъ организаціи, когда въ больницѣ не было раненыхъ, а толпились все посторонніе дѣлу люди, эта веселость ни въ чемъ, кромѣ глазъ, не проявлялась. Марья Герасимовна проявляла дѣловитость и работала почти молча.

Она была довольно высокаго роста, но нѣсколько уступала въ этомъ отношеніи Иринѣ Аркадьевнѣ, очень худощавая и гибкая. Движенія ея отличались быстротой и ловкостью. Ей было двадцать шесть лѣтъ, но кожа лица ея была не такъ свѣжа. На ней, очевидно, оставили свой губительный отпечатокъ краски грима, кой-гдѣ на кожѣ лица были замѣтны шероховатости. Кромѣ того, многолѣтнее пребываніе на сценѣ, гдѣ она выступала еще въ дѣтскихъ роляхъ, пріучило ее къ подчеркиванію тѣхъ или другихъ линій лица, и она уже не могла обходиться безъ того, чтобы не усилить темный цвѣтъ бровей, что было такъ красиво при

Библиотека "Руниверс"

свѣтло-русыхъ волосахъ, не подвести глазъ, не припудрить щекъ. И это было у нея не кокетство, а профессіональная привычка.

Такъ онѣ, эти двѣ женщины, готовились работать надъ однимъ дѣломъ, какъ бы отвернувшись другъ отъ друга.

Но вотъ привезли раненыхъ. Это произошло въ вечерній часъ, когда уже стемнѣло, и какъ-то такъ вышло, что встрѣтить ихъ и принять выпало на долю одной Побѣдиной съ двумя помощницами. Ирина Аркадьевна была извѣщена, но ея не оказалось дома. Она вернулась послѣ десяти часовъ и тотчасъ же помчалась въ лазаретъ.

Несмотря на ночное время, палата была непривычно оживлена. Больше половины кроватей были заняты ранеными. Большинство изъ нихъ послѣ осмотра и перевязокъ спокойно лежали подъ одѣялами, отдыхая отъ утомительнаго переѣзда. Нѣкоторые чувствовали себя настолько уже сносно, что могли, приподнявшись на локтѣ, разговаривать другъ съ другомъ.

Но было нѣсколько тяжело раненыхъ, и среди говора и суеты бѣгавшихъ сидѣлокъ слышались тихіе, сдержанные стоны.

Ирина Аркадьевна обвела взоромъ палату. Ей пришла въ голову мысль: „здѣсь нѣтъ также и Побѣдиной. Неужели и ея не оказалось на мѣстѣ? Какъ же это ихъ приняли безъ главныхъ сестеръ, на которыхъ лежитъ вся забота? Вѣдь это было бы постыдно для нихъ обѣихъ".

И вотъ она замѣтила около одной кровати небольшую группу людей. Знакомая сидѣлка держала электрическую лампу съ рефлекторомъ. Яркій свѣтъ отъ лампы падалъ на изголовье и отражался на лицахъ людей. Самъ старшій врачъ Антонъ Михайловичъ въ бѣломъ халатѣ стоялъ тутъ, наклонившись надъ кроватью. Рядомъ съ нимъ младшій ассистентъ съ рыжей остроконечной бородкой.

Она подошла туда, заглянула поближе. На постели лежалъ раненый. На вискѣ его была повязка, и пара женскихъ рукъ съ длинными тонкими пальцами возилась около его шеи, накладывая повязку. Больной тихо стоналъ, но лицо его было спокойно.

Кугасова на цыпочкахъ подошла съ другой стороны группы и увидѣла, что это были руки Марьи Герасимовны. Она разглядѣла также и ея лицо. Оно было все сосредоточено на работѣ. Въ глазахъ вмѣсто обычной свойственной ей веселости было глубокое, упорное вниманіе.

Ирина Аркадьевна хорошо знала искусство перевязки. Проходя курсъ, она заставила себя изучить это дѣло добросовѣстно, много упражнялась, работая въ больницѣ, и потому ей было понятно, что Побѣдина дѣлаетъ перевязку превосходно, и при этомъ ея длинные пальцы такъ мягко накладываютъ бинтъ, такъ осторожно прикасаются къ больнымъ мѣстамъ, что раненый, повидимому, не страдаетъ и даже какъ будто чувствуетъ успокоеніе. Перевязка была доведена до конца.

— Отлично, — тихо сказалъ Антонъ Михайловичъ и прибавилъ: — женскія руки для этого созданы. И мы слишкомъ мало пользуемся ими. Теперь, голубушка, — обратился онъ къ Побѣдиной: — слѣдите за температурой, на голову кладите ледъ, а завтра ужъ поищемъ пульку. А другая сестра, Кугасова, не прибыла?

— Я здѣсь, — смущеннымъ, извиняющимся голосомъ отвѣтила Ирина Аркадьевна.

— А, вотъ и отлично. Вы, значитъ, будете чередоваться. Другіе раненые почти не нуждаются въ особой помощи, имъ довольно и сидѣлокъ.

Всѣ ушли. Сестры остались вдвоемъ у постели больного. На другихъ кроватяхъ, повидимому, стали засыпать.

Кугасова подошла къ Марьѣ Герасимовнѣ, которая сидѣла на краю постели, придерживая рукой мѣшокъ со льдомъ на головѣ раненаго.

— Вы устали, Марья Герасимовна. Я помогу вамъ...—сказала она.

Та подняла на нее глаза.

— Нѣтъ, я сама... Я уже приспособилась... Ахъ вотъ что, — прибавила она: — тамъ, на восьмой кровати... Эхманъ, кажется: для него заказаны капли. Пошлите въ аптеку и, если готово, дайте ему тридцать капель.

Кугасова кивнула головой и отошла отъ нея. Ей не понравился сухой и почти приказательный тонъ Побѣдиной: мелькнула въ головѣ мысль, что она какъ будто беретъ на себя главенство и разыгрываетъ старшую, тогда какъ онѣ равны.

Но она вышла изъ палаты, навела справки о капляхъ для Эхмана, получила ихъ изъ аптеки и подошла къ восьмой кровати.

Эхманъ не спалъ и, повидимому, ждалъ капель. Кугасова познакомилась съ нимъ. Онъ былъ еврей, но говорилъ по-русски очень правильно и почти совсѣмъ безъ акцента. Лицо его отличалось отъ другихъ блѣдностью и прозрачностью кожи. Онъ объяснилъ, что у него рана подъ мышкой, сопровождалась сильнымъ кровоизліяніемъ. Теперь уже ничего, но сердце ослабѣло, и нервы сильно разстроились. Капли какъ разъ и предназначались для усиленія дѣятельности сердца и успокоенія нервовъ.

Въ то время, какъ она, присѣвъ на кровати, открывала капли, приготовляла воду въ стаканчикѣ и наливала лѣкарство, Эхманъ, видимо, очень взволнованный, разсказывалъ ей о томъ, какъ они ѣхали въ поѣздѣ, съ какимъ нетерпѣніемъ онъ ждалъ Петрограда и вотъ этой покойной койки, пріятной тишины, теплоты, чистоты и свѣта.

— Ну, вотъ, — сказала Кугасова: — теперь вы должны успокоиться. Вамъ тутъ будетъ хорошо. Всѣ ваши желанія и маленькіе капризы будутъ исполняться.

И при этомъ она подняла голову и посмотрѣла на него такимъ сочувственнымъ и полнымъ желанія успокоить его взглядомъ, что онъ дѣйствительно какъ-то вдругъ почувствовалъ, что ему стало легче дышать, и что волненіе его проходитъ.

Потомъ онъ выпилъ капли, разсказалъ Кугасовой еще что-то изъ своихъ путевыхъ впечатлѣній, но уже спокойнымъ голосомъ.

— Какъ хорошо,—прибавилъ онъ:—что я могу все это разсказать вамъ, хотя вижу васъ въ первый разъ... Я, можетъ-быть, говорю пустяки, а вы слушаете...

— Я для васъ—сестра,—сказала Ирина Аркадьевна:—и вы можете говорить все, какъ сестрѣ. Вамъ надо заснуть. Спите.

— Да. Благодарю васъ, сестрица. Я буду спать.

Онъ осторожно повернулся на здоровый бокъ. Кугасова встала, взглянула въ ту сторону, гдѣ былъ раненый въ шею. Побѣдина сидѣла попрежнему на краю кровати, и руки ея были вытянуты по направленію къ головѣ больного: она все придерживала мѣшокъ со льдомъ. Хотѣлось Иринѣ Аркадьевнѣ еще разъ подойти и предложить свои услуги, но представилось, какъ та опять холодно посмотритъ на нее и скажетъ: „не надо".

И она не пошла туда. Тихонько обошла всѣ занятыя ранеными койки и, убѣдившись, что всѣ спятъ, и что сидѣлки на своихъ мѣстахъ, вышла и прошла въ комнату дежурныхъ.

Тамъ была младшая сестра. Она сидѣла на стулѣ и дремала. Ирина Аркадьевна отпустила ее домой. А самой ей не захотѣлось даже сѣсть. Въ душѣ ея было неспокойное чувство.

Съ одной стороны, непріятно было, что, благодаря какой-то глупой случайности, она такъ постыдно опоздала. Сколько ужъ дней она томилась по настоящей, серьезной работѣ, къ которой готова и стремится ея душа. И вотъ Побѣдиной довелось принять первыхъ раненыхъ и нести тягости службы при трудно-больномъ.

Но она тутъ же ловила себя на томъ, что вѣдь это же своего рода зависть или ревность, которой не должно быть мѣста въ ихъ дѣятельности. Кромѣ того, какое-то внутреннее сознаніе говорило ей, что она не совсѣмъ справедливо отнеслась къ своей товаркѣ.

Она уже успѣла убѣдиться въ томъ, что Марья Герасимовна достаточно умна и чутка и не изъ тѣхъ людей, которыхъ можно ввести въ заблужденіе формальной любезностью, и она, конечно, почувствовала холодъ въ ея обращеніи.

И Кугасову мучила совѣсть. Вообще, она была недовольна собой.

На столѣ лежала раскрытая книга, неизвѣстна кѣмъ занесенная сюда. Это былъ переводъ французскаго романа. Нужно было какъ-нибудь наполнить время, и она сѣла за столъ и пододвинула къ себѣ книгу. Оказалось, что романъ этотъ она уже читала въ подлинникѣ, и ее на нѣкоторое время развлекло сравненіе перевода съ оригиналомъ. Она видѣла ошибки, неправильную передачу смысла, неловкость оборотовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Къ Бельгіи.

Преданья Ѳермопилъ и Тацита разсказы
Разсказомъ о тебѣ замѣнимъ для дѣтей.
Горятъ въ твоемъ вѣнцѣ чистѣйшіе алмазы—
То слезы тайныя скорбящихъ матерей,
И ярокъ алый блескъ рубиновъ драгоцѣнныхъ—
Твоихъ дѣтей святая кровь!
Крестомъ сіяющимъ побѣдъ нетлѣнныхъ
Вѣнчаетъ твой вѣнецъ—любовь.
И пурпуръ твой—святая багряница:
То пурпуръ Господа Христа.
Не ты, о Бельгія, не только ты, царица,
Поругана, распята: пролита
Съ твоею вмѣстѣ вновь
Христа поруганнаго кровь.
Приди жъ, о Господи, въ предѣлъ страны крестовой,
Приди и виждь: страданій тяжкій сѣвъ,
Путь крестный, путь терновый,
На мѣстѣ алтаря—постыдный хлѣвъ,
Дѣтей поруганныхъ, разстрѣлянныхъ, нагихъ, —
Все виждь, Всевидящій. Услышь моленье ихъ,
Замученныхъ и мучимыхъ: приди,
О Праведный, и праведно суди!

Сергѣй Дурылинъ.

Библиотека "Руниверс"

Приключенія Лизы.

Разсказъ **Б. П. Никонова.**

Хуторъ „Приволье“ стоялъ у самой границы. Арендаторъ хутора, Илья Самойловичъ Ясный, съ дочкой Лизой и сыномъ Наумомъ, жилъ здѣсь уже больше девяти лѣтъ. То обстоятельство, что въ верстѣ отъ хутора была граница, а далѣе начиналась нѣмецкая земля, никого не смущало и не казалось никому страннымъ и противоестественнымъ. Люди, постоянно живущіе въ глубинѣ страны, воображаютъ о границѣ и заграницѣ Богъ знаетъ что... Но тотъ, кому привелось жить вблизи чужого народа, хорошо знаетъ, что ничего особеннаго въ томъ нѣтъ. И тамъ люди, какъ люди. И земля тамъ такая же, какъ здѣсь: тѣ же луга, тѣ же нивы и пашни. И рѣчки тамъ такія же и трава та же самая. Это то же самое, что поселились рядомъ два сосѣда и отгородились тыномъ. Одни цвѣты съ травой отошли ко мнѣ, а другіе—къ сосѣду. Но и цвѣты и трава тамъ точно такіе же. Никакой разницы.

Люди, жившіе по ту и по другую сторону границы, чувствовали себя именно такой травой, которая только случайно попала туда или сюда. Здѣшніе жители ходили къ нѣмцамъ, нѣмцы ходили сюда. Между собой они говорили по-нѣмецки, но съ русскими умѣли кой-что сказать и на русскомъ языкѣ. А здѣшніе русскіе могли при случаѣ поговорить немножко по-нѣмецки. И самъ Илья Самойловичъ, и Лиза, и Наумъ. За границу отсюда ходили часто, почти каждый день, потому что туда было

Крейсеръ „Жемчугъ“, предательски потопленный германскимъ крейсеромъ „Эмденомъ“, подошедшимъ съ фальшивой четвертой трубой подъ русскимъ флагомъ къ Пенангу и пропущеннымъ французскими сторожевыми судами къ нашему крейсеру.

Пожаръ огромныхъ масленыхъ цистернъ въ Симлѣ (Британская Индія), причиненный бомбардировкой съ германскаго крейсера „Эмденъ“.

Германскій крейсеръ „Эмденъ“, разстрѣлянный и уничтоженный въ открытомъ бою англійскимъ крейсеромъ „Сидней“. Убійца нашего крейсера «Жемчуга»—германскій крейсеръ «Эмденъ» послѣ трехмѣсячнаго разбойничьяго плаванія въ Тихомъ Океанѣ, погубившій на своемъ краткомъ вѣку нѣсколько десятковъ судовъ, былъ наконецъ изловленъ 27 октября англійскимъ (австралійскимъ) крейсеромъ «Сиднеемъ» у о. Килинга въ Кокосовомъ архипелагѣ въ Индійскомъ океанѣ (на полупути между Азіей и Австраліей), гдѣ «Эмденъ» собирался разрушить станцію безпроволочнаго телеграфа и перерѣзать кабель. Тамъ онъ былъ настигнутъ крейсеромъ «Сиднеемъ», который заставилъ его принять бой и, разстрѣлявъ его, пригналъ къ берегу. «Эмденъ» сгорѣлъ. Оставшаяся въ живыхъ небольшая часть экипажа, съ командиромъ крейсера Мюллеромъ, была взята въ плѣнъ.

Библиотека "Руниверс"

ближе ходить за покупками, да и дѣла были у Ильи Самойловича съ нѣмцами.

Дни шли за днями, какъ всегда. Стояло знойное, душное лѣто. Хлѣба поднялись плохо, травы погорѣли. Потомъ сразу настали холода и дожди, какъ будто осень не захотѣла ждать назначеннаго ей времени и, какъ злой врагъ, силой накинулась на природу. Въ одинъ изъ такихъ холодныхъ дней братъ Лизы, Наумъ, простудился на рыбаченьѣ и слегъ въ постель.

Самого Ильи Самойловича не было дома уже два дня. Онъ уѣхалъ по дѣламъ въ уѣздный городъ. Лиза поутру принялась за хозяйственныя дѣла, но работа у нея не спорилась: ее безпокоила болѣзнь брата. Наумъ лежалъ въ жару, горѣлъ словно костеръ ночью и бредилъ.

— Ой, бѣда!—вздыхала дѣвушка. — Что я стану дѣлать? И отца, какъ на грѣхъ, нѣту дома.

— Горитъ!—стоналъ въ бреду Наумъ.—Хата горитъ!

— Ой, лихо мнѣ! Какая хата? — тревожно спрашивала Лиза.

— Не, не хата. Сердце горитъ!—поправлялся Наумъ и снова начиналъ бредить.

— Надо пойти въ Прусово, къ Сѣрому Дядѣ! - рѣшила Лиза. —Ты, Наумъ, лежи пока. Я живо сбѣгаю. Онъ скажетъ, что дѣлать, и лѣкарства дастъ.

„Сѣрымъ Дядей" прозвали аптекаря, Франца Крейслера, въ сосѣднемъ селѣ за то, что онъ постоянно носилъ сѣрый костюмъ. Это была самая близкая аптека—всего въ пяти верстахъ отъ хутора.

Лиза попросила стряпуху-Анну приглядѣть за больнымъ братомъ, накинула на голову косынку и налегкѣ отправилась по ту сторону пограничной межи, въ знакомое село, гдѣ жили нѣмцы.

Лиза направилась тропинкой между осокорями. Тамъ было ближе. Ее безпокоила мысль о братѣ, и хотѣлось какъ можно скорѣе добраться до аптеки Крейслера, получить лѣкарство и со всѣхъ ногъ побѣжать опять домой.

Было уже за полдень, когда Лиза миновала лѣсокъ, пересѣкла поле и вышла уже по той сторонѣ границы на знакомое шоссе. Поглощенная своими думами, она не обратила вниманія на то, что по шоссе сегодня почему-то ѣхало много возовъ, словно въ ярмарочное время, хотя до ярмарки было еще совсѣмъ далеко. Вели лошадей—тоже словно на ярмарку, и нѣсколько разъ пронеслись на моторахъ, поднимая густую пыль, военные.

Въ аптекѣ было много народа, и Лизѣ пришлось ждать больше получаса, пока наконецъ до нея не дошла очередь. Нѣмцы и нѣмки тараторили о чемъ-то, должно-быть, очень важномъ, но Лиза недостаточно знала нѣмецкій языкъ, чтобы понять, въ чемъ дѣло. Нѣкоторыя нѣмки почему-то плакали и сердились. Лиза смогла понять только то, что у нихъ куда-то уѣзжали мужья и сыновья, и что вообще случилось что-то необыкновенное.

Друскеники. Уголокъ парка. Родники. Картина О. Клевера.

Друскеники теперь.
Развалины сожженнаго нѣмцами курзала.
Братская могила на р. Нѣманѣ.

Библиотека "Руниверс"

Аптекарь Крейслеръ, по обыкновенію, въ сѣромъ сюртукѣ и весь сѣрый, словно покрытый пылью (у него были тусклое сѣрое лицо и полусѣдые сѣрые волосы), былъ разсерженъ, кричалъ на своего помощника и стучалъ по столу склянками. Увидѣвъ знакомую Лизу, онъ сердито сказалъ ей по-русски:

— А ты чего пришла? Зачѣмъ приходишь въ такое время?

— У насъ нехорошо, — промолвила Лиза: — Наумъ боленъ. Такъ боленъ, такъ боленъ!

— А что мнѣ до Наума? — кричалъ Крейслеръ. — Вотъ скоро придутъ казаки и заберутъ мою хату... Что у тебя съ Наумомъ? Говори скорѣе!

Лиза, торопясь и волнуясь, объяснила, въ чемъ дѣло. Аптекарь нахмурилъ брови, сказалъ Лизѣ, что у Наума воспаленіе, и далъ ей коробочку съ лѣкарствомъ. Лизѣ только это и надо было, и она торопливо побѣжала обратно домой.

———

Вотъ и сторожевая хибарка на шоссе. Отсюда поворотъ на знакомую тропинку — туда къ канавѣ. Изъ хибарки выскочилъ сторожъ.

— Нельзя, нельзя туда! — крикнулъ онъ Лизѣ. — Не ходи!

Лиза удивилась:

— Отчего нельзя?

— Нельзя и нельзя! — еще строже крикнулъ сторожъ.

— Мнѣ надо до дому!

— Не попадешь теперь до дому. Не велѣно пускать!

— Да отчего же?

— Оттого что война!

Лиза еще болѣе удивилась. Какая война? Гдѣ она? Война — это когда солдаты скачутъ на коняхъ, какъ нарисовано на картинкѣ, и когда стрѣляютъ изъ ружей и пушекъ и убиваютъ. Притомъ война всегда бываетъ гдѣ-то далеко: вонъ въ Японіи дѣйствительно была война. Туда посылали товарища Наума, Осипа Лещенко, и Осипъ сказывалъ, что тамъ, въ Японіи, въ самомъ дѣлѣ воевали, какъ пишутъ въ книжкахъ: стрѣляли — и иныхъ людей даже совсѣмъ побили. Но чтобы здѣсь, въ Яновѣ, Ковалишкахъ, Прусовѣ, была война — этого быть не можетъ! Съ какой стати?

— Брешешь, — усмѣхнувшись, сказала она сторожу.

Тотъ разсердился и махнулъ рукой:

— Ну, поди сама посмотри!

Лиза повернулась и пошла по дорогѣ, крѣпко прижимая къ груди коробочку съ лѣкарствомъ, чтобъ какъ-нибудь, не дай Богъ, не обронить и не потерять. „Надо торопиться, — подумала она. — Замѣшкалась я тутъ съ глупостями, а Наумъ хвораетъ, да и отецъ, того гляди, пріѣдетъ. Некому встрѣтить отца... Разсердится“...

Лиза прибавила шагу, кутаясь въ косынку отъ пронизывающаго вѣтра. Вѣтеръ все усиливался, словно сердясь на кого-то. Онъ дулъ изъ Россіи сюда, въ нѣметчину. Лизѣ казалось, что онъ тоже не пускаетъ ее домой и что-то сердито шепчетъ ей въ уши...

За нѣсколько саженъ до поворота съ большой дороги на тропинку изъ-за придорожныхъ деревьевъ вдругъ выскочили солдаты на коняхъ. А между ними шло пѣшкомъ нѣсколько человѣкъ. Шли они съ растеряннымъ видомъ, понуривъ головы, а солдаты подгоняли ихъ, толкая ружейными прикладами.

И не успѣла Лиза ахнуть, какъ солдаты закричали ей по-нѣмецки: „Стой!“ И когда она въ смущеніи остановилась, солдатъ толкнулъ ее и заставилъ присоединиться къ толпѣ.

— Мнѣ надо до дому! — взмолилась она. — Пустите, ради Бога, у меня братъ боленъ!

— Маршъ! — крикнулъ солдатъ. И толпа потащила Лизу за собой, а кони затопотали тяжкими копытами по пыльной дорогѣ.

Въ толпѣ людей, сжатыхъ между конями, были все русскіе. Многихъ Лиза знала: тутъ былъ маляръ Тарасевичъ изъ сосѣдняго хутора, часто приходившій работать къ Ильѣ Самойловичу, потомъ былъ здѣсь больной и блѣдный сапожникъ Ицка Европа изъ Янова, затѣмъ вдова Самосудиха изъ Ковалишекъ. Лиза подошла къ нимъ поближе и стала разспрашивать, куда ведутъ ихъ солдаты.

— Охъ, ничегошеньки не знаю, — плакала Самосудиха. — Шла я до дому, а меня у самаго столба поймали. „Ступай, говорятъ, опять къ нѣмцу! Война началась“. А какая она такая война? Ой, лихо мнѣ!

— Какой лысый чортъ, прости мнѣ, Боже, черное слово, придумалъ войну? — спрашивалъ Тарасевичъ. — Честное слово, то нѣмцы, придумали, чтобы бѣдныхъ людей грабить. У насъ, въ Россіи, никакой войны нѣту. Разрази меня Богъ, если это неправда! Гдѣ это видано: ходилъ я сегодня въ нѣмецкую Раду повидать свояка. Ну, повидалъ свояка и пошелъ обратно. Анъ, меня и схватили. Война! А покажите мнѣ эту войну! Если вы честные люди, такъ скажите мнѣ, гдѣ она? Кто ее видалъ?

Такъ же недоумѣвали и задавали такіе же вопросы другъ другу и остальные люди. Иные осторожно спрашивали солдатъ, но солдаты молчали, словно каменные, и вели ихъ все дальше и дальше. Ужъ давно миновали и Прусово, и Раду, и еще два-три нѣмецкихъ села съ высокими кирками и красными крышами домовъ. И пришли въ такія мѣста, гдѣ Лиза еще ни разу въ жизни не бывала. Она вначалѣ считала дорожные столбы, чтобы хоть знать, сколько верстъ прошли, но потомъ и счетъ потеряла. Хуторъ „Приволье“ и село Ковалишки становились все дальше и дальше, и когда Лиза вспоминала, что домъ ее ждетъ больной Наумъ, то у нея на глаза выступали слезы тоски и досады.

У Лизы уже ныли ноги отъ усталости. Но вотъ бѣлѣвшее шоссе завернуло къ желѣзнодорожному пути, и плѣнники перешли черезъ рельсы. Одинъ изъ солдатъ вдругъ словно проснулся, показалъ на станцію и ломанымъ русскимъ языкомъ промолвилъ:

— Туда приходилъ. Тамъ русска поѣхалъ на машина.

Другой солдатъ прибавилъ:

— Тамъ русска будутъ стрѣлить.

И грубо захохоталъ, словно заколачивалъ пустую бочку. Кое-кто въ толпѣ испугался и заплакалъ. Лиза поняла, что солдатъ шутитъ, однако и у нея сжалось сердце.

— А что, будьте такіе добренькіе, скажите, — обратилась она къ Тарасевичу: — далеко отсюда будетъ нашъ хуторъ?

— Вашъ хуторъ? Э, спрашиваетъ тоже! Ужъ какой тамъ хуторъ!

На станціи плѣнниковъ отвели въ темный пакгаузъ и заперли на ключъ. Къ удивленію Лизы, тамъ уже были другіе плѣнники, и тоже все русскіе, но только изъ какихъ-то другихъ мѣстъ. Всѣ были напуганы и растеряны и говорили шопотомъ. И никто не зналъ, что съ ними будетъ дальше. Многіе плакали. Плакала и Лиза. Она такъ и не могла ни у кого допытаться, чѣмъ все это кончится, и когда же наконецъ она получитъ свободу и принесетъ Науму лѣкарство...

———

Когда наступила ночь, пакгаузъ отперли и плѣнниковъ вывели на платформу. Тамъ стоялъ товарный поѣздъ, состоявшій изъ открытыхъ вагоновъ. Нѣмцы грубо потащили русскихъ людей къ поѣзду и велѣли садиться въ вагоны. Паровозъ хрипло свистнулъ, и поѣздъ съ грохотомъ и визгомъ тронулся.

Лиза робко спрашивала у своихъ сосѣдей:

— Куда мы ѣдемъ?

Ицка Европа ничего не отвѣчалъ и вообще ни съ кѣмъ не говорилъ. Онъ словно помѣшался: смотрѣлъ неподвижными глазами въ одну точку, не шевелился и не понималъ, что ему говорили. Самосудиха безпрестанно плакала и стонала. Другіе тоже плакали и вздыхали и говорили: „Ой, что съ нами будетъ?“ Тарасевичъ бранился.

— Куда насъ везутъ? — бормоталъ онъ. — Спроси у машины. Она тебѣ скажетъ лучше, чѣмъ нѣмцы. Выдумали тамъ какую-то войну и везутъ, а и сами не знаютъ, куда везутъ... Захотѣли обидѣть бѣдныхъ людей и обижаютъ!

— Холодно! — жаловалась Лиза.

Сильный холодный вѣтеръ еще болѣе усиливался отъ движенія поѣзда и пронизывалъ Лизу. У нея не было никакой защиты отъ холода, кромѣ маленькой косынки. Она ничего не взяла съ собой изъ теплой одежды, потому что разсчитывала еще до вечера вернуться домой.

— Ты ложись прямо на полъ, — посовѣтовали ей: — лежать теплѣе.

Она легла на грязныя доски. Песокъ набивался ей въ глаза, уши, носъ. Ѣдкая известковая пыль щипала глаза. А на душѣ было смутно и нехорошо. Поѣздъ грохоталъ въ темнотѣ и куда-то мчался, далеко въ сторону отъ родныхъ мѣстъ. Иногда мелькали огоньки. Огоньки свѣтили такъ же, какъ и въ родныхъ мѣстахъ, но въ нихъ Лизѣ все-таки чуялось что-то чужое и страшное. А въ стукѣ колесъ и въ визгѣ рельсовъ, по которымъ мчался поѣздъ, звучали какіе-то чужіе и страшные голоса.

Временами усталость брала свое, и Лиза впадала въ тяжелую дремоту. И видѣла около себя отца и брата, и радовалась, и въ то же время почему-то тревожилась за нихъ. И торопливо искала лѣкарство, чтобы отдать Науму, но лѣкарство терялось... Лиза никакъ не могла найти его и плакала отъ досады и тоски. Затѣмъ она внезапно просыпалась и понимала, что все это просто мерещилось во снѣ. Лѣкарство было съ нею: она нащупывала коробочку. Но зато ни отца ни брата не было, и слезы подступали ей къ горлу.

Поѣздъ останавливался на какихъ-то невѣдомыхъ станціяхъ и стоялъ подолгу. Паровозъ отбѣгалъ въ сторону, катился по другимъ путямъ, пробѣгалъ съ оглушительнымъ свистомъ мимо поѣзда и сотрясалъ вагоны своей страшной тяжестью, подъ которой стонала земля.

Потомъ около поѣзда оказался другой поѣздъ, биткомъ набитый нѣмецкими солдатами. Солдаты вывѣшивались изъ оконъ и дверей, кричали, пѣли нестройными голосами пѣсни. Они были пьяны, и Лиза прижималась къ стѣнкѣ, чтобы они какъ-нибудь не увидѣли и не обидѣли ея. Поѣздъ съ солдатами, впрочемъ, скоро двинулся, проплылъ, сотрясаясь, мимо и исчезъ въ темнотѣ. И тамъ, гдѣ онъ передъ этимъ стоялъ, показалась темная фигура съ фонарикомъ, и послышалась знакомая Лизѣ полу-польская, полу-русская рѣчь. Лиза обрадовалась, выглянула изъ вагона и спросила:

— А будьте такіе добренькіе, скажите, далеко ли хуторъ „Приволье“?

— Не вѣмъ! — отвѣтилъ человѣкъ съ фонарикомъ и махнулъ рукой, точно его спросили Богъ знаетъ какую глупость.

— А село Ковалишки далеко отсюда?

— Не вѣмъ! — повторилъ человѣкъ и отошелъ въ сторону. Лизѣ стало еще грустнѣе. Здѣсь не знали даже, что такое Ковалишки. Куда же наконецъ привезъ ее и ея спутниковъ безжалостный нѣмецкій паровозъ?

Библиотека "Руниверс"

Рано утромъ, послѣ мучительной ночи, поѣздъ пришелъ на какую-то большую станцію. Лиза съ тяжелой головой, словно въ мутномъ снѣ, видѣла множество вагоновъ—снова съ солдатами, безконечные поѣзда, груженые какими-то машинами въ чехлахъ, видѣла вагоны съ лошадьми... Солдаты были и на платформѣ и вездѣ, куда ни поглядишь...

Лизу и ея спутниковъ стали выгонять изъ вагоновъ. Куда пріѣхали? Что здѣсь было такое?—ничего этого Лиза не знала. И никто не зналъ ничего. Опять ихъ окружили молчаливые и тупые, двигавшіеся, точно заведенная машина, нѣмецкіе солдаты и куда-то повели. Лиза старательно прятала завѣтную коробочку съ лѣкарствомъ. Долго шли по рельсамъ, какими-то обходными путями, мимо пакгаузовъ, казармъ и станціонныхъ зданій и наконецъ привели въ какой-то подвалъ и съ ругательствами втолкнули туда всѣхъ.

Въ этомъ громадномъ и полутемномъ подвалѣ, освѣщавшемся лишь матовыми толстыми стеклами въ потолкѣ, уже была новая компанія русскихъ. Во всѣхъ углахъ сидѣли прямо на грязномъ полу мужчины, женщины и дѣти. Здѣсь былъ всякій народъ: и простые люди, и господа, и рабочіе въ потертыхъ пиджакахъ и косовороткахъ, и барыни въ шляпкахъ съ перьями. Дѣтей было очень много. Дѣти плакали и просили пить и ѣсть.

Лиза опустилась на полъ рядомъ съ какой-то дамой съ маленькой дѣвочкой. Дама показалась ей попроще и подобрѣе другихъ, и Лиза робко завела съ нею разговоръ.

— Далеко ли село Ковалишки? — спросила она.

Дама вздохнула:

— Не знаю, милая, никакихъ Ковалишекъ. Я сама изъ Кіева. Жили мы у нѣмцевъ спокойно, лѣчились на водахъ, да вдругъ и разразилась эта война. Никто ничего не ожидалъ, побѣжали всѣ, сломя голову. Да, говорятъ, теперь и поѣздовъ въ Россію совсѣмъ не даютъ. А нѣмцы такіе грубые сдѣлались, просто ужасъ!

Другіе господа и дамы стали въ одинъ голосъ бранить нѣмцевъ. Разсказывали, что на станціяхъ нельзя было достать ни ѣды ни питья. Говорили, что нѣмцы насмѣхаются надъ русскими и даже бьютъ ихъ.

— А гдѣ же мы теперь-то?—спросила Лиза.

Кіевская дама назвала какое-то мудреное имя. Лиза все равно не поняла, далеко ли это отъ Россіи. Но кого она здѣсь ни спрашивала, далеко ли отсюда Ковалишки и Яново, никто не зналъ такихъ селъ, не зналъ никто также и Прусова, точно эти села были гдѣ-то совсѣмъ въ иномъ мірѣ, а не въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жила Лиза.

Къ вечеру въ подвалъ заглянули нѣмцы—толстые, съ торчащими усами, затянутые въ мундиры, гордые и прямые, какъ жерди. Всѣхъ русскихъ выстроили словно солдатъ въ ряды, стали спрашивать паспорта и ругались. Потомъ старшій нѣмецъ махнулъ рукой и ушелъ, а другіе скомандовали что-то, и русскіе потянулись съ узлами и чемоданами изъ подвала опять на свѣтъ Божій.

— Что же теперь съ нами будетъ?—спросила Лиза.

Тарасевичъ очутился около Лизы. Скуластый, съ почернѣвшимъ отъ пыли лицомъ, съ растрепанной бородой, онъ шелъ, переваливаясь съ ноги на ногу, и сердито говорилъ:

— Спрашивалъ я русскаго господина... Говоритъ, нѣмцы насъ къ себѣ повезутъ. На черную работу поставятъ — картошку копать. И пановъ и простыхъ людей, безъ разбору. Нѣтъ, ужъ это извините! Не желаю я на нѣмцевъ работать!

Лиза молчала, крѣпко прижимая коробочку, чтобы не потерять. Тарасевичъ продолжалъ:

— Смотри, что дѣлается: сколько народу православнаго забрали! Сказываютъ, тутъ между людьми есть великіе паны. Видно, конецъ свѣта пришелъ. Ловкачи нѣмцы! Хотятъ всѣхъ въ батраки повернуть! Нѣтъ, это ужъ дудки! Ужъ больно жирно будетъ такую громаду русскихъ людей забирать!

Ицка Европа плелся тоже рядомъ съ Лизой, еле переступая кривыми больными ногами. Онъ все молчалъ, какъ неживой, и глаза у него глядѣли, какъ у неживого. Лиза замолвила ему ласковое словечко. Онъ только застоналъ въ отвѣтъ и заговорилъ

Въ разоренной Польшѣ. Дворецъ Морильскаго-Лущевскаго въ Ленчицахъ послѣ германской бомбардировки.

Въ разоренной Польшѣ. Среди развалинъ Калиша.

Въ Инстербургѣ (въ Восточной Пруссіи), занятомъ нашими войсками. Парадъ войскамъ.

Библиотека "Руниверс"

что-то совсѣмъ непонятное—тихое и печальное, точно ручей зажурчалъ.

Русскихъ привели на желѣзнодорожную платформу и велѣли тутъ дожидаться поѣзда... И долго стояли русскіе путники подъ открытымъ небомъ: поѣзда все не было. Пошелъ дождь, укрыться было негдѣ. Дѣти прятались подъ платье къ матерямъ. У кого были зонты, отдали больнымъ и слабымъ. Лиза едва держалась на ногахъ отъ усталости и голода. Она со вчерашняго утра ничего не ѣла. Но нечего было и думать достать здѣсь какую-нибудь ѣду...

Наконецъ подползъ, какъ длинная змѣя, громыхающій поѣздъ. И почти весь поѣздъ уже былъ полонъ пассажировъ. Толпа хлынула въ вагоны словно на приступъ. Въ давкѣ матери теряли дѣтей, женщины кричали, падали въ обморокъ, и толпа несла ихъ на своихъ плечахъ, не давая опуститься на землю. Лиза, стиснутая въ толпѣ, на смерть перепуганная, горько плакала, не зная, что съ нею теперь будетъ. За нее уцѣпилась маленькая дѣвочка, дочка кіевской дамы, и тоже рыдала: она потеряла мать. А нѣмецкіе офицеры и солдаты кричали сзади:

— Скорѣе садитесь! Скорѣе! Не то будемъ стрѣлять!

Солдаты безцеремонно подталкивали толпу обезумѣвшихъ отъ отчаянія людей ружейными прикладами. Лиза отъ ужаса теряла сознаніе. У нея все помутилось въ головѣ. Какъ сонъ, припоминала она потомъ, что какой-то добрый человѣкъ изъ вагона сжалился надъ нею, протянулъ ей изъ окна руки и протащилъ ее черезъ окно внутрь вагона. За нею такимъ же способомъ втащили и кіевскую дѣвочку. Мать у нея такъ и не отыскалась.

Несмотря на то, что русскихъ такъ торопили садиться въ вагонъ, поѣздъ еще долго стоялъ на мѣстѣ. Опять мимо него проходили поѣзда съ солдатами... Лизѣ казалось, что весь міръ кругомъ полонъ этими солдатами.

А поѣздъ былъ полонъ русскими... На немъ и ранѣе ѣхали русскіе люди. Потокъ ихъ все разрастался и разрастался...

Въ разоренной Польшѣ. На могилѣ товарища.

Всѣ кругомъ говорили о войнѣ.

Лиза должна была вѣрить на слово людямъ, когда всѣ они упорно говорили, что случилась война. И хотя настоящей войны, какою она ее себѣ представляла, Лиза такъ и не видѣла нигдѣ, но ей начинало казаться, что въ самомъ дѣлѣ случилось что-то необыкновенное и страшное въ мірѣ.

Поѣздъ тащился все медленнѣе и медленнѣе мимо неизвѣстныхъ Лизѣ нѣмецкихъ городовъ и селеній. Страшно было подумать, сколько уже верстъ проѣхала Лиза по нѣмецкой землѣ, все дальше и дальше отъ Ковалишекъ, а между тѣмъ ихъ все еще куда-то везли. Неужели ихъ въ самомъ дѣлѣ привезутъ въ самую глубь нѣметчины и заставятъ работать на нѣмцевъ? Работы Лиза нисколько не боялась, но ее огорчало до слезъ, что она такъ и не увидитъ Наума и отца.

Въ вагонѣ, куда попала Лиза, было столько набито людей, что даже шевелиться было трудно. Люди сначала стояли на ногахъ, но потомъ изнемогли и повалились на полъ, кто какъ стоялъ. Лежали въ страшной тѣснотѣ, почти другъ на другѣ, поджимая ноги, чтобы дать другъ другу мѣсто. Дѣвочка, потерявшая мать (ее звали тоже Лизой), плакала до тѣхъ поръ, пока у нея оставались слезы, а потомъ заснула, прижавшись къ большой Лизѣ. Въ вагонѣ на каждой площадкѣ стояли нѣмецкіе солдаты съ ружьями и грозились стрѣлять въ каждаго, кто осмѣлится выглянуть въ окно. Иногда пьяные солдаты пролѣзали въ тѣснотѣ черезъ вагонъ и наступали на лежащихъ людей, посмѣиваясь надъ ними. Какой-то очень важный русскій господинъ, ѣхавшій здѣсь въ вагонѣ въ такой же тѣснотѣ и мукѣ, какъ и остальные пассажиры, сердился на солдатъ и что-то кричалъ имъ по-нѣмецки. На одной станціи, гдѣ въ окнахъ мелькало очень много голубоватыхъ электрическихъ фонарей, и гдѣ поѣздъ стоялъ очень долго, въ вагонъ пришли нѣмецкіе офицеры и приказали солдатамъ взять важнаго русскаго господина и вывести его на станцію. Потомъ уже никто изъ русскихъ путниковъ не видалъ его: господинъ такъ и не вернулся въ поѣздъ. И люди со страхомъ шептали, что нѣмцы убили его.

Ни пить ни ѣсть попрежнему не давали. Только два-три раза къ окнамъ вагона пробирались нѣмецкія ребятишки и тайкомъ приносили воду и хлѣбъ. Русскіе съ радостью платили, какъ замѣтила Лиза, большія деньги ребятишкамъ. Лиза потомъ съ ужасомъ видѣла, какъ на платформѣ нѣмецкій офицеръ поймалъ мальчишку, вырвалъ у него изъ рукъ кувшинъ съ водой и розлилъ воду; вырвалъ и кошелекъ съ деньгами, а самого мальчишку прибилъ по щекамъ и швырнулъ, какъ щепку, съ платформы внизъ подъ вагоны.

— Не смѣй давать ничего русскимъ свиньямъ!—кричалъ онъ, какъ бѣшеный.

Поздно ночью на другой большой станціи въ вагонъ вломились нѣмцы и стали грубо гнать всѣхъ пассажировъ вонъ.

Лиза рѣшила, что дальше уже не поѣдутъ, и, несмотря на неизвѣстное и страшное будущее, ей стало легче при мысли, что кончаются дорожныя тягости. Русскіе вышли изъ вагоновъ, и только тутъ Лиза увидѣла, какъ много ихъ было въ поѣздѣ, и какъ разнообразны были всѣ эти русскіе плѣнники. Можно было бы составить изъ всѣхъ этихъ людей цѣлый городъ въ родѣ Ковалишекъ или Янова.

Нѣмцы выстроили всѣхъ на платформѣ. Загрохотали тяжелыми сапогами по платформѣ солдаты, окружили плѣнниковъ и скомандовали итти.

И вся громадная толпа тронулась куда-то по темнымъ улицамъ неизвѣстнаго Лизѣ города. Тьма, прорѣзанная огнями фонарей, словно втягивала въ себя русскихъ людей, и Богъ знаетъ, что ждало ихъ тамъ, въ этой тьмѣ, гдѣ кончались вереницы зеленоватыхъ огней...

Солдаты подгоняли толпу, заставляли итти какъ можно скорѣе, почти бѣгомъ. Лиза еле бѣжала, чувствуя, что вотъ-вотъ упадетъ. Рядомъ съ нею торопливо шагалъ Тарасевичъ съ маленькой Лизой на рукахъ (мать у нея такъ и не нашлась); Лиза взволнованно спрашивала Тарасевича, куда пріѣхали, и близко ли Россія, и что теперь съ ними будетъ. Но тотъ, запыхавшись отъ быстрой ходьбы, только отдувался и сердито говорилъ:

— Ничего я не знаю! Убей меня Богъ, ничего не знаю! Люди говорятъ, будто насъ будутъ стрѣлять, какъ куропатокъ. Да я не вѣрю. Брешутъ! Смѣются проклятые нѣмцы. За что насъ стрѣлять?

— А какой здѣсь городъ?

— А Богъ его знаетъ. Много городовъ на проклятой нѣметчинѣ!

Долго, безконечно долго бѣжали русскіе по улицамъ, подгоняемые солдатами. Точно какой-то темный потокъ струился во тьмѣ улицъ. И потокъ этотъ роптал и шумѣлъ и гремѣлъ своими стонами, жалобами и проклятіями... Люди стонали, задыхались отъ скорой ходьбы. Какой-то старикъ упалъ—солдаты стали его бить. Онъ поднялся и опять повалился безсильно на землю... Его куда-то оттащили въ сторону, и Лиза больше не видала его.

Наконецъ живой, стонущій, избиваемый потокъ людей остановился. Щелкнулъ запоръ у воротъ, завизжали желѣзные затворы и цѣпи, и плѣнники стали втягиваться другъ за другомъ въ узкія полукруглыя ворота подъ домомъ.

Библиотека "Руниверс"

Австрійскій зарядный ящикъ, разбитый бризантнымъ снарядомъ.

Австрійскія орудія, взятыя послѣ боя у м. Городка.

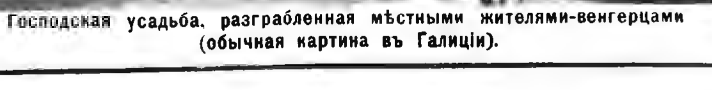
Осмотръ проволочнаго мостика передъ прохожденіемъ войскъ.

Переходъ черезъ рѣку по проволочному мостику.

Наши саперы строятъ мостъ черезъ ручей, послѣ того какъ австрійцы взорвали плотину.

Смотръ войскамъ дивизіи на походѣ.

Господская усадьба, разграбленная мѣстными жителями-венгерцами (обычная картина въ Галиціи).



На Галиційскомъ фронтѣ.

Библиотека "Руниверс"

— Куда это насъ привели?—говорили кругомъ.—Что это такое? Вѣдь это тюрьма!

Да, это была тюрьма. Настоящая тюрьма—угрюмая, холодная, какъ громадный каменный ящикъ, съ маленькими рѣшетчатыми окнами. Внутри были длинные, промозглые, темные коридоры, гдѣ еле горѣли тусклые огни, словно подернутые темнымъ налетомъ. Звенѣли желѣзныя рѣшетчатыя двери, пересѣкавшія коридоры, гулко гремѣли шаги тюремной стражи. Откуда-то сверху по узкимъ и тонкимъ, какъ паутинки, желѣзнымъ лѣстницамъ сбѣгали внизъ сторожа со связками ключей.

Русскихъ привели въ грязную и пыльную контору и тамъ разсортировали: мужчинъ отдѣлили отъ женщинъ и развели всѣхъ по разнымъ камерамъ.

Лиза очутилась въ маленькой кельѣ съ окномъ у самаго потолка. Въ кельѣ были голыя стѣны, выкрашенныя въ грязно-желтую краску, привинченная къ стѣнѣ узенькая желѣзная койка, табуретъ и столъ, изрѣзанный ножомъ, словно школьная парта. Келья была назначена для одного человѣка, но нѣмцы посадили сюда вмѣстѣ съ Лизой еще двухъ женщинъ—незнакомыхъ Лизѣ евреекъ, даже не говорившихъ по-русски, съ грудными дѣтьми. Койку не отвинтили отъ стѣны для спанья, но бросили на всѣхъ трехъ женщинъ небольшой снопъ соломы. Поставили кувшинъ съ водой, чему Лиза обрадовалась всего больше. Вообще ей не показалось здѣсь черезчуръ плохо: она была рада протянуть усталыя ноги и не стѣснялась тѣмъ, что приходится лежать прямо на полу, на пыльной соломѣ, бокъ-о-бокъ съ неизвѣстными женщинами. Дѣти все время плакали и пищали, но и это не безпокоило дѣвушку. Ее тревожило лишь то, что съ нею будетъ дальше, и когда же наконецъ она попадетъ къ себѣ на хуторъ. А еще больше она безпокоилась о Наумѣ и объ отцѣ. Что дѣлается сейчасъ у нихъ? Вѣроятно, они горюютъ о ней и не могутъ взять въ толкъ, куда она дѣвалась. А если имъ и скажутъ, что ее забрали нѣмцы, то печаль у нихъ ничуть не уменьшится... Это волновало и тревожило Лизу, и она нѣсколько разъ принималась горько плакать, пока не уснула отъ усталости и слезъ...

Все дальнѣйшее она потомъ припоминала, какъ въ туманѣ. Ей все было непонятно. Зачѣмъ ихъ везли куда-то въ невѣдомыя мѣста, вмѣсто того, чтобы отправить въ Россію? Зачѣмъ мучили, подвергая тѣснотѣ, духотѣ, голоду и жаждѣ? Зачѣмъ насмѣхались, зачѣмъ били и грозились каждую минуту убить, такъ что многіе замирали отъ ужаса и долго не могли прійти въ себя? Зачѣмъ ее посадили въ тюрьму, словно преступницу, хотя Лиза не совершала никакого, даже самаго маленькаго, преступленія, какъ не совершили преступленія и дѣти, тоже ввергнутыя въ тюрьму? И никто изъ окружающихъ не могъ толкомъ объяснить ей этого, и всѣ твердили только одно:

— Война!

Лизѣ говорили, что гдѣ-то тамъ, вдали, нѣмцы дрались съ русскими. Люди перестали походить другъ на друга, какъ цвѣты и трава, растущіе на смежныхъ дворахъ. Люди сдѣлались какими-то особенными, чуждыми другъ другу и озлобленными. И сюда, въ сторону отъ сраженій, доносились раскаты этой злобы, и ни въ чемъ неповинные, не сражающіеся, не враждующіе люди, мирные жители, кроткія дѣти и слабыя женщины были ненавидимы и терзаемы, какъ злѣйшіе преступники и враги рода человѣческаго. И когда Лиза начинала думать обо всемъ этомъ, то ея думы свивались въ какой-то спутанный клубокъ, концы котораго терялись въ безысходномъ мракѣ. Ей становилось страшно, и она ничего другого не могла придумать, какъ только плакать и плакать безъ конца... Плакать о страшномъ будущемъ, плакать о братѣ, о родномъ хуторѣ, плакать о томъ, что ея голова не вмѣщаетъ страшныхъ мыслей, и ничего нельзя понять, что творится на бѣломъ свѣтѣ...

Словно сонъ Лиза припоминала, какъ на другой день поутру въ камеру пришли тюремщики и стали всѣхъ обыскивать. Велѣли раздѣться до-нага, и когда Лиза, до слезъ смущенная отъ стыда и негодованія, стала упрямиться, толстый, опившійся пивомъ, тюремный солдатъ грубо схватилъ ее за платье и сталъ силой разстегивать кофточку. Не помня себя, со слезами претерпѣла Лиза это испытаніе, а тюремщики смѣялись надъ нею. Къ счастью, Лизѣ удалось спрятать въ складкахъ платья завѣтную коробочку съ лѣкарствомъ для Наума. Нѣмцы не замѣтили коробочки...

Лиза припоминала дальше, какъ всѣхъ русскихъ опять вывели наружу, на широкій мощеный дворъ, и выстроили въ ряды, какъ солдатъ. Пришелъ офицеръ, затянутый, какъ барышня, со стеклышкомъ въ глазу, презрительно оглядѣлъ всѣхъ русскихъ и что-то сказалъ—такое страшное, что всѣ остолбенѣли, а потомъ стали кричать и плакать. Лизѣ объяснили, что нѣмецъ хочетъ приказать стрѣлять въ нихъ, и что имъ дается четверть часа, чтобы собраться съ мыслями и помолиться Богу.

Долго-долго стояли они на каменномъ дворѣ, подъ жгучимъ солнцемъ, не смѣя пошевелиться. Лиза уже прощалась съ жизнью и все думала объ отцѣ и братѣ, какъ они будутъ сокрушаться и плакать, когда имъ скажутъ, что ее убили ни за что ни про что нѣмцы... Сама она уже не плакала: у нея почему-то не было слезъ. Какая-то дама не вытерпѣла смертной тоски и упала безъ чувствъ. Потомъ упала другая... Онѣ такъ и лежали на землѣ, какъ мертвыя, и никто не смѣлъ подойти къ нимъ на помощь. А солдаты въ сторонкѣ смѣялись...

Спустя долгое время опять явился офицеръ. Лиза была увѣрена, что сію минуту начнется казнь. Но офицеръ всталъ посреди двора, поглядѣлъ въ стеклышко и, усмѣхнувшись, словно онъ увидѣлъ Богъ знаетъ какую забавную картину, закричалъ на плохомъ русскомъ языкѣ:

— Нашъ милостивый императоръ даетъ вамъ жить! Кричите въ его честь „Hoch!"

Русскіе молчали. Прошла минута—другая. Офицеръ не выдержалъ и самъ крикнулъ „Hoch!". За нимъ закричали солдаты.

Офицеръ постоялъ съ улыбавшимся нахальнымъ, вылощеннымъ и румянымъ, какъ у куклы, лицомъ, повернулся и велѣлъ вести плѣнниковъ обратно въ тюрьму.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Мать.

Въ субботу, каждый разъ, когда звонятъ къ вечернѣ,
Она идетъ туда, гдѣ въ сумеркахъ поникъ
На мраморномъ крестѣ въ вѣнкѣ изъ жгучихъ терній—
Знакомый сердцу съ дѣтства—нѣжно-блѣдный ликъ...
Она идетъ въ соборъ. Струится ладанъ синій...
Какъ вздохъ заката, милъ ей гимнъ съ высокихъ хоръ...
Она сама—закатъ... Убралъ прическу иней.
И тусклъ, какъ искра льдинъ, ея печальный взоръ...
На матовый асфальтъ, на голыя ступени,
На паперть у креста склониться дремно ницъ
Влекутъ ее привычно дряхлыя колѣни...
И слезы—жемчугъ росъ на бархатѣ рѣсницъ...
Въ ея глазахъ теперь враждуетъ миръ съ тревогой.
«Благословенъ, Господь!..»—звенитъ прощальный зовъ...
Она идетъ домой безрадостной дорогой,
Твердя молитвенный порядокъ скорбныхъ словъ.
Въ покинутой квартирѣ жизнь ея—пустыня...
Изъ сердца упорхнулъ навѣки свѣтлый сонъ...
И неотступно золъ тревожныхъ мыслей звонъ...
. . . .
Вернетъ ли ей судьба единственнаго сына?..

Сестра.

Мерцанья черныхъ глазъ—тревожны въ нѣжной рамѣ
Ея взволнованныхъ прическою волосъ...
И это потому, что долгими ночами
Пытаетъ ихъ красу жестокій приступъ слезъ...
Она пришла къ больнымъ изъ стильныхъ комнатъ барства,
Гдѣ властвовалъ уютъ, визиты, долгій винтъ...
И запахъ свѣжихъ розъ смѣнили ей лѣкарства...
И ворохъ яркихъ лентъ смѣнилъ ей—скромный бинтъ...
Женихъ ея въ огнѣ передовыхъ позицій,
Гдѣ пламенемъ объятъ широкій небосклонъ...
Она пришла не дать шакалу или птицѣ
Жестоко осквернить его геройскій сонъ...
. . . .
Уже четвертый день, какъ нѣтъ о немъ извѣстій...
Быть-можетъ, онъ въ плѣну... Быть-можетъ, заболѣлъ...
А можетъ-быть... забылъ... о преданной невѣстѣ...
Или... похороненъ подъ тучей мертвыхъ тѣлъ...
Свѣтаетъ. «Красный Крестъ! Вотъ—эхо каждой битвы!»—
Слетаетъ у сестры печально съ тонкихъ губъ.
Она спѣшитъ на зовъ, полна нѣмой молитвы,
И по пути, въ слезахъ, цѣлуетъ новый трупъ...

Павелъ Орѣшниковъ.

Библиотека "Руниверс"

Ночь императора.

Разсказъ **Ю. В. Татищева**.

Старый императоръ не спитъ. Въ сущности, онъ давно отвыкъ отъ сна. Уже лѣтъ двадцать, какъ онъ отдаетъ ему не болѣе четырехъ-пяти часовъ своей ночи. Это естественно,—старость. Въ этомъ можно усмотрѣть даже мудрость природы: когда голова бѣлѣетъ, какъ снѣга Штейнаха, шея начинаетъ трястись, а кожа на холодѣющихъ ногахъ шуршитъ, какъ старый пергаментъ,—нельзя на сонъ тратить много времени.

Ночь мучительно безконечна. Непріятно полна непроницаемымъ мракомъ обширная комната. Онъ дышитъ, этотъ мракъ. Дышитъ еще непріятнѣе: нестерпимыя тѣни сгустятся въ углахъ, въ складкахъ драпировокъ, за мебелью; онѣ начнутъ принимать знакомыя очертанія давно забытыхъ, заглушенныхъ въ совѣсти образовъ. Нѣтъ, не надо свѣта.

Затекли старыя ноги. Какъ ни положишь ихъ — все неудобно. Если встать, походить и потомъ быстро лечь, онѣ сразу примутъ надлежащее положеніе. Рука поднимается кверху и привычнымъ движеніемъ нащупываетъ шнуръ отъ оконной занавѣсы. Тяжелая матерія раздвигается съ сухимъ шелестомъ, открывая стекла

Въ штыки. Рисунокъ **И. Владимірова.**

ровно, глубоко, тяжело. Точно въ складкахъ дверной занавѣси спрятался кто-то и слѣдитъ зоркими, видящими въ темнотѣ, глазами за старымъ императоромъ, но съ трудомъ сдерживаемое громкое дыханіе выдастъ его. Конечно, это только разстроенные нервы. Никто не можетъ пробраться сюда. Рядомъ съ уборной спитъ старый, преданный оберъ-камердинеръ (вотъ уже второй мѣсяцъ, какъ онъ помѣщается на ночь тамъ), черезъ коридоръ въ арьеръ-залѣ—парные часовые.

Бокъ усталъ, надо повернуться на другой. Глухо прошуршало одѣяло, слабо зазвенѣла пружина въ матрасѣ, кто-то задышалъ скорѣе и прерывистѣе. Не зажечь ли свѣтъ? Нѣтъ, при немъ окна. Лунный свѣтъ, видимо, только и ждалъ этого. Сразу цѣлымъ потокомъ влился онъ въ комнату, отпечаталъ на полу переплетъ рамы, выхватилъ изъ темноты золоченую лапу грифа, поддерживающую сидѣнье кресла. Кто-то пересталъ дышать, стало легче.

Императоръ спустилъ изсохшія ноги съ лиловыми жилами и восковыми желтыми ногтями и медленно, устало, шаркая туфлями, подошелъ къ окну. Широкая, устланная ровными каменными плитами, площадь внутренняго двора пуста и отъ этого кажется еще обширнѣе. Залитая луннымъ свѣтомъ гауптвахта точно нарисована на фонѣ сѣрой стѣны; выпукло чеканится ея пестрый барьеръ, звѣздочкой свѣтится какая-то точка на колоколѣ. Вдоль

Библиотека "Руниверс"

Чугунная доска съ австрійскимъ гербомъ, находившаяся на пограничномъ столбѣ и сорванная нашими войсками при вступленіи въ Галицію. Эта реликвія былого австрійскаго владычества въ Прикарпатской Руси доставлена въ Петроградъ, гдѣ будетъ помѣщена въ одной изъ военныхъ музеевъ.

барьера ходить часовой, и какъ ходитъ!.. Здѣсь не слышно, но кажется, что слышно, какъ четко въ безмолвномъ воздухѣ звучитъ по плитамъ: разъ, разъ, разъ... И вѣдь онъ знаетъ, что на него никто не смотритъ, но точно подъ тысячью строгихъ глазъ этотъ механическій солдатъ ни на іоту не отступаетъ отъ устава. Какова выдержка! Въ чьихъ войскахъ есть что-либо подобное! И это не гвардеецъ,—тѣ уже далеко.

Далеко... Что съ ними теперь? „Они дерутся съ русскими",—увѣряетъ его военный министръ: „они бѣгутъ отъ грознаго, торжествующаго врага",—подсказываетъ ему всезнающій отъ долгаго опыта умъ. Конечно, бѣгутъ, что бы ему ни твердили. Галиція уже затоплена русскими войсками. Они спускаются съ Карпатъ и неудержимо идутъ къ Будапешту; скоро дойдетъ очередь и до Вѣны. Придется оставить этотъ дворецъ и прятаться въ Тирольскихъ горахъ...

Что это? Опять! Рѣзкимъ холодомъ охватило вдругъ ослабѣвшія, подогнувшіяся ноги, во всемъ тѣлѣ явилась противная разслабляющая пустота, и опять, опять зажглось въ усталомъ мозгу все то же, отъ котораго некуда дѣваться, слово: — расплата.

Въ постель, скорѣе въ постель, какъ она ни опротивѣла!.. Расплата, — и не надо спрашивать, за что. Развѣ вся его долгая, залитая кровью родныхъ и подданныхъ, жизнь не служитъ отвѣтомъ на этотъ проклятый вопросъ? Скорѣе задернуть занавѣсъ; не надо этого свѣта. Онъ заглядываетъ въ душу, а въ ней слишкомъ много мрачныхъ тайниковъ, куда нельзя пропустить ни одного луча. О, слишкомъ много, и что только не погребено на днѣ ихъ!

Но если комната снова погрузилась въ глухой мракъ, то нестерпимо яркимъ свѣтомъ вспыхнули воспоминанія, и одинъ за другимъ, сначала медленно, затѣмъ быстрѣе и наконецъ вихремъ понеслись образы прошлаго. Такъ недавно и такъ трагически погибшій его наслѣдникъ, бѣдная, кроткая, замкнувшаяся въ свою безысходную печаль, жена, которую такъ боготворилъ народъ, и отъ которой онъ равнодушно отвернулся съ самаго начала ихъ супружеской жизни; залитый кровью трупъ его единственнаго сына, вся эта кошмарная цѣпь насильственныхъ смертей, обвившаяся вокругъ его трона. Проплываютъ мимо мучительные образы, но на смѣну имъ появляются другіе: тысячи растрѣлянныхъ въ припадкѣ злобной мстительности венгерцевъ, толпы замученныхъ въ тюрьмахъ и казематахъ наполняютъ императорскую опочивальню: они выходятъ изъ угловъ, выглядываютъ изъ складокъ занавѣсовъ и полога кровати: они киваютъ окровавленными головами, протягиваютъ къ императору блѣдно-восковыя руки...

Если разсудокъ не окончательно затемненъ ужасомъ, то съ этимъ все же еще можно справиться. Нужно напрячь послѣдніе остатки воли, нужно вспомнить о государственной необходимости и объ интересахъ династіи—и рой призраковъ разсѣется, какъ утренній туманъ, и исчезнетъ. Но есть одинъ образъ, отъ котораго нельзя этимъ отдѣлаться, и котораго ничто въ мірѣ не можетъ изгнать изъ памяти. Кажется, когда императоръ будетъ лежать въ гробу, въ оцѣпенѣвшемъ мозгу сохранится его отпечатокъ. Съ тѣхъ поръ, какъ разразилась эта проклятая война, онъ неотступно преслѣдуетъ стараго императора.

Неотразимый, какъ судьба, неизбѣжный, какъ смерть, и, какъ она же, безпощадный, встаетъ передъ нимъ давно лежащій въ могилѣ Русскій Императоръ... Изъ-подъ мраморнаго высокаго лба, переходящаго въ лысину и съ боковъ обрамленнаго темнорусыми волосами, въ упоръ глядятъ немигающіе свѣтло-голубые глаза; въ складкѣ некрупныхъ, чуть прикрытыхъ небольшими усами, характерно очерченныхъ губъ залегло выраженіе горькаго презрѣнія; высокій жесткій воротникъ давно забытой формы генеральскаго мундира, поднимая голову, подчеркиваетъ это выраженіе. Таковъ онъ былъ шестьдесятъ шесть лѣтъ тому назадъ, когда въ Варшавѣ въ Лазенковскомъ дворцѣ старый императоръ, тогда восемнадцатилѣтній юноша, съ трепетомъ вручалъ въ его руки судьбы своего государства и своей династіи. Онъ видитъ,—и остатки сѣдыхъ волосъ на головѣ поднимаются отъ холоднаго ужаса,—какъ медленно начинаютъ шевелиться и раскрываются эти губы. Онъ слышитъ, какъ незабываемый голосъ тихо говоритъ, но каждое слово бьетъ тяжелымъ молотомъ: „ты помнишь, Францъ?" И скорчившійся подъ одѣяломъ изсохшій старикъ не можетъ, не смѣетъ не пролепетать помертвѣлыми губами: „помню".

О, да! Онъ слишкомъ хорошо помнитъ, точно это было вчера, какъ онъ умолялъ о помощи вотъ этого самаго Русскаго Царя. Онъ помнитъ, какъ клялся въ томъ, что его признательность будетъ вѣчна, и что въ нужный часъ онъ докажетъ ее не словомъ, а дѣломъ: какія полныя искренности и огня находилъ онъ выраженія, чтобы убѣдить Императора! Онъ помнитъ эту большую, съ длинными бѣлыми пальцами, руку, которая во время его рѣчи разсѣянно трогала то вторую, то третью пуговицу надѣтаго на Царѣ мундира. Помнитъ онъ и то, какимъ открытымъ жестомъ протянулась къ нему эта рука, сопровождаемая дружескимъ взглядомъ этихъ стальныхъ глазъ.

Невыносимо яркимъ свѣтомъ зажигается въ памяти картина другого свиданія съ Русскимъ Царемъ. Австрія спасена, возвращенная ей русскими войсками Венгрія покорно ждетъ своей участи: онъ ѣдетъ благодарить Русскаго Государя, которому онъ всецѣло этимъ обязанъ. Старый императоръ и сейчасъ не можетъ отдать себѣ отчета въ томъ, какъ и почему онъ не ограничился при этомъ свиданіи одними словами признательности. Можетъ-быть, слишкомъ фальшивымъ звукомъ вырвались изъ его неблагодарной груди эти слова, и нужно было загладить произведенное ими впечатлѣніе, но невольно склонилась гибкая шея, и безотчетно прижалъ онъ губы къ спасшей его рукѣ. О, какъ онъ помнитъ этотъ жестъ—какъ ему показалось—изумленія и брезгливости, съ которымъ рѣзко дернулась назадъ эта гордая рука. Можетъ-быть, на одно короткое мгновеніе довѣрчивый русскій богатырь почувствовалъ, что это—поцѣлуй Іуды.

Вспоминай же до конца! Воскреси въ памяти и самую черную страницу, которую ты безтрепетно внесъ въ твою будущую біографію. Черезъ пять быстро промелькнувшихъ лѣтъ ты снова въ той же Варшавѣ и снова бесѣдуешь съ Русскимъ Царемъ. Императоръ Николай таковъ же, какъ и прежде: такъ же властно звучитъ его голосъ, такъ же гордо поднята голова, и развѣ только гдѣ-то въ глубинѣ глазъ, въ складкѣ между бровей затаилась тщательно скрываемая тревога. Но ты уже не тотъ. Еще старательно скрываешь ты охватывающую тебя при мысли о трудномъ положеніи твоего благодѣтеля радость, но она уже свѣтится и прыгаетъ въ лицемѣрно бѣгающихъ глазахъ. Только теперь прочелъ въ нихъ правду Императоръ Николай. Только теперь съ безпощадной ясностью уразумѣлъ онъ, что шпага, которую ты выронилъ, и которую онъ самъ вложилъ въ твои трусливыя руки, направлена ему въ спину. „Ты помнишь, Францъ?"— „О, помню, помню!.. Пощади!.."

Но пощады нѣтъ и не можетъ быть. Мыслимо ли уйти отъ самого себя! И тотъ же незабываемый голосъ, котораго ничто въ мірѣ заглушить не можетъ, продолжаетъ звучать въ его ушахъ. Не первое и не послѣднее было это твое преступленіе. О, ты не думалъ о возмездіи, и когда съ годами мысль о немъ начинала робко прокрадываться въ твое сознаніе, ты отгонялъ ее, какъ докучливую муху. Ты мечталъ такъ же обмануть Бога, какъ обманывалъ людей, но въ концѣ концовъ обманулъ только самого себя. Видишь ли ты это теперь, одинокій, ничего, кромѣ отвращенія, не возбуждающій старикъ? Расплата неотвратима, и ея часъ насталъ, послѣдній Габсбургъ-императоръ!

Въ скоро ожидающую тебя могилу ты сойдешь, ознаменовавъ твой долгій земной путь вѣроломствомъ, клятвопреступленіемъ, морями невинной, безполезно пролитой крови.

Въ глубокомъ обморокѣ поперекъ смятой кровати лежалъ старый императоръ, когда утромъ, встревоженный слишкомъ долгой тишиной въ опочивальнѣ, осмѣлился войти въ нее оберъ-камердинеръ. Усилія созванныхъ лейбъ-медиковъ увѣнчались успѣхомъ, но доклады канцлера и министровъ не могли состояться въ этотъ день. Вечернія газеты оповѣстили объ этомъ вѣрноподданныхъ вѣнцевъ, добавляя, что послѣ легкаго недомоганія состояніе здоровья престарѣлаго монарха не оставляетъ желать лучшаго.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ. Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Библиотека "Руниверс"

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1914 г. № 48 | XLV г. изданія

Выданъ 29 ноября 1914 г. | Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. В. Г. Короленко“ кн. 24.

Открыта подписка на „Ниву“ 1915 г.

Библиотека "Руниверс"

Открыта подписка на 1915 годъ на три журнала,

XXXIV годъ изд. основанныхъ А. Н. Альмедингеномъ: XI годъ изд.

„РОДНИКЪ“ и „СОЛНЫШКО“ *рекомендованы, одобрены и допущены* къ выпискѣ, по предварит. подпискѣ, въ средн. и низш. уч. завед., въ народн. и ученич. библіот., въ церк.-приход. школы и пр.юты Уч. и Учебн. Комит.: Св. Синода, Канцел. по учр. Имп. Маріи, Управл. воен.-уч. завед., Мин. Нар. Просв. и Мин. Финансовъ.

„Родникъ“ *удостоенъ* почетн. дипломовъ и медалей на педагогич. выставкахъ.

Для юношества.

12 книгъ разнообр. содерж., богато иллюстриров. Повѣсти, разсказы, путешествія, очерки. „Клубъ Родника“, въ которомъ участвуютъ сами читатели.

10 автотипій. 2 картины въ краскахъ.

Будутъ помѣщены: **повѣсти:** В. Авенаріуса—„Доброволецъ Кашневъ“ (портъ-артурская быль), Ал. Алтаева — „Жизнь Франциска Ассизскаго“, Н. Манасеиной — „Царевны“, „Семья Плантэновъ“ (изъ жизни Антверпеня), „Трюгге“ (изъ норвежской жизни), „Въ джунгляхъ Амазонки“ О. Ленджъ; **разсказы и очерки:** К. Носилова, С. Орловскаго, Н. Сурожскаго, М. Моравской, С. Караскевичъ, Н. Золотницкаго, А. Мезіеръ, Н. Черепнина, М. Новорусскаго, А. Чеглока и др.; **война:** очерки изъ жизни народовъ—участниковъ войны, народная литература, картинки странъ, городовъ, природы.

Подписная цѣна 5 рублей въ годъ съ пересылкой.

Допускается разсрочка: 1-е полуг.—3 руб., 2-е полуг.—2 руб. За границу—7 руб.

Пробный № высылается за 6 семикопеечныхъ марокъ.

Для младш. возр. и нач. школъ.

12 №№ журнала, заключающихъ въ себѣ: разсказы, сказки, стихи, естеств.-историч. очерки, пьесы, ноты для хорового пѣнія, загадки, задачи, карикатуры, отдѣльныя картинки среди текста, множество иллюстрацій. Статьи въ каждомъ № закончены.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

8 книж. „Звѣздочки“ со мног. иллюстр. Пьески, разсказы, отдѣльные сборнички стиховъ и сказокъ.

8 картинъ большого формата съ объяснительнымъ текстомъ: изъ дѣтской жизни, историческія, географическія и этнографическія.

Подписная цѣна 1 рубль въ годъ съ перес.

За границу 2 рубля. 3304

Пробный № высылается за 2 семикопеечныхъ марки.

„ВОСПИТАНІЕ и ОБУЧЕНІЕ“. **XXXIX г. изд. Органъ семейнаго воспитанія.** 12 №№ въ годъ. Статьи по физич., умств., нравств. воспитанію и обученію дѣтей. Біологическое и психологич. изученіе ребенка. Наблюденія въ семьѣ. Занятія съ дѣтьми въ семьѣ. Обществ. воспитаніе. Педагогическая хроника. Рефераты книгъ. Библіографія. **Цѣна 1 рубль въ годъ съ перес. За гр. 2 р. Пробн. № за 2 семикоп. марки.**

Требуйте подробныя программы. При выпискѣ большого числа экз. управамъ, инспекціямъ и т. п.—уступка по соглашенію.

Издательница **Е. Альмедингенъ.** Контора всѣхъ трехъ журналовъ: *Петроградъ, Таврическая, 37—2.* Редакторы **Н. и Т. Альмедингенъ.**

Второй годъ изданія.

Литературно-худ. иллюстрированный ежемѣсячный журналъ для дѣтей 8—12 л.

„НЕЗАБУДКА“.

Задача журнала дать чтеніе, которое, возбуждая захватывающій интересъ и отвѣчая умств. запросамъ ребенка, **незамѣтно для него самого** пробуждало и укрѣпляло въ немъ благородныя стремленія духа.

Тщательный выборъ матеріала и роскошная внѣшность—отлич. особ. „Незабудки“.

Подписчики въ 1915 г. получатъ: 1) 12 №№ журнала, увелич. книжнаго формата, свыше 800 стр. 2) „Подъ грозой“, пов. изъ временъ татарщины А. Платоновой. 3) „Любовь до конца“. Пов. изъ жизни первыхъ христ. А. Платоновой и 4) 10 изящныхъ красочныхъ автотипій съ карт. лучшихъ худ.

Содержаніе „Незабудки“ разнообразно (пов., разск., стих., популярно-научн. ст., анекдоты, шарады и пр.). Къ сотрудничеству въ „Незабудкѣ“ привлечены лучшія силы. Въ „Незабудкѣ“ печатаются только оригинальныя статьи. Особенное вниманіе обращается въ „Незабудкѣ“ на все родное. Въ „Незабудкѣ“ не будетъ ничего не соотвѣтствующаго дѣтскому возрасту.

„Незабудка“ имѣетъ много лестныхъ отзывовъ, и пріобрѣла обширный кругъ читателей и **необходима** въ каждой семьѣ, каждой школѣ, библіотекѣ и младшихъ класс. ср. уч. зав. 3301 3-1

Подписная цѣна „Незабудки“ 4 р. въ годъ, за гран.—6 руб., полгода—2 руб., 3 мѣс.—1 руб. Пробн. №—30 коп., нал. плат.—40 коп.

Редакція: **Петроградъ. Петропавловская крѣп., 86. Тел. 104-53.**

„Незабудка“ за 1914 г.—4 руб. съ пересылкой въ Европ. Россію.

Ред.-изд. ***прот. А. Темномѣровъ.*** Ред. ***А. Платонова.***

ОБШИРНАЯ МАСТЕРСКАЯ

лучшихъ гармоній.

2-хъ, 3-хъ, 4-хъ и 5-ти рядныхъ. **Петроградскія** отъ 9 до 75 р. **Хроматическія** отъ 75 до 300 руб.

П. Е. СТЕРЛИГОВЪ. Петроградъ, Гороховая ул., № 55.

Прейсъ-курантъ безплатно. 3302

Кремъ Дермозонъ

ОСВѢЖАЕТЪ КОЖУ

и придаетъ ей юный видъ и бархатистость. Спросите въ ближайшей аптекѣ или аптекарскомъ складѣ оригинальную банку въ 30 граммъ полукрѣпкаго Дермозона д-ра Антона Мейеръ. Втирайте его на ночь въ лицо кончиками пальцевъ. Ваше лицо сдѣлается неузнаваемымъ, свѣже-бархатистымъ и ослѣпительно-бѣлымъ. Все это сдѣлаетъ полукрѣпкій Дермозонъ д-ра Антона Мейеръ. Для ускоренія успѣха рекомендуется передъ накладываніемъ Крема Дермозонъ вымыть лицо какимъ-нибудь нейтральнымъ мыломъ. Лучше всего взять душистое мыло Дермозонъ Т-ва Стольбергъ и К°. Для рукъ Савозонъ, Алозонъ. Остерегайтесь поддѣлокъ. Обращайте вниманіе на имя д-ра Антона Мейеръ и адресъ Екатерин. кан., 29. 3300

УГРИ,

прыщи, жиров. выдѣл. и желт. пятна уничтож. **безслѣдно** въ 1—2 недѣли **моимъ** безвредн. **домашнимъ** средств. Большой флаконъ, съ наставл., хватающ. на все время, высылаю немедл. наложен. плат. за 1 р. 75 к. съ перес. и упак. Получила массу благодарн. со всѣхъ концовъ Россіи. Предлож. моему прошу вѣрить, оно **ИСКРЕННО и ЧЕСТНО. Адресъ: Москва, Долгоруковская ул., № 11, кв 93.**

3296 **Марія Егоровна Чурбанова.** 2-1

НЕРВАЛИНЪ по рецепту доктора Антушева. Если Вы страдаете головной болью, мигренью, невралгіей, простудными заболѣваніями, то пріобрѣтайте порошки „НЕРВАЛИНЪ“, которые облегчатъ Ваши страданія. Цѣна 10 порошковъ въ капсюляхъ 1 руб. Требуйте во всѣхъ лучшихъ аптекахъ и аптекарск. магазинахъ. Можно также получать изъ главнаго склада: Контора Химическихъ Продуктовъ, Москва, Бол. Чернышовскій пер., домъ № 17, кв. 6. Отд. 28. Настоящій препаратъ „Нервалинъ“ только съ фабричной маркой Пчела, безъ оной считать поддѣлкой.

ЗАОЧНЫЕ, САМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ

КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ И ПРОЧИХЪ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ

С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ

Москва, Староконюшенный, д. Курилко. 7.

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО условія изученія коммерческ. наукъ по письменнымъ лекціямъ, вполнѣ замѣняющихъ устное преподаваніе. 3262 10-6

НЕ КУРИ!

Желающимъ бросить курить высылается безплатно проспектъ, указывающій путь, какъ избавиться отъ этой вредной привычки. **Москва, Уланскій пер., д. № 30—4.**

П. КОМИСАРЕНКО. 3283 (7)

Изданіе Т-ва **А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.**

Данилевскій, Г. П. Общедоступная библіотека А. Ф. Маркса: № 1. „Историческіе разсказы“. № 2. „Украинскія сказки“. Цѣна каждой книги 30 к., съ перес. 40 к.

ЖЕЛЕ, МЫЛО, ПУДРА

ФИЛОДЕРМИНЪ

ДЛЯ СМЯГЧЕНІЯ и БѢЛИЗНЫ КОЖИ ЛИЦА и РУКЪ

А. ЛЕМЕРСЬЕ. 3298 6-1

ВОЙНА НЕ МѢШАЕТЪ РАБОТАТЬ.

На многочисленные запросы заинтересованныхъ лицъ сообщаемъ, что война не мѣшаетъ намъ работать:

КАКЪ ПРЕЖДЕ, мы продаемъ наши быстровязальныя автоматическія машины „Викторія“ по цѣнѣ Р. 100.—.

КАКЪ ПРЕЖДЕ, всякій, купившій машину, становится нашимъ сотрудникомъ.

КАКЪ ПРЕЖДЕ, мы платимъ за работу дюжины паръ чулокъ или носковъ нашимъ сотрудникамъ по Р. 1.50.

КАКЪ ПРЕЖДЕ, наши сотрудники зарабатываютъ ежемѣсячно Р. 50.— и болѣе. 3273 3-3

Машины и разнообразная пряжа въ большомъ запасѣ на складѣ. Машина вѣситъ около 1 пуда, желающимъ высылается по почтѣ. Подробности по первому требованію безплатно.

Товарищество Вязальныхъ Машинъ ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ КЮНАУ и Ко (Лондонъ, Е. С. 114 Leadenhall Street).

ПЕТРОГРАДЪ, Невскій, 40—42. Отд. 11 В. МОСКВА, Красныя ворота, д. Афремова. Отд. 11 В. Нижній-Новгородъ. Главный домъ, 68.

КУРСЫ общед. **ЗАОЧНЫЕ** ком. самообр. ПРОГР.: 2-ая итальянск. и американская **БУХГАЛТЕРІЯ** **СТЕНОГРАФІЯ** (искусство писать со скоростью рѣчи), коммерч. ариѳметика, коммерч. корреспонденція, ком. географія, товаровѣдѣніе. **Курсъ правоп. КАЛЛИГРАФІИ, контор скорописи, ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА. БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ** (труды професс. и препод. высш. и средн. учебн. завед.). **Отзывы спец. благ. письма. АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА.** Льготн. условія: разсрочка отъ 2 руб. **Программы и пробныя лекціи высылаются БЕЗПЛАТНО.** Адресъ: Книгоиздательство „Кругъ Самообразованія“.— Петроградъ, Невскій, д. 57—11.

Библиотека "Руниверс"

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Поддерживайте бодрость духа. «Русскій Инвалидъ» приглашаетъ русское общество въ разговорахъ о войнѣ избѣгать военныхъ пессимистовъ, потому что ихъ слова васъ разстроятъ, подорвутъ вашъ духъ, а вашъ духъ — частица духа народа, арміи, и настроенія способны передаваться эпидемически.

Бойтесь заразы пониженія духа, высота котораго — главный двигатель нашихъ успѣховъ въ этой войнѣ. Хорошее настроеніе такъ дорого, что я запретилъ бы разѣвать ротъ пессимистамъ, какъ римляне запрещали появляться на улицахъ вдовамъ, оплакивающимъ павшихъ на войнѣ мужей. Вы только послушайте такого субъекта, и вамъ станетъ тошно: онъ все хулитъ у насъ и все хвалитъ у противника, прикрываясь самыми лучшими, казалось бы, цѣлями; онъ не довѣряетъ нашимъ сообщеніямъ, читаетъ между строкъ, хочетъ взглянуть на обратную ихъ сторону. Онъ всѣмъ разсказываетъ свои геніальные планы, какъ бы онъ поступилъ. Онъ вѣчно заканчиваетъ зловѣщимъ предсказаніемъ: «помните мое слово...»

Скобелевъ высылалъ такихъ «каркающихъ» субъектовъ изъ отряда; и положительно — эти люди плодятъ тѣ разсказы, которые, якобы съ театра войны передаются другъ другу на ухо... Это темныя сплетни войны, это тотъ собирательный клеветникъ, который бѣжитъ за побѣдной колесницей. Положительно, надо каждому изъ насъ вооружиться гражданскимъ мужествомъ и обрывать такихъ господъ...

Посылки въ армію. А. И. Гучковъ, состоящій съ начала войны главноуполномоченнымъ «Краснаго Креста», обращается къ печати съ просьбой ознакомить всю Россію съ тѣмъ, какимъ образомъ должны быть упаковываемы посылки, отправляемыя для передачи въ дѣйствующую армію.

Посылки должны быть, по возможности, наиболѣе портативными, т.-е. не превышающими вѣса въ 1 пудъ, и отнюдь не запаковываться въ громоздкіе ящики, а должны зашиваться въ клеенку, во избѣжаніе подмочки, и обшиваться холстомъ для надлежащихъ надписей.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда пересылаются предметы, допускающіе поломку (коробки съ папиросами, съ табакомъ и проч.), рекомендуется упаковывать ихъ также въ отдѣльные нетяжелые пакеты, укладывая затѣмъ уже въ ящики. Это дало бы возможность безъ всякихъ затрудненій, извлекая ихъ изъ ящиковъ, немедленно доставлять на позиціи.

Что касается комплектованія предметовъ, то самое лучшее:—упаковывать предметы не по сортиментамъ ихъ, а наборами, такъ, чтобы каждый пакетъ обслуживалъ опредѣленное количество человѣкъ, скажемъ: три, пять и т. д.

Крестьянскіе лазареты. Крестьяне и горнозаводское населеніе Пермской губерніи горячо откликнулось на нужды войны. Путемъ самообложенія, путемъ пожертвованій, ассигнованія изъ запасныхъ капиталовъ, пермское крестьянство собрало значительную сумму—72 тысячи рублей. На эти средства пока пермскимъ отдѣленіемъ Краснаго Креста устроенъ особый крестьянскій лазаретъ, которому присвоено наименованіе «Лазарета крестьянъ Пермской губерніи», обошедшійся въ 11.681 руб. 39 коп. Лазаретъ 30 октября отправленъ уже на театръ военныхъ дѣйствій.

Полкъ богатырей. Во Львовъ пріѣхалъ изъ Москвы извѣстный по атлетическимъ состязаніямъ борецъ Святогоръ. Когда онъ стоитъ въ церкви, то возвышается до плечъ надъ тысячной толпой.

На вопросы мѣстныхъ жителей, что это за великанъ, Святогоръ прогудѣлъ басомъ: «Я—передовой. За мной идетъ цѣлый полкъ такихъ».

Шесть сутокъ на посту. При движеніи обоза сибирской артиллерійской бригады, въ перестрѣлкѣ съ германскимъ разъѣздомъ, былъ убитъ караульный начальникъ. Бомбардиръ Иванъ Поповъ, стоявшій часовымъ у денежнаго ящика, въ теченіе шести сутокъ оставался на посту, ослабѣлъ, но никому денежнаго ящика не сдалъ и смѣнился лишь по повелѣнію Государя Императора, переданному по телеграфу.

Материнское напутствіе. Одна крестьянка-старуха, провожая на войну своего единственнаго сына, говорила ему:

— Вернешься,—увидимся здѣсь, а убьютъ тебя, прольешь кровь за Царя и народъ,—увидимся тамъ.

О Вильгельмѣ. Въ дополненіе къ статьѣ и иллюстраціямъ, помѣщеннымъ въ настоящемъ нумерѣ (стр. 929—930), приводимъ здѣсь нѣсколько характерныхъ свѣдѣній о германскомъ императорѣ.

Изъ Копенгагена сообщаютъ, что причиною поспѣшнаго наступленія нѣмцевъ на восточномъ фронтѣ явились значительныя и весьма опасныя пререканія между Вильгельмомъ и кронпринцемъ, мнѣніе котораго было поддержано другими союзными государями и особенно саксонскимъ королемъ.

Передаютъ, что императоръ, подписывая приказъ о наступленіи на восточную границу, сказалъ:

— Мой сынъ позволяетъ себѣ въ присутствіи офицеровъ главной квартиры говорить, что я только получилъ корону, а онъ ее заслужитъ... Пусть попробуетъ.

Характерно, что, посылая на восточный фронтъ послѣдніе резервы своей нетронутой еще «черной гвардіи», Вильгельмъ заявилъ Гинденбургу:

— Щадите моихъ любимыхъ майскихъ жуковъ!

На что генералъ мрачно отвѣтилъ:

— Я не могу отвѣчать за русскіе морозы.

Наступленіе въ тотъ же день началось сразу по тремъ направленіямъ.

Въ послѣднемъ нумерѣ воскресной лондонской газеты «News of World» проводится мысль, что императоръ Вильгельмъ и есть тотъ великій звѣрь, о которомъ пророчествуетъ Апокалипсисъ. Особенно упираетъ газета на звѣриное число шестьсотъ шестьдесятъ шесть; оказывается, что императору Вильгельму къ 27 іюля (нов. ст.), когда фактически началась война, исполнилось, какъ разъ 666 мѣсяцевъ. Родился Вильгельмъ 27 января 1859 года.

Въ числѣ трофеевъ, прибывшихъ въ Кіевъ, доставлена коляска, вокругъ которой сложилась легенда. Коляска захвачена при отступленіи нѣмцевъ на путяхъ къ Ченстохову, и въ ней оказалась голубая шинель. Орлы на коляскѣ и сбруя даютъ основаніе полагать, что удалось захватить экипажъ императора Вильгельма.

Одинъ раненый подъ Льежемъ разсказываетъ, что нѣмцы по взятіи этого города, очевидно, по приказу, на стѣнахъ домовъ дѣлали надписи: «Вильгельмъ II, императоръ европейскій».

Плѣнные нѣмецкіе солдаты увѣряютъ, что Вильгельмъ провелъ четыре дня въ Рулерѣ, на западномъ фронтѣ. Въ этомъ городѣ для императора были приготовлены квартиры въ двухъ домахъ, стоящихъ въ разныхъ концахъ города. Вильгельмъ, чтобы не быть узданнымъ, надѣлъ форму корнета и нѣсколько разъ въ теченіе дня переѣзжалъ изъ одного дома въ другой.

Сѣрый автомобиль императора, — пишетъ «Le Temps», — на-дняхъ остановился по дорогѣ между Дейнцъ и Куртре, послѣ смотра резервовъ герцога Вюртембергскаго. Вильгельмъ сидѣлъ съ герцогомъ на задней скамейкѣ. Два солдата съ заряженными ружьями сидѣли на переднихъ сидѣньяхъ. Впереди императорскаго автомобиля ѣхали два автомобиля съ чинами охраны, а за императоромъ — автомобиль съ офицерами штаба. Вильгельмъ былъ страшно блѣденъ. Онъ походилъ на статую, въ длинномъ сѣромъ плащѣ, съ холоднымъ и мрачнымъ выраженіемъ глазъ.

Каждый день онъ объѣзжалъ мѣстность между Брюгге и Куртре, посѣщая резервныя войска. Маршрутъ его всегда держался въ секретѣ, и каждый день онъ садился въ автомобиль иного цвѣта, чтобы «сбить съ толку» союзниковъ.

Посѣтивъ походный госпиталь, Вильгельмъ обратился къ раненымъ со словами:

— Здравствуйте, камрады! Вашъ императоръ желаетъ вамъ быстраго выздоровленія!

Отвѣтъ Вильгельму. Варшавская «Газета Поранна» по поводу пожертвованія Вильгельмомъ золотой короны къ образу Ченстоховской Божіей Матери пишетъ:

«Разбойничья рука Вильгельма Второго, облитая кровью столькихъ жертвъ, осмѣлилась оскорбить нашу народную святыню на Ясной Горѣ. Да будетъ проклятъ такой даръ!

Сыны родной земли отдаютъ жизнь за честь своихъ матерей. Польскій народъ! На голову Твоей Матери надѣта прусская корона. Корона, обрызганная разбойничьей кровью. Сбрось ее!»

ОТЪ ВСЕРОССІЙСКАГО ЗЕМСКАГО СОЮЗА.

Тѣсно сплотилась земская Русь. Она напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы облегчить страданія и прійти на помощь доблестнымъ защитникамъ родины. Война съ каждымъ днемъ увеличиваетъ число жертвъ, и съ каждымъ днемъ должна расти общественная помощь. Пусть же къ земствамъ примкнетъ все русское общество. Мы призываемъ его къ напряженію силъ и средствъ, къ дружному единенію съ Всероссійскимъ Земскимъ Союзомъ. Главноуполномоченный кн. *Львовъ*.

Пожертвованія деньгами и вещами принимаются въ Главномъ Управленіи Союза (Петровскія ворота, № 3) ежедневно во всякое время и во всѣхъ Губернскихъ и Уѣздныхъ земскихъ управахъ Россіи. 3223

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 г. (27-й годъ изданія) на большую ежедневную политическую и литературную газету съ рисунками и фотографическими снимками (не менѣе 6 стран. большого формата въ нумерѣ. Во время войны въ послѣпраздничные дни будутъ выходить **добавленія** въ размѣрѣ двухъ страницъ).

РАННЕЕ УТРО

Изданіе Московскаго Т—ва И. Л. Казецкаго, выходитъ безъ перерыва уже 26 лѣтъ.

Газета прогрессивная и безпартійная. Издается по типу большихъ англійскихъ и французскихъ газетъ. Обо всемъ освѣдомлена. Даетъ свѣдѣнія только строго провѣренныя и правдивыя.

Газета даетъ со всѣхъ театровъ войны какъ русской, такъ и европейской массу новѣйшихъ телеграфныхъ извѣстій, такъ какъ имѣетъ на трехъ русскихъ театрахъ войны 14 корреспондентовъ, на европейскомъ театрѣ—12 и на Балканахъ—6. Ежедневно помѣщается масса фотографическихъ снимковъ со всѣхъ театровъ войны отъ нашихъ спеціальныхъ корресп.-фотографовъ, а также дается много портретовъ героевъ, убитыхъ офицеровъ и воиновъ, рисунковъ, чертежей, плановъ и картъ къ ежедневнымъ обзорамъ войны. Много карикатуръ, шаржей на военныя, политическія и общественныя злобы дня.

Кромѣ военнаго, все, заслуживающее вниманія, получаетъ отраженіе въ газетѣ и иллюстрируется фот. снимками, рисунками и пр. Статьи изложены живымъ и легкимъ языкомъ. Ежедневно злободневные фельетоны изъ общей, петроградской и московской жизни. Повѣсти, разсказы, литературное чтеніе. Моды и женская жизнь, спортъ, шахматы, задачи и пр.

„Раннее Утро" одна изъ самыхъ распространенныхъ газетъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ—**8** р., на полгода—**5** р., на 3 мѣсяца—**2** р. **75** к., на 1 мѣс.—**1** р.

Допускается разсрочка годовой подписной платы. **Адресъ: МОСКВА, МЯСНИЦКАЯ, 20.**

Вышли 4-мъ дополн. изданіемъ книга **Е. Д. Кирюшина:**

1) „ВЫЧИСЛЕНІЯ на СЧЕТАХЪ". 3281 2-2

Пріемы быстр. вычисл. на всѣ 4 ариом. дѣйст. надъ цѣл., дробн. и имен. числ., пр. и сл. %% и проч. 184 стр. Ц. 1 р. 2) **„Сборн. зад. для упражн. на счет."**. 80 стр. Ц. 50 к. 3) Его же: **„Умн. и дѣл. при пом. особ. таблицъ"**. 72 стр. Ц. 50 к. Выпис. 3 назв. кн.—10% скидки. Нал. пл. (за скид.) — 2 р. 15 к, деньги и мар. — 2 руб. Адрес. **Москва,** Тверская, Бухгалт. курсы Езерскаго, **Е. Д. Кирюшину.**

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО для ВСѢХЪ.

Не требуется знаній. Доступно всѣмъ. Многимъ хорошій заработокъ.

Популярныя руководства, заслужившія массу благодарностей:

1) Устр. домашн. электр. освѣщ. безъ машинъ.—50 к. 2) Изгот. аккумуляторовъ—40 к. 3) Изгот. сухихъ батареекъ — 30 к. 4) Устан. телефоновъ, электр. звонковъ и сигнализаціи—50 к. 5) Устр. индукц. медицинск. аппарата—40 к. 6) Гальванопластика, никкелир., золоч. и пр.—1 руб. 7) Устр. динамо-маш. и электро-мотор. до 500 уаттъ — 1 р. 20 к. 8) Устр. вольтметр., амперометр., реостат. и пр.—65 к.

Пересылка одной книги 10 к., двухъ, трехъ и болѣе — 15 к. За налож. плат. прибавляется 15 к. на всю посылку, независимо отъ числа книгъ.

Всѣ 8 руковод. высыл. за 4 р. 85 к.; съ налож. плат.—5 руб.

Проспекты и отзывы высылаются **безплатно.**

4-в Адр.: Техн. **М. А. БОГОЛѢПОВУ, Москва, Бол. Козихинскій пер., д. 4—65.** 3257

ПОЧТОЙ НА ЁЛКУ.

Можете получить готовыя коллекціи украшеній для **ЕЛКИ и ПОДАРКОВЪ** для дѣтей безъ хлопотъ и лишнихъ расходовъ. Тысячи высланныхъ коллекцій къ прошедшему Рождеству, масса благодарностей, отзывовъ и рекомендацій, **лучшее ручательство за дешевизну и изящество.**

ВЫСЫЛКА БЕЗЪ ЗАДАТКА. Въ Азіатскую Россію по полученіи 1/3 стоимости.

КОЛЛЕКЦІИ съ ПРЕМІЯМИ:

A изъ	140 предм.	1 р. 85 к.			
B »	191 »	2 » 40 »	G изъ	556 предм.	10 р.
C »	258 »	3 » »	K »	726 »	15 »
D »	326 »	4 » — »	L »	901 »	20 »
E »	368 »	5 » »	M »	1172 »	25 »
F »	501 »	8 » — »	N »	1280 »	40 »

ЦѢНЫ ОПТОВЫЯ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ и УПАКОВКОЙ ЗА СЧЕТЪ ФИРМЫ, (въ Азіат. Россію, доб. разница).

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ БАЗАРЪ

ОПТОВО-РОЗНИЧНАГО СКЛАДА

А. ТРІАКА, преемн. **П. ТИХОМИРОВЪ** Москва, Столешниковъ пер. 10.

БЕЗПЛАТНО описаніе коллекцій и иллюстриров. каталогъ подарковъ и новостей. Фирма сущ. съ 1861 г.

8307 2-1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 г. Двѣнадцатый годъ изданія.

ПРОГРЕССИВНОЕ САДОВОДСТВО и ОГОРОДНИЧЕСТВО.

Еженедѣльн. иллюстр. журналъ практич. садоводства и огороднич. Изд. П. П. Сойкинъ. Ред. П. Н. Штейнбергъ.

52 №№ ЖУРНАЛА, съ многочисленными иллюстраціями Въ теченіе года помѣщается около **1.500** практическихъ статей и обстоятельныхъ отвѣтовъ на вопросы по всѣмъ отраслямъ садоводства, огородничества и пчеловодства. Описаніе **новинокъ** по садоводству. Въ числѣ нумеровъ будутъ даны слѣдующіе спеціальные нумера:

4 НУМЕРА ЛѢЧИТЕСЬ ДОМА. ОБЩЕДОСТУПНЫЙ ЛѢЧЕБНИКЪ.

Старинные и новѣйшіе способы **домашняго лѣченія плодами, овощами и ягодами.**

4 НУМЕРА КОМНАТНОЕ САДОВОДСТВО съ рисунк. и чертежами.

Новости по комнатному садоводству. Описаніе новыхъ растеній, совѣты и рецепты.

12 КНИГЪ САДОВАЯ БИБЛІОТЕКА съ рисунками и чертежами.

1) Грунтовые сараи. 2) Бахчеводство. 3) Превосходныя русскія яблоки. 4) Культура ранней капусты въ грунту. 5) Сладкія блюда изъ плодовъ, ягодъ и овощей. 6) Ботаника для огородниковъ. 7) Какіе сорта плодов деревьевъ и гдѣ выгоднѣе сажать. 8) Изготовл. моделей плодовъ и ягодъ. 9) Какъ ускорить плодоношеніе молод. плодов. деревьевъ. 10) Красивѣйшія вѣчнозеленыя декорат. растенія. 11) Ядовитыя растенія. 12) Какъ самому сдѣлать изящн. балконную мебель и жардиньерки для цвѣтовъ.

5 полныхъ иллюстрированныхъ руководствъ:

1. **Садъ—мое богатство.** Въ двухъ большихъ томахъ. Томъ I. **Плодовый садъ.** Насажденіе и уходъ за плодовымъ садомъ, согласно съ новѣйшими данными опыта и науки. *Т. А. Гужавина.*
2. **Садъ—мое богатство.** Томъ II. **Ягодный садъ.** Насажденіе и уходъ за ягоднымъ садомъ. *Т. А. Гужавина.*
3. **Что нужно знать огороднику** для выгоднаго веденія огорода. Практич. руководство *А. С. Карцова.*
4. **Лѣсоводъ-любитель.** Руководство къ выращиванію любимыхъ лѣсныхъ породъ. Ученаго лѣсовода *Э. Дамберга.*
5. **Декоративное садоводство.** Устройство декоративныхъ садовъ и цвѣтниковъ. *П. Н. Штейнберга.*

= КРОМѢ ТОГО, будутъ даны еще четыре слѣд. приложенія: =

1. **СЛОВАРЬ БОТАНИЧЕСКИХЪ ТЕРМИНОВЪ.** Пособіе для перевода ботаническихъ названій. Перев. *И. И. Кичунова.*
2. **Альбомъ вредныхъ насѣкомыхъ плодоваго сада.** Съ описаніемъ испытанныхъ средствъ борьбы съ ними. *С. Краинскаго.*
3. **КАЛЕНДАРЬ РУССКАГО САДОВОДА на 1915 годъ.**
4. **ЗАПАСЫ И ЗАГОТОВКИ ВЪ ДОМАШНЕМЪ ХОЗЯЙСТВѢ.** Запасы изъ овощей, грибовъ, ягодъ и плодовъ (соленіе, маринованіе, квашеніе и т. п.). Варенье. Желе. Цукаты, пастила, плоды въ сахарѣ. Ягодное и плодовое вино. Ягодные морсы. Цѣлебные сиропы. Консервы для мороженаго. Квасы, шипучки, водички. Старинные меды. Фруктовый и ягодный уксусъ. Приготовленіе водокъ къ закускѣ, ликеровъ и мн. др. Сост. *Е. В. Спасская.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ со всѣми приложеніями съ доставкой и перес. по всей Россіи **4 руб.**

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 2 р. и къ 1 мая остальные 2 р.

Главная Контора журнала: Петроградъ, Стремянная ул., № 12, собств. д.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ **СРЕДНЯГО** ВОЗРАСТА

„ПРОТАЛИНКА"

изд. въ Москвѣ — 2-й годъ изданія.

Подписчики получатъ въ 1915 году:

12 кн. журнала большого формата.

12 кн. приложеній:

1) **Калевала.** Финскій народный эпосъ. Иллюстр. карт. финск. худ. А. Галена.
2) **Скандинавская сага.**
3) **„На сѣверѣ тихомъ".** Очерки Олонецкаго края. — Сказатель старинокъ. Обыденные художники. На озерахъ. Съ фотогр.
4) **„На сѣверѣ дикомъ".** Очерки Приморскаго Сѣвера. — Художникъ-путникъ. На Океанѣ. Новая Земля. Со снимками съ карт.
5) **Путешествіе въ Хивинское Ханство.** Съ фотографіями.
6) **„Село Михайловское".** Очерки Пушкинскаго уголка. Съ фотогр.
7) **Очерки Гоголевскаго уголка.**
8) **„Стрѣлецкій батько".** Историческая повѣсть.
9) **„Лизина ширинка".** Историческая повѣсть.
10) **Путешествіе во французское Конго.** 32.7
11) **Въ мірѣ изобрѣтеній.**
12) **Въ царствѣ природы.**

12 автотипій — серія картинъ историческаго содержанія.

1 отд. приложеніе — большая повѣсть **„Два корабля"** Кристіана Герлёфъ (автора „Трюгге").

Въ журналѣ участвуютъ: Л. Авилова, Н. Асѣевъ, К. Афанасьевъ, В. Ахрамовичъ, Е. Булгакова, проф. С. Булгаковъ, А. Бѣляевъ, В. Вахтеровъ, Э. Вахтерова, С. Дурылинъ, Л. Зиловъ, С. Клычковъ, Н. Крашенинниковъ, Н. Ландская, К. Носиловъ, С. Покровскій, М. Пришвинъ, С. Розановъ, А. Серафимовичъ, Е. Сергѣева, Н. Телешовъ, гр. А. Толстой, Е. Торнеусъ, А. Чельцовъ, Д. Шамбуровъ, И. Шмелевъ, М. Яковлевъ и др.

Подписная цѣна **4 рубля** въ годъ съ доставкой и пересылкой, **2 руб.**—1/2 года. Подписка принимается: въ **Москвѣ** въ конторѣ **Н. Печковской**, куда направлять и иногороднюю подписку, тамъ же безъ доставки 3 р. 50 к.; въ **Петроградѣ и Варшавѣ** у Н. Карбасникова; въ **Одессѣ** въ книжн. магаз. „Образованіе".

Оставшіеся экз. 1914 г. высылаются по 4 руб. со всѣми приложеніями, по 3 руб. безъ прилож. и по 1 р. 75 к. за 1/2 года въ переплетѣ.

Съ требованіями обращаться въ Москву въ контору Н. Печковской.

Ред.-издательница *Е. С. Чоловская.* Редакторъ *А. И. Печковскій.*

Библиотека "Руниверс"

№ 48. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. **В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА,**
12 книгъ **Литературныхъ и популярно-научныхъ приложенiй,** 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 29 ноября 1914 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.** Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Содержанiе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранiя сочиненiй В. Г. Короленко кн. 24".

Кiевъ—Польшѣ. Плакатъ работы **В. Котарбинскаго,** написанный для Комитета сбора пожертвованiй въ Кiевѣ въ пользу разоренной Польши.

Великая европейская война.

(Хроника военныхъ дѣйствiй).

Будущiй историкъ нынѣшней войны несомнѣнно отмѣтитъ, что характерною особенностью нашей кампанiи на австро-германскомъ фронтѣ являются глубокая продуманность плана операцiй и строгая систематичность дѣйствiй въ его выполненiи. Все заранѣе предусмотрѣно, и ничто не предоставлено слѣпому случаю. Вмѣсто рискованныхъ порывовъ „на уру" мы наблюдаемъ схематичное развитiе дѣйствiй, ведущее къ одному заранѣе намѣченному, судьбою предопредѣленному, результату. Характеръ азартной игры съ рискованными ставками на случайную удачу носили дѣйствiя нашихъ противниковъ, но до сихъ поръ каждая карта ихъ оказывалась битой, каждая новая комбинацiя оканчивалась неудачей. Наступленiе австрiйцевъ на Люблинъ, германцевъ на Нѣманъ, Варшаву, Осовецъ и Ивангородъ—все имѣли одинъ и тотъ же неизмѣнный конецъ. Такимъ же кровавымъ пуфомъ, вѣроятно, закончится и послѣднiй натискъ отъ Торна, скомбинированный съ недурно задуманнымъ и заранѣе подготовленнымъ обходнымъ движенiемъ отъ Велюня, гдѣ были сосредоточены большiя силы для неожиданнаго удара въ тылъ русскимъ корпусамъ, повернувшимъ свой фронтъ къ армiи генерала Макензена, врѣзавшейся въ пространство между Вислой и Вартой. Нѣмецкiй напоръ отъ Торна, проникшiй на большую глубину въ сферу расположенiя русскихъ войскъ, разбился на сѣв.-западѣ отъ Лодзи и у Ловича о гранитную твердость двинутыхъ ему навстрѣчу нашихъ армiй, а предназначенныя для нападенiя на тылъ и флангъ колонны изъ Велюня были спокойнымъ ударомъ сосредоточенныхъ противъ нихъ силъ отброшены, при чемъ, перейдя въ атаку, мы выбили изъ Щерцова германскую гвардейскую бригаду и вынудили ее къ очень поспѣшному отступленiю. Замѣчательно, что прорывъ семи германскихъ корпусовъ восточнѣе Лодзи черезъ Стрыковъ и Брезины. Плоцкъ и Гомбинъ въ тылъ передовой линiи русскихъ войскъ не

Русскiй храмъ-усыпальница въ Санъ-Стефано—мѣсто упокоенiя русскихъ воиновъ, павшихъ въ русско-турецкую войну 1877—78 г.г.—разрушенный и оскверненный турецкою чернью, предводимою нѣмецкими офицерами. Храмъ построенъ по проекту академика В. В. Суслова. любезно доставившаго намъ снимокъ съ храма.

Библиотека "Руниверс"

Въ Ивангородѣ. Разрушенный снарядомъ костелъ.

кольца. Быть-можетъ, нигдѣ еще во все время нынѣшней войны борьба не достигала такого напряженія и ожесточенія, какъ въ этомъ районѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ здѣсь не смолкалъ грохотъ пушекъ, огромныя пространства заливались свинцомъ и человѣческою кровью, поля и траншеи заваливались грудами нагроможденныхъ труповъ. Окруженные постепенно суживающейся стѣной штыковъ, съ мужествомъ отчаянія бросались гвардейскіе нѣмецкіе полки изъ стороны въ сторону, ища выхода, нащупывая гдѣ-нибудь слабое мѣсто, пытаясь пробиться сквозь колючую щетину штыковъ. Подъ Рзговомъ они ходили въ атаку три раза и въ концѣ концовъ сами были выбиты сибирцами. „Можно подумать,—говоритъ корреспондентъ „Нов. Врем.", побывавшій на рзговскихъ позиціяхъ:—что кто-нибудь сносилъ и нагромождалъ на поля трупы — столько ихъ здѣсь. Въ глубокихъ нѣмецкихъ окопахъ по 8, по 10 человѣкъ въ

вызвалъ среди нихъ ни малѣйшей паники и потому всей своей тяжестью, какъ чрезвычайно рискованный маневръ, обратился въ концѣ концовъ противъ самихъ же нѣмцевъ. Они быстро разлились на значительное пространство, захвативъ обширный районъ въ нѣсколько десятковъ верстъ: Колюшки—Тушинъ—Рзговъ, но вслѣдъ затѣмъ были опрокинуты могучимъ ударомъ нашихъ войскъ въ самомъ центрѣ своего дальнѣйшаго наступленія у Ловича и отброшены съ огромными потерями у Лодзи. Въ теченіе почти двухъ недѣль бились нѣмцы, какъ пойманный звѣрь, въ захваченномъ ими районѣ въ тылу нашей линіи, тѣснимые съ фронта и фланговъ сжимающимся кольцомъ русскихъ войскъ. Желая обойти разорванныя части первой линіи нашего расположенія у Лодзи и Ловича, они сами оказались окруженными и были вынуждены пробиваться на сѣверъ сквозь смыкающіеся края русскаго

Генералъ-маіоръ А. В. Шварцъ.

Защитники крѣпости Ивангорода во главѣ съ ея комендантомъ генералъ-маіоромъ А. В. Шварцемъ.

грудѣ. Переплетаясь, наваливаясь другъ на друга, давя и не видя выхода, падали нѣмцы во время атаки сибирцевъ. И не шрапнелью, не свинцомъ пулеметовъ положены они, а штыками и прикладами русскаго солдата. У кого полчерепа снесено, у кого грудь проколота, кому штыкъ вошелъ въ глазъ или въ ротъ, кому проткнулъ горло, а иной лежитъ съ залитымъ кровью лицомъ, и видно, что его отработали и штыками и прикладами". Отогнанный отъ Рзгова, выбитый изъ Тушина, непріятель снова бросился на Стрыковъ и поднялся къ Гловно, „надѣясь соединиться съ тѣми частями, которыя шли на Ловичъ".

На всемъ правомъ флангѣ своего наступленія нѣмцы потерпѣли полное пораженіе. Оттѣснивъ ихъ по

Въ крѣпости Ивангородѣ. Плѣнные австрійцы, захваченные при осадѣ крѣпости.

Библиотека "Руниверс"

всей линіи, наши войска заняли весь фронтъ Гловно — Бѣлявы — Собота. Занятіе Плоцка, сопровождавшееся захватомъ нѣсколькихъ пароходовъ и баржъ съ боевымъ снаряженіемъ, закрывало нѣмцамъ отступленіе по тѣмъ путямъ, по которымъ шло ихъ наступленіе. Окопавшись на линіи Стрыковъ — Згержъ — Шадекъ — Здунска Воля, непріятель отстаивалъ свои позиціи на лѣвомъ флангѣ и возлагалъ всѣ надежды на прибытіе новыхъ подкрѣпленій. Подмога новыхъ корпусовъ, экстренно двинутыхъ изъ Познани и Силезіи, не спасла положенія генерала Макензена.

Никакая помощь не можетъ превратить понесенное имъ пораженіе въ побѣду. Новыя атаки свѣжихъ германскихъ колоннъ на только что отбитую нами линію Бѣлявы—Собота остаются безуспѣшными, а сосредоченіе прибывающихъ подкрѣпленій на лѣвомъ флангѣ германскаго расположенія между Калишемъ и Серадземъ уже не сможетъ выручить разгромленные и наполовину окруженные германскіе корпуса.

Съ занятіемъ Брезины, Стрыкова, Гловно, Гомбина и Плоцка, значительно суживается тотъ коридоръ, по которому нѣмцы могутъ отступать при неудачѣ своего движенія, и заходящія части русскихъ войскъ грозятъ окончательно отрѣзать нѣмцевъ отъ ихъ базы. Отходъ къ Торну можетъ считаться уже потеряннымъ и для основной арміи генерала Макензена и для подошедшихъ къ нему на выручку подкрѣпленій. Съ каждой мелкой удачей русскаго оружія, съ каждой отбитой атакой нѣмецкихъ полковъ общее положеніе нѣмцевъ въ ихъ черезчуръ рискованной операціи между Вислой и Вартой становится все труднѣе и труднѣе.

Подъ крѣпостью Ивангородомъ. Непріятельскіе окопы.

Германскій автомобиль-мастерская, везущій платформу съ аэропланомъ. Захваченъ нашими войсками подъ крѣпостью Ивангородомъ.

Въ крѣпости Ивангородѣ. Одна изъ австрійскихъ мортиръ, отбитыхъ гарнизономъ крѣпости.

Для современныхъ армій, расходующихъ огромные запасы снарядовъ, тыловое снабженіе имѣетъ первостепенное значеніе, и тѣмъ не менѣе на театрѣ послѣднихъ военныхъ операцій мы видимъ части арміи съ перепутавшимися тылами. Онѣ обходятъ одна другую, мѣняютъ фронтъ, выполняютъ сложные маневры для возстановленія связи съ сосѣдними частями и не теряютъ присутствія духа, видя у себя въ тылу смертоносныя дула непріятельскихъ пушекъ и ружей.

Германцы сдаются въ плѣнъ довольно аккуратно, но пока сравнительно еще небольшими отрядами.

Такъ какъ тактическій перевѣсъ во всѣхъ рѣшительныхъ столкновеніяхъ остается на нашей сторонѣ, то можно быть почти увѣреннымъ, что развязка всей этой стратегической путаницы, вызванной слишкомъ рискован-

Библиотека "Руниверс"

Наши войска на галиційскомъ фронтѣ.

нымъ маневромъ глубокаго вторженія германцевъ въ центръ расположенія русской арміи при неизмѣнномъ движеніи ея впередъ на обоихъ флангахъ—и въ Восточной Пруссіи и подъ Краковымъ—закончится огромной катастрофой для слишкомъ увлекшихся нѣмецкихъ стратеговъ.

Съ взятіемъ Бохніи и Виснича и съ захватомъ оборонительныхъ позицій австрійцевъ по р. Рабѣ, перейденной русскими атакующими колоннами вбродъ по грудь при начавшемся уже ледоходѣ, обложеніе Кракова можетъ считаться почти законченнымъ. Остатки разбитыхъ австрійскихъ армій бѣгутъ за Карпаты и спасаются подъ прикрытіе краковскихъ фортовъ, подрывая тѣмъ самымъ оборонительныя силы крѣпости.

Повторнымъ разгромомъ способность австрійской арміи къ сопротивленію уже сломлена. За двѣ недѣли послѣднихъ боевъ она сдала намъ пятьдесятъ тысячъ плѣнныхъ, и послѣ паденія Кракова и Перемышля, которое, можетъ-быть, уже не далеко, ей остается только положить оружіе къ ногамъ побѣдителя. Такимъ образомъ Австрія можетъ считаться почти что уже выбывшей изъ строя.

Мирныя картины войны. „Кто перетянетъ“.
По фот. нашего спец. военнаго корреспондента.

Мирныя картины войны. „Наша взяла!“ По фот. нашего спец. военнаго корреспондента.

Библиотека "Руниверс"

Птицы смерти.

Очеркъ **П. П. Гнѣдича**.

Перепечатка воспрещается.

I.

Помню я, какъ мы, гимназисты, всматривались въ странныя изображенія животныхъ „допотопнаго“ міра. Сказочныя, непривычныя глазу, формы, страннаго вида черепа, выраженіе огромныхъ глазъ, въ которыхъ было что-то зловѣщее, иногда человѣческое, наводили невольную жуть.

Скептики, — о, и тогда среди насъ были скептики!—говорили:

— Все это — бабьи сказки. Такихъ животныхъ не было и не могло быть. Вздорная фантазія досужихъ художниковъ.

То былъ періодъ позитивизма. Тогда на очереди стоялъ Дарвинъ съ своей борьбой за существованіе и половымъ подборомъ. Передъ его теоріей падали на колѣни, курили ѳиміамъ. Позитивизмъ успокаивалъ тѣхъ, кто не хотѣлъ волноваться, кто не хотѣлъ выходить изъ рамки опредѣленной мѣщанской окраски будней. Тогда не знали ни странныхъ иксъ-лучей, ни свойствъ радія, ни гипнотизма. Все было просто, заурядно, понятно и плоско. Грёзы и сны изыскателей тѣхъ временъ напоминали тотъ сонъ, что̀ видѣла бабушка Райскаго: снѣгъ, а на снѣгу щепка. Ни золотисто-опаловыхъ тумановъ, ни радужныхъ трепетаній райской любви, ни алмазныхъ храмовъ, ни гармоніи небесныхъ сферъ.

Снѣгъ, а на снѣгу щепка.

II.

Больше всего привлекали вниманіе наше въ коллекціи изображеній допотопныхъ животныхъ летучія животныя, напоминавшія формами человѣка. Руки, ноги, плечи, животъ, шея были совсѣмъ человѣчьи. Они больше напоминали чѣмъ странныхъ каменныхъ „химеръ“, что̀ сидятъ на крышахъ и башняхъ Собора Парижской Богоматери, изобрѣтеніе больной человѣческой фантазіи, чѣмъ живыя земныя формы. И рисовальщики придавали такое выраженіе ихъ мордамъ, что эти морды скорѣе были похожи на человѣчьи лица. Какъ будто что-то знакомое, давно забытое смутно мерещилось при разглядываніи этихъ рисунковъ. И когда читали мы о томъ, что размахъ крылъ такихъ летучихъ ящуровъ былъ двадцать пять футовъ, — мы высчитывали, сколько это аршинъ, и вымѣряли, сколько бы занялъ такой драконъ мѣста въ большой залѣ. И выходило огромное чудовище: три дивана, поставленные одинъ за другимъ, вмѣщались между концами его крыльевъ.

Маркъ Твэнъ, веселый юмористъ, разсматривая колоссальный скелетъ допотопнаго звѣря, сдѣланный учеными изъ гипса, говорилъ:

— У нихъ не хватило мѣла и известки, а то они сдѣлали бы его вдвое больше.

Оттиски въ пластахъ земли говорили иное: они указывали на то, что какъ будто существовали и въ самомъ дѣлѣ эти огромные мастодонты, эти мегатеріи: вѣдь слѣпки въ землѣ свидѣтельствовали о забытомъ, легендарномъ первобытномъ населеніи земли.

III.

Когда читали мы про Икара и Дедала, которые захотѣли летать по воздуху, какъ птицы,—намъ объяснили, что вся эта легенда—символъ. Такой же символъ, какъ homunculus Гёте. Гомункулусъ — человѣкъ, созданный искусственнымъ путемъ — можетъ жить только въ ретортѣ, внѣ ея гибнетъ. И человѣкъ, отдѣлившійся отъ своей стихіи—земли, долженъ также погибнуть. Палящій жаръ солнца созданъ не для земныхъ существъ: онъ сожигаетъ тѣхъ, кто слишкомъ близко подходитъ къ свѣтилу.

Иногда въ старыхъ легендахъ мы читали о драконѣ. Чудесными терцинами одна легенда разсказана у Толстого. Едва ли это не лучшая вещь поэта. Здѣсь, подъ яркимъ рѣзцомъ художника, полнѣе и опредѣленнѣе обрисовывается ужасный образъ летучаго звѣря, чѣмъ въ лубочныхъ изображеніяхъ рисовальщиковъ, работавшихъ для атласовъ подъ наблюденіемъ усердныхъ геологовъ.

...Закатомъ озаренъ,
Какъ выкованъ изъ яркой красной мѣди,
На небѣ такъ вырѣзывался онъ.
Клянусь, ни львы, ни тигры, ни медвѣди
Столь не страшны! Никто бъ не изобрѣлъ
Такую тварь хотя бъ въ горячкѣ бреда!

А далѣе поэтъ описываетъ, какъ—

...Насъ охватилъ испугъ,
Когда, носясь у насъ надъ головами,
Онъ въ сумеркахъ чертилъ за кругомъ кругъ
И воздухъ билъ угластыми крылами;
Не какъ орелъ въ поднебесьѣ паря,
Но вверхъ и внизъ метаяся зубцами,
Неровный лётъ являлъ нетопыря,
И виденъ былъ отчетливо для ока
На полосѣ, гдѣ скрылася заря...

Драконъ этотъ несъ въ себѣ смерть. Онъ пожиралъ воиновъ вмѣстѣ съ ихъ доспѣхами. Жуя тѣла, онъ „кривился въ наслажденьи“,—

И съ чавканьемъ зубастыхъ челюстей
Въ безвѣтріи къ намъ ясно долетали
Доспѣховъ звягъ и хрупанье костей...

IV.

— Легенда, вымыселъ!—говорили снисходительно одни.

— Не говорите!—останавливалъ ихъ Яковъ Петровичъ Полонскій (а ему-то и была посвящена Толстымъ эта поэма):—не говорите: тутъ больше правды, чѣмъ въ самыхъ реальныхъ кошкахъ и собакахъ.

Помню я, когда Викторъ Васнецовъ выставилъ своего „Царевича на коврѣ-самолетѣ“, Стасовъ кричалъ:

— Охота заниматься баснями! Прошла пора ковровъ-самолетовъ.

А инженеръ-механикъ, мой родственникъ, говорилъ мнѣ:

„Nautilus“ Жюля Верна—талантливая сказка. Но это—фантазія. Никогда подводныхъ лодокъ не будетъ. Это мало чѣмъ отличается отъ „Сундука“ Андерсена,—помнишь басню, какъ прокутившійся купеческій сынъ леталъ изъ лѣса на крышу дворца къ невѣстѣ? Никогда не полетитъ человѣкъ на управляемомъ воздушномъ аппаратѣ, потому что этотъ аппаратъ будетъ тяжелѣе воздуха, а возноситься наверхъ можетъ только то, что̀ легче. Птицы потому летаютъ, что у нихъ полыя кости. Когда кости у человѣка будутъ другія, тогда онъ и будетъ имѣть произвольныя движенія въ воздушномъ пространствѣ.

Когда Робида издалъ въ восьмидесятыхъ годахъ свой „Двадцатый вѣкъ“, гдѣ графически были изображены всѣ будущіе аэропланы и дирижабли-дилижансы, скептики продолжали утверждать:

— Это невозможно!

V.

Но время шло. Подводныя лодки стали появляться то тамъ, то здѣсь. Онѣ не были въ состояніи пронзить насквозь корабль, какъ это изображалось у Жюля Верна. Но къ боковымъ лопастямъ этихъ чудищъ придѣланы были такія приспособленія, что можно выпускать на далекое разстояніе смертоносныя мины. Если бъ Вернъ остался живъ—онъ ужаснулся бы тому, что̀ подсказалъ изобрѣтателямъ. Не о погибели сотенъ и тысячъ людей думалъ онъ,—онъ полагалъ, что человѣческій геній одинаково можетъ царить и на землѣ и подъ водою. Не смерть и разрушеніе должны были нести съ собою его подводныя суда, а расширять кругозоръ человѣка, двигать впередъ науку.

Появились летательные снаряды. Всѣ въ восторгѣ привѣтствовали новое завоеваніе стихіи. „Воздушный океанъ“ завоеванъ человѣчествомъ! Теперь нѣтъ безводныхъ пустынь, нѣтъ бездорожья, адскихъ пропастей и горъ. Когда въ одинъ долгій лѣтній день, отъ восхода до заката, принесся воздухоплаватель изъ Парижа въ Варшаву, стала близкой и понятной возможность долетѣть до сѣвернаго полюса, проникнуть внутрь океанійскихъ островов. Никто и не думалъ, что великое завоеваніе можетъ обратиться на гибель людей, явиться однимъ изъ дьявольскихъ изобрѣтеній, служащихъ не только для предварительной развѣдки, но и орудіемъ, несущимъ смерть людямъ.

VI.

Однако именно такъ взглянули на аэропланы въ Германіи. Когда начали тамъ строить цѣлую флотилію воздушныхъ кораблей, Англія, безпокойно и чутко прислушиваясь, начала и у себя спѣшную постройку такого же флота. Насторожились и французы и тоже стали изобрѣтать, измѣнять и придавать всему снаряду ту воздушность, съ которой у нихъ сливается представленіе о всякомъ полетѣ. И у насъ тоже встрепенулись и начали горячо проповѣдывать необходимость воздушнаго флота. Но, Боже мой, до чего мы были далеко отъ всякихъ мыслей, что эти воздушные корабли будутъ играть не только роль необходимыхъ развѣдчиковъ на войнѣ, но и гнусную роль „пугачей“, наводя ужасъ и трепетъ на города! Кто могъ думать, что огромныя стрекозы будутъ грозить гигантскимъ соборамъ, дворцамъ и мирнымъ жителямъ?

Мы смотрѣли на воздухоплаваніе, какъ на спортъ. Развѣдочная служба и помощь его именно въ военномъ дѣлѣ была очевидна.

VII.

Въ будущемъ станутъ биться не только на землѣ, но и на небесахъ и въ водахъ. Когда изобрѣтутъ такія подводныя суда, которыя будутъ опускаться на много саженъ ниже поверхности моря,—бои итти будутъ въ этихъ таинственныхъ глубинахъ. Отдѣленные отъ земного міра, въ зеленой холодной влагѣ, среди рыбъ, полиповъ и водорослей будутъ стараться люди истребить другъ друга,—вѣдь такъ мало всѣмъ мѣста подъ солнцемъ! И будутъ они — умные, молодые, сильные — заживо похоронены въ чудовищномъ металлическомъ гробу гдѣ-то на днѣ океана. А близкіе имъ останутся наверху, на землѣ, и въ смутномъ кошмарѣ будетъ имъ рисоваться ужасная смерть ихъ близкихъ родныхъ.

А наверху, въ воздухѣ, гдѣ рѣяли прежде однѣ птицы, а давно когда-то чертили зигзаги допотопные ящеры, будутъ шнырять гигантскія стрекозы. Онѣ будутъ пожирать другъ друга, отрывать

Библиотека "Руниверс"

крылья и падать съ заоблачной высоты на землю. Онѣ будутъ сыпать на землю смерть, и ихъ ужасные снаряды будутъ разрываться среди людей и селеній, пробивать крыши, зажигать соборы, уничтожать цѣлые города. Армія воздухоплавателей, какъ адская саранча, поднимется надъ землею, —и свѣтъ солнца будетъ заслоненъ ея стальными тѣлами.

VIII.

Нынѣшніе одиночные полеты превратятся въ сильное, сплошное войско. И это войско будетъ нести ужасную смерть. Тысячи, десятки тысячъ брошенныхъ на городъ снарядовъ уничтожатъ, испепелятъ его вконецъ, не такъ, какъ Везувій испепелилъ нѣкогда Помпеи: она сохранились, какъ въ футлярѣ, въ застывшей лавѣ. Везувій далъ возможность бѣжать населенію, — а будущіе дирижабли и аэропланы будутъ истреблять все, ничему не давая пощады.

Старыя легенды приходили въ ужасъ отъ крылатаго хищника, прилетавшаго съ горъ, чтобъ пожрать нѣсколькихъ человѣкъ. Но когда этихъ крылатыхъ хищниковъ будутъ десятки, сотни, тысячи, можетъ-быть, десятки тысячъ, — какъ теперь есть десятки тысячъ паровозовъ на желѣзныхъ дорогахъ, — тогда леденящій ужасъ еще глубже проникнетъ въ мозги нашихъ потомковъ, и имъ будетъ казаться, что наступилъ послѣдній день міра.

Начало полетовъ этихъ сказочныхъ воздушныхъ драконовъ смерти мы уже видѣли этой осенью. Надъ Парижемъ, надъ этимъ дивнымъ городомъ, надъ этой очаровательной Лютеціей, гдѣ скопилось все ядро культурнаго свѣта, — стали по вечерамъ летать зловѣщія птицы и сѣять смерть на улицахъ и площадяхъ. Онѣ носились надъ башнями и шпилями и выбирали мѣсто, куда бросить свой дьявольскій снарядъ. И люди, трепеща, слѣдили за кривыми линіями ихъ полета...

IX.

Когда-то Екатерина Великая сказала своему сыну:

— Ты — лютый звѣрь, если не понимаешь, что съ идеями нельзя бороться съ помощью пушекъ.

А Вильгельмъ теперь не понимаетъ этого. Онъ велѣлъ вылить на пушкахъ девизъ: „вотъ истинный доводъ королей“. Такихъ пушекъ немало мы захватили въ плѣнъ, — и каждый можетъ прочесть и понять, какими „доводами“ руководится властитель Германіи *).

Екатерина сказала свои великія слова полтораста лѣтъ назадъ. Съ тѣхъ поръ съ этической стороны ни на волосъ не подвинулось развитіе мыслей у тѣхъ хищниковъ, для которыхъ бронированная сила стоитъ на первомъ планѣ.

Стократъ будетъ благословенъ тотъ мигъ, когда конференція всѣхъ государствъ дастъ клятву уничтожить всѣ смертоносныя орудія и сравняетъ съ землей тѣ заводы, которые льютъ эти орудія и готовятъ къ нимъ припасы. Пусть великія изобрѣтенія возвышаютъ и увеличиваютъ духовный ростъ человѣчества, а не служатъ къ его истребленію. Пусть телефонъ и телеграфъ не являются пособниками шпіонства. Пусть человѣчество направитъ свой геній къ тѣмъ изобрѣтеніямъ, которыя дадутъ духовную красоту его земной жизни, а не увеличатъ количество его тѣлесныхъ страданій.

X.

И если наступитъ такой мигъ, когда человѣчество направитъ всю свою дѣятельность къ насажденію только добра и свѣта, тогда наступитъ великій переломъ въ его жизни:—поворотъ отъ мрачныхъ временъ жестокостей къ владычеству въ воздухѣ и въ водѣ не для истребленія жизни, а для расцвѣта. Тогда при видѣ летящаго въ далекой небесной синевѣ аэроплана будутъ не страшиться его, а привѣтствовать, какъ архангела, несущаго благую вѣсть на землю о расцвѣтѣ человѣческаго генія...

*) Надпись эта—латинская. Ея подлежащее—„ratio“—имѣетъ много значеній. „Ratio“ собственно значитъ—разумъ, мысль, -то, что отличаетъ человѣка отъ животнаго. Но въ то же время оно значитъ и „отвѣтъ“, и „мнѣніе“, и „образъ мыслей“, и „дѣло“.

Бассора и ея окрестности.

(Страна финиковыхъ пальмъ).

Очеркъ **П. В. Нестерова**. (Съ 6 рис. на стр. 920, 921 и 922).

На этихъ дняхъ телеграфъ принесъ извѣстіе о занятіи англичанами города Бассоры или Басры на рѣкѣ Шатъ-эль-Арабъ.

Среди немногочисленныхъ городовъ Мессопотаміи Бассорѣ принадлежитъ одно изъ главныхъ мѣстъ. Значеніе этого города главнымъ образомъ обусловливается его географическимъ положеніемъ. Бассора расположена на правомъ берегу р. Шатъ-эль-Араба, приблизительно въ восьмидесяти верстахъ ниже мѣста слiянія двухъ, составляющихъ его, рѣкъ—Тигра и Евфрата и приблизительно въ ста верстахъ отъ мѣста впаденія этой рѣки въ Персидскій заливъ.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что англичане заняли этотъ городъ не временно, а навсегда. Послѣ подчиненія своему вліянію южной Персіи и объявленія протектората надъ османскимъ султаномъ англичане естественно должны были смотрѣть на р. Шатъ-эль-Арабъ, какъ на узелъ, который долженъ связать въ одно цѣлое Индію и Египетъ. Съ занятіемъ Бассоры англичане открываютъ себѣ свободный путь ко всей Мессопотаміи, этой житницѣ всей Западной Азіи. Несомнѣнно, въ рукахъ англичанъ Бассора сдѣлается въ скоромъ времени однимъ изъ выдающихся военныхъ торговыхъ центровъ Азіи.

Шатъ-эль-Арабъ достаточно широкъ и глубокъ. Весною въ періодъ половодья, когда въ горахъ Арменіи, откуда берутъ свое начало Тигръ и Евфратъ, начнутъ таять снѣга, большіе морскіе пароходы не только свободно подходятъ къ Бассорѣ, но нѣкоторые изъ нихъ рискуютъ даже подниматься дальше вверхъ по Тигру прямо до Багдада. Судоходство же по Шатъ-эль-Арабу до Бассоры не прекращается даже въ лѣтніе мѣсяцы, когда многія мессопотамскія рѣки, питающія Тигръ и Евфратъ, совершенно высыхаютъ. Благодаря морскимъ приливамъ, которые въ Персидскомъ заливѣ достигаютъ значительной высоты, Шатъ-эль-Арабъ даже въ это время два раза въ сутки становится доступнымъ для большихъ судовъ.

Уже за нѣсколько десятковъ миль до устья Шатъ-эль-Араба въ Персидскомъ заливѣ ясно обозначается близость этой рѣки. По мѣрѣ приближенія ея къ устью, воды Персидскаго залива становятся все болѣе мутными и желтыми, особенно въ періодъ отлива, когда мутныя воды Шатъ-эль-Араба, не встрѣчая препятствій, свободно вливаются въ море. Но вотъ отливъ смѣняется приливомъ: вода медленно начинаетъ подниматься, среди мутныхъ водъ появляются просвѣты чистой воды, которые, расширяясь, спокойно, но неуклонно устремляются къ устью Шатъ-эль-Араба, сдерживая его теченіе и поднимая уровень воды. Пользуясь этимъ, пароходы, ждавшіе этого момента, снимаются съ якоря и направляются къ Шатъ-эль-Арабу, путь къ которому обозначается справа и слѣва отмелями, служащими нѣмыми свидѣтелями созидательной дѣятельности Тигра и Евфрата—созданія Мессопотамской низменности насчетъ Персидскаго залива. Начиная отъ устья и далѣе вверхъ по рѣкѣ оба берега окаймляются сплошными пальмовыми рощами. Особенно живописны эти рощи по правому, аравійскому берегу. На лѣвой же, Персидской сторонѣ онѣ не такъ густы и чаще прерываются кукурузными и рисовыми полями. На этомъ же берегу, недалеко отъ г. Мохамеры.

Бассора. Каналъ Ашаръ близъ устья Шатъ-эль-Араба.

находятся богатые нефтяные промыслы, принадлежащіе англійской компаніи и разрастающіеся прямо съ невѣроятной быстротой.

Немного выше этихъ промысловъ въ мутный Шатъ-эль-Арабъ вливаетъ свои прозрачныя воды р. Карунъ, берега которой также утопаютъ въ темной зелени пальмовыхъ садовъ. На фонѣ этой зелени особенно живописно выдѣляются невысокіе съ плоскими крышами домики Мохамеры, небольшого персидскаго города, расположеннаго близъ турецкой границы у устья р. Каруна и его широкаго рукава Хаффоръ. Здѣсь пароходы, направляющіеся къ Бассорѣ, обычно дѣлаютъ остановку.

Едва пароходъ успѣетъ стать на якорь, къ нему со всѣхъ сторонъ, словно стая бѣлыхъ чаекъ, устремляются стройныя бѣлыя „белемы“, напоминающія венеціанскія гондолы. Стаи этихъ лодокъ, стремясь обогнать другъ друга, сталкиваются и граціозно расходятся, создавая на темномъ фонѣ прибрежныхъ пальмовыхъ садовъ удивительно живописную картину.

Будучи расположенъ на Шатъ-эль-Арабѣ и, кромѣ того, у устья другой судоходной рѣки—Каруна, Мохамера для Персіи имѣетъ

Библиотека "Руниверс"

Бассора. Каналъ Ашаръ-Басра.

почти такое же значеніе, какъ Бассора для Турціи. Торговое значеніе этого города уже давно было отмѣчено англичанами, которые одно время имѣли даже намѣреніе превратить его въ транзитный пунктъ между Индіей и Европой. Здѣсь Шатъ-эль-Арабъ болѣе глубокъ, самая же гавань удобнѣе, обширнѣе и лучше защищена отъ вѣтровъ, дующихъ со стороны Персидскаго залива.

Отъ Мохамеры до Бассоры около двадцати верстъ. Пароходъ проходитъ это разстояніе вверхъ по рѣкѣ въ три часа, внизъ же по теченію—не болѣе чѣмъ въ два. На всемъ пространствѣ до Бассоры аравійскій берегъ и здѣсь лучше орошенъ, вслѣдствіе чего представляетъ непрерывную ленту пальмовыхъ садовъ. По мѣрѣ приближенія къ Бассорѣ, на фонѣ этихъ садовъ все чаще начинаютъ обрисовываться изящные домики арабскихъ шейховъ и богатыхъ владѣльцевъ садовъ.

Пароходъ останавливается на Шатъ-эль-Арабѣ у устья канала Ашаръ, по берегамъ котораго и расположена Новая Бассора. Этотъ городъ съ полнымъ правомъ можетъ быть названъ мессопотамской Венеціей. Невысокіе двухъэтажные домики здѣсь расположены всего въ одну линію по обѣимъ сторонамъ канала. Нѣкоторые домики настолько близко подходятъ къ самому каналу, что ихъ балкончики, украшенные рѣшетчатыми окнами, свѣшиваются надъ самой водой. Улицъ въ Новой Бассорѣ, по крайней мѣрѣ въ начальной ея части, почти не существуетъ, и сообщеніе поддерживается исключительно по каналу на белемахъ (лодкахъ). Послѣднихъ такая масса, что мѣстами онѣ запружаютъ весь каналъ. Особенно большое оживленіе всегда царитъ около базара—главнаго жизненнаго центра Бассоры: здѣсь белемы нерѣдко образуютъ непрерывный мостъ, по которому свободно можно перейти съ одной стороны канала на другую. Правый берегъ канала около базара сплошь уставленъ широкими скамьями, сверху защищенными отъ солнца навѣсами; здѣсь мужское населеніе Бассоры обычно проводитъ большую часть дня или за чашкой кофе, или за кальяномъ, или просто въ созерцаніи такой же праздной толпы, среди которой преобладаютъ арабы въ своихъ своеобразныхъ одеждахъ и оригинальныхъ головныхъ уборахъ.

Бассора. Улица близъ базара.

Центръ жизни Бассоры—ея базаръ—только одной своей стороной выходитъ къ каналу. Онъ представляетъ собой узкую длинную грязную улицу, совершенно закрытую сверху и потому мрачную, почти лишенную свѣта: по обѣимъ сторонамъ ея расположены маленькія грязныя лавчонки съ грязными и запыленными дешевыми товарами; здѣсь съ утра до вечера стоитъ шумъ отъ криковъ продавцовъ, разносчиковъ и носильщиковъ—амбаловъ. На базарѣ преобладаетъ дѣловая публика, и потому чаще встрѣчаются женщины-армянки съ открытыми лицами и арабки съ своеобразной полуокрытой маской на лицѣ.

На противоположной сторонѣ канала, соединенной съ базаромъ жидкимъ деревяннымъ мостомъ, находится единственная въ Новой Бассорѣ довольно широкая улица. Эта часть города можетъ быть названа европейской, такъ какъ здѣсь есть нѣсколько настоящихъ магазиновъ съ европейскими товарами, имѣется „Европейская“ гостиница, дома европейскихъ торговыхъ фирмъ, домъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли, консульскіе дома и въ томъ числѣ домъ русскаго консульства, расположенный въ самомъ концѣ Новой Бассоры. Далѣе вверхъ по каналу справа и слѣва идутъ сплошные пальмовые сады, среди которыхъ то тутъ, то тамъ живописно выдѣляются красивые домики шейховъ и мѣстной туземной аристократіи. Въ концѣ этихъ садовъ, которые тянутся по каналу на нѣсколько верстъ, расположены Старая Бассора и ея предмѣстье, соединенныя другъ съ другомъ довольно красивымъ мостомъ, переброшеннымъ черезъ каналъ Ашаръ. Старая Бассора, населенная исключительно арабами, разбита на нѣсколько кварталовъ. Здѣсь имѣется нѣсколько большихъ улицъ, но по восточному обычаю эти улицы узкія, кривыя и очень грязныя. Въ Старой же Бассорѣ находятся всѣ правительственныя учрежденія, домъ военнаго губернатора, полицейское управленіе, казармы жандармовъ и аскеровъ, почта, телеграфъ, Оттоманскій банкъ и пр. Мѣстный гарнизонъ состоитъ исключительно изъ турецкихъ солдатъ; административныя должности заняты также почти исключительно турками. Присутствіе турецкаго гарнизона является необходимой мѣрой предосторожности, такъ какъ только его присутствіе и позволяетъ держать мѣстное арабское населеніе въ повиновеніи. Для тѣхъ же цѣлей устрашенія служитъ и единственное военное судно, старый турецкій пароходъ, вооруженный двумя небольшими пушками и обычно стоящій на Шатъ-эль-Арабѣ недалеко отъ Новой Бассоры. Бассора, въ сущности, всегда находится на военномъ положеніи, и представители мѣстной власти никогда не чувствуютъ себя въ безопасности. Мѣстнаго губернатора, даже во время его разъѣздовъ по городу, всегда сопровождаетъ сильная стража съ заряженными винтовками наперевѣсъ. Однако, несмотря и на эти мѣры предосторожности, нѣкоторые губернаторы все же становились жертвами арабовъ. Среди мѣстнаго населенія гораздо большимъ авто-

Бассора. Арабъ, управляющій „белемой“ (лодкой).

Библиотека "Руниверс"

ритетомъ и вліяніемъ пользуются арабскіе вліятельные шейхи, которые держатъ въ своихъ рукахъ не только простое населеніе, но иногда и представителей турецкой власти. Большое вліяніе шейховъ основывается главнымъ образомъ на колоссальныхъ богатствахъ, которыя находятся въ ихъ рукахъ. Главнымъ же ихъ богатствомъ и источникомъ доходовъ являются обширные пальмовые сады какъ въ окрестностяхъ самой Бассоры, такъ и по обѣимъ сторонамъ Шатъ-эль-Араба.

Бассорскіе финики считаются лучшими не только во всей Мессопотаміи, но и далеко за предѣлами Персіи и Малой Азіи. Въ Бассорѣ насчитываютъ до девятидесяти сортовъ финиковъ. Нѣжные сорта потребляются мѣстнымъ населеніемъ, для котораго они служатъ не только лакомствомъ, но и однимъ изъ основныхъ питательныхъ продуктовъ; во время же переходовъ по пустынѣ тонкій лавашъ и нѣсколько финиковъ вполнѣ замѣняютъ арабу

Лѣвый берегъ Шатъ-эль-Араба противъ Новой Бассоры. Оросительный каналъ.

обѣдъ. Главная же часть сбора финиковъ служитъ предметомъ вывоза не только въ сосѣднія страны Азіи, но и въ Европу и даже въ Америку. Уже въ концѣ января начинаются работы въ мѣстныхъ садахъ: расчистка оросительныхъ канавъ и каналовъ, обновленіе старыхъ и проведеніе новыхъ. Пальмовые сады содержатся въ образцовомъ порядкѣ. Въ концѣ августа и въ сентябрѣ наступаетъ сезонъ сбора финиковъ, и въ это время Шатъ-эль-Арабъ становится особенно оживленнымъ. Масса судовъ, большихъ и малыхъ, въ это время непрерывно движется вверхъ и внизъ по рѣкѣ. Однако пальмовые сады являются для мѣстнаго населенія не только источниками доходовъ, но въ то же время, благодаря обильному орошенію ихъ, разсадникомъ злокачественной лихорадки, особенно свирѣпствующей въ періодъ разлива Шатъ-эль-Араба. Вообще климатъ въ окрестностяхъ Бассоры нельзя назвать здоровымъ. Уже съ конца апрѣля и до октября здѣсь стоитъ нестерпимая жара, которая дѣлается особенно невыносимой при горячихъ западныхъ вѣтрахъ, нерѣдко приносящихъ изъ пустыни тучи раскаленнаго песку. Уже въ маѣ мѣсяцѣ термометръ по Цельсію, нерѣдко даже въ тѣни, поднимается до 50°. Въ это время Бассора словно вымираетъ: зажиточные классы выѣзжаютъ въ другія, болѣе прохладныя, мѣста, бѣднота же скрывается въ подвальныхъ помѣщеніяхъ жилищъ. Самымъ лучшимъ въ Бассорѣ считается время съ декабря по май.

Каналъ и мостъ черезъ Шатъ-эль-Арабъ близъ Старой Бассоры.

Сестры.

Разсказъ **И. Кипренскаго**.

(Продолженіе).

Иногда прибѣгала сидѣлка, нажимала кнопку звонка, брала трубку домашняго телефона и требовала ледъ. Это для больного Побѣдиной.

— А что, Марья Герасимовна не устала? — спросила она сидѣлку.

— Да, должно-быть, что очень устала, да только никого не подпускаетъ. Часто температуру мѣряетъ, записываетъ... Такой, говоритъ, отвѣтственный случай, и мы, сестры, непремѣнно должны сами...

Когда сидѣлка ушла, Ирина Аркадьевна захлопнула книгу и стала нервно расхаживать по небольшой комнаткѣ. Взглянула на часы,—прошло уже часа три съ тѣхъ поръ, какъ она вышла изъ палаты.

Но вѣдь она тамъ должна быть смертельно утомлена и измучена. Нужно пойти и во что бы то ни стало смѣнить ее. И она хотѣла итти и заставить Побѣдину дать себѣ отдыхъ. Но мысль, все та же мысль, что она опять холодно оттолкнетъ ее, остановила Кугасову.

Въ это время прибѣжала сидѣлка и позвала ее къ раненому Эхману, который проснулся отъ острой боли въ области раны. Она поспѣшила туда, успокоила больного, но тотъ увѣрялъ, что чувствуетъ страшное жженіе, и умолялъ снять повязку, освѣжить рану и наложить новую.

Она рѣшилась на это. Въ сущности, ей слѣдовало бы позвать дежурнаго ассистента, но она была увѣрена, что причиной тутъ была чрезвычайная нервность Эхмана, и самовольно сняла повязку, промыла рану, въ которой не нашла ничего подозрительнаго, и перевязала ее вновь, а Эхману дала еще капель. Эхманъ совершенно успокоился, съ благодарностью пожалъ ей руку и опять заснулъ.

Ирина Аркадьевна направилась къ Побѣдиной. Та теперь стояла у изголовья своего больного и осторожно измѣряла его температуру. Лицо у нея было безконечно утомленное, но на Кугасову она взглянула только мелькомъ и сейчасъ же отвела отъ нея глаза. Ирина Аркадьевна машинально повернула обратно и вышла.

Теперь она сѣла за столъ, подперла голову руками и сидѣла неподвижно. Въ больницѣ была тишина. Иногда изъ какой-нибудь палаты доносился тихій стонъ больного. Днемъ не слышный бой часовъ, висѣвшихъ въ вестибюлѣ надъ главной лѣстницей, теперь явственно доложилъ ей, что было уже три часа ночи.

Прошло еще минутъ двадцать. Послышались шаги. Вошла Марья Герасимовна. Лицо ея было измученное, глаза утопали въ темныхъ кругахъ.

Войдя, она схватилась за спинку стула, а потомъ въ изнеможеніи опустилась на него.

— Вы его оставили?—почти непроизвольно вырвалось у Кугасовой.

— У него 37,8... а было 39. Тамъ сидѣлка...

Кугасова поднялась. Она чувствовала необходимость объясниться съ нею. Но развѣ это можно, когда она совсѣмъ безъ силъ? Ее бы уложить въ постель... Но въ то же время для нея было ясно, что это все не то, что нужно, и не въ этомъ дѣло. Чувствовалось, какъ будто у нея есть какая-то вина противъ этой женщины.

Ну, да, конечно: она заподозрѣла ее въ несерьезности, въ легкомысліи, въ игрѣ, а она вонъ какъ способна отдавать себя дѣлу, и это дѣло у нихъ общее. Онѣ могли бы дружно работать, въ полномъ согласіи, а не такъ, какъ вотъ теперь, стоя спиной другъ къ другу. И Кугасова приблизилась къ ней:

— Слушайте, Марья Герасимовна... Я хочу сказать вамъ... Я страшно, страшно виновата... Я васъ оскорбила мыслью, и вы прочитали ту мысль... Вѣдь такъ же, такъ? Вы чуткая, вы не могли не почувствовать... Но это я по незнанію жизни... Я такъ глупо воспитана... И оттого вы отвернулись... Вы правы, если презираете меня...

Библиотека "Руниверс"

Фортъ Седъ-Эль-Баракъ на берегу Дарданеллъ.

— О, полноте...

И Побѣдина повернула къ ней лицо и улыбнулась ей и протянула руку:

— Ну, давайте помиримся. Ну, конечно, это недоразумѣніе. Вы такая красивая... Красота не можетъ быть злой. Поцѣлуйте меня. Что вы! Что вы! Слезы? Ну, милая... Я же знаю, я понимаю... Ну, вотъ мы и друзья...

Онѣ поцѣловались и крѣпко пожали другъ другу руки.

— Вотъ что, голубчикъ Ирина, идите туда... Все-таки лучше, чтобы мы сами... Льда уже не нужно. Но онъ долженъ быть наготовѣ, и чуть выше восьми десятыхъ — опять ледъ... А я здѣсь покурю... Что подѣлаете,—прибавила Марья Аркадьевна съ улыбкой:—привычка; а потомъ капельку усну на диванѣ. Въ семь часовъ придетъ Антонъ Михайловичъ, тогда разбудите меня, дорогая, но только вытрите слезы. Ахъ, какая вы...

Кугасова вытерла слезы и вымыла лицо и отправилась въ палату.

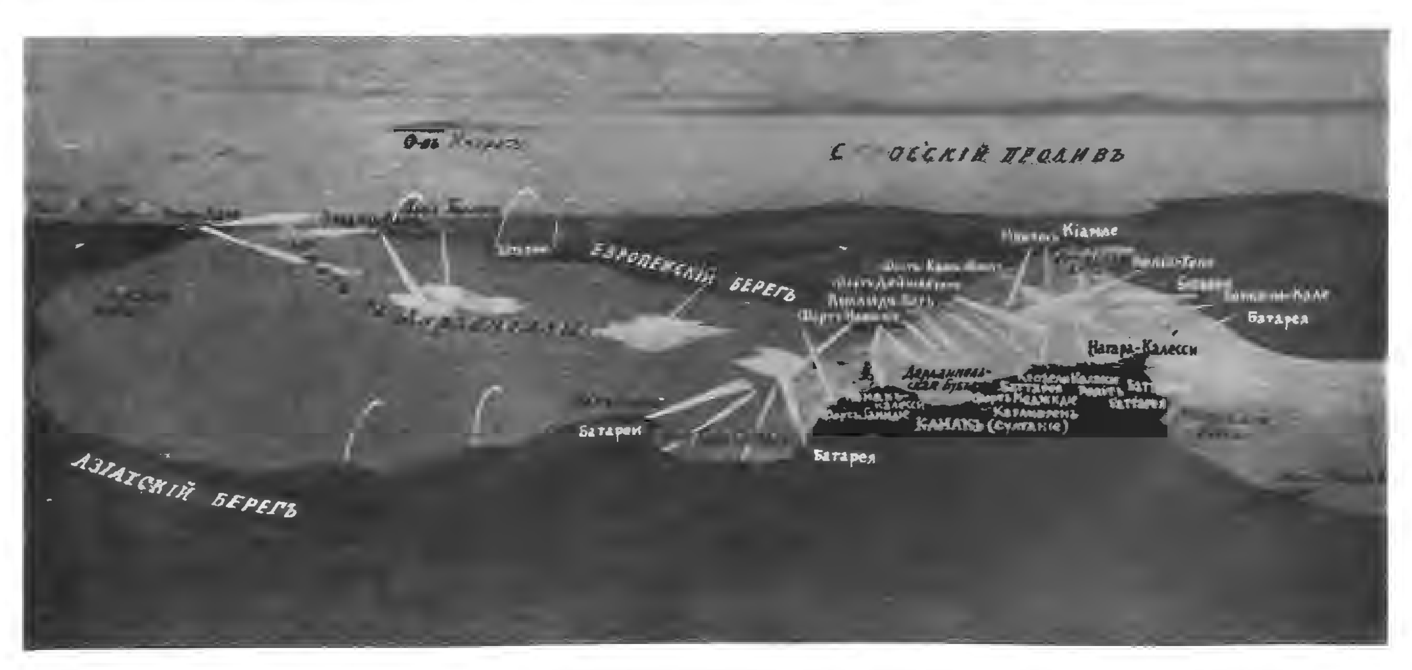
IV.

Послѣ этого онѣ обѣ принялись за дружную работу, и никогда у нихъ не бывало никакихъ недоразумѣній. Какъ-то разомъ онѣ постигли другъ друга, и каждая поняла и признала особенности другой. Кугасовой стало ясно, что тѣ внѣшніе примѣты и пріемы—подведеніе глазъ, куреніе папиросъ и т. п.—являются только привычками среды и не имѣютъ никакого отношенія къ сущности характера и сердца и нисколько не мѣшаютъ Марьѣ Герасимовнѣ искренно отдавать дѣлу всю свою душу. А душа эта оказалась красивой и просто обворожительной. Кугасова открыла въ ней новый міръ, который притянулъ ее къ себѣ, и Побѣдина сдѣлалась для нея необходимой.

Съ своей стороны и Побѣдина примирилась съ той вылощенной и условной любезностью, съ искус-

На турецкомъ крейсерѣ. Приготовленіе орудія къ бою.

Турецкій крейсеръ „Бреслау", купленный у Германіи и оперирующій на Черномъ морѣ вмѣстѣ съ дредноутомъ „Гебеномъ". „Бреслау"—одного типа съ крейсеромъ „Магдебургомъ", сѣвшимъ на камни въ Балтійскомъ морѣ и потопленнымъ нашими крейсерами.



Дарданеллы. Линіи турецкихъ фортовъ на европейскомъ и азіатскомъ берегахъ, охраняющихъ проходъ къ Константинополю.

Библиотека "Руниверс"

ственно-обворожительной манерой говорить,—манерой, въ которой утопала личность, и нельзя было разобрать, искренно это или нарочно. Она поняла, что это лишь результатъ свѣтской выправки, а сама по себѣ Кугасова проста, сердечна и искренна, какъ всякая женщина съ хорошимъ сердцемъ.

Потомъ онѣ сошлись еще ближе, и тотъ новый міръ, который открылся передъ Ириной Аркадьевной, оказался богатъ и поучителенъ для нея. Это былъ большой жизненный опытъ Марьи Герасимовны. Несмотря на свои двадцать шесть лѣтъ, она знала жизнь, „какъ свою ладонь“,—такъ она объ этомъ говорила.

И когда Ирина Аркадьевна въ порывѣ откровенности разсказала ей свою трагическую исторію, она усмѣхнулась и совсѣмъ спокойно замѣтила:

— Ахъ, милая, такъ бываетъ всегда, такъ дѣлаютъ всѣ. Всегда были ловцы, разставляющіе сѣти, и неосмотрительныя птички, попадающіяся въ нихъ. И если дѣвушка въ семнадцать-восемнадцать лѣтъ не вышла замужъ, то-есть не прошла установленный казенный курсъ опытности, то рано или поздно непремѣнно является ловецъ, и она попадаетъ въ сѣти. Но зачѣмъ же смотрѣть такъ трагично, мой ангелъ Ирина? Вѣдь, такъ или иначе, надо же познать жизнь, и въ концѣ концовъ мы всѣ это дѣлаемъ. А что касается этихъ господъ, то если это дѣлаютъ многіе, такъ справедливо ли убивать одного? Моя жизнь,—говорю это вамъ просто,—не была образцомъ цѣломудренности, но это не помѣшало мнѣ сохранить чистое сердце. Увѣряю васъ,—чистое, какъ слеза... Вообще первой драмѣ своей дѣвушки придаютъ слишкомъ большое значеніе. Есть женщины, которыя драмой начинаютъ жизнь, но есть другія, которыя драмой кончаютъ ее, — этимъ гораздо труднѣе, потому что первыя всегда еще могутъ завоевать счастье, а послѣднимъ уже нечѣмъ воевать...

И когда сестры приходили въ палату по окончаніи всѣхъ обязательныхъ дѣлъ, просто для того, чтобы помогать своимъ раненымъ провести время, у каждой изъ нихъ было свое дѣло и свои кліенты. Ирина Аркадьевна, съ виду сухая и сдержанная, въ душѣ была чувствительна, и во всемъ у нея преобладалъ слегка драматическій оттѣнокъ. Далеко не чужды были ея душѣ и сентиментальность и экзальтація. Глаза ея обладали способностью при малѣйшемъ поводѣ наполняться слезами.

И когда какой-нибудь раненый солдатикъ, испытывая подобное настроеніе, вспоминалъ о своей родинѣ, о близкихъ людяхъ, то ужъ Ирина Аркадьевна непремѣнно сидѣла около него, долго и терпѣливо выслушивала его изліянія и выражала ему сочувствіе.

Среди раненыхъ были особенно склонные къ меланхолическому настроенію. Таковъ, напримѣръ, былъ Эхманъ, который иногда по цѣлымъ часамъ лежалъ неподвижно, съ глазами, устремленными въ неопредѣленную точку, и все думалъ объ оставленныхъ имъ гдѣ-то въ Волынской губерніи матери, женѣ и двухъ дѣтяхъ. Всегда въ такихъ случаяхъ къ нему подходила Ирина Аркадьевна. Ее тянуло къ такимъ настроеніямъ, и она какъ бы чутьемъ угадывала это. Подойдетъ, остановится, взглянетъ:

— Ну, что, Эхманъ, опять задумался о своихъ?

Эхманъ, гордившійся своей воспитанностью и деликатностью, быстро приподымался и садился на постели.

— Ну, а какъ же!—говорилъ онъ, печально-унылымъ голосомъ.—О комъ же думать, какъ не о нихъ? Вѣдь и они тамъ обо мнѣ думаютъ... Развѣ нѣтъ?—спрашивалъ онъ и какъ будто боялся, что она можетъ сказать:—нѣтъ.

Но Ирина Аркадьевна знала, что нужно говорить, чтобы утѣшить его.

— О, навѣрно такъ. Они все время думаютъ о васъ, такъ же, какъ и вы о нихъ.

Потомъ она присаживала около него на табуреткѣ.

— Разскажите, Эхманъ, про вашу жену. Какая она? Какъ ее зовутъ?

Эхманъ сейчасъ же оживлялся. Ему именно этого хотѣлось: кому-нибудь разсказать про свою жену и про дѣтей, чтобы кто-нибудь его слушалъ. И онъ начиналъ:

— Ее зовутъ Лія... Лія Абрамовна. Она такая худенькая и роста небольшого, и у нея золотые волосы, совсѣмъ-совсѣмъ какъ червонное золото. И она очень любитъ меня. Когда я уходилъ на войну, она заливалась слезами и говорила, что если меня убьютъ, то и она умретъ. А я сказалъ ей, что она должна жить, потому что у насъ есть маленькія дѣти. Нашему сыну четыре года, а дѣвочкѣ только два. И у сына такіе же золотые волосы, какъ у Ліи, а дѣвочка въ меня—она брюнетка, и у нея черные глаза.

Онъ много говорилъ; иногда онъ останавливался, и тогда Кугасова задавала ему вопросы. Видимо, человѣкъ насыщался и утолялъ жажду собственнымъ разсказомъ, глаза его прояснялись, меланхолія постепенно отлетала отъ него.

Были и другіе солдатики, любившіе грустное настроеніе и благодарные Иринѣ Аркадьевнѣ за то, что она цѣлые часы сидѣла съ ними и выслушивала ихъ жалобы.

Марья Герасимовна совсѣмъ не была способна на это. Случалось, что и ей жаловались и начинали передъ нею изливаться о деревнѣ, о родныхъ, о коровкѣ съ теленочкомъ. Но она всему умѣла придавать характеръ здоровой веселости, хлопала мечтателя по плечу и говорила:

— Э, полно, милый, что тамъ,—всѣ здоровы, и жена, и сестра, и коровка, и теленочекъ. Что имъ станется? Вѣдь они въ деревнѣ, на вольномъ воздухѣ, а не на войнѣ и не въ лазаретѣ.

И солдатикъ ободрялся и весело улыбался. Но потребность попечаловаться этимъ не укрощалась, она только пряталась и уходила вглубь, а потомъ опять выступала и томила человѣка, и ужъ рано или поздно Ирина Аркадьевна должна была воспринять меланхолическія изліянія души.

И въ то время, какъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ Кугасова сочувственно выслушивала интимную повѣсть о женѣ или невѣстѣ, оставшихся въ деревнѣ, въ другой части палаты собирались весельчаки и окружали Марью Герасимовну. Обыкновенно „главной квартирой“ избиралось мѣсто около кровати татарина Кардамытова, который еще не могъ свободно передвигаться, а между тѣмъ страстно любилъ, чтобы около него было весело. А ужъ по этой части Марья Герасимовна была мастерица. Она и сама умѣла разсказывать смѣшныя исторіи, но прибѣгала къ этому лишь въ крайнихъ случаяхъ; еще лучше она умѣла заставлять другихъ дѣлать это, и сами солдатики становились разсказчиками. Она „заводила“ кого-нибудь изъ нихъ, и тотъ начиналъ. Тутъ и подлинныя исторіи, и анекдоты, и сценки, кто что умѣлъ; но Побѣдина вставляла свои словечки, такія отмѣнныя, что вся аудиторія заливалась смѣхомъ.

Она обладала способностью творить вокругъ себя веселое настроеніе. Въ то время, какъ у Кугасовой отношенія съ больными установились хоть и пріятельскія, но основанныя на почтительности, у Побѣдиной они имѣли характеръ товарищескій. Она рѣшительно со всѣми ранеными была уже на „ты“, называла ихъ Васенька, Петенька, Алёха, какъ они сами хотѣли, а ее они называли „сестрица Маша“,—она отъ нихъ этого потребовала.

Мастерица она была на всѣ руки. Когда она замѣчала, что къ исторіямъ, разсказываемымъ то тѣмъ, то другимъ,—при чемъ она давала имъ направленіе, — интересъ ослабѣвалъ, она вполголоса напѣвала пѣсенку—то народную, то фабричную, то какіе-нибудь куплеты изъ водевиля, то читала наизусть стихи, всегда выбирая что-нибудь характерное и веселое. Откуда-то брались карты, и цѣлая компанія присаживалась у незанятой кровати и играла въ дурачки. Были и шашки, которыя тоже всѣмъ нравились. Но непремѣнно съ нею, чтобы она участвовала, потому что это было весело. Безъ нея никому и въ голову не приходило засаживаться за игру. Тогда это была бы просто игра, и довольно скучная. Но съ ея языка такъ и сыпались замѣчанія и словечки, отъ которыхъ не умолкалъ смѣхъ.

Но у обѣихъ въ запасѣ всегда была книга. Раненые и сами почитывали и книги и газеты, которыя приносили имъ сестры, но не всѣ были настолько грамотны, чтобы это могло ихъ удовлетворить, а были и совсѣмъ не читающіе, а главное, это же было совсѣмъ не то. Слушать ясное, выразительное, толковое чтеніе сестеръ—это было совсѣмъ особое удовольствіе.

И въ этомъ дѣлѣ Кугасова и Побѣдина такъ же различались, какъ и во всемъ остальномъ.

Кугасова всегда выбирала чувствительные, полные глубокихъ страстей, романы. Читала она нѣсколько монотонно, но голосъ ея былъ густой и красивый, и имъ искупались недостатки искусства. И ея чтеніе обыкновенно слушали съ замираніемъ сердца, а нѣкоторыхъ, еще слабыхъ, оно даже утомляло, такъ какъ вызывало напряженіе вниманія и нервовъ. А были и такіе скептики, которые махали рукой и не хотѣли слушать:

— Ужъ сестрица всегда такое чувствительное выберетъ, что плакать хочется. А что хорошаго плакать-то? Въ жизни и безъ того наплачешься.

Но были и искренніе поклонники, которые могли слушать ее по цѣлымъ часамъ. Словомъ, у нея была своя публика.

Книги, которыя приносила для чтенія Марья Герасимовна, были точнымъ отраженіемъ ея характера. Она безподобно читала Гоголя. „Тарасъ Бульба“ просто восхищалъ слушателей. Особенно казакъ Загибайло прямо неистовствовалъ, когда она читала эту книгу. Еще въ большомъ ходу былъ у нея Некрасовъ, приводили въ восторгъ и чеховскіе разсказы. Это былъ ея главный репертуаръ.

И такъ хорошо чувствовали себя съ ними солдатики, что не было у нихъ вовсе скучныхъ часовъ, и тѣ, кому послѣ окончательной поправки приходилось выходить изъ лазарета, чтобы отправиться домой или вновь въ армію, осыпали ихъ горячими благодарностями и даже проливали слезы.

— Никогда не забудемъ васъ, сестрицы. Вотъ ужъ подлинно всю жизнь будемъ помнить. И не всякому Богъ посылаетъ такихъ родныхъ сестеръ, какъ вы были для насъ, простыхъ людей.

Такъ говорили они, прощаясь съ сестрами, а потомъ присылали имъ полныя благодарныхъ словъ открытки съ дороги, изъ деревни, съ позицій, куда кого забрасывала судьба.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Приключенія Лизы.

Разсказъ **Б. П. Никонова.**

(Продолженіе).

И далѣе припоминаетъ Лиза.

Опять душный и тѣсный вагонъ. И какой вагонъ! Въ немъ только что везли скотъ, и весь полъ въ вагонѣ загаженъ коровьимъ навозомъ. Но уже не обращая вниманія на грязь, сюда забираются мужчины, женщины и дѣти и въ страшной тѣснотѣ, такъ что нельзя протянуть ногъ, ѣдутъ все дальше и дальше въ какія-то невѣдомыя мѣста. Знающіе люди говорятъ Лизѣ названія мѣстъ и городовъ,—но что толку отъ этихъ названій, когда никто не можетъ сказать и объяснить ей, далеко ли отсюда до ихъ хутора или по крайней мѣрѣ до Ковалишекъ или Прусова?.. Лизѣ кажется, что страшная и загадочная война уноситъ ее и другихъ русскихъ людей, словно бѣшеный вихрь, невѣдомо куда, отрывая ихъ отъ родной страны, какъ отрываетъ внезапно налетѣвшая буря деревья отъ земли... Нѣкоторые изъ спутниковъ увѣряютъ Лизу, что нѣмцы хотятъ отправить ихъ всѣхъ въ Россію, но Лизѣ не вѣрится... Какъ же это можетъ быть, если отъ русской границы, отъ Янова и Ковалишекъ и слѣда уже не осталось?

Константинополь въ дни войны. Турецкій патруль.

Лизѣ припоминаются разныя страшныя происшествія... Она помнитъ, какъ усталый и голодный Тарасевичъ сталъ просить нѣмецкаго солдата выпустить его изъ вагона, чтобы достать на станціи хлѣба. Солдатъ не пускалъ его, и тогда Тарасевичъ разсердился и обругалъ солдата. Послѣдній, не говоря ни слова и даже не измѣнившись въ лицѣ, какъ заведенная машина, размахнулся ружьемъ и всадилъ Тарасевичу штыкъ въ спину. Тарасевичъ только удивленно раскрылъ глаза и безмолвно упалъ на спину. Его вытащили сейчасъ же изъ вагона. Пришелъ фельдфебель и сталъ кричать, что всѣхъ русскихъ перестрѣляютъ...

Константинополь въ дни войны. Турецкая кавалерія выступаетъ изъ Константинополя.

Потомъ Лиза вспоминаетъ, какъ во время пересадки (ихъ нѣсколько разъ пересаживали изъ поѣзда въ поѣздъ) она пробиралась по вагону и въ страшной тѣснотѣ запнулась обо что-то мягкое. Она наклонилась поглядѣть, на что именно она наступила,—и въ ужасѣ отшатнулась: подъ ея ногой было человѣческое лицо, и лицо это смотрѣло на нее остановившимися стеклянными глазами. Лиза узнала его: это былъ несчастный сапожникъ изъ Янова, Ицка Европа. Его везли, какъ мертвое тѣло, уже нѣсколько дней. Онъ ничего не понималъ, ни на что не отзывался, не шевелилъ ни рукой ни ногой. Во время одной изъ слѣдующихъ остановокъ его куда-то убрали, и Лиза его больше не видала, но въ памяти у нея на всю жизнь осталось его блѣдное, безжизненное лицо, на которое она наступила ногой, какъ на неодушевленный предметъ.

Прошло нѣсколько мутныхъ, словно повитыхъ густымъ туманомъ, дней. Наконецъ въ одномъ изъ городовъ русскихъ плѣнниковъ опять высадили изъ поѣзда, опять повели, окруживъ солдатами, по улицамъ среди безчинствовавшаго народа и привели за городъ. И тамъ заперли въ скотскомъ сараѣ. Говорили, что отсюда русскихъ повезутъ по морю. Но куда? Одни увѣряли, на какой-то островъ, чтобы жать тамъ рожь для нѣмцевъ, другіе же говорили, что по морю русскихъ переправятъ въ Россію. Лиза не могла понять, какъ это можетъ статься, чтобы въ Россію изъ нѣметчины везли по морю, когда всѣ ѣздятъ изъ нѣметчины въ Россію по суху. При чемъ тутъ море? Вотъ въ Америку дѣйствительно ѣздятъ по морю: двоюродный братъ Лизы, Лазарь, въ позапрошломъ году поѣхалъ туда черезъ Либаву искать счастья за моремъ; онъ дѣйствительно десять сутокъ плылъ на кораблѣ, и земли,—писалъ онъ:—кругомъ не видно было. Такъ вѣдь это Америка, а не Россія!

Лиза разспрашивала на этотъ счетъ нѣсколькихъ людей—и барынь и господъ. Но одни ничего ей не отвѣчали, потому что были слишкомъ опечалены и замучены, другіе объясняли что-то непонятное, будто бы сначала

Константинополь въ дни войны. Передъ выступленіемъ

Библиотека "Руниверс"

нужно ѣхать совсѣмъ въ сторону отъ Россіи для того, чтобы попасть въ нее. Лиза не могла взять въ толкъ этого. Ей хотѣлось поговорить съ доброй и умной кіевской дамой, матерью маленькой Лизы, но кіевская дама куда-то исчезла. Лиза не встрѣчала ея съ того времени, какъ сидѣла въ тюрьмѣ. Съ того времени пропало еще нѣсколько человѣкъ: родители остались безъ дѣтей, дѣти безъ родителей, братья безъ сестеръ, мужья безъ женъ. Говорили, что будто бы нѣмцы нарочно раздѣлили родственниковъ другъ отъ друга и однихъ оставили въ томъ городѣ, гдѣ была тюрьма, а другихъ отправили далѣе...

Въ скотскомъ сараѣ помѣщалась также и бойня. Пахло навозомъ, свѣжей кровью и какимъ-то гнильемъ. Полъ былъ такой грязный, что даже привыкшую къ грязи Лизу тошнило. За невысокой перегородкой били свиней, и свиньи визжали такъ громко, что было больно ушамъ. Плѣнники еле могли выносить все это и просились наружу, на свѣжій воздухъ, но нѣмцы не пускали и хохотали, приговаривая:

— Русская свинья попала въ свою компанію. Русскую свинью тоже будутъ скоро рѣзать. Полюбуйтесь, какъ это здѣсь дѣлается

Дѣти бельгійскаго короля въ Лондонѣ. Король Альбертъ и королева Елисавета остались со своей доблестной арміей. Помѣщенная здѣсь фотографія снята двѣ недѣли тому назадъ, въ день рожденія короля Альберта. Дѣти короля Альберта выходятъ изъ храма послѣ торжественнаго молебствія.

Семья короля-героя. Ея Величество Королева Бельгіи Елисавета съ дѣтьми: принцемъ Леопольдомъ, герцогомъ Брабантскимъ (11 лѣтъ), принцемъ Карломъ, графомъ Фландрскимъ (9 лѣтъ), и принцессой Маріей (7 лѣтъ)—у дворца въ Брюсселѣ, за годъ до войны.

Ночью въ темнотѣ и духотѣ, подъ гомонъ плача и тяжкаго бреда не одной сотни людей, Лиза спросонку почувствовала, что ее обнимаютъ за шею дѣтскія ручки. Она вздрогнула, но сейчасъ же узнала, кто это. Это была маленькая кіевская Лиза, потерявшая мать, но нашедшая себѣ покровительницу—Лизу большую.

— Пи-ить!—стонала дѣвочка: — пить хочу! Дай мнѣ пить!

— Гдѣ же я тебѣ достану пить?—спрашивала Лиза.

— Мнѣ тяжело!.. Пи-ить!..—плакала Лиза маленькая и, вся мокрая отъ слезъ, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, прижималась къ большой Лизѣ.

Та не могла вынести дѣтскихъ слезъ и мученій, встала и пошла къ караульному солдату и стала умолять его наполовину по-русски, наполовину по-нѣмецки:

— Дайте Христа ради воды! Вассеръ!

— Кейнъ вассеръ! — сердито отвѣтилъ сторожъ.—Ступай къ чорту!

— Не для меня... Для ребенка!..

И Лиза встала предъ солдатомъ на колѣни. Жестокое сердце какъ будто тронулось. Солдатъ вышелъ на улицу и вернулся съ ведромъ. Лиза съ благодарностью схватила ведро и побѣжала къ дѣвочкѣ. Но когда заглянула въ ведро, то не могла утерпѣть и зарыдала: — въ ведрѣ, въ мутной жижѣ, плавалъ большой кусокъ коровьяго навоза...

—

Дни идутъ за днями, и нѣтъ конца ихъ тяжкому мутному шествію. Лизѣ кажется, будто

Библиотека "Руниверс"

Король-воинъ.

Бельгійскій король Альбертъ не только предводительствуетъ своей доблестной арміей, но и сражается въ ея рядахъ, плечомъ къ плечу, въ окопахъ, дѣля со своимъ воюющимъ народомъ всѣ лишенія и опасности.

Народу Бельгіи.

Пусть всюду смерть и прахъ, пусть видъ страны печаленъ,
Пусть торжествуетъ врагъ побѣду надъ тобой,—
Борьба не кончена,—ты встанешь изъ развалинъ
Съ геройской славою, съ прекрасною судьбой!
Пройдетъ тяжелый бредъ воинственнаго года—
И жизнь разбудитъ вновь подземные ключи,
И надъ твоей страной грядущаго восхода
Прольются мирные и свѣтлые лучи.
Земля, усталая отъ стоновъ и насилій,
Увидитъ новый міръ, волшебный край во снѣ,
И на поляхъ войны цвѣты прекрасныхъ лилій
Взойдутъ, молитвенно внимая тишинѣ.
И, слушая сквозь сонъ сѣдыхъ былинъ разсказы,—
Сѣдыхъ временъ войны, прошедшихъ безъ слѣда,—
На землю упадутъ святой росы алмазы,
И вспыхнетъ первая вечерняя звѣзда...
И, много лѣтъ спустя, въ лучахъ твоей короны
Прошедшихъ подвиговъ не будетъ меркнуть свѣтъ.
Придетъ забвеніе, неся свои законы,
Но подвигъ будетъ жить—геройству смерти нѣтъ.
Вѣнокъ страданія надъ вами не завянетъ.
Пройдутъ столѣтія... Пройдетъ глухая боль—
И для дѣтей твоихъ святымъ девизомъ станетъ:
«Родная Бельгія и доблестный король!»

Вл. Краковецкій.

она уже умерла, и вмѣсто нея живетъ какая-то другая, новая Лиза, съ которой случаются всѣ эти необыкновенныя приключенія. Сколько дней прошло съ той поры, когда она отправилась въ Прусово къ Крейслеру купить лѣкарства для заболѣвшаго брата? Сколько дней тянется это небывалое, необыкновенное путешествіе вмѣстѣ съ множествомъ другихъ страдающихъ людей? Лиза потеряла счетъ времени, да и само время какъ будто остановилось и превратилось въ какой-то мутный туманъ.

Потокъ русскихъ страдающихъ людей—мужчинъ, дѣтей и женщинъ—понемногу все тянется куда-то въ неизвѣстную даль, въ невѣдомыя для Лизы страны. Люди обносились, загрязнились, замучились. Многіе до этого времени лѣчились на нѣмецкихъ водахъ, да такъ больными и выѣхали оттуда въ это страшное путешествіе. Иные еле бродятъ, другіе совсѣмъ слегли, и ихъ носятъ на рукахъ. А нѣмцы плохо кормятъ ихъ, почти морятъ голодомъ, застращиваютъ ихъ, издѣваются надъ ними. А въ городахъ толпа издѣвается надъ оборванными русскими людьми. Толстыя нѣмки плюютъ вслѣдъ русскимъ, кричатъ: „Pfui!" „Russische Schweine!" Даже маленькія дѣти кричатъ гадкія бранныя слова.

— Что это такое? Почему все это? допытывается Лиза. И въ отвѣтъ получаетъ одно: это—война! Война безъ сраженій, безъ скачу-

Героини долга.

Бельгійскія телефонистки въ Лувенѣ, Валерія ди-Мартинели и Леонія ванъ-Линтъ, не покинули своего поста во время осады города и продолжали до момента разрушенія станціи передавать по телефону донесенія въ бельгійскій генеральный штабъ. Благодаря ихъ сообщеніямъ о передвиженіяхъ непріятеля, бельгійская армія отошла въ полномъ порядкѣ.

Библиотека "Руниверс"

щихъ на коняхъ солдатъ, безъ выстрѣловъ, но все-таки война, у которой есть также еще и другое имя: „страданіе“...

Но вотъ начинается что-то новое.

Рано утромъ въ дверную щель вагона (окна были плотно закрыты, и солдаты грозились стрѣлять въ того, кто осмѣлится выглянуть) засіяла освѣщенная солнцемъ вода. Поѣздъ остановился, и путешественниковъ выгнали вонъ, на свѣжій воздухъ.

Лиза вскрикнула отъ изумленія: предъ нею, за оградою вокзала, между станціонными зданіями, ярко сверкала широкая и безконечно-далекая вода. Лиза никогда въ жизни не видала такого воднаго пространства.

— Море!—говорили ея спутники.

Такъ вотъ оно какое, это море! Лизѣ стало жутко и несказанно интересно. Она вся замерла и не могла оторвать глазъ отъ сверкавшей воды. Нѣмецъ грубо толкнулъ ее и приказалъ итти слѣдомъ за другими.

— Куда мы теперь поѣдемъ?—робко спросила она знакомую женщину.

— Говорятъ, въ Россію, милая.

— Тамъ Россія?—радостно спрашиваетъ Лиза, показывая на еле видную полоску земли, гдѣ кончается вдали вода.

— Нѣтъ, тамъ Данія!—отвѣчаютъ ей.—Насъ сначала повезутъ въ Данію.

Лизѣ хочется спросить, зачѣмъ ихъ повезутъ въ Данію, когда и ей и всѣмъ остальнымъ русскимъ нужно только въ Россію и больше никуда? Неужели и на это отвѣтятъ: „война“? Но Лиза боится показаться глупою и спрашиваетъ другое:

— А скажите, будьте такіе добренькіе, далеко отсюда до Ковалишекъ?

Никто не отвѣчаетъ ей на этотъ вопросъ, и Лизѣ кажется, что Ковалишекъ теперь уже совсѣмъ нѣтъ на свѣтѣ, разъ о нихъ никто и говорить не хочетъ. У нея навертываются слезы на глаза... Жаль Ковалишекъ!

Русскихъ ведутъ громадной толпой къ берегу. У набережной стоитъ вереница длинныхъ черныхъ барокъ. Поодаль дымитъ и выпускаетъ шипящій паръ небольшой пароходъ. Въ баркахъ этихъ, должно-быть, возили скотъ, потому что въ нихъ много соломы, отъ нихъ пахнетъ хлѣвомъ. Путешественники набиваются въ барки до тѣсноты. Къ Лизѣ опять прильнула ея маленькая тезка и со страхомъ и любопытствомъ смотритъ на невиданную картину. Пароходъ громко свиститъ — и представьте ужасъ и вмѣстѣ съ тѣмъ крайнее изумленіе обѣихъ Лизъ: берегъ отдѣляется отъ баржъ и плыветъ куда-то въ сторону. Потомъ оказывается, что берегъ стоитъ на мѣстѣ, а плывутъ сами баржи. Пароходъ тащитъ ихъ за собой по страшному свѣтлому морю... Изъ-подъ кормы у парохода бьетъ ключомъ вспѣненная вода и разстилается пѣнистымъ зеленымъ вѣеромъ навстрѣчу догоняющимъ пароходъ баржамъ.

Долго тянется ѣзда по свѣтлому и спокойному зеленоватому морю. Вотъ наконецъ и противоположный берегъ.

— Слава Богу!—говорятъ русскіе и радостно крестятся. — Кончилась Германія!

Лизѣ становится тоже совершенно ясно, что Германія—страшная, мучительная Германія—кончилась, прошла, какъ проходитъ тяжкая болѣзнь. Здѣсь на берегу совсѣмъ другое: другіе люди и другое обращеніе.

Подъ деревьями, въ сочной зелени кустовъ и травы, накрыты длинные столы, уставленные всякой ѣдой и питьемъ. Бѣлѣетъ молоко въ кувшинахъ, дымятся горячія булки и котлеты, краснѣетъ земляника на блюдахъ... Никто не кричитъ на русскихъ, не бранится, не сгоняетъ ихъ въ шеренги, не грозится разстрѣлять... Женщины въ яркихъ безрукавкахъ и чепчикахъ, дѣти въ вязаныхъ колпачкахъ, радостныя, улыбающіяся, хлопочутъ около столовъ и кругомъ плѣнниковъ... Это не нѣмцы!

Никто изъ нихъ не говоритъ по-русски... Но то, что говорятъ на своемъ языкѣ эти добродушные и ласковые люди, понятно и Лизѣ и остальнымъ русскимъ людямъ:

— Пожалуйте, отдохните, закусите чѣмъ Богъ послалъ!

Это тоже походитъ на сонъ, но только совсѣмъ иной сонъ. Отъ этого сна Лиза уже не хотѣла бы никогда просыпаться... Но гдѣ же все-таки Россія, и какъ попасть въ Ковалишки и хуторъ „Приволье“, къ больному Науму, къ отцу? И Лиза крѣпко прижимаетъ къ себѣ завѣтную коробочку съ лѣкарствомъ...

(Окончаніе слѣдуетъ).

Германскій богдыханъ.

Очеркъ **Аркадія Пресса.**

Перепечатка воспрещается.

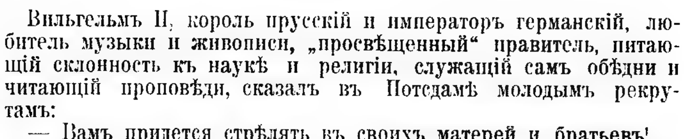
I.

„Король-солнце“, Людовикъ XIV, занимавшійся всю жизнь войнами и интригами, наполнившій страну нищетой и религіозной нетерпимостью, заточившій лучшихъ людей Франціи въ Бастилію, вбѣжалъ однажды въ парламентъ въ шляпѣ и съ хлыстомъ въ рукахъ и заявилъ во всеуслышаніе:

Нѣмецъ!

Этотъ сытый и пьяный германскій солдатъ, ворвавшійся въ скромный домъ бельгійскаго рабочаго, олицетворяетъ собою всю многомилліонную армію нѣмцевъ, вторгшихся въ беззащитную страну, оскверняющихъ храмы и семейные очаги...

Библиотека "Руниверс"



Вильгельмъ II, король прусскій и императоръ германскій, любитель музыки и живописи, „просвѣщенный“ правитель, питающій склонность къ наукѣ и религіи, служащій самъ обѣдни и читающій проповѣди, сказалъ въ Потсдамѣ молодымъ рекрутамъ:

— Вамъ придется стрѣлять въ своихъ матерей и братьевъ!

Въ сентябрѣ же 1897 г. въ Кобленцѣ императоръ Вильгельмъ громогласно объявилъ своему народу:

Походный домъ Вильгельма.

Домъ этотъ сооруженъ изъ азбеста и отопляется нагрѣтымъ воздухомъ. Въ немъ устроены большая пріемная и спальня. Домъ этотъ переносный и слѣдуетъ за императоромъ въ его постоянныхъ переѣздахъ съ восточнаго фронта на западный и обратно. Какъ сообщили газеты, англійскіе летчики слѣдятъ за передвиженіями Вильгельма, и одному летчику недавно удалось бросить бомбу въ главную квартиру императора, но Вильгельмъ, успѣлъ за четверть часа до этого уѣхать въ автомобилѣ.

— Государство, это—я!

Въ своихъ же „Мемуарахъ“, составленныхъ имъ въ старости, Людовикъ XIV записалъ:

„Власть короля отъ Провидѣнія, — источникъ власти въ Богѣ, поэтому короли за свою власть даютъ отвѣтъ только одному Богу“...

Рукопожатіе враговъ. Императоръ Вильгельмъ и французскій генералъ По.

«Правая рука» генералиссимуса Жоффра, генералъ По, потерялъ свою правую руку въ бою, въ франко-прусскую войну. Какъ извѣстно, императоръ Вильгельмъ почти не владѣетъ лѣвой рукой. Помѣщенный здѣсь снимокъ представляетъ встрѣчу (незадолго до нынѣшней войны) императора и генерала По на нейтральной почвѣ, въ Швейцаріи, на маневрахъ. Лицемѣрно пожимавшій своей владѣтельной правой рукой единственную лѣвую руку героя-француза, императоръ Вильгельмъ отлично зналъ, что онъ жметъ руку будущаго врага; но онъ врядъ ли предполагалъ, что эта лѣвая рука такъ скоро поразитъ его въ правомъ дѣлѣ

Императоръ Вильгельмъ съ бывшимъ начальникомъ германскаго генеральнаго штаба фонъ-Мольтке.

Смотръ германской гвардіи „съ тыла“.

Императоръ Вильгельмъ производитъ въ Потсдамѣ смотръ своему первому гвардейскому полку. Не довольствуясь видимой выправкой своихъ героевъ вахтъ-парада, императоръ Вильгельмъ не только обходитъ войска передъ строемъ, но и проходитъ по рядамъ сзади.

Библиотека "Руниверс"

Германская главная квартира. Мѣстонахожденіе ея нѣмцы тщательно скрываютъ, но, повидимому, это — или Кобленцъ или Люксембургъ.

вымъ министромъ. Онъ не могъ терпѣть при себѣ ни одного мало-мальски выдающагося министра. Тѣмъ не менѣе Людовикъ XIV былъ настолько уменъ, что сохранилъ Кольбера. Истиннымъ правителемъ Франціи оставался Кольберъ, и Людовикъ XIV берегъ его. Вильгельмъ II пошелъ дальше „короля-солнца", пошелъ въ этомъ отношеніи по стопамъ римскаго Каракаллы. Каракалла, вступивъ на престолъ, удалилъ своего перваго министра.

Вильгельмъ II удалилъ въ 1890 г. Бисмарка и сказалъ притомъ со свойственнымъ ему паѳосомъ:

— Я желаю самъ быть своимъ канцлеромъ!

Людовикъ XIV хотѣлъ самъ быть своимъ министромъ, но имъ не былъ. Вильгельмъ II хотѣлъ самъ быть своимъ канцлеромъ и фактически уничтожилъ власть канцлера. Германскіе канцлеры послѣ Бисмарка оказались болѣе или менѣе послушными исполнителями воли кайзера.

„Вильгельмъ I показалъ и придалъ высокое сіяніе сокровищу, которое мы должны свято сохранить: это — царство Божьей милостью, царство со своими тяжелыми обязанностями, своими страданіями и неустанными трудами, а также со своею грозною отвѣтственностью передъ единымъ Творцомъ, которой ни одинъ министръ, ни одна палата депутатовъ, ни одинъ народъ не могутъ снять съ монарха!"

Людовикъ XIV жилъ въ XVII вѣкѣ, Вильгельмъ II — нашъ современникъ.

Вильгельмъ II возвращаетъ Европу не только къ XVII столѣтію, но къ еще болѣе раннимъ эпохамъ. Отъ Вильгельма II и его политики вѣетъ императорскимъ Римомъ, его лицемѣріемъ и кровожадностью.

Одинъ нѣмецкій профессоръ исторіи напечаталъ брошюрку о римскомъ императорѣ Каракаллѣ. Брошюрку эту прочиталъ Вильгельмъ II и одобрилъ. Но затѣмъ прусская цензура узрѣла въ характерѣ и политикѣ Каракаллы поразительное сходство съ характеромъ и политикой Вильгельма II и поняла, что эта брошюрка — памфлетъ на императора. Одобренная Вильгельмомъ книга была изъята изъ продажи, и авторъ подвергся всякимъ преслѣдованіямъ.

Генералъ Гинденбургъ, командующій арміей на восточномъ фронтѣ — противъ Россіи и только-что произведенный въ генералъ-фельдмаршалы.

Во всякомъ случаѣ рѣчи и направленіе политики „короля-солнца" и „короля-кайзера" совершенно одинаковы.

Вслушиваясь въ нѣкоторыя рѣчи и вглядываясь въ нѣкоторые поступки Вильгельма II, мы приходимъ къ выводу, что современный Людовикъ XIV вполнѣ проникнутъ идеей своего прообраза о томъ, что все имущество страны принадлежитъ ея правителю.

По словамъ близкихъ къ Вильгельму людей, про доходы государства онъ иначе не говоритъ, какъ „мои средства", „мои доходы", и объ отношеніи его къ государственной казнѣ можно судить по одному факту.

Генералъ фонъ-Клукъ, командующій арміей на западномъ фронтѣ — противъ Франціи.

Въ Германіи существуетъ особый фондъ въ три милліона марокъ, предоставленный императору на особыя нужды государства. Обыкновенно онъ тратится на помощь старымъ ветеранамъ, участвовавшимъ въ войнахъ, жертвамъ разныхъ народныхъ бѣдствій и т. п. Фондъ этотъ не входитъ въ такъ называемый „цивильный листъ", т.-е. въ роспись суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе императора и Двора.

Чтобы проникнуть вполнѣ въ мысль Вильгельма II о возрожденіи „монархіи Божьей милостью" и понять направленіе его ума и политики, надо обратиться къ самому источнику этой знаменитой теоріи „власти отъ Бога", къ произведеніямъ самого „короля-солнца" Людовика XIV.

„Въ государствѣ, — говоритъ Людовикъ XIV: — существуетъ только одинъ законъ, это — воля монарха. Король — замѣститель Бога на землѣ. Онъ обладаетъ всей полнотой высшей власти въ странѣ. Рядомъ съ нимъ нѣтъ больше никакой власти, никакой политической силы, мысли и воли, которыя бы не были отъ него зависимы. Кромѣ него существуетъ только Богъ". („Oeuvres de Louis XIV" — 1806 ind. 6 vol. — „Mémoires Historiques et Sustructions de L. XIV pour le Dauphin, son fils").

„Король самъ все знаетъ и самъ лично все дѣлаетъ. Онъ никогда не назначаетъ себѣ „перваго министра".

Людовикъ XIV хотѣлъ самъ быть пер-

Автомобиль императора Вильгельма, снабженный спереди особымъ приспособленіемъ для разрѣзыванія проволоки, протягиваемой поперекъ дороги.

Библиотека "Руниверс"

Позоръ XX вѣка—нѣмецъ-варваръ, зажегшій кровавыя пожарища и затоптавшій мирные очаги.

Этотъ яркій образъ воюющей Германіи, созданный **Ф.** Рейнольдсомъ, красуется во всей Англіи, какъ иллюстрація къ призыву лорда Китченера, набирающаго свою милліонную армію въ помощь союзнымъ Франціи и Бельгіи. При видѣ этого отвратительнаго чудовища милитаризма невольно тянется къ оружію каждая рука, которая въ силахъ владѣть имъ.

Между тѣмъ Вильгельмъ II на особый фондъ въ три милліона марокъ смотритъ, несомнѣнно, какъ на свою собственность и нисколько не стѣсняется тратить его на маскарады, костюмы, праздники, всякія архитектурныя затѣи и т. п.

Рейхстагъ въ нѣсколько лѣтъ увеличилъ кредитъ на усиленіе флота на 100%. Вильгельмъ не только не выразилъ за это благодарности представителямъ народа, но сдѣлалъ слѣдующее:

Когда братъ его, принцъ Генрихъ, отправлялся въ Англію на юбилейныя празднества королевы Викторіи, Вильгельмъ II послалъ ему телеграмму на корабль „Koenig Wilhelm", выражая сожалѣніе, что у него нѣтъ лучшаго корабля, такъ какъ „негодяи" изъ рейхстага не даютъ достаточно денегъ.

Эта депеша императора вызвала такой всеобщій взрывъ негодованія въ странѣ, что нѣкоторыя газеты стали говорить о ея подложности. Трудно было повѣрить, чтобъ императоръ могъ такъ выразиться о народныхъ представителяхъ.

Но Вильгельмъ II подтвердилъ свою депешу и былъ даже радъ шуму, вызванному ею. Одному изъ своихъ приближенныхъ онъ сказалъ:

— Der Hieb hat getroffen! (Ударъ попалъ!).

Таковъ взглядъ Вильгельма II на право собственности германскихъ гражданъ.

Въ XVII и даже въ XVI вѣкѣ была цѣлая „школа" политиковъ, признававшая необходимость сопротивленія незаконнымъ дѣйствіямъ правителей. Она называлась школой „монархомаховъ", т.-е. борцовъ съ монархомъ. Это названіе не точно. Вѣрнѣе было ей называться школой „тираномаховъ", т.-е. борцовъ съ тираномъ.

Тиранъ, это—такой правитель, который выходитъ въ своемъ правленіи за предѣлы закона и нравственности. Французскій король Карлъ IX, какъ извѣстно, самъ стрѣлялъ изъ окна въ своихъ подданныхъ во время Варѳоломеевской ночи. Политиками той эпохи ставился вопросъ, можно ли сопротивляться распоряженіямъ такого правителя. Цѣлый рядъ какъ протестантскихъ, такъ и католическихъ мыслителей высказался противъ тирана.

Вотъ что пишетъ Людовикъ XIV по этому вопросу:

„Надо согласиться, что сопротивленіе подданныхъ всегда безконечно преступно, какъ бы дуренъ ни былъ правитель. Тотъ, кто далъ людямъ королей (т.-е. Богъ), хотѣлъ, чтобъ ихъ почитали, какъ Его Намѣстниковъ (Ses lieutenants), и Онъ только одинъ сохраняетъ за Собою право судить объ ихъ поступкахъ (!). Его воля въ томъ, чтобы человѣкъ, рожденный подданнымъ, подчинялся безъ разсужденія (sans discernement)..."

Какъ смотритъ Вильгельмъ II на несоотвѣтствіе и сопротивленіе германскихъ гражданъ мыслямъ и политикѣ его правительства, видно изъ знаменитой его рѣчи, произнесенной въ Потсдамѣ.

Этотъ удивительный документъ—лучшій памятникъ Вильгельму II. Вотъ его слова, обращенныя къ молодымъ солдатамъ:

„Дѣти моей гвардіи! Вы теперь мои солдаты, вы принадлежите мнѣ тѣломъ и душой. Вы принесли клятву повиноваться мнѣ во всемъ. Вы должны исполнять мои приказанія безъ малѣйшаго ропота. Съ этого дня у васъ только одинъ врагъ, это—мой врагъ. И если когда-нибудь,—дай Богъ не дойти мнѣ до такой крайности,—я вамъ прикажу стрѣлять въ вашу собственную семью, въ вашихъ сестеръ, въ вашихъ родныхъ, вспомните тогда про вашу клятву, данную мнѣ!"

Эта рѣчь была произнесена и отпечатана всѣми газетами Германіи.

А вотъ ея черновикъ, еще точнѣе выражающій мысль:

„Рекруты! Помните всегда, что германская армія должна быть во всякое время готова сражаться съ врагами, которые могутъ появиться въ нашей средѣ, какъ и за границей. Въ настоящее время недовѣріе и недовольство распространяются по всей странѣ до размѣровъ, неизвѣстныхъ прежде. Поэтому каждую минуту вы можете быть призваны стрѣлять въ членовъ вашей собственной семьи, рубить своего отца, свою мать, своихъ братьевъ и сестеръ. Мои приказы на этотъ счетъ должны быть исполнены вами съ увлеченіемъ (!) и безъ ропота, какъ всякое другое мое приказаніе. Вы должны исполнять вашъ долгъ, не слушая голоса вашего сердца... А теперь ступайте къ вашимъ новымъ обязанностямъ!"

Въ Священномъ Писаніи сказано: „Почитай отца и мать", а Вильгельмъ II говоритъ: „Руби отца и мать!.."

II.

Сходство взглядовъ Вильгельма II и Людовика XIV обнаруживается не только въ отношеніи къ природѣ власти правителя, но и къ парламенту.

Цѣнители искусства.

Въ своемъ вандальскомъ нашествіи на Бельгію и Францію нѣмецкіе солдаты во главѣ съ офицерами и даже съ самимъ кронпринцемъ частью уничтожили, частью разграбили драгоцѣннѣйшія произведенія искусства. Дикой ордой врываются они въ частные дома, галлереи и музеи и разрубаютъ саблями и прожигаютъ сигарами полотна великихъ мастеровъ.

Библиотека "Руниверс"

Парламентъ, по мнѣнію „короля-солнца", есть „собравшаяся чернь" (une populace assemblée).

Вильгельмъ II обозвалъ членовъ рейхстага „негодяями".

Что касается отношенія государства къ церкви, то Людовикъ XIV подчеркиваетъ свои общіе взгляды на всепоглощающую власть короля.

„Вы должны быть раньше всего убѣжденнымъ,— пишетъ онъ сыну:—что король—абсолютный властитель и обладаетъ полнымъ и свободнымъ распоряженіемъ всѣмъ имуществомъ, какъ церковнымъ, такъ и свѣтскимъ..."

Несмотря на это, Людовикъ XIV былъ королемъ вполнѣ католическимъ и всю жизнь исполнялъ, въ сущности, желанія католической церкви.

Царствованіе „короля-солнца" наполнено безпрерывнымъ преслѣдованіемъ протестантовъ и наконецъ ознаменовано, какъ извѣстно, отмѣной Нантскаго эдикта, т.-е. изгнаніемъ болѣе двухсотъ пятидесяти тысячъ французскихъ гражданъ за предѣлы Франціи.

Ярый „католицизмъ" короля объясняется вовсе не религіознымъ его настроеніемъ—Людовикъ XIV не былъ религіознымъ фанатикомъ, въ родѣ королей Испаніи. Людовикъ XIV въ католицизмѣ видѣлъ совершенно правильно опору своего самовластія. Свѣтское государство короля и духовное государство папы—два родныхъ брата. Католическая церковь всегда была школой и примѣромъ самовластія правителей.

Людовикъ XIV прекрасно это понималъ. Прекрасно понялъ это и Вильгельмъ II.

Почти все его царствованіе ознаменовано ростомъ католицизма въ Германіи. Въ этомъ отношеніи положеніе Вильгельма II, такъ сказать, „щекотливѣе" политики Людовика XIV. Французскій король былъ самъ католикъ и царствовалъ надъ страной по преимуществу католической, и его роль покровителя католицизма вполнѣ совпадала съ религіознымъ настроеніемъ большинства населенія Франціи.

Совсѣмъ другое дѣло Германія. Это страна по преимуществу протестантская, Германія—даже родина протеста противъ католической церкви.

Такимъ образомъ Вильгельмъ II, самъ принадлежа къ протестантской церкви, будучи главой большого протестантскаго государства, всецѣло поглощенъ политикой „католицизма".

Это объясняется отчасти характеромъ Вильгельма II, не привыкшаго смущаться никакими противорѣчіями, особенно когда въ виду имѣется для него выгода.

Нѣмецкіе историки стараются объяснить это противорѣчіе въ жизни Германіи и политикѣ Вильгельма II его взглядомъ на высокое призваніе его власти. Онъ, по ихъ мнѣнію, является владыкой всѣхъ церквей въ странѣ—для него нѣтъ разницы между церквами протестантской и католической: для него, такъ сказать, всѣ дѣти одинаково дороги.

Вотъ что читаемъ мы въ одной изъ новѣйшихъ книгъ о Германіи:

„Вильгельмъ II обнаруживаетъ по отношенію къ католицизму не только терпимость, естественную для монарха имперіи, въ которой признано равноправіе вѣроисповѣданій, но онъ явно считаетъ себя представителемъ всего германскаго христіанства, одновременно государемъ протестантскимъ и католическимъ.

„Отсюда положеніе, занятое Вильгельмомъ II во время китайской войны, которой онъ старался придать видъ крестового похода Европы съ нѣмцами во главѣ противъ желтой расы. Отсюда его предупредительность по отношенію къ святому Престолу, его три путешествія въ Римъ (!), его паломничество въ Святую Землю (!)".

„Что этотъ образъ дѣйствій продиктованъ политическимъ расчетомъ—внѣ всякаго сомнѣнія. Вильгельмъ II нуждается въ содѣйствіи сильнѣйшей теперь партіи католическаго центра не только для своей политики въ парламентѣ, но для смягченія антинѣмецкой оппозиціи въ Эльзасѣ и въ Польшѣ.

„Онъ признаетъ значеніе содѣйствія, на какое можетъ разсчитывать міровая политика Германіи со стороны папства въ вопросахъ протектората христіанъ на Востокѣ. Но симпатіи Вильгельма II къ католицизму диктуются, вѣроятно, не одними только соображеніями расчета: онѣ глубоко коренятся въ религіозной натурѣ Вильгельма II".

Если Вильгельмъ II дѣйствительно вѣритъ въ преимущества католицизма съ религіозной точки зрѣнія, то тѣмъ хуже для его страны.

Подобно Людовику XIV, онъ рано или поздно кончитъ гоненіемъ на протестантовъ, притѣсненіемъ своего собственнаго народа. Католическая церковь никогда не отличалась терпимостью, а та легкость, съ которой Вильгельмъ II вступилъ теперь въ войну почти со всей Европой, показываетъ, что онъ менѣе всего думаетъ о своемъ народѣ и менѣе всего способенъ его жалѣть. Если сотни тысячъ людей онъ съ легкимъ сердцемъ послалъ умирать на поле битвы, что значатъ для него ихъ религіозныя воззрѣнія?

Папа римскій Пій X, умершій въ началѣ войны, говорятъ, выступилъ съ призывомъ къ миру. Трудно судить объ искренности его обращенія, но несомнѣнно, что „католическій" центръ рейхстага въ теченіе десятковъ лѣтъ давалъ германскому императору Вильгельму средства на безпрерывное вооруженіе арміи и флота, на поддержаніе и развитіе милитаризма въ странѣ.

Сопоставляя эти дѣйствія, невольно вспоминаешь слова нашего Петра Великаго:

„На клиросѣ „Спаси отъ бѣдъ" поютъ, а въ паперти деньги на убійство даютъ!"

„Католицизмъ" нуженъ былъ Вильгельму II для поддержанія „божественнаго" происхожденія его власти.

Объ этомъ можно судить по отзывамъ нѣкоторыхъ близко стоящихъ къ нему людей.

Въ Берлинѣ была построена новая военная церковь для гарнизона. Вильгельмъ II раздавалъ тамъ библіи съ собственноручными надписями въ родѣ слѣдующей:

„Я пойду среди васъ, и я буду вашимъ Богомъ, и вы будете моимъ народомъ!" и т. п.

Въ августѣ 1897 г. Вильгельмъ II произнесъ въ Кобленцѣ знаменитую проповѣдь о заповѣдяхъ Господа, въ которой себя назвалъ намѣстникомъ Неба.

У многихъ эта проповѣдь вызывала только смѣхъ. Въ Берлинѣ Вильгельма стали звать: „вице-король Неба".

Въ декабрѣ того же 1897 года принцъ Генрихъ произнесъ рѣчь отъ имени Вильгельма, въ которой, между прочимъ, сказалъ:

„Я понесу далеко евангеліе о *священномъ* Вашемъ Величествѣ. Я буду проповѣдывать его тѣмъ, которые захотятъ слушать и также тѣмъ, которые не захотятъ слушать!"

Это вызвало градъ насмѣшекъ во всей Германіи по адресу оратора. Но составлялъ эту удивительную рѣчь, несомнѣнно, Вильгельмъ.

Другой разъ Вильгельмъ II сказалъ: „Всемогущій Богъ былъ союзникомъ Пруссіи и передвигалъ для нея тучи на небѣ" и т. д.

Итакъ, Вильгельмъ II убѣжденъ, что онъ власть свою получилъ отъ Бога непосредственно, что онъ—намѣстникъ Бога на землѣ, что онъ призванъ осуществлять какую-то божественную волю, и главное, что онъ отвѣтственъ только передъ Богомъ. Все это—слова Людовика XIV. Вильгельмъ II осуществилъ эти слова на дѣлѣ. И, дѣйствительно, великую отвѣтственность предъ Богомъ принялъ на себя „германскій богдыханъ", объявивъ войну всему міру.

* * *

Не грусти... Передъ грозною битвою
Помолись объ отчизнѣ со мной,—
Только этой горячей молитвою
Небо связано съ хмурой землей...
Только ей въ эти дни непогодные,
Въ безпросвѣтной туманной глуши,
Вдохновляются пѣсни свободныя
И всѣ силы солдатской души...
Не грусти же предъ тайной прощанія,
Астръ на память о прошломъ не рви,—
Нѣтъ свѣтлѣе годинъ испытанія,
Нѣтъ прекраснѣй осенней любви!..

Сергѣй Михѣевъ.

Единственная въ мірѣ конница.

Очеркъ **Н. Н. Брешко-Брешковскаго.**

(Рис. на стр. 933).

Русская конница по своему разнообразному составу, помимо того, что она вся великолѣпная, какъ регулярная и нерегулярная,—единственная въ мірѣ.

Газеты пестрятъ подвигами нашихъ уланъ, гусаръ и драгунъ. О казакахъ и говорить нечего. За четыре мѣсяца войны уже счетъ потерянъ доблестямъ лихихъ сыновей Кубани, Урала и Дона, молодецки рубившихся и въ одиночку и лавою и успѣвшихъ нагнать страшную панику на австро-германскую кавалерію.

Бѣжитъ, далеко бѣжитъ въ глубь непріятельскихъ странъ кровавая, жуткимъ страхомъ расцвѣченная, легенда о казачьей неуязвимости, о невозможности устоять противъ бѣшенаго натиска этихъ загорѣлыхъ степныхъ удальцовъ, разящихъ одновременно пикой, шашкой и винтовкой.

Для воюющихъ по заведенному шаблону нѣмцевъ казаки съ ихъ смѣткой, удалью и презрѣніемъ къ численности врага останутся навсегда грозной загадкой, не поддающейся логикѣ вахтъ-парада, шагистики въ три пріема и гнуснаго, звѣрскаго издѣвательства надъ беззащитнымъ населеніемъ, которое надо

Библиотека "Руниверс"

Единственная въ мірѣ конница.

„грабить и убивать“, ибо оно не въ силахъ отстоять и свою жизнь, и свое имущество, и честь своихъ женщинъ.

Таинственна и необъятна Русь, и нѣмцевъ, въ своемъ самомнительномъ ослѣпленіи бросившихъ ей вызовъ, ждутъ все новые и новые сюрпризы.

Не успѣли они „привыкнуть“ къ казакамъ, если только можно привыкнуть къ вѣчной боязни и вѣчному трепету, какъ на театрѣ военныхъ дѣйствій появилась новая конница—иррегулярная.

Всколыхнулся, и грозно всколыхнулся, Кавказъ...

Осетины, ингуши, черкесы, кабардинцы со своими добровольческими дружинами уже успѣли показать чудеса легендарной отваги и дерзости, столь же обаятельной, сколь и ошеломляющей тупое и бѣдное, на клѣточки разграфленное воображеніе нѣмецкихъ варваровъ.

Съ каждымъ днемъ все прибываютъ всадники въ громадныхъ косматыхъ папахахъ и съ тонкими, какъ у женщинъ,

Библиотека "Руниверс"

таліями, въ ловкомъ обхватѣ желтыхъ, черныхъ и коричневыхъ черкесокъ.

Эти джигиты, съ темными продолговатыми глазами, съ нездѣшней гортанной рѣчью, вооруженные до зубовъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, ибо кидаются въ атаку съ кинжалами въ зубахъ, привезли съ собою оттуда, изъ кавказскихъ твердынь, что-то въ высшей степени декоративное и вмѣстѣ съ тѣмъ фанатически-воинственное.

Да они и смотрятъ на войну, какъ на религіозный праздникъ, эти джигиты и абреки Дагестана, Кабарды и Чечни.

Человѣкъ буквально пронизанъ пулями. Нѣкоторыя застряли. Когда полевой хирургъ извлекалъ ихъ, блѣдный съ острой черной бородкой красавецъ только закатывалъ подъ лобъ синеватые бѣлки и стискивалъ сверкающіе, освѣщавшіе вдругъ все лицо, зубы... И ни стона ни звука...

А черезъ два дня уже хлынулъ румянецъ, и джигитъ сидѣлъ на постели.

— Карошъ докторъ, карошъ! Скоро опять на войну пойдемъ, тамъ вэсэло, товарищамъ телеграмъ давалъ, писалъ—карошо рѣзать много можно, чтобы всѣ пріѣзжалъ, потому полковникъ говорилъ, что мы хорошіе солдаты...

Не угодно ли? Его изрѣшетили всего, правда, обошлось это нѣмцамъ дорого, – а онъ смѣется, скалитъ зубы и телеграммою вызываетъ „товарищей".

Въ русско-германскомъ вопросѣ здоровая логика этихъ горцевъ проста и ясна:

— Своя земля есть, сиди дома, не приходи на русской земля. Пришелъ русской земля—рѣзать будемъ и твой земля заберемъ...

Кавказскіе джигиты ненавидятъ самое хотя бы и кратковременное бездѣйствіе. И терпѣть не могутъ обстрѣливанія издали невидимымъ врагомъ.

— Карошъ война, когда шашка, кинжалъ, кровь... Когда не видишь, стрѣляютъ,—плохой война!

И, не удовлетворяясь иногда затяжной, вынужденной „безработицей", эти „художники" въ безумныхъ рукопашныхъ схваткахъ сами ставятъ себѣ задачи и сами рѣшаютъ ихъ, испросивъ, конечно, благословенія у соотвѣтствующаго начальства.

Навѣки запечатлѣнъ будетъ въ исторіи этой величайшей въ мірѣ войны разсказъ о томъ, какъ шестьдесятъ черкесовъ совершили набѣгъ на Ченстоховъ, – набѣгъ прямо сказочной красоты и силы.

Въ Ченстоховѣ было тогда около двухъ нѣмецкихъ корпусовъ.

Глубокой ночью всадники раздѣлились на шесть небольшихъ отрядовъ по десяти коней въ каждомъ и, обвязавъ копыта своихъ горскихъ „звѣздочетовъ", безшумно двинулись къ Ченстохову по шести радіусамъ. Мѣстность и дороги высмотрѣны были раньше днемъ съ зоркостью этихъ съ колыбели привыкшихъ къ борьбѣ и къ оружію прирожденныхъ воиновъ.

Проникнуть въ городъ можно было, лишь уничтоживъ конные и пѣшіе патрули. И джигиты принялись за это уничтоженіе съ непонятной и чуждой для европейскихъ солдатъ хищнической сноровкой.

Ѣдетъ шагомъ средь мрака прусскій патруль. Черкесы своими кошачьими глазами нащупываютъ его издалека. И слухъ выручаетъ. За версту чуткое ухо уловитъ и стукъ копытъ и брякнувшій палашъ.

Задача усложняется еще тѣмъ, что „снять" патруль необходимо безъ единаго выстрѣла.

И вотъ джигиты заблаговременно спѣшиваются, одинъ отводитъ подальше, къ прикрытію какому-нибудь, лошадей, а остальные, змѣями распластавшись у дороги, ждутъ... Патруль все ближе и ближе, поровнялся наконецъ. Черкесы барсами дагестанскихъ ущелій вспрыгиваютъ сзади на широкіе крупы нѣмецкихъ лошадей и кинжалами закалываютъ всадниковъ, не давая имъ ни вскрикнуть ни выстрѣлить...

Постепенно, методически, – на это ушла долгая осенняя ночь, – сняты были такъ всѣ конные и пѣшіе патрули, какъ разъѣзжавшіе въ окрестностяхъ, такъ и охранявшіе заставы на всѣхъ шести дорогахъ-радіусахъ, ведущихъ въ Ченстоховъ.

Утромъ черкесы съ обнаженными шашками ворвались въ городъ, кишмя-кишѣвшій нѣмцами. Рубили встрѣчныхъ—и конницу и пѣхоту—и все въ ужасѣ разбѣгалось отъ этихъ страшныхъ всадниковъ въ косматыхъ шапкахъ...

Въ центрѣ города всѣ шестьдесятъ кавказскихъ орловъ слетѣлись, и уже у всѣхъ были окровавлены острыя, испещренныя арабесками изреченіями корана, шашки. Часть всадниковъ спѣшилась и ворвалась въ кофейню, гдѣ сидѣли за пивомъ и за кофе прусскіе и австрійскіе офицеры.

Шашками тѣсно было рубить, и пошла работа кинжалами. Въ ужасѣ хватались венгерцы, пруссаки и швабы за револьверы и палаши... Крики, выстрѣлы, смятеніе...

А въ это время конные черкесы рубили и рѣзали телеграфные и телефонные провода, какъ городскіе, такъ и соединявшіе непріятельскій штабъ съ казармами, лагерями и пограничнымъ поселкомъ Гербы.

Начатый въ одной кофейнѣ кровавый пиръ продолжался въ другой и закончился въ третьей. Это было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. По телефону швабы не могли вызвать большой отрядъ, сообщеніе было прервано, а пока одинъ изъ уцѣлѣвшихъ нѣмецкихъ уланъ помчался въ кавалерійскія казармы, утекло не мало воды, вѣрнѣе, – крови...

Нѣсколько гортанныхъ криковъ—и всѣ черкесы были уже на коняхъ. И, чтобъ спутать всякую возможность преслѣдованія, кинулись прочь изъ города по разнымъ улицамъ.

За однимъ изъ этихъ маленькихъ отрядовъ, вихремъ несшимся къ Новорадомску, помчался вдогонку прусскій эскадронъ. Стрѣлять на карьерѣ нѣмцы не мастера, и всѣ ихъ пули благополучно летѣли мимо, а джигиты не утерпѣли, чтобъ не щегольнуть своимъ наѣздничествомъ. На бѣшеномъ галопѣ черкесы отстрѣливались, стоя на сѣдлахъ и обернувшись къ врагамъ. Точкою опоры было для нихъ мягкое сѣдло, а чтобъ не потерять равновѣсія, джигиты продѣвали мизинцы въ разрѣзъ длиннаго ременнаго повода...

Отъ мѣткихъ выстрѣловъ порѣдѣла гуща прусскаго эскадрона, ошеломленнаго невиданнымъ зрѣлищемъ этихъ стоя несшихся всадниковъ съ развѣвавшимися, какъ крылья, за спиною концами башлыковъ.

Тяжелыя нѣмецкія кавалерійскія лошади не могли угнаться за быстрыми, какъ вѣтеръ, горскими скакунами.

Всѣ шестьдесятъ черкесовъ побѣдно вернулись въ свою часть безъ единой убыли. Сами же они на однѣхъ только заставахъ вырѣзали около полутораста вражьихъ солдатъ, а въ кофейняхъ подъ джигитскими кинжалами пало много офицеровъ, среди которыхъ было нѣсколько представителей венгерской и прусской знати.

Стальныя крылья.

Надъ смѣлой Франціей шуршатъ стальныя крылья.
Внизу огни—тамъ бодрствуетъ Парижъ.
А здѣсь сѣдой туманъ плыветъ холодной пылью.
Гудитъ моторъ. Звенитъ ночная тишь...

Мы сторожимъ страну,—спокойный сонъ отчизны, –
Прекрасный сонъ старинныхъ колоннадъ.
Внизу гудитъ Парижъ о вѣчно-новой жизни.
Звучитъ прибой у каменныхъ громадъ...

На улицахъ толпа... Волна людскихъ желаній, –
Людскихъ побѣдъ, паденій и тревогъ.
Плыветъ неясный гулъ... Молчатъ громады зданій.
Парижа шумъ загадоченъ и строгъ...

Тамъ сердце Франціи полно мятежнымъ гнѣвомъ.
— «Война и месть!»—гудитъ людской потокъ.
А здѣсь нѣмая ночь... Звучитъ моторъ напѣвомъ.
Темнѣетъ даль и хмурится востокъ.

Туманные огни надъ городомъ, какъ луны...
Встаютъ дворцы—темнѣютъ здѣсь и тамъ.
Въ груди растетъ восторгъ, поютъ нѣмыя струны.
Звѣзда зажглась надъ башнями Notre Dame...

Чуть дрогнувъ крыльями, спустилась птица ниже.
Опять поетъ невидимый моторъ.
Звучитъ далекій гулъ... Шумитъ толпа въ Парижѣ.
Народный гимнъ поетъ далекій хоръ.

Мосты надъ Сеною... Висятъ стальныя арки.
Манитъ къ себѣ нѣмая бездна внизъ.
Судьбу людей прядутъ таинственныя Парки.
Гудитъ моторъ... Шуршитъ по крыльямъ бризъ...

Предмѣстья города лежатъ во мракѣ дымномъ.
Гудятъ мосты... Тѣснится хаосъ крышъ.
Тамъ сердце Франціи полно мятежнымъ гимномъ,
— «Война и месть!»—гудитъ внизу Парижъ...

Вл. Краковецкій.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ. Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Библиотека "Руниверс"

XLVI г. ИЗДАНІЯ.

Открыта подписка на 1915 г.

XLVI г. ИЗДАНІЯ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ и СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Съ приложеніемъ 12 книгъ „Ежемѣс. Литер. Приложеній" и 40 книгъ „Сборника Нивы", содержащихъ:

1-ю серію полнаго собранія сочиненій **Д. Мамина-Сибиряка** 18 книгъ большого формата,

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ **И. А. Бунина** въ 12 книгахъ,

НОВОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ (окончаніе повѣсти „ЯМА") **А. И. Куприна** въ 2-хъ книгахъ и

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ **М. Метерлинка** въ 8 книгахъ.

1 ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА средне-европейск. и южнаго театра военныхъ дѣйствій ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ проф. Ю. М. Шокальскаго.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ" **1915 г.** со всѣми приложеніями:

Въ Петроградѣ: Безъ доставки **6 р. 50 к.** Съ доставкою **7 р. 50 к.**

Безъ доставки: 1) въ **Москвѣ:** въ конторѣ Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ **7 р. 25 к.** и 2) въ **Одессѣ:** въ книжн. маг. „ОБРАЗОВАНІЕ" **7 р. 50 к.**

Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи . . . **8 р.**

Допускается РАЗСРОЧКА платежа:
въ два срока (при подпискѣ 4 р. и 1 іюня 4 р.),
въ три срока (при подпискѣ 3 р., 1 апрѣля 2 р. 50 к. и 1 августа 2 р. 50 к.) и
въ 4 срока (при подпискѣ 2 р., 1 марта 2 р., 1 іюня 2 р. и 1 августа 2 р.).

Гг. **новые подписчики**, желающіе получить, кромѣ „НИВЫ" 1915 г. со всѣми прилож., еще **собраніе сочиненій А. И. КУПРИНА** (21 кн.), приложенныя при „НИВѢ" въ 1912 г., доплачиваютъ: 1) безъ доставки въ Петроградѣ—4 руб., въ Москвѣ и Одессѣ—4 р. 25 к.; 2) съ доставкой и пересылкой (въ Европ. Россіи) — 4 р. 50 к. Эти доплаты можно производить и частями до 1-го сентября 1915 г. съ тѣмъ, что книги соч. Куприна за 1912 г. будутъ высланы не ранѣе полученія сполна всей суммы доплаты.

Для гг. служащихъ какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ, при коллективной подпискѣ за поручительствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ, допускается разсрочка платежа на еще болѣе льготныхъ условіяхъ.

Подписка принимается въ Петроградѣ, въ Конторѣ журнала „НИВА", улица Гоголя, д. № 22.

Библиотека "Руниверс"

Открыта подписка на „НИВУ“ 1915 г.

Судьбѣ угодно было избрать всѣхъ нынѣ живущихъ на великое и отвѣтственное служеніе—жить въ такое великое время, участвовать въ міровой борьбѣ народовъ. Небывалая въ исторіи война уравняла и сблизила всю Россію общностью народной жертвы, общностью проливаемой за родину крови.

Нѣтъ почти русской семьи, которая не отдала бы въ защиту родины все, что у нея есть лучшаго: свои молодыя, рослыя силы.

Нѣтъ отдѣльныхъ семей, есть теперь одна русская семья, и никогда на долю печати, какъ голоса общественной мысли и совѣсти, особенно на долю общественнаго семейнаго журнала, не выпадало такой великой, отвѣтственной задачи, какъ теперь.

Съ первыхъ дней войны журналъ нашъ измѣнилъ не только свое содержаніе, но и свой внѣшній характеръ. Событіямъ войны въ Россіи и на Западѣ отведено первое мѣсто. Всѣ страницы еженедѣльныхъ нумеровъ полны богатымъ иллюстраціоннымъ матеріаломъ.

По мѣрѣ развивающихся военныхъ и политическихъ событій, „Нива“ какъ въ нынѣшнемъ, такъ и въ будущемъ 1915 году до конца войны будетъ ей посвящать страницы своего еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала и значительную часть своего ежемѣсячника—„Литературныхъ Приложеній“.

Перомъ и карандашомъ лучшихъ мастеровъ слова и „батальнаго дѣла“ изобразитъ „Нива“ предъ своими читателями картину героической войны въ ея отдѣльныхъ событіяхъ и эпизодахъ; въ цѣломъ рядѣ снимковъ дастъ запечатлѣнные моменты боевой жизни нашей и союзныхъ армій, портретную галлерею героевъ, увѣнчанныхъ боевыми отличіями, портреты павшихъ на полѣ чести.

Рядъ очерковъ непосредственныхъ наблюдателей войны, спеціалистовъ военнаго дѣла, освѣтитъ предъ читателями постепенный ходъ военныхъ дѣйствій. Спеціальныя обозрѣнія будутъ въ сжатой формѣ давать сводку всего совершившагося за недѣлю на театрѣ войны. Все это вмѣстѣ составитъ постепенно исторію войны въ ея хронологическомъ развитіи.

Особо прилагаемая къ „Нивѣ“ будущаго 1915 года спеціальная, составленная подъ редакціей профессора Николаевской Морской Академіи генералъ-лейтенанта *Ю. М. Шокальскаго*,

ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА СРЕДНЕ-ЕВРОПЕЙСКАГО и ЮЖНАГО ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ,

отпечатанная 6-ю красками, въ масштабѣ 50 верстъ въ дюймѣ, дастъ читателю возможность зорко слѣдить за каждымъ шагомъ передвигающихся милліонныхъ армій и представить собой тотъ фонъ, на которомъ будетъ освѣщать журналъ ходъ развивающихся военныхъ дѣйствій.

Въ 1915 году „Нива“ будетъ продолжать свою просвѣтительную задачу — давать широкимъ массамъ читателей собранія сочиненій выдающихся русскихъ и иностранныхъ писателей. Въ 40 книгъ „Сборника Нивы“ на 1915-й годъ войдутъ:

I. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА

(первыя **18** книгъ большого формата въ 8-ю долю листа).

Сорокъ лѣтъ проработалъ Маминъ-Сибирякъ на славномъ посту въ первыхъ рядахъ нашихъ корифеевъ слова. Крупный писатель старыхъ литературныхъ традицій, примыкающій къ великимъ мастерамъ художественнаго слова, Маминъ-Сибирякъ написалъ на своемъ литературномъ вѣку больше ихъ всѣхъ.

Въ виду такого богатства произведеній Мамина-Сибиряка, приходится ихъ раздѣлить и дать въ будущемъ 1915 году *первую серію* его произведеній, включивъ въ нее рядъ крупныхъ, извѣстныхъ его романовъ: „Хлѣбъ“, „Три конца“, „Приваловскіе милліоны“, „Дикое счастье“ и „Черты изъ жизни Пепко“, изъ которыхъ каждый — цѣлая эпопея русской жизни, знаменитые его „Уральскіе разсказы“ и повѣсти „Изъ уральской старины“ и два цикла его разсказовъ: „Преступники“ и „Дѣтскія тѣни“.

Маминъ-Сибирякъ росъ вмѣстѣ съ Россіей, съ русскимъ народомъ. Яркій, цвѣтной, узорчатый языкъ его произведеній это — коренной образный языкъ самого народа. Его герои — весь русскій народъ.

Въ романѣ „Черты изъ жизни Пепко“ — яркой біографіи его, какъ литератора — Маминъ-Сибирякъ изобразилъ жизнь нашей учащейся молодежи и начинающихъ литераторовъ, изобразилъ съ такимъ нѣжнымъ юморомъ и задушевной теплотой, что понимаешь, почему этотъ интересный романъ сталъ одной изъ излюбленныхъ книгъ русской молодежи.

Главная основа славы Мамина-Сибиряка, наиболѣе обширная область его популярности, это—Сибирь и Уралъ. Тамъ, по свидѣтельству посѣтившаго Сибирь Чехова, „о Маминѣ-Сибирякѣ говорятъ больше, чѣмъ о Толстомъ“.

Въ „Хлѣбѣ“ и „Приваловскихъ милліонахъ“ онъ обрисовалъ бытъ уральскаго купечества и роль капитализма въ его средѣ, представивъ намъ типы мѣстнаго самородка, ведущаго дѣла „по старинкѣ“, деревенскаго кулака-прасола и хлѣбника, и пришедшаго имъ на смѣну новаго человѣка, капиталиста европейской складки, опаивающаго и разоряющаго цѣлый округъ устройствомъ винокуреннаго завода.

„Три конца“, „Дикое счастье“ и „Братья Гордѣевы“ рисуютъ жизнь общественныхъ „низовъ“, переживанія заводской толпы, безпросвѣтную жизнь рабочихъ и старателей, спивающихся и уходящихъ въ „лётные“.

Въ странѣ золотыхъ пріисковъ, желѣза и самоцвѣтовъ, таящихся въ глубокихъ нѣдрахъ земли, Маминъ-Сибирякъ открылъ и показалъ намъ „самоцвѣты“ духа: людей тайной вѣры и явнаго подвижничества, пришедшихъ туда вмѣстѣ съ искателями золота искать Бога.

Золото чистыхъ исканій у него, какъ и въ природѣ, вкраплено въ камень, окружено грязью, забрызгано слезами и кровью. Но тутъ же, рядомъ съ этой мрачной картиной, любовными, ясными красками рисуетъ Маминъ-Сибирякъ паломничество старообрядцевъ всѣхъ согласій на Крестовые острова.

Въ своихъ описаніяхъ Маминъ-Сибирякъ мощенъ и увлекателенъ. Его пейзажъ красоченъ, но вмѣстѣ цѣломудренно простъ.

Маминъ-Сибирякъ — философъ-пантеистъ. Онъ вѣритъ въ душу и умъ природы: природа все понимаетъ, у нея есть свой языкъ; отъ лица природы говоритъ онъ устами Ѳомича („Лѣсъ“): „ты по лѣсу-то идешь, какъ чума, все отъ тебя прячется. А попробуй, затихни!..“

Предъ широкой любящей душой писателя затихали люди отпѣтые, преступники; въ нихъ Маминъ - Сибирякъ умѣлъ подмѣчать огонекъ души, и, понявъ, почему они пали, какое сцѣпленіе роковыхъ случайностей привело ихъ къ преступленію („Преступники“), онъ заставляетъ и читателя понять это и убѣждаетъ его въ возможности возрожденія человѣка къ новой, честной жизни („Родительская кровь“).

Показавъ міръ преступниковъ, измѣрившихъ въ своемъ раскаяніи глубину своего паденія, Маминъ-Сибирякъ раскрылъ предъ нами еще болѣе страшный міръ, міръ призраковъ: „Дѣтскія тѣни“. Это—рядъ разсказовъ, раскрывающихъ отвратительныя общественныя язвы, таящіяся подъ полированной внѣшностью нашей „цивилизованной“ жизни, это — призраки милліоновъ младенцевъ, безвинно погибающихъ „на законныхъ основаніяхъ“ жертвами минутныхъ похотей, низменныхъ пороковъ и страстей ихъ отцовъ.

Библиотека "Руниверс"

II.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

И. А. БУНИНА

(въ 12 книгахъ).

Бунинъ, перешедшій уже за четверть вѣка писательской дѣятельности, увѣнчанный Пушкинской преміей и лаврами почетнаго академика, духовно живетъ деревней, и наибольшая часть его писательскаго существа неотразимо заинтересована деревенскимъ началомъ и безначаліемъ.

Къ народу, въ деревню Бунинъ пришелъ изъ старой дворянской семьи. Дворянское гнѣздо, уходящую радость котораго еще засталъ Тургеневъ и по которомъ красиво тосковалъ Чеховъ, опредѣлило душевный складъ Бунина.

Чистый реалистъ, до ужаса честный изобразитель жизни, Бунинъ въ своихъ знаменитыхъ произведеніяхъ: „Деревня“ и „Суходолъ“ достигаетъ предѣла, гдѣ беллетристика уже выходитъ изъ своихъ рамокъ, отрицаетъ самое себя и въ первоначальную правду обращаетъ свой вымыселъ. „Потомокъ виноватыхъ предковъ“, врагъ „тысячелѣтней, рабской нищеты“, онъ бичуетъ ее, но крестъ на ея груди, ея „смиренныя, родимыя черты“ заставляютъ полюбить ее, Русь многострадальную, и ея изобразителя.

Пусть трагедія его героевъ одѣта въ сермягу, изъ-подъ которой не сразу разглядишь ея красоту, но тотъ, кто разъ ее увидѣлъ и почувствовалъ ея высокое и примиряющее начало,—тотъ пойметъ, почему такъ чутко прислушивается вся широкая читающая Россія къ каждому новому произведенію Бунина, и станетъ всѣмъ яснымъ, почему наша Академія Наукъ увѣнчала писательскую дѣятельность Бунина высшимъ отличіемъ для русскаго писателя, избравъ его въ почетные академики

Это высокое общественное признаніе таланта Бунина явилось оцѣнкой его не только какъ прозаика, но и какъ поэта.

Поэзія Бунина, какъ и его проза, имѣетъ свои особыя черты: продолжая вѣчную традицію Пушкина, нѣсколькими своими мотивами она напоминаетъ Тютчева, но въ общемъ она своеобразна и единственна.

Въ стихахъ Бунина научаешься, до чего обыкновенное сродни высокому, сколько въ житейской будничности красоты, и какимъ простымъ образомъ можно ее извлечь.

Въ своихъ описаніяхъ природы Бунинъ достигъ совершенно исключительнаго мастерства. Въ его пейзажахъ масса зелени; въ нихъ живетъ и дышитъ русская деревня съ ея полями, сѣнокосами и хлѣбными нивами.

Извѣстный сборникъ стиховъ Бунина „Листопадъ“, за который ему присуждена была Пушкинская премія, завоевалъ ему имя поэта осени, „поры увяданья“. Въ нихъ онъ нашелъ новыя краски, новые звуки для своей осенней мелодіи...

Бунинъ рисуетъ не только осень, увяданье, но и яркое солнце, солнце нездѣшнихъ краевъ. Душа его ищетъ отблесковъ міровой красоты, и онъ въ своемъ поклоненіи солнцу, уловленный его „золотымъ неводомъ“, странствуетъ по берегамъ Малой Азіи, направляется въ Св. Софію, въ Грецію, въ Іерусалимъ, на Нилъ, стремится къ колыбели человѣчества, и изъ древнѣйшихъ въ мірѣ руинъ взираетъ онъ въ туманно-голубую бездну миѳа.

Развернувшіяся міровыя дали сомкнулись въ сердцѣ поэта.

III.

НОВОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ А. И. КУПРИНА:

„Яма“ (окончаніе)

(въ 2 книгахъ).

Читатели „Нивы“ знакомы съ произведеніями А. И. Куприна, собраніе сочиненій котораго было дано при „Нивѣ“ въ 1912 году.

Въ числѣ данныхъ нами произведеній особенно сильное впечатлѣніе произвела прогремѣвшая по всей Россіи повѣсть Куприна „Яма“.

По своей темѣ и совершенно исключительной трактовкѣ ея „Яма“ — одно изъ крупнѣйшихъ произведеній русской литературы.

Это не повѣсть, это — сплошной крикъ возмущеннаго сердца, это—кровавая проповѣдь лицемѣрному человѣчеству о падшемъ человѣкѣ.

Но то, что авторъ сказалъ въ „Ямѣ“, напечатанной въ собраніи его сочиненій, оказалось еще далеко не всѣмъ тѣмъ, что онъ хотѣлъ, что онъ долженъ былъ сказать.

Прошло три года, и теперь Купринъ написалъ окончаніе „Ямы“— то, чего такъ ждало отъ него русское общество, захваченное началомъ повѣсти. Взявъ на себя мужество, прямо-таки подвигъ: обрисовать страшный міръ паденія человѣческаго достоинства, Купринъ силой своего яркаго изобразительнаго таланта заставилъ общество открыть глаза на тотъ нравственный и соціальный ужасъ, который совершается въ жизни вокругъ, но отъ котораго всѣ лицемѣрно сторонятся.

Не ищите въ изображеніи этого нравственнаго ада мягкихъ тоновъ, „беллетристики салоновъ“: предъ нами анатомическій театръ со всей его обнаженной правдой тѣла, противъ лицемѣрнаго поруганія котораго вопіетъ благородный писатель. Это — книга горькой правды и великой совѣсти. Авторъ посвящаетъ ее русскимъ матерямъ. Пусть ее внимательно прочтутъ и отцы, въ рукахъ которыхъ власть и сила сломить это позорное иго.

Давъ въ свое время читателямъ въ собраніи сочиненій А. И. Куприна начало „Ямы“, мы не только сочли себя обязанными, но крайне рады дать теперь, *въ 1915 году*, и только-что написанное имъ *окончаніе „Ямы“*—большое произведеніе, занимающее двѣ книги.

Мы рады за писателя, смѣлой проповѣди котораго мы дадимъ милліонную аудиторію—Россію, читающую „Ниву“; мы рады за Россію, которая въ годы своего болѣзненнаго соціальнаго роста обрѣла въ своихъ нѣдрахъ такой правдивый, сильный талантъ, какъ Купринъ, возвысившійся въ своемъ писательскомъ служеніи до высоты народнаго трибуна.

IV.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

М. МЕТЕРЛИНКА

(въ 8 книгахъ)

подъ редакціей Н. М. Минскаго.

Метерлинкъ теперь на устахъ всего міра. Французская Академія только-что избрала его въ „безсмертные“. Въ Россіи знаютъ его уже давно, зачитываются его психологическими драмами, увлекаются ими въ талантливомъ исполненіи московскаго Художественнаго театра.

Авторъ „Принцессы Малэнъ“, „Смерти Тентажиля“, „Непрошенной“, „Слѣпыхъ“ — пѣвецъ таинственнаго Рока, пѣвецъ трагическаго начала въ нашей обыденной жизни. Трагическое играетъ въ его произведеніяхъ ту же роль, какую играетъ Рокъ въ произведеніяхъ древне-греческихъ писателей. И вотъ тотъ самый Рокъ, который царитъ и въ „Слѣпыхъ“, и въ „Тентажилѣ“, и въ „Тамъ внутри“, нашелъ величавое и жуткое воплощеніе въ вспыхнувшихъ трагическихъ событіяхъ на родинѣ Метерлинка. Уже это одно окружаетъ теперь бельгійскаго поэта изумительнымъ по красотѣ и величію ореоломъ.

Въ чувствѣ, а еще болѣе въ области сверхчувствуемаго, въ

Библиотека "Руниверс"

неразгаданныхъ, но навѣрное существующихъ законахъ иного, еще невѣдомаго намъ порядка Метерлинкъ ищетъ новыхъ надеждъ для человѣческой души и нежданныхъ утѣшеній. Метерлинкъ изучаетъ законы Рока, чтобы по мѣрѣ своей земной возможности бросить отблескъ свѣта на тайны нашей жизни и найти гармонію между трагическимъ и радостнымъ. Весь онъ — въ поискахъ золотыхъ ключей къ неизвѣстному, въ ожиданіяхъ, въ предчувствіяхъ. Онъ — пѣвецъ Рока. И вотъ Рокъ вторгся съ сказочной быстротой и силой въ его до той поры спокойную жизнь. Вспыхиваетъ война, и жизнь Метерлинка превращается какъ бы въ одну изъ его поэмъ, исполненныхъ трагизма и смерти. Его личная жизнь и жизнь его окружающихъ охвачены со всѣхъ сторонъ тѣми вѣяніями ужаса смерти и предчувствій, которыми полны его прелестныя поэмы. Но теперь это уже не поэма, а реальная жизнь. Художественное творчество стало дѣйствительностью.

Какъ въ „Принцессѣ Малэнъ", на страну налетѣла опустошительная война. Родные принцессы (ихъ такъ много этихъ родственниковъ маленькой Малэнъ: вѣдь это всѣ тѣ бельгійцы, которыхъ застигъ шквалъ войны) подверглись изгнанію... Это именно они бѣгутъ, лишенные крова, одежды и пищи, въ Голландію. Это они стоятъ по колѣно въ водѣ тысячной толпой въ ожиданіи парохода, который перевезетъ ихъ въ Англію... Принца Гіальмара принуждаютъ къ вѣроломству и измѣнѣ, и, если онъ, благородный принцъ, сдержитъ слово, данное милой и несчастной Малэнъ, то „злая королева Анна" (мы знаемъ и другое имя этой вѣдьмы, мужское!) убьетъ и отравитъ Малэнъ...

Только жизнь могла создать такую трагедію. Чистѣйшій христіанинъ нашихъ дней, всегда воспѣвавшій жалость къ человѣческому страданію, создавшій знаменитыя „Сокровища смиренныхъ", великій авторъ „Синей птицы", изгнанъ вмѣстѣ со своимъ народомъ изъ своей страны... Единственное утѣшеніе ему то, что въ каждой странѣ онъ свой, близкій.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, въ 1915 году будутъ при „НИВѢ" выходить

„ЕЖЕМѢСЯЧНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ"

(двѣнадцать книгъ).

Подведемъ теперь итогъ всему, что получатъ наши читатели въ 1915 году:

52 нумера **еженедѣльнаго** художеств.-литер. журн. „НИВА", содержащаго въ себѣ романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, очерки, снимки съ картинъ прежнихъ и современныхъ художниковъ, рисунки и иллюстраціи военныхъ событій, портреты и т. д.

12 книгъ **ежемѣсячнаго журнала „Литературныя и Популярно-Научныя Приложенія"**, содержащаго повѣсти, разсказы, стихотворенія, военные и политическіе очерки, популярно-научныя и критическія статьи и отдѣлы библіографіи, смѣси, шахматъ и шашекъ, задачъ и разныхъ игръ

40 книгъ „Сборника Нивы", въ которыя войдутъ:

Полнаго собранія сочиненій **Д. Н. Мамина-Сибиряка** 1-я серія въ 18 книгахъ. Цѣна входящихъ въ эту серію произведеній въ существ. изданіяхъ—15 руб. безъ перес.

Полное собраніе сочиненій **И. А. Бунина** въ 12 книгахъ. Цѣна существующаго изданія—15 руб. безъ перес.

Новое произведеніе **А. И. Куприна**—Окончаніе повѣсти „Яма" въ 2 книгахъ. Будетъ стоить приблизительно 1 р. 50 к. безъ перес.

Полное собраніе сочиненій **М. Метерлинка** въ 8 книгахъ. Цѣна существ. издан. болѣе 8 руб. безъ перес.

1 **Генеральная карта** средне-европейск. и южнаго театра воен. дѣйствій подъ ред. проф. Ю. М. Шокальскаго. Въ 6 красокъ. Масштабъ 50 верстъ въ дюймѣ. Размѣръ 108×130 сант.

12 нумеровъ **„Новѣйшихъ Модъ"**, со многими (около 300) иллюстраціями и **почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ** на разнообразные вопросы подписчиковъ.

12 листовъ **рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ и для выжиганія** съ 300 рис. и чертежами выкроекъ (тоже до 300).

1 **отрывной (ежемѣсячный) календарь** на 1915 г., отпечатанный красками.

Содержаніе 40 книгъ „Сборника Нивы" на 1915 годъ будетъ приблизительно слѣдующее:

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ Д. Н. Мамина-Сибиряка.

(Первыя 18 книгъ, большого формата, въ 8-ю долю листа).

Приваловскіе милліоны. Романъ въ 5 частяхъ.—**Хлѣбъ.** Романъ въ 5 частяхъ.—**Три конца.** Уральская лѣтопись въ 6 частяхъ.—**Изъ Уральской старины:** Охонины брови. Повѣсть.—Братья Гордѣевы. Повѣсть.—**Черты изъ жизни Пепко.** Романъ.—**Преступники.** Разсказы и повѣсти: Разбойники.—Дружки. — Красное яичко. — Неразвязанный грѣхъ.—Варнакъ.—Искушеніе о. Спиридона. — Наслѣдникъ. — На мѣстѣ преступленія.—Съ голоду.—Безъ особенныхъ правъ.—**Дикое счастье.** Романъ.—**Дѣтскія тѣни.** Разсказы: Аннушка. — Живая совѣсть.—Коробкинъ. — Онъ. — Господинъ Скороходовъ. — Папа. — Тотъ самый, который... — Сусанна Антоновна.—Врагъ.—**Уральскіе разсказы** въ четырехъ томахъ: Въ худыхъ душахъ. Разсказъ.—Башка. (Изъ разсказовъ о погибшихъ людяхъ). -Отрава. Очеркъ.—Гроза. (Изъ охотничьихъ разсказовъ).—На Шиханѣ. Изъ записной книжки охотника.—Летные. (Изъ разсказовъ о жизни сибирскихъ бѣглыхъ). — Бойцы. Очерки весенняго сплава по рѣкѣ Чусовой. — Золотуха. (Очерки пріисковой жизни).—Поправка доктора Осокина.—Первые студенты. Разсказъ.—Изъ Уральской старины. Разсказъ. — Родительская кровь. Очеркъ. — Лѣсъ. Психологическій этюдъ. — Озорникъ. Разсказъ. — Пердводчица на пріискахъ. Разсказъ.—Доброе старое время. Повѣсть.—Вѣрный рабъ. Повѣсть.—Вольный человѣкъ Яшка.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И. А. БУНИНА

(въ 12 книгахъ).

Изъ юношескихъ стихотвореній. — **Листопадъ** (стихотворенія).—**Новыя стихотворенія.—Стихотворенія** (1902).—**Лонгфелло.** Пѣснь о Гайаватѣ. — **Разсказы:** Перевалъ.—Танька.—Кастрюкъ. — На хуторѣ. — Вѣсти съ родины.—На чужой сторонѣ. — На край свѣта. — Учитель.—Байбаки.—На Донцѣ.—На дачѣ. —Велга.—Безъ роду - племени.—Поздней ночью.—Антоновскія яблоки.—Руда.—Надъ городомъ.—Новая дорога. — Сосны.—Скитъ.—Туманъ.—Костеръ.—Въ Августѣ.—Осенью.—Новый Годъ.—Тишина.—Надежда.—**Стихотворенія.—Година,** поэма А. Теннисона. — **Изъ „Золотой Легенды"** Лонгфелло. — **Каинъ,** мистерія Байрона. — **Манфредъ,** драм. поэма Байрона. — **Небо и земля,** мистерія Байрона.—**Разсказы:** Золотое дно. —Сны. —У истока дней. — Астма. — Счастье. — Цифры.—Бѣденъ бѣсъ.—Старая пѣсня. — Сонъ Обломова внука. — Чеховъ. — **Храмъ Солнца.—Деревня.—Суходолъ.** Разсказы: Суходолъ.—Захаръ Воробьевъ.—Сто восемь.—Ночной разговоръ. — Сила. — Хорошая жизнь. — Сверчокъ. — Веселый дворъ. — Игнатъ. — **Іоаннъ Рыдалецъ.** Разсказы: Іоаннъ Рыдалецъ. — Илья Пророкъ. — Худая трава.—Псальма.—Вѣра.—Весна.—Преступленіе.—Князь во князьяхъ.—Послѣдній день. — Сказка. — Будни.—Хорошихъ кровей.—Личарда.—Забота.—Безъ заглавія.—Крикъ.—Въ Красномъ морѣ.—Геннисаретъ.—Смерть.—Я все молчу.—**Стихи.** — **Въ Венеціи.**—Поэма.—**Разсказы:** Чаша жизни.—При дорогѣ.—Пыль.—Святые.—Братья. — Весенній вечеръ.—**Новыя воспоминанія о Чеховѣ.—Рѣчь о современной русской литератрѣ** и др.

НОВОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ А. И. КУПРИНА

(въ 2 книгахъ).

Окончаніе повѣсти **„Яма"**.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Мориса МЕТЕРЛИНКА

Въ пер. Л. Вилькиной и Н. М. Минскаго подъ редакціей **Н. М. Минскаго.**

(Въ 8 книгахъ).

Морисъ Метерлинкъ. Біогр. оч. **Н. Минскаго.** Предисловіе Метерлинка.—**Драмы:** Принцесса Малэнъ. — Слѣпые. — Непрошенная гостья. — За стѣнами дома. — Смерть Тентажиля.—**Теплица** (стихотворенія).—**Пѣсни.—Сокровище смиренныхъ.—Драм. произведенія:** Семь принцессъ. — Сестра Беатриса. — Алладина и Паломидъ.—Пеллеасъ и Мелисанда.—**Погребенный храмъ.—Драм. произведенія:** Аглавэна и Селизета.—Аріана и Синяя Борода.—Монна Ванна.—Жуазель.—**Жизнь пчелъ.—Разумъ цвѣтовъ:** Разумъ цвѣтовъ.—Мѣра часовъ.—Тревожность нашей морали.—Похвала боксу.—По поводу короля Лира. — Боги войны.—Прощеніе обидъ. — Несчастный случай. — Наша соціальная обязанность.—Безсмертіе.—**Марія Магдалина,** пьеса.—**Синяя птица,** пьеса.—**Мудрость и судьба** и др.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: I) въ **Главной конторѣ журнала „НИВА"** Петроградъ, улица Гоголя (бывшая Мал. Морская), д. № 22; II) въ ея **отдѣленіяхъ:** 1) въ конторѣ Н. Н. Печковской—въ **Москвѣ,** Петровскія линіи, 2) въ книжн. маг. „Образованіе"—въ Одессѣ, Дерибасовская, 18, а также въ другихъ книжн. магазинахъ.

Главная контора «НИВЫ» проситъ гг. иногороднихъ подписчиковъ **озаботиться заблаговременно высылкой подписныхъ денегъ,** въ виду значительнаго скопленія въ концѣ года адресовъ, на печатаніе, корректуру и провѣрку которыхъ требуется очень много времени. При высылкѣ денегъ слѣдуетъ обозначать **непремѣнно** на **самомъ почтовомъ переводѣ** (а не въ отдѣльномъ письмѣ), на что именно предназначаются деньги, а также адресъ (подробный и четкій).

Условія подписки и разсрочки платежа см. въ заголовкѣ первой страницы.

Библиотека "Руниверс"

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г.
№ 49
Выданъ 6 декабря 1914 г.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

XLV г. изданія

Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ ¼ ширины страницы): передъ текстомъ и на **первой** страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагаются „Лит. Прил." и „Новѣйш. Моды" за декабрь.

ДВА ПЧЕЛОВОДНЫХЪ ЖУРНАЛА

1) „ПЧЕЛОВОДНАЯ ЖИЗНЬ".
(Издается съ 1906 г.).
Иллюстрированный журналъ ПРОГРЕССИВНАГО пчеловодства.
24 №№ въ годъ съ пересылкой 3 р.

2) „ПЧЕЛОВОДЪ".
(Издается съ 1910 г.).
Иллюстрированный журналъ ПРАКТИЧЕСКАГО пчеловодства.
12 №№ въ годъ съ пересылкой 60 к.

АДРЕСЪ:
Петроградъ, Матвѣевская, 11,
М. А. ДЕРНОВУ.
Подробн. программа БЕЗПЛАТНО.

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ ПАПИРОСЫ ТВА БОСТАНЖОГЛО
АЛИ 10 ш. 6 к. ДЛ. МУН.

ЛЮБИТЕЛЯМЪ МУЗЫКИ.
Собраніе трудныхъ пьесъ русскихъ композиторовъ въ **легкомъ переложеніи** въ 4 руки
В. ЛАНДШТЕЙНА.
25 №№ сочиненій Чайковскаго, Рахманинова, Аренскаго, Кюи, Метнера, Скрябина, Аманн, Панченко, Акименко, Бартмотина и Бубека. Цѣны отъ 25 коп. до 60 коп.
П. ЮРГЕНСОНЪ, Москва, Неглинный пр., 14.

ТРЕБУЙТЕ! 1000
за 7 коп. марку пробный № журн. „Рыболовъ и Охотникъ" или безплатно проспектъ его, адресуя Вятка, Ред. „Рыболова и Охотника".

ПРЕКРАСН. ПОДАРОКЪ— НОВ. КНИГА:
„Комн. прѣсноводн. АКВАРІУМЪ", соч. А. А. Набатова, съ 5 т. въ краск., бол. 300 рис. и 460 с. текста. Въ перепл. 4 р. 50 к. съ перес.
Петроградъ, Гороховая, 44, „Акваріумъ".

При ГЕМОРРОѢ
запорахъ слѣдите, чтобы желудокъ не былъ переполненъ, принимайте Стомоксигенъ д-ра Антона Мейеръ. Стомоксигенъ устраняетъ запоры, не раздражаетъ кишечника и производитъ послабленіе по своему дѣйствію близкое къ нормальному. Стомоксигенъ абсолютно безвреденъ и отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Остерегайтесь поддѣлокъ. Д-ръ Антонъ Мейеръ. Петроградъ, Екатерин. кан., 29. Лабораторіи: Лондонъ, Парижъ, Нью-Іоркъ.

ЖЕЛЕ, МЫЛО, ПУДРА
ФИЛОДЕРМИНЪ
ДЛЯ СМЯГЧЕНІЯ и БѢЛИЗНЫ КОЖИ ЛИЦА и РУКЪ
А. ЛЕМЕРСЬЕ.

Августъ Эриксонъ
СУЩ. СЪ 1865 Г.
ХРОНОМЕТРЫ и ЧАСЫ.
СПБ., Невскій пр., № 13.

Открыта подписка на 1915 годъ
СОВРЕМЕННЫЙ МІРЪ
25 г. изд.
Ежемѣсячный литературный и политическій журналъ.
Постоянное участіе принимаютъ: В. Бончъ-Бруевичъ, Ник. Іорданскій, Л. Клейнбортъ, Вл. Кранихфельдъ, І. Ларскій, Г. Плехановъ, Н. Рожковъ, А. Финнъ-Енотаевскій, Евг. Чириковъ.
Въ художественномъ отдѣлѣ: Леонидъ Андреевъ, Ив. Бунинъ. В. Вересаевъ, С. Гусевъ-Оренбургскій, М. Горькій, А. Купринъ, В. Муйжель, С. Сергѣевъ-Ценскій, А. Серафимовичъ, И. Шмелевъ, С. Юшкевичъ, А. Ѳедоровъ.
Подписная цѣна: на годъ—10 р., на полгода—5 р. съ доставк. и перес. За границу—14 р. годъ; 7 р. полгода.
Условія разсрочки: при подпискѣ—3 р., къ 1 апр.—3 р., къ 1 іюля—3 р., къ 1 сент.—1 р.

2-ое Удешевленное изданіе
Второе изданіе, воспроизводя главнѣйшія художественныя произведенія и статьи перваго, удовлетворяетъ потребность демократическаго читателя въ идейномъ и общедоступномъ по цѣнѣ журналѣ.
Условія подписки: годъ—4 р.; полгода—2 р.; 3 мѣс.—1 р.
Адресъ Конторы и Редакціи: Петроградъ, Басковъ пер., 35.
Редакторъ *Ник. Іорданскій*. Издательница *М. К. Іорданская*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ. — 30-й г. ИЗДАНІЯ.
РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ
ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
Издается съ 1885 г. Пробный № безплатно. Одобренъ всѣми вѣдомствами.
52 №№ ЖУРНАЛА, больш. форм., въ ОБЛОЖКАХЪ, до 2000 стр. текста извѣстныхъ духовн. и свѣтск. писат., свыше 800 иллюстрац., отражающихъ дух.-нравственную жизнь прошлаго и настоящаго.
Съ особымъ иллюстриров. прилож. „Война"—обзоръ войны за недѣлю.
Въ числѣ №№ журнала въ 1915 году будутъ даны:
12 СПЕЦІАЛЬН. НУМЕРОВЪ, посвященныхъ 12-ти славянск. народностямъ, боровшимся за свою самобытность и православную вѣру. СЛАВЯНСКІЙ МІРЪ Подъ ред. извѣстн. дух. писателя Е. ПОСЕЛЯНИНА
Кромѣ №№ журнала г.г. подписчики получатъ:
12 КНИГЪ свыше 1.500 стр. больш. формата. ЕЖЕМѢСЯЧН. ИЛЛЮСТР. ЛИТЕРАТ. ЖУРНАЛЪ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ
18 КНИГЪ больш. формата. СОБРАНІЕ ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО
Идя навстрѣчу общему желанію своихъ подписчиковъ, редакція продолжаетъ изданіе полнаго собранія твореній св. Іоанна Златоустаго и въ 1915 году дастъ слѣдующія 18 книгъ, въ которыя войдутъ всѣ вѣро- и нраво-учительныя творенія этого знаменитаго отца и учителя Церкви.
ПЕРВЫЯ 8 КНИГЪ Полнаго собр. твореній ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО новые подписчики могутъ получить за 3 РУБ.
КРОМѢ ТОГО ЕЩЕ БУДЕТЪ ДАНО:
6 КНИГЪ больш. форм. крупн. текста. СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ «пророка славянской свободы» А. С. ХОМЯКОВА, въ котор. войдутъ всѣ богосл. и церк.-публицист. статьи.
И
12 КНИГЪ альбомнаго формата ИЛЛЮСТР. ИСТОРІЯ РУССК. ВОЙНЪ Подъ редакціей *В. П. Лебедева*.
Задача изданія—подробно изложить исторію возникновенія, роста и расцвѣта русской военной силы. Богато иллюстрированный текстъ изданія будетъ обнимать періодъ времени начиная съ подвиговъ русскихъ дружинъ родной старины до великихъ войнъ новѣйшихъ вѣковъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ съ прилож. безъ дост. въ Петрогр. 6 р. Съ дост. и перес. по Россіи 7 РУБ.
ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: При подпискѣ 3 р., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 іюля остальные.
Главная контора и редакція: ПЕТРОГРАДЪ, Стремянная, 12, соб. домъ.
Редакторъ *Е. А. Поповицкій*. Издатель *П. П. Сойкинъ*.

Библиотека "Руниверс"

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Даръ внукамъ за жертву дѣдовъ. Митрофорный протоіерей Казанскаго собора въ Петроградѣ о. Орнатскій выѣзжаетъ въ дѣйствующую армію, чтобы передать казакамъ-донцамъ двадцать пять тысячъ подарковъ отъ причта Казанскаго собора. Этотъ даръ является благодарностью за пожертвованіе, сдѣланное казаками-донцами Казанскому собору въ 1812 году, когда казаки принесли въ даръ собору отбитое у французовъ серебро, изъ котораго были затѣмъ сдѣланы Царскія Врата и ограда на солеѣ.

Пишите бодрыя письма! Одинъ изъ командировъ полковъ по поводу писемъ отъ родныхъ пишетъ въ «Нов. Вр.» слѣдующее: «Пишите не грустно, а бодро. У меня тутъ убитъ одинъ офицеръ-прапорщикъ, управлявшій до войны частнымъ заводомъ, сѣдой человѣкъ, милѣйшій, умница и честняга. Въ день его смерти пришла открытка его жены: «борись за честь, за лучшее будущее нашего народа, за Россію, а о насъ не безпокойся, мы здоровы, устроены...»

Вотъ что написала мужественная женщина. Такъ и нужно писать всѣмъ въ дѣйствующую армію. Ни слова унынія не должно попадать въ строки родныхъ писемъ. Война и такъ событіе тяжелое, и моральная поддержка воиновъ всѣхъ степеней—драгоцѣнность.

Я это наблюдаю ежедневно на своихъ офицерахъ. Вдругъ — радостный!.. Оказывается, получилъ изъ дома бодрящее письмо. Вдругъ—унылый... Спрашиваешь, оказывается опять письмо, но уже грустное.

Бодрите насъ! Взволновывайте насъ, подымайте насъ, милые, на подвигъ!..»

Что нужно въ армію? На основаніи бесѣдъ съ прибывающими въ Петроградъ ранеными, въ «Нов. Вр.» помѣщенъ рядъ интересныхъ и полезныхъ указаній, что нужно арміи, особенно въ виду приближающейся зимней кампаніи. Прежде всего наиболѣе остро стоитъ вопросъ о бѣльѣ и одеждѣ. Въ бою вещевые мѣшки бросаютъ, наполняютъ карманы патронами и оставляютъ при себѣ только винтовки, лопату и скатку соломы. Въ виду этого во многихъ полкахъ при приближеніи къ мѣсту боя мѣшки стали передавать въ обозъ, а по окончаніи боя изъ этихъ мѣшковъ вынимается смѣна бѣлья, и солдаты мѣняютъ его прямо на позиціи, бросая снятое, такъ какъ стирать бѣлье при непрерывныхъ бояхъ некогда. Съ наступленіемъ холодовъ бѣлье должно быть обязательно теплое.

Что касается полушубковъ, то къ нимъ вообще относятся отрицательно. На галиційскомъ и южно-германскомъ фронтахъ, гдѣ зимой стоитъ сырая погода, а морозы рѣдки, и при томъ не бываютъ выше 8—10 градусовъ, полушубки непригодны. Обыкновенная овчина быстро загниваетъ, въ ней заводятся черви, а длинная шерсть способствуетъ размноженію насѣкомыхъ, вывести которыхъ очень трудно. Кромѣ этого, полушубки тяжелы и неудобны при ходьбѣ. Ихъ съ большимъ успѣхомъ, что и вводится въ нѣкоторыхъ частяхъ, замѣняютъ шерстяными спортивными куртками съ поднимающимся воротникомъ. Онѣ легки и теплы, и ихъ сравнительно не трудно содержать въ чистотѣ. Также хороши и кожаныя куртки, подбитыя байкой.

Валенки для юго-западнаго фронта не годятся. Нужны длинныя шерстяныя портянки или толстые шерстяные чулки, которые закрывали бы ноги выше колѣнъ. Для рукъ необходимы теплыя перчатки и въ возможно большемъ количествѣ, такъ какъ въ походѣ онѣ часто теряются.

Всѣ безъ исключенія офицеры и солдаты говорятъ о неудобствахъ фуражки. Она не согрѣваетъ головы и быстро промокаетъ, а при вѣтрѣ или на бѣгу теряется. Офицеры считаютъ самымъ удобнымъ и теплымъ головнымъ уборомъ нансеновскія шапки. Онѣ закрываютъ затылокъ до шеи и покрыты для непромокаемости кожей. Есть и такія, гдѣ для ушей имѣются отверстія, а самыя уши отъ холода прикрываются непромокаемой матеріей, очень мало вліяющей на ослабленіе слуха.

Къ этому еще нужно добавить просьбы о присылкѣ табаку, чая, сахара и мыла—и всѣ нужды арміи будутъ удовлетворены, такъ какъ солдатской пищей всѣ довольны, и она имѣется въ достаточномъ количествѣ. Если иногда и приходится по нѣсколько дней обходиться безъ горячей пищи, то это объясняется быстрыми переходами и общей трудностью современной войны, когда обозы не всегда поспѣваютъ за своими частями.

Призывъ Метерлинка. Великій сынъ великаго народа, знаменитый писатель Морисъ Метерлинкъ, къ слову котораго прислушивается весь міръ, обратился съ новымъ протестомъ противъ «войны со стариной и культурой»,—такъ онъ назвалъ бельгійскую кампанію нѣмцевъ. Протестъ написанъ очень горячо и помѣщенъ въ газетѣ «Figaro»:

«Послѣ Лувена, Малина, Термонда, Льежа, Диксмюдэ, Ньюпорта—я говорю пока только о бѣдствіяхъ, постигшихъ Фландрію,—обращенъ въ развалины Фурлесъ и нѣтъ болѣе Ипра. А рядомъ съ великими фламандскими городами—Брюсселемъ, Антверпеномъ, Гентомъ и Брюгге—этими неоцѣнимыми живыми музеями, сколько погибло прелестныхъ маленькихъ городковъ,—увы!—слишкомъ мало знакомыхъ туристамъ».

Останавливаясь подробно на историческомъ и художественномъ значеніи упомянутыхъ городовъ, указавъ, что варварствомъ нѣмцевъ цѣлая страна-памятникъ, страна-эпоха вычеркнута изъ исторіи человѣческой культуры, Метерлинкъ обращается со страстнымъ требованіемъ заступничества и суда къ Италіи и Америкѣ.

«Остается только одна надежда,—пишетъ онъ:—немедленное, повелительное вмѣшательство нейтральныхъ государствъ, главнымъ образомъ, двухъ великихъ державъ—Италіи и Соединенныхъ Штатовъ.

«Къ нимъ взываемъ мы въ мукѣ.

«Италія и Соединенные Штаты держатъ въ своихъ рукахъ судьбу тѣхъ сокровищъ, чья гибель будетъ впослѣдствіи разсматриваться, какъ величайшая, самая непоправимая потеря, когда-либо на протяженіи всѣхъ вѣковъ понесенная цивилизаціей.

«Они найдутъ силу—лишь бы нашли охоту. Настало для нихъ время сдѣлать то, что преступно было бы не сдѣлать.

«Своей безпрестанной ложью разбуженный нынѣ германскій звѣрь ясно показываетъ, какое значеніе придаетъ онъ мнѣнію двухъ великихъ народовъ, пока еще не разъяренныхъ вызванными имъ всюду проклятіями. Звѣрь боится. Онъ чувствуетъ, что почва подъ нимъ рушится, что онъ остался одинъ. Онъ тщетно ищетъ вокругъ себя взгляда, въ которомъ не свѣтилось бы проклятіе. Пусть же отнынѣ онъ не встрѣтитъ такого взгляда ни въ комъ.

«Нѣтъ нужды доказывать Италіи цѣнность нашихъ еще цѣлыхъ, но уже угрожаемыхъ городовъ. Италія сама—страна великихъ городовъ. Наше дѣло—ея дѣло, и она обязана намъ помощью.

«Кто бы ни уничтожилъ памятникъ красоты, онъ тѣмъ самымъ наноситъ оскорбленіе душѣ и генію Италіи, ея безсмертнымъ богамъ.

«Что касается Америки, она больше, чѣмъ какая-либо другая страна, имѣетъ блестящее будущее. Она должна подумать о дняхъ, которые послѣдуютъ за войной. Когда миръ снова снизойдетъ на землю,— пусть это не будетъ земля, лишенная всѣхъ красотъ.

«Не слишкомъ много такихъ мѣстъ, гдѣ усилія вѣковъ, гдѣ терпѣливый геній расы украсили землю. Маленькій уголокъ Фландріи, надъ которымъ простерты теперь крылья смерти, — такое святое мѣсто...

„Подарокъ" германской императрицы солдатамъ. Корреспондентъ газеты «Stockholms Dagblad» сообщаетъ: «Насколько германцы были убѣждены въ томъ, что завладѣютъ Варшавой, доказываетъ слѣдующій любопытный случай. Когда русскіе отбили у германцевъ желѣзнодорожный поѣздъ, то въ немъ оказалось пять вагоновъ, наполненныхъ пакетами съ шоколадомъ, и на каждомъ пакетѣ надпись: «Отъ императрицы храбрымъ германскимъ солдатамъ въ награду за взятіе Варшавы».

Почему мы бьемъ австрійцевъ. Въ австрійскихъ ранцахъ уложены всѣ необходимыя въ походѣ вещи: ножницы, зубная щетка, порошокъ, зеркало, иголки и проч.

Офицеръ, проходя черезъ окопы послѣ боя, увидѣлъ нашихъ солдатъ, разсматривающихъ вражескій ранецъ, и сказалъ:

— А что, братцы, у австрійцевъ ловко все это налажено, полное хозяйство!

— Ваше благородіе, — отвѣтилъ одинъ: — черезъ ефто самое мы ихъ и бьемъ: ты въ него стрѣляешь, а онъ зубы чиститъ.

Армія грабителей. Газета «Daily Telegraph» сообщаетъ, что нѣмцы отправляютъ регулярно съ фронта въ Германію съ награбленной добычей цѣлые поѣзда, груженые мебелью, картинами, драгоцѣнными вещами.

Газета цитируетъ выдержку изъ письма, найденнаго у одного нѣмецкаго солдата. Письмо это солдатъ получилъ съ родины, изъ великаго герцогства Гессенскаго.

«Башмаки, которые ты прислалъ для Карла, къ сожалѣнію, ему не подходятъ. Но другія вещи, которыя ты намъ прислалъ, очень хороши, въ особенности французскія кастрюли, которыя превосходны. Пришли намъ ихъ еще и вообще всю французскую посуду, какую найдешь»...

СЕРДЕЧНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ, ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцебіеніе и одышки, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ"** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина"; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

2163 12-7

Библиотека "Руниверс"

26 г. изд. **„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“** 1915 г.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки—5 р., съ доставкой и пересылкой—6 р., въ полгода—3 р., съ пересылкой за границу—7 р. 50 к.; для недостаточныхъ людей цѣна въ годъ съ доставкой и безъ доставки—5 р. **Журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ. Подписка** принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., домъ № 32), во всѣхъ почтовыхъ и почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

3316 Редакторъ-издатель д-ръ *Н. Ф. Михайловъ.*

3307 2-2

КРУПНѢЙШЕЕ

въ Россіи Ателье предлагаетъ художественное съ поразительнымъ сходствомъ увеличеніе портретовъ со всевозможныхъ фотограф. снимковъ.

Портретъ 10×12—120 квадр. вер. въ элегантномъ паспарту въ роскошной рамѣ, исполненный тушью кистью, съ упаковкой 3 р., такой же 12×15—180 квадр. вершк.—6 р.; акварелью 10×12 вер.—4 р., 12×15 вер.—8 р., при акварели необходимо указать цвѣтъ волосъ, глазъ и проч. **Заказавшій любой портретъ получаетъ въ премію съ своей карточки портретъ на эмали, брошь или булавку для галстуха.** Заказы съ оригиналами высылаются черезъ 15 дней наложен. платежомъ. Адресовать только въ **Главную контору художественнаго ателье А. М. Х.-Дроздова, Невскій проспектъ, 106. Петроградъ.** Телеф. 142-04. Фирма сущ. съ 1899 г. 3324

Подробный прейсъ-курантъ высылается безплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 г.

VI годъ изданія. НА БОЛЬШУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ВНѢПАРТІЙНУЮ ГАЗЕТУ, *издающуюся въ Москвѣ* VI годъ изданія.

УТРО РОССІИ

„УТРО РОССІИ“—газета прогрессивно-національнаго направленія, внѣ партій, отстаивающая общественную и личную самостоятельность въ созидательной борьбѣ за новую, великую Россію.

ВЕЛИКАЯ БОРЬБА РОССІИ И ЕЯ СОЮЗНИКОВЪ СЪ ГЕРМАНСКИМЪ ПОЛИТИЧЕСКИМЪ И ЭКОНОМИЧЕСКИМЪ ЗАСИЛІЕМЪ, — обсужденіе вопросовъ, сопряженныхъ съ войною и съ предстоящей ликвидаціей ея, яркое отраженіе событій и вопросовъ нашей внѣшней и иностранной жизни—будутъ служить предметомъ особаго вниманія редакціи.

Въ теченіе всего періода войны „Утро Россіи“ будетъ выходить ЕЖЕДНЕВНО, не исключая и дней послѣпраздничныхъ.

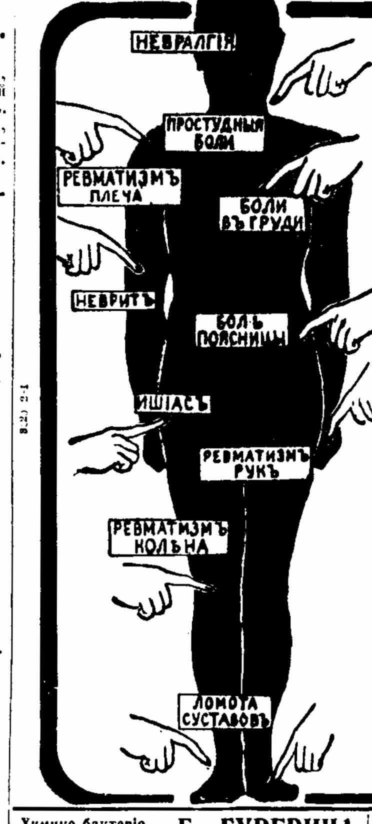
Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

На 1 годъ	**8** р. — к.	На 6 мѣсяцевъ	**4** р. **25** к.
„ 11 мѣсяцевъ	**7** „ **50** „	„ 5 „	**3** „ **75** „
„ 10 „	**6** „ **75** „	„ 4 „	**3** „ — „
„ 9 „	**6** „ **25** „	„ 3 „	**2** „ **25** „
„ 8 „	**5** „ **75** „	„ 2 „	**1** „ **60** „
„ 7 „	**5** „ — „	„ 1 „	— „ **85** „

ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА: Студентамъ, учителямъ сельскихъ и городскихъ училищъ, приказчикамъ, желѣзнодорожнымъ служащимъ, духовенству, военнымъ, рабочимъ, — при условіи годовой и полугодовой подписки, при непосредственномъ обращеніи въ контору, газета „УТРО РОССІИ“ высылается на 1 годъ за **7** р., на 6 мѣс.—**3** р. **50** к. Для всѣхъ подписавшихся на годъ допускается разсрочка: при подпискѣ **3** р., къ 1 марта **2** р., къ 1 мая—**2** р. и къ 1 іюля —**1** рубль.

Лица, желающія ознакомиться съ газетой, получаютъ таковую за 2 десятикоп. марки въ теченіе недѣли.

Подписныя деньги и справки адресовать:
МОСКВА, Путинковскій п., д. П. П. Рябушинскаго, контора газеты „УТРО РОССІИ“. 3303 4-1



КЕФАЛДОЛЪ Д-РА СТОРЪ

СЪ УСПѢХОМЪ ПРИМѢНЯЕТСЯ ВЪ ЛУЧШИХЪ КЛИНИКАХЪ.

КЕФАЛДОЛЪ Д-ра СТОРЪ особенно рекомендуется противъ головной боли, мигрени, невралгіи, ишіаса, ревматическихъ и простудныхъ болей.

КЕФАЛДОЛЪ Д-ра СТОРЪ абсолютно безвреденъ и отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Лабораторіи: Лондонъ, Парижъ, Нью-Іоркъ.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ.

3320 2-1

Химико-бактеріологич. лабораторія **Б. ГУРЕВИЧА,** **КІЕВЪ, Б. Васильковская, 10.** **Единственно вѣрное средство** для массоваго истребленія домашнихъ и **полевыхъ**

МЫШЕЙ и КРЫСЪ

бактерійную заразу, безвредн. для людей и домашн. животн. Порція въ 2 р. 5 к. и 5 р. 20 к. съ перес.
3261 4-4

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Данилевскій, Г. П. Общедоступная библіотека А. Ф. Маркса: № 1. „Историческіе разсказы“. № 2. „Украинскія сказки“. Цѣна каждой книги **30 к.,** съ перес. **40 к.**

Почтовыя марки для коллекцій дешево продаются. Требуйте пр.-кур. **Роб. Мёлькенъ,** Москва. С. Богородское, 1. Мѣщанская, № 96.

Разр. Кіевск. учебн. окр. курсы **БУХГАЛТЕРІИ** (существуютъ съ 1894 г.) скоро и основательно выуч. всякій лично и посредств. переписки, вполнѣ замѣн. устное преподав. Условія выс. безплатно **А. П. Бобырь. Кіевъ.**

— ЛЫЖИ —

мужск., дамск. и дѣтск. больш. выборъ **Оружейн. магаз. Р. Р. РОГГЕНЪ,** Москва, Неглинный проѣздъ, 11 (прот. Госуд. Банка), тел. 15-26. Требуйте безпл. лыжн. прейсъ-кур.
3325 2-1

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразованіе. Заочное обученіе. Безплатныя преміи. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **Аттестатъ.** Льготныя условія подписки и пробная лекція **БЕЗПЛАТНО.** Адресъ: **Петроградъ, „Кругъ Самообразованія“, Невскій, 57—30.**
3264 (4)

СТАРѢЙШІЙ ОРУЖЕЙНЫЙ МАГАЗИНЪ г. МОСКВЫ

3-3 основанъ **1860** года. 2 53

Т./Д. Э. БЕРНГАРДЪ и К°,

преемникъ И. ШЕНБРУНЕРА,
Москва, Кузнецкій Мостъ, 5,
рекомендуетъ дешевыя ружья съ хорошимъ боемъ, курковыя и безкурковыя, **Національной Бельгійской фабрики.**

Прейсъ-курантъ высылается по первому требованію безплатно.

Настоящимъ имѣемъ честь довести до свѣдѣнія своихъ почтенныхъ Гг. покупателей, что, какъ и всегда, у насъ имѣются въ громадномъ выборѣ **коллекціи украшеній для елки** въ 2 р. 95 к., 5, 10, 15, 25, 50 руб. и дороже, а равно хлопушки съ сюрпризами и костюмами, подарки для дѣтей и взрослыхъ, различныя игры, занятія и т. п. Заказы просимъ присылать заблаговременно, чтобы они могли получиться къ Рождеству. **БАЗАРЪ МАРОКЪ, Петроградъ,** Невскій, 20—Н.
2-1 3318

Библиотека "Руниверс"

КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ

ЗАОЧНЫЕ, САМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ И ПРОЧИХЪ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ

— С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ —

Москва, Староконюшенный, д. Курилко. 7.

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО условія изученія коммерческ. наукъ по письменнымъ лекціямъ, вполнѣ замѣняющихъ устное преподаваніе.

3302 10-7

КНИГИ

изд. С. А. Козловскаго для самообученія: Рѣш. и подробн. объясн. 2—10-ю спос. всѣхъ ариѳм., алгебр., геометр., триг. и анал. зад. сборниковъ: 1) Верещагина; 2) Малинина и Бур.; 3) Гольденберга; 4) Евтушевскаго ч.ч. I и II; 5) Арбузова и Кº; 6) Шапошникова и Вальцова; 7) Киселева; 8) Сорокина; 9) Рыбкина; 10) Кліоновскаго; 11) Минина; 12) Вулиха; 13) Давидова; 14) Бычкова; 15) Стеблова; 16) Злотчанскаго; 17) Воинова; 18) Горячева и др. Скидка 20% при Вашей перес. Подробн. объявл. съ образц. рѣш. зад. высылаю безплатно. Выписывать исключ. по адресу: *Бѣлая-Церковь*, Кіев. губ. С. А. Козловскому. 3314

Фабрика „Эдуардъ“ изготовляетъ Высочайше утвержденные знаки по случаю

50-ти-лѣтія СУДЕБНЫХЪ УСТАВОВЪ.

Нагрудные знаки:		Петличные знаки:	
Серебрян. съ золотыми част.	15 р. — к.	Серебрян. съ золотыми част.	9 р. 50 к.
Серебрян. лучшей работы	6 р. — к.	Серебрян. лучшей работы	3 р. — к.
Серебряные	4 р. — к.	Серебряные	2 р. — к.
Бронзовые лучшей работы	3 р. 50 к.	Бронзовые	1 р. 50 к.
Бронзовые	2 р. — к.		

3311 Петроградъ, Невскій пр., 10. Телеф. 6-63. „ЭДУАРДЪ“. 3-1

Телеграфн. адресъ: Петроградъ, „ЭДУАРДЪ“.

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

„Непокупное“. Повѣсть П. Н. Полевого. Съ 55-ю рис. Е. П. Самокишъ-Судковской. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.; въ перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Случевскій, К. К. СОЧИНЕНІЯ. Съ портретомъ и автографомъ автора. Изящное изданіе in 8º, въ 6 т. Цѣна 8 р., съ перес. 8 р. 75 к.; въ перепл. 11 р., съ перес. 11 р. 75 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО

ДВА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЕ иллюстрированные журнала для дѣтей и юношества, основанные С. М. МАКАРОВОЙ и издаваемые подъ редакціей П. М. ОЛЬХИНА.

XXXIX ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ 1914 г. — ПЕРВЫЕ №№ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

Гг. годовые подписчики журнала „З. Сл.“ для дѣтей

МЛАДШАГО ВОЗРАСТА

(отъ 5 до 9 лѣтъ) получатъ

52 №№ и 48 ПРЕМІЙ,

въ числѣ которыхъ:

- **БОЛЬШАЯ СТѢННАЯ КАРТИНА „ВОЗВРАЩЕНІЕ ГЕРОЯ“,** исполненная хромолитографіей въ 24 краски.
- **6 ВЫП. „МОЯ ПЕРВАЯ ГЕОГРАФІЯ“.** Очерки и разсказы о странахъ и народахъ, съ массою иллюстрацій.
- **3 ВЫП. „АЛЬБОМЪ РАБОТЪ ИЗЪ БУМАГИ“,** для мальчиковъ и дѣвочекъ.
- **6 КАРТ. „НОВЫЙ ТЕАТРЪ ЗВѢРЕЙ ДЛЯ ЗАБАВЫ ДѢТЕЙ“,** изъ жизни ученыхъ животныхъ.
- **12 ЛИСТОВЪ „ИГРЫ, РАБОТЫ, РУКОДѢЛІЯ И ПР.“** для вырѣзыванія и склеиванія.
  - ШКАПЧИКЪ.
  - КУКОЛЬНАЯ КОМНАТА.
  - БОЛЬШІЕ ЧАСЫ.
  - ЛАГЕРЬ.
  - ХИЖИНА.
  - ВѢШАЛКА ДЛЯ ДѢТСКОЙ.
  - СКАЗОЧНЫЙ ТЕАТРЪ.
  - УЛАНСКАЯ КАСКА.
  - КОПИЛКА.
  - ВЫШИВАНІЕ УЗОРОВЪ.
  - ДЮЖИНА БОНБОНЬЕРОКЪ.
  - АБАЖУРЪ.
- **1 КН. „Я УЧУСЬ ПО-ФРАНЦУЗСКИ“.** Легкій самоучитель для маленькихъ дѣтей съ рис.
- **12 ВЫП. „МАЛЕНЬКІЙ ВСЕМІРНЫЙ ИСТОРИКЪ“,** въ разсказахъ и картинахъ, составилъ С. Ф. Литвинцевъ (Нов. сер.).
- **6 ВЫП. „КНИГА ШУТОКЪ И СМѢХА“,** для дѣтей, сборникъ веселыхъ картинокъ, стишковъ и разсказовъ.
- **3 ВЫП. „МОЙ ПЕРВЫЙ АЛЬБОМЪ ДЛЯ МАРОКЪ“,** съ рис. и мѣстами для марокъ, съ объясн.
- **8 КАРТИНЪ „ЮНЫЙ ХУДОЖНИКЪ“,** раскрашиваніе картинокъ съ цвѣтными образцами.
- **12 ВЫП. „БИБЛІОТЕКА РАЗСКАЗОВЪ И СКАЗОКЪ“** для дѣтей младшаго возр., въ которую, между прочимъ, войдутъ: **НЕОБЫКНОВЕННЫЙ КОРОЛЕВИЧЪ.** Пов.-сказка Л. А. Чарской. **НИНКИНЫ СКАЗОЧКИ.** В. Князева и др.
- **НОВАЯ АРИѲМЕТИЧЕСКАЯ ИГРА ДЛЯ ДѢТЕЙ**

и мног. друг.

Гг. годовые подписчики журнала „З. Сл.“ для дѣтей

СТАРШАГО ВОЗРАСТА

(отъ 9 до 14 лѣтъ) получатъ

52 №№ и 48 ПРЕМІЙ,

въ числѣ которыхъ:

- **24 ВЫП. „СОБР. СОЧИНЕНІЙ А. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКАГО“.** Изданіе для юношества. Выб. и ред. Н. Лернера, съ илл. Е. Лебедевой (2 тома).
- **12 №№ „ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ХРОНИКА ВОЙНЫ“** въ обраб. для юношества, которая составитъ 12 №№ приложенія «Задушевное Эхо».
- **12 ТАБЛИЦЪ „ЦАРСТВО ГУСЕНИЦЪ“.** 121 изображеніе въ краскахъ, съ объяснительнымъ текстомъ.
- **6 ЛИСТОВЪ „ИГРЫ И РАБОТЫ“,** модели для вырѣзыванія, склеиванія, выпиливанія и т. д.
- **8 ТАБЛИЦЪ „АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫШИВАНІЯ“.**
- **6 ВЫП. „РУССКІЕ ГЕРОИ-СОЛДАТЫ“.** Исторія подвиговъ сѣрыхъ воиновъ Виктора Русакова, съ илл.
- **12 ТАБЛИЦЪ „АЛЬБОМЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ МЕДАЛЕЙ“** въ память выдающихся соб. въ Росс., съ объясн. текстомъ.
- **4 КНИЖКИ „БИБЛІОТЕКИ СПОРТА“,** игры для юношества, а именно:
  - БАСКЕТЪ-БОЛЪ.
  - ЛАПТА.
  - ИСКУССТВО ПЛАВАНІЯ.
  - КРИКЕТЪ.
- **6 ВЫП. „ВЪ ПОРОХОВОМЪ ДЫМУ“.** Книга военн. разск. для юнош. извѣстн. авторъ подъ ред. М. А. Лятскаго.
- **6 ВЫП. „ДѢЛА ДАВНО МИНУВШИХЪ ДНЕЙ“.** Историческіе очерки С. Ф. Либровича, съ портр. и иллюстр.
- **4 КНИЖКИ „БИБЛІОТЕКИ ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ“,** для юношества, съ илл., а именно:
  - КАКЪ ѢСТЬ, ПИТЬ и СПАТЬ.
  - НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ НЕБЕСНЫМИ СВѢТИЛАМИ.
  - СТОЛЯРЪ-САМОУЧКА.
  - ДОМАШНІЙ ЭЛЕКТРИКЪ.
- **СПУТНИКЪ ШКОЛЫ.** Календарь и записная книжка для учащихся на 1915-16 уч. годъ, въ перепл.

и мног. друг.

Въ текстѣ журнала «**Задушевное Слово**», въ числѣ друг. произвед., въ наступающ. подп. году будутъ помѣщены:

а) въ журналѣ для МЛАДШАГО возраста: **„МАДМУАЗЕЛЬ МУМУ“.** Новая большая повѣсть для дѣтей **Л. А. Чарской, „ОСТАПОВСКІЙ ХЛОПЧИКЪ“.** Разсказъ **В. Цѣховской**, съ иллюстр. **Е. Лебедевой, „МИТЬКА-ИНЖЕНЕРЪ“.** Разсказъ **Евгенія Шведера**, съ рисунками **В. Еалиса, „ДРУЗЬЯ МАЛЕНЬКОЙ САЙМИ“.** Разсказъ въ стихахъ **М. Пожаровой**, съ иллюстраціями и мног. др.

б) въ журналѣ для СТАРШАГО возраста: **„ДЭЛИ-АКЫЗЪ“.** Новая большая повѣсть **Л. А. Чарской, „ВИЗАНТІЙСКАЯ ОРЛИЦА“.** Историческая повѣсть-хроника **Льва Жданова**, съ иллюстраціями художника **Михайлова, „ГОЛОСЪ СЕРДЦА“.** Правдивый разсказъ изъ военныхъ событій **Клавдіи Лукашевичъ, „МАЛЬЧИКЪ БЕЗЪ ГОЛОВЫ“.** Историческій разсказъ **Н. Зоречъ**, съ иллюстр. и мног. др.

Кромѣ того, при каждомъ изданіи будутъ высылаться «**ДѢТСКІЯ МОДЫ**» и «**ЗАДУШЕВНОЕ ВОСПИТАНІЕ**».

Подписная цѣна каждаго изданія «Задушевнаго Слова», со всѣми объявленными преміями и приложеніями, съ доставкой и пересылкой,—на годъ **ШЕСТЬ руб.**

Допускается разсрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) къ 1 февраля и 3) къ 1 мая—по **2 р.**

Съ требованіями, съ обозначеніемъ изданія (возраста), обращаться: въ конторы «ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА», при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ—ПЕТРОГРАДЪ: 1) Гостин. Дв., 18, или 2) Невскій, 13.

ЗА ГОДЪ—6 рублей, РАЗСРОЧКА—по 2 рубля.

Библиотека "Руниверс"

№ 49. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. **В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА,** 12 книгъ **Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній,** 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 6 декабря 1914 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.** Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенія“ за Декабрь 1914 г. 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ“ за Декабрь 1914 г. съ 32 рис., отдѣльн. листъ съ 31 черт. выкр. въ натур. величину и 20 рис. мотивовъ для выжиганія.

Жители г. Томашева у своихъ жилищъ, разрушенныхъ шрапнельнымъ огнемъ.

Великая европейская война.

(Хроника военныхъ дѣйствій).

Генералъ Гинденбургъ обнаруживаетъ гораздо больше изумительной настойчивости, чѣмъ настоящаго стратегическаго таланта. Можно подумать, что онъ ведетъ борьбу не только съ русской арміей, но даже съ самой судьбой и смѣлою настойчивостью хочетъ переупрямить капризную фортуну. Отброшенный съ огромными потерями отъ Варшавы почти къ самой германской границѣ, разбитый въ рядѣ арьергардныхъ боевъ подъ Радомомъ, Петроковомъ и т. д., онъ, получивъ въ подкрѣпленіе новые корпуса, предпринялъ въ началѣ ноября новое наступленіе между Вислой и Вартой. Въ атаку противъ центра русской арміи было брошено цѣлыхъ 11 корпусовъ. Прорвавъ линію расположенія нашихъ войскъ, нѣмцы успѣли съ трехъ сторонъ окружить Лодзь, дошли до Томашева, набросились на фланги, но по всему фронту были отбиты встрѣчной атакой и сами очутились въ мѣшкѣ съ постепенно суживающимся выходомъ въ нѣсколько верстъ. Вынужденные пробиваться обратно на Стрыковъ по путямъ своего наступленія по узкому коридору подъ перекрестнымъ огнемъ насѣдающихъ русскихъ фланговъ, нѣмцы вывели на соединеніе съ прибывшими подкрѣпленіями только жалкіе остатки арміи, легкомысленно брошенной на гибель. Въ тѣсномъ раіонѣ между Стрыковымъ, Лодзью, Томашевымъ, Бржезинами, Тушинымъ, Пабіаницами, Александровымъ и Ловичемъ германцы потеряли около ста тысячъ убитыми и ранеными и около двадцати тысячъ плѣнными. Въ пробившихся полкахъ осталось не больше восьмой части ихъ первоначальнаго состава. Большая часть нѣмцевъ, прорвавшихся въ центръ русской арміи, уже не вернулась обратно. Они могутъ утѣшаться только тѣмъ, что остались въ мѣшкѣ не живыми, а мертвыми. Таковы были печальные результаты стратегическаго маневра, предпринятаго генераломъ Гинденбургомъ. Онъ проявляетъ недюжинную иниціативу, но всѣ его начинанія оканчиваются плачевно для руководимой имъ арміи. Наградивъ генерала Гинденбурга высокимъ званіемъ фельдмаршала за прорывъ русскаго центра 7-го ноября, императоръ Вильгельмъ вынужденъ былъ вслѣдъ затѣмъ щедро наградить также и командовавшаго врѣзавшейся въ наши ряды арміей генерала Макензена за то, что тотъ сумѣлъ пробиться съ остатками своихъ корпусовъ обратно къ Стрыкову и Згержу. Вторая награда какъ бы ликвидируетъ первую

Костелъ въ д. Неджевицы послѣ германскаго разгрома.
По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

Библиотека "Руниверс"

и офиціально удостовѣряетъ неудачный исходъ всей операціи. Къ несчастью для нѣмцевъ, ихъ генералитетъ не умѣетъ примиряться съ понесенными неудачами. Сохранивъ за собою сильно укрѣпленныя позиціи по фронту Константиновъ — Згержъ, Здунска Воля — Стрыковъ—почти тотчасъ же послѣ понесеннаго пораженія, нѣмцы предприняли 16—17-го ноября новое наступленіе и на Лодзь и на Ловичъ. Неограниченное обиліе человѣческаго матеріала, постоянный подвозъ все новыхъ и новыхъ корпусовъ съ западнаго фронта создаетъ германскимъ генераламъ возможность до безконечности повторять попытки къ наступленіямъ, не смущаясь понесенными пораженіями.

Въ эту войну вся германская тактика всецѣло основана на безумной расточительности народной крови. На мѣсто уничтоженныхъ корпусовъ подъ команду ставятся другіе. Въ Германіи мало хлѣба, зато много пушечнаго мяса. Идя по путямъ, уже залитымъ кровью и усѣяннымъ трупами товарищей, нѣмцы густыми колоннами ходили въ атаку противъ Лодзи четырнадцать разъ подъ рядъ, успѣли прорваться до предмѣстій города, захватили еврейское кладбище, и въ концѣ концовъ снова были вытѣснены отовсюду штыковымъ ударомъ русскихъ войскъ. Послѣднія атаки нагромоздили новыя груды нѣмецкихъ труповъ вокругъ русскихъ позицій, но были не въ силахъ сломить сопротивленіе русскихъ войскъ.

Описывая яркими красками картину этихъ кровавыхъ боевъ, лучшій изъ современныхъ военныхъ корреспондентовъ Вас. И. Немировичъ-Данченко отмѣчаетъ убійственное дѣйствіе русской артиллеріи. Уже на дальнемъ разстояніи наши тяжелыя орудія косятъ стоящіе позади нѣмецкіе резервы, когда же они вводятся въ бой и приближаются на болѣе короткую дистанцію, тяжелая артиллерія смолкаетъ и передаетъ обстрѣливаемыя колонны въ руки легкихъ полевыхъ батарей. Идеальная организація артиллерійскаго огня, играющая почти рѣшающую роль въ нынѣшнихъ побѣдахъ, заставляетъ съ глубокой благодарностью вспомнить всѣхъ тѣхъ, кто за послѣдніе годы такъ много потрудился надъ усовершенствованіемъ русской артиллеріи. Искусно скрываясь сама, артиллерія легко отыскиваетъ и разстрѣливаетъ германскія батареи и пулеметныя роты и уничтожаетъ атакующія колонны непріятеля на ходу, остатки же ихъ сравнительно легко добиваются выскакивающими изъ окоповъ для удара въ штыки пѣхотными солдатами.

Бомбардировка Либавы германскими судами. Въ квартирѣ завѣдующаго ремесленнымъ училищемъ.

Только послѣ отраженія четырнадцати новыхъ бѣшеныхъ атакъ нѣмцы примирились наконецъ съ неудачею своего безумнаго натиска и съ 20-го ноября уже не предпринимали новыхъ наступленій по залитому кровью и усыпанному ихъ трупами центру русскихъ позицій на фронтѣ Лодзь—Ловичъ. Потерпѣвъ здѣсь въ безумно-настойчивыхъ бояхъ тактическое пораженіе, они въ то же время понесли благодаря увлеченію генерала Гинденбурга и большую стратегическую неудачу въ общемъ направленіи кампаніи.

Нѣмецкія атаки на нашъ центръ, какъ извѣстно, не остановили нашего наступленія на флангахъ и въ Восточной Пруссіи, и въ Галиціи, и подъ Краковомъ. Правда, въ области Мазурскихъ озеръ наступленіе идетъ болѣе или менѣе медленно, задержанное сплошною цѣпью трудно преодолимыхъ укрѣпленій, требующихъ саперныхъ работъ, зато послѣ захвата всѣхъ переходовъ черезъ Карпаты наши войска вторглись въ Венгрію.

На путяхъ отступленія германской арміи въ Польшѣ. По фот. нашего спеціальнаго военнаго корреспондента.

Библиотека "Руниверс"

Главная цѣль нѣмецкихъ атакъ противъ нашего центра — задержать до наступленія зимы русское вторженіе въ Силезію и Познань — не достигнута, потому что рѣшающее значеніе для всей дальнѣйшей кампаніи имѣетъ взаимное положеніе армій подъ Краковомъ, гдѣ сосредоточивается узелъ дальнѣйшихъ событій. Пока нѣмцы напрягали свои усилія для овладѣнія Лодзью и Ловичемъ, намъ удалось разбить австрійцевъ и приблизиться съ трехъ сторонъ къ Кракову. 17-го ноября нами были взяты сѣверные подступы къ Кракову, а 18-го ноя-

Томашевъ. Австрійскія гаубицы, взятыя нашими войсками.

Австрійскіе окопы въ 10 верстахъ отъ Томашева.

бря занятъ городъ Величка въ десяти верстахъ къ югу отъ Кракова и въ четырехъ верстахъ отъ его южныхъ фортовъ. Послѣ взятія Велички въ распоряженіи краковскаго коменданта для сношеній съ внѣшнимъ міромъ остается свободной только небольшая тридцативерстная полоса на западѣ отъ крѣпости. Когда идущіе другъ другу навстрѣчу фланги русскаго обложенія сомкнутся, окруженіе крѣпости будетъ окончено, и судьба ея будетъ рѣшена состязаніемъ огня крѣпостныхъ и осадныхъ орудій. Судя по обстоятельному сообщенію штаба Верховнаго Главнокомандующаго, успокоившіеся въ раіонѣ Лодзи германцы, пользуясь густою сѣтью желѣзныхъ дорогъ, спѣшно перебрасываютъ теперь свои корпуса къ Кракову для нанесенія намъ новаго удара съ этой стороны. Новое сосредоточеніе непріятельскихъ силъ требуетъ и отъ насъ новой перегруппировки арміи, направленной для выполненія главной задачи въ раіонѣ Кракова, при чемъ отбитая нами Лодзь уже потеряла свое прежнее значеніе и оставлена нашими войсками. Въ краковскомъ раіонѣ надо ожидать грандіозной битвы, которая рѣшитъ исходъ первой половины войны.

На Галиційскомъ фронтѣ. Близъ Равы Русской. Австрійскіе снаряды, брошенные передъ отступленіемъ.
По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

Обозъ нашей арміи на пути отъ Томашева къ Люблину.

Первое наступленіе соединенной австро-германской арміи въ обходъ лѣваго фланга приближающихся къ Кракову нашихъ войскъ потерпѣло неудачу. Найдя подъ Куровымъ мостъ черезъ Дунаецъ взорваннымъ, а береговыя высоты занятыми непріятелемъ, наши подкрѣпленія, шедшія къ передовымъ частямъ, перешли обледянѣлую рѣчку въ бродъ по грудь и рѣшительнымъ ударомъ отбросили австрійцевъ съ ихъ позицій. По возстановленной переправѣ подошли новыя подкрѣпленія и опрокинули только-что перевезенный изъ Бельгіи 24-й германскій корпусъ. Выдвинутый имъ отрядъ вооруженныхъ легкими скорострѣльными орудіями и пулеметами бронированныхъ автомобилей частью былъ подбитъ нашей артиллеріей, частью же ретировался, не давъ ни одного выстрѣла, въ то время какъ наши бронированные автомобили вносили страшное опустошеніе въ непріятельскіе ряды въ лодзинскихъ бояхъ. Нѣсколько тяжелыхъ германскихъ гаубицъ было подбито, пять легкихъ батарей приведено къ молчанію, часть орудій захвачена вмѣстѣ съ большимъ количествомъ плѣнныхъ. Такимъ образомъ первая встрѣча на новомъ

Съ боевыхъ полей. Перевезеніе тѣла убитаго въ бою подъ Томашевомъ офицера.
По фот., снятой братомъ павшаго въ бою, отыскавшимъ его тѣло.

Библиотека "Руниверс"

Поѣздъ-баня.

Вѣдомство путей сообщенія оборудовало особый поѣздъ-баню для обслуживанія передовыхъ позицій нашей дѣйствующей арміи.

Въ составъ поѣзда входитъ 21 вагонъ со спеціальнымъ оборудованіемъ. Въ теченіе сутокъ въ поѣздѣ могутъ вымыться до 2.000 человѣкъ. Въ одномъ изъ вагоновъ устроена особая камера для сушки и очищенія отъ паразитовъ солдатской верхней одежды. Послѣ мытья каждый солдатъ получаетъ чистое бѣлье, а снятое бѣлье на особыхъ пунктахъ вымывается, чинится и снова раздается солдатамъ.

Оборудованіе поѣзда было закончено въ началѣ ноября, и недавно онъ отбылъ изъ Петрограда на передовыя позиціи. На снаряженіе поѣзда и снабженіе его бѣльемъ отпущено до 50.000 руб. изъ суммъ, поступившихъ отъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и правленій желѣзныхъ дорогъ.

Поѣздъ-баня вѣдомства путей сообщенія. Раздѣвальня.

Поѣздъ-баня вѣдомства путей сообщенія. Умывальня.

фронтѣ ознаменовалась для насъ значительной побѣдой, которая, повидимому, послужитъ только началомъ дальнѣйшаго нашего наступленія.

Связанная въ тылу македонскими четниками и угрозою неофиціальнаго болгарскаго вторженія въ Македонію, подавленная полумилліонной австрійской арміей, сербская армія была вынуждена очистить на австрійскомъ берегу Дуная занятый ею Землинъ, потомъ свою столицу Бѣлградъ, затѣмъ избранныя позиціи по р. Колубары, но въ тотъ моментъ, когда австрійцы уже готовились справлять тризну надъ погибшимъ славянскимъ государствомъ и черезъ дружественную имъ офиціальную Болгарію соединиться съ Турціей, сербы послѣднимъ героическимъ усиліемъ нанесли имъ въ долинѣ западной Моравы рѣшительное пораженіе, обративъ въ бѣгство и центръ и оба фланга торжествующаго непріятеля. Кромѣ огромныхъ потерь убитыми и ранеными австрійцы потеряли около 20-ти тысячъ плѣнными, 58 орудій и 56 пулеметовъ, не считая боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ. Стратегическія и политическія послѣдствія сербской побѣды чрезвычайно важны. Пораженія, понесенныя австрійцами на обоихъ фронтахъ, дѣлаютъ Австрію фактически почти уже выбывшей изъ строя борьбы.

Библиотека "Руниверс"

Во Львовѣ.

(Отъ нашего спеціальнаго корреспондента).

Холодное раннее утро во Львовѣ. Серебристымъ инеемъ, какъ мѣхомъ, оторочены голыя вѣтви деревьевъ и крыши домовъ. Сильный, рѣзкій вѣтеръ съ Карпатъ носитъ по пустыннымъ львовскимъ улицамъ тучи увядшихъ осеннихъ листьевъ, а вслѣдъ за листьями несутся вихри снѣга.

Это не тотъ снѣгъ, какой влажными, медленно падающими хлопьями валитъ, вѣроятно, теперь въ милой Россіи,—это не снѣгъ, а его сухія острыя крупинки, какъ иглами колющія глаза и лицо.

Холодно. Львовъ еще спитъ, и только изрѣдка слышится топотъ лошадиныхъ копытъ нашего казачьяго патруля по каменнымъ мостовымъ.

Но не спятъ въ русской православной церкви св. Ѳомы. Триста лѣтъ тому назадъ тамъ шла послѣдняя обѣдня по православному нашему обряду, триста лѣтъ подъ рядъ ту же обѣдню служило уніатское духовенство,—и теперь вновь слышится наше русское богослуженіе, наши родные церковные напѣвы.

Когда при взятіи Львова въ первый разъ полковой священникъ штаба генерала Брусилова служилъ обѣдню, эта церковь была переполнена нашими офицерами и солдатами. Это былъ такой трогательный моментъ, что, начиная съ священника, всѣ плакали.

И теперь весь день открыта эта церковь, и съ утра и до поздняго вечера въ ней молятся офицеры и солдаты, горятъ передъ иконами сотни свѣчей, — и жарка молитва воина передъ грозящей ему опасностью. Вообще нужно сказать, что въ эту великую войну народовъ религіозное чувство яркимъ огнемъ вспыхнуло въ душѣ даже самыхъ закоренѣлыхъ атеистовъ.

— Я вѣрую, я такъ глубоко вѣрую, — говорилъ мнѣ одинъ офицеръ, недавно совершенно безразлично относившійся къ вѣрѣ: — что для меня теперь съ вѣрою не страшны ни жизнь ни смерть.

Наши солдаты, проходя мимо уніатскихъ и католическихъ храмовъ, заходятъ во всѣ попадающіеся имъ на пути уніатскія церкви и католическіе костелы и очень часто подолгу молятся тамъ. Нужно отдать справедливость: настоятели этихъ церквей очень сердечно относятся къ религіозному порыву нашихъ солдатъ.

Но характерно, что австрійцы теперь въ каждомъ ксендзѣ и въ каждомъ уніатскомъ священникѣ видятъ шпіона; они запрещаютъ имъ служить службы, а колокольный звонъ считаютъ предательствомъ, — сигнализаціей русскимъ войскамъ, и очень часто разстрѣливаютъ этихъ священниковъ. Нѣсколько дней тому назадъ, когда наши войска проходили мимо мѣстечка М., ксендзъ обратился съ просьбой къ начальнику нашего отряда отслужить обѣдню.

— Да развѣ вамъ кто-нибудь запрещалъ службу?—спросилъ начальникъ отряда.

Львовъ. У дома генералъ-губернатора Галиціи.

— Нѣтъ, не запрещалъ, но я на всякій случай прошу разрѣшенія. А въ звонницу можно звонить?

— Конечно, можно.

— Благодарю васъ. А то австрійцы хотѣли снять даже колокола съ колокольни, какъ только услыхали первый звукъ благовѣста. Я едва избѣжалъ самъ смерти...

Началась обѣдня. Ксендзъ, видя присутствующій въ церкви штабъ нашего отряда и массу солдатъ, служилъ съ особымъ воодушевленіемъ.

Наши полковые священники—это сплошь герои. Подъ страшнымъ разрывомъ шрапнели и пулеметами они на самомъ полѣ сраженія исповѣдываютъ и пріобщаютъ умирающихъ, принимая ихъ послѣдній вздохъ, перевязываютъ раненыхъ, помогаютъ переносить ихъ санитарамъ, исполняютъ всѣ просьбы, съ какими только ни обращаются къ нимъ больные и раненые въ госпиталяхъ; помощь раненымъ они оказываютъ какъ нашимъ, такъ и австрійцамъ.

Въ походной жизни нашъ священникъ слѣдуетъ за полкомъ верхомъ, переноситъ всѣ невзгоды и лишенія, какія только выпадаютъ въ эту военную страду. Многіе изъ священниковъ уже награждены золотыми наперсными крестами на Георгіевской лентѣ.

Но если эта война вызвала такой подъемъ религіозныхъ чувствъ, то въ связи съ нимъ замѣчается развитіе какого-то чувства фатальности.

Что суждено—то сбудется. Это чувство неизбѣжности судьбы въ большей или меньшей степени переживаютъ наши офицеры и солдаты.

Командиръ N-скаго полка храбрый полковникъ К. пользуется въ арміи славой счастливаго человѣка: за нимъ солдаты идутъ въ какой угодно огонь; они вѣрятъ въ его счастье, и геройскій этотъ полкъ дѣйствительно всегда сопровождаютъ блестящія побѣды.

Вся солдатская шинель этого командира полка буквально представляетъ рѣшето. Пулеметными пулями отрѣзанъ нижній конецъ его шинели, отверстія отъ пуль—и въ складкахъ рукавовъ и въ полахъ, но ни одна пуля его даже не контузила.

Во время послѣдняго нашего наступленія на австрійцевъ, когда мы погнали ихъ къ Кракову, однажды этотъ командиръ полка обѣдалъ въ небольшой хаткѣ галиційской деревни. Въ это время австрійская тяжелая артиллерія начала обстрѣливать эту деревню. Одинъ изъ первыхъ тяжелыхъ снарядовъ попалъ въ ту хату, гдѣ сидѣлъ командиръ полка. Снарядъ пробилъ стѣну, прошелъ черезъ внутреннія перегородки хаты и, не взорвавшись, застрялъ въ стѣнѣ той комнаты, гдѣ обѣдалъ командиръ. Своимъ острымъ кон-

Русская конница во Львовѣ. По фот. нашего спеціальнаго военнаго корреспондента.

Библиотека "Руниверс"

цомъ снарядъ вылѣзъ въ ту комнату: „совсѣмъ какъ свинья влѣзъ“,—говорили солдаты.

Эта случайность даетъ офицерамъ и солдатамъ полка такую вѣру въ счастье своего командира, что ихъ натискъ неудержимъ и въ будущемъ сулитъ еще болѣе яркіе примѣры побѣдоноснаго наступленія нашихъ войскъ.

Любезный полковникъ Н. предложилъ мнѣ проѣхать на автомобилѣ съ нимъ по направленію къ нашимъ передовымъ позиціямъ у Я. Рано утромъ до верху нагруженный припасами для полка автомобиль уже несъ насъ по пустыннымъ улицамъ Львова. Чѣмъ ближе мы направлялись къ передовымъ позиціямъ, тѣмъ война сказывалась все сильнѣе и сильнѣе.

Львовъ. Русскія войска у памятника Мицкевича. По фот. нашего спеціальнаго военнаго корреспондента.

Мы обгоняли наши обозы, безпрерывной чередой тянувшіеся по грязной тяжелой дорогѣ по направленію къ Я., а навстрѣчу намъ двигались толпы плѣнныхъ австрійцевъ.

Въ своихъ свѣтло-синихъ шинеляхъ и кэпи, съ высоко поднятыми воротниками, ежась отъ холода, они мрачно шагали по дорогѣ, мѣся грязь своими штиблетами; многіе изъ нихъ были въ повязкахъ, у кого забинтована голова, у кого на привязи рука. На телѣгахъ, на соломѣ лежали по три, по четыре австрійца, съ головой, покрытой шинелью.

Кругомъ разстилались покрытыя недавно выпавшимъ снѣгомъ поля Галиціи, почти повсюду изрытыя окопами, траншеями. Вдоль по дорогѣ виднѣлись отдѣльныя деревни, хижины, но я не видалъ ни одной хаты, на которой была бы крыша. Почти половина всѣхъ галиційскихъ избъ по дорогѣ была сплошь сожжена, виднѣлись однѣ только обгорѣлыя трубы, а остальная часть хатъ подверглась сильнѣйшему разрушенію. Мѣстнаго населенія почти не видно; оно или уведено австрійцами, или убѣжало въ города, и лишь только изрѣдка попадаются уже пожилого возраста галиційскіе крестьяне въ бѣлыхъ тулупахъ и бабы въ платкахъ и расшитыхъ шнурами паневахъ. По сторонамъ шоссе виднѣются окровавленные бинты и тряпки, пустыя жестянки, бумажки синяго цвѣта отъ патроновъ, старыя, разбитыя австрійскія повозки, обломки колесъ.

Одиноко стоятъ бѣлые деревянные кресты безвѣстныхъ героевъ.

Чѣмъ дальше вы ѣдете, тѣмъ больше становятся партіи плѣнныхъ. Все тѣ же унылыя фигуры, какъ-то безучастно шагающія по дорогѣ.

Вотъ впереди показалось большое селеніе, среди полуразрушенныхъ зданій сравнительно уцѣлѣлъ одинъ большой домъ, съ крышей, повидимому, только-что сколоченной. Въ этомъ домѣ нашъ госпиталь.

Онъ весь переполненъ ранеными, какъ нашими, такъ и австрійцами. Солдаты лежатъ тѣсными рядами среди небольшихъ промежутковъ. Два доктора и сестры милосердія едва успѣваютъ подавать помощь. Докторъ В. разсказываетъ объ удивительныхъ случаяхъ пораненій, объ организаціи медицинской части въ австрійскихъ войскахъ.

— Когда мы взяли Львовъ, — говоритъ онъ: — мы захватили австрійскій обозъ, тянувшійся на пятнадцать верстъ. Чего-чего только не было въ этомъ обозѣ. Великолѣпные ящики съ наборомъ хирургическихъ инструментовъ, большіе и малые, — такіе инструменты, которымъ каждый нашъ врачъ былъ бы очень радъ. Громадные транспорты перевязочныхъ веществъ, бинтовъ, теплыхъ одѣялъ, бѣлья, медикаментовъ, консервовъ, сахару, муки, — все это очень пригодилось для нашихъ раненыхъ и больныхъ. Ящики съ хирургическими инструментами были розданы нашимъ врачамъ.

Тутъ же этотъ докторъ показалъ на одного раненаго нашего солдата. Этотъ солдатъ лежалъ въ полѣ, стрѣляя въ австрійцевъ. Австрійская пуля попала ему между лопатокъ, прошла вдоль спины, къ счастью, не задѣвъ спинного хребта, и вышла внизу спины, разворотивъ покровы и превративъ ихъ въ сплошную кровавую массу. Только сильная натура могла выдержать такое ужасное пораненіе: этотъ солдатъ теперь на пути къ выздоровленію. Мы видѣли одного несчастнаго солдата, которому стаканъ отъ шрапнельнаго снаряда попалъ въ голову. Это была уже не голова, а нѣчто безформенное. Черепъ и лицевыя кости были совершенно раздроблены, и тѣмъ не менѣе этотъ солдатъ еще жилъ полчаса послѣ того.

Между прочимъ, докторъ В. разсказалъ о характерномъ снабженіи медицинскими препаратами австрійскихъ врачей и показалъ намъ австрійскій докторскій ящикъ. Каждый австрійскій врачъ носитъ всегда при себѣ этотъ большой полукруглый кожаный ящикъ, надѣвающійся, какъ поясъ. Кожаная крышка ящика открывается, какъ у патронташа, и тамъ въ этомъ ящикѣ уложены съ удивительной аккуратностью нужные медицинскіе инструменты, бинты, ножницы, морфій, опій,—очень важный при раненіяхъ въ животъ, когда солдаты страшно страдаютъ отъ боли,—хининъ и другія лѣкарства. Большая часть лѣкарствъ изготовлена въ видѣ сухихъ таблетокъ, въ совершенно готовомъ для пріема видѣ, и австрійскій врачъ въ случаѣ надобности только разрываетъ бумажную обложку этихъ таблетокъ и даетъ уже готовое лѣкарство раненому, тогда какъ нашимъ врачамъ приходится приготовлять лѣкарства въ походныхъ аптекахъ, на что, конечно, уходитъ много времени.

Львовъ. Русскія войска, расположившіяся у вокзала. По фот. нашего спеціальнаго военнаго корреспондента.

Библиотека "Руниверс"

Львовъ. У памятника Голуховскому.
По фот. нашего спеціальнаго военнаго корреспондента.

Удивительно, что видъ даже самыхъ тяжелыхъ ранъ,—мнѣ приходилось видѣть шрапнельныя пораненія, когда раны были сквозныя и буквально обнаруживались человѣческія кости, — и даже ужасный запахъ загноившихся ранъ не производитъ въ военной обстановкѣ сильнаго впечатлѣнія. Да, всѣмъ сердцемъ сожалѣешь раненаго, хочешь ему какъ-нибудь помочь, облегчить ему страданія, но какого-либо сердечнаго потрясенія не испытываешь. Но въ мирной обстановкѣ мнѣ пришлось видѣть сцену, когда была потрясена вся присутствующая публика.

Изъ Львова одна молодая женщина въ глубокомъ траурѣ, вдова офицера, везла въ Кіевъ съ поѣздомъ трупъ своего геройски павшаго въ бою мужа. Весь путь въ вагонѣ она горько плакала.

И вотъ, когда поѣздъ пришелъ въ Кіевъ, на вокзалѣ она увидѣла своего маленькаго сына-гимназиста.

Она бросилась къ нему съ словами, въ которыхъ было столько горя, столько отчаянія:

— Боря, милый Боря...—и вмѣстѣ съ этой женщиной плакала вся публика.

Автомобиль летитъ все дальше и дальше. Темнѣетъ, скоро уже становится ни зги не видно. Только свѣтъ отъ автомобильныхъ фонарей освѣщаетъ дорогу и на ней встрѣчныя партіи плѣнныхъ. Подъѣзжаемъ къ какому-то селенію и вдругъ слышимъ сзади сильный крикъ: „Стой... Стой... Стой..." Оказывается, по шоссе дальше ѣхать нельзя. Австрійцы, отступая, разрушили каменные устои моста черезъ небольшую рѣчку, и только двѣ желѣзныя балки висятъ въ воздухѣ, какъ нити. Проѣхали по временному деревянному мосту и скоро въѣхали въ Я.

Жуткими казались улицы этого еще недавно счастливо жившаго города. Разбитые снарядами дома, обвалившіяся стѣны съ висящими на нихъ согнутыми кровельными желѣзными листами, запахъ гари. Населеніе бѣжало, въ городѣ нѣтъ почти никого, кромѣ русскихъ войскъ, медленно передвигающихся по улицамъ полуразрушеннаго города. Красное пламя факеловъ освѣщаетъ то зіяющія окна съ разбитыми стеклами, то какую-то темную груду камней. Въ уцѣлѣвшихъ зданіяхъ расположились наши лазареты. Мрачный городъ.

Вс. Надеждинъ.

Стасикъ-казакъ.

Разсказъ **С. Удѣльнаго** *).

I. „Мамуся, мамуся".

Стасика не было дома, когда случилось все это. Онъ былъ у тетки Маріанны въ сосѣдней деревнѣ, и не зналъ, что произошло дома.

А произошло вотъ что.

Въ деревушку М. у самой границы утромъ рано прискакали на высокихъ коняхъ какіе-то въ сѣрое одѣтые всадники и стали разспрашивать сонныхъ крестьянъ, есть ли тутъ и сколько казаковъ. Изумленные жители, ничего не понимавшіе, никакихъ казаковъ не видали.

Тогда всадники умчались, но вскорѣ въ деревушку пришелъ большой отрядъ такихъ же всадниковъ и занялъ деревню.

Худощавый высокій офицеръ приказалъ собрать всѣхъ мужчинъ, объявилъ имъ, что теперь война, что онъ командиръ отряда прусскихъ уланъ, и потребовалъ выдать ему скотъ, лошадей и какіе есть припасы.

Крестьяне, ни о какой войнѣ не слышавшіе, сперва стали возражать, но когда двумъ-тремъ изъ нихъ пришлось отвѣдать уланскихъ прикладовъ, покорно пошли исполнять приказаніе.

Женщины, узнавъ, въ чемъ дѣло, стали ревѣть, а дѣти своимъ плачемъ увеличивали общую сумятицу.

Уланы въ это время разбрелись по хатамъ, требовали угощенья и хозяйничали, какъ хотѣли.

Забрались два улана и въ Стасину хату. Испуганная мать, вся въ слезахъ, вышла доставать солдатамъ угощенье, а отецъ пошелъ выводить скотъ. Въ хатѣ осталась одна шестнадцатилѣтняя сестра Стаси, красавица Анеля.

Не могли уланы устоять передъ соблазномъ, стали грубо приставать къ молодой дѣвушкѣ. Вырываясь изъ объятій одного изъ насильниковъ, она нечаянно задѣла прислоненное къ стѣнѣ ружье улана.

Раздался выстрѣлъ.

Это послужило сигналомъ къ тому невѣроятному, ужасному, что произошло затѣмъ.

Уланы, вообразивъ, что на нихъ произведено нападеніе со стороны крестьянъ, выскочили изъ хатъ, и вотъ началось...

Стрѣляли, рубили, рѣзали безъ пощады мужчинъ, женщинъ, дѣтей. Никакого спасенія. Сопротивлявшихся рубили, бѣгущихъ подстрѣливали.

Однѣми изъ первыхъ были изрублены Анеля и мать ея, несшая хлѣбъ и прочее для своихъ гостей. Отецъ, схватившій косу и выбѣжавшій изъ хлѣва на помощь, былъ тутъ же изрѣшетенъ.

Въ довершеніе всего уланы подожгли деревню.

Въ тотъ день Стася возвращался въ родную деревню. Шелъ онъ весело. Онъ ничуть не боялся итти одинъ. Во-первыхъ, онъ уже былъ „большой" — ему было 12 лѣтъ, а во-вторыхъ, онъ шелъ знакомой дорогой: не разъ ужъ онъ ходилъ по ней къ теткѣ Маріаннѣ и одинъ, и съ отцомъ, и съ Анелей.

Онъ срѣзалъ себѣ ивовый прутикъ, обчистилъ его, и получился хорошенькій хлыстикъ. Размахивая имъ, онъ шелъ по тропинкѣ вдоль дороги—и легче было итти, и не такъ пыльно.

Львовъ. У памятника Яну Собѣсскому.
По фот. нашего спеціальнаго военнаго корреспондента.

*) Гонораръ, полученный авторомъ за этотъ разсказъ, пожертвованъ имъ Комитету „Петроградъ—Польшѣ".

Библиотека "Руниверс"

И радостно было у него на душѣ. Солнышко такъ ярко свѣтило, въ воздухѣ такъ привѣтливо все пѣло, а отъ полей несло такимъ душистымъ запахомъ, что, право, было хорошо и легко. И мамусю свою онъ скоро увидитъ, и подарокъ онъ ей несетъ: тетка Маріанна испекла такой вкусный пирогъ со сливами, дала ему большой кусокъ, и еще сыру и вкуснаго-вкуснаго бѣлаго хлѣба. Радостно несетъ Стася узелочекъ для своей мамуси и не чувствуетъ усталости.

Когда онъ поднялся на гору, черезъ которую вела дорога, онъ замѣтилъ вдали, какъ будто въ томъ направленіи, куда ему итти, что-то какъ бы дымъ, но онъ не обратилъ на это вниманія — не разъ онъ видѣлъ такой дымъ, когда крестьяне выжигали торфяныя болота.

Когда онъ спустился съ горы, то за лѣсомъ вовсе не стало видно дыма.

Бодро и легко шелъ Стася.

А вотъ на перекресткѣ что-то не ладно. Онъ привыкъ всегда набожно снимать шапку и креститься передъ распятіемъ, высоко поднятымъ въ этомъ мѣстѣ на деревянномъ крестѣ. А тутъ вотъ креста-то и не видно.

Онъ ускорилъ шагъ и, странно, крестъ свален, какъ будто его кто-то подрубилъ, и распятіе отброшено въ сторону. Онъ поднялъ распятіе, набожно поцѣловалъ и попробовалъ приладить къ старому мѣсту, но это ему не удавалось.

„Надо сказать отцу, чтобы поправили“, — мелькнула у него мысль.

И онъ пошелъ дальше. Вдругъ, когда онъ вышелъ изъ-за лѣса, онъ увидѣлъ — и теперь совершенно ясно — дымъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ должна была быть его деревня.

И чѣмъ ближе онъ подходилъ къ ней, тѣмъ для него становилось яснѣе, что въ деревнѣ пожаръ. И онъ уже не шелъ, а бѣжалъ.

При входѣ въ деревню на дорогѣ что-то лежало. То былъ человѣкъ, но сразу это было трудно распознать.

Что-то безформенное, какъ будто по немъ проѣхалъ обозъ или прошло стадо скота. Лужа крови...

„Дядя Казиміръ“, — почуялъ Стася, но онъ не остановился. Страхъ обуялъ его, и еще пуще пустился онъ бѣжать.

Деревня догорала, но не было видно ни души. Стася помнилъ пожаръ въ сосѣдней деревнѣ — тогда было много людей, кричали, бѣгали, а тутъ — никого.

Лежали полуодѣтые трупы въ крови... Вотъ сломанная телѣга... Вотъ жеребенокъ съ вытянутыми ногами, съ выпущенными внутренностями...

Львовъ. Русскія войска у воротъ австрійскихъ казармъ.
По фот. нашего спеціальнаго военнаго корреспондента.

Страшно Стасѣ. Вотъ его домъ. Но дома нѣтъ — торчитъ труба, дымятся головни. Старая береза, черная, съ опаленными листьями.

Стася не зналъ, что дѣлать. Онъ забѣжалъ за домъ — что-то лежало въ крови. „Іезусъ — Марія!“ — отецъ.

Онъ отскочилъ отъ трупа и съ дикимъ крикомъ: „Мамуся, мамуся!“ побѣжалъ по деревнѣ.

Вотъ домъ, почти цѣлый, тетки Магдалины. „Можетъ-быть, тамъ мамуся!“ Быстро вбѣжалъ онъ въ сѣни и въ ужасѣ выскочилъ оттуда — въ сѣняхъ лежала зарѣзанная тетка Магдалина.

Добѣжалъ Стася до конца деревни — все то же: развалины, трупы, кровь и ни одной живой души...

Вотъ поле.

— Мамуся, мамуся! — но только эхо вторитъ: „уся, уся“.

Обуянный страхомъ, Стася бросился на колѣни и неистово сталъ шептать молитву.

„Гдѣ же мамуся, гдѣ Анеля?“ Онъ побѣжалъ обратно въ деревню. Вотъ что-то у дома его двигается, черное. „Руликъ, Руликъ!“ Руликъ, въ крови, на трехъ лапахъ еле плетется навстрѣчу. Но Стася, ничего не замѣчая, радостно бѣжитъ и почти падаетъ, обнявъ Рулика. Руликъ виновато визжитъ, лижетъ мальчику лицо, руки. Оба рады другъ другу. Какое счастье! Руликъ здѣсь, живой, теплый.

— Мамуся, гдѣ мамуся? — но умные песьи глаза только плачутъ и моргаютъ и все поворачиваются въ ту сторону, гдѣ лежитъ трупъ отца. И песъ все какъ будто тянетъ туда Стасю.

Подошелъ Стася вмѣстѣ съ Руликомъ къ отцу, но страха онъ больше не чувствовалъ — съ нимъ былъ Руликъ.

Посмотрѣлъ на отца, и наполнилось сердце его невыразимою жалостью. Припалъ онъ къ холоднымъ босымъ ногамъ, и потекли у него слезы. Плакалъ онъ, и въ судорожномъ рыданіи билось его тѣльце, а Руликъ лизалъ ему ухо.

Стало какъ будто легче, какъ будто со слезами выливалось все горе.

Озарила его мысль — „а можетъ-быть, мамуся и Анеля убѣжали въ сосѣднюю деревню“.

И, успокоенный, онъ всталъ, и по лицу пробѣжала тѣнь, серьезная складка легла между бровями, какъ будто онъ очнулся отъ чего-то. Онъ какъ будто позналъ, что кровь отца требуетъ мщенья. Да, мстить, но кому, кто это сдѣлалъ? „Пойду въ деревню, разыщу мамусю и узнаю“.

Съ серьезнымъ, спокойнымъ видомъ онъ опустился у ногъ отца на колѣни и сталъ творить молитву. Поцѣловалъ холодныя ноги и всталъ.

Руликъ не могъ съ нимъ пойти, какъ ни звалъ его Стася.

Тогда Стася развязалъ свой узелъ, выложилъ все — и булку, и пирогъ, и сыръ — на траву, крѣпко обнялъ Рулика и пошелъ...

Львовъ. Полковой скотъ на улицахъ города.
По фот. нашего спеціальнаго военнаго корреспондента.

II. „Пся кревъ“.

Торопливо шелъ Стасикъ, не оглядываясь, поддерживаемый одной мыслью, что вотъ онъ разыщетъ мамусю, все разскажетъ ей и узнаетъ, въ чемъ дѣло.

Уже солнце склонялось къ закату.

Кругомъ ни души. Пусто на землѣ, пусто въ небѣ. Ни одного звука. Только собственные шаги по дорогѣ и собственное дыханіе слышитъ Стася. Стало ему жутко.

Но, слава Богу, ужъ недалеко. Вотъ за этимъ лѣскомъ еще горка, а затѣмъ уже деревня. И торопливо вступилъ онъ въ прохладный лѣсъ.

Вдругъ: „халтъ!“ — и кто-то въ сѣромъ вышелъ изъ лѣсу на дорогу.

Напуганный Стася бросился бѣжать, но вдогонку ему послѣдовалъ выстрѣлъ. Со страху онъ шлепнулся о землю, и далеко въ сторону отлетѣла его шапка. Человѣкъ въ сѣромъ схватилъ его, поднялъ на воздухъ и потащилъ въ лѣсъ.

Тутъ онъ свистнулъ, и изъ чащи выбѣжали еще двое, тоже въ сѣромъ, и, что-то поговоривъ, чего онъ не понялъ, больно взяли его за руки и повели въ глубь лѣса.

Привели Стасю на лужайку посреди лѣса, и увидѣлъ онъ: посреди лужайки расположилось много

Библиотека "Руниверс"

такихъ же людей, всѣ въ сѣромъ, что-то варили въ большомъ котлѣ, а поодаль на привязи стояли лошади.

Повели его на самую середину, къ высокому, худому человѣку, сидѣвшему на пнѣ съ большою чашкою въ рукахъ.

Приведшіе его люди заговорили на незнакомомъ ему языкѣ, а сидѣвшій на пнѣ что-то спрашивалъ ихъ. Похоже на то, какъ они говорили, говорилъ старый еврей Янкель, когда онъ пріѣзжалъ въ ихъ деревню скупать яйца и привозилъ подарки мамусѣ, теткѣ и другимъ. Но всетаки сѣрые люди говорили какъ-то иначе, и онъ ихъ не понималъ.

Сидѣвшій на пнѣ спросилъ его по-польски, откуда онъ пришелъ. Обрадованный, что слышитъ родную рѣчь, онъ сказалъ. Тогда его спросили, видѣлъ ли онъ казаковъ, гдѣ и сколько.

На развѣдку черезъ непріятельскіе окопы.
По фот. нашего спеціальнаго военнаго корреспондента.

Грубый хохотъ прервалъ его разсказъ. Хохотали всѣ кругомъ.

Съ недоумѣніемъ онъ глядѣлъ то на человѣка, сидѣвшаго на пнѣ и такъ хохотавшаго, что тряслась чашка въ рукахъ, то на тѣхъ, которые стояли кругомъ.

— Дурень ты, не казаки сожгли деревню и убили твоего отца, а мы наказали вашихъ псовъ за злодѣйство.

Ошеломленный, ничего не понимая, но не теряя надежды разыскать мамусю, онъ бросился на колѣни передъ человѣкомъ, сидѣвшимъ на пнѣ.

— Пане, добрый пане, гдѣ мамуся?

Еще сильнѣе захохотали сѣрые люди, и сквозь душившій его хохотъ человѣкъ, сидѣвшій на пнѣ, прокричалъ Стасѣ прямо въ лицо:

— У чорта!

Казаки, казаки! Что-то далекое, далекое вспомнилось ему. Да, казаки!

Онъ помнитъ, какъ страшно боялся казаковъ, когда дѣдъ разсказывалъ. Онъ вспомнилъ и догадался: да, это навѣрное пришли казаки, убили его отца, сожгли деревню и увели его мамусю и Анелю, а эти сѣрые люди теперь разыскиваютъ этихъ ужасныхъ казаковъ, чтобы наказать ихъ и отнять мамусю и Анелю.

Обрадовавшись, довѣрчиво и скороговоркою онъ сталъ разсказывать сѣрому человѣку: да, онъ знаетъ, гдѣ казаки—они были въ деревнѣ, убили его отца, сожгли дома, увезли мамусю

„У чорта“? Какъ, чтобы его мамуся, которая часами могла на колѣняхъ простаивать на молитвѣ и его учила всегда любить Бога и молиться, была „у чорта“? Нѣтъ, это было слишкомъ для его слабаго разума.

Потемнѣло въ глазахъ Стаси, и прямо съ колѣнъ онъ бросился впередъ.

— Пся кревъ! — и чашка вылетѣла изъ рукъ сидѣвшаго на пнѣ.

Но тутъ онъ получилъ такой ударъ прикладомъ въ спину, что все помутилось въ глазахъ, и онъ остался лежать.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Сестры.

Разсказъ И. Кипренскаго.

(Окончаніе).

V.

Но было одно слабое мѣсто, съ которымъ никакъ не умѣли справиться сестры. Со всей своей житейской опытностью, Марья Герасимовна была тутъ такъ же безсильна, какъ и Ирина Аркадьевна. Обѣ были не то что плохими, а просто никакими хозяйками.

Кугасова не пріобрѣла познаній въ этомъ искусствѣ потому, что оно не входило въ кругъ ея воспитанія. Обстановка ея жизни была такова, что ей не приходилось и не представлялось въ будущемъ заботиться о разныхъ пустякахъ ежедневнаго обихода: все для нея всегда было готово. Кто-то въ домѣ заботился объ этомъ, и никогда въ жизни у нея не было ни въ чемъ недостатка.

Этимъ не могла похвастаться Побѣдина. Въ ея еще недолгой, но очень богатой опытомъ жизни бывали всякія обстоятельства. Прежде чѣмъ достигнуть виднаго положенія и спокойнаго существованія, ей пришлось пройти всю тяжелую школу провинціальной сцены и познакомиться съ безработицей, неплатежами, съ крахами и бѣгствомъ антрепренеровъ, терпѣть отъ недоѣданія и холода.

Но обстановка актерской жизни такова, что невзгоды только закаляютъ, но ничему не научаютъ, потому что онѣ считаются какъ бы неотъемлемой принадлежностью жизни актера, и актеръ, который съ самаго начала своей карьеры и до конца не терпѣлъ невзгодъ—не актеръ. Кромѣ того, жизнь въ гостиницахъ, постоянныя передвиженія изъ города въ городъ отбиваютъ вкусъ къ накопленію добра и отучаютъ цѣнить его и сколько-нибудь толково распоряжаться имъ.

А тутъ это-то какъ разъ и было нужно. Въ больницѣ, конечно, была строго установлена система хозяйства, и палатѣ не приходилось заботиться о пищѣ и питьѣ, о постельномъ и другомъ бѣльѣ, о лѣкарствахъ.

Но дѣло было не въ этомъ. У палаты было или по крайней

На Галиційскомъ фронтѣ. Наши войска на улицѣ Самбора.
По фот. нашего спеціальнаго военнаго корреспондента.

Библиотека "Руниверс"

мѣрѣ могло бы быть свое особое хозяйство и свои нужды. По воскресеньямъ и праздникамъ въ послѣобѣденные часы приходила публика. У очень немногихъ были знакомые и родственники. Большею же частью люди приходили просто такъ,— посмотрѣть на раненыхъ солдатиковъ и посочувствовать имъ. И при этомъ каждый считалъ своимъ долгомъ принести имъ гостинецъ.

И, конечно, это было то, что могло самимъ приносящимъ доставить наибольшее удовольствіе. А такъ какъ приходилъ большею частью народъ простой и невзыскательный, то послѣ ухода ихъ въ палатѣ оказывались цѣлыя горы баранокъ, яблокъ, мармеладу, папиросъ.

Въ первое время это нравилось раненымъ и тѣшило ихъ. Они старались какъ можно добросовѣстнѣе съѣдать все, что приносили имъ добросердечные посѣтители, а курильщики—выкурить всѣ папиросы. Но скоро это имъ надоѣло и, кромѣ того, оказалось вреднымъ. Дѣло дошло до того, что врачу пришлось на нѣкоторыхъ лакомокъ наложить строгіе запреты. А между тѣмъ въ слѣдующій праздникъ являлись новые посѣтители и съ избыткомъ пополняли все тѣ же предметы. И теперь яблоки, баранки погибали безъ толку. Папиросъ же образовался неистребимый запасъ. Разсылать въ другія палаты было безполезно, такъ какъ тамъ было то же самое.

На Галиційскомъ фронтѣ. Наши войска на станціи Красное.
По фот. нашего спеціальнаго военнаго корреспондента.

Обѣ сестры съ сокрушеніемъ смотрѣли на это. Жаль было имъ чужого усердія, и понимали онѣ, что все это можно было бы использовать гораздо лучше, но ничего практическаго не могли придумать.

А тутъ была еще и другая бѣда: у раненаго, несмотря на щедрое больничное содержаніе, многаго недоставало. Съ войны пріѣзжалъ онъ безъ всякаго багажа, и все его имущество, кромѣ мундира, заключалось въ одной парѣ бѣлья, въ которомъ онъ пріѣхалъ, и то большею частью было въ плохой исправности. Его, разумѣется, переодѣвали въ больничное, но какъ только онъ вставалъ съ постели и начиналъ ходить, это бѣлье становилось ему непріятнымъ.

Это была какая-то особая черта, даже походившая на капризъ, но общая почти всѣмъ. Каприза однако тутъ не было, а было простое желаніе человѣка, чувствующаго себя здоровымъ и свою заживающую рану не считающаго болѣзнью,—какъ можно меньше походить на больного.

— Мы не больные, мы раненые,—такъ и говорили они.

Больничный халатъ былъ неизбѣженъ, и потому свое бѣлье доставляло особенное удовольствіе, а его-то и не было.

Но особенно горько это было, когда солдатикъ, поправившись, уѣзжалъ въ деревню или на войну. Было просто обидно отпускать его съ той единственной рубахой, которая была на немъ. Да, кромѣ того, поступивъ въ лазаретъ въ теплое время, онъ выходилъ изъ него, когда наступали уже холода. Такъ хотѣлось снабдить его чѣмъ-нибудь потеплѣе. Кое-что сдѣлали для него сестры, но помощь отъ этого не могла быть существенной.

И вотъ тутъ-то на выручку судьба послала имъ новаго товарища въ лицѣ Варвары Игнатьевны Маркеловой.

Ее назначили къ нимъ въ палату обычнымъ порядкомъ, помимо ихъ желанія. Въ это время нѣсколько выздоровѣвшихъ выписалось, и на ихъ мѣсто поступили солдатики съ довольно сложными пораненіями, за которыми требовался тщательный уходъ. Рѣшили, что двумъ сестрамъ будетъ тяжело, и назначили третью.

И когда она пришла и представилась сестрамъ, онѣ невольно переглянулись. Такъ показалась она имъ мало подходящей для предстоящей дѣятельности сестры милосердія.

Это была женщина лѣтъ сорока пяти, поменьше средняго роста, сильно раздавшаяся въ ширь и, какъ казалось, порядочно уже отяжелѣвшая. Лицо у нея было странное, маленькое, дѣтское, съ мелкими чертами, съ маленькимъ ртомъ, но его окаймляли, какъ рама, жировыя складки, внизу впадавшія въ толстый жирный подбородокъ.

Волосы на головѣ были рѣденькіе, тоненькой косичкой завернутые надъ затылкомъ въ маленькій до смѣшного и какой-то безпомощный комочекъ.

А когда она заговорила, то у нея оказался низкій голосъ, огрубѣвшій, рѣзкій, съ сипотой, которая поддерживалась, должно-быть, табачнымъ дымомъ: она курила безчисленное множество папиросъ.

Первое обращеніе ея къ сестрамъ очень смутило ихъ, и онѣ не знали, что на него отвѣтить.

— Что это вы на меня такъ смотрите, милыя барыньки, будто я звѣрь какой? А я, вотъ ей-Богу же, не звѣрь, и въ работѣ не такъ плоха, какъ кажется. Я, матушки мои, въ японской войнѣ работала на позиціяхъ, подъ самымъ что ни на есть огнемъ хаживала. Я—сестра старая, испытанная. Какихъ я только ранъ не видала, сколько ихъ прошло черезъ мои руки!.. И, и... милыя мои... Вамъ то и не снилось.

И дѣйствительно, когда въ тотъ же день ей пришлось дѣлать перевязку сложной и довольно опасной раны у вновь прибывшаго больного, она продѣлала это съ такой ловкостью и такъ чисто, что Антонъ Михайловичъ не выдержалъ и похвалилъ ее.

— Вотъ видите,—сказала она потомъ сестрамъ:—самъ похвалилъ, а онъ-то у насъ по этой части считается прямо какъ богъ какой-нибудь.

И послѣ этого она вдругъ стала какъ-то ближе имъ, какъ посвященная въ ихъ дѣло. Да и пригляделись къ ней, свыклись, а отъ этого сгладились угловатости и рѣзкости ея наружности.

Вечеромъ, когда въ палатѣ всѣ уснули, въ дежурной комнатѣ она, куря папиросу за папиросой, съ удивительной словоохотливостью разсказывала сестрамъ о себѣ.

На Галиційскомъ фронтѣ. Русскій обозъ на улицахъ Ярослава.
По фот. нашего спеціальнаго военнаго корреспондента.

Библиотека "Руниверс"

На Галиційскомъ фронтѣ. Русскіе солдаты и галиційскіе крестьяне въ Стрыѣ.
По фот. нашего спеціальнаго военнаго корреспондента.

— Я, матушки мои, ученая... О-о... Всякую штуку произошла. До японской войны акушеркой была, младенцамъ, стало-быть, на свѣтъ Божій являться помогала. Тоже вѣдь не послѣднее дѣло, какъ вы полагаете, милыя? И замужемъ была и дѣтей имѣла—двухъ сыновей и одну дочку. А когда война объявилась, въ сестры пошла. Курсъ выслушала, экзаменъ выдержала, все какъ слѣдуетъ, и всю ту войну проработала. А послѣ войны что-то скучно мнѣ стало съ младенцами-то возиться, такъ я на фельдшера стала учиться и три года протрубила, и сдѣлалась я акушерка и фельдшерица вмѣстѣ. Вонъ какая птица важная! Ну, а теперь вотъ и до этой войны дожила. Мужъ у меня померъ, дочка замужъ пошла, а сыновья оба на войну махнули—одинъ по закону, а другой по доброй волѣ. Я и осталась одна. Что жъ, думаю, такъ сидѣть-то? Возьмусь-ка за старое. Въ свое время я, можетъ-быть, тысячъ пять ранъ перевязала, ну, и теперь столько же перевяжу для круглаго счета. Будетъ десять... А сама я, милыя мои, по рожденію своему дьяконская дочка. Училась когда-то въ епархіалкѣ, да немного. Родители померли, осиротѣла, по чужимъ людямъ кормилась, а потомъ за умъ взялась, и вотъ—какая ужъ есть, такую и берите.

Такую и взяли. Совсѣмъ хорошо обошлось дѣло. Понравилась Варвара Игнатьевна и сестрамъ и солдатикамъ. Сестры подъ грубой оболочкой нашли въ ней простую и прямую душу, сама же она почему-то говорила, что у нея „душа коренастая", то-есть угловатая и неповоротливая,—какъ взяла одну линію, такъ ужъ и идетъ, не сворачивая.

А солдатики какъ-то сейчасъ же почувствовали въ ней своего человѣка, который знаетъ, что имъ нужно и какъ объ нихъ позаботиться. Они стали называть ее „тетка-сестрица". И сейчасъ же сдѣлалось ясно, что этой тетки въ палатѣ какъ разъ и недоставало.

Варвара Игнатьевна внимательно осмотрѣла всѣхъ больныхъ, ихъ кровати и бѣлье, и нашла не мало упущеній. Тѣ, кому прописывались ванны для лѣченія, были отмѣнно чисты, а кому ванны не назначались, оказались грязноваты. Она сейчасъ же выхлопотала имъ мытье и всѣхъ ихъ послала мыться.

Тотъ запустилъ слишкомъ длинные волосы на головѣ, другой бороду,—явился казенный цырюльникъ и привелъ ихъ въ порядокъ.

У многихъ оказались слежавшіеся тюфяки, которые причиняли имъ неудобства—похлопотала, замѣнили. Ни Кугасовой ни Побѣдиной подобныя заботы не приходили въ голову. Просто онѣ не знали, что можно и объ этомъ позаботиться.

— Да вѣдь это оттого, матушки мои,—объяснила Маркелова:—что я знаю солдата. Онъ, голубчикъ мой, три дня безъ пищи пролежитъ и не пикнетъ. Все будетъ думать, что, ежели не даютъ, то, стало-быть, приказъ такой отъ начальства вышелъ, чтобы не давать, вотъ оно что! Таковъ ужъ онъ у насъ терпѣливецъ. Оттого и побѣждаетъ. Нѣмцу ты на позицію сосиску дай да ковшъ пива, безъ этого онъ дня не проживетъ, ослабѣетъ, а нашему, что ни дай, а хоть бы и ничего,—все ему на здоровье идетъ.

Справившись со всѣмъ этимъ, взяла Варвара Игнатьевна гребень и пошла по головамъ солдатиковъ „ревизію производить",—и не напрасно. У троихъ въ волосахъ насѣкомыхъ нашла.

Сейчасъ же достала гдѣ-то густой гребешокъ и собственноручно вычесала у нихъ изъ волосъ всю нечисть, а потомъ изъ аптеки мазь какую-то выписала, смазала имъ волосы,—и ничего, никто надъ ними не смѣялся, и они сами нисколько не были сконфужены, потому что это со всякимъ можетъ случиться.

Но зато сконфужены были сестры Кугасова и Побѣдина, что были недостаточно внимательны и проглядѣли такіе важные пробѣлы. Они признали, что Варвара Игнатьевна дала имъ превосходные уроки, которые въ будущемъ пригодятся имъ.

И наконецъ тетка-сестрица обратила вниманіе на валявшіяся безъ пользы приношенія доброхотныхъ посѣтителей. Баранки черствѣли, яблоки начинали портиться.

— Господи ты Боже мой!—воскликнула она, всплеснувъ руками.—Этакого-то добра сколько пропадаетъ! Да вѣдь его же можно продать, а на тѣ деньги холста накупить да бѣлья нашить солдатикамъ.

Простая мысль, а вотъ никому же до нея не пришла въ голову. Кугасова было-возразила, что едва ли эти вещи кто-нибудь купитъ. Но Маркелова замахала на нее руками.

— Матушка моя, да вы съ неба упали, что ли? Да развѣ есть такой предметъ, чтобы не нашлось на него покупателя? Покупатель на все найдется, надобно только его сыскать. А такіе предметы да хоть въ первую попавшуюся мелочную лавочку съ благодарностью возьмутъ. И мармеладъ, который сохнетъ, заберутъ и папиросамъ будутъ рады. Ну, да ужъ я сыщу...

И навязали цѣлый куль всякой всячины, а Варвара Игнатьевна отправилась въ городъ и нашла покупателя. На другой день былъ праздникъ. Снова нанесли, она и это туда же отправила.

Зашевелились кредитныя бумажки, которыя были превращены въ холстъ. Съ солдатиковъ поснимали мѣрки, и гдѣ-то какія-то добродѣтельныя души, опять же отысканныя Варварой Игнатьевной, шили рубахи и другихъ наименованій бѣлье.

А посѣтителямъ, которые пришли въ праздникъ, Варвара Игнатьевна, принимая отъ нихъ дары въ видѣ яблокъ и баранокъ, говорила:

— За это мы вамъ, милые, сердечно благодарствуемъ, а только лучше бы по части тепленькаго что-нибудь. Вотъ наши молодцы выздоравливаютъ и опять на войну сбираются, а тамъ-то холодно будетъ. Фуфаечки бы, рукавички, а то и курточку на овчинкѣ, кому ежели по средствамъ...

И посѣтители принимали ея слова, какъ нѣкое откровеніе. Вѣдь всѣ эти сласти и папиросы они покупали машинально, не зная ничего другого, чтобы угодить раненымъ, а тетка-сестрица давала имъ мысль. И большинство ихъ являлось въ слѣдующій

На Галиційскомъ фронтѣ. Станція Задвире, занятая русскими войсками.
По фот. нашего спеціальнаго военнаго корреспондента.

Библиотека "Руниверс"

Желающіе получать «Ниву» съ начала будущаго года **безъ перерыва** благоволятъ **поспѣшить возобновленіемъ подписки на 1915 годъ,** такъ какъ, въ противномъ случаѣ, мы не можемъ поручиться за своевременную доставку первыхъ №№ журнала. Для пересылки заказа и денегъ просимъ воспользоваться прилагаемымъ при этомъ № подписнымъ бланкомъ въ видѣ почтоваго перевода.

же праздникъ и притаскивало теплыя вещи. Солдатики примѣряли, надѣвали и просто не могли нарадоваться.

А Варвара Игнатьевна все хлопотала, бѣгала, доставала. И какъ быстро носилась, несмотря на свою тяжеловѣсность и малую поворотливость!

Но пришлось-таки Кугасовой и Побѣдиной и раненымъ солдатикамъ увидѣть Варвару Игнатьевну плачущей, да такъ горько, что просто не знали, какъ утѣшить ее.

Два дня она не приходила въ лазаретъ: думали, заболѣла. Марья Герасимовна собралась уже съѣздить къ ней, но она пришла: лицо блѣдное, а глаза на немъ красные, видно— плакала много. Да и тутъ, какъ заговорила, такъ сейчасъ слезы ручьями.

Получила извѣстіе, что сынъ ея, тотъ, который по доброй волѣ пошелъ, убитъ въ сраженіи. Видно было, что ударъ для нея страшный, и, казалось, никогда она не успокоится. Пожалуй, и изъ лазарета уйдетъ.

Солдатики, узнавъ о случившемся, какъ-то вдругъ присмирѣли, замолкли, лица у всѣхъ печальныя стали, какъ будто каждый въ душѣ справлялъ панихиду по усопшемъ сынѣ тетки-сестрицы.

На Галиційскомъ фронтѣ. Исправленіе русскими войсками линіи желѣзной дороги, поврежденной австрійцами.

Потомъ тихонько сговорились устроить складчину, собрали нѣсколько денегъ и дали Марьѣ Герасимовнѣ.

— Сестрица Маша, сходи-ка ты къ здѣшнему батюшкѣ да попроси въ больничной церкви панихидку по душѣ тетки-сестрицыного сынка отслужить, да свѣчекъ купи.

И въ больничной церкви служили панихиду. Изъ палаты всѣ, кому позволило здоровье, пришли и молились. Даже Эхманъ, несмотря на разность религіи, пришелъ и съ большимъ благоговѣніемъ простоялъ всю службу. Были Кугасова и Побѣдина, явились и младшія сестры и сидѣлки.

Варвара Игнатьевна, стоя на колѣняхъ, плакала негромко, и, должно-быть, это были у нея послѣдніе остатки слезъ. Вниманіе палаты глубоко тронуло ее.

Послѣ панихиды она какъ-то вся встряхнулась, взяла себя въ руки и съ новыми силами принялась за раненыхъ солдатиковъ и ихъ нужды, бѣгала, хлопотала, ворчала, а, когда это было нужно, и бранилась.

А солдатики и молодыя сестры еще больше признали и полюбили тетку-сестрицу.

Мы и они.

Германія показала всему міру, какъ можетъ эта держава, именующая себя христіанскою, обходиться безъ Христа.

Нападая на какой-либо городъ, нѣмцы прежде всего находятъ орудійную цѣль въ высящихся христіанскихъ храмахъ. Сатанинская злоба тогда закипаетъ въ ихъ озвѣрѣлыхъ сердцахъ. Они наблюдаютъ за тѣмъ, скоро ли упадетъ высокая колокольня, не загорится ли гдѣ внутри храма христіанскій алтарь.

Но вотъ верхушки храмовъ снесены, беззащитные жители разстрѣляны. Вмѣсто великихъ историческихъ памятниковъ— груды развалинъ. По праву побѣдителя входятъ тогда сомкнутыми рядами люди-звѣри въ оставленный пустой городъ и предаются неистовымъ грабежамъ.

Начинается дикая оргія. Вино все выпито. Угрозы, сквернословіе побѣдителя оглашаютъ стѣны мертваго города. Низменные инстинкты ищутъ живой добычи, и, подъ общій хохотъ разъяренныхъ бандъ, нѣмецкіе солдаты волокутъ за косы укрывшихся полуобезумѣвшихъ матерей и малолѣтнихъ дѣтей-подростковъ.

Пьяною ватагою направляются насильники въ близъ стоящій храмъ. Что для нихъ неприкосновенность христіанской святыни? Какое имъ дѣло до христіанскаго алтаря, на которомъ совершается безкровная жертва? Начинается подъ сводами мрачной церкви жестокая расправа съ священными предметами. Распятіе повергается на землю. Иконы святыхъ—для нихъ лишь мишень для пробы револьвера. Добираются они и до алтаря. И здѣсь, на немъ, передъ которымъ нѣмѣетъ отъ страха человѣческая мысль, они совершаютъ гнусныя дѣйствія. Христіанская святыня осквернена „представителями“ такъ называемыхъ евангелическихъ христіанъ, т.-е. живущихъ по Евангелію.

Совершается второе богоубійство, но не рукою тѣхъ, кто „не вѣдитъ, что творитъ“, а искупленныхъ кровію Спасителя.

Укажите же, „великодушные“ враги, въ свое оправданіе, хоть одного русскаго солдата, который бы не только прикоснулся къ христіанской святынѣ, но и къ еврейской торѣ (свитки Св. Писанія), хранящейся въ каждой синагогѣ!

Такихъ осквернителей святыни вы въ русской доблестной арміи не найдете. Ихъ никогда не было и не будетъ.

Напротивъ, именно въ походѣ размягчается во всю ширь молитвенная душа русскаго солдата. Кто съ такой вѣрою умираетъ на полѣ брани, какъ не русскій солдатъ? Кто съ такой христіанскою кротостью переноситъ жгучія тѣлесныя страданія, какъ не тѣ же доблестныя силы русскаго народа, издавна называемаго „богоносцемъ“? Религіозный подъемъ у нашей арміи небывалый. Не къ разгулу, подобно нѣмцамъ, стремится на отдыхъ отъ боя русскій солдатъ, а ищетъ храма, гдѣ бы помолиться.

„Какъ сейчасъ вижу,—пишетъ намъ съ поля сраженія близкое лицо, въ отрядѣ генерала Ренненкампфа:—маленькую походную церковь. Это простой вагонъ, тѣсный и узкій. Войти въ него могутъ лишь немногіе высшіе чины да больные и слабые. Но посмотрите, что творится вокругъ этого храма-вагона. Несмѣтная толпа солдатъ и офицеровъ, подъ дождемъ, съ непокрытыми головами, стоитъ по обѣ стороны и молится. Молится усердно, какъ только умѣетъ молиться богобоязненная славянская душа. Звуки молитвъ и пѣснопѣній сюда къ нимъ не долетаютъ. Лишь мелькаютъ среди ночи огоньки свѣчъ въ окна вагона. Но и этого довольно. Русскій солдатъ и такъ святъ душой, а потому его молитва, какъ чистый порывъ этой вѣрующей души, быстрѣе летитъ къ Престолу Божію. Онъ чувствуетъ милость Бога во всемъ своемъ существѣ. Слезы благодарности льются по его загорѣлымъ щекамъ. Онъ видитъ Бога, и Господь видитъ тайники его благочестивой и богобоязненной русской души. **С. Н—нъ.**

Библиотека "Руниверс"

СМЕРТЬ, КРАСОТА И ЛЮБОВЬ ВЪ ТВОРЧЕСТВѢ И. А. БУНИНА*).

Очеркъ **К. Чуковскаго.**

I.

Бунинъ поэтъ деревенскій. Его муза—въ голубенькой ситцевой кофточкѣ.

Нынѣшняя поэзія сплошь городская: фабрики, афиши, вокзалы, кинематографы, аэропланы, трамваи—таковы ея главныя темы. Но для музы въ голубенькой кофточкѣ все это чадъ и кошмаръ. Муза въ голубенькой кофточкѣ попрежнему видитъ одно:

Зима!.. Крестьянинъ, торжествуя,
На дровняхъ обновляетъ путь.

Милая Татьяна, захолустная барышня,—ей гадокъ нашъ развратъ и угаръ. „Что въ нихъ? Сейчасъ отдать я рада всю эту ветошь маскарада, весь этотъ блескъ и шумъ и чадъ за полку книгъ, за дикій садъ, за наше бѣдное жилище да за смиренное кладбище, гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей надъ бѣдной нянею моей“.

Смиренное кладбище, дикій садъ, тѣнь вѣтвей—главныя очарованія для Бунина.

Онъ не воспѣвалъ никогда ни Кремля ни Мѣднаго Всадника. Если бы провалились Петроградъ и Москва, въ его стихахъ не измѣнилось бы ни строчки. Ему же дорого и важно одно:

Вѣтеръ осенній въ лѣсахъ подымается,
Шумно по чащамъ идетъ.

Вѣтеръ, оттепель, снѣгъ, листопадъ,—всепоглощающіе факты его жизни. Онъ—пѣвецъ прогалинъ и проталинъ, сосенъ, октябрей, февралей. Его стихи—деревенскій дневникъ:

— Еще и холоденъ и сыръ *февральскій* воздухъ...
— Сдается наконецъ сырымъ вѣтрамъ *февраль*...
— Прошли дожди, *апрѣль* теплѣетъ...
— Скоро и Троицынъ день, скоро пѣсни, вѣнки и покосы.

Множество такихъ наблюденій и записей въ стихотворномъ его дневникѣ. Тамъ есть и другіе мотивы, но природа и погода—главнѣйшіе. Въ наблюденіи и описаніи природы онъ изумительный мастеръ.

Видѣть снѣгъ, тѣни деревьевъ, луну—для него несказанное пиршество. Онъ поглощаетъ природу *глазами*, постигаетъ ее почти исключительно *зрѣніемъ*: какъ и Фетъ, онъ—*„соглядатай* природы“.

Его степной, деревенскій глазъ такъ хватокъ, остеръ и зорокъ, что мы всѣ передъ нимъ—какъ слѣпые. Никто не писалъ до него, что бѣлыя лошади—подъ луною зеленыя, а глаза у нихъ фіолетовые, что дымъ—сиреневый, черноземъ—синій, а жнивья—лимонныя. Тамъ, гдѣ мы видимъ только синюю или красную краску, онъ видитъ десятки оттѣнковъ: розово-палевый, сиренево-стальной, серебристо-сизый, грязно-грифельный. Онъ не столько пѣвецъ, сколько колористъ-живописецъ. Любованіе, радованіе зримымъ для него величайшее счастье. Недавно онъ изобразилъ человѣка, который ночью въ восторгѣ выходитъ во дворъ и глядитъ на блещущую крышу. И эта блещущая крыша, сама по себѣ, созерцаніе блещущей крыши, любованіе этой блещущей крышей волнуетъ и восхищаетъ его, какъ нечаянная радость, какъ благовѣстъ. Видѣть крышу, всѣ ея оттѣнки и отблески—развѣ для художника этого мало! Даже умирая и думая о своемъ погребеніи, художникъ улыбается и радуется, ибо онъ видитъ это страшное зрѣлище въ такихъ очаровательныхъ краскахъ:

Онъ, улыбаясь, думаетъ о томъ,
Какъ будутъ выносить его—какъ *сизы*
На жаркомъ солнцѣ *траурныя* ризы,
Какъ *желтъ* огонь, какъ *бѣлъ* на *синемъ* домъ.

Эти сизо-желтыя, сине-бѣлыя похороны утѣшаютъ и примиряютъ его. Видѣть для него значитъ—радоваться. Какъ все прекрасно! Право, даже этимъ голубымъ стеариномъ, свѣчами можно любоваться!—говоритъ его суходольскій Хрущевъ. Самая любимая краска Бунина голубая, небесная, синяя: въ деревнѣ вѣдь такъ чиста и безгранична лазурь. Тамъ даже молоко—голубое, даже черная земля—синеватая, даже вороны кажутся синими.

Бунинъ дошелъ до того въ своемъ любованіи красками, что даже глаголы у него выражаютъ не дѣйствія, а колеры вещей.

*) Желая освѣтить предъ нашими читателями творчество И. А. Бунина, какъ поэта и прозаика, мы посвящаемъ ему двѣ критическія статьи: А. А. Измайлова („Лит. Прил.“ за декабрь) и К. И. Чуковскаго (№№ 49 и 50 „Нивы“).

Максимъ Горькій. Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Н. Д. Телешовъ. И. А. Бунинъ.

И. А. Бунинъ и Д. Н. Маминъ-Сибирякъ въ кругу друзей—М. Горькаго и Н. Д. Телешова. Рѣдкая группа, снятая въ Ялтѣ въ 1902 г.

Библиотека "Руниверс"

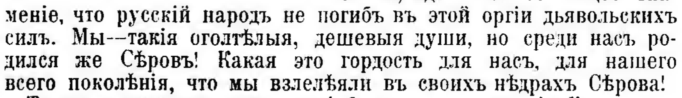
Ни у одного поэта нѣтъ такого обилья глаголовъ: чернѣть, алѣть, синѣть, розовѣть, сизѣть, сѣрѣть, зеленѣть:

— Розовѣетъ пепелъ небосклона.—Въ туманѣ чернѣется шляхъ,— это у него постоянно.

И, конечно, онъ не былъ бы лирикомъ, если бы всѣми этими деревенскими красками и деревенскими образами, лужами, березами, стогами не умѣлъ изобразить свою душу, передать тѣ своенравныя, неуловимыя чувства, которыя проносятся въ ней. Его стихи только по виду, только для незрячаго глаза — дневникъ о погодѣ, о соснахъ и еляхъ, а на дѣлѣ они — о душѣ. Если Бунину грустно, онъ пишетъ о березахъ и еляхъ, если ему весело, онъ пишетъ о березахъ и еляхъ — и музыкой слова, комбинаціей красокъ и образовъ властно внушаетъ свои чувства и намъ. Сосны, ели, овины, стога, косогоры — суть какъ бы струны и клавиши того рояля, тѣхъ старыхъ деревенскихъ фортепіанъ, на которыхъ онъ такъ виртуозно играетъ. Вмѣсто того, чтобъ сказать: „о, какъ я одинокъ и безпомощенъ! на душѣ у меня такое отчаяніе“, — онъ пишетъ стихотвореніе о вьюгѣ:

Жесткой черной листвой шелеститъ и трепещетъ кустарникъ,
Точно въ снѣжную даль убѣгаетъ въ испугѣ.
Въ бѣломъ полѣ стога, косогоръ и забытый овчарникъ
Тонутъ въ бѣломъ дыму разгулявшейся вьюги.
Дымный вѣтеръ кружитъ и несетъ въ небѣ ворона бокомъ.
Конскій слѣдъ на бѣгу порошитъ, заметаетъ...
Вонъ прохожій вдали. Истомленъ на пути одинокомъ,
Мертвымъ шагомъ онъ мѣрно и тупо шагаетъ.
„Добрый путь, человѣкъ! Далеко ль до села, до ночлега?“
Онъ не слышитъ, идетъ, только голову клонитъ...
А куда и спѣшить противъ холода, вѣтра и снѣга?
Родились мы въ снѣгу, — вьюга насъ и схоронитъ.
Занесетъ равнодушно, какъ стогъ, какъ забытый овчарникъ...
Хорошо ей у насъ на просторѣ великомъ!
Безпріютная жизнь, одинокій подъ бурей кустарникъ,
Не тебѣ одолѣть въ полѣ темномъ и дикомъ.

И. А. Бунинъ и Л. Н. Андреевъ.



О чемъ это: о стогахъ и снѣгахъ, или—о насъ, о себѣ? Что это: описаніе вьюги, или—Requiem, безслезное рыданіе надъ обреченной душой человѣческой? Авторъ какъ будто старается только о томъ, чтобы точнѣе передать впечатлѣніе разгулявшагося въ степи урагана; его воронъ, котораго буря швыряетъ, какъ хочетъ, есть настоящій несимволическій воронъ, нисколько не изъ Эдгара По, и кусты, которые, точно въ паникѣ, въ ужасѣ, сорвались со своихъ мѣстъ и бѣгутъ,—тоже подлинные кусты, не двусмысленные, но читаешь, и въ самомъ ритмѣ стиха, изнемогающемъ, уныло-покорномъ, чувствуешь глухую, безнадежную жалобу на жизнь, на смерть, на судьбу. Для того, чтобы жаловаться, роптать, проклинать, для того, чтобы выражать свою душу, Бунину нужны стога и снѣга. Безъ стоговъ и снѣговъ онъ не можетъ. Его лирика густо насыщена образами, вещами, предметами. Это самая конкретная, *вещная* лирика въ русской современной поэзіи. Когда Бунинъ пробуетъ изливать свои чувства безъ помощи сосенъ, косогоровъ, овиновъ, вообще безъ помощи вещей, онъ становится неузнаваемо-слабъ. Въ своей великолѣпной поэмѣ „Сапсанъ“,—такой узловатой, мускулистой, шершавой, онъ попробовалъ-было сказать о себѣ:

А я? Я тоже вѣчный странникъ,
Я, какъ и онъ, въ добрѣ и злѣ
Какой-то темной силы данникъ,
Живу скитальцемъ на землѣ,—

но самъ же впослѣдствіи выбросилъ эту строфу изъ поэмы, почувствовавъ, какъ она слаба и мертва.

Это было единственное его покушеніе излить свою душу въ монологѣ. Послѣ этого онъ навсегда возвратился къ привычнымъ стогамъ и снѣгамъ, и нѣтъ такого тонкаго, еле-уловимаго чувства, котораго не умѣлъ бы онъ выразить при помощи стоговъ и снѣговъ. Здѣсь онъ несравненный маэстро. Вся природа подчинена его лирикѣ. Ему послушны травы, звѣзды, облака и деревья. Онъ дѣлаетъ съ ними что хочетъ. Онъ радуется,—рады они. Онъ опечаленъ,—и они опечалены. Онъ—ихъ владыка, хозяинъ, и ни разу они не измѣнили ему.

Но если въ лирикѣ Леонида Андреева каждый мимолетный предметъ крикомъ-кричитъ о чувствахъ и настроеніяхъ автора, то лирика Бунина шопотна, еле слышна. Пряные, пьянящіе запахи несвойственны василькамъ и ромашкамъ. Одно время Бунинъ устремился къ восточной экзотикѣ, къ мускусу, алоэ, дзаригу, но это лишь случайный эпизодъ его творчества.

Его голосъ—самый спокойный и ровный во всей современной словесности.

Чѣмъ больше онъ взволнованъ, тѣмъ безстрастнѣе его негромкая, осторожная рѣчь. Онъ никогда не кричитъ и, кажется, лучше себѣ руку отрѣжетъ, чѣмъ напишетъ барабанное слово. Всякіе вопли, истерики, визги кажутся ему лживѣе лжи.

Есть въ немъ что-то суровое, сѣверное:

На высотѣ, на снѣговой вершинѣ,
Я вырѣзалъ стальнымъ клинкомъ сонетъ...
Глядѣло только солнце, какъ стилетъ
Чертилъ мой стихъ на изумрудной льдинѣ.

Сталь и ледъ—существо его творчества. Въ изъявленіи чувствъ онъ сдержанъ и скупъ. Это не южанинъ, для котораго дешевы всѣ жесты, восклицанія, восторги, который лжетъ своими слезами и смѣхомъ. Онъ честенъ и правдивъ до фанатизма, честенъ съ самимъ собою, съ искусствомъ:

Будь щедрымъ, какъ пальма. А если не можешь, то будь
Стволомъ кипариса, прямымъ и простымъ,—благороднымъ.—

таковъ его трудный завѣтъ. Послѣ кончины Сѣрова и Чехова, Бунинъ—одинъ изъ благороднѣйшихъ въ ряду современныхъ писателей. Такъ много шпагоглотателей, фокусниковъ, жонглеровъ мыслей и словъ,—les marchands de pathos et les faiseurs d'emphase et tous les baladins qui dansent sur la phrase,—а онъ въ своей убогой деревнѣ, въ сторонѣ отъ нечестиваго торжища, словно далъ себѣ обѣтъ благородства! Если бы Сѣровъ былъ поэтомъ, онъ непремѣнно писалъ бы, какъ Бунинъ. Это были братья по духу. Для меня они оба—одно. Сѣрова сравнивали съ Толстымъ, съ Достоевскимъ, но, по существу, это—Бунинъ. Когда въ академическихъ залахъ на выставкѣ твореній Сѣрова я могъ наконецъ пріобщиться къ этому строгому, трезвому, цѣломудренно-геніальному духу, я, помню, не только подумалъ, но ощутилъ всѣми нервами, что здѣсь наше оправданіе предъ міромъ, искупленіе всей нашей вульгарно-визгливой, истерической, раздребезженной эпохи, единственное вѣщее знаменіе, что русскій народъ не погибъ въ этой оргіи дьявольскихъ силъ. Мы—такія оголтѣлыя, дешевыя души, но среди насъ родился же Сѣровъ! Какая это гордость для насъ, для нашего всего поколѣнія, что мы взлелѣяли въ своихъ нѣдрахъ Сѣрова!

То же я ощущаю теперь, пріобщившись къ поэзіи Бунина.

Мы еще не понимаемъ ея,—какъ долго не понимали Сѣрова,—ибо ея красота не назойливая, не нагло-эффектная, а застѣнчивая, тихая, скрытая, какая есть въ русскихъ озерахъ и мхахъ, въ сѣверныхъ лицахъ и душахъ.

Въ одномъ разсказѣ Бунина какой-то смиренный батракъ, повѣствуя о своемъ нечеловѣческомъ горѣ, съ застѣнчивой улыбкой говоритъ:

— Двое ребятишекъ сгорѣло...

Только немногія души поймутъ, какъ много въ этой улыбкѣ страданія. Бунинъ тоже говоритъ о трагедіяхъ почти съ улыбкой, безъ жестовъ, и многимъ никогда не постичь, какой въ этомъ спокойствіи паѳосъ.

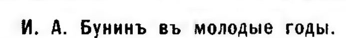
Онъ, какъ и Сѣровъ, могучій лирикъ, но тоже затаённый, застѣнчивый. То, что поется въ душѣ, онъ высказываетъ такими сложными образами, такой тонкой инструментовкой стиха, такими интимными ритмами, что многіе пройдутъ, какъ глухіе, мимо его изысканной лирики. Его стихи не для салонныхъ романсовъ, не для декламаціи на театральныхъ подмосткахъ. Онъ въ высшей степени не публичный поэтъ: и каждый забубенный словоблудъ, у котораго не душа, а шарманка,—всегда сорветъ у простодушной галерки больше аплодисментовъ, чѣмъ онъ.

Какъ и Сѣровъ, онъ прежде всего виртуозъ,—съ такимъ чрезмѣрно-утонченнымъ вкусомъ, который обезплодилъ бы его дарованіе, не будь оно такъ велико. Вкусъ, чувство стиля и формы въ послѣднихъ твореніяхъ Бунина дошли до такой высоты, какая доступна лишь классикамъ. Его послѣдняя вещь „При дорогѣ“—предѣлъ артистической техники. Но онъ не щеголяетъ своимъ мастерствомъ, не кокетничаетъ. Ему нужна не красивость, а красота: онъ понялъ, что красота—въ некрасивомъ. Онъ никогда не заботился о мелодичности, гладкости, лоскѣ, напѣвности своихъ прочныхъ, тугихъ стиховъ:

Курганъ былъ жесткій, выбитый. Кольчуга
Колола грудь,—

Прочтите эту строчку, вы запнетесь. Какая непѣвучая строчка.

Библиотека "Руниверс"



И. А. Бунинъ въ молодые годы.

Но автору это и нужно. Ему нужно, чтобы вы споткнулись, словно всходя на курганъ, чтобы вы ощутили эту выбитость, щербатость кургана. И развѣ не колятъ эти звуки „кол-кол" въ словосочетаніи: *коль*чуга *ко*лола. Поэтъ не выпячиваетъ этихъ тончайшихъ пріемовъ, они у него почти незамѣтны. Чтобы передать шелестъ листвы, какъ изысканно онъ играетъ шипящими ж, ч, ш, щ:

*Ж*есткой, *ч*ерной листвой *ш*елеститъ
И трепе*щ*етъ кустарникъ.

И какъ онъ золотитъ звукомъ *з* эти драгоцѣнныя строки:

*З*астятъ ели черной хвоей *з*ападъ,—
*З*олотой иконостасъ *з*аката.

Но все это не назойливо, а сдержанно, скупо и скромно, чтобы золото не стало сусальнымъ.

Даже внѣшнее обличье его книгъ говоритъ о вкусѣ аскетически-строгомъ. Простыя сѣроватыя обложки, безъ всякихъ цвѣтовъ, загогулинъ, и на обложкахъ простыми, скучноватыми буквами сказано:

— Стихотворенія, томъ второй.
— Стихотворенія, томъ третій.
— Разсказы, томъ пятый.

Ни крикливой краски, ни громкаго слова: все скромно, благородно и сдержанно. И это въ нашу эпоху, когда обычныя заглавія книгъ: „Дохлая луна", „Клочья нервовъ", „Пощечина", не говоря уже о „Засахаренной крысѣ"! Бунинъ словно нарочно старается, чтобъ названія его книгъ были потусклѣе, поглуше: „Перевалъ", „Суходолъ", „Деревня"—на зло, наперекоръ своей эпохѣ.

Ибо, повторяю, этотъ усадебный, деревенскій писатель въ ссорѣ со своей эпохой и ни въ чемъ не уступилъ ей ни пяди.

II.

«На сѣверѣ отрадна Безнадежность».
Ив. Бунинъ.

Кажется, не было критика, который не указалъ бы, что Бунинъ очень любитъ старыя усадьбы, руины, развалины.

Даже любимая женщина мерещится ему среди тихихъ руинъ:

Вселилъ ее я въ тихія руины,
И мнѣ отрадны вымыслы мои.

Въ этихъ тихихъ руинахъ, можетъ-быть, душно, темно, стѣны оклеены старыми газетами, закопчены дымомъ махорки, и, озираясь кругомъ, Бунинъ можетъ воскликцать съ отвращеніемъ:

— Боже мой, да это ночлежка!

Но все же его снова и снова влечетъ въ эту духоту, темноту. Кто забудетъ его „Золотое дно", „Суходолъ"

Нависъ потолокъ, обвалились углы.
Повсюду скрипятъ подъ ногами полы,
И пахнетъ печами... Заброшенъ, забытъ,
Навѣки забытъ онъ, родимый нашъ домъ.

То-то и хорошо, что забытъ. Есть такое тургеневское, щемящее, сладко-грустное чувство, которое всегда зарождается въ Бунинѣ при созерцаніи всякой забытости, брошенности, хотя онъ и борется со своимъ романтизмомъ и развѣнчиваетъ эти дворянскія гнѣзда, какъ можетъ.

„Грустное веселье", „сладкая мука", „сладкая грусть" — любимыя его ощущенія, и возбуждать ихъ въ себѣ, растравлять себя ими—для него безконечно-заманчиво. Вѣчно бродилъ бы по кладбищамъ, по милой могильной травѣ, легко, поэтично, безъ судорогъ думая о смерти, о тлѣніи.

Растетъ, растетъ могильная трава,
Зеленая, веселая, живая.

Эта тихая мысль о смерти, почти пріятная, благостная, никогда не оставляетъ поэта. Она окрашиваетъ всѣ его чувства. Раскрывъ его книжку стиховъ, я вижу на первой же страницѣ стихотвореніе „За гробомъ", на второй—„Панихида", на третьей:

Старый склепъ, руина гробовая.

И такъ дальше, до самаго конца. Призракъ смерти преслѣдуетъ его неотступно. Когда онъ видитъ бурю, ему кажется, что „на пустынномъ, на великомъ погостѣ жизни міровой кружится смерть въ весельѣ дикомъ и развѣваетъ саванъ свой". Когда буря стихаетъ и всю землю осѣняетъ „кроткій часъ", ему опять-таки чудится, что

Все земное
Смерть, какъ стражъ, обходитъ въ тишинѣ.

Въ его стихахъ старуха-смерть сидитъ то на могильникѣ Савурѣ, то на сѣверномъ полюсѣ подъ полярной звѣздой:

Вглядись въ гигантскій призракъ. Это смерть.

Если онъ видитъ подснѣжникъ, онъ думаетъ:

— Къ ночи вьюга пустыни занесетъ подснѣжникъ синій.

Если онъ изображаетъ великаго воина, то именно пораженнаго на смерть:

— И умеръ онъ... Окостенѣлъ, застылъ.

Когда герою его романа „Деревня" становится тяжка и мучительна жизнь, онъ ведетъ его утѣшаться на кладбище.

„Какъ коротка и безтолкова жизнь! И какой миръ и покой вокругъ, въ этомъ солнечномъ затишьѣ, въ оградѣ стараго погоста! Онъ шелъ, даже какъ бы съ удовольствіемъ замѣчая, что кладбище растетъ, что появилось много новыхъ отличныхъ мавзолеевъ... Надписи трогательно и мирно говорили о покоѣ и отдыхѣ, о нѣжности къ отцамъ, матерямъ, мужьямъ и женамъ, о любви, которой какъ будто нѣтъ и не будетъ въ жизни, о той преданности другъ другу и покорности Богу, о тѣхъ горячихъ упованіяхъ на жизнь будущаго, которымъ вѣришь только здѣсь, и о томъ равенствѣ, что даетъ только смерть".

Кромѣ кладбища, измученному герою „Деревни" нѣтъ нигдѣ ни радости ни отдыха.

Поэтическое волненіе всего чаще возбуждается въ Бунинѣ образами оскудѣнія, запустѣнія, разрушенія, увяданія, умиранія, смерти. Не потому ли его влечетъ на Востокъ, что Востокъ для него — огромный, сладостно-милый погостъ:

Стамбулъ, Стамбулъ, послѣдній мертвый станъ.

Не потому ли его такъ влечетъ къ старикамъ, кротко и покорно умирающимъ: къ Дѣдушкѣ, который —

Поднялъ плечъ костлявые останки
И втянулъ въ нихъ черепъ, какъ уродъ.

къ Таганку (изъ разсказа „Сто восемь"), къ Василю Шкутю (изъ разсказа „На край свѣта"), къ шамкающимъ байбакамъ-ветеранамъ, къ тому Старику (изъ стих. „Старикъ"), который сидитъ въ пустой комнатѣ, за остывшимъ чаемъ, съ догорѣвшей сигарой и оцѣпенѣло слѣдитъ за гаснущимъ, уходящимъ солнцемъ.

Все гаснущее, догорающее, стынущее, все, что было и чего уже нѣтъ,—меланхолически чаруетъ его. „Не воротишь жизни прожитой назадъ,"—таково его неизбывное чувство. Какъ будто онъ и вправду встрѣтилъ въ юности сказочную птицу, зловѣщую Вирь—и она околдовала его, и вотъ—

Безмолвной жалостью къ себѣ,
Томленьемъ сладостнымъ объятый,
Покорный горестной судьбѣ,
Онъ помнитъ лишь одни закаты.

Вчитайтесь въ эти строки внимательно: въ нихъ формула всей лирики Бунина: покорность, жалость къ себѣ, сладостное томленье, память о закатахъ, о смерти.

Но онъ не кричитъ: „ужасъ! ужасъ!", онъ не проклинаетъ Жизнедавца, а съ ясной, благодарной улыбкой, свѣтло и покорно пріемлетъ таинство смерти. Изо всѣхъ современныхъ поэтовъ ему одному дана такая пушкинская гармоничность души, такая примиренность и благостность. Онъ — поэтъ-утѣшитель и учитъ насъ кроткой покорности. Про всякую минуту своей жизни онъ чувствуетъ: она уходитъ навѣкъ, безвозвратно,—и элегически прощается съ ней. Вспоминать о молодости для него сладчайшая боль.

А когда померкъ закатъ далекій,
Вспомнилась мнѣ молодость моя,—

И. А. Бунинъ и Ант. П. Чеховъ.

Библиотека "Руниверс"

такихъ строкъ у него множество:

О, весеннія зори и теплыя майскія росы!
О, далекая юность моя!

Но грусть не ужасъ, это побѣда надъ ужасомъ. Въ элегіи преодолѣніе трагедіи. Прощальные проводы каждой отошедшей минуты такъ поэтичны у Бунина, овѣяны такой красотой, что, кажется, ничего нѣтъ отраднѣе, какъ чувствовать свое умираніе!

Въ восхитительной легендѣ поэтъ повѣствуетъ, какъ Богоматерь, увидя скошенную косцами траву, возроптала и сказала Своему Сыну со скорбью: „погляди, возлюбленное чадо, какъ земля цвѣла и красовалась! Но недологъ вѣкъ земнымъ утѣхамъ: въ мірѣ Смерть,—она и Жизнью правитъ".

Но Господь утѣшилъ опечаленную: смерть это залогъ вѣчной жизни:

И земное сѣмя не изсякнетъ:
Скоситъ Смерть,—Любовь опять посѣетъ!

Все мгновенно, все искры, но искры единаго, вѣчнаго,—неустанно повторяетъ поэтъ.—Чтобъ возродиться къ жизни, мы сгораемъ. Завѣтъ гласитъ: „узрѣвшій умираетъ", но смерть есть приближенье къ Божеству.

И даже эстетически мила ему смерть:

Въ сыромъ пескѣ на солнцѣ сохнутъ кости.
Но блескъ костей лишь радуетъ глаза.

И вотъ гробница: въ ней похороненъ поэтъ. Развѣ она не прекрасна? Развѣ синее небо не кажется синѣе и радостнѣе надъ бѣломраморнымъ саркофагомъ поэта? Ярче пылаетъ огонь, смертью поверженный ницъ.

— Пройдетъ моя весна и этотъ день пройдетъ, но радостно бродить и знать, что все проходитъ.

У Бунина, чуть заговоритъ онъ о смерти, всегда есть утѣшительное „но". Просмотрите весь этотъ циклъ стиховъ. Почти каждое стихотвореніе въ своихъ послѣднихъ строкахъ заканчивается какимъ-нибудь *но*: „сгоримъ, и мы, *но* долго не умретъ жизнь, что горѣла въ насъ когда-то".

Первый утренникъ — предвѣстникъ зимнихъ дней,
Но сіяетъ небо ярче съ высоты.
Сердце стало и трезвѣй и холоднѣй,
Но, какъ пламя, рдѣютъ поздніе цвѣты.

И это не афоризмы, не эффектныя фразы, это подлинный опытъ души. „Покоряясь смѣнѣ, одиноко мы уходимъ: скоро догоритъ нашъ закатъ, *но* день ужъ недалеко, онъ другихъ улыбкой озаритъ",—кажется, со времени Пушкина, не было въ русской поэзіи такого гармонически-яснаго чувства!

III.

Мой очеркъ почти законченъ, но главнаго я не сказалъ. Главное еще впереди. Главное заключается въ томъ, что эти мои строки относятся къ прежнему, старому Бунину, а между тѣмъ два-три года назадъ появился новый Бунинъ, нечаянный, совершенно не похожій на прежняго.

Это было чудо, колдовство! Онъ двадцать лѣтъ проработалъ у насъ на глазахъ. мы думали, что знаемъ его, мы привыкли къ его голосу, манерамъ, — и вдругъ все другое, все новое! Ничего подобнаго, кажется, не было въ анналахъ россійской словесности. Писатели созрѣвали, росли, но переродиться на пятомъ десяткѣ, послѣ четверти вѣка работы, перемѣнить свою душу, свой стиль, — этого еще не бывало! Здѣсь я говорю исключительно о Бунинѣ-прозаикѣ, авторѣ „Антоновскихъ яблокъ", „Новаго Года" и проч. До сихъ поръ его проза была очень мила, поэтична, но блѣдновата, расплывчата. Этимъ полу-элегіямъ, полу-новелламъ, зыбкимъ, забываемымъ, смутнымъ, не хватало желѣза и камня. Имъ нужна была мужская рука. Въ ихъ очаровательномъ, женственномъ, лирическомъ—слишкомъ лирическомъ!—стилѣ была какая-то разслабленность, вялость. Много вкуса, мало темперамента. Недаромъ за всѣ двадцать лѣтъ поэтъ только и могъ написать, что два томика этихъ новеллъ, — и вдругъ „Деревня", „Суходолъ", „Іоаннъ Рыдалецъ", съ такими разсказами, какъ „Захаръ Воробьевъ", „Сверчокъ", „Хорошая жизнь", „Князь во князьяхъ", „Вѣра", „Сказка", „Худая трава" и шедевромъ, вѣнцомъ его творчества—изумительнымъ разсказомъ „При дорогѣ". Новый непредвидѣнный Бунинъ! И какой въ этихъ новыхъ твореніяхъ мужской, лаконическій, четкій и твердый рисунокъ, какая энергичная крылатая фабула (которою онъ доселѣ былъ такъ бѣденъ) и, главное, какая психологія! Вотъ это-то я и хочу подчеркнуть: Бунинъ неожиданно сталъ живописцемъ сложнѣйшихъ и запутаннѣйшихъ человѣческихъ душъ, и, послѣ нѣсколькихъ малоудачныхъ попытокъ, достигъ мастерства небывалаго, небывалой пластики, рельефности, лѣпки. Всю жизнь писалъ опроталинахъ и почти не видѣлъ людей. То-есть видѣлъ, но гдѣ-то вдали, на фонѣ пейзажа, среди стоговъ и снѣговъ. Только и зналъ, что себя да природу, больше никого и ничего. Только и живо писалъ, что *свои* умиленія, радости, тревоги и скорби. Люди появлялись въ его книгахъ, лишь какъ элементы его лирики, для выраженія *его* эмоцій и чувствованій *). И вотъ неожиданно всталъ передъ нимъ Человѣкъ. И онъ не мимоходомъ, не вскользь сталъ всматриваться въ него ближе и пристальнѣе и запечатлѣлъ свои новыя студіи въ новыхъ еще неоцѣненныхъ разсказахъ: онъ внезапно оказался такимъ изощреннымъ психологомъ, вѣдателемъ глубей и высей души, какихъ и въ русской литературѣ не много.

Здѣсь онъ обрѣлъ себя. За послѣдніе два-три года имъ написано больше томовъ, чѣмъ за предыдущіе двадцать!

Поразительная метаморфоза, неслыханная.

Но объ этомъ въ слѣдующій разъ!

(Окончаніе слѣдуетъ).

Въ кузницѣ бога Вулкана.

Разсказъ **Г. Полилова**. (Съ 2 рис. и портр. на стр. 951).

I.

Древній хромоногій Вулканъ, несмотря на гибель боговъ, всетаки не умеръ. Хитрый богъ притаился глубоко въ нѣдрахъ земли и съ затаенной думой продолжаетъ ковать оружіе для истребленія ненавистнаго ему человѣчества.

Вулканъ куетъ, и насмѣшливая улыбка скривила его беззубый старческій ротъ, злорадная дума таится въ головѣ:

„Какъ наивны эти жалкіе людишки, тамъ на землѣ! Они думали, что уничтожатъ меня. Нѣтъ, трудно кому-либо со мной совладать. Я нашелъ себѣ работу, отыскалъ помощниковъ въ самихъ же людяхъ, это мои вѣрные слуги, они отомстятъ за мое поруганіе. Зато я ихъ научу всѣмъ тонкостямъ моего ремесла, подскажу такія тайны выковки металла, что весь міръ поразится".

И кипитъ таинственная титаническая работа на гибель человѣчеству, приготовляя разрушеніе, уничтоженіе всего живущаго, всего мирнаго теченія жизни...

II.

Гдѣ же притаился изгнанный богъ? Гдѣ онъ строитъ злыя ковы и куетъ неустанно молотомъ желѣзо, приготовляя смертоносное оружіе?

Тамъ, у береговъ Нѣмецкаго моря, высится германскій городъ Эссенъ. Это и есть гнѣздо стараго бога. Здѣсь его кузница.

Отыскалась подъ землей желѣзная руда, и уголь раздобыли здѣсь нѣмцы, прочно основались здѣсь зловѣщіе кузнецы, глубоко въ землю ушли таинственныя мастерскія: тутъ куется зло, тутъ подготовляются гигантскія орудія.

Тамъ, наверху, высятся металлическіе заводы знаменитаго Круппа, строящіе всевозможныя машины для промышленныхъ цѣлей, выдѣлывающіе всевозможную утварь, предметъ домашняго обихода; ближе къ морю на гигантскихъ верфяхъ строятся бронированные крейсера, дредноуты, миноносцы, подводныя лодки.

Все это на виду. Германцы вооружаются, это извѣстно всѣмъ. никто не смѣетъ помѣшать работать для защиты своего отечествъ. Это право каждаго. Недаромъ старый Круппъ такъ заботливо, такъ любовно относился къ своимъ заводамъ. Теперь это самое большое промышленное заведеніе чуть ли не во всемъ мірѣ.

Все здѣсь приведено въ порядокъ, все имѣется для работы. Точно лѣсъ, высятся заводскія трубы, а кругомъ раскинулись заводскіе городки: больше 60.000 рабочихъ работаютъ здѣсь, не покладая рукъ въ обыденное мирное время, а теперь чуть ли не вдвое больше.

Тяжелое темное облако дыма постоянно стоитъ надъ этими заводами. Ночью всѣ зданія залиты огнемъ, слышится безпрерывный лязгъ металла, тяжелый стукъ молота, отъ которыхъ содрогается земля.

Когда поѣздъ проходитъ вдоль линіи крупповскихъ заводовъ, проѣзжающему кажется, что онъ попалъ въ самое жерло ада, въ пекло! Отовсюду вырывается пламя доменныхъ печей, появляются черные контуры копошащихся около нихъ людишекъ, запахъ гари несется отовсюду.

Это царство стали, угля и всесокрушающаго и созидающаго пламени.

Жутко здѣсь проѣзжать ночною порой. Крупповскіе заводы,—лабораторія германской жестокости и человѣконенавистничества.

III.

Но тамъ, глубоко подъ землею, въ секретныхъ отдѣленіяхъ Штольбахскаго завода, одного изъ шестидесяти, тамъ идетъ работа еще мрачнѣе, работа самого ада. Только посвященный въ эти тайны и испытанные, преданные дѣлу германизма работники находятся въ этихъ подземныхъ мастерскихъ...

Это желѣзные люди. Они точно сроднились съ металломъ, на ихъ угрюмыхъ, точно выкованныхъ изъ металла, лицахъ трудно прочесть что-нибудь. Суровый стальной взглядъ мрачно охватываетъ каждаго, сильныя мускулистыя руки привычно поворачиваютъ рычаги таинственныхъ машинъ, увѣренно бьютъ тяжелыми молотками по какимъ-то замысловатымъ желѣзнымъ частямъ, еще пышащимъ огнемъ на гигантскихъ наковальняхъ, здѣсь тоже

*) Такіе разсказы, какъ „На дачѣ", „Астма", были для него не типичны.

Библиотека "Руниверс"

Заводъ Крупна въ Эссенѣ, близъ Вильгельмсгафена, основанъ въ **1810** г. Фридрихомъ Круппомъ. Изготовленіе стальныхъ пушекъ заводъ началъ въ **1850** г. при Альфредѣ Круппѣ и въ теченіе полувѣка пріобрѣлъ міровую извѣстность, создавъ Круппу имя «пушечнаго короля». За это время заводъ выпустилъ болѣе **60.000** орудій, поставленныхъ преимущественно въ германскую артиллерію. Эссенъ—цѣлый рабочій городъ. На орудійномъ заводѣ Круппа занято около **40.000** рабочихъ. Въ настоящее время собственницей завода является дочь послѣдняго Круппа, вышедшая замужъ за фонъ-Боолена, которому разрѣшено германскимъ императоромъ присоединить къ своей фамиліи фамилію Круппа, чтобы не пресѣклась эта «убійственная» династія. Здѣсь помѣщенъ портретъ фонъ-Боолена-Круппа.

На нашихъ рисункахъ помѣщены двѣ гигантскія мастерскія завода Круппа. Въ одной, вверху, огромные паровые молота подготовляютъ матеріалъ для орудій, а въ другой, внизу, лежатъ уже отлитыя пушки, и здѣсь производится ихъ обточка. Въ этой мастерской и готовляются орудія для тяжелой артиллеріи и скорострѣльныя орудія новаго типа для обстрѣла аэроплановъ.

По сообщеніямъ изъ Гааги аэропланы уже вторглись въ эту адскую кузницу: нѣсколько нашихъ союзныхъ летчиковъ долетѣло до Эссена: они бросили на заводъ нѣсколько бомбъ, попавшихъ въ самое «сердце»—въ отдѣлъ по выдѣлкѣ орудій, который поврежденъ.

Въ кузницѣ бога Вулкана. Орудійный заводъ Круппа и его собственникъ.

Библиотека "Руниверс"

слышится шумъ, грохотъ, но онъ глухо уходитъ въ землю и слабо доносится только туда, на поверхность земли...

Работаютъ всегда при электрическомъ свѣтѣ. Лучъ Божьяго свѣтила, золотого солнца не проникаетъ сюда. Онъ сторонится этихъ темныхъ подземелій, этого мрачнаго труда, совершаемаго здѣсь.

Уютный кабинетъ одного изъ завѣдующихъ этихъ тайныхъ отдѣленій, инженера Дейтшера, погруженъ въ полумракъ. За тяжелымъ дубовымъ столомъ сидитъ онъ самъ, этотъ крѣпкій, еще не старый человѣкъ, коротко острижена его круглая тевтонская голова, изъ-подъ золотыхъ очковъ умные глаза устремлены на мелкую исписанную рукопись, лежащую передъ нимъ.

Дейтшеръ изучаетъ ее. Это новое предложеніе какого-то студента, преданнаго до мозга костей идеѣ всеобщей германизаціи. Дейтшеръ, не отрывая взгляда, прочелъ до конца первый листъ и началъ дѣлать правой рукой выкладки на аспидной доскѣ.

Здѣсь все тайна. Нельзя оставить слѣда того или другого секрета.

Окончивъ, онъ провѣрилъ свою работу и сейчасъ же тщательно стеръ ее губкой.

Отложивъ работу въ сторону, онъ нажалъ пуговку электрическаго звонка.

Старый, убѣленный сѣдинами, солдатъ, ветеранъ франко-прусской войны, показался въ дверяхъ кабинета.

— Попросите, Вальтеръ, ко мнѣ профессора Фишера.

Молча исчезъ изъ кабинета старикъ, и немного спустя здѣсь появился профессоръ Фишеръ, знаменитый химикъ Страсбургскаго университета, небольшого роста щуплявый человѣкъ, уже пожилой, подошелъ къ столу инженера и, не протягивая ему руки, спокойно промолвилъ:

— Вы меня звали, Дейтшеръ? Что нужно? Я очень занятъ, тамъ у меня готовится интересное соединеніе, за которымъ наблюдаетъ мой помощникъ Аргнольдъ.

— Но вы нужны и здѣсь не меньше, профессоръ, вотъ, прочитайте эти листки, они займутъ у васъ немного времени. Скажите ваше мнѣніе. Мнѣ кажется, что это геніальная мысль!

Недовольный, что его оторвали отъ дѣла, Фишеръ приподнялъ немного абажуръ электрической лампы и, взявъ со стола тонкими безкровными пальцами указанные листки, стоя, сталъ ихъ прочитывать глазами.

IV.

— Вы правы, Дейтшеръ, если вычисленія эти вѣрны, что вамъ, какъ математику-инженеру, легче провѣрить, мы натолкнулись на геніальнаго изобрѣтателя. Кто онъ такой?

По губамъ инженера прозмѣилась насмѣшливая улыбка.

— Вы знаете, Фишеръ, наши правила: ни я ни вы не сообщаемъ другъ другу лишнихъ подробностей. Вотъ, когда это изобрѣтеніе будетъ испытано и вы одобрите его вторично, тогда я открою вамъ имя изобрѣтателя.

Неловкое молчаніе воцарилось между старшими дѣятелями этой подземной лабораторіи.

Фишеръ, не нарушая молчанія, чуть замѣтно пожавъ плечами, ушелъ изъ кабинета. Его небольшая фигура пропала въ темныхъ переходахъ по направленію къ мастерскимъ.

Снова нажата кнопка электрическаго звонка. Заработалъ телефонъ одновременно въ чертежномъ отдѣленіи.

Явился пожилой, грузный, съ рыжеватой бородой чертежникъ. Его голубые глаза уставились на инженера.

— Вотъ, по этой маленькой схемѣ сейчасъ же сдѣлайте большой чертежъ, подробно вычислите всѣ детали, соблюдайте точно всѣ пропорціи. Прошу васъ сдѣлать какъ можно скорѣе, я желалъ бы, чтобы вечеромъ чертежъ былъ здѣсь у меня на столѣ. Мы должны утромъ приступить къ дѣлу.

Такъ же, какъ тѣнь, исчезъ въ темнотѣ переходовъ рыжій чертежникъ.

Въ кабинетѣ Дейтшера наступила тишина. Онъ ужъ занялся другимъ дѣломъ. Пытливый умъ инженера искалъ себѣ работы, онъ не могъ успокоиться на одномъ дѣлѣ.

Ему приносили нѣсколько разъ изломы металлической выплавки. Тщательно прослѣдивъ ихъ зернистость, онъ дѣлалъ свои замѣчанія, и пробы металла уносились обратно.

Рѣзкій свистокъ секретнаго телефона заставилъ Дейтшера вздрогнуть, схватиться за трубку и настороженно прислушаться.

— Я не могу къ вамъ сейчасъ прійти, каждая минута моего пребыванія здѣсь дорога, но спѣшу подѣлиться съ вами громадной новостью: вмѣстѣ съ Аргнольдомъ намъ удалось открыть новый взрывчатый составъ, превосходящій всѣ составы, до сихъ поръ изобрѣтенные! Черезъ нѣсколько часовъ мы вмѣстѣ съ вами произведемъ опыты въ нашемъ нижнемъ колодцѣ надъ 18-сантиметровой фигурной болванкой.

Дейтшеръ повѣсилъ телефонную трубку.

„Какая счастливая случайность! — подумалъ онъ. — Для этихъ орудій, которыя я сейчасъ велѣлъ разсчитать, найдено подходящее взрывчатое вещество. Я увѣренъ, что наши вновь рожденныя малютки сумѣютъ сдержать его силу и выбросить снарядъ туда, гдѣ онъ болѣе пригодится“.

Остроконечныя уши инженера, похожія на уши дикой рыси, какъ-то странно прижались къ черепу, электрическій свѣтъ, падавшій на блѣдное безкровное лицо Дейтшера, показалъ его сатанинскую улыбку.

Тщательно окинувъ кабинетъ взглядомъ, онъ легко поднялся съ твердаго сидѣнья, направился къ двери, потушилъ электричество и, выйдя, тщательно заперъ на нѣсколько запоровъ кабинетъ, — это тайное хранилище вредоносныхъ изобрѣтеній пытливаго человѣческаго ума.

V.

Хотя часы и равномѣрно отбиваютъ время, но здѣсь, подъ землею, въ постоянной работѣ день и ночь совершенно безразличны.

Зачастую работники не выходятъ изъ своихъ тайныхъ мастерскихъ по нѣскольку дней, они какъ бы находятся подъ арестомъ. Имъ запрещается въ это время бывать на поверхности земли, у себя дома, сноситься со своими близкими: нужно отдаваться только одной работѣ, этому таинственному труду на пользу Германіи, ея будущему всемірному владычеству.

Сколько времени прошло послѣ того счастливаго дня, когда Штольбахскія подземныя мастерскія обогатились великими изобрѣтеніями, трудно сказать: все это обвито дымкой таинственности, забвенія часовъ и смѣны дня и ночи.

Все удалось отлично.

Какъ самъ Фишеръ со своимъ помощникомъ Аргнольдомъ, такъ и неизвѣстный изобрѣтатель новыхъ орудій оказались на высотѣ своихъ знаній.

Опытъ въ глубокомъ колодцѣ надъ стальной болванкой прошелъ блестяще. Новое взрывчатое вещество искрошило этотъ холодный, плотно скованный кусокъ металла въ жалкія щепы, а пробное орудіе даже въ своемъ маленькомъ масштабѣ поражало устойчивостью и непомѣрной силой.

Гдѣ происходили опыты послѣдняго, вѣдомо было только изобрѣтателю и обоимъ заправиламъ Штольбахскаго завода.

Но когда инженеръ Дейтшеръ, явившись въ Потсдамскій дворецъ къ императору Вильгельму просить аудіенціи, только заявилъ о себѣ, — дверь изъ палисандроваго дерева съ бронзовыми массивными инкрустаціями, ведущая въ кабинетъ властелина Германіи, сейчасъ же широко распахнулась, и самъ императоръ, точно позабывъ въ эту минуту о своей постоянной театральности, весело проговорилъ:

— Входите, входите, инженеръ, вы для меня желанный гость, я знаю, что вы рѣдко когда выходите, какъ кротъ, изъ своей подземной норы, а если ужъ явитесь ко мнѣ, то непремѣнно съ какой-нибудь пріятной новостью.

И, положивъ руку на плечо посѣтителя, императоръ ввелъ его въ кабинетъ и плотно закрылъ за собою двери.

VI.

О чемъ говорили они здѣсь вдвоемъ, никто не знаетъ, но, судя по радостному выраженію лица императора, когда онъ на прощаніе пожалъ руку руководителя Штольбахскаго завода, можно было думать, что онъ былъ имъ чрезвычайно доволенъ.

— Милый Дейтшеръ, я увѣренъ, что съ этими маленькими игрушками мы теперь не только поставимъ нашихъ зазнавшихся сосѣдей на настоящее ихъ мѣсто, но и заатлантическимъ янки дадимъ отличный урокъ. Помните, Дейтшеръ, — прибавилъ императоръ на поклонъ инженера: — что недалеко то время, когда Deutschland über alles будетъ совершившимся фактомъ.

Выдержанный инженеръ, распростившись съ императоромъ, сейчасъ же отправился къ себѣ на заводъ, чтобы немедленно приступить къ выработкѣ новыхъ орудій, производство которыхъ должно было совершаться въ полнѣйшей тайнѣ. Собственный приказъ императора онъ хранилъ въ боковомъ карманѣ, а мысли его горделиво шли все дальше и дальше. Дейтшеръ сознавалъ себя въ эту минуту правой рукой владыки міровего покоя.

Профессоръ Фишеръ, по желанію императора, долженъ былъ немедленно прибыть къ нему, но не въ Потсдамъ, а въ берлинскій дворецъ и также сообщить ему о результатахъ того адскаго взрывчатаго вещества, которое онъ изобрѣлъ.

Сейчасъ же закипѣла торопливая работа подземныхъ мастерскихъ Штольбахскаго завода, застучалъ многотысячный гидравлическій прессъ, металлъ для орудій ковался по особому рецепту, доменныя печи выпускали цѣлыя струи бѣлой, ослѣпительной, какъ электричество, стали, и еще не остывшія болванки снова подвергались прессованію, для окончанія вытѣсненія изъ нихъ ненужныхъ частей углерода.

Безмолвные рабочіе, какъ циклопы, почти голые, работали въ страшной жарѣ, ковали будущихъ истребителей враговъ Германіи, послушно, безпрекословно, увѣренные въ нѣмецкой мощи, въ геніальности своего кайзера.

Бѣжали попрежнему поѣзда, переполненные пассажирами, мимо Штольбахскаго завода, безпечно глядѣли проѣзжающіе на высокія трубы крупповскаго промышленнаго заведенія, шутливо замѣчая:

— Этотъ заводъ не выдѣлываетъ пушекъ и другихъ огнестрѣльныхъ орудій, онъ производитъ только столовую посуду, ножи, вилки и т. п.

Какъ далеки были отъ истины эти легкомысленные люди. Они не подозрѣвали, что неслись въ это время надъ мастерскими стараго бога Вулкана, который съ безконечною злобой ко всему живому научилъ нѣмецкихъ мастеровъ приготовлять новыя орудія, новое вещество, чтобы взрывать, уничтожать милліоны цвѣтущихъ жизней, разрушать города и топить корабли.

Библиотека "Руниверс"

Приключенія Лизы.

Разсказъ **Б. П. Никонова.**

(Окончаніе).

Потомъ опять море и снова земля.

— Это Россія?—робко спрашиваетъ Лиза.

— Нѣтъ, это не Россія,—отвѣчаютъ ей.

— А что же это такое?

— Это Швеція. Мы еще сначала въ Швецію поѣдемъ...

Лиза молчитъ и уже не задаетъ напрасныхъ вопросовъ, хотя все еще никакъ не можетъ понять, зачѣмъ еще понадобилась какая-то Швеція? Нашли время, подумаешь, ѣздить по разнымъ странамъ! Впрочемъ, ей теперь не такъ жутко и плохо, какъ прежде. Теперь стало гораздо легче путешествовать: и кормятъ досыта и везутъ въ чистыхъ вагонахъ. Она только не перестаетъ удивляться, почему для того, чтобы попасть въ Россію, приходится пробираться черезъ разныя чужія страны, когда было такъ просто пройти въ Россію черезъ канаву у Прусова? Иногда ей снится, будто какое-то страшное существо, по имени „Война“, охватило ее вмѣстѣ съ множествомъ другого народа въ охапку и съ силой швырнуло въ сторону. И вотъ они все еще летятъ и никакъ не могутъ долетѣть до мѣста...

По Швеціи ѣдутъ долго: день и еще день. Но Лизѣ кажется, что здѣсь, въ Швеціи, дни особенные—такіе длинные, что изъ нихъ можно тамъ, въ Россіи, выкроить цѣлую недѣлю.

Послѣ Швеціи будетъ Россія. Это уже извѣстно всѣмъ и каждому. Лизѣ представляется, что, какъ только кончится Швеція, такъ сію же минуту она увидитъ знакомую канаву съ раскрашенными столбами и съ русскимъ часовымъ солдатомъ по ту сторону. А тамъ и Ковалишки... Каково же ея удивленіе, когда послѣ долгаго пути русскихъ путниковъ привозятъ опять къ безконечному водному простору.

— Это море?—изумленно спрашиваетъ она.

— Да, море.

— А гдѣ же Россія?—испуганно задаетъ новый вопросъ Лиза.

Тѣ, кто отвѣчаютъ ей, посмѣиваются:

— Ну, до Россіи-то еще не близко!

Что же это наконецъ такое? Точно кто-то смѣется надъ Лизой и надъ ея стремленіемъ попасть домой какъ можно скорѣе. Надо же понять, что тамъ на хуторѣ близъ Ковалишекъ лежитъ больной Наумъ и ждетъ ее уже Богъ знаетъ сколько времени... А тутъ, какъ на смѣхъ, чѣмъ дальше ѣдутъ, Россія все дальше и дальше... Точно кто-то нарочно отодвигаетъ Россію и Ковалишки. Лиза смутно чувствуетъ, что злобный и насмѣшливый врагъ, продѣлывающій это надъ ней и надъ измученными больными людьми,—все та же страшная и таинственная Война.

Путешественниковъ сажаютъ на громадный бѣлый пароходъ. Лиза думаетъ, что на этомъ именно пароходѣ уѣхалъ въ Америку Лазарь. Это цѣлый громадный домъ съ множествомъ комнатъ... Но когда этотъ огромный пароходъ-домъ отчаливаетъ отъ берега и врѣзывается острымъ носомъ въ волны, то его начинаетъ качать, какъ маленькую люльку. Съ шумомъ бѣгутъ мимо него пѣнистыя волны. Бѣгутъ, окруженные бѣлой каймой пѣны, словно кружевомъ, острова, то покрытые лѣсомъ, то голые, каменистые, выглядывающіе изъ-подъ воды будто спины морскихъ чудовищъ... Бѣлѣютъ то здѣсь, то тамъ тонкіе, какъ стрѣла, маяки. Стало холодно. Лиза прячется въ каюту. На ней все то же легкое лѣтнее платье, въ которомъ она отправилась къ аптекарю. Кто жъ зналъ, что ей придется путешествовать такъ далеко? Зябнетъ и маленькая Лиза изъ Кіева и все плачетъ по своей мамѣ. Обѣ Лизы прижимаются другъ къ другу, и имъ становится теплѣе и не такъ грустно.

I рядъ: 1. Колоднеръ, 2. Ярошевскій, 3. Ходоровскій, 4. Бекманъ, 5. Свящ. Субботинъ, 6. Дудревичъ, 7. Гернетъ, 8. Пирцаловъ. II рядъ: 9. Промысловъ, 10. Іюдтъ, 11. Беллавинъ, 12. Лаутманъ, 13. Герман. фельдфеб. Крамарчикъ, 14. Шалабута, 15. Маргулесъ, 16. Кунчинскій, 17. Познанскій. III рядъ и выше: 18. Блюменштейнъ, 19. Заремба, 20. Келлервурмъ, 21. Новицкій, 22. Варищевъ, 23. Красковскій, 24. Тененбаумъ, 25—26. Германскіе фельдфебеля, 27. Лещинскій, 28. Михайловъ, 29. Заурядъ-прап. Фузъ, 30. Ачерконъ, 31. Никифоровъ, 32. Фритбергъ, 33. Лайбергъ, 34. Корнейчикъ, 35. Гаростъ, 36. Геттингеръ, 37. Барановскій, 38. Купидоновъ, 39. Найфельдъ.

Часть плѣнныхъ русскихъ врачей и лицъ администраціи „Краснаго Креста“, задержанныхъ и находящихся въ лагерѣ № 2 въ г. Нейссѣ.

Всего врачей было 86 и чиновъ администраціи Краснаго Креста кромѣ врачей—около 50 чел. Большинство захвачено въ плѣнъ въ бояхъ 15—16 августа 1914 г. въ Восточной Пруссіи.

Группа эта прислана въ нашу редакцію изъ Копенгагена о. Іоанномъ Щелкуновымъ, состоящимъ при русскомъ посольствѣ въ Копенгагенѣ. Рядомъ съ группой помѣщенъ на русскомъ языкѣ слѣдующій текстъ письма: «Обращаюсь къ Русскому Посланнику въ Даніи съ покорнѣйшей просьбой какъ-либо направить эту открытку въ редакцію журнала «Нива», подписчиками коего состоятъ многіе родственники снявшихся врачей, адреса коихъ частью, съ началомъ войны, перемѣнились. Надѣемся, что редакція журнала «Нива» не откажетъ напечатать снимокъ; это тѣмъ болѣе желательно, что врачи, всего около 100 человѣкъ, задержанные въ Германіи за время войны, какъ намъ объявили, не будутъ отпущены до конца войны, и большинство теперь находится въ Нейссѣ на положеніи военно-плѣнныхъ офицеровъ. Адресъ: Deutschland, Schlesien, Neisse. Kriegsgefangenenlager 2. D-r Kraskowski». Д-ръ Красковскій проситъ журналы и газеты, особенно польскіе, перепечатать эту группу.

Библиотека "Руниверс"

— Отчего такъ холодно? — спрашиваетъ Лиза спутниковъ.

— Оттого, что ѣдемъ къ сѣверу. Насъ везутъ на самый сѣверъ. Здѣсь родится зима. Отсюда она идетъ въ міръ.

Вдали показывается берегъ. Лиза въ большомъ волненіи. Ей кажется, что она скоро увидится съ отцомъ и братомъ, и она, дрожа, прижимаетъ къ себѣ коробочку съ лѣкарствомъ. Слава Богу, коробочка цѣла и невредима, несмотря на всѣ перенесенныя приключенія.

— Это Россія?

Лиза дрожитъ и тяжело дышитъ отъ страха при мысли, что ей опять отвѣтятъ: „Нѣтъ"...

— Это Финляндія. Почти Россія.

— А Ковалишки далеко отсюда?

Но на этотъ вопросъ опять никто не можетъ ей ничего отвѣтить. Ковалишки исчезли съ лица Божьей земли.

Длинный, длинный поѣздъ. Около сорока вагоновъ. Кондуктора въ синихъ мундирахъ, вѣжливые и важные, спокойные, словно они совсѣмъ не знаютъ, что̀ такое война и несчастіе, указываютъ Лизѣ мѣстечко въ одномъ изъ вагоновъ II-го класса. Лиза усаживается на мягкій диванъ. На рукахъ у нея маленькая кіевская дѣвочка, которая сейчасъ же засыпаетъ. Мысли у Лизы путаются отъ усталости и никакъ не могутъ собраться всѣ вмѣстѣ и бѣгутъ и свиваются въ длинный клубокъ безъ начала и конца.

Вагонъ стучитъ и трясется. Въ окнахъ мелькаетъ жидкій малорослый лѣсъ. Холодный осенній дождь стучитъ въ окно. Лиза догадывается, откуда берется этотъ противный мелкій холодный дождь, который такъ отравляетъ тепло и свѣтъ и лѣтнюю благодать тамъ, на родинѣ. Этотъ противный дождь рождается въ здѣшнихъ мѣстахъ и отсюда приходитъ на югъ, въ тѣ свѣтлыя и теплыя мѣста, гдѣ теперь война. Если бы онъ могъ хоть разъ сдѣлать доброе дѣло—погасить тамъ эту проклятую войну!

Вагонъ стучитъ и мѣрно колышется. Больные люди съ ревматическими ногами, усталые и запуганные, оборванные и грязные, оставившіе у нѣмцевъ весь багажъ и все свое добро, все свое здоровье и спокойствіе, сидятъ и лежатъ на диванахъ и разговариваютъ о Россіи. Иные бредятъ во снѣ, и подъ шумъ вагона ихъ бредъ кажется Лизѣ ея же собственными мыслями, которыя вырвались изъ головы и пошли гулять по вагонамъ...

Кондукторъ приноситъ чай, молоко. Это на станціяхъ жители встрѣчаютъ русскихъ путниковъ, такъ же, какъ и въ Даніи. Лиза знаетъ теперь, что на свѣтѣ бываютъ особенные люди, добрые и сердечные, которые помогаютъ совершенно постороннимъ людямъ, кормятъ и поятъ ихъ и украшаютъ вагоны цвѣтами и зеленью. Это что-то новое и необыкновенное въ человѣческой жизни, что-то еще небывалое. Такое же небывалое и необыкновенное, какъ и тѣ страданія, которыя пришлось перенести Лизѣ и ея спутникамъ. И у Лизы является мысль: „быть-можетъ, и это война, но только съ какой-то другой стороны?"

Война унесла Лизу на далекій сѣверъ, гдѣ рождается зима съ зимними страданіями, вьюгами и морозами. Этотъ холодъ, эта зима и есть война, ибо война даетъ людямъ тяжкое страданіе. Но не странно ли, что здѣсь на холодѣ, въ царствѣ злой зимы, расцвѣтаютъ дивныя человѣческія сердца? И не странно ли, что не будь войны, быть-можетъ, не было бы и этого праздника добра, мира и благоволенія къ страждущимъ? Поистинѣ, во всемъ этомъ такъ много мудренаго и неразгаданнаго, что не только Лизѣ, но и иному, очень умному и образованному, человѣку не разобраться въ этомъ.

Вагоны останавливаются. Въ окнахъ виднѣются высокія фабричныя трубы, каменныя зданія...

— Россія!

Господи, какъ радостно бьется сердце у Лизы. Наконецъ-то! Гдѣ же Ковалишки? Нельзя ли сейчасъ же отправиться туда? Хоть пѣшкомъ!

Лизѣ неоднократно приходилось слышать въ дорогѣ, что поѣздъ идетъ въ Петроградъ. Но она какъ-то не обращала на это вниманія. Ей было прежде всего важно, что поѣздъ идетъ въ Россію, а въ какой именно городъ—это уже дѣло второстепенное... Но когда она вышла изъ вагона и очутилась въ громадномъ чужомъ городѣ, ей стало жутко, и она впервые поняла, что̀ это значитъ „Петроградъ".

Когда она жила у себя на хуторѣ, то слыхала, что въ Петроградѣ живетъ самъ царь. Петроградъ—столица. Петроградъ гдѣ-то на краю свѣта. Туда ѣздятъ только богатые паны, и это куда дальше, чѣмъ Варшава. А и Варшава не близко!

Какъ же теперь, спрашивается, добираться до Ковалишекъ? Вотъ куда занесла Лизу война.

Лиза вышла съ вокзала въ своемъ обносившемся платьишкѣ и косыночкѣ и остановилась, не зная, куда итти. Все ея имущество заключалось въ одеждѣ, что̀ была на ней, да въ коробочкѣ съ лѣкарствомъ.

Она сѣла на лѣстницѣ у подъѣзда и горько заплакала. Къ ней прижалась маленькая кіевская Лиза и тоже заплакала. Маленькой Лизѣ также некуда было дѣваться: ея мать умерла отъ родовъ въ нѣмецкой тюрьмѣ...

— Ты что̀ плачешь?—раздалось надъ ними.

Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Въ особенности же много такихъ людей бываетъ во время войны. Война рождаетъ ихъ, такъ же, какъ героевъ. Нашлись люди, которые пожалѣли Лизу и приняли въ ней участіе. И вотъ Лиза опять въ пути. Уже тринадцатый день. Она ѣдетъ съ своей маленькой тезкой въ Варшаву, а изъ Варшавы—къ себѣ, на границу, къ отцу и Науму.

Съ темнаго неба сѣетъ маленькій и холодный дождь. Этотъ дождь нарочно пришелъ сюда, чтобы погасить огненный и кровавый пожаръ войны... Въ тускломъ свѣтѣ осенняго дня все кругомъ сѣро и непривѣтливо. И Лиза не можетъ узнать родныя мѣста.

— Гдѣ же хуторъ?

— Хуторъ сожгли нѣмцы.

— А отецъ? А Наумъ?

— Отецъ въ больницѣ... А Наумъ... Да что̀ спрашивать о Наумѣ?.. Много такихъ, какъ Наумъ, ушли и не вернулись. Проклятая граница, вставшая на дыбы, какъ взбѣсившійся звѣрь, поглотила ихъ!

Лиза горько плачетъ, сидя на пепелищѣ. И все еще сжимаетъ въ рукахъ коробочку съ лѣкарствомъ. Она свято сохранила ее. Она привезла ее домой, несмотря ни на что.

Лиза теперь хорошо знаетъ, что̀ такое война, и какія превращенія она творитъ съ людьми. И ужасныя и отрадныя.

За ея руку держится маленькая дѣвочка, когда-то совсѣмъ чужая, а теперь близкая и почти родная. Лиза знаетъ, что она теперь пойдетъ въ огонь и воду за этого, когда-то чужого ей, ребенка.

Наума нѣтъ. Но есть маленькая Лиза.

Надо жить. И, быть-можетъ, имъ удастся дожить до той благословенной поры, когда взбѣсившійся звѣрь войны будетъ уничтоженъ, и когда уже не надо будетъ проѣзжать черезъ весь свѣтъ, чтобы вернуться домой за нѣсколько шаговъ разстоянія. И когда оплаканная старая любовь и старыя связи пополнятся новой любовью и новыми связями, рожденными въ огнѣ страданій и неистребимыми вовѣки.

Арестанты.

Тюрьма... Оконныя рѣшетки...
За дверью мѣрный скрипъ шаговъ,
А за окномъ узорно-четки
Синѣютъ контуры домовъ...
А дальше степь... Не видно края
Ея расплывчатыхъ границъ,
Лишь солнце, тихо догорая,
Читаетъ быль ея страницъ...
Сѣдой ковыль, какъ воинъ хмурый,
Хранитъ коней казацкихъ слѣдъ,
Да кобзари, звеня бандурой,
Поютъ о славѣ прошлыхъ лѣтъ.
Но вѣсть пришла — внимали строго
Казаки посланцу царя,
И не ушла еще заря,

Какъ задымилась въ степь дорога...
Идетъ въ ряды за братомъ братъ,
Несется гулъ казацкой сходки,
И бьется пламенный набатъ
Въ тюрьму, въ оконныя рѣшетки...
И тамъ все поняли сейчасъ,
И новой болью груди сжались,
Всю ночь рѣсницы не смежались,
Въ степи ль орлы перекликались,
И свѣтъ костровъ всю ночь не гасъ...

Еще не пробили куранты
Кончины ночи голубой, —
Собравшись, пишутъ арестанты:
«Прошенье. Отпустите въ бой!..»

Сергѣй Михѣевъ.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Библиотека "Руниверс"

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г. № 50 | XLV г. изданія

Выданъ 13 декабря 1914 г. Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на **первой** страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. В. Г. Короленко" кн. 25.

Льготная подписка на 1915 годъ — только до 22 декабря 1914 г.

„СВѢТЛЯЧОКЪ"

для дѣтей младшаго возраста, отъ 4—8 лѣтъ, подъ редакціей **А. А. ѲЕДОРОВА-ДАВЫДОВА.**

24 №№ — Годъ изданія XIV-й. — 30 премій.

Одобренъ Особ. Отд. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр.

Подписавшіеся на 1915 г. до 22 декабря 1914 года **СВЕРХЪ** объявленныхъ премій получатъ: „Приключенія Лѣснушки-малыша". || „Въ царствѣ сказокъ".

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ, съ дост. и перес. **4** р. — к.
На годъ, безъ дост. и перес. **3** р. **50** к.
На годъ, за границу . . . **8** р. — к.

РАЗСРОЧКА:
При подпискѣ за 1-е полуг. **2** р. **50** к.
За 2-е полуг., къ 1-му іюля. **1** р. **50** к.

24 №№ — Годъ изданія XII-й. — 30 премій.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. *одобренъ*.

Подписавшіеся на 1915 г. до 22 декабря 1914 года **СВЕРХЪ** объявленныхъ премій получатъ: „Дочь Черной Горы". || **„Короли морей".**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ, съ дост. и перес. **5** р. — к.
На годъ, безъ дост. и перес. **4** р. **50** к.
На годъ, за границу . . . **9** р. — к.

РАЗСРОЧКА:
При подпискѣ за 1-е полуг. **3** р. — к.
За 2-е полуг., къ 1-му іюля. **2** р. — к.

№№ 1-ые 1915 года обоихъ журналовъ съ богат. прилож. выйдутъ до праздн. Р. Х.

Контора и редакція: Москва, М. Дмитровка, 17. Отдѣленіе: Книжн. магаз. Н. Лидертъ, Москва, Петровскія линіи. 8330

Подписка принимается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.

ПРІЕМЪ НА НОВЫЙ СЕМЕСТРЪ ОТКРЫЛИ

СЧЕТОВОДНЫЕ КУРСЫ,

учрежденные М. В. ПОБѢДИНСКИМЪ.

Петроградъ, Невскій пр., **102** (прот. Николаевской ул.).

На курсы принимаются лица **обоего пола**, не моложе 16-ти лѣтъ, безъ различія вѣроисповѣданія и образованія. Занятія на основныхъ и спеціальныхъ отдѣленіяхъ—дневныя и вечернія. Слушателямъ Курсовъ предоставляется возможность, кромѣ обычныхъ курсовыхъ занятій, посѣщать *(безъ особой платы)* организуемыя лекціи профессоровъ: М. В. Бернацкаго, В. Н. Сперанскаго и друг.

83 1 2-1

НАЧАЛО НОВАГО УЧЕБНАГО КУРСА 12 ЯНВАРЯ.

Пріемъ на ВЫСШІЕ КОММЕРЧЕСКІЕ, а также и на ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНЫЕ Курсы М. В. Побѣдинскаго, на второе полугодіе 1914—1915 г.,—ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Курсы М. В. Побѣдинскаго основаны въ 1897 году, состоятъ въ вѣдѣніи Министерства Торговли и Промышленности, при нихъ учреждено ОБЩЕСТВО БУХГАЛТЕРОВЪ и ЭКОНОМИСТОВЪ, съ отдѣломъ по пріисканію занятій, которое рекоменд. на разныя должности. ♦ Курсами издается спеціальный журналъ: „КОММЕРЧЕСКАЯ ШКОЛА и ЖИЗНЬ". Канцелярія открыта ежедневно отъ 10 ч. у. до 9 ч. в. ♦ Свѣдѣнія о курсахъ выдаются и высыл. безплатно; обзоръ организаціи за три 10 к. почт. марки.

Новыя книги Г. С. ВОЛЬТКЕ:

НОВЫЙ МѢСТНЫЙ СУДЪ. 1) Сборн. закон. о волостномъ и мировомъ судѣ и о пор. произв. дѣлъ гражд. и угол. Ц. въ перепл. 1 р. 2) Уголовные законы и уставы, примѣн. въ мѣстн. судѣ. Ц. въ перепл. 2 р. Настольныя книги для волостн., миров., город. судей, земск. нач., сельск. должн. лицъ, повѣренныхъ, суд. приставовъ, тяжущихся и обвиняемыхъ. Отзывы о книгахъ см. „Лит. Прил. Нивы" №№ 5 и 12 с. г. Высыл. наложен. платеж. Адр.: Петроградъ, Спасская, 18. 833к

Петроградъ, Морская, 23 Фирма **А. СКРОНЪ.** **ДЕПО** дерев. вещей и аппаратовъ для выжиганія, терракота, металъ-пластикъ, тарсо, батикъ, краски и всѣхъ принадлежн. для художниковъ и для работы гвоздями. 833

1) **„ПЧЕЛОВОДНАЯ ЖИЗНЬ".**

(Издается съ 1906 г.).

Иллюстрированный журналъ ПРОГРЕССИВНАГО пчеловодства.

24 №№ въ годъ съ пересылкой 3 р.

2) **„ПЧЕЛОВОДЪ".**

(Издается съ 1910 г.).

Иллюстрированный журналъ ПРАКТИЧЕСКАГО пчеловодства.

12 №№ въ годъ съ пересылкой 60 к.

2-2 АДРЕСЪ: 33.2

Петроградъ, Матвѣевская, 11, М. А. ДЕРНОВУ.

Подробн. программа БЕЗПЛАТНО.

Прелестныя, свѣжія, очаровательныя лица,

бархатистая кожа и юный видъ. Онѣ употребляютъ Дермозонъ д-ра Антона Мейеръ полукрѣпкій. Этотъ лучшій кремъ для лица и рукъ абсолютно безвреденъ, онъ дѣйствуетъ оживляюще, лицо дѣлается свѣжимъ и бархатистымъ въ очень короткій срокъ. Дермозонъ д-ра Антона Мейеръ продается во всѣхъ аптекахъ, лучшихъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ въ оригинальныхъ 30 - граммовыхъ банкахъ. Для ускоренія успѣха рекомендуется вымыть лицо какимъ-нибудь нейтральнымъ мыломъ. Лучше всего взять душистое мыло Дермозонъ Т-ва Стольбергъ и Ко.

Второй годъ изданія.

Литературно-худ. иллюстрированный ежемѣсячный журналъ для дѣтей 8—12 л.

„НЕЗАБУДКА".

Задача журнала дать чтеніе, которое, возбуждая захватывающій интересъ и отвѣчая умств. запросамъ ребенка, **незамѣтно для него самого** пробуждало и укрѣпляло въ немъ благородныя стремленія духа.

Тщательный выборъ матеріала и роскошная внѣшность—отлич. особ. „Незабудки".

Подписчики въ 1915 г. получатъ: 1) 12 №№ журнала, увелич. книжнаго формата, свыше 800 стр. 2) „Подъ грозой", пов. изъ временъ татарщины А. Платоновой. 3) „Любовь до конца". Пов. изъ жизни первыхъ христ. А. Платоновой и 4) 10 изящныхъ красочныхъ автотипій съ карт. лучшихъ худ.

Содержаніе „Незабудки" разнообразно (пов., разск., стих., популярно-научн. ст., анекдоты, шарады и пр.). Къ сотрудничеству въ „Незабудкѣ" привлечены лучшія силы. Въ „Незабудкѣ" печатаются только оригинальныя статьи. Особенное вниманіе обращается въ „Незабудкѣ" на все родное. Въ „Незабудкѣ" не будетъ ничего не соотвѣтствующаго дѣтскому возрасту.

„Незабудка" имѣетъ много лестныхъ отзывовъ, и пріобрѣла обширный кругъ читателей и **необходима** въ каждой семьѣ, каждой школѣ, библіотекѣ и младшихъ класс. ср. уч. зав. 8301 3-2

Подписная цѣна „Незабудки" 4 р. въ годъ, за гран.—6 руб., полгода—2 руб., 3 мѣс.—1 руб. Пробн. №—30 коп., нал. плат.—40 коп.

Редакція: **Петроградъ. Петропавловская крѣп., 86. Тел. 104-53.**

„Незабудка" за 1914 г.—4 руб. съ пересылкой въ Европ. Россію.

Ред.-изд. ***прот. А. Темномѣровъ.*** Ред. ***А. Платонова.***

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Мезько, Н. СТИХОТВОРЕНІЯ. Съ предисловіемъ К. Р. Цѣна 50 коп., съ перес. 65 коп.

ТРЕБУЙТЕ!000. за 7 коп. марку пробный № журн. „Рыболовъ и Охотникъ" или безплатно проспектъ его, адресуя Вятка, Ред. „Рыболова и Охотника". 8316 3-3

Открыта подписка на 1915-й годъ **ХУТОРЯНИНЪ.** Еженедѣльный иллюстрированный журналъ, посвященный интересамъ сельскаго хозяйства, коопераціи, промышленности и торговли.

Издается Полтавскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства съ 1899 года.

Годовая подписка съ пересылкой и доставкой 2 р. 20 к.

Подписчики получатъ: 52 номера (около двухъ листовъ каждый, что за годъ составитъ томъ свыше 1800 страницъ текста съ иллюстраціями).

Сборникъ с.-х. статей. Календарь „Хуторянинъ" на 1915 годъ. (Около 200 стран. текста, съ массой рисунк. и чертежей, цѣна въ отдѣльной продажѣ 25 к.). О сборникахъ имѣются самые лучшіе отзывы.

Два выпуска библіотеки „Хуторянина". Плакатъ въ краскахъ. 10 сортовъ сѣмянъ. Сѣмена заказаны въ одномъ изъ лучшихъ сѣменныхъ хозяйствъ и будутъ разосланы въ началѣ марта всѣмъ подписавшимся до 1 января 1915 года.

Великая Европейская война. Еженедѣльное приложеніе въ размѣрѣ 1/2 печатн. листа, съ рисунк., портрет. и картами, что въ концѣ года составитъ иллюстриров. исторію войны (въ объемѣ около 26 печ. лист.).

Редакціи журнала въ теченіе послѣдн. лѣтъ **присуждены три золотыхъ медали.** **На Южно-Русской Областной выставкѣ въ Екатеринославѣ въ 1910 г.** изъ всѣхъ сельско-хоз. журналовъ только **редакція журнала „Хуторянинъ" получила ЗОЛОТУЮ МЕДАЛЬ.** Спеціально избранная комиссія Одесскаго отдѣленія Императорскаго Техническаго О-ва признала журн. „Хуторянинъ" чрезвычайно полезнымъ для улучшенія и развитія крестьянскаго хозяйства Малороссіи и заслуживающ. полнаго одобренія.

Журналъ „Хуторянинъ" допущенъ въ безплатныя библіотеки-читальни и въ библіотеки сельско-хоз. учебныхъ заведеній Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія.

Требуйте безплатно проспекты, номера и смѣты на объявленія.

Адресъ: Полтава, Пушкинская, д. Полт. о-ва сел. хоз., ред. „Хуторянинъ".

Отвѣтств. редакт. Презид. Полт. общ. сел. хоз., заслуж. профессоръ *А. П. Шимковъ.*

Секретарь редакціи *Д. О. Ярошевичъ.* 8246 2-2

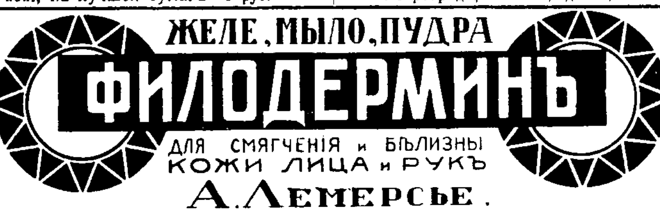
Библиотека "Руниверс"

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Ганзенъ, П. Г. „ОПЫТЪ ОЗДОРОВЛЕНІЯ ДЕРЕВНИ“. Съ вступит. статьею **Р. И. Сементковскаго** и съ 5 иллюстраціями. Изящное изданіе въ 8 д. листа, 132 стр. Цѣна съ перес. **75 коп.**, на лучшей бумагѣ—**1 руб.**

Чеховъ, Ант. „Вишневый садъ“. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна съ перес. **40 к.**

Кристаллографическія модели и др. пос. **А. Макарьинъ.** Петроградъ, Нижегородская, 11. 8428



8303 6-3

КУРСЫ общед. **ЗАОЧНЫЕ** ком. самообр. ПРОГР.: 2-ая итальянск. и американская **БУХГАЛТЕРІЯ** **СТЕНОГРАФІЯ** (искусство писать со скоростью рѣчи), коммерч. ариѳметика. коммерч. корреспонденція, ком. географія, товаровѣдѣніе. Курсъ правоп. **КАЛЛИГРАФІИ**, контор скорописи, **ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА. БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ** (труды професс. и препод. высш. и средн. учебн. завед.). Отзывы спец. благ. письма. **АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА.** Льготн. условія: разсрочка отъ 2 руб. Программы и пробныя лекціи высылаются **БЕЗПЛАТНО**. Адресъ: **Книгоиздательство „Кругъ Самообразованія“.**— Петроградъ, Невскій, д. 57—11.

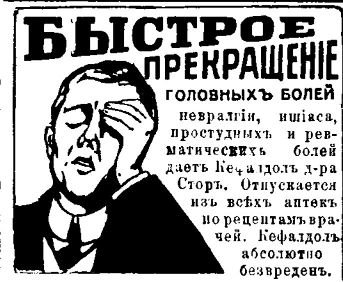
Настоящимъ имѣемъ честь довести до свѣдѣнія своихъ почтенныхъ Гг. покупателей, что, какъ и всегда, у насъ имѣются въ громадномъ выборѣ **коллекціи украшеній для елки** въ 2 р. 95 к., 5, 10, 15, 25, 50 руб. и дороже, а равно хлопушки съ сюрпризами и костюмами, подарки для дѣтей и взрослыхъ, различныя игры, занятія и т. п. Заказы просимъ присылать заблаговременно, чтобы они могли получиться къ Рождеству.
БАЗАРЪ МАРОКЪ, Петроградъ, Невскій, 20—II.
2-2 8318

СРЕДСТВО отъ ГЕМОРРОЯ
ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ
ПРОФЕССОРЪ ДОКТОРЪ ПЕЛЬ и СЫНОВЬЯ
Петроградъ, Вас. остр. 7 лин. д. № 18.
ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ
(PROCTOL-POEHL)
Суппозиторіи (свѣчки) противъ ГЕМОРРОЯ. Останавливаютъ КРОВОТЕЧЕНІЕ. Укрѣпляютъ слизистую оболочку и способствуютъ сморщиванію и исчезновенію шишекъ. Устраняютъ: БОЛЬ, ЗУДЪ и ЖЖЕНІЕ. Оказываютъ ПРОТИВОВОСПАЛИТЕЛЬНОЕ дѣйствіе.
Цѣна коробки 1 р. 50 к.

НЕРВАЛИНЪ по рецепту доктора Антушева. Если Вы страдаете головной болью, мигренью, невралгіей, простудными заболѣваніями, то пріобрѣтите порошки „НЕРВАЛИНЪ“, которые облегчать Ваши страданія. Цѣна 10 порошковъ въ капсюляхъ 1 руб. Требуйте во всѣхъ лучшихъ аптекахъ и аптекарск. магазинахъ. Можно также получать изъ главнаго склада: Контора Химическихъ Продуктовъ, Москва, Бот. Чернышовскій пер., домъ № 17, кв. 6. Отд. 28. Настоящій препаратъ „Нервалинъ“ только съ фабричной маркой Пчела, безъ оной считать поддѣлкой.

НЕ КУРИ!
Желающимъ бросить курить высылается безплатно проспектъ, указывающій путь, какъ избавиться отъ этой вредной привычки. Москва, Уланскій пер., д. № 30—4.
П. КОМИСАРЕНКО.
3230 (6)

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ:
А. ЛУГОВОЙ.
СТИХИ.
Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ у **Л. А. Тихоновой-Луговой**, гор. Луга, Петроградской губ., Покровская, 12, собств. домъ.
Высылается съ наложеннымъ платежомъ.
3329



3-й годъ изданія. ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ 3-й годъ изданія.

на еженедѣльный журналъ **САТИРЫ и ЮМОРА**

Всѣ годовые подписчики получатъ: **52** нумера — роскошно иллюстрированнаго журнала. Журналъ печатается на плотной глазированной бумагѣ. Нѣкоторые номера въ 8—9 красокъ. Въ теченіе года будетъ дано около 800 рисунковъ и карикатуръ: проза, стихи лучш. русск. литератор. и юмористовъ. Всѣ годовые подписчики получатъ 3 безплатныхъ преміи: **I томъ „БОРДОВАЯ КНИГА“.** О войнѣ европейскихъ державъ. (Причины войны. Кѣмъ она вызвана. Поведеніе Вильгельма. Подвиги нѣмцевъ. Австрійцы, какъ таковые. Теченіе войны — и проч.).
NB. Сатириконцы отнесутся къ „Бордовой книгѣ“ съ подобающей серьезностью.
1 книга-альбомъ „ОСИНОВЫЙ КОЛЪ“. На могилу зеленаго змія. Роскошно иллюстрированное изданіе. (Исторія пьянства въ Россіи. Типы пьяницъ. Борьба съ пьянствомъ и проч.).
1 книга „ПИСЬМОВНИКЪ НОВАГО САТИРИКОНА“. „Съ приложеніемъ самоучителя танцевъ, а также танцовальныхъ разговоровъ“. Изученіе этой книги явится лучшимъ способомъ для подписчика „Новаго Сатирикона“ пріобрѣсти въ обществѣ такой вѣсъ и значеніе, которые вызовутъ въ окружающихъ восхищеніе и изумленіе, съ примѣсью легкой тревоги“.
Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

Въ Россіи:	За границу:
На годъ . 6 р. 50 к.	На годъ . 9 р. 75 к.
„ 1/2 г. . 3 р. 25 к.	„ 1/2 г. . 4 р. 90 к.
„ 3 мѣс. 1 р. 75 к.	„ 3 мѣс. 2 р. 45 к.
„ 1 мѣс.— р. 60 к.	„ 1 мѣс.— р. 90 к

Допускается разсрочка: при подпискѣ—3 р., къ 1-му іюня — 2 р. и къ 1-му сентября — 1 р. 50 к. Для коллективныхъ подписокъ устанавливается особо льготная разсрочка, а именно: при подпискѣ — 2 руб. и ежемѣсячно каждое 1-е число по 50 к. Цѣна отдѣльнаго нумера въ розничн. продажѣ—15 к. Адресъ редакціи и конторы: **Петроградъ,** Невскій, 98. Телефонъ 59-07. 8382
Редакторъ: Арк. Аверченко.
Издатель: Т-во „Новый Сатириконъ“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ. Изд. годъ 30-й.
Подписной годъ считается съ 1 ноября 1914 г. по 1 ноября 1915 г.

СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ПРАКТИЧЕСКАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА и ДОМОВОДСТВА.
Редакторъ **П. Н. ШТЕЙНБЕРГЪ.** Издатель **П. П. СОЙКИНЪ.**

52 №№ ЖУРН., въ которыхъ будетъ помѣщено **3,000** практическихъ и удобопонятныхъ статей по всѣмъ отраслямъ сел. хозяйства.

Въ числѣ нумеровъ журнала въ 1915 году будутъ даны:

4 СПЕЦІАЛЬНЫХЪ НУМЕРА — АЛЬБОМА **ВСЕ РУССКОЕ ВЪ РУССКОМЪ СЕЛ. ХОЗЯЙСТВѢ**

12 КНИГЪ „ХУТОРСКОЕ ХОЗЯЙСТВО“ съ рисунками и чертежами.
Въ этихъ книгахъ будетъ помѣщено около **500** практическихъ статей по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, цѣль которыхъ научить, какъ съ небольшихъ хуторскихъ участковъ получать возможно высокіе доходы.

12 КНИГЪ БИБЛІОТЕКА СЕЛЬСКАГО ХОЗЯИНА съ рисунк. и чертеж.
1) **Хозяйство въ низменныхъ мѣстахъ. Культура болотъ.** 2) **Хорошее сѣмя.** Какъ его вырастить. 3) **Хозяйство безъ скота.** 4) **Анализъ почвы.** Устройство недорогой сел.-хоз. лабораторіи. 5) **Какъ самому измѣрить землю.** 6) **Хуторскія постройки.** Возведеніе новыхъ построекъ, перестройка старыхъ. 7) **Культура дичковъ и подвоевъ плодов. деревьевъ.** 8) **Уничтоженіе блохъ, клоповъ, вшей, моли, таракановъ, мухъ, муравьевъ.** 9) **Примѣненіе искусств. удобреній.** 10) **Сел.-хоз. бухгалтерія.** 11) **Постройка птичниковъ.** 12) **Грибки и бактеріи въ сельск. хозяйствѣ.**

6 ПОЛНЫХЪ ПРАКТИЧЕСКИХЪ РУКОВОДСТВЪ:
Всѣ руководства богато иллюстрированы.

1) **СКОТОЗАВОДСКОЕ ИСКУССТВО.** Раціональн. выращиваніе и содержаніе скота. Проф. *И. И. Калугина.*
2) **ПОСТРОЙКА ЛЕДНИКОВЪ и льдохранилищъ.** *С. Н. Ванкова.*
3) **ДОХОДНОЕ СВИНОВОДСТВО.** Для русск. хозяйствъ. *А. Н. Щербинина.*
4) **КУЛЬТУРА ЛЮЦЕРНЫ**—королевы кормовыхъ травъ. *Д. В. Ѳедорова.*
5) **РАЗВЕДЕНІЕ ПЕРЕПЕЛОВЪ,** куропатокъ, рябчиковъ, тетеревовъ и т. п. дичи. Бар. *П. П. фонъ-Винклера.*
6) **ЗЕРНОСУШИЛКИ.** Выборъ и постройка зерносушилки. *К. И. Дебу.*

КРОМѢ ТОГО, всѣ годовые подписчики получатъ три слѣдующ. капитальныхъ приложенія:

«Адвокатъ Сельскаго Хозяина»
Какъ надо самому вести дѣла въ различн. судебн. учрежд. Прис. пов. *П. Брюнелли.*

КАЛЕНДАРЬ „СЕЛЬСКАГО ХОЗЯИНА“ на 1915-й годъ
въ изящномъ коленкоровомъ перепл., съ особымъ, богато иллюстрир. приложеніемъ

«СПРАВОЧНИКЪ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯИНА»
Свыше 500 рисунковъ. Сост. *П. Н. Штейнбергъ.*

Въ будущемъ 1915-мъ году редакціей «Сельскаго Хозяина» объявляются
ДВА КОНКУРСА на денежныя преміи. Темы конкурсовъ и условія участія въ нихъ (участвовать могутъ всѣ подписчики «Сельскаго Хозяина») будутъ напечатаны въ первыхъ нумерахъ журнала.

СѢМЕНА-НОВИНКИ ПОЛЕВЫХЪ И ОГОРОДНЫХЪ РАСТЕНІЙ.
БЕЗПЛАТНО ОТВѢТЫ спеціалистовъ по всѣмъ отраслямъ сельск. хозяйства.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на „СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ“ со всѣми приложеніями на годъ съ дост. и пересылкой **6 РУБ.**
ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ **3** рубля и къ **1** мая **3** рубля.
Главная Контора журнала: Петроградъ, Стремянная ул., № 12, собств. д.

Библиотека "Руниверс"

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Новая блестящая побѣда сербовъ. Не успѣло дойти до Вѣны сообщеніе о занятіи австрійцами Бѣлграда, что мы отмѣтили подъ рисунками на стр. 969 и 970, какъ весь міръ облетѣла вѣсть о полномъ разгромѣ австрійской арміи, отнятіи обратно Бѣлграда и очищеніи сербской территоріи отъ непріятеля. Помощникъ начальника штаба сербской главной квартиры, полковникъ Живко Павловичъ, сообщилъ по телеграфу изъ Ниша слѣдующее:

«Его величество король, его высочество наслѣдный королевичъ Александръ и королевичъ Георгій (оправившійся отъ раны) вступили во главѣ побѣдоносной сербской арміи въ Бѣлградъ. Непосредственно вслѣдъ за этимъ было совершено торжественное молебствіе по случаю занятія вновь столицы. Въ настоящее время на сербской территоріи нѣтъ ни одного австрійскаго солдата».

Встрѣча монарховъ. Англійскій король Георгъ, посѣтивъ свои доблестныя войска на позиціяхъ во Фландріи, вручилъ бельгійскому королю Альберту орденъ Подвязки. Король Альбертъ прибылъ первый къ мѣсту встрѣчи и былъ въ обычной темносиней формѣ. Выйдя изъ автомобиля, король направился къ сосѣднему хутору, милостиво бесѣдуя со встрѣчными бельгійскими солдатами. Послѣ полудня примчался по направленію отъ старой колокольни мотоциклистъ съ англійскимъ флажкомъ. Вслѣдъ за нимъ подъѣхали три автомобиля, за которыми ѣхалъ второй мотоциклистъ. Изъ перваго автомобиля вышелъ король Георгъ въ сопровожденіи принца Уэльскаго. Короли встрѣтились на шоссе, привѣтствовали другъ друга и обмѣнялись сердечными рукопожатіями. Послѣ краткой бесѣды оба монарха сѣли въ автомобиль короля Альберта и направились черезъ границу Бельгіи. Произведя смотръ нѣкоторымъ частямъ, короли вмѣстѣ обѣдали. Король Георгъ вручилъ генералу Френчу орденъ за военныя заслуги.

Письмо Радко Дмитріева на родину. Въ болгарской газетѣ «Препорецъ» напечатано письмо, которое недавно получилъ отъ Радко Дмитріева его землякъ, живущій въ селѣ Градецъ. «Мы побѣдимъ,—пишетъ онъ,—и восторжествуетъ славянское дѣло наперекоръ всѣмъ злымъ стихіямъ.

«Но помни, что если непріятельскій свинецъ пресѣчетъ мое грѣшное существованіе, то я желаю быть похороненнымъ на погостѣ нашей сельской церкви. Имѣй это въ виду, и если случится надобность въ этомъ, то обратись за содѣйствіемъ къ батюшкѣ Гервасію».

На погостѣ этой сельской церкви похороненъ отецъ Радко Дмитріева, народный учитель Дмитрій Дмитріевъ, прошедшій всю жизнь неутомимымъ печальникомъ болгарскаго народа и пламеннымъ бойцомъ за его свободу и лучшую долю.

Батюшка же Гервасій (дѣдо Гервасия), это—сливненскій митрополитъ, въ епархіи котораго находится Котленскій уѣздъ.

Автомобильный бой. Въ сумеркахъ 20 ноября, направляясь для занятія лѣса, значительная германская колонна должна была пересѣчь шоссе Пабіаницы—Ласкъ. Въ это время въ германскую колонну врѣзались наши бронированные автомобили, вооруженные пулеметами и пушками. Бой нашихъ автомобилей съ непріятелемъ шелъ преимущественно на разстояніи около 150 шаговъ. Непріятель понесъ огромный уронъ отъ пулеметовъ и картечи и совершенно разсѣялся. Съ нашей стороны былъ раненъ командовавшій автомобилемъ штабсъ-капитанъ Гурдовъ и нѣкоторые пулеметчики. Два автомобиля были повреждены, но сохранили возможность передвигаться. Штабсъ-капитанъ Гурдовъ, распорядившись объ отступленіи поврежденныхъ въ бою автомобилей, будучи уже раненъ, пересѣлъ въ автомобиль-пушку, смѣнилъ раненаго наводчика и продолжалъ лично разстрѣливать германцевъ. Затѣмъ наши автомобили такъ же внезапно скрылись съ мѣста боя, какъ появились. Въ отместку за это блестящее дѣло германская автомобильная батарея 23 ноября дерзко выѣхала засвѣтло передъ фронтомъ нашей пѣхотной дивизіи, дѣйствовавшей въ краковскомъ раіонѣ, но сейчасъ же одинъ автомобиль былъ опрокинутъ мѣткимъ огнемъ нашихъ полевыхъ батарей; другіе автомобили спаслись полнымъ ходомъ. Также въ лодзинскомъ раіонѣ намъ пришлось встрѣтиться съ германскимъ бронированнымъ автомобилемъ, подъѣхавшимъ почти вплотную къ нашему окопу, ранившимъ нашихъ часовыхъ и поспѣшно отступившимъ. Наши войска привѣтствуютъ прибывшіе въ армію бронированные автомобили, которые могутъ существенно облегчить боевую работу войскъ ночью, въ туманъ и при другихъ условіяхъ, позволяющихъ не опасаться непріятельской артиллеріи.

390 километровъ пластыря. Нѣмецкія газеты печатаютъ отчеты о военно-медицинскихъ принадлежностяхъ, отпущенныхъ изъ депо Мангеймскаго сборнаго пункта. Прямо говорить о числѣ раненыхъ нельзя. Но если сказать, сколько израсходовано бинтовъ и перевязокъ, то читатель можетъ и самъ догадаться о количествѣ потерь. И надо сознаться, что эти медицинскія цифры производятъ большое впечатлѣніе:

390 тысячъ метровъ пластыря.
98 тысячъ бинтовъ.
400 тысячъ облатокъ аспирина.
115 тысячъ килограммовъ шерсти.
140 тысячъ метровъ муслина.
3 тысячи килограммовъ гипса.
3 тысячи килограммовъ опіума.
25 тысячъ килограммовъ хлористаго кальція.
210 тысячъ нашатырныхъ лепешекъ...

Какъ спасся Вильгельмъ отъ гибели. Мы уже сообщали въ № 48 Нивы, что германскому императору случайно удалось избѣгнуть гибели въ Тіельтѣ, гдѣ французскіе авіаторы предприняли покушеніе на его жизнь, бросивъ бомбы въ главную квартиру.

Вильгельмъ въ теченіе пяти дней не покидалъ линіи западнаго фронта. Присутствіе его воодушевило германскія войска, которыя непрерывно переходили въ бѣшеныя атаки, не считаясь съ потерями. Въ воскресенье императоръ въ сопровожденіи нѣсколькихъ адъютантовъ прибылъ въ Тіельтъ и остановился въ тавернѣ. Было 5 часовъ пополудни. Для высокаго гостя были приготовлены покои, гдѣ онъ долженъ былъ обѣдать и провести ночь. Но онъ, казалось, страшно торопился и не потрудился даже переодѣться съ дороги къ обѣду. Быстро отобѣдавъ, онъ не взглянулъ даже на приготовленную для ночлега комнату и съ двумя адъютантами поспѣшно покинулъ таверну. Отправившись на противоположный конецъ города, онъ велѣлъ тамъ приготовить себѣ помѣщеніе для ночлега. Черезъ 20 минутъ шесть бомбъ упали въ таверну, и комната, куда былъ внесенъ багажъ императора, разрушена до основанія. Два адъютанта, оставшіеся въ тавернѣ, убиты; стоявшій во дворѣ автомобиль разбитъ въ щепы. Точно какое-то предчувствіе побудило Вильгельма своевременно бѣжать отъ угрожавшей ему опасности.

Подвигъ экс-короля Мануэля. Вступившій въ англійскую армію и участвующій въ дѣлѣ помощи раненымъ экс-король португальскій Мануэль отличился во время послѣднихъ боевъ на берегу Ламанша. Когда лазаретъ попалъ подъ огонь и санитары растерялись, опасаясь за участь раненыхъ, Мануэль поскакалъ подъ флагомъ Краснаго Креста по направленію къ непріятелю. Его встрѣтилъ градъ выстрѣловъ, но онъ продолжалъ нестись впередъ. Подскакавшій англійскій офицеръ насильно увелъ короля изъ линіи огня.

Мануэль былъ потрясенъ тѣмъ, что у врага хватило духу стрѣлять по Красному Кресту.

— Ваша свѣтлость,—сказалъ ему офицеръ:—вѣдь это нѣмцы.

„Солдатики". На одной изъ улицъ два какихъ-то господина встрѣтили раненаго солдата. Остановивъ солдата, стали его разспрашивать.

— Скажите, пожалуйста, солдатикъ,—вы гдѣ ранены?
— Я не солдатикъ,—отвѣтилъ раненый.
— Какъ?!—изумились они.
— Такъ.
— Да какъ же такъ?!
— Да такъ... Я не солдатикъ...
— Да кто же вы? Офицеръ?
— Нѣтъ, не офицеръ. Я—солдатъ... Не солдатикъ, а солдатъ... Солдатики бываютъ игрушечные только...

Два господина что-то стали бормотать, не то извиняясь, не то оправдываясь...

Эта сцена крайне характерна. Въ самомъ дѣлѣ: почему это у насъ принято солдатъ называть солдатиками?

Нашъ гигантъ-солдатъ, держащій на своихъ плечахъ всю мощь и будущность Россіи, требуетъ къ себѣ серьезнаго отношенія и серьезнаго слова.

Роковое письмо. Одинъ австрійскій солдатъ прислалъ въ Вѣну своей семьѣ изъ западной Галиціи открытое письмо, гдѣ между прочимъ писалъ: «Наши дѣла не блестящи. Хорошо бы попасть къ русскимъ въ плѣнъ». На оборотѣ письма подъ штемпелемъ австрійской военной цензуры значится: «Разстрѣлянъ по приговору военнаго суда».

Кошка въ плѣну. Въ письмахъ англійскихъ солдатъ поражаетъ, сколько вниманія они удѣляютъ животнымъ. Кавалеристы сплошь и рядомъ пишутъ своимъ женамъ длиннѣйшія письма о своихъ верховыхъ лошадяхъ, объ ихъ привычкахъ, причудахъ. Въ каждой англійской траншеѣ непремѣнно есть любимый котъ, или песъ, или кроликъ. Одинъ рядовой, Джорджъ Бэрретъ, пишетъ изъ нѣмецкаго плѣна домой:

— Моя кошечка вмѣстѣ со мною. Намъ обоимъ живется недурно въ плѣну, но она скучаетъ по дому. Кормятъ ее хорошо, гораздо лучше, чѣмъ насъ.

«Скоропостижная смерть». Въ Бельгіи нерѣдки теперь такія объявленія о смерти: «Жанна и Берта Божо съ глубокимъ прискорбіемъ извѣщаютъ друзей и знакомыхъ о скоропостижной кончинѣ своего дорогого отца, Альфреда Божо, своей милой матери, Анны-Маріи Божо, урожденной Лоозъ, и своихъ незабвенныхъ сестеръ, Маріи и Марты Божо, скончавшихся, волею Божіей, въ Динанѣ 29 августа 1914 года».

Въ переводѣ на обыкновенный языкъ это значитъ, что нѣмцы вырѣзали эту семью: двухъ дѣвушекъ, старика и старуху.

Тріумфъ «побѣдителя». Самого Наполеона такъ не чествовали, какъ чествуютъ въ Германіи пресловутаго генерала фонъ-Гинденбурга по поводу его quasi-побѣдъ. Его портреты въ вѣнкахъ и гирляндахъ выставлены во всѣхъ магазинахъ Берлина. Многія деревни и села въ Восточной Пруссіи наименованы Гинденбургами, Гинденами и т. д. Его имя присвоили улицамъ; почти въ каждомъ городѣ устроили Гинденбургъ-штрассе. Нѣтъ такого композитора, который не издалъ бы «Гинденбургъ-марша».

Что станется съ этимъ фельдмаршаломъ, когда о его «побѣдахъ» нѣмцы узнаютъ истину!

Просьба дѣвушки. По сообщенію вѣнской газеты «Neue Freie Presse», одна тиролька прислала генералу Гинденбургу такое письмо: «Если бы я была мужчиной, я бы пошла на войну, но я всего только дѣвушка, и единственное, на что я способна, это—выйти за солдата замужъ. Такъ что позаботьтесь, пожалуйста, чтобы къ намъ вернулось побольше мужчинъ».

Объ этомъ-то пресловутый стратегъ, пославшій столькихъ людей на убой, и не желаетъ заботиться.

Новый видъ страхованія. Хотя англичане и знаютъ, какъ ничтожна опасность налёта нѣмецкихъ цеппелиновъ на Лондонъ, тѣмъ не менѣе они озаботились застраховать себя отъ возможныхъ несчастій. Одна солидная англійская газета печатаетъ крупными буквами: «Страхованіе отъ цеппелиновъ», и объявляетъ читателямъ, что тѣ, кто подпишутся на эту газету, хотя бы на четверть года, считаются тѣмъ самымъ застрахованными отъ «цеппелиновъ» и «таубе» на сумму до 2.500 рублей. Квитанція о подпискѣ на эту газету является и страховымъ полисомъ.

О плѣнныхъ австрійцахъ. Корреспондентъ «Нов. Вр.» Вега даетъ яркую картину транспорта плѣнныхъ австрійцевъ, напоминающую Двѣнадцатый годъ. «Снѣгъ хруститъ подъ ногами, щиплетъ уши, и всѣ мы, не исключая и лошадей, кажемся сѣдыми отъ насѣвшаго инея. Мнѣ вспомнились плѣнные австрійцы на одной изъ предыдущихъ станцій. Ихъ было множество; закутанные кто въ одѣяло, кто въ полотнище отъ палатки, кто въ попону, они терли свои озябшія руки, переминались съ ноги на ногу и безпрестанно повторяли: «Зимно! зимно!» Форменная одежда ихъ показалась мнѣ жидковатой, и я отъ души пожалѣлъ ихъ продрогшія тѣла. Да, вотъ въ такую ночь, какъ сегодня, плохо придется несчастнымъ: будутъ отморозившіеся, будетъ, конечно, и гангрена. Впрочемъ, кто же виноватъ? Мы не начинали войны, и никто изъ

Библиотека "Руниверс"

насъ не принуждалъ австрійцевъ поднимать на насъ оружіе; ну, а теперь, коли самъ началъ, самъ и кашу расхлебывай... Но къ плѣннымъ здѣсь отношеніе самое хорошее и великодушное. Никто ихъ не притѣсняетъ; мнѣ случалось видѣть, какъ шли они въ одиночку, безъ всякой охраны, разспрашивая жителей о дорогѣ; и не было случая, чтобы отпущенный къ роднымъ плѣнный не вернулся въ срокъ,—почему ихъ легко увольняютъ въ недѣльные отпуска. Плѣнные очень цѣнятъ такое отношеніе, и я былъ свидѣтелемъ, какъ цѣлый поѣздъ взятыхъ австрійскихъ солдатъ очень стройно пѣлъ «Боже, Царя храни» и послѣ кричалъ: «виватъ!», «ура!», «Живіо, Царь Никола!».

Стрѣлы-зажигательницы. Англійскія газеты сообщаютъ, что союзные авіаторы изобрѣли новый способъ борьбы съ цеппелинами. Они употребляютъ стрѣлу-зажигательницу, которая очень удачно прорываетъ оболочку дирижабля и воспламеняетъ газъ. Попаданіе одной такой стрѣлы влечетъ за собой неизбѣжную гибель дирижабля.

Месть нѣмцевъ. Метерлинкъ въ Миланѣ произнесъ рѣчь объ угрожающей памятникамъ искусства въ Бельгіи большой опасности. Антверпенъ, Гентъ, Брюгге и Брюссель — заявилъ Метерлинкъ — минированы нѣмцами. Этимъ страшнымъ преступленіемъ нѣмцы заранѣе желаютъ отомстить за свое неизбѣжное, въ концѣ-концовъ, пораженіе.

Старческая дряхлость, артеріосклерозъ, переутомленіе, общая слабость послѣ перенесенныхъ болѣзней, послѣдствія алкоголизма и т. д., неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ" и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина", интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья. С.П.Б. Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

3323 12-12

Заочные, самообразовательные Курсы бухгалтеріи и прочихъ коммерческихъ знаній С. Я. Лилиэнталь

Москва, Староконюшенный, д. Курилко. 7.

Требуйте безплатно условія изученія коммерческ. наукъ по письменнымъ лекціямъ, вполнѣ замѣняющихъ устное преподаваніе.

3361 10-8

Фабрика „Эдуардъ" изготовляетъ Высочайше утвержденные знаки по случаю

50-ти-лѣтія СУДЕБНЫХЪ УСТАВОВЪ.

Нагрудные знаки:		Петличные знаки:	
Серебрян. съ золотыми част.	15 р. — к.	Серебрян. съ золотыми част.	9 р. 50 к.
Серебрян. лучшей работы	6 р. — к.	Серебрян. лучшей работы	3 р. — к.
Серебряные	4 р. — к.	Серебряные	2 р. — к.
Бронзовые лучшей работы	3 р. 50 к.	Бронзовые	1 р. 50 к.
Бронзовые	2 р. — к.		

3311 Петроградъ, Невскій пр., 10. Телеф. 6-63. „ЭДУАРДЪ". 3-2

Телеграфн. адресъ: Петроградъ, „ЭДУАРДЪ".

НА 1915 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 г.

ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ДѢТСКІЙ МІРЪ" ГОДЪ ИЗДАНІЯ VIII.

„ДѢТСКІЙ МІРЪ" даетъ массу разнообразнаго и интереснаго матеріала для чтенія изъ всѣхъ отраслей жизни, науки, искусства.

„ДѢТСКІЙ МІРЪ" помѣщ. на своихъ стр. интересные повѣсти, разсказы, приключ. на сушѣ и на морѣ и статьи научно-популярн. характера.

Въ 1915 г. всѣ подписчики получатъ 24 №№ журнала и 24 цѣнныхъ приложеній

СВЯТОЧНЫЙ „ВЕРТЕПЪ" Самодѣл. панорама.
ТЕАТРЪ „Цвѣтныя китайскія тѣни".
ГНОМЪ игра сказка.
Веселые путешественники или автомобиль № 4073.
Художники безъ красокъ и кисти.
На аренѣ Колизея. Заним. игра. Двѣ доски. Кисти и пр.
Въ американскихъ преріяхъ Двѣ серіи самодѣльн. карт. изъ жизни прерій.
Замокъ рыцарей. Панорама.
Сборникъ гимновъ дружественныхъ націй.

СЕРІЯ КНИГЪ.

Музыкальные вечера.
Приключенія двухъ муравьевъ. Изящно-иллюстр. исторія похожд. двухъ муравьевъ. Навин Гаммерстремъ въ 3-хъ част.
Сказки матери-природы. Научныя сказки Эвальда.
Въ лѣсу и полѣ П. Беклей.
Серебряное пятно. С. Томпсона.
Червонная Русь наши зарубежные братья.
Міровая война въ картинахъ.
Казачьи пѣсни и легенды.

Подписавшіеся до 25-го декабря получатъ 2 добавочн. преміи

РОСКОШНО-ИЗДАННУЮ Записную книжку-календарь. | На передовыхъ позиціяхъ. Самодѣл. панорама

Подробный иллюстрированный проспектъ высылается БЕЗПЛАТНО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ—4 р., на ½ года—2 р.

Москва, Б. Дмитровка, 26.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 г.

VI годъ изданія. НА БОЛЬШУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ВНѢПАРТІЙНУЮ ГАЗЕТУ, *издающуюся въ Москвѣ* VI годъ изданія.

УТРО РОССІИ

„УТРО РОССІИ"—газета прогрессивно-національнаго направленія, внѣ партій, отстаивающая общественную и личную самостоятельность въ созидательной борьбѣ за новую, великую Россію.

ВЕЛИКАЯ БОРЬБА РОССІИ И ЕЯ СОЮЗНИКОВЪ СЪ ГЕРМАНСКИМЪ ПОЛИТИЧЕСКИМЪ И ЭКОНОМИЧЕСКИМЪ ЗАСИЛІЕМЪ, — обсужденіе вопросовъ, сопряженныхъ съ войною и съ предстоящей ликвидаціей ея, яркое отраженіе событій и вопросовъ нашей внѣшней и внутренней жизни—будутъ служить предметомъ особаго вниманія редакціи.

Въ теченіе всего періода войны „Утро Россіи" будетъ выходить ЕЖЕДНЕВНО, не исключая и дней послѣпраздничныхъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

На 1 годъ	8 р. — к.	На 6 мѣсяцевъ	4 р. 25 к.
„ 11 мѣсяцевъ	7 „ 50 „	„ 5 „	3 „ 75 „
„ 10 „	6 „ 75 „	„ 4 „	3 „ — „
„ 9 „	6 „ 25 „	„ 3 „	2 „ 25 „
„ 8 „	5 „ 75 „	„ 2 „	1 „ 60 „
„ 7 „	5 „ — „	„ 1 „	— „ 85 „

ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА: Студентамъ, учителямъ сельскихъ и городскихъ училищъ, приказчикамъ, желѣзнодорожнымъ служащимъ, духовенству, военнымъ, рабочимъ, — при условіи годовой и полугодовой подписки,—при непосредственномъ обращеніи въ контору, газета „УТРО РОССІИ" высылается на 1 годъ за 7 р., на 6 мѣс.—3 р. 50 к. Для всѣхъ подписавшихся на годъ допускается разсрочка: при подпискѣ—3 р., къ 1 марта—2 р., къ 1 мая—2 р. и къ 1 іюля—1 рубль.

Лица, желающія ознакомиться съ газетой, получаютъ таковую за 2 десятикоп. марки въ теченіе недѣли.

Подписныя деньги и справки адресовать:

МОСКВА, Путинковскій п., д. П. П. Рябушинскаго, контора газеты „УТРО РОССІИ".

3303 4-2

Библиотека "Руниверс"

№ 50. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. **В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА,** 12 книгъ **Литературныхъ и популярно-научныхъ приложенiй,** 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 13 декабря 1914 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на ½ года 4 р., на ¼ года 2 р.** Цѣна этого №—1 к., съ перес. 20 к.

На Восточно-Прусскомъ фронтѣ. Бой на желѣзнодорожной станцiи. Рисунокъ И. Владимiрова.

Библиотека "Руниверс"

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко кн. 25".

Великая европейская война.

(Хроника военныхъ дѣйствій).

Сербія считается второстепеннымъ театромъ военныхъ дѣйствій, но ея побѣда надъ Австріей настолько полна и рѣшительна, что дѣлаетъ Сербію настоящею героинею дня. Нельзя отрицать, что рѣшеніе участи воюющихъ европейскихъ державъ и въ томъ числѣ самой Сербіи—послѣдуетъ не на берегахъ невѣдомой Европѣ р. Колубары и не въ равнинѣ Моравы, тѣмъ не менѣе жестокій разгромъ 500.000 австрійской арміи, понесенный на сербской территоріи и вынужденный сдать все, что она захватила—въ томъ числѣ и сербскую столицу Бѣлградъ, чувствительно отзовется и на дальнѣйшемъ ходѣ военныхъ дѣйствій въ центрѣ Европы. О размѣрахъ австрійскаго пораженія можно судить по тому, что обращенная въ бѣгство швабская армія потеряла уже свыше 10% своего состава плѣнными, не считая колоссальныхъ потерь убитыми и ранеными. Кромѣ того она лишилась значительной части своей артиллеріи—свыше ста орудій, множества пулеметовъ, ружей, обозовъ, военныхъ запасовъ, артиллерійскихъ парковъ, понтоновъ—словомъ, почти всего своего военнаго снаряженія. Все досталось побѣдителю, матеріальная часть котораго сильно нуждалась въ пополненіи. У сербскаго народа духъ силенъ, но финансы слабы. Ему, истощенному и разоренному двумя кровопролитными войнами, не на что было обзаводиться дорого стоящими понтонами, роскошными лазаретами, большими запасами амуниціи и проч., и теперь много изъ этихъ богатствъ онъ получилъ отъ разбитаго врага. Быть-можетъ, даже первоначальное отступленіе въ глубь страны и сдача столицы были вынуждены не чѣмъ инымъ, какъ временной недостачей снарядовъ для сербской артиллеріи, работа которой послѣ безпрерывной почти боевой практики двухъ кампаній достигла удивительнаго совершенства. Самая дѣйствительная военно-дипломатическая помощь сербамъ, о которой такъ хлопотала Европа подъ угрозой нашествія полумилліонной австрійской арміи, могла выразиться именно въ доставкѣ военныхъ матеріаловъ воинственному народу.

На Восточномъ фронтѣ. Станціонное зданіе въ Колюшкахъ послѣ обстрѣла.
По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

Отправленіе на воздушную развѣдку надъ Летценомъ (Мазурскія озера). Аэропланъ подвергся обстрѣлу.
По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

На Восточномъ фронтѣ. Развалины дома станціонныхъ служащихъ на станціи Колюшки послѣ бомбардировки.
По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

Получивъ отъ союзниковъ возможность обновить запасы снарядовъ, онъ и самъ блестяще справился съ торжествовавшимъ побѣду врагомъ. Во всякомъ случаѣ послѣдняя операція сербовъ, отдавшихъ австрійцамъ свою столицу и весь сѣверо-западъ страны, всего ярче показываетъ ничтожное значеніе въ современной войнѣ отдѣльныхъ населенныхъ пунктовъ и городовъ. Если почему-либо разбивать противника удобнѣе въ глубинѣ своей территоріи, то уступка послѣдней является уже не торжествомъ его побѣды, а подготовленіемъ къ его пораженію. Такой характеръ и такой печальный исходъ имѣли тріумфальныя прогулки австро-германскихъ армій на всѣхъ фронтахъ: и къ Парижу, и къ Люблину, и къ Осовцу, и къ Варшавѣ, и къ Ивангороду, и наконецъ къ Бѣлграду и по Моравѣ. И мы подъ Люблиномъ и Варшавой и французы на Марнѣ подъ Парижемъ нанесли врагамъ не менѣе рѣшительное пораженіе. Вслѣдствіе благопріятныхъ условій и грубыхъ тактическихъ ошибокъ самоувѣреннаго противника, сербы сумѣли использовать одержанную побѣду въ смыслѣ окончательной дезорганизаціи и разгрома бѣгущихъ швабскихъ армій, въ смыслѣ полнаго уничтоженія и добиванія разбитыхъ корпусовъ.

Наличность многочисленныхъ свѣжихъ подкрѣпленій, движущихся навстрѣчу отступающимъ отъ Вислы и Марны разбитымъ нѣмецкимъ войскамъ, обиліе желѣзныхъ дорогъ въ тылу непріятеля, по которымъ онъ пере-

На Восточномъ фронтѣ. Станція Колюшки. Разрушенный переходный мостъ. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

Библиотека "Руниверс"

На Восточно-Прусскомъ фронтѣ. Городъ Лыкъ. Главная улица. Соборъ.

брасываетъ цѣлые корпуса съ одного пункта на другой, помогали ему своевременно остановить преслѣдованіе его разбитыхъ подъ Варшавой и Парижемъ армій, австрійцы же, зарвавшіеся въ глубину Сербіи, оказались лишенными этихъ преимуществъ и были вынуждены выносить удары побѣдителя въ теченіе всего бѣгства къ своей границѣ. Немудрено, что ихъ пораженіе превратилось въ разгромъ, и что ихъ разбитыя арміи подверглись неумолимому истребленію. Спасать ихъ некому, замѣнить ихъ некѣмъ, потому что всѣ свободныя силы австрійцы спѣшно сосредоточиваютъ для защиты Кракова и Карпатъ отъ наступающей на нихъ нашей арміи. Пораженіе генерала Потіорека дѣлаетъ Австро-Венгрію совершенно беззащитной и открываетъ передъ сербами ея южную границу для побѣдоноснаго вторженія въ славянскія провинціи, открыто тяготѣющія къ Сербіи.

На русско-германскомъ фронтѣ послѣ второго лодзинскаго боя наступило относительное затишье. Стремясь бѣшеными атаками на нашъ центръ остановить наше наступленіе на флангахъ, нѣмцы не достигли намѣченной цѣли даже цѣною огромныхъ потерь, понесенныхъ въ послѣднихъ бояхъ. Удержавъ всѣ свои позиціи и успѣшно отбивъ всѣ ночныя атаки по всему фронту и въ то же время продолжая свое наступленіе на флангахъ, мы вышли побѣдителями и въ тактическомъ и въ стратегическомъ смыслѣ.

Какъ бы нащупывая слабыя мѣста нашего расположенія, непріятель въ теченіе всего конца ноября предпринималъ цѣлый рядъ наступательныхъ нажимовъ то въ раіонѣ Ловичъ—Иловъ, то въ раіонѣ Петрокова, то въ раіонѣ Праснышъ—Плоцкъ по направленію къ Новогеоргіевску.

Нѣкоторыя изъ этихъ наступленій носили явно демонстративный характеръ и быстро угасали, другія были болѣе длительны и настойчивы, но почти всюду заканчивались болѣе или менѣе чувствительными потерями и отступленіями.

Повторныя атаки по направленію къ Праснышу начались 22-го ноября, были повторены въ усиленныхъ размѣрахъ 23-го и 24-го ноября, замѣтно стали ослабѣвать къ 27-му ноября, а къ декабрю уже мы сами перешли въ наступленіе по всему фронту Прасныш—Цѣхановъ.

Повторныя атаки противъ Ловича, принимавшія часто бѣшеный характеръ и стоившія нѣмцамъ массы жертвъ, затихли къ концу ноября.

Окруживъ свои окопы грудами нѣмецкихъ труповъ, мы и здѣсь перешли въ наступленіе и штыковымъ ударомъ отодвинули нѣмцевъ на нѣсколько верстъ дальше отъ города. Послѣ ряда отбитыхъ атакъ противъ Илова нѣмцы тоже въ концѣ концовъ вынуждены были попятиться назадъ на цѣлыхъ 12 верстъ отъ Илова до Санниковъ.

Вообще всѣ ихъ наступленія всегда кончаются болѣе или менѣе поспѣшными и торопливыми отступленіями. Таковъ нормальный ходъ событій.

Періодъ сравнительнаго затишья, смѣнившій на всемъ центрѣ нашего расположенія кровавыя дѣла цѣлой серіи лодзинскихъ боевъ, объясняется отчасти истощеніемъ силъ разбитаго на многихъ пунктахъ непріятеля, отчасти наступившей послѣ оттепели распутицей, затрудняющей передвиженіе обозовъ.

На Восточно-Прусскомъ фронтѣ. Городъ Лыкъ. Внутренній видъ собора; въ глубинѣ—алтарь.

Уже съ конца ноября главный интересъ кровавой драмы переносится къ краковскому раіону. Отчаявшись остановить насъ прорывомъ въ центрѣ, германцы успѣли сосредоточить въ раіонѣ Кракова новые корпуса. Продолжая окружать Краковъ, наши войска продвинулись вверхъ по теченію р. Дунайца, заняли Старый и Новый Сандецъ, и, двигаясь въ западномъ направленіи, нанесли 24-го ноября австро-германцамъ значительное пораженіе, въ которомъ противникъ потерялъ 36 орудій, 6 пулеметовъ и автомобильную батарею.

Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ законченъ и захватъ переваловъ черезъ Карпаты, сопровождавшійся также захватомъ значительной доли австрійской горной артиллеріи и нѣсколь-

На Восточно-Прусскомъ фронтѣ. Станція Лыкъ при вторичномъ наступленіи русскихъ войскъ.
По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

Библиотека "Руниверс"

кихъ тысячъ австрійскихъ плѣнныхъ. Попытка германцевъ обойти наши войска съ фланга окончилась весьма для нихъ печально — рѣшительнымъ пораженіемъ обходящей колонны, съ потерей 4 орудій, 7 пулеметовъ и 4 тысячъ одними плѣнными.

На южныхъ склонахъ Карпатъ группируются новыя австрійскія войска для наступленія въ Галицію на поддержку Перемышля и Кракова. Кружнымъ путемъ по линіямъ тыловыхъ желѣзныхъ дорогъ сюда перебрасываются войсковыя части съ фронта Ченстоховъ — Краковъ. Новый маневръ непріятеля уже замѣченъ нашимъ штабомъ и, конечно, будетъ парированъ соотвѣтствующимъ образомъ.

Возможность широкаго австрійскаго наступленія на Галицію значительно затруднена послѣднимъ пораженіемъ австрійцевъ въ Сербіи. Битая съ обоихъ фронтовъ Австрія ни на одномъ изъ нихъ не можетъ сосредоточить подавляющее количество силъ, гарантирующее побѣду. Поэтому можно надѣяться, что новый австрійскій натискъ не помѣшаетъ ни взятію Перемышля ни окруженію Кракова.

Систематическое использованіе австрійскихъ военныхъ силъ не въ австрійскихъ, а въ прусскихъ интересахъ обостряетъ враждебныя отношенія между союзными арміями, а назрѣвающая рознь облегчаетъ грядущія побѣды русскаго оружія.

На западномъ фронтѣ долгая позиціонная война видимо приходитъ къ концу. Союзники начинаютъ наступать на ослабленные ряды нѣмцевъ и послѣ жаркихъ артиллерійскихъ боевъ захватывать ближайшія германскія траншеи.

Побѣдоносное шествіе торжествующихъ армій измѣряется въ позиціонной борьбѣ всего какими-нибудь сотнями метровъ въ день. Какъ бы то ни было нѣмцевъ все-таки тѣснятъ и понемногу вытѣсняютъ ихъ съ бельгійской территоріи.

Мирныя картины боевой жизни. У кипятильника съ горячей водой. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

Мирныя картины боевой жизни. Общая трапеза съ бывшимъ врагомъ. Наши солдаты дѣлятся обѣденными порціями съ плѣнными австрійцами. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

Послѣдніе бои принесли одну радостную вѣсть: они обнаружили достигнутое усиленными стараніями превосходство тяжелой артиллеріи союзниковъ надъ тяжелой артиллеріей германцевъ. Такимъ образомъ у германцевъ отнятъ ихъ послѣдній рессурсъ. Какъ большой успѣхъ союзниковъ, надо отмѣтить захватъ праваго берега Ипра и занятіе Рулера. Овладѣніе этими пунктами стоило нѣмцамъ множества жертвъ, возвращеніе же ихъ обошлось союзникамъ сравнительно очень дешево. По р. Лисъ, въ раіонѣ Армантьера, въ Аргонскомъ лѣсу и въ Эльзасѣ — всюду союзники наступаютъ и тѣснятъ непріятеля.

„ВОЙНА, ПОДГОТОВКА КЪ НЕЙ И ПЕРВЫЙ ПЛАНЪ".

Съ настоящаго нумера „НИВЫ" мы начинаемъ печатать подъ этимъ заглавіемъ очерки, написанные извѣстнымъ военнымъ обозрѣвателемъ К. Шумскимъ (подполковникомъ К. М. Соломоновымъ).

К. Шумскій—авторъ выдающихся статей во многихъ спеціальныхъ военныхъ журналахъ, знатокъ военнаго дѣла и одинъ изъ доблестныхъ защитниковъ Портъ-Артурской твердыни, — въ настоящую Великую европейскую войну посѣтилъ передовыя позиціи нашихъ фронтовъ и имѣлъ возможность лично наблюдать сверхчеловѣческіе подвиги геройскихъ защитниковъ нашей родины отъ варварскаго нашествія тевтонскихъ полчищъ. Такимъ образомъ К. Шумскій, какъ практикъ и теоретикъ, блестяще изучилъ военное дѣло и талантливо дѣлится своими знаніями съ нашей публикой. Живые, дѣловитые очерки К. Шумскаго несомнѣнно прочтутся нашими читателями съ огромнымъ интересомъ. Помѣщаемые въ №№ 50, 51 и 52 „Нивы" очерки охватываютъ періодъ Великой европейской войны съ самаго ея возникновенія донынѣ.

Библиотека "Руниверс"

ВОЙНА,
подготовка къ ней и первый планъ.

Очерки **К. Шумскаго.**

Задача всякой войны.

Искусство веденія войны въ настоящее время, какъ извѣстно, является дѣломъ весьма сложнымъ. Тѣмъ не менѣе общее правило военнаго искусства укладывается въ нѣсколько простыхъ и ясныхъ формулъ.

Еще не такъ давно говорили, что задача войны заключается въ томъ, чтобы побѣдить противника съ наименьшими для себя усиліями, потерями и расходами, т.-е. достигнуть успѣха съ наименьшими жертвами. Нынѣшняя стратегія выражается рѣшительнѣе: она говоритъ, что задача войны—это побѣдить противника во что бы то ни стало, цѣной какихъ угодно жертвъ и какихъ угодно потерь... но только побѣдить.

Не трудно видѣть, что нынѣшнее опредѣленіе войны является болѣе правильнымъ, ибо при стремленіи къ побѣдѣ нельзя останавливаться ни передъ какими жертвами, а тѣмъ болѣе вычислять какія бы то ни было „наименьшія жертвы". Слишкомъ ужъ большіе и важные вопросы, касающіеся не только территоріальной цѣлости даннаго государства, но и вопросы о правѣ національнаго и культурнаго самоопредѣленія — ставятся на карту. И вполнѣ понятно, что борьба за столь цѣнныя и близкія каждому гражданину блага должна вестись не на животъ, а на смерть.

Итакъ, задача войны:—побѣдить врага во что бы то ни стало. Но является вопросъ,—какъ побѣдить?.. Какъ добиться успѣха, который даетъ побѣду и заставляетъ покориться врага?

Наиболѣе краткое и конкретное опредѣленіе способовъ, „какъ побѣдить", даетъ Мольтке. Онъ говоритъ, что война по существу сводится къ слѣдующей задачѣ: собрать возможно бо́льшія силы, отыскать армію противника и, пользуясь численнымъ превосходствомъ, разбить ее.

Эта формула распадается на три отдѣльныя задачи: 1) собрать возможно бо́льшія силы, 2) отыскать армію врага, 3) разбить его.

Первая задача разрѣшается въ мирное время и всецѣло зависитъ отъ искусной организаціи, отъ совершенства „военнаго закона" данной страны. Вторая задача разрѣшается, конечно, на войнѣ и далеко не всегда бываетъ такой легкой, какъ это можетъ показаться съ перваго раза. Напримѣръ, нѣмцы не могли отыскать армію французовъ, что́ нужно понимать въ томъ смыслѣ, что они не могли заставить ее принять въ первые мѣсяцы войны бой, ибо армія эта въ первые мѣсяцы войны безпрерывно отступала.

Еще болѣе сложной задачей является 3-я задача — разбить армію противника,—что́ видно уже изъ того, что нынче нужно разбить цѣлый вооруженный народъ, сломить всю силу сопротивленія цѣлой націи, гдѣ матеріальныя средства борьбы, благодаря современной техникѣ, необыкновенно совершенны, а національный духъ необыкновенно великъ.

Истина о милліонахъ.

Тотъ военный законъ, который даетъ возможность собрать бо́льшія или меньшія силы, есть законъ о воинской повинности и объ организаціи арміи въ мирное и въ военное время. Германія придавала всегда особенное значеніе этому военному закону и постоянно его совершенствовала, замѣняя одинъ военный законъ другимъ. Мы видѣли, что нѣмцы въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ провели три такъ называемыя „военныя новеллы", три новыхъ военныхъ закона, направленныхъ къ тому, чтобы въ случаѣ войны взять отъ населенія всѣхъ сколько-нибудь годныхъ людей, т.-е. чтобы заставить населеніе напрячь всѣ силы во время войны.

Въ силу этого, нѣмцы ко дню объявленія войны выставили около 4½ милліоновъ обученныхъ людей и, кромѣ того, около 5 милліоновъ ландштурмистовъ, не получившихъ никакой военной подготовки.

Такимъ образомъ нѣмцы, въ случаѣ нужды, могутъ выставить, при своемъ населеніи около 66 милліоновъ, очень большой процентъ, около 12—13% отъ населенія.

Одинаково сильное напряженіе предусматриваетъ и военный законъ Франціи, гдѣ подъ ружье въ военное время должны становиться всѣ сколько-нибудь годные люди. Численность обученныхъ людей во Франціи опредѣляется примѣрно въ 2,8 милліона человѣкъ, кромѣ трехлинейной территоріальной арміи съ ея резервомъ, формируемой съ объявленіемъ мобилизаціи и предназначаемой для внутренней защиты страны.

Такіе громадные запасы людей имѣются въ каждой странѣ, но это далеко еще не означаетъ, что арміи всѣхъ странъ достигаютъ такой же большой величины. Нужно различать два понятія: число обученныхъ и необученныхъ людей и величину арміи, ибо это не одно и то же.

Подъ арміей подразумѣвается совершенно опредѣленная организація, въ составъ которой входятъ не только обученные и необученные люди, но и офицеры, артиллерія, всевозможныя современныя техническія средства, обозы, штабы и проч. Однако и этого еще недостаточно для того, чтобы создавать армію. Современныя арміи немыслимы безъ особаго сплоченнаго военнаго и національнаго духа, гдѣ немалую роль играютъ и боевое прошлое данной арміи, и традиціи, все то, что́ придаетъ ей сплоченность и крѣпкую спайку.

Такимъ образомъ можно имѣть много милліоновъ людей, но имѣть сравнительно небольшую армію, если для военнаго времени не подготовлено достаточное число офицеровъ, необходимое количество артиллеріи, обозовъ, штабовъ, запасовъ и проч. Такія требованія вполнѣ естественно обязываютъ каждую страну подготовить все необходимое для созданія цѣлаго ряда новыхъ организацій, въ составъ которыхъ вошли бы тѣ милліоны обученныхъ и годныхъ людей.

До японской войны вопросъ этотъ разрѣшался довольно примитивно, и имѣвшіеся запасы людей частью шли на доведеніе арміи мирнаго состава до состава военнаго времени, а главная масса образовывала новые корпуса, число которыхъ главнымъ образомъ зависѣло отъ того, сколько подготовлено офицеровъ для этихъ новыхъ организацій, какое количество имѣется артиллеріи и прочихъ средствъ и запасовъ.

Благодаря этому, дѣло какъ бы разрѣшалось очень просто, и никакихъ особыхъ затрудненій въ военное время не предвидѣлось. Однако японская война, а за нею и обѣ балканскія войны показали очень большую неустойчивость вновь создаваемыхъ корпусовъ изъ запасныхъ, такъ называемыхъ корпусовъ второй очереди. Это объяснялось отчасти пожилымъ возрастомъ запасныхъ, отвыкшихъ отъ военной службы, обремененныхъ семьями и проч., частью недостаточной сплоченностью новыхъ импровизированныхъ организацій, не имѣющихъ за собой никакой военной исторіи, никакихъ традицій и спеціальнаго воинскаго воспитанія.

Вопросъ этотъ подвергся долгому обсужденію въ военной литературѣ, но когда наконецъ во время балканской войны старые турецкіе запасные—редифы показали, что они способны лишь убѣгать при первомъ выстрѣлѣ, всюду было окончательно рѣшено, что войска изъ запасныхъ, такъ называемыя войска второй очереди, во всякомъ случаѣ не могутъ предназначаться для выполненія самостоятельныхъ операцій. Это было героическое рѣшеніе. Ибо значительная масса обученныхъ милліоновъ этимъ какъ бы устранялась отъ непосредственнаго участія въ сраженіяхъ, и многіе милліоны свелись лишь къ арміи въ 1—2 милліона, а то и въ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ.

Такимъ образомъ составъ будущихъ армій окончательно намѣтился. Это были прежде всего арміи, состоящія изъ корпусовъ мирнаго времени, увеличенныхъ до штатовъ военнаго времени. Затѣмъ оставалось очень много запасныхъ, изъ которыхъ только часть предназначалась для участія въ сраженіяхъ, а другая часть назначалась исключительно для службы въ тылу арміи и внутри страны.

Германія имѣетъ въ мирное время 25 корпусовъ. Съ доведеніемъ каждаго корпуса до штата военнаго времени его численность доходитъ до 42.000 человѣкъ. Слѣдовательно, эти 25 корпусовъ, доведенныхъ до военнаго времени, давали 1 милліонъ человѣкъ.

Изъ остальныхъ милліоновъ запасныхъ нѣмцы признали возможнымъ сформировать въ военное время 25 новыхъ резервныхъ корпусовъ, такъ называемыхъ „корпусовъ бисъ". Для этого были предназначены запасные самыхъ младшихъ возрастовъ. Дѣло въ томъ, что въ германской арміи въ мирное время роты очень велики, и, чтобы довести корпуса до состава военнаго времени, нужно въ каждую роту призвать послѣдній годъ запасныхъ, т.-е. тѣхъ, которые въ нынѣшнемъ году были уволены въ запасъ.

Эти самые послѣдніе запасные даже не называются запасными, а считаются въ отпуску и призываются простымъ распоряженіемъ начальства. Благодаря этому, нѣмцы безъ всякаго объявленія мобилизаціи могутъ простымъ распоряженіемъ начальства призвать послѣдній годъ запасныхъ, числящихся въ отпуску,—и сразу германская армія мирнаго времени мобилизовалась и переходила въ составъ военнаго времени.

Послѣ этого у нѣмцевъ оставалось еще очень много молодыхъ запасныхъ, уволенныхъ въ запасъ два, три года тому назадъ и т. д., примѣрно въ возрастѣ отъ 25 до 32 лѣтъ. Изъ этой-то массы молодежи и формировались новые 25 резервныхъ корпусовъ. Имѣя это въ виду, нѣмцы въ мирное время заготовили для всѣхъ этихъ корпусовъ достаточное количество офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, штабы, артиллерію, обозы, техническія средства, запасы и пр. Получились новые 25 корпусовъ, новый милліонъ людей, вполнѣ организованныхъ и снабженныхъ всѣмъ необходимымъ, а слѣдовательно и почти нисколько не отличающихся отъ перволинейныхъ войскъ. Нѣмцы ихъ и употребили въ качествѣ такихъ же перволинейныхъ войскъ, и у Германіи образовалась перволинейная армія уже въ два милліона людей, которые всѣ цѣликомъ могли принять участіе въ бояхъ.

Нѣмцы однако на этомъ не остановились и попытались со-

Библиотека "Руниверс"

Запасныя колеса для военныхъ автомобилей.
По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

по штатамъ военнаго времени. Никакихъ новыхъ корпусовъ и даже дивизій австрійскій генеральный штабъ не рискуетъ формировать при разноплеменномъ составѣ населенія Дунайской монархіи. Эти 17 корпусовъ, въ мирное время весьма малочисленныхъ, доводятся лишь въ военное время до 50 тысячъ человѣкъ каждый. И этимъ исчерпываются всѣ вооруженныя силы первой очереди. Остальная масса запасныхъ идетъ частью на пополненіе потерь, частью для несенія службы въ гарнизонахъ внутри имперіи, частью для службы въ тылу арміи.

Франція имѣетъ въ мирное время 22 корпуса, каждый изъ 2 дивизій. Въ военное время эти дивизіи пополняются запасными, а изъ остальныхъ запасныхъ французы, не признавая возможнымъ создавать корпуса, создаютъ лишь дивизіи.

По одной такой дивизіи изъ запасныхъ, слѣдовательно по 3-й дивизіи, добавляется въ каждый корпусъ, и корпуса доходятъ до 50—55

здать еще новые корпуса изъ остальныхъ массъ запасныхъ. Однако лишь съ чрезвычайными усиліями нѣмцамъ удалось въ октябрѣ создать еще шесть ландверныхъ корпусовъ съ недостаточнымъ количествомъ офицеровъ, съ нѣсколько худшей артиллеріей и другими второсортными средствами борьбы. Пока неизвѣстно, чтобы нѣмцы еще что-нибудь создали, ибо и эти шесть корпусовъ были явно хуже остальныхъ германскихъ войскъ, и нѣмцы ихъ употребляли съ большой осторожностью на второстепенныхъ пунктахъ.

Такимъ образомъ перволинейная армія Германіи, т.-е. та, которая принимаетъ участіе въ операціяхъ, состоитъ изъ 56 корпусовъ общей численностью около $2^{1}/_{4}$ милліона человѣкъ. Эта армія поддерживается постоянно приблизительно въ одномъ и томъ же составѣ, для чего всѣ потери пополняются изъ остальнаго, еще большого, запаса людей, который имѣется въ распоряженіи германскаго генеральнаго штаба.

Австро-Венгрія выставляетъ 17 корпусовъ, численностью каждый изъ 50 тысячъ человѣкъ,

Автомобильная мастерская для ремонта автомобилей и мотоциклетовъ.
По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

Захваченный нами въ плѣнъ германскій аэропланъ „Альбатросъ".
По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

тысячъ человѣкъ, но число корпусовъ остается прежнее—22.

Слѣдовательно, французская армія исчисляется въ 1,1 милліона человѣкъ. А остальные запасные распредѣляются, такъ же, какъ и въ другихъ странахъ, для пополненія потерь, для службы въ тылу арміи и для службы внутри страны.

Такимъ образомъ мы видимъ, что лишь одна Германія рѣшается формировать изъ запасныхъ цѣлые корпуса, тогда какъ другія страны формируютъ только дивизіи. Для того, чтобы уяснить себѣ разницу, нужно обратить вниманіе на то, что корпусъ представляетъ собою организацію изъ всѣхъ родовъ оружія, способную къ выполненію большихъ самостоятельныхъ задачъ на войнѣ. Такой корпусъ можетъ быть, напримѣръ, двинутъ для охвата, который можетъ рѣшить участь сраженія. Такой корпусъ можетъ исполнять задачи арьергарда и задерживать наступленіе противника до тѣхъ поръ, пока смогутъ отступить главныя силы арміи. Однимъ словомъ, корпусъ можетъ драться совершенно самостоятельно, безъ чьей-либо поддержки. Поэтому, конечно, важно, чтобы корпусъ состоялъ изъ частей устойчивыхъ.

Дивизіи въ нынѣшней войнѣ рѣдко выполняютъ какое-либо самостоятельное порученіе и дѣйствуютъ обыкновенно въ сосѣдствѣ съ другими дивизіями. Поэтому

Библиотека "Руниверс"

въ большинствѣ государствъ, какъ, напримѣръ, во Франціи, рѣшено было изъ запасныхъ формировать дивизіи, которыя, будучи добавлены по одной на корпусъ, будутъ драться рядомъ со старыми полевыми дивизіями корпуса, съ теченіемъ времени пріобрѣтутъ боевой опытъ, и такой корпусъ станетъ устойчивымъ.

Одни нѣмцы признали возможнымъ формировать изъ запасныхъ цѣлые корпуса и предназначать для нихъ самостоятельныя отвѣтственныя операціи. Расчетъ нѣмецкаго генеральнаго штаба основывался на цѣломъ рядѣ факторовъ: на единоплеменности населенія Германіи, на популярности военнаго дѣла среди населенія, на большомъ развитіи въ странѣ стрѣлковыхъ и гимнастическихъ обществъ, на разнаго рода ферейнахъ, пропагандирующихъ усиленіе арміи, усиленіе флота, усиленіе авіаціи и проч.,— вообще на той милитаризаціи населенія, которая систематически проводилась и проводится въ Германіи. Германскій генеральный штабъ предполагалъ, что эти данныя дѣлаютъ нѣмцевъ настолько годными къ военной службѣ, что это отличаетъ населеніе Германіи отъ населенія другихъ странъ и поэтому даетъ возможность организовать изъ запасныхъ цѣлые корпуса въ отличіе отъ другихъ странъ.

Такимъ образомъ не трудно видѣть, что всѣ разговоры о милліонахъ, которые такъ распространены въ широкихъ кругахъ общества, не совсѣмъ правильны. Милліоны дѣйствительно существуютъ, но они не претворены въ арміи. Это есть лишь болѣе или менѣе неизсякаемый источникъ всякихъ пополненій. Самыя же арміи опредѣляются во всѣхъ странахъ тѣмъ числомъ корпусовъ, которое имѣется въ мирное время, съ увеличеніемъ численности людей въ каждомъ корпусѣ до состава военнаго времени. Въ Германіи численность армій опредѣляется числомъ корпусовъ мирнаго времени плюсъ нѣкоторое строго опредѣленное число корпусовъ, формируемыхъ въ военное время. Вмѣсто многихъ милліоновъ у нѣмцевъ на самомъ дѣлѣ есть армія въ 2¼ милліона, у французовъ — въ 1,1 милліона, у австрійцевъ—въ 850 тысячъ.

Этотъ вопросъ настолько строго и точно былъ разрѣшенъ въ мирное время, что только для этого числа людей во всѣхъ странахъ имѣются и запасы артиллеріи, обозовъ, необходимый офицерскій составъ, техническія средства и проч. Поэтому, если бы какая-либо страна пожелала увеличить составъ своей арміи, то это должно было бы представить неисчислимыя затрудненія, а во многихъ случаяхъ было бы совершенно невозможнымъ, такъ какъ для этого ничего не подготовлено. Конечно, страны съ сильно развитою промышленностью могутъ заготовить, допустимъ, артиллерію, или обозы, или техническія средства. Но откуда взять штабы, офицеровъ, наконецъ ту крѣпкую спайку, которая единственно дѣлаетъ сильной эти организованныя массы людей? Кромѣ того, какъ мы видѣли, пожилой возрастъ является самымъ отрицательнымъ цензомъ при опредѣленіи боевой годности запасныхъ солдатъ, а формировать новыя арміи приходится изъ людей пожилыхъ.

Слѣдующій, не менѣе трудный вопросъ,—это вопросъ о подготовкѣ для войны достаточнаго количества офицеровъ. Корпусъ офицеровъ мирнаго времени во всѣхъ арміяхъ приблизительно одинаковъ. Всюду въ настоящее время для достиженія офицерскихъ должностей необходимо законченное среднее образованіе и 2—3 года спеціальнаго военнаго образованія. Однако необходимость имѣть въ военное время во много разъ большее число офицеровъ, чѣмъ въ мирное время, вынуждаетъ къ нѣкоторымъ послабленіямъ какъ въ отношеніи образовательнаго ценза, такъ и въ отношеніи спеціальной военной подготовки.

Во Франціи даже въ мирное время имѣется особый контингентъ офицеровъ, произведенныхъ изъ солдатъ по прослуженіи большого числа лѣтъ на службѣ и при обязательномъ прохожденіи упрощеннаго курса въ спеціальныхъ школахъ. Въ военное время вопросъ о достаточномъ количествѣ офицеровъ является однимъ изъ самыхъ острыхъ.

Главный контингентъ запасныхъ офицеровъ почти всюду составляютъ офицеры, произведенные изъ вольноопредѣляющихся, т.-е. та категорія офицеровъ, которая у насъ именуется прапорщиками. Въ однѣхъ странахъ эти вольноопредѣляющіеся для производства въ офицеры служатъ годъ, въ другихъ два, и это нѣсколько вліяетъ на большую или меньшую степень подготовки ихъ къ офицерскимъ обязанностямъ.

Затѣмъ въ весьма ограниченномъ количествѣ поступаютъ въ армію офицеры запаса изъ числа бывшихъ на дѣйствительной службѣ въ мирное время и оставившихъ службу по собственному желанію. Наконецъ наибольшую категорію офицеровъ въ военное время даютъ офицеры, произведенные въ этотъ чинъ изъ унтеръ-офицеровъ и подпрапорщиковъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Германіи, на офицерскія должности предназначаются даже воспитанники старшихъ классовъ кадетскихъ корпусовъ.

Такимъ путемъ корпусъ офицеровъ въ военное время доводится до очень большого числа офицеровъ, но оно все же далеко недостаточно.

На самомъ дѣлѣ, единственнымъ способомъ разрѣшенія этого вопроса является обязательная подготовка всѣхъ лицъ, получившихъ болѣе или менѣе удовлетворительное общее образованіе, къ офицерскому званію. Вполнѣ понятно, что, если арміей сталъ теперь вооруженный народъ, то ея корпусомъ офицеровъ должна стать „вооруженная интеллигенція". Только при этомъ условіи понятіе „вооруженный народъ" осуществляется во всей своей полнотѣ, безъ того серьезнаго и даже уродливаго недостатка, который замѣчается въ настоящее время въ отсутствіи достаточнаго числа руководителей призванныхъ подъ знамена народныхъ массъ. Вѣроятно, нынѣшняя война и явится первымъ шагомъ къ разрѣшенію этого вопроса въ указанномъ нами смыслѣ.

Вооруженіе современной арміи.

Вооруженіе во всѣхъ арміяхъ, участвующихъ въ настоящей европейской войнѣ, приблизительно одинаково. Обыкновенно принято приписывать большую важность всякому случайному превосходству вооруженія, которое имѣется у однихъ и не имѣется у другихъ. Прежде всего нужно установить, что вооруженіе всѣхъ европейскихъ армій болѣе или менѣе одинаково, и ружья и орудія отличаются одно отъ другого лишь незначительными деталями. Нѣсколько неодинаковымъ является вооруженіе тяжелой артиллеріи, и этотъ вопросъ особенно привлекаетъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Въ знаменитыхъ 42-сантиметровыхъ германскихъ мортирахъ у насъ готовы были даже видѣть чуть ли не первопричину германскихъ успѣховъ. Это мнѣніе безусловно преувеличенно, и нѣкоторое превосходство въ качествѣ орудій даетъ лишь преимущество въ одномъ средствѣ борьбы и во всякомъ случаѣ не является какимъ либо рѣшительнымъ факторомъ. Нельзя забывать, что превосходство въ качествѣ орудій еще не доказываетъ даже превосходства въ качествѣ артиллеріи. Сила артиллеріи слагается не только изъ качества орудій, но находится въ большой зависимости отъ такъ называемаго управленія огнемъ, т.-е. отъ умѣнія сосредоточить огонь на важныхъ пунктахъ, своевременно его открыть, отъ умѣнія пользоваться огнемъ. Но и самое превосходство артиллеріи отнюдь не является также рѣшительнымъ факторомъ, а есть лишь лучшее средство для борьбы, чѣмъ то, которое имѣется у противника. Такъ какъ средства для борьбы весьма многочисленны, и разнообразны, то артиллерія является лишь однимъ изъ этихъ средствъ и превосходство артиллеріи можетъ искупиться превосходствомъ противника въ другихъ средствахъ борьбы, напримѣръ, превосходствомъ противника въ развѣдкѣ или въ маневрѣ.

Однако, въ виду интереса, который обнаруживается всюду къ вопросамъ вооруженія, остановимся нѣсколько на нихъ. Всѣ арміи европейскія вооружены приблизительно одного сорта ружьемъ—винтовкой съ магазиномъ на 5 патроновъ. Изъ этой скорострѣльной винтовки можно сдѣлать около 40 выстрѣловъ въ минуту. Каждая пуля можетъ пробить нѣсколько дюймовыхъ досокъ, сопротивленіе каждой изъ которыхъ равно сопротивленію человѣческаго тѣла. Наибольшая дальность пуль нѣсколько болѣе 3½ верстъ. Наиболѣе дѣйствительная и мѣткая стрѣльба, конечно, возможна лишь на болѣе близкихъ дистанціяхъ. Самая мѣткая стрѣльба происходитъ на разстояніи не болѣе 400 шаговъ, гдѣ пуля нигдѣ при полетѣ не подымается выше человѣческаго роста, и поэтому ошибки возможны только вправо или влѣво, но не вверхъ и внизъ, т.-е. перелетовъ не бываетъ. Достаточно также мѣткая стрѣльба возможна и на большую дистанцію—до ½ версты. Такъ какъ въ бою выкидывается масса патроновъ, то, даже если самое ничтожное число пуль попадаетъ, число пораженій все же бываетъ очень велико. Вслѣдствіе этого считается, что съ разстоянія 1½ верстъ отъ непріятельскихъ позицій уже начинается сфера очень сильнаго и опаснаго ружейнаго непріятельскаго огня.

Изъ этого видно, что нынѣшняя винтовка является весьма смертоноснымъ оружіемъ, способнымъ кидать пули дальше 3½ верстъ, а на разстояніи до 1½ верстъ развивающимъ очень мѣткій огонь, при чемъ число выстрѣловъ изъ каждой винтовки можетъ дойти до 40 въ минуту, а одна пуля способна пробить нѣсколько человѣкъ, стоящихъ одинъ за другимъ. Нѣкоторое отличіе между винтовками различныхъ европейскихъ армій представляетъ собою штыкъ, который въ другихъ арміяхъ, кромѣ нашей, представляетъ собою ножъ, предназначенный не для того, чтобы колоть, а для того, чтобы рубить.

Артиллерія. Артиллерія во всѣхъ арміяхъ вооружена главнымъ образомъ полевыми легкими, скорострѣльными пушками, стрѣляющими на разстояніи 5 — 6 верстъ, снарядами вѣсомъ въ 16 — 20 фунтовъ. Одна батарея такихъ пушекъ въ 6 — 8 орудій можетъ сдѣлать до 20 — 25 выстрѣловъ въ минуту шрапнелью или гранатой. Въ первомъ случаѣ каждый снарядъ передъ паденіемъ, разрываясь, раскидываетъ до 300 пуль, а во второмъ случаѣ даетъ рядъ осколковъ, число которыхъ колеблется отъ 100 до 200.

Кромѣ полевыхъ пушекъ имѣются въ арміяхъ также и полевыя гаубицы, предназначенныя для того, чтобы перекидывать снаряды черезъ какое-либо препятствіе, и полевыя мортиры, предназначенныя для того, чтобы попадать навѣсно, т.-е. падать сверху на горизонтальную площадку. Эти орудія стрѣляютъ на меньшія дистанціи, но большими бомбами и шрапнелями, вѣсящими до ¾ пуда, при чемъ бомба даетъ до 250 осколковъ при разрывѣ, а шрапнель выкидываетъ отъ 400 до 500 пуль.

Для дѣйствія въ горахъ имѣется горная артиллерія, которая отличается отъ обыкновенной тѣмъ, что пушка разбирается на части и надѣвается въ видѣ вьюка на лошадь; на 1-ю лошадь—половина лафета, на 2-ю лошадь — другая половина лафета, на 3-ю лошадь — самое тѣло орудія, на 4-ю—ящики съ бомбами и т. д. Такія орудія естественно весьма удобны для передви-

Библиотека "Руниверс"

Стоянка военныхъ автомобилей. По фот. нашего специальнаго корреспондента.

женія по узкимъ горнымъ тропинкамъ.

Перейдемъ наконецъ къ нынѣшнему „гвоздю" тяжелой артиллеріи.

Въ современныхъ арміяхъ въ настоящее время всюду введена эта тяжелая артиллерія, но такъ какъ вопросъ о большемъ или меньшемъ количествѣ тяжелой артиллеріи и о выборѣ орудія былъ незадолго до войны предметомъ обсужденія въ военной литературѣ, то этотъ вопросъ не во всѣхъ арміяхъ одинаково разрѣшенъ. Нѣмцы раньше другихъ поторопились ввести у себя тяжелую артиллерію, и у нихъ имѣется по 16 тяжелыхъ пушекъ въ каждомъ корпусѣ. Въ другихъ государствахъ число тяжелыхъ орудій передъ войной было меньше, но съ началомъ войны всѣ арміи увеличили свою тяжелую артиллерію приблизительно до такого числа орудій, какое имѣется въ германской арміи, а въ нѣкоторыхъ арміяхъ и больше.

„Глаза и уши арміи". Кавказскіе казаки передъ развѣдкой. По фот. нашего специальнаго корреспондента.

Нынѣшняя тяжелая артиллерія состоитъ главнымъ образомъ изъ 15-сантиметровыхъ (6-дюймовыхъ) пушекъ и изъ 15-сантиметровыхъ и 21-сантиметровыхъ мортиръ и гаубицъ. Такимъ образомъ, какъ видно, нормально калибръ тяжелой артиллеріи—это 6 дюймовъ. Тѣ же 42-сантиметровыя гаубицы Круппа, которыя въ числѣ нѣсколькихъ экземпляровъ оказались у нѣмцевъ, имѣютъ калибръ 16 дюймовъ.

Въ настоящее время даже самое чудовищное орудіе морской артиллеріи, стрѣляющее снарядомъ въ 41 пудъ вѣсомъ, имѣетъ калибръ 15 дюймовъ. При осадѣ Портъ-Артура были неожиданностью даже мортиры калибромъ въ 11 дюймовъ, которыми японцы обстрѣливали портъ-артурскіе форты.

Поэтому вполнѣ понятно, какой сенсаціей должно было бы быть появленіе у нѣмцевъ 16-дюймовыхъ мортиръ, которыя, очевидно, должны были стрѣлять снарядами выше 40 пудовъ вѣсомъ. Мы говоримъ „бы", потому что это дѣйствительно было бы сенсаціею, если бы такія исключительно разрушительной силы орудія могли слѣдовать при арміи.

Однако мы знаемъ, что орудія калибромъ въ 12 и 15 дюймовъ давно уже извѣстны, но при арміяхъ они не состоятъ, а имѣются лишь для вооруженія флота и крѣпостей, т.-е. тамъ, гдѣ они разъ навсегда устанавливаются неподвижно на все время пользованія ими. Арміи рѣшаются возить при себѣ не болѣе какъ 6-дюймовыя пушки и 8-дюймовыя мортиры, и то такія орудія могутъ слѣдовать лишь шагомъ, преимущественно по шоссе или по очень хорошимъ грунтовымъ дорогамъ. Для того, чтобы тащить эти орудія, нужно довольно большое число лошадей въ зависимости отъ качества дороги.

Отсюда видно, насколько трудно, если даже не невозможно было бы возить съ собой, допустимъ, 10-дюймовыя орудія, которыя вѣсятъ нѣсколько тысячъ пудовъ, и которыя совершенно лишили бы войска подвижности, одного изъ самыхъ драгоцѣнныхъ свойствъ полевой арміи, и во всякомъ случаѣ средства болѣе драгоцѣннаго, чѣмъ даже многія сотни 10-дюймовыхъ пушекъ.

Конечно, бываютъ иногда случаи, когда необходимо имѣть большія орудія, стрѣляющія большими снарядами для разрушенія какихъ-нибудь крѣпкихъ и прочныхъ преградъ. Такія случаи возможны при осадѣ крѣпостей, и тогда подвозится осадная артиллерія, калибръ которой до японской войны также не превышалъ 8 дюймовъ, а во время японской войны и въ настоящее время доходитъ до 11—12 дюймовъ. Для этихъ цѣлей могутъ пригодиться даже и сенсаціонныя 16-дюймовыя мортиры Круппа. Но, конечно, не въ качествѣ рѣшительнаго средства, благодаря которому будетъ взята крѣпость, а какъ одно изъ многихъ средствъ борьбы, только нѣсколько болѣе сильное, чѣмъ тѣ, которыми обыкновенно пользуются въ современной войнѣ.

Если бы секретъ побѣды заключался въ томъ, чтобы имѣть самыя большія и

Стоянка казаковъ. На отдыхѣ. По фот. нашего специальнаго корреспондента.

Библиотека "Руниверс"

самыя разрушительныя пушки, то война была бы очень простымъ дѣломъ, и за все время существованія міра не было бы лишь всего семь великихъ полководцевъ, какъ ихъ насчитываетъ Наполеонъ, а было бы ихъ сколько угодно. Нельзя забывать, что, какъ ни совершенны могутъ быть средства войны, главнѣйшимъ средствомъ всегда является человѣкъ съ его неисчерпаемой силой духа и ума.

Возвращаясь къ обсуждаемому нами вопросу о тяжелой артиллеріи, отмѣтимъ нѣкоторыя детали устройства нынѣшнихъ тяжелыхъ пушекъ, принятыхъ въ полевыхъ арміяхъ. Вѣсъ снаряда, выбрасываемаго тяжелыми пушками, 1½—2 пуда: вѣсъ снаряда, выбрасываемаго тяжелыми гаубицами, доходитъ до 5 пудовъ. Наибольшая пушечная дальность—6-7 верстъ.

Количество орудій во всѣхъ арміяхъ болѣе или менѣе одинаково, т.-е., правильнѣе сказать, всюду болѣе или менѣе одинаково число орудій относительно числа пѣхоты. Обыкновенно большее или меньшее число орудій въ арміи измѣряется числомъ орудій въ каждомъ корпусѣ, и чѣмъ больше число орудій въ корпусѣ, тѣмъ болѣе богато снабжена данная армія артиллеріей.

Въ германской арміи имѣется по 144 легкихъ орудія и по 16 тяжелыхъ на каждый корпусъ. Такого большого числа орудій не имѣетъ ни одна армія, но такое большое число орудій крайне невыгодно, о чемъ скажемъ ниже.

Понтонный мостъ черезъ рѣку Вислу.
По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

Во время артиллерійскаго боя.
Пѣхота, прикрывающая батарею.
По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

Австрія имѣетъ отъ 72 до 90 орудій на корпусъ, а Франція—108—120 орудій на корпусъ.

Несомнѣнно, въ нынѣшнихъ арміяхъ, формируемыхъ изъ солдатъ короткаго срока службы, крайне важно имѣть возможно большее число артиллеріи, которая, являясь сама по себѣ могучимъ средствомъ борьбы, сильно подымаетъ духъ своихъ войскъ. Уже засвидѣтельствовано неоднократно, что нынѣшняя пѣхота въ рѣдкихъ случаяхъ и то лишь въ особенно доблестныхъ арміяхъ можетъ вести наступленіе безъ помощи артиллеріи: въ большинствѣ случаевъ присутствіе артиллеріи настолько необходимо, что очень часто пѣхота только тогда идетъ въ атаку, когда слышитъ, какъ стрѣляетъ своя артиллерія. Наконецъ сила современнаго пѣхотнаго огня такъ велика, что необходимо предварительно обстрѣлять артиллерійскимъ огнемъ пѣхоту противника, чтобы облегчить атаку всей пѣхоты.

Однако это не означаетъ, что можно къ арміи придавать артиллерію безъ конца и устраивать, какъ то дѣлаютъ нѣмцы, такъ называемую „перегрузку артиллеріи“, когда корпусъ превращается какъ бы въ артиллерійскую организацію, къ которой пѣхота придана лишь для охраны артиллеріи.

160 орудій германскаго корпуса—это такъ много, что нѣмцы вынуждены ставить свою артиллерію въ нѣсколько рядовъ, одинъ за другимъ. Это вызываетъ стрѣльбу черезъ головы своихъ и создаетъ большую артиллерійскую массу на полѣ сраженія, которая неизбѣжно, вслѣдствіе своей массивности, должна нести громадныя потери.

Наконецъ глубина походныхъ колоннъ корпуса очень увеличивается, что весьма важно. Дѣло въ томъ, что величина корпуса разсчитывается, примѣрно, слѣдующимъ образомъ: корпусъ, идя по дорогѣ, долженъ развернуться въ боевой порядокъ возможно скорѣе, и во всякомъ случаѣ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, чтобы успѣть произвести наступленіе до сумерекъ. Понятно, если въ корпусѣ 160 орудій и онъ представляетъ на дорогѣ длинную колонну чуть ли не въ 15—20 верстъ, то, чтобы послѣднему солдату выйти при разворачиваніи въ боевой порядокъ на линію фронта, ему нужно сдѣлать эти 15 — 20 верстъ. Слѣдова-

Изготовка къ выстрѣлу. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

Библиотека "Руниверс"

тельно, ему нужно итти чуть ли не цѣлый день, пока онъ не займетъ свое мѣсто въ боевомъ порядкѣ, да потомъ еще нужно наступать. Очевидно, что это все нельзя успѣть сдѣлать до наступленія темноты, которая и можетъ оборвать операцію развертыванія корпуса, и войска будутъ въ какомъ-то крайне неудобномъ положеніи—не то въ походномъ порядкѣ, не то въ боевомъ, что, ясно, сопряжено со всякими опасностями при наступленіи непріятеля.

Всѣ эти причины заставляютъ военные авторитеты склоняться къ тому, что число орудій въ корпусѣ, невзирая на желаніе имѣть побольше артиллеріи, должно быть примѣрно не болѣе 108—110 орудій. И нѣмцы на опытѣ убѣдились, что принятое ими число орудій—160 въ корпусѣ—абсолютно непрактично.

Автомобиль и аэропланъ.

Кромѣ артиллеріи, о которой мы говорили до сихъ поръ, въ нынѣшней европейской войнѣ стали появляться блиндированныя пушки-автомобили и блиндированные поѣзда. Еще во время японской войны выяснилась необходимость прикрывать артиллеристовъ во время стрѣльбы при помощи хотя бы вертикальныхъ броневыхъ щитовъ, которые устанавливаются вправо и влѣво отъ орудія на оси, соединяющей колеса. Идея этихъ щитовъ давно пропагандировалась нашимъ офицеромъ генеральнаго штаба капитаномъ Свяцкимъ, который еще въ 90-хъ годахъ доказывалъ, что при нынѣшней силѣ артиллерійскаго огня намъ необходимо укрывать артиллеристовъ во время стрѣльбы при помощи такого рода щитовъ, о которыхъ мы говорили выше. Идея эта не встрѣтила сочувствія, и въ числѣ ея противниковъ былъ, между прочимъ, и самъ Драгомировъ.

Когда послѣ японской войны выяснилось, что нынѣшняя шрапнель производитъ сильное пораженіе среди артиллерійской прислуги во время стрѣльбы, и благодаря этому батарея выводится изъ строя не вслѣдствіе подбитія орудія, а вслѣдствіе того, что перебиваются артиллеристы, — во всѣхъ государствахъ были приняты щиты. Вся нынѣшняя полевая скорострѣльная артиллерія снабжена щитами и носитъ названіе щитовой артиллеріи.

Въ началѣ нынѣшней войны нѣмцы „развили идею щита" и поставили пушки на автомобили, прикрывъ какъ самую пушку, такъ и артиллеристовъ броневымъ куполомъ.

Такого рода пушка-автомобиль, очевидно, не только не боится ружейнаго огня, но можетъ свободно въѣзжать въ расположеніе непріятельской пѣхоты, разстрѣливая эту пѣхоту картечью и гранатами.

Вслѣдъ затѣмъ появились такіе же бронированные пулеметы. И то и другое орудіе оказалось весьма полезнымъ прежде всего при развѣдкѣ, такъ какъ въ настоящее время всякая армія усиленно охраняется, и подойти близко съ цѣлью развѣдки невозможно. Бронированные автомобили и бронированные пулеметы свободно приближаются къ непріятельскому расположенію и даже могутъ въѣзжать внутрь его, и при такихъ условіяхъ развѣдка значительно облегчается.

Затѣмъ, конечно, велико моральное дѣйствіе такого орудія и потери, которыя при помощи этихъ пушекъ и пулеметовъ наносятся.

Съ такими пушками и пулеметами можетъ справиться только артиллерія, но для этого нужно, чтобы артиллерія непріятельская была уже подготовлена къ выстрѣлу, что, конечно, не можетъ быть всегда при появленіи стрѣляющихъ автомобилей. Наконецъ стрѣльба изъ пушекъ по автомобилямъ въ тотъ моментъ, когда войска находятся на отдыхѣ, на бивакѣ, или на квартирахъ, представляетъ большую опасность для своихъ войскъ. Все это показало, что бронированные пушки и пулеметы на автомобиляхъ являются весьма цѣннымъ орудіемъ. Однако во всѣхъ странахъ это орудіе, какъ еще ни разу не испробованное, оказалось въ очень незначительномъ количествѣ.

Къ этимъ подвижнымъ маленькимъ броневымъ фортамъ нужно отнести также и блиндированные поѣзда. Каждый такой поѣздъ состоитъ изъ ряда платформъ, имѣющихъ вертикальныя стѣнки, прикрытыя либо броней, либо земляными мѣшками. Такой блиндированный поѣздъ можетъ быстро подать нѣсколько сотъ человѣкъ съ пулеметами, винтовками и орудіями на любую станцію, занятую непріятелемъ, если, разумѣется, путь не испорченъ. Такими поѣздами нѣмцы пользовались въ первое время въ Восточной Пруссіи. Но послѣ разрушенія нами желѣзныхъ дорогъ они временно отказались отъ пользованія блиндированными поѣздами.

Въ настоящее время бронированные пушки и пулеметы на автомобиляхъ, а также блиндированные поѣзда фигурируютъ въ боевыхъ столкновеніяхъ очень рѣдко. Во время боевъ къ югу отъ Кракова нѣмцы попытались дѣйствовать такими блиндированными пушками противъ нашей обыкновенной артиллеріи. Но оказалось, что эти пушки были моментально разбиты, и тогда вполнѣ выяснилось, что онѣ годны преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится дѣйствовать противъ непріятеля, не имѣющаго артиллеріи. Тогда противникъ съ ними ничего подѣлать не можетъ, и онѣ могутъ разстрѣливать непріятеля совершенно свободно, безъ помѣхи.

Изъ остальныхъ средствъ борьбы упомянемъ о выяснившемся значеніи авіаціи въ нынѣшней войнѣ. Какъ извѣстно, на это новое средство борьбы возлагались, по крайней мѣрѣ въ широкихъ кругахъ, очень большія надежды.

Нельзя сказать, чтобы эти надежды совершенно не оправдались. Но все же область примѣненія воздухоплаванія въ нынѣшней войнѣ оказалась весьма ограниченной.

Предполагалось, что роль воздухоплавательныхъ аппаратовъ выразится главнымъ образомъ въ развѣдкѣ. Возможность видѣть, что происходитъ за линіями непріятельскихъ аванпостовъ, что происходитъ въ тылу, представлялась очень заманчивой, такъ какъ при принятыхъ нынѣ способахъ развѣдки, главнымъ образомъ конницей и пѣхотными развѣдчиками, очень рѣдко удавалось проникнуть за линію непріятельскаго расположенія.

Поэтому роль авіаціи представлялась очень большою, и можно было слышать даже такія заявленія, что, напримѣръ, обходъ Ноги подъ Мукденомъ, рѣшившій участь этого сраженія, не удался бы, если бы тогда существовали аэропланы, такъ какъ былъ бы своевременно ими замѣченъ, и войска наши парализовали бы обходное движеніе противника. Примѣръ этотъ былъ не совсѣмъ удачный, такъ какъ объ обходномъ движеніи Ноги заблаговременно доносила наша конница, и оно не было неожиданностью. Тѣмъ не менѣе этотъ примѣръ казался настолько нагляднымъ доказательствомъ возможной пользы аэроплановъ, что имъ оперировали очень часто въ качествѣ одного изъ доказательствъ большого значенія авіаціи въ нынѣшней войнѣ.

Дѣйствительно, нынѣшняя война показала, что аэропланы могутъ нести развѣдочную службу и въ нѣкоторыхъ случаяхъ давать полезныя свѣдѣнія. Однако эти свѣдѣнія не могутъ быть настолько исчерпывающими, чтобы штабъ на основаніи ихъ могъ имѣть достаточное представленіе о расположеніи и вѣроятныхъ дѣйствіяхъ противниковъ. Это объясняется, конечно, не тѣмъ, что авіатору мѣшаетъ непріятельскій огонь или какія-либо другія причины видѣть расположеніе противника. Несомнѣнно, авіаторы, пролетая надъ непріятельскими войсками, многое видятъ, но и легко могутъ ошибаться, принимая одинъ предметъ за другой. Самое же главное неудобство заключается въ томъ, что наблюдатель на аэропланѣ не можетъ обнять въ достаточной степени ту обстановку, которая открывается предъ его глазами.

Войска нынче располагаются или на квартирахъ по деревнямъ и городамъ, или квартиро-бивакамъ, а бивакомъ стоятъ рѣдко. Между тѣмъ на бивакѣ, гдѣ полки стоятъ правильными и опредѣленными четырехугольниками, можно себѣ составить извѣстное представленіе о числѣ войскъ. На квартирахъ же, гдѣ войска стоятъ по домамъ, разсматривая это квартирное расположеніе сверху съ аэроплана, почти нельзя рѣшить вопроса о количествѣ войскъ, о числѣ артиллеріи и проч. Одинаково трудно рѣшить этотъ вопросъ и тогда, когда войска находятся на позиціи и располагаются въ окопахъ. Наконецъ даже вопросъ о томъ, имѣются ли въ данномъ раіонѣ войска или нѣтъ, очень рѣдко удается разрѣшить, наблюдая съ аэроплана. Войска спрятаны въ квартирахъ или въ окопахъ, и достаточно нѣсколькихъ человѣкъ, идущихъ по улицѣ или по полю для того, чтобы предположить нахожденіе въ данномъ раіонѣ непріятельскихъ войскъ. Но одинаково можетъ ихъ и не быть, а могутъ быть только эти нѣсколько человѣкъ, которые оказались въ полѣ.

Вообще на большинство вопросовъ, которые штабъ задаетъ своему развѣдчику, аэропланы нерѣдко не могутъ отвѣтить. Благодаря этому развѣдка съ аэроплана въ значительной степени теряетъ свою полезность, и это новое средство развѣдки, какъ и всякое новое средство, отнюдь не является панацеей, а можетъ быть лишь пригодно въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ одно изъ многихъ средствъ развѣдки, имѣющихся въ распоряженіи штабовъ, какъ конница, пѣхотные развѣдчики, печать, перехваченныя письма, шпіоны и проч.

Кромѣ развѣдки предполагалось, что воздухоплавательные аппараты будутъ кидать бомбы сверху и наносить потери противнику. Въ спеціальныхъ военныхъ кругахъ бомбометанію съ аэроплана не приписываютъ большого значенія. Но въ обществѣ на эту роль аэроплановъ обращали большое вниманіе и обращаютъ до сихъ поръ.

Такое до извѣстной степени равнодушное отношеніе спеціалистовъ къ бомбометанію объясняется тѣмъ, что военное искусство учитываетъ лишь то, что можетъ оказать вліяніе на ходъ операцій или отдѣльнаго боя. Само собою разумѣется, что нѣсколько бомбъ, брошенныхъ, допустимъ, на зданія въ Парижѣ или въ Лондонѣ, нисколько не могутъ измѣнить взаимнаго положенія сторонъ, не ухудшаютъ положенія той стороны, куда упали бомбы, какъ не улучшаютъ положенія той стороны, которая бросила бомбы. Это можетъ произвести моральное впечатлѣніе на жителей, но такъ называемой „тактической цѣнности" не имѣетъ, и отъ этого войска не отойдутъ ни на шагъ назадъ и не подвинутся ни на шагъ впередъ.

Для метанія бомбъ нѣсколько болѣе пригодны аппараты большихъ размѣровъ, какъ цеппелины, полужесткіе дирижабли и большіе аппараты Сикорскаго. Это объясняется вполнѣ естественно тѣмъ, что только такіе аппараты могутъ поднять на себѣ большія бомбы, достаточно разрушительной силы. Только такія бомбы и могутъ при попаданіи въ арсеналъ, пороховой погребъ, или въ непріятельскій корабль, произвести разрушеніе, которое будетъ имѣть цѣнность въ военномъ отношеніи въ томъ смыслѣ, что ухудшитъ положеніе противника. Однако всякіе запасы по-

Библиотека "Руниверс"

Плѣнные австрійцы. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

роха въ погребахъ, всякія жизненныя части корабля прикрыты или бетономъ или броней и съ трудомъ поддаются разрушенію. Поэтому даже въ этихъ отдѣльныхъ случаяхъ достигнуть серьезныхъ результатовъ удается крайне рѣдко.

Такимъ образомъ роль авіаціи въ нынѣшней войнѣ сводится главнымъ образомъ къ нѣкоторымъ случаямъ развѣдки, довольно рѣдкимъ, и къ метанію бомбъ въ лагери и города, для того, чтобы произвести моральное впечатлѣніе. Эта послѣдняя цѣль является достаточно важной, чтобы оправдать такое бомбометаніе, и въ Лондонѣ, напримѣръ, установлены даже особыя пушки въ домахъ для стрѣльбы вверхъ по нѣмецкимъ аэропланамъ. Такія же пушки установлены на каѳедральномъ соборѣ въ Краковѣ. Конечно, нѣсколько бомбъ, брошенныхъ въ Лондонъ или въ Краковъ, могутъ убить десятокъ солдатъ или жителей. Но тамъ, гдѣ потери исчисляются десятками или сотнями тысячъ, потеря еще нѣсколькихъ человѣкъ не можетъ нисколько повліять на положеніе дѣлъ. Какъ замѣчено однако, одна возможность появленія такихъ раскидывающихъ бомбы воздухоплавательныхъ аппаратовъ дѣйствуетъ весьма подавляюще на тѣхъ, кому приходится этого ожидать.

Всѣми этими обстоятельствами и объясняется та роль, которую играютъ аэропланы въ нынѣшней войнѣ, и которая оказалась значительно меньше той роли, которая приписывалась этому новому популярному средству борьбы.

Отыскать армію противника.

Разсмотрѣвъ средства борьбы,—арміи и ихъ вооруженіе,—т.-е. разсмотрѣвъ, какъ сражающіеся народы рѣшили первую часть задачи войны, какъ понимаетъ войну Мольтке, а именно, задачу „собрать возможно больше силъ", перейдемъ къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, какъ разрѣшалась вторая задача: „отыскать армію противника".

Эта задача подразумѣваетъ извѣстный планъ, въ силу котораго нужно произвести наступленіе до встрѣчи и отысканія непріятельской арміи.

Изъ всѣхъ странъ Германія, какъ извѣстно, предполагала закончить свою мобилизацію и сосредоточеніе ранѣе другихъ. И для той и для другой цѣли служатъ дороги, и отъ ихъ провозоспособности въ значительной степени, конечно, зависитъ и скорость мобилизаціи.

Вслѣдствіе сильно развитой сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Германіи вопросъ этотъ нѣмцами былъ уже заблаговременно разрѣшенъ. Но независимо отъ этого самая система комплектованія германской арміи, такъ называемая „территоріальная система", даетъ большія удобства при мобилизаціи. При примѣненіи этой системы, каждый полкъ пополняется изъ населенія близлежащаго округа за нѣкоторыми исключеніями, сдѣланными для гвардіи и для недостаточно надежнаго населенія Эльзасъ-Лотарингіи и отчасти прусской Польши. Германскіе запасные живутъ настолько близко отъ стоянки своего полка, что даже являются на ротные праздники въ тѣ роты, гдѣ они раньше служили. При такихъ условіяхъ съ объявленіемъ мобилизаціи германская армія пополняется очень быстро запасными. Если при этомъ принять во вниманіе, что для пополненія 25-ти перволинейныхъ германскихъ корпусовъ нужно призвать только послѣдній годъ запасныхъ, такъ называемыхъ „отпускныхъ", и то простымъ распоряженіемъ начальства, безъ указа о мобилизаціи, то станетъ понятно, что германская мобилизація происходитъ очень быстро.

Послѣ мобилизаціи идетъ слѣдующая операція—сосредоточеніе войскъ въ опредѣленный раіонъ, который избранъ исходнымъ для наступленія.

Благодаря сильному развитію желѣзнодорожной сѣти, нѣмцы считали, что на 12-й день они закончатъ и мобилизацію и сосредоточеніе своей арміи къ опредѣленному пункту, а на этомъ основывался весь планъ веденія ими войны противъ коалиціи. Планъ этотъ впервые былъ созданъ Мольтке послѣ войны 1870 г., когда обнаружились уже первые признаки возможнаго сближенія между Франціей и Россіей.

Планъ этотъ основывался на томъ, что нѣмцы занимаютъ центральное положеніе между двумя противниками, Россіей и Франціей. Такое положеніе предусматриваетъ дѣйствія по такъ называемымъ „внутреннимъ операціоннымъ линіямъ". Сущность этихъ внутреннихъ операціонныхъ линій заключается въ томъ, что находящійся посрединѣ быстро наступаетъ на одну армію и, разбивъ ее, поворачивается и бросается на другую армію. При такихъ условіяхъ противникъ, дѣйствуя всей массой, нападаетъ какъ бы на каждую половину вражеской силы въ отдѣльности, и, конечно, половину легче разбить, чѣмъ цѣлое. Поэтому если бы, допустимъ, наша и французская арміи дрались рядомъ, то нѣмцамъ никогда не удалось бы справиться со всей массой, выставляемой двумя народами. При естественномъ же раздѣленіи нашей и французской армій нѣмцы могли разсчитывать, что имъ сначала удастся всей массой обрушиться на одну половину, т.-е. на французскую армію, и разбить ее, а потомъ обрушиться тоже всей массой на другую половину — русскую армію.

Въ такомъ положеніи находился во время Семилѣтней войны Фридрихъ Великій, когда онъ со всей своей арміей, находясь въ центрѣ Пруссіи, дѣйствовалъ по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ. Онъ бросался со всей массой своихъ войскъ на каждаго противника въ отдѣльности: то на саксонцевъ, то на австрійцевъ, то на французовъ, то на русскихъ, то опять на австрійцевъ. Если всѣ эти арміи соединились бы вмѣстѣ и дали бы бой Фридриху, онъ, конечно, былъ бы разбитъ, подавленный громаднымъ превосходствомъ силы; но, имѣя дѣло въ отдѣльности съ каждой изъ непріятельскихъ армій, онъ могъ держаться 7 лѣтъ. Правда, онъ войны не выигралъ, и только случайныя обстоятельства спасли его отъ окончательной гибели; но все же онъ держался 7 лѣтъ вмѣсто того, чтобы погибнуть въ теченіе одного сезона.

Когда нѣмцы рѣшили въ нынѣшней войнѣ напасть сначала на одного противника и разбить его въ отдѣльности, а потомъ напасть на другого противника и разбить его также въ отдѣльности, предъ ними предсталъ вопросъ: на кого перваго напасть, на Францію или на Россію?

Мольтке, создавая этотъ планъ, считалъ, что необходимо сна-

Плѣнные германцы. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

Библиотека "Руниверс"

чала напасть на Францію и разгромить ее возможно скорѣе. Такъ какъ тогда Франція, послѣ тяжелой эпохи 70-го года, была слаба, то Мольтке составилъ слѣдующій планъ кампаніи:

На 12-й день съ начала войны германская армія заканчиваетъ свою мобилизацію и сосредоточеніе на французской границѣ. На 13-й день нѣмцы вступаютъ въ бой съ французской арміей и, пользуясь своимъ численнымъ превосходствомъ, наносятъ французамъ пораженіе на 16—17-й день. Затѣмъ Франція, оставшаяся безъ арміи, принуждается къ миру, и на 18—19-й день начинается перевозка войскъ на русскую границу. На эту перевозку предполагаютъ употребить 6 дней. На 24—25-й день нѣмцы начинаютъ кампанію противъ Россіи, совершенно спокойные за свой тылъ, гдѣ остается разбитая и покорившаяся Франція.

При этомъ нѣсколько нѣмецкихъ корпусовъ остаются въ началѣ войны на русской границѣ, чтобы прикрывать территоріи Германіи отъ случайныхъ появленій нашихъ отрядовъ.

Съ теченіемъ времени, Франція, оправившаяся отъ Седанскаго погрома, крѣпла, и съ каждымъ годомъ возможность разбить французскую армію въ нѣсколько дней дѣлалась все болѣе маловѣроятной. Поэтому нѣкоторые нѣмецкіе военные авторитеты предлагали измѣнить планъ и въ случаѣ войны съ франко-русскимъ союзомъ напасть сначала на Россію. При этомъ сторонники этого взгляда предполагали воспользоваться болѣе ранней готовностью Германіи и захватить часть территоріи русской Польши до Вислы, а если окажется возможнымъ, то и до Нѣмана и даже до Западной Двины и одновременно помѣшать нашему сосредоточенію, стремясь разбить наши неготовыя войска въ отдѣльности. Сторонникомъ этого мнѣнія былъ, между прочимъ, фонъ-деръ-Гольцъ, который даже всегда настойчиво твердилъ: „Только сначала на Россію".

Дѣло въ томъ, что въ стратегіи существуетъ правило, въ силу котораго, при наличіи двухъ противниковъ, слѣдуетъ сначала нападать на сильнѣйшаго, а потомъ уже на слабѣйшаго. Это вполнѣ понятно изъ того, что противъ сильнѣйшаго желательно дѣйствовать со всѣмъ напряженіемъ силъ, а отнюдь не арміей, ослабленной уже борьбой со слабѣйшимъ. Армія же, расправившаяся съ сильнѣйшимъ, должна, очевидно, побѣдить и слабѣйшаго.

Фонъ-деръ-Гольцъ, относившійся съ большимъ вниманіемъ къ Россіи и всегда считавшій, что наша армія представляетъ собою серьезную силу, настаивалъ на томъ, что сильнѣйшимъ противникомъ является Россія, и противъ нея должны быть направлены первые удары. Однако нѣмецкій генеральный штабъ и придворныя вліянія отстояли планъ нападенія сначала на Францію. Однимъ изъ сторонниковъ этого плана являлся германскій кронпринцъ, которому очень хотѣлось войти тріумфаторомъ-побѣдителемъ въ покоренный Парижъ. Говорятъ, что мать кронпринца, разумѣется, не чаявшая души въ своемъ первенцѣ и видѣвшая въ немъ несомнѣннаго Наполеона, также оказала сильное вліяніе на то, чтобы былъ принятъ планъ войны, составленный еще Мольтке.

Между тѣмъ, какъ мы видѣли, планъ Мольтке несомнѣнно былъ достаточно обоснованъ въ свое время, когда дѣйствительно нѣмцы могли надѣяться побѣдить Францію, не оправившуюся еще отъ послѣдствій 70-го года. Но какъ только Франція окрѣпла, и у нея появилась сильная армія, побѣдить при помощи одного удара Францію стало невозможнымъ. И, естественно, нападеніе сначала на Францію означало, что нѣмцамъ придется, даже въ случаѣ успѣха, потратить очень много времени для того, чтобы одолѣть французскую армію. За это же время восточныя провинціи Германіи подвергались неминуемой угрозѣ, и нѣмцы могли бы оказаться стиснутыми между двумя арміями—французской и нашей.

Трудно сказать, какой планъ былъ лучше, — нападенія ли сначала на Францію, или нападенія сначала на Россію, такъ какъ въ томъ положеніи, въ которомъ находились нѣмцы, было трудно выдумать что-нибудь увѣренное. Однако во всякомъ случаѣ планъ нападенія сначала на Францію терялъ уже всякій смыслъ послѣ того, какъ оказалось невозможнымъ въ виду усиленія Франціи разбить ее въ нѣсколько дней.

Какъ бы то ни было, нѣмецкій генеральный штабъ упорно отстаивалъ планъ Мольтке, и, согласно этому плану, нѣмцы начали свои операціи. Однако нѣмцы при этомъ сдѣлали несомнѣнную, явную и крупную ошибку. Они наступали на Францію только войсками своей арміи и не двинули одновременно туда австрійской арміи. Это была грубая ошибка и полное несоблюденіе принципа сосредоточенія непремѣнно всѣхъ силъ противъ одного противника и затѣмъ тѣхъ же всѣхъ силъ противъ другого противника.

Всѣ силы подразумѣваютъ всѣ тѣ войска, которыя имѣются въ распоряженіи данной стороны. Слѣдовательно, въ нынѣшней войнѣ нѣмцы должны были сразу двинуть во Францію всѣ силы въ буквальномъ смыслѣ даннаго слова, а именно, и свои и австрійскія арміи. Нѣмцы же раздѣлили эти силы пополамъ и одну половину — германскую армію — направили противъ Франціи, а другую половину — австрійскую армію—направили противъ Россіи. Вмѣсто того, чтобы драться цѣлымъ, они дрались половинами, совершенно не учитывая того, что половина слабѣе цѣлаго, и что вѣчное правило военнаго искусства требуетъ сосредоточенія всѣхъ силъ въ одномъ направленіи, противъ одной цѣли, а не противъ двухъ и не противъ трехъ.

Конечно, могутъ возразить, что, если бы австрійская армія пошла совмѣстно съ германской арміей на завоеваніе Франціи, то наши войска заняли бы австрійскую территорію, Галицію, Карпатскіе проходы. Не говоря уже о томъ, что эта часть территоріи и такъ занята нашими войсками, нѣмцы могли предполагать, что впослѣдствіи, когда они вмѣстѣ съ австрійцами побѣдятъ во Франціи, они повернутся въ нашу сторону, и тогда все равно, въ зависимости отъ того, чья армія будетъ разбита, и будетъ находиться разрѣшеніе вопроса, кому будетъ принадлежать занятая часть австрійской территоріи. Между тѣмъ, если бы во Франціи одновременно стали дѣйствовать германская армія изъ Бельгіи, а австрійская армія изъ Лотарингіи, или черезъ Люксембургъ, то это несомнѣнно значительно затруднило бы положеніе французовъ, и трудно сказать, каковы могли быть результаты этого совмѣстнаго австро-нѣмецкаго наступленія на Францію. Во всякомъ случаѣ, если бы австро-нѣмцамъ удалось имѣть успѣхъ и они повернулись бы въ нашу сторону, германскій генеральный штабъ имѣлъ бы противъ насъ не только свою армію, но и австрійскую.

Совершивъ такимъ образомъ грубѣйшее нарушеніе одного изъ основныхъ и вѣчныхъ принциповъ военнаго искусства и раздѣливъ свои силы пополамъ, направляя австрійскую армію противъ Россіи, а германскую противъ Франціи, нѣмцы начали съ завоеванія Бельгіи. Вопросъ о томъ, дѣйствительно ли имъ нужно было наступать обязательно черезъ Бельгію, долгое время обсуждался въ европейской военной литературѣ. Какъ извѣстно, самый планъ дѣйствія нѣмцевъ не представлялъ никакого секрета. О немъ было всѣмъ хорошо извѣстно, и въ теченіе 40 лѣтъ вопросъ о возможномъ столкновеніи Германіи съ Франціей и Россіей и Австріи съ Россіей—не сходилъ со столбцовъ военной печати. Планъ наступленія нѣмцевъ на Францію черезъ Бельгію былъ весьма кореннымъ и существеннымъ измѣненіемъ того плана войны, который провелъ въ 70-мъ году Мольтке. Для того, чтобы уяснить себѣ эту разницу, необходимо указать на одно весьма существенное различіе. Планъ Мольтке въ основѣ имѣлъ стремленіе отрѣзать французскую армію отъ богатѣйшаго юга Франціи и лишить ее такимъ образомъ возможности отойти къ югу, — опираться на богатыя области и черпать оттуда источники пополненія какъ самой арміи людьми, такъ и ея запасовъ.

Поэтому Мольтке, наступая на Францію, все время выдвигалъ лѣвое крыло своей арміи впередъ. При всякой нѣмецкой побѣдѣ французамъ нужно было естественно отходить. Они могли отойти на сѣверъ и на западъ, но не на югъ, потому что тамъ всегда было выдвинуто впередъ лѣвое нѣмецкое крыло въ видѣ цѣлой отдѣльной арміи.

Такимъ образомъ французы никакъ не могли отойти къ югу и затянуть, опираясь на богатыя области юга Франціи, борьбу на долгое время. Это какъ бы подготовляло рѣшительный конецъ борьбы, и быстрый. Ибо, въ случаѣ успѣха нѣмцевъ, французская армія не имѣла средствъ для продолженія борьбы. Конечно, независимо отъ этого, на успѣхъ нѣмцевъ въ 70-мъ году повліяло много причинъ; но несомнѣнно также, что постоянно выдвинутая впередъ при наступленіи лѣво-фланговая армія нѣмцевъ, отрѣзывая пути отступленія французовъ на югъ, свидѣтельствовала о весьма большой предусмотрительности и глубинѣ стратегической мысли геніальнаго датчанина.

Нынѣшній нѣмецкій генеральный штабъ, въ лицѣ своихъ высшихъ руководителей, несомнѣнно въ милліонъ разъ бездарнѣе своего великаго предка, повелъ операціи во Франціи совершенно инымъ способомъ. При нынѣшнемъ наступленіи на Францію нѣмцы выдвигали впередъ не лѣвое крыло, а, наоборотъ, правое со стороны побережья Сѣвернаго моря. И этимъ, даже въ случаѣ удачи, они какъ бы, наоборотъ, загоняли французовъ на югъ, что давало въ свою очередь французамъ возможность всегда вести долгое, затяжное сопротивленіе. Дѣйствительно, мы видѣли, что въ тотъ моментъ, когда французы поровнялись съ Парижемъ при своемъ отступленіи, они преспокойно оставили его въ сторонѣ и повернули фронтомъ на сѣверъ, имѣя въ тылу богатыя южныя области Франціи.

Слѣдовательно, въ то время, какъ великій Мольтке не пускалъ французовъ безпрерывно на югъ Франціи, при помощи своего выдвинутаго впередъ лѣваго крыла, нынѣшній маленькій Мольтке, выдвигая правое крыло своихъ армій, все время, наоборотъ, бездарно какъ бы загонялъ французовъ въ ихъ богатѣйшія области юга.

Обращаясь непосредственно къ наступленію нѣмцевъ на Францію, отмѣтимъ, что стремленіе нарушить нейтралитетъ Бельгіи было у нихъ вызвано желаніемъ развернуться на сравнительно открытой и мало пересѣченной мѣстности. Дѣйствительно для нынѣшнихъ громадныхъ армій горные и пересѣченные раіоны представляютъ большія неудобства, и развернуться милліоны современныхъ войскъ могутъ лишь на мѣстности болѣе или менѣе открытой.

Пограничная территорія въ этомъ отношеніи представляетъ большое неудобство, и вся южная часть границы, проходящая по Вогезамъ, естественно исключается изъ того раіона, гдѣ могутъ оперировать крупныя силы. Остается лишь небольшой участокъ границы по Лотарингіи, герцогство Люксембургское и Бельгія.

Нѣмцы увѣряютъ, что существовало соглашеніе между Бельгіей и Франціей, въ силу котораго первая должна была пропустить французскія войска. Намъ неизвѣстно, существовало ли такое соглашеніе или нѣтъ. Мы скорѣе склонны предполагать, что такого соглашенія не существовало: — какъ видно изъ хода войны, французы намѣрены были обороняться, а слѣдовательно имъ не зачѣмъ было занимать Бельгію. Другое дѣло нѣмцы. Они предполагали безусловно наступать и всегда имѣли въ виду, въ случаѣ войны, нарушить нейтралитетъ Бельгіи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

СМЕРТЬ, КРАСОТА И ЛЮБОВЬ ВЪ ТВОРЧЕСТВѢ И. А. БУНИНА.

Очеркъ **К. Чуковскаго.**

(Окончаніе).

IV.

Снова черезъ тысячу лѣтъ въ Россію пришелъ Святогоръ. Онъ такой же голубоглазый гигантъ съ мужицкой добродушной бородищей, — попрежнему упоенно мечтаетъ о небываломъ, неслыханномъ подвигѣ:

— Сдѣлать бы что-нибудь необыкновенное, чего еще не дѣлалъ никто!

Душа у него щедрая, царственная, созданная для безмѣрныхъ дѣяній, и вотъ когда наступилъ его часъ, онъ, не дрогнувъ, могуче, спокойно совершилъ свой героическій подвигъ: выпилъ почти однимъ глоткомъ цѣлую четверть вина и, рухнувъ на землю, какъ быкъ, умеръ отъ этого подвига!

О немъ повѣствуетъ И. А. Бунинъ въ разсказѣ „Захаръ Воробьевъ".

Зря, по-дурацки, безъ пользы истратилась богатырская сила. Она была дана человѣку для величавыхъ и торжественныхъ дѣлъ, но человѣкъ ее изгадилъ и пропилъ. Къ чему же этотъ изумительный даръ, если въ немъ — позоръ и страданіе?

Объ этомъ неустанно вопрошаетъ во всѣхъ своихъ новыхъ твореніяхъ Бунинъ. Ему кажется, что мы — безумные моты, расточаемъ свое послѣднее, лучшее; что тратить, разорять, разоряться—единственное наше призваніе.

Даже слушая соловьиное пѣніе, бунинскій герой говоритъ:

— Вотъ бы изъ ружья-то его!.. Такъ бы и кувыркнулся!

— Да ты про кого же?

— Да про соловья про энтаго.

Непремѣнно убить, уничтожить самое дорогое и сладостное! Если волнующе-прелестная женщина (въ повѣсти Бунина „Деревня") одарена красотой изумительной, то мы эту красоту—сапожищами!—втопчемъ въ самую грязную грязь, превратимъ въ позоръ и страданіе!

Страшно читать, какъ такую красавицу съ обаятельно-изящной душой продаютъ— для побоевъ — какому-то мерзѣйшему выродку, который, глядя на ея красоту, говоритъ:

— Чисто-кафельная, сволочь!..

Быть бы ей лучше уродомъ, быть бы богатырю—хилымъ, а соловью — безголосымъ, они бы не погибли среди насъ. Именно ихъ красота, обаяніе, сила оказались залогомъ ихъ гибели.

И вотъ другое такое же чудо природы, величайшее благословеніе Неба, воплощенное милосердіе Божіе, — стовосьмилѣтній старикъ. Богъ наградилъ его такимъ долголѣтіемъ, о которомъ милліоны человѣческихъ душъ даже не смѣютъ мечтать. Сколько при немъ было великихъ людей, сколько войнъ, революцій, открытій, событій, а онъ даже не знаетъ объ этомъ и за весь свой изумительный вѣкъ только и видалъ, что коноплянники, только и думалъ, что о кормахъ для скота, — безсмысленно, зря расточилъ весь свой драгоцѣннѣйшій даръ *)!

Такой великолѣпный сосудъ огромнаго, необъятнаго прошлаго, но—совершенно пустой!

Бунину это даже не страшно. Онъ знаетъ, что это законъ. Кто-то околдовалъ ту Дурновку, въ которой онъ издавна живетъ вмѣстѣ со своими героями. Недаромъ же ея названіе—Дурновка. Все въ ней ни къ чему, все въ ней зря: сила, красота, долголѣтіе. Всякое благословеніе Божіе превращается въ проклятіе дьявола.

— Черноземъ—въ полтора аршина, да какой! А пяти лѣтъ не проходитъ безъ голода!

— Городъ на всю Россію славенъ хлѣбной торговлей. Ѣстъ же этотъ хлѣбъ досыта сто человѣкъ во всемъ городѣ!

И такъ въ каждой мелочи, всюду. Если я читаю у Бунина о какой-то поэтической могилѣ, подъ сѣнью поэтичныхъ березъ, то я заранѣе знаю, что сейчасъ же тамъ появятся свиньи и взроютъ могильный бугоръ, а телята обглодаютъ березы („Будни").

Если я читаю у Бунина, что кто-то на послѣднія деньги закупилъ табуны лошадей, чтобы распродать ихъ къ веснѣ съ барышомъ, то я заранѣе знаю, что, съѣвъ у него всю муку и солому, лошади одна за другой непремѣнно околѣютъ къ веснѣ („Суходолъ"). Если въ его книгѣ какой-нибудь домъ или дворъ называется *Золотое Дно*,—значитъ, тамъ скудость, нищета непокрытая. Если это *Веселый Дворъ*,—значитъ, тамъ уныніе и скорбь. Если *Лучезаровка*,—значитъ гибель, гніеніе, тлѣніе.

Это законъ, это фатумъ. Въ Дурновкѣ иначе нельзя:

— До тла разорены мужики, трынки не осталось въ оскудѣвшихъ усадьбишкахъ, — хозяина бы сюда, хозяина! — восклицаетъ въ своей повѣсти Бунинъ. Съ хозяйственнымъ огорченіемъ глядитъ онъ вокругъ. Какой безпорядокъ, какая нескладица! Сколько пропадаетъ добра! Никто ничего не умѣетъ! Дѣлаютъ чортъ знаетъ что!

И. А. Бунинъ у себя дома.

— Пашутъ цѣлую тысячу лѣтъ, да что я! больше! — а пахать путемъ — то-есть ни единая душа не умѣетъ! Единственное свое дѣло не умѣютъ дѣлать. Хлѣба ни единая баба не умѣетъ спечь!

Бунинъ—строгій хозяинъ, взыскательный. Когда персонажи его повѣстей дѣлаютъ какое-нибудь дѣло, онъ тяжелымъ, непрощающимъ взоромъ слѣдитъ за ихъ каждымъ движеніемъ и съ досадой говоритъ поминутно:

— Не такъ! Не то! Не туда!

— Такъ бы, кажется, и вырвалъ у нихъ ихъ топоры и лопаты,—показалъ бы имъ, какъ нужно работать!

Несуразность, нехозяйственность міра, нелѣпость всѣхъ вещей и поступковъ колетъ его, какъ иголками, но, должно-быть, ему сладка эта боль, если онъ растравляетъ ее. Его лирика все чаще питается образами нескладицы, безсмыслицы, безтолочи. На нихъ зиждется его повѣсть „Деревня", ими насыщены „Суходолъ" и „Рыдалецъ". Въ нихъ міроощущеніе поэта обрѣло свои завѣтные символы. Только никчемныя дѣла и явленія проникаютъ къ нему на страницы, остальнымъ туда доступа нѣтъ. И если въ его разсказѣ изображается огородное пугало, то лишь потому, что оно никого не пугаетъ, поставлено зря, ни къ чему:

— Отпугивать и некого и не отъ чего!

Если у него изображенъ караульщикъ, караулящій какую-то рощу, то лишь потому, что эта роща давно уже вырублена, и караулить тамъ нечего!

*) Разсказъ Бунина „Сто восемь".

Библиотека "Руниверс"

Ко всякимъ несуразнымъ вещамъ, ко всему, что невпопадъ и некстати, глазъ Бунина особенно зорокъ. Зачѣмъ, напр., у охотника *болотные* сапоги, если нигдѣ нѣтъ болота? А тому мужику—для чего чемоданъ, если положить туда нечего? А этотъ: зачѣмъ обнимаетъ слюнявую дряхлую нищую, которая ему ненавистна до слезъ,—если онъ самозабвенно влюбленъ въ милую дѣвушку Любку? А этотъ: убилъ человѣка изъ-за какой-то дурацкой козы.

То же и съ нашими душами. Мы тратимъ ихъ такъ же безсмысленно. Это страшнѣе всего. Здѣсь главная тема Бунина: какъ нехозяйственно, зря расточается душа человѣческая! Въ его книгахъ—большая коллекція такихъ растраченныхъ, „раздребезженныхъ“ людей. Они—его любимые герои. Онъ, кажется, вѣкъ бы слѣдилъ, съ какимъ безоглядным азартомъ они *раздребезжаютъ* себя. Виртуозы саморазоренія, геніи самоистребленія и гибели!

О, какъ тщательно наряжается Шаша, — передъ зеркаломъ, — словно на свадьбу, словно предъ любовнымъ свиданіемъ,—вѣдь его сегодня изобьютъ до безпамятства, истопчутъ каблуками въ грязи!

Онъ къ этому готовится, этого ждетъ, и потому-то у него на душѣ такой праздникъ: всю жизнь онъ словно о томъ и заботился, чтобы стать калѣкой, уродомъ, съ исковерканнымъ носомъ, безъ глазъ!

Онъ баловень, щеголь, деревенскій Печоринъ, всю жизнь истратилъ на то, чтобы къ концу своихъ дней гнусавить на паперти съ нищими!

А помѣщикъ Аркадій Хрущовъ тоже лишь о томъ и хлопочетъ, чтобы пойти вслѣдъ за Шашей.—„Вся жизнь его, — пишетъ Бунинъ: — кажется, на то только и была направлена, чтобы не оставить неиспользованной ни единой возможности приготовить и себѣ на старость и намъ на молодость нищенскую суму“ *).

И какія богатыя души! Развѣ Захаръ Воробьевъ не талантъ? И печникъ Егорка—не Гамлетъ? Развѣ Красовъ Кузьма—не мудрецъ? Развѣ воля и духовныя силы Настасьи Семеновны не достойны Жанны д'Аркъ, лэди Макбетъ?

V.

Но странно: чѣмъ пристальнѣе Бунинъ глядитъ на этотъ кавардакъ и хаосъ, гдѣ все божеское исковеркано дьяволомъ, — тѣмъ яснѣе у него на душѣ.

Его давняя книга „Деревня“ была безнадежно черна. Слѣдующая за ней,—„Суходолъ“—уже лучилась какими-то проблесками. А послѣдняя—объ Іоаннѣ Рыдальцѣ, Псальмѣ, Худой Травѣ—вся осіянная, благостная.

Въ Дурновкѣ ничего не измѣнилось.

Дурновка—все та же Дурновка. Свиньи попрежнему разрываютъ могилы, и Шаша попрежнему жаждетъ, чтобъ его искалѣчили до смерти.

Попрежнему все — гибель, безсмыслица, но у поэта какія-то новыя чувства: поскольку ему позволяетъ его застѣнчиво-суровое сердце, онъ поддался умиленію и нѣжности. Что-то въ немъ размягчилось, оттаяло. Онъ уже—не придирчиво-строгій хозяинъ, а растроганный, прощающій сынъ. Только теперь онъ постигъ, какъ много въ немъ таилось любви къ этой раздребезженной Дурновкѣ! Онъ скрывалъ свою любовь ото всѣхъ, даже отъ себя самого, но теперь, когда въ его недавнемъ разсказѣ я прочиталъ о старухѣ, которая—опять-таки зря—идетъ къ своему раздребезженному сыну, почему же я взволновался до дрожи, словно это не въ книжкѣ написано, не сочинено сочинителемъ, а и вправду по межамъ, по полямъ, по райски-цвѣтущей землѣ, шатаясь отъ лютаго голода, съ почернѣлыми отъ горя губами, смиренно идетъ моя мать,—вѣдь сумѣлъ же онъ навѣять такое огромное, щемяще-нѣжное чувство къ полумертвой, ненужной старухѣ! — и кто же спроситъ, къ чему вся безсмыслица ея напрасно-растраченной жизни, если эта жизнь—святая, если, подъ навожденіемъ поэта, темная ненужная нищая стала мнѣ матерински-близка!

Пускай все безсмыслица, разореніе, гибель, но

Прекрасна ты, душа людская. Небу
Бездонному, спокойному, ночному,
Мерцанью звѣздъ подобна ты порой.

Вотъ то новое, что теперь открылось поэту: умиленіе предъ душой человѣческой. Его разсказы о Сверчкѣ, о пѣвцѣ-Родіонѣ, о кроткой Анисьѣ, о кроткомъ Аверкіи, который, умирая въ хлѣву, забытый и покинутый всѣми, твердитъ благодарно и радостно:

— Хороша любовь на свѣтѣ живетъ!

Все это такая осанна изумительнымъ человѣческимъ душамъ, какая даже въ русской литературѣ еще никогда не звучала! Что такое всѣ язвы Дурновки предъ ихъ смиренной святыней! Бунинъ пробуетъ говорить о нихъ холодно, но въ каждомъ его словѣ растроганность.

— Богъ благословилъ меня счастьемъ видѣть многихъ изъ этихъ странниковъ,—такъ говоритъ онъ теперь, и воистину, это—пасхальное счастье, величайшее благословеніе Божіе: видѣть такихъ кроткихъ и свѣтлыхъ! И кто скажетъ, что они не нужны, что подвигъ ихъ жизни напрасенъ, что напрасно смиренный Сверчокъ, замерзая въ степи, навалилъ на себя мертваго обледѣнѣлаго сына и понесъ его по сугробамъ, по оврагамъ, въ туманъ, безъ дороги, въ темнотѣ:

— „Нѣтъ, стой, нѣтъ, шалишь, не отдамъ! —мертваго буду сто ночей таскать!“

— Ибо если есть въ мірѣ смыслъ, то именно въ этой безсмыслицѣ!

И умирающій работникъ Аверкій, который самъ себя называетъ ненужной худой травой и готовъ извиниться предъ всѣми за то, что онъ не умираетъ такъ долго,—какъ бы онъ былъ ошеломленъ и испуганъ, если бъ узналъ, что во всемъ мірѣ нѣтъ ничего драгоцѣннѣе, чѣмъ такая *худая трава!*

Бунинъ это ощутилъ, какъ никто. Словно онъ былъ слѣпъ—и прозрѣлъ. Многія изъ его новѣйшихъ созданій суть тайные гимны, молитвы предъ умилительной душой человѣческой, житіе блаженныхъ и праведныхъ. Если бъ эти люди живыми вознеслись на небеса, онъ, кажется, не удивился бы нисколько. Если бы слетѣли къ нимъ ангелы и увѣнчали ихъ золотыми вѣнцами, это ему не показалось бы страннымъ.

Прежде онъ ощущалъ лишь себя и прислушивался къ своимъ ощущеньицамъ, а теперь, какъ Скруджъ изъ Рождественской сказки, впервые увидѣлъ *другихъ* и, увидѣвъ, просвѣтлѣлъ: пересталъ роптать и брюзжать. У него обнаружился рѣдкостный даръ: чувствовать чужую душу, какъ собственную. Его воображеніе, доселѣ дремавшее, дало ему нынѣ возможность преображаться въ самыхъ различныхъ людей, съ ними сострадать и сорадоваться. Онъ не показываетъ намъ изъ окна своихъ Анисій, Захаровъ, Аверкіевъ, онъ какимъ-то магическимъ способомъ постепенно насъ превращаетъ въ любого изъ нихъ, заражаетъ его мыслями и чувствами, пока мы окончательно не утратимъ своего естества и не станемъ, по волѣ поэта, то пастухомъ, то старухой. Я не знаю, какимъ литературнымъ пріемомъ достигаетъ онъ этого чуда, но я знаю навѣрное, что, читая его „При дорогѣ“, я чувствовалъ себя дѣвкой Парашкой, влюблялся въ мѣщанина-конокрада, сидѣлъ по часамъ у порога, очарованный смутной мечтой, какъ погубитъ, какъ увезетъ меня вдаль лихой молодой мѣщанинъ! Каждымъ біеніемъ крови я чувствовалъ свою дѣвичью сущность. А когда онъ пришелъ, погубилъ, я схватилъ своей маленькой загорѣлой рукой тяжелый желѣзный замокъ и изо всей силы, неумѣло, неловко ударилъ его по виску, и побѣжалъ къ воротамъ, а за мною—лошадь съ гремучей телѣгой, а за лошадью—мѣщанинъ, весь въ крови, но я бѣгу безъ дорогъ, по хлѣбамъ, ныряя въ душную гущу колосьевъ, и вотъ уже три мужика вяжутъ мнѣ руки вожжовкой, а я выбиваюсь, кусаюсь,—какъ же мнѣ, послѣ такихъ ощущеній, не жалѣть и не любить эту убійцу, если она—это я, и ея раны—мои.

У раненыхъ я не пытаю о ранѣ,
Я самъ становлюсь тогда раненымъ—

здѣсь высшее достиженіе искусства. Пусть человѣкъ гадокъ и мерзостенъ, но, если ты жилъ его жизнью хоть мигъ, ты его оправдалъ и простилъ. Тебѣ противенъ раздребезженный Егоръ, изолгавшійся, изголодавшійся, пьяный, пляшущій на материнской могилѣ, но сдѣлайся самъ на минуту Егоромъ, и ты почувствуешь, что его хулиганство бездонное — есть крестный, страдальческій путь.

Бунинъ не хлопочетъ о томъ, чтобы умилить и разжалобить. Напротивъ, онъ, чѣмъ дальше, тѣмъ суровѣе. Вмѣсто прежней Тургеневской кроткой разслабленности, у него теперь Толстовская хмурость. Слюнтяйство ему отвратительно. Онъ непривѣтливъ и глядитъ исподлобья, съ одинаковымъ равнодушіемъ разсматривая и Таганка, и Сверчка, и Шмарка. Ни одного нѣжнаго слова не скажетъ онъ смиренной Анисьѣ, которая въ предсмертной тоскѣ идетъ по полямъ умирать. Вся его забота какъ будто лишь въ томъ, чтобы описать поподробнѣе, какой у нея платокъ, и какая походка, и какіе она видитъ цвѣты, облака, огороды, и какихъ встрѣчаетъ людей,—но развѣ не чувствуется, что онъ передъ ней на колѣняхъ?

— Великомученица! Свѣтлая! Кроткая! Многострадальнаго русскаго племени многострадальная мать!

Что онъ ту землю готовъ цѣловать, по которой прошли ея ноги, что весь ея тонкій и грустный, потемнѣлый отъ голода ликъ для него святыня, икона, — такъ бы и написать ее на кипарисной доскѣ: съ деревенскими полевыми цвѣтами въ рукахъ, окруженную нѣжными горлинками,—

Прекрасна ты, душа людская. Небу
Бездонному, спокойному, ночному,
Мерцанью звѣздъ подобна ты порой.

И пускай всюду — корчи, безуміе, хаосъ, это не замутитъ его ясности, его свѣтлой и благодарной настроенности, не помѣшаетъ ему съ тайной нѣжностью думать, что „въ жизни все трогательно, все полно смысла, все значительно“...

— Хороша жизнь!.. Поздно начинаешь понимать, какъ хороша она!—говоритъ теперь въ его новомъ разсказѣ тотъ самый суходольскій Хрущовъ, который еще наканунѣ питалъ свое сердце проклятьями,—

Насмѣшкой позднею обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ!

Хороша жизнь—не только среди руинъ и могилъ, но и въ этой очумѣлой, осатанѣлой Дурновкѣ; хороша не только своими березами, звѣздами, „золотымъ престоломъ востока“ и „золотымъ

*) См. разсказы И. А. Бунина: „Я все молчу“, „Суходолъ“, „Веселый дворъ“.

Библиотека "Руниверс"

иконостасомъ заката“, — но и своимъ оголтѣлымъ Егоромъ, своимъ кровавоглазымъ юродомъ Иваномъ, который сидитъ на цѣпи и, яростно кидаясь на всякаго, „воя, какъ шакалъ, вопя, какъ страусъ“, кричитъ:

— Дайте мнѣ удовольствіе! Дай же мнѣ удовольствіе!

за что и бываетъ избиваемъ нещадно:

— Вотъ тебѣ, Иванъ, и удовольствіе!

Жизнь мудра и возвышенна, и этотъ нелѣпый кровавоглазый Иванъ—праведникъ, святитель, пророкъ. „И видится онъ селу Грѣшному, точно въ церкви написанный“, — говоритъ о немъ съ благоговѣніемъ Бунинъ. И назвали его Іоанномъ Рыдальцемъ, и на могилѣ его начертали:

Юродъ, неряшенъ міру онъ казался.

И молятся ему, какъ угоднику.

Осердечилось творчество Бунина. Прежде онъ умѣлъ лишь *любоваться*, а теперь научился *любить*. Только этого ему и не хватало, чтобы сдѣлаться великимъ писателемъ; остального всего было вдоволь. И если эта любовь—не назойливая, а потаенная, скрытая, которой газетные наши Сентъ-Бёвы такъ-таки не разглядѣли понынѣ, то вѣдь уличали же они и Чехова въ черствости! Пока онъ не зналъ этой любви, все казалось ему бредомъ, безсмыслицей, дьяволовымъ водевилемъ, кошмаромъ, но теперь ему и не надо смысла: онъ уже не спрашиваетъ, *почему* и *зачѣмъ*, онъ всюду чувствуетъ ритмъ, гармонію, мудрость.

Онъ давно уже избралъ своимъ девизомъ:

Веси, града выхожу,
Русь обдумаю, выгляжу —

но только теперь эта Русь стала ему близка и понятна: сколько въ „Іоаннѣ Рыдальцѣ“ народныхъ суевѣрій и вѣрованій, волхвованій, причитаній, заговоровъ, юродовъ, знахарей, колдуновъ, вѣдуновъ,— и онъ глядитъ на нихъ любовно и преданно, самъ поддается ихъ чарамъ, самъ вѣритъ въ ихъ чудесную силу: до того слился уже съ народомъ, что сдѣлалъ его вѣру — своею и его суевѣріе—своимъ, ощутилъ въ нихъ ту великую народную душу, которой прежде *любовался* лишь издали.

Казачій разъѣздъ.

Съ Богомъ, братцы! Ночь глухая,
Нѣтъ ни мѣсяца ни звѣздъ.
Не звеня, не громыхая,
Собирайтесь-ка въ разъѣздъ!
Вы пришли съ родного Дона.
Нѣмецъ бродитъ по Руси.
Чудотворная икона,
Богородица, спаси!

Были бури, стукъ булата,
Колыхался тихій Донъ;
На святую Русь съ заката
Наступалъ Наполеонъ.
Но орламъ его лукавымъ
Не сдался россійскій флагъ,
И въ Парижъ, съ гербомъ двуглавымъ,
Побѣдивъ, вступилъ казакъ.

Вы ломали рогъ турецкій,
Желтый вылъ на васъ драконъ.
Неужель орды нѣмецкой
Убоится тихій Донъ?
Пыль курится, сотня скачетъ,
Врагъ неистовый бѣжитъ,
И предъ пикою казачьей
Каска мѣдная дрожитъ.

Вотъ дошли мы до оврага.
Смирно, братцы! На коней!
Въ полѣ иней, какъ бумага,
Не видать вдали огней.
Смирно, братцы! Ночь глухая,
Нѣтъ ни мѣсяца ни звѣздъ.
Не звеня, не громыхая,
Съ Богомъ трогайтесь въ разъѣздъ!

Борисъ Садовской.

Къ бомбардировкѣ Бѣлграда, четыре мѣсяца обстрѣливаемаго австрійцами и занятаго ими послѣ того, какъ сербы покинули свою столицу, превращенную въ груду развалинъ. Разрушенія, произведенныя австрійскими снарядами въ крѣпости на фортахъ и въ самомъ городѣ.

Библиотека "Руниверс"

Къ четырехмѣсячной бомбардировкѣ Бѣлграда. Одинъ изъ фортовъ бѣлградской крѣпости, поврежденный австрійскими снарядами.

Прибытіе тяжело раненаго (въ грудь на вылетъ) сербскаго королевича Георгія въ Нишъ.

Сербская гаубичная батарея.

Двѣнадцатилѣтній сербскій доброволецъ Драголюбъ Іеліевичъ, принимавшій уже участіе въ сербско-болгарской войнѣ въ рядахъ моравскаго полка и въ нынѣшнюю войну вновь явившійся въ свой полкъ и сражавшійся съ австрійцами. Въ бою при Шабацѣ Драголюбъ Іеліевичъ раненъ въ руку и приказомъ наслѣднаго королевича Александра произведенъ за храбрость въ унтеръ-офицеры.

На сербско-австрійскомъ фронтѣ. Сербы, убитые австрійскими снарядами въ одномъ изъ кварталовъ Бѣлграда.

Библиотека "Руниверс"

Переѣздъ бельгійскаго правительства въ предѣлы Франціи. Перевезеніе государственныхъ актовъ и документовъ изъ Антверпена въ Гавръ.

Стасикъ-казакъ.

Разсказъ **С. Удѣльнаго.**

(Окончаніе).

III. Казаки.

Какъ долго лежалъ Стася, онъ не знаетъ, но очнулся онъ отъ сильной дрожи и боли въ спинѣ. Лѣвой рукой онъ совсѣмъ не могъ двигать. Очнулся Стася и не зналъ, гдѣ онъ и что съ нимъ. Какой-то ужасный сонъ. Понемногу онъ пришелъ въ себя. Было темно, только сверху, съ голубого неба, звѣзды лили свой яркій свѣтъ на лужайку.

Онъ осмотрѣлся. Посреди поляны вдоль и поперекъ спали люди. У стога сѣна стоялъ человѣкъ. Дальше слышны похрапыванье лошадей и лязгъ цѣпей.

Стася немного приподнялся. Все тихо. Только ужасная боль въ спинѣ. Еле двигаясь, онъ поползъ поближе къ лѣсу.

Прилегъ. Все тихо. Онъ дальше, и наконецъ доползъ до лѣсу. Осторожно приподнялся и, тихо ступая, скрылся въ лѣсу.

Куда итти?—Дальше, дальше, лишь бы уйти.

Вотъ кончился лѣсъ и началось поле. Стася осторожно осмотрѣлся—ни души. Тутъ онъ пустился бѣжать.

Бѣжитъ онъ, не зная, куда, но ему все равно—найдутся же люди, которые помогутъ ему. Бѣжитъ и шепчетъ молитвы. Спина, рука болятъ, и не можетъ онъ согрѣться отъ ночного холода. Въ изнеможеніи онъ падаетъ, встаетъ и опять бѣжитъ. Вотъ ручеекъ. Все равно, по поясъ въ воду. Выкарабкался на берегъ и опять бѣжитъ, и мокрыя штанины болтаются при бѣгѣ.

Вотъ гдѣ-то слышенъ лай собаки. Стася поворачиваетъ въ ту сторону и наконецъ видитъ—на горѣ какъ будто дома.

Ближе, ближе—да, деревня. Онъ напрягаетъ свои послѣднія силы. Вотъ уже дома. Но какая-то сильная рука хватаетъ его за воротъ.

— Куда бѣжишь?

Говорить Стася не можетъ, онъ едва дышитъ. Повелъ его человѣкъ и передалъ другимъ, а тѣ опять повели его дальше и наконецъ ввели въ избу.

Опять люди, почти такіе же сѣрые, какъ тѣ, которые были въ лѣсу, но лица другія и говоръ другой—почти какъ его родной языкъ.

Въ изнеможеніи онъ опускается на лавку, его всего трясетъ, и сухимъ языкомъ онъ облизываетъ запекшіяся губы.

— Пить, что ли, хошь?—и кто-то предлагаетъ ему воды—и пьетъ онъ жадно, безъ остановки.

Второй вышелъ и принесъ молока, хлѣба, холодной каши.

— Ѣшь, небось и проголодался.

Цѣлый день Стася ничего не имѣлъ во рту, но ѣсть ему не хочется. Только молока выпилъ.

— Ну, разсказывай.

Но мальчикъ ужъ никому не довѣряетъ.

— А кто вы такіе?—спрашиваетъ онъ.

— Мы—казаки.

— Казаки! Эти ужасные люди! Господи Іисусе, онъ хотѣлъ въ деревню, къ своимъ, а попалъ опять не туда.

„Нѣтъ, навѣрное, это не настоящіе казаки. Эти смотрятъ такъ ласково, одинъ большой, бородатый, даже погладилъ его по головѣ. И попить и поѣсть дали. Нѣтъ, это не настоящіе казаки“, — рѣшаетъ Стася. И сталъ онъ разсказывать все съ самаго начала, по порядку.

Бельгійцы въ траншеяхъ.

Не все понимали казаки изъ его рѣчи, но главное поняли.

Когда онъ дошелъ до разсказа о томъ, какъ его обидѣли сѣрые люди въ лѣсу, то казаки вскочили.

— Сколько ихъ?

Точно Стася этого сказать не могъ, но сказалъ, что много.

Большой бородатый казакъ сейчасъ же послалъ другого разбудить кого-то и приказалъ мальчику пойти за нимъ.

Тутъ только казаки замѣтили, что Стася весь мокрый.

Откуда-то достали штаны, шапку, переодѣли и повели въ другую избу. Тутъ ужъ ожидалъ ихъ статный молодой человѣкъ. Всѣ казаки съ почтеніемъ обращались съ нимъ. Молодой человѣкъ заговорилъ съ мальчикомъ по-польски. Обрадовался Стася.

Когда онъ все разсказалъ, то молодой человѣкъ объяснилъ ему, что сѣрые люди въ лѣсу— враги, нѣмцы, и что казаки разыскиваютъ

Въ разоренной Бельгіи. Переходъ черезъ разрушенный мостъ. Солдаты и населеніе перебираются на другой берегъ по оставшимся металлическимъ скрѣпленіямъ моста.

Библиотека "Руниверс"

этихъ сѣрыхъ людей и отомстятъ за отца и за всѣхъ.

— Панъ козакъ, панъ козакъ,—только и могъ выговорить Стася и припалъ къ рукѣ молодого человѣка.

Тотъ приподнялъ его и успокоилъ, и сейчасъ же приказалъ большому бородатому казаку, котораго онъ назвалъ Ковальчукомъ, взять пятнадцать человѣкъ и отправиться на розыски.

Восхищенный Стася все зналъ: и гдѣ нѣмецъ, и какъ туда проѣхать.

Сборы продолжались недолго. Ковальчукъ взялъ къ себѣ на сѣдло Стасю, перекрестился, обнялъ мальчика, и всѣ тронулись въ путь.

Ѣхали полемъ, чтобы не слышно было топота коней. Стася указывалъ путь. Подъѣхали къ опушкѣ лѣса, гдѣ проходила дорога. Спѣшились. Ковальчукъ послалъ одного казака снять вражескаго часового у дороги.

Казакъ поползъ по канавѣ. Остальные остались ждать, коней отвели въ сторону. Жутко, ничего не слышно. Вскорѣ вернулся казакъ.

— Готово!

Казаки вошли въ лѣсъ. Стася съ Ковальчукомъ. Вотъ уже лужайка. Начался разсвѣтъ и стоялъ туманъ. Присмотрѣлся Ковальчукъ: нѣмцы спятъ, только у стога сѣна и у коней стоятъ часовые. Неслышно отдалъ Ковальчукъ приказаніе.

Двое казаковъ, какъ змѣи, поползли къ часовымъ. Стасѣ Ковальчукъ приказалъ ждать его на мѣстѣ.

Вдругъ что-то лязгнуло, что-то упало на землю,

Во Фландріи. Бельгійскіе солдаты пьютъ чай вмѣстѣ съ плѣннымъ нѣмцемъ.

Бельгійскій священникъ перевязываетъ германскихъ раненыхъ въ разрушенномъ ими домѣ.

и въ ту же секунду казаки съ крикомъ бросились на лужайку.

Стася плохо видитъ, что происходитъ, но слышитъ ужасный лязгъ, брань, стоны, проклятія. Въ лѣсу тихо. И страшно ему стало одному въ лѣсу. Ближе туда, къ людямъ! И бѣжитъ Стася на поляну.

Вотъ высокій сѣрый нѣмецъ широко размахнулся блестящей саблей на Ковальчука. Вотъ-вотъ ударитъ. Стася сразу узналъ нѣмца—это тотъ, который сказалъ, что мамуся „у чорта".

Ничего не соображая, Стася съ разбѣга какъ хватитъ нѣмца въ спину, такъ тотъ и оземь. Въ тотъ же мигъ Ковальчукъ бросился на нѣмца и сталъ его вязать.

Кончилось... Вотъ лежатъ нѣмцы: кто безъ головы, кто съ раскроеннымъ черепомъ; лежатъ и связанные нѣмцы, изрыгая громкія проклятія.

Лежатъ и казаки—двое не двигаются, трое стонутъ.

Подсчитали — досталось 30 лошадей, оружіе и 5 плѣнныхъ нѣмцевъ, въ томъ числѣ и офицеръ, начальникъ отряда.

Взяли все, захватили убитыхъ и раненыхъ казаковъ и двинулись въ путь.

Стася опять съ Ковальчукомъ. По дорогѣ проситъ онъ Ковальчука узнать у нѣмца, куда они дѣли мамусю и Анелю.

— Ужо допросимъ.

IV. Допросъ.

Вотъ и деревня. Плѣнныхъ нѣмцевъ повели въ главную избу.

Стася въ ожиданіи остался сидѣть на крыльцѣ.

Въ избѣ плѣнныхъ встрѣтилъ есаулъ, начальникъ отряда казаковъ. Увидѣвъ среди плѣнныхъ связаннаго офицера, онъ приказалъ развязать и пригласилъ его сѣсть.

Начался допросъ.

Ни на одинъ вопросъ не отвѣтилъ нѣмецкій офицеръ, только когда его спросили объ имени, онъ гордо отвѣтилъ:

— Его Императорскаго Величества уланъ, лейтенантъ К.

Видя безполезность дальнѣйшихъ разспросовъ, есаулъ прекратилъ допросъ и объявилъ плѣннымъ, что они теперь могутъ отдохнуть, и что черезъ нѣсколько часовъ ихъ отправятъ дальше.

Тогда къ есаулу подошелъ Ковальчукъ.

Англійскіе бульдоги на службѣ въ бельгійской артиллеріи.

Библиотека "Руниверс"

Братское кладбище въ сѣверо-восточной Франціи. Отдѣльно стоящій впереди крестъ водруженъ на могилѣ германскаго принца Макса Гессенскаго, павшаго въ бою съ французами и похороненнаго ими на этомъ кладбищѣ.

— Такъ что, ваше выс—діе, мальчуганъ польскій просилъ допросить насчетъ его матери и сестрицы.

— Да, это вы можете сказать,— обратился есаулъ къ лейтенанту:— что сталось съ жителями деревни М., которую вы выжгли? Оттуда бѣжалъ мальчикъ, который проситъ узнать, гдѣ его мать и сестра.

— А, эта проклятая собака! Повѣсь я его тогда въ лѣсу, я не былъ бы теперь вашимъ плѣннымъ. Скажите ему, что изъ деревни не спаслось ни одной души. Кто не былъ убитъ, тотъ сгорѣлъ живьемъ.

Среди казаковъ произошло движеніе, хватились за шашки, какъ бы желая защититься отъ лютаго звѣря. Много ужасовъ видѣли они на своемъ вѣку, много страданій и они сами, бывало, причиняли врагу, но подобнаго они не видѣли, не слышали.

— Какъ, и женщины, и дѣти? — и, глядя широко открытыми глазами на нѣмца, въ волненіи всталъ есаулъ съ своего мѣста.

— Да, и женщины, и дѣти. Въ моихъ солдатъ стали стрѣлять. Что жъ подѣлать,—сказалъ лейтенантъ, какъ бы извиняясь, увидѣвъ то впечатлѣніе, которое онъ произвелъ своими словами на казаковъ:—на то и война.

— Война! Не знаю, какое понятіе вы имѣете о войнѣ, но нашъ законъ строго караетъ дѣянія, подобныя вашимъ. По-нашему это разбой, а не война,—отвѣтилъ есаулъ.—Я имѣю право разстрѣлять васъ немедленно, но я этого не сдѣлаю—я желаю дать русскому суду возможность приговорить васъ къ позорной казни. Вы сейчасъ же будете отправлены въ штабъ,—и, обратившись къ казакамъ, онъ приказалъ связать офицера.

Когда Ковальчукъ вышелъ на крыльцо, тамъ, согнувшись, сидѣлъ Стасикъ. Онъ спалъ, вздрагивая всѣмъ тѣльцемъ, и дыханіе его походило на стонъ.

Ковальчукъ взялъ мальчика на руки и понесъ.

Широко открылъ Стася лихорадочные глаза и, узнавъ казака, сквозь стонъ еле выговорилъ:

— Гдѣ мамуся?

Но ничего не отвѣтилъ Ковальчукъ, онъ только крѣпче прижалъ къ себѣ мальчика.

— Спи, спи, милый мой.

Не могъ Ковальчукъ сказать ужасной правды. Разорвалось бы на части его казацкое сердце.

И понесъ онъ его въ хату, разбудилъ старушку, положилъ мальчика на кровать, прикрылъ его и строго-настрого приказалъ старушкѣ беречь Стасю, пока казаки не вернутся.

На холмахъ Шампани. Крестьяне въ окрестностяхъ Реймса собираютъ виноградъ невдалекѣ отъ поля сраженія.

Полевой телефонъ во французской арміи.

Долой нѣмецкую границу! Французскія войска срываютъ германскій пограничный столбъ въ Эльзасѣ.

Библиотека "Руниверс"

V. Стасикъ-казакъ.

Ушли казаки. Было дѣло. Но и среди дѣла Ковальчукъ не могъ забыть Стасю. „Сиротка". И вспоминался Ковальчуку тихій домъ, степь необозримая и родной его сынъ Никита, оставленный дома.

„Захочетъ Богъ, такой же будетъ сиротка",—и какъ-то сжималось сердце лихого казака.

А Стася въ это время подъ ласковымъ присмотромъ старушки оправился. Перестало его лихорадить. Только казаковъ желаетъ онъ видѣть. Оправился и сразу же захотѣлъ пойти къ теткѣ Маріаннѣ узнать, гдѣ находится мамуся. Но пришли бѣженцы изъ этой деревни и разсказали, что нѣмцы все сожгли, всѣхъ перебили, навѣрное, и тетку Маріанну. Плакалъ Стася долго и безутѣшно, и еще болѣе захотѣлось ему видѣть казаковъ.

Наконецъ вернулись, запыленные, усталые. Сильно обрадовался Стася Ковальчуку и Ковальчукъ Стасѣ. Сталъ Стася просить сдѣлать его казакомъ.

— Что ты, что ты, гдѣ же это видано, ты еще мальчикъ. Убьютъ тебя нѣмцы.

Но настойчиво просилъ Стася, серьезно глядѣлъ снизу вверхъ на большого казака.

— Я убью нѣмца.

И пошелъ Ковальчукъ къ офицеру.

— Такъ что, ваше вы—діе, польскій мальчуганъ просится въ казаки.

Не соглашался офицеръ. Но заслуженный казакъ былъ Ковальчукъ, два Георгія имѣлъ онъ за японскую войну.

— Сиротка онъ, все равно пропадать. А пользу можетъ принести—и дорогу знаетъ и по-ихнему говоритъ,—упрашивалъ казакъ.

Махнулъ офицеръ рукою.

Принарядили Стасю. Дали ему фуражку казацкую, надѣли шинель, срѣзавъ фалды. Дали ружье, шашку. Смѣшно выглядѣлъ Стася. Фуражка на уши лѣзетъ, шинель почти до полу, ружье выше его ростомъ, а шашку надо носить въ рукахъ.

Но гордо говорилъ онъ всѣмъ:

— Я Стасикъ-казакъ.

Такъ его и прозвали, только Ковальчукъ, бывало, назоветъ его: „ты, мой мальчуганъ".

Самое трудное было подыскать лошадь. Но Стасикъ уже умѣлъ падать съ коня — уже у отца его самое любимое занятіе было приводить коня съ поля или скакать къ рѣчкѣ на водопой.

Былъ казацкій осиротѣлый конь — палъ его хозяинъ отъ вражеской пули въ послѣдней стычкѣ. И дали его Стасѣ.

Чувствовалъ ли конь, что онъ такой же сирота, какъ и этотъ мальчуганъ, или считалъ онъ, что въ Стасѣ воплотилась душа павшаго казака, но онъ покорно повиновался мальчику.

И гордо разъѣзжалъ Стася по деревнѣ, отъ одного конца до другого, крѣпко держась одной рукой за сѣдло, а другою размахивая шашкой.

— Я Стасикъ-казакъ.

И вправду, былъ онъ добрый казакъ.

Не зналъ онъ устали. Бѣлкой ли взобраться, снявъ сапоги, на высокое-высокое дерево и оттуда высмотрѣть нѣмца, ползкомъ ли ползти цѣлыми часами по сырой травѣ, на высокіе холмы, скакать ли во всю казацкую удаль—все могъ Стасикъ-казакъ.

И дорогу онъ зналъ: то укажетъ, гдѣ бродъ найти, то объяснитъ, гдѣ какая деревня, и гдѣ пройти нельзя, гдѣ болото.

А прійдутъ въ деревню, онъ живо-живо поговоритъ на своемъ языкѣ, и казакамъ хлопотать не о чемъ.

И крѣпко возлюбили казаки Стасю, а пуще другихъ Ковальчукъ.

Хотя и иной онъ вѣры былъ и иначе рѣчь водилъ, но гдѣ только не бывалъ Ковальчукъ: и татаръ онъ знаетъ, и китайцевъ, и японцевъ. И вѣдало его широкое казацкое сердце, что всякая тварь по-своему Бога хвалитъ.

И молились они вмѣстѣ. Ковальчукъ по-своему, Стасикъ—по своему.

Сильно берегли казаки Стасю. Не зналъ онъ ночного холода—скинутъ свои шинели и укутаютъ его.

Лучшіе куски—все Стасѣ. А ужъ гдѣ опасность, своимъ тѣломъ прикроютъ.

И всякой казацкой удали учили его: какъ рубить шашкой, какъ стрѣлять на скаку, какъ конемъ править.

Но самое дорогое для Стаси была казацкая пѣснь. Любилъ онъ ее слушать въ тихіе вечера на привалѣ, въ безопасномъ мѣстѣ. Лежитъ, опершись головой на колѣни Ковальчука, смотритъ въ темную голубую даль, въ алмазные свѣточи.

А пѣсня льется, сперва тихо, потомъ все громче и ураганомъ несется въ широкое поле, въ темную даль. И опять тихо, тихо—щемитъ сердце. Это были самыя счастливыя минуты для Стаси. Лежитъ и чувствуетъ, что это для него не ново—все это когда-то давно-давно было, что онъ все это когда-то уже переживалъ, что это только повтореніе старыхъ ощущеній, старыхъ, уже пережитыхъ мыслей.

Въ такія минуты Стася былъ настоящій казакъ, тоскою горѣлъ по таинственному прошлому, по широкой степи, вѣтру буйному, по подвигамъ молодецкимъ.

И забывалъ онъ, кто онъ и что кругомъ происходитъ.

И только иногда послѣ удачнаго дѣла ласково спроситъ Ковальчука, когда же они отправятся отыскивать мамусю.

И ныло тогда сердце казацкое, и сильнѣе сжимались бедра лихого коня.

— Ужо, погоди, кончимъ вотъ это дѣло, потомъ, можетъ статься, и пойдемъ на розыски.

А дѣла было не мало.

То выслѣдить надо нѣмчину, то снять его дозоры, то отогнать обнаглѣвшаго непріятеля. И не разъ бывали жестокія схватки.

Вотъ какъ-то попали казаки въ засаду. Врага было много. Бились казаки нещадно. Рубили, кололи длинными пиками. Врагъ насѣдалъ. Видитъ Стася—окружили четыре нѣмца казака. Взмахнулъ онъ и съ гикомъ понесся на нихъ. Но не разсчиталъ онъ быстраго бѣга коня и размаха тяжелой шашки, просвистѣла она въ воздухѣ, кубаремъ полетѣлъ онъ съ коня, и потоптали его тяжелые нѣмецкіе кони.

Рубились казаки, но силы были неравныя. Все больше и больше насѣдаетъ врагъ, все больше и больше рѣдѣютъ казацкія силы. Дрогнули казаки, повернули коней, поскакали.

— Стой, братцы, гдѣ мальчуганъ?—кличетъ Ковальчукъ.

Мальчугана не оказалось.

— Не дадимъ поганому нѣмцу!—и поскакали казаки обратно.

Вихремъ налетѣли на нѣмца. Бились жестоко, смертнымъ боемъ. Не выдержалъ нѣмецъ, пустился бѣжать, и много его полегло на бѣгу.

Стася лежитъ съ разбитой головой, съ раздавленной грудью.

Подняли его казаки, понесли.

— Что, дитятко, очень больно?—участливо спрашиваетъ Ковальчукъ.

И сквозь стиснутые зубы шепчутъ посинѣвшія уста:

— Стасикъ—казакъ.

Но не донесъ Стасикъ казацкой души до привала.

Видятъ казаки, что дѣло плохо, разостлали шинели, положили мальчика. И сталъ онъ отходить.

Печально стояли кругомъ казаки, помочь ничѣмъ не могутъ.

Вдругъ мальчикъ открылъ глаза, вперилъ затуманенный взоръ въ голубое родное небо и со слабымъ вздохомъ: „мамуся, мамуся" отдалъ Богу свою казацкую душу.

Молча стояли кругомъ казаки,—какъ будто у нихъ что-то оборвалось.

Наклонился къ Стасѣ Ковальчукъ, закрылъ ему очи, поцѣловалъ его окровавленный лобъ, перекрестилъ, снялъ съ себя свой, казацкими муками заслуженный георгіевскій крестъ и приладилъ его къ груди мертвеца.

Одобрительно смотрѣли казаки.

Стали рыть могилу на высокомъ холмѣ. Одѣли Стасю въ казацкую шинель, сложили на груди руки, на грудь положили фуражку казацкую и опустили въ сырую могилу.

Поставили наскоро крестъ и острыми шашками начертили: „Стасикъ-казакъ".

И прощальнымъ взоромъ озолотило солнце и верхушки деревьевъ, и высокій холмъ, и наскоро набросанную могилу.

Гдѣ-то вдали печальнымъ трезвономъ прозвучали скорые-скорые выстрѣлы...

И медленно двинулись казаки...

Да, родитъ война героевъ, а звѣрства нѣмецкія—Стасей-казаковъ.

Молитва.

Вечеръ... Поле подернуто дымкою—
Голубою печалью утратъ...
Свѣтлый призракъ пришелъ невидимкою
И ласкаетъ усталыхъ солдатъ...
Кто онъ?.. Матери дума глубокая,
Иль молитва тревожной жены?
Знаетъ это лишь ночь синеокая
Да солдатскіе крѣпкіе сны...

— «На молитву!..» И небо осеннее
Откликается эхомъ въ глуши
На согласное дружное пѣніе,
На молитву крестьянской души...
А на землю загадочно-чудные
Смотрятъ звѣзды—Христовы глаза...
И... не страшны ужъ дни многотрудные,
Не пугаетъ ужъ сердце гроза...

Сергѣй Михѣевъ.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ. Петроградъ, улица Гоголя, № 22.
Библиотека "Руниверс"

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г. № 51 — XLV г. изданія

Выданъ 20 декабря 1914 г. Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. В. Г. Короленко" кн. 26.

Открыта подписка на „НИВУ" 1915 г.

Съ приложеніемъ **40 КНИГЪ „СБОРНИКА НИВЫ"**, содержащихъ:

первую серію полнаго собранія сочин. **Д. Мамина-Сибиряка** 18 книгъ формата „Литерат. прилож.",

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ **И. А. Бунина** въ 12 книгахъ,

НОВОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ „ЯМА" (окончаніе) **А. И. Куприна** въ 2-хъ книгахъ и

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ **М. Метерлинка** въ 8 книгахъ.

12 книгъ „Ежемѣсячныхъ Литературныхъ Приложеній" и проч. Подробное объявленіе см. на стр. 842—842в № 44 „Нивы".

Открыта подписка на 1915 годъ.

МАЛЮТКА.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ МАЛЕНЬКИХЪ ДѢТЕЙ.

Допущенъ Министерств. Народнаго Просвѣщ. въ библіотеки дѣтскихъ садовъ и пріютовъ.

Годъ изданія тридцатый.

12 книжекъ журнала „МАЛЮТКА".
12 выпусковъ сказокъ: Мурзаевъ, В. „Творческая сказка" и „Сказки Кота Ученаго".
24 ПРЕМІИ — ИГРУШЕКЪ для вырѣзыванія, склеиванія, рисованія и т. п.

Съ 1915 года открывается при журналѣ спеціальный отдѣлъ „ХУДОЖНИКЪ-МАЛЮТКА", гдѣ будутъ даваться указанія и образцы, КАКЪ и ЧТО лѣпить, рисовать, вырѣзывать и наклеивать. Веденіе отдѣла «Художникъ-Малютка» поручено художнику В. С. Мурзаеву.

ГОДОВАЯ ПРЕМІЯ:
„ПРИКЛЮЧЕНІЯ МИКИ".
Интересный разсказъ (заимствованный съ англ.) М. В. Архангельской.

При первомъ нумерѣ подписчики получатъ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЛИСТЫ для наклеиванія картины изъ сказки „ЗОЛУШКА".

Подписная цѣна съ пересылкой во всѣ города Россіи:
Со сборникомъ 12 выпусковъ сказокъ . . . 4 р. — к.
Безъ сборника сказокъ . . . . 2 » 50 »

За границу:
Со сборникомъ 12 выпусковъ сказокъ . . . 5 р. — к.
Безъ сборника сказокъ . . . . 3 » 50 »

Иногородныхъ просятъ адресовать свои требованія:
Москва, редакція журнала „МАЛЮТКА". Спиридоновка, д. 14.

Въ Москвѣ подписка принимается въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. 3353

Редакторъ М. Архангельская.
Издатель Книгоиздательство „Школа".

М. Т. и Пр. 3349
1-ые Петроградскіе Курсы учр. Л. А. Балицкимъ. Пет. ст., Большой пр., 40-61, тел. 615-37.

БУХГАЛТЕРІИ.

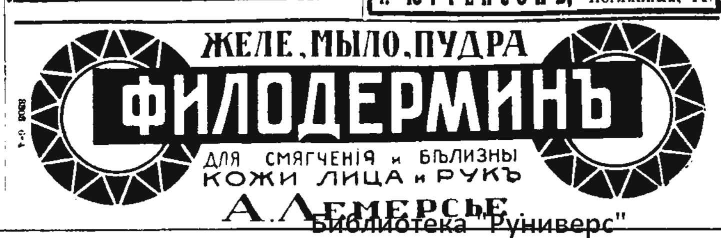
Полная подгот. къ бухг. ком. дѣят. и на право препод. спец. предм. въ ком. уч. з. Въ тех. уч. г. обуч. 454 ч. обоего п. Почти всѣ ок. на мѣст. Зан. на ост. вак. по очер. под. прош. Янв. курсъ (нач. зан. 18 янв.) особ. уд. для пріѣзж. Деш. общеж. Усл. безпл.

УГРИ,

прыщи, жиров. выдѣл. и желт. пятна уничтож. безслѣдно въ 1—2 недѣли моимъ безвредн. домашнимъ средств. Большой флаконъ, составл., хватающ. на все время, высылаю немедл. наложен. плат. за 1 р. 75 к. съ перес. и упак. Получила массу благодарн. со всѣхъ концовъ Россіи. Предлож. моему прошу вѣрить, оно ИСКРЕННО и ЧЕСТНО. Адресъ: Москва, Долгоруковская ул., № 11, кв 93.
32 я Марія Егоровна Чурбанова. 2-2

ДУХОВНАЯ МУЗЫКА.

Новости для однородныхъ хоровъ (дѣтскихъ или женскихъ, и мужскихъ):
Чесноковъ, П. 60 переложеній наиболѣе выдающихся сочиненій Чайковскаго, Гречанинова, Кастальскаго, Ипполитова-Иванова, Никольскаго, Черепнина и др. для однороднаго хора. Партитуры и голоса.
Крыловъ, П. Литургія св. Іоанна Златоуста. Партитура 2 р. 50 к. Голоса 2 р.
Каталогъ собственныхъ изданій безплатно.
3 57 Общій полный каталогъ 20 к.
І. ЮРГЕНСОНЪ, Москва, Неглинный, 14.



Библиотека "Руниверс"

28-й годъ. Основан. въ 1886 году, разрѣшенные Начальствомъ 28-й годъ.

КУРСЫ и БЮРО БУХГАЛТЕРІИ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ,

преподавателя бухгалтеріи московскаго учительскаго института.

МОСКВА, Тверская ул., уголъ Леонтьевскаго пер., д. № 33, бывш. Полякова. 3348 5-1

10-го ЯНВАРЯ НАЧАЛО ОБЩАГО КУРСА. Программы высылаются безплатно.

БУХГАЛТЕРІЯ ТОРГОВАЯ, БАНКОВАЯ, ФАБРИЧНАЯ, СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВ., ГОРОДСКИХЪ И ЗЕМСКИХЪ УПРАВЪ. ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА.

Въ текущемъ учебномъ году на курсахъ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ обучалось 486 человѣкъ, всего же за 28 лѣтъ—свыше 8,500 человѣкъ.

НА КУРСЫ ПРИНИМАЮТСЯ ЛИЦА ОБОЕГО ПОЛА, ВСЯКАГО ВОЗРАСТА и ОБРАЗОВАНІЯ.

ЯНВАРСКІИ КУРСЪ ОСОБЕННО УДОБЕНЪ ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ.

КУРЯЩИМЪ

НОВОСТЬ!

цѣнный подарокъ „Фениксъ“ — усоверш. патент. машинка, дающая въ теченіе 10 минутъ **болѣе 100 шт.** изящно и гигіен. набитыхъ папиросъ. Гильзы не рвутся, табакъ не сѣчется, а набивка поразит. легка. Необход. кажд. курящ., т. к. сберег. массу ден., врем и труда и избавл. отъ лишнихъ волненій. Ц. 1 р. 50 к. Перес. нал. пл. 50 к., въ Сиб. 90 к. При зак. 3-хъ и болѣе маш. перес. наша. **Указать № толщ. гильзъ.** Фирмѣ **„А. АШИХМИНЪ“, Кіевъ, Дмитріевская, 28/46.**

15-й годъ изданія. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ — на —** 15-й годъ изданія.

„ОХОТНИЧІЙ ВѢСТНИКЪ“

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИР. ЖУРНАЛЪ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ВСѢМЪ ВИДАМЪ ОХОТЫ И ПУТЕШЕСТВІЯМЪ.

Въ 1915 году „Охотничій Вѣстникъ“ дастъ:

48 нумеровъ художеств.-иллюстрир. журнала и слѣдующія приложенія:

1) Настольную книгу, необходим. всѣмъ ружейнымъ охотникамъ: **Практическое руководство для ружейныхъ охотниковъ.** Сост. Гражданскій Инженеръ. **320** страницъ больш. формата, съ массою рисунковъ и таблицъ.

2) Книгу **240** стр. больш. формата: „Охотничьи разсказы и стихотворенія“.

3) **12 худож. открытыхъ писемъ съ рисунками** въ краскахъ на охотничьи сюжеты.

Цѣна со всѣми приложеніями **6** руб. въ годъ съ пересылкой.

Цѣна журнала безъ приложеній **4 р. 50 к. въ годъ съ пересылкой.**

Допускается разсрочка: съ приложеніями — при подпискѣ **4** руб., остальные къ 1-му мая; безъ прилож. — при подпискѣ **2 р. 50 к.**, остальные къ 1-му мая.

Адресъ редакціи: Москва, Б. Кисельный, 11.

3340

ЗАОЧНЫЕ, САМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ И ПРОЧИХЪ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ

— С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ —

Москва, Староконюшенный, д. Курилко. 7.

ТРЕБУЙТЕ **БЕЗПЛАТНО** УСЛОВІЯ ИЗУЧЕНІЯ КОММЕРЧЕСК. НАУКЪ ПО ПИСЬМЕННЫМЪ ЛЕКЦІЯМЪ, ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.

3262 10-9

ИЗЪ РАБСТВА СЛУЖБЫ

— къ доходному 2,000—6,000 руб. въ годъ свободному труду!

„Не мало людей тяготятся службой, несутъ за гроши непосильн. трудъ, томятся въ нуждѣ, неволѣ. Между тѣмъ, **для всѣхъ** есть возможность **свободной** красив. жизни и **НЕСЛУЖЕБН. труда!..**“ И, дѣйствительно, книга „Изъ рабства“ есть доказательство изъ **практики**, что **человѣкъ легко можетъ стать независимымъ — имѣть СВОЕ хозяйств. дѣло, получить ДОХОДА 2,000—6,000 руб. въ годъ и ВѢРНОЕ пожизненное ДЕНЕЖНОЕ ОБЕЗПЕЧЕНІЕ.** Такому **желанному** дѣлу съ **несомнѣн.** прибылью можно бы не вѣрить, если бы за это не было порукою и извѣстн. имя автора **кн. КРОПОТКИНА.** (НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ОСОБЕННЫЙ УСПѢХЪ ЭТОГО ДѢЛА!). **Цѣни. книга** 1 р. 95 к. налог. ◆ 2-я кн. **„ДЕШЕВ. ПОСТРОЙКА НЕСГОР. ДОМА за 125 руб. и Жизнь своимъ хозяйствомъ съ доходомъ 360—600 руб. въ годъ“** (подр. въ кн.), съ безпл. прилож. „Закона о правѣ застройки и аренды земли на 99 л.“. Ц. 1 р. 45 к. Обѣ кн. 2 р. 85 съ перес. ◆ 3-я кн.: **„ЖИВИ ДЕШЕВЛЕ“** по научн. системѣ питанія д-ра мед. Хиндхеде, получивш. 25,000 правит. премію за изыск. полезн. здоровью вегетаріан. пищи, цѣной 3, 5, 7 коп. блюдо. Ц. 1 р. 50 к. Всѣ ТРИ книги **„улучшенія жизни“** (вм. 5 р.)—**3 р. 75 к.** съ перес. налог. Кн-во **„НОВАЯ ЖИЗНЬ и НАУКА“** П. Мартынова, Москва. Сред. Переславская, 12/2.

3333

„Ужасъ овладѣваетъ мною при видѣ нечестивыхъ, оставляющихъ законъ Твой... Дай мнѣ уразумѣть путь повелѣній Твоихъ...“ (Пс. 118). Кто эти святыя слова можетъ произнести, какъ собственную мысль, тотъ можетъ свободно управлять своимъ вниманіемъ, а слѣдовательно, слушать ли ему въ академіи лекціи профессора или дома внимательно читать ихъ въ нашихъ изданіяхъ **„Семейнаго Университета“** — все равно. Онъ также можетъ достигнуть **блестящихъ результатовъ.** Теперь, при всеобщемъ стремленіи къ просвѣщенію и **равноправію женщинъ,** нужно поспѣшить заняться

САМОРАЗВИТІЕМЪ

Книгоиздательство „Семейный Университетъ“ существуетъ съ 1898 года

вамъ, юные, чтобы скорѣе замѣстить выбывшихъ изъ строя кормильцевъ, общественныхъ и государственныхъ дѣятелей! 3344

Всѣ лекціи составлены извѣстными профессорами и учеными популяризаторами для легкаго усвоенія **каждымъ,** соотвѣтственно программамъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній. Каждое изъ 7 изданій, ясно и компактно отпечатанное на прекрасной бумагѣ, съ массой цвѣтныхъ и черныхъ рисунковъ, составляетъ **вполнѣ законченное цѣлое,** а по богатству текста замѣняетъ собою цѣнную научную библіотеку и какъ бы создаетъ въ семьѣ „Университетъ“. **Цѣна за каждый факультетъ въ 3 тома,** безъ пересылки: Историко-филологическій (основной) 12 р., спеціальные: Юридическій 11 р., Медицинскій 10 р., Біологическій (естественный) 9 р. и Богословскій 8 р. Выписывающіе чрезъ издателя **Ф. С. Комарскаго, Петроградъ, Пушкинская, 10,** безъ разсрочки платежа, за пересылку не платятъ. Возвратившимся съ поля брани нашимъ защитникамъ и лицамъ, послужившимъ имъ, а также учащимъ и учащимся особыя льготы. Каталогъ съ образцами лекцій и отзывами печати высылается издателемъ безплатно. Продажа изданій во всѣхъ книготорговляхъ.

ЛОНДОНЪ 1904. ВОЛЬМАРЪ 1911. РИМЪ. 1911. ROMA. 1911. WOLMAR 1910. LONDON 1904.

БОЛЬШАЯ ЗОЛОТАЯ. БОЛЬШАЯ ЗОЛОТАЯ. БОЛЬШАЯ ЗОЛОТАЯ. GRAN PREMIO MAGNA AUREA. GUUR KULD. GREAT GOLD.

КРУПНѢЙШЕЕ

въ Россіи Ателье предлагаетъ художественное съ поразительнымъ сходствомъ увеличеніе портретовъ со всевозможныхъ фотограф. снимковъ.

Портретъ 10×12—120 квадр. вер. въ элегантномъ паспарту въ роскошной рамѣ, исполненный тушью кистью, съ упаковкой 3 р., такой же 12×15—180 квадр. вершк.—6 р.; акварелью 10×12 вер. — 4 р., 12×15 вер.—8 р., при акварели необходимо указать цвѣтъ волосъ, глазъ и проч. **Заказавшій любой портретъ получаетъ въ премію съ своей карточки портретъ на эмали, брошь или булавку для галстуха.** Заказы съ оригиналами высылаются черезъ 15 дней наложен. платежомъ. Адресовать только въ **Главную контору художественнаго ателье А. М. Х.-Дроздова, Невскій проспектъ, 106. Петроградъ.** Телеф. 142-04. Фирма сущ. съ 1899 г.

3350 10-1

Подробный прейсъ-курантъ высылается безплатно.

РЕВМАТИЧЕСКІЯ, ПРОСТУДНЫЯ БОЛИ,

инфлуэнца, жаръ и головная боль быстро прекращаются

ТАБЛЕТКАМИ.

КЕФАЛДОЛЪ

Д-ра СТОРЪ

который можно принимать безъ опасенія повредить себѣ и безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій. Таблетки **Кефалдоль** дѣйствуютъ быстро и надежно. Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Не принимайте поддѣлокъ.

3339

Разр. Кіевск. учебн. окр. курсы **БУХГАЛТЕРІИ** (существуютъ съ 1894 г.) скоро и основательно выуч. всякій лично и посредств. переписки, вполнѣ замѣн. устное преподав. Условія выс. безплатно **А. П. Бобырь. Кіевъ.**

ЗА КУЛИСАМИ ВОЙНЫ.

3345 10-1

(Тайны австрійскаго двора).

Сенсац. злободневный романъ. Цѣна за 10 выпусковъ 50 коп. Высыл. нал. плат. Адр.: Москва, ред. журн. „Лучъ“. отд. 3.

Страдающимъ ЖЕЛУДКОМЪ

ЗАПОРАМИ ГЕМОРРОЕМЪ

рекомендуется СТОМОКСИГЕНЪ д-ра Антона Мейеръ.

Стомоксигенъ освобождаетъ желудокъ легко, нормально и пріятно и дѣйствуетъ всегда одинаково. Это средство надежное, совершенно безвредное и отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Остерегайтесь поддѣлокъ. На оригинальной коробкѣ имя **д-ра Антона Мейеръ** и адресъ **Екатерин. кан., 29,** выписано полностью. Лабораторіи: Лондонъ, Парижъ, Нью-Іоркъ.

НЕВРАСТЕНІЯ

и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, невральгіи, спинная сухотка, параличи, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“, интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре **7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.**

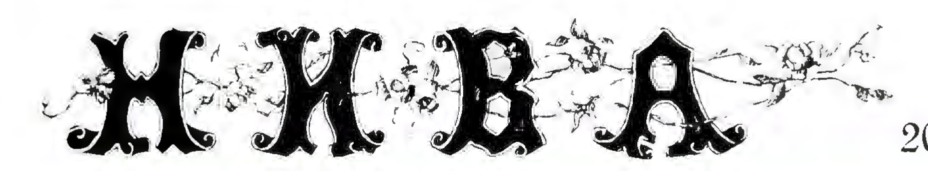
Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ Пель и С-вья С.П.Б.

Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

3208 15-11

Библиотека "Руниверс"



№ 51.

20 Декабря 1914 г.

Г. Поповъ. Богоматерь съ Младенцемъ.

Библиотека "Руниверс"

Галлерея предковъ

Фантастическій рождественскій разсказъ. **Вл. А. Тихонова.**

Иллюстаціи **В. Спасскаго.**

Перепечатка воспрещается.

Длинная и узкая, какъ коридоръ, портретная галлерея въ старомъ домѣ князей Барнауловыхъ все болѣе и болѣе окутывается зимними сумерками. Смутно выглядываютъ изъ тяжелыхъ бронзовыхъ рамъ лица предковъ стараго рода. Широко раскинулся родъ этотъ и охватилъ вѣтвями своими не только князей Барнауловыхъ, но и графовъ Турсуковыхъ, графовъ Выжлятниковыхъ, и бароновъ Брандмауеровъ, и дворянъ Подхлестышевыхъ, и дворянъ Самбуковыхъ-Козодоевыхъ, и... да нѣтъ, не стоитъ и перечислять. Слишкомъ ихъ много.

Въ старомъ родовомъ домѣ давно уже никто не живетъ. И стоитъ онъ забитый, заколоченный, и ждетъ, когда какой-нибудь разбогатѣвшій „parvenu“ или акціонерное общество выкупятъ его наконецъ изъ конкурса по дѣламъ послѣдняго изъ рода князей Барнауловыхъ.

Обитаютъ теперь въ немъ только крысы, мыши, пауки, да въ сырыхъ мѣстахъ — мокрицы. И тѣмъ плохо приходится: ѣсть нечего.

Да еще, время отъ времени, происходитъ здѣсь нѣчто необычное, странное, необъяснимое.

Въ дни или, вѣрнѣе, въ ночи роковыхъ для отпрысковъ князей Барнауловыхъ годинъ, да еще въ Рождественскій сочельникъ, оживаютъ здѣсь портреты предковъ, и выходятъ предки изъ своихъ рамъ, собираются въ зеленой, малахитовой гостиной и тихо бесѣдуютъ, вспоминая или роковое событіе, годину котораго они въ эту ночь справляютъ, или славное свое прошлое, или просто интересуются текущей жизнью и судьбой своихъ потомковъ.

Свѣдѣнія обо всемъ этомъ доставляетъ имъ портретъ стараго стряпчаго Фортунатыча, висящій, конечно, не здѣсь, не въ галлереѣ предковъ, а нашедшій свой послѣдній пріютъ въ каморкѣ старичка-дворецкаго, доживающаго свой вѣкъ въ надворной пристройкѣ къ старому дому.

Старичокъ-дворецкій — большой политикъ. Онъ получаетъ газету и каждый вечеръ вслухъ прочитываетъ ее отъ первой строки до послѣдней. А Фортунатычъ, сидя въ своей рамкѣ, что виситъ надъ самымъ столомъ, внимательно слушаетъ всѣ эти новости и, чтобы лучше запомнить ихъ, нѣсколько разъ повторяетъ про себя и украдкой царапаетъ что-то ногтемъ на лучевой кости руки.

А потомъ, когда наступаетъ та или другая знаменательная ночь, или Рождественскій сочельникъ, и когда дворецкій, помолившись Богу, засыпаетъ на своей стариковской постели, Фортунатычъ, кряхтя и охая, выкарабкивается изъ своей рамки, отпираетъ выходную дверь и, сѣменя старыми, ревматическими ногами, перебѣгаетъ черезъ запущенный дворъ, пролѣзаетъ сквозь давно уже разбитое окно внутрь стараго дома и, поднявшись

Библиотека "Руниверс"

по бѣлой, мраморной лѣстницѣ въ бельэтажъ, является передъ собраніемъ старыхъ князей и княгинь въ малахитовой гостиной и дѣлаетъ имъ подробнѣйшій докладъ о текущей жизни.

Вотъ и сегодня, т.-е. въ Рождественскій сочельникъ, въ длинной портретной галлереѣ еще почти засвѣтло началось какое-то неуловимое дуновеніе загробной жизни.

Чаще и чаще потрескивали бронзовыя рамы: пузырились и надувались старые холсты, исписанные руками былыхъ вдохновенныхъ мастеровъ-художниковъ. И чѣмъ становилось темнѣе, тѣмъ ощутительнѣе казалось это мертвое оживленіе.

Крысы и мыши, вообще недолюбливавшія этой „реставраціи предковъ“, заблаговременно удалились въ свои подполья и притулились тамъ.

Зимній день коротокъ. Ночь наступаетъ рано, и къ пяти часамъ вечера въ покояхъ стараго дома было темно, какъ въ могилѣ, и, какъ въ могилѣ же, стало тихо-тихо. А затѣмъ, чѣмъ ближе шло къ ночи, тѣмъ опять свѣтлѣе становилось и въ портретной галлереѣ и въ зеленой, малахитовой гостиной.

Но это былъ уже не тотъ свѣтъ, къ которому привыкли мы, живые люди. Это былъ свѣтъ блѣдный, мертвый, изсиня-зеленый, свѣтъ фосфора и горящей сѣры.

И вотъ когда стало уже достаточно свѣтло, началось и самое оживленіе предковъ. Первымъ, по обыкновенію, очнулся портретъ неугомоннаго секундъ-майора Аникиты Виссаріоновича Турсукова, не графа еще, такъ какъ графское достоинство получилъ только сынъ его, Степанъ Аникитичъ.

Пошевеливъ сначала нѣсколько разъ своей маленькой, лисьей мордочкой съ бѣлымъ, напудреннымъ парикомъ на головѣ, съ форменной косичкой сзади, потянувъ затхлый воздухъ своимъ длиннымъ и тонкимъ носомъ, секундъ-майоръ уперся обоими кулачками въ раму, крякнулъ и довольно бодро для своихъ шестидесяти пяти лѣтъ выпрыгнулъ на полъ. Старыя кости застучали въ высокихъ ботфортахъ и въ рукавахъ стараго секундъ-майорскаго зеленаго мундира. Парикъ оказался слегка сдвинутымъ на сторону, и изъ-подъ него блеснулъ кусокъ темно-бураго черепа.

— Поправьте вашъ парикъ, mon oncle!—сказала изъ своей рамки баронесса Брандмауеръ. — Поправьте! А то непріятно смотрѣть на голыя кости!

— Ахъ, chère baronne! И радъ бы, да не могу! Вы знаете, что у меня на этомъ мѣстѣ давно уже и краска осыпалась, и холстъ протерся. Вотъ черепъ и просвѣчиваетъ! — отвѣтилъ секундъ-майоръ и галантно подставилъ баронессѣ руку, чтобъ помочь и ей вылѣзть изъ рамы. — Вотъ и у васъ, mon ange, подъ подбородкомъ холстъ тоже слегка лопнулъ, и сквозь эту трещинку тоже— mille pardons—позвонки видны, — не безъ ехидства, замѣтилъ онъ.

А въ это время оживали уже и другіе портреты. Кто бойко выпрыгивалъ, кто грузно вылѣзалъ, а кто ужъ едва-едва выкарабкивался изъ своей рамы.

Больше всего возни было съ тучной княгиней Аглаей Аникитичной Барнауловой. Ее высаживали четверо: мужъ, бравый гусаръ лѣтъ тридцати пяти, сынъ лѣтъ шестидесяти и два внука, совсѣмъ ужъ дряхленькихъ старичка. Холстъ на княгинѣ тоже во многихъ мѣстахъ протерся, и изъ образовавшихся трещинъ сыпался не то песокъ, не то пыль какая-то. И много было еще этой пыли за холщевой оболочкой княгини: тучна она была при жизни, и обильная плоть ея, превратившаяся теперь въ прахъ, дѣлала ее и до сихъ поръ еще такой грузной.

Въ противоположность княгинѣ, изъ рамки, что висѣла рядомъ, легко и граціозно выскочила молоденькая и стройная женщина, лѣтъ двадцати трехъ— мать Аглаи Аникитичны, Ольга Эрастовна Турсукова, урожденная Самбукова-Козодоева, — работы кисти какого-то безвѣстнаго, но талантливаго итальянца.

Кряхтя и хрипло кашляя, выползъ тучный Орестъ Марковичъ Подхлестышевъ. Словно отбивая ружейные пріемы въ три темпа, вылѣзъ длинный и сухой ротмистръ, баронъ фонъ-Брандмауеръ. Какимъ-то балетнымъ „па“ выскочилъ юный графъ Петръ Выжлятниковъ. Шурша шелковой робой, выползла старушка Козодоева и тутъ же обронила на полъ табакерку.

И скоро портретная галлерея, а также и примыкавшая къ ней малахитовая гостиная наполнились звуками постукивавшихъ костей, побрякивающихъ шпоръ, лязгающихъ сабель. Но и звуки всѣ эти были какіе-то неживые, холодные, какъ и свѣтъ, освѣщавшій выходцевъ изъ иного міра.

Дамы и старички разсѣлись по кресламъ и диванамъ, обитымъ зеленымъ штофомъ. Молодые мужчины, принимая болѣе или менѣе граціозныя позы, стояли или ходили по паркету малахитовой гостиной. И часто случались такіе курьезы, что бравый, черноусый гусаръ-дѣдушка осторожно усаживалъ подъ руки свою старенькую, едва двигавшуюся, внучку. А молоденькая мать уступала мѣсто дряхлому, съ трудомъ державшемуся на ногахъ, сыну своему.

— Ну, что̀ новаго? Что̀ измѣнилось на нашей планетѣ?—первая, по обыкновенію, заговорила княгиня Аглая.

— Plus ça change, plus c'est la même chose!—отвѣтилъ ей секундъ-майоръ Турсуковъ, неисправимый „вольтерьянецъ“, усвоившій отъ великаго „фернейскаго мудреца“ не только убѣжденія, но и, кажется, характерныя черты его лисьей физіономіи.

— Я спрашиваю: что̀ новаго, а это уже не ново!—сухо замѣтила княгиня, приходившаяся, кстати сказать, родной дочерью секундъ-майора.

Всѣ переглянулись.

— Да Фортунатыча еще нѣтъ! — сказалъ кто-то.

— Ахъ, этотъ старый „мерзаецъ“! Онъ всегда заставляетъ себя ждать! Будь я попрежнему во власти, я бы ему всыпалъ такихъ сто горяченькихъ шпицрутеновъ, что онъ бы узналъ у меня, гдѣ раки зимоваютъ,—съ сильнымъ акцентомъ проговорилъ баронъ Брандмауеръ, помахивая золотой табакеркой, изъ которой сыпалась какая-то пыль.

— „Зимуютъ“, баронъ! — поправилъ его грузный Подхлестышевъ.

Библиотека "Руниверс"

— Да и не „мерзавецъ“, а „мерзавецъ“ вѣрнѣе было бы сказать!—замѣтилъ секундъ-майоръ.

— Я васъ прошу меня не поправляйтъ! Я самъ всякаго можетъ поправляйтъ! — загорячился баронъ Брандмауеръ.

Княгиня Аглая хотѣла-было уже вмѣшаться въ ихъ ссору, но какъ разъ въ это время по длинной галлереѣ раздались дробные, мелкіе шажки, и черезъ минуту въ малахитовую гостиную, униженно кланяясь во всѣ стороны, вошелъ Фортунатычъ.

— Приношу тысячи извиненій, что заставилъ ждать себя столь высокое общество благодѣтелей моихъ и благодѣтельницъ! — заговорилъ онъ. — Но старикъ-дворецкій задержалъ. По случаю кануна праздника онъ особенно долго не ложился спать...

— Но, но! Безъ прелюдій! — прикрикнулъ на него баронъ Брандмауеръ. — Изволь-ка докладывать, что произошло новаго въ судьбѣ нашихъ „живучихъ“ еще потомковъ?

Фортунатычъ сдѣлалъ видъ, что поправляетъ нарисованныя на его носу очки, затѣмъ выдвинулъ изъ обшлага руку, при чемъ обнаружился большой кусокъ лучевой кости, весь исцарапанный какими-то каракульками.

— „Графъ Иліодоръ Васильевичъ Турсуковъ,— сталъ разбирать онъ эти іероглифы: — арестованъ за поддѣлку духовнаго завѣщанія барона Карла Вильгельмовича Брандмауера“...

— Какой негодяй! — вскрикнулъ баронъ Брандмауеръ и стукнулъ костями.

— Почему же негодяй?—вступился секундъ-майоръ Турсуковъ. — Вы сами, баронъ, въ свое время поддѣлали два духовныхъ завѣщанія. А графъ Иліодоръ приходится вамъ внучатнымъ племянникомъ по матери, рожденной баронессѣ Брандмауеръ. Просто, значитъ, яблоко недалеко падаетъ отъ яблоньки.

— Но онъ носитъ вашу фамилію! — глухо рявкнулъ баронъ.

— Эхъ! Что фамилія! Мало ли людей носитъ фамиліи, имъ по закону природы не принадлежащія! Вѣдь мы теперь всѣ хорошо знаемъ, кто былъ отцомъ дѣда графа Иліодора...

— Brisons-là!—властно проговорила княгиня Аглая и, обратившись къ Фортунатычу, сказала: — Дальше!

— „Александръ Андреевичъ Самбуковъ-Козодоевъ, — продолжалъ стряпчій читать свой докладъ: — осужденъ на шесть лѣтъ каторжныхъ работъ за отравленіе купца Федулькина съ цѣлью ограбленія“...

— Mon Dieu!—воскликнула жеманная Самбукова-Козодоева, приходившаяся прабабкой осужденному, и сдѣлала попытку упасть въ обморокъ.

— И этому удивляться нечего! — зашипѣлъ опять секундъ-майоръ. — Намъ всѣмъ хорошо извѣстно, почтенная Эрнестина Адольфовна, что въ кончинѣ супруга вашего принимали не малое участіе — ядъ и ваши прелестныя ручки, что можетъ здѣсь подтвердить ваша племянница и дочь моя, княгиня Аглая!

Но княгиня Аглая вмѣсто подтвержденія только махнула рукой и повторила:

— Brisons-là!

Фортунатычъ продолжалъ:

— „Уже лишенный дворянскаго и баронскаго достоинства курляндскій мѣщанинъ Францъ Брандмауеръ судился за четырнадцатую кражу и приговоренъ...

— Donnerwetter!—началъ-было опять баронъ.

Но секундъ-майоръ перебилъ его.

— Не удивляйтесь, почтеннѣйшій! Вспомните только, что золотая табакерка, осыпанная брильянтами, которую вы такъ ловко вертите между костлявыми пальцами, принадлежала когда-то вашему покорнѣйшему слугѣ, т.-е. мнѣ, и былъ похищена вами черезъ полчаса послѣ моей кончины.

— Blitzelement!—заревѣлъ Брандмауеръ, потрясая костями.

Но княгиня Аглая остановила его властнымъ:

— Brisons-là!

— „Штабсъ-капитанъ Илья Стромилинъ...

— Вашъ внукъ, Анна Павловна...—шепнулъ секундъ-майоръ какой-то старушкѣ.

Старушка только вздохнула, а бравый гусаръ, повернувшись къ ней, сказалъ:

— „Графъ Андрей Васильевичъ Турсуковъ за оскорбленіе чести дочери швейцара своего приговоренъ“...

Всѣ глаза устремились на секундъ-майора и княгиню Аглаю.

Библиотека "Руниверс"

— Что? Какъ? Не можетъ быть! Невозможно! Ты лжешь, старый негодяй! Ты клевещешь! Нашъ потомокъ не можетъ быть замѣшанъ въ такомъ гнусномъ преступленіи!—раздались вопли со всѣхъ сторонъ.

Всѣ вскочили со своихъ мѣстъ, возбужденно кричали, махали руками и теребили несчастнаго Фортуныча. Пыль поднялась столбомъ, начался гвалтъ невыносимый, отъ котораго крысы изъ подполья бросились удирать на сосѣдній дворъ, а пауки плотнѣе закутались въ свою паутину.

— Вотъ они, mesalliance'ы, до чего доводятъ! – кричала княгиня Аглая.

— Вотъ онѣ, завиральныя идеи вашего Вольтера!—ревѣлъ баронъ Брандмауеръ, наскакивая на секундъ-майора.—Отравляютъ кровь до седьмого колѣна!

— Да не можетъ этого быть! – кричали опять всѣ хоромъ. – Онъ вретъ, старая приказная строка! Покажи, негодяй, гдѣ это у тебя записано!

И, бросившись къ Фортунатычу, вырвали у него руку по самое плечо. Но и этого имъ показалось мало — и они принялись чѣмъ попало бить его по головѣ, спинѣ, ногамъ.

Первый сконфуженно хихикалъ и шепталъ:

— Ну, что жъ? Ну, что жъ? И я не безъ грѣха по этой части!

А княгиня Аглая махала ручкой, изъ которой сыпалась сѣрая пыль, и все повторяла:

— Brisons! Brisons!

— „Дворянинъ Павелъ Вершининъ“...—началъ-было опять Фортунатычъ.

— Позвольте! Ну, а этотъ какъ намъ родственникомъ приходится?—спросилъ кто-то.

— Да какъ же! Прямой потомокъ! Вѣдь его мать — графиня Турсукова, внучка княгини Аглаи Аникитичны и правнучка Аникиты Виссаріоновича,—пояснилъ другой загробный голосъ.

— Ахъ, да! Это та, которая сдѣлала mesalliance... Ну, такъ что же натворилъ этотъ Павелъ Вершининъ? Читай, Фортунатычъ!

— ...„арестованъ по дѣлу о принадлежности къ тайному обществу, поставившему себѣ цѣлью ниспроверженіе существующаго строя“...

Старый скелетъ стряпчаго не выдержалъ, хрустнулъ и разсыпался на мелкіе кусочки.

Княгиня Аглая крикнула и лопнула наискосокъ.. Облако сѣраго праха окутало всю гостиную...

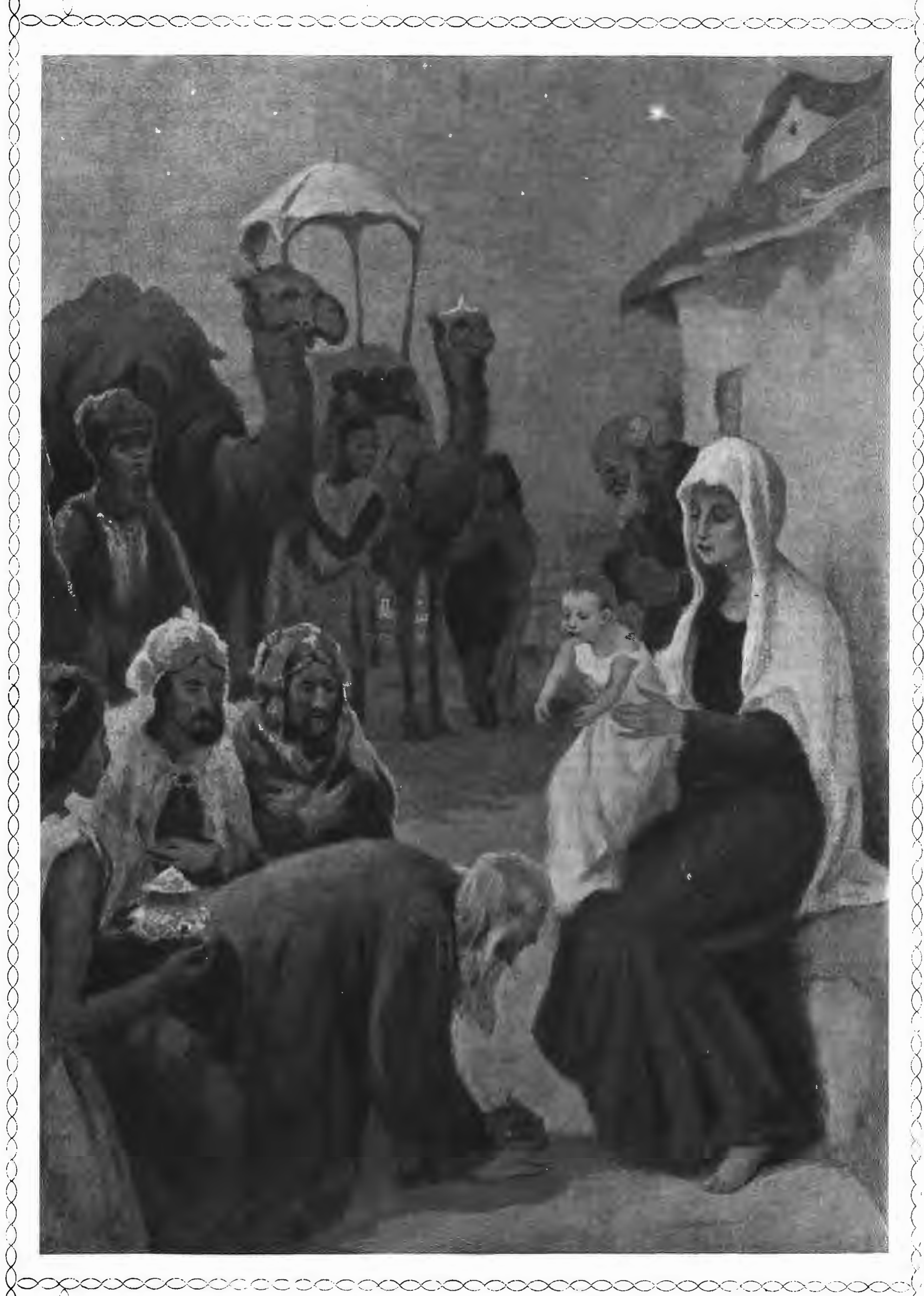
Наутро старичокъ-дворецкій, выйдя изъ спаленки въ свой кабинетикъ, съ удивленіемъ увидѣлъ, что на стѣнѣ, надъ столомъ, виситъ только одна рама. Отъ портрета же стараго приказнаго, который онъ почему-то такъ любилъ и, можетъ-быть, не безъ основанія тоже считалъ своимъ предкомъ,—и слѣда не осталось.

Онъ немедленно отправился въ ближайшій участокъ и заявилъ объ этой странной пропажѣ подлежащему начальству.

Начались розыски. Изъ описи имущества князей Барнауловыхъ оказалось, что портретъ этотъ писанъ крѣпостнымъ художникомъ, впослѣдствіи сдѣлавшимъ себѣ громкое имя, а потому и розыски эти приняли грандіозные размѣры.

И ищутъ теперь по всѣмъ городамъ Россіи, по всѣмъ государствамъ Европы, но напрасно! И я увѣренно могу сказать, что никогда не найдутъ портрета стараго Фортунатыча.

Библиотека "Руниверс"



А. Бучкури. Поклоненіе волхвовъ.

Библиотека "Руниверс"

Пирамида.

Разсказъ И. Н. Потапенко.

Иллюстраціи В. Сварога.

Перепечатка воспрещается.

Когда Петръ Ивановичъ Зыбинъ въ обычный часъ, по окончаніи занятій въ канцеляріи, вышелъ на улицу, у него въ головѣ была одна мысль: „главное, чтобы какъ-нибудь не узнала Тася. Это—самое главное".

На улицѣ стоялъ крѣпкій морозъ, а вѣтеръ, врываясь на улицу изъ переулковъ и сквозь растворенныя ворота изъ дворовъ, еще усиливалъ его. Петръ Ивановичъ поднялъ воротникъ жиденькаго, неимовѣрно поношеннаго, пальто, поплотнѣе запахнулъ полы, а руки запряталъ въ рукава; но все это очень мало помогло ему. Худо было то, что ботинки у него были дырявые и безъ калошъ, а брюки—довольно короткія, и ногамъ было очень холодно.

Онъ попробовалъ остановиться на перекресткѣ, гдѣ пылалъ костеръ, около котораго грѣлись городовой, почтальонъ, двое рабочихъ и нѣсколько мальчишекъ. Вѣтеръ вырывалъ изъ глубины костра искры и вмѣстѣ съ густымъ дымомъ разносилъ ихъ по улицѣ.

Но Петру Ивановичу показалось, что это еще хуже: чуточку согрѣешься, а потомъ вѣдь все равно домой итти надо,—ну, значитъ, лучше ужъ претерпѣть до конца. И онъ еще плотнѣе запахнулъ полы пальто и, оставивъ костеръ, быстро зашагалъ по улицѣ, и при этомъ въ головѣ его опять ожила на время, было, замершая мысль: „главное, чтобы не узнала Тася. Это—главное".

И больше никакихъ мыслей въ тѣ минуты въ головѣ у него не было, какъ будто онѣ тамъ всѣ вымерзли отъ холода.

Но когда въ томъ мѣстѣ, гдѣ улицу, по которой онъ шелъ, пересѣкъ широкій проспектъ, на перекресткѣ встрѣтились два сильныхъ вѣтра и подняли между собою такую возню, что Зыбину, попавшему какъ разъ между нихъ, показалось, что они сорвутъ съ него и шапку и пальто, раздѣнутъ до-гола, а потомъ и его самого подхватятъ и вынесутъ куда-нибудь на крышу пятиэтажнаго дома,—онъ стремительно бросился въ первыя попавшіяся ворота и переждалъ тамъ порывъ вѣтра.

И тутъ, прижавшись къ углу въ темной подворотнѣ и почувствовавъ на время, что вѣтеръ оставилъ его въ покоѣ, онъ вернулъ себѣ способность разсуждать. Другія мысли стали приходить въ его голову, обычныя мысли, въ которыхъ не было ничего ни удивительнаго ни новаго.

И тогда мысль, которая стояла въ его головѣ, вдругъ показалась ему сомнительной: именно, что Тася не должна узнать о томъ, что произошло, и будто это самое главное. Теперь ему стало ясно, что главное вовсе не это, а то, что это произошло. А въ связи съ этимъ явилась и другая мысль: что Тася непремѣнно должна узнать объ этомъ и не можетъ не узнать.

Тася, это—его жена, съ которой онъ состоитъ въ супружествѣ уже десять лѣтъ. Ну и, конечно, всякое бывало,—вѣдь десять лѣтъ, это не день и не мѣсяцъ. Случалось, что и бранились и даже дулись другъ на друга цѣлый день. Но все же Тася—это такое существо, которое всегда знаетъ все, что до него касается.

А это—больше, чѣмъ что бы то ни стало. Вѣдь всѣ деньги, какія онъ зарабатываетъ—то-есть жалованье, наградныя, пособія, плата за случайную переписку на машинкѣ—все до копейки онъ отдавалъ ей. Иначе было бы и жить немыслимо.

Онъ получалъ жалованья пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ. Это очень немного денегъ. Но если принять во вниманіе, что онъ всего канцеляристъ, и что его обязанности не идутъ дальше переписки на машинкѣ, а также и то, что у него нѣтъ и, по всей вѣроятности, никогда и не будетъ никакого чина, то это жалованье надо признать хорошимъ. Другіе въ его должности сидятъ многіе годы и на сорока рубляхъ, и онъ сидѣлъ на такой цифрѣ, но возвысился.

Сперва ему прибавили пятерку въ мѣсяцъ, а потомъ и другую. Наградныхъ къ Рождеству и Пасхѣ выходило всего рублей на сто, ну и пособій столько же, за исключеніемъ развѣ такихъ особенныхъ случаевъ, какъ рожденіе ребенка, когда давали еще особо,—а у него это событіе за всю жизнь случилось всего два раза. Выходило въ годъ рублей восемьсотъ. Деньги такія, что у него—если бы ихъ оставить у Петра Ивановича больше, чѣмъ на одинъ часъ—онѣ разошлись бы незамѣтно, просто растаяли бы, какъ дымъ. Купилъ бы онъ то, другое и третье, не прокутилъ бы, Боже сохрани,—онъ пилъ только пиво и то въ самомъ небольшомъ количествѣ,—а такъ, разсовалъ бы.

А Тася на эти деньги умудрялась кормить его, себя, мальчика и дѣвочку и поддерживать въ порядкѣ общесемейный гардеробъ.

Слѣдовательно, эти деньги, какъ и всякія другія, онъ отдалъ бы Тасѣ. Эти деньги... Гм... То-есть какія же эти? Тѣ, которыхъ онъ не получалъ? Тѣ, которыми его обошли?

И въ этомъ-то вся штука. Сегодня, за два дня до праздничнаго роспуска, стало извѣстно, какъ распредѣлены наградныя. Собственно, это было и такъ извѣстно. Вѣдь каждый годъ бываетъ одно и то же—дается мѣсячное жалованье.

Но такъ какъ это все-таки не законъ, а только хорошій обычай, установленный у нихъ въ канцеляріи, то все же это зависѣло отъ начальства: даютъ, всегда даютъ, но могутъ и не дать.

Поэтому въ тотъ день сердца у канцеляристовъ все-таки не-

Библиотека "Руниверс"

Н. Пимоненко. Святочное гаданіе. (Русскій Музей Императора Александра III).

Библиотека "Руниверс"

множко трепетали. И у него трепетало сердце и, какъ оказалось, не напрасно.

Когда объявили цифру наградныхъ и до его слуха дошла та цифра, которая была предназначена ему, то онъ въ первую минуту только усмѣхнулся. Было ясно, что онъ не разслышалъ, или произошла какая-нибудь ошибка. Зыбину назначено 15 рублей. Вѣдь это же — круглая несообразность. Онъ получалъ 50 рублей, слѣдовательно... Гм... Ну, да, слѣдовательно...

А развѣ это законъ? Это-то, конечно, ошибка, но вотъ допустимъ, что начальство въ самомъ дѣлѣ взяло и назначило ему 15 рублей. Что же? Развѣ онъ можетъ протестовать, надѣлать крику, потребовать осуществленія своего права? Какое же тутъ право? Никакого права у него нѣтъ. Жалованье, это — право. А о наградныхъ нигдѣ не сказано.

А цифру кто-то повторилъ. Будто не нарочно, подбѣжалъ къ нему молодой и бойкій канцеляристъ Пирогинъ и, глядя ему прямо въ лицо, заявилъ:

— А вамъ, Зыбинъ, 15 рублей... Какъ странно! Это вамъ экзекуторъ удружилъ. Вы бы пошли къ вице-директору и пожаловались бы... Вѣдь этакій старый гиппопотамъ...

Зыбина это нахальство Пирогина взорвало. Что онъ воображаетъ, что и въ самомъ дѣлѣ? Онъ вскочилъ и отправился къ экзекутору, у котораго былъ списокъ наградныхъ.

Экзекуторъ, Матвѣй Азарьевичъ Лукасовъ, былъ дѣйствительно очень похожъ на гиппопотама. Странно было то, что никто изъ служащихъ въ канцеляріи никогда въ жизни не видалъ этого звѣря въ натурѣ, а между тѣмъ всѣ были убѣждены, что экзекуторъ Лукасовъ — какъ двѣ капли воды, гиппопотамъ. И всякій новый служащій, тоже настоящаго звѣря не видавшій, взглянувъ на него, признавалъ. Да, дѣйствительно, какъ есть — гиппопотамъ.

Онъ былъ широкоплечій, тяжеловѣсный, громоздкій, толстоногій, но не высокій, а какъ-то весь раздавшійся въ ширь. Лицо у него было четырехугольное, а глаза выпученные, застывшіе, съ множествомъ кровяныхъ ниточекъ на бѣлкахъ. Къ нему Петръ Ивановичъ и обратился.

— Матвѣй Азарьичъ, что это разсказываютъ, будто мнѣ наградныхъ только 15 рублей назначили...

— Вамъ? — спросилъ Лукасовъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ не зналъ. — А вотъ я справлюсь.

И, вынувъ изъ ящика стола списокъ, заглянулъ въ него, водя своимъ толстымъ, пузатымъ пальцемъ по фамиліямъ.

— Ага, вотъ Зыбинъ: пятнадцать рублей. Да, такъ и есть. Вамъ пятнадцать рублей, — безстрастно прибавилъ онъ, поднявъ на Петра Ивановича свои застывшіе глаза.

— Но какъ же это, Матвѣй Азарьевичъ? За что же? Мнѣ всегда... Почему же мнѣ? Развѣ я...

Лукасовъ развелъ руками:

— Это же не я назначаю, а его превосходительство господинъ вице-директоръ.

Зыбинъ вдругъ какъ-то погасъ. Въ душѣ его клокотало возмущеніе, но словъ не было. И именно по адресу экзекутора возмущеніе. Потому что онъ лгалъ, сворачивая на вице-директора. Наградныя канцеляристамъ распредѣлялъ онъ, вице-директоръ только подписывалъ.

И Зыбинъ понималъ, почему это такъ вышло, что ему назначили только пятнадцать рублей. Недавно поступилъ на службу родственникъ экзекутора, тоже канцеляристомъ, — совершенный оселъ, который вотъ уже полгода на машинкѣ писать не могъ научиться. Ему наградныя и не полагались, а экзекуторъ урвалъ для своего.

А урвалъ ихъ у Зыбина потому, что Зыбинъ былъ самый тихій, самый исполнительный и самый безобидный служащій, потому что отъ него никогда не слышали возвышеннаго голоса.

И вернулся Петръ Ивановичъ въ канцелярію мрачнѣе тучи и никому не сказалъ ни слова. Канцеляристы и чиновники то и дѣло бѣгали по очереди къ казначею и возвращались оттуда съ веселыми лицами, потому что получили наградныя, а онъ не пошелъ.

Уже въ тотъ моментъ у него въ головѣ всѣ мысли замѣнились одной: „Главное, чтобы какъ-нибудь не узнала Тася. Это — самое главное“.

Съ этой мыслью онъ, такъ и не взявъ денегъ у казначея, вышелъ изъ канцеляріи.

II.

Когда онъ, пройдя черезъ довольно грязный дворъ, подошелъ къ подъѣзду, надъ входомъ въ который мелкими цифрами были перечислены десятка полтора квартиръ, выходившихъ на лѣстницу, стало совсѣмъ темно. Лѣстница освѣщалась керосиновыми лампами, отъ которыхъ пахло нефтью и гарью.

Обыкновенно послѣ службы онъ, побуждаемый радостной мечтой поскорѣе быть дома, быстро переступая разомъ черезъ двѣ ступеньки, взбирался въ пятый этажъ, а теперь словно что-то придавливало его книзу, ноги подымались неохотно, и въ груди не только не было радости, а напротивъ — какой-то страхъ наполнялъ ее, страхъ передъ вопросомъ: „что онъ скажетъ?“

Вѣдь Тася знаетъ, что сегодня объявятъ и выдадутъ наградныя. А сколько на нихъ возложено надеждъ... И все это должно рухнуть...

На площадкѣ второго этажа ему стало жарко. Онъ разстегнулъ пальто и сюртукъ, и въ это время его рука прикоснулась къ боковому карману, въ которомъ чуть-чуть зашелестѣла бумага, и онъ вздрогнулъ. Да, отъ этого шелеста вздрогнулъ. Вѣдь эта бумага, въ ней-то какъ разъ и записаны всѣ тѣ надежды, которыя должны были осуществить наградныя. Листъ бумаги, исписанный съ четырехъ сторонъ.

И у него явилось желаніе вытащить этотъ листъ изъ кармана, свернуть его въ трубочку, поднести къ лампѣ, висящей на стѣнѣ, и зажечь его. Пусть горитъ, а вмѣстѣ съ нимъ пускай горятъ и надежды.

Библиотека "Руниверс"

Но это былъ только порывъ, копошившійся въ его душѣ, на самомъ же дѣлѣ онъ бумаги не вытащилъ и не сжегъ ея и медленно продолжалъ свой путь. Въ тотъ моментъ, когда онъ потянулъ книзу ручку примитивнаго звонка своей квартиры на площадкѣ пятаго этажа, въ головѣ его почему-то, и притомъ съ необыкновенной твердостью, возстановилась прежняя мысль:

„Тася не должна знать о наградѣ ни въ какомъ случаѣ". Что онъ будетъ съ этимъ дѣлать, чѣмъ замѣнить ихъ—объ этомъ онъ будетъ думать потомъ, потомъ, а только Боже сохрани огорошить ее такъ страшно.

Дверь отворила ему Тася, и сынишка восьми лѣтъ въ это время выбѣжалъ въ переднюю, а младшая дѣвочка возилась въ комнатѣ съ какими-то тряпками, которыя она принимала за куклы.

— Что такъ поздно? Ужъ и обѣдъ простылъ...—съ нѣжнымъ укоромъ сказала Тася, а мальчуганъ уцѣпился за его руки.

— Да, немного задержали... Давай-ка поѣсть, — голосомъ, полнымъ бодрости, отвѣтилъ Петръ Ивановичъ и лицо себѣ сдѣлалъ такое счастливое.

А когда дали супъ, онъ началъ ѣсть его съ видомъ голоднаго, хотя аппетитъ у него совсѣмъ пропалъ, и каждая ложка стоила ему усилій.

„Нѣтъ, не скажу, разумѣется — не скажу. Ну, развѣ это можно?" — думалъ онъ и отлично разыгрывалъ роль довольнаго человѣка.

— А наградныя принесъ?—спросила Тася.

— Нѣтъ, еще не выдали... Какая-то тамъ задержка... Казначей нездоровъ, что ли... Завтра—должно-быть, а можетъ-быть—и позже.

— Охъ, Господи... Успѣемъ ли все сдѣлать, что нужно, къ празднику?..

— Ну, успѣемъ. Долго ли?..

— Ахъ, Петя, списокъ-то у тебя, что ли? Дай-ка,—я вспомнила: нужно непремѣнно, непремѣнно, пару большихъ гвоздей купить и въ стѣнку вбить въ передней. Совсѣмъ не на что повѣсить платье. Ужъ лучше что-нибудь выбросить, а гвоздей купить.

— Списокъ?—небрежно отвѣтилъ Петръ Ивановичъ.—Да, у меня,—вотъ онъ.

Онъ вынулъ изъ бокового кармана сложенный вчетверо листъ бумаги и передалъ женѣ, но старался не глядѣть, когда она взяла карандашъ и приписала туда пару гвоздей. Ему было больно.

О, этотъ листъ. Онъ уже былъ изрядно помятъ и засаленъ. На немъ лежали слѣды довольно давняго происхожденія. Въ сущности, присущее ему мѣсто было въ ящикѣ стола,—единственнаго стола, на которомъ обѣдали, потомъ мальчикъ Вася училъ свои несложные уроки, Тася же раскладывала шитье, на немъ же и гладила, а затѣмъ при надобности на немъ Петръ Ивановичъ засаживался за какую-нибудь экстренную переписку.

Въ карманъ же Петра Ивановича онъ попалъ, разумѣется, не случайно, а именно по причинѣ ожидавшагося полученія наградныхъ. Онъ думалъ, что по дорогѣ домой успѣетъ что-нибудь купить.

Листъ бумаги не всегда былъ заполненъ названіями предметовъ, которые надо купить. Нѣкогда, правда — довольно давно, въ концѣ лѣта—онъ былъ чистенькій листъ, на которомъ не было ни одной кляксы. А однажды на немъ появилась первая запись: „бумажный абажуръ для лампы". Это случилось въ то время, когда нечаянно сгорѣлъ абажуръ.

Слѣдующая запись касалась самоварной трубы, которая вся уже была изогнута и издырявлена, а потомъ, потомъ...

Стоило прочитать этотъ списокъ. Онъ былъ поучителенъ. Это была исторія домашней жизни канцеляриста, получающаго пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ и имѣющаго жену и двоихъ дѣтей.

Пятьдесятъ рублей въ Петроградѣ при обязанности имѣть все-таки до нѣкоторой степени приличный видъ. Если жизнь для иныхъ есть наслажденіе, а для другихъ долгъ, то для того, кто обязанъ прожить съ женою и двумя дѣтьми на пятьдесятъ рублей, сохраняя видимость приличія,—она—труднѣйшее искусство.

И этимъ искусствомъ владѣла Тася. Эти пятьдесятъ рублей у нея были разсчитаны по копейкамъ, и каждой копейкѣ было дано спеціальное назначеніе, и ихъ хватало на текущую жизнь, а все,

что сверхъ ея — одежда новая и ремонтъ старой, пополненіе потерявшихъ служебную способность предметовъ обстановки или утвари—ужъ это возлагалось на наградныя, пособія и случайный заработокъ Петра Ивановича.

И, такъ какъ всего не упомнишь, а кромѣ того, есть нужды и нужды, — иная нужда и подождетъ, а другая кричитъ, чтобы ей поскорѣе заткнули ротъ,—то все, что назрѣвало, въ чемъ чувствовался недостатокъ—записывалось.

И не надо думать, что всѣ эти названія предметовъ и нуждъ, заполнявшія четыре страницы листа, непремѣнно должны были получить свое удовлетвореніе именно теперь, на эти ожидаемые пятьдесятъ рублей наградныхъ. О, нѣтъ, — чтобы удовлетворить все это, нужно было произвести Петра Ивановича Зыбина въ чинъ по крайней мѣрѣ статскаго совѣтника и дать ему должность—ну ужъ на худой конецъ—столоначальника.

Но этого не ожидали ни онъ ни Тася. Списокъ же заполнялся всѣми нуждами, какія были, не вникая въ то, насколько это все выполнимо. Когда же приближалось время полученія наградныхъ, въ спискѣ производилась фильтровка. То, что могло еще терпѣть и ждать до пасхальныхъ наградныхъ, зачеркивалось, и оставлялось только неотложное, неизбѣжное. Но зато ужъ тутъ дѣйствительно не было ничего лишняго, и разсчитано было такимъ образомъ, чтобы выходило точка въ точку пятьдесятъ рублей.

И обыкновенно къ моменту полученія наградныхъ и очередныхъ пособій въ домѣ извѣстныя статьи приходили въ такой упадокъ, что, казалось, безъ подъема даже жить уже было нельзя. Когда же все отмѣченное въ спискѣ приводилось въ исполненіе—жить опять становилось возможно, и Зыбины жили—трудясь и бѣдствуя, терпя лишенія,—но жили неукоснительно. И, какъ это ни странно, любили свою жизнь и находили въ ней извѣстную прелесть.

И теперь Петръ Ивановичъ чувствовалъ, что, благодаря звѣрству, проявленному по отношенію къ нему со стороны экзекутора, жизнь, которая уже сдѣлалась невозможной, такой невозможной и останется, не на что привести ее въ порядокъ и сдѣлать попрежнему возможной. Пятнадцать рублей, которые ему назначены въ награду, рѣшительно недостаточны для этого. Что на нихъ можно сдѣлать? Сократить списокъ? Еще сократить? Выполнить только третью часть? Но тамъ оставлено только самое неизбѣжное. Что же можно выбрать? Что предпочесть? Вѣдь это все равно, какъ если бы человѣка спросили, что онъ предпочелъ бы отрубить себѣ—руку или ногу? И то и другое ему необходимо, и безъ того и другого онъ не можетъ жить.

И ужасно тяжело было Петру Ивановичу играть роль спокойнаго и довольнаго человѣка. Ему хотѣлось выражать негодованіе, кричать, ругаться, проклинать экзекутора, а вмѣсто этого онъ былъ принужденъ улыбаться женѣ и дѣтямъ и дѣлать видъ, что все обстоитъ какъ нельзя лучше. И главное—онъ не зналъ и не могъ придумать, какъ изъ этого выпутаться.

Ну, хорошо, сегодня „нездоровье казначея": онъ можетъ быть

Библиотека "Руниверс"

нездоровъ также и завтра; но послѣзавтра кончаются занятія въ канцеляріи. Что онъ скажетъ послѣзавтра?

А дальше, дальше... Объ этомъ было даже страшно думать. И онъ не думалъ. Онъ просто на все махнулъ рукой.

III.

На слѣдующій день онъ тоже не взялъ свои жалкія наградныя у казначея. Ему было противно даже подумать объ этихъ пятнадцати рубляхъ. И было такое ощущеніе, что, когда онъ ихъ возметъ, то какъ будто приметъ на себя какую-то тяжелую, непосильную обязанность. И еще хуже: теперь у него была какая-то неосновательная надежда, что дѣло какъ-нибудь поправится. Ну, напримѣръ, недостающіе тридцать пять рублей упадутъ съ неба, что ли. А тогда уже все будетъ кончено.

Все это было, разумѣется, очень глупо; но онъ никому и не высказалъ этихъ мыслей. Положеніе его было такое, что отъ человѣка и нельзя было требовать, чтобы онъ былъ уменъ.

А дома опять ему пришлось разыгрывать спокойнаго и увѣреннаго человѣка, и сегодня это ему было труднѣе, чѣмъ вчера. Тася, конечно, спросила его о наградныхъ, и въ эту минуту онъ почувствовалъ себя какъ будто на краю пропасти.

Вѣдь нужно принять во вниманіе, что онъ никогда раньше не лгалъ своей женѣ. Это у него было основное правило жизни. А теперь вотъ уже второй день каждое его слово и каждый взглядъ были ложью передъ нею.

И опять онъ лгалъ о томъ, что казначей еще не выздоровѣлъ, и, уже совершенно безъ нужды, чтобы укрѣпить свою ложь, прибавлялъ подробности о томъ, какъ всѣ чиновники канцеляріи возмущены этимъ и собираются итти къ директору и жаловаться. Можно, молъ, деньги выдать и безъ казначея. Вѣдь у всѣхъ нужда, время дѣлать къ праздникамъ закупки...

Лгалъ и чувствовалъ, что ему ужасно стыдно передъ женой, и въ то же время думалъ: „А что же я завтра солгу? То же самое? Но завтра насъ отпустятъ. Канцелярія закроется. Какъ же такъ?“ И онъ боялся завтрашняго дня, какъ Страшнаго суда.

Онъ наступилъ. Занятія въ этотъ день кончались нѣсколько раньше. А онъ даже и не подумалъ о пятнадцати рубляхъ. Онъ просто забылъ о нихъ. Вѣдь они не могли удовлетворить его неотложныя надобности. Значитъ, это были не деньги. Зачѣмъ же ему брать ихъ? Только лишняя тягость отъ нихъ будетъ чувствоваться. И экзекуторъ будетъ имѣть право сказать, что онъ, Зыбинъ, получилъ наградныя.

Ха... Наградныя! Не наградныя это, а въ наказаніе,—это какія-то карательныя деньги. Да, его рѣшили наказать за то, что онъ лучшій переписчикъ въ канцеляріи. Небось, когда нужно переписать бумагу для посылки министру или кому-нибудь повыше, то сейчасъ ему несутъ: „Петръ Ивановичъ, перепишите“. Понятно—потому что онъ и грамотенъ и аккуратенъ, пишетъ безъ поправокъ и безъ пропусковъ. И за это его наградили — пятнадцатью рублями къ празднику.

Но все же ему не удалось оставить эти деньги въ кассѣ. Самъ казначей пришелъ въ канцелярію и съ упрекомъ обратился къ нему:

— Послушайте, Зыбинъ, вы, должно-быть, разбогатѣли? Всѣ получили свои наградныя, только вы почему-то не берете. Возьмите, а то вѣдь я долженъ кассу запереть.

И тогда Петръ Ивановичъ покорно поднялся и пошелъ къ казначею, взялъ пятнадцать рублей и расписался въ полученіи. Деньги онъ наскоро засунулъ въ карманъ брюкъ, а самъ чуть не заплакалъ.

И когда онъ пришелъ домой, то это была не ложь съ его сто-

О. Кипренскій. Бѣгство въ Египетъ. Изъ собранія И. Е. Цвѣткова.

Библиотека "Руниверс"

роны—что у него нестерпимо болѣла голова. Она дѣйствительно разболѣлась отъ всего, пережитаго имъ.

Какъ-то невнятно сообщилъ онъ женѣ, что казначей денегъ все-таки еще никому не выдалъ, и ихъ будутъ выдавать завтра, отказался отъ обѣда и, снявъ сюртукъ, повалился на диванъ.

Тася глубоко вздохнула. Сомнѣніе закралось въ ея душу. Никогда этого не бывало, чтобы такъ задержали наградныя. И можетъ ли это быть? Вѣдь это не лавочка какая-нибудь, а казенная канцелярія. Тамъ и деньги казенныя.

И у нея даже мелькнула въ головѣ страшная мысль: „не получилъ ли деньги Петя? Можетъ-быть, онъ ихъ прокутилъ? Вѣдь вотъ онъ и заболѣлъ отъ этого“.

Но это было, въ сущности, невозможно. Никакъ это не вязалось съ его характеромъ.

Такъ онъ и не пообѣдалъ, а, уткнувшись въ подушку, лежалъ на диванѣ, стараясь не слышать говора дѣтей и жены и ни о чемъ не думать. Ему хотѣлось не существовать. Превратиться въ камень.

Въ комнатѣ горѣла лампа безъ абажура. Чтобы смягчить свѣтъ, Тася набросила на нее газетную бумагу, продѣлавъ въ ней дыру.

Было уже, должно-быть, часовъ около восьми вечера, когда въ передней раздался зычный звонъ. Тася побѣжала къ двери, отперла ее, потомъ вернулась:

— Это къ тебѣ, Петя. Изъ канцеляріи.

— Что̀?

Петръ Ивановичъ вскочилъ съ дивана. Слова: „изъ канцеляріи“—произвели на него совершенно неожиданное впечатлѣніе. Мелькнула мысль: „Можетъ-быть, экзекуторъ раскаялся и прислалъ остальные тридцать пять рублей“... А Тася держала передъ нимъ пакетъ и разносную книгу:

— Распишишь...

Онъ расписался. Курьеръ ушелъ. Зыбинъ медленно разорвалъ конвертъ и вынулъ бумагу. Но Боже, какое это было разочарованіе! Бумага была отъ экзекутора.

„Вслѣдствіе приказанія его превосходительства директора канцеляріи, благоволите немедленно отправиться на квартиру его превосходительства для выполненія экстренной работы. Пишущій аппаратъ будетъ доставленъ туда изъ канцеляріи“.

— Господи! Куда же ты пойдешь, Петя, съ этакой-то головной болью?..

— Пойду,—сказалъ Зыбинъ.—Какъ я могу не пойти, когда самъ директоръ... Дай сюртукъ...

Тася молча, качая головой, подала ему сюртукъ.

— Ты хоть закусилъ бы что-нибудь.

— Ничего не хочу.

Онъ почему-то торопился и самъ не зналъ причины. Только на лѣстницѣ, когда онъ спускался, онъ началъ понимать, что его подгоняла надежда. Какая? Развѣ онъ зналъ? Вѣдь вотъ надо же было случиться, чтобы его позвалъ къ себѣ самъ директоръ. Ну, положимъ, директоръ позвалъ не его, а вообще переписчика, а экзекуторъ послалъ его, какъ лучшаго. Но все-таки это случилось. А прежде никогда не случалось. И именно въ этотъ вечеръ, когда онъ въ такомъ безысходномъ отчаяніи. Эхъ, да ужъ не осмѣлиться ли и не сказать ли директору о томъ, какъ его обидѣли? Ну, да, какъ же. Откуда же это онъ наберется смѣлости? Всю жизнь былъ безотвѣтенъ, какъ овца, а тутъ вдругъ самому директору... Какъ бы не такъ!

И все-таки была какая-то надежда, которая подстегивала его, и онъ быстро шелъ, не обращая вниманія на морозъ и вѣтеръ.

Вотъ домъ, гдѣ помѣщается канцелярія. Тутъ же и квартира директора, только съ другого подъѣзда. Подъѣздъ ужасно важный. Швейцаръ такъ прямо генераломъ какимъ-то смотритъ.

— Вы, должно-быть, изъ канцеляріи? Для переписки?—спросилъ онъ Зыбина.—Ахъ, ну, такъ ступайте. Второй этажъ.

Петръ Ивановичъ снялъ пальто и самъ повѣсилъ на колышекъ. Швейцаръ и не подумалъ помочь ему въ этомъ. Пальто Петра Ивановича было ниже его достоинства.

Поднимаясь по лѣстницѣ, Зыбинъ держался лѣвой стороны, чтобы не ступать по ковру. Онъ вспомнилъ, что у него волосы скомканы, и полѣзъ въ карманъ, чтобы достать гребенку. Тамъ онъ нащупалъ бумагу.

„А списокъ опять попалъ въ карманъ“,—мелькнуло у него въ головѣ.

Потомъ передняя директорской квартиры. Лакей ведетъ его черезъ нѣсколько полуосвѣщенныхъ комнатъ, и вотъ—кабинетъ. Отъ волненія Петръ Ивановичъ не разглядѣлъ какъ слѣдуетъ обстановки. Все какое-то большое, тяжелое и, какъ ему казалось, неудобное. И, кромѣ того, много лишняго и ненужнаго.

Полъ весь закрытъ ковромъ. Шкапы, диваны, кресла, картины. На маленькомъ столикѣ пишущая машина Ремингтона. Яркое освѣщеніе. Въ комнатѣ ни души. Зыбинъ, какъ остановился около машины, такъ и стоялъ минутъ пять, не двигаясь, какъ будто былъ какой-нибудь принадлежностью ея.

Твердые, полные достоинства шаги въ сосѣдней комнатѣ. Вошелъ директоръ. Петръ Ивановичъ хорошо зналъ эту высокую, полную благородства фигуру, съ красивой сѣдой бородой, съ пріятнымъ серьезнымъ лицомъ. Правда, никогда онъ не видѣлъ его такъ близко, но всегда узналъ бы въ толпѣ.

— Я извиняюсь...—мягкимъ и доброжелательнымъ голосомъ сказалъ директоръ, кивнувъ ему на ходу своей красивой головой.—Лишаю васъ отдыха... Но дѣло случилось экстренное... Садитесь. Хотите чаю?

И, не получивъ отвѣта, онъ нажалъ кнопку звонка. Сейчасъ же вошелъ лакей.

— Принеси намъ чаю. Вы, должно-быть, озябли?.. Сегодня морозъ,—сказалъ онъ, когда лакей ушелъ.—Вы семейный?

— Имѣю жену и двоихъ дѣтей, ваше превосходительство,—отвѣтилъ Зыбинъ.

— Неужели? А сколько вы получаете жалованья?

— Пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, ваше превосходительство.

— Такъ мало? Какъ же вы?.. Гм... Ну-съ,—прервалъ онъ вдругъ самого себя:—займемся.

Въ это время лакей принесъ чай и поставилъ одинъ стаканъ на столикѣ рядомъ съ машинкой. Директоръ началъ диктовать—ясно, отчетливо, отчеканивая каждое слово. А подъ опытными пальцами Зыбина увѣренно и дѣловито застучала машинка.

Такъ длилось съ полчаса. Директоръ закончилъ періодъ и положилъ на столъ черновую рукопись.

— Отдохнемъ?

— Я не усталъ, ваше превосходительство,—отвѣтилъ Зыбинъ.

— Ну, а я усталъ. Вы привыкли, а я не привыкъ. Такъ пятьдесятъ рублей?.. Гм... И что̀ же, хватаетъ?—промолвилъ онъ, откинувшись на спинку кресла и снимая съ носа золотое пенснэ.

— На пищу и квартиру хватаетъ, ваше превосходительство.

— Только? Ну, а другія вещи... напримѣръ, одежда и тамъ разное другое. А?

— А это... Это ужъ какъ Богъ дастъ, ваше превосходительство.

— Да, но... Но нельзя же безъ этого... Безъ многаго нельзя обойтись.

— Надѣемся на наградныя, ваше превосходительство.

— А, да, да. Ну, конечно. Къ праздникамъ наградныя... И ужъ этого хватаетъ? А?

— Какъ когда, ваше превосходительство... Сколько дадутъ...

— А сколько же даютъ?

— Обыкновенно мѣсячное жалованье, а случается...

— Какъ? Случается—и меньше?

— Случается, ваше превосходительство,—съ глубокимъ вздохомъ промолвилъ Петръ Ивановичъ.

— Ну, и тогда ужъ не хватаетъ?

— Нѣтъ, не хватаетъ, ваше превосходительство...

— Гм... Это плохо. А сколько, напримѣръ, вамъ выдали вотъ теперь?

„Господи Ты Боже мой,—подумалъ Петръ Ивановичъ:—да неужели же это ничего не значитъ, такой разговоръ?“

И отвѣтилъ какъ-то особенно внятно и вразумительно:

— Пятнадцать рублей, ваше превосходительство.

— Какъ? Всего пятнадцать рублей?—воскликнулъ директоръ и даже привсталъ отъ изумленія.—Да почему же такъ мало? И всѣмъ такъ выдали?

— Нѣтъ, не всѣмъ. Только мнѣ. Другіе получили мѣсячный окладъ.

— Гм... Странно. А между тѣмъ экзекуторъ сегодня же реко-

Библиотека "Руниверс"

мендовалъ мнѣ васъ, какъ самаго исправнаго служащаго. Значитъ, это не въ наказаніе? Не такъ ли?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, меня не наказываютъ. Обыкновенно мною довольны.

— Но пятнадцать рублей... На нихъ не много сдѣлаешь... Не такъ ли?

— Ничего нельзя сдѣлать, ваше превосходительство.

— Я тоже такъ думаю... А какія же нужды? Ну, если бъ вамъ выдали не пятнадцать рублей, а мѣсячный окладъ, что вы купили бы?

— И не разсказать, ваше превосходительство. Такъ много, что и не разсказать.

— Ну, а все-таки... Меня это, признаюсь, интересуетъ.

Тутъ на Петра Ивановича напала какая-то необыкновенная храбрость. Онъ уже почти увѣровалъ, что все это—и неурочная переписка у директора и этотъ его разговоръ—не даромъ, и что изъ этого непремѣнно должно что-нибудь выйти. Онъ быстрымъ и энергичнымъ движеніемъ запустилъ руку въ боковой карманъ сюртука и вытащилъ оттуда бумагу, исписанную со всѣхъ четырехъ сторонъ, потомъ всталъ, на цыпочкахъ подошелъ къ столу и подалъ бумагу директору:

— Извольте прочитать, ваше превосходительство.

Директоръ сперва взглянулъ на него съ удивленіемъ и даже какъ будто не понялъ, а потомъ взялъ бумагу, развернулъ ее, надѣлъ пенснэ и осмотрѣлъ всѣ четыре страницы.

— Это все нужды?

— Онѣ-съ, ваше превосходительство.

— Поразительно. Да это цѣлая пирамида... Ха-ха! И всѣ подъ нумерами. Любопытно, любопытно... Нумеръ первый: „бумажный абажуръ для лампы“... Гм! Да... Нумеръ второй: „труба для самовара“. Нумеръ третій: „починить Васины сапожки“. Вася, это—вашъ сынъ?

— Да-съ, сынокъ мой, ваше превосходительство. Восьми лѣтъ.

— Нумеръ четвертый: „залить Петину калошу“.—Залить калошу? Какъ это—залить калошу?

— Это моя калоша, ваше превосходительство. На гвоздикъ наступилъ... Такъ вотъ — дыра. Есть такіе мастера... резиной заливаютъ... Составъ такой...

— Да? Я не зналъ... Нумеръ пятнадцатый: „вылудить самоваръ“. Нумеръ тридцать седьмой, — читалъ директоръ въ раздробь, перевернувъ страницу: — „къ праздничному столу четыре фунта ветчины и три бутылки пива“. Ну, и такъ далѣе... Девяносто восемь нумеровъ, — прибавилъ онъ, заглянувъ въ самый конецъ... Да. Списокъ почтенный. Пирамида, настоящая пирамида! Хеопсова... Ха-ха!..

Затѣмъ онъ сложилъ листъ вчетверо и передалъ его Зыбину.

— Благодарю васъ... Ну, я отдохнулъ. Продолжимъ.

Петръ Ивановичъ пошелъ обратно къ столу. Сердце у него какъ-то вдругъ завяло. „Что жъ, разговоръ, значитъ, конченъ. Его превосходительство позабавился „пирамидой“, а затѣмъ— „продолжимъ“! Больше онъ и не вспомнитъ“.

Онъ сѣлъ за машинку. Директоръ взялъ рукопись. Работы осталось на четверть часа. Голосъ директора звучалъ попрежнему ясно и внятно, но машинка стучала какъ-то тускло. Зыбинъ ощущалъ одеревянѣніе въ пальцахъ.

Онъ, разумѣется, весь былъ слухъ и вниманіе, слѣдилъ за буквами и запятыми, и работа у него выходила чисто, но уже не было въ немъ никакого воодушевленія.

А вотъ и финалъ. Ужъ онъ чувствовалъ, что это финалъ. Сколько разъ уже онъ переписывалъ такія бумаги, и всѣ онѣ построены по одному образцу, и когда начиналось: „въ виду изложеннаго и принимая во вниманіе“—то, значитъ, скоро конецъ.

Такъ оно и вышло. Затѣмъ директоръ взялъ переписанную бумагу и прочиталъ ее всю отъ начала до конца.

— Очень хорошо. Даже изумительно. Вы не сдѣлали ни одной ошибки. Только вотъ тутъ запятую надо поставить, а здѣсь пропущена скобка. Вы отлично владѣете искусствомъ, господинъ... Зыбинъ, кажется? И я думаю, что вы заслуживаете высшаго оклада, положеннаго у нашихъ канцеляристовъ: — шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, а? Какъ вы думаете? Я намѣренъ похлопотать объ этомъ у экзекутора. И можетъ-быть, мнѣ удалось бы? А?

Онъ сказалъ это съ полуулыбкой, какъ человѣкъ, увѣренный въ своей власти и въ свободныя минуты играющій ею, какъ мячикомъ, а потомъ выдвинулъ ящикъ стола и порылся тамъ.

— Что же касается пирамиды, то... то вы успѣете еще построить ее, такъ какъ завтра цѣлый день магазины открыты. А кстати, вы и заработали у меня такую сумму. Благодарю васъ.

И директоръ протянулъ черезъ столъ руку, въ которой было двѣ двадцатипятирублевыхъ бумажки.

— Ваше превосходительство... — трепетно вырвалось изъ устъ Петра Ивановича.—Ваше превосходительство... Я не знаю, какъ... Я не заслужилъ...

Директоръ вышелъ изъ-за стола:

— Э, полноте... Одинъ только Богъ знаетъ, кто изъ насъ и что заслужилъ на этомъ свѣтѣ. Идите-ка къ вашей женѣ. А насчетъ жалованья я таки похлопочу у экзекутора.

И теперь, когда Петръ Ивановичъ вышелъ на улицу, для него ужъ дѣйствительно не существовали ни морозъ ни вѣтеръ. Да и были

Библиотека "Руниверс"

ли они? Были ли поднять воротникъ пальто и застегнуты пуговицы?—все равно. Совершилось какое-то чудо.

Онъ не шелъ, а словно летѣлъ надъ тротуаромъ, не чувствуя ни каменныхъ плитъ подъ ногами ни самыхъ ногъ. И въ пятый этажъ онъ словно взлетѣлъ при помощи невидимыхъ крыльевъ.

Было около десяти часовъ вечера. Дѣти уже спали. А Тася сидѣла за столомъ и дошивала какую-то дѣтскую рубашонку.

— Ну, давайте мнѣ ѣсть... Голоденъ, какъ собака! — воскликнулъ Петръ Ивановичъ, швырнувъ куда-то въ сторону пальто и шапку.

— А голова прошла?—спросила Тася и пристально-вопросительно взглянула на его возбужденное лицо.

— Ахъ, прошла... И все прошло... И теперь хорошо... Ужасно хорошо... Ну, вотъ садись рядомъ со мной, и я сейчасъ все разскажу тебѣ... Понимаешь... Это я тебѣ солгалъ насчетъ наградныхъ. Этотъ негодяй экзекуторъ обошелъ меня, и мнѣ назначили всего пятнадцать рублей... Но ты постой, не раскрывай ротъ. Ну, вотъ я и налгалъ. И не зналъ, что̀ дѣлать. А вотъ его превосходительство, господинъ директоръ... Охъ, знаешь, даже духъ захватываетъ... Разговорились... „А много, говоритъ, нуждъ?“ А я ему списокъ... Нашъ списокъ,—понимаешь? А онъ смотритъ, читаетъ и говоритъ: „Да это, говоритъ, настоящая пирамида... И еще какая-то, говоритъ, Хеопсова...“ Чортъ его знаетъ, что̀ это значитъ. А потомъ опять диктовать началъ. Ну, думаю, пропало. Анъ, нѣтъ! Кончилъ работу, похвалилъ и вдругъ: „вотъ, говоритъ, вамъ то, что̀ вы заработали сегодня. Это, говоритъ, вамъ на пирамиду!“—и суетъ мнѣ, понимаешь, суетъ... двѣ четвертныхъ. Вотъ онѣ, получай. Да еще пятнадцать рублей наградныхъ. Вотъ и они. „И еще... еще, говоритъ, у экзекутора похлопочу насчетъ прибавки жалованья, чтобы шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ...“ А? Онъ похлопочетъ... Ха! Я думаю, экзекуторъ-то соблаговолитъ исполнить просьбу его превосходительства, господина директора! Ха-ха-ха!.. Ну, Таська, завтра съ утра за покупками... Цѣлый день будемъ пирамиду строить... О, Господи! А я-то думалъ, что мнѣ совсѣмъ пропадать...

После праздниковъ, когда начались занятія въ канцеляріи, экзекуторъ встрѣтилъ Зыбина съ какимъ-то почтительнымъ удивленіемъ:

— А вамъ, Зыбинъ, видно, бабушка ворожила. Съ перваго января будете получать жалованья по шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ. Таково распоряженіе его превосходительства. Ну, что̀ жъ, я радъ, я всегда говорилъ, что вы—хорошій служащій... Я и директору рекомендовалъ васъ, какъ самаго лучшаго и исправнаго.

— Я вамъ очень благодаренъ, Матвѣй Азарьевичъ,—почтительно сказалъ Зыбинъ.—Я буду еще больше стараться...

И ужъ старался дѣйствительно такъ, что больше было и нельзя. А списокъ нуждъ, который онъ съ Тасей попрежнему составлялъ, теперь назывался пирамидой. Такъ и говорили:

— Не знаешь ли, гдѣ наша пирамида? Надобно бы туда каблуки къ Васинымъ сапожкамъ записать. Совсѣмъ истерлись.

Разсказать — не повѣрятъ.

Разсказъ **Сергѣя Аксанина**.

Перепечатка воспрещается.

I.

Послѣ полудня, когда въ хатѣ у Марики Ковальчуковой пообѣдали и Марика, убравъ со стола миски и ложки, собралась выйти въ сарай и взглянуть, есть ли кормъ у коровы, пришелъ Харитонъ Ткаченко, сѣлъ за столъ близъ оконца и началъ вслухъ читать газету, которую онъ досталъ у писаря.

Газета получалась въ волостномъ правленіи, но читали ее во всей волости только два человѣка: самъ писарь да Ткаченко. Ну, писарь, это понятно, на то онъ и писарь, т.-е. человѣкъ ученый, чтобы читать и понимать всякую бумагу. А Ткаченко былъ обыкновенный мужикъ, владѣвшій хатой, жинкой, тремя дѣтьми, лошадью, коровой, свиньей съ поросятами и крестьянскимъ надѣломъ земли, сколько тамъ полагалось.

Но онъ былъ грамотный и любопытный; главная же причина была въ томъ, что его закадычный пріятель и другъ дѣтства, а также и компаньонъ по съемкѣ въ аренду у мѣстнаго батюшки двадцати десятинъ церковной земли, приходившійся въ то же время мужемъ Марикѣ и отцомъ восьмилѣтнему Дмитру и шестилѣтней Федоскѣ, Архипъ Ковальчукъ, въ качествѣ запаснаго пошелъ на войну. А въ газетѣ все про войну было написано, такъ онъ ужъ и слѣдилъ и ничего не пропускалъ.

Онъ, конечно, могъ бы читать газету и дома, это было бы спокойнѣе, но онъ зналъ, что Марика пристанетъ къ нему съ разспросами, и ему тогда придется всю газету разсказывать ей своими словами. Такъ ужъ лучше, чтобы было разомъ и ей и ему. А кромѣ того, не могъ же онъ забыть, что Архипъ, уходя на войну, поручилъ ему заботиться о Марикѣ и дѣтяхъ, и хотя Марика на это протестующе фыркнула и заявила, что у нея и у самой есть голова на плечахъ, и она сумѣетъ сама о себѣ позаботиться, но онъ все же считалъ это своей обязанностью.

И ужъ Марика на корову смотрѣть не пошла. Ничего, молъ, ей не станется, если постоитъ лишній часокъ и безъ корма.

А къ газетѣ она до того пристрастилась, что, когда Ткаченко читалъ, то она не пропускала ни одного слова. А читалъ онъ долго, потому что газета вся была про войну, да и не особенно бойко владѣлъ онъ этимъ искусствомъ: тянулъ, запинался, останавливался—все одно, какъ мужикъ ѣдетъ въ городъ не на лошадяхъ, а на волахъ, да на каждой кочкѣ и канавкѣ останавливается—скоро ли онъ доѣдетъ? Но и самъ Ткаченко и Марика цѣликомъ и безъ остатка уходили въ чтеніе, забывая на это время рѣшительно обо всемъ на свѣтѣ. Ихъ, конечно, интересовала война, какъ и всѣхъ прочихъ земляковъ, и оба хотѣли, чтобы наши побѣдили, отъ нѣмца же и слѣда не осталось. Но, если бъ дѣло было только въ этомъ, то они, какъ и другіе сельчане, спросили бы у писаря, какъ идутъ дѣла на войнѣ, а онъ отвѣтилъ бы имъ, что, молъ, какъ нельзя лучше, да этимъ и удовольствовались бы.

Но тутъ дѣло было именно въ томъ, что на войнѣ былъ Архипъ, и потому они чувствовали такъ, какъ будто сами воевали. И, такъ какъ они доподлинно не знали, гдѣ собственно находится Архипъ, въ какомъ полку и въ какомъ краю, то искали его вездѣ и, гдѣ бы ни происходило сраженіе или стычка, имъ казалось, что тамъ и Архипъ.

Архипъ былъ нигдѣ и вездѣ, онъ и отступалъ и преслѣдовалъ непріятеля въ одно и то же время, бился въ Галиціи и въ Пруссіи, не исключалась даже возможность его подвиговъ на берегахъ Сѣвернаго моря, словомъ—всюду, гдѣ гремѣли пушки, былъ и Архипъ.

И, такъ какъ онъ не только завоевывалъ города и входилъ въ нихъ съ барабаннымъ боемъ въ качествѣ побѣдителя, но и подвергался нападеніямъ, доставлялся въ числѣ раненыхъ въ лазареты, попадалъ въ плѣнъ и былъ подбираемъ на полѣ битвы въ видѣ бездыханнаго тѣла, то понятно, что Марика переживала страшное волненіе и всѣ чувства, какія только доступны человѣческому сердцу. Щеки ея то заливала краска, то покрывала смертельная блѣдность, а глаза то радостно блестѣли, то наполнялись слезами.

— Господи, Господи,—боязливо шептала она, когда Ткаченко читалъ описаніе какой-нибудь битвы, гдѣ люди валились сотнями:—можетъ, какъ разъ и Архипъ тамъ былъ!

И при этомъ крестилась, относя свою молитву за здравіе Архипа и въ то же время боясь, какъ бы она не пошла ненарокомъ за упокой.

Тутъ же, на лавкѣ, сидѣли и дѣти. Оба они устремляли свои большіе глаза на Ткаченку и смотрѣли ему прямо въ ротъ. Но Федоска не выдерживала и очень скоро сдавала. Глаза ея дѣлались маленькими, голова склонялась набокъ, она вытягивалась на лавкѣ и засыпала.

Библиотека "Руниверс"

А Дмитро, который и самъ былъ уже грамотенъ, хотя, разумѣется, ему было далеко до Ткаченка, съ жадностью поглощалъ каждое слово, и, такъ какъ это происходило почти каждый день вотъ уже мѣсяца три, то голова его была напичкана самыми необыкновенными словами, въ которыхъ онъ понималъ развѣ какой-нибудь десятокъ да и то по-своему.

Тутъ были и позиція, и траншеи, и атака, и шрапнель, и контрибуція, и все то, отъ чего онъ иногда ночью вскакивалъ и неистово кричалъ, такъ какъ всѣ эти слова являлись ему во снѣ въ видѣ страшныхъ чудовищъ.

И вообще голова его была постоянно возбуждена военными представленіями. Батька своего Архипа онъ сильно любилъ и ни на минуту не переставалъ думать о томъ, какъ онъ тамъ сражается и, главное, какъ живетъ.

Много разъ приходила ему въ голову мысль взять да и уйти туда, на войну, чтобы быть около батька. Останавливали его только двѣ вещи: первое то, что, гдѣ же эта война, въ какую сторону надо итти, чтобы сыскать ее? Обыкновенно люди, когда не знаютъ дороги, разспрашиваютъ встрѣчныхъ прохожихъ, и имъ указываютъ, и они, хоть и долго идутъ, но въ концѣ концовъ таки-приходятъ. Но тутъ и разспрашивать нельзя, потому что его тогда, какъ маленькаго, возьмутъ да и вернутъ обратно въ деревню.

А второе—что, хотя и очень хотѣлось ему быть съ батькомъ, но въ то же время онъ не могъ представить себя и безъ матери.

Но въ этотъ день, послѣ того, какъ Ткаченко, прочитавъ все, что было въ газетѣ, ушелъ домой, въ головѣ Дмитра закопошились другія мысли. Думалъ онъ все время о томъ, что вотъ черезъ два дня наступитъ праздникъ Рождества, а батька нѣту дома. Не могъ онъ представить себѣ, какъ это они встрѣтятъ праздникъ безъ батька.

Вотъ ужъ сколько лѣтъ онъ живетъ на свѣтѣ, а не было еще ни разу такого случая. Всегда ужъ такъ полагается, что подъ праздникъ вечеромъ сидятъ всѣ въ хатѣ—и батько, и мамка, и Федоска, и онъ, Дмитро, а когда былъ живъ дѣдъ, т.-е. батькинъ батько, то и онъ,—сидѣли всѣ и ѣли кутью и узваръ и все тамъ разное, что полагается.

А въ самый праздникъ, придя отъ обѣдни, первымъ дѣломъ ѣли сало—и жареное, и вареное, и соленое, всяческое сало, и колбасы. Для этого въ свое время и кабанца кололи, и раньше подкармливали его въ темномъ сараѣ. Все это вмѣстѣ и составляло праздникъ, а иначе онъ и не представлялъ его себѣ.

А теперь вотъ приходится имъ безъ батька. Ну, дѣдъ, онъ себѣ померъ, съ этимъ ужъ ничего не подѣлаешь: а батько вѣдь живъ, и его все-таки не будетъ. Что же это за праздникъ? И какое ужъ это будетъ сало и какія колбасы? Да они и въ ротъ не полѣзутъ.

Кабанца, положимъ, все-таки подкормили и закололи, и всего этого мамка наготовила вдоволь. Но какой же изъ этого толкъ, ежели безъ батька?

Это была одна сторона дѣла. Когда же въ головѣ его дѣло перевертывалось на другую сторону, то оказывалось еще хуже.

Ну, хорошо. Тутъ все-таки ихъ трое—мамка, да Федоска, да онъ, да еще Ткаченко придетъ и его жинка тетка Агаша и трое дѣтей. Да сало и колбасы тоже вѣдь при нихъ. А батько? Какъ же онъ тамъ будетъ? Вѣдь онъ одинъ, вѣдь тамъ же ничего и нѣтъ, кромѣ этихъ позицій, да контрибуцій, да траншей, да шрапнелей,—почему-то эти слова тверже всѣхъ другихъ засѣли въ его головѣ,—это вмѣсто сала да колбасъ! Ну, нечего сказать, хорошо разговѣется тамъ батько! И, значитъ, праздника у него не будетъ.

Ахъ, и бѣдный же батько, какъ жаль его! Такъ жаль, что даже плакать хочется. И главное—что ничего нельзя съ этимъ подѣлать. Оно, конечно, если бы знать, гдѣ эта самая война, то можно бы напихать въ мѣшокъ побольше сала и колбасъ, взвалить его на спину и снести туда и положить передъ батькомъ. И было бы у него чѣмъ разговѣться, и былъ бы у батька праздникъ, какъ у всѣхъ людей. Да вѣдь нельзя, нечего даже и думать объ этомъ.

Пробовалъ Дмитро говорить объ этомъ съ Федоской, да она вѣдь еще глупая, ничего не понимаетъ. Она, напримѣръ, думаетъ, что война, это—беззубая старуха съ длиннымъ крючковатымъ носомъ и съ толстой палкой въ сухихъ костлявыхъ рукахъ, и что она будто ходитъ по свѣту, стучитъ о землю своей палкой и забираетъ въ мѣшокъ непослушныхъ дѣтей, а потомъ дома поджариваетъ ихъ на сковородѣ и ужинаетъ ими.

И когда онъ заговорилъ съ Федоской о томъ, что хорошо бы отправиться на войну и снести батьку сала и колбасъ, чтобы у него было чѣмъ разговѣться, то она, глупая, начала плакать.

Съ мамкой онъ не могъ поговорить объ этомъ, потому что она цѣлый день возилась то съ коровой, то съ теленкомъ, то съ курами, то съ поросятами, и только вечеромъ, когда уже собрались спать и онъ, снявъ сапоги и поясъ, лѣзъ на печку, чтобы тамъ въ теплѣ предаться сну, онъ высказалъ ей свою затаенную мысль.

— Мамка, а какъ же это батько будетъ разговляться, когда тамъ нѣту ни сала ни колбасъ?

— Да ужъ какъ-нибудь, должно-быть, разговѣется. Эхъ, да ну тебя, Дмитро, что спрашиваешь? И безъ того горько,—тяжело вздохнувъ, отвѣтила Марика.

— А я что думаю, мамка,—молвилъ Дмитрій уже изъ темной глубины лежанки надъ печкой, куда онъ забрался:—я думаю: хорошо бы взять мѣшокъ, да накласть туда сала и колбасъ и отнести батьку...

— Куда отнести? Ахъ, глупый же ты хлопецъ, Дмитро! Что только говоришь!

— Да туда же, на войну.

— А гдѣ она, эта война?

— Да ужъ кто-нибудь же да знаетъ. Можетъ, если поразспросить, такъ и укажутъ.

— Э, нѣтъ, никто не знаетъ. Это которые высшіе начальники, тѣ знаютъ, такъ до нихъ же и не добраться. А изъ простыхъ никто не знаетъ.

— А я добрался бы. А батько какъ былъ бы радъ!.. Я думаю, за все это время, когда онъ ушелъ отъ насъ, сала онъ и не видалъ... А тутъ ему цѣлый мѣшокъ...

— Да ну тебя, Дмитро... Спи ужъ, вотъ расходился-то какъ! Только сердце мое растравляешь...

Дмитро, видя, что его рѣчи огорчаютъ мамку, свернулся калачомъ и замолкъ. А внизу, на кровати, спавшая уже давно Федоска, услышавъ сквозь сонъ про войну, испугалась и заплакала. Мамка принялась успокаивать ее.

Лежалъ Дмитро на печи. Снизу такъ здорово поджаривало его, какъ будто бы онъ былъ поросенокъ, котораго рѣшено было сжарить къ празднику. Глаза его были закрыты, но онъ не спалъ, а все думалъ:

„А я добрался бы. Ужъ до самаго высокаго начальства добрался бы. Прямо до генерала, и даже до полковника... Эхъ, жаль, что я еще маленькій! А будь я уже парень, слѣзъ бы тихонько съ печи, да въ кладовку, да набралъ бы въ мѣшокъ сала и колбасъ и подралъ бы прямехенько къ батьку“.

II.

Въ жизни это бываетъ, что человѣкъ задумаетъ что-нибудь крѣпко, да и не замѣтитъ, какъ оно уже сдѣлалось. Самъ же онъ и сдѣлалъ. Въ жизни бываетъ всякое, только не каждому приходится все испытать.

Съ Дмитромъ, несмотря на то, что онъ не былъ еще парень, а было ему всего только восемь лѣтъ, случилась такая исторія, что онъ таки-слѣзъ съ печки, а внизу натянулъ на ноги свои чоботки, а на плечи надѣлъ полученный отъ батька, когда тотъ еще не ходилъ на войну, кожухъ, отъ котораго несло такимъ острымъ да вкуснымъ овчиннымъ ароматомъ, и вышелъ изъ хаты въ сѣни, а изъ сѣней въ кладовку.

Тамъ было темно, хоть глазъ выколи, но онъ хорошо зналъ, что вотъ тутъ, около самой двери, стоитъ кадушка, до самаго верху нагруженная кусками недавняго свѣже-посоленнаго сала, а надъ кадушкой на полкѣ лежатъ свернутыя колечками колбасы.

Схватилъ онъ небольшой мѣшокъ, вѣрнѣе будетъ сказать—торбу, въ родѣ той, что бываетъ у нищихъ, набилъ ее до самаго верху саломъ и колбасами, да и махнулъ на войну.

И самое удивительное въ этомъ было не то, что ему все это удалось продѣлать такъ ловко, что ни мамка ни маленькая Федоска ничего не слышали. Это что жъ! Спятъ себѣ крѣпко, оттого и не слышали.

А то было удивительно, что онъ, который прежде никакъ не могъ представить себѣ, гдѣ находится эта самая война, теперь отлично это знаетъ. Ну, положимъ, если бъ его кто-нибудь спросилъ: гдѣ война?—онъ, пожалуй, и не сумѣлъ бы отвѣтить, но самъ-то навѣрно знаетъ, что идетъ на войну и непремѣнно придетъ туда, и что это совсѣмъ даже и недалеко.

Вонъ тамъ впереди виднѣется рѣчка,—разлеглась среди долины и изогнулась въ нѣсколько разъ, какъ огромная змѣя, а ледъ на ней блеститъ, какъ чешуя. Такъ вотъ за этой рѣчкой какъ разъ и будетъ война.

Идетъ онъ, а кругомъ во всѣ стороны раскинулось поле. Вправо, влѣво и позади все покрыто бѣлымъ снѣгомъ. Ни деревеньки, ни хатинки, ни церковки, ни хоть бы тебѣ деревца какого не видно.

И дороги передъ нимъ тоже нѣтъ. Ступаетъ онъ своими чоботками по снѣгу, а снѣгъ хруститъ подъ ними, какъ сахаръ на зубахъ, когда грызешь его: „хрумъ-хрумъ хрумъ“... Да и огромной змѣи уже не видно,—должно-быть, и ее занесло снѣгомъ.

И вотъ что еще странно: вѣдь на дворѣ зима, это же очевидно, а между тѣмъ ему вовсе не холодно. И отъ снѣга, который лежитъ подъ ногами и въ окружности, вмѣсто холода, какъ будто даже вѣетъ чѣмъ-то тепленькимъ.

А на небѣ ни облачка. Широкимъ темно-синимъ пологомъ раскинулось оно надъ землей, и звѣздъ на немъ зажжено такое множество, и такъ онѣ ярко горятъ, какъ будто тамъ праздникъ какой-нибудь, вотъ какъ бываетъ въ церкви, когда зажгутъ всѣ лампады и свѣчи и паникадила.

Только мѣсяца что-то не видать. Должно-быть, опоздалъ онъ, проспалъ, что ли, или его на праздникъ не позвали. Да и не надо: и такъ свѣтло, и видно кругомъ на сто верстъ.

И идетъ себѣ Дмитро, и весело ему: такое радостное чувство у него въ груди оттого, что на спинѣ онъ тащитъ котомку, набитую саломъ и колбасами, и не для кого-нибудь, а для батька.

Вѣдь батько, онъ—герой. Онъ тамъ, на войнѣ, сражается съ нѣмцемъ. Тамъ на него со всѣхъ сторонъ наступаютъ и позиціи, и контрибуціи, и траншеи, и шрапнели, и какъ ихъ еще зовутъ

Библиотека "Руниверс"

тамъ,—ну, да словомъ, всякая нечисть. И проголодался же онъ, должно-быть, тамъ, какъ волкъ! Что онъ тамъ ѣстъ? Сухари какіе-нибудь, размоченные въ водѣ, да и то еще ежели Богъ пошлетъ. А то, можетъ, эти самыя позиціи съ контрибуціями жуетъ да отплевывается. А о салѣ тамъ да о колбасахъ и вообще о какой-нибудь настоящей христіанской ѣдѣ даже и думать нечего. Вѣдь сторона нѣмецкая, а нѣмцы, извѣстно, что они ѣдятъ? Кошекъ, да крысъ, да мышей, да таракановъ... Тьфу!..

Сидитъ онъ тамъ гдѣ-нибудь въ ямкѣ, нѣмца подстерегаетъ, и скучно ему, что онъ столько времени не видитъ ни мамки, ни его, Дмитра, ни Федоски, ни коровы съ теленочкомъ, ни мохнатаго остромордаго Вовчка, ни колбасъ, ни сала.

И вдругъ передъ нимъ самъ Дмитро, да еще съ торбой, набитой такимъ добромъ, какого нигдѣ на свѣтѣ, кромѣ какъ на ихъ сторонѣ, и не бываетъ.

— Вотъ тебѣ, батько! Разговляйся!

Ого! Батько, должно-быть, до самаго неба подпрыгнетъ отъ радости. Ну и сынокъ же у меня, ну и Дмитро! Скажи, пожалуйста: до самой войны добрался, да не съ пустыми руками, а съ саломъ да колбасами...

И начнетъ уплетать—ой, ой! Зубы такъ заработаютъ, что прямо искры изъ-подъ нихъ посыплются.

Однако онъ замечтался и не замѣтилъ, что снѣгъ дѣлается все глубже и глубже. Уже чоботки его, достигающіе до колѣнъ, погружаются въ снѣгъ вмѣстѣ съ голенищами да и съ колѣнками, и приходится дѣлать усиліе, чтобы вытащить ноги. Эге, да теперь снѣгъ уже ему по поясъ—и какъ только онъ умудряется выкарабкаться изъ него!..

По плечи... Фью-у!.. По самую шею! И наконецъ—бухъ—и съ головой провалился въ снѣгъ. И думалъ, что наступила уже его погибель.

На самомъ же дѣлѣ вышло такое, что, если разсказать, такъ и не повѣрятъ. Нѣтъ, право же, вотъ живутъ люди у нихъ въ деревнѣ и доживаютъ до старости, до сѣдыхъ бородъ, а ничего толкомъ не знаютъ. Вѣдь спрашивалъ же онъ и у мамки, и у Харитона Ткаченка, да и у другихъ, кто хотѣлъ его слушать,— гдѣ она, эта самая война? И хоть бы тебѣ намекомъ показали. Никто и понятія не имѣетъ.

— Тамъ, говорятъ, гдѣ-то далеко: все равно не дойдешь, хоть три года иди,—такъ что же и спрашивать!

Ткаченко каждый день газету читаетъ, всю, отъ первой строчки до послѣдней, а знаетъ не больше другихъ. Да и писарь, даромъ что ученый, тоже пальцемъ тычетъ куда-то въ пространство, въ ту сторону, гдѣ солнце заходитъ: вонъ тамъ, говоритъ. А какъ попасть туда—и понятія не имѣетъ.

А онъ, Дмитро, какъ провалился въ снѣгъ съ головой, такъ и попалъ, куда слѣдуетъ. Такъ просто. Эхъ, если бъ онъ это раньше зналъ! У нихъ въ деревнѣ, неподалеку отъ ихъ же хаты,—ну, выбѣжать только въ поле,—есть глубокая балка, и въ нее снѣгу навалено столько, что не то что человѣкъ, а и корова, если провалится, то только ее и видѣли,—съ рогами и съ хвостомъ туда уйдетъ. И онъ сколько разъ бѣгалъ тамъ, по-надъ балкой, вмѣстѣ съ Федоской. Взяться бы имъ за руки, да въ снѣгъ, въ самую балку,—ушли бы туда съ головой да сразу и попали бы на войну. И мамка могла бы съ ними. Каждый день можно было бы съ батькомъ видѣться.

И главное, что въ снѣгу нисколько не холодно. Онъ слышалъ, что многіе будто бы, попавъ въ снѣгъ, замерзали. Ничего такого вовсе и нѣтъ. Жарко тамъ, прямо печетъ, какъ будто бы на угольяхъ.

И когда это случилось, онъ прежде всего обѣими руками ощупалъ у себя на спинѣ: страшно было, не потерялъ ли по дорогѣ торбу. Но нѣтъ, торба была тутъ. Она какъ будто приросла къ его спинѣ. Да оно и понятно: вѣдь въ торбѣ все дѣло. Не будь ея и того, что въ ней напихано, не зачѣмъ было бы и съ печки слѣзать и итти такую даль. Что жъ, прійти къ батьку и сказать: здравствуй, съ праздникомъ, молъ, тебя! Ну, такъ этимъ не разговѣешься.

А куда же онъ попалъ? Такъ вѣдь это же ясно: на войну. Вотъ она передъ нимъ, вся какъ на ладони. И что только тутъ дѣлается! Страшно даже смотрѣть съ открытыми глазами. Ружья палятъ, пушки гремятъ, барабаны тарахтятъ, трубы трубятъ, кони ржутъ и стучатъ копытами и роютъ ими землю, воздуха такъ и совсѣмъ нѣтъ, а вмѣсто него какой-то желтый дымъ, а въ немъ пули и бомбы такъ и летаютъ, какъ шмели. Всюду съ грохотомъ вспыхиваютъ огни, какъ молніи, и все дрожитъ, качается, шатается, падаетъ. День это, или ночь поди-ка разбери.

И видитъ Дмитро, что на него надвигается какая-то туча. Далеко еще, но становится все ближе и выростаетъ вширь и вверхъ и дѣлается такая огромная, что занимаетъ половину земли. Пялитъ онъ изо всей силы свои глаза, то расширяетъ ихъ, то прищуриваетъ, присматривается, и вдругъ совершенно явственно видитъ, что это нѣмцы, цѣлое непріятельское войско.

Ну, конечно, это они. Будь русскіе, такъ онъ сейчасъ же узналъ бы ихъ и въ первую голову увидалъ бы батька. Но батька тутъ и въ поминѣ нѣтъ, да и слава Богу, что его тутъ нѣтъ, потому что, если бы онъ былъ такой, какъ они, то ему, Дмитру, чего добраго, пришлось бы отречься отъ него.

А, такъ вотъ они какіе, эти нѣмцы! Теперь понятно, почему наши съ ними воюютъ. Вѣдь этакія же богопротивныя рожи,— какъ на подборъ, какъ будто кто-нибудь взялъ да и свернулъ ихъ на сторону.

Красные, какъ калина, носы у всѣхъ длинные и острые, какъ у тѣхъ черногузовъ, что свили себѣ огромное гнѣздо на поповской хатѣ и каждое лѣто прилетаютъ туда и плодятъ тамъ своихъ длинноносыхъ птенцовъ. Глаза у нихъ круглые, величиной съ колесо отъ добраго воза или чабанской гарбы, а ротъ такой, что въ него можно въѣхать на водовозной бочкѣ, и торчатъ въ немъ кверху и книзу острые трехвершковые гвозди, а сами они горбатые, кривобокіе, хромоногіе, сухорукіе, нѣтъ между ними ни одного человѣка какъ слѣдуетъ. Видно, ужъ ихъ покаралъ такъ Богъ за то, что они нѣмцы.

И вотъ идутъ на него, идутъ, идутъ, кто на конѣ, кто на собакѣ, кто на коровѣ, а кто на кошкѣ и даже на крысѣ. У каждаго въ рукѣ по пушкѣ, и пушки эти жерлами смотрятъ на него, на Дмитра, и изъ нихъ съ грохотомъ вылетаютъ бомбы—одна, другая, третья, тысяча, милліонъ бомбъ, вылетаютъ и куда-то дѣваются, Богъ ихъ знаетъ.

Понимаетъ Дмитро, что ему надо бояться, дрожать, какъ осиновый листъ, потому что это страшно, а между тѣмъ онъ—ничего, стоитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Досталъ со спины торбу, выставилъ ее впередъ, какъ щитъ, и все ему—какъ съ гуся вода.

„Ага,—думаетъ Дмитро:—такъ вотъ она въ чемъ штука! Недаромъ же я прихватилъ съ собою торбу. Значитъ, въ торбѣ есть великая сила, что ее и бомба не беретъ. Вишь, какъ отскакиваютъ отъ нея,—какъ мячи! Эхъ, какъ бы мнѣ скорѣе добраться до батька да отдать ему торбу. Тогда ужъ его навѣрно никакая нѣмецкая нечисть не возьметъ“.

Думаетъ, а самъ держитъ торбу передъ собой, вытянулъ руки впередъ, а изъ торбы торчатъ куски сала и цѣлыя колбасы, свернутыя кольцами. Руки у него нѣмѣютъ отъ натуги и готовы опуститься отъ тяжести, но онъ держитъ изъ послѣднихъ силъ.

А туча надвигается, и вотъ уже нѣмцы передъ самымъ его носомъ.

— Стой!—кричитъ не своимъ голосомъ самый главный нѣмецъ.— Что это такое у него въ рукахъ? Эй, ты, хлопецъ, что это у тебя?

— А ты попробуй, нѣмецкая твоя душа, такъ и узнаешь, что это.

Самый главный нѣмецъ вытаскиваетъ изъ торбы кусокъ сала, подноситъ его къ своему рту, вонзаетъ въ него свои зубы-гвозди, откусываетъ и жуетъ.

— Да это сало,—говоритъ онъ, и вдругъ по всему войску раздается гулъ:—са-а-ало, са-а-ало, са-а-ло...

И милліоны рукъ тянутся къ главному нѣмцу, чтобы онъ далъ имъ сала.

„Вотъ такъ войско,—думаетъ Дмитро:— да они, должно-быть, три дня не ѣли“.

Но тутъ произошла такая исторія, что Дмитро смотрѣлъ и не зналъ, вѣрить ли. Главный нѣмецъ разжевалъ сало, проглотилъ и грохнулся на землю, а въ это время другой рванулъ зубами отъ того же куска, разжевалъ, проглотилъ и туда же. Кусокъ сала пошелъ гулять по всему войску. Грызутъ его нѣмцы, глаза у нихъ разгорѣлись жадностью, а онъ, кусокъ-то, нисколько даже не уменьшается. Грызутъ и падаютъ замертво, а ихъ лошади, коровы, собаки, кошки и крысы — за ними, должно-быть — они отъ одного запаха дохнутъ. И вотъ уже ихъ полегли тысячи, а тамъ, должно-быть, и цѣлый милліонъ. Ну, однимъ словомъ, ни одного нѣмца не осталось въ живыхъ. Всѣ окочурились, такъ что даже некого было взять въ плѣнъ.

Стоитъ передъ ними Дмитро и думаетъ: „Чѣмъ же это я ихъ такъ? Однимъ кускомъ сала. Гм... Вѣдь торба-то полная, какъ и была, одного только куска въ ней не хватаетъ. Отчего же это такъ случилось? У нихъ вѣдь пушки, а у меня только кусокъ сала“...

Думаетъ, думаетъ и вдругъ хватаетъ себя ладонью по лбу. „Эхъ, да что же это я! Понятно. Вѣдь сало-то православное, такъ, разумѣется, его нѣмцу не снести. Вѣдь у насъ только вчера утромъ батюшка съ молитвою былъ и все окропилъ святой водой—и въ хатѣ, и въ сараѣ, и въ кладовкѣ, такъ, стало-быть, и сало священное. Да и помимо этого, вѣдь саломъ весь народъ православный разговляется въ день Рождества Христова, такъ какъ же ему не имѣть силы надъ нѣмцемъ?“

Понялъ все это Дмитро и рѣшилъ, что ему надо итти дальше, чтобы отыскать-таки наконецъ гдѣ-нибудь батька. Но, куда ни повернется онъ—направо ли, налѣво, или впередъ, или назадъ— всюду груды нѣмцевъ навалены, прямо цѣлыя горы, и ступить ему никуда невозможно.

Что же дѣлать-то? Неужто такъ и оставаться посреди этого нѣмецкаго кладбища? Ну, положимъ, не таковскій онъ. Хлопецъ, который прямо съ печи да попалъ на войну и однимъ кускомъ сала уложилъ на мѣстѣ цѣлое войско, да чтобы такой хлопецъ не нашелся, что ему дѣлать! Да тутъ и думать нечего. Что онъ, не крещеный, что ли? Поднять руку да перекреститься, такъ вся эта нѣмецкая нечисть и сгинетъ.

Онъ такъ и сдѣлалъ. Перекрестился разъ,—и все, что было вокругъ него, начало куда-то отодвигаться. Все дальше, дальше, а онъ тутъ сейчасъ же и во второй разъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, тогда оно все посѣрѣло, какъ будто превратилось въ туманъ, такъ себѣ—дымокъ какой-то подымается изъ земли. Дмитро и въ третій разъ перекрестился: а когда поднялъ глаза, да повернулъ голову въ одну сторону, а потомъ въ другую, то такъ и застылъ на мѣстѣ отъ изумленія.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

НА ДВА ФРОНТА.

Очерки **К. Шумскаго.**

(Съ 15-ю картами).

(Продолженіе *).

Ударъ по Бельгіи.

Еще не закончивъ своей мобилизаціи, германскія войска въ исполненіе намѣченнаго плана войны неожиданно и безцеремонно перешли бельгійскую границу, а германское правительство предъявило бельгійцамъ ультиматумъ, требуя свободнаго пропуска войскъ черезъ бельгійскую территорію. Бельгійское правительство категорически отказалось пропустить нѣмцевъ, и Бельгія рѣшила защищать свой нейтралитетъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Бельгійская армія состояла всего изъ 4 дивизій пѣхоты и 2 дивизій кавалеріи. Съ приведеніемъ на военное положеніе она насчитывала около 180.000 человѣкъ, изъ которыхъ половина занимала гарнизонами крѣпость Антверпенъ и старыя небольшія крѣпости Льежъ, Намюръ и Гюи.

Послѣ полученія отрицательнаго отвѣта отъ бельгійскаго правительства 3 германскихъ корпуса штурмовали небольшую бельгійскую крѣпость Льежъ, но были отбиты съ большимъ урономъ. Нѣмцы не остановились и продолжали вести энергичныя атаки противъ этой ничтожной крѣпости, состоявшей изъ нѣсколькихъ старыхъ фортовъ, опоясывавшихъ городъ Льежъ на обоихъ берегахъ рѣки Мааса.

Главная причина неудачи нѣмцевъ подъ Льежемъ заключалась въ томъ, что они рѣшили примѣнить при взятіи этой крѣпости такъ называемую ускоренную атаку генерала фонъ-Зауера. Обыкновенно крѣпости атакуются при помощи долгой постепенной атаки, изобрѣтенной знаменитымъ Вобаномъ. Сущность этой атаки заключается въ томъ, что атакующій приближается къ крѣпости посредствомъ ряда длинныхъ параллельныхъ окоповъ. Такимъ образомъ въ теченіе недѣль, а то и мѣсяцевъ проходится все пространство, отдѣляющее атакующаго отъ фортовъ, и этимъ атакующій предохраняетъ себя отъ большихъ потерь.

Лѣтъ 50 тому назадъ баварской службы генералъ фонъ-Зауеръ заявилъ, что совершенно нѣтъ необходимости такъ долго возиться около крѣпости, и что можно ее взять сразу въ теченіе одного или нѣсколькихъ дней. Для этого онъ рекомендовалъ изобрѣтенный имъ способъ „ускоренной атаки". Способъ этотъ заключался въ томъ, что вокругъ крѣпости выставляется громадное число полевыхъ пушекъ, которыя, конечно, имѣются во всякой арміи. Затѣмъ эти пушки открываютъ невѣроятной силы огонь, который безпрерывно поддерживаютъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, а то и цѣлыхъ сутокъ и болѣе. Съ открытіемъ этого огня, по мнѣнію генерала фонъ-Зауера, ни одинъ изъ защитниковъ крѣпости не сможетъ оставаться у пушекъ, и всѣ защитники должны будутъ спрятаться въ казематы. Вслѣдствіе этого прекратится всякій огонь съ фортовъ, и можно будетъ спокойно подойти вплотную къ фортамъ. Этимъ разрѣшалась самая главная часть задачи, такъ какъ наибольшая трудность заключается въ томъ, чтобы подойти къ фортамъ подъ исключительно сильнымъ огнемъ изъ крѣпостныхъ орудій, пулеметовъ и винтовокъ. Потомъ ужъ остается лишь ворваться въ крѣпость, что одинаково необходимо какъ при постепенной атакѣ, такъ и при ускоренной.

Этотъ способъ до сихъ поръ существовалъ лишь въ теоріи, и впервые его японцы испробовали въ августѣ 1904 г. при осадѣ Портъ-Артура. Тогда и обнаружилось, что въ теоріи онъ хорошъ, а на практикѣ совсѣмъ непримѣнимъ. Нѣмцы однако возобновили этотъ опытъ на Льежѣ, и, невзирая на то, что эта крѣпость была ничтожна во всѣхъ отношеніяхъ, защищалась лишь старыми негодными пушками, нѣмцы потерпѣли полную неудачу и покрыли трупами все поле сраженія и рвы фортовъ.

Геройская оборона Льежа задержала нѣмецкое наступленіе почти на 2 недѣли. Нѣмцы уже никакъ не могли разсчитывать разбить французовъ на 16-й день, а должны были по меньшей мѣрѣ добавить и эти неожиданные 14 дней, тогда какъ они раньше разсчитывали, что сопротивленіе Бельгіи будетъ сразу сломлено и операціи противъ бельгійской арміи обратятся въ простую военную прогулку.

Въ то время, когда нѣмцы возились съ Льежемъ и Намюромъ, полевая армія бельгійцевъ, подкрѣпленная нѣсколькими французскими корпусами, сильно тѣснила нѣмцевъ, и послѣдніе, къ окончанію французской мобилизаціи, т.-е. къ 11-му или 12-му дню войны, оказались въ крайне невыгодномъ положеніи: съ фронта передъ ними стояла французская армія, протянутая вдоль бельгійской границы, а на правомъ нѣмецкомъ крылѣ—висѣла опиравшаяся на Брюссель бельгійская армія, подкрѣпленная нѣсколькими французскими корпусами. Изъ этого нетрудно видѣть, что германская армія, втиснувшаяся большой плотной массой въ Бельгію, была охвачена съ фронта и со стороны праваго фланга.

Такое положеніе могло бы представлять очень большія выгоды для французовъ, если бы французская армія превосходила своими силами германскую и имѣла въ виду наступленіе.

Нѣмцы передъ войной всегда предполагали, что французы въ случаѣ войны будутъ наступать, а съ нашей стороны послѣдуетъ оборонительная война. На этомъ основывался ихъ планъ нападенія сначала на Францію, а потомъ на Россію. Если бы нѣмцы предполагали, что французы будутъ обороняться, то, возможно, они отказались бы отъ своего плана. Какъ мы видѣли, планъ нѣмцевъ основывался на возможности быстро покончить операціи во Франціи. Это было бы въ свою очередь возможно, если бы французы также наступали, что вызываетъ всегда рѣшительное сраженіе, кончающееся чьей-либо побѣдой.

Планъ союзниковъ, очевидно, былъ построенъ на томъ, чтобы не дать осуществиться предположеніямъ нѣмцевъ. Если нѣмцы предполагали, что французы будутъ наступать, а мы обороняться, то въ дѣйствительности надо было создать для нихъ обстановку совершенно обратную. Наступать начали мы, а обороняться стали французы. Это конечно, совершенно разрушило расчеты нѣмцевъ, но въ же время обязывало французовъ къ настойчивому соблюденію намѣченнаго плана оборонительной войны. Поэтому, когда нѣмцы оказались охваченными съ фронта французскими а справа франко-бельгійскими войсками, то французы не могли наступать прежде всего потому, что это значило бы играть въ руку нѣмцамъ. Наступленіе французовъ и быстрая развязка были нужны для нѣмцевъ, а никакъ не для французовъ, вслѣдствіе чего послѣднимъ нужно было избѣгать такихъ острыхъ положеній, при которыхъ дѣло бы свелось къ азартному рѣшительному бою, гдѣ одна сторона должна быть разбита, а другая стать побѣдительницей.

Это была первая причина, почему французы не наступали на нѣмцевъ въ тотъ моментъ, когда послѣдніе плотной массой вошли въ Бельгію и были охвачены. Другой причиной, почему французы не наступали тогда на нѣмцевъ, является отсутствіе у французовъ превосходства силъ. Въ современной войнѣ при одинаковомъ болѣе или менѣе качествѣ арміи теоретически требуется, чтобы наступающій имѣлъ бы примѣрно полуторное превосходство надъ обороняющимся, и только при этихъ условіяхъ возможно разсчитывать на рѣшительный успѣхъ. Наступающему приходится нести большія жертвы при наступленіи, такъ какъ обороняющій разстрѣливаетъ его во время атаки изъ хорошихъ укрытыхъ позицій, будучи самъ укрытъ отъ выстрѣловъ. Кромѣ того, всякое наступленіе сопряжено съ сосредоточеніемъ большой массы войскъ въ одномъ опредѣленномъ пунктѣ, съ цѣлью сломить сопротивленіе непріятеля въ этомъ пунктѣ и развить далѣе успѣхи противъ расколотыхъ частей непріятельской арміи. Для этого, конечно, также необходимо имѣть превосходство въ силахъ.

Между тѣмъ, какъ мы знаемъ, силы полевой французской арміи исчислялись въ 1,1 милліона человѣкъ, въ то время какъ силы нѣмцевъ доходили до 2¼ милліона. Правда, изъ этихъ войскъ нѣмцы должны были оставить часть корпусовъ для охраны восточной границы. Но все же и за вычетомъ этихъ войскъ у нѣмцевъ на французскомъ фронтѣ было въ первое время не менѣе чѣмъ полуторное превосходство. При такихъ условіяхъ французы совершенно правильно не считали возможнымъ вести наступленіе противъ нѣмцевъ, невзирая, что послѣдніе были охвачены. Охватъ хорошъ тогда, когда охватывающія войска имѣютъ такое превосходство, что ихъ длинная охватывающая линія не можетъ быть прорвана массой противника, которая, въ свою очередь сосредоточенная, находится въ центрѣ охватывающей дуги. Въ данномъ случаѣ вслѣдствіе превосходства въ численности не французовъ, а нѣмцевъ, французскому длинному расположенію всегда могла угрожать опасность прорыва.

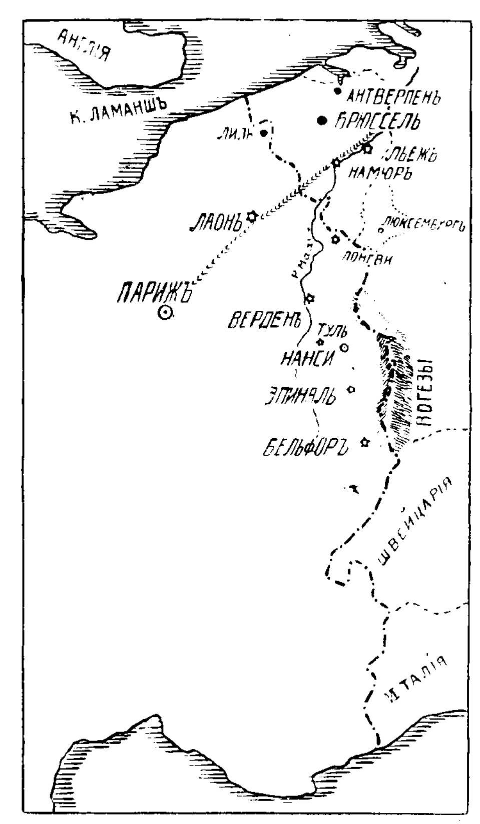
Такимъ образомъ вслѣдствіе превосходства нѣмцевъ въ численности, а главнымъ образомъ во имя строгаго соблюденія ранѣе намѣченнаго плана, французы продолжали вести оборонительную войну, невзирая на то, что ихъ охватывающее расположеніе давало какъ бы нѣкоторыя выгоды для наступленія.

Нѣмцы, провозившись довольно долго подъ Льежемъ и Намюромъ, овладѣли при помощи громадныхъ жертвъ этими крѣпостями, задавивъ ничтожные форты громадными массами своихъ войскъ и сотнями тысячъ труповъ. Пройдя мимо Льежа и Намюра, нѣмцы приступили къ выполненію своей операціи наступленія непосредственно на Францію. Было уже поздно, шелъ не 16-й день войны, а 30-й.

Такимъ образомъ впервые обнаружился недостатокъ нѣмецкаго плана, заключавшійся въ томъ, что онъ былъ слишкомъ точно разсчитанъ, до того точно, какъ будто противника и его сопротивленія и не существовало. Конечно, всегда этотъ недостатокъ непомѣрно претенціознаго нѣмецкаго плана былъ достаточно замѣтенъ. Но слишкомъ ужъ велико было обаяніе нѣмецкаго военнаго авторитета, до того сильное, что серьезные критики всѣхъ странъ обсуждали этотъ планъ, за который любому офицеру военной академіи поставили бы единицу, до того онъ противорѣчилъ элементарнымъ правиламъ военнаго искусства. Свѣтлые умы — Клаузевицъ, Жомини, нашъ русскій Леєръ — говорили, что каждый шагъ на войнѣ долженъ вытекать изъ обстановки сегодняшняго

*) Помѣщаемый въ настоящемъ нумерѣ очеркъ К. Шумскаго подъ заглавіемъ „На два фронта" представляетъ продолженіе очерка „Война, подготовка къ ней и первый планъ".

Библиотека "Руниверс"



Карта 1.

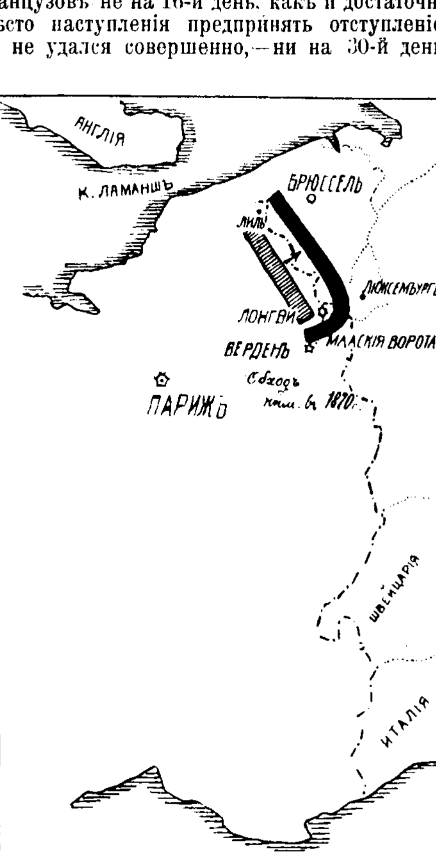
Карта показываетъ характеръ франко-германской границы. Наличность Вогезъ исключала возможность операцій здѣсь большими массами, почему для развертыванія германской арміи оставался лишь участокъ къ югу отъ Люксембурга, Люксембургъ и Бельгія. Это и было одной изъ причинъ нарушенія нѣмцами нейтралитета Бельгіи.

дня. Какъ можно было говорить о томъ, что будетъ на 16-й или на 25-й день, когда достаточно малѣйшей задержки, чтобы то, что должно случиться на 16 день, случилось бы только на 20-й день, и когда, быть-можетъ, довольно одной неудачи, чтобы просто ничего не осуществилось.

Извѣстенъ тотъ знаменитый случай, когда Суворову послали планъ похода въ Сѣверную Италію, сочиненный австрійскимъ гофкригсратомъ, и когда онъ его перечеркнулъ перомъ, сказалъ: „что онъ идетъ въ Сѣверную Италію, а тамъ что Богъ дастъ".

Одно изъ правилъ военнаго искусства вполнѣ опредѣленно говоритъ, что планъ кампаніи можетъ предусматривать только первыя операціи. И поэтому планъ нѣмцевъ могъ предусматривать только операціи противъ Бельгіи и самое большее намѣчать въ общихъ чертахъ первую операцію противъ французской арміи. И, конечно, ничего удивительнаго не было въ томъ, что планъ нѣмцевъ лопнулъ при первой же операціи, и что достаточно было ничтожнаго Льежа, чтобы нѣмцы начали операцію противъ французовъ не на 16-й день, какъ и достаточно было французамъ вмѣсто наступленія предпринять отступленіе, чтобы планъ нѣмцевъ не удался совершенно,—ни на 30-й день, ни на—50-й, ни на—120-й, какъ это мы видимъ теперь.

Конечно, можетъ показаться страннымъ, что такіе большіе спеціалисты военнаго дѣла, какъ нѣмцы, насчитывающіе нѣсколько крупныхъ именъ военныхъ писателей, хотя бы въ родѣ недурного теоретика фонъ-деръ-Гольца, могли бы сочинить такой фантастическій планъ. Это объясняется единственно той необыкновенной самоувѣренностью, которая всегда составляла отличительную черту нѣмецкаго генеральнаго штаба; и все же надо думать, что высшіе руководители германской арміи, принимая этотъ планъ, мало надѣялись на даты въ немъ указанныя и принимали его больше по существу, больше по главной идеѣ, заключавшейся въ томъ, чтобы разбить сначала Францію, а потомъ Россію, а не наоборотъ.



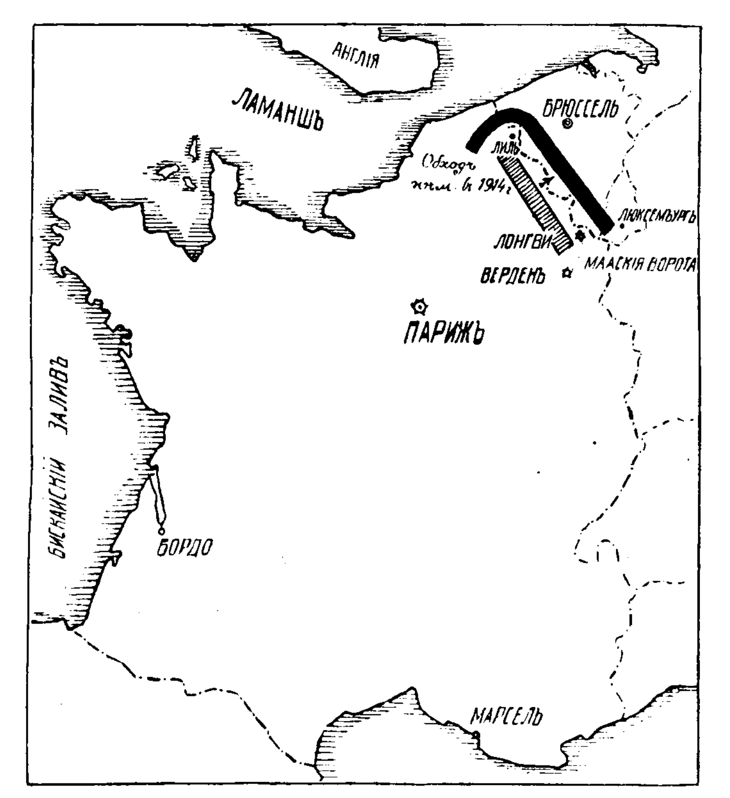
Карта 2.

Движеніе на Парижъ.

Какъ мы указывали, при выборѣ нѣмцами путей наступленія противъ французской арміи имъ необходимо было считаться съ характеромъ пограничной линіи. Изъ всего длиннаго протяженія французской границы нѣмцы должны были исключить прежде всего Вогезы, проходы черезъ которые запираются крѣпостями Бельфоромъ, Эпиналемъ, Тулемъ и Верденомъ. Далѣе къ сѣверу имѣется небольшой участокъ до Бельгіи, который однако такъ невеликъ, что развернуться здѣсь вся германская армія ни въ коемъ случаѣ не можетъ. Такимъ образомъ для развертыванія германской арміи остается часть Лотарингіи, герцогство Люксембургское и Бельгія. На этомъ пространствѣ и стремилась развернуться германская армія, для чего ея правому крылу надо было откинуть франко-бельгійскія войска, опиравшіяся на Брюссель. Послѣ долгихъ и упорныхъ боевъ союзники, согласно заранѣе намѣченному плану, отошли къ границѣ, при чемъ часть бельгійской арміи укрылась въ крѣпость Антверпенъ. (Карта 1).

Когда развертываніе германскихъ войскъ такимъ образомъ было закончено и они вытянулись вдоль французской границы, сраженіе завязалось на всемъ фронтѣ, начиная отъ Лотарингіи, черезъ Люксембургъ и вдоль всей бельгійской границы.

Было вполнѣ понятно, что такое фронтальное наступленіе не можетъ долго продолжаться и несомнѣнно должно быть соединено съ попыткой нѣмцевъ гдѣ-либо обойти линію французскаго расположенія, либо прорвать ее. Какъ мы видѣли, главная масса германскихъ войскъ была расположена въ Бельгіи, вдоль франко-бельгійской границы. И противъ нея стояли главныя массы французскихъ войскъ. Но сѣверный участокъ франко-бельгійской границы былъ очень мало занятъ французскими войсками, и почти до самаго побережья стояли лишь незначительныя группы войскъ обѣихъ сторонъ. Обходъ нѣмцами праваго фланга французскаго лѣваго фланга черезъ Лиль, недалеко отъ побережья Сѣвернаго моря, казался мало вѣроятнымъ, такъ какъ мы уже указывали, что французы при этомъ обходѣ могли отойти назадъ и, повернувшись на югъ, отходить въ богатыя южныя области Франціи. Обходъ съ этой стороны, въ случаѣ отступленія французовъ, не былъ рѣшеніемъ вопроса, тогда какъ обходъ праваго, южнаго французскаго фланга, черезъ Люксембургъ,



Карта 3.

Изъ картъ 2-й и 3-й можно видѣть разницу въ томъ способѣ наступленія, который вели нѣмцы въ 1870 году, и тѣмъ способомъ наступленія, который ими принятъ въ 1914 году. Какъ видно изъ 2-й карты, обходъ Мольтке въ 1870 году былъ произведенъ лѣвымъ флангомъ германской арміи и отрѣзалъ французовъ отъ юга. Изъ карты 3-й видно, что обходъ нѣмцевъ въ 1914 году былъ произведенъ правымъ флангомъ и, наоборотъ, загонялъ французовъ на югъ въ богатѣйшія области Франціи, какъ бы преднамѣренно давая имъ возможность сдѣлать длительнымъ свое сопротивленіе. Вслѣдствіе этого нѣмцы не добились рѣшительнаго сраженія во Франціи и до сихъ поръ не могутъ добиться развязки.

Библиотека "Руниверс"

могъ отрѣзать французскую армію отъ юга Франціи и вынудить ее принять бой. (Карты 2 и 3).

Нѣмцы однако избрали обходъ черезъ Лиль, черезъ такъ называемыя Шимейскія ворота, и этимъ отказались отъ обхода черезъ Люксембургъ,—черезъ такъ называемыя Маасскія ворота,—угрожавшаго отрѣзать пути наступленія французовъ. Такое рѣшеніе нѣмцы могли принять по двумъ причинамъ: либо они были увѣрены, что французы все равно примутъ бой, либо движеніе черезъ Маасскія ворота, т.-е. черезъ Люксембургъ, ихъ остановило, такъ какъ этотъ промежутокъ въ нѣсколько десятковъ верстъ преграждала большая группа французскихъ войскъ.

Въ тотъ моментъ, когда французы рѣшили обороняться, ихъ временное отступленіе было какъ бы уже предрѣшено. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время при длинныхъ оборонительныхъ линіяхъ стало труднѣе, чѣмъ когда-либо, имѣть успѣхъ при оборонѣ.

Французы могли ожидать, что нѣмцы пойдутъ не только чрезъ Маасскія ворота, т.-е. черезъ промежутокъ между крѣпостями Лонгви и Верденомъ, и не только въ обходъ лѣваго фланга французовъ черезъ Лиль, но могли также ожидать, что нѣмцы будутъ пытаться прорвать французскій центръ, чтобы выйти на кратчайшую дорогу Лаонъ—Парижъ.

Естественно, что французы, обороняясь, должны были непрерывно задавать себѣ вопросъ, въ какомъ изъ этихъ трехъ направленій будутъ пробиваться нѣмцы. Ибо въ этомъ направленіи нѣмцы направятъ главную массу войскъ и будутъ стремиться прорвать французское расположеніе всей чудовищной силой инерціи своихъ громадныхъ массъ. Поэтому французамъ нужно было въ тотъ моментъ, когда нѣмцы пойдутъ по одному изъ этихъ трехъ путей, подпереть угрожаемое мѣсто войсками. Для этого обороняющій всегда имѣетъ свободную массу войскъ, такъ называемый стратегическій резервъ, который въ минуты опасности посылается для того, чтобы удержать тотъ пунктъ, гдѣ главной массой стремится прорваться противникъ. Этотъ стратегическій резервъ обыкновенно держится за серединой расположенія, чтобы въ случаѣ нужды послать его вправо, влѣво или впередъ, въ зависимости отъ того, гдѣ противникъ будетъ угрожать прорывомъ: на правомъ ли флангѣ, или на лѣвомъ, или въ центрѣ.

Однако при длинномъ расположеніи обороняющагося это не всегда осуществимо. Резервъ, посланный къ угрожаемому пункту, можетъ не успѣть къ нему подойти, когда, въ данномъ случаѣ, громадная масса нѣмцевъ уже прорветъ въ угрожаемомъ пунктѣ расположеніе французскихъ войскъ. Это объясняется тѣмъ, что мѣсто для прорыва выбираетъ нападающій. Поэтому онъ и раньше начинаетъ свое движеніе и наступленіе, а обороняющійся объ этомъ узнаетъ лишь тогда, когда непріятель уже продѣлалъ необходимыя движенія и давитъ на войска. Вотъ почему обороняющійся, резерву котораго нужно еще продѣлать длинный путь, обыкновенно опаздываетъ и проигрываетъ бой.

Въ данномъ случаѣ нѣмцы дѣлали нѣсколько демонстративныхъ наступленій и противъ французскаго фланга черезъ Маасскія ворота и противъ французскаго центра, а на лѣвомъ французскомъ флангѣ, тамъ, гдѣ произошелъ обходъ, появилась только нѣмецкая кавалерія. Появленіе нѣмецкой кавалеріи еще не указывало на то, что здѣсь нѣмцы предполагаютъ произвести обходъ, а указывало скорѣе обратное, что нѣмцы не предполагаютъ обходить лѣваго фланга французовъ, а выслали только кавалерію для наблюденія, что всегда является обязательнымъ правиломъ при всякомъ расположеніи.

Поэтому французы и не двинули къ Лилю никакихъ войскъ, когда тамъ появилась непріятельская кавалерія, тѣмъ болѣе, что, какъ извѣстно, кавалерія легко и быстро можетъ занять любой пунктъ, но далеко не всегда можетъ его удержать прочно въ своихъ рукахъ. Однако потомъ оказалось, что за нѣмецкой кавалеріей двигались массы германской пѣхоты.

Когда этотъ обходъ обнаружился, лѣвый французскій флангъ началъ понемногу отходить. Нѣмцы во время своего обхода вели только небольшіе бои и стремились поглубже забраться въ тылъ французской арміи и стать на путяхъ отступленія французовъ къ Парижу. Нѣмецкій генеральный штабъ преслѣдовалъ задачу явно неправильную, а именно—отрѣзать французовъ отъ Парижа, тогда какъ нужно было ихъ отрѣзать отъ юга Франціи. Въ этомъ заключалась вся неправильность взгляда нѣмецкой стратегіи, полагавшей, что объектомъ ихъ операцій долженъ быть Парижъ, а не французская армія. Никогда предметомъ дѣйствія не можетъ служить какой-либо географическій пунктъ, а всегда такимъ предметомъ должна быть непріятельская армія. Этотъ взглядъ опредѣленно проводится въ теоріи военнаго искусства и основывается на весьма простомъ соображеніи. Какую бы вы территорію ни заняли, какими бы важными пунктами ни завладѣли, они еще не принадлежатъ вамъ до тѣхъ поръ, пока цѣла непріятельская армія. Если эта армія разобьетъ противника, занявшаго какое угодно громадное пространство, она безъ труда возвращаетъ себѣ какъ утерянную территорію, такъ и территорію противника, ибо послѣднему, за отсутствіемъ арміи, защищать ее нечѣмъ. Не трудно забраться на чужую территорію, но, чтобы владѣть ею, нужно предварительно убить защитника этой территоріи—непріятельскую армію. И тогда все принадлежавшее непріятелю становится легкой добычей побѣдившей арміи.

Поэтому задача войны всегда сводится къ тому, чтобы уничтожить непріятельскія арміи и тогда диктовать уже беззащитному противнику условія мира. Если же вмѣсто того, чтобы разбить непріятельскую армію, полководецъ завладѣваетъ какой-либо территоріей и даже столицей, онъ нисколько не подвигаетъ войну къ окончанію, и всегда ему для того, чтобы диктовать условія мира, необходимо еще уничтожить сопротивленіе врага, уничтожить его армію. До этого момента онъ лишь временно владѣетъ занятыми пунктами, откуда, въ случаѣ пораженія, будетъ выкинутъ, и, кромѣ того, его собственная территорія окажется беззащитной.

Вотъ почему Мольтке въ семидесятомъ году, двигаясь во Францію, все время стремился къ тому, чтобы разбить французскую армію и отрѣзать ей пути къ югу, откуда она могла бы получить подкрѣпленія и воскреснуть послѣ пораженія. При такихъ условіяхъ Парижъ, естественно, оказался въ раіонѣ операцій, ибо Мольтке, выдвигая лѣвое плечо своей арміи впередъ, загонялъ французскую армію въ Парижъ.

Нынѣшніе маленькіе Мольтке схватили идею своего великаго предка только во внѣшней ея формѣ, и въ глубоко продуманномъ планѣ великаго Мольтке передъ ихъ глазами сверкало лишь яркое слово „Парижъ". И они шли въ этотъ Парижъ и прежде всего старались не допустить французскую армію въ этотъ городъ, чтобы она не помѣшала имъ овладѣть столицей Франціи.

Въ то время, когда нѣмцы, такъ неудачно обходя съ сѣвера, отрѣзывали пути французовъ на Парижъ, французы, вѣроятно, къ своему удовлетворенію, увидѣли, что на этотъ разъ нѣмцы не только не пытаются ихъ отрѣзать отъ юга Франціи, но, наоборотъ, стараются ихъ туда загнать. Вполнѣ понятно, что, когда это обнаружилось, французы начали отступать, отлично сознавая, какую ошибку сдѣлали нѣмцы. Сначала лѣвая половина французской арміи описывала какъ бы дугу, опираясь на центръ, находившійся, приблизительно, противъ южной границы Бельгіи. Лѣвый флангъ, описывая дугу, дошелъ до Парижа, а затѣмъ немножко подался назадъ; центръ оказался у Реймса, и чуть повернулся правый флангъ французской арміи. Еще правѣе французы пріостановили свое наступленіе въ Эльзасъ и заняли лишь главные проходы Вогезъ, чтобы господствовать надъ путями черезъ горный хребетъ. Занятіе горныхъ проходовъ имѣетъ то значеніе, что на нихъ можно съ незначительными силами оборонять горный хребетъ въ случаѣ наступленія противника. Противникъ можетъ итти только черезъ эти проходы, гдѣ горныя позиціи позволяютъ обороняться съ небольшимъ количествомъ войскъ. Въ то же время, въ случаѣ своего наступленія въ Эльзасъ, французамъ не нужно было брать этихъ горныхъ проходовъ, а нужно было прямо спуститься въ долину, что, конечно, было легче, чѣмъ штурмовать горные перевалы, занятые нѣмцами.

Крушеніе Клука у Парижа.

При такихъ условіяхъ французская армія, дойдя до параллели Парижа, прошла мимо этого города и стала, повернувшись длиннымъ фронтомъ главнымъ образомъ на сѣверъ, и лишь правый флангъ французовъ смотрѣлъ на сѣверо-востокъ.

Нѣмцы, подойдя фронтомъ параллельно къ французской арміи, одновременно своимъ правымъ крыломъ оказались около Парижа. Предъ ними предсталъ вопросъ, что дѣлать дальше: брать ли Парижъ, или продолжать преслѣдованіе французской арміи, чтобы съ ней покончить и повернуться, хотя бы на 45-й день съ начала войны, на Россію.

Парижъ представляетъ собою крѣпость, единственную по своей громадной величинѣ въ мірѣ. Онъ окруженъ тройнымъ поясомъ фортовъ и представляетъ собою 3 отдѣльныя крѣпости, защищающія Парижъ со всѣхъ сторонъ, при чемъ каждая такая отдѣльная крѣпость состоитъ изъ трехъ линій укрѣпленій. Для обороны Парижа у французовъ имѣлся всегда спеціальный гарнизонъ, который не входилъ въ составъ полевой арміи, предназначенной для операцій противъ нѣмцевъ. Гарнизонъ этотъ съ приведеніемъ арміи на военное положеніе превышалъ 200 тысячъ человѣкъ.

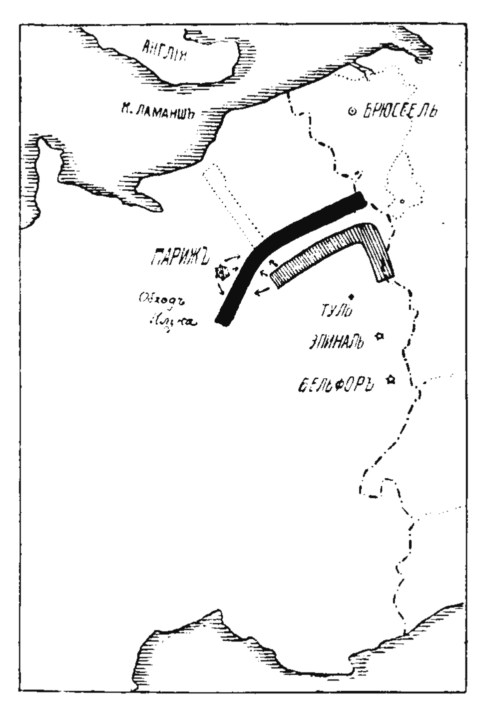
Благодаря своему громадному протяженію, крѣпость Парижъ со всѣми своими безчисленными фортами требуетъ для обложенія очень большого числа войскъ. Въ 1870 году линія фортовъ имѣла длину около 65 верстъ, а линія осаждающихъ, какъ представляющая большій кругъ—около 80 верстъ. Въ то время для обложенія Парижа требовалось около 300.000 войскъ.

Въ настоящее время, при длинѣ оборонительной линіи Парижа въ 130 верстъ, длина блокадной линіи должна быть не менѣе 160 верстъ, т.-е. вдвое длиннѣе той линіи, которая была въ 1870 году.

Поэтому для обложенія Парижа понадобится не менѣе, чѣмъ вдвое большее число войскъ противъ бывшаго въ 1870 году, т.-е. 600.000 человѣкъ.

При такихъ условіяхъ нѣмцы, если бы даже и пожелали, не могли предпринять осады Парижа, такъ какъ выдѣлить такое число войскъ для осады не могли, не рискуя, что ихъ полевая армія окажется болѣе малочисленной, чѣмъ французская. Этого нѣмцы никакъ не могли допустить, такъ какъ ихъ задача заключалась въ томъ, чтобы покончить съ французской арміей, а для этого надо было имѣть превосходство въ силахъ. Кромѣ того, въ это время уже обнаружилось движеніе нашихъ войскъ въ

Библиотека "Руниверс"



Карта 4.

Изъ карты видно, что, когда армія фонъ-Клука обошла французовъ, то правое германское крыло оказалось между Парижемъ и лѣвымъ крыломъ французовъ. Вслѣдствіе этого армія фонъ-Клука оказалась между двухъ огней и, охваченная французами изъ Парижа во флангъ и въ тылъ, была откинута назадъ, занявъ положеніе, какъ то указано пунктиромъ.

Восточную Пруссію, а въ Австріи наши войска нанесли пораженіе **австрійцамъ** въ Галиційской битвѣ. И то и другое вынуждало нѣмцевъ обратить свое вниманіе на восточный фронтъ и показывало, что имъ придется выдѣлить часть войскъ противъ русскихъ и съ этой цѣлью взять ихъ изъ состава германской арміи, дѣйствующей во Франціи.

Однако, независимо отъ этого, нѣмцы вообще не могли заняться осадой Парижа, ибо это совершенно противорѣчило ихъ задачѣ покончить съ Франціей. Если бы французская армія при своемъ отступленіи вошла въ Парижъ, то для нѣмцевъ имѣло бы полный смыслъ обложить эту большую крѣпость и повести противъ нея осаду. Но тогда, когда французская армія прошла мимо Парижа, стало ясно, что взятіе Парижа, невзирая на тѣ жертвы, которыя для этого потребуются, нисколько не подвинетъ къ окончанію войны во Франціи, ибо французская армія будетъ продолжать свои операціи, опираясь на богатыя южныя области.

Такимъ образомъ стало очевидно, что нѣмцамъ нужно пройти мимо Парижа, что они и сдѣлали. Какъ мы уже указывали, нѣмецкая армія начала свое наступленіе во Францію, обходя лѣвое французское крыло у Лиля своимъ правымъ флангомъ. Здѣсь нѣмцы имѣли постоянно выдвинутую впередъ правофланговую армію генерала фонъ-Клука, которая при наступленіи нѣмцевъ безпрерывно обходила французское лѣвое крыло.

Когда французы прошли мимо Парижа, ихъ армія, имѣя фронтъ, повернутый главнымъ образомъ на сѣверъ, шла отъ Парижа до Лотарингіи вдоль границы къ югу. И такимъ образомъ лѣвое французское крыло находилось вблизи Парижа. Генералъ Клукъ, при своемъ стремленіи обойти лѣвый французскій флангъ, сунулся со своей арміей въ промежутокъ между Парижемъ и этимъ лѣвымъ флангомъ. Вслѣдствіе этого генералу Клуку, въ свою очередь, угрожалъ обходъ французскихъ войскъ изъ Парижа. (Карта 4).

Дѣйствительно, гарнизонъ Парижа вышелъ изъ крѣпости и ударилъ во флангъ арміи генерала Клука. Такимъ образомъ генералъ Клукъ, обходившій лѣвое французское крыло, оказался между двухъ огней: съ одной стороны находилось лѣвое французское крыло, а съ другой стороны стояли вышедшія изъ Парижа войска парижскаго гарнизона. Тогда вотъ именно и стали говорить объ „окруженіи генерала Клука“, и эта фраза объ окруженіи генерала Клука неизмѣнно повторялась во всѣхъ телеграммахъ иностранныхъ корреспондентовъ въ теченіе долгаго времени.

Однако генералъ Клукъ не былъ еще окруженъ, но положеніе его, бывшее ранѣе угрожающимъ для французовъ, стало само весьма критическимъ. Сдавленный съ двухъ сторонъ, генералъ Клукъ, чтобы избѣжать окруженія, сталъ поспѣшно отступать, и такимъ образомъ правый нѣмецкій флангъ отошелъ назадъ. Однако ударъ, полученный генераломъ Клукомъ, былъ настолько силенъ, что его армія не только докатилась обратно до Парижа, но прокатилась и мимо него и начала стремительно отступать далѣе къ сѣверу и сѣверо-востоку.

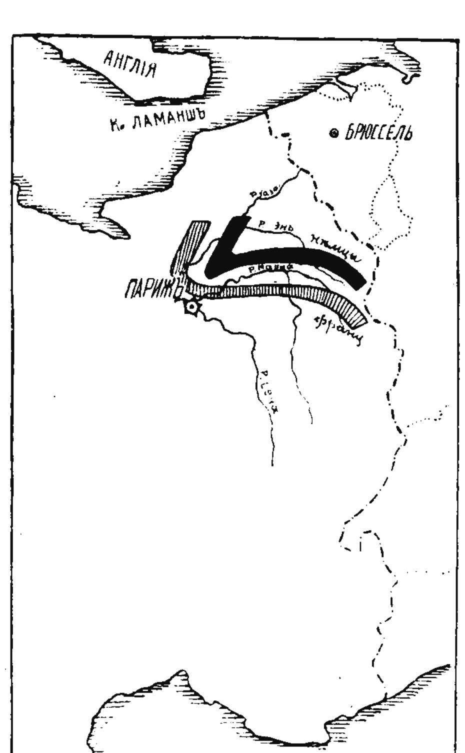
На Марнѣ и у Ипра.

Въ этотъ моментъ нѣмцы приложили всѣ усилія, чтобы остановить движеніе назадъ арміи генерала Клука. Для этого они сначала прочно заняли свои позиціи на лѣвомъ флангѣ и здѣсь сильно окопались. Одинаково послѣ ряда боевъ закопался у Реймса, въ двухъ переходахъ отъ Парижа, и нѣмецкій центръ. Но правый нѣмецкій флангъ,—злосчастная армія Клука,—продолжалъ стремительно катиться назадъ и наконецъ сдѣлалъ послѣднюю попытку задержаться на рѣкѣ Энъ. (Карта 5).

Это вызвало сраженіе на рѣкѣ Марнѣ, названное такъ потому, что главная масса французскихъ войскъ въ раіонѣ центра занимала позицію по этой рѣкѣ, и только правый флангъ шелъ по рѣкѣ Энъ. Къ этому времени наши успѣхи въ Австріи и занятіе нами Восточной Пруссіи потребовали отъ нѣмцевъ отсылки части войскъ на востокъ. Число корпусовъ, отправленныхъ нѣмцами на востокъ, было невелико, но самое главное — туда была направлена бо́льшая часть вновь сформированныхъ резервныхъ корпусовъ, которые раньше предназначались на французскій фронтъ.

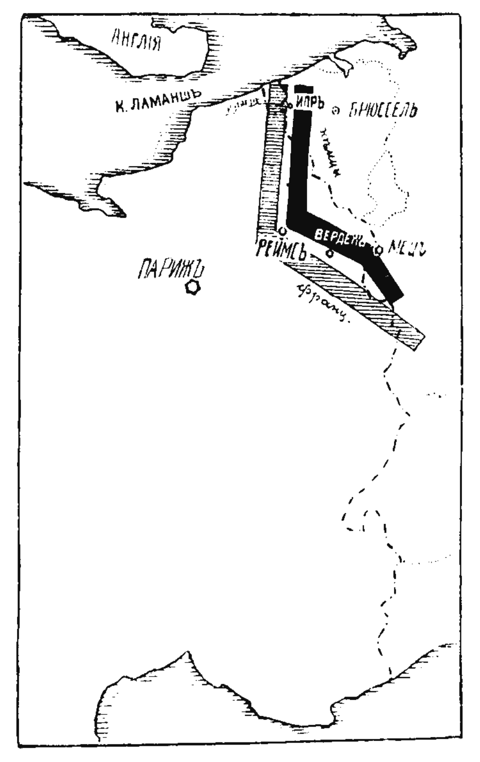
Все это не давало возможности подкрѣпить въ достаточной степени армію генерала Клука, и она, постоянно угрожаемая обходомъ со стороны французовъ, должна была отходить и далѣе. Здѣсь значительную роль сыграли крѣпости, которыми усѣянъ весь сѣверо-востокъ Франціи, главнымъ образомъ небольшія крѣпости второй линіи, какъ бы дававшія точки опоры французамъ при ихъ охватахъ правофланговой арміи Клука. Когда генералъ Клукъ пытался болѣе упорно задержаться на рѣкѣ Энъ, его армія, охваченная французами, едва не была окружена. И только съ большимъ трудомъ генералу Клуку удалось пробиться и отступить далѣе на сѣверо-востокъ. Такимъ образомъ, послѣ кровопролитнаго боя на рѣкѣ Марнѣ, нѣмецкій центръ удержался у Реймса, а правый нѣмецкій флангъ сильно загнулся назадъ и отошелъ до самой франко-бельгійской границы.

Въ то же время лѣвое крыло нѣмцевъ было сбито со своихъ позицій



Карта 5.

Карта показываетъ, что, послѣ того, какъ нѣмцы должны были отойти отъ Парижа, они были охвачены французами на рѣкѣ Марнѣ и рѣкѣ Энъ. Въ этомъ невыгодномъ для нѣмцевъ положеніи произошло сраженіе на рѣкѣ Марнѣ, вызвавшее отступленіе нѣмцевъ до побережья Бельгіи.



Карта 6.

На картѣ показано примѣрно нынѣшнее положеніе на французскомъ фронтѣ. Нѣмецкій фронтъ, бывшій прямой линіей, сломанъ пополамъ и образуетъ исходящій уголъ, обращенный вершиной къ Реймсу—Парижу. Правый нѣмецкій и лѣвый французскій фланги уткнулись въ море. Весь фронтъ сильно укрѣпленъ. Поэтому свободныя войска вывозятся на южный флангъ, правый французскій и лѣвый нѣмецкій, гдѣ въ Эльзасъ-Лотарингіи и въ Аргоннахъ уже началось наступленіе французовъ.

Библиотека "Руниверс"

Корабль-елка.

Американское судно „Язонъ", привезшее въ Европу шесть милліоновъ рождественскихъ подарковъ дѣтямъ воиновъ всѣхъ воюющихъ державъ. Прибытіе „Язона" въ Плимутъ. „Язонъ" представляетъ собою гигантскій „угольщикъ" или пловучую каменноугольную копь, могущую выгрузить 21.000 тоннъ угля одновременно нѣсколькимъ дредноутамъ. Съ обѣихъ сторонъ судна для этой цѣли сдѣлано 26 гигантскихъ лебедокъ.

и также должно было отойти назадъ, примѣрно до крѣпостей Меца и Вердена. (Карта 6).

Въ окончательномъ видѣ нѣмецкое расположеніе, бывшее прямой линіей, сломалось въ центрѣ пополамъ и образовало прямой уголъ, вершина котораго находилась у Реймса, а раствореніе угла было обращено въ сторону бельгійской границы: правое крыло шло отъ Реймса вверхъ къ сѣверу, до побережья у Ипра, а лѣвое крыло шло на западъ, горизонтально, почти по параллели, примѣрно до промежутка между Верденомъ и Мецомъ. Этотъ уголъ, образуемый нѣмецкимъ расположеніемъ, былъ въ свою очередь охваченъ параллельнымъ угломъ французскихъ войскъ.

Такъ какъ нѣмцы упорно и настойчиво продолжали вести главныя операціи во Франціи и здѣсь была сосредоточена главная масса ихъ войскъ, то ближайшей ихъ задачей стало стремленіе выпрямить эту линію, продвинуть впередъ свое правое крыло отъ побережья. При этомъ они имѣли задачей продвинуть это крыло на оси у Реймса такъ, чтобы правая половина нѣмецкой арміи, описавъ дугу, вытянулась въ одну линію съ лѣвой половиной нѣмецкой арміи, и вся масса нѣмецкихъ войскъ заняла бы горизонтальное положеніе по параллели, обращенное фронтомъ на югъ. Это вызвало бои на правомъ нѣмецкомъ флангѣ у побережья, которые группировались главнымъ образомъ въ раіонѣ французскаго города Арраса и бельгійскаго—Ипра.

Въ Парижѣ.
Пассажирскій залъ Сѣвернаго вокзала, превращенный въ убѣжище для дѣтей бѣженцевъ изъ французскихъ и бельгійскихъ мѣстностей, занятыхъ и опустошенныхъ непріятелемъ.

Французскіе солдаты одѣляютъ пищей изъ своего пайка дѣтей-сиротъ, оставшихся безъ крова.

Рождество на Западѣ. У нашихъ союзниковъ.

Во время этихъ боевъ, которые пришлось вести при помощи фронтальныхъ атакъ, крайне трудныхъ, нѣмцы положили массу войскъ и рѣшительно ничего не добились. Въ послѣднее же время французскіе и бельгійскіе инженеры для того, чтобы окончательно закрѣпить за собою занимаемое французской арміей положеніе, открыли шлюзы каналовъ и устроили на побережьѣ наводненіе.

Въ окончательномъ результатѣ этой четырехмѣсячной борьбы нѣмцы, обходившіе своимъ правымъ крыломъ французскую армію, должны были не только отказаться отъ этого рѣшительнаго обхода, но и были откинуты далеко отъ Парижа къ бельгійской границѣ. Правофланговая армія генерала Клука описала громадную дугу, отъ Парижа до Ипра по всему сѣверо-востоку Франціи, и германское расположеніе оказалось само охваченнымъ. Только уперевъ свой правый флангъ въ море, нѣмцы смогли пріостановить дальнѣйшій обходъ арміи генерала Клука.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Рождество на позиціяхъ. Раздобылъ гуся.
По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

А. И. Купринъ.

(Съ 2 портр. на стр. 997).

3-го декабря этого года исполнилось 25-лѣтіе литературной дѣятельности извѣстнаго русскаго беллетриста А. И. Куприна. Авторъ „Поединка", „Олеси", „Молоха", „Ямы" и многихъ другихъ извѣстнѣйшихъ романовъ, разсказовъ и повѣстей уклонился отъ заслуженнаго чествованія въ этотъ знаменательный для него день: А. И. Купринъ въ настоящее время призванъ на военную службу и отбываетъ свой воинскій долгъ въ одномъ изъ сѣверныхъ городовъ.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ юнкеръ одного изъ военныхъ училищъ, А. И. Купринъ, написалъ маленькій разсказъ и отдалъ его въ маленькій московскій журнальчикъ, нынѣ уже не существующій. Разсказъ былъ принятъ и напечатанъ. Но тогда, въ день перваго литературнаго торжества, слава принесла талантливому беллетристу лишь отрицательный результатъ: военное училищное начальство провѣдало о писательскихъ успѣхахъ юнкера Куприна и, призвавъ его предъ свои грозныя очи, разорвало тетрадку журнала съ разсказомъ и приказало Куприну отправиться въ карцеръ. „Но у меня сохранился второй экземпляръ журнала",—говоритъ А. И. Купринъ.

Это было четверть вѣка тому назадъ. Послѣ того А. И. Куприну пришлось вести крайне разнообразную жизнь. Онъ перепробовалъ множество различ-

Солдаты раздаютъ милостыню бѣднымъ дѣтямъ въ Галиціи.
По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

Рождество на позиціяхъ. „За счастьемъ". Попугай подаетъ гаданье солдатамъ.
По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

„Между пѣснью и пляской". По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

Въ Сочельникъ.

Замолкли пушекъ разговоры,
Застыла даль въ вечернемъ снѣ,
И только чуткіе дозоры
Боятся вѣрить тишинѣ...
Снѣгъ твердъ, какъ кованныя латы,
Окопы—длинный рядъ тесьмы,
А въ нихъ звучатъ, смиренно-святы,
Христу солдатскіе псалмы,—
Онъ нынче щедрою рукою
Раскинулъ звѣзды надъ землей,
И сколько ласки и покою
Льетъ въ сердце свѣтъ ихъ голубой!
Онъ приласкалъ зеленый ельникъ,
Застылъ улыбками во льду,
И каждый взоръ нашелъ въ Сочельникъ
Свою напутную звѣзду...
И каждый шелъ съ ней къ тихой дали,
Стучался у родныхъ дверей
И слышалъ суженой печали
И видѣлъ слезы матерей...
. . . .
Лишь на зарѣ, когда осколки
Разсыпетъ по снѣгу снарядъ,—
Спадетъ нарядъ съ небесной елки,
И свѣчи-звѣзды догорятъ...

Сергѣй Михѣевъ.

Библиотека "Руниверс"

ныхъ профессій, переиспыталъ всякія переживанія и вышелъ изъ этой житейской сутолоки готовымъ, сложившимся писателемъ, съ громаднымъ запасомъ наблюденій и выводовъ. Съ той поры и донынѣ А. И. Купринъ остается едва ли не самымъ любимымъ русскимъ писателемъ. И двадцать пять лѣтъ, пролетѣвшія съ того времени, какъ талантливый писатель впервые выступилъ въ безвѣстномъ московскомъ журнальчикѣ, создали для А. И. Куприна колоссальную аудиторію. Всѣмъ и каждому Купринъ сумѣлъ сказать свое слово и пробудить въ душѣ сладкое чувство художественной красоты и безпокойной мысли...

А. И. Купринъ—настоящій художникъ милостью Божіей. Онъ—писатель; его оружіе—перо. Но чувствуется, что при иныхъ условіяхъ онъ былъ бы изумительнымъ живописцемъ, скульпторомъ, композиторомъ. Въ его творчествѣ какъ бы сливаются всѣ эти роды искусства. Въ немъ кипятъ такіе глубокіе и живые родники красоты, что, не сдѣлайся онъ беллетристомъ, онъ явился бы въ міръ скульпторомъ, или музыкантомъ, и родники красоты тѣмъ или инымъ путемъ все же нашли бы для себя исходъ. Это ярко и живо чувствуется, когда читаешь купринскія произведенія: въ нихъ слышится музыка, они поражаютъ рѣдкой пластичностью, въ нихъ блещутъ яркими красками почти живописныя картины, пейзажи, портреты. Творчество Куприна, это—гармоническое сочетаніе почти всѣхъ родовъ искусства.

А. И. Купринъ принадлежитъ къ чисто-реальной художественной школѣ. Трезвый и спокойный наблюдатель жизни, онъ чуждается всего неяснаго, неопредѣленнаго, сверхчувственнаго. Это изобразитель дѣлъ земныхъ въ ихъ тѣсной земной оболочкѣ. Бытописатель, подобный и равный по силѣ изобразительности лучшимъ нашимъ беллетристамъ-классикамъ, Купринъ является совершеннымъ антиподомъ Метерлинку. И въ то же время, въ конечномъ итогѣ его творчества, слышатся тѣ же ноты исканія міровой правды и истины, какъ и у великаго бельгійскаго поэта. Оба они какъ бы дополняютъ другъ друга.

А. И. Купринъ съ супругой Е. М. Куприной, поступившей въ сестры милосердія. Е. М. Куприна—заслуженная сестра милосердія, въ прошлую русско-японскую кампанію за труды милосердія и самоотверженія награждена двумя медалями.

А. Купринъ

Поручикъ Купринъ. По поводу 25-лѣтія литературной дѣятельности А. И. Куприна, совпавшаго съ призывомъ писателя на военную службу. По фот. К. Глыбовской.

Купринъ глубоко чувствуетъ элементы поэзіи — образность, символику, музыку чувства и языка. Достаточно вспомнить его „Олесю", гдѣ такъ много истинной поэзіи въ дивныхъ описаніяхъ природы и въ каждомъ штрихѣ, рисующемъ теплый и милый образъ деревенской „лѣсной дѣвушки". Красивыми, чисто-поэтическими штрихами очерчены и его знаменитые „Листригоны". Въ этомъ послѣднемъ очеркѣ Куприна чувствуется поистинѣ поэтическій эпосъ. Нѣтъ надобности перечислять и другія произведенія Куприна, исполненныя поэтическихъ настроеній и переживаній. Онъ—истинный поэтъ русской жизни и природы съ ея мягкимъ, немного грустнымъ пейзажемъ, съ ея разливами широкихъ рѣкъ, съ ея южными ландшафтами, полными огненныхъ красокъ моря и неба.

Призванный къ отбыванію воинскаго долга, авторъ „Поединка" волею судебъ опредѣленъ принять участіе въ томъ великомъ поединкѣ, который происходитъ теперь между міровыми державами. Это очень знаменательное обстоятельство: въ жизни Куприна было много пережито, и пережитое легло на его палитру яркими красками. Но ему, очевидно, суждено еще и еще пополнять свою палитру. Война — квинтъ-эссенція всевозможныхъ переживаній. На войнѣ человѣкъ переживаетъ въ теченіе самаго короткаго времени столько, сколько онъ не переживетъ и въ теченіе всей жизни. Нужно ли говорить, какъ много значитъ для

Библиотека "Руниверс"

писателя, да еще для такого художника, какъ Купринъ, принять участіе въ борьбѣ народовъ?

Участвуя въ этой борьбѣ, онъ исполняетъ не только свой гражданскій и военный долгъ, но и долгъ художника-писателя. И мы въ правѣ ожидать отъ него еще новыхъ вдохновеній. И когда придетъ пора, поручикъ Купринъ навѣрное скажетъ намъ и новыя слова и нарисуетъ новыя картины.

А пока мы, вся читающая Россія, поздравляемъ его съ литературнымъ юбилеемъ и привѣтствуемъ въ его лицѣ все то, что дорого каждому культурному человѣку: красоту ума и чувства и гармонію прекраснаго художественнаго творчества.

На 1915 годъ мы даемъ нашимъ читателямъ въ приложеніе къ „Нивѣ“ новое произведеніе А. И. Куприна въ двухъ книгахъ — окончаніе его прогремѣвшей повѣсти „Яма“, и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляемъ возможность пріобрѣсти за весьма недорогую цѣну *Собраніе сочиненій А. И. Куприна въ 21 книгѣ* (то, что было приложено при „Нивѣ“ въ 1912 г.) за особую доплату къ подписной цѣнѣ „Нивы“ — 4 р. 50 к. съ доставкой и пересылкой въ Европ. Россіи.

Библіографія.

Изданія протоіерея А. Темномѣрова.

1) **Картины для изученія Священной Исторіи.** Цѣна 9 р., на папкѣ 15 руб. Складъ въ Общ. рел.-нравственнаго просвѣщенія. Петроградъ, Стремянная, 20.

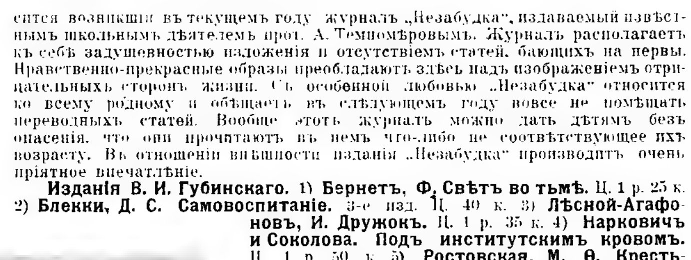
У насъ нерѣдко слышатся жалобы на неудовлетворительную постановку религіознаго образованія дѣтей. Нельзя поэтому не привѣтствовать попытку прот. А. Темномѣрова оживить въ дѣтскомъ сознаніи дорогія сердцу библейскія событія изданіемъ священно-историческихъ картинъ.

Картины прот. А. Темномѣрова, — числомъ 60,—иллюстрируютъ важнѣйшія событія Ветхаго и Новаго Завѣта. Прекрасно исполненныя, онѣ даютъ наглядное и живое представленіе о событіяхъ въ ихъ исторической обстановкѣ и, по строгому соотвѣтствію библейскому повѣствованію, справедливо могутъ быть названы книгой, написанной красками. Картины прот. А. Темномѣрова оживятъ и осмыслятъ изученіе Священной Исторіи въ нашихъ школахъ и окажутъ помощь родителямъ при ознакомленіи дѣтей съ библейскими событіями.

Іеромонахъ Антоній (Смирновъ), геройски погибшій на заградителѣ „Прутъ“, 16-го октября с. г. въ Черномъ морѣ, близъ Севастополя.

2) **„Незабудка“, журналъ для дѣтей.** Вмѣсто отдѣльныхъ книгъ, многіе родители предпочитаютъ выписывать для дѣтей журналъ. Это представляетъ извѣстную выгоду въ томъ отношеніи, что журналъ за недорогую плату даетъ матеріалъ для чтенія въ теченіе цѣлаго года. Къ сожалѣнію, большинство дѣтскихъ журналовъ не ставитъ себѣ опредѣленныхъ воспитательныхъ задачъ, не считается съ тѣмъ, какія мысли и настроенія возбудитъ чтеніе въ впечатлительной дѣтской душѣ.

Въ высшей степени осторожно къ выбору литературнаго матеріала отно-



сится возникшій въ текущемъ году журналъ „Незабудка“, издаваемый извѣстнымъ школьнымъ дѣятелемъ прот. А. Темномѣровымъ. Журналъ располагаетъ къ себѣ задушевностью изложенія и отсутствіемъ статей, бьющихъ на нервы. Нравственно-прекрасные образы преобладаютъ здѣсь надъ изображеніемъ отрицательныхъ сторонъ жизни. Съ особенной любовью „Незабудка“ относится ко всему родному и обѣщаетъ въ слѣдующемъ году вовсе не помѣщать переводныхъ статей. Вообще этотъ журналъ можно дать дѣтямъ безъ опасенія, что они прочитаютъ въ немъ что-либо не соотвѣтствующее ихъ возрасту. Въ отношеніи внѣшности изданія „Незабудка“ производитъ очень пріятное впечатлѣніе.

Изданія В. И. Губинскаго. 1) **Бернетъ, Ф. Свѣтъ во тьмѣ.** Ц. 1 р. 25 к. 2) **Блекки, Д. С. Самовоспитаніе.** 3-е изд. Ц. 40 к. 3) **Лѣсной-Агафоновъ, И. Дружокъ.** Ц. 1 р. 35 к. 4) **Нарковичъ и Соколова. Подъ институтскимъ кровомъ.** Ц. 1 р. 50 к. 5) **Ростовская, М. Ѳ. Крестьянская школа.** Ц. 2 р. 6) **Тихоновъ, В. Буря и штиль.** Ц. 1 р. 20 к. 7) **Чарская, Л. А.** а) **Бѣлыя пелеринки.** Ц. 1 р. 50 к. б) **Гимназистки.** Ц. 1 р. 35 к. 8) **Шведеръ, Е. Бѣглецы.** Ц. 1 р. 25 к.

Предъ нами цѣлая маленькая библіотека изъ книгъ, предназначенныхъ для дѣтей. Среди массы этихъ книжекъ Чарской, Шведера и др. выдѣляются прелестные очерки покойнаго В. А. Тихонова „Море“ (эти очерки были впервые напечатаны у насъ въ „Нивѣ“). Къ сожалѣнію, В. А. Тихоновъ изданъ не отдѣльно, а помѣщенъ въ одинъ томъ съ другимъ авторомъ, который тоже повѣствуетъ о морѣ и морскихъ приключеніяхъ. Книга названа „Буря и штиль“. Во всякомъ случаѣ, ради тихоновскаго „Моря“ слѣдуетъ всячески рекомендовать эту книгу молодымъ читателямъ.

Далѣе идутъ г-жа Чарская со своими гимназистками и институтками и романтически-идеальными преподавателями („Гимназистка“), г. Шведеръ съ гимназистами („Маленькіе бѣглецы“). Тутъ и недурное иностранное переводное произведеніе (Э. Бертэ — „Маленькіе школьники“), въ которомъ повѣствуется о томъ, какъ живутъ и учатся юные школяры въ разныхъ странахъ свѣта.

Очень хорошее впечатлѣніе производитъ очеркъ М. Ѳ. Ростовской (Львовой) „Крестьянская школа“. Здѣсь повѣствуется о старикѣ, отставномъ учителѣ, который почти безъ всякихъ средствъ ухитрился устроить въ родномъ селѣ школу, богадѣльню и больницу. Очеркъ написанъ тепло и долженъ дойти до читательскаго юнаго сердца.

Въ общемъ въ новой рождественской серіи изданій г. Губинскаго нѣкоторыя изъ книжекъ, несомнѣнно, прочтутся дѣтьми съ удовольствіемъ.

Изданія Т-ва А. С. Суворина. Каринцевъ, Н. 1) **Два друга.** Птг. 1915 г. Ц. 1 р. 50 к. 2) **Сказки и легенды шведскаго народа.** Птг. 1915 г. Ц. 1 р. 75 к. **Пороховщикова, М. Марусенька.** Птг. 1914 г. Ц. 75 к.

Дѣтскія книги изданія Т-ва А. С. Суворина отличаются прекрасной внѣшностью и хорошимъ содержаніемъ; слѣдуетъ отмѣтить интересную и содержательную повѣсть Ник. Каринцева „Два друга“: въ основаніе этой повѣсти легло дѣйствительное (по словамъ автора) событіе, разсказанное извѣстнымъ изслѣдователемъ Стэнли въ его книгѣ о путешествіи по Африкѣ. Интересна и другая книга того же автора — „Сказки и легенды шведскаго народа“. Легенды эти обработаны примѣнительно къ дѣтскому пониманію и доступны даже для сравнительно маленькихъ читателей.

Чрезвычайно пріятное впечатлѣніе производитъ милая книжка М. Пороховщиковой „Марусенька“ съ прелестными рисунками автора.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ „Нивы“.

Въ виду выражаемаго многими подписчиками „Нивы“ на 1915 годъ желанія получить еще въ этомъ году объявленную нами въ приложеніе

Генеральную карту средне-европейскаго и южнаго театра военныхъ дѣйствій,

считаемъ необходимымъ заявить, что, вполнѣ понимая живой интересъ читателей къ этой картѣ, мы приложили всѣ усилія къ ускоренію ея печатанія. Но размѣры карты, значительное число красокъ, необходимость исключительно-тщательнаго печатанія, въ связи съ потребностью отпечатать большое количество экземпляровъ, чтобы удовлетворить всѣхъ подписчиковъ „Нивы“, настолько осложнили ея изданіе, что мы можемъ разослать карту нашимъ подписчикамъ на 1915 годъ лишь при №№ 2 и 3 „Нивы“, которые выйдутъ въ свѣтъ 10-го и 17-го января 1915 года.

Желающіе получить карту въ указанный нами срокъ, а также получить своевременно и самый журналъ „Ниву“ 1915 года съ приложеніями **безъ перерыва** благоволятъ **поспѣшить возобновленіемъ подписки на 1915 годъ,** такъ какъ, въ противномъ случаѣ, мы не можемъ поручиться за своевременную доставку первыхъ №№ журнала. Для пересылки заказа и денегъ просимъ **воспользоваться** прилагаемымъ при этомъ № подписнымъ бланкомъ въ видѣ **почтоваго перевода.**

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко кн. 26“.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ. Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914—1915 гг.
на новый литературный, научный и политическій журналъ

„РУССКІЯ ЗАПИСКИ“.

ВЫШЕЛЪ № 1 (НОЯБРЬ). 3343

СОДЕРЖАНІЕ: Съ двухъ сторонъ. Повѣсть **Вл. Г. Короленко.**—Въ недавнемъ плѣну у нѣмцевъ. **Н. И. Карѣева.**—Отрывки изъ воспоминаній. **Н. Тютчева.** — Границы сердца. Романъ. **В. Маргериттъ.**—Томасъ Спенсъ. **П. Покровскаго.**—„Германія превыше всего“. **С. Я. Елпатьевскаго.**—Изъ Англіи. **Діонео.**—Изъ исторіи двухъ союзовъ. **Н. Е. Кудрина.**—Вотякъ Никита. **К. М. Дробинина.**—Германія во время войны. **В. Майскаго.**—Вильгельмъ Вундтъ о „законной войнѣ“. **П. Мокіевскаго.**—Внутренніе дѣла и вопросы. **А. Борисова.** — Вопросы тыла. **А. В. Иноходцева.** — Иностр. лѣтопись. **Н. С. Русанова.** — Библіогр.—Объявл.

Подп. цѣна съ дост. и перес.: на 14 мѣс. (до января 1916 г.)—**14 р.**, на годъ—**12 р.**, на 6 мѣс.—**6 р.**, на 3 мѣс.—**3 р.**, на 1 мѣс.—**1 р.**; за гран.: на годъ — **15 р.**, на 6 мѣс. — **8 р.**

Иногор. подписч. просятъ адресовать деньги и корресп. исключительно по адресу редакціи „Русскихъ Записокъ“—Петроградъ, Широкая, 9.

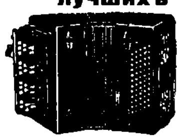
Редакторъ *В. Н. Цѣховская (Ольнемъ).* Издатель *Н. С. Русановъ.*

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразованіе. Заочное обученіе. Безплатныя преміи. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **Аттестатъ.** Льготныя условія подписки и пробная лекція **БЕЗПЛАТНО.** Адресъ: **Петроградъ, „Кругъ Самообразованія“, Невскій, 57—30.** 3261 (5)

ОБШИРНАЯ МАСТЕРСКАЯ

лучшихъ гармоній.



2-хъ, 3-хъ, 4-хъ и 5-ти рядныхъ. **Петроградскія** отъ 9 до 75 р. **Хроматическія** отъ 75 до 300 руб.

П. Е. СТЕРЛИГОВЪ. Петроградъ, Гороховая ул., № 55.

Прейсъ-курантъ безплатно. 3337

Патріот. 1 акт. пьесы Грабины (автора „Тамбов. Случая“): „Къ оружію“, ц. 40 к.; „Бѣлая Лилія и Ван-дало-Гунны“, ц. 50 к.; „Козацька Кров або на Німця“, ц. 30 к. Петроградъ, Литейн., 49, Театр. Библ. Ларина. Харьковъ, Конторская, 48, Т-во „Міръ Артистовъ“.

ЛЫЖИ

мужск., дамск. и дѣтск. больш. выборъ

Оружейн. магаз.

Р. Р. РОГГЕНЪ,

Москва, Неглинный проѣздъ, 11 (прот. Госуд. Банка), тел. 15-26. Требуйте безпл. лыжн. прейсъ-кур. 3325 2-2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО

ДВА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЕ иллюстрированные журнала для дѣтей и юношества, основанные **С. М. МАКАРОВОЙ** и издаваемые подъ редакціей **П. М. ОЛЬХИНА.**

XXXIX ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ 1914 г. — ПЕРВЫЕ №№ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

Гг. годовые подписчики журнала „З. Сл.“ для дѣтей

МЛАДШАГО ВОЗРАСТА

(отъ 5 до 9 лѣтъ) получатъ

52 №№ и 48 ПРЕМІЙ,

въ числѣ которыхъ:

- **БОЛЬШАЯ СТѢННАЯ КАРТИНА „ВОЗВРАЩЕНІЕ ГЕРОЯ“,** исполненная хромолитографіей въ 24 краски.
- **6 ВЫП. „МОЯ ПЕРВАЯ ГЕОГРАФІЯ“.** Очерки и разсказы о странахъ и народахъ, съ массою иллюстрацій.
- **3 ВЫП. „АЛЬБОМЪ РАБОТЪ ИЗЪ БУМАГИ“,** для мальчиковъ и дѣвочекъ.
- **6 КАРТ. „НОВЫЙ ТЕАТРЪ ЗВѢРЕЙ ДЛЯ ЗАБАВЫ ДѢТЕЙ“,** изъ жизни ученыхъ животныхъ.
- **12 ЛИСТОВЪ „ИГРЫ, РАБОТЫ, РУКОДѢЛІЯ И ПР.“** для вырѣзыванія и склеиванія.
  - ШКАПЧИКЪ.
  - КУКОЛЬНАЯ КОМНАТА.
  - БОЛЬШІЕ ЧАСЫ.
  - ЛАГЕРЬ.
  - ХИЖИНА.
  - ВѢШАЛКА ДЛЯ ДѢТСКОЙ.
  - СКАЗОЧНЫЙ ТЕАТРЪ.
  - УЛАНСКАЯ КАСКА.
  - КОПИЛКА.
  - ВЫШИВАНІЕ УЗОРОВЪ
  - ДЮЖИНА БОНБОНЬЕРОКЪ.
  - АБАЖУРЪ.
- **1 КН. „Я УЧУСЬ ПО-ФРАНЦУЗСКИ“.** Легкій самоучитель для маленькихъ дѣтей съ рис.
- **12 ВЫП. „МАЛЕНЬКІЙ ВСЕМІРНЫЙ ИСТОРИКЪ“,** въ разсказахъ и картинахъ, составилъ **С. Ф. Литвинцевъ** (Нов. сер.).
- **6 ВЫП. „КНИГА ШУТОКЪ И СМѢХА“,** для дѣтей, сборникъ веселыхъ картинокъ, стишковъ и разсказовъ.
- **3 ВЫП. „МОЙ ПЕРВЫЙ АЛЬБОМЪ ДЛЯ МАРОКЪ“,** съ рис. и мѣстами для марокъ, съ объясн.
- **8 КАРТИНЪ „ЮНЫЙ ХУДОЖНИКЪ“,** раскрашиваніе картинокъ съ цвѣтными образцами.
- **12 ВЫП. „БИБЛІОТЕКА РАЗСКАЗОВЪ И СКАЗОКЪ“** для дѣтей младшаго возр., въ которую, между прочимъ, войдутъ: **НЕОБЫКНОВЕННЫЙ КОРОЛЕВИЧЪ.** Пов.-сказка **Л. А. Чарской. НЯНКИНЫ СКАЗОЧКИ. В. Князева** и др.
- **НОВАЯ АРИѲМЕТИЧЕСКАЯ ИГРА ДЛЯ ДѢТЕЙ**

и мног. друг.

Гг. годовые подписчики журнала „З. Сл.“ для дѣтей

СТАРШАГО ВОЗРАСТА

(отъ 9 до 14 лѣтъ) получатъ

52 №№ и 48 ПРЕМІЙ,

въ числѣ которыхъ:

- **24 ВЫП. „СОБР. СОЧИНЕНІЙ А. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКАГО“.** Изданіе для юношества. Выб и ред. **Н. Лернера,** съ илл. **Е. Лебедевой** (2 тома).
- **12 №№ „ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ХРОНИКА ВОЙНЫ“** въ обраб. для юношества, которая составитъ 12 №№ приложенія «Задушевное Эхо».
- **12 ТАБЛИЦЪ „ЦАРСТВО ГУСЕНИЦЪ“.** 121 изображеніе въ краскахъ, съ объяснительнымъ текстомъ.
- **6 ЛИСТОВЪ „ИГРЫ И РАБОТЫ“,** модели для вырѣзыванія, склеиванія, выпиливанія и т. д.
- **8 ТАБЛИЦЪ „АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫШИВАНІЯ“.**
- **6 ВЫП. „РУССКІЕ ГЕРОИ-СОЛДАТЫ“.** Исторія подвиговъ сѣрыхъ воиновъ **Виктора Русанова,** съ илл.
- **12 ТАБЛИЦЪ „АЛЬБОМЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ МЕДАЛЕЙ“** въ память выдающихся соб. въ Россіи, съ объясн. текстомъ.
- **4 КНИЖКИ „БИБЛІОТЕКИ СПОРТА“,** игры для юношества, а именно:
  - БАСКЕТЪ-БОЛЪ.
  - ЛАПТА.
  - ИСКУССТВО ПЛАВАНІЯ
  - КРИКЕТЪ.
- **6 ВЫП. „ВЪ ПОРОХОВОМЪ ДЫМУ“.** Книга военн. разск. для юнош. извѣстн. авторъ подъ ред **М. А. Лятскаго.**
- **6 ВЫП. „ДѢЛА ДАВНО МИНУВШИХЪ ДНЕЙ“.** Историческіе очерки **С. Ф. Либровича,** съ портр. и иллюстр.
- **4 КНИЖКИ „БИБЛІОТЕКИ ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ“,** для юношества, съ илл., а именно:
  - КАКЪ ѢСТЬ, ПИТЬ и СПАТЬ.
  - НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ НЕБЕСНЫМИ СВѢТИЛАМИ.
  - СТОЛЯРЪ-САМОУЧКА
  - ДОМАШНІЙ ЭЛЕКТРИКЪ.
- **СПУТНИКЪ ШКОЛЫ.** Календарь и записная книжка для учащихся на 1915-16 уч. годъ, въ перепл.

и мног. друг.

XXXIX ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Въ текстѣ журнала «**Задушевное Слово**», въ числѣ друг. произвед., въ наступающ. подп. году будутъ помѣщены:

а) въ журналѣ для МЛАДШАГО возраста: **„МАДМУАЗЕЛЬ МУМУ“.** Новая большая повѣсть для дѣтей **Л. А. Чарской, „ОСТАПОВСКІЙ ХЛОПЧИКЪ“.** Разсказъ **В. Цѣховской,** съ иллюстр. **Е. Лебедевой, „МИТЬКА-ИНЖЕНЕРЪ“.** Разсказъ **Евгенія Шведера,** съ рисунками **В. Валиса, „ДРУЗЬЯ МАЛЕНЬКОЙ САЙМИ“.** Разсказъ въ стихахъ **М. Пожаровой,** съ иллюстраціями и мног. др.

б) въ журналѣ для СТАРШАГО возраста: **„ДЭЛИ-АКЫЗЪ“.** Новая большая повѣсть **Л. А. Чарской, „ВИЗАНТІЙСКАЯ ОРЛИЦА“.** Историческая повѣсть-хроника **Льва Жданова,** съ иллюстраціями художника **Михайлова, „ГОЛОСЪ СЕРДЦА“.** Правдивый разсказъ изъ военныхъ событій **Клавдіи Лукашевичъ, „МАЛЬЧИКЪ БЕЗЪ ГОЛОВЫ“.** Историческій разсказъ **Н. Зоречъ,** съ иллюстр. и мног. др.

Кромѣ того, при каждомъ изданіи будутъ высылаться «**ДѢТСКІЯ МОДЫ**» и «**ЗАДУШЕВНОЕ ВОСПИТАНІЕ**».

Подписная цѣна каждаго изданія «Задушевнаго Слова», со всѣми объявленными преміями и приложеніями, съ доставкой и пересылкой,—на годъ ШЕСТЬ руб.

Допускается разсрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) къ 1 февраля и 3) къ 1 мая—по 2 р.

Съ требованіями, съ обозначеніемъ изданія (возраста), обращаться: въ конторы «ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА», при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ—ПЕТРОГРАДЪ: 1) Гостин. Дв., 18, или 2) Невскій, 13.

ЗА ГОДЪ—6 рублей, РАЗСРОЧКА—по 2 рубля.

Библиотека "Руниверс"

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1914 Г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА «НИВЫ» со всѣми приложеніями: Безъ дост. въ Петроградѣ **6** р. **50** к., съ дост. **7** р. **50** к.; съ перес. по всей Россіи: на годъ **8** р., на 1/2 года **4** р., на 1/4 года **2** р.

Фабрика „Эдуардъ“ изготовляетъ Высочайше утвержденные знаки по случаю

50-ти-лѣтія СУДЕБНЫХЪ УСТАВОВЪ.

Нагрудные знаки:		Петличные знаки:	
Серебрян. съ золотыми част.	15 р. — к.	Серебрян. съ золотыми част.	9 р 50 к.
Серебрян. лучшей работы .	6 р. — к.	Серебрян. лучшей работы	. 3 р. — к.
Серебряные	4 р. — к.	Серебряные	. 2 р. — к.
Бронзовые лучшей работы.	3 р. 50 к.	Бронзовые	. 1 р. 50 к.
Бронзовые.	2 р. — к.		

3311 Петроградъ, Невскій пр., 10. Телеф. 6-63. „ЭДУАРДЪ“. 3-3

Телеграфн. адресъ: Петроградъ, „ЭДУАРДЪ“.

УЧИТЕСЬ РИСОВАТЬ.

Мнимая „неспособность“ къ рисованію, о которой часто говорятъ, есть лишь предразсудокъ. Всякій нормальный человѣкъ надѣленъ средними художественными способностями, вполнѣ достаточными для того, чтобы при правильной системѣ преподаванія овладѣть техникой рисованія и живописи. Мы своимъ изданіемъ „Искусство для всѣхъ“ (школа рисованія, живописи и прикладного искусства) даемъ возможность всѣмъ заочно научиться рисованію и живописи подъ руководств. лучш. педагоговъ для собствен. удовольствія или для какихъ-либо практич. цѣлей.

„ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ“ 1) даетъ читателямъ тѣ теоретическія познанія, которыя необходимы для пониманія художествен. произведеній; 2) даетъ лицамъ, уже занимающимся рисованіемъ, тѣ познанія, которыя необходимы для того, чтобы сдѣлать рисунокъ грамотнымъ и художественно-правильнымъ; 3) даетъ своимъ читателямъ всѣ тѣ свѣдѣнія по техникѣ, теоріи и исторіи искусства, безъ которыхъ невозможно пониманіе художествен. произведеній; 4) даетъ своимъ читателямъ такую подготовку и техническія познанія въ области прикладного искусства, которыя открыли бы имъ возможность примѣнить свои познанія къ дѣлу, въ различныхъ и многочисленныхъ отрасляхъ художественной промышленности. 3342

Изложеніе вполнѣ понятное и сопровождается множествомъ пояснительныхъ и образцовыхъ рисунковъ.

Для художниковъ и учителей рисованія „Искусство для всѣхъ“ является необходимой энциклопедіей, къ которой они могутъ обращаться за всякаго рода справками и указаніями.

При редакціи учреждена художественная коммиссія, которая исправляетъ безплатно работы и даетъ совѣты и справки, относящ. къ области искусства. „ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ“ издается подъ редакціей проф. Академіи Художествъ **А. В. Маковскаго** и **Вадима Лѣсового**, при участіи **И. Е. Рѣпина**, **проф. А. К. Киплика** и преподав. педаг. курсовъ при Академіи Художествъ. Изданіе состоитъ изъ 10 томовъ большого формата, роскошно-иллюстриров. красочн. и черн. рисунками. Цѣна кажд. тома съ перес. 2 р. 20 к. нал. плат.

ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Т-во „БЛАГО“, Петроградъ, Николаевская ул., 44—40.

ТРЕБУЮТСЯ АГЕНТЫ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 г.

VI годъ изданія. НА БОЛЬШУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ВНѢПАРТІЙНУЮ ГАЗЕТУ, *издающуюся въ Москвѣ* VI годъ изданія.

УТРО РОССІИ

„УТРО РОССІИ“—газета прогрессивно-національнаго направленія, внѣ партій, отстаивающая общественную и личную самостоятельность въ созидательной борьбѣ за новую, великую Россію.

ВЕЛИКАЯ БОРЬБА РОССІИ И ЕЯ СОЮЗНИКОВЪ СЪ ГЕРМАНСКИМЪ ПОЛИТИЧЕСКИМЪ И ЭКОНОМИЧЕСКИМЪ ЗАСИЛІЕМЪ, — обсужденіе вопросовъ, сопряженныхъ съ войною и съ предстоящей ликвидаціей ея, яркое отраженіе событій и вопросовъ нашей внѣшней и внутренней жизни—будутъ служить предметомъ особаго вниманія редакціи.

Въ теченіе всего періода войны „Утро Россіи“ будетъ выходить ЕЖЕДНЕВНО, не исключая и дней послѣпраздничныхъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

На 1 годъ . . .	8 р. — к.	На 6 мѣсяцевъ. . .	4 р. 25 к.
„ 11 мѣсяцевъ . .	7 „ 50 „	„ 5 „ . .	3 „ 75 „
„ 10 „ . .	6 „ 75 „	„ 4 „ . .	3 „ — „
„ 9 „ . .	6 „ 25 „	„ 3 „ . .	2 „ 25 „
„ 8 „ . .	5 „ 75 „	„ 2 „ . .	1 „ 60 „
„ 7 „ . .	5 „ — „	„ 1 „ . .	— „ 85 „

ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА: Студентамъ, учителямъ сельскихъ и городскихъ училищъ, приказчикамъ, желѣзнодорожнымъ служащимъ, духовенству, военнымъ, рабочимъ, — при условіи годовой и полугодовой подписки,—при непосредственномъ обращеніи въ контору, газета „УТРО РОССІИ“ высылается на 1 годъ за **7** р., на 6 мѣс.—**3** р. **50** к. Для всѣхъ подписавшихся на годъ допускается разсрочка: при подпискѣ—**3** р., къ 1 марта—**2** р., къ 1 мая—**2** р. и къ **1** іюля—**1** рубль.

Лица, желающія ознакомиться съ газетой, получаютъ таковую за 2 десятикоп. марки въ теченіе недѣли.

Подписныя деньги и справки адресовать:

МОСКВА, Путинковскій п., д. П. П. Рябушинскаго, контора газеты „УТРО РОССІИ“. 3303 4-8

ПОДПИСКА на 1915 годъ

НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

3-ій годъ издан.

3-ій годъ издан.

За 30 коп. (почт. мар.) для озн. газ. высыл. въ течен. 2 недѣль

СПЕЦІАЛЬНЫЕ ВОЕННЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ

на западномъ, восточномъ и кавказско-турецкомъ фронтахъ.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: В. А. Агафоновъ, Влад. Азовъ, А. В. Амфитеатровъ, Арк. Аверченко, Леонидъ Андреевъ, проф. Евг. Аничковъ, К. К. Арсеньевъ, Н. П. Ашешевъ, Вл. Беренштамъ, І. М. Бикерманъ, Александръ Блокъ, В. Я. Богучарскій, проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, проф. А. К. Бороздинъ, Валерій Брюсовъ, В. Бурцевъ, Эмиль Верхарнъ, В. В. Водовозовъ, С. Вольскій, Ч. Вѣтринскій, Б. Ф. Гейеръ, Зин. Гиппіусъ, А. К. Дживилеговъ, С. Д. Дмитріевъ, Д. Заславскій (Homunculus), проф. А. А. Исаевъ, проф. Л. П. Карсавинъ, В. Керженцевъ, Вас. Князевъ, П. С. Коганъ, В. П. Коломійцевъ, проф. С. А. Корфъ, А. Р. Кугель (Homo Novus), І. Р. Кугель, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, Эм. Ласкеръ, Н. Левинъ, проф. Н. О. Лосскій, А. В. Луначарскій, Евг. Ляцкій, Д. С. Мережковскій, О. Миртовъ, Н. В. Новорусскій, Н. П. Огановскій, О. Л. Д'Оръ, К. Д. Пажитновъ, С. Т. Патрашкинъ, К. М. Пономаревъ, П. П. Потемкинъ, А. Пругавинъ, А. М. Ремизовъ, И. М. Розенфельдъ, В. Ропшинъ, Петръ Рыссъ, Өедоръ Сологубъ, В. Б. Станкевичъ, Ю. М. Стекловъ, пр. Е. В. Тарле, Поль Форъ, Викторъ Черновъ, П. Е. Щеголевъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой: на 12 мѣс. — 10 р., на 6 мѣс. — 5 р. 30 к., на 3 мѣс. — 2 р. 80 к., на 1 мѣс. — 1 р.

Льготная подписка для учителей и священниковъ.

Разсрочка.

Цѣна отдѣльнаго №—5 коп.

ПЕТРОГРАДЪ, Невскій, 69. 3347

К. БОКЪ, ЮВЕЛИРЪ.

ПЕТРОГРАДЪ, Морская, 9.

Большой выборъ золотыхъ, брилліант. и серебряныхъ вещей

ОРДЕНА, ЗНАКИ, ЖЕТОНЫ.

3286 4-3

ГОРАЗДО ВЫГОДНѢЕ И ЛЕГЧЕ НАПРАВИТЬ СТАРОЕ ЛЕЗВІЕ, НЕ ВЫНИМАЯ ЕГО ИЗЪ БРИТВЫ, ЧѢМЪ ПОКУПАТЬ И ВСТАВЛЯТЬ НОВЫЯ!

Auto-Strop Safety Razor Co., Ltd. London.

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ МІРѢ САМОПРАВЯЩАЯСЯ БЕЗОПАСНАЯ БРИТВА

Авто-Стропъ

УДОБНА, ПРОЧНА И НЕ ТРЕБУЕТЪ ЧАСТЫХЪ ПОКУПОКЪ НОВЫХЪ ЛЕЗВІЙ!

ИМѢЕТСЯ ВО ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ МАГАЗИНАХЪ.— И У ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ОБЩЕСТВА

О. К. СПАНДИКОВЪ, МОСКВА,

Мясницкая, Кривоколѣнный пер., 14.

Цѣна бритвы 4-кратнаго серебренія въ изящномъ кожаномъ футлярѣ, 12 запасныхъ лезвій и 1 ремень для правки— **12** руб.

3341 2-1

Библиотека "Руниверс"

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1914 г.
№ 52
XLV г. изданія
Выданъ 27 декабря 1914 г.
Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.: на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. В. Г. Короленко“ кн. 27.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1915 г.

52 №№ ЖУРНАЛА
52 КНИГИ, въ которыя войдетъ:
40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“:

1-ая серія - 18 книгъ полн. собр. сочиненій **Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА**

Полное собр. сочиненій въ 12 книгахъ **И. А. БУНИНА**

Новое произведеніе (окончаніе повѣсти „ЯМА“) въ 2-хъ книгахъ **А. И. КУПРИНА**

Полн. собр. сочиненій въ 8 книгахъ **М. МЕТЕРЛИНКА**

12 книгъ Литературныхъ и Популярно-Научныхъ Приложеній

1 ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА СРЕДНЕ-ЕВРОПЕЙСКАГО и ЮЖНАГО ТЕАТРА ВОЕН. ДѢЙСТВІЙ подъ редакціей проф. Ю. М. ШОКАЛЬСКАГО въ шесть красокъ размѣръ 106-130 сантим.

12 №№ Новѣйшихъ Модъ • • 12 Листовъ Рукодѣльн. Работъ и Выкроекъ

1 Отрывной Ежемѣсячный Календарь на 1915 г.

Подписная цѣна:
на годъ со всѣми приложеніями

Въ Петроградѣ	Безъ доставки:
безъ доставки: **6 р. 50 к.**	въ Москвѣ въ конторѣ И. Печковской **7 р. 25 к.**
съ доставкою **7 р. 50 к.**	въ Одессѣ въ кн. магазинѣ „Образованіе“ **7 р. 50 к.**

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“ со всѣми приложеніями и съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи **8 руб.**

Гг. подписчики, желающіе получить, кромѣ „НИВЫ“ 1915 г., со всѣми прилож., еще **собраніе сочиненій А. И. КУПРИНА** (2ı кн.), приложенныя при „НИВѢ“ въ 1912 г., доплачиваютъ: 1) безъ доставки въ Петроградѣ — 4 руб., въ Москвѣ и Одессѣ- ..5 к.; 2) съ доставкой и пересылкой (въ Европ. Россіи)—4 р. 50 к.

Библиотека "Руниверс"

28-й годъ. Основан. въ 1886 году, разрѣшенные Начальствомъ 28-й годъ.

КУРСЫ и БЮРО БУХГАЛТЕРІИ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ,

преподавателя бухгалтеріи московскаго учительскаго института.

МОСКВА, Тверская ул., уголъ Леонтьевскаго пер., д. № 33, бывш. Полякова. 3349 5-2

10-го ЯНВАРЯ НАЧАЛО ОБЩАГО КУРСА. Программы высылаются безплатно.

БУХГАЛТЕРІЯ ТОРГОВАЯ, БАНКОВАЯ, ФАБРИЧНАЯ, СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВ., ГОРОДСКИХЪ И ЗЕМСКИХЪ УПРАВЪ. ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА.

Въ текущемъ учебномъ году на курсахъ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ обучалось 486 человѣкъ, всего же за 28 лѣтъ—свыше 8,500 человѣкъ.

НА КУРСЫ ПРИНИМАЮТСЯ ЛИЦА ОБОЕГО ПОЛА, ВСЯКАГО ВОЗРАСТА и ОБРАЗОВАНІЯ.

ЯНВАРСКІЙ КУРСЪ ОСОБЕННО УДОБЕНЪ ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ.

Второй годъ изданія.

Литературно-худ. иллюстрированный ежемѣсячный журналъ для дѣтей 8—12 л.

„НЕЗАБУДКА“.

Задача журнала дать чтеніе, которое, возбуждая захватывающій интересъ и отвѣчая умств. запросамъ ребенка, незамѣтно для него самого пробуждало и укрѣпляло въ немъ благородныя стремленія духа.

Тщательный выборъ матеріала и роскошная внѣшность—отлич. особ. „Незабудки“.

Подписчики въ 1915 г. получатъ: 1) 12 №№ журнала, увелич. книжнаго формата, свыше 800 стр. 2) „Подъ грозой“, пов. изъ временъ татарщины А. Платоновой. 3) „Любовь до конца“. Пов. изъ жизни первыхъ христ. А. Платоновой и 4) 10 изящныхъ красочныхъ автотипій съ карт. лучшихъ худ.

Содержаніе „Незабудки“ разнообразно (пов., разск., стих., популярно-научн. ст., анекдоты, шарады и пр.). Къ сотрудничеству въ „Незабудкѣ“ привлечены лучшія силы. Въ „Незабудкѣ“ печатаются только оригинальныя статьи. Особенное вниманіе обращается въ „Незабудкѣ“ на все родное. Въ „Незабудкѣ“ не будетъ ничего не соотвѣтствующаго дѣтскому возрасту.

„Незабудка“ имѣетъ много лестныхъ отзывовъ, и пріобрѣла обширный кругъ читателей и **необходима** въ каждой семьѣ, каждой школѣ, библіотекѣ и младшихъ класс. ср. уч. зав. 8301 8-3

Подписная цѣна „Незабудки“ 4 р. въ годъ, за гран.—6 руб., полгода—2 руб., 3 мѣс.—1 руб. Пробн. №—30 коп., нал. плат.—40 коп.

Редакція: Петроградъ. Петропавловская крѣп., 86. Тел. 104-53.

„Незабудка“ за 1914 г.—4 руб. съ пересылкой въ Европ. Россію.

Ред.-изд. *прот. А. Темномѣровъ.* Ред. *А. Платонова.*

ЖЕЛЕ, МЫЛО, ПУДРА

ФИЛОДЕРМИНЪ

ДЛЯ СМЯГЧЕНІЯ и БѢЛИЗНЫ КОЖИ ЛИЦА и РУКЪ

А. ЛЕМЕРСЬЕ.

!!!ИГРАЮЩИМЪ НА РОЯЛѢ И ПОЮЩИМЪ!!!

(Нотъ на 75 руб. за 5 р. 50 к.)

Необходимо подписаться на нотный журналъ „Музыка для всѣхъ“ (Нувеллистъ) на 1915 г., существующій **76 лѣтъ.** Все, что интересно, модно и красиво, Вы найдете въ журналѣ: 24 №№, 24 приложенія, **3** преміи. Полную оперу „Жизнь за Царя“ можно замѣнить другой оперой, либо опереттой, либо сборникомъ: предоставл. около 120 разныхъ назван. Нотъ составитъ въ годъ **на 75 руб.** Подписная цѣна 5 р. 50 к., съ пересылкою 6 р. 50 к. Подписка при нотной торговлѣ и издательствѣ „Нева“ К. Иванова, Петроградъ, Литейный пр., 57. Складъ дешевыхъ изданій! Высылаю всѣ ноты, исполненіе быстрое и аккуратное. Требуйте подробный проспектъ журнала и каталоги нотъ безплатно. 3303

КЕФАЛДОЛЪ Д-РА СТОРЪ

СЪ УСПѢХОМЪ ПРИМѢНЯЕТСЯ ВЪ ЛУЧШИХЪ КЛИНИКАХЪ.

КЕФАЛДОЛЪ Д-ра СТОРЪ особенно рекомендуется противъ головной боли, мигрени, невралгіи, ишіаса, ревматическихъ и простудныхъ болей.

КЕФАЛДОЛЪ Д-ра СТОРЪ абсолютно безвреденъ и отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Лабораторіи: Лондонъ, Парижъ, Нью-Іоркъ.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ.

НЕ КУРИ!

Желающимъ бросить курить высылается безплатно проспектъ, указывающій путь, какъ избавиться отъ этой вредной привычки. Москва, Уланскій пер., д. № 30—4. П. КОМИСАРЕНКО.

40 породъ

куръ, свиней, собакъ разводятся въ хозяйствѣ Э. В. Багговута, Кегель, Эстляндской губ.

Принадлежности, литература, главн. илл. каталогъ-справочникъ за 1915 г. высыл. налож. платежомъ за **48 коп.** 3253

НЕРВАЛИНЪ по рецепту доктора Антушева. Если Вы страдаете головной болью, мигренью, невралгіей, простудными заболѣваніями, то пріобрѣтите порошки „НЕРВАЛИНЪ“, которые облегчатъ Ваши страданія. Цѣна 10 порошковъ въ капсюляхъ 1 руб. Требуйте во всѣхъ лучшихъ аптекахъ и аптекарск. магазинахъ. Можно также получать изъ главнаго склада: Контора Химическихъ Продуктовъ, Москва, Бол. Чернышовскій пер., домъ № 17, кв. 6. Отд. 28. Настоящій препаратъ „Нервалинъ“ только съ фабричной маркой Пчела, безъ оной считать поддѣлкой.

Покупаю патріотическія почтовыя марки

═И ПЛАЧУ═

въ 1 коп. по 1 коп. въ 7 коп. по 4 коп.
въ 3 „ по 2 коп. въ 10 „ по 5 коп.

Э. БАДЕ.

Петроградъ, Невскій, 34.

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Кони, А. Ѳ. „Ѳ. П. ГААЗЪ“. Біограф. очеркъ. Большое роскошно иллюстр. изданіе in quarto. Съ портретомъ, 4 факсимиле Ѳ. П. Гааза, видомъ его могилы и 72 рис. Е. Самокишъ-Судковской. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.; въ роскошномъ переплетѣ 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

ПОЛУКРѢПКІЙ ДЕРМОЗОНЪ

Д-РА АНТОНА МЕЙЕРЪ

ОСВѢЖАЮЩІЙ БЕЗВРЕДНЫЙ ПРІЯТНЫЙ КРЕМЪ

Дермозонъ

Это прекрасное средство противъ дурного цвѣта лица, обѣляетъ кожу и придаетъ ей юношескій видъ и бархатистость. Дермозонъ Д-ра Антона Мейеръ продается въ банкахъ по 30 граммъ во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Чтобы получить настоящій, слѣдите, чтобы имя Д-ра Антона Мейеръ было напечатано полностью. Рекомендуется передъ накладываніемъ вымыть лицо и руки нейтральнымъ мыломъ. Лучше всего взять мыло Дермозонъ Т-ва Стольбергъ и К°.

=ГАМАМЕЛИДЪ=

НОВОЕ СРЕДСТВО ОТЪ ГЕМОРРОЯ.

Продажа въ аптекахъ и аптекар. магазин. Гдѣ не имѣется, обращаться къ Е. И. Герканъ: Москва, Елоховская 4, кв. 29.

Требуйте подпись: [подпись] Цѣна 1 р. 50 к.

СТОМОКСИГЕНЪ Д-ра Антона Мейеръ

надежное и постоянное средство противъ запоровъ.

ОСВОБОЖДАЕТЪ ЖЕЛУДОКЪ

ЛЕГКО, НОРМАЛЬНО и ПРІЯТНО.

Стомоксигенъ Д-ра Антона Мейеръ надежное и постоянное средство противъ запоровъ. Прекрасное средство при геморроѣ предотвращаетъ отрыжку, тошноту, изжогу и вздутіе газами. Стомоксигенъ абсолютно безвреденъ и отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Остерегайтесь поддѣлокъ. На оригинальной коробкѣ выписано полностью имя Д-ра Антона Мейеръ. Петроградъ, Екатерин. кан. 29. Лабораторіи: Лондонъ, Парижъ, Нью-Іоркъ.

КУРСЫ общед. ЗАОЧНЫЕ ком. самообр. ПРОГР.: 2-ая итальянск. и американская **БУХГАЛТЕРІЯ** СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи), коммерч. ариѳметика, коммерч. корреспонденція, ком. географія, товаровѣдѣніе. Курсъ правоп. КАЛЛИГРАФІИ, контор скорописъ, ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА. БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ (труды професс. и препод. высш. и средн. учебн. завед.). Отзывы спец. благ. письма. АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА. Льготн. условія: разсрочка отъ 2 руб. Программы и пробныя лекціи высылаются БЕЗПЛАТНО. Адресъ: Книгоиздательство „Кругъ Самообразованія“.— Петроградъ, Невскій, д. 57—11.

Библиотека "Руниверс"

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Молитва за Верховнаго Главнокомандующаго. Св. Синодомъ сдѣлано распоряженіе по всѣмъ церквамъ Имперіи, чтобы на литургіи и всѣхъ другихъ богослуженіяхъ при возглашеніи эктеній, многолѣтія и на великомъ выходѣ, при поминовеніи Августѣйшихъ Особъ, передъ словами «и весь Царствующій Домъ» поминалось имя Верховнаго Главнокомандующаго: «Благовѣрнаго Государя Великаго Князя Николая Николаевича».

Избраніе Верховнаго Главнокомандующаго въ почетные члены Московскаго университета. Ректоръ Московскаго университета М. К. Любавскій предложилъ совѣту профессоровъ избрать Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича почетнымъ членомъ Московскаго университета. Приводимъ рѣчь ректора:

«Наши доблестныя войска мужественно отстаиваютъ сейчасъ жизненные интересы Россіи, ея честь и достоинство, свободу народовъ Европы, начала права и правды въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Московскій университетъ всѣми чувствами пребываетъ съ нашими воинами и ихъ Верховнымъ Главнокомандующимъ, воплощающимъ въ себѣ несокрушимую мощь и величіе русскаго національнаго духа. Эта крѣпкая нравственная связь арміи съ ея Вождемъ повелительно требуетъ внѣшняго выраженія. Поэтому я считаю своимъ долгомъ предложить совѣту профессоровъ Московскаго университета обратиться къ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу съ просьбой принять званіе почетнаго члена Московскаго университета. И если послѣдуетъ на это согласіе Его Высочества—всеподданнѣйше просить Государя Императора о Высочайшемъ соизволеніи на принятіе этого званія».

Рѣчь ректора М. К. Любавскаго была покрыта шумными и долго несмолкавшими аплодисментами. Совѣтъ профессоровъ, принявъ предложеніе ректора, постановилъ обратиться къ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу съ просьбою принять званіе почетнаго члена Московскаго университета.

Король бельгійскій Альбертъ I—почетный членъ Московскаго университета. Одновременно съ избраніемъ Верховнаго Главнокомандующаго, въ почетные члены старѣйшаго русскаго университета предложенъ и бельгійскій король Альбертъ. Приводимъ знаменательную мотивировку факультета:

«Бельгійское королевство, вступивъ въ среду суверенныхъ европейскихъ государствъ, своей высокой культурной работой заслужило почетное мѣсто въ европейской средѣ, явивъ нынѣ блестящій примѣръ величія, самоотверженія и подвига на міровой аренѣ. Бельгійская нація стала на защиту не только собственной независимости, но и высшихъ началъ права и справедливости. Въ настоящей великой борьбѣ король Альбертъ, снискавшій себѣ всеобщее уваженіе, какъ человѣкъ и монархъ, нынѣ всталъ во главѣ своего народа, какъ вождь и воинъ. Онъ предпочелъ пережить всѣ ужасы войны вмѣстѣ съ прочими гражданами королевства, чѣмъ отступиться отъ завѣтовъ долга и чести. Преклоняясь передъ доблестью короля-героя, обнажившаго мечъ не въ цѣляхъ завоеваній, но ради торжества права надъ грубой физической силой, юридическій факультетъ Московскаго университета, какъ представитель идеи права, считаетъ своимъ прямымъ и непремѣннымъ долгомъ внести въ совѣтъ профессоровъ предложеніе обратиться къ королю Бельгіи Альберту I съ просьбой принять званіе почетнаго члена Московскаго университета».

Предложеніе юридическаго факультета было покрыто шумными аплодисментами и принято единогласно.

Чудесное видѣніе. Въ «Варшавскомъ Дневникѣ» одинъ варшавянинъ разсказываетъ:

— «Я былъ на Калишскомъ вокзалѣ, и тамъ меня пригласили къ раненому офицеру, съ которымъ никто по незнанію нѣмецкаго языка не могъ переговорить, а между тѣмъ этотъ офицеръ чего-то требовалъ.

«Я спросилъ офицера, что ему нужно.

«Онъ обратился ко мнѣ съ просьбой размѣнять 200 марокъ.

«Послѣ этого я сталъ разговаривать съ офицеромъ о войнѣ.

«Офицеръ мнѣ сказалъ:

— «Мы не предполагали, что намъ придется воевать не только съ людьми, но и съ духами. Когда наши войска начинаютъ брать верхъ, надъ русскими войсками появляется видѣніе—женщина въ бѣломъ одѣяніи, прикрывающая русскихъ громаднымъ плащомъ, такъ что мы ихъ перестаемъ видѣть... А женщина глядитъ на насъ огненными глазами... Ея взора никто выдержать не можетъ... Какъ же мы можемъ побѣдить, если русскимъ помогаютъ духи?»

«Офицеръ по профессіи—техникъ и взятъ въ германскую армію изъ резерва».

Высшая справедливость. Въ № 50 «Нивы» (Отклики войны) мы сообщали о томъ, какъ судьба спасла Вильгельма отъ гибели, грозившей ему отъ авіатора, бросившаго бомбу въ германскую главную квартиру. Теперь произошелъ знаменательный фактъ спасенія главы другого государства, какъ бы въ отвѣтъ на спасеніе Вильгельма. По сообщенію изъ Берлина, германскій летчикъ бросилъ 1 декабря бомбы на рыночной площади въ Газебрюкке. Пятью минутами раньше черезъ площадь прослѣдовали президентъ Пуанкаре и генералъ Жоффръ со свитой. Бомбы причинили большой матеріальный ущербъ. Убито девять британскихъ солдатъ, ранено 15 человѣкъ.

Принцъ-грабитель. Видный бельгіецъ, только-что пріѣхавшій изъ Брюсселя и заслуживающій полнаго довѣрія, разсказываетъ въ «Times», какъ грабятъ нѣмцы въ Бельгіи.

Бельгіецъ перечисляетъ имена пострадавшихъ лицъ, хорошо всѣмъ извѣстныхъ, и это придаетъ разсказу еще больше вѣры.

«Видимо,—замѣчаетъ отъ себя «Times»,—нѣмецкій штабъ составилъ своего рода «Бедекеръ для грабителей». Въ этомъ путеводителѣ отмѣчены всѣ благоустроенные дома, какъ Бедекеръ отмѣчаетъ отели. Во многихъ случаяхъ приложены даже планы этихъ домовъ. Грабятъ нѣмцы съ большимъ разборомъ, и когда попадаютъ въ богатые дома, то уносятъ лишь цѣнную посуду, фарфоръ, картины, миніатюры, вина и даже модные дамскіе костюмы, что свидѣтельствуетъ о большомъ вкусѣ грабителей...

У одного извѣстнаго коллекціонера, живущаго близъ Брюсселя, нѣмцы забрали дорогую коллекцію восточнаго фарфора, тщательно уложивъ его и оставивъ владѣльцу только нѣсколько вещей, вызывающихъ сомнѣніе въ своей подлинности.

Оказывается, что этимъ грабежомъ руководилъ самъ принцъ Карлъ Гогенцоллернъ.

Письмо генерала Радко Дмитріева. Радко Дмитріевъ прислалъ письмо Дубинину въ Москвѣ въ отвѣтъ на подарки солдатамъ, присланные его дѣтьми, отказавшимися отъ рождественскихъ подарковъ.

«Милыя дѣти, Миша, Ваня, Боря и Митя! Глубоко тронутъ вашимъ милымъ письмомъ и сердечно благодарю за ваши пожеланія. Ваше желаніе будетъ исполнено, и подарки будутъ переданы солдатамъ, отъ лица которыхъ я говорю вамъ спасибо за ваше доброе дѣло. Желаю вамъ вырасти на радость вашихъ папы и мамы умными, добрыми и, если понадобится, быть въ свое время такими же храбрыми доблестными русскими воинами, какъ и тѣ, которымъ вы посылаете ваши подарки».

Благословеніе папы бельгійскому народу. Въ отвѣтъ на письмо, полученное отъ извѣстнаго своимъ мужествомъ кардинала Мерсье, архіепископа города Малина, статсъ-секретарь Ватикана кардиналъ Гаспарри обратился къ нему съ слѣдующимъ посланіемъ:

«Позвольте мнѣ высказать вамъ, какое близкое участіе я принимаю въ томъ горѣ, которое причиняютъ вашему пастырскому сердцу страданія, постигшія ваше благородное отечество.

«Я не замедлилъ довести ваше письмо до свѣдѣнія святѣйшаго отца, принимающаго самое горячее участіе въ испытаніяхъ, постигшихъ вашъ народъ. Его святѣйшество молитъ Бога прійти къ вамъ на помощь и поддержать васъ въ вашей печали и въ вашемъ горѣ.

«Папа, въ доказательство своей милости и своего отеческаго благоволенія, посылаетъ отъ всего сердца какъ вашему духовенству, такъ и бельгійскому народу свое апостольское благословеніе».

А. И. Купринъ—бельгійскому народу. Въ «Золотой книгѣ», изданной въ Англіи писателями всего міра въ честь и во славу Бельгіи и въ пользу разоренныхъ бельгійцевъ, по предложенію комитета, написалъ страницу А. И. Купринъ:

«Не восхищеніе, не удивленіе, а глубокая вѣчная благодарность всего цивилизованнаго міра надлежитъ славному бельгійскому народу и его молодому самоотверженному государю.

«Они первые встрѣтили грудью опьяненнаго гордостью, обезумѣвшаго отъ крови звѣря. Они не думали ни о личной опасности, ни о благополучіи своихъ домовъ, ни о судьбѣ высокой культуры своей прекрасной родины, ни о громадномъ превосходствѣ жестокаго врага.

«Они спасали Европу—колыбель ума, вкуса, изящества, знанія, труда, творчества и красоты. Спасали отъ безобразнаго дикаря, топчущаго въ своемъ ослѣпленіи лучшія розы въ свѣтломъ Божьемъ саду. Передъ ихъ скромнымъ героизмомъ померкъ древній подвигъ Леонида и его спартанцевъ, сражавшихся за свое отечество въ Ѳермопильскомъ ущельѣ. И вотъ сердца всѣхъ честныхъ, смѣлыхъ и добрыхъ людей бьются однимъ біеніемъ съ ихъ святыми сердцами.

«Нѣтъ, никогда не умретъ и не обезсилѣетъ народъ съ той живой благородной кровью, которая вдохновляетъ итти на лишенія, страданія, раны и смерть, итти дружно, рука объ руку,—и обожаемаго короля, и простого крестьянина, мужчину и женщину, старика и ребенка, богача и рабочаго.

«Привѣтъ имъ и низкій до земли поклонъ!»

Прекрасный примѣръ. Желая собрать къ Рождеству побольше игрушекъ для бѣдныхъ дѣтей, отцы которыхъ теперь на войнѣ, лондонская газета «Star» развѣсила во всѣхъ игрушечныхъ магазинахъ огромные пустые чулки. Родители, покупая своимъ дѣтямъ игрушки, покупаютъ заодно и для дѣтей бѣдноты и здѣсь же опускаютъ свои подарки въ чулокъ. Въ Лондонѣ до 300,000 дѣтей, которыя никогда не видали игрушекъ.

Милліонъ пуддинговъ. Газета «Daily News» собрала среди своихъ читателей больше 80.000 рублей на посылку англійскимъ матросамъ и солдатамъ милліона рождественскихъ пуддинговъ.

Новый почетный академикъ—Генрихъ Сенкевичъ. Знаменитый польскій романистъ Генрихъ Сенкевичъ избранъ Академіей Наукъ въ почетные академики по отдѣлу изящной словесности.

«Германская военная реквизиція». По сообщенію французскихъ газетъ, нѣмцы «реквизировали» въ Антверпенѣ бальныя перчатки, шелковые дамскіе чулки, корсеты и нижнія юбки.

Вильгельмъ въ Антверпенѣ. Недавно Антверпенъ былъ «осчастливленъ» посѣщеніемъ императора Вильгельма. Бельгійцы встрѣтили разорителя своихъ очаговъ презрительнымъ молчаніемъ и, вопреки распоряженію нѣмецкихъ властей, не сняли при его проѣздѣ шляпъ. Нѣмцы сбивали съ нихъ шляпы штыками и заставляли кричать «hoch».—«Вы теперь нѣмецкіе подданные, должны почитать своего государя!»—говорили они.

Опасныя письма. Британскія военныя власти предложили публикѣ не посылать во Францію солдатамъ открытыхъ писемъ съ карикатурными изображеніями Вильгельма, ибо выяснилось, что нѣмцы жестоко расправляются съ тѣми изъ плѣнныхъ и раненыхъ, у которыхъ находятъ такія карикатуры на Вильгельма.

Цѣль оправдываетъ средства. Издающаяся въ Антверпенѣ фламандская газета «Nieuwe Gazet» напечатала фотографію франковыхъ и двухфранковыхъ билетовъ національнаго бельгійскаго банка, выпущенныхъ въ обращеніе германцами. Подложные билеты германской фабрикаціи были захвачены бельгійцами въ Эршотѣ, когда онъ былъ отбитъ отъ германцевъ. Германцы, видимо, хотятъ исчерпать весь уголовный кодексъ.

Остроуміе дипломата. По поводу отъѣзда изъ Парижа посла Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ его друзья вспоминаютъ, что въ то время, какъ посолъ Геррикъ проходилъ въ Парижѣ по Avenue de Trocadero, разорвалась бомба, брошенная германскимъ летчикомъ. Посолъ на поздравленія лицъ, выражавшихъ свою радость по поводу того, что онъ избѣжалъ опасности, отвѣтилъ, что существуютъ такія обстоятельства, при которыхъ мертвый посолъ можетъ принести гораздо больше пользы и оказать болѣе важныя услуги, чѣмъ живой.

Библиотека "Руниверс"

ПОКУПАЮ МАРКИ

благотвор. (гашеныя) за 1/2 стоимости, деньги сейчасъ. Скорыя посылки офранк. благотр. на магаз. **ВАЛЬТЕРЪ, Копенгагенъ.**

ЗА КУЛИСАМИ ВОЙНЫ.

8345 10-2

(Тайны австрійскаго двора).
Сенсац. злободневный романъ. Цѣна за 10 выпусковъ 50 коп. Высыл. нал. плат.
Адр.: Москва, ред. журн. „Лучъ". отд. 3.

ЗАОЧНЫЕ, САМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ

КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ и прочихъ коммерческихъ знаній

— С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ —

Москва, Староконюшенный, д. Курилко. 7.

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО условія изученія коммерческ. наукъ по письменнымъ лекціямъ, вполнѣ замѣняющихъ устное преподаваніе.

3262 10-10

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на **1915** годъ (третій годъ изданія).
ЦѢНА съ пересылк. и доставкой **12 руб.**
за границу **18 руб.**
ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ ЖУРНАЛА:
МОСКВА, Никольская 1.
РЕДАКТОРЪ
Б. Н. ПРОТОПОПОВЪ.
ИЗДАТЕЛЬ
В. Н. ОЛОВЯНИШНИКОВЪ.

3355 2-1

СРЕДСТВО отъ ГЕМОРРОЯ

ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ
ПРОФЕССОРЪ ДОКТОРЪ ПЕЛЬ и СЫНОВЬЯ
Петроградъ, Вас. остр. 7 лин. д. № 18.

ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ
PROCTOL-POEHL

Суппозиторіи (свѣчки) противъ ГЕМОРРОЯ. Останавливаютъ КРОВОТЕЧЕНІЕ. Укрѣпляютъ слизистую оболочку и способствуютъ сморщиванію и исчезновенію шишекъ. Устраняютъ: БОЛЬ, ЗУДЪ и ЖЖЕНІЕ. Оказываютъ ПРОТИВОВОСПАЛИТЕЛЬНОЕ дѣйствіе.

Цѣна коробки 1 р. 50 к.

8359

XXI-й годъ изд. — 21-й годъ изд.

ВЫШЕЛЪ ПЕРВЫЙ НОМЕРЪ

Одобренный и рекомендованный Св. Синодомъ, Министер. Народн. Просв. и Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ заведеній

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ

на ежемѣсячный музыкальный журналъ

„МУЗЫКА и ПѢНІЕ".

Подписчикъ получаетъ въ годъ:

I. Около 100 страницъ текста. II. Болѣе **600** страницъ нотъ.
Кромѣ 12 номеровъ журнала, въ 1915 году подписчикъ получаетъ

ДВѢ ПРЕМІИ.

Полную оперу для фортепіано въ 2 руки Дж. Пуччини **„Богема"** или **100 романсовъ** (разн. авт.) или **одну изъ 10 оперъ**, перечисленныхъ въ подробномъ объясненіи, которое высылается **безплатно.**

Опера или оперетка можетъ быть замѣнена духовной преміей:
Пѣснопѣнія вечерни и утрени (совр. авт.) или **Школьный сборникъ обрядовыхъ пѣсенъ.**

ВТОРАЯ ПРЕМІЯ: Гг. подписчики при доплатѣ одного рубля могутъ получить еще одну по выбору изъ указан. премій. Пробн. номеръ высыл. за 60 к. марками. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: **5** руб. въ годъ, съ перес. по всей Россіи — **6** руб., за границу — **7** руб. Допуск. разср. по **1** руб. Подписка принимается въ Гл. конторѣ журн. „МУЗЫКА и ПѢНІЕ", ПЕТРОГРАДЪ, Казанская ул., № 36, при собственномъ нотномъ магазинѣ.

Издательница *В. С. Иванова.* Редакторъ *Н. И. Приваловъ.*

СВѢТЪ

ежедневная, независимая, самая дешевая и распространенная русская газета. Основана В. В. Комаровымъ.

„СВѢТЪ" даетъ послѣднія военныя новости.

„СВѢТЪ" имѣетъ своихъ спеціальныхъ военныхъ корреспондентовъ на русско-германскомъ и русско-австрійскомъ театрахъ военныхъ дѣйствій.

„СВѢТЪ" имѣетъ спеціальнаго корреспондента на сербскомъ театрѣ войны.

Подписная цѣна съ пересылкою или доставкою

4 р.	**2 р.**	**1 р.**
ГОДЪ	ПОЛГОДА	ТРИ МѢСЯЦА
съ 1 января по 31 декабря.	съ 1 января или съ 1 іюля.	съ 1 янв., 1 апр., съ 1 іюля, 1 окт.

8354

Адресовать: Петроградъ, Невскій пр., 136.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 г.

VI годъ изданія. НА БОЛЬШУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ВНѢПАРТІЙНУЮ ГАЗЕТУ, *издающуюся въ Москвѣ* VI годъ изданія.

УТРО РОССІИ

„УТРО РОССІИ" — газета прогрессивно-національнаго направленія, внѣ партій, отстаивающая общественную и личную самостоятельность въ созидательной борьбѣ за новую, великую Россію.

ВЕЛИКАЯ БОРЬБА РОССІИ И ЕЯ СОЮЗНИКОВЪ СЪ ГЕРМАНСКИМЪ ПОЛИТИЧЕСКИМЪ И ЭКОНОМИЧЕСКИМЪ ЗАСИЛІЕМЪ, — обсужденіе вопросовъ, сопряженныхъ съ войною и съ предстоящей ликвидаціей ея, яркое отраженіе событій и вопросовъ нашей внѣшней и внутренней жизни — будутъ служить предметомъ особаго вниманія редакціи.

Въ теченіе всего періода войны „Утро Россіи" будетъ выходить ЕЖЕДНЕВНО, не исключая и дней послѣпраздничныхъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

На 1 годъ	**8** р.	— к.	На 6 мѣсяцевъ	**4** р.	**25** к.
„ 11 мѣсяцевъ	**7** „	**50** „	„ 5 „	**3** „	**75** „
„ 10 „	**6** „	**75** „	„ 4 „	**3** „	— „
„ 9 „	**6** „	**25** „	„ 3 „	**2** „	**25** „
„ 8 „	**5** „	**75** „	„ 2 „	**1** „	**60** „
„ 7 „	**5** „	— „	„ 1 „	— „	**85** „

ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА: Студентамъ, учителямъ сельскихъ и городскихъ училищъ, приказчикамъ, желѣзнодорожнымъ служащимъ, духовенству, военнымъ, рабочимъ, — при условіи годовой и полугодовой подписки, — при непосредственномъ обращеніи въ контору, газета „УТРО РОССІИ" высылается на 1 годъ за **7** р., на 6 мѣс. — **3** р. **50** к. Для всѣхъ подписавшихся на годъ допускается разсрочка: при подпискѣ — **3** р., къ 1 марта — **2** р., къ 1 мая — **2** р. и къ 1 іюля — **1** рубль.

Лица, желающія ознакомиться съ газетой, получаютъ таковую за 2 десятикоп. марки въ теченіе недѣли.

Подписныя деньги и справки адресовать:
МОСКВА, Путинковскій п., д. П. П. Рябушинскаго, контора газеты „УТРО РОССІИ".

8303 4-4

ИСТОЩЕНІЕ

248 12-12

и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ"** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина"; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья. С.П.Б.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Библиотека "Руниверс"

№ 52. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. **В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА,** 12 книгъ **Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній,** 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 27 декабря 1914 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ 8 руб., на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.** Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Въ дыму пожара.

Разсказъ **Д. Н. Романова.**

I.

Низко стелются по землѣ черные клубы смраднаго дыма... Видно, откуда-то издалека принесло ихъ вѣтромъ и бросило въ лицо медленно идущему отряду.

Самого пожарища еще не видно, не видно даже и зарева изъ-за этихъ высокихъ сосенъ, молчаливыми рядами надвигающихся навстрѣчу, простирающихъ свои косматыя корявыя вѣтви... Кажется, конца не будетъ этому безконечному лѣсу. Тяжелый противный запахъ гари затрудняетъ дыханіе, проникаетъ все глубже въ легкія, вызывая удушливый кашель, ѣстъ глаза, кажется, старается забраться въ самый черепъ, гдѣ работаетъ еще живая лихорадочная мысль, давитъ виски, стягивая ихъ словно желѣзнымъ обручемъ, стучитъ въ нихъ тысячью маленькихъ молоточковъ...

А люди все идутъ и идутъ... Чѣмъ гуще заволакиваетъ ихъ коварная пелена дыма, тѣмъ напряженнѣе работаютъ усталыя ноги, ускоряя и безъ того уже быстрый шагъ. Никого не надо подбадривать, каждый самъ понимаетъ и чувствуетъ, что все это пустяки въ сравненіи съ ожидающимъ впереди, что тамъ, за этимъ моремъ гари, ждетъ ихъ самъ злой огненный колдунъ, съ которымъ придется бороться до послѣдней капли крови.

Во время артиллерійскаго боя подъ Иловымъ, нѣмцы, стараясь найти нашъ наблюдательный пунктъ, обстрѣливали всѣ высокія точки: костелы, мельницы и т. п.

Гдѣ-то вдалекѣ глухо прокатились, какъ отдаленный громъ, первые выстрѣлы, прокатились и замолкли, словно имъ было не подъ силу прорваться сквозь густую завѣсу черной копоти.

— Вотъ оно, начинается!—пробѣжало по рядамъ; головы сами собой повернулись въ ту сторону, гдѣ въ туманной дали, надъ однообразнымъ безконечнымъ лѣсомъ, продолжали рявкать теперь уже почти безостановочно орудійныя пасти.

Въ воздухѣ уже стало чувствоваться приближеніе пожарища.

По темнымъ верхушкамъ сосенъ сперва едва замѣтно, потомъ все ярче и ярче, забѣгали красноватые блики, перескакивая съ вѣтки на вѣтку, угасая на одной и вспыхивая на другой, какъ будто стараясь заглянуть, разузнать, что это копошится тамъ, внизу, что это за смѣльчаки, рискнувшіе пробраться въ ужасное царство огня.

Всѣ примолкли, и люди и природа, только хрустъ валежника да трескъ ломающихся сучьевъ нарушалъ эту внезапно наступившую, жуткую, непривычную въ походѣ тишину.

Мѣстность начала понижаться, ноги все чаще и чаще стали скользить по опавшей листвѣ, цѣпляясь за выступавшіе корни. Откуда-то снизу потянуло сырьемъ. Солдаты встрепенулись. Дышать становилось легче. Черезъ нѣсколько минутъ уже весь отрядъ собрался на днѣ темнаго оврага, густо поросшаго по обѣимъ сторонамъ гибкимъ, перепутавшимся ивнякомъ и ольшанникомъ. Надъ головой гигантской картиной въ прихотливо-узорной зеленой рамѣ горѣло и переливалось на пробѣгающихъ облакахъ огненное зарево.

— Рота, стой!—послышался сдержанный голосъ ротнаго командира.

Сборъ оружія послѣ боя у с. Санники, близъ Гомбина.

Изъ дѣйствующей арміи. Рисунки съ натуры (изъ походнаго альбома) **М. Авилова.**

Библиотека "Руниверс"

Содержаніе.

Во взводахъ и отдѣленіяхъ разберись, справа во взводную колонну стройсь!

Сѣрые ряды солдатъ заколыхались, развернулись, зазвенѣли встрѣтившіяся манерки и снаряженія, и снова все стихло.

— Составь!

Послышался лязгъ штыковъ, сдержанный говоръ, и у мгновенно выросшихъ ружейныхъ козелъ стали разсаживаться усталые и измученные солдаты.

— Николай Александровичъ! — окликнулъ ротный командиръ молодого прапорщика, безсильно привалившагося къ полусгнившему пню березы. — Пошлите отъ перваго взвода десять человѣкъ обслѣдовать вонъ тотъ откосъ, да выставьте двухъ часовыхъ со стороны лѣса, чтобы они дали знать, когда покажется полкъ.

— Да,—продолжалъ онъ, когда прапорщикъ, отдавъ соотвѣтствующія распоряженія, снова вернулся на старое мѣсто: —жаркое сегодня ночью дѣло будетъ. Экъ пышетъ-то, ловко они свой городъ жгутъ, чтобы намъ не доставалось, ну да сегодня имъ нашъ мортирный дивизіонъ покажетъ, а тамъ и мы въ атаку пойдемъ, N-цы съ праваго фланга поддержатъ, а К-цы съ лѣваго... Еще только семь часовъ, раньше двѣнадцати дѣлать нечего... Вотъ что, юноша, распорядитесь, чтобы солдаты развели по одному небольшому костру на отдѣленіе и варили бы чай... А впрочемъ, сидите, я лучше самъ пойду, мнѣ кстати надо съ фельдфебелемъ поговорить,—быстро сказалъ капитанъ, видя, съ какимъ трудомъ поднимается съ земли молодой офицеръ.

Весело вспыхнули быстро разведенные костры, яркое пламя, треща, побѣжало по сухимъ сучьямъ, высоко подбрасывая сотни золотистыхъ искръ и освѣщая довольныя лица жавшихся къ огню солдатъ. На длинныхъ жердяхъ забурлили котелки съ водой.

Сдержанный шопотъ и говоръ мало-по-малу наполнялъ бивуакъ. Всѣ были довольны, что наконецъ-то конченъ хоть на время этотъ тяжелый безконечный переходъ въ удушливомъ угарѣ, и теперь на свѣжемъ воздухѣ, который такъ жадно ловитъ утомленная грудь, можно въ теплѣ у яркаго огонька попить горячаго чайку съ сухаремъ, спокойно посидѣть, полежать, вытянувъ усталое ноющее тѣло, а тамъ, что дальше будетъ, объ этомъ никто сейчасъ не хотѣлъ думать...

— Евсюковъ, чортъ-лѣшій, иди чай пить, ишь, словно боровъ, разоспался! —тормошилъ одинъ солдатикъ другого, уже успѣвшаго заснуть, несмотря на шумъ, накрывшись сразу двумя шинелями.— Вѣдь и впрямь лѣшій, никакъ и мою шинель увелъ, такъ и есть! —И онъ безцеремонно стащилъ съ мычащаго въ полуснѣ солдата свою собственность.

— Ефремовъ, ты это кого?—послышался рядомъ голосъ подошедшаго ротнаго.

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, Евсюкова чай зову пить, а онъ дрыхнетъ.

Старинный костелъ въ г. Серпцѣ, гдѣ нѣмцы устроили казарму.

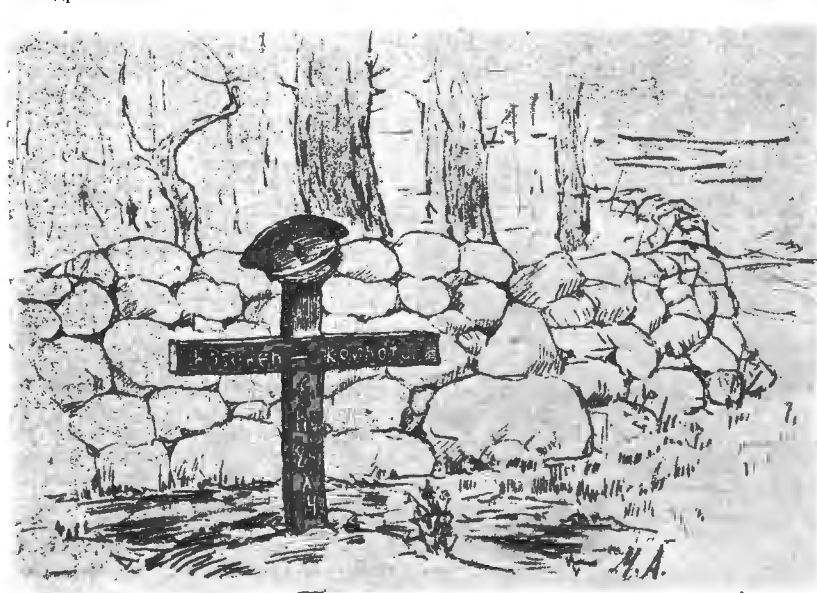
— Ну, ладно, оставь, молодъ еще, пусть выспится, сегодня много дѣла будетъ...

— Да мнѣ, ваше высокоблагородіе, что, пущай спитъ, я только насчетъ чая!—И солдатъ, еще разъ взглянувъ на спящаго, пошелъ къ костру. А капитанъ молча продолжалъ свой обходъ.

Высокій, плотный, съ энергичнымъ открытымъ лицомъ, оттѣненнымъ красивыми пушистыми усами, съ добрыми глазами, глядѣвшими изъ-подъ всегда слегка нахмуренныхъ бровей, онъ горячо привязанъ былъ къ солдатамъ, вникалъ постоянно во всѣ ихъ маленькія нужды, горести и радости, стараясь всѣми силами облегчить ихъ тяжелую долю. Требовательный къ службѣ, но никогда не возвышая своего ровнаго звучнаго голоса, онъ умѣлъ подойти къ простой солдатской душѣ и свободно читалъ въ ней, какъ въ открытой книгѣ.

— Нашего ротнаго самъ Богъ намъ послалъ, —говорили про него солдаты:—душа-человѣкъ, а ужъ орелъ какой, такъ съ нимъ и умирать-то не страшно, одно слово, отецъ родной...

Сегодня съ утра капитанъ Ратовъ чувствовалъ себя скверно. Какое-то неясное предчувствіе заполняло грудь, голова мучительно ныла. Старая контузія японской войны въ правый високъ отъ дыма и удушливаго угара давала себя чувствовать. Къ горлу горячей волной подкатывала тошнота. Отсутствіе писемъ изъ дому чувствовалось сегодня какъ-то особенно рѣзко. „Почему не пишешь, злая, почему не пишешь?“—мелькало у него въ мозгу, когда онъ, какъ автоматъ, медленно проходилъ мимо безконечной вереницы сидѣвшихъ и спавшихъ солдатъ. Но, постоянно привыкшій держать себя на чеку передъ людьми, Ратовъ и тутъ не измѣнилъ себѣ и только теперь, окончивъ свой обходъ и опустившись на землю вдали отъ костра, почувствовалъ, насколько упали его силы... Во рту пересохло... Нѣсколько большихъ глотковъ изъ фляжки, уже заботливо пополненной денщикомъ холодной родниковой водой, немного его освѣжили. Судорожныя спазмы въ горлѣ прошли... Дышать стало легче. Лежа на спинѣ съ закинутыми за голову руками, Ратовъ машинально слѣдилъ за огненной пляской призраковъ зарева, невольно прислушиваясь



Могила казака, убитаго и погребеннаго нѣмцами близъ г. Дробина. По разсказамъ жителей, другого казака нѣмцы сожгли.

Изъ дѣйствующей арміи. Рисунки съ натуры (изъ походнаго альбома) **М. Авилова.**

Библиотека "Руниверс"

къ доносившейся издалека орудійной перестрѣлкѣ.

Надвигалась ночь.

Солдаты присмирѣли... Эта мрачная южная ночь, безъ сумерекъ, безъ постепеннаго перехода отъ дневного свѣта къ полной темнотѣ, дѣйствовала подавляюще. Словно кто-то неизвѣстный, могучій, набросилъ огромную шапку на все живое и подулъ холоднымъ леденящимъ кровь дыханіемъ... Только одни призраки зарева обрадовались наступленію ночи. Еще ярче загорѣлись они, еще бѣшенѣе завертѣлись въ дикой пляскѣ.

Ратовъ даже приподнялся, невольно залюбовавшись этимъ волнующимся отблескомъ разсвирѣпѣвшей стихіи.

— Ваше высокоблагородіе, нашъ полкъ подходитъ! — окликнулъ его ординарецъ.

Очарованіе исчезло. Поднявшись и поправивъ сбившееся снаряженіе, Ратовъ быстро пошелъ навстрѣчу полковому командиру.

II.

Пыльной лентой тянется отвратительная проселочная дорога, вся избитая глубокими выбоинами и колеями, загроможденная безъ конца двигающимися обозами, артиллерійскими парками, транспортами съ хлѣбомъ и лазаретными линейками. Кажется, конца не будетъ этой живой волнѣ.

Гомонъ стоитъ невообразимый, россійская крѣпкая ругань буквально виситъ въ воздухѣ.

— Куда прешьто, дьяволъ? Нѣшто не видишь, что дышломъ почти весь задокъ своротилъ! Глазъ-то у васъ, продовъ, нѣтъ! — оретъ красный отъ натуги солдатъ оторопѣлому погонщику, запутавшемуся со своей двуколкой съ какими-то мѣшками между военными транспортами.

Возница усиленно начинаетъ чмокать на свою чахлую усталую лошаденку, которая обрадовалась неожиданной остановкѣ и жуетъ себѣ спокойно сѣно изъ рядомъ стоящаго воза, нимало не обращая вниманія на нетерпѣливое дерганье вожжей, пока кто-то, схвативъ ее за узду, не выворачиваетъ телѣгу прямо въ канаву, несмотря на слезливые возгласы совершенно оторопѣвшаго крестьянина. Транспортные офицеры совершенно выбиваются изъ силъ. Повозки налѣзаютъ на повозки, путаются въ этой движущейся толпѣ, останавливаются, то и дѣло ломаются дышла, оси, колеса, а тутъ еще надо пропускать двигающуюся на рысяхъ артиллерію съ ея парками и зарядными ящиками, или длинные транспорты раненыхъ, медленно ползущіе навстрѣчу... Горло пересохло отъ постояннаго крика, и вмѣсто словъ вырываются уже только сдавленные хрипы, безцѣльно тонущіе въ общемъ невообразимомъ шумѣ.

Нагонитъ обозъ пѣхота, остановится, подождетъ-подождетъ, да увидитъ, что все равно не проберешься, раздѣлится на обѣ стороны и пойдетъ себѣ полемъ продолжать свой однообразный утомительный переходъ, до новой встрѣчи съ новыми обозами.

Суровый порядокъ походной жизни здѣсь, въ этомъ царствѣ тыла, совершенно отходитъ на задній планъ.

Каждый стремится пролѣзть впередъ, невзирая ни на какія препятствія, втискивается, пользуясь малѣйшей лазейкой, въ самую середину телѣгъ и повозокъ, словно нарочно, чтобы прибавить еще больше кутерьмы и безпорядка, ругаясь направо и налѣво, пока наконецъ взбѣшенный офицеръ не прикажетъ выкинуть его вмѣстѣ съ телѣгой на сосѣднее поле.

Вотъ ужъ третій день, какъ двигалась Ратова въ этомъ живомъ потокѣ. Въ ушахъ звенѣло отъ непрерывнаго шума, голову мучительно ломило, непрерывная непривычная тряска долгаго тяжелаго пути мало-по-малу разбивала ноющее молодое тѣло. Почти черезъ каждыя четверть часа двуколка останавливалась, и чувство полнѣйшаго одиночества, затерянности въ этомъ хаосѣ людей, лошадей, повозокъ, транспортовъ, охватывало ее своей желѣзной холодной рукой... Напрасно умоляла она встрѣчныхъ солдатъ и офицеровъ разрѣшить ей проѣхать впередъ: потныя, покраснѣвшія отъ потуги, лица безсмысленно смотрѣли на нее, какъ бы выслушивая, но сейчасъ же забывали и вдругъ, словно что-то вспомнивъ очень важное, съ руганью спѣшили прочь, чтобы безслѣдно потонуть въ общей невообразимой сутолокѣ.

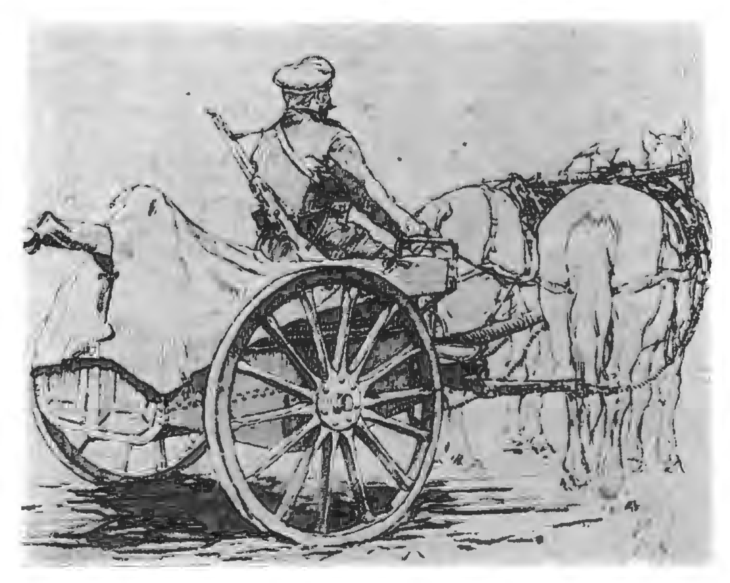
— Пани! — наконецъ обернулся къ ней возница-хохолъ, видя, что Ратова, плача отъ сознанія своего безсилія, пытается соскочить съ повозки. — Заразъ други шляхъ буде, тильки трошечки подожди, а тамъ и солдатъ сшукаешь! — И, зачмокавъ на лошаденку, онъ свернулъ прямо въ картофельное поле, чуть не вывернувъ молодую женщину въ канаву, и пошелъ рядомъ, что-то мурлыча себѣ подъ носъ, изрѣдка подпирая трясущуюся по бороздамъ телѣгу, уже нимало не обращая вниманія на не успѣвшую опомниться отъ удивленія Ратову.

Вдалекѣ показалось село. Маленькія низенькія холупы словно изъ-подъ земли выросли, поблескивая подъ косыми лучами заходящаго солнца своими бѣлыми, обмытыми послѣднимъ дождемъ, стѣнами. Вправо легко поднимался въ воздухъ готическій шпиль костела.

Ратова встрепенулась: наконецъ-то здѣсь она сможетъ получить хоть какія-нибудь свѣдѣнія о мѣстонахожденіи N-скаго полка, а тамъ возьметъ лошадь, доскачетъ до позиціи, разыщетъ своего Сашу, узнаетъ, почему онъ не пишетъ, потомъ устроится гдѣ-нибудь въ лазаретѣ и будетъ уже терпѣливо ждать окончанія войны. Она даже зажмурилась отъ удовольствія.

Посадъ Стависки, близъ г. Щучина.

Рядовой.



Пулеметъ на двуколкѣ въ походѣ.

Изъ дѣйствующей арміи. Рисунки съ натуры (изъ походнаго альбома) **М. Авилова.**

Библиотека "Руниверс"

Англійскій король Георгъ V у постели раненаго солдата въ госпиталѣ.

— Господи, Господи, дай, чтобы удалось,—безсвязно шептали губы.

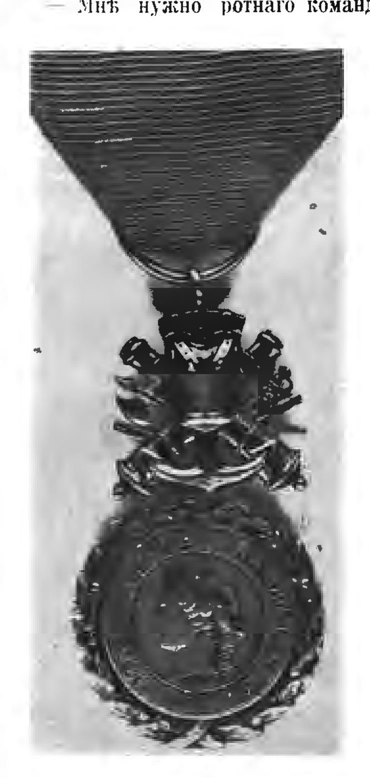
— Солдатикъ!—окликнула Ратова какую-то фигуру, нагруженную громаднѣйшимъ мѣшкомъ, внезапно появившуюся изъ одного огорода.

Фигура, оказавшаяся дѣйствительно солдатомъ, сняла фуражку и, почесывая затылокъ, уставилась на говорившую.

— Ты не знаешь ли, гдѣ N-скій полкъ?

— N-скій-то—хорошій полкъ, это нашей дивизіи, самый что ни на есть первый, одно слово, орелъ, а не полкъ! Да вамъ, барыня, зачѣмъ полкъ-то?—подозрительно взглянулъ солдатъ на Ратову.

— Мнѣ нужно ротнаго командира капитана Ратова, можетъ-быть, слышалъ? Я—жена его, понимаешь?—путаясь и краснѣя, заторопилась молодая женщина.



Военная медаль (высшій знакъ военнаго отличія), пожалованная генералиссимусу Жоффру и лично переданная ему на позиціяхъ президентомъ республики Пуанкарэ.

— Капитана-то какъ не знать, хорошій капитанъ, одно слово, отецъ родной, рази можно мнѣ и вдругъ своего капитана не знать?

— Да развѣ ты N-скаго полка? — вскрикнула отъ неожиданности Ратова, и сердце часто-часто забилось въ груди.

— А то какого же? Самаго N-скаго и есть, первый полкъ въ дивизіи...

— Ну, гдѣ онъ, живъ, здоровъ, не раненъ? — сыпались одинъ за другимъ вопросы.

— Кто? Полкъ-то? А что ему сдѣлается, самому первому въ дивизіи...

— Да нѣтъ, капитанъ Ратовъ, понимаешь...

— Капитанъ-то? Да сказывали, что живъ, только я его, почитай, съ Питера не видалъ, потому я нестроевой, въ обозѣ второго разряда, значитъ,—уже совершенно неожиданно закончилъ солдатъ.

Слезы показались на глазахъ Ратовой: сколько времени даромъ потеряно на этотъ пустой, нелѣпый разговоръ!

— Да вы, ваше высокоблагородіе, не плачьте, давайте я васъ сведу къ каптенармусу. онъ все вамъ разскажетъ и про полкъ и про его высокоблагородіе, капитана нашего,—попытался утѣшить солдатъ, но Ратова уже не слушала его.

Увидѣвъ проходящаго офицера, она быстро направилась къ нему. Хохолъ лѣниво чмокнулъ губами и поплелся сзади.

— Чѣмъ могу служить?—звякнулъ шпорами офицеръ, увидѣвъ подходившую молодую женщину.

— Не можете ли вы сказать мнѣ, гдѣ N-скій полкъ? Я—жена капитана Ратова, мнѣ надо къ нему,—торопясь, начала Ратова.

Офицеръ удивленно посмотрѣлъ на нее.

— Но, сударыня, вы туда не попадете, полкъ находится въ линіи огня, тамъ совсѣмъ не мѣсто женщинѣ.

— Я васъ умоляю, скажите, гдѣ, все равно я найду его, хотя бы мнѣ пришлось изъѣздить всѣ окрестности.

— Онъ долженъ былъ быть у деревни Г., но, опять повторяю,—это безцѣльно, да васъ и не пропустятъ къ передовой линіи.

Но Ратова уже бѣжала обратно къ своей телѣгѣ.

„Сумасшедшая“,—подумалъ офицеръ, глядя вслѣдъ быстро удаляющейся двуколкѣ.

III.

Тихо рота за ротой выбирались изъ оврага. Съ каждымъ шагомъ дымъ и копоть становились сильнѣе. Затихшій-было на время артиллерійскій поединокъ возобновился теперь съ новой силой по всему фронту. Казалось, что сотни чьихъ-то стальныхъ грудей вздыхали учащенными надрывистыми хрипами. Первые ряды уже выбрались на открытое мѣсто и раскинулись цѣпью. Не закрытое теперь ничѣмъ пожарище сверкало во всей своей адской красотѣ. Огненные языки взбрасывались кверху, падали внизъ, пропадали на мгновеніе, чтобы вспыхнуть въ другомъ мѣстѣ съ новой силой и яркостью. Поднявшійся вѣтеръ отгоняетъ пламя въ сторону, перебрасываетъ съ дома на домъ, крутитъ и вертитъ цѣлый фейерверкъ головней и черепицъ въ вихрѣ огненныхъ языковъ... Яркіе, почти бѣлые внизу, они все краснѣютъ и багровѣютъ къ верху, пока не переходятъ въ густой смрадный дымъ, словно игриво развѣвающійся надъ пожаромъ. Какъ взбѣсившійся звѣрь, мечется огонь по мѣстечку, лижетъ дома, вспыхиваетъ внутри, пропадаетъ, чтобы съ дикимъ визгомъ вырваться въ другомъ мѣстѣ. Ненасытное пламя добралось и до садовъ... Быстро вспыхиваетъ высохшая ограда, и пламя взбирается по могучимъ стволамъ, грызетъ и впивается тысячью искръ въ толстую кору, шипитъ, разбѣгаясь по вѣтвямъ, и падаетъ огненнымъ дождемъ на землю, чтобы снова начать свою ужасную атаку. А въ вышинѣ на кровавыхъ облакахъ поми-

Президентъ Французской республики Пуанкарэ и генералиссимусъ Жоффръ на позиціяхъ.

Библиотека "Руниверс"

нутно съ визжаніемъ и гудѣніемъ проносятся шрапнели, осыпая землю свинцовымъ дождемъ.

Ратовъ стоялъ ошеломленный... Кровавое зарево пожара положило свой багровый отпечатокъ на лица солдатъ, заискрилось и загорѣлось на остріяхъ штыковъ, закутало раскинувшуюся цѣпью роту своимъ жгучимъ красно-желтымъ плащомъ. Тамъ, немного правѣе пожарища, видны темныя линіи непріятельскихъ окоповъ, откуда то и дѣло вспыхиваютъ огни выстрѣловъ и куда съ глухимъ трескомъ падаютъ одинъ за другимъ наши снаряды.

Роту замѣтили, защелкали выстрѣлы, и пули, гудя, засвистали вокругъ маленькаго отряда. Визжа, пронеслась шрапнель, за ней другая, третья...

— Цѣпь, ложись! скомандовалъ Ратовъ, нетерпѣливо поглядывая на часы. — „Скоро и въ атаку,—мелькало въ головѣ.— К—цы теперь уже развернулись, кажется, пора бы и намъ... Гдѣ-то теперь Соня, что̀ дѣлаетъ?“—молніей пронеслось въ мозгу, но въ слѣдующую же секунду онъ нахмурился.

„Что̀ это сегодня со мной?—думалъ Ратовъ, разсѣянно оглядывая разсыпавшуюся цѣпь.—Нервы, что ли, пошаливаютъ, или конецъ близокъ, ну, если такъ, то никто какъ Богъ...“

— Евсюковъ! — окликнулъ онъ рядомъ лежащаго солдата.—

Генералъ фонъ-Макензенъ, командовавшій пятой германской арміей, оперировавшей у Лодзи, въ разгромленномъ состояніи бѣжавшей отъ разбившихъ и преслѣдовавшихъ ее нашихъ войскъ.

1. „Цвѣтъ молодой Германіи“— два сына Вильгельма—кронпринцъ Фридрихъ-Вильгельмъ и принцъ Адальбертъ.

2. Германскій фельдмаршалъ генералъ Гинденбургъ въ своей главной квартирѣ, въ одномъ изъ польскихъ городовъ, окруженный своимъ штабомъ. На первомъ планѣ (въ шинели съ отворотами)—генералъ Гинденбургъ, слѣва—начальникъ его штаба—Линдендорфъ (герой Льежа), справа—помощникъ начальника штаба Гофманъ.

3. „Будущее Германіи“ — германскій кронпринцъ Фридрихъ-Вильгельмъ въ разоренной и разграбленной имъ Польшѣ.

Библиотека "Руниверс"

Доберись до батальоннаго командира и спроси, не пора ли намъ продвигаться впередъ? Да осторожнѣе...

Солдатъ повернулся и мгновенно пропалъ въ темнотѣ...

— Ваше высокоблагородіе, ихъ высокоблагородіе приказали двигаться впередъ, и когда четырнадцатая и шестнадцатая прекратятъ огонь, бросаться на „ура", ихъ высокоблагородіе говорятъ, чтобы подползти какъ можно ближе,— вдругъ словно изъ-подъ земли выросъ передъ Ратовымъ ординарецъ батальоннаго командира.

— Хорошо, а я ужъ за этимъ же Евсюкова послалъ, передай, что сейчасъ двигаемся.

— Переползаніе по звеньямъ справа начинай! — тихо скомандовалъ онъ, и команда, передаваемая по цѣпи отъ человѣка къ человѣку, потонула въ темнотѣ.

Сѣрая вереница солдатъ зашевелилась и осторожно поползла впередъ.

А снаряды все продолжали падать, подымая съ оглушительнымъ грохотомъ цѣлыя тучи земли.

Наступила рѣшительная минута.

Сербскій король Петръ на позиціяхъ наблюдаетъ въ бинокль за ходомъ боя.

Въ непріятельскихъ окопахъ уже можно было видѣть черные силуэты солдатъ, унизавшихъ бруствѣръ, то тамъ, то здѣсь рушащійся въ клубахъ дыма подъ взрывами нашихъ снарядовъ.

— Къ атакѣ готовсь!—пошло по цѣпи. Многіе перекрестились...

— Ну, братцы, въ атаку! Ура!—крикнулъ Ратовъ и, обнаживъ шашку, выбѣжалъ передъ цѣпью.

Какъ одинъ человѣкъ, поднялась рота, раздалось оглушительное „ура". Ноги сами понесли впередъ... Скорѣе бы добраться грудь съ грудью. Жадно стучатъ пулеметы, свинцовый вихрь несется навстрѣчу... Но теперь до него никому нѣтъ дѣла: минутой раньше или позже, не все ли равно! Вотъ и брустверъ... Живая волна ударяется объ него, взметается вверхъ и, рухнувъ внизъ, разливается по всей траншеѣ. Въ дикомъ нечеловѣческомъ ревѣ, стонѣ, крикѣ, ругательствѣ и проклятіи тонутъ одиночные выстрѣлы... Съ пожара налетали удушливые клубы дыма, еще болѣе одурявшіе сражающихся... На мигъ окутывали ихъ своимъ чернымъ флеромъ и, словно испугавшись слившихся въ безумной свалкѣ людей, разносились по сторонамъ, обдавая дерущихся своимъ жгучимъ красноватымъ дыханіемъ.

И десяти минутъ не прошло, какъ все было кончено.

Въ окопахъ уже не было враговъ, и штыки, еще алые отъ крови, не встрѣчая сопротивленія, опускались сами собой.

Ратовъ сидѣлъ на мокрой отъ крови землѣ, прислонясь къ лафету теперь уже безвреднаго орудія.

Фельдшеръ наскоро перевязывалъ рану въ руку.

— Спасибо, братцы!—слабымъ голосомъ крикнулъ Ратовъ собравшимся вокругъ солдатамъ.

— Рады стараться, ваше-ство!—гаркнули эти взрослыя дѣти, чуть не со слезами смотрѣвшія, забывъ про собственную усталость и раны, какъ дѣлалась перевязка ихъ „отцу-командиру".

— Саша, милый, наконецъ-то я тебя нашла!—И чья-то женская фигура, прорвавшись черезъ плотный строй солдатъ, бросилась на колѣни передъ пораженнымъ Ратовымъ.

— Соня, откуда ты?—могъ только тотъ крикнуть.

Потомъ все завертѣлось передъ глазами. Мысли перепутались, и онъ упалъ въ глубокій обморокъ на руки рыдавшей жены...

Черезъ нѣсколько дней въ приказѣ по дивизіи значилось:

„Жена ротнаго командира N-скаго пѣхотнаго полка Софія Николаевна Ратова за безпримѣрное мужество, съ которымъ она, пройдя черезъ всю линію огня, пробралась къ своему мужу въ только-что взятые непріятельскіе окопы и, самоотверженно ухаживая за ранеными, поддерживала бодрый духъ солдатъ,—награждается знакомъ 4-й степени".

Разсказать — не повѣрятъ.

Разсказъ **Сергѣя Аксанина.**

(Окончаніе).

III.

Но собственно изумляться было нечему. Если это война, то должны быть тутъ не только нѣмцы, но и наши.

И ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что передъ нимъ открылся густой да высокій лѣсъ, и притомъ, несмотря на то, что была зима, весь зеленый да цвѣтущій, а вокругъ него долина, вся поросшая свѣжей молодой травой и испещренная самыми разнообразными цвѣтами,—да, тамъ за лѣсомъ, послышались звуки трубъ густые такіе, сочные и стройные. А ихъ разсѣкала звучная барабанная дробь.

Потомъ изъ-за лѣса выскочили всадники въ красивыхъ синихъ кафтанахъ и въ высокихъ мѣховыхъ шапкахъ; среди нихъ важно и величественно ѣхалъ на бѣломъ конѣ генералъ съ длинной пушистой сѣдой бородой. Ужъ это видно, что генералъ, потому что кафтанъ его былъ весь зашитъ золотомъ. А позади на коняхъ ѣхало несмѣтное войско, и развѣвались разноцвѣтныя знамена.

Дмитро и минуты не сомнѣвался въ томъ, что это наши. Видно же. Такіе все рослые и красавцы, и одежда у нихъ красивая. У кого же еще можетъ быть такое славное войско? Не у нѣмцевъ же. Ну, гдѣ же тамъ! Видѣлъ онъ сейчасъ, какія они всѣ рожи. А эти—молодецъ къ молодцу, словно нарочно подобрали ихъ.

„Ну,—думаетъ Дмитро:—если пришло сюда наше войско, такъ ужъ тутъ, значитъ, и батько. Ужъ это само собой, гдѣ жъ ему больше быть? Гм... Такъ вотъ оно какъ на войнѣ-то! А я-то, глупый, думалъ, что батько сидитъ гдѣ-нибудь въ ямѣ да подстерегаетъ нѣмца, и что ему скучно, и онъ проголодался. А они вонъ какіе молодцы, гарцуютъ себѣ на коняхъ, да и только".

И начинаетъ онъ пристально вглядываться въ лица безчисленныхъ всадниковъ, ѣдущихъ вслѣдъ за генераломъ, но батька что-то не видно среди нихъ. А вотъ они подъѣхали близко и остановились.

„Тру-ту-ту... Тру-ту-ту-ту... Тру-ту-ту-ту-ту-ту"...

Сербскій король Петръ осматриваетъ позиціи недавнихъ боевъ.

Библиотека "Руниверс"

Протрубили трубачи, наставивъ свои инструменты широкими горлами прямо на него, а послѣ этого генералъ на бѣломъ конѣ подъѣхалъ къ нему.

— Гм...— сказалъ генералъ, глядя на него сверху внизъ. — Да тутъ какой-то хлопецъ, всего только хлопецъ. А мы думали, что тутъ цѣлая храбрая армія. А куда же ушла армія? Эй, хлопецъ, говори, куда ушла армія?

— Я не видалъ никакой арміи,—отвѣтилъ Дмитро, нисколько не оробѣвъ: — была тутъ нѣмецкая нечисть, такъ я ее всю на мѣстѣ уложилъ, и теперь отъ нея даже и духу не осталось.

— Такъ это ты уложилъ ее?

— А то кто же? Извѣстно, я.

— Да какъ же ты это сдѣлалъ? У тебя даже и пушки нѣтъ.

— А для чего мнѣ пушка? Я изъ нея и стрѣлять-то не умѣю. Я не изъ пушки. Я ее саломъ.

— А, саломъ! Гм... Ну, такъ разскажи же, какъ ты это сдѣлалъ.

— А никакъ. Онъ самъ, вотъ этотъ, который былъ между ними старшій нѣмецъ...

— Генералъ,—подсказалъ кто-то.

— Нѣ-этъ... Какой тамъ! Развѣ у нѣмцевъ может быть генералъ? Онъ на коровѣ ѣхалъ. Развѣ генералы ѣздятъ на коровахъ? Генералъ, извѣстно, всегда на бѣломъ конѣ. Такъ онъ взялъ кусокъ сала и началъ грызть и жевать его, пожевалъ-пожевалъ и окочурился. А потомъ всѣ стали жевать,—съ голодовки, должно-быть,—да всѣ и окочурились. Вотъ я смотрю и вижу: цѣлая гора ихъ, и думаю: куда же мнѣ ихъ дѣвать? Взялъ да перекрестился разъ и другой и третій,—они и провалились сквозь землю. А тутъ какъ разъ и вы подоспѣли.

— Молодецъ, — сказалъ генералъ. — А ну-ка, трубачи, протрубите ему славу!

Трубачи прогудѣли что-то необыкновенно торжественное.

— А теперь подведите ему коня да подсадите его, а то ему, маленькому, пожалуй, не вскочить.

— Мнѣ не вскочить? Да я лѣтомъ, когда кони пасутся въ полѣ, прямо съ разбѣга вскакиваю.

И, придерживая лѣвой рукой торбу, а правой ухватившись за гриву коня, который уже стоялъ передъ нимъ, Дмитро занесъ ногу и въ одинъ мигъ очутился въ сѣдлѣ.

— Ребята, впередъ! — скомандовалъ генералъ и пришпорилъ своего бѣлаго коня. И все войско понеслось по долинѣ, и онъ, Дмитро, тоже несется на своемъ конѣ, скачетъ такъ, что изъ-подъ конскихъ ногъ искры во всѣ стороны летятъ, и все время рядомъ съ генераломъ.

Скачутъ и скачутъ, можетъ-быть, уже сто верстъ проскакали, и Дмитру это наконецъ надоѣло. Да и какой толкъ? Торба его трепыхается сбоку, и, того и гляди, изъ нея вся поклажа высыплется. И зачѣмъ ему торба? Что онъ, нищій какой, что ли? Вѣдь вотъ они всѣ съ ружьями да съ пиками, а у генерала на боку виситъ преогромнѣйшая пушка, а онъ съ торбой. И никакъ не можетъ онъ припомнить, зачѣмъ ему эта торба, и для какой надобности онъ набралъ съ собою такое множество сала и колбасъ.

Ломаетъ голову, натужится, третъ

На австро-сербскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Волчьи ямы, вырытыя австрійцами. На днѣ каждой такой ямы, глубиною въ 6—7 англійскихъ футовъ, воткнутъ заостренный колъ.

На австро-сербскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Волчьи ямы съ проволочными загражденіями, вырытыя на значительномъ пространствѣ въ австрійскихъ придунайскихъ провинціяхъ для отраженія атакъ сербовъ. Ямы эти, разной глубины, расположены неправильными рядами впереди позицій, и въ каждой изъ нихъ вбитъ острый колъ.

На австро-сербскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Лагерь у Ниша. Слѣва — самый юный солдатъ сербской арміи, 12-лѣтній мальчикъ, прекрасный стрѣлокъ и ловкій развѣдчикъ.

Библиотека "Руниверс"

лобъ, а не можетъ припомнить. Должно-быть, отъ бѣшеной скачки у него „пáморки забило" и все въ головѣ перепуталось.

Не понимаетъ онъ, какимъ образомъ попалъ сюда, въ эту совершенно незнакомую ему мѣстность, скачетъ на конѣ среди милліона всадниковъ, и что̀ такое вообще случилось? Чувствуетъ только одно: что сѣдло, въ которомъ онъ сидитъ, горячее, и печетъ его въ томъ мѣстѣ нестерпимо, такъ печетъ, что онъ уже не можетъ сидѣть.

— Нѣтъ,—говоритъ онъ:—я лучше сойду и ужъ какъ-нибудь пѣшечкомъ, а то изжаритъ оно меня, какъ поросенка на сковородѣ.

Сказалъ и сдѣлалъ. Остановилъ коня, слѣзъ съ него и идетъ пѣшкомъ по пыльной дорогѣ, одинъ-одинешенекъ, и идетъ уже давно, можетъ — не одинъ день, ноги у него прямо отваливаются отъ усталости, а въ горлѣ пересохло отъ жажды. Пить хочется ему такъ, что, если бы тутъ попалась рѣчка, онъ изъ нея всю воду выпилъ бы.

За спиной у него виситъ торба, и въ ней сало и колбасы, но они соленыя, и отъ одного вида ихъ жажда у него усиливается до нестерпимости.

— Господи ты Боже мой,—шепчетъ Дмитро высохшими, потрескавшимися отъ жажды губами: — да зачѣмъ же это я сюда пришелъ, и куда меня несетъ?

Онъ падаетъ на землю лицомъ внизъ и плачетъ. А земля такая горячая, какъ будто ее тамъизнутри кто-нибудь топитъ.

— Эй, хлопецъ, чего ты плачешь? А ну-ка, подыми голову да посмотри сюда.

„Всюду жизнь". На улицѣ Львова. Завоеватели и завоеванныя.

На дневкѣ. Табакъ, музыка и сказка.

Это надъ нимъ раздается старческій, дребезжащій и такой знакомый знакомый голосъ. Онъ поднялъ голову и сѣлъ на травѣ, а рядомъ съ нимъ сидитъ маленькій, сгорбленный и такой сухонькій старичокъ съ лысой головой, а на сморщенномъ лицѣ его, отъ старости, вмѣсто волосъ уже растутъ какъ будто бѣлыя перья. Старичокъ знакомый, ну, такой знакомый, какъ будто онъ давно-давно его знаетъ, а только вотъ не можетъ припомнить, какъ его зовутъ.

— Ну, не плачь же. Ахъ, глупый! Ты меня развѣ не знаешь?

— Знаю,—говоритъ Дмитро:— а только вотъ...

— Ну, да, только вотъ... Ахъ, глупый! А, можетъ, я дѣдъ Аникей?

— Ну, да, такъ и есть. Дѣдъ Аникей, а только вотъ...

— Только вотъ... Хе-хе... — смѣется старичокъ, а во рту у него торчитъ всего-навсего одинъ зубъ, одинъ-единственный на весь ротъ, будто сторожемъ его тамъ оставили.—А, можетъ, я у твоего батька и у Харитона Ткаченка,—они же всегда пополамъ засѣваютъ,— баштанъ стерегъ?

— А такъ и есть! — радостно восклицаетъ Дмитро:— дѣдъ Аникей, и баштанъ стерегъ.

— Ну, погоди. То ли еще окажется? А какъ же тебя самого зовутъ?

— Какъ зовутъ? Такъ если бъ же я зналъ...

— А, можетъ, тебя... Хе-хе... Подумай, хлопче, не зовутъ ли тебя Дмитромъ?

— Господи, да какъ же не Дмитромъ? Я Дмитро и есть.

— А батько твой не Архипъ Ковальчукъ, а матерь не Марика ли, а сестра не Федоска? А ты не съ печи ли слѣзъ и не попалъ ли на войну, чтобы сыскать тутъ твоего батька и принести ему торбу съ саломъ и колбасами, на праздники разговѣться?

— А ну-да, ну-да. А гдѣ же торба? Тутъ... вотъ она... А гдѣ же мнѣ найти батька? Вотъ я хожу-хожу и никакъ не могу найти его... И жарко мнѣ такъ, и солнце палитъ,

Наши солдаты обѣдаютъ вмѣстѣ съ плѣнными австрійцами на дворѣ казармъ во Львовѣ.
По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

Библиотека "Руниверс"

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ „Нивы“.

Въ виду выражаемаго многими подписчиками „Нивы“ на 1915 годъ желанія получить еще въ этомъ году объявленную нами въ приложеніе

Генеральную карту средне-европейскаго и южнаго театра военныхъ дѣйствій,

считаемъ необходимымъ заявить, что, вполнѣ понимая живой интересъ читателей къ этой картѣ, мы приложили всѣ усилія къ ускоренію ея печатанія. Но размѣры карты, значительное число красокъ, необходимость исключительно-тщательнаго печатанія, въ связи съ потребностью отпечатать большое количество экземпляровъ, чтобы удовлетворить всѣхъ подписчиковъ „Нивы“, настолько осложнили ея изданіе, что мы можемъ разослать карту нашимъ подписчикамъ на 1915 годъ лишь при №№ 2 и 3 „Нивы“, которые выйдутъ въ свѣтъ 10-го и 17-го января 1915 года.

Желающіе получить карту въ указанный нами срокъ, а также получить своевременно и самый журналъ „Ниву“ 1915 года съ приложеніями **безъ перерыва** благоволятъ **поспѣшить возобновленіемъ подписки на 1915 годъ,** такъ какъ, въ противномъ случаѣ, мы не можемъ поручиться за своевременную доставку первыхъ №№ журнала. Для пересылки заказа и денегъ просимъ **воспользоваться** прилагаемымъ при этомъ № подписнымъ бланкомъ въ видѣ **почтоваго перевода.**

и пить хочется, и губы у меня потрескались отъ жажды... И силъ у меня нѣтъ дальше итти.

— Такъ это же оттого, что ты глупый. Ты хотя и храбрый хлопецъ и цѣлое войско нѣмецкое однимъ кускомъ сала уложилъ, а все-таки ты глупый. Ты оглянись, поверни-ка голову, хлопче.

Дмитро оглянулся и вскрикнулъ отъ радости. Подъ самымъ носомъ его протекалъ ручей, прозрачная вода его тихо катилась по мягкому песчаному дну, а по краямъ его росли, наклонившись надъ нимъ, молодыя зеленыя вербы, и вѣтви ихъ свѣшивались до самой воды и кончиками своими погружались въ нее. Вскочилъ Дмитро на ноги, быстро, однимъ движеніемъ, снялъ съ себя одежду, чоботки и рубаху и влѣзъ въ ручей, припалъ къ водѣ жадными губами и пилъ, пилъ безъ конца свѣжую, прохладную, чистую влагу. А потомъ купался, плавалъ, нырялъ, кувыркался и такое испытывалъ сладостное ощущеніе, какого, кажется, никогда еще въ жизни не испыталъ.

— Ну, будетъ ужъ тебѣ, — сказалъ дѣдъ. — Время-то позднее. Смотри, солнце вонъ какъ уже низко скатилось на западъ, а тебѣ еще нужно батька сыскать.

— А гдѣ же батько? — спросилъ Дмитро.

— А гдѣ-нибудь въ ямѣ сидитъ, и скучно ему, и проголодался онъ.

— Ахъ ты, Господи, а я такъ и думалъ.

И онъ сейчасъ же выскочилъ изъ ручья, высушился на солнцѣ и одѣлся. Торба лежала тутъ: онъ ощупалъ ее: все, какъ слѣдуетъ. Колбасы и сало на мѣстѣ.

— Вотъ я и готовъ, — сказалъ онъ: — теперь и ноги не отваливаются, и я опять могу итти, сколько угодно. Ты только скажи мнѣ, дѣдъ Аникей, въ какую сторону мнѣ пойти, чтобы сыскать батька?

— Хе-хе-хе... — добродушно смѣется дѣдъ Аникей, и его единственный зубъ какъ-то странно прыгаетъ во рту. — А зачѣмъ же тебѣ итти далеко? Развѣ не видишь? Вонъ за ручьемъ народъ шевелится, такъ это же наше доблестное войско. Куда ни посмотри, все головы, головы во всѣ стороны, до самаго края земли, гдѣ она уже сходится съ небомъ, все занято нашимъ доблестнымъ войскомъ. Такъ ты туда и иди, навѣрно и батько твой тамъ, больше негдѣ ему и быть.

— А, можетъ, дѣдъ Аникей, ты со мной пошелъ бы... Все-таки старый человѣкъ, тебя уважать.

— Я-то? Да я пошелъ бы, отчего же и не пойти и не помочь хлопцу малому, а только вѣдь я... гм... гм...

Дмитро оглянулся, а на мѣстѣ дѣда Аникея была только потоптанная трава. Исчезъ дѣдъ Аникей, точно въ землю ушелъ. Какъ явился, такъ и исчезъ.

Поправилъ Дмитро на спинѣ торбу и пошелъ къ ручью, перешагнулъ черезъ него, какъ будто это была канавка какая-нибудь, да прямо къ войску.

Пришелъ. А войско на него смотритъ — что, молъ, за смѣльчакъ такой, откуда взялся?

Поклонился Дмитро войску, снялъ шапку и говоритъ:

— Вы, люди добрые, будете наше доблестное войско?

Ему отвѣчаютъ:

— Такъ, молъ, и есть. А откуда, хлопецъ, пришелъ, и что тебѣ здѣсь надо?

— А я, — говоритъ Дмитро: — родомъ изъ села Мерщилова и зовутъ меня Дмитро, а по батькѣ я Ковальчукъ. А слѣзъ я съ печи и пришелъ сюда, на войну, чтобы повидать моего батька, Архипа Ковальчука, который въ солдатахъ служитъ. И принесъ я ему торбу съ саломъ и колбасами, чтобы у него было чѣмъ разговѣться на праздникъ Рождества Христова.

— Да неужто сало и колбасы? Да, такъ и есть, настоящее сало и колбасы. А только, — отвѣчаетъ ему полковникъ: — солдата такого у насъ, кажется, нѣтъ. Эй, кто тамъ, посмотрите въ спискахъ, развѣ есть у насъ солдатъ Архипъ Ковальчукъ?

— Нѣту такого! — отвѣтилъ кто-то издалека.

— Какъ же нѣту, когда батько пошелъ на войну? Такъ, можетъ, его — не дай Господи — убили?

— Эй, кто тамъ, посмотрите въ спискахъ убитыхъ, есть ли тамъ солдатъ Архипъ Ковальчукъ?

— Нѣту такого.

— Ну, слава Богу! — воскликнулъ Дмитро и перекрестился. — Значитъ, батько еще живъ. А только куда же онъ дѣвался? Ни въ живыхъ ни въ умершихъ не числится. Такъ гдѣ же его найти?

— Эй, кто тамъ, посмотри въ третьемъ спискѣ, нѣтъ ли тамъ Архипа Ковальчука?

— Есть. Въ спискѣ героевъ имѣется Архипъ Ковальчукъ.

— Вотъ какъ хорошо! Какъ пріятно это, что батько у меня герой. Ну, а все-жъ-таки повидать его мнѣ надо и отдать ему торбу. Ужъ дозвольте.

— Ну, хорошо. Ты его увидишь...

Видитъ Дмитро, что вдали показался батько, радостно машетъ руками и бѣжитъ къ нему, а на груди его болтается множество медалей, да еще рядомъ съ ними крестъ.

Батько уже въ какой-нибудь сотнѣ шаговъ отъ него, а Дмитро стало вдругъ жарко, припекло бокъ точно каленымъ желѣзомъ. И какъ ни крѣпился Дмитро, не выдержалъ, да какъ закричитъ:

— Ай-ай-ай! — И вдругъ батько исчезъ въ туманѣ, а за нимъ исчезло все войско.

— Ну, вотъ, слава Богу, таки-проснулся, а я думала, что никогда ужъ не добужусь, — говорила внизу около печки Марика. — Ну, слѣзай же съ печи да прочитай вотъ письмо — сейчасъ только изъ волости принесли, отъ батька твоего, съ войны. Ну же, ну, Дмитро, поворачивайся!

Держась обѣими ладонями за сильно припеченное лежанкой мѣсто, слѣзаетъ Дмитро внизъ, съ недоумѣніемъ смотритъ на мать и ничего не понимаетъ. Тогда Марика налила въ миску холодной воды и хорошенько вымыла ему лицо. Дмитро наконецъ очухался.

— Такъ это я во снѣ, — съ глубокимъ разочарованіемъ сказалъ онъ: — а я думалъ...

И онъ разсказалъ Марикѣ все, что пережилъ во снѣ. Потомъ онъ усѣлся за столъ, распечаталъ конвертъ и началъ старательно разбирать каракули, написанныя рукой самого Архипа.

Но Архипъ писалъ не съ войны, а изъ Кіева, гдѣ онъ, будучи раненъ въ ногу, лежалъ въ лазаретѣ; сообщалъ, что уже выздоравливаетъ и что скоро, — можетъ-быть, даже на праздникахъ, — пріѣдетъ домой, въ родное село на побывку.

— Ну, вотъ, — говорила Марика, слушая его чтеніе. — Вотъ оно и не даромъ тебѣ приснилось. А только, Господи ты Боже мой, раненый онъ! Можетъ, плохо ему, можетъ, тамъ Богъ знаетъ что съ ногой его сотворилось.

— Такъ, мамка, оттого же батько и герой, что раненый... — сказалъ Дмитро, невольно сплетая дѣйствительность съ сновидѣніемъ: — вѣдь и полковникъ же такъ сказалъ: „герой, — говоритъ, — твой батько Архипъ Ковальчукъ“, — самъ же полковникъ сказалъ.

На четвертый день праздника пришелъ въ деревню Архипъ. Онъ дѣйствительно былъ герой, о чемъ свидѣтельствовалъ крестъ на его груди. Онъ еще немного прихрамывалъ. Въ деревню пріѣхалъ, чтобы попользоваться вольнымъ воздухомъ послѣ лазарета, но не надолго, всего недѣли на двѣ.

И когда смотрѣлъ на него Дмитро, на эту сѣрую шинель, высокіе сапоги и мѣховую шапку, ему казалось, что батько былъ точь въ точь въ этой шинели, и сапогахъ, и шапкѣ, и съ этимъ же крестомъ, когда въ присутствіи всего войска и самого полковника бѣжалъ къ нему.

Бѣжалъ, да не добѣжалъ. Эхъ, и нужно же было, чтобы въ это самое время лежанка такъ сильно припекла его, что ужъ даже и стерпѣть было невозможно.

Библиотека "Руниверс"

Памяти Ал. Луговаго.

Русскій литературный міръ понесъ тяжелую потерю: скончался одинъ изъ видныхъ нашихъ беллетристовъ, писатель большого ума и таланта, Алексѣй Алексѣевичъ Луговой-Тихоновъ.

Покойный писатель родился въ 1853 году въ г. Варнавинѣ Костромской губерніи, но большую, сознательную часть дѣтства провелъ въ г. Царевококшайскѣ, гдѣ его отецъ, богатый коммерсантъ и заводчикъ, имѣлъ свой заводъ. Будущій писатель получилъ прекрасное воспитаніе: у него были и гувернеры и домашніе учителя, а позднѣе онъ былъ отданъ въ пансіонъ и гимназію въ Казани. Обильное чтеніе классическихъ писателей русскихъ и западно-европейскихъ еще въ дѣтствѣ привило А. А. Тихонову любовь къ литературѣ. Но литераторомъ онъ сдѣлался значительно позднѣе, лишь въ зрѣлую пору своей жизни. Въ началѣ же своей житейской дѣятельности А. А. Луговой-Тихоновъ посвятилъ-было себя коммерческой дѣятельности, поставленной на широкую ногу.

Не кончивъ курса въ петербургскомъ Технологическомъ Институтѣ, такъ какъ ему понадобилось заняться дѣлами больного отца, А. А. Тихоновъ, по его словамъ, „сдѣлался тогда постояннымъ царевококшайскимъ жителемъ". Но вскорѣ дѣла съ отцовскимъ заводомъ стали его тяготить. А. А. отправился путешествовать за границу, побывалъ даже въ Америкѣ и по возвращеніи въ Россію сталъ стремиться ликвидировать свои коммерческія дѣла. Въ 1878 году ему удалось развязаться съ ними, и онъ отправился въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы постоянно жить отнынѣ тамъ и... заниматься литературой.

Къ этой порѣ у А. А. Тихонова сложилось уже совершенно опредѣленное стремленіе къ литературной дѣятельности. Однако ему не такъ-то скоро довелось окончательно уйти изъ прежней коммерческо-дѣловой сферы: по его собственному признанію, онъ даже нарочно не уклонялся отъ нея, ибо ему былъ близокъ этотъ міръ и нуженъ, какъ матеріалъ для литературныхъ работъ. А. А. поступилъ тогда на службу къ одному богатому фабриканту и торговцу кожевенными и льняными товарами, ѣздилъ по его порученію во Францію, Бельгію и Англію, чтобы завязать заграничныя торговыя связи, и въ концѣ концовъ, по предложенію одной знакомой французской фирмы, рѣшилъ открыть самостоятельную торговлю. Но потомъ у него дѣла не пошли на ладъ, торговля не задалась, и А. А. Тихоновъ вышелъ изъ затѣяннаго имъ дѣла съ громадными долгами, почти разореннымъ.

Алексѣй Алексѣевичъ Тихоновъ-Луговой (1853—1914).

А. А. Тихоновъ-Луговой въ молодости.

Эта катастрофа однако положила начало уже настоящей, заполнившей все въ его жизни, литературной дѣятельности. Въ одномъ изъ московскихъ журналовъ въ 1884 году появилось первое напечатанное стихотвореніе А. А. Луговаго — переводъ изъ В. Гюго: „Прощайте женщинѣ ея паденье". Слѣдуетъ отмѣтить (на это указывалъ и самъ А. А. Луговой), что это первое его печатное стихотвореніе и даже первая строка его являются какъ бы программой для всей его писательской дѣятельности, для всего его писательскаго credo: эта мысль прощенія падающимъ и грѣшащимъ проходитъ красной нитью черезъ все, что было написано А. А. Луговымъ.

Супруга писателя—Л. А. Тихонова.
А. А. Тихоновъ-Луговой у себя въ усадьбѣ, въ Лугѣ, гдѣ писатель провелъ послѣдніе годы жизни.

Библиотека "Руниверс"

Въ 1886 году въ „Вѣстникѣ Европы“ было помѣщено первое беллетристическое (прозаическое) произведеніе Луговаго—„Не судилъ Богъ“. Дальнѣйшая литературная дѣятельность писателя, уже сложившагося, уже воспитавшаго и культивировавшаго въ себѣ свой крупный литературный талантъ, предстаетъ предъ нами, какъ рядъ послѣдовательныхъ ступеней отъ менѣе значительныхъ произведеній къ болѣе содержательнымъ и выдержаннымъ плодамъ его художественнаго творчества, при чемъ А. А. Луговому пришлось много бороться, терпѣть много разочарованій и неудачъ и вообще итти поистинѣ по тернистому пути русскаго писателя.

Одно изъ самыхъ выдержанныхъ и наиболѣе совершенныхъ по формѣ и по идейной содержательности произведеній было написано А. А. Луговымъ еще въ началѣ его литературной карьеры и даже послужило краеугольнымъ камнемъ его извѣстности и популярности въ писательскихъ и читательскихъ кругахъ. Мы говоримъ о повѣсти „Добей его“ („Pollice verso“). Эта повѣсть, напечатанная въ 80-хъ годахъ въ журналѣ „Сѣверный Вѣстникъ“, обратила на себя вниманіе какъ русской, такъ и заграничной критики (она была переведена на нѣмецкій языкъ). Среди произведеній А. А. Лугового „Добей его“ безспорно занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Въ теченіе всей остальной своей литературной жизни и дѣятельности, А. А. Луговой, по собственному выраженію, „бралъ съ бою и проходилъ въ терніяхъ“ каждый свой дальнѣйшій шагъ на пути къ успѣхамъ. Слѣдующимъ его „боевымъ“ успѣхомъ была постановка на Императорской сценѣ его драмы „Озимь“. Послѣ того А. А. Луговой сталъ часто появляться въ наиболѣе передовыхъ и вліятельныхъ журналахъ, а его романы и повѣсти „Грани жизни“, „Тенета“, „На куриномъ насѣстѣ“ и множество другихъ создали ему крупную извѣстность и громадный кругъ читателей. Въ то же время А. А. Луговой часто и охотно сотрудничалъ въ многочисленныхъ газетахъ, принимая въ нихъ участіе, какъ отзывчивый и наблюдательный публицистъ.

Стремленіе быть какъ можно ближе къ литературно-журнальной дѣятельности и постоянно пребывать въ средѣ писателей и людей печатнаго дѣла побудило его въ 1895 году принять предложенное ему почившимъ А. Ф. Марксомъ редактированіе нашего журнала. Въ качествѣ редактора „Нивы“, А. А. Луговой отличался рѣдкой отзывчивостью къ начинающимъ литературнымъ силамъ и умѣлъ влагать въ нихъ такое же заботливое и бережное отношеніе къ художественному творчеству и уваженіе къ литературѣ, какими были отмѣчены вся его личная дѣятельность и личное творчество. Какъ редакторъ, А. А. Луговой посвящалъ всего себя журналу — до такой степени, что у него не оставалось досуга для своей личной писательской работы. Это обстоятельство въ концѣ концовъ вынудило его отказаться отъ редакторства (въ 1897 году). А. А. Луговой не умѣлъ дѣлать сразу двухъ дѣлъ — для себя лично и для постороннихъ (т.-е. для журнала). Ему казалось, что онъ не сумѣетъ и не сможетъ сохранить необходимую мѣру добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу либо тамъ, либо здѣсь. И эта, быть-можетъ, излишняя щепетильность и повышенное чувство своего писательскаго долга заставили его отказаться отъ дѣла, къ которому онъ былъ и близокъ и, несомнѣнно, болѣе, чѣмъ способенъ...

Число газетъ и журналовъ, въ которыхъ А. А. Луговой принималъ болѣе или менѣе близкое участіе, громадно.

Появились его сочиненія и въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Въ настоящее время въ изданіи т-ва А. Ф. Марксъ вышло „Полное собраніе“ его сочиненій.

Въ 1906 году А. А. Луговой издалъ литературно-публицистическій сборникъ „Маякъ“, посвященный откликамъ и настроеніямъ тогдашняго бурнаго времени. Въ этомъ сборникѣ А. А. помѣстилъ начало своей громадной и необычной по количеству дѣйствующихъ лицъ „политической трагедіи“ „Максимиліанъ — императоръ мексиканскій“. Къ сожалѣнію, эта интересная трагедія въ цѣломъ своемъ видѣ до сихъ поръ остается ненапечатанной.

Какъ писатель, А. А. Луговой-Тихоновъ представляетъ собою очень яркую и своеобразную личность. Онъ былъ фанатически преданъ литературѣ и званіе писателя, подобно знаменитому сатирику М. Е. Салтыкову, считалъ самымъ высшимъ и достойнѣйшимъ. И съ необычайной силой было въ немъ развито чувство долга по отношенію къ писательской дѣятельности — своей, или чужой, все равно. Какъ авторъ, онъ никогда ничего не писалъ наобумъ, не провѣривъ со всѣхъ сторонъ того, о чемъ онъ пишетъ и что изображаетъ. Рѣдкая добросовѣстность, съ которой А. А. Луговой писалъ свои произведенія, приводила къ тому, что онъ, подобно художнику-живописцу, слѣдилъ за каждымъ своимъ мазкомъ, десятки разъ исправлялъ написанное и писалъ предварительные этюды — въ особенности, если дѣло касалось чисто-описательныхъ или изобразительныхъ мотивовъ. Это былъ писатель на рѣдкость культурный и сумѣвшій культивировать и разработать данный ему отъ Бога талантъ.

Въ небольшой замѣткѣ крайне трудно охарактеризовать А. А. Лугового, какъ писателя-художника. Въ общемъ, какъ беллетристъ, онъ несомнѣнно принадлежитъ къ той благородной классической школѣ русской беллетристики, которую освятили Пушкинъ, Тургеневъ и Толстой. Изображеніе реальной жизни сквозь призму объективно-философскаго наблюденія, любовное отношеніе къ человѣку, пониманіе и прощеніе его прегрѣшеній, исканіе правды въ мірѣ, въ природѣ и въ человѣкѣ — таковы тѣ общія черты, которыми отмѣчено творчество Лугового. Какъ большинство русскихъ писателей, онъ, такъ сказать, наполовину пейзажистъ, его описанія природы и быта составляютъ однѣ изъ самыхъ цѣнныхъ въ художественномъ смыслѣ страницъ въ его произведеніяхъ.

Похороны А. А. Тихонова-Луговаго. Траурная колесница съ гробомъ почившаго направляется отъ церкви при Домѣ Императрицы Александры Өеодоровны для призрѣнія бѣдныхъ (на Васильевскомъ Островѣ, Средній просп., 55), въ Петроградѣ, послѣ отпѣванія къ Варшавскому вокзалу, съ котораго прахъ почившаго былъ отправленъ въ Лугу, гдѣ и погребенъ на мѣстномъ кладбищѣ. По фот. Л. Штейнберга.

Библиотека "Руниверс"

Полковникъ
А. П. Алексѣевъ

Полковникъ
В. Н. Азарьевъ.

Корнетъ
И. И. Голынскій.

Подполковникъ
Н. М. Поморцевъ.

Поручикъ
Ѳ. Ф. Эллiотъ.

Капитанъ
А. А. Писанко.

Штабсъ-капитанъ
Б. Д. Шелгуновъ.

Капитанъ
В. А. Романовъ.

Штабсъ-капитанъ
Б. Г. Ахвердовъ.

Штабсъ-капитанъ
Е. М. Кучевскій.

Штабъ-ротмистръ
Н. Ф. Темперовъ.

Штабсъ-капитанъ
В. Л. Закъ.

Штабсъ-капитанъ
Е. А. Пальниковъ.

Капитанъ
В. А. Лихаревъ.

Штабсъ-капитанъ
Н. Г. Воробаевъ.

Корнетъ
Е. Е. Руссетъ.

Подпоручикъ
Е. Н. Княжецкій.

Подпоручикъ
С. Е. Гущикъ.

Подпоручикъ
Ѳ. Ѳ. Брядовъ.

Прапорщикъ
В. Н. Пекгольдъ.

Прапорщикъ
В. В. Шичевъ.

Поручикъ
С. В. Станьковскій.

Поручикъ
Ю. С. Булацель.

Подпоручикъ
баронъ В. В. Сталь-фонъ-Гольштейнъ.

Поручикъ
В. В. Корвинъ-Павловскій.

Библиотека "Руниверс"

НА ДВА ФРОНТА.

Очерки **К. Шумскаго.**

(Съ 15-ю картами).

(Окончаніе).

Нынѣшнее положеніе во Франціи.

Такимъ образомъ нынѣшнее положеніе нѣмцевъ совершенно исключаетъ для нихъ возможность предпринять какую-либо рѣшительную операцію во Франціи. Послѣ затопленія громаднаго пространства у побережья, всякія операціи въ этомъ раіонѣ должны прекратиться и въ крайнемъ случаѣ ограничиться лишь небольшими боями и перестрѣлками. Вслѣдствіе этого у побережья, на правомъ нѣмецкомъ и на лѣвомъ французскомъ флангахъ, гдѣ обѣ стороны до сихъ поръ прилагали самыя серьезныя усилія, вопросъ уже окончательно рѣшенъ. Здѣсь, по крайней мѣрѣ въ ближайшее время, обѣ стороны вынуждены къ временному бездѣйствію, а въ послѣдующее время могутъ начать какія-либо операціи при содѣйствіи англійскаго флота французы, но никакъ уже не нѣмцы. Между тѣмъ мы видѣли, что именно на этомъ флангѣ нѣмцы съ самаго начала войны вели рѣшительныя операціи и предпринимали тотъ обходъ, который долженъ былъ привести къ разгрому французской арміи и къ концу войны.

Изъ этого нетрудно видѣть, что стратегическая операція нѣмцевъ противъ Франціи лопнула, и имъ придется изобрѣтать какой-либо новый планъ операцій.

Исключивъ такимъ образомъ раіонъ у побережья изъ числа раіоновъ будущихъ операцій, отмѣтимъ также, что сильныя укрѣпленія, возведенныя обѣими сторонами въ центрѣ, также исключаютъ возможность какихъ-либо крупныхъ событій и здѣсь. Остается лѣвый нѣмецкій флангъ у Вердена и Меца и далѣе раіонъ Лотарингіи и Эльзаса. Когда начались операціи у побережья, обѣ стороны временно отказались отъ какихъ-либо значительныхъ дѣйствій въ раіонѣ Эльзаса и Лотарингіи, и здѣсь крайніе фланги, лѣвый нѣмецкой арміи и правый—французской, сходили на нѣтъ.

Для того, чтобы уяснить себѣ возможныя дальнѣйшія операціи на французскомъ фронтѣ, необходимо обратить вниманіе на характеръ тѣхъ боевыхъ столкновеній, которыя обѣ стороны вели здѣсь. Обѣ стороны на всемъ своемъ длинномъ протяженіи сильно окопались, устроили рядъ искусственныхъ препятствій и такимъ образомъ повели позиціонную войну. Благодаря большой силѣ возведенныхъ укрѣпленій, обѣ стороны могли держать въ нихъ незначительное число войскъ, ибо сила укрѣпленій такъ велика, что ихъ можно оборонять небольшими частями. Поэтому и у французовъ и у нѣмцевъ получилась масса свободныхъ войскъ, которыя они вывели сначала: французы на лѣвый, а нѣмцы на свой правый флангъ. Эти войска и вели активныя операціи на крайнемъ флангѣ у побережья, то наступая, то отступая, то охватывая другъ друга, до тѣхъ поръ, пока обѣ стороны не дотянулись до моря и не уткнули свои фланги въ берегъ. Тогда обѣ стороны и здѣсь сильно окопались. Поэтому и на побережьѣ явилась возможность для обѣихъ сторонъ послѣ ряда упорныхъ боевъ оставить лишь незначительное число войскъ, которыя, опираясь на укрѣпленія, удерживали бы занятыя позиціи.

Снова осталась свободная масса войскъ, которую опять нужно было вывести куда-либо на флангъ, чтобы она, опираясь на укрѣпленія, могла выйти впередъ и вести наступленіе въ полѣ.

Этотъ способъ дѣйствія давно рекомендуется военной литературой. Изъ приведеннаго нами описанія видно, что сущность его заключается въ томъ, что центръ укрѣпляется, а войска выводятся на фланги и образуютъ какъ бы два крупные набалдачника на концахъ расположенія, въ видѣ двухъ крупныхъ массъ. Получается какъ бы нѣчто въ родѣ „стратегическаго бумеранга", гдѣ полководецъ, придерживая центръ, ударяетъ все время массами, сосредоточенными на флангахъ, пытаясь на одномъ изъ этихъ фланговъ сломить непріятельское расположеніе.

До сихъ поръ такимъ флангомъ былъ избранъ лѣвый французскій и правый нѣмецкій. Теперь же, послѣ того какъ и тамъ укрѣпились обѣ стороны и сѣверные фланги дошли до моря, этимъ флангомъ неминуемо долженъ стать противоположный флангъ: правый французскій и лѣвый нѣмецкій. Дѣйствительно, насколько можно судить по послѣднимъ извѣстіямъ, бои уже начались частью въ Эльзасѣ, частью въ Лотарингіи, а частью въ Аргоннахъ, т.-е. нѣсколько сѣвернѣе Лотарингіи, противъ Люксембурга, въ раіонѣ крѣпостей Вердена и Меца.

Такъ какъ въ настоящее время нѣмцамъ пришлось еще нѣсколько корпусовъ послать на восточный фронтъ, то расположеніе ихъ ослабѣло, и бои въ Эльзасѣ и Лотарингіи и въ Аргоннахъ ведутъ уже французы.

Наступленіе австрійцевъ на Люблинъ.

Нѣмцы, предпринявъ наступленіе главными массами на Францію, возложили на австрійскую армію задачу наступать въ наши предѣлы и приковать къ себѣ нашу армію съ тѣмъ, чтобы по крайней мѣрѣ не дать ей возможности наступать въ предѣлы Германіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣмцы съ своей стороны оставили для охраны своей восточной границы нѣсколько корпусовъ: 3 корпуса, имѣвшіе постоянную стоянку въ Восточной Пруссіи, 1 корпусъ, стоявшій въ Познани, и 1 корпусъ, находившійся въ раіонѣ Силезіи. Эти корпуса были подкрѣплены нѣсколькими резервными корпусами, и въ первое время общее число германскихъ войскъ, охранявшихъ восточныя границы, не превышало 8—10 корпусовъ, такъ какъ нѣмцы считали, что австрійцы, если ужъ не разобьютъ наши войска, то во всякомъ случаѣ привлекутъ на себя значительную часть этихъ войскъ.

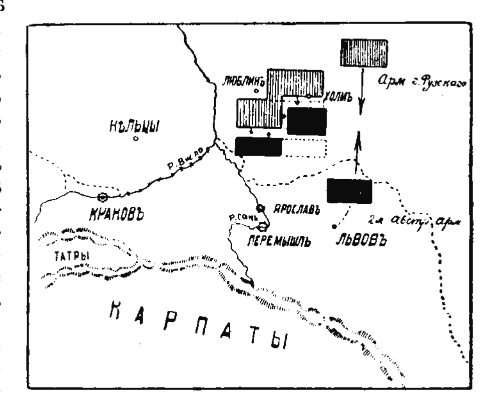
Во исполненіе намѣченнаго плана австрійцы, пользуясь своей ранней готовностью, начали наступленіе въ предѣлы Люблинской и Холмской губерній, ведя также наступленіе отдѣльнымъ австро-германскимъ корпусомъ по лѣвому берегу Вислы въ Кѣлецкой губерніи. По имѣющимся въ настоящее время свѣдѣніямъ, австрійцы наступали въ составѣ 3 армій, которыя вмѣстѣ съ тыловыми учрежденіями составляли около одного милліона человѣкъ. Операція эта была ведена австрійцами довольно искусно. Главная масса австрійскихъ войскъ была сосредоточена на правомъ флангѣ и двигалась въ Холмскую губернію. Такимъ образомъ австрійцы стремились нанести ударъ нашему лѣвому крылу.

Согласно заранѣе намѣченному плану, главная масса нашихъ войскъ была также сосредоточена на нашемъ правомъ флангѣ и имѣла въ виду нанесеніе удара австрійскому лѣвому флангу. Когда австрійцы, наступая въ Холмскую губернію, завязали бой съ войсками нашего лѣваго фланга, послѣднія преднамѣренно отступили, и правый австрійскій флангъ послѣдовалъ за ними въ глубь нашего расположенія. Войдя такимъ образомъ въ раіонъ нашего расположенія, при преслѣдованіи нашего отступающаго лѣваго фланга, австрійскій правый флангъ оказался охваченнымъ. Онъ вдавился въ нашу линію, и войска нашего праваго фланга, которыя прочно занимали свои позиціи, естественно его охватили. Такимъ образомъ австрійскій правый флангъ, углубившись въ наше расположеніе, оказался сжатъ: съ фронта—тѣми войсками нашего лѣваго фланга, которыя онъ преслѣдовалъ, а на своемъ лѣвомъ крылѣ австрійцы почувствовали ударъ оставшагося на своихъ позиціяхъ нашего праваго фланга. При такихъ условіяхъ начался разгромъ праваго фланга австрійцевъ.

Въ то же время наши войска, сосредоточенныя уже къ нашему правому флангу, потѣснили передъ собой лѣвый флангъ австрійцевъ. Это вполнѣ понятно изъ того, что, какъ мы видѣли, у австрійцевъ главная масса была сосредоточена къ ихъ правому флангу, и, слѣдовательно, на ихъ лѣвомъ флангѣ было мало сравнительно войскъ. Поэтому лѣвый австрійскій флангъ не выдержалъ и сталъ отходить. Между тѣмъ, какъ мы указывали выше, противоположный австрійскій флангъ, правый, сильно въ это время продвинулся впередъ. Итакъ, образовался какъ бы разрывъ въ центрѣ австрійцевъ: ихъ лѣвый флангъ отошелъ назадъ, а правый пошелъ впередъ. При такихъ условіяхъ отдѣлившійся сильно флангъ австрійцевъ подвергся основательному разгрому.

Послѣ этого наши войска повернулись противъ лѣваго фланга австрійцевъ, который быстро уже отступалъ къ югу, къ Галиціи, вдоль Вислы. (Карта 7).

Для окончательнаго уясненія этой операціи необходимо упомянуть, что австрійцы, наступая



Карта 7.

На картѣ показано движеніе австрійцевъ въ Люблинскую и Холмскую губерніи. Какъ видно, правый флангъ австрійцевъ у Холма потѣснилъ наши войска, которыя отошли, согласно заранѣе намѣченному плану. Вслѣдствіе этого австрійцы продвинулись впередъ къ Холму и вдались въ наше расположеніе. При этомъ они естественно были охвачены со стороны лѣваго фланга. Въ то время, когда часть нашихъ войскъ сдерживала люблинскую группу австрійцевъ, другая часть нашихъ войскъ, охвативъ холмскую группу австрійцевъ, разбила ее. Армія генерала Рузскаго стояла уступомъ за лѣвымъ флангомъ нашихъ главныхъ силъ, обезпечивая этотъ флангъ. Въ случаѣ, если бы австрійцы охватили нашъ лѣвый флангъ у Холма, армія генерала Рузскаго, въ свою очередь, охватила бы охватывающихъ австрійцевъ. Такой же уступъ находился позади праваго австрійскаго фланга, въ лицѣ второй австрійской арміи. Генералъ Рузскій, атаковавъ вторую австрійскую армію, разбилъ ее, вслѣдствіе чего овладѣлъ Львовомъ. Затѣмъ, повернувшись на сѣверъ, сталъ дѣйствовать въ тылъ австрійцамъ, отступавшимъ изъ Люблинской и Холмской губерній.

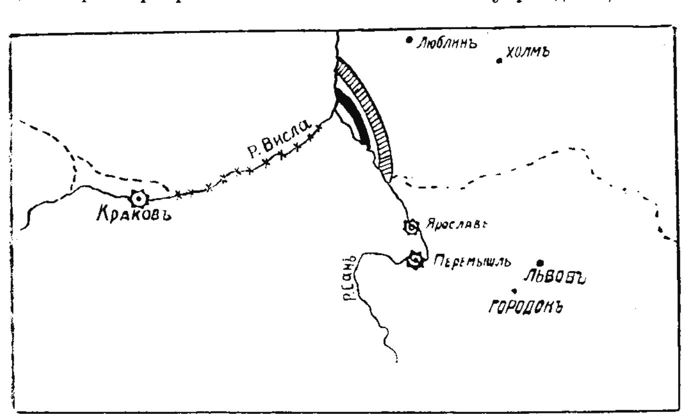
Библиотека "Руниверс"

съ юга на сѣверъ, въ Люблинскую и Холмскую губерніи, имѣли за своимъ правымъ флангомъ такъ называемый „уступъ“, въ видѣ отдѣльной второй австрійской арміи. Сущность уступа заключается въ томъ, что войска, назначенныя въ уступъ, становятся сзади и въ данномъ случаѣ правѣе фланга главной арміи. Поэтому въ случаѣ, если бы мы охватили австрійскій правый флангъ, то насъ атаковалъ бы находящійся сзади этого праваго фланга австрійскій уступъ. Въ этомъ и заключается вся сущность „расположенія уступомъ“, именно въ томъ, что онъ обезпечиваетъ открытый флангъ. Вполнѣ понятно, что, если сзади открытаго фланга поставить какую-либо часть войскъ, то противникъ не можетъ охватить уже этого фланга, ибо, если онъ его охватитъ, то уступъ его въ свою очередь атакуетъ и охватитъ его самого.

Такъ какъ лѣвый австрійскій флангъ при наступленіи упирался въ рѣку Вислу и двигался по ея правому берегу, то австрійцы, естественно, не опасались, что мы охватимъ этотъ флангъ, такъ какъ этому охвату препятствовала Висла. Поэтому они опасались только за свой правый флангъ, сзади котораго и устроили такую предохранительную прививку отъ охвата, какъ уступъ.

Одинаково и мы держали за нашимъ лѣвымъ флангомъ, т.-е., слѣдовательно, противъ праваго австрійскаго фланга, также уступъ въ видѣ арміи генерала Рузскаго, обезпечивая себѣ этимъ свой лѣвый флангъ. Однако генералъ Рузскій не ограничился своею ролью предохранительнаго уступа и повелъ наступленіе противъ того австрійскаго уступа, который передъ нимъ стоялъ. Этотъ австрійскій уступъ, вторая австрійская армія, былъ разбитъ генераломъ Рузскимъ и поспѣшно сталъ отступать, пытаясь прикрыть находившійся сзади него Львовъ. Тѣмъ не менѣе преслѣдованіе арміи генерала Рузскаго было настолько настойчиво и безпрерывно, что вторая австрійская армія не могла удержаться ни на одной позиціи, и генералъ Рузскій занялъ Львовъ.

Къ этому времени главная операція въ Люблинской и Холмской губерніяхъ была закончена: правый австрійскій флангъ былъ разбитъ, а лѣвый отступалъ къ югу по берегу Вислы. Недалеко отъ границы Галиціи лѣвый австрійскій флангъ выставилъ арьергардъ, который занялъ сильную позицію въ углу между Вислой и Саномъ, опирая лѣвый флангъ въ Вислу, а правый въ Санъ. На этой позиціи, на линіи Ополе-Туробинъ, австрійскій арьергардъ долженъ былъ держаться до тѣхъ поръ, пока главныя силы австрійской арміи не переправятся черезъ Санъ вблизи его устья. Такъ какъ Санъ въ этомъ раіонѣ довольно широкъ и глубокъ и имѣетъ болотистые берега, то можно себѣ представить, какую трудную задачу предстояло выполнить австрійцамъ при переправѣ всей массы тыловыхъ учрежденій, санитарныхъ, парковъ, обозовъ, громаднаго числа орудій и всего того, что составляетъ тяжеловѣсную принадлежность всякой арміи. (Карта 8).

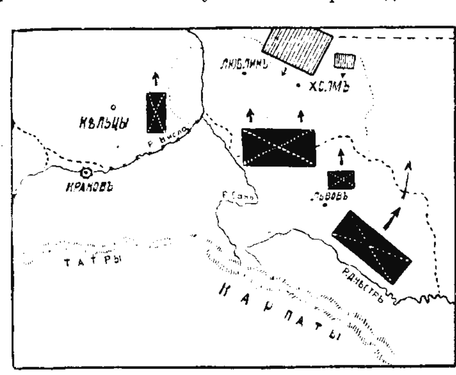


Карта 8.

На картѣ показано, при какихъ условіяхъ австрійцамъ приходилось отступать изъ Люблинской и Холмской губерній. Позади нихъ находился уголъ, образуемый рѣками Саномъ и Вислой. Чернымъ показанъ австрійскій арьергардъ, который, уперевъ фланги—лѣвый въ Вислу, а правый въ Санъ,—прикрывалъ отступленіе всѣхъ обозовъ и главныхъ силъ австрійской арміи. Во время этого отступленія были нанесены австрійцамъ громадныя потери и взято большое число плѣнныхъ.

Къ этому времени вторая австрійская армія, подкрѣпленная кое-какими новыми частями, высланными частью изнутри страны, частью взятыми изъ гарнизоновъ крѣпостей Кракова и Перемышля, нѣсколько оправилась и пыталась поддержать австрійцевъ, очутившихся въ такомъ положеніи въ Люблинской губерніи, на границѣ Галиціи. Тогда генералъ Рузскій выставилъ противъ второй австрійской арміи заслонъ, повернулся на сѣверъ и сталъ дѣйствовать во флангъ и въ тылъ главной массѣ австрійцевъ, пытавшихся отступить изъ Люблинской губерніи. При такихъ тяжелыхъ условіяхъ австрійская армія совершала свое отступленіе, и, невзирая на то, что уже давно къ нимъ на помощь переправился германскій корпусъ съ лѣваго берега Вислы, изъ Кѣлецкой губерніи, австрійцы понесли при этомъ отступленіи наибольшія потери. Результатомъ этого разгрома было свыше 100 тысячъ плѣнныхъ, такое же число убитыхъ и раненыхъ и до 350 взятыхъ орудій. Но самое главное — было сломлено первое сопротивленіе главныхъ силъ австрійцевъ, со стороны которыхъ въ этомъ бою участвовала почти вся армія.

Послѣ этого разгрома началось неутомимое преслѣдованіе австрійцевъ почти по всей Галиціи, гдѣ они тщетно пытались задержаться на рядѣ параллельныхъ рѣкъ, преграждавшихъ намъ пути наступленія. Однако наши войска ни на минуту не останавливались, продолжая это замѣчательное преслѣдованіе, и дошли на разстояніе 100 верстъ до Кракова. Одновременно наша конница, занявъ Ужокскій перевалъ, перешла Карпаты и спустилась въ Венгерскую равнину.



Карта 9.

На картѣ показано, что, одновременно съ наступленіемъ австрійцевъ въ Люблинскую и Холмскую губерніи особая группа австрійскихъ войскъ расположилась на рѣкѣ Днѣстрѣ, угрожая оттуда наступленіемъ въ наши предѣлы, главнымъ образомъ въ Кіевскую губернію, съ тѣмъ, чтобы отрѣзать пути сообщенія нашей арміи, оперирующей на люблинскомъ и холмскомъ направленіяхъ. Противъ этой австрійской группы была двинута небольшая армія генерала Брусилова, которая разбила австрійцевъ на Золотой Липѣ, взяла крѣпости Галичъ и Миколаевъ, овладѣла переправами на Днѣстрѣ и, переваливъ черезъ Карпаты, спустилась въ Венгерскую долину.

Предпринимая наступленіе изъ Галиціи въ Люблинскую и Холмскую губерніи, австрійцы выставили нѣсколько отрядовъ въ Восточной Галиціи, которые должны были угрожать нашимъ сообщеніямъ при движеніи нашихъ войскъ въ Люблинскую губернію. Для этого собранные въ Восточной Галиціи отряды должны были наступать въ Кіевскую губернію. Противъ этихъ австрійскихъ армій была двинута армія генерала Брусилова, которая, разбивъ австрійцевъ на Гнилой Липѣ, овладѣла рядомъ крѣпостей, прикрывавшихъ переправы черезъ Днѣстръ. Были взяты штурмомъ Галичъ и Миколаевъ. И тогда именно конные отряды арміи генерала Брусилова перешли черезъ Ужокскій перевалъ. (Карта 9).

Такимъ образомъ австрійская армія была окончательно надломлена, и дальнѣйшее ея сопротивленіе уже не могло быть такимъ упорнымъ и опаснымъ, а сводилось лишь къ тому, чтобы насъ задержать и выиграть время, необходимое нѣмцамъ для окончанія операцій во Франціи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ непосредственнымъ результатомъ галиційской побѣды явилось занятіе всей Восточной Галиціи и главной части Западной Галиціи, за исключеніемъ Кракова и небольшого раіона, 100 верстъ въ діаметрѣ, впереди него.

Вступленіе въ Восточную Пруссію.

Наше стратегическое положеніе въ Царствѣ Польскомъ характеризуется тѣмъ, что справа Завислинская Польша охвачена Восточной Пруссіей, а слѣва ее охватываетъ Галиція. Поэтому при нашемъ движеніи по кратчайшимъ путямъ на Берлинъ черезъ Познань можно было ожидать какъ попытки нѣмцевъ двинуться на югъ изъ Восточной Пруссіи, такъ и попытки австрійцевъ двинуться на сѣверъ изъ Галиціи. И то и другое могло угрожать нашимъ путямъ сообщенія, и поэтому мы, естественно, должны были сначала какимъ-либо способомъ избавиться отъ этихъ угрозъ на флангахъ, въ видѣ восточно-прусской арміи на правомъ и галиційской арміи на лѣвомъ флангѣ. Это было возможно двумя способами: либо завоеваніемъ и Галиціи и Восточной Пруссіи, либо завоеваніемъ одной изъ этихъ областей, съ тѣмъ, чтобы противъ другой былъ выставленъ заслонъ. (Карта 10).

Въ началѣ йны группа нашихъ войскъ двинулась въ Восточную Пруссію, съ цѣлью сначала избавиться отъ угрозы на правомъ флангѣ нашихъ кратчайшихъ путей на Берлинъ черезъ Варшаву—Познань.

Въ Восточной Пруссіи были расположены 2 германскихъ корпуса: І-й въ Кенигсбергѣ, а 20-й въ Алленштейнѣ. За ними находился въ Данцигѣ 17-й корпусъ, а южнѣе—въ Познани и Бреславлѣ—5-й и 6-й корпуса. Кромѣ того, въ Восточной Пруссіи находилось нѣкоторое число резервныхъ корпусовъ. Такимъ образомъ германская армія на нашемъ фронтѣ исчислялась примѣрно въ 250—300 тысячъ человѣкъ.

Восточная Пруссія по справедливости считается самымъ труднымъ театромъ войны въ Европѣ. Правильнѣе даже считать эту провинцію цѣлой сплошной громадной крѣпостью, до того сильны препятствія на этомъ театрѣ какъ естественныя, такъ и искусственныя, возведенныя нѣмцами.

Библиотека "Руниверс"

ШВЕЦІЯ
СѢВЕРНОЕ МОРЕ
КЕНИГСБЕРГЪ
ДАНЦИГЪ
ВОСТОЧ ПРУССІЯ
ШТЕТИНЪ
БЕРЛИНЪ
Р. Висла
ПОЗНАНЬ
ВАРШАВА
Р. Висла
Краковъ

Карта 10.

Изъ карты видно, что Восточная Пруссія и Галиція охватываютъ своимъ расположеніемъ Завислинскую Польшу. При движеніи отъ Варшавы черезъ Познань на Берлинъ войска изъ Восточной Пруссіи и изъ Галиціи могутъ угрожать сообщеніямъ. Поэтому операціи нашихъ войскъ начались одновременно съ занятія и Галиціи и Восточной Пруссіи, чтобы парализовать возможную угрозу, висящую на флангахъ путей изъ Варшавы черезъ Познань на Берлинъ.

Восточная Пруссія преграждена тремя вертикальными линіями озеръ, и затѣмъ далѣе также вертикальной линіей рѣки Вислы, отъ Данцига до Торна. Первая линія, это—линія Мазурскихъ озеръ. Она состоитъ изъ 3 большихъ озеръ и множества мелкихъ, соединенныхъ протоками. Всѣ перешейки между озерами обороняются укрѣпленіями и батареями, которыя разстрѣливаютъ каждый перешеекъ вдоль и поперекъ. Вполнѣ понятно, что пройти по такому перешейку почти невозможно.

Наиболѣе важный перешеекъ между двумя большими озерами запертъ небольшою крѣпостью Лётценъ. Слѣдующая линія озеръ—Зенсбургская, а еще слѣдующая — Остеродская. Эти группы также представляютъ собою рядъ озеръ, соединенныхъ протоками, при чемъ каждый перешеекъ, одинак во какъ и на Мазурскихъ озерахъ, охраняется цѣлой системой укрѣпленій и искусственныхъ препятствій.

Позади этихъ трехъ линій озеръ находится крѣпость Кенигсбергъ, представляющая собою редюитъ, т.-е. центральный пунктъ обороны всей Восточной Пруссіи. Впереди этой крѣпости имѣются укрѣпленныя позиціи у Тапіау и Лабіау. (Карта 11).

Какъ мы указывали, всѣ эти три линіи озеръ протекаютъ съ сѣвера на югъ и, слѣдовательно, являются сильнымъ препятствіемъ на путяхъ съ востока на западъ. Обойти ихъ съ сѣвера крайне трудно, такъ какъ тамъ имѣется сначала спеціальная позиція противъ этого обхода, такъ называемая позиція за рѣкой Ангерапъ, а еще сѣвернѣе находится море. Одинаково крайне трудно обойти эту позицію съ юга, ибо здѣсь находятся знаменитые Іоганнисбургскіе лѣса. Іоганнисбургскіе лѣса растутъ на болотистой мѣстности, и проходъ черезъ нихъ возможенъ только по узкимъ лѣсистымъ дорогамъ, которыя всѣ перерыты окопами, укрѣпленіями, проволочными загражденіями и всякаго рода другими искусственными препятствіями.

Изъ этого можно видѣть, что при движеніи черезъ линію озеръ съ востока нашимъ войскамъ приходилось наступать небольшими колоннами, по узкимъ перешейкамъ между озерами, при чемъ эти колонны, вынужденныя скопиться на одномъ мѣстѣ, разстрѣливались со всѣхъ сторонъ.

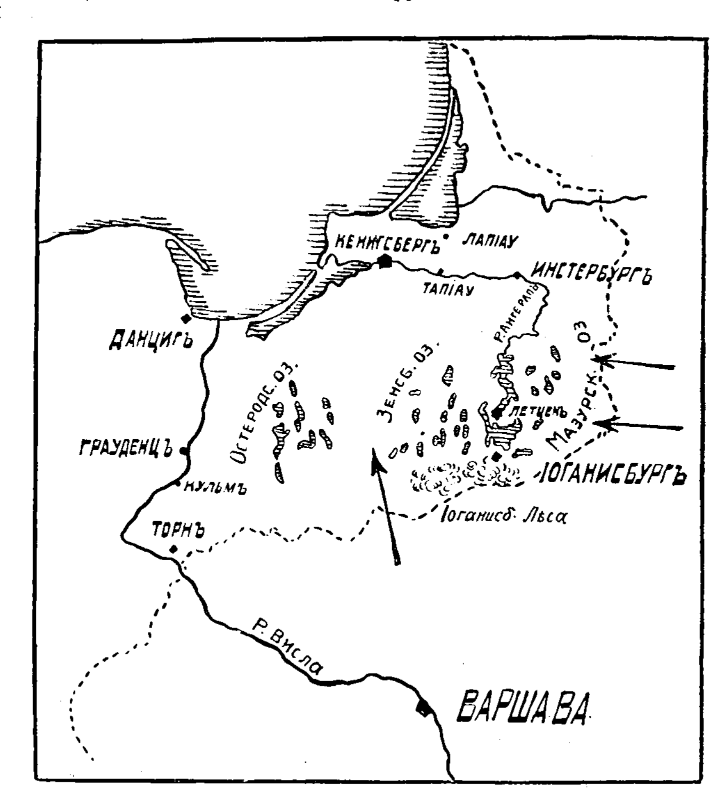
При движеніи же съ юга черезъ Іоганнисбургскіе лѣса нашимъ войскамъ также приходилось итти такими же небольшими колоннами по узкимъ дорогамъ, увязая въ проволочныхъ загражденіяхъ и искусственныхъ препятствіяхъ, подъ огнемъ въ упоръ нѣмцевъ изъ окоповъ и укрѣпленій, преграждавшихъ поперекъ дорогу.

Движеніе нашихъ войскъ въ Восточную Пруссію было произведено двумя группами. Одна группа наступала съ востока на западъ, черезъ Мазурскія озера, а другая наступала съ юга на сѣверъ черезъ Іоганнисбургскіе лѣса въ тылъ Мазурскимъ озерамъ.

Первая группа, наступавшая съ востока на западъ черезъ Мазурскія озера, двинулась главной массой въ обходъ этихъ озеръ съ сѣвера, гдѣ путь прикрывался сильно укрѣпленными позиціями на рѣкѣ Ангерапъ. Въ то же время вторая группа нашихъ войскъ съ упорнымъ боемъ продвинулась черезъ Іоганнисбургскіе лѣса и стала выходить въ тылъ Мазурскимъ озерамъ. Этотъ неожиданный натискъ съ двухъ сторонъ, когда нѣмцы были заняты операціями во Франціи, заставилъ германскіе гарнизоны, бывшіе на Мазурскихъ озерахъ, отступить. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовалъ рядъ упорныхъ боевъ за слѣдующую линію озеръ—Зенсбургскую, и по взятіи послѣдней наши войска подошли къ группѣ Остеродскихъ озеръ. Правофланговыя наши части находились уже у передовыхъ укрѣпленныхъ позицій крѣпости Кенигсберга—Тапіау и Лабіау.

Въ это время обозначилось наступленіе громадныхъ массъ австрійцевъ въ Люблинской и Холмской губерніяхъ. Вполнѣ ясно, что это движеніе происходило на совершенно противоположномъ нашемъ стратегическомъ флангѣ—на лѣвомъ, въ то время какъ операціи въ Восточной Пруссіи происходили на другомъ концѣ, за нѣсколько сотъ верстъ отъ Люблинской губерніи, на нашемъ правомъ флангѣ. Такимъ образомъ передъ нами предстала задача: гдѣ сосредоточить центръ своихъ усилій: у Балтійскаго ли моря, въ Восточной Пруссіи, или же близъ Карпатъ, въ Галиціи, Люблинской и Холмской губерніяхъ. Однако рѣшать самостоятельно этого вопроса мы не стали, такъ какъ наступленіе въ Люблинскую и Холмскую губерніи почти 1 милліона австрійцевъ, естественно, привлекло туда наши войска. Благодаря этому центръ всѣхъ нашихъ усилій сосредоточился въ Люблинской и Холмской губерніяхъ, гдѣ 1 милліонъ австрійцевъ, вторгшихся въ наши предѣлы, угрожалъ выйти къ Ивангороду и затѣмъ, двигаясь далѣе къ сѣверу, дотянуться до Восточной Пруссіи. Такое движеніе могло отрѣзать весь выдающійся клинъ Царства Польскаго.

Въ виду этого раіонъ Восточной Пруссіи, вслѣдствіе сосредоточенія нашихъ усилій на противоположномъ концѣ, въ Галиціи, временно пересталъ привлекать наше вниманіе. Основное правило стратегіи строго предписываетъ имѣть всегда одну опредѣленную цѣль, а не двѣ и не три. И мы, естественно, не могли разложить своихъ усилій поровну между Галиціей и Восточной Пруссіей, не сдѣлавъ себя равно слабыми въ обоихъ раіонахъ. Поэтому, когда обнаружился обходъ значительныхъ германскихъ силъ у Сольдау, гдѣ былъ убитъ генералъ Самсоновъ, командовавшій нашей арміей, наши войска подъ натискомъ значительныхъ силъ нѣмцевъ отошли изъ Восточной Пруссіи.



Карта 11.

На картѣ показано движеніе нашихъ войскъ въ Восточную Пруссію, двѣ стрѣлки у Мазурскихъ озеръ показываютъ движеніе противъ Мазурскихъ озеръ съ востока. Стрѣлка у Іоганнисбургскихъ лѣсовъ показываетъ движеніе нашихъ войскъ съ юга. Какъ видно изъ этой карты, въ то время, какъ наши войска атаковали съ фронта Мазурскія озера съ востока, другая группа вышла въ тылъ Мазурскимъ озерамъ съ юга и этимъ облегчила взятіе этой сильной позиціи. У Мазурскихъ зеръ показана рѣка Ангерапъ, за которой устроена нѣмцами позиція, обезпечивающая линію Мазурскихъ озеръ отъ обхода со стороны ихъ лѣваго фланга, т.-е. съ сѣвера.

Библиотека "Руниверс"

Первая помощь австрійцамъ.

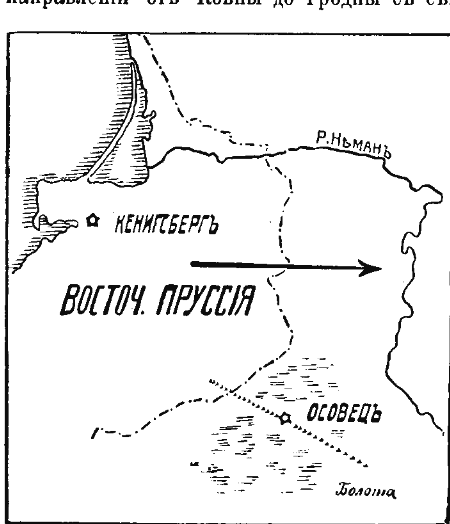
Ликвидировавъ временно вопросъ въ Восточной Пруссіи, наши войска принялись за задачу докончить австрійскую армію. Сила сопротивленія нынѣшнихъ европейскихъ народовъ вообще очень велика. И это сопротивленіе измѣряется не только количествомъ выставляемыхъ даннымъ народомъ войскъ, но и силой его культуры, знаній и духа. Поэтому такія катастрофы, которыя вели бы сразу къ полному уничтоженію всей вооруженной силы даннаго народа, въ нынѣшнее время немыслимы. Задача уничтожить армію противника понимается только въ томъ смыслѣ, чтобы сломить эту силу настолько, чтобы она оказалась неспособной къ какимъ-либо серьезнымъ активнымъ выступленіямъ. Австрію нужно было добить такимъ образомъ, чтобы впослѣдствіи съ нею не пришлось серьезно считаться, и чтобы поэтому было достаточно придерживать австрійскую армію незначительнымъ числомъ войскъ, отъ времени до времени переходя въ наступленіе и нанося пораженіе, и имѣть такимъ образомъ свободныя руки для дѣйствій противъ главнаго и сильнѣйшаго врага—Германіи.

Послѣ галиційской битвы австрійская армія была сильно надломлена, и намъ предстояло нанести лишь нѣсколько „дополнительныхъ ударовъ", которые бы уже совершенно обезвредили австрійцевъ. Это отлично поняли нѣмцы и почувствовали, что въ ближайшемъ будущемъ имъ придется остаться безъ союзниковъ, что они окончательно потеряютъ цѣлую армію, хотя и не блиставшую особенными достоинствами, но все же современную европейскую армію, правильно обученную, снабженную всѣмъ необходимымъ, во всякомъ случаѣ нѣкую значительную силу.

Это обязывало нѣмцевъ прійти на помощь австрійцамъ. Кромѣ того, и сами австрійцы послѣ галиційскаго сраженія очень встревожились и засыпали Вильгельма просьбами о помощи, указывая, что они сдѣлали очень много для Германіи и своимъ наступленіемъ въ Люблинскую губернію спасли погибающую Восточную Пруссію.

Однако нѣмцамъ подать руку помощи было не такъ легко. Въ это время правофланговая германская армія генерала Клука была въ критическомъ положеніи, охваченная французами, и нѣмцы, очевидно, сильно увязли во Франціи. Тогда германскій генеральный штабъ рѣшилъ произвести наступленіе къ Нѣману съ тѣмъ, чтобы, угрожая Петроградо-Варшавской желѣзной дорогѣ, вынудить наши войска бросить Галицію и поспѣшить къ сѣверу, въ Сувалкскую губернію, на охрану этихъ важныхъ путей.

Во исполненіе этого плана нѣмцы двинули свою восточно-прусскую армію къ Нѣману. Рѣка Нѣманъ, протекая въ общемъ направленіи отъ Ковны до Гродны съ сѣвера на югъ, дѣлаетъ отъ Гродны поворотъ на востокъ. Слѣдовательно, при наступленіи изъ Восточной Пруссіи на востокъ, нѣмцы непремѣнно должны были форсировать крайне трудную переправу черезъ глубокій и широкій Нѣманъ. Для того, чтобы избѣжать этой переправы, нужно было пройти южнѣе у Гродны, гдѣ Нѣманъ сворачиваетъ на востокъ и идетъ уже параллельно путямъ нѣмецкаго наступленія, а не перпендикулярно, какъ на участкѣ отъ Ковны до Гродны. Однако пути въ обходъ южнѣе Гродны пересѣкаются болотистой долиной рѣки Нарева, черезъ которую имѣется единственная желѣзная дорога отъ Лыка черезъ Осовецъ на Бѣлостокъ. Эта узенькая дорога прикрывается крѣпостью Осовцомъ. (Карта 12).



Карта 12.

Карта показываетъ наступленіе германцевъ къ Нѣману. Какъ видно, часть нѣмцевъ наступала прямо къ Нѣману, а часть пыталась пойти въ обходъ Нѣмана черезъ Осовецъ. Нѣманъ протекаетъ параллельно границѣ Восточной Пруссіи, но на высотѣ Осовца дѣлаетъ поворотъ на юго-востокъ. Слѣдовательно, здѣсь можно пройти мимо Нѣмана и углубиться въ наши территоріи, не переходя черезъ него. Однако на этомъ пути находятся болота, единственная дорога черезъ которыя запирается крѣпостью Осовцомъ. Какъ извѣстно, попытка нѣмцевъ переправиться черезъ Нѣманъ потерпѣла крушеніе, а попытка двинуться на крѣпость Осовецъ въ обходъ Нѣмана была также отбита съ большими потерями для нѣмцевъ.

Такимъ образомъ нѣмцамъ при выполненіи своей новой операціи предстояло или переправляться черезъ глубокій и широкій Нѣманъ, или же итти въ обходъ его, черезъ болота Бобра и Нарева, по единственной дорогѣ, запираемой крѣпостью Осовцомъ, а слѣдовательно и штурмовать эту крѣпость.

Нѣмцы повели наступленіе изъ Восточной Пруссіи двумя группами войскъ по обоимъ направленіямъ: и прямо на Нѣманъ и южнѣе его, въ обходъ Нѣмана на Осовецъ.

Какъ извѣстно, наступленіе нѣмцевъ на Нѣманъ потерпѣло полную неудачу, и наши войска даже не подпустили ихъ близко къ этой рѣкѣ, а загнали обратно въ Восточную Пруссію. Одинаково полнымъ крахомъ закончилось и наступленіе нѣмцевъ черезъ Осовецъ, гдѣ не только отбиты были всѣ ихъ штурмы, но и нѣмцы были сами отогнаны къ своей границѣ, къ городу Лыку. При этомъ, самое главное, нѣмцы были отбиты тѣми нашими войсками, которыя находились въ раіонѣ Нѣмана. И наступленіе нѣмцевъ ни на минуту не заставило насъ подумать о томъ, чтобы двинуть къ Нѣману войска, преслѣдующія разбитыхъ австрійцевъ, изъ Галиціи. Изъ этого нетрудно видѣть, что наступленіе нѣмцевъ къ Нѣману имѣло результатомъ, во-первыхъ, полную неудачу тактическую, выразившуюся въ томъ, что нѣмцы во время этого наступленія были разбиты и отброшены назадъ въ Восточную Пруссію, и, во-вторыхъ, неудачу стратегическую, выразившуюся въ томъ, что нѣмецкое наступленіе къ Нѣману не достигло цѣли и не заставило насъ оттянуть своихъ войскъ изъ Галиціи и привести ихъ къ Нѣману.

Между тѣмъ, къ тому времени положеніе австрійцевъ стало особенно тяжелымъ. Наши войска перешли черезъ Санъ, обложили крѣпость Перемышль и приближались къ Кракову. А другая группа нашихъ войскъ продолжала овладѣвать перевалами чрезъ Карпаты и частью спустилась въ Венгерскую долину. Австрійцы продолжали просить нѣмцевъ о помощи, и сами нѣмцы сознавали, что надо спасти Австрію, ибо, какъ ни неудачно дерется австрійская армія, она все же приноситъ нѣмцамъ нѣкоторую пользу, отвлекая отъ себя часть нашихъ силъ. И если австрійская армія будетъ разбита, эти силы обратятся уже противъ нѣмцевъ.

Къ тому времени бельгійская армія, занимавшая Антверпенъ, подвергласъ ряду атакъ со сторонъ нѣмцевъ. Положеніе бельгійской арміи было таково: ей предстояло или запереться въ Антверпенѣ, или выйти изъ Антверпена и присоединиться къ англо-французскимъ войскамъ. Первое было безусловно невыгодно, ибо ни одна армія никогда не должна запираться въ крѣпости. „Обложеніе крѣпости есть ея стратегическая смерть", говоритъ Клаузевицъ. И вполнѣ естественно, что такою же стратегической смертью погибаетъ и армія, оказавшаяся въ обложенной крѣпости. Подъ стратегической смертью этотъ большой военный авторитетъ подразумѣваетъ, что армія, запертая въ крѣпости, привлекаетъ къ себѣ лишь нѣкоторое количество силъ, потребное для обложенія этой крѣпости, и болѣе ни на что уже неспособна. Такъ погибла армія французовъ въ 70 году въ Мецѣ, такъ погибла турецкая армія Османа-паши въ 77 году въ Плевнѣ, и такъ погибали всѣ арміи, запиравшіяся въ крѣпости. Крѣпость облагалась, и запершаяся въ ней армія обезвреживалась.

Поэтому вполнѣ понятно, что бельгійская армія рѣшила бросить Антверпенъ и отошла на соединеніе съ французами и англичанами, увеличивъ такимъ образомъ ихъ силу. Въ теченіе мѣсяца бельгійская армія пополнилась людьми, что было нетрудно при 7-милліонномъ населеніи этой страны, возобновила свои запасы, свою артиллерію, что также было нетрудно при богатой промышленности Бельгіи, и стала вполнѣ пригодной къ бою.

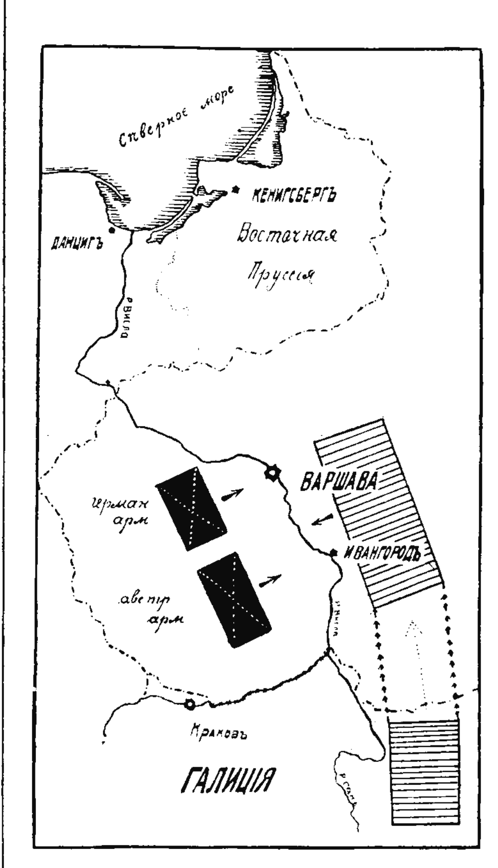
Вторая помощь австрійцамъ.

Послѣ паденія Антверпена у нѣмцевъ въ первое время освободились войска, облагавшія эту крѣпость. И такъ какъ въ это время австрійцы усиленно просили о помощи, то нѣмцы рѣшили переслать нѣсколько корпусовъ съ западнаго фронта на восточный и произвести новое наступленіе къ Варшавѣ, съ цѣлью заставить насъ наконецъ бросить Галицію и спѣшить съ своими войсками на защиту Варшавы и линіи Вислы. Въ то же время, согласно выработанному плану, австрійская армія должна была переправиться изъ раіона Кракова въ Сѣдлецкую губернію и наступать рядомъ съ нѣмцами, двигаясь къ Ивангороду.

Во исполненіе этого плана австро-нѣмцы въ концѣ сентября предприняли наступленіе съ значительными силами отъ Силезіи и Познани къ линіи русской Вислы, двигаясь прямо съ запада на востокъ. Несомнѣнно, что сохраненіе Варшавы, какъ важнаго политическаго центра, было для насъ желательно; мосты же, находившіеся въ Варшавѣ и обезпечивающіе переправу черезъ Вислу, представляли собою такую стратегическую цѣнность, что ими также пренебречь было нельзя. Поэтому съ движеніемъ австро-нѣмцевъ къ Вислѣ нами было предпринято перемѣщеніе главной массы войскъ изъ Галиціи къ сѣверу, къ раіону Ивангорода и Варшавы. При этомъ войскамъ, оставшимся въ Галиціи, временно пришлось оборонять линію рѣки Сана, задерживая наступленіе австрійцевъ, пока главная масса нашихъ войскъ, сосредоточившаяся у Ивангорода и Варшавы, не разобьетъ австро-нѣмцевъ.

Перемѣщеніе центра тяжести нынѣшнихъ громадныхъ армій, другими словами, сосредоточеніе современныхъ массъ въ новомъ раіонѣ представляетъ собою операцію и трудную и длительную.

Библиотека "Руниверс"



Карта 13.

Эта карта показываетъ схему наступленія австро-нѣмцевъ къ Варшавѣ и Ивангороду. Германская армія двинулась непосредственно отъ границъ Пруссіи прямо на Варшаву. Австрійская армія, оставивъ часть войска на рѣкѣ Санѣ, переправилась въ раіонѣ Кракова черезъ рѣку Вислу. Здѣсь австрійцы, примкнувъ лѣвымъ крыломъ къ германской арміи, произвели рядомъ съ послѣдней наступленіе на Ивангородъ. Въ виду этого нашимъ войскамъ, находившимся въ Галиціи, пришлось двинуться къ Варшавѣ и произвести новое сосредоточеніе въ раіонѣ Варшавы и Ивангорода. Такъ какъ новое сосредоточеніе въ раіонѣ Варшавы и Ивангорода нужно было произвести въ безопасныхъ условіяхъ, то оно было произведено подъ прикрытіемъ рѣки Вислы, вслѣдствіе чего Завислинская Польша была временно уступлена непріятелю. Вслѣдъ затѣмъ наши войска, сосредоточившись у Варшавы и Ивангорода, перешли въ наступленіе и нанесли пораженіе австро-нѣмецкимъ войскамъ, отбросивъ ихъ къ границѣ. Операція эта дала основаніе нѣмцамъ утверждать, что они, двигаясь къ Варшавѣ, вовсе не имѣли въ виду брать этого города, а желали лишь вытянуть нашу армію изъ Галиціи, чтобы облегчить тамъ положеніе австрійской арміи.

Нашимъ войскамъ пришлось, двигаясь изъ Галиціи, продѣлать громадный фланговый маршъ вдоль линіи Вислы подъ прикрытіемъ этой рѣки. Дѣло въ томъ, что всякій раіонъ сосредоточенія назначается всегда въ такомъ пунктѣ, гдѣ противникъ не можетъ оказаться раньше, чѣмъ войска тамъ сосредоточатся. Вполнѣ понятно, что, если противникъ появится раньше въ избранномъ раіонѣ сосредоточенія, чѣмъ тамъ сосредоточатся войска, онъ можетъ разбить эти войска по частямъ ранѣе, чѣмъ они собрались. Когда въ 1805 году союзники назначили раіономъ сосредоточенія мѣсто слишкомъ выдвинутое впередъ, то Наполеонъ, быстро собравъ свои войска, появился въ этомъ раіонѣ и взялъ въ плѣнъ австрійскую армію Макка ранѣе, чѣмъ въ этотъ раіонъ пришли русскія войска. (Карта 13).

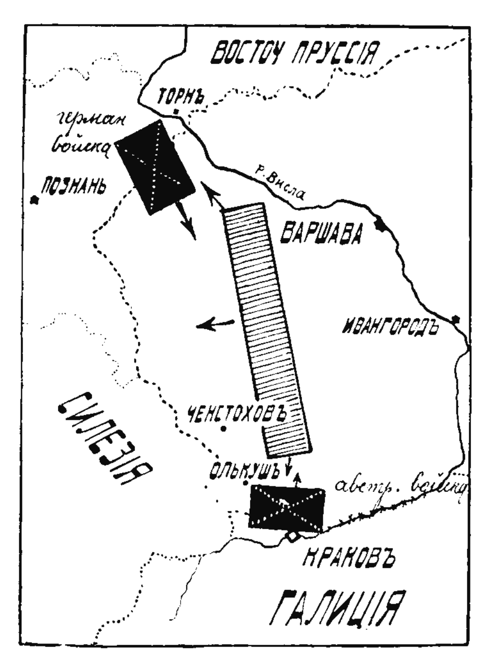
Въ силу этого опредѣленно установленнаго военнымъ искусствомъ правила наши войска сосредоточивались у Ивангорода и Варшавы подъ прикрытіемъ рѣки Вислы съ тѣмъ, чтобы эта рѣка помѣшала непріятелю появиться въ избранномъ нами раіонѣ сосредоточенія ранѣе, чѣмъ тамъ сосредоточатся наши войска. Все это нѣсколько затянуло операцію сосредоточенія, и за это время нѣмцы успѣли подойти къ Варшавѣ, а австрійцы къ Ивангороду. Однако наши войска, пользуясь мостами у Варшавы и Ивангорода, оставались на обоихъ берегахъ рѣки Вислы и при появленіи нѣмцевъ нанесли имъ пораженіе въ бою впереди Варшавы. Австрійцы продолжали еще держаться у Ивангорода, когда наши войска уже разбили нѣмцевъ у Варшавы и гнали ихъ передъ собой, загибая такимъ образомъ лѣвый флангъ австро-нѣмецкой арміи назадъ. Послѣ ряда упорныхъ боевъ нѣмцы, угрожаемые обходомъ съ сѣвера, поспѣшно бросили всѣ заранѣе подготовленныя позиціи и отошли къ границѣ, поставивъ австрійскую армію генерала Данкля у Ивангорода въ критическое положеніе. (Карта 13).

Австрійцы очень упорно держались въ лѣсахъ и болотахъ передъ Ивангородомъ, и ихъ удалось сбить только тогда, когда нѣмцы уже отошли. Послѣ этого и австрійская армія уже отошла къ Силезіи и Кракову.

Когда бои подъ Ивангородомъ и Варшавой окончились и нѣмцамъ и австрійцамъ было нанесено одинаковое пораженіе, арміи нашего противника отошли въ двухъ расходящихся направленіяхъ. Нѣмецкая армія отошла къ сѣверо-западу—къ Торну, а австрійская армія отошла къ юго-западу—къ Силезіи и Кракову. (Карта 14).

Нѣмецкая оборона границы.

21-го октября въ Краковѣ состоялся военный совѣтъ, на которомъ участвовали императоръ Вильгельмъ, начальникъ австрійскаго генеральнаго штаба, эрцгерцогъ Фридрихъ и рядъ высшихъ руководителей обѣихъ нѣмецкихъ армій. На этомъ совѣтѣ было рѣшено, что германская армія останется въ Торнѣ, а австрійская у Силезіи и Кракова, а нашимъ войскамъ будетъ предоставлено итти въ промежутокъ между этими арміями, на Познань. Когда наши войска втянутся въ этотъ промежутокъ, то нѣмцы изъ Торна и австрійцы изъ Силезіи ударятъ съ боковъ, выйдутъ на наши сообщенія и отрѣжутъ ихъ. Планъ этотъ, подобно знаменитому плану войны на два фронта, отличался большой предвзятостью, а именно, онъ основывался на совершенно предвзятой идеѣ, что мы обязательно пойдемъ въ промежутокъ между двумя арміями, между торнской арміей нѣмцевъ и силезской арміей австро-германцевъ.



Карта 14.

Карта показываетъ положеніе послѣ боевъ подъ Варшавой. Нѣмцы отошли къ раіону Торна, а австрійцы на линію Олькушъ—Краковъ. Нашимъ войскамъ предлагалось какъ бы итти въ промежутокъ на Познань и частью въ Силезію съ тѣмъ, что, когда наши войска перейдутъ германскую границу, нѣмцы отъ Торна и австрійцы отъ Кракова двинутся другъ другу навстрѣчу и перерѣжутъ наши сообщенія. Какъ извѣстно, наши войска не пошли такъ, какъ это было желательно нѣмцамъ, и тогда нѣмцы, двинувшись отъ Торна по лѣвому берегу Вислы къ Плоцку, пытались прорвать наше расположеніе, но были сами окружены подъ Брезинами и едва прорвались. Въ настоящее время раіонъ отъ Ченстохова до Кракова сильно укрѣпленъ. Нѣмцы продолжаютъ держаться на лѣвомъ берегу Вислы, а австрійскія войска двинулись за Карпаты и пытаются выйти по направленію съ юга на сѣверъ въ тылъ нашимъ войскамъ у Кракова. Изъ этого видно, что противникъ нашъ, укрѣпивъ центръ по линіи германской границы, вывелъ войска на фланги: на лѣвый флангъ—къ рѣкѣ Вислѣ и на правый флангъ—къ Карпатамъ. Эти обѣ фланговыя группы стремятся нанести намъ ударъ въ тылъ и этой угрозой воспрепятствовать нашему движенію къ границѣ Германіи.

Между тѣмъ итти должны были мы. Элементарно ясно, что отъ насъ зависѣло, куда итти. Мы могли, конечно, пойти въ промежутокъ на Познань, но также могли итти прямо на нѣмецкую армію на Торнъ и одинаково могли итти на австро-нѣмецкую армію въ Силезію.

Пока происходило вышеизложенное совѣщаніе, наши войска, остававшіяся въ Галиціи и временно оборонявшія рѣку Санъ, уже прекратили свою пассивную оборону рѣки, переправились на тотъ берегъ и послѣ ряда упорныхъ боевъ снова погнали австрійцевъ къ Кракову. Въ то же время намѣчалось наше движеніе въ Силезію черезъ занятый противникомъ Ченстоховъ. Нѣмцы тогда, видя, что мы идемъ не на Познань, какъ они того хотѣли, а на Ченстоховъ—Краковъ и далѣе къ Силезіи, рѣшили произвести ударъ на противоположномъ концѣ по линіи Вислы, чтобы оттянуть наши войска отъ Силезіи и спасти Краковъ отъ обложенія.

Къ этому времени наши войска уже подошли къ германской границѣ, и наша конница разрушила одну изъ желѣзнодорожныхъ станцій на пограничной линіи прусской желѣзной дороги—станцію Плешенъ. Предъ нѣмцами, кромѣ задачи оттянуть наши войска отъ Силезіи, предстала необходимость отвести угрозу, занесенную надъ ихъ восточной границей. Нѣмцы всегда предполагали вести войну не иначе, какъ на непріятельской территоріи. Они всегда считали, что будутъ наступать, и никоимъ образомъ не допускали мысли о томъ, что наступать будетъ противникъ, и что война будетъ происходить на территоріи Германіи. Поэтому-то они такъ нервно отнеслись къ нашему первому занятію Восточной Пруссіи. Это была искони прусская территорія и тамъ находились богатѣйшія имѣнія нѣмецкихъ аграріевъ и самого Вильгельма, а населеніе Восточной Пруссіи издавна славилось своимъ консерватизмомъ, лойяльностью и преданностью династіи Гоген-

Библиотека "Руниверс"

цоллерновъ. Все это вынудило нѣмцевъ, несмотря на то, что они были заняты важными и существенными операціями во Франціи, выслать оттуда часть своихъ корпусовъ для спасенія Восточной Пруссіи.

Одинаково и сейчасъ, когда наши войска подошли къ другому участку германской границы, въ раіонѣ Познани и Силезіи, нѣмцы также рѣшили принять всѣ мѣры, чтобы не допустить перенесенія войны на свою территорію. Во исполненіе этого нѣмцы рѣшили воспользоваться сѣтью своихъ желѣзныхъ дорогъ.

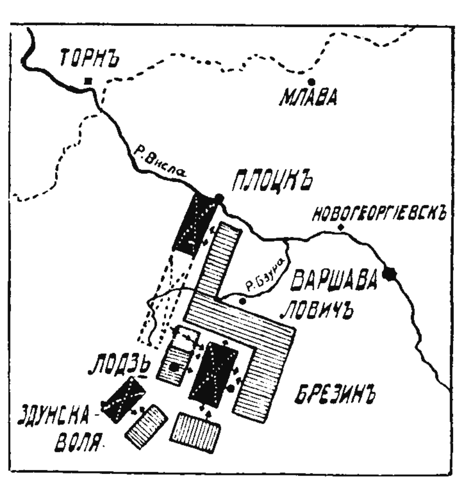
Эта густая сѣть прусскихъ желѣзныхъ дорогъ даетъ нѣмцамъ возможность быстро сосредоточивать войска къ опредѣленному пункту. Такимъ образомъ, когда наши войска будутъ къ этому пункту медленно двигаться по испорченнымъ шоссе Завислинской Польши, нѣмцы успѣютъ ранѣе собрать сюда значительныя силы и будутъ имѣть временно численный перевѣсъ. Этимъ свойствомъ своихъ желѣзныхъ дорогъ нѣмцы и воспользовались и, быстро сосредоточивъ войска у Торна, повели наступленіе противъ нашихъ войскъ. Наши войска къ этому времени, преслѣдуя австрійцевъ и нѣмцевъ, не были еще сосредоточены и занимали всю пограничную полосу Польши отъ Восточной Пруссіи до Карпатъ. Поэтому нѣмцы сосредоточились въ Торнѣ и, поведя оттуда наступленіе, имѣли сначала значительный численный перевѣсъ, который позволилъ имъ дойти до Плоцка. Наступая всей массой отъ Торна на Плоцкъ по лѣвому берегу Вислы, нѣмцы хотѣли прорвать нашъ центръ и разбить каждую отколовшуюся половину нашей арміи въ отдѣльности.

Главная масса нѣмцевъ наступала перпендикулярно рѣкѣ Вислѣ, примыкая къ ней лѣвымъ флангомъ. Благодаря этому лѣвый нѣмецкій флангъ оказался у Плоцка, центръ немного южнѣе, а правый флангъ еще южнѣе, не доходя Лодзи. Для отраженія этого наступленія нами было сдѣлано слѣдующее.

Прорывъ у Брезинъ.

Одна группа нашихъ войскъ задержала лѣвый нѣмецкій флангъ на рѣкѣ Вислѣ у Плоцка, а другая группа, наоборотъ, отошла передъ нѣмецкимъ правымъ флангомъ южнѣе. Слѣдовательно, лѣвый нѣмецкій флангъ остановился у Вислы, а правый оторвался и прошелъ впередъ. (Карта 15).

Наши войска отходили, и правый флангъ густой массой полился въ свободное мѣсто, заходя далеко за Лодзь. Между тѣмъ у Лодзи оставались наши войска, и, конечно, нѣмцы, обходя за Лодзь, какъ бы отрѣзывали этимъ войскамъ пути отступленія.



Карта 15.

Карта показываетъ прорывъ нѣмцевъ у Брезинъ. Нѣмцы наступали отъ Торна по лѣвому берегу Вислы и дошли до линіи Плоцкъ—Лодзь. На картѣ это положеніе показано чернымъ прямоугольникомъ у Плоцка, продолженіе котораго составляетъ пунктирный прямоугольникъ, оканчивающійся противъ Лодзи. Наши войска остановили движеніе лѣваго фланга нѣмцевъ у Плоцка (черный прямоугольникъ у Плоцка). Правый флангъ нѣмцевъ (пунктирный прямоугольникъ противъ Лодзи) прорвался на востокъ и, обтекая Лодзь, въ которой находились наши войска, вышелъ въ тылъ Лодзи. Здѣсь онъ оказался у Брезинъ. Наше расположеніе было прорвано, и нѣмцы хотѣли разбить наши расколовшіяся войска, набросившись всей массой на каждую часть въ отдѣльности. Однако прорвавшіеся нѣмцы были сами окружены у Брезинъ. Часть нѣмцевъ удержалась у Здунской Воли, а часть попала въ мѣшокъ у Брезинъ, гдѣ была окружена со всѣхъ сторонъ нашими войсками. Съ невѣроятными усиліями нѣмцамъ удалось прорваться, при чемъ прорвавшіяся войска понесли настолько большія потери, что были отправлены въ Германію, какъ окончательно выведенныя изъ строя.

Получилось нѣчто въ родѣ прорыва, въ который ворвалась громадная масса нѣмцевъ и, обтекая Лодзь съ востока, отрѣзывала находившіяся въ Лодзи войска, имѣя въ виду разбить ихъ въ отдѣльности. Въ эту критическую минуту попались сами нѣмцы, прорвавшіе наше расположеніе. Войска, находившіяся въ Лодзи, продолжали упорно держаться и этимъ какъ бы закрывали нѣмцамъ пути назадъ, на западъ. На востокѣ передъ нѣмцами находились отступившія передъ ними войска нашего лѣваго фланга. Съ юга подошли войска, оперировавшія въ направленіи на Ченстоховъ и Силезію. Оставался свободный промежутокъ для нѣмцевъ къ сѣверу, который былъ быстро заполненъ нашимъ резервомъ. Прорвавшіеся нѣмцы оказались у Брезинъ окруженными со всѣхъ сторонъ нашими войсками. Съ этого момента стало ясно, что планъ прорыва нашей арміи, какъ будто сначала удавшійся, закончился полной катастрофой для нѣмцевъ и лишь подтвердилъ знаменитый афоризмъ о томъ, что обходящій рискуетъ всегда быть самъ обойденнымъ.

Нѣмцы дѣлали невѣроятныя усилія, чтобы прорваться къ сѣверу, на Ловичъ, или, вѣрнѣе сказать, въ промежутокъ между Ловичемъ и Лодзью. Съ своей стороны генералъ Гинденбургъ, главнокомандующій на восточномъ германскомъ фронтѣ, спѣшно выслалъ подкрѣпленія, которыя, двигаясь по лѣвому берегу Вислы, подошли къ раіону Ловича и Лодзи. Такимъ образомъ нѣмцы въ промежуткѣ между Ловичемъ и Лодзью протягивали другъ другу руки чрезъ наши войска. Одна группа нѣмцевъ, окруженная у Брезинъ, тянулась къ другой группѣ нѣмцевъ, пришедшей на помощь съ запада. Съ невѣроятными усиліями нѣмцы пробились и стали проходить по узкому коридору между двумя разступившимися группами нашихъ войскъ, разстрѣливаемые съ обѣихъ сторонъ. Лишь жалкіе остатки прусской гвардіи вышли изъ нашего желѣзнаго кольца и были немедленно отправлены на отдыхъ въ Германію.

Когда случилась эта катастрофа, нѣмецкій генеральный штабъ спѣшно выслалъ новые корпуса изъ Франціи. Нѣмцы продолжали дѣлать всѣ усилія отдалить угрозу отъ своей восточной границы. Новые 6 нѣмецкихъ корпусовъ, быстро проѣхавъ по желѣзнымъ дорогамъ разстояніе отъ Бельгіи до восточной границы Германіи, стали высаживаться въ раіонѣ Торна, Познани и Ченстохова и попытались снова возобновить вмѣстѣ съ находившейся здѣсь ранѣе германской арміей Гинденбурга наступленіе въ нашу сторону. Въ результатѣ кровопролитныхъ боевъ обѣ стороны временно сохранили свое положеніе и сильно окопались.

Въ то же время наши войска успѣли уже подойти къ Кракову и значительно углубиться въ Карпаты южнѣе Кракова. Каждое наше движеніе къ Кракову производитъ на нѣмцевъ впечатлѣніе удара бичомъ. Такое острое впечатлѣніе нѣмцы испытываютъ не потому, что они хотятъ отстоять Краковъ, а потому, что наши войска, обложивъ Краковъ, могутъ пройти мимо и оказаться въ прусской Силезіи. А, какъ мы видѣли, этого ни за что не хотятъ допустить нѣмцы, ибо упорно не могутъ себѣ представить войны на своей территоріи.

Такимъ образомъ къ исходу пятаго мѣсяца борьбы положеніе нашихъ противниковъ обрисовывается слѣдующимъ образомъ.

Гдѣ нѣмцы?

Австрійская армія настолько разбита, что отнюдь не можетъ предпринять какихъ-либо серьезныхъ операцій противъ насъ, и нѣмцы стараются, разбавляя австрійскія войска своими, придать имъ какую-либо устойчивость, однако совершенно тщетно.

Французская армія пока блестяще выполнила свою первую часть задачи—оборону Франціи.

Нѣмцы, оставшись въ одиночествѣ послѣ пораженія австрійцевъ, стоятъ передъ двумя неразрѣшимыми задачами. Упорные бои во Франціи доказали, что здѣсь пока вопросъ разрѣшенъ въ лучшемъ для нѣмцевъ случаѣ въ ничью. Слѣдовательно, это какъ бы обязываетъ нѣмцевъ перенести операціи на русскій фронтъ. Однако и это совершенно безнадежно, такъ какъ нѣмцы никакихъ рѣшительныхъ результатовъ на нашемъ фронтѣ не могутъ добиться. Если допустить даже на минуту, что нѣмцы займутъ территорію до Нѣмана, Вислы, даже до Западной Двины, то все же передъ ними останется необъятная толща Россіи, которую одолѣть невозможно, и все же Россія не будетъ въ такихъ условіяхъ, которыя обязывали бы ее заключить миръ.

Это все показываетъ, что нѣмцы неизбѣжно должны искать разрѣшенія войны сначала во Франціи. Только во Франціи успѣхъ нѣмцевъ, если бы таковой оказался, можетъ имѣть для нихъ значеніе. Нѣмецкій генеральный штабъ можетъ хотя теоретически себѣ представлять успѣхъ во Франціи и разсчитывать, что тамъ можно дойти до Атлантическаго океана, можно разбить французскую армію и принудить Францію къ миру. Тогда можно будетъ остаться съ однимъ противникомъ и вести противъ него войну всѣми силами. Такой пріемъ совершенно непримѣнимъ по отношенію къ намъ, гдѣ никакой успѣхъ не можетъ вынудить безконечно большую и безконечно сильную Россію къ покорности.

Однимъ словомъ, нѣмцы могутъ побѣдить только черезъ Францію, но не черезъ Россію, и въ силу этого главныя массы нѣмцевъ будутъ оставаться во Франціи до тѣхъ поръ, пока это для нихъ представится хоть сколько-нибудь возможнымъ. Нѣмцы срослись съ французами и силою вещей вынуждены вѣчно толкаться въ сторону Франціи, вѣчно искать тамъ первой развязки, ибо этой первой развязки не можетъ наступить въ Россіи.

Поэтому въ тотъ день, когда нѣмцы перевезутъ изъ Франціи свои войска на нашъ фронтъ и откажутся отъ развязки во Франціи, они откажутся одновременно и отъ выигрыша войны. Ибо выиграть эту войну, повторяемъ, они могутъ только черезъ Францію, но не черезъ Россію.

Вотъ, собственно говоря, главная причина, почему нѣмцы такъ чувствительны къ каждому появленію нашихъ войскъ на ихъ территоріи. Это появленіе вынуждаетъ ихъ взять войска изъ Франціи и перевезти на востокъ, а слѣдовательно, и отказаться отъ выигрыша войны. Вильгельмъ, кронпринцъ и присные ихъ упорно не хотятъ этого сдѣлать, ибо не хотятъ сознаться такъ

Библиотека "Руниверс"

явно въ своей неудачѣ. Каждый ударъ нашихъ войскъ заставляетъ нѣмцевъ брать нѣсколько корпусовъ изъ Франціи и перевозить ихъ на нашъ фронтъ. Благодаря этому нѣмецкія массы во Франціи ослабѣваютъ, и нѣмцы все дальше и дальше отходятъ отъ возможности побѣдить французовъ, а слѣдовательно, и отъ возможности выиграть войну. Понемногу нѣмецкая армія распластывается пополамъ между французскимъ и русскимъ фронтами, и понемногу сходитъ на-нѣтъ всякая надежда нѣмцевъ на выигрышъ войны.

Если нѣмцы были сколько-нибудь близки къ выигрышу войны два мѣсяца тому назадъ, въ тотъ моментъ, когда во Франціи у нихъ было 40 корпусовъ, а у насъ 16, то теперь, когда во Франціи только 30 корпусовъ, а противъ насъ 26, нѣмцы стали во много разъ дальше отъ возможности выиграть эту кампанію. Еще одинъ ударъ нашихъ войскъ, и снова нѣмецкіе корпуса пріѣдутъ изъ Франціи на восточный фронтъ, и надежда нѣмцевъ на выигрышъ войны окончательно испарится, исчезнетъ такъ же, какъ нынче уже исчезъ всякій слѣдъ знаменитаго плана войны съ побѣдой на 16-й день и съ появленіемъ нѣмецкихъ массъ на нашей территоріи на 22-й день

Англія.

Съ начала войны на материкѣ Европы стала высаживаться англійская экспедиціонная армія. Англійскія войска состоятъ изъ экспедиціонной арміи со своимъ резервомъ, территоріальныхъ войскъ, предназначенныхъ для обороны острововъ на случай десанта, арміи Британской Индіи и колоніальныхъ контингентовъ.

Какъ извѣстно, въ Англіи всеобщей воинской повинности нѣтъ, и армія пополняется вербовкой охотниковъ. На службу принимаются британскіе подданные въ возрастѣ отъ 18 до 25 лѣтъ, удовлетворяющіе опредѣленнымъ требованіямъ физической годности: вѣсъ не менѣе 3 пуд. 7 фун. и ростъ не менѣе 5 фут. 3 дюйм.

Англійская экспедиціонная армія нормально состоитъ изъ шести пѣхотныхъ дивизій и одной кавалерійской дивизіи съ необходимыми вспомогательными учрежденіями и въ этомъ видѣ достигаетъ численности 170 тысячъ человѣкъ и 70 тысячъ лошадей. Въ настоящее время численность англійской арміи путемъ вербовки доведена до десяти дивизій, насчитывающихъ въ общемъ около 250 тысячъ человѣкъ. Такимъ образомъ видно, что численность англійской арміи вслѣдствіе особыхъ условій ея комплектованія не превышаетъ 4—5 армейскихъ корпусовъ.

Территоріальныя войска, въ составѣ четырнадцати дивизій, окончательно сформировываются по истеченіи шести мѣсяцевъ съ начала войны и изъ предѣловъ королевства не вывозятся.

Армія Британской Индіи выставляетъ около 350 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ 75 тысячъ британскихъ войскъ, а остальныя — туземныя войска. Нѣкоторыя части этихъ войскъ доставлены англичанами на европейскій театръ войны, въ количествѣ, повидимому, не болѣе 1 — 2 дивизій, т.-е. максимумъ около 40—45 тысячъ человѣкъ.

Колоніальные контингенты крайне разнообразны по своему составу и имѣются почти во всѣхъ колоніяхъ Великобританіи. Всего колоніальныхъ контингентовъ имѣется около 100 тысячъ человѣкъ, не считая милиціи, выставляемой въ минуту необходимости важнѣйшими колоніями.

Въ настоящее время, вслѣдствіе большой популярности нынѣшней войны, въ Англіи идетъ весьма успѣшно вербовка волонтеровъ, и англичане надѣются черезъ годъ довести свою армію до одного милліона человѣкъ. Однако изъ этой вполнѣ вѣроятной цифры необходимо выдѣлить постоянныя войска, существовавшія до войны, и отдѣлить ихъ отъ вновь набранныхъ войскъ, которыя стали комплектоваться только съ начала войны. Эти вновь набранныя войска, естественно, должны состоять изъ охотниковъ, набранныхъ только съ началомъ войны и, слѣдовательно, только съ этого времени начавшихъ свое военное обученіе. Поэтому вновь набранныя англійскія войска правильнѣе будетъ приравнять къ ландштурму, или къ ополченію, которые также были призваны въ началѣ войны и только въ началѣ войны начали проходить курсъ солдатскаго обученія. Какъ извѣстно, въ Европѣ ополченіе употребляется главнымъ образомъ для службы внутри страны и для службы въ тылу арміи, и только въ рѣдкихъ случаяхъ употребляется для второстепенныхъ боевыхъ задачъ. Поэтому и вновь набранныя войска Англіи естественно должны быть употреблены также для подобныхъ цѣлей и будутъ имѣть значеніе главнымъ образомъ потому, что освободятъ постоянную англійскую армію для дѣйствій въ полѣ, взявъ на себя выполненіе службы въ тылу арміи.

Англійскія войска высаживались свыше двухъ недѣль и по окончаніи высадки примкнули къ лѣвому французскому крылу, принявъ участіе во всѣхъ операціяхъ французской арміи. Англійскія войска обнаружили большую стойкость въ бояхъ, большую смѣлость при атакахъ и оказали весьма существенную поддержку французамъ во всѣ тѣ критическіе моменты, которые переживала французская армія. Прибытіе англійскихъ войскъ усилило французскую армію почти на 25% и значительно ослабило то превосходство, которое имѣли нѣмцы. Съ прибытіемъ англичанъ превосходство германцевъ въ численности стало колебаться лишь около цифры въ полмилліона. Это хотя и давало почти полуторное превосходство надъ французской арміей, но тѣмъ не менѣе, какъ мы видѣли, оказалось недостаточнымъ не только для того, чтобы нѣмцы добились какого-либо успѣха, но также и для того, чтобы нѣмцы удержали занятыя ими территоріи Франціи на сѣверо-востокѣ.

Главное значеніе англійскаго выступленія, конечно, свелось къ тому господству на моряхъ, которое пріобрѣли союзники *).

Душа Метерлинка.

(По поводу новой книги о Морисѣ Метерлинкѣ).

Очеркъ **К. Чуковскаго**.

I.

— Кто бы могъ думать, что бельгійцы такіе герои!

— А развѣ вы не читали Метерлинка?

— Да, но будутъ ли они побѣдителями?

— Еще бы! Вѣдь они—народъ Метерлинка!

Метерлинкъ и Верхарнъ—недаромъ эти два величайшихъ современныхъ поэта созданы бельгійскимъ народомъ. Если поэзія и вправду—порожденіе народнаго духа, воплощеніе національной стихіи, то, читая Метерлинка и Верхарна, мы должны были давно уже знать, что Бельгія—отчизна героевъ. Мы не смѣемъ теперь изумляться: „ахъ, какой пріятный сюрпризъ! Вотъ такъ молодцы эти бельгійцы! Кто бы могъ раньше предвидѣть!“ — намъ были явлены внятныя знаменія, даны великія предвѣщанія, пророчества, и если мы ихъ не поняли, это была наша вина.

Мнѣ ничего неизвѣстно о нынѣшней Индіи, но я читаю Рабиндраната Тагора—маленькую книжку стиховъ,—и говорю: „это все еще великій народъ“. Или вы думаете, это пустякъ, маленькая книжка стиховъ! Она—свидѣтельство о вѣкахъ и вѣкахъ творческой работы народа. Для того, чтобы создать эту книжку, нужно было столько героевъ и геніевъ, столько мощныхъ величавыхъ поколѣній.

Народъ Верхарна! Не напрасно вѣщій
Тебя прославилъ: живъ твой мощный духъ!
Онъ молніей въ дыму сраженій блещетъ,
Онъ въ громѣ пушекъ намъ вѣщаетъ вслухъ.
Намъ не забыть, какъ ты въ любимомъ Льежѣ
Свою свободу гордо ограждалъ.
Твои сыны, какъ въ славномъ прошломъ,—тѣ же:
Поэтъ далъ клятвы, ты ихъ оправдалъ.

Есть круговая порука между народомъ и геніемъ. Народъ *оправдываетъ* вѣщанія поэта. Но Верхарнъ мало извѣстенъ въ Европѣ. И потому удивительно ли, что въ наши огненные, страшные дни, когда человѣчество забыло о книгахъ и помнитъ только о штыкахъ, пулеметахъ, единственный поэтъ не забытъ, и этотъ поэтъ Метерлинкъ! Въ немъ хочетъ видѣть весь міръ воплощеніе изумительной Бельгіи. Франція избираетъ его въ свою Академію безсмертныхъ, англичане привѣтствуютъ его, какъ Гарибальди: газеты и журналы всего міра такъ много теперь пишутъ о немъ, что подумаешь: онъ—полководецъ.

О немъ теперь въ Америкѣ, въ Англіи появляются цѣлыя книги, и объ одной такой книгѣ мнѣ хочется здѣсь разсказать.

II.

Книга напечатана въ Лондонѣ и называется такъ: „Maurice Meaterlinck. A Critical Study by Una Taylor“, т.-е. „Морисъ Метерлинкъ. Критическое изслѣдованіе г-жи Уны Тэйлоръ“.

„Развѣ мы не похожи на человѣка, потерявшаго глаза въ раннемъ дѣтствѣ? Когда-то онъ видѣлъ несмѣтныя явленія жизни, видѣлъ солнце, море, лѣса. Теперь эти чудеса навсегда сохранились въ его существѣ“,—но онъ о нихъ почти позабылъ. Всѣ люди позабыли о нихъ, за исключеніемъ трехъ-четырехъ, и въ числѣ этихъ трехъ-четырехъ—Метерлинкъ. Онъ не говоритъ ни о чемъ, только объ этихъ явленіяхъ. Спросите у него: который часъ?—онъ величественно отвѣтитъ вамъ: вѣчность. Поведите его въ самую обыкновенную комнату, гдѣ пять или шесть человѣкъ говорятъ о дождливой погодѣ, онъ скажетъ: здѣсь премудрость и тайна! За этимъ ничтожнымъ разговоромъ шесть человѣческихъ душъ ведутъ такую вѣщую бесѣду, къ которой ни одинъ человѣческій умъ не можетъ приблизиться безъ содроганія!“

Вотъ одно изъ его давнихъ признаній:

„Когда я спрашиваю у встрѣчной крестьянки дорогу, я сужу о ней такъ же глубоко, какъ если бы я спросилъ у нея о жизни своей матери, и душа ея говоритъ со мной такъ же интимно, какъ говорила бы душа моей невѣсты. Прежде чѣмъ отвѣтить, она поднялась до величайшихъ тайнъ“.

Онъ чувствуетъ, что въ каждой ничтожной пылинкѣ есть тайна, вѣчность и чудо, и какъ ему чужды тѣ, кто не вѣдаетъ такихъ ощущеній. Въ его трагедіи „Непрошенная гостья“ всѣ

*) Подробности этого морского соревнованія обстоятельно изложены К. Шумскимъ въ отдѣльной статьѣ, которая будетъ помѣщена подъ заглавіемъ „Война на морѣ“ въ „Литер. Прилож.“ къ „Нивѣ“ за январь 1915 г.

Библиотека "Руниверс"

чувствують мистическое приближеніе смерти, одинъ только не чувствуетъ—братъ умирающей, и этой *нечуткости къ мистическому* Метерлинкъ ему не можетъ простить. Когда онъ хочетъ прославить женщинъ, онъ говоритъ о нихъ:

„Онѣ ближе другихъ къ безконечному. Ихъ корни глубже, чѣмъ наши, погружены въ безпредѣльное. Онѣ, единственныя, сберегли на землѣ чувство тайны!"—и это величайшая хвала, которую онъ можетъ воздать имъ.

Близость къ безконечному—критерій, которымъ онъ измѣряетъ всѣ души. И это мистическое чувство *сверхсущностей* такъ глубоко внѣдрилось въ него, что, о чемъ бы онъ ни говорилъ, о пчелѣ или цвѣткѣ, вы видите, какъ уходятъ отъ нихъ перспективы въ какія-то безпредѣльныя дали. Стоитъ любому предмету попасть на страницы къ Метерлинку, какъ этотъ предметъ обрѣтаетъ печать какихъ-то иныхъ міровъ. Въ „Пелеасѣ и Мелисандѣ" служанки перекликаются черезъ закрытыя двери съ привратниками:—Мы пришли мыть полы, дверь и крыльцо. Отоприте же! Отоприте же!—А вы чувствуете, что онѣ говорятъ о судьбахъ мірозданія, о вѣчности, о жизни и смерти, и это-то вѣяніе тайны, это касаніе міровъ иныхъ придаетъ всѣмъ метерлинковскимъ образамъ такую грандіозную значительность.

Все остальное—детали. Это совершенная случайность, что онъ оказался талантомъ, изящнымъ и вкрадчивымъ лирикомъ; главное,—что онъ тайновидецъ первосущностей, первоосновъ бытія!

Это свойство рѣдчайшее и дается природой немногимъ. Можно быть великимъ поэтомъ и совершенно не обладать этимъ даромъ. Грибоѣдовъ, Некрасовъ, Барбье, Томасъ Муръ, Шевченко, Робертъ Бернсъ были большіе поэты, но къ нимъ ни разу не снизошло это чувство. А Рюнсбрекъ Удивительный, или американецъ Уотъ Уитмэнъ только имъ однимъ и питались, и претворили его въ великія книги, хотя были совсѣмъ не писатели, безъ всякихъ литературныхъ талантовъ.

Когда же природа расщедрится и въ какой-то изумительный мигъ,—однажды въ теченіе столѣтій,—одаритъ одного человѣка *обоими* своими дарами: даромъ тайновѣдѣнія и поэтической мощью,—является среди насъ Метерлинкъ.

Увидѣвъ въ англійскихъ газетахъ объявленіе объ этой книгѣ, я поспѣшилъ ее выписать, и теперь предо мною объемистый томъ, раздѣленный на десять отдѣловъ.

Въ первомъ отдѣлѣ изучается тщательно лирика бельгійскаго писателя; во второмъ—его драма „Принцесса Малэнъ", въ третьемъ—его любовныя драмы; въ четвертомъ—его драмы о смерти; въ пятомъ—его драма „Монна Ванна", но гдѣ же онъ самъ, Метерлинкъ?

Его нѣтъ, онъ забытъ совершенно. Въ книгѣ о Метерлинкѣ нѣтъ одного: Метерлинка! Душа не яблоко, ея не разрѣжешь, а г-жа Уна Тэйлоръ разрѣзала душу поэта на такіе мельчайшіе ломтики, что, какъ я ни стараюсь ихъ собрать, они снова распадаются врозь.

Національныя черты его творчества даже не упомянуты критикомъ. Критикъ дошелъ до того, что всѣ книги, изданныя въ Брюсселѣ, называетъ *французскими* изданіями (стр. 197)! Бельгіи онъ не упоминаетъ совсѣмъ. Казалось бы, первѣйшій его долгъ указать ту почву, на которой создался поэтъ, тѣ корни, коими онъ съ почвою связанъ, но для этого у г-жи Уны Тэйлоръ не нашлось ни единаго слова.

Какъ произошло это чудо, что молчаливый, широкоплечій фламандецъ, съ такой буржуазной наружностью, спортсменъ, велосипедистъ, пчеловодъ, вдругъ обрѣлъ неизреченные глаголы, сталъ вѣщимъ мудрецомъ, тайновидцемъ и создалъ грандіозныя трагедіи, полныя неизъяснимаго ужаса, предъ которымъ весь terror antiquus—ничто,—критикъ объяснять не берется.

Вообще г-жа Уна Тэйлоръ не видитъ лица Метерлинка, не чувствуетъ *души его души*, и даже не пытается почувствовать. Ея книга—гимназическое сочиненіе, „разборъ произведеній Метерлинка", и я первый готовъ ей поставить пятерку за прилежаніе и тщательность. Она ученица старательная: подробно излагаетъ своими словами каждое твореніе поэта, которое и безъ нея намъ извѣстно, и при этомъ—неизвѣстно зачѣмъ—цитируетъ то отцовъ церкви, то германскихъ романтиковъ, то народныя бретонскія легенды, то сказанія вогезскихъ крестьянъ, съ великолѣпной эрудиціей шестиклассницы, и за одно только я сбавилъ бы ей баллъ: за неестественный, напыщенный слогъ, который такъ не идетъ къ Метерлинку.

Языкъ Метерлинка самый наивный, простой, а г-жа Уна Тэйлоръ—безъ завитушекъ ни шагу. Этимъ она не только не помогаетъ намъ воспринять и понять Метерлинка, но, напротивъ, заслоняетъ отъ насъ его образъ.

Послѣ прочтенія книги я гораздо меньше знакомъ съ Метерлинкомъ, чѣмъ раньше. Его обликъ сталъ ускользать отъ меня, и, чтобы не утратить его окончательно, я откладываю эту книгу подальше. Какой однако у нея переплетъ! Какая вся она нарядная, милая! Какъ должно быть совѣстно автору видѣть свои бѣдныя мысли въ такой великолѣпной оправѣ!

III.

Въ чемъ же главное естество Метерлинка?

Отбросимъ все второстепенное, лишнее, постараемся найти въ немъ ту черту, безъ которой Метерлинкъ—не Метерлинкъ.

Эта черта—ощущеніе тайны. Онъ не забываетъ ни на мигъ, что мы окружены безконечностью. Только *сверхсущности* для него любопытны; лишь непознаваемое онъ хотѣлъ бы познать; лишь неизреченное хотѣлъ бы онъ высказать.

Остальное для него — вздоръ, пустяки. Всѣ наши житейскія слова и дѣла, наши биржи, рестораны, газеты. Важно лишь одно: безконечность; остальное недостойно нашихъ душъ.

„По существу своему мы таинственны; все же намъ извѣстное не любопытно", — говоритъ онъ въ одной ранней статьѣ.

Ощущеніе тайны и чуда — единственное его ощущеніе. Надменно, свысока, не безъ презрѣнія взираетъ онъ на сутолоку жизни и не проклинаетъ ея лишь потому, что и въ ней чувствуетъ чудо и тайну. Юноша Лермонтовъ въ геніальныхъ стихахъ разсказалъ намъ о душѣ человѣка, которая еще до рожденія жила въ небесахъ и слышала пѣніе ангела:

И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.

И вотъ она явилась на землю, живетъ среди людей, въ суетѣ, но въ минуты просвѣтлѣнія вспоминаетъ мелодію ангельской пѣсни:

И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

Это, несомнѣнно, была душа Метерлинка. Ему тоже скучны наши здѣшнія, земныя пѣснопѣнія. Творить—для него значитъ вспоминать о какой-то прежней, безпредѣльной, довременной жизни, когда между вѣчностью и нимъ не было никакихъ преградъ.

Этимъ нумеромъ завершается **сорокъ пять лѣтъ** существованія „Нивы". Мы отмѣчаемъ это на грани перехода отъ истекающаго года къ наступающему новому году, какъ залогъ единенія журнала съ нашими читателями, способствующими намъ своею прочною, многими десятилѣтіями закрѣпленною, связью съ „Нивой"—неуклонно выполнять наши культурныя задачи въ широкихъ слояхъ русскаго общества.

Въ настоящій моментъ, когда вся Россія сплотилась воедино въ служеніи родинѣ, на долю популярнаго семейнаго журнала, какъ органа гражданственной мысли и общественной совѣсти, выпадаетъ высокая задача отвѣчать на запросы широкихъ массъ народа чрезъ посредство избранныхъ, владѣющихъ даромъ художественнаго слова и обладающихъ политическими, научными и техническими знаніями, выяснять, какую великую эпоху мы переживаемъ, какія широкія перспективы предстоятъ нашей родинѣ въ свѣтлыхъ лучахъ грядущаго дня, который смѣнитъ страшную, долгую ночь кровавой міровой войны.

Въ сознаніи этихъ грядущихъ задачъ новой культуры на основахъ братства и единенія народовъ, спаявшихъ неразрывными узами союзныя страны въ переживаемой великой войнѣ за миръ, мы вступаемъ вмѣстѣ съ нашими читателями въ новый годъ, увѣренные въ ихъ общеніи съ нами и впредь.

Вѣрные своимъ задачамъ: отражать современную жизнь и выяснять ея великіе горизонты,—до тѣхъ поръ, пока эти горизонты будутъ багровыми, пока не стихнутъ громы войны,—мы будемъ посвящать страницы „Нивы" событіямъ міровой войны: въ описаніяхъ и очеркахъ знатоковъ военнаго дѣла будемъ выяснять постепенный ходъ и значеніе военныхъ дѣйствій; въ художественныхъ очеркахъ и разсказахъ выдающихся писателей, картинахъ и рисункахъ художниковъ и безчисленныхъ свѣтописныхъ снимкахъ съ театровъ войны мы постараемся возсоздать на страницахъ „Нивы" героическую картину борьбы народовъ и воспроизвести великую лѣтопись народныхъ подвиговъ.

Продолжая обогащать культурную сокровищницу — библіотеку нашихъ читателей собраніями сочиненій писателей-классиковъ (Мамина-Сибиряка, Бунина и Куприна) и, прислушиваясь къ голосу современной жизни, включивъ въ ихъ число сочиненія великаго бельгійскаго поэта Метерлинка, въ своей міровой популярности уступающаго нынѣ одному лишь своему королю Альберту I,—мы и въ наступающемъ году будемъ составлять еженедѣльные нумера „Нивы" и ежемѣсячные выпуски „Литературныхъ Приложеній" въ томъ измѣненномъ видѣ, какой они пріобрѣли съ начала войны.

Мирныя нивы превращены въ поля сраженій, жизнь и цвѣтъ жизни народа—на поляхъ битвъ.

Наша мирная „Нива" всѣмъ своимъ содержаніемъ, отъ первой до послѣдней страницы, будетъ посвящена тому, чѣмъ живетъ и интересуется общество, что свято и дорого народу.

Воинство—вотъ нынѣ единый герой міровой исторіи, и предъ нимъ мы преклонимся и ему сложимъ побѣдные гимны.

Редакторъ-изд. А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.